

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ ХСІV.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ ХСІV

1903

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ОКТЯБРЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

ОКТАБРЬ, 1903 г.

	СТРАН.
I. Замоскворѣцкіе тузы. (Достовѣрныя записки современника). XII—XV. (Продолженіе). Д. И. Стахѣва	5
II. Изъ воспоминаній артистки А. П. Натаровой I—III.	25
III. Анна Пустовойтова. (Повѣсть). VII—X. (Продолженіе). А. П. Лемана	45
IV. Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. III. (Продолженіе). С. И. Васюкова	79
V. Изъ далекаго прошлаго. (Кавказская быль). А. Аноева	93
VI. Великая княжна Александра Павловна. Е. М. Студенской	106
VII. Изъ моего прошлаго. I—V. И. И. Корвина-Кучинскаго	124
VIII. Любительскій театръ при императорахъ Павлѣ I и Александрѣ Павловичѣ. (1796—1824). Барона Н. В. Дризена	152
IX. Двѣ встрѣчи съ Л. Н. Толстымъ. Князя Б. А. Щетинина	172
X. «Скверная четверть часа». (Изъ воспоминаній). Д. К—хова	180
XI. Дневникъ царедворца императора Павла I. М. К. Соколовскаго	185
XII. Къ характеристикѣ Суворова. I. Дневной расходъ Суворова на столѣ. II. Суворовское назиданіе. Сообщ. П. Л. Юдинъ	194
XIII. Сооруженіе памятника императору Петру Великому въ 1782 году	197
XIV. Къ исторіи крѣпостничества. А. В. Безроднаго	201
XV. Городъ Черниговъ и его святыни. I—III. А. И. Фирсова	211
Иллюстраціи: 1) Общій видъ Чернигова. — 2) Пристань въ Черниговѣ. — 3) Спасо-Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы. — 4) Пещера и гробъ, въ которомъ почивали мощи св. Теодосія до 1896 года. — 5) Рака, въ которой почиваютъ въ настоящее время мощи св. Теодосія Углицкаго.	
XVI. Иверскій монастырь. (Изъ лѣтней поѣздки). А. Г. Слѣзкинскаго	224
Иллюстраціи: 1) Иверскій монастырь съ озера. — 2) Успенскій соборъ въ Иверскомъ монастырѣ. — 3) Никоновскія ворота въ Иверскомъ монастырѣ. — 4) Рака съ мощами св. Якова Боровичскаго въ Иверскомъ монастырѣ.	
XVII. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	243
XVIII. Критика и библіографія	262
1) Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ VII. Письма А. С. Пушкина. Съ портретомъ Пушкина, гравированнымъ Рундальцовымъ съ оригинала Кипренскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. П. щ.—2) Сенатскій архивъ. Томъ X. 1) Протоколы правительствующаго сената 1757 г. 2) Всеподданнѣйшій докладъ правительствующаго сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ. 3) Всеподданнѣйшій докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина. 4) Протоколы правительствующаго сената 1758 г. Спб. 1903. в. ф—на. — 3) Г. А. Евренновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903. б. г—цаго. — 4) А. Е. Воскресенскій. Общинное земледѣліе и крестьянское малоземелье. Спб. 1903. и—ча. — 5) Дм. Певтаевъ. Обрусѣніе западно-европейцевъ въ Московскомъ государствѣ. Варшава. 1903. А. и—снаго. — 6) Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи. Вып. VI. Пермь. 1903. щ.—7) Ежегодникъ Ферганской области. Томъ II. Выпускъ 1903 года. Изданіе Ферганскаго областного статистическаго комитета. Новый Маргеланъ. 1903. щ.—8) Научныя и литературныя произведенія	

См. слѣд. стр.

Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи. И. Каманина. Кіевъ. 1903. А. и. Яцимир-скагс.—9) И. А. Строевъ-Поллинъ. Декабристы. Историческій романъ изъ эпохи первой половины николаевскихъ временъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1903. п. щ.—10) Тюмень въ XVII столѣтіи. Сборникъ матеріаловъ для исторіи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей прив.-доц. П. М. Головачева: «Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.», съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. М. 1903. А. я.—11) А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы (Пушкинскій періодъ). Т. II. Изд. 2-е, дополненное, магазина «Книжное дѣло». 1903. щ.—12) Тарасовъ и Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ Москва. 1903. х. У. З.—13) Политическая исторія XIX вѣка. Проф. А. Дебидура. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей прив.-доц. Ал. Пиленка. Томъ первый. Священный союзъ. Спб. 1903. в. Родникова.—14) Собраніе сочиненій Эрнеста Ренана въ 12 томахъ. Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Переводъ съ французскаго подъ редакціей В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902—1903. б. Городецкаго.—15) Вг. Gembarzewski. Wojsko polskie (1815—1830). Warszawa. 1903. с. Гин—вта.—16) Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Сочиненіе С. В. Максимова. Спб. 1903. д. з.—17) Изъ рукописнаго собранія Одесской городской публичной библиотеки. I. Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стецькинымъ. Изд. гр. М. М. Толстого, подъ ред. М. Г. Попруженко. Одесса. 1903. щ.—18) В. Л. Модзалевскій. Къ біографіи Августа-Людвига Шлецера. Спб. 1903. б. Г—цаго.

XIX. Заграничныя историческія новости и мелочи 292

1) Историческая эволюція Румыніи.—2) Нескромности исторіи.—3) Герцогъ Карлъ Лотарингскій.—4) Столѣтній юбилей возстанія Роберта Эммета въ Ирландіи.—5) Россія въ Галиціи въ началѣ XIX столѣтія.—6) Популярность Гете и Висмарка въ Германіи.—7) Смерть Менотти Гарибальди, Гюстава Ларумэ и Александра Вэна.—8) Первая Ланкастерская школа въ Россіи.—9) Воспоминаніе о Россіи шестидесятихъ годовъ.—10) Луи Лежэ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1872 году.—11) Тарговицкая конфедерація.

XX. Смѣсь 330

1) Памятникъ Фету.—2) Открытіе памятника Шелехову въ Рыльскѣ.—3) Памятникъ русскимъ героямъ въ Благовѣщенскѣ.—4) Открытіе памятника И. П. Котляревскому.—5) Столѣтіе Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославлѣ.—6) 2-й областной археологическій съѣздъ въ Твери.—7) Археологическое открытіе.—8) Древнія развалины около Сочи.—9) «Храмъ славы» въ Тифлидѣ.—10) Исправленіе памятника на могилѣ В. Н. Каразина.—11) Могила Карагеоргиевича въ Кишиневѣ.—12) Курскій музей.—13) Къ изученію Виленскаго края.—14) Къ исторіи русской живописи.—15) Кто былъ авторомъ Гаврилады.

XXI. Некрологи 357

1) Боголюбовъ, Н. И.—2) Вранденбургъ, Н. Е.—3) Глуховской, П. И.—4) Грешищевъ, П. Н.—5) Ждановъ, С. Н.—6) Загряжская, Е. П.—7) Константиновичъ, А. П.—8) Крассовскій, А. Ф.—9) Петровъ, Л. П.—10) Полежаевъ, Н. Н.—11) Чаусовъ, М. Д.

XXII. Замѣтки и поправки 364

1) Правда объ ашинцовахъ. Н. Я. Нестерова.—2) Къ статьѣ «Кавказскія минеральныя воды». Ив. Захарьина (Якунина).

XXIII. Объявленія.

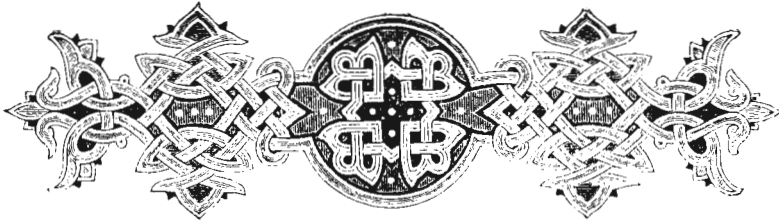
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ великой княгини Александры Павловны.—2) Санкт-Петербургъ. Историческая пьеса въ пяти актахъ и десяти картинахъ. Дѣйствіе второе. Л. Г. Жданова.

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА.

(Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ и находящагося въ Эрмитажѣ).

ДОЗ. ЦЕНЗ 25 СЕНТЯБРЯ 1903 Г. СІБ.

ЗАМОСКВОРЪЦКІЕ ТУЗЫ ¹⁾.

ХП.

ВЪ СТАРЫХЪ рядахъ на Красной площади, на Ильинкѣ и Никольской, вмѣсто которыхъ теперь построены освѣщаемые электричествомъ роскошныя галлерей и пассажи,—прежде и днемъ были сумерки, а при вечернемъ освѣщеніи въ оптовыхъ складахъ и торговли не производилось. Бывало зимой въ четвертомъ часу купцы уже посматриваютъ на тусклый свѣтъ, проникавшій въ ряды чрезъ узкую щель сверху, и тоскливо думаютъ о томъ, что вечеръ уже близко, а дѣла сдѣлано мало. Сумерки болѣе и болѣе сгущались, проходъ между лавками, мѣстами заваленный грудями товаровъ въ рогоненныхъ тюкахъ, мѣшкахъ и ящикахъ, начиналъ окутываться темнотой. Пирожникъ съ ящичкомъ, придерживаемымъ на плечахъ ремнемъ и упирающимся ему въ животъ, осторожно пробирался въ сумеркахъ по узкому уже полутемному проходу, скороговоркой повторяя одно и то же слово:

— Пирожковъ! Пирожковъ!

Продавецъ лососины, ветчины, телятины и т. п., чѣмъ питаются въ рядахъ купцы, запивающіе такіе обѣды десятками стакановъ чая «въ прикуску», замедлялъ свой шагъ, кося глазами направо и налево и придерживая рукой лотокъ на головѣ. Онъ уже не выкрикивалъ названій своихъ товаровъ, а думалъ только о томъ, какъ бы благополучнѣе пробраться между кипами и не обезпокоить «грѣхомъ» какого нибудь его высокостепенства, по-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІІІ, стр. 753.

стояннаго своего покупателя, тоже обѣдающаго зачастую «всухомятку», несмотря на то, что въ амбарахъ у него товаровъ на сотни тысячъ, и въ десяти акціонерныхъ обществахъ онъ заправилъ и предсѣдатель. Случалось, и въ позднія сумерки такая походная, такъ сказать, кухня производила торговлю.

— Пстойка, милый человекъ,—останавливалъ иной разъ эту кухню какойнибудь его высокостепенство,—что-й-то я никакъ ѣсть хочу, дай лососинки кусочекъ, который побольше.

— Извольте для вашей милости завсегда съ превеликимъ усердіемъ... Вотъ полюбопытствуйте этотъ сортъ,—высокаго достоинства товаръ!..

Торговецъ бойко дѣйствовалъ, размахивалъ фартукомъ, отиралъ тарелку, рѣзалъ лососину и все съ такой быстротой и ловкостью, точно фокусы показывалъ.

Случалось, тутъ же сидѣла около лавки и жена его высокостепенства, тучная, расплывшаяся во всѣ стороны женщина съ мясистымъ подбородкомъ въ два яруса, одѣтая въ просторный салопъ на лисьемъ мѣху съ собольимъ воротникомъ, выѣхавшая въ городъ «для воздуху» на собственной лошади, подобно ей тяжело дышащая и добравшаяся, переваливаясь уткой, до лавки мужа, чтобы вмѣстѣ съ нимъ возвратиться домой.

— Дай и мнѣ,—говорила иной разъ она, увидѣвъ на лоткѣ продавца пищу:—и я чтонибудь съѣмъ...

— Съ нашимъ почтеніемъ... Пожалуйте... Что изволите пожелать?..

— Да ужъ я и сама не знаю... Развѣ вотъ ветчины кусочекъ, или вотъ телятинки. Хороша больно у тебя телятина...

— Телятина, сударыня, такая,—не возможно описать!

— Дай, пожалуй, кусочекъ... маленькій... Что ты такъ много!

— Извините... Такъ замахнулся. Кушайте на здоровье.

Бывало, въ сумерки, пріютившись около товарныхъ кнѣзъ у запертыхъ дверей лавки на деревянныхъ тубаретахъ, купцы сидѣли, доигрывая партію въ шашки, цѣна которой иногда назначалась въ пятьдесятъ рублей. Другіе купцы, тоже запершіе свои лавки, слѣдили за игрой и съ нетерпѣніемъ ожидали ея окончанія. По временамъ они взглядывали на узкую щель вверху рядовъ, какъ бы прося оканчивающійся день задержать на нѣкоторое время наступленіе ночи. Оплочавшій игрокъ, пользуясь благовиднымъ предлогомъ, отказывался продолжать игру.

— Шабашъ, братъ. Не могу больше!

— Какъ? По какому резону?

— А потому, что шашекъ не видать.

— Врешь. Доигрывай! Туго пришлось, такъ и шашекъ не видать стало. Мы, братъ, тоже, сдѣлай милость, понимаемъ, что къ чему. Доигрывай: твой ходъ.

— Чудакъ человѣкъ! Какъ же я теперь, къ примѣру сказать, буду доигрывать, ежели шапки неясственны?.. Не вижу я, понимаешь.

— Отчего же я вижу?

— Да, да. Это вѣрно!—подхватывали другіе:—отчего же онъ видеть, а ты нѣтъ?

— У него глаза моложе.

— Это, братъ, только одинъ отводъ, больше ничего.

— Толкуй съ тобой.

— Значить, бросить? Такъ или нѣтъ?

— Само собой.

— Въ такомъ разѣ, завтра цѣна вдвое. Понялъ?

— Ладно. Сыграемъ и на сотенную,—важность небольшая!..

Въ жаркіе лѣтніе дни, когда на улицахъ было душно и пыльно, и пѣшеходы съ раскраснѣвшими лицами изнемогали подъ палящими лучами солнца,—въ этихъ рядахъ было прохладно и даже холодно отъ сырости, такъ какъ солнечный лучъ никогда не проникалъ сюда, и по купеческому обычаю, полы въ лавкахъ, прежде чѣмъ быть подметенными, обильно поливались водой. Хозяева лавокъ, расхаживавшіе въ такіе мѣсяцы въ легкихъ изъ китайской шелковой матеріи пальто, надѣвали здѣсь верхнее платье. Сомнительная жидкость, продаваемая въ разноску на улицахъ въ большихъ стеклянныхъ кувшинахъ подъ названіемъ малиноваго кваса, здѣсь не находила сбыта, уступая мѣсто чаю, всегда первенствующему въ купеческой средѣ предъ всякими иными напитками.

Зимой купцы и ихъ приказчики, при затишьѣ въ торговлѣ, случалось, игрывали здѣсь въ мячъ, наскоро сдѣланный изъ оберточной бумаги, перевязанной бичевками, и, кидая его ногой, тузили другъ друга кулаками по спинамъ и плечамъ не столько для развлеченія, сколько для того, чтобы согрѣться. Ихъ тучныя фигуры въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, въ валенкахъ, въ шубахъ, опоясанныхъ кушаками и высоко поднятыми воротниками, казались какими-то странными чудищами, напоминавшими грубыя изваянія доисторическихъ временъ.

Иной здоровенный дѣтина, приказчикъ, случалось, двинетъ своего хозяина кулакомъ въ бокъ, да такъ ловко, что тотъ захрятитъ отъ удара и заворчитъ:

— Эка обрадовался, глупая голова, нешто такъ можно со всего маху!..

— Морозно больно,—оправдывался тотъ.

— Гляди,—морозно! Я тѣ такого морозу задамъ, будешь помнить!..

— Простите... Оно точно, что неаккуратно вышло... Вѣрьте совѣсти, я безъ намѣренія...

— Еще бы—съ намѣреніемъ... дубина!

Бумажный комъ леталъ, подбрасываемый въ разныя стороны, купцы подпрыгивали, стараясь уклониться отъ его движенія, и весело посмѣивались одинъ надъ другимъ, согрѣваясь, по ихъ словамъ, «за дешевую цѣну».

— Ну, и холодище, братцы!..

— Да, климатъ нонѣ строгой...

Захаръ Прохоровичъ, проходя иной разъ мимо развлекающихся собратовъ, уныло поглядывалъ на нихъ, будучи озабоченъ своими дѣлами, принявшими неожиданно дурной оборотъ.

— Слышалъ, а? Каковъ молодець?—волновался онъ, встрѣтившись съ кѣмъ нибудь изъ болѣе близкихъ пріятелей.

— Что такое?..

— Рыжій-то, казанскій, не платитъ... Предлагаетъ гривенникъ за рубль!..

— Что ты?

— Да!.. Такимъ сиротой прикинулся, хуже нищаго... Поддѣлъ меня на порядочную сумму... Охъ, тяжко! Въ прошломъ году аккуратно раньше срока заплатилъ и закредитовался опять... Вотъ и довѣрай!.. А вѣдь какой богомольный, и къ заутрени и къ обѣднѣ каждый день...

— Этихъ богомольныхъ нѣтъ хуже, братъ. Самый опасный народъ...

— Ну, что ты говоришь...

— Я, понимаешь, про тѣхъ, которые притворяются...

— Притворился, притворился! Это вѣрно! Охъ!

Захаръ Прохоровичъ волновался, размахивалъ руками, бѣгалъ изъ угла въ уголъ по лавкѣ, хватаясь за голову. Наскоро простившись, онъ шелъ потомъ въ часовню Иверской искать облегченія своему истерзанному сердцу.

У Иверской, подобно тому какъ и теперь, всегда бывало много народу—и съ поникшими головами стоятъ и на колѣнахъ молятся. Обиды, лишенія, безвыходная нищета—вся скорбь огромнаго города съ его правдой и ложью, съ его тщеславной суетой и безпомощнымъ горемъ стекалась и стекается сюда ежедневно, отъ утренней зари до вечерней. Захаръ Прохоровичъ пробирался между молящимися къ свѣчному ящику, покупалъ свѣчи и ставилъ ихъ передъ образами иногда съ такою нервною поспѣшностью, что старичекъ монахъ, стоявшій у свѣчнаго стола, обращалъ на это вниманіе и грустно смотрѣлъ на него.

— Господи, помилуй,—шепталъ онъ:—ишь ты, какъ у него руки-то дрожать.

Другой старичекъ, окончивъ службу молебна, начиналъ его опять по просьбѣ новыхъ богомольцевъ. Монахъ, стоявшій у свѣ-

чей, подпѣвалъ ему, и, случалось, замѣтивъ что-то необычное въ толпѣ молящихся, торопливо оставлялъ свое мѣсто,

— Ты уйди!—строго замѣчалъ онъ, подойдя къ какому нибудь оборванцу, забравшемуся въ средину толпы съ подозрительными цѣлями.

— Я тоже молиться хочу,—отвѣчалъ тотъ.

— Знаю я твои молитвы. Я видѣлъ, какъ ты по карманамъ богомольцевъ шарить...

Захаръ Прохоровичъ стоялъ на колѣнахъ предъ образомъ и шепталъ, ударяя себя обѣими руками въ грудь.

— Что же это такое, Господи! Царица Небесная!.. Никакихъ дѣловъ нельзя вести... Тружусь, стараюсь—и этикія вдругъ огорченія. Помилуй насъ, Боже, по величѣй милости Твоей. Если такими суммами будутъ пропадать долги,—никакого капитала не хватить...

XIII.

Запоздавъ при такихъ обстоятельствахъ, онъ возвращался иногда домой поздней ночью. Дворникъ у воротъ, ожидая его приѣзда, по цѣлымъ часамъ прислушивался къ доносившимся издали звукамъ и по нѣскольку разъ приотворялъ ворота, предполагая, что Захаръ Прохоровичъ подъѣзжаетъ къ дому. Случалось, и Анна Ѳедоровна, супруга Захара Прохоровича, тоже томясь его ожиданіемъ, выйдетъ на крылечко и окрихнетъ дворника.

— Савва! ты слышишь?.. Ёдетъ, кажись.

— Какъ же... Я, Анна Ѳедоровна, очень явственно слышу. Это безпремѣнно Захаръ Прохоровичъ, потому въ такую пору больше некому.

На сосѣдней колокольнѣ звонятъ, и удары колокола заглушаютъ уличный шумъ.

— Двѣнадцать что ли пробило?

— Такъ надо, Анна Ѳедоровна, полагать, что двѣнадцать; я, признаться, до восьми дошелъ, потомъ сбился со счету... Ахъ! Ни какъ подъѣхалъ кто-то?.. Они, они сами, Захаръ Прохоровичъ!

Анна Ѳедоровна, бывало, встрѣтитъ его съ заспанными глазами и упрекнетъ за поздній приѣздъ.

— Что это, Захаръ Прохоровичъ, нешто такъ можно?

— Что, родная?—ласково спрашивалъ онъ, и чѣмъ труднѣе и запутаннѣе было положеніе его дѣлъ, тѣмъ ласковѣе была его рѣчь съ женой.

— Истомишься, ждамши... Я ужъ думала, Господи не случилось ли что?

— Что можетъ случиться, подумай! Я, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ...

— Ахъ, мало ли что можетъ быть!..

— Ничего дурного не можетъ быть, потому какъ мы съ тобой во всѣхъ дѣлахъ дѣйствуемъ по правдѣ. Господь батюшка справедливъ и безъ вниманія этого никогда не оставитъ.

— Отчего же ты такъ поздно? На что это похоже?..

— Нельзя иначе. Дѣла задержали... Послѣ запора лавки мѣстахъ въ пяти перебивалъ: съ тѣмъ — чай, съ другимъ — чай, а безъ этого нельзя, сама знаешь, дѣло торговое, не хочешь да пьешь.

— Неужто, Захаръ Прохоровичъ, такъ всю жизнь и будемъ маяться? На что это похоже, самъ посуди!

— Зачѣмъ всю жизнь? Статочное ли это дѣло! Вотъ, Богъ дастъ, оперимся и въ настоящую силу войдемъ. Теперь мы за покупателемъ бѣгаемъ, по всѣмъ подворьямъ его, какъ звѣря цушистаго, выслѣживаемъ, а потомъ съ Божіей помощью доживемъ и до той поры, когда онъ за нами будетъ ухаживать.

— Да когда же этого дождешься? Который годъ, я смотрю, мечешься съ утра до ночи, только и вижу тебя, когда спать ложнись, а дѣла все въ прежнемъ положеніи.

— Что ты говоришь? Какъ въ прежнемъ положеніи? Ты припомни, что мы имѣли, когда ты за меня выходила, и сравни, что было тогда, что—теперь. Не видишь развѣ, сколько теперь у насъ амбаровъ съ товарами?.. Ты, Анна Ѳедоровна, не ропчи... Слава Богу, все хорошо идетъ...

— Все?—пытливо спрашиваетъ она.

— Все хорошо... Очень, можно сказать, удовлетворительно.

Она взглядываетъ въ его лицо и укоризненно качаетъ головой.

— Охъ, Захаръ Прохоровичъ, замѣчаю я, не ладно что-то у тебя на душѣ.

— Вотъ еще вздоръ какой! Все ладно, въ лучшемъ видѣ все... По мелочи, конечно, мало ли какіе случаи бываютъ, дѣло торговое, убытки и барыши по одной дорогѣ ходятъ...

— Ужинать будешь?

— Буду, родная, само собой, буду. Какъ же можно, на примѣръ, неѣвши! Измучился за день-то, съ удовольствіемъ поужинаю...

Онъ говоритъ не искренно, играетъ роль спокойнаго человѣка, и ѣсть ему совѣмъ не хочется, однако для виду садится за столъ.

— Все простыло. Поздно очень. Нѣтухи давно пропѣли.

— Нѣтъ еще ничего... Ёсть можно. Знаешь, когда ѣсть хочется, все вкусно... Вотъ что, дорогая, принеси мнѣ... Тамъ въ кабинетѣ на столѣ лежитъ...

— Что такое? Говори толкомъ.

Онъ задумывается, пріискивая причину для того, чтобы удалить жену изъ столовой.

— Тамъ... Эта книжка, знаешь, съ молитвами которая, я на ночь почитаю...

Анна Федоровна возвращается съ книгой и видитъ, что онъ сидитъ, понуривъ голову.

— Захаръ Прохоровичъ, что съ тобой?

Быстро оправившись и встряхнувъ волосы, онъ дѣлаетъ видъ, что его одолѣваетъ зѣвота.

— Спать хочу, родная, смертельно...

— Да ты ничего не ѣлъ?

— Какъ не ѣлъ, помилуй. Щей опрокинулъ тарелку съ пре-
великимъ удовольствіемъ...

— Это вовсе не щи.

— Ну, все равно,—борщъ... Я обмолвился, по-моему такъ вы-
ходитъ, что ежели жидкое, значитъ щи...

— Охъ, Захаръ Прохоровичъ,—говоритъ Анна Федоровна, качая головой:—большой ты притворщикъ!.. Не ломай, пожалуйста, комедию,—не вижу что ли я? Слава тебѣ, Господи, который годъ замужемъ, и очень хорошо тебя знаю...

— Что такое? Что ты знаешь?

— Да вотъ то именно, что ты чѣмъ-то разстроены даже до
чрезвычайности...

— Хе, хе! ничуть я, родная, не разстроены и, можно сказать,
совсѣмъ напротивъ.

— Рассказывай сказки-то!..

Захвативъ съ собой молитвенникъ, онъ идетъ осторожными шагами въ ту комнату, гдѣ спитъ его единственный сынъ, Миша. При входѣ въ спальню сына, слабо освѣщенную образной лампадой, на лицѣ его не остается никакихъ слѣдовъ отъ недавней озабоченности, и только одно чувство любви къ сыну свѣтится въ выраженіи его глазъ.

— Уходи, Захаръ Прохоровичъ,—шепчетъ Анна Федоровна,—
того гляди, разбудишь...

Улыбаясь, онъ смотритъ на мальчика, который, разметавшись, спитъ, закинувъ руки за голову.

— Поцѣловать бы.

— Что ты! Въ умѣ ли? Пусть спитъ, Господь съ нимъ.

Успокоившись отъ дневныхъ тревогъ и огорченій, Захаръ Прохоровичъ спалъ крѣпко и храпѣлъ иной разъ такъ громко, что Анна Федоровна разбуждалась.

— Захаръ Прохоровичъ! Слышишь!.. Захаръ Прохоровичъ...
О Господи!..

— А? Что такое? Неужели только гривенникъ за рубль?..

— Лягъ на другой бокъ. Ты такъ страшно храпишь...

Онъ, не раскрывая глазъ, быстро поворачивался и продолжалъ
разговаривать самъ съ собой.

— Время-то какое: у самого сроки платежей подошли, а онъ не платитъ!.. Охъ, разбойникъ...

— Что ты бормочешь?

— Я? Я—ничего,—пугливо отвѣчалъ онъ, приходя въ себя:— я очень всѣмъ доволенъ много... Слава Богу, слава Богу! Дѣла мои идутъ, можно сказать, въ лучшемъ видѣ.

Такъ шла жизнь изо дня въ день. Наступало утро, Захаръ Прохоровичъ отправлялся опять «въ ряды» и путался тамъ до вечера.

Окончивъ дѣло съ однимъ покупателемъ, онъ озабоченно искалъ встрѣчи съ другимъ, съ третьимъ и т. д. Случалось, жена съ сыномъ прѣдетъ въ амбаръ по какому нибудь домашнему дѣлу или просто такъ заглянетъ по дорогѣ,—онъ сейчасъ же найдетъ дѣло и женѣ, и сыну.

— Послушай ты, Анна, вотъ что... Съѣзди, пожалуйста, кстати ты на своей лошади, съѣзди къ этому... Какъ его? Ну, что на Пречистенкѣ,—знаешь? Вотъ отвези въ контору образцы.

— Ну, и что же?..

— Больше ничего,—подѣдешь къ парадному крыльцу и сунь артельщику, только и дѣла...

— Охъ, ужъ ты всегда такъ,—замѣчаетъ недовольнымъ тономъ Анна Федоровна.

— Не ворчи, не ворчи. Не Богъ вѣсть какая трудность прокатиться на лошади...

Анна Федоровна беретъ свертокъ и говоритъ, обращаясь къ Мишѣ:

— Поѣдемъ.

Захаръ Прохоровичъ, вдругъ что-то вспомнивъ, поспѣшно шепчетъ:

— Нѣтъ, Аннушка, поѣзжай одна.

— Это еще что за новости?

— Миша мнѣ надобенъ на полчаса...

Анна Федоровна не произноситъ болѣе ни слова и идетъ со сверткомъ къ выходу изъ амбара, но по выраженію лица ея видно, что она недовольна даннымъ порученіемъ. Захаръ Прохоровичъ видитъ это, но онъ такъ поглощенъ заботами дня, что уже не обращаетъ никакого вниманія на недовольство жены и даетъ наставленіе сыну, взявъ его обѣими руками за плечи.

— Вотъ что, Миша, привыкай. Понимаешь? Сызмала это нужно. Слышишь?.. Иди сейчасъ къ Ильинскимъ воротамъ, — знаешь?..

— Еще бы, папенька, не зная! Разумѣется, знаю.

— Ну, вотъ. За Ильинскія ворота пройдешь, тамъ на второмъ домѣ отъ угла вывѣска «Индоевропейскій магазинъ китайскихъ чаевъ

и прочихъ колониальныхъ товаровъ» — въ него и зайди и вотъ этотъ конвертъ отдай.

— Только и всего, значитъ?

— Только.

— Отлично. А отвѣтъ развѣ не надо, папенька?

— Ишь ты какой у меня молодецъ! — восхищается Захаръ Прохоровичъ, — малъ золотникъ, да дорогъ. Одобряю, Мишенька, очень одобряю за сообразительность. Ну, только отвѣта, пожалуй, и не нужно.

Миша бойко пускается въ путь, размахивая обѣими руками, отецъ ласково смотритъ ему вслѣдъ и думаетъ:

— Ничего, Богъ дастъ, выростетъ, — помощникъ будетъ.

Черезъ нѣсколько времени возвращается жена.

— Отдала, Аннушка? — спрашиваетъ онъ.

— Конечно... не брошу же по дорогѣ... Гдѣ Миша? Домой надо ѣхать... Вѣчно задержишь...

— Сейчасъ онъ придетъ... Важная статья, четверть часа раньше или позже...

XIV.

Продавая товаръ большею частью въ кредитъ подъ векселя на долгіе сроки, Захаръ Прохоровичъ не могъ выжидать времени, когда наступитъ срокъ полученія денегъ, и отдавалъ векселя подъ учетъ купцамъ-процентщикамъ.

Тогда торговыхъ банковъ было мало, и купцы, выдававшіе деньги подъ залогъ векселей или приобретавшіе ихъ до срока (тѣ же, разумѣется, ростовщики), давили и жали маленькихъ торговцевъ безпощадно.

Придетъ, бывало, такой купецъ, засядетъ гдѣ нибудь въ дальнемъ номерѣ грязнаго Посольскаго подворья и, точно паукъ, распутившій тенета, ожидаетъ своихъ жертвъ. Первое дѣло у него — каждый день къ ранней обѣднѣ, а потомъ просфора «съ теплотой», то-есть съ краснымъ виномъ, разведеннымъ водой, и загѣмъ уже чай и дѣловые разговоры.

Галактіонъ Герасимовичъ Квасниковъ, тотъ «благодѣтель», о здравіи и благоденствіи котораго такъ усердно молились въ домѣ Захара Прохоровича монахини, Калерія и Митродора, былъ въ описываемое время именно такимъ паукомъ. Къ нему въ номеръ Посольскаго подворья Захаръ Прохоровичъ зналъ дорогу съ того времени, когда онъ еще не оставлялъ торговли бумажными товарами и приѣзжалъ въ Москву за ихъ покупкой. Тогда московскіе купцы называли его «метла-купецъ», опредѣляя этой кличкой особенностями его торговыхъ приемовъ. «Придетъ онъ въ амбаръ, — говорили они, — торгуется съ бранью, кулаками передъ носомъ торговца

грозить, но зато, когда сойдется въ цѣнѣ, весь товаръ изъ лавки забереть, подмететь ее, такъ сказать, дочиста».

Въ былое время и Захаръ Прохоровичъ не разъ велъ съ нимъ упорный торговый бой изъ-за товарныхъ цѣнъ и продавалъ ему большія партіи ситцевъ, платковъ, коленкоровъ и т. п. Теперь такихъ покупокъ Галактіонъ Герасимовичъ уже не дѣлалъ и привелъ всѣ свои торговыя дѣла, можно сказать, къ одному знаменателю—къ деньгамъ. Захаръ Прохоровичъ, продавая, какъ сказано выше, товары подъ долгосрочные векселя и нуждаясь въ деньгахъ для торговыхъ оборотовъ, посѣщалъ Галактіона Герасимовича въ каждый его прїѣздъ. Войдетъ, бывало, къ нему въ номеръ, помолится на образъ и старается, насколько возможно, сократить всѣ предварительные разговоры о здоровьѣ, о погодѣ и т. п. для того, чтобы скорѣе приступить къ дѣлу; но Галактіонъ Герасимовичъ сбиваетъ его съ прямой дороги въ сторону.

— Былъ я сегодня у Знаменья,—тянетъ онъ слово за словомъ,—поученіе отецъ Амфилохій произнесъ, краткое, но удивительно теплое, душевное. Мы, говоритъ, въ грѣхѣ, говоритъ, родились, въ грѣхѣ, напимѣръ, живемъ, и одинъ, говоритъ, путь, указанный Христомъ,—любовь... Душу, говоритъ, свою надо положить за другихъ... Очень, очень тепло говорилъ.

Захаръ Прохоровичъ, уловивъ удобный моментъ для перехода на дѣловую разговоръ, замѣчалъ:

— А я къ вамъ... знаете... по дѣлу.

— Знаю, знаю! Какъ не знать... Ну, только, дружокъ, извини, теперь мнѣ, признаться, недосужно.

Но когда же?

— Да такъ, часикъ—другой спустя... По коридору-то шель, чай, видѣлъ, сколько тамъ монаховъ, монахинъ и сборщиковъ съ книжками. Вотъ съ ними мнѣ перво-наперво надо управиться, надо всѣхъ надѣлать и въ книжку каждому записать! Зря тоже, самъ знаешь, этого дѣлать нельзя...

Захаръ Прохоровичъ пытливо взглядывалъ на него, томясь думами о томъ, будетъ ли онъ его на этотъ разъ такъ же «прижимать», какъ прижималъ раньше, но на лицѣ Квасникова—одно смиреніе. Одежды его простыя, поношенныя, даже, можно сказать, ветхія, сапоги бутылками, къ которымъ никогда не прикасалась щетка, рубаха ситцевая на-выпускъ и прическа сѣдыхъ волосъ по-старинному. Какъ ни тяжело было подчиняться его предложенію, но волей-неволей Захаръ Прохоровичъ уходилъ. Въ коридорѣ ему заграждали путь просители, толпой тѣснившіеся у дверей номера Галактіона Герасимовича. Пробираясь между ними, онъ въ полусвѣтѣ коридора не видѣлъ лицъ и только слышалъ голоса. Монахини печальнымъ тономъ просили:

— Царицы Небесной иконѣ: «Утоли моя печали».

— Божіей Матери «Нечаянной радости».

Монахи какъ бы вторили имъ, произнося басомъ:

— Обители преподобнаго...

Далѣе, сборщики, преимущественно крестьяне, загорѣлые, скудовласые старики, просили, но уже не тихимъ, сдержаннымъ тономъ, а во весь голосъ, съ нескрываемою искренностію и жаромъ сердца:

— Пожертвуйте, православные,—зывали они,—на обновленіе погорѣвшей церкви святителя...

— Что же вы не идете къ Галактіону Герасимовичу въ номеръ?—спрашивалъ Захаръ Прохоровичъ:—онъ васъ ожидаетъ, изъ-за васъ и дѣло отложилъ.

— Не осмѣливаемся, благодѣтель: строгъ онъ, велѣлъ здѣсь стоять, пока позоветъ...

Въ одинъ изъ такихъ дней Захаръ Прохоровичъ засталъ Галактіона Герасимовича разстроеннымъ.

— Охъ!.. Это ты, дружокъ!.. Хорошо... ладно... Охъ!.. Нищѣ меня одолѣли,—заговорилъ онъ,—измучили, разстроили. Только что я отъ монаховъ и сборщиковъ отдѣлался, записалъ имъ въ книжки, сколько могъ... по усердію,—нищѣ полѣзли. До чего довели—подумай: грѣхъ какой, разсердился вѣдь я, толкнулъ одного въ грудь,—такъ и напираютъ, прямо въ номеръ лѣзутъ... Охъ!.. разсердился, не могъ совладать съ собой... Господи, прости мое согрѣшеніе! И вѣдь—что? Я имъ помогаю, а они же меня обворовываютъ: ключъ у меня изъ номерной двери стащили... Посылалъ за слесаремъ. Сорокъ копеекъ отдалъ ему. Что дѣлать,—не возможно безъ ключа, самъ знаешь...

Захаръ Прохоровичъ хотѣлъ сказать, что поощрять праздное и пьяное нищенство не слѣдуетъ, но зная, что Галактіонъ Герасимовичъ возраженій не любитъ, и что такое «не въ тонъ» замѣчаніе можетъ неблагоприятно отозваться на его дѣловыхъ отношеніяхъ къ нему,—промолчалъ.

— Вотъ принесъ я вамъ,—проговорилъ онъ, воспользовавшись удобной минутой,—по примѣру прежнихъ лѣтъ, векселечки...

— Векселечки? Вотъ какъ!..

Галактіонъ Герасимовичъ откаплялся, потеръ себѣ ладонью лобъ и отвѣтилъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго молчанія:

— Не знаю, не знаю...

— То-есть, что не знаете?—озабоченно спросилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Колеблюсь, братъ ли... Да! Хочу я, дружокъ мой, все оставить... бросить всѣ дѣла... Пора! пора! Все тлѣнь, прахъ!.. И старъ уже я остановлюсь... Дѣти у меня не удался, дрянъ ребята выпли, дрянъ. Дураки, пьяницы, картежники!.. О Господи, помилуй!..

Онъ вздыхалъ, смотрѣлъ на образа, предъ которыми у него теплилась лампада, и потомъ, помолчавъ, спросилъ, какъ бы вскользь, между прочимъ, только ради празднаго любопытства:

— А чьи векселечки-то?

— Да вотъ посмотрите... Все хорошіе, самые надежные векселя. Я, не колеблясь, съ оборотомъ на себя возьму...

— Не знаю, не знаю... Хочу все бросить... О Господи, спаси... Грѣшникъ я, грѣшникъ... А на много ли вся сумма?..

Вопросъ былъ сдѣланъ безпечнымъ тономъ, какъ бы совсѣмъ безъ всякаго интереса къ дѣлу.

— Сумма вотъ... провѣрьте по этой выписочкѣ...

— Такъ, такъ... Хорошіе векселечки, хорошіе... Вижу, знаю... Ну, только вотъ колеблюсь я... Развѣ ужъ такъ только для тебя, дружокъ. Очень ужъ ты пріятный человекъ!..

Пересмотрѣвъ векселя и на этотъ разъ съ большимъ вниманіемъ, Галактіонъ Герасимовичъ назначилъ процентъ учета. Вѣроятно, назначенный процентъ былъ очень высокъ, такъ какъ Захаръ Прохоровичъ, услышавъ о немъ, поспѣшно поднялся со стула.

— Это не возможно!..—прошепталъ онъ трагически.

— Какъ угодно, дружокъ! Какъ угодно! Подтчевать велѣно,—неволить грѣхъ. Отнеси къ другому. Мнѣ меньше взять нельзя... Все равно мнѣ,—я хочу всё дѣла бросить, да... Лучше отнеси къ другому. Пора, пора! Дѣти у меня дураки, въ карты играютъ, играютъ въ карты... Чего хорошаго въ этомъ, самъ посуди: послѣднее дѣло, карты! Я ничего имъ въ наслѣдство не оставлю, все раздамъ бѣднымъ, все!.. Внучку вотъ только жалко. Жалко внучку. Хорошая такая дѣвченочка. Куда ее дѣвать? Ахъ, если бы Господь прибралъ,—вотъ бы чудесно было...

— Что вы говорите?—съ удивленіемъ возразилъ Захаръ Прохоровичъ:—грѣшно это.

— Ты не понимаешь... Ничуть это не грѣшно. Очень даже превосходно, ежели Господь призоветъ къ себѣ въ юности... Я не желаю супротивъ Божіей воли итти... Какъ Господу угодно, а только такъ къ слову... Эй, парень! Гдѣ ты тамъ?..

Изъ маленькой передней около занавѣса, за которымъ въ номерѣ помѣщалась кровать, умывальникъ и платяной шкафъ, появилась молчаливая фигура парня, широкоплечаго, «протяженно-сложенного», съ растрепанными волосами, привезеннаго Квасниковымъ изъ уѣзднаго города и всегда находившагося при немъ въ видѣ охраны.

— Бѣги, бѣги скорѣе... Я забылъ захватить давеча булочекъ. Бѣги, купи булочекъ... вчерашнихъ, вчерашнихъ, понимаешь? Да, да, вчерашнія дешевле, по копейкѣ на каждую уступаютъ. Вотъ тебѣ деньги, вотъ... Понимаешь?

— Понимаю, — угрюмо отвѣтил парень, исподлбья смотря на хозяина.

— Ну, вотъ и бѣги. Ты поторгуйся, слышишь, хорошенько поторгуйся, можетъ, по двѣ копейки уступятъ. Слышишь, поторгуйся.

Захаръ Прохоровичъ, выждавъ конца переговоровъ съ парнемъ, спросилъ:

— Такъ вы не уступите?

— Не уступлю... Нельзя, нельзя. Хочу бросить все. Суета все, прахъ, и богатство, и почести—все вздоръ... У насъ на городу я первое лицо, всѣ ко мнѣ съ поклонами, а ничего въ этомъ нѣтъ завлекательнаго, пустяки все, такъ—глупость. Душу надо спасать,—вотъ что самое важное! Процентъ я тебѣ назначаю умѣренный, ты это долженъ чувствовать. Другому ни за что такого одолженія не сдѣлаю. Согласенъ ты, согласенъ? Говори, чего замолчалъ?

— Помилуйте, какой же это процентъ... умѣренный! Тяжело.

— Ну, какъ знаешь, какъ знаешь...

Замѣчая, что Захаръ Прохоровичъ на предложенныя условія согласиться не хочетъ, Галактіонъ Герасимовичъ сбавилъ нѣкоторую часть съ просимой суммы. Захаръ Прохоровичъ и на это не согласился. Онъ поспѣшно взялъ фуражку и хотѣлъ уйти, а въ головѣ между тѣмъ неотступно стояли думы о собственныхъ платежахъ, которые ему надлежало дѣлать въ самомъ ближайшемъ будущемъ. Галактіонъ Герасимовичъ съ своей стороны тоже выказывалъ упорство и пылливо слѣдилъ за его горячностію и волненіемъ.

Бой между ними шелъ, хотя и не открытый, но задорный.

— Ты не согласенъ? На такой процентъ не согласенъ?—волнуясь, кричалъ Галактіонъ Герасимовичъ:—пойди къ другому, пойдѣ, попробуй, сунься, онъ изъ тебя сокъ выжметъ...

— Да ужъ чего еще больше выжимать! Помилосердуйте! Дороже вашего никто не запросить...

— И иди съ Богомъ. Я не держу... А ты о томъ подумай, съ кѣмъ дѣло имѣешь,—вотъ что подумай. Самъ знаешь, я вѣдь не притѣсню, не буду приставать: давай деньги. Я завсегда съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ отсрочку сдѣлаю.

— Это я знаю. За это, конечно, завсегда вамъ моя искреннѣйшая благодарность...

— То-то и есть... Ну-ка, дай сюда векселечки-то, я еще разъ пересмотрю ихъ хорошенько... Охъ, не надо бы, не надо бы мнѣ и дѣлами-то вовсе заниматься. Бросить надо ихъ, надо бросить... Да, да, главное дѣло—душа!.. Помилуй насъ, Царица Небесная...

Галактіонъ Герасимовичъ вздыхалъ, произносилъ молитвенныя возгласы, а самъ перебиралъ въ это время векселя.

— Да, ничего... векселечки хорошіе, надежныя. И толковать нечего... А все же случается, и съ надежными бываетъ неудача... Всяко бываетъ!..

— Съ этими-то, ужъ извините, никакого риска нѣтъ.

— Толкуй! Въ позапрошломъ году я взялъ отъ одного сахара векселечки, тоже увѣрялъ, что никакого риска нѣтъ, а наконецъ того оказались никуда негодными: векселедатель погорѣлъ, а онъ вмѣсто уплаты по обороту взялъ да и померъ. Вотъ тутъ и учитьвай векселя. Рисковое дѣло, рисковое!

— Я такой неприятности вамъ не сдѣлаю.

— То-есть, какой?

— Не умру раньше срока,—улыбаясь, сказалъ Захаръ Прохоровичъ.

— Не говори такъ. Не хорошо. Жизнь и смерть во власти Божіей, ну, только на уступку я не согласенъ.

— Значить, извините за беспокойство. Разойдемся.

— Разойдемся, дружокъ, разойдемся. Что дѣлать,—задумчиво проговорилъ Галактіонъ Герасимовичъ и пытливо посмотрѣлъ на Захара Прохоровича.

Захаръ Прохоровичъ свернулъ въ трубочку векселя, взялъ въ руки фуражку, какъ бы намѣреваясь уйти.

— Ну, и кремень же ты, я посмотрю,—продолжалъ Квасниковъ, перемѣняя тонъ:—богатъ будешь, большія деньги наживешь, потому, видно, характеромъ ты твердъ... Такъ и быть, слышишь, для тебя только... Ты чувствууй!

— Что такое... чувствовать?

— А вотъ то именно, что для тебя хочу сдѣлать уступочку, понимаешь, только для тебя, другому—ни за что!

— Спасибо! Разумѣется, я очень хорошо могу это понимать и цѣнить. Сколько же уступаете?

— Изволь, четверть копейки сброшу.

— Спустите полкопеечки.

— Ни за что! Уходи, когда такъ. Уходи! Вотъ присталъ, Уходи, тебѣ говорю... Ахъ, какой несносный человѣкъ!.. Царица Небесная! Да я такого отродясь не видывалъ!..

Галактіонъ Герасимовичъ волновался, вскакивалъ со стула и отмахивался обѣими руками. Захаръ Прохоровичъ зналъ, что это не настоящій гнѣвъ, а только боевой маневръ, и медлилъ уходомъ.

XV.

Въ самый разгаръ боя вошелъ въ номеръ «протяженно-сложенный» парень и молча положилъ на столъ серебряную монету.

— Что это? А булки? Гдѣ же булки, гдѣ? Отчего ты булокъ не принесъ?—озабоченно и торопливо спросилъ Квасниковъ.

— Не дають,—мрачно отвѣтилъ парень.

— Какъ не дають? Отчего не дають?

— Говорятъ, вчерашнихъ нѣту...

— Какъ нѣту?

— Роздали нищимъ...

— Дуракъ, дуракъ!..

Галактіонъ Герасимовичъ укоризненно покачалъ головой, въ выраженіи его лица—презрѣніе и ненависть. Парень стоялъ предъ нимъ, понутивъ голову, и не смѣлъ поднять глазъ.

— Заяць ты косоглазый! Прогоню я тебя, дурака вислоухаго, прогоню, вотъ только дай Богъ домой вернуться.

— За что же, помилуйте! Ежели нѣту, какъ же мнѣ ихъ добыть?..

— Врешь, врешь!.. Нѣту въ одной, въ другую булочную бѣги, въ другой нѣту—въ третью, въ десятую. Есть гдѣ нибудь, непременно есть. Ахъ, ахъ, какой безтолковый! Зачѣмъ только я тебя съ собой вожу? Напрасный расходъ! напрасный расходъ!.. Ступай, бѣги скорѣе,—найдешь въ другихъ булочныхъ.

Онъ снова отдалъ парню серебряную монету. Парень молча сжалъ ее въ своей огромной рукѣ и лѣниво переминался съ ноги на ногу.

— Что же ты столбомъ стоишь? Глупый, глупый!

— А ежели не найду вчерашнихъ, какъ тогда быть? Станете меня опять ругать, когда не принесу. Лучше ужъ прямо скажите теперь, не брать, значить, свѣжихъ?..

— Безтолковый! безтолковый!.

Галактіонъ Герасимовичъ глубоко вздохнулъ и на нѣкоторое время остался въ нерѣшительности.

— Безъ хлѣба нельзя! Нельзя безъ хлѣба!..—задумчиво проговорилъ онъ и послѣ нѣ котораго колебанія обратился къ парню съ рѣшительнымъ словомъ:

— Не найдешь,—возьми свѣжихъ.

— На всѣ деньги взять?..

— Какъ ты... Боже мой!... какъ ты спрашиваешь? Разумѣется, на всѣ...

Наконецъ переговоры о покупкѣ булокъ выяснились въ должныхъ подробностяхъ, парень ушелъ изъ номера и услышалъ посланную ему вслѣдъ новую кличку.

— Баранъ! баранъ!..

— Вотъ они, народы!—обратился Квасниковъ къ Захару Прохоровичу,—гляди, пожалуйста, каковъ паренекъ. Замѣчаешь?

Захаръ Прохоровичъ пожалъ плечами.

— Простите... Конечно, не мое дѣло, но не могу удержаться... Мнѣ удивительно видѣть все это.

— Что такое? О чемъ ты?

— Да вотъ... извините, ради Бога, именно о васъ: монахамъ, сборщикамъ, странникамъ и даже завѣдомымъ попрошайкамъ вы раздаете деньги, и, вѣроятно, при ежедневной раздачѣ, не малень-

кая сумма выходитъ на это, а себѣ въ кускѣ свѣжей булки отзываете.

— Ахъ, ты ничего не понимаешь. Тебѣ понять нельзя, ты еще молодъ, молодъ... Гдѣ тебѣ понять? Поживешь подольше, поймешь... Охъ! Вѣдь я грѣшникъ, великій я грѣшникъ! Мнѣ не только булки, — чернаго хлѣба не надо бы давать. Да, да!.. На милостыню только и надѣюсь. Сказано, она со дна моря спасаетъ... За нее, можетъ быть, Господь пощадить меня. Охъ, много грѣховъ... много. Тяжело и страшно подумать... Какъ умирать, съ какимъ отвѣтомъ на страшномъ судищѣ предстать?... Я вѣдь жадный, жадный я и къ дѣламъ, и къ деньгамъ... Сердитый я... Вотъ съ этимъ болваномъ каждый день бранюсь...

— А много ли онъ у васъ получаетъ?

— Чего, много ли?

— То-есть, какая плата ему за его службу?

— Какая ему плата, — что ты! Дуракъ вѣдь онъ, дуракъ. Спитъ все. Чуть только вечеръ начнется, спитъ. Полушки мѣдной не стоитъ! Трудно, трудно нынче съ народомъ. Избаловались. Ёсть, говорить, хочу, — вотъ и толкуй съ нимъ.

Захаръ Прохоровичъ возвратился къ прерванному разговору объ учетѣ векселей, и бой опять мало-по-малу разгорѣлся.

— Не уступлю! — твердо стоялъ на своемъ Галактіонъ Герасимовичъ.

— Не прибавлю! — заявилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Иди съ Богомъ! Иди, иди, не сердя меня!..

— Уйду... Извините, уйду... А все-таки скажу, что при нашемъ капиталѣ даже грѣшно о такихъ мелочахъ споры вести...

— Ты молчи. Тебѣ о моемъ капиталѣ судить нельзя. Можетъ, ты богаче меня, — это твое дѣло, а на уступку я не согласенъ.

— А я на прибавку согласиться не могу...

— Такъ уходи же... Ахъ, какой навязчивый!..

Кончился бой тѣмъ, что Захаръ Прохоровичъ, рѣшительно взмахнувъ обѣими руками, сдался.

— Богъ съ вами!

— Ну, вотъ и расчудесно!..

— Да ужъ тамъ какъ хотите, — со вздохомъ проговорилъ онъ: — чудесно или нѣтъ, а обстоятельства заставляютъ согласиться...

— Давай векселечки-то, я подсчитаю общую сумму.

— Вотъ извольте, повѣрьте по этой выпискѣ, тутъ подробно всѣ перечислены и общая сумма означена...

— Погоди, погоди... не мѣшай мнѣ: я самъ все пересчитаю, я по-своему, по-своему...

Галактіонъ Герасимовичъ отеръ ладонью широкій лобъ, на которомъ у него отъ продолжительныхъ переговоровъ тоже, какъ и у Захара Прохоровича, выступилъ потъ, и, набожно крестясь, сказалъ:

— Господи, благослови!.. Охъ, не надо бы... не надо бы... Прости, Господи!.. Брошу все, скоро все брошу, въ монастырь уйду на Аѳонскую гору... Вотъ только бы внучку поднять на ноги... Въ монастырь и её отдамъ, въ монастырь — самое это чудесное дѣло!

Такъ говорилъ онъ и въ то же время бойко перекидывалъ правой рукой косточки на счетахъ, повѣряя общую сумму векселей.

Въ комнатѣ появилось новое лицо въ длиннополомъ сюртукѣ, волоса въ скобку, сапоги бутылками. Не отвѣчая на вопросъ Квасникова, вошедшій помолился на образъ и потомъ сказалъ:

— Это — мы. Извините... Добраго здоровья.

— Здравствуй, здравствуй... Только теперь недосужно...

— Замѣчаю-съ, признаться... Извините... Когда позволите взглянуть, чтобы, значитъ, безпрепятственно? Мы отъ фирмы Корovina и Кобылина...

— Знаю, знаю... Былъ вѣдь ты въ позапрошлый разъ...

— Такъ точно-съ...

— Ну, вотъ! Зайди черезъ полчаса, а то лучше всего послѣ вечерни, въ сумеречки, въ сумеречки, тогда не въ примѣръ свободнѣе... Иди, иди съ Богомъ... Ахъ, парня-то нѣтъ, надо бы припереть на крючекъ...

— Хорошо, я припру, не беспокойтесь.

Захаръ Прохоровичъ пошелъ къ дверямъ, длинный парень чуть не столкнулся съ нимъ, входя въ это время въ номеръ. Захаръ Прохоровичъ молча указалъ ему рукой, чтобы онъ остался въ передней и не мѣшалъ хозяину, занятому серіознымъ дѣломъ.

— Я принесъ,—прошепталъ парень,— черствыхъ нашель...

— Молчи!—чуть слышно перервалъ Захаръ Прохоровичъ.

Векселя шуршали въ морщинистыхъ рукахъ Галактіона Герасимовича, перекладывались съ одной части стола на другую, и пальцы правой руки проворно перебрасывали косточки на счетахъ.

— Вотъ и все, — заключилъ онъ, окончивъ переборку векселей,—значитъ, вотъ и общая сумма. Такъ? И по твоей записочкѣ то же выходитъ. Стало быть, безъ всякаго сомнѣнія, вѣрно. Ну, теперь скидки за все время — вотъ сколько, а къ выдачѣ тебѣ остается—вотъ сколько. Такъ или нѣтъ?

Захаръ Прохоровичъ ни слова не произнесъ въ отвѣтъ и только слабымъ кивкомъ головы далъ знакъ, что возражать противъ такого расчета не можетъ.

Свернувъ векселя въ трубочку, Галактіонъ Герасимовичъ ушелъ за занавѣсъ, гдѣ около кровати, въ большомъ желѣзномъ шкафѣ хранилась у него тяжелая устюжская шкатулка съ деньгами. Черезъ нѣсколько времени послышался оттуда дребезжащій звукъ отпираемаго замка, потомъ глубокій вздохъ и громкій возгласъ:

— О Господи, помилуй!.. Царица Небесная!...

Минуту спустя, замокъ снова зазвенѣлъ, снова послышался молитвенный возгласъ Квасникова, и самъ онъ появился изъ-за занавѣса съ пачками кредитныхъ билетовъ.

— Вотъ, вотъ, дружекъ, получай. Не долго ужъ намъ съ тобой дѣла дѣлать. Скоро все брошу. Только бы вотъ внучку на ноги поднять да замужъ выдать.

Захаръ Прохоровичъ улынулся.

— То вы ее хороните, то въ монастырь отдаете, то замужъ. Не поймешь васъ.

— Почему не поймешь? Надо то либо другое, либо третье, потому—отецъ у нея дуракъ, картежникъ... Вотъ что, голубчикъ,—добавилъ онъ, перемѣняя тонъ рѣчи:—ты изъ этихъ денегъ, сдѣлай одолженіе, рубликъ одинъ уступи на нищую братію...

Захаръ Прохоровичъ съ изумленіемъ на него взглянулъ, пожалъ плечами и молча сталъ пересчитывать деньги.

— Я вѣдь не себѣ, не себѣ,—продолжалъ Галактіонъ Герасимовичъ:—ты знаешь, сколько я каждый день раздаю... Ужъ извини, дружокъ, одинъ рубликъ я, признаюсь, удержалъ, только одинъ рубликъ...

— Значить, вы на мой счетъ благодѣтельствовать хотите, — мрачно возразилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Ну, вотъ, ну, вотъ... Есть о чемъ говорить!.. Пусть за спасеніе души твоей пойдетъ. Да и то надо имѣть въ виду, что, можетъ статья, мы еще не одинъ разъ другъ другу пригодимся. Впередъ-то, братъ, не видать. Не видать впередъ. Что скажешь супротивъ этого? Ничего нельзя сказать, такъ ли я говорю, а?

— Но вы же сами сейчасъ сказали, что намъ брѣвѣаетесь дѣла бросить?

Галактіонъ Герасимовичъ задумчиво посмотрѣлъ на Захара Прохоровича, пересчитывавшаго деньги, глубоко почему-то вздохнулъ при этомъ и, точно прозрѣвая духовнымъ окомъ въ далекое будущее, добавилъ:

— Да, да! На все есть воля Божія. Всѣ подъ Богомъ! Сказано: «камо пойду отъ Духа Твоего». Да, да!.. Господи, помилуй. Не видать впередъ!..

Сказалъ ли онъ эти слова, думая о будущемъ внучки, или проговорилъ ихъ, отдавшись мысли о тлѣнности всего земного,—Захаръ Прохоровичъ не понялъ. Занятый соображеніями о своихъ срочныхъ платежахъ, онъ не придавалъ имъ никакого значенія и только, когда уже вышелъ изъ подворья на Ильинку, укоризненно покачалъ головой.

— Ну, старикъ!—проворчалъ онъ, вспомнивъ о неуплаченномъ имъ рублѣ.

Возвращаясь послѣ трудового дня въ Замоскворѣчье, Захаръ Прохоровичъ, случалось, не замѣчалъ, съ какою неспозволительною медленностію везетъ его извозчикъ. Погруженный въ свои думы, онъ сидѣлъ сторбившись, ничего не видя, ничѣмъ не интересуясь. Онъ ропталъ на жадность процентчиковъ, на скупость своихъ покупателей, мысленно бранилъ и тѣхъ, и другихъ, и самого себя.

— А все отчего? — думалъ онъ: — отъ моего же собственнаго неразумія. Было спокойное дѣльце въ маленькой лавочкѣ, въ долгъ никому не продавалъ, самъ покупалъ тоже на наличныя, — такъ нѣтъ: скучно! Вотъ теперь весело, когда приходится метаться по городу съ утра до вечера.

Вспоминался ему покойный отецъ, тихій, степенный и мало разговорчивый старикъ, отъ котораго онъ наслѣдовалъ розничную торговлю на Красной площади, и который никогда бы не пошелъ на подобную унижительную жизнь, на постоянное бѣганье за покупателямъ, на отыскиваніе кредита подъ учетъ векселей.

— Да, старикъ былъ правильный, зналъ себѣ цѣну, — думалъ Захаръ Прохоровичъ, — выше средствъ торговли не расширялъ, не метался такъ, какъ мечусь я и тысячи подобныхъ мнѣ. А зачѣмъ? — спросить. Все, видишь ты, мало: разбогатѣть хочется. Въ богатствѣ ли, однако, счастье, не въ другомъ ли въ чемъ надо его искать?..

Ему пересѣкаютъ дорогу, ѣдутъ навстрѣчу, обгоняютъ, окрикамиютъ его извозчика и тяжело нагруженные воза, и барскіе экипажи, и легковыя дрожки въ томъ всегдашнемъ безпорядкѣ, въ какомъ это прежде бывало и теперь еще дѣлается въ Москвѣ. На перекресткѣ двухъ улицъ кто-то ѣдущій въ собственномъ экипажѣ сваливаетъ съ ногъ прохожаго и гонитъ дальше еще быстрѣе. Городовой пронзительно свиститъ, издали доносится другой свистокъ и крики: «держи, держи», — вѣроятно, еще кто нибудь попался подъ лошадь. Ничего этого Захаръ Прохоровичъ не замѣчаетъ или не хочетъ замѣчать, какъ нѣчто обычное, изо дня въ день повторяющееся. Только по временамъ онъ отрывается отъ своихъ думъ, снимаетъ фуражку и набожно крестится, обративъ вниманіе на церковь, мимо которой въ это время проѣзжаетъ.

Выбравшись въ менѣе людныя улицы, гдѣ уже не встрѣчается ни возовъ, не экипажей, онъ въ самомъ дѣлѣ убѣждается, что извозчикъ его не ѣдетъ, а плетется шагъ за шагомъ и при этомъ клюетъ носомъ впередъ.

— Эхъ, ты! соня! слышишь?! — гнѣвно кричитъ онъ на него: — не дремли!

— Нешто я дремлю... Что ты, купецъ, въ умѣ ли? Зачѣмъ я буду дремать?

— Поворчи еще.

— Мнѣ таперича дремать совсѣмъ не для чего.

— Погоняй, тебѣ говорю. Слышишь,—не то слѣзу.

— Не кричи, купецъ... Какой ты, право, Богъ съ тобой! Ну-ка ты!—понукаетъ онъ свою лошаденку, усиленно чмокая и дергая вожжами.

Вотъ, наконецъ, и Замоскворѣчье. Шумъ города становится глуше, и чѣмъ дальше за Каменный мостъ, тѣмъ меньше движенія. Издали доносится въ тихія, безлюдныя улицы трескотня экипажей, сливающаяся въ общій гулъ, точно тамъ вдали волнуется море, и беспокойныя волны его съ шумомъ разбиваются о берегъ, разбрасывая во всѣ стороны брызги,—то Москва, суетливая, тревожная, за барышами гоняющаяся, по пословицѣ, слезамъ не вѣрящая, то она стонетъ и шумитъ, изнывая въ тоскѣ житейскихъ заботъ, утратъ и огорченій и гоняясь за счастьемъ, всегда кратковременнымъ и обманчивымъ...

Дьяконъ приходской церкви, Андрей Семеновичъ, имѣвшій склонность посидѣть вечеромъ на крылечкѣ церковнаго дома, прислушивается, бывало, къ доносящемуся изъ-за Москвы-рѣки шуму и грузно вздыхаетъ.

—Святители Христовы!—басиль онъ, крестясь:—городъ-то стонетъ, точно какое звѣрообразное чудовище!..

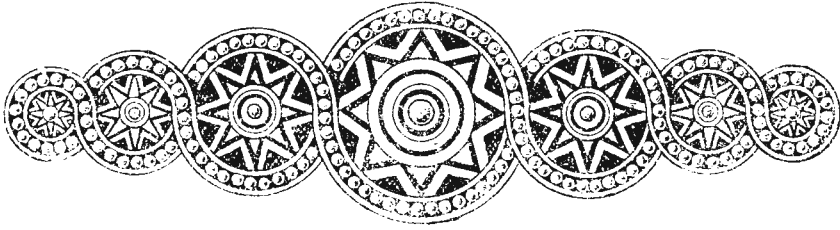
Сослуживецъ его и собесѣдникъ, дьячекъ, лысый и красноносый, бывало, тутъ же стоитъ около крылечка, вслушивается въ доносящійся изъ города стонъ и послѣ нѣкотораго молчанія, какъ бы въ заключеніе своихъ думъ, произноситъ:

— Вавилонъ!..

Д. И. Стахѣвъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТКИ А. П. НАТАРОВОЙ ¹⁾.

I.

Мое вступленіе въ театральную школу. — Экстерны. — Школьные спектакли. —
Общій школьный порядокъ. — Научные преподаватели. —
Священникъ училища.

ТЕЦЬ мой былъ изъ крѣпостныхъ полковника Шереметева. Родителямъ моимъ дали волю, но они продолжали служить у Шереметевыхъ, меня же и двухъ братьевъ моихъ готовили въ прислугу. Совсѣмъ маленькой и, какъ говорятъ, очень хорошенькой дѣвочкой, я любила кривляться и гримасничать на забаву госпожѣ Шереметевой. Кривлянье это, сколько помню, тогда же обратило на себя вниманіе доктора Берса, имѣвшаго большую практику въ театральномъ мѣрѣ. Минуло мнѣ 7 лѣтъ. Стали думать, что со мной дѣлать. Приходитъ какъ-то къ Шереметевымъ одна знакомая, звали ее Марья Ивановна, вѣчная ей память за устройство моей судьбы, а фамилію ея забыла. Вотъ и говоритъ она, посмотрѣвши на меня:

— Отдали бы вы дѣвочку въ дирекцію. Одѣньте-ка ее въ хорошенькое платьице,—я ее поведу.

Сказано—сдѣлано. Помню, лѣтомъ это было, въ 1843 году. Привела меня Марья Ивановна въ канцелярію директора. Рядомъ съ

¹⁾ Записано В. П. Погожевѣмъ по непосредственному разсказу Анны Петровны Чистяковой (по театру Натаровой).

канцеляріей—кабинетъ директора Александра Михайловича Гедеонова. Въ канцеляріи спрашиваютъ: что нужно?

— Нужно видѣть директора.

Вышелъ Гедеоновъ посмотрѣть на меня, спросилъ, сколько лѣтъ, позвалъ чиновника и приказалъ свести меня въ школу.

Привели меня въ училище какъ разъ въ танцевальный классъ балетмейстера Титюса. Титюсъ осмотрѣлъ меня и далъ какую-то отмѣтку. Опять привели къ Гедеонову, послали за театральнымъ докторомъ Марокетти. Тотъ тоже меня осмотрѣлъ. Послѣ этого директоръ сказалъ:

— Допущена въ вольноопредѣляющіяся.

Такъ рѣшилась моя судьба. Просто вѣдь было въ то время!

Экстерновъ обучали только искусствамъ, а наукъ не преподавали, а потому родители, мало-мальски состоятельные, старались опредѣлить дѣвочекъ на воспитаніе, содержаніе и обученіе къ класснымъ дамамъ въ томъ же училищѣ. А главная-то причина, почему отдавали дѣвочекъ къ класснымъ дамамъ, была та, что державшія дѣтей хлопотали за нихъ передъ учителями танцевъ, просили ставить ихъ въ школьные спектакли, въ дивертисментъ, устраивали возможность отличиться и такимъ образомъ проводили въ казенныя воспитанницы.

Меня опредѣлили къ классной дамѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Румянцевой ¹⁾. Кромѣ меня, у Румянцевой воспитывалось еще штукъ семь дѣвочекъ, между прочими: Марья Михайловна Александрова (Шнель), Марья Сергѣевна Суровщикова, впоследствии Петипа, дочь самой Румянцевой и другія. Квартира у Румянцевой была на Театральной улицѣ, окнами во дворъ, въ четвертомъ этажѣ, очень маленькая, всего въ двѣ комнаты. Тѣснота была страшная; спали дѣвочки вповалку на полу. Ну, да и плата была, даже по тѣмъ временамъ, небольшая—всего 6 рублей въ мѣсяцъ за все: тутъ и пища, и образованіе. Даже ходила учительница, обучала насъ рисованію и игрѣ на фортепьяно, клавикорды были ужасные. Помню, чуть выучимся ноты разбирать, сейчасъ же начинаемъ наигрывать: «Mein lieber Augustin».

Пища была скромная: давали завтракъ, обѣдъ и вечеромъ чай съ хлѣбомъ.

Въ танцевальный классъ ходили въ школу. Начинающихъ училъ Беккеръ, а потомъ мы перешли къ Флери, который былъ комикомъ въ балетѣ до Стуколкина. Послѣ ухода Флери перешли къ Фредериксу. Беккера назначили учителемъ танцевъ, только для выслуги пенсіи. Училъ онъ, не стѣсняясь награждать насъ названіями въ родѣ «дубина», «сѣно въ головѣ» и т. д. «Сѣно въ головѣ»—это была я.

¹⁾ Какъ говорили, незаконной дочери знаменитаго Задунайскаго. Мать ея была калмычка.

Въ великомъ посту, въ 1844 году и я попала въ школьный спектакль. Я была очень хорошенькимъ девятилѣтнимъ ребенкомъ, очень бѣлокурая; въ школѣ звали меня «бѣленькой дѣвочкой». Танцевать въ спектаклѣ я должна была «русскую», и тетка моя сдѣлала мнѣ на этотъ случай очень хорошенькій костюмъ. Школьные спектакли посѣщали директоръ и приглашаемые имъ знакомые его, инспекторъ школы Оберъ и родители воспитывающихся. Изъ постороннихъ посѣтителей, приглашаемыхъ Гедеоновымъ, я помню Леонтія Васильевича Дубельта, который всегда приходилъ съ леденцами въ заднемъ карманѣ мундира и надѣлялъ ими дѣтей. Еще помню богатаго помѣщика и театрала Жеребцова, также помѣщика Творогова. Театръ школьный помѣщался тамъ, гдѣ теперь танцевальный классъ. Послѣ окончанія спектакля директоръ приходилъ на сцену, и всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ получали, кто одобренія, а кто замѣчанія. Спектакль составлялся главнымъ образомъ изъ драматическихъ пьесъ, а балетная часть входила дивертисментомъ. Танцевала я въ первомъ школьномъ спектаклѣ удачно. Вторично танцевала въ слѣдующемъ спектаклѣ качучу. Директоръ одобрилъ, и я попала въ казну. Приѣмъ въ казенныя воспитанницы совершался весной послѣ выпуска воспитанницъ, который большею частью бывалъ въ Вербное воскресенье или въ Благовѣщеніе, смотря по тому, какъ были деньги въ дирекціи.

Танцевальныхъ классовъ въ женскомъ отдѣленіи училища было три: младшій училъ Беккеръ, средній—Флери и старшій—Титюсъ. Всѣ учителя были строгіе, и строже всѣхъ Титюсъ. Если, бывало, пройдешь по залу, противъ положенія, не съ открытой шеей, а накинувши платокъ,—Титюсъ, ничего не говоря, нагонитъ и вытянетъ смычкомъ по плечамъ.

Учителя танцевъ были превосходные, учили постепенно и старались при всякомъ удобномъ случаѣ дать директору возможность замѣтить ученицъ, выдающихся легкостью или граціей. Выѣшность много значила. Александръ Михайловичъ Гедеоновъ говорилъ такъ при приѣмѣ дѣтей въ школу:

— Если не будетъ талантлива, то чтобы мебель была красивая на сценѣ.

И не ошибался. У него былъ удивительно вѣрный взглядъ. Гедеоновъ ежедневно раза два заходилъ въ училище. Утромъ обходилъ всѣ классы танцевъ, которые продолжались отъ 10 до 12 часовъ и даже до часу. При этихъ обходахъ учителя и обращали вниманіе директора на ученицъ, дѣлающихъ успѣхи.

Интересно было, что, несмотря на то, что танцы были спеціальною воспитанницъ, танцевальнаго бѣлья дѣвочкамъ не давали. Дѣвочки сами стирали себѣ чулки, а тѣ, кто побѣднѣе, при урокѣ танцевъ подвертывали себѣ бумазейную юбку. Вообще бѣлье намъ выдавали два раза въ недѣлю, а постельное—разъ въ недѣлю. По

субботамъ горничныя приносили свертки бѣлья и клали намъ на постель, а по четвергамъ выдавали пару чулокъ и носовой платокъ. Всѣмъ давалось одно платье на недѣлю (очень хорошенъкое, съ голубыми жилками) и черный каленкоровый передникъ. Передникъ позволялось носить свой шерстяной. Нижняя юбка выдавалась на зиму бумазейная, а на лѣто—канифасная, два полотнища и два клина. Воспитанницы сами шили своими нитками—казенныхъ не выдавалось. Шить должны были лѣтомъ. Дачи вѣдь не было у дѣтей, а былъ садикъ во дворѣ дома дирекціи. Вотъ лѣтомъ и работали; должны были подрубить шесть штукъ каленкоровыхъ бѣлыхъ пелеринъ; два бѣлыхъ передника, 6 носовыхъ платковъ, ночные чепчики и простыни. Кофточки и наволочки выдавались готовыя, ихъ надо было только мѣтить. Мѣтка клалась на все бѣлье—вышивался красный номеръ. Но красной бумаги также не давали. Мы же должны были обрубать и мѣтить платки для мужского отдѣленія. Весь матеріалъ для шитья выдавался старшей надзирательницей Александрой Васильевной Фигаредой; у нея же производилась и кройка. Хорошая женщина была Фигареда, но строгая и была насъ больно. Если дурно было намѣчено или подрублено,—заставляла распороть и передѣлать, а за небрежность драла уши.

Александра Васильевна Фигареда ежемѣсячно выдавала намъ горсть булавокъ, головныя шпильки, одну иголку и толстую бумагу для штопки танцовальныхъ башмаковъ. Маленькія танцовали въ кожаныхъ башмакахъ, а старшія—въ танцовой обуви. Каждое воскресенье горничныя раздавали намъ помаду. Дѣлалось это такъ: кровати наши стояли въ спальняхъ голова къ головѣ, а между кроватями комодикъ, одинъ на четверыхъ. Горничная приходила утромъ съ синей банкой въ рукахъ, а въ банкѣ помада коричневаго цвѣта и пахла не то резедой, не то ванилью. Горничная идетъ и безъ всякаго стѣсненія захватитъ пальцемъ помады изъ банки и оттиснетъ два раза на край комода, на каждую воспитанницу приходилось по пальцу. Пустыя синія банки служили намъ подчасъ вмѣсто чашекъ, когда дѣвицы устраивали чай въ складчину.

Будили насъ въ 7 часовъ утра большимъ звонкомъ. Какъ вскочимъ,—сейчасъ въ умывальную. А умывальная интересная: круглый большой столъ, по борту его, не помню, 8 или 10 штукъ жестяныхъ раковинъ, а надъ ними умывальники съ подъемнымъ гвоздемъ. Наверху надъ столомъ большой деревянный бакъ, а отъ него въ срединѣ труба, изъ которой вода попадала въ умывальники. Надзирательницы слѣдили, чтобы мыли чисто руки и шею и чистили зубы. Мыла казеннаго не давали, а выдавали только зубную щетку, гребешекъ и гребенку. Зеркаль тоже не было, каждая причисывалась передъ своимъ маленькомъ зеркаломъ. Вообще ме-

бели въ спальнѣ было не много—всего двѣ лампы. Постели стлали и убирали мы сами.

Въ 8 часовъ утра всѣ воспитанницы шли въ общую столовую на молитву. По столамъ уже къ этому времени разложены для каждой воспитанницы по «булкѣ четырехъ», маленькая сдобная булочка и по два куска сахару. «Булкой четырехъ» называлась у насъ четвертая часть двойной французской булки, иначе говоря, булка въ 1¹/₂ копейки. Въ большихъ мѣдныхъ чайникахъ приносили заваренный чай, молоко и кипятокъ для тѣхъ, кто хотѣлъ заваривать свой чай. Посуда была—кружки фаянсовые съ ручками. Ложекъ не было—чай мѣшали шпильками.

Съ 9 часовъ утра начинались научные классы. Учителя были разные.

Василій Яковлевичъ Тяжеловъ, малоросъ, училъ географіи и исторіи. Когда не знали урока, выражался такъ: «Лэнтяи, попухгаи въ ухголь на колэнки», и тутъ же въ классѣ становились дѣти на колѣни. Жилъ Тяжеловъ на Васильевскомъ островѣ, и мы всегда ожидали ледохода, который бы его задержалъ на той сторонѣ. Но такъ и не дождались—никакая непогода его не задерживала, и онъ аккуратно являлся въ классы. Изъ географіи вызывалъ онъ насъ къ картѣ и требовалъ, чтобы мы показывали города, озера, рѣки и горы именно тамъ, гдѣ сдѣлана на картѣ надпись; въ этомъ мѣстѣ именно и требовалось ткнуть перстомъ. Маленькія шалуни придумали какъ-то такую штуку: сняли доску съ картой, положили на полъ и всю облили чернилами. Но это не помогло—начальство купило новую карту, и опять все пошло по-старому. По исторіи вызывалъ Тяжеловъ шесть ученицъ сразу, всю скамейку и спрашивалъ по порядку: первая кончитъ до точки, продолжаетъ вторая и т. д. Воспитанницы смекнули и стали учить, распредѣляя урокъ по кусочкамъ на каждой скамейкѣ. Зубрили урокъ наизусть и такимъ способомъ прекрасно отвѣчали. Но Тяжеловъ эту штуку замѣтилъ. Какъ-то разъ, когда первая отвѣчавшая ученица остановилась на своей точкѣ, Василій Яковлевичъ спросилъ:

— Что же вы остановились? Продолжайте!

Конечно, все наше распредѣленіе пошло верхъ дномъ, и въ журналѣ получилась скверная отмѣтка. Но все-таки въ общемъ учились мы прилежно, и на экзаменахъ всегда отвѣчали у Тяжелова прекрасно. Зато и ночи не спали, приготовляясь.

Чистописанію училъ насъ Климовъ. По словесности въ старшемъ классѣ былъ чудный учитель Сорокинъ. Въ младшемъ классѣ грамматикѣ училъ гувернеръ Пановъ, у котораго была поговорка: «я молъ, я молъ».

Въ старшемъ классѣ русскій языкъ—грамматику, преподавалъ Олимпіевъ. Онъ былъ очень старъ и глухъ. При отвѣтахъ ему

воспитанницы пользовались его глухотой: начало урока отвѣчали изъ заданнаго, а затѣмъ просто читали «Отче нашъ», а если много задано, то еще «Богородицу». Оканчивали же отвѣтъ опять изъ урока. Олимпіевъ слушалъ видимо съ удовольствіемъ, улыбался и ставилъ пятерку. Узнала объ этомъ старшая надзирательница Фигарета и сказала Гедеонову, что пора бы смѣнить старика. Гедеоновъ призвалъ къ себѣ Олимпіева и сказалъ ему:

— Надо кончить, потому что дѣвочки поднимаютъ васъ на смѣхъ.

Олимпіевъ отвѣтилъ:

— Моя глухота можетъ принести только пользу дѣвочкамъ.

— Какую?

— Моя глухота заставитъ ихъ громко и ясно говорить, что имъ понадобится на сценѣ.

Тѣмъ не менѣе Олимпіевъ долженъ былъ оставить преподаваніе въ училищѣ.

Ариеметику преподавалъ учитель Малиновскій, хорошій преподаватель и удивительный добрякъ. Добрь же былъ настолько, что позволялъ маленькимъ дѣтямъ рисовать у него на виць-мундирѣ мѣломъ разныя глупости. Ходилъ въ картузѣ и приносилъ этотъ картузъ въ классъ. Маленькія дѣвочки по очереди брали картузъ, надѣвали себѣ на голову и расхаживали по классу, а Малиновскій смѣялся.

Учитель словесности Сорокинъ училъ дѣтей работать головой, заставлялъ ихъ упражняться въ сочиненіяхъ, главнымъ образомъ писать письма. Онъ очень не любилъ оборотъ «потому что», называлъ его тривіальнымъ и преслѣдовалъ его при просмотрѣ сочиненій. Впослѣдствіи въ 1850 г. взять былъ для преподаванія словесности превосходный учитель Матвѣевскій. Это былъ красивый, молодой человекъ, объяснялъ и читалъ просто, ясно и толково. Съ его назначеніемъ повѣяло чѣмъ-то новымъ, хорошимъ.

Священникъ былъ у насъ о. Петръ Успенскій. Въ классѣ у него была тишина и полное вниманіе. Но все-таки находились шалуны, которыя ухитрились во время разсказа учителя дѣлать бумажные кораблики и кидаться ими. Какъ-то разъ онъ эту штуку замѣтилъ и спросилъ:

— А кто корабликъ бросилъ? Подыми руку!

Виновная подняла руку.

— Ай, ай, какъ стыдно, отвѣчаетъ хорошо, а въ классѣ не ужѣетъ себя вести.

О. Петръ послѣ праздника или послѣ воскресенья спрашивалъ и всегда одну только Жулеву о томъ, какое Евангеліе читали въ церкви. Екатерина Николаевна всегда отлично ему отвѣчала. О. Петръ всегда переименовывалъ фамиліи и называлъ Жулеву Жулевой.

Больше всего мы боялись въ великомъ посту исповѣди у о. Петра. Онъ собственно на исповѣди о грѣхахъ и не спрашивалъ, а заставлялъ отвѣчать изъ краткаго катихизиса. Говѣли мы всѣ на первой недѣлѣ поста, выпускныя же на послѣдней. Исповѣдь назначалась передъ всенощной. Уже въ пятомъ часу всѣ мы бѣжали съ книжкой краткаго катихизиса въ карманѣ. Приходили въ церковь, становились въ ряды и ожидали очереди. Батюшка отодвигалъ ширмы:

— Ну, вы, сюда.

И мы по шести человекъ, какъ сидѣли на скамейкѣ въ классѣ, входили за ширмы и клали по земному поклону. Ширмы задвигались, и батюшка начиналъ спрашивать изъ краткаго катихизиса, большею частью Символъ вѣры по членамъ. Для отвѣчавшихъ дурно резолюція о. Петра была такая:

— Ну-ка, во время всенощной, передъ образомъ Спасителя 50 поклоновъ, а ты передъ образомъ Богоматери.

Безпрекословно на виду у всѣхъ отбывали мы наши поклоны. Наказаніе было большое, такъ велико, что директоръ обратилъ вниманіе и просилъ священника такую эпитимію больше не налагать.

На экзаменъ по Закону Божію обыкновенно пріѣзжалъ архіерей, и всѣ воспитанницы отвѣчали прекрасно. Одинъ разъ архіерей былъ даже пораженъ и сказалъ священнику Успенскому:

— Удивленъ. Благодарю. Мнѣ такъ и въ Смольномъ не отвѣчали.

О. Петръ Успенскій, выдавая замужъ дочь, передалъ своему зятю, о. Михаилу Боголюбову, и мѣсто свое при училищѣ. Въ день свадьбы дочери о. Петра, за обѣдомъ въ училищѣ, всѣмъ воспитанницамъ и воспитанникамъ положено было на куверты по крымскому яблоку. Когда Успенскій уходилъ, воспитанницы плакали и сожалѣли, вспоминая его доброту и снисходительность.

Новый законоучитель о. Михаилъ преподавалъ хорошо, но вначалѣ конфузился, ибо къ нравамъ театральнымъ надо было привыкать.

Учились дѣти у него не важно; кого онъ ни спросить: «до которыхъ поръ знаете?» всѣ отвѣчали: «до потолка»; на это онъ говорилъ: «А когда евреи перешли черезъ Чермное море, то этого не знаете?»

— Нѣтъ.

— Ну, такъ пойдемте дальше.

На первыхъ же порахъ онъ сдѣлалъ крупную ошибку. Желая чѣмъ бы то ни было пріохотить воспитанницъ къ ученію, онъ объявилъ, что освободить отъ уроковъ Закона Божія тѣхъ, кто хорошо отвѣтитъ ему краткій катихизисъ.

Предложенію о. Михаила повѣрили. Прилежныя ученицы, желая отдѣлаться отъ класса, выучили весь катихизисъ и прекрасно отвѣтили. Лѣнныя, въ томъ числѣ и я, отвѣтили со слезами на гла-

захъ: «простите, не приготовила!»—а срокъ былъ данъ на приготовленіе не малый—четыре мѣсяца. Лѣнивымъ о. Михайлъ отвѣтилъ: «сожалѣю и жду», а прилежныхъ отъ уроковъ не освободилъ, а въ видѣ поощренія пересадилъ лишь на первую скамейку. Всѣ воспитанницы увидѣли обманъ и, конечно, разозлились.

Помню еще такой эпизодъ съ о. Михайломъ. У насъ была воспитанница французенка, Викторина Бассэнъ, сестра извѣстной наѣздницы въ циркѣ, Лоры Бассэнъ. Она была дружна со мной. Какъ-то попросила она взять ее на урокъ Закона Божія; я ей разрѣшила сѣсть со мной. Права на это я, конечно, никакого не имѣла. Сидимъ. Священникъ спрашиваетъ урокъ обыкновеннымъ порядкомъ, по которому одна ученица начинаетъ, а другая продолжаетъ. Священникъ переходитъ по скамейкамъ и только говоритъ: «Продолжите». Очередь дошла до меня. Викторина Бассэнъ толкнула меня и говоритъ: «ай!» Я разсмѣялась.

— Что вы смѣетесь?—спрашиваетъ о. Михайлъ.

— Да вотъ она разсмѣшила, — говорю я, указывая на Викторину.

— Садитесь, а вотъ вы «продолжите»,—говоритъ священникъ, обращаясь къ Викторинѣ.

— Батюшка, да это, вѣдь, французенка, — поспѣшила я сказать.

— Что, французанка? Ко мнѣ въ классъ?.. Аллѣ ву занъ и не венѣ жамѣ,—сказалъ о. Михайлъ.

Сконфуженная Бассэнъ вышла изъ комнаты, и весь классъ смѣялся надъ французскимъ произношеніемъ о. Михаила.

Когда все умолкло, о. Михайлъ обратился ко мнѣ и велѣлъ продолжать урокъ, котораго я какъ разъ не знала. Посадивъ меня на мѣсто, о. Михайлъ сказалъ:

— А французанку-то я напрасно обидѣлъ!

Какъ мнѣ послѣ этого стыдно стало! Урокъ былъ данъ хорошій.

Учителя французскаго языка смѣнялись. Сперва былъ французъ Тибо, замѣчательный тѣмъ, что заставлялъ насъ выговаривать ип или еп въ носъ и при этомъ крѣпко ухватывалъ насъ пальцами за носъ. Затѣмъ былъ французъ Дискуръ; у него были кривыя ноги, мы его звали паукъ; бывало, придетъ въ классъ, а мы кричимъ: «паукъ, паукъ, коси сѣно». Онъ спрашиваетъ: «кдѣ паукъ?» Мы ему на это:

— Прошелъ!

Послѣ Дискура былъ Кенель. Позднѣ назначили къ намъ превосходнаго учителя, г. Фабра. Сперва поручили ему шестерыхъ старшихъ воспитанницъ и назначили хорошее, по тому времени, вознагражденіе. Успѣхи получились прекрасные. Потомъ ему за то же вознагражденіе поручили весь старшій классъ. Это, конечно,

заставило его обращать меньшее вниманіе на ученицъ, да и времени на столькихъ не хватало, а потому и результатъ былъ не тотъ.

Еще была учительница французскаго языка, *madame* Филле.

Нѣмецкому языку учился, только кто хотѣлъ. Учителемъ былъ Даміе.

Учитель итальянскаго языка былъ Джустиніани, но онъ былъ недолго. Любилъ стихи насчетъ любви, мы съ ними къ нему приставали. Больше всего было съ нимъ разговоровъ о Маріо и Гризи, которыми всѣ въ то время восхищались и бредили.

По пѣнію было нѣсколько преподавателей.

Быстровъ обучалъ воспитанницъ и всѣхъ экстерновъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, въ томъ числѣ извѣстную Дарью Михайловну Леонову. Онъ же обучалъ и церковный хоръ, мальчиковъ и дѣвочекъ, которые пѣли на одномъ клиросѣ. Ковалева, Федосья Григорьевна, впоследствии была главной надзирательницей. Она учила дѣвочекъ въ драматическомъ классѣ. Помню, всѣ, въ томъ числѣ и я, у которой никакого голоса не было, пѣли «По небу полуночи ангелъ летѣлъ». Витоляро хорошій былъ учитель, училъ въ старшемъ классѣ. Соколовъ, Павелъ Николаевичъ, проходилъ куплеты для школьныхъ спектаклей. Бавери — отличный учитель, онъ былъ дирижеръ въ итальянской оперѣ. Его ученицами были: Лилѣва, впоследствии Латышева, Лаврова Онечка (Анисья), впоследствии Будахова, Лаврова Катенька (Екатерина Николаевна), впоследствии извѣстная московская артистка Васильева.

На фортепьяно приходила учить еще *madame* Утермаркъ, но у нея учился, кто желалъ.

II.

Классныя дамы.— Дерзкая шутка.— Отношеніе взрослыхъ воспитанницъ къ маленькимъ.— Антагонизмъ драмы и балета.

Теперь скажу о нашихъ классныхъ дамахъ; ихъ было нѣсколько.

Румянцева Екатерина Васильевна, у которой я жила экстерной, добрая была, показывала намъ вышиванье по канвѣ — простое и высокимъ швомъ. Сама она на своемъ дежурствѣ всегда была занята работой и чудно вышивала собакъ, которыми мы восхищались.

Классная дама Ларіонова, Марья Осиповна, была прежде воспитанницей театральнаго училища. Способностей артистическихъ у нея не было, а училась очень хорошо, ее и опредѣлили классной дамой. Съ Ларіоновой вмѣстѣ жила ея сестра, театру не причастная, но сравнительно хорошо образованная — окончила курсъ въ Николаевскомъ

сиротскомъ институтѣ. Въ виду этого родители старались опредѣлять экстернѣ къ Ларіоновой, такъ какъ у нея хорошо преподавали. По вечерамъ Марья Осиповна приходила въ школу—помогала дѣвочкамъ готовить уроки. За это она получала плату отъ родителей. Дѣтямъ тогда трудно было — казенныхъ воспитанницъ было 95 человѣкъ, и учителямъ времени не хватало заниматься съ каждой. Ларіонова была очень не терпѣлива; если у кого урокъ былъ дурно написанъ, она била линейкой по рукамъ. Въ то же время она была до-нельзя конфузлива. Бывало, когда пойдѣмъ купаться (купальня была на Фонтанкѣ, ходили мы черезъ проходной дворъ), Ларіонова съ нами, но какъ раздѣваться или изъ воды выходить, такъ и кричитъ: «дѣвицы, дѣвицы, не смотрите».

Гаркушъ, Софья Петровна, была очень красивая, молодая женщина, чрезвычайно кроткая и деликатная.

Малышева—очень рѣзкая и взыскательная. Звали ее почему-то Гримардѣ.

Двѣ сестры Гофманъ—Мина Петровна и Нанета Петровна. Нанета заикалась. Мина, послѣ Фигареды, была у насъ старшей надзирательницей.

Чарухина, Надежда Иванова, была горбатая. Она рассказывала намъ, что въ молодости была очень хороша собой и прекрасная наѣздница; настолько была хороша, что императоръ Николай I былъ ею очарованъ. Какъ-то разъ она ѣхала верхомъ и увидѣла императора тоже на лошади. Чтобы уклониться отъ встрѣчи съ нимъ, она быстро поскакала, лошадь упала, и она повредила себѣ спину и получила горбъ. Очевидно врала. Мы хотя и малы были, но не вѣрили этому рассказу. Говорятъ, Чарухина любила подарки, и подарками черезъ нее многое можно было устроить. Но Чарухина была очень полезна: показывала намъ, хотя это не лежало на ея обязанности, разныя изящныя рукодѣлья, напримѣръ, вышивку гладью, а главное, модныя вязанья того времени. Воспитанницы прежде всѣхъ выучивались ихъ дѣлать. Тогда въ модѣ была бисерная работа и стеклярусомъ; дѣлали плато, кошельки и проч., а также особенные кошельки изъ тонкихъ шелковыхъ лентъ въ тѣнь. Бывало къ Рождеству всѣ воспитанницы заготовляютъ такіе кошельки въ подарки родителямъ. Чарухина учила насъ также вязать капоры и шарфы; большая была на это искусница.

Была еще у насъ очень молодая и очень деликатная классная дама, госпожа Гоманъ, опредѣленная въ училище по просьбѣ танцовщицы Андреяновой, пріятельницы Александра Михайловича Гедеонова.

Старшей надзирательницей состояла, какъ я уже раньше сказала, Александра Васильевна Фигаредя. Пожилая уже была, добрая, но взыскательная и строгая. Директоръ Гедеоновъ очень ее уважалъ. Была очень маленькаго роста, довольно тучная, всегда

прекрасно одѣта; особенно хороши у нея были чепцы. Липо у нея было красное и носъ также очень красный, почему ей и было у насъ прозванье «Солонина». Въ 9 часовъ утра она приходила въ школу прямо изъ своей квартиры; дѣти, встрѣчая ее, подходили къ ручкѣ. Прежде всего Фигареда приходила въ лазаретъ, а затѣмъ въ классы, гдѣ дѣлала замѣчанія, расспрашивала учителей объ успѣхахъ, а также присутствовала во время обѣда воспитанницъ. А. В. Фигареда во все входила, и безъ ея разрѣшенія ничего не дѣлалось.

Взыскательность Фигареды была воспитанницамъ не по вкусу, и съ нею разъ устроили очень дерзкую штуку, которая могла бы кончиться печально. Долго у насъ въ памяти оставалась эта исторія. Я въ ней не участвовала, такъ какъ была тогда въ числѣ изъ маленькихъ. Случилось, что Фигареда почему-то задержала выдачу намъ булавокъ и шпильекъ, что, какъ я уже сказала, производилось ею лично. Старшія воспитанницы почему-то сообразили, что эту выдачу Фигареда прикарманила, и сговорились напугать Фигареду. Александра Васильевна ежедневно, вечеромъ, когда уже всѣ были въ постели, обходила спальни училища. Приходила она обыкновенно изъ своей квартиры со свѣчей черезъ сцену и смотрѣла, потушены ли огни, и всѣ ли воспитанницы въ кроватяхъ. Безъ этого она и спать не ложилась. Въ тотъ вечеръ, который намѣтили воспитанницы, Александра Васильевна обыкновеннымъ порядкомъ вышла изъ своей квартиры и какъ только ступила на сцену, спрятавшіяся въ кулисахъ воспитанницы дунули на свѣчку и потушили ее. Тѣмъ не менѣе, Фигареда, видимо, не обратившая на это вниманія, пошла со сцены къ спальнѣ. При входѣ въ спальню стояли ширмы, а за ними зеленое сукно. Отдергивая это сукно, Александра Васильевна внезапно упала, такъ какъ загнулась о валикъ, свернутый нарочно воспитанницами изъ чехловъ съ кроватей и положенный на полу, при входѣ. Въ тотъ моментъ, какъ воспитанницы услышали паденіе, въ спальней старшихъ воспитанницъ начался страшный шумъ, визгъ, мяуканье и крики: «Солонина! Фигарка! Отдай булавки и шпильки!» Чтобы нельзя было разглядѣть лицъ, въ спальнѣ были потушены лампы. Рядомъ со спальней воспитанницъ была комната, въ которой спала дежурная классная дама. Къ ней-то и постучалась поднявшаяся съ полу Фигареда и рассказала, что случилось. Дежурная дама зажгла огонь и проводила Фигареду до ея квартиры.

Слѣдующій день былъ страшный для насъ. Мы, маленькія, ничего не зная о случившемся, были на молитвѣ очень удивлены, что Александра Васильевна Фигареда прошла по столовой, не сказавъ ни слова, и подошедшихъ къ ней здороваться дѣвочекъ оттолкнула отъ себя. Фигареда прошла прямо черезъ буфетъ, а куда—

неизвѣстно. Дежурство въ этотъ день приняла Е. В. Румянцева; мы, маленькія, и спрашиваемъ ее:

— Что это значитъ?

— Дай Богъ, чтобы прошло все благополучно!—отвѣтила она намъ. Но это ничего намъ не объяснило.

Прошла молитва, напились чаю, А. В. Фигареда возвратилась и опять прошла мимо, не сказавъ ни слова. Прошли мы въ научный классъ, а затѣмъ и въ танцевальный. Во время танцкласса пришелъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ, приказалъ остановить классъ и обратился къ дежурной дамѣ, попросивъ ее пригласить въ классъ Александру Васильевну.

— Если она въ состояніи прійти,—прибавилъ онъ.

Затѣмъ Гедеоновъ велѣлъ позвать инспектора, Федора Николаевича Обера, и сказалъ ему:

— Всѣхъ воспитанницъ сюда!

Лицо Гедеонова было страшное, когда онъ сердился.

Всѣ воспитанницы собрались,—видятъ, что Гедеоновъ ужасенъ. Пришла и Фигареда. Гедеоновъ, обратившись къ ней, говоритъ:

— Прошу васъ, Александра Васильевна, указать мнѣ, кого вы вчера замѣтили. Чье лицо осталось въ вашей памяти?

— Вѣроятно, воспитанницы будутъ такъ честны, что сами признаются,—отвѣтила Александра Васильевна.

Но въ отвѣтъ на это послѣдовало мертвое молчаніе. Гедеоновъ, выждавши нѣкоторое время, сказалъ:

— Ну, если вы не хотите сами отвѣчать, то, вѣроятно, Александра Васильевна будетъ добра и назоветъ ваши гадкія имена.

Фигареда назвала тогда фамилію одной воспитанницы, которую успѣла замѣтить во время вчерашняго безпорядка. Послѣ этого директоръ спросилъ:

— Кто еще?

Всѣ молчали. Тогда, обратившись къ указанной воспитанницѣ, которая была уже на выпускѣ, Гедеоновъ спросилъ:

— Ты была участницей?

— Да.

— Еще кто былъ съ тобой?

Молчаніе.

— Такъ какъ ты не говоришь, то помни: ты будешь исключена и останешься безъ куска хлѣба.

Опять молчаніе.

— Надѣюсь, такое рѣшеніе заставитъ тебя сказать, кто еще съ тобой участвовалъ.

Указанная Фигаредой воспитанница рыдая обратилась къ прочимъ и со слезами умоляла участницъ назваться; даже встала предъ воспитанницами на колѣни.

— Сжальтесь,—говорила она:—вѣдь вы видите, въ какомъ я положеніи. Я одна страдаю за всѣхъ!

Она такъ молила, такъ плакала, что всѣ воспитанницы разрыдались вмѣстѣ съ ней. Но все-таки никто не называлъ ни себя, ни другихъ.

Видя это, Гедеоновъ опять просилъ Александру Васильевну припомнить, кто былъ участникомъ дерзости.

— Ну, можетъ быть, не теперь, а раньше которая нибудь была къ вамъ дерзка, невнимательна, своевольна? Вѣроятно, изъ этой плеяды кто нибудь и попалъ тутъ же. Укажите.

Фигареда указала тогда еще нѣсколько воспитанницъ. Гедеоновъ сказалъ имъ:

— Ну, вы всѣ будете исключены.

Тутъ вступилась сама Александра Васильевна.

— Куска хлѣба не лишайте ваше превосходительство, а накажите, какъ хотите. Это достойно наказанія.

Наказаніе послѣдовало такое: воспитанницъ, признанныхъ виновными, отдѣлили отъ прочихъ и помѣстили въ отдѣльной комнатѣ близъ лазарета. Надѣли на нихъ тиковыя платья и фамиліи ихъ записали на черную доску въ большомъ танцевальномъ залѣ. Тамъ же стояла и красная доска, на которой записывали отличившихся въ поведеніи или ученіи. Штрафованныхъ дѣвочекъ запрещено было посѣщать другимъ. Первый день ихъ держали на хлѣбѣ и на водѣ. Директоръ прочиталъ намъ всѣмъ строгую нотацию, и мы помнили ее очень долго. Страху онъ на насъ нагналъ большого: когда Гедеоновъ горячился, онъ сильно кричалъ и просто себя не помнилъ, а этимъ случаемъ къ тому же онъ былъ очень огорченъ: дня три совсѣмъ не ходилъ и въ школу. Потому онъ смягчилъ наказаніе виновнымъ воспитанницамъ и ограничилъ его одной недѣлей.

Послѣ этого Александра Васильевна, выдавая намъ шпильки и булавки, вспоминала печальный случай и приговаривала: «разбойники!»

Надо замѣтить, что Фигареда была честная женщина. Какъ-то родители хотѣли ей поднести даръ, но она такъ фыркнула, что не знали, куда уйти. Она не была зла, но иногда прехладнокровно приказывала сѣчь дѣтей. Сѣкли насъ вообще порядочно; въ тѣ времена больше внушали, чѣмъ убѣждали—думали: скорѣе поймутъ!

Всѣхъ маленькихъ распредѣляли по старшимъ воспитанницамъ, чтобы онѣ съ ними проходили уроки и слѣдили за опрятностью. Старшія, чувствуя себя начальствомъ, распоряжались по-своему, и каждая суббота вела за собою для маленькихъ наказаніе за всю недѣлю. Старшія сѣкли маленькихъ. Сѣкли обыкновенно планшетками отъ корсета, стальными, обернутыми замшей. Сѣкли, какъ слѣдуетъ, прямо по тѣлу; любительницы, особенно когда разсер-

дятся, сѣкли той же планшеткой, но ребромъ, или свертывали полотене жгутомъ, мочили его водой и имъ били. Бывало и такъ:

— Видишь,—говорила старшая,—я сегодня не расположена тебя драть, поди къ Сашенькѣ и попроси отъ моего имени, чтобы она тебя выдрала.

Обыкновенно такая Сашенька была любительница посѣчь. Подходить къ Сашенькѣ маленькая.

— Сашенька! Машенька просить васъ, чтобы вы меня выдрали.

— Ложись!

Слѣдовали удары, и довольно сильные. Когда экзекуція кончалась, надо было сказать: «Покорно благодарю васъ, что вы меня высѣкли». Это уже было обязательно, и благодарность всегда выражалась.

Сѣченье происходило всегда послѣ ужина, на сонъ грядущій. Ой, какъ били, какъ больно били! Объ этомъ ни одна классная дама не знала... т.-е., конечно, всѣ знали, но не показывали вида, что знаютъ. Старшія въ свое время, какъ были маленькія, тоже были биты, еще больше, можетъ быть. Весь этотъ порядокъ установился не отъ злобы, а отъ дурного образца.

У старшихъ съ маленькими завелся еще такой порядокъ. Кормили насъ плохо, и, чтобы напиться, приходилось пускаться на выдумки. Родственники допускались къ воспитанницамъ не только по праздникамъ, но и на недѣлѣ по четвергамъ. По мѣрѣ средствъ своихъ родственники приносили чай, сахаръ, колбасу, другія закуски, а иногда немножко и денегъ. Начальство этому не препятствовало. Вотъ, бывало, послѣ посѣщенія родственниковъ старшія кричатъ:

— Маленькія сюда!—и маленькія опрометью бѣгутъ къ нимъ.

— Ну, вотъ что: мы хотимъ вкусно пить чай. Ты... такая то, принеси сахару, ты—чаю, ты—булки.

Къ кому благоволили, тѣмъ поручали достать только кипятку. Но и кипятокъ даромъ не давался—надо было заплатить горничной гривенникъ, либо дать ленточку, а если этого нѣтъ, то отдать ей на другой день завтракъ.

— Ну, живо!—и дѣвочки бѣжали доставать все, требуемое для вкуснаго чая.

«Вкусно пить чай» называлось—усѣться своей компаніей за своимъ чаемъ съ пеклеванникомъ, чухонскимъ масломъ и колбасой. Участвовали всегда старшія. Что останется—давали маленькимъ, но это было очень рѣдко.

Впослѣдствіи для такого пира стали устраивать складчину. Соберутъ бывало 30—40 копеекъ и считаютъ себя богатыми. Покупали черезъ горничныхъ: селедку въ 3 копейки, особенно просили достать селедку съ икрой, чтобы былъ лишній кусокъ; затѣмъ покупали уксусъ, льняное масло, на двѣ копейки чухонскаго

масла, колбасы на 5 копеекъ и на пятачекъ варенаго картофеля. Картофель покупали у бабы на Чернышевомъ мосту, которая всегда сидѣла тамъ съ горячимъ картофелемъ въ закрытомъ одѣяломъ котлѣ. Надо было еще горничной дать гривенникъ за комиссію.

Чаепитіе устраивалось обыкновенно послѣ ужина. Когда всѣ припасы получены, собирались въ умывальной и прежде всего въ умывальникѣ мыли селедку. Затѣмъ переходили въ спальню, гдѣ и усаживались. Селедку разрѣзали на куски по числу участниковъ, обливали ее уксусомъ и масломъ, также рѣзали пеклеваникъ по длинѣ, намазывали чухонскимъ масломъ, укладывали колбасой и тоже разрѣзали на части. Затѣмъ дѣлились и наслаждались. А селедку брали съ тарелки не вилками, а головными шпильками.

Бывало, неучаствовавшая въ складчинѣ воспитанница ходить около пирующей компаніи.

— Слушайте, дѣвицы: дайте головку пососать!

— Отдана.

— Ну, хоть хвостикъ!

— И хвостикъ отданъ.

Рады были, если позволяютъ макнуть хлѣбъ въ уксусъ съ масломъ... а масло сильно отдавало фонаремъ. Закуска сопровождалась питьемъ чая. Приносили два громадные чайника—одинъ съ чаемъ, а другой съ кипяткомъ. На табуретки клали подушки, на нихъ ставили чайники и закрывали подушками же. Чай былъ очень горячій. Пили въ прикуску—сахару было мало!

Зато какъ всѣ мы дружны были, одна за другую цѣплялись, одна другой помогали. Рознь была только между драматическими и балетными въ старшихъ классахъ. Это были гвельфы и гибелины. Споровъ и ссоръ между ними было порядочно. Драматическія называли балетныхъ «дурами», а тѣ въ свою очередь драматическихъ «рожами». Дѣленіе на драматическихъ и балетныхъ происходило уже въ 16-ти-лѣтнемъ возрастѣ, а до 16 лѣтъ всѣ учились танцамъ, для развитія граціи и умѣнья носить костюмы.

III.

Обученіе танцамъ.—Первоначальное обученіе.—Средній классъ.—Г. Фредеригъ.—Эпизодъ съ московскими молодыми артистами.—Старшій классъ.—Г. Титюсъ.

Танцамъ обучали насъ постепенно, не торопясь, но правильно. Съ дѣтьми, которыхъ привозили неумѣлыми, начинали такъ: ставили къ палкамъ у стѣнъ, и учитель показывалъ позиціи, а затѣмъ батманъ по полу, не поднимая ногъ. Когда мы умѣли уже выти-

гивать пальцы и стоять «выворотно» по-балетному, т.-е. съ развернутыми носками, тогда доходили и до больших батмановъ, съ поднятиемъ ногъ. Всѣ экзерсисы первоначально продѣлывали у палокъ, а затѣмъ насъ ставили попарно на середину: лучшихъ въ первой парѣ, а начинающихъ—сзади; онѣ должны были смотрѣть, что дѣлають переднія.

Послѣ экзерсисовъ переходили на «тихія па»—*adagio*. Учили просто-напросто: поворотамъ корпуса, вытягиванію ногъ и присѣданію. Это очень трудно. Не одинъ разъ шлепались носомъ, пока не уразумѣють, какъ держать спину. А вразумленіе было простое—ударять по спинѣ, и помнишь! Такъ шли тихо, не торопясь. Болѣе способныхъ иногда уже въ продолженіе перваго года ученья показывали въ ученическихъ спектакляхъ. Если плохо успѣвали, то оставляли въ младшемъ классѣ на второй годъ, а затѣмъ уже переводили по танцванію въ средній классъ.

Въ среднемъ классѣ держали долго—лѣтъ шесть; классъ этотъ дѣлили на старшее и младшее отдѣленіе. Достигшія 16-ти лѣтъ переходили въ старшій классъ.

Въ среднемъ классѣ училъ Фредерикъ. Это былъ удивительный любитель своего искусства. Чтобы удѣлить больше времени казеннымъ воспитанницамъ, онъ съ экстернами начиналъ съ 8 1/2 часовъ утра, но и вмѣстѣ съ экстернами позволялъ учиться казеннымъ, кто желалъ и у кого въ этотъ часъ не было научнаго класса. Училъ Фредерикъ удивительно. Изъ его класса выходили настолько подготовленныя, что балетмейстеру не составляло труда объяснять—всѣ съ полуслова хорошо понимали, что нужно. Тѣ, которыя отличались способностями и намѣчались для службы въ балетѣ, по степени дарованія назначались: у кого легкость—для маленькихъ соло, въ которыхъ нужна элевация, у кого же легкости нѣтъ, а замѣчались жизнь и грація—на характерные танцы. Начиналъ Фредерикъ съ приготовленія танцовщицъ классическихъ, обыкновенно парами, и доводилъ ихъ постепенно до перехода въ старшій классъ. Затѣмъ, не выдѣляющихся соединялъ по четыре, заставлялъ ихъ продѣлывать одни и тѣ же па, замѣчалъ ихъ способности и смѣтливость и понемногу переводилъ изъ нихъ въ лучшія. Далѣе, воспитанницы, менѣе способныя, группировались по 8 человекъ, для приготовленія въ корифеи. Для остальныхъ же, готовившихся въ кордебалетъ, не особенно упирали на *adagio*, а заставляли дѣлать скорое па, т.-е. скакать, скакать и скакать! Но не безъ толку: заставляя скакать, Фредерикъ приучалъ къ выносливости для танцевъ въ кордебалетѣ, гдѣ не спрашиваютъ, устала или не устала. Солисткамъ есть передышка, а кордебалетнымъ нѣтъ. И дѣйствительно у Фредерика всѣ были очень выносливы.

Чтобы приохотить къ занятіямъ танцами, Фредерикъ еженедѣльно представлялъ директору списокъ всѣхъ воспитанницъ, гдѣ

противъ фамилии каждой отмѣчалъ: *parfaitement, très bien, bien, passablement, mal.*

Въ поощреніяхъ обучающимся Фредерикъ былъ изобрѣтателемъ. Сталъ онъ по воскресеньямъ присылать намъ вѣнскіе пироги. Тогда пироги эти были въ модѣ: въ простой корзинкѣ помѣщались битые бѣлки съ фруктами. Кому значилось въ спискѣ *mal*, тотъ пирога не получалъ.

Помню въ первый разъ мы были поражены. Въ воскресенье приносить намъ швейцаръ двѣ корзинки.

— Это что такое?—спрашиваетъ классная дама.

— Это отъ господина Фредерика его ученицамъ. Тутъ и записочка.

Классная дама, прочитавъ записочку, стала рѣзать пироги на порціи и раздавать, справляясь съ записочкой. У кого значилось въ спискѣ *parfaitement*, тотъ получалъ два куска. На первое время мы обрадовались пирогу и очень благодарили Фредерика. Но пироги скоро намъ надоѣли, это замѣтилъ Фредерикъ и сталъ присылать сиропъ въ банкахъ, малиновый и вишневый. Классныя дамы раздавали намъ сиропъ ложками—кому одну, а кому и три ложки. Надоѣло класснымъ дамамъ разливать сиропъ: дѣлайте сами!—сказали намъ. Да и намъ сиропъ надоѣлъ, начали лить его въ чернильницы въ классѣ. Это тоже узналъ Фредерикъ и сталъ присылать конфеты. Потомъ уже онъ сталъ присылать прямо деньгами—отъ гривенника и до рубля каждое воскресенье.

Какъ-то на одной недѣлѣ, это было въ 1851 году, были мы всѣ необыкновенно старательны и ждали отъ Фредерика хорошей награды, а онъ и старательнымъ-то прислалъ по гривеннику. Это насъ разозлило. Какъ же такъ? далъ бы хоть по другивенному за прилежаніе!

И мы вскорѣ же дали ему замѣтить, что обижены. Шелъ балетъ «Жизель», и мы въ немъ участвовали. Во 2-мъ актѣ, когда «егерь», котораго игралъ Фредерикъ, попадаетъ къ тѣнямъ, онъ его мучать, конечно, по-балетному, т. е. вертятъ его, когда онъ долженъ взбѣжать на гору. Мы, послѣднія на горкѣ, должны были его довертѣть и бросить въ воду. Ну, и завертѣли же мы Фредерика! Сбрасывая его съ горки, мы приговаривали: «Вотъ тебѣ и гривенникъ!»

У Фредерика было правило такое. Во время класса онъ обходилъ линіи учащихся (стояли обыкновенно въ четыре линіи) и, предварительно вытеревъ себѣ руку, пробовалъ у каждой воспитанницы лобъ, смотря, есть ли потъ. Посмотритъ, вытретъ руку и попробуетъ у другой. Узнавъ этотъ приемъ, одна изъ воспитанницъ посплюнула себѣ лобъ и стала щипать себѣ щеки. Фредерикъ это увидалъ.

— Ахъ, ты не довольно красная!—и ударилъ ее по щекѣ и по другой.

— Вотъ теперь ты красная! теперь тебѣ и больно и стыдно.

Мы всѣ были поражены такой неожиданной выходкой Фредерика. Очень ужъ онъ разсердился, но и самъ былъ сконфуженъ. Когда кончился классъ, Фредерикъ прислалъ этой дѣвчкѣ много конфетъ.

— За что такъ много?—спросила его классная дама.

— Она еще маленькая, надо ее побаловать,—отвѣчалъ Фредерикъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Потомъ Фредерикъ всегда слѣдилъ за этой дѣвчкой. Она была круглая сирота, родныхъ никого. Фредерикъ сдѣлалъ ей танцевальное бѣлье, далъ ей платье «за прилежаніе», такъ называемое «розовое платье»—ситцевое, а не нанковое. За прилежаніе въ танцахъ выдавалось сперва розовое платье, а слѣдующая награда была — «тюники». Обыкновенныя платья у воспитанницъ были изъ нанки песочнаго цвѣта. Той же самой дѣвчкѣ Фредерикъ далъ потомъ атласныя танцевальныя башмаки, когда всѣ остальные учились въ кожаныхъ. Впрочемъ такія любезности Фредерикъ дѣлалъ не ей одной. Въ школьныхъ спектакляхъ, когда ставились отдѣльныя пѣ, Фредерикъ покупалъ на свой счетъ цвѣты для головныхъ уборовъ, чтобы все было красиво и изящно. Фредерикъ же дѣлалъ намъ на Рождество громадную елку, снизу до верху обвѣшанную конфетами.

Мальчиковъ училъ Пименовъ, неважный учитель. Въ 1847 году пріѣхали Петипа, отецъ и сынъ. Отецъ былъ ангажированъ танцовщикомъ на роли и учителемъ для мальчиковъ, а сынъ танцовщикомъ. Они вдводемъ поставили балеты «Пахита» и «Сатанилла».

Кстати разсказать здѣсь такой эпизодъ. У насъ въ балетѣ въ сороковыхъ годахъ всѣ мужчины подобрались старые. Чтобы освѣжить мужской составъ, А. М. Геденовъ отправился въ 1849 г. въ Москву, гдѣ Верстовскій отобралъ для Петербурга 17 молодыхъ артистовъ, въ томъ числѣ были: Озеровъ, Чистяковъ, Бубновъ и другіе.

Въ маѣ мѣсяцѣ привезли московскую молодежь въ мальпостѣ въ Петербургъ и помѣстили временно въ театральномъ училищѣ. На другой день послѣ пріѣзда они явились къ А. М. Геденову и спрашиваютъ:

— Гдѣ намъ жить?

Инспекторъ воспитанниковъ категорически заявилъ, что въ училищѣ мѣста нѣтъ. Геденовъ задумался.

— Распорядитесь такъ,—сказалъ онъ Аубелю:—найдите имъ комнату со столомъ и прислугой, но помните, что у нихъ жалованье четырнадцать съ полтиной въ мѣсяцъ.

Аубель нашелъ три комнаты. Помѣщеніе, чай, обѣдъ и ужинъ и лакей—за все по семи съ полтиной на человѣка. Всѣ молодые москвичи назначены были для обученія у Петипа-отца. Какъ-то приходитъ Геденовъ въ классъ и обращается къ одному изъ московскихъ, къ Дудкину.

— Ты въ какомъ классѣ былъ?

— Я танцовать не учился,—отвѣчалъ Дудкинъ.

— Какъ не учился?

— Я учился на скрипкѣ.

Гедеоновъ обратился къ прочимъ: оказалось, что большинство изъ присланныхъ московскихъ въ балетъ не готовились. Объяснилось, что Верстовскій выбралъ только по росту и по виду.

— Братцы мои, что же мнѣ съ вами дѣлать? — сказала Гедеоновъ. — Виновать!.. Надо вамъ итти каждому по своей дорогѣ. Обождите, посмотримъ, куда кого распредѣлить.

Однако всѣ продолжали учиться у Петипа и даже въ январѣ мѣсяцѣ получили прибавку до 20 рублей въ мѣсяцъ. Потому нѣкоторые поступили въ драму, нѣкоторые въ балетъ, а многіе уѣхали въ провинцію, какъ драматическіе актеры.

Съ поступленіемъ Петипа введена была новая школа танцевъ, и обращено было вниманіе на мимику. Отецъ Петипа былъ очень хорошій актеръ-мимистъ.

Надо еще замѣтить, что когда Беккера сдѣлали помощникомъ Титюса, — младшій танцевальный классъ воспитанницъ поручили Дарьѣ Сергѣевнѣ Ришардъ. Дарья Сергѣевна 18 лѣтъ страдала водяной, ей тяжело было двигаться, почему она по большей части сидѣла въ классѣ. Сидя на стулѣ, показывала она намъ всѣ пѣ руками. И мы всѣ умѣли руками танцовать: показывать батманъ, ронжаны, ассамблэ и глиссады. Показывая руками, Ришардъ давала объясненія на словахъ — мы отлично ее понимали, и объясненія ея оставались у насъ въ памяти. Учила Ришардъ прекрасно. Въ ея классѣ была съ нами дочь ея, Зинаида, впоследствии извѣстная солистка и даже исполнявшая амплуа балеринъ. Позднѣе она уѣхала въ Парижъ. Учительница Ришардъ по вечерамъ учила насъ бальнымъ танцамъ; но это уже она дѣлала не руками, а объясняла стоя. Покажетъ ногами и корпусомъ, какъ надо дѣлать, и сядетъ. Строгая учительница, а человекъ хорошій.

Иногда намъ присылали воспитанницъ изъ Москвы для усовершенствованія; сперва, помню, прислали Жулеву съ Селезневой, а потомъ Лаврову, Любскую, Поцову (впоследствии Манохину), Григорьеву и другихъ. Лаврову и Григорьеву впоследствии, по ихъ просьбѣ, по окончаніи школы выпустили на службу къ Московскимъ театрамъ. При этомъ была какая-то исторія, въ чемъ дѣло — мы воспитанницы не знали; помню только, что Гедеоновъ очень сердился, и этихъ выпускныхъ отправили въ Москву чуть ли не въ 24 часа.

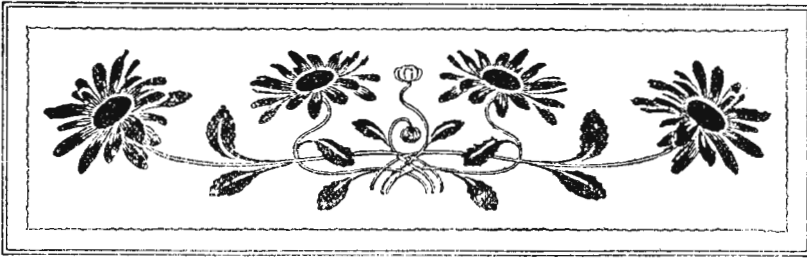
Въ старшемъ классѣ училъ Титюсъ. Къ нему поступали лишь за два года до выпуска, исключительно выдѣлявшіяся въ танцахъ и назначавшіяся на службу въ балетъ. Прочія, назначавшіяся въ кордебалетъ, оставались обучаться въ среднемъ классѣ. Помощни-

комъ къ Титюсу былъ назначенъ Беккеръ, который велъ классъ при оглучкахъ Титюса. У Титюса была казенная квартира въ домѣ дирекціи внизу. Ежедневно, въ 12 часовъ дня, Титюсъ уходилъ домой пить шоколадъ. Вотъ въ это-то время его и замѣчалъ Беккеръ. Впослѣдствіи, съ уходомъ Беккера, помощницей Титюса состояла Ришардъ. На урокахъ Титюса продолжались тѣ же адажіо, но уже съ большимъ совершенствомъ. Для тѣхъ воспитанницъ, которыя выдѣлялись въ танцахъ, Титюсъ поставилъ на Александринскомъ театрѣ особый балетъ «Двѣ волшебницы». Двухъ волшебницъ играли впервые выпускныя: Прихунова и Никулина, а роль мальчика исполняла Соколова, Марья Петровна. Этимъ-то балетомъ Титюсъ, такъ сказать, намѣчалъ воспитанницамъ будущія ихъ мѣста въ труппѣ. Титюсъ былъ очень старъ и въ мое время уже оканчивалъ свою дѣятельность. Вскорѣ онъ оставилъ службу и уѣхалъ за границу. Его замѣнилъ балетмейстеръ Перро, пріѣхавшій въ Петербургъ, сколько помню, въ 1848 году. По уходѣ Фредерика замѣнила его въ среднемъ классѣ учительница-танцовщица Волкова.

А. П. Натарова.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

АННА ПУСТОВОЙТОВА ¹⁾.

Повѣсть.

VII.

ОСЛѢ битвы подь Малогощемъ я вернулся обратно къ своей части, въ отрядъ полковника Ченгери. Казначей нашъ сильно заболѣлъ, и командиръ полка сказалъ мнѣ, чтобы я принялъ его должность. При этомъ онъ прибавилъ:

— Завтра вамъ придется отправиться въ Варшаву въ казначейство за полученіемъ денегъ.

Я былъ весьма радъ этому извѣстію. Съ поѣздкой въ Варшаву всегда соединялось представленіе о хорошей гостиницѣ, встрѣчѣ съ товарищами, небольшихъ кутежахъ и тому подобномъ препровожденіи времени.

Я сѣлъ въ поѣздъ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги. Едва мы проѣхали нѣсколько станцій, какъ поѣздъ остановился и оказался оцѣпленнымъ жандармами. Въ каждый вагонъ вошло по два жандарма, которые потребовали у присутствующихъ паспорта. У кого не было съ собой паспортовъ, тѣхъ записали, а нѣсколькихъ человѣкъ задержали. Оказалось, что съ этимъ поѣздомъ ждали одного изъ вождей повстанческаго движенія.

Въ это время, когда въ краю заводились шайки, происходили беспорядки, и разбитыя нашими отрядами банды разсыпались въ

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІІІ, стр. 822.

лѣсахъ, никто не зналъ ничего положительнаго, никто не зналъ истинныхъ размѣровъ возстанія. Съ одной стороны, пылкіе и горячіе поляки воображали, что ихъ силы растутъ не по днямъ, а по часамъ, и что скоро ихъ край будетъ освобожденъ отъ москалей, а съ другой стороны русскія власти не предполагали, что возстаніе можетъ принять столь упорный характеръ, потому что для нихъ было слишкомъ ясно неравенство военныхъ силъ обѣихъ сторонъ. Что же касается до русскихъ офицеровъ и солдатъ, то они были невысокаго мнѣнія о храбрости поляковъ. Уже послѣ немногихъ столкновеній съ польскими шайками было ясно, что поляки первые нападаютъ только тогда, когда бросаются изъ засады отрядомъ не меньше тысячи человѣкъ на одну или двѣ роты. Но и при всемъ томъ эти нападенія большею частью бывали неуспѣшны.

Но весь край былъ, конечно, на сторонѣ своихъ героевъ. Особенной ревностью и пылкостью отличались женщины. Они, казалось, готовы были задушить своими руками каждаго врага ойчизны. Всякое уклоненіе отъ распоряженій жонда народоваго, учредившагося въ Варшавѣ, о которомъ съ каждымъ днемъ распространялись все болѣе и болѣе тревожные слухи, казалось имъ тяжкимъ преступленіемъ, за которое слѣдовало наказывать чуть ли не смертью.

Поѣздъ пришелъ въ Варшаву вечеромъ. Я поѣхалъ по Маршалковской улицѣ въ Саксонскую гостиницу. Чистенькая, нарядная и веселая Варшава была неузнаваема. На всемъ лежалъ отпечатокъ траура. Въ окнахъ магазиновъ виднѣлись только темныя матеріи. Всѣ яркіе цвѣты и украшенія были убраны. Желтыя ботинки, которыя такъ любятъ варшавянки, оранжевыя перчатки, красныя зонтики—все это исчезло, и всюду мой взглядъ встрѣчалъ неизмѣнные черныя цвѣта. Это производило странное, неизгладимое впечатлѣніе. И не только варшавянки, но и русскія дамы были въ траурѣ. Имъ разрѣшалось носить, вмѣсто черныхъ, темно-лиловыя платья, и ихъ за это прозвали впоследствии «коханками Фелинскаго»¹⁾ по сходству цвѣта ихъ одеждъ съ фіолетовыми сутанами высшаго духовенства. Цилиндровъ никто не носилъ, ни поляки, ни русскіе. Всѣ ходили въ поярковыхъ шляпахъ съ большими полями и фуражкахъ разнаго покроя. Какъ говорили, цилиндра не могли найти тогда ни въ одномъ шляпномъ магазинѣ во всей Польшѣ.

Если бы кто нибудь попробовалъ нарушить постановленія жонда о траурѣ и надѣть хоть только яркія, бросающіяся въ глаза перчатки, то его ожидали бы крупныя неприятели на любой улицѣ со стороны ревностныхъ служителей тайнаго правительства.

¹⁾ Католическій архіепископъ того времени.

Въ гостиницѣ мнѣ не дали номера, сказавъ, что все занято, и мнѣ пришлось отправиться къ пріятелю, жившему на Злѣтой, капитану Ловатскому, служившему въ артиллеріи. Онъ былъ семейный человѣкъ и женатъ на полькѣ. Жена его, ревностная католичка, постоянно ходила въ костелы и многое знала о готовившихся событіяхъ.

Ловатскіе занимали квартиру въ четыре комнаты по узкой, грязной, каменной парадной лѣстницѣ, никогда не освѣщавшейся и рѣдко подметавшейся. Старинные дома въ Варшавѣ выстроены съ какой-то удивительной небрежностью и неряшливостью. Узкіе сырые каменные коридоры, маленькія окна, мрачныя комнаты, глухіе погреба, черепичныя кровли, тѣсные и грязные дворы, глубокіе, какъ колодцы,—все это носитъ средневѣковой отпечатокъ.

Прежде мнѣ это все казалось живописнымъ и интереснымъ, а теперь неудобнымъ и отталкивающимъ.

Ловатскій былъ человѣкъ лѣтъ сорока восьми. Онъ давно служилъ въ Польшѣ, отлично зналъ польскій языкъ и предсказывалъ, что банды долго не выведутся изъ польскихъ лѣсовъ.

— Конечно,—говорилъ онъ,—ничего серьезнаго онѣ сдѣлать не могутъ. Для этого у поляковъ нѣтъ ни средствъ, ни людей. Эта партизанская война окажется губительнѣе всего для самихъ же поляковъ, для ихъ крестьянъ и помѣщиковъ. Чѣмъ питалась каждая банда, которую мы разбили? «Офьярами», поборами съ крестьянъ и помѣщиковъ. Берутъ столько, сколько могутъ захватить. Эти офьяры разорятъ край.

Слова его оправдались въ точности.

На другой день было воскресенье, и онъ предложилъ мнѣ пойти въ Саксонскій садъ.

Кто изъ бывшихъ въ Варшавѣ не знаетъ этого роскошнаго тѣнистаго сада, расположеннаго въ лучшей части Варшавы? Онъ лежитъ около центра Краковскаго предмѣстья.

Была еще слишкомъ ранняя весна, и хотя улицы были сухи, на деревьяхъ не было листьевъ. Но яркое солнце заливало своимъ веселымъ радостнымъ свѣтомъ весь городъ, и въ саду находилось множество гуляющихъ, особенно дѣтей. Прудъ въ саду очистился отъ льда, и на немъ плавали красивые лебеди. Весь садъ былъ наполненъ статуями польскихъ королей, греческихъ боговъ и богинь.

Любопытное и невѣроятное зрѣлище представлялъ Саксонскій садъ. Мы вышли въ два часа дня послѣ завтрака, а, какъ извѣстно, отъ часу до трехъ и отъ пяти до шести, вся Варшава выходитъ на «спадеръ». Толпы женщинъ въ глубокомъ траурѣ, въ черныхъ платьяхъ и бѣлыхъ манжетахъ, съ печальнымъ выраженіемъ лицъ двигались, какъ тѣни, напоминая монахинь, выпущенныхъ суровой настоятельницей на прогулку. И мужчины при этомъ были тоже

во всемъ черномъ, какъ монахи; иные—съ бѣлой оторочкой по воротникамъ сюртуковъ и чепарокъ. Обручи серсо непременно были обвиты черной тесьмой по бѣлому. Требовалось, чтобы тутъ не выступалъ и не кричалъ ярко какой нибудь не траурный цвѣтъ. Если у какой нибудь изъ дамъ виднѣлся на шляпкѣ цвѣтокъ, то и онъ былъ тоже траурный. По словамъ моего спутника, въ магазинахъ продавались цвѣты только траурные: сѣрая и черныя розы, астры, лиліи съ черными усиками и другими добавленіями, сдѣланными изящно и со вкусомъ. Но особенно поразило меня то, что даже куклы дѣтей были въ траурныхъ платьяхъ. Увлекающіеся поляки и польки не знали мѣры ни въ чемъ, столь краснорѣчиво выражали теперь свое народное горе.

Мы сѣли на скамейку и покуривая наслаждались прекрасной погодой. Ловатскій рассказывалъ мнѣ о мелкихъ происшествіяхъ и впечатлѣніяхъ изъ своей жизни и о тѣхъ слухахъ, которые распространялись о повстанцахъ. По его словамъ, бывали случаи, когда не только поляки, но и русскіе не знали, что дѣлать.

У одного офицера въ проѣздъ его черезъ Сандоміръ въ 1863 г. украли лошадь. Онъ подалъ просьбу въ мѣстный судъ. На это не только не послѣдовало никакого распоряженія, но, напротивъ, онъ получилъ секретное приказаніе отъ повстанскаго начальника города «взять свою просьбу назадъ изъ опасенія новыхъ непріятностей». Офицеръ пошелъ въ судъ и рассказалъ про свое затруднительно положеніе. Законное правительство не помогаетъ, а повстанское грозитъ ни съ того, ни съ сего новыми непріятностями.

— Вы сдѣлали ошибку,—отвѣчалъ спокойнымъ и серьезнымъ тономъ судья.—Вы подали просьбу не тому правительству.

— Какъ не тому?

— Не тому: вамъ слѣдовало подать просьбу польскому правительству, а вы подали русскому.

— Но гдѣ же это польское правительство? Польскій уѣздный судъ города Сандоміра?—спросилъ офицеръ.

— Здѣсь въ этой самой комнатѣ,—отвѣтилъ спокойно судья.—Переимѣните только заголовокъ и подайте просьбу мнѣ же. Увѣрю васъ, что вы непременно выиграете ваше дѣло, потому что вы совершенно правы.

Дѣлать было нечего, и офицеръ послушался совѣта изъ простаго любопытства; переимѣнилъ заголовокъ просьбы, и лошадь была ему возвращена въ тотъ же день.

— А вотъ другой случай,—говорилъ Ловатскій:—въ Варшаву пріѣхалъ какой-то помѣщикъ хлопотать объ освобожденіи сына, попавшаго въ цитадель. Помѣщикамъ запрещалось жондомъ пребывать въ то время въ Варшавѣ долѣе извѣстнаго срока, а потому пріѣзжій скоро получилъ приглашеніе отъ повстанскаго начальника города выѣхать обратно въ свою деревню. Между тѣмъ

хлопоты о сынѣ не дали еще желаемого результата. Что было дѣлать?

Обѣдая однажды за общимъ столомъ въ гостиницѣ, помѣщикъ передалъ въ шумной бесѣдѣ окружающимъ пріятелямъ свои затрудненія. Какой-то незнакомый ему человѣкъ, сидѣвшій тутъ же, вслушавшись въ разговоръ, сказалъ:

— Ступайте въ Саксонскій садъ, сядьте на скамейку въ аллеѣ вздоховъ, гдѣ будетъ побольше молодого народа съ лицами, о которыхъ толковать намъ нечего. Заговорите вслухъ о вашемъ дѣлѣ, увидите, что будетъ.

Помѣщикъ отправился и сдѣлалъ все такъ, какъ сказалъ ему незнакомецъ. Скамейка, послѣ того, какъ онъ рассказалъ вслухъ свое горе, вдругъ опустѣла; остался на ней только одинъ человѣкъ, который предложилъ помѣщику подать объ этомъ просьбу народному правительству.

— Да гдѣ же находится это правительство?—спросилъ помѣщикъ.

— Вамъ этого совсѣмъ не нужно знать,—отвѣчалъ собесѣдникъ:—подайте просьбу мнѣ, здѣсь же, въ Саксонскомъ саду, на этой же самой скамейкѣ.

Помѣщикъ сходилъ въ Европейскую гостиницу, гдѣ жилъ, — написалъ просьбу, воротился въ садъ и отдалъ ее молодому человѣку.

— Теперь ступайте домой и ждите отвѣта часа черезъ два.

Черезъ два часа постучались въ дверь номера, который занималъ помѣщикъ; просунулась рука и передала «разрѣшеніе жонда остаться въ Варшавѣ до окончанія своихъ дѣлъ».

Былъ еще такой случай. Изъ одного дома пропалъ дворникъ. Когда онъ вернулся, его спросили:

— Гдѣ ты былъ? Тебя тутъ нѣсколько разъ спрашивали.

— Я былъ у начальства.

— У какого начальства?

— На Красинской площади: собирали насъ съ цѣлой Варшавы.

— Кто же собиралъ?

— Говорю, начальство: сотники, десятники.

Когда мы сидѣли на скамейкѣ и такъ разговаривали съ Ловатскимъ, мимо насъ прошла высокая стройная дама съ лицомъ, закрытымъ густою вуалью. Поровнявшись съ нами, она бросила на меня долгій взглядъ съ видимымъ смущеніемъ или удивленіемъ. Затѣмъ она смѣшалась съ толпой гуляющихъ, и я уже больше ее не замѣтилъ.

Когда мы встали и пошли къ воротамъ, то тутъ Ловатскій встрѣтилъ своего товарища по службѣ, артиллерійскаго офицера.

Онъ простился со мной, и они ушли. Въ это время я почувствовалъ, что меня тронули за плечо. Обернувшись, я увидалъ незнакомку съ черною вуалью.

— Вы не узнаете меня?—спросила она:—но я тутъ не могу съ вами бесѣдовать. Польскимъ дамамъ запрещено даже разговаривать съ русскими офицерами, а особенно на улицѣ.

— Анна Теофиловна,—воскликнулъ я, наконецъ догадавшись, что это Пустовойтова,—вы всегда являетесь въ минуту, когда мнѣ всего ожидаетъ васъ увидѣть и когда,—прибавилъ, я—болѣе всего думаешь о васъ.

— Вы неисправимы,—сказала она съ той легкой кокетливостью, которая такъ свойственна полькамъ, и которая придаетъ имъ такую привлекательность.—Приходите ко мнѣ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ: Старое Мѣсто, надъ ренсковымъ погребомъ Фукера, квартира № 4, спросите графа Валигурскаго.

Едва замѣтно кивнувъ мнѣ головой, она вышла изъ ограды сада, сѣла на «дружка» и уѣхала. Признаюсь, я въ большомъ волненіи ожидалъ этого вечера, и, какъ нарочно, Ловатскій послѣ обѣда сталъ звать меня въ офицерское собраніе, увѣряя, что тамъ сегодня будетъ очень интересно, будутъ живыя картины и литературный вечеръ.

— Вы увидите полковницу Ленскую: это—красавица и притомъ съ великолѣпнымъ драматическимъ талантомъ.

Его жена тоже собиралась отправиться въ собраніе. Мнѣ стоило немалого труда отдѣлаться отъ моихъ слишкомъ любезныхъ хозяевъ. Къ назначенному времени я уже былъ на Старомъ Мѣстѣ.

Есть что-то почтенное, что-то глубоко интересное и захватывающее въ варшавскомъ Старомъ Мѣстѣ. Эта четырехугольная площадь со статуей посреди—колыбель Варшавы, древняя Варшава.

Какъ странны тѣсныя улицы, ведущія на Старое Мѣсто. Любитель старины проведетъ тутъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько пріятныхъ минутъ, и взоры его невольно прикуются къ этимъ узкимъ, преузкимъ домамъ глубокой древности, къ этимъ необыкновеннымъ окнамъ, съ украшеньями Богъ вѣсть какихъ дней, къ этимъ завитушкамъ на фронтахъ и подъ крышами и къ самымъ крышамъ причудливаго фасона.

Все это смотрѣло на величіе невозвратно минувшихъ славныхъ лѣтъ Польши, и всякій полякъ, попавъ на Старое Мѣсто, невольно становится опять полякомъ, опять патриотомъ, загорается въ немъ душа, сжимается сердце, и слеза виснетъ на его рѣсницѣ...

Русскіе могутъ припомнить, что здѣсь, на Старомъ Мѣстѣ, раздалось знаменитое слышу Тараса Бульбы.

Теперь Старое Мѣсто—только толкучій рынокъ, набитый еврейскими лавочками съ разной пригородью — столами, скамейками, на которыхъ раскладывается и развѣшивается всякій немудре-

ный товаръ бойкихъ, неугомонныхъ торговцевъ въ лапсердакахъ. Крики ихъ и визгъ ихъ грязныхъ сожителейницъ наполняетъ воздухъ. Тутъ вѣчное движеніе, жизнь кипитъ съ утра до ночи.

Посреди площади возвышается знаменательная статуя Сирены съ саблей, гербъ города Варшавы, украшающій всѣ городскіе колодцы и фонтаны. И статуя Сирены на Старомъ Мѣстѣ также украшеніе фонтана.

Крѣпко любятъ варшавяне свое Старое Мѣсто. Тѣ, кто поселился тутъ, свыклись со своими неудобными квартирами въ древнихъ домахъ и рѣдко покидаютъ ихъ. Послѣ Святой, около дня св. Яна св. Михаила совершается обыкновенно передвиженіе жителей съ квартиры на квартиру. Вездѣ по всему городу замѣчается передвиженіе.

Не трогается только одно Старое Мѣсто.

Я скоро увидалъ на углу вывѣску Фукера и нашель лѣстницу. Меня впустила старая служанка, нѣсколько разъ переспросившая мою фамилію. Квартира была странная: двери съ лѣстницы открывались въ большую комнату, въ которой находилось нѣсколько кроватей, и, очевидно, она служила спальней. Слѣдующая комната была убрана, какъ гостиная, и туда служанка провела меня. Окна выходили на площадь.

Послышались легкіе знакомые шаги, я увидѣлъ Пустовойтову. Никогда я не зналъ, какъ себя держать съ ней. Иногда она казалась мнѣ далекой и неприступной. Другой разъ отъ нея вѣяло такой дружеской лаской и такой привѣтливостью, что сердце мое таяло подъ наплывомъ свѣтлыхъ и радостныхъ чувствъ. То она была озабочена, то на нее слетала печаль, и, казалось, насквозь проникала все существо ея. Ахъ, ея натура была измѣнчива, но ея сердце было постоянно, и въ этомъ сердцѣ жила только одна любовь къ угнетенному народу. Въ ней было много странностей. Почему она не хотѣла жить, какъ всѣ люди? Почему она вступила на такую страшную дорогу, на которой погибали всѣ, кто только оставался? Я предчувствовалъ, что ее ждетъ что-то ужасное, но что именно, я не могъ сказать.

Она сѣла около меня, и я понялъ по нѣжному и привѣтливому выраженію ея лица, что она сама захотѣла повидаться со мной и, быть можетъ, вспомнать старое. Она приказала подать кофе, который принесла та же угрюмая служанка, которая впустила меня. Въ квартирѣ, казалось, никого больше не было.

— Благодарю васъ, мой другъ, что вы пришли, — сказала Анна. — Мнѣ что-то взгрустнулось, я тутъ совершенно одна. Приѣхала я сюда на два дня, сбилась съ ногъ, устала, и сегодня ночью я должна буду выѣхать... въ Радомскую губернію. Но какими судьбами очутились вы здѣсь? Я васъ встрѣтила съ офице-

ромъ, съ которымъ вы шли, и сразу узнала васъ. Развѣ вы теперь служите въ Варшавѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—я сюда пріѣхалъ получать деньги для полка и уѣду, вѣроятно, завтра. Я нахожусь теперь въ отрядѣ полковника Ченгери.

— Ченгери, — сказала Анна и нахмурилась: — стало быть, вы участвовали въ сраженіи подъ Малогощемъ?

— Да, — сказалъ я, — но я тогда былъ прикомандированъ къ отряду полковника Добровольскаго.

— И вамъ приходилось сражаться, можетъ быть, проливать кровь своихъ братьевъ!

— Вы хотите спросить, убилъ ли я когонибудь? Нѣтъ, никого. До сихъ поръ такъ случалось, что повстанцы скрывались прежде, чѣмъ начинался рукопашный бой. Они не выдерживаютъ натиска. Возстаніе не имѣетъ будущности. Если бы даже поднялся весь народъ, и тогда жондъ ничего бы не могъ подѣлать, потому что у него не было бы средствъ вооружить его. Сколько мы брали плѣнныхъ, вооруженіе которыхъ состояло изъ рогатины или ножа. Развѣ это солдаты?

— Да, это правда, — грустно сказала она: — наше оружіе къ намъ не прибыло. Фабриканты, особенно прусскіе, берутъ деньги, а нашимъ агентамъ даютъ оружіе не такого достоинства, какого обязались. Даже бывали случаи, что фабрикантъ, отправивъ какоенибудь никуда негодное ружейное старье, самъ давалъ знать прусской полиціи. Она захватывала это старье, а фабрикантъ оставался передъ жондомъ правъ и требовалъ денегъ, какъ за хорошее оружіе.

Она пришла въ волненіе и стала ходить по комнатѣ, жалуясь мнѣ на безпорядки, которые были въ дѣлахъ польскаго повстанческаго правительства, и на то мздоимство, которое царило со страшной силой. Анна достала нѣсколько бумагъ на польскомъ языкѣ, переписку съ заграничными агентами и дала мнѣ прочесть выдержки изъ этихъ писемъ. Она относилась ко мнѣ съ безграничнымъ довѣріемъ. Въ эту минуту я былъ для нея самымъ близкимъ, самымъ надежнымъ другомъ. Ея нѣжная женская душа искала сочувствія, искала поддержки. Все, что наболѣло въ ней, искало вырваться наружу. Все это я смутно понималъ. Она обрадовалась случаю, который вновь соединялъ насъ вмѣстѣ. Я чувствовалъ ея одиночество среди польскихъ шаекъ, въ которыхъ она находилась, но она сама хотѣла этого, и рокъ неумолимо увлекалъ ее на этотъ путь.

И теперь она свободно и откровенно посвящала меня въ политическія дѣла жонда и сообщала о заготовкѣ и снабженіи арміи оружіемъ. Вотъ что я запомнилъ.

Оружіе, покупаемое въ Лиежѣ, направлялось въ Потсдамъ подъ Берлиномъ къ оружейнымъ фабрикантамъ явно. Здѣсь агенты

жонда (ajenci bronі) принимали и упаковывали, какъ сахаръ, красное вино, прованское масло, полотно, металлическія издѣлія, и посылали за границу, давая большія взятки прусскимъ чиновникамъ на желѣзной дорогѣ и въ таможенныхъ. Съ границы оружіе отправлялось ночью, черезъ такъ называемыхъ «szwachowników», иначе «szmyglerów» или «deprandantów»-крестьянъ, не то просто по желѣзной дорогѣ, въ машинномъ отдѣленіи, тщательно укрытое. Также въ двойныхъ днахъ вагоновъ, въ желѣзныхъ несгораемыхъ шкафахъ, между двойными стѣнками, либо въ стѣнахъ омнибусовъ и другихъ большихъ экипажей, которые ходили изъ Вѣны въ Варшаву. Многое, несмотря на всѣ эти хитрости, было захватываемо, а что проходило, то стоило дорого: штуцеръ, купленный въ Лиежѣ за сорокъ франковъ, обходился рублей въ сорокъ или даже болѣе по доставкѣ. Изъ тридцати тысячъ штуцеровъ, купленныхъ Александромъ Гуттри, ни одинъ не прибылъ въ банду. Часть была задержана пруссаками, часть захвачена русскимъ правительствомъ.

Экстраординарные агенты жонда покупали оружіе, гдѣ случится: въ Торнѣ, Бромбергѣ, Бреславлѣ, Каттовицахъ, съ доставкой до границы, болѣе или менѣе по слѣдующимъ цѣнамъ: штуцеръ 20 рублей, палашъ отъ 4 до 5-ти рублей. Перевозъ штуцера за границу обходился въ три рубля, палаша—въ одинъ рубль; центнеръ пороху стоилъ отъ пятидесяти до шестидесяти рублей, тысяча пистоновъ—пять рублей. Эта закупка была вѣрнѣе лиежской. Приблизительно было куплено 76.000 штуцеровъ; изъ нихъ 44.000 захвачено пруссаками и австрійцами; остальные 32.000 перевезены въ царство Польское, но при этомъ задержано русскими властями около пятнадцати-шестнадцати тысячъ штукъ.

По словамъ Пустовойтовой, въ Пруссіи и Австріи было захвачено болѣе 70.000 штуцеровъ, кромѣ сабель, палашей, пистолетовъ, револьверовъ, косъ и амунициі на стотысячную армію, которую предполагалъ снарядить и выставить жондъ. Меня удивило, что если судить по этимъ письмамъ, то средства, которыми располагало народное правительство, были значительны, между тѣмъ факты представляли совсѣмъ иное. Но, разумѣется, въ то время мы не могли предполагать ни размѣровъ народнаго движенія, ни того, какъ оно кончится.

— Вы знаете,—сказала мнѣ Анна:—Лангевичъ будетъ назначенъ диктаторомъ? Только это большая тайна. Здѣсь объ этомъ никто ничего не знаетъ. Смотрите, и вы не проговоритесь.

— Диктаторомъ! — воскликнулъ я: — да знаете ли вы, что это значитъ? Диктаторомъ былъ назначенъ Наполеонъ, и оттуда онъ прямо шагнулъ къ императорской коронѣ.

— Польшѣ нуженъ диктаторъ,—серьезно возразила она,—что бы ни обозначало это слово. Диктаторъ соединить въ своемъ лицѣ ту власть, которая должна проявить себя въ твердыхъ и рѣшитель-

ныхъ дѣйствіяхъ. Диктаторъ нуженъ краю, и, когда онъ появится, дѣла возстанія примуть другой оборотъ.

Въ это время вошла служанка и вызвала Анну въ другую комнату. Тамъ послышался шумъ шаговъ, какъ будто бы вошло нѣсколько человѣкъ, и начался быстрый разговоръ на польскомъ языкѣ. Говорили такъ невинтно и такъ торопливо, что со стороны ничего нельзя было понять; да я и не прислушивался. Неожиданные гости сидѣли съ полчаса, при чемъ одинъ изъ нихъ говорилъ громкимъ голосомъ, рѣзко выкрикивая слово: «Польша, Польша!» которое у меня такъ и засѣло въ ушахъ.

— Извините меня,—сказала Анна входя,—но правительственные эмиссары имѣли ко мнѣ важное дѣло. Видите, какъ я откровенна съ вами. Знай они, что тутъ за стѣной находится русскій офицеръ, мнѣ, пожалуй, было бы плохо. Меня бы навѣрно сочли измѣнницей.

Она горько усмѣхнулась и затѣмъ прибавила:

— Завтра утромъ я должна ѣхать въ Галицію съ секретными бумагами къ Вацлаву Пржебыльскому, назначенному генеральнымъ комиссаромъ народнаго правительства.

— Скажите,—спросилъ несмѣло я:—долго ли вы хотите оставаться въ рядахъ повстанцевъ?

— До тѣхъ поръ,—воскликнула Анна, и глаза ея засверкали,—пока останется хотя бы одинъ вооруженный человѣкъ, сражающійся за попранные права своей отчизны!

Убѣдившись, что разговоры въ этомъ родѣ всегда волнуютъ ее, я не поднималъ его болѣе.

Я еще около часу находился у Пустовойтовой. Ей вспомнилась наша жизнь въ Житомирѣ. Тогда грусть налетѣла на нее. Она сдѣлалась ласковой, задумчивой, напомнила мнѣ, какъ мы бѣгали къ лѣсу за тетеревомъ и играли въ горѣлки.

— Знаете, другъ мой,—сказала она,—когда все мои надежды рушатся, я приду къ вамъ,—тутъ голосъ ея заколебался,—и стану вашей женой.

Я молча посмотрѣлъ на нее долгимъ взглядомъ. Что я могъ сказать ей? Желать, чтобы все ея надежды рушились, чтобы все погибло, что казалось ей лучшимъ въ жизни, и желать ей только для того, чтобы она стала, наконецъ, моею,—какъ это было бы жестоко и безсердечно! Она продолжала:

— Я знаю, что вы мой истинный другъ. Я къ вамъ обращаюсь, когда будетъ нужно.

Послѣ этого я оставался недолго. Она съ глубокимъ чувствомъ простилась со мной, и мы разстались.

VIII.

На другой день я выѣхалъ къ своему полку. Однажды меня призываетъ полковникъ Ченгери и говорить:

— Я получилъ извѣстіе, что въ окрестныхъ лѣсахъ появились повстанцы. Возьмите шесть человѣкъ объѣздчиковъ и сдѣлайте рекогносцировку, удаляясь не болѣе, какъ на десять-двѣнадцать верстъ отъ нашей стоянки. Постарайтесь собрать свѣдѣнія у крестьянъ о находящейся околы Вислы бандѣ... Я имѣю основаніе думать, что она направляется для соединенія съ бандой Лангевича, который навѣрное находится теперь или въ Гошѣ, или въ Соновкѣ. Вотъ уже цѣлая недѣля, какъ мы его не тревожимъ. По всей вѣроятности, намъ придется завтра или послѣзавтра выступить противъ него. Такъ какъ банды забираютъ обыкновенно для себя всѣ подводы, какія могутъ захватить въ деревняхъ, то постарайтесь узнать, возвращены ли эти подводы назадъ, и предупредите, что мы тоже возьмемъ ихъ, разумѣется, за деньги въ наемъ, если онѣ намъ понадобятся. Повстанцы рѣдко пользуются подводами болѣе одного или двухъ дней, такъ какъ предпочитаютъ въ своихъ переходахъ брать другія. Я не разъ говорилъ, что мы должны были бы перевозить людей этимъ же способомъ, ну, да не всѣхъ слушаютъ.

Онъ съ раздраженіемъ махнулъ рукой. Я поклонился и вышелъ.

Выѣхалъ я на рекогносцировку часа въ два. Со мной былъ сфрейторъ Ефимовъ и пять человѣкъ нижнихъ чиновъ. Это было въ первыхъ числахъ марта. Погода стояла теплая, весенняя; снѣгъ лежалъ въ оврагахъ и канавахъ, но поля уже обнажились. На дорогахъ встрѣчалась непроходимая грязь, но въ общемъ дорога была много лучше, чѣмъ въ великорусскихъ губерніяхъ.

Мы проѣхали верстъ шесть по узкой лѣсной дорогѣ. Намъ попались по дорогѣ двѣ деревни. Объѣздчики спрашивали крестьянъ о польскихъ бандахъ, но крестьяне говорили, что они повстанцевъ не видали. Мы проѣхали еще нѣсколько верстъ, сдѣлали крюкъ въ сторону и вернулись на первоначальную дорогу. Наши поиски пока не приводили ни къ чему. Миѣ не хотѣлось возвращаться безъ всякихъ свѣдѣній. Между тѣмъ стемнѣло. Я рѣшилъ остаться въ первой попавшейся деревнѣ ночевать. Мы пріѣхали въ село Московицы.

Старинный каменный костелъ находился среди дубовой рощи. Отъ села шла къ нему прекрасная аллея изъ стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Костелъ произвелъ на меня впечатлѣніе исполнскаго древняго жертвенника. Узкія готическія окна его смотрѣли сумрачно и мрачно. Онъ былъ воздвигнутъ изъ сѣраго плитняка, не штукатуренъ и не окрашенъ снаружи. Около него нахо-

дилось небольшое кладбище, обнесенное каменной оградой. По католическому обычаю, это кладбище было украшено самыми причудливыми памятниками. Мѣстечко должно было быть богатое, потому что попадались мраморные памятники, а, можетъ быть, это были усыпальницы окрестныхъ помѣщиковъ. Памятники всѣ были со статуями. Изображался, на примѣръ, Христосъ, а передъ нимъ на колѣняхъ стояла женщина. Надпись поясняла, что жена молила его о своемъ умершемъ мужѣ, лежавшемъ въ этой могилѣ. Ангелы изображались крылатыми младенцами и напоминали чрезвычайно амуровъ въ помѣщичьихъ садахъ. Горящія сердца, скульптурныя изображенія Божьей Матери, маленькія Голгофы—вотъ что составляло содержаніе большей части надгробныхъ изваяній.

Домъ ксендза находился въ сторонѣ отъ села по близости отъ костела. Онъ стоялъ на лѣсной лужайкѣ и ничѣмъ не былъ огороженъ.

Это было прочное строеніе, въ два этажа, съ желѣзной крышей. Я позвонилъ у дверей, и когда появилась служанка, я сказалъ, что прошу у ксендза разрѣшенія провести у него ночь. Само собою разумѣется, моя просьба была равносильна приказанію, потому что какъ же отвѣчать отказомъ офицеру, находившемуся въ моихъ обстоятельствахъ.

Спустя нѣсколько минутъ, явился самъ ксендзъ. Это былъ человекъ средняго роста, выбритый, съ большимъ лбомъ, орлинымъ носомъ, темными, пронизательными глазами. Онъ представлялъ типъ настоящаго ксендза-поляка, воспитанника іезуитовъ, вооруженнаго богословіемъ и латынью, и неограниченнаго повелителя «быдла» своего прихода.

Онъ въ вѣжливыхъ выраженіяхъ попросилъ меня войти и сказалъ, что у него найдется мѣсто для всѣхъ моихъ спутниковъ. Это было для меня очень удобно, такъ какъ отпустить солдатъ на село было не безопасно, такъ какъ случались часто внезапныя нападенія на офицеровъ и на маленькія партіи.

Домъ у ксендза оказался внутри весьма помѣстительнымъ. Онъ былъ солидно меблированъ. Внизу находилась школа съ большой залой, гдѣ, вѣроятно, бѣгали дѣти въ промежуткахъ между занятіями. Тутъ стоялъ органъ, въ углу виднѣлся дубовый крестъ съ распятымъ на немъ Спасителемъ. Внизу же находилась классная бібліотека. Въ этой залѣ на принесенномъ сѣнѣ расположились мои объѣздки.

Квартира ксендза занимала весь второй этажъ. Я видѣлъ двѣ гостинныхъ, кабинетъ, столовую. Спальня ксендза помѣщалась, вѣроятно, въ болѣе отдаленныхъ комнатахъ.

Хозяинъ приказалъ служанкѣ приготовить ужинъ, а въ ожиданіи его я расположился съ хозяиномъ въ его кабинетѣ на мягкихъ кожаныхъ креслахъ. Старинный письменный столъ изъ

краснаго дерева былъ загроможденъ книгами. Книгъ виднѣлось много на полкахъ, на шифоньеркахъ и въ шкафахъ со стеклянными дверцами. Комната была въ два окна, высокая и помѣстительная. На окнахъ стояли цвѣты; особенно густо разросся плющъ, корни котораго скрывались въ зеленой кадкѣ, поставленной въ углу.

Я подумалъ, что ксендзу недурно живется здѣсь, и онъ, повидимому, угадалъ мою мысль, но ничего не сказалъ. Я чувствовалъ, что ему хотѣлось бы знать, по какому случаю я попалъ къ нему. Я не считалъ нужнымъ скрывать этого и поэтому сказалъ самымъ непринужденнымъ тономъ:

— Мы ищемъ по лѣсамъ повстанцевъ. Говорятъ, что около Вислы собираются новыя банды.

Ксендзъ покачалъ головой и сказалъ:

— Трудно сказать, гдѣ находятся банды, если не видишь ихъ своими глазами. Лѣса велики, а повстанцы ѣздятъ скоро. Утромъ они здѣсь, а вечеромъ тамъ.

Увидавъ, что мой собесѣдникъ не уклоняется отъ разговора и не смущается избранной темой, я захотѣлъ поговорить съ нимъ еще о повстанцахъ. Признаюсь, мнѣ было бы любопытно видѣть, какъ бы онъ вывернулся въ затруднительномъ случаѣ.

— Говорятъ, Лангевичъ въ Гоцѣ,—продолжалъ я:—и къ нему со всѣхъ сторонъ стекаются свѣжія силы.

Ксендзъ пожалъ плечами и произнесъ:

— Вамъ лучше знать; я же, кромѣ костела, никуда не хожу.

Мнѣ стало неловко, такъ какъ онъ своимъ тономъ далъ мнѣ понять грубость моего вопроса. Тогда я, перемѣнивъ разговоръ, спросилъ, много ли кругомъ помѣщиковъ, великъ ли его приходъ, какія службы совершаются ежедневно.

На все это отвѣчалъ онъ мнѣ охотно. По его словамъ, онъ былъ воспитанникомъ Краковской духовной академіи и находился уже тутъ два года.

Пока мы такъ разговаривали, служанка столь же проворная, какъ и миловидная, подала въ столовую ужинъ, къ которому ксендзъ пригласилъ меня. Намъ подали заливную и маринованную рыбу, пирожки, пышки, блинчики, прекрасный кофе съ густыми сливками, сухой десертъ изъ миндаля, чернослива, сушеныхъ грушъ и яблоковъ. Такая внимательность со стороны ксендза была мнѣ очень пріятна. Я спросилъ его, не могу ли оказать ему въ свою очередь какую нибудь услугу.

— Что-жъ, это очень можетъ быть,—сказалъ онъ.—Если мнѣ придется обратиться къ вамъ, то я не замедлю это сдѣлать.

Разговаривали мы, разумѣется, по-польски, но ксендзъ въ разговорѣ замѣтилъ, что онъ говоритъ по-русски, хотя и не совсѣмъ свободно.

Было часовъ 11, когда я удалился въ приготовленную для меня комнату. Вѣроятно, въ ней жилъ кто нибудь изъ родственниковъ ксендза, потому что тутъ стояла кровать, умывальникъ и большой старинный комодъ съ бронзовыми ручками, висѣвшими надъ замками. Такихъ комодовъ теперь не встрѣтишь. Въ комнатѣ было только одно окно, выходившее въ садъ, за которымъ виднѣлась сѣрая гладкая стѣна костела. Странное впечатлѣніе произвела на меня эта комната. Мнѣ казалось, что она принадлежитъ къ числу тѣхъ помѣщеній, пребываніе въ которыхъ разстраиваетъ нервы, и про которыя говорятъ, что они посѣщаются привидѣніями. Она была слабо освѣщена однимъ окномъ, на стѣнахъ висѣли какія-то картины, краски которыхъ такъ потемнѣли отъ времени, что полотна представлялись странными черными пятнами.

Я легъ въ постель, но мнѣ не хотѣлось спать. Я прислушивался къ каждому шороху, къ каждому стуку, слышавшемуся въ домѣ. Вотъ мало-по-малу воцарилась непробудная тишина, но сонъ бѣжалъ съ моихъ глазъ. Я всталъ и подошелъ къ окну. Луна сверкала полнымъ блескомъ. Она заливала садъ своими голубыми лучами. Стволы, деревья и вѣтви ярко чернѣли. Земля вокругъ костела была усыпана желтымъ пескомъ, который былъ освѣщенъ невѣроятно отчетливо.

Я думалъ о томъ, какъ тиха и прекрасна весенняя ночь, какъ все пусто и безлюдно вокругъ, и какъ все спитъ теперь крѣпкимъ сномъ. Я подумалъ о своемъ одиночествѣ, о своей суровой и безпокойной жизни, но мысли мои не останавливались долго на одномъ мѣстѣ. То мнѣ вспоминалась Варшава, то русская деревня, въ которой я родился, то мѣстечко, изъ котораго я выѣхалъ сегодня поутру, и въ которомъ оставались мои товарищи.

Вдругъ съ величайшимъ удивленіемъ я замѣтилъ, что изъ лѣсу вышелъ человекъ съ ружьемъ за плечами, одѣтый въ чепарку, высокіе сапоги, съ саблей и пистолетомъ за кушакомъ. За нимъ выѣхалъ, вѣроятно, его слуга, державшій на поводу его лошадь. Спѣшившійся всадникъ всталъ на колѣни, освѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и началъ съ жаромъ молиться.

Повидимому, это былъ молодой человекъ лѣтъ 25-ти, съ тонкими иѣжными чертами лица и съ усами, которые едва отгѣняли его верхнюю губу. Его появленіе было такъ неожиданно, и мое вниманіе было такъ привлечено тѣмъ, что я наблюдалъ, что я совсемъ забылъ, зачѣмъ я тутъ нахожусь. Мысль о томъ, что это повстанецъ, не приходила мнѣ въ голову. По одеждѣ, по манерѣ, съ какой онъ молился, по его бѣлымъ рукамъ можно было видѣть, что онъ не простого званія. Наконецъ, я сообразилъ, что это—мятежникъ, который отдѣлился отъ банды, или ѣдетъ для того, чтобы присоединиться къ повстанцамъ.

Тогда я опомнился и поспѣшилъ внизъ, чтобы разбудить своихъ объѣздчиковъ. Конечно, два всадника могли бы десять разъ ускакать, если бы мнѣ пришлось будить ефрейтора, но Ефимовъ уже былъ на ногахъ. Онъ, какъ оказалось, и не ложился спать, рѣшившись продежурить половину ночи и разбудить затѣмъ одного изъ товарищей.

Я сказалъ ему, чтобы онъ поднялъ объѣздчиковъ. Тѣ мигомъ повскакали и бросились къ оружію. Но мы, не дожидаясь ихъ, отворили входную дверь, заложенную на крюкъ, и выскочили на дворъ. Слѣдовало во что бы то ни стало отрѣзать всадникамъ путь къ бѣгству.

Густая тѣнь падала отъ дома до края дубовой роци, изъ которой показались два незнакомца. Пользуясь этой тѣнью, мы пробѣжали и спрятались между деревьями, не выдавая ничѣмъ своего присутствія. Могло случиться, что за этими двумя всадниками слѣдовалъ цѣлый отрядъ, но въ лѣсу было тихо. Я не сомнѣвался теперь болѣе, что это одинъ изъ окрестныхъ паничей ѣдетъ въ банду, чтобы присоединиться къ мятежникамъ. Въ то время это была самая обыкновенная вещь.

Объѣздчики одинъ за другимъ съ шумомъ выскочили изъ дома и, замѣтивъ поляковъ, кинулись къ нимъ. Молодой человѣкъ быстро выхватилъ пистолеть и выстрѣлилъ не цѣлясь, но пуля пролетѣла мимо. Тогда онъ бросился къ лошади, но Ефимовъ ухватилъ ее уже подъ уздцы, а я, угрожая пашкой слугѣ, принудилъ его выпустить поводъ. Между тѣмъ набѣжали объѣздчики и схватили незнакомцевъ. Все это случилось въ какую нибудь минуту.

— По какому праву вы арестовали меня?—запальчиво закричалъ молодой человѣкъ:—я графъ Грохольскій и ѣду по своей надобности.

— Я отпущу васъ,—сказалъ я,—но ваше вооруженіе говоритъ противъ васъ. Есть все основанія думать, что вы изъ числа повстанцевъ. Зачѣмъ вы стрѣляли въ моихъ солдатъ? Я прошу васъ войти въ домъ.

Ночной выстрѣлъ поднялъ тревогу. Ксендзъ былъ уже на ногахъ. Въ окна выглядывали какія-то блѣдныя испуганныя лица. Ихъ было такъ много, что я удивился; я и не подозрѣвалъ такъ много обитателей въ этомъ уединенномъ жилищѣ. Въ комнатахъ зажгли огонь.

Я предупредилъ Грохольскаго, что отпущу его немедленно, если при немъ не окажется какихъ нибудь подозрительныхъ вещей или бумагъ, и если онъ объяснитъ, почему онъ избралъ столь неурочное время для посѣщенія костела.

Я приказалъ объѣздчикамъ возвратиться въ ихъ помѣщеніе и оставить здѣсь подъ присмотромъ слугу Грохольскаго, а самъ по-

звалъ Ефимова и поставилъ у дверей одного изъ солдатъ часовымъ, на случай, чтобы Грохольскій не вздумалъ бѣжать.

— Прежде всего,—сказалъ я,—разрѣшите васъ обыскать.

— Я прошу васъ избавить меня объ обыска,—сказалъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Но я не могъ на это согласиться. Когда Грохольскій понялъ, что всѣ просьбы и сопротивленія напрасны, онъ вынулъ изъ бокового кармана два конверта, запечатанные красными печатями, и рѣшительно произнесъ:

— Кромѣ этихъ двухъ писемъ, у меня больше ничего нѣтъ.

Я сдѣлалъ Ефимову знакъ, и оба объѣздчика осмотрѣли одежду захваченнаго повстанца. Я безъ всякаго колебанія разорвалъ конверты и увидалъ, что въ одномъ изъ нихъ находилось письмо Чаховскому, начальнику банды, отдѣлившемуся отъ Лангевича послѣ битвы подъ Малогощемъ и ушедшему въ непроходимыя дебри Святыхъ горъ. Это письмо было подписано Валеріемъ Томчинскимъ, секретаремъ Лангевича, бывшимъ чиновникомъ губернскаго, радомскаго правленія, котораго я лично зналъ. Другое письмо было отъ графа Адама Грабовскаго помѣщику Сигизмунду Моравскому. Бѣлаго взгляда на оба эти письма было достаточно, чтобы догадаться объ ихъ революціонномъ характерѣ. Оба они были написаны изъ Гощи. Въ письмѣ къ Чаховскому Лангевичъ подписался: «Маріанъ Лангевичъ, диктаторъ»,

Грохольскій понялъ по моему виду, что я не намѣреваюсь отпустить его, и промолвилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Можетъ быть, вы говорите по-французски?

И затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, сказалъ на этомъ языкѣ:

— Со мной около трехъ тысячъ золотыхъ, я вамъ могу еще прислать пять, если вы отпустите меня.

— Я не могу на это согласиться,—сказалъ я также по-французски,—если ваши показанія будутъ чистосердечны и искренны, и если вы выразите раскаяніе въ томъ, что примкнули къ сторонникамъ мятежа, я увѣренъ, что васъ постигнетъ сравнительно легкое наказаніе. Конечно, если я донесу, что вы захвачены съ оружіемъ въ рукахъ и оказывали открытое сопротивленіе нашимъ солдатамъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, васъ разстрѣляютъ.

При этихъ словахъ онъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Я не хочу пугать васъ. Если вы хотите послѣдовать моимъ совѣтамъ, то тогда я представлю дѣло въ такомъ видѣ, что вы захвачены моими людьми около костела и добровольно отдались въ наши руки.

Онъ былъ такъ смущенъ, что не зналъ, чѣмъ выразить свою благодарность.

— Расскажите мнѣ,—сказалъ я:—какъ велика банда Лангевича, и развѣ въ самомъ дѣлѣ онъ провозглашенъ диктаторомъ?

Грохольскій съ минуту поколебался, но потомъ сталъ отвѣчать на всѣ мои вопросы. Имъ овладѣло какое-то неудержимое стремленіе рассказать все и не только то, о чемъ я его спрашивалъ, но и много лишняго,—явленіе чисто психическаго характера и свойственное людямъ, испытавшимъ слишкомъ большое нервное потрясеніе. Эта бесѣда велась у меня съ нимъ съ глазу на глазъ; особенно я позаботился о томъ, чтобы ксендзъ не былъ свидѣтелемъ допроса Грохольскаго.

— Мой отецъ,—сказалъ онъ,—владѣетъ имѣніемъ въ Подольской губерніи, и мы очень богаты. Насъ два брата. Мы оба рѣшили съ оружіемъ въ рукахъ защищать нашу отчизну. Я находился въ отрядѣ генерала Езеранскаго, сражался подъ Пясковою Скалою и былъ контуженъ въ руку. Генералъ Езеранскій болѣе достоинъ диктатуры, чѣмъ Лангевичъ, но тутъ замѣшались интриги краковской революціонной партіи, и, благодаря ей, Лангевичъ получилъ преимущество. Изъ Варшавы пріѣхалъ въ Краковъ графъ Адамъ Грабовскій, камергеръ прусскаго двора, женатый на княгинѣ Любомірской. Въ Варшавѣ онъ не имѣлъ среди представителей жонда народоваго никакого вліянія и успѣха, но въ Краковѣ онъ выдалъ себя за полномочнаго комиссара жонда. Здѣсь былъ собранъ генеральный совѣтъ, на которомъ было рѣшено провозгласить Лангевича диктаторомъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ сообщилъ мнѣ любопытныя подробности избранія диктатора. По его словамъ, Грабовскій съ Владиславомъ Семинскимъ и Иосифомъ Колачковскимъ отправились въ лагерь Лангевича подъ Гощей и тамъ собрали новый совѣтъ изъ генераловъ Езеранскаго и Валигурскаго, комиссара Краковскаго воеводства Войтеха Бехонскаго, бывшаго члена центрального комитета, а теперь начальника штаба Лангевича, Өомы Винницкаго, члена Краковскаго комитета Леона Хршановскаго, помѣщика Владислава Бентковскаго и самого Лангевича.

Грабовскій, какъ уполномоченный комиссаръ жонда, предложилъ отъ его имени Лангевичу диктатуру и спросилъ присутствующихъ, что они объ этомъ думаютъ. Езеранскій и Винницкій сказали, что положеніе дѣлъ требуетъ, чтобы во главѣ возстанія явился настоящій военный вождь, и что они ничего не имѣютъ противъ Лангевича. Къ этому мнѣнію присоединились и другіе. Теперь оставалась очередь за Лангевичемъ.

Лангевичъ послѣ минутнаго колебанія сказалъ, что онъ считаетъ за особую честь предложеніе жонда и соглашается на принятіе кандидатуры. Это было 9-го марта новаго стиля 1863 года.

— Мы сдѣлали оглашеніе диктатуры,—продолжалъ Грохольскій,—на слѣдующій день. Надо было торопиться, надо было дорожить каждой минутой. Съ ранняго утра на равнинѣ подъ Гощей были выстроены всѣ войска Лангевича численностью болѣе трехъ тысячъ

человѣкъ. Воевода объѣхалъ ихъ вмѣстѣ со свитой въ одиннадцатомъ часу утра, и затѣмъ генералъ Езеранскій, собравъ всѣхъ офицеровъ, объявилъ имъ, что военный начальникъ Краковскаго и Сандомірскаго воеводства, генералъ Лангевичъ, по соглашенію жонда возводится въ диктаторское достоинство. Послѣ этого былъ прочтенъ войскамъ манифестъ диктатора къ народу, отпечатанный весьма изящно на бѣломъ веленовомъ листѣ...

Въ этомъ манифестѣ Лангевичъ, по словамъ Грохольскаго, призывалъ народъ ко всеобщему возстанію и объявлялъ, что принимаетъ диктатуру только для того, чтобы легче было руководить возстаніемъ, и тотчасъ же самъ сложить верховную власть, когда народъ получитъ свои права и свободу.

Все это было для меня чрезвычайно интересно. Грохольскій говорилъ, что въ лагерѣ подъ Гоцей собралось сначала не болѣе трехъ тысячъ народу. Когда узнали объ избраніи диктатора, то со всѣхъ сторонъ стали съѣзжаться помѣщики и шляхтичи верхомъ, въ бричкахъ, въ нетычанкахъ и простыхъ повозкахъ. Вѣсть о диктаторѣ воодушевила всѣхъ. Это слово казалось знаменемъ успѣха. За шляхтой потянулись искатели приключеній, ремесленники, но крестьяне-хлопы не трогались съ мѣста, къ большому негодованію помѣщиковъ.

— Послушайте,—спросилъ я Грохольскаго:—были ли у васъ какія нибудь религіозныя церемоніи по этому поводу, сопровождались ли объявленіе диктатуры какими нибудь церковными обрядами?

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ.—Мы были въ Сосновкѣ недалеко отъ Мѣхова. Наканунѣ былъ выработанъ подробный планъ торжества. 12-го марта новаго стиля, въ два часа дня всѣ наши войска выстроились четырёхугольникомъ вокругъ насыпи, на которой былъ воздвигнутъ алтарь съ образомъ Божіей Матери и двумя горящими свѣчами. Ксендзъ миссіонеръ Святого Креста Каминскій сказалъ небольшую сильную рѣчь, призывая насъ дружище сплотиться и постоять за родину и за свою вѣру. Послѣ этого онъ поднялъ руки вверхъ и принесъ присягу въ вѣрности народу. Затѣмъ офицеры стали присягать диктатору, а за ними были приведены къ присягѣ войска.

— Скажите, пожалуйста, измѣнилось у васъ хоть что нибудь послѣ того, какъ Лангевичъ былъ избранъ диктаторомъ?

— Ровно ничего,—откровенно отвѣчалъ Грохольскій:—хаосъ въ лагерѣ былъ страшный. Того недоставало, другого недоставало. Сейчасъ же на самыхъ первыхъ порахъ стало ясно, что диктаторъ, пожалуй, еще сейчасъ и не нуженъ. Судите сами: вчера полковникъ Бентковскій вбѣжалъ въ комнату, занимаемую штабомъ, и просилъ дать ему карандашъ, котораго напрасно искали по всему лагерю. Но карандаша не нашлось и у штабныхъ. «Хорошъ штабъ!»—воскликнулъ Бентковскій:—нѣтъ карандаша!»

— Ну, а довольно ли у васъ съѣстныхъ припасовъ и оружія?

— Что касается до съѣстныхъ припасовъ, а особенно до вина и водки, то въ этомъ у насъ полное изобиліе. Наши люди ѣдятъ до отвала и пьютъ, сколько хотятъ, но оружіе у насъ въ плохомъ состояніи. Каждый начальникъ отряда дѣлитъ своихъ людей, какъ ему вздумается. Иной дѣлитъ ихъ на взводы, другой на плутоны, такъ называли части роты въ старину въ нашихъ польскихъ войскахъ; говорю вамъ, порядку мало.

— Надѣетесь ли вы на успѣхъ возстанія?

— Если было бы въ нашихъ рядахъ побольше единомышленниковъ. Честныхъ людей очень мало. Всякій думаетъ только о себѣ, и всякій хочетъ только поживиться, пользуясь смутнымъ временемъ и минутной властью.

Его слова дышали неподдѣльной горечью. Я чувствовалъ, что онъ говоритъ правду, но смута всегда влечетъ за собою неурядицу, выдвигаетъ людей съ хищническими помыслами и наклонностями. Все это въ порядкѣ вещей. Послѣ этого разговора я предложилъ ему отдохнуть. Нечего и говорить, что остальная часть ночи прошла безъ сна.

На разсвѣтѣ мы покинули костель, оказавшій намъ такое широкое гостепріимство, и въ которомъ мы оставили, по всей вѣроятности, не особенно лестную память.

Грохольскій былъ посаженъ на свою лошадь и ѣхалъ, имѣя по сторонамъ двухъ объѣздчиковъ. Сзади слѣдовалъ за нимъ его слуга подъ такимъ же конвоемъ.

Когда мы такимъ образомъ направлялись домой, впереди по дорогѣ показалась кучка людей, между которыми виднѣлись всадники. Когда мы подъѣхали ближе, я увидалъ, что это охотники, и одного изъ нихъ я узналъ. Это былъ Рудницкій, сынъ стараго пана Ксаверія, владѣтеля имѣнія, Бѣжець. Рудницкій, молодой человекъ, бѣлокурый, красивый съ голубыми глазами и длинными усами, много разъ сопровождалъ меня на охоту. Онъ стоялъ по колѣно въ грязи въ высокихъ сапогахъ около чернаго зарѣзаннаго кабана, къ которому рвались собаки, взятые на свору. Кабанъ былъ старый, матерой, насколько это можно было судить по его росту и желтымъ изогнутымъ клыкамъ.

Рудницкій замѣтилъ плѣнника, и лицо его приняло серьезное выраженіе. Когда мы подъѣхали, то онъ поклонился мнѣ. Дроги, на которыя хотѣли взвалить кабана, преграждали путь, поэтому поневолѣ пришлось остановиться. Въ это время изъ лѣсу выѣхало еще нѣсколько человекъ, между которыми была Софья или Зося, сестра Рудницкаго. Она сдѣлала мнѣ знакъ рукой, и я къ ней приблизился.

— Позвольте мнѣ поговорить съ вашимъ плѣннымъ,—сказала она.

Я отвѣчалъ, что сдѣлать этого никакъ не могу.

Тогда она съ удивленіемъ замѣтила мнѣ, что я былъ частымъ гостемъ въ усадьбѣ ея отца, всѣ они принимали меня радушно, и что если я не хочу теперь оказать ей такой маленькой услуги, то весьма обижу ее этимъ.

Напрасно я вразумлялъ ее и говорилъ, что везу повстанца, захваченнаго съ оружіемъ въ рукахъ; она упорно твердила:

— Все это мнѣ не нужно знать, я только понимаю, что вы злой и упрямый человѣкъ.

— Да что вамъ надо отъ него?—сказалъ я:—ну, извольте, поговорите съ нимъ, если это доставитъ вамъ удовольствіе.

Тогда она, давъ шпоры своей лошади, быстро приблизилась къ Грохольскому, и они заговорили по-польски, понизивъ голосъ. Несмотря на это, я догадался, что онъ проситъ ее сообщить его товарищамъ, что онъ захваченъ, и что письма его не будутъ доставлены по назначенію. Тогда я приказалъ одному изъ объѣзчиковъ встать между панной Зосей и Грохольскимъ и попросилъ ее отъѣхать.

— Вотъ видите,—сказалъ я:—вы сейчасъ же воспользовались моей уступкой для того, чтобы мнѣ же сдѣлать непріятность. Я слышалъ, что онъ вамъ сказалъ про письма, и это дурно съ его стороны, потому что я относился къ нему до сихъ поръ очень хорошо.

Я приказалъ своей командѣ ѣхать дальше.

По прибытіи въ мѣстечко я доложилъ полковнику о привезенномъ мною плѣнникѣ. Полковникъ, собравъ нѣсколькихъ офицеровъ, велѣлъ привести Грохольскаго въ канцелярію и произвелъ ему строгій допросъ. Я находился тоже въ числѣ присутствующихъ.

Здѣсь плѣнникъ подтвердилъ, что Лангевичъ былъ дѣйствительно назначенъ диктаторомъ, а военнымъ министромъ его былъ назначенъ Высоцкій, министромъ иностранныхъ дѣлъ и вмѣстѣ начальникомъ штаба Владиславъ Бентковскій, братъ котораго, майоръ Бентковскій, находился въ отрядѣ князя Багратіона, командовавшаго отрядомъ въ Мѣховѣ. Ченгери, пробѣжавъ письмо къ Чаховскому, спросилъ:

— Почему же отъ васъ ушелъ Чаховскій?

На это Грохольскій отвѣчалъ:

— Онъ находился не въ ладахъ съ Лангевичемъ и не считалъ его пригоднымъ быть вождемъ народнаго движенія.

— Можетъ быть, это и вѣрно,—сказалъ полковникъ:—что же касается до Чаховскаго, то онъ за себя постоитъ и еще надѣлаетъ намъ немало хлопотъ.

Затѣмъ, обращаясь къ Грохольскому, онъ прибавилъ:

— Въ виду вашего чистосердечнаго сознанія, я буду просить о снисхожденіи къ вамъ, но я долженъ буду отослать васъ въ Варшаву, такъ какъ держать васъ у себя не имѣю права.

На слѣдующій день Грохольскій былъ отправленъ съ жандармами въ Варшаву. Впослѣдствіи я узналъ, что онъ отдѣлался только ссылкой, и это было великое счастье, такъ какъ большую часть предводителей мятежниковъ немедленно разстрѣливали.

Предупрежденіе полковника относительно того, что мы должны будемъ выступить противъ Лангевича, заставило насъ приняться за сборы къ походу. Мои сборы, какъ всегда, были недолги. Въ это время я получилъ два письма изъ Варшавы. Одно изъ нихъ было отъ Ловатскаго. Онъ мнѣ сообщалъ, что ему придется выступить съ батареей въ Сѣдлецкую губернію. Затѣмъ онъ подробно описалъ мнѣ настроеніе варшавскихъ жителей. Вотъ, между прочимъ, что онъ писалъ мнѣ:

«Вѣсть о диктаторѣ съ неизмовѣрной быстротой въ нѣсколько часовъ разлетѣлась по городу и произвела возбуждающее впечатлѣніе на народъ. Никто, однако, не помышляетъ здѣсь о послѣдствіяхъ диктатуры, никто не дѣлаетъ никакихъ соображеній, всѣ рады, не зная почему. Всѣмъ кажется, что возстаніе шагнуло впередъ. Всѣ потираютъ руки, глядятъ смѣло и весело, повторяя, какъ дѣти: «итакъ, у насъ диктаторъ». А дамы, наши бойкія, юркія варшавянки, бросились выпивать диктатору знамена. Представьте себѣ, жена мнѣ говорила, узнавъ о диктатурѣ, что ничего бы болѣе не хотѣла, какъ только броситься подъ ноги уланскихъ коней диктатора, чтобы они ее растоптали. При этомъ она блѣднѣла отъ крайне возбужденнаго состоянія, и слезы стояли у нея на глазахъ.

«Въ городѣ началась подписка на поднесеніе Лангевичу почетной шпаги. Жена слышала, что въ лагерь Лангевичу отправлено около тридцати тысячъ франковъ. Говорятъ, что баккиръ Леопольдъ Кроненбергъ беретъ устроить для возстанія безпроцентный заемъ милліона въ два рубля; онъ только ждетъ декрета отъ диктатора. Всѣ толкуютъ о томъ, что у диктатора адъютантомъ дѣвица Пустовойтова. Карточки ихъ обоихъ требуются въ такомъ количествѣ, что фотографы едва успѣваютъ ихъ дѣлать, хотя берутъ не дешевле рубля за штуку».

IX.

Мы стояли въ Ендржеевѣ. Лагерная жизнь того времени извѣстна. Утромъ ученье, въ полдень разговоры въ канцеляріи съ адъютантомъ и другими офицерами о военныхъ вѣстяхъ и ходѣ возстанія. Затѣмъ обѣдъ у командира полка или когонибудь изъ товарищей, а вечеромъ развлеченія, какія кому по душѣ и по средствамъ.

Было немало охотниковъ поиграть въ карты. Самыя любимыя игры были въ штоссъ и въ банкъ. Банкометъ ставилъ рублей пятьдесятъ, и случалось, что къ утру въ банкѣ бывало до нѣсколькихъ

сотъ рублей. Любопытно то, что игра велась въ какомъ нибудь кружкѣ, и деньги переходили отъ одного офицера къ другому; а такъ какъ тратитъ ихъ было не на что, то онѣ и сохранялись, продолжая совершать свое движеніе по рукамъ. Выходило нѣчто въ родѣ безпроигрышной лотереи. Но случилось, что кто-то изъ моихъ товарищей, выигравъ крупный кушъ, купилъ на другой день дорогую коляску. На что ему понадобилась эта коляска, Богъ вѣсть; больше всего тутъ выигралъ, конечно, жидъ-факторъ, устроившій эту покупку у одного изъ окрестныхъ помѣщиковъ, но, какъ бы то ни было, деньги изъ игравшаго кружка ушли. Всѣ остальные партнеры были этимъ такъ недовольны, что рѣшили было исключить щедрого игрока изъ своего кружка, что, конечно, не состоялось, но, тѣмъ не менѣе, они обязались не растрчивать своего выигрыша. Въ полку въ мѣстечкѣ надъ этимъ много смѣялись.

Другая часть офицеровъ любила выпить. Эти въ карты не играли, но предпочитали рассказы, преимущественно фантастическіе, о привидѣніяхъ и покойникахъ. При этомъ они варили жонку и исправно потягивали ее. Какъ соединялось такое разгульное веселье съ напоминаніемъ о загробномъ мірѣ, оставалось тайной.

Былъ и третій сортъ офицеровъ, которые предпочитали всѣмъ развлеченіямъ любовныя похождения. Долженъ сказать, что ихъ приключенія были крайне незатѣйливы. Въ то время не было и помину о тонкомъ, изящномъ, богатомъ отгѣнками флиртѣ. Правда, считалось правиломъ выказывать всяческое уваженіе дамамъ. Были въ модѣ мадригалы, стихи, подношенія, свиданія при лунѣ, чувствительные романсы въ родѣ «Когда бъ онъ зналъ» и «Скажите ей», но когда дѣло касалось реальной стороны любовной горячки, то тогда на сцену являлись тѣ же жида и устраивали свиданія съ разными Маруськами, Вандами, Зосями, Гесями и Зельдами.

Я не принадлежалъ ни къ одному изъ этихъ кружковъ. Сказать по правдѣ, я вель ту же жизнь, что и въ Житомирѣ. Занималъ я небольшую горенку у нѣмца булочника, а прислуживалъ мнѣ денщикъ.

Въ томъ же домѣ, гдѣ была канцелярія, находился буфетъ и библіотека. Таково было наше скромное офицерское собраніе. Въ обѣденные часы и по вечерамъ тамъ можно было встрѣтить много офицеровъ, но въ другое время собраніе было обыкновенно пусто, и потому я любилъ ходить въ библіотеку утромъ, когда тамъ никого не было.

Однажды я возвращался изъ канцеляріи. Тамъ рассказывали, что въ Мѣховѣ 12-го марта новаго стиля узнали о томъ, что Лангевичъ провозглашенъ въ Гоцѣ диктаторомъ. Говорили, что начальникъ стоящаго тамъ отряда, князь Багратіонъ, послалъ сейчасъ же майора Бентковскаго (брата повстанца) съ тремя ротами смоленцевъ, полудескадромъ драгунъ, 20-ю казаками и 50-тью объѣздчиками для

произведенія рекогносцировки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагали армію диктатора. Бентковскій наткнулся на него 13-го марта новаго стиля близъ деревни Щепанковицѣ и имѣлъ съ нимъ небольшую перестрѣлку. Лангевичъ, видимо уклоняясь отъ боя, двинулся на деревню Маркотице и потомъ на селеніе Гуру. Бентковскій слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, и на другой день, 14-го марта новаго стиля, въ восемь часовъ вечера, снова имѣлъ перестрѣлку съ непріятельской цѣпью у селенія Гуры.

По мнѣнію наиболѣе опытныхъ офицеровъ, Лангевичъ направился теперь въ Хробжу со стороны Пинчева (такъ назывались два великолѣпныхъ имѣнія Велепольскаго). Мнѣнія расходились только относительно числа войска, какимъ онъ могъ располагать. Во всякомъ случаѣ думали, что у него находится подъ ружьемъ не менѣе 10-ти тысячъ человекъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ только три. Поэтому было удивительно, почему онъ не разбилъ и не уничтожилъ совсѣмъ незначительнаго отряда Бентковскаго, о силахъ котораго онъ не могъ не знать, такъ какъ развѣдочная служба у поляковъ велась весьма исправно.

Размышляя о слышанномъ, я увидалъ на улицѣ повозку, запряженную парой лошадей. Въ ней сидѣлъ почтеннаго вида господинъ, лицо котораго показалось мнѣ знакомымъ. Вглядѣвшись въ него внимательнѣе, я воскликнулъ:

— Господинъ Петровъ, никакъ это вы?

Дѣйствительно, это былъ знаменитый шахматистъ. Онъ тотчасъ приказалъ остановить лошадей и радушно поздоровался со мной. Потомъ онъ, окончательно припомнивъ, кто я, вдругъ хлопнулъ себя рукой по лбу и воскликнулъ:

— Ахъ, какой счастливый случай! Сама судьба посылаетъ мнѣ васъ,—и, наклонившись къ моему уху, онъ тихо проговорилъ по-французски:—скажите, пожалуйста, гдѣ теперь Лангевичъ?

Признаюсь, я былъ озадаченъ. Сказать ему правду было нельзя, за это я могъ понести серіозную отвѣтственность. Во всякомъ случаѣ разговаривать на улицѣ было неудобно, и я предложилъ Петрову поѣхать ко мнѣ на квартиру.

— Садитесь въ мой экипажъ, кстати я еще кое о чемъ спрошу васъ.

Такое начало не предвѣщало ничего добраго. Разсѣянный, наивный и милый шахматистъ, повидимому, совершенно не предполагалъ, въ какое затруднительное положеніе онъ ставитъ меня. Въ его характерѣ было столько чистоты и дѣтскаго простодушія, что въ данномъ случаѣ, обращаясь ко мнѣ со своей просьбой, онъ, безъ сомнѣнія, судилъ по себѣ, и мнѣ казалось страннымъ, какъ онъ могъ, совмѣщая въ себѣ такія противоположныя качества, составить себѣ служебную карьеру.

Войдя ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Ну, неказисто вы живете, да и то сказать, по-походному. Мнѣ говорили въ Варшавѣ, что въ Радомской губерніи всѣ войска только и дѣла дѣлають, что гоняются за польскими бандами.

Затѣмъ, понизивъ голосъ, онъ продолжалъ:

— А вѣдь вы знаете, дѣла поляковъ, ухъ, какъ поправляются. Я вѣдь былъ у Лангевича въ Сташовѣ. Я видѣлъ, какъ онъ живетъ и какъ дѣйствуетъ. Это—настоящій вождь. Посмотрите, что онъ сдѣлалъ изъ польскихъ хлоповъ. Вы увидите, что они пойдутъ въ атаку, какъ на ученѣ, когда дѣло дойдетъ до серьезнаго столкновенія. Какъ хорошо у него организована провіантская часть, обозъ. Да и не мудрено: профессоръ военной школы, человѣкъ съ огромными познаніями въ ратномъ дѣлѣ. Я всегда буду вспоминать о немъ съ благодарностью, хотя, признаться сказать, онъ поставилъ меня въ весьма затруднительное положеніе. Дѣло въ томъ, что меня захватили въ плѣнъ, и Лангевичъ отпустилъ меня съ тѣмъ условіемъ, что я внесу за себя выкупъ въ 10 тысячъ злотовъ.

— Такъ вы хотите, Александръ Дмитриевичъ, ему послать эти деньги?—спросилъ я.

— Ну, нѣтъ, батюшка, придется отвезти ихъ самому. Это дѣло слишкомъ щекотливое. Такъ скажите, пожалуйста, гдѣ мнѣ его искать? Я вѣдь знаю,—тутъ онъ приподнялъ указательный палецъ кверху, — что онъ находился въ Гощѣ, и что онъ теперь провозглашенъ диктаторомъ. Вы увидите, этотъ человѣкъ далеко поидетъ, я вѣрю въ его звѣзду. Но мнѣ сказали, что онъ уже спустился изъ Гощи. Вы, навѣрное, должны имѣть объ этомъ точныя свѣдѣнія.

— Вы меня спрашиваете о такихъ вещахъ, на которыя я не могу отвѣчать. Представьте себѣ, что я узнаю въ канцеляріи или въ штабѣ, гдѣ теперь Лангевичъ, и сообщу это вамъ, а вдругъ выйдутъ какія нибудь недоразумѣнія. Тогда меня прямо подъ судъ. Нѣтъ, пожалуйста, не спрашивайте меня ни о чемъ.

Его лицо омрачилось.

— Экій, какой вы, право.

— И откуда вы узнали, что Лангевичъ въ Гощѣ?—спросилъ я.

— Мнѣ сказала это одна дама, Пустовойтова,—не колеблясь отвѣтилъ Петровъ.

— Анна Теофиловна?—воскликнулъ я, мѣняясь въ лицѣ.

— Ну, да, конечно, она, я ее давно знаю, еще съ тѣхъ поръ, какъ она была воспитанницей Пулавскаго института; а потомъ мы съ ней видѣлись въ Сташовѣ. Она и васъ очень хорошо знаетъ,—прибавилъ онъ и улыбнулся такъ тонко и насмѣшливо, что я смутился.

— Это она вамъ тоже говорила?

— Если хотите, говорила. Говорила, что видѣла васъ въ Саксонскомъ саду.

Тутъ я всталъ, чтобы скрыть свое полное замѣшательство.

— Такъ вотъ видите, какой вы,—продолжалъ онъ:—васъ просятъ о маленькой услугѣ. Вѣдь я и вамъ могу пригодиться. Анна Теофиловна уѣхала въ Гощу. Если я ее увижу, я могу ей передать поклонъ отъ васъ. Меня тяготитъ исторія съ этимъ несноснымъ долгомъ. Такъ случилось, что деньги есть у меня, а можетъ быть, черезъ недѣлю ихъ не будетъ. Да не можетъ быть, чтобы у васъ не знали, гдѣ Лангевичъ.

Что касается меня,—твердо отвѣтилъ я,—то я совершенно не знаю этого. Всѣ извѣстія относительно нашихъ и непріятельскихъ войскъ содержатся въ величайшей тайнѣ. Не только мы, простые офицеры, но и начальники отрядовъ постоянно получаютъ приказанія идти въ то или другое мѣсто, совершенно не зная для чего, и только въ пути имъ сообщаютъ о томъ, что должно быть конечной цѣлью ихъ дѣйствій.

— Я здѣсь, въ Ендржеевѣ, нахожусь совершенно случайно,—говорилъ Петровъ, ходя по комнатѣ.—У меня не хватило денегъ, а тутъ я могъ получить одинъ старый долгъ. Я и получилъ его. Въ томъ домѣ мнѣ совѣтовали ѣхать въ Пинчевъ и говорили, что Лангевичъ находится въ тѣхъ мѣстахъ. Правда ли это,—я не знаю.

— Неужели вы рассказывали, что такъ таки прямехонько ѣдете къ Лангевичу?

— А что мнѣ тутъ скрывать? Я не воръ и не грабитель, не политической авантюристъ. Я просто человѣкъ, давшій честное слово и желающій его исполнить. Тутъ я не вижу ничего предосудительнаго.

Я не могъ ничего возразить противъ такого сужденія. Пока мы такъ разговаривали, денщикъ подалъ самоваръ, заварилъ чай и налилъ намъ стаканы. Петровъ началъ рассказывать о томъ, какъ вели себя поляки въ Варшавѣ. Когда мы такъ разговаривали, въ комнату вошелъ поручикъ К., мой хорошій пріятель, находившійся въ отрядѣ майора Бентковского.

— Очень радъ, что засталъ васъ,—сказалъ онъ.—Я только что пріѣхалъ изъ Гуры. Мы все время висѣли на хвостѣ у Лангевича.

— Такъ онъ въ Гурѣ! — воскликнулъ Петровъ: — ну, такъ больше мнѣ ничего и не надо знать.

К. смутился и взглянулъ на меня, но я поспѣшилъ его успокоить.

— Это—мой хорошій знакомый, при немъ вы можете говорить о чемъ угодно. Его превосходительство,—прибавилъ я:—самъ находился въ плѣну у поляковъ и хорошо познакомился съ ними.

Петровъ былъ въ штатскомъ платьѣ, и я назвалъ его генераломъ, чтобы нѣсколько характеризовать его въ глазахъ К.

— Дайте мнѣ чаю, — продолжалъ поручикъ: — я чортovski усталъ. Я передалъ полковнику Ченгери пакетъ отъ Бентковскаго. Въ канцеляріи у васъ никого нѣтъ, едва отыскалъ квартиру вашего полковника. Ночь не спалъ, прошлую ночь тоже не спалъ. Съ 13-го марта мы, какъ гончія, валимъ по горячему слѣду.

И онъ сталъ рассказывать о нѣкоторыхъ подробностяхъ изъ этого преслѣдованія. Въ одномъ помѣщичьемъ домѣ Бентковскій захватилъ кружокъ подозрительныхъ лицъ, повидимому, замѣшанныхъ въ политическихъ дѣлахъ. Ихъ всѣхъ арестовали. Затѣмъ были схвачены два повстанскихъ лазутчика, пробиравшихся лѣсами по проселочной дорогѣ въ двухъ большихъ повозкахъ. Одна повозка, гдѣ сидѣла какая-то женщина, была набита рубахами, сѣдлами и небольшими походными котелками. Всего было тамъ, по словамъ К., 150 рубахъ, 100 котелковъ и 5 сѣделъ. Кромѣ того, былъ найденъ чемоданъ съ кокардами и цвѣтными перевязками на рукава для начальниковъ.

Въ другой повозкѣ сидѣлъ господинъ, назвавшійся англійскимъ корреспондентомъ. Когда къ нему подбѣжали солдаты, онъ выбросилъ незамѣтно огромный пакетъ, а когда его взяли, онъ заговорилъ по-англійски. Пакетъ вскрыли, нашли письма подозрительнаго свойства на польскомъ языкѣ. Изъ нихъ было особенно важно одно письмо на имя Лангевича. Въ этомъ письмѣ сообщали, что одинъ краковскій отрядъ съ двумя нарѣзными австрійскими батареями желалъ соединиться съ повстанцами и только спрашивалъ, какъ лучше это сдѣлать. Офицеры въ отрядѣ Бентковскаго были поражены такой явной измѣной австрійцевъ, которые очевидно позволяли дезертировать двумъ своимъ батареямъ въ царство Польское. Это письмо къ диктатору было подписано 15-ю австрійскими офицерами поляками и въ томъ числѣ двумя командирами нарѣзныхъ батарей. Когда эти письма предъявили «англійскому корреспонденту», то онъ признался, что онъ краковскій банкиръ Фалькенштейнъ, и заговорилъ по-польски.

Задержкой этихъ двухъ лицъ ограничились дѣйствія отряда Бентковскаго. Ничего серьезнаго онъ не могъ предпринять со своими небольшими силами и, только не спуская глазъ съ банды Лангевича, двигался за ней къ Хробжѣ, деревнѣ, лежащей на правомъ берегу рѣки Ниды, въ 25 верстахъ отъ австрійской границы. Бентковскій рассчитывалъ, что вскорѣ въ этихъ мѣстахъ появится какой нибудь изъ нашихъ отрядовъ, и тогда соединенными силами можно будетъ что либо предпринять. Поэтому онъ при первой возможности извѣстилъ полковника Ченгери о движеніи Лангевича и прислалъ его о содѣйствіи.

Болѣе подробныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ заключались въ письмѣ къ Ченгери, которое привезъ К. У Бентковскаго было три роты смоленцевъ и полуэскадронъ драгунъ. Нашъ отрядъ состо-

ялъ изъ трехъ пѣхотныхъ ротъ, а именно изъ трехъ ротъ смоленцевъ и одной роты Галицкаго полка; но, кромѣ того, Ченгери имѣли два эскадрона драгунъ, сорокъ казаковъ и, что важнѣе всего, взводъ батарейной и взводъ нарѣзной артиллеріи. Артиллерія всегда производила на банды самое тягостное впечатлѣніе.

Конечно, мы не знали, что предприметь Ченгери, но были увѣрены въ томъ, что онъ со своей стороны извѣститъ какойнибудь сосѣдній отрядъ, а, можетъ быть, и два.

По близости въ Мѣховѣ находился майоръ Яблонскій съ тремя пѣхотными ротами и двумя орудіями, а въ Стопницѣ стоялъ майоръ Загряжскій съ частью Смоленскаго полка и эскадрономъ драгунъ, готовый выступить всякую минуту, куда потребуютъ обстоятельства. Разумѣется, полковникъ Ченгери долженъ былъ извѣстить ихъ о бандѣ Лангевича, и рано или поздно вокругъ банды диктатора должны были собраться значительныя русскія силы.

Какъ бы то ни было, Петровъ въ данную минуту никакъ не могъ пожалѣть, что попалъ ко мнѣ, потому что онъ получилъ такія свѣдѣнія о мѣстопробываніи Лангевича, какими мы могли только располагать.

Посидѣвъ у меня еще нѣсколько времени, К. и Петровъ вышли. Петровъ усѣлся въ свою повозку и покатилъ по дорогѣ въ Хробжу. Однако, судьба, улыбнувшись ему, тотчасъ же повернулась къ нему спиной. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ города, онъ долженъ былъ остановиться вслѣдствіе поломки повозки, провалившейся на мосту. При этомъ онъ самъ сильно ушибся и вернулся въ Ендржеенъ.

Х.

Вечеромъ намъ было объявлено о выступленіи. Въ ночь съ 15-го на 16-ое марта новаго стиля мы двинулись въ походъ и переправились на правый берегъ Ниды. Едва только Лангевичъ, расположившійся лагеремъ у Хробжи, узналъ о переходѣ Ченгери на его сторону, онъ перешелъ на лѣвый берегъ Ниды и уничтожилъ за собою мостъ. Наши лазутчики, донесшіе объ этомъ, скоро вернулись съ другимъ извѣстіемъ, что Лангевичъ идетъ къ лѣсу, который называется Гроховискимъ. Тогда мы обратно переправились на лѣвый берегъ Ниды. Ночью, 17-го марта, перейдя Ниду въ бродъ, подошелъ къ намъ отрядъ майора Бентковскаго. Мы узнали, что по распоряженію полковника Ченгери изъ Стопницы двинулась часть отряда полковника Загряжскаго: третья стрѣлковая рота Смоленскаго полка подъ начальствомъ капитана Керавнаго и прапорщика Полотьева. Войдя въ Гроховискій лѣсъ, Лангевичъ занялъ тамъ крѣпкую позицію. Онъ сидѣлъ тутъ, какъ дикій кабанъ въ лѣсной

чащѣ, котораго со всѣхъ сторонъ окружили охотники, и который готовится продать дорого свою жизнь.

Къ намъ не замедлилъ подойти майоръ Яблонскій со своимъ отрядомъ, и тогда было рѣшено, что всѣ наши три отряда (Ченгери, Яблонскаго и Бентковскаго) поведутъ атаку противъ Лангевича.

Утромъ 18-го марта новаго стиля, разсыпавшись цѣпью, наша пѣхота начала наступленіе противъ непріятели. Сгоряча наши стрѣлки далеко продвинулись впередъ, но ихъ встрѣтилъ изъ лѣсу столь сильный штуцерный огонь, что они остановились и принуждены были отступить, не сдѣлавъ повстанцамъ никакого вреда. Впослѣдствіи мы узнали, что штуцерными командовалъ отчаянно храбрый французскій полковникъ Рошебрюнъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій изъ Парижа. Лангевичъ поручилъ ему составить особый отрядъ польскихъ зуавовъ, что онъ и сдѣлалъ. Они-то и были «штуцерные». Рошебрюнъ сочинилъ для нихъ особую форму и носилъ ее самъ.

Къ довершенію нашей неудачи еще случилось слѣдующее прискорбное происшествіе: рота капитана Керавнаго, не имѣя точныхъ свѣдѣній о расположеніи нашихъ и повстанскихъ отрядовъ, а главное о численности банды Лангевича, слышавъ наши выстрѣлы, торопливо пошла на нихъ и опрemetчиво вступила въ Гроховскій лѣсъ. Повстанцы замѣтили оплошность Керавнаго и устроили ему засаду. Отрядъ его былъ вдругъ окруженъ большими массами непріятели. Самъ Керавный палъ, пробитый нѣсколькими пулями. Прапорщикъ Полотьевъ и 18 человекъ солдатъ были взяты въ плѣнъ, а остальные пробились къ нашему отряду и соединились съ нами подъ мѣстечкомъ Велечъ.

Весь отрядъ майора Загряжскаго былъ тотчасъ двинуть изъ Стопницы. Такимъ образомъ противъ банды Лангевича мы имѣли 13 ротъ пѣхоты, почти батарею артиллеріи и полкъ кавалеріи. Этихъ силъ было вполне достаточно, чтобы уничтожить казавшіяся столь страшными силы диктатора.

Наши роты такъ тѣсно обложили Гроховскій лѣсъ, что только случай могъ спасти Лангевича. Вскорѣ послѣ того изъ Стопницы пришелъ другой отрядъ подъ начальствомъ полковника Сорнева, который получилъ приказаніе отъ Ченгери итти черезъ мѣстечко Велечъ южнѣе Гроховскаго лѣса и занять прогалину между отрядами Ченгери и Бентковскаго.

Я былъ въ цѣпи, когда мы наступали противъ рошебрюновскихъ штуцерныхъ. Меня удивила стойкость польскихъ стрѣлковъ, но и то сказать, позиція, которую они занимали, была почти неприступна. Огромный, мрачный, черный, голый лѣсъ угрюмо стоялъ передъ нами, и изъ него тучей летѣли убійственныя пули. Повстанцевъ не было видно, только вылетавшій дымъ обнаруживалъ присутствіе то тутъ, то тамъ скрывшихся стрѣлковъ.

Когда было ясно, что повстанцевъ не выбить открытой атакой изъ лѣсу, и наши солдаты отведены были назадъ, тогда рѣшено было не выпускать изъ лѣсу никого.

Въ числѣ нѣсколькихъ другихъ офицеровъ я получилъ приказаніе отправиться на рекогносцировку и собрать возможно точныя свѣдѣнія о числѣ непріятеля и о позиціи, занимаемой имъ. Можетъ быть, съ этого надо было начать дѣло, но послѣ стычки у Хробжи, въ которой Лангевичъ не оказалъ почти никакого сопротивленія, думали, что онъ тотчасъ обратится въ бѣгство и изъ Гроховискаго лѣса.

Пользуясь темнотой, съ двумя конными объѣздчиками, я подъѣхалъ къ опушкѣ лѣса верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ мы атаковали Рошебрюна. Каждую минуту я опасался наткнуться на непріятельскій пикетъ, но никто насъ не останавливалъ. Въ лѣсу было тихо, казалось, тамъ все вымерло. Ободренные этимъ спокойствіемъ, мы углубились въ чащу. Между деревьями въ отдаленіи показались костры, вокругъ которыхъ сидѣли повстанцы. Далѣе двигаться было невозможно. Мы вернулись назадъ и стали объѣзжать мѣстечко Велечъ, которое, повидимому, было занято главными силами Лангевича. Оттуда несся звонъ оружія, нестройные голоса и крики разгульной военной толпы. Я выѣхалъ на пригорокъ и долго смотрѣлъ на маленькіе дома мѣстечка, едва обрисовывавшіеся въ ночномъ сумракѣ. Мое вниманіе привлекло яркое освѣщеніе одного большого дома. Вѣроятно, тамъ было какое нибудь сборище. Затѣмъ я проѣхалъ по направленію къ рѣкѣ Нидѣ, на которой уцѣлѣлъ мостъ. Я вернулся назадъ на разсвѣтѣ.

Утромъ Ченгери приказалъ нашему отряду перейти на сѣверную сторону лѣса къ деревнѣ Шанецъ. Такимъ образомъ южная сторона лѣса оказалась въ одномъ мѣстѣ открытою, чѣмъ и воспользовался Лангевичъ, который сейчасъ двинулъ сюда свои войска и къ разсвѣту 19-го марта новаго стиля занялъ селеніе Вислицу, гдѣ его штабъ расположился закусывать и пить чай.

Но вотъ что наканунѣ случилось въ Велечѣ: когда польскіе лазутчики донесли Лангевичу и его штабу, что Гроховискій лѣсъ окруженъ, тогда въ рядахъ повстанцевъ распространилось уныніе и смятеніе. Всѣ съ минуты на минуту ожидали ночной сквозной атаки русскихъ. Лагерь сбился въ глубину лѣса. Среди офицеровъ произошли беспорядки и ссоры. Лангевича обвиняли въ неумѣннн командовать, въ неумѣннн заставить себѣ повиноваться, а онъ упрекалъ своихъ товарищей въ распушенности и неповиновеніи.

— Не я ли, — говорилъ онъ, — посылалъ кавалерію въ атаку, подѣ Хробжей, и она не тронулась съ мѣста.

Въ отрядѣ Лангевича было много политическихъ авантюристовъ, заграничныхъ польскихъ помѣщиковъ, явившихся сюда

пожинать военные лавры и вмѣсто того сразу наткнувшихся на русскіе штыки и узнавшихъ на дѣлѣ, что такое холодъ, голодъ и безтолковое скитанье въ грязи по лѣснымъ трупамъ. Они шумѣли и негодовали болѣе всѣхъ,

Однако медлить было нечего. Всѣ сознавали, что подойди еще одинъ, два русскихъ отряда, и надежды на спасеніе не будетъ никакой. Придется или погибнуть всѣмъ до одного въ лѣсу или съ позоромъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ. Вчерашняя гроховиская побѣда, гдѣ героемъ явился Рошебрюнъ, а трофеемъ Керавный со своими смоленцами, теперь превращалась безъ единого выстрѣла въ тяжелое пораженіе. Во что бы то ни стало надо было предпринять что нибудь рѣшительное, надо было уйти изъ этого ужаснаго Гроховискаго лѣса, пробиться сквозь ряды облешихъ его москалей.

Лангевичъ со своимъ штабомъ расположился въ Велечѣ, и здѣсь былъ собранъ военный совѣтъ. Кромѣ Лангевича, здѣсь присутствовали: начальникъ штаба Бентковскій, генераль Езеранскій (начальникъ своей банды) и Валигурскій; полковники: Улятовскій, Карлъ Болеславскій и адъютантъ Пустовойтова.

Самое рѣшительное мнѣніе высказалъ Езеранскій. Онъ говорилъ, что диктатору слѣдуетъ немедленно уѣхать за границу, а банду распустить, и когда она разоидется, некого будетъ преслѣдовать. Затѣмъ, выждавъ время, нужно воспрянуть съ новыми силами.

Бентковскій твердо заявлялъ, что уходить за границу не слѣдуетъ. Это уронитъ диктатора въ глазахъ жонда и всѣхъ повстанцевъ. Slѣдуетъ просто перебраться въ Люблинскую губернію, что сдѣлать не трудно.

Улятовскій совѣтовалъ всѣми силами ударить на Кельцы. Лангевичъ былъ такъ утомленъ и разстроенъ, что не высказывалъ своего мнѣнія. Тогда большинство присоединилось къ Езеранскому, и совѣтъ постановилъ, что диктатору лучше всего скрыться за границу. Для того, чтобы это имѣло свое оправданіе, надо было написать соответственный, объясняющій дѣло, приказъ по войскамъ. Этотъ приказъ былъ изготовленъ тутъ же.

«Храбрые и вѣрные товарищи по оружію! Диктаторское управленіе мое требовало разрѣшенія многихъ гражданскихъ и военныхъ вопросовъ первостепенной важности, нравственной поддержки другихъ отрядовъ и направленія ихъ дѣйствій согласно одной и той же мысли. Нужно мнѣ было оставить на короткое время ваши ряды, съ которыми я такъ свыкъ послѣ той повстанской ночи ¹⁾, среди битвъ и всякой тяготы. Но мое убѣжденіе говорило, что право разстаться съ вами на нѣсколько дней я приобрѣту лишь побѣдою, а потому я принялъ бой подъ Сосновкой,

¹⁾ Разумѣется ночь съ 22-го на 23-е января новаго стиля 1863 года.

вызвалъ Москву на битву подъ Мѣховымъ, выдержалъ напоръ подъ Хробжей, вступилъ въ сраженіе подъ Гроховисками.

«Нынѣ оставляю лагерь, не прощаясь съ вами, ибо мое предпріятіе требуетъ тайны. Мнѣ нельзя вамъ сказать, по какой дорогѣ и куда я отправляюсь. Беру съ собою нѣсколько офицеровъ высшаго ранга, потому что многіе повстанскіе отряды нуждаются въ начальникахъ. Беру также 30 уланъ, которые возвратятся въ лагерь, какъ скоро эскортъ мнѣ будетъ не нуженъ. Корпусъ раздѣленъ на двѣ части, каждой данъ опытный командиръ, указанъ путь и назначеніе.

«Товарищи по оружію! Передъ лицомъ Бога и передъ вами я присягнулъ, что буду биться до послѣдняго издыханія. Присягѣ этой я не измѣнилъ и не измѣню. И вы торжественно присягнули повиноваться моимъ приказамъ и служить отчизнѣ: и вы не измѣните присягѣ! И такъ во имя Бога и отчизны будемъ биться противъ Москвы, пока не достигнемъ свободы и независимости! М. Лангевичъ».

Послѣ этого были сдѣланы секретныя приготовленія къ побѣгу. Диктатору приготовили телѣгу съ парюю добрыхъ лошадей и конвой, который долженъ былъ охранять его. Теперь слѣдовало ожидать удобнаго момента къ побѣгу.

Утромъ 19-го узнали, что Ченгери совершили движеніе къ сѣверной части лѣса, оставивъ проходъ въ южной. Когда отрядъ Лангевича вышелъ изъ лѣса черезъ этотъ проходъ, и офицеры его, какъ сказано, расположились въ Вислицѣ, диктаторъ сѣлъ съ Пустовойтовой въ телѣгу и пустился со своимъ конвоемъ по направленію къ рѣкѣ Нидѣ, переѣхалъ мостъ и достигъ у Опатовской таможи Вислы. Здѣсь они переправились черезъ Вислу съ небольшимъ количествомъ солдатъ, которые пробрались сюда лѣсами раньше.

Затѣмъ Лангевичъ и Пустовойтова прибыли въ австрійскую таможеню Устье и предъявили тамъ паспорта на имя графа Валигурскаго съ сыномъ. Паспортъ этотъ былъ выданъ шведскимъ посольствомъ въ Парижѣ. Лангевичъ изображалъ графа Валигурскаго-отца, а Пустовойтова графа Валигурскаго-сына. Къ телѣгѣ вышелъ управляющій таможей. Кругомъ толпились солдаты. Такъ какъ карточки Лангевича и Пустовойтовой, его адъютанта, были въ большомъ ходу, то ни минуты не было сомнѣнія въ томъ, кто такіе на самомъ дѣлѣ эти Валигурскіе. Однако управляющій спросилъ солдатъ:

— Знаете ли вы диктатора?

— Какъ не знать,—отвѣчали повстанцы:—вотъ онъ тутъ сейчасъ прошелъ, маленькой такой.

Послѣ этого Лангевича арестовали вмѣстѣ съ Пустовойтовой и отправили въ Тарновъ, а оттуда въ Краковъ, гдѣ посадили въ

цитадель. Пустовойтову посадили недалеко оттуда въ каменномъ домѣ, называвшемся «Телеграфъ», подъ присмотромъ полицейской дамы.

Когда по рядамъ повстанцевъ распространилась вѣсть о побѣгѣ диктатора, всѣ закричали: «измѣна, измѣна!» и ринулись къ Вислѣ, чтобы уйти за границу. Рошебрюнъ уѣхалъ немедля въ Парижъ. Только небольшая часть подъ начальствомъ бригадира Смѣховскаго повернула влѣво черезъ деревню Кошице на Черниховскій лѣсъ, но затѣмъ перешла границу и была здѣсь обезоружена австрійскими властями.

Когда наши лазутчики донесли, что Лангевичъ скрылся, русскіе отряды обыскали весь Гроховскій лѣсъ и, найдя направленіе, по которому уходили банды, двинулись также къ границѣ, гоня предъ собою остатки повстанцевъ и отбивая тянувшіяся вслѣдъ за ними повозки съ оружіемъ. Взятые фургоны съ оружіемъ везли австрійскіе и англійскіе штуцера со штыками въ видѣ ножа и охотничьи ружья. Холодное оружіе состояло изъ англійскихъ палашей и сабель. Большая часть оружія была въ крайне запущенномъ состояніи, поломана и заржавлена.

Отрядъ майора Загряжскаго увлекся въ своемъ яромъ преслѣдованіи этихъ немногихъ повстанцевъ до того, что не замѣтилъ, какъ очутился въ Галиціи. Увидѣвъ австрійскій столбъ въ Костельникахъ, Загряжскій велѣлъ остановить зарвавшихся далеко впередъ драгунъ и казаковъ, которые возвратясь привели плѣнными одного австрійскаго офицера и 11 рядовыхъ. Тѣмъ же отрядомъ были найдены брошенные повстанцами въ деревнѣ Чулицы близъ Иголоміевской таможи прапорщикъ Полотьевъ и рядовые изъ роты капитана Керавнаго. По ихъ словамъ, повстанцы не имѣли времени расправиться съ ними. Преслѣдованіе продолжалось до 25-го марта новаго стиля, т.-е. цѣлую недѣлю.

Наши офицеры говорили, что если бы мы не мѣняли положенія, окруживъ Гроховскій лѣсъ, безъ всякаго сомнѣнія, мы бы захватили въ плѣнъ Лангевича со всей его арміей. Покончивъ съ Лангевичемъ, отрядъ полковника Ченгери, въ которомъ и находился, возвратился въ Кельцы.

Неожиданный конецъ диктатуры взволновалъ всѣ умы, но никто не рѣшался считать Лангевича окончательно погибшимъ для дѣла возстанія. Разнесся слухъ, что за освобожденіе его предложили около шести тысячъ рублей. А польскія газеты, которыя, безъ сомнѣнія, были освѣдомлены хорошо о настоящемъ положеніи дѣла, нисколько не падали духомъ. Въ тотъ самый день, когда Лангевичъ былъ посаженъ въ цитадель на Вавелѣ (22-го марта новаго стиля), краковскій «Часъ» напечаталъ торжественную статью о побѣдѣ Лангевича подъ Гроховисками и Загостьемъ. При этомъ онъ объяснялъ поражение одной части его войска замѣшательствомъ,

возникшимъ вслѣдствіе того, что диктаторъ временно удалился неизвѣстно куда. При этомъ газета прибавляла:

«Неизвѣстность, гдѣ находится диктаторъ, и кратковременное удаленіе его изъ лагеря, однако, не придаютъ еще этой утратѣ общаго характера. Если бы допустить, что диктаторъ исчезъ совсѣмъ, то и отъ этого положеніе вещей мало бы измѣнилось. Онъ правилъ слишкомъ недолго и на небольшомъ пространствѣ для того, чтобы могъ сосредоточить въ рукахъ своихъ рычаги повстанской дѣятельности. Само званіе диктатора было не болѣе, какъ внѣшней формулой, подъ которой выразилась готовность на жертвы и самоотверженіе, выразилось то, чего хочетъ народъ. Но было бы заблужденіемъ считать, что отсюда ведетъ начало трудъ народный и настоящее движеніе».

Въ Варшавѣ жондъ народовой, переименованный въ диктаторскую исполнительную комиссію, очутился въ ложномъ положеніи. Но, тѣмъ не менѣе, отчаянная кучка людей, составлявшая его, не теряла духа. 22-го марта новаго стиля она приказала разбросать по улицамъ Варшавы литографированные листки съ описаніемъ побѣды Лангевича. Вышедшій тогда же номеръ «Руха» носилъ на себѣ диктаторскую печать съ подписью вокругъ: «Диктаторъ. Исполнительная комиссія»—«Dyktator. Komissya Wykonawcza».

Члены жонда, Гиллеръ и Юсифъ Яновскій, напрасно проискавъ диктатора около Гоши, узнали о его печальной судьбѣ и отправились за нимъ въ Тарновъ. Здѣсь они дали хорошую взятку караульнымъ и были допущены къ арестанту. Гиллеръ тотчасъ спросилъ у Лангевича:

— Что заставило васъ согласиться на принятіе диктатуры?

Лангевичъ отвѣчалъ:

— Если бы я не провозгласилъ себя диктаторомъ 10-го марта, 11-го былъ бы въ моемъ же лагерѣ диктаторомъ Мирославскій.

— Зачѣмъ вы бѣжали?

— Проклятый Езеранскій изъ зависти посовѣтовалъ мнѣ перейти Вислу. Выручите меня только изъ тюрьмы, я пойду бить москалей хоть съ оглоблей въ рукахъ.

Гиллеръ и Яновскій отправились въ Краковъ, гдѣ встрѣтились съ Бобровскимъ. Тутъ открылась во всѣхъ подробностяхъ исторія возведенія Лангевича въ диктаторы. Бобровскій, Яновскій и Гиллеръ, какъ настоящіе члены жонда, нарядили слѣдствіе надъ графомъ Адамомъ Грабовскимъ, самовольно присвоившимъ себѣ титулъ правительственнаго комиссара. Сопровождавшій Лангевича Юсифъ Колобковскій и Владиславъ Семинскій, какъ соучастники интриги, направленной къ потрясенію власти жонда, были тоже привлечены къ отвѣтственности. Призванный въ засѣданіе комиссіи Грабовскій краснорѣчиво защищалъ себя. Онъ указывалъ на исключительное положеніе дѣлъ, на опасность, которая грозила возстанію

со стороны Мирославскаго. Выходя изъ залы, онъ развязно со всѣми раскланялся и даже протянулъ руку самому строгому своему обвинителю Бобровскому.

— Такимъ, какъ вы, я не подаю руки,—отвѣчалъ Бобровскій.

Вечеромъ того же дня Грабовскій прислалъ къ нему своихъ секундантовъ. Бобровскій отказался драться. Въ городѣ поднялись по этому поводу сильныя толки и крики. Продолженіе засѣданій по дѣлу Грабовскаго сдѣлалось невозможнымъ. Тогда Бобровскій уѣхалъ въ Варшаву, и этимъ завершилась исторія диктатуры Лангевича.

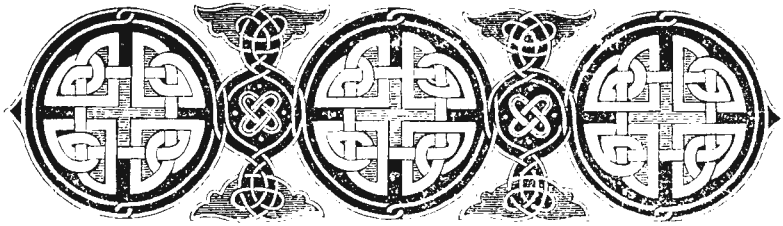
Такъ покончилъ свою карьеру диктаторъ. Всю жизнь онъ готовился къ тому, чтобы встрѣтиться съ русскими съ оружіемъ въ рукахъ лицомъ къ лицу, всю жизнь онъ велъ беспощадную постоянную войну съ русскимъ правительствомъ. Всѣ свои силы, всѣ свои знанія онъ положилъ на это дѣло. Будучи профессоромъ въ генуэзской школѣ, онъ не имѣлъ другихъ заботъ и думъ, какъ о томъ, чтобы обезпечить успѣхъ возстанія.

И вотъ, когда онъ столько сдѣлалъ, столько прожилъ, и оставалось ему только одно: явиться самому во главѣ войскъ, облеченному полной властью, рокъ сразу показалъ ему, что вся его дѣятельность, всѣ его стремленія, всѣ его планы, все это—страшное заблужденіе и соломинка передъ напоромъ грозной стихійной силы. И онъ почувствовалъ свою слабость въ этой своевольной, разгульной и развратной шайкѣ, которая назвала себя его штабомъ и осыпала его бранью и униженіями. Его приказанія безъ утвержденія штаба не имѣли силы; смѣялись надъ его маленькимъ ростомъ, надъ его невзрачнымъ видомъ, надъ его скромностью и воздержаніемъ. Тамъ, гдѣ нуженъ былъ человѣкъ съ желѣзной волей, грубый, жестокій, заставляющій все тренетать передъ своей свирѣпостью и передъ своей животной жестокостью, какимъ бываетъ всякій настоящій диктаторъ, и вотъ на это мѣсто попалъ слабый, нѣжный, мечтательный, нерѣшительный, широко образованный и гуманный Лангевичъ. Онъ началъ свою военную дѣятельность участіемъ въ экспедиціяхъ Гарибальди противъ Неаполя въ 1860 г. и кончилъ ее въ 1863 году, бѣжавъ изъ Гроховискаго лѣса.

Анатолій Леманъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ¹⁾.

III.

Старожилы.

ВЫКНОВЕННО селенія Черноморскаго побережья расположены своими постройками неправильно, чему въ большой степени, конечно, способствуетъ гористая мѣстность. Турлучныя, бѣлыя хаты на возвышенностяхъ ярко выдѣляются и блестятъ на солнцѣ среди зелени черешень и сливъ—это веселыя хаты, не производящія неприятнаго, даже гнетущаго впечатлѣнія, какъ жилища низовыя, построенныя въ лощинахъ, ямахъ, гдѣ лужи и грязь, долго не просыхая, составляютъ превосходное ложе для свиней, которыя лѣниво похрюкиваютъ и сладострастно дремлютъ подѣ знойнымъ солнцемъ юга.

Непривѣтливо и темно въ такихъ хатахъ, сыро и мрачно въ садочкахъ, сплошь заросшихъ крапивой и бурьяномъ. Невольно думается при видѣ такихъ хатокъ о лихорадкѣ и о томъ, почему люди залѣзли въ такую дыру, когда тамъ, совсѣмъ недалеко, на горкѣ, такъ вольготно и свѣтло, и роскошный, и далекій видъ на море.

Но старожилы—не эстетика, они не любятъ безпокойнаго вѣтра и считаютъ земли нагорныя хуже низовыхъ, гдѣ у нихъ хорошо («добре») растутъ картофель и бураки.

Да и вообще старожилы характера угрюмаго, люди недовольные, надутые чванной казацкой спесью.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ ХСII, стр. 829.

— Мы не мужики,—говорятъ они,—мы на казацкомъ положеніи, собственники, мы первые поселились здѣсь, когда черкесы ушли... Потомъ стали къ намъ селить изъ Россіи новожиловъ... хорошо имъ, когда пришли на готовое, а поживи-ка въ то время...

— Что же? Трудно было?..

— И, и, какъ трудно!.. Привезли насъ на пароходѣ, да въ шлюпкахъ и высадили на берегъ... живите, какъ знаете!.. Глянули: кругомъ горы, лѣсъ да горы... Какъ приступиться, какъ хозяйствовать, не знаемъ, хатъ никакихъ нѣтъ. Зачали рубить для постройки лѣсъ... Кто поставилъ хату, кто не успѣлъ... Какъ пошла, милый человекъ, валить насъ лихоманка эта самая... и, Боже мой!.. такъ почти всѣ въ лежку и полегли. Стали мереть, особенно дѣти. А тутъ черкесы скотъ угоняли, убивали нашихъ...

— Вы говорили, что черкесы выселились?

— Не всѣ. Кои пооставались и жили въ такихъ горныхъ трущобахъ, что и добраться не можно было... Натерпѣлись мы отъ нихъ, пока не переловили окаянныхъ...

— Тогда стало лучше, вольготнѣе?

— Еще бы!.. Да и привыкать стали къ климату, значить. Болѣзни да черкесы много вреда намъ принесли. Разрабатывать, расчищать изъ-подъ лѣса начали землю, хозяйствовать, а тутъ...

Глаза старожила или старосела подергиваются недобрымъ огонькомъ, въ голосѣ слышится раздраженіе, когда онъ продолжаетъ о новыхъ поселенцахъ, или новожилахъ.

— Стало начальство присылать къ намъ новыхъ людей изъ Россіи, землю имъ давать... Намъ что же? Земель кругомъ много, лишь бы нашей не трогали, которая расчищена. Отчего человекъ въ свое общество не принять? Да и не думали, что много ихъ селить будутъ. Первые поставили хаты смежно съ нашими, мы имъ подъ усадьбу и планы отрѣзали. Развѣ въ то время мы знали, что такая смута выйдетъ и непорядки?

— Какіе непорядки?

— А земли наши заняли, въ нашемъ юрту. Имъ вонъ (старожилъ показалъ въ даль на горы) гдѣ надо селиться, а они къ намъ на шею сѣли! Общество все мутять... Прямо бѣдовое дѣло! Начальство должно намъ выдѣлить наши земли, потому мы по заслугамъ и по высочайшему положенію.

— Знаю,—подтвердилъ я.

— Знаете? А не знаете, когда раздѣлъ будетъ?

— Этого не знаю. Да и трудно теперь подѣлить васъ, больно вы съ новыми жителями помѣшались на земляхъ. Тутъ старожилово поле, рядомъ новожилъ расчистилъ землю и т. д. При дѣлѣжѣ вѣдь кого нибудь обидѣтъ придется.

— Насъ трогать нельзя,—настойчиво и сердито твердитъ старожитель,—мы первые сюда пришли, казаки, православные. Пушай

ихъ селятъ, гдѣ знаютъ, своихъ земель мы не отдадимъ, нѣтъ! Попробуй перетерпѣть, что выпало на нашу долю! Горе одно!

— Что же вы хлѣбъ стали сѣять? Какое хозяйство вели?

— Извѣстно, хлѣбъ, картошку. А то что же?! Да хлѣбъ развѣ такъ родить здѣсь, какъ у насъ на Кубани? Сравненія нѣтъ никакого. Своимъ хлѣбомъ не проживешь, покупать надо, а пудъ его 1 рубль 60 коп. стѣить. Откуда такіе гроши возьмешь?

— Сады, говорятъ, хорошіе черкесы оставили?

Старожитель при этомъ вопросѣ оживился и даже спустилъ свою обычную угрюмость.

— Сады?!—переспросилъ онъ и инымъ тономъ продолжалъ:— сады богатые были по ущельямъ. Сколько фруктовъ, орѣховъ... и, Боже мой! Добрые, хорошіе фрукты! Бергамоты въ кулакъ, яблоки— во какіе! И сладкіе же, добре сладкіе. Какъ поспѣютъ, съ одного дерева 25, а то болѣе пудовъ натрусись.

— Куда же вы ихъ дѣвали?

— А въ Екатеринодаръ... Какъ куда?! Въ городѣ на хлѣбъ мѣняли, пудъ на пудъ. Натрусись пудовъ 75 или 100 да и въ городъ, а оттуда съ хлѣбомъ до дома. Мы и теперь возимъ, не столько, какъ прежде, но все-жъ хлѣбъ добываемъ.

— Значить, и до сихъ поръ на черкесскій счетъ живете?.. Отчего же меньше теперь возите?

— Фруктовъ стало не такъ богато, старыя деревья пропали, которыя... ну, и менѣе фруктовъ...

— Что же вы ухаживали за черкесскими садами, обрѣзали, окапывали ихъ?..

— Ни!.. Боже мой!.. Зачѣмъ?!.. такая богатая фрукта была...

— Значить, совсѣмъ не поддерживали плодовыхъ деревьевъ?

— Кохатъ мы ихъ не кохали,—отвѣчалъ старожитель,—а порядокъ поддерживали...

— Порядокъ поддерживали!.. — удивился я. — Какой же порядокъ?.. Что-то не совсѣмъ понимаю!..

— А какъ же!? Мы всѣ деревья обществомъ подѣлили, поровну на каждую семью... Вотъ твои фрукты, а чужіе ни, ни... Запретъ и штрафъ!.. Десять карбованцевъ!.. Правда, урожаи годъ на годъ не приходились, а бывали такіе, что хлѣба до посѣва, а то и до новаго хватало.

— Стало быть, было за что поблагодарить черкесовъ?!.. Отчего же вы сами до сихъ поръ не занимаетесь садоводствомъ? Вѣдь отлично понимаете, что дѣло выгодное, хорошее дѣло!

— Есть, которые занимаются... Развѣ мало у нашихъ садочковъ?... Развѣ не видали, какія и груши, и яблоки?

— Видѣлъ, что растутъ, а чтобы деревья были окопаны, чтобы за ними ухаживали,—этого я не замѣчалъ... Растутъ, какъ растеть дубъ, акаціи...

- Не знаемъ мы, какъ кохать ¹⁾... да и такъ растутъ добре!..
 - Чѣмъ же вы больше занимаетесь?.. хлѣбопашествомъ?..
 - Да, хлѣбопашествомъ, лѣсъ возимъ...
 - Какой лѣсъ?..
 - Нашъ лѣсъ, всякій... Рубимъ да возимъ на море.
 - Продаете, значить?
 - А то что-жъ?!.. Продаемъ... Рубимъ да продаемъ...
 - Очень просто!.. Лучше, чѣмъ плодоводствомъ заниматься?
 - Привычнѣе...
 - Ага!.. привычнѣе!..—повторилъ я и распростился съ почтеннымъ старожиломъ, очевидно довольнымъ, что онъ такъ авторитетно и важно выложилъ передо мной свои хозяйственныя и другія соображенія.
- Я долго смотрѣлъ на еще стройную фигуру старика, въ черкескѣ, молодецки перетянутой ремнемъ, смотрѣлъ на важную походку и думалъ: «что это: непосредственность или косность? или и то, и другое вмѣстѣ?»

Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на Черноморскомъ кавказскомъ побережьи поселились первые русскіе люди, называющіеся теперь старожилами, и за все это время не только приспособились въ хозяйственномъ отношеніи къ мѣстнымъ, для нихъ совершенно новымъ условіямъ, но продолжали и продолжаютъ бороться за зерновое, хлѣбное хозяйство.

Хлѣбъ—это для нихъ все, главный и существенный предметъ потребленія, предметъ, при достаткѣ котораго они спокойны и довольны, считая свою хозяйственную культурную миссію исполненной. Второй, важный предметъ—травы, ибо безъ скота не будетъ и хлѣба.

Относительно плодоводства, виноградарства, табаководства, то пусть занимаются этимъ другіе, но не они, старожилы. Когда у нихъ полны амбары хлѣбомъ, когда крѣпокъ и силенъ ихъ скотъ, многочисленна и дисциплинирована семья, тогда они имѣютъ право на уваженіе въ станицѣ, тогда они—настоящіе, заправскіе старожилы.

Послѣ небольшой бесѣды во дворѣ старожила я былъ приглашенъ послѣднимъ въ хату. Когда я туда вошелъ, то хозяинъ проговорилъ: «гуляйте у насъ!»

«Гуляйте» на ихъ языкѣ значитъ: сидите, разговаривайте (балакайте), пейте чай или водку. Гуляйте значитъ не работайте, а проводите время такъ, «въ гостяхъ» по-нашему.

¹⁾ Ухаживать.

Языкъ старожиловъ—это смѣсь русскаго съ малорусскимъ и съ придаткомъ еще многихъ, Богъ знаетъ, какихъ словъ. Чистая комната въ хатѣ старожилы носила нѣсколько торжественный характеръ отъ множества образовъ въ переднемъ углу, разнообразнаго количества лубочныхъ картинъ отъ страннаго суда до какого-то невѣроятнаго сраженія и большой двухспальной кровати со множествомъ подушекъ.

Неуклюжій шкафъ хранилъ посуду и другія вещи, надъ столомъ висѣло зеркало, обладающее способностью показывать такія рожи, которыя намалеваны на упомянутыхъ картинкахъ, у грѣшниковъ въ аду.

Окна въ комнатѣ маленькя, туго затворяющіяся. Воздухъ въ комнатѣ прѣлый, удушливый, не знакомый съ вентиляціей.

Стѣнки комода были покрыты плѣсенью. Старые сапоги въ углу носили совершенно несвойственный имъ зеленый цвѣтъ.

Начинался чудный вечеръ. Зеленыя горы темнѣли, стихалъ морской вѣтеръ, и зной и жара июнскаго дня смѣнялись прохладнымъ ароматомъ освѣжающаго бриза.

Такъ не хотѣлось сидѣть въ этой торжественно-душной обстановкѣ, не хотѣлось «гулять» здѣсь, когда тамъ, на берегу моря, такъ хорошо, такъ поэтично... Хотя бы и не у моря, а вонъ тамъ, подъ веселой, вѣтвистой вишенкой, возлѣ плетня—тамъ бы было пріятнѣе «гулять».

Но хозяйева были другого мнѣнія, хозяйева такіе ласковые, вѣжливые, проникнутые православнымъ настроеніемъ. «Божьи старички,—думалъ я,—право, Божьи люди, такіе кроткіе да тихіе, словно малыя овечки».

Фамилія вотъ несовсѣмъ подходящая—Криводушко. Помилуйте, посмотрите на этого старичка и старушку... Какая прелестная пара, хозяйственная, домашняя! Положимъ, въ умиленныхъ взорахъ хозяина нѣтъ, нѣтъ, да и пробѣжитъ, промелькнетъ несвойственный благочестію огонекъ, да хозяйка сложитъ губы такимъ комочкомъ, что, когда улыбнется, будто змѣйка проскользнетъ по ея лучистому отъ морщинъ лицу.

Но, можетъ быть, мнѣ это показалось... Такіе милые, ласковые люди. И говорятъ-то какъ!.. Не скажутъ: чай, сахаръ, нѣтъ, такъ грубо, а чаекъ, сахарокъ—это вѣжливѣе. По поводу картины «Страшный судъ» зашла рѣчь о чортѣ... Такъ нѣтъ, не называютъ «духа зла» такимъ именемъ, а «шутикъ». Не угодно ли, «шутикъ»?!

— У покойнаго батюшки такой сундучекъ былъ,—разсказывалъ хозяинъ, держа въ рукахъ блюдечко съ чаемъ:—а тамъ музыка играетъ, таково хорошо играетъ, что мы ходили слушать и дывиться.. Моя старуха думаетъ, что шутикъ тамъ, оттого и играетъ..

Старуха вздохнула, потупила свои маленькіе глаза и еще плотнѣе сжала губы.

Старожилъ былъ хорошіи хозяинъ, пчеловодъ и садоводъ. Онъ самъ посадилъ фруктовыя деревья, выростилъ цѣлый садъ, который прекрасно пошелъ.

— Дѣточекъ у насъ нѣтъ,—говорилъ онъ:—одни мы со старухой; вотъ я садочкомъ и занялся, а теперь бжелками (пчелками), улейки новые построилъ, скоро роиться будутъ... Пора бы, но что-то бжелки плохо работаютъ...

— Писарь вчера съ братомъ проходили и сосчитали улейки,—добавила старуха.

Старика передернуло.

— И что они ходятъ, что считаютъ,—уже неласково проговорилъ онъ..—Развѣ можно!.. Не хорошее дѣло—глазъ... Сколько «отъ глаза» неприятностей хозяину бываетъ!

Старуха вздохнула и перекрестилась.

Я засмѣялся.

— Не вѣрите «про глазъ»!—замѣтилъ старикъ..—Ученые люди этому не довѣряютъ.. Мы—простые, неученые люди!

Въ послѣднихъ словахъ слышалась даже гордость. Я интересовался хозяйственными вопросами и на нихъ перевелъ нашъ разговоръ.

— Деревцо,—говорилъ старикъ,—деревцо, какъ человѣкъ, и растеть и болѣеть, яблочки, грушки рождаетъ.. Деревцо уходъ, цитаніе любить.. Надо заботиться о немъ, и окопать и навозцу подложить.. Вотъ у меня третій годъ яблонька посажена, а ужъ яблочки есть, такія славныя, большинькія.. Не угодно ли посмотрѣть?.. а то, можетъ быть, еще чайку выкушаете?..

Я отъ чая отказался. Мнѣ очень хотѣлось скорѣе выйти изъ душной, гнилой комнаты на воздухъ, и я изъявилъ живѣйшее желаніе посмотрѣть «славную яблоньку».

Садъ у Криводушка былъ дѣйствительно прекрасный, не большой, но правильно распланированный изъ совершенно культурныхъ и даже тонкихъ экземпляровъ фруктовыхъ деревьевъ. Здѣсь были и груши дислезе и другіе французскіе сорта.

— Все сами,—спросилъ я,—безъ указаній и посторонней помощи посадили деревья?

— Самъ,—отвѣчала Криводушко,—посадку доставалъ... и онъ назвалъ довольно извѣстнаго садовода и одну хозяйственную колонію.

Посмотрѣли небольшой виноградникъ, который былъ такъ густо засаженъ, что я руками развелъ и спросилъ: почему это?

— Больше винограду будетъ,—прогнусавилъ хозяинъ, очевидно придававшій мало значенія солнцу и воздуху.. Земля здѣсь хорошая,—продолжалъ онъ,—побольше и посадилъ, жирная земля, на которой все растеть, что ни посадишь.

— Для винограда лучше земля известковая,—замѣтилъ я.

— Известковая?—улыбаясь, переспросилъ онъ меня:—а такая по-вашему не годится?.. а хорошая, жирная земля!

На огорожѣ винограда, на одномъ изъ высокихъ коловъ плетня былъ вздернутъ лошадиный черепъ съ оскаленными длинными зубами. Я подумалъ, что это сдѣлано не безъ причины.

— Отъ дурного глаза,—отвѣчалъ хозяинъ:—пусть посмотритъ и не завидуетъ чужому довольству и урожаю, пусть подумаетъ, что самъ такимъ же будетъ...

— Тогда человѣческій поставить черепъ надо было!

— А грѣхъ!?. развѣ не знаете, что высшее твореніе?—въ голосѣ Криводушка я замѣтилъ даже раздраженіе, которое впрочемъ онъ скоро подавилъ.

Я сталъ прощаться со старухой. Въ это время Криводушко сходилъ за одноствольнымъ старымъ ружьемъ и пошелъ вмѣстѣ со мною.

— Куда это вы?... на охоту?... да теперь, до Петрова дня, нельзя?—удивился я.

— Отчего нельзя?.. пойду, зайчика застрѣлю!... зайчика можно, они ко мнѣ на пшеницу ходятъ, шкodu дѣлаютъ...

И Криводушко съ нѣкоторымъ сладострастіемъ сталъ мнѣ рассказывать, какъ онъ стрѣляетъ зайчиковъ, убиваетъ «вуточекъ», гусей и лебедей...

— По осени и зимой у насъ на рѣчкѣ много всякой птицы... Каждый день хожу охотиться, подстерегаю вуточекъ, жирныя онѣ тогда бываютъ...

— А лебедей зачѣмъ убиваете?.. вѣдь не ѣдите ихъ?..

— Не кушаемъ... Паны, слышалъ, и лебедей и лягушекъ постребляютъ, но мы не кушаемъ...

— А зачѣмъ же лебеди вамъ?..

— А на подушечку... славныя подушечки выходятъ изъ лебединаго пуха, хорошія подушечки! изъ-за нихъ мы и лебедочекъ убиваемъ...

У меня начало закрываться сомнѣніе въ «божественности» Криводушка, который съ удивительной нѣжностью рассказывалъ, какъ онъ убиваетъ вуточку, зайчика, козочку, и какіе они всѣ славныя, хорошіе, и какъ онъ ихъ любитъ и съ какимъ удовольствіемъ убиваетъ.

— Приходите завтра зайчика покушать!.. приглашалъ онъ меня на прощанье: — жареный зайчикъ со сметанкой, хорошій, вкусный зайчикъ!..

Я поблагодарилъ и отказался, и мнѣ почему-то вдругъ стало жаль того зайчика, который тамъ на Криводушкиномъ полѣ пасется на пшеницѣ.

«Самое время», подумалъ я, посмотрѣвъ на западъ, гдѣ за горами уже не было видно солнца, но свѣтло-фіолетовыя тѣни

на небѣ указывали, что оно еще близко и не спустилось за горизонтъ.

Я пошелъ къ морю, которое золотилось отъ послѣднихъ скользящихъ по зеркальной поверхности лучей заходящаго солнца.

Какое величественное, грандіозное зрѣлище и эти утесы, озаренные красноватымъ отблескомъ погасающаго свѣта, и тамъ, въ морской дали, едва видная на парусахъ шкуна, которую засталъ штиль на пути къ берегу.

Хищнический способъ хозяйства старожиловъ внѣ всякаго сомнѣнія. За 40 лѣтъ своего жительства на побережьѣ они ничего не сдѣлали для культуры, за исключеніемъ немногаго, и ко всякому нововведенію остались равнодушны.

Быль бы хлѣбъ, плодился бы скотъ — и ладно!.. значить, все благополучно!

Горцы-черкесы отправляли много меда за границу, у нихъ было отлично поставлено пчеловодство, но и старожилы, мы видѣли, занимаются съ «бжелками», но какъ...

По своему, опять таки хищному способу.

У Криводуника, положимъ, 50 ульевъ. Пчелы работаютъ, человѣкъ пользуется медомъ; но приходитъ зима, и работа прекращается, нужно оставить кормъ, нужно сохранить улья для будущаго года.

Что же дѣлаетъ старожилъ?..

Онъ оставляетъ на зиму десять ульевъ, а остальные сорокъ ульевъ умерщвляетъ, задушивая сѣрой.

— Какъ же, я на зиму убиваю «бжелокъ»!.. — докладываетъ онъ въ радостномъ умиленіи.

Какое же, скажите, пожалуйста, это пчеловодство?..

И такъ во всемъ...

Въ станицѣ 100 дворовъ, даже меньше... Нѣтъ ни дачниковъ, нѣтъ курорта, живутъ старожилы и новожилы, живутъ небогато, думая лишь о хлѣбѣ, а между тѣмъ въ такомъ селеніи три торговыхъ заведенія, какъ слѣдуетъ, съ вывѣсками и патентами.

Почему сіе? что за торговля такая?.. торговля съ конкуренціей, вѣроятно?

Войдите въ эти магазины, и вы увидите товары: деготь и пряники, пшено и гвозди, табакъ и сушеная тарань, сельди и гнилые, бракованные ситцы, кустарнаго производства образа, рядомъ съ неуклюжими, сухими, какъ дерево, сапогами, сахаръ и соль тоже рядомъ и прочее.

Хозяинъ или грекъ, солидно одѣтый, или русскій съ брюшкомъ и вороватой физиономіей. Торговцы держатъ себя важно, съ какимъ-то непонятнымъ достоинствомъ, они нисходятъ къ покупателю, не нуждаются, повидимому, въ немъ, не спѣшатъ удовлетворить его, и онъ терпѣливо ждетъ, когда ему отпустятъ товаръ...

Гдѣ же? какая здѣсь конкуренція? что такое?!

Помните у Некрасова: «не очень много шили тамъ, и не въ шитьѣ была тамъ сила»?

Такъ и здѣсь: торговецъ очень мало интересуется, купятъ ли у него сегодня десятокъ тарани, возьмутъ ли на пятакъ сахару, — ему все равно, ибо главное его дѣло лѣсное, и всѣ думы его о лѣсѣ, который онъ доставляетъ на парусныхъ шкунахъ въ Керчь, Мариуполь, Бердянскъ... Всѣ его товары, а главный мука, нужны ему для привлеченія силъ по вывозкѣ, погрузкѣ лѣса и для покупки его по мелочамъ...

Лѣсѣ на побережьѣ истребляется ужасно, безъ пощады, безъ всякаго соображенія. На дрова, которые идутъ въ Керчь для тонки печей, рубятся огромные дубы, которые могли бы совершенно спокойно играть роль строительнаго матеріала... Эти дубы истребляются не сотнями, а тысячами, и климатъ на побережьѣ значительно измѣняется, становясь холоднѣе.

Лѣсное дѣло захватило всѣхъ поселянъ, у которыхъ есть лошади или волы... Возять и грузять, грузять и возять во всякое время, въ покосъ и жнитво, всегда можно видѣть возы съ лѣсомъ, медленно направляющіеся къ берегу моря.

А самый берегъ, берегъ лазурнаго моря, весь заставленъ сложенными «въ кубы» дровами. Сколько лѣса... крѣпкаго, дубоваго!.. Шкуны приходятъ порожними и уходятъ гружеными. приходитъ ихъ иногда по нѣскольку, а лѣса все столько же на берегу, не уменьшаются темные штабели.

Рубятъ и возять!.. возять и рубятъ!.. И этому не предвидится конца. Могучи, далеко роскинулись горы побережья, зеленныя, лѣсныя горы, угрюмы, тѣнисты и богаты роскошнымъ лѣсомъ ущелья и балки, еще много грандіозныхъ дубовъ и гордыхъ буковъ растутъ въ горахъ. Но настанетъ скоро и ихъ очередь, и застонутъ, и падутъ великаны подъ острыми топорами хищниковъ... Грустно, больно за такое лѣсоистребленіе, за такое возмутительное варварство!..

— Слава Богу!.. лѣсѣ возимъ, лѣсѣ продаемъ,—говорятъ солидные старожилы:—кормитъ насъ лѣсѣ! безъ лѣса насидѣлись бы безъ хлѣба!..

— Корчуете ли послѣ порубки? раздѣлываете ли землю, по крайней мѣрѣ?—спрашиваю я.

— Нѣ... та земля неудобная...

— Почему?

— Горы... неровная!..

Любопытно, что старожилы считаютъ удобной землей исключительно ровную; чуть подъемъ, возвышенность — такая земля бракуется.

Лѣсной промыселъ, вѣрнѣе, лѣсоистребленіе, по душѣ не только старожиламъ, но и новожиламъ. У кого нѣтъ лошадей, воловъ, тотъ,

если не самъ, то въ компаніи съ товарищами покупаетъ фелюгу для перевозки лѣса съ берега на судна.

Популярность промысла весьма на руку лѣсопромышленникамъ, которые мало-по-малу дачей хлѣба и другихъ товаровъ въ долгъ держатъ населеніе въ своихъ рукахъ.

Пусть попробуетъ частный человѣкъ для постройки купить нѣсколько дубовъ, старожилъ заложитъ такую цѣну за матеріалъ и вывозку, что сходнѣе купить готовый въ городѣ, а греку или русскому кулаку работаетъ дешево.

Вотъ на морѣ показалась шкуна. Смотрите, какъ оживилась станица: бѣгутъ и бѣгутъ люди на берегъ, бросая самыя необходимыя, неотложныя работы.

Началась погрузка. Работаютъ руки, гнутся спины, тихо на морѣ, ни вѣтерка, жарко, а лѣтній день дологъ, надо спѣшить... Въ холодкѣ сидитъ торговецъ и зорко смотритъ, какъ работаютъ, и всѣ ли его должники на работѣ.

— Вѣдь, вотъ все лѣсъ да лѣсъ возите, а зарабатываете не особенно много... Отчего не займетесь садомъ, виноградникомъ?.. Какъ хорошо было бы, и дѣло выгодное!..

— Не подходящее дѣло!..—отвѣчаетъ старожилъ:—непривышное для насъ, да и капиталовъ нѣтъ...

— Зачѣмъ капиталы?.. у васъ такая превосходная для этого земля!.. какіе у черкесовъ сады были!..

— Знаемъ, что были, черкесы этимъ занимались, а мы не приучены.

Въ самомъ дѣлѣ скорѣе старожилъ посадитъ картошку или кукурузу, но не выроститъ, не выхолитъ фруктоваго дерева.

— На что?..—говоритъ онъ.—Пойду въ лѣсъ, тамъ растутъ такія яблоки и черкесскіе бергамоты, которые лучше, «добрѣе» всякихъ садовыхъ.

Старожилы равнодушны къ школѣ, къ обученію. Рѣдко кто изъ нихъ грамотенъ, и старое и молодое поколѣніе ни читать ни писать не умѣетъ.

Почему?... Когда въ каждомъ селеніи не одна, а даже двѣ школы?

— Не посылаю въ училище,—говорилъ мнѣ старожилъ, считающійся за богатаго человѣка:—баловство тамъ, у меня какъ подросъ хлопецъ, такъ свиней, не то козъ заставляю пасти... въ хозяйствѣ помога, пастушковъ не нанимать!..

Старожилы, въ особенности ихъ жены, крайне набожны и суевѣрны. «Батюшка»—лицо уважаемое въ станицѣ, не то, что начальство подъ общимъ названіемъ «пановъ», не пользующееся популярностью среди старожилловъ.

Всякіе обряды исполняются старожиллами неуклонно до кормленія въ извѣстные дни покойниковъ, когда на ихъ могилы приносятся съѣстные и питейные припасы.

За рѣдкими исключеніями всѣ выборныя должности замѣщаются обыкновенно старожилами.

Земельная плановая спекуляція, коснувшись по побережью самыхъ отдаленныхъ приморскихъ станицъ, станицъ безъ почты и правильныхъ путей сообщеній, поселила еще большую вражду между старо- и новожилами. Земельныя отношенія между ними стали еще больше запутываться.

«Геленджикскія сдѣлки» прогремѣли по всему побережью и затронули алчные аппетиты поселянъ, которые стали нарѣзать и дѣлить между собой планы, въ сладостной надеждѣ, что настанетъ и для нихъ желанная пара, когда «тыщу», «двѣ тыщи» будутъ давать имъ за куски земли въ пятьсотъ квадратныхъ саженъ.

Кое-гдѣ уже начала совершаться продажа, и безграмотные сельскіе старосты стали «вершить» купчую и получать мзду.

Такъ называемая мѣстная интеллигенція, священники и учителя, сочувственно отнеслась «къ дѣлу оживленія» скромныхъ селеній, которыя современемъ нарекутъ посадами и городами. Пріѣдутъ богатые люди, купятъ планы и построятъ дачи.

Прекрасно, великолѣпно!.. Надо запастись заранѣе подходящими мѣстами и поближе къ морю: «паны любятъ море, купаться любятъ и просто «бачить» на море!»

Воскресенье. Обѣдня давно кончилась, но «монополія» закрыта. Значить, собрался сельскій сходъ, значить, опять споръ между старожилами и новожилами.

Пойдемъ, посмотримъ и послушаемъ.

Сегодня собраніе многочисленное, всѣ заправскіе старожилы налицо: и Криводушко, и братья Пошыри, и Загибайко, и Квашня, и Клещъ, всѣ они рядкомъ усѣлись на ступенькахъ правленія и около него съ палочками, которыми почти каждый что-то чертитъ по землѣ.

Прошелъ священникъ къ псаломщику, хата котораго рядомъ съ правленіемъ. Спусти нѣкоторое время, самые богатые старожилы со старшиной отправились вслѣдъ за «батюшкой». На террасѣ у псаломщика происходили таинственныя совѣщанія; пузатый небольшой стаканчикъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Батюшка угощалъ, но не пилъ водки самъ, передъ нимъ стояла бутылка краснаго.

Сельскіе заправины вызывали десятника, куда-то его посылали, звали писаря, съ которымъ о чемъ-то шептались. Писарь приходилъ, выпивалъ, снова уходилъ и опять появлялся.

Вызывали другихъ людей, преимущественно и даже почти все старожилонъ, которые снимали шапки и картузы, кланялись и выпивали.

Пузатый, граненый стаканчикъ превосходно выполнялъ свою роль, блестя и сверкая на солнцѣ.

Преаппетитный былъ этотъ стаканчикъ, подаренный псаломщику въ день ангела урядникомъ.

Впрочемъ не одинъ только блестящій стаканчикъ, но и съ отбитой ручкой бѣлая чайная чашка поступила на помощь стаканчику. Да и слѣдовало, ибо число таинственныхъ посѣтителей террасы значительно увеличивалось. Мало-по-малу образовалось правильное теченіе сельскихъ гражданъ отъ крыльца правленія до террасы псаломщика и до его огорода, куда перешла бѣлая чашка, конечно, въ сопровожденіи свѣтлозеленой бутылки.

Оживленіе росло, и характеръ и суть нынѣшняго схода выяснялись. Языки развязывались, голоса раздавались громче и громче. Имя «батюшка» произносилось часто.

— Да, винъ тѣльки два місяца у насъ живеть, подождать треба, а потомъ наградить!—задумчиво и твердо проговорилъ вліятельный новожилъ Культябко.

Не возраженія, а крики посыпались со всѣхъ сторонъ на новожила.

— Что жъ!.. два місяца!.. А, какой батюшка!.. развѣ былъ такой у насъ?..

— Я не говорю, «батюшка» хорошій, вѣжливый, да погодить надо!..

— Хорошій, такъ чего и говорить!.. Пойдемъ!.. и несогласнаго повели на террасу познакомиться съ граненымъ стаканчикомъ.

Вопросъ выяснился.

Батюшку награждало общество приморскимъ планомъ, что было рѣшено, и писарь уже писалъ постановленіе или приготавлился писать, этого хорошенько не знаю, когда вошедшій старшина попросилъ его подождать и пойти къ батюшкѣ.

Около правленія теперь все шумѣло и голосило. У Криводушка сверкали хитрые глазки, змѣилась неприятная улыбка, но голоса онъ не повышалъ, а убѣдительно доказывалъ своей группѣ, что награждать—такъ награждать, почему и надо отдать и сосѣдній, порожній планъ.

— Да вѣдь это болѣ десятины земли буде?! не много ли?

— А кому?.. на что она ранѣ назначена была? Ну, знаешь?—сурово спрашивалъ Криводушко.

— Знаю, какъ не знать!.. для церкви назначена!..

— А батюшка не при церкви состоитъ?! Эхъ, голова дубовая!..

— На что столько земли? Для хозяйства церковной 200 десятинъ имѣется.

— Мы желаемъ, чтобы у батюшки своя, наслѣдственная была! по дунѣ намъ батюшка!..

— Не много ли будетъ? — слышались слабые голоса: — два-то плана не менѣ двухъ тыщъ стоятъ.

— Ну, и пуцай!.. такъ желаемъ... просимъ отъ общества принять, уважаемъ, значить...

Уходили и приходили. На огородѣ было большое оживленіе, нѣкоторые обыватели немного покачивались, у другихъ заплетались голоса, никто не уходилъ въ ожиданіи «подачи рукъ». т.е. подписей.

Наконецъ писарь сталъ писать приговоръ на два плана. Стаканчикъ и чашка дѣйствовали безъ остановки. Второе ведро было на исходѣ.

Старожилы побѣдили.

Во время этой милой суматохи въ кутузку сельскаго правленія вводили высокаго роста новожила съ большой окладистой бородой. Человѣкъ былъ не пьяный и не сопротивлялся, спрашивая только: почему? по какому праву?..

— Иди, иди,—говорили десятскіе,—говорять тебѣ, не надолго! Черезъ часъ выпустимъ!

Заскрипѣла дверь, и щелкнулъ замокъ.

— Почему арестовали этого чѣловѣка?—спросилъ я у десятскаго.

— Потому что выселять будемъ... Не на своемъ плану построился...

— Все-таки не понимаю...

— Чтобы безъ сопротивленія,—продолжалъ десятскій,—вотъ покончимъ съ батюшкинымъ планомъ, тогда пойдемъ до Пузыренко... Пойдите и вы побачить!—пригласилъ меня десятскій.

Я рѣшилъ пойти.

Часа черезъ два всѣ власти во главѣ со старшиной, подъ порядочнымъ хмелькомъ послѣ батюшкинаго угощенія, веселые и довольные пошли въ буквальномъ смыслѣ разносить новожила Пузыренко, предупредительно арестованнаго на всякій случай.

Кромѣ властей, пошли и любопытные. Въ самомъ дѣлѣ, зрѣлище обѣщало быть интереснымъ, хотя я не думалъ, чтобы оно приняло слишкомъ драматическій характеръ.

Подошли къ плану, близъ моря. У воротъ стояла среднихъ лѣтъ женщина съ цапкой въ рукахъ.

— Что надо?.. спросила она.

— Отворяй ворота,—потребовалъ старшина.—Мы пришли исполнить постановленіе суда.

— Не пуцу безъ мужа,—отвѣчала женщина, размахивая цапкой.—Гдѣ мой мужъ? Куда дѣвали его, разбойники?.. Не пуцу во дворъ.

— Входи!—скомандовало начальство.—Отбери у бабы цапку!

Послѣдовала дикая сцена. У женщины была отнята цапка, но она, стараясь не пустить, бросилась на чловѣка и вцѣпилась ему въ бороду. Исполнительная власть освирѣпѣла страшно и перебросила бабу черезъ плетень.

Несчастная взвыла не своимъ голосомъ, но тотчасъ встала и приняла оборонительную позу...

— Не дамъ... не пущу!..—съ плачемъ визжала она.—Разбойники!..

— Бери ее!..—приказывало начальство.—Веди въ хату! а вы снимайте крышу съ сарая.

Постройки Пузыренка состояли изъ небольшой довольно жалкой турлучной хаты и сарая, крытаго соломой.

Послѣдній предназначался къ сносу, ибо онъ находился на чужомъ плану старожила.

Бабу потащили въ хату, откуда неслись ея стоны и визги... На крышу влѣзли нѣсколько человекъ, и клочья соломы полетѣли въ разныя стороны, крутясь отъ набѣжавшаго съ моря вѣтра.

Я не могъ выносить долго такого спектакля и поспѣшилъ уйти. Старожилы, повидимому, были довольны второй побѣдой... Женщина продолжала кричать, ей вторили маленькія дѣти.

— Но какъ вы могли допустить Пузыренка построиться на чужомъ плану? Сколько времени онъ живетъ тамъ?

— Четыре года,—отвѣчалъ мнѣ старожилъ.

— Они сами мнѣ дали этотъ планъ,—сказалъ подошедшій въ это время Пузыренко.—Старшина и колья ставилъ и показывалъ границы, а теперь вотъ что дѣлаютъ!..

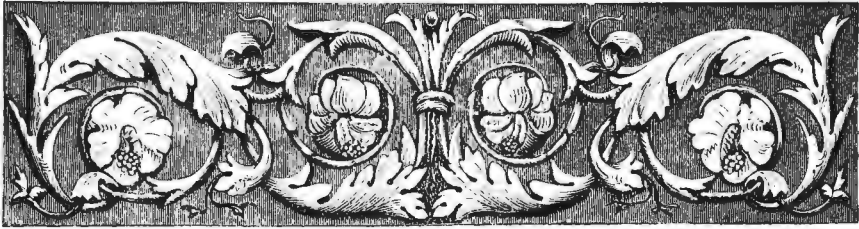
Пузыренко былъ страшно блѣденъ, глаза его сверкали, какъ у раненаго звѣря. Старожилы молчали.

—Иди!—проговорилъ наконецъ одинъ изъ исполнителей:—мы хату твою не трогали!

Махнувъ рукой, Пузыренко тихо пошелъ къ дому.

С. И. Васюковъ.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

(Кавказская быль).

ЕСНОЮ 1859 года отрядъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ Апшеронскаго и Дагестанскаго полковъ стоялъ лагеремъ въ Большой Чечнѣ на рѣкѣ Яманъ-су. Этотъ отрядъ занятъ былъ здѣсь рубкою лѣса и разработкою колесной дороги черезъ вѣковой дремучій Ичкеринскій лѣсъ, который, протянувшись широкою полосою по сѣверному склону горъ Большой Чечни, въ описываемое время служилъ хорошимъ и очень еще надежнымъ оплотомъ главной резиденціи Шамиля—аулу Ведено, гнѣздившемуся среди непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и бурныхъ горныхъ рѣкъ. Властитель дикихъ горъ Дагестана и почти еще всей Чечни, окруженный теперь въ Ведено со всѣхъ сторонъ русскими отрядами, Шамиль, кажется, очень наивно рассчитывалъ на возможность отсидѣться въ этомъ дикомъ логовищѣ, помня хорошо тѣ удачи, которыя онъ имѣлъ въ 1845 году при вторженіи князя Воронцова съ его огромнымъ корпусомъ въ Ичкеринскіе лѣса¹⁾. Но тѣ времена миновали давно; измѣнились обстоятельства, и вотъ подошелъ для него роковой 1859 годъ: 1 апрѣля подъ ударомъ генерала Евдокимова палъ аулъ Ведено, а шесть мѣсяцевъ спустя и неприступный Гунибъ, не видѣвшій до того никогда на вершинахъ своихъ русскихъ, вмѣстѣ съ главою народа—этимъ знаменитымъ имамомъ Чечни и Дагестана—Шамилемъ, закончилъ совсѣмъ исторію полувѣковой борьбы на восточномъ Кавказѣ.

¹⁾ Походъ князя Воронцова въ Дарго-Ведено въ 1845 году.

Несмотря на конецъ февраля, когда весна на всемъ сѣверномъ Кавказѣ уже вполне вступаетъ въ свои права, и южное солнце, подогрѣвая теплыми лучами снѣгъ въ горахъ, начинаетъ выгонять кое-гдѣ по оврагамъ и долинамъ молодую травку,—на высотахъ, гдѣ расположенъ былъ нашъ лагерь, снѣгъ лежалъ еще глубокимъ слоемъ, и холодъ по ночамъ иногда такъ чувствительно прохватывалъ насъ на аванпостахъ, гдѣ изъ опасенія получить въ подарокъ чеченскую пулю не допускалось разводить огня, что нерѣдко приходилось запасаться не только дубленкою, но даже и ба-шлыкомъ.

Но какъ ни трудна, какъ ни сурова бывала подчасъ походная жизнь офицера и солдата на Кавказѣ, а и въ ней все-таки было много своеобразной прелести. Я, напримѣръ, и теперь еще не могу безъ особаго удовольствія вспомнить о томъ времени, когда, пробывъ цѣлый день гдѣ нибудь на пикетѣ или въ прикрытіи табуна, иногда нѣсколько часовъ подъ проливнымъ дождемъ или мокрымъ снѣгомъ, я возвращался въ свой уютный уголокъ—походную палатку, гдѣ монголь¹⁾ и стаканъ горячаго чая, заставлявшіе скоро забыть всѣ невзгоды, казались такимъ для меня тогда блаженствомъ, что сравнить его было нельзя ни съ чѣмъ. А сколько наслажденій выносишь бывало изъ нашихъ товарищескихъ бесѣдъ, гдѣ съ такимъ жаднымъ вниманіемъ я не разъ прислушивался къ рассказамъ старыхъ, бывалыхъ канказцевъ, повѣствовавшихъ намъ о тѣхъ давно минувшихъ дѣлахъ и событіяхъ, которыми Кавказъ былъ тогда очень богатъ, и воспоминанія о которыхъ были еще очень живы у многихъ. Съ того времени прошло много лѣтъ, и многое, что я слышалъ тогда изъ устъ самихъ рассказчиковъ, теперь уже вывѣтрилось изъ моей памяти, но никогда не забуду я рассказа нашего полковника о его ночной поѣздкѣ въ немирной чеченскій аулъ, гдѣ за одинъ-лишь мигъ наслажденія онъ чуть было не сложилъ свою голову подъ чеченскимъ кинжаломъ.

Этотъ рассказъ, въ которомъ нѣкоторыя дѣйствующія лица, можетъ быть, и теперь еще живы, такъ глубоко врѣзался мнѣ тогда въ память, что я хочу его передать съ тѣми, конечно, лишь подробностями, какія могу теперь припомнить.

Было это, господа, въ 1839 году,—такъ началъ полковникъ,—въ ту пору моей молодости, когда въ жилахъ моихъ бурлила еще слишкомъ горячая кровь, а въ головѣ свободно носился туманъ и вѣтеръ. Три баталіона Г—го гренадерскаго полка, въ которомъ я тогда служилъ, составляя отводный отрядъ отъ главнаго, дѣйствовавшаго въ то время въ Большой Чечнѣ съ графомъ Граббе про-

¹⁾ Монголь—земляная жаровня среди палатки, очень употребительная на Кавказѣ при зимнихъ экспедиціяхъ. У горцевъ монголы, давая имъ тепло и свѣтъ, дѣлаются въ сакляхъ обыкновенно среди пола.

тивъ скопищъ Шамиля, стояли лагеремъ на рѣкѣ Фортангѣ. Уже давно отрядъ занималъ здѣсь эту позицію и пока совсѣмъ бездѣйствовалъ, такъ какъ главное назначеніе его, какъ вспомогательнаго отряда, было служить лишь отвлеченіемъ на себя нѣкоторыхъ силъ противника и въ то же время наблюдать за границами мирныхъ чеченцевъ, населявшихъ земли по берегамъ рѣкѣ Ассы и Фортанги.

Конечно, какъ и во всякомъ отрядѣ, былъ и у насъ тоже свой базаръ, куда изъ ближайшихъ мирныхъ ауловъ почти ежедневно пріѣзжало къ намъ нѣсколько человекъ чеченцевъ—иные, чтобы посатовать ¹⁾ своими мѣстными произведеніями, а другіе,—просто поболтаться между русскими, съ которыми многіе изъ нихъ успѣли уже давно не только познакомиться, но даже и покуначиться ²⁾. И вотъ въ числѣ этихъ чеченцевъ пріѣзжалъ къ намъ нерѣдко чеченецъ, по имени Муртузь-Али, который, считаясь моимъ кунакомъ, почти всякій разъ заходилъ ко мнѣ въ палатку и всякій разъ повторялъ мнѣ неизмѣнно, что я его самый большой кунакъ. Это былъ ловкій, хорошо сложенный, лѣтъ двадцати семи чеченецъ, съ красивыми чертами лица типичнаго кавказскаго горца и плутоватыми бойкими глазами. Ходилъ онъ всегда чисто и даже щеголевато одѣтымъ, съ заломленною назадъ косматою папахою на головѣ и постоянно въ напемъ лагерѣ чѣмъ нибудь сатовалъ: то коня какого нибудь продастъ, то, смотришь, въ рукахъ у него шапка, обдѣланная вся въ серебро, которую онъ предлагаетъ мѣнять на коня. Гдѣ и какимъ путемъ Муртузь-Али пріобрѣталъ эти вещи, конечно, извѣстно было только одному Аллаху, но къ чести этого горца надобно сказать, что всегда онъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и пользовался нашимъ общимъ довѣріемъ.

Часто заходя ко мнѣ, Муртузь-Али особенно доволенъ бывалъ, если я угощалъ его нашею араки ³⁾, которую, по секрету, разумѣется, отъ своихъ, онъ потягивалъ весьма охотно. И вѣдь иной разъ такъ бывало напнется, что и языкомъ уже перестанетъ владѣть, а память не теряетъ, и, что бы въ это время вы ему ни сказали, онъ этого не забудетъ никогда.

Наѣздникъ Муртузь-Али былъ лихой, и замѣчательно то, что, какъ бы много бывало ни выпилъ онъ нашей забористой водки, но стоило ему лишь подойти къ своему коню, и не успѣешь глазомъ моргнуть, какъ онъ уже сидитъ на немъ, и притомъ еще такимъ козыремъ, точно его кто гвоздемъ пришилъ къ сѣдлу.

За мое ли гостепримство, или просто по влеченію ко мнѣ, но

¹⁾ Сатовать—заниматься мѣною или продажею вещей.

²⁾ Покуначиться—подружиться.

³⁾ Араки—русскан или кавказская водка.

Муртузь-Али во всемъ старался выразить мнѣ свое расположеніе и не разъ даже искренно увѣрялъ, что для меня онъ пойдетъ на все, хотя бы даже и зналъ напередъ, что за то ему будетъ секимъ башка ¹⁾).

Муртузь-Али былъ уже довольно обрусѣлый чеченецъ и такъ порядочно говорилъ по-русски, что мы могли объясняться съ нимъ всегда безъ переводчиковъ. И вотъ однажды, когда мы были одни въ палаткѣ, я сказалъ ему:

— Слушай, Муртузь-Али, я никогда не видалъ вашихъ горскихъ красавицъ. Ты хорошій мнѣ кунакъ, и знаю, что славный джигитъ ²⁾). Покажи мнѣ такую красавицу, лучше которой нѣтъ у васъ.

Не ожидалъ ли чеченецъ услышать отъ меня что либо подобное, или у него мелькнуло въ то время иное что нибудь въ умѣ, но при моихъ словахъ онъ какъ-то загадочно улыбнулся, помолчалъ нѣкоторое время, какъ бы соображая что-то, и, окинувъ меня своими лукавыми глазами, медленно проговорилъ:

— Ты правду говоришь, Сергѣй, красавицъ много у насъ, но по нашему адату тебѣ ихъ видѣть у насъ нельзя. Узнаютъ объ этомъ чеченцы—и твоя и моя голова тогда пропали.

Я отлично зналъ строгіе нравы горцевъ и, заговоривъ объ этомъ съ Муртузь-Али, нисколько на самомъ дѣлѣ не рассчитывалъ, чтобы моя сумасбродная идея могла когда нибудь осуществиться, а потому весь разговоръ нашъ объ этомъ обратился въ шутку, и дѣло тѣмъ кончилось. Муртузь-Али опять, какъ водится, нарѣзался у меня и къ ночи уѣхалъ въ свой аулъ.

Прошло послѣ того нѣсколько дней. Муртузь-Али въ лагерь къ намъ не показывался, и я уже совсѣмъ было забылъ о нашемъ съ нимъ послѣднемъ разговорѣ, какъ вдругъ однажды, въ глухую и довольно темную ночь, когда я и поручикъ Рентель, жившій вмѣстѣ со мною, собирались ложиться спать, полы палатки нашей зашевелились, и въ нее тихо и осторожно пролѣзъ вооруженный съ головы до ногъ Муртузь-Али.

Станнымъ очень показалось намъ это позднее посѣщеніе насъ горцемъ, но Муртузь-Али былъ совершенно трезвъ и даже я замѣтилъ, что онъ какъ будто былъ чѣмъ-то озабоченъ.

Войдя въ палатку и прикоснувшись въ знакъ прिवѣтствія рукою къ своей папахѣ, онъ безъ всякихъ околичностей обратился прямо ко мнѣ и, нагнувшись къ уху, тихонько произнесъ:

— Вели сѣдлать коня, Сергѣй, и поѣдемъ въ аулъ.

Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на чеченца, желая разгадать, куда и зачѣмъ онъ зоветъ меня, и—сказать правду—очень недо-

¹⁾ Секимъ башка—срубить голову.

²⁾ Джигитъ—молодецъ, ухарь.

воленъ былъ его визитомъ, потому что въ тотъ день сравнительно поздно вернулся съ фуражировки, и мнѣ хотѣлось пораньше лечь спать.

— Ты сказалъ,—продолжалъ чеченецъ:—что хочешь посмотреть нашихъ чеченскихъ красавицъ. Поѣдемъ со мною въ аулъ за Фортонга—ты увидишь тамъ одина чѣхъ якши марушка¹⁾).

Сказавъ это, Муртузъ-Али ловко прищелкнулъ языкомъ, какъ будто онъ самъ предвкушалъ это интересное для меня свиданіе и не допускалъ, кажется, мысли, чтобы я могъ отказаться почему нибудь отъ такой поѣздки, добавивъ:

— Только надѣвай, пожалуйста, поскорѣй своя черкеска, и поѣдемъ чичась²⁾).

Какъ ни неожиданно для меня было получить такое предложеніе отъ Муртузъ-Али, и какъ ни далека былъ я отъ желанія ѣхать за Фортонгу, а тѣмъ болѣе рисковать собою для того только, чтобы полюбоваться какой-то чеченской красавицей, тѣмъ не менѣе отказаться совѣмъ отъ поѣздки съ Муртузъ-Али, когда этотъ полудикій горецъ устроилъ ее именно для меня и, можетъ быть, даже не безъ риска для самого себя, и дать тѣмъ, пожалуй, ему поводъ заподозрѣть меня въ трусости и недовѣрїи къ нему мнѣ не хотѣлось, и поразмысливъ я отвѣчалъ, что поѣду съ нимъ въ аулъ, но съ однимъ лишь условїемъ, чтобы непременно вернуться въ лагерь до разсвѣта.

Муртузъ-Али, конечно, увѣрилъ меня, что мы вернемся ранѣе еще этого, и сталъ собираться въ путь.

Долго уговаривалъ меня Рентель не ѣздить изъ лагеря и бросить всю эту нелѣпную затѣю, въ которой, по мнѣнію его, не было ни малѣйшаго смысла, и которая могла имѣть для меня очень печальныя и даже гибельныя послѣдствія, но я ничего не хотѣлъ болѣе слушать, и хотя внутренно сознавалъ, какой дѣйствительно страшной опасности подвергалъ себя, рѣшаясь ѣхать къ немирнымъ чеченцамъ, но не измѣнилъ уже своего слова и приказалъ сѣдлатъ коня.

Нужно сказать, что въ то старое время между кавказскими офицерами было сильно развито щегольство оружіемъ и лошадьми, и щегольство это нерѣдко доходило до того, что у иного въ этомъ лишь одномъ заключалось и все его богатство, и все его достоиніе. Какъ большой тоже охотникъ до всѣхъ этихъ военныхъ атрибутовъ и въ особенности до лошадей, я имѣлъ тогда у себя отличнаго кабардинца, котораго по случаю прїобрѣлъ изъ табуновъ извѣстнаго Ясиня. Темнокараковой масти, прекрасныхъ статей, этотъ конь, по быстротѣ бѣга и своей выносливости не имѣвшій у себя почти соперниковъ, былъ долгое время предметомъ зависти

¹⁾ Чѣхъ якши марушка—очень красивая женщина.

²⁾ Чичась—сейчасъ.

не только многихъ моихъ товарищей, но и горцевъ, которые, глядя на него всегда съ неподдѣльнымъ восторгомъ, только причмокивали губами и тихонько приговаривали: якши алаша, чѣхъ якши ¹⁾).

И вотъ, облачившись въ черкесскій костюмъ, который я всегда возилъ съ собою въ походѣ, и заткнувъ за поясъ кинжалъ вмѣстѣ съ азіатскимъ пистолетомъ, выѣхалъ я съ Муртузъ-Али около полуночи изъ лагеря. Переправившись въ бродъ черезъ Фортонгу нѣсколько ниже лагеря и выбравшись благополучно на чеченскій берегъ, пустились мы конь въ конь крупною иноходью, храня между собою глубокое молчаніе.

Само собою, что о моемъ отсутствіи изъ лагеря, кромѣ Рентеля и моего денщика, молчаливаго хохла Юзы, никто не зналъ, и я вполне былъ увѣренъ, что все это останется въ совершенномъ секретѣ.

Куда, или, лучше сказать, къ какому именно аулу мы направлялись, Муртузъ-Али мнѣ не сказалъ, но я помню, что ѣхали мы все время напрямкомъ, то-есть безъ всякой дороги, и что на всемъ пути не встрѣтили ни одного живого существа. Въ воздухѣ было тихо, но довольно холодно и сыро. Мрачная осенняя ночь съ густыми низко нависшими тучами почти совсѣмъ скрывала отъ насъ окрестные предметы, но это, однако, не могло служить намъ большимъ препятствіемъ, потому что Муртузъ-Али зналъ здѣсь всѣ овражки и кустики, и такъ хорошо умѣлъ лавировать между ними, что мы все время довольно скоро и безостановочно подвигались впередъ.

Такъ ѣхали мы болѣе получаса. Но вотъ по воздуху пронесся запахъ горѣлаго кизяка, — значить, аулъ былъ недалеко. Мы удвоили осторожность и замедлили у лошадей шагъ. Вдругъ, проѣхавъ еще немного, кони наши, шедшіе рядомъ, ткнулись мордами въ невысокій плетень. Мы остановились и тихонько слѣзли на землю. Здѣсь Муртузъ-Али прежде всего перетянулъ ремешками рѣпицы обѣимъ лошадямъ ²⁾ и, совершивъ эту операцію съ замѣчательною быстротою и тою привычною ловкостью, съ какою умѣютъ это дѣлать только горцы, присѣлъ затѣмъ на землю къ самому плетню и сталъ внимательно прислушиваться.

Чеченскій аулъ, къ которому мы подѣхали, и названіе котораго я впрочемъ не узналъ и потомъ, покоился глубокимъ сномъ. Повсюду была полная тишина, и даже собаки, эти вѣрные чуткіе церберы въ горскихъ аулахъ, попрытавшись по своимъ норамъ и предаваясь тамъ сладкой дремотѣ, не нарушали общаго покоя.

Убѣдившись окончательно, что нигдѣ нѣтъ ничего подозритель-

¹⁾ Хороша лошадь, очень хороша.

²⁾ Горцы всегда употребляютъ этотъ способъ, если нужно заставить лошадь стоять на мѣстѣ, не шевелясь.

наго, Муртузъ-Али указалъ мнѣ на бѣлѣвшуюся за плетнемъ саклю, которую въ темнотѣ едва лишь можно было различить отъ другихъ построекъ, и, шепнувъ тихонько, куда нужно было итти, и главное, чтобы долго я тамъ не оставался, а то, по его словамъ, яманъ будетъ,—въ одинъ мигъ исчезъ въ темнотѣ вмѣстѣ съ лошадьми.

Я не буду описывать всѣхъ подробностей, какъ пробирался я дворомъ къ саклѣ, которую указалъ мнѣ Муртузъ-Али, и какъ я проникъ въ нее черезъ маленькую незапертую ничѣмъ дверь, а скажу только, что хотя въ этой саклѣ и было такъ же темно, какъ и на дворѣ, но присматриваясь я скоро замѣтилъ среди пола ея небольшой мангалъ съ полупотухшими уже въ немъ угольями, свѣтъ отъ которыхъ, слабо пробиваясь черезъ густой слой лежавшаго на нихъ пепла, совсѣмъ, однако, ничего не освѣщало въ саклѣ. Зная обычай горцевъ не продѣлывать наружу оконъ и не опасаясь, конечно, чтобы меня ктонибудь могъ увидѣть со двора, я тотчасъ же разгребъ золу въ мангалѣ и при тускломъ свѣтѣ этой жаровни увидѣлъ въ одномъ изъ угловъ, на раскинутыхъ по полу подушкахъ, лежавшую женщину, которая, казалось, спала и не слышала, какъ я вошелъ въ саклю. Я тихо подошелъ къ ней, и хотя она оставалась попрежнему все въ томъ же положеніи и даже не шевельнулась при этомъ ни однимъ членомъ, но я видѣлъ теперь ясно, что ея глаза были устремлены прямо на меня и внимательно слѣдили за моими движеніями.

Но какъ, однако, ни мало давалъ свѣта мангалъ, и какъ ни тускло вообще освѣщало онъ всѣ предметы въ саклѣ, я все-таки разсмотрѣлъ, что передо мною была такая чудная горская красавица, какихъ, я думаю, не многимъ изъ насъ доводилось когданибудь видѣть на Кавказѣ¹⁾. Представьте себѣ большіе темные глаза, опущенные густыми черными рѣсницами, глаза съ тѣмъ страстнымъ выраженіемъ, которое можно встрѣтить чаще всего у женщинъ южнаго типа; яркій, здоровый румянецъ во всю щеку; потомъ эти роскошные, черные, какъ смоль, волосы, густыми волнами раскинувшіеся по плечамъ и подстриженные спереди погорски; красивое правильное очертаніе подбородка и рта съ пунцовыми нѣсколько чувственными губами, за которыми яркой бѣлизной сверкаетъ рядъ ровныхъ, какъ будто точеныхъ зубовъ, и вы составите себѣ болѣе или менѣе точное понятіе о красотѣ этой молодой чеченки. Костюмъ ея состоялъ изъ длинной свѣтло-синяго цвѣта рубахи, которая, спадая съ плечъ и прикрывая едва лишь на половину ея упругую, высокую грудь, придавала фигурѣ красавицы столько обольстительной прелести, что я, какъ очарованный,

¹⁾ По обычаямъ Востока, женщины никогда не открываютъ своего лица передъ мужчинами, и потому, чтобы увидѣть лицо горской женщины, нужно имѣть къ тому особый случай.

стоялъ нѣсколько мгновений передъ этой дивной красотой Востока и не могъ, что называется, отвести отъ нея своихъ глазъ.

Да,—вдохновляясь своими воспоминаніями, говорилъ полковникъ,—я скажу вамъ лишь одно, господа, что мнѣ не только тогда казалось, но я дѣйствительно попалъ въ тотъ рай Магомета, который былъ имъ завѣщанъ своимъ правовѣрнымъ. Я забылъ тутъ и о Муртузъ-Али, который здѣсь же за стѣною, охраняя мое блаженство, дрожалъ за свою и мою головы; забылъ, гдѣ я; забылъ тогда, кажется, весь міръ и, склонившись къ прелестной чеченкѣ, сталъ осыпать ее страстными поцѣлуями...

Не знаю, сколько времени виталъ я въ этомъ раю и долго ли еще продолжалъ бы восхищаться прелестями моей очаровательной гуріи, какъ вдругъ я замѣтилъ, что она быстро встрепенулась, приподнялась на локти и съ тревогою въ лицѣ стала къ чему-то прислушиваться.

Я ничего еще не слышалъ, но чуткій слухъ чеченки уловилъ издалека хорошо знакомый ей скрипъ арбы ¹⁾. Въ одинъ мигъ молодая женщина вскочила на ноги, схватила меня за руку и, прежде чѣмъ я даже сообразилъ что нибудь, она уже успѣла втолкнуть меня за большую сапетку ²⁾, которая стояла въ углу сакли.

— Тохта, тохта ³⁾!—шепотомъ проговорила чеченка, стараясь дать мнѣ понять, чтобы я спрятался за этою сапеткою, и, укрывъ меня за нею такъ хорошо, что было бы очень не легко тамъ меня замѣтить, она быстро подбѣжала къ мангалу, скоро и ловко засыпала его опять золою и, не заперевъ, вѣроятно, съ умысломъ наружную дверь улеглась попрежнему на свое мѣсто.

Едва успѣлъ я примоститься за своимъ закрытіемъ, какъ до слуха моего тоже сталъ доноситься скрипъ медленно ползущей гдѣ-то недалеко по аулу арбы, а, немного времени спустя, я уже вполне ясно слышалъ, какъ арба эта въѣхала во дворъ, и зычный мужской голосъ началъ кричать что-то оттуда, очевидно вызывая къ себѣ изъ сакли хозяйку.

Признаюсь, екнуло сердце мое, когда увидѣлъ я, что былъ застигнутъ здѣсь, что называется, врасплохъ, и что шутка выходитъ тутъ для меня плохая; но дѣлать было нечего, надобно было оставаться все-таки въ своей засадѣ и ждать, что будетъ дальше.

Однако хозяйка на зовъ пріѣхавшаго не только не торопилась тотъ же часъ выйти изъ сакли, но, продолжая попрежнему поконяться на своихъ подуникахъ, ни однимъ звукомъ даже не отозвалась ему.

¹⁾ Арба — это двухколесная повозка. Запрягается обыкновенно парю воловъ или одной лошадейю и никогда не смазывается, отчего при ѣздѣ всегда сильно скрипитъ.

²⁾ Сапетка — плетеная корзина. Для храненія ячменя и сомана сапетки дѣлаются очень большія.

³⁾ Тохта, тохта — подожди, постой.

Такъ продолжалось нѣсколько минутъ, какъ вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ саклю ввалился плотный, здоровый чеченецъ. Это былъ самъ хозяинъ и мужъ красавицы чеченки, возвратившійся только что изъ какого-то дальняго аула, куда онъ ѣздилъ на нѣсколько дней по дѣламъ и, по расчету Муртузъ-Али, долженъ былъ бы вернуться домой не ранѣе, какъ еще дня черезъ два или три.

Громкій стукъ двери и шумъ вошедшаго въ саклю горца не могли, конечно, не поднять съ постели чеченку, которая, увидя мужа, точно будто съ просонья подошла къ нему, прокартавила ему скороговоркой какое-то обычное привѣтствіе и, разгребши затѣмъ жарь въ мангалѣ, спокойной походкой вышла во дворъ, чтобы по обычаю горцевъ выпрячь воловъ и загнать ихъ подъ навѣсъ.

И вотъ я остался въ саклѣ одинъ на одинъ съ хорошо вооруженнымъ чеченцемъ, который хотя и не подозрѣвалъ присутствія въ домѣ своемъ гяура-урусса ¹⁾, но, тѣмъ не менѣе, случайно могъ обнаружить это каждую минуту. Понятно, что я былъ все время, какъ говорится, на-чеку и, не спуская глазъ, слѣдилъ за горцемъ, котораго при болѣе яркомъ свѣтѣ мангала могъ теперь хорошо разсмотрѣть. Это былъ высокаго роста, атлетически сложенный, лѣтъ тридцати пяти, чеченецъ съ густою темно-красною бородою ²⁾ и большимъ горбатымъ носомъ, придававшимъ всей его наружности выраженіе какой-то суровости и даже хищничества. Оставшись одинъ въ саклѣ, онъ тотчасъ же принялся снимать съ себя оружіе, потомъ верхнюю одежду и все это въ большемъ порядкѣ развѣсилъ на колышки, вбитые въ стѣну; затѣмъ, не снимая съ головы папахи, въ одномъ лишь бешметѣ, подошелъ къ мангалу, присѣлъ около него на корточки и, взявъ въ руки маленькій уголекъ, сталъ имъ раскуривать свою трубочку, съ виду очень схожую съ нашей солдатской носогрѣйкой.

Все это происходило очень близко отъ сапетки, которая такъ благодѣтельно меня прикрывала, но на сторонѣ моей теперь было то важное преимущество передъ горцемъ, что онъ былъ безъ оружія, а у меня въ рукахъ находился отличный кинжалъ, который, при неблагопріятномъ оборотѣ дѣла, я могъ всадить ему въ горло прежде, чѣмъ онъ взялся бы за свое оружіе. Конечно, замѣтъ меня горецъ теперь въ саклѣ, — и кровавая катастрофа должна была бы быть неизбѣжной развязкой между нами, но, къ моему величайшему счастью, этого не произошло, и я оставался все время въ роли наблюдателя, хотя, сказать правду, эта роль стоила мнѣ очень немалыхъ усилій.

¹⁾ Гяуръ—невѣрный; такъ называютъ горцы всѣхъ вообще русскихъ.

²⁾ Горцы по своимъ кореннымъ обычаямъ съ средняго возраста почти всѣ подкрашиваютъ себѣ бороду и усы хною—растительною краскою, которая даетъ волосамъ красноватый оттѣнокъ.

А пока я съ тревогой переживалъ въ своемъ углу эти страшныя минуты, чеченецъ попрежнему сидѣлъ у мангала, покуривалъ трубочку, сплевывая безпрестанно черезъ зубы на огонь и спокойно поджидалъ свою хозяйку, которая, замѣшкавшись на дворѣ, что-то долго не возвращалась въ саклю. Но, видно, наконецъ и ему наскучило ждать свою ханумъ ¹⁾; и вотъ онъ всталъ, надвинулъ на лобъ папаху и, не обращая все также ни малѣйшаго вниманія на сапетку, за которой я стоялъ, вышелъ изъ сакли.

Отлегло у меня немного отъ сердца, и я вздохнулъ свободнѣе. Теперь для меня оставалось только еще задачею, какъ отсюда выбраться. Я думалъ было воспользоваться отсутствіемъ хозяина, выйти тотчасъ же изъ сакли и въ темнотѣ проскользнуть незамѣтно къ Муртузъ-Али; но такой планъ, какъ онъ ни былъ для меня заманчивъ, я сейчасъ же и оставилъ, соображая, что тутъ же гдѣ нибудь за дверью или на дворѣ я могъ, выходя, легко встрѣтиться съ самимъ хозяиномъ, который при такой встрѣчѣ неминуемо поднялъ бы тревогу въ аулѣ, и я тогда пропалъ. Раздумывая такимъ образомъ, я рѣшилъ, наконецъ, что лучше всего будетъ положиться на ловкость и смѣлливость самой хозяйки, въ интересахъ которой, безъ сомнѣнія, было и самой поскорѣе выпроводить меня отсюда. Дѣйствительно, этотъ расчетъ былъ вѣренъ, потому что не прошло и пяти минутъ, какъ дверь тихонько отворилась, и чеченка мягкими кошачьими шагами едва слышно проскользнула въ саклю. Подбѣжавъ ко мнѣ, она крѣпко схватила меня за руку и, также не произнося ни одного слова, въ одинъ мигъ выпихнула за дверь.

Все это сдѣлано ею было такъ быстро, что не успѣлъ я и опомниться, какъ былъ уже на дворѣ, гдѣ ничего, однако, нельзя было рассмотреть, кромѣ стоявшей у самой сакли арбы съ сѣномъ, на которой, вѣроятно, и пріѣхалъ самъ хозяинъ.

Выбравшись такимъ образомъ изъ сакли и не чуя, какъ говорится, подъ собою ногъ отъ радости, что такъ счастливо удалось избѣжать встрѣчи съ горцемъ, я считалъ себя почти уже совсѣмъ внѣ опасности; но это было еще преждевременно, и самый ничтожный случай едва было не погубилъ меня. Дѣло въ томъ, что, перелѣзая обратно изгородь, я второпяхъ зацѣпился за маленькій сучекъ въ плетнѣ. Рѣзкій трескъ сухого плетня гулко раздался въ ночной тишинѣ, и не прошло минуты, какъ по аулу понесся вдругъ такой отчаянный гамъ и воей откуда-то взявшихся собакъ, что нужно было торопиться и скорѣе уносить отсюда ноги.

Но не даромъ говоритъ русская пословица, что у страха глаза велики, и не успѣлъ я сдѣлать отъ плетня нѣсколькихъ шаговъ, какъ передо мною, точно изъ-подъ земли, выросли вдругъ огромнаго роста три чеченца, которые—такъ показалось моему настроенному

¹⁾ Ханумъ—хозяйка, жена.

воображенію—какъ будто всё вмѣстѣ намѣревались преградить мнѣ путь. Никакъ не ожидал такой встрѣчи, я въ первую минуту невольно было попятился назадъ, но, взглянувшись, однако, хорошенько, увидѣлъ, что то былъ мой Муртузъ-Али съ лошадьми, которыхъ въ темнотѣ я принялъ было тоже за чеченцевъ. Онъ слышалъ яростный лай собакъ въ аулѣ и, сообразивъ, что я, вѣроятно, нахожусь въ большой опасности, придвинулся съ лошадьми на всякій случай поближе къ плетню.

— Скорѣй, скорѣй садись, Сергѣй!—торопливо проговорилъ Муртузъ-Али, отдавая мнѣ поводъ коня, и, нѣсколько минутъ спустя, оставивъ позади аулъ, мы уже пробирались по обходной тропинкѣ густого лѣса къ дорогѣ, которая шла къ нашему лагерю.

Между тѣмъ лай собакъ, усиливаясь все болѣе и болѣе, всполошилъ весь аулъ. Послышались крики, оглашавшіе тревогу, и дѣло стало принимать очень серьезный для насъ оборотъ. Къ счастью еще, что темная ночь помѣшала горцамъ уяснить себѣ сразу настоящую причину всей этой суматохи, и пока что, а мы въ это время успѣли выбраться изъ чащи и безпрепятственно выѣхали на дорогу.

Но какъ ни старались мы все время окольными путями и перемѣною аллюровъ замести, какъ говорится, за собою слѣдъ, и какъ ни хотѣлось намъ получше спутать горцевъ и не дать имъ возможности точно опредѣлить взятое нами направленіе, все-таки они скоро смѣтили, кто были ихъ незваные гости, и партія въ нѣсколько человѣкъ, бросившись на коней, пустилась тотчасъ же за нами въ погоню.

И вотъ не отѣхали мы еще и версты отъ аула, какъ по дорогѣ за нами послышался топотъ нѣсколькихъ лошадей. Очевидно было, что горцы успѣли уже напасть на слѣдъ нашъ и, рассчитывая, что дурная дорога и темная ночь не дадутъ намъ далеко отъ нихъ уйти, понеслись, что называется, во всю прыть, въ той надеждѣ, конечно, что имъ удастся навѣрняка застукать насъ гдѣнибудь по дорогѣ.

Конечно, зная выносливость коней нашихъ, мы съ Муртузъ-Али не слишкомъ опасались преслѣдованія горцевъ, но какъ бы тамъ ни было, а все-таки медлить было нельзя, и, давъ плети лошадямъ, мы не стали разбирать ни этой дѣйствительно скверной дороги, по которой можно было сто разъ сломать ноги лошадямъ или свернуть себѣ шею, ни цѣпкихъ сучьевъ, безпрестанно хлеставшихъ по лицу и въ ключья разрывавшихъ нашу одежду, и понеслись впередъ.

Долго скакали мы такъ, съ трудомъ лишь различая въ темнотѣ дорогу и предметы. Но вотъ стали появляться наконецъ проблески утренняго разсвѣта; мракъ быстро началъ разсѣиваться, и вскорѣ

сквозь рѣдѣвшій лѣсъ сверкнула впереди свѣтлой полоской Фортонача, за которой, еще окутанный легкимъ утреннимъ туманомъ, едва лишь замѣтною бѣлою полоскою обрисовался по горѣ нашъ лагерь.

Горцы были отъ насъ теперь недалеко и, кажется, не теряли еще надежды настичь насъ до переправы черезъ рѣку; но были ли кони ихъ хуже нашихъ, или побоялись они наскочить на русскіе секреты, которые, какъ они знали, выставлялись почти всегда ночью впереди лагеря, но только, выѣхавъ изъ лѣсу на открытую поляну, которая тянулась вплоть до самой рѣки, они вдругъ разомъ всё приостановились, пустили въ насъ нѣсколько пуль, безвредно прожужжавшихъ надъ головами нашими, и, видя, что мы успѣли совсѣмъ ускользнуть отъ нихъ, повернули коней и стали медленно удаляться къ лѣсу.

Такъ кончилась моя отважная экскурсія въ немирной чеченскій аулъ, и, нѣсколько минутъ спустя, переѣхавъ обратно тѣмъ же бродомъ Фортоначу, я былъ уже въ своемъ лагерѣ.

Подѣзжая къ своей палаткѣ, я, къ моему удивленію, еще издали увидѣлъ высокую фигуру Рентеля, который, несмотря на такой ранній часъ утра, былъ уже совсѣмъ одѣтъ и съ трубкою, которую онъ никогда не выпускалъ изъ рукъ, ходилъ быстрыми нервными шагами взадъ и впередъ мимо нашей палатки. Увидѣвъ, что я подѣхалъ, онъ довольно сухо кивнулъ мнѣ головою, какъ бы въ знакъ того, что видитъ меня, и, не сказавъ ни слова, сейчасъ же ушелъ въ палатку.

Съ Рентелемъ мы жили въ походѣ и на квартирахъ почти всегда вмѣстѣ, и хотя онъ значительно былъ старше меня годами и службою, но это не мѣшало намъ быть другъ съ другомъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, которыя между нами никогда не омрачались даже и пустою какой нибудь размолвкой. Но, всегда строгій къ себѣ и крайне снисходительный къ другимъ, онъ на этотъ разъ до того былъ возмущенъ и моею ночной поѣздкой, и тѣмъ, кажется, еще болѣе, что изъ-за меня ему всю ночь не пришлось ни на минуту сомкнуть глазъ, что, когда я вошелъ вслѣдъ за нимъ въ палатку, онъ уже не сдержался и съ явнымъ раздраженіемъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь ли, Кашеевъ, если бы ты не вернулся въ лагерь къ утру, я непременно доложилъ бы начальнику отряда о твоёмъ отсутствіи, и ты за такую продѣлку могъ бы заплатиться долгимъ арестомъ, если еще не похуже чѣмъ нибудь?

Само собою разумѣется, что я не сталъ, да и не могъ, ничего возражать Рентелю, и очень довольный все-таки тѣмъ, что мой романъ съ чеченкой имѣлъ такой счастливый исходъ, я думалъ теперь больше всего о снѣ и отдыхѣ.

Когда Рентель нѣсколько поуспокоился, я подробно разсказалъ ему о своемъ походе въ аулѣ. Выслушавъ разсказъ со вниманіемъ, онъ слегка еще разъ пожурилъ меня, но далъ, однако, обѣщаніе сохранить все въ тайнѣ, и дѣло тѣмъ кончилось.

Дня черезъ два послѣ того я видѣлъ опять Муртузъ-Али въ лагерѣ. Онъ попрежнему и все также шнырялъ по офицерскимъ палаткамъ, но, насколько я знаю, тоже никому не проговорился о нашемъ ночномъ путешествіи съ нимъ въ аулѣ.

А. Аноевъ.

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА¹⁾.

ИМПЕРАТОРЪ Павелъ Петровичъ отъ второго брака своего съ принцессой виртембергской Маріей Теодоровной имѣлъ четырехъ сыновей и шесть дочерей. Всѣ дочери походили на мать и были очень красивы. Изъ нихъ особенной миловидностью отличалась старшая, великая княжна Александра Павловна (родилась въ 1783 году). Стройная, съ изящными манерами, необыкновенно правильными чертами лица, большими карими глазами и вьющимися пепельно-русыми волосами, она невольно обращала на себя общее вниманіе; кромѣ замѣчательной внѣшности, природа надѣлила ее прекрасными качествами души, добрымъ сердцемъ, умомъ, тихимъ и ровнымъ характеромъ и разнообразными дарованіями; она превосходно рисовала, лѣпила изъ воску, была музыкантшей и переводила съ нѣсколькихъ языковъ; два изъ этихъ переводовъ были даже напечатаны въ 1796 году въ сборникѣ «Музы», издававшемся Мартыновымъ.

Александрѣ Павловнѣ не исполнилось 13 лѣтъ, когда императрица Екатерина задумала выдать ее замужъ за 18-ти-лѣтняго

¹⁾ Палатина венгерская Александра Павловна. Замѣчательныя и загадочныя личности. Карновичъ. Спб. 1884.—Цесаревичъ Павелъ Петровичъ. Кобеко. 1882.—Семейство Разумовскихъ. Васильчиковъ. Томъ 3.—Записка протоіерея Самборскаго. Памятники новой русской исторіи. Сборникъ Кашпирева. Томъ 2.—Mémoires secrets sur la Russie. Masson.—Архивъ князя Воронцова. Томы 8, 20, 26, 28.—Сборникъ Русскаго историческаго общества. Томы 9, 16, 23.—Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна. Чумиковъ. «Русскій Архивъ», 1887 г.—Записки графини Блудовой. «Русскій Архивъ», 1879 г.—Письма императрицы Маріи Оседоровны, императрицы Екатерины и графа Зубова. «Русская Старина», 1874 г.—Густавъ IV и великая княжна Александра Павловна въ 1797 г. Чумиковъ. «Русская Старина», 1885 г.

шведскаго короля, Густава IV. Переговоры объ этомъ были начаты, по словамъ самой Екатерины, еще съ покойнымъ королемъ Густавомъ III, желавшимъ женить сына на одной изъ внучекъ императрицы и даже издавшаго для этой цѣли нѣсколько законовъ, облегчавшихъ разнѣрные браки. Еще въ 1790 году генералу Палену, посланному въ Стокгольмъ, было поручено начать переговоры о бракѣ. По словамъ саксонскаго резидента въ Петербургѣ, Гельбига, въ обществѣ существовало мнѣніе, что бракъ этотъ не могъ встрѣтить препятствій относительно религіи ни съ той, ни съ другой стороны; думали, что въ Швеціи не проявятъ такого фанатизма, чтобы требовать перемѣны вѣроисповѣданія молодой королевы, что же касается Россіи, то Гельбигу передавали слѣдующее. Когда у великой княгини родилась младшая дочь, то Марія Ѳеодоровна стала жаловаться императрицѣ на то, какъ трудно будетъ выдать столькихъ дочерей замужъ, особенно при различіи вѣроисповѣданій; тогда императрица отвѣтила: «Къ чему это? Всегда сыщутся для нихъ мужья; я перемѣнила законъ, вы перемѣнили, также перемѣнятъ оный и княжны». Смерть Густава III въ мартѣ 1792 года не задержала дальнѣйшихъ переговоровъ. Генералъ Клингсгоръ, прибывшій съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ Густава IV (подъ регентствомъ герцога Зюдерманландскаго), бесѣдуя съ Екатериной, уже намекнулъ объ этомъ бракѣ. Но официальные переговоры были начаты лишь въ январѣ 1794 года графомъ Стенбоккомъ, прибывшимъ изъ Стокгольма съ поздравленіемъ по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича. Стенбокъ чрезвычайно понравился императрицѣ. На балу въ Эрмитажѣ она спросила его, что разумѣетъ регентъ подъ особю цѣлюю его, Стенбока, пріѣзда, о которой онъ ей пишетъ:

— Государыня, — отвѣчалъ Стенбокъ:—это касается брака нашего молодого короля.

— Ахъ, да, я знаю! Вы не могли явиться къ намъ съ болѣе пріятною вѣстью. Но я въ этомъ случаѣ очень осторожна. Я никакъ не могу рѣшить это дѣло, не зная, насколько самъ король ему сочувствуетъ.

— Государыня, герцогъ съ послѣднимъ курьеромъ извѣщаетъ меня, что король на все согласенъ, что онъ въ восхищеніи отъ этой мысли.

— Весьма рада, — сказала Екатерина:—ибо безъ того моя любимая внучка была бы несчастлива.

Тотчасъ же начали обучать Александру Павловну шведскому языку и всячески готовить ее къ мысли о предполагаемомъ бракѣ. Дѣвочки постоянно говорили о совершенствахъ ея будущаго жениха, и не мудрено, что весьма скоро онъ занялъ всѣ ея мысли. Сама императрица часто подшучивала надъ Александрой Павловной и однажды даже, раскрывъ портфель, гдѣ лежали пор-

треты нѣсколькихъ жениховъ-прицевъ, велѣла ей выбрать того, который ей болѣе по сердцу. Великая княжна, краснѣя, указала на портретъ Густава IV. Заботливая бабушка не замѣтила, что подъ портретомъ была подпись, которую внучка могла прочесть, и рѣшила, что дѣвочка выбрала портретъ подъ вліаніемъ глубокой душевной симпатіи.

Помимо желанія выдать любимую внучку за коронованнаго жениха, императрицей руководили еще и чисто политическія соображенія. Этотъ бракъ, вводя юнаго шведскаго короля въ русскую императорскую семью, позволялъ императрицѣ имѣть громадное вліаніе на дѣла Швеціи и обратить безпокойнаго сосѣда въ вѣрнаго и покорнаго союзника. Къ сожалѣнію, противникомъ Екатерины въ этомъ дѣлѣ явился самъ регентъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, справедливо опасавшійся для Швеціи слишкомъ тѣснаго союза съ Россіей. Но умный и хитрый герцогъ скрылъ свою игру, и даже, какъ видно изъ вышеприведенныхъ словъ Стенбока, дѣлалъ видъ, что мысль эта ему улыбается. «Регентъ говорилъ въ своихъ письмахъ объ этомъ обиняками, но со времени прибытія графа Стакельберга дѣло приняло характеръ формальныхъ переговоровъ. Регентъ писалъ въ ясныхъ выраженіяхъ. Затѣмъ отъ регента получено было новое письмо, въ которомъ онъ говорилъ о своемъ желаніи, чтобы этотъ брачный проектъ сталъ поскорѣе гласнымъ для того, чтобы заставить молчать тѣхъ, которые стараются распускать слухъ, будто бы между обоими государствами готовится совершенный разрывъ» (письмо графа Маркова Румянцеву 17-го апрѣля 1794 года).

Тѣмъ не менѣе регентъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы порвать переговоры, для чего ему послужило поводомъ гостепрѣимство, оказанное Екатериною генералу Армфельду, осужденному за государственную измѣну и бѣжавшему въ Россію, при чемъ Екатерина не только не желала выдать его шведскому правительству, но даже оказывала ему знаки особаго своего вниманія. Въ шведскихъ газетахъ появился протоколъ шведскаго государственнаго совѣта отъ 9-го апрѣля 1794 года, въ которомъ говорилось, что Армфельдъ находился въ перепискѣ съ одной иностранной державой и побуждалъ ее послать свой флотъ къ Стокгольму. Сообщение это страшно разгнѣвало Екатерину, и она сама объявила всѣ дальнѣйшіе переговоры невозможными. Регентъ только этого и добивался, и тотчасъ же началъ устраивать бракъ короля съ принцессой Софіей Мекленбургскою; король и принцесса обмѣнялись портретами, и официальная помолвка была блестяще отпразднована при дворѣ, а по всѣмъ церквамъ приказано молиться за здравіе принцессы, какъ будущей королевы. Такое поспѣшное заключеніе этого дѣла раздосадовало Екатерину еще болѣе, чѣмъ прежнія оскорбленія: «Если бы регентъ-якобинецъ

былъ частное лицо,—писала она Гримму 4-го октября 1795 года,—то я отколотила бы его палкою за то, что онъ не сдержалъ своего слова, не снесся со мною по настоящему дѣлу. Не только графъ Стенбокъ говорилъ отъ имени регента и короля-ребенка, и не одной мнѣ, но и каждому, кто хотѣлъ слушать, что онъ былъ посланъ сюда для того, чтобы согласно волѣ покойнаго короля устроить бракъ молодого короля съ Александрою. Посланникъ Стедингъ въ продолженіе многихъ лѣтъ рассказывалъ то же самое. Различіе религій не должно было препятствовать этому дѣлу, спасительному для обоихъ государствъ». Графа Шверина, посланнаго въ Петербургъ сообщить о помолвкѣ, императрица не пожелала принять. Доѣхавъ до Выборга, онъ получилъ приказъ ѣхать обратно въ Стокгольмъ. Это крайнее раздраженіе не помѣшало, однако, Екатеринѣ начать тайные переговоры въ Мекленбургѣ о томъ, чтобы принцесса формально отказалась отъ вступленія въ бракъ съ Густавомъ. Въ самой Швеціи велась усиленная агитація при помощи интригъ и денегъ. Какъ увѣряетъ Растопчинъ въ письмѣ къ Воронцову отъ 7-го сентября 1796 года: «бракъ этотъ до сихъ поръ стоить уже около двухъ милліоновъ рублей». Распускались слухи, что король страстно влюбленъ заочно въ Александру Павловну, и что только вліяніе регента мѣшаетъ исполненію желанія юнаго короля. Генералъ Будбергъ былъ отправленъ въ Стокгольмъ въ качествѣ посланника и добился того, что бракъ короля съ принцессой Мекленбургскою былъ объявленъ отложеннымъ до совершеннолѣтія короля, то-есть до 1797 года. Въ своихъ письмахъ къ Екатеринѣ регентъ, напуганный усиленными военными приготовлениями Россіи въ Финляндіи, ручался даже своимъ честнымъ словомъ, что бракъ этотъ никогда не состоится (письмо отъ 26-го мая 1796 года). Тогда Екатерина успѣшила пригласить короля пріѣхать въ Петербургъ. Лично королю все это было довольно безразлично; влюбчивый отъ природы, онъ находилъ себѣ достаточно развлеченій при собственномъ дворѣ; между прочимъ, онъ одно время до того увлекся фрейлиной Модэ, что даже собирався жениться на ней и отказаться отъ престола. Вотъ почему онъ былъ достаточно равнодушенъ къ выбору невесты, и приглашеніе Екатерины было принято въ Швеціи безъ всякаго удовольствія. Регентъ опасался вліянія императрицы на юношу, королю же не нравилась эта необходимость просить руки Александры Павловны точно по приказанію. Екатерина прекрасно понимала все значеніе этого пріѣзда и особенно желала, чтобы король пріѣхалъ одинъ, безъ регента, разсчитывая на молодость короля, на красоту невесты и на собственное обаяніе, чтобы быстро довести дѣло до желаннаго конца. Однако, на это регентъ не согласился, и 13-го августа 1796 года онъ вмѣстѣ съ королемъ прибылъ инкогнито въ Петербургъ и остановился въ домѣ шведскаго посланника Стединга.

Король прѣхалъ подъ именемъ графа Гага, а регентъ—графа Ваза. Всѣмъ была извѣстна истинная причина ихъ прѣзда, и всѣ желали поскорѣе увидать юнаго монарха. Королю было 17 лѣтъ, но онъ казался на видъ старше и солиднѣе. Онъ былъ высокъ, строенъ, уменъ, пріятенъ въ обращеніи и въ то же время держалъ себя съ нѣкоторою важностью. Первое же свиданіе сразу обнаружило всѣ его качества и показало Екатеринѣ, что «король-ребенокъ» обладаетъ увѣренностью и тактомъ далеко не дѣтскими. Онъ такъ спокойно и съ такимъ достоинствомъ представилъ императрицѣ свою свиту, что государыня даже слегка растерялась, какъ сама признается въ письмѣ къ Гримму, и забыла представить королю свою. Послѣ получасового разговора съ Густавомъ Катерина позвала цесаревича со всей его семьей. Всѣ съ интересомъ слѣдили за первой встрѣчей короля съ Александрой Павловной. Оба молодые люди были смущены; юная великая княжна сильно покраснѣла, король тоже смѣшался, но первое впечатлѣніе было обоюдно пріятное. Красота и изящество 14-ти-лѣтней Александры Павловны не могли не повліять на чувствительное сердце короля; она же съ своей стороны тотчасъ плѣнилась стройнымъ юношей съ выразительными глазами, бывшимъ уже давно предметомъ ея завѣтныхъ дѣвичьихъ грезъ. Сама императрица была въ восторгѣ отъ короля и описывала его Гримму въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Цѣлый рядъ блестящихъ праздниковъ былъ данъ во дворцѣ, а также тѣми изъ вельможъ, которымъ назначала сама Катерина (Строгановъ, Остерманъ, Безбородко, Самойловъ), и король съ великой княжной имѣли возможность часто видѣться, танцевать и разговаривать. По желанію самой Екатерины, разговоры эти облегчались и поощрялись окружающими. Великая княгиня Марія Феодоровна въ своихъ письмахъ къ супругу не разъ упоминаетъ о такихъ приказаніяхъ, а также и томъ, что «императрица говоритъ, будто молодой женихъ такъ пламенно желаетъ видѣть малютку, что она даже не знаетъ, что ей дѣлать». Въ другомъ письмѣ она пишетъ: «...Наши влюбленные сидятъ рядомъ и вполголоса разговариваютъ; и все мнѣ слышится голосъ жениха». Повидимому, король, весьма чуткій къ женской красотѣ, все сильнѣе поддавался обаянію своей очаровательной невѣсты. Съ своей стороны Александра Павловна съ свойственной ей чистотой и искренностью всячески выказывала королю свою любовь и преданность. Это даже поощрялось бабушкой и родителями, что лучше всего доказываетъ, какъ велика была ихъ увѣренность въ Густавъ, на котораго всѣ змотрѣли, какъ на признаннаго жениха.

Однако, рѣшительное слово о вѣроисповѣданіи еще не было сказано. Дѣло въ томъ, что Густавъ IV былъ пропитанъ фанатизмомъ лютеранства и особою ненавистью къ греческой церкви, внушенною ему его наставниками и духовникомъ Флеммингомъ. 19-го

августа на балу у Самойлова король впервые затронулъ этотъ вопросъ въ разговорѣ съ Екатериной, говоря, что основные законы Швеціи требуютъ, чтобы королева исповѣдывала одну религію съ королемъ. На это императрица отвѣтила, что Густавъ III самъ издалъ законъ, который дозволяетъ всѣмъ, не исключая и короля, жениться на невѣстѣ иного исповѣданія. Въ душѣ юнаго короля видимо происходила борьба между внушенными ему религіозными принципами и зарождающеюся любовью. Онъ то становился мраченъ и даже возбуждалъ дипломатическіе разговоры съ Екатериной, то снова начиналъ усиленно ухаживать за великой княжной. Видя такое колебаніе со стороны короля, Екатерина рѣшила узнать мнѣніе духовенства о такой чисто внѣшней перемѣнѣ вѣроисповѣданія; но и здѣсь отвѣтъ получился неудовлетворительный. Духовенство рѣшило этотъ вопросъ отрицательно; митрополитъ, впрочемъ, прибавилъ: «ваше величество всемогуще». Наконецъ, король все-таки рѣшился. 2-го сентября онъ сообщилъ императрицѣ, что окончательно согласенъ на разрывъ съ принцессой Мекленбургской и на сохраненіе великой княжною ея вѣроисповѣданія. Тогда императрица передала ему письмо, гдѣ были ясно выражены всѣ ея требованія, и очень категорически поставленъ вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія. Король принялъ это письмо, и на другой день благодарилъ за него императрицу и выразилъ свое полное согласіе. 6-го сентября Екатерина благословила свою внучку на этотъ бракъ и тотчасъ заспѣшила съ его скорѣйшимъ заключеніемъ.

Баронъ Стедингъ въ торжественной аудіенціи официально просилъ у императрицы отъ имени короля руки великой княжны Александры Павловны.

7-го сентября, великая княгиня Марія Феодоровна писала супругу: «Подняли вопросъ объ обрученіи или объ обмѣнѣ колецъ въ церкви или въ комнатѣ, который хотятъ устроить немедленно какимъ бы то ни было образомъ. Архіереи соберутся, митрополитъ пріѣдетъ сегодня». Императрицѣ же великая княгиня писала въ тотъ же день: «Разговоръ мой съ королемъ я начала съ того, что сказала ему, какъ груститъ малютка, видя его печальнымъ, какъ беспокоится о немъ, и просила его говорить со мною откровенно, какъ съ другомъ. Онъ возразилъ: «Я уже просилъ ее успокоиться, сказавъ ей, что нѣтъ ничего опаснаго». Затѣмъ, поблагодаривъ меня за дружбу, прибавилъ: «Когда она будетъ у меня въ Стокгольмѣ, настанетъ конецъ всѣмъ моимъ печалямъ»... «Сочтемъ примѣрно, сколько мѣсяцевъ вы будете въ разлукѣ». Насчитали восемь мѣсяцевъ, и при этомъ у молодого человѣка навернулись слезы на глазахъ. «Это очень долго»,—прибавила я. Тогда у меня точно молнія блеснула въ умѣ, и я сказала: «Вы говорите, что ваши печали окончатся, когда она будетъ съ вами въ Стокгольмѣ! Почему же бы вамъ не ускорить этой минуты?»—На это онъ возразилъ: «Я

очень бы этого желалъ, но для этого существуетъ только два времени года: осень и весна, зимой же это невозможно». — «Но, — замѣтила я, смѣясь, — отчего бы вамъ не жениться теперь?» — Онъ отвѣчалъ: «Дворъ не въ полномъ сборѣ, и апартаменты не готовы». — «О, — возразила я, — что касается до двора, то его собрать не долго, а если кто любить кого, тотъ не обращаетъ вниманія на апартаменты. Вы женитесь, малютка поѣдетъ съ вами — и дѣло съ концомъ». — Тогда онъ отвѣчалъ: «Но море опасно». Тутъ подала голосъ Александра: «Съ вами, — сказала она, — я всегда буду считать себя въ безопасности»... — Я ему сказала: «Довѣрьтесь мнѣ, Густавъ. Вы говорите, что желали бы поскорѣе видѣть окончаніе дѣла?» — «Очень бы этого желалъ, — отвѣчалъ онъ, — но это зависитъ отъ герцога»... Разговоръ прервался увѣреніями въ дружбѣ и нѣжностями съ малюткой. Онъ часто цѣловалъ ей руки, обнималъ ея и говорилъ самыя нѣжныя вещи».

Какъ видно изъ этого письма, возраженія, представляемыя королею, были весьма несущественны, и явно внушены ему регентомъ. Не слѣдуетъ все же забывать, что король былъ почти ребенокъ и не могъ не подчиняться вліянію дяди. Екатерина не придавала этому достаточнаго значенія, а также пренебрегла или была недостаточно освѣдомлена о той роли, которую (если вѣрить шведскимъ источникамъ) играла въ этомъ дѣлѣ супруга великаго князя Александра Павловича, Елисавета Алексѣевна, пользовавшаяся своимъ личнымъ обаяніемъ, чтобы вліять на короля, и желавшая женить его на своей сестрѣ (которая впоследствии и стала его женой). Какъ бы то ни было, торжество обрученія было назначено на 11-е сентября, вечеромъ. Въ политическомъ отношеніи Россія обѣщала Швеціи ежегодно 300 тысячъ рублей и выплату удержанной съ 1793 г. субсидіи, всего въ миллионъ пятьдесятъ тысячъ рублей, обѣщанной еще Густаву III для военныхъ дѣйствій противъ Франціи.

11-го сентября, въ 7 часовъ вечера, весь дворъ собрался въ тронную залу Зимняго дворца; явились императрица и цесаревичъ со всей своей семьей; Александра Павловна была въ подвѣнчномъ нарядѣ. Недоставало только короля — и онъ не являлся. Началось замѣтное волненіе, все обратили вниманіе на частыя отлучки фаворита государыни, князя Зубова. Было уже около 10 часовъ вечера, когда Зубовъ снова вошелъ въ залу и что-то шепотомъ сообщилъ императрицѣ. Она встала, сказала нѣсколько невнятныхъ словъ и почувствовала себя дурно. Ее увели, и дворъ былъ распущенъ подъ предлогомъ нездоровья короля. Но настоящая причина быстро стала извѣстна. Бѣдная Александра Павловна съ трудомъ дошла до своей спальни, гдѣ страшно разрыдалась. Въ первую минуту никто не могъ разобраться въ томъ, что произошло. Между тѣмъ оказалось слѣдующее: когда въ 6 час. вечера, 11-го

сентября, Марковъ прѣхалъ, чтобы получить подпись короля на брачномъ договорѣ, то король отказался подписать, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что онъ никогда не соглашался на то, чтобы великая княжна Александра Павловна имѣла во дворцѣ домовую православную церковь. Никакіе доводы не дѣйствовали, даже убѣжденія регента и приближенныхъ шведовъ. На слова Стедингга, что здѣсь дѣло идетъ о его коронѣ, Густавъ воскликнулъ: «Такъ пусть же лучше снимутъ съ моей головы корону, нежели я сдѣлаю что либо противъ своихъ убѣжденій!» Онъ не согласился также дать письменное обязательство въ томъ, что разрѣшить своей супругѣ полную свободу совѣсти, и вмѣсто того написалъ только довольно запутанную по смыслу записку: «Я далъ мое честное слово не оказывать препятствія въ исполненіи великой княжной обрядовъ ея церкви съ тою лишь оговоркой, насколько это не будетъ несогласно съ постановленіями шведскихъ законовъ, а также обѣщаль не уговаривать великую княжну измѣнить свое вѣроисповѣданіе». Въ отвѣтъ на дальнѣйшія настоянія король воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу! Я не могу! Я не подпишу!» и ушелъ въ свою комнату, гдѣ и заперся.

Изъ сопоставленія шведскихъ и русскихъ показаній дѣло выясняется слѣдующимъ образомъ. Зубову и Маркову поручено было составить брачный договоръ въ желаемомъ для императрицы смыслѣ, т. е. безъ перемѣны религіи. Повидимому, на это первоначально былъ согласенъ и король. Это особенно ясно видно изъ всеподданнѣйшаго доклада шведскаго государственнаго канцлера Спарре, представленнаго имъ въ 1797 г., когда вторично начались переговоры о бракѣ. Рисуя общее положеніе этого вопроса, Спарре говоритъ, что императрица Марія Ѳеодоровна согласна, чтобы дочь ея исполняла лютеранскіе обряды, во всемъ же остальномъ поступать по своему желанію, и предоставляется ей имѣть свою собственную подвижную капеллу. «Первая часть этого предложенія согласна съ условіемъ, поставленнымъ вашимъ величествомъ... а съ удержаніемъ его уничтожается, какъ нѣчто призрачное, вся остальная часть предложенія, содержащая обѣщаніе вашего величества» (курсивъ нашъ). Въ этой обѣщанной капеллѣ Спарре совѣтуетъ позволить великой княжнѣ Александрѣ Павловнѣ только молиться, но отнюдь не совершать обрядовъ, которые по смыслу и сути таковы же и у лютеранъ. Что статья о вѣроисповѣданіи была извѣстна шведскимъ уполномоченнымъ, и что они ничего противъ нея не возразили, видно изъ письма Екатерины къ цесаревичу отъ 12 сентября. «На балу въ Таврическомъ дворцѣ я приказала Маркову отправиться на слѣдующее утро къ шведскимъ уполномоченнымъ для передачи имъ проекта договора и всѣхъ отдѣльныхъ статей его и въ числѣ ихъ и статьи о вѣроисповѣданіи, въ которой они просили вычеркнуть слова: «православная, апо-

стольская, греческая», и поставить взамѣнъ того: «исповѣданіе, въ которомъ она родилась и воспитана»... Это происходило во вторникъ утромъ, но они только вчера сказали, что король взять его съ цѣлью переговорить о немъ со мной». Далѣе въ письмѣ къ государю (17-го сентября) Екатерина пишетъ, что когда 11-го сентября русскіе и шведскіе уполномоченные собрались подписать договоръ, то увидели, что 4-ой отдѣльной статьи о свободѣ исповѣданія великой княжны Александры Павловны нѣтъ. Они спросили у шведовъ, куда они ее дѣвали. Тѣ сказали, что это—распоряженіе короля. Тогда императрица послала Маркова къ королю, и послѣ его двукратныхъ поѣздокъ получилась записка короля «въ темныхъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ». Что сами шведы не отрицали первоначальныхъ обѣщаній короля, доказывается и письмомъ Зубова къ цесаревичу (отъ 13-го сентября): «...Полномочные всѣ единогласно говорили, что они и сами не настаиваютъ, такъ какъ король ихъ согласенъ dans le principe, et ne voulant point en avouer les conséquences, самъ опровергаетъ все то, что самъ же обѣщаль»...

Дѣло, повидимому, было такъ: король далъ свое согласіе на свободу вѣроисповѣданія и на домовую церковь для великой княжны, но затѣмъ подъ вліяніемъ глухихъ навѣтовъ регента, совѣтовъ своего близкаго друга Флемминга, яраго фанатика протестантизма, а главное собственныхъ странностей (о которыхъ упоминаетъ Стедингъ въ своихъ запискахъ), рѣшилъ отказаться отъ своихъ же собственныхъ словъ.

Екатерина настолько была далека отъ мысли, что случилось нѣчто непоправимое, что въ тотъ же несчастный вечеръ 11-го сентября писала Маріи Ѳеодоровнѣ: «Такъ какъ я никакого разрыва не дѣлаю, а хочу только разъяснить дѣло, то у меня голова кругомъ пошла, и я заболѣла—вотъ и все». Назначенный на слѣдующій день балъ по случаю дня рожденія великой княгини Анны Ѳеодоровны (супруги великаго князя Константина) отмѣненъ не былъ. Императрица показалаcя всего на одну минуту и не говорила съ королемъ. Александрѣ Павловнѣ разрѣшено было не быть на балу. Король потанцовалъ немного съ другими великими княжнами, сказалъ нѣсколько словъ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и скоро ретировался, съ особой любезностью простившись со всѣми. Это было его послѣднимъ появленіемъ при дворѣ. Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, вообще не принимавшій никакого активнаго участія въ этомъ сватовствѣ (въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія короля въ столицѣ онъ не болѣе трехъ разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ), уѣхалъ въ этотъ же вечеръ въ Гатчину и не видался болѣе съ Густавомъ IV. Все затихло. «Никогда ни одинъ король не проводилъ при иностранномъ дворѣ такихъ скучныхъ и непріятныхъ дней»,—говоритъ въ своихъ запискахъ современникъ Массонъ. Начались длинные переговоры.

Екатерина писала цесаревичу: «Третьяго дня вечеромъ ко мнѣ приходилъ регентъ съ просьбою возобновить переговоры, потому что онъ выдалъ и подписалъ полномочія. Я отвѣчала, что подумаю. Дѣйствительно, вчера состоялась конференція, на которой было рѣшено, что ратификація короля послѣдуетъ черезъ два мѣсяца послѣ его совершеннолѣтія». Король видѣлся съ императрицей, министры совѣщались. Наконецъ Густавъ объявилъ, что при своемъ совершеннолѣтіи созоветъ государственные штаты, и если они дадутъ согласіе на православіе королевы, то онъ пришлетъ за великой княжной. 17-го сентября былъ подписанъ предварительный договоръ. Татищевъ писалъ по этому поводу русскому послу въ Лондонѣ Воронцову: «Наконецъ послѣ длинныхъ дебатовъ, когда говорилъ почти исключительно графъ Безбородко, всѣ пришли къ соглашенію, и вчера уполномоченные подписали союзный и брачный договоры, сообразно съ желаніями императрицы. Великая княжна сохраняетъ свое вѣроисповѣданіе, слѣдуетъ ему публично и будетъ имѣть при дворѣ свою церковь и причтъ... Ратификаціи должны были быть совершены сегодня герцогомъ; король же совершитъ это по достиженіи совершеннолѣтія. Его поведеніе не совсѣмъ ясно; онъ упорно молчитъ обо всемъ этомъ, какъ будто дѣло идетъ о комъ нибудь другомъ, а не о немъ самомъ». 17-го сентября императрица писала Павлу Петровичу: «... Теперь упрямый мальчикъ вздумалъ послать въ Швецію Эссена для того, чтобы получить мнѣніе своей консисторіи и своего духовника о томъ, можетъ ли онъ включить въ договоръ отдѣльную статью о религіи. Я замѣтила регенту, не компрометируютъ ли они этимъ свою власть. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что съ этимъ упрямымъ и заносчивымъ ребенкомъ нельзя поступать иначе».

Можно себѣ представить, сколько сплетенъ развелось при дворѣ по поводу этой неудачной помолвки. Пробовали оклеветать и ни въ чемъ неповинную Александру Павловну, говоря, будто она обѣщала Густаву перемѣнить религію. Спрошенная объ этомъ императрицей, великая княжна откровенно объяснила, что на слова короля о необходимости ей причаститься съ нимъ вмѣстѣ въ день коронаціи она отвѣтила: «Охотно, если это можно, и бабушка согласится». Всѣ объясненія Александры Павловны настолько удовлетворили Екатерину, что она тотчасъ же написала Маріи Θεодоровнѣ, что нашла въ своей внучкѣ всѣ чувства, какія только ей можно пожелать. «Прекрасная, какъ день, спокойная, простодушная, она очаровательна».

2-го сентября, въ день рожденія Павла Петровича, шведы уѣхали, обмѣнявшись предварительно съ русскимъ дворомъ письмами и подарками и не повидавшись съ цесаревичемъ и его семьей. Зато въ своихъ письмахъ регентъ не поскупился на обѣщанія,

очевидно чрезвычайно довольный въ душѣ тѣмъ оборотомъ, который приняло дѣло.

Но и послѣ отъѣзда короля переговоры продолжались. Собственно церковная власть въ Швеціи не препятствовала этому браку. Епископъ упсальскій Троицъ и консисторія высказались за свободу вѣроисповѣданія королевы. Но куда шли обсужденія, король разсорился съ регентомъ и отложилъ бракъ на неопредѣленное время. Онъ выискивалъ разныя препятствія и намѣренно тянулъ дѣло.

Тѣмъ временемъ умерла императрица Екатерина. Клигспорръ, прибывшій въ Петербургъ для переговоровъ о бракѣ, былъ принятъ уже императоромъ Павломъ и чрезвычайно имъ обласканъ. Въ Стокгольмѣ былъ посланъ графъ Головкинъ возвѣстить о восшествіи на престолъ императора Павла и повести официальные переговоры о бракѣ. Къ несчастью, Головкинъ слишкомъ послѣшилъ обнадежить Павла Петровича и Марію Феодоровну, не выяснивъ съ достаточной опредѣленностью все того же несчастнаго вопроса о вѣроисповѣданіи. Вѣря ему, они оба охотно дѣлали всякіе авансы и любезности. Спарре въ докладѣ королю отъ 3-го мая 1797 г. писалъ: «Со стороны родителей положительно обѣщано было, что великая княжна во всѣхъ внѣшнихъ религіозныхъ обрядахъ, во всемъ томъ, что не возбуждаетъ сомнѣнія въ ея собственномъ вѣроисповѣданіи, будетъ заодно со своимъ супругомъ и государемъ: это были собственные слова письма императрицы». Далѣе Спарре доказываетъ королю, что бракъ этотъ прямо необходимъ, ибо Швеція нигдѣ въ Европѣ не имѣетъ поддержки, флотъ разоренъ, финансы плохи, и только длительный миръ (лѣтъ на 20—30-ть) можетъ все понемногу исправить. Но эти-то настоянія и возбудили новый приливъ упрямства у взбалмошнаго короля, и онъ неожиданно заявилъ Головкину, что не согласенъ жениться на православной княжнѣ, прибавивъ довольно непослѣдовательно, что починъ разрыва со шведскимъ дворомъ представляетъ русскому императору, чтобы избавить себя отъ упрековъ въ нерадѣніи о пользахъ Швеціи. Впрочемъ онъ соглашался на личное свиданіе съ императоромъ Павломъ весною, но этого не пожелалъ уже разсерженный императоръ и приказалъ Головкину покинуть Стокгольмъ, а Клигспорру выѣхать изъ Петербурга. На этомъ и кончились переговоры о бракѣ Густава IV съ Александрой Павловной.

Можно себѣ представить, какъ тяжела эта неудачная помолвка отразилась на бѣдной дѣвушкѣ, и какую горечь оставила въ ея юной душѣ! Но судьба готовила ей еще худшія испытанія.

II.

Черезъ три года послѣ неудачной помолвки Александры Павловны она была вторично просватана за венгерскаго палатина эрцгерцога Иосифа-Стефана. На этотъ разъ все дѣло велось гораздо тише и скромнѣе. Въ Вѣну былъ посланъ князь Репнинъ съ тайнымъ порученіемъ начать переговоры о бракѣ. Ему былъ сдѣланъ блестящій пріемъ; императоръ нарочно прибылъ изъ Бадена для аудіенціи. Цѣль посольства Репнина была достигнута безъ затрудненія. Рѣшено было, что палатинъ Иосифъ отправится въ Петербургъ просить руки Александры Павловны. Въ это время отношенія между русскимъ и австрійскимъ дворами были уже очень натянуты, а австрійскіе дипломаты, какъ писалъ Растопчинъ Воронцову, разсчитывали хоть нѣсколько ихъ сгладить бракомъ великой княжны съ эрцгерцогомъ, «въ томъ упованіи, что государь изъ желанія устроить судьбу своей дочери на многое посмотритъ сквозь пальцы и склонится къ какому ни на есть сближенію, а между тѣмъ выигрывается время, чтò всего болѣе нужно вѣнскому двору». Въ февралѣ 1799 г. эрцгерцогъ прибылъ уже въ качествѣ жениха въ Петербургъ; ему было всего 23 года. «Онъ застѣнчивъ и неловокъ,—сообщалъ Растопчинъ Воронцову,—но фигуру имѣетъ пріятную... Онъ влюбленъ въ великую княжну, и въ воскресенье имѣетъ быть комнатный сговоръ, послѣ чего эрцгерцогъ черезъ 10 дней отправляется въ Вѣну, а оттуда въ Италію къ арміи, которою онъ будетъ командовать» (письмо Растопчина 16-го февраля 1799 г.). Обрученіе состоялось 20-го февраля весьма скромно; присутствовала только семья и самыя близкія къ обѣимъ сторонамъ лица. 9-го марта палатинъ покинулъ Петербургъ и вернулся только въ октябрѣ. Всѣ вопросы о вѣроисповѣданіи были улажены; великая княжна сохраняла полную свободу, и ей разрѣшалось имѣть домашнюю церковь во дворцѣ. Свадьба состоялась 19-го октября, а 2-го ноября новобрачные уѣхали изъ Петербурга.

Нелегка была замужняя жизнь Александры Павловны. Правда, съ супругомъ ее связывала самая нѣжная любовь, но эрцгерцогъ былъ человѣкъ слабохарактерный и не пользовался при австрійскомъ дворѣ никакимъ вліяніемъ, такъ что былъ абсолютно неспособенъ защищать жену отъ всевозможныхъ испытаній, которыхъ ей суждено было вынести такъ много. Уже одно ея православіе, хотя и признанное по договору, заставляло вѣнскій дворъ весьма косо на нее смотрѣть. По словамъ ея духовника, протоіерея Самборскаго, «она, выключая своего вѣрнаго и нѣжнаго супруга палатина и нѣсколькихъ вѣрнопопданныхъ россіянъ, окружена была людьми неприязненными; нѣкоторые изъ нихъ прельщали ее къ соединенію съ папизмомъ, другіе смущали ея христіанскую душу внушеніемъ

безбожія и других вредных правилъ. Благонамѣренныя же венгры были удалены отъ ея ближайшаго сообщества» (письмо къ императрицѣ Маріи Теодоровнѣ 26-го октября 1805 г.). Самъ примасъ Венгріи, кардиналъ Баттіани, постоянно старался склонить палатину къ католичеству, для чего всячески снискивалъ ея расположеніе и довѣріе всевозможными дорогими подарками и другими знаками вниманія. Не меньше огорченій причинила Александрѣ Павловнѣ и безмѣрная любовь венгерскаго народа, а особенно славянскаго и православнаго населенія Венгріи, изъ-за которой ей пришлось вынести немало обидъ и униженій отъ вѣнскаго двора. Надо помнить, что въ Венгріи давно кипѣла глухая вражда къ Австріи, и что въ 1795 г. былъ открытъ цѣлый заговоръ, имѣвшій цѣлью отложеніе Венгріи отъ Австріи и образованіе изъ нея особаго королевства. Главныя заговорщики были казнены, а палатинъ Александръ-Леопольдъ, котораго предполагалось возвести на престолъ новаго королевства, уѣхалъ изъ Пешта и «нечаянно» убится 12-го іюля 1795 г., спуская фейерверкъ. На его-то мѣсто и былъ назначенъ братъ его, будущій супругъ Александры Павловны. Разумѣется, австрійскій дворъ относился съ тѣхъ поръ къ Венгріи болѣе чѣмъ подозрительно, а бракъ палатина съ русской и православной великой княжной могъ только усилить эту мнительность. По словамъ Броневскаго, посѣтившаго Венгрію въ 1810 г., побывавшаго во дворцѣ Александры Павловны и говорившаго со многими очевидцами: «благосклонность ея (Александры Павловны), доступность, кротость, плѣнительное обращеніе и неземная красота, подобно магическому жезлу, покорили сердца благородныхъ венгровъ; вся нація видѣла въ ней опору, надежду и утѣшеніе. Политическіе мечтатели не замедлили распространить пустые слухи, основанные на любви и чрезмѣрной преданности къ ней народа, особенно славянъ греческаго исповѣданія, которымъ черезъ покровительство ея доставлены многія преимущества, касающіяся до свободнаго послѣдованія обрядамъ своей церкви»...

Къ этимъ религіознымъ и политическимъ причинамъ присоединились еще причины чисто личнаго свойства: императрица Тереза (вторая жена Франца II) попросту приревновала свою молоденькую и хорошенькую невѣстку, тѣмъ болѣе, что когда великая княгиня представлялась впервые ко двору, императоръ былъ пораженъ ея сходствамъ съ первой его супругой Елисаветой (теткой Александры Павловны), и пришелъ въ замѣтное волненіе. Мстительная и мелочная императрица Тереза умѣла съ истинно женской утонченной жестокостью преслѣдовать юную палатину. Графиня Блудова въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ такой фактъ: «Случилось между прочимъ, что на одинъ народный спектакль Александра Павловна пріѣхала въ ложу по обычаю въ брильянтахъ, но брильянты ея были гораздо болѣе цѣнные и лучше от-

дѣланные, нежели ея свекрови... Малодушная свекровь запретила ей надѣвать брильянты въ театр; она кротко повиновалась. Но въ слѣдующій разъ, когда она появилась въ ложу съ одними только цвѣтами въ волосахъ, вмѣсто діадемы, ея юная красота была ослѣпительнѣе драгоцѣнныхъ каменьевъ, и шепотъ сдержаннаго удивленія прошелъ въ публикѣ. Бѣдной Александрѣ Павловнѣ пришлось вынести еще непріятности и за это».

Въ Пештѣ великая княгиня была окружена одними несимпатичными ей лицами; только духовникъ ея, о. Самборскій, и его дочь были къ ней искренно привязаны. Стараніями о. Самбор-была устроена во дворцѣ православная церковь, несмотря на всѣ затрудненія. «Послѣ освященія церкви, — пишетъ о. Самборскій, — великая княгиня ежедневно присутствовала въ церкви и приуготовлялась къ причастію св. таинъ. Со дня на день церковь все болѣе наполнялась народомъ... Но въ послѣдующіе дни св. Пасхи все стеченіе народа безчестно и нагло было изгнано палками изъ церкви, безъ уваженія знатныхъ лицъ, отъ чего чуть было не послѣдовало смятеніе»...

Александра Павловна была уже беременна, когда ея супругу пришлось ѣхать въ Вѣну, по случаю приготовленій венгерскаго войска къ отраженію ожидавшагося нашествія французовъ. Великая княгиня послѣдовала за мужемъ въ Вѣну, гдѣ ихъ приняли далеко не радушно; имъ отвели какой-то тѣсный закоулокъ въ Шёнбрунскомъ дворцѣ, и бѣдная больная палатина, подвергавшаяся очень часто мучительнымъ припадкамъ, была сдана на попеченіе доктора, который, по словамъ о. Самборскаго, «прописывалъ ей самыя непріятныя лѣкарства, неизвѣстно съ намѣреніемъ или по невѣдѣнію, ибо онъ болѣе искусенъ былъ въ интригахъ, нежели въ медицинѣ, а при томъ и въ обхожденіи былъ грубъ». Палатина была даже лишена хорошихъ кушаній, потребность въ которыхъ является столь часто при беременности, несмотря на то, что палатинъ приказалъ оберъ-гофмейстеру подавать ей все самое лучшее и по ея вкусу. «Въ такомъ состояніи, — говоритъ о. Самборскій, — ея высочество находилась около трехъ мѣсяцевъ. На послѣдокъ письменно приказала мнѣ пріѣхать изъ Венгріи вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Эбелингомъ, который былъ отъ лица ея удаленъ. Пріѣздъ нашъ весьма обрадовалъ великую княгиню; она изъявила желаніе покушать рыбы. Я тотчасъ же пошелъ въ Вѣну, и, перемѣняя часто въ перевозкѣ свѣжую воду, представилъ передъ ея глаза животрепещущую рыбу: она была весьма довольна... Такимъ образомъ и послѣ сего я имѣлъ счастье исполнять должность вѣрнаго комиссара, а дочь моя преусердной поварихи».

Когда палатинну пришлось уѣхать изъ Вѣны въ Венгрію, Александра Павловна рѣшила слѣдовать за нимъ водою, разумно считая такой способъ путешествія наиболѣе спокойнымъ въ ея

положеніи, но ее отговорили и убѣдили ѣхать сухимъ путемъ. Вообще ее не только не щадили, принимая въ соображеніе ея положеніе и болѣзненное состояніе, но наоборотъ, какъ будто нарочно старались причинить ей вредъ. «Министры,—говорить о. Самборскій,—объяты были страхомъ, что когда венгерская палатина разрѣшится отъ бремени принцемъ, то Венгрія непременно отложится отъ Австріи». Въ гоненіи этомъ не принималъ впрочемъ участія самъ императоръ, Францъ II, но онъ былъ всецѣло во власти своей супруги; что же касается эрцгерцога, то, по словамъ о. Самборскаго, «горячая любовь и уваженіе, которыя палатинъ торжественно выказывалъ какъ при жизни, такъ и по смерти своей супруги, служить ему лучшею порукою передъ цѣлымъ свѣтомъ въ томъ, что онъ никакого не имѣлъ участія въ причиненныхъ великой княгинѣ оскорбленіяхъ». Однако этой «горячей любви» палатинъ что-то мало проявилъ въ своихъ заботахъ о женѣ, да и послѣ ея смерти велъ себя какъ-то странно.

Переѣздъ въ Венгрію сухимъ путемъ очень утомилъ великую княгиню, а тутъ еще ей стали говорить, что супругъ сильно скучаетъ по ней, и она рѣшилась ѣхать къ нему на границу, несмотря на все свое нежеланіе приближаться къ нелюбимой ею Вѣнѣ. Ея опасенія сбылись; послѣ смотра войскамъ императоръ приказалъ палатину отправиться съ супругой въ Вѣну. Мысль о томъ, что именно въ Вѣнѣ умерла ея тетка, императрица Елисавета, угнетала Александру Павловну тяжелымъ предчувствіемъ, и съ этой минуты она начала готовиться къ смерти и даже написала завѣщаніе въ пользу нѣжно любимаго ею мужа.

Только въ виду приближенія французовъ къ Вѣнѣ Александрѣ Павловнѣ разрѣшено было вернуться въ Пештъ, но для этого ей пришлось разстаться съ мужемъ, что было для нея очень тяжело. Незадолго до родовъ она пожелала причаститься, но ей долго этого не позволяли, ссылаясь на опасность простуды въ церкви, а также на то, что обрядъ этотъ слишкомъ ее взволнуетъ. Только авторитетъ самого палатина, прибывшаго ко времени родовъ, далъ ей возможность исполнить ея желаніе, и то не въ церкви, а въ ближайшей къ ея спальнѣ залѣ.

Роды Александры Павловны были очень тяжелые, пришлось прибѣгать къ помощи инструментовъ, и извлеченный ребенокъ, дѣвочка, прожилъ всего нѣсколько часовъ. Окружающіе боялись сообщить это больной и наконецъ поручили сдѣлать это о. Самборскому. Когда онъ вошелъ въ комнату, то палатина прежде всего спросила о ребенкѣ, но когда о. Самборскій сказалъ ей, что малютка умерла, она приняла это извѣстіе съ твердостью, сказавъ только: «Я благодарю Бога за то, что дочь моя переселилась къ ангеламъ, не испытавъ тѣхъ горестей, какія намъ приходится переносить на землѣ».

14-го марта (новаго стиля) 1801 года палатинъ извѣщаетъ императора Павла: «...на четвертый день послѣ родовъ жена моя заболѣла молочною лихорадкой, которая сегодня прекратилась, не оставивъ никакихъ опасныхъ слѣдовъ, кромѣ сыпи». Эрцгерцогъ и не подозрѣвалъ, что сыпь эта была уже смертнымъ приговоромъ его супруги, указывая на начавшееся зараженіе крови. Всѣ напротивъ надѣялись на скорое выздоровленіе эрцгерцогини, и сама она, переставъ думать о смерти, даже оживленно бесѣдовала съ о. Самборскимъ о томъ, какъ слѣдуетъ распланировать садъ, который подарилъ ей палатинъ. Народу тоже сообщалось, что палатина поправляется. Тѣмъ ужаснѣе было для всѣхъ внезапное ухудшеніе, наступившее къ вечеру 15-го марта, когда Александру Павловну вдругъ сильно залихорадило, и появился сильный бредъ. Бѣдная больная жаловалась, что ей тѣсно и душно жить на чужбинѣ, и просила передать ея родителямъ просьбу построить ей въ Россіи хоть маленькій домикъ. Въ 3 часа утра она, однако, настолько пришла въ себя, что призвала къ себѣ мужа, поцѣловала его и простилась съ нимъ, проговоривъ только: «Не забудь меня, мой любезный Іосифъ!» Отецъ Самборскій былъ призванъ къ постели умирающей; когда онъ поднесъ крестъ къ ея губамъ, она приложилась къ нему съ горячими слезами и потомъ, крѣпко прижавъ къ своей груди, стала слушать напутственныя молитвы, которыя читалъ ея духовникъ, стоя на колѣняхъ у ея постели: «...казалось, что ея высочество со всевозможнымъ вниманіемъ и сердечнымъ чувствомъ содѣйствовала онымъ молитвамъ».

Въ 6 ч. утра великой княгини не стало. Когда палатинъ узналъ объ этомъ, то упалъ безъ чувствъ, и его замертво вынесли изъ комнаты, гдѣ скончалась Александра Павловна.

Интересно сопоставить эти свѣдѣнія съ тѣмъ, что сообщаетъ въ своихъ запискахъ графиня Влудова, со словъ одной изъ приближенныхъ къ Александрѣ Павловнѣ дамъ: «...за ней (т.-е. за палатиной) былъ такой плохой уходъ, что она умерла одна, безъ сидѣлки, и когда вошли въ ея комнату, нашли ее мертвой, съ рукою на колокольчикѣ, которымъ у нея недоставало силы позвонить». Очевидно любовь эрцгерцога Іосифа умѣла проявляться только во вздохахъ и слезахъ, ибо за всю свою короткую совмѣстную жизнь съ Александрой Павловной онъ ни разу не могъ охранить и оберечь, какъ слѣдуетъ, свою молодую жену. Истинное чувство не подсказало ему даже, какъ важно ему было бы остаться при гробѣ палатины, чтобы устранить тѣ недоразумѣнія и затрудненія, которыя неизбѣжно должны были возникнуть.

Въ самый день ея смерти онъ уѣхалъ изъ Пешта на богомолье по разнымъ католическимъ монастырямъ, предоставивъ о. Самборскому нести всѣ заботы и хлопоты. А ихъ оказалось немало. Самъ палатинъ писалъ императору Павлу 20-го марта:

«Я приготовилъ было мѣсто въ склепѣ капуцинской церкви въ Будѣ, тамъ, гдѣ уже покоится мой несчастный младенецъ; между тѣмъ, здѣшній дворъ, повидимому, располагаетъ перенести тѣло въ императорскій фамильный склепъ въ Вѣнѣ; наконецъ, духовникъ покойницы не соглашается исполнять обрядъ погребенія въ католической церкви... Тѣло покойницы стоитъ покуда въ комнатѣ небольшого загороднаго дома близъ Буды, подареннаго мною женѣ при ея жизни».

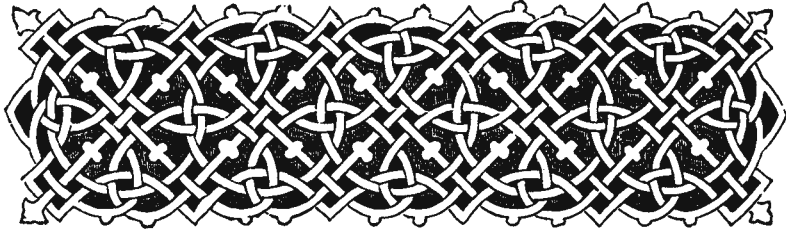
Палатинъ не прибавляетъ только, что выбралъ это помѣщеніе о. Самборскій, возмущившійся тѣмъ, что гробъ Александры Павловны хотѣли поставить въ склепъ капуцинской церкви, употреблявшійся рыночными торговками для храненія зелени, мяса и всякихъ запасовъ. Настояніемъ того же о. Самборскаго было устранено католическое духовенство отъ участія въ перенесеніи тѣла изъ дворца въ домикъ въ саду, и тѣмъ отнята возможность распространять вредныя для русскаго престижа и лживыя слухи о мнимомъ переходѣ Александры Павловны въ католичество. Палатинъ почему-то отсутствовалъ цѣлыхъ восемь недѣль. Ежедневно совершалъ о. Самборскій богослуженіе у гроба, при чемъ толпы народа разнаго исповѣданія приходили въ церковь. Между прочимъ, о. Самборскій рассказываетъ, что во время, когда никого не было въ церкви, прѣзжалъ какой-то католическій «великоименный мужъ, преисполненный честности и ревности къ своему отечеству. Онъ преклонилъ колѣна передъ гробомъ палатинны и произнесъ жалкимъ и пронзительнымъ голосомъ: «Въ этомъ гробѣ лежитъ теперь наше осиротѣлое Венгерское царство! Въ этомъ гробѣ погребена наша надежда и всѣ наши планы!» Черезъ нѣсколько дней въ церковь явился генералъ-губернаторъ Сербіи и «произнесъ слова такого же смысла и важности, какъ и первый... и именемъ Бога заклиналъ меня, дабы я чистую вѣру и твердую надежду сербовъ представилъ на усмотрѣніе русскаго престола». Какъ видно изъ этихъ словъ, подозрѣнія и опасенія вѣнскаго двора не были лишены нѣкотораго основанія.

Послѣ долгихъ пререканій гробъ великой княгини былъ перенесенъ на капуцинское кладбище, въ ожиданіи, пока будетъ готова церковь, которую рѣшили построить въ двухъ миляхъ отъ Пешта, въ деревушкѣ Иремъ. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Россію палатинъ просилъ отца Самборскаго не освящать безъ него церкви; но, вернувшись изъ Петербурга, сталъ всячески уклоняться отъ присутствія на этомъ освященіи, и только усиленные просьбы и твердыя настоянія о. Самборскаго заставили наконецъ эрцгерцога согласиться. Церковь была освящена 30-го августа 1801 г. Погребеніе великой княгини произошло безъ всякой особой пышности. Церковь была нарочно построена такихъ малыхъ размѣровъ, что даже не могла вмѣстить всѣхъ образовъ и церковной утвари, ко-

торые о Самборскій перевезъ изъ дворца. Любопытныя свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи этой церкви сообщены какимъ-то проѣзжимъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ» («Новости», 1899 г., № 176). Маленькая, ветхая церковь эта стоитъ вся въ зелени при дорогѣ; но войти въ нее нельзя ни со стороны дороги, ни со стороны поля, гдѣ правда есть небольшія ворота, но они постоянно заперты. «Приходится войти черезъ какую-то комнату, ведущую собственно не къ церкви, а къ сосѣднимъ съ нею убогимъ, полуразвалившимся постройкамъ, какъ намъ сказали—помѣщенію причта. Никто изъ причта, кромѣ псаломщика, скромно ютящагося въ одной жалкой комнаткѣ съ нависшимъ потолкомъ, каждую минуту готовымъ обрушиться на голову жильца, здѣсь не живетъ, ибо семейному человѣку жить здѣсь положительно невыносимо. Для исполненія требъ настоятелю и дьякону приходится ѣздить сюда изъ Будапешта. Самая церковь, хотя и построенная изъ прочнаго матеріала, пришла уже въ большую ветхость: стѣны черныя, грязныя, высокій фундаментъ, на которомъ она стоитъ, мѣстами разрушается; внутри всюду слѣды сильной сырости, и только прекрасный дубовый иконостасъ, даръ императора Александра III ко дню столѣтія рожденія великой княгини Александры Павловны въ 1883 г., скрашиваетъ всю неприглядную виѣшнюю и внутреннюю картину этой великокняжеской усыпальницы. Гробъ великой княгини стоитъ въ подвальномъ этажѣ церкви. По узенькой, крутой каменной лѣстницѣ вы спускаетесь внизъ; васъ сразу обдаетъ сыростью... На двухъ аналояхъ передъ гробомъ лежатъ рѣзныя великокняжескія короны; гробъ прикрытъ большимъ, малиноваго цвѣта, бархатнымъ покрываломъ, и на восточной сторонѣ склепа стоитъ крестъ».

Е. М. Студенская.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО.

I.

Гости изъ Варшавы.—Мои умственныя занятія.—Рѣшеніе бѣжать въ Варшаву.—
Бѣгство.—Редакція «Варшавскаго Курьера» и Шимановскій.—
На новой квартирѣ.

ДѢТОМЪ 1880 года къ намъ въ деревню (Минской губ., Бобруйскаго уѣзда) пріѣхали погостить мои три двоюродныя сестры, дѣвушки 14—20 лѣтъ, изъ Варшавы, гдѣ мать ихъ имѣла большой модный магазинъ. Разсказами о прелестяхъ варшавской жизни онѣ разжигали мое и безъ того пылкое воображеніе. То и дѣло слышалось: «у насъ въ Варшавѣ...», «вотъ посмотрѣлъ бы ты въ Варшавѣ...», «въ это время въ Варшавѣ...» и т. п.

Мнѣ шелъ 17-й годъ, и года черезъ три я долженъ былъ кончить слущкую гимназію, гдѣ считался ученикомъ способнымъ, но мало прилежнымъ и нетрудолюбивымъ. Пристрастившись очень рано къ чтенію, я уже успѣлъ ознакомиться съ большинствомъ лучшихъ міровыхъ писателей, такъ какъ бібліотека наша была разнообразна и пополнялась часто. Кромѣ нея, я имѣлъ доступъ и къ сосѣднимъ бібліотекамъ, изъ которыхъ одна, пастора Бергеля въ Слуцкѣ, пользовалась очень широкой извѣстностью, такъ какъ обладала массой рѣдкихъ изданій XVIII и даже XVII столѣтія. Увлекался я съ нѣкоторыхъ поръ и философій, и хотя еще далеко не осилилъ головоломной метафизики Канта и Гегеля, но довольно вѣрно могъ опредѣлить суть міровоззрѣнія болѣе извѣстныхъ древнихъ философовъ, а также и многихъ позднѣйшихъ, до Шо-

пенгауэра и Гартмана включительно. Наконецъ, благодаря тому, что мы получали выходившій въ то время выпусками энциклопедическій словарь, сдѣлавшійся у меня настольной книгой, я хватался множества самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыя, особенно изъ области исторіи и литературы, пытался, какъ умѣлъ, приводить въ нѣкоторый стройный порядокъ. Отличительной чертой всѣхъ этихъ занятій была полная ихъ самостоятельность. Впрочемъ отчасти руководителемъ была мнѣ образованная среда, въ которой я постоянно вращался.

Чуть ли не десяти лѣтъ отъ роду я началъ писать стихи, благодаря чему среди сосѣдей и знакомыхъ слылъ подъ шутивнымъ прозваніемъ «поэта». Лѣтъ 15-ти, я рѣшился послать свои опыты Крашевскому въ Дрезденъ. Опыты эти были мало удачны, и въ отвѣтъ я получилъ вѣжливое, но сухое письмо. Послѣ двухлѣтняго перерыва, мѣсяца за три до описываемаго времени, я обратился къ Крашевскому во второй разъ. Отвѣтное письмо его составило для всѣхъ насъ семейное торжество. Онъ писалъ, что пораженъ моими «громкими» успѣхами въ столь короткое время, восхищался звучностью и формой стиха, пророчилъ самую блестящую будущность. Стихи эти я послалъ въ одинъ изъ варшавскихъ журналовъ, но по какой-то фантазіи именно въ тотъ, котораго ни мы, ни сосѣди не получали. Никакого отвѣта я не дождался и, сконфуженный, притихъ. Только нѣсколько лѣтъ спустя, просматривая случайно книжки этого журнала, я натолкнулся тамъ на мои стихи. Въ это время я очень нуждался въ деньгахъ и очень былъ обрадованъ, получивъ за эти стихи гонораръ, выданный мнѣ безъ всякихъ возраженій. Такимъ образомъ я уже печатался, хотя самъ не зналъ объ этомъ.

Подкупаемый моими литературными наклонностями, отецъ уже нѣсколько разъ обѣщалъ перевести меня въ Варшаву, въ одну изъ мѣстныхъ гимназій, но не спѣшилъ, и я пересталъ вѣрить, что это когда либо можетъ осуществиться.

И вотъ, въ тихій іюльскій вечеръ, лежа на балконѣ второго этажа и вслушиваясь въ щебетанье нашихъ юныхъ гостей о прелестьяхъ варшавской жизни, доносившееся съ нижней, спускающейся въ садъ террасы, я внезапно рѣшилъ бѣжать изъ дому, въ Варшаву. Это рѣшеніе мнѣ очень понравилось, такъ какъ мнѣ давно хотѣлось создать какое либо приключеніе въ моей однообразной жизни. Ни на минуту я не отнесся къ нему серьезно, точно выдумалъ какую-то забаву, выполненіе которой обѣщало много интереснаго. Имѣніе, гдѣ мы жили, отстояло верстъ 90 отъ Слупска, въ пяти же верстахъ отъ него жилъ дядя, домъ котораго былъ какъ бы центромъ нашей семьи, во-первыхъ, потому, что тамъ поселилась прабабушка, которая всѣхъ соединяла, во-вторыхъ, благодаря неистощимому хлѣбосольству хозяевъ. Спустя нѣсколько дней, туда

направились наши гости вслѣдъ за уѣзжавшей раньше своей матерью. И вотъ я вызвался провожать ихъ, говоря, что мнѣ надо въ Слуцкѣ докончить каникулярныя работы. Въ Слуцкѣ я и мои два младшихъ брата съ ихъ репетиторомъ жили въ отдѣльномъ, нанятомъ для насъ домѣ, при чемъ съ нами большею частью жила и мать. Еврейскіе поставщики поставляли намъ все въ долгъ, и даже деньги въ случаѣ нужды мы брали у одного изъ еврейскихъ купцовъ, имѣвшихъ дѣла съ отцомъ, который, наѣзжая раза три въ годъ, со всѣми разсчитывался. Не имѣя никогда собственныхъ денегъ, я неоднократно по порученію отца бралъ для него или для матери на расходы по нѣскольку сотъ рублей подъ простыя расписки и даже просто на слово. Такимъ образомъ взять деньги на путешествіе въ Варшаву мнѣ не представляло никакого труда. Ѣздили мы въ Слуцкѣ на собственныхъ лошадахъ (желѣзной дороги и до сихъ поръ въ этомъ направленіи нѣтъ). Отправивъ сестеръ къ дядѣ, я сказалъ, что остаюсь на ночь въ Слуцкѣ, что мнѣ надо повидаться съ нѣкоторыми товарищами, и просилъ, чтобы на слѣдующій день, къ 12-ти часамъ, прислали за мною кучера. Было довольно рискованно и легкомысленно надѣяться, что за это время я успѣю ѣзжать въ Варшаву, но обстоятельства мнѣ благопріятствовали. Получить деньги «на расходы» (еврей даже не полюбопытствовалъ: какіе расходы?) было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Я довольствовался произвольно пришедшей на умъ скромной суммой 60 рублей, не имѣя понятія, насколько мнѣ ея хватитъ. Затѣмъ повидался съ товарищами и шутливо сообщилъ имъ, что уѣзжаю въ Варшаву, чему никто не повѣрилъ.

На утро я пошелъ въ гимназію и потребовалъ свои бумаги. Случайно былъ въ канцеляріи инспекторъ, человекъ добрый и благодушный, очень благоволившій ко мнѣ, какъ къ одному изъ лучшихъ своихъ учениковъ по исторіи. Онъ распорядился немедленно выдать бумаги и пожелалъ счастливаго пути. Въ тотъ же день вернулся изъ отпуска директоръ, который заявлялъ потомъ, что никогда бы мнѣ бумагъ, безъ письменнаго требованія родителей, не выдалъ. Да и вообще, какъ я впоследствии узналъ, выдача бумагъ изъ гимназіи дѣло сложное; совершеніе всего этого въ нѣсколько минутъ, по моему личному желанію, слѣдуетъ приписать счастливой случайности, а отчасти и полному довѣрію, которымъ я у всѣхъ пользовался. Впрочемъ, я и не скрывалъ ничего, такъ какъ заявилъ, что уѣзжаю продолжать ученье въ Варшаву. Изъ гимназіи я отправился въ полицію, гдѣ также безъ труда получилъ нужную бумагу на выѣздъ. Затѣмъ, въ 11 часовъ, заказалъ на почтѣ лошадей въ Городѣю, станцію желѣзной дороги, отстоящую верстъ 70 отъ Слуцка. Уѣзжая, я оставилъ письмо къ дядѣ, гдѣ въ шутливой формѣ прощался со всѣми и, не скрывая, увѣдомлялъ, что ѣду въ Варшаву. Когда кучеръ вернулся съ этимъ пись-

момъ, оно своей неожиданностью произвело сильное впечатлѣніе. Состоялся въ нѣкоторомъ родѣ семейный совѣтъ. Сначала хотѣли дать телеграмму въ Городѣю, чтобы мнѣ тамъ не выдавали билета, но перевѣсило мнѣніе, что въ виду отсутствія родителей родные не имѣютъ на то права, и что достаточно будетъ, если моя тетушка, гостыя изъ Варшавы, поручить своему сыну письменно, чтобы тотъ разыскалъ меня въ Варшавѣ и отправилъ обратно домой.

Тѣмъ временемъ я, чрезвычайно довольный собою, съ нѣкоторымъ любопытствомъ ожидая дальнѣйшаго хода событій, благополучно прибылъ въ Варшаву и остановился въ Польской гостиницѣ. Услужливый лакей сообщилъ, что рядомъ съ гостиницей находится «Эльдорадо», лѣтній театръ, и я въ тотъ же вечеръ пошелъ туда. Въ новой, полной жизни атмосферѣ чувствовалось легко и свободно, а главное—независимо. Въ театрѣ я неожиданно столкнулся съ двоюроднымъ моимъ братомъ, который, несмотря на свой 22-хъ-лѣтній возрастъ, имѣлъ совершенно самостоятельное дѣло: такъ называемую здѣсь «ремизу», т.-е. наемъ экипажей и лошадей. Когда онъ гостилъ у насъ въ деревнѣ, то отецъ говорилъ ему, что не прочь переселить меня въ Варшаву. Поэтому, обрадовавшись встрѣчѣ, онъ не особенно ей удивился. Занималъ онъ въ другой гостиницѣ, Литовской, на Ново-Сенаторской улицѣ, двѣ комнаты и уговорилъ меня сейчасъ же переѣхать къ нему. Это оказалось весьма полезнымъ для моего кошелька, который иначе опустѣлъ бы очень скоро, такъ какъ обращаться съ деньгами я только теперь начиналъ учиться, склонностью же къ бережливости не обладалъ. На слѣдующій день я снесъ тетрадку своихъ стиховъ въ редакцію «Курьера Варшавскаго». Недовѣрчивый—какъ это и естественно—пріемъ 17-ти-лѣтняго стихотворца, отсутствіе предупредительности, къ которой я привыкъ, крайне обезкуражили меня, и хотя меня просили зайти, спустя два-три дня, узнать о судьбѣ тетрадки, но я уже подумывалъ: не отказаться ли мнѣ отъ собственныхъ стиховъ, лишь бы не подвергать себя опять любопытнымъ и, пожалуй, слегка насмѣшливымъ взглядамъ господъ, засѣдающихъ въ редакціи. Въ первые же дни я обошелъ всѣ варшавскія гимназіи, при чемъ оказалось, что я ни въ одну не могу быть принятъ по тремъ причинамъ, при чемъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности было вполне достаточно, чтобы оставить всякую надежду поступить въ Варшавѣ въ гимназію. Вездѣ мнѣ заявили, что, во-первыхъ, нѣтъ уже вакансій, во-вторыхъ, просьба о поступленіи должна исходить отъ родителей, въ-третьихъ, уроженцы западныхъ губерній принимаются только съ разрѣшенія мѣстнаго губернатора. Самъ не зная, что дѣлать и что впереди, я предался теченію и продолжалъ, подъ руководствомъ брата, знакомиться съ Варшавой. Хотя я не пилъ, не курилъ и не начиналъ еще ухаживать за барышнями, тѣмъ не менѣе, деньги быстро под-

ходили къ концу. Нѣсколько опьяненный живо бьющей кругомъ меня волной уличной жизни, ежедневными посѣщеніями въ полномъ смыслѣ образцоваго въ то время театра, доставлявшаго мнѣ неизвѣданное до сихъ поръ наслажденіе, я не замѣчалъ ничего. Забылъ также и о томъ, что брата могутъ увѣдомить о самовольномъ моемъ пріѣздѣ въ Варшаву. Къ счастью, въ деревнѣ письма пишутся не спѣша, съ разстановкой, почта къ желѣзной дорогѣ ходила въ то время всего раза два въ недѣлю, и такимъ образомъ роковой мигъ затянулся на недѣлю слишкомъ. Но, наконецъ, въ одно утро онъ насталъ. Мы только что одѣвались и дружелюбно бесѣдовали, когда почтальонъ принесъ письмо. Братъ, прочитавъ его, измѣнился въ лицѣ и сразу вошелъ въ роль моего опекуна.

— А! такъ вотъ что!.. Ты уѣхалъ самовольно... Собирайся сейчасъ, и я отвезу тебя на вокзалъ. Мнѣ пишутъ, что еще можно дѣло поправить, что тебя примутъ въ гимназію обратно.

— Никогда не вернусь! — сказалъ я рѣшительно, сгорая отъ стыда при одной мысли о томъ положеніи, въ которомъ я очутился бы послѣ возвращенія домой, о томъ, какъ я взгляну въ глаза и что скажу родителямъ, роднымъ, гимназическому начальству.

— Что же ты здѣсь будешь дѣлать?—спросилъ братъ.—Денегъ у тебя нѣтъ... въ гимназію не принимаютъ...

— Если захочу, и деньги будутъ, и въ гимназію примутъ,—сказалъ я, лишь бы оттянуть развязку, и послѣшно вышелъ на улицу.

Впослѣдствіи я узналъ, что довольно громкій скандалъ, понятно, съ массой ложныхъ подробностей, который созданъ былъ и прогремѣлъ по Слуцку и цѣлому уѣзду, на почвѣ моего бѣгства въ Варшаву, — разыгрался помимо воли родителей; тѣ, узнавъ о моемъ поступкѣ, сразу изъявили желаніе примириться съ нимъ и дали мнѣ разрѣшеніе продолжать ученіе въ Варшавѣ. Но разстояніе—около ста верстъ—не позволило роднымъ тотчасъ же снестись съ ними.

Итакъ я, очутившись на улицѣ и самъ не придавая значенія словамъ своимъ: «и деньги будутъ, и въ гимназію примутъ»,—въ первый разъ задумался, какъ быть. На мгновеніе мелькнулъ въ головѣ револьверъ, но я вспомнилъ, что револьверъ отца стоитъ 30 рублей, у меня же въ кошелькѣ оставалось 12 рублей,—и тутъ же мысль эту оставилъ. Возвращаться?—объ этомъ не могло быть и рѣчи. Я читалъ какой-то романъ Уйды, въ которомъ въ очень заманчивыхъ краскахъ изображена природа Алжира, схватки французовъ съ арабами и т. п., зналъ, что въ тамошнихъ войскахъ существуетъ какой-то «иностранный легіонъ», куда принимаютъ любителей сильныхъ ощущеній. И вотъ меня осѣнила мысль пробраться на 12 рублей за границу, а тамъ, хотя бы пѣшкомъ, достигнуть Франціи и требовать, чтобы меня приняли въ «иностранный алжирскій легіонъ».

Успокоившись на этомъ рѣшеніи и рисуя уже въ воображеніи своемъ бивуаки... лунныя ночи... костры... скачку на конѣ по пустынѣ, я съ аппетитомъ позавтракалъ и сталъ въ газетахъ разыскивать расписанія поѣздовъ, идущихъ къ границѣ. Тутъ я вспомнилъ о тетрадкѣ своихъ стиховъ. «Все-таки надо ее взять съ собою»,—подумалъ я, но долгое время бродилъ по Саксонскому саду, прежде чѣмъ рѣшился зайти въ редакцію «Варшавскаго Курьера». Въ редакціи, въ небольшой задней комнаткѣ флигеля при Театральной площади, поднялся мнѣ навстрѣчу изъ-за шахматной доски небольшого роста, полный, коротко обстриженный и бритый старичекъ, очень привѣтливо улыбающійся и немного шепелявящій. Будучи первый разъ въ редакціи, я его не видѣлъ, такъ какъ въ эту комнату меня не допустили. Это былъ редакторъ и соиздатель «Курьера», Вацлавъ Шимановскій, довольно извѣстный поэтъ и драматургъ, лучший въ польской литературѣ переводчикъ французскихъ классиковъ, особенно Мольера.

— А! такъ это вы авторъ этихъ стиховъ?.. Я нарочно взялъ вашу тетрадку, такъ какъ хотѣлъ съ вами познакомиться... Очень, очень радъ, что вы такъ молоды... что передъ вами еще много времени трудиться... Тѣмъ большія надежды можете оправдать... Если хотите знать, всѣ ваши стихотворенія гораздо талантливѣе многихъ, которыя я печатаю... тѣмъ не менѣе у васъ нѣтъ еще опыта... встрѣчаются и выраженія неудачныя... я выбралъ только два стихотворенія для «Курьера»... нѣсколько другихъ тоже напечатаю, если поправите кое-что согласно моимъ указаніямъ. Скажите, пожалуйста, что вы здѣсь дѣлаете?.. гдѣ живете?..

Я откровенно рассказалъ все, утаивъ лишь, что приѣхалъ сюда безъ согласія родителей.

— Насчетъ гимназіи мы попытаемся еще разъ, такъ какъ это самое главное,—сказалъ съ добродушной улыбкой Шимановскій.— Кстати... у меня теперь свободное время... пойдете... Я сведу васъ къ одному господину, занимающему очень высокое положеніе... онъ намъ можетъ помочь... только ведите себя по отношенію къ нему почтительно.

Мы вышли, и я позвалъ извозчика.

— Зачѣмъ тратить деньги?.. мы дойдемъ и пѣшкомъ,—остановилъ меня редакторъ.

Мы посѣтили Горнберга, занимавшаго видный постъ въ управленіи учебнымъ округомъ; на усиленные просьбы Шимановскаго онъ обѣщалъ устроить мой приемъ въ гимназію и снабдилъ меня надлежащими указаніями.

— Дѣло почти сдѣлано,—сказалъ Шимановскій, когда мы вышли.—Это человѣкъ хорошій и зря ничего не обѣщаетъ. Скажите мнѣ теперь, какъ ваше матеріальное положеніе.

«истор. ввотн.», октябрь, 1903 г., т. XLIV.

— Родители мои могутъ мнѣ присылать помѣсячно, но въ настоящее время... я издержалъ почти все, что взялъ изъ дому.

— Сколько же вамъ надо?

— Думаю, что рублей 60 хватитъ,—сказалъ я, опять наобумъ остановившись на той же суммѣ, какую взялъ въ Слуцкѣ на дорогу.

— Я вамъ ихъ дамъ съ удовольствіемъ, а вы мнѣ вернете, когда пришлютъ родители. Навѣщайте меня. Я васъ кое съ кѣмъ познакомя.

Къ вечеру я храбро перешагнулъ порогъ квартиры брата. Боязнь отправки домой, мысль объ «иностранномъ легіонѣ» улетучились безслѣдно.

— Что же?.. надумалъ?.. ѣдешь домой?—спросилъ меня сурово братъ.

— Я поступаю здѣсь въ гимназію. Завтра разрѣшено подать прошеніе.

— А деньги?..

— И деньги есть,—открылъ я кошелекъ.

— Гдѣ ты взялъ?..

— Мнѣ одолжилъ Шимановскій, редакторъ «Курьера». Взялъ стихи напечатать и далъ денегъ.

— А! если такъ, дѣлай, какъ знаешь,—махнулъ рукой братъ, и, спустя часъ, мы въ полномъ согласіи стояли у кассы театра въ Саксонскомъ саду.

Черезъ нѣсколько дней я былъ принятъ въ гимназію и сейчасъ же переѣхалъ отъ брата на частную квартиру, въ семейство чиновника фонъ-Л., который объявлялъ въ газетахъ о желаніи взять двоихъ гимназистовъ-пансіонеровъ.

Моимъ сожителемъ оказался сынъ помѣщицы изъ Подоліи и владѣлицы дома, въ которомъ мы жили, юноша добрый, но любившій щегольнуть въ павлиньихъ перьяхъ. Онъ мнѣ сталъ читать стихотворенія, будто бы сочиненныя имъ, и я послѣдовательно обнаруживалъ, что они прямо списаны изъ сочиненій менѣе и даже болѣе извѣстныхъ польскихъ поэтовъ.

— Да вѣдь это Витвицкій,—говорилъ я.

— Да, да!.. но послушайте вотъ это...

— Это переводъ Сырокомли изъ Беранже...

— Да, изъ Беранже... а вотъ послушайте еще...

Въ концѣ концовъ, уцѣлѣло одно стихотвореніе, котораго я не зналъ раньше, и которое онъ считалъ неотъемлемой своей собственностью.

— Да, дорогой мой, — восторгалась мать, которой онъ, какъ и мнѣ, часто декламировалъ эти стихи: — какъ ты вѣрно здѣсь сказалъ: «что намъ міръ? забудемъ о мірѣ, и пусть онъ забудетъ про насъ».

Увы! въ послѣдствіи и эти стихи нашлись въ какой-то книжкѣ, помѣченные именемъ довольно извѣстнаго поэта.

Мои хозяева жили открыто, держали собственныхъ лошадей, а главное имѣли красавицу-дочь, 13—14 лѣтъ, первую дѣвушку въ моей жизни, которой я втайнѣ поклонялся, хотя видѣлъ ее только по праздникамъ, когда она прїѣзжала изъ института, гдѣ воспитывалась и жила.

Такимъ образомъ эта поэма нарождающейся первой любви не пошла дальше предисловія.

II.

Одынецъ.—Бесѣды съ нимъ.—Сенкевичъ.—Его литературная карьера.—Петкевичъ (Плугъ).—Иванъ Финкельгаузъ, впоследствии баронъ Finot.—Метаморфозы газеты «Новости» («Nowiny»).—Ксендзъ Францъ Крупинскій.

Въ числѣ лицъ, съ которыми я познакомился, благодаря Шимановскому и посѣщеніямъ нѣсколькихъ редакцій, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ Антону-Эдуарду Одынцу. Этотъ знаменитый другъ и спутникъ Мицкевича въ его скитаніяхъ за границей занимаетъ въ литературѣ польской почти то же положеніе, что Жуковскій въ русской, и даже его отношенія къ Мицкевичу нѣсколько напоминаютъ отношенія Жуковскаго къ Пушкину. Это лучший до сихъ поръ польскій переводчикъ англійскихъ и нѣмецкихъ романтиковъ, а также, между прочимъ, «Свѣтланы» Жуковскаго и нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, наконецъ авторъ многихъ балладъ и романсовъ. Лучшій періодъ его литературной дѣятельности относится къ годамъ 1822—1850, но и спустя тридцать лѣтъ, уже почти восьмидесятилѣтнимъ старцемъ, онъ продолжалъ время отъ времени писать стихи, понятно, безцвѣтные и вымученные, благодаря чему подвергался непростительнымъ и глупымъ нападкамъ такъ называемой «молодой, позитивной прессы». Она не могла ему простить его близости къ Мицкевичу, того, что онъ положительно отвергалъ ея притязанія на то, чтобы міровоззрѣніе Мицкевича имѣло что либо общее съ міровоззрѣніемъ ихъ, позитивистовъ.

Въ семидесятихъ годахъ Одынецъ издалъ свои знаменитыя «Путевыя записки» («Listy z podróży»), подробный, крайне ярко, живо и интересно изложенный дневникъ путешествія съ Мицкевичемъ, хранившійся около 40 лѣтъ въ рукописи. Этотъ дневникъ неопровержимо доказывалъ глубокую религіозность Мицкевича въ лучшее время его творчества, и этого было достаточно, чтобы либеральная пресса сочла его апокрифическимъ, составленнымъ гораздо позже. Между тѣмъ достаточно бѣгло прочесть эти записки, чтобы убѣдиться, что онѣ создавались подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, что изобилуютъ массой такихъ подробностей, которыя забываются уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ; немислимо, чтобы старикъ, котораго талантъ, благодаря кропотливой журнальной работѣ, поблекъ

давно и невозвратно, могъ создать что либо столь ярко колоритное, полное юношеской свѣжести и чувства.

Въ то время Одынецъ уже нѣсколько лѣтъ пользовался вполне заслуженнымъ отдыхомъ и проживалъ наполовину у дочери, содѣржавшей послѣ мужа-врача, на окраинѣ города, частную лѣчебницу, кажется, нервныхъ болѣзней,—наполовину въ небольшой своей квартиркѣ, изъ двухъ или трехъ комнатъ, на Эриванской улицѣ. Здѣсь и тамъ я посѣтилъ его нѣсколько разъ.

Читая пренебрежительные отзывы о немъ «молодой прессы» и отчасти довѣряя имъ, такъ какъ самъ въ то время переживалъ періодъ хвастливаго безвѣрія и поклоненія Гартмановской философіи, я ожидалъ увидѣть въ немъ отъявленнаго ретрограда, или, по крайней мѣрѣ, выживающаго изъ ума дряхлаго старца. Между тѣмъ меня встрѣтилъ крайне живой и подвижной старичекъ, небольшого роста, тѣдешный, бритый, сразу расположившій къ себѣ необычайной, почти родственной сердечностью.

— Мы съ вами земляки, — сказалъ онъ, — и я чрезвычайно радъ всякому, кто къ намъ прибываетъ изъ родины Мицкевича. Тѣмъ болѣе—если это талантъ. И просто поразительно. Вотъ, казалось бы, атмосфера Варшавы какъ нельзя болѣе благопріятствуетъ возникновенію литературныхъ дарованій, между тѣмъ, замѣтите, до сихъ поръ поэты къ намъ являются только изъ Литвы, изъ Украйны, изъ Подоли, а если здѣсь что либо окажется, то, помилуй Богъ, какое жалкое, анемическое. Нѣтъ... нѣтъ... я всегда говорю—не можетъ настоящій поэтъ родиться мѣщаниномъ, провести первые годы въ городской пыли. Да и въ нашемъ родномъ воздухѣ есть что-то такое особенное...

— Я замѣчаю, — говорилъ онъ мнѣ въ другой разъ, — что вы теперь весь подъ вліяніемъ Словацкаго. Это въ ваши годы неизбежно, это даже полезно: вы вырабатываете гармонию, звучность, изящество стиха, но это пройдетъ, это должно пройти. Какъ никакъ, а высшая поэзія въ простотѣ, которую вы найдете у Мицкевича, въ глубинѣ чувства, которую найдете у Мицкевича и Красинскаго. Словацкій болѣею частью только красиво позируетъ. Эти «фонтаны», «каскады», «саркофаги» — вся эта звучная шумиха словъ не одного направления на ложный путь. Оставьте это тѣмъ, у кого нѣтъ таланта, и которые въ этой шумихи — безсильны. Мой другъ, Красинскій, епископъ виленскій, въ доказательство, что для писанія такихъ стиховъ не требуется особеннаго дарованія, тутъ же при мнѣ сочинилъ чрезвычайно звучное и гармоническое стихотвореніе, которое между тѣмъ ничего не стоило. Отрывки изъ него я до сихъ помню... послушайте...

— Вы, вѣроятно, въ гимназіи изучаете Пушкина. Читайте его внимательно... онъ вамъ можетъ быть очень полезенъ... Вы замѣтите... у Пушкина, на примѣръ, въ «Евгеніи Онѣгинѣ», нѣтъ ни

одного слова лишняго, никакого особеннаго паренья ввысь... все ясно, просто, естественно, а между тѣмъ какая это прелесть!..

— Вы слишкомъ рано поднимаете бунтъ противъ Бога,—говорилъ онъ, просматривая какое-то мое стихотвореніе.—Что жъ? Духъ времени. Во времена филаретовъ было иначе... А все-таки, если я вѣрю въ вашъ талантъ, то вѣрю также и въ то, что эта зараза покинетъ васъ. Замѣтите... всѣ наши великіе поэты искренно и глубоко вѣрили. И это потому, что вѣра есть источникъ чувства, а настоящій поэтъ долженъ жить чувствомъ. И никогда невѣрующій поэтъ не окажетъ широкаго и прочнаго вліянія на массы, въ большинствѣ вѣрующія, въ меньшинствѣ жаждущія вѣры.

Поздней осенью я получилъ отъ него приглашеніе пожаловать на чашку чая. Въ его небольшой квартирѣ на Эриванской улицѣ оказалось человѣкъ двадцать выдающихся литераторовъ, художниковъ, артистовъ. Въ этотъ вечеръ кругъ моихъ знакомствъ въ художественномъ мірѣ значительно расширился.

Спустя три-четыре года, Одынецъ скончался. Умиралъ онъ спокойно, окруженный всѣми близкими, еще за нѣсколько минутъ до смерти произнося отрывки изъ любимыхъ своихъ стихотвореній.

Похороны его были однѣ изъ самыхъ торжественныхъ и многочисленныхъ въ Варшавѣ.

Другимъ наиболѣе достойнымъ вниманія представителемъ варшавскаго литературнаго міра былъ Сенкевичъ. Съ нимъ я въ настоящемъ смыслѣ этого слова знакомъ не былъ, хотя и посѣтилъ его разъ на улицѣ Ксіонженцей, № 4, гдѣ онъ занималъ въ то время небольшой номеръ въ меблированныхъ комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ. Слава его, какъ талантливаго автора небольшихъ рассказовъ, еще не выходила за предѣлы царства Польскаго, такъ какъ въ западныхъ губерніяхъ наибольшую популяриность пользовались изъ старыхъ писателей — Крашевскій, изъ болѣе молодыхъ — Эмилиа Оржешко.

Стройный, красивый, смуглолицый, съ мечтательнымъ выраженіемъ большихъ темныхъ глазъ, Сенкевичъ, хотя и отличался сравнительной практичностью и дѣловитостью, но могъ существовать на литературный свой заработокъ только очень скромно. Двадцатипятилѣтній юбилей его писательской дѣятельности, праздновавшийся года два назадъ, собственно долженъ былъ справляться гораздо раньше, такъ какъ Сенкевичъ дебютировалъ въ качествѣ театральнаго критика въ прогрессивномъ «Еженедѣльномъ Обзорѣніи» («Przegląd Tygodniowy») еще въ 1869 году. Года два спустя, «Иллюстрированный Еженедѣльникъ» («Tygodnik Ilustrowany»), до настоящаго времени наиболѣе цѣнный въ литературномъ отношеніи польскій журналъ, напечаталъ его критическій разборъ стиховъ одного изъ польскихъ поэтовъ XVIII столѣтія. Затѣмъ онъ сталъ писать фельетоны въ «Польской Газетѣ», пере-

водилъ въ компаніи съ другими «93-й годъ» Гюго, сочинилъ два неудачныхъ разсказа: «Волкъ» и «Разныя дороги», съ рѣзко проявленной демократической тенденціей, и наконецъ обратилъ на себя вниманіе небольшимъ, въ нѣсколько страницъ разсказомъ «Старый слуга», и его продолженіемъ: «Ганя». Попытался было написать продолженіе и «Гани», но оно («Селимъ», напечатанный, какъ «Старый слуга» и «Ганя», въ «Польской Газетѣ») оказалось уже гораздо слабѣе. Очевидно Сенкевичъ, обладающій несомнѣнно выдающимся художественнымъ вкусомъ, самъ понималъ это, такъ какъ «Селимъ», «Волкъ» и «Разныя дороги» не вошли въ собраніе его сочиненій.

Въ 1898 году одинъ мой знакомый предложилъ мнѣ перевести «Волка» и «Разныя дороги» на русскій языкъ. Я согласился, не зная подлинника и не предполагая, чтобы Сенкевичъ могъ когда либо сочинять подобный вздоръ. Переводъ этотъ былъ для меня истиннымъ мученіемъ. Нѣкоторыя страницы, по моему мнѣнію, совершенно напрасно представляющія Сенкевича передъ русской публикой въ смѣшномъ видѣ, я вычеркнулъ, о чемъ и предупредилъ издателя. Чуйко, который написалъ вступительную критическую статью къ этому изданію, возмущился такимъ моимъ отношеніемъ къ Сенкевичу, и мнѣ было заявлено, что страницы эти все-таки восстановлены. Тогда я отказался поставить свое имя на книгѣ, и съ моего согласія она издана, какъ переводъ какой-то неизвѣстной мнѣ г-жи Грибоѣдовой. Обширная критическая статья Чуйко о Сенкевичѣ въ этомъ изданіи была одной изъ послѣднихъ его работъ, такъ какъ очень скоро послѣ этого онъ скончался.

Въ данномъ случаѣ я, быть можетъ, и не былъ правъ, но мнѣ просто не хотѣлось, чтобъ Сенкевичъ думалъ, что именно я вывожу на свѣтъ Божій то, что — какъ мнѣ казалось — онъ не прочь бы предать вѣчному забвенію. Очевидно я ошибался, такъ какъ недавно появилось, несомнѣнно, съ согласія автора, польское изданіе всѣхъ старыхъ разсказовъ Сенкевича, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій.

Такимъ образомъ только около 1875 г. талантъ Сенкевича вполне установился и окрѣпъ, и небольшіе его разсказы того времени, полные художественно-тонкаго анализа и чувства, несравненно выше всего того, что появилось въ тѣ годы въ польской беллетристикѣ. Обратилъ на него вниманіе и негласный издатель «Польской Газеты», молодой банкиръ Станиславъ Кроненбергъ, и далъ ему возможность совершить путешествіе въ Америку. Новые широкіе горизонты, новыя впечатлѣнія чрезвычайно благотворно повліяли на его талантъ.

Въ 1880 году Сенкевичъ продолжалъ еще, между прочимъ, писать свои критическія статьи въ «Газетѣ Польской» и журналѣ

«Нива» (выходившемъ два раза въ мѣсяць). Это изданіе было органомъ того же направленія, что впоследствии «Слово», и даже редакторъ «Нивы», Метиславъ Годлевскій, былъ потомъ (до 1901 года) редакторомъ «Слова». Такимъ образомъ сотрудничество Сенкевича въ «Нивѣ» подготовило ему переходъ въ «Слово».

Литературные его доходы были въ то время такъ ничтожны, что когда онъ вскорѣ женился,—кстати на богатой невѣстѣ,—то пришлось взять фракъ на свадьбу у одного изъ знакомыхъ.

«Слово», куда онъ вскорѣ перешелъ въ качествѣ редактора, органъ родовитаго польскаго дворянства, сразу вполне обезпечило его въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ того, оно стало платить ему за романы неслыханныя до того времени въ польской журналистикѣ суммы. Какъ говорили, онъ получилъ за «Огнемъ и мечомъ»—10.000 рублей, за «Потопъ» 15.000 рублей и т. д. Во всякомъ случаѣ, становясь во главѣ «Слова», онъ принялъ на себя извѣстные нравственные обязательства, которыя выполнилъ очень добросовѣстно, но выигралъ ли отъ этого его первоклассный (какъ въ то время уже стало очевидно) талантъ?—это вопросъ открытый.

Демократическія тенденціи, карикатурно проявившіяся въ «Волкѣ» и очень художественно и симпатично въ послѣдующихъ разсказахъ, пришлось совсѣмъ оставить.

Какъ бы ни была блестяща его трилогія XVII столѣтія, но она выдержала двѣ цензуры: обыкновенную и направленія журнала «Слово». Это на много сузило ея горизонтъ, и Сенкевичъ не далъ въ ней того, что могъ. Нормальнымъ этотъ способъ творчества для первоклассныхъ талантовъ, которые «сами свой высшій судъ»,—я считать не могу. Обыкновенно бываетъ наоборотъ. Всѣ выдающіяся, міровыя произведенія сами раздвигаютъ рамки человѣческой цензуры; достаточно упомянуть «Пана Тадеуша» и «Ревизора».

Въ результатѣ трилогія поглотила лучшіе годы творчества Сенкевича, отняла у него много художественной чуткости и свѣжести, и когда онъ затѣмъ вернулся къ современному роману, то оказался уже не вдохновеннымъ поэтомъ-художникомъ, властнымъ увлекать массы, «глаголомъ жечь сердца людей»,—но зрѣлымъ и холоднымъ аналитикомъ, опытнымъ мастеромъ слова.

Семейнымъ счастьемъ онъ пользовался недолго, такъ какъ жена, оставивъ дочь и сына, скончалась отъ чахотки. Когда въ это время кто-то изъ его поклонниковъ (подозрѣвають, что это былъ одинъ изъ молодыхъ Собанскихъ) прислалъ ему въ конвертѣ 15.000 рублей съ подписью: «Сенкевичу Володыіовскій» (одинъ изъ героевъ трилогіи), то Сенкевичъ, очевидно подъ впечатлѣніемъ этой смерти, пожертвовалъ присланныя деньги на лѣченіе чахоточныхъ писателей и ихъ родныхъ.

Умершая жена Сенкевича была идеальная весталка домашняго очага, и несомнѣнно впечатлѣніе отъ ея высокихъ нравственныхъ качествъ отразилось на лучшихъ типахъ польской женщины, какія онъ создалъ въ своихъ бытовыхъ романахъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, онъ увлекся было красивой и бойкой воспитанницей г-жи Володковичъ (той именно, которую убили въ вагонѣ около Одессы Малышевъ) и женился на ней. Но они прожили другъ съ другомъ, кажется, всего нѣсколько дней. Послѣ развода вторая его жена вышла замужъ за богатаго кожнаго помѣщика, г-на М. Думаю, что въ виду выдающейся личности Сенкевича эти подробности о немъ, мало извѣстныя русской публикѣ, не будутъ лишнія.

Останавливаясь на нѣкоторыхъ болѣе достойныхъ вниманія личностяхъ тогдашняго литературнаго міра Варшавы, я не могу пропустить редактора (нынѣ не существующихъ) «Колосевъ», Антона Петкевича, болѣе извѣстнаго подъ псевдонимомъ: «Адамъ Плугъ».

Это былъ въ то время уже 55-лѣтній старикъ, высокій, тощій и некрасивый, родомъ, какъ и я, изъ Минской губерніи и даже воспитывавшійся, какъ и я, въ Слуцкой гимназіи. Рано лишившись жены и единственнаго ребенка, весь поглощенный тяжелымъ журнальнымъ трудомъ, онъ велъ невзыскательную жизнь одинокаго и положительно все, что имѣлъ, раздавалъ нуждающимся, а даже, выручая многихъ, самъ должалъ у издателей. Его единственная служанка, такая же сердобольная старушка, какъ и баринъ, часто охала, что у того нѣтъ ни одной цѣлой рубашки, и онъ никакъ не соберется обзавестись новыми.

Въ дѣтствѣ я съ увлеченіемъ читалъ сборникъ разсказовъ Плуга: «Родная нива» (*Zagon rodzinnu*), такъ какъ въ нихъ проглядывала дѣтски чистая душа, озаренная яркимъ свѣточемъ истинно христіанской любви къ ближнему, ко всему вообще, что слабо и угнетено. Не знаю въ польской литературѣ болѣе подходящаго педагогическаго матеріала для облагораживанія дѣтской души.

Какъ авторъ стиховъ, онъ никогда не поднялся выше посредственности, о чемъ впрочемъ самъ зналъ хорошо. И неудивительно. Тяжелая, многолѣтняя журнальная работа незамѣтно поглощала всѣ его силы. Помню, что однажды, посѣтивъ талантливую, нынѣ покойную писательницу Ильницкую, я услышалъ изъ ея устъ: «Мой издатель, слава Богу,—человѣкъ хороший... Да вотъ... жаль бѣднаго Плуга... какъ его обременяютъ работой». Въ тотъ же день вечеромъ Плугъ мнѣ говорилъ: «Мнѣ что?.. Мое положеніе слава Богу... Левенталь человѣкъ добрый... Да вотъ... жаль бѣдную Ильницкую»... и т. д.

Такъ эти наивныя старыя дѣти жалѣли всѣхъ, не имѣя жалости лишь къ самимъ себѣ.

Плугъ, хилый, больной 75-лѣтній старикъ, до настоящаго дня, пробивается литературной работой. Не будучи въ состояннн отказать ни въ чемъ своему бывшему патрону, онъ сталъ подписывать «Варшавскій Курьеръ», какъ фиктивный его соиздатель, такъ какъ Левенталь, приобрьта значительную часть «Курьера», не рѣшался выставлять своего имени на наиболѣе ходкой и популярной газетѣ, очевидно въ виду обострившихся въ то время проявленнй антисемитизма въ обществѣ. Годъ назадъ Левенталь скончался, оставивъ большое состоянн и незадолго до смерти принявъ католичество, превратившись изъ Саломона во Франца. Онъ, кажется, предоставилъ Плугу пожизненно бесплатную квартиру въ своемъ домѣ.

Небезынтересно упомянуть, что именно въ тѣ годы дебютировалъ въ Варшавѣ, какъ литераторъ и издатель, молодой присяжный повѣренный изъ евреевъ, Иванъ Финкельгаузъ, впоследствии превратившійся въ Парижѣ въ барона Finot, громкаго издателя «Revue des Revues», автора философскихъ и политическихъ трактатовъ и наконецъ владѣльца небольшой скаковой конюшни.

Въ то время это былъ маленькнй, розовый, безусый юноша, лицомъ своимъ очень мало выдающнй семитическое свое происхожденн, крайне живой и любезный, а вдобавокъ несомнѣнно умный и даже талантливый. Около 1878 г. въ «Иллюстрированномъ Еженедѣльникѣ» печатались его «Письма изъ Африки», полныя поэтическихъ картинъ и знойнаго колорита юга, вообще обратившнй на него общее вниманн. Въ 1881 г. онъ приобрьлъ газету «Новости» («Nowiny»), основанную Пильцемъ, но уже изъ третьихъ рукъ, и короткое время редактировалъ ее умѣло и съ темпераментомъ. Въ первомъ же номерѣ, вышедшемъ подъ его редакцнй, помѣщена въ фельетонѣ моя небольшая поэма: «Мужицкая доля». Онъ впрочемъ скоро охладѣлъ къ изданн и перепродалъ его банкиру Кроненбергу, который пригласилъ редакторомъ извѣстнаго писателя Пруса. Въ то время всѣхъ интересовалъ въ Варшавѣ вопросъ: въ состоянн ли громкое и популярное имя само по себѣ создать успѣхъ газетѣ? Оказалось, что не въ состоянн. Кроненбергъ, потерявъ въ теченн года тысячъ сорокъ, прекратилъ изданн. Точно также впоследствии Сенкевичъ не создалъ, какъ редакторъ, успѣха «Слову».

Нѣсколько лѣтъ спустя, Финкельгаузъ исчезъ изъ Варшавы, и потомъ многне его бывшне знакомые долго не догадывались, что громкнй парижскнй издатель и спортсменъ баронъ Finot и присяжный повѣренный Финкельгаузъ—одно и то же лицо. Да и теперь не всѣ это знаютъ. Кстати—второй парижскнй спортсменъ, полякъ, Высоцкнй, владѣлецъ одной изъ болѣе извѣстныхъ джентельменскихъ скаковыхъ конюшенъ—это, какъ мнѣ говорили, бывшнй

камердинеръ графа Николая Потоцкаго. Такова изнанка парижскихъ «jockey-club»'овъ.

Остановливаясь на наиболѣе достойныхъ вниманія личностяхъ, я не могу обойти молчаніемъ и моего законоучителя въ гимназіи, ксендза Франца Крупинскаго, несомнѣнно единственнаго въ своемъ родѣ законоучителя на всемъ протяженіи Россійской имперіи. Достаточно сказать, что это былъ знаменитый въ польской литературѣ философъ-материалистъ и одно время лучший передовикъ политическаго отдѣла крупныхъ варшавскихъ газетъ.

Популяризаторъ и историкъ западныхъ философскихъ теченій, какъ политическій публицистъ, долгіе годы бывший столпомъ редакціи «Варшавской Газеты», тогда, когда она наиболѣе читалась и пользовалась наибольшимъ авторитетомъ, Крупинскій очевидно по недоразумѣнію принялъ и носилъ священнической санъ. Церковныя власти относились къ нему неодобрительно, но такъ какъ онъ пользовался общимъ уваженіемъ, то прощали ему многое. Все-таки онъ, кажется, подвергался церковнымъ наказаніямъ. Впрочемъ вся его кипучая и крайне богатая литературно-общественная дѣятельность, не составляя ни для кого тайны, тѣмъ не менѣ протекала анонимно. Онъ самое большее подписывался начальными буквами «Ф. К.», многіе годы хорошо извѣстными всему образованному польскому обществу.

Это былъ высокій, стройный, могучій старикъ, очень напоминающій типомъ лица римскихъ сенаторовъ и патриціевъ, какъ ихъ изображаютъ на картинахъ, произносящихъ рѣчи или засѣдающихъ въ сенатѣ. Говорятъ, что въ былые годы онъ былъ увлекательнымъ и отчасти моднымъ проповѣдникомъ на темы общечеловѣческой этики и социальныхъ отношеній.

Понятно, его уроки Закона Божія очень мало напоминали обычные. Онъ не принуждалъ своихъ учениковъ ходить къ исповѣди и исполнять другія религіозныя требованія (хотя само собою и не отговаривалъ отъ этого), но умѣло пробуждалъ и культивировалъ въ нихъ альтруистическія чувства, любовь ко всему хорошему и если не вѣру, то уваженіе къ вѣрѣ отцовъ, къ основамъ нравственнымъ христіанства, воплещимъ въ плоть и кровь всего цивилизованнаго человѣчества. Въ средѣ своихъ бывшихъ учениковъ онъ пользовался неизмѣнной любовью и уваженіемъ, что они доказывали и о чемъ заявляли публично при всякомъ удобномъ случаѣ.

Поэзіи онъ не любилъ, потому что не понималъ ее. Одна изъ его статей въ ежемѣсячникѣ «Атеней», гдѣ онъ разносилъ романтизмъ и доказывалъ отсутствіе смысла даже въ нѣкоторыхъ проникнутыхъ романтизмомъ стихахъ Мицкевича, вызвала въ свое время бурную полемику.

Когда ему сказали, что стихи, которые печатаются подъ такимъ-то псевдонимомъ, пишу я, онъ обратилъ на меня вниманіе и пожелалъ познакомиться со мною ближе. Но я, чувствуя, что онъ такой же знатокъ поэзіи, какъ слѣпой красокъ, явился къ нему не со стихами, а съ краткимъ изложеніемъ моего философскаго «сredo», въ которомъ мнѣ чудилась чуть ли не новая философская система, и которому одно время я придавалъ значеніе пожалуй большее, чѣмъ стихамъ, такъ какъ очень убѣдительно и просто, казалось мнѣ, объяснялъ здѣсь все, до «начала всѣхъ началъ» включительно. Крупинскій меня разочаровалъ, признавъ за мною лишь стремленіе и способность къ логическому мышленію, при чемъ оказалось, что многое, къ чему я дошелъ своимъ умомъ, не ново и другими высказано гораздо раньше и точнѣе.

III.

Іоанна Кучинская. — Прошлое рода Кучинскихъ. — Доминикъ Кучинскій и его женитьба. — Александръ Кучинскій и его заботы о сохраненіи рода. — Мое посѣщеніе Іоанны Кучинской. — Графъ Константинъ Пржездзецкій. — Его общественная дѣятельность. — Мое отношеніе къ старой и молодой прессѣ.

Въ одно изъ первыхъ моихъ посѣщеній Одынца онъ мнѣ сказалъ:

— Вы живете въ несоотвѣтствующей вашимъ занятіямъ обстановкѣ. У меня есть мысль: если бы она осуществилась, это было бы для васъ большое счастье. Предупреждаю, что, вѣроятно, изъ этого ничего не выйдетъ, но попытать можно. Здѣсь живетъ вдова Іоанна Кучинская... у нихъ тоже гербъ Корвинъ... не родственница ли она вамъ?

— Думаю, что нѣтъ. Если есть родство, то не ближе прадѣда. Болѣе близкія родственныя связи всѣ знаю.

— Это очень богатая помѣщица изъ Подлясья... состояніе ихъ оцѣнивается въ нѣсколько миллионъ... Они чуть ли не съ начала нынѣшняго столѣтія занимаютъ нижній этажъ въ домѣ графа Урускаго (нынѣ князя Святополкъ-Четвертынскаго), рядомъ съ домомъ графа Августа Потоцкаго, на Краковскомъ предмѣстьѣ. Она старушка, живетъ уединенно съ двумя дочерьми—третья замужемъ за графомъ Островскимъ. Я ихъ хорошо знаю... гостилъ у нихъ въ деревнѣ... предупрежу ее о васъ... Возьмите мою карточку и недѣльки черезъ двѣ навѣстите ее.

— Затѣмъ?—спросилъ я нерѣшительно.

— Если она захочетъ ближе заняться вами, это будетъ для васъ очень хорошо. Родные ваши далеко, вы здѣсь среди чужихъ и можете подпасть подъ дурныя вліянія.

Во мнѣ превозмозгло любопытство посмотреть на миллионершу Кучинскую, о существованіи которой я не подозрѣвалъ, и, взявъ рекомендательную карточку Одынца, я обѣщалъ зайти по указанному мнѣ адресу. Но, чувствуя всю неловкость моего положенія въ данномъ случаѣ, я колебался долго, прежде чѣмъ послѣдовалъ совѣту Одынца.

Тѣмъ временемъ я узналъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этой семьѣ.

Въ началѣ XIX столѣтія проживалъ въ Варшавѣ, на той же квартирѣ, сенаторъ великаго княжества Варшавскаго, Доминикъ Кучинскій, холостякъ, лѣтъ около 50 отъ роду. Когда друзья уговаривали его жениться, подыскавъ и невѣсту въ лицѣ какой-то небогатой вдовушки, онъ какъ-то шутя сказалъ:

— Хорошо... Женюсь, но только тогда, если она среди бѣлаго дня черезъ окошко войдетъ ко мнѣ и сама сдѣлаетъ мнѣ предложеніе.

Благодаря тѣмъ же услужливымъ друзьямъ, такъ и случилось, благо нижній этажъ былъ не высоко, а окна весною открыты. Кучинскій не отказался отъ даннаго при свидѣтеляхъ слова и женился.

Онъ былъ въ родствѣ съ Чарторыйскими. Его братъ, или просто родственникъ, состоялъ при князѣ Адамѣ въ Петербургѣ и послѣ воцаренія Александра I-го былъ посланъ императоромъ привезти опальнаго Аракчеева въ Петербургъ, что и исполнилъ. Подробное описаніе этого эпизода далъ М. Филипповъ, отецъ недавно умершаго редактора «Научнаго Обзорнія». Очеркъ Филиппова печатался или былъ перепечатанъ въ «Свѣтѣ», въ январскихъ номерахъ—если не ошибаюсь—1887 или 1888 года.

Сынъ Доминика, Александръ, прекрасный хозяинъ, женившійся также довольно поздно, былъ долгіе годы предѣвателемъ скакового общества въ Варшавѣ и послѣднимъ или предпослѣднимъ предводителемъ дворянства Варшавской губерніи. Онъ оставилъ трехъ дочерей. Въ 1890-хъ годахъ я случайно познакомился съ однимъ Кучинскимъ, занимающимъ извѣстное положеніе въ обществѣ, бывшимъ помѣщикомъ, и онъ рассказывалъ мнѣ, что въ юные годы гдѣ-то на заграничномъ курортѣ сблизился съ семьей Александра Кучинскаго, который видимо скорбѣлъ, что родъ ихъ прекращается. «Онъ почти явно предлагалъ мнѣ, чтобы я женился на старшей его дочери, и чтобы такимъ образомъ родовыя имѣнія продолжали оставаться въ родѣ Кучинскихъ. Но я былъ въ то время идеалистъ... женитьбу изъ-за денегъ считалъ позорной»... добродушно жаловался мой мимолетный знакомый.

Оставшаяся вдова Кучинская извѣстна въ литературѣ, какъ авторъ книги: «Мысли о воспитаніи женщинъ», гдѣ проводила умные и передовые для того времени взгляды. Въ то же время она была образцовой управительницей обширныхъ своихъ помѣстій.

На земледѣльческихъ выставкахъ 1870-хъ годовъ, въ числѣ удостоенныхъ высшихъ наградъ, ея имя фигурировало очень часто. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ она скончалась.

Когда я наконецъ явился къ ней, меня встрѣтила бодрая и живая старушка, любезная, но великосвѣтской холодной любезностью.

— Одынецъ мнѣ говорилъ про васъ. Онъ даже думалъ, что мы въ родствѣ, но, кажется, ошибается. По крайней мѣрѣ, мой мужъ ничего не говорилъ о существованіи родныхъ въ Литвѣ.

— Одынецъ въ этомъ случаѣ навѣрное ошибается,—отвѣтилъ я—такъ какъ всѣхъ своихъ родственниковъ я знаю, про васъ же я узналъ только отъ Одынца.

— Онъ говорилъ, что вы живете здѣсь въ чужой средѣ, и намекалъ, что я могла бы найти для васъ помѣщеніе у себя, что вы заслуживаете особаго вниманія. Въ этомъ послѣднемъ я не сомнѣваюсь... но я такъ занята... впрочемъ только нѣсколько мѣсяцевъ бываю въ Варшавѣ... Что касается помѣщенія, то у насъ такъ тѣсно... всякая комната имѣетъ свое назначеніе... даже моя старшая дочь, когда пріѣзжаетъ въ Варшаву, останавливается не у меня, а въ Европейской гостиницѣ. Наконецъ, мы здѣсь однѣ дамы... и неудобно...

— Одынецъ для меня очень добръ,—перебилъ я краснѣя:—но едва ли и онъ серьезно говорилъ объ этомъ. Мнѣ стыдно, что вы можете думать, что я явился къ вамъ, рассчитывая на что либо подобное.

Мнѣ стало неловко, я еще сказалъ нѣсколько банальныхъ фразъ и поспѣшилъ ретироваться.

Удовлетворивъ свое любопытство, я довольствовался этимъ, и хотя получилъ въ туманной формѣ разрѣшеніе иногда навѣщать ее, по разрѣшеніемъ этимъ никогда не воспользовался.

Со стороны неизмѣнно мнѣ доброжелательнаго Шимановскаго была также попытка найти мнѣ надежнаго мецената. Благодаря ему, мною заинтересовался графъ Константинъ Пржездзецкій, сынъ извѣстнаго общественнаго дѣятеля и историка Александра, одинъ изъ крупнѣйшихъ польскихъ землевладѣльцевъ, главнымъ образомъ благодаря миллионному наслѣдству, полученному около того же времени отъ своего дяди, брата матери, послѣдняго изъ литовской отрасли рода бароновъ Тизенгаузовъ.

Пржездзецкій жилъ въ то время одиноко во вновь отстроенномъ палаццо на улицѣ Фокзалъ, и я запросто заходилъ къ нему по утрамъ, давалъ читать свои стихи и за чаемъ рассказывалъ обо всемъ, что меня интересовало. Нѣсколько разъ онъ сужалъ меня и деньгами. Когда черезъ восемь мѣсяцевъ я разстался съ семействомъ фонъ-Л., Пржездзецкій поручилъ своему библіотекарю найти мнѣ квартиру, и тотъ поселилъ меня въ семействѣ, куда

самъ приходилъ обѣдать. Это былъ полубольной, крайне религіозный и педантичный старикъ, и ему, вѣроятно, поручено было наблюдать за мною. Но я выражалъ такія крайнія, возмущающія его, мнѣнія, къ тому же такъ очевидно пренебрегалъ своими научными занятіями, что его отчеты графу не могли быть для меня благопріятны. Постепенно всякая связь между нами порвалась.

Несомнѣнно, Пржездзецкій имѣлъ въ виду послѣ испытательнаго періода взять меня на свое попеченіе.

По его желанію, его посѣтилъ, будучи въ Варшавѣ, и отецъ мой, который былъ польщенъ его любезностью и потомъ не разъ укорялъ меня, что я такъ легкомысленно отнесся къ этому знакомству.

Пржездзецкій былъ въ то время молоджавымъ 40-лѣтнимъ мужчиной, съ открытымъ, добродушнымъ лицомъ, обрамленнымъ рыжеватой бородкой и манерами помѣщика средней руки. Утонченной аристократической атмосферы онъ видимо чуждался, но зато живо и дѣятельно интересовался всякимъ проявленіемъ общественной и умственной жизни польскаго общества. По его мысли и инициативѣ учреждено въ Варшавѣ «Общество поданія скорой помощи», по образцу котораго въ послѣдніе годы основаны такія же общества въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Во время организаціонныхъ работъ по этому дѣлу онъ преждевременно скончался. Довершилъ начатое братъ его, Густавъ, донинѣ стоящій во главѣ упомянутаго общества, одного изъ наиболѣе полезныхъ, дѣятельныхъ и популярныхъ въ Варшавѣ.

Итакъ я сталъ печататься, обращать на себя вниманіе и заводить знакомства въ разныхъ редакціяхъ. Хотя по своему міровоззрѣнію я былъ очень близокъ къ такъ называемой «молодой прогрессивной прессѣ», но меня отталкивало отъ нея, во-первыхъ, то, что представители ея, и даже лучшіе представители, лишены были совершенно эстетическаго чувства, превозносили всякую тенденціозную дребедень и яро возставали противъ «искусства для искусства»,— во-вторыхъ, то, что они съ какой-то противной для меня желчностью относились къ нашему прошлому, въ нѣкоторомъ родѣ оплевывали собственное гнѣздо. Между тѣмъ я считалъ, что мы, коль скоро жизнь не требуетъ отъ насъ никакихъ жертвъ и позволяетъ пользоваться всѣми ея благами,—не въ правѣ укорять своихъ отцовъ за ихъ ошибки, хотя бы очевидныя и невознаградимыя, и можемъ лишь скорбѣть о нихъ. Мои ближайшіе родные не участвовали въ возстаніи, считая его безцѣльнымъ и безразсуднымъ, но мой двоюродный дѣдушка, Бонифацій Крупскій, за честь провозглашенія его минскимъ воеводой, нѣсколько лѣтъ провелъ въ каторжныхъ работахъ. Въ свое время гремѣлъ его процессъ съ бывшимъ министромъ Маковымъ, къ которому перешло его огромное имѣніе Новоселки. Этотъ процессъ, который велъ другъ Крупскаго, Спасовичъ, былъ имъ проигранъ, хотя всѣсы провосудія и наклонялись одно время

въ его сторону. Возстановленный въ правахъ, онъ наслѣдовалъ послѣ незамужнихъ своихъ сестеръ другое большое имѣніе, и домъ его, патриархальный во всѣхъ отношеніяхъ, до настоящаго времени служить образцомъ всѣхъ семейныхъ добродѣтелей, а самъ Крупскій пользуется уваженіемъ какъ поляковъ, такъ и русскихъ. Зналъ я и другихъ, пострадавшихъ въ свое время за свои увлеченія, и всѣ они были люди несомнѣнно высокихъ нравственныхъ качествъ, уважаемые и своими и чужими. Слѣдовательно могъ ли я, полякъ, осуждать ихъ, даже сознавая, что они безразсудствомъ своимъ нанесли послѣдующимъ поколѣніямъ ощутительный вредъ?

Замѣчу мимоходомъ, что время измѣнчиво, и нынѣ молодые прогрессисты ударились въ противоположную крайность, вознося на пьедесталъ то, о чемъ можно только скорбѣть, и къ чему въ то время они пытались относиться съ безпощаднымъ осужденіемъ. Мнѣ это было не по душѣ, такъ какъ я очень рано усвоилъ себѣ ту точку зрѣнія, что коль скоро живешь на землѣ, среди людей, то слѣдуетъ относиться съ любовью и къ жизни, и къ землѣ, и къ людямъ. Отталкивалъ меня отъ себя всякій, въ комъ я чувствовалъ желчь, недовольство жизнью и ближними. Впослѣдствіи одинъ изъ знакомыхъ писателей какъ-то сказалъ обо мнѣ: «я увѣренъ, что если бы Кучинскій рѣшилъ повѣситься, то онъ раньше убѣдилъ бы себя, самовнушилъ бы, что это вещь очень пріятная, и уже затѣмъ съ довольной улыбкой полѣзъ бы въ петлю». Теперь я отлично сознаю, что жизнь въ силахъ сокрушить этотъ эллинскій оптимизмъ, но тогда считалъ его несокрушимымъ.

IV.

Исключеніе изъ гимназій.— Мой переѣздъ въ гостиницу «Maringe». — Первые дни самостоятельной жизни.— Голодь.— Продажа Гебетнеру перваго тома стихотвореній.— Отѣздъ въ деревню.— Гавалевичъ.

Въ концѣ мая 1882 года стало очевидно, что за малоуспѣшность я буду исключенъ изъ гимназій. Такъ и случилось. Наступили каникулы. Срокъ квартирѣ кончился, пришлось собраться и ѣхать домой. Денегъ у меня было въ обрѣзъ на дорогу, рублей 12. Усѣвшись на извозчика и представляя себѣ предстоящее объясненіе съ отцомъ, возможность того, что болѣе онъ не отпуститъ меня въ Варшаву, я струсилъ и, не отдавая себѣ отчета, что будетъ дальше, направилъ извозчика въ первую по дорогѣ гостиницу «Maringe», нынѣ «Французскую», какъ оказалось, одну изъ наиболѣе дорогихъ. Я опомнился только тогда, когда очутился въ просторномъ номерѣ изъ двухъ комнатъ и передней, въ который меня растерявашагося ввели, увѣряя, что номера поменьше всѣ заняты.

— Ты бы махнулъ прямо въ Европейскую гостиницу,—шутить потомъ мой двоюродный братъ,—и приказалъ бы отвести номеръ въ 40 рублей, который занималъ эрцгерцогъ австрійскій.

Я рѣшилъ пробыть въ «Maringe» два-три дня, потомъ переселиться въ маленькую комнатку и начать существовать литературнымъ трудомъ. Содержать же люди себя литературнымъ трудомъ,—думалъ я.—Когда получу мѣсто въ редакціи, и домой поѣхать не будетъ стыдно, и назадъ въ Варшаву меня отпустятъ.

Но дѣло осложнилось тѣмъ, что на первыхъ порахъ мнѣ совѣстно было показаться знакомымъ, такъ какъ они и не подозрѣвали, что я удаленъ изъ гимназіи, и полагали, что я уже въ деревнѣ. На обдумываніе своего положенія, а особенно на созданіе всякихъ фантастическихъ плановъ, прошло дня три-четыре, именно столько, чтобы деньги успѣли разойтись до копейки.

Я слышалъ, что даютъ деньги подъ залогъ вещей, и рѣшилъ на время разстаться съ шубой. О существованіи ссудныхъ кассъ или лавокъ, занимающихся куплей-продажей, я не зналъ и полагалъ наивно, что подъ залогъ шубы получу деньги въ любомъ магазинѣ платья. День былъ очень жаркій, и такъ какъ идти въ шубѣ было неудобно, я взялъ извозчика, не имѣя въ карманѣ ни копейки. Взволнованно и путаясь я въ первомъ попавшемся магазинѣ платьевъ сталъ предлагать свою шубу въ залогъ. Мнѣ отказали. Но отступленіе уже было отрѣзано, такъ какъ нечѣмъ было уплатить извозчику. Я направилъ его въ слѣдующій магазинъ, гдѣ повторилась та же исторія. Продолжая дорогу одной изъ главныхъ улицъ съ рядомъ шикарныхъ магазиновъ платьевъ, я то идѣло останавливалъ извозчика и съ рѣшимостью отчаянья, съ раскраснѣвшимся отъ крайняго волненія лицомъ и налитыми кровью глазами предлагалъ въ залогъ свою шубу. Вѣроятно, я производилъ впечатлѣніе похитителя чужой собственности, спѣшившаго отдѣлаться отъ нея. Между тѣмъ долгъ извозчику росъ, такъ какъ въ Варшавѣ новый курсъ по таксѣ начинается послѣ каждой остановки. Извозчикъ сначала хладнокровно, затѣмъ съ иронической усмѣшкой продолжалъ возить меня по магазинамъ; наконецъ, когда мы такимъ образомъ сдѣлали 15 курсовъ по 20 копеекъ,—предложилъ свезти меня въ такую лавку, гдѣ мою шубу возьмутъ. Мы свернули съ главной улицы въ боковую и остановились передъ грязнымъ домомъ, съ вивѣской портного внутри двора. Здѣсь заявили мнѣ, что въ залогъ ничего не берутъ, но купить шубу согласны и, видя мое смущеніе и растерянность, быть можетъ, подозрѣвая дѣло нечистое, предложили 7 рублей за то, что стоило никакъ не менѣе 50-ти. Изъ этихъ семи рублей я отдалъ извозчику три, и такимъ образомъ цѣною 4 рублей лишился шубы. Во всякомъ случаѣ этотъ эпизодъ стоилъ мнѣ столько стыда и волненія, что надолго отбилъ охоту и поползновеніе продавать свои вещи. О существованіи лом-

бардовъ я узналъ много позже, тогда только, когда сошелся ближе съ литературной варшавской богемой.

Но мои злключения только начинались. Вернувшись домой, я нашелъ счетъ гостиницы, нѣсколько преждевременный, но который успѣшили подать, вѣроятно, замѣтивъ мое безденежье.

— Завтра! — сказалъ я, краснѣя и не зная самъ, откуда у меня будутъ завтра деньги. Я списалъ нѣсколько старыхъ, еще въ Слуцкѣ написанныхъ стихотвореній, лишь бы подлиннѣе, и снесъ ихъ въ редакцію «Еженедѣльника Модъ и Романовъ» («Tygodnik Mòdi Powieści») къ добродушному старику Григоровичу, популярному когда-то писателю для народа и дѣтей, который принималъ у меня все безъ разбора, но платилъ очень мало, по 2 копейки за строку. Благодаря этому, я носилъ ему лишь забракованныя въ другихъ редакціяхъ стихотворенія. Григоровича, уже больного въ то время, я засталъ въ состояніи крайняго раздраженія.

— Житья нѣтъ отъ цензуры... хоть въ гробъ ложись, — сталъ онъ жаловаться. — Какіе стихи я могу брать у васъ, если не знаю, позволяютъ ли мнѣ ихъ печатать? Вообразите, послалъ статью, простое описаніе пребывания Мицкевича въ Петербургѣ и Москвѣ... Мало того, что искромсали ее... зачеркнули самое заглавіе: «Мицкевичъ на чужбинѣ». Говорятъ: «какая же для Мицкевича Петербургъ чужбина? Это его родина». Да вѣдь переѣзжай самъ русскій, на примѣръ, съ сѣвера на югъ, то и о немъ можно сказать, что онъ «на чужбинѣ» (na obczyżnie).

Едва удалось мнѣ уговорить Григоровича взять стихи, убѣдивъ его, что все въ нихъ цензурно. Охая и крихтя, онъ не читая сталъ считать строчки и наконецъ уплатилъ мнѣ около 11 рублей. Увы! для того, чтобъ уплатить по счету, надо было немного больше. Я проболтался въ городѣ до полуночи и наконецъ, увѣренный, что ночью не станутъ у меня спрашивать денегъ, вернулся въ номеръ.

Наутро я вышелъ изъ номера около 7 часовъ, захвативъ съ собою книжку своихъ стихотвореній, въ которую, кромѣ нѣсколькихъ старыхъ, вписывалъ всѣ стихи, печатанные въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Я зналъ, что издатели стихотворенія брали неохотно, а если и брали, то иногда задаромъ, но рѣшилъ попытать счастья. Къ вечеру мнѣ удалось переговорить съ Густавомъ Гебетнеромъ, совладѣльцемъ крупнѣйшей въ Варшавѣ книгоиздательской фирмы «Гебетнеръ и Вольфъ», а также вмѣстѣ съ Шимановскимъ, владѣльцемъ «Варшавскаго Курьера». Онъ съ любезной снисходительностью взялъ мою книжку, сказавъ, что читаетъ мои стихи въ «Курьерѣ», и что, быть можетъ, дѣло между нами выгоритъ. Рѣшенія просилъ обождать дней пять.

Въ теченіе этихъ пяти дней я уходилъ изъ номера раннимъ утромъ и возвращался только къ полуночи, желая избѣгнуть во

что бы то ни стало приставаній съ уплатой по счету. Цѣлыми часами я просиживалъ въ кофейняхъ за газетами, блуждалъ по Лазенкамъ, Ботаническому саду и окрестностямъ Варшавы, избѣгая вообще центра города и встрѣчи со знакомыми. На четвертый день проснулся опять безъ копейки и побрелъ къ Ботаническому саду. Рядомъ въ Лазенкахъ былъ источникъ, гдѣ по временамъ я могъ бесплатно утолять жажду. Солнце далеко уже перевалило за полдень, когда я почувствовалъ, что хорошо бы поѣсть. Дѣлать нечего: рѣшилъ итти къ тетушкѣ. Къ несчастью опоздалъ: кончили послѣднее блюдо и сидѣли за десертомъ.

Встрѣтили меня восклицаніями удивленія, что я въ Варшавѣ, а не въ деревнѣ, но все-таки спросили, обѣдалъ ли.

— «Только что пообѣдалъ»,—выпалилъ я неожиданно для самого себя. Мнѣ казалось: скажи, что я не обѣдалъ, и всѣ догадаются, что мнѣ не на что было купить обѣдъ. Впрочемъ, очутившись въ обществѣ, въ пылу оживленнаго разговора, я какъ будто пересталъ на время ощущать голодъ.

— Ну, а десерта хочешь?

— Съ удовольствіемъ, — небрежно проговорилъ я, протягивая руку за блюдечкомъ со свѣжей земляникой.

Увы! не успѣлъ я дотронуться до ягодъ, какъ оказалось, что барышнѣ, напротивъ меня, не хватило земляники. Я любезно предложилъ ей свое блюдечко. Но, начиная въ душѣ уже досадовать на недогадливость тетушки, не настаивающей на томъ, чтобы я непременно чего либо поѣлъ, я пренебрежительно сталъ выслушивать ея нравоученія и наконецъ ушелъ, какъ и пришелъ, натошакъ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ ѣсть не хочется,—бодрился я, опять направляясь въ Ботанической садъ.

— А! Кучинскій! ты откуда?

Бывшіе товарищи изъ гимназіи пообѣдали и идутъ въ Лазенки слушать музыку.

— «Пообѣдали?»—думалъ я.—Говорятъ, что когда голодному вспомнить про обѣдъ, то у него текутъ слюнки... Вздоръ!—ничего у меня не течетъ. Да и не голоденъ я. Интересно, долго ли я могу не ѣсть? Дня два-три навѣрное».

Такимъ образомъ, храбрясь и увѣряя себя, что ѣсть мнѣ совершенно не хочется, я провелъ весь день — первый этого рода день въ жизни — и только въ обычное время, къ полуночи, вернулся въ свой номеръ.

Наутро проснулся съ тяжелой головой, но опять въ 7 часовъ вышелъ, захвативъ съ собою нѣсколько нотъ (я немного игралъ на рояли). За эти ноты мнѣ букинистъ предложилъ пять копеекъ, и я немедленно обмѣнялъ ихъ на пять копеечныхъ булокъ, которыя въ Саксонскомъ саду съѣлъ, запивъ ключевой водою.

Утоливъ такимъ образомъ первый голодъ, я вынулъ захваченные съ собою бумажку и карандашъ, рѣшивъ написать стихи, продать ихъ и пообѣдать, такъ какъ хотя Гебетнеръ долженъ былъ рѣшить участь моихъ стихотвореній сегодня, но только къ вечеру. Раздумывая, о чемъ мнѣ писать, я вспомнилъ, что сегодня варшавская публика прощается съ чешской пѣвицей, которой впрочемъ я никогда не видѣлъ и не слышалъ. Обращаясь къ ней, я наскоро сочинилъ нѣсколько трогательныхъ прощальныхъ строфъ и снесъ ихъ въ «Варшавскій Курьеръ», котораго въ послѣднее время избѣгалъ, совѣтаясь объясненій съ Шимановскимъ насчетъ гимназiи. Но такъ какъ не вездѣ платили за стихи сразу, въ «Курьерѣ» же платили, то пришлось идти туда. Къ счастью, меня встрѣтилъ и принялъ стихи секретарь.

Я былъ пораженъ, когда тотъ же секретарь, встрѣтившись со мною на слѣдующій день на улицѣ, торжественно заявилъ:

— Ваше стихотворенiе великолѣпно. Мы восхищены имъ. Елинекъ (чешскій писатель) взялъ автографъ въ Прагу и передастъ его въ чешскій музей.

Какъ я ни былъ польщенъ, но подумалъ, что не стоитъ создавать музеевъ, если въ нихъ накопляють подобныя глупости.

Къ вечеру этого же дня я явился къ Гебетнеру. Онъ согласился издать мои стихи и тутъ же уплатилъ мнѣ сто рублей. При этомъ сказалъ, что книжку мою просматривалъ извѣстный писатель Гавалевичъ, что онъ хотѣлъ бы видѣть автора, и проситъ меня зайти къ нему.

Расчитавшись въ гостиницѣ, я рѣшилъ ѣхать домой. Правда, меня исключили изъ гимназiи, но зато мои стихи издаетъ солиднѣйшая польская книгоиздательская фирма. Это въ нѣкоторомъ родѣ узаконивало мои стремленiя къ литературному труду, давало мнѣ право вернуться обратно въ Варшаву.

Такъ утѣшалъ я себя въ виду грядущей встрѣчи и объясненiй съ отцомъ.

Передъ отъѣздомъ я побывалъ у Гавалевича. Онъ и донинѣ одинъ изъ видныхъ литературныхъ работниковъ, одна изъ популярнѣйшихъ личностей въ Варшавѣ. Обладая самъ недюжиннымъ поэтическимъ дарованiемъ, онъ принесъ его въ жертву многосторонней и добросовѣстной журнальной дѣятельности. Въ сѣрой массѣ заурядныхъ журнальныхъ поденщиковъ онъ ярко выдѣляется тонкимъ художественнымъ вкусомъ, безукоризненнымъ слогомъ, чувствомъ мѣры и такта во всѣхъ своихъ сужденiяхъ. Онъ плодовитый авторъ многихъ повѣстей, рассказовъ, сценическихъ пьесъ, статей критическихъ и пр. Быть можетъ, его художественныя произведенiя много теряють отъ того, что ихъ авторъ погрязъ одновременно въ журнальной работѣ, но журналистика безусловно выигрываетъ отъ того, что въ ней работаетъ художникъ. Дайте любой журналистикѣ де-

сять Гавалевичей, и ея уровень замѣтно поднимется. Но такъ какъ въ журналистикѣ, и польской и другихъ, изъ года въ годъ все болѣе такихъ работниковъ, которые также хорошо могли бы быть сапожниками, какъ и журналистами, для которыхъ журналистика или ремесло, или средство удовлетворенія самолюбію, то неудивительно, если ихъ коробитъ первенствующая здѣсь роль такихъ Гавалевичей, которую тѣ приобретаютъ какъ-то само собою.

Помилюйте, человекъ не становится на дыбы... не лѣзетъ впередъ съ собственнымъ «я». Безцвѣтная личность!»

Впрочемъ, если отбросить въ сторону голосъ этого рода крикливыхъ, сомнящихъ бездарностей, Гавалевичъ пользуется въ Варшавѣ широкими и вполне заслуженными симпатіями.

V.

Семейныя дѣла.—Исторія имѣнія Корытно.—Изъ прошлаго Ландварово-Роменской жел. дороги.—Инженеры.—Антоновичъ.—Наши отношенія къ русскимъ.—Вторичный отъѣздъ въ Варшаву.

Когда я пріѣхалъ домой, то узналъ, что въ дѣлахъ моего отца послѣдовалъ рѣзкій поворотъ къ худшему. Наше имѣніе въ Слуцкомъ уѣздѣ было въ долгосрочной арендѣ, мы же арендовали имѣніе въ 15.000 десятинъ крупнаго землевладѣльца Войнилловича. Контрактъ на имѣніе давно кончился, но отецъ, находясь въ отличныхъ отношеніяхъ съ Войнилловичемъ, не спѣшилъ съ заключеніемъ новаго. Между тѣмъ тотъ неожиданно скончался, наследники же порѣшили сами хозяйничать въ имѣніи и предложили отцу выѣхать въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Слѣдовало въ скорѣйшемъ времени подыскать вблизи другое имѣніе, куда бы можно было перевести довольно крупное хозяйство.

Отецъ былъ не блестящій хозяинъ, и хотя владѣлъ имѣніемъ почти даромъ, такъ какъ арендная плата не многимъ превышала сумму всѣхъ налоговъ и контрибуціи, но денегъ не копилъ. О томъ, чтобы найти аренду на подобныхъ условіяхъ, не могло быть рѣчи. Наоборотъ, цѣны на аренды поднялись въ тѣ годы выше мѣры.

Такимъ образомъ дома царила неизвѣстность и нѣсколько угнетенное состояніе. Къ счастью, оказались вблизи крупныя имѣнія литовскаго магната Завиши (нынѣ его дочери, гр. Маріи Красинской, вдовы послѣ гр. Людвига), живущаго постоянно въ Варшавѣ. Съ управляющимъ шло дѣло туго, но я не зналъ, что Одынецъ хорошо знакомъ съ Завишей, и обѣщалъ по возвращеніи въ Варшаву устроить все дѣло.

Любопытна исторія имѣнія Войнилловича, Корытно, въ которомъ мы жили. До надѣла крестьянъ оно составляло чуть ли не 20.000

десятинъ, приобрѣтено же было Войнилловичемъ, да и то въ видѣ одолженія, за 30.000 рублей отъ извѣстнаго составителя хронологическаго таблицъ, Язвинскаго.

Вдали отъ рѣкъ и всѣхъ путей сообщенія, несмотря на хорошую землю и прекрасный строевой лѣсъ, оно долгие годы давало одни убытки, и Войнилловичъ съ радостью согласился отдать его отцу за 1,000 рублей въ годъ, между тѣмъ какъ одни налоги и подесятинная контрибуція достигали 900 рублей. Почти въ то же время онъ продалъ мѣстному еврею, кажется, за 28.000 рублей, право вырубать лѣсъ въ теченіе 12 лѣтъ. Это казалось блестящей аферой, такъ какъ одна перевозка лѣса должна была поглотить почти всю его стоимость. Но, спустя два-три мѣсяца, стало извѣстно, что черезъ имѣніе пройдетъ вновь строящаяся Ландварово (нынѣ Либаво-) Роменская желѣзная дорога, и купецъ, купившій лѣсъ въ кредитъ почти безъ денегъ, на этомъ одномъ дѣлѣ заработалъ сотни тысячъ, сразу ставъ однимъ изъ наиболѣе крупныхъ мѣстныхъ лѣсопромышленниковъ.

Въ мсей памяти ярко сохранились воспоминанія о веселыхъ годахъ постройки желѣзной дороги (1871 — 1873). Къ намъ понаѣхали инженеры, строители, гости не переводились. Однажды отецъ даже угощалъ московскихъ тузовъ, фонъ-Мекка, Мамонтова, графа Манскаго и др., приѣхавшихъ къ намъ въ специальномъ поѣздѣ охотиться на медвѣдей и лосей.

Благодаря этой поѣздкѣ, молодой, очень симпатичный инженеръ, Александръ Ивановичъ Антоновичъ, попавшій къ намъ прямо изъ института, быстро сдѣлалъ блестящую карьеру, такъ какъ фонъ-Меккъ, строитель дороги, обратилъ на него вниманіе, перевелъ въ Москву и, спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣлалъ директоромъ Московско-Рязанской дороги. Антоновичъ женился на бѣдной учительницѣ въ семьѣ нашихъ сосѣдей, и впослѣдствіи, когда многіе изъ нихъ, благодаря легкомыслію или превратностямъ судьбы, лишились всего своего состоянія, эта учительница, съ помощью своего мужа, пристраивала ихъ на мѣста, спасала отъ нищеты. Когда все было потеряно, оставалось еще ѣхать въ Москву, просить у Антоновичей мѣста. И онъ, если только могъ, не отказывалъ. Надо замѣнить того сознаться, что мы и его, и всѣхъ русскихъ инженеровъ принимали очень радушно.

Въ лицѣ ихъ мы впервые и къ взаимному удовольствію знакомились съ русскими, такъ какъ мѣстный русскій чиновникъ являлся къ намъ только затѣмъ, чтобы сказать, что этого нельзя, а за это слѣдуетъ получить столько-то. Онъ дѣлалъ карьеру на прижимистости, стоялъ на стражѣ всякихъ ограниченій, до права имѣть учителя польскаго языка включительно, и понятно не могъ быть намъ симпатиченъ и близокъ. Но инженеры—безразлично, типа ли скромнаго благовоспитаннаго юноши, или широкой русской

натуры нараспашку — сразу явились къ намъ, какъ равные къ равнымъ, какъ желанные гости съ широкаго свѣта къ тосковавшимъ на безлюдь провинціаламъ. Наживать на этомъ знакомствѣ мы ничего не наживали, такъ какъ подрядами, на которыхъ дѣлались состоянія, ворочали у насъ исключительно евреи.

Вообще мы, оставаясь поляками, и поэтому естественно несочувствующими ограниченіямъ нашихъ правъ, тѣмъ не менѣе никогда никакихъ предубѣжденій противъ русскихъ, какъ таковыхъ, не питали. И это фактъ скорѣе общій, чѣмъ единичный. И *vice versa*: извѣстно, что русская интеллигенція также никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ не питаетъ и въ коренной Россіи встречаетъ ихъ дружелюбно и радушно.

Я рано, почти одновременно, увлекался и польской и русской литературой. Громадное впечатлѣніе на меня произвело «Дѣтство и отрочество» Толстого, а также «Отцы и дѣти» Тургенева. Я ихъ перечитывалъ съ возрастающимъ восхищеніемъ многократно.

Между 14—16 годами я пробовалъ писать и русскіе стихи. Они у меня не сохранились, хотя отрывки кой-чего до сихъ поръ врѣзались мнѣ въ память. Напримѣръ, помню слѣдующую строфу пѣсни воиновъ, идущихъ въ бой:

«Быть можетъ, солнце выступая,
Последній разъ взошло ужъ намъ,
Но есть за гробомъ жизнь иная,
Сіяетъ краше солнце тамъ..
Впередъ! щадить ли жизни время?..
Побѣда ль, смерть насъ завтра ждетъ,
Но за родныхъ, родное племя,
За ихъ свободу, миръ—впередъ!»...

Эту пѣсню (строкъ 20—30) какой-то студентъ свезъ въ Петербургъ и говорилъ, что ее приняли, кажется, въ «Живописное Обозрѣніе», но что требуютъ какихъ-то поправокъ. Я поправокъ никакихъ не дѣлалъ, но все-таки упоминаю объ этомъ, такъ какъ возможно, что это стихотвореніе и было гдѣ либо напечатано. Русскихъ журналовъ за эти годы я никогда не имѣлъ въ рукахъ.

Я прекратилъ писать русскіе стихи, не подчиняясь въ этомъ рѣшительно никакому вліянію, но потому, что понялъ, что на обоихъ языкахъ одинаково хорошо писать я не въ состояніи, и что мнѣ слѣдуетъ выбрать одинъ. Хотя національное самосознаніе было въ то время выражено у меня еще въ довольно слабой формѣ, но все-таки оно было, и для меня не могло быть сомнѣнія, что я, полякъ, долженъ предпочесть польскій языкъ.

Однажды въ русскомъ обществѣ мнѣ случилось слышать, какъ учитель, русскій, удивлялся, что ученики поляки, подчиняющіеся всѣмъ требованіямъ въ низнихъ классахъ безпрекословно, въ высшихъ классахъ круто измѣняютъ свое отношеніе къ вопросамъ

національнымъ. Для меня очевидно, что этому не причастно подорѣваемое вліяніе семьи, что это только естественное послѣдствіе пробуждающагося въ эти годы самосознанія въ юношѣ. Тогда-то именно образуется рѣзкая отличительная черта между отцами и дѣтьми, тогда юноша, переживая медовые мѣсяцы самостоятельной внутренней жизни, упорно оберегаетъ эту самостоятельность отъ посягательства на нее школьнаго, напередъ предназначеннаго и одинаковаго для всѣхъ шаблона, какъ и самой семьи.

Въ 1886 году я, по желанію одного петербургскаго издателя, перевелъ на русскій языкъ «Думу казака Золоторенки» Залѣскаго. Переводъ понравился и былъ напечатанъ, но онъ дался мнѣ съ трудомъ, я имъ не былъ удовлетворенъ и больше попытокъ въ этомъ направленіи не дѣлалъ.

Итакъ я явился въ деревню выгнаннымъ изъ гимназіи за лѣность школьникомъ, но одновременно какъ бы официально признаннымъ поэтомъ. Я увѣрялъ отца, чему онъ плохо вѣрилъ, что теперь въ Варшавѣ смогу содержать себя самъ литературнымъ трудомъ.

Когда лѣто прошло, и я все болѣе настоятельно сталъ проситься въ Варшаву, отецъ мнѣ наконецъ сказалъ:

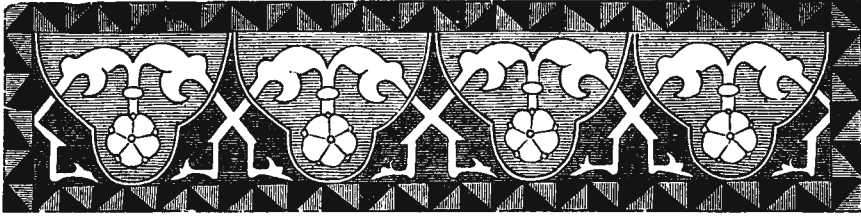
— Содержать тебя въ Варшавѣ мнѣ не по средствамъ. Но ты не годишься къ хозяйству, и болтаться тебѣ здѣсь безъ дѣла тоже стыдно. Поѣзжай и попытай счастье. Быть можетъ, что либо изъ этого и выйдетъ. Вотъ тебѣ 75 рублей, и на большее отъ меня не рассчитывай. Если будетъ плохо, ѣсть будетъ нечего, возвращайся. Если въ самомъ дѣлѣ можешь, проси Одынца—пусть рекомендуетъ тебя Завишѣ,.. поговори съ нимъ насчетъ имѣнія.

Таковъ былъ мой вторичный отъѣздъ уже на самостоятельную жизнь въ Варшавѣ. Мнѣ было 19 лѣтъ.

I. Корвинъ-Кучинскій.

(Можете въ слѣдующей книжкѣ).

ЛЮБИТЕЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ ПРИ ИМПЕРАТОРАХЪ ПАВЛѢ I И АЛЕКСАНДРѢ ПАВЛОВИЧѢ.

(1796—1824)

I.

КРАТКОВРЕМЕННОЕ царствованіе императора Павла не могло внести особенно много новаго въ исторію театра вообще. Собственно любительскій театр онъ имѣлъ скорѣе право ненавидѣть, чѣмъ предпочитать его другому виду искусства. Въ нравахъ екатерининскаго двора обычай устраивать «кавалерскія комедіи» былъ въ большой модѣ. Театральное искусство входило въ воспитаніе современнаго юношества; этимъ путемъ учились изящно говорить и двигаться. Павелъ, въ послѣдствіи доказавшій, насколько солидаренъ онъ со взглядами матери, при жизни ея невольно подчинялся вкусамъ и требованіямъ ея времени. Добросовѣстный біографъ отроческихъ дней Павла Петровича, Семень Порошинъ, частенько называетъ имя цесаревича въ числѣ лицъ, участвовавшихъ въ придворномъ спектаклѣ или балетѣ. Балета Павелъ Петровичъ вообще не жаловалъ, и балетъ не давался ему. Недоразумѣнія сопровождали почти каждую «пробу» (репетицію) и, повидимому, искренно огорчали царственнаго юношу. Порошинъ сообщаетъ иногда подробности, не лишеныя своеобразнаго интереса. Вотъ, на примѣръ, репетиція балета 19-го января: «весь почти партеръ полонъ былъ зрителей. Отъ хлопанья въ ладоши въ танцваніи его высочество нѣсколько сбился и обрѣлъ. Ко-

нецъ балету танцовали еще разъ. Тутъ шло получше. Пришедъ къ себѣ, гнѣвался его высочество, для чего бьютъ въ ладоши. Изволилъ спросить: не успѣлъ еще выйтить я, какъ ужъ аплодируютъ; то-то ужъ настоящіе персики, ой, дворъ, дворъ!»¹⁾ Нѣсколько успѣшнѣе, хотя съ большимъ трудомъ, давалась Павлу Петровичу драма. Этому жанру обучалъ цесаревича «перваго здѣшняго французскаго театра комедіантъ Бомонъ», тогда какъ балету—знаменитый въ свое время танцовщикъ Гранже. «Пришелъ Бомонъ и училъ его высочество декламациі. Былъ при томъ сегодня и его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ)²⁾ и поправлялъ великаго князя въ жестахъ и выговорѣ. Его высочество роль свой знаетъ твердо, только слова не съ такою страстью и не съ такою живостью (нѣжностью) выговариваетъ, съ какою они говорены быть должны. Впрочемъ имѣетъ государь цесаревичъ видъ весьма пріятный и веселый и голосъ мягкій, а когда начнетъ декламировать, то какъ будто нарочно въ самыхъ страстныхъ мѣстахъ голосъ сдѣлаетъ суровый и видъ угрюмый. Въ семъ его оговаривали и поправляли. Никита Ивановичъ приказалъ, чтобы г. Бомонъ въ будущій разъ пришелъ съ своею женою, и чтобы при его высочествѣ она играла роль Зенеиды, а онъ Олейнда, дабы государю цесаревичу къ акціи лучше можно было присмотрѣться»³⁾. Можетъ быть, неудачами цесаревича въ трагическомъ искусствѣ объясняется рѣшеніе императрицы дать сыну роль исключительно въ комедіи. «Говорили о роли *petit chevalier*,—замѣчаетъ Порошинъ,—въ комедіи «*L'homme à bonne fortune*», не знаю, оснуется ли на томъ». Во всякомъ случаѣ, со времени женитьбы Павла Петровича и устройства маленькаго двора въ Гатчинѣ Павелъ навсегда оставляетъ непосредственное участіе въ театральныхъ представленіяхъ, хотя относится къ нимъ благосклонно. Душою гатчинскихъ спектаклей (впослѣдствіи и павловскихъ) является великая княгиня Марія Ѳеодоровна. Она и основанный ею маленький драматическій кружокъ—обычные организаторы всевозможныхъ оперъ, комедій и водевилей, иногда устроенныхъ сюрпризомъ для Павла. Словоохотливый Долгоруковъ посвящаетъ этимъ увеселеніямъ очень много времени, какъ хроникеръ и какъ артистъ-любитель. Спектакли въ Гатчинѣ давались часто, примѣнительно ко всякимъ «случаямъ». Однажды готовили къ постановкѣ оперетку «*Rose et Colas*». Роль любовника игралъ князь Долгорукій, а роль Розы—фрейлина великой княгини Нелидова. Въ опереткѣ этой есть извѣстная арія: «*C'est ici, que Rose respire*». Долгорукій пѣвалъ

¹⁾ «Персики, замѣчаетъ Порошинъ, значить у насъ ласкательство; есть тому ообливая деривація изъ нѣкоего случившагося при дворѣ анекдоту» («Русская Старина», 1881, XXX, 243—250).

²⁾ Воспитатель цесаревича.

³⁾ «Русская Старина», 1881 г., XXX, 243, 250

ее изрядно. Въ одномъ куплетѣ, когда Colas въ восторгѣ цѣлуетъ веретено и прясло своей возлюбленной, есть восклицаніе: «que je la baise (т.-е. la quenouille) et cette chaise,—ici tout est charmant». Павелъ Петровичъ хаживалъ на репетиціи оперетки и послѣ одной изъ репетицій входитъ на сцену, подзываетъ Долгорукова и говоритъ ему: «мнѣ кажется, что въ одномъ пунктѣ своей аріи не такъ слова произносишь». Когда же Долгорукій въ оправданіе повторилъ арію, Павелъ Петровичъ остановилъ его на приведенныхъ словахъ: «вотъ гдѣ ошибка; ce n'est pas comme cela qu'il faut chanter. Il faut dire: que je la baise sur cette chaise, относя слова, принадлежащія къ веретену, къ той, которая за него садилась». Сказавъ это, Павелъ Петровичъ разсмѣялся, Долгорукій также, и оба пошутили надъ Нелидовой, которая дѣйствительно мало походила на Розу, ибо, по словамъ Долгорукова, была «лицомъ отъменно дурна и черна, какъ жукъ»¹⁾. Другой разъ Марія Θεодоровна лично готовила сюрпризъ своему супругу: «придворные господа хотѣли сыграть французскую пьесу», а именно «L'honnête criminel». Приглашенный участвовать въ спектаклѣ Долгорукій долженъ былъ предварительно претерпѣть всякія непріятности, скрываясь днемъ и выходя на репетицію только ночью. Все это дѣлалось для того, чтобы «великій князь не зналъ о готовящемся ему спектаклѣ, но онъ догадывался и дѣлалъ только видъ, что не знаетъ, чтобы не разстроить удовольствія внезапности, приготовленной ему его супругой». Бѣдному Долгорукому при этомъ было не легче. Онъ прожилъ въ Гатчинѣ цѣлую недѣлю, въ «отчаянной скукѣ, питаюсь за трапезой г. Бенкендорфа картофелемъ съ масломъ», и только въ сумерки «имѣлъ свободу, когда всѣ соберутся въ покои, гулять по саду, какъ школьникъ для рекреаціи»²⁾. Иногда эти спектакли носили на себѣ отпечатокъ воззрѣній цесаревича на политическія событія эпохи и потому казались особенно интересными. Такъ, напримѣръ, въ августѣ 1789 г. въ интермедіи, разыгранной любителями въ Павловскѣ, хоромъ было спѣта «кантата», явно намекавшая на ужасы французской революціи. Вотъ ея содержаніе:

Какая фурія изъ ада
Зажгла свѣтильникъ блѣдный свой
И, гдѣ наукъ цвѣла отрада,
Заразъ низвергла дымъ густой!
Неужли адъ, прервавши узы,
Главою пагубной медузы,
Окаменилъ весь Галловъ умъ,
Къ законамъ оглушивъ вниманье,
Черезъ буйно—«вольность»—воскличанье
Пустилъ обманчивый свой шумъ?!

¹⁾ Кобекъ: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ, 304, 305.

²⁾ Капище моего сердца («Русскій Архивъ», 1890 г., стр. 40).

Кантату завершало пѣніе солиста:

Вольность (з) обманчивый есть шумъ,
Вольность—обманчивый есть шумъ
И дымъ пустой ¹⁾!

Любопытно, что домашнія увеселенія маленькаго двора не пользовались благоволеніемъ императрицы Екатерины; пренебрежительно къ нимъ относились и екатерининскіе вельможи. Екатерина вообще не долюбивала Марію Ѳеодоровну, отличавшуюся высокимъ примѣромъ супружеской и семейной добродѣтелей, екатерининскимъ же магнатамъ казалась въ диковину скромная обстановка Павловскихъ праздниковъ, ни съ какой стороны не походившихъ на ихъ собственныя пиршества, «напоминашія подчасъ арабскія сказки»... Съ воцареніемъ Павла кореннымъ образомъ должны были измѣниться существовавшіе до сихъ поръ дворцовые порядки, только домашніе спектакли остались попрежнему излюбленнымъ времяпровожденіемъ двора и придворныхъ. Явленіе это нужно приписать не измѣнившимся вкусамъ Маріи Ѳеодоровны къ театру. Попрежнему группируя вокругъ себя любителей, она время отъ времени звала ихъ участвовать въ спектакляхъ, которые съ нѣкоторыхъ поръ устраивались преимущественно въ Павловскѣ, гдѣ по инициативѣ императрицы создано было нѣчто, подобное второму Трианону: «театръ и длинные проспекты были заимствованы изъ Фонтенбло, а въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны искусственныя развалины. Каждый вечеръ происходили сельскіе праздники, поѣздки, закуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а императрица, ея прелестныя дочери и невѣстка свою привѣтливостью и изяществомъ придавали этимъ развлечениямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ» ²⁾. Въ этомъ театрѣ бывшій чтецъ Павла Петровича, «иностранецъ швейцарской націи», Лафермьеръ поставилъ двѣ оперы своего сочиненія «Le faucon» и «Don Carlos». Долгоруковъ, участвовавшій въ обоихъ спектакляхъ, рассказываетъ, что они были обставлены необычайной пышностью, при чемъ самъ Долгоруковъ «былъ одѣтъ во всѣ брилліанты Павла»... Вслѣдъ за дворомъ, петербургскій большой свѣтъ устраивалъ великолѣпные праздники, обыкновенно начинавшіеся комедіей или балетомъ. Гостившій въ 1797 г. въ Петербургѣ послѣдній польскій

¹⁾ Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе 1777—1878, Спб., 1877, 71—73.

²⁾ Записки Н. А. Саблукова («Русскій Архивъ», 1869, 1924). См. также переписку императрицы Маріи Ѳеодоровны съ фрейлиной Е. И. Нелидовой (Correspondance de Sa Majesté l'Imperatrice M. Th. avec M-lle de Nelidoff, Paris, 1896, 20). На одномъ такомъ праздникѣ гр. Вельгорскій долженъ былъ прочесть въ честь государя кунлетъ, въ которомъ говорилось, что даже путешествуя Павелъ не перестаетъ думать, какъ бы осчастливить когонибудь.

король Станиславъ Понятовскій довольно часто заноситъ въ свой дневникъ описаніе видѣнныхъ имъ домашнихъ спектаклей. На выдержку приводимъ описаніе праздника, даннаго княгиней Куракиной въ день ея именинъ на собственной дачѣ въ окрестностяхъ Петербурга. На этомъ праздникѣ чествовали не только хозяйку дома, но главнымъ образомъ австрійскаго посла, графа Кобенцеля, навсегда покидавшаго Россію. Мы уже имѣли случай говорить о Кобенцелѣ, который славился, какъ прекрасный театральный любитель; театральнымъ кулисамъ онъ удѣлялъ гораздо больше вниманія, чѣмъ своимъ прямымъ обязанностямъ¹⁾. Едва ли не это обстоятельство было главной причиной его отозванія изъ Петербурга. Послѣ маленькаго дѣтскаго праздника, предшествовавшаго вечеру, «пошли въ театръ». Княгиня Долгорукая прекрасно представляла сцену изъ оперы «Нина или сумасшествіе отъ любви». Потомъ показывали китайскія тѣни за флѣромъ: «Прежде всего явилось солнце, и это солнце было самъ австрійскій посланникъ, одѣтый въ золотое штофное платье, съ сіяніемъ вокругъ головы, сдѣланнымъ изъ золотой бумаги. За нимъ слѣдовалъ мѣсяцъ, первый итальянскій пѣвецъ Мандини, который затѣмъ вмѣстѣ съ Ларивьеромъ представляли очень забавную разлуку Ореста съ Пиладомъ. Потомъ Ларивьеръ игралъ роль зубного врача и дѣлалъ операцію надъ Мандини—всѣ чрезвычайно много смѣялись. За сими комическими сценами слѣдовали живыя картины, поставленныя госпожей Лебрень, первой извѣстной портретисткой» и т. д. Въ слѣдующій разъ Понятовскій присутствовалъ въ театрѣ княгини Долгорукой, гдѣ между прочимъ давали французскую комедію «Le conseil paternel» (родительскій совѣтъ), сочиненіе гр. Головкина, «воспитаннаго въ чужихъ краяхъ». «Въ ней много остраго и пріятнаго», замѣчаетъ король²⁾...

II.

Характеръ семейной обстановки, существовавшей при Павлѣ, трудно было измѣнить съ его кончиной. Для этого надо было бы измѣнить самую природу вещей, ихъ душу и воплощеніе, императрицу Марію Феодоровну. Въ сферѣ ея вліянія, одухотвореннаго лучшими стремленіями, дышалось спокойно и ровно. Она не считала театръ забавой, выдуманной для прихоти людей, а составной частью обще-образовательной программы, которую каждому разумному человѣку требовалось усвоить, чтобы имѣть право называться

¹⁾ Моя статья «Любительскій театръ при императрицѣ Екатерицѣ II» (Ежегодн. имп. театровъ 1895—1896 г., прилож., кн. 2-я).

²⁾ Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго польскаго короля Станислава Августа Понятовскаго («Вѣстникъ Европы», 1808, ч. 39, № 11, стр. 143—145).

образованнымъ. Въ основѣ такихъ взглядовъ для нея были совершенно равны и дѣти ея, въ томъ числѣ наследникъ престола и воспитанницы опекаемыхъ ею женскихъ институтовъ. «Когда сыновья Маріи Теодоровны стали подростать,—разсказываетъ современница этой эпохи ¹⁾),—она, кромѣ осени, проводимой по обыкновению въ Гатчинѣ, оставалась тамъ двѣ зимы, находя, что такое уединеніе способствовало воспитанію великихъ князей. Я живо помню это время. Оно было очень пріятно для насъ, дѣтей. Тамъ находился упраздненный арсеналь, который раздѣлялся какъ бы на нѣсколько пріемныхъ залъ. Въ одной части была гора для катанья, а въ другой были собраны музыкальные инструменты; въ остальныхъ находились разныя игры, билліарды, фортуны и прочее. Тутъ же находился и театръ. Бывало, мы побѣжимъ туда съ радостью послѣ своихъ уроковъ, бѣжимъ, чтобы покататься на горѣ, то на ногахъ, то на сукнѣ, то въ телѣжкѣ. Тутъ же происходили разныя сюрпризы для императрицы, которые она очень любила. То мы дѣти всѣ костюмированныя, составляли группу, то игралась всего чаще французская пьеса на театрѣ, то составлялась ярмарка, гдѣ, конечно, доставалось намъ много игрушекъ и конфетъ». Въ той же обстановкѣ росъ и любимый внукъ Екатерины, великій князь Александръ Павловичъ, мальчикъ нервный и впечатлительный, иногда вдругъ поражаемый своей склонностью къ театральному искусству. Однажды эта особенность послужила даже предметомъ особаго любопытнаго письма Екатерины къ барону Гримму. «Надобно разсказать вамъ,— писала императрица ²⁾),—что затѣялъ сегодня Александръ, онъ смастерилъ себѣ круглый парикъ изъ куска ваты и, пока мы съ генераломъ Салтыковымъ дивились тому, что его прекрасное личико не только не обезобразилось отъ этого наряда, но еще похорошѣло, онъ сказалъ намъ: «Пожалуйста, смотрите не столько на мой парикъ, сколько на то, что я буду дѣлать». И вотъ онъ беретъ комедію «Обманщикъ» ³⁾), которая лежала на сторонѣ, и начинаетъ представлять одну сцену съ тремя дѣйствующими лицами, всю эту сцену онъ разыгрываетъ одинъ, придавая каждому лицу тонъ и тѣло-движенія, свойственныя роли, которую онъ изображаетъ. Никогда еще ни Калифалкжерстонъ, ни Самбланъ, ни его дворецкій не были разыграны лучше, съ большею естественностью и правдой, и сверхъ того, съ той изящной граціей, которую этотъ ребенокъ умѣетъ придать всѣмъ своимъ затѣямъ. Мы просто глазамъ не вѣрили, глядя на то, что онъ выдѣлывалъ, и при этомъ помирали со смѣху. Никогда никто не училъ его драматическому искусству; но этой зимой онъ бывалъ на представленіяхъ въ маломъ эрмитажномъ театрѣ.

¹⁾ Записки М. С. Мухановой («Русскій Архивъ», I, 307).

²⁾ Отъ 18 марта 1786 г. («Русскій Архивъ», 1878, III, 105).

³⁾ Комедія, соч. имп. Екатерины II.

Онъ посѣщаль театръ усердно и съ большимъ вниманіемъ, и предъ спектаклемъ охотно читаль или просилъ прочесть себѣ пьесу». Воплощая мысль въ образахъ, царственный юноша постепенно учился понимать искусство, во всякомъ случаѣ интересовался имъ. Извѣстно, что, даже женившись, онъ съ удовольствіемъ возвращался къ своимъ дѣтскимъ играмъ, среди которыхъ кукольный театръ занималь почетное мѣсто. Воспитатель его, А. Я. Протасовъ, рассказываетъ, что 23 марта 1794 года Александръ Павловичъ «показываль представленіе куклами и машинками балета Дидоны, гдѣ были меньшей братъ, великая княгиня супруга, Протасовъ и графиня Шувалова». Приготовленіе къ этому спектаклю «завело» великаго князя до того, что, по выраженію огорченнаго Протасова, онъ «и великую княгиню оставилъ одну»¹⁾. Это случилось за какія нибудь шесть лѣтъ до воцаренія Александра. Царствованіе его было вообще благопріятно для театра. Помимо реформъ театрального управленія, получившаго большія средства, а слѣдовательно и большую самостоятельность, было улучшено положеніе артистовъ, права ихъ были значительно расширены, противъ прежняго на нихъ стали смотрѣть, какъ на интеллигентныхъ работниковъ, благодаря чему притокъ образованныхъ людей въ артистическую среду увеличился: туда не гнушались поступать и бывшіе офицеры. Такой поворотъ въ общественномъ мнѣніи слѣдуетъ приписать вліянію на театръ артистовъ-любителей. Вокругъ театра сгруппировались нѣсколько лицъ высшаго русскаго общества, страстно преданныхъ искусству, готовыхъ пожертвовать для него своею жизнью. Эти люди, какъ, напримѣръ, Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, князь А. А. Шаховской, Катенинъ, С. С. Апраксинъ воспитали цѣлыя поколѣнія русскихъ талантовъ, которые начинали иногда съ скромныхъ подмостковъ домашнихъ спектаклей и кончали кулисами образцоваго русскаго театра. Любительство того времени соединялось обыкновенно съ меценатствомъ; развивающіяся дарованія, нерѣдко безъ средствъ и нравственной поддержки, находили въ любительскихъ кружкахъ то и другое; кромѣ того, они довершали тамъ свое образованіе. Конечно, и въ объектѣ такого увлеченія встрѣчались изъяны. Устраиваемые зачастую спектакли высшаго петербургскаго или провинціального общества не имѣли другой цѣли, какъ повеселить гостей и самому повеселиться; ту же цѣль, разбавленную иногда честолюбивыми замыслами, преслѣдовали богатые помѣщики, когда формировали крѣпостные оркестры, балеты и прочее. Впрочемъ, при желаніи можно было и на подобныя затѣи взглянуть иными глазами; какъ бы убоги ни были эти своеобразныя жертвоприношенія богинямъ искусства, они такъ или иначе отвлекали помѣщиковъ отъ псовой охоты, карточной игры, попокъ и т. д.

¹⁾ Записки, «Древн. и нов. Россія», 1880, VIII, 768.

III.

Послѣ годичнаго траура въ Петербургѣ вновь «заиграли». Кружокъ придворныхъ любителей, мѣняясь только въ составѣ, попрежнему устраивалъ спектакли, концерты, интермедіи. Попрежнему душою его была императрица Марія Ѳеодоровна. Уединившись въ родномъ своемъ Павловскѣ, она любила слышать вокругъ себя веселье и смѣхъ. Обыкновенно спектакли пріурочивались къ какому нибудь семейному празднику (тезонменитству высочайшей особы) или исключительному событію, въ родѣ торжественнаго возвращенія государя съ театра войны, побѣды русскаго оружія надъ непріателемъ и т. д. Особенно памятенъ современникамъ праздникъ, устроенный императрицей Маріей Ѳеодоровной въ честь ея невѣстки, императрицы Елисаветы Алексѣевны, 5-го сентября 1818 года. Великій князь Николай Павловичъ былъ режиссеромъ и руководителемъ этого спектакля. «Въ залѣ верхняго этажа была устроена небольшая сцена. Выбраны сюжеты для живыхъ картинъ, приглашены лица, которыя должны были въ нихъ участвовать, привезены изъ Петербурга театральные костюмы, и великій князь, какъ директоръ этой небольшой импровизированной труппы, началъ дѣлать репетиціи. Представленіе кончалось дуэтомъ Родриго и Химены. Это было что-то въ родѣ музыкально-живой картины, или, какъ тогда называли, *romance en action*. Партію Родриго пѣлъ графъ Соллогубъ, партію Химены—княгиня Долгорукова. Фрейлина великой княгини, графиня Шувалова, прелестная брюнетка, представляла наперсницу Химены, а авторъ воспоминаній (камеръ-пажъ императрицы, Дараганъ)—оруженосца Родриго. При открытіи картины Химена пѣла куплетъ и, взявъ шарфъ изъ рукъ своей наперсницы, надѣвала его на преклонившаго предъ ней колѣно Родриго. Потомъ Родриго, поднимаясь, обращался къ оруженосцу и пѣлъ:

*Donnez, donnez, et mon casque et ma lance,
Je veux prouver que Rodrigue a du coeur...*

Картина оканчивалась прекраснымъ дуэтомъ, въ которомъ оба клялись въ вѣчной любви¹⁾... Ближайшими совѣтниками императрицы Маріи Ѳеодоровны въ устройствѣ спектаклей являлись князь Нелединскій-Мелецкій и нашъ несравненный баснописецъ, какъ это ни странно слышать по отношенію къ И. А. Крылову. «Дѣдушка Крыловъ» участвовалъ даже въ нѣкоторыхъ спектакляхъ, какъ актеръ. Однажды давали въ Павловскѣ «Демьянову уху» въ сценическомъ переложеніи. По словамъ Нелединскаго, Крыловъ «на театрѣ самъ уху расхлебывалъ», хозяина, который его

¹⁾ Воспоминанія П. М. Дарагана («Русская Старина», 1875, XII, 15—16).

потчуетъ, изображалъ князь Ѳедоръ Голицынъ, а хозяйку—княжна Хилкова, кланявшаяся Крылову «по-крестьянски въ поляхъ»¹⁾. Спектакль имѣлъ большой успѣхъ. Любопытныя свѣдѣнія объ институтскихъ спектакляхъ встрѣчаются въ перепискѣ императрицы съ Нелединскимъ. Въ одномъ письмѣ обсуждается, напримѣръ, планъ спектакля, устраиваемаго императрицей Маріей Ѳеодоровной въ честь возвращенія государя съ войны (въ 1814 г.). Пьеса, къ сожалѣнію, не называется, но упоминаютъ ея автора, г. Корсакова. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ актовъ, при этомъ нѣкоторые акты не нравятся императрицѣ потому, что заключаютъ «много личнаго по отношенію къ государю». «Вмѣсто того, чтобы дать ему иллюзію праздника, они принесутъ ему много истинныхъ страданій; а я не могу этого допустить»,—замѣчаетъ она. Въ заключеніе разыгрывается цѣлая сцена у государева бюста, съ котораго дѣти желаютъ снять покрывало, но не рѣшаются этого сдѣлать потому, что «опасаются слишкомъ большого энтузіазма»²⁾... Параллельно съ дворцомъ, домашніе спектакли процвѣтали въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, тратившемъ на это большія средства. Современники называютъ дома: Мятлевыхъ, Грибоѣдова, графини Васильевой, княгини Долгорукой, князя И. А. Гагарина, князя Дондукова, графа Комаровскаго, Рязановыхъ, Авдулиныхъ, Всеволожскаго, Храповицкаго, Загоскина, Комарова, Бакунина, Ганина и мн. другихъ, гдѣ, развѣ построивъ, уже не убрали сцену³⁾. Характеръ и содержаніе этихъ театровъ былъ почти вездѣ однородный, съ небольшими измѣненіями. У кн. Дондукова славился, напримѣръ, балетъ, обставленный замѣчательно роскошно и съ большимъ вкусомъ, у Ганина разыгрывались пьесы исключительно самого хозяина, который, играя преимущественно роль «безсловесныхъ животныхъ», ползалъ передъ публикой на четверенькахъ⁴⁾; у Долгоруковой играли,

¹⁾ Хроника недавней старины изъ архива князя Оболенскаго-Нелединскаго-Мелецкаго, Сиб., 1876, стр. 250—251. Тотъ же Нелединскій рассказываетъ случай, имѣвшій мѣсто во дворцѣ, разумѣется, никѣмъ не предвидѣнный. Однажды къ императрицѣ въ гостиную введенъ былъ штукарь (фокусникъ) съ лошадей, которая на вопросы отвѣчала разными знаками. Посреди представленія у лошади желудокъ сталъ облегчатся. Хозяинъ, не теряя головы, подскочилъ, и, пока мальчикъ побѣждалъ за шляпой, чтобы подставить, онъ кулакомъ началъ вникивать все навадь. Можешь ли живо себя представить, что тутъ дѣлалось съ С.?—спрашиваетъ Нелединскій въ письмѣ къ своей дочери:—ты знаешь, кака я хохотунья? А что еще пуще ее смѣшило, что Катерина Ивановна (Нелидова), которая возлѣ нея сидѣла, направя лорнетъ и ничего не видя, пристасть къ ней: *mais dites moi donc de quoi rit-on?* С., когда пересказываетъ это, и нынче еще валится отъ смѣха (стр. 286).

²⁾ Тамъ же, стр. 250.

³⁾ Н. Сушковъ, Давидъ Теньеръ, живописецъ (Драмат. Альбомъ, 85).

⁴⁾ Пыляевъ, Полубарскія затѣи («Историч. Вѣстникъ», 1886, сент). См. также «Воспомин. А. М. Каратыгиной» («Русскій Вѣстн.», 1881, № 4, 5, стр. 666—467).

главнымъ образомъ, французскія комедіи ¹⁾, а у Храповицкаго— классическія трагедіи и т. д. и т. д. Гораздо болѣе содержательными выходили спектакли, устраивавшіеся въ домѣ Оленина, директора Публичной библіотеки ²⁾, у П. А. Каратыгина и въ театральномъ училищѣ. Всею техническою частью при устройствѣ спектаклей у Каратыгиныхъ «завѣдывалъ старинный другъ ихъ семьи и страстный театралъ», князь Иванъ Степановичъ Сумбатовъ, если не ошибаемся, отецъ извѣстнаго московскаго артиста и драматурга А. И. Южина. «Это былъ самый благороднѣйшій и добрѣйшій человекъ, какого мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни,—говоритъ о немъ П. А. Каратыгинъ ³⁾.—Бывало недѣли за двѣ до представленія поднимался въ нашемъ тихомъ семействѣ, какъ говорится, дымъ коромысломъ: пачкотня, стукотня, клейка, шитье костюмовъ и пр. Тутъ отецъ, мать, сестра и братья мои, короче сказать, всѣ принимались за работу, но главный распорядитель бывалъ постоянно нашъ добрый князь; онъ былъ тутъ и плотникъ, и ламповщикъ, машинистъ и декораторъ, даже и типографщикъ: онъ ухитрялся печатать на какомъ-то ручномъ станкѣ афиши для этихъ спектаклей. Труппа наша состояла, кромѣ трехъ моихъ братьевъ, сестры и меня, еще изъ нѣкоторыхъ близкихъ нашихъ знакомыхъ; въ томъ числѣ было семейство балетмейстера Валберхова... Играли: «Шалости влюбленнаго», «Трумфъ» (извѣстную пародію И. А. Крылова); оперетку «Ямъ» Княжнина и т. п. Въ числѣ зрителей на спектаклѣ иногда присутствовали князь Шаховской, А. И. Храповицкій, и одно это обстоятельство косвенно способствовало тому, что спектакли не носили исключительно академическаго характера, и имѣли прекрасные практическіе результаты. Шаховскій, «который тогда считался строгимъ и опытнымъ знатокомъ драматическаго искусства», здѣсь впервые «замѣтилъ хорошіе задатки для сцены» въ старшихъ братьяхъ Каратыгина (главнымъ образомъ въ Василии Андреевичѣ) и «предложилъ отпустить ихъ взять молодыхъ людей подъ свое покровительство и образовывать изъ нихъ артистовъ». Такимъ образомъ «не будь домашнихъ сценическихъ опытовъ, русская талія не имѣла бы такихъ артистовъ, каковыми были Каратыгины!—патетически восклицаетъ П. А. ⁴⁾. Въ высшей степени симпатичный характеръ носили домашніе спектакли въ театральномъ училищѣ, гдѣ инспекторомъ въ то время былъ Иванъ Самойловичъ Бокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ исправлявшій и докторскую должность при театрѣ. «Человекъ онъ былъ добрый, простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый и трусливый до-нельзя. Онъ

¹⁾ Lettres de Chrisatin à la princesse Tourkestanoff; 1816—1817, стр. 659.

²⁾ «Для этого театра писалъ небольшія пьески задушевный другъ Оленина И. А. Крыловъ» (Пыляевъ, Полубарскія затѣи).

³⁾ Записки, 1705—1879, Спб., 1880.

⁴⁾ Записки, стр. 52—54.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1903 г., т. хсiv.

ни за что не позволялъ воспитанницамъ участвовать въ нашихъ спектакляхъ,—разсказываетъ Каратыгинъ: «играйте, говорятъ, одни, а я объ этомъ директора не смѣю просить». Нечего дѣлать! Надо было выбирать пьесы безъ женскаго персонала, что было довольно затруднительно, потому что таковыхъ въ тогдашнемъ репертуарѣ не имѣлось. Мои товарищи-однокашники избрали меня своимъ режиссеромъ, и мы принуждены были играть, большею частью, пародіи, не дозволенные цензурою, напримѣръ, «Митюху Валдайскаго» (пародія на «Димитрія Донскаго» Озерова); «Трумфъ» Крылова и нѣкоторыя другія... Въ бытность свою въ Петербургѣ посѣщалъ эти спектакли А. С. Грибоѣдовъ, иногда въ сопровожденіи Александра Бестужева; авторъ помнитъ, какъ Грибоѣдовъ отъ души смѣялся, смотря его пародію въ стихахъ, подъ названіемъ «Неронъ». Немного времени спустя, самому Грибоѣдову пришлось выступить въ качествѣ автора «Горе отъ ума», но спектаклю, хотя и школьному, не суждено было осуществиться. Вотъ какъ это случилось. Извѣстно, что комедія Грибоѣдова появилась въ рукописи въ 1824 году, въ печать же («Русскую Талію», Булгарина) изъ нея попало только нѣсколько сценъ; въ цѣломъ видѣ она оставалась пока запрещеннымъ плодомъ, особенно для сценическаго изображенія. Этимъ обстоятельствомъ воспользовались между прочимъ Каратыгинъ съ товарищемъ Григорьевымъ, впоследствии извѣстнымъ артистомъ и сочинителемъ. Они предложили Грибоѣдову разыграть его комедію на школьномъ театрѣ, и когда тотъ съ радостью согласился, упростили добрѣйшаго Бока «дозволить воспитанницамъ принять участіе въ спектаклѣ». Дѣло быстро пошло на ладъ. Роли, расписанныя въ нѣсколько дней, были распредѣлены въ слѣдующемъ порядкѣ: Григорьевъ долженъ былъ играть Чацкаго, Чайчиковъ — Фамусова, П. Каратыгинъ — Репетилова, Экунинъ — Скалозуба, Софью—Прилуцкая, Лизу—Лебедева, Хлестову—Ковалева и т. д. Самъ Грибоѣдовъ пріѣзжалъ на репетиціи и очень усердно училъ артистовъ. «Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое «Горе отъ ума» на нашемъ ребяческомъ театрѣ,—разсказываетъ Каратыгинъ. — Хотя, конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера — и тѣ тоже насъ похвалили». Въ концѣ концовъ о спектаклѣ узналъ с.-петербургскій генералъ-губернаторъ и тогдашній начальникъ театральнаго управленія графъ Милорадовичъ и «положилъ конецъ всѣмъ начинаніямъ»¹⁾). Понятно, въ какомъ разочарованіи были юные

¹⁾ Записки, 127—131.

артисты и бѣдный авторъ. Кстати, Грибоѣдову такъ и не удалось при жизни видѣть свое произведеніе на сценѣ. Впервые «Горе отъ ума» было представлено 26-го января 1831 года въ С.-Петербургѣ, то-есть черезъ два года послѣ смерти его автора¹⁾.

IV.

Въ Москвѣ всегда любили театръ и увлекались имъ. Московскіи любитель двадцатыхъ годовъ переживалъ апогей своей славы. Лучшіе представители театральнаго искусства, принимая на вѣру его взгляды, молча съ ними соглашались, театральное начальство считало его пророкомъ, артисты и публика рабски подчинялись. Значеніе любителя чувствовалось тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе скоплялось на его сторонѣ ума, таланта и образованности, чѣмъ выше, слѣдовательно, росло его вліяніе и плодотворнѣе были результаты. Конечно, общій фонъ, какъ въ Петербургѣ, былъ однотонный, почти одинаковый по составу. «Театральными» домами называли дома князя В. И. Щербатова, Д. Е. Столыпина, Н. Е. Мясоѣдова, княгини М. Н. Волконской, княгини Б. Г. Шаховской, В. Е. Салтыкова, А. Н. Зиновьева, И. Я. Блудова, В. А. Всеволожской, Н. А. Дурасова и многихъ другихъ²⁾; игра любителей стояла тамъ «не выше ординара»; впрочемъ большинство предпочитало показывать свои крѣпостныя труппы, изъ которыхъ нѣкоторыя составлены были весьма удачно, напримѣръ, Познякова³⁾. Нѣсколько выше считались любители, если и не возводившіе театральное искусство въ особенный культъ, зато относившіеся къ нему внимательно и серьезно. Такими любителями были, напримѣръ, княгиня З. А. Волконская, главнымъ образомъ культивировавшая итальянскую музыку (у нея иногда подвизались замѣчательные пѣвцы и пѣвицы), театръ студентовъ Московскаго университета и литературно-артистическій кружокъ А. П. Елагиной, по первому мужу Кирѣевской, матери извѣстныхъ И. В. и П. В. Кирѣевскихъ. Собственно объ университетскомъ театрѣ извѣстно лишь то, что сохранилось въ па-

¹⁾ Была, если не ошибаемся, сдѣлана еще попытка представить «Горе отъ ума» на сценѣ въ 1828 г.; на этотъ разъ инициатива спектакля принадлежитъ военному гарнизону г. Эривани, гдѣ въ то время находился проездомъ Грибоѣдовъ. Результаты были, однако, одни и тѣ же: начальство, узнавъ о спектаклѣ, не допустило его.

²⁾ Пыляевъ, Полубарскія затѣи. «Историч. Вѣстникъ», сент. 1886 г.

³⁾ Едва ли не про Познякова сказано было въ «Горе отъ ума»: «на лбу написано: театръ и маскарадъ». У него же находился и бородачъ, который во время бала въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ «щелкалъ соловьемъ»: «пѣвецъ зимой погоды лѣтней» («Выдержки изъ стар. зап. кн.», «Русскій Архивъ», 1873, № 10.—См. тоже «Вѣстн. Евр.», 1814, т. 75, № 12, 293—295).

мяти у современниковъ: И. М. Снегирева¹⁾ и Н. Полевого²⁾). Оба они согласно подтверждаютъ, что отношеніе къ театру студентовъ-участниковъ было вдумчивое и любовное. Руководили спектаклями братья Сандуновы, одинъ отставной актеръ, другой—профессоръ, большой оригиналъ, страстно любившій театръ. Онъ перевелъ Шиллеровскихъ «Разбойниковъ» и писалъ специально для студенческаго театра пьесы. Посторонняя публика посѣщала эти спектакли охотно, такъ что «недоставало мѣста для желавшихъ». Спектакли Елагиной, въ сущности игравшіе второстепенную роль въ занятіяхъ ея кружка, можетъ быть, не отличались бы отъ всякихъ другихъ общественныхъ удовольствій подобнаго рода, если бы салонъ Елагиной не посѣщали: Пушкинъ, князь В. О. Одоевскій, А. И. Кошелевъ, молодой поэтъ Д. В. Веневитиновъ, Жуковскій, Чаадаевъ, Языковъ и другіе³⁾). Присутствіе этихъ лицъ невольно придавало значеніе пустому на видъ времяпровожденію и оказало, вѣроятно, немало услугъ театру. Остается сказать о третьей и послѣдней группѣ любителей, для которыхъ театральныя кулисы были едва ли не вопросомъ жизни. Группа эта считала своимъ центромъ Федора Федоровича Кокошкина, человѣка фанатически преданнаго искусству. «Главное его призваніе, главная его страсть былъ театръ,— характеризуетъ Кокошкина М. А. Дмитріевъ⁴⁾). Онъ и самъ, игравшій въ благородныхъ спектакляхъ, былъ хорошимъ актеромъ. Всѣ роли его были обдуманы, всѣ шаги разотчены; искусства было очень много, но натура иногда скрывалась за искусствомъ. Ему многимъ былъ обязанъ Московскій театръ». Другомъ Кокошкина считался С. С. Апраксинъ, тоже большой театралъ и хлѣбосоль; въ домѣ его главнымъ образомъ давались сценическія представленія, собиравшія всю Москву. Въ противоположность другимъ домашнимъ спектаклямъ, репертуаръ здѣсь былъ избранный; преимущественно большія комедіи и трагедіи: «Хвастунъ» Княжнина, «Мизантронъ» и «Урокъ старикамъ» Мольера (переводъ Кокошкина); «Тартюфъ» въ переводѣ А. М. Пушкина, трагедіи Озерова, сцены изъ Эсхила, Софокла и Эврипида, трагедія Вольтера въ переводѣ Марина и т. д.⁵⁾). Классическія произведенія выбиралъ главнымъ образомъ Кокошкинъ, убѣжденный классикъ, не признававшій будто бы Шекспира и Шиллера⁶⁾). Въ его умной интерпретаціи скрадывалась, однако, та напыщенность и неестественность положеній, которыя ставятъ обыкновенно въ упрекъ псевдоклассикамъ; онъ умѣлъ къ нимъ вызвать интересъ даже въ сто-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1866, I, 746.

²⁾ Репертуаръ Русск. т. 1840, I, 8.

³⁾ «Русскій Архивъ», 1887, I, 492.

⁴⁾ Мелочи изъ запаса моей памяти, «Русскій Архивъ», 1869, 175.

⁵⁾ Сущковъ, Н. Давидъ Теньсръ, стр. 86.

⁶⁾ Пыпинъ, А. Ист. русск. лит., т. IV, стр. 384.

ронникахъ противоположнаго направленія (натуралистическаго). «Я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокошкина,— рассказываетъ А. Милоковъ ¹⁾.— Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдоклассической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывший тогда въ апогеѣ своей славы ²⁾, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокошкинъ вслѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Конечно, чтеніе перваго было увлекательное и производило болѣе сильное впечатлѣніе, ... но и въ декламации послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ». Въ спектакляхъ Апраксина принимали иногда участіе и присяжные артисты, между прочимъ извѣстная К. С. Семенова, въ то время уже супруга сенатора, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя И. А. Гагарина, официально покинувшая сцену. Она играла исключительно трагедіи и мелодрамы. Извѣстенъ случай ея столкновенія съ Кокошкинымъ, который, благодаря своему страстному темпераменту, переходилъ иногда границы дозволеннаго даже между артистами. Они совмѣстно разучивали трагедію «Ненависть къ людямъ», гдѣ Кокошкинъ игралъ роль Мейнау, а Семенова—Эйлалли. Въ пылу увлеченія Кокошкинъ «сталъ объяснять знаменитой жрицѣ Мельномены экспозицію послѣдней сцены и оспаривать ея мнѣніе; она, отступивъ назадъ, возразила: «Позвольте, Ѳед. Ѳед., я уважаю ваше знаніе театра, но примите вы то въ соображеніе, что вы учите на этихъ доскахъ не княгиню Гагарину, а Семенову» ³⁾. Касаясь репертуара апраксинскаго театра, нужно еще замѣтить, что онъ носилъ космополитическій характеръ; часто русскіе классики чередовались съ иностранными, преимущественно французскими. Таковы были запросы времени. Въ этомъ случаѣ руководителемъ спектакля являлся соперникъ Кокошкина, А. М. Пушкинъ, тоже человекъ талантливый и хорошій актеръ, но уступавшій Кокошкину въ знаніи сцены. Оба долгое время были кумирами московскихъ театраловъ, а Кокошкинъ, кромѣ того, принялъ участіе въ Московскомъ театральномъ управленіи ⁴⁾ и на этомъ поприщѣ выказалъ недюжинныя способности. На лѣтнее время Апраксина переѣзжали въ свою подмосковную деревню Льгово и здѣсь послѣ короткаго перерыва

¹⁾ Литературн. встрѣчи и знакомства, стр. 12—13.

²⁾ Въ Николаевское время.

³⁾ П. Араповъ и Ранпольтъ, Драм. Альбомъ, М., 1850, LXIV.

⁴⁾ Въ 1818 г. онъ былъ назначенъ членомъ реперт. части, а съ 1823 г. по 1831 г. управлялъ Московскимъ театромъ.

съ прежней энергіей возобновлялись спектакли. Вотъ что говорятъ по этому поводу современники ¹⁾: «Подмосковная Льгово была достойною пристройкою къ городскому дому, и тутъ посѣтители слѣдовали за посѣтителеми, праздники за праздниками, спектакли за спектаклями. Въ послѣднемъ отношеніи не довольствовались многими комедіями и водевилями: изъ стараго французскаго репертуара выбирали комедіи пятиактныя и перваго разряда, напри- мѣръ, «La coquette corrigée».

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Пушкинъ явился маркизомъ самаго Версальскаго чекана; въ другой—настоящимъ французскимъ слугой, наглымъ и плутоватымъ, а подъ конецъ—русскимъ старостою. Въ деревенской картинѣ, запросто написанной, пѣли куплеты въ честь хозяйки, т.-е. Екатерины Владимировны, которую за нѣсколько строгую красоту ея прозвали въ Парижѣ «La Venus en courroux» ²⁾. На долю Пушкина палъ слѣдующій куплетъ:

Былъ я щеголемъ французскимъ,
 Былъ обманщикомъ слугой,
 Я теперь красавцемъ русскимъ
 При усахъ и съ бородой.
 Малый я во всемъ послушной
 И съ другими на подхватъ,
 Для хозяйки добродушной
 Я въ огонь и въ воду радъ.

Съ тѣмъ же успѣхомъ прошли на Апраксинскомъ театрѣ: Вольтеровская «Альзира» въ переводѣ Карабапова (режиссировалъ и игралъ Кожошкинъ) и «Севильскій цирюльникъ» Бомарше съ Пушкинымъ въ роли Фигаро.

V.

Провинціальная жизнь своимъ однообразіемъ и отсутствіемъ постоянныхъ развлеченій всегда удобно располагала къ устройству любительскихъ спектаклей. Обстоятельства, въ зависимости отъ времени, конечно, измѣняли это положеніе, но въ общемъ картина и до сихъ поръ не потеряла своей свѣжести. Правда, теперь средства значительно поуменьшились, помѣщики предпочитаютъ се- литься въ столицахъ, чѣмъ жить въ своихъ вотчинахъ, а любительскій театръ сталъ случайнымъ явленіемъ, почему и обстановка его рѣдко идетъ дальше обыкновенной и будничной. Другія совершенно условія существовали для театра въ описываемую эпоху. Назначали, скажемъ, изъ Петербурга новаго губернатора. Составляя по своему положенію центръ мѣстнаго общества, онъ знакомилъ

¹⁾ Изъ стар. зап. книжки («Русскій Архивъ», 1876 г., т. II, стр. 424—426).

²⁾ «Потому, что походила на разгнѣванную богиню» (Рассказы бабушки, собр. въ внукомъ Д. Благово, Спб., 1885 г., стр. 112).

его съ укладомъ столичной жизни, ввозилъ разныя новшества, организовалъ всякія развлеченія. Обыкновенно онъ уже находилъ готовое поле для своихъ затѣй. По зимамъ «въ губернію» стекались разнаго рода помѣщики, не рѣдко вмѣстѣ съ крѣпостными оркестрами, балетомъ и хорами. Они охотно шли навстрѣчу начинаніямъ губернатора, и вотъ сцена сооружена, налажены любители, спектакли чередуются спектаклями. Въ такомъ духѣ, за малыми исключеніями, возникали домашніе театры въ Астрахани¹⁾, Калугѣ²⁾, Саратовѣ³⁾, Воронежѣ⁴⁾, Рязани⁵⁾, даже въ отдаленномъ Иркутскѣ, гдѣ впервые позналъ прелесть кулисъ будущій знатокъ русскаго театра Н. А. Полевой⁶⁾, въ Вяткѣ⁷⁾ и т. д. Разумѣется, главнымъ мотивомъ большинства подобныхъ спектаклей было весело провести время, занятое иначе картами, шлетнями и дешевымъ флиртомъ. Но бывали случаи, когда судьба, ииолнѣ равнодушная къ общему складу провинціального театра, вдругъ подчеркивала какіе нибудь спектакли, впоследствии имѣвшіе большое значеніе для ихъ участниковъ. Съ этой стороны обращаютъ на себя вниманіе сценическіе опыты учениковъ Нѣжинскаго лицея, гдѣ въ началѣ 20-хъ годовъ воспитывались Н. В. Гоголь и Н. Кукольникъ. Артистическіе успѣхи обоихъ юношей, въ особенности Гоголя, уже тогда выдѣляли ихъ изъ прочихъ сверстниковъ. «Театральныя представленія давались на праздникахъ,—разсказываетъ товарищъ дѣтства Гоголя⁸⁾,—мы съ Гоголемъ и Романовскимъ сами рисовали декорации. Одна изъ рекреационныхъ залъ (онѣ назывались у насъ музеями) представляла всѣ удобства для устройства театра. «Играли трагедіи Озерова «Эдипъ», «Фингалъ», водевили, какую-то малороссійскую пьесу, сочиненную тогда же Гоголемъ⁹⁾, «отъ которой публика надрывалась со смѣху». Но удачнѣе всего давалась комедія Фонвизина «Недоросль». «Видѣлъ я эту пьесу и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ,—говоритъ современникъ,—но сохранилъ всегда то убѣжденіе, что ни одной актрисѣ не уда-

1) Реперт. русск. т., 1841, II.

2) Хроника недавней старины князя Нелединскаго-Мелецкаго, Спб., 1876 г.

3) См. приложение.

4) Черты изъ ист. воронежск. театра («Воронежск. Листокъ», 1867 г., № 58).

5) Труды общ. люб. рос. слов., ч. 12, М., 1818, стр. 90—91. Въ Рязани своимъ возникновеніемъ театръ обязанъ крѣпостному человѣку г. М.—И. С. Сибирякову, рязанскому пинтъ. Его баринъ М—въ былъ въ Рязани директоромъ театра. «Благопріятный случай сей много содѣйствовалъ къ удовлетворенію страсти его (Сибирякова) на рязанской сценѣ. Сибиряковъ раскрылъ свои дарованія и принесъ много удовольствія публикѣ. Тутъ началъ онъ и рѣмотворствовать».

6) Ист. русск. т. (Репертуаръ русскаго театра, 1840, I, 2).

7) «Сѣв. Почта», 1815, № 95. Артистами въ Вяткѣ были «мѣстные чиновники изъ почечества, ихъ супруги и дѣти».

8) В. И. Шенрокъ, Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры («Вѣсти. Европы» 1890, VII, 248—272).

9) «Вѣриѣе, отцомъ Гоголя»,—замѣчаетъ Шенрокъ.

валась роль Простаковой такъ хорошо, какъ игралъ эту роль шестнадцатилѣтній тогда Гоголь». Вообще сценической талантъ его нужно отнести къ самымъ крупнымъ, о чемъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ видѣвшіе его на сценѣ. «Юношей онъ уже въ совершенствѣ владѣлъ всѣми сценическими данными, особенно мимикой, но, что всего важнѣе, тонкимъ инстинктомъ художника ясно понималъ, къ чему долженъ стремиться и чего избѣгать настоящій актеръ. Ему удавалось достигать поражающихъ эффектовъ единственно необычайной правдивостью изображенія, безъ всякихъ преднамѣренныхъ натяжекъ и въ самыхъ незначительныхъ роляхъ, особенно стариковъ и старухъ». Совершенно противоположность Гоголю являла, повидимому, игра его однокашника Н. Кукольника, очевидно поклонника старо-классической школы, допускавшей напыщенную декламацию, энергичные, но ходульные жесты. Кстати, когда шла какая нибудь французская пьеса, то Кукольникъ «имѣлъ обыкновеніе вставлять туда и декламировать собственные свои французскіе стихи, которые онъ сочинялъ подъ руководствомъ учителя французскаго языка»¹). Это различіе двухъ пріемовъ сценическаго изображенія даетъ поводъ біографу Гоголя продолжить параллель и показать, насколько «для развитія таланта» незначительны и второстепенны «позднѣйшія вліянія и опытъ жизни», когда признаки этого таланта рѣзко обнаружились въ самомъ началѣ своего положенія. «Въ данномъ случаѣ,—говоритъ Шенрокъ,—въ обоихъ молодыхъ людяхъ, въ сущности съ первыхъ же шаговъ, рѣзко обозначились совершенно противоположныя природныя задатки, которые наложили роковую печать на всю ихъ послѣдующую дѣятельность, предопредѣливъ заранѣе одного быть творцомъ имѣющей великое значеніе въ исторіи русской литературы натуральной школы, другого—производить напыщенные, ходульныя пьесы»... Извѣстно также, что Гоголь едва не сдѣлался присяжнымъ актеромъ, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ быть имъ. Другое еще высшее провинціальное училище заслуживаетъ особой памяти за симпатіи свои къ театру. Это Казанскій университетъ, упоминаемый въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова²). Вліяніе на сценическіе опыты казанскихъ студентовъ имѣлъ пріѣздъ въ Казань извѣстнаго артиста Плавильщиковъ. Успѣхъ его вскружилъ всѣмъ головы, всѣ бросились ему подражать, въ числѣ первыхъ самъ авторъ «Хроники». «Яркій свѣтъ сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарилъ мою голову», рассказываетъ Аксаковъ. Онъ сталъ учиться декламации, мечтая сдѣлаться актеромъ. «Черезъ двѣ недѣли прочелъ я другу моему Александру Панаеву извѣстный длинный мо-

¹) Л. Мацѣвичъ. Гоголь и Кукольникъ въ Нѣжинск. гимназіи («Русскій Архивъ», 1877, III, 198).

²) Сем. хроника и воспоминанія, Спб., 1891, 323—355.

ноложъ изъ роли Пастора (въ «Сынѣ любви», торжество Плавильщикова). Панаевъ до того былъ удивленъ, что ничего не могъ произнести, кромѣ словъ: «Ты... Плавильщиковъ... ты лучше Плавильщикова!» Въ тотъ же день А. Панаевъ явился въ университетъ раньше Аксакова и успѣлъ рассказать всѣмъ о новомъ своемъ открытіи. Когда же Аксаковъ пришелъ на лекціи, студенты окружили его дружною толпою и заставили прочесть монологъ Пастора и мѣста изъ разныхъ пьесъ, которыя онъ зналъ наизусть. «Хотя не называли меня Плавильщиковымъ,—замѣчаетъ Аксаковъ,—но всѣ очень хвалили, а у старшихъ студентовъ сейчасъ родилась мысль затѣять университетскіе спектакли. Пока шла офиціальная переписка съ попечителемъ округа, студенты соорили театральные подмостки въ одномъ изъ дортуаровъ казенныхъ студентовъ. «Сколько пріятной суматохи и возни было по этому случаю! Сшили занавѣсъ изъ простынь и перегородили имъ большую и длинную комнату, кроватями отдѣлили мѣсто для сцены и классными подсвѣчниками освѣтили ее». На первый разъ сыграли «Такъ и должно» Веревкина и маленькую пьесу Сумарокова «Приданое обманомъ»; костюмы были особенно уморительны. Напримѣръ, старый Доблестинъ явился въ солдатскомъ разорванномъ сюртукѣ одного изъ нашихъ сторожей инвалидовъ; на головѣ имѣлъ парикъ изъ пакли, напудренной мыломъ, а на рукахъ цѣпи съ цѣпной дворовой собаки, которая въ этотъ вечеръ получила свободу и кого-то больно укусила... Вскорѣ затѣмъ получило разрешение попечителя устраивать спектакли. Изъ спальни театръ перенесли въ одну изъ университетскихъ залъ и здѣсь съ удвоеннымъ стараніемъ «принялись разучивать, а потомъ разыгрывать намѣченныя пьесы». Въ короткое время были сыграны «Ненависть къ людямъ и разскааніе», Коцебу, его же «Брюзгливый», комедія «Новый вѣкъ» и «Мейнау, или праздникъ примиренія». Еще были приготовлены «Разбойники» Шиллера, но университетское начальство запретило ихъ играть. То было уже время Магницкаго и вліянія его на народное просвѣщеніе...

Баронъ Н. В. Дризень.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Объявленіе ¹⁾.

Съ дозволенія начальства на Саратовскомъ театрѣ 1817 года
ноября 21 дня въ среду будетъ представлено:

НАТАЛЬЯ БОЯРСКАЯ ДОЧЬ.

Геронческая драма съ хорами.

Сочиненіе Сергѣя Глинки.

Дѣйствующія лица:

Царь г-нъ Сарнацкій.
 Бояринъ Матвѣевъ, совѣтникъ и другъ царскій . г-нъ Козловъ.
 Наталья, дочь его г-жа Хомякова.
 Алексѣй Любославскій г-нъ Занегинъ.
 Бояринъ Борисъ, оклеветавшій Любославскаго . г-нъ Бурдаевъ.
 Мама г-жа Занегина.
 Казакъ, застольникъ Алексѣевъ г-нъ Журавлевъ.
 Вѣстникъ г-нъ Гриммъ.
 Начальникъ Кремлевской стражи г-нъ Федоровъ.
 Гонецъ г-нъ Волковъ.

Войско, народъ, поселяне.

Высочайшей волѣ его императорскаго величества сердцами всѣхъ любимаго и благословляемаго государя самодержца всероссійскаго Александра Перваго угодно, чтобъ во всякомъ губернскомъ городѣ Россійской имперіи, гдѣ существуютъ театры, былъ каждагодно даванъ спектакль въ пользу воиновъ, чьи спасеніе отечества своего за славу имени русскаго и за свободу всѣхъ народовъ Европы на полѣ брани подъявшихъ неслыханные труды и подвиги и отъ тяжкихъ ранъ еще страдавшихъ съ тѣмъ, чтобы при назначеніи времени съ позволенія мѣстнаго начальства, зрѣлища и сбору денегъ предупреждали о семъ публику цѣлой губерніи заблаговре-

¹⁾ Настоящее объявленіе (афиша) списана для насъ въ Радищевскомъ музеѣ въ г. Саратовѣ, гдѣ она и хранится. Спектакль былъ любительскій по инициативѣ губернатора А. Д. Панчулидзева и вице-губернатора Заварницкаго (см. Саратовск. край, стр. 147).

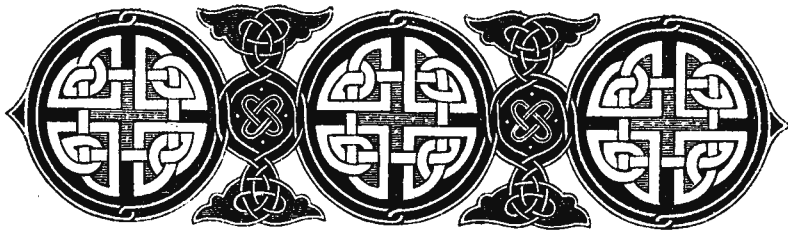
менно, и по крайней мѣрѣ за мѣсяць, а цѣна за входъ противъ обыкновеннаго была возвышена. Въ исполненіе высочайшей воли спектакль сей вышеписаннаго числа и назначается на повелѣнный предметъ, въ полномъ увѣреніи, что благородное дворянство и почтенное купечество, какъ здѣшніе, такъ и живущіе въ уѣздѣ и своихъ помѣстьяхъ, а съ ними вмѣстѣ и пріѣзжіе на Казанскую ярмонку для торговли г. купцы примутъ за особенное удовольствіе въ назначенный спектакль пожертвовать отъ избытковъ своихъ, чѣмъ изъявить свою ревность къ исполненію воли милосердаго своего монарха и усердіе къ заслугамъ воиновъ, не щадившихъ здоровья и жизни своей для блага Россіи. По окончаніи сего спектакля противъ параднаго крыльца будетъ горѣть приличный къ оному щитъ.

Начало будетъ въ 6 часовъ. Цѣна за входъ: въ ложи 25 рублей, въ креслы 5 рублей, амфитеатръ на двѣ персоны 6 рублей, на одну персону 3 рубля, партеръ 2 рубля, парадисъ 1 рубль, ложа въ парадизѣ 10 рублей.

Хотя объявленная здѣсь цѣна и опредѣлительна, но нельзя сомнѣваться, чтобы всякой россіанинъ принялъ въ уваженіе столь священную цѣль сего спектакля, ограничился сею цѣною и тѣмъ не доказалъ бы признательность свою къ спасителямъ отечества. Желающіе на сей спектакль заблаговременно имѣть билеты могутъ присылать въ домъ, занимаемой г. вице-губернаторомъ, къ г. Будаеву.

Ливрейные слуги впускаемы быть не могутъ, кромѣ парадиса.

ДВѢ ВСТРѢЧИ СЪ Л. Н. ТОЛСТЫМЪ.

А-ДНЯХЪ, 28-го августа, исполнилось семидесятипятилѣтіе жизни нашего великаго писателя графа Льва Николаевича Толстого, этого истиннаго властителя думъ современныхъ поколѣній, составляющаго гордость и славу Россіи, писателя, который до сихъ поръ еще, несмотря на свой преклонный возрастъ, способенъ удивлять и приводить въ восторгъ необычайной глубиною и свѣжестью творческой мысли. Невольно вспоминаешь въ эту знаменательную годовщину все, что или слышалъ когда либо, или читалъ, или знаешь лично о великомъ писателѣ земли Русской. Меня только два раза въ жизни сталкивала съ нимъ судьба, но я никогда не забуду этихъ встрѣчъ.

Однажды,—это было 23 года тому назадъ,—я, пятнадцатилѣтній гимназистикъ, возвращался изъ деревни въ Москву послѣ рождественскихъ каникулъ и ѣхалъ по несуществующей уже теперь ряжско-моршанской желѣзной дорогѣ. Какъ сейчасъ помню, со станціи Верда я вошелъ въ вагонъ 3-го класса въ сопровожденіи кучера, несшаго мой несложный багажъ, и сталъ искать себѣ мѣсто. Это былъ вагонъ для некурящихъ и, какъ мнѣ сначала показалось, биткомъ набитый пассажирами. Дойдя до противоположной отъ входа двери, я въ нерѣшительности остановился, кучеръ мой послѣдовалъ моему примѣру, и оба мы какъ-то растерянно начали озираться по сторонамъ. Что было дѣлать? Пройти въ слѣдующій вагонъ? Я только что подумалъ объ этомъ, какъ вдругъ раздался третій звонокъ...

— Охъ, ты, Господи!—вырвалось у кучера испуганное восклицаніе, и онъ навѣрное побросалъ бы мои вещи на полъ, если бы въ это время не послышался около насъ чей-то мягкій, словно бархатный баритонъ:

— Пожалуйста сюда, молодой человѣкъ,—тутъ есть какъ разъ одно свободное мѣсто для васъ.

Я съ благодарностью взглянулъ на говорившаго и поспѣшилъ занять указанное имъ мѣсто, а онъ, между тѣмъ, принялся хлопотать надъ размѣщеніемъ моего багажа.

— Ты, милый, чемоданчикъ-то сюда поставь, на верхъ,—говорилъ онъ моему кучеру:—вотъ такъ! А кулечекъ можно на полъ, подъ ноги,—такъ, такъ, отлично.

Я усѣлся у окна, какъ разъ *vis à vis* съ любезно устроившимъ меня пассажиромъ, который оказался пожилымъ господиномъ, лѣтъ около 50-ти на видъ, съ чрезвычайно пріятнымъ лицомъ, обрамленнымъ густою, окладистою, каштановой съ просѣдью бородою. Одѣтъ онъ былъ очень просто, даже бѣдно: коричневое, сильно поношенное пальто, кожаная сумка черезъ плечо, сѣрая войлочная шапка, высокіе валеные сапоги составляли почти весь его незатѣшливый костюмъ. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ бѣлокурый, голубоглазый молодой человѣкъ въ теплой охотничьей венгеркѣ, а напротивъ этого послѣдняго, слѣдовательно, бокъ-о-бокъ со мною, такъ какъ скамейки были двумѣстныя, помѣщался какой-то мальчикъ лѣтъ восьми или девяти, какъ потомъ оказалось, племянникъ пожилого господина.

Оба сидѣвшіе противъ меня пассажира вели между собою разговоръ на нѣмецкомъ языкѣ. Невольно прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, я узналъ, что голубоглазый молодой человѣкъ былъ остзейскимъ нѣмцемъ и управлялъ имѣніемъ одного богатаго русскаго князя, а пожилой господинъ былъ тульскимъ помѣщикомъ, очень любившимъ сельское хозяйство и вообще деревню.

— Городекая жизнь приноситъ людямъ одинъ только вредъ,—сказалъ онъ, между прочимъ, своему собесѣднику.—Она калѣчитъ людей физически и нравственно, особенно столичная жизнь: нашему доброму мужичку-пахарю достаточно одну зиму проработать въ Москвѣ на фабрикѣ, какъ онъ становится неузнаваемъ, на немъ точно клеймо какое-то, которое потомъ не стирается на всю его жизнь. На моихъ глазахъ было много такихъ примѣровъ, думаю, что и вамъ, какъ деревенскому жителю, приходилось ихъ наблюдать?

Нѣмецъ утвердительно кивалъ головой и говорилъ: «so!».

— Интеллигенцію еще болѣе калѣчитъ городская жизнь,—продолжалъ пожилой господинъ.—Нашъ средній городской интеллигентъ—существо безличное, жалкое; мысли у него блѣдныя, чувства вялыя, потому что онъ и думать и чувствовать привыкъ по трафарету.

А попробуйте его перенести въ здоровую деревенскую атмосферу, онъ тотчасъ же воспринетъ духомъ, онъ оживетъ, какъ древесный листъ послѣ перваго обильнаго весенняго дождя.

Нѣмецъ все киваль головой, улыбался и говорилъ: «so!». Возможно, что онъ даже не вникалъ въ смыслъ рѣчи собесѣдника, говорившаго по-нѣмецки, какъ на своемъ родномъ языкѣ, а слѣдилъ только за ея формой, удивляясь, какъ это русскій можетъ такъ плавно и красиво говорить по-нѣмецки.

— Только живя въ деревнѣ, можно оцѣнить жизнь, этотъ прекрасный Божій даръ,—продолжалъ пожилой господинъ, — потому, что, живя въ деревнѣ, чувствуешь, что сливаешься съ природой... Вы любите природу?

Нѣмецъ отвѣчалъ, что онъ любитъ иногда наслаждаться картинами природы на охотѣ, и что ему нравится главнымъ образомъ, лѣсъ, а созерцаніе полей и луговъ не доставляетъ ему особеннаго удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ вы не любите природы,—замѣтилъ ему пожилой господинъ и съ мягкой улыбкой упрекнулъ его:—а еще сельскій хозяинъ!

И постѣ небольшой паузы продолжалъ:

— Вы, конечно, никогда сами не пахали и не косили!

— Нѣтъ!

— Напрасно! Если бы вы почаще принимали участіе въ разныхъ полевыхъ работахъ, вы чувствовали бы себя ближе къ природѣ и больше любили бы ее...

Я съ большимъ любопытствомъ разглядывалъ пожилого господина, и мнѣ начинало казаться, что я гдѣ-то встрѣчалъ его. Положительно мнѣ былъ знакомъ и этотъ лобъ съ глубокими впадинами на вискахъ, и крупный, слегка раздвоенный на концѣ носъ, и характерная складка между густыми темными бровями, слегка нависшими на глаза, и наконецъ, эти самые глаза, небольшіе, синіе, но удивительно глубокіе и пронизательные.

Пока я разглядывалъ его и припоминалъ, гдѣ могъ съ нимъ встрѣчаться, онъ вдругъ остановилъ на мнѣ долгій, пристальный взглядъ. Я никогда не забуду этого взгляда: казалось, что онъ насквозь пронизывалъ меня и читалъ рѣшительно все, что я таилъ въ глубинѣ души. Я смутился и невольно опустилъ глаза. Пожилой господинъ улынулся и ласково спросилъ:

— Вы, молодой человѣкъ, въ которомъ классѣ?

— Въ пятомъ!

— Ого! Значитъ, уже знакомы съ древними классиками? Читали Цицерона, Саллюстія... до Тита Ливія еще не добрались?

— Нѣтъ, это въ шестомъ классѣ читаютъ.

— А съ «Метаморфозами» Овидія тоже еще не знакомы?

— Нѣтъ, мы ихъ будемъ читать только теперь, во второмъ полугодіи.

— Такъ, такъ... Ну, а по-гречески что? До Гомера тоже еще и дошли?

— Гомера начинаютъ въ седьмомъ классѣ, — замѣтилъ я, чувствуя себя все развязнѣе и развязнѣе, — а насъ пока еще пичкаютъ Ксенофонтонъ, какъ дѣтей манной кашкою, мы до Гомера-то, говорятъ, еще не доросли!

— Это не правильно, — замѣтилъ пожилой господинъ, — Гомеръ такъ гениально простъ, что онъ одинаково доступенъ пониманію, какъ безусаго юноши, такъ и убѣленнаго сѣдиною старца, и я нахожу, что Одисею, напримѣръ, слѣдовало бы читать гораздо раньше, хотя бы наиболѣе легкія мѣста этой дивной поэмы... Впрочемъ, что же можно ожидать отъ нашего гимназическаго преподаванія, когда оно въ рукахъ чеховъ? Вѣдь только они и преподаютъ древніе языки, не правда ли?

Я отвѣчалъ утвердительно и назвалъ двѣ-три чешскихъ фамиліи знакомыхъ мнѣ учителей.

— Ужасно безтолковые люди! — отозвался мой собесѣдникъ. — Въмѣсто того, чтобы знакомить съ литературой, читать побольше авторовъ, они налегаютъ на грамматическія упражненія и душатъ ех-temporali'ями, убивая въ юныхъ сердцахъ всякую охоту къ серьезному изученію древнихъ языковъ...

Въ это время мы уже подъѣзжали въ Ряжску, изъ окна со-всѣмъ близко виднѣлась станція. Пожилой господинъ всталъ и, простившись со своимъ сосѣдомъ-нѣмцемъ, неожиданно обратился ко мнѣ со слѣдующими словами:

— У меня къ вамъ, молодой человекъ, большая просьба: вотъ этотъ мальчикъ (онъ указалъ на моего маленькаго сосѣда) — мой племянникъ, онъ такъ же, какъ и вы, ѣдетъ въ Москву, и я усердно прошу васъ взять его подъ свое покровительство въ дальнѣйшемъ пути. Могу я надѣяться?

Я, разумѣется, поспѣшилъ дать свое согласіе, а пожилой господинъ, крѣпко пожавъ мою руку, сказалъ:

— Большое вамъ спасибо. Можетъ быть, еще встрѣтимся когданибудь... Моя фамилія — Толстой. Позвольте узнать вашу.

Я назвалъ себя, но — самъ не знаю почему — безъ титула. Толстой еще разъ пожалъ мою руку, поцѣловалъ племянника, ласково кивнулъ головой нѣмцу и торопливой походкой вышелъ изъ вагона.

А я стоялъ на мѣстѣ, какъ ошеломленный, и смотрѣлъ ему вслѣдъ, не будучи въ силахъ вымолвить ни одного слова.

«Толстой, Толстой... — мысленно произносилъ я съ какимъ-то внутреннимъ трепетомъ, почти съ ужасомъ. — Неужели онъ? Онъ — знаменитый писатель, котораго я такъ полюбилъ, едва только познакомился съ его произведеніями? Ну, да, конечно, онъ самый... Оттого онъ и показался мнѣ знакомымъ, что я неоднократно видѣлъ его портретъ!»

И, чтобы окончательно разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ, я спросилъ мальчика:

— Какъ вашего дядюшку зовутъ? Левъ Николаевичъ?

— Левъ Николаевичъ!—отвѣтилъ тотъ совершенно спокойнымъ, дѣтски звенящимъ голосомъ, между тѣмъ какъ у меня въ это время происходила въ душѣ цѣлая буря. Я заметался, засуетился и не зналъ, что мнѣ дѣлать, какъ поправить «ошибку». Мысль, что я говорилъ сейчасъ съ авторомъ недавно прочитанныхъ мною романовъ «Война и миръ» и «Анна Каренина», которые произвели на меня такое огромное, потрясающее впечатлѣніе, которыми я до самозабвенія увлекался и бредилъ ими по ночамъ, произнося изъ нихъ цѣлыя тирады, что я столько времени просидѣлъ съ этимъ человѣкомъ, не подозревая, что это онъ, Левъ Николаевичъ Толстой,—эта мысль не давала мнѣ покоя, и я чуть не плакалъ отъ досады. Мнѣ страстно хотѣлось увидѣть его еще разъ, сказать ему что нибудь пріятное, пожать его руку, и, не помня себя, я вдругъ бросился на вокзалъ, пытаюсь отыскать Льва Николаевича въ толпѣ пассажировъ. О счастье! Я сразу замѣтилъ его крѣпкую, коренастую фигуру, стоявшую около буфета; повидимому, онъ только что собирался закусить. Я стремительно подошелъ къ нему и волнуящимся голосомъ, краснѣя и заикаясь, пролепеталъ что-то въ родѣ слѣдующаго:

— Извините, пожалуйста... Вы вѣдь графъ Толстой, Левъ Николаевичъ?

— Да,—съ улыбкой отвѣчалъ знаменитый писатель, словно обдавая меня тепломъ своего добраго, ласкающаго взгляда.

— Я читалъ ваши произведенія, почти всѣ... Я не могу, не умѣю выразить словами восторга, который я... испыталъ, когда читалъ... Позвольте еще разъ пожать вашу руку и поблагодарить за то удовольствіе, которое... за то счастье, которое...

Левъ Николаевичъ не далъ мнѣ докончить мою неуклюжую рѣчь и, подавъ мнѣ руку, поспѣшилъ спросить:

— Скажите, а вы князь Щетининъ?

— Да!

— Мы съ вами, кажется, въ нѣкоторомъ родствѣ состоимъ... По крайней мѣрѣ, въ числѣ нашихъ фамильныхъ портретовъ имѣется какая-то княжна Щетинина, вѣроятно, одна изъ вашихъ двоюродныхъ или троюродныхъ прабабушекъ...

Все время, пока говорилъ Левъ Николаевичъ, добрая улыбка не сходила съ его лица, и онъ крѣпко держалъ мою руку въ своей, наконецъ, пожалъ ее мнѣ въ послѣдній разъ, и мы разстались...

Когда я вернулся въ вагонъ, довольный тѣмъ, что исправилъ свою «ошибку», страшно счастливый, сіяющій, съ радостно возбужденнымъ лицомъ, и увидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ бѣлокураго

нѣмца, мнѣ ужасно захотѣлось подѣлиться съ нимъ впечатлѣніями, и я сказалъ:

— Знаете, кто этотъ господинъ, который съ нами сидѣлъ сейчасъ?—Это нашъ знаменитый писатель графъ Толстой!

— Неужели?—удивился нѣмецъ и простодушно замѣтилъ:—не можетъ быть, чтобы графъ Толстой былъ такъ бѣдно одѣтъ и ѣхалъ въ 3-мъ классѣ... Всѣ графы и князья—богатые... А, можетъ быть, онъ очень скупой, этотъ графъ?

Я не сталъ больше говорить и съ презрѣніемъ отвернулся отъ него. Мнѣ смѣшонъ и жалокъ былъ этотъ нѣмецъ, который, повидимому, даже и не подозрѣвалъ о существованіи писателя Толстого и интересовался только его графскимъ титуломъ.

Прошло лѣтъ восемь. Я былъ студентомъ-юристомъ, кажется послѣдняго курса и наряду съ очень многими изъ своихъ товарищей страстно увлекался религіозно-правственнымъ ученіемъ Льва Толстого, который достигъ въ то время едва ли не самой вершины своей славы. Литографированныя произведенія его расходились по всему свѣту въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, его имя гремѣло всюду и у всѣхъ было на устахъ. Когда появилась знаменитая «Исповѣдь», а потомъ «Въ чемъ моя вѣра?»—въ нашемъ обществѣ произошелъ небывалый переполохъ, всѣ, какъ громомъ, были поражены новымъ и мощнымъ словомъ правды; стремительный потокъ вдохновенныхъ мыслей гениальнаго писателя, казалось, готовъ былъ смыть и разрушить все, что попадалось ему на пути,—всѣ вѣковѣчные устои нашей общественной жизни, всѣ наши понятія и вѣрованія. Мы, студенты, зачитывались Толстымъ до одуренія, комментировали его на разные лады, писали о немъ многочисленные рефераты. Увлечение знаменитымъ писателемъ росло не по днямъ, а по часамъ. Мало-по-малу началось паломничество въ «Хамовники» и въ «Ясную Поляну», куда стекались, какъ извѣстно, не только русскіе, но и иностранцы. Предпринялъ паломничество и я. Попросту говоря, въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ я твердой и рѣшительной поступью направился въ «Хамовники» и сталъ разыскивать домъ Льва Николаевича. Нашелъ я его безъ всякаго труда, съ такою же легкостью проникъ въ него, потому что двери дома Толстого никогда не запирались: онѣ буквально открыты были для всѣхъ прохожихъ (не знаю, какъ теперь, но тогда это было положительно такъ), и велѣлъ доложить о себѣ сидѣвшему въ обширномъ вестибюлѣ стараго барскаго дома сонному лакею.

Минуты черезъ двѣ лакей вернулся и попросилъ меня въ приемную. Съ сильно бьющимся отъ волненія сердцемъ я присѣлъ на стулъ гдѣ-то въ уголкѣ, нервно потирая холодныя, влажныя ладони

одну объ другую и мысленно повторяя давно уже заготовленную фразу.

Толстой не заставилъ себя долго ждать. Двери приѣмной распахнулись, и хорошо знакомая мнѣ коренастая фигура, одѣтая лишь въ рабочую блузу, шла мнѣ навстрѣчу. Мнѣ показалось даже, что Толстой мало измѣнился за восемь лѣтъ, только борода у него какъ будто стала длиннѣе, и сѣдина въ ней увеличилась, да брови какъ-то еще болѣе нависли на глаза. А глаза все такіе же—добрые, ясные, глубокіе.

Я поклонился ему и, назвавъ себя, началъ съ напомниманія о нашемъ давнишнемъ желѣзнодорожномъ знакомствѣ.

— Какъ же! Помню, помню,—сказалъ Левъ Николаевичъ.—Но васъ и не узнаешь теперь, такъ измѣнились... Прошу садиться!

Мы сѣли рядомъ, и тотчасъ же потекла живая бесѣда, касавшаяся, главнымъ образомъ, послѣднихъ философскихъ произведеній Льва Николаевича. Больше всего мы говорили о непротивленіи злу и о любви къ ближнимъ.

— Вотъ вы сомнѣваетесь въ томъ, что можно любить всѣхъ ближнихъ безъ изъятія,—сказалъ, между прочимъ, Левъ Николаевичъ,—а я повторяю вамъ, что да, именно можно. Любовь это тотъ фонтъ, безъ котораго невысказимо представить себѣ картину человѣческаго счастья на землѣ. А что такая любовь свойственна именно человѣческой природѣ, вы можете видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Представьте, что васъ лишаютъ на очень долгое время общества людей, ну, посадятъ, что ли, въ одиночное заключеніе, а когда выпустятъ на свободу, то первый человѣкъ, котораго вы встрѣтите, будетъ, положимъ, безобразный, отталкивающаго вида нищій, одѣтый въ вонючіе, грязные лохмотья. Что же? Вы думаете, что вы посторонитесь отъ него съ брезгливой гримасой, что вы оттолкнете его отъ себя? Нѣтъ, вы съ радостью броситесь къ нему въ объятія... Это значитъ, что любовь къ человѣку такъ глубоко и сильно заложена въ вашей природѣ, что она способна проявить себя даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ...

Толстой долго еще говорилъ на тему о любви къ ближнимъ, и я все слушалъ его, лишь изрѣдка вставляя свои замѣчанія. Наконецъ, мнѣ показалось, что онъ почувствовалъ утомленіе, и я поспѣшилъ встать.

— Вы на какомъ факультетѣ?—спросилъ онъ меня, тоже поднимаясь съ мѣста.

— На юридическомъ!

— Ну, слава Богу! А я уже думалъ, что вы естественникъ или, еще того хуже, медикъ... Не жалую я этихъ вашихъ естественныхъ наукъ, онѣ вѣдь только вредъ приносятъ, возвращаютъ душу...

Прощаясь съ Л. Н., я просилъ его дать мнѣ прочесть новую, только что отлитографированную тогда брошюру его «Такъ что жъ намъ дѣлать?» Онъ тотчасъ же любезно отыскалъ мнѣ единственный, оставшійся у него на рукахъ, экземпляръ этой брошюры и, отдавая его мнѣ, сказалъ:

— Пожалуйста, только верните черезъ недѣлю!

Я обѣщаль даже раньше вернуть брошюру, страшно обрадовавшись, что буду имѣть случай еще разъ побывать у Л. Н., еще разъ посмотрѣть на него, послушать его живую, увлекательную рѣчь...

Судьба, однако, распорядилась иначе: Левъ Николаевичъ заболѣлъ, и, такъ какъ назначенный мнѣ для прочтенія брошюры недѣльный срокъ прошелъ, я, скрѣпя сердце, вынужденъ былъ ее отдать лакею, сообщившему мнѣ грустное извѣстіе...

Съ тѣхъ поръ мнѣ ни разу не пришлось увидѣть Льва Николаевича.

Князь Б. А. Щетининъ.

„СКВЕРНАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА“.

(Изъ воспоминаній).

ВНАМЕНИТЫЙ сатирикъ главныя функціи полиціи опредѣлилъ словами «тащить» и «не пущать». Онъ разумѣлъ какъ низшіе, такъ и всѣ органы вообще, вѣдающіе «предупрежденія и пресѣченія» всякаго рода противозаконныхъ дѣяній. Извѣстно, что отправленіе этихъ функцій нерѣдко связано съ роковыми случайностями, ошибками и недоразумѣніями, и хотя обыватель, становясь невольною жертвою послѣднихъ, послѣ нежелательнаго знакомства съ всевозможными «кутузками» и иными подобными имъ прелестями, и получаетъ въ концѣ концовъ реабилитацію своей невинности, но это иногда стоитъ ему не одной *mauvais quart d'heure*, какъ говорятъ французы. Я намѣренъ передать здѣсь одинъ подобный случай изъ довольно отдаленнаго уже прошлаго, живо сохранившійся въ моей памяти.

Вскорѣ послѣ покушенія Каракозова на жизнь императора Александра II, въ Михайловскомъ манежѣ, въ Петербургѣ, состоялся концертъ, организованный извѣстнымъ въ свое время любителемъ-музыкантомъ Кологривовымъ. Это былъ по-истинѣ концертъ-монстръ. Въ немъ участвовали чуть ли не тысяча музыкантовъ и громадный пѣвческій хоръ. Обширное зданіе манежа было буквально переполнено публикою. Послѣ исполненія всѣхъ номеровъ программы, послѣднимъ изъ которыхъ, какъ мнѣ помнится, была извѣстная «Арагонская хота» Глинки, началось хоровое исполненіе кантаты, содержаніе которой составляли стихи Ап. Майкова, только что написанные имъ по случаю избавленія царя отъ грозившей опасно-

сти. Вначалѣ часть публики, обнаживъ головы, поднялась со своихъ мѣстъ и слушала стоя; другая же, болѣе значительная часть оставалась сидѣть. Мое мѣсто находилось въ одномъ изъ болѣе близкихъ рядовъ къ эстрадѣ; рядомъ со мною, крайнее отъ прохода мѣсто занималъ какой-то весьма солидный и приличной наружности господинъ. Слѣдуя примѣру поднявшихся, я на первыхъ порахъ тоже всталъ и снялъ шляпу; моему примѣру послѣдовалъ и сосѣдъ. Вообще же въ публикѣ произошло какое-то замѣшательство: нѣкоторые вставали и опять садились, другіе же продолжали стоять. Въ это время какой-то мужчина, обращаясь къ бывшей съ нимъ дамѣ, сказалъ, что, такъ какъ исполняется не народный гимнъ, то нѣтъ и необходимости стоять. Эти слова показались мнѣ основательными, и я опять сѣлъ на свое мѣсто. Затѣмъ послѣдовало исполненіе народнаго гимна, и, само собою разумѣется, вся публика поднялась съ своихъ мѣстъ и обнажила головы. Послѣ повторенія гимна началось движеніе къ выходамъ.

Въ то самое время, когда я хотѣлъ отойти отъ своего мѣста, подошелъ какой-то субъектъ весьма невзрачной наружности и въ неказистомъ костюмѣ и, обратившись къ намъ, то-есть ко мнѣ и къ моему сосѣду, тихо произнесъ: «Идите со мною». Затѣмъ, пропустивъ насъ впередъ, таинственный незнакомецъ послѣдовалъ за нами. Въ виду страшной тѣсноты, подвигаться къ выходу пришлось крайне медленно. Не мало прошло времени, прежде чѣмъ намъ удалось добраться до выхода изъ манежа на площадь. Незнакомецъ слѣдовалъ за нами по пятамъ. По выходѣ изъ манежа, онъ обратился къ стоявшему тутъ съ группою полицейскихъ чиновъ полицеймейстеру и, указавъ на насъ, сказалъ: «Эти господа сидѣли во время исполненія гимна».

По знаку полицеймейстера подошли два городовыхъ, которые получили лаконическое приказаніе: «Отвести». На мой вопросъ о причинѣ ареста полицеймейстеръ не безъ ироніи отвѣтилъ: «Тамъ разберутъ».

Такимъ образомъ мы, въ сопровожденіи двухъ бравыхъ стражей, отправились по обширной площади въ направленіи къ Малой Садовой улицѣ, въ полицейскій участокъ, находившійся въ домѣ рядомъ съ министерствомъ юстиціи и, какъ я позже узналъ, назначенный въ день концерта въ Михайловскомъ манежѣ для разбора всякаго рода инцидентовъ, могущихъ тамъ произойти. Былъ уже 4-й часъ пополудни; погода была ясная, вполне весенняя; площадь была запружена народомъ. Прогулка среди этой громадной толпы, подъ конвоемъ полицейскихъ стражей, само собою разумѣется, не могла намъ казаться особенно пріятною. Многіе съ любопытствомъ слѣдили за нами глазами, принимая насъ по меньшей мѣрѣ за карманниковъ.

По доставленіи въ участокъ, стражи сдали насъ дежурному полицейскому офицеру, который предложилъ намъ обождать пріѣзда частнаго пристава, прибавивъ, что тотъ долженъ прибыть въ скоромъ времени. Мнѣ казалось неудобнымъ, въ виду присутствія офицера, вступить въ бесѣду со своимъ компаніономъ, почему мы и расположились въ разныхъ углахъ въ ожиданіи рѣшенія своей участи. Не болѣе, какъ по прошествіи получаса, полицейскій служитель объявилъ о пріѣздѣ пристава. Въ комнату вошелъ пожилой, довольно полный мужчина въ полицейской формѣ, съ добродушно-лукавымъ выраженіемъ глазъ. Окинувъ насъ быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, онъ вопросительно взглянулъ на офицера. Послѣдній въ короткихъ словахъ доложилъ о причинѣ нашего ареста. Тогда приставъ попросилъ насъ объявить наши фамиліи и званіе, а также подробно объяснить, по какому именно поводу мы арестованы. Исполнивъ это требованіе, я прибавилъ, что меня крайне удивляетъ, почему только насъ двоихъ постигла подобная участь, тогда какъ добрая половина присутствовавшей въ манежѣ публики слушала исполненіе кантаты, содержаніе которой, вѣроятно, многимъ было совершенно неизвѣстно, также сидя и съ закрытыми головами. На это приставъ, пожавъ плечами, отвѣтилъ:

— Все это такъ, но въ настоящее время публика, по извѣстной вамъ причинѣ, такъ чутко и нервно настроена, что требуется крайняя осторожность. Вамъ въ особенности слѣдовало принять это во вниманіе, какъ лицу, состоящему на службѣ и, слѣдственно, рискующему по всякому, даже незначительному поводу, навлечь на себя неприятели, могущія повліять на вашу служебную карьеру.

Затѣмъ приставъ обратился къ моему товарищу по аресту, предложивъ ему такіе же вопросы. Однако, тотъ затруднился отвѣтомъ, объяснивъ, что русскаго языка онъ почти вовсе не понимаетъ, но можетъ объясниться по-нѣмецки. Поэтому мнѣ пришлось принять на себя роль переводчика. Оказалось, что дней десять тому назадъ онъ прибылъ изъ Варшавы по своимъ торговымъ дѣламъ (это былъ крупный торговецъ шелковыми товарами) и не далѣе, какъ на слѣдующій день, располагалъ уѣхать обратно, гдѣ его ожидаютъ не терпяція отлагательства дѣла. Далѣе онъ объяснилъ, что, ничего не понимая изъ того, что было исполнено хоромъ въ манежѣ, подражательно слѣдовалъ за поведеніемъ публики, то-есть вставалъ и снова садился вмѣстѣ съ послѣднею. Повидимому, здѣсь являлась полная невмѣняемость, но, тѣмъ не менѣе, на лицѣ пристава отразилась тѣнь сомнѣнія. Однако, дальнѣйшіе разспросы сгладили это впечатлѣніе, и достойный стражъ общественной тишины и спокойствія предался на нѣсколько минутъ размышленію. Затѣмъ онъ написалъ на клочкѣ бумаги нѣсколько строкъ и, подавая полицейскому офицеру, сказалъ:

— Здѣсь моя лошадь; возьмите ее и тотчасъ же отправляйтесь къ его превосходительству ¹⁾); доложите объ арестѣ этихъ господъ и обязательно объясните, что во время исполненія народнаго гимна они стояли съ непокрытыми головами, исполненіе же стиховъ Майкова происходило публично сегодня въ первый разъ, а потому многіе изъ публики не могли знать ихъ содержанія. Отвѣтъ доставьте немедленно.

По уходѣ посланнаго мы снова погрузились въ молчаніе, а приставъ принялся за просмотръ какихъ-то бумагъ, время отъ времени прохаживаясь по комнатѣ. Вполнѣ сознавая свою невинность, я, тѣмъ не менѣе, чувствовалъ себя очень не по себѣ. Кто знаетъ, думалось мнѣ, какой послѣдуетъ отвѣтъ? Вѣдь въ такое страшно тревожное время всего можно опасаться. Могутъ взглянуть на это дѣло совершенно съ особой точки зрѣнія. Почему-то мнѣ даже вдругъ припомнились забытые уже мною стихи:

Влѣпять въ наказаніе
Тамъ ударовъ со ста:
Будешь помнить зданіе
У Цѣннаго моста!..

А ежели арестъ, размышлялъ я далѣе, будетъ имѣть послѣдствіемъ домашній обыскъ? Последнее обстоятельство меня въ особенности смущало. Въ моемъ книжномъ шкапу хранилась изрядная пачка «Колокола», «Съ того берега», «Былое и думы» и другихъ сочиненій Герцена, которыя я все собирался возвратить владѣльцу, но за недосугомъ не успѣлъ этого исполнить. Было тамъ и еще кое-что изъ подвергшагося цензорскому ostrакизму. Кромѣ того, тамъ же находилась изрядная коллекція фотографическихъ карточекъ и въ числѣ ихъ портреты Лангевича, Пустовойтовой и другихъ дѣятелей послѣдняго польскаго возстанія, пріобрѣтенные мною случайно вмѣстѣ съ другими фотографіями. Меня удручала также мысль, что мое продолжительное отсутствіе можетъ причинить безпокойство моимъ домашнимъ. Какъ бы то ни было, мы понуро сидѣли на своихъ мѣстахъ, предаваясь размышленіямъ и чутко прислушиваясь къ малѣйшему шуму шаговъ въ сосѣдней комнатѣ. Откуда-то доносились до насъ причитанія пьяной бабы, подобранной на улицѣ и водворенной въ полицейскомъ участкѣ для вытрезвленія. Такъ прошло около часа времени, какъ вдругъ послышались быстрые шаги, и въ комнату вошелъ посланный. Мы насторожили вниманіе.

— Его превосходительство,—сказалъ вошедшій,—приказалъ освободить арестованныхъ въ томъ случаѣ, если подтвердится, что они дѣйствительно тѣ лица, какими себя именуютъ.

¹⁾ О. О. Трепову, бывшему въ то время петербургскимъ градоначальникомъ.

— Ну, вотъ, — обратился къ намъ приставъ, — все обошлось благополучно. Каждому изъ васъ я дамъ проводника, и такъ какъ, само собою разумѣется, дѣло окончится къ взаимному нашему удовольствію, то и позвольте пожелать вамъ всякаго благополучія.

Онъ дружески пожалъ намъ на прощанье руку, и мы вышли изъ участка въ сопровожденіи двухъ полицейскихъ офицеровъ и направились въ разныя стороны. Я предложилъ своему проводнику отправиться на извозчикѣ, но онъ сначала вѣжливо уклонялся отъ этого предложенія, говоря, что мнѣ можетъ казаться неудобнымъ поѣздка съ полицейскимъ, и что онъ можетъ ѣхать отдѣльно. На мое возраженіе, что развѣ онъ не можетъ быть въ числѣ моихъ знакомыхъ, онъ наконецъ согласился, и мы отправились. Дорогою я узналъ отъ своего спутника, что фамилія частнаго пристава—Сахаровъ, и что это человѣкъ, заслуживающій полной симпатіи и уваженія. Въ мою квартиру мой проводникъ не вошелъ, но простился со мною на подъѣздѣ дома. Потомъ дворникъ сообщилъ мнѣ, что меня спрашивалъ какой-то полицейскій офицеръ, и что на предложеніе проводить его въ мою квартиру онъ отозвался, что заѣдетъ въ другой разъ.

Такъ окончилась эта въ сущности совершенно пустая исторія, возбужденная не въ мѣру рьянымъ низшимъ полицейскимъ агентомъ, и окончилась именно такимъ образомъ, только благодаря присутствію пониманія вещей въ томъ органѣ полицейской власти, отъ личнаго усмотрѣнія котораго зависѣло направить дѣло въ ту или иную сторону. Рьяный послѣдователь принципа «тащить» во что бы то ни стало могъ взглянуть на дѣло со своей особой точки зрѣнія, и результатъ его личнаго усмотрѣнія могъ бы получить далеко не желательную окраску. Весьма возможно допустить, что въ описанномъ мною инцидентѣ могъ бы послѣдовать домашній обыскъ, и хотя дѣло и не приняло бы серіознаго оборота, но все-таки послѣдствія могли бы дать себя знать для меня, какъ состоящаго на государственной службѣ лица, для моего же компаніона весьма существеннымъ матеріальнымъ ущербомъ, такъ какъ домашній или иной арестъ и производство дознанія стоило бы намъ еще многихъ «скверныхъ четвертей часа».

Д. К—ховъ.

ДНЕВНИКЪ ЦАРЕДВОРЦА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I¹⁾.

ДНИМЪ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ императору Павлу I былъ Ѳедоръ Васильевичъ Растопчинъ. Уже приказомъ при паролѣ отъ 7 ноября 1796 г. онъ назначенъ «адъютантомъ при его императорскомъ величествѣ Павлѣ Петровичѣ», а на слѣдующій день пожалованъ въ генераль-майоры; при этомъ Растопчину было повелѣно «править военною коллегіею»: «знай,—сказалъ ему императоръ,— что я назначаю тебя генераль-адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять по дворцу съ тростью, а для того, чтобы ты правилъ военною коллегіею». Къ графу Воронцову Растопчинъ писалъ 11 февраля 1797 г.: «я не исполняю болѣе должности генераль-адъютанта, но завѣдую всей военной частью, отправляю приказанія государя, его письма и получаю всѣ донесенія; у меня много дѣла, но я молю Бога, чтобы Онъ мнѣ далъ только здоровья исполнять свои обязанности въ угоду моего государя; я ложусь въ 10 часовъ, встаю въ 6; весь день занятъ». Однако, вскорѣ послѣдовала непродолжительная немилость императора къ Растопчину: послѣдній былъ уволенъ со службы 4 марта 1798 г. Приказомъ же отъ 24 августа Растопчинъ былъ снова зачисленъ на службу, съ чиномъ генераль-лейтенанта, а затѣмъ, приказомъ отъ 25 октября 1798 г. переименованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Объ этихъ своихъ сужебныхъ перемѣнахъ Растопчинъ сообщалъ и графу Воронцову; въ письмѣ отъ 20 сен-

¹⁾ Собственноручный дневникъ Ѳ. В. Растопчина высочайшихъ словесныхъ повелѣній; Государственный архивъ, р. X, д. № 498.

тября 1798 г. онъ писалъ: «вы очень удивитесь, что я здѣсь; едва успѣлъ я пріѣхать къ себѣ въ деревню, какъ на четвертый день получаю отъ государя письмо, въ которомъ онъ выражаетъ желаніе имѣть меня при себѣ; я назначенъ генераль-лейтенантомъ и начальникомъ военнаго департамента, или, вѣрнѣе, военнымъ министромъ государя»; въ письмѣ же отъ 2 ноября 1798 г. онъ извѣщалъ: «я дѣйствительный тайный совѣтникъ, третій членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и мнѣ порученъ дипломатическій портфель при особѣ государя». Съ октября мѣсяца 1798 г. Растопчинъ пользуется большимъ значеніемъ въ мнѣніи Павла и сохраняетъ его расположеніе до февраля мѣсяца 1801 г. За этотъ промежутокъ времени Растопчинъ удостоивается возведенія въ графское достоинство и полученія многихъ наградъ, включая и орденъ Іоанна Іерусалимскаго.

Предыдущее конспективное изложеніе дастъ достаточно данныхъ къ заключенію о томъ, какой громаднѣйшій историческій интересъ представляетъ веденный собственноручно Растопчинымъ «журналъ словесныхъ приказаній, государемъ императоромъ мнѣ данныхъ». Дневникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ тетрадей; записи ведутся съ 18 октября 1798 г. по 15 февраля 1801 года.

Повелѣнія, записанныя въ этомъ журналѣ, весьма разнообразны и касаются и придворнаго быта, и всѣхъ сторонъ государственной жизни.

Изъ числа частныхъ распоряженій обращаютъ на себя вниманіе: «сказать камергеру графу Орлову, чтобы шелъ въ отставку» (24 ноября 1798 г.); «сказать графу Строганову, чтобы жена его была учтивѣй» (28 ноября 1798 г.); «показать императрицѣ, какъ должны въ день свадьбы быть одѣты великія княгини» (13 сентября 1799 г.); «Валуеву, чтобы прежде, чѣмъ проситься въ отставку, подумалъ два раза» (10 января 1800 г.); «Панину сказать, чтобы меньше говорилъ съ министрами, и что онъ не что иное, какъ инструментъ» (20 февраля 1800 г.); «графу Ржевускому, что для него законъ передѣланъ не будетъ» (22 декабря 1800 г.); «Гримму написать, чтобъ не вралъ, а единственно писалъ по дѣламъ» (3 ноября 1798 г.); «Нарышкину, чтобъ свѣтильники были толще у свѣчей» (7 ноября 1798 г.); «Гримму, присланное отъ него прошеніе возвратитъ, написавъ, что оно должно быть единственно къ государю, а не вмѣстѣ съ императрицею» (19 ноября 1798 г.); «барону Лефорту отказать, сказавъ, что долженъ быть доволенъ тѣмъ, что получилъ» (12 сентября 1800 г.); «графу Панину сдѣлать выговоръ за то, что объявилъ Розенкранцу о неурожаѣ хлѣба въ Россіи» (16 октября 1800 г.); «отобрать у фельдмаршала графа Мусина-Пушкина имѣніе невѣстки его, приставить опекуновъ, снесясь съ нею» (19 мая 1800 г.); «Клюцфелю, дурно сдѣлалъ, что такъ часто ходилъ къ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ» (17

іюня 1800 г.); «къ полковнику князю Горчакову, чтобъ унять отъ писанья принца Конде» (3 ноября 1798 г.). При всемъ разнообразіи приведенныхъ распоряженій, выбранныхъ наудачу, нельзя не подмѣтить въ нихъ одной общей черты—стремленіе къ полному сохраненію законности и пренебреженіе обычаемъ изыятія и исключенія. Всѣ равны передъ закономъ, которые не могутъ быть измѣняемы сообразно желанію какого либо частнаго лица,—вотъ основной мотивъ, Leitmotif, приведенныхъ повелѣній. Одинъ государь—самодержецъ; всѣ же его служащіе, даже наиболѣе приближенные, только «инструменты». Но нельзя отказать въ суровости и мелочности повелѣній, что вообще было присуще Павловскому времени. Особенное вниманіе было обращено на порядокъ и форму письменныхъ сношеній: прошенію, поданному совмѣстно государю и государынѣ, не было дано хода¹⁾.

Многочисленны также въ дневникѣ Растопчина записи о военныхъ распоряженіяхъ. Любопытна запись подъ 23 августа 1799 г. «отвѣчать графу Суворову, что государь тѣмъ болѣе радъ достоинству, отъ короля Сардинскаго ему данному, что чрезъ сіе онъ и государю дѣлается нѣкоимъ образомъ роднею; фельдмаршалу князю Италійскому отдавать военныя почести съ преклоненіемъ знаменъ, съ салютаціею и барабаннымъ боемъ», словомъ царскія почести; это повелѣніе находится въ соотвѣтствіи именно съ выраженіемъ Павла I о «нѣкоимъ образомъ» родствѣ Суворова съ государемъ. Подъ 5 мая 1799 г. записано: «отправить всѣ депеши и рескрипты къ фельдмаршалу графу Суворову съ сыномъ его», коему повелѣно, какъ значится въ записи отъ 13 мая 1799 года, «писать журналъ всему происходящему»; здѣсь говорится о поѣздкѣ къ фельдмаршалу Суворову его сына, только что пожалованнаго изъ камергеровъ въ генералъ-адъютанты. Вообще Павелъ I относился весьма сочувственно къ альпійскому походу. Своему сыну, Константину Павловичу, удостоенному званія цесаревича, императоръ коротко, но образно писалъ: «герой, пріѣзжай назадъ, но не черезъ Вѣну, вкуси съ нами плоды дѣлъ своихъ» (запись 28 октября 1799 г.). Передаются въ записяхъ Растопчина и детальныя военныя распоряженія: «исключенному изъ лейбъ-гренадерскаго полку офицеру графу Болгару (?), изъ уваженія къ родственнику его, епископу Евгенію, дать абшидъ» (13 ноября 1798 г.); «полковника Штриха принять опять въ службу, съ отдаченіемъ ему старшинства, Г. Ливену» (25 декабря 1799 г.); «Г. Суворову, фран-

¹⁾ Нельзя не припомнить по этому поводу извѣстныхъ распоряженій Павла I о запрещеніи коллективной подписи на бумагахъ, сношеній въ военномъ дѣлѣ, производствѣ рапортами или даже употребленія самого слова «канцелярія». (Генералъ-аудитору князю Салагову дѣлается выговоръ за упоминаніе въ произведенномъ имъ кригсрехтѣ слова «канцелярія», коего не существуетъ; выс. пр. 20 ноября 1800 г.).

цускихъ генераловъ, когда попадутъ въ полонъ, присылать сюда» (11 іюня 1799 г.); «генераль-адъютанту графу Толстому, отправляющемуся къ арміи на Рейнъ, въ качествѣ министра при главнокомандующемъ (en qualité du ministre auprès du chef), приготовить инструкціи, дать одного секретаря изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для сношенія шифрованнымъ письмомъ и фельдъегерей» (15 февраля 1799 г.). Почетная роль, выпавшая на долю графа Толстого и обусловленная особымъ къ нему довѣріемъ государя, была имъ выполняема исправно, и подъ 3 мая 1799 г. имѣется помѣтка: «г. Толстому, государь доволенъ его донесеніемъ». Запись же 7 ноября 1798 г.—«Г. Л. Кологривову, что у него въ полку офицеры играютъ въ карты, между прочими князь Волконскій, и что государь взыщетъ на шефѣ»—служить отголоскомъ тѣхъ безчисленныхъ военныхъ приказовъ Павла I, въ коихъ верховный вождь русской арміи каралъ отступленія отъ закона.

По записямъ же дневника можно составить точное представленіе о томъ большомъ значеніи, которое Павелъ I придавалъ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго и своему званію гротмейстера этого ордена. Подъ 29 ноября 1798 г. читаемъ: «если придетъ извѣстіе, что баварскій языкъ не признаетъ государя гротмейстеромъ ордена, то Тункело велѣтъ ѣхать изъ Мюнхена, не откланиваясь, а Рейхлину—отсюда»; слѣдовательно, въ случаѣ непризнанія Павла I гротмейстеромъ, допускалась возможность разрыва дипломатическихъ сношеній. Нѣкоторыя записи удостовѣряютъ особыя льготы для кавалеровъ ордена: «кавалеровъ мальтійскихъ изъять изъ запрещенія жить отставнымъ въ Петербургѣ» (15 октября 1799 г.). Любопытна запись подъ 20 ноября 1799 года: «Г. Кушелеву, въ Балтійскомъ и Черномъ морѣ чтобы былъ флотъ подъ флагомъ ордена Святаго Іоанна Іерусалимскаго, и командиры суденъ чтобы были кавалеры онаго». Наконецъ запись подъ 19 мая 1800 года: «Г. Тизенгаузену, сочиненную Лабзинимъ исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго печатать на счетъ кабинета»,—удостовѣряетъ, что такого содержанія книги признавались въ то время наиболѣе желательными.

Ө. В. Растопчинъ стоялъ во главѣ почтоваго вѣдомства. Этимъ обстоятельствомъ объясняется появленіе въ его дневникѣ записей, имѣющихъ тѣсное соприкосновеніе съ почтовою дѣятельностью: «извозчикамъ позволить наняться везти вещи, принадлежащія принцу Мекленбургскому» (25 ноября 1799 г.); «пенсіоны, получаемые изъ почтоваго правленія, подтвердить» (11 октября 1799 г.); «за спасеніе казны во время пожара въ Кременчугѣ произвести почтмейстера Лукашевича въ коллежскіе ассесоры» (29 августа 1800 г.); «заявить, чтобы курьеры и почталіоны верхами по набережнымъ и тротуарамъ не ѣздили» (28 марта 1800 г.); «г. прокурору, лошадей по 130 поставить на каждой станціи отъ Бреста до С.-Петербур-

бурга» (18 сентября 1799 г.); арестовать купца Минина «за отправленіе писемъ въ посылкахъ» (11 ноября 1800 г.).

Не проходятъ молчаніемъ записи дневника и цензурныхъ распоряженій, и распоряженій по перехватыванію писемъ. Въ дневникѣ читаемъ, между прочимъ: «сжечь письмо отъ Нелидовой къ императрицѣ» (3 декабря 1798 г.); «вмѣсто того, чтобъ выскабливать газеты, если что случится непристойнаго, то останавливать весь № этой почты» (25 июня 1800 г.); «позволить впускать берлинскія газеты» (25 сентября 1800 г.).

Изъ боязни пріѣзда въ Россію неблагонамѣренныхъ иностранцевъ также принимались соотвѣтствующія мѣры. Подъ 13 мая 1800 г. въ дневникѣ записано: «Государь императоръ соизволилъ указать, чтобы ваше превосходительство, когда пріѣдетъ изъ Любека въ Кронштадтъ актеръ Вернель, то, обобравъ имѣющія быть у него бумаги, доставили немедленно ко мнѣ, а его оставили въ Кронштадтѣ за присмотромъ, до повелѣнія, Г. М. Уколову». «По секрету» были посланы приказанія къ рижскимъ губернатору и коменданту, а также и къ нарвскому коменданту о томъ, «чтобъ, коль скоро ѣдущіе изъ Любека французы Мазо и Маргини прибдутъ, то вы, забравъ всѣ ихъ бумаги и обыскавъ, нѣтъ ли спрятанныхъ въ потаенныхъ ящикахъ или въ платьѣ, доставьте, запечатавъ, все ко мнѣ, а ихъ держите до приказанія не подъ карауломъ, а подъ присмотромъ» (23 апрѣля 1799 г.). О томъ же Мазо имѣется еще запись подъ 4 октября 1799 г.: «послать воротить Мазо и привезти его прямо сюда, для развѣданія о поѣздкѣ его въ Парижъ».

Нерѣдки въ записяхъ дневника указанія на церемоніалы придворныхъ торжествъ. Въ записяхъ подъ 18 и 23 октября 1799 г. означена подробная инструкція приѣма Кобенцеля; «по примѣру маркиза Боты быть аудіенціи послу графу Кобенцелю; государь изволитъ быть въ мундирѣ; императрица въ робѣ; учредить камеру ожиданія; на рѣчь отвѣчать дѣйствительному тайному совѣтнику Растопчину; комиссаромъ быть у полка г. Палену; если рѣчь будетъ посла на нѣмецкомъ языкѣ, то отвѣчать по-русски, а если на французскомъ, то на томъ же; шляпу при наименованіи императора Римскаго посолъ надѣтъ можетъ, что и государь учинитъ, а прочее время аудіенціи послу быть безъ шляпы; великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ отвѣчать самой; къ трону придѣлать мѣсто, гдѣ бы стоялъ всей фамиліи; на рѣчи пословъ отвѣчать мнѣ, начавъ говорить по окончаніи рѣчи его императрицѣ; регалии не выносить». Записью 31 декабря 1798 г. установленъ порядокъ участія придворныхъ дамъ въ церемоніяхъ: «дамамъ въ церемоніяхъ, въ коихъ кавалеры бывають въ орденскихъ платьяхъ, итти за ихъ императорскими высочествами, по двѣ въ рядъ, одна Екатерининскаго ордена, другая св. Іоанна Іерусалимскаго, считаясь старшинствомъ

каждая по своему ордену». Запись 30 ноября 1798 г. указывает на частность: «чтобъ въ церемоніи не класть подушку подъ корону на томъ столѣ, который ставится для регалій».

Изъ записей же можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ участи въ государственной и общественной жизни чиновъ государственной свиты. О командировкѣ на Рейнъ графа Толстого уже было сообщено выше. Прочія записи передаютъ другія подробности. Подъ 3 декабря 1798 года приведенъ весь текстъ письма Наполеону, при чемъ на поляхъ записано: «послано съ флигель-адъютантомъ Кретовымъ». Въ записи отъ 11 декабря 1798 года изложено: «если эрцгерцогъ Палатинскій приѣдетъ сюда подъ своимъ именемъ, то ему послать навстрѣчу генераль-адъютанта графа Толстого, по приѣздѣ же отвести для житья Мраморный дворецъ и дать приличную услугу; принцу же Мекленбургскому навстрѣчу послать флигель-адъютанта Кретова и отвести для житья Таврической дворецъ; свиданьямъ быть за обѣденнымъ столомъ и по вечерамъ». Запись отъ 12 января 1799 года снова подтверждаетъ посылку графа Толстого навстрѣчу герцогу Палатинскому «expedier le général-adjutant comte de Tolstoy à Brest à la rencontre de l'archiduc Palatin»; запись же отъ 13 января содержитъ подробную инструкцію графу Толстому. «приѣхавъ въ Брестъ, имѣете тамъ дожидаться его свѣтлости; по приѣздѣ его явитесь къ нему и объявите, кто вы и что вы присланы для препровожденія его въ Петербургъ; въ проѣздъ чрезъ Митаву сдѣлайте такъ, чтобъ эрцгерцогъ не видался съ королемъ французскимъ; почести во время ѣзды не отдавать, понеже онъ ѣдетъ инкогнито; по прибытіи его въ Брестъ отправьте съ симъ извѣстіемъ нарочную эстафету, увѣдомя, кто съ нимъ ѣдетъ, сколько повозокъ и пр.; вторую эстафету пошлите изъ Риги, для увѣдомленія, какъ до сего города ѣхали и когда располагается ѣхать въ Петербургъ; за нѣсколько часовъ до приѣзда въ Петербургъ отправьте фельдъегеря извѣстить о томъ времени, когда приѣдете, и, оставя эрцгерцога въ домѣ посла Кобенцеля, гдѣ онъ жить соизволитъ, сами явитесь къ государю, для донесенія; письма, какія эрцгерцогъ и свита его отправлять будутъ въ С.-Петербургъ, присылайте ко мнѣ для доставленія; дорогою старайтесь внушить принцу самому, что на всѣ вещи, свиданія и приѣзды онъ будетъ имѣть особенныя приказанія отъ государя, а съ его стороны ожидать будутъ согласія и послушности». Если принять во вниманіе, что командированіе чиновъ свиты для встрѣчи иностранныхъ августѣйшихъ особъ, прибывающихъ въ Россію, имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, то инструкція графу Толстому, какъ первая изъ извѣстныхъ доселѣ, заслуживаетъ особаго о ней упоминанія. Какъ видно, это была миссія не только чисто-придворнаго характера: графу Толстому надлежало тактично и умѣло устранить возможность свиданія герцога съ французскимъ королемъ. Въ отношеніи

къ вопросу о командировкахъ флигель-адъютантовъ, слѣдуетъ упомянуть еще о записи отъ 4 мая 1799 года: «съ объявленіемъ о заговорѣ послать флигель-адъютанта Кретова въ Лудвигъ-Лустъ».

Особенно многочисленны и разнообразны въ дневникѣ записи, касающіяся вышнихъ сношеній Россіи. Здѣсь прежде всего необходимо привести текстъ письма императора Павла къ турецкому султану, помѣщенный подъ 24 августа 1800 г.: «Прошу ваше величество пожаловать принять отъ меня посланную при семь шубу въ знакъ дружбы моей къ вамъ; если бы зналъ, чѣмъ инымъ угодить вамъ, не преминулъ бы оное учинить, а сіе прошу принять, какъ рѣдкую вещь земли моей; дружба и доброе согласіе между нами столь мнѣ дороги, что не могу воспретить себѣ, отступя отъ формы, изъяснить вамъ то, что возбуждаютъ во мнѣ особенныя качества ваши, прося васъ быть увѣренному, что я всегда пребуду вашего величества вѣрнымъ другомъ и союзникомъ, Павелъ». Нельзя отказать въ особомъ миролюбіи этого письма. Желаніе поддерживать добрыя отношенія явствуетъ и изъ другихъ записей: «справиться, христіане ли князьки сибирскіе, коимъ положены донаты; тѣмъ, кои христіане, дать оное, а прочимъ лицамъ на черной лентѣ» (25 августа 1800 г.); «Державину, справиться, какой есть лучший докторъ въ медицинской коллегіи, для отправления къ царю грузинскому, давъ ему положеніе, сдѣланное на консиліумѣ», т.-е. ознакомивъ его съ заключеніемъ консиліума (29 ноября 1800 г.); «написать къ вице-адмиралу Ушакову, чтобъ онъ послалъ одного изъ штабъ-офицеровъ, подъ командою его состоящихъ, въ Черныя Горы, для изъясненія монаршаго благоволенія митрополиту и народу тамошнему» (24 декабря 1798 г.); «Г. Кочубею, написать къ графу Гудовичу, чтобъ пропустить оленей, купленныхъ для Римскаго императора» (9 сентября 1799 г.); «Канцлеру, что государю угоденъ пріѣздъ сюда эрцгерцога Палатинскаго, и что онъ предоставляетъ расположеніе вѣнскому двору и самому принцу» (29 октября 1798 г.).

Но желаніе сохраненія дружбы съ иностранными дворами, желаніе, вполне искреннее и чистосердечное, не мѣшало императору Павлу быть настойчивымъ въ своихъ требованіяхъ, разъ дѣло касалось чести и достоинства Россіи. Подъ 18 октября 1798 г. записано въ дневникѣ Растопчина: «Канцлеру, дать при случаѣ почувствовать датскаго двора послу, что государь императоръ есть голова фамиліи Голштинской». Въ другихъ записяхъ читаемъ; «королю французскому на письмо его отказать сухо» (26 октября 1798 г.); «королю французскому, внушить, чтобъ ѣхалъ изъ Митавы» (25 декабря 1800 г.); английскому министерству «отвѣчать, что государь не намѣренъ давать отчета въ своихъ дѣлахъ» (7 мая 1800 г.); «К. Витворту, что государь въ поведеніи своемъ никому и ни въ чемъ отчету не даетъ» (18 мая 1800 г.); «коль скоро будетъ сдѣлано

Австрією съ Францією какое ни на есть постановленіе объ островѣ Мальтѣ, то обнародовать декларацію, что вслѣдъ сего государь занимаетъ Галицію» (2 сентября 1800 г.); «когда придетъ официальная нота о требованіяхъ двора вѣнскаго, то отвѣчать, что сіе есть галиматія и бредни» (15 ноября 1799 г.). Любопытны четыре слѣдующія одна за другой записи относительно посла Кобенцеля: «доколь не будетъ дана сатисфакція по дѣлу Анконскому, то сношенія съ вѣнскимъ дворомъ возстановлены не будутъ» (2 марта 1800 г.); «стафетъ позволить отправить» (4 марта); «письма возвратить, объявля, что до окончаніи Анконскаго дѣла сношенія съ вѣнскимъ дворомъ будутъ прерваны, г. Панину посла Кобенцеля къ себѣ не принимать» (18 марта); «когда г. Кобенцель будетъ отозванъ, то позволить ему ѣхать безъ аудіенціи» (15 марта).

Встрѣчаются еще и другія записи, относящіяся къ дѣятельности по внѣшнимъ сношеніямъ: «миссіи ненужныя уничтожить» (20 ноября 1798 г.); «замѣтить посланнику графу Мусину-Пушкину, что у государя въ службѣ генераль-поручиковъ нѣтъ, а есть генераль-лейтенанты» (27 августа 1799 г.); «императрицѣ показать депешу барона Криднера о принцѣ Людвигѣ Виртембергскомъ и сказать, что фельдмаршаломъ государь въ свою службу его не приметъ» (22 марта 1800 г.); «канцлеру, государь, недоволенъ будучи посломъ Разумовскимъ, намѣренъ, оставя его жить въ Вѣнѣ, послать туда на мѣсто его другого, и чтобъ сіе назначеніе, сдѣланное вашею свѣтлостію, представлено было его императорскому величеству» (24 октября 1798 г.); «если Хотинской захочетъ ѣхать въ Парижъ, то его отправить министромъ, сдѣлавъ камергеромъ» (27 декабря 1800 г.).

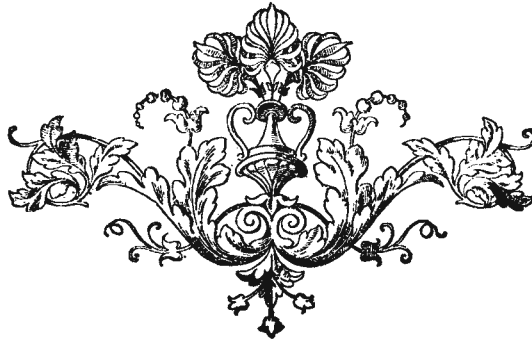
Остается сказать два слова о нѣкоторыхъ остальныхъ записяхъ, обращающихъ на себя вниманіе и наглядно рисующихъ дѣятельность императора.

«Письма, приходящія изъ-за границы, прокалывать и окурить» (3 декабря 1800 г.), — запись, находящаяся въ соотвѣтствіи съ другой: «взять предосторожности въ разсужденіе моровой язвы, во Франціи оказавшейся» (7 февраля 1800 г.). «Женамъ и дѣтямъ убитыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ производить ихъ пансіоны, женамъ — по смерти, а дѣтямъ — до совершеннаго возраста» (25 августа 1799 г.), — запись, разъясняющая послѣдующей: «пансіоны производить единственно женамъ и дѣтямъ убитыхъ на войнѣ» (24 апрѣля 1800 г.); «справясь, точно ли убитъ въ Швейцаріи майоръ П. (?), послать матери его 100 черв.» (14 ноября 1800 г.); «изъ доходовъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго учредить домъ воспитанія» (15 сентября 1800 г.); четыре послѣднія записи касаются дѣятельности императора Павла, какъ благотворителя. Не забыть даже архивный вопросъ, фигурирующий въ видѣ двухъ записей: «перестроить въ Москвѣ сарай для архива съ жильемъ для команды

въ 5585 р. 10 к.» (23 марта 1800 г.) и «о продажѣ изъ Московской библіотеки двойныхъ книгъ» (23 марта 1800 г.).

Такимъ образомъ, дневникъ Растопчина, весьма ярко, хотя и эпизодически, рисующій дѣятельность императора Павла, сохраняетъ драгоцѣнныя черты этого короткаго царствованія, про которое, однако, словами поэта можно сказать: «какъ мало прожито, какъ много пережито!»

М. К. Соколовскій.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ СУВОРОВА.

НАМЪ КАЖЕТСЯ, въ жизни такого великаго человѣка, какимъ былъ Суворовъ, всякая мелочь, всякій на первый взглядъ, казалось бы, ничтожный фактъ представляетъ интересъ и можетъ помочь уясненію его характера, очертить его взгляды, выяснитъ нравственный уровень, отношенія къ окружающимъ и проч.

Года три назадъ частью изъ архивныхъ источниковъ, частью по запискамъ и разговорамъ старожиловъ сообщили мы (въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1900 года, V, 518—524) нѣкоторыя свѣдѣнія о его житьѣ-бытьѣ въ Астрахани. Нынѣ случайно удалось намъ отыскать въ хранящихся въ Саратовской ученой архивной комиссіи бумагахъ небезызвѣстнаго провинціального писателя А. Ф. Леопольдова, современника Пушкина ¹⁾, двѣ новыя записи о фельдмаршалѣ, ихъ коихъ первая относится къ 1771 году, другая—къ 1773 году.

Несомнѣнно, рассказанные въ нихъ случаи имѣютъ значеніе для жизнеописанія, а особенно для характеристики Суворова.

¹⁾ За стихотвореніе Пушкина «Андрей Шенье» онъ и пострадалъ. Въ то время стихи эти не были разрѣшены цензурой въ полномъ ихъ объемѣ и ходили по рукамъ въ рукописи. Имѣлъ ихъ у себя и Леопольдовъ, написавъ на нихъ «На 14-е декабря 1825 г.», за что былъ схваченъ, отданъ подъ судъ и едва выкрутился. Такъ какъ дѣло это представляетъ большой интересъ, и къ тому же о Леопольдовѣ еще мало въ печати біографическихъ свѣдѣній, то мы намѣрены, если удосужимся, сообщить и эти данныя, по его автобіографіи, хранящейся въ той же комиссіи.

I.

Дневной расходъ Суворова на столъ.

Какъ извѣстно, Суворовъ не терпѣлъ роскоши, даже былъ врагъ ея. Въ военное время онъ довольствовался часто солдатской пищей: ѣлъ вмѣстѣ съ солдатами подмоченные сухари и кашницу, приговаривая: «помилуй Богъ, какъ хорошо». Въ бумагахъ адъютанта его, Степана Григорьевича Долгово-Сабурова (жившаго потомъ въ Саратовѣ), найдены два дневныхъ расхода полководца, сдѣланные въ Краковѣ 21-го и 22-го іюля 1771 года. Первый счетъ гласить:

21-го числа:

Говядины 15 фунтовъ на	—	р. 45	коп.
Хрѣну, луку, петрушки и салату на . .	—	» 4 ¹ / ₂	»
Хлѣба на	—	» 22 ¹ / ₂	»
Булокъ къ столу и на кухню на . .	—	» 3	»
Масла коровьяго на	—	» 8	»
Уксусу на	—	» 5	»
Пшеничной муки на	—	» 6	»
Вина французскаго бутылка на . . .	—	» 22 ¹ / ₂	»
Водки простой полубутылка на . . .	—	» 18 ¹ / ₂	»
Соли на	—	» 2	»

А всего 1 рубль 37¹/₂ коп.

Въ слѣдующій день Суворовскій обѣдъ былъ роскошнѣе: издержано 1 рубль 77 коп., потому что говядины вышло 25 фунтовъ, двѣ пары цыплятъ и четверть теленка, не считая вина и кофе, за которыя заплачено 4 рубля 14 коп. Должно быть, обѣдъ устраивался для приглашенныхъ гостей.

Такъ не прихотливъ и экономенъ былъ великій Суворовъ!

II.

Суворовское назиданіе.

Въ одномъ благородномъ домѣ, въ Саратовѣ,—разсказываетъ Леопольдовъ,—до 1850-хъ годовъ хранился оловянный «истый» портретъ фельдмаршала, съ надписью вокругъ него: «Графъ Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій, генералъ-аншефъ». Портретъ находился въ рамкѣ, за стекломъ, и вклеенъ въ бумагу.

На оборотѣ его за подписомъ надворнаго совѣтника, вышеноказаннаго Сабурова (съ датой: «писано въ Царицынѣ въ ноябрѣ 1802 года»), сдѣлана приписка;

«Высокоименитый начальникъ и непобѣдимый полководецъ, генералиссимусъ, князь Итальянскій, графъ (вѣчно достойный памяти) Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій оное душевно сіяющее изреченіе и милостивое руконачертаніе писалъ въ Москвѣ 1773 года, въ началѣ декабря мѣсяца».

«Писалъ онъ еще ко мнѣ,—продолжаетъ далѣе Сабуровъ,— по слѣдующему случаю. Александръ Васильевичъ въ первую турецкую войну изъ-за Дуная отѣхалъ къ родителю своему, генераль-аншефу Василию Ивановичу Суворову, въ Москву, гдѣ и женился на дочери генераль-аншефа, князя Ивана Андреевича Прозоровскаго, княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ. Я имѣлъ счастье быть у великаго Суворова въ штабѣ адъютантомъ и поѣхалъ за нимъ, по его велѣнію, съ его обозомъ въ Россію. По пріѣздѣ моемъ на границу, подъ Кіевъ, я, по должности моей, рапортовалъ ему въ Москву и въ рапортѣ вложилъ мое письмо къ находящемуся при немъ офицеру. Въ письмѣ этомъ я помѣстилъ много шутивлаго и непристойнаго. Мой благотворительный начальникъ и отецъ Александръ Васильевичъ всегда ко мнѣ былъ благосклоненъ и остерегалъ меня въ поведеніи. Открывъ рапортъ и увидя письмо съ написанными въ немъ непристойностями, онъ возвратилъ мнѣ его при собственноручномъ письмѣ:

«Степанъ Григорьевичъ! Богъ тебя проститъ! у кого ты этому учился? Буде перенимаешь у Гр. Ал. ¹⁾, то и онъ своимъ непостоянствомъ благоденствіе свое портитъ. А будь благочестивъ, добродѣтеленъ, твердъ, великодушенъ и праводушенъ, чистосердеченъ, терпѣливъ, непоколебимъ. Время все очищаетъ. Съ вертопрахомъ не знайся. Нашъ Спаситель тебя будетъ миловать. А Суворовъ».

«Это письмо такъ подѣйствовало на меня,—говоритъ въ заключеніе Долгово-Сабуровъ,—что я исправился отъ всякихъ глупостей, и въ память совершившейся со мною перемѣны съ удовольствіемъ положилъ принять и сберечь руконачертаніе его во вся дни моей жизни и для потомства моего».

Сообщ. П. Л. Юдинъ.

¹⁾ Должно быть, Григорія Александровича Потемкина.

СООРУЖЕНІЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ ВЪ 1782 ГОДУ.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II пожелала воздвигнуть памятникъ своему великому предшественнику и «изустно повелѣла во славу блаженныя памяти государя императора Петра Великаго монументъ поставить на площади между Невой рѣкой, адмиралтействомъ и домомъ, гдѣ присутствуетъ правительствующій сенатъ, чему и центръ мѣста на планѣ назначить соизволила» ¹⁾.

Высшее наблюденіе надъ постройкой было ввѣрено директору канцеляріи строенія домовъ и садовъ Ивану Ивановичу Бецкому, а завѣдываніе денежными суммами возложено на канцелярію строенія ²⁾.

Мѣсто, на которомъ предполагалось воздвигнуть монументъ, было загромождено различными постройками и сараями вѣдомства адмиралтейской коллегіи и Исакіевской церкви, и канцелярія отъ строеній потребовала отъ нихъ, чтобы все, принадлежащее имъ здѣсь, было снесено, и мѣсто очищено, такъ какъ уже начали строить литейный амбаръ и бить сваи, на которыя былъ положенъ подъ «гору» (пьедесталь) фундаментъ. Сначала предполагалось составить «гору» изъ нѣсколькихъ каменныхъ глыбъ, и крестьяне Гребневъ и Демшинъ по контракту ³⁾, заключенному въ канцеля-

¹⁾ Полное собраніе свода законовъ Россійской имперіи, т. XVIII, ст. 13.115 и дѣло № 9, 1768 г., стр. 1 и 4.

²⁾ Дѣло № 18, 1814 г., стр. 6.

³⁾ Дѣло № 8, 1768—1778 гг., стр. 39 и 40.

риі отъ строеній, доставили къ мѣсту сооруженія 13 барокъ съ гранитнымъ грузомъ ⁴⁾, который, однако, былъ забракованъ. Пока шли переговоры о новой поставкѣ камня, крестьянинъ Семень Вишняковъ нашелъ на Лахтѣ цѣльную гранитную глыбу, которая была привезена въ Петербургъ и употреблена въ качествѣ пьедестала къ монументу. Вишняковъ былъ награжденъ за это 100 рублями ⁵⁾.

Въ это же время при посредствѣ русскаго министра-резидента во Франціи князя Голицына былъ заключенъ контрактъ со скульпторомъ Фальконетомъ ⁶⁾, профессоромъ Парижской академіи художествъ, который за 200 тысячъ ливровъ ⁷⁾ обязался пріѣхать въ Россію, сдѣлать модель памятника и возвести его въ теченіе 8 лѣтъ ⁸⁾. Въ 1767 году, когда модель была уже готова, Фальконетъ началъ работу съ мастеромъ Мартеліемъ, но въ слѣдующемъ уже году Мартелій былъ замѣненъ пушечнаго дѣла мастеромъ Хайловымъ; спустя два года, когда работа была доведена почти до формированія статуи, Фальконетъ заявилъ, что Хайловъ для него не годится, и что ему нуженъ человѣкъ, съ которымъ онъ могъ бы объясняться по-французски, и указалъ при этомъ на жившаго во Франціи литейщика Эрсмана. До пріѣзда послѣдняго въ теченіе двухъ лѣтъ работа не производилась. Эрсманъ, которому было обѣщано за отливку статуи 140 тысячъ ливровъ, привезъ съ собою трехъ мастеровъ и сейчасъ же приступилъ къ работѣ. Онъ составилъ землю для формы, сдѣлалъ весь вощатый монументъ, поставилъ «на удивленіе всѣмъ» плавильныя печи, и когда все почти было готово, въ 1774 году неожиданно былъ уволенъ по настоянію Фальконета, объявившаго его неспособнымъ къ дѣлу ⁹⁾. У Фальконета, повидимому, были свои корыстныя цѣли уволить Эрсмана, такъ какъ онъ оставилъ при себѣ одного изъ его мастеровъ, предполагая, вѣроятно, при его помощи отлить статую, но расчетъ оказался невѣрнымъ: мастеръ, какъ послѣ выяснилось, самостоятельно работать не могъ, и Фальконетъ вынужденъ былъ снова обратиться къ Хайлову ¹⁰⁾. Приступили, наконецъ, къ отливкѣ монумента ¹¹⁾. Все, сдѣланное Эрсманомъ, удалось вполне, небольшое же, взятое на себя Фальконетомъ, испортило всю отливку ¹²⁾. По причинѣ слабости формы и бассейна, сдѣланныхъ Фальконетомъ

⁴⁾ Дѣло № 8, 1768—1778 гг., стр. 88.

⁵⁾ Дѣло № 7, 1767—1769 гг., стр. 64.

⁶⁾ Дѣло № 5, 1766—1778 гг., стр. 1.

⁷⁾ По курсу 1 ливръ равнялся 22 копейкамъ.

⁸⁾ Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., 328 стр.

⁹⁾ Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 332 и 333. За работу ему выдано лишь 60.000 ливровъ.

¹⁰⁾ Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 329.

¹¹⁾ Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 329.

¹²⁾ Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 334.

послѣ отъѣзда Эрсмана, желаемой выливки не послѣдовало ¹³): форма лопалась, получились благодаря этому на фигурѣ наросты, которые приходилось срѣзать и обрубать ¹⁴). Сдѣлали новую форму и снова вылили, но опять неудачно; тогда стали исправлять статую, какъ она вышла: въ однихъ мѣстахъ доливали, въ другихъ отпиливали и обрубали, и такъ тянулось дѣло два года ¹⁵). Для этой работы былъ выписанъ мастеръ, французъ Сандоць, за 20 тысячъ рублей, который въ 1778 году привелъ монументъ въ надлежащій видъ, соответствующій модели ¹⁶).

Несмотря на указанныя неудачи и непроизводительный расходъ суммъ, Фальконетъ просилъ контору строенія выдать ему 80 тысячъ ливровъ, которыя получилъ бы Эрманъ, если бы онъ остался у работъ до конца, такъ какъ все, недоконченное Эрманомъ, онъ, Фальконетъ, взялъ на себя и привелъ къ концу, но контора не допустила этого «прихотливаго присвоенія литейницкой платы» ¹⁷).

18-го мая 1778 года Фальконетъ доложилъ, что статуя отлита ¹⁸), и 7-го сентября того же года уѣхалъ во Францію, не доведя до конца дѣла. Осталось сдѣлать пьедесталь для монумента, поднять, поставить и укрѣпить послѣдній и обнести «вокругъ рѣшеткой съ прочими къ тому пристойными украшеніями».

Все это, по порученію Бецкаго, исполнилъ уже Фельтенъ, продолжавшій работу послѣ отъѣзда Фальконета и получавшій за это по 100 рублей прибавки къ мѣсячному жалованью ¹⁹).

Что касается ограды памятника, то вначалѣ предполагалось окружить его пушками, связанными между собой цѣпями ²⁰), но императрица почему-то передумала и приказала вмѣсто пушекъ обнести памятникъ желѣзной рѣшеткой.

Архитекторъ Фельтенъ сообщилъ высочайшую волю конторѣ строенія 2-го апрѣля 1780 года, а эта черезъ публикаціи вызвала желающихъ взять на себя поставку дикаго морского камня и ковку рѣшетки. Крестьянинъ Образцовъ контрактомъ обязался поставить 24 штуки «панельнаго дикаго морского камня» ²¹) длиною каждый 4¹/₂ аршина, шириною и толщиною «по лекалу» (за каждый камень по 50 рублей) и 24 штуки «ступеннаго дикаго морского камня» длиною каждый 5 аршинъ, шириною 12 вершковъ и толщиною 3¹/₂ вершка.

Привезти этотъ камень съ Ладожскаго озера Образцовъ обязался къ концу августа 1780 года ²²).

¹³) Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 333.

¹⁴) Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 2.

¹⁵) Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 333.

¹⁶) Дѣло конторы строенія № 5, 1766—1778 гг., стр. 329.

¹⁷) Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 3.

¹⁸) Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 1.

¹⁹) Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 11 и 71.

²⁰) Пушками назывались каменные тумбы.

²¹) Дѣло конторы строенія № 15, 1780—1781 гг., стр. 7.

²²) Дѣло конторы строенія № 15, 1780—1781 гг., стр. 7.

Какъ выше сказано, раньше предполагалось окружить памятникъ 50²³⁾ каменными пушками съ цѣпями; впоследствии же, хотя и было рѣшено замѣнить пушки рѣшеткой, но 24 пушки все же были оставлены. Изъ каменныхъ плитъ былъ сдѣланъ вокругъ памятника овалъ, который нѣсколько возвыпался. На него вели ступени изъ «ступеннаго» камня. Весь памятникъ былъ обнесенъ рѣшеткой, которую началъ дѣлать крестьянинъ Вегнеръ (по 3 рубля 70 коп. за пудъ), но 30 апрѣля 1781 года онъ умеръ, и работу за него окончилъ Веберъ²⁴⁾.

Такимъ образомъ въ началѣ 1782 года памятникъ былъ окончательно готовъ и окруженъ рѣшеткой²⁵⁾, и 7-го августа 1782 года въ присутствіи императрицы Екатерины II состоялось торжественное его открытіе²⁶⁾.

Стоимость сооруженія монумента исчислялась въ 480.000 рублей²⁷⁾.

7-го августа 1782 года, въ день открытія памятника, послѣдовалъ высочайшій манифестъ «о разныхъ милостяхъ, дарованныхъ преступникамъ, по случаю открытія монумента императору Петру I-му», которымъ слагались всѣ государственныя недоимки, прощались и отпускались на волю заключенные въ тюрьмахъ и каторжные, «кромѣ смертоубійць и такихъ, на конхъ поставлены знаки»²⁸⁾.

²³⁾ Дѣло конторы строенія № 15, 1780—1781 гг., стр. 12.

²⁴⁾ Дѣло конторы строенія № 15, 1780—1781 гг., стр. 14.

²⁵⁾ Въ императорской академіи художествъ хранится оригинальный рисунокъ Мельникова, изображающій открытіе памятника. На этомъ рисунокѣ памятникъ окруженъ рѣшеткой.

²⁶⁾ Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 21.

²⁷⁾ Дѣло конторы строенія № 14, 1778—1792 гг., стр. 16.

²⁸⁾ Полное собраніе законовъ Россійской имперіи съ 1649 года, т. XXI, 1781—1783 гг., ст. № 15.488.

КЪ ИСТОРИИ КРѢПОСТНИЧЕСТВА.

НАСКОЛЬКО назрѣла идея освобожденія крестьянъ за-долго до осуществленія самой реформы, ярко свидѣтельствуютъ многія страницы «Записокъ» А. О. Смирновой, принадлежавшей къ числу лицъ, наиболѣе приближенныхъ къ царственной семьѣ императора Николая I. Еще въ бытность свою великимъ княземъ, во время путешествія за границу, Николай Павловичъ, ознакомившись съ сочиненіями Адама Смита, сталъ непрестанно думать объ освобожденіи нашихъ крѣпостныхъ. Бесѣдуя съ А. С. Пушкинымъ о выдающихся событіяхъ русской исторіи, императоръ Николай порицалъ Годунова за крѣпостное право, совершенно бесполезное для успѣховъ земледѣлія, и оспаривалъ мнѣніе Карамзина о необходимости этой мѣры въ XVII вѣкѣ. Николай Павловичъ весьма сожалѣлъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ не уничтожилъ крѣпостной зависимости, и одобрялъ правителя Д. Трубецкого, который хотѣлъ совершить это. Петръ Великій, вѣроятно, не отмѣнилъ крѣпостного права потому, что оно существовало тогда въ Германіи, «откуда Петръ Великій позаимствовалъ много хорошаго и много дурного». Весьма знаменательно замѣчаніе государя, что «когда Петръ Великій совѣтовался съ Лейбницемъ, составлявшимъ табель о рангахъ, этотъ великій философъ ни однимъ словомъ не высказался противъ крѣпостного права». Императрица Екатерина II, которая совѣтовалась съ философомъ Дидро, написавшимъ проектъ конституціи, совершила крупную ошибку, закрѣпивъ крестьянъ въ Украинѣ. Выражая свое недовѣріе къ практическимъ совѣтамъ философовъ, государь завершилъ бесѣду мѣткимъ восклицаніемъ: «философы совѣтовали моеи бабкѣ освободить крестьянъ безъ надѣловъ,—это

безуміе!» Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ же «Записокъ» упоминается, что Николай Павловичъ «разгнѣвался ужасно», узнавъ, что отъ него хотѣли скрыть утонченную жестокость одного помѣщика и его управляющаго изъ выкупившихся крѣпостныхъ, когда возмущившіеся слуги убили обоихъ мучителей. А. О. Смирнова утверждаетъ, что государь, говоря объ этомъ преступленіи, сказалъ: «рабство безнравственно, оно отнимаетъ нравственное достоинство у мужика и чувство долга и любви къ ближнему у помѣщика. Какъ мнѣ ни пѣли о томъ, что оно было полезно съ экономической точки зрѣнія, это неправда; оно вбило въ насъ гвоздь, который сидитъ въ русской кожѣ и давитъ меня, какъ несправедливость, которую я лишь терплю». Еще опредѣленнѣе высказался императоръ Николай Павловичъ, рассказывая Смирновой, что онъ однажды гулялъ вечеромъ и проходилъ мимо Большого театра. Было очень холодно, кучера, поджидая господъ, грѣлись на площади у костровъ. Государь послушалъ ихъ разговоръ, о которомъ отозвался затѣмъ слѣдующимъ образомъ: «они мерзли и очень здраво разсуждали. Я нахожу жестокимъ держать ихъ цѣлый вечеръ, можно было бы отправлять ихъ домой между 8 и 12». Онъ прибавилъ: «только тогда буду я счастливъ, когда нашъ народъ освободится отъ крѣпостной зависимости». Въ другомъ случаѣ, говоря объ ужасающей нищетѣ въ большихъ англійскихъ городахъ и о видномъ политическомъ значеніи англійской аристократіи, императоръ Николай I сказалъ Смирновой: «еслибъ я не былъ императоромъ всероссійскимъ, я хотѣлъ бы родиться англійскимъ лордомъ; это прекрасное положеніе. Но я слишкомъ люблю родину, я все же предпочелъ бы быть русскимъ, даже русскимъ крестьяниномъ». Г-жа Смирнова взяла на себя смѣлость добавить: «только не крѣпостнымъ, государь, вы забываете эту подробность». Онъ улыбнулся и сказалъ: «нѣтъ, не крѣпостнымъ, но однодворцемъ».

Трудно, конечно, допустить, чтобы всѣ эти слова державнаго собесѣдника были приведены въ «Запискахъ» съ совершенною точностью, несмотря на рѣдкую память ихъ составительницы. Тѣмъ драгоцѣннѣе неоспоримыя документальныя доказательства истинно патріотическаго и глубоко-человѣчнаго отношенія императора Николая Павловича къ томившемуся въ крѣпостной зависимости народу. Такимъ именно характеромъ отличаются всѣ высочайшія повелѣнія по хранящемуся въ С.-Петербуржскомъ сенатскомъ архивѣ дѣлу объ убійствѣ крѣпостными слугами члена консультаціи министерства юстиціи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Алексѣя Оленина. Убіиство это было совершено въ ночь на 25 декабря 1854 г. Поутру въ полицейское управленіе Литейной части, въ которой проживалъ Оленинъ, было дано знать, что онъ обнаруженъ въ своемъ кабинетѣ убитымъ. Прибывшій тотчасъ же на мѣсто преступленія полицейскій врачъ нашелъ Оленина распро-

стертымъ на диванѣ, около котораго на полу лежалъ небольшой окровавленный топоръ. Топоромъ этимъ убійцы нанесли Оленину пять ранъ въ голову. Черепъ былъ раздробленъ; кромѣ того, на груди оказалось обширное синебагровое пятно. Поврежденія, обнаруженныя на головѣ Оленина, врачъ отнесъ къ числу безусловно смертельныхъ.

Въ то самое время, когда на дому убитаго производился медицинскій осмотръ, убійцы добровольно явились въ управление Литейной части. Это были крѣпостные крестьяне Оленина: Николай Плашкинъ и Прокофій Кошцовъ, объяснившіе, что къ совершенію убійства принудило ихъ нестерпимо жестокое обращеніе съ ними.

Императору Николаю Павловичу былъ немедленно представленъ докладъ объ этомъ преступленіи. Въ виду исключительныхъ условій, при которыхъ оно было совершено, государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ: «разсмотрѣть это дѣло немедленно и не въ очередь».

Уже 27 декабря того же года, вслѣдъ за первою краткою резолюціей, послѣдовало новое высочайшее повелѣніе объ учрежденіи для изслѣдованія подробностей убійства особой комиссіи при штабѣ корпуса жандармовъ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ назначенъ начальникъ I-го округа жандармскаго корпуса генералъ-лейтенантъ графъ Пукато; членами въ составъ ея вошли губернский штабъ-офицеръ жандармскаго корпуса, особый чиновникъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, чиновникъ отъ управленія С.-Петербургскаго военнаго губернатора и С.-Петербургскій совѣстный судья, камеръ-юнкеръ статскій совѣтникъ Татищевъ.

Направленіе, данное работамъ комиссіи высочайшею волею, вполнѣ соотвѣтствуетъ характеристикѣ, заключающейся въ «Запискахъ» Смирновой. Кромѣ разслѣдованія самого убійства Оленина, комиссіи повелѣно было выяснитъ самымъ тщательнымъ образомъ всѣ обстоятельства, вызвавшія проявленіе крѣпостного самосуда: 1) обстоятельства покушеній на жизнь Оленина, совершенныхъ его крестьянами еще въ 1852 г.; 2) фактъ нанесенія сыномъ его, Дмитріемъ Оленинымъ, побоевъ своимъ крестьянамъ на третій день послѣ убійства отца, и 3) причины, почему послѣ перваго покушенія не были отобраны отъ Оленина его крѣпостные люди.

На послѣдній пунктъ, повидимому, было обращено Николаемъ I особенное вниманіе, такъ какъ относительно его комиссіею было получено, сверхъ предыдущихъ, отдѣльное высочайшее повелѣніе: «обратить особое вниманіе: зачѣмъ люди оставлены въ распоряженіи Олениныхъ послѣ перваго дѣла, по которому тогда же слѣдовало людей отобрать».

Изслѣдуя непосредственныя причины убійства, комиссія обнаружила, что единственнымъ поводомъ къ совершенію его было

дурное обращеніе Оленина съ крѣпостными. Убійцы—камердинеръ Плашкинъ и писарь Копцовъ, оказались едва вышедшими изъ юношескаго возраста. Плашкину исполнилось за двадцать дней до убійства 17 лѣтъ, а Копцову, родившемся 1 іюля 1835 года, не было двадцати. О прежнемъ поведеніи обоихъ свидѣтели отозвались одобрительно; подъ судомъ прежде они не состояли.

Плашкинъ и Копцовъ, болѣе страдавшіе отъ жестокости Оленина, какъ лица, къ нему непосредственно приближенныя, рѣшились убить своего господина, зная по прежнимъ примѣрамъ, что ни побѣтъ, ни жалобы не улучшатъ ихъ участи. Допрошенные комиссією, они въ немногихъ словахъ возстановили всю картину убійства.

Вечеромъ 24-го декабря баринъ потребовалъ ихъ къ себѣ и продержалъ въ кабинетѣ до 4-хъ часовъ пополудни. Плашкинъ занимался чисткою платья, а Копцовъ и крестьянинъ Харинъ—письменными работами. Во время этихъ занятій Оленинъ безъ всякаго повода билъ ихъ по лицу руками, а по спинѣ и бокамъ — палкою изъ чернаго дерева. Когда Копцову отъ этихъ побоевъ сдѣлалось дурно, и онъ упалъ на полъ, Оленинъ приказалъ вынести его на дворъ, гдѣ его оттирали снѣгомъ. Приведенный въ чувство, Копцовъ былъ возвращенъ въ кабинетъ, гдѣ снова принялся за работу. Въ четыре часа утра Плашкинъ и Копцовъ были отпущены; передъ тѣмъ, какъ лечь спать, они долго разговаривали о безчеловѣчномъ обращеніи съ ними Оленина. Наконецъ, Плашкинъ сказалъ, «что барина надо лишить жизни, и тѣмъ избавиться отъ его угнетеній». Копцовъ согласился, и «оба улеглись спать», намѣреваясь совершить убійство поутру, когда все люди еще будутъ спать. Плашкинъ проснулся въ шестомъ часу утра и разбудилъ Копцова. Оба они вошли въ кабинетъ Оленина, гдѣ, по обыкновенію, всю ночь горѣла свѣча. Плашкинъ вынулъ изъ ящика съ различными инструментами топоръ и ударилъ Оленина разъ пять обухомъ по лбу и одинъ разъ въ грудь. Затѣмъ онъ бросилъ топоръ около дивана, на которомъ лежалъ Оленинъ, и вмѣстѣ съ Копцовымъ вышелъ изъ кабинета. Вскорѣ, однако, они вернулись въ кабинетъ и, удостовѣрившись, что Оленинъ умеръ, пошли заявить о совершенномъ ими убійствѣ въ полицію. Оба они показали, что убійство совершено ими безъ всякаго участія и безъ вѣдома прочихъ слугъ Оленина.

Большая часть крѣпостныхъ, служившихъ у Оленина, подтвердила, что баринъ обращался съ ними жестоко. Старосты его имѣній единогласно удостовѣрили, что, строгій и чрезмѣрно взыскательный, Оленинъ почти ежедневно билъ слугъ руками по лицу, а иногда и палкою. Староста Захаръ Чептаревъ показалъ, что Оленинъ за нѣсколько дней до смерти вырвалъ ему изъ бороды клочъ волосъ за то, что онъ несколько отвѣчалъ на вопросы объ отчет-

ности по имѣнію. Произведено было по этому поводу разслѣдованіе, и освидѣтельствованіе бороды Чептарева подтвердило его показаніе.

Жестокое обращеніе Оленина съ крѣпостными въ 1852 г. вызвало два покушенія на жизнь его. Въ іюль этого года поваръ Александровъ, въ отчаяніи отъ побоевъ, ударилъ его коромысломъ и, схвативъ кухонный ножъ, намѣревался зарѣзать, но не успѣлъ выполнить своего намѣренія. Оленинъ нашель болѣе удобнымъ для себя скрыть это и отдалъ Александрова, будто бы за непослушаніе, въ арестантскую роту, а потомъ въ рекруты, безъ зачета. Второе покушеніе состоялось 5-го сентября 1852 г. Камердинеръ Васильевъ, рѣшивъ убить Оленина, чтобы избавиться отъ побоевъ, ударилъ его, спавшаго, обухомъ топора по головѣ и, полагая, что лишилъ его жизни, заявилъ о своемъ преступленіи полиціи. Васильевъ преданъ былъ суду, но, не дождавшись рѣшенія дѣла, умеръ въ заключеніи. Четверо дворовыхъ людей Оленина показали слѣдователю, что баринъ билъ ихъ ежедневно и часто наказывалъ въ полиціи, въ деревняхъ же своихъ отнял у крестьянъ часть земли и обременялъ, сверхъ оброка, барщиною. Оказалось, что Оленинъ, дѣйствительно, постоянно присылалъ своихъ людей въ полицію для наказаній, а одного изъ нихъ даже 12 разъ. Докладъ о дѣлѣ представленъ былъ военному генераль-губернатору Пульгину, который нашель, что въ обращеніи Оленина съ людьми «особенной жестокости не было, но только несовмѣстныя (?) наказанія ихъ», и предписалъ сдѣлать Оленину внушеніе. При исполненіи этого уѣзднымъ предводителемъ дворянства, Оленинъ, признавъ свою вспыльчивость, обѣщалъ не держать при себѣ крѣпостныхъ слугъ. Гражданскій губернаторъ, удовлетворившись такимъ обѣщаніемъ, тогда же донесъ, что это дѣло «дальнѣйшаго движенія не требуетъ». Жаловавшіеся крѣпостные возвращены были помѣщику, который вскорѣ послѣ того, какъ удалось замѣть непріятное дѣло, одного изъ нихъ сдалъ въ рекруты, а другого сослалъ въ Сибирь. Во время же производства судебного дѣла о покушеніи Васильева показанія упомянутыхъ четырехъ человекъ о жестокости ихъ владѣльца были оставлены «безъ разсмотрѣнія».

По вопросу о побояхъ, нанесенныхъ крѣпостнымъ сыномъ Оленина, комиссія обнаружила, что на третій день послѣ смерти отца, 27 декабря, старшій сынъ его, служившій въ министерствѣ юстиціи, коллежскій секретарь Дмитрій Оленинъ прибилъ дружъ крестьянъ: Харинова—за то, что тотъ заявилъ въ полициі о принужденіи его къ работѣ въ ночь на 25 декабря, и Малютенко—за излишнюю выдачу овса для лошадей. Врачъ, освидѣтельствовавшій Харинова, нашель слѣды побоевъ. Дмитрій Оленинъ, объяснилъ, что, будучи разстроенъ послѣ смерти отца, нанесъ этимъ людямъ «весьма легкіе удары» за непослушаніе и грубость. Допрошенный на очныхъ ставкахъ съ очевидцами происшествія, онъ, какъ говорится въ

подлинномъ дѣлѣ, «былъ уличаемъ въ противномъ, но остался при своемъ показаніи». Кромѣ того, двѣ дворовыхъ дѣвушки заявили, что онъ «прибилъ ихъ безвинно» 29 декабря; четверо людей утверждали, что онъ билъ ихъ и въ прежнее время. Нѣсколько свидѣтелей подтвердили ихъ показанія, но Дмитрій Оленинъ отрицалъ эти факты, на очныхъ же ставкахъ, какъ онъ, такъ и дворовые своихъ показаній не измѣнили.

Наибольшій интересъ въ дѣлѣ Олениныхъ представляетъ, безспорно, разслѣдованіе комиссіи, исполненное въ силу высочайшаго повелѣнія о розысканіи, «зачѣмъ люди оставлены при Олениныхъ послѣ перваго дѣла». Человѣколюбіе монарха ясно было поражено бездѣйствіемъ властей послѣ того, какъ уже выяснилось, что Оленинъ злоупотребляетъ правами помѣщика. Оказалось, что еще въ 1849 г. крестьянинъ Минаевъ подавалъ его величеству жалобу на угнетенія Оленина. Лица, которымъ поручено было разслѣдовать дѣло, донесли, что Оленинъ послѣ подачи жалобы «облегчилъ положеніе просителя, и послѣдній остался тѣмъ доволенъ». Получивъ такой докладъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, которому была передана жалоба Минаева, «прекратилъ дѣло безъ дальнѣйшихъ распоряженій». Несмотря на такой исходъ первой жалобы, крѣпостные Оленина еще три раза пробовали жаловаться на дурное обращеніе.

Въ 1850 г. шестеро дворовыхъ людей всеподданнѣйше просили его величество о защитѣ отъ жестокости владѣльца. Дѣло ихъ разсматривалось въ комиссіи прошеній. Статсъ-секретарь, князь Голицынъ, повидимому, призналъ основательность жалобы, такъ какъ «сдѣлалъ со своей стороны Оленину внушеніе». Тѣмъ не менѣе, просителей постигла самая плачевная участь: они были возвращены помѣщику по распоряженію оберъ-полицеймейстера, и трехъ изъ нихъ Оленинъ сослалъ въ Сибирь, а трехъ отдалъ въ рекруты.

Слѣдственная комиссія, выполняя высочайшее повелѣніе, старалась выяснить, почему основательная жалоба крестьянъ завершилась столь пагубно для нихъ и столь нечувствительно для Оленина. Допрошенный комиссіей, оберъ-полицеймейстеръ генералъ-адъютантъ Галаховъ объяснилъ, что при отдачѣ этихъ людей помѣщику онъ руководствовался «бывшимъ на подобные случаи порядкомъ», по которому жалобы передавались уѣздному предводителю дворянства, а люди возвращались владѣльцамъ. Объ означенной жалобѣ шестерыхъ людей Оленина не было сообщено предводителю по той причинѣ, что, хотя они и объявили о жестокости своего господина, однако, просьба ихъ «въ полиціи не была получена, и комиссія прошеній не требовала по оной никакого распоряженія». Оберъ-полицеймейстеръ, нисколько не разъяснивъ дѣла по существу, ограничился тѣмъ, что сложилъ съ себя отвѣтствен-

ность и возложилъ ее всецѣло на комиссію прошеній, которая не препроводила жалобы въ полицію для разслѣдованія.

Четверо людей, жаловавшихся на Оленина въ 1852 г., оставлены были при владѣльцѣ, какъ мы уже упоминали, потому что военный генераль-губернаторъ Шульгинъ не призналъ обращенія Оленина съ крѣпостными жестокимъ. Послѣ сдѣланнаго однако же тогда вторичнаго внушенія Оленину послѣдній не только не исполнилъ даннаго предводителю дворянства обѣщанія удалить отъ себя крѣпостныхъ людей, но и не перемѣнилъ своего обращенія съ ними.

Такой образъ дѣйствій Оленина вызвалъ въ августѣ 1854 г. огульную жалобу всѣхъ бывшихъ при немъ тринадцати крѣпостныхъ, поданную ими военному генераль-губернатору, «на угнетеніе Оленина и скудное содержаніе ихъ». Шульгинъ, «на основаніи бывшаго тогда порядка», отославъ всѣхъ жалобщиковъ обратно къ помѣщику, поручилъ уѣздному предводителю вновь сдѣлать Оленину внушеніе. Состоявшій тогда уѣзднымъ предводителемъ дворянства дѣйствительный статскій совѣтникъ Безобразовъ, желая, повидимому, сложить съ себя отвѣтственность за дальнѣйшія послѣдствія ни къ чему не ведущихъ «внушеній», письменно донесъ отъ 26 августа военному генераль-губернатору, что въ данномъ случаѣ эта мѣра бесполезна, такъ какъ крѣпостные Оленина «не могутъ при немъ служить, по безразсуднымъ и несправедливымъ его взысканіямъ». Для предупрежденія важныхъ послѣдствій, которыхъ онъ, Безобразовъ, «страшится», необходимо строго запретить Оленину имѣть при себѣ собственныхъ людей.

Генераль-губернаторъ Шульгинъ, видя, что уѣздный предводитель уклоняется отъ выполненія даннаго ему порученія, ограничился тѣмъ, что обратился къ губернскому предводителю дворянства, тайному совѣтнику Потемкину, предложивъ ему сдѣлать новое «внушеніе» Оленину и лично убѣдить его отправить весь штатъ крѣпостныхъ на родину. Въ началѣ ноября роковаго для Оленина года Потемкинъ сообщилъ военному генераль-губернатору о совершенной безуспѣшности своихъ внушеній. Шульгинъ, недѣлю спустя, предписалъ ему еще разъ повторить личные убѣжденія, но Потемкинъ такъ и не добился никакого успѣха у Оленина, убѣдившагося, что пресловутыя «внушенія» имѣютъ значеніе чисто платоническое, ни къ чему въ дѣйствительности его не обязывая.

Когда тринадцать жалобщиковъ были возвращены Оленину, онъ, расправившись съ ними, одного отдалъ въ арестантскую роту, а остальныхъ разослалъ по вотчинамъ, замѣнивъ всѣхъ другими крѣпостными, двое изъ которыхъ въ сочельникъ лишили его жизни.

Когда убійцы, Планикинъ и Кошцовъ, заключены были въ тюрьму, остальной штатъ слугъ Оленина, въ числѣ 12 человекъ, порученъ былъ покровительству полиціи. Впослѣдствіи, по высочайшему

соизволенію, ихъ отправили на родину, поручивъ защитѣ мѣстныхъ властей и опеку вотчиннаго управления. Допросивъ многочисленныхъ свидѣтелей, высочайше назначенная слѣдственная комиссія установила, что Оленинъ, дѣйствительно, содержалъ своихъ людей крайне скудно, часто перемѣнялъ ихъ и обращался съ ними такъ жестоко, что съ 1850 г. отъ него бѣжало 12 человекъ, кромѣ тѣхъ двадцати, которые уходили для подачи жалобъ. По полиціи сдѣлано было уже распоряженіе не наказывать людей, постоянно присылаемыхъ имъ для экзекуціи.

Такъ какъ, кромѣ своихъ имѣній въ Тульской и Московской губерніяхъ, Оленинъ управлялъ и тверскимъ имѣніемъ жены своей, урожденной княжны Долгоруковой, то комиссіей были собраны нѣкоторыя свѣдѣнія и относительно ея обращенія съ крѣпостными. По показанію нѣкоторыхъ дворовыхъ и вольнонаемныхъ людей, и г-жа Оленина была «взыскательна». Сама же она объяснила, что «состоявшія при ней крестьянки нерѣдко выводили ее изъ терпѣнія непослушаніемъ и поведеніемъ, и что въ нѣкоторой взыскательности она не находила ничего дурного». Изъ дѣла, однако, выяснилось, что она, предоставивъ мужу управление имѣніемъ и домою, не вмѣшивалась ни въ какія его распоряженія.

Подчиняясь высочайшему повелѣнію, слѣдственная комиссія обратила вниманіе и на положеніе крѣпостныхъ въ имѣніяхъ супруговъ Олениныхъ. Разслѣдованіе на мѣстѣ производилось при содѣйствіи губернскихъ предводителей дворянства лично членами комиссіи. Не желая обременять читателей повтореніями, мы приведемъ изъ докладовъ ихъ лишь наиболѣе яркія бытовыя черты минувшей эпохи.

Тульское имѣніе Оленинъ унаслѣдовалъ въ хорошемъ состояніи, но вскорѣ разорилъ крестьянъ, отобравъ у нихъ лучшую землю. У нѣкоторыхъ оставлены были участки менѣ одной десятины. Въ имѣніи числилось 603 души; онѣ были раздѣлены на 340 тяголъ, при чемъ отъ отбыванія повинностей не были освобождены ни старики, ни малолѣтніе. Съ 240 тяголъ Оленинъ собиралъ по 21 рублю 77 коп. серебромъ оброка ежегодно, остальные 100 тяголъ были опредѣлены на барщину. Кромѣ того, всѣ крестьяне платили оброкъ за уничтоженные 30 тяголъ и мелочныхъ сборовъ до 2 рублей 50 коп. съ тягла и отпускали продукты и деньги на содержаніе своихъ старостъ и крестьянъ, посылаемыхъ къ нимъ въ наказаніе изъ другихъ вотчинъ. Отъ недостатка земли, неурожаевъ, вслѣдствіе ея дурного качества, отъ усиленныхъ повинностей и недозволенія ходить на заработки большая часть крестьянъ обнищала, нѣкоторые же питались подаяніемъ. Г-жа Оленина, вступивъ во владѣніе имѣніемъ, не отмѣнила разорительныхъ распоряженій своего покойнаго мужа, такъ что тульскому губернатору, во избѣжаніе голода, пришлось произвести выдачу крестьянамъ хлѣба въ ссуду изъ запасныхъ магазиновъ.

Въ московскомъ имѣніи Оленина было 214 душъ, составившихъ 115 тяголъ; оброка собиралось съ нихъ 3.063 рубля сер. въ годъ, по 26 рублей 63¹/₂ коп. съ тягла. Прежде эту сумму платили 143 тягла, но 28 изъ нихъ уничтожены за смертію и отдачею крестьянъ въ рекруты, оброкъ же въ увеличенномъ размѣрѣ взыскивается съ наличныхъ. Кромѣ того, втеченіе пяти лѣтъ крестьяне работали при господскихъ постройкахъ, обязаны были производившихъ эти постройки крестьянъ тверской вотчины, отъ 15 до 23 человѣкъ, кормить и выдавать имъ деньги на путевыя издержки. Отъ разоренія спасаютъ ихъ занятія извозомъ и шорнымъ мастерствомъ въ Москвѣ. Тѣмъ не менѣе, при допросахъ они жаловались на неправильное взысканіе съ нихъ Оленинымъ денегъ за рекрутскую квитанцію, обремененіе непосильнымъ obroкомъ и господскими работами.

Въ 19-ти деревняхъ тверскаго имѣнія числилось 994 ревизскихъ души, раздѣленныхъ на 340 тяголъ. Изъ нихъ 63 платили оброка и разныхъ сборовъ до 23 р. с., 100 тяголъ по 17 р. 59 к. и исполняли господскія работы, 177 тяголъ состояли на барщинѣ и платили сборовъ до 3 р. с. въ годъ. Многіе крестьяне въ конецъ обѣднѣли, нуждались въ скотѣ и продовольствіи, нѣкоторые питались подаеміемъ. Въ лѣтніе мѣсяцы приходилось большей части ихъ выдавать пособіе хлѣбомъ и изъ запасныхъ магазиновъ. Оленинъ, увеличивъ повинности, отобралъ у крестьянъ часть ихъ сѣнокоса, и, проживая тамъ шесть лѣтъ, принуждалъ ихъ работать поголовно, для устройства господскихъ усадебъ, и болѣе трехъ дней въ недѣлю. Кромѣ того, за неуспѣвавшихъ исполнять барщину, должны были работать прочіе крестьяне. Когда, нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, крестьянъ постигли неурожаи, Оленинъ нисколько не облегчалъ ихъ повинностей; 33 человѣка заявили, что помѣщикъ, получивъ деньги за ихъ работы на желѣзной дорогѣ, не выдалъ имъ 288 р. с., остававшихся за вычетомъ оброка и всѣхъ недоимокъ.

Жестокому обращенію подвергались, главнымъ образомъ, лишь тѣ изъ крестьянъ этихъ имѣній, которые состояли старшинами или находились при господскомъ домѣ.

Изъ числа всѣхъ крестьянъ, служившихъ при Оленинѣ, наиболѣе пострадало 72 человѣка: сослано въ разное время въ Сибирь 12 человѣкъ, сдано въ рекруты 12, содержалось въ арестантскихъ ротахъ 11, въ рабочихъ домахъ 8 и выслано по этапу въ другія вотчины 29 человѣкъ.

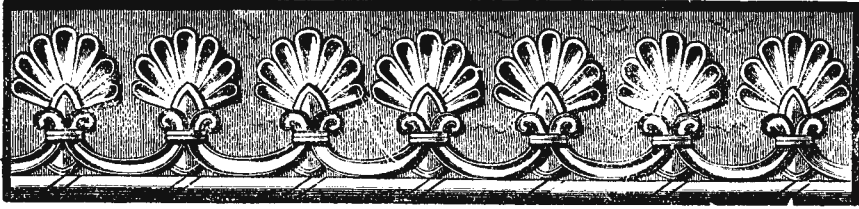
Комиссія пришла къ заключенію, что нѣтъ основанія лишить г-жу Оленину предоставленнаго ей права пожизненно владѣть имѣніями убитаго мужа, такъ какъ не обнаружено ея участіе въ его жестокостяхъ, «а оказавшаяся по дѣлу личная взыскательность ея съ нѣкоторыхъ людей не даетъ повода къ заключенію о превышеніи ею помѣщицъей власти».

Намъ остается добавить лишь неизбежный эпилогъ къ этой мрачной драмѣ, эпиграфомъ къ которой слѣдовало бы поставить: «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Слѣдственное дѣло объ убійствѣ Оленина и докладъ комиссіи были направлены по инстанціямъ. Отъ министра юстиціи они поступили на разсмотрѣніе правительствующаго сената, оттуда—къ петербургскому военному генералъ-губернатору, во 2-й департаментъ управы благочинія, въ надворный судъ, въ спб. уголовную палату. Послѣдняя, рѣшеніемъ отъ 27-го іюня 1855 г., постановила: Плашкина и Кошцова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, «наказать, чрезъ полицейскихъ служителей, розгами ста ударами cadaго и сослать въ каторжную работу въ рудники на 20 лѣтъ, — сужденіе же по жалобамъ крестьянъ на жестокое съ ними обращеніе, за отсутствіемъ на то доказательствъ, а въ отношеніи покойнаго, за смертью его, оставить».

Правительствующій сенатъ нѣсколько измѣнилъ рѣшеніе палаты, смягчивъ наказаніе Кошцову, который лишь присутствовалъ при убійствѣ Оленина. Число ударовъ розгами было уменьшено для Кошцова до 80, а срокъ ссылки въ каторжные работы на 10 лѣтъ. Въ сентябрѣ 1855 г. приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе, и затѣмъ Плашкинъ и Кошцовъ были сосланы по этапу въ тобольскій приказъ о ссыльныхъ.

А. В. Безродный.

ГОРОДЪ ЧЕРНИГОВЪ И ЕГО СВЯТЫНИ ¹⁾.

I.

По дорогѣ въ Черниговъ.

РУТЫ! Станція Круты! Пересадка на Черниговъ, Пирятинъ, Днѣпръ-Красное!» кричатъ кондуктора по вагонамъ московскаго и кievскаго почтовыхъ поѣздовъ, проходящихъ эту станцію около четырехъ часовъ утра. Отъ Крутовъ ²⁾, станціи магистральной Московско-Кіево-Воронежской дороги, на Черниговъ идетъ узкоколейная вѣтвь. Вагоны на послѣдней довольно приличны и удобны и почти всегда бываютъ переполнены пассажирами. Несмотря на то, что наибольшая скорость на этой дорогѣ допускается до 35 верстъ въ часъ, поѣздъ идетъ возмутительно тихо. Узкое и низкое полотно тянется по гладкой и однообразной, а потому и скучной равнинѣ. Въ двухъ или трехъ верстахъ отъ конечнаго пункта поѣздъ достигаетъ укрѣпленной фашинникомъ дамбы, проложенной по долинѣ р. Десны, идетъ нѣкоторое время вблизи кievскаго шоссе и наконецъ останавливается у крытой платформы небольшого деревяннаго вокзала, помѣщеннаго у самаго шоссе. Во избѣжаніе расходовъ на постройку большого, дорого стѣящаго моста черезъ р. Десну, гг. инженеры устроили станцію въ пяти верстахъ отъ города. Собщеніе съ послѣднимъ поддерживается дилижан-

¹⁾ Прилагаемыя къ очерку виды города Чернигова принадлежатъ фотографу г. Марру, которому приношу большую благодарность за разрѣшеніе воспроизвести таковыя въ печати.

²⁾ Ст. Круты отстоятъ отъ Кіева на 138 верстъ; отъ Крутовъ до Чернигова— 76 верстъ.

сами, парными и одноконными извозчиками¹⁾). Путь лежитъ по прекрасному киево-черниговскому шоссе, сплошь обсаженному деревьями. На первой же верстѣ мы проѣзжаемъ по деревянному трехсотсаженному мосту черезъ Десну. На мосту на дощечкахъ выставлено avis: «шагомъ» и «не курить». Первое требованіе возницами выполняется безусловно, на что мнѣ, грѣшному, особенно было досадно, такъ какъ я на мосту въ метелицу успѣлъ почти заоченѣть. Этотъ мостъ былъ построенъ въ 1859 году и стоилъ около 170 тыс. руб.; онъ настолько высокъ, что пароходы проходятъ подъ нимъ безпрепятственно и лишь въ половодье должны бывать опускать свои трубы. За мостомъ шоссе вилоть до города освѣщается электричествомъ.

На правомъ возвышенномъ берегу р. Десны красиво раскинулся городъ. Однако высокое положеніе его не всегда спасало отъ нападенья сердитыхъ волнъ многоводной рѣки; такъ, весной 1773 г. почти весь городъ подвергся большому наводненію.

По срединѣ города величественно поднимаются къ голубому небу золотые купола Спасо-Преображенскаго собора и главы его сосѣда, Борисоглѣбскаго собора. По лѣвую сторону шоссе круто и обрывисто спускаются къ долинѣ р. Десны красивыя, покрытыя богатой растительностью Болдины горы, на которыхъ расположены Елецкій и Троицкій монастыри. У подошвы горъ раскинулось предмѣстье «Кавказъ». Направо отъ шоссе въ Десну вливается рѣчка Стрижень, дѣлящая городъ на двѣ неравныя части. Масса садовъ значительно краситъ общій видъ города.

Поднимаясь въ гору, мы минуемъ слѣва красивую Екатерининскую церковь, а справа Константиновскій садъ съ уставленными въ немъ пушками, и наконецъ достигаемъ Соборной площади, а вмѣстѣ съ тѣмъ центральной и лучшей части города.

II.

Спасо-Преображенскій соборъ.

Современный Черниговъ—очень не важный губернской городъ; интересъ и, нужно сознаться, глубокий интересъ для туриста представляютъ его древніе храмы и тѣ святыни, которыми они такъ богаты.

Каждый паломникъ и туристъ обзорніе города начинается съ его соборовъ. Такъ поступимъ и мы.

¹⁾ Каждый извозчикъ, приѣзжающій на вокзалъ къ приходу поѣзда, вручаетъ свой ярлыкъ выборному старостѣ, а уже послѣдній передаетъ таковой пассажиру, при чемъ строго соблюдаетъ очередь. Благодаря этому, у черниговскаго вокзала не слышно обычной извозничьей ругани, и нѣтъ ни суетлики, ни толкотни. Такой порядокъ надлежало бы завести у себя и другимъ городамъ.

Общій видъ Чернигова.

На площади въ общей оградѣ рядомъ стоятъ Спасо-Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы.

Кафедральный Спасо - Преображенскій соборъ — самый древній храмъ въ Россіи; онъ былъ заложенъ въ 1024 году¹⁾ княземъ Мстиславомъ Удалымъ, успѣвшимъ при жизни вывести стѣны его настолько, «яко досящи рукою». Во время охоты князь внезапно заболѣлъ и умеръ. Тѣло его было погребено въ начатомъ имъ храмѣ. «Въ лѣто 6544 Мстиславъ изыде на ловы, разболѣлся и умре и положиша и (т.-е. тѣло его), говорить преподобный Несторъ, въ церкви Святаго Спаса юже бѣ самъ заложн: бѣ бо въздано ея при немъ възвыше яко на кони стояще досящи». Соборъ былъ достроенъ въ 1054 году Святославомъ Ярославичемъ.

Соборъ этотъ снаружи является прекраснымъ образцомъ древне-греческаго зодчества въ Россіи и по красотѣ своей производитъ несравненно большее впечатлѣніе, чѣмъ московскій Успенскій. Широкое его строеніе увѣнчано пятью золочеными главами. Съ обѣихъ сторонъ къ собору пристроено по круглой башнѣ; ихъ узкіе конусообразные купола, ярко сверкая подъ солнцемъ Малороссіи, высоко поднимаются надъ соборомъ къ небу. Одна изъ башенъ носитъ названіе «Краснаго терема»²⁾ и неоднократно упоминается въ лѣтописяхъ. Въ 1147 году здѣсь были поставлены мощи св. князя Игоря Ольговича (въ схимѣ Гавріила), убитаго киевлянами въ дни княжескихъ междоусобій, а черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ этого тутъ же были помѣщены мощи блаженнаго Константина, митрополита киевскаго³⁾. Но гдѣ находятся въ настоящее время мощи св. Игоря и митрополита Константина, неизвѣстно. Съ этой башни во время нашествія Батыя, спасая свою честь, бросилась внизъ и разбилась на смерть княгиня Домникія. Стѣны собора чрезвычайно толсты и сложены изъ тонкаго квадратнаго кирпича вперемежку съ огромными камнями кремнезема; вся эта масса связана какимъ-то особымъ цементомъ. Почти тысячу лѣтъ тому назадъ строители воздвигали зданія куда прочнѣе, чѣмъ современные архитекторы!

¹⁾ Киевскій Софійскій соборъ былъ основанъ Ярославомъ I въ 1037 году, а соборъ св. Софій въ Новгородѣ былъ заложенъ въ 1045 году.

²⁾ Именно, лѣвал, — современная собору, другая же башня была пристроена къ послѣднему лишь въ 1798 году, при возобновленіи его.

³⁾ Удивительное завѣщаніе оставилъ блаженный Константинъ: «Не погребайте моего тѣла, да будетъ оно извлечено изъ гроба и повержено псамъ на свѣдѣніе». Епископъ черниговскій Антоній поклонялся митрополиту Константину свято исполнить его волю, выраженную имъ по завѣщанію, ему, Антонію, при жизни неизвѣстному. Послѣ смерти Константина епископъ не дерзнулъ нарушить обѣта, и тѣло лежало на землѣ, при чемъ, какъ гласитъ преданіе, надъ нимъ по ночамъ показывался свѣтлый столбъ. Тогда князь, страшась Божьяго гнѣва, съ честью похоронилъ митрополита.

Пристань въ Чериговѣ.

Внутри храмъ раздѣляется восьмью мраморными столбами на три отдѣленія; надъ папертью находятся хоры.

Въ соборѣ два престола: въ честь Преображенія Господня и во имя черниговскихъ чудотворцевъ и «болярина» его Феодора.

Много бѣдъ претерпѣлъ древній соборъ: его жгли и татары, и ляхи. И все-таки наиболѣе исказили его мы сами русскіе: въ концѣ XVIII в. его выцвѣтшую, но древнюю живопись, замѣнили живописью новою, но не стильною, грубою, боковыя пристройки разобрали, часть хоровъ уничтожили. Послѣдній ремонтъ собора былъ произведенъ въ 1891 году. Этимъ ремонтъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ произведенъ, соборъ обязанъ, какъ говоритъ г. Ковалевскій, «бывшему своему церковному старостѣ, незабвенному для гор. Чернигова, бывшему его губернатору Александру Константиновичу Анастасьеву» ¹⁾. Много блеску, много красокъ... А гдѣ же за душу хватающій мракъ нашихъ древнихъ храмовъ, гдѣ древнія закоптѣлыя отъ свѣчей, но много говорившія сердцу иконы, гдѣ чудныя фрески? И все-таки храмъ величественъ и производитъ на молящагося большое впечатлѣніе. Въ мое пребываніе въ Черниговѣ (ноябрь, 1901 года) въ соборѣ шли работы по устройству въ немъ духового отопленія и по замѣнѣ чугунныхъ плитъ пола современными изящными плитками...

На правой сторонѣ собора, между колоннами, устроенъ амвонъ для помѣщенія на немъ гробницы съ св. мощами святителя Феодосія Углицкаго. Въ настоящее время надъ амвономъ устраивается балдахинъ. Съ будущаго года, благодаря приспособленію храма для зимняго богослуженія, св. мощи черниговскаго чудотворца уже не будутъ переноситься на зиму въ Борисоглѣбскій соборъ.

Въ соборѣ сохраняются семнадцать знаменъ дружинъ черниговскаго ополченія Отечественной войны и одиннадцать знаменъ Севастопольской кампаніи.

Изъ лѣтописей извѣстно, что Спасо-Преображенскій соборъ былъ усыпальницею не только князей черниговскихъ, но даже и нѣкоторыхъ великихъ князей кievскихъ. Но гдѣ находятся эти могилы, неизвѣстно. При возобновленіи собора, въ царствованіе Екатерины II, упавшая съ разбираемыхъ хоръ балка пробила полъ собора и каменный сводъ склепа. Спустившіеся въ образовавшееся отверстіе увидали тамъ нѣсколько гробницъ; одна изъ нихъ была очень массивная, изъ бѣлаго прекраснаго мрамора, и была похожа на знаменитую гробницу Ярослава I въ кievскомъ Софійскомъ соборѣ; камень, пробившій склепъ, отбилъ и часть гробницы, въ которой было видно нетлѣнное тѣло, великокняжеская одежда и мечъ. Склепъ несмеленно же задѣлали. Какое благоговѣйное чув-

¹⁾ «Душеполезное Чтеніе». 1896. Декабрь. «Воспомяванія очевидца». Стр. 551.

ство долженъ испытывать молящійся въ этомъ храмѣ, сознавая, что каждый его шагъ дѣлается надъ останками многихъ дѣятелей на исторической нивѣ древней Руси! Раскопки подъ сводами храма и вокругъ его, несомнѣнно, дали бы немало цѣннаго матеріала и для исторіи и для археологін.

III.

Борисоглѣбскій соборъ.—У мощей святителя Θεодосія Углицкаго.

Борисоглѣбскій соборъ моложе своего сосѣда всего на сто лѣтъ: онъ былъ построенъ около 1120 года черниговскимъ княземъ Давидомъ Святославичемъ († 1123 г.), который и былъ погребенъ въ немъ.

Соборъ воздвигнутъ въ византійскомъ стилѣ; имѣетъ очень толстыя стѣны, сложенные изъ бѣлаго кирпича, и покрытъ бѣлымъ желѣзомъ; купола окрашены въ зеленую краску.

Въ 1239 году храмъ былъ разоренъ татарами и былъ возстановленъ въ концѣ XIII вѣка всероссійскимъ митрополитомъ Максимомъ, устроившимъ при немъ мужской монастырь. Въ 1627 г. послѣдній былъ обращенъ поляками въ доминиканскій костелъ, но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого, усиліями черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича, онъ былъ возвращенъ къ православію. Нѣкоторое время монастырь былъ мѣстопробываніемъ черниговскихъ архіереевъ. Послѣдній ремонтъ собора былъ произведенъ въ 1892 году, при чемъ реставраторъ въ стѣнной живописи замѣтно подражалъ живописи кіевскаго Владимирскаго собора.

Съ паперти храма широкая и довольно удобная лѣстница идетъ въ пещеру, гдѣ до 9-го сентября 1896 года впродолженіе 200 лѣтъ почивали мощи св. Θεодосія. Пещера не велика, продолговатая и заканчивается на востокъ глухой стѣной. Слева отъ входа въ нишѣ стоитъ мѣдная посеребряная и мѣстами вызолоченная рака, въ коей покоились мощи святителя до перенесенія ихъ¹⁾. Около раки стоитъ посохъ святителя, а надъ гробницею, на стѣнѣ, въ золоченой рамѣ за стекломъ хранится автографъ святителя, писанный красивымъ стариннымъ фигурнымъ почеркомъ²⁾.

¹⁾ Со дня кончины, въ теченіе 76-ти лѣтъ, святитель почивалъ въ простомъ кипарисномъ гробу. Въ 1772 г. его нетлѣнное тѣло было переложено въ новую деревянную раку, при чемъ первый его гробъ, какъ гласитъ преданіе, и его мантія были розданы по частямъ богомольцамъ. Въ 1824 году при гробницѣ святителя совершилось исцѣленіе черниговскаго купца-раскольника Горбунова. Послѣдній обратился въ православіе и въ память своего исцѣленія соорудилъ для святыхъ мощей новую раку, въ которой онъ и покоился до 1896 года; второй же гробъ св. Θεодосія при этомъ былъ сданъ въ соборную ризницу, гдѣ хранится и нынѣ.

²⁾ Снимокъ съ этого автографа былъ помѣщенъ во «Всемирной иллюстраціи» 1896 г., т. LVI, стр. 253 и въ «Нивѣ» за 1896 г., въ № 40, стр. 1004.

Внутри собора, у правой его стѣны, находится главная святыня города—нетлѣнные мощи св. Ѳеодосія. На небольшомъ возвышеніи стоитъ массивная, высокая, серебряная рака, имѣющая форму древняго саркофага; по всѣмъ сторонамъ ея идетъ серебряный, чеканной работы орнаментъ, въ видѣ продолговатыхъ вы-

Спaso-Преображенскій и Борисоглѣбскій соборы.

пуклыхъ щитовъ, въ родѣ раковинъ. Сверху—массивная серебряная крыша. Внизу на бортахъ подставки имѣется надпись: «Сія честная рака святымъ и многоцѣлебнымъ мощамъ преподобнаго Ѳеодосія Углицкаго, архіепископа Черниговскаго, сооружена въ благополучное царствованіе Государя Императора Николая Алексан-

дровича, при епископѣ черниговскомъ и нѣжинскомъ Антоніи, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Артемьевичемъ Терещенко и супругой его Пелагіей Георгіевною въ 1896 году, ко дню открытія святыхъ мощей». Съ боку раки, въ клеймѣ славянскими буквами написано, что здѣсь почиваютъ мощи св. Феодосія, указанъ годъ его посвященія въ архіерейскій санъ (1692 г.) и день его кончины (5-го февраля 1696 г.). Рака—высоко-художественной работы; исполнена она московскимъ фабрикантомъ Овчин-

Пещера и гробъ, въ которомъ почивали мощи св. Феодосія до 1896 года.

никовымъ по рисунку профессора А. В. Прахова; вѣситъ она болѣе десяти пудовъ и стоитъ гг. Терещенко 35 тысячъ рублей. Я не могу согласиться съ г. Ковалевскимъ, что рака въ церковномъ отношеніи оставляетъ желать многого, ибо не имѣетъ на себѣ никакихъ священннхъ изображеній, въ родѣ херувимовъ и т. п. ¹⁾ Мнѣ

¹⁾ «Воспоминанія очевидца». «Душеполезное Чтеніе». 1896 г., декабрь, стр. 571—572.

думается, что помѣщеніе послѣднихъ испортило бы пѣльность художественнаго впечатлѣнія, производимаго ракою въ настоящее время, а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько не увеличило бы благоговѣйнаго къ ней чувства.

Надъ ракой, на прутьяхъ, укрѣпленныхъ на деревянной рамѣ, повѣшено нѣсколько десятковъ лампадъ, изъ коихъ нѣкоторыя очень художественной работы и большой цѣнности. Особенно бросается въ глаза своею массивностью, простотою и вмѣстѣ съ тѣмъ художественностью одна лампада, висящая особнякомъ, сзади другихъ: она золотая, матовая и имѣетъ форму голушара съ нѣсколькими эмалевыми крестиками. Изъ раки видно великолѣпное, бѣлое съ золотыми цвѣтами парчевое облаченіе, такіе же парчевыя башмаки, видны сложенные на груди, подъ пеленой, руки, бѣлая шитая золотомъ mitra на головѣ святителя...

Конецъ поздней литургіи. Священникъ и діаконъ стали у налоя около раки. Начался общій молебенъ. У гробницы святителя столпилось до пятидесяти богомольцевъ: двѣ гимназистки, съ книжками въ рукахъ, три-четыре дамы, поручикъ мѣстнаго полка, отставной полковникъ, мужички, бабы. Почти каждый изъ молящихся вручилъ батюшкѣ записку съ дорогими ему именами, и вотъ во время ектеніи произносится молитва «о здравіи Іоанна, Маріи, болящаго младенца Василія», и много, много другихъ именъ помнится... «Святителю отче Феодосіе, моли Бога о насъ», раздаются пѣніе причта, и стоящіе усердно кладутъ поклоны святителю. Дежурный діаконъ, молодой, красивый брюнетъ, въ темныхъ очкахъ, съ косичкой волосъ, непрерывно кладетъ на мощи подаваемые ему со всѣхъ сторонъ крестики и образки. Когда началось чтеніе молитвы святителю, всѣ опустились на колѣни. «О священная главо, крѣпкій нашъ молитвенниче и заступниче святителю Феодосіе, услыши насъ съ вѣрою призывающихъ Тя...», — громко и внятно читаетъ священникъ; все усердиѣе и усердиѣе кладутъ поклоны богомольцы. Когда же раздались прекрасныя и сильныя слова молитвы: «Умоли Небеснаго Отца и всѣмъ намъ подати даръ коемуждо благопотребенъ, вѣру истинную, надежду твердую и любовь неоскудѣвающую, юнымъ и младенцамъ благое въ вѣрѣ возрастаніе, старымъ и немощнымъ утѣшеніе и подкрѣпленіе, болящимъ исцѣленіе, сиротамъ и вдовицамъ милость и заступленіе, заблудшимъ исправленіе, бѣдствующимъ благовременную помощь», — у всѣхъ почти молившихся вырвался, словно изъ одной груди, одинъ мощный вздохъ. Особенно обращала на себя вниманіе одна дряхлая старушка, совсѣмъ маленькая, высохшая, съ лицомъ въ кулачекъ, еле дотащившаяся до раки: она съ трудомъ опустилась на колѣни, припала къ воз-

вышенію, на которомъ помѣщается гробница святителя, и въ такомъ положеніи пребыла въ продолженіе всего молебна; старческимъ, дребезжащимъ голосомъ она вслухъ все повторяла свою простую, неза-

Рака, въ которой пошваютъ въ настоящее время мощи св. Феодосія Улицкаго.

мысловатую молитву: «Батюшка! Родимый! Угодникъ Божій! Спаси меня, помолись обо мнѣ, не дай мнѣ мукъ вѣчныхъ, спаси меня!» Глубокое, потрясающее впечатлѣніе производитъ этотъ молебенъ.

Какъ завидовалъ я всѣмъ этимъ простымъ душою и сердцемъ людямъ, искренно и безотчетно вѣрующимъ, не мудрствующимъ лукаво, не сомнѣвающимся, принесшимъ сюда, «къ рацѣ честныхъ и многоцѣлебныхъ мощей» святителя черниговскаго свои и радость, и горе, всѣмъ этимъ «нищимъ духомъ» и унесшимъ отсюда еще болѣе крѣпкую вѣру, полную надежду на исполненіе своихъ завѣтныхъ желаній и любовь къ ближнему, хотя бы только на нѣкоторое время!

Въ концѣ молебна священникъ окропилъ святою водою всѣ тѣ крестики и образки, которые возложены были на святыхъ мощи.

Въ зимніе мѣсяцы въ Черниговѣ бываетъ очень мало богомольцевъ. Наибольшее число посѣщеній падаетъ на вторую половину апрѣля и на май; въ эти мѣсяцы литургія совершается одновременно въ обоихъ соборахъ, и оба они настолько переполняются молящимися, что нѣкоторые изъ нихъ помѣщаются не только на окнахъ, но даже и на свѣчныхъ ящикахъ. Главный контингентъ богомольцевъ составляетъ, конечно, простой людъ; поэтому іюнь и іюль—мѣсяцы страдной поры—Черниговъ пустѣетъ. Въ прекрасное на нашемъ югѣ и юго-западѣ время, въ августѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, городъ снова принимаетъ у себя тысячи гостей. Но притокъ богомольцевъ въ Черниговъ за два послѣдніе года, сравнительно съ первыми тремя годами по открытіи мощей, значительно убавился.

Изъ внутреннихъ украшеній этого храма особенно замѣчательны серебряныя царскія врата: онѣ довольно тонкой работы и были сдѣланы въ 1702 году изъ найденной въ землѣ, въ то время, какъ рыли фундаментъ для колокольни, серебряной статуи какого-то языческаго идола. Такъ какъ врата не высоки, то посреди храма видно на восточной сторонѣ свода надъ алтаремъ изображеніе Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ.

У праваго клироса главнаго придѣла помѣщается глубокочтимая въ Черниговѣ чудотворная икона Рѣпицкой Божіей Матери, явленная въ окрестностяхъ города и перенесенная сюда въ 1740 году.

Хороша очень икона св. Николая, находящаяся у сѣвернаго пилона; она была сооружена въ 1850 году черниговскимъ дворянствомъ въ память 25-лѣтія царствованія императора Николая I. Икона—работы художника Сиверса, изъ мозаики съ мозаичными же изображеніями. Вверху—иконы Спасителя съ евангелиемъ и Божіей Матери съ омофоромъ.

Вблизи соборовъ стоитъ красивая колокольня, воздвигнутая черниговскимъ архіепискомъ Іоанномъ Максимовичемъ. Соборы обнесены оградой.

Передъ соборами разстилается довольно обширная Соборная площадь, земля которой впитала въ себя немало крови былыхъ за-

щитниковъ Чернигова. На ней въ древнія времена былъ теремъ князя и знаменитый Красный дворъ, гдѣ послѣ побѣды надъ полоцкимъ княземъ Владимиръ Мономахъ далъ роскошный обѣдъ своему отцу и изгнанному князю Олегу. На площади же помѣщались и разныя княжескія службы, а въ княжемъ дворѣ каменная церковь во имя св. Михаила, построенная въ 1173 году. Недалеко отъ соборовъ стоялъ каменный храмъ во имя Благовѣщенія, освященный въ 1186 году. Отъ обоихъ этихъ храмовъ въ настоящее время не осталось слѣдовъ.

На площади въ дни наибольшаго наплыва въ городъ богомольцевъ устраиваются для нихъ временные бараки.

А. И. Фирсовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИВЕРСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

(Изъ лѣтней поѣздки).

О МѢСТОПОЛОЖЕНІЮ, хозяйству, самобытности Иверскій монастырь—Соловки въ миниатюрѣ. Онъ лежитъ на островахъ, среди Валдайскаго озера, противъ уѣзднаго города Валдая. Городокъ, сползая по пригоркамъ къ самому берегу, какъ бы благоговѣнно преклоняется предъ своею святыней.

Когда-то, вмѣсто городка, по Валдайской возвышенности лѣпилась простая деревушка, а острова были пустыни, безлюдны, только шумѣли на нихъ хвойные лѣса, давая уѣжище дикому звѣрю. И у кого, кромѣ патриарха Никона, могла бы зародиться мысль воздвигнуть на этихъ островахъ мужскую обитель? Патриархъ, будучи еще митрополитомъ новгородскимъ, перѣдко ѣздилъ въ Москву и каждый разъ обращалъ умиленные взоры на Валдайскіе острова, думая одухотворить ихъ иночествомъ. Ему казалось, что построенная здѣсь обитель будетъ напоминать Соловецкій монастырь, гдѣ онъ въ теченіе четырехъ лѣтъ провелъ суровую, аскетическую жизнь. Въ половинѣ XVII вѣка царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ Никону переправить изъ Соловокъ въ Москву мощи святителя Филиппа, сосланнаго туда на заточеніе Иваномъ Грознымъ.

По дорогѣ Никону явился въ сновидѣннн св. Филиппъ и просилъ не покидать его намѣренія относительно Валдайскаго монастыря. Это окончательно укрѣпило мысль Никона, и онъ испросилъ у царя разрѣшеніе на построеніе новой обители.

Не прошло и двухъ лѣтъ, какъ на Валдайскихъ островахъ возникли два деревянныхъ храма, кельи и другія службы.

Г. Силинъ, изучающій мѣстную старину, говоритъ ¹⁾ о четырехъ посѣщеніяхъ Никономъ Иверскаго монастыря. Каждое посѣщеніе ознаменовывалось какимъ либо событіемъ: перенесеніемъ иконы Иверской Богоматери, возведеніемъ, вмѣсто деревянныхъ храмовъ и келлій, каменныхъ, перенесеніемъ мощей праведнаго Іакова Боровичскаго; наконецъ, въ четвертый разъ Никонъ явился уже изгнанникомъ. Тогда онъ прожилъ въ своей обители три мѣсяца. Какъ основаніе, такъ и дальнѣйшая судьба ея были близки сердцу патріарха.

Приходится недоумѣвать, почему Иверскій монастырь не переименовался до сихъ поръ въ Никоновскій. Справедливость заставляетъ сказать, что не будь Никона, не красовался бы теперь на Валдайскомъ озерѣ и Иверскій монастырь. Дѣло, конечно, не въ переименованіи, а въ той памяти, которую создалъ по себѣ Иверскимъ монастыремъ извѣстный патріархъ.

Для переправы чрезъ озеро существуетъ небольшой пароходъ. Онъ дѣлаетъ рейсы по расписанію три раза въ сутки. Спустивъ пассажировъ, пароходъ призываетъ свистками новыхъ и только, по мѣрѣ накопленія послѣднихъ, отходитъ къ другому берегу. Я былъ на пристани въ то время, когда жгло полуденное солнце. Пароходъ посвистывалъ у монастыря. Приходилось ждать и вооружиться терпѣніемъ. Хорошо, что пристань довольно прочная, въ видѣ плота съ навѣсомъ, все-таки защищаетъ отъ зноя. Прошло болѣе часа, когда подошелъ пароходъ и черезъ какихъ нибудь 15 минутъ перевезъ насъ къ другой пристани.

Фасадъ монастыря довольно красивый. Высокая колокольня; подъ нею святія врата. Отъ колокольни въ обѣ стороны расходятся стѣны съ башенками. Отъ фасада развѣтвляются дорожки; одна ведетъ къ пристани, другая — къ молодой березовой аллеѣ, которая соединяется съ лѣсомъ.

Я прошелъ ворота; за ними какія-то службы и снова стѣна, а за ней уже развертывается весь монастырь: храмы, келіи, дубовыя и ясневые аллеи.

Ко мнѣ подошелъ монахъ, но я совершенно не замѣтилъ, откуда онъ взялся, словно выросъ изъ земли.

— Богомолецъ будете?—спросилъ онъ, смиренно скрестивъ на груди руки.

— Я больше интересуюсь достопримѣчательностями и жизнью монастырской,—отвѣтилъ я.

— Что-съ?—переспросилъ монахъ.

Я повторилъ. Монахъ былъ глуховатъ и сильно говорилъ въ носъ. Онъ что-то забормоталъ, указывалъ руками на зданіе и сталъ удаляться. Словъ его я почти не разобралъ, но по жестамъ понялъ, что онъ приглашаетъ меня къ себѣ.

¹⁾ Историческое описаніе Иверскаго монастыря, изд. 1901 года.

«истор. вѣстн.», октябрь, 1903 г., т. хсiv.

Мы поднялись съ нимъ по лѣстницѣ, вошли въ широкій коридоръ, потолокъ котораго поддерживался столбами.

— Сорокъ восьмой, сорокъ восьмой, — гнусавилъ монахъ по дорогѣ.

Оказалось, что это былъ номеръ его келіи. Въ келіи прихожал, затѣмъ комната, рядомъ другая, должно быть, спальня, такъ какъ въ первой не было ни кровати, ни другихъ спальныхъ принадлежностей.

Я вошелъ въ комнату и спросилъ у хозяина его имя.

— Данииль, зовутъ Данииломъ въ монашествѣ, — отвѣчалъ онъ, поспѣшно убирая со стола и стульевъ разныя вещи.

Отецъ Данииль, вѣроятно, только что окончилъ чаепитіе, потому что стояла посуда, сахаръ, на тарелкѣ малина, частью съѣденная. Комната опрятная, даже съ претензіей на изящество. Въ окнахъ зимнія растенія, на низкой перегородкѣ помѣщаются горшки съ флоксами, настурціей и другими живыми цвѣтами.

— Вамъ бы ризничаго повидать, — посовѣтовалъ Данииль.

— Нельзя ли, пожалуйста, пригласить.

Монахъ скрылся и тотчасъ же вернулся съ ризничимъ.

— Вотъ этому господину, — указывалъ на меня Данииль: — надо монастырь посмотреть.

— Это можно, хорошо, — отвѣчалъ ризничій, не смягчая буквы о.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за ризничимъ, вдругъ послѣдній остановился.

— Вотъ что, — какъ бы спохватился онъ: — вы бы лучше обратились къ архимандриту; онъ у насъ прекрасный человекъ, все покажетъ и объяснитъ, хорошій настоятель.

— Отчего же, я радъ.

— Такъ ты, Данииль, иди съ ними и доложи батюшкѣ Амвросію.

Мы вышли съ Данииломъ на дворъ. Онъ повелъ меня по плитняковой дорожкѣ среди столѣтнихъ дубовъ. Направо, не доходя до храма, были настоятельскія келліи. Поднимаясь по чистой широкой лѣстницѣ, я чувствовалъ подъ ногами мягкіе ковры.

Изъ прихожей, чрезъ открытыя двери, я могъ видѣть двѣ большія комнаты, выходящія, вѣроятно, на главную сторону монастыря. Данииль пригласилъ меня въ небольшую боковую комнату и просилъ подождать, а самъ куда-то исчезъ.

Вскорѣ изъ смежной комнаты показался архимандритъ Амвросій, высокій, съ сѣдой бородой старикъ, въ лѣтнемъ подрясникѣ и скуфейкѣ.

Отрекомендовавшись, я объяснилъ свою цѣль. Архимандритъ выразилъ удовольствіе и спросилъ:

— Вы дальній?

— Верстъ за двѣсти.

— Намъ пріятно, что интересуются обителью издалека,—поощрилъ меня настоятель.—Такихъ бы людей побольше.

— Извините, отецъ Амвросіи, я вѣдь спѣшу.

— Сейчасъ, сію минуту,—засуетился онъ и крикнулъ келейника.—Распорядимся, сдѣлаемъ все, какъ слѣдуетъ.

Келейнику архимандритъ наказалъ, чтобы онъ позвалъ понамаря съ ключами, затѣмъ обратился ко мнѣ.

— Я-то съ вами не могу птти, вотъ жалко.

— Что-жъ дѣлать.

— Не осудите, гости у меня,—умоляюще прибавилъ архимандритъ.

— Справимся какъ нибудь.

— Чего не справиться, мудраго ничего нѣтъ, только не осудите. Онъ вамъ откроетъ и расскажетъ,—указалъ Амвросіи на вошедшаго понамаря.

Понамарь былъ молодой человѣкъ, съ курчавой копной на головѣ.

— Пожалуйте, я знаю достопримѣчательности, построение монастыря, перенесеніе мощей,—бойко докладывалъ онъ, позвякивая ключами.

— И прекрасно,—соглашался я.

— Мнѣ не въ первый разъ, наизусть помнѣю и все въ подробностяхъ,—хвасталъ понамарь.

— Это дѣлаетъ вамъ честь.

— Такъ не угодно ли,—повторилъ приглашеніе понамарь и юркнулъ въ двери. Я пошелъ слѣдомъ. Амвросіи провожалъ насъ, напутствуя словами:

— Дай Богъ вамъ всякаго благополучія.

— Ваше какъ имя?—спросилъ я понамаря, идя по монастырскому двору.

— Васильемъ Григорьевымъ зовутъ. Я на послушаніи еще, пять лѣтъ живу въ монастырѣ.

— И такой молодой?

— А вѣрите, въ міру всякая работа изъ рукъ валится, судьба мнѣ быть въ монашествѣ, на роду ужъ такъ написано. Какъ вы думаете, можетъ это быть?—спросилъ понамарь, упорно глядя мнѣ въ глаза.

— Бываетъ.

— Ну, вотъ видите.

Мы очутились снова въ знакомомъ коридорѣ, гдѣ была келія № 48.

— Я вамъ сейчасъ покажу храмъ, рядомъ съ трапезной и келліями, во имя Сошествія св. Духа. Онъ маленькій, иконостасъ въ немъ немудрый.

Мы вошли въ большое помѣщеніе, стѣны котораго кое-гдѣ были обвѣшаны образами. Я вопросительно посмотрѣлъ на понамаря, но онъ успѣлъ предупредить меня.

— Церковь еще впереди, а это въ родѣ теплой паперти; когда бываетъ много народу, такъ тутъ стоятъ. Пожалуйте дальше.

Дѣйствительно храмъ оказался небольшой; иконостасъ съ однимъ рядомъ иконъ, безъ какихъ либо металлическихъ ризъ.

— Замѣчаете, церковь простенькая. Служба бываетъ разъ въ недѣлю. Обратите вниманіе на царскія врата Никона. Они пожертвованы патриархомъ въ прежнюю деревянную церковь. Никонъ вѣдь былъ строитель монастыря. Врата—большая память по немъ.

Никоновскія двери деревянные, обложены тонкимъ серебромъ, съ позолотой. Замѣчательнъ на нихъ рисунокъ, чрезвычайно мелкій, выпуклый, точно тисненный. Рисунокъ представляетъ собою художественную чеканку старинныхъ временъ. Я долго любовался работой и не могъ оторваться—такъ она исполнена тонко, аккуратно, искусно.

Выйдя изъ этого храма попрежнему чрезъ коридоръ, мы снова были на дворѣ. Откуда понамаръ провелъ меня въ Богоявленскій храмъ. Въ немъ особеннаго вниманія заслуживаетъ придѣлъ Нила Столбенскаго, того святого, который изнурялъ свое тѣло вѣчнымъ сидѣньемъ. Поэтому въ мірѣ, помимо иконъ, его изображаютъ сидящей статуей. Такую статую можно видѣть въ Виткинской церкви, чтò близъ Новгорода. Прежде, во время храмового праздника, статую обносили вмѣстѣ съ крестнымъ ходомъ и погружали троекратно въ рѣчку, на подобіе креста, но затѣмъ это отмѣнили, и нынѣ статуя сохраняется, какъ памятникъ церковнаго обычая, канувшаго въ вѣчность. Тѣмъ не менѣе статуѣ и теперь поклоняются и не только въ церкви, даже въ деревенскихъ домахъ не рѣдкость видѣть, какъ у крестьянина въ красномъ углу, среди иконъ, прибитъ вырѣзанный изъ дерева и вдѣланный въ шкафчикъ игрушечнаго размѣра Нилъ Столбенскій, сидящій преклоненный и одѣтый въ схиму.

Въ Иверскомъ монастырѣ только икона Нила Столбенскаго съ частию его мощей. На иконѣ прекрасной работы серебряная риза. Понамаръ открылъ на ризѣ маленькія дверцы и пояснилъ:

— Здѣсь частица св. мощей преподобнаго. Потомъ въ алтарѣ есть интересная живопись.

Прошли въ алтарь.

Правда, письмо поражаетъ своими размѣрами. Изображена Тайная Вечеря съ фигурами въ натуральную величину.

— Видно, что писано вновь недавно или подновлено сильно,—замѣтилъ я.

— Именно подновляли и недавно, года два назадъ. На этомъ мѣстѣ была Никоновская вечеря и представительнѣе.

— То-есть какъ же?

— Ну, какъ сказать, теперешнія лица мало похожи на прежнія. Прежде Христосъ, какъ живой, сидѣлъ, и апостолы были хороши, а теперѣ...—Понамаръ не договорилъ и сдѣлалъ кислую мину.

— Это ваше личное заключеніе?

— И мое, и отъ другихъ слыхаль.

Я сталъ внимательно разсматривать стѣнное изображеніе, желая убѣдиться въ слабой кисти; понамарь тоже водилъ за мною глазами и тяжело вздыхаль; въ его вдохахъ и взорахъ сказывалось сожалѣніе о потерѣ «представительства».

— Да, хуже не могло быть, — опредѣлили я и отошелъ отъ стѣны, поглядывая по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ нибудь чего еще интереснаго.

— Здѣсь, кажется, больше ничего, — рѣшилъ понамарь.—Иконостасъ — да, онъ простенькій, въ два яруса, ризы на иконахъ

Иверскій монастырь съ озера.

только позолочены. Теперь извольте посмотрѣть нашъ главный храмъ, Успенскій соборъ.

Я вышелъ, а понамарь побрякивалъ за мною замками. Затѣмъ мы направились по той аллеѣ, съ которой свертывали къ настоятелю. Аллея вела въ соборъ. Успенскій соборъ большой, высокій, величественный, отдѣланный заново. Стѣны сплошь расписаны свѣжими красками. Иконостасъ пятиярусный, съ позолоченными колоннами, отдѣляющими иконы. Въ нижнемъ ярусѣ восемь большихъ иконъ въ серебряныхъ ризахъ.

— Какъ вамъ нравится соборъ?

— Да, хорошъ,—отвѣчалъ я.

— Какія колонны, своды, люстры! А куполь-то пятой главы— высота страшная. Присмотритесь, въ куполѣ Спаситель.

— Это подобіе чудотворнаго изображенія въ Новгородскомъ соборѣ Софіи.

— Что, есть чѣмъ полюбоваться? — вдругъ послышался свади меня другой голосъ.

Я оглянулся и увидалъ предъ собою архимандрита Амвросія.

— И вы побезпокоились, отецъ архимандрить.

— Проводилъ гостей, — вполголоса сказалъ онъ и съ особеннымъ удовольствіемъ продолжалъ:— Нѣтъ, соборъ-то каковъ. Все новое, какъ съ иглочки. Вездѣ блеститъ, играетъ. 15-ть тысячъ обошлось это украшеніе.

— Порядочно.

— Да. Полы, краска, штукатурка—это дѣло небольшое, а вотъ живопись не дешева. За нее я заплатилъ 12-ть тысячъ до единой копейки. Слишкомъ два года продолжалось писаніе, 12-ть человекъ работало.

— Кто у васъ писалъ?

— Сафоновъ, знаменитый Сафоновъ, что Софію Премудрую писалъ. Я думаю, по цѣнѣ можно догадаться о художникѣ.

— Онъ дорогой; впрочемъ его академики рекомендуютъ.

— Конечно, простому богомазу и 3-хъ тысячъ довольно, а вѣдь Сафоновъ — извѣстность. Я, слышите, не люблю безъ ответственности, тѣмъ паче такое дѣло. У меня деньги бери и во всемъ отвѣчай.

— Значить, за фирму платили.

— И чтобы было красиво.

— Это фасонъ.

— Какъ хотите, назовите, а намъ такими мастерами пренебрегать нельзя. Ежели человекъ древнія фрески реставрировалъ, такъ что нужно для нашей живописи, иконовской живописи?

— Однако, говорятъ, что онъ фрески испортилъ.

— Слыхалъ я и объ этомъ. А вы разсудите, соборъ св. Софіи вѣхалъ въ 600 тысячъ, а за этотъ капиталъ требованія не маленькія. Найдутся соперники, пойдутъ подвохи. Надъ крупными деньгами каждый хочетъ быть хозяиномъ, а у семи нянекъ ребенокъ всегда бываетъ безъ глаза. Въ моемъ дѣлѣ я одинъ; ссориться не съ кѣмъ. Вотъ почему и думаю, что работа въ нашемъ соборѣ выполнена хорошо, можетъ быть, лучше Софійской.

Я кивалъ головою въ знакъ согласія и послѣ маленькой паузы спросилъ о главной святынѣ монастыря.

— У насъ покоятся св. мощи праведнаго Іакова Боровичскаго, — вмѣшался понамарь и, указывая на нишу, прибавилъ:— вотъ здѣсь онъ опочиваютъ нетлѣнно въ ракѣ.

Успенскій соборъ въ Иверскомъ монастырѣ.

Рака серебряная прекрасной работы, стоит подъ сѣбною рѣзного вызолоченнаго балдахина. На ракъ вычеканены изображенія событій, при которыхъ сопровождалось открытiе мощей.

— Валдайскій монастырь и Боровичскій угодникъ, — недоумѣвалъ я.

— На это есть свои причины, — пояснилъ мнѣ Амвросій.

— Боровичане не хотѣли принимать св. мощи, — дополнилъ понамарь, — потомъ приняли и все-таки не могли беречь ихъ.

— Собственно, по книгамъ, записямъ, въ молвѣ народа имени этого угодника не извѣстно, — говорилъ архимандритъ. — Яковомъ онъ назвалъ самъ себя, когда явился въ сновидѣнiи крестьянамъ.

Я выразилъ глубокой интересъ къ судьбѣ преподобнаго Якова и попросилъ сообщить подробности. Понамарь повѣдалъ мнѣ цѣлое сказанiе.

Въ XVI вѣкѣ, во время ледохода, къ селу Боровичамъ приплыла льдина и на ней вмерзшая колода съ покойникомъ. Крестьяне испугались мертвaго тѣла и оттолкнули льдину. На другой день льдина съ колодой снова приплыла. Крестьянами овладѣлъ больше прежняго страхъ. Они обмотали колоду веревками и провели ее дальше отъ села по теченiю Мсты. Каково же было удивленiе ихъ, когда та же льдина съ колодой опять стояла у ихъ берега! Но въ эту ночь сельскимъ старшинамъ явился во снѣ юноша, котораго они видѣли въ колодѣ, и сказалъ: «Зачѣмъ немилостиво гоните меня? Если хотите знать мое имя, то я тезоименитъ апостолу Іакову». Юноша явился и сказалъ это каждому порознь и одновременно. Тутъ стало всѣмъ ясно, что въ колодѣ лежитъ не тѣло простого смертнаго, а новоявленные мощи какого-то угодника Якова. Мощи перенесли въ храмъ, который вскорѣ былъ преобразованъ въ монастырь. Сначала обитель поддерживалась богомольцами, но затѣмъ рука дающаго стала оскудѣвать, обитель обѣднѣла и пришла въ запустѣнiе. Сто лѣтъ покоились мощи Якова въ Боровичахъ, пока не обратилъ вниманiя на упадокъ монастыря патрiархъ Никонъ. По его распоряженiю обитель, именуемую Святодуховскою, упразднили, а мощи праведнаго Якова Боровичскаго перенесли въ Иверскій монастырь.

— Скажите, рака эта недавняя? — спросилъ я понамаря по выслушанiи сказанiя.

— Лѣтъ сорокъ пять ей. Она сдѣлана въ царствованiе Александра II на собраннiи среди жертвователей деньги. При Никонѣ было второе переложенiе мощей и тоже въ серебряную раку, но тонкую и недорогую... Эта рака, вѣдь, тяжелая, около четырехъ пудовъ.

— А колода не сохранилась?

— Нѣтъ, надо полагать, была въ Боровичскомъ монастырѣ. Но куда она? У насъ есть только для образца обрубокъ отъ колоды.

Понамарь подвелъ меня къ витринѣ, гдѣ лежалъ этотъ образецъ. Онъ ничего замѣчательнаго не представляетъ изъ себя: простой безформенный кусокъ сосноваго дерева, пороховатый отъ долбленія. Впрочемъ, по бѣлизнѣ и чистотѣ кусокъ точно сейчасъ отрубленъ отъ свѣжаго дерева.

— Есть другая святыня,—заговорилъ архимандритъ:—чудотворная икона Божіей Матери. Теперь ея нѣтъ, она въ обходѣ.

— Икона всегда здѣсь стоитъ,—указалъ понамарь мѣсто у колонны, за правымъ клиросомъ.—Богатая риза на иконѣ; вся осыпана брилліантами, жемчугомъ, изумрудами, сапфирами, топазами.

— Значитъ, высокочтимая икона.

— Кто не знаетъ изъ православныхъ Иверской Божіей Матери? Но икона не здѣшняя, тоже перенесена патріархомъ изъ Москвы. И тамъ-то она не своя; писана греческимъ монахомъ.

— Какъ же эта икона попала въ Россію?—спросилъ я.

Въ отвѣтъ была передана мнѣ исторія ея.

Патріархъ Никонъ, наслышанный о чудесахъ отъ Иверской иконы, находящейся въ Иверской обители, что на Аѳонской горѣ, просилъ настоятеля Пахомія прислать копію съ иконы. Настоятель согласился. Копія была написана, принесена и встрѣчена въ Москвѣ торжественно царемъ, патріархомъ и народомъ. Интересно, какъ писали копію. Собрались монахи Аѳонскаго монастыря, въ числѣ около 400 человекъ, и служили весь день молебны съ водосвятиемъ. Послѣ каждаго освященія обливали старую икону и воду собирали въ «великую лахань». Затѣмъ, этою водою обмывали кипарисовую доску, на которой должна была писаться копія. Сдѣлавъ это, воду снова слили въ «лахань» и служили литургію. Послѣ доску и воду отдали иконописцу, монаху Іамвлиху, чтобы онъ смѣшалъ воду съ красками и написалъ на данной доскѣ Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ. Во время писанія монахъ, кромѣ субботъ и воскресеній, ни въ одинъ день не употреблялъ пищи. Братія же, по случаю писанія, дважды въ недѣлю служила все-нощныя и литургію. Копія не отличается ни размѣрами, ни ликомъ и совершенно такая же, какъ и подлинная.

— Почему же икона чудотворная, если она копія?

— А было чудо. Икону несли бѣдные старцы. На границѣ за пропускъ съ нихъ требовали большую пошлину. Такъ какъ у старцевъ денегъ не было, то они хотѣли было вернуться съ иконою обратно на Аѳонъ. На утро явилась имъ во снѣ Богоматерь и сказала, чтобы они не скорбѣли: выкупъ будетъ. Въ тотъ же день явилась она богатому греку и просила помочь старцамъ. Грекъ привезъ деньги, и икона пошла своимъ порядкомъ.

— Не знаете ли хотя приблизительно, въ какомъ году это было?

— Даже точно могу сказать, — гордо отвѣтилъ понамарь:—въ 1648 году.

— Откуда вамъ извѣстна такая точность?

— А видите ли, въ монастырѣ есть книга «Рай мысленный», написана самимъ патріархомъ, такъ оттуда. Въ книгѣ все описано подробно: перенесеніе мощей, иконы, построеніе монастыря и другое прочее.

Далѣе я получилъ свѣдѣнія о находящихся въ соборѣ частяхъ многихъ мощей. Болѣе значительныя части хранятся въ серебряныхъ ковчегахъ и принадлежатъ московскимъ митрополитамъ Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу. Малыя части заключены въ кипарисныя ковчеги. Святыхъ, отъ которыхъ отняты такія частицы, насчитывается до сорока восьми. Въ числѣ ихъ упоминается Георгій Побѣдоносецъ, апостоль Андрей, Іоаннъ Креститель. Есть частицы неизвѣстныхъ святыхъ, есть даже просто однѣ кости. Нельзя не удивляться, какъ попали сюда частицы младенцевъ, умерщвленныхъ Иродомъ.

При осмотрѣ иконостаса о. Амвросій обратилъ мое вниманіе на серебряную икону въ нижнемъ ярусѣ.

— Вотъ рѣдкая икона, — сказалъ настоятель, издали любясь ею. — Смотрите, Спаситель сидитъ на престолѣ; къ его ногамъ принадлежатъ справа патріархъ Никонъ, слѣва митрополитъ Филиппъ. Эта икона писана по желанію патріарха, писалъ ее старецъ Кутеннскаго монастыря.

— Здѣсь работали?

— Да, вѣдь кутеннскіе монахи были переведены сюда.

— По какому случаю?

— Монастырь былъ въ г. Оршѣ. Когда царь Алексѣй Михайловичъ овладѣлъ этимъ городомъ, къ нему обратился игумень съ жалобой, что монастырь страшно тѣснятъ униаты и іезуиты. Тогда Никонъ перевелъ въ Иверскій монастырь все имущество, иконы и братію. Изъ двухъ монастырей образовался одинъ. Монахи тамъ были образованные: иконописцы, печатники, лѣтописцы.

— Слѣдовательно, и типографія у нихъ была?

— Какъ же была. Ее тоже привезли.

— И много времени существовала?

— Недолго, — какъ-то небрежно отвѣтилъ Амвросій и продолжалъ: — вотъ я вамъ еще покажу икону Божіей Матери, историческая икона.

Мы подошли къ образу, висѣвшему противъ раки. Образъ въ кіотѣ, вызолоченная риза ярко блестѣла. Надпись гласила, что этой иконой архимандритъ Лаврентій благословилъ въ путь Валдайскую дружину, которая отправлялась на войну во время Крымской кампаніи.

Послѣ этого образа ни настоятель, ни пономарь не предъявляли мнѣ болѣе достопримѣчательностей въ Успенскомъ соборѣ, только при выходѣ о. Амвросій указалъ на два портрета — строителя мона-

Никоновскія ворота въ Иверскомъ монастырѣ.

стыря Никона и благотворителя, царя Алексѣя Михайловича. Портреты были писаны кутейнскими мастерами.

— Должно быть, здѣсь все художество кутейнское?—замѣтилъ я, смотря на царя и патріарха.

— И по-моему такъ,—согласился архимандритъ.—Отъ прежнихъ деревянныхъ церквей немного осталось писаннаго добра. А когда строили каменный монастырь, работали все кутейнскіе монахи-иконописцы.

Выйдя на паперть, я и здѣсь замѣтилъ стѣнопись, хотя съ порядочными пробѣлами. Насчетъ ея говорилъ мнѣ настоятель.

— Какъ эта роспись обходится дорого! Много ли ея тутъ, а заплатилъ двѣ тысячи. Это не прежде, когда писали свои монахи. Напрасно нынѣ позволили мірскимъ людямъ заниматься церковнымъ искусствомъ.

— По крайней мѣрѣ, теперь церковная живопись достигла академической степени.

— Ну, хорошо. А будутъ ли интересоваться академиками послѣ, какъ они сами въ настоящее время съ жадностью ловятъ живописные труды греческихъ монаховъ? Никогда, слышите.

— Развѣ нынѣшніе академики не создадутъ въ поколѣніяхъ славы?

Архимандритъ махнулъ рукой.

— Академики пишутъ по наукѣ и главнымъ образомъ за деньги. Монахъ писалъ не изъ хлѣба, писалъ онъ на послушаніи, по призванію, постился, когда дѣлалъ священное дѣло, изнурялся. Рука его только держала кисть, а писала сама душа. Вотъ почему мы высоко цѣнимъ художество первыхъ временъ христіанства.

— И среди академиковъ есть таланты, тоже пишутъ отъ души.

— Какая это душа! Монахи ближе знали Христа, потому и писали ближе къ истинѣ. Первые послѣдователи были греки, первые монастыри были въ Греціи. Вотъ бы отъ греческихъ монаховъ и должна итти живопись по монахамъ до нашихъ временъ.

— У васъ обширная паперть,—замѣтилъ я, не желая вступать въ споръ.

— Это еще съ одной стороны,—пояснилъ о. Амвросій.—Она кругомъ всего собора. Здѣсь погребены настоятели монастыря. Исключеніе предоставлялось и простымъ монахамъ, но только кутейнскимъ.

Правда, на одной плитѣ говорилось, что подъ ней погребенъ оршанскій игумень Іоиль, скончавшійся по дорогѣ въ Иверскій монастырь. Вокругъ лежатъ всѣ его сподвижники.

Мы вышли изъ собора.

— Теперь ко мнѣ на чай,—пригласилъ о. Амвросій.

— А я хотѣлъ еще кое-что посмотреть.

— Ну, послѣ,—заклучилъ онъ и пошелъ по аллеѣ.

Я оставался въ нерѣшительности и не зналъ, куда итти.

Рака съ мощами св. Якова Боровичсаго въ Иверскомъ монастырѣ.

— Больше, пожалуй, нечего смотрѣть,—сказалъ понамарь.—Есть три церкви, но небольшія, безъ всякихъ примѣчательностей.

— А гдѣ помѣщалась типографія?

— Рядомъ съ церковью Михайловской стоитъ башня съ литовскимъ орломъ на крышѣ,—такъ, говорятъ, тамъ.

— Что же въ башнѣ есть какіе нибудь остатки отъ типографіи?

— Никакихъ, просто пустая башня. Типографію вскорѣ убрали въ другой монастырь.

— Однако печатали въ ней?

— Да, книгъ съ пятокъ. Только въ башнѣ ли она была, хорошенько никто не знаетъ.

— Въ ризницѣ, архивѣ нѣтъ ли чего интереснаго?

— Объ этомъ вамъ отецъ архимандритъ скажетъ.

— Хорошо, пойду къ нему.

Я поблагодарилъ своего проводника и направился въ келліи архимандрита.

Въ этотъ разъ я хорошо разглядѣлъ помѣщеніе, гдѣ иверскій архимандритъ принимаетъ пріѣзжихъ. Двѣ большія комнаты обставлены богато и со вкусомъ. На стѣнахъ зеркала, портреты прежнихъ іерарховъ, на столахъ ковровыя салфетки, фарфоровыя лампы; полы почти сплошь устланы коврами; мебель бархатная, на диванахъ много атласныхъ подушекъ, вышитыхъ шелками — должно быть, кропотливые труды женскихъ монастырей, принесенные въ даръ настоятелямъ. Въ довершеніе всего тропическія растенія и электрическіе звонки. Однимъ словомъ, роскошное, вполне свѣтское помѣщеніе, въ которомъ не пахнетъ ни масломъ, ни ладаномъ, ни кипарисомъ.

О. Амвросій пригласилъ меня въ послѣднюю комнату.

— Вамъ съ дороги не угодно ли легонькой закуски? Отвѣдайте свѣжей осетрины. У меня на-дняхъ угощалось ею одно сановное лицо.

Я отдалъ должную честь «сановной» осетринѣ и спросилъ:

— А что у васъ въ ризницѣ, отецъ архимандритъ?

— Особеннаго ничего. Вещи все никоновскихъ временъ, и потому цѣнныхъ нѣтъ. Облаченій мало. У насъ на службу выходитъ много монаховъ, служба чуть ли не архіерейская. Извольте каждому сдѣлать одинаковую ризу. Недавно я дѣлалъ два облаченія и, кажется, простенькія, а обошлись въ двѣ тысячи, слышите.

— А какое хозяйство у васъ!

— Хозяйство большое, 700 десятинъ лѣсу. Поля отдаемъ въ аренду крестьянамъ за 500 р. Сѣна накашиваемъ себѣ до 10 тыс. пудовъ.

— Однако порядочно.

— Не хватаетъ еще, прикупаемъ тысячи двѣ пудовъ, потому что скота до 70 головъ. А хлѣба выходитъ, такъ и не вѣсть сколько,—махнулъ рукою настоятель.

— Что же, братиѣ много?
 — Да, только 70 человѣкъ.
 — Куда же вамъ столько хлѣба?
 — При монастырѣ кузница, слесарня, столярная, словомъ, всѣхъ своихъ служащихъ — монаховъ и мірскихъ, 160 человѣкъ.

— Но мірскіе на жалованьѣ?
 — Платимъ по 7—8 рублей, все-таки кормить-то надо. Да, это что! А сколько пришлаго народу кормится. Лѣтомъ поменьше, а зимою и осенью у меня до 200 человѣкъ въ день сыты бываютъ. Въ монастырѣ вѣдь двѣ гостиницы да странный домъ. А два праздника бываютъ! 21-го мая Иверской Божіей Матери и въ 3-й день св. Пасхи въ память обрѣтенія мощей Іакова Боровичскаго — что съѣдятъ хлѣба! Столы по всему двору накрываются. Обѣдаетъ народу тысяча, безъ числа, слышите. Двери монастыря всегда открыты для бѣдныхъ и странныхъ. Приходи, ѣшь, пей, а, коли хочешь, и съ собой бери.

— Зачѣмъ же расходуетесь на людей бесполезныхъ?

— Я вообще люблю покормить народъ,—пояснилъ о. Амвросій, и на его старческихъ слегка дрожащихъ губахъ скользнула улыбка удовольствія.—При мнѣ такъ, а безъ меня, какъ хотятъ.

— Откуда же на это средства взять?

— Погодите. Есть еще у насъ, такъ сказать, педагогическая помощь земству, правительству и церковно-приходскому вѣдомству.

— Вотъ какъ!

— На Валдайкѣ мужское училище содержится вполне отъ монастыря; обходится оно въ 860 рублей. Въ селѣ Короцкомъ есть братство Тихона Задонскаго. Тамъ учатся на нашемъ иждивеніи 30 мальчиковъ. Ученики живутъ въ братствѣ съ сентября до мая. Для нихъ построены двухэтажный домъ, баня. Училище двухклассное, и лучшихъ мальчиковъ отдаютъ дальше учиться. Теперь у монастыря два мальчика способныхъ; они отданы въ Лебедскую школу, откуда выйдутъ учителями. Я часто навѣщаю это училище и присматриваю за хозяйствомъ. Люблю туда ѣздить. Тамъ выходятъ мальчики не такіе, какъ изъ земскихъ николь, наши мальчики толковые, полезные для народа. Какъ ни учатся, а родителей почитаютъ и церковь помнятъ, слышите.

— Сколько же стоятъ мальчики монастырю?

— Немного, всего 400 рублей. Есть школа въ самомъ монастырѣ, какъ бы домашняя. Въ ней учатся пѣвчіе. Нанимаемъ учителя. Ну, тутъ мальчики на всемъ монастырскомъ, съ питки до нитки: обуваемъ, одѣваемъ, кормимъ. Сколько мы расходуетъ на нихъ, неизвѣстно, содержаніе вмѣстѣ съ братіей.

— Какъ прекрасно!

— Это еще не все. Отсылаемъ ежегодно пять тысячъ на вспомоществованіе по тремъ духовнымъ училищамъ: валдайскому, старорусскому и боровичскому.

— Чѣмъ же монастырь богатъ?

— Чѣмъ!—усмѣхнулся настоятель—Пожалуйте сюда чайку попить.

Въ первой комнатѣ снова столъ съ чайнымъ приборомъ и разными принадлежностями для чая, не исключая и вина.

Я сѣлъ и точно утонулъ въ громадныхъ мягкихъ креслахъ.

— Такъ что же насчетъ средствъ, отецъ Амвросій?

— Неприкосновеннаго капитала у насъ только 80 тысячъ, а Царица Небесная помогаетъ: если бы не Она, Владычица, то монастырю не быть первокласснымъ. Теперь-то мѣсто мое въ пору викарному занимать.

— А что?

— Не слышали развѣ? Пверскую икону по всей губерніи нашей носить, да прихватываютъ и сосѣднія. Икона собираетъ 30 тыс. деньгами, до 500 кулей муки, до 40 тыс. аршинъ холста, слышите. Вотъ гдѣ монастырская казна!

— Скажите, какой доходъ!

— А не хотите ли, какъ прежде—60 тыс. деньгами.

— Какъ же, муку и холстъ возять съ собой?

— Это оставляется у добросовѣстныхъ крестьянъ, а потомъ зимою, за плату, они привозятъ въ монастырь.

— А много времени икона путешествуетъ?

— Съ 21-го мая по 26-е іюля. Въ день ухода бываетъ крестный ходъ вокругъ обители, присутствуетъ архіерей.

— Какой же причтъ отпускаете съ иконою?

— Трехъ іеромонаховъ, одного монаха. Кромѣ того, 30 носильщиковъ и три тройки. По желѣзнымъ дорогамъ икону и служащихъ везутъ бесплатно.

Въ это время свистнулъ пароходъ.

— Послѣдній рейсъ,—встрепенулся я.

— Посидите, пароходъ мой.

— Кстати о пароходѣ: какъ удобно!

— Шесть тысячъ стоитъ. Машинисту плачу 25 рублей, а остальные свои монастырскіе.

— Прекрасное сообщеніе.

— Такъ-то оно такъ, а я все-таки повозился насчетъ разрѣшенія.

— Почему же?

— Эхъ!—вздыхнулъ настоятель, всталъ и прошелся нѣсколько шаговъ.

— Тяжело, отецъ Амвросій, управлять такимъ монастыремъ?

— Я вѣдь самый старшій настоятель въ Новгородской епархіи. Поступилъ въ монастырь съ 3-хъ лѣтъ и родителей не помню. А настоятельствую 30 лѣтъ по разнымъ монастырямъ. Въ этомъ монастырѣ семь лѣтъ. И не думалъ попасть, да Господь судилъ.

Мѣсто это даже приснилось мнѣ. Будто бы иду я по Невскому и слышу звонъ, но не знаю гдѣ. Прохожихъ много, сбиваютъ меня съ ногъ, я спрашиваю: «гдѣ звонятъ?» Вдругъ слышу голосъ: «у Царицы Небесной». Черезъ 2 мѣсяца получаю указъ о назначеніи въ Иверскій монастырь, слышите.

Архимандритъ бросилъ на меня взглядъ, не допускающій никакихъ возраженій.

Конечно, я и не возражалъ, а вернулся къ прежнему вопросу.

— Значитъ, вы уже привыкли къ монастырской жизни.

— Все прочее мнѣ нипочемъ, а у меня въ монахахъ много разночинцевъ: чиновниковъ, офицеровъ. Къ каждому приноровиться надо—вотъ что трудно.

— По-моему, отецъ архимандритъ, всѣ штатные монастыри, которые на жалованьѣ, слѣдуетъ преобразовывать въ общежительные. Положимъ, на первыхъ порахъ настоятелю будетъ не легко управляться съ братіей, но пройдетъ лѣтъ десять,—все сгладится. Денегъ нѣтъ—соблазна нѣтъ. Вотъ и привыкнуть къ труду. Какъ по-вашему?

Амвросій молчалъ, уставившись на какую-то точку.

Снова раздался свистокъ.

— Однако, мнѣ время отправляться.

— Я васъ провожу, непременно провожу.

На пристани настоятель какъ-то нерѣшительно спросилъ меня:

— Ну, какъ вамъ понравилась наша обитель?

— Уношу пріятныя воспоминанія о ней,—отвѣтилъ я.

Амвросій крѣпко пожалъ мнѣ руку.

Удаляясь отъ монастыря, я долго еще снималъ шляпу любезному батюшкѣ.

На другой день, утромъ, я прошелся по городу. Онъ ничѣмъ не отличается отъ большинства уѣздныхъ городковъ: грязный, захудалый, да вдобавокъ еще пострадавшій отъ сильныхъ пожаровъ. Безпрестанно падаются остовы отъ сгорѣвшихъ домовъ. По случаю проведенія черезъ Валдай Виндавской дороги обыватели надѣялись на процвѣтаніе городка, но жестоко ошиблись. Дорога процвѣтанія не дала, а только подняла цѣны на жизненные продукты. Въ городкѣ есть Иверская часовня, стоящая на шоссе. Когда провели желѣзные дороги, она упала въ доходномъ отношеніи и чуть ли не превратилась въ помѣщеніе для склада товаровъ. Въ городкѣ было тихо, безлюдно. Впрочемъ, въ саду, противъ казеннаго зданія, я замѣтилъ группу людей, среди которыхъ иные были съ кокардами.

— Это, кажется, чиновники?—спросилъ я жандармскаго унтера, шедшаго, вѣроятно, на вокзалъ.

— Такъ точно,—отвѣчалъ онъ:—казначейскіе чиновники.

— Благодумствуютъ?

— Да, предъ приходомъ начальства.

Вдругъ чиновники бросились къ подъѣзду, какъ спугнутые воробьи на ригѣ.

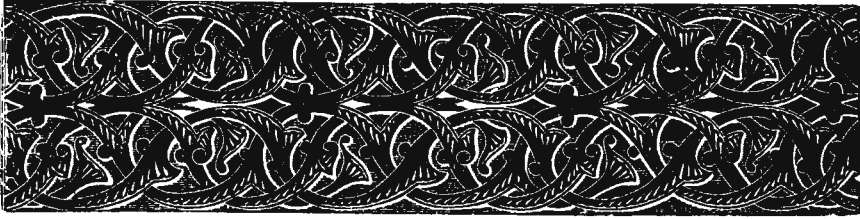
— Это что же?

— А казначей идетъ,—заклучилъ унтеръ и сдѣлалъ подъ козырекъ.

Въ полдень поѣздъ несъ меня уже домой...

А. Г. Слезкинский.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ ¹⁾.

РЕДЪ НАМИ лежитъ тощенькая брошюрка какого-то не въ мѣру прозорливаго нѣмца, задающагося вопросомъ: 1) *Wo liegt das grössere Deutschland—Unsere Angstpolitik* (Berlin, Füssingers Verlag, 1903, in-8°).

Мечтанія анонимнаго автора заставляютъ его вернуться къ подвигамъ Карла Великаго и раннему періоду Германской имперіи, когда германская раса, заручившись духовною мощью чрезъ культурное воздѣйствіе христіанства и римской гражданственности, неотразимымъ потокомъ стала разливаться отъ Запада обратно къ востоку, колонизируя и подавляя славянство (стр. 6).

Возрожденіе такихъ же аппетитовъ ощущаетъ анонимный авторъ и теперь — африканскихъ, китайскихъ и малоазіатскихъ захватовъ для водруженія тамъ нѣмецкой культуры ему мало. На его взглядъ все болѣе возрастающій умственный и матеріальный подъемъ поляковъ, чеховъ, кроатовъ является вопіющимъ зломъ (стр. 4), а мощь Россіи представляется ему еще пуцею бѣдою; поэтому предлагается панацея до-нельзя простая.

Въ трехъ, четырехъ фразахъ не убѣдительныхъ, но зато хлесткихъ, авторъ повторяетъ старую погудку о русскомъ исполинѣ на глиняныхъ ногахъ, которыя де легко сломить,—для этого надо только соблазнить Францію на союзъ съ Германіею. Вотъ тогда-то разумная политика дастъ Германіи возможность не

¹⁾ Чтобы не выдѣлять въ особую статью, мы включили въ настоящій обзоръ двѣ книги, изданныя на французскомъ языкѣ гг. Новиковымъ и Щупениковымъ.

только отогнать назадъ мощно надвигающіяся на нее волны западнаго славянства, но учинить вторженіе въ Россію съ сѣверо и юго-востока, благо Балтійское побережье и Новороссійскій край представляютъ широкій просторъ, гдѣ безчисленные милліоны нѣмецкихъ земледѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ смогутъ найти себѣ поживу (стр. 7).

Кстати и австрійскому парламентаризму, какъ существу безчинству (Unfug), надо положить конецъ—если Германія въ Венецуелѣ, Гаити и Китаѣ выступаетъ въ защиту нѣмцевъ, то нельзя же давать 10 милліоновъ нѣмцевъ-австріаковъ въ обиду тамошнимъ иноплеменникамъ, поэтому съ первыми надо объединиться, а послѣднихъ ввести въ рамки, подобающія ихъ славянскому происхожденію и значенію низшей расы (стр. 11).

Отъ коренной Россіи и Москвы анонимный авторъ великодушно отказывается, а по смѣлымъ его предназначеніямъ армію въ 2—3 милліона, которую Россія сможетъ выставить, авось она не въ состояніи окажется прокормить, да къ тому же можно будетъ еще натравить на нее съ далекаго востока японцевъ и китайцевъ (стр. 10).

2) Чтобы унять такую алчность вождельній, нѣмцамъ пора была бы распротиться съ давнишнимъ самообольщеніемъ и перестать носиться съ лаврами, пожатыми въ 1870 году. Въ этомъ отношеніи для протрезвленія нѣмецкихъ шовинистовъ не бесполезна монографія русскихъ офицеровъ генеральнаго штаба Эвальда и Лебедева, весною 1903 г. переведенная на нѣмецкій языкъ Кунцлебенемъ: *Die Vertheidigungsfähigkeit der russischen Westgrenze* (Берлинъ, in-8°). Трудъ этотъ безъ бахвальства, но убѣдительно показываетъ, что по разумной пословицѣ «береженаго и Богъ бережетъ» Россія хотя и воодушевлена самыми мирными намѣреніями, тѣмъ не менѣе принимаетъ нужныя и дѣйствительныя мѣры для огражденія себя отъ возможныхъ военныхъ случайностей.

3) Впрочемъ въ извиненіе нѣмецкихъ, англійскихъ и иныхъ вождельній можно сказать, что неправильность представленій о томъ, что дѣлается на Руси и совершается въ русской народной душѣ, постоянно поддерживается такимъ злукубраціями, какъ только что вышедшая книга «Ivan Strannik. La pensée russe contemporaine» (Paris, ed. Collin, 1903); на основаніи обобщеній, выводимыхъ изъ характеристикъ творчества Чехова, Горькаго, Короленка и Толстого, авторъ довольно произвольно придаетъ отрицательнымъ сторонамъ русской жизни не въ мѣру широкое значеніе. Съ помощью подобныхъ приемовъ, беря за точку отправленія не только Гоголя, Щедрина или Успенскаго, но даже Тургенева или Писемскаго, можно доказать, что въ любую эпоху Россія находилась на краю погибели—патологическія явленія, всегда наблюдаемыя въ сложномъ общественномъ организмѣ, изслѣ-

дователями à la Иванъ Страникъ не по достоинству раздуваются, а здоровыя начала жизни русскаго общества замалчиваются или освѣщаются односторонне.

4) Несравненно большій интересъ представляетъ сочиненіе, навѣянное нашему соотечественнику чрезмѣрнымъ, пожалуй, франкофильствомъ. Г. И. Новиковъ, авторъ монографіи, посвященной протекціонизму, пользующійся европейскою извѣстностью, благодаря многочисленнымъ трудамъ по социологіи, напечатаннымъ на нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ языкахъ, недавно выступилъ съ книгою «Expansion de la nationalité française—coup d'oeuil sur l'avenir», заключающею немало любопытныхъ наблюденій и фактовъ.

Ежегодный приростъ населенія во Франціи незначителенъ, а въ теченіе иныхъ лѣтъ убыль и смертность населенія значительно даже превышаетъ приростъ. Тогда какъ въ другихъ странахъ населеніе неуклонно возрастаетъ, во Франціи оно остается почти неподвижнымъ, и печалующіеся о будущихъ ея судьбахъ французы пускаются въ мрачныя предсказанія. Такъ, напримѣръ, Рише утверждаетъ: «факты все болѣе ускоряются, великія социологическія явленія надвигаются съ роковою неизбѣжностью, и чрезъ нѣсколько лѣтъ Франція утратитъ значеніе «великой державы»: среди могучихъ сосѣдей она превратится въ ничтожный народецъ, въ родѣ португальцевъ или датчанъ».

Мрачныя эти предчувствія, однако же, не болѣе, какъ плодъ празднои фантазіи и сангвиническихъ преувеличеній, и явились-то эти пессимистичныя прорицанія подъ вліяніемъ отчаянія, вызваннаго пораженіями 1870 года.

Въ эту эпоху была пущена въ оборотъ теорія упадка латинской расы и возведена чуть ли не въ рангъ безспорной аксіомы, въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ иначе.

Въ области военной французской съ 1792 по 1812 г. побѣдносно громили европейскія арміи, и въ результатъ триумфальнаго шествія Наполеона по Европѣ на поляхъ битвъ полегло до 7.000.000 европейцевъ. Послѣ побѣдныхъ лавровъ Аустерлица и Иены Бонапартъ со своими Даву, Массенами и Ожеро и великою арміею, исколесившей и исходившей всю Европу, подвергся столь же полному пораженію подъ Лейпцигомъ и Ватерлоо. Эти факты, несмотря на ихъ важность, существеннымъ критеріемъ для сужденія о свойствахъ и вѣковомъ преуспѣяніи отдѣльной расы не являются. Одни и тѣ же люди не могли часть жизни—въ эпоху военныхъ побѣдъ—принадлежать къ высшей расѣ, а потомъ—въ эпоху разгрома—по щучьему велѣнію превратиться въ вырождковъ. Ватерлоо, конечно, долихоцефаліи Наполеона не могло преобразить въ брахицефалію, но Наполеонъ и его маршалы преслѣдовали нелѣпую политику, которая роковымъ образомъ и привела первую им-

перію къ пораженію. Въ глазахъ Наполеона его сабля была все— онъ ею пользовался и злоупотреблялъ настолько, что апогей его могущества довелъ до апогея и ненависть европейскихъ народовъ къ завоевателю. Въ Италіи, Испаніи и Германіи все, ополчавшееся противъ Франціи, замыкалось въ узкій націонализмъ, и несомнѣнно Наполеонъ оказался однимъ изъ наиболѣе могучихъ факторовъ, повліявшихъ на пробужденіе въ нѣмцахъ національнаго чувства. Такимъ образомъ паденіе Наполеона было вызвано взаимодействіемъ ряда идей, и хотя событія, разыгравшіяся съ 1792 по 1815 г. отозвались неблагоприятно на развитіи французской національности, они никакого рѣшающаго значенія не представляютъ ни для физиологическихъ, ни для психологическихъ свойствъ расы.

Наоборотъ событія 1864—1871 г. явились какъ бы противоположеніемъ эпохи 1792—1815 годовъ. Извѣстная совокупность историческихъ событій и идей привела Францію къ пораженію. Если Наполеонъ I своею дѣятельностью подчеркиваетъ вторженіе въ французскую жизнь и самосознаніе безшабашной брутальности, то Бисмаркъ обусловилъ широкій расцвѣтъ въ Германіи и Пруссіи грубости тевтонской; оба они, Наполеонъ и Бисмаркъ, представляютъ немало сходства своимъ презрѣніемъ къ справедливости и «идеологіи» и своимъ обожаніемъ сабли. За всеѣмъ тѣмъ, относясь безпристрастно къ фактамъ, надо признать, что даже въ тяжелую годину испытаній 1870 г. французы оказались на высотѣ положенія: экономическія раны, нанесенныя странѣ, были не только залѣчены, но, несмотря на непримѣрную военную контрибуцію, матеріальное благосостояніе Франціи въ послѣдующія десятилѣтія еще болѣе поднялось, да и въ пору военной борьбы французскіе солдаты, съ физиологической точки зрѣнія, оказывались, въ смыслѣ единиць, ничѣмъ не хуже нѣмцевъ.

Утверждать вообще, что та или другая нація пала, потому лишь, что подверглась пораженію на поляхъ битвъ, — громадная ошибка. Вѣдь всякая нація представляетъ сложный комплексъ разнообразнѣйшихъ функцій—политическихъ, экономическихъ и интеллектуальныхъ. Способность избить въ наикратчайшее время возможно большее количество непріятелей обнаруживаетъ только одну сторону тѣхъ свойствъ, которыя обезпечиваютъ извѣстной націи превосходство, но наличность или отсутствіе воинскихъ въ частности способностей отнюдь не исключаетъ обладанія иными цѣнными свойствами или отсутствія послѣднихъ.

Въ частности для Франціи Франкфуртскій трактатъ открылъ новую эру. Благодаря усовершенствованію государственныхъ и общественныхъ установленій, хотя и далекихъ еще отъ совершенства, Франція являетъ европейскому міру образецъ демократическаго общества, преуспѣвающаго и представляющаго безспорно прочный залогъ для дальнѣйшаго процвѣтанія. Въ об-

щественной своей жизни Франція уже теперь осуществила немало реформъ, которыя являются почти недостижимымъ идеаломъ для цивилизованныхъ странъ Европы, и несомнѣнно она же первая проведетъ въ жизнь тѣ общественныя преобразованія, какія отъвѣчаютъ потребностямъ современности, а служеніе здравому прогрессу обезпечиваетъ теперь, какъ и въ былыя времена, Франціи симпатіи и подражаніе Европы (стр. 169—170).

Съ другой стороны, за послѣдніе годы совершились событія перво-степенной важности, на которыя, однакоже, не обращается достодолжнаго вниманія, а между тѣмъ эти именно событія внесли существенное измѣненіе въ бытіе цивилизованныхъ обществъ и создали новый критерій для сужденія о превосходствѣ однѣхъ націй надъ другими.

Событія эти — установленіе общей воинской повинности и созданіе автоматической, если можно такъ выразиться, способности къ мобилизаціи военныхъ силъ. Наполеонъ III въ свое время былъ побить, потому что Бисмаркъ и Мольтке знали, что онъ можетъ выставить въ поле всего 240.000-ную армію противъ 1.200.000 нѣмцевъ, неспихъ общую воинскую повинность. Возгорись же теперь европейская война—одного распоряженія о мобилизаціи армій окажется достаточнымъ для того, чтобы съ математическою точностью, автоматически, въ извѣстный заранѣе опредѣленный день 5.135.000 германо-австро-итальянскихъ войскъ встали лицомъ къ лицу съ 5.354.000-ною франко-русскою арміею.

Благодаря такому баснословному военному устройству и многообразнымъ усовершенствованіямъ въ военной технику, достигнутымъ благодаря прогрессу человѣческой мысли въ приложеніи науки къ военному дѣлу, Европа вступила въ новую фазу своей исторіи—нейтрализованія военнаго могущества отдѣльныхъ государственныхъ единицъ международными союзами: прежнія внезапныя и молніеносныя кампаніи, въ родѣ Аустерлицкой, пожалуй, сдѣлаются совсѣмъ невозможными, и когда это сознаніе проникнетъ въ умы всего европейскаго общества, и самыя стремленія къ насиліямъ и захватамъ территорій сосѣднихъ государствъ отойдутъ въ область преданій; вотъ тогда-то для цивилизованныхъ государствъ и откроется эра истинно плодотворнаго и производительнаго труда; въ эту грядущую пору прогресса превосходство человѣкоистребительныхъ способностей сдѣлается безцѣльнымъ и уступитъ мѣсто развитію экономическихъ и умственныхъ дарованій (стр. 192).

Именно въ смыслѣ мирнаго преуспѣянія и культурнаго распространенія французскаго вліянія г. Новиковъ и рассматриваетъ вопросъ о расширеніи французской національности, который доселѣ трактовался съ слишкомъ узкой, чисто демографической точки зрѣнія.

Хотя литературный языкъ и національность представляютъ собою понятія не синонимическія, тѣмъ не менѣе языкъ составляетъ

наглядный признак распространения той или иной нации. Если на насъ потрясающее впечатлѣніе производитъ прогрессъ англо-саксонской расы, то главнымъ образомъ въ силу разительнаго и неоспоримаго цифрового факта: мы знаемъ, что тогда какъ въ XVIII вѣкѣ англійскій языкъ считался болѣе или менѣе роднымъ среди 22 милліоновъ, къ XX вѣку его услугами пользуются уже 130 милліоновъ. Чѣмъ же, какъ не распространеніемъ языка, провѣряется *grosso modo* поступательное движеніе національности? Какое, напримѣръ, утѣшеніе, помимо академическихъ этнографическихъ разсужденій, можетъ почерпнуть славянство изъ того факта, что исконныя славянскія поселенія, едва ли не преобладавшія въ Пруссіи, Саксоніи и Силезіи, постепенно настолько были ассимилированы и поглощены нѣмцами и германскою культурою, что отъ лужичанъ, полабовъ и иныхъ почти воспоминанія не осталось?

Вообще же языкъ можетъ находить себѣ все большее распространеніе путемъ фізіологическимъ (превышеніе прироста населенія надъ смертностію), экономическимъ (поглощеніе націею насельниковъ иностранцевъ), политическимъ (поглощеніе завоевателями завоеванныхъ) и интеллектуальнымъ (воспринятіе культуры данной нации, какъ высшей и болѣе совершенной, чужестранцами и обезпеченіе ртой культурѣ всемогущаго вліянія). Книга Новикова и посвящена главнымъ образомъ разсмотрѣнію культурнаго вліянія Франціи на міръ и гаданіямъ о будущихъ судьбахъ этого вліянія. Европейская цивилизація направляется нынѣ преобладающими расами: латинцами (около 172 милліоновъ), славянами (около 137 милліоновъ), англо-саксами (около 129 милліоновъ) и германцами (около 82 милліоновъ).

Современныя экономическія, ученныя и литературныя сношенія между отдѣльными народами настолько оживились и умножились, что въ силу необходимости вызываютъ потребность въ языкѣ общемъ, такъ сказать, международнымъ.

Съ другой стороны, въ настоящее время научныя знанія сдѣлались чрезвычайно сложными, а умственные интересы значительно разрослись, и для удовлетворенія потребностямъ ума и сердца національная литература каждаго народа должна выкидывать ежегодно въ обращеніе не менѣе 20—30/т. томовъ.

Германцы и англо-саксы, стоя на высокой степени культурности запасаются умственнымъ оборудованіемъ, которое вполнѣ покрываетъ научныя ихъ потребности: Германія, напримѣръ, ежегодно выпускаетъ до 25.000 новыхъ сочиненій; о широтѣ же покрытія умственныхъ потребностей англо-саксовъ можно судить по одному тому, что Американскіе штаты ежегодно выпускаютъ до 22.000 журналовъ и газетъ разныхъ наименованій.

Если въ научной области ни нѣмцы, ни англичане не нуждаются въ позаимствованіяхъ изъ иностранныхъ литературъ, то для

экспорта за границу англійскія научныя сочиненія не достаточно ни цѣнны, ни многочисленны, а научныя нѣмецкія сочиненія нерѣдко пишутся такимъ тяжелымъ слогомъ, что иностранецъ, одинаково хорошо знакомый съ важнѣйшими европейскими языками, охотнѣе предпочтеніе отдастъ французскому научному труду, чѣмъ нѣмецкому. Въ области же изящной словесности нѣмцы даютъ мало интереснаго, англичане съ лицемѣрною стыдливостью романы и повѣсти изготовляютъ по шаблонамъ, пріурочивая ихъ ad usum delphini (т. е. къ потребностямъ стыдливыхъ, а еще болѣе лицемѣрныхъ англичанокъ), поэтому театръ нѣмецкій и англійскій не обходится безъ французскихъ пьесъ, а романы выродившихся галловъ съ особенною охотою читаются нѣмецкою и англійскою публикою въ оригиналахъ и переводахъ, и если не въ Англии и Америкѣ, то въ Германіи нѣтъ такихъ книжныхъ магазиновъ въ большихъ городахъ, гдѣ бы французскія книги не находили себѣ обширнаго сбыта, а между тѣмъ во Франціи всего какихъ нибудь три парижскія фирмы находятъ помѣщеніе для нѣмецкихъ книжныхъ новостей (стр. 114).

Россія, литература которой среди всѣхъ славянскихъ странъ представлена наиболѣе богато, выпуская ежегодно свыше 10.000 томовъ, далеко не покрываетъ внутреннюю производительностью умственного своего голода и охотно пополняетъ пробѣлы позавидованіями изъ литературы Запада.

Вообще же для всей Европы французскій языкъ и литература имѣютъ особенный умственный престижъ.

По общему закону тамъ, гдѣ соприкасаются два сосѣднихъ языка, менѣе совершенный уступаетъ мѣсто болѣе совершенному, а такъ какъ языкъ французскій имѣетъ преимущество надъ нѣмецкимъ въ отношеніи фонетическомъ, грамматическомъ и художественномъ, то онъ роковымъ образомъ вытѣсняетъ нѣмецкій языкъ, гдѣ съ тѣмъ ни сталкивается. Въ Швейцаріи, напримѣръ, уже нынѣ Фрейбургскій кантонъ совсѣмъ офранцузился, и недалеко то время, когда такая же судьба постигнетъ Бернскій кантонъ (стр. 131).

Въ Эльзасѣ, несмотря на 30-ти-лѣтнія правительственныя мѣропріятія, направленныя къ онѣмеченію края, французскій языкъ упорно держится и, по признанію нѣмецкихъ же изслѣдователей (въ родѣ Вернера Виттиха), буржуазія городовъ и образованные люди края во взаимныхъ отношеніяхъ употребляютъ языкъ французскій (стр. 132); да и вообще въ умственномъ отношеніи Франція успѣшно наступаетъ на германскія владѣнія—литература первой заполняетъ Германію несравненно успѣшнѣе, чѣмъ это удается нѣмецкимъ «Kulturträger»'амъ въ отношеніи «растлѣнныхъ» и «выродившихся» исконныхъ ихъ враговъ (стр. 115). Лингвистическія границы французскаго языка неотразимо расширяются въ сѣверномъ направленіи (стр. 131). Въ Бельгіи, несмотря на тщет-

ныя попытки къ возрожденію языка фламандскаго, французскій продолжаетъ его вытѣснять въ литературѣ, дѣловыхъ и общественныхъ сношеніяхъ (стр. 117). Въ Голландіи, хотя мѣстный языкъ принадлежитъ къ одному корню съ нижнегерманскимъ Platt-Deutsch, въ культурныхъ классахъ исторически развилось тяготѣніе къ языку французскому: начало этому положили въ XVII в. французскіе протестанты — *refugiés*, ослѣвшие въ Голландіи тысячами; въ XVIII в. тамъ сказалось вліяніе частаго печатанія французскихъ сочиненій, преслѣдовавшихся и запрещавшихся французскими парламентами, а въ конечномъ результатѣ, по свидѣтельству Пеперкампа, французскія книги, газеты и журналы нынѣ тамъ читаются нарасхватъ, такъ какъ въ Голландіи только тотъ и почитается воспитаннымъ человѣкомъ («*Monsieur*»), кто разумѣетъ и читаетъ по-французски (стр. 149). Такое же предпочтеніе французскому духу и словесности отдается, по свидѣтельству Брандеса, во всѣхъ скандинавскихъ странахъ (стр. 121).

Касается г. Новиковъ вліянія Франціи и на Россію, но факты, имъ сообщаемые (на стр. 143—145), слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться.

Благодаря тому, что все большее количество странъ «входитъ въ периметръ распространенія французскаго языка» (стр. 118), французскіе романы находятъ себѣ столь же усердныхъ читателей за границу, какъ англійскіе (стр. 68—69), а французскій драматическій репертуаръ издавна заполняетъ всѣ европейскіе театры (стр. 73).

Въ области научной литературы, если Германія беретъ верхъ количествомъ ежегодно выпускаемыхъ сочиненій, то за Францію остается преимущество большаго экспорта ея научныхъ трудовъ за границу. Французамъ несомнѣнно принадлежитъ незаурядное умѣніе ясно и вразумительно излагать самыя запутанные и отвлеченные предметы съ гармоничнымъ чувствомъ мѣры, а самая поверхностность иныхъ сочиненій обезпечиваетъ имъ распространенность среди большой публики (стр. 78). Благодаря незауряднымъ ихъ качествамъ, французскимъ произведеніямъ обезпечивается широкій сбытъ: по достовѣрнымъ и вполне авторитетнымъ даннымъ романы расходятся за предѣлами Франціи въ размѣрѣ половины всего ихъ завода, а научныя сочиненія въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ тиража (стр. 71).

Всестороннее разсмотрѣніе вопроса о распространеніи французской національности приводитъ г. Новикова къ слѣдующимъ выводамъ.

Если приростъ населенія въ коренной Франціи подѣ вліяніемъ чисто матеріальныхъ соображеній бережливыхъ семей и идетъ весьма медленно, то въ Французской Канадѣ и Алжирѣ замѣчается

явленіе противоположное, и безъ натяжекъ можно утверждать, что къ концу XX столѣтія коренныхъ французовъ будетъ насчитываться викакъ не менѣе 100 милліоновъ.

Колонизація и распространеніе французскаго языка среди мѣстнаго населенія Алжира, Судана, Конго и Индо-Китая къ этому же сроку сдѣлаетъ французскій языкъ роднымъ для 150 — 200 милліоновъ инородцевъ (стр. 31, 50). Наконецъ въ виду умственнаго вліянія, оказываемаго на иноязычныя страны Европы, французскій языкъ всего вѣроятнѣе сдѣлается для Европы международнымъ и составитъ общее достояніе культурныхъ европейцевъ, умѣренно высчитываемыхъ въ 4 милліона.

Такимъ образомъ, допуская даже, что Германія и Англія постепенно вернуться къ болѣе здоровымъ понятіямъ и откажутся отъ политики вызововъ, несправедливости и захватовъ, обуславливающей недоброжелательство и антипатію къ нимъ со стороны иноземныхъ сосѣдей, Франція тѣмъ временемъ настолько опередитъ возможныхъ своихъ противниковъ, что едва ли какая иная нація сумѣетъ парализовать завоеванное уже Франціею вліяніе.

Въ концѣ концовъ, по мнѣнію г. Новикова, Франціи въ XX в. суждено превратиться въ огромный очагъ, который станетъ сосредоточивать и разрабатывать мысль всѣхъ цивилизованныхъ націй, а такъ какъ научная и литературная производительность прямо пропорціональны жару очага, изъ котораго онѣ исходятъ, то Франціи обезпечивается умственный расцвѣтъ, значительно превосходящій предѣлы соразмѣрности съ количествомъ кореннаго французскаго населенія; этотъ культурный подъемъ явится въ сущности равнодѣйствующею силою совокупной умственной дѣятельности латинской и славянской расъ и отдѣльныхъ вѣтвей германской расы (стр. 127).

Во всякомъ случаѣ такая эволюція европейскихъ расъ для ближайшаго будущаго представляетъ большую вѣроятность, чѣмъ близорукія утвержденія о вырожденіи латинской расы, а славянству, какъ расѣ, позднѣе выступившей на поприщѣ исторіи, вполне естественно достанется сказать послѣднее вѣщее слово въ дѣлѣ поступательнаго и мирнаго развитія культурныхъ интересовъ.

Переходя къ болѣе покойной области изображенія событій прошлаго, замѣтимъ, что много уже лѣтъ историческія изслѣдованія на Западѣ съ особенною любовью и интересомъ сосредоточиваются на личности Наполеона и его эпохѣ.

б) Въ числѣ такихъ изслѣдованій почтенное мѣсто занимаетъ монографія, посвященная первому саксонскому королю Фридриху-Августу, выпущенная Боннефономъ (*Un allié de Napoléon Frédéric Auguste, premier roi de Saxe et grand duc de Varsovie, 1763—1827. Paris, éd. Perrin, in—8°, 1902.*)

Трудъ этотъ разработанъ по даннымъ парижскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и государственнаго саксонскаго архива и, несмотря на сухость, заключаетъ немало любопытныхъ чертъ, рисующихъ безжалостность и черствое себялюбіе, съ какимъ Наполеонъ насильственно вовлекалъ своихъ союзниковъ въ политику приключеній, чуждую кореннымъ ихъ интересамъ и всѣмъ народнымъ стремленіямъ.

Унаслѣдовавъ саксонскій престолъ послѣ расточительныхъ, фривольныхъ и распущенныхъ Августовъ, Фридрихъ-Августъ, въ силу особенно благоприятныхъ условій выросъ въ понятіяхъ нравственнаго долга. Прекрасный семьянинъ, чуждый фаворитизма, онъ въ теченіе большей половины царствованія съ большимъ достоинствомъ являлся воплощеніемъ типа патріархальнаго правителя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Опустошенная его предшественниками государственная казна, благодаря его бережливости, замѣтно приумножалась, безъ особеннаго податнаго гнета, у подданныхъ онъ снискалъ прочную любовь, хотя, вѣрныи преданіямъ добраго стараго времени, относился отрицательно ко всякимъ новшествамъ. Скромный, привѣтливый, благожелательный, Фридрихъ-Августъ въ болѣе спокойную эпоху, несомнѣнно, по заслугамъ стяжалъ бы самое лестное прозвище, но на его бѣду разыгралась французская революція, а тамъ явился Наполеонъ, и началась перетасовка политическихъ картъ, которая оказалась Фридриху-Августу не по плечу.

По самой своей природѣ, чуждый славолубія Фридрихъ-Августъ тяготѣлъ къ миру и избѣгалъ воинственныхъ приключеній. Непокколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ посреди интригъ Пруссіи и Австріи, добивавшихся приумноженія своихъ территорій, саксонскій курфюрстъ брезгалъ политикою захватовъ, а своимъ консерватизмомъ настолько сумѣлъ заразить дворъ, министерство и самое населеніе Саксоніи, что борьба идей, дуновение реформъ и бряцаніе оружіемъ, словомъ, вся суматоха, переживавшаяся Европою, какъ бы по волшебству замирала на саксонской границѣ, и маленькая страна въ своей отчужденности представляла разительный контрастъ съ Европою и пестрыми ея вѣяніями.

По стариннымъ традиціямъ, однако же, Саксонія была тѣсно связана съ Пруссіею и подъ угрозою оккупации прусскими войсками должна была ввязаться въ борьбу съ Наполеономъ. Послѣ іенскаго погрома Фридрихъ-Августъ также помимо своей воли былъ вовлеченъ въ сферу французскихъ интересовъ.

Болѣе чѣмъ скромныхъ территоріальныхъ приобрѣтеній, какія отвѣчали торговымъ интересамъ Саксоніи, Фридрихъ-Августъ не сумѣлъ добиться, но по Познанскому трактату саксонское курфюршество оказалось возведеннымъ въ рангъ королевства, а по

Тильзитскому трактату Фридрихъ-Августъ былъ поставленъ во главѣ герцогства Варшавскаго.

Къ саксонскимъ своимъ подданнымъ король, однако же, тяготѣлъ гораздо больше, чѣмъ къ полякамъ, въ Варшаву наѣзжалъ рѣдко, да и вообще могъ имѣть на польскія дѣла вліяніе ничтожное, такъ какъ тамъ хозяйничалъ французскій министръ-резидентъ де-Бургоэнъ, чуть ли не на правахъ проконсула.

Всѣ попытки саксонскаго короля охранять интересы саксонскихъ и польскихъ своихъ подданныхъ разбивались о равнодушіе и требовательность Наполеона, который не уставалъ предписывать о высылкѣ рекрутъ для укомплектованія «великой» арміи и о военныхъ поборахъ. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ Фридрихъ-Августъ, скрѣпя сердце, поступался солдатами и деньгами, а честною правдивостью и совѣтливымъ выполненіемъ принятыхъ обязательствъ сумѣлъ добиться даже нѣкотораго къ себѣ уваженія со стороны Наполеона, вообще третировавшаго нѣмецкихъ государей довольно безцеремонно.

Честность же во время кризиса 1813 г. не позволила Фридриху-Августу окончательно отшатнуться отъ Наполеона. Послѣ битвы при Эльстерѣ онъ на правахъ военноплѣннаго былъ водворенъ въ Берлинѣ, Саксонское королевство оказалось подъ русскимъ управленіемъ, а на Вѣнскомъ конгрессѣ прусское правительство принялось усиленно домогаться аннектированія Саксоніи къ своимъ владѣніямъ, и только по настояніямъ Талейрана Фридрихъ-Августъ былъ восстановленъ въ своихъ правахъ. Конецъ жизни король посвятилъ восстановленію финансовъ, распатанныхъ войнами 1806—1813 гг., поднятію промышленности и народнаго образованія, но, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, и слышать не хотѣлъ о дарованіи саксонцамъ конституціи.

Если исторія и можетъ сдѣлать Фридриху-Августу упрекъ въ приверженности къ административной рутинѣ и въ неумѣннѣ найтись въ критическихъ обстоятельствахъ, то, несомнѣнно, его прямота, безкорыстіе и великодушіе окружаютъ его личность особымъ ореоломъ. Несмотря на дружеское расположеніе Наполеона, онъ остался чуждъ стяжательства и, не гоняясь ни за величіемъ, ни за погремущками славы, неизмѣнно оставался вѣрнымъ долгу, такъ, какъ его понималъ.

Для русскихъ читателей въ книгѣ Боннефона наибольшій интересъ представляетъ та часть изслѣдованія, которая касается судьбы Варшавскаго герцогства и отношеній послѣдняго къ Россіи, хотя въ ту пору остатки Рѣчи Посполитой почти низведены были на степень французской префектуры.

6) Stabsarzt Dr. W. Zelle. 1812—das Völkerdrama in Russland. Braunschweig. 1903. Sattlers Verlag, in—8°, 256 Ss.

Долгое время оцѣнка дѣйствій Наполеона во время русской кампаніи не шла дальше пристрастныхъ сравненій его съ античными героями въ родѣ Эмистокла или столь же страстныхъ нападковъ на «Корсиканскаго людоеда», безграничное его славолубіе, ненасытимую алчность и безсовѣстное себялюбіе.

Въ Германіи первую существенную попытку къ изложенію трагическихъ перипетій кампаніи и сопровождавшихъ ее разочарованій и лишеній, а равно и къ болѣе справедливой оцѣнкѣ распоряженій Наполеона сдѣлалъ талантливый военный писатель капитанъ Йоркъ фонъ-Вартенбургъ, столь безвременно погибшій въ недавней Китайской войнѣ.

Г. Целле въ популярномъ изложеніи представилъ картину кампаніи 1812 г., опираясь почти исключительно на нѣмецкіе источники и весьма скудно на русскіе.

Изложивъ поводы къ войнѣ, Целле описываетъ подготовительныя мѣры, принятыя Наполеономъ для успѣшной организациі похода; далѣе дается характеристика французской арміи (довольно подробная) и русской (весьма поверхностная), а затѣмъ въ рядѣ главъ рассматриваются военныя дѣйствія Наполеона, какъ наступательныя, такъ и преисполненное злосключеній отступление въ предѣлы Германіи.

Не вдаваясь въ особенныя военныя подробности, г. Целле интересно сопоставляетъ факты и рассказываетъ ихъ довольно живо.

Характеризуя пожаръ Москвы, онъ указываетъ, что, несмотря на полный разгромъ, въ городѣ оказались значительныя склады припасовъ и предметовъ обмундированія за исключеніемъ фуража; равнымъ образомъ нашлись многочисленныя запасы орудій, ружей, пороха и снаряженныхъ патроновъ (всему этому приводятся цифровыя данныя); особенно значительная добыча досталась французамъ, въ видѣ драгоценныхъ металловъ. Но если русскимъ не удалось лишить непріятельскую армію продовольствія, то нравственное дѣйствіе, оказанное московскимъ пожаромъ какъ на Наполеона и его армію, такъ и на русскій народъ, было могущественно и въ значительной степени обусловило дальнѣйшее пораженіе Наполеона, а равно ожесточенное преслѣдованіе непріятеля со стороны русской арміи (стр. 119).

Въ заключеніе г. Целле подводитъ итогъ потерямъ Наполеона за время кампаніи—изъ строя выбыло до 480.000 человекъ, въ томъ числѣ до 300.000 изъ рядовъ союзныхъ войскъ и всего 180.000 изъ состава собственно французской арміи. Въ плѣнъ къ русскимъ попало 1.298 — 4.068 офицеровъ и 167.510 — 210.530 солдатъ. Россія, въ свою очередь, за время кампаніи понесла уронъ до 300.000 человекъ. Такимъ образомъ кампанія накрутъ поглощала до 100.000 человекъ ежемѣсячно, или свыше 3.000 человекъ ежедневно (стр. 250—251).

При огромныхъ потеряхъ въ людяхъ нечего и удивляться ужа-сающему виду, какой представляли поля битвъ.

Посѣтившіе, напримѣръ, мѣсто Березинской переправы и участвовавшіе въ ней нѣмецкіе офицеры по минованіи десяти лѣтъ не встрѣтили надобности ни въ проводникахъ, ни въ особыхъ указаніяхъ для воссозданія картины прошлаго. Вокругъ Студенки валялись еще груды суконныхъ лоскутьевъ, обуви, оружія и костей человѣческихъ и лошадиныхъ. Тамъ, гдѣ нѣкогда былъ устроенъ главный мостъ для переправы, образовался островокъ отъ прибывшихъ теченіемъ экипажей, фуръ и труповъ. Нѣсколько дальше высились три болотистыхъ холма, въ основаніи которыхъ залегали трупы, костяки которыхъ кое-гдѣ бѣлѣли среди сочной зелени и незабудокъ (стр. 192—7).

7) Отмѣтимъ далѣе появленіе мемуаровъ Ланжерона (*Mémoires de Langeron, général d'infanterie dans l'armée russe. Campagnes de 1812, 1813, 1814. Publiés d'après le manuscrit original pour la société d'histoire contemporaine. Paris. Alph. Picard. 1902. № 28, 193+524 стр., in—8°*).

Парижское общество современной исторіи за немногіе годы своего существованія успѣло уже сдѣлать немаловажный вкладъ въ исторію эпохъ революціи, имперіи и реставраціи напечатаніемъ ряда записокъ современниковъ, снабдивъ ихъ учеными примѣчаніями и пополнивъ данными, почерпнутыми изъ французскихъ и иностранныхъ архивовъ.

Въ 1895 году, по порученію общества, Леонсъ Пенго (Pingaud) подъ заглавіемъ «L'invasion austro-prussienne» (1792—1794) издалъ мемуары графа Ланжерона, обнимающіе описаніе войнъ первой европейской коалиціи; въ настоящее же время вышла слѣдующая часть мемуаровъ того же автора, описывающая кампаніи 1812, 1813 и 1814 гг.

Для любителей собственно исторіи впрочемъ оба изданія эти захватывающаго интереса не представляютъ, такъ какъ носятъ узкій и специальный характеръ и исключительно посвящены подробно и обстоятельному разсмотрѣнію техники военныхъ дѣйствій.

Новѣйшій томъ мемуаровъ Ланжерона сопровождается обширнымъ введеніемъ (120 стр.), въ которомъ редакторъ изданія, скрывшій свою фамилію подъ инициалами L. G. F., пополняетъ записки Ланжерона техническими разъясненіями военныхъ операцій, предшествовавшихъ Березинской переправѣ въ 1812 г. и сраженію при Кацбахѣ въ 1813 г., опираясь на свѣдѣнія, почерпнутыя изъ петербургскихъ архивовъ министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ, вѣнскихъ архивовъ государственнаго и военнаго министерства, саксонскихъ и т. д.

Болѣе живой интересъ представляетъ введеніе, приобщенное Пенго къ первому тому записокъ Ланжерона и дающее цѣльный

очеркъ дѣятельности графа Ланжерона, не прошедшей безслѣдно для судьбы Новороссійскаго края, которымъ онъ былъ призванъ править послѣ герцога Ришелье.

8) Сухость записокъ Ланжерона выступаетъ особенно рѣзко, если ихъ сравнить со II-мъ томомъ записокъ барона ф. Лёвенштерна, обнимающимъ событія тѣхъ же 1813 и 1814 гг. и только что вышедшимъ во французскомъ изданіи.

Mémoires du général major russe, baron de Löwenstern (1776—1858), publiés d'après le manuscrit original et annotés par M. H. Weil. T. II (1813—1858). Paris, ed. Fontemoing, 1903, in—8°, 546 стр.

О первомъ томѣ этихъ записокъ мы уже имѣли случай говорить въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

Теперь вышедшимъ II томомъ Вейль предпринятое имъ изданіе доводитъ до конца. Такъ какъ Вейлю былъ открытъ доступъ къ фамильному архиву Лёвенштерновъ, то онъ могъ существенно пополнить записки эти, въ русскомъ переводѣ «Русской Старины» прерывающіяся на VIII части (занятіе Парижа союзными войсками). Оригиналь рукописи послѣдней части «Записокъ», обнимающей событія съ 1814 г. по выходъ Лёвенштерна въ отставку, повидимому, утраченъ безвозвратно, но на основаніи замѣтокъ, корреспонденціи и обширнаго письма (въ 194 стр.), имѣющаго характеръ какъ бы конспекта записокъ, доведеннаго до 12 октября 1842 года, Вейль въ особомъ приложеніи, занимающемъ почти сотню страницъ, сообщаетъ въ подлинныхъ словахъ Лёвенштерна немало любопытныхъ подробностей о послѣднемъ періодѣ его военной, а затѣмъ и гражданской дѣятельности. Добросовѣстно и съ видимою любовью сдѣланныя извлеченія какъ нельзя лучше характеризуютъ справедливость оцѣнки, какую Лёвенштернъ сдѣлалъ своимъ воспоминаніямъ въ письмѣ къ принцу Евгенію Вюртембергскому отъ 12 мая 1847 года. «Я знаю, перо мое, — пишетъ онъ, — слишкомъ остро и нерѣдко вздорно, но я никогда не принимаю всерьезъ того, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, вѣроятно, потому, что рокъ никогда не удостоивалъ отнестись всерьезъ и къ моеи судьбѣ. На выпавшемъ мнѣ житейскомъ поприщѣ я подвергался всевозможнымъ посрамленіямъ, и отмщеніемъ является развѣ только то, что, не скрывая истины, я не щажу ни живыхъ, ни мертвыхъ».

«Въ моихъ запискахъ я касаюсь войны и политики, раззолоченныхъ гостиныхъ и сельскихъ хижинъ, щеголихъ и гризетокъ, анекдотовъ и сплетенъ; эти записки придаютъ имъ оттѣнокъ легкомыслія и вздорности, но не исключаютъ для того, кто захочетъ искать въ нихъ серьезнаго, возможности найти тамъ кое-что и солидное».

«Да и вообще нѣтъ вѣдь въ томъ бѣды, если по прошествіи нѣкотораго времени, когда уже никого изъ насъ въ живыхъ не останется, узнаются отзывы о разныхъ матеріяхъ, совсѣмъ идущіе

въ разрѣзъ съ тѣмъ, что исторіографы, служащіе на жалованіи, и иные имѣли задачею и стремленіемъ выдавать за единую правду истинную. То, что мною записано, не пропадетъ: вѣдь что написано перомъ, не вырубишь топоромъ».

Въ числѣ прочаго особенно показательны, съ одной стороны, для безсребренничества, а съ другой—для живости нрава и вспыльчивости Лёвенштерна описываемыя Вейлемъ прощаніе Лёвенштерна съ Александромъ I въ Витри (стр. 453—455) и столкновение Лёвенштерна, уже почтеннаго отставнаго генерала, съ его двоюроднымъ братомъ, директоромъ императорскихъ театровъ Геденовымъ (стр. 506—507).

9) Переходя къ другой области—литературной, мы остановимся на сборникѣ статей австрійскаго журналиста Бернгарда Мюнтца «*Literarische Physiognomien*» (Wien, Braunmüllers Verlag, 1903, in—8°).

Въ числѣ прочихъ essays въ книгѣ видное мѣсто занимаютъ характеристики поэта К. Р., газетной сотрудницы Ольги Новиковой и Мальвиды фонъ-Майзенбургъ, интересной для насъ своею долготѣнею близостью къ семьѣ А. И. Герцена.

Для очерка литературной дѣятельности К. Р. г. Мюнтцу существеннымъ подспорьемъ послужилъ переводъ стихотвореній августѣйшаго поэта, появившіяся въ двухъ томикахъ въ Берлинѣ, въ пересказѣ Юліуса Гроте.

Г. Мюнтцъ подчеркиваетъ, что, несмотря на высоту положенія, К. Р. живо ощущаетъ въ себѣ біеніе народной души; чуждый предрассудковъ голубой крови, онъ признаетъ, что правомѣрныя притязанія на духовное благородство можетъ заявлять лишь тотъ, кто завоевываетъ его себѣ личными заслугами; ставя духовную личность несравненно выше внѣшнихъ преимуществъ, августѣйшій питомецъ музъ взываетъ о благословеніи къ маститымъ поэтамъ, ему современнымъ, Майкову, Фету и Полонскому. Обѣтъ, который себѣ поставилъ поэтъ, былъ далеко не празденъ, такъ какъ чрезъ все его творчество въ видѣ лейтмотива проходитъ сознаніе, нашедшее себѣ выраженіе въ слѣдующихъ строфахъ:

... Лишь тѣмъ, что свято, безупречно,
Что полно чистой красоты,
Лишь тѣмъ, что свѣтитъ правдой вѣчной,
Пѣвецъ, плѣняться долженъ ты.

Любовь—твое да будетъ знанье
Проникнись ей, и пѣснь твоя
Въ себѣ включить и все страданье
И все блаженство бытія.

Преисполненный наилучшихъ намѣреній, К. Р., по мнѣнію Мюнтца, съ полнымъ успѣхомъ осуществляетъ ихъ въ своемъ творчествѣ.

Приводимыя Мюнцемъ извлеченія изъ стихотвореній К. Р. убѣждаютъ критика, что августѣйшій поэтъ всецѣло овладѣлъ волшебною силою лирики и съ такою же чуткостью, какъ и богатствомъ красокъ, возсоздаетъ сокровеннѣйшія движенія человѣческой души (стр. 181).

Его лирика чужда напыщенной фразистости, она не выдумана, но прочувствована и пережита; живость и нѣжность чувствованій у него идетъ рука объ руку съ мужественнымъ благородствомъ; онъ воспѣваетъ то или другое потому лишь, что для него это является потребностью (стр. 187).

Черезъ стихотворенія проходятъ порою меланхоличныя струйки, которыя показываютъ, что даже личность, рожденная у подножія престола, не остается чуждою заботъ и горестей, обуревающихъ простыхъ смертныхъ (стр. 182).

Съ неменьшимъ почтеніемъ относится Мюнцъ къ эпическимъ опытамъ К. Р., затрогивающимъ въ «Возрожденномъ Манфредѣ» и «Севастьянѣ мученикѣ» высшіе религіозныя запросы духа на разныхъ полюсахъ человѣческаго существованія (стр. 188, 189).

Столь же сочувственно трактуетъ авторъ литературную дѣятельность Ольги Алексѣевны Новиковой.

Ольга Кирѣева родилась въ Москвѣ въ 1840 г., была крестною дочерью императора Николая I и въ 1859 г. вышла замужъ за значительно старшаго ея годами генерала Новикова, который подъ конецъ жизни занималъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Изящная внѣшность, блестящій умъ и тщательное образованіе обезпечили г-жѣ Новиковой незаурядное положеніе въ столичномъ обществѣ, но политика вначалѣ мало ее занимала. За всѣмъ тѣмъ традиціи всей ея семьи, по отцу-славянофилу связанной съ Хомяковымъ, Кирѣевскими, Аксаковыми и Кошелевымъ, безвременная смерть младшаго брата, полковника Николая Алексѣевича Кирѣева, убитаго въ 1876 г. въ сербско-турецкой войнѣ, какъ и интересы, издавна преслѣдуемые ея старшимъ братомъ, генераломъ Александромъ Алексѣевичемъ Кирѣевымъ, столь извѣстнымъ знатокомъ церковныхъ вопросовъ и дѣятелемъ славянскаго общества, — все это натолкнуло Ольгу Алексѣевну Новикову на пропаганду за границую болѣе здравыхъ понятій объ объединеніи славянскихъ народовъ подъ покровительствомъ Россіи.

Прежде сдѣланное уже знакомство дало Новиковой возможность обратиться къ Вильяму Гладстону и побудить его выступить въ печати съ его извѣстною брошюрою о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи и восточномъ вопросѣ. Поселившись съ 1876 г. въ Англію, гдѣ г-жа Новикова съ тѣхъ поръ ежегодно проводитъ каждую зиму, она энергично взялась за починъ разсѣять предубѣжденіе англичанъ противъ Россіи, знакомя ихъ съ коренными стремленіями и кров-

ными желаніями русскаго народа; одновременно съ этимъ корреспонденціями, помѣщаемыми въ русскихъ газетахъ, г-жа Новикова столь же добросовѣстно пыталась убѣдить и русскихъ своихъ читателей въ томъ, что на ряду съ Биконсфильдовскою Англіею существуетъ Англія болѣе рыцарственная, терпимо и сочувственно относящаяся къ интересамъ славянства и восточному вопросу.

Приобрѣтя въ Англіи многочисленныхъ друзей, даже во враждебномъ ей консервативномъ лагерѣ (какъ, напримѣръ, историка Кингслэка), г-жа Новикова снискала популярность и авторитетность, которыя позволили ей выступать, весьма рѣшительно и откровенно касаясь въ печати животрепещущихъ политическихъ темъ—таковы ея брошюры: *Is Russia wrong?* (1877), *Friends or foes?* (1878), оправдывающая поступательное движеніе Россіи въ центральную Азію; «*Russia and England from 1876 to 1880, a protest and appeal*» (1880), «*Scobeleff and the slavonic cause*» (1884) и т. д. Точно также въ публицистической дѣятельности во французскихъ журналахъ (между прочимъ въ «*Nouvelle Revue*») О. А. Новикова не устала ратовать за объединеніе славянства.

Примѣчательно въ статьѣ Мюнтца то, что къ боевой дѣятельности нашей соотечественницы австрійскій журналистъ относится вполне сочувственно и чуждъ столь обычныхъ въ заграничной печати навѣтовъ на Россію и изобличенія ея будто бы интригъ, коварныхъ козней и пр. Намекъ на это, весьма впрочемъ осторожный, сказанъ лишь въ оброненномъ Мюнтцемъ сомнѣніи насчетъ того, дѣйствуетъ ли Россія въ дѣлѣ объединенія славянства и впрямь безкорыстно, не преслѣдуя цѣли полнаго подчиненія своему вліянію освобождаемыхъ народностей (стр. 201) ?

Третья статья посвящена недавно умершей нѣмецкой писательницѣ Мальвидѣ фонъ-Мейзенбургъ, пользующейся въ Германіи широкою извѣстностью изъ-за ея «*Memoiren eines Idealistinn*», пережившихъ въ короткое время уже 6-е изданіе, «*Lebensabend einer Idealistinn*», «*Individualität*» и пр., и прославившейся своею тѣсною дружбою съ Рихардомъ Вагнеромъ и Фридрихомъ Ничше.

Дочь кассельскаго высокопоставленнаго чиновника, Мальвида получила тщательное образованіе, много занималась музыкой и живописью и рано выступила поборницею женской эмансипаціи въ хорошемъ значеніи этого слова.

Ея невинная дѣятельность въ концѣ 40-хъ гг. въ Гамбургѣ въ качествѣ руководительницы высшаго женскаго образовательнаго заведенія, основаннаго по частному почину передовыхъ людей, вызвала противъ нея гоненіе мѣстныхъ піетистовъ и создала ей репутацію единомышленицы нѣмецкихъ демагоговъ. Переселившись въ Лондонъ, Мейзенбургъ зарабатывала деньги преподаваніемъ нѣмецкаго языка, а сблизившись съ семьей нѣмецкаго поли-

тического изгнанника Кинкеля, имѣла случай познакомиться съ такими звѣздами революціоннаго движенія, какъ Маццини, Кошутъ, Гарибальди, графъ Ворцель и А. И. Герценъ.

Сходство возрѣній на разыгрывавшіяся въ Европѣ политическія событія особенно сблизило Мейзенбургъ съ Герценомъ, а по смерти жены онъ пригласилъ Мальvidу взяться за воспитаніе обѣихъ его дочерей. Герценъ же познакомилъ Мейзенбургъ съ русскою литературою и научилъ ее русскому языку настолько, что она свободно читала въ подлинникѣ Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Мейзенбургъ признается, что къ Герцену благоговѣла, а потому все сердце положила на воспитаніе его дочерей, но когда чрезъ нѣсколько лѣтъ къ Герцену вселилась пріятельница его жены (Огарева?), начались недоразумѣнія, которыя и побудили Мейзенбургъ покинуть домъ, съ которымъ она сроднилась. Отношенія къ Герцену и его семьѣ впрочемъ Мейзенбургъ сохранила самыя дружественныя, и въ этомъ же тонѣ написана ею и характеристика А. И. Герцена, вошедшая въ «Stimmungsbilder».

Переселившись въ Италію, часть 60-хъ годовъ Мейзенбургъ проводитъ опять съ дочерьми Герцена, а въ 1870 г., по смерти А. И., окончательно поселяется съ Ольгою Герценъ въ Флоренці, гдѣ жидъ и Герценъ-сынъ, состоявшій въ то время ассистентомъ физиолога Моритца Шифа. Со своею нѣжною любимою воспитанницею Мейзенбургъ разсталась лишь въ 1873 г., когда Ольга Герценъ, выйдя замужъ за профессора Габріеля Монода, переселилась въ Парижъ.

Живая, на все отзывчивая, Мейзенбургъ, познакомившись съ Ницше въ пору увлеченія его Вагнеромъ, взяла философа къ себѣ на попеченіе, когда тотъ, больной, вздумалъ искать облегченія отъ недуговъ въ Италіи. Позднѣе сближеніе съ семьею министра Мингетти обусловило переселеніе Мальвиды фонъ-Мейзенбургъ въ Римъ, гдѣ она вращалась въ обществѣ княгини Каролины фонъ-Витгенштейнъ, теперешняго германскаго канцлера фонъ-Бюлова, женившася на дочери Мингетти, — художника Ленбаха, Ибсена и т. д.

Неудивительно, что, благодаря разнообразнымъ интересамъ и свѣдѣніямъ, почерпнутымъ г-жею фонъ-Мейзенбургъ изъ общенія съ выдающимися дѣятелями чуть ли не всей Европы, ея мемуары столь же интересны, какъ и тотъ «внутренній челоувѣкъ», свободный отъ всякихъ путъ, какого сумѣла въ себѣ воспитать убѣжденная поборница моднаго теперь «феминизма».

10) Въ заключеніе коснемся въ нѣсколькихъ словахъ книги специальной, мало интересной для читателей «Историческаго Вѣстника» — мы говоримъ о произведеніи: *Son Excellence M. de Schoulerpnikoff. Le péril jésuitique. Lausanne, ed. Bridel, 1903, in—8°, 336 стр.* Въ рядахъ высшаго русскаго общества преимущественно въ XIX вѣкѣ нерѣдкимъ явленіемъ бывало, подъ вліяніемъ тѣхъ или

иныхъ житейскихъ драмъ, отпаденіе отдѣльныхъ особей отъ православія (Тургеневъ, князь И. Гагаринъ, Мартыновъ, графъ Апрашинъ, Чаадаевъ). Въ такомъ же положеніи очутился и авторъ «Le péril jésuitique».

Книга эта носитъ полемическій характеръ и направлена противъ послѣдователей Игнатія Лойолы, внесшихъ столь много мрака и изувѣрства въ ученіе римской католической церкви; книга г. Щулепникова написана въ умѣренномъ тонѣ и съ знаніемъ дѣла, но для читателей «Историческаго Вѣстника» она представляетъ интересъ, лишь поскольку издатель посмертнаго произведенія нашего соотечественника Ш. Порре сообщаетъ скудныя біографическія свѣдѣнія о несомнѣнно интересной личности покойнаго.

М. Щулепниковъ (род. въ 1824 г.), воспитанникъ университета, востоковѣдъ, готовилъ себя къ дипломатической дѣятельности на востокъ, но оказался въ званіи камеръ-юнкера высочайшаго двора сначала секретаремъ русской миссіи въ Берлинѣ, а позднѣе совѣтникомъ посольства въ Бернѣ.

Прекрасно образованный музыкально, Щулепниковъ смолоду выступалъ талантливымъ исполнителемъ-солистомъ въ студенческомъ оркестрѣ, поддерживалъ дружескія отношенія съ А. Г. Рубинштейномъ и, въ качествѣ композитора, пользовался нѣкоторымъ успѣхомъ въ Берлинѣ и Парижѣ.

По всѣмъ условіямъ внѣшней жизни, родственнымъ и свѣтскимъ связямъ, дарованіямъ умственнымъ и художественнымъ, Щулепниковъ скорѣе былъ призванъ къ утѣхамъ видной и блестящей карьеры, но на духовной его жизни отразилось вліяніе сначала его глубоко религіозной матери, а затѣмъ набожной жены. Выступивъ съ популярнымъ изложеніемъ евангельскихъ истинъ въ воскресныхъ школахъ Парижа и Монтре, Щулепниковъ въ 1892 г. покидаетъ службу и окончательно обращается къ проповѣдыванію слова Божія въ духѣ свободнаго протестантизма. Въ Гліонѣ онъ увлекся задачей внести духовный свѣтъ и радость въ загрубѣлыя сердца итальянскихъ чернорабочихъ, нашедшихъ себѣ заработокъ при сооруженіи горной желѣзной дороги въ Rochers de Naye; на 68-мъ году жизни Щулепниковъ рьяно принялся за изученіе итальянскаго языка и выступилъ въ заинтересовавшей его средѣ убѣжденнымъ и талантливымъ проповѣдникомъ евангельскихъ истинъ въ духѣ, чуждомъ узкаго сектанторства. Изложеніе своихъ воззрѣній на предметы религіи Щулепниковъ представилъ въ Appel pressant à nos frères catholiques qui cherchent la vérité, напечатанномъ при его жизни въ 1899 г., и въ указанномъ выше, посмертномъ его сочиненіи.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Томъ VII. Письма А. С. Пушкина. Съ портретомъ Пушкина, гравированнымъ Рундальцовымъ съ оригинала Кипренскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903.

Н АСТОЯЩІЙ томъ сочиненій Пушкина въ редакціи П. А. Ефремова очень интересенъ и важенъ. Онъ является крупнымъ приобретениемъ для читающихъ и изучающихъ Пушкина. Въ немъ собраны его письма. П. А. Ефремовъ первый положилъ начало собранію писемъ Пушкина, введя ихъ въ свое изданіе 1882 года; послѣднее собраніе писемъ дано въ изданіяхъ 1887 года—подъ редакціей П. А. Ефремова же и г. Морозова. Съ тѣхъ поръ прошло больше 15 лѣтъ; за это время въ различныхъ изданіяхъ появилось очень много писемъ Пушкина. Изданіе А. С. Суворина впервые послѣ пятнадцатилѣтняго промежутка даетъ новое собраніе писемъ, подводющее итогъ всему появившемуся за это время матеріалу. Можно себѣ представить важность этого тома для читателей и специалистовъ: въ изданіи литературнаго фонда 1887 года было помѣщено 490 писемъ Пушкина, а въ настоящемъ изданіи мы имѣемъ 616. Такимъ образомъ помѣщено около 120 писемъ, не входившихъ въ прежнія изданія. Но цѣнность книги не исчерпывается только сведеніемъ всѣхъ извѣстныхъ въ печати писемъ Пушкина. Въ VII томѣ является много писемъ впервые: всѣ эти впервые появляющіяся письма адресованы къ гр. А. Х. Бенкендорфу и извлечены изъ архива департамента полиціи. «Всего,—пишетъ редакторъ,—было списано и свѣрено съ подлинниками около сорока писемъ, изъ которыхъ многія не только не были напечатаны, но даже не упоминались въ печати, а другія появлялись въ короткихъ извлеченіяхъ и отрывкахъ или въ простомъ пересказѣ. Между письмами оказались два до-

сель неизвѣстныхъ автографа: посланія «Къ друзьямъ» и «Моей родословной» въ измѣненномъ видѣ». Нечего и говорить, что эти письма являются весьма важными для біографіи поэта, для разъясненія психологии его официальныхъ отношеній. Кромѣ этихъ писемъ, въ настоящемъ томѣ впервые появляется и записочка Пушкина П. С. Зеновичу, списанная съ подлинника Е. И. Якушкинымъ. Къ новостямъ этого тома нужно еще прибавить нѣсколько черновыхъ писемъ, сохранившихся въ тетрадяхъ П. В. Анненкова, но отсутствующихъ въ собраніяхъ пушкинскихъ бумагъ въ Румянцевскомъ музеѣ и у профессора И. А. Шляпкина. И въ равнѣ извѣстныя письма Пушкина П. А. Ефремовъ вноситъ немало исправленій и дополненій по тѣмъ подлинникамъ, которые находились у него въ рукахъ. Тщательно пересматривая матеріалъ, П. А. Ефремовъ нашелъ возможнымъ измѣнить хронологію нѣкоторыхъ писемъ.

Весьма любопытнымъ дополненіемъ въ изданіи П. А. Ефремова является помѣщеніе числовыхъ датъ изъ разныхъ документовъ и выдержекъ изъ официальныхъ бумагъ. Эти выдержки, касающіяся преимущественно отношеній правительства къ Пушкину, тянутся черезъ всю книгу и производятъ вполне определенное впечатлѣніе.

Этимъ томомъ заканчиваются «Сочиненія» Пушкина; остается восьмой, который будетъ посвященъ примѣчаніямъ. Только съ ихъ появленіемъ мы получимъ возможность обсудить тотъ вкладъ въ изученіе Пушкина, который вноситъ это изданіе, и поставить вопросы, которыхъ не разрѣшаетъ настоящее изданіе. По выходѣ послѣдняго тома мы постараемся это сдѣлать въ особой статьѣ.

П. Ш.

Сенатскій архивъ. Томъ X. 1) Протоколы правительствующаго сената 1757 г. 2) Всеподданнѣйшій докладъ правительствующаго сената о калужскомъ губернаторѣ Лопухинѣ. 3) Всеподданнѣйшій докладъ Г. Р. Державина по дѣлу Лопухина. 4) Протоколы правительствующаго сената 1758 г. Спб. 1903.

Протоколы сената за 1757—1758 г. относятся къ тому времени, когда въ Россіи, по отзыву Екатерины II, «все мѣста и самый сенатъ вышли изъ своихъ основаній».

По уничтоженіи кабинета, сенатъ, въ составъ котораго вошли представители русской родовой знати, согласно манифесту 1742 г., дѣйствительно сталъ «первымъ государственнымъ мѣстомъ по своей должности и по данной власти». Идеалы верховниковъ еще были живы, и носители ихъ хотѣли видѣть въ сенатѣ вліятельную сословную корпорацію. Право самоуправленія и законодательная часть политической власти, имъ присвоенныя, давали надежду на осуществленіе этого желанія. Никогда ни прежде, ни потомъ сенатъ не достигалъ того значенія, какое онъ имѣлъ при императрицѣ Елизаветѣ, и протоколы X-го тома подтверждаютъ это въ отношеніи вѣнскихъ и особенно внутреннихъ дѣлъ.

Сенатъ составлялъ новыя учрежденія и преобразовывалъ старыя, ему подчиненныя, имѣлъ высшій надзоръ за центральными и мѣстными; уменьшалъ и увеличивалъ налоги, управлялъ малороссійскими дѣлами, назначалъ воеводъ,

охранялъ народное здравіе, вѣдалъ монетное дѣло, политическія преступленія и т. д., хотя наряду съ такими важными на его долю выпадали и мелочныя заботы, въ родѣ устройства въ г. Смоленскѣ помѣщенія для литовскаго хорунжаго Радзивилла, награжденія меццерицкаго начальника Сулеймана Девлеева саблей, довольствованіе жалованіемъ поваровъ ссыльнаго Бирона и т. п.

Положеніе Россіи въ ту эпоху, судя по протоколамъ, рисуется въ мрачныхъ краскахъ: экономическое и финансовое истощеніе страны, смуты въ Малороссіи; война съ Пруссіей, постоянныя враждебныя столкновенія запорожцевъ съ татарами и турками изъ-за рыбныхъ ловель, угрозы китайцевъ вторгнуться съ войсками въ Россію, если она не измѣнитъ политики въ отношеніи пограничныхъ инородцевъ,—требовали содержанія большихъ военныхъ силъ и неразрывно связанныхъ съ этимъ расходовъ. Большинство протоколовъ X-го тома относится къ войнѣ, довольствію войскъ провіантомъ и деньгами, къ финансовымъ мѣропріятіямъ правительства. Среди послѣднихъ интересенъ проектъ Шувалова о чеканкѣ изъ пуда мѣди грошей, копеекъ, денежекъ и полусекъ на 16 рублей, отъ чего казна получала большую выгоду, позволявшую ей сложить съ народа на 1 миллионъ подушной подати.

Проектъ Шувалова, одобренный въ конференціи, учрежденной при дворѣ ея величества, въ экстрактѣ изъ протокола ея былъ сообщенъ сенату.

Взглядъ на взаимоотношенія сената и конференціи еще не установился въ наукѣ, и обнародованіе протоколовъ 1757—1758 гг. можетъ много содѣйствовать окончательному выясненію этого интереснаго вопроса исторіи русскаго государственнаго права.

Конференція, слѣды дѣятельности которой въ области управленія иностранными дѣлами проявились еще въ 1745 г., въ 1757 году, при тяжелыхъ для Россіи обстоятельствахъ начала усиливаться и расширять поле своего вѣдѣнія.

Почти всѣ значительныя (особенно военныя и финансовыя) мѣропріятія предпринимаются сенатомъ на основаніи экстрактовъ изъ протоколовъ конференціи.

Напримѣръ, крайнее экономическое истощеніе Малороссіи, гдѣ «обыватели въ такую пришли скудость, что не имѣютъ чѣмъ и свой скотъ прокормить», побудило гетмана ходатайствовать объ освобожденіи Малороссіи отъ содержанія войскъ. Сенатъ, на основаніи экстракта изъ протокола конференціи, съ нарочнымъ увѣдомилъ гетмана, что «недородъ въ Малороссіи хлѣба безъ уваженія оставленъ не былъ, однако жъ, со всѣмъ тѣмъ найдено, что въ учиненномъ распредѣленіи оный мѣшать не можетъ».

Въ другой разъ, къ гетману были послана сенатомъ грамота «о нечиненіи имъ внималѣйшаго пренятствія къ образованію изъ казаковъ двухтысячнаго обсервационнаго корпуса». Гетманъ отвѣчалъ, что «по сему исполненіе учинено будетъ», но просилъ для ускоренія дѣла денежной помощи. Сенатъ, самъ ничего не постановляя, приказалъ: «о томъ его, малороссійскаго гетмана, представленіи во извѣстіе учрежденной при дворѣ его императорскаго величества конференціи сообщить экстрактомъ».

Любопытныя данныя даютъ протоколы для характеристики русской политики XVIII вѣка, въ отношеніи переселяющихся въ нее инородцевъ, особенно

восточныхъ, которые массаи принимали русское подданство и, отчасти, переходили въ православіе. Одно изъ племенъ «мунгальскаго владѣнія людей» — зенгорцы, или зюнгорцы, какъ ихъ часто называютъ въ протоколахъ, доставило сенату много заботъ. Правительство, заинтересованное привлеченіемъ ивородцевъ въ Россію, встрѣчало препятствіе въ своихъ же чиновникахъ-хищникахъ. Изъ партіи зенгорцевъ въ 3.300 душъ обоего пола по пути въ Оренбургскую губернію умерло 557 душъ и заболѣло горячкою 208 душъ. Вначалѣ сенату было донесено, что смертность и болѣзни среди переселенцевъ произошли отъ перемѣны климата и пищи, но сенатъ потребовалъ рапорта: «для чего и къмъ оныя зенгорцы по неимѣнію у нихъ на пищу скота и одежды въ препровожденіи до такой нужды и всеконечной гибели допущены». Слѣдствіе выяснило, что причиной несчастій зенгорцевъ были притѣсненія и вымогательства командующаго Кузнецкой и Колыванской линіей полковника Дагеррита и адъютанта Кочерина, умышленно задерживавшихъ ихъ въ пути.

Сенатъ сурово приказывалъ: «Впредь, когда таковыя же зенгорцы и прочіе народы въ подданство выходить будутъ, оныхъ довольствовать какъ хлѣбомъ, такъ и по натурѣ ихъ, мясомъ, покушая для того скотъ и лошадей, такъ и одеждую и въ повелѣнные мѣста препровождать безъ всякаго изнуренія и недостатка, о чемъ кому надлежитъ накрѣпко подтверждать, дабы до такого неудовольствія и гибели, какъ нынѣ послѣдовало, отнюдь допущены не были».

Китайское правительство было очень недовольно выселеніемъ зенгорцевъ, и, по увѣренію Братищева, Богдыханъ въ гнѣвѣ намѣревался послать Россіи грубое требованіе о возвращеніи ихъ и, въ случаѣ неудовлетворенія его, хотѣлъ двинуть армію въ наши предѣлы, чтобы «сильною рукою изъ внутренняго владѣнія принятыхъ въ подданство зюнгорцевъ доставать».

Сенатъ озаботился назначить главнокомандующаго войсками по китайской границѣ, китайцы же, въ отместку, начали склонять киргизъ-кайсаковъ Средней орды принять китайское подданство. Для удержанія ихъ въ вѣрности сенатъ послалъ съ увѣщаніями генералъ-майора Тевкелева и коллежскаго совѣтника Рыкачева. Вскорѣ дошло до сената извѣстіе, что въ 70 верстахъ отъ Семипалатинской крѣпости расположился 12-тысячный отрядъ китайскаго войска для препятствія выселенія зенгорцевъ. Сенатъ передалъ рапортъ объ этомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ для опредѣленія и предписалъ с.-петербургскому губернатору укрѣпить и умножить гарнизоны пограничныхъ съ Китаемъ крѣпостей.

Зенгорцевъ поселяли въ Оренбургской губерніи; для исторіи колонизація ея есть довольно много данныхъ въ X томѣ. Туда, напримѣръ, направляли выходцевъ изъ Черногоріи и Новой Сербіи, которыхъ въ 1747 г. перешло въ Россію до 824 человекъ. Поселили ихъ въ такихъ экономическихъ условіяхъ, что они, «лишаяся послѣдняго и оставляя женъ и дѣтей, расходиться начали». Сенатъ рядомъ указовъ опредѣлилъ порядокъ расселенія и обезиеченія черногорцевъ. Исторія колонизаціи Оренбургскаго края важна для выясненія Пугачевскаго бунта.

Вообще же, въ протоколахъ сената (за 1757—1758 г.г.) находится много данныхъ, проливающихся свѣтъ на явленія жизни и мѣропріятія царствованія

Екатерины II, напимѣрь, относительно Малороссіи, волнующей гайдамаками, въ родѣ Табанца (стр. 557—665), Съчи, постоянно тревожащей Турцію, являвшейся въ то же время разсадникомъ смуты, куда иностранныя державы, враждебныя Россіи (въ разбираемое время Пруссія), направляли своихъ агентовъ.

Всеподданнѣйшіе рапортъ сената и докладъ Г. Р. Державина по дѣлу калужскаго губернатора Лопухина переносятъ насъ въ среду провинціального чиновничества начала XIX вѣка, въ нравы, напоминающіе «Ябеду» Капниста. Дмитр. Ардалионовичъ Лопухинъ, знатный человѣкъ, родственникъ князя Лопухина и гр. Шереметевыхъ, рассчитывая на свои связи при дворѣ, получивъ еще при Павлѣ I калужское губернаторство, продѣлывалъ тамъ наглыя шалости и возмутительныя дѣла, волновавшія всю губернію.

Лопухинское дѣло въ свое время надѣлало много шума и получило широкую огласку. Бумаги, относящіяся къ нему и напечатанныя въ X томѣ «Сенатскаго архива», были найдены въ кабинетѣ императора Александра I и послѣ смерти его переданы въ архивъ сената на храненіе. Многіе документы впервые появляются въ печати, и все дѣло настолько интересно въ бытовомъ отношеніи, характерно для эпохи, что заслуживаетъ спеціальной статьи. Слухи о безобразіяхъ Лопухина давно уже доходили до столицы, и наконецъ неоднократные доносы, достигавшіе даже до государя, побудили его въ концѣ 1801 г. начать разслѣдованіе. Имѣя въ виду особенности дѣла и положеніе подсудимаго, государь рѣшилъ, что главное — безусловное довѣріе къ личности слѣдователя, и, считая Г. Р. Державина безусловно неподкупнымъ и прямымъ человѣкомъ, 21 ноября 1801 г. призывалъ къ себѣ и объявилъ ему свое рѣшеніе послать его для выполненія щекотливаго порученія — раскрытія злоупотребленія калужскаго губернатора Лопухина. На попытки Державина уклониться государь выразилъ свое неудовольствіе. Державинъ подчинился, прося защиты отъ сильныхъ людей, не разъ помѣшавшихъ правдѣ доходить до престола государей.

Секретнымъ указомъ 25 ноября 1801 г. государь предписывалъ Державину, подъ видомъ отпуску, отправиться въ Калужскую губернію и узнать: «гласъ народа относительно поступковъ губернатора и прочихъ чиновниковъ, хранятся ли ими законы, учреждающіе порядокъ и правосудіе».

Если доносы, врученные императоромъ Державину, подтвердятся, то ему поручалось, объявивъ указъ, произвести ревизію присутственныхъ мѣстъ. Развѣдавъ на мѣстѣ о продѣлкахъ Лопухина, Державинъ явился въ губернское правленіе, потребовалъ туда губернатора, дѣла, которыя считалъ неправильно рѣшенными, и чиновниковъ, ихъ производившихъ. Они должны были въ его присутствіи, на отдѣльно поставленныхъ столикахъ, письменно дать свои показанія. Слѣдствіе, быстро и энергично начатое, открыло цѣлый рядъ преступленій губернатора и его сподручниковъ.

Лопухинъ, чрезъ помѣщика Барышникова и секретаря Гужева, взялъ у братоубійцы помѣщика Хитрова на 30.000 рублей ломбардныхъ билетовъ и 5.000 рублей подъ вексель, обѣщая за это скрыть его участіе въ преступленіи. Съ этою цѣлью онъ являлся въ палату и понуждалъ ее подтвердить рѣшеніе уѣзднаго суда, оправдавшаго Хитрова.

Губернаторъ взялъ у фабриканта Гончарова 20 тысячъ рублей и затѣмъ угрозой ссылки въ Сибирь за мнимое преступленіе принудилъ возвратить ему вексель и послѣ еще занялъ у него 3.000 рублей. Несмотря на отиѣну пытки, Лопухинъ ее неоднократно примѣнялъ, напримѣръ, въ дѣлѣ о похищеніи ризницы Боровскаго монастыря или по просьбѣ калужскаго архіерея относительно намѣренія служителей его обокрасть родственниковъ, «чиня тѣмъ служителямъ въ домѣ своемъ, подъ нещаднымъ наказаніемъ, пристрастные допросы». Начавъ слѣдствіе о жестокомъ обращеніи съ крестьянами Хвостовой, онъ потребовалъ ее въ Калугу и до тѣхъ поръ держалъ подъ присмотромъ полиціи, «покуда городничій Батуринъ не домогся кушить у нея за малую цѣну деревни, а тогда уже и слѣдствіе оставилъ».

Произведя слѣдствіе, Державинъ съ нарочнымъ позлалъ его результаты къ императору, отвѣтившему ему рекритомъ (8 февраля 1802 г.), полнымъ уваженіемъ и неограниченнымъ довѣріемъ. Лопухинъ, однако, не палъ духомъ и послалъ въ Петербургъ доносъ, обвиняя Державина въ жестокостяхъ и даже пыткахъ при допросахъ. Благодаря связямъ, доносъ не только дошелъ до государя, но и возымѣлъ нѣкоторое дѣйствіе. Императоръ встрѣтилъ возвратившагося со слѣдствія Державина сурово, и лишь послѣ личныхъ объясненій императоръ понялъ лживость доноса и приказалъ арестовать Лопухина. Однако, по просьбѣ Державина была назначена комиссія для пересмотра дѣла, составленная изъ гр. Воронцова, В. Зубова, Н. П. Румянцева, Вязмитинова и Державина. Она подтвердила результаты разслѣдованія Державина и лживость доноса Лопухина.

16 августа изданъ указъ о преданіи Лопухина суду, но дѣло начали затягивать. Растопчинъ въ 1803 году писалъ: «Лопухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ весело въ Петербургѣ; сообщники же его уголовною палатою осуждены по всей строгости законовъ, и мнѣ кажется, что весьма пріятное и безопасное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ». Въ 1804 г. онъ же писалъ: «Московский сенатъ нашелъ Лопухина правымъ, и я не знаю, что его защитникъ (князь Лопухинъ) сдѣлаетъ съ тѣмъ указомъ, при коемъ сей шельма губернаторъ отосланъ былъ къ суду».

Дѣло перешло въ государственный совѣтъ, и на первомъ же засѣданіи по поводу его князь Лопухинъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ Троицкій отсутствовали, оттого, «что отъ нѣкоторыхъ участвующихъ въ ономъ лицѣ изъявлены были на нихъ неудовольствія и подозрѣнія въ покровительствѣ якобы ими губернатора Лопухина». Самыя тяжкія обвиненія Лопухина были выслушаны въ засѣданіи 26 февраля 1806 г., но рассмотрѣніе ихъ отложено до слѣдующаго. Оно было послѣднимъ (14 мая). Во время его наложены наказанія на Хитрова и нѣкоторыхъ участниковъ дѣла. О Лопухинѣ упоминаютъ, что совѣтъ, «по рассмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, положеніе правительствующаго сената находить правильнымъ и съ закономъ согласнымъ». Такъ окончилось это возмутительное по обстановкѣ и подробностямъ дѣло.

В. Ф—ко.

Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903.

Настоящій трудъ имѣетъ своимъ предметомъ посылно содѣйствовать выясненію устроительныхъ задачъ по завершенію освободительной реформы 19-го февраля въ томъ направленіи, которое было предуказано ея творцами.

Открывается онъ длинною и интересною главою: «Бѣдность русскаго народа, ея предѣлы и значеніе», гдѣ авторъ на основаніи свѣдѣній, извлеченныхъ имъ изъ различныхъ официальныхъ изданій и изъ русскихъ и иностранныхъ статистическихъ и экономическихъ трудовъ, наглядно обрисовываетъ бѣдность русскаго населенія.

Онъ подробно останавливается на источникахъ существованія и обогащенія русскаго народа, на размѣрахъ накопленнаго имъ движимаго капитала и указываетъ на отсталость русской обрабатывающей промышленности, на ничтожное развитіе русскихъ путей сообщенія, на наше финансовое неустройство, на зародышевое состояніе у насъ народнаго просвѣщенія и на тяжесть для нашего экономически обезсиленнаго населенія поддержанія вооруженныхъ силъ страны.

Всѣ эти свѣдѣнія приводятся съ соответствующими данными въ другихъ государствахъ, и изъ сопоставленія этихъ цифръ получаются далеко не отрадные выводы.

Къ сожалѣнію, размѣры библиографической замѣтки не позволяютъ намъ подробно разсмотрѣть ихъ и вынуждаютъ ограничиться лишь нѣкоторыми, болѣе типичными выдержками.

Изъ всѣхъ государствъ христіанской культуры Россія — самое бѣдное. Если богатство страны раздѣлить на число ея жителей, то на одну душу въ Россіи пришлось бы только 55 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ въ другихъ странахъ цифра эта была бы гораздо выше, такъ — на каждого британца пришлось бы 247 фунт. стерл., на француза — 224 и на нѣмца — 140.

Материальныя условія существованія для громаднаго большинства сельскаго населенія самыя жалкія. Жиле его — убого до крайности. Питаніе, сравнительно съ прошлымъ, послѣдовательно ухудшается. Въ нормальное время крестьянинъ не доѣдаетъ, а при все учащающихся неурожаяхъ онъ голодаетъ, употребляя въ пищу хлѣбъ, лишенный питательности вслѣдствіе различныхъ примѣсей. Такія плачевныя явленія способствуютъ, конечно, разнымъ заболѣваніямъ, физическому вырожденію и усиленію смертности. По статистическимъ свѣдѣніямъ Россія по смертности занимаетъ первое мѣсто въ средѣ другихъ государствъ; въ ней на 1000 жителей приходится 33 смерти, тогда какъ въ Германіи на такое же количество жителей смертельныхъ случаевъ бываетъ — 23, во Франціи — 22 и въ Великобританіи — 18.

Развитіе сельскаго хозяйства въ Россіи движется очень медленно, и оно значительно отстало отъ запада. Въ Россіи ежегодно остаются непродуцительными, подъ паромъ и залежью, 35,4% всей площади пахатной земли, между тѣмъ какъ на Западѣ подъ паромъ остается только 7% обрабатываемой земли. Средній валовой сборъ съ десятины въ Россіи въ 1½ — 3 раза менѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ.

Въ сельско-хозяйственной промышленности нашей замѣтенъ несомнѣнный регрессъ, и самымъ тревожнымъ признакомъ его является убыль скота и прогрессирующая безлошадность.

При такой сельско-хозяйственной неурядицѣ, конечно, ничтоженъ и накопленный населеніемъ движимый капиталъ. Его незначительность подтверждается: низкимъ размѣромъ вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ (число вкладчиковъ въ Россіи составляетъ 2,6% всего населенія, средній же размѣръ вклада на 1 жителя—5 р. 50 к.; въ другихъ государствахъ первая цифра достигаетъ до 25,8% и вторая до 41 р. 64 к.), дороговизной капитала, напеку задолженностью иностранцамъ, участіемъ иностранныхъ капиталовъ въ нашихъ промышленныхъ предпріятіяхъ и невысокимъ развитіемъ нашей обрабатывающей промышленности и нашего торговаго обмѣна.

Разсматривая наше финансовое неустройство, въ значительной мѣрѣ вызываемое бѣдностью населенія и въ то же время служащее источникомъ его бѣднѣя, г. Евреиновъ основательно замѣчаетъ, что бюджетное равновѣсіе и ростъ доходовъ нельзя отождествлять съ финансовымъ благоустройствомъ. «Сведеніе бюджетовъ безъ дефицитовъ,—замѣчаетъ онъ,—есть, правда, одно изъ условій правильнаго финансоваго хозяйства, хотя далеко не важнѣйшее, а ростъ доходовъ можетъ быть и указателемъ чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ силъ народа».

Распространяться о благоустройствѣ нашихъ финансовъ авторъ считаетъ излишнимъ—«подати поглощаютъ у насъ почти весь доходъ огромнаго большинства самаго бѣднаго сельскаго населенія, и косвенные налоги въ нашемъ бюджетѣ въ нѣсколько разъ превышаютъ прямые»...

Касаясь далѣе распредѣленія расходовъ по предметамъ назначенія, г. Евреиновъ приходитъ къ заключенію, что Россія болѣе всего отстаетъ отъ западно-европейскихъ государствъ въ расходахъ на самыя производительныя потребности—на народное образованіе (1,13 марки на 1 жителя, въ другихъ государствахъ отъ 3,06 до 7,72 марокъ), на внутреннюю безопасность (1,86 марки,—отъ 5,02 до 12,66 марокъ) и на средства сообщенія (0,83 марки,—отъ 2,83 до 7,96 марокъ). «И, если русскій человѣкъ,—пишетъ авторъ,—уплачиваетъ налоговъ въ три раза менѣе француза, пруссака и англичанина и въ два раза менѣе австрійца и итальянца, то это доказываетъ только, что онъ настолько же ихъ бѣднѣе, такъ какъ налоги достигаютъ у насъ весьма значительнаго напряженія и, судя по качеству недоимокъ по окладнымъ сборамъ, превышаютъ платежныя силы населенія».

Относительно нашихъ государственныхъ расходовъ авторъ дѣлаетъ указаніе, что они за послѣднее полстолѣтіе увеличилось въ семь разъ (съ двухъ сотъ восьмидесяти съ небольшимъ милліоновъ рублей до двухъ милліардовъ рублей); между тѣмъ какъ въ Англіи и Франціи они увеличились лишь немного болѣе, чѣмъ вдвое.

По народному просвѣщенію г. Евреиновъ приводитъ также обстоятельныя сравнительныя данныя, и изъ нихъ видно, что Россія и въ этомъ отношеніи стоитъ на низкой степени развитія. Число взрослого населенія, умѣющаго читать, въ Россіи достигаетъ—16%, въ другихъ же государствахъ—отъ

85% (Франція) до 95% (Швейцарія). Обезпеченіє же въ Россіи начальнаго обученія всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста можетъ обойтись въ 150 милліоновъ рублей въ годъ.

Не лишена интереса приведенная авторомъ сравнительная таблица (американскаго статистика Райта) о средней заработной платѣ и о среднемъ ежегодномъ производствѣ на 1 рабочаго. Ежегодная плата 1 рабочаго въ Россіи равняется—240 рублямъ, и 1 рабочій здѣсь производитъ въ годъ на 462 рубля; соотвѣствующія же цифры въ другихъ европейскихъ странахъ достигаютъ размѣра—въ первомъ случаѣ—694 рубл. (Соединенн. Штаты) и во второмъ—3.776 рублей (тамъ же). Въ результатѣ же, если сумму дохода страны отъ главнѣйшихъ видовъ промышленности (земледѣлія, мануфактуры, горнаго дѣла, транспортнаго дѣла) и торговли раздѣлить на число жителей, то получится на 1 челоѣка—въ Россіи—130 рублей, во Франціи—360 рублей и въ Германіи—320 рублей.

Послѣднія строки первой главы цитируемаго нами сочиненія посвящены вопросу о «вооруженномъ мирѣ», и здѣсь авторъ приходитъ къ выводу, что «поддержаніе вооруженныхъ силъ на требуемой обстоятельствами высотѣ вызываетъ для нашаго экономически обезсиленнаго населенія крайнюю степень напряженія». Въ Россіи расходъ на войско и флотъ на 1 жителя составляетъ 3 р. 40 к., а на 1 семью—16 р. 20 к., и ложится на населеніе тяжелымъ бременемъ; во Франціи и Англии этотъ расходъ достигаетъ 9—8 рублей съ души и уплачивается относительно легко.

Въ дальнѣйшихъ главахъ (II—IV) г. Евреиновъ даетъ краткій очеркъ послѣдовательнаго развитія сословныхъ отношеній въ Россіи, вскользь касается Положенія 19-го февраля, крестьянскихъ учрежденій и внимательно останавливается на узаконеніяхъ 1889 года. По его мнѣнію, они расширяютъ предѣлы соціальной и политической неполноправности крестьянъ противъ тѣхъ ограниченій, которыя въ Положеніи 19-го февраля имѣли только временной характеръ для первоначальныхъ фазисовъ реформы, которая своей окончательной цѣлью ставила приведеніе сельскаго населенія къ полной равноправности съ другими сословіями. Точнѣе говоря, законы 1889 года преслѣдовали цѣли, прямо противоположныя освободительной реформѣ.

Что касается позднѣйшихъ мѣропріятій, направленныхъ къ улучшенію быта крестьянъ, то многія изъ нихъ признаются авторомъ «Крестьянскаго вопроса» недѣйствительными, въ виду того, что они основаны на началахъ опеки крестьянъ при сохраненіи ихъ сословной обособленности.

Личной же зависимости отдѣльнаго крестьянина отъ сельскаго общества авторъ посвящаетъ цѣлую главу, въ которой очень энергично и убѣдительно ратуетъ за отміну податной приписки, за предоставленіе сельской поземельной общинѣ права исключать, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ своего состава такихъ лицъ, которыя порвали уже съ общиной всякую связь и не занимаютъ вовсе хозяйствомъ на надѣльной землѣ, за распространеніе на крестьянъ (а также мѣщанъ и ремесленниковъ) паспортныхъ правилъ, установленныхъ для лицъ привилегированныхъ сословій, и за уничтоженіе права сельскихъ обществъ ссылать своихъ сочленовъ въ Сибирь и другихъ ихъ полномочій.

Цѣль предстоящей реформы соціального быта русскихъ крестьянъ заключается, по мнѣнію г. Евреинова, въ «приведеніи крестьянъ и другихъ лицъ бывшихъ податныхъ сословій, на которыхъ распространены законы 1889 года,—къ гражданской и политической равноправности съ остальнымъ населеніемъ государства».

Много трезвыхъ взглядовъ высказываетъ г. Евреиновъ и по вопросамъ объ устройствѣ правопорядка въ сферѣ семейныхъ и поземельныхъ отношеній крестьянъ. Указывая вообще на хаотическое состояніе народной юстиціи, онъ особенно подчеркиваетъ почти полное отсутствіе у русскихъ крестьянъ обычнаго права, въ смыслѣ твердыхъ, исторически сложившихся, соответствующихъ юридическому сознанію сельскихъ обывателей, обычно-правовыхъ нормъ, и намѣчаетъ важнѣйшіе вопросы, которые ставятъ на разрѣшеніе законодательной власти особенности семейныхъ отношеній въ крестьянской средѣ.

Въ общинномъ землевладѣніи авторъ видитъ лишь переходную ступень къ индивидуальной поземельной собственности и приводитъ рядъ мѣръ, которыя могли бы, по его мнѣнію, содѣйствовать добровольному расселенію крестьянъ въ границахъ надѣльныхъ земель и послѣдовательному переходу наиболѣе состоятельныхъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству на собственной землѣ.

Касааясь же специальныхъ правительственныхъ органовъ для управленія крестьянъ, онъ находитъ, что съ завершеніемъ освобожденія крестьянъ предоставленіемъ имъ общихъ политическихъ и гражданскихъ правъ органы эти станутъ излишними, лишившись своей компетенціи; должности же земскаго участковаго начальника можетъ быть дано видное назначеніе при имѣющемъ послѣдовать преобразованіи губернскаго и уѣзднаго управленія съ усиленіемъ, по указанію манифеста 26-го февраля сего года, «способовъ непосредственнаго удовлетворенія многообразныхъ нуждъ земской жизни трудами мѣстныхъ людей».

Вотъ все содержаніе «Крестьянскаго вопроса». И читатель не можетъ не прийти къ заключенію, что авторъ его блестяще выполнилъ намѣченную цѣль. Онъ наглядно, совершенно объективно, обрисовалъ всѣ дефекты въ современномъ положеніи крестьянъ, внимательно прослѣдилъ главнѣйшія законодательства, относящіяся до нихъ, и указалъ нѣсколько вполне логичныхъ мѣропріятій для завершения освободительной реформы въ томъ направленіи, которое было предугазано ея создателями.

Книга написана хорошимъ литературнымъ языкомъ и, невзирая на обиліе цифръ, читается очень легко. Б. Г.—цвѣй.

А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянское малоземелье. Спб. 1903.

Вопросъ объ общинномъ землевладѣніи впервые былъ выдвинутъ въ 50-хъ гг., наканунѣ крестьянской реформы, и вызвалъ тогда горячіе споры, закончившіеся взаимными уступками сторонниковъ и противниковъ общиннаго землевладѣнія. Общинное землевладѣніе было сохранено, но каждому крестьянину дана была возможность выйти изъ общины посредствомъ досрочнаго взноса

выкупныхъ платежей. Въ 70-хъ гг. споры объ общинномъ землевладѣннн возгорѣлись съ новой силой и разрѣшились грандіозными земскими ислѣдованіями о хозяйственномъ положеніи крестьянъ. Наконецъ въ самое послѣднее время вопросъ этотъ снова выдвинутъ на очередь и послужилъ темой цѣлага ряда капитальнѣйшихъ трудовъ, изъ числа коихъ назовемъ: «Крестьянская община» В. В., «Государство и землевладѣніе» Ф. Тернера, «Русская община» К. Качоровскаго, «О русскихъ нуждахъ» П. Кабардина, «Земля, община и трудъ» А. П. Никольскаго, «Объ условіяхъ крестьянскаго хозяйства» Н. Каблукова и др. Вопросъ объ общинѣ настолько, однако, сложенъ и обширенъ, что каждый изъ названныхъ авторовъ успѣвалъ рассмотреть только одну какую либо сторону его, не претендуя на исчерпывающую полноту.

Въ ново вышедшемъ изслѣдованіи г. Воскресенскаго вопросъ объ общинѣ разсматривается со стороны вліянія общиннаго устройства на размѣры крестьянскаго землевладѣнія. Въ противовѣсъ заявленію сторонниковъ общиннаго устройства, что оно спасаетъ народъ отъ обезземеленія, авторъ со всею рѣзкостью выдвигаетъ тезисъ, что оно ведетъ къ общему малоземелью крестьянъ, вызывающему въ свою очередь рядъ самыхъ неблагопріятныхъ послѣдствій: слабую покупательную способность крестьянъ, а отсюда фабричный застои и общій экономическій кризисъ. Рядомъ цифровыхъ выводовъ авторъ доказываетъ (I—VI гл.), что въ силу общиннаго порядка съ его передѣлами размѣры землевладѣнія у всего крестьянскаго населенія низведены до такого уровня, при которомъ правильное веденіе сельскаго хозяйства невозможно, такъ какъ нечѣмъ прокормить даже одну лошадь. Но этимъ г. Воскресенскій не ограничивается. Очень часто приходится слышать, что для устранения вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ нужно лишь поднять производительность крестьянскаго земледѣлія; тогда тѣ самые надѣлы, которые существуютъ теперь, окажутся достаточными. Г. Воскресенскій доказываетъ, что при настоящей степени развитія торговли и промышленности въ Россіи, при малочисленности неземледѣльческаго населенія и при его бѣдности не возможно высоко интенсивное сельское хозяйство. Другіе въ видѣ лѣкарства противъ крестьянскаго малоземелья предлагаютъ содѣйствіе крестьянамъ къ переселенію на свободныя земли и къ приобрѣтенію частновладѣльческихъ земель при посредствѣ крестьянскаго поземельнаго банка. Авторъ не боится высказать, что дѣятельность послѣдняго угрожаетъ Россіи самыми тяжкими послѣдствіями. Дѣло въ томъ, что мелкое землевладѣніе неспособно давать большихъ избытковъ земледѣльческаго производства, если даже размѣры подворныхъ участковъ стоятъ на высотѣ рабочей нормы (стр. 104—107). Но они обыкновенно опускаются у большинства крестьянъ ниже рабочей и даже продовольственной нормы. Если взять сельско-хозяйственное производство одного крестьянскаго населенія Россіи, то окажется, что его не хватило бы для однихъ крестьянъ; иначе говоря, крестьянское населеніе Россіи, взятое въ цѣломъ, неспособно прокормить себя. Свою вывозною способностью Россія обязана крупному и среднему землевладѣнію, оно же кормитъ 22% неземледѣльческаго населенія. Вслѣдствіе этого расширеніе крестьянскаго землевладѣнія на счетъ крупнаго и средняго и затѣмъ неизбѣжное въ будущемъ дробленіе приобрѣтённыхъ зе-

мель приведетъ къ тому, что у Россіи сначала будетъ уменьшена, а затѣмъ и вовсе утрачена вывозная способность, а потомъ страна будетъ поставлена въ необходимость ввозить чужой хлѣбъ. «Въ объѣтъ на что же?—спрашиваетъ авторъ.—Ужъ не на кустарныя ли пздѣлія, которыми займется народъ вслѣдствіе регресса промышленности и отсутствія заработковъ? А чѣмъ съ уменьшеніемъ и даже съ прекращеніемъ вывоза сельскохозяйственныхъ продуктовъ мы будемъ покрывать необходимый ввозъ заграничныхъ товаровъ? Чѣмъ будемъ расплачиваться по своимъ заграничнымъ долгамъ? Въ какомъ положеніи окажется тогда кредитъ Россіи и ея денежное обращеніе?» (стр. 192). Что касается переселенія, то оно, конечно, необходимо, но это не ршеніе вопроса, а лишь отсрочка, такъ какъ разрѣженіе земледѣльческаго населенія и увеличеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія достигается этимъ путемъ лишь на время. Итакъ, увеличить размѣры крестьянскаго землевладѣнія необходимо, но всѣ принимавшіяся доселѣ мѣры въ этомъ направленіи или недостаточны или даже вредны. По мнѣнію автора, необходимо провести коренную аграрную реформу, начиная съ постепеннаго упраздненія общихъ передѣловъ земли и кончая введеніемъ подворнаго землевладѣнія съ свободной мобилизаціей земли (гл. VIII.). Въ послѣдней главѣ (IX) авторъ разрѣшаетъ вопросъ о томъ, какъ быть съ обезземелившеюся частью населенія при уничтоженіи общины,—вопросъ, составляющій сильнѣйшій козырь въ рукахъ защитниковъ существующаго общиннаго строя. По мнѣнію г. Воскресенскаго, съ увеличеніемъ размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія должна увеличиться покупательная способность земледѣльцевъ, а это вызоветъ оживленіе фабрично-заводской промышленности, которая потребуетъ новыхъ рукъ. Такимъ образомъ обезземелившійся пролетаріатъ найдетъ ишцу у фабрично-заводскаго станка.

Изъ этого краткаго очерка содержанія книги г. Воскресенскаго видно, что молодой авторъ поставилъ большую задачу—указать выходъ изъ тѣхъ экономическихъ затрудненій, которыя переживаютъ страной, и о которыхъ въ послѣднее время поднимается столько толковъ и пересудовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что авторъ не отрицаетъ общиннаго землевладѣнія безусловно; онъ признаетъ, что въ свое время оно было цѣлесообразно, что передѣлы земли имѣли глубокія и серьезныя основанія, но все это было при совокупности извѣстныхъ условій, каковы: натуральное хозяйство, экстенсивный характеръ земледѣлія, крѣпостное право, рѣдкость населенія и обиліе свободныхъ земель. Теперь всѣ эти условія радикально измѣнились: натуральное хозяйство замѣнилось денежно-мѣновымъ, крѣпостное право пало, населеніе сгустилось, вмѣсто многоземелья наступило малоземелье, назрѣла необходимость въ переходѣ къ интенсивной системѣ землевладѣнія, развилось общественное раздѣленіе труда. Въ періодъ натурального хозяйства, когда земля была единственнымъ источникомъ средствъ къ существованію, обезземеленіе, конечно, было зломъ; но въ періодъ общественнаго раздѣленія труда земледѣліе сдѣлалось только однимъ изъ промысловъ, на ряду съ которымъ существуетъ множество другихъ неземледѣльческихъ промысловъ, могущихъ обезпечить не хуже, если не лучше земледѣлія. При такихъ условіяхъ аграрный строй, рассчитанный на то, чтобы снасти каждаго крестьянина отъ обезземеленія, утратилъ свой смыслъ. Теперь

напротивъ, чѣмъ многочисленнѣе неземледѣльческое населеніе, тѣмъ выше производительность земледѣлія, а въ связи съ этимъ—крупнѣе національный доходъ.

Отличительная черта труда г. Воскресенскаго — смѣлость и рѣшительность мысли; авторъ не боится высказывать выводы, на первый взглядъ кажущіеся жесткими и холодными, разъ они съ логической необходимостью вытекаютъ изъ поставленныхъ имъ посылокъ, достаточно хорошо обоснованныхъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ ему пришлось повторить только мнѣніе предшественниковъ, но на ряду съ этимъ онъ высказалъ много новаго. Такъ, авторъ съ особенной силой и наглядностью развилъ мысль о зависимости общественнаго раздѣленія труда отъ размѣровъ землевладѣнія. Вопросъ о подворномъ и общинномъ землевладѣніи обыкновенно разбирается съ той точки зрѣнія, какъ эти формы вліяютъ собственно на сельское хозяйство. Г. Воскресенскій изслѣдовалъ этотъ вопросъ гораздо глубже: онъ постарался вникнуть, какая изъ этихъ двухъ формъ болѣе соответствуетъ вообще развивающемуся строю народнаго хозяйства, такъ что вопросъ объ общинномъ землевладѣніи онъ поставилъ въ связь съ основными началами политической экономіи. Съ книгой г. Воскресенскаго должны будутъ считаться не только лица, берущіяся за рѣшеніе спорнаго вопроса объ общинѣ, но и всѣ тѣ, кто занимается изслѣдованіемъ аграрныхъ вопросовъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Выступая сторонникомъ крупнаго землевладѣнія, авторъ доказываетъ, что оно выполняетъ въ народномъ хозяйствѣ особыя, незамѣнимыя функции, а потому его необходимо охранять, хотя бы даже мелкое землевладѣніе и было производительнѣе. Отсюда же вытекаетъ его отрицательное отношеніе къ дѣятельности крестьянскаго поземельнаго банка, который форсируетъ раздробленіе частновладѣльческихъ земель.

Авторъ ведетъ рѣчь горячимъ, нервнымъ тономъ. Впечатлѣніе получается такое, что основные взгляды выстраданы имъ, а не пришли въ результатъ холоднаго, безстрастнаго размышленія. По многимъ частнымъ пунктамъ возможно оспаривать высказанныя имъ мысли, но основной тезисъ—о вліяніи общины на развитіе малоземелья—доказанъ г. Воскресенскимъ съ убѣдительностью, исключаяющею возможность возраженія, если подъ нимъ не подразумѣвать пустой игры словамъ.

К —чъ.

Дм. Цвѣтаевъ. Обрусѣніе западно-европейцевъ въ Московскомъ государствѣ. Варшава. 1903.

Въ этой небольшой монографіи обрисовываются условія и средства, служившія къ тому, что западноевропейцы, поселявшіеся въ Московскомъ государствѣ, быстро подвергались руссификаціи, ассимилировались. Подробно предметъ этотъ раскрывался авторомъ въ его прежнихъ историческихъ изслѣдованіяхъ и преимущественно въ трудѣ «Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій» (М., 1890 г., 782 стр.); здѣсь же сжато сообщаются лишь важнѣйшее, относящееся сюда, почти одни научно-историческіе выводы и положенія.

Предложенное въ видѣ рѣчи, произнесенной въ варшавскомъ русскомъ кружкѣ, сообщеніе дается въ формѣ общедоступной, возвышающейся по мѣстамъ до художественности. Нельзя не пожелать, чтобы ученые авторы возможно чаще дѣлились подобными сообщениями. Капитальные изслѣдованія и спеціальныя монографіи доступны небольшому кругу лицъ соотвѣтственной специальности, и потому результаты такихъ трудовъ усвоиваются обыкновенно очень немногими; благодаря же краткимъ извлеченіямъ и общедоступнымъ резюме, эти выводы могутъ удобнѣе дѣлаться достояніемъ обширнаго класса.

А. Н—скій.

**Труды пермской губернской ученой архивной комиссіи.
Вып. VI. Пермь. 1903.**

Шестой выпускъ трудовъ пермской комиссіи состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, официальнаго и неофициальнаго. Первый отдѣлъ, по постановленію комиссіи отъ 19-го февраля 1902 г., долженъ заключать узаконенія и официальные свидѣнія, относящіяся до родной старины и до архивовѣднія и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій въ особенности. Инициаторы этого отдѣла имѣютъ въ виду съ теченіемъ времени сдѣлать полную выборку изъ законодательства и правительственныхъ распоряженій. Въ настоящемъ выпускѣ напечатаны законоположенія объ археологическомъ институтѣ, археологической и археографической комиссіяхъ и уставъ новаго, возникающаго въ нынѣшнемъ году «Общества исторіи, археологіи и этнографіи Чердынскаго края».

Неофициальный отдѣлъ составленъ довольно разнообразно: и самыя статьи, и подборъ ихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что пермская архивная комиссія живетъ. Изъ крупнѣйшихъ работъ шестого выпуска назовемъ обстоятельный біографическій очеркъ епископа Иннокентія (Коровина), воспитанника пермской семинаріи. Авторъ очерка, г. Капустинъ, положилъ въ основу своей работы письма Иннокентія. Шестой выпускъ даетъ много матеріаловъ для исторіи мѣстной періодической печати. Г. Бобылевъ напечаталъ историческую справку объ одномъ весьма цѣнномъ мѣстномъ изданіи— «Сборникѣ пермскаго земства», и присоединилъ къ ней «Указатель нѣкоторыхъ историко-статистическихъ работъ и другихъ матеріаловъ по изученію Пермскаго края», помѣщенныхъ въ сборникѣ за 1873—1903 годы. Г. Новиковъ напечаталъ справку о «Пермскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ». Въ отдѣлѣ архивныхъ извлеченій напечатаны: дѣло о заведеніи въ Перми типографіи 1791 года и о злоупотребленіяхъ по питейной части по городу Екатеринбургъ и его уѣзду 1825 года.

Въ текущемъ отдѣлѣ напечатаны извѣстія о жизни другихъ архивныхъ комиссій и поставлены на очередь вопросы о подготовкѣ къ 50-лѣтію крестьянской реформы и объ учрежденіи губернскаго историческаго книгохранилища. Книга заканчивается некрологомъ дѣятеля, смерть котораго является огромной потерей для Пермскаго края и пермской комиссіи—А. А. Дмитриева. Ни одна книжка трудовъ комиссіи не обходилась безъ его трудовъ, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ края. Къ некрологу присоединенъ перечень печатныхъ работъ А. А. Дмитриева и списокъ отзывовъ о нихъ. Ц.

**Ежегодникъ Ферганской области. Томъ II. Выпускъ 1903 года.
Изданіе ферганскаго областного статистическаго комитета.
Новый Маргеланъ. 1903.**

«Ежегодникъ Ферганской области» на 1903 годъ составленъ довольно разнообразно и заключаетъ немало теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній объ этой далекой русской окраинѣ, которая была у всѣхъ на устахъ послѣ Андиджанскаго землетрясенія. Гибели Андиджана посвященъ обширный очеркъ М. Г. А—ва (стр. 171—230); жаль только, что авторъ статьи не остановился на описаніи самаго факта; его вниманіе заинтересовано только мѣропріятіями мѣстнаго начальства. Изъ статей книги, преслѣдующихъ практическія цѣли ознакомленія съ краемъ и повышенія въ немъ жизнедѣятельности, какъ результатъ этого знакомства, отмѣтимъ очеркъ капитана Резника, излагающій исторію и современное положеніе хлопководства въ Наманганскомъ уѣздѣ; статейку С. Д. о подѣздныхъ путяхъ въ Андиджанскомъ уѣздѣ и составленный статистическимъ комитетомъ отчетъ о состояніи Ферганской области въ 1902 году. Къ этимъ статьямъ нужно еще присоединить историко-географическій очеркъ полковника Зайцева «Пампрская страна—центр Туркестана». По этимъ очеркамъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе о Ферганѣ.

Къ статьямъ, не претендующимъ на злободневное значеніе, относится очеркъ г. Алибекова о домашней жизни послѣдняго кокандскаго хана Худояр-хана. Очеркъ составленъ живо и интересно по рассказамъ современниковъ туземцевъ, заглавившихъ при дворѣ хана видныя мѣста. Особый интересъ имѣютъ описанія игръ и забавъ при ханскомъ дворѣ и пѣсни, обрядовыя и хоровыя, которыя приводятся въ подлинникѣ, въ русскомъ переводѣ. Нѣкоторыя подробности заинтересуютъ специалистовъ.

Вообще о ежегодникѣ вужно сказать, что читается онъ съ интересомъ и можетъ быть рекомендованъ всѣмъ, желающимъ приобрѣсти первыя представленія о Ферганской области.

Щ.

**Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи
Малороссіи. И. Каманина. Кіевъ. 1903.**

Между историческимъ изслѣдованіемъ, съ одной стороны, и романомъ или картиной прошлой жизни извѣстнаго народа, съ другой, существуетъ много общаго. Нерѣдко область чистой науки бываетъ такъ тѣсно связана съ искусствомъ, что трудно даже разграничить эти области другъ отъ друга. Поэтъ невольно дѣлается историкомъ, а въ исторіи можно быть поэтомъ. Одного изученія историческихъ матеріаловъ слишкомъ, конечно, недостаточно для опредѣленія историческихъ явленій, для характеристики извѣстной эпохи, страны, героя и т. д.; необходимо ясновидѣніе прошлаго, проникновеніе мистическимъ духомъ страны, угадываніе проплаго. Однимъ словомъ, поэтъ или художникъ можетъ дополнить историка, оживить сухую лѣтопись, одухотворить сгертотипный документъ. Такими именно чертами и отличался великій русскій бытописатель Н. В. Гоголь.

Взоръ его не разъ обращался къ исторіи Малороссіи.

Г. Каманинъ думаетъ даже, что врожденное гениальное дарованіе только предрасполагало Гоголя къ разработкѣ исторіи своего народа, но любовь, интересъ и дальнѣйшее знакомство со стариной развивались подъ влияніемъ среды, поддерживались извнѣ. Такія условія г. Каманинъ видитъ прежде всего въ семьѣ Гоголя: отецъ и мать писателя принадлежали къ старымъ казацкимъ родамъ, изъ которыхъ выходили извѣстные дѣятели. На второмъ мѣстѣ стоитъ знакомство юноши съ бывшимъ министромъ Троицкимъ, пмѣніе котораго Кулишъ остроумно называлъ «Аѳинами», такъ какъ въ немъ дѣйствительно была великолѣпная бібліотека. Одновременно съ книжными занятіями шло знакомство Гоголя съ малорусскими легендами, сказками, думами и пѣснями. Г. Каманинъ приходитъ къ выводу, что даже въ школѣ, въ Нѣжинскомъ лицѣ, товарищи и профессора Гоголя поддерживали въ немъ любовь и наклонность къ литературнымъ работамъ, а послѣднія были направлены на изученіе родной старины. Наконецъ, вступивъ уже въ жизнь и переѣхавъ въ Петербургъ, Гоголь знакомится съ Пушкинымъ, Погодинымъ, Максимовичемъ, Жуковскимъ, Плетневымъ и другими писателями. Изъ нихъ первые три имѣли большое влияніе на научные и художественные интересы Гоголя, и исторія Малороссіи не только привлекаетъ къ себѣ вниманіе нашего писателя, но и всецѣло поглощаетъ многіе другіе интересы его. Достаточно припомнить, что такія неподражаемая въ художественномъ отношеніи и вѣрныя дѣйствительности въ историко-этнографическомъ повѣсти и отрывки изъ нихъ, какъ «Плѣнникъ», «Гетманъ», «Пронашая грамота», «Ночь подь Рождество», «Тарасъ Бульба», «Страшная месть» и другія, касаются исторіи казачества XVI и XVIII вѣковъ. Г. Каманинъ разбираетъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, отмѣчаетъ, что именно было вѣрно въ нихъ историческимъ событіямъ, что выдуманно самимъ Гоголемъ, и насколько этотъ послѣдній элементъ былъ правдоподобенъ. Очень интересна, между прочимъ, полемика Каманина съ Скабичевскимъ, по поводу книги: «Нашъ историческій романъ въ его прошломъ и настоящемъ» (стр. 54—56). Авторъ убѣжденъ, что критикъ не сумѣлъ оцѣнить Гоголя, такъ какъ не зналъ ни условій казацкой жизни, ни обстановки Запорожья.

Затѣмъ г. Каманинъ переходитъ къ слѣдующему вопросу: какъ понимать сохранившіяся въ письмахъ самого Гоголя и въ запискахъ его литературныхъ друзей свѣдѣнія о «Исторіи Малороссіи», будто бы написанной Гоголемъ, но до насъ не дошедшей. Каманинъ рѣшаетъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Достоверно извѣстно, что Гоголь собиралъ матеріалы, написалъ подробную программу, набросалъ кое-какіе отрывки и т. д. Нельзя объяснить, конечно, слова самого Гоголя по поводу его «Исторіи» исключительно желаніемъ похвалиться, хвастнуть, удивить друзей и знакомыхъ. Послѣдняго мнѣнія держатся Пышинъ, Шеврокъ, Кирпичниковъ, Тихонравовъ и другіе. Надо принять во вниманіе одну изъ главныхъ чертъ характера Гоголя: онъ всегда былъ недоволенъ своими работами, и, по всей вѣроятности, самъ же уничтожилъ рукопись «Исторіи Малороссіи», быть можетъ, не доведенную даже до конца. Остановившаяся на двухъ программахъ по «Исторіи Малороссіи», Пушкина и Гоголя, авторъ отдаетъ предпочтеніе послѣдней (стр. 19). Несмотря на то, что оба писателя находились тогда подъ влияніемъ извѣстной «Исторіи русскаго народа» Полевого, Гоголь глубже понималъ исторію малороссовъ, чѣмъ

Пушкинъ. Затѣмъ Каманинъ обращается къ разбору повѣстей и находитъ, что хотя Гоголь никогда не скрывалъ мрачныхъ сторонъ въ исторіи казачества, тѣмъ не менѣе, допустилъ нѣсколько крупныхъ ошибокъ (стр. 31), что объясняется его историческими источниками (стр. 35), такъ какъ иѣсни онъ ставилъ выше лѣтописей (стр. 37). Такимъ образомъ, опираясь на авторитетъ иѣсни, писатель не могъ быть свободнымъ отъ нѣкоторыхъ увлеченій и неточностей, столь обычныхъ во всякой народной поэзіи.

А. И. Яцимирскій.

И. А. Строевъ-Поллинъ. Декабристъ. Историческій романъ изъ эпохи первой половины николаевскихъ временъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Спб. 1903.

На этомъ романѣ слѣдуетъ остановиться только потому, что произведенія съ подобными заглавіями и подзаглавіями обращаютъ на себя вниманіе и привлекаютъ читателей; необходимо остановиться только для того, чтобы предостеречь читателя отъ излишнихъ увлеченій. Начать съ того, что въ романѣ нѣтъ ничего декабристскаго; рассказывается весьма вяло и скучно исторія одного сосланнаго въ Архангельскъ декабриста, влюбившагося тамъ въ дочь генерала и потомъ разлученнаго съ ней и переведеннаго на Кавказъ. Нечего искать какого либо историческаго освѣщенія, историческихъ подробностей, и названіе «Декабристъ» оказывается въ романѣ не при чемъ. Для того, чтобы написать подобную повѣсть, вовсе не нужно было «запасаться необходимыми справками, замѣтками, записками и документами, касающимися описываемаго романа», какъ это хотѣлъ сдѣлать авторъ повѣсти. Впрочемъ онъ заявляетъ, что онъ не только хотѣлъ, но и сдѣлалъ. Должно быть, авторъ потратилъ черезчуръ незначительное время (часа два) на изученіе эпохи, если послѣ этого изученія могъ утверждать, что верховный уголовный судъ состоялъ—ни много, ни мало—изъ 1) государственнаго совѣта, 2) сената и 3) синода. Боясь, что о тайныхъ обществахъ авторъ не прочелъ даже статьи въ словарь Брокгауза и Ефрона, если въ его представленіи Союзъ объединенныхъ славянъ преслѣдовалъ другія цѣли, чѣмъ южная и сѣверная думы, а именно переѣмну правленія (тогда какія же цѣли, по его мнѣнію, преслѣдовали думы?).

Понятно, что такое знакомство съ *à vue d'oiseau* съ исторіей не помогло образовать вѣрное представленіе о людяхъ движенія. Не такъ давно на страницахъ нашего журнала былъ приведенъ отзывъ Н. К. Шильдера о декабристахъ (іюль, стр. 124 и слѣд.). Г. Строеву-Поллину кажется даже, что агитаторы декабристскаго движенія состояли главнымъ образомъ изъ враговъ нашего отечества, разныхъ любителей сильныхъ ощущеній (стр. 1). Ну, что же сказать о такихъ характеристикахъ, кромѣ того, что онѣ являются чистѣйшимъ и притомъ нехорошаго тона домысломъ г-на повѣствователя? Да, г-ну Строеву-Поллину нужно еще возвратиться къ изученію исторіи для созиданія историческихъ романовъ, а впрочемъ, если судить по вышнему изложенію повѣсти, то возможно, что и съ наборомъ данныхъ у г. Строева-Поллина ничего не выйдетъ въ области историческаго романа.

П. Ш.

Тюмень въ XVII столѣтїи. Сборникъ матеріаловъ для исторїи города съ «Введеніемъ» и заключительной статьей прив.-доц. П. М. Головачева: «Экономическій бытъ Тюмени въ XVII в.», съ приложеніемъ плана старинной Тюмени и 2 видовъ Благовѣщенскаго собора начала XVII в. М. 1903.

Сибирь всегда была интереснымъ краемъ. Въ виду того, что колонизація ея началась въ то время, когда формы жизни Московской Руси сложились уже вполне, новые засельники, приспособляясь къ условіямъ сибирской жизни, въ то же время не могли не сохранить нѣкоторыхъ чертъ общаго экономическаго и государственнаго строя своей метрополїи. Для выясненія этихъ хозяйственныхъ вопросовъ XVII вѣка и важны тѣ «дворныя», «строительныя», «ямскія», «разгонныя», «таможенныя», «хлѣбныя», «соляныя», «пивныя» и «впныя» книги небольшого сибирскаго городка, которыя изданы въ настоящее время по рукописямъ архива министерства юстиціи. На основаніи этого матеріала П. М. Головачевъ рисуетъ интересную картину экономическаго быта Тюмени XVII вѣка.

Невольно припоминаются слова Словцова, автора «Историческаго обозрѣнія Сибири», характеризующія прошлое этой русской окраины: «Исторїи страны невеселой, безъ мечтативъ славы, безъ проявленія гения, безъ побѣдъ, безъ политики; исторїя, не выдавшая у себя великихъ міра, кромѣ изгнанниковъ его, наслѣдовавшая одни курганы или непрочитанныя на утесахъ писанцы, вмѣсто Эллорскихъ храмовъ»... Эти слова можно примѣнить въ известной степени и къ исторїи деревяннаго «городоваго острога» Тюмени, построеннаго въ концѣ XVI вѣка на берегахъ Туры и Тюменьки, нѣсколько разъ опустошеннаго пожарами, приходившаго въ ветхость и наскоро возобновляемаго изъ сырого лѣса.

Населеніе Тюмени необыкновенно нестро и оригинально. Кромѣ бѣдныхъ «суздѣй» и казацкихъ «половниковъ», здѣсь обитали «гулящие люди». Они приходили сюда поодиночкѣ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Сибири и Россїи и почти не были «прикрѣплены» къ городу. Какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ, изъ гулящихъ людей набирались рабочіе для промысловыхъ партїй, которыя принадлежали такимъ же выходцамъ, но болѣе устойчивымъ въ экономическомъ отношенїи, настоящимъ «промышленнымъ людямъ». Кромѣ того, гулящие люди дѣлались «ямскими охотниками», а въ началѣ XVII вѣка они приводились для воинскаго дѣла. Воевода Плещеевъ раздаетъ гулящимъ людямъ нищали для обороны на случай нападенія на Тюмень калмыковъ.

Интересна глава о торговыхъ оборотахъ тюменскихъ купцовъ «гостинной сотни» и заѣзжихъ торговыхъ людей. Ввозилось сюда довольно много товаровъ, вывозились пустяки. «Развитіе дощаничнаго дѣла вызвало привозъ гвоздей разныхъ сортовъ, скобъ, — говоритъ авторъ заключительной статьи. — Производство деревянныхъ издѣлій, чѣмъ впоследствии такъ славился Тюменскій уѣздъ, въ XVII вѣкѣ еще и не начиналось: ввозились бадьи, братины, ставцы. Рыболовные промыслы потребовали ввоза приспособленій для ловли

рыбы («уды стерляжьи и осетры», вѣроятно, посредствомъ переметовъ), «дѣли» и пряжи, неводной вязовины. Для домашняго обихода ввозились гребни, иглы, скатерти, завѣски, простое мыло, писчая бумага, огниво, карты, зеркала и т. п. Не замѣтно ни дорогихъ заграничныхъ винъ, ни дорогихъ тканей, ни драгоценныхъ камней, ни пряностей, кромѣ перца, ни плодовъ, ни «сахаровъ» (конфетъ), ни издѣлій изъ серебра и золота. Ввозимые товары разсчитывались на вкусы простые и среднѣе, на покупателей малосостоятельныхъ». Такія же точно наблюденія дѣлаеть г. Головачевъ и относительно другихъ проявленій жизни г. Тюмени въ XVII вѣкѣ, и всѣ его выводы производятъ впечатлѣнныя основательныхъ и продуманныхъ. А. Я.

А. И. Кирпичниковъ. Очерки по исторіи новой русской литературы (Пушкинскій періодъ), Т. II. Изд. 2-е, дополненное, магазина „Книжное дѣло“. 1903.

Не такъ давно мы дали отчетъ о первомъ томѣ очерковъ А. И. Кирпичникова и указали на научное значеніе его статей. Второй томъ выходитъ уже по смерти его автора и заключаетъ въ себѣ изслѣдованія, посвященныя пушкинскому періоду литературы—или самому Пушкину или лицамъ, приходившимъ въ соприкосновеніе къ нему. На первомъ мѣстѣ—сжатый биографическій очеркъ Пушкина, напечатанный впервые въ «Энциклопедическомъ словарѣ» Брокгауза-Ефрона. Въ рѣчи, помѣщенной вслѣдъ за биографіей, дана характеристика общаго значенія Пушкина, а въ статьѣ: «Пушкинъ и Московскій университетъ», дано освѣщеніе частному вопросу о нѣкоторыхъ отношеніяхъ поэта къ разсаднику просвѣщенія. Остальныя статьи посвящены Н. М. Кошину, П. Я. Чаадаеву и Н. А. Мельгунову: написанныя на основаніи новыхъ матеріаловъ, онѣ приобрѣтаютъ особенное значеніе и являются цѣнными вкладками въ исторію пушкинской литературы.

Безъ сомнѣнія, «Очерки» покойнаго А. И. Кирпичникова найдутъ распространеніе не только среди специалистовъ и педагоговъ, но и въ средѣ такъ называемой большой публики. III.

Тарасовъ и Моравскій. Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы IV—XVIII вѣковъ. Москва. 1903.

Книжка эта, какъ заявляютъ въ предисловіи сами составители, представляетъ собою переработку нѣмецкаго сочиненія Neuman'a и Uebel'я «Aus vergangenen Tagen», составленнаго для картинъ Лемана, предназначенныхъ служить нагляднымъ пособіемъ при преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Двѣнадцать снимковъ съ этихъ картинъ служатъ нагляднымъ поясненіемъ къ тексту двѣнадцати очерковъ, составляющихъ содержаніе книги. Эти двѣнадцать очерковъ носятъ слѣдующія заглавія: 1) въ усадьбѣ древняго германца, 2) государевы посланцы въ области саксовъ, 3) за стѣнами монастыря, 4) замокъ феодала, 5) на праздникѣ въ замкѣ XIII вѣка, 6) на турнирѣ, 7) городъ въ осадѣ, 8) нѣмецкій городъ XV вѣка, 9) день въ ку-

неческой семьѣ XVI столѣтія, 10) крестьяне и ландскнехты въ XVI столѣтіи, 11) въ лагерьѣ и 12) въ аристократическомъ домѣ XVIII вѣка. Съ внѣшней стороны рисунки производятъ выгодное впечатлѣніе, какъ и вся внѣшность книжки, довольно изящно изданной; текстъ составленъ также умѣло, живо, изложенъ хорошимъ русскимъ языкомъ и читается съ интересомъ. Но есть у книжки и серьезные недочеты. Начать съ того, что выборъ картинъ до крайности бѣденъ; въ двѣнадцать картинахъ, конечно, черезчуръ трудно охватить даже главнѣйшія стороны культурной жизни Западной Европы на протяжении пятнадцати столѣтій. Пробѣлы бросаются съ перваго же взгляда. Такъ, среди двѣнадцати картинъ мы не находимъ ни одной, которая бы давала наглядное представление о внѣшнемъ видѣ средневѣковаго города, монастыря; не находимъ ни вида готическаго собора, ни королевскаго дворца «эпохи Людовика XIV» и т. д. Другой недостатокъ книжки— это крайняя односторонность выбора сюжетовъ для картинъ и текста очерковъ. Это— «культурно-историческія картины изъ жизни Германіи», а вовсе не Западной Европы вообще. Исключеніе не составляетъ даже «аристократическій домъ XVIII вѣка», скопированный по образцу и по подобію французскаго дома того времени, но, тѣмъ не менѣе, помещаемый авторомъ очерка въ одномъ изъ уголковъ все той же Германіи. Даже Франція эпохи Людовика XIV ничѣмъ не представлена въ этихъ «культурно-историческихъ картинахъ изъ жизни Западной Европы». Если такимъ выборомъ имѣлось въ виду внушить учащемуся поколѣнію въ Германіи убѣжденіе въ томъ, что германская культура— всѣмъ культурамъ культура, то можно усомниться въ умѣстности подобной тенденціозно-патріотической фальсификаціи западно-европейской исторіи въ книгѣ, «обработанной» русскими авторами и предназначенной для русской читающей публики вообще и въ частности для учащихся, въ качествѣ учебнаго пособія. А между тѣмъ, русскимъ составителямъ книги было бы очень легко исправить учиненный топорщанинъ нѣмецкими авторами «картинъ» нѣмецко-патріотическій подлогъ: стоило только въ заглавіи книги поставить, вмѣсто «картинъ изъ жизни Западной Европы», «картины изъ жизни Германіи». Это соотвѣтствовало бы дѣйствительному характеру книги и не вводило бы въ заблужденіе читателя.

Х. У. З.

Политическая исторія XIX вѣка. Проф. А. Дебидуръ. Переводъ студентовъ С.-Петербургскаго университета, подъ редакціей прив.-доц. Ал. Пиленка. Томъ первый. Священный союзъ. Сиб. 1903.

Начало прошлаго столѣтія представляетъ едва ли не самую интересную эпоху въ жизни Европы за послѣднее время. Съ одной стороны, только что пережитая катастрофа, вызванная въ Европѣ завоеваніями Наполеона I-го, а съ другой—внутреннія почти во всѣхъ государствахъ броженія революціоннаго характера, толчекъ которымъ дала все та же французская революція. Все это придавало необыкновенное оживленіе политической жизни и вызывало оживленные сношенія между державами. Всеобщая опасность, грозившая тронамъ, заста-

вила монарховъ сдѣлаться для совмѣстной борьбы съ общимъ врагомъ и заключить такъ называемый Священный союзъ. Участники этого акта изъявили «непоколебимую рѣшимость какъ въ управленіи ввѣренными имъ государствами, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ ко всѣмъ другимъ правительствамъ, руководствоваться не иными какими правилами, какъ заповѣдями святыя вѣры, заповѣдями любви, правды и мира». Вмѣстѣ съ сѣмъ договаривающіеся монархи обѣщаются подавать другъ другу «во всякомъ случаѣ и во всякомъ мѣстѣ пособіе, подкрѣпленіе и помощь; въ отношеніи же къ подданнымъ и войскамъ своимъ всегда смотрѣть на себя, какъ на отцевъ семейства», видѣть въ руководимыхъ ими народахъ только членовъ одной, христіанской націи, управлять ими сообразно съ ученіемъ Христа. Описаніе этой интересной эпохи и даетъ книга проф. Дебидура. Излагая исторію Священнаго союза, она подробно раскрываетъ тѣ обстоятельства, которыми обуславливалось возникновеніе союза, тѣ внутренніе мотивы и тенденціи, какіе преслѣдовались участниками этого крестоваго похода противъ революціи, и вообще внутренніе двигатели и запутанныя нити тогдашней вообще запутанной политической жизни Европы. Интересно также отмѣтить въ книгѣ подробное раскрытіе постояннаго, вопреки всѣмъ неудачамъ, тяготѣнія другъ къ другу двухъ государствъ, Россіи и Франціи. Какъ наиболѣе рельефныхъ выразителей этого взаимнаго тяготѣнія двухъ помянутыхъ государствъ, нужно, указать съ одной стороны, императора Александра I-го, а съ другой, знаменитаго герцога Ришелье. Вообще профессоръ Дебидуръ безпристрастно и подробно разбираетъ политическую дѣятельность императора Александра—этого вліятельнѣйшаго государя начала прошлаго столѣтія и инициатора самаго Священнаго союза. Между прочимъ, Александръ былъ въ сношеніяхъ и съ родоначальникомъ теперешней сербской династіи—руководителемъ сербскаго возстанія противъ турокъ Кара-Георгіемъ. Послѣдній, находясь съ 1813 года въ изгнаніи, провелъ цѣлую зиму (1816—1817 г. г.) въ С.-Петербургѣ и оттуда поѣхалъ призвать свою страну еще разъ къ оружію. Здѣсь же мы находимъ историческую оцѣнку дѣятельности императора Николая I-го, а равно и иностранныхъ монарховъ—участниковъ Священнаго союза. Изъ дипломатовъ этого времени авторъ особенно подробно останавливается на дѣятельности знаменитаго Меттерниха. Вообще въ книгѣ дается всестороннее освѣщеніе Священнаго союза—этого замѣчательнаго знаменія своего времени, въ которомъ идеи христіанской вѣры, провозглашенныя, какъ руководящія начала, самымъ тѣснымъ образомъ переплетаются съ эгоистическими интересами дипломатіи.

Прекрасный въ общемъ переводъ книги сдѣланъ подъ редакціею приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета г. Шленка студентами названнаго университета. Симпатичны цѣль и идея издателей книги—примѣнить въ видѣ опыта къ дѣлу вспоможенія студентамъ принципа трудовой помощи. Осуществленіемъ этого принципа является, между прочимъ, доставленіе студентамъ заработка въ видѣ гонорара за переводы и корректорскія работы. Вѣра въ цѣлесообразность своего начинанія, издатели рассчитываютъ на поддержку русскаго общества. Искренно желаемъ, чтобы въ своихъ надеждахъ имъ не пришлось разочароваться!

В. Родниковъ.

Собрание сочиненій Эрнеста Ренана въ 12 томахъ. Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности. Переводъ съ французскаго подъ редакцію В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902—1903.

Немного мѣста удѣлила наша литература Ренану. Скучна она переводами этого великаго мыслителя, еще скуднѣе серьезной критикой его произведеній.

Переводы его сочиненій на русскомъ языкѣ печатались отдѣльными брошюрами («О происхожденіи языка», Воронежъ, 1886 г.; «Что такое нація?» Спб., 1886—1888 гг.; «Разореніе Іерусалима», М., 1886 г.; «Исламъ и наука», М., 1888 г.; «Мѣсто семитскихъ народовъ въ исторіи цивилизаціи», М., 1888 г. и др.), въ толстыхъ журналахъ: «Эпохъ» 1864 г. («Древнія религіи»), «Заграничномъ Вѣстникѣ» 1882 г. («Маркъ Аврелій»), «Дѣлѣ» 1882 г. («Конецъ античнаго міра» — изъ «Marc Avréle et la fin du monde antique»), «Восходѣ» 1883 г. («Иуданзмъ, какъ раса и какъ религія»), «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1890 г. («Бретонка»), «Русскомъ Обзорніи» 1893 г. («Трепальщикъ льва» и «Эмма Роремся») и др., а также въ самостоятельно выпущенныхъ сборникахъ: «Историческіе очерки» Ренана, подъ редакціей В. Чуйко (Сиб., 1886 г.), и «Сборникъ мелкихъ статей и рѣчей» Ренана, въ переводѣ В. Штейна (Сиб., 1895 г.).

Если къ этому перечню прибавить еще заграничное изданіе «*Vie de Jésus*» (на русскомъ языкѣ), то имъ вполне исчерпаются всѣ достойные вниманія русскіе переводы Ренана.

Критическая же литература о самомъ философѣ и объ его произведеніяхъ еще бѣднѣе. О немъ писали: К. Арсеньевъ — въ «Вѣстникѣ Европѣ» (объ «Антихристѣ» — 1875 г., № 12; о «Калибанѣ» — 1879 г., № 1; о «*Souv. d'enf. et de jeun.*» — 1883 г., № 9, и объ «Исторіи израильскаго народа» — 1888 г., № 6 и 1891 г., № 5), Н. Страховъ — въ «Борьбѣ съ Знамомъ», П. Яхонтовъ — въ «Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ» 1884 г., ч. XXXIII («Изложеніе и историко-критическій разборъ мнѣнія Ренана о происхожденіи еврейскаго единобожія»), А. Слонимскій — въ «Вѣстникѣ Европы» 1892—1893 гг. («Философскія драмы Ренана»), С. Н. Трубецкой — въ «Русской Мысли» 1898 г. («Ренанъ и его философія»), Ю. Николаевъ — въ «Русскомъ Обзорніи» 1893 г. («Ренанъ, какъ беллетристъ»), С. Годлевскій — въ отдѣльной книгѣ «Ренанъ, какъ человекъ и писатель» (Сиб., 1895 г.) и другіе (см. «Правосл. Собесѣдникъ» 1877 г., «Правосл. Обзорніе» 1889 г., «Русское Обзорніе» 1892 г. и проч.).

Эта библиографическая справка наглядно показываетъ, какъ мало занимались у насъ Ренаномъ даже изслѣдователи литературы. Публикѣ же этотъ писатель знакомъ больше по запрещенному переводу «*Vie de Jésus*» да по второстепеннымъ его статьямъ, выходившимъ въ отдѣльныхъ, указанныхъ выше, брошюрахъ. Имя Ренана пзвѣство у насъ, въ Россіи, всякому, отъ мала до велика, но произведеній его почти никто изъ публики не знаетъ. Поэтому понятнo, съ какой отрадой должно быть встрѣчено первое русское собраніе

его сочиненій, только-что законченное въ Кіевѣ г. Фуксомъ выпускомъ въ свѣтъ послѣдняго тома.

Внѣшній обликъ этого изданія очень приглядентъ, а редакція — вполне добросовѣстна.

Оно состоитъ изъ двѣнадцати комакныхъ томовъ, in-8°, отпечатанныхъ достаточно опрятно и изящно, на хорошей бумагѣ, чистымъ шрифтомъ, и безъ крупнаго недостатка большинства провинціальныхъ изданій — безъ техническихъ и грамматическихъ ошибокъ. Какъ ни грустно, но рѣдко, рѣдко видишь книгу, изданную въ провинціи, безъ этого дефекта, который можно объяснить развѣ только нежеланіемъ издателей расхотѣться на порядочныхъ корректоровъ.

Замѣтимъ кстати, что г. Фуксъ, начавшій функціонировать очень недавно (2—3 года), поражаетъ своею плодотворною дѣятельностью, онъ издаетъ массу полезныхъ книгъ и самымъ добросовѣтнѣйшимъ образомъ, не уступающимъ нисколько столичнымъ крупнымъ фирмамъ. Всѣ изданія г. Фукса очень опрятны и баснословно дешевы. Такъ, весь «Ренанъ» стоитъ всего пять рублей.

Двѣнадцать томовъ собранія заключаютъ въ себѣ всѣ главнѣйшія произведенія Ренана: «Будущее науки», «Критическіе и этические очерки», «Современные вопросы», «Реформа Франціи», «Рѣчи», «Философскія драмы и статьи», «Аверроэсъ и аверроизмъ», «Воспоминанія дѣтства и юности», «Историческіе очерки» и «Очерки по исторіи искусства и культуры».

Во главѣ всѣхъ произведеній философа поставлено «Будущее науки» («L' Avenir de la science»). И весьма удачно. Дѣло въ томъ, что Ренанъ писалъ о столь разнообразныхъ вопросахъ, что составить себѣ полное представление объ общемъ его міровоззрѣніи, при безсистемномъ чтеніи, очень трудно, вѣрнѣе — не возможно. При чтеніи отдѣльныхъ его сочиненій читатель познакомится съ Ренаномъ-историкомъ, Ренаномъ-беллетристомъ и т. п., но великаго Ренана-мыслителя не узнаетъ. Изучить же его можно лишь путемъ подробнаго ознакомленія съ его трудами въ хронологическомъ порядкѣ, при чемъ начать чтеніе необходимо съ «Будущаго науки», такъ какъ основныя идеи этого сочиненія проходятъ красною нитью черезъ всѣ остальные произведенія писателя. Всѣ очерки его по исторіи религіи, философіи, сравнительной филологіи, всѣ публицистическія статьи и рѣчи — все касается тѣхъ же вопросовъ, которые задѣты авторомъ въ «Будущемъ науки». Правда, сочиненіе это было написано Ренаномъ въ молодомъ возрастѣ (въ 1848—1849 гг.), подъ вліяніемъ совершившагося политическаго переворота, и оптимизмъ юноши, конечно, впоследствии не могъ не измѣниться, но не слѣдуетъ забывать, во-первыхъ, того, что произведеніе это появилось въ свѣтъ почти черезъ полвѣка послѣ его написанія и, очевидно, просматривалось авторомъ и въ зрѣломъ уже возрастѣ, а, во-вторыхъ, и того, что взгляды автора измѣнились, главнымъ образомъ, по вопросу о будущемъ общества и значеніи демократіи. Основныя же идеи «Будущаго науки» — вѣра въ постепенное развитіе заложенныхъ въ человѣчествѣ элементовъ, вѣра въ науку, которая объединитъ въ себѣ всю духовную жизнь человѣчества, и горячее стремленіе къ физиче-

ской и нравственной свободѣ личности проведены имъ и въ другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ гораздо позднѣе.

Объ измѣненіи своихъ юношескихъ взглядовъ самъ Ренанъ писалъ слѣдующее:... «Когда мнѣ приходится подвести итогъ всѣмъ моимъ мечтамъ, жившимъ въ моей головѣ полвѣка тому назадъ, когда я пытаюсь подсчитать, что оказалось химерой, и что осуществилось, то я, откровенно говоря, испытываю довольно ясное чувство нравственнаго удовлетворенія. Въ общемъ я былъ правъ. Прогрессъ за немногими исключениями пошелъ по тому пути, который я предполагалъ»...

А въ другомъ мѣстѣ онъ продолжаетъ:... «Немало иллюзій было также въ то отдаленное время въ моемъ отношеніи къ социальнымъ идеямъ 1848 года. Я все еще продолжаю вѣрить, что лишь наука можетъ улучшить жалкое положеніе человѣка здѣсь на землѣ; но я уже не думаю, что разрѣшеніе этой проблемы такъ близко отъ насъ, какъ мнѣ казалось тогда. Неравенство лежитъ въ самой природѣ»...

Мы вполне согласны съ авторомъ приложенной къ «Собранію сочиненій» вступительной статьи (г. Сливичемъ), что процитированныя слова самого Ренана должно назвать не измѣненіемъ, а разработкой мысли, которая, конечно, не могла сразу вылиться въ опредѣленную форму.

Остальные проповѣданія Ренана распределены въ «Собраніи» систематически, съ соблюденіемъ хронологическаго порядка.

Несомнѣнно, что наибольшій интересъ изъ нихъ представляютъ философскія произведенія, въ которыхъ всецѣло излито міросозерцаніе автора. Въ нихъ онъ пытается дать отвѣтъ на вѣчно волнующіе міровые вопросы о конечной цѣли вселенной, о стремленіяхъ человѣчества.

Основнымъ положеніемъ его философіи является эволюція.

Все въ мірѣ совершается по естественнымъ законамъ, и нѣтъ ничего сверхъестественнаго. Съ начала существованія міра жизнь идетъ естественнымъ путемъ, не уклоняясь отъ него, и легенды о чудесахъ были возможны только потому, что въ то время ихъ нельзя было научно объяснить...

...Законъ природы не есть слѣдствіе слѣпонаго рока; міровой процессъ предполагаетъ разумное начало, господство котораго составляетъ конечную цѣль вселенной. Въ этомъ непосредственно убѣждаетъ насъ изученіе органическаго міра во всѣхъ фазахъ его развитія. Человѣкъ, особенно гениальный, является вмѣстилищемъ разума, божества. Полное, окончательное осуществленіе въ мірѣ этого божества и составляетъ конечную цѣль вселенной...

«Тогда,—говоритъ мыслитель,—Богъ будетъ исполнѣнъ». Каково будетъ это божество, какъ воплотится оно въ мірѣ, и каково будетъ отношеніе къ нему живыхъ существъ, Ренанъ рисуетъ въ слѣдующей картинѣ: «Существо всевъдущее и всемогущее можетъ быть послѣднимъ терминномъ теогонической эволюціи. Все равно, какъ бы мы ни представляли его себѣ: какъ существо, наслаждающееся черезъ всѣхъ и черезъ которое всѣ будутъ наслаждаться, или какъ индивидуальность, достигшую высшей силы, или же какъ равнодѣйствующую миллиардовъ существъ, какъ гармонию, общій звукъ вселенной... Вселенная будетъ безконечнымъ памятникомъ, въ которомъ всѣ когда либо

существовавшія существа срастутся въ своемъ основаніи и будутъ жить одновременно и своей жизнью и жизнью цѣлаго»...

...Во всякомъ случаѣ, конечный результатъ вселенной, вѣроятно, хорошъ. Въ этомъ убѣждаетъ насъ продолжительное существованіе вселенной, которое, конечно, прекратилось бы, если бы въ основаніи міра было что нибудь пехоршее. Но все-таки, будучи увѣрены въ истинности нашего предположенія, мы не можемъ ручаться, что противоположное ему также не можетъ быть истинно; поэтому нужно вести себя такъ, чтобы и въ томъ и другомъ случаѣ не быть не правымъ...

...«Быть готовымъ на все, — въ этомъ, можетъ быть, и состоитъ мудрость, — говоритъ Ренанъ: — предаваться, смотря по времени, довѣрчивости, скептицизму, оптимизму, ироніи — вотъ средство быть увѣреннымъ въ томъ, что хотя бы минуками мы не ошибались. Вы мнѣ скажете, — продолжаетъ онъ, — что такимъ образомъ нельзя никогда вполне постигнуть истины. — Конечно. — Но такъ какъ вообще нѣтъ шансовъ, чтобы счастливый жребій пропикновенія въ тайну бытія выпалъ на долю человѣка, то не благоразумнѣе ли умѣрить свои пожеланія». (Вступительн. очеркъ).

Г. Симичъ добавляетъ: «Такое легкое отношеніе къ истинѣ можетъ быть понятнымъ для насъ именно въ Ренанѣ потому, что вся его жизнь была посвящена служенію идеаламъ истины, добра и красоты, потому что въ немъ, несмотря на его кажущійся скептицизмъ и иронію, жила глубокая вѣра въ идеальную цѣль вселенной. Эта вѣра всегда согрѣвала и воодушевляла Ренана, и потому, вѣроятно, эти вопросы объ истинѣ и спасеніи были для него слишкомъ легкимъ бременемъ, которое онъ несъ на себѣ съ полной увѣренностью въ правотѣ своего дѣла».

Отчасти все это вѣрно. Въ общемъ же во всей философіи Ренана замѣтно очень много туманности и противорѣчія, хотя она, безусловно, поражаетъ читателя своей силой.

Скажемъ нѣсколько словъ о другихъ произведеніяхъ Ренана.

Въ публицистическихъ статьяхъ и философскихъ драмахъ онъ излагаетъ свои политическія, религіозныя и этическія воззрѣнія. Характерная черта этихъ произведеній — выраженіе собственныхъ чувствъ автора по поводу окончательныхъ результатовъ событій, однако, безъ научнаго анализа причинъ ихъ, а въ частности — драмъ — крайній скептицизмъ по отношенію къ нѣкоторымъ нормамъ нравственности и примиреніе съ «Калибаномъ», т. е. съ демократіей.

«Историческіе очерки» представляютъ захватывающій интересъ. Ихъ оригинальность — художественная обрисовка прошлаго и его дѣятелей, коренной же недостатокъ — произвольный субъективизмъ въ характеристикахъ и полная модернизация явленій прошлаго.

Этими же погрѣшностями страдаютъ и этюды по исторіи религій, гдѣ авторъ, опираясь на психологію современныхъ религіозныхъ людей, а также и на свою собственную, картинно рисуетъ дѣятельность выдающихся реформаторовъ религій, мыслителей и святыхъ мистиковъ.

Историческій очеркъ «Аверроэсъ и аверроизмъ» представляет собою біографію и подробное изложеніе ученія арабскаго философа, пытавшагося примирить науку съ Кораномъ, а также вліяніе аверроизма на средне-вѣковыя философскія школы, искусство и медицину.

«Воспоминанія дѣтства и юности» даютъ матеріалъ, важный для ранней біографіи писателя и весьма характерный для опредѣленія его настроенія въ старости, такъ какъ извѣстно, что эти воспоминанія написаны авторомъ въ послѣдніе годы жизни.

Болѣе подробно останавливаться на разсмотрѣніи произведеній великаго мыслителя намъ не позволяютъ рамки журнальной рецензіи, и ее мы заканчиваемъ пожеланіемъ полнаго успѣха первому русскому изданію собранія его сочиненій.

Добавимъ, что переводъ всѣхъ произведеній сдѣлавъ хорошо, а вступительный очеркъ написанъ очень живо.

В. Городецкій.

Br. Gembarzewski. Wojsko polskie (1815—1830). Warszawa. 1903•

Въ послѣднее время польская литература особенно оживилась; въ ней появился цѣлый рядъ писателей—беллетристовъ, сочиненія которыхъ переводятся на иностранные языки. На ряду съ этимъ и историческая наука пріобрѣла себѣ нѣсколько замѣчательныхъ дѣятелей, труды которыхъ свидѣтельствуютъ не только объ ихъ трудолюбіи, но и о стремленіи разрабатывать вопросы, оставшіеся до сихъ поръ или совсѣмъ неразрѣшенными, или недостаточно освѣщенными. Такъ, археологъ Глогеръ издалъ уже 3-й томъ «Энциклопедіи Старопольской» (Варшава), охватывающей въ первый разъ весь объемъ древностей старой Польши; говоримъ, въ первый разъ, такъ какъ предшественники его: Грабовскій, Паули, Войцицкій, занимались изслѣдованіемъ древностей отдѣльныхъ городовъ или провинцій Польши: Кракова, Варшавы, Галиціи и др.; только Глогеръ въ своемъ музеѣ, какъ его охарактеризовалъ Брюкнеръ, недавно такъ неожиданно проявившій свою германскую нетерпимость къ славянамъ, даетъ чрезвычайно полную картину польской жизни въ остаткахъ ея письменности, въ обычаяхъ, управленіи, архитектурѣ, искусствѣ и т. п., иллюстрируя ее рядомъ картинъ и политипажей.

Вскорѣ закончится и другое иллюстрированное изданіе бр. Церховъ: Памятники Кракова; изъ 40 выпусковъ уже вышло 32, въ каждомъ изъ нихъ 10—12 таблицъ рисунковъ съ памятниковъ, напримѣръ, бронзовый Аноп Ягелловны въ стилѣ ренессансъ, Владислава Локетка и др. Можно бы упомянуть еще нѣсколько изданій, интересныхъ и въ артистическомъ отношеніи; но, оставляя ихъ въ сторонѣ, обратимся къ сочиненію, отличающемуся какъ новизной содержанія, почерпнутаго изъ незнакомаго до сихъ поръ архивнаго матеріала, такъ и по роскоши изданія.

Сочиненіе это — монографія о Польскомъ войскѣ 1815—1830 г. Б. Гембаржевскаго, изданная въ Варшавѣ у К. Трейше 1903 г., цѣна его 17 рублей въ переплетѣ.

Какъ извѣстно, военная исторія—одна изъ самыхъ важныхъ частей политической исторіи, такъ какъ войско во время войны естественно стоитъ на

первомъ планѣ въ политической жизни народа; такой эпохой, когда военная исторія пріобрѣтаетъ первенствующее значеніе, были, напримѣръ, для Франціи времена революціи, для Польши вышеуказанное время. Нѣсколько интересныхъ мемуаровъ Колачковскаго, Хлоповскаго, Вейссенгофа и др., частію переведенныхъ на русскій яз. довольно ярко очерчиваютъ это время, хотя нѣсколько одно-сторонне; сочиненія же, охватывающаго все это время, сочиненія, свободнаго отъ субъективизма и тенденцій, не было написано не только у польскихъ, но и у другихъ историковъ. Заслуга Гембаржевскаго состоитъ въ томъ, что онъ, опираясь на до сихъ поръ незнакомые архивные матеріалы, даетъ массу новыхъ и интересныхъ свѣдѣній въ такомъ законченномъ видѣ, отличается такой добросовѣстностью въ работѣ, что сочиненіе это съ полнымъ усихомъ можетъ быть названо военной энциклопедіей времени Варшавскаго княжества, энциклопедіей, весьма важной для исторіи его.

Изъ трехъ частей, на которыя дѣлится сочиненіе, первая часть историческая; она рисуетъ намъ отношенія императора Александра I къ польскому войску во Франціи и учрежденіе организаціоннаго комитета для набора войска. Вторая часть заключаетъ въ себѣ общую характеристику этого войска, особенно важную для исторіи кампаніи 1831 г., но страдающую слишкомъ мрачнымъ взглядомъ на тогдашніе военные порядки нашего войска, введенные и во вновь образованное польское войско, строго поддерживаемые ихъ главнымъ начальникомъ.

Масса предписаній относительно одежды, вытягиванія воска и пр. дѣлала это войско годнымъ лишь для парадовъ, но неспособнымъ къ маневрированію и строгой дисциплинѣ. Третья часть, самая интересная на первый взглядъ, заключаетъ въ себѣ наиболѣе фундаментальную и обработанную часть всего труда. Здѣсь собрано все, что было напечатано или находилось въ рукописяхъ о различныхъ родахъ оружія, составѣ отдѣльныхъ частей, дислокаціи; описаніе тогдашняго оружія, одежды, библиографія тогдашнихъ военныхъ сочиненій, сборники приказовъ, полный списокъ офицеровъ съ 1817 г. по 1831 г., такія подробности даютъ военному читателю портретъ этого войска, а изслѣдователю нужныя ему свѣдѣнія.

Относительно первой части можно сказать, что отношеніе императора Александра I къ польскому войску въ 1814—1815 гг. такое же, какъ и вообще къ Польшѣ. Войско того времени было какъ бы представителемъ народа, почему и каждая подробность его образованія имѣетъ особенное значеніе. Здѣсь мы узнаемъ, на какія формальныя основанія опиралась огромная власть ген. Домбровскаго, посланнаго въ маѣ 1814 года изъ Парижа въ Варшаву; какъ онъ посылалъ офицеровъ въ Торнъ, отправлялъ посломъ Бернадскаго къ Фридриху-Августу, а Островскаго—въ Петербургъ.

Гембаржевскій на стр. 3 указываетъ его роль по инструкціи императора отъ 15-го мая 1814 года. На стр. 21 въ припискѣ интересна замѣтка объ уклоненіи евреевъ отъ военной службы, и тамъ же находимъ проектъ особаго набора рекрутовъ изъ мелкой шляхты Сѣдлецкаго и Ломжинскаго департаментовъ.

С. Гин—въ.

Нечистая, невѣдомая и крестная сила. Сочиненіе С. В. Максимова. Спб. 1903.

Историкъ русской этнографіи съ особеннымъ удовольствіемъ остановится на «этнографическомъ бюро» князя В. Н. Тенишева, какъ выдающемся и особенно отрядномъ явленіи. Покойный князь Тенишевъ издалъ въ 1897 году составленную имъ «Программу этнографическихъ свѣдѣній о крестьянахъ центральной Россіи» (Смоленскъ, 1897), чѣмъ и положено было начало этнографическому бюро. Въ слѣдующемъ году программа вышла вторымъ изданіемъ. Лица, близко стоящія къ народному быту и хорошо знающія этотъ бытъ, приглашались присылать свои сообщенія по вопросамъ программы въ этнографическое бюро. На призывъ откликнулось до 350 лицъ изъ 23 великорусскихъ губерній. То были сельскіе священники, народные учителя и учительницы, землевладѣльцы, земскіе начальники и, отчасти, крестьяне. Обработка доставленнаго материала была поручена спеціалистамъ. Въ результатѣ этнографическое бюро уже подарило русскому обществу двѣ хорошихъ книги: названную выше книгу С. Максимова и книгу Т. Попова: Русская народно-бытовая медицина (Спб., 1903).

Изданныя бюро Тенишева книга С. В. Максимова—«лебединая пѣсня» нашего извѣстнаго этнографа и писателя, и даже незаконченная «пѣсня». Смерть прервала работу писателя. Виолнѣ готовую оказалась только первая часть «трилогіи»—«Нечистая сила», которая была издана отдѣльно еще въ 1899 г., впрочемъ, «въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ», съ спеціальною цѣлью «дать сотрудникамъ и соредакторамъ кн. Тенишева указаніе въ предстоящей совместной работѣ». Надъ второю частью, чтобы приготовить ее къ печати, «пришлось поработать», а послѣднюю часть—«Крестная сила», не виолнѣ законченную, и дополнить при помощи матеріаловъ бюро, что было сдѣлано г. А. А. Яблоновскимъ.

«Нечистая, невѣдомая и крестная сила»—это опытъ демонологіи и миеологіи современнаго русскаго народа. Нечистая сила—остатокъ языческихъ вѣрованій; здѣсь домовая, баенникъ и овинникъ, кикимора, лѣпшій и водяной и т. п. Крестная сила, христіанская, хотя и не безъ примѣси язычества; здѣсь обряды и вѣрованія приурочены къ христіанскимъ праздникамъ и святымъ. Невѣдомая сила—это стихіи природы: огонь, вода, земля и лѣсъ; кто или что она, народъ сознаетъ плохо, но благоговѣетъ и вѣритъ.

Въ отличіе отъ старинныхъ трудовъ по русской миеологіи, въ книгѣ Максимова нѣтъ фантастическихъ мудрствованій о языческомъ Олимпѣ русскаго народа, книга вообще написана безъ излишнихъ мудрствованій, въ чемъ ея достоинство; но въ ней немало публицистическаго элемента,—общая черта всѣхъ трудовъ нашего покойнаго этнографа. Ее съ интересомъ прочтаетъ человѣкъ, вообще очень мало интересующійся этнографіею, но присяжный этнографъ сильно посятуетъ на недостаточную основательность, на примѣръ, на частое отсутствіе скольконибудь подробныхъ указаній о географическомъ распространеніи того или иного вѣрованія или обряда и т. п. Полноты, какую естественно требовать отъ описательнаго труда, книга также не достигла.

Отмѣтимъ хотя бы отсутствіе, въ обширной главѣ «Вода-царица», всякаго упоминанія о такъ называемыхъ «шумихахъ», т.-е. чтимыхъ водяныхъ мельницахъ: ихъ въ одной Вятской губерніи не менѣе четырехъ. Особенною неполнотою, мѣстами доходящею даже до простой эпизодичности изложенія, отличается третья часть, но это не по винѣ автора.

Покойный князь Тенишевъ предполагалъ и обѣщалъ «одновременно и сразу выпустить два изданія: одно, заключающее въ себѣ выводъ изъ добытыхъ свѣдѣній, съ указаніемъ на выдающіеся факты, и другое—долженствующее послужить тѣмъ, которые пожелаютъ для своихъ работъ непосредственно воспользоваться источниками; туда войдутъ дѣликомъ болѣе дѣльные сообщенія сотрудниковъ». Это послѣднее изданіе представляетъ болѣе болѣе интересъ для специалистовъ, и вѣрнее не пожелать, чтобы мысль о немъ не была покинута или отложена въ долгій ящикъ.

Д. З.

Изъ рукописнаго собранія Одесской городской публичной библиотекы. 1. Письма И. С. Тургенева къ Л. Н. и Л. Я. Стечкинымъ. Изд. гр. М. М. Толстого, подъ ред. М. Г. Попруженко. Одесса. 1903.

Начинающая писательница Л. Я. Стечкина написала повѣсть и обратилась за литературными указаніями къ Ив. Серг. Тургеневу. Знаменитый писатель оказался внимательнымъ къ молодой писательницѣ, завязалась переписка; затѣмъ г-жа Стечкина (ум. 30 дек. 1900 г.) находилась въ продолженіе дѣлаго ряда лѣтъ въ перепискѣ и въ личныхъ отношеніяхъ: памятникомъ этихъ отношеній осталось 55 писемъ къ Л. Я. Стечкиной и ея матери, писемъ, бережно хранившихся въ Одесской публичной библиотекѣ и въ настоящее время напечатанныхъ въ отдѣльной книжкѣ.

Чего нибудь новаго по біографіи, какихъ либо новыхъ чертъ къ характеристикѣ И. С. Тургенева эти письма не прибавляютъ. Отзывчивость и деликатность Тургенева извѣстны изъ многихъ другихъ источниковъ. Извѣстный интересъ эти письма имѣютъ для характеристики взгляда Тургенева на технику литературнаго творчества: быть можетъ, здѣсь нѣсколько ярче, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ, освѣщены извѣстныя воззрѣнія Тургенева. Тургеневъ противъ всякой сочиненности, всякой случайности сюжета. «Въ клиникахъ,—пишетъ онъ,—бываютъ такіе факты, что больной возьметъ да откуситъ фельдшеру носъ—что жъ? и это возводитъ въ перлъ созданія?» Любопытно также, какъ Тургеневъ оцѣнивалъ въ 1879 г. свое положеніе въ русскомъ обществѣ и литературѣ: «принимаю ваше посвященіе, какъ великую честь, хотя, при настоящемъ настроеніи нашей публики, мое имя можетъ только повредить вамъ». Въ книжкѣ найдется еще нѣсколько штриховъ, любопытныхъ для изучающихъ личность Тургенева. Во всякомъ случаѣ, если изданіе Одесской публичной библиотекы и не заключаетъ въ себѣ никакихъ сколько нибудь важныхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики Тургенева, однако нѣсколько штриховъ, которые можно извлечь изъ этой книжки, дѣлаютъ ее небезполезной и нелишней.

Щ.

Б. Л. Модзалевскій. Къ біографіи Августа - Людвиг Шлѣцера. Спб. 1903.

Въ брошюрѣ г. Модзалевскаго напечатаны документы, отысканные имъ въ архивѣ Капитула Орденовъ, среди дѣлъ кавалерственной думы ордена св. Владимира и безусловно заслуживающіе вниманія въ смыслѣ матеріала для характеристики личности Шлѣцера.

Это — собственноручное письмо знаменитаго историка изъ Геттингена отъ 6-го/18-го августа 1803 года къ графу Ник. Петр. Румянцеву, съ приложеніемъ двухъ собственноручныхъ же записокъ его: 1) къ Румянцеву же — отъ 2-го/14-го августа и 2) «Сіятедьнѣйшей думѣ ордена св. Владимира» отъ 1-го/13-го августа того же года, гдѣ авторъ, съ полнымъ сознаніемъ собственныхъ заслугъ, перечисляетъ свои труды, дающіе ему право на полученіе награды орденомъ св. Владимира, а черезъ то — и потомственнаго російскаго дворянскаго достоинства.

Какъ извѣстно, Румянцевъ эти письма препроводилъ 14-го сентября того же года къ графу П. В. Завадовскому; послѣдній же представилъ ихъ въ ближайшее по времени засѣданіе кавалерственной думы, которая и признала (22-го сентября) Шлѣцера, по его «отличнымъ заслугамъ и трудамъ по части исторіи російской», достойнымъ полученія ордена.

Въ замѣткѣ А. П. Барсукова «Гербъ Августа-Людвиг Шлѣцера» (Спб., 1891), составленной по дѣламъ архива децартамента герольдіи, имѣется указаніе на то, что Шлѣцерь, сдѣлавшись русскимъ дворяниномъ, тотчасъ же представилъ императору Александру просктъ своего герба, который и былъ утвержденъ государемъ 28-го декабря 1803 года, а 30-го мая слѣдующаго года послѣдовало высочайшее подписаніе диплома на дворянство «гёттингенскаго профессора Шлѣцера».

Такимъ образомъ, желанія историка, о которыхъ онъ такъ прозрачно намекалъ въ «покорнѣйшемъ представленіи сіятедьнѣйшей думѣ», осуществились.

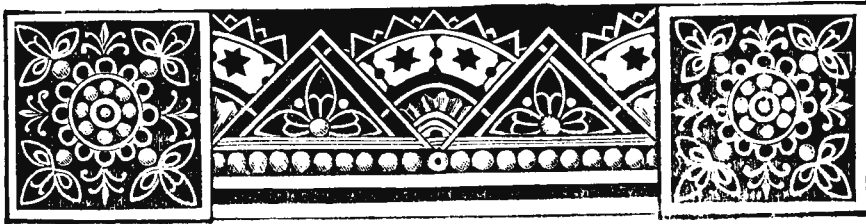
Разысканные г. Модзалевскимъ документы въ печати появляются впервые; они воспроизводятся въ брошюрѣ съ сохраненіемъ орфографіи автора и снабжены хорошимъ русскимъ переводомъ и тщательно составленными примѣчаніями.

Отвѣтное же письмо Румянцева Шлѣцеру, съ увѣдомленіемъ о пожалованіи ему ордена и дворянскаго достоинства, а также грамота на орденъ и дипломъ на дворянство были уже напечатаны сыномъ историка Хр. Шлѣцеромъ въ книгѣ «August-Ludvig von Schlözer's öffentliches und Privat-Leben» (Leipzig, 1828, Bd II, Ss. 2—6).

Въ общемъ брошюра г. Модзалевскаго достаточно наглядно обрисовываетъ «особливое радѣніе» и заслуги гёттингенскаго профессора.

Б. Г.—цвѣй.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ эволюція Румыніи. Въ іюньскомъ номерѣ «Le Carnet» Е. Кошленъ помѣстилъ статью ¹⁾ объ исторической эволюціи Румыніи. Въ этомъ трудѣ авторъ послѣдовательно передаетъ, какимъ образомъ развился румынскій народъ, и черезъ какія перипетіи онъ прошелъ. Почти восемнадцать вѣковъ тому назадъ, изъ большой аракійской семьи вышелъ энергичный и трудолюбивый народъ, земледѣльческій и въ то же время воинственный. Это были дакійцы. Они были раздѣлены на пятнадцать племенъ и занимали рядомъ съ гетами скиѣскаго происхожденія страну, тянущуюся на западѣ между Тиссой, на сѣверѣ между Карпатами и Днѣстромъ, а на востокѣ и югѣ между Чернымъ моремъ и Дунаемъ. Подъ вліяніемъ примѣра германскихъ бандъ и, кромѣ того, подвижные по натурѣ, они охотно переходили свои границы, производя грабежи на сосѣднихъ территорияхъ. Неудивительно, что рано или поздно эта воинственная лихорадочность должна была возбудить въ Римѣ опасенія. Къ тому же въ это время онъ едва только завоевалъ Мезію, Македонію и Фракію, какъ уже видѣлъ свои новыя владѣнія въ опасности. Впрочемъ не одна только эта причина заставила его подчинить дакійцевъ: его страсть къ побѣдамъ не ужилась бы съ такимъ близкимъ независимымъ народомъ, потому что всѣ, которые не подчинились его законамъ, или не были расположены купить дорогою цѣною его союзъ, возбуждали въ немъ ненависть. Августъ ограничился лишь тѣмъ, что закрылъ свои заставы, съ цѣлью воспрепятствовать внезапнымъ вторженіямъ дакійцевъ. Домиціанъ попробовалъ съ ними драться, но неудачно, и долженъ былъ купить миръ. Траяну пришлось исправить ошибки Домиціана. Дацебалъ, король Дакіи, не получая обѣщанныхъ

¹⁾ L'évolution historique de la Roumanie, par E. Coghelin. «Le Carnet», Juin. 1903.

Домицианомъ денегъ, которыхъ не выдавали римляне, рѣшили получить ихъ силою и впервые перешли Дунай съ шестьюдесятью тысячами солдатъ. Но его ожидали неудачи: дакійцы потерпѣли три поражения, потеряли свою столицу и были принуждены просить у римлянъ пощады. Въ слѣдующемъ году дакійцы возстали, и римляне снова появились въ Дакію; побѣжденный Дацебалъ убилъ себя, а народъ лишился свободы, и Дакія сдѣлалась римскою колоніею. Теперь еще существуетъ въ Римѣ памятникъ этому событію—колонна, воздвигнутая Траяну. Римское владычество оставило свои слѣды въ Румыніи: тамъ сохранились мостъ, переброшенный по союздству съ Турнъ-Севериномъ, черезъ каналъ пороговъ «Желѣзныхъ воротъ», около деревни Сиббъ, и дорога, пробитая въ самой скалѣ. Пропили вѣка, но время пощадило работу римлянъ. «Ихъ каждая побѣда,—говоритъ Кошленъ:—открывала новое поле для цивилизаціи, хотя они не дорожили ни своей ни чужой жизнью, но зато приготавливали потомкамъ побѣжденныхъ будущее, очищенное отъ варварства ихъ предковъ. Траянъ привелъ въ Дакію вмѣстѣ съ своими легіонами и колонистовъ, какъ это дѣлали обыкновенно римляне. Римляне разсѣялись по обонмъ склонамъ Карпатъ, по берегу Днѣстра и по лѣвому берегу Дуная. Впрочемъ, въ 271 г. императоръ Аврелій, ведя упорную войну съ аллеманами и готами, вызвалъ изъ Дакіи своихъ солдатъ; колонисты же остались. «Такимъ образомъ,—говоритъ авторъ,—румыны настоящаго времени—потомки переселившихся латинъ и прямые наслѣдники ихъ воинственныхъ и семейныхъ добродѣтелей». Пока дакійцы не добились полной независимости, имъ пришлось, въ продолженіе девяти вѣковъ, отбиваться отъ непрерывнаго потока всевозможныхъ варваровъ: готовъ, аваровъ, гунновъ, гепидовъ и болгаръ. Не успѣли избавиться отъ нихъ, какъ появились венгры, расположившіеся отъ Тиссы до Карпатъ; а горами, Днѣстромъ и Дунаемъ владѣли куманы и печенѣги, которые «опрокинули валкую колыбель маленькаго новорожденнаго государства». XIII-й вѣкъ, хотя не окончилъ съ битвами, но, по крайней мѣрѣ, онъ далъ дакійцамъ надежду, что ихъ борьба не бесплодна, и во время династіи Бессараба, оставившей глубокой слѣдъ въ національной исторіи, онъ далъ намекъ на зачатокъ Румынскаго государства. Дакія владѣла Ольтенией, болѣе извѣстной подъ именемъ Бессарабіи, находившейся между рѣкою Ольтой, Дунаемъ и Карпатами, съ столицею Краево. Воеводы, вышедшіе изъ нея, были: Рудольфъ, такъ называемый «Черный», создавшій княжество Валахское за счетъ венгровъ, во время вторженія Бату-хана, выстроившій Бухарестъ и давшій своимъ подданнымъ аристократическіе и феодальные законы; второй—Миркъ, воевавшій противъ болгаръ и турокъ и участвовавшій въ бѣшенномъ сраженіи при Коссовѣ, гдѣ сербскій господарь Лазаръ, побѣжденный Амуратомъ I-мъ, долженъ былъ принять въ 1393 году трактатъ, по которому Валахія сдѣлалась вассальною и платящей дань Баязету I-му. Впрочемъ черезъ пять лѣтъ этотъ трактатъ былъ уничтоженъ. Этотъ самый Миркъ навязалъ Молдавіи династію Мушатовъ, изъ которой вышелъ Александръ Добрый и Стефанъ Великій. Сынъ послѣдняго, Богданъ, подписалъ въ 1511 г. первую капитуляцію Молдавіи, которую румынскій князь Марамурешъ Марамуреносъ Драгошъ, сущившійся со склоновъ Карпатъ, основалъ въ XIV вѣкѣ, соединивъ подъ своимъ владыче-

ствомъ, маленькія республики, разбѣянные въ безпорядкѣ между горами и Днѣстромъ. Затѣмъ слѣдовалъ Михаилъ, такъ называемый «Отважный», который, ради освобожденія своей страны отъ турецкаго ига, вошелъ въ союзъ съ Сигизмундомъ Баторіемъ, воеводой Трансильваніи, и Рудольфомъ II, германскимъ императоромъ, бывшимъ болѣе алхимикомъ и астрономомъ, чѣмъ государемъ. Матѳей возбудилъ въ Валахіи чувства національности, почти угасавшія, но не могъ добиться полной свободы отъ Турціи. Среди нихъ пятномъ является Константія (1688—1714 гг.), который игралъ сомнительную роль между австрійцами, русскими и турками, обманывая всѣхъ постепенно; его арестовали въ Бухарестѣ и обезглавили въ Константинополѣ. Уже съ давнихъ временъ, какъ извѣстно, турки были ихъ наслѣдственными врагами и могущественными сюзеренами, противъ которыхъ мало-по-малу возбудилась страшная ненависть, благодаря различію расы и религіи. Сколько разъ они усиливались выйти изъ-подъ этого ига, но это еще болѣе скрѣпляло ихъ цѣпи, и въ XVIII вѣкѣ турки навязали румынамъ князей-грековъ Фапара. Это имя произошло отъ одного константинопольскаго квартала, въ которомъ жили ихъ предки послѣ турецкаго присоединенія. Они воспользовались невѣжествомъ своихъ побѣдителей и втерлись въ богатые и могущественныя семьи, въ качествѣ писцовъ и чтецовъ, но въ сущности, чтобы сдѣлаться драгоманами и секретарями. Вскорѣ они отростили себѣ длинныя бороды, согласно турецкому обычаю, и одинъ изъ нихъ, Панагіотаки, былъ назначенъ въ 1669 г. переводчикомъ при совѣтѣ министровъ, другой же Александръ Маврокордато велъ переговоры о Карловицкомъ мирѣ въ 1699 г. Наконецъ, съ 1707 г. по 1721 годъ они своими интригами и низкопоклонствомъ предъ султаномъ добились положенія князей Молдавіи и Валахіи. Нѣкоторые изъ нихъ отличались ловкимъ и мудрымъ управленіемъ. Между ними былъ одинъ албанецъ, Гика, изъ семьи котораго вышло болѣе десяти господарей для двухъ дунайскихъ княжествъ. Одинъ изъ нихъ, Григорій Гика, даже пожертвовалъ своей жизнью за независимость страны при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ 1699 году Австрія заставила уступить себѣ Ольгу, которую возвратила только въ 1739 году. Она овладѣла также Буковиной въ 1777 году, и Григорій былъ безсиленъ противъ этого деспотическаго насилія, но все-таки изо всѣхъ силъ протестовалъ, за что сложилъ голову на плахѣ. Въ 1812 году Россія взяла Бессарабію, а турки уже давно занимали румынскіе порты Дуная. Такимъ образомъ Молдавію и Валахію поработили со всѣхъ сторонъ. Въ то время какъ Наполеонъ завоевывалъ весь свѣтъ, румыны замыслили избавиться отъ ига, и европейскія дѣла ихъ не интересовали. Все ихъ вниманіе направилось на Грецію, которая тоже находилась подъ турецкимъ ярмомъ и пыталась отъ него избавиться. Она составила секретныя общества, которыя медленно, но терпѣливо приготавливали окончательное освобожденіе. Среди нихъ особенно выдѣлялось удивительной дѣятельностью и смѣлостью одно: «Политическая гетерія», оно было основано поэтомъ Ригасомъ, котораго въ 1798 году Порты казнила. Это общество было возобновлено въ 1814 году въ Одессѣ и Кишиневѣ и быстро распространялось по всей Греціи, благодаря Александру Псипланти, бывшему генераль-адъютанту императора Александра Павловича, и закрылось лишь, когда послышался

первый выстрѣлъ за независимость. Туда и обратили свои взоры румыны. Но прежде чѣмъ вырвать изъ рукъ у турокъ свою родину, приходилось избавиться отъ тяготы фанариотскаго режима. Наконецъ въ 1821 году послѣдовало массовое возстаніе крестьянъ Ольты, подъ предводительствомъ Тудора Владимиреску. Въ это время Россія уже не скрывала желанія вмѣшаться въ Балканскія дѣла. Возстаніе въ Греціи послужило для этого предлогомъ, а возстаніе въ Ольтѣ еще болѣе укрѣпило ея желаніе. Согласившись съ Турціей, она вмѣшалась, чтобы прекратить возстаніе, и было рѣшено, что съ этого времени обѣими провинціями будутъ управлять князья изъ бояръ. Такимъ образомъ Григорій Гика былъ названъ княземъ Валахіи, а въ Молдавію избрали Стурдзу. Между тѣмъ событія шли, и Европа не могла равнодушно смотрѣть на миссологскую драму, гдѣ Ибрагимъ-паша, съ помощью пушекъ, требовалъ у грековъ сдаться, но старики, женщины и дѣти—все предпочли смерть, только бы избѣжать турецкаго ига. Наваринская битва уничтожила турецкій флотъ, русскіе перешли Прутъ и Балканы и направили сто тысячъ человѣкъ по дорогѣ къ Константинополю, тогда какъ Франція, по словамъ автора, принудила Ибрагима вернуться въ Египетъ и обезпечить полную самостоятельность Греціи. Адрианопольскій трактатъ далъ возможность румынамъ предвидѣть свободу, хотя еще очень отдаленную. Порта очистила порты Дуная, все еще оставаясь скюзереномъ обоихъ княжествъ, которыя снова получили автономную администрацію подъ официалнымъ покровительствомъ русскаго правительства. Русскій императоръ тотчасъ же назначилъ генералъ-губернаторомъ обѣихъ провинцій графа Павла Дмитриевича Киселева, который командовалъ оккупационнымъ корпусомъ, оставленнымъ въ Молдавіи и Валахіи, и, какъ дипломатъ, установилъ имъ новыя либеральныя учрежденія. Подъ его руководствомъ Румынія свободно вздохнула, въ странѣ возстановился порядокъ, горожане и крестьяне безъ страха принялись за свои работы. Въ 1834 году Россія удалилась; Александръ Гика былъ избранъ княземъ Валахіи, а Михайлъ Стурдза — Молдавіи. Первый былъ низвергнутъ, восемь лѣтъ спустя, а вмѣсто него избранъ Георгій Бибеско, докторъ правъ Парижскаго факультета, который былъ прикомандированъ къ генералу Киселеву въ 1831 году, въ качествѣ начальника государственнаго секретаріата. Въ 1842 году онъ вступилъ въ собраніе и скорѣ сдѣлался предводителемъ оппозиціи. Онъ редижировалъ адресъ, который повлекъ за собою паденіе господара Гика, и занялъ его мѣсто 1-го января 1843 года. Скорѣ онъ выказалъ свой административный талантъ въ самыхъ сложныхъ дѣлахъ. Первымъ его долгомъ было освободить часть цыганъ, землевладѣльцевъ, и государственныхъ цыганъ, а въ 1847 году—принадлежащихъ къ церкви. Затѣмъ онъ издалъ законъ о натурализаціи и о судебныхъ реформахъ, уничтожилъ таможеню между Валахіей и Молдавіей, чѣмъ подготовилъ сліяніе обѣихъ странъ, основалъ первую военную школу, устроилъ мостъ черезъ Ольту, вопреки мнѣнію инженеровъ, находившихъ это невозможнымъ, и наконецъ создалъ большой французскій лицей. Въ 1848 году въ Валахіи отозвалась французская революція, и въ мартѣ проявились въ Яссахъ первыя вспышки, но были скоро затушены. Въ іюнѣ снова повторилась эта вспышка, но на этотъ разъ болѣе распространилась, и князь Бибеско едва не былъ убитъ. Революціонеры соста-

вили временное правительство, и господарь долженъ былъ подписать новую конституцію. Не желая брать на себя ответственности, онъ собралъ министерство изъ главарей возстанія, затѣмъ отрекся и удалился въ изгнаніе. Еще разъ русскія и турецкія войска заняли княжество; государственныя права были переданы султану до тѣхъ поръ, пока трона Валахіи не занялъ князь Стирбей, а Молдавіи — Григорій Гика въ 1849 году. Парижскій трактатъ 30-го марта 1856 года совершенно уничтожилъ русскій протекторатъ надъ дунайскими провинціями. Съ мая по августъ 1858 года въ Парижѣ сосложилась конференція относительно вопросовъ организаціи этихъ провинцій. Въ слѣдующемъ году потребовали соединенія Молдавіи и Валахіи въ одно государство, подъ управленіемъ одного князя, избраннаго народомъ, наслѣдственнаго и члена котораго нибудь царствующаго дома въ Европѣ. Франція была согласна на это; Англія и Россія сначала благопріятно отвѣтили къ такому рѣшенію, но первая опомнилась; Австрія же не замедлила выразить недовѣріе и недоброжелательство. Однако 29-го августа 1858 года была подписана конвенція, по которой Молдавія и Валахія сдѣлались однимъ государствомъ подъ названіемъ соединенныхъ княжествъ, съ общими законами и съ арміею, съ однимъ господаремъ, министерствомъ, палатой, подъ контролемъ одного большого совѣта, учрежденнаго въ Фокшанахъ, которому предоставлялось подчинить одной и той же администраціи обѣ страны; однимъ словомъ гражданскія права Молдо-Валахіи вполне соответствовали французскимъ принципамъ 1789 года. Валахи выразили желаніе въ 1859 году снова выбрать князя Георга Вибеско; молдаване же стояли за полковника Александра Кузу. Валахская палата въ доказательство, насколько она далека отъ сепаратизма, рѣшилась подать голосъ за послѣдняго. Порта нѣсколько колебалась признать единеніе Молдавіи и Валахіи въ отношеніи администраціи и законодательства. Однако, кончилось тѣмъ, что она признала. 5 февраля 1862 года въ Бухарестѣ собралась палата соединенныхъ княжествъ, подъ предѣлательствомъ Барбо Катарджи. Ей предстояло обсудить деликатные вопросы, которые неизбѣжно влекли за собою чрезвычайно важное разногласіе между депутатами и княземъ Кузой. До тѣхъ поръ земля была обременена множествомъ налоговъ, что не давало возможности крестьянамъ сдѣлаться исключительными землевладѣльцами. Правительство предложило, чтобы крестьянинъ освобождался отъ рабства, вознаградивъ пятнадцатилѣтней уплатой прежнихъ хозяевъ земли. Кромѣ того, наполеоновскій кодексъ сдѣлался румынскимъ, и было объявлено даровое образованіе на всѣхъ степеняхъ. Это былъ первый шагъ къ социальной революціи. Уже съ давнихъ временъ греческіе монахи владѣли въ обѣхъ провинціяхъ значительными имѣніями, часть дохода съ которыхъ назначалась на поддержаніе монастырей въ Палестинѣ. Комиссія, назначенная для изслѣдованія вопроса, былъ ли этотъ монастырь владѣльцемъ земель, занятыхъ монахами, рѣшила, что онъ можетъ только требовать доходы. Правительство одобрило это рѣшеніе, обративъ имущество духовенства въ свѣтское. Оно предложило уплатить монахамъ, лишеннымъ владѣнія, убытки въ количествѣ 150 милліоновъ іастровъ и подчинить румынскую церковь контролю константинопольскаго патріарха. Все это служило къ возбужденію религіозной войны. На-

конецъ князь Куза не колебался предъ политической революціей. Всѣ эти реформы встрѣтили оппозицію въ палатѣ; собраніе было распушено, 14 мая 1864 года, Куза издалъ для страны новый статутъ, которымъ ввѣрилъ всю общественную власть царствующему князю, сенату и палатѣ, избранной націей. Плебисцитъ изъ 713.000 голосовъ противъ 50.000 одобрилъ этотъ государственный переворотъ. Недовольные же не сочли себя побѣжденными и втихомолку составили возстаніе, къ которому ежедневно примыкали новые союзники, ничѣмъ не пренебрегая для достиженія цѣли. Они даже приняли посланнаго господаря, дѣлая видъ, что удовлетворены. Сенатъ взялъ на себя положить конецъ дѣлу; въ его стѣнахъ составилъ военный заговоръ; 23 февраля 1866 года они захватили Кузу во дворцѣ и принудили его отречься. Собраніе вернулось къ программѣ 1857 г. и захотѣло избрать наслѣднаго принца изъ царствующихъ домовъ Западной Европы. Съ этою цѣлью оно предложило власть графу Филиппу Фландрскому, въ настоящее время бельгійскому королю, но онъ отклонилъ это предложеніе, и временное правительство распустило тогда палату и передало право народу выбирать себѣ государя. 20 апрѣля 1866 г. плебисцитъ провозгласилъ принца Карла-Фридриха Гогенцолерна Зигмарингенскаго, второго сына принца Антона Гогенцолерна и Жозефины Баденской, пріемной дочери Наполеона I-го. Карлъ со сдержанной ловкостью боролся противъ недоброжелательства Турціи и побѣдилъ глухую ненависть политической партіи. Въ короткое время онъ вернулъ Румыніи внутренній миръ, не забывая цѣли, къ которой въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ стремились госиодари—избавиться разъ навсегда отъ турецкаго опекуства. Наконецъ представился неожиданный случай—война, объявленная Турціи Россіей въ 1877 году. Санъ-Стефанскій трактатъ достался цѣною крови. Румынія добилаь свободы, но въ то же время потеряла въ пользу Россіи Бессарабію, которая по Парижскому трактату была уступлена первой. Взамѣнъ же Румынія получила болотистую и безплодную Добруджу. Европа, напуганная русскимъ могуществомъ, пересмотрѣла въ 1878 г. на берлинскомъ конгрессѣ Санъ-Стефанскій трактатъ. Напрасно, по словамъ автора, герой румынской независимости, Іоаннь Братіано, горячо отстаивалъ интересы родины,— Европа ратификовала окончательное присоединеніе Бессарабіи къ Россіи и только прибавила къ Добруджѣ дельту Дуная. 26 марта 1881 года Румынія была признана королевствомъ, и царствующій князь принялъ имя короля Карла I-го. Какъ извѣстно, онъ управляетъ государствомъ совмѣстно съ двумя палатами: избирательнымъ сенатомъ и собраніемъ депутатовъ. Въ 1869 г. онъ женился на принцессѣ Елизаветѣ Вадъ, извѣстной подъ литературнымъ псевдонимомъ Карменъ-Сильва. Въ настоящее время Румынія собираетъ плоды своего упорнаго труда. Ея политической организаціи, земледѣлію, промышленности и торговлѣ можетъ позавидовать даже Европа.

— Нескромности исторіи. Авторъ извѣстныхъ историческихъ интимныхъ подробностей, докторъ Кабанесъ, недавно выпустилъ въ свѣтъ новую книгу ¹⁾, столь же богатую нескромными данными жигтя-бытя прежнихъ вѣковъ. Въ противоположность нѣкоторымъ историкамъ, говорящимъ: «эксцен-

¹⁾ Les indiscrets de l'histoire, par docteur Cabanés. Paris. 1903.

тричности не есть исторія», Кабанесь придерживается мнѣнія, что «детали—необходимое дополненіе къ исторіи, какъ монеты, и онѣ должны, какъ и послѣднія, выходить въ большемъ количествѣ и обращаться свободно». На основаніи этого мнѣнія онѣ настолько не брезгаетъ никакими подробностями, что одинъ изъ критиковъ его предшествовавшаго труда выразился о немъ: «Эго болѣе чѣмъ исторія—это клиника». Въ предисловіи къ своему новому труду Кабанесь ссылается на Якоби и французскаго моралиста Жубера, мнѣнія которыхъ были одинаковы относительно того, что исторія, начертывая картину крупныхъ памятныхъ событій, совершенно пренебрегаетъ мелочами, которыя даютъ возможность узнать лучше людей, націю и ея представителей. Въ подобныхъ мелочахъ, по ихъ словамъ, характеръ вождей націй, ихъ страсти и нравственность являются въ яркомъ свѣтѣ. Правда, Кабанесь оговаривается, что нельзя увлекаться мелочами, которыя могутъ совершенно затемнить великія событія. Свой новый трудъ «Нескромности исторіи» онѣ начинаетъ съ самаго близкаго къ человѣку предмета — съ рубашки, при этомъ приводитъ примѣры даже изъ библейскаго времени. Его интересуетъ вопросъ, носили ли прежніе люди рубашки и спали ли въ нихъ. Онѣ разрѣшаетъ его, приводя тексты изъ Библии, сочиненій различныхъ писателей и даже изъ священныхъ изображеній. Доминиканецъ Жанъ-де-Фано, жившій въ 1279 г., говоритъ, что женщина, желавшая угодить мужу, не сохраняла умѣренность, не справляла посты въ непредписанное время и не спала въ рубашкѣ. Точно также въ Библии XIV вѣка, хранящейся въ Национальной Библиотекѣ, всѣ женщины, изображенныя въ мистическій моментъ рожденія ребенка, представлены на своихъ ложахъ безъ всякой одежды, между ними Ревекка, родящая Исаака и Іакова, Рахиль—Вениамина; у послѣдней лишь покрыты голова и плечи вуалемъ; такой же вуаль прикрываетъ голову другой еврейки, тоже обнаженной. Однако въ парижскомъ госпиталѣ, основанномъ въ 638 году, найдены статуты, написанныя въ 1220 г., и въ нихъ объявлено запрещеніе братьямъ и сестрамъ милосердія спать безъ рубашекъ. Въ XIV вѣкѣ, ложась спать, всегда снимали рубашки. До царствованія Генриха III тоже снимали рубашку, когда ложились спать. Въ позднѣйшія времена этотъ обычай еще существовалъ, и Сирано-де-Бержеракъ, который умеръ, десять лѣтъ спустя послѣ Генриха IV, приводитъ въ своей пьесѣ: «*Le pedant joué*», слѣдующія слова: «*Je me couche tout fin nu auprès de vostre bonne femme*». Виолле-ле-Дюкъ доказываетъ, что этотъ обычай существовалъ въ XIII и XIV вѣкахъ, тогда какъ ранѣе этой эпохи такъ же, какъ и въ концѣ XV вѣка, ночью надѣвали рубашки. Впрочемъ онѣ не приводитъ доказательствъ, подтверждающихъ этотъ обычай. Въ эпоху Возрожденія спали въ рубашкахъ и безъ нихъ; такъ Маргарита Наварская говоритъ въ своемъ «Гексамеронѣ»: «*dame avec sa chemise toute couverte de perles et de pierreries*». Въ *Comptes du moine aventureux* упоминается объ «*une dame prête à se coucher est vêtue d'un manteau fourré et par les dessous toute nue*». Очевидно это зависѣло отъ времени года, привычекъ и состоянія. Въ документѣ XV вѣка, подъ названіемъ «Книга дѣятельной жизни», находится миниатюра, на которой представлены Осгорожность, Сила и Справедливость, ухаживающія за больными, лежащими подвое со-

вершено нагими въ больничныхъ койкахъ. Изъ списка приданаго Изабеллы Баварской видно, что рубашки считались роскошью, такъ какъ ихъ было у нея всего три. Карлъ Великій изображенъ съ голымъ бюстомъ въ моментъ, какъ принималъ причастіе на смертномъ одрѣ. Этотъ обычай существовалъ не только во Франціи; въ одной старинной рукописи, изданной въ Гаагѣ въ единственномъ экземплярѣ, говорится: «Есть страны, гдѣ спять въ рубашкахъ; въ другихъ странахъ ихъ снимаютъ на ночь, а есть и такія, гдѣ ихъ вовсе не носятъ. Напримѣръ, нѣмецкія женщины ихъ не носятъ, потому что подкладка одежды сдѣлана изъ кроличьяго мѣха». Нѣкій полякъ, Пазекъ, рассказывалъ, что въ началѣ XVII вѣка ему пришлось участвовать въ кампаніи противъ шведовъ, и онъ видѣлъ въ Даніи, какъ женщины ложились спать безъ рубашекъ, даже въ присутствіи проживавшихъ у нихъ иностранныхъ солдатъ. Напротивъ въ Польшѣ замужняя женщина никогда не предстала бы въ такомъ видѣ передъ своимъ мужемъ. Въ Абиссиніи въ началѣ прошедшаго вѣка, а, можетъ быть, еще и теперь, супруги ложились въ постель, надѣвая одну рубашку на двоихъ, и каждый изъ нихъ пользовался однимъ рукавомъ.

Затѣмъ Кабанесъ переходитъ къ положенію бѣлыхъ невольницъ, или жертвъ общественнаго темперамента, начиная со времени Солона до эпохи Людовика XV. По его словамъ, проституція получила законную силу, благодаря Солону, который приказалъ скупать за счетъ республики азіатскихъ невольницъ и затѣмъ запираетъ ихъ въ помѣщеніи, устроенномъ за счетъ республики, чтобы онѣ служили жертвами народнаго темперамента. Такого сорта помѣщенія назывались диктеріонами. Они находились близъ Аѳинъ, и невольницы содержались въ нихъ тоже за счетъ государства. Плата посѣтителей колебалась между 16 и 62 сантимамъ; въ отдѣльныхъ же диктеріонахъ она доходила до золотой монеты. Вскорѣ у нихъ явились частные конкуренты, и открылось множество кабачковъ. Подобные дома считались мѣстомъ убѣжища, и были неприкосновенны. Если женатый мужчина бывалъ тамъ, то это не считалось прелюбодѣяніемъ; отецъ не могъ отыскивать тамъ сына, а кредиторы преслѣдовать должниковъ. Свободныя куртизанки въ отличіе отъ честныхъ женщинъ носили спеціальнѣй костюмъ изъ яркихъ тканей съ вышитыми цвѣтами; ихъ голову украшалъ только вѣнокъ изъ розъ. Тунику же и шелужъ изъ гладкой матеріи, золотую корону съ драгоценностями носили только замужнія женщины. Правила полиціи требовали, между прочимъ, чтобы куртизанки красили волосы въ желтый цвѣтъ. Въ Римѣ проститутки должны были носить бѣлокурый парикъ или красить волосы въ желтый цвѣтъ. На улицахъ онѣ закрывали голову палиолумомъ—родъ капюшона. Въ театрахъ и циркѣ на головѣ куртизанки красовалась митра или тіара, по ихъ выбору, украшенная цвѣтами; иногда онѣ надѣвали золотую или съ драгоценными камнями парюру. Обувью имъ обязательно служили сандаліи: башмаки носили только матроны. Домиціанъ запретилъ куртизанкамъ показываться на улицахъ въ носилкахъ изъ предосторожности скандальныхъ происшествій. Форма ихъ короткой одежды разнилась отъ одѣянія матронъ, доходившаго до полу; а одно время онѣ носили прозрачныя шелковыя ткани. Матроны носили бѣлые башмаки, тогда какъ обувь куртизанокъ была краснаго цвѣта, пока декретъ Авреліа

не запретилъ имъ этого, въ виду того, что красный цвѣтъ принадлежалъ исключительно королямъ. Желавшія завятыся этой профессіей должны были заявить о своемъ желаніи властямъ. Многія дамы высокаго общественнаго положенія подчинялись этой формальности, чтобы предаваться въ полной безопасности самому отчаянному разврату, пока не вышелъ декретъ сената, запрещающій эту профессію женщинамъ, предки или мужья которыхъ принадлежали къ благородному сословію. Не повиновавшихся этому декрету отправляли на отдаленный островъ. Вышеприведенныя правила о проституціи существовали болѣе пяти вѣковъ, пока длилось владычество римлянъ надъ галлами, и даже послѣ паденія имперіи этотъ законъ еще существовалъ на всемъ Западѣ. Готы же сурово отнеслись къ проституціи, издавъ законъ, по которому всѣ дѣвушки или замужныя женщины, жившія проституціей, задерживались, получали триста ударовъ кнутомъ и навсегда изгонялись. Если онѣ вторично попадались, то имъ давали еще триста ударовъ и отдавали въ услуженіе къ бѣднякамъ, съ запрещеніемъ показываться публично. Родителямъ, допускавшимъ съ корыстной цѣлью дочерей до разврата, наносилось пятьсотъ ударовъ. Рабыня, предававшаяся разврату, получала триста ударовъ, съ запрещеніемъ появляться въ городѣ, а господа, допускавшіе ее до проституціи, ради своей выгоды, получали одинаковое съ нею наказаніе. Карлъ Великій задумалъ произвести реформу и улучшить нравы, а потому въ 800 г. издалъ указъ наказывать кнутомъ проститутку; хозяйина же дома, гдѣ она проживала, заставляли нести ее на своихъ плечахъ до назначеннаго мѣста. Въ случаѣ отказа со стороны хозяйина его наказывали вмѣстѣ съ проституткой ударами кнута. Уже въ ту эпоху проститутки составляли корпорацію, въ которой были свои правила, обычаи и привилегіи. Во время Филиппа II-го къ проституціи относились снисходительнѣе, и правительство получало еще отъ нея доходы. Точно также и Людовикъ Святой не отличался въ этомъ отношеніи суровостью, руководствуясь тѣмъ, что всѣ женщины могутъ свободно располагать своимъ тѣломъ, извлекая изъ этого выгоду, только съ однимъ условіемъ не выходить изъ опредѣленнаго для нихъ района. Въ послѣдствіи были назначены часы для входа въ такія заведенія и выхода оттуда. Въ 1226 г. Вильгельмъ III, епископъ парижскій, соединилъ всѣхъ вмѣстѣ проституткокъ, которыя вслѣдствіе бѣдности предавались этой профессіи, и помѣстилъ въ госпиталь, выдавая на ихъ содержаніе четыреста тысячъ ливровъ. Въ 1254 г. онъ издалъ указъ о преслѣдованіи проституціи. Во время крестовыхъ походовъ въ 1270 г., послѣ взятія Дамьета, подобныя учрежденія были устроены возлѣ лагерей и даже королевскаго павильона; Людовикъ Святой изгналъ изъ-за этого многихъ придворныхъ. Еще въ началѣ XII вѣка была проведена идея насчетъ того, чтобы отвести особый кварталъ для проституткокъ, и Вильгельмъ VII, герцогъ Аквитаніи и графъ Пуату, построилъ въ маленькомъ городѣ Ниорѣ зданіе, похожее на монастырь, гдѣ были помѣщены всѣ проститутки. Онъ хотѣлъ сдѣлать какъ бы аббатство изъ падшихъ женщинъ, съ должностями настоятельницы и т. д. Въ Тулузѣ существовало подобное учрежденіе, известное своимъ развратомъ, которое пользовалось привилегіями многихъ королей и называлось тоже аббатствомъ. Тулуза извлекала изъ проституціи нѣкоторыя выгоды. По

указу Карла VI было приказано проституткамъ носить знаки отличія въ видѣ шапочекъ и бѣлыхъ шнурковъ, что было очень для нихъ непріятно, такъ какъ вызывало по ихъ адресу массу «проклятій и порицаній». Онѣ умоляли, чтобы король избавилъ ихъ отъ этихъ униженій, и король разрѣшилъ имъ носить головные уборы и одежды, какіе онѣ хотятъ, но все-таки приказалъ имъ носить отличіе на рукѣ въ видѣ ленты изъ сукна другого цвѣта, какъ платье. Вообще правительство уже давно старалось сдѣлать отличіе между честными и надшлыми женщинами. Съ этою цѣлью Людовикъ VIII запретилъ имъ носить нѣкоторые уборы и между прочимъ золотые пояса, что создало поговорку: «*Volpe genoumèe vaut mieux que ceinture dorée*». Впрочемъ время отъ времени эти правила нарушались, и проститутки носили одѣянія, одинаковыя съ честными женщинами. Приказомъ парижскаго прево отъ 1360 г. снова было предписано, чтобы дѣвушки и женщины дурной жизни не смѣли носить на своихъ одеждахъ и головныхъ уборахъ никакихъ вышивокъ, серебряныхъ пуговицъ, а также не одѣвать жемчуговъ и накидокъ, подбитыхъ сѣрымъ мѣхомъ, и т. д., подъ угрозой конфискаціи этихъ украшеній. Каждому полицейскому, захватившему проститутку въ такомъ нарядѣ, выдавалась денежная награда. Въ Тулузѣ не позволяли имъ носить шелковыхъ тканей. Деньги отъ продажи конфискованныхъ вещей шли въ пользу короля. Вообще вѣнскимъ отличіемъ проститутокъ не только въ Тулузѣ, но и въ другихъ городахъ, служили головные уборы, форма и цвѣтъ одежды; самымъ же обыкновеннымъ знакомъ были аксельбантъ или лента изъ сукна другого цвѣта, какъ платье, которую онѣ носили на рукѣ. Въ XV вѣкѣ аксельбантъ носили на лѣвой сторонѣ, въ знакъ того, что сердце подобныхъ женщинъ принадлежитъ всѣмъ, кто заплатитъ. Впослѣдствіи эти знаки рабства носили слуги и егеря въ знатныхъ домахъ, а позже ихъ завели въ кавалерійскихъ полкахъ, какъ знакъ отличія для адъютантовъ и ординарцевъ генераловъ. Этотъ обычай существовалъ во Франціи во время конституціонной монархіи, имперіи, а также первой, второй и третьей республикъ. Совершенно ошибочно считали Парижъ Новымъ Вавилономъ; уже въ отдаленныя времена Италия и даже дворъ папы кишѣли проститутками, и на вѣнскомъ соборѣ епископъ Вильгельмъ Дуранди требовалъ, чтобы проститутокъ изгнали отъ дверей церквей, домовъ прелатовъ и даже изъ дворца папъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ отнять право отъ маршала двора назначать таксу на публичныхъ женщинъ. Между прочимъ уже тогда принимались мѣры для предупрежденія болѣзней, и даже существуетъ сомнительнаго свойства декретъ отъ имени королевы Іоанны I, которой въ то время было 23 года. Въ немъ между прочимъ упоминается, чтобы по субботамъ ихъ посѣщаль хирургъ и, если находилъ больныхъ, отдѣлялъ и удалялъ бы ихъ на время болѣзни. Какъ образецъ предубѣжденія противъ евреевъ, тамъ говорится, чтобы ни одинъ еврей не смѣлъ входить въ подобный домъ, а если онъ хитростью попалъ туда, то его отправляли въ тюрьму. Въ Англіи позже организовалась проститутція, именно въ 1430 г., и завѣдываніе подобными учрежденіями, которыя почти всегда устраивались въ народныхъ баняхъ, принадлежало лорду-мэру; онѣ сдавали ихъ въ аренду почти всегда фламандцамъ. Въ Швейцаріи же они находились подъ покровительствомъ епископа, какъ князя Женевы, и проститутки

платили прелату таксу, а судья ежегодно избиралъ королеву публичныхъ домовъ. Въ 1501 году испанская проституція была правильно организована и таксирована. Въ Валансъ находился громаднѣй домъ, окруженный высокой стѣною съ одною дверью. Вокругъ него были четыре улицы, переполнены маленькими домиками, въ которыхъ помѣщалось по одной проституткѣ, окруженной богатой обстановкой. Такса была опредѣленная, и два врача еженедѣльно посѣщали проституттокъ. Въ Венеціи XII вѣка указомъ сената было учреждено подобное заведеніе, а въ Римѣ около папскаго дворца. Только въ 1510 году папа Юлій II издалъ буллу съ цѣлью перемѣщенія этого учрежденія въ болѣе отдаленный кварталъ. Папы же Левъ X и Климентъ VII допускали его съ условіемъ, чтобы четвертая часть движимаго и недвижимаго имущества проституттокъ принадлежала послѣ ихъ смерти женскому монастырю св. Маріи-Магдалины. Въ эпоху Возрожденія положеніе проституттокъ было самое блестящее, благодаря упадку нравственности, и онѣ стояли въ общественномъ отношеніи почти на одной ступени съ честными женщинами. Даже въ церквахъ лучшее мѣсто предоставляли куртизанкамъ. Въ Римѣ временъ Борджіа съ ними обращались, какъ съ женщинами высшаго круга, и посѣщали ихъ одинаково, какъ аристократокъ. Въ 1502 году, въ Миланѣ былъ изданъ статутъ, опредѣляющій костюмъ проституттокъ въ отличіе отъ честныхъ женщинъ, а лицъ, способствовавшихъ паденію молодыхъ невинныхъ и честныхъ дѣвушекъ. Сначала ихъ наказывали смертною казнью, но впоследствии подобнаго виновнаго садили на осла спиной къ его головѣ; на спинѣ наказываемаго красовалась надпись, съ названіемъ постыднаго ремесла, а на голову надѣвали соломенную митру. Въ Ажанѣ проституттокъ удаляли изъ города, но прежде всего ихъ били кнутами и производили другія наказанія. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ было принято, какъ наказаніе, купанье, то-есть погруженіе въ воду въ желѣзной клѣткѣ. Это примѣнялось во Франціи, Италіи и Англіи и собирало громадныя толпы зрителей. Во время Людовика XIII и XIV противъ проституттокъ принимались строгія мѣры, и были основаны мѣста заключенія, гдѣ ихъ запирали. Въ Нимѣ же изгоняли всѣхъ иностранныхъ проституттокъ, предварительно обривъ имъ голову и украсивъ ихъ пѣтушными перьями. Въ Булони удаляли ихъ при звукахъ колоколовъ, угрожая имъ наложить рукою палача клеймо на лицо. Въ Байонѣ еще болѣе жестоко поступали, отрубая носъ у развратныхъ служанокъ, а при Людовикѣ XV опять прибѣгли къ средневѣковому обычаю купать въ желѣзной клѣткѣ. Въ Бордо въ 1759 году тѣхъ, кто ихъ держалъ въ своемъ помѣщеніи, наказывали, замуровывая двери дома. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ падшія женщины должны были платить владѣтельнымъ вельможамъ за право прохода по ихъ шоссе, иначе проституткамъ отрѣзывали правый рукавъ. Въ Римѣ придумали увеличить папскіе доходы тѣмъ, что куртизанки, привыкшія ѣздить въ экипажахъ, какъ женщины общества, въ то время, какъ это было запрещено евреямъ и прелатамъ, должны были платить сто и полтора ста золотыхъ. Папа Пій V сурово относился къ проституткамъ и окружилъ ихъ кварталъ высокой стѣною, чтобы онѣ не имѣли возможности выходить въ городъ. Кромѣ того, этотъ кварталъ былъ запертъ во время постовъ. Сознывая, что этимъ лишаетъ ихъ заработка, папа

рѣшилъ выдавать имъ содержаніе, пока длится запрещеніе. До революціи во Франціи обращались съ проститутками жестоко; ихъ изгоняли и препятствовали отдавать имъ помѣщася, а въ 1780 году даже запретили продавать имъ платья, подъ угрозой крупнаго штрафа, и пускать ихъ въ рестораны. Приставленные наблюдать за этимъ чиновники, конечно, злоупотребляли несчастными женщинами. Отъ времени до времени для развлеченія парижанъ захватывали сразу до четырехсотъ проституттокъ и отправляли ихъ по улицамъ Парижа въ тюрьмы и больницы. Что въ это время творилось, трудно себѣ представить. Вся эта масса женщинъ или кричала и плакала, взывая къ зрителямъ, или громко вела циничные разговоры съ любопытными и проч. Въ заключеніе Кабанесъ говоритъ, что всѣ эти законы не уменьшали зла, и вопросъ о свободѣ проституціи все еще остается открытымъ. По его мнѣнію, прежде всего «надо дать нравственное воспитаніе молодежи, и необходимо открыть ей глаза на опасность заразиться постыдною болѣзью, которую изъ предубѣжденія отъ нихъ скрываютъ. Въ тотъ день, когда такихъ несчастныхъ, говоритъ онъ, не будутъ избѣгать, какъ прежде больныхъ проказой, закрытые дома перестанутъ существовать. Но это тоже, что взять приступомъ вторую Бастилію».

Послѣ этого Кабанесъ касается послѣдствій проституціи—«постыдной болѣзни», и принятаго въ то время способа лѣченія ея. Уже въ то время шарлатаны умѣли пользоваться случаемъ, и одинъ изъ нихъ объявилъ, что излѣчиваетъ эту болѣзнь въ теченіе «пяти часовъ и безвозвратно». Теофрасту Ренодо первому пришла идея основать такой журналъ, въ которомъ помѣщались бы всякаго рода объявленія и между прочимъ рецепты различныхъ лѣкарствъ противъ этой болѣзни. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ открылъ «Бюро адресовъ», гдѣ можно было достать всѣ объявленныя средства. По словамъ Кабанеса, къ чести Ренодо, онъ объявлялъ дѣйствительно полезныя средства. Другая личность, Николай Бленъ, уже болѣе шарлатанъ, тоже сталъ издавать что-то въ родѣ альманаха, который назвалъ «Удобной книгой адресовъ»; въ немъ были перечислены всякаго рода эмпирическія лѣкарства, и право продажи ихъ принадлежало только ему. Но Ренодо пользовался большимъ довѣріемъ; если въ его рекламахъ попадались недобросовѣстныя средства, то лишь потому, что онъ въ нихъ вѣрилъ. Напротивъ Бленъ расхваливалъ различныя средства, завѣдомо сознавая, что онѣ не дѣйствительны или вредны. Первой болѣзью, которую принялся излѣчивать Бленъ, была, какъ въ то время называли секретную болѣзнь, l'avarie, то-есть порча, а Бленъ далъ ей названіе grosse maladie. Онъ соблазнялъ легковѣрныхъ обѣщаніемъ излѣчить отъ нея «безъ режима и не измѣняя образа жизни», только съ помощью ртути. Парижскіе шарлатаны наперебой обѣщали больнымъ полное излѣченіе въ шесть недѣль безъ возврата. Бленъ, видя въ нихъ конкурентовъ, сочинялъ на нихъ эпиграммы. Шарлатанство врачей того времени доходило до такой хитрости, что они объявляли о бесплатномъ лѣченіи, въ то же время входили въ сдѣлку съ аптекарями, которые продавали пациентамъ вмѣсто оспеннаго корня и сассапарель, палочную траву и другія растенія въ томъ же родѣ, взимая немовѣрную цѣну. По словамъ Бленъ, жены подобныхъ врачей доставляли молодымъ людямъ проституттокъ, съ цѣлью распространять болѣзнь. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ шарлата-

новъ дошелъ до того, что во время смотра войскъ, устроеннаго королемъ, велѣлъ восьми проституткамъ, привезеннымъ на этотъ случай, раздавать билеты на излѣченіе секретной болѣзни. Этой болѣзнью занимались аптекаря, женщины, цирюльники и монахи, и, по словамъ одного англичанина, на всѣхъ стѣнахъ красовались объявленія о лѣкарствахъ. Особенно это процвѣтало во время Людовика XV. Уже въ XVI вѣкѣ были извѣстны нѣкоторыя современные средства противъ этой болѣзни. Даже герцогъ Бульонскій взялъ привилегію на особое средство, въ видѣ благовонныхъ подушечекъ. Въ особенноти XVIII вѣкѣ былъ благопріятенъ для такихъ предпріимчивыхъ шарлатановъ, и двое изъ нихъ выдѣлялись своей ловкостью. Это были Кейзеръ и Жилбертъ Преваль. Перваго ввелъ въ моду маршалъ Виронъ, благодаря исцѣленію солдатъ его полка, и сдѣлалъ его полковымъ врачомъ, устроивъ для него больницы, управленіе которыми поручилъ ему; секретъ же его лѣкарства купилъ Людовикъ XV. Хотя медицинскій факультетъ былъ противъ Кейзера, но это не мѣшало ему имѣть массу націентовъ изъ лучшаго общества. Преваль, его соперникъ, былъ докторъ медицины. Въ реклампованіи своихъ лѣкарствъ онъ доходилъ до такого цинизма, что медицинскій факультетъ, возмущенный его поведеніемъ, издалъ декретъ, и въ немъ между прочимъ было сказано, что онъ «забывъ благородство и достоинство своего положенія, какъ члена медицинскаго факультета, продавалъ секретное средство, расхваливаемое имъ лживо, какъ предохранительное, ради чего онъ, не краснѣя, публично предавался чудовищному, позорному испытанію съ дѣвучкой дурной жизни, ради доставленія болѣшей репутаціи своему средству». Въ концѣ концовъ медицинскому факультету удалось доказать всю бесполезность лѣкарства Превалья. Послѣдній оставилъ послѣ себя подражателей, существующихъ до послѣдней минуты. Одинъ хроникеръ парижской жизни говоритъ, что наканунѣ революціи шарлатанизмъ практиковался болѣе, чѣмъ когда либо, и все на почвѣ секретной болѣзни. Въ то время уже не говорили болѣе о ртути, а появились дражэ, сиропы, элексиры, поколадъ и т. д.

Послѣ главы о секретной болѣзни Кабанесъ рассказываетъ о книгахъ, которыя читали король, а также ихъ фаворитки. Какъ ни странно покажется, но Катерина Медичи заставляла любимую фаворитку читать себѣ вслухъ книгу о средствахъ противъ секретныхъ болѣзней, «Утѣшенія на смерть покойнаго короля Генриха» и «Предсказанія Сибиллы». Кромѣ того, ова читала книги, касавшіяся географіи, навигаціи, архитектуры, и рукопись руководства игры въ шахматы. Вообще ея библіотека была наполнена разнообразными книгами, среди которыхъ было не менѣе 58 медицинскихъ на греческомъ языкѣ и однадцати на латинскомъ. Она предпочитала чтеніе этихъ книгъ, отыскивая средства отъ безплодія. По словамъ одного ея современника, она глотала всевозможныя лѣкарства, но ей ничто не помогало. Она читала сочиненіе доктора Кресгена, который первую часть посвятилъ королю, вторую дофину, а третью Діавъ де Пуатье. Въ посвященіи къ послѣдней части—«Мѣсяцы женщинъ»—видно, какъ близки были отношенія Діаны де Пуатье къ Катеринѣ Медичи, и какъ онѣ заботились совместно о здоровьи короля: фаворитка вмѣшивалась во всѣ отношенія между королемъ и его женою, даже въ

физическія, и направляла короля къ жевѣ, когда онъ не имѣлъ никакого желанія. Она присутствовала при родахъ королевы, выбирала кормилицу, изслѣдовала молоко для новорожденнаго, перемѣняла кормилицу и часто, не предупредивъ доктора, сама посылала за лѣкарствомъ. Діана де-Пуатье тоже интересовалась медициной, и теперь въ Национальной библіотекѣ сохраняется одна изъ книгъ ея библіотеки, подъ заглавіемъ «La méthode curatoire de la maladie vénérienne, vulgairement appelé grosse vairolle, et de la diversité de ses symptômes». Но не только фаворитка короля не колеблясь читала подобныя книги, а и королевы прежнихъ эпохъ относились къ этой болѣзни снисходительно. Такъ докторъ Генриха III, Лоранъ Жуберъ, посвятилъ Маргаритѣ французской, королевы Наварры, «Трактатъ о народныхъ заблужденіяхъ». Служителямъ церкви не только мужского, но и женскаго пола также посвящались сочиненія о секретныхъ болѣзняхъ и искусствѣ имѣть красивыхъ дѣтей. Последнее было посвящено Мазарини, и авторъ получилъ въ награду аббатство. Библіотека Людовика XIV была небогата медицинскими книгами; любимымъ его чтеніемъ были «Истинный режимъ жизни для сохраненія здоровья тѣла и души» Лессю и сочиненіе Корнаро: «Средства, благодаря которымъ я прожилъ здоровымъ и сильнымъ до ста лѣтъ съ полнымъ сохраненіемъ чувствъ, не употребляя никакихъ лѣкарствъ». Въ эпоху Людовика XV французское общество питало страсть къ научнымъ книгамъ, а особенно къ медицинскимъ. Марія Лещинская утѣшалась въ невѣрности мужа чтеніемъ: «Traité des affections varoneuses des deux sexes», Людовикъ же XV читалъ «Новый способъ лѣчить секретныя болѣзни посредствомъ окуриваній» Пьера Лалуэтта; ему же преподнесъ совершенно нектати его врачъ, Ролень, «Трактатъ о сохраненіи дѣтей», а Бурсье дю-Гудрей «О родахъ». Куртизанки прибѣгали къ чтенію медицинскихъ книгъ съ различными цѣлями. Помпадуръ, получившая блестящее образованіе, поклонница изящныхъ искусствъ и сама живописецъ, читала «Замѣтки объ естественной исторіи, о физикѣ и живописи» и «Лѣченіе продолжительной перемежающейся лихорадки» Готье. Дю-Барри, заботившаяся объ увеличеніи своей красоты, тратившая громадныя суммы на свой туалетъ и украшеніе квартиры, безъ разбора собирала книги, предпочитая качеству количество и красивый переплетъ. Научныхъ книгъ у нея было мало, и между прочимъ «Анатомическія воспоминанія и физическія и анатомическія наблюденія надъ глазомъ». Очевидно фаворитка страдала глазами, благодаря излишнему употребленію бѣлизъ и румянъ, такъ какъ среди книгъ находилось и сочиненіе «Растительныя румяна въ употребленіи дамъ» вмѣстѣ съ письмомъ о болѣзни глазъ, причиненной употребленіемъ румянъ и бѣлизъ, а также сочиненіе Руссело, заботившагося о красотѣ ногъ фаворитки. Въ коллекціи отца Людовика XVI нашлась только одна медицинская книга, касающаяся новой системы лѣченія болѣзни мочевого пузыря. Авторъ ея, Жакъ Даранъ, былъ ловкимъ хирургомъ и первый ввелъ медицинскія свѣчи въ излѣченіи болѣзней мочевого канала. Онъ долго хранилъ секретъ о составѣ своего лѣкарства, которое онъ самъ расхваливалъ тономъ шарлатана. Однажды его средство расхваливали въ присутствіи сестеръ короля, и одна изъ нихъ спросила: «Что это такое за Даранъ съ его свѣчами?» На это де-Бьевръ, большой острякъ,

отвѣтилъ: «Это просто человекъ, который считаетъ нашъ мочевоіъ пузырь за фонарь». Въ библиотекѣ Маріи-Антуанеты было собрано нѣсколько медицинскихъ книгъ и между прочимъ книга, посвященная ей Маратомъ, который былъ докторомъ, «Естественная исторія» Бюффона, девять томовъ исторіи королевскаго медицинскаго общества, «Воспоминанія анатомическія, физиологическія и физическія замѣтки относительно глаза», «*Lusina sine concubitu*, за которой слѣдовала книга «*Concubitus sine Lusina*», произведеніе эротико-научное. Въ немъ авторъ хотѣлъ доказать, что женщина можетъ обойтись безъ мужчины для произведенія человѣческаго рода, благодаря микроскопическимъ животнымъ, витающимъ въ воздухѣ и которыхъ достаточно для оплодотворенія. Кромѣ того, тамъ были книги по физикѣ и проч. У принцессы Ламбаль сохранилась книга о сохраненіи картофеля во все время года. Графиня Прованская часто читала химію Лавуазье, а герцогиня Беррійская читала «Зубной врачъ для дамъ» Лемера, вѣроятно, ради рецептовъ зубныхъ элексировъ. Конечно, по словамъ Кабанеса, наука, поучающая продолжительной жизни, находила своихъ адептовъ, чаще же медицинскія книги служили для принцессы лишь удовлетвореніемъ нездороваго любопытства, тѣмъ болѣе, что подобныя книги были украшены болѣе или менѣе скабреными картинками.

Покончивъ главу о книгахъ королей и принцессы, Кабанесъ рассказываетъ о сѣченіи розгамъ со временъ римлянъ до республики, когда процвѣтало добровольное сѣченіе. Кромѣ того, учителя римскихъ школъ часто прибѣгали къ этому наказанію. О первыхъ публичныхъ сѣченіяхъ говоритъ Тертуллианъ. Въ Лакедемоніи устраивался народный праздникъ сѣченія. Въ этотъ день все юноши лучшаго общества подвергались въ присутствіи родителей и родственниковъ сѣченію кнутомъ, и родители убѣждали ихъ переносить, какъ можно дольше, это «суровое утомленіе». Иногда дѣти переносили цѣлый день сѣченіе предъ алтаремъ Діаны Ортіійской и даже съ радостью умирали подъ кнутомъ, оснашивая другъ у друга эту честь. Спартанскіе родители воздвигали статуи въ честь своихъ дѣтей, умершихъ подъ кнутомъ. Во времена Траяна происходило добровольное публичное сѣченіе ради сладострастія. Вообще какъ въ языческія, такъ и во времена христіанства, эротическая цѣль прикрывалась личною добродѣтели. Въ концѣ XII вѣка исповѣдники сѣкли провинившихся въ укромномъ уголкѣ церкви. Въ соборѣ Сенъ-Дени сохранялась картина, на которой доминиканскій монахъ сѣклъ кнутомъ короля Людовика Святого, стоящаго предъ нимъ на колѣняхъ съ обнаженными плечами. Отлученныхъ отъ церкви сѣкли публично во время всего пути процессіи, при чемъ жертвы шли обнаженными. Этотъ варварскій обычай длился до XVI вѣка. Въ 1260 году въ Перузіи появилась секта флагеллантовъ, затѣмъ она перешла въ Римъ, а потомъ распространилась по всей Италіи. Она состояла въ томъ, что члены этого общества съ испустильною цѣлью составляли уличныя процессіи, въ которыхъ, несмотря на морозъ, они шли совершенно нагими попарно съ зажженными восковыми свѣчами, отъ великовозрастныхъ до пятилѣтнихъ дѣтей. Каждый изъ нихъ наносилъ себѣ удары кнутомъ до тѣхъ поръ, пока не показывалась кровь; при этомъ они рыдали, вздыхали и возносили къ небу жалобы. Имъ предшествовали священники съ крестами и хоругвями въ рукахъ. Молодыя дѣвушки выс-

шаго общества сѣкли себя въ своихъ комнатахъ. Вѣкъ спустя, эта секта распространилась и въ Германіи. Въ 1574 г. она снова появилась во Франціи, и, благодаря ей, умеръ кардиналъ лотарингскій, Карлъ. На первомъ празднествѣ участвовали самъ король и другія высшія лица. Погода была дождливая, и фавориты короля съ такимъ рвеніемъ бичевали себя, что одинъ изъ нихъ умеръ. Процессія прошла нѣсколько разъ по городу и возвратилась при свѣтѣ факеловъ. Виослѣдствіи и Генрихъ III еще сильнѣе предался этой маніи, но его враги воспользовались ею съ политической цѣлью, и онъ потерялъ къ ней довѣріе. Послѣ смерти Гизовъ эта секта развилась въ высшей степени, и въ процессіяхъ стали участвовать почти нагія женщины и дѣвушки. Дамы высшего общества тоже присоединялись къ процессіямъ полунагія, съ кнутомъ въ рукахъ.

Въ воспитаніи Людовика XII кнутъ игралъ немалую роль, хотя маленький принцъ не желалъ выслушивать отъ воспитателей замѣчаній и подвергаться исправленію. Когда королева приказывала его наказывать, то офицеръ, которому приходилось это исполнять, маскировался и переряживался, чтобы не быть узнаваемымъ. При другихъ дворахъ вмѣсто принцевъ сѣкли ихъ товарищей. Молодые дѣвушки тоже подвергались этому исправленію. Между прочими семнадцатилѣтнюю Жанну д'Альбрэ, сестру короля Франциска I-го, даже едва не засѣкли до смерти за неповиновеніе родительской волѣ выйти замужъ за герцога Клевъ. Короли также не избѣгали этой участи; такъ англійскому королю Генриху II каждый изъ пяти епископовъ далъ ударъ розгой, въ то время какъ король, раздѣтый до пояса, стоялъ на колѣняхъ предъ могилой Томаса Бекэта, архіепископа кантербурійскаго. Дѣло въ томъ, что Генрихъ II сказалъ однажды: «Какого сквернаго лѣнтяя и труса воспиталъ я при моемъ дворѣ, который такъ мало заботится о вѣрности; хоть кто нибудь избавилъ бы меня отъ этого священнослужителя низкаго разряда». Придворные изъ этого заключили, что король желаетъ смерти Томаса Бекэта, и черезъ нѣкоторое время онъ былъ убитъ. Хотя король выразилъ соболѣзнованіе, но епископы наказали его въ Кантербурійскомъ соборѣ. Генрихъ V также подвергся наказанію отъ руки палы, но короля замѣстили Осса и дю-Черронъ, за что впоследствии сдѣлались кардиналами. Король отказался самъ принять наказаніе розгами, къ которымъ питалъ страхъ, такъ какъ уже былъ однажды наказанъ; самъ же онъ не разъ прибѣгалъ къ этому наказанію относительно другихъ. Еще ребенкомъ онъ такъ разгнѣвался за полученный отъ отца ударъ, что, когда его взяла на руки его гувернантка, г-жа Монгля, желая унести изъ комнаты короля, то онъ вымещалъ на гувернантку свой гнѣвъ, царапая ея лицо, ударяя ее кнутомъ и восклицая: «Убейте ее, она злая. Я убью весь свѣтъ, я убью Бога!» Его сѣкли до одиннадцати лѣтъ. Точно также поступали съ другими принцами королевской крови. Но не въ одной Франціи процвѣтала эта система наказаній; высшее и низшее англійское общество тоже прибѣгало къ ней. Воспитатель Іакова I очень часто сѣкъ его. Прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ былъ извѣстенъ своимъ суровымъ воспитаніемъ дѣтей, и Фридрихъ Великій получалъ отъ него удары палкой.

XVIII вѣкъ славился, какъ и средніе вѣка, воспитательнымъ значеніемъ розогъ. Лютеръ всегда вѣспиналъ, какъ его сѣкли въ школахъ иногда до пят-

наддати разъ въ день. Извѣстные представители литературы всѣ подчинялись этой системѣ. Руссо находилъ въ наказаніи розгами, которому его подвергала г-жа Ламберсье, его гувернантка, чувственное наслажденіе. Кабанесь приводитъ массу случаевъ, какъ изъ человѣческаго, такъ и животнаго міра, которые служатъ прямымъ доказательствомъ, что «страданія постоянный спутникъ наслажденій». Наказаніе розгами взрослыхъ личностей существовало еще и въ XVIII вѣкѣ, хотя нѣкоторые это оспаривали. Примѣромъ служитъ Бомарше, который въ ночь съ 7 на 8 марта 1785 г. былъ отправленъ подъ эскортомъ въ Сенъ-Лазарь, служившій въ ту эпоху исправительнымъ домомъ для мужчинъ. Какая тому была причина — навѣрно неизвѣстно; говорили, что это произошло вслѣдствіе помѣщенной въ «Journal de Paris» полемики съ Сюаромъ. По другимъ слухамъ, «Свадьба Фигаро» послужила поводомъ къ заключенію Бомарше въ Сенъ-Лазарь; по третьимъ же источникамъ — написанное имъ либретто къ оперѣ *Taage*. Бомарше пробылъ въ Сенъ-Лазарь шесть дней, и за это время въ Парижѣ появились карикатуры, въ которыхъ Бомарше представленъ въ моментъ, когда его сѣкли розгами. Дѣйствительно ли сѣкли Бомарше, неизвѣстно, но публика этому вѣрила.

Въ заключеніе Кабанесь приводитъ еще нѣсколько неразрѣшенныхъ историческихъ загадокъ. Такъ всѣ біографы Тассо говорятъ, что онъ былъ заключенъ герцогомъ Альфонсомъ Феррарскимъ на нѣсколько лѣтъ въ тюрьму, по другимъ же слухамъ въ больницу для душевно-больныхъ. Причиной этой немилости послужили будто бы любовныя преслѣдованія поэтомъ сестры герцога, Элеоноры. Но поэтъ въ своихъ стихахъ хвастался лишь тѣмъ, что поцѣловалъ въ щеку герцогиню. За четыре года своего заключенія Тассо выказывалъ нѣкоторые признаки умственнаго расстройства. Въ 1575 году вслѣдствіе неприяностей при Феррарскомъ дворѣ ему стало казаться, что его преслѣдуетъ непріятель, характеръ поэта ожесточился, имъ овладѣлъ религиозный ужасъ, сомнѣнія относительно происхожденія міра и безсмертія души тревожили его умъ. Обманутое довѣріе, вслѣдствіе чего послѣдовала дуэль съ товарищемъ, окончательно нарушило его душевный покой, и онъ удалился къ монахамъ францискаицамъ. 20-го іюля 1577 года онъ внезапно покинулъ Феррару безъ денегъ, безъ проводниковъ и одежды и отправился въ Мантую, Падую и Венецію. Между тѣмъ онъ вымолилъ у герцога Альфонса прощеніе и сдѣлался настоящимъ куртизаномъ, не останавливающимся ни предъ какою низостью. Его слова — «сторая къ моему господину такой горячей любовью, какой никогда не питалъ любовникъ къ своей дамѣ, я сдѣлался, не замѣчая того, его обожателемъ» — заставляютъ думать, что умъ Тассо былъ помраченъ. Въ это время герцогъ готовился ко второму браку съ Маргаритой Гонзаго, и Тассо, не желавшій оставаться въ отдаленіи, разразился угрозами противъ дома Эстэ и заявилъ, что съ тѣхъ поръ его похвалы будутъ направлены на враговъ Эстэ, т. е. Медичи. Дѣйствительно его произведеніе уже было готово, и онъ переименовалъ *magnanimo Alfonso* на *magnanimo Ferdinando*, но, по приказанію герцога, Тассо былъ заключенъ въ больницу св. Анны въ мартѣ 1579 года. Ламауртинъ говоритъ, что это было убѣжище для калѣкъ, тюрьма для виновныхъ и смиренный домъ для безумцевъ. По словамъ современника Тассо, Мансо, герцогъ

сначала отвелъ ему просторное и комфортабельное помѣщеніе, но затѣмъ онъ жилъ въ казематѣ. Былъ ли поэтъ дѣйствительно сумасшедшій, — вотъ что разсматриваетъ Кабанесъ. Въ письмѣ Тассо къ нѣкому Бяджіо Бернади есть такая фраза: «Если вы думаете, что синьоръ Меркуріаль (знаменитый докторъ) можетъ мнѣ вернуть память, или сохранить ту немногую, какая у меня осталась, я очень буду вамъ обязанъ». Въ другомъ письмѣ къ доктору Тассо жалуется на видѣнія, которыя его тревожатъ до такой степени, что продолженіе пяти минутъ онъ не можетъ заниматься умственной работой; когда же онъ усиливался избавиться отъ нихъ, они удваивались. Кромѣ того, у него была галлюцинація слуха, и ему казалось, что съ нимъ разговариваютъ неодушевленные предметы. Ночью его тревожили кошмары, въ головѣ былъ страшный звонъ и дѣлалась тошнота. Онъ приписывалъ свою болѣзнь варенью, которое онъ съѣлъ за три года до болѣзни. Ему казалось, что различныя его вещи исчезали у него на глазахъ, и онъ приписывалъ это продѣлкамъ какого-то существа. Взявъ во вниманіе всѣ эти явленія, Кабанесъ находитъ, что Тассо былъ одержимъ «сумасшествіемъ преслѣдованія». Поэтъ унаслѣдовалъ отъ матери страстный, пылкій характеръ, сильную возбужденность и крайнюю чувствительность. Отъ отца перешли къ Тассо необычныя способности и бездѣйственность души, а соединенію этихъ двухъ элементовъ онъ обязанъ приобрѣтеніемъ гения. Если бы не его воспитаніе и лихорадочная жизнь при дворѣ мелкихъ принцевъ Италіи, болѣзнь не выразилась бы въ такой степени. Кромѣ того, тифозная горячка и перемежающаяся лихорадка много этому способствовали. Шестнадцатилѣтній Тассо уже страдалъ галлюцинаціей слуха, а философскіе принципы, почерпнутые имъ изъ произведеній античныхъ поэтовъ и философовъ, противодѣйствовали его религіознымъ вѣрованіямъ. Сомнѣнія охватили его душу, ему слышались звуки трубъ послѣдняго суда и голосъ Бога, восклицавшаго: «Ты проклятъ, иди въ вѣчный огонь». Это было уже тогда начало болѣзни. Кромѣ того, онъ страдалъ меланхоліей. Принадки бѣшенства привели его въ больницу св. Анны, откуда онъ вышелъ черезъ семь лѣтъ въ лучшемъ состояніи, но въ полномъ упадкѣ. Онъ не только былъ самопреслѣдователемъ и самообвинителемъ, но также преслѣдователемъ другихъ публично и тайно, предъ инквизиціей. Онъ страстно любилъ путешествія и обожалъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, чувствуя въ этомъ облегченіе. Онъ жилъ еще десять лѣтъ, но ужасной, тревожной жизнью. Тассо умеръ сумасшедшимъ, истощеннымъ отъ кровопусканій и слабительныхъ, пятидесяти одного года и одного мѣсяца, почти наканунѣ дня, когда папа Климентъ VIII призвалъ его для вѣнчанія въ Капитоліи.

Вторая загадка, также оставшаяся не разрѣшенной до сихъ поръ, былъ вопросъ, сошла ли съ ума Теруанъ де-Мерикуръ вслѣдствіе ударовъ розогъ. Между прочимъ, Кабанесъ рассказываетъ, что единственная любовь, какую только могъ питать маркизъ Садъ, была къ Теруанъ, въ чемъ онъ самъ признался директору Шаравтона. По странной случайности они оба имѣли одинъ и тотъ же конецъ. По словамъ одного изъ болѣе авторитетныхъ ея біографовъ, Лакура, она была кандидаткой въ сумасшедшія. Ея неуравновѣшенность видѣлась во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Она была всегда полупомѣшанная, прежде

чѣмъ сдѣлаться окончательнo помѣшанной. Другой биографъ, Матонъ де-ла-Вареннъ, говоритъ: «Едва тридцатилѣтняя, она казалась пятидесятилѣтней. Маленькая, сморщенная, худосочная, щепетильная съ тѣми, кто ее не зналъ, она краснѣла при малѣйшемъ ухаживаніи мужчинъ, къ которымъ никогда не имѣла малѣйшей реальной склонности, и умѣла кажущимся умомъ полонить и разорять многихъ. Не имѣя болѣе возможности отдаваться проституціи, потому что была страшно заражена постыдной болѣзью, вслѣдствіе разврата, она бросилась, очертя голову, въ революцію». Во время революціи Теруанъ была «истаскана» и, по словамъ Болье, «совершенно потеряла всю прелесть, такъ какъ ея лицо покрыто было сыпью, мертвенно блѣдное и исхудалое». Но въ этой слабой женщинѣ господствовала духовная сила, и ей требовались большія усилія, чтобы превзойти физическую слабость. Замѣчательно, что при ея пылкомъ темпераментѣ она оставалась холодной. Это неестественное явленіе Кабанесъ приписываетъ тому, что въ юности Теруанъ заболѣла секретной болѣзью. Въ это время ее не умѣли лѣчить, и это обстоятельство плачевно отозвалось на ней. Въ вѣнскомъ архивѣ существуетъ документъ, подтверждающій это обстоятельство—письмо доктора Медерера, написанное въ Куфштейнѣ, 25-го іюля 1791 года. Между прочимъ онъ говоритъ, что нашелъ у французской узницы моральное состояніе угнетеннымъ, и есть опасенія, что при постоянномъ физическомъ и нравственномъ переутомленіи оно можетъ кончиться опасной болѣзью. «Достаточно было одной искры, чтобы произошелъ взрывъ пороха. Этой искрой была, по словамъ однихъ, исторія съ розгами, которымъ подверглась Теруанъ со стороны поклонницъ Робеспьера и Марата. Любопытнѣе всего, что ее спасъ самъ Маратъ, иначе ее могли засѣчь до смерти. На другой день она дико пряталась отъ людей и дѣлала видъ, что не интересуется событіями, все время искала уединенія, желая скрыть свой позоръ. Согласно мнѣнію доктора, Поля Гарнье, Теруанъ принадлежала къ тому роду неуравновѣшенныхъ натуръ, болѣзнь которыхъ проявляется въ эпоху волненій. Какъ ни странно, но толпа обвиняется настоящимъ безумцамъ, которые послѣ безпорядковъ поступаютъ прямо въ сумасшедшій домъ, когда сиюминутное водворяется въ умахъ. Событія, которыя производили глубокое волненіе въ націи, какъ звукъ трубы, собирали наскоро армію неуравновѣшенныхъ. Самые возбужденные изъ нихъ, часто настоящіе безумные, очаровывали толпу своими пылкими рѣчами и становились во главѣ движенія». Геройство Теруанъ—болѣзненное мозговое предрасположеніе, можетъ быть, даже наследственное, которое было только въ зачаткѣ при возникновеніи революціи, выразилось же оно вслѣдъ за революціей и повлекло за собой полное разрушеніе ума, не лишеннаго блеска, но который никогда не былъ уравновѣшенъ. Излишества Теруанъ также приближали роковую развязку. Она не большая истеріей, а продуктъ вырожденія, но не низменнаго сорта. Такимъ образомъ Теруанъ сошла съ ума не вслѣдствіе испытаннаго наказанія розгами, но она была уже безумной, прежде чѣмъ ее заключили въ домъ умалишенныхъ.

Остальныя статьи посвящены слѣдующимъ вопросамъ: Умерла ли г-жа Севиньи отъ оспы? Былъ ли настоящимъ предполагаемый черепъ Бренвилле? Была ли Дюбарри блондинкой или брюнеткой? Страдала ли Марія Лещинская

эпилепсией? Пренные биографы г-жи Севиньи почти единогласно говорили, что она умерла отъ оспы; Кабанесь на основаніи различныхъ документовъ доказываетъ, что это басня, и г-жа Севиньи умерла отъ злокачественной лихорадки, неопредѣленнаго свойства: тифозной или малярійной.

Послѣ казни г-жи Бренвилье, замѣшанной въ дѣлѣ отравительницъ въ эпоху Людовика XIV, ея черепъ долго показывали въ версальскомъ музеѣ, но по изслѣдованію доктора Кабанеса этотъ черепъ принадлежать не знаменитой отравительницѣ, а другой пре ступницѣ, г-жѣ Трике. Что касается до вопроса, темные или свѣтлые волосы были у Дюбарри, то въ ея паспортѣ, выданномъ ей во время революціи, написано, что у нея волосы были свѣтлые. Напротивъ многіе историки, и между ними современный писатель Леногръ, основываются на другомъ паспортѣ, выданномъ въ Марли, и въ которомъ говорится, что у нея волосы были каштановые. Наконецъ въ описаніи ея казни въ «Nouvelle Minerve» говорится, что ея волосы были черные. Самъ докторъ Кабанесь склоняется въ пользу того, что у нея были бѣлокурые волосы. Послѣдній вопросъ, задаваемый себѣ историкомъ-докторомъ, страдала ли жена Людовика XV, Марія Лещинская, эпилепсией, разрѣшается имъ отрицательно. Въ пользу этого мнѣнія служатъ всѣ показанія, какъ документовъ, такъ и свидѣтелей, а противоположное убѣжденіе ни на чемъ не основано.

— Герцогъ Карлъ Лотарингскій. Въ Парижѣ вышла новая книга ¹⁾ о Карлѣ Лотарингскомъ. Авторъ ея, женщина, хотя этотъ трудъ подписанъ мужскимъ именемъ: «Люсьенъ Перей», и она уже получила пять премій академіи за историческія работы. Для настоящей статьи матеріаломъ послужили между прочимъ документы, которые Люсьенъ Перей получила изъ Петербурга. Авторъ рисуетъ портретъ Карла-Александра Лотарингскаго живыми красками, не скрашивая и не раздувая его недостатки. Герцогъ Карлъ-Александръ родился въ 1712 г. и былъ двѣнадцатымъ сыномъ изъ шестнадцати дѣтей предпослѣдняго герцога Лотарингскаго и Шарлотты Орлеанской, сестры регента. Родители не могли достаточно обезпечить судьбу мальчиковъ, а потому имъ приходилось искать счастье въ чужихъ странахъ, принимая на себя командование войсками и, въ концѣ концовъ, жепясь на наслѣдникахъ престоловъ. Такъ старшій сынъ женился на императрицѣ Маріи-Терези и сдѣлался нѣмецкимъ императоромъ, подъ именемъ Франциска I-го. Карлъ-Александръ поступилъ на службу къ Маріи-Терези и за военныя заслуги былъ вознагражденъ женитьбой на принцессѣ Маріи-Аннѣ, сестрѣ императрицы, и управленіемъ австрійскими Нидерландами. 23 марта 1744 г. совершился ихъ торжественный въѣздъ въ Брюссель. Въ тотъ же годъ Марія-Анна умерла, и принцъ Карлъ вторично не женился, находя выгодиѣ оставаться деверемъ императрицы. Наружность его была довольно пріятная, несмотря на то, что его лицо было испещрено слѣдами оспы. Онъ былъ высокаго роста, хорошо сложенъ. При этомъ герцогъ отличался нестоимымъ весельемъ и такъ громко смѣялся во время театральныхъ представленій, что мѣшалъ зрителямъ слушать; или онъ такъ смѣшно задыхался, сдерживая смѣхъ, что они невольно сами разража-

¹⁾ Charles de Lorraine, par Lucien Perey. Paris. 1903.

лись хохотомъ. Въѣстъ съ тѣмъ онъ былъ прекрасный администраторъ; по приѣздѣ онъ нашель Нидерланды совсѣмъ разоренными, и ему предстояло возстановить ихъ репутацію дойной коровы Австріи. Принцъ де-Линь описываетъ его слѣдующимъ образомъ: «Одна изъ самыхъ прекрасныхъ душъ, какія только я знаю, нѣжная, живая, чувствительная, которая радовалась добру. Откровенность этой души была нарисована на его челѣ, а его обаятельная и заразительная веселость выражалась въ улыбкѣ, которую не тронули даже годы, оспа и война, унесшіе его красоту. Это человѣкъ искренно веселый, какого я когда либо видѣлъ въ жизни; его нельзя было не полюбить, когда видѣлъ хоть разъ». Конечно, герцогу Карлу вель многочисленныя любовныя интриги, и между документами, сохранившимися послѣ него, находится ключъ къ тайнымъ разговорамъ съ прекрасными гражданками Брюсселя, когда они велись на глазахъ постороннихъ или даже мужей. «Можете ли вы прийти?... Гладить рукой подбородокъ». «Мнѣ надо съ вами поговорить... Дотронуться до носа». «Въ хорошемъ ли вы расположеніи?... Сдѣлать видъ, что чихаешь», и т. д. въ томъ же родѣ. Однако это его не удовлетворяло, и онъ скучалъ въ своемъ дворцѣ безъ женщинъ. Марія-Терезія знала, что онъ нѣжно любитъ одну изъ своихъ сестеръ, Шарлотту Лотарингскую, настоятельницу Римирмонскаго монастыря. Она перевела ее въ Монскій монастырь и предупредила, чтобы та не серьезно относилась къ своей обязанности, а жила бы въ свѣтѣ, какъ ей только будетъ приятно. Настоятельница не заставила себя упрашивать и завела во дворцѣ этикетъ и дворъ по образцу вѣнскаго. Она сопровождала брата на охоту, въ театръ, на балы и даже сама давала празднства. Такимъ образомъ герцогу жилось вполне весело. Онъ пригласилъ къ себѣ знаменитаго короля жаркихъ, Роньона, выписывалъ всевозможныя тонкія блюда, рыбу и дичь изъ мѣстностей ихъ происхожденія, точно также и вина. Онъ самъ составлялъ карту винъ; такъ для интимнаго завтрака онъ требовалъ французскія и рейнскія вина; для парадныхъ завтраковъ gala итальянскія и кипрскія. Токайскія же вина—подарокъ Маріи-Терезіи—подавались въ необычайныхъ случаяхъ. Герцогъ переносилъ свой дворецъ различными бездѣлушками, иногда даже сомнительнаго вкуса. У него было сто пятьдесятъ висячихъ часовъ, сто пятьдесятъ табакерокъ, пятьдесятъ бумажекъ. Онъ былъ популяренъ среди торговцевъ рѣдкостями, и въ его прихожей они всегда толпились съ утра, принося свой товаръ. Герцогъ начиналъ съ того, что отказывался ихъ принять, но чрезъ минуту отворялась дверь, и онъ выражалъ желаніе только взглянуть на вещи. Когда купецъ уходилъ, у герцога прибавлялось однимъ долгомъ больше къ безчисленнымъ долгамъ, которымъ никто не удивлялся. Онъ столько же заботился объ уменьшеніи долговъ страны, сколько и своихъ. По словамъ принца де-Линя, въ странѣ царствовалъ «милый безпорядокъ финансовъ вслѣдствіе его великодушія». Но прежняя промышленность возродилась, и даже народилась новая; искусство и наука воспрянули духомъ, пути сообщенія увеличились и усовершенствовались, и торговля улучшалась. Высшее общество принялось исправлять свои дворцы, возобновлять экипажи, открывать салоны, и все благодаря герцогу Карлу. Смерть, постигшая его въ 1780 году, вызвала въ странѣ всеобщую печаль.

— Столѣтній юбилей возстанія Роберта Эммета въ Ирландіи. Двадцать третьяго іюля настоящаго года вся Ирландія праздновала столѣтіе того памятнаго дня, когда ирландскій герой, Робертъ Эмметъ, возсталъ въ Дублинѣ противъ англійской власти. По случаю этого юбилея въ сентябрьской книжкѣ «Cornhill Magazine» помѣщенъ Михаэлемъ Макъ-Донагомъ любопытный очеркъ этой трагической исторіи¹⁾. Для своей статьи авторъ воспользовался ненапечатанной перепиской лорда Гартвига, тогдашняго англійскаго намѣстника Ирландіи. Этотъ драгоценный документъ хранится въ британскомъ музеѣ. Эмметъ родился въ Дублинѣ въ 1778 году и происходилъ изъ англійскаго протестантскаго семейства. Несмотря на это, онъ всегда оставался мечтательнымъ патриотомъ и съ дѣтства былъ преданъ Ирландіи. За участіе въ возстаніи 1798 года онъ былъ изгнанъ изъ университета, а въ 1803 году разыгралась драма, которая стоила ему жизни. Ему было тогда двадцать шесть лѣтъ, и онъ только что получилъ послѣ смерти отца три тысячи фунтовъ стерлинговъ, которые посвятилъ на приготовленіе возстанія. Онъ хотѣлъ взять Дублинскій замокъ врасплохъ и провозгласить въ его стѣнахъ революцію. За годъ предъ тѣмъ онъ ѣздилъ въ Парижъ на свиданіе съ Наполеономъ и Талейраномъ, которые ему обѣщали энергическое содѣйствіе въ предполагаемомъ имъ ирландскимъ движеніи. Главное заключалось въ оружіи, а въ явкѣ многочисленныхъ сообщниковъ онъ не сомнѣвался. Въ определенное время явились изъ провинціи многочисленные сторонники Эммета, но, къ ихъ удивленію, у него было только восемнадцать ружей, четыре мушкета и одна сабля, кромѣ значительнаго количества свинъ, пулъ и пороха. Разочарованные сподвижники разбѣжались, а Робертъ Эмметъ все-таки 23 іюля надѣлъ мундиръ главнокомандующаго войсками ирландской респубрики, и подъ его командой собралось до трехсотъ человекъ. Найдя, что ихъ было мало для удачнаго возстанія, онъ отступилъ съ ними въ Викладскія горы. Нѣкоторые изъ сподвижниковъ Эммета предалися грабежу и убійству. Когда противъ нихъ выслали войско, то мятежники разсѣялись, Роберту Эммету удалось скрыться отъ преслѣдованія, но въ августѣ мѣсяцѣ, когда онъ вернулся въ Дублинъ къ своей возлюбленной, Сарѣ Курранъ, его схватили. Въ это время арестовали и Сару, которая, однако, была освобождена, потому что въ ту же минуту сошла съ ума. Робертъ Эмметъ самъ защищалъ себя въ краснорѣчивой рѣчь. «Онъ,—говоритъ Макъ-Донагъ,—смотрѣлъ смерти прямо въ глаза, съ удивительнымъ, неостыжимымъ мужествомъ для двадцати-шестилѣтняго юноши. До послѣдней минуты онъ выдержалъ роль романческаго героя. Его рѣчь была такъ краснорѣчива и служила такой великолѣпной защитой не его, а отечества, что до сей минуты всякій ирландецъ повторяетъ ее со слезами на глазахъ. Эммета приговорили къ смерти, и въ ту же ночь предъ казнью умерла съ горя его мать, Гордо; мужественно онъ покончилъ свою жизнь на висѣлицѣ. Въ заключеніе этой трагической исторіи надо упомянуть, что Сара Курранъ чрезъ два года оправилась отъ сумасшествія и вышла замужъ за англійскаго офицера.

¹⁾ The tragedy of Robert Emmet, by Michael Mac-Donagh. «Cornhill Magazine», September. 1903.

— Россія въ Галиціи въ началѣ XIX столѣтія. Русская кампанія въ Галиціи въ 1809 году до послѣдняго времени принадлежала къ числу историческихъ загадокъ. Въ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ хранится въ рукописи сочиненіе покойнаго Михайловскаго-Данилевскаго, написанное по порученію императора Николая I, подъ заглавіемъ «Война Россіи съ Австріею въ 1809 году». Но сочиненіе это, по настоянію военнаго министра Чернышева, не было напечатано. Вышедшій недавно новый томъ изъ серіи монографій, относящихся къ исторіи новаго времени, издаваемыхъ профессоромъ С. Аскенази¹⁾, проливаетъ свѣтъ на русско-австрійскую кампанію 1809 года. 6 іюля 1809 года Наполеонъ одержалъ надъ австрійцами блестящую побѣду подъ Ваграмомъ, въ разстояніи 2-хъ лье отъ Вѣны. При наступившихъ затѣмъ мирныхъ переговорахъ поляки разсчитывали, что вся Галиція будетъ присоединена къ Варшавскому княжеству (герцогству), и отправили въ Вѣну, гдѣ тогда находился Наполеонъ, депутацію — просить объ этомъ. Но побѣдитель австрійцевъ уже въ то время считался съ желаніями императора Александра. Послѣдній же болѣе всего боялся территориальнаго увеличенія княжества. По этой причинѣ при заключеніи мирнаго договора въ Шёнбруннѣ (14 октября 1809 г.) согласился уступить полякамъ лишь часть добытаго ими края. Къ Варшавскому княжеству были присоединены: западная Галиція, Краковъ съ предмѣстіями и округомъ до Велички и Замоискій округъ изъ восточной Галиціи, всего 53.000 кв. килом. съ 1.500.000 населенія. Величка перешла въ общее владѣніе австрійскаго императора и саксонскаго короля. Россія получила Тарнопольскій округъ, въ которомъ было не менѣе 400.000 жителей. Округомъ этимъ, подъ именемъ Тарнопольскаго края, Россія владѣла въ теченіе пяти лѣтъ, до Вѣнскаго конгресса, когда Тарнопольскій округъ снова перешелъ къ Австріи. Въ издаваемой г. Аскенази книгѣ находимъ полную картину русскаго правленія въ Галиціи. Въ 1809 г. въ Вѣнѣ образованъ былъ комитетъ по дѣлу о разграниченіи. Во главѣ комитета стоялъ генералъ-фельдмаршалъ, графъ Бельгардъ. Помощникомъ у него былъ графъ Вурмзеръ, хорошо знавшій Галицію. Въ составъ комитета входилъ еще Кортумъ, совѣтникъ изъ Львова. Съ русской стороны были назначены уполномоченными командиръ корпуса князь Голицынъ и дипломатическій агентъ въ Вѣнѣ Анштеттъ. Голицынъ скоропостижно умеръ. Его замѣнилъ Дохтуровъ. Переговоры шли медленно. Уполномоченные торговались жестоко относительно цифры населенія. Въ концѣ концовъ Россія получила 350.000 душъ. 15 іюня 1810 г. принявъ бразды правленія въ Тарнопольскомъ краѣ сенаторъ Антоновичъ-Тейльсъ (Antonowicz Theyls). На правителя новой русской провинціи возлагались обязательства административнаго и законодательнаго ея устройства въ духѣ общегосударственныхъ русскихъ установленій. Въ этомъ отношеніи Антоновичъ проявилъ большую энергію и знаніе дѣла. Удивляться этому нечего. Передъ тѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ исполнялъ такія же самыя обязанности въ Бѣлостокѣ

¹⁾ Monografie w zakresie dziejów nowożytnych. Wydawca Szymon Askenazy. Tom III. Rządy rosyjskie w kraju tarnopolskiem 1809—1815, przez Jana Leszczyńskiego. 1903.

и, слѣдовательно, знали свое дѣло. Органы власти, находившіеся въ наиболѣе тѣсномъ общеніи съ населеніемъ, оставлены прежніе. Лишь иисодоволь, примѣнительно къ тому, насколько прививались въ краѣ русскія учрежденія, они подвергались пзмѣненію и переработкѣ. На первыхъ же порахъ необходимо было установить пріязненные отношенія между населеніемъ Тарнопольскаго края и новымъ русскимъ правительствомъ. Полезнымъ сотрудникомъ Антоновича въ этомъ дѣлѣ явился гр. Михаилъ Старженскій, бывший предводитель дворянства Бѣлостокскаго округа. Въ административномъ отношеніи Тарнопольскій край дѣлился на два округа. Границы округовъ, не отвѣчая ни пространству земли, ни плотности населенія, соответствовали границамъ австрійскихъ округовъ. Мѣстопробываніемъ властей остались попрежнему Тарнополь и Залещики. Въ 1814 г. открытъ третій округъ—Трембовельскій, въ южной части Тарнопольскаго округа. Во главѣ управленія каждымъ округомъ стоялъ чиновникъ, именованійся «городничимъ». Онъ былъ представителемъ правительства и выѣстъ съ тѣмъ полицеймейстеромъ въ городѣ. У городничаго былъ помощникъ и канцелярія. Кромѣ ихъ, въ составъ управленія округомъ входили 2—3 «засѣдателя». Это были представители народа въ гражданскомъ управленіи. Ихъ выбирали изъ мелкой шляхты. Они являлись въ роли совѣтниковъ городничаго. Излюбленная австрійцами форма протоколовъ подверглись изгнанію изъ канцелярій Тарнопольскаго края. Въмсто нея введено упрощенное дѣлопроизводство. Высшая власть въ краѣ сосредоточивалась въ рукахъ правительственнаго комитета. Комитетъ состоялъ изъ трехъ членовъ, назначенныхъ изъ наиболѣе выдающихся представителей мѣстнаго дворянства, и предсѣдателя, олицетворявшаго собою русскую власть. Членовъ и предсѣдателя назначилъ Антоновичъ, а утверждалъ государь. Комитетъ, собственно говоря, являлся лишь въ качествѣ совѣщательнаго учрежденія при сенаторѣ Антоновичѣ. Наконецъ, по образцу западныхъ губерній, введенъ былъ институтъ предводителей дворянства (*szlachy*). Въ царствованіе Николая Павловича, во время конфликта съ Австрією по поводу турецкой войны, въ Петербургѣ вспомнили о недавнемъ владычествѣ русскихъ въ Галиціи. Рѣшено было разузнать о настроеніи умовъ мѣстнаго населенія. Въ 1828 г. Татищевъ доносилъ изъ Вѣны, будто жители Тарнопольской земли «благословляютъ время, прожитое подъ русскимъ скипетромъ, и оплакиваютъ это счастливое прошлое». Вскорѣ послѣ того, въ 1829 г., въ главномъ штабѣ разрабатывали планъ вооруженнаго вторженія въ Галицію. Въ мартѣ 1846 г. Николай I былъ готовъ помѣняться съ австрійцами: Галицію получить, а Австріи уступить часть Польши до Вѣуры и Вислы. «Я взялъ бы сейчасъ же Галицію,—говорилъ государь,—вѣдь это нашъ старый край». «Пріобрѣтеніе Галиціи,—высказывался Паскевичъ по поводу проекта царя,—было бы истиннымъ подвигомъ великаго русскаго монарха, такъ какъ несравненно легче править Галицією, гдѣ постоянно борются другъ съ другомъ двѣ народности, польская и русская, нежели странюю съ однимъ польскимъ населеніемъ. Наконецъ, Галиція въ древности была русскимъ краемъ, да и теперь населена православными и униатами».

— Популярность Гёте и Бисмарка въ Германіи. Слава великаго автора «Фауста» и знаменитаго желѣзнаго канцлера растетъ въ ихъ отечествѣ не по днямъ, а по часамъ. Напримѣръ, въ мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года вышло пять сочиненій о Гёте: «Религія Гёте», «Понятіе о жизни Гёте», «Гёте и Мэриэмъ», «Гёте, какъ мыслитель», «Гёте и христіанство». Къ этимъ книгамъ надо прибавить два полныя собранія его сочиненій и новое изданіе прекраснаго труда Германа Гримма: «Гёте». Это оригинальное, хотя отчасти парадоксальное, произведеніе, отличается глубокимъ анализомъ Гёте, безчисленнымъ количествомъ нравственныхъ, политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, подробно разсмотрѣнныхъ авторомъ, и вообще представляется однимъ изъ самыхъ значительныхъ трудовъ, вышедшихъ до сихъ поръ о Гёте. Гёте какъ бы предвидѣлъ эту книгу въ словахъ: «Есть на свѣтѣ честные люди, просвѣщенные моими твореніями, и всякій читающій ихъ сочиненіе пойметъ меня съ большею внутренней свободой». Надо еще упомянуть, что недавно въ XII томѣ Гётевскаго «Ежегодника» напечатаны мемуары баронессы Густадтъ, хорошо знавшей Гёте и его семью. Она описываетъ между прочимъ послѣднія минуты его жизни и увѣряетъ, что передъ смертью онъ всталъ, выпрямился во весь ростъ и произнесъ: «Теперь пришла пора высокихъ превращеній и воплощеній». Что же касается до извѣстной фразы: «Свѣта, больше свѣта!» то онъ не произносилъ ея, а если и сказалъ что либо подобное, то, по мнѣнію баронессы Густадтъ, не ясно и не слышно.

Переходя къ Бисмарку, мы замѣтимъ, что послѣ длиннаго ряда біографій, воспоминаній и т. д. начали появляться монографіи научнаго характера. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны только что вышедшій томъ психологическаго изслѣдованія желѣзнаго канцлера и основательный этюдъ общественнаго права, какъ его понималъ Бисмаркъ. Авторъ первой книги, Клейнъ-Гаттингенъ¹⁾, по убѣжденію—демократъ, а потому отзывается о Бисмаркѣ далеко не сочувственно. «Бисмаркъ,—говоритъ онъ,—произвелъ революцію сверху, и эта кровавая революція была триумфомъ арміи. Но революція снизу, т. е. совершенное обновленіе государственнаго порядка, приглашающаго народъ къ полному участию въ государственныхъ дѣлахъ—единственная система политическаго дѣятеля, въ высшемъ значеніи этого слова. Политика желѣза и крови, если она успѣшна, возбуждаетъ рукоплесканіе толпы, но долговѣчны только дѣла мира. Мечъ создаетъ лишь единство физическое, единство же нравственное дается лишь однимъ разумомъ». Второе сочиненіе написано двумя авторами—Ройлемъ и докторомъ Эпштейномъ, наоборотъ, воиновъ раздѣляющими мнѣніе Бисмарка объ общественномъ правѣ²⁾. Онъ не вѣрилъ въ заранѣе подготовленную политическую науку; и во время изученія онъ не призывалъ общественнаго права. На практикѣ онъ составлялъ себѣ собственное право, и авторы развиваютъ его въ своей книгѣ. Они подробно изясняютъ это особенное право Бисмарка въ его взглядахъ на всѣ отдѣльные государственные вопросы. Съ одинаковыми похвалами относится къ Бисмарку, какъ вос-

¹⁾ Bismarck und seine Welt, von Klein-Hattingen (1815—1871). Berlin. 1903.

²⁾ Bismarck Statsrecht, von Paul Roell und Dr. Georg Epstein. Berlin. 1903.

питателю, Пауль Дэнъ, авторъ книги подь токимъ же названіемъ¹⁾. Особенно интересно приводимое Дэнъмъ выраженіе Бисмарка относительно іезуитовъ, вопросъ о которыхъ снова возбужденъ въ Германіи. «Когда мнѣ покажутъ,—говорилъ канцелеръ:—хотя одного іезуита съ національными чувствами, то я признаю возможнымъ пребываніе іезуитовъ въ имперіи. Но подобнаго іезуита не существуетъ; іезуиты не имѣютъ отечества. Опасность, которой они подвергнутъ Германію, ея единство и національное развитіе, не заключается въ католицизмѣ, но въ ихъ международной организаціи и въ уничтоженіи всѣхъ національныхъ узъ. Вотъ въ чемъ я ушрекаю іезуитскій орденъ; онъ грозитъ искорененіемъ національнаго духа нѣмцевъ». Хотя письма²⁾ Густава Фрейтага къ его издателю, Гирцлю, не касаются прямо Бисмарка, но въ нихъ встрѣчаются интересныя подробности объ отношеніяхъ желѣзнаго канцлера къ императору Фридриху и его женѣ, въ то время еще наслѣдному принцу и принцессѣ. Фрейтагъ заступается за дочь англійской королевы въ слѣдующихъ словахъ. «Партія Дункера и Кейделля выражается о ней, какъ объ англичанкѣ и антинѣмкѣ; въ этомъ отношеніи многое можно сказать, но въ совершенно въ противномъ смыслѣ. Она—настоящая дочь своихъ родителей и либералка англійскаго типа, поэтому она не уважаетъ своего противника Бисмарка и нѣмецкій патриотизмъ. Но она далеко не такъ дурна, какъ ее представляютъ: она образцовая жена и мать; у нея на первомъ мѣстѣ—мужъ и дѣти. Послѣ своего возвращенія въ Берлинъ она призвала Бисмарка къ себѣ, съ цѣлью помириться съ нимъ. Но der Rascher говорилъ съ нею такъ рѣзко и отзывался такъ дурно о либерализмѣ, что принцесса, оскорбленная въ своихъ убѣжденіяхъ, разсердилась. Впредь она будетъ дѣйствовать совершенно независимо, хотя я боюсь, что, обязанная оставаться съ мужемъ на заднемъ планѣ, она сдѣлаетъ не одну ошибку. Вообще я того мнѣнія, что это—прекрасная женщина, и она внушаетъ мнѣ самое глубокое уваженіе. Что нибудь да значить оставаться столь независимой и столь твердо при дворѣ императора Вильгельма, среди всей его родни. Если наслѣдный принцъ такой славный малый и совершенно иного калибра, чѣмъ всѣ его дяди и двоюродные братья, то онъ этимъ много обязанъ своей женѣ».

— Смерть Менотти-Гарibaldi, Гюстава Ларумэ и Александра Бэна. Недавно въ римской Кампаніи умеръ отъ мѣстной маляріи старшій сынъ итальянскаго героя Гарibaldi-Менотти. Онъ родился въ Мостардасѣ, южно-американской провинціи Ріо-Гранде, въ 1840 г. Въ то время отецъ его находился на службѣ республики Уругвайской, и съ малолѣтства юный Менотти привыкъ слѣдовать за Гарibaldi и матерью Анитой во всѣхъ ихъ походе-ніяхъ. Рассказываютъ, что однажды они скакали, спасаясь отъ враговъ, и неожиданно замѣтили, что привязанный къ сѣдлу малолѣтній Менотти исчезъ. Отецъ вернулся, несмотря на непріятельскіе выстрѣлы, и поднялъ ребенка изъ лужи воды. Затѣмъ онъ приширилъ своего коня и ускакалъ отъ преслѣдованій. Возвратясь въ Италію, Гарibaldi отдалъ сына въ одно изъ воспита-

¹⁾ Bismarck, als Erzieher; von Dehn. München. 1903.

²⁾ Gustav Freytag an Salomon Hirzel und die Seinen. Leipzig. 1903.

тельныхъ утреждений Ниццы. Когда онъ подростъ, то занялъ видное мѣсто подлѣ отца во всѣхъ его подвигахъ. Такъ онъ участвовалъ въ сицилійской экспедиціи, въ битвѣ при Аспромонтѣ и въ сраженіи при Ментанѣ. Наконецъ онъ принялъ участіе во франко-прусской войнѣ и отличился блестящей защитой Дижона. Послѣ этого послѣдняго военнаго подвига Менотти въ чинѣ генерала вышелъ въ отставку и посвятилъ себя земледѣлію. По примѣру отца онъ занялся очищеніемъ болотъ въ римской Кампаніи и жилъ въ своемъ помѣстьѣ близъ Веллетрин. Въ палатѣ онъ занялъ мѣсто на скамьѣ крайней лѣвой и постоянно боролся съ клерикальной партіей. Въ послѣднее время онъ вышелъ въ отставку и жилъ спокойно среди своего семейства, состоявшаго изъ жены, дочери полковника Бедескини, и пятерыхъ дѣтей. Менотти похоронили на островѣ Капрерѣ, гдѣ покоится прахъ его славнаго родителя.

25-го августа въ Парижѣ скончался отъ чахотки извѣстный французскій писатель, профессоръ и театральнй критикъ, Гюставъ Ларумэ. Онъ родился въ Гурдонѣ въ 1852 году и воспитывался въ Кагорскомъ лицей, а потомъ въ Нормальной школѣ. Тамъ застала его франко-нѣмецкая война, вслѣдствіе чего тотчасъ вышелъ изъ училища и поступилъ въ драгунскій полкъ. По окончаніи военныхъ дѣйствій онъ вернулся въ школу и, окончивъ въ ней курсъ, поступилъ въ университетъ. Затѣмъ началась peregrinacia по многимъ провинціальнымъ лицеемъ, и, переходя все выше и выше по педагогическимъ ступенямъ, Ларумэ наконецъ выдержалъ экзаменъ на доктора французской литературы и съ блестящимъ успѣхомъ защитилъ диссертацию: «Мариво, его жизнь и сочиненія». Это произведеніе, удостоенное преміи французской академіей, было первымъ научнымъ трудомъ, составившимъ славу молодого профессора, который между тѣмъ получилъ кафедру въ Сорбоннѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служилъ правителемъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія при министрѣ Локруа, а потомъ былъ назначенъ директоромъ изящныхъ искусствъ. Пробывъ нѣсколько времени въ этомъ званіи, онъ былъ избранъ академіей изящныхъ искусствъ въ непримѣнные секретари. Послѣ смерти извѣстнаго театральнаго критика Сарсэ, онъ наследовалъ ему въ качествѣ составителя понедѣльничьяго театральнаго фельетона въ газетѣ «Temps». Вообще онъ былъ основательнымъ и блестящимъ критикомъ, какъ литературнымъ, такъ театральнымъ и художественнымъ. Изъ его книгъ особой извѣстностью пользовались «Опыты исторіи и критики», «Лордъ Бругамъ» и «Комедіи Мольера». Среди трудовой литературной, журнальной и профессорской дѣятельности, Ларумэ на пятидесятомъ году жизни сдѣлался жертвой тяжелой продолжительной болѣзни, которая и положила конецъ его полезной дѣятельности.

На-дняхъ, именно 17-го сентября, англійскій, или, лучше сказать, шотландскій научный міръ потерялъ одно изъ своихъ свѣтилъ, въ лицѣ профессора логики и англійской литературы въ Эбердинскомъ университетѣ — Александра Бэна. Въ жизни этого замѣчательнаго челоѣка самый интересный фактъ заключается въ томъ, что онъ началъ свою карьеру съ простаго невѣдомаго ткача, а кончилъ ее свроейскимъ ученымъ. Онъ родился въ Эбердинѣ въ 1818 году и принадлежалъ къ бѣдной рабочей семьѣ. Мальчикомъ онъ учился ремеслу ткача и въ свободное время

самъ образовывалъ себя путемъ книгъ, и всегда на ткацкомъ станкѣ у него лежала книга. Путемъ тяжелаго труда и лишеній онъ дошелъ до мѣстной школы, а въ двадцать два годъ уже получилъ первую ученую степень Эбердинскаго университета. Съ теченіемъ времени Бэнъ сдѣлался профессоромъ въ томъ же Эбердинскомъ университетѣ, по кафедрѣ нравственной философіи и естественныхъ наукъ, а потомъ онъ переехалъ въ Лондонъ и былъ избранъ въ экзаменаторы Лондонскаго университета. Наконецъ, въ течение многихъ лѣтъ онъ состоялъ профессоромъ логики и англійской литературы родного университета. Познакомившись съ Джовомъ Стюартомъ Миллемъ, онъ вступилъ въ сферу передовой дѣятельности философской и научной. Онъ былъ однимъ изъ замѣчательныхъ философовъ современной англійской позитивистской школы и старался обновить психологію физиологическими воззрѣніями. Въ своей теоріи Бэнъ былъ противникомъ реализма Герберта Спенсера; онъ изложилъ ее въ своихъ сочиненіяхъ: по естественнымъ наукамъ, логикѣ, риторикѣ, психологіи и системѣ воспитанія. Главнѣйшія его сочиненія «The Emotions and the Will», «The Senses and the Intellect», «Mind and Body» и «Education as a Science». Еще заслуживаетъ вниманія его біографія Джона Стюарта Милля. Кромѣ того, онъ былъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ редакторомъ журнала «Mind». Наконецъ ему принадлежитъ цѣлый рядъ популярно-научныхъ книгъ и статей по вопросу о воспитаніи. Онъ занимался своими излюбленными предметами до послѣдней минуты своей жизни и умеръ на 86 году; онъ былъ женатъ дважды, но не имѣлъ дѣтей.

— Первая Ланкастерская школа въ Россіи. Въ послѣднемъ номерѣ англо-русскаго литературнаго общества за прошлый годъ помѣщенъ небольшой отрывокъ ¹⁾ изъ автобіографическаго очерка Джемса Герда, который въ 1819 году впервые основалъ въ имѣніи Гомель, канцлера графа Румянцева, школу, по системѣ Ланкастерскаго взаимнаго обученія. Эта педагогическая система, состоящая въ томъ, что болѣе знающіе ученики подъ руководствомъ учителя обучали слабыхъ товарищей, была очень распространена въ Англии и Америкѣ. Создателемъ этихъ школъ былъ извѣстный квакеръ Іосифъ Ланкастеръ, и слава о нихъ достигала Россіи. Канцлеръ, графъ Румянцевъ, написалъ барону Штрандману, секретарю русскаго посольства въ Англии, прося его найти молодого человѣка для основанія подобной школы въ Гомелѣ. Баронъ предложилъ отправиться съ этой цѣлью въ Россію семнадцатилѣтнему Джемсу Герду, который занимался въ британскомъ музеѣ перепиской историческихъ документовъ, касавшихся Россіи. «Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, — пишетъ Гердъ: — и началъ изучать въ главной школѣ Ланкастерскую систему обученія, подъ руководствомъ Вилльяма Аллена. Мнѣ особенно понравился въ этой системѣ порядокъ ежедневно раздавать достойнымъ ученикамъ печатные билеты, которые въ концѣ года сосчитывались, и согласно ихъ количеству давались награды. Этимъ путемъ уничтожилось тѣлесное наказаніе, преобладавшее тогда среди педагоговъ. Около этого времени въ Лондонѣ находились

¹⁾ Lancastrian school in Russia, by Mr Heard's. The Anglo-russian Literary society. Proceedings. October, November and December. London. 1902.

четыре студента педагогического института въ Петербургѣ, отправившихся за границю съ цѣлью изученія педагогическихъ системъ въ Англіи и Швейцаріи. Ихъ звали Свенскій, Руссовъ, Ободовскій и Тимаевъ. Они находились на попеченіи барона Штрандмана, и я, познакомившись съ ними, учился у нихъ русскому языку, взами́въ чего обучалъ ихъ англійскому». Получивъ чрезъ два года аттестатъ, позволявшій ему открыть Ланкастерскую школу, Гердъ отправился 17 іюля 1817 года въ Россію. Онъ остановился у англійскаго пастора, мистера Русса, отца его пріятеля студента, и послѣ короткаго пребыванія въ столицѣ отправился въ Гомель. Это путешествіе заняло двадцать два дня, и англичанинъ по ошибкѣ называетъ тарантасъ, въ которомъ онъ ѣхалъ, кибиткой. Наконецъ, онъ прибылъ въ Гомель, по его словамъ, исключительно жидовское селеніе, и остановился въ чистенькомъ домикѣ англичанина Кларка, архитектора графа. Румянцевъ просилъ Кларка пріютить англичанина, пока онъ устроитъ ему помѣщеніе. На другое утро Гердъ представился графу. Онъ рисуе́тъ графа сѣдымъ старикомъ, высокаго роста, съ добродушнымъ аристократическимъ лицомъ, просто одѣтымъ; только на его груди блестяла звѣзда. Онъ принялъ англичанина очень любезно, предложилъ чаю съ сухарями и оставилъ его въ тотъ день обѣдать. Потомъ Кларкъ повелъ молодого человѣка къ главному управляющему, генералу Дерябину. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, на взглядъ очень интеллигентный, съ манерами образованнаго джентльмена. Въ молодости онъ былъ въ Англіи и очень хвалилъ англійское гостепримство. «Гомель, — говоритъ Гердъ, — былъ не городъ и не деревня, потому что русскія деревни, по большой части, маленькія и населены исключительно земледѣльцами, тогда какъ Гомель былъ заселенъ преимущественно евреями. Въ этомъ мѣстечкѣ было двѣ церкви — русская и католическая, а также еврейская синагога. Одна изъ фермъ въ помѣстьѣ графа находилась подъ управленіемъ мистера Стюарта, молодого шотландца, а другая — англичанина, по имени Скотта. Кромѣ того, второй шотландецъ завѣдывалъ свѣчной фабрикой графа. Изъ различныхъ разговоровъ я узналъ, что помѣстье графа распространялось на сто квадратныхъ миль, и состояло преимущественно изъ лѣса, большого количества фермъ, фабрикъ и девяноста деревень съ населеніемъ въ 17.000 человѣкъ, а если считать женщинъ и дѣтей, то у графа было крѣпостныхъ 50.000 человѣкъ. Что же касается до Гомеля, то онъ былъ столицей этихъ маленькихъ владѣній. Грустно было думать, что 50.000 людей существовало въ мрачномъ невѣжествѣ, а еще грустнѣе, что въ подобномъ состояніи находились милліоны и милліоны рабовъ. Хотя я видѣлъ немного русскаго народа, но пришелъ къ убѣжденію, что онъ одаренъ здравымъ смысломъ и умомъ. Хотя русскіе не были чужды недостатковъ, присущихъ рабамъ, но они были добрые и гостепримные люди. Ихъ величайшимъ порокомъ было пьянство, но я не сомнѣваюсь, что если было бы введено воспитаніе и рациональныя развлечения, то пьянство очень уменьшилось бы, и крестьяне приготовились бы къ великому дню освобожденія». Вскорѣ, послѣ пріѣзда Герда въ Гомель графъ уѣхалъ въ Петербургъ съ своимъ секретаремъ, а Кларкъ объявилъ, что молодой англичанинъ можетъ теперь перебраться въ свое помѣщеніе. Оно находилось въ старомъ деревянномъ домѣ и состояло изъ малень-

кихъ низенькихъ двухъ комнатъ и кухни. Ему прислуживалъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Гердъ жилъ очень уединенно и только по воскресеньямъ объѣдалъ у генерала Дерябина, а иногда, въ будни, посѣщалъ семейство Кларкъ. Наступила зима съ жестокими морозами, и такъ какъ Гердъ получалъ только триста тридцать три рубля бумажными деньгами въ третью, то ему приходилось довольствоваться ватнымъ пальто. Все время онъ проводилъ въ изученіи русскаго языка и приготовленіи на папочныхъ листахъ прописей для своихъ будущихъ учениковъ. Однако прошли зима, весна, лѣто и осень и вторая холодная зима, но о школѣ, которую англичанинъ долженъ былъ организовать, не было и помину. На его жалобы генералу Дерябину послѣдній откровенно отвѣчалъ, что не могъ собрать и четверти дѣтей, необходимыхъ для составленія школы. «Какъ вы знаете,—сказалъ онъ между прочимъ,—Гомель населенъ почти одними евреями, и не для нихъ графъ хочетъ завести школу, а для своихъ кресъянъ, которые живутъ на такомъ разстояніи въ различныхъ деревняхъ, что ихъ дѣтей рѣшительно нельзя собрать въ одно мѣсто». «Однажды,—разсказываетъ Гердъ,—мнѣ пришла въ голову блестящая мысль: я свѣдѣлъ предъ своимъ домомъ и читалъ, когда ко мнѣ подошли двое нищихъ дѣтей. Я спросилъ у нихъ, отчего они просятъ милостыню, и они отвѣтили, что были сиротами и не имѣли возможности добывать себѣ иначе кусокъ хлѣба. Это навело меня на мысль, что было бы хорошо уговорить графа устроить для брошенныхъ дѣтей убоѣжище, въ которомъ учили бы ихъ читать и писать, а также необходимымъ ремесламъ. Я зналъ по разсказамъ, что графъ былъ очень расчетливъ на мелочи, но выказывалъ великодушіе въ крупныхъ патриотическихъ дѣлахъ. Напримѣръ, онъ снарядилъ большой корабль для кругосвѣтнаго путешествія. Генералъ Дерябинъ передалъ графу мой проектъ, и, къ величайшему моему удовольствію, онъ одобрилъ мой планъ. По приказанію графа архитекторъ сдѣлалъ планъ на постройку дома для двухсотъ сиротъ. Но пока онъ строился, было найдено помѣщеніе въ пустомъ флигелѣ графскаго дома для сорока или пятидесяти мальчиковъ, которыхъ я могъ приготовить въ промежутокъ времени для обученія своихъ будущихъ товарищей. Когда были собраны сорокъ пять сиротъ изъ сосѣднихъ деревень, то школа была открыта. Въ первый день дѣти очень опасались ученія, такъ какъ ихъ увѣряли, что ученіе безъ розогъ не можетъ обойтись. Но когда оказалось, что съ ними хорошо обращались и не прибѣгали ни къ какимъ наказаніямъ, то они стали весело заниматься. Система обученія имъ очень правилась, и они съ военной точностью исполняли ее, преподавая другъ другу уроки». Третья зима, проведенная Гердомъ въ Россіи, прошла гораздо веселѣе; кромѣ занятій въ школѣ, онъ познакомился съ молодымъ офицеромъ, княземъ Урусовымъ, съ которымъ игралъ постоянно на билліардѣ. Весною онъ перенесъ большую потерю въ лицѣ генерала Дерябина, который неожиданно умеръ. Мало-по-малу популярность его школы распространилась во многихъ губерніяхъ. Изъ Вильны прибылъ въ Гомель молодой человѣкъ, по фамиліи Кадовичъ, для подробнаго изученія новой педагогической системы. О ней узналъ также князь Барятинскій, богатый курскій помѣщикъ, и написалъ Герду письмо, приглашая его перейти къ себѣ за вышнюю плату—въ 3000 р. въ годъ—когда окончится контрактъ. Это предложеніе было

очень соблазнительно, тѣмъ болѣе, что Барятинскій обѣщалъ поселить его въ своемъ домѣ и кормить за своимъ столомъ. Но Гердъ принужденъ былъ отказаться отъ этого выгоднаго условія, потому что обѣщалъ вернуться въ Англію, къ своей матери, по истеченіи четырехъ лѣтъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ зданіе для новой школы въ Гомелѣ было готово и освящено въ присутствіи графа. При этомъ онъ сдѣлалъ экзаменъ прежнимъ ученикамъ Герда, которому уже помогалъ русскій учитель. Графъ остался очень доволенъ сдѣланными ими успѣхами и выдалъ англичанину награду въ 500 рублей. Вскорѣ послѣ этого система обученія Герда еще представила яркое доказательство своей пользы. Полковникъ Беллинггаузенъ, командиръ артиллерійской бригады, стоявшей близъ Гомеля, прислалъ пятнадцать молодыхъ солдатъ, не знавшихъ грамоты, которые чрезъ три мѣсяца вернулись, умѣя читать и писать. Въ мартѣ 1821 г. Гердъ простился съ Гомелемъ и отправился въ Англію.

— Воспоминаніе о Россіи шестидесятихъ годовъ. Послѣ смерти австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ, графа Валентина Эстергази, въ 1858 году назначенъ былъ его преемникомъ графъ Фридрихъ Тунъ, который взялъ въ совѣтники посольства опытнаго дипломата, графа Ревертера. Они оба пробыли въ Петербургѣ три года, стараясь улучшить отношенія между Россіей и Австріей, чему сочувствовалъ Александръ II, но изъ всѣхъ силъ сопротивлялся тогдашній русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ. Такимъ образомъ ихъ пребываніе было постоянной дипломатической борьбой, которую ясно описывалъ графъ Ревертера въ своихъ «Запискахъ»¹⁾, напечатанныхъ въ «Deutsche Rundschau». Собственно о Россіи заключается очень мало въ этихъ воспоминаніяхъ. Графъ Ревертера описываетъ только введеніе свободы крестьянъ и польское возстаніе. Въ первомъ отношеніи онъ приводитъ любопытный анекдотъ о манифестаціи народа на Дворцовой площади, въ день освобожденія крестьянъ. На сдѣланный одному извозчику вопросъ, отчего онъ не присутствовалъ при этой торжественной сценѣ, онъ отвѣтилъ: «я дѣломъ занятъ, и мнѣ не время кричать ура». Главнымъ образомъ, мемуары Ревертеры посвящены политикѣ и переговорамъ между Россіей и Австріей, которые не повели къ благопріятному результату, благодаря недоброжелательству князя Горчакова. Въ основѣ его политики лежала ненависть къ Австріи и дружелюбіе къ Наполеону III. Напротивъ императоръ Александръ не вѣрилъ сочувственнымъ взглядамъ Наполеона и всячески старался возстановить мирныя отношенія къ Австріи. По словамъ государя, Наполеонъ всегда противодействовалъ Австріи и въ Штутгартѣ предлагалъ ему Галицію въ замѣнъ согласія на раздѣлъ Австріи. Эти замѣчательныя слова были сказаны графу Туну на его прощальной аудіенціи. Ревертера говоритъ, что политика Наполеона III была самая фальшивая, и онъ постоянно измѣнялъ Россіи, хотя Горчаковъ искренно ему довѣрялъ. Точно также русскій министръ рассчитывалъ на Бисмарка въ своихъ дѣйствіяхъ противъ Австріи и нимало не предвидѣлъ, что, вытѣсняя Австрію изъ германскаго союза, онъ такъ же,

¹⁾ Die Erinnerungen von Gr. Reverteira. «Deutsche Rundschau», April und Mai, 1903.

какъ императоръ Наполеонъ III, не дѣлать бы Россіи полную свободу на Востокъ, но позволилъ бы Австріи перенести свой центръ тяжести на Востокъ. Горчаковъ такъ увлекался своими проектами противъ Австріи, что когда Англія предложила созвать европейскій конгрессъ для улаженія итальянскихъ дѣлъ, то онъ хотѣлъ даже созвать этотъ конгрессъ безъ участія Австріи. Александръ II былъ очень недоволенъ этимъ и все болѣе и болѣе не сочувствовалъ плану Горчакова относительно тѣснаго сближенія съ Наполеономъ III, тѣмъ болѣе, что его поддерживалъ въ этомъ отношеніи французскій посланникъ. По странному случаю, въ то время представителемъ Наполеона III былъ герцогъ Монтебелло, ярый орлеанистъ, и потому онъ всегда напѣвалъ государю на своего собственнаго императора. Во всякомъ случаѣ Горчаковъ всѣми силами старался сохранить хорошія отношенія между Наполеономъ и Россіей. Онъ даже пользовался съ этою цѣлью помощью великой княгини Елены Павловны, которая, по словамъ Ревертеры, также благоволила къ Наполеону. При этомъ австрійскій дипломатъ отзывался о великой княгинѣ очень симпатично и рисуетъ ея портретъ въ самыхъ блестящихъ краскахъ. Что же касается до самого Горчакова, то Ревертера недружелюбно очерчиваетъ его личность и только восхваляетъ его умѣнье писать дипломатическія депешы. Между прочимъ, австрійскій дипломатъ рассказываетъ, что Горчаковъ очень безцеремонно обращался съ мелкими иностранными дипломатами. Такъ не разъ онъ принималъ австрійца въ халатъ и туфляхъ, а иногда въ порывѣ краснорѣчія клалъ ноги на столъ. Уѣзжая изъ Россіи, графъ Ревертера выразилъ Горчакову свое сожалѣніе, что ни онъ, ни графъ Тунъ не подѣйствовали на примиреніе Австріи съ Россіей. На это Горчаковъ хладнокровно отвѣчалъ, что, можетъ быть, вскорѣ и установится подобное соглашеніе между двумя государствами.

— Луи Лежэ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1872 году. Въ апрѣльскихъ номерахъ «Minerva» помѣщены «Воспоминанія славифила»¹⁾. Такъ называются записки извѣстнаго профессора славянской литературы во Французской Коллегіи, Луи Леже, о пребываніи его въ Россіи въ 1872 году. Онъ былъ посланъ Жюль Симономъ, тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія, съ цѣлью изучить, какъ преподается въ Россіи славянская исторія и археологія. Хотя ему на это дана была значительная сумма денегъ, пять тысячъ франковъ, но у него случилась непріятная исторія съ президентомъ Тьеромъ. Жюль Симонъ позвалъ его въ министерство и объявилъ, что Тьеръ удивляется, какъ онъ посылаетъ челоуѣка, который состоитъ агентомъ польской эмиграціи. Не въ первый разъ о Леже ходили подобныя клеветы, съ тою только разницей, что его обвиняли прежде въ службѣ Россіи въ качествѣ агента. Это происходило оттого, что онъ въ одно и то же время сочувствовалъ полякамъ, южнымъ славянамъ и русскимъ. Выяснивъ подробно свое положеніе Жюлю Симону, Леже отправился 25 мая 1872 г. въ Россію чрезъ Варшаву и Прагу. Въ это время Россія праздновала двухсотлѣтній юбилей рожденія Петра Великаго, и по этому случаю была устроена въ Москвѣ выставка Петровскихъ предметовъ и современной промышленности. Французскій ученый былъ принятъ университетскими

¹⁾ Souvenir d'un Slavophile, par Louis Leger. «Minerva», 1 Avril 1908.

профессорами и литераторами очень любезно. При этомъ онъ замѣчаетъ, что въ Россіи вообще очень сочувствуютъ французамъ, а нѣмцевъ не любятъ и всегда называютъ колбасниками. Всего ближе познакомился Леже съ профессорами Буслаевымъ и Погодинымъ, а также романистомъ Писемскимъ. Буслаевъ впервые видѣлъ француза, который читалъ ученныя русскія книги и говорилъ по-русски. Его особенно удивляли свѣдѣнія Леже по части русской исторіи и филологіи, такъ что каждый разъ при открытіи въ пріятель новаго извѣстнаго факта онъ вскрикивалъ отъ радости, призывалъ жену и говорилъ ей съ удивленіемъ: «Анюта, мусье Леже знаетъ это; мусье Леже говоритъ объ этомъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ Буслаевъ посѣтилъ Леже въ Парижѣ, но когда онъ былъ въ послѣдній разъ въ Москвѣ въ 1897 г., то уже не засталъ почтеннаго профессора въ живыхъ. «Историкъ и публицистъ Погодинъ, — пишетъ Леже, — былъ преимущественно представителемъ старо-московскаго направленія. Онъ около полу столѣтія патриотически защищалъ славу своей родины и многое сдѣлалъ для пролитія свѣта на древнюю Россію. Въ его большомъ домѣ на Дѣвичьемъ полѣ былъ собранъ цѣлый музей по русской исторіи и литературѣ. Особенно онъ цѣнилъ бюстъ Пушкина; подъ нимъ находился ящикъ съ сюртукомъ Пушкина, прострѣленнымъ пулей въ роковой дуэли. Показывая мнѣ эту святыню, Погодинъ прослезился, — говоритъ Леже: — а я былъ очень смущенъ, такъ какъ убійца былъ французъ. Эту драгоценность я не видѣлъ двѣнадцать лѣтъ спустя на Пушкинской выставкѣ, по случаю открытія ему памятника въ Москвѣ. На мой вопросъ, куда она дѣлась, я получилъ въ отвѣтъ, что ее вѣрно украли послѣ смерти Погодина. Слезы почтвеннаго профессора при видѣ Пушкинскаго прострѣннаго сюртука ясно доказали, какъ ошибаются французы, увѣряя, что у русскихъ болѣе холодная натура, чѣмъ у французовъ. Я еще болѣе убѣдился въ томъ, когда посѣтилъ Оружейную палату съ историкомъ Соловьевымъ и поэтомъ Бергомъ. Дойдя до знамени князя Пожарскаго, спасителя Москвы въ 1612 г., Соловьевъ попросилъ Берга импровизировать стихи. Послѣдній немедленно исполнилъ его просьбу, но, признаюсь, я забылъ текстъ этихъ стиховъ, а только помню, что историкъ, заливаясь слезами, бросился на шею поэту. А въ Парижѣ меня увѣрили, что русскіе не имѣютъ понятія о патриотизмѣ, и на ихъ языкѣ нѣтъ и слова, выражающаго понятіе отечества». Въ особенности Леже подружился въ Москвѣ съ романистомъ Писемскимъ, который, по словамъ перваго, хотя и совершенно былъ невѣстенъ во Франціи, но заслуживаетъ занять мѣсто въ русской литературѣ послѣ Гоголя, Тургенева, Толстого и Достоевскаго. Онъ принялъ Леже чрезвычайно любезно и обрадовался, что послѣдній говоритъ по-русски. Вообще Писемскій былъ настоящій русскій и москвичъ. «Къ сожалѣнію, онъ подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, — говоритъ Леже: — страдалъ страстью къ спиртнымъ наиткамъ. Тургеневъ, большой пріятель Писемскаго, убѣдилъ его поѣхать въ Парижъ, къ Шарко, славившемуся излѣченіемъ невропатиковъ и алкоголиковъ. Посѣтивъ доктора съ Тургеневымъ, потому что Писемскій самъ мало говорилъ по-французски, онъ подвергся подробному изслѣдованію великаго ученаго. — «У вашего пріятеля, — сказалъ онъ наконецъ Тургеневу: — не что иное, какъ алкоголизмъ; скажите ему, чтобы онъ пилъ только воду, и онъ, если не совсѣмъ излѣчится,

то, по крайней мѣрѣ, поправить свое здоровье». Тургеневъ передалъ, какъ можно деликатнѣе, совѣтъ доктора, но Писемскій ворчливо произнесъ: «Онъ правъ, свинья, но ему не слѣдовало этого говорить». Въ третье посѣщеніе Москвы Леже въ 1880 г. онъ засталъ Писемскаго въ большомъ горѣ: одинъ его сынъ застрѣлился безъ всякой видимой причины, а другой сошелъ съ ума. Последняго Леже зналъ въ Парижѣ, гдѣ онъ учился на юридическомъ факультетѣ. Вскорѣ послѣ этого бѣдный Писемскій скончался. По увѣренію Леже, русскіе—самый гостепріимный народъ на свѣтѣ. Но, высказавъ эту правду, онъ ошибается, находя, что въ Москвѣ съ миллионнымъ населеніемъ существуетъ только одна кофейня и то третьяго разряда. По его словамъ, московская и вообще русская жизнь сосредоточена или въ клубѣ, или дома, вокругъ самовара. Эта жизнь вокругъ самовара длится до двухъ часовъ ночи, и онъ видитъ въ ней причину разстройства нервовъ, благодаря чему русскіе—самые нервные люди въ Европѣ. Обыкновенно туристы знаютъ въ Москвѣ только памятники, мѣста прогулокъ, музеи и рѣдко знакомятся съ окрестностями Москвы, которыя, по словамъ Леже, очаровательны. «Сколько восхитительныхъ воспоминаній оставили мнѣ,—говоритъ онъ,—дачи подъ березами Сокольницкаго парка, развалины, спящіе пруды Царицына и маленькая церковь, отражавшая свои куполы въ аквамариновыхъ водахъ Останкинскаго пруда. Что за очаровательный закатъ солнца и чудесный восходъ видѣлъ я на извилющейся Москвѣ-рѣкѣ! Я иногда цѣлыя ночи проводилъ на ней въ греблѣ. Правда, что эти ночи были сѣверныя, начинавшіяся въ 11 и оканчивавшіяся въ часъ. Невозможно описать всей прелести этихъ короткихъ ночей, въ которыхъ колоритъ неба быстро переходилъ отъ сумерекъ до яркаго, блестящаго восхода. Какъ передать таинственную красоту большихъ лѣсовъ и живописную своеобразность деревень, отдѣльныя избы которыхъ гнѣздились подъ тѣнью красныхъ крышъ и зеленыхъ или золоченыхъ куполовъ церквей? Никто не пользовался, какъ я, суровымъ очарованіемъ русской природы, никто не сохранилъ въ своей памяти такого религиознаго воспоминанія о ней». Далѣе Леже упоминаетъ, что для совершеннаго понятія о Россіи необходимо говорить съ поселянами, проникнуть въ ихъ душу, познакомиться съ ихъ идеями на чудномъ русскомъ языкѣ, необыкновенно вѣжномъ и богатомъ. «Даже пьянство въ этой странѣ,—говоритъ онъ:—имѣетъ вѣжную, меланхоличную форму, а не походитъ на дикое звѣрство героевъ «Assommoir». Наконецъ Леже рассказываетъ, что русскій мужикъ чище французскаго, потому что ходитъ въ баню каждую недѣлю, но все же его тулушъ пропитанъ такой вонью, что французъ не рѣшался носить его болѣе чѣмъ нѣсколько минутъ. Леже также не отваживался ѣздить по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ, хотя многое бы узналъ. Онъ посѣщалъ въ Москвѣ народный театръ и былъ пораженъ вниманіемъ, съ которымъ слушалъ народъ Гоголя и Островскаго, и здравомыслящимъ обсужденіемъ этихъ пьесъ крестьянами въ антрактахъ. Еще Леже интересовался въ Москвѣ классомъ купцовъ, представляющихъ одну изъ уважительныхъ силъ въ Россіи. «Если бы Польша не отдала всю свою торговлю,—говоритъ онъ:—въ руки вѣмцевъ и жидовъ, а развила собственный торговый классъ, какъ Россія, то она играла бы въ Россіи гораздо большую роль, чѣмъ теперь».

Послѣ четырехмѣсячнаго пребыванія въ Москвѣ Леже провелъ только четыре дня въ Петербургѣ и увѣряетъ, что иностранннй путешественникъ долженъ соблюдать подобную пропорцію, такъ какъ Петербургъ—сѣви Россіи, а настоящій его семейный очагъ—Москва. Конечно, эти дни онъ провелъ въ тѣсномъ кружкѣ педагоговъ и литераторовъ, которые звали его по его книгамъ и ежемѣсячной корреспонденціи, помѣщаемой въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». «Представьте себѣ,—говоритъ Леже,—что въ этомъ одномъ журналѣ соединены напн: «Bulletin administratif», «Journal des savants», «Revue archeologique», «Revue historique» и «Revue critique». Эти изданія обязательно получаютъ во всѣхъ высшихъ и второклассныхъ училищахъ Россіи, и я одинъ во Франціи имѣю честь писать письма изъ Парижа въ продолженіе тридцати трехъ лѣтъ. Въ моей скромной сферѣ я былъ однимъ изъ предвѣстниковъ франко-русскаго союза, столь необходимаго для спокойствія и равновѣсія міра». Изъ петербургскихъ ученыхъ Леже особенно сошелся съ профессорами Ламанскимъ и Срезневскимъ. Первый до сихъ поръ другъ француза, а Срезневскій былъ до своей смерти очень привязанъ къ нему. Онъ даже предложилъ ему мѣсто лектора французскаго языка въ университетѣ, такъ какъ вакансія этой каѣдры была въ то время открыта. Но Леже предпочелъ распространить славянскую литературу во Франціи, чѣмъ французскій языкъ въ Россіи. Срезневскій, бывшій яримъ славянофиломъ, никакъ не могъ перенести, что Леже называли по-русски Людвигъ Генриховичъ, и узнавъ, что у него такъ же, какъ и у его отца, было второе имя Павелъ, съ радостью перекрестилъ его въ Павла Павловича. Русскіе друзья Леже были очень рады этой переменѣ имени и отчества, а потому онъ получалъ и получаетъ сотни писемъ, начинающіяся со словъ: «Любезный Павелъ Павловичъ».

— Тарговицкая конфедерація. Третье мая 1791 г. осталось навсегда памятнымъ въ польской исторіи. Въ этотъ день принять законопроектъ о наследственности польскаго трона, приглашена на престолъ внучка польскаго короля Фридриха-Августа II, дочь курфюрста саксонскаго, уничтожено *liberum veto*, запрещены конфедераціи, допущены на сеймъ депутаты отъ сословія горожанъ, обезпечена личная свобода крестьянъ, усилена власть короля. Всѣ эти постановленія или «*Ustawa rządowa*» были разосланы по цѣлому краю, дабы на сеймикахъ, или уѣздныхъ съѣздахъ, каждый могъ съ ними познакомиться. Значительное большинство ихъ приняло. Лишь нѣсколько магнатовъ, видя, что имъ уже не придется болѣе распоряжаться судьбою края поведому, не желали принять постановленийъ или конституціи 3-го мая, образовали конфедерацію, получившую свое наименованіе отъ мѣстечка Тарговицы (нынѣ Уманскаго уѣзда Кіевской губерніи), гдѣ 19 мая 1792 былъ подписанъ ея актъ. Во главѣ протестующихъ противъ «конституціи 3-го мая» встали: Станиславъ Щенсный-Потоцкій, человекъ очень богатый, Францъ Браницкій, гетманъ коронныхъ войскъ, и Северинъ Ржевускій. Первый изъ нихъ стремился властвовать надъ всѣми, вторымъ руководило корыстолюбіе, а третьимъ слѣная преданность старымъ законоположеніямъ и обычаямъ. Они обратились за помощью къ Екатеринѣ II. Послѣдняя повелѣла своему войску вступитъ въ предѣлы Польши. Защитники «конституціи 3-го мая» рассчитывали на помощь прусскаго короля.

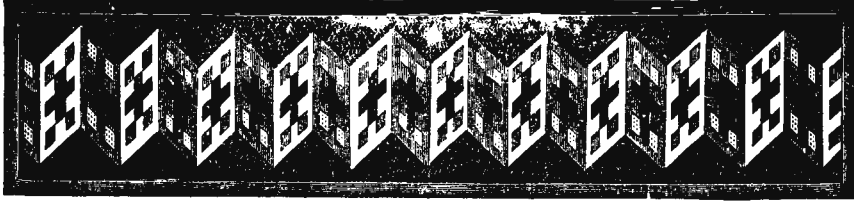
Последній обѣщаль се, но не сдержалъ своего слова. Король Станиславъ Понятовскій—до тѣхъ поръ горячій сторонникъ «конституціи 3-го мая»—исчугался надвигавшейся грозы и приказалъ войску, котораго было не болѣе 30.000, отступать. Дѣло дошло до войны. Король примкнулъ къ Тарговицкой конфедераци и приостановилъ военныя операціи. Въ результатѣ былъ второй раздѣлъ Польши. Обстоятельства, предшествовавшія этому событію, имѣютъ талантливаго исторіографа въ лицѣ покойнаго ксендза Галинки («Sejm czteroletni», 3 тома, «Ustawa 3-go maja»). Исторіей Тарговицкой конфедераци занимались I.-II. Крашевскій («Polska w epoce tutech rozbiorów»), Т. Корзонъ («Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława-Augusta») и Владиславъ Смоленскій («Ostatni rok sejmurz wielkiego»). Тотъ же авторъ въ новомъ своемъ сочиненіи о Тарговицкой конфедераци¹⁾ даетъ яркую характеристику ея вожаковъ, поставляя въ зависимости отъ образа ихъ дѣйствій развитіе конфедераци и ходъ дальнѣйшихъ событій, которыя привели къ печальной развязкѣ. Потоцкій, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, лишился любимой жены своей. Болѣзнъ и смерть ея настолько его потрясли, что онъ до конца жизни своей остался человѣкомъ ненормальнымъ. Малоразвитый умственно, онъ былъ не въ состояніи охватывать широкихъ горизонтовъ; лѣнивый по природѣ, Потоцкій обыкновенно сосредоточивался на одномъ предметѣ. Схватившись за извѣстную идею, онъ держался ея съ упорствомъ маниака. Будучи поглощенъ ею, онъ—человѣкъ самъ по себѣ мягкій и добрый—становился въ отношеніи своихъ противниковъ свирѣпымъ деспотомъ. Повороту на другую дорогу препятствовала гордость, которую воспитаніе развило въ немъ до чудовищныхъ размѣровъ. Потоцкій не отличался ничѣмъ выдающимся, несмотря на то, что для публичной дѣятельности открывалось широкое поле. До самаго большого сейма онъ пользовался репутаціею добродѣтельнаго и безупречнаго гражданина. Въ союзѣ Польши съ Россіею Потоцкій видѣлъ не только гарантію неприкосновенности своихъ украинскихъ имѣній, но и источникъ личной важивы. Общественное мнѣніе не беспокоило Потоцкаго даже въ эпоху тайнаго соглашенія съ Россіею. Огромное вліяніе имѣлъ на Потоцкаго гетманъ Ржевускій. Северинъ Ржевускій происходилъ изъ мелкой подляской шляхты, неизвѣстной въ исторіи до второй половины XVII вѣка. Северинъ—третій сряду въ родѣ гетманъ—велъ свое происхожденіе отъ Ржевина, герба Камелеонъ, короля ядзинговъ, утверждалъ, что Кракусъ лишилъ его предковъ польской короны. Ржевускій будучи, по своимъ убѣжденіямъ, республиканцемъ и противникомъ королевской власти, не отыскивалъ короны. Тѣмъ не менѣе онъ писался «rapem na księstwie Oleskiem i Kowelskiem» (которыя никогда не существовали). Для подчиненныхъ Ржевускій былъ человѣкомъ суровымъ и даже жестокимъ. Отличительною чертою его экономической политики было корыстолюбіе. Польскій Катонъ обманывалъ, разорялъ и спаивалъ водкой своихъ крѣпостныхъ. Въ частной дѣятельности Ржевускаго не видно никакихъ другихъ стремленій, кромѣ стремленія къ наживѣ. Никакіе призывы филантропіи не будили совѣсти этого человѣка. Въ этомъ самолюбивомъ пе-

¹⁾ Władysław Smoleński. «Konfederacja targowicka». Kraków. 1903.

дантъ не было никакихъ чувствъ гражданскихъ. Интересно, что Ржевускій занимался открытіями и изобрѣтеніями. У него существовала лабораторія, съ которою гетманъ не разставался даже во время путешествій, интересовался алхіміею, медициною, механикою, архитектурою, пробовалъ выдѣлывать воскъ изъ растительнаго масла, гнать водку какимъ-то особеннымъ способомъ, открылъ порошокъ, обладавшій, будто бы, силою продлить человѣческую жизнь. Стоило только взять кофейную ложечку этого снадобья, сжечь и кадить утромъ и вечеромъ, и втягивать въ себя понемногу дыма. Самъ Ржевускій считалъ себя идеаломъ поляка. По его мнѣнію, ввести въ Польшу наследственность престола значить лишиться свободы, попасть въ неволю. Но тотъ же Ржевускій признавалъ, что наследственность престола увеличила бы могущество Польши, сдѣлала бы изъ нея независимое государство, грозное для соседей. И если онъ не хотѣлъ этой наследственности, то только потому, что успленіе польскаго могущества встрѣтило бы противодѣйствіе со стороны соседнихъ державъ. Третьему вождю Тарговицкой конфедераціи, Браницкому, г. Смоленскій отводитъ сравнительно меньше мѣста въ своемъ трудѣ, вѣроятно, потому, что мастерской портретъ гетмана далъ уже Калининка, а сверхъ того и потому, что Браницкаго мало цѣнили при петербургскомъ дворѣ за его не отличавшійся стойкостью характеръ, и если онъ былъ тамъ до известной степени persona grata, то лишь благодаря своему служебному положенію. Не многимъ болѣе мѣста отводитъ авторъ Коссаковскому, генералъ-поручику русскихъ войскъ. По своей двуличности, наглости, солдатской грубости и цинизму онъ не имѣлъ соперниковъ. Въ то время, когда Потоцкій со своими сторонниками готовился торжествовать побѣду надъ «конституціею 3-го мая», грозившая туча собиралась надъ ихъ несчастнымъ отечествомъ, раздираемымъ несогласіями. Фридрихъ-Вильгельмъ II велъ съ Россіею переговоры о второмъ раздѣлѣ Польши. Рѣшено было Австрію устранить отъ этого дѣла. Ей предоставлялось вознаградить себя провинціями, могущими быть завоеванными ею у революціонной Франціи. Сверхъ того, Россія обѣщала ей помощь въ обмѣнъ Бельгіи на Баварію. Въ сентябрѣ предупреждали Потоцкаго, что готовится новый раздѣлъ Польши, и что 15.000 пруссаковъ займутъ воеводства: Калишское, Познанское и Гнѣзденское. Отправили въ Петербургъ депутацію просить защиты. Отъ имени депутаціи Браницкій сказалъ императрицѣ рѣчь по-польски. По его увѣренію, «когда полякъ смотрѣлъ съ отчаяніемъ на вѣчныя оковы, которыя ожидали его правнуковъ, — взирали на него Богъ и Екатерина». Успѣха посольство не имѣло. Всѣхъ безпокоило извѣстіе о замѣнѣ Булгакова новымъ посломъ въ Варшавѣ—Сиверсомъ. Полученное изъ Берлина отъ министра-резидента Рѣчи Посполитой донесеніе о томъ, что прусское войско въ непродолжительномъ времени войдетъ въ предѣлы Великой Польши, повидимому, потрясло Потоцкаго. Онъ постоянно плакалъ, собирался ѣхать для охраны границъ. Почти одновременно съ назначеніемъ Сиверса въ Варшаву, Екатерина прислала указъ Кречетникову, въ которомъ откровенно заявляла, что «ради охраненія Европы отъ зараженія анархіею» она, по соглашенію съ прусскимъ королемъ, рѣшила приступить къ новому раздѣлу Польши. Императрица окончила свой указъ пожеланіемъ, чтобы Кречетниковъ постарался

возсоединить жителей вновь приобретаемых земель не столько силою оружія, сколько снисходительностію и справедливостію. Когда Потоцкій рѣшилъ протестовать противъ вторженія прусскихъ войскъ, Сиверъ не препятствовалъ ему, но сборъ «посполитаго руженя» (ополченія) поставилъ въ зависимость отъ «особаго разрѣшенія петербургскаго двора». Въ то же время Игельстромъ не выпускалъ изъ Варшавы тѣхъ польскихъ полковъ, которые, по приказу конфедераціи, должны были сѣлшгитъ навстрѣчу пруссакамъ. Прусскій посланникъ, Бухольцъ, имѣлъ дерзость вручить канцлеру ноту, въ которой выражалъ удивленіе, что поляки «нападаютъ» на прусскаго короля, «своего союзника»... Потоцкій былъ вѣд себя. Опасались, чтобы онъ не лишился себя жизни. Ржевускій отправилъ письменный протестъ въ Петербургъ. Императрица, не обращая вниманія на протестъ, объявила, что тарговичане не выполнили своихъ обязательствъ, и поэтому она беретъ Украину въ видъ вознагражденія «за понесенные убытки и потери въ людяхъ». Позднѣе, принимая Потоцкаго, она обратилась къ нему со словами: «Какъ поживаете, любезный Потоцкій?» — «Я, ваше величество, хорошо, но... моя отчизна»...—Екатерина не дала ему кончить: «Votre patrie est ici!»—вскрикнула она, топнувъ ногой. Такимъ образомъ, пзъ изслѣдованія г. Вл. Смоленскаго видно, что творцы Тарговицкой конфедераціи не любили своей родины безкорыстно. Потоцкій и Ржевускій не принадлежали къ числу великихъ душъ, любящихъ Рѣчь Посполитую ради ея самой. Нахальные въ отношеніи народа, грубые въ отношеніи своего монарха, они утратили и чувство собственнаго достоинства.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ ФЕТУ. 17-го августа былъ освященъ скромный и, насколько извѣстно, пока единственный памятникъ великому русскому лирику А. А. Фету въ отстоящемъ отъ Звенигорода въ трехъ верстахъ селѣ Ершовѣ, имѣни графа А. В. Олсуфьева. Памятникъ состоитъ изъ бѣлой мраморной доски, вдѣланной въ западную стѣну тамошней церкви, съ надписью золотыми буквами: «Въ память великаго поэта Аѳанасія Аѳанасьевича Фета, удостоившаго своею дружбою владѣльца села Ершова. Родился 23-го ноября 1820 г. Скончался 21-го ноября 1892 года». Внизу славянскими буквами изреченіе изъ книги Іова: «Чисто сердце въ мое словесѣхъ, разумъ же устну моею чистая уразумѣетъ» (книга Іова 33 глава, 3 стихъ). На панихидѣ, слѣдовавшей за обрядомъ освященія, народъ, бывший по случаю воскреснаго дня въ большомъ количествѣ въ церкви, молился съ зажженными свѣчами за невѣдомаго ему «болярина Аѳанасія»

Открытие памятника Шелехову въ Рыльскѣ состоялось 24-го августа. По словамъ «Курскаго Листка», торжество прошло довольно блѣдно. Ожидалось изъ Петербурга и Курска много гостей, а почтили своимъ присутствіемъ только курскій вице-губернаторъ да секретарь географическаго общества г. Достоевскій. Торжественное засѣданіе думы, послѣдовавшее послѣ заупокойной обѣдни въ Вознесенской церкви и панихиды въ залѣ горедскаго дома, было торжественно только «по имени»... Какая-то вялость и «безучастіе» къ происходящему царили въ думѣ. Только протоіерей о. Бокадоровъ произнесъ прекрасную рѣчь, охарактеризовавъ Шелехова, какъ гражданина и христианина. Нѣсколько оживленнѣе прошло самое открытіе памятника. На площади собрались воспитанники всѣхъ учебныхъ заведеній города, и послѣ молебна и окропленія памятника святою водою тысячи молодыхъ голосовъ подъ аккомпанементъ оркестра 1-го Оренбургскаго полка пропѣли народный гимнъ и въ-

сколько разъ прокричали «ура». Вся обширная площадь была покрыта народомъ. Былъ затѣмъ обѣдъ «по подпискѣ» въ ротондѣ клуба, декорированной сообразно торжеству. Было много произнесено тостовъ, а еще болѣе выпито шампанскаго, по свидѣтельству «Курскаго Листка». Вечеромъ устроено было большое народное гулянье съ фейерверкомъ и туманными картинами изъ жизни Шелехова, которыя, однако, не удались.

Памятникъ русскимъ героямъ въ Благовѣщенскѣ. Недавно на братской могилѣ чиновъ гарнизона, павшихъ въ бояхъ съ китайцами въ 1900 г., состоялось, по словамъ «Амурской Газеты», торжественное открытіе памятника. Вновь воздвигнутый памятникъ установленъ на земляной, обложенной дерномъ, насыпи надъ братскою могилой, высотой въ 1 аршинъ. Онъ представляетъ колонну изъ 4 связанныхъ крушовскихъ 8-ми дюймовыхъ пушекъ (взятыхъ въ бояхъ съ китайцами), поддерживающихъ мѣдную кулеврику, увѣнчанную крестомъ. Колонна уставлена на постаментъ въ дорическомъ стилѣ изъ облицованнаго кирпича: по четыремъ угламъ постамента утверждены 4 бронзовыя скорострѣлки системы Гочкиса, взятыя также отъ китайцевъ и, судя по китайскимъ надписямъ и совершенству, вѣроятно, китайскаго производства. Высота всего памятника до верхушки креста 3 сажени, не считая земляной насыпи, высота постамента около одной сажени. На восточной сторонѣ постамента, на временной плитѣ, перечислены фамиліи павшихъ вояновъ, а на доскѣ на противоположной сторонѣ выбита надпись: «Товарищамъ. Благовѣщенскій гарнизонъ». Всего на гарнизонномъ кладбищѣ, судя по надписи на временной плитѣ, погребенно: офицеровъ 3 и нижнихъ чиновъ 27; изъ нихъ 24 погребены въ общей братской могилѣ.

Открытіе памятника И. П. Котляревскому. 30-го и 31-го августа состоялось открытіе памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Котляревскій родился въ Полтавѣ въ 1769 году. По дѣду онъ происходилъ изъ духовнаго званія; отецъ его былъ дворянинъ съ весьма ограниченными средствами. Учился И. П. въ полтавской духовной семинаріи, по окончаніи курса въ которой состоялъ домашнимъ учителемъ въ помѣщичьихъ домахъ. Несмотря на свой умъ и свѣдѣнія (онъ зналъ между прочимъ польскій и французскій языки), онъ не могъ добиться успѣха на гражданской службѣ (въ новороссійской канцеляріи) и поступилъ въ военную службу, откуда въ 1808 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана. Отправившись затѣмъ въ Петербургъ, онъ долго терпѣлъ нужду и лишь въ 1810 году по чьей-то протекціи получилъ должность надзирателя полтавскаго дома воспитанія дѣтей бѣдныхъ дворянъ. Въ 1827 г. онъ былъ назначенъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія. Умеръ онъ въ отставку, на 70-мъ году жизни, холостымъ, отпустивъ на волю свои два семейства крѣпостныхъ и раздавъ все свое имущество роднымъ и друзьямъ. Погребенъ онъ на городскомъ кладбищѣ, рядомъ съ могилой своего товарища по семинаріи Н. П. Гнѣдича, переводчика «Иліады». Пародіи на малорусскомъ языкѣ существовали и до Котляревскаго, но онъ были слишкомъ грубы и писаны силлабическими виршами. Въ «Энеидѣ» же впервые было введено тоическое стихосложеніе, и самая форма произведенія была построена по образцамъ тогдашней русской литературы. «Энеида» была народи-

рована равнѣ по-великорусски Осиповымъ и Котельницкимъ, и Котляревскій, несомнѣнно, имѣлъ въ виду эту русскую передѣлку (которая въ свою очередь была подражаніемъ одной нѣмецкой). Но пародія Осипова и Котельницкаго была попыткой представить великорусскій бытъ, Котляревскій же, будучи хорошимъ знатокомъ малорусскаго быта, воспроизвелъ его народнымъ малорусскимъ языкомъ и стихами, сдѣлавъ изъ Энея украинскаго бродягу «пройдисвіта». Первые три пѣсни «Энеиды» были напечатаны въ 1798 г., а первое полное изданіе ея вышло уже послѣ смерти автора, въ 1842 г. Происхожденіе двухъ оперетокъ Котляревскаго было вызвано тѣмъ, что по инициативѣ малороссійскаго генераль-губернатора, князя Я. Н. Лобанова-Ростовскаго, въ Полтавѣ образовался театръ любителей, директоромъ котораго былъ приглашенъ Котляревскій. Въ театрѣ играли комедіи Княжнина, Шаховскаго и другихъ. Въ 1819 г. Котляревскій поставилъ на этомъ театрѣ и свою «Наталку-Полтавку», а въ скорости затѣмъ и «Москаля-Чаривника». Обѣ имѣли большой успѣхъ, но въ печати появились только въ 1837 и 1841 гг. Какъ извѣстно, онѣ продолжаютъ даваться на сценѣ и до настоящаго времени. Заслуги Котляревскаго встрѣчали различную оцѣнку у малорусскихъ писателей и критиковъ. Костомаровъ признавалъ за «Энеидой» только историческое значеніе, какъ за «первымъ сочиненіемъ на малороссійскомъ языкѣ» и юмористическимъ изображеніемъ малороссійскаго быта, но собственно, какъ пародія, она, по его словамъ, утратила всякую цѣну; при томъ же въ ней много «тривіальныхъ сценъ» и «отвратительныхъ описаній». Кулишъ отрицалъ у Котляревскаго и литературный вкусъ, и настоящее пониманіе народнаго духа, но признавалъ, что своей пародіей и оперетками Котляревскій «напомнилъ украинцамъ, что у нихъ есть родной языкъ не для того только, чтобы выбрать неисправнаго мужика», и что «Энеида» «приохотила къ народному языку даже тѣхъ грамотныхъ... кто или мало зналъ, или чуждался его». Наоборотъ, другіе украинцы отзывались о Котляревскомъ восторженно, а Шевченко въ своихъ стихахъ «На вічну память Котляревскому» предвѣщалъ ему:

Будешъ, батьку, пановати,
Поки живуть люде,
Поки сонце зъ неба сле,
Тебе не забудуть...

Открытіе памятника и вызванныя имъ празднества прошли съ чрезвычайнымъ, неслыханнымъ для провинціи оживленіемъ. Кромѣ полтавскаго городского управленія, успѣху чествованія способствовало участіе въ организаціи празднествъ художниковъ всѣхъ отраслей. Живописцы-малороссы устроили въ память Котляревскаго выставку картинъ, нигдѣ не появлявшихся раньше. Композиторъ Н. В. Лысенко написалъ кантату на текстъ пьесы Шевченка «На вічну память Котляревскому». Она исполнена была пріѣзжими солистами и музыкантами вмѣстѣ съ мѣстными хорами. На парадномъ спектаклѣ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» играли Кропивницкій, Садовскій и другіе. Ожидался большой сѣздъ, но число пріѣзжихъ втрое превзошло ожиданія. Гостиницы были перешолнены, и оставшіеся за бортомъ мѣстились, гдѣ пошло. Пріѣзжіе гости

славяне: четырнадцать галичанъ и одинъ чехъ, были истинными героями этихъ дней, вмѣстѣ съ создателемъ памятника, скульпторомъ Л. В. Позеномъ, и городскимъ головою В. П. Трегубовымъ. Чествованіе началось въ субботу, 30-го августа. Всѣ городскіе магазины и лавки закрылись, а городъ убрался флагами. Къ 1 часу дня огромныя толпы народа и множество экипажей двинулись къ могилѣ поэта. Котляревскій похороненъ на старомъ кладбищѣ, недалеко отъ церкви. На мѣсто обветшавшаго прежняго надгробнаго памятника городъ теперь поставилъ новый, украшенный бронзовымъ горельефомъ-портретомъ работы Л. В. Позена. Здѣсь, въ присутствіи представителей администраціи, сословныхъ и земскихъ, прибывшихъ на торжество депутатовъ городовъ, земствъ и обществъ, гостей галичанъ, приглашенныхъ почетныхъ гостей и тысячъ тѣснившихся кругомъ народа, мѣстнымъ архіереемъ, преосвященнымъ Иллариономъ, отслужена была панихида. Пьедесталъ памятнаго обелиска утопалъ въ гирляндахъ и вѣнкахъ. Вся толпа по окончаніи панихиды двинулась къ памятнику, поставленному въ самомъ центрѣ города, на бульварѣ, получившемъ теперь названіе бульвара Котляревскаго. Въ ближайшее сосѣдство памятника, за рѣшетку, допущены только были по билетамъ. Остальная толпа, весь городъ и множество пріѣзжихъ, заняли сосѣднюю площадь, улицы, крыши и окна домовъ. Около трехъ часовъ кончилось церковное служеніе, и завѣса памятника пала. На пьедесталѣ, довольно высокомъ, показалась слегка склоненная фигура Котляревскаго, и безчисленные восторженные крики «слава» потрясли воздухъ. Началось возложеніе вѣнковъ, которыхъ было болѣе сорока. Предъ публикой прошли всѣ депутаты, прибывшіе на открытіе памятника, среди которыхъ галичане обращали на себя наибольшее вниманіе. Въ числѣ прибывшихъ галичанъ были: депутатъ отъ Галиціи въ вѣнскомъ рейхсратѣ, д-ръ Юліанъ Романчукъ, профессоръ Львовскаго университета г. Студинскій, поэтъ Стефаникъ, редакторы газетъ «Руслянь», «Дило» и «Поступъ» (въ Коломыи), директоръ львовскаго театра г. Губчакъ, доктора, юристы, нѣсколько дамъ, одинъ студентъ Черновицкаго университета въ Буковинѣ. Великолѣпные вѣнки галичанъ всѣ перевиты лентами голубого и желтаго цвѣтовъ. По окончаніи торжества у памятника вѣнки перенесены были въ зданіе просвѣдительныхъ учрежденій имени Гоголя, гдѣ вечеромъ въ переполненномъ публикой театральномъ залѣ состоялось торжественное засѣданіе думы. Оно открылось рѣчью городского головы В. П. Трегубова. Отчетъ о сооруженіи памятника, прочитанный членомъ городской управы, г. Маркевичемъ, представляетъ интересныя данныя. Это—памятникъ поистинѣ народный. Въ пожертвованіяхъ на него приняло участіе свыше 7.000 лицъ, и наибольшее число жертвователей (3.880 чел.) дала среда крестьянская и казацкая. Въ общемъ списокъ жертвователей господствуютъ, конечно, уроженцы Полтавской губерніи, но взносы поступали еще изъ одиннадцати другихъ губерній. Наиболѣе крупныя суммы пожертвованій изъ городовъ доставили Петербургъ и Кіевъ. Памятникъ обошелся, по крайней мѣрѣ, втрое дешевле, чѣмъ стоилъ бы въ нынѣшнихъ условіяхъ, благодаря безкорыстію строителей. Уроженецъ Полтавы, скульпторъ Л. В. Позень, исполнилъ свой трудъ безвозмездно, хотя бюстъ и три горельефа къ «Энеидѣ», «Наталкѣ» и «Москалю-Чаривнику», конечно, лучшія части памятника. При исполненіи ка-

менной части мастеръ г. Певный взялъ самую малую плату; безвозмездно составилъ планъ памятника г. Ширшовъ. Горячая овація была сдѣлана публичкой присутствовавшему въ залѣ Л. В. Позею. Городъ поднесъ художнику золотой памятный жетонъ. Прочитана была рѣчь г. Степенко, и характеристику поэта сдѣлала г-жа Ефименко. Чтеніе привѣтствій городу и памяти поэта открыли заграничные гости. Депутатъ г. Юліанъ Романчукъ говорилъ отъ имени товарищества «Просвита», котораго онъ состоитъ предсѣдателемъ, и его 1,300 библиотекъ-читаленъ, раскинутыхъ по Галиціи; профессоръ Студинскій отъ «Науковаго товарищества имени Шевченка», другіе гости-галичане — отъ имени обществъ, изданій и учреждений, какихъ они были представителями. Привѣтствіе произнесъ чехъ, г. Коваржикъ. Депутаты-галичане произносили привѣтствія по-малороссійски; г. Коваржикъ — частью по-русски, частью по-чешски. Многочисленные привѣтствія изъ разныхъ мѣстъ и учреждений Россіи распались на слѣдующія группы: отъ городовъ: Харькова, Кіева, Чернигова и Одессы; отъ губернскихъ земствъ: полтавскаго и харьковскаго, и шести уѣздныхъ; отъ Харьковского университета; отъ ученыхъ обществъ, кіевского Нестора-лѣтписца и харьковскаго историко-филологическаго; отъ полтавскаго кадетскаго корпуса, полтавскаго физико-математическаго кружка, черниговской архивной комиссіи, обществъ грамотности, музыкальных и драматическихъ кружковъ и проч. Многія привѣтствія были написаны по-малороссійски, но чтеніе перваго же изъ нихъ было остановлено. Удивленная публика послѣ этого молча оставила залъ засѣданія, оно было закрыто. Непрочитанными остались 19 привѣтствій. Чествованія продолжались на слѣдующій день утреннимъ чтеніемъ-концертомъ, обѣдомъ отъ города приглашеннымъ гостямъ и вечернимъ спектаклемъ. Въ концертѣ вызвали восторгъ народныя пѣсни и композиціи г. Лысенко. Послѣ туманныхъ картинъ изъ «Энеиды» художника П. Д. Мартиновича послѣдовала овація ихъ автору. Гости-галичане были въ числѣ другихъ ораторами городского обѣда. Во всѣхъ своихъ рѣчахъ они указывали на значеніе Котляревскаго для галицкаго возрожденія. Подъ влияніемъ полтавскаго пѣвца появились въ землѣ ихъ, находившейся на краю національной гибели, первыя произведенія на народномъ языкѣ. Появился Маркіанъ Шапкевичъ, галицкая тріада и всѣ послѣдующіе дѣятели литературы, спасшіе народную самостоятельность и упрочившіе въ ней теперь навѣки народное начало. Безъ нихъ, а слѣдовательно безъ Котляревскаго, Галиція была бы теперь уже навѣрное ополчена или овѣмечена. Иллюстраціей къ справедливости этого послужилъ рассказанный однимъ изъ полтавцевъ-ораторовъ эпизодъ съ однимъ изъ приглашеній, разосланныхъ на нынѣшній праздникъ полтавской городской думой. Въ числѣ другихъ славянскихъ уголковъ дума послала приглашеніе въ несомнѣнно славянскую Познань, откуда получила отвѣтъ въ яравоучительномъ тонѣ о томъ, что Познань нѣмецкій городъ въ нѣмецкой землѣ, не имѣющій никакого повода радоваться какой бы то ни было радости славянъ. Воздвигнутый Котляревскому памятникъ представляетъ стройный четырехгранный гранитъ, увѣнчанный большимъ бровзовымъ бюстомъ. Подъ бюстомъ высѣчены золотомъ года рожденія и смерти поэта (1769—1838) и имя Котляревскаго, а ниже строки изъ «Наталки-Полтавки»:

«Де згода въ симействи,
 Де мыръ и тышына,
 Паслывы тамъ люде,
 Блаженна сторона».

Нѣсколько словъ Шевченка начертанны на другой сторонѣ памятника, надъ именами художника и строителей. Горельефы г. Позена помѣщены въ углубленіяхъ по тремъ сторонамъ колонны. Здѣсь удалецъ Эней съ своей дружиной. Наталка у берега Ворсклы и Чаровникъ-москаль.

Столѣтіе Демидовскаго юридическаго лица въ Ярославѣ. Празднованіе юбилея началось еще 28-го августа, когда отслужена была въ лицейской церкви заупокойная панихида. 29-го, утромъ, отслужена была литургія, а за ней послѣдовала панихида по четырехъ императорахъ: Александрѣ I, Николаѣ I, Александрѣ II и Александрѣ III, и по усопшихъ членахъ рода П. Г. Демидова. Послѣ этого предложены были чай и закуска. Вечеромъ была все-ночная, а на другой день, т.-е. 30-го, литургія и молебень, при чемъ служили два архіерея — Іонаванъ и Сергій, и великолѣбно пѣли архіерейскіе пѣвчіе. По окончаніи молебна всѣмъ гостямъ предложены были въ залахъ лица чай и закуска. Въ 2 часа началось торжественное юбилейное засѣданіе въ залѣ Екатерининскаго дома призрѣнія ближнихъ, ибо лицейскій залъ не могъ вмѣстити всей массы гостей. На актъ собрался: представители дворянства, духовенства, административныхъ, судебныхъ, общественныхъ учреждений, студенты лица и масса публики. Въ числѣ почетныхъ гостей былъ между прочимъ директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ Б. В. Штурмеръ, попечитель Московскаго учебнаго округа П. А. Некрасовъ, делегаты-профессора университетовъ: Московскаго — П. Т. Тарасовъ, С. Петербургскаго — Э. Н. Берендсъ, Харьковскаго — В. Ф. Левпцкій и М. П. Чубинскій, Кіевскаго — О. О. Эйхельманъ, Томскаго — В. А. Юшкевичъ. Попечитель Московскаго округа, П. А. Некрасовъ, прочиталъ высочайшую грамоту, данную по случаю 100-лѣтняго юбилея Демидовскому лицу, и затѣмъ сообщилъ, что министерство народнаго просвѣщенія приняло расходы на устройство празднованія юбилея, въ размѣрѣ 2.000 рублей, на счетъ казны и нашло возможнымъ сдѣлать слѣдующія ассигновки: 1) ежегодно 5.000 рублей на улучшеніе питанія студентовъ, 2) 2.000 рублей на содержаніе лекторовъ новыхъ языковъ. Сверхъ всего этого отнынѣ профессорамъ лица предоставляется право на выслуживаніе званія заслуженнаго профессора. Въ заключеніе своей рѣчи попечитель округа прочелъ привѣтственныя телеграммы, присланныя на его имя отъ министра и товарища министра народнаго просвѣщенія, съ выраженіемъ искреннихъ благопожеланій по поводу столѣтняго юбилея лица. Послѣ этого говорилъ рѣчь ярославскій губернаторъ Роговичъ, въ которой, между прочимъ, привѣтствовалъ «корпорацию профессоровъ и корпорацию студентовъ» лица, высказавъ надежду на то, что, можетъ быть, вскорѣ при лицейѣ появятся и другіе факультеты университета. Въ бібліотекѣ лица, — сказалъ г. Роговичъ, — онъ видѣлъ книги, на которыхъ, сто лѣтъ назадъ, сдѣлана надпись рукою незабвеннаго основателя: «Принадлежитъ ярославскому университету». Дай Богъ, чтобы это желаніе Демидова осуществилось. Директоръ лица — С. М.

Шпилевскій—прочелъ рѣчь, въ которой вложилъ краткій историческій очеркъ Демидовскаго юридическаго лица. Послѣ этого читали привѣтственные адреса депутаціи отъ слѣдующихъ учреждений: отъ ярославскаго дворянства, отъ ярославской духовной епархіи, отъ ярославскаго губернскаго земства, отъ ярославскаго городского общественнаго управленія (въ адресѣ говорится о томъ, что ярославская дума основала въ память юбилея стипендію для студентовъ лица), отъ императорскаго Московскаго университета (студенчество привѣтствовало этотъ адресъ громомъ аплодисментовъ), отъ Харьковскаго университета, отъ Казанскаго университета, отъ С.-Петербургскаго, отъ университета Св. Владимира, отъ Юрьевскаго университета, отъ императорскаго лица правовѣдѣнія, отъ петербургскаго политехническаго института, академіи наукъ, Новороссійскаго и Варшавскаго университетовъ, императорскаго лица въ память цесаревича Николая, Александровской военной юридической академіи, московской духовной академіи, кievской духовной академіи, Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, кievскаго политехникума, рижскаго политехническаго института, технологическаго института Императора Николая II, отъ ярославской гимназіи, отъ ярославской духовной семинаріи, отъ ярославской женской гимназіи, отъ дирекціи народныхъ училищъ, отъ казанскаго юридическаго общества, отъ харьковскаго юридическаго общества, отъ ростовскаго музея древностей, «Церковныхъ Вѣдомостей», отъ ярославской ученой архивной комиссіи, отъ дирекціи Константиновскаго межевого института, отъ петербургскаго общества вспомоществованія бывшихъ воспитанниковъ Демидовскаго юридическаго лица, отъ присяжныхъ повѣренныхъ, бывшихъ воспитанниковъ лица, и прочихъ учебныхъ заведеній и учреждений, статсъ-секретаря Побѣдоносцева, отъ многихъ бывшихъ профессоровъ и студентовъ Демидовскаго юридическаго лица. Особенно горячо приняты были прочитанный профессоромъ И. Т. Тарасовымъ адресъ Московскаго университета и телеграмма профессора Н. С. Суворова, прослужившаго въ лицѣ почти 25 лѣтъ. В. М. Михѣевъ отъ редакціи мѣстной газеты «Сѣверный Край» произнесъ рѣчь. Въ заключеніе чтенія адресовъ г. Потѣхинъ произнесъ стихотвореніе, составленное имъ по поводу столѣтія лица. Актъ закончился въ 6 часовъ, а въ 8 часовъ сервированъ былъ обѣдъ въ залѣ думы, и этимъ закончилось все торжество.

Приводимъ въ заключеніе высочайшую грамоту лицу: «По волѣ въ Божѣ почивающаго императора Александра Благословеннаго и на щедрое пожертвованіе Павла Григорьевича Демидова было учреждено въ 1803 г. въ городѣ Ярославлѣ Демидовское училище вышнихъ наукъ, первый уставъ коего былъ высочайше утвержденъ 28-го января 1805 г. Въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ учрежденіе это подвергалось неоднократно преобразованіямъ, въ удовлетвореніе вновь возникавшихъ потребностей, и въ царствованіе блаженной памяти дѣда нашего императора Александра II было обращено въ высшую юридическую школу съ переименованіемъ въ Демидовскій юридическій лицей, который какъ по курсу преподаваемыхъ въ немъ наукъ, такъ и по правамъ и преимуществамъ былъ сравненъ съ юридическими факультетами российскихъ университетовъ. За время вѣкового своего существованія расадинокъ высшаго научнаго про-

свѣщенія, возникшій въ городѣ Ярославлѣ по изволенію монарха, милостиво призывавшаго дворянство споспѣшествовать истинно пресолезнымъ его намѣреніямъ, къ распространенію просвѣщенія клонящимся, да въ Россіи многихъ основательно подготовленныхъ и ревностныхъ къ законности дѣятелей, съ честью послужившихъ престолу и отечеству на разнообразныхъ поприщахъ государственной и общественной жизни. Нынѣ въ торжественный день акта по случаю столѣтняго юбилея сего высшаго учебнаго заведенія, съ признательностью вспоминая его плодотворную вѣковую дѣятельность, мы вмѣняемъ себя въ особое удовольствіе выразить наше монаршее благоволеніе всѣмъ трудящимся въ лицей на пользу дорогого отечества и во славу русской юридической науки, какъ учащимъ, такъ и учащимся, равно близкимъ нашему сердцу. Мы уповаемъ, что Демидовскій юридическій лицей, просвѣщая своихъ питомцевъ въ духѣ истинно научнаго правовѣдѣнія, требующемъ непоколебимаго уваженія къ закону, и воспитывая ихъ въ величественной преданности исконнымъ заветамъ русскаго историческаго правосознанія, потщится пребыть вѣрнымъ и впредь своему достохвалному прошлому, въ прямомъ соотвѣтствіи съ непрестанными заботами нашими о преуспѣяннн учебнаго дѣла въ имперіи нашей и въ благодарное оправданіе усердія великодушнаго жертвователя, именемъ коего украшается лицей. На подлинной собственною его императорскаго величества рукою написано: «НИКОЛАЙ». Во Влодавѣ, 30-го августа 1903 года».

2-й областной археологическій съѣздъ въ Твери. Съѣздъ этотъ, замѣчательно удавшійся, происходилъ между 10-мъ и 20-мъ августа. До послѣдняго времени черезъ каждые три года устраивались археологическіе съѣзды въ разныхъ, преимущественно университетскихъ, городахъ Россіи; послѣдній изъ нихъ (по порядку двѣнадцатый) происходилъ въ августѣ 1902 г. въ Харьковѣ. Съ теченіемъ времени эти всероссійскіе, по своему объему, съѣзды мало-по-малу превращались въ областные, ибо въ подготовкѣ ихъ предварительные комитеты сосредоточивались преимущественно на матеріалахъ и интересахъ той области, которая въ историческомъ отношеніи тяготеетъ къ городу, гдѣ данный съѣздъ предполагено организовать. Это обстоятельство въ связи со слишкомъ широкой и неопредѣленной программой, въ предѣлахъ которой происходили засѣданія съѣзда, дало основаніе желать устройства болѣе специальныхъ и систематическихъ областныхъ съѣздовъ. Таковыя и были, наконецъ, задуманы и осуществлены. Инициаторомъ ихъ явился ярославскій профессоръ Беренсъ, въ качествѣ председателя губернской ученой архивной комиссіи предложившій учредить историко-археологическіе съѣзды изслѣдователей Ростово-Суздальской земли. Первый съѣздъ этого рода, всецѣло устроенный ярославскою губернскою ученою архивною комиссіею, продолжался въ 1901 г. съ 10-го по 14-е августа въ Ярославлѣ и Ростовѣ и далъ поводъ академику Соболевскому выразиться, что онъ никогда не видѣлъ болѣе удачнаго археологическаго съѣзда. Тогда было рѣшено подобныя областные съѣзды устраивать черезъ каждые два года и устройство слѣдующаго поручить тверской ученой архивной комиссіи. Этотъ-то второй областной съѣздъ и состоялся теперь въ Твери. Особенностью его сравнительно съ первымъ (ярославскимъ) съѣздомъ служитъ созывъ представителей

всѣхъ существующихъ «губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій» и прибавленіе отдѣла архивовѣдѣнія въ программѣ сѣздовъ. Еще въ 1872 г. официально было признано неустройство русскихъ архивовъ и учреждена была комиссія подъ предѣдательствомъ сенатора Н. В. Калачова. Съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ архивное дѣло и вопросъ объ его упорядоченіи все болѣе интересуютъ специалистовъ, но проектъ покойнаго Калачова еще далеко не осуществленъ. Послѣ учрежденія въ 1884 г. губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій онѣ открыты не во всѣхъ губернскихъ городахъ. Въ тѣсной связи съ дѣятельностью этихъ комиссій стоитъ вопросъ и о сохраненіи памятниковъ древности. Это тоже поставлено высочайше утвержденнымъ (13-го апрѣля 1884 г.) положеніемъ въ обязанность «губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій». Сзывъ на сѣздъ представителей означенныхъ комиссій, которые хорошо знакомы со всѣми подробностями дѣла на мѣстѣ, и отзывъ которыхъ можно считать мнѣніемъ свѣдущихъ людей, не лишенъ поэтому существеннаго значенія. 10-го августа, при большомъ собраніи членовъ и публики, въ залѣ тверскаго благороднаго собранія состоялось торжественное открытіе второго областного сѣзда. Около 12 часовъ дня, послѣ литургіи, преосвященнымъ Димитріемъ, архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ, въ сослуженіи тверскаго духовенства отслужено было въ помѣщеніи благороднаго собранія молебствіе. По окончаніи богослуженія преосвященный Димитрій произнесъ рѣчь о значеніи археологическихъ сѣздовъ вообще и въ частности о тѣхъ усѣбахъ, которые оказала для науки Тверь и ея губернія въ лицѣ своихъ дѣятелей археологовъ. Затѣмъ состоялось открытіе сѣзда губернаторомъ княземъ Н. Д. Голицынымъ, избраннымъ въ предѣдатели сѣзда. Почетнымъ предѣдателемъ избранъ бывший ярославскій губернаторъ, директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ, гофмейстеръ Б. В. Штюрмеръ Товарищемъ предѣдателя—управляющій мѣстною казенною палатою И. А. Ивановъ. Привѣтствуя начало работъ сѣзда, губернаторъ сообщилъ собранію, что тверская ученая архивная комиссія удостоилась въ нынѣшнемъ году чести принятія ея подъ августѣйшее покровительство его императорскаго высочества наследника великаго князя Михаила Александровича. Затѣмъ прочитаны были привѣтствія сѣзду тверскаго городского головы, костромской губернской ученой архивной комиссіи, привѣтственныя телеграммы Н. Е. Забѣлина, В. И. Покровскаго, С. Ѳ. Платонова и С. А. Вѣлокурова. Предѣдатель тверской губернской архивной комиссіи И. А. Ивановъ произнесъ рѣчь, въ которой указалъ, что сдѣлали мѣстные дѣятели губерніи изъ всѣхъ классовъ общества и ученыхъ учрежденія для устройства сѣзда. Городъ, земство и частныя лица пожертвовали 5.100 рублей, комиссія къ сѣзду выпустила нѣсколько изданій. Императорская археологическая комиссія и Русское археологическое общество посвятили сѣзду по одному тому своихъ трудовъ. В. Н. Сторожевъ произнесъ рѣчь о значеніи областныхъ археологическихъ сѣздовъ. Изученіе областей, представляющихъ мелкія клѣтки государственнаго организма, важно, по его мнѣнію, и для болѣе широкихъ научныхъ выводовъ, касающихся исторіи цѣлаго государства. Въ заключеніе оглашены были результаты выборовъ въ должности предѣдателей и секретарей

рей секцій съѣзда, избраны въ председатели: проф. Н. В. Покровский, графъ А. А. Бобринскій, Д. П. Плато́вскій, С. Ѳ. Платоновъ, Н. В. Султановъ, И. Я. Гурляндъ, А. И. Соболевскій, В. Н. Перетцъ, Л. М. Савеловъ, П. А. Шляпкинъ, А. В. Половцовъ, М. П. Соколовъ, В. С. Малченко и архіепископъ преосвященный Димитрій. Въ секретари: А. С. Раевскій, Н. М. Бекаревичъ, В. И. Колосовъ, А. А. Мироновъ, Н. Н. Дебольскій, Линдеманъ, Рубцовъ, Маленинъ, Сторожевъ, Мальковскій, Баженовъ, Виноградовъ, Майковъ, Селивановъ, Вороновъ и Колодѣй. Въ самый день открытія съѣзда, вечеромъ, состоялись и первыя засѣданія. Рефератовъ заявлено было слишкомъ много для того періода времени, которое отведено съѣзду, и потому приходилось назначать засѣданія утромъ и вечеромъ. Въ 8 час. вечера 10-го августа назначено было засѣданіе секціи архивовѣдѣнія и губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій; члены съѣзда во время не собрались, и засѣданіе открыто съ большимъ опозданіемъ. Къ удивленію собравшихся, сначала открыто засѣданіе секціи церковныхъ древностей, которое по программѣ значилось послѣ засѣданія секціи архивовѣдѣнія, такъ что желавшіе присутствовать на докладахъ по церковной стариинѣ, безъ всякой со своей стороны вины запоздали. Вообще никакихъ программъ, афишъ-объявленій или чего-либо подобнаго, о съѣздѣ не было выпущено; на дверяхъ залы засѣданій въ объявленіи не было указано, публичны ли засѣданія, такъ что жители Твери были въ невѣдѣнности о своемъ правѣ посѣтить засѣданія, чѣмъ и слѣдуетъ объяснить сравнительную малочисленность аудиторіи на первомъ засѣданіи. Засѣданіе «секціи церковныхъ древностей» (почетный председатель—архіепископъ Димитрій, председатель—профессоръ Н. В. Покровский) открылось вступительною рѣчью профессора Покровскаго, который объяснилъ, что съѣздъ окажется полезнымъ и удачнымъ, если, во-первыхъ, среди мѣстнаго образованнаго общества и въ населеніи губерніи усилятся интересъ къ сохраненію и изученію родной старины, и если, во-вторыхъ, съѣзду удастся достигнуть хотя бы какого либо улучшенія въ судьбѣ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, которыя безкорыстно и плодотворно служатъ дѣлу историческаго родиновѣдѣнія. Послѣ того, прочелъ интересный рефератъ Н. Р. Первухинъ (депутатъ ярославской ученой архивной комиссіи) о сложныхъ фресковыхъ композиціяхъ въ ярославскихъ храмахъ и Д. И. Скворцовъ (депутатъ тверской ученой архивной комиссіи) о книгѣ «Драгоценный бисеръ объ изряднѣйшихъ вещахъ отъ божественнаго писанія вкратцѣ избрано». Уже около 9½ часовъ началось засѣданіе «секціи архивовѣдѣнія и архивныхъ комиссій» (почетный председатель—профессоръ Н. В. Покровский, председатель—В. С. Малченко). Съ засѣданіемъ въ виду утомленія слушателей пришлось слѣшать. Нѣсколько рефератовъ, внесенныхъ въ это засѣданіе организационнымъ комитетомъ съѣзда, были съ согласія авторовъ, по инициативѣ председателя, сняты, и прочтены только В. П. Колосовымъ (депутатомъ тверской ученой архивной комиссіи)—«О преобразованіи архивныхъ комиссій», В. С. Малченко (депутатомъ пермской ученой архивной комиссіи)—«Объ официальномъ назначеніи и научно-историческихъ задачахъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій», І. Д. Преображенскимъ (депутатомъ костромской архивной комиссіи)—«Къ вопросу архивовѣдѣнія» и А. Ф. Селивановымъ (де-

путатомъ тверской архивной комиссіи) — «Къ исторіи изученія Тверской губерніи». Особенно видный успѣхъ, какъ референтъ, имѣлъ на этотъ разъ Н. Г. Первухинъ. Прекрасная дикція, любовь къ предмету и званія его были награждены аплодисментами. Какъ бы далеко ни шла во фрескахъ фантазія иконописца, какимъ бы чужимъ художественнымъ памятникомъ онъ ни пользовался, доказывалъ г. Первухинъ, русская дѣйствительность никогда не забывалась и брала верхъ: котомки и лапти изъ лыка нашъ иконописецъ рисовалъ, наприкладъ, и на тѣхъ пилигриммахъ, которые никогда и не были въ Россіи. Особенно интересны фрески въ притворахъ церквей, гдѣ фантазія могла дать себѣ большій просторъ. Въ греческихъ храмахъ притворовъ вовсе не было, они чисто русское прибавленіе къ церковной архитектурѣ. Въ притворахъ или на панелти, представляющей что-то среднее между домомъ и церковью, часто встрѣчаются у насъ картины свѣтскаго содержанія. Г. Первухинъ пояснилъ это примѣрами, взятыми изъ описанія ярославскихъ церквей, большею частью XVII вѣка. Рефераты гг. Колосова и Преображенскаго относились къ выясненію желаемыхъ реформъ нашихъ архивовъ при архивныхъ комиссіяхъ. Нѣкоторые архивы содержатся въ безпорядкѣ, но на устройство ихъ нѣтъ пока денежныхъ средствъ, слѣдовательно, нечего и требовать лучшаго. Кто же займется даромъ разборомъ тѣхъ документовъ, которые пока въ научномъ отношеніи не представляютъ еще интереса. Любопытно, что въ Тверской исторической архивъ пересылаются теперь документы изъ Эстляндской и сосѣднихъ Балтійскихъ губерній, не имѣющихъ ровно никакого отношенія къ изученію тверской исторіи. Второй день съѣзда 11-го августа посвященъ былъ секціямъ первобытныхъ древностей и областной исторіи и закончился археологическою экскурсіею въ Дуденево для производства раскопокъ многочисленныхъ погребальныхъ кургановъ, расположенныхъ въ живописной мѣстности на берегу Волги; передъ отправленіемъ произведено было обзорніе Отроча монастыря, обзорніе церкви Вѣлой Троицы, старѣйшей изъ тверскихъ церквей, построенной въ 1563 году, богатой своими древностями, и особенно интересующей всѣхъ археологовъ иконой Троицы, написанной извѣстнымъ иконописцемъ Рублевымъ (1430 г.), если судить по позднѣйшей надписи на ней, достовѣрность которой, однако, многимъ оспаривается. Прекрасная погода и хорошо поставленная организація занятій съѣзда немало способствовали удачному выполненію намѣченныхъ экскурсій. Огромное количество представленныхъ съѣзду докладовъ, сопровождаемыхъ оживленными преніями, поддерживая все время нервный подъемъ членовъ съѣзда, усиливали продуктивность занятій съѣзда. Но, пожалуй, главною причиною необыкновеннаго оживленія съѣзда служило объединеніе всѣхъ членовъ на почвѣ близкихъ сердцу каждаго русскаго вопросовъ, касающихся старины родного сѣвера. Шагъ за шагомъ, оставляя за собой слѣдъ въ видѣ городищъ и обширныхъ могильниковъ, путемъ мирной колонизаціонной борьбы двигались сюда наши предки и дали намъ въ наслѣдіе могучую и необъятную Матушку Русь. Поэтому-то такъ дороги и интересны для насъ историческія судьбы сѣвера. 12-го августа, въ угреннемъ засѣданіи, Н. Д. Квашнинъ-Самаринъ изложилъ о муромскихъ князьяхъ, А. Ф. Селивановъ далъ краткую біографическую замѣтку о протоіерей Сидонскомъ и, наконецъ, про-

фессоръ Гурляндъ въ живомъ и яркомъ положеніи познакомилъ съѣздъ съ исторіей татарскихъ колоній въ Ярославской губерніи въ Смутное и послѣдующее время и обратился къ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ съ приглашеніемъ сосредоточиться на собраніи и изученіи документовъ Смутнаго времени, которыхъ очень мало въ центральныхъ архивахъ. Докладчикъ обратить между прочимъ вниманіе на то, что у насъ очень мало изучена дѣятельность и личность патріарха Филарета, и что документы Смутнаго времени должны, когда будутъ подобраны, дать возможность этого изученія. Изъ остальныхъ докладовъ, заслушанныхъ въ томъ же засѣданіи, нужно остановиться на «Подборѣ и изученіи матеріала по исторіи крѣпостного хозяйства въ Россіи» пр.-доц. Н. А. Рожкова; за отсутствіемъ автора докладъ прочтенъ былъ председателемъ секціи В. С. Малченкомъ. Большое вниманіе обратилъ на себя рефератъ Л. М. Савелова, посвященный разбору книги профессора Д. Я. Самоквасова «Архивное дѣло въ Россіи» и доказавшій невѣрное отношеніе автора книги къ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ. Вызвавшій бурныя одобренія съѣзда, докладъ этотъ былъ дополненъ и подкѣрвленъ г. Савельевымъ (председателемъ нижегородской ученой архивной комиссіи), указавшимъ на общественный характеръ комиссій, какъ залогъ ихъ успѣшнаго развитія, профессоромъ Гурляндомъ (ярославской ученой архивной комиссіи), В. С. Малченкомъ (черемской ученой архивной комиссіи), обратившимъ вниманіе на внутреннія противорѣчія книги. Въ заключеніе председательствующій профессоръ Н. В. Покровский предложилъ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ приступить къ обсужденію средствъ улучшенія ихъ положенія. Но главнымъ докладомъ этого дня явился рефератъ академика А. П. Соболевскаго. Маститый ученый встрѣченъ былъ бурными аплодисментами многочисленной аудиторіи съѣзда. Рефератъ А. П. освѣщаетъ далекое прошлое Тверской губерніи на основаніи анализа названій озеръ Селигеръ, Селижаръ. Одинъ изъ вариантовъ этого слова относится къ древнѣйшему общеславянскому періоду, когда всѣ славяне еще говорили однимъ языкомъ и обитали въ одной и той же мѣстности (около V—VI столѣтій поодъ Р. X.), здѣсь они и заимствовали слово «селигеръ» у первоначальныхъ насельниковъ Тверской губерніи, своихъ сосѣдей—западныхъ финновъ (кореловъ или эстовъ). Итакъ, по мнѣнію профессора Соболевскаго, наши предки обитали на сѣверѣ Россіи не далеко отъ озера Селигера (въ западной сторонѣ нынѣшней Тверской губерніи) уже давно и приходили въ соприкосновеніе съ своими сосѣдями финнами. 12-го же августа члены съѣзда осматривали церковь Бѣлой Троицы, и Желтиковъ монастырь, гдѣ находится покой Елизаветы Петровны и дворецъ, приготовленный для ссылки Алексѣя Петровича (сына Петра I), въ которомъ помѣщена очень хорошая старинная копія портрета Петра I въ молодости. Монастырь производитъ хорошее впечатлѣніе разумнымъ и дѣлсообразнымъ отношеніемъ къ иконописнымъ и другимъ памятникамъ старины. Въ покояхъ любезно предложены были чай и закуска. Желтиковъ Успенскій монастырь, въ 5 верстахъ отъ Твери, при рѣкѣ Тьмакѣ, основанъ въ 1393 году, при Тверскомъ великомъ князѣ Михаилѣ Александровичѣ, епископомъ тверскимъ св. Арсеніемъ, скончавшимся здѣсь въ 1409 году 2 марта. Моща святителя, обрѣтенныя въ

1483 году, покоятся въ серебряной ракъ, въ Успенскомъ соборѣ, построенномъ въ 1722 году. Въ монастырѣ, въ соборѣ, сохраняются принадлежавшія св. Арсенію: панагія, омофоръ, крестъ, найденный въ гробѣ его, посохъ и каменный гробъ, сдѣланный самимъ св. Арсеніемъ для своего погребенія. Тутъ же находятся древній образъ св. Арсенія, писанный при открытіи мощей, и покровъ, взятый съ мощей, при ограбленіи монастыря, въ смутное время, поляками и литовцами, чудесно возвращенный назадъ. Покровъ помѣщается подъ стекломъ прямо противъ мощей. Вечеромъ послѣ экскурсіи въ Желтиковъ монастырь члены съѣзда были приглашены осмотрѣть Морозовскую фабрику (Тверскую мануфактуру) и присутствовали тамъ на спектаклѣ, данномъ рабочими. Членамъ съѣзда былъ предложенъ чай предъ спектаклемъ и ужинъ—послѣ него. Вечеромъ на слѣдующій день засѣданія секціи церковной старины происходили въ лѣтнемъ домѣ архіепископа Димитрія. Были заслушаны и обсуждены рефераты В. И. Колосова—«О канонизаціи и отлѣвѣ канонизаціи благовѣрной княгини Анны Кашинской», о. В. И. Некрасова—«О тверскихъ иконописцахъ» и о. И. Н. Постникова—«О церкви бѣжецкаго князя Дм. Юр. Краснаго». Однимъ изъ интереснѣйшихъ докладовъ на съѣздѣ явился докладъ, прочитанный В. И. Колосовымъ: «Благовѣрная княгиня Анна Кашинская», мощи которой были закрыты по распоряженію патріарха Іоакима, но глубокое почитаніе которой продолжается и нынѣ. Весьма многими цѣнными замѣчаніями дополнилъ этотъ рефератъ самъ владыка тверской, архіепископъ Димитрій, извѣстный знатокъ нашей агиографіи. Благовѣрная великая княгиня Анна, старшая дочь ростовскаго князя Димитрія Борисовича, была замужемъ (съ 8 ноября 1294 года) за тверскимъ княземъ св. Михаиломъ Ярославичемъ, убитымъ въ Ордѣ (22 ноября 1318 года), мощи котораго почиваютъ въ Тверскомъ каедральномъ соборѣ. Послѣ кончины своего супруга, Анна постриглась въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ, съ именемъ Евфросиніи, а затѣмъ по просьбѣ своего сына, князя кашинскаго Василія Михайловича, переселилась въ Кашинъ, въ Успенскій монастырь, гдѣ приняла схиму съ прежнимъ именемъ Анны. Много горя перенесла она: кромѣ горячо любимаго супруга, въ Ордѣ были убиты ея сыновья: Димитрій Грозный Очп (15 сентября 1325 года) и Александръ вмѣстѣ съ сыномъ его Феодоромъ (29 октября 1339 года). Св. Анна скончалась 2 октября 1338 года и погребена въ Успенскомъ Кашинскомъ монастырѣ. Ея нетлѣнныя мощи были обрѣтены въ 1650 году, а въ 1651 году совершилось торжественное открытіе ея мощей и причтеніе ея къ лику святыхъ. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ нарочно прибылъ изъ Москвы на это торжество. Памятникомъ его усердія остаются три воздуха для покрыванія священныхъ сосудовъ и два покрова на мощи преподобной съ вышитыми ея изображеніями. Епифаній Славинецкій составилъ службу преп. Аннѣ Кашинской. Составлено было также сказаніе о жизни и чудесахъ ея, но съ ошибками. Однако, вскорѣ мощи св. Анны Кашинской были закрыты, и почитаніе ея запрещено, такъ какъ патріархъ Іоакимъ замѣтилъ погрѣшности въ ея житіи и не находилъ въ лѣтописяхъ сказаній о св. Аннѣ. Сомнѣваясь въ дѣйствительности имени св. Анны Кашинской, Московскій соборъ 1678 года приказалъ до времени закрыть ея мощи, праздниства ей не творить, образовъ не писать и

молебновъ ей не пѣть, а пѣть только панихиды. Г. Колосовъ, впрочемъ, доказываетъ, что до насъ дошелъ лишь проектъ соборнаго постановленія, а не самое постановленіе, и что это распоряженіе самого патріарха Іоакима (Савелова), извѣстнаго, какъ инициатора суровыхъ мѣръ противъ раскольниковъ. Тѣмъ не менѣе жители торода Кашина продолжаютъ благоговѣнно чтить св. Анну Кашинскую, какъ покровительницу ихъ города, и давно хлопочать о возобновленіи молебнаго пѣнія у ея раки. Съ величайшею ревностью относятся жители города Кашина къ прославленію благовѣрной княгини Анны. На иконахъ, подносимыхъ отъ города Кашина высочайшимъ особамъ, всегда изображалась прендобная Анна. Кашинцы надѣются, что ихъ усиленные ходатайства относительно снятія запрета патріарха Іоакима будутъ имѣть успѣхъ. Утромъ, 13-го августа, происходило засѣданіе секціи первобытныхъ древностей. Наиболѣе интереснымъ было сообщеніе А. А. Спицына «О первобытныхъ древностяхъ въ Тверской, Ярославской и Новгородской губерніяхъ»; докладчикъ заявилъ, что императорская археологическая коммиссія и императорское русское археологическое общество, съ большимъ интересомъ и симпатіей относятся къ дѣлу областныхъ археологическихъ съѣздовъ, которые сравнительно съ всероссійскими могутъ быть тѣмъ научнѣе и глубже, чѣмъ они менѣе широки, поручили ему принять самое дѣятельное участіе въ тверскомъ съѣздѣ. Послѣ продолжительной специальной подготовки докладчикъ рѣшилъ обозрѣть весь археологическій матеріалъ, касающійся Ростово-Суздальской области, и теперь познакомилъ какъ съ планомъ и ходомъ этихъ работъ, такъ и съ выводами своими. Наиболѣе интереснымъ было заявленіе г. Спицына объ издаваемомъ имъ руководствѣ для хронологическаго опредѣленія ископаемыхъ находокъ. Свой археологическій матеріалъ докладчикъ привелъ въ связь съ современными историческими постройками, и на этой почвѣ возникли очень интересные дебаты между нимъ, Д. П. Пловайскимъ, академикомъ А. И. Соболевскимъ и профессоромъ В. Н. Перетцомъ. Въ томъ же засѣданіи В. П. Колосовъ разсказалъ исторію тверскаго музея, а В. А. Плетеневъ и Н. М. Бекаревичъ—объ археологической картѣ Тверской и Костромской губерній, при чемъ была предъявлена тверская карта. Въ засѣданіи 14-го августа утромъ (соединенное—секціи этнографіи и секціи живой старины) были прочитаны доклады: Н. М. Бекаревича—«О курчьемъ богѣ въ Костромской губерніи» (съ коллекціей), А. Г. Первухина и В. А. Андронникова—«О свадебныхъ пѣсняхъ и причтаніяхъ въ Тверской и Костромской губерніяхъ», Н. В. Чехова—«Объ этнографическомъ обследованіи Тверской губерніи». Особенно интересенъ былъ этотъ послѣдній, представляющій хорошо и всесторонне продуманный проектъ, который намѣрено осуществлять въ ближайшемъ будущемъ тверское общество любителей исторіи, археологіи и естествознанія. Послѣ полудня 14-го августа были заслушаны по секціи областной исторіи доклады: И. А. Тихомирова—о раскопкахъ его въ Угличскомъ кремлѣ, Е. А. Шумакова—«О зубцовской сотницѣ 7096 и 7103 годовъ» (за отсутствіемъ автора доложилъ секретарь съѣзда П. А. Виноградовъ) и Г. К. Линдемана—«О свѣдѣніяхъ Пальмквиста о г. Торжкѣ». По поводу послѣдняго доклада, который сопровождался воспроизведеніемъ рисунковъ и плановъ Пальмквиста на экранѣ при

помощи фонаря, возгорѣлся споръ между докладчикомъ и профессоромъ Гурляндомъ, изъ которыхъ послѣдній, на основаніи историческихъ сопоставленій, вопреки Линдеману, настаивалъ, что Пальмквистъ имѣлъ цѣлью шпионство, сгущалъ краски, чтобы выставить своему правительству неподготовленность Россіи къ войнѣ, измѣнялъ сообразно этой цѣли дѣйствительность въ своихъ донесеніяхъ, и потому его планы и утвержденія не имѣютъ значенія доказательнаго первоисточника. Вечеромъ 14-го августа происходило закрытое засѣданіе представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій подъ предсѣдательствомъ директора петербургскаго археологическаго института Н. В. Покровскаго для выработки проекта новаго положенія о комиссіяхъ, а послѣ того въ публичномъ засѣданіи секціи архивовѣднія проф. В. Н. Перетцъ высказалъ свой взглядъ на рациональное описаніе рукописей, по поводу котораго сдѣлали свои заявленія гг. Малченко, Симсонъ и друг. Утромъ 15-го августа оживленный обмѣнъ мыслей послѣдовалъ послѣ реферата В. И. Колосова («Кто виноватъ въ смерти св. Филиппа, митрополита московскаго?»). Докладчикъ пришелъ къ заключенію, что задушившій святителя Малюта Скуратовъ дѣйствовалъ по собственной инициативѣ, а не по приказанію царя, и что причиною удушенія было опасеніе опричины, какъ бы Грозный не призвалъ къ себѣ или не посѣтилъ лично св. Филиппа передъ своимъ новгородскимъ походомъ и какъ бы святитель при этомъ свиданіи не воздѣйствовалъ на царя противъ опричины. Противъ этого взгляда вооружился г. Линдеманъ, поддержанный г. Квашинимъ-Самаринимъ, а въ защиту доклада выступилъ проф. Гурляндъ. Въ 8½ ч. вечера послѣдовало заключительное, послѣднее засѣданіе Тверского археологическаго съѣзда. Онъ былъ закрытъ тверскимъ губернаторомъ княземъ Н. Д. Голицынымъ, выразившимъ, въ своей рѣчи, благодарность членамъ съѣзда отъ имени Тверской области, за ихъ содѣйствіе къ разработкѣ исторіи и археологіи края, и пожеланіе чтобы областные съѣзды развивались далѣе. Директоръ археологическаго института, проф. Н. В. Покровский, въ своей рѣчи передъ закрытіемъ съѣзда, справедливо замѣтилъ, что донапечатанія въ «Трудахъ» съѣзда всѣхъ рефератовъ, прочитанных на немъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть была даже не прочитана,—говорить о результатахъ Тверского съѣзда, оцѣнивать, на примѣръ, съ научной точки зрѣнія, было бы преждевременно. Можно подвести только итогъ тѣмъ впечатлѣніямъ, какія пережиты были на съѣздѣ, и такой итогъ будетъ угѣшительный. Сравнивая Тверской съѣздъ съ бывшими археологическими съѣздами, можно признать, что Тверской съѣздъ, уступая тѣмъ, которые были собраны въ столицахъ и университетскихъ городахъ, стоитъ выше, на примѣръ, Виленскаго и Ярославскаго съѣздовъ, между тѣмъ какъ Тверской съѣздъ—мѣстный, а тѣ были всероссійскіе и располагали, казалось бы, бѣльшими средствами, духовными и матеріальными. Перечисляя рефераты на Тверскомъ съѣздѣ, Н. В. Покровский находилъ многіе изъ нихъ весьма интересными во многихъ отношеніяхъ. Онъ развилъ далѣе ту справедливую мысль, что областные археологическіе съѣзды обѣщаютъ въ будущемъ много хорошаго, и съ нихъ, а не съ общихъ съѣздовъ, и слѣдовало бы равнѣе начать дѣло изученія Россіи въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ. Прежде чѣмъ составлять какую

бы то ни было теорію, надо изучить мѣстные факты,—которые остались пока не изученными,—не цѣлой Россіи, а одного историческаго края. Въ заключеніе Н. В. Покровскій выразилъ благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя оказали наибольшее содѣйствію усилію настоящаго сѣзда: почетному предсѣдателю В. В. Штюрмеру, архіепископу Дмитрію, тверскому губернатору, предсѣдателю сѣзда, князю Н. Д. Голицыну, И. А. Иванову, В. И. Колосову и П. А. Виноградову. Затѣмъ А. В. Половцовъ сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что всѣ члены сѣзда обязаны глубокою благодарностью тѣмъ лицамъ, которыя позаботились доставить имъ удобныя помѣщенія,—за ихъ гостепримство и радушіе. Солнце насъ грѣетъ, сказалъ онъ, но мы не благодарили его за теплоту. А людей нельзя не благодарить, особенно, когда они скромны, когда, по ихъ желанію, ихъ имена остаются неизвѣстными, и когда радушіе ихъ еще болѣе дѣлается цѣннымъ. Всѣ рѣчи были приняты съ шумными рукоплесканіями. Третій областной сѣздъ рѣшено было созвать въ 1905 году, съ 20-го іюня по 1-е іюля, во Владимирѣ. Выборъ города для слѣдующаго сѣзда опредѣляется обыкновенно на послѣднемъ засѣданіи предыдущаго, но сношенія съ кѣмъ слѣдуетъ. Депутатъ отъ Владимирской ученой архивной комиссіи, А. И. Селивановъ, присутствовавшій на засѣданіи, далъ объясненія по поводу этого выбора и пригласилъ членовъ Тверскаго сѣзда на третій областной сѣздъ во Владимиръ. Получена была также телеграмма отъ владимирскаго губернатора П. М. Леонтьева, заключающая въ себѣ согласіе города Владимира на этотъ сѣздъ. Тверской археологическій сѣздъ, въ послѣднемъ своемъ засѣданіи, принялъ слѣдующія ходатайства предъ правительствомъ. Во-первыхъ, представить чрезъ директора археологическаго института просктъ новаго положенія о губернскихъ архивныхъ ученыхъ комиссіяхъ, выработаннаго въ одномъ изъ засѣданій настоящаго сѣзда, и ходатайствовать объ ассигнованіи на нужды каждой комиссіи ежегодно пособій не менѣе 2.000 рублей. Во-вторыхъ, согласно представленію комитета по управленію Тверскимъ музеемъ, ходатайствовать объ увеличеніи правительственной субсидіи на содержаніе столь полезнаго учрежденія съ 1.000 рублей до 3.000 рублей. По окончаніи сѣзда состоялись заранѣе намѣченныя поѣздки членовъ. Такъ, 16-го августа въ г. Старицу прибыла археологическая экскурсія, состоящая изъ 50-ти представителей разныхъ архивныхъ комиссій, а также изъ нѣсколькихъ извѣстныхъ знатоковъ нашихъ гражданскихъ и церковныхъ древностей. Свое вниманіе члены II-го тверскаго областного сѣзда сосредоточили на старицкихъ раскопкахъ. Нынешнимъ лѣтомъ члены тверской ученой архивной комиссіи А. П. Шебякинъ и И. П. Крыловъ въ городѣ Старицѣ, въ мѣстности, называемой Старымъ Городищемъ, производили раскопки съ цѣлю: 1) найти мѣсто дворца великихъ князей старицкихъ и 2) отыскать начало подземнаго хода подъ рѣку Волгу въ старицкій Успенскій монастырь. Старое Городище представляетъ собою равнобедренный треугольникъ, основаніе коего упирается въ насыпной валъ, а стороны окаймляются рѣками Волгой и Старицей. Въ разстояніи около 70-ти сажень отъ насыпнаго вала и почти паралельно ему открыты четыре здавія: 1) старинный соборъ, существовавшій до 1802 года, построенный по преданію Іоанномъ Грознымъ, 2) дворецъ (?), 3) храмъ во имя Михаила Ар-

хангела (?), 4) четырехугольное зданіе, — подваль или службы. Изъ этихъ открытыхъ зданій болѣе всѣхъ заинтересовало членовъ съѣзда зданіе, названное нами дворцомъ. По формѣ оно похоже на прямоугольникъ, восточная стѣна котораго имѣетъ три полукружья. Въ центральномъ полукружьи съ древней орнаментикой найдены надписи на славянскомъ языкѣ, но, къ сожалѣнію, плохо сохранившіяся. Профессоръ Шлякинъ разобралъ явственно слово «царя» и подъ сомнѣніемъ — «великаго государя». Изъ центрального полукружья мы входимъ въ залу величиной 15—11½ аршинъ, полъ коей покрытъ ромбообразнымъ кирпичемъ бѣлаго, чернаго и краснаго цвѣтовъ; на задней сторонѣ каждаго кирпича — клеймо въ видѣ звѣздочки. На стѣнахъ залы найдены восточные орнаменты и надписи на восточномъ, скорѣе всего армянскомъ языкѣ, хотя эти надписи армяне затрудняются прочесть. Въ этой залѣ найдены вилка съ двумя остріями, польская шпора, лезвее ножа, кинжалъ и звѣринья и рыбы кости. Отъ западной и сѣверной стѣнъ дворца идутъ внизъ каменные лѣстницы. Старица еще никогда не видала такого торжества: тысячи народа стояли вокругъ раскопокъ. Настала минута довольно торжественная, когда подъ открытымъ небомъ съ высоты раскопокъ членъ комиссіи, А. П. Шебякинъ, сдѣлалъ докладъ областному съѣзду о загадочномъ зданіи: по его мнѣнію, это зданіе было дворцомъ великихъ старицкихъ князей съ домовою церковью, но занятое въ 1607 году прлверженцами Тушинскаго вора и впоследствии разоренное ими. Какая судьба въ дальнѣйшемъ ожидаетъ раскопки Городища, не извѣстно, такъ какъ на нихъ нужно потратить тысячи рублей, хотя наши ученые археологи высказали на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ ихъ честь въ г. Старицѣ, что они не дадутъ заглухнуть начатому дѣлу. Закончился съѣздъ 18-го августа экскурсіею въ имѣніе Островки (Вышневолоцкаго уѣзда, Тверской губ.) князя А. А. Шпринскаго-Шухматова. По прибытіи около 2-хъ часовъ дня на станцію Академическую экскурсанты встрѣчены были княземъ и на тройкахъ отправились въ его имѣніе. Домъ князя—это чудный рѣдкій музей церковныхъ древностей, при этомъ, что большая рѣдкость въ музеяхъ, расноложенныхъ вполне художественно, безъ ущерба, однако, для систематичности. Въ этомъ тихомъ уголкѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ смотрятъ на васъ строгіе лики иконъ древняго новгородскаго письма, смѣняющіяся сложными иконографическими сюжетами эпохи Возрожденія (XVI—XVII вѣка), какъ-то невольно переносишься въ далекое прошлое, въ домашнія божницы-молельни благочестиваго древне-русскаго князя или маститаго московскаго боярина. Съ рѣдкимъ стараніемъ, любовью и умѣньемъ составлялъ князь свое собраніе. Большинство предметовъ найдено имъ въ предѣлахъ Тверской губ., на колокольняхъ и въ сараяхъ церквей. Такъ, двѣ древнія художественно-исполненныя фигуры апостоловъ Петра и Павла, въ ростъ человѣка, найдены были имъ въ сараѣ, приготовленные для сожженія. Значеніе музея князя увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря такому способу собирать свою коллекцію, можно было быть увѣреннымъ въ подлинности иконъ и другихъ церковныхъ предметовъ древности, которые во множествѣ поддѣлываются въ столицахъ. Въ интересахъ болѣе лучшаго сохраненія своей богатой коллекціи и предоставленія

болѣе подходящей для священныхъ предметовъ обстановки, князь пошелъ дальше. Онъ выстроилъ храмъ, въ стилѣ московскихъ церквей XVI столѣтія, въ который и будутъ перенесены всѣ его коллекціи; это будетъ чуть ли не первый примѣръ созданія церкви-музея. Храмъ будетъ весь расписанъ художественными фресками, также примѣнительно къ композиціямъ XVI-XVII вѣковъ—эпохи возрожденія русскаго иконографическаго искусства.

Древнія развалины около Сочи. Въ № 223 «Русскихъ Вѣдомостей» подъ заглавіемъ «Мамай-Кале» и за подписью «Черноморъ» появилась слѣдующая замѣтка. «Кавказское побережье Чернаго моря имѣло свою оригинальную исторію, молчаливыми свидѣтелями коей являются разнообразныя развалины, разсыпанныя по всему краю. Тамъ, гдѣ современная намъ культура ворвалась въ лѣсныя дебри и заросли, остатки древностей очутились среди расчищенныхъ полей, доступны каждому и легко находимы; мѣстами же онѣ заросли густою растительностью, и вѣковыя деревья скрываютъ ихъ отъ глазъ любопытнаго. Греки, венеціанцы, генуэзцы, турки, татары и даже наши запорожцы посѣщали постоянно побережье: одни—съ торговыми дѣлами, другіе—ради наживы путемъ грабежа. Всѣхъ привлекало богатство края, и, какъ видно изъ описаній современниковъ, несмотря на рискъ, народы эти завязывали съ горскимъ населеніемъ торговыя сношенія и устраивали здѣсь свои факторіи. Обыкновенно избиралось мѣсто болѣе населенное, у устья рѣки, принадлежащее крупному владѣльцу (бею), съ которымъ можно было вступить въ договоры. Возникла факторія—сооруженіе, служившее для склада товаровъ и приспособленное для защиты. Вѣчныя междоусобицы горскихъ племенъ и родовъ не могли надолго гарантировать значеніе и власть владѣльца, и съ теченіемъ времени предприимчивые торговые люди переносили свою дѣятельность на другое мѣсто,—возникла новая факторія и т. д. Вблизи Сочи, въ 4-хъ верстахъ по берегу моря, по направленію къ Дагомысу, на правомъ берегу рѣки Псахѣ, находятся развалины, повидимому, одной изъ такихъ факторій; о нихъ то я и хочу сказать нѣсколько словъ. Изъ описанія Чернаго моря доминиканца Эмидію Дортелли д'Асколи въ 1634 году ¹⁾ видно, что между Псахѣ и урочищемъ Вардане находился городъ «Маматала» (Мамай-Кале), а почтенный изслѣдователь черноморской старины А. Вертье-Делагардъ приурочиваетъ къ этому же мѣсту и приморскій городъ Аббаза, описанный тѣмъ же д'Асколи. По словамъ послѣдняго, это была главная морская стоянка, куда въ іюль и августъ мѣсяцахъ торговцы Константинополя, Татаріи и другихъ мѣсть Чернаго моря съѣзжались «какъ бы на ярмарку», привозили домашнюю утварь, дешевыя матеріи, копченую рыбу, вывозили «отличный медъ, прекрасныя нитки для выдѣлки полотна, но довольно простого, рабовъ, воскъ и получали такую прибыль, что затратившій 100 реаловъ выручалъ 300». Вести торговлю съ воинственными горцами было нелегко. «Торговля происходила на судахъ, — говоритъ авторъ, — и каждый купецъ на нихъ же сбывалъ свой товаръ: на берегу онъ подвергся бы грабежу,

¹⁾ Префектъ Коффы, Татаріи и проч. Смотр. «Записки императ. одесскаго общ. исторіи и древностей», т. XXIV, 1902 г.

ибо мѣстные люди—одна пайка воровъ. Если же кому изъ крупныхъ купцовъ приходится по торговымъ дѣламъ идти въ городъ, то онъ предварительно требуетъ на судно одного изъ жителей въ качествѣ заложника, дабы ему самому не подвергнуться оскорбленію. Въ эту морскую стоянку ѣздить не ежегодно, вслѣдствіе запрещенія надішаха, ибо тамошніе князья не желаютъ ему платить дань, а онъ не можетъ подчинить ихъ своей власти, потому что стоянки морского побережья опасны. Въ случаѣ нужды эти князья снаряжаютъ пословъ, и тогда разрѣшается туда ѣхать». Не берусь утверждать, чтѣ собственно представляютъ описываемыя развалины, но, судя по конгломерату оставшихся стѣнъ и сравнивая видѣнное съ другими развалинами, пмѣющимися на побережьи, полагаю, что ихъ возникновеніе слѣдуетъ отнести ко времени господства генуэзцевъ и венеціанцевъ, а затѣмъ постройка могла перейти въ руки турокъ и была ими передѣлана въ крѣпость. Какъ я уже сказалъ, къ развалинамъ можно пройти отъ Сочи по берегу моря. На 4-й верстѣ впадаетъ рѣка Псахэ, а въ 200 саженьяхъ отъ ея устья, на берегу, уже видны среди зарослей колючки и оползней обломки старыхъ стѣнъ. Самыя развалины находятся на обрывѣ, куда можно взобраться по троѣ. Удобнѣе изъ Сочи проѣхать по шоссе на «Мамайку» (какъ называется и теперь долина рѣки Псахэ), переѣхать желѣзную мостъ, переброшенный черезъ нее, и, остановившись у границы собственнаго его величества имѣнія Дагомысь, указанной изящнымъ обелискомъ, продолжать прогулку пѣшкомъ, свернувъ по старой дорогѣ на лѣво, къ морю. Не доходя нѣсколькихъ десятковъ сажень до самаго моря, сворачиваетъ нѣсколько тропинокъ вправо на гору, и всѣ онѣ приводятъ къ мѣсту нахожденія развалинъ, увѣнчивающихъ ея вершину. Въ данное время вслѣдствіе вырубки цѣннаго лѣса онѣ видны хорошо, но внутри и снаружки обвиты ползучими растеніями, почему пробираться по нимъ затруднительно, а большія деревья, запустившія въ ихъ стѣны свои могучіе корни, не позволяютъ пройти вдоль нихъ безпрепятственно и свидѣтельствуютъ, что уже много-много лѣтъ онѣ покоятся заброшенными. Поднявшись на вершину горы, сначала замѣчаешь узкую часть стѣны, обрушившуюся до половины и сложенную изъ неправильныхъ кусковъ мѣстнаго несапника и крупныхъ глышекъ разной величины на цементъ или известь. Не хочется вѣрить, чтобы это была известь,—такъ она прочна и такъ цѣпко соединила она въ сплошной монолитъ этотъ разнокалиберный и разнохарактерный матеріалъ, среди котъ раго имѣется въ небольшомъ количествѣ и кирпичъ, по своей квадратной формѣ, большому размѣру и свѣтлому цвѣту совершенно не похожій на современный. Въ нижней части кладки замѣтны камни крупныя и отсутствуютъ глышки; въ слѣдующихъ слояхъ, сверху, наблюдается уже меньше тщательности и матеріалъ разной величины и формы. Внимательно осматриваясь, замѣчаешь, что предъ тобой—не простыя стѣны, а рядъ сооружений, соединенныхъ стѣной. Сначала какое-то помѣщеніе неправильной формы съ признаками воротъ со стороны моря. Внутренняя поверхность стѣнъ сглажена, а правильные углы указываютъ, что это была комната. Затѣмъ идетъ стѣна, которая приводитъ къ остаткамъ цилиндрической башни. Теперь здѣсь образовалось нѣчто въ родѣ колодца діаметромъ отъ 5-ти до 6-ти аршинъ. Сохранились и каменныея

ступени, ведущія въ подземелье; несмотря на мусоръ, можно и теперь спуститься по этимъ ступенямъ аршина на два ниже уровня земли. Далѣе—снова стѣна и груды обломковъ, свидѣтельствующихъ, что тутъ тоже была комната или башня; вновь стѣна, вновь нагромождены обломки, а вотъ и замурованная дверь; внутри возлѣ нея лежатъ плиты, а при ударѣ по нимъ ощущается ясно пустота,—вѣроятно, здѣсь тоже подземелье. Опять стѣна и развалины башни, несомнѣнно, наполовину скатившейся внизъ, къ морю, вмѣстѣ съ ополземъ. Форма укрѣпленія—неправильный прямоугольникъ, при чемъ всѣ башни выступаютъ наружу. Съ трудомъ я измѣрилъ шагами размѣры этой, по всему вѣроятію, бывшей крѣпости. Длина—120 шаговъ, ширина существующая—40, толщина удѣлѣвшихъ стѣнъ внизу, у основанія, — $1\frac{1}{2}$ и вверху—1 сажень. На спускѣ къ морю очень мало остатковъ,— все, видимо, слетѣло внизъ во время оползня; зато на берегу моря, среди непролазной колочки,—масса обломковъ или остатковъ наружной стѣны. Надо полагать, что часть укрѣпленія, обращенная къ морю, обрушилась подъ обрывъ или вслѣдствіе большого оползня, каковыя наблюдаются нерѣдко во время землетрясеній, которыхъ въ теченіе 300 лѣтъ могло быть нѣсколько. Если это дѣйствительно укрѣпленіе, то оно было расположено весьма удачно и имѣло подступъ только отъ устья рѣки Псахѣ, такъ какъ съ остальныхъ сторонъ оно было защищено: съ одной стороны—крутымъ обрывомъ къ морю, а съ остальныхъ—кольцеобразнымъ оврагомъ, огибающимъ всю подошву горки отъ моря до рѣки Псахѣ. Въ этомъ же оврагѣ существовали, видимо, и колодцы; по крайней мѣрѣ, отъ развалинъ къ его дну спускаются правильно раздѣланныя трошки, по которымъ и теперь легко пройти. Желательно, чтобы на эту древность было обращено вниманіе нашихъ археологическихъ учреждений. Возможно, что въ подземельяхъ этой крѣпости найдутся образцы древней утвари, монеты, оружіе, иконы или кресты, и такимъ образомъ для археолога рѣшится вопросъ о происхожденіи и значеніи этихъ развалинъ. Хотя вблизи ихъ раздѣланной земли и не имѣется, но это мѣсто служить выпасомъ для буйволовъ возчиковъ имеретинъ, судя по остаткамъ отъ ихъ ночлеговъ и троцамъ, проложеннымъ непосредственно чрезъ самыя развалины. Это очень печально. Стѣны будутъ постепенно обрушиваться, и остатки ихъ свезутъ, наконецъ, на щебенку сосѣдняго шоссе; туземцы тащатъ все, что попадется подъ руку, и готовый камень при первой же надобности послужитъ имъ приманкой. За примѣрами ходить недалеко, стоитъ лишь вспомнить береговскіе и игадскіе дольмены. Въ горахъ урочищъ Вардане по теченію рѣчки Ветлянки мнѣ пришлось встрѣтить также развалины съ хорошо сохранившимся фундаментомъ и частью стѣнъ, а у верховьевъ рѣки Псахѣ, по словамъ мѣстныхъ жителей, имѣются тоже развалины, подобныя описываемымъ. Настоящей краткой замѣткой я желалъ бы возбудить въ любителяхъ древности интересъ къ этимъ историческимъ памятникамъ и вызвать со стороны компетентныхъ лицъ желаніе заняться ихъ детальнымъ изслѣдованіемъ и раскопкамъ.

«Храмъ славы» въ Тифлисѣ. Объ этомъ учрежденіи г. Алексѣевъ сообщаетъ въ «Новомъ Времени» слѣдующія свѣдѣнія. На главной улицѣ Тифлиса, Головинскомъ проспектѣ, стоитъ частью въ саду довольно приземистое зданіе

безъ оконъ, — свѣтъ падаетъ съ потолка, — построенное въ стилѣ Возрожденія. Впечатлѣнія оно не производитъ никакого даже на прѣѣзжихъ, начиная со своей неудачной окраски, и вовсе не отвѣчаетъ своему громкому названію «Храма славы». Самыя мраморныя доски на его стѣнахъ, перечисляющія главнѣйшіе эпизоды славной Кавказской войны, не сглаживаютъ неблагопріятнаго впечатлѣнія, производимаго внѣшностью зданія. Между тѣмъ оно, согласно проекту, должно было заключать въ своихъ стѣнахъ все, что относится къ Кавказской войнѣ. Эта война продолжалась около трехъ сотъ лѣтъ, отъ 1567 г., когда Іоаннъ Грозный заложилъ крѣпость Терки, до 1864 года, когда сдался Шамиль войскамъ Александра II, и была войной народной. Въ кровавой и упорной борьбѣ съ горцами принимала участіе вся Россія, и можно смѣло сказать, что едва ли найдется много русскихъ дворянскихъ фамилій, которыхъ семейныя преданія не были бы такъ или иначе связаны съ Кавказомъ. «Храмъ славы» долженъ былъ связать славное прошлое кавказской арміи съ ея настоящимъ и будущимъ, спасти отъ забвенія имена и подвиги кавказскихъ героевъ. Вопросъ объ устройствѣ музея Кавказской войны былъ поднятъ впервые въ 1884 году главноначальствующимъ княземъ Дондуковымъ-Корсаковымъ и нашелъ поддержку въ высшихъ сферахъ. Покойный князь задавался широкими цѣлями: онъ хотѣлъ превратить дѣло учрежденія музея въ нѣчто національное и просилъ разрѣшенія открыть всероссійскую подписку. Императоръ Александръ III не далъ на это своего согласія и приказалъ изыскать другія средства для постройки зданія. На помощь пришло военное министерство. По его распоряженію изъ ассигновокъ строительнаго кредита кавказскаго округа въ продолженіе четырехъ лѣтъ отдѣляли суммы, необходимыя для возведенія музея, который и былъ названъ «Храмомъ славы». Вскорѣ послѣ полученія разрѣшенія на открытіе музея начались работы, и въ 1888 году зданіе уже было готово вчернѣ. Къ сожалѣнію, съ перваго же шага начались ошибки строителей. Прежде всего было крайне неудачно выбрано мѣсто для будущаго зданія въ оврагѣ. На его засыпку и возведеніе фундамента были совершенно непроизводительно затрачены большія суммы. Всѣ представленія о неудовлетворительномъ выборѣ мѣста для музея разбивались объ упорство князя Дондукова-Корсакова, и въ результатѣ единственная комната музея стоила нѣсколько сотъ тысячъ рублей. На получившіеся остатки противъ смѣты было можно кушить лишь нѣсколько картинъ, хотя и представляющихъ собою художественную цѣнность, но не заповнившихъ голыхъ стѣнъ музея. Никакихъ историческихъ вещей онъ не былъ въ состояніи пріобрѣсти по недостатку средствъ. Въ его распоряженіи нѣтъ и теперь ни одного рубля. Выстроивъ музей, кавказская администрація сдѣлала вторую, еще болѣе грубую ошибку, не позаботившись выбрать директора музея. Какъ это бываетъ обыкновенно, его обязанности возложили на комиссію. На сцену выступила формалистика. Живой души въ дѣло не вложилъ никто. Какъ это ни странно, а такой ненормальный порядокъ продолжается и въ настоящее время. Лица, которому были бы близки интересы музея, все еще нѣтъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать хозяиномъ «Храма славы» начальника инженерной дистанціи, заботящагося о ремонтѣ зданія, но въ силу своихъ инструкцій не имѣющаго права пополнять его кол-

лекціи. Въ 1888 году Кавказъ посѣтилъ императоръ Александръ III, который осмотрѣлъ музей, тогда еще не оконченный внутренней отдѣлкой. При этомъ посѣщеніи государь произнесъ памятные слова: «Отъ души желаю, чтобы въ будущемъ военный музей достигъ того назначенія и той высокой цѣли, которую онъ начерталъ на своемъ знамени». Съ тѣхъ поръ прошло уже пятнадцать лѣтъ, а музей остается не освященный и не открытый официально, въ томъ же «черновомъ» видѣ, глубоко оскорбляющемъ чувство каждаго истинно русскаго человѣка. Славныя знамена, когда-то взятые Котляревскимъ въ чисто легендарныхъ бояхъ при Асландузъ и Ленкорани, свалены въ кучу. Батальныя картины кисти Рубо и Самокиша блекнутъ наравнѣ съ маринами Айвазовскаго. Панорама работы Рубо, представляющая взятіе аула Ахульго, подарокъ императора Александра III, за который было заплачено художнику пятнадцать тысячъ рублей, валяется небрежно свернутая на полу, безъ всякаго вниманія, и такъ попорчена, что ее едва ли удастся возстановить... Все, начиная со стильныхъ входныхъ дверей музея, стоявшихъ, говорятъ, кругленькую сумму, требуетъ ремонта. Стѣны облуплены и загрязнены до невозможности, а подвальный этажъ даже сырой. Въ распредѣленіи коллекціи нѣтъ ни порядка, ни полноты. Совершенная смѣсь эпохъ и лицъ. Портреты развѣшаны безъ всякой системы. Музей, по недостатку средствъ, не могъ приобрести даже портрета Юанна Грознаго, при которомъ, собственно, и началась Кавказская война. Отсутствуютъ портреты даже такихъ дѣятелей, каковы: Баклановъ, Германъ, Граббе. Нѣтъ портретовъ и главнокомандующихъ, въ родѣ Головина, Шаулуччи, Ртицева и другихъ. А если и есть портреты, то нѣкоторые изъ нихъ въ художественномъ отношеніи ниже всякой критики. Много витринъ пустоеть. О такой, казалось бы, необходимой вещи, какъ каталогъ, нечего и думать. Словомъ, полная небрежность и нерадѣніе. Вотъ какъ относятся къ памятнику Кавказской войны. Какая разница съ севастопольскимъ музеемъ, гдѣ все дышитъ любовію къ русскому имени и нашимъ славнымъ боевымъ преданіямъ! Казалось бы, дальше идти некуда, а между тѣмъ случилось еще вотъ что. Кто могъ бы подумать, что въ «Храмѣ славы», конечно, съ разрѣшенія властей, будутъ устраиваться... различныя выставки, ничего общаго съ Кавказской войной не имѣющія?! А вотъ мѣстные Апелесы, ничто же сумняся, выставляютъ въ музей посильные труды своей кисти, прекрасный полъ — свои руководлія, скульпторы — голыя фигуры, любители огородничества и садоводства — *horribile dictu* — хвастаются передъ почтеннѣйшею публикой великолѣпными яблоками и огурцами!.. Даже иностранцы негодуютъ на подобное отношеніе къ русскому историческому памятнику. Лѣтомъ 1901 года, когда музей былъ заваленъ огурцами и яблоками, въ Тифлисъ пріѣхало нѣсколько человѣкъ ученыхъ французовъ и англичанъ. Свое первое знакомство со «столицей Кавказа» они рѣшили посвятить обзорѣнью «Храма славы». Каково же было ихъ недоумѣніе и негодованіе, когда вмѣсто портретовъ, картинъ и боевыхъ трофеевъ они увидѣли фрукты, фрукты и фрукты!.. Пора, наконецъ, положить предѣлъ подобному безобразію, переходящему всякія границы. «Храмъ славы» принадлежитъ цѣлой Россіи, а не отдѣльнымъ лицамъ. Музею слѣдуетъ дать директора, настоящаго и полнаго хозяина, изъ числа лицъ, горячо

любящихъ свое дѣло и знающихъ Кавказскую войну во всѣхъ ея деталяхъ и эпизодахъ. А такіе люди несомнѣнно имѣются налицо».

Исправленіе памятника на могилѣ В. Н. Каразина. Ректоръ императорскаго Харьковскаго университета въ письмѣ къ николаевскому градоначальнику контръ-адмиралу О. А. Энквисту сообщаетъ, что товарищъ министра народнаго просвѣщенія разрѣшилъ израсходовать изъ спеціальныхъ средствъ Харьковскаго университета тысячу рублей, на исправленіе намогильнаго памятника В. Н. Каразина въ городѣ Николаевѣ и приведеніе его въ соотвѣтствующее значенію состояніе. Письмо свое ректоръ заканчиваетъ просьбою не отказать въ распоряженіи объ исправленіи памятника, согласно сдѣланнымъ градоначальникомъ въ письмѣ отъ 2-го іюля указаніямъ. Контръ-адмиралъ О. А. Энквистъ, по словамъ «Южнаго Россіянина», предписалъ комиссіи, въ составѣ архитектора градоначальства, представителей городского управленія и избранныхъ, бывшихъ воспитанниковъ Харьковскаго университета, приступить къ ремонтнымъ работамъ. О грустномъ положеніи памятника не разъ сообщалось въ печати.

Могила Карагеоргіевича въ Кишиневѣ. На православномъ кладбищѣ въ Кишиневѣ, почти въ центрѣ кладбища, недалеко отъ церкви къ югу, среди другихъ ветхихъ памятниковъ, находится мало кому извѣстный памятникъ надъ могилой Алексѣя Чернаго, сына Кара Георгія, знаменитаго сербскаго вождя и родоначальника династіи Карагеоргіевичей. Нынешній король Сербіи Петръ I — племянникъ покойнаго, который служилъ на русской службѣ офицеромъ гвардіи. Памятникъ, по словамъ «Бессарабца», изъ простого мягкаго камня и состоитъ изъ двухъ частей: нижней, представляющей собою четырехгранную призму, поставленную такъ, что стороны ея обращены къ главнымъ частямъ горизонта, и верхней, представляющей собою четырехугольную пирамиду, стороны которой повернуты на 45° къ сторонамъ нижней части. Всѣ стороны какъ призмы, такъ и пирамиды покрыты рѣзбой на камнѣ. На восточной сторонѣ призмы (нижней части) высѣчена слѣдующая надпись:

Здѣсь погребены сынъ верховнаго вождя сербіи, Гвардій поручикъ Алексѣй черныи, скончавшійся на 33-го году отъ рожденія.

На южной сторонѣ славянскими буквами высѣчено слово «умре», затѣмъ въ строку: «1831 года», а подъ этой строкой везелемъ инициалы А. Ч. На западной сторонѣ высѣчено всевидящее око, окруженное сіяніемъ. На сѣверной — складень, посрединѣ котораго изображено распятіе, крестъ и лѣстница, справа и слева отъ распятія. На юго-западной сторонѣ пирамиды изображены на самомъ верху крестъ, обвитый змѣемъ, подъ нимъ черепъ и кости (символь смерти). Далѣе подъ черепомъ изображена корона съ крестомъ на гербѣ, изображающемъ собою одноглаваго орла, окруженнаго орнаментомъ. Подъ гербомъ военная арматура: кошья, знамена, пушки, на нихъ щитъ, на которомъ два скрещенныхъ ружья. Такія арматуры находятся и на остальныхъ трехъ сторо-

нахъ. Памятникъ сравнительно сохранился, но начинаетъ разрушаться; верхушка пирамиды расщеплена, на ней видимо былъ крестъ, но его теперѣ нѣтъ. Очевидно о поддержкѣ памятника въ цѣлости никто не заботится.

Курскій музей. По словамъ мѣстныхъ «Губернскихъ Вѣдомостей», курскій губернаторъ въ д. шталмейстера Н. Н. Гордѣевъ обратился къ представителямъ мѣстнаго общества съ отношеніемъ такого содержанія. 23-го апрѣля этого года въ городѣ Курскѣ основалась ученая архивная коммиссія, которая имѣетъ цѣлью объединить и развить мѣстныя начинанія въ дѣлѣ историко-археологическаго и этнографическаго изслѣдованія и изученія Курской губерніи преимущественно по сохранившимся памятникамъ старины и образцамъ народнаго творчества съ древнѣйшей эпохи до современнаго его состоянія. Въ связи съ такою дѣятельностью, коммиссіи предстоитъ практическое осуществленіе проекта историко-археологическаго и кустарнаго музея, учреждаемаго въ память посѣщенія государемъ императоромъ города Курска въ 1902 году. Этому музею предполагается придать характеръ такого учрежденія, которое бы наглядно представляло исторію послѣдовательнаго культурнаго развитія края, стягивая къ себѣ и сохраняя предметы, соответствующіе такимъ цѣлямъ; при чемъ въ кустарномъ отдѣлѣ музея предполагено сосредоточить не только старинныя мѣстныя кустарныя издѣлія, но и образцы существующихъ теперѣ въ губерніи кустарныхъ производствъ съ полной, по возможности, ихъ технической обстановкой; кромѣ того, предполагается помѣстить въ кустарномъ отдѣлѣ, для показательныхъ цѣлей, наиболѣе типичныя и усовершенствованныя издѣлія кустарныхъ производствъ, существующихъ въ другихъ губерніяхъ. Приведенныя основныя предположенія объ устройствѣ музея, намѣченныя мною и всеподданнѣйше представленныя на благовозрѣніе государя императора, были удостоены всемилостивѣйшаго вниманія, и его императорскому величеству благоугодно было повелѣть отпустить десять тысячъ рублей на первоначальное оборудованіе въ городѣ Курскѣ историко-археологическаго и кустарнаго музея». Коммиссія уже приступила къ своимъ занятіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе представители мѣстнаго общества.

Къ изученію Виленскаго края. Считаая необходимымъ помимо существующаго при учебномъ округѣ изданія древнихъ актовъ въ видѣ археографическихъ сборниковъ также и вѣстороннее научное изслѣдованіе Сѣверо-Западнаго края въ бытовомъ, историческомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ и другихъ отношеніяхъ, попечитель Виленскаго учебнаго округа циркулярно обратился къ директорамъ народныхъ училищъ округа съ просьбой оказать ему въ этомъ важномъ для края дѣлѣ свое содѣйствіе. Большую помощь въ намѣченной работѣ, какъ это указано въ циркулярѣ, могли бы оказать учителя народныхъ училищъ. «Проектируемая работа, — говорится въ циркулярѣ, — не должна затруднять какъ народныхъ учителей, такъ и воспитанниковъ учительской семинаріи. Она уже имѣетъ за собою маленькую, очень почетную исторію. Первые «Памятники народнаго творчества въ Сѣверо-Западномъ краѣ», изданныя въ 1866 г. П. А. Гильтебрандтомъ и первоначально печатавшіеся въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» того времени, собраны воспитанниками молодецкаго учительской семинаріи. Почетный трудъ Ю. Ф. Крачковскаго: «Быть западнорусса»,

напечатанный въ 1874 году въ «Чтеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ», главнымъ образомъ основанъ, по заявленію автора, на матеріалахъ, доставленныхъ учениками той же молодецкеной учительской семинаріи. Въ извѣстные белорусскіе сборники пѣсень Шейна, Романова, большой вкладъ сдѣланъ народными учителями, о чемъ и отмѣчено въ самыхъ сборникахъ. Много поработали народные учителя для существовавшего въ Вильнѣ сѣверо Западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества и для бывшаго въ Вильнѣ же IX археологическаго съѣзда. Виолнѣ увѣренъ, что и теперь, при большемъ среди нихъ сравнительно съ прежнимъ научномъ развитіи, они охотно примутъ посильное участіе въ намѣченной, имѣющей особо-важное значеніе работѣ, пока не возникнетъ задуманное для изученія края ученое общество или отдѣлъ одного изъ существующихъ».

Къ исторіи русской живописи. Въ главныхъ русскихъ газетахъ появилось слѣдующее письмо въ редакцію: «Милостивый государь, не откажите дать мѣсто въ вашей газетѣ слѣдующимъ строкамъ. Приступая къ печатанію II-го тома труда моего «Русская живопись въ XVIII вѣкѣ», я разыскиваю слѣдующіе портреты: 1) Работы Ѳ. Рокотова; кн. Екатерины Александровны Головкиной (находился у графа А. П. Шувалова); кн. Агриппины Александровны и кн. Бориса Александровича Куракиныхъ (грав. Радигомъ); Александра Ильича Бибикова (грав. Уткинымъ); Павла Григорьевича Демидова (грав. Грачовымъ); Богдана Егоровича Ельчанинова (грав. Герасимовымъ); Ивана Логгиновича Голенищева-Кутузова (грав. Анастасьевымъ). 2) Работы А. Антропова; Ѳед. Ник. Талызина (принадлежалъ Н. П. Драевскому) и грузинскаго царя Теймуроза II Николаевича (грав. Виноградовымъ). 3) Работы Ив. Аргунова; Н. Д. Разумовской (принадлежалъ А. Ѳ. Вельтману); кн. Мих. Мих. Голицына (грав. Радигомъ) и проф. Бергава. Прошу собственниковъ перечисленныхъ портретовъ, а также и владѣльцевъ другихъ произведеній художниковъ Рокотова, Антропова, И. и Н. Аргуновыхъ, Ѳ. Алексѣева, Сем. Щедрина, Дрозжина, Шебанова и Щукина дать мнѣ о нихъ свѣдѣнія по адресу: С.-Петербургъ, Фонтанка, 11. Редакторъ-издатель журнала «Міръ искусства» Сергѣй Дягилевъ».

Кто былъ авторомъ Гавриліады. Загѣтка объ этомъ вопросѣ, помѣщенная въ «Смѣси», послужила поводомъ къ дальнѣйшему обмѣну мнѣній. Въ № 9869 «Новаго Времени» (отъ 26 авг. 1903 г.) появилось письмо въ редакцію подъ заглавіемъ «Объ авторѣ Гавриліады» слѣдующаго содержанія: «Въ августовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ «Смѣси» напечатана загѣтка объ авторѣ «Гавриліады». Въ эту загѣтку вкралась серьезная ошлбка, которую обязательно исправить. Загѣтка признаетъ, что авторъ «Гавриліады» есть Пушкинъ, и неосторожно заявляетъ: «По высочайшему повелѣнію въ настоящее время г. Барсуковъ разыскиваетъ въ архивахъ письмо Пушкина къ императору Николаю I, представленное государю слѣдственной комиссіею, но до сихъ поръ безуспѣшно» («Смѣсь», стр. 736). Долгомъ считаю заявить, что я не имѣлъ счастья получить подобнаго порученія, и очень сожалѣю, что авторъ загѣтки не обратилъ вниманія на мое предисловіе къ «Выпискамъ изъ писемъ графа А. Х. Бенкендорфа къ императору Николаю I о Пушкинѣ», на-

печатанное въ книгѣ № 1-й «Старныя и Новыя». Въ немъ мною сказано: «Пушкинъ въ слѣдственной комиссіи, въ присутствіи графа П. А. Толстого, написалъ по поводу «Гаврилады» къ императору Николаю I письмо, которое слѣдственная комиссія не раскрывая представила государю. Нынѣ царствующему государю императору благоугодно было приказать завѣдующему Собственною Его Величества бібліотекою Рихарду Александровичу Гримму произвести розыски означеннаго письма въ своей бібліотекѣ. Къ сожалѣнію, письма этого не было найдено; но Р. А. Гриммъ сдѣлалъ изъ пересмотрѣнныхъ имъ бумагъ графа А. Х. Бенкендорфа выписки объ А. С. Пушкинѣ, которая по высочайшему повелѣнію были препровождены графу С. Д. Шереметеву». Въ той же замѣткѣ сказано, что «г. Барсуковъ съ необычайною сентиментальностью старается увѣрить читателей, будто Пушкинъ отрекался справедливо» (стр. 735). Изъ этихъ словъ можно подумать, что я витаю въ области предположеній, а не опираюсь на неопровержимые документы. Николай Барсуковъ». Черезъ четыре дня въ той же газетѣ, въ № 9873 (отъ 30 августа), появилось и слѣдующее возраженіе г. Барсукову въ видѣ также письма въ редакцію и подъ тѣмъ же заглавіемъ: «М. г. Очень просилъ бы васъ дать мѣсто слѣдующимъ строкамъ въ вашей уважаемой газетѣ. Въ № 9896 «Новаго Времени» Н. Барсуковъ утверждаетъ, будто онъ доказалъ, основываясь на «неопровержимыхъ документахъ», что не Пушкинъ былъ авторомъ «Гаврилады». Это положительно не вѣрно. Шумъ вокругъ вопроса объ авторствѣ «Гаврилады» возникъ по поводу моей статьи, помѣщенной въ «Русскомъ Архивѣ» этого года (№ 7). Въ 1902 году графомъ Шереметевымъ было обнародовано письмо Пушкина, въ которомъ онъ отрекался отъ авторства «Гаврилады». Тогда же дѣлнымъ рядомъ изслѣдователей было указано, что повѣрить этому отреченію невозможно. Въ этомъ смыслѣ высказались, напримѣръ, В. В. Каллашъ и Н. О. Лернеръ. Такой знатокъ Пушкина, какъ П. А. Ефремовъ, включилъ отрывки изъ Гаврилады во 2-й томъ редактируемаго имъ изданія Пушкина, появившійся уже послѣ того, какъ отреченіе было обнародовано. Въ своей статьѣ я поставилъ себѣ задачей собрать въ одно всѣ доказательства въ пользу того, что «Гаврилада» написана Пушкинымъ. Собственно говоря, это до такой степени несомнѣнно, что мою статью можно даже считать излишней. «Историческій Вѣстникъ», «безусловно присоединяясь» къ моему мнѣнію, писалъ по поводу моей статьи: «Достаточно прочесть нѣсколько строкъ поэмы, чтобы узнать Пушкина. Кромѣ него, никто не могъ писать такими стихами. Повѣрить, будто ихъ авторомъ былъ князь Горчаковъ, не можетъ ни одинъ мало-мальски смыслящій въ поэзіи человекъ». Г. Барсуковъ взялся однако возражать мнѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». «Неопровержимымъ документомъ», доказывающимъ ошибочность моего мнѣнія, могла бы быть развѣ только находка подлинной черновой рукописи «Гаврилады», писанной княземъ Горчаковымъ. Ничего подобнаго у г. Барсукова не было. Всѣ его документы ограничиваются «все тѣмъ же отреченіемъ Пушкина», которое послужило поводомъ для моей статьи. Всѣ его доказательства сводятся къ указанію на фактъ существованія этого письма. Между тѣмъ возраженіе г. Барсукова дало поводъ провинціальной и столичной печати обвинить меня въ на-

мѣренномъ оскорбленіи Пушкина. Нѣкто «Стародумъ» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» дошелъ въ своихъ нападкахъ даже до грубой, совсѣмъ не литературной брани, обращенной ко мнѣ. Меня удивляетъ, что у насъ такъ боятся свободы изслѣдованія и такъ мало уважаютъ свободу мнѣнія. Меня удивляетъ, что находятъ нужнымъ всѣми правдами и неправдами обѣлять Пушкина. Мы любимъ его и чтимъ такимъ, каковъ онъ есть, какъ гениальнаго поэта и великаго мыслителя, не нуждаясь въ лицемѣрномъ закрываніи глазъ на разныя стороны его жизни. Москва, 28-го августа. «Валерій Брюсовъ». Со своей стороны мы признаемъ отвѣтъ г. Брюсова вполне достаточнымъ по существу дѣла; въ формальномъ же отношеніи приносимъ благодарность г. Барсукову за опроверженіе нашей описки, хотя весьма сожалѣемъ, что слухъ о высочайшемъ порученіи почтенному историку оказывается невѣрнымъ. Наше разногласіе съ г. Барсуковымъ по данному вопросу ничуть не умаляетъ нашего уваженія къ его многочисленнымъ и разнообразнымъ заслугамъ передъ русскою литературою и наукою, точно такъ же, какъ это уваженіе не мѣшаетъ намъ считать его мнѣніе объ авторѣ Гаврилады совершенно неосновательнымъ и крайне сентиментальнымъ. Прибавимъ въ заключеніе, что нашелся любитель, отыскавшій рукопись Гаврилады, писанную почеркомъ, «очень похожимъ на Пушкинскій» (Новое Время, № 9874). Однако черезъ три дня оказалось, что этотъ почеркъ не имѣетъ «даже отдаленнаго сходства съ почеркомъ поэта» (Новое Время, № 9877). По всему видно, что вопросъ окончательно исчерпанъ.

НЕКРОЛОГИ.

БОГОЛЮБОВЪ, Н. И. † 25-го августа скончался бывший ординарный профессоръ императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ факультетской хирургической клиники, докторъ медицины, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Боголюбовъ. Покойный происходилъ изъ оберъ - офицерскихъ дѣтей, родился въ 1841 году; въ 1864 году онъ окончилъ курсъ по медицинскому факультету Казанскаго университета; въ ноябрѣ 1865 года, по избранію совѣта университета, былъ назначенъ на должность ординатора госпитальной хирургической клиники, въ началѣ октября 1869 года перемѣщенъ на такую же должность при факультетской хирургической клиникѣ. По защитѣ диссертациі подѣ заглавіемъ «объ углекислотѣ въ желчи», Н. И. былъ утвержденъ совѣтомъ Казанскаго университета въ засѣданіи 3-го февраля 1873 года въ степени доктора медицины; въ апрѣлѣ того же года назначенъ штатнымъ доцентомъ на кафедре оперативной хирургіи съ увольненіемъ отъ должности ординатора, въ январѣ 1883 года утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора по кафедрѣ факультетской хирургической клиники и въ январѣ 1886 года возведенъ въ званіе ординарнаго профессора. Будучи ординаторомъ госпитальной хирургической клиники, покойный, по порученію медицинскаго факультета, велъ со студентами практическія занятія въ операціяхъ надъ трунами подѣ наблюденіемъ профессора А. Н. Бекетова; будучи откомандированнымъ въ главное управленіе російскаго общества Краснаго Креста, онъ принималъ участіе въ медицинскомъ отдѣлѣ по подавію помощи раненымъ въ русско-турецкую войну 1877 — 1878 годовъ, за что былъ удостоенъ высочайшей награды. 20-го декабря 1885 года былъ произведенъ за отличіе въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Вслѣдствіе поданнаго 12-го ноября 1886 года рапорта о томъ, что онъ по болѣзни не въ состояніи продолжать исполненіе служебныхъ обязанностей, былъ уволенъ 15-го апрѣля

1887 года отъ службы съ назначеніемъ пенсіи. Съ этого времени до послѣднихъ дней покойный жилъ въ Казани, имѣя небольшую практику по своей специальности. (Некрологъ его: «Казанскій Телеграфъ», 1903 г., № 3188).

Бранденбургъ, Н. Е. † 31-го августа скончался извѣстный русскій археологъ генераль-лейтенантъ Николай Ефимовичъ Бранденбургъ, бывшій около 30-ти лѣтъ начальникомъ историческаго артиллерійскаго музея въ Петербургѣ. Покойный особенно дѣятельно занимался археологическимъ изслѣдованіемъ южнаго побережья Ладожскаго озера; съ 1878 и по 1884 годъ произвелъ съ этою цѣлью при содѣйствіи императорскаго археологическаго общества около 150 раскопокъ кургановъ преимущественно по рѣкѣ Пашѣ и ея притокамъ и изслѣдовалъ всесторонне древнее каменное городище въ Старой Ладогѣ. Найденные имъ костяки и предметы древняго вооруженія и обихода въ свое время послужили ему темой интересныхъ докладовъ въ различныхъ собраніяхъ археологовъ и явились богатымъ матеріаломъ для его статей. Н. Е. родился въ Петербургѣ 8-го августа 1831 года, воспитывался въ 5-й с.-петербургской гимназій, затѣмъ окончилъ курсъ въ дворянскомъ полку (нынѣ Константиновское военное училище). Начавъ службу въ артиллеріи, онъ посвящалъ свои досуги изученію отечественныхъ древностей, главнымъ образомъ древностей первобытныхъ и доисторическихъ. Съ 1864 года занялся изслѣдованіями по исторіи развитія въ Россіи артиллерійскаго искусства въ періодъ допетровскій. Состоя на службѣ въ лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригадѣ, посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя С.-Петербургскій университетъ и слушалъ лекціи на восточномъ факультетѣ. Въ 1872 году переведенъ на службу въ главное артиллерійское управленіе и назначенъ начальникомъ историческаго артиллерійскаго музея. Въ періодъ 30-ти-лѣтняго завѣдыванія музеемъ покойный энергично заботился о приведеніи его въ образцовый порядокъ. Музей обогатился при немъ дѣльнымъ рядомъ новыхъ коллекцій, архивныхъ документовъ XVIII столѣтія и цѣннымъ археологическимъ отдѣломъ. Разрабатывая архивные документы музея, покойный издалъ нѣсколько томовъ обширнаго историческаго каталога музея и изслѣдованіе по исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи («Приказъ артиллеріи»). Н. Е. принималъ видное участіе въ качествѣ дѣйствительнаго члена въ с.-петербургскомъ и московскомъ археологическихъ обществахъ и собраніяхъ археологическаго института. Ростовскій музей церковныхъ древностей избралъ покойнаго за его заслуги по отечественной археологіи въ свои почетные члены. Генералу Бранденбургу принадлежит множество статей по археологіи, напечатанныхъ въ журналахъ «Военный Сборникъ», «Артиллерійскій журналъ», «Оружейный Сборникъ» и друг. Особенно извѣстны его труды по военной археологіи: «Матеріалы для исторіи артиллерійскаго управленія въ Россіи (приказа артиллеріи 1701 — 1702 годовъ)», «500-лѣтіе русской артиллеріи», «Родъ князей Массальскихъ», «Матеріалы по археологіи Россіи; курганы южнаго Приладожья», «Старая Ладога» и многія другіе. Н. Е. участвовалъ въ русско-турецкой войнѣ при обстрѣливаніи крѣпости Рущука и при обложаніи и взятіи Плевны и за выдающуюся храбрость былъ награжденъ орденомъ. Покойный имѣлъ всѣ русскіе ордена до св. Анны 1-й степени включительно. Н. Е. состоялъ членомъ-корреспондентомъ импера-

торскаго русскаго археологическаго общества, естествознанія, антропологии и этнографіи. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9876; «Харьковскія Вѣдомости», 1903 г., № 231; «Кіевлянинъ», 1903 г., № 245; «Бессарабецъ», 1903 г., № 231; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 195; «Русскій Инвалидъ», 1903 г., № 191).

† **Глуховской, П. И.** 18-го августа скончался гофмейстеръ высочайшаго двора, членъ совѣта министра финансовъ, Павелъ Ивановичъ Глуховской. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата П. И. былъ опредѣленъ на службу въ департаментъ сельскаго хозяйства, въ 1861 году переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а черезъ годъ назначенъ столоначальникомъ лѣснаго департамента. Въ 1870 году П. И. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ финансовъ и командированъ для занятій въ департаментъ таможенныхъ сборовъ и назначенъ тогда же членомъ въ учрежденной при министерствѣ финансовъ комиссіи о мѣрахъ къ развитію торговли и морскихъ промысловъ на Вѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ. Кромѣ того, ему было поручено участвовать въ работахъ по пересмотру таможеннаго устава. Въ 1875 г. П. И. былъ командированъ на филладельфійскую выставку въ распоряженіе генеральнаго комиссара, а въ 1878 г. на нирижской всемірной выставкѣ устривалъ русскій отдѣлъ. Въ 1889 году П. И. былъ назначенъ помощникомъ генеральнаго комиссара Россійской промышленной выставки. Въ 1885 г. покойный былъ назначенъ предсѣдателемъ особаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Въ 1887 г. П. И. состоялъ генеральнымъ комиссаромъ русскаго отдѣла копенгагенской выставки. Съ 1889 года былъ предсѣдателемъ с.-петербургскаго городского податнаго присутствія. Въ 1892 г. назначенъ членомъ совѣта министра финансовъ и въ этомъ же году назначенъ генеральнымъ комиссаромъ чикагской выставки. Въ 1893 г. П. И. былъ генеральнымъ комиссаромъ антверпенской выставки. Покойный имѣлъ всѣ ордена до Бѣлаго Орла и много иностранныхъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9864; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 188).

† **Грешнищевъ, П. И.** 20-го августа скончался въ Гунтербургѣ на 67 году жизни сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента сената, тайный совѣтникъ Петръ Никаноровичъ Грешнищевъ. Покойный происходилъ изъ дворянъ; образованіе получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, по окончаніи курса въ которомъ вступилъ на службу въ канцелярію с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, но черезъ годъ былъ перевѣщенъ въ канцелярію самарскаго губернатора. Въ 1859 г. П. И. участвовалъ въ комиссіи для составленія проектовъ новыхъ узаконеній объ уѣздномъ полицейскомъ управленіи и для пересмотра устава о паспортахъ и улучшенія системы податей и пошлинъ. Въ 1861 году П. И. былъ членомъ отъ правительства въ мировыхъ сѣздахъ Калужской губерніи, а въ 1864 году—въ черкасскомъ мировомъ сѣздѣ. Затѣмъ покойный былъ причисленъ къ государственному контролю и въ 1866 г. занялъ должность старшаго ревизора костромской контрольной палаты; въ томъ же году, однако, П. И. былъ переведенъ въ министерство юстиціи и въ скоромъ времени назначенъ членомъ сумскаго окружнаго суда; въ 1869 году П. И. занялъ такую же должность въ Одессѣ, а еще черезъ годъ въ Петербургѣ. Въ

1876 году П. Н. был назначен товарищем председателя с.-петербургскаго окружнаго суда, а через три года членом с.-петербургской судебной палаты, но пробылъ въ этой должности всего одинъ годъ, послѣ чего былъ назначенъ товарищемъ оберъ-прокурора гражданскаго кассационнаго департамента сената. По этой должности П. Н. принималъ участіе въ произведенной сенаторомъ Ковалевскимъ общей ревизіи Казанской и Костромской губерній Затѣмъ въ 1884 г. П. Н. занялъ постъ оберъ-прокурора 3-го департамента сената, а еще черезъ 4 года—председателя департамента московской судебной палаты, но черезъ годъ уже опять былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ 4-го департамента сената. Сенаторомъ покойный состоялъ съ 1890 года сперва въ уголовномъ, а затѣмъ въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9866; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 190).

† **Ждановъ, С. Н.** 1-го сентября въ Нѣжинѣ скончался Сергѣй Николаевичъ Ждановъ, бывшій ординарный профессоръ института князя Безбородка. Родившись въ 1850 году въ городѣ Шенкурскѣ Архангельской губерніи въ семьѣ священника, онъ учился въ архангельской гимназійи и въ с.-петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, по окончаніи курса въ которомъ въ 1871 году былъ назначенъ на службу преподавателемъ древнихъ языковъ въ кievскую прогимназію. Въ 1875 г. онъ испросилъ себѣ командировку за границу «для дальнѣйшаго изученія классической филологіи». Въ 1879 г. С. Н. представилъ въ С.-Петербургскій университетъ диссертацию на ученую степень магистра греческой словесности и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ въ нѣжинскій институтъ; черезъ годъ сталъ его профессоромъ и въ этомъ званіи прослужилъ въ немъ до лѣта 1901 года, когда вышелъ въ отставку. Еще въ 1891 году онъ приобрѣлъ ученую степень доктора въ томъ же С.-Петербургскомъ университетѣ. Такимъ образомъ большая часть службы покойнаго, цѣлые 22 года, прошла въ нѣжинскомъ институтѣ. Выдающийся знатокъ классической филологіи, онъ съ охотой употреблялъ на преподаваніе, на руководство студенческими занятіями свои научныя познанія. Критикъ въ наукѣ, онъ былъ мужественный, честный дѣятель на службѣ, а въ частномъ обхожденіи съ людьми отличался чрезвычайной простотой, скромностью и благодушіемъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9889).

† **Загряжская, Е. П.** 1-го сентября скончалась въ своемъ имѣніи близъ Тамбова бывшая артистка императорскихъ театровъ Струйская I, Елена Павловна Загряжская, рожденная Сердюкова. Покойная актриса на первые роли служила въ продолженіе 20 лѣтъ лучшимъ украшеніемъ нашей драматической сцены. Съ нею сошло въ могилу крупное, блестящее дарованіе, восхитившее петербуржцевъ съ половины шестидесятыхъ годовъ вплоть до выхода покойной въ отставку, вызванную единственно разстройствомъ ея здоровья. Столичные жители той эпохи навѣрно живо помнятъ стройную красавицу брюнетку съ чарующимъ голосомъ, обаятельной улыбкой. Совѣмъ юной выступила она на театральныя подмостки, гдѣ скоро и побѣдоносно заняла первенствующее мѣсто. Одною изъ первыхъ созданныхъ ею ролей была роль геронны въ «Свѣтскихъ ширмахъ», женщины-полуревенка. Покойная Струйская буквально потрясала театръ, когда передъ смертью убавкивала большую куклу, которой

вздумалъ позабавить ее старый другъ, и когда она тихо и безропотно умирала, убитая измѣной любимаго мужа. Роль Катерины въ «Грозѣ» была одной изъ коронныхъ ея ролей. Въ ней она создала образъ мечтательной, пылкой и мистически настроенной женщины изъ полуневѣжественной среды. Поклонники таланта Е. П., вѣроятно, не забыли ее и въ роли Корделии въ «Королѣ Лирѣ», и въ роли Юанны Безумной въ «Сумасшествіи отъ любви». Это было безконечно разнообразное, гибкое дарованіе. Струйская одинаково восхищала зрителя, изображая героиню въ пьесахъ Островскаго изъ темной купеческой среды, и свѣтскихъ кокетокъ и королеву. Только тѣ, кто стоялъ къ ней близко, знаютъ, какъ добросовѣстно отдѣлывала она каждую роль, какъ волновалась каждый разъ при выходѣ на подмостки. Не часто можно встрѣтить актрису, которая бы такъ самоотверженно любила искусство, сцену и въ то же время была такъ идеально скромна, такъ мало думала о славѣ. И вѣжннй организмъ не выдержалъ такого напряженія. Разстроивъ здоровье, Е. П. сошла со сцены въ полномъ расцвѣтѣ своего дивнаго таланта. (Некрологъ ее: «Новое Время», 1903 г., № 9886).

† **Константиновичъ, А. П.** 12-го сентября, въ Кіевѣ скончался бывшій членъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ, генераль-лейтенантъ Александръ Петровичъ Константиновичъ. Покойный принадлежалъ къ числу славныхъ участниковъ хивинскаго похода. Въ должности завѣдующаго артиллерійскою частью Оренбургскаго военного округа онъ командовалъ при взятіи Хивы 28-го мая 1873 г. артиллеріей оренбургскаго отряда и получилъ за боевыя отличія орденъ св. Владимира 3-й степени съ мечами и золотое оружіе съ надписью «за храбрость». А. П. происходилъ изъ дворянъ Полтавской губерніи, родился въ 1832 г., образованіе получилъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, затѣмъ окончилъ курсъ въ Михайловской артиллерійской академіи. Избравъ въ началѣ своей служебной дѣятельности педагогическое пѣрище, преподавалъ математику и артиллерію въ Кіевскомъ кадетскомъ корпусѣ и былъ воспитателемъ въ томъ же корпусѣ. Въ концѣ 60-хъ годовъ завѣдывалъ учебнымъ артиллерійскимъ полигономъ Рижскаго военного округа. Послѣ хивинскаго похода былъ военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Тургайской области и съ 1883 года въ теченіе шестнадцати лѣтъ бессарабскимъ губернаторомъ. Покойный заявилъ себя знающимъ администраторомъ, поборникомъ народнаго просвѣщенія и заботливымъ хозяиномъ въ дѣлѣ улучшенія экономическаго и санитарнаго состоянія губерніи. Въ 1899 году А. П. былъ назначенъ членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ. Покойный былъ награжденъ всѣми орденами до Бѣлаго Орла включительно. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9890; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 458).

† **Крассовскій, А. Ф.** 10-го сентября, скончался инженеръ путей сообщенія, тайный совѣтникъ Александръ Францевичъ Крассовскій, видный въ свое время дѣятель по водянымъ и посейнымъ сообщеніямъ. Покойный окончилъ институтъ инженеровъ путей сообщенія въ 1854 году первымъ, и имя его записано въ институтѣ на мраморную доску. Службу свою началъ въ должности помощника начальника Нарвской станціи электромагнитнаго телеграфа. Въ 1871 г. былъ назначенъ помощникомъ начальника VI (нынѣ Казанскій) округа

путей сообщенія, которымъ управлялъ до назначенія, въ концѣ 1872 года, начальникомъ V (Ярославскаго) округа. Въ навигацію 1879 года, по случаю возникшихъ на Маринской системѣ затрудненій, былъ командированъ для наблюденія за судоходствомъ на этой системѣ. По образованіи въ 1881 году одного округа (Казанскаго), для завѣдыванія всѣмъ бассейномъ Волги отъ Рыбинска до Каспійскаго моря, А. Ф. былъ назначенъ начальникомъ этого округа, а въ 1883 году переведенъ на должность начальника Московскаго округа путей сообщенія. Въ 1893 году сдѣланъ членомъ инженернаго совѣта, но въ концѣ 1895 года долженъ былъ по болѣзни выйти въ отставку. Дѣятельность покойнаго на Волгѣ совпала съ началомъ нѣкотораго поворота въ пользу водныхъ путей, послѣ увлеченія желѣзно-дорожнымъ строительствомъ, и онъ усердно трудился на пользу судоходства. Сложное и трудное дѣло организациі системы обстановки рѣкъ съ освѣщеніемъ, давшее возможность плаванія какъ днемъ, такъ и ночью и тѣмъ увеличившее вдвое нашу короткую навигацію, было самостоятельно выработано Красовскимъ и его ближайшими помощниками, и организациа эта примѣнена имъ на Волгѣ, а потомъ уже перешла на другія рѣки. При генералъ-адъютантѣ Посыетѣ А. Ф. сдѣлался его ревностнымъ сотрудникомъ и между прочимъ руководилъ первыми судоходными съѣздами въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1875—1877 годахъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9887).

Петровъ, Л. П. 10-го августа, скончался Леонидъ Петровичъ Петровъ, сотрудникъ «Пермскаго Края», авторъ многихъ очерковъ и рассказовъ, печатавшихся подъ собственной фамиліей автора и подъ псевдонимомъ «Сибирскій». Л. П. писалъ преимущественно рассказы изъ народнаго быта, знакомаго ему близко и хорошо. Въ «Пермскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщено было немало такихъ его рассказовъ, въ особенности изъ припсковой жизни; это едва ли не лучшія произведенія покойнаго, отмѣченныя рѣдкою наблюдательностью и безусловной талантливостью. Въ продолженіе сотрудничества своего въ «Пермскихъ Вѣдомостяхъ», «Родинѣ» и «Пермскомъ Краѣ» Л. П. написалъ цѣлую серію такихъ рассказовъ, отличающихся и разнообразіемъ формъ изложенія: между ними есть и полуфантастическія сибирскія легенды, и картинки изъ городской жизни (напримѣръ, «Олечка»), и юмористическія вещи. Лучшіе рассказы Л. П. помѣщенные въ «Пермскомъ Краѣ»: «Отчего не удался концертъ», «Изъ-за программы», «На сибирской дорогѣ», «Приспособился» и др. У покойнаго Леонида Петрова было несомнѣнное художественное дарованіе, и въ будущемъ, мы увѣрены, изъ него выработался бы талантливый беллетристъ. (Некрологи его: «Пермскій Край», 1903 г. № 734; «Пермскія Вѣдомости», 1903 г., № 176).

† **Полежаевъ, П. Н.** 4-го сентября, скончался извѣстный зоологъ, авторъ нѣсколькихъ цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, Николай Николаевичъ Полежаевъ. Онъ родился въ 1857 году, среднее образованіе получилъ въ 4-й с.-петербургской гимназіи, высшее—на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета, откуда въ 1879 году перешелъ въ Новороссійскій университетъ. По окончаніи, въ 1880 г., курса со степенію кандидата естественныхъ наукъ, онъ отправился за границу и занимался зоологіей въ Вюрцбургѣ у профессора Землера и въ Лейпцигѣ у

профессора Лейкарта; въ 1881 г. совершилъ съ ученою цѣлью кругосвѣтное путешествіе, послѣ чего въ теченіе трехъ лѣтъ занимался изслѣдованіемъ губокъ у профессора Шульце въ Грацѣ. Въ 1885 году, защитивъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ диссертацию: «Опытъ естественной системы известковыхъ губокъ», Н. Н. получилъ степень магистра, а въ 1889 году за диссертацию: «Keratosa, какъ естественная систематическая группа» — степень доктора зоологій. Съ 1886 по 1891 годъ онъ состоялъ приватъ-доцентомъ по кафедрѣ зоологій въ С.-Петербургскомъ университетѣ, а въ 1893—1894 гг. — въ университетѣ св. Владимира. Покойный считался однимъ изъ лучшихъ знатоковъ губокъ, почему ему и было предложено взять на себя обработку спонгиологическихъ коллекцій, собранныхъ экспедиціей Челенджера. Кромѣ названныхъ двухъ диссертаций, ему принадлежатъ слѣдующіе труды: «Ueber d. Sperma und d. Spermato-genese bei *Sycandra garbanus*», «Объ организаціи и классификаціи роговыхъ губокъ», «Спонгиологическіе этюды» и др. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9882; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 201).

† Чаусовъ, М. Д. 29-го августа, скончался въ Варшавѣ заслуженный ординарный профессоръ варшавскаго университета, д-ръ медицины Михаилъ Дмитриевичъ Чаусовъ. Покойный принадлежалъ къ числу видныхъ знатоковъ оперативной хирургіи и анатоміи. Имя его пользовалось обширною извѣстностью въ медицинскомъ мірѣ. Въ Варшавѣ онъ явился однимъ изъ главныхъ инициаторовъ мѣстнаго русскаго медицинскаго общества и въ теченіе многихъ лѣтъ руководилъ въ качествѣ предсѣдателя его дѣятельностью. М. Д. Чаусовъ, сынъ священника Смоленской губ., родился въ 1839 г. Общее образованіе онъ получилъ въ смоленской духовной семинаріи, а медицинское — въ медико-хирургической академіи, полный курсъ которой окончилъ въ 1865 г. съ серебряной медалью и былъ оставленъ при академіи для подготовленія къ профессорскому званію. Въ 1868 г. защитилъ диссертацию «Объ организаціи кровяного свертка при перевязкѣ сосудовъ» на степень доктора медицины. Во время франко-прусской войны отправился въ заграничную командировку и произвелъ рядъ интересныхъ наблюденій надъ устройствомъ военно-медицинской части въ вѣкоторыхъ прусскихъ полевыхъ лазаретахъ. Ему пришлось одновременно ознакомиться со многими невѣдомыми намъ хирургическими аппаратами, примѣнявшимися во время войны. По возвращеніи въ Россію въ 1872 г. былъ назначенъ доцентомъ въ Варшавскій университетъ по кафедрѣ оперативной хирургіи и хирургической анатоміи. Въ это время имъ были опубликованы цѣнный обзоръ успѣховъ по хирургической патологій и оперативной хирургіи. Въ 1876 г. переведенъ на кафедру описательной анатоміи въ званіи экстра-ординарнаго профессора, затѣмъ вскорѣ возведенъ въ званіе ординарнаго. Въ послѣдней должности М. Д. оставался до послѣднихъ дней своей жизни. Въ теченіе своей службы въ университетѣ М. Д. дважды былъ избираемъ на должность декана медицинскаго факультета; дважды несъ эту обязанность по назначенію. Неоднократно былъ избираемъ совѣтомъ университета въ университетскіе судьи и неоднократно получалъ заграничную командировку съ ученою цѣлью. Въ лицѣ почившаго М. Д. Варшавскій университетъ потерялъ одного изъ старѣйшихъ и выдающихся своихъ представителей; медицинскій факультетъ лишился опытнаго де-

кана, а русское медицинское общество—своего несмѣняемаго предсѣдателя, которому обязано не только своимъ развитіемъ, но даже и своимъ первоначальнымъ возникновеніемъ. Непрерывно продолжавшаяся, почти до послѣднихъ дней его жизни, научно-литературная его дѣятельность выразилась въ 30 сочиненіяхъ на различныхъ языкахъ, по вопросамъ изъ области научной медицины, анатоміи и антропологии. Въ наслѣдіе учащейся молодежи и врачамъ имъ оставлено «Руководство по топографической анатоміи», за которое тѣ и другіе должны быть особенно благодарны М. Д., ибо названное руководство, помимо своихъ достоинствъ, является, можно сказать, единственнымъ оригинальнымъ на русскомъ языкѣ руководствомъ по предмету прикладной анатоміи въ полномъ ея объемѣ. М. Д. основалъ и постоянно заботился о расширеніи такъ называемаго студенческаго музея. Затѣмъ, какъ деканъ медицинскаго факультета, онъ работалъ надъ рѣшеніемъ иногда весьма сложныхъ факультетскихъ вопросовъ, требовавшихъ весьма много времени и труда; неупустительно участвовалъ въ засѣданіяхъ правленія и совѣта университета; наконецъ, какъ предсѣдатель русскаго медицинскаго общества, онъ управлялъ его дѣлами, руководилъ засѣданіями и пр., и при всемъ этомъ онъ находилъ время и для научныхъ изслѣдованій. Научно-литературная дѣятельность М. Д. получаетъ особое освѣщеніе также въ виду тѣхъ исключительно тяжелыхъ виѣшнихъ условий, при которыхъ приходилось ему работать десятки лѣтъ. И въ самомъ дѣлѣ—первыя свои анатомическія изслѣдованія М. Д. выполнилъ при сальной свѣчкѣ; вода и газъ проведены въ старомъ анатомическомъ институтѣ только въ концѣ 80-хъ годовъ; канализаціи тамъ вовсе не было, поэтому приходилось работать среди разлагающихся, гнѣющихъ трупныхъ остатковъ и жидкостей. Въ такой обстановкѣ М. Д. проводилъ время съ 8 часовъ утра до 5 пополудни ежедневно, не исключая и праздничныхъ дней, увлекая къ работѣ и своихъ сотрудниковъ. Понятно, что не виѣшнія побужденія руководили М. Д. при этой работѣ, а только безкорыстная любовь къ наукѣ и уваженіе къ обязанностямъ и задачамъ профессора. (Некрологи его: «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 244; «Новое Время», 1903 г., № 9881; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 199).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Правда объ ашиновцахъ.

А. П. Андреевъ, посѣтивъ плоскостную Осетию, передалъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (августъ 1903 года), со словъ одного осетина Ардонской станицы, сказаніе объ участи его, съ девятью товарищами-осетинами въ бывшей Ашиновской экспедиціи.

Въ сказаніи этомъ, что ни фраза, то вымыселъ, по привычкѣ горца, преувеличивать свои похождения съ хвастливостью черезъ край.

Сказаніе г. Андрееву передалъ осетинъ Шавкуцъ Джейрановъ (по моей запиской книжкѣ значится Савкусомъ Дзерановымъ).

Основываясь на разсказѣ Дзеранова, г. Андреевъ представилъ его однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ бывшей Ашиновской экспедиціи, которымъ Дзерановъ въ дѣйствительности не былъ.

Будучи ближайшимъ сотрудникомъ Ашинова по управленію личнымъ составомъ отряда и дѣлами экспедиціи, я настоящимъ опроверженіемъ на статью г. Андреева «Ашиновцы» считаю себя обязаннымъ возстановить истину.

Савкусъ Дзерановъ съ его девятью товарищами дѣйствительно участвовалъ въ бывшей Ашиновской экспедиціи; но жаль, что г. Андреевъ свою случайную встрѣчу въ Ардонѣ съ тремя изъ нихъ обобщилъ наименованіемъ— «знакомство съ ашиновцами».

«Ашиновцами» въ нашей экспедиціи осетины никогда не были и не могли ими быть по весьма простой причинѣ: наши осетины, по ихъ словамъ, шли съ нами «изъ-за денегъ», «за деньгами»; слѣдовательно, они шли, какъ наемники, служили у насъ за жалованье, которое ожидали получить деньгами, подобно тому, какъ, на примѣръ, служатъ по найму своимъ хозяевамъ въ Гостиномъ дворѣ приказчики, которыхъ, какъ не товарищей по дѣлу, никакъ нельзя назвать «гостинодворцами».

Разница между осетинами и прочими участниками экспедиціи огромная. Первые, то-есть осетины, были наемниками: они шли, какъ я сказалъ, «за деньгами»; всѣ же прочіе слѣдовали за Ашиновымъ съ вѣрою въ чистоту его предпріятія, на работу вмѣстѣ съ нимъ, въ руководимомъ имъ славномъ русскомъ дѣлѣ, а именно: послужить безвозмездно матушкѣ Россіи на устройство въ Африкѣ «русской морской станціи», и только вотъ эти послѣдніе участники экспедиціи имѣютъ право и должны именоваться «ашиновцами».

Всѣ осетины въ нашей экспедиціи были безграмотны и неразвиты, за исключеніемъ одного грамотнаго молодого человѣка, державшаго себя особо отъ нихъ.

При сомнительныхъ, присущихъ ихъ племени, невысокихъ нравственныхъ качествахъ, наши осетины выражали при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ хвастливость своею горскою удалью.

Изъ боязни потерять всякое значеніе наши осетины держались въ сторонѣ отъ остальныхъ членовъ отряда и во всю дорогу ни съ кѣмъ не сближались. Толковымъ и авторитетнымъ среди нихъ былъ только одинъ Савкусъ Дзерановъ, съ знакомъ отличія военного ордена 4 степени за участіе на Кавказѣ въ мянувшей турецкой кампаніи.

Находясь въ экспедиціи, никто изъ осетинъ на офицерскомъ положеніи не состоялъ, офицерскихъ погонъ не носилъ и никакими особыми преимуществами не пользовался.

Въ Одесѣ Апиновъ оставался Апиновымъ и своей фамилии не перемѣнялъ на Петрова, потому что надобности въ томъ не имѣлось: экспедиція формировалась открыто.

На пароходѣ каждый изъ насъ ѣхалъ въ своемъ костюмѣ. Въ монашескомъ же платьѣ ѣхали только лишь архимандритъ Паисій съ монашествующею братіей, въ числѣ около 20 лицъ.

Оружіе осетинамъ приказано было снять съ себя еще передъ отправление въ экспедицію и спрятать его, чтобы не развить безпокойства среди мирной и ѣхавшей съ нами на пароходѣ посторонней публики.

Въ Адень мы вовсе не заходили и никого тамъ на берегъ съ парохода не высаживали.

Казаковъ-некрасовцевъ среди насъ тоже никого не было. Весь отрядъ состоялъ изъ охотниковъ-одесситовъ православнаго исповѣданія, и ни одного иповѣрца, за исключеніемъ лишь означенныхъ осетинъ, которые при разсростѣ ихъ объ исповѣдуемой ими вѣрѣ сами хорошо не знали: православные они, или мусульмане.

Отъ Порть-Сауда до мѣста нашей высадки въ Африкѣ, близъ Сагало, мы ѣхали на «Амфитридѣ», большомъ океанскомъ пароходѣ «Австрійскаго ллойда», на которомъ наше духовенство совершило въ пути три церковныя службы: всенощное бдѣніе подъ праздникъ Рождества Христова и два молебствія—въ день этого праздника и новогодній, 1-го января 1889 года, по нашему старому стилю.

Съ австрійцами, составлявшими начальство и администрацію парохода «Амфитрида», во всю дорогу у насъ миръ и ладъ никогда не нарушались. Опасались же мы лишь схватки при высадкѣ на берегъ съ экипажемъ итальянской канонерки, преслѣдовавшей по Красному морю нашъ пароходъ; но бѣда эта миновала насъ,—сильная буря вскорѣ дала возможность нашему океанскому пароходу уйти отъ преслѣдованія канонерки, и мы спокойно высадились на берегъ въ указанномъ Н. И. Апиновымъ мѣстѣ.

Въ частности, весь вымыселъ Дзеранова—пустяки. Для осетина—по религіи не православнаго, не мусульманина — безразлично назвать «обѣднею» всякую церковную службу, однако эту ложь нельзя оставить безъ опроверженія, когда на пароходѣ совсѣмъ нельзя было служить обѣдни и, тѣмъ болѣе, очередному изъ мірянъ, при наличности въ отрядѣ духовенства.

Экспедицію, подъ начальствомъ Апинова, составляли: отрядъ около 200 православныхъ охотниковъ-одесситовъ и духовная миссія, какъ упомято выше, въ составѣ: архимандрита Паисія, одного іеромонаха, одного іеродіакова и около 20 монаховъ-послушниковъ.

Г. Андреевъ сталъ жертвою ловкаго обмана со стороны хитрыхъ осетинъ и, въ частности, со стороны—большого «себѣ на умѣ» умницы—Дзеранова.

Вслѣдствіе сего, смѣю увѣрить г. Андреева и вмѣстѣ съ нимъ уважаемую редакцію «Историческаго Вѣстника» въ томъ, что въ основаніе настоящаго опроверженія положено мною одно несомнѣнное желаніе — установить правильный взглядъ на сказанія Дзеранова и возстановить истину тамъ, гдѣ таковая имъ слишкомъ явно была нарушена.

Я обязанъ освѣтить характерную легенду осетинъ объ Ашиновѣ и особо отгнать ихъ безнаказанную ложь-клевету на разбитаго параличемъ, безпомощнаго человѣка.

Вымыселъ состоитъ въ слѣдующемъ: полковникъ Х., осетинъ, съ присущимъ его положенію авторитетомъ, увѣрилъ г. Андреева въ томъ, что Ашиновъ пожаловалъ Дзеранова въ генералы и въ главнокомандующіе своимъ войскомъ, съ правомъ произвести ему всѣхъ осетинъ въ оберъ-офицеры, но возможно, что осетины, произведенные Дзерановымъ въ офицеры, по возвращеніи на родину, были очень опечалены отказомъ мѣстнаго военнаго начальства признать за ними пожалованныя Ашиновымъ офицерскія права и прочее.

Что разсказъ о вышеприведенномъ фактѣ составляетъ вымыселъ осетинъ, не имѣющій въ основѣ ни капли правды, — въ этомъ нельзя сомнѣваться.

Производить кого либо въ офицерскіе чины Ашиновъ во время экспедиціи не могъ.

Будучи атаманомъ вольныхъ казаковъ, безъ чиновъ и ранговъ и управляя личнымъ составомъ участниковъ экспедиціи при особыхъ условіяхъ отрядной организаціи, Н. П. Ашиновъ, по принципу отсутствія чинопроизводства, безусловно, не могъ наградить офицерскими чинами никого изъ участниковъ экспедиціи, даже и однихъ лишь осетинъ; и развѣ только тупое упрямство послѣднихъ въ данномъ случаѣ могло создать сказанную полковникомъ Х. небылицу на Ашинова.

Выдумку эту вызвалъ неудачный исходъ экспедиціи, который осетинамъ былъ очень невыгоденъ. Имъ, горцамъ, отправившимся въ экспедицію «за деньгами», нельзя было воротиться домой безъ славы или безъ денегъ; по-сему, еще до прибытія на родину, они создали легенду о полученіи ими отъ Ашинова офицерскихъ чиновъ, твердо держались ея и достигли того, что своимъ упорствомъ закрѣпили въ сородичахъ вѣру въ эту легенду.

Въ данномъ вопросѣ не то важно, что безграмотные осетины повѣрили выдумкѣ своихъ станичниковъ, но невольно дивишься тому, что полковникъ Х. вѣру въ эту клевету на Ашинова провелъ въ начальство надъ осетинами и старается всѣми возможными путями распространить ее во всѣ стороны, среди своихъ случайныхъ посѣтителей, каковымъ былъ А. П. Андреевъ.

За неудачный исходъ экспедиціи въ Африку нельзя валить на голову одного Ашинова всякій вздоръ. Свою службу онъ исполнилъ, и надо предоставить времени сказать свое слово о немъ.

(Бывшій эсаулъ Ашиновской экспедиціи,
нынѣ подполковникъ въ отставкѣ)

Н. Я. Нестеровъ.

II.

Къ статьѣ «Кавказскія минеральныя воды».

Въ статьѣ моей «Кавказскія минеральныя воды», напечатанной въ сентябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника», имѣется (на стран. 988-ой) слѣдующая неточность относительно г. Шульца, арендующаго на здѣшнихъ водахъ казенныя театры, рестораны, гостиницы и пр. Изъ опубликованныхъ, надняхъ, въ мѣстной газетѣ «Кавказскія Минеральныя Воды» контрактовъ директора водъ съ этимъ арендаторомъ, оказывается, что г. Шульцъ—не еврей, а лютеранинъ; не австрійскій подданный, а прусскій; въ числѣ чиновниковъ при директорѣ водъ, пока, не состоитъ—и носить форменную фуражку не министерства государственныхъ имуществъ, а вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, гдѣ числится «почетнымъ старшиною».

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

Какъ будто бы надъ черной бездной
 Иду я трепетной ногой...
 Не самъ иду... Меня другой
 Ведеть рукой своей желѣзной...
 Мы съ нимъ вдвоемъ... Вокругъ—толпа,
 Себялюбива и глупа,
 Жадна, груба, неблагодарна...
 Какъ тварь послѣдняя, продажна и коварна...
 И средь толпы я одинокъ...
 Нѣтъ... двое насъ... со мной мой рокъ...
 Ведеть и учить онъ, глаза мнѣ раскрывая...
 И въ даль, и въ вѣчность прозрѣвая,
 Я вижу многое, чего понять нельзя...
 Такъ мореходъ, надъ бездной водъ скользя,
 Порой морскія видитъ чуда,
 Не зная: ждять добра, иль худа?..
 Но твердо вѣрю я въ одно:
 Русь воскресить мнѣ къ жизни суждено...
 Быть можетъ, я держу бразды мои жестоко,
 Но отвращу все царство отъ востока,
 Гдѣ косность... лѣнь... гдѣ похоть и застой...
 Пойдетъ за мною людъ простой...
 Охотой не хотятъ—заставлю силой...
 Бояре?... Ихъ ужъ нѣтъ... И новый родъ служилый
 Не даромъ создалъ я на службу всей землѣ...
 Пусть злое прошлое сокроется во мглѣ...
 Пусть смѣло, радостно навстрѣчу знанью, свѣту,
 Какъ мѣръ летитъ навстрѣчу лѣту,—
 Пойдетъ моя земля... Когда жъ меня не будетъ,
 Пусть судъ исторіи съ землей меня рассудитъ!..
 А что сейчасъ кричать?—мнѣ, право, все равно...
 Пусть буду одинокъ, коль такъ ужъ суждено...

[Смотрить въ даль].

Какой просторъ! Какая гладь нѣмая...
 Чуть плещеть море, землю обнимая...
 Но здѣсь земля угрюма, холодна...
 Не мать родная—мачеха она...
 Нѣтъ! Я направлю Русь къ инымъ удѣламъ,
 На Югъ, на Западъ поскорѣй...
 Къ цвѣтущимъ пажитямъ... Къ предѣламъ
 Незамерзающихъ морей!.. [Быстро идетъ на валъ].

[Занавѣсъ].

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА II.

Май 1702 года.

Въ Варшавѣ.

Лица.

Августъ II-й.
Аврора Кенигемаркъ.

Фицтумъ фонъ-Экштадтъ, камергеръ.
Лакеи.

Будуаръ Авроры. Вечеръ.

АВРОРА

[въ волненіи ходитъ по комнатѣ, прислушивается къ каждому звуку за дверьми.
Вдругъ бросается на кушетку, беретъ вѣеръ и начинаетъ обвѣваться.
За дверью стукъ].

Войти!...

ЛАКЕЙ [входитъ].

Его величество король.

АВРОРА.

Просить... Вино и фрукты здѣсь?

ЛАКЕЙ [указывая на столикъ въ сторонѣ].

Готово все.

АВРОРА.

Ступайте!..

[Лакеи ушелъ. Она идетъ навстрѣчу Августу. Августъ и Фицтумъ за нимъ].

АВГУСТЪ [полный, добродушный и мѣшко-
ватый на видъ].

Привѣтъ мой вамъ, графиня! [Щѣлуетъ руку, она его въ лобъ].

АВРОРА [кланяясь Фицтуму].

Въ добрый часъ! [Королю].

Вы не одни?.. Весь день ждала я васъ...

ФИЦТУМЪ [очень почтительно поклонившись
Аврорѣ].

Безъ результатовъ сейма не хотѣлось
Тревожить васъ...

АВРОРА.

Я знаю: рѣшено
Послать войска изъ Польши противъ шведа.

АВГУСТЪ.

Да... Можетъ быть, насъ ждетъ побѣда...

АВРОРА.

Да, можетъ быть... А... можетъ и не быть...
Прошу васъ это не забыть...
Карлъ боленъ былъ... И всѣ мы отдыхали...

АВГУСТЪ.

А поживились больше всѣхъ моска̀ли...

АВРОРА.

Такъ и пойдетъ впередъ... И безъ конца...
Не кончились тяжелые уроны,
И вы—не только польскаго вѣнца—
Лишитесь вашей, родовой короны...
Саксонію отымутъ моска̀ли,
Покуда въ Дрезденъ, въ Краковъ не вошли
Драбанты Карла... Смѣль московскій царь...
Уклончивъ и хитерь... Прямой дикарь!
Чего, чего онъ вамъ не обѣщаль?
Сулилъ войска и горы золотыя...
А голяковъ, пиратовъ вамъ прислаль
И суммы денегъ самыя пустыя...
Кормить вамъ нечѣмъ скоро ужъ полки...
А Петръ смѣется, знай, изъ-подъ руки...
И думаетъ: «Пускай грызутъ другъ друга!»..
Вотъ вся предъ вами царская заслуга!..

АВГУСТЪ [разводя руками].

Самъ сознаю, что правы вы исполнѣ...
Графиня, что же дѣлать мнѣ?..

АВРОРА [указывая на Фицтума].

Дать волю дѣйствовать, какъ съ графомъ мы рѣшили.

ФИЦТУМЪ.

Да, мы за этимъ лишь сюда и поспѣшили...
Сегодня же пошлемъ извѣстiе къ царю,
Что польскiя войска пойдутъ врагамъ навстрѣчу...
Чтобъ онъ грознѣе началъ сѣчу,
Что новыхъ дней встрѣчаемъ мы зарю...
Чтобъ только онъ смѣлѣй сталъ и щедрѣе
И... выслалъ денегъ поскорѣе...

АВРОРА.

Все хорошо... А—дальше?..

ФИЦТУМЪ.

Часть свою

Я всю вамъ изложилъ.

АВРОРА.

А я на томъ стою,
Чтобъ съ Карломъ намъ немедленно вступить
Въ переговоры, миръ—уступками купить,
Пока не поздно...

АВГУСТЪ.

Ангель мой, Аврора!
Какъ женщина, вы все рѣшили скоро!..
Во-первыхъ, нѣтъ опасности такой...
Повсюду въ Польшѣ—миръ, покой...
И милости просить у мальчугана,
По-моему, намъ слишкомъ рано...

[Наливаетъ себѣ бокаль вина, садится рядомъ съ Авророй и пьетъ глотками].

АВРОРА [улыбаясь].

Не поздно ли? Я знаю: двѣ попытки
Не удались...

АВГУСТЪ [быстро ставитъ бокаль].

Вы знали? Адъ и пытки

Предателю...

АВРОРА.

Предатель этотъ—вы...
Здѣсь у меня забыли сами какъ-то
Два очень важныхъ тайныхъ акта...
И все узнала я... И похвалила васъ...
И потому сказать рѣшаюсь вамъ сейчасъ:

Какъ начато секретно и умѣло,—
Пусть также довершится дѣло!..
Мнѣ донесли... Откуда?—все равно:
Познанскій воевода, князь Лещинскій,
Сошелся съ примасомъ великимъ за одно...
Они опередаютъ... Имъ шведская корона
Даруетъ миръ. А васъ сведутъ они со трона.
Того ли ждете вы?..

АВГУСТЪ.

Я жду судьбы удара...
Карлъ отказалъ посламъ...

АВРОРА.

Послы!.. Какъ это старо?!
Сама поѣду я... И миръ вамъ заключу...

АВГУСТЪ.

Аврора, что вы! Нѣтъ! О, нѣтъ!

АВРОРА.

Я такъ хочу!..
Не успокойтесь, другъ... Я ѣду не одна.
Мужская помощь мнѣ нужна.
Я графа попрошу быть спутникомъ. Согласны?

ФИЦТУМЪ.

Графиня, вы умны не меньше, чѣмъ прекрасны,
И я готовъ... готовъ—за вами въ самый адъ...

АВГУСТЪ [вздыхая].

Пусть будетъ такъ, хоть я совсѣмъ не радъ...
Но что вы скажете? Какъ приметесь за дѣло?

АВРОРА.

Какъ другъ вашъ вѣрный, тонко и умѣло...
Мы попадемъ случайно въ плѣнъ...
Я разыграю рядъ невинныхъ, милыхъ сценъ...
Медвѣдя юнаго совсѣмъ обворожу
И къ вамъ его потомъ, какъ друга, привожу...
Каковъ мой планъ?

ФИЦТУМЪ.

Великъ... И васъ вполне достоинъ.

АВРОРА [Августу].

Молчите вы, мой другъ?

АВГУСТЪ.

Не дипломатъ я... Воинъ...
 Такимъ оружіемъ сражаться не привыкъ.
 По-моему, рискованъ планъ и дикъ...
 Но вы хотите такъ?—противиться не смѣю...
 Я слишкомъ сильно васъ люблю...
 [Горько улыбаясь].

Вы эту для меня придумали затѣю,
 И остается мнѣ одно: благодарить...

АВРОРА.

Вотъ, вотъ! А не глядѣть такъ грустно, не корить...
 И, сирь, сейчасъ же я на словѣ васъ ловлю...
 Намъ подорожную скорѣе подпишите...
 Расходовъ—никакихъ... Пока, иного дня
 Для счетовъ подождемъ... Есть деньги у меня,
 А вы одной любовью мнѣ платите!..

[Подвигаетъ столикъ съ бумагой и приборомъ].

АВГУСТЪ [растроганъ].

Вы—ангелъ... вѣбальмошный, причудливый немного,
 Но ангелъ—вы, посланникъ свѣтлый Бога!..

[Нѣжно цѣлуетъ ее въ лобъ, потомъ пишетъ бумагу].

АВРОРА [тихо Фицтуму].

Не это ли тебѣ, глупецъ, я говорила?
 А ты не вѣрить смѣлъ?!..

ФИЦТУМЪ [крѣпко цѣлуя ей руку у локтя,
 шепотомъ].

Молчу и вижу: сила!

АВГУСТЪ [дописавъ].

Вотъ подорожная. Проставьте имена...
 Я не отмѣтилъ ихъ...

АВРОРА [береть].

Такая и нужна...
 Графъ, завтра на зарѣ пускаемся мы въ путь...
 Такъ не забудьте что нибудь...

ФИЦТУМЪ [съ поклономъ].

Все будетъ сдѣлано... Примите увѣренье...
 Сирь... Вашъ слуга...

АВГУСТЪ [отпускала его жестомъ].

Да, да... мое почтенье.

ФИЦТУМЪ [быстро уходитъ].

АВРОРА [весело кидалась къ Августу на грудь].

Ну, а теперь тоску, сомнѣнья, думы прочь...

Аврора вся твоя... Ты мой... Предъ нами ночь...

Занавѣсъ.

КАРТИНА III.

Юнь 1702 года.

Лагерь Карла XII-го близъ Гродно.

Лица.

Карль XII-й [одѣтъ въ коллетъ и рейтузы лосиной кожи. Сверху сѣрый суконный кафтанъ, не застегнутъ. Воротникъ отложной, небольшой. Изъ-подъ него виденъ воротъ мягкой рубахи, шея—повязана черной косынкой. Вотфорты. Лицо удлиненное, худощавое, съ круглымъ, выдающимся подбородкомъ и рѣзко очерченными скулами. Губы—полныя, чувствительныя. Нижняя—выдается. Носъ—толстоватый, орлиный, нависъ надъ губой. Брови—съ изломомъ, тонкія, густыя, глаза—открытыя, смѣлыя. Лобъ—очень высокій и крутой, лысый, несмотря на молодость. Волосы—короткіе, слегка вьются и стоятъ ежомъ. Насмѣшливая улыбка часто скользитъ на губахъ].

Аврора Кенигсмаркъ.

Фицтумъ-фонъ-Экштадтъ.

Шембекъ, референдаръ короны польской

Собѣскій, Александръ

Липскій, воевода калишскій

Криспинъ, воевода витебскій

Князь Вишневецкій

Огинскій, гетманъ

} польскіе послы.

Розэ

Де-ла-Гарди

Ренншильдъ

Левенгауптъ

} шведскіе вожди.

Драбанты Карла.

Большой походный шатеръ Карла, противъ входа раздѣленный полотняной стѣнкой на два отдѣленія. Большой, простой деревянный столъ заваленъ книгами, хартіями и плавами. На стѣнѣ—Распятие. На другомъ столѣ, поменьше—толстый фойантъ, Библія. Два-три табурета. Постель—во второмъ отдѣленіи, за опускной стѣнкой. Вечеръ. Два большихъ факела освѣщаютъ палатку. На столѣ—масляная лампа.

Карль [стоитъ у стола. За нимъ] **Розэ, Де-ла-Гарди, Ренншильдъ, Левенгауптъ** и еще вожди.

Шембекъ, Огинскій, Липскій, Вишневецкій, Криспинъ и Собѣскій [въ богатыхъ нарядахъ, стоятъ передъ нимъ]. [Въ раскрытыя полы палатки видны

огни ночного лагеря, невнятный говоръ, шумъ, перекличка караульныхъ на валахъ окоповъ].

Два драбанта [съ обнаженными палашами на часахъ у входа]. Два другихъ [съ мушкетами, видны съ наружной стороны].

КАРЛЪ.

Привѣтъ посольству Рѣчи Посполитой.
Послушаю: что скажете вы мнѣ?

ШЕМВЕКЪ.

Вельможный, славный круль! По челобитѣ
Мы отъ земли несемъ тебѣ привѣтъ,
Отъ Посполитой Рѣчи всей... Въ недоумѣньѣ
Теперь земля... Извѣстно стало намъ,
Что примасу писалъ ты, кардиналу,
Объ Августѣ, о нашемъ королѣ...

КАРЛЪ.

Все можетъ быть. Чего же вы хотите?

ШЕМВЕКЪ.

Мы знаемъ: ты благочестивъ, панъ круль...
И потому отвѣтъ земля по чести
Тебѣ даетъ... Вотъ сейма приговоръ.

[Развертываетъ и читаетъ].

«Великій сеймъ Литовскій и Польскій симъ постановляетъ: Примо: объявить Карлу, что напрасно писалъ онъ Рѣчи Посполитой о сверженіи короля Августа. Рѣчь Посполитая никогда такого безчестія не дѣлала, думать о томъ не хочетъ и готова за короля кровь свою пролить. Секундо: дивно есть Рѣчи Посполитой, что Карлъ вступилъ въ Курляндію и Литву, нарушивъ мирные договоры, а ихъ же Рѣчь Посполитая не нарушала. Даже отъ короля своего Августа вынудила, чтобы, согласно договорамъ, онъ вывелъ свои саксонскіе полки изъ польскихъ предѣловъ, что по доброй совѣсти теперь исполнено нашимъ крулемъ Августомъ... Терціо: Рѣчь Посполитая неотмѣнно полагаетъ, что слѣдуетъ Карлу, крулю свейскому, вывести немедленно же полки свои изъ предѣловъ Польши; земли нашей къ оборонѣ и напрасному пролитію крови не принуждать, а также всѣ убытки, причиненные разореніемъ отъ свейскаго постоа и побранія городовъ, честно возмѣстить, какъ арбитры присудятъ»...

И подписи тутъ слѣдуютъ... Взгляни!..

КАРЛЪ [съ улыбкой кинувъ взглядъ].

Здѣсь вижу я два имени... И странно:
Какъ рядомъ стать тѣ имена могли—
И не подражаться?.. Я глазамъ не вѣрю...
Огинскій Александръ... Сапѣга Якубъ... Ха-ха-ха!..

ШЕМВЕКЪ [удерживая Липскаго, который
рвался заговорить].

Такъ, ты не слышалъ, круль, южъ замирились
Огинскіе съ Сапѣгами... Нашъ круль
Самъ ихъ мирилъ... И пиръ потомъ веселый
Надъ Вислой грянулъ въ добрый часъ!..

КАРЛЪ.

Вашъ Августъ молодець... На всѣ онъ руки:
И сводить, и мирить... и... предаеть...

ЛИПСКІЙ [выступая].

Послушай, круль!..

ШЕМВЕКЪ и СОВЪССКІЙ [оттирають его].

Да, что ты? Одурѣлъ?

КАРЛЪ [повышая голосъ].

Мнѣ показалось: кто-то усомнился
Въ словахъ моихъ? Предатель онъ и трусь,
Вашъ Августъ, круль... И знаете вы сами...
Давно ли онъ предъ нашими полками
Далъ дважды тылъ?.. Я съ горстью шелъ людей...
Онъ велъ въ десятки тысячъ ополченье...
Но это все пустое. Не хвалюсь...
Такъ Богъ хотѣлъ... Все имени Его:
Не намъ, не намъ всѣ славныя побѣды...
Но Августъ вашъ—предатель, говорю...
А вотъ улики... [даетъ письмо]. Мы перехватили
Давно посланье это у гонца
Отъ Августа къ Петру... Два равныхъ друга
Ихъ собралось, по росту, по дѣламъ
И по измѣнамъ злымъ и многократнымъ...
Ну, что прочли?..

ШЕМВЕКЪ [прочелъ и передалъ дальше].

Ахъ, Іезусъ!.. И глазамъ
Не вѣрится... Раздѣлъ онъ предлагаетъ...
Насъ москалямъ невѣрнымъ отдаетъ...
И цесарю... и Даніи лукавой...

ПАНЫ [прочитавъ волнуется].
 Ахъ, сто чертей... Проклять!.. Песъ поганый!
 Собачья кровь!..

ЛИПСКІЙ [сильно].

Постойте-ка, паны!
 Мы не затѣмъ явились, чтобы при шведахъ,
 Родной земли всѣ язвы обнажать...
 Вамъ хорошо!.. Лишь Калишь да Познань
 Наводнены, какъ саранчой, врагами...
 И требовать отъ шведа мы должны,
 Чтобы уходилъ онъ тою же дорогой,
 Какой пришелъ. А съ Августомъ потомъ
 Поговоримъ спокойно, на досугъ...

КАРЛЪ

Ого-го-го! Ты боекъ на языкъ...

ЛИПСКІЙ.

Будь мы не здѣсь, послами, ты узналъ бы,
 Что и мечомъ владѣю я легко...

КАРЛЪ [хмурясь].

Что жъ, поглядимъ... Вѣдь, я еще изъ края
 Не ухожу... А вамъ подамъ совѣтъ!
 Смѣните Августа... Тогда мы потолкуемъ...
 Безъ сейма онъ завелъ со мной войну...
 И Петръ за нимъ. Не рыцарски,—лукаво
 Вели войну, обычаемъ воровскимъ...
 Съ моимъ посломъ про прелести Авроры
 Распутный Августъ утромъ толковалъ,
 А вечеромъ велѣлъ въ мои предѣлы
 Вступить полкамъ... Не братъ онъ, не король,
 А кондотьери жалкій, неудачный...
 Про москвичей ужъ я не говорю...

ЛИПСКІЙ.

Такъ и травы москалей и саксонца,
 А насъ оставъ въ покоѣ... Эй, гляди...
 Не то и мы свои оскалимъ зубы...

КАРЛЪ [багровѣя].

Вы этого зачѣмъ съ собою взяли?
 Чтобы травить и раздражать меня?
 Съ сарматскими я не жилъ дикарями...
 Хоть вы послы, но я не погляжу!..

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Панъ Липскій, правда, ты бы удержался.
Дай людямъ мирно дѣло говорить...

ЛИПСКІЙ.

Молчи ты самъ... ты, прихвостень саксонскій!
Я знаю васъ: и землю и себя,
Дѣтей и женъ, за грошъ вы продаете...
А у меня маентки и земля
Въ повѣтъ—все разорено врагами,
Собаками въ треухахъ на башкѣ...
Такъ я могу...

ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Довольно, будетъ, пане...
Зазнался ты... Въ посольствѣ—мы равны...
А ты кричишь, какъ будто на мальчишку..
Поносишь насъ... Гляди...

ЛИПСКІЙ.

Ахъ, ты, пся кровь!..
Да я тебя... [Обнажаетъ саблю].

ВИШНЕВЕЦКІЙ [тоже].

Ну, старый песь, держись!..

КАРЛЪ [драбантамъ].

Остановите ихъ, остановите...
Пускай уйдугъ... Ихъ видѣть не хочу!..

[Быстро уходитъ въ другую часть шатра. Драбанты кинулись было разнимать.
Послы успѣли ужъ раньше остановить обонхъ].

ОГИНСКІЙ.

Одумайтесь! Что дѣлаете, паны?!..

КРИСПИНЪ [хватаясь за голову].

Безуміе!..

ШЕМВЕКЪ.

Вотъ покаралъ Господь!.. [Съ говоромъ, съ шумомъ уходятъ
изъ шатра].

РЕННИЛЬДЪ.

Ну, съ этими задирами—не страшно...
Пока на нихъ ударимъ мы, гляди,
Они и сами всѣ передерутся...

РОЗЭ.

Навѣрно, ужъ не выйдетъ государь?
Покойной ночи, сирь!.. [Кланяется и уходитъ].

ВСЪ [тоже кланяются туда, гдѣ Карлъ].

Покойной ночи!..

КАРЛЪ [появляясь на порогѣ].

И вамъ желаю доброй ночи я..
Сейчасъ пойду взглянуть на караулы.
Дежурный—здѣсь?

ГОЛОСЪ [за шатромъ].

На мѣстѣ, государь...

КАРЛЪ [глядя въ дверь палатки].

Такъ предаеть Господь своимъ сынамъ
Сильнѣйшія дружины нечестивыхъ..
Богъ—справедливъ и справедливость чтить..
Вотъ почему въ побѣдѣ я увѣренъ!

[Сѣлъ, раскрывъ толстый фолиантъ и задумался].

Какъ ночь тиха!.. Тяжелымъ дышитъ зноемъ,
О чемъ-то позабытомъ говорить..
Волнуетъ кровь какою-то отравой
И сладкую тоску душѣ дарить... [Съ испугомъ]
Избавь отъ искушеній, Боже правый! [Читаетъ. Прогремѣлъ
выстрѣлъ вдали, другой, третій.. Шумъ, голоса.. Карлъ кидается изъ шатра].
Что за тревога?.. Тише... Погодите..
Узнать сперва... [Голосъ его удаляется]. За шатромъ нѣкоторое
время—говоръ и шумъ, изрѣдка Часовые перекликаются:
Слу-шай!..

КАРЛЪ [за шатромъ].

Ее—ко мнѣ... А этотъ подождетъ..
Я прикажу еще по караулу...

[Драбантъ вводитъ Аврору и самъ удаляется].

АВРОРА [оглядывается].

Такъ вотъ гдѣ онъ живетъ, воитель и герой,
Онъ, неизмѣнный баловень побѣды,
Гонитель страсти нѣжной, врагъ любви..
Осмотримся... Какъ пусто все, сурово..
Распятіе... А зеркала и нѣтъ..
Но гдѣ жъ его постель? Должно быть, тамъ?

[Заглядываетъ за перегородку и трогаетъ рукой].

Мой Боже!..

Ай-ай-ай-ай!.. Доска... простое одѣяло...
Ему, какъ видно, надо очень мало!..
Всю бодрость начинаю я терять...
Что привлекло меня? Не только любопытство...
Надежда смутная... Подъ Августомъ ужъ тронъ
Совсѣмъ колеблется... Меня и любить онъ...
Но... дѣло не въ любви... А если не удастся?..
Что жъ... значить, не судьба! И спорить съ ней—смѣшно!
Шаги?.. Идетъ?.. Нѣтъ, это мимо...
Но, все-таки, за дѣло поскорѣй!..

[Достаеъ небольшое зеркальце, сбрасываетъ плащъ, въ которомъ была закутана, слегка приводитъ въ безпорядокъ костюмъ и волосы, садится у стола].

Вотъ... такъ, пожалуй, будетъ хорошо...
У ворота еще раскрою складки...
Идетъ... Ну, выручай меня, моя судьба!..
[Облокотилась на столъ, словно въ обморочѣ].

КАРЛЪ [быстро входитъ].

Прошу, сударыня... Да гдѣ она?... Создатель!
Никакъ, мертва?.. Нѣтъ, дышитъ... Но блѣдна...
Устала, испугалась ли она—
Не легче мнѣ... За лѣкаремъ послать бы!..
Нѣтъ... Вотъ она раскрыла и глаза...
Красавица, вамъ дурно?

АВРОРА.

Что, жива я?..
Я такъ слаба... Мнѣ надо бы прилечь...

КАРЛЪ.

Ахъ, чортъ возьми... Что дѣлать! Вотъ ложитесь!
Мою постель могу вамъ уступить
На полчаса...

АВРОРА.

Какъ я вамъ благодарна,
Мой добрый сирь!.. [ложится].

КАРЛЪ.

Вы знаете меня?..

АВРОРА.

Въ Европѣ кто не знаетъ
Героя-короля? Васъ любятъ мѣръ и чтить...

КАРЛЪ.

А больше, думаю, за нравъ крутой ругаетъ...
Но вы? Что надо вамъ? И кто же сами вы?..

АВРОРА.

Аврора Кенигсмаркъ несчастная, увы!

КАРЛЪ [отступаетъ].

Аврора—вы? [Смотрить на нее нѣсколько мгновений].

Зачѣмъ же вы явились?

Что надо здѣсь Аврорѣ Кенигсмаркъ?

АВРОРА [задѣтая презрительнымъ тономъ и
взоромъ, садится на постели].

Я вѣстницей пришла съ зеленой вѣткой мира,
Зарю радости для родины хочу
Смѣнить печальный мракъ кроваваго раздора...
Пусть люди говорятъ: «Графиня Кенигсмаркъ
Была, воистину, намъ счастія Аврора!»

КАРЛЪ [разражается громкимъ, презритель-
нымъ хохотомъ].

АВРОРА [вскочивъ].

Однако, сирь!.. Что значить этотъ смѣхъ?..

КАРЛЪ.

Всего я ожидалъ, но не такого хода!
Аврора Кенигсмаркъ—посланница народа?!
Аврора Кенигсмаркъ, какъ новая Юдиень,
Является ко мнѣ, чтобъ обольстить, смягчить,
А, можетъ, и убить?..

АВРОРА.

Ищи, я безоружна!..

[Раскрываетъ платье на груди].

КАРЛЪ [махая руками].

Нѣтъ, Боже мой... Прошу... Не нужно!
Такъ, значить, Августъ самъ такъ дерзокъ, или... старъ,
Что шлетъ любовницу свою, какъ лучшій даръ,
Для подкупа... за миръ... въ задатокъ...
Но въ станѣ у меня довольно есть солдатокъ,
И не торгую я ни миромъ, ни войной...
Не купить ничего подобной онъ цѣной!
Теперь идите прочь!..

АВРОРА [при оскорбленіи вскрикнула и закрыла лицо руками, негодуя].

Не рыцарь... не король...
Ты конюхъ... ты лакей... мальчишка извращенный...

КАРЛЪ [грозно].

Молчать прошу! Я знаю: утонченный
У куртизанокъ есть словарь...
Идите прочь!..

АВРОРА [переломивъ себя].

Одно мгновенье, государь!
Все вынести отъ васъ безропотно готова...
Сказать мнѣ дайте только слово!..

КАРЛЪ.

Я знаю все, что можешь ты сказать,
Далила... Но меня словами не связать!
Господь—мой щитъ! Я—чисть передъ Иеговой!..

АВРОРА.

Вотъ, вотъ языкъ, желанный мнѣ и новый...
Всѣ ласки ждуть... За взглядъ мой на позоръ,
На разореніе готовы... Я же тайно
О томъ мечтала только, чтобъ случайно
Героя видѣть, чистаго душой,
Блестящаго умомъ, нетронутаго тѣломъ,
Аскета-мудреца, прославленнаго Смѣлымъ!..
Я знаю: я грѣшна... Мнѣ тяжекъ мой позоръ
Съ тѣхъ поръ, какъ на тебѣ остановила взоръ...
И если въ думахъ я, въ мечтахъ тебя любила,
То страсть мою теперь сокроетъ лишь могила
[кидаясь на колѣни, прижимается къ его ногамъ].
За всѣ часы стыда, позора и растлѣнья
Мнѣ будетъ этотъ мигъ минутой искупленья!
Все высказала я... И замолчу теперь...
Но ты... ты сжалишься... Ты человѣкъ, не звѣрь!

КАРЛЪ.

[Съ трудомъ вырывается изъ ея рукъ, встаетъ, и переходитъ къ столику, гдѣ книга, касается ея рукой, вдругъ, будто вспомянувъ, раскрываетъ и читаетъ].

«И сталъ Сампсонъ ослабѣвать...

«И отступила отъ Назорея сила его»...

[Проведя рукой по лбу, стараясь не глядѣть на Аврору, идетъ къ дверямъ палатки].

Эй, кто тамъ есть?..

ОФИЦЕРЪ [входитъ].

КАРЛЪ.

Саксонца мнѣ зовите...

А даму до ея кареты проводите.
Пусть въ ней пробудеть до утра.

[Мимо Авроры идетъ въ спальню].

АВРОРА [съ мольбой].

Мой государь...

КАРЛЪ.

Простите, мнѣ пора...

[Скрылся].

АВРОРА [топнувъ ногой, приводитъ въ порядокъ туалетъ, беретъ плащъ].

ОФИЦЕРЪ [въ это время говоритъ зашатромъ].

Саксонца позовите... [Къ Аврорѣ]. Госпожа...

АВРОРА.

Сейчасъ... Ты видишь: я же не готова...

ФИЦТУМЪ [подъ охраной драбанта, который его ввелъ и ухаживаетъ].

АВРОРА [офицеру, который ей помогалъ].

Благодарю... [идетъ мимо Фицтума].

ФИЦТУМЪ [тихо].

Ну, какъ?

Чѣмъ кончилось? Къ несчастью, я не слышалъ,
Что было тутъ у васъ?

АВРОРА [тихо].

Ко мнѣ онъ и не вышелъ!..

[Съ надменнымъ видомъ уходитъ. Офицеръ за ней].

ФИЦТУМЪ.

«Не вышелъ»,—говоритъ... Саксонца продала
Графиня Карлу?.. Или неудача?..
Посмотримъ... Вотъ и онъ... [почтительно кланяется].

КАРЛЪ [выглянувъ, убѣдился, что Фицтумъ
одинъ, и выходитъ совсѣмъ].

Привѣтъ. Съ кѣмъ говорю?

ФИЦТУМЪ.

Графъ Фицтумъ фонъ-Экштадтъ, другъ Августа Второго,
Саксонскій дворянинъ и камергеръ двора.

КАРЛЪ.

Я слушаю. Со мной вы говорить хотѣли?
Отъ имени чьего?

ФИЦТУМЪ [подавая письмо].

Письмо вамъ объяснить,
Мой добрый сирь!..

КАРЛЪ [быстро раскрылъ, подходитъ къ
лампѣ и читаетъ].

Такъ... такъ... [визгаетъ головой].

И просить... и грозить... и льстить въ надеждѣ мира...
И даже Паткуля самъ выдать мнѣ сулить!..
На куклу старую выброшена порфира
Саксоніи и Польши... Жалкій видъ!..

[Опустивъ письмо, задумался].

ФИЦТУМЪ.

Задумался... То добрый знакъ... И можно
Мнѣ къ дѣлу приступить... но осторожно...
[Вкрадчиво]. Великій государь... Могу ли я сказать?
Ужели вамъ борьбу вести не надоѣло?
Душа болитъ... Лишенья терпятъ тѣло...
Вѣдь, не однимъ врагамъ губительна война,—
Родная ваша сторона
И обезлюдѣла, гляди, и обѣднѣла?..
Не правъ ли я? Скажите, государь!..
Такъ порѣшите все!.. Моментъ благопріятенъ
Для васъ еще пока...

КАРЛЪ [безучастно слушавшій, теперь под-
нялъ голову гордо].

Пока!.

ФИЦТУМЪ [осторожно].

Вѣдь, рокъ превратенъ,
Увы!.. Вотъ были вы больны...
И... сами знаете: державца лишены,

Герои шведскіе терпѣли пораженъе
 За пораженіемъ... Но... ваше положенъе—
 Теперь блестящее... Все искупили вы
 Побѣдою послѣдней...

КАРЛЪ.

Полагаю...

ФИЦТУМЪ.

Хотя и дорого, по мнѣнію молвы,
 Побѣда та досталась вамъ...

КАРЛЪ.

А, знаю!

Хотите вы сказать, что скоро безъ полковъ
 Остаться долженъ я... Ошиблись... 20.000
 Ко мнѣ плыветъ изъ Швеціи людей...

ФИЦТУМЪ.

Не сомнѣваюсь я: войска еще придуть...
 Увѣренъ: васъ побѣды снова ждуть...
 Но... вы въ чужомъ краю родную льете кровь...
 И каждый разъ придется вновь
 Вамъ для побѣдъ кровавыхъ призывать
 Сыновъ родной земли воинственную рать...
 А мы въ своемъ краю, гдѣ каждый уголокъ—
 Защита и приютъ,—мы можемъ безъ помѣхи
 Вамъ портить лучшіе успѣхи,
 Плата урокомъ за урокъ...
 Препятствій много будетъ тутъ!
 Не лавры васъ одни,—и рѣки крови ждуть!..

КАРЛЪ [нерѣшительно].

Быть можетъ, правы вы... Но, вѣруя въ судьбу,
 Не отступлю... Не кину я борьбу!

ФИЦТУМЪ.

Зачѣмъ ее бросать? На Русь... на Русь идите!
 Съ Саксоніей и съ Польшей заодно
 Вы новую имперію создадите.
 Русь осадить пора давно...
 Европѣ Русь издавна врагъ жестокий...
 Она лежитъ громадой на Востокѣ,

Такъ молчалива и грозна
И не понятна Западу она...
Въ суровомъ Петръ нуждается урокѣ...
Онъ слишкомъ далеко шагнулъ...
Народъ свой подъ пятау желѣзную согнулъ,
Какъ дикаго коня, взнуздаль своей рукою
И гонить все впередъ... Съ опасностью такою
Бороться Западу пришелъ послѣдній часъ,
Не то поглотить Русь, поработить всѣхъ насъ!..

КАРЛЪ.

Быть можетъ, правы вы... Теперь, пока, ступайте...
Я здѣсь подумаю... Скажу вамъ поутру...

ФИЦТУМЪ.

О, если бы Господь наставилъ васъ къ добру?
Еще васъ попрошу: приказъ отдайте
Арестовать меня, чуть выйду къ экипажу.

КАРЛЪ [сначала поглядѣлъ съ удивленіемъ,
потомъ улынулся].

А, понялъ... Хорошо... Сейчасъ же я велю...
Прощайте... Я такихъ люблю...

ФИЦТУМЪ.

Слуга покорный, сирѣ... [Кланяется].

КАРЛЪ.

Эй!.. [Входящему офицеру]. Взять его подъ стражу...
И накормить... и отвести ночлегъ...

[Фицтума уводятъ].

КАРЛЪ [грозя въ пространство].

Ну, Русь, остановись... Я задержу твой бѣгъ!

ЗАНАВѢСЬ.

КАРТИНА IV.

Станъ у Сермаксы.

3-е сентября 1702 года.

Большая поляна въ дремучемъ сосновымъ бору, на берегу Ладожскаго озера, близъ устья Свири. Въ самой глубинѣ, вдоль озера тянется дорога, замощенная бревнами. Изъ карбасовъ, стоящихъ у берега, вылѣзаютъ преображенцы, выносятъ аммуницію и провіантъ, складываютъ въ телѣги и на рукахъ тоже уносятъ направо. Порой тяжело проѣзжаетъ съ лѣвой стороны — орудіе, при чемъ люди помогаютъ лошадямъ. Налѣво виденъ фасъ барака, сложеннаго изъ свѣжихъ бревенъ, съ крыльцомъ и оконцемъ сбоку. Передъ окномъ столъ, нѣсколько чурбановъ вмѣсто сидѣній. Догораеть тихій осенній день.

Л и ц а.

Петръ.
Екатерина (Марта Самуилова Славронская).
Меншиковъ.
Михаилъ Шереметевъ.
Паткуль.
Шафировъ.
Ганнибалъ, негритенокъ, лѣтъ 12-ти.
Щепотьевъ.
Андрей Лефортъ.
Новицкій.
Мышецкій, князь, и другіе изъ свиты.
Войска.

ПЕТРЪ [идеть отъ глубины къ бараку].

И долго ждать?

ЩЕПОТЬЕВЪ [идеть за нимъ].

Мосты, вишь, поразмыло
Отъ поводка осеняго. Дня три
Позадержу. Ты на меня не сѣтуй...

ПЕТРЪ.

На Бога, братъ, не станешь нарекать.
Онъ посылаетъ ведро и ненастье.
При чемъ же ты?.. Ты, парень, молодець...
Испытанный слуга мнѣ, неизмѣнный...
Ну, торопись... Чини твои мосты!..

ЩЕПОТЬЕВЪ.

Тебѣ бы, капитанъ, въ моемъ баракѣ
Поотдохнуть... Шафировъ, Паткуль тамъ...
И для тебя оставлено мѣстечко...

ПЕТРЪ.

Да, отдохну... Я за день такъ усталъ!.

[Уходить въ баракъ].

НОВИЦКІЙ [который съ Андреемъ сидитъ
за столомъ и играетъ въ кости].

Щепотка, эй!.. послушай... Эй, хозяинъ!..
Глянь: столъ пустой... Я такъ, вѣдь, не привыкъ...

ЩЕПОТЬЕВЪ [подходя].

Простое пиво есть... Въ сѣняхъ стоитъ корчага.
На праздники рабочимъ приберегъ.
Черни и пей... А ренскаго, пожалуй,
Ужъ не взыщи: шуту не припасли...

НОВИЦКІЙ.

Ты—шутъ двойной... Шучу я поневолѣ...
Въ побасенкахъ моихъ—немало крупной соли...
Ты—шутъ и валентиръ... Живешь въ норѣ свинной..
Весь вѣкъ рычишь, какъ лесь цѣпной..
Какъ волъ въ ярмѣ, работаешь безъ толку..
Блудишь, какъ обезьяна, втихомолку..
Куда пошлютъ—летаешь соколомъ..
А кончишь жизнь осель-осломъ!..
Такъ, зрѣлице сіе кого не позабавитъ?..

ЩЕПОТЬЕВЪ [махнувъ рукою].

Уйду я по-добру... Еще не такъ ославить!.

[Плюнулъ и ушелъ].

НОВИЦКІЙ.

Что? Не понравилось?.. Коль случай подойдетъ,
Прибавлю я еще... За мной не пропадетъ...

ЛЕФОРТЪ [смѣясь].

Уважилъ ужъ и такъ... Не язычекъ, а шило...
Изъ-за чего тебя въ шуты поставитъ было?
Ты, право, многихъ здѣсь умнѣй...

новицкій.

Изъ зависти... изъ зависти... Ей-ей!..
 Знай: доли нѣтъ печальнѣе моей.
 «Самъ» сватаеть для сына королеву
 Австрицкую... А я и подвернись...
 Конечно, гдѣ тому, мальчишкѣ,
 Хоть онъ—и царскій сынъ!.. Пошли у насъ интрижки...
 Такъ, что бы думалъ ты? Насильно оженили
 Меня съ богатою галанскою княжной...
 Взялъ на сто тыщъ я рухляди одной!..
 А все жъ австрицкіе мельоны слыли!

ЛЕФОРТЬ.

И врать же ты здоровъ...

новицкій.

Ворона!.. Эти врутъ,
 Что, не напившись, дрыхнуть тутъ:
 Шафирка съ Паткулёмъ... А, ну-ка, ты взгляни:
 Что дѣлаютъ въ избѣ они?..

ЛЕФОРТЬ [заглянувъ въ окно].

Сюда идутъ...

новицкій.

Такъ, слышь: за лѣсомъ деревеньку
 Видалъ я. До нея дойдемъ мы помаленьку...
 Навѣрно: бабы есть... Пусть пѣсни намъ орутъ...
 Не то съ тоски подохнемъ!

ЛЕФОРТЬ [идеть за нимъ].

Ладно, шутъ!..

[Ушли].

[Петръ, Паткуль и Шафировъ выходятъ на крыльцо].

ПЕТРЪ [опускаясь на ступени].

Какой тамъ сонъ? Темно и духота
 Въ Щепотьевоу избенкѣ. Здѣсь—привольно.
 [Паткулю]. Ну, говори: о чемъ тамъ начиналъ?

ПАТКУЛЬ.

Я удивленъ, какъ ясно все и точно
 Предвидѣли вы дѣло напередъ...
 Ни сватовства я съ мѣста не подвинулъ,
 Ни договора мирнаго... Одно,

Что я узналъ, о чемъ вамъ говорилъ:
Нашъ Августъ шапши съ Карломъ затѣваетъ...
Но все-таки ему не одобровать...
Второй король ужъ избранъ: панъ Лещинскій,
И цесарь руку держитъ за него.

ПЕТРЪ.

Такъ, значитъ, скоро поляки и шведы
Пойдутъ на насъ? Что дѣлать... Поглядимъ:
Что дастъ намъ Богъ? Позоръ или побѣды?
Мы безъ друзей сумѣемъ обойтись...
Особенно, безъ этихъ, безъ продажныхъ!

ПАТКУЛЬ.

Не вся еще потеряна надежда
На Австрію... Немало обѣщаль
Я Кауницу... А кое-что и прямо,
Съ рукъ на руки передалъ...

ПЕТРЪ.

Самъ онъ бралъ?

ПАТКУЛЬ.

Помилуй Богъ... Всѣ въ Вѣнѣ неприступны,
Всѣ неподкупны... кромѣ ихнихъ женъ!..
Вотъ тѣ берутъ, да такъ, что просто любо...

ПЕТРЪ [смѣясь].

Не по-московскому: ученый все народъ.
А вотъ у насъ—такъ прямо: тотъ беретъ,
Кто голова. Своя рука—владыка...

[Въ это время люди хлопчутъ около большой пушки, одно колесо которой застряло въ грязи, между бревенъ].

ГОЛОСА.

Постой... Хлещи коней!—Ну, да, хлещи... Не тянуть!—Чаво хлестать-то... Надорвешь скотину!—Ну, самъ запрягайся!—Эй, братцы... берись за гужи... Помогай конямъ!—А вы, задніе... нукася!—Колами подъ лафетъ подпирай!—Слегу—подъ колесо... Ну, дернемъ... подернемъ!—Разомъ... Подымай...

ОДИНЪ.

Не больно подымешь... Чижало...

ВТОРОЙ.

Эхъ, ты... команда слабосильная... Навались...

ПЕТРЪ [глядитъ туда].

Опять застряли... Вотъ дурачье... Свѣтло, а лѣзутъ въ самую провалину... въ кашканъ... [Идетъ туда]. Пусти, ребята... Дай, помогу... [Подкладывая жердь подъ колесо]. Ну, разомъ навались... Дружнѣе! Вы, трое, — сзади... Тамъ поднимайте лафетъ... Ты — сюда... [Помогаетъ. Пушка двигается съ мѣста]. Ну, разомъ! Ну, еще немножко... Пошла!

ГОНЕЦЪ [верхомъ, изъ правой кулисы, выѣзжаетъ съ окрикомъ].

Эй, сторонись!.. Царь?.. Гдѣ царь? Къ нему цыдула отъ князя-кесаря... Здѣсь, сказываютъ, царь.

ПЕТРЪ [выступая].

Давай сюда письмо...

ГОНЕЦЪ.

Ты что за птица?.. Ай, не слыхалъ? Царю—отъ князя-кесаря, отъ Ромодановскаго, Ѳедора Юрьича. Какъ же я тебѣ цыдулію отдамъ?.. Сказано: въ руки!

ПЕТРЪ.

Да, я руками и беру...

ГОНЕЦЪ.

Грязны больно... Миѣ въ царскія сказано...

ШАФИРОВЪ [подойдя].

Дубина! Да вѣдь съ тобою царь и говоритъ!..

ГОНЕЦЪ [Шафирову].

Ты—государь?.. [Соскакиваетъ съ коня и, ставъ на колѣно, подаетъ Шафирову пакетъ].

ШАФИРОВЪ.

Не я... Вотъ—государь...

ГОНЕЦЪ [повернувшись моментально къ царю].

И въ правду — ты?!.. Помилуй!.. Не прикажи казнить!.. [Бьетъ челомъ]. Вотъ ужъ не чаялъ... Бери цыдулку, милости прошу... Да не казни за грубыя рѣчи мои... Не вѣдалъ я... не чаялъ...

ПЕТРЪ.

Что у царя могутъ быть рабочія руки? Вѣрю, вѣрю — и не сержусь... Ступай... Вонъ, тамъ, въ избѣ скажи моему арапченку... Онъ покормитъ и напоитъ тебя, если найдется чѣмъ...

ГОНЕЦЪ [опять кланяясь].

Много благодарны твоей милостью... [Уходитъ въ баракъ].

ПЕТРЪ [вскрылъ пакетъ. Изъ него выпадаетъ другой].

ШАФИРОВЪ [подхватилъ и подалъ].

ПАТКУЛЬ [разглядѣвъ на лету].

Письмо отъ Августа...

ПЕТРЪ [читавшій первое письмо].

Отъ Августа?.. [Глядитъ на конвертъ]. Да, да, его печати... [Разрываетъ второй конвертъ]. Эка, пишетъ, нѣмецъ... Словно курица бродила... И не разобрать ничего... Петровичъ, гляди и читай, что онъ тутъ пишетъ?..

ШАФИРОВЪ [читаетъ].

«По куплиментѣ... Съ превеликою радостью извѣщаю ваше царское величество, брата и друга нашего, что на сенатскомъ совѣтѣ рѣшеніе послѣдовало: съ Божьей помощью на шведа выставить коронное войско, елико силы хватить, а тако же и литовскіе полки. А посему прошу и вторую часть жалованья, какъ по Бирженскому договору: 200.000 русскихъ серебряныхъ рублей, — высылать, ибо великая нужда въ деньгахъ. А еще прошу Бога для.. не забывайте дружбы нашей, какъ мы клятвы сильныя давали... Толкуютъ злосшиватели различные, будто ваше величество покинуть меня задумали.

«И по видимости такъ оно схоже. Вотъ шведы врываются въ Польшу, а вы тихо сидите сколько времени... Не заставьте меня такимъ родомъ сдѣлать что либо противное союзу, но ударьте всею силою на шведа, а я съ другой стороны. И еще толки, будто войска, какія вы прислали, хотите взять у насъ и отдать цесарю противъ французскаго короля... Того не дѣлайте, хотя и учить васъ врагъ мой прямой, Паткуль, кто и всѣмъ врагъ, хотя бы друзья были ему... И если онъ вамъ сказалъ что либо про моего камергера, Фицтума, тоже не правда. Посланъ былъ онъ отъ меня въ Данію, а по пути, неосторожности его ради, былъ схваченъ шведами и отвезенъ къ королю Карлу... За то я не отвѣчаю... А, что правда, такъ одна есть: Карлъ перехватилъ мое письмо, какое я писалъ къ вашему величеству, насчетъ раздѣла Польши. Оттого и взбѣсились поляки у меня, и въ Варшавѣ, и въ Краковѣ... И другого короля себѣ ищутъ. Такъ вы не оставьте меня... А что западные государи не позволяютъ своимъ хорошимъ генераламъ ѣхать въ Россію, армию обучать,—я этому помочь не могу же. Только, кого у меня захотите, вамъ вышлю безъ замедленія. Еще разъ прошу: ударьте на

шведа, спасите Литву, которая такъ храбро боронилась отъ нихъ и ваши земли боронила.

«Августусъ, Рексъ».

Все, государь.

ПЕТРЪ [усмѣхаясь].

Немного...

ПАТКУЛЬ.

Даже слишкомъ мало: ни одинаго слова правды...

ПЕТРЪ.

Да, правда и не ночевала близко... [Шафирову]. Тезка, пиши... [Начинаетъ, ходя, диктовать].

ШАФИРОВЪ [присѣлъ къ столу, досталъ карандашъ и записную книжку].

Готовъ, государь.

ПЕТРЪ.

Пиши... «По куплиментъ... Любезнѣйшій государь, братъ, другъ и сосѣдъ!..

«Зѣло напрасную рѣчь въ письмѣ я вашемъ видѣлъ, будто вы оставлены мною... Дѣла не въ такомъ положеніи. Надѣюсь, даже всей Европѣ извѣстно, какъ я Лифлянты и другія непріятельскія земли разорилъ. Для этой же цѣли нашъ нонѣшній генеральный походъ въ Лифлянты и въ Ингрію, и вскорѣ о насъ услышатъ, съ Божьей помощью. Даруй, Боже, счастье. Мы нынѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и не праздны быть чаемъ. Нельзя же забыть великой клятвы, какую дали мы другъ другу. Пусть та клятва всею тяжестью падетъ на разрушителя. Я же ее не нарушу! То было бы безчестно и пагубно для души. Злыхъ доносителей не извольте слушать, какъ я же не слушаю. Ихъ обѣщанія писаны вилами на водѣ. А вы увидите, кто другъ вамъ истинный. Денегъ по договору на плату Литовскому войску послано уже, и для сенаторовъ польскихъ, съ патеромъ Бялзоромъ—всего 40.000 ефимковъ. Пребываю вашъ братъ и другъ Петрусь, царь».

Что, записаль?

ШАФИРОВЪ.

Готово, государь.

ПЕТРЪ.

Перебѣли. Потомъ я прочитаю и подпишу...

ШАФИРОВЪ [уходитъ].

ПЕТРЪ [Паткулю].

Хоть добрый человекъ нашъ братъ любезный, Августъ, а, видно, и его запутали враги домашніе, запàзущные... Не одобровать ему... Жаль... Моя была дума—честно съ нимъ дружить...

ПАТКУЛЬ.

И я то же говорилъ королю. Но онъ не вѣритъ мнѣ...

ПЕТРЪ.

Видно, что ты не въ фаворѣ у брата нашего. Что? Али съ метреской не поладилъ? Съ графинюшкой?

ПАТКУЛЬ.

Безпутная сорока, а не графиня. Продажна и жадна... Кто ей не платить, тотъ и врагъ...

ПЕТРЪ.

А ты бѣ не поскупился. Конечно, если не даромъ, и денегъ не жаль ей дать...

ПАТКУЛЬ.

Даромъ, государь. Со всѣхъ беретъ. Гдѣ ей всѣ интересы соблюсти?... Свои одни и знаетъ. Землю и своимъ вельможамъ, и чужимъ потентамамъ продаетъ и предаетъ...

ПЕТРЪ [хмурясь].

Жаль, жаль его... [Оглядывается]. Вотъ стало затихать... День скоро кончится. Въ бору еще скорѣе проходитъ день... И дѣла-то такого не подыщу, чтобъ захватило духъ... Жаль, Алексаши нѣтъ... Ужъ онъ нашелъ бы, чѣмъ повеселить меня... Постой... Что тамъ за барка?.. Какъ торопко гребутъ, вода вскипаетъ подъ веслами... Военный вѣетъ флагъ... Изъ нашихъ ктонибудь... Эй, Ганнибалъ! Дай трубку мнѣ подозрную скорѣ!..

ГАННИБАЛЪ [выбѣгая изъ барака].

Вотъ подозрная трубка. Гляди... Да мнѣ дай... Я тоже хочу видѣть... Что тамъ? Скорѣй скажи: чего тамъ увидалъ?

ПЕТРЪ.

Брысь, чертенокъ. Чтò подъ ногами вьешься? Раздавлю, гляди, ненарокомъ... [Смотритъ на озеро]. Господи?.. Вотъ легокъ на поминѣ... Алексаша. Вотъ не чаялъ... И народу сколько съ нимъ... Должно, что съ добрыми вѣстями, коли такъ спѣшитъ... Эй, караулъ сюда собрать... Построить ихъ въ ряды... И встрѣчу, встрѣчу поручику мы устроимъ... Ты, чертенокъ, слышалъ?..

ГАННИБАЛЪ.

Бѣгу, бѣгу... Мнѣ Алексашка другъ. Его люблю я очень...
[Убѣгаетъ. Скоро раздается дробь барабана. Сбѣгаются солдаты и строятся въ
ряды у берега].

ПЕТРЪ [машетъ португесей, которую снялъ
съ себя].

Меня замѣтилъ онъ... Мнѣ шляпой машетъ... Сюда, сюда, скорѣй,
сердешный другъ... Ола... Ого...

МЕНШИКОВЪ [издали].

Ого-го-го. [Эхо отдается].

ПЕТРЪ [Паткулю].

Да, чѣмъ его мы станемъ угощать? Трущоба здѣсь... И хлѣбъ
печень съ корою...

ПАТКУЛЬ.

Навѣрно у поручика, по его обычаю, запасено съ собою... кой-что.

ПЕТРЪ.

Правда, правда... А все-таки... Ну, да тамъ... поищемъ, погля-
димъ... Сюда, прямѣй... Между баркасовъ, прямо такъ и правъ...
Здѣсь сходни есть. Здорово, другъ... Сюда, скорѣй... Здорово, мой
сердешный...

[Показывается изъ-за баркасовъ лодка. Въ ней—Меншиковъ, Михаилъ Шере-
метевъ, Екатерина въ нарядѣ преображенца, гребцы, гайдуки Шереметева].

ПЕТРЪ [ставъ во главѣ солдатъ].

Мушкетъ передъ себя!.. [Обнажаетъ свой тесакъ]. Мушкетъ на ка-
рауль! [Отдаетъ честь].

МЕНШИКОВЪ [первый выскакивая на берегъ].

Желаю здравствовать на много лѣтъ господину капитану!..

ПЕТРЪ [салютуя].

Желаю здравствовать господину поручику! [Причетъ оружіе]. Муш-
кетъ передъ себя... Мушкетъ на плечо!.. Поворотъ на правую
руку, плутонгъ шагомъ ма-а-ршъ!.. [Солдаты уходятъ]. Алексаша!..
Другъ сердешненькій! А ужъ какъ я скучалъ по тебѣ!

[Горячо обнимаютъ другъ друга].

МЕНШИКОВЪ.

То-то я и почувалъ, господинъ капитанъ. Изъ писемъ увидалъ.
Вотъ и здѣсь, какъ видишь... Да, не одинъ... Съ добрымъ вѣ-
стовщикомъ, гляди!..

ПЕТРЪ [живая ласково Шереметеву].

Вижу, вижу! Славный сынъ славнаго отца... Здорово, сержантъ... Здравствуй, Миша, на многіе годы...

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Да здравствуетъ нашъ капитанъ, мой добрый государь и шведовъ побѣдитель! Съ новой викторіей поздравляю тебя, государь!..

ПЕТРЪ.

Чуюло мое сердце... Значить, сызнова твой батюшка, нашъ славный фельдмаршалъ, отличился, какъ при Эрестферфъ?.. Говори, говори... Гдѣ была баталія?..

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Не про одного отца говорить придется. Апраксинъ подарочекъ тоже тебѣ прислалъ... Эй, сюда!..

[Два солдата подходятъ съ двумя старыми, изодранными шведскими знаменами и кладутъ ихъ къ ногамъ царя].

ПЕТРЪ [поднялъ и держитъ передъ собой].

Два свейскихъ знамени... Вотъ удружилъ!.. Спасибо!.. [Раскрываетъ руки]. Поди сюда... Дай обниму отъ сердца за добрую вѣсть... [Обнимаетъ и цѣлуетъ Шереметева]. Гдѣ взяты?.. Когда была баталія?..

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Батюшкина баталія совершилась подъ Гуммельсгофеномъ, недѣли три назадъ. Жаль, вотъ не знали мы раньше, гдѣ разыскать тебя... Черезъ Москву я поѣхалъ... А дѣло было совсѣмъ, какъ и раньше у моего же батюшки, фельдмаршала, при Ерестофѣ. Какъ провѣдалъ батюшка, что Шлиппенбахъ за рѣченкой одной, за Эмбахомъ, поблизу Гуммельсгофа, сейчасъ онъ все войско сталъ собирать... Тысячъ 30 вышло у насъ съ драгунами, съ пѣхотой... И рейтары были, и гусары, и конейщики... Казаки, татары да калмыки—не въ счетъ... Они догонять да бить горазды, а не въ бой ходить... Передовыхъ-то Шлиппеновыхъ мы съ мѣста вздули. Онъ самъ—и на утекъ... Да у Гуммельсгофа батюшка настигъ его. Хоть и не всѣмъ войскомъ, а ходу не дали... Жестоко бились шведы. Наши назадъ побѣжали, да старымъ обычаемъ заманули ихъ на самое ядро арміи... Пѣхота и навалилась... Что жъ бы ты думалъ? Отбились шведы... Пушекъ у насъ забрать успѣли и давай насъ же ими жарить. Дрогнули полки... Отступать почали... Батюшка самъ на сикурсъ пошелъ... Остановилъ нашихъ трусовъ... Тутъ артиллерія вся останная прибыла наша... Въ пухъ разметали Шлиппена... Наши драгуны да гусары пѣхоту свейскую, эту стѣну желѣзную, опрокинули, смяли... Въ рукопашную пошли.

Однѣми шпагами работали... Всю въ капусту ее изрубили... пѣхоту... До ночи сѣкли... Почитай, ни одного и въ плѣнъ не попало... А самъ Шлиппенъ со своими конными еле-еле ноги унесъ. Въ Пернау стрелача даль... Мы—за нимъ! И пушекъ, и оружія, и обозу— всего набрали вдоволь... [Достаётъ изъ-за пазухи]. Вотъ и отъ батюшки тебѣ подарочекъ: самого генерала Шлиппенбаха знамя... Остальныхъ—не привезъ. Больно ихъ много... 15 штукъ, кромѣ этого... Пушекъ столько же... 300 плѣнныхъ... А мертвыхъ...

ПЕТРЪ.

Мертвыхъ?..

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Болѣ 6 тысячъ... [Вздохнулъ].

ПЕТРЪ [снимая шляпу].

Помяни, Господи... [Шепчетъ молитву]. Пстой... А... [хмурясь] а съ нашими... съ тѣми, которые струсили... побѣжали?.. Которыхъ пришлось фельдмаршалу самому въ бой воровать? Съ ними какъ поступлено?

ШЕРЕМЕТЕВЪ [потупясь].

Извѣстно какъ... Для острастки... тридцатаго—на сукъ...

ПЕТРЪ.

И много было?..

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Всего до сорока... [Быстро, мѣняя рѣчь]. Вотъ и поѣхалъ я съ реляціей... Къ Апраксину сначала... А онъ и самъ тебѣ постарался. Августа 13-го дня, на Кронгорта подъ Ижорой наскочилъ, да нашимъ же манеромъ такъ его потрепалъ, что тотъ въ Канцы сначала, а тамъ и вовсе въ Финлянды ушелъ...

ПЕТРЪ.

Хвала Господу!.. Научились и мы шведовъ колотить. Рапино, Ерестофъ, Гуммельсгофъ и Ижоры... четыре побѣды за короткій срокъ!.. Лифлянты разорены въ конецъ... Теперь мы за Нарву, за нашъ позоръ, расквитались... и мои всѣ дѣла легче налажутся... Ну, господинъ сержантъ, поздравляю васъ поручикомъ, а на добрыхъ вѣстяхъ да на изрядной реляціи о бывшемъ белѣгрѣ благодарю...

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Твой слуга, государь...

ПЕТРЪ.

А батюшкѣ твоему, фельдмаршалу, самъ отпишу. Ужъ, чѣмъ и награждать его, не знаю... Да придется ему къ намъ же, подъ Нотебургъ, поспѣшать... Время теперь—зѣло горячее... Безъ него каши не сваримъ... А теперь вспрыснуть бы вѣсти добрыя... Такъ у насъ бѣдность... И не знаю даже...

МЕНШИКОВЪ.

Да ты не печалься, государь мой, господинъ капитанъ. Оглянись...

ПЕТРЪ.

[Оглянулся. Столъ покрытъ скатертью и уставленъ богато. Екатерина съ помощью двухъ гайдуковъ все приготовила, когда ей изъ лодки принесли посуду и припасы].

Тѣфу ты... Навожденіе... Совсѣмъ, какъ у Франца моего, друга милаго... въ Кокуѣ... когда еще живъ былъ Лефортъ старина... И анисовая... и приборъ весь мой... Ну, спасибо!.. Ай, да, Алексаша...

МЕНШИКОВЪ.

Это—не я... Денщикъ мой новый... [Екатеринѣ]. Ну-ка, лови фортуна! Ступай, первый угости царя, поднеси чарку да съ побѣдой поздравляй... [Смѣется].

ЕКАТЕРИНА [налила и подноситъ].

Съ великими побѣдами, на много лѣтъ здравствуй, великій государь. Выкушать, капитанъ, прошу!..

ПЕТРЪ.

Благодарствуй, малый... [Пьетъ, достаетъ рубль и даетъ Екатеринѣ]. Возьми на угощенье... [Она, принимая деньги, цѣлуетъ ему горячо руку. Онъ хватаетъ ея пальцы и разглядываетъ]. Стой... Алексашка, плутъ... Да... это... баба?!. Ахъ, ты собака!.. [Хочетъ]. Вотъ такъ денщиковъ завелъ... И названье-то неподходящее... «Денщикъ»... [Треплетъ по щекѣ Екатерину]. Откуда сама, остроглазая?..

ЕКАТЕРИНА [съ легкимъ нерусскимъ выговоромъ].

Я—изъ Маріенбурха... Литвинка плѣнная... Зовутъ Марта Васильева Скавронская.

ПЕТРЪ.

У Шереметева, значить, была... Какъ же къ Алексашкѣ попала?.. Впрочемъ, знаю я его: подъ землей изрядную красотку выищеть... Ну, поцѣлуй же меня, какъ слѣдъ, по-русски, если угощаешь... Или ты не знаешь нашихъ обычаевъ?

ЕКАТЕРИНА.

Тебя, государь, я безо всякаго обычая цѣловать готова. Ишь, какой ты пригожій да статный... Лучше ихъ всѣхъ... Хоть и царемъ бы не былъ, а лучше ихъ всѣхъ... [Обняла и поцѣловала Петра]

ПЕТРЪ.

Ухъ, обожгла!.. Что за денщикъ у друга... А что, скажи: ты всѣхъ цѣлуешь также охотно и горячо?.. А?..

ЕКАТЕРИНА [указавъ на Меншикова].

Спроси его.

МЕНШИКОВЪ.

Ни-ни, господинъ капитанъ... Смѣяться, балагурить—насъ на это взять... А пойдешь на штурму,—и терпишь зѣло постыдную конфузю... Даже съ ударами!.. [на ухо ему]. Самъ испыталъ...

ПЕТРЪ.

Ну, молодецъ ты, Катя... Сдается мнѣ, мы съ тобой друзьями станемъ... Мнѣ и то скучно было безъ вашей сестры... Теперь—за столъ, скорѣе... Только ужъ, господа офицеры, потѣситесь!.. и денщику мѣстечко дайте.

ВСѢ.

Найдется... найдется... [Садятся].

ЕКАТЕРИНА [робѣя].

Помилуй, государь... Я не свободная... я плѣнница... Шляхтанка я простая... И смѣю ль я?..

ПЕТРЪ.

Не ты,—я смѣю здѣсь все, что хочу...

ЕКАТЕРИНА [близко подойдя, глядитъ ему въ глаза].

Такъ... выкупи меня... Совсѣмъ себѣ возьми... Чтобъ я и знала, что я твоя... И больше ужъ ничья...

ПЕТРЪ.

Ого... Что больно скоро?.. А если я объявлюсь господиномъ не весьма кроткимъ?..

ЕКАТЕРИНА.

Да, откуда жъ тебѣ и кротости взять? Вонъ воеводы твои и то какъ землю нашу опустошили... Грозою прошли... Какъ же ты долженъ быть грозенъ да великъ!.. А гдѣ гроза—тамъ и милость. Большая гроза,—и милость будетъ немалая. Такъ я смекаю...

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ**, **Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

НОЯБРЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

НОЯВРЬ, 1903 г.

	СТРАН.
I. Замоскворѣцкіе тузы. (Достовѣрныя записки современника). XVI—XXXI. (Продолженіе). Д. И. Стахѣва	369
II. Изъ воспоминаній артистки А. П. Натаровой . IV—VII. (Продолженіе)	42'
III. Анна Пустовойтова. (Повѣсть). XI—XII. (Окончаніе). А. И. Лемана	44
IV. Провидѣніе. (Воспоминанія судебного слѣдователя, изъ временъ крѣпостного права). Н. И. Перельгина	463
V. Въ заимкахъ и монастыряхъ у старцевъ. (Изъ путешествія по сибирской тайгѣ). Очеркъ. П. И Соколова-Костромского	482
VI. Попъ Марко Пейовичъ. Изъ воспоминаній (за 1862 г.) художника М. О. Микѣшина	505
иллюстраціи: Попъ Марко Пейовичъ.	
VII. Изъ моего прошлаго. VI—XII. (Окончаніе). Г. И. Корвина-Кучинскаго	519
VIII. Возстаніе въ Дагестанѣ въ 1877 году. (По разсказамъ очевидцевъ). А. П. Андреева	546
IX. «Герои печальнаго образа». (Эпизодъ изъ жизни Воронежскаго края конца XVIII вѣка). М. Б—ва	554
X. Къ біографіи Н. И. Костомарова. (Письмо графа Орлова М. Л. Кожевникову). П. Л. Юдина	562
XI. Бородинскій историческій музей. А. А. Ярцева	565
XII. Графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская и іеромонахъ Амфилохій (1817—1835).	573
иллюстраціи: 1) Іеромонахъ Амфилохій. — 2) Іеромонахъ Амфилохій въ гробу.	
XIII. Графъ К. Г. Разумовскій въ Батуринѣ. (Къ столѣтію со дня смерти). Ив. Инѣземцева	590
иллюстраціи: 1) Графъ К. Г. Разумовскій. — 2) Остатки дворца Разумовскаго въ Батуринѣ. — 3) Остатки дворца Разумовскаго въ Батуринѣ. — 4) Церковь Воскресенья въ Батуринѣ. — 5) Памятникъ надъ могилой Разумовскаго.	
XIV. Село Торговище и его памятники. В. П. Полякова	605
иллюстраціи: 1) Церковь въ селѣ Торговищѣ, построенная въ 1701 году. — 2) Царскія врата и распятіе въ церкви села Торговища. — 3) Евангеліе и крестъ въ церкви села Торговища. — 4) Оловянная дарохранительница въ церкви села Торговища. — 5) Стѣнная сторожевая башня въ селѣ Торговищѣ.	
XV. Городъ Черниговъ и его святыни. IV—VIII. (Окончаніе). А. И. Фирсова	615
иллюстраціи: 1) Елецкій Успенскій монастырь. — 2) Троицкій Ильинскій монастырь. — 3) Городской валъ. — 4) Домъ гетмана Мазепы. — 5) Зданіе губернскаго правленія. — 6) Памятникъ императору Александру II. — 7) Памятникъ императору Александру III.	
XVI. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	633

См. слѣд. стр.

XVII. Критика и библиография 651

- 1) Проф. С. Θ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. (1883—1902 г.). Спб. 1903. В. Грибовскаго.—2) Латинская іерусалимская патриархія эпохи крестоносцевъ. Изслѣдованіе священника Александра Попова. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1903. С.—3) Проф. И. Я. Гурляндъ. Иванъ Гебдовъ, комиссаріусъ и резидентъ. (Материалы по исторіи администраціи Московскаго государства второй половины XVII вѣка). Ярославль. 1903. В. Грибовскаго.—4) И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ). Между міромъ и монастыремъ. Очерки и рассказы. Спб. 1903. С.—5) Полицейское право. (Пособіе для студентовъ). В. Θ. Дерюжинскаго, профессора С.-Петербургскаго университета. Спб. 1903. В. Грибовскаго.—6) Евг. Марковъ. Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—7) Академикъ Н. П. Кондаковъ. Зооморфическія инициалы рукописей X—XI столѣтій въ бібліотекѣ Синайскаго монастыря. Спб. 1903. М.—8) И. Н. Божеряновъ и Н. Н. Карювъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Выпускъ I. Спб. 1903. Б. Г.—цнаго.—9) Борисъ Гегизде. Въ университетѣ. Спб. 1903. А. Б.—10) Юбилейная выставка въ память державнаго основателя Петербурга во дворцѣ Лѣтняго сада. Спб. 1903. С. Ш.—11) Введеніе въ исторію г. С.-Петербурга (въ память 200-лѣтнихъ юбилеевъ Шлиссельбурга 11-го октября 1902 г. и С.-Петербурга въ 1903 г.). Составилъ И. Р. Поповъ. Москва. 1903. Ф. Л.—ва.—12) Сергій фонъ-Штейнъ. Карлъ Гавличекъ-Боровскій и его «Тирольскія элегіи». Львовъ. 1903. В. Г.—13) П. Симои. Опытъ сборника по исторіи и техникѣ книгопечатнаго художества на Руси преимущественно въ допетровское время. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1903. М.—14) Н. Ленцъ. Учебно-воспитательныя заведенія, изъ коихъ образовался Риндельевскій лицей. 1804—1817. Одесса. 1903. Щ.—15) Л. Орда. Страницка изъ исторіи просвѣщенія на Волыни. Луцкъ. 1903. А. Я.—16) Эрастовъ, Г. Искусство чтенія. Практическій курсъ логическаго и выразительнаго чтенія для преподаванія и изученія. Спб. 1903. Щ.—17) В. И. Гопкевичъ. Клады и древности Херсонской губерніи. Книга первая, съ художественными иллюстраціями. Херсонъ. 1903. А. И. Яцимирскаго.—18) А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Спб. 1903. П.—19) Г. Ганото. Франція передъ Риншелье. Перев. съ франц. М. 1903. П. К.—20) А. Коптяевъ. Музыка и культура. Сборникъ музыкально-историческихъ и музыкально-критическихъ статей. Спб. 1903. В. Г.

XVIII. Заграничныя историческія новости и мелочи 682

- 1) Вавилонскія школы 4000 лѣтъ назадъ.—2) Черная месса.—3) Двухсотлѣтній юбилей Ракоци.—4) Анархистъ XVIII вѣка.—5) Отецъ Помпадуръ и ея дѣтство.—6) Король моды въ XVIII вѣкѣ.—7) Предполагаемая любовница Робеспьера.—8) Современная Куба.—9) Отголоски англійской королевской литературы.—10) Историческіе музеи.—11) Статуи Жюля Симои, Ренана и Венцингерорика.—12) Французская посланница о коронаціи императора Александра III.—13) Легенда о Башкирцевой.

XIX. Смѣсь 719

- 1) Присужденіе премій митрополита Макарія.—2) Присужденіе уваровскихъ премій.—3) Общество исторіи и древностей россійскихъ.—4) Общество любителей россійской словесности.—5) Библиологическое общество.—6) Археологическія раскопки.—7) Древнее евангеліе.

XX. Некрологи 725

- 1) Дѣяновъ, А. И.—2) Долгово-Сабуровъ, Н. П.—3) Ждановъ, С. П.—4) Зубковъ, В. Р.—5) Калиновскій, Я. П.—6) Косачъ, М. П.—7) Маркель, епископъ.—8) Новиковъ, Е. П.—9) Плотниковъ, М. А.—10) Стрелетова, П. А.—11) Щаглевъ, В. Р.

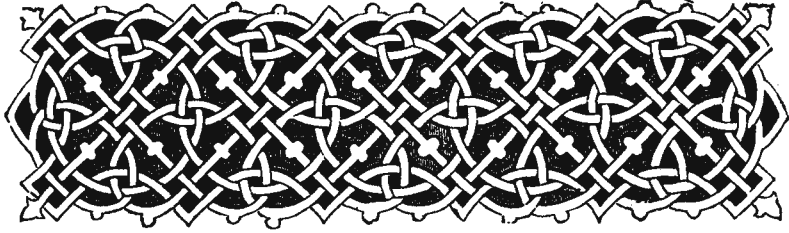
XXI. Замѣтки и поправки 734

- 1) Новое злоупотребленіе именемъ М. Ю. Лермонтова. С. Г. Москаленко.—2) Къ статьѣ «Иверскій монастырь». А. А. Титова.

XXII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Анны Пустовойтовой.—2) Санкт-Петербургъ Историческая пѣса въ пяти актахъ и десяти картинахъ. Дѣйствіе пятое. (Окончаніе). **Л. Г. Жданова.**

Къ ноябрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» для всѣхъ подписчиковъ прилагаются: 1) объявленіе отъ издательства Брокгаузъ-Ефронъ о подпискѣ на общедоступный еженедѣльный иллюстрированный журналъ «Вѣстникъ и Библиотека Самообразованія» и 2) объявленіе Товарищества Русско-Французскихъ заводовъ резинового, гуттаперчеваго и телеграфнаго производствъ «Проводникъ» въ Ригѣ.

ЗАМОСКВОРЪЦКІЕ ТУЗЫ ¹⁾.

XVI.

О МЪРЪ развитія дѣлъ и увеличенія средствъ Захаръ Прохоровичъ пріосанивался, походка его становилась съ каждымъ годомъ медленнѣе, рѣчь спокойнѣе. До нѣкоторой степени это было, конечно, въ связи и съ годами, накладывавшими на его плечи свой роковой грузъ, было оно въ связи и съ положеніемъ его торговыхъ дѣлъ, давшихъ ему съ нѣкотораго времени значительную свободу дѣйствій въ коммерческихъ оборотахъ. Въ описываемое время онъ уже не находилъ нужнымъ бѣгать по подворьямъ «Китай-города», высматривать и выжидать пріѣзжихъ покупателей, и уже не нуждался въ кредитѣ подъ учетъ векселей, кредитѣ, тяготившемъ его когда-то въ давнопрошедшіе дни.

И покупателей онъ сталъ уже сортировать съ большимъ разборомъ: нѣкоторыхъ встрѣчалъ только легкимъ кивкомъ головы, да и такого поклона первый имъ не дѣлалъ, а ожидалъ, чтобы они сами сначала ему поклонились; другихъ привѣтствовалъ, не поднимаясь со стула и даже не протягивая руки.

— А-а! Милый человѣкъ!.. съ легонькой улыбкой встрѣчалъ онъ:—пріѣхалъ. Вотъ чудесно! Давно ли?

— Съ утреннимъ, Захаръ Прохоровичъ, такъ, стало быть, передъ поздней обѣдней, около девяти...

— Такъ! Ну, каковы дѣлишки?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIV, стр. 5.

— Ничего... торгуемъ пока.

— Товарцу потребуется?

— Какъ же... Безъ этого нельзя.

— Заходи, заходи!..

— Покорнѣйше благодаримъ. Признаться, на васъ рассчитываемъ...

— Сдѣлай милость! Завсегда уступлю дешевле другихъ. Заходи!..

Другому прїѣзжему на почтительный поклонъ его онъ даже и фуражки не снималъ, а только чуть дотрогивался рукой до ея козырька.

— А!.. знакомый!.. Милости прошу...

— Товарцу бы, Захаръ Прохоровичъ.

— Какого именно?

— Да вотъ, такъ и такъ...

— Много ли требуется?

— Да вотъ... по примѣру прошлаго года и, если можно, на тѣхъ же условїяхъ... въ годовой срокъ...

— Такъ... Отчего же?.. Можно!.. Покупатель ты надежный, а деньги намъ не къ спѣху. Эй, паренекъ! Ваня, слышь ты!— кричитъ онъ, не поднимаясь со стула.

Изъ амбара показывается тощая, костлявая фигура паренька Вани, которому уже давно перевалило за шестой десятокъ.

— Ваня! покажи-ка... Вотъ желаютъ...

Ваня учащенно и съ большимъ подобострастіемъ кланяется и почему-то хватаетъ себя при этомъ за подбородокъ, точно оцупываетъ, тутъ ли онъ. Покупатель здоровается съ нимъ, но разговора, однако, не заводитъ ни о цѣнахъ ни о сортахъ товаровъ, зная, что объ этомъ всего лучше поговорить «съ самимъ».

— Извините, я бы... то-есть желалъ окончательную цѣну сначала узнать,—обращается онъ къ Захару Прохоровичу.

— Идите въ амбаръ, идите. Ваня покажетъ разные сорта. Выбирайте, который подойдетъ вамъ. Цѣна окончательная, и уступки ни въ какомъ разѣ не будетъ...

Но когда у дверей амбара появлялись такіе покупатели, съ которыми можно было сдѣлать «большое дѣло», Захаръ Прохоровичъ мгновенно превращался въ презняго озабоченнаго и жаднаго къ наживѣ торговца. Издали завидѣвъ ихъ, онъ приподнимался съ кресла, отвѣшивалъ низкій поклонъ, чуть не касаясь при этомъ фуражкой до земли, и громко возглашалъ:

— Достопочтеннымъ и многопочитаемымъ моимъ благодѣтелямъ и благопрїятелямъ бюю челомъ до сырой земли!..

— Захару Прохоровичу такожде, тѣмъ же, значить, концомъ и по тому же мѣсту!—слышался отвѣтъ улыбающихся и польщенныхъ вниманіемъ покупателей.

Онъ шелъ къ нимъ навстрѣчу съ распростертыми объятіями, троекратно лобызался, спрашивалъ о здоровьѣ, о времени приѣзда, о дѣлахъ, о женахъ и дѣтяхъ и приглашалъ въ трактиръ.

— Къ себѣ не зову,—далеко, а въ трактирчикъ обязательно пожалуйте... Покорнѣйше прошу!

— Не время теперъ, Захаръ Прохоровичъ,—отговаривались приѣзжіе,—послѣ. Мы еще у Иверской, признаться, не были...

— Въ такомъ случаѣ пойдете вмѣстѣ къ Иверской, и я помолюсь съ вами, а тамъ поблизости и Патрикеевъ.

— Патрикеевъ—потомъ.

— И не говорите!.. Идемъ, идемъ!..

Онъ неотступно упрашивалъ, снималъ по нѣскольку разъ котиковый картузъ, обнажая засеребрившуюся голову, и, касаясь пальцами руки до земли, повторялъ:

— Не обидьте, братцы... по примѣру прежнихъ лѣтъ, удостойте съ вами парочку чайку выпить...

— Что дѣлать, надо уважить Захара Прохоровича... Стало быть, идемъ...

Шли они съ нимъ къ Иверской, молились, ставили свѣчи, служили иной разъ молебны и потомъ направлялись въ трактиръ.

— А у васъ, Захаръ Прохоровичъ, того... разговаривали они по дорогѣ:—на головѣ-то повытерлось порядочно...

— Есть отчасти.

— И на вискахъ-го... заморозило сильно...

— Ну, ну! Полно пугать-то!..

— Мало ли время прошло! Пожалуй, если хорошенько посчитать, такъ годковъ восемь, надо быть, не видались...

— Такъ. Восемь будетъ и съ хвостикомъ. На Макарьевской послѣ Севастопольскаго замиренья видѣлись. Такъ ли я говорю?

— Вѣрно!.. Ну-ка, шагай проворнѣе, али на ноги подался?

— И это есть по малости!..

Сидя потомъ въ Патрикеевскомъ, они припоминали прежняго Захара Прохоровича, вѣчно озабоченнаго, появлявшагося въ ихъ номерахъ съ разсвѣтомъ, теперъ въ значительной степени отяжелѣвшаго.

— Осанистъ сталь, это что говорить! Сообразно, значить, капиталу,—шутили они,—такъ вѣдь, Захаръ Прохоровичъ?—по богатству и осанка.

— Правильно!..

— Только вотъ серебро на головѣ—это напрасно, кажись бы, рановато.

— Что дѣлать, милые! И вы вѣдь, я погляжу, тронулись: давно ли брунеты были, а теперь стали сѣдой наружности, и на ликахъ-то у васъ борозды легли тоже не маленькія...

— Ну, наливай что ли!.. Что пустяки-то молотъ? Само собой, всякому овощу свое время!..

— Мои лѣта—что!—бодрился Захаръ Прохоровичъ:—самые, на-примѣръ, средственныя,—вотъ бабушка у меня, царство ей небесное, дѣйствительно, пожила на свѣтѣ порядочно: такъ надо полагать, что, пожалуй, за девяносто съ годомъ перевалила...

— Гм... гм...—отвѣчали собесѣдники,—это возрастъ точно что... основательный. Именно можно сказать, дай Богъ всякому.

— Давно скончалась бабушка?

— Да вотъ только что сорокоустъ справили на прошлой недѣлѣ...

— Такъ, такъ. Упокой Господи ея душу!.. А сынокъ каково поживаетъ?

— Ничего... выравнивается.

— Не женилъ еще, Захаръ Прохоровичъ?

— Нѣтъ еще. Собираюсь... Паренекъ, слава Богу, вышелъ удачный: къ дѣлу приверженъ и къ отцу почителенъ... здоровьемъ немного, какъ будто, жидковатъ, ну, да съ годами, Богъ дастъ, въ силу войдетъ...

— Это само собой!.. Женить надо, безпремѣнно надо... Безъ этого невозможно... Такая, значить, положена человѣку линия, и долженъ онъ по ней идти. Присматриваешь, чай, Захаръ Прохоровичъ, парочку для сына съ хорошенькимъ приданымъ?

— Обязательно.

Захаръ Прохоровичъ самодовольно поглаживаетъ бороду и улыбается.

— Деньги къ деньгамъ, братцы, сами знаете.

— Правильно, правильно!.. Ну-ка, наливай еще по рюмочкѣ, да и шабашъ. Давайте всѣ собча!.. Господи благослови!.. Ну, будь здоровъ, Захаръ Прохоровичъ, за угощенье спасибо. Идемъ, братцы, идемъ! Время терять тоже некогда,—не бражничать пріѣхали...

Потомъ былъ, разумѣется, торговый разговоръ въ амбарѣ Захара Прохоровича, споры о цѣнахъ, убѣдительныя упрасиванія съ одной стороны, упорное отстаиванье съ другой и въ концѣ концовъ хлопанье по рукамъ и дружескія объятія.

— Ну, такъ и быть! Давай, поцѣлуемся. Уступилъ я вамъ много,—Богъ съ вами! Люди ужъ вы больно хорошіе.

— Это, братъ, Захаръ Прохоровичъ, особъ статья, а цѣна, на-примѣръ, тоже—особъ статья...

XVII.

О Галактіонѣ Герасимовичѣ Квасниковѣ, отъ котораго Захаръ Прохоровичъ такъ часто находился въ былые годы въ денежной зависимости, и рѣчи теперь не было.

Въ то подворье, въ которомъ останавливался Галактіонъ Герасимовичъ, прїѣзжая въ Москву, Захаръ Прохоровичъ много лѣтъ не заглядывалъ и давно уже не встрѣчалъ его ни на улицѣ, ни въ церкви. Забылъ онъ дорогу и въ Богоявленскій монастырь и въ другіе сосѣдніе съ нимъ храмы, такъ какъ уже не было надобности подниматься спозаранку изъ дома и спѣшить къ ранней обѣднѣ «въ городъ», чтобы не прозѣвать при выходѣ изъ церкви встрѣчи съ прїѣзжимъ покупателемъ.

Казалось бы, отъ Варварки, гдѣ помѣщался главный складъ товаровъ Захара Прохоровича, до Ильинки, на которой находилось Посольское подворье—временное обиталище Галактіона Герасимовича—разстояніе не велико и путь самый торговый, прямая дорога на Биржу, но ни тому, ни другому въ описываемое время до Биржи не было дѣла.

Квасниковъ и въ прежніе годы рѣдко показывался на Биржѣ, зная очень хорошо, что тѣ лица, которыя нуждаются въ учетѣ векселей, найдутъ къ нему дорогу въ номеръ, найдутъ даже и въ томъ случаѣ, если онъ поселится на краю города, гдѣ нибудь за Камерколлежскимъ валомъ. Захаръ Прохоровичъ, находясь относительно денежныхъ дѣлъ въ подобномъ же независимомъ положеніи, тоже зналъ, что всякій торговый человѣкъ, желающій имѣть съ нимъ сношенія, отыщетъ дорогу въ его амбаръ помимо Биржи, и не находилъ поэтому нужнымъ толкаться около биржевого зданія, а посылалъ туда при надобности довѣреннаго.

Въ то время дѣйствительно приходилось толкаться у Биржи, такъ какъ самое зданіе было маленькое, не вмѣщавшее въ себѣ и десятой доли собиравшагося около него торговаго люда. Купцы толпились тогда большею частію на тротуарахъ и на улицѣ, и до того иной разъ въ большомъ числѣ, что стѣсняли движеніе экипажей. Иной простоватый извозчикъ тревожно сдерживалъ лошадь, подѣхавъ къ Ильинкѣ, и въ недоумѣніи взглядывалъ на сѣдока, не зная, какъ ему поступить въ такомъ затруднительномъ случаѣ. Сѣдокъ сердился, ворчалъ и понукалъ его.

— Чего остановился?.. Трогай дальше.

Извозчикъ стягивалъ съ головы шапку и оправдывался.

— Никакъ не возможно, ваша милость. Податься некуда. Народу, гляди самъ, аграмаднѣйшая толпа и все въ шубахъ.

— Какое мнѣ дѣло? Поѣзжай.

— Почтенные... поберегитесь!—просилъ извозчикъ.

Шагъ за шагомъ лошадь подвигалась впередъ, купцы молча разступались, и проѣздъ по улицѣ на нѣкоторое время возстановлялся.

Съ того времени прошло уже немало лѣтъ, и многое въ московской жизни измѣнилось, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней стороны. Биржевое зданіе перестроилось заново, и купцы уже не тѣснились толпами на улицѣ, а обдѣлывали свои дѣла въ просторныхъ залахъ Биржи. Маленькая церковь, ютившаяся въ переулкѣ, гдѣ «Зеркальная линія» торговыхъ рядовъ, Богъ вѣсть куда скрылась, и на мѣстѣ ея теперь высятся огромныя постройки. Сосѣдній, на противоположной отъ Биржи сторонѣ, монастырскій домъ, извѣстный подъ названіемъ «Новотроицкій трактиръ», когда-то двухъэтажный, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній, вытянулся въ нѣсколько этажей съ башней, уродливо возведенной надъ главнымъ фасадомъ дома, конечно, не съ тою цѣлью, съ которой предшественники современнаго монашества стремились «ко граду, основанія имущему, егоже художникъ и содѣтель Богъ». Но объ этомъ помолчимъ.

Если бы Захару Прохоровичу случилось въ описываемое время заглянуть въ Посольское подворье, гдѣ, по обыкновенію, останавливался Галактіонъ Герасимовичъ, онъ не только затруднился бы отыскать ходъ къ его номеру, но и самый домъ подворья, пожалуй, не скоро бы нашель. Прежняя, знакомая ему дорога по длиннымъ коридоромъ дома, стоявшаго въ развалинахъ, уже болѣе не существовала, и въ подворьѣ нужно было проходить черезъ ворота по чужому двору.

Развалины дома, стоявшія, со времени нашествія галловъ и съ ними дванадцати языковъ, безъ оконъ и дверей, теперь были неузнаваемы. Судебный процессъ, возникшій между наслѣдниками изъ-за правъ владѣнія ими, малоцѣнными по своей стоимости, но дорогими по занимаемому ими мѣсту, тянувшійся десятки лѣтъ, былъ въ описываемое время уже оконченъ, и на мѣстѣ развалинъ, съ провалившимися стропилами крышъ, выстроился огромный домъ съ зеркальными окнами, съ парадными подъѣздами и множествомъ цѣнныхъ торговыхъ помѣщеній.

Словомъ, все окружающее измѣнилось. Не измѣнился только самъ Галактіонъ Герасимовичъ. Не измѣнился онъ, впрочемъ, только въ духовномъ своемъ образѣ, на тѣлесный же его образъ время съ каждымъ днемъ яснѣе клало свою роковую печать. Сѣдые волосы его уже получили оттѣнокъ желтизны и значительно обрѣдѣли на вискахъ и на темени, но глаза хотя и утратили прежній острый блескъ, а все-таки еще не были тусклыми, голосъ былъ попрежнему рѣзкій и звонкій, и во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась все та же безпокойная торопливость и озабоченность. Онъ также все куда-то спѣшилъ, о чемъ-то вздыхалъ, охалъ, жаловался и сердился.

Смотря по настроенію духа, онъ былъ въ одно и то же время и жаднымъ коршунѣмъ, готовымъ ободрать ближняго до нитки, и скупцомъ, отказывавшимъ себѣ въ кускѣ свѣжей булки, и благодѣтелемъ, щедро одѣляющимъ бѣдныхъ «во имя Христова» и т. д. Все зависѣло отъ минуты и душевнаго порыва. Одинъ изъ его замщиковъ, много лѣтъ имѣвшій съ нимъ торговые расчеты, опредѣлялъ его духовный образъ слѣдующими словами:

— Онъ, этотъ самый Галактіонъ Герасимовичъ, распренесчастнѣйшій старикъ: всю жизнь куда-то бѣжить, а добѣжать не можетъ, всю жизнь силится одной рукой схватиться за облака, чтобы вознестись въ небесныя обители, а другой держится за шкапу съ деньгами.

Нѣкто изъ купцовъ, близко знавшихъ Галактіона Герасимовича, низкорослый и тучный старикъ, съ лицомъ, обильно усыпаннымъ веснушками, каждый разъ укоризненно качалъ головой, слушая неодобрительныя о немъ отзывы, и старался оправдать его. Даромъ слова онъ не владѣлъ, и, рѣшаясь что либо сказать, смущался, путался въ словахъ и нѣсколько разъ повторялъ: «видите... знаете... я вамъ доложу»... Правой рукой онъ дѣлалъ при этомъ какіе-то круги въ воздухѣ, видимо желая при помощи ихъ выразить свою мысль болѣе ясно.

— Видите... знаете... я вамъ доложу,—возразилъ онъ однажды въ отвѣтъ на рѣзкіе отзывы о Галактіонѣ Герасимовичѣ,—осуждать, разумѣется, очень даже легко: ни ума, то-есть, для этого и ничего, значить, другого совсѣмъ не требуется... А вы, того-съ... я вамъ доложу, пренебрегите сначала всѣми этими, то-есть, земными благами, раздайте при жизни, будучи въ добромъ здоровьѣ, такую огромную сумму денегъ на благотворительныя дѣла, какую роздалъ Галактіонъ Герасимовичъ, и тогда... видите, знаете, осуждайте его. Да-съ, извините, думаю, что такихъ людей даже и со стороны, то-есть, ихъ слабостей надо мѣрять другимъ аршиномъ.

Мать Митродора, со спутницей своей Калеріей, сидя зимнимъ вечеромъ у Анны Ѳедоровны и рассказывая о своихъ скитаніяхъ «по сборамъ», о дорожныхъ случаяхъ и встрѣчахъ, вспоминали о благодѣтелѣ ихъ обители, Галактіонѣ Герасимовичѣ. Заговоривъ о немъ, онъ чрезъ нѣсколько времени по обыкновенію прервали начатый разговоръ и, обратясь лицомъ къ образамъ, стали класть земные поклоны. Анна Ѳедоровна тоже поднялась изъ-за стола и молча отошла нѣсколько въ сторону, чтобы не мѣшать своимъ близкимъ присутствіемъ молитвѣ монахинь. Окончивъ молитву, обѣ монахини, какъ всегда, молча поклонились Аннѣ Ѳедоровнѣ, молча сѣли за столъ и опять взялись за свои чайныя чашки.

Сѣла и Анна Ѳедоровна на обычное мѣсто около самовара и уже не обращалась къ нимъ съ разспросами о томъ, почему онѣ прервали бесѣду для молитвы, зная изъ прежнихъ ихъ разсказовъ, что это дѣлается ими «по благословенію обители». Монахини, занявъ свои мѣста, тоже нѣкоторое время хранили молчаніе, какъ бы находясь подъ благоговѣйнымъ впечатлѣніемъ молитвы. Было ли молчаніе вызвано искреннимъ чувствомъ благодарности «къ благодѣтелю» и молитвою «о его здравіи», или же было оно только приѣмомъ, приличествовавшимъ обстоятельствамъ и выработаннымъ въ монастырской жизни тяжелымъ и продолжительнымъ искусомъ,—объ этомъ сказать что либо опредѣленное трудно и именно потому, что лица монахинь сохраняли обычное безстрастное выраженіе, напоминавшее до нѣкоторой степени выраженія каменныхъ изваяній.

Митродора, значительно постарѣвшая и сморщившаяся, медленно тянула съ блюдечка чай, прикусывая сахаромъ, и каждый разъ послѣ прикуски отряхала кусокъ его предъ блюдечкомъ, чтобы ни одна соринка сахару не пропала даромъ. Калерія, загорѣлая и уже утратившая тотъ румянецъ щекъ, который пылалъ на нихъ прежде, лѣтъ семь-восемь назадъ, молча допила пятую чашку чая, молча придвинула ее къ хозяйкѣ, низко склонила голову и тихо проговорила при этомъ:

— Спаси васъ, Царица Небесная!..

— Выпейте еще чашечку.

— Покорнѣйше благодарю...

— Да чего тутъ благодарить? Пейте на здоровье. И матушка Митродора выпьетъ.

— Позвольте, ужъ если будетъ ваша милость, еще одну. Признаться, я уже сытехонька...

— Пожалуйте, пожалуйте. Не хмельное вѣдь... А можетъ,—вдругъ спохватилась Анна Ѳедоровна,—поднести вамъ по рюмочкѣ мадерцы?

— И, что вы, что вы, благодѣтельница! Зачѣмъ это?.. одно-временно возразили и Митродора и Калерія.

— Да что въ этомъ такого... особеннаго, грѣшнаго? Съ устатку даже и очень разрѣшается, для подкрѣпленія силъ...

— Нѣтъ, ужъ увольте... Спаси васъ, Господи!

Однакожь по рюмочкѣ выпили, поморщились при этомъ, отирая губы пальцами, и разговоръ сдѣлался значительно оживленнѣе.

— Да, матушка, благодѣтельница,—разсказывала Митродора,—опять насъ Господь привелъ въ первопрестольную столицу. Думали мы, грѣшницы, что намъ не придется болѣе скитаться по сборамъ подаенія, и уже такъ мнили въ себѣ, что добрались до тихой пристани. Калерія несла легкое послушаніе, свѣчною продажею завѣдывала, я, по старости лѣтъ, помощницей при ма-

тушкѣ казначей была. Три года промелькнуло, какъ день единъ— и вотъ, какъ видите, снова въ скитаніи, далеко отъ келейки, отъ тихаго безмолвія обители, снова съ крестомъ. Что дѣлать, благодѣтельница! Буди воля Божія! Сказано: въ крестѣ спасеніе, въ крестѣ жизнь, въ крестѣ защита отъ враговъ, въ крестѣ изліяніе сладости небесной, укрѣпленіе мысли, радость духовная и совершеніе святости. Жестоко многимъ покажется слово: «отвергнись самого себя, возьми крестъ свой и послѣдуй за мною», но много ужаснѣе будетъ услышать послѣднее слово: «подите отъ меня, проклятіи во огнь вѣчный».

Анна Федоровна, предпочитавшая душеспасительнымъ бесѣдамъ разговоры о дѣлахъ житейскихъ, прервала благочестивую рѣчь матери Митродоры вопросомъ о Галактіонѣ Герасимовичѣ:

— Живъ ли онъ еще или уже померъ?

— Жительствуетъ, благодѣтельница, жительствуетъ. Не были мы въ Москвѣ,—продолжала разсказъ мать Митродора,—какъ знаете, давно. И вотъ нынче, по пріѣздѣ, дошли до насъ слухи, что онъ, благодѣтель нашъ, прибылъ въ Москву и въ томъ же подворьѣ проживаетъ, въ которомъ я, грѣшница, у него прежде, раза три, четыре бывала, и каждый разъ онъ, по обыкновенію своему, подписывалъ въ книжку пять рублей. Это у него уже такое положеніе. Монахамъ и монахинямъ — по пяти рублей, сборщикамъ по три, странникамъ по рублю. Всѣмъ инымъ прочимъ, которые ежели за пособіями, у него не было положенія, какъ случится, и гривенникъ иной разъ, и красненькую десятирублевочку, глядя по душевному настроенію. И намъ, признаться, тоже пріемъ бывалъ не одинаковый. Иной разъ, случалось, и въ книжку подпишетъ, и чаемъ напоить, и «отъ писанія» поговорить, и поплачетъ даже при этомъ, а иной разъ торопливо таково возьметъ книжку, можно такъ сказать, что вырветъ изъ рукъ, черкнетъ въ ней, что надо, и сунетъ назадъ съ деньгами, сердито проворчить: «На, на, ступай съ Богомъ. Уходи! Уходи скорѣе!»

— Бывало и такъ, что возьметъ за плечи и круто повернетъ лицомъ къ дверямъ, и почти что, такъ надо сказать, въ шею вытолкнетъ изъ номера. «Послѣ, послѣ приходи, скажетъ, денька черезъ два, теперъ некогда». Случалось про эти «два денька» слышать отъ него многократно и даже съ прибавленіемъ: «Уходи, уходи, пока цѣла». Бывало и такъ, что одна минута пройдетъ послѣ гнѣвнаго его отказа, не успѣетъ монахиня или сборщикъ, скажемъ, отойти отъ его номера, какъ онъ уже кричитъ его назадъ и валится предъ нимъ на колѣни. Говоритъ скоро, руками себя въ грудь колотитъ, головой о полъ стучитъ и проситъ со слезами на глазахъ:

— «Прости меня, прости, грѣшникъ я, окаянный я. На, вотъ тебѣ, на!»—и подпишетъ иной разъ въ такую минуту рублей тридцать, сорокъ, а то и всю сотенную.

— Я вамъ рассказывала,—продолжала мать Митродора:—какъ онъ нашу обитель возобновилъ и приукрасилъ послѣ пожара и какъ хозяйничалъ, самолично входи во всякія мелочи даже на удивленіе всѣмъ. И вотъ, представьте, сколько прошло съ тѣхъ поръ годовъ, и какво много мы въ теченіе ихъ постарѣли и ослабили тѣлесными силами. Можно и даже должно было предполагать, что и благотворитель нашъ за это время тоже въ значительной степени въ тѣлесномъ своемъ образѣ измѣнился и духомъ поуспокоился. Съ такими мыслями я и забрела какъ-то недѣли три тому на Ильинку. Соображаю про себя, что если и не сподоблюся увидѣть его самого, то, по крайней мѣрѣ, узнаю, въ добромъ ли онъ здоровѣ. Признаться, думала даже и о томъ, что, можетъ быть, слухи о немъ идутъ несправедливые, знаете, мало ли что иной разъ слышишь. Подхожу къ Биржѣ, перемѣна такая во всей окружной мѣстности, что и признать нельзя, все перестроено, передѣлано, на силу нашла дорогу въ подворье. Спрашиваю въ коридорѣ прислуживающаго, здѣсь ли, молъ, жительствоуетъ нынѣ Галактіонъ Герасимовичъ Квасниковъ. Здѣсь, говоритъ, некуда ему больше дѣваться, ни въ какое другое подворье его не пускаютъ, потому, говоритъ, что къ нему много странниковъ, сборщиковъ, монаховъ и всякаго подобнаго народу ходить, и въ коридорѣ подворья великое отъ этого бываетъ стѣсненіе. Ну, слава Богу, думаю, значить, слухи справедливы, и здравствуетъ нашъ благодѣтель. Прошла это по коридору, подхожу къ тому номеру, въ которомъ онъ помѣщался, и слышу, звонкимъ такимъ голосомъ кричитъ онъ самъ: «Дуракъ, дуракъ! Заяцъ! Прогоню тебя!».—Царица Небесная, думаю, это вѣдь онъ гнѣвается на кого-то, и поколебалась, отворять ли дверь въ его номеръ, или лучше вспячь обратиться. Не успѣла я колебанія своего разрѣшить, какъ дверь быстро распахнулась, и самъ Галактіонъ Герасимовичъ вышелъ въ коридоръ, чуть меня съ ногъ не свалилъ. «Ты тутъ, говоритъ, чего толчешься?» Такъ и такъ отвѣчаю, простите меня, грѣшницу, я изъ того монастыря, который вы, помните, послѣ пожара... «Все равно, все равно, говоритъ, ступай съ Богомъ, ступай. Послѣ приходи. Теперь мнѣ не до вашихъ сборовъ».—Да я не для сбора, говорю, а только чтобы, то-есть, вамъ поклониться. — «Не надо, не надо никакихъ поклоновъ, Богу кланяйся!» Съ тѣмъ я и ушла. А потомъ услышала, что онъ, будто бы, собирается въ отъѣздъ за моря во Святую землю, и не утерпѣло мое сердце,—опять пошла на подворье. Думаю, можетъ, Господь сподобитъ меня поклониться ему въ послѣдній разъ. Оказалось, благодѣтельница, что онъ уже уѣхалъ на свою родину, и, такъ сказываютъ, что будто навсегда отбылъ изъ Москвы, чтобы, значить, никакими торговыми дѣлами болѣе не заниматься.

— Какъ же это понимать, матушка Митродора?—спросила Анна Федоровна:—вы говорите навсегда изъ Москвы уѣхалъ онъ, стало быть, у него есть намѣреніе во Святой землѣ остаться.

- Стало быть, такъ.
- Что жъ! Супротивъ этого ничего сказать невозможно. Это онъ хорошо надумаль.
- Чего лучше, благодѣтельница!..

XVIII.

Такія предположенія оправдались, хотя и не такъ скоро, какъ думала мать Митродора. Галактіонъ Герасимовичъ дѣйствительно собрался уѣхать въ Святую землю и притомъ съ такимъ намѣреніемъ, чтобы на обратномъ пути завернуть на Аѳонъ, принять тамъ монашество и сложить на вѣчный покой кости свои въ одномъ изъ русскихъ его монастырей.

Онъ собрался ѣхать въ Святую землю на поклоненіе Гробу Господню опять таки по-свѣдому, въ такой необычайной обстановкѣ, какая не всякому человѣческому воображенію доступна. Спутниковъ у него было не менѣ тридцати человѣкъ, всѣ расходы по ихъ путешествію онъ принялъ на себя и обѣщался выдать имъ потребную сумму на обратный путь.

Въ то время совершать путешествія въ Святую землю было не такъ легко и не такъ дешево, какъ теперь. Палестинскаго общества тогда не существовало, плаваніе на пароходахъ, остановки въ городахъ Турціи, высадка въ Яфѣ, путешествіе отъ Яффы къ Іерусалиму и т. д.—все представляло множество неудобствъ, затрудненій, даже опасностей, и требовало значительныхъ денежныхъ затратъ. Ничѣмъ этимъ Галактіонъ Герасимовичъ не смущался, тѣмъ болѣе—денежными расходами, такъ какъ считалъ ихъ въ этомъ случаѣ дѣломъ душеспасительнымъ.

Спутники его представляли собою необычайно пеструю толпу. Воистину это была смѣсь одеждъ и лицъ, и состояній. Крестьяне и крестьянки разнаго возраста, отъ тридцати до шестидесяти лѣтъ, старый, но бравый отставной солдатъ Николаевского времени, нѣсколько старушекъ—обѣднѣвшихъ помѣщицъ, два лица духовнаго званія, священникъ и дьяконъ, оба кроткіе и благочестивые, достигшіе, подобно Галактіону Герасимовичу, тоже преклонныхъ лѣтъ и горѣвшіе желаніемъ поклониться на закатѣ дней земнаго бытія Гробу Господню и омыть грѣхи своей жизни въ Іорданѣ. Кромѣ этой пестрой толпы, отправлялись съ Галактіономъ Герасимовичемъ еще два лица, родственныя и близкія ему, а именно, мать Анфія—племянница самого Галактіона Герасимовича, игуменя монастыря, имъ на родинѣ своей построеннаго, и его внучка, Катя, дочь одного изъ заблудшихъ его сыновей, приглашенная «дѣдушкой» къ святымъ мѣстамъ «для спасенія души».

— Поѣдемъ, поѣдемъ, Катя, — уговариваль онъ ее, собираясь въ путь:—по крайней мѣрѣ, за отца своего, дурака, помолишься.

Катя была рада ѣхать не только въ Іерусалимъ, но даже и за океанъ, лишь бы вырваться изъ однообразной жизни уѣзднаго города. У нея даже и мысли не мелькнуло о возможной опасности при путешествіи по морю и по сушѣ. Если бы даже подобная мысль закралась въ ея юную душу, то она не посмѣла бы высказать ее дѣдушкѣ, такъ какъ знала, что онъ противорѣчій не терпитъ. Поговорила она объ этомъ только съ матерью Анфіей, непосредственному надзору которой дѣдушка поручалъ ее на все время пути. Повздыхали обѣ, что вотъ, молъ, какая наша судьба: захотѣлъ старичекъ, чтобы мы ѣхали, — и отказаться не смѣемъ. Въ дѣйствительности, онъ ничуть не тяготился предложеніемъ Галактіона Герасимовича и были рады случаю побывать «за моремъ». Мать Анфія, пожалуй, немного и побаивалась путешествія, будучи слабаго здоровья, но мысль о возможности поклониться Гробу Господню, припасть грѣшной главой къ величайшей святынѣ христіанскаго міра преоборала всякій страхъ. Мать Анфія была скромнѣйшею изъ скромнѣйшихъ женщинъ. Малорослая, тощая, съ симпатичнымъ взглядомъ голубыхъ, впалыхъ и значительно уже потускнѣвшихъ глазъ, она представляла прямую противоположность Катѣ, высокой, широкоплечей, румяной и любовалась ея радостнымъ, почти восторженнымъ настроеніемъ.

— Ахъ, матушка игуменья! ахъ! — восторгалась Катя, забывъ про недавніе вздохи. — Что мы увидимъ! Что мы только увидимъ! Ноже мой! Сердце заранѣе трепещетъ при этой мысли...

— Сподобитъ ли Господь? — сомнѣвалась мать Анфія, молитвенно поглядывая на образъ.

Оказалось потомъ, что восторженная радость молодой дѣвушки была предчувствіемъ иныхъ событій, не имѣвшихъ ничего общаго съ христіанскими святынями Востока. Событія эти неожиданно и необычайно круто повернули ея жизненный путь въ другую сторону и повернули, можно сказать, въ первые же часы по приѣздѣ ея въ Москву.

Но объ этомъ — въ своемъ мѣстѣ.

Самъ Галактіонъ Герасимовичъ приѣхалъ въ Москву нѣсколькими днями раньше своихъ спутниковъ, чтобы ко дню ихъ приѣзда окончить всѣ приготовленія къ далекому путешествію. Торговыхъ дѣлъ въ это время у него уже не было, т. е. почти не было, такъ только, кой-какіе маленькіе расчеты «по вѣрнымъ векселямъ» онъ еще имѣлъ «при случаѣ», да и то лишь при такомъ условіи, если расчетъ былъ «очень выгодный». Денежные капиталы, несмотря на щедрую ихъ раздачу, были у него еще значительные. Въ дни ожиданія своихъ спутниковъ онъ долго и много бѣгалъ

по московскимъ банкамъ и конторамъ, много потратилъ времени на совершеніе разныхъ формальностей по помѣщенію своихъ капиталовъ «въ безопасныхъ мѣстахъ», по составленію духовнаго завѣщанія и пріисканію такихъ надежныхъ свидѣтелей, которые бы никому, ни близкимъ, ни постороннимъ, не открыли его «тайнъ». Все было устроено своевременно и со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла, и всѣ хлопоты окончены. Устюжская шкатулка, хорошо знакомая многимъ его должникамъ, значительно попустѣла, однако не совсѣмъ. И намѣревался принять иноческій чинъ на святой Аѳонской горѣ, онъ не думалъ разставаться со своей многолѣтней спутницей и попрежнему бережно хранилъ ее въ большомъ, окованномъ желѣзомъ, сундукѣ, находившемся въ его номерѣ въ Польскомъ подворьѣ.

Остановка была только за спутниками. До ихъ пріѣзда оставалась одна ночь, которую Галактіонъ Герасимовичъ, при безпокойности своей и нетерпѣніи, провелъ почти безъ сна.

— Опоздаютъ, пожалуй, — сомнѣвался онъ, — народъ безтолковый...

Въ теченіе ночи онъ нѣсколько разъ вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и хмурясь всматривался въ стрѣлки карманныхъ часовъ. Глаза ему служили плохо, но онъ все-таки потяжки имъ не давалъ и очковъ не носилъ. Загасивъ свѣчу, онъ снова легъ, уже въ третій разъ, и проворчалъ:

— Безпремѣнно опоздаютъ. Это вѣрно — и на бобы не мечи.

Проснувшись за часъ до разсвѣта, онъ заворчалъ опять, но на этотъ разъ уже не на спутниковъ своихъ за возможное ихъ опозданіе, а на время, что оно такъ тихо идетъ. Ему казалось, что ночи и конца не будетъ. Поднявшись съ постели и по обыкновенію кое-какъ наскоро оплеснувъ лицо водой, онъ сталъ смотрѣть въ окно, ожидая разсвѣта. Дѣлать было нечего, сердиться и распекать тоже некого, такъ какъ въ Москву пріѣхалъ онъ одинъ, а оставаться въ спокойномъ состояніи онъ никогда не могъ и едва ли имѣлъ какое либо объ этомъ понятіе.

Наконецъ, раздался звонъ къ заутрени, и онъ со свойственною ему торопливостію побѣжалъ въ церковь, видимо обрадовавшись, что нашелъ себѣ дѣло. Но и въ церкви, несмотря на частые земные поклоны, онъ по временамъ вспоминалъ о своихъ спутникахъ и озабоченно томился думами, что они «безпремѣнно опоздаютъ».

— Безтолковой народъ, безпечный, — думалъ онъ, — и Анфія куда не годится, вотъ ужъ именно, можно сказать, будто стеклянная: тронъ только — сейчасъ и разобьется... Катя бойкая, да что толку, вѣтеръ въ головѣ свиститъ... Напрасно, напрасно я ее съ собой везу. Замужъ бы надо отдать. Это не въ примѣръ лучше бы... Господи, прости мои согрѣшенія... Ежели опоздаютъ, еще сутки здѣсь придется болтаться...

Прожить сутки спокойно, безъ заботъ и торопливости для него было не выносимо. Опасаясь такой бѣды, онъ, идя отъ заутрени, уже строилъ планы о томъ, куда ему кинуться, если путники опоздаютъ прїѣздомъ.

— Пойду,—думалъ онъ,—къ поздней обѣднѣ въ Успенской, а потомъ въ Симоновъ монастырь проберусь. Надо какъ нибудь день скоротать... Скорѣй бы, скорѣй бы на Аѳонъ, подальше отъ житейской суеты и толчеи.

Онъ не догадывался, что суета и толчея житейская была не внѣ его, а въ немъ самомъ, въ его душѣ, и не замѣчалъ, что въ намѣреніи его уединиться въ монастырской обители скрывается нѣчто совершенно не выполнимое, а именно—намѣреніе убѣжать отъ самого себя.

Спутники его не опоздали. Въ назначенный часъ вся ихъ пестрая толпа ввалилась съ Нижегородскаго вокзала желѣзной дороги въ Посольское подворье. Крестьяне и крестьянки съ мѣшками, котомками и жестянками, отставной солдатъ съ ранцемъ за спиной, обѣднѣвшія помѣщицы съ ручнымъ багажемъ,—всѣ они были размѣщены Галактіономъ Герасимовичемъ чуть ли не въ десяти номерахъ. Размѣщая ихъ, онъ со свойственною ему торопливостію волновался и покрикивалъ, бѣгая по полутемному коридору подворья.

— Эй, вы, бабы, идите сюда,—распоряжался онъ:—вотъ въ эти два номера. Много ли васъ? Восемь? Ну, ладно. Потѣнитесь какъ нибудь. Недолго, недолго здѣсь пробудемъ, завтра съ утреннимъ поѣздомъ уѣдемъ, безпремѣнно уѣдемъ... Мѣшковъ и котомокъ у васъ что-то много. Зачѣмъ такъ много мѣшковъ, и какіе все огромные? Чего вы въ нихъ наклали?

— Сухарики, батюшка, Галактіонъ Герасимовичъ, толченые сухарики...

— Глупыя вы, бабы, глупыя! Зачѣмъ вамъ сухарики? Нешто я васъ не прокормлю?.. Оставить надо будетъ, оставить, нищимъ здѣсь роздать!.. А вы, старики, вотъ сюда валитесь... Солдатъ! Служивый! Слышь ты, тебѣ я говорю... Иди за мной!..

Служивый былъ староватъ, тугъ на ухо, но догадливъ и сообразителенъ. По взглядамъ Галактіона Герасимовича онъ понялъ, что дѣло касается его, и поспѣшно отвѣтилъ:

— Слушаю-съ!

— Нѣчего, нѣчего слушать,—перебилъ Галактіонъ Герасимовичъ,—шагай вотъ сюда. Я тебя помѣщу въ моей комнатѣ.

Старичекъ хотя и не очень бойко и дребезжающимъ голосомъ, но все-таки отвѣтилъ по-военному: «радъ стараться», и пошелъ, куда ему было назначено.

— Вы, отцы духовные,—продолжалъ отдавать приказанія Галактіонъ Герасимовичъ,—вамъ вотъ сюда, въ этотъ номеръ. Анфія!

Мать Анфія! — позвалъ онъ игуменью, безпокойно оглядывая толпу:—слышишь, гдѣ ты тамъ?

Мать Анфія стояла гдѣ-то въ уголкѣ, держась за руку своей спутницы, Кати, и, почти съ испугомъ смотря на происходившую въ коридорѣ суету и тѣсноту, терпѣливо ждала своей участи.

— Мать Анфія! Гдѣ ты? — повторилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—а, вижу, вижу... Чего ты въ уголъ прижалась? —иди, иди сюда... Ты съ Катей помѣстишься вотъ въ этомъ номерѣ. Хорошо тутъ! Хорошо! Свѣтленькій номерокъ! А вы, барыни, вотъ сюда, въ сосѣдство съ ними, въ сосѣдство... Не надолго вѣдь. Черезъ часъ пойдемъ. Богъ дастъ, помолимся святымъ угодникамъ, сходимъ къ Царицѣ Небесной, въ Иверскую часовню, и отвалимъ въ путь. Ежели успѣемъ, завтра же съ утреннимъ и отвалимъ, а ужъ съ вечернимъ—безпремѣнно уѣдемъ.

XIX.

Черезъ нѣсколько времени, давъ своимъ спутникамъ, какъ говорится, только перевести духъ, Галактіонъ Герасимовичъ заторопилъ ихъ итти на поклоненіе къ московскимъ святынямъ. Если они успѣли выпить по чашкѣ чая, то должны были благодарить за это Бога, потому что, при торопливости Галактіона Герасимовича, могли остаться и вовсе безъ чая. Онъ уже волновался, что они тихо собираются.

— Какой чай, какой чай!..—ворчалъ онъ:—Богу молиться приѣхали, а не чай распивать...

Однако задержка была не изъ-за одного чая. Оказалось, что барыни и мать игуменьи съ Катей переодѣваются послѣ дороги. Галактіонъ Герасимовичъ заволновался еще больше.

— Вотъ еще что выдумали... Ахъ, ахъ! Неосновательный какой народъ... Анфія, Анфія!.. Чего ты тамъ копаешься?..

Заслышавъ у дверей номера недовольный голосъ «дяденьки», мать игуменьи, полураздѣтая, съ сырымъ полотенцемъ въ рукахъ, растерялась и тревожно зашептала, умоляюще смотря на Катю.

— Миленькая, миленькая!.. Уговорите его, объясните...

Смѣтливая Катя наскоро накинула на плечи шаль и шмыгнула въ коридоръ, быстро затворивъ за собой дверь номера.

— Сейчасъ, дѣдушка... Нельзя же не переодѣться съ дороги. Матушка игуменьи уже умылась...

— Ну, поскорѣе, поскорѣе...

— Да вы идите. Мы васъ догонимъ. Я дорогу знаю. Если у Иверской не застанемъ, то въ Кремлѣ догонимъ...

На этомъ дѣло уладилось. Галактіонъ Герасимовичъ тронулся въ путь, сопровождаемый крестьянами и крестьянками, а барыни и мать игуменьи пошли особо подъ предводительствомъ Кати, не

разъ уже бывавшей въ Москвѣ. Сошлись онѣ съ ними въ Чудовомъ монастырѣ и потомъ уже не разставались во все время хожденія по кремлевскимъ храмамъ. Галактіонъ Герасимовичъ, по обыкновенію, съ великою горячностію клалъ земные поклоны, прикладывался къ образамъ и къ мощамъ, и вспотѣвшій, съ растрепанными остатками сѣдыхъ волосъ на темени и вискахъ, ходилъ по Кремлю, распахнувъ шубу. Время было холодное, февраль только что начался, и сырой рѣзкій вѣтеръ сердито метался по площади, кружась вихремъ у церквей и колоколенъ.

— Дяденька, вы запахнули бы шубу,—посоветовала мать Анфія, съ обычной робостію взглядывая на Галактіона Герасимовича.

— Ладно, ладно. Все равно...

Нужно замѣтить, что Галактіонъ Герасимовичъ, несмотря на почтенныя лѣта,—ему было уже далеко за шестьдесятъ,—несмотря на старческую наружность и даже сторбленность спины, пользовался изумительнымъ здоровьемъ и не имѣлъ никакого понятія о болѣзняхъ. Простуда, головная боль, ревматизмъ—все это, по его мнѣнію, были выдумки глупыхъ людей и причуды, за которыя бить надо. Въ молодости онъ отличался огромной силой. Сортируя, напимѣръ, сукна, которыми когда-то торговалъ, онъ перебрасывалъ, какъ легкіе мячики, ихъ пудовые куски и перебрасуетъ, бывало, за одинъ пріемъ кусковъ двѣсти. Такой силы подъ старость у него, конечно, не сохранилось, но все еще онъ былъ настолько бодръ и крѣпокъ, что могъ по цѣлымъ днямъ метаться по Москвѣ, не зная усталости. И теперь, переходя изъ храма въ храмъ и сдѣлавъ, на худой конецъ, поклоновъ полтора, онъ только потъ отиралъ съ раскраснѣвшагося лица обѣими руками и не чувствовалъ ни усталости, ни одышки.

— Ахъ, бабы, бабы!—ворчалъ онъ на крестьянокъ, отправившихся на поклоненіе святынямъ во всей походной формѣ, съ котомками и жестянками за спинами.

— Зачѣмъ не оставили котомокъ своихъ и посудины въ номерѣ?

— А кто ее знаетъ, родной,—отвѣчали женщины,—такъ смекаемъ, чтобы не стащилъ тамъ кто...

— Безтолковыя, безтолковыя!...

Галактіонъ Герасимовичъ покачалъ головой и бодро зашагалъ изъ Кремля къ храму Христа Спасителя, а оттуда направился къ Василию Блаженному, чтобы приложиться «къ честнымъ его веригамъ» и тѣмъ закончить пребываніе въ Москвѣ. Многочисленная свита, сопровождавшая его, уже замѣтно утомилась, у матери Анфіи глаза потускнѣли, Катя горѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и думала только о томъ, какъ бы добраться до номера и выпить безъ передышки графинъ квасу. Всѣ остальные спутники шли усталые и задумчивые; одинъ Галактіонъ Герасимовичъ бодрствовалъ за всѣхъ.

Только что вышли они отъ Василія Блаженнаго, какъ Галактіонъ Герасимовичъ встрѣтился съ Захаромъ Прохоровичемъ и, можно сказать, чуть не столкнулся съ нимъ грудь съ грудью...

— Хомутинниковъ! Захаръ Прохоровичъ!—весело проговорилъ онъ, широко размахнувъ руками.

— Галактіонъ Герасимовичъ!—привѣтствовалъ съ своей стороны Захаръ Прохоровичъ:—вотъ встрѣча. Сто лѣтъ не видались!..

— Сто не сто, а десятокъ, пожалуй, набѣжить, —отвѣтилъ Галактіонъ Герасимовичъ и пытливо оглянулъ молодого человѣка, сопровождавшаго Захара Прохоровича.—Это кто съ тобой, не сынокъ ли? Сынокъ, надо быть. Онъ, онъ самый. Я призналъ его. Ишь ты, какъ выровнялся... Здравствуй, здравствуй, паренекъ. Ты меня не помнишь, не помнишь... Маленькій бѣгалъ ко мнѣ въ номеръ съ отцовскими бумагами.

— Я помню,—отвѣтилъ Миша,—даже очень хорошо помню...

Миша снялъ фуражку и почтительно поклонился Галактіону Герасимовичу.

Понравился ли ему поклонъ Миши, или ужъ такъ, какъ говорится, нашелъ на него добрый стихъ, онъ съ улыбкой оглянулъ молодого человѣка и даже погладилъ его по плечу.

— Помню я, помню, какъ ты въ Нижнемъ на ярмаркѣ въ соборѣ шестопсалміе читалъ. Ахъ, хорошо читалъ, четко, даже всѣмъ на удивленіе. Голосокъ у тебя тогда былъ звонкій, какъ колокольчикъ. Читаешь ли теперь? Не читаешь, поди, больше? Не до того, моль, такъ ли я говорю? И голосъ, поди, теперь другой.

— Да, голосъ... конечно... не безъ смущенія отвѣтилъ Миша, не зная, что отвѣтить.

Галактіонъ Герасимовичъ взглянулъ на Захара Прохоровича съ тою же добродушною улыбкой, съ какою смотрѣлъ на Мишу.

— Слышалъ, слышалъ... Слухомъ земля полнится,—продолжалъ онъ:—ты барыши загребалъ большіе. Съ сахаромъ, сказываютъ, удачно оборотъ сдѣлалъ. Слышалъ, что и дѣла твои вообще хорошо идутъ, по рельсамъ. Такъ и быть должно. Я зналъ, давно зналъ, помнишь, и тебѣ говаривалъ, что богатъ будешь, потому—ты характеромъ твердъ... Дай Богъ, дай Богъ!.. А я, братъ, того... понимаешь, рѣшилъ, собрался въ дальнюю дорогу.

— Куда же это, Галактіонъ Герасимовичъ?—спросилъ Захаръ Прохоровичъ, оглядывая его спутниковъ.

— Далекъ, братъ, далекъ, откуда не видать...

Взглянувъ на мать Анфію, стоявшую съ Катей около церковной паперти, вмѣстѣ съ толпой сопровождавшихъ ихъ богомольцевъ, онъ торопливо сказалъ:

— Мать Анфія, идите! Катя, ступай, ступай... Всѣ идите въ подворье. Я скоро, скоро... Захаръ Прохоровичъ, завернемъ на парочку чайку...

Захаръ Прохоровичъ снялъ съ головы котиковый картузь и низко, по-старинному, поклонился Галактіону Герасимовичу.

— За честь почту, Галактіонъ Герасимовичъ!..

Въ немъ, такъ сказать, встрепенулся прежній расторопный, сообразительный и угодливый торговецъ, готовый «изъ уваженія къ покупателю» нехотя выпить десять стакановъ чая. По торговому положенію своему онъ уже не имѣлъ никакой надобности ухаживать за Квасниковымъ и тѣмъ болѣе потому, что Квасниковъ уже роздалъ значительную часть своего состоянія на дѣла благотворенія, но все-таки считалъ его попрежнему такимъ богачемъ, до котораго ему «по капиталу далеко».

— Миша!—обратился онъ къ сыну:—ты того... иди въ амбаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ въ амбаръ?—возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—пусть и онъ съ нами идетъ... Пойдемъ, братъ, Мишенька, пойдемъ... Больно ужъ ты мнѣ понравился... Признаться, и слухи о тебѣ хорошіе промежду купцовъ идутъ, очень одобрительные слухи... Пойдемъ, пойдемъ съ нами..

Мать Анфія съ Катей и съ толпою богомольцевъ возвратились въ Посольское подворье, а Захара Прохоровича съ сыномъ Галактіонъ Герасимовичъ завелъ на Никольскую, въ какой-то полутемный, давно излюбленный имъ, уголокъ въ трактирѣ.

Сидя «за парой чая», онъ, не умолкая, говорилъ о намѣреніи оставить міръ и тутъ же, послѣ только что сказанныхъ словъ о томъ, что все на свѣтѣ—суета, обращался къ Захару Прохоровичу съ вопросами о цѣнахъ на товары, о суммѣ его годовыхъ оборотовъ и т. п. и, не дослушавъ отвѣтовъ, прерывалъ ихъ обычными восклицаніями:

— Суета! суета!.. Все суета!..

И тотчасъ же, можно сказать, въ ту же секунду, когда звуки его восклицанія еще не растаяли въ воздухѣ, онъ уже снова задавалъ Захару Прохоровичу вопросы о цѣнахъ на товары, о положеніи дѣлъ знакомыхъ ему купцовъ и, не дождавшись отвѣта, самъ отвѣчалъ:

— Да, да, знаю, капиталъ у него хорошій, большой капиталъ. Онъ торговой мужикъ, торговой!..

XX.

Посиживая за чаемъ и перебрасываясь съ Галактіономъ Герасимовичемъ торговыми вопросами и отвѣтами и выслушивая его заключительные возгласы о томъ, что все въ мірѣ суета, Захаръ Прохоровичъ во все время бесѣды оставался до нѣкоторой степени въ недоумѣніи. Удивляло его не только то обстоятельство, что Галактіонъ Герасимовичъ пригласилъ его на пару чая въ трактиръ, это и прежде иногда случалось, но что онъ и сына его

удостоилъ такого же приглашенія. Это уже было совсѣмъ необычно. Кромѣ того, удивляло главнымъ образомъ то, что Галактіонъ Герасимовичъ держалъ себя на этотъ разъ какъ-то совсѣмъ иначе, чѣмъ бывало прежде, и въ разговоръ по временамъ вставлялъ такія вводныя предложенія, которыя, казалось бы, въ немъ совсѣмъ были не кстати.

— Да, да... того... ѣдемъ вотъ къ святымъ мѣстамъ,—разсказывалъ онъ.—Анфію везу съ собой—племянница моя. Игуменья она, у меня въ монастырѣ игуменья. Ты ее не знаешь, не знаешь... Смиренная, даже и не въ мѣру смиренная... Народу со мной много ѣдетъ, много... И хорошо. Я радъ этому... Но вотъ только взялъ еще внучку, Катю. Помнишь, чай, я тебѣ говаривалъ о ней... Сашки, сына, дочь. Выросла, выросла,—видѣлъ, какая большущая... И хорошая дѣвушка вышла, хорошая, умная и скромная, а ужъ рукодѣльница такая—и говорить нечего! Замужъ надо бы отдать, замужъ. Въ монастырь не хочетъ... Что съ ней дѣлать,—наильно не пострижешь. Душеспасительное дѣло, а супротивъ воли нельзя. Стало быть, выходить такъ, что и въ рай за воротъ тащить не позволяется.

Галактіонъ Герасимовичъ глубоко вздохнулъ, точно жалѣя, что для спасенія души существуютъ такіе строгіе порядки, потомъ перекрестился и придвинулъ недопитый стаканъ поближе къ Мишѣ, разливавшему чай.

— Ну-ка, Мишенька, плесни еще мѣ... Выровнялся, паренекъ, выровнялся!..

Захаръ Прохоровичъ не безъ недоумѣнія взглянулъ на Галактіона Герасимовича, не понимая, случайно ли онъ, по свойственной ему привычкѣ, вставилъ слово о внучкѣ своей или намѣренно.

— Нѣтъ, это безъ намѣренія,—рѣшилъ онъ, взглянувъ на Галактіона Герасимовича. И только что утвердился на этомъ рѣшеніи, какъ Галактіонъ Герасимовичъ снова упомянулъ о внучкѣ.

— Рукодѣльница большая — и говорить нечего, и характера хорошаго...

Захаръ Прохоровичъ почти растерялся, не зная, въ какомъ смыслѣ понимать слова Галактіона Герасимовича. До сихъ поръ онъ зналъ его такимъ человѣкомъ, въ рѣчахъ котораго нѣтъ скрытыхъ цѣлей и всѣ дѣйствія искренни и, можно сказать, даже не въ мѣру откровенны и прямолинейны. И вдругъ оказалось, что этотъ искренній человѣкъ точно въ загадки играетъ, и говоритъ, и поступаетъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде, даже, повидимому, несообразно съ основными чертами его характера.

Сидѣлъ Галактіонъ Герасимовичъ съ нимъ долго, разговаривалъ о предстоящемъ путешествіи и о спасеніи души, и перескакивалъ при этомъ съ необыкновенной легкостью къ вопросамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ путешествіемъ. Черезъ минуту, дру-

гую онъ, повидимому, съ душевнымъ сокрушеніемъ произнесъ: «Господи, прости мои согрѣшенія». И вдругъ, къ совершенной неожиданности Захара Прохоровича, спросилъ:

— А домъ у тебя каковъ? Хорошій домъ, большой?

— Да, домикъ ничего...

— Самъ ты его строилъ или родительскій домъ?

Не успѣлъ Захаръ Прохоровичъ дать должный отвѣтъ на его вопросъ, какъ засыпанъ былъ новыми вопросами.

— А сколько комнатъ? Двухъэтажный, говоришь. Хорошо, ладно. Во дворѣ флигерь. Такъ. Довѣренный, стало быть, многосемейный человѣкъ. Такъ, такъ, это хорошо. Чѣмъ больше у человѣка семья, тѣмъ онъ надежнѣе. А впрочемъ — всяко бываетъ. Ну, хорошо, ладно. Стало быть, сынокъ съ вами вверху. Это хорошо — чего лучше, по крайности, всегда на глазахъ... Да чуть ли я у тебя въ домѣ не былъ... Ты, Захаръ Прохоровичъ, не помнишь... Кажись, я заѣзжалъ какъ-то.

— Признаться, и я что-то подобное припоминаю, — отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Да, да... годовъ-то много прошло, много. Хозяйку твою помню, очень даже твердо помню, — продолжалъ Галактіонъ Герасимовичъ: — въ ярмаркѣ, въ Нижнемъ, встрѣчалъ васъ обоихъ... Тоже давно, пожалуй, лѣтъ съ десятокъ тому назадъ... Помнишь, въ китайскихъ рядахъ, у сибиряка?.. Ну, вотъ, вотъ! у него... Померъ онъ давно, померъ... Да, да, всѣ померъ... Объ этомъ что разговаривать, — воля Божія... А хорошая она у тебя, хорошая... Многие очень одобряютъ. Слыхалъ я, отъ монахинь слыхалъ.

Разговоръ, повидимому, не имѣлъ иной цѣли, кромѣ воспоминаній о прошломъ, но въ дѣйствительности Галактіонъ Герасимовичъ велъ его не ради однихъ только воспоминаній. Онъ, прямодушный и не въ мѣру иногда откровенный, сумѣлъ на этотъ разъ притвориться дипломатомъ и довелъ разговоръ до того, что Захаръ Прохоровичъ догадался наконецъ пригласить его къ себѣ въ домъ. Этого главнымъ образомъ и хотѣлось Галактіону Герасимовичу. Не догадайся Захаръ Прохоровичъ его пригласить, онъ бы самъ напросился и роли бы своей дипломатической не донгралъ, даже, можетъ быть, еще и ускорилъ бы осуществленіе того дѣла, которое иногда и прежде рисовалось въ его воображеніи въ болѣе или менѣе смутныхъ очертаніяхъ, а теперь вдругъ, при случайной встрѣчѣ, представилось въ такой опредѣленности и привлекательности, что онъ ухватился за него, такъ сказать, обѣими руками.

— Поѣдемъ, поѣдемъ... къ тебѣ, Захаръ Прохоровичъ, — рѣшительно сказалъ онъ, допивая давно остывшій стаканъ чая однимъ глоткомъ.

Опороженный стаканъ положенъ былъ имъ на блюдечко бокомъ, какъ водится. Быстро отодвинувъ затѣмъ стулъ, онъ под-

нялся отъ стола и взялся за картузь. Захаръ Прохоровичъ и Миша тоже положили стаканы бокомъ и слѣдомъ за нимъ пошли къ выходу.

Оказалось, однако, что выйти изъ трактира Галактіону Герасимовичу было не такъ легко, какъ войти въ него. Пока онъ сидѣлъ за чаемъ съ Захаромъ Прохоровичемъ, его поджидали въ сосѣдней комнатѣ нѣсколько человѣкъ: двое изъ нихъ, повидимому, были изъ торговаго сословія, одинъ, судя по одеждѣ, изъ духовнаго званія и какая-то старушка, морищинистая, съ слезящимися глазами.

— Извините, Галактіонъ Герасимовичъ!—заговорили одновременно оба купца, нервно оправляя бороды,—вы, значитъ, для насъ единственное прибѣжище и, окромѣ васъ, некому намъ помочь...

— Что такое? Въ чемъ дѣло?.. Мнѣ недосужно. И дѣлъ я никакихъ больше не имѣю... Прекратилъ всѣ дѣла... Простите, Христа ради... недосужно теперь.

Купцы одновременно подскочили къ нему и зашептали что-то, одинъ съ правой стороны, другой съ лѣвой. Онъ на первыхъ же словахъ отшатнулся отъ нихъ и замахалъ обѣими руками.

— Не могу, не могу... Уѣзжаю, сегодня же съ вечернимъ уѣзжаю къ святымъ мѣстамъ... Вамъ что, почтеннѣйшій?—обратился онъ къ лицу духовнаго званія.

Тотъ низко, по-монашески, поклонился, заправилъ потомъ за уши упавшія на лицо космы волосъ и только что началъ было: «наслышанъ я, достопочтеннѣйшій благодетель»... какъ Галактіонъ Герасимовичъ понялъ по выраженію лица его, въ чемъ его просьба, и сунулъ ему въ руку кредитный билетъ, такъ же, какъ и старушкѣ, и поспѣшно зашагалъ къ выходу.

Двое купцовъ, оставшихся, такъ сказать, за флагомъ, почесывали въ затылкахъ, издали слѣдя унылымъ взглядомъ за удаляющимся Галактіономъ Герасимовичемъ, торопливо накинувшимъ въ передней шубу.

— Поѣдемъ, Захаръ Прохоровичъ, поскорѣе,—озабоченно заговорилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—а то, пожалуй, опять ктонибудь задержитъ...

Захаръ Прохоровичъ сѣлъ въ однѣ сани съ Галактіономъ Герасимовичемъ, Миша—въ другія. Изъ двухъ словъ, наскоро брошенныхъ ему отцомъ, онъ понялъ, что долженъ пріѣхать домой раньше ихъ и предупредить мать о пріѣздѣ нежданнаго гостя. Захаръ Прохоровичъ сумѣлъ, насколько было возможно, замедлить путь и нарочно остановилъ извозчика близъ часовни у Каменнаго моста.

— Извините, Галактіонъ Герасимовичъ, — озабоченно сказалъ онъ:—я сейчасъ, я только свѣчку поставлю.

— Зайдемъ, зайдемъ!—добродушно отвѣтилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—помолюсь и я съ тобой..

— Желательно, признаться, и мнѣ свѣчечку... О Господи, помилуй, грѣшникъ я...

XXI.

Мать Анфія и Катя, возвратясь въ подворье, стали ожидать возвращенія Галактіона Герасимовича, но ждать имъ пришлось долго. И пообѣдали онѣ однѣ, и къ вечернѣ въ сосѣдную съ подворьемъ церковь сходили однѣ, и возвратясь цѣлый вечеръ просидѣли за чайнымъ столомъ въ ожиданіи Галактіона Герасимовича, но онъ, какъ говорится, точно въ воду канулъ.

Изъ многочисленнаго штата сопутствовавшихъ имъ богомольцевъ на такое неожиданное запозданіе Галактіона Герасимовича никто, конечно, не обратилъ вниманія, зная, что при большихъ когда-то торговыхъ дѣлахъ онъ имѣлъ сношенія не только со всей Москвой, но, можно сказать, чуть не со всей Россіей, и могъ встрѣтиться и заговориться съ десяткомъ знакомыхъ. Но мать Анфія и Катя, ближе другихъ знавшія Галактіона Герасимовича, стали въ концѣ вечера не безъ тревоги прислушиваться къ каждому звуку, доносившемуся изъ коридора.

— Что же это такое, матушка игуменя?—вздыхая спрашивала Катя?—гдѣ же дѣдушка? Посмотрите, вѣдь, седьмой часъ. Ужъ не случилось ли съ нимъ какой бѣды?

Мать Анфія вмѣсто отвѣта взглянула на поставленный ею на угольномъ столикѣ и освѣщенный лампадою дорожный складной образъ Спасителя и Богоматери и молитвенно перекрестилась. Потомъ, не спѣша, поднявшись съ кресла, она взглянула на карманные часы, лежавшіе тоже на угольномъ столикѣ, и задумчиво покачала головой. Катя, слѣдившая за ея движеніями, тревожно ждала отвѣта на свои сомнѣнія, но услышала вмѣсто него вопросъ:

— А ты знаешь, Катенька, кто это встрѣтился съ дяденькой (она звала Галактіона Герасимовича всегда дяденькой) у храма Василия Блаженнаго?

— Я знаю, догадываюсь... Я по молодому человѣку догадываюсь, что это онъ съ отцомъ... Хомутинниковы они, богатые кушцы,—отвѣчала Катя,—лѣтомъ въ Нижегородской ярмаркѣ я въ прошломъ годѣ была съ отцомъ моимъ и этого молодого человѣка разъ встрѣтила. Знакомиться—не знакомилась, а такъ только папаша мнѣ показалъ на него: вотъ, говоритъ, Хомутинникова сынъ, отецъ его съ дѣдушкой нашимъ большія прежде дѣла имѣлъ. Я теперь съ перваго взгляда узнала его. Какой онъ, матушка игуменя, малорослый и... жиденскій!

Мать Анфія оглянула крупную фигуру Кати и улыбнулась.

— Да, Катенька, по сравненію съ тобой онъ, конечно, не великанъ. Ты у насъ такая, Господь съ тобой, мужественная. Но я думаю, что онъ вовсе не малорослый, это только такъ выказываетъ, потому что и дяденька, Галактіонъ Герасимовичъ, очень крупнаго роста, и отецъ молодого человѣка тоже такой высокій. По сравненію съ ними онъ, дѣйствительно, теряется, въ особенности передъ дяденькой,—богатырь, вѣдь, онъ у насъ, несмотря на его старость...

Такъ онѣ разговаривали, коротая вечеръ. Катя не имѣла при этомъ въ виду никакихъ скрытыхъ думъ и предположеній относительно видовъ на молодого человѣка, мать игуменья—тѣмъ болѣе. Обѣ были твердо убѣждены въ томъ, что на слѣдующій день съ утреннимъ поѣздомъ имъ предстоитъ отправиться изъ Москвы въ дальнюю дорогу. Какія же инныя думы возможны были съ чьей либо стороны при такомъ положеніи дѣлъ? Вечеръ тянулся медленно; въ коридорѣ по временамъ слышалось хлопанье дверей, звуки людскихъ шаговъ, то крупныхъ и твердыхъ, то мелкихъ и торопливыхъ. Мать Анфія и Катя прислушивались къ нимъ, вздыхали и потомъ, помолчавъ, снова продолжали разговоръ.

Въ началѣ восьмого часа къ нимъ заглянулъ священникъ, отправлявшійся въ числѣ другихъ спутниковъ Галактіона Герасимовича въ Свягую землю. Узкоплечій, тощій, съ впалыми щеками, нѣсколько рябоватый, онъ вошелъ въ номеръ, помолился на образъ и, въ недоумѣніи оглянувъ комнату, спросилъ тоненькимъ торопкомъ:

— А Галактіонъ Герасимовичъ гдѣ?

Получивъ отвѣтъ, что онъ еще не возвращался, священникъ вопросительно посмотрѣлъ на мать Анфію, потомъ на Катю и пожалъ плечами.

— Да гдѣ же онъ... пребываетъ?

— Не знаемъ... Сидимъ вотъ въ ожиданіи...

— Такъ, такъ... Конечно, трудно знать. Осмѣлюсь высказать такое предположеніе, что благодѣтель нашъ вознамѣрился отложить день отъѣзда. По-моему, это весьма возможно и всего болѣе именно потому, что, въ такое далекое путешествіе собираясь, онъ, всеконечно, имѣетъ надобность дѣла свои установить, такъ сказать, на твердомъ камени.

— Устанавливать-то, кажись, нечего,—замѣтила Катя:—все у него давнымъ давно установлено.

— Такъ, такъ... Конечно, мнѣ судить о такихъ дѣлахъ затруднительно... Высказываю лишь предположеніе. Весьма возможно, что оно ошибочное...

Священникъ погладилъ жиденькую клинообразную бородку, задумчиво оглянулъ мать игуменью и ея молодую спутницу и помолчавъ продолжалъ:

— А я было вознамѣрился спросить Галактіона Герасимовича, нельзя ли мнѣ вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени въ Богоявленскій монастырь. Признаться сказать, дороги не знаю, въ Москвѣ отъ рожденія ни разу не бывалъ и путаюсь, какъ въ лѣсу. Очень затруднительно.

— Въ Богоявленскій монастырь отсюда близко, — замѣтила Катя:—дорога прямая...

— Куда? Куда прямая дорога?—возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ, входя въ комнату.

— А вотъ дяденька пожаловали!—проговорила мать Анфія, приподнимаясь съ кресла, —пожалуйте, дяденька. Самоваръ-то у насъ, кажись, потухъ. Можно подогрѣть... Катенька, распорядись, миленькая.

— Не надо...—торопливо возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ, —пилъ я, пилъ, пожалуй, разъ съ пятокъ пилъ... Отецъ, ты что?

— Да вотъ такъ... Осмѣлюсь обезпокоить...

Не успѣлъ священникъ и половины своего вопроса проговорить, какъ Галактіонъ Герасимовичъ уже понялъ, въ чемъ дѣло.

— Хорошо, хорошо... Иди съ Богомъ, къ заутренѣ разбуду.

— Всепокорнѣйше васъ благодарю... И дьяконъ тоже осмѣливается чрезъ меня ходатайствовать, чтобы то-есть вкупѣ съ вами...

— Чудесно, чудесно! И дьякона возьмемъ. Иди. Время терять нечего. Ложись спать.

Священникъ помолился на образъ, поклонился Галактіону Герасимовичу и потомъ, сдѣлавъ общій поклонъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла мать игуменья и Катя, вышелъ изъ комнаты, осторожно притворивъ за собой дверь.

— Завтра намъ, пожалуй, не уѣхать, —сказалъ Галактіонъ Герасимовичъ послѣ его ухода и пытливо посмотрѣлъ на Катю.—Да, да... дѣлать нечего, приходится денька на два остаться... Ты того, Анфія, ежели къ заутренѣ хочешь въ Богоявленской, такъ пораньше ложитесь, пораньше... Я въ свое время васъ разбуду... И ты, Катя, иди, иди тоже къ заутренѣ... Тебѣ молиться надо много... Веѣмъ надо молиться много. Писаніе учитъ: «непрестанно молитесь, да не увидите въ напасть», а тебѣ, Катя, надо молиться даже больше, чѣмъ другимъ...

— Почему, дѣдушка, мнѣ больше?—спросила Катя, съ изумленіемъ смотря на Галактіона Герасимовича.

— Поговори еще! Сказано тебѣ: молись больше—и молись...

XXII.

По уходѣ Галактіона Герасимовича, мать Анфія и Катя вопросительно переглянулись, не понимая, на что онъ намекаетъ, и долго потомъ разговаривали, отыскивая причины его намека. Не-

смотря на то, что Катя была бойкая и сообразительная дѣвушка, имѣвшая способность читать иногда по одному взгляду дѣдушки его мысли, но на этотъ разъ и она спасовала.

Галактіонъ Герасимовичъ, возвратившись въ свой номеръ, легъ спать, несмотря на ранній часъ вечера. Привычку ложиться въ одно время съ курами и просыпаться при крикѣ пѣтуховъ онъ усвоилъ съ молодыхъ лѣтъ, когда состояніе его считалось не милліонами и не сотнями тысячъ.

Цѣлое полустолѣтіе отдѣляло его отъ того времени, и яркими, крупными чертами залегли въ его сознаниі грѣхи прошлаго, начиная отъ мелкихъ товарныхъ дѣлишекъ до милліонныхъ дѣлъ съ учетами векселей, и метался онъ по временамъ на своей жесткой постели, какъ горячечный больной, многократно повторяя: «Господи, прости мои согрѣшенія!»

Въ описываемое время онъ тоже томился думами, но не о грѣховности своей, а о томъ удивительномъ дѣлѣ, которое неожиданно и, можно сказать, въ разрѣзъ со всѣми его планами выросло предъ нимъ и загородило дорогу въ Святую землю. Смутныя когда-то мысли о необходимости «пристроить внучку» вдругъ овладѣли имъ и потянули его за собою, и всѣ препятствія, которыя, казалось, выростали въ его воображеніи, одно сложнѣе другого, онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, сваливалъ въ сторону.

— Чего лучше—женихъ примѣрный, — думалъ онъ, ворочаясь на своемъ ложѣ,—и нужно эту свадьбу, не откладывая, устроить. Гм... гм... оно того... съ этими моими богомольцами затрудненіе. Задерживать ихъ неловко и даже напрасный расходъ: восемь номеровъ занимаемъ посуточно... Ну, не бѣда,—это все пустяки. Главная задача теперь въ томъ, что мясоѣду остается мало...

Онъ вспомнилъ число мѣсяца, сосчиталъ, сколько остается дней до масленицы, оказалось мало, и снова принялся считать, но какъ ни считалъ, а дней не прибывало, оставались все тѣ же восемь дней до пятницы, которая была послѣднимъ предъ масленицей днемъ для совершенія бракосочетанія.

Кашлянувъ раза два при мысли о томъ, что Захаръ Прохоровичъ самъ человекъ «съ хорошимъ капиталомъ», онъ не безъ задумчивости почесалъ въ затылкѣ.

— Захаръ Прохоровъ мужикъ настойчивый, — не безъ досады припомнилъ онъ,—въ денежныхъ дѣлахъ Захаръ кремневатъ, безъ приданого не возьметъ. Не возьметъ безъ приданого. Знаю я его, очень хорошо знаю. Пожалуй, торговаться будетъ... Ну, посмотримъ,—рѣшилъ онъ,—такъ ли, сякъ ли, а дѣло надо обоблванить. Время терять нечего...

Утро началось обычнымъ порядкомъ. Онъ проснулся задолго до заутрени и, по обыкновенію, волновался и торопливо бѣгалъ по коридору, отъ одного занимаемаго его спутниками номера къ другому. Большая часть спутниковъ и священникъ съ дьякономъ были на ногахъ и поджидали его, чтобы вмѣстѣ итти въ монастырь, дороги къ которому не знали. Столпившись въ коридорѣ около дверей его номера, они въ недоумѣніи переглядывались, не понимая, почему же онъ, такъ озабоченно торопившій ихъ, самъ замедляетъ выходъ. Священникъ осторожно пріотворилъ дверь и полушепотомъ сказалъ:

— Мы готовы всѣ, Галактіонъ Герасимовичъ.

Отвѣта на его слова, однако, не послѣдовало. Прошло еще нѣсколько минутъ въ ожиданіи. Священникъ опять пріотворилъ дверь и, не входя въ номеръ, а только просунувъ туда голову, погромче прежняго возгласилъ:

— Галактіонъ Герасимовичъ, мы готовы...

На этотъ разъ Галактіонъ Герасимовичъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ, сейчасъ... Я только акаѣистъ дочитаю...

Оказалось, что онъ въ ожиданіи своихъ спутниковъ взялся за акаѣистъ и уже не могъ оставить его не дочитаннымъ.

— Сейчасъ, я сейчасъ!..—крикнулъ онъ еще разъ, прерывая на минуту чтеніе:—зовите мать игуменью съ Катей. Зовите скорѣе.

Стоя на колѣнахъ передъ образомъ, онъ продолжалъ чтеніе, и продолжалъ уже не шопотомъ, а громкимъ голосомъ и съ большою горячностью, чѣмъ прежде, нимало не заботясь о томъ, что его ждуть спутники. Окончивъ чтеніе, онъ, точно ужаленный, вскочилъ на ноги, загасилъ свѣчу и, торопливо накинувъ шубу, вышелъ въ коридоръ.

— Пойдемте, пойдемте... Я сейчасъ...—отвѣтилъ онъ ожидавшимъ и направился къ номеру игуменьи.

— Анфія! Анфія! Катя!.. Долго ли еще васъ ждуть?..—заворчалъ онъ.

Дверь номера отворилась, и Анфія съ Катей вышли ему навстрѣчу.

— Мы, дѣдушка, давно готовы... Васъ ожидали...—отвѣтила внучка.

— Ну, ну, ладно. Идите, идите. Полно пустяки-то болтать.

Кончилась заутреня и ранняя обѣдня, и февральское сѣренькое небо мало-по-малу прояснилось, кое-гдѣ выступили на блѣдномъ его фонѣ очертанія облаковъ, кое-гдѣ прорѣзалась дальняя синева неба, мѣстами лучи солнца пробивались изъ-подъ сѣрой пелены, окутывавшей небо, и слабымъ отблескомъ отражались на куполахъ церквей. Толпа богомольцевъ, съ Галактіономъ Герасимовичемъ во главѣ, высыпала изъ церкви Богоявленскаго монастыря и скучилась на площадкѣ около березокъ. Помолившись Богу, всѣ были заняты вопросомъ о часѣ выѣзда изъ Москвы.

Галактіонъ Герасимовичъ, по обычаю, одѣлялъ нищихъ милостыней, раздавая ее собственноручно, и, окруженный ими, ворчалъ и бранился, и отмахивался отъ назойливыхъ попрошайекъ.

— Я тебѣ ужъ далъ, далъ... Помню, что далъ, зачѣмъ же ты опять лѣзешь?.. И тебѣ далъ... Проходи, проходи... Ахъ, какой народецъ!..

— Ваше степенство!.. Лопни мои глаза и утроба,—слышалось изъ толпы:—благодѣтель и покровитель!.. отецъ щедротъ!.. Три дня крошечки во рту не было,—сейчасъ умереть!..

Нищіе протягивали руки и говорили всѣ одновременно. Едва одѣтые, полубосые, они ежились отъ холода, учащенно крестились и напирали на Галактіона Герасимовича со всѣхъ сторонъ.

— Катя!.. Анфія!.. гдѣ вы тамъ?—окрикнулъ онъ, отдѣлавшись наконецъ отъ нищихъ:—подождите меня, подождите. Пойдемъ всѣ вмѣстѣ. А вы того...—обратился онъ къ толпѣ богомольцевъ, спутниковъ въ предполагаемомъ путешествіи:—вы не торопитесь съ отъѣздомъ. Идите къ поздней обѣднѣ, кто куда захочетъ. Можно въ Симоновъ монастырь, ежели кто подальше желаетъ, а то въ Андроніевской—этотъ не далеко. Все равно, все равно. Молитесь вездѣ можно. Сказано: на всякомъ мѣстѣ благослови, душе моя, Господа. И къ вечернѣ можно итти. Сегодня не успѣемъ выѣхать, не успѣемъ: дѣльцо одно небольшое задерживаетъ...

XXIII.

Къ поздней обѣднѣ въ это утро Галактіонъ Герасимовичъ не только самъ не пошелъ, но и матери Анфіи съ Катей предложилъ остаться дома. Онѣ вопросительно переглянулись, не понимая, къ чему ведетъ такое неожиданное распоряженіе, но спросить объ этомъ не рѣшились. Мать Анфія проговорила только, что если «дяденькѣ» такъ угодно, то она, конечно, ничего не можетъ противъ этого возразить, и намѣреніе свое побывать въ Новодѣвичьемъ монастырѣ отложить до другого, болѣе удобнаго случая.

— Къ вечернѣ можно туда, къ вечернѣ,—сказалъ Галактіонъ Герасимовичъ и пытливымъ взглядомъ оглянулъ Катю съ головы до ногъ.

— Катя, — замѣтилъ онъ, — посиди дома, посиди... Да что это ты какъ черно одѣта, больно черно?.. Посвѣтлѣ надо... Ты—дѣвица молодая... понаряднѣ надо...

Катя и мать Анфія опять переглянулись и на этотъ разъ съ такимъ удивленіемъ, точно усомнились, въ здоровомъ ли умѣ обрѣтается Галактіонъ Герасимовичъ. И въ самомъ дѣлѣ можно было усомниться въ его вождедѣнномъ здоровіи: онъ, никогда не обращавшій вниманія ни на какія одежды, не допуская ни какой разницы

между послѣднимъ чернорабочимъ и могущественнымъ властителемъ,— онъ вдругъ заговорилъ о нарядномъ платьѣ.

— Надѣнь свѣтленькое, безпремѣнно надѣнь,— повторилъ онъ.

— Дѣдушка, что это вы говорите... такое, вовсе даже... простите меня... не подходящее?..

— Толкуй съ тобой! Ты молчи больше. Отвѣчай только, когда спросятъ, и исполняй, что приказываютъ... Безтолковая!..

Дѣдушка говорилъ не сердитымъ тономъ, но и не очень добродушно и уже ни въ какомъ случаѣ не шутилъ. Напомнивъ еще разъ матери Анфіи о томъ, что она «безпрепятственно» можетъ отправиться въ Новодѣвичій монастырь къ вечернѣ, онъ вышелъ изъ ихъ комнаты въ свой номеръ.

Когда затворилась за нимъ дверь, Катя широко развела руками и, сдѣлавъ низкій поклонъ предъ матерью Анфіей, проговорила:

— Извольте понимать, какъ вамъ угодно, а я ничего, ровнехонько-таки ничего, не понимаю...

Мать Анфія пожала плечами, помолчала нѣсколько времени, потомъ взялась за четки и не спѣша стала перебирать ихъ косточки. Катя не сводила глазъ съ ея лица, принявшаго задумчивое и, можно сказать, даже озабоченное выраженіе.

— Вы, матушка игуменья, понимаете?

— Затруднительно, миленькая, понять...

Катя безпокойно замоталась по комнатѣ отъ одного угла къ другому, отъ окна къ двери, то разводила при этомъ руками, то качала головой, то вдругъ, остановясь предъ матерью игуменьею, вопросительно взглядывала на нее, точно силясь прочесть въ выраженіи ея кроткихъ глазъ отвѣтъ на тревожные вопросы, неожиданно и Богъ вѣсть откуда нахлынувшіе на нее.

— Ты, миленькая, все-таки переимѣни платье,— тихо замѣтила мать Анфія.

— Но гдѣ же мнѣ взять нарядное?.. Сами посудите, матушка игуменья, на богомолье къ святымъ мѣстамъ поѣхали, и вдругъ— о нарядахъ... У меня съ собой и всего-то только два платья— черное, это вотъ самое, что на мнѣ, да сѣренькое...

— Надѣнь, Катенька, въ такомъ случаѣ, сѣренькое... Дяденька, знаешь, любитъ послушаніе и гнѣвается, когда его не исполняютъ...

— Да зачѣмъ?.. Господи! зачѣмъ мнѣ переодѣваться? Для кого? Для какой-такой надобности?

— Я не знаю... Но если дяденька приказываетъ, то, стало быть, такъ нужно. Онъ, вѣроятно, знаетъ...

Обѣ были въ недоумѣніи, но въ то же время понимали, что въ словахъ Галактіона Герасимовича несомнѣнно долженъ быть какой нибудь скрытый замыселъ. Замыселъ могъ быть, по ихъ соображеніямъ, только одинъ— выдача внучки въ замужество. Но воз-

можно ли думать объ этомъ теперь наканунѣ и почти, можно сказать, въ самый день отъѣзда изъ Москвы? Мысль о томъ, что дѣдушка имѣетъ, можетъ быть, въ виду молодого Хомутичкина, промелькнула быстрой искрой въ сознаниі Кати, и мать Анфія тоже подумала объ этомъ, припомнивъ вчерашнюю встрѣчу Захара Прохоровича съ Галактіономъ Герасимовичемъ, но тотчасъ же и одновременно обѣ рѣшили, что это не осуществимо, во-первыхъ, потому, что мясоѣда остается всего недѣля, а, во-вторыхъ, даже если бѣ дѣдушка имѣлъ намѣреніе, такъ сказать, только подготовить почву для будущей свадьбы, то при чемъ же содѣйствіи она можетъ быть устроена, если самъ онъ ѣдетъ въ Святую землю съ тѣмъ, чтобы принять монашество на Аѳонѣ и не возвращаться болѣе въ Россію.

— Я такъ думаю, Катенька, — со вздохомъ заключила мать Анфія:—что будетъ благоразумнѣе, если мы все наши бесполезныя соображенія оставимъ и положимся на волю Божию.

— Конечно-о! Чего лучше!—съ видимымъ волненіемъ и съ досадою возразила Катя:—вамъ можно спокойно разсуждать, вы въ сторонѣ, а для меня въ этомъ вопросъ всей жизни..

— Тѣмъ болѣе, миленькая, надо возложить упованіе на Господа и не волноваться.

— Ахъ, матушка игуменья! Все это очень хорошо я понимаю... Но вы представьте себѣ, если въ самомъ дѣлѣ дѣдушка задумалъ что нибудь подобное,—отъ него это станется,—тогда въ какомъ я буду положеніи?..

— Будешь въ положеніи замужней женщины, — съ улыбкой проговорила мать Анфія.

— А Святую землю, стало быть, и не увижу?..

— Все въ волѣ Божіей.

По блѣдному лицу матери Анфіи точно промелькнула легкая тѣнь, улыбка сбѣжала съ него, четки въ ея тощей рукѣ встрепенулись, и косточки ихъ торопливо замелькали между пальцами.

— Матушка игуменья! Слышите... Скажите же мнѣ... — волновалась Катя:—я васъ убѣдительнѣйше прошу, скажите, какъ я должна поступить. Мнѣ ужасно, ужасно хочется въ Іерусалимъ...

— Вотъ что, миленькая, я тебѣ скажу,—твердо отвѣтила мать Анфія: — прежде всего ты должна исполнить приказаніе дяденьки Галактіона Герасимовича, твоего дѣда и покровителя, и исполнить немедленно, а тамъ дальше, что Господь дастъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ здѣсь въ Москвѣ твоя судьба.

— А въ Святую землю когда же?

— Святая земля не уйдетъ. Она все тамъ же, на томъ же мѣстѣ во вѣки вѣковъ, и если будетъ благословеніе свыше, то въ свое время и ты сподобишься поклониться Гробу Господню.

И косточки четокъ опять замелькали между пальцами матери Анфіи.

XXIV.

Какъ предполагалъ Галактіонъ Герасимовичъ, такъ и случилось, и какъ намѣтилъ онъ ходъ событій, такъ и шли они по избранному имъ направленію. Захаръ Прохоровичъ пріѣхалъ въ Посольское подворье и пріѣхалъ не одинъ, а вмѣстѣ съ сыномъ. Пріѣздъ ихъ, имѣвшій по соображеніямъ Галактіона Герасимовича огромное значеніе въ задуманномъ имъ дѣлѣ, былъ, точно по особому дару прозорливости, заранѣе имъ предусмотрѣнъ.

Разумѣется, человѣкъ, сумѣвшій собственными трудами пріобрѣсти многомилліонное состояніе и, достигнувъ вершины земного благополучія, уразумѣвшій, насколько оно ничтожно по сравненію съ потребностями духа,—такой человѣкъ яснаго можетъ предусматривать ходъ житейскихъ дѣлъ, чѣмъ иной мало опытный и умственно ограниченный. Галактіонъ Герасимовичъ, конечно, видалъ на своемъ долгомъ вѣку всякіе виды и по одному взгляду на человѣка могъ давать ему безошибочную оцѣнку. Еще наканунѣ вечеромъ, возвращаясь изъ Замоскворѣчья, онъ уже окончательно рѣшилъ, что молодой Хомутильниковъ—женихъ для его внучки самый подходящій.

— Онъ одинъ сынъ у Захара, сестеръ нѣтъ, капиталъ у Захара хорошій, большой капиталъ, дѣло чистое, и старуха, по всему видно, обстоятельная, хозяйственная старуха, женихъ — лучше не надо. Пятьдесятъ тысячъ дамъ, больше не дамъ. Пятьдесятъ за глаза довольно.

Такъ рѣшилъ Галактіонъ Герасимовичъ. Гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ должно было произойти свиданіе молодого Хомутиникова съ предполагаемой невѣстой, гдѣ и когда должна была увидѣть ее Анна Ѳедоровна,—все это и многое другое, имѣющее непосредственную связь со свадьбою внучки, было обдуманно имъ во всѣхъ подробностяхъ. На какомъ основаніи онъ ждалъ пріѣзда непременно обоихъ, отца и сына, это остается его тайной, можно только догадываться, что, бесѣдуя наканунѣ вечеромъ съ Захаромъ Прохоровичемъ и съ Анной Ѳедоровной, онъ, при всей кажущейся сбивчивости своихъ рѣчей, велъ «настоящую линію» и нимало не сомнѣвался, что «доведесть ее до точки». Съ тѣмъ онъ отъ нихъ и уѣхалъ.

Какіе планы и предположенія высказывались въ семьѣ Захара Прохоровича послѣ его отъѣзда изъ ихъ дома, объ этомъ никто изъ домочадцевъ Хомутиникова не могъ ничего знать, ибо разговоры между родителями и сыномъ велись шепотомъ и при закрытыхъ дверяхъ. Одинъ только прозорливый Галактіонъ Герасимовичъ догадывался, что разговоры въ домѣ Захара Прохоровича идутъ «основательные», и съ увѣренностію ждалъ его пріѣзда къ себѣ въ номеръ вмѣстѣ съ сыномъ.

Они, дѣйствительно, пріѣхали оба и, точно по заказу, во время поздней обѣдни, какъ предполагалъ Галактіонъ Герасимовичъ. Онъ встрѣтилъ ихъ у дверей своего номера и съ обычною торопливостію рѣчи заговорилъ:

— А! Захаръ Прохоровичъ! Милости прошу. И сынъ съ тобой! Это вы, стало быть, въ расплату за мое посѣщеніе. Хорошо, это хорошо. Спасибо. Ну, только вотъ, извини, Захаръ Прохоровичъ, и ты другъ, Мишенька, я васъ къ себѣ въ номеръ не пуцую: тѣсно у меня и народу много... богомольцы тамъ, богомольцы, которые со мной ѣдутъ... Извини. Пойдемъ къ матери игуменьѣ. Пойдемъ. Она у меня простая, смиренная, къ ней въ комнату пойдемъ...

— Мать Анфія, слышь, мы къ тебѣ въ гости,—громко проговорилъ Галактіонъ Герасимовичъ, широко распахнувъ дверь номера:—у меня въ комнатѣ тѣсно, богомольцы тамъ. Напойте насъ чайкомъ, напойте. А, да у васъ и самоваръ на столѣ. Чудесно. Это—чего лучше. Вотъ, Захаръ Прохоровичъ, проходите сюда, поближе къ столику... Мишенька, ты того... вотъ сюда, сюда... Мать Анфія, слышь, это вотъ сынокъ Захара Прохоровича. Захаръ Прохоровичъ мой старинный пріятель, старинный... хоро-о-шій человекъ...

Отецъ и сынъ поклонились матери Анфіи и почтительно поцѣловали ея руку, потомъ Захаръ Прохоровичъ подошелъ къ Катѣ и поздоровался съ ней пожатіемъ руки, слѣдомъ за нимъ и сынъ его тоже пожалъ ея руку.

— Вотъ чудесно. Садитесь, садитесь,—продолжилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—здѣсь, мать Анфія, у васъ мы и чайку попьемъ... Катя, наливай чай.

Катя была въ сѣренькомъ платьѣ. Она только что успѣла вынуть его изъ дорожнаго сундука и придать ему, насколько возможно, приличный видъ, разгладила складки, пришила, гдѣ было нужно, по ея соображеніямъ, бантики и ленточки и предъ самымъ приходомъ гостей перемѣнила прическу. Раскрасѣвшіеся отъ волненія, она не смѣла поднять взгляда ни на Захара Прохоровича, ни на его сына и, разливая чай, чувствовала, какъ чайникъ дрожитъ въ ея рукахъ.

Мать Анфія, въ обычной чернаго цвѣта одеждѣ съ наперснымъ золотымъ крестомъ на груди и съ четками въ рукахъ, отвѣтила на почтительныя прівітствія гостей тихимъ, едва слышнымъ голосомъ:

— Пожалуйте. Садитесь. Извините, у насъ здѣсь такой беспорядокъ...

— Ничего, это ничего,—возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—дѣло дорожное...

Михайлъ Захаровичъ уже успѣлъ между тѣмъ оглянуть раза два-три внучку Галактіона Герасимовича, замѣтилъ даже и волне-

ніе ея, это ему почему-то понравилось, точно онъ вдругъ поднялся въ собственномъ мнѣніи о самомъ себѣ,—вотъ, молъ, я каковъ, отъ одного взгляда моего молодая дѣвица смущается.

Захаръ Прохоровичъ, разговаривая съ Галактіономъ Герасимовичемъ или, вѣрнѣе сказать, поддерживая съ нимъ разговоръ, видимо ничуть не интересовавшій ни того ни другого, взглядывалъ по временамъ на Катю и тотчасъ же почему-то переводилъ съ нея взглядъ на сына, точно пытаясь опредѣлить, подходящая ли она для него невѣста. Допивъ стаканъ чая и положивъ стаканъ на блюдечкѣ бокомъ, онъ, смотря на Катю, кивнулъ ей головой въ видѣ поклона и сказалъ:

— Спасибо, родная!..

— Выкушайте еще стаканчикъ,—робко проговорила Катя,

— Пей, Захаръ Прохоровичъ, пей еще!—предложилъ Галактіонъ Герасимовичъ.

— Нѣтъ, ужъ того... освободите... мы вѣдь, признаться, къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой,—заговорилъ Захаръ Прохоровичъ, кланяясь Галактіону Герасимовичу и матери Анфіи,—такъ какъ теперича вы, по словамъ вашимъ, Галактіонъ Герасимовичъ, имѣете надобность остаться на нѣсколько деньковъ въ Москвѣ, то позвольте покорнѣйше просить къ намъ сегодня на трапезу... Матушка игуменя, удостойте чести... А также, значить, и вы, Екатерина... Екатерина... кажись, Александровна.

— Александровна! Это такъ точно, отца ея Александромъ зовутъ...—подказалъ Галактіонъ Герасимовичъ,—безтолковый онъ человекъ, пустой... языкомъ болтаетъ много, а все зря, все неосновательно, нерезонно... Ну, что же,—спохватился онъ, перебивая самъ себя:—обѣдать, говоришь, къ тебѣ, ладно, ладно. Покорно благодаримъ. Мы приѣдемъ, приѣдемъ... А въ которомъ часу?—озабоченно спросилъ онъ.

— Да, признаться, мы избаловались нынче... Знаете, съ городскими-то дѣлами мыкаемся, никакъ не утрафишь во время домой. Позвольте ужъ на сей разъ, какъ чтобы вамъ удобнѣе...

— Пораньше лучше... пораньше, по-старинному... въ полдень, или въ часъ, напимѣръ, дня... Святое дѣло, ежели пораньше...

Захаръ Прохоровичъ посмотрѣлъ на часы, взглянулъ потомъ на сына, пересѣвшаго уже поближе къ самовару, въ сосѣдство съ Катей, и выраженіе лица его вдругъ оживилось, онъ видимо былъ доволенъ, что сынъ обнаружилъ такую храбрость.

— Такъ что же намъ дальше еще обдумывать, Галактіонъ Герасимовичъ,—сказалъ онъ, вновь вынимая карманные часы,—теперича, значить, одиннадцатый и ужъ въ половинѣ, стало быть, не

много времени и до обѣда... Не поѣхать ли намъ всѣмъ вмѣстѣ, у насъ кстати съ собой пара саней? Сынъ-то съ утра изъ дому, раннюю обѣдню стоялъ въ Чудовомъ монастырѣ, а потомъ по дѣламъ кое-куда нужно было, а я нарочно къ вамъ.

Галактіонъ Герасимовичъ даже улыбнулся и по свойственной ему откровенности чуть не высказалъ своего удивленія сообразительности Захара Прохоровича. Онъ, разумѣется, не повѣрилъ его словамъ насчетъ тѣхъ причинъ, по которымъ онъ пріѣхалъ отдѣльно отъ сына, и понялъ дѣйствія обоихъ въ ихъ настоящемъ смыслѣ.

— Захаръ умной мужикъ, умной, и говоритъ нечего,—думалъ онъ, слушая его объясненія,—ну, только, кажись, пятьдесятъ тысячъ давать за Катей не слѣдуетъ, и сорока довольно...

Спустя нѣсколько минутъ, онъ, и Захаръ Прохоровичъ, и мать Анфія сидѣли въ просторныхъ саняхъ, запряженныхъ парой вороныхъ, и ѣхали по направленію къ Каменному мосту, а Михаилъ Захаровичъ и внучка Галактіона Герасимовича, Екатерина Александровна, ѣхали въ другихъ саняхъ, запряженныхъ въ одиночку. Сани были маленькія, и двоимъ сидѣть въ нихъ можно было, только потѣснившись. По этой причинѣ Михаилу Захаровичу пришлось во все время пути отъ Ильинки до дому поддерживать свою спутницу за талію. Съ начала пути они лишь изрѣдка пребрасывались короткими вопросами и отвѣтами: «да, нѣтъ, не знаю», и искоса поглядывали другъ на друга, а потомъ, миновавъ Кремль, стали разговаривать свободнѣе и даже посмѣивались надъ тѣмъ, что для перваго знакомства оказались въ такомъ «стѣснительномъ» положеніи.

Проѣзжая мимо одной изъ церквей Замоскворѣчья, Екатерина Александровна перекрестилась, перекрестился и Михаилъ Захаровичъ. На лицахъ обоихъ отразилось озабоченное выраженіе, точно онъ и она одновременно сознали, что переживаемый день долженъ имѣть въ ихъ жизни какое-то особенное значеніе. Но промелькнула минута, и опять они стали переглядываться и перебрасываться шутками.

— Скажите, Екатерина Александровна, — спросилъ онъ, — вы о чемъ молились, когда мы проѣзжали мимо церкви?

— Я?—переспросила она, окинувъ его быстрымъ взглядомъ и точно изумляясь его смѣлости:—я вамъ этого не скажу.

— Почему?

— А потому что... не скажу. Сначала скажите, о чемъ вы думали, когда перекрестились, а потомъ и я вамъ отвѣчу.

— Я перекрестился потому... потому, что мимо церкви проѣзжали...

— И только по этому?—улыбаясь, спросила она, смотря ему прямо въ глаза.

— Да,—отвѣтилъ онъ, тоже улыбаясь и не сводя глазъ съ ея веселаго оживленнаго лица.

XXV.

Когда они вѣхали во дворъ дома Захара Прохоровича, ихъ встрѣтила на крыльцѣ Анна Ѳедоровна, горѣвшая нетерпѣннѣмъ взглянуть на предполагаемую невѣсту сына.

Не успѣла еще Екатерина Александровна подняться на послѣднюю ступеньку крыльца, какъ она, очарованная ея крупнымъ ростомъ и румянымъ лицомъ, взяла ее подъ руку, помогая ей войти въ переднюю, и радушно съ нею поцѣловалась.

Захаръ Прохоровичъ и Галактіонъ Герасимовичъ съ матерью Анфіей сидѣли въ гостиной и не слышали, какъ Михаилъ Захаровичъ съ Екатериной Александровной и Анной Ѳедоровной вошли въ переднюю. Нетерпѣливый Галактіонъ Герасимовичъ началъ было безпокойно оглядывать комнату, недовольный тѣмъ, что «ребята» такъ долго не ѣдутъ. Онъ уже нѣсколько разъ пересаживался съ одного кресла на другое, нѣсколько разъ обращался съ вопросами, почему такъ долго не ѣдутъ «ребята», и къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, и къ Захару Прохоровичу, и даже къ матери Анфіи. Захаръ Прохоровичъ и Анна Ѳедоровна отвѣчали, что «сейчасъ, надо быть, подѣдутъ», а мать Анфія при вопросѣ «дяденьки» тихимъ шопотомъ уговаривала:

— Вы, дяденька, успокойтесь. Очень мы скоро ѣхали, а они, видно, потише.

На преддиванномъ столѣ стояли чашки съ не допитымъ кофеемъ, серебряная корзина съ печеніемъ и большой серебряный сливочникъ. Изъ сосѣднихъ комнатъ слышался стукъ тарелокъ и скрипъ дверей, то отворяемыхъ, то затворяемыхъ,—по всему видно было, что между кухней, кладовыми и столовой происходитъ усиленное движеніе прислуги, общее наблюденіе за которой въ это утро было поручено Марѣ Мартиновнѣ, которую и теперь, по примѣру прежнихъ лѣтъ, Анна Ѳедоровна пригласила на помощь въ хозяйственныхъ хлопотахъ, какъ приглашала и прежде при всякихъ подобныхъ случаяхъ.

— А вотъ и они!—радостно возгласилъ Захаръ Прохоровичъ, увидѣвъ входящаго сына.

Оживился и Галактіонъ Герасимовичъ, и мать Анфія. На столѣ появились новыя чашки съ кофеемъ. Анна Ѳедоровна собственноручно внесла въ гостиную какую-то, необыкновенной формы, хрустальную вазу, до того большую и наполненную до краевъ варе-

нѣмъ, что можно было напитать имъ, по меньшей мѣрѣ, человѣкъ пятьдесятъ.

Захаръ Прохоровичъ и Галактіонъ Герасимовичъ оба одновременно покачали головой при видѣ такого необыкновеннаго сосуда и оба вслухъ высказали одну и ту же мысль, что, вмѣсто всѣхъ этихъ кофеевъ и сладостей, не въ примѣръ лучше бы ускорить время обѣда. Анна Ѳедоровна въ отвѣтъ на такое замѣчаніе стрѣльнула глазами на Захара Прохоровича и укоризненно качнула раза два головой, какъ бы говоря: «ахъ, вы, мужчины, всѣ вы не сообразительны и не терпѣливы». Однако она, не медля, вышла изъ гостиной и обревизовала столовую хозяйственнымъ взглядомъ. Ревизія представила все въ удовлетворительномъ порядкѣ, и, минуто спустя, гости и хозяйка стали усаживаться за столъ. Галактіона Герасимовича хотѣли посадить на первое мѣсто, но онъ замахалъ руками и отказываясь предложилъ занять его матери Анфіи. Мать Анфія, и безъ того все время чувствовавшая себя въ неловкомъ положеніи, будучи въ первый разъ въ незнакомомъ домѣ, еще болѣе смутилась и тоже стала отказываться отъ предлагаемаго почетнаго мѣста.

— Дяденька, — обратилась она къ Галактіону Герасимовичу, окинувъ его почти молитвеннымъ взглядомъ, — вамъ по всѣмъ правамъ надлежало бы занять это мѣсто.

Галактіонъ Герасимовичъ высказалъ, наконецъ, рѣшительный и короткій приговоръ:

— Садись, Анфія, нечего толковать. Ты — игуменья.

Мать Анфія сѣла, предварительно помолясь Богу. Одновременно помолился и Галактіонъ Герасимовичъ съ внучкой и вся семья Хомутильниковыхъ. Когда усѣлись за столъ, Галактіонъ Герасимовичъ во всеуслышаніе и почти съ явнымъ неудовольствіемъ сказалъ, обращаясь къ хозяйку:

— Много больно наставлено, и бутылокъ и всего... Не хорошо и грѣшно даже, грѣшно...

— На этомъ извините, Галактіонъ Герасимовичъ, — улыбаясь отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ, — хозяйка у меня ужъ такая обиходная.

— Грѣшно... Попроще надо, оно не въ примѣръ лучше...

— А въ писаніи сказано, — весело замѣтила Анна Ѳедоровна, наслушавшаяся отъ монахинь хорошихъ словъ, — не осужденіе — безъ труда спасеніе.

Галактіонъ Герасимовичъ повернулся въ сторону Анны Ѳедоровны, порывисто дернулъ себя разъ-другой за бороду и, казалось, хотѣлъ возразить ей что-то, повидимому, рѣзкое, но вмѣсто того вздохнулъ глубокимъ и продолжительнымъ вздохомъ. Взглянувъ

затѣмъ на висѣвшую въ простѣнкѣ между оконъ, какъ разъ противъ его стула картинку, изображавшую старца Серафима съ медвѣдемъ въ лѣсу, онъ задумчиво проговорилъ:

— Да, оно того... Осуждать не слѣдуетъ, не надо. Это правда. Грѣшникъ я, великій грѣшникъ,—много говорю...

Обѣдъ состоялъ изъ рыбныхъ и мясныхъ блюдъ. Мать Анфія и Галактіонъ Герасимовичъ ѣли только рыбное и въ весьма маломъ количествѣ, она — въ силу монастырскаго правила, а онъ, какъ приуготовляющій себя къ принятію ангельскаго чина. Обѣдъ тянулся долго, и онъ уже нѣсколько разъ терялъ терпѣніе, не видя ему конца, и только тактика Захара Прохоровича удерживала его за столомъ. Захаръ Прохоровичъ, тоже не лишенный житейской мудрости и прозорливости, умѣлъ вызывать его на продолженіе разговора и во все время обѣда озабоченно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы онъ не оставался безъ слушателей.

По окончаніи обѣда онъ уединился съ Галактіономъ Герасимовичемъ въ кабинетѣ, куда имъ тотчасъ же по выходѣ изъ-за стола подали чай.

— На диванчикъ, Галактіонъ Герасимовичъ, пожалуйста,—предложилъ хозяинъ:—на немъ удобнѣе.

— Ну, вотъ еще! Объ удобствахъ!.. Въ монастырь собираюсь, такъ нечего объ этомъ заботиться... Ну-ка, садись самъ на диванъ, будемъ разговаривать... по душѣ...

О чемъ они разговаривали «по душѣ»,—это осталось между ними.

Въ гостиной мать Анфія съ Анной Ѳедоровной сидѣли тоже за чашками чая и вели тихую бесѣду. Вѣрнѣе сказать, бесѣду вела одна Анна Ѳедоровна, а мать Анфія давала только короткіе отвѣты, и при этомъ косточки четокъ не переставали бѣгать между ея пальцами.

— Дяденька мнѣ предложили сопутствовать имъ въ Святую землю,—тихо отвѣчала она на вопросъ Анны Ѳедоровны,—я, конечно, съ великою душевною радостію на это согласилась, хотя и предстоятъ большія трудности въ путешествіи и тѣмъ паче потому, что дяденька, Галактіонъ Герасимовичъ, очень во всемъ торопливы и безпокойны. Но твори, Господи, волю свою. Я уже нѣсколько приноровилась къ ихъ требованіямъ еще съ прошлаго разу, когда мы путешествовали въ Соловецкій монастырь. Дяденька, по обыкно венію, каждодневно спѣшили къ заутренѣ и на меня гнѣвались, что задерживаю, поэтому я уже и не раздѣвалась, чтобы при первомъ же ихъ словѣ быть готовой...

— Утомительно вѣдь это!—замѣтила Анна Ѳедоровна.

— Что дѣлать! Дяденька въ такихъ годахъ, и трудно имъ себя перебороть...

— Но какъ же вы?.. Все-таки необходимо иной разъ ну, хоть умыться-то...

— Да я ужъ приноравливалась. Когда дяденька спать укладывались, я этимъ временемъ и пользовалась,—и умоюсь и одѣнусь, пока они снятъ...

Анна Ѳедоровна, интересовавшаяся до нѣкоторой степени разговоромъ съ матерью Анфіей, занята была въ то же время думами о томъ, чѣмъ кончится разговоръ въ кабинетѣ и въ залѣ, гдѣ, уединясь въ уголкѣ около печки, сидѣли рядочкомъ Михайлъ Захаровичъ и Екатерина Александровна.

Лицо Екатерины Александровны пылало яркимъ румянцемъ, и Михайлъ Захаровичъ, отъ природы нѣсколько блѣдноватый, былъ тоже съ румянцемъ на щекахъ и не безъ увлеченія рассказывалъ своей юной собесѣдницѣ о чемъ-то, относившемся къ тому времени, когда онъ ее въ первый разъ въ жизни увидѣлъ на Нижегородской ярмаркѣ мимоходомъ.

— Съ этого времени я васъ помнилъ...

— Будто съ этого?—спросила Екатерина Александровна, окидывая его пытливымъ взглядомъ.

— Вѣрьте чести! Говорю вамъ, какъ передъ Истиннымъ!..

Анна Ѳедоровна выглянула изъ гостиной въ залъ и, возвращаясь на прежнее мѣсто, съ улыбкой проговорила, обращаясь къ матери Анфіи:

— О чемъ-то наши молодые люди перешептываются.

Мать Анфія тоже улыбнулась и тихо отвѣтила:

— Они не перешептываются, а воркуютъ...

Къ чему пришли разговоры въ кабинетѣ и воркованье молодыхъ людей въ укромномъ уголкѣ зала, объ этомъ можно было заключить изъ словъ Галактіона Герасимовича, давшего въ концѣ концовъ всѣмъ разговорамъ слѣдующее заключеніе:

— Ну, Захаръ, чего еще тутъ толковать? Пятьдесятъ, — такъ пятьдесятъ. Нечего больше толочно толочь,—посылай за попомъ.

— Я такъ думаю,—отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ,—и дьякона потребуется, потому что послѣ обрученія все-таки не мѣшало бы молебень отслужить.

— Это—резонъ!—сказалъ Галактіонъ Герасимовичъ.—Это, братъ, Захаръ Прохоровичъ, ты умно, и говорить нечего, умно. Ну, только дьяконъ, по моему мнѣнію, совсѣмъ для молебна не требуется: попъ съ дьячкомъ отлично дѣло это оборудуютъ...

XXVI.

Пока Екатерина Александровна ворковала съ Михайломъ Захаровичемъ, припоминая обстоятельства, при которыхъ они въ первый разъ увидѣли другъ друга,—расположеніе духа ея было почти радостное. Она находилась, во-первыхъ, подъ впечатлѣніемъ бесѣды съ молодымъ человѣкомъ, который, можно сказать, съ одного

взгляда очаровалъ ее и звукомъ голоса, и выраженіемъ глазъ, и кроткимъ нравомъ своимъ, а, во-вторыхъ, въ душѣ ея, хотя и не достаточно еще твердо и какъ бы въ не ясномъ образѣ, но все-таки уже выросло представленіе недалекаго будущаго и пріятно ласкало своими чарами. Но когда это таинственное будущее вдругъ и съ совершенной неожиданностію оказалось почти предъ ея глазами и выросло до размѣровъ натуральной величины, она испугалась.

— Матушка игуменья!—тревожно зашептала она, изумленная словами Галактіона Герасимовича:— что это дѣдушка задумалъ, развѣ можно такъ вдругъ? Надо же, матушка игуменья, оглядѣться...

— Что же я могу сдѣлать?—тихо отвѣтила мать Анфія:— скажи дяденькѣ сама.

— Ахъ, я не могу съ нимъ говорить. Онъ закричитъ. Скажите вы. Скажите, зачѣмъ теперь обрученіе, когда все равно до Пасхи нельзя насъ обвѣнчать.

За минуту предъ тѣмъ очарованная взглядами и ласковыми рѣчами Михаила Захаровича, она теперь смотрѣла на него почти испуганно и, казалось, готова была немедленно убѣжать куда нибудь, все равно, куда бы то ни было, лишь бы отдалить на нѣкоторое время рѣшеніе вопроса, такъ неожиданно быстро выросшаго предъ ней.

— Развѣ тебѣ женихъ не нравится?—шепотомъ спросила мать Анфія.

— Ахъ, матушка игуменья, я не о томъ... Я прошу васъ только, чтобы не сейчасъ... Нельзя же, Господи! нельзя же такъ... У меня и папаша и мамаша есть...

— Но ты, Катенька, послушай, о чемъ дѣдушка съ Захаромъ Прохоровичемъ говорятъ,—прервала мать Анфія.

— Матерь Божія!.. Этого еще не доставало!—почти вслухъ воскликнула Екатерина Александровна и, точно надѣясь спрятаться отъ надвигавшихся событій за спиною матери игуменьи, опустилась на стулъ позади ея кресла.

Галактіонъ Герасимовичъ и Захаръ Прохоровичъ стояли въ это время посрединѣ комнаты и громко разговаривали о томъ, что надо спѣшить съ совершеніемъ свадебнаго обряда. Михаилъ Захаровичъ, тоже съ своей стороны встревоженный тѣмъ, что Екатерина Александровна такъ озабоченно разговариваетъ о чемъ-то съ матерью игуменьею, не смѣлъ подойти поближе и, стоя въ почтительномъ отъ нихъ отдаленіи, вслушивался въ разговоръ отца съ Галактіономъ Герасимовичемъ. Галактіонъ Герасимовичъ размахивалъ обѣими руками и, по обыкновенію, съ необычайною торопливостію говорилъ Захару Прохоровичу, что свадьбу надо устроить немедленно и ни въ какомъ разѣ не позднѣе понедѣльника.

— Миѣ все равно, Галактіонъ Герасимовичъ, хотя сегодня, но не окажется ли задержка съ вашей стороны?..

— Какая задержка? Какая задержка?—возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ:—паспортъ у невѣсты есть, свидѣтелей найдемъ... Надо скорѣе, какъ можно скорѣе. Самъ знаешь, со мной народу какая куча, всѣ ждутъ отъѣзда. Намъ еще въ Кіевъ нужно заѣхать... Кромѣ того, у меня обѣщаніе есть къ Аванасію Сѣдящему... Въ Іерусалимъ надо тоже во время поспѣть, чтобы то-есть и поговѣть передъ Пасхой...

— Господи! Что онъ говоритъ!—шептала Екатерина Александровна, чуть не цѣпляясь руками за плечи матери Анфіи:—подумайте, что онъ говоритъ! Да развѣ это возможно!.. Въ чемъ же я къ вѣнцу пойду, въ сѣренькомъ этомъ платьѣ, что ли!.. Наконецъ, гдѣ же приданое, хотя какое нибудь?.. Что это? что это?.. Матушка игуменья, заступитесь...

Въ глазахъ Екатерины Александровны появились даже слезы. Мать Анфія, несмотря на свою всегдашнюю робость, осилила себя и, поднявшись съ кресла, подошла къ стоявшимъ посрединѣ комнаты старикамъ.

— Вы, дяденька, извините меня,—съ кроткой улыбкой сказала она,—извините, что позволяю себѣ вмѣшаться въ вашъ разговоръ...

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—тревожно взглянувъ на нее, спросилъ Галактіонъ Герасимовичъ.

Не успѣла еще мать Анфія проговорить двухъ словъ о томъ, что надо же снарядить невѣсту къ вѣнцу, какъ слѣдуетъ, онъ прервалъ ее торопливой рѣчью.

— Это все вздоръ, пустяки, ничего не стоящіе. Въ чемъ бы ни вѣнчаться—все равно, лишь бы Божіе благословеніе было на это дѣло. Что касательно всякаго тамъ женскаго тряпья, все это пришлютъ потомъ изъ дому, все пришлютъ... И платье вѣнчальное можно готовое достать. А то, ежели что, и шить можно... За два дня сдѣлаютъ и даже очень безпрепятственно сдѣлаютъ...

XXVII.

Несмотря на то, что отца Мартина пригласили пожаловать для молебна съ дьячкомъ, онъ пришелъ съ дьякономъ.

Дьяконъ Андрей Семеновичъ принялъ на себя исполненіе дьячковскихъ обязанностей. Пришли они въ домъ Захара Прохорова одновременно, отецъ Мартинъ,—въ голубой рясѣ, дьяконъ—въ свѣтлолиловой. Оба уже имѣли чрезъ Марью Мартиновну достаточно подробныя свѣдѣнія о причинахъ, по которымъ хозяйка и ихъ гости пожелали отслужить молебенъ.

И обрученіе, и молебенъ были совершены обычнымъ порядкомъ. Андрей Семеновичъ пѣлъ за дьячка и басилъ не особенно громко и не спѣша. По окончаніи молебна всѣ приложились ко кресту, отецъ Мартинъ снялъ съ себя эпитрахиль и, завернувъ

въ нее крестъ и евангеліе, сдѣлалъ общій поклонъ, и гостямъ, и хозяйевамъ. Тотчасъ же послѣ этого Галактіонъ Герасимовичъ поставилъ вопросъ о времени вѣнчанія свадьбы и поставилъ, по своему обыкновенію, круто.

— Ужь сдѣлай мнѣ, духовный отецъ, милость, обвѣнчай ты ихъ поскорѣе,—обратился онъ къ отцу Мартину.

— То-есть, какъ это поскорѣе?—спросилъ отецъ Мартинъ, садясь въ кресло и оправляя на себѣ рясу.

— Завтра, наприимѣръ...

Отецъ Мартинъ улыбнулся, оглянулъ Галактіона Герасимовича, потомъ перевелъ взглядъ на Захара Прохоровича, какъ бы спрашивая, что это такое говоритъ его гость странное.

Но гость уже потерялъ терпѣніе и заволновался и, глотая слова, сталъ рассказывать о причинахъ, которыя его заставляютъ торопиться свадьбой, упомянулъ и о кучѣ богомольцевъ, ѣдущихъ съ нимъ, за его счетъ, въ Святую землю, и объ Аванасіи Сѣдящемъ и т. д. Отецъ Мартинъ почтительно склонилъ голову нѣсколько на бокъ и не прерывалъ его быстрой рѣчи.

— Мнѣ надо торопиться, отецъ,—продолжалъ Галактіонъ Герасимовичъ:—времени въ запасъ остается не много, а дорога дальняя. Сдѣлай ты намъ одолженіе, чтобы, то-есть, безъ задержки...

— Я съ великимъ усердіемъ готовъ... что могу. Съ Захаромъ Прохоровичемъ мы искони въ великомъ дружествѣ, и о васъ, признаться, много слышанъ лестнаго... По силѣ возможности готовъ сдѣлать вамъ благопріятное, но только именно по силѣ возможности...

— Ну, если нельзя завтра, въ такомъ случаѣ—послѣзавтра,—перебилъ Галактіонъ Герасимовичъ.

Отецъ Мартинъ опять вопросительно взглянулъ на Захара Прохоровича: не понимаю, моль, въ какомъ смыслѣ говоритъ старичекъ, шутить, можетъ быть...

Захаръ Прохоровичъ, однако, не замѣтилъ взгляда отца Мартина, занятый разговоромъ съ Анной Ѳедоровной, которая стояла около него, обнявъ правой рукой Екатерину Александровну.

— Ты вотъ что, муженекъ, слышишь,—громко сказала она:—пока вы тутъ толкуете и изъ пустого въ порожнее переливаете, пусть наши обрученные съѣздятъ прокатиться...

— Погоди, Анна Ѳедоровна,—озабоченно хмурясь, возразилъ Захаръ Прохоровичъ:—всегда ты какъ-то не въ-время вмѣшаешься... Надо же сначала выяснитъ дѣло до конца...

Екатерина Александровна, не ждавшая со стороны Анны Ѳедоровны такого предложенія, тоже не безъ озабоченности взглянула на нее и перешла опять къ матери Анфіи.

— У меня голова кружится...—прошептала она:—едва на ногахъ стою.

— Можетъ быть, воды тебѣ?—спросила мать Анфія, тревожно взглянувъ на нее.

— Ахъ, не знаю, не знаю...

И покачнувшись склонилась все́мъ корпусомъ сначала на спинку кресла, а потомъ покачнулась въ сторону и повалилась на полъ. Мать Анфія испуганно поднялась съ кресла, спѣша ее поднять. На помощь ей подбѣжалъ Захаръ Прохоровичъ съ Анной Ѳедоровной.

— Воды, Миша, воды скорѣе... громко крикнула Анна Ѳедоровна сыну, тоже подбѣжавшему къ невѣстѣ.

Поднялись съ своихъ мѣстъ и отецъ Мартинъ съ дьякономъ, вопросительно смотря то на хозяевъ, то на гостей.

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—строго спросилъ Галактіонъ Герасимовичъ, подходя къ поднятой съ полу Екатеринѣ Александровнѣ, которую мать Анфія и Анна Ѳедоровна, усадивъ въ кресло, вспрыскивали водой.

— Господь знаетъ, что съ ней приключилось,—робко отвѣтила мать Анфія...

— Душно здѣсь, жарко,—подказала Анна Ѳедоровна:—я говорила тебѣ,—продолжала она, обращаясь къ Захару Прохоровичу,—пусть ѣдутъ кататься, чего имъ тутъ слушать ваши разговоры...

— Да что такое съ ней?.. Катя! Слышь, что это ты?—обратился къ ней Галактіонъ Герасимовичъ:—этакая здоровенная дѣвка и вдругъ—на, поди!.. Слышь, тебя спрашиваю...

Екатерина Александровна, очнувшаяся отъ легкаго обморока, сконфуженно поникла головой и чуть слышно отвѣтила:

— Ахъ, пожалуйста... извините... Голова закружилась... И душно, и все это... такъ неожиданно...

Михаилъ Захаровичъ стоялъ тоже около того кресла, гдѣ сидѣла она, и продолжалъ держать въ рукахъ графинъ съ водой, готовый въ усердіи своемъ вылить его весь на голову обрученной невѣсты.

— На воздухъ! На воздухъ!—повелительно возгласилъ Захаръ Прохоровичъ,—Миша,—обратился онъ къ сыну:—поѣзжайте кататься. Поѣзжайте на парѣ, она стоитъ въ запряжкѣ. Поѣзжайте немедленно. Этакое, дѣйствительно, событіе, въ жизни дѣвушки, самое, можно сказать, первостепенное, а мы—свои разговоры, какъ, да что, да когда... Не до того ей теперь... Само собой, голова закружится отъ волненія... Поѣзжайте, Миша, проворнѣе!..

XXVIII.

По отъѣздѣ обрученныхъ Галактіонъ Герасимовичъ нѣсколько поутихъ и понизилъ тонъ своей рѣчи. Теперь между нимъ и отцомъ Мартиномъ разговоръ шелъ значительно спокойнѣе, и отецъ

Мартинъ уже не бросалъ вопросительныхъ взглядовъ ни на него, ни на Захара Прохоровича, а смотрѣлъ на стоявшій предъ нимъ стаканъ съ чаемъ и, медленно помѣшивая въ немъ ложечкой, объяснялъ Галактіону Герасимовичу церковныя правила относительно числа оглашеній, которыя должны быть сдѣланы въ церкви о предполагаемомъ бракѣ, и относительно дней, въ которые разрѣшено вѣнчать свадьбы. Галактіонъ Герасимовичъ имѣлъ терпѣніе все это выслушать безъ возраженій, имѣлъ его именно только потому, что находился еще подъ впечатлѣніемъ недавняго обморока внучки.

— Ну, какъ захвораешь вдругъ?—подумалъ онъ:—всѣ мои планы разстроить... Истинно сказано, женщина сосудъ хрупкій, и надо поосторожнѣе...

Потомъ онъ, допивъ стаканъ чая, за компанію предложенный Захаромъ Прохоровичемъ, Богъ вѣсть, который по счету, положилъ его на блюдцѣ бокомъ и рѣшительнымъ тономъ сказалъ:

— Такъ ли, сякъ ли, отецъ духовный, а ты меня выручи, обвѣнчай поскорѣе...

— Можно, все можно... Для Захара Прохоровича и для васъ, какъ для человѣка въ высокой степени благодѣтельнаго, можно и другія нѣкоторыя формальности обойти... Но позвольте одинъ вопросъ. Осмѣливаюсь, извините, васъ проэкзаменовать, какъ собственно вы изволите смотрѣть на бракосочетаніе, есть ли это, по вашему мнѣнію, таинство, или только лишь исполненіе формальностей.

— Таинство, разумѣется, таинство. Развѣ я супротивъ этого могу говорить?—горячо возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ.

— Такъ, такъ... конечно, да,—спокойно продолжалъ отецъ Мартинъ:—въ такомъ случаѣ позвольте еще одинъ вопросъ: надлежитъ ли вступающимъ въ бракъ приготовить себя къ достойному принятію сего таинства?

— Какъ приготовить?—торопливо спросилъ Галактіонъ Герасимовичъ.

— А какъ вы себя изволили готовить, когда вступали въ бракъ?

— Не помню, не помню... Давно дѣло было. Я уже десять лѣтъ вдовствую... Говори, отецъ, говори, какъ же надо приготовить.

— Какъ подобаетъ по ученію церкви, поговѣть и причаститься святыхъ таинъ...

— Гм... да-а!... задумчиво протянулъ Галактіонъ Герасимовичъ, дергая себя за бороду.—Это ты, отецъ, того... правильно... Господи! прости мое согрѣшеніа!... повышая голосъ, воскликнулъ онъ:—дѣйствительно надо все, какъ слѣдуетъ, а не то, чтобы зря и недобдуманно... Грѣшникъ я! Великой я предъ Господомъ грѣшникъ...

И кончилось совѣщаніе о днѣ брака тѣмъ, что обрученные поговѣютъ, причастятся святыхъ таинъ и въ одинъ изъ послѣднихъ дней предъ масленицей будутъ обвѣнчаны.

Пока обрученные ѣздили кататься, Галактіонъ Герасимовичъ успѣлъ осмотрѣть весь домъ Захара Прохоровича, заглянулъ и въ кухню, и въ коровникъ, не говоря уже о товарныхъ складахъ, въ которыхъ провелъ съ хозяиномъ дома почти цѣлый часъ, разговаривая о товарахъ, ихъ достоинствахъ и цѣнахъ. Задавшись рѣшительною мыслию оставить міръ, онъ, самъ того не замѣчая, цѣплялся за мірскія дѣла, можно сказать, на каждомъ шагу и на каждомъ же шагу отстранялся отъ нихъ. Трудно и, вѣрнѣе сказать, даже не возможно было понять, что въ немъ болѣе преобладало, жажда ли жизни и дѣятельности, или стремленіе удалиться отъ всего мірскаго. Можно только сказать, что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было въ немъ и тѣни притворства, и все, что онъ ни дѣлалъ, было искреннимъ и горячимъ порывомъ, увы, не всегда продолжительнымъ.

Разговоры о товарныхъ цѣнахъ онъ прервалъ обычнымъ своимъ заключеніемъ, что «все суета», и изъ амбара пошелъ съ Захаромъ Прохоровичемъ опять въ его кабинетъ, но въ то время, когда онъ только что вступилъ на первую ступеньку лѣстницы, ведущей въ домъ, раздался церковный звонъ, и ходъ мысли его мгновенно получилъ другое направленіе.

— Вотъ что, Захаръ Прохоровичъ, слышь,—сказалъ онъ, по обыкновенію, торопливо:—я, братъ, того... къ вечернѣ, а оттуда въ подворье. Игуменя съ внучкой пріѣдутъ послѣ... Много дѣла, много... Скажи, чтобы долго не засиживались. Ахъ, ахъ!... замоталъ онъ головой, вспомнивъ о своихъ богомольцахъ и о томъ, что до конца недѣли—цѣлая вѣчность.—Нечего дѣлать, надо терпѣть... Не кто, какъ Богъ!...

Пока онъ слушалъ вечерню въ ближайшей къ дому Захара Прохоровича церкви, въ головѣ его уже сталъ складываться планъ дѣйствій по отношенію ко времени—какъ и гдѣ, и какими средствами съ нимъ бороться до конца недѣли. Сложился планъ и по отношенію къ всѣмъ подробностямъ предстоящаго бракосочетанія внучки, выдачи ей приданого и т. д. Когда онъ возвращался въ свой номеръ, планъ уже сложился во всѣхъ подробностяхъ, и, какъ всегда съ нимъ бывало, онъ оказался въ рабствѣ у самого себя и не владѣлъ своими намѣреніями, какъ ихъ творецъ и властелинъ, напротивъ, они владѣли имъ и подчиняли себѣ все его душевныя силы. На пути изъ церкви онъ заѣхалъ въ два-три магазина, что-то купилъ, что-то заказалъ приготовить, потомъ завернулъ на телеграфную станцію, отправилъ депешу къ матери Екатерины Александровны, женѣ его сына, приказывая ей немедленно прибыть въ Москву и привезти съ собой «все, что есть у нея заготовленнаго въ приданое внучкѣ».

Съ телеграфной станціи направился было въ одинъ изъ тѣхъ банковъ, гдѣ хранились его «сокровища», но, сообразивъ по вре-

мени, что въ 6^{мъ} 1 въ эти часы иѣтъ уже нужныхъ ему для переговоровъ лицъ,—поѣхалъ въ свой номеръ.

Въ коридорахъ подворья онъ встрѣтилъ богомольцевъ, томи-тельно ожидавшихъ его возвращенія.

— Вотъ что, мои голубчики, я вамъ скажу,—заговорилъ онъ въ отвѣтъ на вопросы о часѣ выѣзда изъ Москвы:—собирайтесь-ка къ Троице-Сергію, собирайтесь со всѣми, значить, котомками. Нечего здѣсь понапрасну зря тратить деньги... Тамъ, у Троицы Сергія пока поживемъ, помолимся, а оттуда, того... въ Новый Іерусалимъ проберемся... Дѣльце у меня тутъ одно случилось, задерживаетъ... Деньковъ, пожалуй, на пять задержитъ. Собирайтесь, помолимся преподобному Сергію. Съ ночнымъ поѣздомъ выѣдемъ, какъ разъ къ утренней службѣ потрафимъ.

XXIX.

Оставилъ онъ въ Москвѣ мать игуменью съ внучкой и въ эту же ночь выѣхалъ съ своей многочисленной свитой въ Троице-Сергіевскую лавру. Мать Анфія получила отъ него пачку денегъ на расплату ва сдѣланные имъ для невѣсты заказы и внушеніе, какъ онъ должны себя вести во время его отсутствія.

— Я ворочусь денька черезъ три, — пояснилъ онъ, оставляя номеръ и крестясь на образа, — и мать Кати къ этому времени подъѣдетъ... Ну, оставайтесь пока. Женихъ завтра, чай, забѣжитъ, можетъ, и самъ Захаръ Прохоровичъ заѣдетъ... Обѣдать, пожалуй, будете опять у нихъ... Трогай, дѣтушки, трогай, — обратился онъ къ толпѣ спутниковъ, ожидавшихъ его въ коридорѣ подворья, и зашагалъ обычными скорыми шагами къ выходу. Слѣдомъ за нимъ пошли густой толпой богомольцы съ котомками и жестянками за спинами, барыни, священникъ и дьяконъ—всѣ съ ручнымъ багажемъ и, такъ сказать, въ походной формѣ, только онъ одинъ былъ налегкѣ, безъ всякаго багажа, и шелъ въ распахнутой шубѣ, полы которой раздувались по сторонамъ, точно паруса.

Трехъ дней для путешествія къ Троице-Сергію и въ Новый Іерусалимъ оказалось слишкомъ много, не прошло даже и полныхъ двухъ, какъ онъ былъ уже снова въ Посольскомъ подворьѣ и ропталъ, что такъ долго не ѣдетъ мать Екатерины Александровны. По его расчетамъ она должна была прибыть чуть ли не по телеграфной проволоцѣ и доставить согласно данному приказу все, что у нея заготовлено въ приданое дочери. Когда мать Анфія высчитала ему время, необходимое для проѣзда съ мѣста ихъ родины до Москвы, онъ задумчиво почесалъ въ сѣдой головѣ и промычалъ что-то себѣ подъ носъ, видимо, недовольный тѣмъ, что время идетъ не такъ быстро, какъ бы онъ желалъ.

Многочисленная свита была имъ благоразумно оставлена въ Новомъ Іерусалимѣ, и предводителю ея, священнику, онъ уѣзжая внушилъ не трогаться съ мѣста до полученія отъ него насчетъ этого телеграммы. Не обращая вниманія на траты, сопряженныя съ содержаніемъ и перевозкой значительнаго числа богомольцевъ, онъ въ то же время хватался съ озабоченностію за привычныя расчеты, нельзя ли что нибудь съэкономить.

На этомъ именно основаніи всѣ сопровождавшіе его богомольцы были оставлены имъ въ Новомъ Іерусалимѣ, гдѣ помѣщеніе и содержаніе стоило значительно дешевле, чѣмъ въ Москвѣ.

Прошли, наконецъ, всѣ мучительныя дни ожиданій. Приѣхала и мать Екатерины Александровны, привезла, что было заготовлено ею въ приданое дома, заготовили и еще, что могли успѣть въ короткій срокъ. Обрученные своевременно поговѣли, причастились, и въ одинъ изъ послѣднихъ дней недѣли предъ масленицей ихъ обвѣнчали. У Галактіона Герасимовича точно гора свалилась съ плечъ. Онъ въ день свадьбы вечеромъ хотѣлъ и въ путь свой тронуться и даже деньги, для выдачи въ приданое внучкѣ, привезъ съ собою къ Захару Прохоровичу въ день вѣнчанія, но передать не успѣлъ, не нашель для этого удобнаго времени ни передъ свадебнымъ обѣдомъ, ни послѣ него, и увезъ деньги обратно къ себѣ въ номеръ.

На слѣдующее утро, озабоченный сборами въ путешествіе, онъ хотѣлъ отправить къ Хомутильниковымъ съ деньгами мать Анфію, но потомъ рѣшилъ, что лучше сдѣлать это ему самому,—и поѣхалъ. Привезъ онъ къ Захару Прохоровичу, какъ и обѣщалъ, всѣ пятьдесятъ тысячъ, но вдругъ, уже во время пути въ Замоскворѣчье, ему пришла въ голову мысль о томъ, что пятьдесятъ давать—много, будетъ и даже «за глаза довольно» дать только сорокъ. Съ такимъ рѣшеніемъ онъ и вошелъ въ кабинетъ Захара Прохоровича.

— Вотъ что, Захаръ Прохоровичъ, слышь, — заговорилъ онъ послѣ обычныхъ привѣтствій:—я, братъ, привезъ деньги для внучки. На руки ей отдавать ихъ того... не резонно, и мужу отдать, помимо тебя, тоже, по-моему, не годится. Дѣло общее, онъ твой, а ты, стало быть, его. Значить, получай, а по конторскимъ книгамъ вели записать на Катю, такъ и такъ, молъ, получено отъ дѣда капиталу въ приданое внучкѣ, Екатеринѣ Александровнѣ, сорокъ тысячъ...

Захаръ Прохоровичъ сидѣлъ въ это время за письменнымъ столомъ. При послѣднихъ словахъ Галактіона Герасимовича онъ откинулся всѣмъ корпусомъ къ спинкѣ кресла и быстро проговорилъ:

— Какъ сорокъ? Вы же, Галактіонъ Герасимовичъ, сами назначили пятьдесятъ...

— Да, да... это было... Это я—по ошибкѣ. Я, Захаръ Прохоровичъ, извини, я поторопился. Сорокъ довольно, ей-ей, довольно... У тебя и своихъ денегъ дѣвать некуда...

Захаръ Прохоровичъ смотрѣлъ на него съ такимъ изумленіемъ, точно вдругъ увидѣлъ на лицѣ его Богъ вѣсть какіе узоры.

— Галактіонъ Герасимовичъ, что вы говорите!.. Да нешто такъ можно!.. И грѣхъ это и—простите меня ради Бога—стыдъ даже...

— Да я вѣдь не для себя, Захаръ Прохоровичъ, я вѣдь для бѣдныхъ... Ты знаешь, очень хорошо ты знаешь, сколько я раздаю... Больше расходы у меня, больше...

Захаръ Прохоровичъ пересталъ возражать, и во все время, пока Галактіонъ Герасимовичъ говорилъ о своихъ большихъ расходахъ, онъ только покачивалъ головой и взглядывалъ на него не столько укоризненно, сколько печально, точно хотѣлъ сказать этими взглядами: безпокойный ты старикъ, не знаешь и не можешь даже опредѣлить, насколько твой образъ дѣйствій достоинъ осужденія и порицанія.

— Что жъ... Ваше дѣло!.. Теперь можете, Галактіонъ Герасимовичъ, какъ угодно, поступить, — тихо проговорилъ онъ, поднимаясь съ кресла: — можете даже и ничего не давать. Слава Богу, мы съ Мишей отъ этого но обѣднѣемъ..

— Безтолковой! безтолковой! — возразилъ Галактіонъ Герасимовичъ: — какъ ты необдуманно говоришь, — развѣ я могу несправедливо поступить? Я по совѣсти живу, по заповѣдямъ Божиимъ...

— Позвольте... Какъ же по заповѣдямъ, когда вы говорили одно, а теперь вдругъ отказываетесь?..

— Что ты! Что ты, съ умою ли! Какъ отказываюсь? Ничуть я не отказываюсь, я говорилъ дѣйствительно — пятьдесятъ... А теперь думаю, что сорока бы довольно... Десять мнѣ бы пригодились въ Святой землѣ... Много бѣдныхъ и тамъ, много...

— Это ваше дѣло... Какъ хотите, — угрюмо отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ.

Галактіонъ Герасимовичъ дернулъ себя разъ-другой за бороду, почесалъ въ головѣ и потомъ порывисто проговорилъ:

— Ну, да ужъ нечего толковать: Богъ съ тобой, ежели ужъ ты такъ хмуришься. На, получай сполна...

Онъ выложилъ изъ бокового кармана пачку процентныхъ бумагъ и положилъ ихъ на письменный столъ.

— Такъ-то вотъ лучше, Галактіонъ Герасимовичъ...

— Ну, ну, ладно. Самъ знаю безъ тебя, что хуже, что лучше... а ты не рассуждай...

И помолчавъ онъ тихимъ шепотомъ добавилъ:

— Слушай, Захаръ, вотъ что, я для тебя понапрасну расходовать не могу, хочешь — не хочешь, а за извозчика мнѣ шесть гривенъ отдай!..

— Это можно, это даже должно, и я безпрепятственно такую сумму принимаю на свой счетъ. Извольте получить! — улыбаясь добавилъ онъ,

— Ты, Захаръ, не смѣйся, не скаль зубы-то... Ты самъ мужикъ умный и знаешь, что денежка счетъ любить. Да, копѣйка, сказано, рубль бережетъ!..

XXX.

На другой же день послѣ свадьбы внучки, не обращая вниманія на просьбы новобрачныхъ и Захара Прохоровича съ Анной Федоровной остаться еще на денекъ, Галактіонъ Герасимовичъ собрался съ своими спутниками въ дальнюю дорогу. Мать Анфія заикнулась было насчетъ того, что надлежало бы дяденькѣ пробыть еще лишній денекъ въ Москвѣ, но онъ прервалъ ее на первомъ же словѣ.

Слезливая и забытая беспорядочною жизнью мужа, мать Екатерины Александровны, рѣшилась тоже вставить свое слово въ поддержку сказаннаго игуменьей, — Галактіонъ Герасимовичъ оборвалъ ее еще болѣе рѣзкимъ тономъ и замахалъ руками.

— Ты еще куда со своими совѣтами? — закричалъ онъ. — Не знаю я что ли безъ тебя, что дѣлаю?... Учи своего мужа, дурака, а не меня.. Болванъ, пустая голова, картежникъ безумный!.. Царица Небесная! Сколько онъ мнѣ стоитъ — и не сосчитать!..

Испуганная женщина прикусила языкъ и не знала, куда смотрѣть, а Галактіонъ Герасимовичъ, съ каждымъ словомъ раздражаясь все болѣе и болѣе, припоминалъ огорченія, причиненныя ему не только тѣмъ сыномъ, который былъ ея мужъ и за поступки котораго она, можетъ быть, иногда и могла быть обвиняема, но и другими дѣтьми, за вины которыхъ она уже ни въ какомъ случаѣ не подлежала отвѣтственности. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, гнѣвно сверкалъ глазами и, воздымая руки къ небесамъ, громко взывалъ:

— Господи!.. Наказалъ ты меня дѣтьми! Бичъ они тяжкій для души моей... Сколько я о нихъ заботился, вразумлялъ, приучалъ къ дѣлу, наказывалъ — и ничего не вышло. Мишка — безшабашная голова, только у него и заботы — рысаки да карты. Сашка — пусто-меля, все знаетъ, обо всемъ, говоритъ, а дуракъ, форменный дуракъ. Гришка — пьяница, да еще какой пьяница, на особый манеръ: весь день трезвый, капли въ ротъ не возьметъ, а загляни къ нему вечеромъ — пьянѣ вина... Кто въ этомъ виноватъ? Вы — потатчицы. Вы прикрываете ихъ безобразія. Ну, вотъ теперь и любуйтесь на нихъ — хороши молодцы вышли!.. Ахъ, ахъ!.. Господи, прости мои согрѣшенія... Слава Тебѣ, Создателю, что я наконецъ со всѣми дѣлами развязался!..

Мать Екатерины Александровны и игуменья не смѣли рта раскрыть, зная уже създавна, что возражать Галактіону Герасимовичу и оправдываться передъ нимъ въ чемъ либо, хотя бы и въ самомъ правомъ дѣлѣ, было не только бесполезно, но даже вредно и въ особенности въ томъ случаѣ, когда разговоръ касался боль-

ного его мѣста — отношенія его къ роднымъ дѣтямъ, которыхъ, къ слову сказать, самъ же онъ забилъ своимъ безпорядочнымъ обращеніемъ и раздражительностію.

Выѣхалъ онъ съ своими спутниками изъ Москвы на Кіевъ, потомъ — въ Одессу. Мать Анфія и двѣ старушки дворянки были помѣщены имъ во второмъ классѣ, а самъ онъ и сопровождавшіе его богомольцы ѣхали въ третьемъ, занимая цѣлый вагонъ. Этотъ вагонъ обращалъ на себя общее вниманіе во все время пути. Въ немъ съ утра до вечера продолжались церковныя службы и молитвенныя пѣнопѣнія. Мать Анфія — въ черномъ одѣянїи, священникъ въ эпитрахили, дьяконъ съ книгою въ рукахъ, образъ на стѣнѣ, горящія свѣчи передъ нимъ и молящійся народъ — все это было явленіемъ необычнымъ, привлекавшимъ при остановкахъ поѣзда на станціяхъ толпы любопытныхъ. Они тѣснились къ дверямъ вагона, заглядывали въ его окна, недоумѣвая, что такое происходитъ тамъ непонятное: и образъ есть, и свѣчи передъ нимъ, и священнослужители, но ни гроба, ни покойника не видать.

Также точно и во время плаванія на кораблѣ отъ Константинополя до Александріи и оттуда до Яффы Галактіонъ Герасимовичъ и его спутники были предметомъ общаго вниманія. Помѣстивъ игуменью и старушекъ дворянокъ во второй классъ, самъ онъ съ богомольцами занялъ мѣста третьяго класса, въ трюмъ корабля. Во все время плаванія они продолжали все тотъ же образъ жизни, какой вели въ вагонѣ. Съ разсвѣтомъ дня священникъ надѣвалъ эпитрахиль и совершалъ съ дьякономъ утреннюю службу. Мать игуменя, привычная къ раннимъ церковнымъ службамъ, аккуратно являлась въ свое время въ трюмъ корабля и становилась на молитву, за ней слѣдомъ, хотя и не всегда своевременно, спускались въ трюмъ старушки дворянки, становились позади ея и слушали утреннюю службу. Сверху, съ корабельной палубы, доносились по временамъ свистъ вѣтра въ снастяхъ корабля и мѣрные удары винта, неустанно пѣнившаго за собой морскія волны. Иногда нарушали мирное теченіе молитвословія шумъ и стукъ перетаскиваемыхъ по палубѣ канатовъ и крики матросовъ, но богомольцы не обращали на это вниманія, точно не замѣчали, что они находятся далеко-далеко отъ береговъ земли, на поверхности водной бездны. Оканчивалась утренняя служба, мать Анфія со старушками отправлялась во второй классъ, а Галактіонъ Герасимовичъ съ своей компаніей принимался за чаепитіе. Часъ-два спустя, всѣ его спутники опять принимались за молитвословіе, священникъ служилъ молебенъ съ акаѣистомъ, окончивъ одинъ, начиналъ другой. По окончаніи акаѣистовъ начиналось чтеніе какой нибудь дущеспасительной книги, и такъ проходило время до вечерней

службы. Классные пассажиры и капитанъ корабля съ помощниками тоже нерѣдко поглядывали въ трюмъ, наблюдая за тѣмъ, какъ богомольцы проводятъ время, и высказывали одинъ другому недомѣнія насчетъ того, какъ можетъ такой бѣдно одѣтый старичекъ тратить огромныя деньги на перевозку и содержаніе многочисленныхъ богомольцевъ. Узнавъ наконецъ, что этотъ старичекъ — известный богачъ и щедрый жертвователь на богоугодныя дѣла, они пожимали плечами, изумляясь такому неумѣлому и даже предосудительному, по ихъ мнѣнію, растрчиванію капиталовъ.

Та точка зрѣнія на міръ и на все, еже въ мірѣ, подъ неотразимымъ вліяніемъ которой съ давняго времени находился Галактіонъ Герасимовичъ, для нихъ была рѣшительно не достижима. Въ силу той огромной разницы, какая раздѣляла ихъ душевный строй отъ его строя, они не могли смотрѣть на него иначе, какъ смотрѣли, не имѣя никакого понятія о томъ, насколько сильно въ душѣ его главенствовали надъ всѣми его житейскими порывами инья, чѣмъ у нихъ, чувства. Эти чувства, разгораясь съ годами все больше и больше, часто подавляли и гнѣвъ его, и обыденныя мелочныя тревоги, и жадную наклонность къ стяжанію, и разжигали въ немъ стремленіе къ тому не постижимому въ своемъ величіи Свѣту, по сравненію съ которымъ не только наша земля, но и солнце и весь звѣздный міръ со всѣми его млечными путями — ничто!

XXXI.

Побывалъ Галактіонъ Герасимовичъ въ Святой землѣ и сподобился поклониться Гробу Господню. Стоя на колѣнахъ предъ величайшею святынею христіанскаго міра, онъ рыдалъ, какъ ребенокъ, бился головою о мраморъ Святого гроба, и слезы, горячія слезы неудержимымъ потокомъ лились по его лицу. О чемъ онъ просилъ, въ какихъ грѣхахъ каялся, и какія чувства владѣли въ это время его душею, — зналъ объ этомъ только онъ одинъ. Мать Анфія рассказывала потомъ, что онъ тихъ былъ и задумчивъ по выходѣ изъ храма, пожалуй, часа два, а потомъ опять сталъ попрежнему волноваться и торопиться, Богъ вѣсть куда, и покрикивать на своихъ спутниковъ, упрекая ихъ въ медлительности и беззаботности. Все время съ разсвѣта дня до вечера онъ проводилъ въ посѣщеніи святыхъ мѣстъ, ставилъ предъ образами свѣчи, дѣлалъ пожертвованія на церковныя нужды и ежедневно жаловался, что толкомъ поговорить ни съ кѣмъ нельзя.

— Греки безтолковый народъ, — ворчалъ онъ, — по-нашему не говорятъ. Рассказываю ему, даю деньги и всячески стараюсь объяснить, чтобы, значитъ, молебень Спасителю, напрімѣръ, Возжіей Матери, Николаю Чудотворцу, для ясности даже къ образамъ его подвожу, вотъ, молъ, этому и этому; онъ только улыбается, ста-

вить передъ образами свѣчи, а молебна не служить. Оказывается, о молебнахъ они и понятія не имѣютъ, этого, значить, у нихъ и въ заведеніи нѣтъ...

Побываль Галактіонъ Герасимовичъ со всѣми спутниками и у патріарха, получилъ отъ него благословеніе и большой печатный листъ, въ которомъ значилось, что всѣ его грѣхи, вольные и невольные, патріархъ, по власти, данной ему отъ Господа Бога, прощаетъ и разрѣшаетъ. Сколько стоила такая грамота, объ этомъ неизвѣстно, но можно предполагать, что не дорого, потому что и многіе другіе изъ бывшихъ съ Галактіономъ Герасимовичемъ у патріарха получили отъ него тоже такія грамоты. Прощаясь съ патріархомъ, Галактіонъ Герасимовичъ, какъ и всѣ другіе бывшіе съ нимъ богомольцы, поклонился ему въ ноги, а потомъ вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ сего, Галактіонъ Герасимовичъ проявилъ свой нравъ съ обычною искренностью, вовсе неумѣстной и въ данномъ случаѣ даже предосудительной. Онъ подошелъ къ патріарху, потрепалъ его по плечу и, улыбаясь, сказалъ своимъ спутникамъ:

— Дурачекъ вѣдь онъ, дурачекъ,—по-русски ничего не понимаетъ...

Патріархъ тоже улынулся и, конечно, не понялъ, какой лестный отзывъ сдѣлалъ онъ о немъ въ своей душевной простотѣ.

Изъ Иерусалима возвратился онъ въ Константинополь и рѣшилъ, отправивъ мать Анфію съ сопутствовавшими ему богомольцами въ Россію, поѣхать на Аѳонъ и тамъ окончить дни своего земного странствованія.

Прощаясь съ матерью Анфіей, онъ поклонился ей въ ноги, заплакалъ при этомъ, поропталъ, по обыкновенію, жалуясь на дѣтей своихъ, что они «Божій бичъ для него», и высказалъ рѣшительное намѣреніе остаться на Аѳонѣ. Мать Анфія тоже поклонилась ему въ ноги и заплакала. Прощаясь съ нимъ, она благодарила за всѣ неисчислимыя, по ея словамъ, благодѣянія, которыми онъ ее будто бы не по заслугамъ награждалъ. Цѣлуя его морщинистыя руки и обливая ихъ слезами, она все-таки не удержалась, чтобы не попросить его за дѣтей.

— Дяденька! Не гнѣвайтесь на нихъ... Простите,—пролепетала она,—Господь заповѣдалъ прощать...

Брови Галактіона Герасимовича нахмурились.

— Ну, ну, полно объ этомъ,—холодно отвѣтилъ онъ,—нешто я не знаю, что дѣлаю... Слава Богу, не мало годовъ прожилъ на свѣтѣ.

Робкая всегда, мать Анфія еще болѣе оробѣла отъ его недовольнаго тона, но, сознавая въ то же время, что этотъ разговоръ

«съ дяденькой», можетъ быть, уже послѣдній въ жизни и имѣеть для дѣтей его рѣшающее значеніе, она припала къ его колѣнамъ головой и плача повторяла:

— Простите...

— Перестань... Анфія... Будеть... Самъ я знаю, что дѣлаю...

— Дяденька... простите...

— Ахъ, какая ты, Анфія... — возразилъ онъ:—развѣ я гнѣвъ уношу съ собой изъ міра!.. Что ты, подумай, что говоришь?.. Не уйду я на тотъ свѣтъ съ озлобленіемъ душевнымъ... Да!.. Мало ли я добрыхъ дѣлъ устроилъ, устрою и дураковъ моихъ... Богатства не оставлю, а въ нуждѣ крайней не брошу. Все, что нужно для этого, уже сдѣлано, и завѣщаніе оставлено.

Мать игуменья еще разъ поцѣловала руку Галактіона Герасимовича и, поднимаясь на ноги, сказала:

— Вы меня, дяденька, простите, Господа ради... Теперь я, какъ святой Симеонъ Богопріимецъ, могу сказать, «нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыка, по глаголу Твоему, съ миромъ».

— Вотъ и чудесно!—подсказалъ Галактіонъ Герасимовичъ:—значить, и лучше не требуется...

Поплакали и другіе богомольцы, съ которыми онъ, прощаясь, обмѣнялся взаимными поклонами и каждаго поцѣловалъ въ уста.

— Помолитесь за меня. Грѣшникъ я окаянный...—просилъ онъ.

— Ты за насъ, отецъ, помолись...—отвѣчали богомольцы, отирая слезы:—благотворитель ты нашъ!.. Не забудемъ по гробъ жизни того великаго дѣла которымъ ты насъ осчастливилъ!..

— Ну, ладно, ладно... Будеть объ этомъ!—прервалъ Галактіонъ Герасимовичъ:—не люблю... Прощайте, прощайте!..

— Ну, Анфія! Нечего больше толковать,—рѣшительно заявилъ онъ въ заключеніе прощальныхъ разговоровъ:—подите къ лодкѣ, пароходъ сейчасъ будетъ отваливать...

— Прощайте, дяденька...—едва могла сквозь слезы выговорить мать Анфія.

— Прощай, благодѣтель нашъ!—заговорили одновременно богомольцы.—Спаси тебя Господь... Помолись за насъ, родной!..

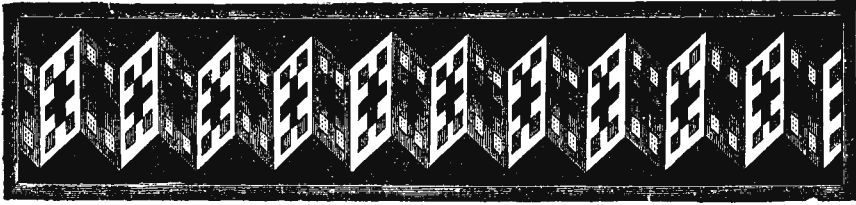
— Ладно! ладно! Вы меня не забудьте въ молитвахъ!..

— Будемъ молиться, само собой... этакого человѣка аабыть!.. Господи!..

Срочный пароходъ, совершавшій еженедѣльно рейсы изъ Константинополя въ Севастополь, вышелъ изъ Босфора въ два часа дня, а въ четыре часа Галактіонъ Герасимовичъ отбылъ на греческомъ пароходѣ на Аѳонъ.

Д. И. Стахѣевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТКИ А. П. НАТАРОВОЙ ¹⁾.

IV.

Школьный столъ. — Участіе воспитаницъ въ спектакляхъ. — Перевозка воспитаницъ въ театры. — Ухаживаніе за воспитаницами. — Л. В. Дубельтъ.

КАКЪ Я уже сказала раньше, въ училищѣ у насъ плохо кормили. Въ 12 часовъ давали завтракъ, то есть приносили въ столовую корзины съ чернымъ хлѣбомъ, «булку четырехъ» и кипятокъ. У кого былъ свой чай, тотъ могъ заваривать. Вотъ и весь завтракъ.

Въ 2 часа давали обѣдъ изъ трехъ блюдъ, напримѣръ: супъ съ вермишелью, жаркое съ картофелемъ и съ соусомъ и на третье—слоеный пирогъ съ рисомъ. Ъли мы этотъ обѣдъ слѣдующимъ образомъ. Воспитаницы разсаживались по 10-ти за столомъ, одна изъ нихъ раздавала порціи по тарелкамъ и наливала двѣ тарелки супа на двухъ сосѣдокъ. Обыкновенно одну тарелку мы прикрывали пустой тарелкой, а другую оставляли открытой, и ждали второго блюда — говядины съ противнымъ, грязнымъ, густымъ соусомъ. Говядина вся изъ жилъ, мы называли ее «муаръ-антикъ». Мы выбирали изъ порціи говядину и картофель и тщательно вымывали ихъ въ открытой тарелкѣ супа, чтобы освободить отъ мучного соуса. Затѣмъ вымытое перекладывали въ закрытую тарелку. Такимъ образомъ получался довольно вкусный

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXCIV, стр. 25.

супъ съ говядиной и картофелемъ. Съѣдали съ удовольствіемъ одну тарелку вдвоемъ. Изъ пироговъ, подававшихся на третье блюдо, мы вынимали середку, а корочки ѣли. На ужинъ подавали опять тѣ же три блюда. Порціи нельзя сказать, чтобы очень большія были, но хлѣбъ и квасъ были превосходные и выдавались вволю.

Случалось, что кушанье было нестерпимо гадко; тогда воспитанницы буйствовали, а главная надзирательница Фигареда посылала къ эконому и по ея приказанію приносили картофель въ мундирѣ и чухонское масло кружочками, что мы очень любили. Обыкновенно это случалось именно тогда, когда подавали ужасную гадость—«соусъ горошекъ» съ говядиной. А тотъ картофельный соусъ, о которомъ я раньше говорила, и который оставался на блюдѣ, шелъ въ дѣло. Мы же сами на другой день съ удовольствіемъ отдавали за него горничной «булку четырехъ». Горничная, прибавивъ въ этотъ соусъ чухонскаго масла, очень вкусно его поджаривала, и мы съ нетерпѣніемъ ждали этого лакомства. Вечеромъ приходилъ обыкновенно въ буфетъ братъ этой самой горничной—чухонецъ. Приносилъ онъ клюкву мороженую, мороженія яблоки, подсолнечники и, смѣшно сказать, «булку четырехъ», которую собирала его сестра. Проголодавшись, мы за все это платили деньги и ѣли съ наслажденіемъ. Какъ насъ надували, ребята-то!

Одинъ разъ, это было лѣтомъ, блюдо съ макаронами полетѣло на полъ—въ немъ оказался зеленый червякъ. Экономъ Комаровъ былъ выгребованъ на верхъ, гдѣ его порядочно распекла старшая надзирательница, а намъ, понятно, дали сейчасъ же излюбленный картофель въ мундирѣ. Послѣ Комарова экономомъ былъ инспекторъ воспитанниковъ Аубель; сначала кормилъ хорошо, а потомъ пошло все то же. Нѣкоторыя классныя дамы, державшія воспитанницъ, получали за деньги казенный столъ, но имъ приготавливали его лучше, чѣмъ намъ.

Въ пять часовъ вечера, послѣ научныхъ классовъ опять приносили кипятокъ, и приходилъ булочникъ. У кого были деньги—пили чай съ булками.

Обыкновенно къ 7-ми часамъ вечера воспитанницъ отправляли въ театръ. Насъ, маленькихъ, не заставляли много танцевать; большею частью заняты мы были на роли амуровъ и нимфъ, а иногда назначали и въ оперу. Зачастую маленькихъ одѣвали въ театрѣ портные мужчины, а, напримѣръ, въ балетъ «Сильфида»—преимущественно мужчины, ибо на насъ надѣвали полотняные корсеты, и надо было умѣючи запереть корсетныя кольца на спинѣ. Помню, въ то время Сильфиду танцевала пріѣзжая московская танцовщица Санковская, которая поразила всѣхъ тѣмъ, что бѣгала по сценѣ и выдѣлывала на на пальцахъ. Это было тогда новостью.

Трико для маленькихъ воспитанницъ не совѣмъ было по мѣркѣ. Выдача происходила такъ: въ уборной подъ столомъ стояла громадная корзина съ трико. Въ корзину на трико всегда спалъ мальчикъ, помощникъ портного, раздававшаго намъ трико и костюмы.

— Алешка, вставай!—кричитъ бывало портной Никандръ, толкая ногой корзину съ Алешкой.—Доставай трико, раздавай! Воспитанницы пріѣхали.

Этотъ Алешка впоследствии сдѣлался извѣстнымъ костюмеромъ Алексѣемъ Столяровымъ.

Кто побойчѣе изъ дѣтей — доставалъ трико по росту, остальные, болѣе робкія, получали, что оставалось. И вотъ попадетъ большое трико—его подбираютъ и подшиваютъ, а въ чулкахъ, если длинные, подгибаютъ слѣдъ въ башмакъ. Это все дѣлалъ портной на насъ же. Подъ трико надѣвали корсетъ, къ которому придѣлано кольцо для полета. Сверхъ трико надѣвали на насъ рубашечку, обшитую галуномъ, которая была широка, и ее приходилось закалывать, а такъ какъ булавки выдавались разъ въ мѣсяцъ, то портной долженъ былъ на насъ же зашивать, пристегивая галунъ къ фуфайкѣ. Портной, куда зашивалъ, обыкновенно ругалъ насъ.

— Ахъ, вы, неряхи! Ахъ, вы, дряни! Опять булавокъ нѣтъ!

Ни пудры, ни бѣлилъ маленькія воспитанницы не знали, а классныя дамы (съ нами всегда ѣздили двѣ дамы) имѣли съ собой румяна съ ваткой. Дѣти, когда совѣмъ одѣты, спускались въ фойѣ, подходили къ дамѣ, и она по своему усмотрѣнію румянила. Иногда выходило не очень красиво.

Прическа была не сложная. Всѣ въ школѣ завивали другъ друга папильотками съ сахарной водой, чтобы крѣпче держалось. Потомъ расчесывать—боль страшная!

На голову надѣвали: амуры — канитель, а нимфы — розовыя гирлянды, которыя приносила цвѣточница повѣшанными на рукѣ и раздавала всѣмъ. Сами дѣти расправляли гирлянды и надѣвали. Было очень мило. Для балетовъ давали шелковые башмаки, танцовщицамъ—на лайкѣ, а воспитанницамъ—на крашенинѣ. Въ первый разъ башмаки надѣвали нештопанными, а потомъ такъ штопали, что оставались однѣ нитки. Пара башмаковъ выдавалась на 5—6 спектаклей.

Тяжелое и непріятное для насъ дѣло были полеты. Особенно много ихъ было при постановкѣ балета «Сильфиды». Полеты сперва пробовалъ Вальцъ, помощникъ машиниста Роллера; привязывалъ къ полету мѣшки съ пескомъ и самъ съ ними леталъ. Насъ же привязывали къ полетамъ за кольца на спинѣ. Страшно было летать и трудно корпусъ держать правильно, да еще двигать ногами, какъ указано. Разъ одна воспитанница, у которой было

слишкомъ длинное трико, въ спектаклѣ подтянула трико красными подвязками. Снизу-то эти подвязки и видны. Прибѣжалъ А. М. Гедеоновъ, кричить:

— Сильфида! У которой сильфиды красныя подвязки?

Отыскали виновную сильфиду, и попало же ей, бѣдной, за подвязки!

Вечеромъ воспитанницъ привозили изъ театра домой и подавали ужинъ. Перевозили насъ въ театръ въ линейяхъ — сколько влѣзеть. Одна линейя была трехколесная — одно колесо впереди, а два по бокамъ сзади. Эта линейя была шире и ниже прочихъ; по бокамъ скамейки, а въ серединѣ три табурета. Въ эту карету сажали большихъ воспитанницъ, а иногда нѣсколько маленькихъ. Тамъ же помѣщали горничныхъ съ тюниками для большихъ воспитанницъ, танцовавшихъ соло. Всего влѣзало туда до 28 человекъ. Трехколесную линейю такъ же, какъ и четырехколесную, возили четыре лошади. Въ четырехколесныхъ линейяхъ возили маленькихъ. Швейцаръ училища прямо швырялъ ихъ туда.

— Ну, иди, иди.—А когда наполнится линейя, кричить:

— Некуда больше!—И подаютъ слѣдующую линейю.

Сзади въ каретахъ ѣхали классныя дамы. При отправленіи всегда присутствовала Фигарета и считала, сколько гдѣ посажено.

Въ теченіе дня мы ходили въ ситцевыхъ платьяхъ и въ кожаныхъ башмакахъ. При отправленіи въ театръ зимой надѣвали сапоги на байкѣ. Сапоги эти спереди шнуровались. На платьяхъ подъ салопъ надѣвали шерстяныя зеленыя косынки, а старшія воспитанницы—зеленые платки. Салопы носили зеленые, суконные, ватные, на коленкорѣ, безъ рукавовъ и съ прорѣсками. Салопы были съ пелеринами. На голову выдавали намъ вязаную шапочку въ видѣ чепчика, полосатую — черное съ краснымъ, ординарное вязанье, изъ легкой шерсти и не очень теплую. Завязки у шапочки были гарусныя съ кисточками. Мы ихъ завязывали кокетливо, вверхъ — пѣтушкомъ. Не возбранялось надѣвать на голову шарфы своего вязанья, что мы и дѣлали, и изрядно кокетничали этими шарфами.

Лѣтомъ возили насъ въ театръ рѣдко, только для дивертисментовъ. Возили въ тѣхъ же линейяхъ.

Съ окончаніемъ масленицы спектакли прекращались, но въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли поста была нѣмецкая масленица, и въ эти дни давали балетъ и оперу.

Въ среду на первой недѣлѣ поста начинали говѣть, а въ четвергъ ѣздили въ баню. Дѣлалось это такъ, Баня нанималась въ Лештуковомъ переулкѣ на цѣлый день. Возили насъ въ тѣхъ же линейяхъ, но линейи дѣлали нѣсколько оборотовъ. Начинаясь перевозка рано, съ 7 часовъ утра; къ молитвѣ всѣ уже должны быть обратно въ училищѣ. Кто скорѣй мылся, тѣхъ отправляли домой.

Въ баню посылали горничныхъ мыть насъ, и маленькихъ и большихъ. Обыкновенно баню устраивали намъ разъ въ два мѣсяца, а то и чаще. Когда бывала баня, классовъ никакихъ не было, и мы проводили этотъ день, какъ хотѣли.

Во время говѣнья, на завтракъ, вмѣсто скоромной булки давали постную, а вмѣсто молока—кусочекъ лимона. Постный столъ былъ ужасный—грибныя щи, котлетки картофельныя и рисовыя и жидкій кисель. Въ мясоѣдъ тоже давали кисель, но холодный, нарѣзанный кусками—ужасная гадость. Въ посту мы только и любили винегретъ съ селедкой.

Въ театрѣ возили насъ обыкновенно по Садовой и по Сѣнной, и насъ, маленькихъ, всегда очень занимало, что рядомъ съ нами ѣдутъ офицеры. Эти офицеры обыкновенно провожали воспитанницъ и ѣхали въ своихъ экипажахъ по обѣимъ сторонамъ улицы: это были ухаживатели. Кучера въ линейкахъ очень наживались на этихъ поѣздкахъ. Вмѣсто того, чтобы ѣхать по срединѣ улицы, кучеръ начиналъ заирать вправо или влево и вытѣснялъ провожавшихъ; чтобы они этого не дѣлали, имъ очень хорошо платили. Офицерскія провожанія дошли до того, что одно время приказано было жандармамъ сопровождать линей воспитанницъ и воспрещать ѣхать провожающимъ. Но потомъ это отмѣнили, потому что нарядъ жандармовъ обращалъ еще большее вниманіе на театральныя линей. Въ устройствѣ возможности видѣть воспитанницъ офицеры были изобрѣтательны. Бывало и такъ: офицеры, переодѣвшись въ кучерское платье, отправлялись во дворъ Лештуковыхъ бань. Тамъ они дожидались воспитанницъ и высаживали подъѣзжающихъ. Какъ-то разъ воспитанницы узнали офицеровъ, и, конечно, начался шумъ и крикъ.

— Что случилось?—спрашиваютъ подъѣхавшія классныя дамы.

— Ничего, оступились,—отвѣчаютъ воспитанницы.

При выходѣ изъ бань офицеровъ уже не было.

Знакомства воспитанницъ съ офицерами заводились и такимъ образомъ. Въ Большомъ театрѣ была абонирована офицерами литерная ложа 3-го яруса. Офицеры аплодировали, и каждая воспитанница какимъ-то образомъ узнавала, кто на кого смотритъ. Потомъ офицеры приходили къ отѣзду воспитанницъ на подъездъ, но стояли въ сторонѣ. Затѣмъ начинались ежедневныя, въ три часа дня, прогулки офицеровъ по Театральной улицѣ. Въ это время кончался обѣдъ, и воспитанницы стояли на окнахъ, раскланивались и, кому надо, показывали знаки своего расположенія. Лѣтомъ офицеры развлекали воспитанницъ такъ: идетъ разносчикъ съ фруктами на лоткѣ. Офицеръ, желая посмѣшить воспитанницъ, покупаетъ весь лотокъ и подбрасываетъ его кверху. Всѣ фрукты разлетаются по мостовой. Откуда ни возьмись, куча ребятъ, дѣтей сторожей и дворниковъ, выбѣгаетъ изъ дому подбирать гостинцы.

Происходитъ свалка, воспитанницы смѣются и аплодируютъ. Сказали объ этомъ Гедеонову, и больше уже такой случай не повторялся.

Но вообще Гедеоновъ, когда ему рассказывали о похожденияхъ офицеровъ, говорилъ:

— Да, это не хорошо. Но удержать, какъ видно, невозможно. Да и то сказать: воспитанницы-то не въ монастырь вѣдь готовятся!

И въ самомъ дѣлѣ ничего нельзя было сдѣлать. Классныя дамы тоже снисходительно относились къ ухаживаніямъ офицеровъ за воспитанницами.

Ухаживанье тогда приводило къ бракамъ, конечно, послѣ выпуска. Танцовщицы, которыя сходились съ своими ухаживателями, держали себя тактично, скромно и не бравировали тѣмъ, что стали богаты. Большинство изъ нихъ помогали бѣднымъ, прежде всего, конечно, своимъ родственникамъ и по возможности выводили ихъ въ люди. Бывало, такія танцовщицы, раздѣваясь у насъ въ спаль-ной для репетицій, бесѣдовали съ воспитанницами и съ сердечно-стью поучали насъ тому, чтобы мы были осторожны и не прельщались блескомъ.

— Роскошь не даетъ того покоя, — говорили онѣ, — какъ вы глупенькія думаете. Если бы только предвидѣли... но...

Хотя и безъ закона сходились онѣ съ своими обожателями, но жили хорошо, какъ мужъ съ женой. Нѣкоторыя изъ такихъ чудныя были женщины и не знали отказа въ помощи другимъ.

Законоучитель нашъ Боголюбовъ пріѣхалъ за чѣмъ-то къ митрополиту (не помню уже, какъ звали его).

— Ахъ, ты, театральнѣй! Ну, что твои несчастныя? Небось и лобъ-то не крестятъ?

Боголюбова это задѣло, онъ и отвѣтилъ ему:

— Владыко, я лично, когда приходятъ ко мнѣ бѣдняки, прямо посылаю ихъ къ этимъ, какъ вы извоили назвать, несчастнымъ. И ужъ мой-то, дѣйствительно несчастныя, которыхъ я-то къ нимъ посылаю, никогда не уходятъ съ пустыми руками.

— Неужто?

— Да, владыко. Помимо того, что онѣ законъ учатъ, но, и выходя на сцену-то, умѣютъ креститься и молиться.

— Ну, виноватъ, виноватъ. Не зналъ... А ты ужъ и обидѣлся. Это намъ самъ Боголюбовъ рассказывалъ.

Когда съ кѣмъ сходились наши танцовщицы, то не афишировались. Изъ театра къ каретамъ своимъ, гдѣ ихъ ожидали друзья, выходили скромно въ вуаляхъ и кучеровъ своихъ не выкрикивали. На репетиціи ходили такъ же, какъ и всѣ, а мы, воспитанницы, даже и не знали, кто съ кѣмъ пристроился.

Ухаживатели появлялись иногда въ зданіи напротивъ дома Дирекціи, въ помѣщеніи какого-то департамента. Чиновники, а иногда

и приходившіе къ нимъ офицеры, появлялись въ окнахъ, переговаривались знаками, а дѣвицы смѣялись. Въ особенности это практиковалось лѣтомъ, когда окна открывали. Однажды, во время такихъ переговоровъ, въ дортуаръ воспитанницъ неожиданно вошелъ инспекторъ школы Оберъ; часть дѣтей въ это время переодѣвалась въ глубинѣ комнаты. Съ его приходомъ поднялись крики. Оберъ подошелъ къ окну и, увидя чиновниковъ также у оконъ, освирипѣлъ:

— Mais comment! (онъ всегда въ разговорѣ мѣшалъ русскую рѣчь съ французской) les fenêtres ouvertes! чиновники regardent, а дѣтушки въ рубашенкахъ скачутъ!

Велѣлъ закрыть окна; тѣмъ дѣло и кончилось.

Вообще нравы были патріархальные. Бывало, напримѣръ, утромъ или вечеромъ воспитанницы встаютъ, ложатся спать или раздѣваются, — безъ всякаго доклада и опроса входитъ ламповщикъ съ лѣстницей, чтобы зажечь или заправить лампы. Воспитанницы въ дезабилье. Вдругъ раздается крикъ:

— Дѣвицы, дѣвицы, мужчина!

Все всполошилось, воспитанницы, не видя, кто идетъ, накидываютъ на себя кофточки или кто что можетъ. Вскорѣ же раздается спокойный голосъ одной изъ воспитанницъ.

— Ахъ, какія глупости, дѣвицы, вѣдь это ламповщикъ!

И вся публика остается спокойно, кто какъ былъ.

Ухаживаніе за воспитанницами проявлялось иногда и со стороны начальствующихъ. Случилось такъ, что одна воспитанница не попала въ театръ, а всѣ остальные уже уѣхали. Одинъ изъ начальствующихъ въ школѣ сказалъ:

— Я доведу эту дѣвочку въ моихъ саняхъ.

Дѣвочка была очень миленькая. Привозя ее изъ театра въ училище, начальствующій предложилъ:

— Пойдемъ ко мнѣ, я тебя напою чаемъ.

Дѣвочка, конечно, была очень рада, но черезъ нѣсколько времени прибѣжала къ Фигаредѣ вся въ слезахъ. Что съ ней было, мы не знали. Знали только, что на другой день эту дѣвочку позвалъ къ себѣ директоръ и долго разспрашивалъ. Намъ она ничего не рассказала. Потомъ уже мы узнали, что лицо, хотѣвшее ее обидѣть, за давностью лѣтъ службы было помиловано. Еще до этого случая онъ присталъ какъ-то къ одной воспитанницѣ въ класной комнатѣ—хотѣлъ ее приласкать. Это было въ сумерки, послѣ 5 часовъ. Воспитанница, не долго думая, ударила его по лицу и сплибла очки. Она рассказала намъ объ этомъ гораздо позже послѣ того, какъ случилась вышеприведенная исторія.

Ухаживаніе за воспитанницами находило иногда поощреніе со стороны служащихъ въ дирекціи. Такъ былъ въ театральной конторѣ одинъ чиновникъ, довольно почтенный, имѣвшій казенную

квартиру тутъ же въ домѣ. Говорятъ, что ему доводилось устраивать у себя въ квартирѣ свиданія офицеровъ съ воспитанницами. Какъ-то разъ двѣ выпускныя воспитанницы достали у горничныхъ платки, накинули на себя и чернымъ ходомъ черезъ дворъ и черезъ ворота направились въ эту квартиру. Мать одной изъ этихъ воспитанницъ догадывалась о романѣ, прослѣдила и успѣла поймать обѣихъ, когда тѣ пытались проскользнуть въ воротахъ. Но, вѣроятно, бывало, что и попадали воспитанницы въ эту квартиру.

Лѣтомъ, когда воспитанницы ходили на прогулку въ садъ во второмъ дворѣ дома Дирекціи, — также устраивались свиданія съ экстернами и съ дѣтьми гувернеровъ. Неоднократно въ саду бывали свиданія сына одного изъ начальствующихъ лицъ съ интересовавшей его воспитанницей. Молодой человѣкъ подходилъ къ садику, и одна воспитанница изъ старшихъ съ нимъ разговаривала, а мы, маленькія, гуляя, обходили мѣсто, гдѣ они стояли, чтобы не получить потомъ отъ старшей щелчка за излишнюю любознательность.

Зачастую бывали и серіозныя причины для сближенія выпускныхъ артистокъ съ ихъ обожателями. Многія воспитанницы до выпуска изъ школы не представляли себѣ той бѣдности, въ какой живутъ ихъ родители. Какъ дурно ни кормили въ училищѣ, а дома было еще хуже. Съ другой стороны, съ малыхъ лѣтъ, при видѣ хотя бы и мишурной роскоши, развивался въ воспитанницахъ вкусъ ко всему блестящему. Роскошные костюмы, которые на насъ надѣвали, заставляли насъ такъ или иначе выбиться изъ бѣдности, въ которую мы попадали при малыхъ окладахъ жалованья. Къ тому же еще родня большая, и всѣ смотрятъ на тебя, какъ на помощь. Тяжело дѣлалось. А тутъ сейчасъ вздохатели съ предложеніемъ услугъ. Ну, и сходились.

Но встрѣчались лица, оказывавшія и безкорыстную помощь. Такимъ былъ Леонтій Васильевичъ Дубельтъ. Страшный, говорятъ, былъ человѣкъ вообще, а для насъ хорошій. Многіе его добромъ вспоминали. У него въ III отдѣленіи была сумма безотчетная, многія къ нему по выпускѣ обращались за помощью, и онъ рѣдко отказывалъ.

Одной выпускной воспитанницѣ до зарѣзу нужны были 50 рублей для семьи. Гдѣ достать? Пошла къ Леонтію Васильевичу прямо въ III отдѣленіе и объяснила свою нужду.

— Вамъ деньги нужны? Такая молоденькая, хорошенькая... вѣдь вы всегда можете достать.

— Какъ?— пренаивно спрашиваетъ выпускная.

— Очень просто... будете имѣть средства и даже экинажъ.

Тутъ она поняла, въ чемъ дѣло. Не зная, что сказать, говоритъ:

— Да вѣдь это грѣхъ!

— Ну, грѣхъ съ орѣхъ. Зато жизнь-то какая!

— Но эта жизнь не дастъ мнѣ одного — душевнаго спокойствія.

— Да вѣдь и безпокойство-то небольшое!

— Но какъ я буду смотрѣть въ глаза другимъ?

Этимъ выпущенная воспитанница намекнула на то, что въ это время Леонтій Васильевичъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ другой балетной артисткой. Онъ задумался.

— Ну, хорошо... сейчасъ со мной денегъ нѣтъ. Приходите завтра.

Настало завтра. Выпускная пришла опять въ III отдѣленіе. Леонтій Васильевичъ выдалъ ей 50 рублей и сказалъ:

— Отдайте семьѣ и не сердитесь на меня. Я вѣдь пошутилъ.

— И я пошутила,—отвѣтила она, отъ души поблагодарила его, поцѣловала и ушла.

Отказывать Леонтій Васильевичъ не любилъ. Мнѣ лично случилось его попросить за кого-то. Онъ обѣщалъ исполнить. Секретарь же его прямо мнѣ сказалъ:

— Этого быть не можетъ.

— Какъ не можетъ, говорю, вѣдь Леонтій Васильевичъ обѣщаль?

— Ахъ, дружокъ мой. Леонтій Васильевичъ такъ добръ, что если вы попросите луну — онъ вамъ отъ всего сердца пожелаетъ ее преподнести... но не поднесетъ... Онъ не умѣетъ отказывать.

Былъ еще такой случай. Отца одной изъ воспитанницъ запутали безвинно въ какую-то серіозную и громкую исторію. Его взяли въ III отдѣленіе. Мать воспитанницы пришла въ училище вся въ слезахъ, но въ чемъ дѣло, не объясняетъ. Говорить она дочери.

— Когда придетъ Леонтій Васильевичъ, попроси, чтобы пощадилъ отца.

Воспитанница была маленькая, но все-таки стала спрашивать мать, въ чемъ дѣло.

— Отецъ не виноватъ, такъ и скажи генералу.

Въ слѣдующее же воскресенье Дубельтъ пріѣзжаетъ въ училищную церковь къ обѣднѣ.

Увидѣвши Дубельта, воспитанница расплакалась.

— Что это значитъ?

Дѣвочка еще сильнѣе зарыдала, такъ что Дубельтъ отвелъ ее въ уголокъ и говоритъ:

— Перестань и скажи, что случилось.

— Мать сказала, что взять мой отецъ, и вы можете его спасти... спасите!

Дубельтъ поцѣловалъ дѣвочку, долго утѣшалъ, ласкалъ ее и сказалъ:

— Не плачь, милая. Я постараюсь разобратъ и помочь. Но ты молчи и никому ни слова.

И дѣйствительно, разобравъ дѣло, помогъ, и отца этой дѣвочки освободили.

На Пасху многія театральныя ѣздили поздравлять Дубельта на Захарьевскую, гдѣ у него былъ собственный домъ. Внизу сидѣлъ его камердинеръ, старикъ Захаръ, и зналъ, кого надо пропустить. Леонтій Васильевичъ угощалъ насъ шеколадомъ, чаемъ, кто чего хотѣлъ, и дѣлалъ маленькіе подарки, не цѣнные: проволочный портсигаръ, бонбоньерку и прочее. Какъ-то мы спросили его:

— А вы, Леонтій Васильевичъ, куда ѣздите на дачу?

— Милыя мои, — отвѣчалъ онъ, — когда хозяинъ уѣзжаетъ, то оставляетъ собаку на цѣпи, чтобы лаяла. Вотъ я этотъ песъ. А потому на дачу нельзя мнѣ ѣздить.

Бывало, угощая спрашиваетъ онъ, чего хотятъ — кофе, чаю.

Ему отвѣтитъ ктонибудь «благодарю васъ».

— А это что значитъ: благодарю васъ? Желаете или не желаете? Если не хотите, то такъ и говорите: «нѣтъ, благодарю».

V.

Балъ въ училищѣ. — Балетныя репетиціи въ помѣщеніи школы. — Балетмейстеръ Перро. — Постановка «Эмеральды».

Въ 1-й день Рождества, ежегодно, у насъ устраивали балъ. Воспитанники спускались къ воспитанницамъ, а впослѣдствіи приходили также переведенные изъ Москвы 17 артистовъ, о которыхъ я упомянула. Мы танцовали. На фортепіано игралъ Леонтій Филипповичъ Аубель; кромѣ того, приглашали тапера. Балъ начинался въ 10 часовъ вечера, а въ 12 часовъ все уже кончалось. На балъ приходили: директоръ, Л. В. Дубельтъ, инспекторъ Оберъ. Танцы начинались польскимъ и кадрилию. Нѣкоторыя лѣнились танцовать, къ нимъ подходилъ инспекторъ Оберъ и говорилъ:

— Дѣтушки, mes enfants, если вы не будете танцовать, то *de main* останетесь въ школѣ и не пойдете къ родителямъ.

И, конечно, танцы дѣлались оживленнѣе.

Угощеніе было: оршадъ и лимонадъ, которые разносили два служителя. Затѣмъ приносили два большихъ подноса съ пастилою палочками, пряниками, орѣхами и изюмомъ. Входя съ подносами, служители держали ихъ высоко надъ головой. Какъ только они опускали руки, моментально налетали мальчики и дѣвочки и опускали подносы. Конечно, много гостинцевъ раскидывалось по полу. Въ этихъ случаяхъ Оберъ говорилъ:

— Mes enfants, пожалуйста, подбирайте, а то будете носомъ на полу.

Дирижировала танцами Дарья Сергѣевна Ришардъ. На балу случалось, что воспитанники ухаживали за воспитанницами. Вообще знакомство воспитанниковъ съ воспитанницами и встрѣчи воспитанницъ съ учениками школы и съ артистами на совмѣстныхъ репетиціяхъ нерѣдко приводили къ романамъ и къ супружеству. И наше съ мужемъ супружество обязано знакомству въ школѣ. Свое расположеніе къ воспитанникамъ воспитанницы выражали тѣмъ, что, узнавъ номеръ бѣлья своего предмета, старались особенно тщательно намѣтить цифры на платкахъ и носкахъ. И дѣйствительно нѣкоторыя мѣтки были удивительны. Начальство на это ухаживаніе смотрѣло очень просто, предвидя въ будущемъ законное супружество. Классныя дамы въ подобныхъ случаяхъ бывали очень снисходительны. Бывало, по окончаніи балетныхъ репетицій въ большомъ залѣ нѣкоторые изъ балетныхъ мужчинъ оставались и разговаривали съ нами, воспитанницами, а классная дама не пренятствовала и ходила взадъ и впередъ по залѣ. Другія свиданія были невозможны, такъ какъ воспитанницъ старше 16 лѣтъ не пускали домой въ отпускъ. Походить дама по залѣ такимъ образомъ довольно долго и наконецъ подойдетъ къ разговаривающимъ:

— Ну-съ, пора!

И мужчины уходили.

Такимъ образомъ началось ухаживаніе Маріуса Ивановича Пепина за Суровщицкой, которая потомъ вышла за него замужъ.

Большимъ и полезнымъ для насъ развлеченіемъ являлись большія репетиціи въ танцевальныхъ залахъ школы. Помѣщеніе было тѣсное, и пріѣзжавшія на репетиціи балетныя артистки приходили переодѣваться на нашихъ кроватяхъ въ спальнѣ, нѣкоторыя при этомъ баловали насъ — приносили гостинцы, а иногда давали и деньги. Впослѣдствіи балетнымъ отвели двѣ комнаты для переодѣванія. Репетиціи бывали днемъ, а иногда и по вечерамъ. Балетмейстеръ Перро, когда ставилъ новый балетъ въ 1851 году, нерѣдко заканчивалъ репетиціи въ 12 часовъ ночи. Эти вечернія репетиціи воспитанницы въ особенности любили. Обыкновенно балетныя устраивали чай, привозили закуски. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ мы ожидали копченаго сига. Конечно, оставались вкусные кусочки и для насъ.

При большихъ балетныхъ репетиціяхъ намъ позволялось оставаться въ залѣ и смотрѣть. И какъ это было хорошо и полезно! Достаточно сказать, что въ 1848 году намъ пришлось видѣть, какъ по истинѣ гениальный балетмейстеръ Перро ставилъ балетъ «Эсмералда». Приходилъ композиторъ Пуни съ нотами и показывалъ Перро написанную имъ музыку. Перро заранее назначалъ темпы и число тактовъ на каждый номеръ. У Пуни было заготовлено такъ: на одномъ концѣ листа написанъ мотивъ къ извѣст-

ному номеру, а если повернуть листъ вверхъ ногами, то на тотъ же номеръ написанъ другой мотивъ. Показываетъ онъ ноты Перро, музыканты играютъ мотивъ. Перро слушаетъ.

— Ну, что, годится?

— Нѣтъ, не годится,—говорить Перро.

А мы, дѣвочки, съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда Пуни повернетъ листъ. Очень насъ это забавляло.

— А это?—спрашиваетъ Пуни.

— Это хорошо.

Вмѣстѣ съ Пуни приходили два скрипача: Лядовъ, Александръ Николаевичъ, и Соколовъ. Иногда являлись вмѣсто нихъ другіе музыканты. Помню я одного изъ нихъ, Соколова, онъ игралъ вторую скрипку. Во время отдыха и вообще, когда музыка почему либо останавливалась, онъ откладывалъ свою скрипку и преспокойно вязалъ чулокъ.

Когда всѣ были въ сборѣ, приходилъ Перро. Это былъ человѣкъ маленькаго роста, некрасивый, съ широкимъ носомъ, но имѣлъ прекрасные глаза и хорошій ротъ. Въ общемъ очень симпатичный, настолько симпатичный, что мы всѣ называли его «красавецъ Юлій Ивановичъ».

Къ началу репетицій балетмейстеромъ было уже распределено число паръ корифеевъ и кордебалета.

Начинались репетиціи такъ: Перро по указанію режиссера Марсея (отличный былъ режиссеръ) отбиралъ пары и затѣмъ говорилъ музыкантамъ:

— Играйте.

Въ то время, какъ музыка играетъ, Перро садится посерединѣ зала на полъ калачикомъ, вынимаетъ табакерку, нюхаетъ и слушаетъ музыку. Всѣ прочіе стоятъ. Прослушаетъ Перро страницу— у него въ головѣ готовъ уже планъ! Поставивъ парами мужчинъ и женщинъ кордебалета, онъ говорилъ:

— Смотрите!—и показывалъ, какъ должны дѣлать.

— Па одно и то же для всѣхъ. Эта сторона начинаетъ съ правой ноги, а другая—съ лѣвой. Потрудитесь начинать!

Кордебалетъ исполняетъ показанное па; когда все двигалось хорошо, Перро благодарилъ.

На первой же репетиціи «Эмеральды» Перро остался недоволенъ, что женщины танцуютъ въ длинныхъ платьяхъ.

— Я не вижу ногъ. Почему не въ танцевальныхъ платьяхъ?

— Въ обязанность кордебалета не входитъ ежедневное обученіе танцамъ,—говорить ему режиссеръ.—Танцевальныхъ платьевъ у нихъ нѣтъ.

— А я требую, чтобы это было.

— Это немножко трудно. Кордебалетъ такъ мало получаетъ.

— Да, но вѣдь тюники у нихъ есть? Пусть будутъ въ тюникахъ, если не въ короткихъ платьяхъ.

Дѣлать нечего. Пришлось кордебалетнымъ поистратиться и внести въ свой бюджетъ еще расходъ на танцевальное платье. На слѣдующую репетицію всѣ пришли въ короткихъ платьяхъ.

Кордебалетъ былъ громадный, а потому Перро съ него и начиналъ репетиціи. Покончивъ съ кордебалетомъ, онъ переходилъ къ корифеямъ.

А по вечерамъ въ школѣ же Перро назначалъ репетиціи для сюжетовъ и отдѣльныхъ соло въ «Эсмемальдѣ», а потомъ въ «Катаринѣ», которую онъ ставилъ. Вотъ тутъ-то мы и видѣли неподражаемую игру и мимику такихъ артистовъ, какъ Фанни Эльснеръ (Эсмемальда), Перро, Гольцъ, Дизье (Квазимодо) и М. И. Петипа. Мы видѣли, какъ Перро всѣмъ имъ показывалъ игру. Мы поражались тѣмъ, какъ возможно безъ словъ передавать такъ понятно разговоръ. Само собой разумѣется, что всѣ мы знали и сюжетъ и всѣ па. Сами все это продѣлывали вечеромъ между собой и волей-неволей выучивались хорошо понимать дѣло. Выдающимся солисткамъ Перро не давалъ большого дѣла, а приберегалъ ихъ, какъ эффектъ. Напримѣръ, въ 1-мъ актѣ «Эсмемальды», въ первой парѣ мазурки, замѣняли корифеекъ такія величавы, какъ Прихунова, Макарова, Амосова и Снѣткова. Во 2-мъ актѣ тѣ же танцовщицы являлись нимфами и безподобно танцевали соло, а въ послѣднемъ актѣ, въ карнавалѣ появлялись въ народѣ.

Иногда бывало и такъ: музыка на репетиціи играетъ, Перро думаетъ, но фантазія не идетъ. Онъ оборачивается къ музыкантамъ:

— Помолчите!

Музыка молчитъ. Онъ опять думаетъ, и опять ничего.

— Извините,—говоритъ онъ труппѣ.—Не могу. Репетиція завтра! И всѣ расходятся.

VI.

Лазаретъ училища.—Докторъ Марокетти. — Лазаретная дама Амадео. — Фельдшеръ Александръ Ивановичъ.

Больныхъ воспитанницъ помѣщали въ лазаретъ. Лазаретъ нашъ состоялъ всего изъ двухъ комнатъ: одной маленькой, на двѣ кровати, и другой—большой, въ которой помѣщались шесть кроватей. Когда бывала эпидемія,—къ лазарету прибавляли смежную большую классную комнату, и въ ней, когда, напримѣръ, была корь въ училищѣ, помѣщали сразу 32 воспитанницы. Въ маленькой комнатѣ помѣщалась всегда лазаретная горничная. Кромѣ того, при лазаретѣ была еще умывальная комната, а при ней комнатка съ плитой, на которой всегда была горячая вода. Здоровыя воспитанницы всегда заискивали у лазаретной горничной, чтобы во всякое время получать кипятокъ. Ваннъ никакихъ при женскомъ лазаретѣ не было, а въ экстренныхъ случаяхъ больныхъ воспитанницъ носили на верхъ въ мужской лазаретъ, при которомъ

была устроена паровая ванна. При лазаретѣ состояли все старики: докторъ Марокетти, подлѣкаръ Александръ Ивановичъ и лазаретная дама Амадео, при которой состояла приватно, въ видѣ помощницы, ея дочь. Въ серьезныхъ случаяхъ приглашались на консультацию врачи дирекціи Берсъ и Гейденрейхъ. Но это бывало очень рѣдко.

Ежедневно, въ 9^{1/2} часовъ утра, въ лазаретъ приходилъ докторъ Марокетти съ подлѣкаремъ. Дежурная дама приводила къ этому времени больныхъ воспитанницъ. Марокетти всѣхъ ихъ осматривалъ и прописывалъ лѣкарства. Обыкновенно, въ легкихъ случаяхъ желудочнаго расстройства, Марокетти говорилъ:

— Александръ Ивановичъ, дай «трубочиста».

Тутъ же подлѣкаръ давалъ больной дѣвочкѣ ялалпы. Дѣвочка принимала, дѣлала доктору реверансъ и уходила.

Марокетти давалъ «трубочиста» только некрасивымъ дѣтямъ, а хорошенькимъ, которыя ему нравились, назначалъ александрійскій листъ, который былъ не такъ противенъ. Въ видѣ особаго расположенія, Марокетти оставлялъ легко больныхъ въ лазаретѣ, чтобы отдохали. Осмотрѣвъ больныхъ и прописавъ, что нужно, Марокетти уходилъ въ мужской лазаретъ. Если же были серьезные случаи заболѣванія, то оставлялъ больную въ лазаретѣ и говорилъ:

— Александръ Ивановичъ, рапортъ.

Составлялся рапортъ начальству, и названіе болѣзни вписывалось на дощечку около кровати. Судя по нездоровью, назначался докторомъ столъ. Напримѣръ, слабымъ Марокетти писалъ: «бульонъ съ булкомъ». Бульонъ давали чистый, не особенно крѣпкій, къ бульону назначалось 2 сухаря изъ французскаго хлѣба. На второе Марокетти писалъ «черно-сливы». На ужинъ назначалось то же самое. Марокетти любилъ также назначать больнымъ брюкву и писалъ на запискѣ: «брюки». Кушанье въ лазаретѣ приготовлялось вообще тщательно и было разнообразнѣе, чѣмъ въ школѣ: давали котлеты и кисели, и полагался чай съ булками во всякое время. Иногда, при несвареніи желудка назначалось мучительное лѣченіе — давали рвотный камень, а послѣ приема его поили теплой водой, кружка за кружкой, чтобы ускорить дѣйствіе.

Марокетти даже при легкой простудѣ держалъ дѣтей въ лазаретѣ дней пять. Нѣкоторыя дѣвочки пользовались его добротой и зная, въ какой день надо выписаться изъ лазарета, чтобы не попасть на трудный урокъ, упрашивали Марокетти отсрочить выпиской. Марокетти былъ вообще добръ, но иногда проявлялъ и выскательность. Какъ-то, помню, были у насъ въ лазаретѣ двѣ дѣвочки, больныя горломъ. Давали имъ полосканье, но болѣзнь не поддавалась лѣченью. Уиросили они горничную, чтобы позволила имъ съѣсть кильки, принесенныя изъ дому родителями. Горничная колебалась.

— Ужъ не знаю, можно ли.

— Позволь, Аннушка, мы никому не скажемъ.

Аннушка позволила.

На голодный желудокъ дѣвочки съѣли полъ-банки килекъ. Къ удивленію всѣхъ, на другой день горло перестало болѣть. Марокетти осмотрѣлъ, очень удивился перемѣнѣ и спрашиваетъ:

— Что вы такое ѣли, что у васъ горло такъ разсажено?

Дѣвочки молчали, но докторъ такъ строго спрашивалъ, что онѣ, наконецъ, сознались, что ѣли кильки.

Влетѣло всѣмъ, кому слѣдовало, за недосмотръ, а дѣвочкамъ больше всѣхъ за своеволие.

Были у Марокетти нѣкоторыя особенности. Бывало, приходитъ воспитанница.

— Что у васъ?

— Кашель.

— Надо прослушать грудь.

Марокетти отводилъ дѣвочку въ маленькій лазаретъ, снималъ съ нея халатикъ, подводилъ къ окну и выслушивалъ.

— Надо пластырь на грудь,—говорилъ Марокетти и, накладывая дѣвочкѣ на грудь бумагу, дѣлалъ выкройку. Дѣлалъ онъ это всегда съ удовольствіемъ, а воспитанницы, конечно, взрослыя, очень не любили эту процедуру.

Когда въ училищѣ была корь, больныхъ было 32 воспитанницы, изъ нихъ многія взрослыя. Для больныхъ отвели цѣлый классъ. Осмотръ Марокетти производилъ очень странно. Подходилъ къ кроватямъ, осматривалъ лицо, руки, а затѣмъ совсѣмъ открывалъ больную и осматривалъ ее всю и, не закрывая ея, отходилъ къ другой, говоря только:

— Александръ Ивановичъ, закрывайте!

И старый подлѣкаръ закрывалъ дѣвочекъ одѣяломъ, хотя лазаретная дама тутъ же присутствовала. Дѣвочкамъ такой осмотръ былъ очень не интересенъ. Иногда Марокетти приходилъ въ лазаретъ по вечерамъ, а если были трудно больныя, то посѣщалъ лазаретъ по три раза въ день. Приходя по вечерамъ въ лазаретъ, Марокетти забавлялъ насъ игрой на фортепіано въ сосѣдней классной комнатѣ. Піанистъ онъ былъ очень хорошій. Намъ очень нравилось, когда онъ показывалъ на фортепіано разныя штуки, напримѣръ: игралъ пьесы, дѣлая руками движеніе, будто онъ карты сдаетъ или письмо пишетъ, такая игра сопровождалась объясненіями. Иногда Марокетти баловалъ насъ конфетами собственнаго издѣлія, приготовленными имъ изъ фисташекъ. Очень вкусныя были конфеты. Марокетти хорошо лѣчилъ ревматизмъ. Одна воспитанница на костюмированномъ балу, который былъ какъ-то разъ устроенъ въ училищѣ на святкахъ, сильно простудилась и получила острый ревматизмъ. Марокетти вылѣчилъ ее

паровыми ваннами и электричествомъ, что было тогда совершенною новостью. Помню, какъ принесли къ намъ электрическую машину и стулъ съ стеклянными ножками. Марокетти въ рукахъ держалъ какую-то палочку, которая представлялась намъ волшебной. Большую ревматизмомъ помѣстили одну въ маленькомъ лазаретѣ. Марокетти посѣщалъ ее часто, приходилъ даже ночью.

Геденовъ также ежедневно посѣщалъ лазаретъ и приходилъ туда непремѣнно съ инспекторомъ Оберомъ.

Лазаретная дама Амадео тоже была очень старая и очень добрая женщина; она старалась развлекать больныхъ воспитанницъ и по вечерамъ играла съ ними въ карты. Съ взрослыми дѣвочками Амадео играла въ преферансъ, въ которомъ счетъ былъ не десятичный, и пики считались 7. Когда приходилось записывать ремизъ, ей говорили:

— Целагея Ивановна, что же вы не пишете?

— А что же мнѣ писать-то?

— Ахъ, да ну, ставьте семь.

— Какъ семь?

— Да поставьте кочергу.

И Целагея Ивановна съ удовольствіемъ выводила семерку, а если приходилось писать 22, то ей говорили:

— Целагея Ивановна—уточка!

Дѣло въ томъ, что Амадео умѣла кое-какъ читать, а писать совсѣмъ не умѣла.

Амадео почасту бесѣдовала съ воспитанницами, поучала ихъ, какъ себя вести. Прежде всего она разспрашивала о родителяхъ и сообразно ихъ общественному положенію вела разговоры съ дѣтьми. Также разговаривала она съ родителями, когда ихъ допускали въ лазаретъ, и отдавала имъ отчетъ о дѣтяхъ.

Дочь Амадео, тоже пожилая уже дѣвушка, очень добрая и безобидная, также нерѣдко проводила съ нами время. Дѣти, конечно, этимъ пользовались и не всегда добросовѣстно. Узнали мы какъ-то, что она поетъ французскую пѣсенку, пристали къ ней.

— Миленькая, Олимпіада Антоновна, спойте пѣсенку.

Она была конфузливая.

— Ну, ужъ вы, зубоскалки, смѣяться начнете?

Мы увѣряли ее, что не будемъ смѣяться, и она по своей добротѣ и поетъ намъ:

Travaille, travaille, ma fille!
Tu auras un bon mari...
Je travaille, maman, pour ça.

Но произносила она это такимъ образомъ:

Травой, травой, ма фира,
Тира на бокъ а по
Же траваре мама пуръ са.

Конечно, гомерическій хохоть сопровождалъ ея пѣніе, но она не обижалась и смотрѣла на насъ снисходительно.

Когда бывали въ лазаретѣ тяжелыя больныя, дочь Амадео усердно помогала матери въ уходѣ и вообще была кроткая и доброжелательная женщина, такая же, какъ и мать ея.

Когда Амадео, по старости, должна была оставлять службу въ дирекціи, она явилась къ Гедеонову съ просьбой назначить ей двойную противъ установленной пенсію. Удивленный Гедеоновъ прямо заявилъ ей, что она проситъ невозможнаго. Но Амадео не смутилась.

— Нѣтъ, ужъ батюшка Александръ Михайловичъ, какъ хочешь,—ужъ долженъ мнѣ сдѣлать это по добротѣ своей и по моей старости!

Гедеоновъ рѣшился сдѣлать особое представленіе, и Амадео дѣйствительно была назначена двойная пенсія.

Фельдшеръ, или, какъ его называли, подлѣкаръ Александръ Ивановичъ, былъ смѣшной старикъ, всегда носилъ на шеѣ высокій черный галстухъ. У него была скверная привычка братья рукой за галстухъ и, не смотря куда, плевать въ сторону; только и слышно было: тѣфу да тѣфу.

Воспитанницы этого терпѣть не могли и говорили ему:

— Александръ Ивановичъ, къ окну, а не на насъ!

А онъ невозмутимо отвѣчалъ:

— Да вы не безпокойтесь, это вѣдь только дурная привычка.

У подлѣкаря въ лазаретной комнатѣ была аптечка, въ которой всѣ употребляемыя снадобья были уже заранѣе заготовлены. На глазахъ у насъ приготовлялись разныя лѣкарства и намазывались пластыри. Съ нами Александръ Ивановичъ обращался очень мягко и ласково, а съ воспитанниками не церемонился и, случалось, давать и подзатыльники. Распри его съ воспитанниками происходили главнымъ образомъ по поводу кипятка, въ которомъ онъ откачивалъ мальчикамъ. Чтобы заставить Александра Ивановича отпустить кипятокъ здоровымъ воспитанникамъ, мальчишки пускались на такую штуку. У подлѣкаря былъ любимецъ котъ. Мальчишки ловили кота, прятали его и обѣщаніемъ отыскать кота выпрашивали у Александра Ивановича кипятокъ для своего чая.

VII.

Школа въ лѣтнее время.—Лѣтнія прогулки.—Спектакль въ Петергофѣ въ 1851 году.

Въ 1848 году, во время холеры, воспитанницъ лѣтомъ не отпускали домой, и воспрещено было приносить въ училище и ягоды и фрукты. Также перестали давать воспитанницамъ квась, а въ буфетъ приносили два ведра воды и въ каждое вливали по бу-

тылкѣ краснаго вина «медокъ», изъ чего получалась невкусная смѣсь непріятнаго цвѣта. Несмотря на всѣ строгости, мы ухитрились ѣсть и ягоды и дыни, которыя намъ приносили родственники; въ то время ягоды и фрукты были очень дешевы. Такъ какъ отъ дынь былъ большой аромать, то мы ѣли ихъ не въ дортуарѣ, а на ученической сценѣ и корки бросали подъ полъ сцены, думая, что никто этого не узнаетъ. Но инспекторъ Оберъ, ходившій въ школу черезъ театръ, услыхалъ запахъ дыни.

— *Voilà!* кто это смѣлъ кушать дыню, когда это *défendu*?

Но виновницъ, конечно, не нашлось. Корки убрали, мы продолжали благополучно ѣсть дыни, и больныхъ не было.

Вообще лѣтнее времяпровожденіе въ училищѣ было скучное. Обыкновенная прогулка была только въ саду во дворѣ. Въ жаркое время, когда повара приходили въ ледникъ, мы выпрашивали у нихъ по кусочку льду и опускали эти кусочки себѣ за спину. Выходила отличная ванна, и ничего, не простужались. Конечно, всѣ очень интересовались пищею.

— Миленькій, — спрашивали мы проходящаго мимо повара: — коровы ѣдятъ уже салатъ?

Поваръ смѣется и говорить: ѣдятъ.

— Ну, значить, и намъ скоро дадутъ, — говорили мы, успокоенныя относительно нашего любимаго блюда.

Когда лѣтомъ ремонтировались дортуары, всѣ кровати для окраски выносились на дворъ. Насъ переводили въ классныя комнаты, и мы спали по порядку номеровъ на матрацахъ на полу. Это было самое веселое время. Мы считали себя свободными. Классы были только танцевальныя, да и тѣ лишь три раза въ недѣлю.

Гуляя лѣтомъ по саду, мы всегда смотрѣли на окна квартиры инспектора Обера. Когда Оберъ показывался въ окнѣ, обыкновенно въ халатѣ, мы дѣлали ему реверансъ и говорили:

— Федоръ Николаевичъ, дайте книжечекъ почитать!

— Сейчасъ, только одѣнусь, позову васъ, — отвѣчалъ онъ.

У Обера была такъ называемая карманная бібліотека съ переводными романами «Три мушкетера», «Графиня Монсоро» и проч. Книжки эти онъ давалъ дѣвочкамъ читать, но строго слѣдилъ, чтобы аккуратно возвращали. Иногда Оберъ угощалъ насъ гостинцами, черносливомъ и изюмомъ.

Разъ въ лѣто возили насъ гулять за городъ. Сперва возили въ Беклешовку, въ садъ Купшелева, но нашли это неудобнымъ — всѣ воспитанницы разбѣжались по парку и ихъ едва собрали — класснымъ дамамъ были большія хлопоты. Какъ-то разъ придумали везти насъ на Стрѣлку. Привезли въ казенныхъ каретахъ, а оттуда повели пѣшкомъ въ Новую Деревню, гдѣ жилъ инспекторъ воспитанниковъ и экономъ Леонтій Филипповичъ Аубель; при дачѣ были у него большой залъ и садъ. Шли попарно, по-

года была чудная. Всея ватагой вошли въ залъ къ Леонтію Филипповичу, тамъ приготовленъ былъ чай съ бутербродами, которыми голодныя воспитанницы отдали должную честь.

— Не хотите ли повеселиться?—спросилъ Аубель.

Мы охотно согласились. Аубель самъ сѣлъ за рояль, и мы танцевали до-упаду. Назадъ ужъ повезли насъ прямо въ каретахъ.

Въ 1851 году, насъ, воспитанницъ, возили въ Петергофъ. Въ это лѣто пріѣзжала великая княгиня Ольга Николаевна, и императоръ Николай Павловичъ приказалъ устроить разныя увеселенія. Громадный праздникъ былъ назначенъ на 1 іюля—день рожденія императрицы Александры Ѳеодоровны. Балетмейстеру Перро приказано было поставить на Ольгиномъ островѣ одинъ актъ изъ балета «Наяда и Рыбакъ», который былъ намѣченъ для постановки въ сезонѣ. Устройство сцены поручено было Роллеру. Въ балетѣ принимали участіе: Радина (впослѣдствіи Галлеръ), Анна Ивановна Прихунова, Перро, Югансонъ и др., а также участвовали и воспитанницы. По вечерамъ, въ училищѣ дѣлались репетиціи иногда до 1½ час. ночи. Ставилъ Перро балетъ удивительно. За шесть дней до спектакля балетъ и воспитанницъ повезли въ Петергофъ, и всѣхъ помѣстили въ Англійскомъ дворцѣ. Туда же отправлены наши кровати и прислуга. Мы, воспитанницы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ, а артисты внизу. Столъ былъ отъ двора; обѣдали и пили чай въ бельэтажѣ: тутъ же сейчасъ терраса и лѣстница въ паркъ. Утромъ давали всѣмъ кофе, для каждаго лица отдѣльный приборъ—подносикъ, чашка, сливочникъ и проч. Насъ всѣхъ поражало, сколько посуды въ дворцѣ. Съ нами вмѣстѣ пріѣхали въ Петергофъ классныя дамы, старшая надзирательница Гофманъ, которая замѣстила умершую Фигареду, а также учительница танцевъ Ришардъ. Всѣ дамы помѣщались съ нами наверху. Кормили насъ на убой: давали завтракъ и обѣдъ. Геденовъ съ нами завтракалъ и обѣдалъ. Изъ Петербурга насъ привезли на пароходѣ, а каждый день присылались придворныя линейки для катанья по Петергофу. Государь ежедневно посѣщалъ насъ въ Англійскомъ дворцѣ и всегда, обращаясь къ воспитанницамъ, спрашивалъ:

— Дѣти, довольны ли вы?

Интересно знать, сохранилась ли у кого нибудь фотографія, снятая тогда въ Петергофѣ! Государь сходитъ съ лѣстницы Англійскаго дворца, а мы всѣ бѣжимъ за нимъ.

Вообще государь Николай Павловичъ былъ очень внимателенъ къ намъ и артистамъ. Несмотря на то, что вездѣ было запрещено курить и въ театрахъ и на улицѣ,—государь разрѣшилъ артистамъ куреніе.

— Не надо ихъ стѣснять—пусть курятъ,—сказалъ онъ.

Воспитанницамъ въ это время позволяли ходить вмѣстѣ съ балетными артистами и осматривать диковинки Петергофа, какъ, на-

примѣръ, зеркальный домикъ, сторожа котораго принимали артистовъ за начальство, кланялись имъ въ поясъ и говорили:

— Не оставьте вашимъ вниманіемъ.

Ходили также смотрѣть фазановъ и орловъ, которые сидѣли въ клѣткахъ. Одна воспитанница спрашиваетъ педшаго съ ней балетнаго артиста:

— Это какая птица?

— Орелъ.

— Ай, да вы съ ума, мосье, сошли. Точно я не знаю, что орелъ съ двумя головами.

Какъ-то разъ послѣ обѣда пріѣхали линейки дворцовыя, и мы поѣхали кататься. Кучеръ спрашиваетъ:

— Куда?

— Поѣзжай подальше,—сказала ему Гофманъ.

Пріѣхали въ Александрію. Гофманъ, вѣроятно, забыла или не знала, что спектакль устраивался сюрпризомъ для императрицы, и театральному персоналу было воспрещено показываться въ Александрію. Къ тому же Гофманъ мѣстности не знала, а кучеръ не сказалъ, куда привезъ. Мы всѣ остановились, вышли изъ экипажей и прошли внутрь парка черезъ маленькую калиточку къ изгороди изъ акацій. Идемъ по дорожкѣ и всѣ смотримъ нагѣво, гдѣ развѣшаны гирлянды и вензеля. Идемъ и любимся—насъ никто не останавливаетъ, оглядываемся направо—и о ужасъ! Передъ нами площадка, дворецъ и самъ государь императоръ. Мы ахнули и бросились бѣжать. Государь крикнулъ:

— Куда? Стой!

Мы остановились.

— Подождите! — И государь пошелъ навстрѣчу императрицѣ, которая только что вышла изъ дворца. Государь подвелъ императрицу къ намъ. Она спрашивала наши фамиліи. Государь тоже разговаривалъ и былъ особенно милостивъ съ Радиной. Дѣло въ томъ, что Радина заявила свой талантъ въ послѣднемъ сезонѣ. Въ Петербургѣ были выписаны польскіе танцовщики и танцовали «Крестьянскую свадьбу». Послѣ нихъ этотъ балетъ былъ данъ съ нашими артистами, и воспитанница Софья Радина исполняла въ немъ соло мазурки, прекрасно подражая талантливой польской артисткѣ Адамсъ. Это обратило вниманіе государя. Въ Петергофѣ она назначена была танцовать Наяду. Государь спросилъ ее:

— А вы будете въ мужскомъ костюмѣ?

Радина была прекрасно сложена.

— Вы такъ граціозны,—сказалъ государь—будемъ любоваться вами.

Государыня, поговоривъ съ дѣтьми, обратилась къ Гофманъ и спросила ее:

— Qui a remplacé m-me Figareda?

На что бѣдная Гофманъ, не помня себя отъ страха, отвѣтила:
— C'est moi, madame!

Государыня повернулась къ ней спиной и перестала разговаривать, а государь, чтобы окончить свиданіе, сказалъ:

— Ну, дѣтки мои, катайтесь! Наслаждайтесь!

Тѣмъ и кончился нашъ визитъ—мы ушли. Надо было видѣть лицо нашей несчастной Гофманъ, она была близка къ обмороку и въ полномъ отчаяніи говорила:

— Что я сдѣлала! Что я сдѣлала! Какъ я отвѣтила государынѣ!

Столъ въ Петергофѣ, какъ я уже сказала, отпускаясь намъ превосходный, въ этомъ случаѣ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ зорко оберегалъ интересы артистовъ, которые обѣдали вмѣстѣ съ нами и съ Гедеоновымъ. Какъ-то разъ за обѣдомъ Гедеоновъ спросилъ артистовъ Перро и Петипа:

— Господа, почему вы не пьете краснаго вина?

Перро сказалъ: я не хочу, а Петипа промолчалъ.

— Можетъ быть, вино не хорошо? Дайте-ка, я попробую!

Отвѣдавъ вино, Гедеоновъ вспыхнулъ и закричалъ такъ, что стѣны задрожали.

— Кафешенкъ!

Явился кафешенкъ.

— Вы это кому подаете? Вы забыли, что это гости государя? И бутылка полетѣла на полъ.

Послѣ этого всегда подавали прекрасное вино.

Въ Петергофѣ были сдѣланы на Ольгиномъ островѣ двѣ репетиціи, на которыя насъ возили въ придворныхъ линейяхъ.

Самый спектакль былъ назначенъ въ 8 часовъ вечера. Въ день спектакля погода была хорошая, но къ вечеру стало сыро, и пошелъ маленькій дождь, а потому спектакль начали только въ 9 часовъ. Иззябли мы очень. Одѣвались всѣ въ Англійскомъ дворцѣ и пріѣхали на Ольгинъ островъ въ тюникахъ, при чемъ сверхъ костюмовъ были накинута бурнусы. Высаживалъ насъ изъ экипажей весь собравшійся на спектакль генералитетъ. Послѣ пріѣзда намъ сказали, что будетъ сигналъ, когда начинать, и намъ пришлось долго ожидать въ солдатскихъ палаткахъ, раскинутыхъ на берегу озера. Мы дрожали и прикрывались бурнусами. Наконецъ, намъ крикнули: снимайте верхнія вещи и становитесь на свои мѣста! Всѣ разсѣлись на свои мѣста на плотяхъ и ожидали тамъ съ 7 часовъ вечера. Продрогли ужасно. Накрапывалъ маленькій дождикъ, но затѣмъ пересталъ. Взвилась сигнальная ракета и сильно напугала: хвостъ ракеты съ тлѣющимъ картузомъ упалъ на одинъ изъ плотовъ. Но молодцы матросы живо привели все въ порядокъ. Заиграла музыка. Оркестръ былъ очень искусно помѣщенъ передъ сценой и былъ такъ закрытъ зеленью и цвѣтами, что его не было видно. Начали спектакль, все шло прекрасно. Спектакль исполнялся

при естественномъ дневномъ освѣщеніи, но такъ какъ было пасмурно, то императрица пожелала, чтобы спектакль былъ повторенъ на слѣдующій день, но раньше—въ 7 часовъ вечера.

На другой день—палящее солнце. Опять насъ привезли на Ольгинъ островъ, но мы уже не зябли. Когда кончился спектакль, государь приказалъ намъ не разѣзжаться. Мы были вызваны на сцену, гдѣ уже собрались государь, государыня и вся царская фамилія. Государь сказалъ намъ:

— Прошу немножко закусить.

Въ мгновеніе ока были поставлены на сценѣ накрытые столы, и арапы несли на большихъ подносахъ творогъ, простоквашу и фрукты. Мы стоимъ, не двигаемся. Государь обращается къ воспитанницамъ и говоритъ:

— Почему же вы не кушаете-съ?

Обращаясь къ государю, мы всегда прибавляли съ. И государь насъ дразнилъ этимъ.

Смущенные присутствіемъ высокихъ особъ, мы отвѣчали:

— Мы сыты-съ, ваше величество.

Но онъ намъ видимо не повѣрилъ и улыбнулся, а м-мъ Ришардъ сказала:

— При васъ, ваше величество, онѣ стѣсняются ѣсть.

Государь засмѣялся и сказалъ:

— Ахъ, я стѣснять не люблю,—и, повернувшись къ намъ спиною, сказалъ:

— Распоряжайтесь.

Ну, мы и распорядились—все было чисто на столѣ.

Государь остался этимъ очень доволенъ и смѣялся. Императрица пожелала видѣть все устройство спектакля и движеніе раковинъ по озеру, которое было такъ ловко исполнено. Государыня просила Роллера, чтобы онъ показалъ это безъ участвующаго персонала. И все это было государынѣ показано. Устроено было такъ: на самомъ берегу оркестръ, весь закрытый зеленью, а затѣмъ большая сцена на водѣ; на сценѣ декораціи: цвѣты и зелень. По бокамъ сцены—плоты, на этихъ плотяхъ работали матросы. Подъѣзжали по группамъ и по линиямъ, когда одна пара плотовъ стѣзжала,—со сторонъ сцены подъѣзжала другая пара, и сцена наполнялась наядами. Плоты тянули съ береговъ веревками на блокахъ подъ сценою. Когда всѣ наяды были уже на сценѣ, подъѣзжалъ центральный плотъ съ царицей наядъ и маленькими воспитанницами. Этотъ плотъ шелъ прямо на публику и изображалъ громадную раковину. Во время спектакля освѣщенные солнцемъ группы были удивительно красивы. Въ продолженіе всего балета, и особенно когда шла пантомима, слышно было щелканье соловья. Для этого приглашенъ былъ какой-то господинъ, который за 5 рублей пренескусно щелкалъ соловьемъ, помѣщаясь на берегу между деревьями.

Весь этот петергофскій спектакль остался въ нашей памяти какимъ-то волшебнымъ сномъ.

Послѣ осмотра сценическаго устройства императрица опять разговаривала съ воспитанницами, а государь пожелалъ, чтобы протанцовали такъ называемую «голубую мазурку», которую исполняли въ свой прїѣздъ поляки. Гедеоновъ доложилъ государю, что нѣтъ соотвѣтствующихъ костюмовъ. Государь сказалъ:

— Ничего, въ томъ, что есть. А оркестръ сыграетъ?—спросилъ государь.

— Оркестръ пойдетъ, ваше величество, —сказалъ капельмейстеръ Лядовъ.

Тогда рыбаки изъ балета «Найда» выправили свои брюки, и 4 пары танцовщиковъ исполнили голубую мазурку. Государь былъ очень доволенъ и благодарилъ. Послѣ этого всѣ разъѣхались. Первокласснымъ артистамъ даны были подарки.

Послѣ спектакля дали намъ ужинать, а затѣмъ всѣхъ и артистовъ и воспитаницъ повезли на пароходѣ въ Петербургъ. Во время ужина Гедеоновъ сказалъ:

— Ужинайте хорошенько, господа, но только помните, вина не надо много пить, потому что всѣ поѣдутъ на пароходѣ вмѣстѣ со школой.

На пароходѣ было весело. Кто за кѣмъ ухаживалъ, тотъ съ тѣмъ и сидѣлъ. Директоръ, проходя по палубѣ, смѣясь замѣтилъ:

— Однако вы всѣ по парочкамъ? Ну, да ничего, сегодня праздникъ, большой праздникъ!

А. Натарова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АННА ПУСТОВОЙТОВА

доз. ценз. 25 октября 1903 г. спб.

АННА ПУСТОВОЙТОВА ¹⁾.

(Повѣсть).

ХІ.

ПРОШЕЛЪ годъ. Кровавая смута кончилась, но еще то тутъ, то тамъ тлѣлись послѣднія искры подавленнаго возстанія. Собственно говоря, вооруженныя столкновенія съ русскими войсками продолжались только въ теченіе одного года, и насчитываютъ, что схватокъ польскихъ мятежниковъ, образовавшихъ банды, съ русскими отрядами было не менѣе тысячи въ теченіе этого перваго года. Всѣ эти схватки были незначительны и не имѣли никакого вліянія на участь Польши, историческая роль которой окончилась разъ навсегда.

Я находился въ маленькомъ пограничномъ мѣстечкѣ, гдѣ квартировала рота моего полка. Бываютъ событія, которыя измѣняютъ ходъ жизни или накладываютъ на нее неизгладимый отпечатокъ. Къ такимъ событіямъ принадлежитъ участіе въ большой войнѣ или даже въ какомъ нибудь трудномъ походѣ. Ничего подобнаго не было при подавленіи польскаго мятежа. Это были какіе-то маневры, если такъ можно выразиться, или, еще лучше сказать, это были экскурсіи охотничьихъ командъ, главная задача которыхъ была пройти какъ можно скорѣе и возможно большее пространство.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІV, стр. 45.

Польскія банды ѣздили не иначе, какъ на подводахъ, которыя захватывали открытой силой у крестьянъ. Намъ приходилось пользоваться желѣзными дорогами и кавалеріей, такъ какъ не всегда возможно было имѣть подводы въ достаточномъ количествѣ. У меня осталось впечатлѣніе о дальнѣйшихъ схваткахъ, въ которыхъ героемъ явился Чаховской.

Онъ отдѣлился отъ Лангевича послѣ битвы подъ Малогощемъ и ушелъ въ недоступную чащу лѣсовъ Радомской губерніи. Осенью того года онъ погибъ. Когда его шайка обратилась въ бѣгство, разбитая русскими драгунами, то онъ остался однимъ изъ послѣднихъ на мѣстѣ битвы и былъ изрубленъ подъ окнами своего помѣщичьяго дома, подъ балкономъ, на которомъ стояла его дочь.

Этотъ человекъ обладалъ желѣзной волей. Онъ держалъ въ рукахъ своихъ приближенныхъ. Его нельзя было ни обмануть, ни провести. Онъ никогда не убѣгалъ за границу, какъ это дѣлали постоянно начальники прочихъ бандъ ¹⁾. Если бы онъ былъ выбранъ диктаторомъ, дѣло возстанія значительно измѣнилось бы. Потребовалось бы вмѣшательство, быть можетъ, цѣлыхъ дивизій, хотя, конечно, и при всемъ томъ возстаніе не могло бы имѣть успѣха.

Народъ не возсталъ, народъ не хотѣлъ сражаться. Возстаніе шло сверху изъ тѣхъ развитыхъ, нервныхъ, болѣзненныхъ слоевъ общества, которые отвѣдали роскоши и цивилизаціи, ознакомились со всеѣмъ острымъ ужасомъ нужды и не захотѣли признать той власти, которая призвана была править ими. Эти слои состояли изъ учителей, учащейся молодежи, бывшихъ военныхъ поляковъ, помѣщиковъ, и эти слои находили горячую дѣятельную поддержку въ польскихъ женщинахъ.

Польшка! Какъ много сказано этимъ словомъ для того, кто знаетъ польскую женщину! Нѣжная, пылкая, изящная, она—вѣчная революционерка. Она никогда не помирится съ тѣмъ, что ея родина не имѣетъ самостоятельности. Сердце польки принадлежитъ столько же религіи, сколько и родинѣ.

Если взглянуть, какъ по улицамъ Варшавы, толпа за толпой, быстро скользятъ вереница за вереницей элегантныя, живыя, красивыя польки, то затруднишься опредѣлить ихъ общественное положеніе. Все это барышни. У нихъ нѣтъ ничего грубаго, вульгарнаго. Это не то, что наши мѣщанки, разодрѣвшіяся въ пухъ и прахъ и вышедшія за ворота щелкать сѣмечки. Каждая изъ нихъ грамотна, каждая изъ нихъ не разстается съ молитвенникомъ и ходитъ въ костель, каждая читаетъ газеты или слушаетъ, что рассказываетъ ей другъ о томъ, что печатается въ газетахъ, каждая воодушевлена любовью къ Польшѣ и всему польскому. Трудно найти страну, которая до такой степени была бы полна

¹⁾ Одно время онъ лѣчился отъ ранъ въ Галиціи.

самой собой, какъ Польша, и нѣтъ женщины, болѣе горячей патріотки, чѣмъ польская панна.

И вотъ, глядя на эту щегольскую живописную толпу, чувствуешь, что въ ней есть что-то общее, что-то соединяющее ее въ одно цѣлое. А между тѣмъ кто эти панны и паненки? Это—швей, цвѣточницы, модистки, учительницы музыки или иностранныхъ языковъ, бѣгающія день денской по дешевымъ урокамъ, это продавщицы въ кондитерскихъ, табачныхъ или модныхъ лавкахъ; это мелкія работницы, плетущія кружева, вышивающія узоры, дѣлающія мелкія галантерейныя вещички. Да и невозможно опредѣлить, чѣмъ онѣ занимаются у себя дома. По какимъ грязнымъ и неприятнымъ лѣстницамъ летятъ эти ножки, обутыя въ щегольскія ботинки, когда обладательница ихъ летитъ домой! Съ какой храбростью этотъ маленькій розовый ротикъ проглатываетъ отчаянный супъ или невозможное жаркое, политое Вогъ вѣсть какимъ соусомъ! А гдѣ онѣ спятъ, гдѣ ютятся!

Наступаетъ вечеръ, и блестящіе залы театровъ, концертовъ наполнены этими юными свѣжими личиками. Всюду видны стройныя фигуры, изящныя платья, сшитыя по модѣ. Какъ попали сюда всѣ эти паненки, трудно объяснить, но можно утверждать съ достовѣрностью, что ни одна изъ нихъ не заплатила за входной билетъ.

Эта женская толпа необыкновенно развита и необыкновенно сознательна, какъ толпа. Ея вліяніе на мужчинъ не отразимо, и вотъ почему патріотическая закваска всегда сохранится въ Польшѣ, пока сохранится въ ней польская женщина.

Жизнь въ мѣстечкѣ была самая прескучная. Въ 8 часовъ я уходилъ на ученье, въ 12 возвращался домой и уже не зналъ, что мнѣ дѣлать цѣлый день. Когда было возможно, я отправлялся на охоту со своими собаками и обрыскалъ всѣ сосѣдніе лѣса. Мнѣ не нравится охота въ Польшѣ. На каждомъ шагу тутъ чувствуешь, что находишься не въ родной странѣ. Лѣса громадные дремучіе, а между тѣмъ ихъ колоритъ, такъ сказать, совсѣмъ другой.

У насъ выйдешь на опушку и увидишь русскую деревню: вдоль рѣченки вытянулась кривая улица, избы обращены къ рѣчкѣ задомъ, а къ улицѣ передомъ. Крыши соломенные, окна маленькія. Около дворовъ нѣтъ ни деревьевъ, а нерѣдко и огородовъ. Кругомъ поле и пашня, ничего не огорожено, а за полемъ стоитъ мелкій березнякъ, или зеленѣетъ рядами стройныхъ елей или красивыхъ раскидистыхъ сосенъ стройный лѣсъ. Хорошо ходить по такимъ лѣсамъ! Въ березнякѣ спугнешь тетерева или стаю куропатокъ. По утрамъ тутъ близъ ольховъ всегда можешь подкараулить зайца. Въ хвойныхъ лѣсахъ ходитъ всякій звѣрь, если его только не слишкомъ тревожатъ окрестные охотники. Пустишь собака по такому лѣсу, и лай ихъ разливаются, что твоя музыка.

Нѣтъ, польскій лѣсъ не таковъ. Я никакъ не могъ привыкнуть къ этимъ громаднымъ грабамъ, мелколиственнымъ кленамъ, свое-

образнымъ вязамъ, изъ которыхъ состоятъ большею частью эти пущи. Польскія деревни—не деревни, это ряды бѣлыхъ хатокъ, раскиданныхъ по полю такъ, какъ у насъ стоятъ скирды на заливныхъ лугахъ. Смотришь и удивляешься.

Когда я такимъ образомъ пропадалъ отъ скуки, можно себя представить, съ какимъ живѣйшимъ удовольствіемъ я принялъ предложеніе одного окрестнаго помѣщика, Рудницкаго, поѣхать на маскарадный балъ къ его родителямъ. Рудницкій былъ страстный охотникъ и очень молодъ. Это было все, что сблизило насъ.

— У насъ будетъ много гостей,—сказалъ онъ мнѣ,—и всѣ придутъ ряженые. Мы васъ знаемъ и къ вамъ расположены, но у насъ будутъ гости изъ Варшавы, патриоты, поэтому и вы надѣньте какойнибудь костюмъ, чтобы не знали, что вы русскій офицеръ, а повеселимся мы на славу.

По-польски говорилъ я свободно и по цѣлымъ часамъ болталъ иногда лѣтомъ съ хорошенькой Зосей, сестрою Рудницкаго, на голубые глазки которой я охотно заглядывался. Въ деревнѣ люди проще и добрѣе, чѣмъ въ городахъ. Въ Варшавѣ я и черезъ 20 лѣтъ послѣ польскаго возстанія, въ восьмидесятыхъ годахъ, не могъ попасть въ польское общество, да, правду сказать, Рудницкіе и не были никогда красными революціонерами. Ихъ имѣніе, Бѣжець, находилось въ двухъ верстахъ отъ нашего мѣстечка.

Рудницкій былъ такъ любезенъ, что прислалъ за мной парныя сани, въ которыхъ я и отправился, нарядившись въ черное домино, которое онъ же мнѣ прислалъ. Балъ удался на славу. Этому способствовало, во-первыхъ, то, что гостей съѣхалось много, а, во-вторыхъ, что деревенскій господскій домъ бѣжецкихъ помѣщиковъ былъ очень великъ и просторенъ.

Зала была въ два свѣта и выходила частью во дворъ, частью въ садъ. Деревянные лакированныя, свѣтлыя, плетеные стулья стояли вдоль стѣнъ. Въ простѣнкахъ находились ломберные столы. Зеркалъ не было. Полъ былъ бѣлый, некрашенный. Въ углу стоялъ рояль работы Штурцваге. Виднѣлись канделябры на двѣ свѣчи, кенкеты. Въ этой залѣ обѣдали по торжественнымъ случаямъ, когда бывали гости, и обѣденный столъ складной переносили изъ буфетной. На окнахъ висѣли самыя простыя бѣлыя шторы, накачавшіяся на палку.

Къ залѣ примыкала гостиная, большая комната въ два окна и съ дверью на террасу. Благодаря этой террасѣ, комната казалась днемъ полутемной. Окна до половины были закрыты кустами сирени, которая весной наполняла комнату прекраснымъ запахомъ. Тутъ стояла мягкая мебель краснаго дерева съ пружинными сидѣньями, обитыми шерстяной матеріей краснымъ съ бѣлымъ. Вдоль стѣнъ стояли три дивана. Боковые были короче, а третій очень длинный. Передъ большимъ диваномъ стоялъ большой восьми-

угольный красного дерева столъ, вокругъ находилось шесть кресель. Въ простѣнкахъ размѣщались стулья того же типа. Въ простѣнкахъ висѣли высокія зеркала съ предзеркальниками въ рамахъ изъ красного дерева, при чемъ стекло доходило только до подзеркальника. На подзеркальникахъ стояли старинные бронзовые подсвѣчники на двѣ свѣчи каждый съ хрустальными подвѣсками. На столѣ передъ диваномъ находились канделябры на шесть свѣчей. Въ пріемные дни постлался тутъ большой самодѣльный коверъ. Картинъ въ залѣ и гостиной никакихъ не было.

Доставили музыку, конечно, еврейскую: четыре скрипки, кларнетъ, двѣ трубы, віолончель, контрабасъ или приблизительно въ такомъ родѣ. Въ Польшѣ въ каждомъ селеніи легко найти оркестръ. Играютъ всѣ.

Собралось множество гостей. Польскіе помѣшники, толстые усастые, съ красными бритыми щеками, съ длинными усами, которые они оправляли съ важнымъ видомъ, держались особнякомъ. Молодые поляки пускались въ танцы, вихремъ унося легонькихъ и красивыхъ панночекъ. Со стороны смотрѣть было весело. Въ другихъ комнатахъ готовили карточные столы, гремѣли посудой, и слышно было хлопанье откупориваемыхъ бутылокъ. Словомъ, все обстоило, какъ слѣдуетъ.

Я стоялъ у стѣны, не принимая участія въ танцахъ, ни въ тѣхъ неселыхъ интригахъ, которыя устраивали между собой молодые люди. Раздались звуки мазурки, этого танца, звуковъ котораго не можетъ слышать равнодушно ни одинъ кровный полякъ. Всѣ гости, находившіеся въ другихъ комнатахъ, повалили въ залу и столпились около дверей. Меня отгѣснили въ сторону. Я увидалъ здѣсь знакомое лицо.

— Александръ Дмитриевичъ! — воскликнулъ я:—какими судьбами вы тутъ?

Почтенный шахматистъ Петровъ не безъ удивленія посмотрѣлъ на черное незнакомое домино, обратившееся къ нему съ привѣтствіемъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Я назвалъ себя, взялъ его подъ руку, и мы вышли изъ толпы.

— Богъ съ ней, съ мазуркой,—говорилъ я:—какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ. Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ. Помните, послѣдній разъ мы видѣлись съ вами въ Ендржеевѣ.

— Какъ не помнить!—отвѣчалъ онъ съ оживленіемъ.—А вы то тутъ какими судьбами? Что это вы вырядились шуткомъ гороховымъ?

— Миѣ иначе нельзя было бы попасть сюда,—сказалъ я,—сядемте къ сторонкѣ и поговоримъ. Хоть васъ всѣ и считаютъ полякомъ, но я-то знаю, что сердце у васъ русское.

— Это правда, — сказалъ Петровъ, располагаясь со мной въ гостиной.—Да, да, это дѣйствительно въ послѣдній разъ я видѣлся

съ вами въ Енджеевъ,—сказаль онъ, отдаваясь воспоминаніямъ и проводя рукой по лбу.—Много воды утекло съ тѣхъ поръ. Всего было.

Онъ задумался.—А вѣдь долгъ-то Лангевичу я отдалъ,—прибавиль онъ и залился мелкимъ смѣшкомъ.—Удивительное дѣло, право, похоже на сказку, а былъ.

— Разскажите, пожалуйста,—сказаль я.

— Голубчикъ мой, разсказать-то я вамъ разскажу, но я вамъ сообщу сейчасъ другую новость: тутъ на балу находится одна особа, которая вамъ очень знакома.

При этихъ словахъ я почувствовалъ непонятное волненіе, которое не ускользнуло отъ пронцательныхъ взоровъ Александра Дмитриевича.

— Вы ее увидите,—сказаль онъ,—я постараюсь доставить случай съ ней поговорить. Она теперь наверху. Тамъ у нихъ какія-то дамскія дѣла. Ну, ужъ, конечно, вы знаете, что она не охотница до танцевъ и всей этой свѣтской шарлотки.

— Назовите, кто,—говориль я, перебивая его.

Я уже не слушалъ его и не могъ слушать. Сердце мое учащенно билось.

— Вотъ какой вы,—сказаль онъ,—а я и не думаль, что вы можете такъ волноваться.

И наклонившись къ моему уху, онъ прошепталъ дорогое знакомое мнѣ имя.

Но мнѣ не надо ужъ было говорить. Я зналъ, на кого онъ намекаетъ. Боже мой, какое счастье, какая радость! Она здѣсь, опять я ее увижу! Опять блеснуть передо мною ея огненные черные глаза! Опять я увижу ея благородное лицо, обрамленное пышными каштановыми волосами и услышу ея глубокой грудной голосъ! Въ моемъ воображеніи явилась ея стройная фигура. Я представиль себѣ, какъ она идетъ своей быстрой, легкой походкой. Я опустилъ глаза книзу, и мысли закружились у меня въ головѣ. Знала ли она, какъ любиль я ее? Знала ли она, что она была для меня все́мъ, все́мъ въ жизни?

Вдругъ я почувствовалъ толчокъ, какъ отъ электрическаго тока. Я подвьялъ голову и увидалъ Анну. Она была въ гладкомъ черномъ платьѣ. Небольшая бриллиантовая брошь видѣлась у нея на воротникѣ. Больше на ней не было никакихъ украшеній. Она остановилась въ дверяхъ между мужчинами, почтительно разступившимися передъ нею, и разсѣяннo глядѣла на танцующихъ, какъ бы не замѣчая ихъ. Тихій сдержанный говоръ послышался при ея появленіи. Ея участіе въ возстаніи было все́мъ извѣстно. Ея карточки ходили по рукамъ; ее зналъ каждый полякъ и каждая полька.

Повидимому, ей было непріятно общее вниманіе. Ея брови замѣтно дрогнули. Петровъ подошелъ къ ней. Она доврѣчиво взяла

его подь руку. Они съѣли. Слуга подалъ имъ мороженое. Я стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ, не сводя съ нея глазъ. Конечно, въ этомъ домино невозможно было меня узнать. Но мнѣ захотѣлось, чтобы она непременно меня узнала, чтобы она догадалась, что это я и никто другой. Я тихо прошелъ мимо нея. Петровъ смотрѣлъ на меня съ добродушной усмѣшкой. Безпокойство овладѣло Анной. Она взглянула на него, потомъ на меня. Казалось, ей хотѣлось встать, и въ то же время она не рѣшалась на это. Черты ея изобразили недоумѣніе. Она вопросительно взглянула на Петрова, и тотъ шепнулъ ей мою фамилію. Радость разлилась по ея лицу. Она покраснѣла, я протянулъ ей руку, она крѣпко сжала ее. Мы троимъ перешли въ сосѣдную комнату.

Это была самая свѣтлая комната въ домѣ. Въ ней было шесть оконъ и стояло два дивана. Передъ однимъ диваномъ находился длинный столъ съ восемью ящиками. Тамъ постоянно лежала домашняя работа, шитье, вязанье, которыми тутъ занимались. Кругомъ вдоль стѣнъ стояла простая мебель безъ пружинокъ, но мягкая. На столѣ стояли въ старинныхъ высокихъ серебряныхъ подсвѣчникахъ толстыя стеариновыя рубчатыя свѣчи. Въ углу находилось спокойное кресло съ рабочимъ столикомъ. Тутъ днемъ сидѣла мать Рудницкаго и работала. Вечеромъ она придвигалась къ общему столу, шила, вязала и вышивала въ пальцахъ. Она любила всевозможныя работы. Передъ ней ставили скамеечку. Теперь кресло было пусто. Петровъ придвинулъ его къ столу и расположился въ немъ, а мы съ Анной съѣли напротивъ на диванѣ.

Она не спрашивала меня, какъ я очутился на этомъ балу въ домѣ польскихъ помѣщиковъ, она не спрашивала, что я дѣлалъ, чѣмъ занимался. Она молчала и молча смотрѣла на меня, и это молчаніе было краснорѣчивѣе и значительнѣе всѣхъ фразъ. Я тоже ничего не говорилъ. Моя душа была такъ полна ею, что слова казались мнѣ лишними. Я видѣлъ ее передъ собою, глядѣлъ въ ея горѣвшіе огнемъ, большіе, темные глаза, какихъ я не встрѣчалъ никогда и ни у кого. И о чемъ бы я могъ спрашивать? Не зналъ ли я, что она не любитъ ничего того, что любятъ другіе, что ей несносны балы, свѣтскія развлеченія, что она не нуждается въ томъ, чтобы за ней ухаживали, и что если она находится тутъ, то только потому, что сюда привела ее необходимость. Петровъ сидѣлъ напротивъ насъ, разсматривалъ свои ногти и по временамъ ласково намъ улыбался. Онъ нарушилъ молчаніе первый.

— Вотъ я хотѣлъ рассказать,—произнесъ онъ, обращаясь къ Аннѣ,—какъ я уплатилъ долгъ Лангевичу. Вы-то это знаете. Видите ли,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ:—когда я прибылъ въ Гоцу, Лангевичъ переправился уже черезъ Вислу. Я пустился за нимъ и вотъ по его слѣдамъ добрался до Кракова. Здѣсь мнѣ сказали, что онъ сидитъ въ цитадели. Какъ попасть мнѣ туда?

Спасибо, добрые люди научили. Попасть было не трудно. Гиллеръ и Яновскій еще раньше меня навѣстили его. Комендантъ потребовалъ меня къ себѣ.

— Для чего вамъ надобно непременно видѣться съ Лангевичемъ?—спросилъ онъ.

—Я далъ ему слово внести 10 тысячъ золотыхъ за свое освобожденіе,—отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ личное свиданіе съ заключеннымъ вамъ вовсе не нужно. Передайте долгъ въ мои руки. Однако я долженъ предупредить васъ, что по существующимъ въ Австріи законамъ половина суммы, внесенной вами, должна будетъ поступить въ казну, но другая будетъ передана арестанту.

Я понялъ, что комендантъ говоритъ дѣло, и отдалъ ему 10 тысячъ золотыхъ подъ расписку и уѣхалъ изъ цитадели, не повидавъ Лангевича, но считая себя выполнившимъ свое честное слово. Помните: когда вы были у меня въ Осекѣ въ то самое утро, когда умеръ Погодинъ, и когда ко мнѣ прискакали повстанцы,—они вѣдь вытащили у меня изъ стола 255 рублей. Вотъ я и думаю, зачѣмъ пропадать этимъ деньгамъ; отыщу-ка я здѣсь въ Краковѣ польскій революціонный комитетъ и принесу-ка я ему жалобу на такое насиліе. Теперь смѣшно вспомнить объ этомъ. Добрые люди указали, гдѣ находится комитетъ, и я предъявилъ ему искъ на повстанцевъ Краковскаго воеводства на 255 рублей. Комитетъ назначилъ засѣданіе, и дѣло было рѣшено въ мою пользу. Мнѣ предложили получить изъ суммъ возстанія эти деньги. Я сказалъ, что добивался только правды, и уѣхалъ въ Варшаву.

Я сочувственно поглядѣлъ на этого славнаго старика, котораго считали только чудачкомъ, и у котораго на самомъ дѣлѣ въ груди билось такое чудное сердце.

— Теперь очередь за вами,—сказалъ онъ, обращаясь къ Аннѣ:—повѣдайте о вашихъ приключеніяхъ.

— Они очень печальны,—сдержанно проговорила она, и это были ея первыя слова.—Какъ только мы были арестованы на границѣ 19-го марта, я думала, что это не болѣе, какъ недоразумѣніе, но дѣло оказалось гораздо серьезнѣе. Насъ перевезли въ Тарновъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ Лангевича посадили въ цитадель, а меня неподалеку въ одномъ казенномъ домѣ, называвшемся «Телеграфъ», подъ присмотромъ полицейской дамы. Въ полномъ отчаяніи сидѣлъ Лангевичъ въ своемъ казематѣ. Его стерегли очень строго, но все-таки я могла разговаривать съ нимъ условными знаками, такъ какъ мы могли изъ нашихъ оконъ видѣть другъ друга. Однако это было замѣчено, и его перевели на другой конецъ башни, откуда его уже не было видно.

2-го апрѣля меня позвали къ коменданту и объявили, что я могу отправляться на всѣ четыре стороны, а Лангевича въ этотъ

день перевезли въ Тышновицы. Туда надо было отправляться по желѣзной дорогѣ. Для того, чтобы предупредить безпорядки, въ четвертомъ часу его доставили за Варшавскую заставу. Когда сюда подошелъ поѣздъ, отходившій изъ Кракова, то здѣсь въ полѣ онъ остановился, и Лангевичъ былъ введенъ въ вагонъ. Я уѣхала въ Прагу и поселилась со своей подругой, оперной пѣвицей Завишанкой. Наша совмѣстная жизнь была очень странна. Завишанка каждый день ѣздила въ театръ, отправлялась ужинать съ графами и магнатами, а я не показывалась нигдѣ и избѣгала всякихъ встрѣчъ и новыхъ знакомствъ. Я писала Лангевичу, я ободряла его, насколько могла, но письма мои доходили до него только урывками и въ сокращенномъ видѣ. Я не могла покинуть этого человѣка, который казался мнѣ столь несчастнымъ. И его, и меня связывало общее чувство, горячая любовь къ нашей несчастной угнетенной родинѣ!

Не подумайте,—сказала она, откровенно взглянувъ на Петрова:— чтобы между нами было какое нибудь любовное чувство. Вѣдь онъ годится мнѣ въ отцы. Онъ такой маленькій, слабый, болѣзненный, ужъ его бы я никогда не выбрала въ мужа. Онъ ни разу не поцѣловалъ мнѣ руки. Нѣтъ, отношенія наши совершенно чисты. Я знаю, въ меня бросаютъ грязью, распускаютъ про меня слухи, что я погибшая женщина. Мнѣ это все равно. Я могла бы полюбить, потому что я все-таки сознаю это, человѣка съ благороднымъ сердцемъ, чистаго, скромнаго, твердаго и помыслы котораго были одинаковы съ моими. Сколько ухаживало за мною помѣщиковъ, офицеровъ, графовъ, искателей приключеній! Я знала, что всѣ они ищутъ забавы, но никто изъ нихъ не способенъ, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, къ серьезному искреннему чувству.

Однажды моя подруга сказала мнѣ, что она ужинала съ министромъ путей сообщенія М. «Знаешь ли что,—прибавила она:— если я могу быть вамъ въ чемъ нибудь полезенъ,—сказалъ онъ мнѣ:—то попросите, и я немедленно исполню вашу просьбу». «Непремѣнно?»—воскликнула я и ударила его вѣеромъ. Онъ далъ мнѣ слово австрійскаго дворянина. Я вспомнила о тебѣ и сказала: «Моя хорошая подруга, г-жа Пустовойтова, желаетъ имѣть свиданіе съ Лангевичемъ». «Съ Лангевичемъ?»—возразилъ министръ и нахмурился:—это опасный авантюристъ, и мы опасаемся, что если онъ ускользнетъ, то у насъ съ русскимъ правительствомъ выйдутъ серьезныя непріятности. Онъ находится въ заключеніи, кажется, въ Тышновицахъ?» Я подтвердила это. «Хорошо, я выхлопочу для вашей подруги разрѣшеніе на это свиданіе».

Спустя нѣсколько дней, изъ полиціи принесли мнѣ пакетъ, гдѣ находилась бумага, въ которой мнѣ дозволялось видѣться съ Лангевичемъ.

— Завишанка,—сказала я:—тебѣ удалось то, чего бы я никогда не могла получить. Теперь ты должна помочь еще въ одномъ дѣлѣ: Лангевичъ долженъ бѣжать.—Ну, въ этомъ я тебѣ не могу помочь и не стану,—сказала опять Завишанка:—а я къ тебѣ пришло моего кузена, Владислава, который только и думаетъ о тебѣ.

Этого Владислава, бывшаго пулавскаго академика, я встрѣчала и раньше. Онъ былъ въ числѣ той сотни академикомъ, которые встрѣтили Мирославскаго, когда онъ только что прибылъ изъ Парижа на польскую границу, и которая почти вся полегла близъ озера Гопла.

Я приѣхала въ Тырновицы, это было въ концѣ апрѣля. Смотритель тюрьмы былъ на моей сторонѣ. Въ ночь съ 26-го на 27-е былъ рѣшенъ побѣгъ. Лангевичъ обрелся, перемѣнилъ одежду. Я съ Владиславомъ ждала его въ каретѣ у воротъ тюрьмы. Но одинъ изъ караульныхъ измѣнилъ намъ, рассчитывая получить отъ правительства награду. Дежурный офицеръ съ конвойными внезапно появился въ казематѣ Лангевича, когда ужъ тотъ собрался выходить въ сопровожденіи одного изъ сторожей. Его перевели въ другое помѣщеніе.

Пользуясь темнотой ночи, мы благополучно скрылись послѣ того, какъ насъ предупредилъ о раскрытіи плана побѣга одинъ изъ оставшихся намъ вѣрными сторожей.

29-го апрѣля новаго стилия Лангевича перевели въ крѣпость Іозефштадтъ, и первое время ему не позволяли выходить рѣшительно никуда, даже въ сопровожденіи офицера. Свиданіе съ нимъ стало совершенно невозможно, но, тѣмъ не менѣе, я не пала духомъ. Я теперь хлопочу о томъ, чтобы его перевели въ какуюнибудь другую крѣпость, и чтобы было возможно устроить побѣгъ во время пути. Было бы лучше всего, если бы его отправили въ Вѣну. У меня и у Завишанки есть тамъ надежные друзья; но, какъ бы то ни было, я никогда его не оставлю.

Она умолкла. Въ комнату вошло нѣсколько дамъ и кавалеровъ, которые искали прохлады. Они шумно разсѣлись вокругъ, явились лакеи съ прохладительнымъ. Анна продолжала въ полголоса:

— У него очень доброе сердце. Ахъ, если бы вы знали, какой это безобидный и безотвѣтный человѣкъ! Какія у него способности къ математикѣ! Самыя сложныя задачи онъ можетъ рѣшать въ умѣ. Я была ему очень полезна. Вслѣдствіе болѣзни глазъ онъ долженъ былъ отказаться отъ употребленія перьевъ. Самъ онъ можетъ едва читать. Я ему читала, переводила, писала подъ его диктовку. Его любовь къ родинѣ безгранична. Какіе планы составлялъ онъ! Говорили, что онъ интриганъ, что онъ проискамы достигъ диктатуры. Какая низость, какая клевета! Обстоятельства сдѣлали его диктаторомъ, и если бы не подлый совѣтъ Езеранскаго, быть можетъ, его звѣзда была бы путеводной звѣздой Польши!

Въ залѣ начался полонезъ. Отдохнувшія пары ушли туда, вмѣстѣ съ ними ушелъ и Петровъ.

— Мой другъ,—сказала Анна,—я очень рада видѣть васъ, но какъ-то всегда случается, что мнѣ приходится говорить съ вами или о дѣлахъ или просить васъ оказать какую нибудь услугу. Видите, какая я несносная. Я всегда приношу всѣмъ кучу хлопотъ. Такъ и теперь.

Она понизила голосъ и продолжала серьезнымъ тономъ:

— Я тутъ проѣздомъ. Хозяинъ дома, бывшій членъ народоваго жонда, имѣетъ компрометирующія бумаги: постановленія жонда, переписку членовъ, списокъ главарей возстанія. Если все это попадетъ въ руки русскому правительству, то его, разумѣется, сошлютъ. Съ другой стороны онъ не смѣетъ уничтожить эти бумаги, не имѣя на то разрѣшенія жонда. Поэтому онъ просилъ взять ихъ у него, ссылаясь на свою болѣзнь и на разные обстоятельства. Какъ бы то ни было, мнѣ предложили взять у него эти бумаги. Все это должно сохраниться въ большой тайнѣ. Никто изъ домашнихъ не знаетъ, что онъ сохраняетъ столь опасные документы. Онъ мнѣ сказалъ, что они находятся въ желѣзномъ сундукѣ въ подвалѣ, и подробно описалъ, гдѣ находится этотъ сундукъ. Домъ кишитъ челядью. Хозяинъ дома у всѣхъ на глазахъ. Поэтому мнѣ пришла въ голову смѣлая мысль. Отправимтесь въ эту кладовую. Теперь всѣ заняты танцами. Насъ никто не хватится. Когда эти бумаги будутъ у меня въ рукахъ, я уѣду. Дѣлать мнѣ тутъ больше нечего.

— Во всемъ я согласенъ вамъ помочь, Анна,—сказалъ я:—но гдѣ же находится эта кладовая?

— Пойдемте со мной.

Изъ диванной былъ выходъ въ широкій свѣтлый коридоръ. Тутъ находились стѣнные старинные часы съ очень громкимъ боемъ. Крашенный простой футляръ ихъ доходилъ до полу. Около часовъ стояло продавленное кресло съ одной только ручкой. На немъ постоянно сидѣла экономка, когда наливали чай и готовили закуску. Около кресла стоялъ черный столъ съ глубокимъ ящикомъ для бѣлья; рядомъ находился крашенный шкафъ съ чайной посудой. На противоположной стѣнѣ находилась дверь въ кладовую. Анна въ нерѣшительности остановилась передъ нею и потрогала ее за ручку. Кладовая была заперта.

— Нѣтъ, лучше позвать пана Рудницкаго,—сказала она.—Подождите меня тутъ.

Черезъ нѣсколько времени она вернулась со старикомъ помѣщикомъ. На лицѣ его выражалось безпокойство. Онъ вопросительно показывалъ глазами на меня. Анна тихо сказала ему:

— Я знаю, что дѣлаю. Отоприте кладовую, и войдемте.

Въ это время въ коридорѣ никого не было. Изъ залы попрежнему раздавались звуки музыки. Рудницкій отперъ дверь, и когда мы трое вошли туда, онъ вынулъ ключъ изъ скважины, заперъ дверь съ внутренней стороны и зажегъ свѣчку.

Кладовая была небольшая узкая комната, освѣщаемая небольшимъ окномъ, которое на ночь запиралось изнутри ставнями. Направо виднѣлся шкафъ съ наливками и настойками, налѣво громадный рундукъ для муки, крупъ и прочихъ сухихъ припасовъ. Онъ упирался въ лежанку, на которой стояли бутылки съ наливками и уксусомъ. Противъ рундука въ огромномъ сундукѣ, который былъ теперь почему-то раскрытъ, хранились «талъки», пряжки нитяныя, холстъ, самотканныя полотенца, скатерти, салфетки хорошей работы и тонкое бѣлье, похожее на голландское, но попроще. Надъ сундукомъ виднѣлись двѣ полки съ посудой. Это была теплая кладовая, а изъ нея вела дверь въ холодную.

Холодная имѣла окно на дворъ, наглухо закрытое теперь. Вокругъ стѣнъ было множество полокъ, и на нихъ стояли варенье, соленые грибы, маринады домашняго изготовленія, пустыя банки и склянки. На полу лежали большіе мѣшки съ сырыми орѣхами. Каленые орѣхи и сухіе грибы лежали въ теплой кладовой. Кульки, корзины виднѣлись всюду.

Когда мы вошли сюда, Рудницкій поднялъ половицу, и мы увидѣли лѣстницу въ подвалъ. Тутъ на полкахъ на соломѣ сохранялись яблоки для расхода и въ ящикахъ про запасъ. Здѣсь же лежали яйца, масла, сыры, закуски. Рудницкій подошелъ къ одному изъ ящиковъ съ яблоками и поднялъ его. Въ этомъ ящикѣ яблоки были насыпаны только сверху для виду, а внизу находилось свободное пространство, въ которомъ былъ скрытъ небольшой желѣзный сундукъ, такъ что найти его было весьма трудно. Открывъ его, Рудницкій вынулъ пакетъ, обернутый клеенкой и туго перевязанный бичевками. Этотъ пакетъ онъ передалъ Пустовойтовой. Затѣмъ мы вышли изъ подвала, опустивъ за собою половицу, и направились въ теплую кладовую. Рудницкій осторожно отперъ дверь, выждалъ время, когда въ коридорѣ опять никого не было, поспѣшно выпустилъ насъ и, заперевъ дверь, присоединился къ остальному обществу.

Когда мы пришли съ Анной въ гостиную, то Петровъ уже искалъ насъ. Мы усѣлись втроемъ ужинать за отдѣльнымъ столикомъ. Ужинъ былъ обильный; блюдъ было много, но еще больше пили венгерскаго, стараго меду, разныхъ запеканокъ и другихъ винъ.

— Итакъ я завтра уѣду,—говорила Анна,—но мнѣ хочется проститься съ вами, возвратитъ вамъ визитъ. Вы противъ этого ничего не имѣете?

На это я отвѣчалъ только краснорѣчивымъ взглядомъ.

— Отсюда до границы полтора часа ѣзды. Я завтра приѣду къ вамъ часовъ въ 11. Побуду у васъ около часу, въ два я буду уже въ Галиціи. Я постоянно живу теперь въ Цюрихѣ,—продолжала она:—Швейцарія единственная страна, гдѣ не преслѣдуютъ за убѣжденія. Всякій, кто цѣнитъ свободу, какъ величайшее человѣческое благо, согласится, что нельзя жить тамъ, гдѣ эта свобода отнята. Но, конечно, ощущеніе свободы не у всѣхъ одинаково. Говорятъ, есть арестанты, которые предпочитаютъ заключеніе въ тюрьмѣ бродяжничеству, особенно, если стоятъ морозы, и предвидятся лишены отъ голода и холода. Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ вами, и это, можетъ быть, будетъ въ послѣдній разъ. Остаться въ Россіи я не могу. Меня ищутъ, меня арестуютъ при первомъ удобномъ случаѣ. Я скажу вамъ болѣе о моемъ пребываніи въ Радомской губерніи, какъ оно ни кратковременно, уже извѣстно властямъ, и наши меня предупредили, чтобы я была осторожна, такъ какъ сюда посланы полицейскіе, чтобы захватить меня. Отдаться имъ въ руки, хлопотать о помилованіи, ждать его и, наконецъ, получить для того, чтобы остаться въ этой странѣ и видѣть мученія моего народа—это невыносимо. Нѣтъ, ужъ лучше я умру за границей въ разлукѣ со своими родными и со всѣми, къ кому рвется мое сердце. Лучше мнѣ страдать, чѣмъ видѣть страданіе дорогихъ и чувствовать себя не въ силахъ помочь имъ.

—Итакъ, мой другъ,—обратилась она ко мнѣ—завтра въ 11 часовъ я у васъ. Я приѣду на лошадахъ Рудницкаго, и онѣ увезутъ меня за границу.

Послѣ ужина началась безконечная мазурка, по польскому обычаю. Я уѣхалъ, не простившись съ хозяевами. Анна крѣпко пожала мнѣ руку на прощанье и проводила меня до самыхъ сѣней.

XII.

Была холодная морозная ночь. Звѣзды ярко сіяли на небѣ, лошади бодро бѣжали по крѣпкой дорогѣ, сани поскрипывали по лозьями. Наше мѣстечко все спало.

Подѣзжая къ своему дому, я былъ удивленъ, увидавъ въ окнахъ свѣтъ. Сквозь окно я замѣтилъ, что на столѣ стоитъ самоваръ, и передъ нимъ сидитъ офицеръ въ голубомъ мундирѣ съ серебряными пуговицами и аксельбантами въ жандармской формѣ. Лицо его показалось мнѣ знакомымъ. Присмотрѣвшись я узналъ его. Это былъ Сервіяновъ, мой товарищъ по юнкерскому училищу. Я слышалъ, что онъ перешелъ въ корпусъ жандармовъ и служитъ въ Варшавѣ. И теперь я недоумѣвалъ, какими судьбами онъ попалъ ко мнѣ. Кучеръ Рудницкаго не обратилъ вниманія на него или принялъ его за моего сожителя и, высадивъ меня, уѣхалъ. Мой денщикъ отворилъ мнѣ дверь.

— Сервіяновъ, — сказалъ я: — какъ я радъ тебя видѣть, откуда ты?

— Прямо съ дороги, — отвѣчалъ онъ. — Въ вашемъ поганомъ мѣстечкѣ нѣтъ ни гостиницы, ни порядочнаго постоялаго двора. Я ѣхалъ мимо часъ тому назадъ. Булочная не была еще закрыта, я зашелъ и узналъ, что ты тутъ живешь. Хозяинъ твой, нѣмецъ, предложилъ мнѣ подождать тебя, говоря, что ты поѣхалъ на вечеръ и скоро вернешься; а пріѣхалъ я со станціи желѣзной дороги на почтовыхъ.

Хотя я былъ утомленъ своею поѣздкой къ Рудницкимъ, но радость отъ встрѣчи со старымъ товарищемъ заставила меня забыть усталость. Я жилъ очень скромно, но все-таки у меня нашлось, чѣмъ угостить пріятеля. Денщикъ принесъ жареную курицу, фаршированную щуку, нѣсколько бутылокъ вина и меду. Сервіяновъ въ полку былъ славный малый, но какой онъ сталъ, сдѣлавшись жандармомъ, я не зналъ. Мы съ нимъ выпили, закусили, вспомнили товарищей, начальниковъ, учителей. Изъ начальниковъ и учителей многіе уже умерли, но товарищи большею частью находились въ тѣхъ же чинахъ, какъ и мы.

— У васъ здѣсь въ мѣстечкѣ, должно быть, чортовски скучно, — сказалъ Сервіяновъ, — я очень радъ, что мнѣ удалось перевестись въ Варшаву. Служба наша тяжелая, зато интересна, и содержаніе порядочное.

— Чѣмъ же тяжелая? — возразилъ я: — напротивъ, вы избавлены отъ карауловъ и другихъ обязанностей.

Онъ махнулъ рукой.

— Что ты говоришь! На парадахъ намъ приходится участвовать, караулы у насъ черезъ день, только вамъ приходится дежурить на гаупвахтѣ, а намъ въ замкѣ намѣстника или при высокопоставленныхъ особахъ. Но теперь я часто бываю въ разѣздахъ, потому что меня посылаютъ по разнымъ дѣламъ.

— По политическимъ? — спросилъ я.

— По всякимъ, больше по политическимъ. Теперь вотъ я отмахалъ триста верстъ ради одной панночки. Интересная особа. Говорятъ, какая-то дѣвица-кавалеристъ, преточайнная.

При этихъ словахъ у меня упало сердце.

— Ты посланъ арестовать ее?

— Разумѣется. Если только это удастся... Эти авантюристки, братъ, травленные волки. Сущія бестіи, изловить ихъ ужасно трудно. Мнѣ достовѣрно извѣстно, — прибавилъ онъ, — что она скрывается въ усадьбѣ одного здѣшняго сосѣдняго помѣщика, Рудницкаго.

— Какъ ея фамилія? — спросилъ я потихоньку.

— Фамилія, — произнесъ онъ, поморщившись, — это житомирская уроженка, генеральская, впрочемъ, дочь. Она присоединилась къ

бандѣ Лангевича и маршировала съ нимъ по лѣсамъ. Да еще какъ, братъ! Ей случилось по 20-ти верстъ по грязи дѣлать.

Пока онъ такъ говорилъ, я размышлялъ, какъ предупредить Анну о предстоящей ей опасности. Мысли мои летѣли съ лихорадочной быстротой. Одинъ планъ за другимъ возникалъ и разсѣивался въ моемъ воображеніи.

— Ну, такъ я теперь знаю, о комъ ты говоришь,—сказалъ я, стараясь произносить слова, какъ можно спокойнѣе.—Это извѣстная дѣвица, Пустовойтова. Ея карточки и карточки диктатора ходили всюду по рукамъ.

— Да, да, это она,—сказалъ онъ съ живостью, какъ будто я своимъ сообщеніемъ снялъ съ него огромную тяжесть.—Это очень опасная личность. Она смѣла до чревычайности. Ей удалось оказать нѣсколько такихъ важныхъ услугъ мятежникамъ, что за каждую изъ нихъ ее слѣдуетъ послать въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

— Какъ же ты думаешь поступить?—спросилъ я.

— Очень просто,—отвѣчалъ онъ.—Я возьму съ собой на всякій случай изъ мѣстной команды четырехъ жандармовъ и поѣду въ имѣніе Рудницкаго. Тамъ мы арестуемъ эту пташку и предоставимъ въ лучшемъ видѣ въ Варшаву, а ужъ тамъ найдутъ, что съ ней дѣлать.

— Когда же ты думаешь отправиться?

— По-настоящему слѣдовало бы не терять времени, но сейчасъ я усталъ. Завтра утромъ часовъ въ девять-десять.

— Да, дѣйствительно, у тебя утомленный видъ,—подтвердилъ я,—если хочешь, я помогу тебѣ. Вѣдь сегодня я былъ на балу у Рудницкихъ. Онъ еще не кончился. Я слышалъ, что вся молодежь собирается сейчасъ послѣ ужина нагрянуть въ костюмахъ къ Броневскимъ. Это тоже богатые помѣщики, всего въ 10 верстахъ отъ Бѣжеца. Ихъ майоратъ называется Столбуны. Завтра утромъ ты у Рудницкихъ рискуешь никого не найти.

— Безъ всякаго сомнѣнія,—воскликнулъ Сервіановъ,—само собою разумѣется, слѣдуетъ прямо ѣхать въ Столбуны. Послѣ безсонной ночи они навѣрное будутъ долго спать, но только мнѣ придется выѣхать гораздо раньше. Я приказалъ пріѣхать ямщику къ девяти часамъ. Ты ужъ извини, что я у тебя такъ расхозяинчался.

— Помилуй, что за вздоръ,—отвѣчалъ я,—если бы ты былъ еще человѣкъ семейный. Дѣлай, какъ тебѣ удобнѣе.

Мы посидѣли еще нѣсколько времени. Мой денщикъ постлалъ для меня на диванѣ, я уступилъ гостю свою постель.

Долго не могъ я заснуть. Тысячу разъ мнѣ хотѣлось встать и бѣжать къ Аннѣ, чтобы предупредить ее. Но это было бы безумно. Уже наступалъ разсвѣтъ. Пѣшкомъ я несоро добрался бы туда.

Мое исчезновеніе могло бы возбудить подозрѣнія въ Сервіановѣ. Тотъ планъ, который я началъ приводить въ исполненіе, казался мнѣ хорошо обдуманнѣмъ. Но какъ много надо было имѣть твердости и хладнокровія, чтобы довести до конца его!

Столбуны находились отъ Бѣжеца въ десяти верстахъ, но въ восемнадцати отъ нашего мѣстечка. При самой скорой ѣздѣ туда можно было попасть только черезъ полтора часа. Если бы даже Сервіанову удалось выѣхать въ девять часовъ, что очевидно было невозможно, то, вѣроятно, онъ добрался бы въ Столбуны въ 11 часовъ. И они находились какъ разъ въ противоположной сторонѣ отъ границы. Но если бы онъ поѣхалъ прямо къ Рудницкимъ, то онъ захватилъ бы Анну безъ всякаго труда. Очевидно онъ былъ снабженъ отличными свѣдѣніями, и, не подвергшись случай съ этою булочной и съ моею квартирой, Аннѣ бы не сдобровать.

На другой день къ девяти часамъ онъ былъ уже одѣтъ, но я затащилъ съ чаемъ и закусками. Видя, что время идетъ, онъ послалъ съ запиской моего денщика къ начальнику жандармской команды. Тотъ послалъ четырехъ конныхъ жандармовъ. Отъ нихъ Сервіановъ узналъ, что Столбуны дальше, чѣмъ я говорилъ. Онъ бросилъ на меня подозрительный взглядъ и сказалъ:

— Ужъ я не знаю, ѣхать ли мнѣ въ Столбуны, вѣдь это гораздо дальше, чѣмъ ты мнѣ вчера рассказывалъ.

— Я тамъ никогда не былъ,—отвѣчалъ я:—здѣсь разстоянія не мѣрены, а такъ принято считать.

Онъ подумалъ немного, прыгнулъ въ почтовую кибитку и покатилъ на востокъ. Я былъ внѣ себя отъ радости. Я не ощущалъ никакихъ угрызений совѣсти. Можетъ быть, это было дурно, что я сдѣлалъ такъ по отношенію къ правительству, а въ особенности по отношенію къ своему старому товарищу, котораго съ умысломъ ввелъ въ заблужденіе.

Нѣтъ, тогда я не могъ предаваться разбору своихъ сужденій. Мною овладѣла безумная радость, что теперь Анна почти навѣрное спасена. Сколько разъ упрекалъ я себя ночью, что не удержалъ кучера Рудницкихъ и не послалъ предупредительной записки Пустовойтовой! Хотя я самъ себя и говорилъ, что я тогда не могъ предполагать, зачѣмъ пріѣхалъ ко мнѣ жандармскій офицеръ, но тѣмъ болѣе мнѣ слѣдовало быть дальновиднѣе и осторожнѣе по отношенію къ Аннѣ. Надлежало оставить кучера на полчаса, на часъ, и, разузнавъ, въ чемъ дѣло, ночью извѣститъ объ опасности Анну, разъ къ этому представлялся столь удобный случай. Теперь, когда мой планъ такъ блистательно удался, и Сервіановъ уѣхалъ какъ разъ туда, гдѣ онъ никакъ не могъ встрѣтить Анну, я чувствовалъ себя счастливымъ.

Между тѣмъ время шло. Чѣмъ ближе стрѣлка подходила къ одиннадцати, тѣмъ безпокойство все болѣе и болѣе овладѣвало мною.

Наконецъ, въ концѣ улицы показалась повозка, запряженная тройкой лошадей. Не вытерпѣвъ, я выскочилъ на крыльцо булочной. Повозка остановилась, и изъ нея вылѣзъ, закутанный въ медвѣжью шубу, Петровъ. Больше въ ней никого не было.

— Александръ Дмитріевичъ, а гдѣ же Анна Теофиловна?

— А развѣ ея нѣтъ?—спросилъ онъ, входя ко мнѣ и отряхивая шубу.—Видите ли, какая у насъ вещь вышла: вчера, какъ вы уѣхали, молодежь послѣ танцевъ затѣяла нагрянуть къ кому нибудь изъ помѣщиковъ костюмированной процессіей, и вотъ рѣшили отправиться въ Столбуны. Анна Теофиловна уѣхала туда тоже.

— Что вы говорите!—воскликнулъ я, чувствуя, что блѣднѣю.

И мнѣ представилась ужасная картина. Она спитъ, являются жандармы, которыхъ я самъ послалъ туда, схватываютъ ее и сажаютъ въ кибитку. Неужели могло случиться такое поистинѣ ужасное совпаденіе? Нѣтъ, никогда обманъ и ложь не были такъ ужасно наказаны! И откуда явились и засѣли въ моей головѣ какіе-то несчастные Столбуны? Что могло быть общаго между мной и увеселительными затѣями Рудницкихъ? Къ чему я пришелъ эту безумную выдумку?

— Что съ вами, голубчикъ мой?—сказалъ Петровъ:—вы весь дрожите. Я и вчера замѣтилъ, что вы очень нервный человекъ, и сегодня видѣ у васъ изъ рукъ вонъ плохой. Я къ вамъ по пути: Анна Теофиловна забыла свои часы. Я зналъ, что она въ это время будетъ у васъ, и заѣхалъ къ вамъ, а теперь извините, я попрощаюсь, такъ какъ тороплюсь на станцію къ поѣзду.

Онъ уѣхалъ, оставивъ меня въ полномъ отчаяніи. Я сѣлъ у себя въ комнатѣ, закрывъ голову руками. Никому не дай Богъ пережить такія тяжелыя минуты, какія испыталъ я.

— Если ее арестовали, я застрѣлюсь: больше мнѣ ничего не остается.

Звонъ бубенчиковъ послышался у меня подъ окнами. Дверь въ мою комнату раскрылась, и я слышалъ быстрые и легкіе шаги. Передо мной стояла она. Ея глаза сіяли, она весело улыбалась и протягивала мнѣ обѣ руки.

— Вы? какими судьбами?—спрашивалъ я.

Она обвила мою шею руками и нѣсколько разъ поцѣловала меня.

— Почему вы такъ взволнованы, что случилось? Говорите скорѣе,—приказывала она.

Я ей рассказалъ все о пріѣздѣ Сервінова и о томъ, какъ я направилъ его въ Столбуны. Она задумалась и проговорила, покачивая головой.

— Это удивительно. Изъ какого сцѣпленія случайностей, мелкихъ обстоятельствъ состоитъ то, что мы называемъ жизнью! Какъ въ ней все развертывается плавно, одно за другимъ, какъ послѣ-

довательно развивается одно дѣйствіе изъ другого! Одинъ фактъ подготавливаетъ другой. И неужели все это было бы возможно, если бы во всемъ этомъ не было дѣйствительно глубокаго смысла? Другъ мой, я вѣдь была въ Столбунахъ, но только я не осталась тамъ почевать. Мнѣ надо было поспѣть еще въ одинъ домъ. Я уѣхала оттуда на разсвѣтѣ и пріѣхала къ вамъ совсѣмъ не по той дорогѣ, по которой отправился вашъ жандармскій офицеръ.

— Какъ бы то ни было,—воскликнула я:—вамъ медлить нечего. Каждая минута дорога.

— Я это знаю,—сказала она,—и я пріѣхала сюда,—тутъ она встала и подняла руку,—чтобы проститься съ тобой навсегда или никогда уже болѣе не разлучаться!

Я всталъ тоже. Ея тонъ, обращеніе на «ты» первый разъ послѣ нашего знакомства съ ней показывали мнѣ, что наступаетъ въ моей жизни важная торжественная минута.

— Слушай,—продолжала она:—ты знаешь, я не могу оставаться въ Россіи. Здѣсь я должна погибнуть. Если ты любишь меня, послѣдуй за мной. Мы поселимся въ Швейцаріи, въ этой прекрасной странѣ, гдѣ всѣ люди равны, гдѣ уважаютъ всякія убѣжденія. Мы такъ давно знаемъ другъ друга, у насъ не можетъ быть ошибки и разочарованія. Твой кроткій характеръ, твое чистое сердце мнѣ извѣстны. Я никого не встрѣчала лучше тебя, а если бы я встрѣтила, я бы выбрала его, а я многихъ, многихъ знала. Будь же мужественъ, послѣдуй за мной. Ты скажешь, что ты офицеръ, что ты связанъ присягой, но вѣдь это одни слова. И присяга тоже насиліе. Кто ее даетъ добровольно? Любовь къ родинѣ! Но развѣ я не люблю своей родины, и развѣ разстояніе можетъ уничтожить истинную любовь? Нѣтъ, я все обдумала. Человѣкъ долженъ быть тамъ, гдѣ смыслъ его существованія ему раскрывается ярче и понятнѣе, гдѣ дѣятельность его полезнѣе и плодотворнѣе. Онъ долженъ быть тамъ, гдѣ ему легче жить. Тонко чувствующій человѣкъ не долженъ оставаться въ низкомъ грубомъ обществѣ: непремѣнно оно дурно повліяетъ на него. Уѣдемъ. Какой удобный случай!

Я стоялъ передъ ней, но колебанія не было въ моей груди.

— Анна, когда ты здѣсь со мной, я чувствую себя счастливымъ. Мнѣ лично для себя ничего не нужно. Я все отдамъ тебѣ, мою жизнь, мое сердце, но теперь ты требуешь невозможнаго. Тамъ среди политическихъ выходцевъ я буду чувствовать себя несчастнымъ. Но не во мнѣ дѣло, пусть это будетъ такъ, но ты сама увидишь, что я явлюсь для тебя бременемъ. Вѣжать такъ съ тобою за границу я не могу. Я покрылъ бы позоромъ этого бѣгства не только себя, но и честь своего полка, и это для васъ, постороннихъ, непонятно, но мы слишкомъ сроднились съ этимъ понятіемъ, и мы не можемъ безнаказанно попить его. Если хочешь,

я выхлопочу отпускъ, приѣду въ Швейцарію и посмотрю, какъ ты живешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда будетъ поздно, поѣдемъ сейчасъ. Вотъ почему поздно. Если ты не поѣдешь со мной, порвется связь между нами. Порвется моя вѣра въ возможность стряхнуть съ тебя тѣ нравственныя оковы и тѣ путы, въ которыхъ ты выросъ, воспитанъ и живешь. Взять отпускъ, получить паспортъ, все это мило, прекрасно. О Боже мой, какія пошлыя слова ты можешь говорить! Ну, слушай! — вдругъ воскликнула она, и глаза ея засверкали:— хочешь, я останусь? Меня арестуютъ, но ты послѣдуешь за мной въ ссылку. Дорогой мы бѣжимъ, намъ помогутъ бѣжать, мы поселимся въ Швейцаріи.

Ея слова разрывали мнѣ сердце. Второе ея предложеніе было хуже перваго. Ахъ, какая непокорная, гордая и властная натура! Она не хочетъ итти ни на какія уступки. Но развѣ такъ можно жить, развѣ такъ можно надѣяться на какое нибудь счастье?

— Говори же,—продолжала она,—я хочу слышать тебя.

Мало-по-малу ею начинало овладѣвать лихорадочное изступленіе.

— Ну, хочешь, я увезу тебя, я задушю тебя въ своихъ объятіяхъ, я заставлю тебя забыть свою родину, весь міръ. Посмотри, развѣ я не прекрасна? Я знаю, что ты меня безумно любишь. Милый ты мой, ты будешь навѣки мой.

Она бросилась ко мнѣ и сжала меня въ своихъ объятіяхъ. Глубокій вздохъ вырвался изъ моей груди. Этотъ вздохъ былъ самымъ краснорѣчивымъ моимъ отвѣтомъ. Она судорожно отпрянула и пророчески произнесла:

— Ты не хочешь итти со мной? Такъ знай же, ты останешься одинъ. Вѣчныя сожалѣнія о своей слабости будутъ грызть твое сердце. Твоя жизнь пройдетъ вяло, безцвѣтно. У тебя не будетъ преданнаго сердца. Думы твои будутъ только въ прошломъ, и никогда счастье не коснется твоего дома. Прощай, прощай!

Дверь за ней закрылась, я услышалъ звонъ бубенчиковъ, топотъ лошадей.

Два часа спустя, прискакалъ Сервіяновъ. Онъ былъ радостно возбужденъ. Глаза его горѣли, на щекахъ былъ румянецъ.

— Ахъ, другъ мой,—воскликнулъ онъ:—какую большую услугу ты мнѣ оказалъ! Дѣйствительно, въ Столбунахъ я нашелъ все компанію, пировавшую у Родницкихъ. Но птичка все-таки улетѣла. Она была въ Столбунахъ, но уѣхала до моего приѣзда. Я получилъ самыя точныя свѣдѣнія, что она отправилась къ границѣ. Только передохну немного и пуцусь вслѣдъ за нею.

— Но до границы такъ недалеко,—вяло и неохотно сказалъ я:— что она навѣрное уже въ Галиціи.

— Ну, это еще неизвѣстно,—сказалъ онъ:— мы посмотримъ, чья возьметъ.

Онъ приказалъ денщику подать себѣ рюмку водки, наскоро закусилъ остатками нашего ужина и помчался далѣе. Но я твердо зналъ, что ему не поймать Нустовойтову. Такъ и случилось на дѣлѣ.

И вотъ прошло много лѣтъ, и вся моя печальная повѣсть припоминается мнѣ теперь съ невыразимой живостью. Предсказаніе Анны сбылось, я живу одинъ, и тоска гложетъ мое сердце. Но развѣ было бы лучше, если бы я тогда послѣдовалъ за нею? Меня бы мучила совѣсть за тотъ позоръ, которымъ я купилъ свое счастье.

Я не женился, я одинокъ, и думы мои дѣйствительно постоянно въ прошломъ. Что рассказать еще? Петровъ въ 1867 году умеръ. Лангевичъ въ этомъ же году былъ выданъ Швейцаріи, какъ ея подданный. Объ этомъ постаралась его партія, и это стоило ей много денегъ. Бывшій диктаторъ уѣхалъ въ Турцію и принялъ исламъ. Впослѣдствіи онъ возвратился въ Польшу и умеръ 18-го іюля новаго стиля, въ 1875 году, во Львовѣ.

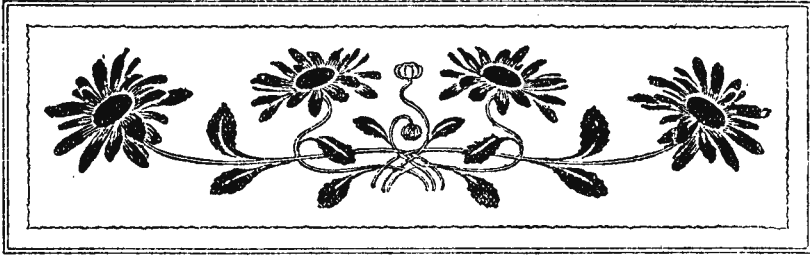
А Анна? Анна осталась въ Швейцаріи, но больше я о ней ничего не слыхалъ.

Таковъ мой «романъ», — какъ говорятъ писатели, — скорбный и печальный романъ. Анна называла меня добрымъ и чистымъ, но еще добрѣе и чище меня Петровъ, этотъ милый старикъ, съ которымъ меня сблизила судьба, еще добрѣе и нѣжнѣе душа Лангевича, понесшаго такое тяжелое наказаніе за свои убѣжденія, но развѣ можно что нибудь сравнить со свѣтлымъ, чистымъ образомъ Анны, который вѣчно будетъ стоять во всей своей красотѣ въ моей памяти?

Прощай, Анна, прощай, владычица моей души!

Анатолій Леманъ.

ПРОВИДѢНІЕ.

(Воспоминанія судебнаго слѣдователя, изъ временъ
крѣпостнаго права).

ЛУЧАЙНО въ одномъ частномъ архивѣ мнѣ попалась на глаза старая рукопись, помѣченная 1845-мъ годомъ. Прочитавъ ее, я нашелъ, что она довольно ярко характеризуетъ произволъ и жестокость людей сильныхъ и властныхъ въ прошломъ столѣтіи. Не измѣнивъ въ ней ничего, даже своеобразнаго слога рассказчика, я полагаю, что она заслуживаетъ быть напечатанной.

Мѣсяца два тому назадъ я получилъ предписаніе своего начальника немедленно ѣхать въ уѣздный городъ В. и повѣрить на мѣстѣ преступленія слѣдствіе, производившееся по дѣлу помѣщика З. вмѣстѣ съ предписаніемъ присланы были и относящіяся къ дѣлу бумаги. Оставалось только послать за почтовыми лошадьми, и, пока Алексѣй (мой челоуѣкъ) ходилъ за ними, я, чтобы не потерять времени, собралъ свой чемодамъ, положивъ въ него все, что необходимо было для дальней дороги, такъ какъ мнѣ предстояло совершить не одну сотню верстъ.

Черезъ два часа я уже ѣхалъ по шоссе въ наглухо закрытомъ возкѣ, во всю прыть тощихъ клячъ. Время было морозное; сильный вѣтеръ столбами крутилъ снѣгъ по краямъ дороги. Блѣдное зимнее солнце, на минуту прорвавшись изъ-за сѣрыхъ тучъ и какъ бы сознавшись въ своемъ безсиліи въ борьбѣ съ морозомъ,

съ сожалѣніемъ взглянуло на такую же блѣдную природу, опущенную густымъ инеемъ, и затѣмъ быстро скрылось. Укутавшись какъ можно плотнѣе въ шубу, я начиналъ дремать и вскорѣ, убаюканный мѣрнымъ звукомъ бубенчиковъ, крѣпко заснулъ. Холодный рѣзкій вѣтеръ, пахнувшій мнѣ въ лицо, и голосъ Алексѣя разбудили меня на станціи. Пользуясь нѣсколькими свободными минутами, пока перепрягали лошадей, я вошелъ въ маленькую комнатку станціоннаго зрителя, гдѣ Алексѣй уже успѣлъ приготовить мнѣ чай.

Обогрѣвшись, я тотчасъ же снова пустился въ путь. Такъ продолжалось двое сутокъ, и, благодаря всесильнымъ словамъ, прописаннымъ въ моей подорожной: «по экстренной казенной надобности», я почти нигдѣ не имѣлъ задержекъ. Но вечеромъ на третій день поднялась сильная вьюга; мятель занесла мой возокъ, и сидѣвшіе на козлахъ Алексѣй и ямщикъ цѣпенѣли отъ холода. Впереди за два шага нельзя было ничего видѣть. Измученныя жалкія клячи съ трудомъ волокли ноги по рыхлому снѣгу, то и дѣло увязая въ сугробы. До станціи оставалось верстъ пять, но эти пять верстъ при такой мучительной погодѣ казались мнѣ безконечными. Но вотъ и село, мелькнули огоньки, еще усиліе ослабѣвшихъ животныхъ, и повозка вѣхала въ большое селеніе того же помѣщика З. — Размановку, въ тридцати верстахъ отъ В. Мятель не унималась, напротивъ, становилась все сильнѣе и сильнѣе. Ъхать дальше нельзя было и думать, да я и не рѣшился бы ни въ какомъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что мнѣ слѣдовало быть въ городѣ утромъ, а ночевать, все равно, пришлось бы гдѣнибудь. Тѣ же мысли, вѣроятно, овладѣли, и ямщикомъ; при вѣздѣ въ село онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А что, баринъ, ваше благородіе, не заночуете ли вы здѣсь? Вѣдь ѣхать-то теперь трудненько будетъ; вишь темень какая, ни зги не видно. Да и погодка-то сильно разыгралась.

— А что?—спросилъ я.

— Хотѣлъ было услужить вашей милости: здѣсь есть заѣзжій домъ, гдѣ вамъ гораздо покойнѣе будетъ, чѣмъ на станціи у зрителя, у котораго очень много рябятишекъ, а станція маленькая. А у Савелія Архиныча хорошо. Онъ человѣкъ почтенный, грамотный, его изба первая на селѣ, въ нѣмецкихъ кафтаннахъ ходитъ, услужить онъ вашей милости.

— Значить, онъ не изъ крестьянъ?

— Нѣтъ, изъ дворовыхъ, прежде, давно только, былъ камардиномъ у стараго барина, а опосля его смерти, получивъ вольную, онъ и поселился здѣсь. Дорога тутъ проѣзжая, ну, ему и можно жить безъ нужды.

— Хорошо, вези къ нему, мнѣ все равно,—приказалъ я.

И мы подѣхали къ небольшому деревянному домику, крытому тесомъ. Ямщикъ слѣзъ съ облучка и постучалъ кнутовищемъ въ окно.

Немного спустя, со двора послышался добродушный голосъ:

— Кто тамъ? Кого Богъ принесъ?

— Это я, дядюшка, Савелій Архипычъ, ямщикъ Гаврилка, барина привезъ, заночевать хочетъ у тебя.

— Давай Богъ, милости просимъ гостя дорогого! — отозвался тотъ же голосъ, и слился со скрипомъ отворявшихся воротъ.

Ямщикъ вѣхалъ на дворъ. При свѣтѣ фонаря, бывшаго въ рукахъ хозяина, я вошелъ въ довольно чистыя, не деревенскія сѣни. Хозяинъ успѣшилъ отворить дверь въ избу. Постѣ свѣжаго морознаго воздуха меня такъ и обдало теплымъ паромъ съ непріятнымъ кислымъ запахомъ.

— Нѣтъ ли посвѣжѣе комнатки?—спросилъ я.

— Вотъ сюда пожалуйте, ваше благородіе,—отвѣтилъ хозяинъ, низко кланяясь и указывая рукою на другую дверь.

Я вошелъ въ небольшую, въ два окна, довольно чистую комнату, гдѣ воздухъ былъ дѣйствительно легче и чище, а самая комната имѣла какую-то странную смѣсь вкуса городского съ деревенскимъ: стѣны были оклеены лоскутьями разныхъ обоевъ и картинками духовнаго содержанія; въ переднемъ углу, подъ образами, находился простой столъ съ деревянною лавкою и двумя, тремя креслами, обитыми кожею неопредѣленнаго цвѣта, комодъ краснаго дерева, зеркало въ такой же рамѣ и деревянная кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и бѣльемъ сомнительной чистоты,—все это, хотя и не вполне удовлетворяло меня, но, скажу откровенно, произвело на меня пріятное впечатлѣніе. Хозяинъ зажегъ свѣчу, я снялъ шубу, шарфъ и теплые сапоги и началъ ходить по комнатѣ, чтобы скорѣе согрѣться. Я велѣлъ Алексѣю позаботиться о самоварѣ и о чемъ нибудь съѣстномъ. Вскорѣ горячій паръ яичницы, поставленной на столѣ, возбудилъ мой аппетитъ. Удовлетворивъ первый позывъ желудка, я гораздо веселѣе принялся за чай, пригласивъ и хозяина раздѣлить со мной компанію. Только теперь я рассмотрѣлъ его. Это былъ маленькій, худенькій старичекъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, сѣдой, какъ лунь, съ чрезвычайно подвижными и еще блестящими глазами. На блѣдномъ морщинистомъ лицѣ старика ярко отражалась какая-то тяжелая, давившая все существо его грустная дума. Бритая борода, волосы съ хохломъ и височками и длиннополый засаленный сюртукъ изобличали въ немъ типъ лакея старыхъ временъ.

— Ну, старина, садись къ столу, попьемъ вмѣстѣ чаю да побесѣдуемъ.

— Много чести дѣлаете мнѣ, ваше благородіе, благодарю за ласку, только какъ же это я сяду съ вами: я вѣдь тоже знаю приличіе—передъ кѣмъ сѣсть и передъ кѣмъ постоять.

И старикъ, поклонившись, переминался съ ноги на ногу.

— Э, полно, пожалуйста,—возразилъ я:—что тутъ за приличія, садись безъ церемоній, вотъ и чай тебѣ готовъ.

— Благодарю покорно, ваше благородіе, если вы такъ соизволите и не брезгуете мной, старикомъ, то я сяду.

И старикъ, еще разъ поклонившись, сѣлъ на кончикъ лавки. Желая расшевелить старика, я попотчевалъ его ромомъ; и на вопросъ мой, пьетъ ли онъ,—онъ отвѣчалъ:

— Грѣшные люди, занимаемся. Къ тому же и здоровье мое плохо, вотъ какъ выпьешь маненько, ну, оно словно какъ и полегшитъ.

— Чѣмъ же ты боленъ?

— Грудь все болитъ, да и кашель замучилъ меня совсѣмъ.

— Ты полѣчился бы.

— И, и, ваше благородіе! Гдѣ ужъ намъ, старикамъ, лѣчиться? Пора и на тотъ свѣтъ отправляться. Седьмой десятокъ доживаю. На томъ свѣтѣ, чай, давно ужъ съ фонаремъ меня ищутъ.

— Семьдесятъ лѣтъ еще не слишкомъ много, живутъ и дольше.

— Правильно разсуждать изволите, какія еще мои лѣта!.. Да жизнь-то мнѣ стала въ тягость: молодость свою я провелъ во грѣхахъ и горя-то горькаго много извѣдалъ. Такъ тутъ иной разъ и поневолѣ пожелаешь окончанія живота...

— Ты одинокій?

— Теперь одинъ, какъ перстъ, ваше благородіе.

— А было у тебя семейство?

— Было, да сплыло, ваше благородіе. Всѣхъ перехоронилъ. Было два сына-жениха и двѣ дочери-невѣсты. Мы съ женой, бывало, не нарадуемся на нихъ. Смирные такіе, послушные были. Божяго закона боялись, къ родителямъ своимъ страхъ и трепетъ и всяческое уваженіе имѣли, никогда супротивнаго слова не говорили. Ужъ такія-то, я вамъ доложу, дѣтки были, какихъ лучше желать не надо — истинная утѣха и радованіе родительскому сердцу. Инда вчужѣ-то всѣхъ зависть брала, глядя на нихъ. Бывало-сь сосѣди часто говаривали:

— Ну, Савелій Архипычъ, благословилъ тебя Богъ и сожительницу твою! Славныя у васъ дѣтки!.. Да не привелъ Богъ мнѣ порадоваться на нихъ, сударь, кормильцевъ подъ старость въ нихъ имѣть...

И старикъ тяжело вздохнулъ, сморгнулъ выступившія на глазахъ слезы, помолчалъ немного и продолжалъ:

— Видно, по грѣхамъ нашимъ мы и наказаніе отъ Бога приедемъ, сударь, а иначе, кажись, отчего бы моимъ дѣткамъ и умереть-то?..

Старикъ снова замолкъ.

— Расскажи мнѣ, Савелій Архипычъ, если это тебѣ не трудно, отчего умерли твои дѣти, и какъ это случилось,—попросилъ я.

— Что-жъ, сударь, отчего не разсказать, все едино, грустно не грустно, а былого не вернешь,—сказаль онъ, какъ-то безнадежно махнувъ рукой: — извольте прислушать, я разскажу вамъ все по порядку.

Онъ допилъ чай, обтеръ губы синимъ клѣтчатымъ платкомъ, понюхаль изъ берестяной тавлинки табаку, кашлянулъ и началъ:

— Старшій сынъ мой жилъ въ Москвѣ у купца на фабрикѣ. Тамъ, значить, контора такая была, гдѣ ихніе фабричныя счеты повѣряли. Мой Петрулька старшимъ при счетахъ состоялъ. Хозяинъ, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ, жалованье большое ему платилъ, ну, и подарки по праздникамъ хорошіе дѣлалъ. А какъ пріѣдетъ, бывало, хозяинъ на фабрику, счеты, знаешь, провѣрять, и увидить, что все въ порядкѣ, то, примѣрно, каждый разъ и говорить: «спасибо, говорить, тебѣ, Петруля, спасибо за твою вѣрную службу. Ты вотъ послужи у меня еще немного, а тамъ, говорить, молчи, ни гугу, я тебя въ купцы произведу». Добрѣйшій такой былъ купецъ, все съ прибаутками говариваль. Петрулька часто намъ отписываль: «вотъ такъ и такъ, говорить, тятенька, хозяинъ мнѣ что ни говорить, я все слушаю его и стараюсь, а тамъ, какъ буду самъ купцомъ, такъ и васъ всѣхъ выпишу въ Москву». Ну, и второй сынъ, Гришутка, тоже не хуже его былъ. Портняжнымъ ремесломъ занимался въ нашемъ городѣ В. Отъ хозяина поштучно работаль, всѣ праздники за шитьемъ просиживаль, хмельнымъ не занимался, ни единой копейки попусту не трачиваль, все, знаешь, хотѣлось ему мало-мальски деньжонокъ поскопить и какое ни на есть свое заведеніе открыть, чтобы самому надъ своимъ мастерствомъ хозяиномъ быть. Бывало, какъ пріѣдетъ къ намъ на Рождество аль на Свѣтлый праздникъ, такъ и говорить: «Ну, тятенька, недолго намъ разлучаться, какъ только, Богъ дастъ, устроюсь маненько, стану самъ по себѣ хозяиномъ, такъ полно вамъ жить въ деревнѣ, всѣхъ увезу отселева!» Такъ вотъ какіе, сударь, сыновья-то были! Мы съ женой не знали, которому изъ нихъ и предпочтеніе отдать, и порѣшили было такъ: сначала пожить у московскаго, а потомъ, когда старость одолѣетъ, переѣхать къ другому сыну въ нашъ городъ В., чтобы на родной землѣ и косточки свои сложить. Ждали только, пока дочекъ попристроимъ. Онѣ обѣ были на возрастѣ; дѣвицы нравственныя, трудолюбивыя и грамотныя, ко всякому домашнему хозяйству способныя. Меньшая-то такая богомольная была, все въ монастырь просилась, монашескую жизнь воспринять хотѣла. Только намъ жаль было съ ней разстаться, все думали, вотъ какъ выйдетъ старшая-то замужъ, такъ и меньшей дадимъ свое родительское благословеніе по ея желанію воспринять ангельскій образъ. За старшую, нужно вамъ сказать, и женихъ ужъ сосватанъ былъ—здѣшняго села

управляющій; отличный человекъ былъ, обстоятельный; душа, можно сказать, истинно наидобрѣющая! Бралъ безъ приданого, очень друтъ дружкѣ они полюбились. Парочка была, славная парочка!— заключилъ старикъ и замолкъ.

Видно было, что воспоминаніе о рано погибшихъ дѣтяхъ сильно тревожило еще незажившую сердечную рану старика. Я подлилъ ему въ чай побольше рому, онъ выпилъ, крикнулъ, отеръ губы рукавомъ сюртука и, вздохнувъ, продолжалъ:

— Вотъ, сударь мой, знать, за грѣхи мои отнялъ у меня Господь дѣтокъ моихъ. Удивленья достойно: чуть не въ одинъ мѣсяцъ всѣхъ схоронилъ! Это было въ тридцатомъ, не то въ тридцать первомъ, кажись, что въ тридцать первомъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда холера гуляла по Россіи, жара стояла страшная, два мѣсяца дождя не было, засуха въ полѣ сдѣлалась такая, что не дай-то Господи! Почитай, что все посохло да повыгорѣло. Чѣмъ бы намъ въ то время молиться Богу съ прочими православными, а мы, грѣховодники, тутъ-то и свадьбу назначили. И въ самый этотъ день, какъ быть свадьбѣ-то, вечеромъ, во время одѣванья невѣсты, вдругъ вбѣжалъ къ намъ въ избу деревенскій паренъ, блѣдный такой, волоса такъ торчмя и стоятъ, и крикнулъ на всю комнату:

— Холера, Савелій Архипычъ, холера!

— Что врешь, непутевая голова, какая холера, гдѣ?..— вскрикнули мы, а у меня, знаете, сердце такъ и екнуло, словно предчувствуя бѣду неминуемую.

— Да вотъ, говорить, тамъ, у церкви, женихъ-отъ, какъ подѣхалъ къ церкви, такъ и грохнулся наземь; и начало его ломать, такъ крючьями и сводить, словно порченый, посинѣлъ весь, страшный такой сталъ, только и молвилъ: «Скажите, говорить, православные, Савелью Архипычу, что я умираю: со мной холера!» Наши-то, какъ услышали, что съ нимъ приключилось, такъ и разбѣжались всѣ, одинъ батъка не испугался и подошелъ къ нему, а я прибѣгъ тебѣ сказать.

Мы всѣ, какъ выслушали его, такъ и остолбенѣли, стоимъ, словно истуканы какіе, а какъ немного опомнились, взглянули на невѣсту, такъ руки у всѣхъ насъ и опустились: блѣдная, блѣдная она, ни единой кровинки въ лицѣ не осталось, блѣднѣе самой смерти, а сама такъ вотъ вся дрожью и дрожить, а потомъ, какъ вскрикнетъ, да и шастъ на полъ! Мы подняли ее, положили на кровать, а она, глядимъ, ужъ и синѣтъ начала, кольцомъ ее всю свело. Мы принялись было оттирать ее, да не тутъ-то было: болѣзнь взяла свое. Къ ночи ея, моей голубушки, не стало; въ эту же ночь и жена захворала, она ни на минуту не отходила отъ больной и, понятно, заразилась отъ нея. На другой день мы всѣхъ троихъ и похоронили въ одной могилкѣ. Такимъ образомъ, сударь мой, и вышло у насъ: замѣсто радости—слезы, замѣсто свадьбы—

похороны! И никуда-то ты не уйдешь отъ воли Божіей! И нужно бы тутъ смириться, а мы еще болѣе начинаемъ роптать и гнѣвить Его, Царя Небеснаго, вотъ Онъ и наказываетъ насъ за грѣхи наши... Не прошло и недѣли послѣ похоронъ жены, дочери и жениха ея, какъ и меньшая, любимая дочь моя, умерла отъ холеры, и въ то же несчастное время получилъ я изъ города В. извѣстіе о смерти сына. Боже милосердный, что было тогда со мной, я и рассказать вамъ не могу. Я клялъ самого себя, клялъ свою грѣхонную молодость, клялъ и своего стараго барина, принуждавашаго меня когда-то быть соучастникомъ въ его мерзкихъ дѣлахъ, за которыя Богъ, видимо, покаралъ меня. Я, какъ безумный, рвалъ на себѣ волосы, одежду, кусалъ и ломалъ руки, метался, пока не обезсиливалъ, а затѣмъ сидѣлъ неподвижно по нѣскольку часовъ, не трогаясь съ мѣста, не пилъ, не ѣлъ, не говорилъ ни съ кѣмъ. Цѣлые дни, съ ранней зари до глубокой ночи просиживалъ у воротъ на лавочкѣ и все смотрѣлъ на дорогу къ Москвѣ. Такъ все и мерещилось мнѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ принесутъ мнѣ письмо съ извѣстіемъ о смерти сына, моей послѣдней утѣхи и опоры въ старости. Я былъ самъ не свой, я постоянно дрожалъ. Слышался ли вдали лошадиный топотъ, показывался ли на дорогѣ прохожій, я вздрагивалъ и трясся, какъ въ лихоманкѣ. Такое это было мученье, что не дай Господи и лиходѣю моему! Измаялся я, совѣтъ измаялся!..

— Что же, остался живъ Петръ или умеръ?—спросилъ я, желая разомъ окончить грустныя воспоминанія старика.

— Умеръ, сударь мой, умеръ!—почти выкрикнулъ старикъ, отчаянно махнувъ рукой и залившись слезами:—и умеръ-то слѣдующей весной, когда и холера ужъ начала утихать, и всѣ страхи миновали. Черная печать чуть и меня не свела въ могилу. Да видно мать сыра-земля не захотѣла принять мое грѣшное тѣло... Эхъ, ваше благородіе, что много говорить о томъ, чего вернуть нельзя, вся душенька изнываетъ при одномъ воспоминаніи о томъ!..

И старикъ, опутивъ голову, замолкъ. Мнѣ хотѣлось разспросить его о старомъ баринѣ, но я ждалъ, когда онъ немного успокоится; но вотъ старикъ предупредилъ меня и самъ заговорилъ о немъ:

— А не имѣете ли вы, сударь, любопытствія послушать про старину? Я много кой-чего поразсказалъ бы вашей милости, хотя примѣромъ про моего покойнаго барина, Алексѣя Петровича Р.?—спросилъ онъ, улыбаясь и смотря на меня своими хитрыми, блестящими глазами.

— Говори, говори, дѣдушка, я даже хотѣлъ просить тебя объ этомъ,—отвѣтилъ я.

И старикъ, откашлявшись, началъ:

— Вотъ, батюшка-сударь, я вамъ скажу, былъ баринъ!.. У-у! какой, что называется кремень! Суровый и самовластный такой,

что страхъ!.. Ему все было ни почемъ, знать никого не хотѣлъ! Губернаторъ ли или другое тамъ какое важнѣйшее лицо прїѣдетъ къ нему, ему все равно, всѣхъ, бывало, принимаетъ запросто въ халатѣ и со всѣми былъ за панибрата. И никто этимъ не обиждался, а каждый, бывало, норовитъ чѣмъ бы то ни было попользоваться отъ него. Стоитъ имъ только похвалить какую нибудь вещь: кубокъ ли золотой, чашу ли серебряную, или на конюшнѣхъ рысака заводскаго—глядишь, нашъ-то сейчасъ и даритъ имъ все это. А ужъ богатъ былъ покойникъ, Алексѣй Петровичъ, такъ богатъ, что и сказать нельзя! Крестьянъ имѣлъ не одну тысячу, села и деревни въ разныхъ губерніяхъ—богатѣйшія; дворни—безъ счету; пекарня—огромная, гончія и лягавыя собаки отличныя были; свой лошадиный заводъ держалъ. А что касается золота аль серебра,—такъ въ кладовыхъ боченки стояли, драгоценныхъ вещей, матерій, суконъ, мѣховъ и всяческой посуды серебряной, мѣдной, и другой какой рухляди—многое множество! Амбары биткомъ были набиты! А погреба-то,—ихъ штукъ до десяти всѣхъ было,—полны-полнехоньки, и все, знаете, сороковниками были накачены. Ужъ какого только вина въ нихъ не было—и не перескажешь: и водки разныхъ сортовъ, и наливки разныя, и вина заморскія, и медъ, и брага, и пиво, да всего и не перечтешь. Домъ былъ въ этомъ самомъ селѣ преогромнѣйшій, комнатъ до сорока, и со многими флигелями и службами,—теперь отъ всего этого и слѣда не осталось; лѣтъ двадцать тому назадъ все сгорѣло до тла. Сначала Алексѣй Петровичъ служилъ въ Питерѣ и рѣдко навѣщалъ Размановку, и то недѣльки на двѣ, на три не больше, а служилъ онъ по статской службѣ, чинъ большой имѣлъ, больше генеральскаго, и звѣздъ и лентъ много у него было. А тамъ, какъ вотъ прискучило ему, должно быть, служить-то, вышелъ онъ въ отставку и задумалъ поселиться въ Размановкѣ. Я въ то время еще совсѣмъ молодымъ былъ, лѣтъ двадцати не болѣе, а тепереча еще помню, какъ его встрѣчали всѣ крестьяне и дворня. Даже окружныя мелкопомѣстные помѣщики прїѣхали на поклонъ къ генералу. Крестьяне и бабы одѣлись въ лучшую одежду и часа два у околицы дожидались. Спервоначала верховой прискакалъ и объявилъ, что велѣдъ за нимъ генералъ изволить ѣхать. Всѣ вострепнулись, прїосанились, ждуть—не дождутся. Мужики, зная, что генералъ любитъ почетную встрѣчу, и завидя вдали пыль, на колѣни стали, а староста надъ головой хлѣбъ-соль поднялъ. Вотъ подѣхалъ онъ, вышелъ изъ кареты, такой важный, собою такой красивый, лѣтъ подъ пятьдесятъ, высокій, плечистый—богатырь-богатыремъ, а голосище у него былъ такой, что, бывало, какъ гаркнетъ на охотѣ али гдѣ, такъ по лѣсу гуль раздастся—и трубъ не надо. Мелкопомѣстные поклонились ему низко, а староста хлѣбъ-соль подалъ ему на блюдѣ, съ прїѣздомъ поздравилъ. Алексѣй Петровичъ принялъ, спасибо

сказалъ, мелкопомѣстныхъ къ себѣ въ домъ пригласилъ. Меня въ ту пору онъ впервые запримѣтилъ, а произошло это такимъ манеромъ. Я, сударь мой, парень былъ шустрый, меня иначе и не называли, какъ «забубенной головой». Вотъ, какъ я увидѣлъ, что барская карета катится, такъ и задумалъ отличиться, а пуще всего захотѣлось передъ товарищами прихвастнуть. Какъ задумалъ, такъ и сдѣлалъ; только что кучеръ крикнулъ на лошадей: «тпру, стой!»—я въ ту же минуту подскочилъ къ каретѣ да впередъ лакеевъ дверцу барину отворилъ и подножку раскинулъ. Генералу это очень понравилось, онъ тутъ же на мѣстѣ изволилъ меня за ухо подрать и проговорилъ: «Молодецъ ты, пострѣленокъ, молодецъ! люблю такихъ, теперь ты долженъ навсегда при мнѣ находиться!» Потомъ онъ меня камердинеромъ своимъ сдѣлалъ много своею милостью жаловалъ, а передъ смертью и вольную даровалъ. Черезъ два дня къ намъ со всей губерніи гости начали съѣзжаться приѣздъ генерала праздновать. Каждому была отведена особливая комната, а иному и двѣ, смотря по чину и достатку, какой кто имѣлъ, а которые были не изъ важныхъ или мелкопомѣстныхъ, для тѣхъ по одной комнатѣ человѣка на два, на три. Гостей собралось видимо-невидимо! Въ день праздника, съ ранняго утра началась суматоха, всѣ спѣшили одѣваться. Въ девять часовъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. Отъ барскаго дома къ церкви потянулся огромнѣйшій поѣздъ. Самъ генералъ, въ богатомъ шитомъ золотомъ кафтанѣ, въ напудренномъ парикѣ и кавалеріи, ѣхалъ въ золоченой каретѣ, цугомъ, въ восемь лошадей; рядомъ съ нимъ въ той же каретѣ сѣдѣли губернаторъ съ губернаторшей. А впереди, по бокамъ и позади кареты скакало до сорока холопей въ парадныхъ ливреяхъ. А тамъ, смотря опять по чину и состоянію, гости—бояре и боярышни, всѣ расфранченные, а за ними и народъ повалилъ гурьбой. Послѣ обѣдни и молебна тѣмъ же порядкомъ вернулись домой. Начались поздравленія и пожеланія долгой и счастливой жизни. А многочисленныя закуски, водки и вина разныхъ сортовъ уже стояли на столахъ. Каждый поздравившій подходилъ и закусывалъ. Между тѣмъ въ столовой и залѣ лакеи столы накрыли; приборы всѣ были серебряные, а для генерала и губернатора съ губернаторшей были поставлены золотые. Передъ началомъ обѣда музыканты на своихъ инструментахъ маршъ грянули,—это значило, что пора за столъ садиться, а сажались всѣ по чинамъ да по старшинству, младшій впередъ не суйся, всякъ свое мѣсто знай! А не то, какъ разъ и изъ-за стола выпроводятъ. Обѣдъ былъ не только въ столовой и залѣ, а и въ другихъ комнатахъ. Для простого же люда на дворѣ и вокругъ всего барскаго дома столы были разставлены со всякой ѣдой, бочки съ водкой и брагой выкачены: пей, ѣшь всяка жива-душа и веселись доотвала,—возбрану никому не было. Обѣдъ продолжался часа три, куша-

ньевъ подавали перемѣнъ двадцать. Напослѣдн, когда кубокъ заморскаго вина за здравіе хозяина обожелъ всѣхъ, всѣ встали изъ-за стола, поодинокѣмъ отблагодарили генерала и разошлись, кто отдохнуть, кто поболтать, а кто и такъ чѣмъ инымъ заняться. А потомъ, когда опять собрались, всѣ отправились на село: одни пошли смотрѣть хороводы, другіе кулачный бой; тутъ и пѣсенники были и, бѣготня взапуски, и всякія деревенскія игры. А самъ генералъ съ отборными господами и барынями взошли на пригорокъ и усѣлись тамъ на разостланныхъ коврахъ и смотрѣли оттуда, какъ веселились крестьяне. А потомъ генералъ взялъ мѣшокъ съ серебряными и мѣдными монетами и началъ горстями бросать монеты въ толпу крестьянъ, тѣ, само собой, обрадовались и кинулись подбирать ихъ, произошли свалки и драки, это именно и погѣшало генерала съ гостями. Многіе парни, особенно тѣ, которые были подвыпивши, вошли въ такой азартъ, что и унять ихъ нельзя было,—въ кровь передрались; тогда генералъ приказалъ спустить на нихъ свору собакъ, ну, тѣ и розняли драчуновъ по-свойски... Вечеромъ по селу разставили плошки, смолянныя бочки, да костры на дальнихъ мѣстахъ зажгли. Всѣ комнаты въ домѣ освѣтились, значитъ, самый пиръ начался, что по-нынѣшнему, я слышалъ, баломъ называется. Начались танцы. Въ первой парѣ генералъ съ губернаторшой шелъ, а за нимъ и прочіе гости пошли. Находившись такимъ манеромъ вдосталь, начали и другими танцами заниматься. Потомъ и ужинать засѣли. Послѣ ужина всѣ разошлись по своимъ комнатамъ, только генералъ съ важными господами остались въ залѣ дружескую чару пить и тутъ для облегченія кафтаны съ себя сняли, дворовыхъ дѣвочъ, что покрасивѣе были, плясать заставили, да такъ до разсвѣта и тѣшились, а опосля и заснули, гдѣ попало. Такимъ манеромъ нѣсколько дней веселились и, наконецъ, отблагодаривши хозяина за его угощеніе, всѣ разъѣхались, остались только мелкопомѣстные да бездомные для забавы генерала. Вотъ, сударь мой, какъ въ старину веселились, не то, что теперь! Посмотришь на сосѣднихъ помѣщиковъ, словно бѣдные, назовутъ человѣкъ двадцать, тридцать гостей, да поставятъ на столъ, срамно сказать, бутылочекъ десять, много двадцать, и дѣли ихъ на всѣхъ, какъ хочешь! Только слава, что вино на столѣ, и пить-то нечего!..

Старикъ на минуту примолкъ. Мой ромъ, повидимому, на него подѣйствовалъ, онъ пересталъ чиниться и становился все откровеннѣе. Его рассказы про бывшее разогнали мой сонъ, я слушалъ его съ удовольствіемъ и ожидалъ услышать еще болѣе интересное.

— Ну, старина, продолжай, — поощрилъ я. — Скажи-ка мнѣ сперва, что твой генералъ холостой былъ или женатый?

— Вдовый, сударь мой. Жена его, говорятъ, я самъ ея не видалъ, была замѣчательная красавица; говорили, и душа у ней

была ангельская: добрая-предобрая! Вышла она за него не по своей волѣ, а родные братья насильно отдали, ради богатства генерала, отца съ матерью у ней не было, и вступить за нее было некому. Генераль зналъ, что она его не любитъ, и на первыхъ же порахъ сталъ обходиться съ ней круто, онъ хотѣлъ передѣлать ее на свой ладъ. Она все переносила безотвѣтно, никому ни единымъ словомъ не жаловалась. Только со дня на день начала худѣть и худѣть; румянецъ съ лица пропалъ. Прошло два года, она родила дочь и вскорѣ умерла. Генераль передъ отъѣздомъ въ Размановку отдалъ дочь своимъ родственникамъ на воспитаніе: онъ не любилъ ея. Баринъ нашъ былъ нрава лютаго, необузданнаго, въ минуту гнѣва и не попадайся ему на глаза. Бывало, разсердится на кого, сейчасъ велитъ на конюшнѣ драть, а самъ ходитъ тутъ же и сигару покуриваетъ да приговариваетъ: «хорошенько его, подлеца, хорошенько, розогъ не жалѣть!» И сѣкутъ раба Божьяго до тѣхъ поръ, пока тотъ и кричать перестанетъ. Случалось, что и до смерти засѣкали. Генералу все это съ рукъ сходило, какъ съ гуся вода,— богатъ и знатенъ былъ, и никто не смѣлъ ему ничего сдѣлать. А что на селѣ дѣвчонка перепортилъ онъ—и не перечесть. Крестьяне не разъ бунтовались, хотѣли отъ всего міра жалобу на него въ судъ подать, да какъ, бывало, узнаетъ объ этомъ генераль, такъ и передеретъ всѣхъ зачинщиковъ до того, что они еле-еле живы останутся, а то въ солдаты отдастъ или на поселеніе сошлетъ, тѣмъ все и кончалось... Такимъ манеромъ прожили мы пять лѣтъ и много разныхъ грѣховъ натворили. Если ихъ все начать рассказывать, то и въ недѣлю не перескажешь. А расскажу я вамъ лучше, сударь мой, какъ генераль женился. Есть тутъ, въ пяти верстахъ отъ насъ, деревенька, Пылянкина называется, такъ дворовъ въ пятьдесятъ, не болѣе. Въ то время она принадлежала двумъ роднымъ сестрамъ, молоденькимъ сиротамъ, небогатымъ барышнямъ, по фамиліи Смирновымъ. Жили онѣ всегда въ Москвѣ, а тутъ, на свое несчастье, вздумали пріѣхать на лѣто въ свою деревеньку. Обѣ были умныя, красавицы, одна лучше другой; дворни онѣ не держали: двѣ горничныя, лакей и кухарка, больше никого у нихъ и не было. Генераль, какъ услышалъ объ ихъ красотѣ, такъ сейчасъ же поѣхалъ къ нимъ знакомиться. Пріѣхавъ, велѣлъ доложить о себѣ, что, дескать, такой-то ихъ сосѣдъ желаетъ знакомство съ ними учинить, а потому самому и просить, молъ, позволенія представиться имъ. Въ столицахъ генераль изучилъ политику до тонкости и въ обхожденіи съ женскимъ поломъ былъ вѣжливъ. Черезъ минуту, когда лакей воротившись доложилъ, что барышни приказали просить, генераль вошелъ въ гостиную. Тутъ сами барышни встрѣтили его. Отвѣсивъ передъ каждою по поклону и расшаркавшись, генераль къ ручкѣ подошелъ, а барышни въ щеку его поцѣловали и садиться попросили. А генераль на это:

— Передъ вами, говорить, можно цѣлый вѣкъ простоять—не устать.

Барышни только усмѣхнулись, а генераль опять:

— Вы, говорить, сударыни, своимъ прїѣздомъ всю нашу страну осчастливили.

Говорить, а у самого глаза такъ и горять, такъ и разбѣгаются, не знаетъ, на которую больше и смотрѣть, ужъ оченно онѣ ему по вкусу пришлись, барышни-то эти. И началъ онъ имъ разныя веселыя вещи рассказывать, смѣшить ихъ. Балагуръ онъ былъ, когда нападалъ на него добрый стихъ, и своими рассказами умѣлъ заинтересовать всякаго. И просидѣлъ онъ у нихъ до поздняго вечера. А дня черезъ три опять уже поѣхалъ, потомъ уже сталъ ѣздить къ нимъ каждый день. И сидитъ, бывало, у нихъ до глубокой ночи, отъ всѣхъ знакомствъ и привычекъ своихъ отсталъ, и попойки прекратились, и крестьянъ драть пересталъ. Во всей Размановкѣ радость разлилась, тишина и спокойствіе настали. Благодать—благодатью! А ѣздилъ онъ къ Смирновымъ не съ пустыми руками: то матерій дорогихъ подарить, то камней самоцвѣтныхъ, иль посуды серебряной навезетъ, а не то и коней заводскихъ, все что нибудь да привезетъ въ подарокъ имъ. Сначала-то барышни не хотѣли было принимать отъ него подарки, да генераль настоялъ на своемъ. «А не то,—говорить,—если вамъ подарки мои не по вкусу, и вы ихъ не примете, я ихъ всѣ поломаю, въ огонь иль въ воду покидаю». И дѣйствительно однажды чуть было не сжегъ на ихъ глазахъ дорогой соболій мѣхъ. Ну, барышни и стали принимать. Особливо онъ около старшей увивался: ужъ чего только онъ для нея не дѣлалъ, чего ей не подарилъ! Развѣ только птичьего молока не могъ достать! А все, знаете, сударь мой, хотѣлось ему на любовь къ себѣ склонить ее; страсти-то въ немъ больно шибко разгорѣлись. Ужъ онъ и съ той-то стороны, и съ другой-то къ ней подѣзжалъ, и такъ и этакъ—иѣтъ, не дается, да и только! Что ты станешь дѣлать? Ничто не беретъ! Такая ужъ непреклонная натура у ней была. Инда баринъ мой весь озлился. А насилія употребить не можетъ, по той причинѣ, что какъ взглянетъ на нее, такъ и характеръ весь потеряетъ: изъ лютаго воина смирнѣй ягненка сдѣлается. Думалъ, думалъ онъ, что ему дѣлать, какъ быть? И надумалъ наконецъ:

— Дай, говорить, женюсь, что-жъ, говорить, я вѣдь не престарокъ какой, на что хочешь рожусь; а не пойдетъ за меня, тогда я и силу употреблю. Такъ ли сякъ ли, а ужъ будетъ моя! Никому не позволю смѣяться надъ собой!

Сказано—сдѣлано. Вотъ онъ и сдѣлалъ предложеніе старшей Смирновой, та приняла. Свадьбу сыграли великолѣпнымъ манеромъ, со всей губерніи гости понаѣхали, три недѣли въ Размановкѣ безвыѣздно жили; по всему селу цѣланство безпросыпное

было; штукъ до пятидесяти вольныхъ генералъ роздалъ, и мнѣ въ то время написалъ, а выдать не выдалъ: «Ты, говоритъ, получишь вольную послѣ моей смерти». Не хотѣлъ, значить, разстаться со мной, привыкъ оченно ко мнѣ.

На первыхъ-то порахъ послѣ свадьбы не житье, а масленица была для всѣхъ, сущій рай небесный! Алексѣй Петровичъ, генералъ-то, такъ любилъ свою молодую жену, ужъ истинно, можно сказать, настоящею любовью, и слушался даже ея во всемъ! А молодая-то, доложу вамъ, сударь мой, наидобрѣйшая была: чуть, бывало, замѣтитъ, что генералъ прогнѣваться на кого изволятъ, сейчасъ и урезонивать его начнетъ, ну, и урезонить вѣдь. За то ужъ и крестьяне и дворовые всѣ любили ее, души въ ней не чаяли, жизнь свою готовы были за нее отдать, матерью родной называли...

.

Вы, сударь, сами, чай, знаете, что счастье и радость земныя николи не бывають продолжительны... Это вѣрно. Я на себѣ испыталь и по опыту знаю, что горя-горькаго не въ примѣръ больше, чѣмъ радости! Въ этомъ и сумлѣнія никакого нѣтъ. Вотъ хоть бы теперича къ примѣру сказать: долго ли размановцы спокойствіемъ наслаждались? Мѣсяцевъ восемь, девять какихъ нибудь, и того меньше! Проклятая оспа все дѣло испортила, все счастье сгубила! Молодая генеральша вдругъ, ни съ того, ни съ сего, захворала ею. Генералъ въ отчаяніе пришелъ, за докторомъ въ В. послалъ, а другого, нѣмецкаго, изъ Москвы выписалъ, золотыя горы имъ сулилъ, чтобы только вылѣчили его молодую жену. Дни и ночи у ея постели просиживалъ, окромя невѣстки, которая въ это время у насъ жила, и докторовъ, никого въ спальню къ ней не пускалъ. Сохрани Царица Небесная, если, бывало, кто ненарокомъ стукнетъ или кашлянетъ,—задереть до смерти. Не токмо человѣку, а и всякой живой скотинѣ доставалось; бѣда, если услышитъ, что подъ окномъ спальни какая нибудь шальная коровенка реветъ, овца заблеетъ, пѣтухъ пропоетъ, или собаченка тявкнетъ,—озлится инда весь, самъ выбѣжитъ на дворъ и велитъ при себѣ ту-жъ минуту удавить животину. По всему селу плачь поднялся, крестьяне и дворовые, какъ въ воду опущенные, ходили, потому что генералъ клятвенное обѣщаніе далъ: «Смотрите, православные,—сказалъ онъ,—если жена моя умретъ, то всѣхъ васъ передеру, значить вы мало молились и не просили Бога, чтобы она выздоровѣла! Помните это и не забудьте!» Двѣнадцать день церковь была отперта: все молебны служили о здравіи больной. Вотъ и выздоровѣла она, сердечная, но не на радость, а на горе себѣ выздоровѣла-то! Оспа такъ обезобразила ея личико, что и узнать ея нельзя стало. Генералъ, какъ увидѣлъ такое превращеніе, плюнулъ даже. И вѣрите ли, сударь, съ этихъ самыхъ поръ не токмо пересталъ лю-

бить ее, опротивѣла она ему такъ, что онъ видѣть ее не могъ. А если и сойдутся какъ ненарокомъ, то только и слышитъ она, бѣдная, одни ругательства да попреки, а иной разъ и колотушки ей доставались. Бывало, одно угѣшеніе и имѣла, что раздѣлить свое горе съ сестрою и поплачетъ съ нею, та постоянно заступалась за нее, и еслибъ не она, то генераль давно заколотилъ бы свою жену въ сыру-землю. Она, дай Богъ ей вѣчную память, сестра ея, одна и могла по времени смягчить лютость генерала. Бывало, какъ скажетъ она своимъ мягкимъ голоскомъ: «Ну, полно тебѣ, Алексѣй Петровичъ, мучить ее, вѣдь это грѣхъ, она жена твоя, оставь, не ругайся надъ ней хотя для меня!» ну, онъ и послушается и уголитъ маненько свой гнѣвъ... Прошелъ такъ мѣсяць, другой, смотримъ, съ генераломъ начало дѣяться что-то неладное. Ходитъ онъ по комнатѣ, насупивъ брови, мрачный, сердитый, ни съ кѣмъ ни слова не говоритъ и все про себя что-то думаетъ. Ходитъ, ходитъ этакъ часа три, четыре, да потомъ и крикнетъ: «Эй, вы, сволочь! ступайте всѣ сюда барина тѣшить!» Это значило, чтобы всѣ приживальщики и бѣдные дворяне шли плясать вмѣстѣ съ дворовыми дѣвками. И начнется въ домѣ такой Содомъ и Гоморра, что хоть вонъ бѣги: шумъ, визгъ, хохотъ, пляски, пѣсни, музыка! Вино тутъ черезъ край лилось. Всякій долженъ пить столько, сколько баринъ прикажетъ, а если кто вздумалъ бы отказать, такъ велитъ пороть, а потомъ, все равно, насильно въ ротъ вольетъ. Ужъ тутъ поневолѣ, хочешь не хочешь, а пьешь, воля барская! А самъ онъ ходитъ среди зала, любитъ на этакое безобразіе да покрикиваетъ: «Веселѣе, веселѣе, каналы! вотъ я васъ»... Такое безобразное веселье, сударь мой, продолжалось недѣли двѣ. Подъ конецъ генераль сталъ еще злѣе и такой пасмурный, что часто даже среди попойки вдругъ бросалъ всѣхъ, убѣгалъ въ другую комнату и тамъ начиналъ плакать, право слово, не лгу. Ужъ въ это время никто не смѣлъ къ нему войти, того и гляди, убьетъ до смерти, значитъ, стыдился своей слабости. Разъ этакъ, не помню за чѣмъ, вошелъ къ нему мальчуганъ-казачекъ, годовъ двѣнадцати, генераль, какъ увидѣлъ его, схватилъ за шиворотъ и, ни слова не говоря, выбросилъ его въ окно, какъ щенка какого. Горница была во второмъ этажѣ, изъ мальчугана и духъ вонъ.

— Отчего же случилась съ нимъ такая перемѣна?—спросилъ я.

— Гм... знамо, отъ чего! Злой бѣсъ вселился въ него. Богопротивную любовь въ сердце ему вложилъ къ свояченицѣ-то его. Ну, спервоначала-то совѣсть какъ будто и мучила его, онъ и старался заглушить ее виномъ да всякимъ безобразіемъ. Аленѣ Петровнѣ, свояченицѣ-то, ничего не говорилъ. А потомъ, какъ бѣсъ-отъ окончательно овладѣлъ имъ, куда и совѣсть дѣвалась! Приходитъ это онъ однажды къ Аленѣ Петровнѣ, — та сидѣла въ то время

одна въ своей горенкѣ, какимъ-то рукодѣльницею занималась, а я, признаться сказать, въ сосѣдней комнатѣ находился, въ щелку смотрѣлъ, все видѣлъ и весь разговоръ слышалъ. Вотъ приходитъ онъ къ ней, садится насупротивъ ея и говорить:

— Я, говоритъ, сестрица, пришелъ къ тебѣ свое горе повѣдать, тоску-кручину разогнать. Просто смерть моя приходитъ, не знаю, что съ собой и дѣлать, видно, жизни себя лишить надо! Одно средство осталось отъ злого недуга избавиться, и это средство отъ тебя зависить.

— Какое же это средство?—спросила она, оставивъ работу и взглянувъ на него. Да тутъ же и потупилась, потому что онъ такими глазами смотрѣлъ на нее, что, кажись, будь она дура, и тутъ все разомъ угадала бы.

— Вотъ,—говоритъ онъ,—въ чемъ состоитъ это средство: позабудь, говоритъ, Леночка, что я женатъ на твоей сестрѣ, полюби меня, я выправлю разводную, уѣду съ тобой въ иностранныя земли, и тамъ мы съ тобой повѣнчаемся и заживемъ припѣваючи въ полное наше удовольствіе.

И генералъ хотѣлъ было взять ея руку. Алена Петровна поблѣднѣла вся, задрожала, встала съ мѣста и, указавъ рукою на дверь, сказала:

— Вонъ отсюда, вонъ, безбожникъ, и никогда не смѣй являться ко мнѣ съ подобнымъ предложеніемъ!

Генералъ на минуту какъ будто смутился, но потомъ, оправившись, взглянулъ на нее такъ злобно, что я думалъ—онъ убьетъ ее, но пойти къ ней на помощь я не осмѣлился бы. Помолчавъ немного онъ сказалъ:

— Смотри, Леночка, не шути съ огнемъ, не гони меня; подумай сперва о моемъ предложеніи: если полюбишь меня, то я осыплю тебя золотомъ и всяческими удовольствіями, и все, все, чего только ты ни пожелаешь, будетъ передъ тобой, въ противномъ же случаѣ не пеняй на меня!.. Одно только помни, что ты въ моей полной власти, и такъ ли, нѣтъ ли, а ты будешь моей!

И съ этими словами онъ вышелъ и заперъ дверь на замокъ. Затѣмъ призвалъ меня къ себѣ и сказалъ:

— Слушай, говоритъ, Савелій, что я скажу тебѣ: съ нынѣшняго дня ты будешь сторожемъ у Алены Петровны! Вотъ тебѣ ключъ отъ ея комнаты, и смотри, сохрани тебя Богъ, если ты выпустишь ее вонъ или допустишь когонибудь къ ней, тогда ты знай, что тотъ часъ, въ который ты преступишь мое приказаніе, будетъ послѣднимъ въ твоей жизни! И помни еще одно: на всѣ ея вопросы, о чемъ бы то ни было, и просьбы не отвѣчай ни слова!

Отдавъ такой строгій приказъ, онъ отпустилъ меня.

Что-жъ, сударь мой, я могъ супротивъ этого учинить? Извѣстно, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Вотъ я и сталъ исполнять его

приказаніе, какъ по писанному. Прочъ не отходилъ отъ ея двери, самъ пищу ей подавалъ, а пища-то какая—окромѣ хлѣба и воды, Алексѣй Петровичъ ничего не велѣлъ давать ей. По началу-то она все плакала и молилась и ни слова не говорила со мной. А на третій день стала просить меня, чтобы я выпустилъ ее. Я же все молчкомъ отдѣлывался, какъ будто и не слышу. Хотя мнѣ и очень жаль было ее, да преступить-то приказа я не осмѣливался. Ужъ она, моя матушка, и такъ и этакъ упрашивала меня и величала-то меня ласковыми именами, отцомъ роднымъ обзывала и ужъ какъ, какъ не уговаривала, лишь бы только выпустилъ я ее на свободу, бѣжать задумала, да исполнить этого не могла, средствъ на то никакихъ не было. Окно было съ толстой желѣзной рѣшеткой, а дверь я постоянно запиралъ и ключъ у себя въ карманѣ носилъ.

Такимъ-то образомъ она, сердечная голубонька, маялась почти тай недѣли три. Сколько разъ задумывала руки на себя наложить, то, смотришь, петля къ потолку прицѣплена, то ножъ острый въ рукахъ вертитъ, да знать страху-то Божьяго было много въ ней; спасла свою душу отъ гибели. Бывало по цѣлымъ часамъ стоитъ себѣ на колѣняхъ передъ иконой, да все молится, все молится. А слезы-то, слезы такъ въ три ручья и льются!..

Послѣ же трехъ недѣль, разъ поздно вечеромъ и пришелъ Алексѣй Петровичъ, и порядочно выпивши, знать, для куража или такъ съ тоски, взялъ у меня ключъ, отперъ дверь и вошелъ къ ней. Она въ ту пору собиралась ложиться спать, стояла у кровати и раздѣвалась. Да какъ увидела своего зятя, такъ вся даже помертвѣла, затряслась и почти безъ памяти упала въ кресла...

— Пстой-ка, дѣдушка, — прервалъ я: — а развѣ жена его не не знала, какъ онъ мучилъ ея сестру?

— Генеральша-то?

— Ну, да, да.

— А развѣ я вамъ не говорилъ, что она померла, царство ей небесное... Въ ту же ночь, какъ генераль наказалъ мнѣ стеречь Алену Петровну?

— Какъ умерла? Отчего? Ты мнѣ не говорилъ.

— Ну, вотъ тѣ и разъ, не говорилъ! Какъ же это не говорилъ!.. Аль и вправду запамятовалъ? Память-то у меня нонеча плоха что-то стала!.. Да, сударь мой, генеральша точно умерла... И вотъ какимъ манеромъ это случилось: Алексѣй Петровичъ, наказавши мнѣ стеречь Алену Петровну, самъ отправился въ спальню къ женѣ. Что онъ тамъ дѣлалъ—неизвѣстно. Только рано утромъ онъ вышелъ оттуда и объявилъ всѣмъ, что генеральша очень больна, что у ней, вѣроятно, ударъ, и велѣлъ поскорѣй привезти доктора. А самъ опять ушелъ въ спальню и не велѣлъ никому входить туда. Пока ѣздили за докторомъ, пока привезли его,—а привезли его только къ вечеру,—генеральша уже скончалась. Какъ и почему?

Никто этого и не узналъ. Когда же пріѣхалъ докторъ, генераль повелъ его сперва въ свой кабинетъ; спустя нѣсколько минутъ, докторъ вышелъ оттуда съ сіяющимъ лицомъ, потомъ пошелъ къ генеральшѣ, осмотрѣлъ ее и написалъ свидѣтельство, что генеральша дѣйствительно умерла отъ удара, и затѣмъ уѣхалъ. Черезъ два дня генеральшу торжественно похоронили. Алена Петровна и не прощалась съ ней: Алексѣй Петровичъ строго запретилъ мнѣ сказывать ей о смерти ея сестры... Такъ вотъ, сударь мой, какія дѣла въ старину дѣлывали, и все съ рукъ сходило, все оставалось шито-крыто!.. Теперь доскажу я вамъ про свояченицу генеральскую... На чемъ, бишь, я остановился?.. Дай Богъ память... Эхъ, забылъ, право!..

— Ты говорилъ, что генераль вошелъ къ ней, и она почти безъ памяти упала въ кресла...

— Ахъ, да, да! Такъ, такъ!.. Ну, вотъ, видите, Алексѣй Петровичъ и говоритъ ей:

— Напрасно, говоритъ, вы, сударыня, въ обморокъ изволите падать: такими штукаами, говоритъ, вы меня не надуете, слезами вы меня тоже не разжалобите, а пуще только на гнѣвъ наведете. Вы теперь въ моей власти, и я что захочу, то съ вами и сдѣлаю.

Говоритъ это, а самъ все ближе къ ней подвигается, глаза у него, какъ у волка, горятъ. Алена Петровна сидитъ ни жива, ни мертва, отъ слабости и страха слова сказать не можетъ. Спустя минуту, онъ опять заговорилъ:

— Что-жъ, говоритъ, вы молчите? Согласны вы или нѣтъ? Еще разъ повторю, что защиты вамъ ждать неоткуда. Я же предлагаю вамъ не грѣшную любовь, я теперь свободенъ и могу жениться на васъ, такъ какъ моя жена, а ваша сестра, волею Божіей, скончалась, и ее уже похоронили.

Алена Петровна, какъ услышала это, такъ и вскочила.

— Какъ скончалась?.. когда?.. Ты обманываешь меня?—вскрикнула она, а сама блѣдная сдѣлалась такая, дрожить вся.

— Къ чему мнѣ обманывать тебя?—отвѣтилъ генераль:—вотъ, посмотри сама, и свидѣтельство доктора, гдѣ сказано, что она умерла отъ удара.

Генераль вынулъ изъ кармана бумагу и подалъ ей. Алена Петровна молча взяла ее, прочла и, залившись слезами, сказала:

— Бѣдная, бѣдная сестра моя, мученица ты святая! Зачѣмъ ты оставила меня на жертву нашему врагу? О, съ какимъ удовольствіемъ я замѣнила бы тебя!

И много еще говорила она, но я всего ужъ не запомню, и все такъ жалостно, что я невольно заплакалъ, а генераль стоитъ себѣ и смотритъ на нее. Такъ прошло нѣсколько минутъ; наконецъ онъ снова заговорилъ:

— Ну, что же, Леночка, согласна ты добровольно покориться мнѣ, или я долженъ употребить силу? Это мое послѣднее слово. Говори скорѣй!

И онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку. Алена Петровна вырвала свою руку и отвѣтила:

— Ну, хорошо, говорить, нечего дѣлать, я согласна, только дай мнѣ собраться съ силами и помолиться Богу, а тогда и дѣлай со мной, что хочешь. Я вѣрю, что Господь проститъ мнѣ мой грѣхъ. Стойди подальше.

Генералъ отошелъ въ конецъ комнаты, а она стала на колѣни передъ образомъ и долго со слезами молилась. Потомъ, какъ бы успокоясь немного, встала, подошла къ кровати, достала что-то изъ-подъ подушки и, обратившись къ Алексѣю Петровичу, который все это время стоялъ неподвижно, сказала:

— Вотъ видишь, говоритъ, этотъ пистолетъ, ты самъ далъ мнѣ его и училъ стрѣлять, когда ѣздилъ къ намъ въ Пылянкину, а теперь судьба обратила его въ мою защиту. Клянусь тебѣ, если ты сдѣлаешь шагъ ко мнѣ, то я тотчасъ же спущу курокъ и убью себя.

И она приставила его дуло къ своей груди.

Генералъ позеленѣлъ отъ злости и сказалъ:

— Ну, говоритъ, Аленка, я не зналъ, что ты такая отчаянная! Съ тобой, я вижу, добромъ ладить нельзя, такъ я возьму тебя хитростью: черезъ три дня ты не то запоешь!.. И тогда увидимъ, на чьей улицѣ будетъ праздникъ!

Сказавъ это, онъ ушелъ, а она перекрестилась.

И что-жъ, вы думаете, сударь мой, сталъ онъ съ нею дѣлать? Поистинѣ великое варварство учинилъ! Перво-наперво приказалъ мнѣ еще строже смотрѣть за ней и цѣлые два дня не давать ей ни пить, ни ѣсть, даже воды для умыванья не велѣлъ приносить. Я въ точности исполнялъ его приказанія, не вѣдая, что рано или поздно Господь накажетъ и меня, пособника злодѣянія, за слезы беззащитной!.. Эхъ, сударь, тяжело вспоминать старые грѣхи!.. Да когда началъ, надо ужъ и досказать...

Старикъ тяжело вздохнулъ и продолжалъ, но уже какимъ-то страннымъ пѣвучимъ голосомъ:

— Вотъ она, моя голубонька сердечная, этакъ два дня не пивши и не ѣвши и промаячила, единственно молитвою укрѣпляючись, слезами умываючись, во бдѣнннй день и ночь пребываючи. А не спала она, сударь мой, по той причинѣ, что боялась, какъ бы во время сна не отняли у ней пистолета и тѣмъ не лишили бы ея послѣдняго орудія для защиты дѣвической чести...

На третій день, къ вечеру, она не выдержала и, истомленная голодомъ и бессонницей, сидя въ креслѣ, незамѣтно уснула. Алексѣй Петровичъ только этого и ждалъ. Тихонько, на цыпочкахъ,

чтобы не разбудить ея, подошелъ онъ къ ея креслу и, увидѣвъ на колѣняхъ у ней пистолеть, который она во время сна выпустила изъ руки, схватилъ его и заткнулъ его за поясъ халата, но спящая и не замѣтивъ, что заткнулъ его дуломъ вверхъ. Когда же онъ нагнулся, чтобы связать ей руки, то грудью надавилъ его или зацѣпилъ какъ нибудь за взведенный курокъ, только пистолеть выстрѣлилъ, и пуля пронизала ему грудь. Онъ вскрикнулъ и, обливаясь кровью, упалъ на полъ. Прибѣжали люди и начали поднимать его. Отъ выстрѣла и шума Алена Петровна проснулась, вскочила въ испугѣ съ кресла и съ минуту смотрѣла вокругъ, ничего не понимая; но потомъ, должно быть, смекнула, въ чемъ дѣло, и первымъ дѣломъ упала на колѣни предъ иконою и возблагодарила Провидѣніе за свое неожиданное спасеніе...

Вотъ снесли генерала въ его комнату, положили на постель и послали за докторомъ, а пока старались, какъ могли, остановить кровь. Онъ такъ мучился и такъ метался, что страшно вспомнить. Алена Петровна все простила ему, все забыла и сама ухаживала за нимъ. Прибывшій докторъ, осмотрѣвъ больного, сказалъ, что пуля, пробивъ легкое, остановилась около позвоночнаго столба, и вынуть ее нельзя. Больной долженъ былъ умереть. Передъ смертью онъ испросилъ прощенье у Алены Петровны и умеръ, исполнивъ христіанскій долгъ. Алена Петровна ушла въ монастырь и тамъ черезъ два года въ мирѣ скончалась. Имѣніе генерала и всѣ его вотчины достались его родной дочери отъ перваго брака, которая потомъ вышла замужъ за сосѣдняго помѣщика Злоборина, но, проживъ недолго, они умерли одинъ за другимъ, оставивъ послѣ себя единственнаго сына, нынѣшняго помѣщика, который, ни дать ни взять, весь вышелъ въ своего дѣдушку, Алексѣя Петровича, съ такимъ же бѣдовымъ характеромъ.

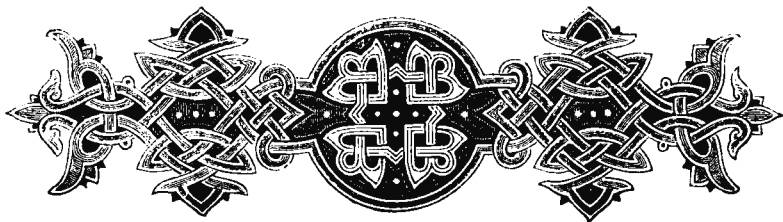
И старикъ махнулъ рукой, окончивъ свой рассказъ.

Я всталъ, поблагодарилъ старика за бесѣду и взглянулъ въ окно. Было уже поздно. Мятель утихла. Темно-синій сводъ неба былъ усеянъ миллиардами звѣздъ, между которыми полная прекрасная луна рѣзко отдѣлялась, повсюду разливая лучи таинственнаго свѣта. А царившая на селѣ тишина и мелькавшій вдали въ станціонномъ домикѣ огонекъ еще болѣе довершали поэзію ночи.

Я позвалъ Алексѣя и приказалъ ему черезъ три часа приготовить лошадей и разбудить меня. Затѣмъ я повалился на постель и вскорѣ крѣпко уснулъ.

Утромъ въ девять часовъ я былъ уже въ В. на слѣдствіи.

Н. Перельгинъ.

ВЪ ЗАЙМКАХЪ И МОНАСТЫРЯХЪ У СТАРЦЕВЪ.

(Изъ путешествія по сибирской тайгѣ).

Очеркъ.

ВЪ 1900 ГОДУ, состоя на службѣ въ Западной Сибири, я былъ командированъ въ тайгу съ цѣлью отыскать въ ней пригодныя мѣста для заселенія. Хотя тайга и лѣсная сторона, но и въ нее идутъ переселенцы изъ «матушки-Россіи», какъ новоселы Сибири называютъ обыкновенно Европейскую Россію. Идетъ въ тайгу сѣрый людъ и разрабатываетъ ее потихоньку на заготовленныхъ казною участкахъ. Во время моихъ странствованій по таежной глуши приходилось встрѣчать интересные типы старообрядцевъ, нашедшихъ себѣ пріютъ въ различныхъ медвѣжьихъ углахъ сибирскихъ дремучихъ лѣсовъ и поселившихся тамъ задолго до проникновенія въ тайгу новоселовъ. Эти старообрядцы, ушедшіе изъ населенныхъ мѣстъ, въ силу религіозныхъ соображеній, а также изъ желанія найти земельный просторъ и вмѣстѣ съ тѣмъ избавиться отъ лишнихъ податей, основали «заимки». «Заимки» — терминъ сибирскій, происходящій отъ слова «занимать», и, дѣйствительно, кто первый изъ сибиряковъ-старожиловъ занялъ мѣсто, никому, кромѣ Бога, не принадлежавшее, вдали или по близости селенія, тотъ и владѣй этой землей и строй на ней избу или просто землянку, паши вокругъ пашню и паси скотъ. Зажиточные сибирскіе крестьяне основали такимъ образомъ богатѣйшія заимки съ фундаментальными постройками для людей и для скота, которыя впослѣдствіи разрослись въ цѣлыя деревни, ибо вокругъ богатѣевъ всегда се-

лится и кормится бѣднота. Въ тайгѣ же заимки поменьше, хотя заимка Поваренкина, о которой читатель узнаетъ изъ настоящаго очерка, немного уступить любой средней крестьянской деревнѣ по своимъ постройкамъ. Другіе же старовѣры-заимщики, убѣгая отъ людей, такъ въ одиночествѣ въ тайгѣ и остались, образовавъ такъ называемые «монастыри», жители которыхъ слывуть среди окрестныхъ селеній подъ именемъ «старцевъ», хотя нѣкоторые изъ нихъ еще не достигли престарѣлаго возраста. Такъ какъ такіе «монастыри» и «заимки» являлись исходными и останочными пунктами при работахъ при изслѣдованіи тайги и образованіи въ ней при помощи топографовъ (въ смыслѣ съемки) переселенческихъ участковъ, то я записывалъ свои наблюденія надъ жизнью этихъ «старцевъ» и «заимщиковъ», ибо мнѣ казались ихъ житье-бытье и міросозерцаніе оригинальными. Всѣ свои замѣтки мнѣ удалось обработать, собравъ ихъ воедино, и придать имъ форму очерковъ «изъ путешествія по сибирской тайгѣ».

Одинъ изъ такихъ очерковъ я и рѣшаюсь предложить вниманію читателя.

I.

Рѣка Четь протекаетъ по Маріинско-Чулымской тайгѣ Томской губерніи. Для тайги она многоводная и спокойная въ своемъ теченіи. Если взглянуть на прочія рѣчки и рѣченки, впадающія въ нее и бороздящія тайгу въ различныхъ направленіяхъ, то она поражаетъ своею тихоструйностью и основательностью. Прочія рѣчки бурлятъ и какъ бы борются съ темной тайгой, съ трудомъ пролагая себѣ путь среди сплошной стѣны вѣковыхъ кедровъ, пихтъ, елей и сосенъ, среди громаднхъ корней этихъ древесныхъ гигантовъ, впившихся въ землю въ видѣ огромныхъ змѣй. Четь же мирно протекаетъ по той же тайгѣ, отвоевавъ себѣ у древеснаго царства широкое и свободное русло среди нависшихъ надъ ней исполиновъ, нерѣдко подмывая ихъ корни и ускоряя неминуемое паденіе ихъ въ ея прозрачныя воды. Отъ этого и «заломы» встрѣчаются въ ней. Когда нѣсколько такихъ гигантовъ упадетъ на ея дно, да еще другъ на друга, то ихъ вѣтви, какъ лапы сказочныхъ чудовищъ, высовываются изъ булькающей вокругъ нихъ воды, задерживая ея теченіе и образуя препятствія — «заломы» для движенія по ней лодокъ и легкихъ «батовъ»...

Весною во время половодья немало такихъ лодокъ плаваютъ и снуютъ по поверхности Чети. Много сѣраго люда ѣздитъ на этихъ лодкахъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ плывутъ порыбачить къ «пескамъ», размытымъ рѣкою на лѣвомъ берегу, гдѣ тянутся луговыя низины таежныхъ бѣльниковъ, переполнен-

ныхъ березой и осиною, и гдѣ луговья травы въ видѣ красныхъ орхидей, желтыхъ лютиковъ, горошка, бѣлыхъ «пучекъ», сныти и дудки, лиловыхъ вероникъ и башмачковъ, желтыхъ крестовика и скерды и другихъ цвѣтковыхъ отвоевали у таежныхъ торфяныхъ мховъ прочное мѣсторожденіе на берегу рѣки—поилицы и кормилицы. Въ водахъ ея немало рыбы живетъ и питается, привлекая къ себѣ рыбаковъ изъ окрестныхъ жителей. И птица любитъ эту рѣку, утки по ней плаваютъ по веснѣ табунами, то и дѣло вспархивая при приближеніи лодки, чтобы пересѣсть опять по близости гдѣ нибудь за зарослью осоки и камыша и оттуда оглашать воздухъ криканьемъ, привлекающимъ къ себѣ охотниковъ, старыхъ и молодыхъ. А къ концу лѣта на пески глухари выходятъ погулять изъ ближнихъ «листвяковъ»¹⁾, тамъ же виднѣются слѣды лосей (сохатыхъ), приходящихъ на водопой, и, наконецъ, самого таежнаго хозяина Топтыгина, любящаго на просторѣ пофыркать и помочить свою кудлатую шерсть въ студеной рѣчной водицѣ, вдоволь «помышковать»²⁾ въ ближнемъ бѣльникѣ и поломавъ малины, а главное черемухи, растущей во множествѣ по обѣимъ берегамъ. И надъ всѣмъ этимъ рѣчнымъ населеніемъ, живымъ «добромъ» рѣки, хозяйствуютъ займщики, выстроившіе свои хаты и «монастыри» по Чети и по главному ея притоку Кандату, мало въ чемъ ей уступающему, но не судоходному по причинѣ огромныхъ заломовъ на цѣлыя версты. Они, эти жители заимокъ, большею частью старовѣры и слывутъ подъ общимъ названіемъ «старцевъ»... Къ этимъ-то заимкамъ, ютящимся по лѣвому берегу рѣки Чети и по правому рѣки Кандата, и живущимъ въ нихъ старцамъ наши лодки и плыли, вмѣщая въ себѣ меня съ моими спутниками: топографомъ X. и четырьмя рабочими... Хорошо плыть въ лодкѣ въ ясный июльскій день, когда солнце склоняется къ западу, спадаетъ дневная жара, и дуютъ по рѣкѣ, заключенной въ рамѣ тѣнистыхъ береговъ, ласкающіе зефиры! Утки впереди и сбоку около лодки то и дѣло вспархивали, и наши ружья дѣлали исправно свое дѣло... Когда уже стемнѣло, мы стали подъѣзжать къ заимкѣ Игнатьевой.

Эта заимка расположена на лѣвомъ берегу рѣки Чети, на веселомъ мѣстѣ. Она состоитъ изъ нѣсколькихъ домовъ, выстроенныхъ безъ всякаго порядка на возвышенномъ бугрѣ, рѣдко обсаженномъ большими экземплярами сосны. Противъ нея черезъ рѣку виднѣется такъ называемая Бѣлая гора, высокое обнаженіе, на вершинѣ котораго тянется сосновый боръ. Этотъ гористый высокій берегъ издали поражаетъ своей бѣлизной отъ глины, бѣлой, какъ мѣль. Противоположный ему берегъ отлогій, съ замѣчательно чистымъ и мелкимъ пескомъ, является удобнымъ мѣстомъ для рыб-

¹⁾ Лѣса лиственницы.

²⁾ «Мышковать»—мѣстное выраженіе, означающее ловить мышей.

ной ловли, которой, равно какъ и пахотой, занимаются всё немногочисленные жители этой займки. Главнымъ же промышленникомъ-охотникомъ является здѣсь Никифоръ Игнатьевъ, по имени котораго и названа описываемая займка.

Къ нашему огорченію, Никофора Игнатьева не оказалось на займкѣ, и пришлось ждать его прибытія. Въ наше распоряженіе была предоставлена лучшая изба, въ которой мы и переночевали.

На другой день явился Никифоръ Игнатьевъ. Онъ представлялъ собою типъ настоящаго звѣролова-промышленника, для котораго тайга была родимой страной, его поилницей и кормилицей. Съ загорѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ курчавыми волосами, съ блестящими зоркими глазами, онъ производилъ оригинальное впечатлѣніе. Разговоръ у него былъ съ нерусскимъ акцентомъ, скорѣе онъ напоминалъ обрусѣвшаго остяка, и, дѣйствительно, онъ женатъ былъ на настоящей остячкѣ, и его дѣти забавлялись стрѣльбой изъ настоящаго лука. Когда я заявилъ ему о цѣли нашей экскурсіи и о размѣрахъ ея въ смыслѣ пространства, въ то время, когда мы сидѣли подъ тѣнью развѣсистой сосны и занимались чаепитіемъ послѣ нашихъ осмотровъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ займки и Бѣлой горы, онъ закурилъ трубку и покачалъ головой.

— Вы, паринъ («б» онъ произносилъ мягко, какъ «п»), хотите проѣхать на Кандатъ, охъ, трудно, паринъ, трудно, тамъ вѣдь тайга-а!—и слово «тайга» онъ произнесъ съ особенной любовью и благоговѣніемъ:—а тамъ живетъ звѣрь сохатый¹⁾, страшная тайга, паринъ,—и онъ съ чувствомъ затыкнулся изъ своей трубки.

— Мы звѣрей и сохатыхъ не боимся, даже не прочь встрѣтиться съ ними, а вотъ ты насъ проведи по этой тайгѣ къ старцамъ.

— Я, паринъ, по Кандату не знаю, не бывалъ, а гдѣ, паринъ, не бывалъ, тамъ не знаю... А то вѣдь тайга не любитъ шутить, какъ не знаешь ея, она такъ тебя заведетъ, что и до смерти не далеко.

— А кто же знаетъ провести по Кандату?

— А это, паринъ, киржаки знаютъ, въ Поваренкиной; тамъ есть такой Абрамій да Федоръ Халуевъ, онъ хотя не киржакъ теперь, а прежде тоже киржачилъ²⁾.

— На займкѣ-то Поваренкиной тамъ все старовѣры?—спросилъ Х.

— Да, тамъ этихъ киржаковъ, что сохатыхъ въ тайгѣ, и живутъ они, какъ медвѣди по Кандату, поодиначкѣ, людей боятся,—

¹⁾ Дось здѣсь называется всегда «сохатымъ».

²⁾ «Киржачить» значитъ придерживаться раскола.

говорилъ нѣсколько параспѣвъ Никифоръ:— тамъ много чудесъ-то... Я слыхалъ, что и монастыри тамъ есть,— продолжалъ онъ.

— Съ монахами или монашками?

— И монахи, слыхалъ, есть, а про монашекъ-то мало слышно.

— Какъ мало слышно!— проговорилъ подошедшій хозяинъ нашей кратковременной квартиры, по фамиліи Дурандинъ (тоже изъ охотниковъ),— а запомятовалъ развѣ, какъ «лонись»¹⁾ поймали мы бродягу, что забрался къ монашкамъ-то?

— Ахъ, паринъ,— словно вспомнивъ, вскрикнулъ Никифоръ,— вотъ диковина-то, забрался этотъ самый бродяга къ киржакамъ и притворился самъ богомольцемъ да постникомъ такимъ, его тамъ пригрѣли, а онъ у Абрамія возьми да стащи часы съ цѣпочкою, да бешметъ... а потомъ забрался къ монашкамъ да старуху и обидѣлъ, да какъ обидѣлъ-то,— и онъ показалъ свои бѣлые зубы,— молодую-то не тронулъ, а старую-то избидѣлъ,— и онъ захохоталъ.

— А мы его и сцапали,— проговорилъ хозяинъ.

— Да и повели его, какъ будто, чтобы вывести изъ тайги, и сдали старостѣ въ Тюхтети...

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ было условлено, чтобы Никифоръ подѣхалъ на своей лошади на заимку Поваренкину къ тому времени, пока мы будемъ плыть въ лодкѣ и осматривать мѣста около заимокъ, по лѣвому берегу рѣки Чети.

Черезъ нѣсколько часовъ плаванія, наши лодки остановились недалеко отъ заимки Поваренкиной (въ двухъ верстахъ), гдѣ собственно была такъ называемая «пристань». Двое рабочихъ отправились за подводой на заимку, а мы разлеглись на мягкой травѣ и предалися утоленію голода изъ имѣющихся съ нами дорожныхъ запасовъ провизіи. На рѣкѣ вскорѣ показалась лодка, и изъ нея вышли двое мѣстныхъ жителей. Одинъ изъ нихъ былъ высокій, рыжеватый человекъ съ бородой, довольно уже пожилой, въ русской рубашкѣ и картузѣ, другой былъ еще юноша, съ довольно правильными чертами лица, съ густыми рыжими волосами. Онъ былъ одѣтъ очень чисто, въ малиноваго цвѣта рубашкѣ, перехваченной кожанымъ кушакомъ, и въ плисовыхъ шароварахъ, запущенныхъ въ лоснящіяся сапоги. Черезъ плечо была перекинута берданка. Вся его фигура производила впечатлѣніе не простого крестьянина, а чего-то средняго съ болѣе интеллигентнымъ классомъ. Высокій мужикъ подошелъ смѣло къ намъ и бойко поздоровался, протянувъ большую закорузлую руку. Онъ оказался тѣмъ Федоромъ Халуевымъ, о которомъ намъ еще на заимкѣ Игнатьевой говорилъ Никифоръ. Молодой человекъ издали только раскланялся, какъ видно, стѣняясь къ намъ приблизиться. Онъ подошелъ къ одному изъ оставшихся съ нами рабочихъ и сталъ о насъ справляться.

¹⁾ Въ прошломъ году.

— А мы ужъ васъ, ваше высокоблагородіе, давно поджидали,— бойко заговорилъ Ѳеодоръ.

— А развѣ вы знали о нашемъ прїѣздѣ?—спросилъ я.

— Давно ужъ слухъ прошелъ, что вы ѣдете, — вѣрно, участки нарѣзать?

— Пока еще мѣсто осматривать,—уклончиво отвѣтилъ я:—а мы на тебя надѣмся, Ѳеодоръ, что намъ покажешь мѣста около заимокъ, да и проведешь въ монастыри около р. Кандата.

— Охъ, ужъ, баринъ, шибко мнѣ недосугъ теперь, больно своего много дѣла, да и по домашности некого оставить,—и при этомъ Ѳеодоръ зачесалъ въ затылкѣ.

— Ну, ужъ и недосугъ, полно отлынивать-то,—старался я убѣдить его:—тутъ дѣло важное, да и не даромъ, вѣдь, поѣдешь.

— Поговоримъ, баринъ, посмотримъ, а вонъ и кони ѣдутъ подъ васъ.

Дѣйствительно, послышался скрипъ телѣги и окрики проводника, и пара бойкихъ коней, запряженная въ телѣгу, лихо подѣхала къ берегу, чуть не загоптавъ наши разложенные на землѣ пожитки. «Стой, стой, полегче», крикнулъ на ямщика Ѳеодоръ, который затѣмъ осадилъ лошадей. Началась укладка вещей на телѣгу, при чемъ на сцену выступилъ молодой человекъ, прибывшій въ лодкѣ съ Ѳеодоромъ и оказавшійся младшимъ сыномъ самого Поваренкина. Когда все было уложено, и я взобрался на этотъ возъ, лошади тронулись, а Василій (такъ звали юношу) пошелъ около телѣги по дорогѣ, ведущей отъ берега р. Чети къ заимкѣ.

Скоро лѣсъ кончился, и телѣга выѣхала на елань ¹⁾, на которой виднѣлись огороды, и засѣянные хлѣбомъ поля, среди которыхъ появились избы заимки, расположенныя, какъ видно, безъ всякаго порядка. Вдали выдѣлялась заново построенная часовня, блестящая на солнцѣ своими тесовыми стѣнами. Телѣга поѣхала среди изгородей и, простучавъ по твердой землѣ, въѣхала въ широкой дворъ, весь обставленный всевозможными строеніями, среди которыхъ возвышался довольно большой пятистѣнный домъ Поваренкина, широкое крыльцо котораго, въ видѣ террасы, было наполнено народомъ. Въ этотъ день былъ воскресенье, а въ праздники въ домѣ Поваренкина устраивалась цѣлая ярмарка. Всѣ окрестные жители и отшельники, о которыхъ мы будемъ говорить подробнѣе, стекались къ нему и пріобрѣтали, за неимѣніемъ по близости сель и городовъ, всѣ продукты, привозимые имъ изъ города и ближняго села. Меня пригласили войти въ боковую выѣленную чистую комнатку, предназначенную «для гостей». Здѣсь было уютно и чисто. Около двери стояла неизмѣнная широкая кровать, какія встрѣчаются въ зажиточныхъ деревенскихъ домахъ, покрытая краснымъ ватнымъ

¹⁾ «Еланими» въ Сибири называютъ открытыя степныя пространства.

одѣяломъ, съ чистыми подушками. У стѣны столъ съ камчатною скатертью и стульями по бокамъ. Въ углу божница съ образами нестарообрядческаго вида, что меня удивило, такъ какъ я зналъ, что Поваренкинъ старовѣръ чистой крови. Только что я присѣлъ на ближайшій стулъ, какъ и хозяйка тоже присѣла недалеко отъ меня и заговорила со вздохами.

— Вотъ какъ мы живемъ, ваше благородіе, въ лѣсу, молимся пню, плохо здѣсь наше житье.

— Нѣтъ, этого не нахожу,—сказалъ я оглядѣвшияся:—дай Богъ всякому такъ пожить въ лѣсу.

— Что вы, ваше благородіе, ужъ думаемъ въ Томскѣ переселиться. Кого мы здѣсь видимъ-то!.. Да что же я... вы, поди, закусить хотите?

— Нѣтъ, я уже закусилъ.

— Ну, самоварчикъ, самоварчикъ-то у насъ имѣется, малинки съ молочкомъ.

— Отъ этого не откажусь...

Она сейчасъ же бросилась распорядиться, а между тѣмъ эта маленькая комнатка начала набиваться народомъ, какъ бываетъ въ захолустныхъ мѣстахъ. Болѣе смѣлые мужики стояли въ дверяхъ, молодежь тѣснилась въ коридорѣ, и всѣ на меня смотрѣли, какъ на чудо заморское. Появился самоваръ, и затѣмъ вошла полная, видная дѣвица, дочь Поваренкина, неся на подносѣ стаканъ съ чаемъ и вазу съ вареньемъ.

— Здравствуйте, ваше благородіе,—поздоровалась она бойко и съ улыбкой, совершенно не похоже на дичившихся обыкновенно и прячущихся крестьянскихъ дѣвицъ.—Вотъ Богъ васъ занесъ къ намъ, ужъ простите за угощенье, какое есть.

И она заговорила на ту же тему, что и мать. Говорила по-городски и одѣта была съ претензіей на моду. Ничего крестьянскаго въ ней не было, такъ что мнѣ казалось, что я приѣхалъ въ городъ въ зажиточную мѣщанскую семью.

— Курить можно здѣсь?—спросилъ я Василю, который появился въ дверяхъ.

— Здѣсь можно,—усмѣхнулся онъ:—эта горница для гостей, свѣтская,—съ ироническимъ оттѣнкомъ, вскидывая своими острыми глазами на сестру, проговорилъ онъ.

Въ это время за дверями раздался чей-то рѣзкій и крикливый голосъ: «Экъ, сколько васъ тутъ набралось, чего не видали», и въ комнату вошелъ самъ Иванъ Поваренкинъ. Это былъ крѣпкій, рыжій мужикъ, съ шапкой кудрявыхъ волосъ на головѣ, съ жидкой длинной бородой, обрамляющей худое лицо съ маленькими острыми глазами. Онъ смѣло подошелъ ко мнѣ и поздоровался за руку.

— Здравствуйте, здравствуйте, вотъ и пожаловали къ намъ, надолго?—скорѣе закричалъ, чѣмъ заговорилъ онъ.

— Нѣтъ, вѣроятно, какъ дѣла,—неопредѣленно поговорилъ я.

— Ну, какъ ѣхали? въ добромъ ли здоровьѣ?—продолжалъ онъ въ крикливомъ тонѣ, усаживаясь около меня и подпирая руки въ колѣни:—какъ понравились наши мѣста? Мы, такъ сказать, забрались сюда, иначе говоря, поселились, разумѣется, въ глухомъ мѣстѣ, чтобы помолиться Богу, и не думали того, что къ намъ будутъ набѣзжать разные начальственные люди. Куда держите путь отсюда?

Я сказалъ, и онъ, даже не дождавшись отвѣта, смотря вверхъ, какъ бы читая (онъ и былъ на самомъ дѣлѣ начетчикомъ), началъ кричать:

— Всѣ мы люди, всѣ человѣки, такъ сказать, строимъ зданіе на песцѣ. Были времена, что намъ и лѣса, и птицы, и звѣри, и все, что въ лѣсу,—по принадлежности было, какъ бы хозяевами были всего прочаго и не думали, и не гадали, что придетъ часъ, и отыметя отъ насъ сіе...

— Надо же подѣлиться когда нибудь съ людьми неимущими,—вставилъ я.

— А, видно, бѣднѣе насъ еще есть, коли хотятъ въ наши глухія мѣста прійти и поселиться, только что много работы надо здѣсь, и труда много, и бѣднѣя много, дабы изъ сихъ плевеловъ выросло сѣмя доброе.

— Охъ, трудно будетъ здѣсь новоселамъ, ваше благородіе,—проговорила со вздохомъ хозяйка, незамѣтно вошедшая въ комнату во время разговора Поваренкина.

Тотъ нахмурился и взглянулъ на нее и, замѣтивъ пустой стаканъ около меня, крикнулъ: «Чего-жъ ты тутъ? Принеси воды-то, видишь посудина пустая». Онъ называлъ чай «водой», считая его басурманскимъ зельемъ. Хозяйка со вздохомъ унесла стаканъ. Дочь его давно исчезла изъ комнаты, только Василій стоялъ у косяка дверей, закинувъ ногу на ногу и вслушиваясь въ нашъ разговоръ съ иронической полуусмѣшкой.

— Вотъ родитель мой, я и дѣти мои теперь живемъ здѣсь, и родитель мой пришелъ первый на это мѣсто, и всѣ вокругъ насъ поселились и питаются, такъ сказать, около насъ, кой-кому помогаемъ, дашь, просятъ, а отдать-то и подожди,—проговорилъ онъ.

— Ну, вотъ и новоселамъ будете помогать,—замѣтилъ я, принимая стаканъ чая отъ хозяйки.

— Да развѣ они такіе люди, какъ эти?—закричалъ Поваренкинъ:—вотъ ко мнѣ приходили намереніе ходоки и хотѣли такъ таки прямо нахрапомъ сѣсть на землю и рубить и пахать наши поля... Развѣ это порядокъ? Неужто новые придутъ и отнимутъ наши труды, ни сѣявъ, ни жавъ, ни собравъ въ житницы?—и онъ вперилъ въ меня свои острые глаза.

— Нѣтъ, старожилы имѣютъ право пользоваться своими распахками на опредѣленный срокъ при заселеніи участка,—проговорилъ я.

— А потомъ?—проговорила хозяйка.

— Потомъ надо подѣлиться,—усмѣхнулся я.—Около васъ еще нѣсколько займокъ.

— Всѣ эти займки, и Рубина, и Нечаева, и Шишляникова, всѣ онѣ съ нами образовались, все были старцы наши, ушедшіе въ лѣсъ, и мы живемъ, займщики, тихо, смирно между собою, другъ другу помогаемъ, а теперь что будетъ?..—и Поваренкинъ сталъ глядѣть въ пространство, какъ бы ища отвѣта на свой вопросъ.

— То же будетъ, что съ другими займщиками, другіе даже рады, когда къ нимъ приселяютъ новоселовъ, особенно богатые; вонъ въ прошломъ году Кокоринъ просилъ меня даже образовать около его займки участки. «Хлѣбъ, говоритъ, будетъ кому продавать». А у него тысячъ пять пудовъ хлѣба запасено въ амбарахъ.

— А гдѣ этотъ Кокоринъ?—спросилъ Василій, не проронившій ни одного слова изъ нашего разговора.

— Въ Каинскомъ уѣздѣ, въ Верхнекаинской волости,—отвѣтилъ я:—человѣкъ старинный и скупой.

Въ это время вошелъ въ горницу бѣлокурый человѣкъ съ оплывшимъ, добрымъ лицомъ, обрамленнымъ свѣтлой бородкой. Онъ вошелъ и поклонился. Поваренкинъ взглянулъ на него. «Еще вотъ сыночекъ мой, Алексѣй, мастеръ по ружейной части, только погулять любить», и онъ нахмурился.

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, я принесъ вамъ показать наши ружья, да и ваши-то хотѣлось бы посмотреть,—сказалъ онъ съ поклономъ.

— Сдѣлай одолженіе,—сказалъ я.

Онъ принесъ два ружья, изъ которыхъ одно оказалось Винчестеромъ магазиннымъ англійской работы, а другое—Бюксфлинтомъ, необычайно тяжелымъ, русской фабрики, неизвѣстнаго мастера.

— Сколько же заплатилъ ты за такую исторію?—спросилъ и Алексѣя, разсматривая тяжелую фузею русскаго производства.

— 80 рублей,—съ гордостью сказалъ онъ:—сдѣлано по моему заказу.

Въ это время самъ Поваренкинъ и его жена вышли изъ комнаты.

— Напрасно, Алексѣй, деньги потратилъ, могъ бы за ту же цѣну купить хорошій заграничный Бюксфлинтъ,—и мнѣ пришлось его сильно разочаровать въ русскомъ ружейномъ производствѣ, указавъ всѣ преимущества заграничныхъ фабрикъ.

— А ты, Алексѣй, старовѣръ или православный?—спросилъ я, взглянувъ на его добродушное лицо.

— Православный, баринъ, былъ раньше такимъ же киржакомъ, какъ мой родитель, а только (и онъ пугливо оглянулся) увидалъ я ихъ глупость всю, все ихъ заблужденіе и крестился.

— Въ чемъ же глупость ихъ по-твоему?

— А они ходятъ, какъ въ лѣсу... впотымахъ съ ихъ сектами всѣми... дѣло не въ Богѣ у нихъ, а въ чашкахъ.

— То-есть, какъ въ чашкахъ?—удивился я.

— А хлебаютъ изъ разныхъ чашекъ, какъ будто бы каждый свою вѣру исповѣдуетъ,—поговорилъ онъ озираясь и затѣмъ плотно притворилъ дверь.—Только плохо мнѣ, баринъ: ужъ не радъ, что обратился въ православіе...

— А что же?

— Да просто житья мнѣ нѣтъ отъ родни, со свѣту сживаютъ... Зачѣмъ отошелъ отъ ихъ вѣры?.. А какая у нихъ вѣра?.. Что книги-то старинныя?.. Да Богъ-то одинъ... А тутъ у меня ребятишки подрастаютъ. Куда же ихъ дѣнешь потомъ, некрещеныхъ-то? Никакихъ у нихъ правъ нѣтъ, больно имъ плохо придется... Я вотъ крестился, да пожилъ немного вмѣстѣ съ родней-то моей и отдѣлился отъ отца... теперь живу отдѣльно да мастерствомъ ружейнымъ занимаюсь... Починить ли винтовку или стволъ высверлить—мое дѣло... Только до хитростей-то никакъ мнѣ не дойти... Можно взглянуть на ваши ружья?

— Пожалуйста..

Онъ началъ разсматривать и восхищаться.

— Чего только не выдумаютъ! Просто, а не сдѣлать такого затвора. Ужъ больно хорошо все пригнано... Вотъ теперь братъ Василій, тоже по ихнему упорству, остается просто въ межеумкахъ изъ-за нихъ, ни къ какому берегу не присталъ... не крестился и старой вѣры не придерживается... все равно, какъ язычникъ. Плохо такъ жить на свѣтѣ... Хоть бы новоселы пришли сюда, да приходъ бы устроили, благо церковь-то начата, все бы легче было, если бы православнаго люда прибавилось...

Я только что хотѣлъ разспросить о начатой церкви, которою оказалось зданіе въ родѣ часовни, виднѣвшееся изъ окна, но еще, какъ видно, не законченное, какъ въ эту минуту вошелъ Ѳедоръ Халуевъ. Алексѣй вышелъ. Халуевъ пришелъ сказать, что онъ согласенъ поѣхать съ нами по сосѣднимъ заимкамъ—Нечаевой и Рубиной, расположеннымъ на берегу рѣки Чети. Рѣшено было послѣ объѣзда ихъ вернуться опять на заимку Поваренкину, взявъ съ собой только одного рабочаго.

II.

На другой день, несмотря на наше стараніе отправиться въ путь какъ можно ранѣе, мы выступили довольно поздно, благодаря сборамъ и укладкѣ, которая производилась довольно долго. Вьючили лошадей, которыхъ еще надо было разыскивать въ полѣ, забывали разныя мелочи и опять перекладывали.

Мы долго ѣхали молча, тѣмъ «вьючнымъ» шагомъ, размѣреннымъ и осторожнымъ, которымъ привыкли ходить лошади по тайгѣ. Передъ нами открывались поля, засѣянные пшеницей и рожью, уже зеленые и колосающіяся, а также залогы, перепаханные и чернѣющіе своей влажной, взрытой землей. Повсюду виднѣлась работа пахарей-хлѣбопашцевъ, освоившихся съ обрабатываемой землей. Наконецъ, поля кончились, и мы вступили въ чистый и мелкій березнякъ, въ которомъ береза перемежалась съ осиною, при полномъ отсутствіи хвой.

— Вотъ, баринъ, видите этотъ «бѣльникъ»,—проговорилъ Ѳедоръ Халуевъ, ѣхавшій впереди и обернувшійся ко мнѣ:—все береза да осина, и, кажется, тутъ и не пролѣзешь, а и на поляхъ, гдѣ мы сейчасъ проѣзжали, было то же когда-то, вѣдь этихъ полей не было, ни займки, ничего, а вотъ все Поваренкины да мы спервоначала вырубали и расчистили.

— Какъ же вы расчищали?—спросилъ я.

— А чертили... Подрѣжемъ кору у тысячи березокъ и осинокъ, а то и болѣе, оставимъ такъ, она и начнетъ сохнуть, вотъ какъ эта,—и онъ указалъ на березу безъ листьевъ уже, съ подрѣзанной корой,—а года черезъ три она и совсѣмъ высохнетъ, другая и упадетъ, и корни сгниютъ, а потомъ срубить да и расчищать уже легко станетъ.

— Черезъ сколько же лѣтъ такую рощищу можно приготовить?

— Да, пожалуй, года черезъ четыре, а то какой лѣсъ, другой черезъ пять можно срубить съ десятины, вонъ онъ всѣ какія, ужъ тоже готовятся,—и Ѳедоръ указалъ на цѣлый рядъ мелкихъ березъ и осинъ съ черными поясами выше корня, что производило впечатлѣніе траура на лѣсѣ.—Все очерченныя,—заклучилъ онъ,—много труда стоило разработать да распахать, вѣдь здѣсь раньше тоже тайга была; а вотъ теперь, какъ же, баринъ, новоселы придутъ и займутъ эти бѣльники, и наша работа по «черченію» пропадетъ?..

Я задумался. «Черченіе» еще не было предусмотрено правилами колонизаціи.

Чѣмъ мы далѣе ѣхали, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе измѣнялся характеръ мѣстности. Къ березняку и осиннику примѣшивалось все большее количество хвойныхъ деревьевъ, въ видѣ пихты, ели и кедра. Вотъ переѣхали рѣчку Павловку, въ которой едва не застряли среди лома и нагроможденія корней на болотистой почвѣ. Наконецъ, подошли къ рѣчкѣ Таловой или Таловкѣ, отдѣлявшей мѣшанный лѣсъ отъ настоящей «черной» тайги, состоящей изъ густѣйшаго пихтача съ сильнымъ заболачиваньемъ. Здѣсь сдѣлали привалъ, ибо уже находились часовъ пять въ пути. Надо было дать отдыхъ себѣ и лошадямъ. Разложили костеръ и, пока Ѳедоръ и Тихонъ путали лошадей и пускали ихъ на траву, мы съ топографомъ Х. принялись за собираніе грибовъ, которыхъ было

безчисленное множество вокругъ, въ видѣ красныхъ подосинниковъ, сыроѣжекъ, маслениковъ и обабковъ, что при нѣкоторомъ запасѣ масла доставило вкусное блюдо. Мы расположились около болота при р. Таловкѣ, въ которой оказалась хорошая вода (весьма важное условіе для стоянокъ и ночлеговъ въ тайгѣ).

— Вотъ видите, господа,—проговорилъ Оедоръ, когда мы разлеглись на мягкой травѣ и занимались удовлетвореніемъ аппетита, который разыгрывается въ тайгѣ весьма сильно,—вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ меня чуть не заѣлъ медвѣдь, благодаря товарищамъ...

— Какъ же это случилось?—спросилъ Х.

— А вотъ какъ: отправился я съ Поваренкиными на охоту, они со своими штуцерами да винчестерами, а я со своей «бердянской», собаки у насъ были не такъ, чтобы очень важныя; выслѣдили мы медвѣдя, и начали Поваренкины стрѣлять изъ своего Винчестера, да все мимо, а медвѣдь-то не будь плохъ да бросился на насъ, а они спрятались за березы, я выстрѣлилъ да только ранилъ, онъ на меня... и началъ мять мою руку да рвать меня, всего искровянилъ, да и съ головы кожу содралъ. Я кричу имъ, а они боятся подойти, да издали и палятъ въ медвѣдя, а онъ-то меня мнетъ, какъ еще меня-то не убили, пуля пролетѣла совсѣмъ около меня, хорошо еще, что собаки принялись за медвѣдя, онъ и бросилъ меня, я кое-какъ изловчился и выстрѣлилъ въ него, тогда только онъ и палъ. Кричу: «братцы, что-жъ вы меня оставили?» сначала и боли-то не замѣтилъ, а потомъ ужъ ослабъ сразу, какъ крови много вышло, чувствую, что рука не владѣетъ, да потомъ ужъ отвезли меня въ больницу, гдѣ и пролежалъ четыре мѣсяца, а рука и теперь хоть и позажила, а все изувѣчена,—и онъ показалъ руку съ огромной шишкой на сочлененіи кости, при чемъ пальцы той руки плохо двигались.—Вотъ и ходи съ такими товарищами, того, и гляди, что выдадутъ, а форсу-то сколько, ружей навывписывали...—и онъ махнулъ рукой.

— Да они всѣ старовѣры и одного толку?—спросилъ я.

— Эхъ, баринъ, поразсказать вамъ про нихъ, такъ большихъ чудесъ наслушаетесь, какая тутъ одна вѣра... Вотъ дордгой разскажу вамъ, а теперь можно и собираться въ путь?—спросилъ онъ, видя, что мы кончили нашу закуску.

— Можно, можно, — отвѣтили мы, и Оедоръ съ Тихономъ начали навьючивать лошадей, да и пора была, ибо солнышко двигалось къ закату, а надо еще было дальше подвинуться. Когда мы опять усѣлись на нашихъ коней и двинулись мѣрнымъ шагомъ по лѣсу, Оедоръ заговорилъ опять на интересную для меня тему, ибо вся семья Поваренкиныхъ представляла для меня загадку.

— Есть у самого Поваренкина отецъ, только вы его не видѣли и не увидите, потому что онъ никому не показывается, древній

старикъ, живеть въ избушкѣ и никого къ себѣ не принимаетъ, подаютъ ему пищу изъ его чашки, да и то развѣ молоко да медъ, а остальную пищу онъ самъ себѣ варить и никого не допускаеть. Онъ ярославской вѣры.

— Это что же за ярославская вѣра?—спросилъ я.

— А ярославцы все единственно что бѣгуны, они ничего не хотятъ признавать, ни власти, ни законовъ, все это по-ихнему Антихристомъ заведено и устроено, они человѣконенавистники и всѣхъ, кромѣ себя самихъ, считаютъ антихристовыми слугами. Этотъ старикъ и съ сыномъ своимъ не станетъ изъ одной чашки пить, считая его еретикомъ, хоть тотъ и самъ часовой вѣры, да еще и начетчикъ, вы, вѣдь, поди замѣтили по разговорѣ?

— Какъ же, замѣтилъ, мнѣ показалось, что онъ все говоритъ не изъ своей головы, а какъ будто съ потолка читаетъ,—сказалъ я.

— Ну, вотъ, онъ крикунъ и баламошный мужикъ, а только онъ напрасно на божественность сваливаетъ, что они пришли сюда первые и поселились, чтобы Богу молиться. Не молитва у нихъ была на умѣ, а барышъ. Всѣ эти старцы, что по Кандату расселились, у него всякую снѣдь покупаютъ, а у кого денегъ нѣтъ, такъ и на него работаютъ по дешевой цѣнѣ. На многія тысячи онъ тутъ пріобрѣлъ, а всѣ займки-то—Рубина, Шишлянникова, Нечаева, всѣ жители за малымъ исключеніемъ у него въ долгу то за муку, то за порохъ, то за дробь, и не переберешь всего... А сколько онъ за одни орѣхи да рябчики, что скупилъ у нихъ, барыша получилъ, да и получить! Это, что его жена говоритъ, что они собираются переѣхать въ Томскъ, такъ это неправда. Здѣсь они больше пріобрѣтутъ Томска.

— Жена-то его какой вѣры?—спросилъ я, желая его навести на первоначальную тему,

— Она часовенная, какъ и мужъ, да есть еще въ ней и колебанія, какъ и въ младшемъ сынѣ Васильѣ. Онъ и некрещенъ вовсе и не знаетъ куда ему примкнуть; къ православію ли, или къ часовеннымъ, или къ австрійскимъ. Сестра-то его старшая, Прасковья, вы ее видѣли, недавно перешла къ австрійцамъ, да еще тайкомъ да убѣгомъ.

— Какъ же это?

— Пріѣхалъ тутъ одинъ австрійскій какъ-то по торговымъ дѣламъ, поговорила съ нимъ, въ умѣ-то уже было смущеніе, она вскорѣ послѣ его отъѣзда и поѣхала будто бы погостить на займку Прокопьеву, а сама и пришла къ Суетѣ, вы Суету-то знаете, можетъ, быть?

— Знаю Суету,—проговорилъ я, вспомнивъ начетчика въ деревнѣ Прокопьевѣ, сѣдовласаго старца, по фамилии Суета.

— Ну, вотъ, отъ него-то она поѣхала въ Томскъ, а тамъ въ австрійскомъ монастырѣ и крестилась по-ихнему. Ее вотъ и те-

перь тянетъ въ Томскъ. А Василій такъ и остался ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, но, кажись, онъ сумлѣвается въ отцѣ и въ матери, и въ дѣдушкѣ, и тянетъ къ православію. Алексѣй же у нихъ совсѣмъ православный, мастеръ-то, славный онъ человекъ и работникъ, а только къ вину больно слабъ. У всѣхъ у нихъ въ мысляхъ полный раздоръ. Своя своихъ не познаша,—заключилъ Ѳедоръ.— Нынче только они понемногу и картофель-то стали сѣять, прежде самъ Иванъ Поваренкинъ картофеля... ни, ни, какъ словно табаку или чаю.

— А что же картофель?—спросилъ я.

— А какъ же, баринъ, и тутъ своя вѣра особенная... Эхъ, поѣдете по Кандату, такъ тамъ что ни житель, то своей вѣры... картофельники, какъ они зовутся, не терпятъ безкартофельниковъ, а тѣ ихъ не принимаютъ, и каждый изъ нихъ по-своему крестить, всѣ они въ попы себя произвели, такая это глупость у нихъ въ башкѣ ихней сидитъ, много я съ ними возился, да и возжусь, я вѣдь по миссіонерской части помогаю священнику,—обернулся онъ ко мнѣ многозначительно.

Въ этихъ разговорахъ, весьма для меня интересныхъ, мы не замѣтили, какъ наступилъ вечеръ, и значительно смерклося. Мы уже оставили за собой рѣчку Павловку и стали раскаиваться, что около нея не остановились ночевать: дѣлалось темно, а воды не было, а безъ воды ночевать въ лѣсу совсѣмъ плохо. Ѳедоръ забеспокоился, начались поиски воды и плутанье, стало совсѣмъ темно. Онъ сталъ увѣрять, что если еще съ версту пройти, долженъ быть ручей, и въ немъ есть вода. Прошли версту и двѣ, оказался ручей, но безъ воды. Кое-какъ вышли на тропу, ведущую на заимку Игнатьеву и въ страшномъ изнеможеніи и сомнѣніи пошли по ней ощупью, а тутъ еще дождикъ сталъ накрапывать, и вотъ наконецъ дошли до болота и мостика. «Есть вода», крикнулъ Ѳедоръ. Радостью отозвался крикъ этотъ въ нашихъ сердцахъ, ибо было темно, хоть глазъ выткни, и съ неба еще мочило. Развернули палатку и грохнулись на-земь у костра. Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, часъ крайне поздній и неподходящій для броженія по лѣсу. Заснули мы, понятно, какъ убитые.

Мы тронулись въ путь рано утромъ; на заимкѣ Нечаевой мы не застали никого изъ хозяевъ, но здѣсь намъ дали лошадей и телѣгу до заимки Рубиной, отстоявшей въ пятнадцати верстахъ. Здѣсь насъ встрѣтили почти всѣ жители. Былъ прекрасный іюльскій день, солнце ярко свѣтило.

Намъ вынесли изъ хаты столъ, и мы съ Х. принялись за закуску и чаепитіе. Въ группѣ крестьянъ, расположившихся около насъ на «заваленкѣ», шелъ тихій разговоръ. Въ это время въ ограду вошелъ высокій мужикъ съ шапкой сѣдѣющихъ волосъ на головѣ и съ длинной бородой, съ строгими чертами лица; изъ-подъ навис-

шихъ бровей выглядывали подозрительно и зорко черные глаза. Онъ подошелъ сначала къ сидѣвшимъ займщикамъ, что-то тихо сказалъ, оглядывая насъ со всѣхъ сторонъ, а затѣмъ, не здороваясь съ нами, заговорилъ:

— Что же, господинъ, здѣсь участокъ будетъ?—спросилъ онъ меня, недружелюбно, пытливо смотря на меня.

— Да, вѣроятно, — отвѣтилъ я, прихлебывая чай и закури-
вая папиросу.

— Такъ-съ. Кому понадобились наши мѣста? Это вятскимъ-то что ли?—и онъ присѣлъ на бревно.

— А хоть бы и вятскимъ,—проговорилъ Х.:—а тебѣ что, что ты такъ заботишься?

— Забочусь потому, что мы работали здѣсь, чертили лѣсъ и знасмъ, чего стоитъ работа... Уйдутъ они отсюда, убѣгутъ, не подь силу имъ будетъ,—и онъ отвернулся съ видимымъ ожесточеніемъ.

— Ну, и что же изъ того, другіе придутъ,—проговорилъ я.

— И другіе уйдутъ, или, кромѣ этихъ гиблыхъ мѣстъ да лѣсовъ, и мѣста уже на землѣ не нашлось?..

— Они такіе же люди и христіане, какъ и вы.

— Христіане они?—и онъ посмотрѣлъ на насъ и сплюнулъ въ сторону.

Онъ что-то еще хотѣлъ сказать, но какъ будто воздерживался и только злобно поглядывалъ на насъ.

— Знаемъ мы ихъ, тутъ они приходили, лапотники-то эти, понюхали землю, увидали, чѣмъ пахнетъ... а потомъ и стали говорить: «вонъ кабы намъ эту пашенку получить». Имъ готовое все надо, мы имъ показали пашенку, Поваренкинъ ихъ хорошо отбрилъ,—и онъ замоталъ бородой. Въ тонѣ его голоса была непри-
миримая злоба.—Не дадимъ имъ пашни, не дадимъ имъ хлѣба, пус-
кай пропадаютъ,—и онъ отчаянно махнулъ рукой.

— Они сами себѣ заведутъ пашню, какъ вы заводили, хватитъ мѣста всѣмъ,—проговорилъ я.

— Не тѣ руки, не тѣ люди... Слабые они росейскіе, я знаю ихъ. Безъ города они пропадутъ, а здѣсь до города-то скоро не доскачешь. Да и какъ они пріѣдутъ сюда, какъ телѣги-то про-
везутъ?

— Да вотъ меня же провезли на телѣгѣ,—и я разсмѣялся. Оче-
видно было, что этотъ закоренѣлый «киржакъ» накоплялъ всѣ
препятствія для поселенія здѣсь новоселовъ, которыхъ онъ боялся,
какъ огня.

— Пятнадцать-то верстъ можно проѣхать, ужъ мы здѣсь об-
ѣздили дороги-то по займкамъ. А изъ города-то какъ они поѣдутъ
съ кибитками-то своими?..

— Эхъ, Семень Ивановичъ, чего ты надсажаешься?—выѣшался
въ нашъ разговоръ хозяинъ избы, гдѣ мы остановились, мужичекъ

съ добродушнымъ лоснящимся лицомъ и жиденкой бородкой, — казна денегъ дастъ имъ и дорогу выстроить... на то, братецъ, у казны-то денегъ много.

— Да за что имъ давать-то? Мерзкимъ людямъ такимъ... — и онъ съ ожесточеніемъ плюнулъ и отвернулся.

— Сила, — проговорилъ онъ сквозь зубы и развелъ руками. За-тѣмъ онъ присоединился къ остальнымъ заимщикамъ, которые стали шептаться съ нимъ и, какъ видно, урезонивать. Къ нему подошелъ Ѳедоръ Халуевъ, нашъ проводникъ, державшійся все время въ сторонѣ и не проронившій ни слова въ продолженіе всего нашего разговора. Онъ заговорилъ вполголоса съ нимъ. Се-мень, уже усѣвшійся «на завалинку», вскинулъ на него своими черными, какъ уголь, глазами и отмахнулся отъ него. Пробормотавъ что-то, онъ поднялся и, не простившись ни съ кѣмъ, вышелъ за ограду.

— Закоренѣлый человѣкъ, — проговорилъ Ѳедоръ, указывая паль-цемъ въ его сторону.

— Кто это? — спросили мы.

— Житель сосѣдней заимки Шишлянниковой пришелъ сюда, прослышалъ и захотѣлъ посмотрѣть на васъ, — отвѣтили заим-щики.

— Нейдется ему, — проговорилъ добродушный хозяинъ, — и предъ чиновникомъ не можетъ языка своего удержать.

— Захотѣлъ ты, любезный Ѳедоръ Ивановичъ, чтобы этакій человѣкъ, какъ Семень, унялся, — проговорилъ «вразумительно» Ѳедоръ: — что онъ задумалъ, такъ коломъ изъ башки не выколотишь, кремь-человѣкъ, вѣдь думаетъ онъ что нибудь, ты думаешь, зря онъ говорить... какъ же! — и Ѳедоръ покачалъ головой.

— Упрямый, супротивный онъ человѣкъ, — проговорилъ Ѳедоръ, зѣвая и крестя ротъ.

— Какъ же, баринъ, насчетъ лошадей-то, вѣдь въ тайгу по Кандату понадобятся кони?.. — заговорилъ Ѳедоръ, подходя къ намъ, — пожалуй съ одной Поваренкиной намъ не набрать, надо здѣсь попросить.

— Спроси, Ѳедоръ, — проговорилъ я.

— Вотъ, господа заимщики, ихъ благородіямъ нужны кони въ тайгу на Кандатъ, къ монастырямъ, до самой деревни Тюхтети, для клажи и провіанта, такъ не соблаговолите ли дать за плату, ко-нечно? — сказала онъ громко, обращаясь къ группѣ мужиковъ.

— А надолго?

— Да недѣли на двѣ, сказать опредѣленно нельзя.

— Какіе у насъ кони, — слышались отзывы, — всѣ на работѣ, откуда взять?

Начали спорить, мужички зашумѣли. Черезъ нѣсколько времени Ѳедоръ вынесъ резолюцію.

— Коней не даютъ, баринъ.

— Ну, что жъ дѣлать,—проговорилъ я,—не драться же съ ними, быть можетъ, найдемъ на Поваренкиной... а до нея сколько верстъ?.. успѣемъ ли пріѣхать сегодня?

— Гдѣ успѣтъ?—дорога плохая будетъ тутъ, придется шагомъ ѣхать, верстъ двадцать будетъ до заимки, а ужъ скоро и вечеръ,—разсуждалъ Ѳедоръ.

Рѣшили заночевать на этой заимкѣ.

На другой день, когда уже мы сѣдѣли на коней, чтобы отправиться на заимку Поваренкину, Ѳедоръ подошелъ ко мнѣ и таинственно шепнулъ: «вѣдь я, баринъ, получилъ посланіе отъ одной личности».

— Какое же такое посланіе?—спросилъ я.

— Обличительное, тамъ о васъ говорится. Сегодня утромъ вчерашній-то Семень сунулъ мнѣ письмецо секретно, съ тѣмъ, чтобы я прочелъ и никому не показывалъ... но ужъ вамъ-то я покажу, какъ пріѣдемъ на заимку.

Онъ вскочилъ на коня, и мы тронулись. Всю дорогу онъ ворчалъ на Рубинскихъ заимщиковъ за то, что они отказали намъ въ лошадяхъ, называя ихъ «супротивнымъ, упрямымъ народомъ, сутягами и еретиками». Наконецъ, когда мы пріѣхали на заимку, и я вошелъ опять въ знакомую уютную комнату «для гостей» и какъ разъ остался одинъ, ибо Поваренкины за это время куда-то отлучились, Ѳедоръ вошелъ и подалъ мнѣ посланіе, написанное карандашемъ, четкимъ славянскимъ шрифтомъ. Оно было слѣдующаго содержанія (здѣсь письмо приводится цѣликомъ, но по-русски и съ исправленіемъ орфографіи).

«Господи Иисусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Ѳедоръ Тимоѳеичъ, хочу я тебѣ дружески поговорить письмецомъ о твоёмъ несчастномъ случаѣ, кому ты послѣдовалъ, и кого ты хвалишь, и къ кому ты влечешь людей. Вчера я слышалъ рѣчи вашихъ благородныхъ, называемыхъ тобою лицъ, насмѣхаются надъ тѣми людьми, которые всегда и на всякомъ мѣстѣ творятъ молитву крестнымъ знаменіемъ двумя персты по святыхъ отцовъ преданію, боятся звѣря или иныхъ случаевъ страшныхъ... Охъ, бѣды твоя великія, отчувствуйся, брате мой любезнѣйшій, вздохни душою своею, помяни родительское благословеніе, помяни свое прежнее житіе святое, помяни страданіе твое пустынное за христіанскіе законы, очень мнѣ горько видѣть и слышать твое поведеніе лютое; плачуся съ рыданіемъ о твоей смерти душевной, нисколько не меньше плачуся часто по тебѣ, какъ когда ты уѣденъ былъ звѣремъ. О любезнѣйшій мой брате и счѣне духовный, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, посмотри-ка ты на своихъ называемыхъ тобою благородныхъ лицъ, я вчера видѣлъ и слышалъ отъ людей, бывшихъ тутъ, когда они ѣли за столомъ рыбу и пили чай изъ стакаповъ

своихъ, и на блюдо кладутъ папирсы, и мало поѣли съ безчи-
нiемъ, не молясь Богу, и хотя бы и молились, и та молитва ихъ
мерзость есть Богу, но и тоя молитвы нѣтъ. Охъ, брате мой,
любезнѣйшiй Ѳедоръ Тимоѳеевичъ, можно ли нарицать христіа-
нами такихъ безчинниковъ? Можно ли признать ихъ сынами церкви?
Никако. Таковыя нарицаются сынове беззаконiя, сынове погибели,
какъ вашъ игуменъ Антонiй въ своей книгѣ во главѣ г'і на стр. АѢ
о имени антихриста скажетъ, а ты, любезнѣйшiй мой брате, Ѳедоръ
Тимоѳеевичъ, съ ними, то-есть съ сынами беззаконiя совокупае-
шися и совокупился твердо, яси и піеши съ ними! Какъ это ваша
совѣсть поднимается принять такую мерзость, табачныя уста, бри-
тныя браны, не просвѣщенныя лица святымъ крестомъ, на всякомъ
браннѣ табакъ прикусываютъ, не точію на трапезѣ и ноцію
встаютъ, какъ я сейчасъ утромъ видѣлъ вашего благороднаго,
сосалъ папирску, кое безобразіе и мерзостное дѣло! Никакое жи-
вотное не употребляетъ, что хуже свиньи, и та не ѣстъ табачные
листвія и не глотаетъ дымъ. Неужто ты, братъ мой, полагаешь
надежду такимъ осквернителямъ внити въ царство небесное, неужто
сіи твои братія духовно нарицаются, неужто они достойны при-
нять тѣло и кровь Христову? Охъ, брате мой любезнѣйшiй Ѳедоръ
Тимоѳеевичъ, много ты ошибся, тебѣ не простительно такъ дѣлать,
ты долженъ людей учить доброму нраву и христіанскому закону,
не совокуплятися съ таковыми безчинниками по апостольскому
завѣщанію, а ты самъ туды же залѣзъ въ сонмъ нечестивыхъ
людей, иже нарицаются по писанію бѣсовскiй Вавилонъ. Покайся,
брате мой любезный, отступи отъ такового содомскаго сонмища
да не окаменѣеши, якоже жена Лотова; мерзко есть и слышати о
такомомъ собраніи, а ты нарицаеши ихъ христіанами, убойся
Бога приписывать такимъ безбожникамъ имя христіанское. Писалъ
м ца ію кд зу и г'Ѣ». Подписи имени не было.

Прочитавъ это любопытное и характерное посланіе, я воззрiлся
на Ѳедора, который слѣдилъ за впечатлѣніемъ моимъ во время
чтенія письма.

— Кто же писалъ, Ѳедоръ, это посланіе?

— А вотъ-съ, баринъ, тотъ супротивный человекъ, который
съ вами говорилъ, онъ все за вами подсматривалъ и, какъ волкъ,
ходилъ около избы послѣ того, какъ ушелъ, охъ, скверный онъ
человекъ,—говорилъ, качая головой, Ѳедоръ.

— Положимъ такъ, но все-таки я многого не понимаю въ
этомъ письмѣ, которое я возьму съ собой на память,—прого-
ворилъ я.

— А мнѣ позвольте снять копію,—сказалъ Ѳедоръ,—я его ото-
шлю въ епархіальное вѣдомство, ибо меня батюшка просилъ, какъ
я, значить, помогаю миссіонерскому дѣлу, отсылать такія посланія
ему для вѣдомостей.

— Изволь, но скажи, отчего онъ такъ ополчился противъ насъ?

— Первое, значить, что вы чиновники, а эти люди, ибо не одинъ онъ такой есть, а всѣ они, старцы, такъ мыслятъ изъ бѣгуновъ... конечно, что если чиновникъ, то онъ слуга антихристовъ, и пуговицы съ орлами суть печати антихриста, по-ихнему; они не хотятъ признавать ни власти, ничего, только боятся силы, про которую онъ и бормоталъ. Я вѣдь ихъ знаю хорошо, ибо грѣшный человекъ и самъ прежде склонялся къ ихъ расколу, отчего онъ въ письмѣ-то и напоминаетъ о моемъ прежнемъ житиѣ по его святомъ, а по-моему глупомъ и неправильномъ, и я въ пустыню, то-есть въ лѣсъ, съ ними удалялся, но позналъ всю ихъ черноту и упрямство безумное и бросилъ ихъ и иду противъ нихъ, за что они меня считаютъ погибшимъ человекомъ, сошедшимъ съ истиннаго пути. Богъ съ ними, но теперь ужъ имъ меня не убѣдить.

Въ это время я замѣтилъ, что дверь была полуотворена, и въ глубинѣ сѣней, какъ видно, стояла чья-то фигура и слушала. Но я не двинулся съ мѣста. «Пусть слушаютъ», думалъ я.

— Но какая же цѣль слѣдить за нами по пятамъ и писать такое посланіе, въ которомъ все имъ искажено?—спросилъ я Ѳедора.

— А видите, баринъ, онъ еще въ надеждѣ, что я, можетъ, обращусь въ ихъ ересь послѣ письма и брошу васъ, но не на такого напали. Они только прикрываются святостью, но на самомъ дѣлѣ хуже фарисеевъ... Я еще вамъ откроюсь... Вѣдь я не Ѳедоръ по имени-то...

— Какъ не Ѳедоръ?—воскликнулъ я въ изумленіи.

— Меня зовутъ Степаномъ по христіанскому крещенію,—проговорилъ онъ.

— Какъ же такъ?

— Да они по-своему переkreщиваютъ и даютъ имена, и вотъ, когда я уклонялся въ расколъ, они меня и окрестили Ѳедоромъ, такъ Ѳедоромъ меня и привыкли звать, и я-то привыкъ,—усмѣхнулся онъ.

Въ это время изъ сѣней вошелъ Василій, который, оказывается, весь нашъ разговоръ слышалъ. Степанъ или Ѳедоръ, котораго мы просто будемъ называть Халуевымъ, нѣсколько сконфузился при входѣ Василія и взялся за шапку.

— Такъ, баринъ, пожалуйста, дайте копію,—просилъ онъ.

— Хорошо, хорошо, Степанъ, приди немного позже, я покажу только топографу X.,—сказалъ я, пряча письмо въ боковой карманъ.

— Ладно, затѣмъ до свиданья-съ,—сказалъ, уходя, Халуевъ и скрылся за дверью.

— Про какую копію говорилъ вамъ онъ?—спросилъ Василій, хитро улыбаясь и садясь на стулъ.

— А тебѣ, Василій, очень интересно?.. Ну, такъ на, возьми и читай, секрета я изъ этого не дѣлаю,—и я подалъ ему посланіе.

Онъ довольно скоро прочелъ.

— Что жъ вы съ этимъ будете дѣлать?—любопытствовалъ онъ, при чемъ улыбка не покидала его.

— Да ничего, по всей вѣроятности, не въ судъ же тянуть этого глупца.

— Вы думаете, онъ глупецъ?—и Василій пристально на меня посмотрѣлъ.

— Конечно, но озлобленный и закоренѣлый, все равно его не вразумишь, а письмо имѣетъ нѣкоторый интересъ.

— Ахъ, баринъ,—и Василій поднялся съ мѣста,—мнѣ бы желательно было съ вами о многомъ поговорить, ваше благородіе, да больно опасуюсь за своихъ... Вотъ что, позвольте въ этой же комнатѣ мнѣ переночевать.

— Сдѣлай одолженіе,—замѣтилъ я —вѣдь ты до нѣкоторой степени здѣсь хозяинъ.

— Какой хозяинъ!—и онъ махнулъ рукой.

Въ это время вошелъ Х.

— Такъ пока до свиданья, до ночи,—и Василій вышелъ.

Х. сообщилъ мнѣ, что онъ намѣревается итти на ночь караулить медвѣдицу, которая очевидно ходила неподалеку. Я ему показалъ посланіе, надъ которымъ онъ немало смѣялся и рассказалъ при этомъ въ объясненіе непонятнаго для меня мѣста въ письмѣ, что онъ много хохоталъ надъ однимъ мужикомъ, который, увидавъ медвѣдя, струсилъ страшно и началъ кричать: «сгинь, сатана». Медвѣдь на него плюнулъ и ушелъ. Напившись вечерняго чая, Х. собравъ свои охотничьи доспѣхи, ушелъ караулить медвѣдицу. Я сталъ готовиться ко сну въ виду наступленія вечера; вскорѣ появился Василій, таща съ собою кошму для подстилки; онъ помѣстился недалеко отъ меня на полу, на кошмѣ, подложивъ подъ голову подушку, одну изъ многихъ, лежавшихъ горой на постели.

— Ну, говори, Василій, что ты хотѣлъ мнѣ сказать, здѣсь насъ никто не услышитъ,—обратился я къ нему, закуривая папироску.

— Этотъ Халуевъ, баринъ, съ хитрецей большой,—сказалъ Василій, когда улегся на кошмѣ.

— Почему ты это заключаешь?—спросилъ я.

— Сначала онъ былъ такимъ же кирзачомъ, какъ и всѣ остальные, и немало онъ попользовался всякимъ добромъ отъ моего отца... А потомъ, значить, онъ надумалъ другое. Къ намъ прїѣзжали священники православные для бесѣды съ нашими стариками, да безъ послѣдствій осталась ихняя бесѣда. Халуевъ же около нихъ сталъ вертѣться, покаялся имъ и началъ присовѣтовать устроить церковь православную. Тѣ стали хлопотать и выхлопотали разрѣшеніе на постройку и даже деньги изъ епархіи. А для кого здѣсь церковь, когда и православныхъ-то никого нѣтъ? Халуевъ-то не будь плохъ и предложи свои услуги для постройки

церкви, значить, чтобы лѣсъ да матеріалы поставлять, да рабочихъ нанимать и расчетъ имъ дѣлать. Денегъ ему и не хватило. Вотъ и выстроили только одно зданіе... съ виду какъ будто и церковь, а внутри-то ничего нѣтъ... Вы видѣли, вѣрно, въ концѣ нашей заимки постройку съ крестомъ въ родѣ часовни?

— Какъ же, замѣтилъ.

— Ну, вотъ это труды Халуева, а пока еще никакихъ послѣдствій изъ этого не вышло. И стоитъ эта церковь пока недостроенная и необрядная... А Халуеву тоже кое-что перепало за труды. Наши, конечно, отъ него отшатнулись... Тогда онъ началъ миссіонерничать, да какой онъ миссіонеръ? Образованіемъ онъ не вышелъ. На него за послѣднее время и священство православное тоже стало коситься за недостроенную церковь... Такъ онъ и остался ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ.

— Между двумя стульями,—добавилъ я.

— Въ родѣ того,—проговорилъ Василій.

— Да, но когда придутъ сюда переселенцы, вѣдь эту церковь достроятъ, и будетъ здѣсь приходъ,—замѣтилъ я.

— Когда еще это будетъ?

— Скоро, Василій.

— Да скоро ли? Какъ они придутъ сюда-то? Мѣста хорошія, да дороги нѣтъ.

— Выстроятъ...

— Развѣ что...—и онъ завертѣлся на своей кошмѣ.

— Ну, а какъ ты самъ-то? Въ какихъ мысляхъ насчетъ вѣры?—свернулъ я на интересующую меня тему.

— Колеблюсь, баринъ, шибко колеблюсь... Теперь хоть бы нашу семью взять... Всѣ въ разныя стороны смотрятъ. Одинъ дѣдушка православный, безногий, другой дѣдушка Поваренкинъ, отецъ, значить, тятеньки — ярославецъ, отдѣльно живетъ и видѣтъ людей не хочетъ и съ ними не разговариваетъ; братъ Алексѣй православный, мать часовенная, отецъ тоже, словомъ всѣ изъ разныхъ чашекъ щи хлебають... Куда тутъ дѣнешься?

— А самъ ты некрещеный?

— Нѣтъ, баринъ.

— Гм... А если бы тебѣ креститься по-православному?

— Ужъ и не знаю какъ... То ли креститься, то ли нѣтъ?—проговорилъ онъ задумчиво.

Наступило молчаніе (я не рѣшался его убѣждать, ибо не чувствовалъ достаточной силы слова).

— А со священниками ты не говорилъ?

— Да меня на пашню отецъ послалъ, когда они пріѣзжали.

«Отвлекъ, какъ видно, отъ бесѣды?»—подумалъ я.

— Думай, Василій, вѣдь надо рѣшиться какъ нибудь, вѣдь твое положеніе даже хуже, чѣмъ между двумя стульями. Безъ религіи трудно жить, да еще человѣку необразованному.

— Думаю я, баринъ, и все ничего въ мысляхъ не является... Ужъ тятенька поговариваетъ, что женить меня пора... И невѣсту присмотрѣли въ Тюхтеги, православную, а я все равно, какъ язычникъ какой... и онъ заворочался на кошмѣ.— Вотъ опять креститься... Отъ нашихъ отстанешь... Алексѣю брату теперь какое житье?! Все равно, что мука... Наши киржаки ему проходу не даютъ. Отъ того онъ болѣе и запиваетъ, ужъ больно солоно ему живется... Человѣкъ онъ слабый... Вотъ и боишься..

— Да вѣдь ты-то не слабый.

— Крѣпости своей я тоже не знаю... Съ нашими жить все равно, что съ волкомъ въ лѣсу... Не ровень часъ, и загрызуть... Вотъ тутъ и подумай... Иной разъ полъ-ночи продумаешь, сна лишишься...

Я тоже не находилъ, что ему посовѣтовать въ такихъ запутанныхъ обстоятельствахъ.

— Да вѣдь тебѣ не все же жить со своими, придуть сюда новоселы, и жизнь ваша переменится, люди будутъ новые...

— Да какіе люди-то будутъ? Худые или хорошіе, кабы угадать,— проговорилъ онъ, позѣвывая.

— Люди россійскіе...

— Какъ же эта Россія съ тайгой справится?

— Немного, пожалуй, ея, тайги-то вѣше, останется...

— Да ужъ точно... А тайги-то матушки бо-о-льно жа-а-ль...

На этомъ словѣ онъ замолчалъ, и я скоро заснулъ.

На другой день утромъ начались сборы въ тайгу. Рабочіе, отдохнувши, живо увязывали мѣшки и тюки, сѣдлали лошадей, продѣлывая все необходимое съ необычнымъ вниманіемъ; въ каждомъ движеніи ихъ проглядывала сосредоточенность, они чувствовали, что «старцы», куда мы направляли путь, живутъ въ дремучихъ лѣсахъ, и пробраться къ нимъ дѣло не шуточное и рискованное, а потому всякая снѣдь, всякій припасъ, кончая веревками, все на счету, все въ пути пригодится. Заядлый охотникъ Никифоръ еще на восходѣ солнца подѣхалъ на двухъ лошадяхъ, изъ которыхъ одна шла «въ недоузкѣ» за другой, привязанная къ хвосту. Его Соколка и Чернякъ, неразлучныя собаки-адъютанты, бѣгали около коней, выражая нетерпѣніе къ скорѣйшему отправленію на добычу. Таежныя собаки не любятъ засиживаться на заимкахъ. Имъ подавай лѣсъ да дичь, а главное звѣрье, къ которому онъ крайне неравнодушенъ. Въ селеніяхъ же, не видя долго тайги, онъ излѣнивается и скоро портится для звѣровой охоты. Нашъ караванъ двинулся во главѣ съ Абрамѣемъ, хитрѣйшимъ мужичкомъ съ елеяной физиономіей, напросившимся въ проводники, водившимъ дружбу со всѣми старцами, снаружи и по обрядамъ онъ былъ «киржакомъ» и не былъ чуждъ всевозможныхъ свѣтскихъ развлеченій, умѣя подлаживаться и къ чиновничеству и къ «никонианцамъ».

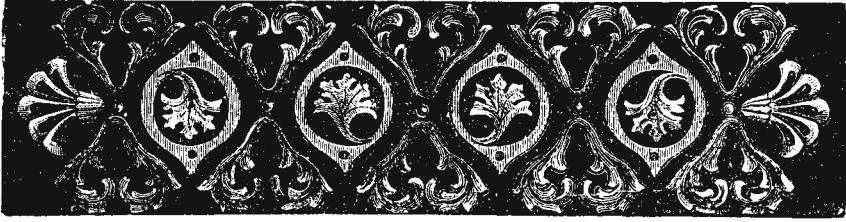
По рассказамъ Абрамія, первыя избушки «старцевъ» были расположены на правомъ берегу рѣки Кандата, впадающаго въ рѣку Четь. Въ этомъ направленіи и двинулся нашъ караванъ, сопровождаемый напутствіями чуть ли не всѣхъ жителей Поваренкинской заимки. Движеніе нашего каравана по тайгѣ до рѣки Кандата прошло сравнительно легко, безъ особыхъ приключеній, и «дремучіе» лѣса, о которыхъ такъ много говорилось, оказались смѣшаннымъ лѣсомъ, прерываемымъ небольшою гарью и небольшимъ кусочкомъ тайги. Путь облегчался, главнымъ образомъ тѣмъ, что старцами отъ самой Поваренкиной заимки была проложена тропа до рѣки Кандата. Хотя она и заросла вслѣдствіе рѣдкаго движенія по ней, но Абрамію ее отлично отыскивалъ по «задерямъ»¹⁾ на стволахъ стоящихъ по пути деревьевъ. Къ вечеру мы были уже на берегу рѣки Кандата, гдѣ и заночевали, разбивъ по обыкновенію нашъ караванъ на два стана: на одномъ берегу помѣстились съ конями рабочіе, на другомъ расположились въ походномъ шатрѣ Х. и я; Абрамію, въ качествѣ неизмѣннаго «стража», прикурнулъ около потрескивавшаго костра... Утромъ, когда я выглянулъ изъ палатки, солнце уже высоко стояло, и темныя воды таежной рѣки освѣщались лучами его и струились и сверкали среди высокихъ береговъ, покрытыхъ вѣковыми хвойными деревьями.

II. Соколовъ-Костромской.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ «Задерь»—особый знакъ топоромъ, дѣлаемый охотниками въ тайгѣ для указанія тропы.

ПОПЪ МАРКО ПЕЙОВИЧЪ.

(Изъ воспоминаній художника Микѣшина за 1862 г.).

КАКЪ-ТО ОСЕНЬЮ шелъ я въ густой толпѣ народа, шмыгавшаго по панели Невскаго проспекта. Глаза мои остановились на ярко бѣломъ пятнѣ живописнаго черногорскаго костюма, въ которомъ уныло и мрачно брелъ атлетическихъ формъ мужчина, головой выше окружавшей его толпы. Гигантскій ростъ, внушительная физіономія и оригинальный костюмъ черногорца обращали на себя всеобщее вниманіе. Каждый, при встрѣчѣ съ этой оригинальной фигурой, останавливался и оглядывалъ его съ ногъ до головы; да и было на что посмотреть: когда-то роскошный его черногорскій бѣлый «долама», обшитый по бортамъ, такъ же, какъ и алая куртка подъ нимъ, густыми рядами золотыхъ галуновъ и шнурковъ,—носилъ на себѣ печать нашей петербургской осени. Галуны и шнуры, поистрепавшись тамъ и сямъ, отстали, потускнѣли; на бѣлыхъ чулкахъ и короткихъ горскихъ сапожкахъ время и климатъ нашъ наложили особо-злые слѣды; лишь граціозная траурная шапочка съ черногорскимъ гербомъ да черный крестъ князя Данилы «за независимость», болтавшійся на старенькой ленточкѣ, казались свѣжѣе остального костюма.

На видъ ему было лѣтъ около пятидесяти. Строгя, нѣсколько хищныя, какъ бы орлиныя черты лица, смягченныя выраженіемъ унынія и горя, медленная походка (онъ шелъ, прихрамывая и грузно опираясь на суковатую палку), — напомнили мнѣ одного стараго обдерганнаго орла, тоже со сломанной ногой, котораго я какъ-то видѣлъ гуляющимъ въ Лѣсномъ институтѣ около дачъ съ какимъ-то

не менѣе престарѣлымъ, обдерганнымъ и эксцентричнымъ господиномъ. То же впечатлѣніе павшаго могущества производила на меня вся фигура этого черногорца...

Шель онъ, вздрагивая отъ сырого и холоднаго воздуха, не обращая ни малѣйшаго вниманія на дѣлаемый имъ эффектъ, и, не доходя Адмиралтейской площади, повернулъ въ ворота довольно грязнаго двора дома Шишкина, гдѣ помѣщалась тогда сербская кухмистерская, содержимая герцеговинцемъ Стэвою Демьяновичемъ. Тамъ попреимуществу собиралось южно-славянское студенчество, учащіяся въ петербургскихъ заведеніяхъ офицеры, юнкера, кадеты изъ сербовъ и болгаръ; туда же являлись и всѣ посѣщавшіе Петербургъ славяне. Эту кухмистерскую между прочимъ посѣтили: сербскій министръ Ристичъ и даже митрополитъ Михаилъ со своимъ ассистентомъ—архимандритомъ Саввою Дучичемъ, болгарскій патриотъ Игуменовъ, извѣстный во всемъ славянскомъ мірѣ, и проч. Туда же черезъ дворъ направился и упомянутый мною черногорецъ.

Я давнымъ-давно знакомъ былъ съ хозяиномъ кухмистерской. Это былъ наивнѣйшій сербъ изъ Герцеговины. Въ характерѣ его замѣчалась такая странная смѣсь разнороднѣйшихъ качествъ, что онъ достоинъ былъ самаго тщательнаго психическаго анализа; но не онъ служитъ предметомъ моего настоящаго очерка, а потому изъ особенностей характера Стэвы и упомяну только о томъ, что существенно необходимо для моего разсказа.

Пилъ Демьяновичъ всякое хмельное безпредѣльно, безъ малѣйшаго вреда своему здоровью. Сколько бы человекъ ни посѣтили въ сутки его «ресторана», со всѣми норовилъ онъ чокнуться рюмкой и выпить за здоровье посѣтителя; онъ былъ безгранично добръ и честенъ, и тутъ же ухитрялся сотворить безжалостную несправедливость, — могъ обесчитать и обмѣрить вполне обдуманно; но при всемъ этомъ онъ пригрѣвалъ и накармливалъ непомерное, по своимъ средствамъ, количество славянскихъ скитальцевъ, періодически наѣзжавшихъ въ Петербургъ, которые, въ особенности за послѣднее десятилѣтіе, какъ комары на свѣтъ, стремились въ російскую столицу. Многіе являлись сюда безъ всякихъ опредѣленныхъ цѣлей, къ «братьямъ руссамъ», искать невѣдомаго счастья... Кое-кто изъ нихъ, обладая рекомендаціей или протекціей, попадалъ въ военную службу или учебное заведеніе; большинство же, потерявъ надежду какъ либо пристроиться, влачили жалкое и голодное существованіе до того момента, когда азіатскій департаментъ или славянскій благотворительный комитетъ не помогутъ подобному комару убраться изъ Петербурга восвояси; но пока добьется скиталецъ помощи, — желудокъ его обреченъ на ежедневныя оскорбленія невниманія, и вотъ въ такихъ-то именно случаяхъ Стэва Демьяновичъ дѣлался истымъ христіаниномъ; многимъ сотнямъ своихъ соотечественниковъ безкорыстно помогъ онъ въ трудныя минуты.

Но какъ только кто либо изъ его посѣтителей оперялся, — поступалъ ли на казенную службу или примащивался къ какому либо иному дѣлу, — Стѣва тотчалъ же начиналъ его эксплуатировать и обсчитывать. А съ людьми съ независимыми средствами, въ числѣ которыхъ, по его миѣнью, былъ и я, онъ совсѣмъ не церемонился: за все, потребляемое въ его заведеніи, онъ требовалъ вдвое и втрое противъ назначенныхъ на картѣ цѣнъ. Разъ я не выдержалъ и спросилъ его:

— Бога ты не боишься, Стѣва! Какъ же можно за пару папирозъ и за одну бутылку пива, что мы распили, требовать рубль!

— Бога ми, — жалобно отвѣтилъ онъ ломанымъ сербскимъ языкомъ, — я уже восемь порцій донасъ (сегодня) выдалъ «несретямъ» (несчастливымъ), а вы, господине, добро знаете, что я самъ есмь не богатый человѣкъ.

Эта откровенная аргументація, въ правдѣ которой невозможно было сомнѣваться, обезоруживала претензію; невольно вспоминалась при этомъ знаменитая фабула Шиллеровскихъ разбойниковъ...

Руководясь единственно инстинктомъ въ отношеніяхъ къ своимъ протѣжѣ, онъ часто вдавался въ возмутительныя крайности: не понравится ему голосъ какого нибудь бѣдняка серба, или заподозритъ онъ, на примѣръ, такого «несрета» въ схизмѣ, то-есть въ католичествѣ... ну, и шабашъ! Тутъ хоть умирай съ голоду, — ничего отъ Стѣвы не получишь!

Много на моей памяти перебивало въ этой приснопамятной кухмистерской. Миѣ говорили, что почти не было исключенія, чтобы кто либо изъ пріѣзжихъ югославянъ не побывалъ въ этой кухмистерской волей-неволей, такъ что за Стѣвой Демьяновичемъ и понынѣ осталось шуточное званіе сербскаго консула въ Петербургѣ.

Изъ посѣтителей кухмистерской образовалось нѣчто въ родѣ «отбора» или «дружества», съ цѣлью взаимной помощи. Тутъ принимали участіе и чехи, проживающіе или прибывающіе въ нашу столицу, но

Въ одну телѣгу впрячь не можно
Кони и трепетную лань...

Стремленія къ преобладанію чешскаго «культуртрегерства» и югославянскаго «юначества» здѣсь въ маломъ масштабѣ продѣлали то, что по всѣмъ признакамъ въ близкомъ или далекомъ будущемъ предстоитъ въ грандіозномъ размѣрѣ дѣйствительности. Наблюдатель этой маленькой политической драмы на сценѣ кухмистерской могъ прослѣдить всѣ перипетіи взаимныхъ отношеній народностей славянской расы. Всѣ отгѣнки этихъ отношеній были продѣлываемы импровизированными актерами съ добросовѣстнѣйшей отчетливостью и тонкостью. Нужно замѣтить, что, кромѣ чеховъ-моравовъ и сербовъ-черногорцевъ, тамъ занимали причитаю-

щіяся имъ роли и болгары, и маленькія подраздѣленія славянства: далматы, хорваты, словенцы, галичане, австрійскіе сербы и проч. и проч.; блистали своимъ отсутствіемъ лишь поляки... Въ концѣ концовъ, для эпилога, въ роли примирительницы разношерстныхъ элементовъ, выступала Россія черезъ своихъ представителей—чиновъ петербургской полиціи... Многіе изъ участвовавшихъ тогда въ этой ассоціаціи личностей занимаютъ теперь довольно видныя роли въ настоящемъ славянскомъ движеніи на Балканскомъ полуостровѣ. Напримѣръ, нынѣшній сербскій военный министръ Савва Груичъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ ежедневно обѣдалъ и ужиналъ у Стэвы Демьяновича, находясь въ то время въ нашей военной академіи.

Итакъ, старый орелъ, за которымъ я слѣдовалъ, повернувъ въ ворота дома Шишкина, вошелъ въ сербскую кухмистерскую.

Первая комната, куда мы вошли, была чадная буфетная; въ ней стоялъ прилавокъ со всякими плохими закусками и неизбежной во всѣхъ восточныхъ харчевняхъ свирѣпой «паприкой» (турецкій перецъ).

Спутникъ мой тяжело опустился у прилавка. Я сѣлъ по близости къ столу и взялъ въ руки газету. Хозяина Демьяновича не было дома, за прилавкомъ торчалъ блѣдный, апатичный мальчикъ. Слышу я, не глядя на черногорца, его громкій, но невнятный шопотъ, обращенный къ мальчику, и отвѣтъ послѣдняго:

— Хозяинъ не велѣлъ безъ себя давать.

Вслѣдъ за отказомъ послѣдовалъ тяжелый, могучій вздохъ черногорца. Я украдкой поглядѣлъ на него: изъ пепельницы, стоявшей передъ нимъ, онъ выбралъ брошенные туда два окурка сигаръ, растерзалъ ихъ и, стерши въ ладоняхъ, началъ вертѣть себѣ папирску изъ клочка рваной, газетной бумаги... Я предложилъ ему папирску; онъ взялъ, величаво и гордо поблагодаривъ меня по-сербски. При этомъ онъ снялъ свою шапочку; на высокомъ лбѣ его виднѣлась широкая, старая рана... Въ это время вошелъ хозяинъ, Стэва, и шумно раскланялся со мной, сосѣду же моему онъ еле кивнулъ головой.

Ясно было, что мой сосѣдъ хочетъ ѣсть, и что кредитъ его въ кухмистерской Демьяновича окончательно подорванъ.

— Стэване!—обратился я къ хозяину:—что же ты насъ не познакомишь?

— Попъ Марко Пейовичъ, черногорецъ, — промямлилъ нехотя Стэванъ и вслѣдъ за этимъ назвалъ ему меня по имени, отчеству и фамилии.

Мы разговорились. Попъ Марко пріятно изумился и обрадовался тому, что я, русскій, свободно объясняюсь съ нимъ на его родномъ языкѣ. Векорѣ мы договорились до общихъ знакомыхъ, находящихся тамъ и сямъ въ юго-славянскихъ земляхъ. Разговоръ оживился.

Попъ Марко Пейовичъ.
(Факсимиле рисунка М. О. Микъшина).

— Не худо бы поѣсть чего нибудь,—схитрилъ я,—скверная у меня привычка: не могу одиноко ѣсть; не сдѣлаете ли вы мнѣ компаніи?

— Охотно,—какъ-то подозрительно поглядывая на меня, промолвилъ орелъ.

Демьяновичъ артистически готовилъ нѣкоторые восточныя блюда и къ тому же былъ страстный охотникъ до политическихъ разговоровъ въ компаніи, а потому самъ же вызвался изготовить намъ на славу «паприкашъ» и «накисело месо». Нашлись у него также и «ракія» и сербское «црно-вино».

Этимъ наше знакомство закрѣпилось. Пейовичъ часто началъ посѣщать меня и повѣдалъ мнѣ съ большою сдержанностью и достоинствомъ главные эпизоды своей жизни. Его жизнь полна самаго живого интереса, какъ это, впрочемъ, и увидить тотъ случайный читатель, коему попадетъ мой очеркъ въ руки.

Предшественникомъ нынѣшняго черногорскаго князя Николая былъ родной дядя его, князь Данило. Воспитанный французскими гувернерами, онъ прекрасно владѣлъ французскимъ языкомъ и, обладая поэтическимъ даромъ, легко и свободно писалъ стихи, какъ на родномъ, такъ и на французскомъ языкахъ. Воспитаніе привило къ нему изящныя манеры и привычки, что не мѣшало ему быть истиннымъ черногорскимъ патриотомъ. Не разъ, уже будучи княземъ Черногоріи, онъ предпринималъ поѣздки во Францію; эти поѣздки особенно нравились пресловутой и шикарной супругѣ его, красавицѣ княгинѣ Даринькѣ. Но не по душѣ были эти французскія симпатіи ни его суровымъ, спартанскимъ родичамъ, ни простому, воинственному черногорскому народу. Дѣло, однако жъ, шло ни шатко, ни валко до тѣхъ поръ, пока на политическомъ горизонтѣ Европы не вспыхнуло зарево крымской войны. На Дунаѣ и въ Малой Азіи, подъ Карсомъ, загремѣли русскія пушки; а къ намъ на южный берегъ Крыма высаживались англо-франко-турецкіе отряды...

Положеніе князя Данилы съ его французскими симпатіями (хотя, какъ я сказалъ уже, въ нихъ и тѣни не было чего либо политическаго) было довольно щекотливое, особенно въ виду боззавѣтныхъ симпатій черногорскаго народа къ Россіи. Князь сильно задумался надъ тѣмъ, какъ бы возстановить въ своемъ народѣ, да и во всемъ славянствѣ, выгодную о себѣ репутацію и чѣмъ бы увѣрить свѣтъ въ своемъ патриотизмѣ.

При дворѣ его находились два брата Пейовича (родъ Пейовичей—одинъ изъ старыхъ и почетныхъ въ княжествѣ; изъ города Цеклина, Ріечской нахіи). Старшій братъ, попъ Марко, былъ близкимъ совѣтникомъ князя Данилы, «кабадахія», т. е. чѣмъ-то въ родѣ нашего гофмейстера двора, и пользовался особымъ довѣріемъ и вниманіемъ князя. Младшій братъ, Перо, былъ княже-

скимъ «перьяниномъ», т.-е. тѣлохранителемъ князя, или, вѣрнѣе, «опричникомъ»; онъ славился необыкновенной храбростью.

Призвалъ князь попа Марка на совѣтъ, и стали они раздумывать, что бы предпринять на пользу родной Россіи и чѣмъ бы заявить себя въ славянскомъ дѣлѣ, въ столь важный и знаменательный моментъ.

— Хорошо бы смахнуть голову султану Меджиду,—пришла мысль князю,—да не знаю, кому бы изъ юнаковъ поручить это щекотливое дѣло!

Задумался надъ этимъ и попъ Марко. Пораскинули умомъ, погадали да и рѣшили, что если ужъ браться за такое рискованное дѣло, то не кому иному, какъ самому же попу Марко, за котораго говорила и сила богатырская, и практика великая, и сравнительно съ окружающими большое развитіе...

Снарядили Марка Пейовича въ путь-дорогу. Прощаясь съ нимъ, князь обѣщаль, коли успѣшно совершить онъ взятый на себя подвигъ, побрататься; если же сложитъ онъ въ этомъ опасномъ дѣлѣ свою буйную голову, то замѣнить отца родного семьѣ своего «побратима».

Явился попъ Марка въ Царьградъ (въ 1854 г.), который представлялъ тогда промежуточную станцію Западной Европы къ русскому Севастополю, обливавшемуся и русской и вражеской кровью...

Тогда въ Константинополѣ (какъ впрочемъ и постоянно) проживали черногорцы, числомъ отъ 2 до 3 тысячъ человѣкъ. Чтобы можно было имѣть надъ ними какой либо контроль, султаномъ дозволено было избрать имъ изъ своей среды старшину, который и утверждался въ этомъ отвѣтственномъ званіи турецкою властью. За всякія проказы царьградскихъ черногорцевъ власть привлекала такого старшину, «хорватъ-баши».

Въ моментъ прибытія Пейовича въ Стамбулъ черногорцы почему-то искали себѣ новаго голову. Выборъ палъ на Марка, какъ на человѣка, популярнаго по своимъ юначескимъ подвигамъ. Всѣ ополчавшіеся на насъ французы, англичане и другіе, раненые подъ Севастополемъ, наводняли Константинополь. Ежедневно прибывали и отбывали въ Крымъ новые десанты. Часть плѣнныхъ русскихъ доставлялась въ Стамбулъ, и турецкая стража водила ихъ по городскимъ улицамъ и площадямъ, какъ звѣрей, на показъ пестрому и разношерстному населенію. Фанатическая чернь насмѣхалась и грубо оскорбляла этихъ несчастныхъ, пока наконецъ ихъ не прятали въ тюрьмы.

Между тѣмъ, англо-французскіе агенты въ Константинополѣ, желая устроить скандальную демонстрацію противъ Россіи, старались подкупить константинопольскихъ черногорцевъ, съ цѣлью навербовать изъ нихъ славянскій отрядъ волонтеровъ для дѣйствій противъ русскихъ. Когда узналъ объ этомъ нашъ «хорватъ-

баши» пошъ Марко, то пришелъ, конечно, въ страшное негодование. Между черногорцами было нѣсколько грековъ и полуправославныхъ арнаутовъ и какъ одни, такъ и другіе представляли изъ себя ненадежный элементъ! Собралъ тогда нашъ Марко Пейовичъ свою отчаянную дружину и, изрекая Божьи проклятія на измѣнниковъ, потрясая въ воздухѣ своимъ ятаганомъ, заявилъ, что если кто либо изъ нихъ польстится на подкупы, онъ cadaго по очереди вызываетъ на смертное единоборство, хотя бы пришлось драться и со всею дружиною. «Живіо, нашъ юнакъ, пошъ Марко!» грянули восхищенные черногорцы. Никто не призналъ за собою страшнаго грѣха измѣны. «Смерть измѣнникамъ!» — кричали правые и виноватые, сверкая своими ханджарами. Эта новая юначеская выходка снова сплотила всѣхъ въ одну патріотическую семью, на которую не могли подѣйствовать уже никакіе подкупы.

Съ этой минуты установилось полное обаяніе храбраго хорватъ-баши надъ его дружиною. Пользуясь имъ, Пейовичъ, въ ожиданіи удобнаго момента для выполненія взятаго на себя тайнаго подвига, направилъ свою дѣятельность на спасеніе изъ-подъ турецкой неволи русскихъ плѣнниковъ. Дѣлалось это такимъ образомъ: одѣвалъ онъ нѣсколько своихъ сорванцовъ въ турецкія платья и, передъ вечеромъ, когда въ густой массѣ народа, по тѣснымъ площадямъ и переулкамъ, провозжала турецкая стража русскихъ плѣнниковъ, переодѣтые черногорцы протѣснялись къ самымъ плѣннымъ и, выждавъ удобный моментъ, мгновенно снимали съ кого нибудь изъ русскихъ военную фуражку и, замѣнивъ ее черногорской «каной», на плечи накидывали черногорскій плащъ. Сейчасъ же такого переодѣтаго плѣнника окружали нѣсколько точно также одѣтыхъ черногорцевъ, тамъ и сямъ толкавшихся въ густой черни, и человѣкъ былъ спасенъ... Затѣмъ хорватъ-баши выправлялъ ему черногорскій паспортъ и съ какимъ нибудь итальянскимъ судномъ, отходящимъ изъ Стамбула въ Адриатику, направлялъ его черезъ Триестъ далѣе на полную свободу.

Послѣ первой удачи Пейовичъ со своими юнаками продолжалъ это дѣло систематически, но не долго: какой-то грекъ выдалъ его туркамъ. Марка арестовали и сослали на Кандію, гдѣ, бросивъ въ подземную темницу, лишили его на цѣлыхъ шесть лѣтъ свѣта Божьяго. Шли годы за годами. Война давно уже кончилась. На мѣстахъ, когда-то обогранныхъ человѣческой кровью, много разъ уже смѣнялись, цвѣли и отцвѣтали травы и цвѣты. На престолахъ европейскихъ державъ, большихъ и малыхъ, также произошли перемѣны, а нашъ орелъ Пейовичъ, забытый и живыми и мертвыми, никому невѣдомый, короталъ свою геройскую, полную силы и мужества жизнь въ мрачномъ подземельѣ, въ обществѣ мокрыхъ жабъ и сороконожекъ...

Не могъ онъ даже распознать дня отъ ночи, благодаря скудному свѣту, выходившему изъ дыры въ потолокъ, откуда ему бросали пищу и въ тыквахъ опускали воду. Слухъ его развлекало лишь верещанье жабъ да звукъ шаговъ часового, когда тотъ приближался къ отверстію потолка. «Высохъ я,—говорилъ Пейовичъ,—точно скелетъ, и съѣдалъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца столько, сколько здоровый человѣкъ могъ съѣсть въ сутки». Платья у него давно уже не было никакого; временами ему казалось, что онъ забылъ человѣческую рѣчь. Бѣдный Марко потерялъ счетъ не только днямъ и ночамъ, но и годамъ... Вопросъ о времени исчезъ для него вовсе. И такъ тянулись годы за годами... Онъ успѣлъ въ своей могилѣ приручить и вывести цѣлый рядъ поколѣній жабъ и воспитать между ними своихъ любимицъ и друзей... Страстно любя своихъ покинутыхъ дѣтей и мучась тоскливыми о нихъ думами, онъ перенесъ ихъ милыя имена на своихъ жабъ: у него были и Свѣтозаръ, и Зорица, и Нуна... Точно дѣтямъ расточалъ онъ свои ласки и постоянно беспокоился о состояніи ихъ здоровья...

Разъ, прислушиваясь къ мѣрнымъ шагамъ ночного сторожа, который ходилъ «на томъ свѣтѣ» надъ его могилой, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ восторга; до его слуха долетѣлъ робкій сербскій нагѣвъ:

«Пошетала царица Милица
Изъ-подъ града біела Крушевца ...

пѣлъ молодой голосъ въ ночной тиши, проникая въ душу страдальца...

— Чуй, брате, молимъ те!—едва достало силъ выкрикнуть несчастному, когда пѣвецъ смолкъ передъ новымъ куплетомъ пѣсни.

— Что тебѣ? Кто тамъ?—отвѣчалъ часовой по-сербски. Оказалось, что турецкій часовой былъ изъ Герцеговины, «потурчанный» сербинъ, а извѣстно, чтоэти «потурчанные», омусульманенные сербы изъ Босніи и Герцеговины не только сохраняютъ свой языкъ и славянскіе старые обычаи, но и поютъ свои старыя, историческія пѣсни, гдѣ прославляется доблесть и подвиги излюбленныхъ народнымъ эпосомъ героевъ-юнаковъ въ борьбѣ съ турками и мусульманствомъ.

Сжалился молодой солдатикъ надъ страданіями Пейовича—знать, самъ затосковалъ по своей Герцеговинѣ.. Разговорились они, и оказалось, что Пейовичъ знавалъ на своей далекой родинѣ и родителей и родичей часового, жившихъ по сосѣдству съ Черногоріей. Взялся солдатикъ доставить вѣсть о заключенномъ греческому консулу, что пребывалъ въ Кандіи. Съ великимъ трудомъ на какомъ-то осколкѣ аспида или мрамора написалъ Пейовичъ нѣсколько словъ о своемъ заключеніи и передалъ часовому. Тотъ честно, по обѣщанію доставилъ консулу написанное, и консулъ въ свою очередь передалъ извѣстіе о заключенномъ въ русское посольство въ

Константинополь. Посольство сдѣлало запросъ по этому поводу турецкимъ властямъ и въ отвѣтъ получило заявленіе, что заключенный черногорецъ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался. На этомъ попытка къ освобожденію его и затихла надолго. Снова потянулась для Пейовича безформенная лента времени безъ дней, ночей, часовъ и годовъ. Онъ наконецъ дошелъ до страшнаго изнеможенія. Но судьба снова улыбнулась ему: снова пришлось быть на часахъ у его могилы тому же доброму герцеговинцу. Слабо окликнулъ онъ Пейовича по имени. Звукъ человѣческаго голоса и родного языка оживилъ изнемогавшаго. Покормилъ его часовой, напоилъ и, сказавъ, что онъ вскорѣ отправляется въ Стамбуль, предложилъ доставить свѣдѣніе о заключенномъ прямо въ русское посольство, и свято исполнилъ свое обѣщаніе. Новое извѣстіе о заключеніи черногорскаго священника въ Кандію обнаружилось русскому посланнику въ Константинополь ложь турецкаго отвѣта по этому же поводу, полтора года назадъ; а такъ какъ изъ посольства отправлялся кто-то съ порученіемъ на Кандію, то лицу этому и поручено было произвести строгое слѣдствіе и именемъ посланника требовать освобожденія заключеннаго.

Такимъ образомъ попъ Марко Пейовичъ былъ освобожденъ. При отпускѣ на родину съ него была взята клятва и подписка, что онъ никогда въ жизни не ступитъ на турецкую территорію. Посадили его изъ Кандіи на какое-то итальянское судно, и вотъ онъ, полуживой, изстрадавшійся, послѣ шести лѣтъ отсутствія, прибылъ наконецъ въ Цетинье. Здѣсь ждали его новыя бѣды и горькія разочарованія. Побратимъ его, князь Данила, еще въ іюнѣ 1860 года палъ отъ пули убійцы, Тодора Кадича... Все, что было близко погибшему князю, уступило мѣсто новой обстановкѣ, новому владѣтелю Черногоріи, князю Николаю. Переворотъ былъ полный. Всѣ новыя порядки новаго княжескаго правительства установились при содѣйствіи русскаго дипломатическаго агента (впослѣдствіи директора азіатскаго департамента министерства иностранныхъ дѣлъ).

Появленіе попа Пейовича, ближайшаго человѣка къ погибшему князю,—появленіе какъ бы съ того свѣта, такъ какъ никто уже въ живыхъ его не ожидалъ видѣть,—произвело неприятное впечатлѣніе въ Цетиньѣ. Его упреки въ неблагодарности къ его многолѣтнимъ и тяжкимъ патріотическимъ страданіямъ, неблагодарности, высказавшейся тѣмъ, что своихъ сиротствующихъ дѣтей онъ нашелъ въ самомъ безпомощномъ положеніи,—тотчасъ же поставили его во враждебныя отношенія къ самымъ вліятельнымъ лицамъ княжества. Высказавъ рѣзкіе и горькіе упреки прямо въ лицо всей черногорской «вадѣ», забравъ дѣтей своихъ и кое-какой скарбъ, онъ покинулъ свою неблагодарную родину и сталъ влачить жалкое существованіе по славянскимъ странамъ, нуждаясь въ кускѣ

хлѣба для прокормленія себя и своихъ дѣтей, пока не встрѣтилъ сочувствія въ добромъ сердцѣ сербскаго князя Михаила Сбреновича. Тотъ далъ ему уголь и скромную субсидію, что предоставило ему возможность, послѣ многихъ долгихъ лѣтъ страданій, нѣсколько отдохнуть и успокоиться. Но и тутъ покой его былъ не дологъ. Въ 1868 году и князь Михаилъ погибъ отъ руки убійцы. Пейовичъ лишился субсидіи, а вмѣстѣ съ нею и средствъ къ существованію. Нѣкоторое время питался онъ общественною благотворительностью сербовъ, но, не желая быть кому либо въ тягость, рѣшился явиться въ благословенную Россію,—попытать, не поможетъ ли она ему.

И вотъ онъ явился въ Петербургъ. По обычаю всѣхъ славянъ, прибывающихъ въ нашу столицу и нуждающихся въ помощи, онъ направился въ славянскій благотворительный комитетъ. Тамъ ему отказали, мотивируя тѣмъ, что денежная помощь ему, какъ чело-вѣку болѣзненному и старому,—не производительна; что комитетъ помогаетъ учащемуся юношеству, отъ котораго въ будущемъ ждетъ богатыхъ плодовъ...

Оттуда пошелъ Пейовичъ въ азіатскій департаментъ. Здѣсь онъ бѣдный тоже сочувствія не встрѣтилъ. А между тѣмъ наступила петербургская осень, со всѣми ея лихами. Въ это-то именно время и произошла наша встрѣча на Невскомъ проспектѣ, а затѣмъ и знакомство въ сербской кухмистерской Стэвы Демьяновича.

Его исторія поразила меня чрезвычайно. Мнѣ, какъ русскому, просто стыдно было ему въ глаза глядѣть, и я далъ себѣ честное слово не оставить его безъ помощи, пока не будутъ признаны его патриотическія заслуги, и пока онъ не добьется слѣдуемой за нихъ награды.

Для достиженія этого я выбралъ ближайшаго своего пріятеля, на энергію и добрую волю котораго я возложилъ эту трудную задачу. Пріятель этотъ,—одинъ изъ первоначальныхъ членовъ-учредителей славянскаго благотворительнаго комитета, довольно ревностный дѣятель по «славянскому вопросу» въ тѣхъ скромныхъ предѣлахъ его, въ какихъ онъ обрѣтался за время предсѣдательства въ комитетѣ покойнаго Гильфердинга,—пріятель этотъ, по своему исключительно удобному положенію, имѣлъ возможность сно-ситься съ высшими лицами нашихъ министерствъ, а потому ему, казалось, возможно было добиться успѣха. Началъ онъ съ доклада о помощи славянскому комитету, просилъ, молилъ,—тотъ же результатъ! То по неимѣнію спеціальныхъ средствъ, то по непро-изводительности расхода на подобную помощь, то по причинѣ, что Пейовичъ находится во враждебныхъ отношеніяхъ къ черногорскимъ властямъ, то по большому числу примѣровъ, когда помощь комитета попадала недостойнымъ ея людямъ, негодяямъ и прохо-димцамъ... Однимъ словомъ, ничто не помогло; пріятелю моему

отказали, вслѣдствіе чего онъ пересталъ быть членомъ этого пре- словутаго комитета.

Въ азіатскомъ департаментѣ, куда послѣ этого отправился мой пріятель, было объявлено, что помощь можетъ быть оказана лишь въ размѣрѣ суммы, нужной для удаленія Пейовича къ западнымъ предѣламъ имперіи, и что если еще разъ этотъ безпокойный человекъ явится надоѣдать своими просьбами въ департаментъ, то будетъ совѣтъ удаленъ изъ Россіи. Главный же аргументъ отказа въ просимой помощи состоялъ въ томъ, что, по установленнымъ правиламъ, пособіе выдается только тѣмъ изъ прибывающихъ въ Петербургъ черногорцевъ, о комъ будетъ письменное ходатайство черногорскаго правительства, а Пейовичъ ничего подобнаго представить не могъ.

Что же оставалось предпринять? Собрались мы на совѣщаніе и порѣшили попробовать обратиться съ этимъ дѣломъ, помимо славянскаго комитета, помимо азіатскаго департамента, въ министерство государственныхъ имуществъ. Министра въ Петербургѣ не было, а потому мой пріятель обратился къ товарищу его, князю Ливену. Изложивъ всю исторію Пейовича, онъ встрѣтилъ полное сочувствіе князя, который пожелалъ лишь формальнаго подтвержденія нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ прошлаго Пейовича, чтобы взяться за хлопоты объ обезпеченіи его существованія. Тутъ пришлось развѣдать, кто былъ нашимъ посломъ въ Константинополѣ, который озаботился освобожденіемъ Пейовича изъ кандійскаго заключенія. Оказалось, что въ то время былъ посланникомъ князь Лобановъ-Ростовскій (товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ). Къ нему и обратился мой пріятель. Князь помнилъ не только обстоятельства освобожденія черногорскаго священника, но и причины, послужившія поводомъ къ заключенію, т.-е. дѣятельность этой личности въ Константинополѣ, во время крымской войны. Князь не отказался засвидѣтельствовать эти факты, и дѣло, наконецъ пошло по счастливому пути къ его разрѣшенію.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ наступила зима, и у бѣднаго Пейовича обнаружились первые признаки чахотки, и было ясно, что натура этого атлета, выдержавшая шестилѣтнее, подземное голоданіе въ Кандіи, подалась въ борьбѣ съ сыростью нашей петербургской осени. Мы не сообщали о ходѣ его дѣла, боясь новыхъ и возможныхъ разочарованій. Но вдругъ мы получили извѣстіе, что послѣдовала высочайшая милость ему... Черезъ посредство г. товарища министра государственныхъ имуществъ ему вышла награда земельнымъ надѣломъ въ Бердянскомъ уѣздѣ—220 или 250 десятинъ чернозему, и, кромѣ того, 500 рублей деньгами на его тамъ водвореніе. Мы рѣшили не говорить ему объ этой щедрой милости, а повести его въ министерство, чтобы онъ самъ отъ князя Ливена услышалъ эту радостную вѣсть. Ему мы сообщили только, что

онъ чѣмъ-то награжденъ отъ государя. Я вызвался представить его князю Ливену; онъ всю дорогу нервно дрожалъ отъ ожиданія. Когда же мы прѣѣхали и вошли въ пріемную, и князь объявилъ ему о царской милости, то, не вѣря своимъ ушамъ, онъ вопросительно обратился ко мнѣ. Я перевелъ ему по-сербски; всѣ мускулы лица его ходили и дрожали, а глаза его заблестали какимъ-то юношескимъ блескомъ... Когда онъ выслушалъ меня и повелѣе кругомъ сразу помутившимся взглядомъ,—я этого взгляда испугался... Вдругъ, со всего маха онъ упалъ на землю, стараясь схватить ноги князя, но тотъ ушелъ въ свой кабинетъ, и я остался съ нимъ наединѣ надъ его распростертою на коврѣ гигантскою фигурой.

Заглушенные стоны, нервныя рыданія восторга издавалъ онъ, а пальцы рукъ его такъ и терзали коверъ пола... Я старался по возможности его успокоить и, поднявъ, вывелъ на лѣстницу. Тутъ, кромѣ швейцара въ парадной ливреѣ и его помощника, никого не было. Пейовичъ остановился между колоннъ. Щеки его горѣли яркимъ румянцемъ, глаза восторженно блестѣли, и голосомъ, полнымъ энергии и страсти, онъ началъ взывать къ православному Богу о долготѣи великому царю русскому, призрѣвшему своею милостью его, страдальца, и его «сиромашныхъ» дѣтей... Я невольно любовался его экстазомъ, его вдохновенною и могучею фигурой.

Швейцаръ съ недоумѣніемъ глядѣлъ на насъ и держалъ уже наготовѣ пледъ, чтобы скорѣе выпроводить вонъ, на площадь, страннаго незнакомца...

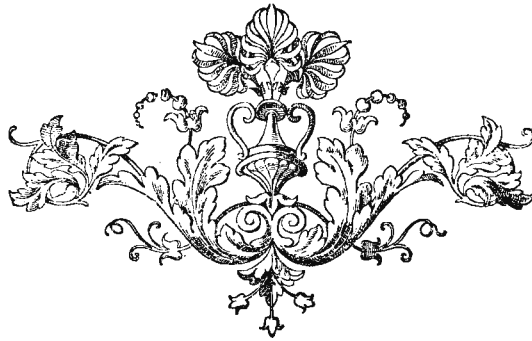
Послѣ этого эпизода попъ Марко точно переродился: куда дѣвалась и болѣзнь и усталость его! Натерпѣвшись столько лѣтъ подъ рядъ ужасныхъ страданій, мученій, горя и за себя и своихъ дѣтей, онъ разомъ созналъ, что хоть умри онъ моментально, дѣти его уже вполнѣ обезпечены отъ нужды. Дѣтей своихъ онъ обожалъ, и было ясно, что будущность ихъ всецѣло поглощала его думы. Онъ зналъ, что Бердянскія земли приносятъ по 6 рублей ежегодной аренды съ десятины, и рассчитывалъ, что 200 съ лишнимъ пожалованныхъ ему десятинъ могутъ принести его дѣтямъ не менѣе тысячи рублей.

Изъ пожалованныхъ ему денегъ онъ тотчасъ половину послалъ въ Сербію на переѣздъ дѣтей въ южную Россію.

Вскорѣ онъ уѣхалъ черезъ Москву на югъ встрѣчать своихъ дѣтей. Я проводилъ его на станцію и слезно простился съ нимъ навсегда, потому что, водворясь съ семействомъ своимъ въ Бердянскъ, онъ вскорѣ тихо и мирно отдалъ свою славянскую душу Богу, написавъ въ послѣднія минуты жизни уже коснѣющей рукой нѣсколько словъ благодарности облагодѣтельствовавшему его государю...

Въ настоящій моментъ ¹⁾ великой борьбы за освобожденіе, когда мы трепещемъ отъ восторга при извѣстіяхъ объ эпическомъ героизмѣ черногорскаго народа, о ихъ славныхъ побѣдахъ и мужественныхъ вождяхъ,—на строкахъ газетныхъ извѣстій то и дѣло попадаются намъ симпатичныя имена Божи Петровича, Сочицы, Пейовича... то старшій сынъ попа Марка возрость, возмужалъ и бьется теперь геройски за славу и свободу славянства.

М. О. Микѣшинъ.

¹⁾ Писано въ 1878 году.

ИЗЪ МОЕГО ПРОШЛАГО¹⁾.

VI.

Мое сотрудничество въ «Газетѣ Польской».—Дебютъ въ качествѣ литературнаго критика. — Денежныя дѣла. — Генкель. — Его мнѣніе о русскомъ и польскомъ романѣ, о русской и польской поэзи.—Полученіе отъ Кроненберга стипендіи.—Рекомендательныя письма.—Отъѣздъ въ Краковъ.

ПРИВЕЗЪ въ Варшаву нѣсколько десятковъ записанныхъ мною бѣлорусскихъ пѣсенъ, и ихъ охотно стали печатать въ «Газетѣ Польской». Затѣмъ я какъ-то купилъ новую книгу и далъ о ней туда же отзывъ. Его напечатали, за нимъ послѣдоваль второй, третій, а затѣмъ мнѣ сами стали давать изъ редакціи книги для отзывовъ. Такимъ образомъ мое сотрудничество въ «Газетѣ» устроилось какъ-то само собою, хотя оно и продолжало имѣть характеръ случайный, непостоянный.

Въ отзывахъ своихъ о литературныхъ произведеніяхъ я не стѣснялся ни именемъ, ни положеніемъ автора и рубилъ правду съ плеча, такъ что мои отчеты вскорѣ обратили на себя вниманіе и создали много недовольныхъ. Но я упорно и безъ всякихъ оговорокъ стоялъ на точкѣ чистаго искусства и съ этой точки смотрѣлъ на все, что имѣло претензію считаться произведеніемъ искусства.

Долженъ сознаться, что въ составленіи этихъ рѣзкихъ приговоровъ играло роль и самолюбіе: я хотѣлъ показать и доказать, что обладаю художественнымъ вкусомъ, и что меня никакой ремесленной поддѣлкой подъ искусство не проведешь.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIV, стр. 124.

И, вѣроятно, обосновывалъ свои отзывы довольно ясно и мѣтко, такъ какъ «Газета» безъ возраженія печатала все; насколько помню, ни одной рецензій редакція мнѣ не возвратила и даже не передѣлала, не смягчила. И это, несмотря на то, что я сталъ писать рецензій въ «Газетѣ», какъ потомъ узналъ, непосредственно послѣ Сенкевича, который во всякомъ случаѣ болѣе считался съ выраженіями.

— Что это вы выпучиваете стихи Жмиховской въ «Новой Антологіи»?— сказалъ мнѣ кто-то съ упрекомъ.

— Онъ правъ,— отвѣтилъ за меня присутствовавшій тутъ же Гавалевичъ. — Стихи плохіе, и такихъ стиховъ у Жмиховской, сколько угодно.

— Но вѣдь имя!.. общепризнанное имя!..

— Что жъ подѣлаешь?.. имя громкое, а стихи все-таки плохіе.

Такимъ образомъ я видѣлъ, что всѣ, которыхъ мнѣніемъ я дорожилъ, понимаютъ меня, — и продолжалъ, не стѣсняемый ничѣмъ, судить строго и нелицеприятно.

Гонораръ я получалъ, какъ это ни странно, почти такой же, какъ и за стихи. Только много позже гонораръ за стихи мнѣ былъ увеличенъ до 7^{1/2} — 10 — 15 копеекъ. Такой увеличенный гонораръ получала въ то время только Конопницкая, да еще, быть можетъ, два-три старшихъ поэта. Столь неестественное соотношеніе вознагражденія за прозу и поэзію, которая должна бы оплачиваться, по крайней мѣрѣ, въ пять разъ дороже, существующее въ польской журналистикѣ и понынѣ, обусловливается развѣ тѣмъ, что господа издатели упорно стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что нельзя де допустить, чтобы поэтъ могъ содержать себя одними стихами. Вѣдь это было бы поощреніемъ крайней лѣнности. Для самого же поэта лучше, если онъ обезпечитъ себя доходами изъ другихъ источниковъ и не будетъ писать стиховъ ради гонорара.

Въ матеріальномъ отношеніи я нуждался постоянно, благодаря полному неумѣнію обращаться съ деньгами. Пріѣхавъ въ Варшаву съ нѣсколькими десятками рублей, я началъ съ того, что большую часть отдалъ первому же, который, увидѣвъ у меня деньги, попросилъ въ долгъ. Точно также самъ бралъ въ долгъ и не возвращалъ. Вообще на деньги обращалъ вниманіе только тогда, когда въ карманѣ не оказывалось ни копейки, что сплошь да рядомъ случалось. Между тѣмъ, кромѣ театра, у меня не было ни одной страсти, требующей чрезвычайныхъ расходовъ, и, вѣроятно, многіе, зарабатывая столько же, сколько я, сумѣли бы прожить отлично.

Дѣло отца, благодаря Одынцу, я устроилъ, и Завиша поручилъ управляющему отдать намѣченное отцомъ имѣніе въ аренду. Но оно было расцѣнено такъ дорого, что отецъ ежегодно и крупно терялъ на немъ; не имѣя же наличныхъ, запутывался въ долги, которые, спустя три-четыре года, приняли совершенно ростовщице-

скій характеръ. Кредитъ исчерпывался, даже за 18—20 процентовъ денегъ достать становилось трудно, и мы были наканунѣ полного разоренія. Къ счастью, аренда нашего имѣнія кончилась, и мы перѣехали туда. Во всякомъ случаѣ, эта неудачная шестилѣтняя аренда имѣнья Завиши подорвала наше благосостояніе въ корнѣ, и только путемъ многихъ лишеній удалось спасти собственное имѣнье отъ разгрома.

Въ «Газетѣ Польской» первые мѣсяцы я имѣлъ дѣло съ самимъ редакторомъ, Эдуардомъ Лео, дядей банкира Станислава Кроненберга. Онъ (Лео) принималъ меня очень любезно, печаталъ и давалъ авансы очень легко, но собственно интересовался мною очень мало. Осенью пріѣхалъ изъ отпуска секретарь редакціи, Діонисій Генкель, который обыкновенно завѣдывалъ всѣмъ, такъ какъ Лео, кромѣ редакціи, засѣдалъ въ разныхъ совѣтахъ и правленіяхъ.

Тотъ сразу обратилъ на меня болѣе серьезное вниманіе, и я сталъ навѣщать по вечерамъ его холостую квартиру.

Это была личность изъ тѣхъ, которые хотя сами въ литературѣ виднаго мѣста не занимаютъ, но которыхъ благотворное вліяніе на лучшие современные умы такъ ярко и такъ замѣтно, что въ исторіи литературы имъ принадлежить, по праву, видная страница.

Его причастности къ литературѣ предшествовала бурная и грустная юность.

Приговоренный за участіе въ возстаніи къ смерти, какъ несовершеннолѣтній, Генкель былъ помилованъ и сосланъ въ Сибирь. Долголѣтнее пребываніе въ сибирскихъ тюрьмахъ подточило его здоровье, но не наложило на его характеръ ни малѣйшаго оттѣнка злобы или горечи. Объ испытанномъ онъ рассказывалъ съ эпическимъ добродушіемъ, о знакомствѣ съ русскимъ народомъ — съ симпатіей.

Вернувшись, онъ заявилъ себя, какъ выдающійся поэтъ, какъ тонкій и неліцепріятный художественный критикъ. Болѣе умныхъ и дѣльныхъ критическихъ статей я на польскомъ языкѣ не читалъ. Но шумиха рекламы не сопровождала его, и онъ вскорѣ, поглощенный журнальной работой, замолкъ. Тѣмъ не менѣе, въ качествѣ виднаго сотрудника самой серьезной и умной ежедневной газеты, онъ вліялъ очень плодотворно и сильно на многихъ изъ лучшихъ современныхъ писателей.

Достаточно упомянуть Сенкевича, который только въ «Газетѣ Польской» обнаружилъ свой выдающійся талантъ, далѣе Косякевича, Козловскаго, Маньковскаго, Вейссенгофа и другихъ, изъ которыхъ каждый представлялъ или представляетъ талантъ несомнѣнный, а всѣ начинали литературную дѣятельность подъ плодотворнымъ вліяніемъ Генкеля.

О русскомъ романѣ Генкель былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія.

— Удивительное дѣло,—разъ какъ-то я сказалъ ему:—взялъ вчера въ руки какую-то старую книжку русскаго журнала и сталъ читать рассказъ. Имя автора совершенно неизвѣстно и давно, вѣроятно, забыто. Между тѣмъ, прелесть, что такое!.. жизнь... чувство... правда... все тутъ!..

— Да,—отвѣтилъ Генкель,—у нихъ отличная школа романа... пожалуй, лучшіе въ Европѣ учителя: Толстой, Тургеневъ, Достоевскій... Между тѣмъ школа польскаго романа еще только зарождается. Если бы меня на весь день привязали къ столу и дали на выборъ: зѣвать или читать произведеніе какого нибудь изъ нашихъ молодыхъ романистовъ, я бы предпочелъ зѣвать. Открывая же книгу русскаго романа, даже второстепеннаго автора, я напередъ увѣренъ, что его стоитъ прочесть...

— И замѣчательно,—продолжалъ онъ,—что насколько русскій романъ выше польскаго, настолько польская поэзія выше русской. Стихи въ русскихъ журналахъ безцвѣтны, анемичны, въ лучшемъ случаѣ приличное подражаніе хорошему образцу. Между тѣмъ сколько у насъ поэтовъ, про которыхъ мы сами забываемъ, тогда какъ гдѣ либо въ Европѣ они бы пользовались всемірною извѣстностью. Да и теперь найдите въ Европѣ поэта, равнаго по изяществу формы, по силѣ чувства—Конопницкой...

Я долженъ оговорить, что столь пессимистическое мнѣніе о польскомъ романѣ высказано было какъ разъ наканунѣ его неожиданнаго и блестящаго подъема. Ожешкова, начавъ со слабыхъ и тенденціозныхъ повѣстей, вскорѣ дала такія выдающіяся вещи, какъ «Надъ Нѣманомъ», «Хамъ» и другія. Почти одновременно вполнѣ опредѣлился и первоклассный талантъ Сенкевича. Далѣе, совершенно неожиданно Дыгасинскій, чуть ли не на старости лѣтъ, оказался блестящимъ бытописателемъ народной жизни, въ духѣ Глѣба Успенскаго, но въ болѣе художественной, чѣмъ онъ, формѣ и съ болѣе широкимъ кругозоромъ. Появились наконецъ молодые несомнѣнные таланты. Но наканунѣ этого польскій романъ дѣйствительно совсѣмъ было зачахъ.

Съ другой стороны, и русская поэзія сдѣлала съ этого времени замѣтный шагъ впередъ. Фофановъ, Лохвицкая—это уже дѣйствительные поэты, и ихъ право выражать свои чувства стихами—несомнѣнно.

Приблизительно въ это время я познакомился съ двумя произведеніями русской литературы, подъ впечатлѣніемъ которыхъ остаюсь и понынѣ: это—«Въ лѣсахъ» Печерскаго и «Война и миръ» Толстого.

Возможности испытать болѣе наслажденіе, чѣмъ то, какое мнѣ доставило произведеніе Толстого, я не могу себѣ представить, какъ не могу себѣ представить ничего выше въ художественномъ

отношеній. Читая, я, казалось, гораздо осязательнѣе и глубже проникъ въ изображаемую жизнь, чѣмъ до того времени проникалъ въ свою собственную будничную жизнь. Вообще здѣсь художественное творчество вылилось именно въ такія формы, которыя въ своихъ представленіяхъ объ искусствѣ я считаю наилучшими, наиболѣе совершенными. «Анна Каренина» и всѣ другія произведенія Толстого— какъ ни хороши, но уже далеко не то. «Дѣтство и отрочество» тоже въ своемъ родѣ совершенство, но гораздо болѣе узкаго масштаба.

Генкель былъ въ очень близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ со Станиславомъ Кроненбергомъ, который также нѣсколько заинтересовался моимъ сотрудничествомъ въ «Газетѣ Польской». Они вдвоемъ порѣшили, что мнѣ еще рано обивать пороги варшавскихъ редакцій, и что я долженъ продолжать ученіе. Кроненбергъ назначилъ мнѣ 30 гульденовъ ежемѣсячной стипендіи и направилъ, по указанію Генкеля, въ Краковъ. Въ числѣ рекомендательныхъ писемъ, Шимановскій далъ мнѣ письмо къ директору Ягеллоновской библиотеки, Эстрейхеру, очень вліятельному, такъ какъ изъ братьевъ его жены, Дунаевскихъ, одинъ былъ кардиналомъ-епископомъ краковскимъ, другой — министромъ финансовъ. Впрочемъ Эстрейхеру я былъ давно извѣстенъ, такъ какъ еще въ Слуцкѣ онъ переписывался со мною по дѣлу библиотеки слуцкаго пастора, Бергеля, изъ которой впослѣдствіи, послѣ смерти Бергеля, краковская библиотека приобрѣла болѣе рѣдкія изданія.

Въ самомъ началѣ 1883 года я уѣхалъ въ Краковъ, чтобы въ качествѣ вольнослушателя записаться въ Ягеллоновскій университетъ.

VII.

Краковъ.—Ягеллонская библиотека.—Эстрейхеръ.—Университетъ.—Тарновскій.—Исторіи польской литературы: его и Совинскаго.—Смолька.—Артуръ Бартельсъ.

Краковъ по сравненію съ Варшавой произвелъ на меня впечатлѣніе соннаго, провинціальнаго города. Вся жизнь сосредоточивалась здѣсь на рынкѣ, квадратной площади, застроенной неказистыми, большею частью старинной архитектуры домами. Посреди рынка высилось длинное, узкое, недавно заново отстроенное зданіе въ два этажа, такъ называемое «Сукеннице», внизу занятое подъ магазины, съ крытой галлереей, какъ гостиный дворъ въ Петербургѣ, въ верхнемъ же этажѣ вмѣщающее, между прочимъ, «національную картинную галерею». Основаніе ей, какъ извѣстно, положилъ Семирадскій пожертвованіемъ на юбилей Крашевскаго, въ 1879 году, своей знаменитой картины: «Свѣточи христіанства».

Отъ рынка во все стороны расходятся узкія, короткія улицы, оканчивающіяся у такъ называемыхъ «плянтовъ» — бульваровъ, окружающихъ весь городъ. За этими небольшими бульварами, немного шире московскихъ, — уже собственно предместья Кракова, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ застроенныя очень чисто, съ домами - особняками представителей краковской аристократіи и плутократіи.

Все правительственныя и общественныя учрежденія, театръ, университетъ, гостиницы, если не на самомъ рынкѣ, то въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Отъ одного изъ угловъ рынка тянется, въ противоположность прочимъ, сплошь усеянная магазинами, почти исключительно еврейскими, улица, составляющая начало еврейской части города. Отъ нея внизъ къ Вислѣ и по ту ея сторону тянется рядъ грязныхъ, старинныхъ улицъ и переулковъ, сплошь или преимущественно заселенныхъ евреями. Это такъ называемое предместье «Казимержъ».

На мѣстѣ этого предместья, по ту сторону Вислы, стоялъ старинный городъ Краковъ, построенный чехами или моравами въ видѣ укрѣпленія на границѣ ихъ владѣній и затѣмъ, въ 999 году, присоединенный къ Польшѣ Болеславомъ Храбрымъ. Такимъ образомъ нынѣшній Краковъ, построенный уже поляками по другую сторону Вислы, напротивъ стараго, хранить въ своихъ оберегаемыхъ донынѣ памятникахъ старины девять столѣтій, а слѣдовательно всю достовѣрную исторію Польши.

Краковскій университетъ, по времени одинъ изъ первыхъ въ Европѣ, основанъ Казимиромъ Великимъ въ 1364 году. Недавно праздновавшееся пятисотлѣтіе его приурочено было не къ его основанію, а преобразованію въ царствование Владислава Ягеллы.

Въ старинномъ зданіи «Ягеллонской библіотеки» меня встрѣтилъ, поднявшись изъ-за груды книгъ и листовъ, директоръ ея, Карлъ Эстрейхеръ, авторъ капитальной «Польской библіографіи», въ то время 50-лѣтній уже старикъ, здравствующій и работающій въ библіотекѣ и понынѣ. Средняго роста, съ серебрищейся бородой и серьезнымъ, ласковымъ взоромъ, по типу лица онъ мнѣ нѣсколько напомнилъ моего отца.

Прочтя письмо Шимановскаго, онъ отнесся ко мнѣ очень внимательно и, не щадя времени, облегчилъ своими указаніями и хлопотами поступленіе въ число вольнослушателей Краковскаго университета. Кромѣ того, предоставилъ мнѣ возможность заниматься въ стѣнахъ библіотеки и даже брать книги на домъ.

Кромѣ своихъ библіографическихъ работъ, Эстрейхеръ извѣстенъ, какъ цѣнитель и знатокъ театра. Онъ долгіе годы былъ дѣятельнымъ членомъ всехъ жюри, оцѣнивавшихъ драматическія произведенія, присылаемыя на конкурсы, которые здѣсь устраивались ежегодно.

Изъ профессоровъ университета самыми крупными величинами были въ то время профессоръ польской литературы, графъ Станиславъ Тарновскій, и историкъ Станиславъ Смолька, сынъ извѣстнаго политическаго дѣятеля. Графъ Тарновскій, изящный польскій стилистъ и убѣжденный патріотъ-консерваторъ, не вполнѣ заслуженно пріобрѣлъ славу лучшаго польскаго литературнаго критика.

Это—сановитый баринъ, корректный, разносторонне образованный, но далеко не объемяющій жизни во всемъ ея цѣломъ, чуждый пониманья народныхъ соціальныхъ движеній, народныхъ современныхъ теченій въ литературѣ. Его «Исторія литературы польской»—это исторія умственнаго движенія, отчасти съ тенденціозно-политической точки зрѣнія; но тотъ, кто ищетъ въ ней тонкаго художественнаго анализа лучшихъ произведеній польской письменности, найдетъ взамѣнъ этого лишь поверхностную, стилистически безукоризненную риторику умнаго диллетанта. Онъ хорошій и увѣренный въ обаяніи своего слова ораторъ, и этимъ отчасти объясняется далеко впрочемъ не полный успѣхъ его на университетской кафедрѣ.

Прослушавъ его лекцію, я ею мало заинтересовался и продолжалъ знакомиться съ польской литературой самостоятельно, читая то, что мнѣ нравилось, и тогда, когда мнѣ нравилось.

Пособіемъ, систематизирующимъ мои познанія и впечатлѣнія, мнѣ служила «Исторія литературы», изданная нѣсколько ранѣе поэтомъ Совинскимъ.

У Совинскаго мнѣ было все понятно и убѣдительно. Анализируя шедевры нашей литературы, онъ точно предвосхищалъ то, что я самъ о нихъ думалъ и чувствовалъ. Онъ, кромѣ того, открывалъ и указывалъ много прекраснаго въ нашей поэзій, полузабытаго отъ времени. Много яркихъ талантовъ меркло для современниковъ въ лучахъ славы Мицкевича, Красинскаго, Словацкаго, послѣдующія же поколѣнія почти совсѣмъ о нихъ забыли. И вотъ Совинскій возстановлялъ ихъ надлежащее значеніе, умѣло отдѣляя въ ихъ литературномъ багажѣ сочныя зерна отъ плевелъ. Я считаю полезнымъ указать русской публикѣ на эту именно «Исторію польской литературы», по-моему лучшую, русскимъ же совершенно незнакомую. Когда она вышла изъ печати, ее никто не рекламировалъ, и за шумихой возникшей тогда перебранки «молодыхъ» со «старыми» ее отчасти прозѣвали. Тѣмъ не менѣе она разошлась въ публикѣ скоро и теперь составляетъ, пожалуй, библиографическую рѣдкость. Понятно, она не обнимаетъ собою всей новѣйшей литературы (съ семидесятыхъ годовъ), и въ этомъ главное неудобство пользованія ею.

Графъ Тарновскій посѣщалъ Россію, между прочимъ, если не ошибаюсь, Москву и ея Кремль, и печаталъ довольно безпри-

страстных впечатлѣнiя отъ этой поѣздки. Живетъ онъ на одной изъ окраинъ Кракова, въ роскошномъ особнякѣ, среди тѣнистаго сада.

Второй изъ упомянутыхъ профессоровъ, Станиславъ Смолька, является, какъ извѣстно, однимъ изъ даровитѣйшихъ современныхъ польскихъ историковъ. Онъ предпочелъ профессорскую катедру шумной политической карьерѣ, къ которой имѣлъ много данныхъ. Это—консерваторъ не столько по складу ума, чутко отзывающагося на всѣ современные запросы жизни, сколько въ силу убѣжденiя, что господство въ Галиціи сильной властью консервативной партіи наиболѣе при настоящихъ условiяхъ желательно. Вино и увлеченiя юности въ немъ перебродили очень скоро и подчинились безропотно дисциплинѣ усидчиваго и осмысленнаго труда. Среди студентовъ онъ пользуется любовью и уваженiемъ. Дѣятельное участiе принималъ также Смолька въ теченiе многихъ лѣтъ въ трудахъ Краковской академіи наукъ, одно время въ качествѣ ея секретаря.

Остальные профессора тогдашняго историко-филологическаго факультета ничего выдающагося изъ себя не представляли.

Лекціи я посѣщалъ очень небрежно, но зато цѣлые часы просиживалъ въ библиотекѣ, знакомясь со всѣмъ тѣмъ, что меня интересовало, и въ Варшавѣ было для меня недоступно. Не сближаясь ни съ кѣмъ изъ профессоровъ или товарищей, я жилъ и работалъ уединенно и по-своему. Стипендіи мнѣ далеко не хватало, и часто я сильно нуждался, несмотря на то, что и изъ дому мнѣ отецъ неоднократно присылалъ деньги. Съ тѣхъ поръ, какъ я поступилъ въ университетъ, онъ счелъ своей обязанностью поддерживать меня, зная, что на 30 гульденовъ мнѣ не прожить. Наконецъ я кое-что зарабатывалъ у Бартошевича, сына историка, издававшаго тогда въ Краковѣ литературный журналъ.

Въ числѣ лицъ, у которыхъ мнѣ случалось изрѣдка бывать, заслуживаетъ упоминанья еще Аргуръ Бартельсъ, въ то время уже старикъ, авторъ популярныхъ по всей Литвѣ пѣсенъ, въ нѣкоторомъ родѣ польскій Беранже. Родомъ изъ Минской губерніи, онъ былъ побочнымъ сыномъ князя Льва Раздивилла, генерала русскихъ войскъ. Въ былыя времена одинъ изъ лучшихъ охотниковъ на Литвѣ, онъ создалъ мало извѣстную, но цѣнную и, пожалуй, единственную въ славянской литературѣ—охотничью эпопею.

Въ мужскомъ обществѣ остроумный рассказчикъ и балагуръ, импровизаторъ скабрзныхъ, но изящныхъ по формѣ стишковъ, Бартельсъ не по своей волѣ доживалъ свою полную приключеній жизнь въ Краковѣ, вдали отъ всегда дорогой его сердцу Литвы. Мощный, патриархальнаго и породистаго типа старикъ, точно надломленный бурей дубъ, жилъ только воспоминанiями прошлаго, не имѣя ничего общаго съ современнымъ поколѣнiемъ и окружающею его жизнью. И эта жизнь вскорѣ отомстила ему, прикрывъ мутною своею волною его одинокую могилу.

VIII.

И опять въ Варшавѣ.—Отказъ отъ стипендіи.—Общія выводы не pro domo sua.—Заполненіе журналистики бездарностями.—Выходъ въ свѣтъ 1-го тома моихъ снотвореній.—Критики pro и contra.—Я долженъ уѣхать въ деревню.

Спустя годъ послѣ моего отъѣзда въ Краковскій университетъ, я опять застрялъ въ Варшавѣ. Возвращался съ рождественскихъ праздниковъ изъ деревни и въ Варшавѣ издержался такъ, что не на что было ѣхать въ Краковъ. День за днемъ, я запутывался все болѣе и болѣе. Когда я посѣтилъ Генкеля, онъ довольно рѣзко замѣтилъ: «оказывается, что вы совершенно даромъ пользуетесь чужими деньгами. Въмѣсто того, чтобы учиться въ Краковѣ, вы ничего не дѣлаете въ Варшавѣ». Я чувствовалъ, что это была правда. Не видя иного исхода выйти изъ неловкаго положенія, я написалъ вѣжливое письмо Кроненбергу, гдѣ заявлялъ, что дальше пользоваться его любезностью не имѣю права и отказываюсь отъ стипендіи. Кроненбергъ и Генкель этимъ оборотомъ дѣла были очень поражены и недовольны, я же только вздохнулъ легче, не чувствуя тяготивія надъ собою нравственныхъ обязательствъ, которыя, какъ я убѣдился, были мнѣ не подъ силу.

Такимъ образомъ усилія моихъ доброжелателей заставить меня завершить свое образованіе, не привели ни къ чему. Теоретически въ этомъ виноватъ исключительно я. У меня нѣтъ никакого желанія оправдывать себя, и я охотно соглашаюсь, что въ данномъ случаѣ вина на моей сторонѣ. Но къ свѣдѣнію современныхъ меценатовъ, которые не прочь покровительствовать молодымъ талантамъ, мнѣ бы хотѣлось привести нѣсколько соображеній. Чтобы не обмануться въ комъ либо и использовать въ немъ все хорошее, надо брать его такимъ, каковъ онъ есть, а не такимъ, какимъ онъ теоретически долженъ быть. Требованье умѣть вмѣщаться въ опредѣленную рамку примѣнимо большею частью къ тѣмъ, которые и безо всякаго требованія это дѣлаютъ.

Если бы молодой человѣкъ, умѣющій самъ пробивать себѣ дорогу въ жизни, къ вѣщшему благополучію получилъ небольшую стипендію Кроненберга, рекомендаціи къ виднымъ лицамъ и т. п., то онъ отлично бы это использовалъ, какъ прямой путь къ карьерѣ, заслужилъ бы полное расположеніе всѣхъ своихъ покровителей и въ результатѣ создалъ бы себѣ выгодное и почетное положеніе. Но такой молодой человѣкъ, вѣроятно, и безъ посторонней помощи сумѣлъ бы создать для себя положеніе, хотя и менѣе выгодное и менѣе почетное. Если съ показной стороны онъ заслуживаетъ всякихъ поощреній, то съ внутренней—его умственный и нравственный багажъ такъ же узокъ, какъ тѣ рамки, въ которыя легко его

втиснула жизнь; онъ посредственный полезный работникъ, нуждающийся не въ помощи, но подъ благовиднымъ ея предложеньемъ—въ болѣе вѣрномъ, болѣе легкомъ пути къ карьерѣ. Съ другой стороны, какому нибудь молодому поэту, художнику и т. п., донельзя непрактичному въ жизни и очевидно о жизненной карьерѣ имѣющему самыя дикія понятія, такому господину, развѣ находите, что онъ заслуживаетъ матеріальной поддержки, просто глупо сказать: «вотъ вамъ 30 гульденовъ въ мѣсяцъ, побѣждайте и учитесь», вмѣсто того, чтобы спросить: «скажите мнѣ откровенно, какъ устроить вашу жизнь, чтобы вы въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ не нуждались и могли пополнить ваше образованіе?» Есть польская пословица: «мясо за дешевыя деньги въ прокъ лишь собакамъ». Въ области искусства болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой, дешежка не окупаетъ себя. Несомнѣнно, ежегодно сотни въ томъ или другомъ отношеніи талантливыхъ юношей пользуются помощью частныхъ лицъ. Между тѣмъ, среди пробившихся въ первые ряды, такихъ бывшихъ частныхъ стипендіатовъ почти нѣтъ. Скучная помощь въ состояніи выработать типъ посредственнаго, полезнаго скорѣе самому себѣ, нежели обществу труженика, но не въ состояніи создать условія, при которыхъ молодой талантъ крѣпнетъ и правильно и свободно формируется.

Между тѣмъ, если бы изъ нѣсколькихъ не 30-ти рублевыхъ, но 200 или 300 рублевыхъ стипендіатовъ одинъ оправдалъ возлагаемыя на него надежды,—онъ сторицею окупилъ бы расходъ на всѣхъ обманувшихъ эти надежды. А таланты, дѣйствительные крупные таланты, какъ я убѣдился, озираясь кругомъ себя, гибнутъ удивительно просто и безвозвратно, и побѣда надъ ними пошлой посредственности достается еще того проще. «Вы ничѣмъ не смущайтесь и пишите,—говорилъ въ моемъ присутствіи «знаменитый» драматическій писатель (изъ евреевъ) своему менѣе счастливому собрату.—Ну! забракуютъ вашъ трудъ, пишите второй, третій, десятый, присматривайтесь, перенимайте нужное у другихъ — и добьетесь того, что одиннадцатое ваше произведеніе будетъ одобрено, а къ двадцатому вы создадите себѣ и имя и положеніе въ литературѣ». И это такъ. Точно въ сапожномъ ремеслѣ, дѣло лишь въ трудолюбіи, терпѣніи и нѣкоторой переимчивости. Когда я вращался въ кругу литературной богемы, къ намъ присосѣдилось нѣсколько, какъ намъ казалось, полундіотовъ, занимающихся сочинительствомъ невозможной чуши и почтительно исполняющихъ всѣ наши порученія взамѣнъ за возможность пробраться хотя бы на задворки литературы, добиться знакомства съ тѣмъ или другимъ сотрудникомъ редакціи, помѣстить въ газетѣ какое либо репортерское извѣстіе или анекдотъ.

И что же? Теперь, по прошествіи какихъ нибудь 10—12 лѣтъ, многіе изъ нихъ—«наши извѣстные драматическіе писатели, рома-

нисты, поэты». Я просматриваю н ъ романы, драмы, стихи изъ любопытства, иногда въ надеждѣ, что, быть можетъ, у кого нибудь изъ нихъ дѣйствительно таилась искорка литературнаго дарованія. Ничего подобнаго. Самый пошлый шаблонъ, самая грубая фальсификація искусства, самое развязное обкрадываніе живыхъ и мертвыхъ. За это время половина изъ дѣйствительно даровитыхъ ихъ ровесниковъ преждевременно сошла со сцены; ихъ либо унесла могила, либо жестоко помяла сутолока жизни.

Возвращаюсь къ воспоминаніямъ.

Стихотворенія мои вышли изъ печати нѣсколько ранѣе, еще въ то время, когда я былъ въ Краковѣ.

Цензоръ—покойный Функенштейнъ—оказался очень снисходителенъ и пропустилъ все, вычеркнувъ лишь почему-то стихотвореніе къ «Братьямъ чехамъ», раньше пропущенное и напечатанное въ журналѣ «Нива».

Рецензіи, появившіяся о моихъ стихахъ, отличались поразительными крайностями.

Съ одной стороны, я былъ круглый нуль (мнѣніе покойнаго Антона Залѣскаго, подставнаго издателя «Слова»), съ другой—чуть не первоклассный поэтъ (мнѣніе Крашевскаго въ журналѣ «Колосья»). Очевидно, я не былъ ни то, ни другое. Главнымъ образомъ меня возмущало въ этихъ рецензіяхъ требованіе кокого-то тенденціозно выдержаннаго однообразія настроеній, доискиваніе въ этихъ настроеніяхъ «credo» автора.

Между тѣмъ кругомъ меня происходила переоцѣнка въ этомъ именно смыслѣ всей нашей поэтической литературы. Цѣнители музыки уступили мѣсто цѣнителямъ прекраснаго поведенія музыкантовъ, поневолѣ налегающихъ на поведеніе, такъ какъ были сильно туги на ухо. Они приобрѣтали извѣстность, дѣлались авторами «исторій литературы». Читалъ я какъ-то такую знаменитую «исторію литературы» не менѣе знаменитаго автора и, кромѣ точности біографическихъ свѣдѣній, ничего въ ней осмысленнаго не нашель. Между тѣмъ про нее трубили и трубятъ во всю. И что же? Я обращался, пожалуй, къ десяти извѣстнымъ писателямъ, одареннымъ художественнымъ вкусомъ, и всякій презрительно пожималъ плечами: «ничего не стоитъ!»—«Такъ отчего же никто объ этомъ громко не заявитъ?»—«Неудобно». Увы! нѣтъ въ польской литературѣ Буренина, для котораго подобной оговорки не существуетъ.

Мое нежеланіе продолжать образованіе въ Краковѣ произвело очень нехорошее впечатлѣніе на всѣхъ, до сихъ поръ покровительствовавшихъ мнѣ, и быстро, незамѣтно для меня, судьба, до сихъ поръ баловавшая меня, повернулась ко мнѣ спиною.

Несмотря на то, что мои стихотворенія продолжали принимать и печатать, я оказался совершенно предоставленнымъ самому себѣ, и, не сумѣвъ попасть въ какую либо редакцію, зарабатывая сти-

хами 10—20 рублей въ мѣсяцъ, очень скоро очутился въ крайней нуждѣ.

Не оставалось другого исхода, какъ бѣжать изъ Варшавы въ деревню.

Изъ послѣдующаго трехлѣтняго періода времени я около двухъ лѣтъ провелъ въ Петербургѣ, гдѣ работалъ въ одной редакціи. Воспоминаній этого времени я пока касаться не буду.

IX.

Спустя три года опять въ Варшавѣ.—Мой романъ.—Его судьба.—Мои успѣхи въ области поэзіи.—Нужда.—Супруги Курчинскіе.—Ихъ злоключенія.

Послѣ трехлѣтняго скитанія вдали отъ Варшавы я еще разъ очутился въ ней съ новыми стихами и даже съ большимъ романомъ «Дѣти».

Я думалъ, что за романъ получу сразу деньги. Но хотя о немъ оповѣстили въ газетахъ, хотя въ «Курьерѣ Ежедневномъ» соглашались его печатать, но денегъ впередъ не дали, и я взялъ рукопись обратно. Въ другой редакціи требовали измѣненій, въ третьей просили ждагъ очереди годъ, полтора. Въ минуту острой нужды, я, махнувъ рукой на свое будущее, какъ романиста, сталъ переписывать съ рукописи тѣ страницы, которыя могли сойти за отдѣльныя сценки, и началъ печатать ихъ въ «Варшавскомъ Курьерѣ», гдѣ послѣ смерти Шимановскаго редакторомъ былъ его зять, Францъ Ольшевскій, нынѣ присяжный повѣренный въ Петербургѣ.

Используя свой романъ такимъ образомъ, я спряталъ его въ сундукъ, а, спустя нѣсколько лѣтъ, взявъ въ займы у знакомаго 10 рублей, отдалъ ему рукопись. Знакомый вмѣстѣ съ романомъ вскорѣ пропалъ изъ виду, и гдѣ моя рукопись теперь, не знаю. Во всякомъ случаѣ эта незадача отбила охоту къ романамъ.

Что *habent sua fata* и романисты, доказалъ мнѣ еще разъ, недавно, уже въ Петербургѣ, слѣдующій случай.

Изъ популярной ежедневной газеты ушелъ старый сотрудникъ.

Я часто бывалъ въ его семьѣ. «Знаете,—сказалъ онъ мнѣ однажды,—у меня цѣлый ворохъ разныхъ вздорныхъ рукописей; онѣ копятыя лѣтъ 15; у васъ времени много, возьмите нѣсколько штукъ, просмотрите, можетъ быть, найдете что нибудь получше. Тогда я отошлю въ редакцію». И дѣйствительно среди разнаго хлама оказался почти безукоризненный, несомнѣнно талантливый рассказъ. «Онъ у меня валяется уже лѣтъ десять»,—сказалъ мой знакомый, разбирая помѣтку на рукописи.

Рассказъ былъ отосланъ въ редакцію и очень скоро напечатанъ. Такъ какъ подпись подъ нимъ совершенно неизвѣстна, то слѣдуетъ думать, что кандидатъ въ романисты давно уже снялъ

свою кандидатуру. А ужъ едва ли ему, незадачному, выпала счастливая случайность увидѣть свое произведеніе въ печати.

Параллельно съ незадачнымъ дебютомъ на аренѣ романа я продолжалъ довольно удачно выступать въ роли поэта. Благодаря тому, что очень много стиховъ моихъ печаталось въ «Курьерѣ Варшавскомъ» и другихъ распространенныхъ въ городѣ изданіяхъ, я начиналъ дѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ даже популярнымъ, получалъ отъ неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, главное дамъ, письма и стихи.

Многія изъ моихъ пѣсенъ мѣстные польскіе композиторы, особенно Носковскій, стали класть на музыку, и я ихъ началъ встрѣчать въ исполненіи на концертахъ. «Иллюстрированный Еженедѣльникъ» оповѣстилъ даже, что текстъ этихъ пѣсенъ былъ переведенъ на нѣмецкій и англійскій языки, и онѣ были изданы въ Лейпцигѣ и Лондонѣ музыкальнымъ издателемъ, если не ошибаюсь, Ангереромъ. Я этихъ изданій не видѣлъ.

Наконецъ, когда я однажды вернулся изъ деревни, то прочелъ въ «Курьерѣ» извѣстіе, что «нашъ знаменитый молодой поэтъ Кучинскій прибылъ въ Варшаву».

Но все это было хорошо только отчасти. Всѣ эти стихи и извѣстность не могли мнѣ обезпечить даже самаго скромнаго существованія, тѣмъ болѣе, что писать я могъ сравнительно очень мало.

— Я не понимаю, какъ вы можете нуждаться,—заявилъ мнѣ разъ нѣкій сановитый графоманъ:—ваши стихи охотно печатаются. Я бы сто, двѣсти, пятьсотъ строкъ откатывалъ каждый день.—Онъ говорилъ серьезно. Увы, я не всегда былъ въ состояніи написать триста строкъ въ мѣсяцъ.

Я чувствовалъ, что могъ бы съ пользою постоянно работать въ той или другой редакціи, но втереться туда не умѣлъ. Достаточно было сказать: «вѣдь вы не хотите, чтобы я удалилъ другого и васъ взялъ на его мѣсто», чтобы я краснѣя ретировался со словами: «понятно, не хочу». «Пробуйте, приносите что нибудь»,—говорили мнѣ въ другомъ мѣстѣ. Но «пробовать что нибудь» я тоже не умѣлъ.

Изрѣдка попадались работы случайныя, въ родѣ передѣлки произведеній разныхъ богатыхъ графомановъ, составленія преискурантовъ, переводовъ всякихъ специальныхъ брошюръ, но это были работы и случайныя, и такія, за которыя приходилось братья лишь съ горя.

Я жилъ на чердакѣ «Польской гостиницы», въ темномъ и грязномъ номерѣ, цѣною 10 рублей въ мѣсяцъ. Номеръ этотъ едва ли топился болѣе двухъ разъ за всю зиму, такъ какъ тратиться на дрова мнѣ казалось излишней роскошью, тѣмъ болѣе, что съ дѣтства я былъ очень закаленъ къ холоду. Только вставать было не особенно пріятно. Да и то лишь пока не окатишься холодной, ледяной водой, послѣ чего температура комнаты сразу какъ бы поднималась.

Обѣдать мнѣ случалось не болѣе двухъ-трехъ разъ въ мѣсяцъ. И не потому, чтобы я не могъ обѣдать чаще, а потому, что не умѣлъ приучить себя къ плохимъ обѣдамъ. Имѣя возможность расходовать на обѣдъ 30 коп., я шелъ обѣдать за эту цѣну не въ дешевый ресторанъ, но въ одну очень чистоплотную молочную, гдѣ требовалъ кружку холоднаго молока и къ ней четверть фунта литовской копченой калбасы (она здѣсь же продавалась), затѣмъ вторую кружку молока и четверть фунта литовскаго сыра, и этотъ завтракъ мнѣ казался гораздо вкуснѣе и сытнѣе дряннаго обѣда. По вечерамъ я почти ежедневно заходилъ къ Генкелю. Кромѣ него, у меня еще было одно мѣсто, куда я шелъ, зная навѣрное, что меня встрѣтятъ радушно.

Въ Литовской гостиницѣ, послѣ того, какъ моего двоюроднаго брата докторъ отправилъ по ошибкѣ на тотъ свѣтъ, приобрѣли «ремизу» (наемъ лошадей и колясокъ) бездѣтные супруги Курчинскіе, еще недавно богатые помѣщики, потерявшіе имѣніе, по ихъ словамъ, потому что «довѣряли слишкомъ людямъ, а впрочемъ—сами виноваты». Онъ—высокій, нѣсколько уже согбенный, сѣдѣющій, съ бритымъ подбородкомъ и характернымъ лицомъ и усами польскаго шляхтича, чрезвычайно мягкій въ движеніяхъ, нѣсколько флегматическій въ рѣчи, почти всегда съ грустной, полувиноватой улыбкой въ глазахъ; она—подвижная, участливо слѣдящая за каждымъ движеніемъ мужа, худенькая и невысокая, завядшая брונетка; оба не чаявшіе другъ въ другѣ души, оба совершенно чуждые этого большого города и его кипучей жизни. Онъ очень любилъ декламировать стихи и рассказывать про деревню, она участливо выпытывать и давать практическіе совѣты. У нихъ я себя чувствовалъ, какъ у самыхъ близкихъ родныхъ.

— А знаешь, поэтъ,—разъ мнѣ говоритъ Курчинскій:—вѣдь ты правду сказалъ, что въ сущности, если отбросить официальную сторону отношеній, поляки и русскіе чувствуютъ другъ къ другу симпатію. Когда ты ушелъ, я сталъ думать: какъ же можемъ мы чувствовать симпатію къ москалямъ, послѣ всего того, что они съ нами сдѣлали? Вдругъ приходитъ русскій нанимать карету. И я сразу почувствовалъ, что нѣтъ у меня никакой къ нему злобы; наоборотъ—мнѣ захотѣлось какъ можно лучше угодить ему. Очевидно: приѣзжій—не чиновникъ,—спохватившись, оправдывалъ Курчинскій самъ передъ собою это столь неожиданное для себя москалефильство. Неисправимый, онъ также «слишкомъ довѣрялъ людямъ» въ городѣ, какъ и въ деревнѣ. «А впрочемъ самъ виновать». Спустя два—три года, съ 600 рублями въ карманѣ, онъ искалъ посредствомъ газетъ какого либо мѣста.

И вотъ представительный незнакомецъ пригласилъ его къ себѣ въ номеръ, въ Брюлевскую гостиницу. «Для васъ есть мѣсто кассира на свеклосахарномъ заводѣ на югѣ. Залогъ въ 600 рублей

необходимъ. Когда можете ѣхать? Послѣзавтра? Очень хорошо. Собирайтесь и по дорогѣ на вокзалъ заѣзжайте ко мнѣ, я дамъ вамъ письмо и инструкціи». Курчинскій въ восхищеніи. Рѣшаетъ ѣхать сперва одинъ, оставивъ жену недѣли на двѣ у знакомыхъ, пока не устроится на мѣстѣ.

— Ну-съ? совершенно готовы?—встрѣчаетъ его незнакомецъ.— Прежде, чѣмъ я дамъ вамъ письмо, покажите залогъ, чтобы я убѣдился, что онъ у васъ есть.

Курчинскій вынимаетъ деньги изъ бокового кармана. «Эхъ, старикъ, старикъ!—участливо соболѣзнуетъ незнакомецъ.— На много больше меня живете на свѣтѣ, а не знаете, какъ обращаться съ деньгами. Отправляетесь въ дорогу за полторы тысячи верстъ и, быть можетъ, послѣднія свои деньги суете прямо въ карманъ, на приманку ворами и мошенникамъ. Дайте мнѣ ихъ сюда, я ихъ спрячу вамъ, какъ слѣдуетъ». Ошеломленный Курчинскій передаетъ деньги. Господинъ на его глазахъ вкладываетъ ихъ въ конвертъ, идетъ къ письменному столу, запечатываетъ конвертъ сургучемъ, велитъ снять жилетку, зашиваетъ туда конвертъ и передаетъ ее обратно. Затѣмъ даетъ письма, указанія, ѣдетъ съ Курчинскимъ на вокзалъ, покупаетъ ему билетъ и, напутствуя добрыми совѣтами, прощается. «На третій день,—разсказывалъ потомъ Курчинскій:—я подѣхалъ къ какой-то небольшой станціи на югѣ.— Нельзя ли узнать,—обращаюсь къ начальнику станціи:—гдѣ живетъ такой-то?» — «Онъ кстати здѣсь на вокзалѣ. Вотъ онъ». Приближаюсь и съ поклономъ вручаю ему письмо. Тотъ распечатываетъ и вынимаетъ изъ письма листъ бѣлой бумаги».

— Это что за шутки?—спрашиваетъ сердито. Я поблѣднѣлъ, разорвалъ жилетъ, выхватилъ конвертъ съ деньгами, открылъ— въ конвертѣ вмѣсто денегъ та же бѣлая бумага. Подо мной ноги подкосились... слезы заволочили глаза. Одинъ... безъ гроша въ карманѣ... жена за полторы тысячи верстъ на хлѣбахъ у добрыхъ людей... ужасъ охватилъ меня. Инженеръ понялъ все. «Клянусь Богомъ,—сказалъ онъ,—что я создалъ бы вамъ мѣсто, если была бы малѣйшая возможность. Но у насъ сокращаютъ производство, мы удаляемъ собственныхъ служащихъ». Добрые люди сложились Курчинскому на обратную дорогу въ Варшаву. Потомъ я ихъ встрѣчалъ живущими временно у родственниковъ, потомъ управляющими чужой «ремизой», на Варецкой площади, наконецъ они исчезли для меня навсегда: уѣхали въ провинцію служить на какомъ-то лѣсномъ складѣ. «Мнѣ ничего, какъ нибудь дотяну,—говорилъ въ послѣднее время Курчинскій,—только вотъ бѣдная жена... къ иной жизни она привыкла». — «Мнѣ ничего,—говорила жена,—лишь бы онъ здоровъ былъ, и я могла бы быть ему помощью».

X.

Сигизмундъ Герингъ и его семейство.—Его научныя работы.—Новые друзья.— Орловскій, А. О. и И. З—евъ.—Въ кругу литературной богемы. — Ресторанъ Мишо.—Выселеніе меня изъ «Польской гостиницы».—Докторъ Теодоръ Герингъ и воспитатель его сына.—Ресторанъ Бель-Вю.—Почныя засѣданія.—Изданіе II-го тома стихотвореній.— Столкновеніе съ цензоромъ.—Судьба моихъ друзей.

Однажды въ газетахъ появилось объявленіе: «Нуженъ умѣющій четко и скоро писать, занятія отъ 11 до 1 часу дня. Плата 10 рублей въ мѣсяцъ и завтракъ». Я обыкновеннымъ своимъ четкимъ и размашистымъ почеркомъ написалъ: «Удовлетворяю вашимъ требованіямъ. На условія согласенъ». Спустя день, получилъ приглашеніе явиться къ какому-то Сигизмунду Герингу. Меня встрѣтилъ молодой человекъ, брюнетъ съ небольшой бородкой, очевидно еврейскаго типа.

— Знаете,—сказалъ онъ мнѣ,—я получилъ до полутора ста пишемъ, но выбралъ ваше, потому что оно одно коротко и ясно.

О моей причастности къ литературѣ онъ не зналъ, а оказалось, что это было очень ему кстати. Онъ сотрудничалъ въ качествѣ экономиста въ журналахъ молодой прессы, теперь же приступалъ къ чисто научному сочиненію «Логика политической экономіи».

Онъ сталъ диктовать мнѣ и пользоваться моими совѣтами при отдѣлкѣ слога. Эта была работа серьезная, и самъ процессъ ея созиданія былъ для меня поучителенъ. Она создавалась не спѣша, и, только спустя нѣсколько лѣтъ, вышла изъ печати. Кромѣ того, Герингъ былъ извѣстенъ, какъ авторъ проекта преобразования финансовой системы въ Россіи, который былъ поданъ министру Бунге или Вышнеградскому, но который такъ и остался проектомъ. Изъ этого проекта выросла опять цѣлая книга «Исторія рубля въ Россіи». Мы писали и эту исторію, а затѣмъ я ее переводилъ на русскій языкъ. Впослѣдствіи ее издалъ въ Петербургѣ Эфронъ.

Съ семействомъ Геринга я сблизился очень скоро. Жена его была когда-то курсисткой въ Петербургѣ, участвовала въ какомъ-то «дѣлѣ», сидѣла въ заключеніи. Оба происходили изъ состоятельныхъ еврейскихъ семействъ, оба были очень интеллигентны, очень просты въ обращеніи и очень непрактичны въ жизни, не умѣя обращаться съ деньгами, что, какъ извѣстно, рѣдко встрѣчается среди евреевъ. Но въ ихъ средѣ все болѣе выдающееся охотно поддерживаютъ и родные и чужіе. Герингъ нужды не терпѣлъ, вскорѣ же получилъ хорошее мѣсто въ банкѣ.

Они не стыдились своего еврейства, но жили и думали польски. Ихъ очень красивыя дѣти уже совершенно не имѣли ничего еврейскаго, даже въ чертахъ лица.

Писаніе подѣ диктовку, переводъ на русскій языкъ, иногда добавочныя работы по вечерамъ—все это уже составило для меня порядочную поддержку. Кромѣ того, я сталъ писать и юмористическіе стихи, открывъ въ этомъ новый, хотя и очень ничтожный источникъ получекъ въ редакціяхъ. Въ редакціи юмористической «Мухи» я познакомился съ ея сотрудниками Косьминскимъ и Орловскимъ. Оба не прочь были выпить.

— Пойдемъ,—сказалъ какъ-то Орловскій,—въ ресторанъ, тамъ сидитъ А. О., вы навѣрное читали его стихи, онъ хочетъ познакомиться съ вами.

Мы познакомились и при этомъ выпили. Я никогда больше рюмки, двухъ за обѣдомъ не пилъ, да и то тогда только, если былъ въ обществѣ. Здѣсь въ первый разъ убѣдился, что затуманить себѣ голову на нѣкоторое время довольно приятно.

Орловскій былъ сынъ какого-то доктора въ провинціи, уже умершаго, и пробивался такъ же, какъ и я, случайными заработками въ редакціяхъ. Впрочемъ, кажется, его мать получала какую-то небольшую пенсію. А. О. былъ сынъ состоятельнаго фабриканта горчицы и увѣрялъ, что единственное несчастіе его жизни—это его нѣмецкая фамилія. Жилъ у родителей, но имѣлъ какую-то таинственную для насъ комнату, гдѣ встрѣчался съ богиней своего сердца, швейей. Блѣдный, съ тонкими чертами лица, меланхолически безнадежнымъ взглядомъ большихъ глазъ и длинными бѣлокурыми кудрями, всегда очень небрежно одѣтый, онъ былъ поэтъ не только по душѣ, но и по своей виѣшности. Чистый, увлекающійся энтузіастъ, любящій за кружкой пива читать стихи, говорить про искусство, про высокое призваніе поэта и т. д. Деньги у него долѣше нѣсколькихъ часовъ не держались, онъ считалъ необходимымъ каждый разъ передъ сномъ освободиться дочиста отъ презрѣннаго металла; хотя этого металла у него бывало не много, но все же больше, чѣмъ у его друга, сатирически настроеннаго и менѣе разговорчиваго Орловскаго.

Косьминскій, циникъ и любитель любовныхъ приключеній, къ намъ мало присталъ. Это былъ очень талантливый сатирикъ, кромѣ того, авторъ популярныхъ мелодрамъ и мѣстныхъ фарсовъ, которые всегда пользовались и пользуются успѣхомъ на сценѣ. Вино и женщины свели его преждевременно въ могилу.

Взамѣнъ его къ намъ вскорѣ примкнулъ И. З—евъ, новеллистъ, высокій, красивый юноша, кипучаго темперамента, рѣдкій товарищъ, умѣющій дѣлиться всѣмъ, также не любящій уносить денегъ домой, но обладающій неприсущей намъ способностью находить мѣста: поочередно въ разныхъ редакціяхъ, даже у банкировъ; эти мѣста онъ перебрасывалъ, какъ перчатки, благодаря чему все-таки большую часть года былъ безъ мѣста. Жилъ онъ то одинъ, то вмѣстѣ съ братомъ Владимиромъ, художникомъ. Художникъ былъ очень способный,

но и очень лѣнивъ, и въ концѣ концовъ, не оправдавъ надеждъ, гдѣ-то исчезъ въ глубинѣ Россіи. Онъ имѣлъ обыкновеніе снимать комнату всегда со столомъ и, прокутивъ всѣ деньги, сидѣлъ въ ней, не трогаясь цѣлыя недѣли, пока кто либо не принесетъ ему на домъ заказа. Мы вскорѣ стали встрѣчаться почти ежедневно, большею частью въ ресторанахъ на Свенто-кржиской улицѣ г-жи Мишо, которой мужъ, лѣтъ десять назадъ очень извѣстный поэтъ (псевдонимъ «Миронъ»), въ то время догаралъ гдѣ-то, страдая «delirium tremens».

— Здравствуй, — случалось, встрѣчаетъ меня Орловскій у входа, — мы уже часа два здѣсь. Много у тебя денегъ?

— Почти нѣтъ.

— А съ нами бѣда. А. О. сталъ читать стихи и забывшись потребовалъ коньяку съ тремя звѣздочками. Начали считать деньги, — не хватаетъ. Съ горя заказали ликеръ къ черному кофе. Каждый изъ насъ уже послалъ посыльнаго въ разныя редакціи, за авансомъ. Пока — ничего! Мы сидимъ вокругъ стола и обсуждаемъ положеніе.

Двое посыльныхъ возвращаются ни съ чѣмъ.

— У меня мысль! — восклицаетъ И. З—евъ. — Если послѣдній посыльный не принесетъ денегъ, то пошлемъ его къ брату. Онъ сидитъ безъ сюртука: заложенъ. Но брюки у него хорошия, изъ лучшаго матеріала: знакомый портной далъ въ долгъ. Пусть снимаетъ съ брата брюки, захватитъ двѣ моихъ подушки и несетъ въ ломбардъ. Жидовскіе ломбарды торгуютъ до 10-ти.

Такъ беззаботно рѣшалась участь не только денегъ, но брюкъ и подушекъ.

Въ общемъ жилось эти мѣсяцы безшабашно, безтолково, но весело.

Къ веснѣ управляющій «Польской гостиницы», мой старый и хорошій знакомый, но твердый, какъ скала, за неплатежъ 10-ти рублей не только закрылъ на ключъ мой номеръ, но арестовалъ мои вещи и паспортъ. Я не протестовалъ, такъ какъ не былъ твердо увѣренъ, законно ли это, или нѣтъ. Впрочемъ — не тигаться же съ нимъ. Ушлачу деньги, и вернетъ все. Такъ разсуждая и не имѣя пристанища, я направился къ З—еву. Онъ занималъ двѣ комнаты; въ задней спалъ самъ, въ передней же на полу брошены были два одѣяла и нѣсколько подушекъ. Это былъ пріютъ и ложе въ случаѣ надобности для всѣхъ его друзей и знакомыхъ.

Дни, которые я провелъ у него въ гостяхъ, вспоминаю до сихъ поръ съ удовольствіемъ. Это была настоящая вакхическая оперетка, полная кипучей жизни, веселья и поэзіи.

Только спустя двѣ недѣли, я собрался уйти отъ З—ева и выкупить свои вещи и паспортъ.

— Я, кажется, забылъ у васъ паспортъ,—обратился я послѣ расчета къ управляющему самымъ невиннымъ тономъ, не желая его смущать.

— Вы скоро голову забудете, если могли забыть паспортъ,—возмутился тотъ.—Первый разъ вижу человѣка, которому въ Варшавѣ въ теченіе двухъ недѣль не нуженъ былъ паспортъ.

З—евъ готовъ былъ дѣлиться послѣдней копеечкой, но подчасъ бывалъ для друзей и опасенъ. Наиболѣе беззаботный, онъ, страдая безденежемъ, не колебался отправлять въ ломбардъ все свое платѣ и цѣлыми днями, случалось, сидѣлъ въ одномъ бѣльѣ. Угощая назѣстившаго его пріятеля пивомъ, которое кредитовалъ ему жившій по сосѣдству рестораторъ, онъ вдругъ вспоминалъ: «знаешь, у меня въ городѣ спѣшное дѣло... одолжи мнѣ на полчаса свое платѣ. Посиди пока тутъ. Если захочешь пить, ѣсть, — посылай на мой счетъ въ ресторанъ». Случалось, этотъ знакомый сидѣлъ раздѣтый сутки и болѣе, дожидая хозяина, который, добывъ деньги, отводилъ душу въ компаніи друзей. Но онъ зарабатывалъ въ общемъ много болѣе насъ всѣхъ, такъ какъ почти ежедневно писалъ маленькіе фельетоны въ одной изъ газетъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Сигизмундъ Герингъ познакомилъ меня со своимъ братомъ, Федоромъ, знаменитымъ докторомъ, хирургомъ-ларингологомъ.

Федоръ имѣлъ громадную практику, кромѣ того, много работалъ, постоянно дѣлалъ какіе-то опыты, вообще обладалъ рѣдкой трудо-способностью. Его сочиненіе: «Объ излѣчимости гортанной чахотки», широко извѣстно и очень цѣнится, особенно за границей. Онъ удалялъ туберкулезные нарывы хирургически, крайне искусно, помощью усовершенствованныхъ имъ же инструментовъ. Много пациентовъ пріѣзжало къ нему и изъ Россіи. Случалось, что на консультацію или операцію его вызывали и за границу.

Онъ готовилъ переводъ вышеупомянутой книги на русскій языкъ, по приглашенію издателя Риккера, но переводчикъ, докторъ, очень плохо владѣлъ слогомъ. И вотъ онъ мнѣ предложилъ продолжать начатый переводъ. Такъ какъ постоянно встрѣчались тамъ спеціальныя термины, то необходимо было переводить въ присутствіи автора. Кромѣ того, я составлялъ каталогъ его спеціально медицинской, очень богатой бібліотеки и приводилъ ее въ порядокъ. Наконецъ писалъ подъ его диктовку статьи изъ области гігіены, которыя въ эту зиму онъ читалъ съ благотворительной цѣлью публично. Онъ занималъ прекрасную квартиру и жилъ широко, не считаясь, какъ и братъ, съ деньгами. Былъ онъ много разностороннѣе и, пожалуй, даже интеллигентнѣе брата. Воспитателемъ его единственнаго сына былъ медикъ 5-го курса, поклонникъ гипнотизма, мечтатель, вѣчно блуждающій около тайнъ бытія. Бесѣды съ ними обоими за ужиномъ имѣли для меня свое особое,

неиспытанное доселѣ очарованіе. Я въ нихъ чувствовалъ высшую интеллигенцію, находилъ массу смѣлыхъ, широкихъ взмаховъ мысли, донельзя subtilный анализъ всего, нашему уму доступнаго, и чувствовалъ внутреннее удовлетвореніе отъ сознанія, что не только могу критически относиться къ имъ высказываемому, но и опровергать или развивать ихъ взгляды. Годъ или болѣе спустя нагрянули неожиданно ночью жандармы и увезли студента, который все еще числился на 5 курсѣ и все собирался сдавать послѣдніе экзамены. За какую провинность?—хорошо, кажется, сами Геринги не знали. Вскорѣ послѣ этого онъ скончался отъ чахотки.

Геринги меня рѣшительно ни въ чемъ не стѣсняли, не пытались оказывать на меня какое либо вліяніе. Именно въ это время я печаталъ много стиховъ въ рѣзко антисемитской «Голдѣ», стиховъ, впрочемъ не имѣющихъ ничего общаго съ антисемитизмомъ. Въ эти мѣсяцы я зарабатывалъ много, но зато, случалось, бывалъ занятъ поочередно у обоихъ братьевъ отъ 11 утра до полуночи. Я все-таки не забывалъ моихъ друзей и почти каждый вечеръ встрѣчался съ ними. Къ Мишо мы заглядывали только днемъ или раннимъ вечеромъ, позже засѣдали въ ресторанѣ Бель-Вю, при которомъ въ саду лѣтомъ помѣщался популярный въ Варшавѣ театрикъ, зимою же нѣчто въ родѣ кафешантана съ оркестромъ, пѣвицами и прочее. Здѣсь насъ вскорѣ стали окружать разные кандидаты на поэтовъ, романистовъ, авторы невозможнаго вздора, въ большинствѣ впрочемъ добрые малые, очень польщенные возможностью сидѣть возлѣ насъ и угощаться съ нами. Присаживались къ намъ и актеры, и даже актрисы, и случалось, дѣло завершалось грандіозной попойкой, перекочевываніемъ изъ ресторана въ ресторанъ, съ эпилогомъ около 6 утра въ грязномъ кабацѣ, открытомъ съ ранняго утра для рабочихъ и извозчиковъ.

Попойки эти продолжались мѣсяца два-три, и хотя вреда отъ нихъ я не ощущалъ, но постепенно отсталъ отъ нихъ безо всякихъ усилій. Вѣроятно, въ роду моемъ не было алкоголиковъ. За это время наша компанія положительно сдѣлалась въ Варшавѣ популярной. Въ одномъ юмористическомъ журналѣ покойный поэтъ Стебельскій даже воспѣлъ въ стихахъ меня съ А. О., какъ «братьевъ сіамскихъ», и наши похождения. Вскорѣ послѣ этого я нашелъ издателя на II-й томъ моихъ стихотвореній и сталъ готовить его къ печати. «Цензоръ васъ требуетъ»,—сказалъ мнѣ издатель еще до отпечатанія перваго листа. Меня встрѣтилъ желчный и сердитый господинъ, не пуская дальше передней.

— Что вамъ угодно?

— Вы меня требовали.

— Пожалуйста, не беспокойте меня... я имѣю право каждый листъ держать двѣ недѣли.

— Но вѣдь тогда издатель откажется печатать?

— Мнѣ наплевать!.. чѣмъ меньше польскихъ книгъ выйдетъ, тѣмъ лучше.

Въ оправданіе такого поразившаго меня приѣма замѣчу, что это былъ явно больной человѣкъ, который вскорѣ и умеръ. Но я положительно растерялся. Къ счастью, на Краковскомъ предмѣстьѣ я встрѣтилъ знакомаго по Петербургу генерала К. Онъ меня выслушалъ и написалъ рекомендательное письмо къ предсѣдателю цензурнаго комитета. Благодаря его любезности, цензура моихъ стиховъ прошла скоро и гладко.

Заканчивая бѣгло эту главу, я долженъ упомянуть о судьбѣ моихъ друзей: Орловскаго, А. О. и И. З—ева. Первый женился, по слухамъ записался въ общество трезвости и продолжаетъ хлестать насъ бичемъ мѣткой сатиры. Второй тоже женился и именно на своей скрываемой отъ насъ богинѣ-швейкѣ, и о добродѣтеляхъ его, какъ отца семейства, мнѣ рассказывали съ умиленіемъ. Онъ—редакторъ извѣстнаго журнала и очень популярный поэтъ. Третій, послѣ множества сальто-мортале, метаморфозъ и скитаній, неожиданно канулъ безслѣдно въ таинственную Лету, чтобы вынырнуть по дорогѣ въ Китай и Японію, какъ корреспондентъ и бытописатель. Какъ и прежде, для товарища готовъ снять послѣднюю рубашку. Неизмѣнно преисполненъ великихъ плановъ и надеждъ. Его жена, бывшая актриса, большинства этихъ плановъ не одобряетъ и предпочла бы болѣе прочное мѣстожителство.

XI.

Въ деревнѣ. — Распродажа имѣній Гогенлоэ. — Самоубійство дяди. — Отношенія взаимныя русскихъ и польскихъ помѣщиковъ.—Эдуардъ Войнилловичъ и Минское общество сельскаго хозяйства.—Яковъ Оттоновичъ Наркевичъ-Юдко.—Его разносторонняя дѣятельность. — Отношеніе къ нему Варшавы и Петербурга.

Раза два за это время я ѣздилъ въ деревню къ роднымъ. Отецъ жилъ уже въ собственномъ имѣніи Лютовичи, около Слуцка. Онъ постарѣлъ, съ трудомъ справлялся съ хозяйствомъ и дѣлалъ много ощутительныхъ промаховъ, но по привычкѣ не выносилъ ни малѣйшаго вмѣшательства въ свои дѣла. Полное бездѣлье и въ то же время полная зависимость на каждомъ шагѣ отъ отца меня здѣсь сильно тяготили, и я обыкновенно скоро возвращался въ Варшаву. Въ денежные свои передраги я не посвящалъ отца и родныхъ, и развѣ всегда крайне тощій багажъ, за который мнѣ неловко бывало даже передъ прислугой, выдавалъ меня.

— Ступайте, возьмите съ повозки все, что тамъ есть!—обыкновенно обращался отецъ къ горничнымъ послѣ привѣтствія.

— Тамъ ничего нѣтъ!—отвѣчалъ я смущенно:— все здѣсь, въ этомъ ручномъ чемоданчикѣ.

Тогда отецъ незамѣтно окидывалъ меня всего взглядомъ, стараясь убѣдиться, цѣло ли, по крайней мѣрѣ, то платье и сапоги, въ которыхъ я явился. И такъ какъ онъ придавалъ этому гораздо большее значеніе, чѣмъ я, то, несмотря на явно страдающее мое самолюбіе, настаивалъ на пополненіи всего недостающаго въ моемъ гардеробѣ и бѣлѣ при первой поѣздкѣ въ Слуцкъ. Перспектива всего этого меня всегда крайне смущала и не разъ удерживала въ Варшавѣ отъ поѣздки въ деревню.

Это были годы громкой распродажи княгиней Гогенлоэ доставшихся ей по наслѣдству отъ брата, князя Витгенштейна, имѣній, которыхъ она, какъ не русская подданная, оставить за собою не имѣла права. Имѣній этихъ въ одной Минской губерніи насчитывалось нѣсколько десятковъ, площадью свыше 700.000 десятинъ; была занята ими и значительная часть Слуцкаго уѣзда. Всѣ они были въ арендѣ. Арендаторы, живя въ нихъ по нѣскольку десятковъ лѣтъ, нерѣдко по нѣскольку поколѣній, не только не отличались отъ сосѣднихъ помѣщиковъ, но въ большинствѣ могли жить гораздо шире и беззаботнѣе, чѣмъ тѣ. Въ числѣ такого рода счастливицевъ былъ и мой дядя, у котораго, какъ я упоминалъ раньше, проживала уже скончавшаяся къ этому времени моя прабабушка. Онъ родился въ арендуемомъ имѣніи и былъ увѣренъ, что и умереть тамъ же, такъ какъ былъ образцовый хозяинъ и на лучшемъ счету у князя Витгенштейна.

Одно время казалось, что судьба ему благопріятствуетъ, и что положеніе его, если измѣнится, то къ лучшему. Шуринъ его старшаго брата, генераль Ричардъ фонъ-Мевесъ, въ то время командиръ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, изъявилъ желаніе пріобрѣсти на милліонъ нѣсколько имѣній княгини Гогенлоэ, съ тѣмъ, чтобы дядя выбралъ подходящія имѣнія и взялся управлять ими. Но одновременно фонъ-Мевесъ потребовалъ, чтобы дядя поручился, что эти имѣнія будутъ давать 6 процентовъ дохода. Тотъ заявилъ, что въ настоящее время такой процентъ получить съ земли невымыслимо, не эксплуатируя ея въ ущербъ для ея будущаго.

— Въ такомъ случаѣ, — рѣшилъ, какъ рассказывали, генераль: — гораздо для меня выгоднѣе отрѣзывать купоны отъ бумагъ.

Такъ дѣло и разстроилось. Дядѣ пришлось оставить имѣніе и перебраться въ другое, заарендованное въ томъ же Слуцкомъ уѣздѣ. Но со времени переѣздки съ нимъ стало твориться что-то неладное. Всегда жизнерадостный, крайне общительный, онъ круто измѣнился, по временамъ сталъ страдать меланхоліей, тосковать по покинутому имѣніи до того, что стали опасаться за его разсудокъ. Кончилось тѣмъ, что послѣ одной изъ бессонныхъ ночей, къ утру, зарядомъ изъ охотничьяго ружья онъ разможилъ себѣ голову и, промучившись нѣсколько дней, скончался. Ни въ нашемъ семействѣ, ни среди сосѣдей ни о какихъ самоубійствахъ не было

слышно, и поэтому вѣсть о столь трагической развязкѣ поразила всѣхъ сильно. Но если не всѣ кончили такъ печально, то большинство отторгнутыхъ силою обстоятельствъ отъ родного для нихъ клочка земли, несомнѣнно, пережило тяжелую внутреннюю драму.

Какъ въ свое время писали и въ русскихъ газетахъ, обязательная продажа столькихъ имѣній послужила толчкомъ къ самой беззащитной спекуляціи землею. Ловкіе дѣльцы покупали безъ гроша въ карманѣ. Предварительно перепродавъ кое-что изъ покупаемаго имѣнія евреямъ, заполучали отъ нихъ деньги въ задатокъ, затѣмъ продавали лѣсъ, мельницы, всѣ статьи дохода за нѣсколько лѣтъ впередъ и, случалось, такимъ образомъ сразу выручали болѣе, чѣмъ стоило имъ имѣніе. Обобранное дочиста имѣніе часто сейчасъ же перепродавалось. Слѣды такого хищническаго хозяйства, быстро уничтожившаго плоды многолѣтнихъ трудовъ, живы понынѣ. Въ числѣ немногихъ, пріобрѣтшихъ имѣнія не для торговли землею, отмѣчу князя Святополкъ-Мирскаго и Ратькова-Рожнова, раньше слущаго, нынѣ губернскаго минскаго предводителя дворянства. Естественно, что польскіе помѣщики относились крайне неодобрительно ко всѣмъ новымъ мимолетнымъ сосѣдямъ-спекулянтамъ, а такъ какъ евреи и поляки не могутъ пріобрѣтать здѣсь земли, то этими спекулянтами могли быть лишь русскіе. Но я, наоборотъ, не знаю положительно ни одного случая, когда русскій помѣщикъ, поселившійся здѣсь и хозяйничающій, какъ всѣ коренные землевладѣльцы, могъ бы пожаловаться на отношенія къ нему сосѣдей-поляковъ. Отношенія эти, основанныя на взаимномъ уваженіи, безусловно не оставляютъ желать лучшаго. Въ сосѣдствѣ нашемъ хозяйничаетъ тайный совѣтникъ Климовъ, бывший видный чиновникъ. Хотя онъ популярности не ищетъ, русскаго облика не мѣняетъ, но я не слышалъ о немъ ни одного пренебрежительнаго замѣчанія, ни одного упрека въ чемъ либо. Впрочемъ, налицо и болѣе убѣдительное доказательство.

Одинъ изъ ближайшихъ нашихъ сосѣдей по имѣнію, Эдуардъ Войнилловичъ, личность крайне энергичная и трудоспособная, несмотря на крупное состояніе, лично руководящій хозяйствомъ во всѣхъ своихъ имѣніяхъ, сумѣлъ наглядно объединить и польскихъ, и русскихъ помѣщиковъ въ Минскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, одномъ изъ первыхъ этого рода въ Россіи, плодотворную дѣятельность котораго и дружную работу надлежало цѣнить равно мѣстное общество, какъ и правительство.

Какъ извѣстно, Минское общество сельскаго хозяйства, въ которомъ неизмѣнно предсѣдательствуетъ, заступая почетнаго предсѣдателя, губернатора, Войнилловичъ, удостоилъ принять подъ свое высокое покровительство великій князь Владимиръ Александровичъ. Русскіе и поляки работаютъ здѣсь въ полномъ единеніи, само же

общество служить образцомъ для всѣхъ подобныхъ, возникающихъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Оно имѣетъ и свой печатный органъ.

— Я даже не понимаю, — говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ видныхъ представителей этого общества:—какой можетъ быть антагонизмъ тамъ, гдѣ обѣ стороны совершенно не затрогиваютъ вопросовъ національности и религіи и не питаютъ притязаній на преимущества. Мы всѣ крѣпко связаны съ этой землей, на которой и для которой работаемъ, и цѣли наши совершенно общи.

Также въ нашемъ сосѣдствѣ, хотя и не особенно близкомъ, по ту сторону границы Игуменскаго уѣзда, жилъ и живетъ небызвѣстный въ Петербургѣ и за границей Яковъ Оттоновичъ Наркевичъ-Юдко, личность котораго, равно какъ разносторонняя, преимущественно научная дѣятельность заслуживаютъ вниманія.

Г. Юдко—владѣлецъ имѣнія Надъ-Нѣмень и смежнаго мѣстечка Песочное. Отъ жилого дома, изящнаго двухэтажнаго каменнаго палаццо, тѣнистый паркъ спускается террасами къ самому Нѣману. Въ имѣніи все изъ камня, все шоссировано, вездѣ проведены телефоны, вообще видно полное довольство и умѣніе распоряжаться деньгами. Радужный хозяинъ, видный и статный мужчина, едва даетъ опомниться гостю съ дороги, какъ уже влечетъ его въ свою научную лабораторію. Чего тамъ нѣтъ?.. Отъ всякихъ электрическихъ двигателей, проводниковъ, батарей просто жутко становится, тѣмъ болѣе, что любезный ученый, несмотря на то, что гость совершенный неучъ въ данной области, немедля начинаетъ вызывать какія-то искры, токи, трескотню, соединять съ электрическими проводниками ваши руки, лобъ и т. п. «А вѣдь, пожалуй, какая нибудь шальная искра и убить можетъ, здорово живешь», — думаетъ ошеломленный гость. Но страхъ напрасный. Г-нъ Юдко знаетъ, что дѣлаетъ, и, видя смущеніе посѣтителя, громко ручается за цѣлость и сохранность всѣхъ его членовъ. Между тѣмъ понемногу хаосъ нахлынувшихъ впечатлѣній начинаетъ укладываться въ болѣе опредѣленные формы.

Оказывается, что мы въ преддверіи величайшихъ открытій. Эта фотографія искристыхъ лучей электричества, испускаемаго вашей рукою,—не что иное, какъ первый шагъ, ключъ къ фотографированію характера человѣка.

Эта голубоватая искра, блеснувшая въ полутьмѣ... Нѣтъ! боюсь завратъся, напутать, будучи полнымъ въ электричествѣ невѣждой.

Сидя уже за чаемъ, гость выслушиваетъ содержаніе докладовъ, которые г-нъ Юдко имѣлъ по своимъ работамъ въ Италіи, во Франціи и т. д. (онъ, какъ и вся семья его, положительные полиглоты), разсматриваетъ портреты и біографіи ученаго въ разныхъ заграничныхъ и русскихъ изданіяхъ.

Прислуживаетъ дежурная барышня. Г-нъ Юдко устроилъ у себя нѣчто въ родѣ дамскаго университета. Тутъ его дочери, тутъ

и мои сестры, тутъ и еще нѣкоторыя барышни изъ сосѣдства. Помимо гувернантокъ, Іодко самъ преподаетъ нѣкоторые предметы, опредѣляетъ дежурства, вообще руководитъ занятіями и научными и хозяйственными. Послѣ чая барышни играютъ польки и вальсы композиціи хозяина, поютъ его же романсы. Мало того, разъ разыграли написанную имъ оперетку. И здѣсь г. Іодко далеко не профанъ. Около 1870 года въ Парижѣ онъ въ качествѣ выдающагося піаниста бывалъ на вечерахъ въ Тюильри. Потомъ неоднократно и съ успѣхомъ выступалъ на публичныхъ концертахъ.

Чай конченъ—гости переходятъ въ библіотеку или гостиную.

— А! правда—вы пишете стихи... вамъ, вѣроятно, будетъ интересно послушать... у меня этого добра много...—И дѣйствительно, и здѣсь какое обиліе и разнообразіе творчества!

— Вотъ эти поэмы были въ одной редакціи, но не напечатали. Удивительные у васъ тамъ люди. Скажите, пожалуйста, что имъ здѣсь могло не понравиться?

Изъ зала доносится хохотъ и слово «магнетизмъ».

— А, кстати, покажу вамъ удивительную штуку... идемте въ залъ... только потушить всѣ лампы и стоять смирно!

Добродушно улыбающаяся до того хозяйка дома съ испугомъ и укоромъ начинаетъ взирать на мужа.

Ужинъ... пора на покой.

— Вы, вѣроятно, не сразу засыпаете... Я вамъ дамъ мой рукописный романъ... если будете читать внимательно—не пожалѣете. Есть интересныя страницы.

На утро повторные опыты въ лабораторіи, путешествіе по полямъ, гдѣ г. Іодко примѣняетъ электрокультуру, и въ сосновый лѣсъ, гдѣ строятъ домики для санаторіи. Здѣсь г. Іодко будетъ примѣнять электролѣченіе. Наконецъ, ознакомленіе съ метеорологической станціей, которой онъ завѣдуетъ въ своемъ имѣніи. Словомъ первое впечатлѣніе разносторонней дѣятельности хозяина—ошеломляющее. А такъ какъ первое впечатлѣніе самое сильное, и такъ какъ всѣ сосѣди помѣщики, какъ и я, полные невѣжды въ электричествѣ, то г. Іодко поистинѣ можетъ примѣнить къ себѣ пословицу: *nemo propheta in patria sua*. Между тѣмъ за границей, особенно во Франціи и Италіи, онъ положительно знаменитость, да и въ Россіи, въ Петербургѣ, къ его докладамъ относятся очень серьезно; онъ избранъ членомъ института экспериментальной медицины, наконецъ, его высочество принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій удостоивалъ его особаго благоволенія и живо интересовался его занятіями. И слѣдуетъ сознаться, что весь этотъ успѣхъ вполне имъ заслуженъ. Когда я потомъ наединѣ разбирался во всемъ, услышанномъ отъ него въ его лабораторіи, то все болѣе и болѣе проникался убѣжденіемъ, что это почти гениальный самоучка электротехникъ, изъ котораго, будь у него практическая

смѣтка, будь болѣе глубокое специальное образование и благоприятныя условія, могъ бы выработаться второй Эдиссонъ. Я положительно утверждаю (да и не я одинъ, такъ какъ читалъ объ этомъ мелькомъ и въ печати), что слышалъ отъ него нѣчто подобное теоріи х-лучей за нѣсколько лѣтъ до открытія Рентгена, что невнимательно и съ улыбкой скептика слушалъ его увѣренія въ возможности беспроволочнаго телеграфа тогда, когда о Маркони не было рѣчи.

Вспоминаю и многіе другіе намеки на удивительныя открытія, которыя, быть можетъ, составляютъ также только вопросъ времени. Но его аффектація, его разбрасываніе во всѣ стороны, его полное игнорированіе умственнаго уровня слушателя сильно вредятъ ему, производя равно въ кругу невѣждъ, какъ и кабинетныхъ педантовъ, впечатлѣніе крайне невыгодное. «Это не серьезныя приемы ученаго»,—рѣшили въ Варшавѣ и отвернулись отъ него. Я вполне понимаю этихъ серьезныхъ, добросовѣстныхъ педантовъ. Но не они двигаютъ впередъ знаніе.

XII.

Второй томъ моихъ стихотвореній.—Шумиха.—Цензура.—Господинъ редакторъ завидуетъ мнѣ.—Два мѣсяца крайней нужды.—Отъѣздъ въ Петербургъ.

Вскорѣ послѣ послѣдняго возвращенія изъ деревни въ Варшаву я вынужденъ былъ прекратить занятія у Геринговъ. У доктора—потому, что кончилъ переводъ, привелъ въ порядокъ библіотеку, и самъ онъ уѣхалъ отдыхать и лѣчиться за границу. У Сигизмунда—потому, что денежные обстоятельства заставили его на время прекратить научныя занятія и искать службы, которую онъ вскорѣ и нашелъ въ банкѣ. Доходы мои сразу убавились чуть ли не на 90 проц., такъ какъ напечатаніе въ мѣсяць пяти-шести стихотвореній въ итогѣ давало 10—20 рублей.

Тѣмъ временемъ вышелъ изъ печати второй томъ моихъ стиховъ, и опять около моего имени поднялась нѣкоторая шумиха, которую при желаніи и пылкомъ воображеніи многіе принимаютъ за подобіе славы. У меня уже были друзья, и поэтому среди рецензій явились и прямо хватившія черезъ край.

Во всякомъ случаѣ я сталъ чувствовать, что въ совершенствѣ овладѣлъ формою стиха. Если въ какой либо редакціи появлялся вопросъ, принять ли мои стихи, то вопросъ этотъ вызывала исключительно цензура: пропустить ли? А поистинѣ это не былъ праздный вопросъ.

Ни смысла, ни желанія ни у кого изъ насъ не было писать стихи, которые могли бы возбудить сомнѣнія цензуры; вѣдь прежде всего подъ такіе стихи не выдадутъ въ редакціи аванса. Да и сами редакторы то и дѣло напоминали: «пишите, господа, пожалуйста, повеселѣе. Никакихъ слезъ! Цензура этого не признаетъ».

И тѣмъ не менѣ сплошь и рядомъ приходилось видѣть цѣлыя гранки набора, перечеркнутыя сверху донизу красными чернилами.

Въ общемъ все было хорошо: друзья, извѣстность, весна. Одно плохо—стало не хватать денегъ даже на хлѣбъ насущный. Я помню одинъ майскій благоухающій вечеръ, когда я, не ѣвшій еще съ утра, не зная, пустятъ ли меня безъ денегъ ночевать на квартиру, появился въ одной изъ наиболѣе богатыхъ редакцій.

— А! это вы! — любезно встрѣтилъ редакторъ и, указывая на меня собесѣдникамъ, полушутливо, полусеріозно замѣтилъ:—вотъ, кто теперь пишетъ лучшіе стихи на польскомъ языкѣ. Вы принесли что нибудь?

Я ничего не принесъ, но просилъ авансъ, хотя бы два-три рубля.

— Не могу, — рѣшительно сказалъ редакторъ: — и не просите лучше. Но вы не спѣшите, выйдемте вмѣстѣ.

И когда мы очутились на улицѣ, онъ, мечтательно всматриваясь въ даль, началъ:

— Знаете ли вы, какой счастливый періодъ вы переживаете? Сколько бы я далъ, чтобы вернуть эти волшебные годы, когда человѣкъ голодалъ, ходилъ безъ подметокъ? Вы этого теперь не цѣните, но потомъ будете вспоминать о настоящихъ дняхъ съ любовью. Я вотъ теперь обезпеченъ, сытъ, съ положеніемъ, а все-таки я вамъ завидую.

Я съ нѣкоторой злобой взглянулъ на его круглое, розовое, самодовольное лицо.

— Быть можетъ, я и буду когда либо охотно вспоминать свои голодные годы,—подумалъ я,—но этимъ сегодня сытъ не буду и, будь я на твоемъ мѣстѣ, не оставилъ бы тебя голоднымъ.

Положеніе мое шло быстрыми шагами на ухудшеніе. Постоянная работа? Стоило заикнуться объ этомъ передъ кѣмъ либо, чтобы услышать: вѣдь вы знаете того, другого... Все люди съ положеніемъ... Отчего же они васъ не пристроятъ? Они могутъ больше, чѣмъ я. Вѣдь вами занимался самъ Кроненбергъ. Видно, вы не умѣете работать.

Я все переносилъ довольно храбро, обращая въ шутку и не падая духомъ. Но это продолжалось цѣлые мѣсяцы, и я, наконецъ, не видя для себя другого исхода, при первой возможности, покинулъ Варшаву, направляясь въ Петербургъ.

Я помнилъ, что здѣсь въ первый мой пріѣздъ я находилъ для себя работу удивительно легко въ сравненіи съ Варшавой.

И на этотъ разъ случилось то же. Поглощенный заботами насущнаго дня, я съ пріѣзда въ Петербургъ совершенно прекратилъ писать стихи. Да и вообще въ моихъ занятіяхъ литературныхъ послѣдовалъ полный перерывъ въ нѣсколько лѣтъ.

І. Корвинъ-Кучинскій.

ВОЗСТАНИЕ ВЪ ДАГЕСТАНЪ ВЪ 1877 ГОДУ.

(По рассказамъ очевидцевъ).

О ВРЕМЯ послѣдней русско-турецкой кампаніи Дагестанъ, менѣе чѣмъ за 20 лѣтъ передъ тѣмъ окончательно подчиненный Россіей, сдѣлалъ попытку освободиться изъ-подъ власти своей повелительницы. Попытка эта не имѣла, да едва ли и могла имѣть какой либо серіозный успѣхъ, но непріятностей и осложненій она породила достаточно. Не обошлось тутъ и безъ человѣческихъ жертвъ, при чемъ Россія лишилась нѣкоторыхъ вѣрныхъ и хорошихъ слугъ своихъ.

Возстаніе это будетъ, конечно, въ свое время подробно и обстоятельно разобрано исторіей. Теперь же далеко не лишнее закрѣпить въ памяти возможно большее количество матеріаловъ, которые въ послѣдствіи могутъ послужить тѣми отдѣльными кирпичами, изъ которыхъ будетъ построено цѣлое зданіе. При этомъ особенную цѣну будутъ, конечно, имѣть воспоминанія участниковъ описываемыхъ событій и вообще лицъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ нимъ.

Пишущему эти строки приходилось сталкиваться на Кавказѣ съ лицами обѣихъ этихъ категорій, и въ послѣдующемъ рассказѣ читатель найдетъ все наиболѣе цѣнное, извлеченное изъ ихъ повѣствованій.

Сдача Шамиля на Гунибѣ въ 1859 году и замиреніе въ 1864 году всего Кавказскаго хребта не привели къ замиренію горскихъ стра-

стей. Онѣ продолжали глухо бродить и ждали только удобной минуты, чтобы вспыхнуть съ новой силой.

Еще до начала кампаніи 1877—1878 годовъ въ Дагестанѣ появились турецкіе эмиссары, подъ видомъ скромныхъ муллъ и странниковъ. Они бродили изъ аула въ аулъ и вездѣ проповѣдывали тарикатъ¹⁾, призывая народъ покаяться въ грѣхахъ и поднять оружіе противъ невѣрныхъ глуровъ, во славу Аллаха и его великаго пророка (газавать). Они сулили за это райскія блаженства на томъ свѣтѣ и благоволеніе султана на этомъ.

Когда же между Россіей и Турціей вспыхнула война, рвеніе эмиссаровъ стало еще сильнѣе, а ихъ проповѣдь—еще убѣдительнѣе. Не смущаясь ничѣмъ, они громко заявляли, что русскія войска уже разбиты на всѣхъ пунктахъ, что правовѣрные быстро двигаются внутрь Россіи, что турецкіе паши скоро займутъ Тифлисъ и тотчасъ же двинутся на Дагестанъ и далѣе на Астрахань.

А какъ легко вѣрится въ то, чего желаешь и ожидаешь!

Возстаніе вспыхнуло одновременно въ разныхъ округахъ Дагестана, но особенно сильная буря разыгралась въ Кази-Кумухѣ.

Это—большой аулъ, лежащій верстахъ въ тридцати отъ нынѣшней шоссеиной дороги изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзанъ и Гунибъ. До 1812 года онъ былъ центромъ значительнаго ханства этого же имени, но въ этомъ году ханство покорилося Россіи и, прекративъ свое самостоятельное существованіе, превратилось въ Казикумухскій округъ, въ каковомъ видѣ существуетъ и по сіе время.

Въ дни возстанія начальникомъ этого округа былъ полковникъ Чемберъ. Онъ жилъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ²⁾ въ самомъ аулѣ Кумухѣ, а поодаль отъ этого послѣдняго и уже по другую сторону бурной рѣки Кази-Кумухскаго койсу помѣщалась въ укрѣпленіи русская воинская команда изъ 50 человекъ съ офицеромъ во главѣ.

Полковникъ Чемберъ еще за мѣсяць до этого возстанія узналъ отъ лазутчиковъ и преданныхъ ему горцевъ о начинавшемся движеніи среди лезгинъ и поспѣшилъ донести объ этомъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру начальнику Прикаспійскаго края и командующему въ немъ войсками генералу Левану Ивановичу Меликову. Но въ центрѣ края или не повѣрили этому сообщенію, или не придали ему должнаго значенія, но только никакихъ приготовленій къ подавленію возстанія не было сдѣлано; мало того, изъ Шуры хотѣли даже двинуть на театръ военныхъ дѣйствій съ турками 21 пѣхотную дивизію...

¹⁾ Посвященіе себя Богу, достигаемое главнымъ образомъ углубленіемъ въ себя и произнесеніемъ священныхъ словъ: «ля-иллы-иль-алла» (нѣтъ Бога, кромѣ Бога).

²⁾ Въ составъ этого штаба входили помощникъ начальника округа, дѣлопроизводитель, врачъ и фельдшеръ.

Такимъ образомъ полковникъ Чемберъ не имѣлъ подѣ руками никакихъ средствъ для борьбы съ возстаніемъ, когда оно вспыхнуло, и первый же вмѣстѣ со своей семьей и штабомъ, а равно и съ семьями служащихъ, попалъ въ руки горцевъ. Затѣмъ всѣ мужчины были убиты возставшими, а жены ихъ и дѣти уведены въ плѣнъ въ аулъ Согратль Гунибскаго округа.

Но, кромѣ администраціи округа въ Кумухѣ, какъ я сказалъ уже выше, стояла въ укрѣпленіи небольшая воинская команда подѣ начальствомъ офицера-лезгина. Когда горцы многочисленной толпой осадили укрѣпленіе, этотъ офицеръ, находя сопротивление бесплоднымъ, рѣшилъ сдаться. Но команда запротестовала противъ этого, и фельдфебель отъ имени ея заявилъ офицеру, что они будутъ драться до послѣдняго человѣка, до послѣдняго патрона. Офицеръ настаивалъ и потребовалъ, чтобы открыли ворота укрѣпленія. Ихъ открыли, но когда малодушный начальникъ вышелъ, ихъ тотчасъ же захлопнули, а самъ онъ первый палъ отъ пули изъ укрѣпленія¹⁾.

Когда сдача такимъ образомъ не состоялась, горцы пошли на приступъ. Такъ какъ команда была слишкомъ малочисленна, чтобы защищать все укрѣпленіе, то, задержавъ осаждавшихъ нѣкоторое время у стѣнъ, солдаты заперлись всѣ вмѣстѣ въ одной изъ башенъ, рѣшивъ погибнуть тамъ, а не сдаться. Горцы проникли въ укрѣпленіе и безвыходнымъ кольцомъ охватили башню; а затѣмъ, для ускоренія побѣды, рѣшили вмѣсто долгой осады обложить башню хворостомъ и или выкурить храбрецовъ-русскихъ, или сжечь ихъ живьемъ.

Планъ тотчасъ же былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на выстрѣлы солдатъ, понявшихъ, какая участь грозитъ имъ. Вотъ запылали костры, пламя стало проникать внутрь башни, дымъ душилъ храбрецовъ. Оставался одинъ исходъ—попытаться вырваться на свободу. И вотъ эти неизвѣстные герои съ ружьями въ рукахъ стали выскакивать одинъ за другимъ черезъ каменную дверь и, конечно, тотчасъ же гибли подѣ ударами многочисленныхъ и ожесточенныхъ враговъ.

Такимъ образомъ погибло все русское мужское населеніе Кумуха. Только одинъ фельдшеръ спасся какимъ-то чудомъ и потомъ рассказывалъ объ этихъ кровавыхъ событіяхъ. Уцѣлѣли также женщины и дѣти, которыхъ отправили въ глубину горъ, въ аулъ Согратль, гдѣ и посадили въ яму въ надеждѣ взять потомъ хороший выкупъ. Но эта надежда не сбылась, потому что русскія войска

¹⁾ Въ такомъ видѣ былъ переданъ данный эпизодъ пишущему эти строки лицомъ, близко стоявшимъ къ описываемымъ событіямъ. Впрочемъ, рассказчикъ добавилъ, что официальное разслѣдованіе установило невинность офицера, и вдова его получала пенсію.

тотчасъ же послѣ первыхъ вспышекъ возстанія двинулись въ горы Согратли, осадивъ, поставили первымъ условіемъ принятія сдачи и пощады аула выдачу плѣнницъ и дѣтей. А въ ожиданіи сдачи они стали обстрѣливать ауль, и одна изъ гранатъ залетѣла въ землянку, гдѣ сидѣли плѣнницы, не причинивъ, однако, имъ вреда. Горцы порѣшили выполнить предъявленное имъ требованіе и, посадивъ плѣнницъ на лошадей, пустили ихъ къ русскимъ, гдѣ ихъ встрѣтили прежде всего казаки. Потомъ всѣ онѣ получили пособія отъ казны за понесенный ими ущербъ и въ обезпеченіе ихъ существованія послѣ безвременно погибшихъ мужей. Потомъ всѣ эти деньги были взысканы съ возставшихъ ауловъ.

Въ горахъ вѣсти разносятся съ быстротой телеграфа, и о событіяхъ въ Кумухѣ узнали въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ едва ли не въ тотъ же самый день.

Генераль Л. Меликовъ тотчасъ же собралъ, сколько было можно войска и двинулся съ ними вглубь Дагестана, отрядивъ съ пути полковника Теръ-Гукасова и приказавъ ему спѣшить на помощь Дербенту, которому грозили уже тучи съ сѣвера. Но объ этомъ я скажу потомъ, а пока остановлюсь на дѣйствіяхъ Меликова.

Не одну стычку, конечно, пришлось ему выдержать прежде, чѣмъ онъ добрался до Кази-Кумуха. Но когда онъ дошелъ до Кази-Кумухскаго койсу¹⁾ и втянулся въ его ущелье,— его отрядъ чуть-чуть не былъ запертъ горцами въ Цудахарѣ, и не прибѣгни опытный генераль къ обходу, неизвѣстно, какой исходъ имѣло бы это движеніе.

Нужно замѣтить, что Цудахаръ—это природная крѣпость, къ которой положительно нѣтъ подхода ни съ какой стороны. Это—узкое ущелье съ двумя отвѣсными стѣнами, между которыми черезъ бушующій горный потокъ перекинутъ слабый, хрупкій мостъ. И далѣе ущелье превращается какъ бы въ узкій природный туннель.

Это вторыя Термопилы, у которыхъ нѣсколько десятковъ чловѣкъ способны задержать цѣлую армію. Самые искусные инженеры не придумали бы ничего лучшаго въ смыслѣ защиты...

А эту природную неприступную крѣпость заняло большое скопище горцевъ, фанатичныхъ, храбрыхъ и стойкихъ.

Конечно, имѣй они противъ себя другія войска и другихъ предводителей,—горцы удержали бы позицію за собой. Но противъ нихъ стояли кавказскія войска, въ которыхъ слишкомъ жива еще была память о подвигахъ своихъ отцевъ и дѣдовъ во время чуть не вѣковой борьбы за Кавказскія горы; во главѣ же этихъ богатырей

¹⁾ Койсу значитъ рѣка.

находился опытный полководецъ, выросшій на полѣ битвы и хорошо изучившій всѣ способы и приемы горской войны.

Брать въ лобъ нельзя. Значить, нужно обойти сзади.

И вотъ часть отряда полѣзла въ горы, на эти неизъяснимыя кручи, которыя нельзя описать, а нужно видѣть самому. Полѣзли и обошли врага, взяли его въ тылъ и отрѣзали отъ остальныхъ возставшихъ... Тогда защитникамъ Цудахара оставалось только отступить.

Послѣ этого подступы къ Кази-Кумуху были открыты, и вѣроломный аулъ жестоко пострадалъ за свое предательство. Пойманъ былъ и тотъ ханъ¹⁾, который стоялъ во главѣ возстанія въ округѣ; его, конечно, повѣсили.

Не касаясь затѣмъ другихъ эпизодовъ возстанія внутри горъ, о которыхъ мнѣ приходилось лишь читать кое-гдѣ, я остановлюсь на событiяхъ, имѣвшихъ мѣсто на Каспiйскомъ побережьѣ. О нихъ одинъ изъ участниковъ «сидѣнiя» въ Дербентѣ, въ которомъ почти совсѣмъ не было войска, рассказывалъ мнѣ слѣдующее.

Когда въ Дербентъ проникли слухи о возстанiи въ горахъ, все русское и вообще пришлое населенiе этого древняго и оригинальнаго города собралось въ цидатели, значительно господствующей надъ береговыми низменными кварталами. А такъ какъ военная команда была очень мала, то всѣмъ способнымъ носить оружье были розданы ружья на случай осады. Затѣмъ были посланы гонцы съ просьбою о помощи, и прежде всего, конечно, въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

А слухи съ каждымъ днемъ шли все грознѣе и грознѣе. Говорили о десяткахъ тысячъ горцевъ, которые брали въ горахъ одно укрѣпленiе за другимъ и спѣшили къ Дербенту, чтобы захватить въ свои руки эту древнюю твердыню, гдѣ къ нимъ должны были присоединиться ихъ единовѣрцы—постоянные и многочисленныя обитатели города.

Но возставшiе не успѣли дойти до Дербента и были еще подорогѣ туда разбиты посланнымъ на выручку отрядомъ полковника Теръ-Гукасова.

Отрядъ Теръ-Гукасова былъ очень не великъ: всего въ какуюнибудь тысячу человекъ. Онъ благополучно перешелъ черезъ горы и двинулся къ Дербенту берегомъ Каспiйскаго моря. По дорогѣ къ нему присоединились кое-какія подкрѣпленiя.

Тѣмъ временемъ и горцы, собравшись въ большомъ количествѣ, вышли также изъ горъ на берегъ моря и заняли аулъ и почтовую станцію Каякентъ, лежавшую на пути слѣдованiя Теръ-Гукасова.

¹⁾ Его мнѣ называли Джафаромъ.

Во главѣ этого скопища стоялъ молодой человекъ Мехтип-бекъ Уцмиевъ, воспитанникъ Тифлисской классической гимназіи. Въ Дербентѣ его хорошо знали, такъ какъ онъ былъ мѣстнымъ землевладельцемъ и имѣлъ домъ въ городѣ. Часто также онъ посѣщалъ городской клубъ, и за двѣ недѣли до описываемыхъ событій мой рассказчикъ сидѣлъ вмѣстѣ съ нимъ и бесѣдовалъ въ читальной комнатѣ клуба, никакъ, конечно, не предчувствуя, что черезъ полъмѣсяца этотъ молодой человекъ станетъ во главѣ бунтующихъ горцевъ.

Аулъ Каякентъ расположенъ недалеко отъ морского берега, въ котловинѣ. Почтовая же станція, въ которой расположился самъ Уцмиевъ, занимала бывшее укрѣпленіе, охваченное крѣпкой каменной стѣною съ бойницами.

Зная, что всѣ выгоды находятся на сторонѣ горцевъ и двигаться прямо немислимо, Теръ-Гукасовъ верстахъ въ пяти отъ Каякента свернулъ ночью въ сторону отъ дороги и лѣсами, по горамъ, дошелъ къ утру до станціи, отбивъ по дорогѣ цѣлое стадо барановъ.

И вотъ, когда зажглась заря, на укрѣпленіе и на расположенныхъ кругомъ горцевъ посыпался сверху градъ пуль и картечи. Оторопѣвшіе отъ этой неожиданной канонады горцы кидались во всѣ стороны, не зная, куда дѣваться и что предпринять. А русскій отрядъ продолжалъ толочь ихъ, какъ въ ступѣ...

Не прошло и часу, какъ все скопище разсѣялось въ разныя стороны, оставивъ въ укрѣпленіи массу убитыхъ. Всѣ подвалы были заполнены мертвыми тѣлами и цѣлыя груды труповъ лежали на дворѣ и въ помѣщеніяхъ укрѣпленія.

Однако, когда русскій отрядъ двинулся далѣе, горцы, собравшіеся вновь въ небольшія кучки, стали насѣдять на него со всѣхъ сторонъ и особенно, когда онъ добрался до лѣска на полупути между Каякентомъ и Джемикентомъ. Конечно, они теперь не могли уже причинить серьезнаго вреда, но все-таки успѣли убить и ранить нѣсколько человекъ нижнихъ чиновъ и одного юнкера.

Нечего и говорить, съ какимъ восторгомъ встрѣтили въ Дербентѣ Теръ-Гукасова. Его чествовали, какъ избавителя, и поднесли ему прекрасную пашку съ приличной случаю подписью. Раненаго же въ лѣскѣ юнкера носили на рукахъ и торжественно возложили пожалованный ему Георгіевскій крестъ.

Затѣмъ, нисколько не медля, принялись за преслѣдованіе Уцмиева и другихъ вождей возстанія и за освобожденіе ближайшихъ русскихъ укрѣпленій, взятыхъ или осажденныхъ горцами.

Самое близкое къ Дербенту изъ такихъ укрѣпленій находилось верстахъ въ тридцати пяти, въ сел. Маджалисы, центрѣ Кайтаго-Табасаранскаго округа.

Какъ начальникъ округа и его сотрудники, такъ и небольшая военная команда успѣли во-время уйти отсюда. Горцы должны были поэтому ограничиться разореніемъ укрѣпленія и домовъ, служившихъ помѣщеніемъ для администраціи округа.

Имъ же отвѣтили на это разгромомъ аула Маджалисы; сверхъ того одинъ изъ вожаковъ, — мулла по профессіи, — былъ захваченъ въ плѣнъ и повѣшенъ въ Дербентѣ, несмотря на его духовное званіе.

Но особенное вниманіе пришлось удѣлить укрѣпленію Ахты, центру Самурскаго округа. Это укрѣпленіе, какъ извѣстно, выдержало главную осаду во время кавказской войны, въ 1848 году; теперь на его долю выпала также одна изъ серьезнѣйшихъ задачъ.

Начальникомъ этого округа былъ тогда полковникъ Юзбашевъ. Человѣкъ умный, онъ сначала не хотѣлъ вѣрить въ серьезность горскаго возстанія; но когда мятежники охватили укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ своими вооруженными скопищами и, расположившись по окружнымъ горамъ, стали обстрѣливать лежавшее внизу, на днѣ ущелья укрѣпленіе, — ему волей-неволей пришлось повѣрить въ ширину и дерзость ихъ замысловъ. Однако, и тогда, по гуманности своего характера, онъ полагалъ возможнымъ силою убѣжденія привести ихъ вновь къ повиновенію и заставить положить оружіе. Эту опасную задачу онъ рѣшилъ принять на себя. Напрасно ближайшіе сотрудники отговаривали его отъ этого; напрасно старуха-мать заклинала не выходить изъ укрѣпленія и не рисковать жизнію. Юзбашевъ, полагая въ этомъ свой служебный и нравственный долгъ, вышелъ одинъ къ возставшимъ и старался убѣдить ихъ вернуться въ аулы и отказаться отъ сумасбродныхъ затѣй.

Горцы, конечно, не послушали его, но отпустили обратно живымъ. Вернувшись невредимымъ въ укрѣпленіе, храбрый полковникъ напелъ, однако, свою мать помѣшавшейся отъ пережитаго ею тревоженія.

Не достигнувъ ничего мирнымъ путемъ, Юзбашевъ рѣшилъ выдерживать осаду до послѣдней капли крови.

Стремясь отбросить горцевъ прочь, онъ предпринималъ неоднократно ночныя вылазки, въ которыхъ дѣятельнымъ помощникомъ былъ его ближайшій сотрудникъ, подполковникъ Комаровъ. Каждая вылазка причиняла горцамъ довольно серьезный уронъ. Но, тѣмъ не менѣе, дѣла осажденныхъ становились все хуже и хуже. Съѣстные припасы кончались; порохъ тоже былъ на исходѣ. Днемъ нельзя было показаться изъ казармъ, чтобы горцы не примѣтили сверху и не пристрѣлили; число защитниковъ все уменьшалось отъ болѣзней и ранъ...

Но помощь была уже близка.

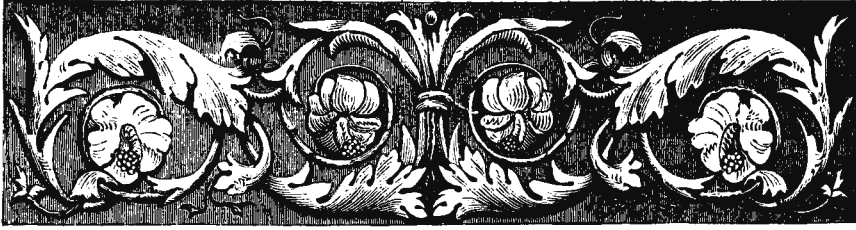
Комаровъ, градоначальникъ Дербента, принявъ команду надъ отрядомъ Теръ-Гукасова и собравъ все, что было подъ рукой, бросился на выручку Ахтовъ. И въ то же самое время къ укрѣпленію шелъ съ другой стороны отрядъ князя Чавчавадзе. Однако, Комаровъ успѣлъ подойти ранѣе Чавчавадзе и былъ встрѣченъ населеніемъ аула на колѣняхъ, съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ. Тѣмъ не менѣе, какъ достаточно уличенные въ помощи возставшимъ ахтинцы были строго наказаны.

Такимъ образомъ возстаніе дагестанцевъ было быстро потушено и ничего не принесло, кромѣ разгромовъ и казней. Всѣ вожди мятежа были или казнены, или высланы въ центральную Россію, послѣ примѣрнаго наказанія; на возставшіе аулы была возложена денежная контрибуція; русскія военныя команды были увеличены...

Въ числѣ подлежащихъ казни былъ и Мехти-бекъ Уцміевъ, пойманный на пути въ Турцію. Но, какъ раненый, онъ былъ помѣщенъ въ госпиталь въ Дербентѣ, гдѣ и умеръ. Молва говорила, что онъ принялъ ядъ, чтобы не подвергаться позору публичной казни.

А. П. Андреевъ.

«ГЕРОИ ПЕЧАЛЬНОГО ОБРАЗА».

(Эпизодъ изъ жизни Воронежскаго края конца XVIII вѣка).

НЕ ЛЕГКО жилось въ «доброе» старое время въ глухой провинціи... Въ архивѣ воронежскаго губернскаго статистическаго комитета хранится очень интересное дѣло для характеристики провинціальной жизни конца XVIII вѣка ¹⁾: характерно оно для отдѣльных лицъ, цѣлыхъ учреждений, для тогдашнихъ провинціальныхъ нравовъ и обычаевъ... Вотъ подробности этого интереснаго историческаго эпизода.

Начало эпизода относится къ 1791 году. Дѣйствіе происходитъ въ Валуйскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи.

Мѣстная помѣщица, вдова, подполковница Прасковія Пояркова продала отставному майору, графу Борису Девиеру, свои ливенскія и валуйскія деревни съ 1.349 душами крестьянъ за 58.000 р. Послѣ продажи подполковница Пояркова поселилась у своихъ племянниковъ: отставнаго майора Александра Потулова и бывшаго поручика Екатеринославской, бывшей пѣшей казачьей команды, Алексея Потулова, въ ихъ сельцѣ Варваровскомъ. Скоро, однако, подполковница измѣнила своимъ племянникамъ—перѣехала отъ нихъ на жительство въ городъ Валуйки. Измѣнила она племянникамъ потому, что была вѣрна отставному лѣкарю Гезе, который находился при подполковницѣ, пользовался ея самыми нѣжными сим-

¹⁾ Поступило изъ сенатскаго архива; дѣло «по отношенію графа Кочубея, коимъ испрашивалъ увѣдомленія, по какому поведѣнію освобожденъ корнетъ Рубановъ изъ ссылки». (1804 г.).

патіями, считался ея женихомъ и рассчитывалъ въ скоромъ времени сдѣлаться ея законнымъ супругомъ и вмѣстѣ обладателемъ всѣхъ ея капиталовъ. Эта измѣна однимъ ради вѣрности другому послужила завязкой ужасной драмы, развязка которой совершилась въ каторжныхъ работахъ, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири...

Переѣздъ богатой тетушки въ городъ Валуйки вмѣстѣ съ своимъ возлюбленнымъ—лѣкаремъ Гезе, естественно породилъ неудовольствіе со стороны ея племянниковъ—Потуловыхъ; съ выходомъ тетки замужъ они не могли, конечно, рассчитывать на тетушкино наслѣдство. Этимъ недовольствомъ воспользовался графъ Борись Девіеръ и въ сообществѣ съ Потуловыми рѣшился извлечь изъ симпатій Поярковой къ Гезе личныя для себя выгоды.

Какъ только вдова-подполковница съ лѣкаремъ Гезе переѣхала въ Валуйки, слѣдомъ за ними пріѣхалъ сюда же и графъ Девіеръ съ Потуловыми. Вооружившись, запасшись достаточнымъ количествомъ слугъ, они рѣшили, во что бы то ни стало, увезти Гезе отъ Поярковой. Графъ Девіеръ, подъ видомъ угощенія, зазвалъ къ себѣ въ домъ лѣкаря. Когда Гезе явился, тогда одинъ изъ Потуловыхъ велѣлъ слугамъ связать ему руки назадъ и бросить въ кибитку, другой—увезъ его изъ города. Противъ насилія Гезе, разумѣется, протестовалъ, кричалъ «караулъ»; но люди Потуловыхъ зажимали ему ротъ подушкой и, сидя на ногахъ, давили ихъ. Все это происходило въ самый полдень въ городѣ, но почему-то никто не вмѣшался въ это насиліе... Таковы, должно быть, были нравы въ здѣшней сторонѣ!..

Подъ крѣпкимъ карауломъ перевозили плѣнника изъ хутора въ хуторъ, пока, наконецъ, доставили его къ графу Девіеру, въ его сельскій домъ, въ село Мандорово.

Какими побужденіями руководились похитители? Гезе былъ интересный плѣнникъ, за котораго можно было взять съ Поярковой хорошій выкупъ. Что таковы дѣйствительно были побужденія,—видно уже изъ того, что вскорѣ же похитители стали принуждать Гезе писать Поярковой письма съ просьбою выкупить его. Графъ Девіеръ сначала назначилъ выкупъ за Гезе въ 30 тысячъ рублей, а потомъ—въ 12 тысячъ рублей и 10 душъ крестьянъ. Расчеты Девіера относительно выкупа были совершенно вѣрны; Пояркова исполнила требованіе Девіера, и кадетъ Рубановъ доставилъ ему отъ Поярковой за плѣнника 12 тысячъ рублей и «поступное на людей письмо», при чемъ и самъ получилъ «на расходы и за труды» 2.200 рублей.

Плѣнникъ былъ возвращенъ Поярковой, но это былъ полуживой мертвецъ; въ искалѣченныхъ ногахъ,—какъ констатировано было медицинской экспертизой,—у него появился антоновъ огонь; вслѣдствіе этого сначала отрѣзана была у него правая нога «по косточку», затѣмъ въ той же ногѣ вторично появился антоновъ

огонь—ногу пришлось отнять по самое колѣно; наконецъ, параличемъ были поражены правая рука, нога и языкъ. Проболѣвъ такимъ образомъ два года, лѣкарь Гезе въ 1793 году отдалъ Богу душу. Таковы были послѣдствія его плѣна.

Виновники злодѣянія были налицо, но къ суду они долго не являлись, а когда явились, то виновными себя не признали. Дворовый графа Девіера человѣкъ, Ребровъ, показалъ, что лѣкарь Гезе пришелъ въ хуторъ пѣшкомъ; у него болѣли ноги, вслѣдствіе чего, по его же просьбѣ, онъ отвезенъ былъ въ экипажѣ въ село Мандорово къ графу Девіеру. Самъ Девіеръ къ этому прибавилъ, что онъ, Девіеръ, видя «болѣзненные припадки лѣкаря въ рукахъ и ногахъ», далъ ему «покой и услугу»; когда былъ присланъ отъ Поярковой экипажъ, то лѣкарь и отправился къ этой послѣдней; 12 тысячъ рублей онъ, Девіеръ, получилъ съ Поярковой за купленный у него ею для своихъ племянниковъ Потуловыхъ хуторъ, что подтвердили и сами Потуловы. Послѣ графъ Девіеръ представилъ суду свидѣтельство валуйскаго штабъ-лѣкаря Крейтера, будто бы Гезе еще до 1791 года страдалъ параличемъ рукъ и летучей подагрой «по причинѣ невоздержанной жизни и употребленія горячихъ напитков».

Но всѣ эти объясненія какъ двороваго человѣка Реброва, такъ и самого Девіера опровергнуты были другими свидѣтельскими показаніями; затѣмъ, «крѣпости» на купленный у него Поярковой хуторъ будто бы за 12 тысячъ рублей въ дѣйствительности не оказалось; наконецъ, одинъ изъ участниковъ этой печальной исторіи—Рубановъ, сначала заправшійся въ преступленіи, потомъ, терзаемый совѣстію, вошелъ въ присутствіе, чистосердечно во всемъ покаялся и подробно рассказалъ, что подполковница Пояркова поручила ему разыскать и привезти ей лѣкаря Гезе; что онъ нашелъ его въ домѣ Девіера лежащимъ въ постели, и настолько слабымъ, что при отѣздѣ отсюда самъ итти до кибитки не могъ, и его пришлось вести подъ руки, съ помощію двухъ приставленныхъ къ нему слугъ; что такимъ же способомъ онъ и, по приѣздѣ въ Валуйки, введенъ былъ въ горницу къ Поярковой; что графу Девіеру онъ дѣйствительно вручилъ отъ Поярковой выкупъ за Гезе въ 12 тысячъ рублей и «поступное письмо на людей», и что самъ онъ, Рубановъ, получилъ отъ Поярковой «на расходы и за труды» 2.200 рублей.

Когда графъ Девіеръ уличенъ былъ въ преступленіи, то начался характерный судебный процессъ, длившійся нѣсколько лѣтъ. Предварительно графа Девіера судили мѣстные, воронежскіе дворяне. Въ 1791 году, собравшись для выбора судей и выслушавъ просьбу помѣщиковъ Валуйскаго и Ливенскаго округовъ, они «единогласно заключили», и 14 предводителей о графѣ Девіерѣ журналъ подписали, «чтобъ съ изъясненіемъ его варварскихъ, во-

ровскихъ, лживыхъ, наглыхъ, буйственныхъ, оскорбляющихъ личную честность и разрушающихъ общежитіе дѣяній представить правившему тогда въ Воронежѣ генераль-губернатора должность генералу-поручику Черткову для донесенія покойной государынѣ императрицѣ».

Такъ строго, въ порывѣ благороднаго негодованія, посмотрѣли на злодѣянія графа Девіера воронежскіе дворяне.

Воронежскій губернаторъ не далъ движенія этому представленію воронежскихъ дворянъ «за несужденіемъ графа Девіера». Когда же, въ слѣдующемъ году, воронежскіе дворяне на общемъ собраніи имѣли въ другой разъ сужденіе о графѣ Девіерѣ, то первоначальный благородный порывъ ихъ смѣнился совершенно иными рѣчами: 28 человекъ дворянъ изъ Ливенскаго и Валуйскаго округовъ свидѣтельствомъ, даннымъ въ январѣ 1792 года, графа Девіера «одобрили». Въ такомъ же тонѣ въ 1793 году имѣлъ сужденіе о графѣ Девіерѣ и его сообщникахъ и ливенскій уѣздный судъ, который опредѣлилъ: такъ какъ подсудимые въ приписываемомъ имъ преступленіи не доказаны, то отъ слѣдствія ихъ освободить, а Поярковой и Гезе вѣдаться съ ними формальнымъ судомъ. Но когда настоящее постановленіе уѣзднаго суда перешло на разсмотрѣніе 2-го департамента сената, то послѣдній, «усмотря превращеніе сего дѣла изъ слѣдственнаго въ тяжбное», предписалъ верхнему земскому суду «разсмотрѣть и рѣшить оное по законамъ».

Прекратить уголовное дѣло такимъ образомъ не удалось.

Верхній земскій судъ разсмотрѣніе дѣла закончилъ только въ 1796 году, когда лѣкарь Гезе уже умеръ, а Пояркова съ графомъ Девіеромъ «въ претензіи своей помирились». Виновныхъ въ преступленіи судъ приговорилъ: графа Девіера лишить титула, а совместно съ майоромъ Потуловымъ—чиновъ и дворянства и сослать на вѣчное поселеніе въ Сибирь; поручика Потулова представить военному суду; дворовыхъ людей, подлежащихъ наказанію кнутомъ, отъ того наказанія освободить, по силѣ милостиваго 1793 года манифеста; кадета Рубанова «за необъясненіе въ началѣ истины» оштрафовать взысканіемъ 30 рублей пени.

Но, несмотря на предписаніе сената «разсмотрѣть и рѣшить дѣло по законамъ», несмотря на только что указанный приговоръ верхняго земскаго суда,—сдѣлана была еще попытка прекратить уголовное дѣло. Попытка эта принадлежала воронежской уголовной палатѣ, которая отмѣнила приговоръ верхняго земскаго суда по «такимъ резонамъ»: «подполковница Пояркова и лѣкарь Гезе съ графомъ Девіеромъ и Потуловыми составляли прежде дружескую компанію, а какъ произошла ссора у графа Девіера съ Поярковой за неотданное изъ продажи деревень разное имущество, то сіе было источникомъ вражды и началомъ сего дѣла; ибо съ самаго того времени Пояркова искала способа къ отмщенію, который

и нашла извѣтомъ на него и на племянниковъ своихъ о увозѣ лѣ-
каря Гезе». На основаніи «такихъ резоновъ» палата опредѣлила:
всѣхъ подсудимыхъ отъ слѣдствія освободить.

Сенатъ, однако, не призналъ резонъ воронежской уголовной
палаты основательными и утвердилъ приговоръ верхняго земскаго
суда, добавивъ о графѣ Девіерѣ, что онъ «подозрителенъ и въ
другихъ дерзкихъ и законопротивныхъ дѣяніяхъ». Въ мартѣ
1798 года сенатъ представилъ на высочайшее воззрѣніе всеподдан-
нѣйшій докладъ о преступникахъ, съ подробнымъ изложеніемъ всего
хода настоящаго дѣла и съ біографическими о нихъ подробностями.
Вотъ эти интересныя подробности.

О службѣ майора графа Девіера какъ въ дѣлѣ, такъ и въ
архивѣ военной коллегіи свѣдѣній не имѣется. Отъ роду ему 42
года, владѣеть въ Ливенскомъ округѣ 1.000 душами.

Майоръ Александръ Потуловъ вступилъ въ военную службу
сержантомъ 1 января 1781 года, производимъ былъ: 28 іюня 1782
года—въ прапорщики, 1-го января 1786 года—въ поручики, 6 де-
кабря 1788 года «за отличные поступки при взятіи Очакова» —
въ капитаны и, сверхъ того, пожалованъ похвальнымъ листомъ;
9 января 1792 года, по прошенію, «за болѣзнями», уволенъ въ
отставку настоящимъ чиномъ. Людей же и крестьянъ имѣеть въ
общемъ владѣніи съ братьями. Отъ роду ему 29 лѣтъ.

Алексѣй Потуловъ, какъ поручикъ екатеринославской быв-
шей пѣшей казачьей команды, преданный за преступленіе военному
суду, отъ роду имѣеть 23 года,—изъ дворянъ, въ военной службѣ
съ 1787 года, адъютантомъ съ 1 января 1790 года, потомъ пере-
именованъ въ подпоручики; въ 1792 году отъ графа Суворова-Рым-
никскаго, по высочайшему повелѣнію, получилъ похвальный листъ
«за подвигъ при взятіи крѣпости и города Измаила», а послѣ «за
штурмъ измайловскій» пожалованъ въ чинъ поручика со стар-
шинствомъ 1790 года, 11 декабря.

Карлъ Рубановъ—изъ вольноопредѣляющихся малороссіянъ,
оберъ-офицерскій сынъ, александрійскаго легконнаго полку кад-
детъ, 40 лѣтъ отъ роду, въ службу вступилъ въ 1786 году, былъ
въ походахъ: въ 1788 году подъ Очаковымъ, въ 1789 году—при бло-
кадѣ Бендерской крѣпости, въ 1790 году—при взятіи крѣпости
Килинъ, въ 1791 и 1792 годахъ—въ Молдавіи, въ штрафахъ не бы-
валъ, къ повышенію достоинъ; въ 1795 году 27 февраля уволенъ
изъ военной службы графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, по про-
шенію, «за болѣзнями».

Въ 12 день апрѣля 1798 года по настоящему дѣлу данъ былъ
именной высочайшій указъ, коимъ повелѣвалось: 1) графа Девіера
«за варварскія, лживыя, наглыя, общее спокойствіе и безопасность
нарушающія дѣянія» лишить графскаго титула и дворянскаго до-
стоинства, вывезть на площадь, прочесть ему сентенцію, сенатомъ

опредѣленную, и сослать въ Нерчинскъ вѣчно въ работу; 2) участвовавшихъ въ преступленіи его дворовыхъ людей сослать на поселеніе, въ Сибирь, употребляя въ работу при таможенной суконной фабрикѣ; 3) съ кадета Рубанова взыскать и возвратить Поярковой 2.200 рублей, данные ею за отысканіе лѣкаря Геде и за согласіе Девіера на его освобожденіе, и сослать на Иркутскую суконную фабрику въ работу; 4) 28 воронежскимъ дворянамъ, одобрившимъ Девіера въ общемъ дворянскомъ собраніи, созвавъ всѣхъ, объявить черезъ губернское правленіе «постыдное ихъ поведеніе и никогда ихъ ни къ какой должности впредь не опредѣлять»; 5) бывшихъ членовъ воронежской уголовной палаты: совѣтника Черткова, ассессора Штемпеля и секретаря Петрова, отъ мѣстъ отрѣшить и впредь къ должностямъ не опредѣлять; 6) тульскому губернатору Граве, бывшему тогда предсѣдателемъ палаты, «въ уваженіе нынѣшней его усердной службы», оставя при настоящемъ мѣстѣ, сдѣлать за сіе дѣло строгій выговоръ; 7) о майорѣ Потуловѣ, соучастникѣ въ преступленіи Девіера, оставить въ силѣ постановленіе сената, коимъ онъ лишился чиновъ, дворянскаго достоинства и ссылался на вѣчное поселеніе въ Сибирь.

Нѣсколькими днями позже, именно 16 апрѣля 1798 года, сдѣлана была въ изложенномъ выше пунктѣ 4-мъ высочайшаго указа поправка относительно сенатора князя Юрія Трубецкаго, который тоже былъ въ числѣ 28 дворянъ, подписавшихъ одобреніе графу Девіеру,—онъ былъ исключенъ изъ числа замѣченныхъ дворянъ, такъ такъ, по объясненію указа, «сдѣлалъ онъ сіе, конечно, не иначе, какъ по незнанію дѣяній его (графа Девіера); ибо всегдашній образъ его жизни доказываетъ отчужденіе его отъ подобныхъ поступковъ».

Воронежское губернское правленіе въ точности исполнило предписаніе сената, и преступники сосланы были, куда слѣдовало, при чемъ отъ Карпа Рубанова отобранъ былъ «патентъ» на прапорщичій чинъ и указъ объ отставкѣ.

Сохранились отзывы бывшихъ иркутскихъ военныхъ губернаторовъ: Лециано и Лебедева, и тобольскаго гражданскаго губернатора—Кошелева, о поведеніи осужденныхъ въ мѣстахъ ссылки: Девіеръ—въ Нерчинскихъ заводахъ—поведенія хорошаго, Потуловы—въ Тюменской округѣ на поселеніи—поведенія кроткаго, Рубановъ—на Иркутскихъ казенныхъ фабрикахъ—поведенія хорошаго.

Изъ вѣдомости, представленной въ комиссію (о преступникахъ) изъ военной коллегіи, отъ 21-го февраля 1802 г., видно, что о бывшемъ поручикѣ Потуловѣ былъ сдѣланъ всеподданнѣйшій докладъ, но никакого высочайшаго повелѣнія не послѣдовало. Въ томъ же году въ комиссію поступили прошенія, какъ отъ самихъ осужденныхъ (кромѣ Девіера), такъ и отъ лицъ, заинтересованныхъ въ ихъ судьбѣ. Такъ Потуловы въ своемъ прошеніи объясняли, что

они «въ исторіи Девіера замѣшаны по молодости лѣтъ своихъ, по стеченію обстоятельствъ, хитрыми того Девіера оборотами доведены были до того, что приняли на себя и то, къ чему отнюдь не были причастны, ибо, съ юныхъ лѣтъ посвятивъ себя воинской службѣ, старались всегда подражать предкамъ ихъ, съ ревностію и отличными подвигами отечеству служившимъ». Далѣе излагали воинскіе свои подвиги, извѣстные намъ изъ ихъ біографій. Свое прошеніе Потуловы заканчивали просьбой, чтобъ дозволено было «лѣта ихъ съ новымъ усердіемъ и ревностію посвятить на защищеніе отечества». Объ облегченіи участи Потуловыхъ поступило также прошеніе и отъ ихъ тетки, извѣстной намъ подполковницы Поярковой. Жена Девіера въ прошеніи о преступникѣ-мужѣ между прочимъ, писала, что «она съ тремя дочерьми, сыномъ и зятю внучатами терпитъ несчастіе, проситъ о доставленіи дѣтямъ имени, а ему-бъ, несчастному, окончить дни послѣдніе въ покоѣ единымъ принесеніемъ раскаянія и молитвъ Богу». Карпъ Рубановъ въ прошеніи своемъ, между прочимъ, объяснялъ, что высочайшаго повелѣнія о томъ, чтобъ лишить его прапорщичьяго чина, не было; но воронежское губернское правленіе, отобравъ у него на тотъ чинъ патентъ и объ отставкѣ указъ, описало все его имѣніе и отослало его на фабрику въ работу; а посему разлучился онъ съ женою и тремя малолѣтними дѣтьми, оставшимися въ горестномъ положеніи, и потому всеподданнѣйше просилъ «о возвращеніи его въ перво-бытное состояніе». Поступило, наконецъ, въ комиссію прошеніе объ отставномъ секундъ-майорѣ Иванѣ Рыковѣ, капитанѣ Иванѣ Анисимовѣ и городовомъ секретарѣ Андреѣ Агеевѣ, чтобъ снять съ нихъ запрещеніе въ опредѣленіи къ должностямъ, которое, въ числѣ другихъ 28, положено было на нихъ за одобрительное свидѣтельство Девіеру.

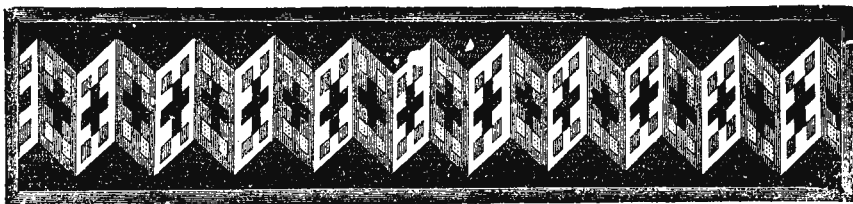
По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ прошеній, комиссія представила на высочайшее возрѣніе такое заключеніе: 1) такъ какъ Девіеръ съ 1798 года, по лишеніи чиновъ и дворянства, продолжаетъ каторжную работу, и поведеніе его тамъ одобряется,—то не благоугодно ли будетъ его императорскому величеству по высочайшему милосердію освободить его отъ каторжной работы и оставить на житье въ Сибири? 2) Не благоугодно ли будетъ его величеству Александра и Алексѣя Потуловыхъ, за соучастіе въ преступленіи Девіера сосланныхъ въ Сибирь съ лишеніемъ чиновъ и дворянства, армейскую службу несшихъ не только безпорочно, но и съ отличіемъ и въ ссылкѣ ведущихъ себя одобрительно,—высочайше повелѣть опредѣлить въ военную службу, «чрезъ которую имѣли бы они способъ съ нижнихъ чиновъ заслужить потерянные преступленіемъ своимъ чины и дворянство»? 3) Касательно отставнаго прапорщика Рубанова комиссія испрашивала высочайшаго благоволенія «о дарованіи ему свободы съ возвращеніемъ отобранныхъ

на чинъ патента и объ отставкѣ указа». 4) Относительно воронежскихъ дворянъ, участвовавшихъ въ подписаніи одобрительнаго графу Девіеру свидѣтельства, а также бывшихъ членовъ Воронежской уголовной палаты: совѣтника Черткова, ассессора Штемпеля и секретаря Петрова, комиссія ходатайствовала передъ его императорскимъ величествомъ о снятіи положеннаго на нихъ запрещенія «въ опредѣленіи къ дѣламъ».

На докладѣ комисіи по дѣлу Девіера императоръ Александръ I 12 апрѣля 1804 года написалъ: «Потуловыхъ во уваженіе прежней службы опредѣлить въ рядовые, въ полкъ Сибирской инспекціи, а съ Рубановымъ поступить по мнѣнію комисіи». О другихъ, причастныхъ къ дѣлу Девіера, лицахъ никакой «конфирмаціи» отъ его величества не послѣдовало, вслѣдствіе чего они остались въ прежнемъ положеніи, въ какомъ, можно думать, и скончали дни свои.

М. Б—въ.

КЪ БЮГРАФИИ Н. И. КОСТОМАРОВА.

(Письмо графа Орлова М. Л. Кожевникову).

ЖИЗНИ и учено-литературной дѣятельности Николая Ивановича Костомарова писалось много. Существует даже его автобіографія ¹⁾, написанная не имъ самимъ, а подъ его диктовку г-жей Б. Однако для полного и безпристрастнаго жизнеописанія нашего историка собрано далеко не все; наоборотъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ о немъ и въ самой автобіографіи встрѣчаются искаженные и подчасъ невѣрныя свѣдѣнія, въ особенности относительно весьма важнаго періода его жизни — ареста за участіе въ Україно-Славянскомъ обществѣ и затѣмъ «ссылки» въ Саратовъ.

По автобіографіи Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ поэтомъ Т. Г. Шевченкомъ въ апрѣлѣ 1847 года былъ схваченъ въ Кіевѣ и отправленъ въ Петербургъ, гдѣ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ ихъ держали въ Петропавловской крѣпости и «чинили» тамъ допросы, но, не добившись ничего болѣе или менѣе положительнаго о существованіи и дѣляхъ Кирилло-Меодіевскаго общества, выслали Шевченка въ Оренбургъ, а Костомарова въ Саратовъ.

На самомъ дѣлѣ послѣднее обстоятельство произошло гораздо позднѣе, какъ свидѣтельствуетъ о томъ отысканное нами въ архивѣ Саратовской ученой архивной комиссіи (повидимому, вырванное изъ какого-то дѣла) письмо шефа жандармовъ къ саратовскому губер-

¹⁾ Сначала напечатанная въ «Русской Мысли» за 1885 г., кн. V и VI, а потомъ изданная въ 1890 г. его вдовой въ посмертномъ трудѣ, подъ названіемъ «Литературное наследіе».

натору, дѣйствительному статскому совѣтнику М. Л. Кожевникову (отъ 11 іюня 1848 г., за № 1159, изъ Стрѣльны, съ помѣткой на немъ о времени полученія въ Саратовѣ — 24 іюня того же года) Письмо проливаетъ новый свѣтъ на это событіе, а въ особенности на мотивы «ссылки» (какъ, по крайней мѣрѣ, именуется свое удаленіе изъ столицы самъ Костомаровъ, хотя удаленіе это далеко не было ссылкой въ полномъ смыслѣ, подобной ссылкѣ Шевченка, а скорѣе «почетной опалой»), почему считаемъ необходимымъ сообщить его цѣликомъ.

«Милостивый государь

Матвѣй Львовичъ.

«Бывшій адъюнктъ-профессоръ университета св. Владимира, коллежскій асессоръ Николай Костомаровъ, вмѣстѣ съ другими лицами составилъ въ Кіевѣ Україно-Славянское общество, въ которомъ было разсуждаемо о соединеніи славянскихъ племенъ въ одно государство, и сверхъ того перевелъ съ польскаго языка одну рукопись преступнаго содержанія. За это Костомаровъ, по высочайшему повелѣнію, заключенъ былъ въ крѣпости на одинъ годъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ опредѣлить его на службу, но никакъ не по ученой части, и съ учрежденіемъ за нимъ строжайшаго надзора.

«Нынѣ, по окончаніи означеннаго срока, согласно высочайшему разрѣшенію, Костомаровъ отправляется на службу въ Саратовъ, въ сопровожденіи поручика С.-Петербургскаго жандармскаго дивизіона Алпина, которому приказано мною представить означеннаго чиновника, вмѣстѣ съ симъ отношеніемъ моимъ, къ вашему превосходительству.

«Сообщая о семъ вашему превосходительству и присовокупляя, что о сдѣланіи дальнѣйшихъ распоряженій къ исполненію упомянутой монаршей воли я уже отнесся къ г. министру внутреннихъ дѣлъ,—имѣю честь покорнѣйше просить васъ, м. г., о доставленіи г. Костомарова въ Саратовъ почтить меня увѣдомленіемъ.

«Примите увѣреніе въ совершенномъ къ вамъ почтеніи и преданности.

«Графъ Орловъ».

Ниже графомъ сдѣлана собственноручная приписка: «Прошу быть къ нему милостиву, человѣкъ съ достоинствами, но заблуждался и искренно раскаивается».

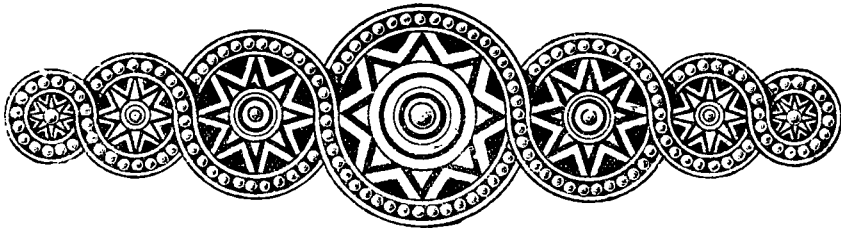
Такимъ образомъ, изъ этого письма выясняется, что Николай Ивановичъ высдѣлъ въ Петропавловской крѣпости не два мѣсяца, а цѣлый годъ, будучи посаженъ туда приблизительно въ то время, когда его другъ Шевченко (30-го мая 1847 г.) отправленъ въ Орен-

бургъ. Затѣмъ точно устанавливается время его прибытія въ Саратовъ (24-го іюня). Судя же по графской припискѣ, ему не должно было плохо житься тамъ, хотя онъ и ропщетъ на эту ссылку.

Можетъ быть, при дальнѣйшемъ разборѣ мѣстнаго губернскаго архива и отъ старожиловъ саратовскихъ намъ удастся получить и болѣе подробныя свѣдѣнія о его тамъ службѣ и житьѣ-бытьѣ, чтобы дополнить данныя автобіографіи, которая составлена съ нѣкоторымъ пристрастіемъ.

П. Л. Юдинъ.

БОРОДИНСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ.

I.

И ПРЕДСТАВЬТЕ себѣ самую обыкновенную маленькую станцію, какихъ сотни на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Чистенькій, недавно отстроенный вокзалъ, съ обычными помѣщеніями, и при самомъ входѣ совсѣмъ неожиданная картина: высокія, полустеклянные двери въ отдѣльную комнату и надъ ними надпись: Историческій музей. Явленіе совершенно исключительное и единственное, но оно существуетъ въ дѣйствительности, и рассказать о немъ тѣмъ необходимѣе, что оно по своему младенческому возрасту требуетъ заботы о себѣ и поддержки отъ всѣхъ тѣхъ, кому интересны и дороги судьбы русской исторической науки и ея вещественныхъ памятниковъ и воспоминаній.

И, какъ общественное явленіе, музей этотъ заслуживаетъ вниманія, наглядно доказывая, какое у насъ широкое поприще для личной инициативы въ дѣлѣ сохраненія историческихъ памятниковъ, и какъ цѣнна она бываетъ, когда проводится энергично и съ толкомъ.

Послѣ этого предисловія позвольте теперь познакомить васъ съ этимъ симпатичнымъ учрежденіемъ, занявшимъ совсѣмъ, какъ будто, не подобающее ему помѣщеніе на желѣзнодорожномъ вокзалѣ.

Маленькая станція, о которой идетъ рѣчь,—Бородино, Московско-Брестской желѣзной дороги. Какъ извѣстно, дорога эта прошла по тѣмъ мѣстамъ, или вблизи тѣхъ, которыя останутся навсегда памятными по тѣмъ или инымъ событіямъ Отечественной войны

1812 года. Фили, Можайскъ, Вязьма, Смоленскъ, Березина и другія—все это пункты, связанные съ воспоминаніями о нашествіи галловъ и съ ними двенадцати языковъ. Мимо нихъ проходитъ Московско-Брестская дорога. Она же прорѣзаетъ и край того ровного поля, гдѣ произошла безпримѣрная по кровопролитію битва, и откуда для Наполеона, по выраженію князя П. А. Вяземскаго, былъ

Къ острову святой Елены
Здѣсь проложенъ первый шагъ.

Это поле—Бородинское, получившее свое названіе по селу Бородину, расположенному на одной изъ окраинъ поля. Желѣзная дорога проходитъ южнымъ краемъ Бородинскаго поля, черезъ мѣсто позиціи нашего лѣваго фланга, черезъ мѣста схватокъ нашихъ съ корпусомъ Понятовскаго, въ виду Багратіоновыхъ флешей, недалеко отъ Шевардинскаго редута.

Самая станція Бородино находится на томъ мѣстѣ, гдѣ въ началѣ боя стояло Смоленское ополченіе, а къ концу—заняла позицію оконечность нашего лѣваго фланга. Отъ Москвы до Бородина по желѣзной дорогѣ 113 верстъ. По издавна установившемуся распisanію изъ Москвы для осмотра Бородинскаго поля и его памятниковъ слѣдуетъ ѣхать съ поѣздомъ, отходящимъ около 9¹/₂ часовъ утра. Въ Бородино онъ приходитъ около 1 часа дня. Промежутокъ времени до обратнаго поѣзда въ Москву составляетъ около пяти часовъ. Этого времени достаточно для объѣзда особенно памятныхъ мѣстъ Бородинскаго поля, для осмотра существующихъ здѣсь памятниковъ.

Осматриваютъ здѣсь обыкновенно монументъ на Курганной батарее Раевского, дворецъ, выстроенный въ селѣ Бородинѣ въ 1839 году, и Спасо-Бородинскій монастырь, а въ послѣднее недавнее время и историческій музей на станціи.

Посвящая настоящія строки, главнымъ образомъ, описанію музея, мы объ остальныхъ вещественныхъ воспоминаніяхъ Бородинскаго поля скажемъ лишь вкратцѣ, только для полноты статьи.

II.

Первымъ памятникомъ «битвы гигантовъ», какъ Наполеонъ назвалъ Бородинское сраженіе, была церковь во имя Спаса Нерукотвореннаго, построенная въ 1818—1820 гг. Маргаритою Михайловной Тучковой, урожденной Нарышкиной, на одной изъ тѣхъ знаменитыхъ по жестокости боя Багратіоновыхъ флешей, на которой, по предположенію, былъ убитъ мужъ Тучковой, командиръ Ревельскаго полка, генераль Александръ Алексѣевичъ Тучковъ 4-й,

трупъ его не былъ разысканъ. Около церкви предполагалось выстроить маленькую богадѣльню для шести инвалидовъ, но благое предпріятіе разрослось, и сначала здѣсь возникла женская община, а съ 1838 года и женскій общежительный монастырь, названный Спасо-Бородинскимъ. И инициаторомъ, и душою этого учрежденія, которое императоръ Николай Павловичъ назвалъ «безсмертнымъ памятникомъ», была эта замѣчательная и русская женщина М. М. Тучкова, впоследствии игуменія Марія.

Двадцатипятилѣтіе со времени Бородинскаго сраженія ознаменовалось закладкою памятника-обелиска на извѣстной батарее Раевского, или Курганной, гдѣ, какъ и на Багратионовыхъ флешахъ, разыгрались самыя упорныя и кровавыя сцены битвы. Памятникъ былъ открытъ въ 1839 году, въ день Бородинскаго сраженія, въ присутствіи императора и членовъ царской семьи. Два корпуса войскъ произвели маневры, напомнившіе диспозицію 26-го августа 1812 года. Для пребыванія государя былъ выстроенъ въ барской усадьбѣ сосѣдняго села Бородина деревянный дворецъ, который теперь является третьимъ вещественнымъ воспоминаніемъ событій прошлаго.

Изъ укрѣпленій на мѣстѣ Бородинскаго сраженія хорошо, болѣе или менѣе, сохранились только остатки Багратионовыхъ флешей да знаменитый кровопролитными схватками Шевардинскій редутъ. И имъ не миновать бы почти общей у насъ участи историческихъ памятниковъ такого рода—исчезновенія съ лица земли. Но теперь, кажется, эта опасность прошла. Въ военномъ вѣдомствѣ возбужденъ близящійся къ окончательному разрѣшенію вопросъ объ отчужденіи въ казну всѣхъ тѣхъ участковъ Бородинскаго поля, на которыхъ находятся мѣста съ бывшими укрѣпленіями и вообще памятныя по происходившимъ здѣсь эпизодамъ боя.

Наконецъ, самый послѣдній по времени изъ Бородинскихъ памятниковъ—историческій музей на станціи Бородино, обращающій на себя вниманіе не только самъ по себѣ, но и по тому примѣру частнаго почина, который его создалъ.

III.

На старомъ Бородинскомъ вокзалѣ стѣны комнаты для «чистой публики» были украшены неизвѣстно кѣмъ и когда развѣшанными портретами участниковъ отечественной войны 1812 года. Послѣ перестройки вокзала, въ мартѣ прошлаго года, эти картины подали мысль начальнику отдѣленія службы движенія А. М. Клокачеву расширить и дополнить галлерейку. Затѣмъ мысль эта развилась и въ концѣ концовъ опредѣлилась въ предположеніе устроить тутъ музей. Начальникъ службы движенія, нынѣ по-

койный, К. А. Чаплинъ, и начальникъ дороги, полковникъ Мецъ, поддержали задуманное дѣло. Былъ назначенъ изъ суммъ дороги необходимый кредитъ, и меньше, чѣмъ черезъ годъ, неожиданно-негаданно, былъ открытъ Бородинскій историческій музей. Энергія инициатора, поддержка начальства, а затѣмъ сочувствіе служащихъ на дорогѣ и постороннихъ лицъ сдѣлали это, пока не крупное по размѣрамъ, но важное и симпатичное по идеѣ дѣло.

Пожертвованія въ музей начали поступать еще до его открытія, благодаря воззванію въ газетахъ, въ которомъ устроители просили продать или принести въ даръ записки, документы, рисунки, книги и т. п., касающіеся войны двѣнадцатаго года и въ частности Бородинскаго сраженія. Тогда же задумана и сдѣлана была цѣлая серія фотографическихъ снимковъ съ памятныхъ мѣстъ и предметовъ. Эти снимки составили альбомы для продажи и были также оттиснуты на открыткахъ.

Мысль объ учрежденіи музея была встрѣчена сочувственно пріѣзжавшими лѣтомъ 1902 года на Бородинское поле членами петербургскаго общества ревнителей военныхъ знаній. Совмѣстно съ ними были, между прочимъ, выяснены пункты наиболѣе нужныхъ фотографическихъ снимковъ, что придало впоследствии Бородинскому альбому не только извѣстную стройность и систему, но даже и научность содержанія.

11-го февраля 1903 года послѣдовало сопровождаемое скромнымъ торжествомъ открытіе Бородинскаго музея.

Въ заключеніе этой краткой исторіи основанія музея сообщимъ о радостномъ въ его жизни событіи, возвѣщенномъ служащимъ Московско-Брестской дороги въ приказѣ по дорогѣ отъ 8-го августа 1903 года.

По ходатайству начальника дороги министръ путей сообщенія имѣлъ счастье поднести Его Императорскому Величеству составленный агентами дороги альбомъ фотографическихъ снимковъ Бородинскаго поля сраженія. Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить за поднесенный альбомъ, а также выразить высочайшее свое удовольствіе всѣмъ принимавшимъ участіе въ выполненіи столь прекрасной патріотической мысли учрежденія музея на станціи Бородино.

IV.

Историческій Бородинскій музей занимаетъ одну изъ вокзальныхъ комнатъ, предназначавшуюся, вѣроятно, для пассажирскаго помѣщенія. Комната небольшая, но очень высокая и свѣтлая, освѣщенная двумя громадными окнами съ платформы станціи. Лишь только вы вошли въ нее, какъ за дверями осталась вся

сѣренькая дѣйствительность третьеклассной станціи, вся мелкая суета дня. Музей сразу отвлекаетъ ваши мысли отъ мелочей жизни всей своей обстановкой. Шкафы, витрины, планы, портреты, гравюры, почти сплошь закрывающіе стѣны, придаютъ комнатѣ строгій и солидный видъ настоящаго научнаго хранилища. Порядокъ въ расположеніи предметовъ и чистота усиливаютъ это впечатлѣніе. Мебель стильная, по рисункамъ 1812 года, съ точеными, рѣзными двуглавыми орлами.

Въ простѣнкѣ между окнами, налѣво отъ входа помѣщена икона музея. Ей приданы особое значеніе и особый характеръ. Общая форма ея—крестъ, составленный изъ пяти иконъ, приуроченныхъ къ именамъ, днямъ и событіямъ Отечественной войны.

Въ центрѣ—икона Смоленской Божіей Матери; послѣ отступленія отъ Смоленска икона Смоленской Богоматери соупотреблялась русской арміи, ее обносили по рядамъ войска передъ Бородинской битвой. Смоленская Божія Мать также считается покровительницей Московско-Брестской дороги. Вверху—икона Владимирской Богоматери, внизу—свв. Адриана и Натали, празднованіе которымъ совершается въ день Бородинскаго сраженія, 26-го августа. Наконецъ, по бокамъ—иконы Александра Невскаго и Архистратига Михаила, имена которыхъ носили императоръ Александръ Павловичъ и князь Кутузовъ-Смоленскій.

Икона—серебряно-вызолоченная, помѣщена въ кіотѣ краснаго дерева. Сооружена она на средства мѣстнаго помѣщика Н. М. Коноплина.

Въ томъ же простѣнкѣ, около иконы размѣщены гальванопластическіе медальоны, копіи съ извѣстныхъ аллегорическихъ барельефовъ графа Ѳ. И. Толстого къ событіямъ 1812 года, въ изданіи Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Направо отъ входа въ музей, на стѣнѣ, противоположно иконѣ, въ самомъ центрѣ—большой портретъ императора Александра I, въ золоченой овальной рамѣ стилия Empire. Это—увеличенная копія съ гравюры Райта, сдѣланной съ оригинальнаго портрета Доу. Императоръ окруженъ своими сподвижниками. Тутъ мы видимъ портреты Кутузова, Барклая-де-Толли, Багратиона, Дохтурова, Беннигсена, Торماسова, Чичагова, Витгенштейна и другихъ. Среди нихъ портретъ великаго князя Константина Павловича (гравюра Фурнье) и масляный—князя Кутузова, изображеннаго во весь ростъ (даръ извѣстнаго московскаго коллекціонера А. П. Бахрушина).

Портреты размѣщены и по другимъ стѣнамъ. Они взяты изъ собраній Михайловскаго-Данилевскаго, Мюнстера, Райта др.; между ними, кромѣ гравюръ, есть и фотографическіе. Общее число уже ихъ теперь доходитъ почти до двухсотъ, и коллекція и по количеству, и по подбору обращаетъ на себя вниманіе. Портреты—въ рамахъ краснаго дерева.

Дополненіемъ къ этому собранію портретовъ служатъ развѣшанные по стѣнамъ планы и экспликаціи къ Бородинскому сраженію, рисунки съ гравюръ Карделли, изображающіе разные моменты войны, фотографія панорамы, представлявшей переправу французовъ черезъ Березину, и т. под.

Къ отдѣлу художественныхъ изображеній относятся и изданные музеемъ альбомы фотографическихъ снимковъ. Большой альбомъ, *in folio*, замѣчательнъ и по полнотѣ, и по исполненію. Составленъ онъ въ августѣ и сентябрѣ 1902 года А. И. Клокачевымъ, о которомъ сказано выше, и А. П. Пашковымъ, фотографомъ-любителемъ и начальникомъ одной изъ подмосковныхъ станцій Брестской дороги. Альбомъ носитъ заглавіе: «Бородинское поле сраженія, его прошлое и настоящее»,—и заключаетъ въ себѣ шестьдесятъ фототипій. Бородинское поле и его окрестности изображены здѣсь во всевозможныхъ видахъ, имѣющихъ отношеніе къ сраженію 26-го августа. При фототипіяхъ—объяснительный текстъ и, кромѣ того, три очерка, описывающихъ ходъ сраженія, открытіе памятника 1839 г. и исторію Спасо-Бородинскаго монастыря.

Другой альбомъ, начатый въ 1902 году по мысли Н. П. Тимоеева¹⁾ и составленный А. М. Клокачевымъ, оригиналенъ по идеѣ и богатъ по содержанію. Это—нѣсколько десятковъ картоновъ большого формата, чуть не аршинъ въ квадратъ, на которыхъ съ обѣихъ сторонъ наклеены иллюстраціи, касающіяся войны 1812 года. Гравюры, портреты, фотографіи, политинажи, олеографіи и т. д.—все это представляетъ пеструю и громадную,—уже теперь до 1500 экземпляровъ,—коллекцію иллюстрацій къ Отечественной войнѣ, собранныхъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Начало отдѣламъ вещественныхъ воспоминаній, архивному и литературному также положено въ Бородинскомъ музеѣ, и очень удачно.

Нѣсколько витринъ занято вещами и предметами, найденными на Бородинскомъ полѣ или же вообще имѣющими отношеніе къ эпохѣ двѣнадцатаго года. Въ этотъ отдѣлъ собирается французское и русское холодное и огнестрѣльное оружіе, пули, картечи и ядра, принадлежности аммуниціи, монеты, медали 1812—1814 г.г. и т. под.

Въ архивномъ отдѣлѣ—французскіе и русскіе манифесты, указы, Растопчинскія афиши, прокламаціи, грамоты о пожалованіи орденовъ и проч.

Библіотека музея—пока еще въ зародышѣ, но и въ ней уже есть интересныя и цѣнныя изданія.

¹⁾ Авторъ рассказовъ изъ судебного міра: «Осужденная», «Изъ воспоминаній судебного слѣдователя», «Изъ уголовной хроники», «Записки слѣдователя» и др. Ему же принадлежитъ очеркъ: «По полямъ Бородина. М. 1878».

V.

Во всемъ этомъ перечневомъ описаніи не было бы совершенно ничего удивительнаго,—и напротивъ оно давало бы представленіе о бѣдности описываемаго, если бы рѣчь шла о какомъ нибудь давно существующемъ, прочно поставленномъ хранилищѣ. Мало ли такихъ, даже и у насъ, по сравненію съ которыми Бородинскій музей можетъ поражать скудостью своего содержанія?

Но если вы возьмете иную мѣрку, то Бородинскій музей вызоветъ къ себѣ невольное вниманіе и уваженіе къ дѣятельной энергіи лицъ, потрудившихся при его зарожденіи и первоначальномъ развитіи. Музей, какъ историческое хранилище, уже представляетъ собою нѣчто,—и весьма почтенное «нѣчто», не по идеѣ только, но и вещественно,—и это нѣчто создано, можно сказать, изъ ничего. И какъ учрежденіе общественнаго характера, какъ средоточіе историческихъ памятниковъ и воспоминаній о важнѣйшихъ событіяхъ въ исторіи Россіи, этотъ юный музей есть первинка. Какъ это ни странно, какъ это ни грустно, но черезъ сто почти лѣтъ послѣ Отечественной войны мы немного богаче о ней данными, чѣмъ полвѣка или три четверти вѣка тому назадъ. И такъ же, какъ и тогда, у насъ и до сихъ поръ нѣтъ хранилища, которое содержало и объединяло бы въ себѣ всѣ памятники и воспоминанія «священной памяти двѣнадцатаго года». Да и что сѣтовать на это, когда въ русской исторической литературѣ до сего времени нѣтъ даже капитальнаго труда объ этой эпохѣ военныхъ событій, освѣщающаго ихъ въ подробной и безпристрастной разработкѣ?

Бородинскій музей приподнимаетъ уголокъ завѣсы того мрака забвенія, которымъ общество, равнодушное къ памяти прошлаго, отдѣляетъ себя, въ своей повседневной сутолокѣ, отъ историческихъ воспоминаній. На молчаливыя Бородинскія поля онъ вноситъ свѣтъ и жизнь, заключенные въ самой его идеѣ, по которой историческое хранилище, какъ память прошлаго, имѣетъ живую связь съ настоящимъ и является для него свѣточемъ при изученіи минувшихъ судебъ родины.

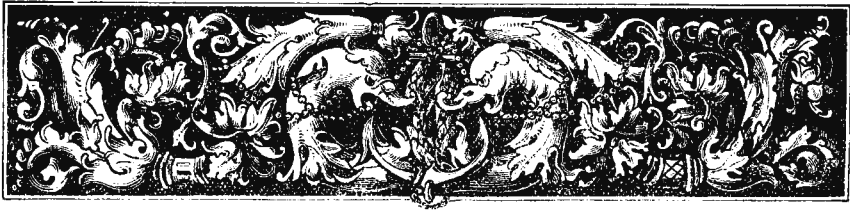
Это значеніе Бородинскаго музея заставляеть подумать и о судьбѣ его самого. Основанъ онъ желѣзной дорогой и состоитъ, слѣдовательно, по вѣдомству путей сообщенія, которое ни къ изученію исторіи Россіи вообще и военной—въ частности, ни къ охраненію памятниковъ старины прямого и непосредственнаго отношенія не имѣетъ, а съ Бородинымъ связано совершенно случайно, благодаря устройству здѣсь станціи. Я не говорю, «что ему Гекуба», что путейцамъ какой-то тамъ музей не ихъ вѣдомства. Не говорю этого въ данномъ случаѣ потому, что при учрежденіи Бородинскаго музея они проявили и совершенно безкорыстную и дѣятельную энер-

гю, и любовь къ родной исторіи, и извѣстное увлеченіе при организаціи такого необычнаго для нихъ дѣла. Но не могу отказаться и отъ той мысли, что при этомъ много значилъ случайный подборъ лицъ, которыми начать и приведенъ въ исполненіе планъ устройства Бородинскаго музея. Изъ нихъ гг. Клокачевъ и Мець и покойный Чаплинъ—люди военные по образованію и по службѣ, и нельзя не предположить въ нихъ особеннаго сочувствія къ такому дѣлу, какъ увѣковѣченіе Бородинскаго сраженія организаціей посвященнаго ему хранилища. Но будетъ ли горѣть та же искра въ ихъ преемникахъ,—это вопросъ, разрѣшимый и въ положительномъ, и въ отрицательномъ смыслѣ. А въ искрѣ-то этой и вся суть успѣха такого учрежденія, какъ музей, и при ея отсутствіи онъ захирѣетъ и превратится для своей основательницы, Московско-Брестской дороги, въ тяжелое и ненужное бремя, отъ котораго она не будетъ знать, какъ избавиться. Наконецъ, и коллекціи музея будутъ разрастаться, и помѣщеніе для него на вокзалѣ окажется тѣснымъ.

Выводъ изъ этихъ соображеній такой, что Бородинскій музей, хотя и созданъ желѣзной дорогой, но для дальнѣйшаго своего процвѣтанія долженъ поступить въ вѣдѣніе тѣхъ учрежденій и лицъ, которымъ будетъ ввѣрено попеченіе о Бородинскомъ полѣ и его памятникахъ. Кто эти лица, какія это учрежденія,—не здѣсь рѣшать... Но надѣяться, что они наконецъ будутъ, заставляетъ увѣренность, что Россія къ 100-лѣтію со дня Бородина вспомнить объ этомъ днѣ и уже навсегда закрѣпитъ его въ народной памяти тѣми или иными просвѣтительными и благотворительными учрежденіями на Бородинскомъ полѣ.....

Алексѣй Ярцевъ.

ГРАФИНЯ АННА АЛЕКСѢВНА ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ И ІЕРОМОНАХЪ АМФИЛОХІЙ.

(1817—1835).

НЗЪ ЛИЦЪ, имѣвшихъ духовное вліяніе на жизнь графини (А. А. Орловой-Чесменской),—говоритъ авторъ жизнеописанія ея Н. Елагинъ¹⁾,—особенно памятенъ Ростовскаго Яковлевскаго монастыря гробовой іеромонахъ Амфилохій. Сорокъ семь лѣтъ провелъ онъ въ этой обители и своею образцовою жизнію и духовною мудростію привлекалъ къ себѣ любителей благочестія изъ мѣстъ близкихъ и отдаленныхъ. Люди всѣхъ сословіи обращались къ нему за наставленіями въ жизни и поставляли себѣ за честь быть духовными дѣтьми старца Амфилохія.

Гробовой іеромонахъ Амфилохій, въ мѣрѣ Андрей Яковлевичъ, родился въ Ростовѣ 19-го октября 1748 года въ домѣ своего отца, священника нынѣ упраздненной Воскресенской городской церкви²⁾. Дѣдъ іеромонаха Амфилохія, рукоположенный (около 1708 года) самимъ св. Димитріемъ, митр. Ростовскимъ, во священника къ Ростовской соборной церкви, былъ потомъ переведенъ въ с. Порѣчье, Ростовскаго уѣзда, гдѣ и служилъ болѣе 40 лѣтъ.

¹⁾ Жизнь граф. Анны Алексѣвны Орловой-Чесменской. Сочин. Н. Елагина. Спб. 1853 г., стр. 22.

²⁾ О Воскресенской церкви см. «Истор. Вѣстникъ», октябрь, 1886 г., т. XXII, стр. 96. Приходъ этотъ упраздненъ въ началѣ XIX вѣка и былъ приписанъ къ Ростовской Томской или Іоанна Милостиваго церкви.

Андрей учился дома, такъ какъ духовнаго училища въ Ростовѣ тогда не было. Когда же ему исполнилось 16 лѣтъ, онъ поступилъ на мѣсто причетника къ церкви св. Иоанна Милостиваго, а въ 1776 году преемникомъ и судьей извѣстнаго митрополита Арсенія Мацѣвича ростовскимъ епископомъ Аѳанасіемъ Вольховскимъ¹⁾, былъ посвященъ въ стихарь.

Въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ Ростовѣ процвѣтало живописное мастерство. Среди лицъ, занимавшихся имъ, были такіе знаменитые иконописцы и художники по дереву и финифти, которые превосходными работами увѣковѣчили свое имя. На высокой степени развитія стояла и церковная живопись, такъ какъ тогдашніе живописцы неуклонно слѣдовали въ манерѣ письма добрымъ завѣтамъ мастеровъ, выписанныхъ въ Ростовъ знаменитымъ мѣстоблюстителемъ патриаршаго престола, ростовскимъ митрополитомъ Іоной Сысоевичемъ. Сохранившіяся до нашего времени изображенія альфресковой живописи, кромѣ ростовскихъ и ярославскихъ церквей, въ селахъ: Вошажниковѣ, Семеновскомъ, Никольскомъ погостѣ²⁾, и теперь продолжаютъ приводить въ восхищеніе тонкаго цѣнителя подобныхъ памятниковъ искусства.

Небольшой Воскресенскій приходъ, гдѣ Андрей былъ причетникомъ, давалъ ему много свободнаго времени. Въ число прихожанъ Воскресенской церкви, вѣроятно, входило и большинство ростовскихъ мастеровъ иконописцевъ, которые ютились преимущественно около Кремля. Пользуясь досугомъ, Андрей и началъ у нихъ учиться живописи и въ скоромъ времени обнаружилъ такіе успѣхи, что, какъ видно изъ оставшихся послѣ него работъ, послѣднія нисколько не уступали работамъ его учителей. Нагляднымъ доказательствомъ этого служатъ оставшіеся послѣ него икона Толгской Божіей Матери и финифтяный крестъ, составляющіе въ настоящее время реликвию Яковлевской обители.

Послѣ извѣстной исторіи съ ростовскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Мацѣвичемъ, которая не могла не отразиться на отношеніяхъ къ Ростову императрицы Екатерины II, благоволеніе послѣдней

¹⁾ Аѳанасій Вольховскій переведенъ на Ростовскую кафедру въ 1763 году изъ Твери. Сначала онъ вполнѣ раздѣлялъ мысли ростовскаго митрополита Арсенія Мацѣвича по вопросу о секуляризаціи монастырскихъ имуществъ (Бильбасовъ, Екатерина II, т. II, стр. 230), но затѣмъ, неизвѣстно почему, круто измѣнилъ свой взглядъ на этотъ предметъ и явился судьей несчастнаго митрополита. Говорятъ, что во время снятія съ него сана Арсеній сказалъ Аѳанасію: «Устами моими возвищу вся судьбы устъ твоихъ; языкъ твой велерѣчивъ былъ на меня, какъ у Арія, ты и умрешь, какъ умеръ Арій». Ростовскія лѣтописи утверждаютъ, что это пророчество сбылось. (Чтен. въ Общ. ист. и древн. росе., 1882 г., кн. II, стр. 130).

²⁾ Въ послѣднемъ особенно хороша стѣнная картина «Насыщеніе 5-ю хлѣбами и 2-ми рыбами 5.000 человекъ», напоминающая подобный же рисунокъ французскихъ гобеленовъ.

было перенесено на Ярославль, ставший губернским центромъ. Ярославль оживился; старые храмы стали передѣлываться. Пресвященный Аванасій, имѣя нужду въ живописцахъ, перевелъ Андрея въ Ярославль на дьяконское мѣсто къ церкви св. Параскевы, что на Спольѣ, а затѣмъ въ 1770 году отправилъ его въ Москву для участія въ возобновленіи живописи въ Московскихъ соборахъ. Вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы Андрей овдовѣлъ. Смерть жены сильно повліяла на него, и онъ круго измѣнилъ свой образъ жизни. Пятилѣтнюю дочь свою Андрей отдалъ на воспитаніе своему родному брату, состоявшему причетникомъ при той же Воскресенской церкви и умершему въ 1821 году въ санѣ игумена Ростовскаго Петровскаго монастыря¹⁾, самъ же въ 1777 году поступилъ въ братство Спасо-Яковлевскаго монастыря и черезъ два года, 8-го декабря 1779 года, принялъ монашескій чинъ подъ именемъ Амфилохія.

Монастырскій соборный храмъ, построенный митрополитомъ Ионою Сысоевичемъ, былъ имъ украшенъ (около 1680—1685 г.) превосходной альфресковой живописью. Къ сожалѣнію, присутствіе въ храмѣ значительной сырости не могло не отразиться на этой дивной живописи: она стала ветшать и черезъ сто лѣтъ потребовала поправки. Настоятель монастыря, архимандритъ Амфилохій Леонтовичъ, впоследствии епископъ переяславскій, въ 1780 году поручилъ сдѣлать поновленіе монаху Амфилохію, и послѣдній, надо отдать ему справедливость, исполнилъ возложенное на него порученіе замѣчательно хорошо; сохранилъ всѣ фрески въ полной неприкосновенности, такъ что, когда въ 1899 году (почти болѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ) явилась необходимость въ поправкахъ этой живописи, то члены Московскаго археологическаго общества, наблюдавшіе за реставраціей, отдали полную дань уваженія монаху-художнику конца XVIII вѣка, какъ опытному реставратору, понимавшему значеніе памятниковъ древне-русскаго искусства²⁾. По поводу этой реставраціи въ монастырскихъ записяхъ сохранилось одно сказаніе о достапамятномъ случаѣ съ Амфилохіемъ, который имѣлъ вліяніе на характеръ всей его дальнѣйшей жизни. Однажды, занимаясь работою въ храмѣ и находясь почти у самаго купола, онъ услышалъ во время служенія, совершавшагося

¹⁾ Очевидно, изъ уваженія къ памяти его брата и своего духовнаго отца графиня Орлова-Чесменская пожертвовала въ Ростовскій Петровскій монастырь на вѣчное поминовеніе родителей своихъ билетъ въ 5.000 рублей, который, однако, настоятель этого монастыря Макарій въ 1894 году ухитрился развѣять и растратить («С.-Петербургск. Вѣдомости», 1900 г., № 73).

²⁾ Не одну эту древнюю живопись сохранилъ въ Яковлевскомъ монастырѣ Амфилохій. Благодаря ему, уцѣлѣлъ также и знаменитый Спасскій храмъ постройки XVI вѣка, который архимандритъ хотѣлъ сломать и оставилъ только по просьбѣ Амфилохія. «Истор. Вѣстн.», февр., 1888 г., т. XXX.

при мощахъ св. Димитрія, пѣніе ирмоса: «Житейское море воздвигаемое зря напастей бурю, къ тихому пристанищу Твоему притекъ вопію Ти»... Это пѣніе было такъ умирительно и хорошо, что показалось ему ангельскимъ, а слова произвели на него такое впечатлѣніе, что онъ заплакалъ и съ этой минуты, можно сказать, уже больше не принадлежалъ землѣ.

Посвященный въ 1780 году въ іеромонаха, Амфилохій одновременно исполнялъ должности благочиннаго, уставщика и гробового іеромонаха. Вслѣдствіе принятія на себя этихъ должностей онъ былъ обязанъ раньше всѣхъ являться въ церковь; а въ первыя двѣ недѣли великаго поста, во время Ростовской ярмарки, онъ болѣе чѣмъ по 12 часовъ стоялъ на ногахъ у гробницы св. Димитрія, не выходя изъ церкви и оставляя себѣ для сна не болѣе 5 часовъ, свободное же время проводилъ въ непрестанной молитвѣ. Такой нелегкій подвигъ Амфилохій несъ въ теченіе 45 лѣтъ. Отъ долгаго стоянія онъ лишился употребленія ногъ и за нѣсколько лѣтъ до смерти уже не могъ ни ходить, ни стоять, и его возили въ церковь въ креслѣ на колесахъ. Кромѣ вышеуказанныхъ должностей, онъ исполнялъ еще обязанности духовника, а масса его почитателей отнимала у него и то небольшое свободное время, въ которое бы онъ могъ отдохнуть.

Слава о благочестивой жизни іеромонаха Амфилохія съ каждымъ днемъ распространялась все болѣе и болѣе, и онъ приобрѣлъ уваженіе лицъ всѣхъ сословій. Изъ отдаленныхъ мѣстъ нарочно пріѣзжали въ Ростовъ, чтобы поклониться мощамъ св. Димитрія и удостоиться чести стать духовными дѣтьми старца Амфилохія. Имя Амфилохія сдѣлалось извѣстно даже императору Александру I, который черезъ князя А. Н. Голицына прислалъ ему наперсный крестъ, украшенный брилліантами. Наконецъ, и самъ императоръ, во время посѣщенія имъ Ростова, 23 августа 1823 года, пріѣхавъ въ Яковлевскій монастырь и помолившись мощамъ св. Димитрія, принялъ благословеніе отъ іеромонаха Амфилохія. Не ограничившись этимъ однимъ посѣщеніемъ старца, императоръ Александръ въ тотъ же день къ вечеру вторично прибылъ въ монастырь и одинъ, безъ свиты, пошелъ въ келлію Амфилохія, гдѣ и пробылъ наединѣ съ нимъ болѣе получаса. О чемъ бесѣдовали они—осталось неизвѣстнымъ¹⁾. Амфилохій скончался вскорѣ послѣ этого событія, именно 26 мая 1824 года. Недолго послѣ него жилъ и самъ Благословенный.

¹⁾ Александръ отъ Амфилохія вечеромъ же 23 августа уѣхалъ въ Москву, куда прибылъ утромъ 25 и тамъ (27 августа) тайно вручилъ архіепископу Филарету для храненія въ Успенскомъ соборѣ актъ отреченія цесаревича Константина Павловича отъ права на всероссійскій престолъ и манифестъ о назначеніи наследникомъ Николая Павловича («XIX вѣкъ» Бартенева, кн. I, стр. 489; «Императ. Александръ I» Н. К. Шильдера, т. IV, стр. 280).

«Съ Амфилохіемъ,—говоритъ Елагинъ,—познакомилась графиня Анна Алексѣевна вскорѣ послѣ кончины родителя своего, Алексѣя Григорьевича (1808), во время поклоненія мощамъ св. Димитрія. Амфилохій бесѣдовалъ съ нею о смиреніи, о милосердіи, о суетѣ благъ міра сего, о молитвѣ, терпѣніи, силѣ вѣры. Говорилъ, какъ и всегда, съ искренними слезами на глазахъ. Графиня въ бесѣдѣ

Иеромонахъ Амфилохій.

(Съ портрета, принадлежащаго А. А. Титову).

съ нимъ живѣе восчувствовала охлажденіе къ мірскому счастью, тщету свѣтскихъ развлеченій и непрочность всего, что человѣкъ созидаетъ себѣ для временной жизни. Изъ келліи Амфилохія графиня вынесла убѣжденіе, что здѣшняя жизнь есть только приуготовленіе къ будущей, что блага здѣшней жизни должны быть не инымъ чѣмъ, какъ средствомъ къ приобрѣтенію благъ вѣчныхъ. Полюбивъ Ростовскую святыню, уважая душею Амфилохія, гра-

финя до 1820 года, если только не дольше, ежегодно на время великаго поста ѣздила въ Ростовъ, тамъ говѣла и проводила свѣтлые дни праздника Пасхи. Можно утвердительно сказать, что съ минуты свиданія графини съ іеромонахомъ Амфилохіемъ началась новая жизнь графини Анны Алексѣевны...»¹⁾ Въ 1820 году графиня, какъ извѣстно, познакомилась съ архимандритомъ Фотіемъ и съ тѣхъ поръ уже рѣже стала навѣщать Спасо-Яковлевскую обитель, не прерывая, впрочемъ, сношеній ни съ іеромонахомъ Амфилохіемъ, ни съ его племянникомъ, архимандритомъ Иннокентіемъ, о чемъ свидѣлствуютъ огромный теплый храмъ въ честь святителя Іакова, построенный на средства графини въ 1836 году, и прекрасная серебряная рака надъ мѣстомъ упокоенія святителя, сооруженная графиней незадолго до смерти архимандрита Иннокентія.

Архимандритъ Иннокентій, родной племянникъ іеромонаха Амфилохіа, бывшій съ 1818 по 1847 годъ настоятелемъ Спасо-Яковлевскаго монастыря, пользовался не меньшей извѣстностью, чѣмъ его дядя, и былъ лично извѣстенъ императорамъ Александру I и Николаю I. Благодаря своей благочестивой жизни, доброму характеру и неизмѣнно привѣтливому обращенію, онъ снискалъ себѣ всеобщее уваженіе и имѣлъ многочисленныхъ почитателей, сдѣлавшихъ богатые вклады въ управляемый имъ монастырь. Среди нихъ встрѣчаются громкія фамиліи Шереметевыхъ, Голицыныхъ, Воронцовыхъ, въ особенности графини Орловой-Чесменской²⁾.

Изъ 9 помѣщаемыхъ здѣсь писемъ графини А. А. Орловой-Чесменской³⁾ первыя два писаны ею къ іеромонаху Амфилохію. Они весьма характерны и написаны за 2—3 года до смерти старца. Въ этихъ письмахъ графиня называетъ іеромонаха Амфилохіа «ангеломъ-хранителемъ» и своимъ «сладчайшимъ родителемъ», а себя именуетъ «келейникомъ» его. Остальныя 7 адресованы архимандриту Иннокентію. Изъ нихъ видно, что графиня была проникнута почтительнымъ уваженіемъ къ племяннику ея «ангела хранителя», живо интересовалась здоровьемъ больного настоятеля, принимала участливое отношеніе къ положенію его родственниковъ и заботилась о поддержаніи благолѣпія обители, которая была много обязана ей своимъ великолѣпіемъ.

Кромѣ этихъ писемъ, нами печатаются три письма старца Амфилохіа къ графинѣ Орловой⁴⁾.

¹⁾ Елагинъ, стр. 24.

²⁾ Болѣе подробная біографія архим. Иннокентія помѣщена въ «Историческомъ Вѣстникѣ», гдѣ приложенъ и портретъ Иннокентія, а также см. мое сообщеніе о послѣднихъ дняхъ жизни и кончинѣ Иннокентія въ «Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ», №№ 9—11 за 1900 годъ.

³⁾ Письма печатаются дословно съ соблюденіемъ орфографіи графини А. А.

⁴⁾ Въ нашемъ собраніи они находятся въ видѣ черновыхъ отпусковъ.

Прилагаемый портретъ старца Амфилохія снятъ съ принадлежащаго нашему дому и лично подареннаго имъ моею бабкѣ (самый похожій изъ существующихъ). Снимокъ же съ лежащаго въ гробѣ сдѣланъ съ подлинника, находящагося въ Яковлевской обители. Оба портрета современниковъ и написаны масляными красками.

Гравированный портретъ Амфилохія въ овалѣ, поясной, гравированъ А. Аванасьевымъ въ 1834 году, но мало схожій и въ настоящее время составляетъ рѣдкость (Ровинскій, «Словарь», стр. 258).

А. Титовъ.

Ростовъ-Ярославскій, 1900 г., ноября 1.

Письма графини А. А. Орловой-Чесменской къ іеромонаху Амфилохію.

1.

Получено Сентября 26.

Премноголюбимѣйшей мой Ангелъ

Хранитель!

Келейникъ Земно Кланеится и Поздравляетъ своего Дражайшаго Родителя и Благодѣтеля съ великимъ Праздникомъ нынѣшнемъ бывши въ Церкви я такъ себя живо вообразила стоящею подлѣ Великаго Угодника Святителя Димитрія и подлѣ моего Возлюбленнаго Ангела Хранителя что истинно въ Тайнѣ сердца моего Была восхищеніе и Слезно за то Благодарила Господа нашего Иисуса Христа давше мне сіе великое Утѣшеніе. Какъ Глухой Келейникъ вашъ Родитель мой жаждетъ быть въ Благословѣнномъ Яковлевскомъ Монастырѣ и сидѣть у ногъ своего Ангела Хранителя когда то Господь привѣдетъ Его Окаяннаго симъ наслаждатся. Завтра Есть ли Господь Благословить собираюся ѣхать къ Дядѣ въ деревню а 24-го вечеромъ намѣреваюся отправится къ себѣ въ Деревню растоаниемъ отъ Дяди въ 9 верстахъ Воскресеніе то есть 25-го числа будетъ тамъ Освященіе Предѣла во Имя Святителя Николая сооруженной Усердиемъ Тамошнихъ добрыхъ Крестьянъ гдѣ вашъ Келейникъ желаетъ присутствовать въ тотже вечеръ думаетъ опять возвратится къ Дядѣ а на другой дѣнь опять поскакать въ свой Тихой Уголокъ. Помолитесь Ангелъ мой Хранитель чтобы вашъ Келейникъ гдѣ бы онъ небылъ старался бы всегда ходить По Заповѣдемъ Господа нашего Иисуса Христа и чтобы часть смертный былъ Ему всѣгда Памятенъ. Крепко онъ Лѣнивъ къ Молитвѣ Родитель мой по жури Его хорошенько и не жалѣй Его Окаяннаго я на него часто сержусь. Цѣлую твои Пречистые Руки и Ноги Ангелъ мой Хранитель и Прошу Паки твоихъ святыхъ мо-

литвъ о мнѣ недостойной и твоего Отческаго Благословенія и всему моему Дому. Здѣлайте Милость Возлюбленный мой Родитель и Благодѣтель вручите при семъ прилагаемое письмоцо нашему Любѣзнейшему Настоятелю. Еще Цѣлую твои Дражайшия руки съ любовью. Перекрести и Благослови Глупую Головушку, которая остается до послѣдняго своего издыханія тебѣ сердечно и душевно преданная Дщерь и много грѣшный Келейникъ

А. Орлова-Чесменская.

С. Островъ 21-го Сентября 1821.

2.

Премноголюбимейшей мой Ангель Хранитель и Сладчайшей мой Родитель!

Любязую съ Превеликою Любовію твои Пречистые руки и Ножи что вспомнилъ своего глупаго Келейника 25-го Юля¹⁾. Молю и Прошу Господа да сохранить онъ твое здравіе на многія лѣта для насъ много грѣшныхъ а особенно для твоего Окаяннаго Келейника для котораго оно не обходимо нужно. Какъ давно что мы не имѣемъ ни малейшей весточки изъ Благословеннаго Ростова. Я была все въ Надеждѣ, что скоро удостоюсь сама лично имѣть счастье видѣть моего Сладчайшаго Родителя но до сихъ поръ мои дѣла не позволяютъ отсюда выѣхать. Съ Государинями я уже распростилась въ Юлѣ еще месяцъ, Марія Федоровна Императрица поручила мнѣ вамъ засвидѣтельствовать Ея почтеніе и просить вашихъ святыхъ молитвъ она тебя Душевно любитъ Отецъ мой, а о запискѣ объ которой я ей предлагала изволите увидѣть въ письмѣ нашего Настоятеля какой отзывъ она дала. Жаль крайнѣ твоему Келейнику что въ ономъ делѣ ничего неуспѣлъ. Теперь позволь мне тебѣ отдать отчетъ какое дѣло меня здѣсь задерживаетъ. Я видѣвши Государя передъ отъѣздомъ просила Его нездѣлать ли мнѣ милость купить мое Финляндское имѣніе, на что онъ милостиво и согласился и приказалъ, чтобы я подала записку объ ономъ Министру Финансовъ Гурьеву теперь я все за Этой Запиской здѣсь жду немогу никакъ подробное сведѣніе получить отъ моего Тамошняго Управляющаго кажется мне что имъ всѣмъ крайнѣ нехочется чтобы я продала сіе Имѣніе, потому что спродажой онаго прекратятся множество Грѣховъ. я себѣ и дала слово не выѣзжать отсюда пока не получу нужныя сведенія. Если они при мнѣ смѣютъ такія задержки дѣлать то что жъ будетъ безъ меня.

О! Господи Отецъ мой какъ я буду счастлива Если сіе Имѣніе купить Государь многихъ меня хлопотъ онъ избавить.

¹⁾ Успеніе св. Анны. День тезоименитства графини Анны Алексѣевны.

Дай Господи чтобы сіе совершилось поскорѣе. Помолися и ты Сладчайшій мой Родитель о твоёмъ Келейникѣ чтобы Господь устроилъ все Его дѣла для Душевнаго Спасенія. Страхъ хочется

Перомонахъ Амфилохій въ гробу.
(Съ португальскаго, находящагося въ Сввато-Иерусалимскомъ монастырѣ.)

Спасиися Премноголюбимѣйшей мой Ангель Хранитель и Пешинной Утѣшитель. Когда то я Удостоюсь Увидѣть тебя Отець мой Очень очень уже давно лишена сего Блаженства. Надѣюсь Однако на ми-

лосердіе Божіе что уже не долго задержать меня здѣсь мои дѣла. отправила туда уже нарочнаго чтобы тамо не много понудилъ. велико надо имѣть терпеніе съ Людѣми управлять, Господи помоги мне Грѣшной и подай терпеніе должное. Поздравляю васъ Сладчайшей мой Родитель съ нынѣшнемъ Дорогимъ Имянинникомъ и Новорожденною великою Княжною Ольгою Николаевною. Слава Господу великая Княгиня разрѣшилася очень счастливо отъ бремя нынче въ 5 часовъ утра. Помолися онъ нынѣшнемъ Имянинникѣ Сладчайшей мой Родитель Ему теперь болѣе чѣмъ когда нужны. Молитвы святыхъ Людѣй онъ теперь долженъ быть въ Венѣ. Спаси Его Господи и помилуй. Митрополитъ Серафимъ вамъ приказалъ отписать свое почтеніе равно и нашему Любѣзному Настоятелю какъ я Его люблю Самой Предобрѣйшей Человѣкъ.

Здѣлайте милость Сладчайшей мой Родитель скажите мою благодарность Отцу Сергію что вспомнилъ меня много Грѣшную и пожелайте Ему отъ меня всѣхъ благъ отъ Господа когда то Господь приведетъ меня Окаянную Читать снимъ вмѣстѣ вечерное Правило нашему Премноголюбимѣйшему Ангелю Хранителю и Истинному Утѣшителю снетерпеніемъ жажду сего Блаженства. Много много что мне будетъ надо вамъ пересказать. Велики милости Господни истинно не изреченны. Прошу твоихъ святыхъ молитвъ о мне недостойнѣйшей и твоего Отческаго Благословенія и всему моему Дому. Перекрести за очно твоего Преглупаго Келейника которой паки Лобызаетъ съ Превеликою любовію твой руки и Ношки. Земно Кланяется и астается на вѣки вѣковъ тебѣ сердечно и душевно преданная много Грѣшная Дщерь и Преглупейшей но искренно много любящій тебя твой Келейникъ.

Графиня А: Орлова Чесменская.

С. Петербургъ 30-го Августа. 1822.

Батюшка здѣлай милость вручите при семъ прилагаемое письмо нашему Любѣзному Настоятелю и Паки Перекрести твоего Преглупаго Келейника.

**Письма графини А. А. Орловой-Чесменской къ архимандриту
Иннокентію.**

1.

Получено Октября 15-го 1817 года.
Любѣзнейшей и почтенѣйшей

отецъ Иннокентій.

Богъ знаетъ какъ давно я желала къ вамъ писать и все отлагала по причинѣ скорого моего отѣзда но можно очень Ету

пословицу употребить, что чѣловѣкъ предполагаетъ а Богъ по своему дѣлаеть, лошади уже были готовы чтобы повозки закладывать какъ вдругъ Катерина Александровна Чечерина очень трудно занимогла и Богъ вѣдаетъ когда ей можно будетъ думать объ дороге теперь кажется что опасность миновалась но она еще очинь трудна а я бѣдняшка должна теперь сидеть у моря и ждать погоды, ежеминутно сѣбе подтверждаю что нада имѣтъ терпенія но у мѣня уже становится оно очинь плохо, признаюся что Ето мѣня не много разстроиваить, по причине что Императрица скоро тоже побѣдутъ въ Москву а мнѣ бы нада былобы тамъ прежде бытъ, но нечего дѣлать, твори Господи волю свою, теперь позвольте васъ очинь поблагодарить за ваша два милостивыя письма они мнѣ много добра здѣлали. Я благодарю Господа теперь слава Богу спокойна и весела, совсемъ моя тоска миновалась почтеннѣйшей мой отецъ духовной и вы были мнѣ добрыя врачи. Теперь я вамъ по раскажу объ моемъ житье бытие все Ето врѣмя я жила въ Павловскомъ гдѣ было очинь много праздниковъ и меня истинно замучили и теперь чувствую малинькую лихорадочку по которая надѣюсь скоро пройдетъ должна нынѣшней дѣнь кончить свое писаніе до предбудущаго врѣмени отъ того что Голова очивъ болитъ. Теперь я опять принимаюся къ вамъ писать Почтеннѣйшей отецъ Иннокентій но не такъ какъ я разполагала что черезъ несколько днѣй а вышло что черезъ несколько нѣдель отъ того что лихорадка которую я совсемъ не Уважала вышла довольно сѣриозная и промучила мѣня три нѣдели я уже отправилась въ Москву послѣ Императорской Фамиліи, приѣхала слава Богу домой чувствую сѣбя лучше и крепче дорога мнѣ здѣлала много добра хотя была предурная. Благодарю Всѣвышняго что я все поближе къ вамъ чемъ тамъ была хочитя мнѣ чрезвычайно по первому пути къ вамъ побывать и прошу Бога чтобы мнѣ возможно было Ето здѣлать имѣтъ Щастіе видетъ нашего Отца Духовнаго также и васъ. Какъ вы мѣня много обрадовали что почтеннѣйшей отецъ мой Духовной изволить иногда надѣвать поручи которыя я имѣла щастіе ему доставить. Дай Боже чтобы онъ былъ для нашего благополучія здоровъ на многія лѣта. Вся императорская Фамилія очинь радуются что приѣхали въ Москву и вчерашній дѣнь при большой церемоніи Государь Императоръ изволил заложить храмъ Спасителя на воробьевыхъ горахъ я и при Етой перемоніи не была по причине кончины тѣтушки Елизаветы Ивановны объ которой я думаю вы уже изволите знать. Дядюшка очинь огорченъ однакоже я Его нашла лучше чѣмъ я думала. Здѣлайте Милость отъ мѣня очинь по благодарить Михайла Семеновича за Его приятное письмецо Радуюсь что онъ здоровъ и желаю Ему много Щастія. Что дѣлаить вашъ братецъ женилъ ли онъ своего сына или еще нетъ и прошу ему отъ мѣня сказать мое почтеніе также двумъ сестрицамъ и Настасіи

и поблагодарить что мѣня не позабываютъ. Простите любѣзнейшей отецъ Иннокентій что такое длинное письмо къ вамъ пишу но право не хочется кончить такъ давно что не имѣла щастіе свами бѣседовать, но совесть мѣня уже укоряетъ и говоритъ пора кончить. Надѣюсь что вы милостиво оное примите и не будете мѣня за оное бранить. Моя Старушка вамъ свидѣтельствуесть свое низайшее почтеніе Прошу вашего благословенія и препоручаю сѣбя вашимъ святымъ Молитвамъ. Остаюсь васъ искренно почитающая и душевно преданная къ услугамъ.

А: Орлова-Чесменская.

Москва 13-го Октября 1817 года.

2.

Нарочно вамъ пишу на Особенномъ Листочки Почтеннѣйшей мой отецъ чтобы не видалъ нашъ Ангелъ Хранитель, ваше Приказаніе исполнила Говорила Митрополиту Михаилу что онъ позволилъ Ежели что случится положите въ Церкви. мнѣ болно и назвать кого, только на словахъ а не на письме, то что вы Етова опасаетея что бы небыло какихъ нибудь затрудненіевъ безъ вида отъ Него. то онъ вамъ приказалъ описать чтобы вы къ нему написали на Етотъ щотъ письмо и онъ вамъ будетъ отвѣчать и сіе письмо можетъ у васъ остаться документомъ. Цалую Еще ваши ручки и не позабывайте мѣня много грѣшную ¹⁾.

3.

Получено Августа 12-го дня, 1825-го года.

Высокопреподобнѣйшей Отецъ Архимандритъ,

Возлюбленнѣйшей мой Настоятель;

Приношу мою наичувствительнѣйшую благодарность за ваше Милостливое воспоминаніе о днѣ моего Ангела равно благодарю всеусердно и Любезную Братію вашу что меня Окаянную Помюнтъ. Очень рада слышать что желудку вашему Есть Благодареніе Господу обলেখеніе отъ свежей воды а сердечно сожалею что нога ваша все въ такомъ же состояніи слабомъ находятся какъ и прежде; теперь скоро думаю оставитъ Петербургъ и въ Надеждѣ васъ видѣть давно я не имѣла сего Удовольствія Возлюбленнѣйшей мой Настоятель Дай Господи мнѣ васъ найти совершенно здоровыхъ. вино-

¹⁾ Это письмо на $\frac{1}{16}$ листа писано около 1824 года къ архимандриту Иннокентію. Дѣйствительно, графиня выхлопотала, и Амфилохій погребенъ на лѣвой сторонѣ паперти Зачатьевскаго монастырскаго соборнаго храма.

вата, Образа для вашей Святой Обители не давно отсюда отпращены Уповаю однакожь что не въ долгомъ времѣни они къ вамъ будутъ доставлены. сердечно желаю дабы вамъ былъ прїятедь, тотъ который здѣсь написанъ. Здѣлайте милость скажите объимъ Родителямъ что ихъ дѣти Слава Богу здоровы Флегонта я отправила въ Москву способу небыло Его болѣе здѣсь держать большія проказы и шалости дѣлалъ. въ Москвѣ я Ему нашла Хорошаго живописнаго мастера которому однакожь—ничего нескрыли Его проказъ, и онъ рѣшается Его взять; посмотримъ что будетъ. — Ежели тутъ ничего не Успѣетъ то буду просить Отца Сергія меня отъ него освободить; Удивительно какой онъ проказникъ, часто я ваши слова объ немъ вспоминала Возлюбленнѣйшей мой Настоятель истинную вы правду о немъ изволили Говорить. скажите пожаласта мое Усердно почтеніе всеѣмъ нашимъ Роднымъ и Знакомымъ. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ о мнѣ много окаянной и вашего Благословенія Почтеннѣйшей мой Настоятель Кланеюсь вамъ Земно; Цѣлую ваши ручки со всею любвію Остаюсь на всегда вамъ сердечно и Душевно преданная.

А: Орлова-Чесемская.

С.-Петербургъ 4-го Августа 1825.

4.

Получено Генваря въ 1-й день. 1834 Года.

Высокопреподобнѣйшій Отець Архимандритъ, и Возлюбленнѣйшей мой Настоятель,

Сердечно радуюсь что Господь вамъ послалъ облегченіе въ вашихъ великихъ Страданіяхъ, отъ всеі моеі души Благодарю Его благодать, и что Услышала наши Грѣшныя молитвы. Слава Богу! Слава Богу! Поздравляю васъ съ Приближеніемъ Великихъ Праздниковъ Рождества Христова: Новаго Года и Крещенія Простите Бога ради что немогла вамъ болѣе послать лептъ съ Главою Ростовскимъ ¹⁾, Увѣренна что и сіе примите съ любвію Возлюбленнѣйшей мой Отець, и когда можно будетъ исполнить мнѣ ваше желаніе, то не примину Оченъ вы справедливо изволите писать что Нашего Сынка Димитрія ²⁾ нецѣленуаго Св. Божіимъ Митрофаномъ лучше не посылать Его ко мнѣ Зимой, по причине Его слабаго здоровья, а Богъ дастъ дожждатся Дѣта, сіе будетъ вѣрнѣе и полезнѣе для него, я съ вами совершенно согласна. Прошу

¹⁾ Ростовскимъ городскимъ головою былъ купецъ Н. Е. Головъ.

²⁾ Крестникъ графини и архимандрита, сынъ мѣщанина живописца-финифтаника.

сказать мое Усердное Почтеніе и Поздравленіе съ Праздниками всей вашей святой Братіи, а особенно Отцу Н: Флавіану ¹⁾ и Отцу Поликарпу ²⁾ и Амфілохію ³⁾ и всѣмъ нашимъ Роднымъ ниско кланеюсъ при желаніи имъ получить всѣхъ благъ отъ Господа нашего Премилосердаго. Кланеюсъ вамъ Земно Возлюбленнѣйшій мой Отець, Цѣлую съ велией любовію ваши руки Прошу вашихъ святыхъ молитвъ и Благословенія на всегда пребываю вамъ сердечно и душевно преданная Преглупая Головушка.

Г: А: Орлова Чесменская.

С.-Петербургъ. 15-го Декабря 1833.

5.

Высокопреподобнѣйшей Отець Архимандритъ

Возлюбленный мой Настоятель.

Кланеюсъ вамъ земно, и благодарю васъ сердечно за воспоминанія дня моего Тезоимянитства; и за всѣ ваша мнѣ благія желанія, равно и всю вашу святую Братію благодарю всеусердно, и прошу ихъ святыхъ молитвъ о мнѣ немощной Грѣшницѣ; Ахъ! какъ я рада была видѣть изъ вашего письма что нашъ Возлюбленной Отець Намѣстникъ получилъ Царскую Милость съ которой Его сердечно Поздравляю. Онъ истинно давно былъ оной достоинъ. Прошу васъ Возлюбленнѣйшой Настоятель сдѣлать мнѣ милость заказать въ Москвѣ Лампаду Серебряную и вызолоченную для Гроба нашего Ангела Хранителя ⁴⁾ сіе лучше будетъ потому вы изволите знать величину сего Мѣста дабы оно пришлось въ пропорціи и что она будетъ стоить, то съ благодарностію заплачу куда прикажите Почтеннѣйшей мой Отець. Сердечно бы желала азъ Окаянная быть у васъ на Освященіе Храма ⁵⁾, но не знаю

¹⁾ Флавіанъ—намѣстникъ архимандрита, былъ очень уважаемъ; заболѣлъ и скончался на другой день послѣ погребенія Иннокентія—6 марта 1847 года.

²⁾ Поликарпъ, племянникъ Иннокентія, ректоръ владимирской семинаріи. Послѣ смерти Иннокентія былъ опредѣленъ въ Яковлевскій монастырь архимандритомъ. Человѣкъ добрый, но слабый; распустилъ монастырь. При немъ начался и упадокъ обители. † 1868 года.

³⁾ Амфилохій—іеромонахъ, бывшій келейникъ Иннокентія.

⁴⁾ Амфилохій.

⁵⁾ Храмъ этотъ, въ честь св. Іакова, былъ сооруженъ почти исключительно на средства графини А. А. и освященъ 14-го іюня 1836 г. московскимъ митрополитомъ Филаретомъ съ архимандритомъ Донского монастыря Теофаномъ и извѣстнымъ арх. юрьевскимъ Фотіемъ, пріѣзжавшимъ въ Ростовъ вмѣстѣ съ графиней А. А. День освященія былъ очень жаркій, но Фотій, по словамъ очевидцевъ, былъ все время въ дорогой собольей рясѣ, въ которой ѣздилъ и въ ростовскій соборъ для осмотра храма и древняго кремля. Въ монастырскихъ за-

какъ Господь устроитъ, Здравіе мое что то нынѣ не такъ то Хорошо стало по старости лѣтъ, и думаю болѣе что лишена буду сего счастья. Прошу вашихъ святыхъ молитвъ и вашего Благословенія Отче мой святой Кланеюсь вамъ паки Земно, Цѣлую съ Любовію ваши руки и душевно радуюсь что вы теперь Духомъ спокойны, чего вамъ на всегда желаю. Остаюсь вамъ сердечно и душевно преданная Глупая Головушка

Г: А: Орлова-Чесменская.

С.-Петербургъ, 25-го августа 1835.

Всѣмъ нашимъ роднымъ Усердно кланеюсь. Еще Цѣлую ваши руки Почтеннѣйшей мой Настоятель.

6.

Пол. 10 ч. дек. 1835 г. съ И. Я. Г.

Высокопреподобнѣйшей и Почтеннѣйшей Отецъ Архимандритъ,
Возлюбленнѣйшей мой Настоятель;

Благодарю васъ чувствительно за ваше многопріятное писаніе, которое я имѣла Утѣшеніе получить съ Любезнымъ вашимъ Родственникомъ, Г: Головою Иваномъ Якимовичемъ, онъ и дѣлаетъ мнѣ тоже одолженіе, беретъ вамъ доставить сей Пакетъ, и Ящичекъ съ шестію Календарями; въ Зеленомъ Сафьяни собственно для васъ, а другіе для раздачи кому вамъ Угодно Возлюбленной мой Настоятель. Прилагаю при семъ денги Тысячу ваши. 500 Маріи Андреевнѣ на 1836 годъ. 300 Отцу Флавіану на Его нужды; а Остальные 200 на Елей Горящій въ Лампадѣ передъ Гробомъ нашего Ангела Хранителя¹⁾, покуда будетъ внесена Сумма 5000

писяхъ значится, что желаніе устроить теплый храмъ въ честь св. Іакова у Иннокентія явилось въ годъ его опредѣленія архимандритомъ, именно въ 1818 г. Въ это время обитель посѣтилъ Александръ I, и Иннокентій доложилъ ему о предполагаемой постройкѣ. Императоръ одобрилъ мысль настоятеля и, отозвавшись съ лестною похвалою объ архитекторѣ Дмитріевской Шереметевской церкви (построенной графомъ Н. П. Шереметевымъ, въ память рожденія сына Дмитрія), соизволилъ повелѣть, чтобы и храмъ св. Іакова сооруженъ былъ въ томъ же вкусѣ. Высочайшая воля была исполнена, и храмъ св. Іакова служить незабвеннымъ памятникомъ милостиваго благоволенія къ Яковлевской обители императора Александра (Описан. мон. 1849 г., стр. 66). Къ сожалѣнію, очевидно воля Александра I не такъ была понята строителями. Эта пристроенная къ знаменитому Іоаннинскому храму, построенному въ 1686 г., теплая церковь не имѣетъ никакой архитектуры, и эта пристройка сильно испортила общій видъ древняго архитектурнаго памятника XVII вѣка.

¹⁾ На наперти, надъ могилой Амфилохія поставленъ мраморный памятникъ, за которымъ внутри сѣверной стѣны, въ полукруглой нишѣ, поставлена за стекломъ въ золоченой рѣзной рамѣ его келейная икона, писанная на доскѣ,—Распятіе. Передъ нею неугасимо и теперь горитъ лампада по завѣщанію графини Орловой, которая и соорудила этотъ кіотъ.

мною въ Ламбардъ на сей предметъ. Увѣрена что вы все сіе милостиво примите Отецъ мой святой. Какъ я скорблю что ваше здравіе все нехорошо Даѣ Господи! вамъ скорое облегченіе отъ вашихъ жестокихъ страданіевъ, много я объ васъ Поговорила съ Почтеннымъ Иваномъ Якимовичемъ, Поздравляю васъ отъ всей моей души съ Приближеніемъ Праздника Рождества Христова и Новаго Года: какъ я рада что вы до Лѣта изволили отложить Освѣщеніе Храма, можетъ и меня Окаянную имѣ же вѣсть судьбами приведетъ Господь нашъ Премилосердый быть на семъ велиемъ Торжествѣ; чего всей душой желаю Возлюбленнѣйшей мой Настоятель; и имѣть Утѣшеніе васъ видѣть и слышать; Ежели можно то займитесь Лампадой Серебряной Позлаченной Заказать для Гроба нашего Ангела Хранителя, все лучше когда она будетъ уже отъ нашего Усердія, нежели Чужая висѣть, чемъ пре много меня Глузую Головушку одолжите. былъ у меня Петръ Аристархычъ Полубояриновъ Псковской Помѣщикъ, которой желаетъ себя посвятить Богу на Служеніе, и желаетъ поступить къ вамъ въ Обитель, но Человѣкъ онъ болящій; не припомните ли вы Возлюбленной мой Настоятель, что онъ былъ уже у васъ въ Обители на Богомоли, онъ мнѣ сказывалъ что даже жилъ двѣ Недѣли; я Ему сказала что написать объ Его желаній могу, а просить для принятія не могу, потому что сіе Есть совершенно не мое дѣло, и такъ Почтеннѣйшей мой Отецъ извольте дѣлать что вамъ Угодно съ сей жаждущей душой. Кланеюсь Земно всей вашей святой Братіи и Поздравляю со всѣми Радостными приближающимися Праздниками и прошу ихъ святыхъ молитвъ; равно и всѣмъ нашимъ Роднымъ которымъ свидетельствую мое Усердное Почтеніе. Цѣлую со всей Любовію ваши руки Возлюбленнѣйшей мой Настоятель Прощу вашихъ святыхъ молитвъ и вашего Благословенія Кланеюсь вамъ Земно и Есмь на всегда вамъ сердечно и душевно преданная

Г: А: Орлова-Чесменская.

С.-Петербургъ, 4-го Декабря 1835.

7.

Высокопреподобнѣйшій и почтеннѣйшій

Отецъ Архимандритъ!

Имѣла я утѣшеніе получить ваше писаніе и видѣть изъ онаго, что ваше святое желаніе Господь Богъ исполнилъ къ радости и утѣшенію вашему и всей святой Обители вашей. Боголѣпная Сѣнь на Святителя Угодника Болвія Іакова уже поставлена на свое мѣсто и служитъ великимъ украшеніемъ Святаго Храма Господня, въ

кoемъ oпoчиваютъ Святѣя Мощи сeгo Святитeля и Покрoвитeля вaшeй Знамeнитoй Обитeли. Oтъ всeй души поздравляю вaсъ пoчтeннѣйшій Oтeцъ Архимандритъ съ симъ нoвымъ великолѣпнымъ украшeнiемъ, какъ съ видимымъ Знакомъ oсoбeннoй къ вaмъ и вaшeй святой Обитeли милoсти и бoгoвoлeнiя Oтца Нeбeснагo! Впoлнѣ раздѣляю съ вaми сiю духовную радoсть и душевное торжeство вaшe, и смѣю надѣяться, что Господь Бoгъ привeдeтъ мeня мнoгo грѣшную въ лѣтнee время кoгда нибудь лично посѣтитъ Бoгoспасaeмую вaшу обитeль и впoлнѣ насладится вaшeю духовнoю назидатeльнoю бесѣдою Пoчтeннѣйшій Oтeцъ Архимандритъ прoшу вaшихъ святыхъ молитвъ и oтeчeскагo благoслoвeнiя цѣлую съ любoвию o Господѣ Дeсеницу вaшу и oстaoусь на всeгда вaмъ сeрдeчнo и душевнo преданная мнoгo грѣшная

Анна.

Уединенiе 20-го декабря 1844 года.

Письма Амфилохiя къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской.

1.

Возлюбленное о Господѣ чадо!

Убѣждали мeня просьбою г-жа М. съ дѣтьми, чтобы попросить вaсъ помочь имъ въ бѣдности: то и прoшу не оставитъ ихъ. Блаженъ разумѣваяй на нища и убога; въ день лють избавитъ его Господь. Испрашивая на тебѣ благoслoвeнiя Бoжiя, прeбуду съ мoимъ къ тебѣ усердiемъ,

Гр. Амфилохiй.

28-го октября 1819 года.

2.

Возлюбленное о Иисусѣ Христѣ чадо.

Я порадовался, получивъ твое любимое писанiе 14 числа. Что вы скорбите о моей болѣзни? Имъ уже и быть время, о чемъ и скорбѣтъ вaмъ не надoбно. Наказуя наказа мѧ Господь, но смерти еще не предаде мѧ. Молю Его со Пророкомъ: ослаби ми, да почию, прежде даже не отъиду, и ктому не буду. O тебѣ, возлюбленное чадо, Господа молю, да сохранитъ твое здравiе отъ всѣхъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ, и благoслoвeнiе Бoжiе да почиетъ на тебѣ!

Грѣшный Амфилохiй.

Маia 15, 1820 года.

3.

Возлюбленное чадо о Иисусѣ Христѣ!

Со днемъ вашего Ангела, святая Богопрамати Анны поздравляю тебя. Молю Господа моего Иисуса Христа, да сохранитъ ваше здравіе, и во всякомъ благополучіи продлитъ лѣта жизни твоея до глубочайшей старости: благодарствую за усерднѣйшія твои письма и пожеланія мнѣ здоровья. Я слава Богу моему, здоровъ, и катаюсь въ колесницѣ ¹⁾, какъ пророкъ Илія: но святой Пророкъ уѣхалъ на небо, а я по земли еще пресмыкаюся; понеже прильпе земли душа моя. О когда достойны будемъ реченнаго: яко пройду въ мѣста крова дивна! Прости, возлюбленное чадо! миръ Божій да будетъ въ сердцѣ твоємъ, и благословеніе Его да почиетъ на главѣ твоей!

Грѣшный Амфилохій.

Іюля 20, 1820 года.

¹⁾ По болѣзни ногъ онъ не могъ ходить, и его возили въ церковь въ креслѣ: на колесахъ. Кресло—даръ гр. Орловой—сохраняется въ монастырѣ до настоящаго времени.

ГРАФЪ К. Г. РАЗУМОВСКІЙ ВЪ БАТУРИНЪ.

(Къ столѣтію со дня смерти).

I.

ДЕВЯТАГО января 1803 года скончался и погребенъ въ Батуринѣ послѣдній малороссійскій гетманъ графъ Кирилль Григорьевичъ Разумовскій. Благодаря фавору брата, онъ быстро сдѣлалъ карьеру. Кирилль Григорьевичъ родился 18 марта 1728 года. Въ 1743 году братъ его Алексѣй отправилъ Кирилла за границу для пополненія образованія. Въ этомъ путешествіи Разумовскаго сопровождалъ адъюнктъ академіи наукъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ. Съ тѣхъ поръ Тепловъ имѣлъ большое вліяніе на Кирилла Григорьевича. Указомъ отъ 15 іюня 1744 г. оба брата были возведены въ графское достоинство. 21-го мая 1746 г. Кирилль Григорьевичъ, 18-ти лѣтъ отъ роду, назначается на важный постъ президента академіи наукъ, а 27-го октября того же года состоялось браксочетаніе Разумовскаго съ фрейлиной Екатериной Ивановной Нарышкиной.

Въ гетманы онъ былъ избранъ, когда ему было всего 22 года. Случилось же это такъ. Въ Малороссіи прослышали, что Разумовскій оказываетъ помощь землякамъ. Въ виду этого уже въ 1745 г. была послана депутація въ Петербургъ для ходатайства о мѣстныхъ нуждахъ и вольностяхъ, а также о возобновленіи гетманства. Малороссійскіе депутаты Лизогубъ, Ханенко, Оболонскій, Гудовичъ и Кочубей часто видались съ Разумовскимъ, при чемъ нерѣдко при разговорахъ присутствовалъ Тепловъ. На этихъ совѣщаніяхъ

былъ уже намѣченъ будущій гетманъ. 5-го мая 1747 года состоялся высочайшій указъ, по которому разрѣшалось избрать гетмана; 22-го февраля былъ избранъ Разумовскій. 5-го іюня того же года Разумовскій былъ утвержденъ гетманомъ, а 24-го іюня ему предложено резиденцію имѣть въ Батуринѣ, такъ какъ и прежніе гетманы оную тамъ имѣли, и бывший тамъ городъ возобновится, а при заложени онаго учинить освященіе по церковному чину.

Однако молодой гетманъ не очень спѣшилъ въ Малороссію и наслаждался прелестями придворной жизни. Только 3-го марта 1751 г. Разумовскій принялъ присягу; церемонія ея описана въ тогдашнихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Къ присягѣ приводилъ преосвященный епископъ московскій, которому «препоручилъ» сдѣлать это его сіятельство канцлеръ (Бестужевъ-Рюминъ). Послѣ присяги канцлеръ ввелъ гетмана «въ аппартаменты ея императорскаго величества, гдѣ уже въ готовности лежали гетманскіе клейноды, изъ которыхъ булаву канцеляріи совѣтникъ господинъ Собакинъ поднесъ на золотомъ блюдѣ его сіятельству, канцлеру». Канцлеръ поднесъ булаву ея величеству, а она «пожаловала оную гетману». Разумовскій «повергъ себя къ стопамъ ея императорскаго величества со всенижайшимъ за толь отличную монаршую милость благодареніемъ». По выходѣ изъ комнатъ императрицы, гетманъ «былъ поздравленъ отъ множества собравшихся въ тотъ день ко двору обоего пола знатныхъ персонъ».

6-го марта выѣхала изъ Петербурга и Екатерина Ивановна, супруга гетмана, «со своею высокографскою семьею». Съ семьею Разумовскаго поѣхалъ Г. Н. Тепловъ, который «за нѣсколько дней за прилежаніе и труды въ положенныхъ на него дѣлахъ пожалованъ изъ ассессоровъ въ коллежскіе совѣтники». 26-го марта и Разумовскій выѣхалъ изъ Петербурга «при провожаніи на нѣкоторое разстояніе весьма многихъ знатныхъ особъ». Однако Разумовскіе не сразу поѣхали въ Малороссію, а остановились въ Москвѣ. Здѣсь гетманъ давалъ богатые пиры, балы и маскарады, и только 18-го іюня 1751 г. Разумовскіе выѣхали изъ Москвы «при провожаніи всѣхъ знатнѣйшихъ особъ и многого знатнаго дворянства».

Для отправленія гетмана въ Малороссію сенатъ нанялъ 125 подводъ, за каждую было заплачено по 3 рубля. Гетманъ отправлялся въ Малороссію съ множествомъ экипажей, верховыми лошадьми, съ гайдуками, поварами, музыкантами-сержантами Измайловскаго полка и даже съ труппой актеровъ. 13-го іюля 1751 г. гетманъ вступилъ въ Глуховъ съ большими церемоніями и зажилъ здѣсь царькомъ. Въ числѣ почетныхъ гостей, прибывшихъ поздравить гетмана со счастливымъ прибытіемъ, былъ «кошевой атаманъ запорожскихъ казаковъ съ сорока старшинами и 400 человекъ запорожскихъ казаковъ». Кошевой имѣлъ аудіенцію «со многочисленными церемоніями» у гетмана. Кошевой и 40 старшинъ

Cyrrillus Comes Rasumowsky

*S. S. Maj. Parvae Russiae ad utramque Nipron Borysthenis Copiarumque trans Cataractos
Dux, Generarius, Milit Praetorianor. Ismailovienium Praefectus, Imp. Acad. Scient. Petropoli. Praeses,
et C. C. S. S. Lubeca S. S. Slavandi, Aquilar albae, et S. S. Annae Eques* # A. K. JAMMARGT

Графъ К. Г. Разумовскій.

были «богато трактованы», а 400 казаковъ «удовольствованы съѣстными провизіями». 12-го сентября кошевой былъ на прощальной аудіенціи у гетмана, и тотъ «подарилъ ему богатое платье, по ихъ обыкновению, да каждому старшинѣ по куску сукна, а прочимъ казакамъ знатную сумму денегъ роздать велѣлъ».

«Истор. вѣстн.», ноябрь, 1903 г., т. ХСІV.

15

II.

Гетманъ впервые прѣхалъ въ Батуринъ 14 сентября 1751 г. «съ многочисленной свитой», а 17 сентября, «осмотря положеніе мѣста, учинилъ потребныя учрежденія для построенія вновь здѣшняго города». Для постройки дома онъ выбралъ то же мѣсто, гдѣ стоялъ и домъ Мазепы, разрушенный до основанія во время разгрома Меншиковымъ Батурина. Мѣстность называется Городокъ и является наивысшимъ пунктомъ Батуринскаго вала. Теперь Городокъ принадлежитъ частному лицу и представляетъ старый запущенный паркъ. Городокъ выходитъ на рѣку Сеймъ и съ двухъ сторонъ отдѣленъ отъ остального батуринскаго вала глубокими оврагами, на одномъ изъ которыхъ сохранилось каменное сооруженіе, служившее очевидно плотиною. Черезъ годъ въ августѣ 1752 г. Разумовскій посѣтилъ и Батуринъ, гдѣ въ то время постройки быстро подвигались. Въ Городкѣ былъ выстроенъ огромный деревянный домъ, вокругъ дома стояли флигеля для гостей, а передъ домомъ валъ. На валу стояли пушки, изъ которыхъ палили въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Однако гетманской семьѣ не пришлось переѣхать въ этотъ домъ, такъ какъ Разумовскіе выѣхали 24 ноября 1752 г. въ Москву, гдѣ въ то время пребывалъ дворъ. Малороссіей въ это время правилъ Тепловъ. Въ Глуховѣ Разумовскій вернулся только чрезъ 4 года 2 марта 1757 г. Батуринъ по своему мѣстоположенію болѣе нравился Разумовскому, что же касается до Глухова, то ему жить тамъ не нравится. Въ одномъ изъ писемъ къ графу М. И. Воронцову, приводимомъ княземъ Васильчиковымъ («Семейство Разумовскихъ»), онъ сообщаетъ, что ѣдетъ въ Батуринъ, а тамъ мѣсто, на которомъ онъ построился въ Глуховѣ, называетъ «гнуснымъ по сырости, низости и болотной землѣ». Съ другой стороны, и постройка была сдѣлана «скороспѣшно худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу». Въ томъ же 1757 г. Разумовскій подалъ прошеніе императрицѣ разрѣшить ему прѣхать въ Петербургъ и между прочимъ пишетъ: «въ моемъ слабомъ здоровьѣ не снесу въ наступающую осень и зиму Глуховскаго сырого и гнилого воздуха». Разрѣшеніе было получено, и гетманъ, пробывъ въ Малороссіи менѣе одного года, выѣхалъ 12 декабря 1757 г. въ Петербургъ. Въ это пребываніе въ Петербургѣ императрица Елисавета подарила Разумовскому города Батуринъ и Почепъ съ уѣздами, а также волости Шентаковскую и Баклановскую. Въ Малороссію онъ возвратился чрезъ три года, — прѣхалъ 8 марта въ Глуховъ. Какъ въ Глуховѣ, такъ и въ Батуринѣ гетманъ жилъ пышно и давалъ балы и маскарады, — послѣдніе въ то время были особенно въ модѣ. Такія развлечения обыкновенно приурочивались къ высокоторжественнымъ днямъ.

Остатки дворца Рааумовскаго въ Батуминѣ.

Гетманъ шествовалъ въ соборъ для слушанія Божественной литургии, при чемъ по окончаніи «благодарнаго молебна выпалено изъ 101 пушки, и отъ стоявшаго въ строю гарнизоннаго полку учиненъ троекратный бѣглый огонь». Затѣмъ всѣ присутствующіе приглашены въ покои его сіятельства, гдѣ въ залѣ былъ приготовленъ столъ и при столѣ, когда «пили за высочайшія здоровія, производилась пушечная пальба». Вечеромъ состоялись маскарады, на которыхъ обыкновенно бывало до 1.000 человекъ. Тогда роскошью были восковыя свѣчи, и о нихъ непременно сообщали: «зажжено было бѣлаго воска свѣчь до 3.000, а также премногое количество налитыхъ бѣлымъ же воскомъ лампъ и шкаликовъ хрустальныхъ». Гости были трактованы «великолѣпнымъ ужиномъ», а также по желанію каждаго «разными водками и наилучшими виноградными винами, кофиемъ, чаемъ, аршатамъ и прочими напитками». Непременною принадлежностью такихъ празднествъ являются аллегорическіе фейерверки. Въ Глуховѣ на одномъ торжествѣ былъ сожженъ фейерверкъ, который изображалъ благодѣянія, оказанныя Елисаветой Малороссіи, для которой начинается золотой вѣкъ: «сіе изобразуется къ правой сторонѣ щита деревомъ пальмовымъ, на которомъ вознѣздился орелъ во образѣ герба всероссійскаго, держа имя Елисаветы перья, скипетръ и жезлъ Меркурья, обвитый масличной вѣтвью. Къ лѣвой сторонѣ щита малороссійскій гербъ поставленъ къ пьедесталу, на которомъ сооружена пирамида, предающая исторію потомкамъ сего монаршаго къ народу великодушія. Посреди щита поставленъ на подобіе старинныхъ жертвенникъ треножной съ вознесеннымъ ономъ; и потому что сія жертва представляетъ моленіе къ Богу объ укрѣпленіи державы ея императорскаго величества, то сіе моленіе всевышнему Богу приноситъ отъ имени всего народа нашъ ясновельможный гетманъ, почему и на жертвенникѣ изображено двумя литерами его сіятельства имя».

Въ октябрѣ 1761 г. гетманъ неожиданно былъ вызванъ братомъ ко двору. Ихъ благодѣтельница императрица Елисавета уже давно была нездорова, а затѣмъ она умерла 25 декабря 1761 г. Извѣстно участіе гетмана въ переворотѣ 28 іюня 1762 г. Первое время онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Екатерины и исполнялъ ея секретныя порученія. Гетманъ поѣхалъ въ Москву на коронацію и оставался тамъ, пока Екатерина пребывала въ Москвѣ.

18-го іюня гетманъ выѣхалъ въ Малороссію и тамъ возбудилъ гнѣвъ Екатерины своими династическими наклонностями. Онъ задумалъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ своемъ родѣ, и его агенты стали поговаривать, что не худо бы было, если бы гетманство сдѣлалось наслѣдственнымъ. Все дѣло было задумано неловко и разыгралось безтолково. Въ концѣ одного генеральнаго собранія между старшинами встрѣтила сочувствіе мысль о наслѣдственности гетманства, и въ такомъ смыслѣ была челобитная, ко-

Остатки дворца Разумовского в Багуринѣ.

торая сильно разгнѣвала императрицу. Разумовскій былъ вызванъ изъ Глухова и прѣхалъ налегкѣ, оставивъ семью въ Глуховѣ. Екатерина приняла его очень холодно и предложила Разумовскому подать прошеніе съ отказомъ отъ гетманства. Долго колебался Разумовскій, но Екатерина настаивала, и ему пришлось подать прошеніе.

Результатомъ этого прошенія были два указа отъ 10-го поября 1764 г. Первый изъ нихъ гласилъ: «малороссійскій гетманъ графъ Разумовскій поданнымъ ея императорскому величеству письмомъ всеподданнѣйше просилъ у ея императорскаго величества позволенія сложить съ себя гетманскій чинъ. Ея императорское величество, снисходя на сіе прошеніе, всемилостивѣйше увольняетъ его отъ онаго, оставляя его при всѣхъ тѣхъ великороссійскихъ чинахъ и должностяхъ, кои онъ понинѣ имѣетъ, при чемъ утверждаетъ за нимъ всѣ тѣ малороссійскія маенности, которыя отъ ея величества блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государыни императрицы Елисаветы Петровны въ вѣчное и потомственное владѣніе пожалованы». Кромѣ того, императрица пожаловала ему по смерти «изъ таможенныхъ сборовъ 10.000 рублей», да въ вѣчное и потомственное владѣніе замокъ Гадацкой и волость Быковскую съ принадлежащими къ нимъ мѣстечками, селами и деревнями. Въ тотъ же день Екатерина переименовала гетмана въ генералъ-фельдмаршала.

Второй указъ устанавливалъ вмѣсто гетманства новое управленіе: «для надлежащаго Малой Россіи управленія учредить тамъ малороссійскую коллегію, въ которой присутствовать главнымъ генералу графу Румянцеву и съ нимъ четыремъ великороссійскимъ членамъ, да изъ малороссійскихъ старшинъ четыремъ же членамъ».

III.

Такъ кончились дни гетманщины. Екатерина, боясь вліянія Разумовскаго, долго не разрѣшала ему ѣхать въ Малороссію. Кирилль Григорьевичъ за это время жилъ за границей, въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Особенно печальнымъ годомъ для Разумовскаго оказался 1771-й годъ—въ этотъ годъ онъ потерялъ брата 6-го іюля и жену 22-го іюля. Около этого времени Разумовскій близко сошелся съ Потемкинымъ, и только благодаря его посредничеству, удалось выхлопотать разрѣшеніе бывшему гетману возвратиться въ Малороссію. Въ 1775 г. дворъ отправился въ Москву на годъ. Разумовскій сопровождалъ императрицу въ пѣшемъ походѣ къ Троицѣ и сейчасъ же послѣ похода подалъ чрезъ Потемкина слѣдующее прошеніе: «принадки, случающіеся въ здоровьѣ моему, требуютъ по совѣту докторскому, чтобы я климатъ перемѣнилъ и

Церква Воскресенія въ Батуринѣ.

употребилъ непрерывное движеніе, которое средство они почитаютъ наилучшимъ для меня лѣкарствомъ; но притомъ и упавшіе по заочности и отдаленности управленія доходы мои, такъ какъ и всей экономіи худыя обстоятельства понуждаютъ меня самого необходимо всѣ деревни мои осмотрѣть и привести въ лучшее состояніе какимъ либо распорядкомъ». Поэтому онъ проситъ императрицу уволить его «на два года въ мои деревни, съ тѣмъ, чтобы изъ высочайшей милости по чину моему штатъ мой и все прочее, что я получаю, при мнѣ оставлены были».

Разумовскій былъ отпущенъ въ Малороссію, пріѣхалъ туда въ мартѣ 1776 г. и поселился въ Батуринѣ. Живя здѣсь, онъ велъ дѣятельную переписку съ Михаиломъ Васильевичемъ Ковалинскимъ, который состоялъ правителемъ канцеляріи у князя Потемкина. Въ письмахъ къ Ковалинскому говорится главнымъ образомъ о дѣлахъ и особенно много о продажѣ Аничковского дворца, доставшагося ему отъ брата. Съ другой стороны, онъ жалуется на то, что «упутался въ долги, какъ медвѣдь въ сѣти», а также и на то, что ему пришлось вести много тяжбныхъ дѣлъ, а тутъ подошла внезапная опала сына Андрея Кирилловича, который былъ въ большой дружбѣ съ цесаревичемъ Павломъ Петровичемъ. Исторію опалы передаемъ словами Н. К. Шильдера (Императоръ Павелъ I, стр. 107—108). 15-го апрѣля 1776 г. умерла супруга Павла Петровича Наталія Алексѣевна. Императрица немедленно приступила къ разсмотрѣнію бумагъ великой княгини; чтеніе ихъ подало средство къ исцѣленію безутѣшной печали цесаревича. Средство было безъ сомнѣнія, жестокое, но вѣрное и соответствовавшее обстоятельствамъ. Оказалось, что графъ Андрей Разумовскій недостойнымъ образомъ злоупотребилъ довѣріемъ Павла Петровича. Андрей Разумовскій былъ высланъ сначала въ Ревель, а затѣмъ въ Батуринъ. Въ письмѣ къ Ковалинскому отъ 23-го іюля 1776 г. Разумовскій-отецъ сообщаетъ: «сыну моему Андрею велѣно жить у меня въ Малороссіи. Я о семъ письмо отъ царицы получилъ». Въ это время у Разумовскаго была большая дружба съ Потемкинымъ, и онъ постоянно проситъ «свидѣтельствовать мое почтеніе и поклонъ князю Григорію Александровичу». Въ одномъ изъ писемъ къ Ковалинскому говорится о продажѣ с. Поливанова, которое Разумовскій «помышлялъ продать», «теперь же я не только оной продавать не намѣренъ, но слыша, что князь Григорій Александровичъ купилъ неподалеку Голицынскія Дубровицы, то такое пріятное для меня сосѣдство умножаетъ къ сему селу привязанность».

Въ 1785 году Разумовскій уѣхалъ въ Петербургъ и былъ «отмѣнно» принятъ при дворѣ. Девять лѣтъ онъ прожилъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но умирать пріѣхалъ на родину въ Батуринъ. Окончательно онъ поселился тамъ въ 1794 г. Въ первые годы пребыванія въ Батуринѣ домъ Разумовскаго былъ открытъ для зва-

Памятник надъ могилой Разумовскаго.

ныхъ и незваныхъ. Гости проживали по мѣсяцу. За столъ садилось ежедневно до пятидесяти человѣкъ. Старикъ Разумовскій любилъ малороссійскія пѣсни, и у него ихъ пѣли очень хорошо. Въ послѣдніе годы жизни Кирилль Григорьевичъ былъ занятъ постройкой дома и церкви въ Батуринѣ. Разумовскій не забывалъ и хозяйства. Въ 1797 г. онъ выписалъ испанскихъ овецъ съ завода графа Лихтенштейна, разводилъ шелковицу и устроилъ шелковичное производство въ Яготинѣ, выписывалъ машины, заводилъ мельницы. Въ то же время онъ былъ и примѣрнымъ помѣщикомъ.

Съ каждымъ годомъ Разумовскій все болѣе страдалъ отъ своихъ недуговъ, ходилъ плохо, а тутъ какъ разъ подошла новая опала графа Андрея Кирилловича. Онъ въ то время занималъ постъ посла въ Вѣнѣ. Уже въ началѣ 1799 года императоръ Павелъ I отдалъ приказъ, которымъ увольнялся графъ Андрей Разумовскій. Однако этотъ приказъ былъ отмѣненъ, и графъ Андрей получилъ орденъ Андрея Первозваннаго. 25-го сентября 1799 г. Павелъ снова измѣнилъ свое мнѣніе: графъ Андрей Разумовскій былъ уволенъ на 6 мѣсяцевъ отъ занимаемой имъ должности посла въ Вѣнѣ. Разчитывая на новую перемѣну, онъ не счѣтилъ отъѣздомъ, но грозное предписаніе государя повелѣло немедленно оставить Вѣну и ѣхать въ Малороссію къ отцу. Только въ концѣ декабря графъ Андрей отправился въ Батуринъ. Радость свиданія съ отцомъ на время умѣрила горечь служебной невзгоды. Однако подозрительный Павелъ съ беспокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Батуринѣ, и по его приказу туда былъ посланъ бывшимъ въ то время генераль-прокуроромъ Беклешовымъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николевъ, которому поручено было наблюдать за жизнью Разумовскихъ въ Батуринѣ. Беклешовъ далъ рекомендательное письмо Николеву: Николевъ де желаетъ побывать въ Кіевѣ, и ему необходимо ѣхать чрезъ Батуринъ. Поэтому Беклешовъ осмѣливается вручить сего Николева препоручить въ милость и покровительство вашего сіятельства. «Но врядъ ли,—замѣчаетъ князь Васильчиковъ («Семейство Разумовскихъ»),—Разумовскіе были такъ просты, чтобы не понять настоящей цѣли пріѣзда Николева. 16-го февраля 1800 г. Николевъ отправилъ отношеніе о Батуринѣ, но не къ Беклешову, смѣненному непостояннымъ Павломъ, а къ его преемнику Оболянинову. Въ этомъ отношеніи сказано между прочимъ: «въ м. Батуринѣ нашелъ я Кирилла Григорьевича безъ ногъ, и ходитъ онъ не можетъ, а возитъ его на колясочкѣ. Также на лѣвой рукѣ у кисти на суставѣ большая шишка, отчего худо рукой владѣеть. Андрей Кирилловичъ здоровъ, но желтъ, худъ и задумчивъ, Упражненія сего послѣдняго: въ 12 часовъ приходитъ къ отцу, гдѣ остается до 4 часовъ, а съ сего времени до 7 часовъ безысходно бываетъ у себя въ комнатѣ; читая, а больше задумавшись ходитъ по комнатѣ; а къ вечеру какъ онъ, такъ

и всё живущіе собираются у графа и разговариваютъ или играютъ въ карты. Сіи всёхъ живущихъ у графа ежедневныя упражненія, а законопротивныхъ разговоровъ не слыжать». Должно быть, это донесеніе подѣйствовало на Павла, и онъ назначилъ 16-го декабря 1800 года графа Андрея Разумовскаго сенаторомъ, и тотъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1802 г. Разумовскаго постигло новое несчастье: умеръ отъ чахотки младшій сынъ его, Иванъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ страданія старика фельдмаршала все болѣе увеличивались, и батуринскій домъ становился все мрачнѣе. Разумовскій уже почти не могъ двигаться и за четыре мѣсяца до кончины ѣздилъ осматривать строящуюся церковь, которая потомъ освящена во имя Воскресенія Христова, и въ ней поконится тѣло Разумовскаго.

Послѣ смерти отца Батуринъ достался Андрею Кирилловичу, и онъ поставилъ на его гробѣ воспроизводимый при этомъ памятникъ, на которомъ значится слѣдующая надпись: «Здѣсь поконится тѣло его сіятельства господина генераль-фельдмаршала, сенатора, дѣйствительнаго камергера и орденовъ Россійскихъ святаго апостола Андрея Первозваннаго, святаго Александра Невскаго, Польскаго бѣлаго орла и Голстинскаго святаго Анны кавалера графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго; родившагося въ 1728-мъ году марта 18 дня, а скончавшагося въ Батуринѣ 1803 года генваря 9, въ два часа пополудни, житія его было семьдесятъ четыре года девять мѣсяцевъ и двадцать два дни».

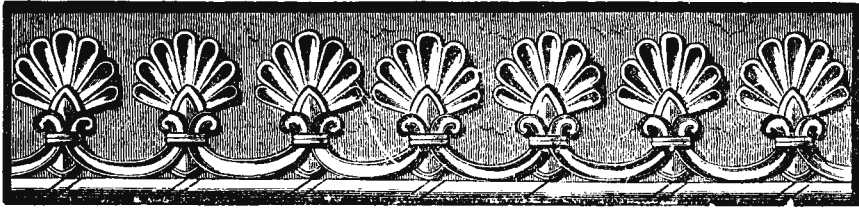
IV.

Чтобы закончить наше описаніе пребыванія Разумовскаго въ Батуринѣ, нужно сказать объ его замкѣ, который теперь лежитъ въ развалинахъ. Построенъ онъ въ мѣстности, которую крестьяне называютъ Тепловкой; это тоже, какъ и Городокъ, часть Батуринскаго вала, выходящая на Сеймъ и отдѣленная отъ остальнаго вала глубокими оврагами. Замокъ еще въ шестидесятыхъ годахъ стоялъ прочно, въ то время по преданію былъ сторожъ. Грабители прежде всего соблазнилисъ желѣзомъ съ крыши, они его разбирали и зимой на салазкахъ спускали какъ разъ въ тѣ ворота, откуда они выѣхали. Крыша была снята, начали обваливаться стропила и балки—и дерево, конечно, пошло на потребу мѣстныхъ крестьянъ. Вообще батуринцы смотрѣли на замокъ Разумовскаго, какъ на пѣ-который фондъ,—они брали изъ него кирпичи на печи, выворачивали изъ стѣнъ болты и сваливали колонны, чтобы оттуда доставать желѣзные прутья. Камень тоже расхищался, и въ концѣ концовъ главный домъ началъ разрушаться. Но главный домъ былъ устойчивъ. Флигеля же, уже давно лишенные крыши, наполнились до половины землей и поросли растеніями и кустарниками. Впро-

чемъ не одни крестьяне разрушали главный домъ; имъ помогали туристы, отбивавшіе лѣпку. Но главный домъ долго еще не поддавался, такъ какъ его стѣны строились за столѣтія. Только въ послѣднее время весь вестибюль такъ засыпанъ, что можно войти только туда, а еще лѣтъ пять назадъ можно было взбираться на балконъ второго этажа. До какихъ поръ будетъ разоряться этотъ домъ, и обратитъ ли кто на него вниманіе, мы не знаемъ, только слѣдовало бы обратить вниманіе.

Ив. Иноземцевъ.

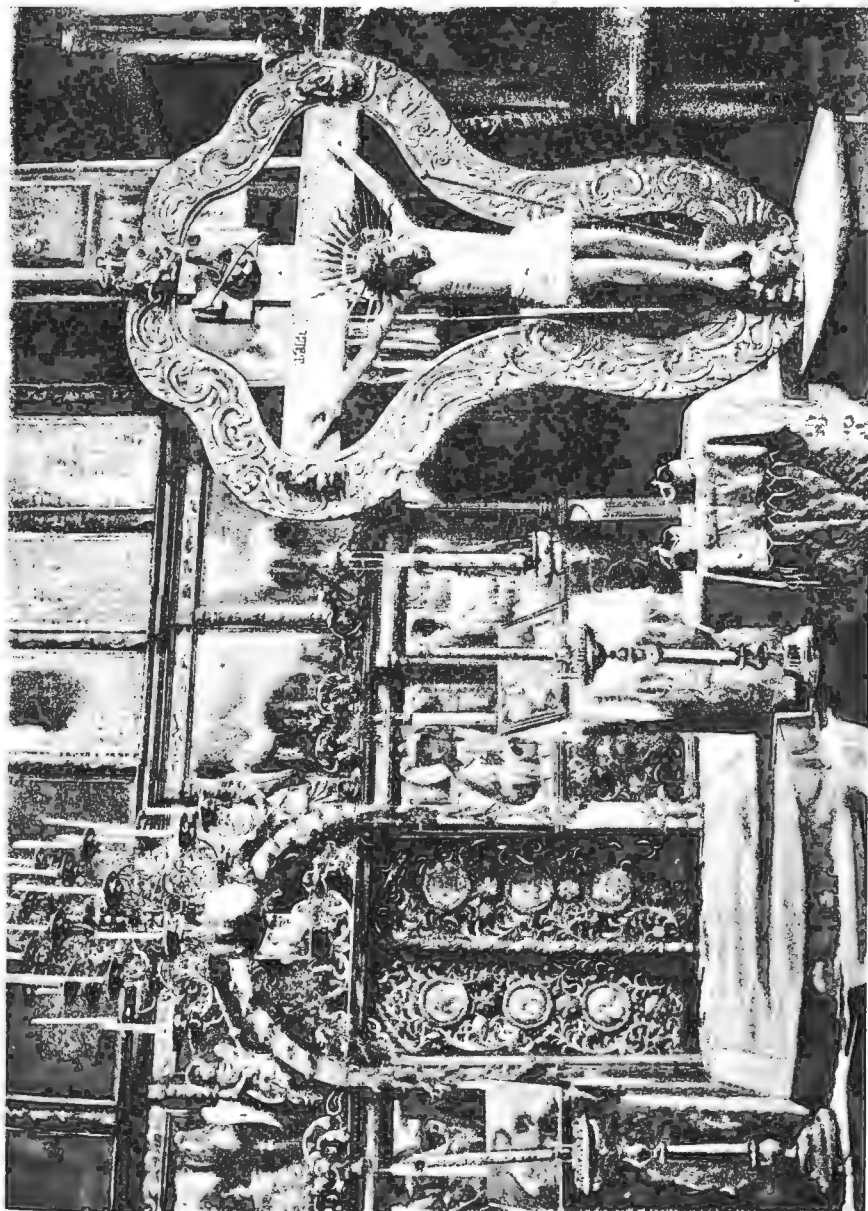
СЕЛО ТОРГОВИЩЕ И ЕГО ПАМЯТНИКИ.

ВЪ НОЧЬ на 3-е іюля 1899 года въ весьма древнемъ селѣ Пермской губерніи, Торговижскомъ, произошелъ страшный пожаръ: при сильномъ вѣтрѣ сгорѣло 23 двора и старинная деревянная сторожевая башня. Находясь въ это время вблизи села, на водахъ, я отправился въ него 4-го іюля и засталъ въ высшей степени печальную картину. На разстояніи полверсты одной улицы какъ не бывало, только виднѣлись на обугленныхъ мѣстахъ развалины печей да торчали бѣлыя трубы и обугленные столбы... Многихъ хозяевъ-погорѣльцевъ во время пожара не было дома, они уѣхали на сѣнокосъ верстъ за 10—20, и теперь, возвратившись, вмѣсто своего дома, оставленнаго запертымъ вмѣстѣ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, находили однѣ развалины и поднимали на погорѣломъ мѣстѣ громкій плачъ. Я пріѣхалъ какъ разъ черезъ день послѣ пожара, видѣлъ и чувствовалъ всю горестъ и страданія этихъ несчастныхъ людей. Къ вящему несчастію, пожаръ не обошелся безъ человѣческихъ жертвъ и при томъ въ самой необыкновенной формѣ: слѣпая, 63-хъ-лѣтняя старушка, со своей 3-хъ-лѣтней внучкой и 7-ми-лѣтней племянницей—извѣстные домовники въ лѣтнее рабочее время въ селахъ, торопясь выходить изъ горѣвшей избы, вздумали захватить съ собой самоваръ, но, будучи охвачены дымомъ, не могли выйти и всѣ вмѣстѣ погибли, образовавъ изъ своихъ тѣлъ сплошной комъ, къ которому пристало еще дно самовара... Остатки этихъ мученицъ отпѣвали и хоронили въ тотъ же воскресный день, въ который я былъ; остатки ихъ тѣлъ были положены въ высокій ящикъ, на подобіе тѣхъ, въ которыхъ возятъ вина. Провожая такой гробъ въ церковь и изъ церкви на клад-

Церковь в селѣ Торговицѣ, построенная въ 1701 году.

Царския врата и распятие въ църкви села Торговища.

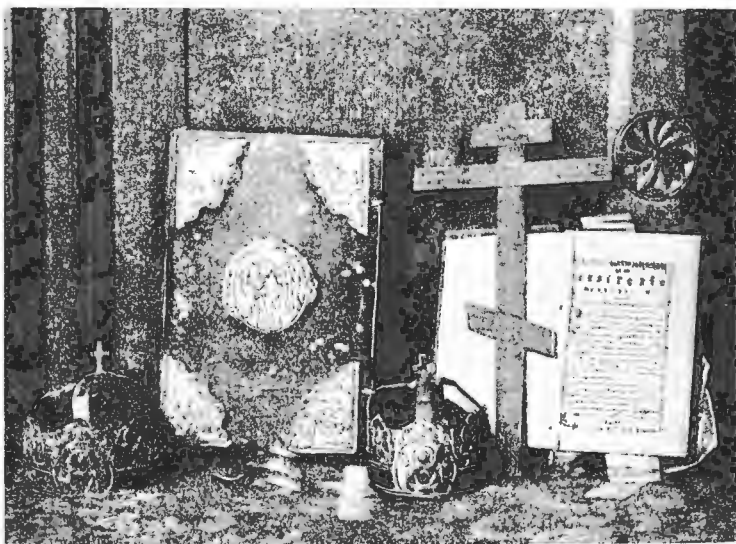
бнице и находясь подъ впечатлѣніемъ происшедшаго пожара, провожавшіе крестьяне поднимали неимоверный вой и разрывающія душу рыданія, такъ что не приведи Богъ быть еще разъ свидѣтелемъ такихъ сценъ.

Во время этого пожара сгорѣла и сторожевая Спасская башня, которая стояла на площади, хотя и на разстояніи 40—50 сажень отъ горѣвшихъ домовъ, но въ линіи ихъ и на пути вѣтра; рассказываютъ, что ее легко можно было отстоять и затушить огонь, но паника была всеобщая, и всякому было только до своихъ жилыхъ домовъ и имущества. Во время горѣнья она вся обуглилась, и ночью была, какъ иллюминированная, а потомъ черезъ нѣкоторое время грохнула и начала уже догорать до основанія. Когда я пріѣхалъ черезъ полтора сутокъ послѣ пожара, то замѣтно было только мѣсто, гдѣ она стояла, да складено было на немъ оставшагося отъ нея «казеннаго» желѣза пуда три: разные дверныя петли, скобы и проч., въ томъ числѣ я замѣтилъ еще длинный желѣзный пруть съ небольшимъ крестикомъ на одномъ концѣ: это былъ тотъ верхній стержень, на которомъ держался и красовался старинный деревянный государственный гербъ (на рисункѣ все это видно). Такъ исчезаютъ и исчезли безслѣдно многіе цѣнные памятники русской старины. Неоднократно писалось на страницахъ историческихъ изданій о той часто встрѣчающейся небрежности и индифферентности, съ какою относятся у насъ къ замѣчательнымъ историческимъ памятникамъ русской старины и исчезновенію ихъ; поэтому я, вслѣдствіе представившагося мнѣ особеннаго случая, рѣшаюсь рассказать на страницахъ историческаго журнала о вышеупомянутой древней деревянной башнѣ въ селѣ Торговижскомъ, которая, просуществовавъ слишкомъ 200 лѣтъ, безслѣдно должна бы исчезнуть. Кстати скажу и объ оставшемся въ цѣлости тамъ же, въ селѣ Торговижскомъ, памятникѣ старины: на рѣдкость сохранившемся деревянномъ храмѣ во имя соловецкихъ чудотворцевъ—Зосимы и Савватія.

II.

Село Торговижское, расположенное по теченію рѣки Сылвы, по которой плывъ нѣкогда Ермакъ, находится въ 150 верстахъ отъ Перми на юго-востокъ и въ 70 верстахъ отъ уѣзднаго города Красноуфимска. Село это, небольшое въ настоящее время и принявшее самый заурядный видъ, въ старину было однимъ изъ тѣхъ древнихъ сторожевыхъ пунктовъ, которые существовали въ Сибирской землѣ для защиты отъ набѣговъ дикихъ вогуль, черемисъ и татаръ. Основаніе его относится къ концу царствованія Іоанна Грознаго. Какъ стратегическій пунктъ, село это было окопано ровомъ

и обнесено частоколомъ, среди котораго находилось нѣсколько сторожевыхъ башенъ. Одна изъ такихъ башенъ была въѣзжая съ воротами, которыя на ночь затворялись на огромные замки, и никто уже не пропускался, не исключая, вѣроятно, даже запоздавашаго съ полевыхъ работъ поселянина: отсюда сложилось въ устахъ народа и характерное прозваніе этого села: «Торговище—запертыя ворота». Какъ важный стратегическій пунктъ, лежавшій притомъ на проѣзжей дорогѣ, оно за рѣдкостью населенія и малымъ развитіемъ торговли въ округѣ, само собой приобрѣло весьма важное торговое значеніе. Сюда стекалась изъ дальнихъ и ближнихъ селъ и деревень, особенно къ днямъ храмовыхъ праздниковъ (27 сентября — Зосимы и Савватія и 24 іюня — Іоанна Предтечи),

Евангеліе и крестъ въ церкви села Торговища.

масса народа для сбыта сельскихъ продуктовъ и хозяйственныхъ издѣлій, отчего, конечно, село и получило свое названіе «Торговище» (по мѣстному «Торговишо»). Изъ этого краткаго очерка исторіи села становится понятнымъ и происхожденіе того памятника, описаніе котораго составляетъ главный предметъ нашей статьи. Несомнѣнно, что интересующая насъ Спасская сторожевая башня была изъ числа тѣхъ башенъ, которыя стояли (какъ полагаютъ, ихъ всего было семь) среди крѣпости-частокола. Ужасно было досадно мнѣ, что я, будучи въ 12 верстахъ отъ села Торговищскаго, не могъ раньше побывать въ немъ, и теперь уже не засталъ въ цѣлости Спасской сторожевой башни; и мнѣ захотѣлось, такъ сказать, воскресить ее изъ мертвыхъ. Съ этою цѣлью я объ-

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1903 г., т. хсiv. 16

ѣздилъ нѣсколько сосѣднихъ селъ, спрашивая свѣдущихъ людей объ этой башнѣ и, главное, желая достать рисунокъ съ нея, что мнѣ, къ счастью, и удалось. Достаточно взглянуть на приложенный здѣсь рисунокъ башни, чтобы признать ее за древнюю сторожевую башню-бойницу и понять все ея устройство и назначеніе частей. Башня въ основаніи четырехугольная, рубленая; далѣе идетъ уступъ съ крышей и на немъ второй ярусъ восьмиугольный, покрытый шатровой крышей съ зубцами. Въ этой части башни бойницы, видны 4 прорубныхъ окна на всѣ четыре стороны горизонта; на верху наблюдательная вышка (теремокъ), которая заканчивается высокимъ стержнемъ съ государственнымъ гербомъ. Вышиною Торговижская Спасская башня 8 сажень, длиною 4 сажени и шириною 3 сажени. Вышка башни поддерживается 8-ю столбиками, и въ ней можетъ помѣститься много 5—6 человекъ. На вышку внутри башни вела широкая съ перилами лѣстница. Судя по рисунку, она имѣла проѣзжія ворота. Надъ воротами съ южной стороны находился откидной мостикъ, надъ которымъ выше подъ крышею уже бойничнаго развала видѣется вставленный въ раму Нерукотворенный образъ Спасителя, отчего и самая башня называлась «Спасскою». Башня эта была выстроена изъ стариннаго кондоваго лѣса, стояла болѣе двухъ столѣтій безъ всякаго измѣненія и поправокъ и отъ собственной тяжести глубоко ушла въ землю. Немудрено, что она во время горѣнья вся обуглилась и была, какъ иллюминированная. Ежегодно 24 іюня, въ день храмоваго праздника въ честь Іоанна Предтечи, совершался къ башнѣ крестный ходъ, въ сопровожденіи мѣстныхъ жителей и всего ярмарочнаго люда, и служился молебенъ Спасителю. И вотъ 24 іюня 1899 года въ послѣдній разъ еще совершался такой крестный ходъ изъ церкви и служился у нея послѣдній молебенъ, и никто изъ присутствующей тысячной толпы навѣрное не думалъ, что онъ видитъ ее въ послѣдній разъ... Отцы, дѣды и прадѣды присутствующихъ много разъ бывали на этихъ молебнахъ и любовались своимъ стариннымъ памятникомъ, какого нѣтъ на всей территоріи Пермской губерніи, а 24 іюня 1899 года дѣти этихъ предковъ присутствовали на послѣднемъ молебнѣ передъ этимъ памятникомъ, котораго черезъ нѣсколько дней не стало навсегда.

III.

Но жителямъ села Торговижскаго въ воспоминаніе объ этой башнѣ и славномъ прошломъ роднаго села остался не менѣе дивный памятникъ сѣдой старины, удѣлѣнный и отъ гибельнаго пожара 3—4 іюля 1889 г. — это старинный, деревянный храмъ въ честь соловецкихъ чудотворцевъ Зосимы и Савватія. Это—

одинъ изъ замѣчательныхъ деревянныхъ древнихъ храмовъ не только, думаю, въ Пермской губерніи, а и во всей Россіи. Мнѣ лично много приходилось видѣть старинныхъ деревянныхъ храмовъ, напримѣръ, въ Архангельской губерніи, но такого хорошо сохранившагося стариннаго храма я не видалъ. На видъ онъ не кажется особенно старымъ, но одна уже его архитектура и маленькія окошечки (косящатыя) съ желѣзными рѣшетками, бочки-купола, покрытыя черепицею (гѣнтомъ), привлекаютъ вни-

Оловянная дарохранительница въ церкви села Торговища.

маніе. Когда я, подъѣзжая къ селу, спускался съ горы, то сразу выдѣлилъ этотъ храмъ съ пузатымъ куполомъ и восьмиконечными крестами. Храмъ внутри просторный и раздѣляется на три части: паперть, трапезную, которая, въ свою очередь, раздѣлена деревянной узорчатой рѣшеткой на двѣ половины, правую — большую свѣтлую для мужчинъ и меньшую — лѣвую для женщинъ. Вдоль стѣнъ и рѣшетки разставлены большія широкія скамьи для сидѣнья. Высота этой части незначительна и имѣетъ видъ старин-

ной палаты; потолокъ ея сдѣланъ изъ толстыхъ колотыхъ досокъ, такъ что, судя по нимъ, можно заключить, что во время постройки этого храма еще не знали объ употребленіи пилъ. Трапеза отдѣлена отъ храма вверху желѣзной дугообразной рѣшеткой, въ которой есть большія въ два раствора двери съ массивнымъ замкомъ. Самый храмъ довольно обширный и свѣтлый, такъ какъ окна въ немъ хотя небольшія, но въ срединѣ храма они въ три яруса. Стѣны и потолокъ изукрашены иконами и живописью, содержаніемъ которой служатъ священно-историческіе сюжеты; живопись старинная и грубая по исполненію. Вверху, въ самомъ куполѣ, изображенъ Богъ Саваоѣ съ сонмомъ ангеловъ. Художественною работою отличаются иконостасъ и царскія врата, особенно послѣднія; при взглядѣ на нихъ сейчасъ же является воспоминаніе о Москвѣ и ея старинныхъ соборахъ, въ родѣ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, съ подобными царскими вратами. Многіе любители церковной старины пріѣзжали изъ Москвы и другихъ мѣстъ посмотреть замѣчательный Торговижскій Зосимо-Савватіевскій храмъ, снимали съ него и его частей фотографіи и дивились на рѣдкость сохранившемуся его виду. Между прочимъ снаружи, на примѣръ, поражаетъ зрителя рѣзкая разница цвѣта бревенъ съ южной и сѣверной стороны: съ южной, особенно уголь алтаря почернѣлъ, и изъ бревенъ вытопилась красно-желтая сѣра, сѣверная же сторона по сравненію съ южной сдѣлана точно изъ сѣрыхъ осиновыхъ бревенъ, а не сосновыхъ. Алтарь снаружи (и, конечно, внутри тоже) шестиугольный, а углы сдѣланы въ лапу, такъ что получается два угловыхъ схвата. Вверху снаружи посрединѣ церкви идетъ надпись славянскою вязью, гласящая о времени построенія храма и проч. Съ южной стороны: «Лѣта отъ Рождества Христова 7171 (1701 г.) году построена церковь во имя праведныхъ отцевъ Зосимы и Савватія, соловецкихъ чудотворцевъ, при державѣ благочестивѣйшаго государя нашего царя и великаго князя»... Надпись переносится на восточную сторону, надъ алтаремъ: «Петра Алексѣевича Великаго и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и при благовѣрной государынѣ Евдокии Феодоровнѣ и при благородномъ наследникѣ великомъ государѣ нашемъ Алексѣѣ Петровичѣ».. Надпись переходитъ на сѣверную сторону, равную по длинѣ южной: «при святѣйшихъ великихъ патріархахъ и при честнѣйшемъ господинѣ нашемъ Діонисіи, архіепископѣ вятскомъ и великопермскомъ». Съ западной стороны, надъ входомъ храма: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Печать. Затѣмъ: «Крестъ хранитель». Въ храмѣ есть нѣсколько замѣчательныхъ и весьма древнихъ предметовъ: грамота на построеніе этого храма, дарохранильница оловянная, вѣнцы, евангеліе и стоящій у праваго клироса большой деревянный крестъ въ золоченомъ рѣзномъ ободѣ (клеймѣ), съ вѣрѣзнымъ изображеніемъ на немъ распятаго Спасителя величиною

въ ростъ взрослога челоуѣка. Руки и ноги Божественнаго страдальца пригвождены ко кресту желѣзными гвоздями. На челоуѣка, въ первый разъ увидавшаго это изображение, оно производитъ сильное впечатлѣнiе, особенно въ такомъ старинномъ храмѣ: не-

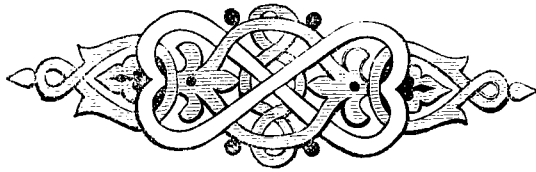

Старинная сторожевая башня въ селѣ Торговищѣ.

вольно чувствуешь благоговѣнiе къ старинѣ и святынѣ, сохранившейся въ такой глуши. Всякому любителю и знатоку церковной старины можно смѣло рекомендовать осмотрѣть этотъ рѣдкостный храмъ, и по осмотрѣ его онъ самъ убѣдится въ справедливости сказаннаго. Въ той же церковной оградѣ есть отдѣльно стоящая деревян-

ная колокольня съ нѣсколькими старинными колоколами, а подалѣе отъ нея къ сѣверо-востоку стоитъ другой деревянный храмъ, менѣе просторный и болѣе современный, во имя св. Предтечи Господня Іоанна, въ которомъ и совершается теперь постоянно богослуженіе, а въ первый день Пасхи заутреня и обѣдня совершаются въ старинномъ Зосимо-Савватіевскомъ храмѣ, такъ какъ онъ просторнѣе. Самая мѣстность, гдѣ расположено Торговижское село, по устройству своей поверхности показываетъ, что она выбрана въ цѣляхъ стратегическихъ: съ двухъ сторонъ значительные холмы, одинъ съ длиннымъ склономъ, а съ остальныхъ двухъ разстилается равнина на большое разстояніе. Вблизи села протекаетъ рѣка Сыма, притокъ Чусовой. Неподалеку отъ Торговица и нынѣ есть нѣсколько черемисскихъ деревень, изъ которыхъ мужчины и женщины прѣзжаютъ на торжки къ Иванову дню въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ и нарядахъ.

В. П. Поляковъ.

ЧЕРНИГОВЪ И ЕГО СЯТЫНИ ¹⁾.

IV.

Елецкій Успенскій монастырь.

ТЬ СОБОРНОЙ площади по Елецкой улицѣ—нѣсколько минутъ ѣзды до Елецкаго Успенскаго мужскаго 1-го класса монастыря.

Эта древнѣйшая изъ русскихъ обителей занимаетъ хребетъ Болдиныхъ горъ, скаты которыхъ къ рѣкѣ Деснѣ покрыты монастырскимъ садомъ, и обведена высокой бѣлой стѣною.

Глубокая, сѣдая старина смотритъ на васъ въ этой обители. Преданіе гласитъ, что въ 1060 году какіе-то люди, проходя по дремучему лѣсу, покрывавшему Болдины горы, замѣтили сильный свѣтъ, пошли на него и обрѣли на «ели» образъ Божіей Матери, сіяющій «променами (т.-е. лучами) свѣтлыми, якъ огнемъ оточенный». Объ этомъ было немедленно же сообщено въ Черниговъ, и явленная икона послѣ этого была снята съ ели, а на этомъ мѣстѣ князь Святославъ Ярославичъ (внукъ святаго Владимира) построилъ церковь во имя Успенія Божіей Матери и при ней основалъ монастырь ²⁾. Объ основаніи послѣдняго княземъ Святославомъ свидѣтельствуется и записъ въ монастырскомъ синодикѣ: «помяни, Господи, въ царствіи своемъ небесномъ благочестивѣйшаго князя

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІV, стр. 211.

²⁾ Это преданіе записано Іоанникіемъ Голятовскимъ въ его «Скарбницѣ» («Скарбница. Чудеса отъ Елецкой иконы Божіей Матери»—издана въ Новгородѣ Сѣверскомъ въ 1676 г.). Мѣтонисъ, однако, вездѣ называетъ обитель просто Богородичной, и наименованіе ея Елецкой (отъ словъ «ели», и поэтому не Елецкой) начинается лишь съ XVII вѣка.

кіевскаго и черниговскаго Святослава Ярославича, создавшаго монастырь Пресвятыя Богородицы». Въ 1069 году обитель упоминается и въ лѣтописи Нестора: «есть ту монастырь Св. Богородицы на Болдиныхъ горахъ и до сего дне».

Первоначально храмъ былъ покрытъ осмоленными дубовыми досками, впоследствии замѣненными оловянными плитами. Последнія находились въ землѣ близъ храма еще при Іоанникіи Голятовскомъ: «и теперь ходяча коло церкви люде шукають въ песку олово, и штуки великія находятъ, иншіи познаходили въ песку великіе таблицы оловяныи, которыми церковь была покрытая». Далѣе Голятовскій пишетъ, что «образа, писанные на стѣнахъ древними художниками, таинственные (мистерне), найдены были при немъ въ такомъ видѣ, что ихъ ни дождь, ни градъ, ни снѣгъ не истребили и не испортили въ теченіе многихъ лѣтъ» ¹⁾.

Въ 1239 году святая обитель была разорена полчищами «безбожнаго Батія царя татарскаго, поганина», при чемъ храмъ былъ полуразрушенъ, а большинство братіи было избито; оставшіеся въ живыхъ немногіе иноки разбѣжались по разнымъ мѣстамъ. Чудотворная икона Богоматери была спрятана въ стѣнѣ храма. Обитель была восстановлена лишь во второй половинѣ XV вѣка княземъ Иваномъ Можайскимъ.

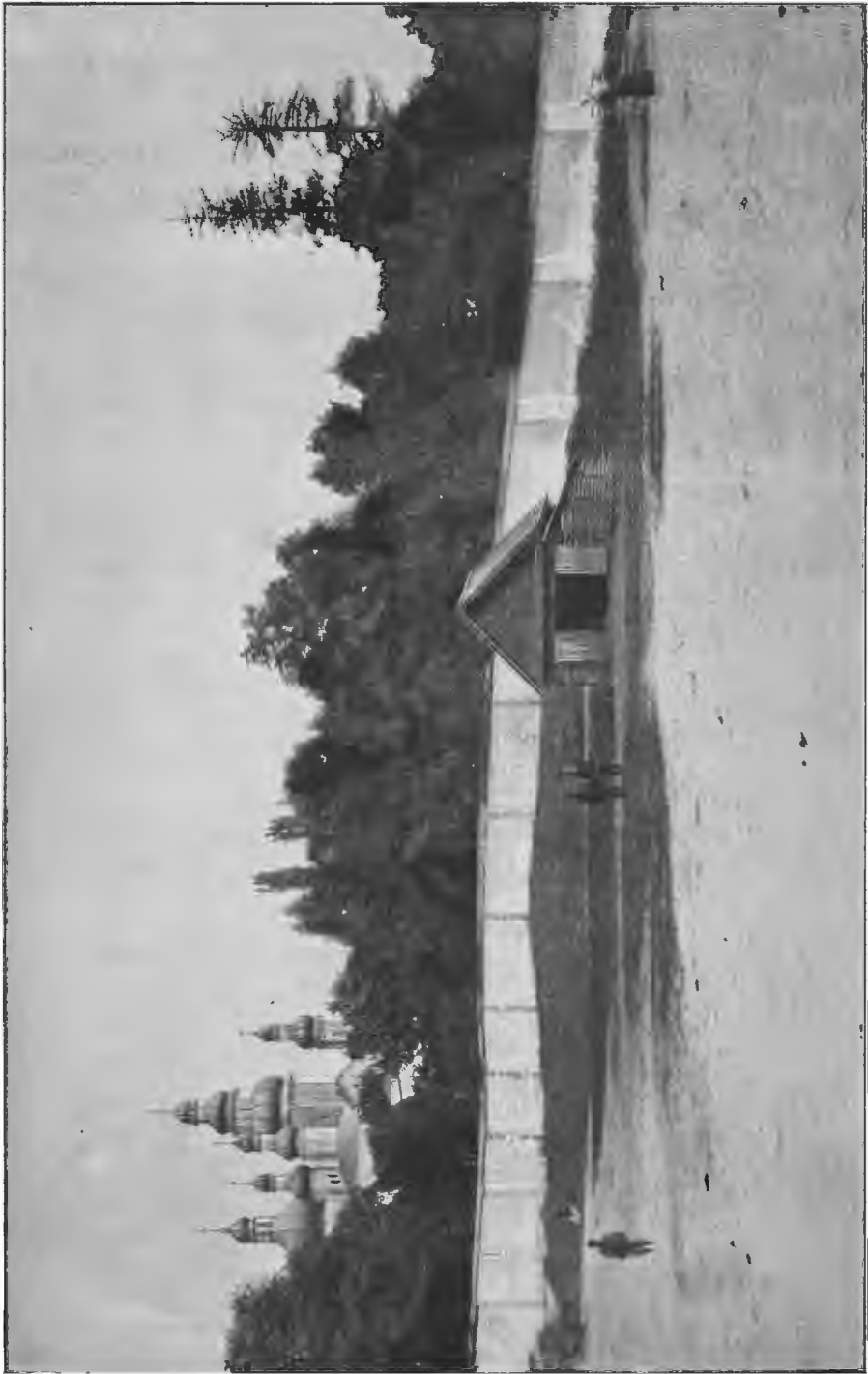
Тяжело было для Елецкаго монастыря «лихолѣтіе»: поляки подъ предводительствомъ Горностая сожгли городъ и монастырь, при чемъ все бывшее въ последнемъ деревянное строеніе сгорѣло, а каменное обрушилось. «Верхи мурованые надъ хоромъ и по бокахъ (главной Успенской церкви) упали, — говоритъ въ своей «Скарбницѣ» Голятовскій, — на остатокъ и великій верхъ мурованный въ заклепеню ся проломалъ и упалъ, и учинилъ грамотъ великій, который по всемъ Чернѣговѣ люди чули» ²⁾. Въ это время подлинная чудотворная икона Елецкой Божіей Матери была увезена князьями Барятинскими ³⁾ въ Москву. Въ 1687 году, князь Даниилъ Барятинскій, возвращаясь изъ крымскаго похода, близъ Харькова заболѣлъ и умеръ; по его завѣщанію, св. икона, сопровождавшая его въ походѣ, была помѣщена въ Харьковскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ находится и понынѣ.

Съ 1624 года «начали знову до Чернигова люде збиратися и будоватися», и въ то же время въ обители поселились іезуиты и доминиканцы, устроившіе въ придѣлѣ не восстановленнаго храма жертвенникъ. Господство католиковъ продолжалось до 1649 года, когда они были выгнаны отовсюду изъ Украины Богданомъ Хмельницкимъ.

¹⁾ Добровольскій, П. М.—Черниговскій Елецкій Успенскій первоклассный монастырь. Черниговъ. Стр. 6.

²⁾ Ibidem, с. 11.

³⁾ Князья Барятинскіе—потомки князя Михаила Черниговскаго.

Елецкий Успенский монастырь.

Въ 1657 году архіепископомъ черниговскимъ сталъ Лазарь Барановичъ, великій столпъ, «святѣй православной церкви много блага содѣлавшій». «Приводя себѣ на память рцины» Елецкаго монастыря, преосвященный Лазарь, по его собственному выраженію, «сердечнымъ болѣлъ жалѣніемъ» и «ревновалъ о возстановленіи его» ¹⁾. Но знаменитому пастырю, на долю котораго выпало возстановленіе «запустѣлой» Черниговской епархіи, жившему притомъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, было не подъ силу лично возродить монастырь изъ «руинъ», почему онъ въ 1668 году настоятелемъ его и назначилъ мужа, по выраженію архіерейской грамоты, «отличнаго и способнаго къ службѣ Божіей, опытнаго въ наукахъ св. Писанія и искуснаго въ жизни иноческой, почтеннаго господина отца Іоанникія Голятовскаго, бывшаго ректоромъ и игуменомъ кіевскаго Братскаго монастыря», съ посвященіемъ его въ санъ архимандрита.

Іоанникій Голятовскій вполне оправдалъ довѣріе къ нему преосвященнаго: въ первыя же семь лѣтъ своего управленія обителью онъ ее окончательно возстановилъ. Человѣкъ большого ума, высокаго по тому времени образованія, искренно преданный дѣлу, прекрасный церковный ораторъ, «убогій» архимандритъ Елецкаго монастыря сумѣлъ добыть для послѣдняго у гетмана малороссійскаго не одинъ универсалъ на «мѣстности», а также расположить въ свою пользу московскаго царя Алексѣя Михайловича, щедро наградившаго и его самого и управляемую имъ обитель ²⁾.

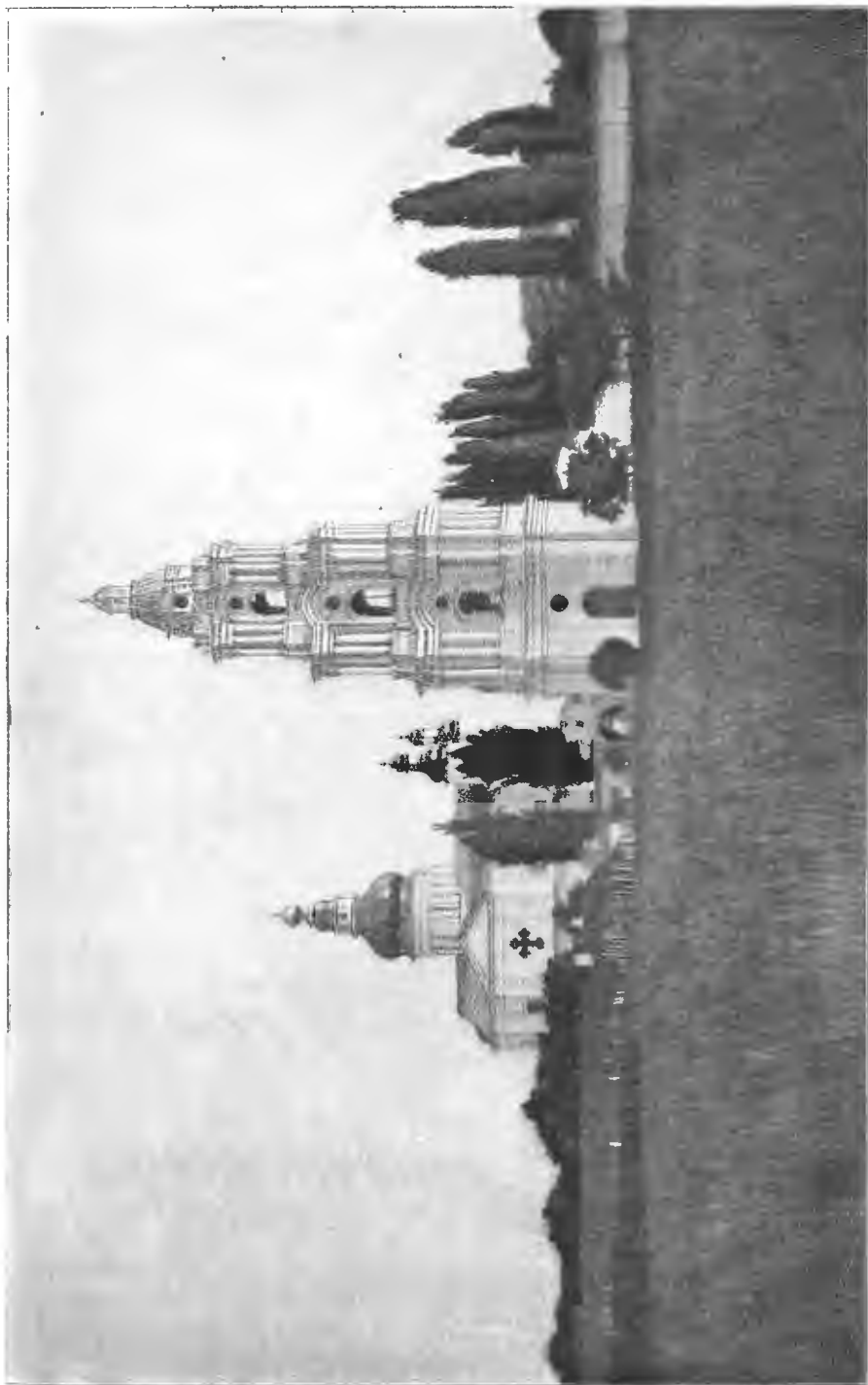
Послѣ девятнадцатилѣтняго настоятельства въ Елецкомъ монастырѣ Іоанникій Голятовскій скончался 2 января 1688 года. На мѣсто его былъ назначенъ игумень кіевскаго Выдубицкаго Михайловскаго монастыря Θεодосій Углицкій, нынѣ святитель и чудотворецъ черниговскій, управлявшій обителью восемь лѣтъ (до 1695 года).

Преемниками св. Θεодосія по настоятельству въ монастырѣ были послѣдовательно архимандриты Іоаннъ Максимовичъ (до 1697 года), скончавшійся въ 1715 году въ Тобольскѣ митрополитомъ, и Димитрій Саввичъ Туптало, знаменитый составитель житій святыхъ, впоследствии митрополитъ ростовскій, причисленный православною церковью къ лику святыхъ.

При названныхъ настоятеляхъ монастырь былъ приведенъ въ настоящее цвѣтущее состояніе.

¹⁾ Ibidem, с. 12.

²⁾ У г. Добровольскаго приводится крайне характерная, витѣватая рѣчь, произнесенная Голятовскимъ передъ царемъ Алексѣемъ, въ которой онъ превозноситъ его, какъ «единаго, благочестиваго царя, единаго православнаго potentata, единаго правотѣрнаго монарха, который содержитъ вѣру благочестивую, и сею вѣрою благочестивою вѣдѣтъ царей земныхъ, вѣры благочестивой не имущихъ, превосходитъ» (ibidem, стр. 30). Какъ было устоять благочестивому, «тишайшему» царю передъ льстивою, патетическою рѣчью умнаго архимандрита?

Троицкій Ильинскій монастырь.

Съ 1868 года управление Елецкою обителью ввѣрено епископу новгородъ-сѣверскому (викарію Черниговской епархіи), имѣющему въ немъ и мѣстопребываніе.

Входъ въ обитель—черезъ святаыя ворота, пролегающія сквозь восьмиугольную старинную колокольню. По сторонамъ входа помѣщены изображенія бывшихъ настоятелей обители—свв. Θεодосія Углицкаго и Димитрія Ростовскаго.

Посрединѣ монастырской площади возвышается древній храмъ во имя Успенія Божіей Матери древне-греческой архитектуры. Четыре оригинальныхъ главы вѣнчаютъ его.

При входѣ въ храмъ, съ правой стороны устроена часовня, гдѣ въ нишѣ, прямо на каменной стѣнѣ написано изображеніе во весь ростъ Богоматери и на груди ея предвѣчный Младенецъ. Существуетъ преданіе, что передъ нашествіемъ Горностая одинъ черниговецъ спряталъ вблизи иконы въ стѣнѣ большую сумму денегъ. Поляки, однако, нашли ихъ и похитили. Спрятавшій деньги, не найдя ихъ, тутъ же сошелъ съ ума и въ изступленіи «блюзнилъ Пресвятую Богородицу, мовячи слова такіи: чему ты не стерегла скарбу моего; и разгнѣвавшись оружіемъ Образъ ея выпомененный в'Тварь ударилъ и зопсоваль». Безумецъ палъ мертвымъ, а царапины на иконѣ и до сихъ поръ никому не удалось закрасить («зопсованной фарбами досконал не замалювати и направити»).

Храмъ очень высокъ и свѣтелъ; имѣетъ три престола, изъ коихъ одинъ помѣщается на хорахъ: главный престолъ—во имя Успенія Божіей Матери.

Очень хорошъ древній иконостасъ храма: онъ деревянный, многоярусный, весь рѣзной, съ толстыми рѣзными столбиками и такими же карнизами. Царскія врата чрезвычайно тѣсны и низки, что свидѣтельствуеть о древности ихъ.

Стѣны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расписаны изображеніями святыхъ. Но это—живопись новаго времени, а не та, о которой упоминаетъ Голятовскій въ своей «Скарбницѣ» («образа, писанные на стѣнахъ древними художниками, таинственные мистерне»). Въ 1892 году, по мысли преосвященнаго Сергія, проф. Праховымъ была отбита штукатурка въ двухъ мѣстахъ на стѣнахъ, при чемъ были обнаружены фрески. Но по неимѣнію средствъ къ полной реставраціи древней живописи открытыя фрески, по распоряженію археологической комиссіи, были вновь закрыты штукатуркой. Когда-то увидятъ опять свѣтъ Божій эти «мистерне»!

Въ иконостасѣ, въ особомъ кіотѣ, помѣщается чудотворная икона Елецкой Божіей Матери. Эта икона—точный списокъ съ древняго образа, принесеннаго въ даръ кн. Барятинскимъ въ Харьковскій соборъ. Списокъ этотъ, какъ гласитъ преданіе, при-

Городской валъ.

везли въ Черниговъ на Богоявленскую ярмарку въ 1676 году изъ Владимира братья Никита и Матвѣй Ѳедоровичи Козеллы. Послѣдніе продали его черниговцу Константину Константиновичу Мозапетѣ, который и поставилъ его въ Успенскомъ храмѣ. Когда и къмъ писана эта икона, глубокочтимая въ Черниговѣ и его окрестностяхъ, неизвѣстно. На иконѣ изображена ель, а на послѣдней въ вѣтвяхъ самый образъ Богоматери съ предвѣчнымъ младенцемъ. Серебряная, вызолоченная, прекрасной работы риза украшаетъ икону ¹⁾.

У иконы на аналоѣ стоитъ небольшая серебряная, позолоченная гробница, въ срединѣ которой вычеканена изъ серебра кисть руки—въ ней помѣщена часть св. мощей св. Дмитрія Ростовскаго.

У сѣверной стѣны храма находится вторая святыня Елецкой обители—старинная икона св. Николая чудотворца въ серебряной ризѣ, чрезвычайно чтимая горожанами.

У входа въ храмъ стѣна имѣется древнее изображеніе св. Ѳеодосія Углицкаго, какъ говорятъ, писанное съ него еще при жизни.

Въ храмѣ покоится прахъ умершаго въ 1196 году трубчевскаго князя Всеволода («Буйгура») Святославича, сына черниговскаго князя Святослава Ольговича, воспѣтаго въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Здѣсь же похоронены возобновитель монастыря о Іоанникій Голятовскій и генеральный обозный Василій Андреевичъ Дунинъ-Борковскій, оказавшій большую матеріальную помощь Голятовскому при возстановленіи обители.

Въ южной стѣнѣ Успенскаго храма пристроена въ концѣ XVII вѣка церковь во имя св. апостола Іакова, брата Господня, въ которой похоронены черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и сынъ его Евфимъ Лизогубъ, на средства конхъ она и воздвигнута.

На самомъ склонѣ горы стоитъ архіерейскій домъ, при которомъ въ истекшемъ столѣтїи была устроена церковь во имя свв. апостоловъ Петра и Павла. На зиму въ этотъ храмъ (такъ какъ Успенскій храмъ холодный) переносятся икона Елецкой Божіей Матери и гробница съ частицей мощей св. Дмитрія.

Къ западу отъ колоколни, среди садика, стоитъ одиноко небольшой деревянный домъ, бывшій, по преданію, «священнымъ жилищемъ святителя Ѳеодосія Углицкаго и святителя Дмитрія Ростовскаго» и построенный именно при св. Ѳеодосіи, въ бытность его настоятелемъ Елецкаго монастыря, по его личному указанію. Въ одной изъ комнатъ домика на потолочной балкѣ сохранилась вырѣзанная надпись: «при Ѳеодосіи Углиц. архіеп. 1688 года». Здѣсь же показываютъ богомольцамъ старинныя облаченія, оловянный погирь, епископскій жезлъ и гребень, принадлежавшіе, какъ говорятъ, черниговскому святителю.

¹⁾ Риза эта—московской работы; пожертвована она въ 1838 году М. П. фонъ-Мевель.

Домъ гетмана Мазепы.

V.

Троицко-Ильинскій монастырь.

Въ верстѣ отъ Елецкой обители на Болдиной горѣ, отдѣляющейся ложбиной отъ той возвышенности, на которой стоитъ Елецкій, находится Троицко-Ильинскій монастырь. Это и есть та гора, которую избралъ для своего подвижничества преподобный Антоній, когда бѣжалъ изъ Кіева отъ гнѣва великаго князя Изяслава.

Отъ Елецкаго монастыря мы сначала спускаемся по довольно крутой горѣ въ ложбину, застроенную жалкими лачужками ¹⁾, а затѣмъ вплоть до Троицкаго монастыря поднимаемся въ гору, покрытую отъ вершины до рѣки Десны сплошнымъ лѣсомъ. Большое наслажденіе побродить по нему въ весеннюю пору!

Бѣлая каменная стѣна опоясываетъ обитель. Входъ въ нее черезъ св. врата, устроенныя подъ красивой, величественной четырехъярусной колокольней. Посреди монастыря ститъ прекрасный, самый обширный въ Черниговѣ храмъ во имя св. Троицы. Онъ былъ заложенъ въ 1679 году преосвященнымъ Лазаремъ Барановичемъ, а оконченъ уже былъ архіепископомъ Θεодосіемъ Углицкимъ въ 1695 году. На постройку храма было много пожертвовано московскимъ царемъ и гетманомъ Иваномъ Мазепою.

Храмъ—византійской архитектуры и имѣетъ три купола. Внутри своды и вообще верхи храма поддерживаются тремя пилонами справа и тремя слѣва. Иконостасъ пятиярусный, весь рѣзной, съ массой колонокъ, производитъ очень хорошее впечатлѣніе. По бокамъ главныхъ среднихъ царскихъ вратъ находятся мѣстныя иконы Спасителя и Божіей Матери, стараго письма, въ серебряныхъ, вызолоченныхъ ризахъ. Послѣднія, какъ рассказываютъ, сдѣланы изъ подвѣсокъ, которыя приносились богомольцами къ иконѣ Ильинской Божіей Матери.

У праваго ближайшаго къ алтарю пилона въ особомъ кіотѣ помѣщается святочитмая икона Божіей Матери Ильинской, стоявшая ранѣе въ Ильинскомъ храмѣ (почему и присвоено ей наименованіе Ильинской). Выше иконы укрѣплены три финифтяныхъ дощечки, на которыхъ имѣются надписи,—на первой: «Сей святыи образъ Божіа Матери, именуемая Ильинскою Черниговскою, написанъ 1658 года», на второй: «Чудодѣйственное теченіе слезъ на ономъ образѣ видимо было 1662 года, съ 16 по 24 число мѣсяца апрѣля», и на третьей: «Въ 1662 году было нашествіе татаръ на градъ Черниговъ, но къ сему чудотворному образу не могли прикоснуться руки нечестивыхъ сарацинъ». Икона покрыта серебряною, вызоло-

¹⁾ Вся эта мѣстность носитъ названіе Лѣсковицы.

Зданіе губернскаго правленія.

ченною ризою, а вѣнецъ и ея ожерелье украшены драгоценными камнями.

Подъ сводами храма погребены нѣсколько черниговскихъ архипастырей и среди нихъ умершій отъ холеры при объѣздѣ епархіи извѣстный богословъ и историкъ, архіепископъ Филаретъ Гумилевскій.

На западъ отъ главнаго храма стоитъ архіерейскій домъ съ церковью во имя Срѣтенія Господня.

Монастырскія ризницы и библіотека довольно богаты; въ первой изъ нихъ хранится много дорогихъ св. сосудовъ, крестовъ, митръ и панагій, вторая заключаетъ въ себѣ большое собраніе старинныхъ книгъ славянской печати.

VI.

Церковь во имя пророка Ильи.—Церковь во имя св. великомученицы Параскевы-Пятницы.

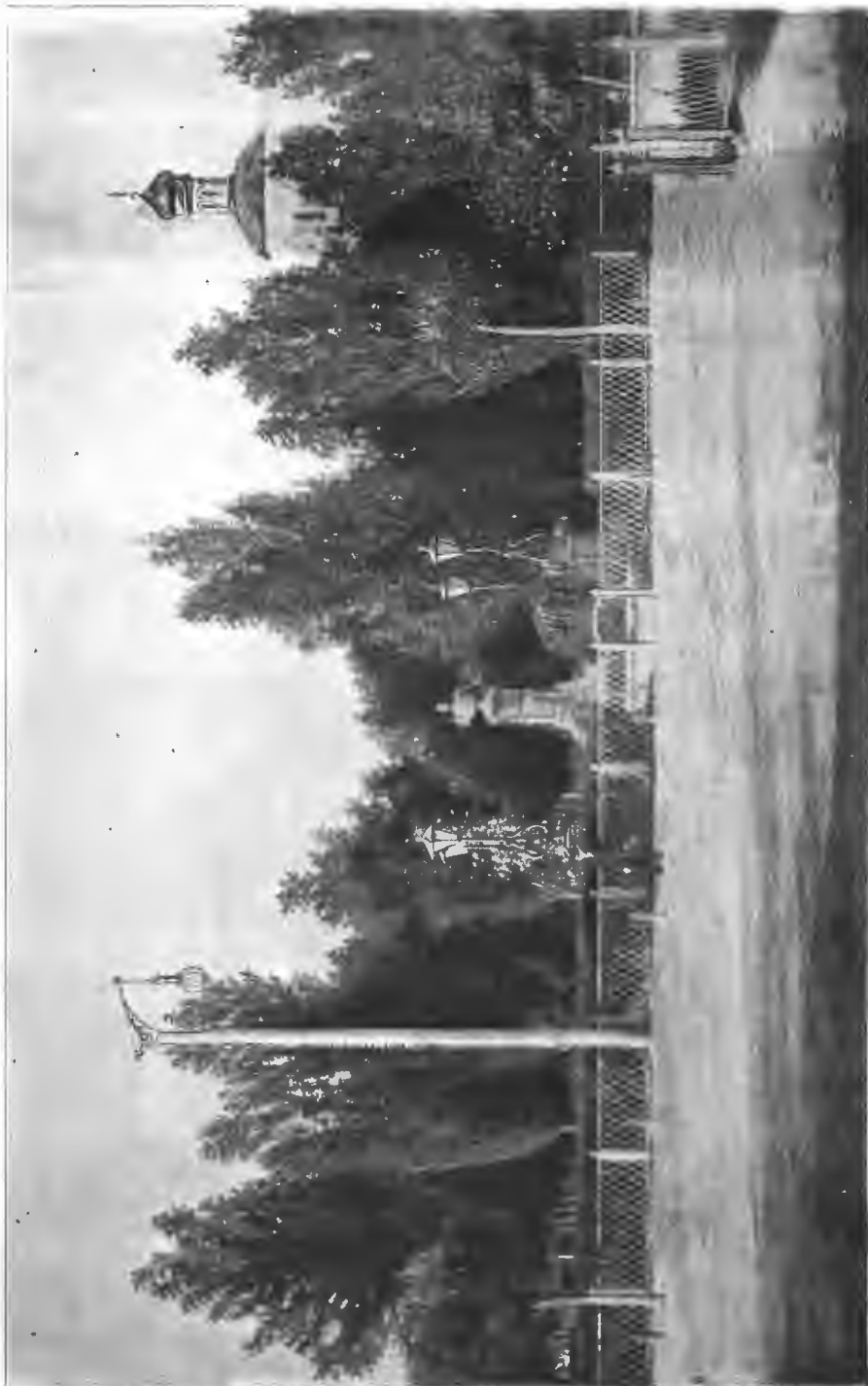
За монастырской стѣной, за глубокимъ оврагомъ, въ лѣсномъ ущельѣ, на скатѣ горы, пріютилась, примкнувъ одною стороною прямо къ горѣ, бѣлая церковь во имя пророка Ильи—древнѣйшій храмъ Чернигова. «Создатели ея не безъ особеннаго намѣренія посвятили ея имени пророка, который укрылся въ пещерѣ горы Хоривъ, чтобы скрыться отъ гнѣва Іезавели, подобно преподобному Антонію, удалившемуся въ пещеру Болдиной горы отъ гнѣва Ізяслава»¹⁾.

У храма—входъ въ пещеры. Здѣсь, недалеко отъ входа, помѣщается маленькая церковь во имя преподобнаго Антонія Печерскаго; далѣе находится храмъ во имя преподобнаго Феодосія Тотемскаго и наконецъ въ глубокой пещерѣ есть совсѣмъ маленькая церковь во имя Николы Святоши, князя черниговскаго. Близъ этой церкви находится маленькая пещера съ углубленіями въ стѣнахъ для стола и постели; по преданію, эта пещера и есть келлія св. Антонія Печерскаго. Черниговскія пещеры представляютъ разительное сходство съ таковыми кievскими²⁾.

Основаніе пещеръ относится къ 1069 году, когда великій князь кievскій Ізяславъ, возвратившись изъ Польши, изгналъ изъ Кіева Васлава и казнилъ многихъ кievлянъ за освобожденіе послѣдняго изъ темницы. Ходатаемъ за несчастныхъ передъ Ізяславомъ

¹⁾ П. Л.—По поводу, 900-лѣтія черниговской архіерейской кафедр.—«Кievская Старина», т. XXXIX. 1892 г., стр. 11.

²⁾ Мнѣ не привелось посѣтить черниговскія пещеры, и здѣсь описаны онѣ мною по «Черниговской памяти», изд. 1901 года, въ коей помѣщенъ путеводитель по г. Чернигову.

Памятникъ императору Александру II.

явился преподобный Антоній, за что и навлекъ на себя гнѣвъ великаго князя. Тогда подвижникъ (родомъ изъ г. Любеча) ушелъ къ брату послѣдняго, Святославу, въ Черниговъ, гдѣ и ископалъ себѣ на Болдиной горѣ пещеру, въ которой и прожилъ три года до возвращенія своего въ Кіевъ ¹⁾.

Въ настоящее время Ильинская церковь—приходская, пещеры же принадлежатъ Троицкому монастырю.

При описаніи древнихъ черниговскихъ храмовъ нельзя обойти молчаніемъ церкви во имя св. великомученицы Параскевы-Пятницы, находящейся въ центрѣ города, на Базарной площади.

Храмъ этотъ вѣнчается четырьмя куполами; кромѣ того, съ восточной и западной сторонъ его на фронтонахъ устроены оригинальныя колонки, увѣнчанныя золочеными звѣздами. Архитектура храма старинная и вычурная.

Точная дата построенія храма неизвѣстна. Нѣкоторые предполагаютъ, что онъ былъ воздвигнутъ въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, и что въ немъ была погребена въ 1116 году княжна-инокиня Предслава Святославна, сестра князя Давида Святославича.

Первоначально эта церковь была при женской обители, существовавшей до 1786 года. Время и пожары уничтожили еще бывшихъ здѣсь два храма, а равно и всѣ монастырскія постройки.

VII.

Городской валъ.—Константиновскій садъ.—Курганы.—Домъ гетмана Мазепы.—Зданія губернскаго правленія и городской управы.—Пушкинскій скверъ.—Памятникъ императорамъ Александру II и Александру III.

Не одни храмы города Чернигова свидѣлствуютъ объ его прошломъ историческомъ значеніи.

При паденіи Болдиныхъ горъ къ долину р. Десны находится значительное земляное возвышеніе, въ видѣ усѣченнаго конуса; съ юга и юго-востока эта насыпь круто спускается къ долину рѣки, съ остальныхъ же сторонъ она окружена стариннымъ, глубокимъ ровомъ. Послѣдній и есть такъ называемый Городской валъ, тянуційся до р. Стриженя.

Въ древнія времена эта возвышенность была мѣстомъ дѣтинца, окруженнаго частоколомъ и глубокимъ ровомъ, а въ настоящее время здѣсь разведенъ хорошенькій садъ, носяцій имя покойнаго

¹⁾ Такъ повѣствуетъ объ этомъ лѣтописецъ Несторъ: «въ си же времена приключися прійти Изяславу изъ ляховъ, нача гнѣватися Изяславъ на Антонія изъ Васлава и присла Святославъ въ ночь, поя Антонія Чернигову. Антоній же пришедъ къ Чернигову, возлюбилъ Болдины горы, ископавъ пещеру, ту ся весели. Есть ту монастырь Святыя Богородицы и до сего дня» (т.-е. Елецкій монастырь).

Памятникъ императору Александру III.

великаго князя Константина Николаевича, посѣтившаго городъ въ 1846 году.

Отсюда открывается чудный видъ на долину р. Десны и окрестныя селенія.

По окраинѣ возвышенности разставлены пушки, подаренныя, по преданію, городу Петромъ Великимъ, которыя вы хорошо видите, когда въѣзжаете въ Черниговъ отъ желѣзнодорожнаго вокзала.

Глубокая старина скрыта и въ многочисленныхъ курганахъ, разбѣянныхъ на пространствѣ между Троицкимъ монастыремъ и Кіевскимъ шоссе.

Упомяну лишь о двухъ изъ нихъ.

Курганъ «Черная могила», находящійся во дворѣ Духовнаго училища, противъ Елецкаго монастыря, покрывшій, по преданію, прахъ легендарнаго князя Чернаго, основателя города, далъ проф. Самоквасову, раскопавшему его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, драгоценнѣйшій матеріалъ для древней археологіи. Здѣсь, между прочимъ, были найдены желѣзные шлемы, окованный мѣдью стягъ, кольчуги, золотыя нитки, золотыя византійскія монеты IX вѣка и проч.

Около церкви Параскевы-Пятницы находился курганъ-могильникъ, въ которомъ, по преданію, была похоронена княгиня Доминикія, супруга князя рыльского Мстислава, бросившаяся съ «Краснаго терема» и убившаяся на смерть.

Сколько тайнъ, сколько матеріала для возстановленія родной старины таитъ еще въ нѣдрахъ своей земли Черниговъ!

Изъ старинныхъ зданій въ городѣ обращаютъ на себя вниманіе домъ гетмана Мазепы и зданіе губернскаго правленія.

Домъ Мазепы стоитъ на городскомъ валу, почти надъ р. Десною, недалеко отъ впаденія въ нее р. Стрижня; его оригинальная архитектура конца XVI вѣка бросается въ глаза. Благодаря небольшимъ сравнительно съ величиною всего зданія окнамъ, въ послѣднемъ царитъ полумракъ. Ранѣе въ немъ помѣщалась канцелярія Черниговскаго полка, а затѣмъ войсковая канцелярія, въ настоящее же время въ немъ находится архивъ губернскаго правленія.

Отъ дома знаменитаго гетмана прекрасный видъ на р. Десну, ея долину и черниговскую пристань, расположенную при сліяніи рѣкъ Десны и Стрижня.

Двухъэтажное зданіе губернскаго правленія было воздвигнуто въ 1780 году и ранѣе служило мѣстопробываніемъ архіереевъ. Вестибюль поддерживается шестью колоннами.

Между зданіями губернскаго правленія, дворянскаго собранія и гимназіи разбитъ Пушкинскій скверъ, на которомъ предполагается поставить памятникъ великому поэту.

Зданіе нынѣшней духовной семинаріи въ XVIII вѣкѣ принадлежало полковнику Полуботку; послѣдній 1 іюля 1706 года принималъ въ немъ Петра Великаго.

На базарной площади находится небольшой деревянный городской театръ. Тутъ же стоитъ зданіе городской управы, построенное еще въ концѣ XVIII вѣка. Скверъ нѣсколько скрашиваетъ непривлекательный видъ площади.

Вблизи соборовъ, въ концѣ городского бульвара стоитъ памятникъ императору Александру II, «Царю-Освободителю»: на невысокомъ пьедесталѣ помѣщенъ изящной работы бюстъ императора. Такой же памятникъ поставленъ и императору Александру III, «Царю-Миротворцу», по другую сторону шоссе, въ скверѣ. Оба памятника были сооружены въ 1897 году.

Большую красу городу придаетъ масса зелени.

VIII.

Пространство и народонаселеніе города Чернигова.—Гостиницы.—Освѣщеніе.—Улицы.

Черниговъ, какъ губернской городъ, очень невеликъ; онъ занимаетъ пространство всего въ 520 квадр. десятинъ земли. Народонаселеніе его по послѣдней всеобщей переписи равнялось 27.006 человекъ, изъ коихъ чуть не добрая половина евреевъ.

Двухъэтажныхъ частныхъ домовъ въ городѣ очень не много, даже гостиницы всѣ одноэтажныя. Лучшія изъ нихъ: Александровская, Грандъ-Отель и Европейская (Серафимовича), но и эти «лучшіе» отели не лучше разныхъ «номеровъ для пріѣзжающихъ» во многихъ нашихъ уѣздныхъ городахъ. При Александровской гостиницѣ имѣется ресторанъ: небольшая зала съ нѣсколькими отдѣльными столиками; освѣщается она электричествомъ, и въ то же время въ ней по окнамъ развѣшаны клѣтки съ канарейками...

Кромѣ перечисленныхъ гостиницъ, въ городѣ имѣется ихъ еще до 20; однако всѣ онѣ далеко не могутъ вмѣстить прибывающихъ лѣтомъ богомольцевъ, большинство которыхъ размѣщается по частнымъ домамъ.

Центральныя улицы освѣщаются электричествомъ; но фонари разставлены рѣдко и даютъ недостаточно свѣта ¹⁾. Многія улицы носятъ историческія имена: Святославская, Всеволодская, Мстиславская, Богуславская и др.

Мало, слишкомъ мало движенія и жизни замѣтно на улицахъ, и лишь въ субботу, по окончаніи шабаша, тротуары двухъ лучшихъ улицъ — Шоссейной и Богоявленской — сплошь занимаютъ гуляющими сынами и дочерьми Израила.

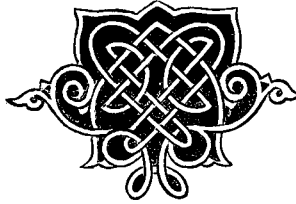
¹⁾ Такой недостатокъ въ освѣщеніи сильно ощущается и въ Кіевѣ.

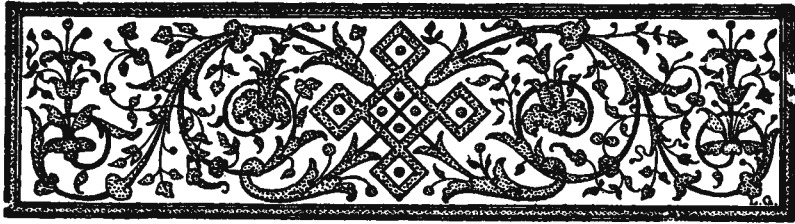
Торговля города почти всецѣло сосредоточивается въ рукахъ евреевъ, почему, въ субботу, до вечера, магазины и лавки, за небольшимъ исключеніемъ, бываютъ закрыты.

Прекрасный извозчикъ въ парной коляскѣ быстро катилъ меня на вокзалъ. Сзади, въ полумракѣ, высились силуеты черниговскихъ церквей, по склонамъ горъ мелькало множество огоньковъ; городъ уходилъ все далѣе и далѣе... Деревья по шоссе—аллеи, покрытыя густымъ инеемъ, озаряемыя голубоватыми лучами, бросаемыми электрическими фонарями, казались какимъ-то волшебнымъ лѣсомъ.

Я уносилъ изъ Чернигова глубокое благоговѣніе къ его святынямъ и сѣдой старинѣ и сожалѣнія о паденіи его историческаго значенія...

А. И. Фирсовъ.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

РЕДИ злободневныхъ вопросовъ въ теченіе всей второй половины XIX вѣка видное мѣсто въ Европѣ занималъ еврейскій вопросъ, вызвавшій настойчивое антисемитское движеніе противъ доктринерскаго либеральничанія и опорочиванія націонализма людьми близорукаго недомыслия. По еврейскому вопросу у насъ и за границею писалось и пишется такъ много одностороннихъ и страстныхъ апологій и памфлетовъ, что они проходятся молчаніемъ.

Такая книга, однако же какъ, «Leo Errera (Professor an d. Univ. Brüssel). Die russischen Juden-Vernichtung oder Befreiung? Mit einem einleitenden Briefe v. Th. Mommsen. Leipzig. Schulze's Verl, 1903», невольно привлекаетъ вниманіе: авторъ—не безвѣстный писака, но профессоръ университета, да еще къ тому же рекомендуется вниманію читателя предисловіемъ такого крупнаго ученаго, какъ Т. Моммсенъ. На повѣрку впрочемъ оказывается, что маститый историкъ Рима, мало освѣдомленный въ явленіяхъ русской государственной жизни, въ своемъ письмѣ признаетъ спорное за доказанное и вслѣдъ за Эррерою изрекаетъ звонкія фразы о вредѣ фанатизма, требованіяхъ истинной культурности и пр.; что же касается самого автора, то, прикрываясь ученымъ званіемъ, онъ своею книгою не только не проливаетъ свѣта на разсматриваемый вопросъ, но нарочито сгущаетъ мракъ въ интересахъ не скрываемаго узкаго и донельзя пристрастнаго юдофильства.

Начинаетъ авторъ издалека, рассказывая о еврейскихъ насельникахъ въ Россіи, которые еще въ VII вѣкѣ образовали Хазарское

царство. По завоеваніи этого царства Святославомъ, хазары выселились въ Польшу и частью въ Крымъ; потомки послѣднихъ амальгамировались съ магометанскимъ татарскимъ населеніемъ и создали своеобразную племенную особь—караимовъ; нынѣ ихъ насчитывается нѣсколько тысячъ семей, ничьей ненависти они не вызываютъ и не разсматриваются ни правительствомъ, ни обществомъ за жидовъ.

Иначе дѣло обстоитъ съ такъ называемыми «польскими жидами». Подвергаясь безпощаднымъ гоненіямъ въ Германіи, евреи въ XI вѣкѣ совершили массовый «исходъ» въ Польшу. По началу правовое положеніе евреевъ въ новомъ отечествѣ было незавидное, но постепенно, особенно во второй половинѣ XIV вѣка, они сумѣли добиться свободы передвиженія и поселенія, неограниченнаго производства торговыхъ оборотовъ и даже особой юрисдикціи раввинскихъ судовъ; особенно былъ тароватъ на льготы евреямъ послѣдній король изъ династіи Пястовъ, Казимиръ Великій (благодаря впрочемъ воздѣйствію на него еврейскихъ фаворитокъ).

Въ XV и XVI вѣкахъ Польша оказалась единственною въ Европѣ страной, гдѣ еврейство быстро и невозбранно множилось, благоденствовало и, благодаря захвату торговыхъ и ремесленныхъ занятій, вскорѣ сложилось въ экономически могущественное городское сословіе. Только въ XVII вѣкѣ вслѣдствіе набѣговъ казачества на Польшу и побѣдъ Хмельницкаго участились жестокія народныя расправы съ еврействомъ, отъ которыхъ оно будто бы и по сей еще часть не совѣмъ оправилось, такъ какъ, по показаніямъ Эрреры, за ту эпоху избито до 200.000 душъ (стр. 10, 11.).

Игнорируя существенныя и вѣковѣчныя причины, которыя въ Польшѣ и Малороссіи возбуждали противъ еврейства враждебность въ низшихъ классахъ и засвидѣтельствованы столько же въ исторіи, какъ и въ литературѣ, Эррера силится доказать, что Россія, присоединяя къ своимъ владѣніямъ области, гдѣ еврейство издавна осѣло и хозяйничало по своему произволу, чуть ли не обязана была поступиться вѣковыми своими традиціями, прогрессируя въ попустительствахъ, какія оказывали евреямъ польскіе паны и рѣчь Посполитая.

Московскія государственныя традиціи дѣйствительно были враждебны еврейству—къ нему русскіе искони не скрывали недовѣрія. Еще въ 1100 году евреи, ранѣе осѣвшіе на Руси, были изгнаны въ Польшу и въ теченіе всего удѣльнаго періода, да и позднѣе, московскіе государи относились отрицательно къ «жидовину». По уложенію царя Алексѣя Михайловича соvrащеніе христіанина въ іудейство каралось смертною казнью. Въ 1650 году ходатайство польскаго короля о допущеніи еврейскихъ его подданныхъ въ Московское царство для производства тамъ торга было рѣшительно отклонено. Незамѣтно и постепенно, однако же, евреи сумѣли таки

пробратся въ Россію и уже въ царствованіе Елисаветы Петровны состоялся строгій указъ объ изгнаніи изъ русскихъ предѣловъ всѣхъ жидовъ (1742); распоряженіе это соблюдалось съ большою послѣдовательностью, и въ 1749 году этой суровой мѣрѣ подвергся даже пользовавшій императрицу цѣлыхъ 18 лѣтъ лейбъ-медикъ Санчець, когда царица удостовѣрилась въ еврейскомъ его происхожденіи.

Екатерина II, по присоединеніи Бѣлоруссіи, на послѣднюю не сочла возможнымъ распространить дѣйствіе указа 1742 года, изъ опасенія, чтобы внезапное изгнаніе евреевъ изъ Польши не вызвало потрясеній въ мѣстной торговлѣ и промышленности, но правительствующій сенатъ указами 1786, 1791 и 1794 года воспретилъ евреямъ расселеніе за предѣлами черты ихъ постоянной осѣдлости, а равно допущеніе въ порты и гильдіи; въ царствованія же Александра I и Николая I евреямъ было нарочито воспрещено селиться въ Кіевѣ, Николаевѣ и Севастополѣ, какъ и въ 50-ти-верстной полосѣ отъ всей западной границы (ради ограниченія контрабанднаго промысла).

Хотя при Александрѣ II, законы, ограничивавшіе поселеніе евреевъ внѣ черты осѣдлости, не были отмѣнены, но подъ влияніемъ либеральныхъ вѣяній эпохи соблюдались не строго, а благодаря этому тысячи евреевъ исподтишка и постепенно расселились въ недоступныхъ имъ прежде сельскихъ мѣстностяхъ, и конечнымъ результатомъ тѣснаго ихъ соприкосновенія съ народною массою явились въ 1881—1882 годахъ невѣдомые прежде еврейскіе погромы (11—16 стр. *passim*).

Эррера не отрицаетъ того, что въ Россіи, какъ и индѣ, замѣчаются «предубѣжденія» противъ евреевъ, но увѣряетъ, что только понесшіе неудачи въ затѣянныхъ предпріятіяхъ—пьяные мужики и бездарные торговцы—взводятъ на жидовъ нареканія, будто тѣ были виновниками постигшихъ ихъ бѣдствій; въ общемъ же, по утвержденію Эрреры, русскій народъ чуждъ вражды къ евреямъ, и враждебность къ нимъ идетъ не снизу, а сверху.

Разсматривая текуція событія подъ тѣмъ же фальшивымъ угломъ зрѣнія, Эррера по поводу послѣднихъ кишиневскихъ безпорядковъ увѣряетъ, будто между еврейскимъ и христіанскимъ тамошнимъ населеніемъ существовало невозмутимое единогласіе (*Eintracht*), но вслѣдствіе происковъ антисемитическаго комитета, газеты Крушевана «Бессарабець» и отдѣльныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ составу мѣстной интеллигенціи и администраціи, искусственно противъ жидовъ была возбуждена травля; травля эта якобы производилась организованными шайками подъ руководствомъ семинаристовъ и студентовъ; въ разграбленіи еврейскаго имущества принимали будто бы участіе лица образованныхъ классовъ, которыя похищали въ свою пользу наиболѣе цѣнное изъ еврейскаго имущества (стр. XI, XIV, XVI).

Таковыми небылицами переполнена книга Эрреры, и на нихъ строятся обвиненія правительства и высшихъ классовъ въ изувѣрскомъ фанатизмѣ и враждебности къ еврейству.

Между тѣмъ факты наводятъ безпристрастнаго наблюдателя на иные совѣтъ выводы: неудачный опытъ терпимости, проявленной при Александрѣ II къ евреямъ, заставилъ правительство въ 1882 г. вернуться къ прежнимъ ограниченіямъ, которыя согласно постановленію комитета министровъ были подтверждены майскими временными правилами, предложенными гр. Н. П. Игнатьевымъ.

По майскимъ правиламъ 1882 г. евреямъ строго было воспрещено селиться даже и въ чертѣ осѣдлости внѣ городовъ и мѣстечекъ, арендовать сельскія угодья и управлять ими по довѣренности.

Дальнѣйшія пресловутыя преслѣдованія, коимъ будто бы, начиная съ царствованія Александра III, подвергается у насъ еврейство, сводятся къ тому, что изъ разныхъ мѣстностей за чертою осѣдлости, куда евреи проникли, пользуясь широкимъ толкованіемъ льготъ, допускаемыхъ по закону въ пользу опредѣленныхъ категорій евреевъ, ихъ стали выдвирать обратно¹⁾.

Сущность современнаго еврейскаго вопроса представляется для непредубѣжденнаго человѣка такъ: на Руси исторически выработались законы въ огражденіе коренныхъ русскихъ губерній отъ захвата мѣстной промышленности и торговли евреями, и правительство тѣмъ менѣе можетъ склоняться къ отмѣнѣ ограничительныхъ законовъ, что даже въ предѣлахъ черты еврейской осѣдлости періодически и совершенно стихійно разыгрываются вспышки глухого недоброжелательства народной массы къ евреямъ.

Отдѣльные случаи «погромовъ» юдофилами раздуваются донельзя и пускаются въ ходъ всѣ мѣры, чтобы разжалобить общественное мнѣніе Европы и изобличить московское варварство и жестокость. А между тѣмъ цифры говорятъ сами за себя. Нѣтъ, кажется, такой культурной страны, гдѣ бы не сказывалось анти-семитическаго движенія, но во всемъ мірѣ за исключеніемъ Россіи насчитывается менѣе 4 милл. евреевъ, и съ ними всюду борются; въ западной же и юго-западной части Россіи, гдѣ со времени еще польскаго владычества еврейство прочно свило себѣ гнѣзда,—оно уже теперь превысило 4¹/₂ мил. душъ, составляя въ городахъ и мѣстечкахъ отъ 12 до 14⁰/₁₀₀ всего населенія, а въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ

¹⁾ Нельзя же выдавать за преслѣдованія такіе факты, что дипломъ акушерки, признаніе правоспособности искуснаго ремесленника или билетъ отставнаго солдата, не даютъ евреямъ права держать при себѣ оравы домочадцевъ, не обладающихъ правомъ на мѣстожительство внѣ черты осѣдлости (стр. 62, 58).

Точно также трудно усмотрѣть преслѣдованія въ томъ, что синагоги разрѣшаются къ построенію тамъ, гдѣ насчитывается свыше 80 еврейскихъ домовъ, молитвенные же дома тамъ, гдѣ насчитывается свыше 30 еврейскихъ домовъ (стр. 77).

доходя даже до 80%. И вотъ въ то время, какъ во всемъ мірѣ самимъ обществомъ ведется противъ еврейства походъ возможными законными способами, всякая мѣра, направляемая противъ евреевъ русскимъ правительствомъ и обществомъ, выдается за безпримѣрную жестокость. Можно допустить, что, сосредоточиваясь въ городахъ и мѣстечкахъ черты осѣдлости, еврейское населеніе дѣйствительно чувствуетъ себя непривольно. Трудно, напримѣръ, себѣ представить, чтобы Кишиневъ, насчитывающій по переписи 1897 г. населеніе въ 108.796 душъ, могъ обезпечить прибыльный заработокъ цѣлой трети своего населенія—евреямъ ремесленникамъ (въ томъ числѣ 2.080 портнымъ, 925 сапожникамъ, 625 скорнякамъ, 877 носильщикамъ, 226 ломовикамъ, 124 извозчикамъ и пр., стр. X).

Какой же отсюда выходъ? Если бы вмѣсто 4.000.000 человѣческихъ существъ было столько же саранчи, еврейскій вопросъ былъ бы разрѣшенъ огнемъ и мечемъ!—сентиментально восклицаетъ Эррера, но преслѣдователи еврейства въ XIX в. предпочитаютъ предать его во власть борьбы за существованіе (стр. 143). Почему «борьба за существованіе», съ которою приходится вездѣ и всегдѣ общественнымъ классамъ считаться, какъ съ неумолимымъ закономъ существованія, въ примѣненіи къ еврейству оказывается чудовищнымъ преступленіемъ? Казалось бы, если еврейскіе ремесленники и рабочіе и впрямь обладаютъ выдающимися профессиональными талантами и работоспособностью, о которыхъ твердятъ юдофилы, отчего бы имъ не искать примѣненія своимъ дарованіямъ на чужбинѣ—вѣдь они стоятъ внѣ конкуренціи!

Выселяясь за предѣлы Россіи, ихъ якобы преслѣдующей, евреи въ правѣ были бы рассчитывать на сочувственный приемъ въ болѣе культурныхъ или либеральныхъ странахъ. Но тутъ оказывается противное, и самъ же Эррера приводитъ тому краснорѣчивые примѣры.

Маленькая Финляндія, опираясь на свою конституцію, не допускаетъ вовсе поселенія евреевъ въ предѣлахъ княжества (стр. 24).

Когда ради обхода закона свыше 150.000 русскихъ евреевъ натурализовались за границею и въ качествѣ подданныхъ Румыніи, Турціи и Австро-Венгріи рассчитывали невозбранно водвориться въ Одессѣ, Херсонѣ и другихъ портахъ, то въѣздъ имъ въ Россію былъ прегражденъ закономъ, и совершенно аналогичныя мѣры къ нимъ были примѣнены либеральными Германіею и Румыніею (стр. 31, 34, 36).

Въ іюлѣ 1893 г. германское правительство, желая предупредить возможную случайность, чтобы иные изъ эмигрирующихъ въ Америку русскихъ евреевъ не осѣли, пожалуй, въ Германіи, сначала закрыло эмигрантамъ Гамбургскій портъ, а затѣмъ воспретило на сей предметъ дѣятельность и эмиграционнымъ комитетамъ въ Бременѣ и Штетинѣ. Въ то же время прусское правительство усилило

охрану русско-прусской границы и съ помощью особыхъ пѣшихъ и конныхъ патрулей преградило еврейскимъ эмигрантамъ тайный переходъ въ свои предѣлы (стр. 148).

Равнымъ образомъ, выселеніе изъ Россіи 300.000 еврейскихъ семей въ Америку настолько встревожило правительство Соединенныхъ Штатовъ, что и оно сочло умѣстнымъ, по возможности, оградить себя отъ дальнѣйшаго наплыва нежеланныхъ пришельцевъ установленіемъ стѣснительныхъ мѣръ и снарядило даже особую комиссію для изученія еврейскаго вопроса въ Россіи (стр. 146—147).

Утверждая, что выселеніе евреевъ изъ Россіи угрожаетъ другимъ странамъ опасностями, Эррера наивно рекомендуетъ Европѣ (*res tua agitur!*) воздѣйствовать на Россію въ интересахъ облегченія тамъ доли евреевъ: этимъ только путемъ европейскія страны оградятъ своихъ рабочихъ отъ русско-еврейской конкуренціи (стр. 156).

Переходя отъ историческаго обозрѣнія судебъ еврейства къ современному его положенію въ Россіи, Эррера предпочитаетъ скользить по поверхности разсматриваемой темы. Зарегистрированіе всѣхъ возрѣвій, существующихъ насчетъ еврейства, по мнѣнію Эрреры, не представляетъ интереса (стр. 138). Точно также, на его взглядъ, бесполезно входить въ обсужденіе причинъ и побужденій, повсемѣстно вызвавшихъ антисемитическое движеніе (стр. 96).

Авторъ предпочитаетъ ограничиться «изложеніемъ фактовъ», якобы рисующихъ безотрадную долю еврейства на Руси; ради этого онъ не скупится ни на подтасовки, ни на обобщенія единичныхъ явленій; онъ выдаетъ за достовѣрные факты всевозможныя небывлицы въ родѣ того, что гдѣ-то какой-то предводитель дворянства угрожалъ евреямъ, не ломавшимъ при его проѣздѣ предъ нимъ шапокъ, публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, а другой предводитель дворянства за такую же провинность грозилъ евреямъ высылкою въ Сибирь (стр. 82).

Не приводя цифровыхъ данныхъ, Эррера печалуетъ на непосильное податное обложеніе евреевъ свѣчнымъ и рѣзничнымъ сборами и голословно утверждаетъ, что ужъ, конечно, не евреи эксплуатируютъ Россію, но сами эксплуатируются ею (стр. 79).

Истинная культурность XIX вѣка, по мнѣнію Эрреры, должна была бы воспретить Россіи всякое проявленіе религіознаго фанатизма и заставить ее склониться къ полному отдѣленію свѣтскаго государства отъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ; Россія же, будто бы, относится крайне нетерпимо къ иновѣрцамъ вообще и евреямъ въ частности, а свои изувѣрство и антисемитизмъ облыжно оправдываетъ экономическими побужденіями.

При этомъ ученый авторъ, берущійся толковать о сложныхъ явленіяхъ русской жизни, совершенно игнорируетъ, что мощь культурной Россіи издавна опирается на широкую терпимость ко всѣмъ ино-

вѣрческимъ и инородческимъ элементамъ, искавшимъ сліянiя съ кореннымъ населеніемъ. Безконечно разнообразныя племена, отъ финскихъ до татаръ и туркменовъ включительно, болѣе или менѣе ассимирировались съ господствующимъ славянскимъ племенемъ, и никогда между тѣми и другимъ въ поминѣ не бывало вражды изъ-за національной или вѣроисповѣдной розни. Весьма вѣроятно, если бы еврейство сумѣло органически сплотиться съ русскимъ отечествомъ, то 4 милліона евреевъ давнымъ давно уже были бы ассимирированы и поглощены 100 милліонною массою населенiя, и никакого еврейскаго вопроса не было бы (какъ нѣтъ черемисскаго, караимскаго и иныхъ вопросовъ).

Такъ же, какъ стоитъ дѣло, нисколько не удивительно, что русское государство и общество смотрятъ на еврея, какъ на чужака¹⁾, и если послѣдній стремится всѣми дозволенными и недозволенными способами сохранить свои специфическія особенности и племенную обособленность, то и государство, и общество, въ свою очередь, не могутъ не принимать мѣръ въ огражденіе своихъ интересовъ отъ того, что почитаютъ для себя за вредное и нежелательное: это— только самооборона²⁾.

Самъ же Эррера, впрочемъ, указываетъ на взводимыя противъ евреевъ тяжкія и непреходящія обвиненія.

1. Евреямъ ставятся въ вину ихъ дѣловые приемы, сопровождаемые лукавствомъ, пронырствомъ, обманами и обходомъ законовъ.

2. Евреи обвиняются въ уклоненіи отъ военной службы и трусливости, не позволяющей имъ быть доблестными воинами.

3. Евреевъ упрекаютъ въ томъ, что, занимаясь преимущественно денежными дѣлами и ростовщичествомъ, они высасываютъ и разоряютъ народъ; а такъ какъ въ пріютившемъ ихъ обществѣ они ограничиваются ролью комиссіонеровъ, факторовъ, торговыхъ посредниковъ и паразитовъ, то пренебрегаютъ столько же отправленіемъ ремесленныхъ занятій, какъ и сельскимъ хозяйствомъ и т. д. (стр. 99—100).

Возраженія противъ этихъ существенныхъ обвиненій Эррера приводитъ весьма слабыя.

Что касается неблаговидныхъ приемовъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ, то Эррера оправдываетъ евреевъ тѣмъ, будто лукавство и изворотливость являются единственнымъ доступнымъ имъ оружіемъ для борьбы съ неблагоприятными обстоятельствами и гнетомъ законовъ; прегрѣшенія единичныхъ личностей нельзя ставить въ вину цѣлой расѣ; по сравненію же съ русскими кулаками,

¹⁾ Эррера, стр. 98 и ссылка у него на примѣч. къ ст. 835 т. IX св. зак.

²⁾ Вѣроятно, имѣлись же вѣскія къ тому причины, если учрежденія, чуждыя политики, въ родѣ какого нибудь шахматнаго клуба, или хозяева петербургскихъ аптекъ (въ 1891 г.) приходили къ рѣшенію устранить изъ своей среды еврейскій элементъ (см. Эррера, стр. 69).

греческими и армянскими торгашами еврейскіе коммерсанты являются чуть ли не овечками (стр. 106—107). Тутъ забывается одно, что русская торговля не покрывается единственно понятіемъ «кулачества», а греческіе и армянскіе торговцы, допуская даже ихъ неблагонадежность, свою дѣятельность ограничиваютъ сравнительно незначительнымъ райономъ, тогда какъ еврейскія лавки и еврейскіе коммерсанты повсемѣстно у насъ дискредитированы своею недобросовѣстностью: жидовская работа, жидовскій товаръ, жидовская услуга, являются для всѣхъ понятною квалификаціею недоброкачественности.

О воинскихъ доблестяхъ Эррера выдаетъ евреямъ самую лестную аттестацію, опирающуюся на туманныя и бездоказательныя фразы, уклоненіе же евреевъ отъ воинской повинности, какъ фактъ неоспоримый, неожиданно относится на счетъ несовершенствъ администраціи.

Администрація оказывается виноватою въ томъ, что одно и то же лицо, часто мѣняя свое мѣстопробываніе, попадаетъ на учетъ въ разныхъ призывныхъ пунктахъ. Виновата администрація и въ томъ, что не позволяетъ евреямъ придавать себѣ произвольно христіанскія имена, а еврейскія де по невѣжеству извращаются, и одно и то же лицо прописывается подъ своимъ настоящимъ именемъ и по прозвищу; на учетъ попадаютъ мертвыя души, потому что въ свидѣтельствѣ о смерти имя покойника обозначается неправильно; порою случается даже, что въ призывныхъ спискахъ фигурируютъ имена женскія. Во всемъ этомъ виновата администрація (стр. 111).

Насколько такія ошибки въ регистраціи обусловливаются стремленіемъ обойти законъ и недобросовѣстностью заинтересованныхъ лицъ и пособничествомъ раввиновъ, ведущихъ метрики, Эррера благоразумно умалчиваетъ ¹⁾.

Обвиненія наконецъ въ стяжательности, по мнѣнію Эрреры, могутъ относиться развѣ къ $\frac{1}{10}$ еврейскаго населенія, такъ какъ $\frac{8}{10}$, не обладая никакимъ имуществомъ, живутъ со дня на день и бѣдствуютъ, а $\frac{1}{10}$ предается ремесленнымъ занятіямъ. Лишенные возможности заниматься сельскимъ хозяйствомъ и обширными промышленными предпріятіями, стѣсняемые въ свободѣ передвиженія

¹⁾ Объ иныхъ продѣлкахъ, на какія евреи пускаются ради обхода закона, Эррера рассказываетъ самъ, очевидно не усматривая въ оглашаемыхъ фактахъ вопіющей, чисто еврейской изворотливости. Такъ, напримѣръ, нѣкая жидовка, тяготя якобы къ изученію стенографіи, выправила себѣ желтый билетъ для безпрятственнаго проживанія въ Москвѣ. Тамъ же, при выдвореніи неспособныхъ евреевъ, нѣкоторые изъ нихъ съ цѣлыми семьями уклонились отъ полицейской ревизіи паспортовъ, скрываясь на кладбищахъ, поселяясь временно въ публичныхъ домахъ или катаясь безцѣльно на извозчикахъ въ теченіе чуть ли не цѣлыхъ сутокъ (стр. 27).

и переселенія и не допускаемые къ общественной дѣятельности¹⁾, евреи только и могутъ пускать свои скромныя сбереженія въ оборотъ, какъ товаръ. По аттестаціи Эррера, евреи въ денежныхъ сношеніяхъ, однакоже, оказываются чрезвычайно уступчивыми, способствуютъ пониженію дисконта и экономическому процвѣтанію мѣстной промышленности, которую питаютъ своими сбереженіями. Такія явленія, какъ дѣло Диманта и Бутми де-Кацмана, проходятся, конечно, молчаніемъ, ибо они противорѣчатъ пресловутымъ еврейскимъ благодѣяніямъ.

Объливъ одну десятую еврейскихъ капиталистовъ, Эррера переходитъ къ характеристикѣ другой производительной $\frac{1}{10}$ части еврейскаго населенія—къ мастерамъ и ремесленникамъ.

Тогда какъ у большей части культурныхъ націй процентное отношеніе ремесленнаго класса къ прочему населенію не превышаетъ 9—10 0/0, въ Россіи средняя норма потребности въ нихъ покрывается 1—3 0/0, но среди еврейскаго населенія, ремесленниковъ насчитывается свыше 15,9 0/0, и Эррера по этому поводу распространяется о даровитости еврейскаго племени, значительно яко бы превосходящей качества кореннаго населенія (стр. 118).

Эррера хочетъ видѣть только излишнюю придирчивость въ ограниченіи закона, по которому для усвоенія за еврейскимъ ремесленникомъ свободы передвиженія требуется засвидѣтельствованіе со стороны мѣстныхъ цеховыхъ учреждений, что данный ремесленникъ дѣйствительно искусенъ; также враждебно относится авторъ къ требованію закона о періодическихъ провѣркахъ того, что данный мастерской, пребывая внѣ черты еврейской осѣдности, постоянно занимается опредѣленнымъ промысломъ, а не отдается другимъ занятіямъ (стр. 59, 60).

На самомъ дѣлѣ, эти ограниченія вызваны неоспоримыми, каждому изъ частной его жизни извѣстными и постоянно наблюдаемыми, явленіями: числясь сапожниками, портными, часовыхъ дѣлъ мастерами, евреи цеховою кличкою прикрываютъ обычныя громадному большинству еврейства занятія коммиссіонерствомъ, посредничествомъ и т. п.

Стремленіе примазываться къ любому хозяйственному дѣлу, не прилагая къ нему творческаго производительнаго труда, и исканіе

¹⁾ Ограниченія не столько для общественной, сколько для служебной дѣятельности евреевъ русскій законъ ставитъ еврею лишь іудейскаго вѣроисповѣданія. Достаточно просмотрѣть любой адресъ-календарь, чтобы убѣдиться, насколько евреямъ, дѣйствительно желавшимъ ассимилироваться съ русскимъ обществомъ, препонъ къ тому не воздвигается; можно привести и болѣе разительные примѣры возвышенія еврейскихъ родовъ и особей: малороссійскій аристократическій родъ Марковичей ведетъ свое начало отъ еврея Марка; генераль-адъютантъ А. П. Безакъ въ ближайшихъ восходящихъ поколѣніяхъ имѣлъ родню, державшуюся Моисеева закона, и т. д.

наживы за посредническія услуги особенно рѣзко сказались въ отрицательномъ отношеніи еврейства къ сельскому хозяйству: евреи сами почти не хозяйничаютъ, землю пользуются въ спекулятивныхъ цѣляхъ и, даже взявъ имѣніе въ аренду, перелагаютъ производительный трудъ на другого, а сами ограничиваются выкраиваніемъ себѣ барышей. Отсюда и явилось воспрещеніе имъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, введенное во временныя правила 1882 г.

Эррера, однакоже, и это явленіе извиняетъ нижеслѣдующими общими соображеніями: если евреи цѣлыя уже тысячелѣтія отбросили въ сторону плугъ, то объясненіе этому надо искать въ ихъ исторіи; оторванные болѣе 2.000 лѣтъ отъ родной почвы, евреи въ теченіе среднихъ вѣковъ скучивались въ тѣсныхъ еврейскихъ кварталахъ (гетто) городовъ, а горожане роковымъ образомъ и навсегда утрачиваютъ способность къ сельско-хозяйственному труду. Еврей же въ частности не обладаетъ для этого и достаточными физическими силами—мускулатура его ослаблена городской жизнью, замкнутостью въ душной атмосферѣ еврейскихъ гетто и нищетою, перенесенной длиннымъ рядомъ поколѣній (стр. 119).

Постановивъ такой приговоръ еврейству, Эррера торопится впрочемъ и тутъ увѣрить читателя, что тамъ, гдѣ дѣлались опыты «въ благопріятныхъ и правомѣрныхъ условіяхъ», сельскохозяйственныя дарованія евреевъ превосходили все ожиданія (стр. 119).

Только для такихъ результатовъ «благопріятныя и правомѣрныя условія» требуются ни съ чѣмъ не сообразныя.

Какъ хозяйничали евреи съ 893 года на литовскихъ коронныхъ земляхъ и до какого процвѣтанія ихъ доводили, фантазировать можно невозбранно (стр. 120); когда же Эррера переходитъ къ фактамъ, болѣе доступнымъ проверкѣ, то тутъ начинаются уже иные разговоры.

Въ XIX вѣкѣ дѣлались неоднократныя попытки обратить у насъ евреевъ къ землепашеству: въ 1807—1812, 1822—1823 и 1848—1855 гг. нѣсколько тысячъ семействъ были водворены сначала въ Херсонской, а позднѣе въ Екатеринославской губерніи, и отъ вѣдомства государственныхъ имуществъ имъ были нарѣзаны посемейныя надѣлы въ 27 десятинъ.

Въ какое печальное состояніе пришли эти еврейскія хозяйства, про то можно прочесть въ монографіи, посвященной нашимъ иноподданскимъ южнорусскимъ колоніямъ и напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы» (за первые годы его изданія); Эррера, однакоже, и тутъ распространяется о еврейскомъ умѣніи приспособляться къ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ; замѣтивъ вскользь, что нѣмецкія и болгарскія колоніи, заведенныя въ ту же эпоху въ Новороссіи, находятся въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, чѣмъ еврейскія, онъ извиняетъ неудачи, постигшія еврейскихъ колонистовъ, стихійными бѣдствіями—имъ де (однимъ?) пришлось считаться съ

морозами, неурожаями, скотскими падежами, лихорадками и пр.; колонисты же были неопытны, страдали отъ переменъ климата и административнаго гнета, да и надѣлы получили всего въ 30 десятинъ, тогда какъ нѣмцамъ предоставлено было по 60 десятинъ на семью (стр. 123 — 125). Эррера, разумѣется, передъ своими читателями ни словомъ не обмолвился о томъ, что русскій крестьянскій надѣлъ въ 10 десятинъ чуть ли не во всей Россіи является рѣдкостнымъ благополучіемъ.

Впрочемъ о еврейскихъ притязаніяхъ насчетъ «благопріятныхъ и правомѣрныхъ условій» хозяйничанія можно заключить изъ того, что, по мнѣнію Эрреры, 50-ти-милліонный капиталъ, предоставленный барономъ Гиршемъ на дѣло еврейской колонизаціи въ Новомъ Свѣтѣ, составляетъ ничтожный пустякъ и для надлежащаго устройства на новыхъ поселеніяхъ гонимыхъ израильтянъ предлагается затрата не менѣе, чѣмъ въ два милліарда (стр. 149—150).

Также легковѣсно трактуетъ Эррера исконныя нареканія на евреевъ за тяготѣніе къ кагалному строю и за косную приверженность къ хитросплетеніямъ талмуда, противорѣчащимъ требованіямъ культурности и государственности, что и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ отчужденіе еврейства отъ кореннаго населенія и стремленіе къ созиданію особаго государства въ государствѣ.

Вмѣсто опроверженій по существу Эррера отыгрывается хлесткими фразами о братствѣ народовъ, о ненаучности понятія расы и безсмысленности племенной розни: преслѣдовать евреевъ, какъ расу, нельзя потому уже, что евреи не составляютъ ни націи, ни расы, и возможно даже, что многіе изъ израильтянъ первоначально были финнами или славянами, какъ утверждаетъ находчивый авторъ (стр. 127, 128).

Относительно же обвиненій евреевъ въ партикуляризмъ Эррера ограничивается оговоркою, что если евреи въ нѣкоторыхъ странахъ и проявляютъ неоспоримое стремленіе къ обособленію, то потому лишь, что ихъ къ этому побуждаютъ существующіе законы и нравы (стр. 128).

Этимъ исчерпываются ученныя разсужденія брюссельскаго профессора, подкрѣпляемые прекраснодушіемъ престарѣлаго Моммсена.

Краткій смыслъ этихъ разсужденій сводится къ тому, что міръ запугивается угрозою нападенія на него 4.500.000 евреевъ, гонимыхъ якобы въ Россіи. За долгъ и за совѣсть русскому обществу предписывается широко открыть свои объятія братолюбивому израилю и съ непоколебимою вѣрою въ возвышенныя и оторванныя отъ дѣйствительности идеалы терпѣливо ожидать, какими благами насъ наградятъ евреи во всеоружіи гражданскихъ и политическихъ правъ подъ охраною талмуда, раввиновъ, маламедовъ и хедеровъ.

Несравненно болѣе объективный характеръ носитъ недавно вышедшее сочиненіе, къ которому мы перейдемъ теперь.

2) Н. Winkler. *Skizzen aus dem Völkerleben. I. Aus Osteuropa. II. Aus dem Magyarenlande.* Berlin. Dümmlers Verlag. 1903.

Авторъ—ученый лингвистъ, специально занимающійся изученіемъ финскихъ нарѣчій, труды котораго обратили на себя вниманіе С.-Петербургской академіи наукъ.

Въ изданномъ сборникѣ популярныхъ статей Винклеръ на основаніи собственныхъ наблюденій даетъ характеристику финскихъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, и венгерцевъ. Не претендуя на сухую ученость, статьи эти опираются на научныя изслѣдованія и читаются съ интересомъ.

Слово «финнъ» вызываетъ обыкновенно представленіе о жителяхъ Финляндіи и прилежащихъ мѣстностей, но лингвистически и этнографически это понятіе входятъ обитатели необозримой земельной площади.

Финскія племена и народы занимаютъ весь сѣверъ Скандинавіи, простираясь къ югу до 62 паралл. круга, населяютъ Финляндію, а оттуда къ сѣверу и востоку протягиваются чрезъ Кольскій полуостровъ до восточнаго побережья Бѣлаго моря. Вдоль Ладоги и Онеги финскія племена расселены до южнаго побережья Бѣлаго моря. Къ югу въ сѣверной Россіи они проникаютъ до Эстляндіи и Лифляндіи, а по Пейпусу и Ильмену добираются до верхняго теченія Волги близъ Твери и Костромы. Въ огромномъ районѣ средняго теченія Волги, Камы и Урала финскія племена расселены отъ Нижняго Новгорода на западѣ до Оренбурга на востокѣ, а отъ Саратова на югѣ до Перми на сѣверѣ. Далѣе, почти непосредственно къ сѣверу отъ Перми, финскія поселенія протягиваются къ Печорѣ вплоть до Ледовитаго океана, по обоимъ склонамъ Урала, по Оби, Иртышу, къ западу почти доходя до Архангельска, къ востоку—до Сургута и къ югу—до Тобольска; финскія же племена чрезъ великорусскую равнину перебросились по Дунаю въ Венгрію, Семиградіе и на Молдаву.

Такимъ образомъ финскія племена раскинулись болѣе или менѣе значительными островками и полосами на пространствѣ отъ сѣвера къ югу между 70 и 45 параллельными кругами, т.-е. на протяженіи отъ Нордкапа до Бѣлграда, а отъ востока къ западу отъ Сибири до Венгріи (стр. 90).

Расселеніе это совершалось въ доисторическія еще времена, и отдѣльныя племена и народы, вытѣсняемые невѣдомыми и не оставившими воспоминаній переворотами въ глубинѣ Азіи, изливали непрерывныя волны насельниковъ въ Россію и Европу.

На первый взглядъ между западными финнами и венгерцами, съ одной стороны, и мордвою, черемиссами, пермяками, вотяками, вогулами, осяками и самоѣдами, съ другой стороны, какъ будто и не представляется общихъ чертъ, а между тѣмъ лингвистическія

и этнологическія изысканія обличаютъ въ нихъ болѣе или менѣе близкихъ сородичей.

Установленіе такого родства вообще тѣмъ затруднительнѣе, что за долгіе вѣка переселеній народы и племена одной расы смѣшивались съ представителями другихъ расъ и въ результатѣ дали сложныя скрещенія. Въ большинствѣ случаевъ подобныя положенія выставляются лишь въ видѣ смутныхъ догадокъ, такъ какъ спорныя этнологическіе и лингвистическіе факты отчасти мало изучены, отчасти же восходятъ къ эпохамъ, отъ которыхъ не сохранилось достовѣрныхъ свидѣтельствъ.

Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ венгерцы; появились они на исторической сценѣ сравнительно поздно: въ эпоху великаго переселенія народовъ съ IV вѣка тюркскія племена печенѣговъ, половцевъ и куманъ постепенно изъ восточной Европы оттѣснили къ западу, въ среднюю Европу, финскія племена восточной отрасли, среди которыхъ различаются гунны, авары и венгерцы. Эти финскія племена, объединенныя Атиллою, 1000 лѣтъ тому назадъ наводнили долины Дуная и Рейсса и постепенно образовали венгерскую націю (Ксрома Кёросскій искалъ ея прародителей въ Тибетѣ, Подгорскій въ Китаѣ, а иные изслѣдователи въ Иранѣ). Подчинившись въ эту эпоху въ культурномъ, общественномъ и военномъ отношеніяхъ тюркскому влиянію, венгерцы заимствовали отсюда и нѣкоторые лингвистическіе элементы, а изслѣдованія Балинта показали несравненно болѣе раннее воспріятіе въ этотъ языкъ дравидійскаго діалекта (изъ Индіи) (стр. 76—78).

Независимо отъ лингвистическихъ доказательствъ финское происхожденіе венгерцевъ изобличается антропологическими особенностями (развитіемъ скулъ, челюстей, прогнатією и пр.,—см. стр. 83—84). Винклеръ въ 1890 г. былъ совершенно пораженъ тѣмъ, что въ Финляндіи на каждомъ шагѣ встрѣчалъ характерныя типы, изумительно напоминавшіе разныя личности, хорошо ему знакомыя по пребыванію въ Чегедѣ, Дебречинѣ, Кецкеметѣ (стр. 85). Венгерецъ совершенно ошибочно рисуется черноглазымъ, энергичнымъ брюнетомъ—такіе типы, далеко не многочисленныя, дѣйствительно попадаются, но лишь въ округахъ, гдѣ завѣдомо сказалась примѣсь къ венгерской крови тюркской; въ большинствѣ же венгерскихъ округовъ преобладаетъ типъ вдумчиваго блондина съ сѣро-голубыми глазами, и, что особенно характеризуетъ финскую расу,—худощавыя лица окрашены желтизною и изборождены морщинами (стр. 85—86).

Точно также въ области житейскаго быта и гражданственности между всѣми финскими племенами прослѣживается удивительное сходство. Даже стоящіе на высшихъ ступеняхъ культурности Финляндцы и венгерцы удержали въ домашнемъ обиходѣ массу

пережитковъ, неоспоримо указывающихъ на полу-кочевой бытъ, какой понынѣ ведутъ вогулы и остяки (стр. 97). Въ Финляндіи, какъ и въ Венгріи, рѣдко можно встрѣтить поселенія, устроенныя вблизи рѣкъ и проточныхъ водъ, но и тамъ и здѣсь происходитъ широкое использованіе озеръ, прудовъ и сажелокъ, высоко цѣнимыхъ степными кочевниками. Внимательному путешественнику по Финляндіи не могли, напримѣръ, не бросаться въ глаза нигдѣ не употребляемыя своеобразныя огорожи изъ жердей разной высоты, воткнутыхъ въ землю и закрѣпленныхъ подъ острымъ угломъ, которыя предохраняютъ поля и луга отъ поправъ; совершенно такія же огражденія составляютъ обычное явленіе въ венгерской «пуштѣ» (стр. 57). Точно также у финскихъ племенъ утварь, предметы домашняго обихода и украшенія представляютъ своеобразныя формы, повидимому, свойственныя всей расѣ; даже орнаментныя рисунки на плоскости и пластическіе съ особенною любовью производятъ тождественныя мотивы (стр. 108).

Всестороннее изученіе предмета приводитъ Винклера къ выводу, что венгерская нація по антропологическимъ, этнологическимъ и лингвистическимъ признакамъ должна быть признана за могучій отпрыскъ восточныхъ финновъ, къ которымъ принадлежатъ угры, остяки, вогулы, лапландцы, а какъ посредствующіе звенья между ними и западными финнами,—пермяки, зыряне и вотяки (стр. 79).

Тогда какъ Финляндія подъ многовѣковымъ шведскимъ культурнымъ вліяніемъ дифференцировалась на особый ладъ и, несмотря на неблагопріятныя климатическія условія и бѣдность, достигла высокой степени гражданственности, приближающей ее къ западно-европейскимъ странамъ, инныя изъ разбѣянныхъ по Россіи финскихъ племенъ подъ вліяніемъ татарскаго ига подверглись регрессу, другія же постепенно смѣшивались и смѣшиваются съ славянскимъ русскимъ населеніемъ.

Извѣстно, напримѣръ, что еще 1½ тысячи лѣтъ тому назадъ финскія племена властно орудовали транзитнымъ торгомъ между Греко-Римскимъ востокомъ и сѣверо-восточною Европою. Зыряне, которые теперь занимаются сельскимъ хозяйствомъ и оленеводствомъ, еще въ 1000 году создали и обслуживали великій торговый путь черезъ Уралъ, производя оживленные обороты съ остяками. О культурности пермяковъ и кареловъ сохранились преданія въ лицѣ смутныхъ многочисленныхъ свидѣтельствъ о дѣятельной торговлѣ Біарміи. Балтійскіе финны уже болѣе тысячи лѣтъ назадъ слыли за неутомимыхъ землепашцевъ. Мордву Московское правительство болѣе двухъ столѣтій назадъ надѣлило обширными угодьями, которыя самими русскими были совсѣмъ запущены, а чтобы крѣпче привязать къ помѣстьямъ новыхъ насельниковъ, лучшіе изъ нихъ были пожалованы даже княжескимъ титуломъ. Наконецъ во-

таки, по свидѣтельству Рычкова и Буха, подробно изучившихъ ихъ бытъ, поражаютъ своими сельско-хозяйственными дарованіями и несравненнымъ трудолюбіемъ (стр. 17—18).

Эти многочисленныя свидѣтельства являются убѣдительнымъ аргументомъ въ пользу того, что финскіе инородцы таятъ въ себѣ прочный залогъ для дальнѣйшаго развитія и широкаго преуспѣанія въ гражданственности.

Совершенно иную область интересовъ и отношеній затрогиваетъ книга, только что выпущенная французскимъ экономистомъ Вилемъ.

3) Vialles, P. La consommation et les crises économiques. Paris. Ed. Giard et Brière. 1903.

Это спеціальное сочиненіе посвящено разсмотрѣнію выставленныхъ извѣстными экономистами ученій о потребленіи цѣнностей и воздѣйствіи этого фактора на экономическіе кризисы.

Историкъ здѣсь найдетъ немало любопытныхъ подробностей въ талантливо изложенномъ очеркѣ исторіи важнѣйшихъ денежныхъ потрясеній, постигавшихъ въ минувшемъ столѣтіи европейскія страны, въ связи съ экономическими и историческими причинами, обусловливавшими тотъ или иной крахъ (стр. 249—348).

Въ частности для русскаго читателя немаловажный интересъ представляетъ сопоставленіе данныхъ, объясняющихъ причины недавнихъ невзгодъ, пережитыхъ въ Россіи металлургическою промышленностью подъ вліяніемъ искусственнаго ея подъема чрезъ приливъ иностранныхъ капиталовъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обращающіеся въ странѣ капиталы сразу и усиленно привлекаются къ сооруженію и оборудованію новыхъ заводскихъ и фабричныхъ предпріятій, чрезъ самое иммобилизованіе ихъ значительно уменьшаются капиталы, потребныя для промышленныхъ оборотовъ—благодаря этому, денежный рынокъ страны оказывается стѣсненнымъ, а потребленіе приостанавливается, пока убыль въ оборотныхъ средствахъ не пополнится новыми притоками народныхъ сбереженій.

Наблюдается это явленіе по преимуществу въ моменты броженія (effervescence) тѣхъ или иныхъ видовъ крупной промышленности.

Когда за минувшія пятнадцать лѣтъ Россія увлеклась заботами о возможномъ подъемѣ металлургической и горной промышленности, начинанія эти не замедлили поглотить всѣ свободныя средства какъ частныя, такъ и казенныя. Тутъ началось усиленное привлеченіе къ русскимъ промышленнымъ предпріятіямъ капиталовъ иностранныхъ. Въ теченіе короткаго сравнительно времени облигаціи и акціи новыхъ предпріятій нашли помѣщеніе въ рукахъ французскихъ и бельгійскихъ капиталистовъ, и этимъ путемъ для промышленныхъ цѣлей было реализовано свыше 2 мил-

лиардовъ франковъ; въ томъ числѣ одна Екатеринославская губернія поглотила до 430 милл. фр.

Промышленныя предпріятія нарождались, словно грибы: нѣкоторыя затѣвались прямо въ цѣляхъ спекуляціи, другія создавались затѣмъ только, чтобы дать учрежденіямъ и лицамъ, бравшимся за реализацію акціонернаго капитала, способы и средства къ наживѣ премій на выпускѣ бумагъ въ обращеніе.

Такія предпріятія, конечно, оказались недолговѣчными, и ихъ не замедлила постигнуть заранѣе приуготовленная имъ участь.

Даже и инныя изъ предпріятій, затѣянныхъ серьезно и обставленныхъ гарантіями успѣха, при ихъ осуществленіи натолкнулись на непредвидѣнныя, повидимому, случайности. Предварительныя смѣты на устройство и оборудованіе заводовъ и фабрикъ оказались раасчитанными въ обрѣзъ, и, при выполненіи, ихъ пришлось значительно превысить. Благодаря этому, нѣкоторыя предпріятія, еще до завершенія ихъ устройства, начали испытывать недостатокъ въ деньгахъ; инныя же, которыя довели до благополучнаго конца оборудованіе своихъ фабрикъ и заводовъ, принуждены были затратить на этотъ предметъ часть капитала, первоначально предназначеннаго на исключительное покрытие оборотовъ.

На 26 съѣздѣ представителей горной и металлургической промышленности южной Россіи предсѣдатель собранія инженеръ Авдаковъ (въ ноябрѣ 1901 года) принужденъ былъ признать, что въ теченіе послѣдняго пятилѣтія металлургическая промышленность иммобилизировала чрезмѣрные капиталы.

Еще рѣзче высказался по адресу предпринимателей органъ министерства финансовъ «Вѣстникъ финансовъ» за ноябрь 1901 г.: по компетентному его отзыву, большая часть фабрикъ и заводовъ, за послѣдніе годы выросшихъ въ южной и восточной Россіи, останется памятникомъ хищеній, учиненныхъ въ ущербъ иностраннымъ капиталистамъ горстью дѣльцовъ-космополитовъ.

Какъ бы то ни было, капиталы и кредиты изсякали, тщетными оказались попытки фабрикъ и заводовъ увеличить производство въ чаяніи поднять потребленіе и этимъ путемъ выручить нужныя средства. Если тогда же не наступило перепроизводство, то потому только, что усилившееся объ эту пору желѣзнодорожное строительство позволило правительству, которому принадлежит $\frac{3}{4}$ нашей сѣти, увеличить казенные заказы и поднять ихъ съ 1896 по 1901 годъ съ 736.000 до 950.000 тоннъ.

Какъ разъ на рубежѣ двухъ вѣковъ русскіе, а затѣмъ и иностранные банки начали постепенно уменьшать и закрывать кредиты металлургическимъ предпріятіямъ, и послѣднія ради выполненія принятыхъ ими на себя срочныхъ обязательствъ вынуждены были издѣляя свои цускавъ въ продажу по пониженнымъ цѣнамъ; спросъ векорѣ былъ удовлетворенъ съ избыткомъ, а въ доверше-

ніе ко всему война съ Китаемъ побудила правительство, несмотря на успѣхъ займа, сдѣланнаго въ 1901 г., приостановить дальнѣйшіе заказы.

Благодаря этимъ причинамъ, съ октября 1899 года по октябрь 1901 года акціи металлургическихъ предпріятій понизились на 59% своей цѣнности, что вызвало потерю чуть ли не въ сотни милліоновъ.

Прилагаемая табличка, которую можно было бы значительно еще увеличить, едва ли требуетъ комментаріевъ.

Наименованіе общества.	Наивысшая котировка, достигавшаяся акціями.	К о т и р о в к и	
		октября 1901 г.	іюня 1902 г.
Гута Банкова	4.998	3.100	3.055
Днѣпровское	5.300	2.137	1.930
Брянское	1.525	425	285
Керченское	870	190	93
Фр.-Русск. завод. (Берда)	660	420	411
Сосновицы	2.975	1.780	1.665
Домброва	1.240	910	905
Таганрогское	2.070	600	300
Донецкое	1.480	645	700
Криво-Рожское	3.995	1.660	1.080

Въ настоящее время металлургическій кризисъ, повидимому, потерялъ острый характеръ, главнымъ образомъ потому, что правительство вновь могло въ послѣдніе годы увеличить заказы, но переоцѣнка промышленныхъ бумагъ явилась совершившимся фактомъ, а иностранные ихъ держатели остались при понесенныхъ крупныхъ потеряхъ (стр. 201—205).

Изъ области матеріальныхъ заботъ и тревоженій мы перенесемъ теперь въ выси отвлеченнаго умозрѣнія, и упомянемъ здѣсь, чтобы не выносить этого сочиненія въ особую рубрику, о французскомъ трудѣ нашего соотечественника, посвященномъ философіи.

4) N. Kostyleff. Esquisse d'une évolution dans l'histoire de la philosophie. Ed. Alcan., in-16°. 1903.

Авторъ задается небезынтереснымъ вопросомъ объ удивительномъ разнообразіи, какое представляютъ философскія ученія всевозможныхъ толковъ, выплывавшихъ на свѣтъ Божій въ прошломъ и настоящемъ. «Непрестанно приливающія волны все новыхъ гипотезъ» вызываютъ у г. Костылева недоумѣніе, представляетъ ли и впрямь смѣла однихъ доктринъ другими поступательное раз-

витіе, или мы только все твердимъ зады, но на новые лады; въ этомъ послѣднемъ случаѣ философія утрачиваетъ серьезное значеніе, и сводится къ празднои игрѣ ума, обреченной на конечный неуспѣхъ.

При помощи метода столь же простаго, какъ и своеобразнаго г. Костылевъ доказываетъ противное: въ длинномъ рядѣ смѣняющихся преемственно философскихъ ученій нашъ авторъ прослѣживаетъ эволюцію человѣческаго самосознанія, инстинктивно и постепенно слагающаго цѣльное міропредставленіе въ духѣ монизма.

Съ особенною любовью останавливается г. Костылевъ на Спинозѣ, какъ наиболѣе яркомъ представителѣ монизма, и связываетъ незыблемыя приобрѣтенія, внесенныя въ обиходъ человѣческой мысли болѣе ранними философскими системами, съ ученіемъ Альфр. Фулье объ идеяхъ—силахъ, въ которомъ усматриваетъ послѣднее слово современнаго философскаго знанія.

Книга Костылева, написанная на прекрасномъ французскомъ языкѣ, несмотря на сжатость изложенія, читается легко и не требуетъ особеннаго напряженія мысли у средняго читателя.

В. Ш.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. (1883 — 1902 г.). Спб. 1903.

РУИНЫЕ труды проф. Платонова отмѣчены широкими и оригинальными обобщеніями, наоборотъ мелкія статьи, собранныя въ настоящей книгѣ и посвященныя отдѣльнымъ вопросамъ, являются кропотливыми изслѣдованіями, доказывающими, что автору по плечу всякая научная работа. Рядомъ съ этимъ г. Платоновъ, когда ему приходится сталкиваться съ чужими мнѣніями, съ которыми онъ не считаетъ возможнымъ согласиться, выказываетъ особую способность владѣть критическимъ ножомъ. А не соглашаться онъ чувствуетъ себя принужденнымъ во многихъ случаяхъ. Такъ, напримѣръ, въ «Замяткахъ по исторіи московскихъ земскихъ соборовъ» почтенный авторъ основательно разбиваетъ мнѣніе проф. Загоскина относительно содержанія 34 ст. XIX главы Уложенія и времени окончанія составленія этого памятника; также положительно споритъ г. Платоновъ съ взглядами маститаго историка И. Е. Забѣлина «по поводу вопроса о началѣ Москвы». Но еще сильнѣе сказывается острота критическаго ножа уважаемаго ученаго, когда онъ имъ касается того или другого автора не мимоходомъ, а нарочито. Отъ этого ножа въ особенности потерѣли Д. П. Иловайскій и г. Чечулинъ. Г. Иловайскій вообще съ нѣкоторыхъ поръ сдѣлался мишенью всяческихъ нападковъ, подчасъ грубыхъ и даже несправедливыхъ. Среди критиковъ имѣется извѣстный процентъ различнаго рода озлобленныхъ неудачниковъ, въ родѣ г. В. Сторожева, съ яростью кидающихся на тѣхъ, на кого можно, т.-е. тѣхъ, противъ которыхъ вооружается большинство. Г. Платоновъ далекъ отъ такихъ неблагородныхъ приемовъ. Будучи вообще вполне академичнымъ и благожелательнымъ, почтенный ученый только взвѣшиваетъ факты и доводы съ возможнымъ безпристрастіемъ, безъ раз-

драженія или озлобленія. И въ этомъ случаѣ его критическія работы получаютъ особое значеніе. Промахи г. Пловайскаго, отмѣченные г. Платоновымъ, вѣроятно, были признаны и самимъ разобранымъ авторомъ, которому критикъ старается отдать должное и въ смыслѣ знаинства съ историческимъ матеріаломъ и способности удачно комбинировать его. Такимъ образомъ г. Пловайскій можетъ спорить съ г. Платоновымъ, защищаться, но не обижаться.

Также осторожно, но не менѣе рѣшительно проф. Платоновъ разобралъ претензіи г. Чечулина быть патентованнымъ историкомъ городовъ Московскаго государства шестнадцатаго вѣка. Почтенный критикъ совершенно справедливо указываетъ, что, пользуясь при изученіи городовъ шестнадцатаго вѣка только писцовыми книгами этого времени, г. Чечулинъ и написалъ изслѣдованіе не о городахъ, а о матеріалѣ писцовыхъ книгъ, касающихся городовъ; иначе говоря, авторъ сдѣлалъ не то, что желалъ; а что желалъ, того не сдѣлалъ. Далѣе г. Чечулинъ понималъ подъ именемъ города, главнымъ образомъ, крупную бытовую единицу, культурный центръ, тогда какъ неизвѣстная увлекающемуся историку статья почтеннаго Ф. П. Леонтовича безспорно доказала, что подъ словомъ «городъ» въ древней Руси понимались разнаго типа поселенія: и простыя укрѣпленія, не всегда даже жилища, и бойкіе центры народнаго труда, при которыхъ крѣпости возникали, какъ средства обороны. Такимъ образомъ г. Чечулинъ, задаваясь цѣлью написанія ученаго сочиненія, даже не выяснилъ себѣ основного вопроса своей работы, т. е. вопроса о томъ, что такое представлялъ собою древнерусскій городъ. Въ довершеніе грѣха особенностью города въ юридическомъ отношеніи г. Чечулинъ призналъ пребываніе города въ собственности государства. Городомъ, по мнѣнію г. Чечулина, не могли владѣть частныя лица, въ распоряженіи которыхъ находились различные нныя поселки, на что г. Платоновъ основательно замѣчаетъ, что всякій крупный центръ, лишенный, однако, военнаго или административнаго значенія, могъ также находиться въ частномъ владѣніи, какъ и всякій другой поселокъ. Отмѣчая заодно и незнаніе г. Чечулинымъ литературы, г. Платоновъ прямо называетъ постановку вопроса въ книгѣ легковѣснаго историка отсталой и выводъ лишеннымъ научнаго значенія. Золоченіе пилюли любезными фразами не умаляетъ безопасности неотразимой критики. По прочтеніи рецензіи на книгу г. Чечулина становится жалко того, что вниманіе критика должно было останавливаться на такомъ пустомъ и несостоящемъ предметѣ, какъ ученія потуги неспособнаго къ серіозному труду легкомысленнаго автора.

Помимо критическихъ статей и изслѣдованій частныхъ вопросовъ, книга г. Платонова содержитъ въ себѣ характеристики историческихъ лицъ и ученыхъ историковъ. Къ первымъ принадлежатъ очерки «Царь Алексѣй Михайловичъ» и «Столѣтіе кончины императрицы Екатерины II»; къ вторымъ — справки о Бестужевѣ-Рюминѣ и Васильевскомъ, гдѣ авторъ съ сердечной теплотой вспоминаетъ о покойныхъ дѣятеляхъ ученой мысли и слова.

В. Грибовскій

Латинская іерусалимская патріархія эпохи крестоносцевъ. Исслѣдованіе священника Александра Попова. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1903.

Крестовые походы, пишетъ авторъ въ предисловіи, имѣли громадное вліяніе на ходъ историческихъ событій запада и востока. На востокъ однимъ изъ наслѣдій крестовыхъ походовъ и доннынѣ остался вопросъ о святыхъ мѣстахъ Палестины, вопросъ самый главный и жизненный, вовлекшій въ свою исторію не только христіанъ, но и мусульманъ. Со времени именно крестовыхъ походовъ стремленія христіанъ различныхъ исповѣданій направлены къ тому, чтобы завладѣть тою или другою святыней. Отсюда происходитъ страшная вражда между христіанскими вѣроисповѣданіями за обладаніе святымъ мѣстами. Преимущественно эта борьба ведется между православными греками и латинянами. Въ ходъ употребляются всѣ средства: ложь, клевета, подкуны, рукопашныя схватки, драки съ ножомъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ въ рукахъ; иногда бывають и убійства. И это продолжается не десятки, а сотни лѣтъ, при томъ съ страшною взаимною враждою и ненавистью. Гдѣ же источникъ необыкновенной, многовѣковой вражды между греками и латинянами тамъ, гдѣ, казалось, по преимуществу должны царить миръ и любовь? Источникъ—въ крестовыхъ походахъ и, въ частности, въ «Латинской іерусалимской патріархіи», которая была учреждена крестоносцами въ Палестинѣ. Дѣло въ томъ, что западные народы, двинутые папами на востокъ для освобожденія святыхъ мѣстъ Палестины изъ рукъ мусульманъ, сами завладѣли этими святынями, вытѣснили отсюда православныхъ грековъ, ихъ истинныхъ и законныхъ собственниковъ, а себя поставили на ихъ мѣсто, взамѣнъ греческой патріархіи основали латинскую, которую и надѣлили всеми правами владѣніями, раньше принадлежавшими однимъ только грекамъ. Такимъ образомъ, въ Палестинѣ былъ совершенъ колоссальный обманъ, допущена небывалая юридическая и каноническая несправедливость, какой греки не видѣли и со стороны турокъ. Латиняне оказались хуже и ниже мусульманъ... *Inde ita.*

Священникъ о. Александръ Поповъ и взялъ предметомъ своего ученаго изслѣдованія исторію «Латинской іерусалимской патріархіи эпохи крестоносцевъ», дабы ввести читателей, такъ сказать, *in medias res* и современной распри между греками и латинянами, наблюдаемой около святыхъ мѣстъ Палестины. Безспорно, предметъ интересный, достойный ученаго пера. Какъ же авторъ выполняетъ свою задачу?

Исслѣдованіе отца Попова состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, въ свою очередь, раздѣляется на четыре главы слѣдующаго содержанія. Въ главѣ первой (стр. 1—51) излагается краткая исторія завоеванія Сиріи и Палестины крестоносцами и описывается основаніе латинскаго іерусалимскаго патріархата, при чемъ указываются его географическіе предѣлы, въ связи съ вопросомъ о тирской архіепископіи, и опредѣляется этнографическій составъ. Во второй главѣ (стр. 52—141) рѣчь идетъ о внутреннемъ устройствѣ патріархата; здѣсь говорится о духовно-рыцарскихъ орденахъ и отношеніи ихъ къ латинскому патріарху, описывается борьба духовенства со свѣтскою властію

за преимущественныя права церкви и отмѣчаются робкія попытки нѣкоторыхъ членовъ клира стать въ независимое положеніе отъ Рима, опредѣляются права духовенства и описывается его экономическое положеніе. Въ третьей главѣ (стр. 142—324) описываются отношенія крестоносцевъ къ православнымъ и вообще къ туземному населенію въ Палестинѣ. Авторъ здѣсь убѣдительно показываетъ, что крестоносцы обращались съ палестинскими христіанами гораздо хуже, чѣмъ мусульмане, что они, направляясь въ Палестину, преслѣдовали не освободительныя, а завоевательныя цѣли, чѣмъ и объясняется то, что они еще на пути чрезъ православныя земли производили грабежи и разбои, какъ бы попутное и случайное, а потомъ совершали и прямыя нападенія на Византійскую имперію. Крестоносцы, овладѣвъ Палестиною, захватили въ свои руки православныя храмы и святыни, духовенство греческое подвергали оскорбленіямъ и гоненіямъ, православный народъ обременяли налогами и повинностями, такъ что экономическое положеніе туземнаго населенія весьма ухудшилось. Вообще крестовые походы, по мнѣнію автора, не только не принесли восточнымъ христіанамъ ожидавшихся благъ, но и поставили ихъ въ болѣе тяжелое состояніе, чѣмъ иго мусульманское. Христіане не только лишились своихъ законныхъ пастьрей и завѣтныхъ святынь, но и самая вѣра ихъ подверглась тяжкому испытанію. Многочисленные храмы и монастыри, лучшія строенія и богатѣйшія имѣнія были у нихъ отняты и сдѣланы собственностію латинянъ. Они были лишены и издавна принадлежавшаго имъ самоуправленія и всѣхъ тѣхъ правъ и преимуществъ, неприкосновенность которыхъ была признана за ними и ограждена грамотами Магомета, Омара и ихъ преемниковъ и свято соблюдалась мусульманами. Словомъ, православное населеніе Палестины подверглось полному униженію и рабству, коихъ не испытывало подъ игомъ мусульманъ, — для него «последняя лестъ» оказалась «горше первой», говоря словами евангельскихъ евреевъ. Въ послѣдней, четвертой, главѣ первой части (стр. 325—440) авторъ мрачными чертами изображаетъ нравственное состояніе латинскаго патріархата эпохи крестоносцевъ, усматривая въ этомъ и главную причину его упадка. Въ заключеніи авторъ, по поводу книги Вогюе «*Les églises de la Terre Sainte*», говоритъ о слѣдахъ существованія латинскаго патріархата, оставшихся въ Палестинѣ.

Вторая часть изслѣдованія отца Попова содержитъ списки латинскихъ дѣятелей въ Палестинѣ и монастырей. Здѣсь матеріалъ расположенъ въ трехъ главахъ. Въ главѣ первой (стр. 3—67) перечисляются латинскіе патріархи (въ числѣ 21), управлявшіе патріархатомъ во время его существованія, при чемъ авторъ излагаетъ ихъ дѣятельность по управленію и характеризуетъ въ нравственномъ отношеніи. Этотъ списокъ восполняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ матеріалъ первой части, сообщая свѣдѣнія о внутренней жизни латинскаго патріархата при томъ или иномъ патріархѣ. Въ такомъ же родѣ представляется во второй главѣ этой части (стр. 68—126) дѣятельность латинскихъ архіепископовъ и епископовъ, которыхъ авторъ располагаетъ по епархіямъ и въ хронологической послѣдовательности. Въ третьей главѣ (стр. 127—206) перечисляются латинскіе монастыри, мужскіе и женскіе, подчи-

ненные непосредственно патріарху или же архіепископамъ и епископамъ, суффраганамъ патріарха.

Вторая часть заканчивается обширнымъ заключеніемъ (стр. 207—268), въ которомъ авторъ высказываетъ общее свое сужденіе о значеніи крестовыхъ походовъ. Обыкновенно историки говорятъ о благотворномъ влияніи крестовыхъ походовъ на культурную жизнь запада. Но при этомъ обычно умалчивается о влияніи этихъ же походовъ на жизнь греческаго востока. Получается ненаучная односторонность. Избѣгая ея, отецъ Поповъ вскрываетъ обратное дѣйствіе крестовыхъ походовъ и приходитъ къ выводамъ весьма неутѣшительнымъ. Народы востока не только не получили отъ крестовыхъ походовъ и малой доли тѣхъ благъ (умноженіе званій, денежное обогащеніе), которыя приобрѣлъ западъ, но для нихъ эти походы были губительны и, кромѣ разрушенія и сожженія сель и городовъ, опустошенія полей, истребленія лѣсовъ и садовъ, разоренія имущества, истребленія народа, ничего не принесли. Но это еще зло временное и поправимое. Есть другое зло, болѣе глубокое и существенное, остающееся до сихъ поръ и разжигающее въ туземномъ населеніи непримиримую вражду и ненависть къ латинянамъ. Западные народы, обративъ оружіе, вмѣсто мусульманъ, на христіанъ-византійцевъ, ослабили этихъ послѣднихъ въ борьбѣ съ турками, пробили брешь въ могущество Византіи, служившей защитой для запада и оплотомъ отъ нашествія азіатскихъ варваровъ, и, такимъ образомъ, оказались союзниками турокъ, помогли имъ покорить въ послѣдствіи Византію, а въ результатѣ содѣйствовали созданію пресловутаго «восточнаго воороса», отъ котораго и нынѣ зависитъ политическое равновѣсіе Европы. Другая сторона зла, происшедшаго отъ крестовыхъ походовъ, касается чисто духовныхъ отношеній народовъ востока и запада, относится къ области ихъ церковно-религіозной жизни. Если съ исторической и политической стороны крестовые походы создали крайне запутанный и осложненный восточный вопросъ, то въ церковно-религіозномъ отношеніи они вызвали и укрѣпили между православными народами востока и католическими націями запада непримиримую вражду и ненависть, содѣйствовали церковному разъединенію тѣхъ и другихъ, и далеко отодвинули возможное до того времени ихъ примиреніе. Особенно сильную вражду крестовые походы поселили въ Палестинѣ, около святыхъ мѣстъ, изъ-за которыхъ борются греки, ихъ первоначальные собственники, и латиняне, стремящіеся и послѣ фактическаго ихъ изгнанія возвратитъ себѣ то положеніе, которое они занимали временно, въ періодъ крестовыхъ походовъ. Въ борьбѣ всѣ средства считаются дозволенными. Священникъ о. А. Поповъ обстоятельно раскрываетъ постепенно увеличивавшуюся религіозную рознь между востокомъ и западомъ, подъ влияніемъ крестовыхъ походовъ, а также постепенно разгаравшуюся вражду и борьбу грековъ и латинянъ изъ-за святыхъ мѣстъ Палестины. Для иллюстраціи различныхъ фазисовъ этой борьбы авторъ представляетъ факты и изъ новѣйшаго времени.

Въ приложеніи къ изслѣдованію отца Попова помѣщены указатели собственныхъ именъ, мѣстъ и лицъ (стр. 269 — 317), списокъ источниковъ и

пособій (стр. 318—322) и карта латинской іерусалимской патріархіи эпохи крестоносцевъ по Assises Jerusalem.

Мы считаемъ немалою заслугою отца Александра Попова прочное обоснованіе главнаго тезиса его изслѣдованія—о громадномъ вредѣ крестовыхъ походовъ для востока вообще и Палестины съ ея святыми мѣстами въ частности. Своей основной тезисъ отецъ А. Поповъ поставилъ положительно и ясно и доказалъ вполнѣ убѣдительно и резонно, безъ всякихъ колебаній и тенденціозныхъ замалчиваній. Такъ и долженъ говорить ученый, стоящій на почвѣ безспорныхъ историческихъ данныхъ. А затѣмъ и другія стороны основнаго тезиса, намѣтившія рядъ частныхъ вопросовъ изъ исторіи латинской іерусалимской патріархіи, разсмотрѣны имъ съ такою полнотью, какой мы не встрѣчаемъ въ аналогичныхъ русскихъ трудахъ. Значитъ, изслѣдованіе отца А. Попова имѣетъ свою цѣну въ небогатой русской церковно-исторической литературѣ. Не можемъ лишь не посѣтовать по тому поводу, что отецъ Поповъ посвятилъ свои научныя силы и трудъ вопросу изъ исторіи латинской церкви, а не греческой, какъ естественно было бы ожидать отъ православнаго священника. Мы здѣсь руководимся не конфессіональными мотивами (такъ какъ наука выше ихъ), а фактомъ ограниченнаго числа дѣятелей на поприщѣ научной разработки исторіи греко-восточной церкви дѣлающимъ чувствительную потерю и одного работника на этомъ маловоздѣланномъ полѣ. Остается лишь пожелать, чтобы отецъ Александръ Поповъ, долго, какъ кажется, жившій на греческомъ востокѣ и уже имѣющій научную традицію въ сферѣ мѣстныхъ церковно-историческихъ вопросовъ, подарилъ русскую литературу новымъ трудомъ изъ болѣе близкой для насъ и дорогой области.

Σ.

Проф. И. Я. Гурляндъ. Иванъ Гебдонъ, комиссаріусъ и резидентъ. (Матеріалы по исторіи администраціи Московскаго государства второй половины XVII вѣка). Ярославль. 1903.

Чѣмъ болѣе историки знакомятся съ любопытною эпохою царствованія царя Алексѣя Михайловича, тѣмъ ярче и ярче выступаетъ то уже Соловьевымъ прочно обоснованное положеніе, что петровскія реформы вытекли въ значительной степени сами собой изъ дѣяній предшествовавшей эпохи. Разсматриваемая брошюра г. Гурлянда въ этомъ отношеніи доставляетъ новые и при томъ чрезвычайно интересные матеріалы. Трудъ почтеннаго ученаго, уже немало потрудившагося надъ эпохой Алексѣя Михайловича, въ настоящемъ случаѣ посвященъ исторіи и оцѣнкѣ дѣятельности одного изъ тѣхъ посланниковъ, которыхъ русскіе цари отправляли за море, какъ съ дипломатическими, такъ и культурно-бытовыми цѣлями. Среди этихъ посланцевъ, какъ извѣстно, находились и состоявшіе на русской службѣ иноземцы; къ числу послѣднихъ принадлежалъ и англичанинъ Иванъ Гебдонъ, на посольствѣ котораго особенно сказалось стремленіе Алексѣя Михайловича заимствовать съ Запада все, что интересно, полезно, пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ не противно кореннымъ общественнымъ устоямъ Русской земли.

Первая посылка Гебдона находилась въ связи съ желаніемъ типайшаго царя имѣть для дворцоваго обихода всякаго рода итальянскія издѣлія, преимущественно венеціанскіе узорочные товары; вмѣстѣ съ тѣмъ посольство должно было привлечь на службу «добрыхъ искусныхъ людей». Удачно исполнивъ первое порученіе въ 1656 г., Гебдонъ получилъ слѣдующую командировку съ той же цѣлью опять въ Венецію, а затѣмъ, спустя два года, онъ отправился за море въ третій разъ, теперь уже въ Голландію для закупки мушкетовъ, пистолетовъ, карабиновъ, пороху и для приглашенія на русскую службу хорошаго генерала. Кромѣ этого непосредственнаго государственнаго порученія, по особой росписи Гебдонъ долженъ былъ привезти лично для царя: «Дохтура самова добрава, чтобъ Московскаго государства земли на травахъ лѣчить;... алхимиста доброво самова и ласковаго чловѣка, чтобъ тѣ травы зналь, которыя отъ чего, и умѣль составлять; достовѣрную книгу травникъ русскимъ и польскимъ травамъ и ихъ, вѣмецкимъ; рудознатцевъ всякихъ серебряные и мѣдные и свинцовые и желѣзные руды, золотого дѣла мастера, чтобы умѣль золотить съ лицомъ; вѣмчина, чтобы на пружинахъ гораздъ головы дѣлать всякія; книгу пущечнымъ дворамъ; книгу огнестрѣльную въ верхъ, четырехъ частей, свидѣтельствованную, и это бы по ней всѣ статьи умѣль дѣлать; листъ печатной о государевѣ походѣ и всѣмъ государевымъ тремъ походомъ; вѣсти изъ всѣхъ государствъ ежемѣсяць; птицъ хорошихъ: пѣвчихъ, понугасевъ, сингирей, кинореекъ; мастера стекляншнова дѣла, который бы умѣль чистое стекло, всякія суды чеканые и разные дѣлать и зналь бы землю такую, въ которой бы землѣ такіе стекла»... Росписи другихъ порученій при послѣдующихъ посылкахъ Гебдона свидѣлствуютъ все о той же многосторонней нуждѣ въ полезныхъ заимствованіяхъ и искусныхъ людяхъ, безъ которыхъ Россія не могла стать на уровень тогдашней европейской культуры, какъ военной, такъ и гражданской.

Помимо указанной стороны, посольство Гебдона интересно и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, такъ, напримѣръ, ему поручалось продавать русское сырье за границей, при чемъ оно шло почти всегда по очень низкой цѣнѣ вслѣдствіе разныхъ причинъ. Къ нимъ между прочимъ относится и то, что русскій экспортъ въ старину, какъ и теперь, являлся въ высшей степени недобросовѣстнымъ. Такъ, напримѣръ, несмотря на осмотръ спеціальными цѣловальниками, пенька въ бунтахъ «жила сверху добра, а въ середкахъ гнилая». По этому поводу Гебдонъ писалъ Ромодановскому: «пшиѣ, государь, во всякой русской товаръ такой омань, что стыдно слышать, не токмо видѣть, и о томъ здѣса многіе бьютъ челоуъ бургомистеромъ». Челобитники просили, чтобы бургомистры и ратманы приказывали цѣловальникамъ при приѣмѣ пеньки разрѣзать бунты.

Къ заслугамъ Гебдона, дѣятельность котораго для Россіи, однако, имѣла и отрицательное значеніе, нужно отнести и тотъ фактъ, что, переѣзжая по роду своихъ обязанностей изъ города въ городъ, онъ завелъ въ нѣкоторыхъ заграничныхъ центрахъ русскихъ торговыхъ агентовъ обыкновенно изъ мѣстныхъ купцовъ, которые такимъ образомъ являлись какъ бы первыми русскими

консулами. Черезъ этихъ лицъ пересылались отписки, имъ давались отдѣльныя порученія и т. п.

Въ заключеніе приходится сказать, что г. Гурляндъ сдѣлалъ хорошее дѣло, опубликовавъ документы, касающіеся энергичнаго англичанина, и умѣло освѣтивъ его, безъ всякаго сомнѣнія, интересную личность.

В. Грибовскій.

И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ). Между міромъ и монастыремъ. Очерки и рассказы. Спб. 1903.

Въ книгѣ г. Ювачева помѣщено семнадцать очерковъ и рассказовъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ монастырскаго быта, или касается переходной ступени отъ міра къ монастырю. Область повѣствованія—любопытная, какъ потому, что вскрываетъ психику мало изслѣдованнаго въ нашей литературѣ явленія, такъ и потому, что стоитъ на уровнѣ современныхъ интересовъ къ религіозной жизни человѣчества, къ характеру и назначенію монашескихъ подвиговъ, къ общей задачѣ иноческихъ идеаловъ. На страницахъ нашего журнала, въ рецензій на книгу г. Смирнова о службѣ міру нашихъ древнихъ монаховъ, уже указывался отчасти современный интересъ по поводу монашескихъ идей. Очерки г. Ювачева, до известной степени, даютъ отвѣтъ на исканіе и запросы нашего общества. Видно, что авторъ соприкоснулся съ монашескимъ міромъ, много передумалъ и переживалъ, выплалъ въ иноческую литературу и вообще пережилъ необходимый во многихъ случаяхъ періодъ исканія цѣли и смысла жизни. Нѣкоторые результаты авторскихъ думъ, чувствованій и наблюденій изъ области монастырскаго быта и предложенъ въ настоящей книгѣ. Было бы несправедливо предъявлять къ рассказамъ и очеркамъ г. Ювачева требованія литературно-художественной критики: многое у автора взято съ натуры, въ многихъ случаяхъ описываются факты, и теперь подлежащіе наблюденію, подѣлываютъ авторская тенденція. Но нельзя отказать автору въ искренности чувства, правдивости рассказа, правильности нѣкоторыхъ сужденій относительно русскаго иночества. Обратимся къ нѣкоторымъ отдѣльнымъ рассказамъ г. Ювачева.

На первомъ мѣстѣ въ книгѣ помѣщенъ рассказъ «Въ затворѣ». Здѣсь «затворникъ» монахъ повѣтствуетъ автору о своей жизни въ заключеніи. Рассказъ не производитъ цѣльности впечатлѣнія, не рисуетъ въ полнотѣ духовнаго состоянія затворника и уже слишкомъ «просто» изображаетъ переходъ подвижника изъ затвора въ общежительный монастырь.

— А вы не рассказали, — обращается авторъ къ затворнику, — какъ окончилось ваше пребываніе въ затворѣ.

— Очень просто, — отвѣтилъ затворникъ о. Ефремъ. — Пришелъ ко мнѣ дня за два до Успеньева дня отецъ игуменъ и спрашиваетъ: «Ну, что подѣлываешь?» — Да все читаю, батюшка! — говорю ему. — «Хорошее дѣло! только для чтенія не надо сидѣть въ затворѣ. Для молитвы нужно уединеніе и тишина, а читать можешь еще съ большаго успѣхомъ, живя среди братіи». И велѣлъ мнѣ выйти изъ затвора (стр. 20).

Ковечно, могутъ быть «простецы» и затворники, полагающіе суть затвора въ чтеніи, и игуменъ, не умѣющій разъяснить затворнику, до его заключенія, значеніе затвора и жизнь въ немъ, но, думается намъ, «затворникъ» г. Ювачева «дѣланный», неподлинный, поэтому и рассказъ его не затрогиваетъ глубоко чувства читателя и скользитъ по поверхности его души.

Второй рассказъ «Три дня у пюковъ» (стр. 22—39) также не отличается содержательностью и картинностью.

Лучше слѣдующій рассказъ — «Лѣчебница души» (стр. 40 — 48), какъ авторъ называетъ тихую, уединенную обитель. Изображенный здѣсь отецъ Несторъ «смотрѣлъ на міръ, какъ на поле горячей борьбы немногочисленныхъ поборниковъ святой истины и живой любви не только съ невѣрующими или съ язычниками, но и съ тѣми опасными волками, которые ходятъ въ овечьихъ шкурахъ. У него болитъ сердце не оттого, что въ воскресенье былъ плохой сборъ, или что благодѣтель мало прислалъ камня на новую храмъ, — онъ мучится сознаниемъ, какъ разрушится міровой храмъ, какъ слабѣютъ духовныя связи любви въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствахъ, какъ трудно крикнуть на крышѣ, что онъ услышалъ въ уединеніи келліи» (стр. 47).

Въ рассказѣ «Монастырская работа» (стр. 49 — 53) братъ Іоаннъ говоритъ: «одна изъ главныхъ цѣлей каждаго монастыря — быть гостиницей и тихимъ убѣжищемъ для людей, чувствующихъ себя странниками и пришельцами на землѣ. Для нихъ можно и покопаться въ огородѣ, и хлѣбъ помѣсить на кухнѣ, и спѣть молебенъ на клиросѣ... Принимая всѣхъ безъ разбора, мы можемъ оказать гостеприимство и ангеламъ» (стр. 53). Взглядъ симпатичный.

И въ другихъ рассказахъ («Что выше — любовь или послушаніе?» — «Испытаніе», «Послушаніе») авторъ затрогиваетъ основные вопросы относительно монашества и высказываетъ, большею частью, правильные взгляды.

Вообще «Очерки и рассказы» г. Ювачева читаются не безъ интереса, такъ какъ написаны просто и тепло, проникнуты стремленіемъ автора объективно изобразить русскаго монаха въ его дѣйствительной обстановкѣ и средѣ.

С.

Полицейское право. (Пособіе для студентовъ). В. Ѳ. Дерюжинскаго, профессора С.-Петербургскаго университета. Спб. 1903.

Книга профессора Дерюжинскаго въ своей области представляетъ собою выдающееся явленіе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ всѣ отрасли юридическихъ наукъ привлекаютъ къ себѣ вниманіе цѣлаго ряда болѣе и менѣе талантливыхъ пслѣдователей, полицейское право съ давнихъ поръ у насъ находится въ загонѣ. Правда, и въ западно-европейскомъ ученномъ мірѣ, начиная съ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, ему пришлось вынести крупную передрагу, но въ русской литературѣ полицейское право какъ-то совершенно застыло въ лицѣ немногихъ своихъ представителей. По этой причинѣ до появленія книги г. Дерюжинскаго у насъ не выходило новыхъ трудовъ по полицейскому праву, за исключеніемъ компактнаго руководства профессора Шеймина.

И такъ, прежде всего, достоинство курса уважаемаго ученаго заключается въ томъ, что онъ пополняетъ крайне ощутительный пробѣлъ въ литературѣ полицейскаго права. Если къ этому прибавить ясность, точность, простоту изложенія курса выстъ съ содержательностью матеріала, то въ итогъ получится достаточно данныхъ для того, чтобы отвести ему почетное мѣсто среди университетскихъ руководствъ. Извѣстно, между прочимъ, что писать талантливые учебники гораздо труднѣе, чѣмъ составить отдѣльныя ученые монографіи, и въ этомъ отношеніи г. Дерюжинскій блистательно справился со своей задачей; литературность книги сообщаетъ ей и широкій общій интересъ. Въ настоящее время въ разсматриваемой работѣ трудъ г. Дерюжинскаго не законченъ. Книга обнимаетъ собою введеніе съ изложеніемъ ученія о сущности полицейскаго права и его исторіи; затѣмъ идутъ отдѣлы, посвященные полиціи безопасности и праву передвиженія, полиціи союзовъ и собраній, печати, нравовъ, полиціи санитарной и медицинской, чрезвычайныхъ мѣръ, полиціи безопасности, народнаго образованія, общественнаго призрѣнія и благотворительности, фабричнаго законодательства.

Въ своемъ взглядѣ на науку полицейскаго права профессоръ Дерюжинскій придерживается, такъ сказать, ортодоксальной точки зрѣнія. Въ духѣ ученія Лоренца Штейна и его послѣдователей уважаемый ученый подъ содержаніемъ полицейскаго права понимаетъ изученіе тѣхъ разнообразныхъ отраслей государственной и общественной дѣятельности, которыя направлены къ обезпеченію наиболѣе благоприятныхъ условій культурнаго развитія народа. Понятіе это обнимаетъ, съ одной стороны, возможно болѣе широкое и всестороннее развитіе матеріальныхъ и духовныхъ силъ общества, а, съ другой стороны, возможно болѣе полное удовлетвореніе разнообразныхъ потребностей матеріальнаго и духовнаго существованія отдѣльныхъ членовъ его. На первомъ планѣ при этомъ стоитъ изученіе тѣхъ мѣръ и средствъ, которыя государство и общество (органы самоуправленія и различные общественные союзы) примѣняетъ для достиженія дѣли указанныхъ сторонъ культурнаго развитія населенія.

Затѣмъ г. Дерюжинскій указываетъ, къ какому циклу юридическихъ наукъ должно быть отнесено полицейское право, и помѣщаетъ его въ разрядъ наукъ государственныхъ. При этомъ уважаемый ученый совершенно правильно замѣчаетъ, что полицейское право, не касаясь вопросовъ государственнаго устройства, беретъ государство, какъ величину данную, и различныя государственныя учрежденія изучаетъ не съ точки зрѣнія ихъ организаціи, а со стороны дѣятельности, поскольку она направлена къ достиженію извѣстныхъ задачъ государства. Нѣкоторые изъ ученыхъ новѣйшаго направленія, какъ, напримѣръ, Э. Н. Берендсъ¹⁾, къ этому опредѣленію прибавляютъ ту черту, что полицейское право, какъ наука юридическая, имѣетъ въ виду только изученіе юридическихъ нормъ, на основаніи которыхъ дѣйствуютъ органы управленія. Но, связанный факультетскими программами, профессоръ Дерюжинскій и въ этомъ случаѣ остается на старой точкѣ зрѣнія и примыкаетъ къ пред-

¹⁾ Э. Берендсъ. Опытъ системы административнаго права. Томъ I. Предисловіе. 1898 г.

ставителямъ теоріи такъ называемой «психики управления», задачи которой выходятъ за предѣлы анализа и синтеза чисто юридическаго матеріала. Исходя изъ названной теоріи, г. Дерюжинскій при опредѣленіи, наиримѣрь, мѣста школьныхъ вопросовъ въ области полицейскаго права, указываетъ, что педагогія изучаетъ школьное дѣло прежде всего съ точки зрѣнія цѣлесообразности тѣхъ или другихъ педагогическихъ системъ; полицейское право интересуется народнымъ образованіемъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія способъ и мѣръ, могущихъ обезпечить возможно широкое распространеніе его въ массахъ, и потому преимущественное вниманіе направляетъ на организацію воспитательныхъ и образовательныхъ учрежденій, на мѣры къ ихъ размноженію, улучшенію администраціи и т. п.

Догму полицейскаго права г. Дерюжинскій широко освѣщаетъ исторіей какъ русской, такъ и западно-европейской. В. Грибовскій.

Евг. Марковъ. Путешествіе по Сербіи и Черногоріи. Путевые очерки. Спб. 1903.

Недавнія политическія событія въ Сербіи обратили вниманіе нашего общества на жизнь и исторію сербскаго народа и дали не разъ случай къ неблагоприятнымъ о немъ заключеніямъ. Настоящіе путевые очерки покойнаго Евгенія Маркова являются въ этомъ отношеніи весьма кстати. Предназначенные для большой публики, легкіе и въ то же время довольно обстоятельные, а главное, чуждые всякихъ предвзятыхъ идей и политической окраски, они превосходятъ другія появившіяся за послѣднее время книги этого рода и будутъ несомнѣнно содѣйствовать установленію у насъ правильныхъ взглядовъ на сербскій народъ и сербскую жизнь.

Очерки дѣлятся на три части: первая, подъ заглавіемъ «Въ братской землѣ», охватываетъ путешествіе автора отъ Солуни до Бѣлграда, большею частью, по шоссе и проселочнымъ дорогамъ, посѣщеніе имъ монастырей и древнихъ святынь сербскаго народа, укрытыхъ часто въ такихъ недоступныхъ мѣстахъ, куда рѣдко заходитъ нога путешественника. Вторая даетъ описаніе Бѣлграда и его умственной жизни: послѣ знакомства съ сербскою деревней и простымъ народомъ читатель попадаетъ здѣсь въ общество бѣлградской интеллигенціи и знакомится съ любопытными взглядами на сербскую жизнь самихъ же интеллигентныхъ сербовъ.—Сретковича, Миличевича, Пашича, Николича, Ристича и молодого сербскаго слависта Радована Кошутича. Третья часть посвящена «Славянской Спартѣ»—Черногоріи и Далматинскому побережью. Путешествіе Маркова относится къ первымъ годамъ правленія Александра Обреновича еще до женитьбы его на Драгѣ Машинной, но, такъ какъ предметъ его—не политическія событія минуты, а описаніе народной жизни и земли Сербской, которыя съ тѣхъ поръ измѣнились очень мало, если почти вовсе не измѣнились, то это не уменьшаетъ значенія книги, живой и занимательной.

Картина Сербіи, какъ она представляется нашему путешественнику,—«картина обилія и зажиточности». Вслѣдъ за Ламартиномъ онъ называетъ

Сербію «поистинѣ счастливой, буколической страной, гдѣ чувствуешь себя часто въ какомъ-то сплошномъ зеленомъ раю, гдѣ путешествіе—увеселительная прогулка». И эта прогулка тѣмъ пріятнѣе для насъ, что, какъ ни какъ, а читатель чувствуетъ себя, хотя и на чужбинѣ, но въ родственной атмосферѣ: «такъ пріятно, — пишетъ авторъ, — почувствовать себя среди народа, близкаго и понятнаго вамъ, — одной вѣры, одной крови, одной почти рѣчи... Изумительна эта стойкость и однообразіе племенныхъ вкусовъ и привычекъ. Сколькими вѣками, сколькими сотнями верстъ раздвинуты были другъ отъ друга два родственные народа, какія различныя историческія, климатическія, этнографическія вліянія воздѣйствовали на нихъ, а въ существенныхъ условіяхъ быта своего они все-таки сохранили однѣ и тѣ же черты». Сочувствіе къ сербамъ не мѣшается, однако, автору видѣть наравнѣ съ положительными и отрицательными стороны ихъ жизни. Благодаря закону 1872 г. о неотчуждаемости извѣстной части крестьянскихъ имѣній при плодородіи почвы благосостояніе крестьянина въ Сербіи обезпечено, и поэтому, несмотря на сосѣдство съ Австріей, она вполнѣ застрахована отъ социализма... Самый народъ, красивый, добродушный, общительный и пріятельный, очень привлекателенъ. Но, къ сожалѣнію, богатство даровъ природы развивается въ сербахъ лѣнь и отсутствіе почва: въ Сербіи почти вовсе нѣтъ промышленности, и можно проѣхать цѣлыя сотни верстъ, не увидѣвъ ни одной фабричной трубы. Исключеніе составляютъ только казенные военныя заводы въ Крагуевцѣ, одна стеклянная да одна суконная фабрика, а затѣмъ все издѣлія—и фабричныя и ремесленныя, поставяетъ Сербіи Австрія, отъ которой экономическая жизнь Сербіи находится въ полной зависимости «Мы сжаты въ ея кулакѣ, — жаловались нашему путешественнику сербы: — захочетъ — погубить насъ, захочетъ — оживить. Запретить ввозъ свиней и сливъ, — и конецъ сербскимъ доходамъ, жаловаться некому». Изъ этихъ словъ, читателю становится ясно, какъ несправедливы часто встрѣчающіеся у насъ по адресу Сербіи упреки въ ея тягостнѣи къ Австріи: въ Сербіи уважаютъ за Австріей поневолѣ, хотя нѣтъ серба, который бы ее любилъ. Что касается до русско-сербской торговли, то ея не существуетъ и въ зародышѣ. Въ виду недавнихъ споровъ объ устройствѣ заграничной торговли русскими книгами небезынтересно выслушать авторитетное заявленіе Кошутича о томъ, что наши книгопродавцы не хотятъ входить ни въ какія сношенія съ бѣлградскими и не оказываютъ имъ кредита даже на 300 рублей. Когда придворный сербскій книгопродавецъ выписалъ изъ Россіи нѣсколько книгъ, ему даже не отвѣтили на письмо. Русскія книги получаютъ кружнымъ путемъ, черезъ Лейпцигъ, а между тѣмъ, по словамъ Кошутича, нужда въ нихъ есть, спросъ есть, особенно нашихъ дешевыхъ изданій. То же явленіе замѣчается и въ другихъ областяхъ торговли. Другою послѣ промышленнаго и торговаго застоя отрицательной стороной сербской жизни является доходящая до чудовищныхъ размѣровъ политическая партійность. «Партія—это гибель настоящаго и будущаго Сербіи», говорили нашему путешественнику его сербскіе знакомые и, хотя на все его вопросы о принципиальныхъ различіяхъ въ двухъ главныхъ сербскихъ партіяхъ, либеральной и радикальной, никто не далъ ему сколько нибудь удовлетворительнаго отвѣта, вражда между радика-

ламп и либералами доходитъ до того, что «либераль съ радикаломъ по улицѣ рядомъ не пройдутся». Въ приходѣ священника, радикала ни одинъ человекъ не встрѣтитъ въ церкви митрополита, если онъ либераль, и обратно. «Политическія партіи, — говорилъ Маркову Кошутичъ, — погубили таланты, разобили людей, отвлекли ихъ отъ мирныхъ мыслей, отъ общаго дѣла. Теперь ни у кого нѣтъ никакихъ твердыхъ взглядовъ, цѣлей, опредѣленнаго міровоззрѣнія, всѣ пзвѣрились во всемъ. Никто у насъ, ни учителя, ни профессора, ни священники не заботятся о нравственномъ развитіи народа, о служеніи какимъ нибудь высшимъ цѣлямъ. Всѣ лишь жаждутъ одного: побѣды своей партіи. Есть ли возможность при такихъ условіяхъ изучать что нибудь серьезно, посвящать себя какому нибудь возвышенному призванію? Самые полезные, самые честные и знающіе люди безпощадно изгоняются, выкидываются на мостовую при первомъ торжествѣ противной партіи. Это настоящее *vae victis*. Тутъ не дозволяется никакихъ послабленій... Даже вожди партій здѣсь совсѣмъ безсильны». «Отсюда происходитъ въ образованномъ обществѣ полная нравственная распушенность. Даже молодежь и та учится безъ всякой серьезной цѣли и интереса, чтобы сдѣлаться чиновниками и получать жалованье. Не лучше и духовенство». Высшая духовная власть въ Сербіи, по словамъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія Николчица, такъ заражена политикой, что приучила политиковать и все деревенское духовенство. «Пошъ нашъ рѣшительно ничему не наставляютъ народъ, кромѣ политикъ. И сербъ ни въ чемъ не станетъ слушать своего попа, кромѣ того, когда онъ читаетъ ему газету и толкуетъ про политическія дѣла. Оттого-то сербъ готовъ умереть за церковь, за вѣру свою, а Богу не молится и ни о какой религіозной нравственности не имѣетъ понятія...». Эту печальную характеристику подтвердили и другіе интеллигентные сербы и наконецъ наблюденія самого нашего путешественника. Онъ посѣтилъ всѣ главныя святыни сербскаго народа и вездѣ нашелъ запущеніе: со стѣнъ нѣкогда величественныхъ и богатыхъ храмовъ смотрѣли на него образа святыхъ съ выколотыми еще при турецкомъ владычествѣ глазами, стѣнные фрески облѣзли и осыпались, дорогой мозанковый полъ растрескался, а въ знаменитомъ Раваницкомъ монастырѣ даже въ храмовой праздникъ, столь чтимый сербами Видовъ день, онъ засталъ въ церкви молящимися только 15 бабъ и ни одного мужчины! Въ монастыряхъ братіи два-три человека, а въ обители Высокаго Стефана Деспота оказался всего только одинъ монахъ, самъ архимандритъ, который, когда нужно, является и дьячкомъ, и понамаремъ, и кухаркой, и дворникомъ, и садовникомъ, и архитекторомъ. Это опустѣніе храмовъ и монастырей до нѣкоторой степени объясняется долгими годами турецкаго гнета, когда опасно было выказывать свое религіозное чувство, и сербъ клялся съ нимъ у себя дома, гдѣ, по словамъ Сретковича, онъ набоженъ и до сихъ поръ не встанетъ съ постели безъ знаменія креста и не перекрестясь не возьметъ куска въ ротъ, но какъ бы то ни было, несмотря на то, что въ своей исторіи сербъ всѣмъ, даже свободу и жизнью жертвовалъ религіи, теперь она, судя по большинству отзывовъ, для него дорога больше, какъ знамя его народности, чѣмъ сама по себѣ, и, если это такъ, это, можетъ быть, наибольшій недостатокъ современной сербской жизни.

Описывая природу, населеніе и умственную жизнь Сербіи, покойный Марковъ съ особеннымъ стараніемъ всматривается въ отношенія сербскаго народа къ Россіи. Здѣсь можно отмѣтить два теченія: въ интеллигенціи замѣтно недовольство русской политикой. «Ни къ одному народу Европа и Россія не были такъ неблагодарны, какъ къ намъ, сербамъ», говорили нашему автору сербы, отрицая и самую освободительную роль Россіи въ Сербіи; «въ народѣ же, по словамъ этихъ самыхъ людей, привязанность къ Россіи такъ велика, что при простомъ крестьянинѣ нельзя сказать дурного слова про русскихъ, про русскаго царя». Авторъ очерковъ имѣлъ не разъ случай самъ убѣдиться въ этомъ. Его бесѣды съ сербскими крестьянами любопытны и тѣмъ болѣе цѣнны, что въ описаніи ихъ у него нѣтъ сентиментальности, въ которую нерѣдко впадаютъ въ такихъ случаяхъ путешественники. Но, что особенно занимательно въ книгѣ, это—экскурсіи, которыя дѣлаетъ авторъ по пути въ область исторіи. Исторія Сербіи есть исторія ея монастырей. Посѣщеніе Студеницы и Жичи даетъ автору случай говорить объ основателяхъ сербскаго государственнаго могущества, Нѣманѣ и его сыновьяхъ, св. Саввѣ и Стефанѣ Первовѣчанномъ; Крушевацъ и Раваница напоминаютъ ему о Лазарѣ и гибели сербскаго царства на Косовомъ полѣ. При описаніи Шумадиі передъ читателемъ проходятъ герои сербскаго освобожденія, храбрый, смѣлый, даровитый, но и звѣрскій, не остановившійся даже передъ отцеубійствомъ, гайдукъ Кара-Георгій и характерная фигура властительнаго сербскаго кулака-скопцома, хитраго и расчетливаго Милоша Обреновича. Тончдерскій паркъ навѣваетъ воспоминанія о кн. Михаилѣ, измѣнически убитомъ партией Карагеоргиевичей, а долина Алексинца—воспоминанія о геройской защитѣ этой позиціи въ послѣднюю войну, когда русскіе воины и сербскіе юваки подъ предводительствомъ Черняева костями усѣяли всю долину, гдѣ стоитъ теперь надъ ними памятникъ, вызвавшій трогательные стихи Змая Ювана Ювановича о русскихъ воинахъ, которые «за народъ сриски свой животъ дали, дали су животъ, који се никадъ не може да врати (воротиться),—може ли ико (кто), може ли икомъ (кому) што више дати!» Исторія Сербіи такъ мало извѣстна у насъ, что нельзя не пожелать, чтобы хоть книга Маркова оказала нашему обществу въ этомъ отношеніи ту услугу, въ которой все еще отказываютъ ему наши среднія учебныя заведенія, до сихъ поръ оставляющія безъ вниманія исторію славянскихъ народовъ.

Путешествіе по собственной Сербіи занимаетъ большую часть разсматриваемой книги. Но тѣмъ же пріемамъ изложено и описаніе Черногоріи, но оно уже менѣе занимательно: и авторъ утомился своимъ путешествіемъ, и читателя въ концѣ начинаютъ утомлять описанія черногорской природы; къ тому же эта часть сербскихъ земель издавна была болѣе извѣстна. Книга Евг. Маркова обнимаетъ собою до 500 страницъ, и однако въ ней описана только часть территоріи, занятой сербо-хорватскимъ народомъ. Боязнь разбоевъ со стороны арнаутовъ помѣшала ему заѣхать въ Старую Сербію, а боязнь австрійскихъ порядковъ закрыла передъ нимъ Боснію, Герцеговину, Хорватію же со Славоніей онъ видѣлъ только изъ окна вагона. Такимъ образомъ такія важныя явленія въ жизни сербо-хорватскаго племени, какъ взаимныя отношенія сербовъ и хорватовъ, въ его книгѣ не затронуты вовсе. О Босніи и Герцеговинѣ

читатель можетъ узнать изъ недавно появившейся въ русскомъ переводѣ чешской книги Юсупа Голечка, а Хорватія, Славонія, да и Далмация еще ждутъ своего описателя, такъ какъ короткій очеркъ Далматинскаго побережья въ книгѣ Маркова поверхностенъ и недостаточенъ для сколько нибудь основательнаго знакомства съ этимъ краемъ.

Андрей Сиротининъ.

Академикъ Н. П. Кондаковъ. Зооморфическіе инициалы рукописей X — XI столѣтій въ библиотекѣ Синайскаго монастыря. Спб. 1903.

Извѣстный знатокъ исторіи искусства академикъ Н. П. Кондаковъ предпринялъ въ 1881 году научное путешествіе на Синай съ цѣлью ознакомиться съ художественно-археологическими сокровищами этой знаменитой обители, осмотрѣть ихъ и, насколько возможно, зарисовать и сфотографировать. Результатомъ этой экспедиціи явилась книга «Путешествіе на Синай», вышедшая въ 1882 г. Въ небольшомъ по объему трудѣ авторъ подробно описалъ свой довольно тягостный путь и познакомилъ нашу публику съ Синаемъ, мало посѣщаемымъ и мало кому извѣстнымъ. Рядомъ съ описательной частью авторъ помѣстилъ и свои ученія наблюденія, остановившись съ особымъ вниманіемъ на сохранившихся въ монастырѣ мозаикахъ и лицевыхъ рукописяхъ. Особенно интересовали нашего ученаго тѣ именно манускрипты, гдѣ встрѣчается орнаментика такъ называемаго ломбардскаго или звѣринаго стиля. Вопросъ о мѣстѣ и времени происхожденія этого стиля, не только встрѣчающагося въ рукописяхъ средневѣковыхъ народностей, въ томъ числѣ и въ славянскихъ, но и проникшаго въ средневѣковую архитектуру, особенно Италіи (соборы Пармы, Модены, Вероны, Фаррары и нашъ Дмитровскій во Владимірѣ), до сихъ поръ оставался въ наукѣ загадочнымъ, и только теперь начинаетъ мало-по-малу развѣснаться. Становится очевиднымъ, что источникъ его искали прежде совсѣмъ не тамъ, гдѣ надо. До послѣдняго времени держались убѣжденія, что звѣринный стиль въ орнаментикѣ есть порожденіе средневѣковаго монашества и суетврія, будто бы вошло цѣликомъ въ этотъ стиль разныя страшлища, которыми духовенство хотѣло обуздать варварское общество и направить его къ христіанско-строгой морали. Однако, съ расширеніемъ научнаго поля зрѣнія и съ привлеченіемъ къ изслѣдованію древностей азіатскихъ, оказалось, что средневѣковая гипотеза происхожденія звѣринаго стиля не выдерживаетъ критики, и что явленіе это оказывается гораздо болѣе сложнымъ.

«Чтобы понять составы такъ называемаго Ломбардскаго стиля,—говоритъ Н. П. Кондаковъ,—нужно противопоставить анализъ формъ силлетенія и звѣринныхъ типовъ въ орнаментахъ галло-меровингскихъ и готскихъ (сохранившихся въ Испаніи отъ VI—IX стол.) разбору древностей сибирскихъ и средне-азіатскихъ начала нашей эры. На этомъ разборѣ должна быть построена характеристика орнамента сассанидскаго и въ связи съ нимъ начальнаго сиро-арабскаго VII—X столѣтій. Только опредѣливъ себѣ эти періоды, историкъ могъ бы приступить къ анализу византійскаго орнамента VII—X в. и его вліянію на орнаментику греческую и славянскую. Пройдя шагъ за шагомъ

этотъ путь, можно понять и составъ ломбардекаго стиля и опредѣлить лишь процессъ перехода звѣриной орнаментики въ письменности славянскихъ странъ».

Съ цѣлью помочь такому сложному изученію, академикъ Кондаковъ во время пребыванія на Синаѣ сдѣлалъ массу снимковъ, между прочимъ, съ инициаловъ въ некоторыхъ рукописей съ звѣринымъ орнаментомъ и въ свое время издалъ эти снимки въ видѣ особаго альбома. Но альбомъ этотъ, содержащій фотографическое воспроизведеніе снимковъ, былъ изданъ въ количествѣ лишь пяти экземпляровъ и, конечно, давно уже сталъ библиографическою рѣдкостью.

Нынѣ императорское общество любителей древней письменности передало часть этого альбома, выбравъ изъ него лишь зооморфическіе инициалы двухъ греческихъ и одной славянской глаголической рукописей. Въ изданіи общества, снабженномъ введеніемъ академика Кондакова, инициалы эти (около 60) воспроизведены на 8 отдѣльныхъ таблицахъ въ краскахъ въ томъ самомъ видѣ, какой они имѣютъ въ подлинникѣ. Въ виду извилистыхъ путей и сложныхъ международныхъ вліяній, занесшихъ этотъ стиль изъ Азіи, сначала въ южную Европу, а затѣмъ и къ намъ на Русь, новое изданіе общества должно имѣть значительный интересъ для изслѣдователей рукописной и архитектурной орнаментики.

М.

И. Н. Божеряновъ и Н. Н. Карповъ. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Выпускъ 1. Спб. 1903.

Это — первая попытка изданія популярной исторіи русскаго театра, — попытка, начатая на широкихъ началахъ опытной издательско-авторской рукой г. Божерянова, уже зарекомендовавшаго себя своими роскошными фоліантами «Портреты министровъ» (Сиб. 1901 г.), и «Невскій проспектъ» (Сиб., 1903 г.).

Изданіе это можно назвать юбилейнымъ, имѣющимъ связь съ только что отпразднованнымъ 200-лѣтіемъ существованія Петербурга, такъ какъ державный создатель столицы является вмѣстѣ съ тѣмъ и основателемъ русскаго театра, который родился въ одинъ годъ съ Петромъ I.

Пользуясь трудомъ г. Божерянова, кратко набросаемъ исторію его возникновенія.

Первымъ наслѣдителемъ театра въ Россіи былъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ маѣ 1672 года онъ послалъ въ Курляндію за людьми, «которые бы умѣли всякія комедіи стропить». Людей такихъ, однако, не дождались, и первую въ Россіи комедію (объ Эсепри или «Артаксерксово дѣйство») для царя поставилъ наставникъ нѣмецкой слободы Яганъ Готфридъ Грегорі въ ноябрѣ того же года. Этимъ спектаклемъ, очевидно, дѣло русскаго театра и закончилось бы, если бы о немъ не вспомнилъ Петръ Великій и не отдалъ бы распоряженія объ устройствѣ въ Москвѣ «комедіальной храминны». Уже 6-го августа 1701 года Федоръ Головинъ, по пути къ Архангельску, съ Двины-Малой писалъ дьякамъ посольскаго приказа, что государь повелѣлъ строить комедійный домъ въ Кремлѣ, «въѣхавъ въ Никольскія ворота на лѣвой сторонѣ». Но это мѣсто для

постройки дьяками было признано не подходящимъ, такъ какъ оказалось, что тамъ «нанашено кирпичу и всякаго лому и земли огь старыхъ палатъ великія горы». Тогда Головинъ измѣнилъ проектъ и приказалъ строиться на Красной площади, что также пришлось не по вкусу дьякамъ, почему они и писали: «въ томъ мѣстѣ подь строеніе земли столько не будетъ, а если по нуждѣ и построится, и огь той хоромны площадь и триумфальныя свѣтлицы заставятся, а лѣсъ, государь, весьма дорогъ».

Однако же, воли великаго преобразователя была неизмѣнна, и за три дня до штурма Нотебурга тотъ же любимецъ царя писалъ: «О комедіи и комедіантахъ учините по прежнему письму о томъ къ вамъ». Результатъ былъ таковъ—черезъ два мѣсяца комедіальная хранина была уже готова, а въ юнѣ 1702 года венгерскій выходецъ Иванъ Славскій привезъ изъ Данцига странствующую труппу во главѣ съ Юганномъ Кунштою, который вскорѣ получилъ титулъ «царскаго величества комедіантскій правитель». Ему было поручено подготовить изъ подьячихъ разныхъ приказовъ русскихъ актеровъ для образовывающагося театра. За это трудное дѣло онъ принялся энергично и цыгался «привести царское величество въ утѣшеніе» операми, летаніемъ и «махинами». Но, несмотря на такія старанія, Петръ осгался недоволенъ его театромъ и, по его приказу, дьяки потребовали огь своего учителя составленія «въ скорости, какъ мощно», новой комедіи о «побѣдѣ и о врученѣ великому государю крѣпости Орѣшка», т.-е. о взятіи Нотебурга. За матеріаломъ для пьесы Кунштъ обратился къ дьякамъ, прося ихъ «дать ему росписъ, какъ сблизженіе соверпилось, и союзъ укрѣпился, закрытыми именами генераловъ и градъ называть». Матеріала такого у дьяковъ не оказалось, и тогда «комедіантскій правитель» сочинилъ большой прологъ, на случай торжественнаго вшествія государя въ Москву послѣ знаменитой побѣды надъ шведами—героическое представленіе «Александръ Македонскій и Дарій», а въ слѣдующіе дни онъ ставилъ «Вѣснованіе Прода» (сочиненіе его же), «Докторъ принужденный» («Врачъ поневолѣ») Мольера и «Магометъ и Зюлима», комедію съ пѣснями и танцами. Въ началѣ 1703 года Кунштъ умеръ, и его мѣсто занялъ Артемій Форштъ.

Таково зачатіе нашего театра. Изъ процитированной нами странички ясно видно, что оно тѣсно связано съ именемъ нашего преобразователя, по мнѣнію котораго театръ долженъ былъ разъяснять народу истинный смыслъ его великихъ дѣяній.

На дальнѣйшемъ развитіи нашего театра и на характеристикахъ его дѣятелей, создавшихъ его настоящее высокое положеніе, мы подробнѣе остановимся, когда будемъ разсматривать слѣдующіе выпуски «Иллюстрированной исторіи русскаго театра», а теперь ограничимся лишь обрисовкой облика этого интереснѣйшаго изданія и указаніемъ содержанія перваго его выпуска.

Вѣшность его изящна. Красиво набранный текстъ иллюстрированъ массою снимковъ съ гравюръ и литографій, извлеченныхъ изъ собраній императорскаго эрмитажа, архива дирекціи императорскихъ театровъ и изъ коллекцій А. А. Бахрушина, П. Я. Дашкова и А. Е. Молчанова, копіями театральныхъ афишъ стараго времени, портретами дѣятелей театра и разнообразнѣйшими заглавными титулами, заставками и концовками. Съ технической сто-

роны все это исполнено превосходно въ лучших типографіяхъ столицы. Бросается въ глаза лишь смѣшеніе стилей, и это, по нашему мнѣнію, для роскошнаго изданія—дефектъ, на который нельзя не обратить вниманія: слѣдовало бы придерживаться ужъ какого либо одного стиля: модернъ — такъ модернъ, древне русскій — такъ онъ. Но, къ сожалѣнію, такой невыдержанностью рисунковъ страдаютъ почти всѣ русскія роскошныя изданія.

Содержаніе перваго выпуска распадается на три отдѣла: первый озаглавленъ «Взглядъ на ходъ и развитіе русскаго театра въ XIX вѣкѣ» и представляетъ собою первыя страницы исторіи театра, обнимаемая время съ 1800 года по 1812 годъ; второй, названный «Театральнымъ альбомомъ портретовъ сценическихъ дѣятелей», состоитъ сплошь изъ однихъ портретовъ, и третій заключаетъ біографіи извѣстныхъ артистовъ драмы и оперы; онъ расположенъ въ хронологической послѣдовательности, по годамъ дебютовъ на императорскихъ театрахъ или перваго появленія на частныхъ сценахъ.

Такимъ образомъ, основной текстъ включенъ въ первый отдѣлъ, и остальные два отдѣла лишь пополняютъ и иллюстрируютъ его. Изложеніе ведется популярнымъ живымъ языкомъ; біографіи достаточно подробны и съ датировочной стороны вѣрны; портреты, большею частью, — точныя копіи съ современныхъ.

Все изданіе рассчитано на 2 тома въ 60 листовъ. Цѣна за него скромная — 12 рублей, и можно надѣяться, что на него будетъ большой спросъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что трудъ по настоящему изданію вмѣстѣ съ И. Н. Божеряновымъ раздѣлялъ и его соиздатель Н. Н. Карповъ.

В. Г—цкій.

Борисъ Гегидзе. Въ университетѣ. Спб. 1903.

Автобіографическія воспоминанія, въ которыхъ имѣется оцѣнка окружающихъ общественныхъ условий, — достояніе исторіи. Но въ такихъ воспоминаніяхъ всегда отражается личность автора, и потому пользующемуся подобнаго рода матеріаломъ нужно относиться къ нему строго критически. Необходимо вначалѣ установить, что такое авторъ самъ по себѣ, какія у него стремленія, идеалы, степень подготовленности судить о тѣхъ или другихъ явленіяхъ общественнаго характера. Съ этой точки зрѣнія и подойдемъ къ оцѣнкѣ воспоминаній г. Гегидзе.

Прежде всего «я» автора не принадлежало, будучи въ университетѣ, къ тѣмъ студентамъ, «что работаютъ, истины ищутъ, не безъ пользы стараются жить». Время его студенчества было посвящено главнымъ образомъ радостямъ дешеваго разврата въ его самыхъ разнообразныхъ видахъ. На стр. 9 г. Гегидзе съ чувствомъ рассказываетъ, какъ онъ возилъ въ гостиницу одну миловидную, «а главное совѣмъ еще свѣженькую модистку». Обѣдаетъ онъ у вдовы жирной съ сѣрыми глазами, гдѣ пріятели его вмѣстѣ съ нимъ только и ведутъ разговоры «о статьяхъ женщинъ» и обнимаютъ горничныхъ (стр. 45). Когда авторъ остается одинъ, онъ мечтаетъ о красавицѣ-женщинѣ съ нѣжными ручками, сладкими объятіями, пышной грудью и дивнымъ молодымъ тѣломъ

(стр. 48). Вечера «чаще всего» авторъ проводилъ съ товарищами въ Варьете, Альказарѣ и на Невскомъ, гдѣ «подъ сѣнью ночи, при неестественномъ возбуждающемъ нервы свѣтѣ, носится атмосфера чувствепныхъ желаній и торговли собой» (стр. 79). Эти «вечернія занятія» разнообразятся посѣщеніемъ сомнительныхъ кофеенъ и различныхъ вертеповъ, гдѣ авторъ себя чувствуетъ, какъ дома. Однако болѣе всего ему изъ этихъ значныхъ мѣстъ по душѣ «Серебряные тигры», гдѣ пмѣются и польки, и вѣмки, и венгерки по всякому вкусу (стр. 95). Это главные занятія г. «я» въ Петербургѣ; дома онъ также пребываетъ въ кучкѣ юныхъ и взрослыхъ шалопаевъ, знакомясь въ гостиницѣ съ подозрительными дѣвицами и «туша у нихъ лампы» въ номерѣ (стр. 178). Разнообразіе въ это существованіе вносятъ кутежи въ провинціальномъ клубѣ и т. п. Грязныя грустныя картины грязно проводимой юности и свѣтлыхъ студенческихъ годовъ!

Посмотримъ теперь глубже, заглянемъ въ душу автора. Что мы найдемъ тамъ? Гимназія была ему ненавистна съ глухими учителями, карцерами, латинской грамматикой и всякой дребеденью, всѣ университетскія знанія онъ презираетъ, а свои факультетскія зубритъ для сдачи экзамена. Общественная дѣятельность въ видѣ служенія въ земствѣ, просвѣщенія народа или борьбы съ произволомъ ему кажется незаманчивой. «Просвѣщать народъ... но если не вилать, а идти прямо къ цѣли, то меня быстро прогонять со службы!» — восклицаетъ по этому поводу г. Гегидзе. «Бороться съ произволомъ... а за это тюрьма и Сибирь — съ нечистотой, съ клопами, грязными арестантами... а я привыкъ къ комфорту, къ чистому бѣлью» (стр. 52). «И точно ли я люблю народъ, — далѣе восклицаетъ авторъ, — чтобы жертвовать для него своимъ счастіемъ?.. Народъ — это грубые, грязные, какіе нибудь Сидоръ или Марья... какой нибудь пьяный, противный фабричный... Отдавать счастье для блага грубой, грязной невѣдомой Марей! Жить для цѣлей прогресса! Для этого отречься отъ своего счастья!» Такова нравственная личность автобіографа. Она рисуется передъ нами грубо чувственнаго человѣка, грубаго себялюбца и грязнаго циника, не стѣсняющагося обнажать самыя отвратительныя язвы своего существа. У г. Гегидзе есть порывы и идеалы. Но, желая работать и страдать, почтенный авторъ готовъ однако совершать великое свѣтлое дѣло «на благодатномъ югѣ, на берегу лазурно-голубого неба, гдѣ растутъ пальмы подъ горячимъ лучомъ солнца» (стр. 50). Это трудъ, которому посвятилъ бы свои силы г. Гегидзе; а счастье его въ томъ, чтобы «безъ всякихъ человѣческихъ установленій, называемыхъ юридическими браками церковными или гражданскими безразлично», сходиться съ честными дѣвушками, великодушно избавляя ихъ отъ мукъ аскетизма, а дѣтей отдавать въ воспитательный домъ» (стр. 114 и 115).

И подобный человѣкъ преподноситъ оцѣнку университета, какъ цѣлаго, съ профессорами и студентами. Кутая свою убогую личность въ тогу философа отрицателя, г. Гегидзе поноситъ весь свой преподавательскій составъ, противорѣчившій въ своихъ лекціяхъ стремленіямъ ученика къ великимъ дѣламъ на благословенномъ югѣ и безнаказанному развращенію честныхъ дѣвушекъ на суровомъ сѣверѣ. Не находитъ г. Гегидзе ни одного добраго слова и для сво-

ихъ товарищей: всѣ они самодовольные болтуны, тупицы, невѣжды, лѣвтяи, фразеры и развратники, вмѣсто честныхъ дѣвушекъ, отдающіе свои силы падшимъ женщинамъ. Среди этихъ тысячъ двуногихъ таракановъ возвышается только одна полная смысла свѣтлая личность—авторъ. Таковы автобіографіи съ общественнымъ оттѣнкомъ, издаваемыя въ наши дни. Знаменіе времени! Одинъ критикъ толстаго петербургскаго журнала назвалъ г. Гегидзе «гамлетствующимъ поросенкомъ», а мы бы сказали, что это уже вполне сложившееся взрослое существо.

А. В.

Юбилейная выставка въ память державнаго основателя Петербурга во дворцѣ Лѣтняго сада. Спб. 1903.

Эта книжка необходима для всѣхъ, кто занимается или интересуется Петровскою эпохой. Въ ней подробно описаны 430 портретовъ, вещей, книгъ, рукописей и т. п., бывшихъ на юбилейной выставкѣ въ память Петра Великаго, устроенной въ Лѣтнемъ дворцѣ, въ маѣ текущаго года. Большинство выставочныхъ предметовъ были доставлены съ высочайшаго соизволенія изъ разныхъ правительственныхъ учреждений: Эрмитажа, Романовской галлерей Зимняго дворца, Екатерингофскаго дворца, музеевъ: Артиллерійскаго, Морского, Академіи Художествъ, Публичной бібліотеки и т. д. Кромѣ того, многія частныя лица прислали на выставку весьма рѣдкіе портреты и вещи изъ своихъ собраній. Такимъ образомъ, по изданному теперь каталогу можно имѣть довольно точное представленіе о томъ, гдѣ и у кого въ Петербургѣ находятся портреты, вещи, книги и рукописи, относящіяся къ Петру Великому и его царствованію. Каталогъ снабженъ прекрасно исполненными снимками съ наиболѣе замѣчательныхъ портретовъ и вещей. Эти снимки имѣютъ особенную цѣнность для любителей. Большая часть портретовъ Петра Великаго и его содвинжниковъ извѣстны намъ по сдѣланнымъ съ живописныхъ подлинниковъ гравюрамъ. Но какъ бы ни были тщательно исполнены гравюры, онѣ все-таки, въ общемъ или въ деталяхъ, искажаютъ болѣе или менѣе оригиналь. Снимки, воспроизведенные въ настоящемъ изданіи художественной цинкографіей Вильборга и Голике, даютъ точную копію подлинниковъ и восстанавливаютъ дѣйствительное изображеніе того или другого лица, писанное съ натуры. Къ изданію приложена сжатая, но обстоятельная характеристика Петра Великаго, написанная г. Грибовскимъ.

О. Ш.

Введеніе въ исторію г. С.-Петербурга (въ память 200-лѣтнихъ юбилеевъ Шлиссельбурга 11 октября 1902 г. и С.-Петербурга въ 1903 г.). Составилъ И. Г. Поповъ. Москва. 1903.

Авторъ начинаетъ свою книгу слѣдующей фразой: «Въ наше время, когда, съ одной стороны, наука стремится опредѣлить соціальныя законы, закономерность и причинность историческаго развитія, съ другой — для объясненія этого процесса сдѣлано мало», а затѣмъ утверждаетъ, что наука не можетъ опредѣлить: что такое жизнь? Далѣе авторъ говоритъ о «возникновеніи плазмы»,

о доктринѣ идеализма, о Дарвинѣ, апостолѣ Павлѣ, изобрѣтеніи паровой машины, перваго локомотива, электричества, автомобиля и телефона и заканчиваетъ свое введеніе перепечаткою телефонныхъ сообщеній изъ Петербурга о началѣ 200-лѣтняго юбилея (стр. 1—4).

Таково начало этого многообѣщающаго труда. Въ дальнѣйшемъ изложено г. Поповъ рассказываетъ о походѣ на берега Невы въ 1701 г., объ Архангельскѣ и его роли въ культурномъ и торговомъ отношеніи до основанія С.-Петербурга, о путешествіяхъ Петра I, о взятіи Шлиссельбурга; даетъ «историко-археологическое» (?) описаніе Шлиссельбурга, рассказываетъ о торжественномъ въѣздѣ Петра въ Москву и, наконецъ, обращается къ исторіи Петербурга.

Остановившись въ самыхъ общихъ чертахъ на описаніи мѣстности для будущаго города и сказавъ нѣсколько словъ объ основаніи Петербурга, г. Поповъ вдругъ круто поворачиваетъ въ сторону и заявляетъ: «прежде, чѣмъ дать описаніе С.-Петербурга... коснемся Москвы начала XVII ст.», и любезно посвящаетъ читателя въ «устройство и картинки Москвы», такъ какъ, по мнѣнію автора, «въ первоначальномъ построеніи С.-Петербурга отразилась не только реформа Петра I (?), но западно-европейскому образцу, но и культура Москвы XVIII вѣка».

Покончивъ съ Москвою, г. Поповъ въ отдѣлѣ: «Петербургскій край, древній процессъ» (?), какимъ-то особеннымъ, не русскимъ языкомъ, вяло, неинтересно и тяжело компилируетъ рядъ кое-какъ и кое-гдѣ нахватавшихся свѣдѣній, при чемъ, благодаря полному незнанію исторіи, неумѣнью свести всѣ данныя въ систему, эти свѣдѣнія получаютъ особенную, характерную окраску; видно, что авторъ при составленіи своей книги страдалъ полнымъ несвареніемъ всего того, чѣмъ онъ начинилъ страницы своего «Введенія».

Главнымъ врагомъ г. Поповъ долженъ считать свой языкъ, которому нельзя отказать въ оригинальности и занимательности. Такъ онъ пишетъ: «въ большой петербургской газетѣ, задающей собственный тонъ» (стр. 50) и т. д., или: «Культура Водской пятины. По писцовой книгѣ 1500 г. Въ указанной книгѣ вездѣ однообразіе» (?), (стр. 67). Или велемудрое изреченіе: «Историческій анализъ не болѣе реаленъ, чѣмъ видъ историческихъ фактовъ: онъ представляетъ собою абстрактный приѣмъ, чисто-интеллектуальный процессъ»—стр. 50 (откуда это?), или: «нисколько не удивительно, если не имѣется современныхъ документовъ, касающихся основанія С.-Петербурга» и т. д., и т. д.

Но это еще не все. Чтобы судить о манерѣ, съ которою работаетъ г. Поповъ, достаточно будетъ остановиться на послѣднемъ и самомъ важномъ отдѣлѣ книги: «Петербургъ въ историческомъ процессѣ». Для автора казалось недостаточнымъ представить картину Петербурга въ его первоначальномъ видѣ, онъ вздумалъ отнестись къ вопросу съ добросовѣстностью, достойной лучшаго примѣненія, и потому позволилъ себѣ распространиться о вещахъ, не имѣющихъ къ Петербургу никакого отношенія—именно, о городахъ Англій. Пусть самъ читатель оцѣнитъ, насколько важны въ изслѣдуемомъ авторомъ вопросѣ случайныя данныя объ англійскихъ городахъ, общественныхъ въ нихъ предпріятіяхъ, лондонскомъ мэрѣ Эшли, увеличившемъ въ городскихъ амбарахъ кварталы ишеницы.

Г. Попова не удовлетворило и это: по инерции и при отсутствіи сопротивленія (бумага все терпѣтъ) онъ рѣшился дать очеркъ эволюціи «жилища и окна», затронулъ Страбона, германскія племена, и вдругъ перемахнулъ снова на Москву, а оттуда на «первые стеклянные заводы въ Россіи», вернулся на минуточку къ Петербургу, а оттуда опять маршь-маршемъ къ Архангельску, къ «историко-археологическому» его описанію.

Таково пестрое содержаніе книги въ 167 страницъ. Въ общемъ, книга интересная, но постольку, поскольку на основаніи творчества можно судить объ авторѣ, о его духовномъ складѣ. Въ заключеніе должно отмѣтить, что книга посвящается Петру Великому; однако, если г. Поповъ задумалъ, выпустивши въ свѣтъ свое убогое «Введеніе въ исторію С.-Петербурга», написать въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и самую исторію Петербурга, то мы искренно совѣтуемъ воздержаться отъ подобнаго рискованнаго предпріятія: довольно и того, что имъ сдѣлано.

Ф. Л.—въ.

Сергѣй фонъ-Штейнъ. Карлъ Гавличекъ-Боровскій и его «Тирольскія элегіи». Львовъ. 1903.

Брошюра г. Штейна касается жизни и трудовъ талантливаго чешскаго поэта, журналиста и борца за независимость, Гавличка-Боровскаго, разстроившаго свое здоровье въ заключеніи въ австрійской крѣпости и умершаго въ Прагѣ отъ чахотки въ 1856 г. Занимаясь въ пражскихъ архивахъ, Боровскій встрѣтился съ Погодинымъ, близость къ которому дала ему возможность побывать въ Россіи. Въ Москвѣ онъ былъ радушно принятъ въ кружкахъ славянофиловъ; встрѣчался въ домѣ Шевырева съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и Аксаковыми. Особенно близко Боровскій сошелся съ Бодянскимъ, съ которымъ предавался нескончаемымъ бесѣдамъ на родномъ языкѣ. Пребываніе въ Россіи оставило въ молодомъ тогда чехѣ самыя лучшія воспоминанія. Позднѣе онъ перевелъ на чешскій языкъ нѣсколько произведеній Гоголя, между прочимъ «Шнелъ» и «Мертвыя души», кромѣ того, издалъ «Очерки русской жизни». Словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые положили краеугольный камень русско-чешскихъ симпатій, столь ярко сказавшихся, между прочимъ, на послѣднемъ слетѣ «Соколовъ» въ старой Прагѣ. Журнальная дѣятельность на родинѣ навлекла на Гавличка неудовольствіе австрійскихъ властей, которыя приняла по отношенію поэта «свои мѣры». Мѣры эти привели къ тому, что Гавличекъ разстался съ жизнью 35 лѣтъ отъ роду.

Давъ содержательную характеристику личности и дѣятельности Боровскаго, г. Штейнъ очерчиваетъ его, какъ поэта, и разбираетъ написанныя Гавличкомъ въ крѣпости Бригасенѣ «Тирольскія элегіи». Въ этихъ элегіяхъ элегическаго мало: въ нихъ въ шугливой формѣ описывается арестъ поэта и пребываніе въ крѣпости. Бѣдкія шутки насчетъ австрійскаго режима того времени обезпечили успѣхъ элегій. Онѣ были, между прочимъ, переведены на русскій языкъ Г. Штейнъ при брошюрѣ приложилъ свой переводъ, удачно сдѣланный бѣлымъ стихомъ, который можетъ дать читателю полное представленіе о характерѣ и достоинствахъ элегій.

В. Г.

П. Симони. Опытъ сборника по исторіи и техникѣ книгопереплетнаго художества на Руси преимущественно въ допетровское время. Изданіе императорскаго общества любителей древней письменности. Спб. 1903.

Какъ извѣстно, изученіе старинной русской книжности началось уже давно. Но изученіе это шло и продолжаетъ идти, такъ сказать, въ глубь рукописей: изучаютъ ихъ содержаніе, анализируютъ ихъ составныя части и лишь попутно, по мѣрѣ надобности даютъ въ ихъ описаніи нѣкоторыя свѣдѣнія о ихъ внѣшнемъ видѣ, размѣрѣ, переплетѣ и т. п. Рядомъ съ такими описаніями поднимался въ специальной ученой литературѣ и вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ писались наши допетровскія «книги». Однако сложный вопросъ, какъ въ широкомъ смыслѣ слова изготовлялись книги, до сихъ поръ не привлекалъ на себя вниманія ученыхъ изслѣдователей и, насколько мы знаемъ, не вызвалъ появленія болѣе или менѣе солиднаго изслѣдованія. Въ старѣйшихъ литературахъ Запада вопросъ этотъ давно уже сдѣлался темой для разностороннихъ изысканій, и у нѣмцевъ и французовъ найдется немало трудовъ, посвященныхъ исторіи орнаментики рукописей, ихъ изготовленія и переплетному дѣлу.

Г. Симони взялъ на себя нелегкую задачу пополнить этотъ пробѣлъ въ нашей ученой литературѣ и сдѣлалъ первый опытъ изученія нашего книжнаго дѣла въ допетровское время именно съ его внѣшней стороны, т.-е. со стороны самаго технического процесса приготовленія «книгъ». Обладая большою начитанностью въ рукописяхъ, авторъ терпѣливо разыскивалъ и извлекалъ изъ нихъ все, что могло пригодиться для его цѣли и дать намъ понятіе о томъ, какъ работали наши старинные книжные мастера. Въ видахъ всесторонняго выясненія дѣла, авторъ не ограничился только русскими рукописями, но привлекъ къ обзорѣ и манускрипты польскіе и сербскіе и даже сдѣлалъ обширныя выписки изъ нашихъ старинныхъ энциклопедическихъ словарей, въ которыхъ попадались иногда нужная ему свѣдѣнія. Однако силношь и рядомъ свѣдѣнія эти являются уже непонятными современному читателю: въ нихъ встрѣчается масса техническихъ терминовъ, которые теперь уже вышли изъ употребленія и приводятъ въ недоумѣніе даже теперешнихъ ремесленниковъ—переплетчиковъ.

Чтобы выйти изъ этого затрудненія, г. Симони разыскалъ сохранившихся еще кое-гдѣ переплетчиковъ-книголюбцевъ, которые продолжаютъ еще, на ряду съ новѣйшими техническими усовершенствованіями переплетнаго дѣла, придерживаться и незамысловатыхъ, но освященныхъ сѣдою старинной, прадѣдовскихъ пріемовъ при изготовленіи рукописей для раскольниковъ и нарочитыхъ любителей. Бывшая въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ археологическая выставка, на которую доставили, между прочимъ, свои рукописныя собранія и старобрядцы начетчики, показала, что рядомъ съ нашими современными библіотеками продолжаютъ существовать и библіотеки для чтенія рукописныя. Неудобочитаемая рукописная книга берется изъ нихъ для чтенія съ такою же охотой, съ какой мы беремъ романы изъ обыкновенной библіотеки для чтенія.

Хранители традиционных приемов дали автору немало ценных указаний на самый процесс изготовления «книг» по старинному способу и даже демонстрировали самые орудия производства, снимки с которых приложены к книге г. Спмони. Чтобы дать читателю наглядное представление о томъ, как отдельные бумажные листы превращались постепенно в толстую, заключенную в кожаный переплет «книгу», авторъ снабдил свой трудъ массой снимковъ, представляющихъ «книгу» в различные моменты ея производства. Особенно много приложено снимковъ со старинныхъ переплетовъ съ тиснениемъ, которые представляютъ значительный интересъ для лицъ, занимающихся изучениемъ старинной нашей орнаментики. М.

Н. Ленцъ. Учебно-воспитательныя заведенія, изъ коихъ образовался Ришельевскій лицей. 1804—1817. Одесса. 1903.

Исторія учебныхъ заведений—часть исторіи просвѣщенія, а, слѣдовательно, исторіи культуры. Неизвѣстные публикѣ историческіе очерки учебныхъ заведений цѣнятся специалистами и послѣдователями, пускающими въ публику выводы, сдѣланные на основаніи этихъ частныхъ очерковъ. Книга г. Ленца посвящена учебно-воспитательнымъ заведеніямъ, мало извѣстнымъ и обследованнымъ, и основана почти исключительно на неизданныхъ архивныхъ матеріалахъ. Старый Ришельевскій лицей въ Одессѣ, этотъ рассадникъ просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ, возникъ изъ соединенія двухъ заведеній—коммерческой гимназіи и благороднаго института. Послѣдній прошелъ нѣсколько стадій въ своемъ развитіи. Частный пансіонъ Вольсея превратился въ полу-официальный, протекжируемый Ришелье «пансіонъ», пансіонъ былъ переименованъ въ благородный институтъ. Г. Ленцъ подробно и интересно, въ связи съ общимъ ходомъ русскаго просвѣщенія въ началѣ XIX-го вѣка, рассказываетъ исторію основанія и постепеннаго развитія учебно-воспитательныхъ заведений, давшихъ жизнь Ришельевскому лицей. Любопытныя культурныя подробности мы найдемъ въ рассказѣ о борьбѣ между Харьковскимъ университетомъ, который наблюдалъ за одесскими училищами, и мѣстной администраціей сначала въ лицѣ Ришелье, а потомъ—гр. Ланжерона. Оба администратора находились подъ сильнымъ вліяніемъ іезуитовъ, и ихъ успѣхи въ борьбѣ съ университетомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія означаютъ успѣхъ іезуитской пропаганды. Исторія борьбы вноситъ новыя данныя къ исторіи іезуитовъ въ Россіи. За этимъ очеркомъ слѣдуетъ въ книгѣ г. Ленца важная исторія учебныхъ заведений, содержащая свѣдѣнія о матеріальной обстановкѣ заведений, объ учебно-воспитательной части, объ учителяхъ, воспитателяхъ и учащихся. Фактическая исторія излагается г. Ленцемъ, по большей части, буквально по архивнымъ документамъ.

Г. Ленцъ далъ трудъ, цѣнный и важный для исторіи просвѣщенія въ Новороссійскомъ краѣ; нѣкоторыя же подробности исторіи, имъ рассказанной, важны и для общей исторіи русскаго просвѣщенія. Ш.

**Д. Орда. Страничка изъ истории просвѣщенія на Волинѣ.
Луцкъ. 1903.**

Передать исторію возникновенія Волинской и Луцкой гимназій автору показалось совершенно невозможнымъ безъ того, чтобы не вдаваться въ политику, и первыя страницы «Странички» г. Орды заняты пересказомъ историческихъ судебъ Волины, начиная Люблинской уніей и кончая польскою дѣятельностью Адама Чарторыйскаго, котораго авторъ называетъ въ порывѣ патріотизма «ополяченнымъ и окатоличеннымъ потомкомъ древне-православныхъ русскихъ князей» (стр. 4), «воспитаннымъ на іезуитской морали» и «враждебнымъ Россіи человекомъ» (стр. 5). Такого же характера была, по его мнѣнію, дѣятельность «волинскаго помѣщика» Ѡаддея Чацкаго, назначеннаго главнымъ ревизоромъ училищъ Волинской, Кіевской и Подольской губерній. Итакъ, они вдвоємъ насаждали «польское просвѣщеніе» въ русскія земляхъ, чѣмъ и заслужили порицаніе со стороны г. Орды.

Но эта аттестація какъ-то плохо мирится съ характеромъ того высшаго учебнаго заведенія, которое основано было Чацкимъ въ Кременці, почти исключительно на его личныя и частныя пожертвованія, сумма которыхъ доходила до 2 милліоновъ золотыхъ. Интересна программа преподаванія въ этомъ «маленькомъ университетѣ». Кромѣ обычныхъ предметовъ гимназическаго курса, въ немъ читалась высшая математика, механика, право, анатомія, физиологія, хирургія, акушерство и ветеринарія. Уже этотъ одинъ списокъ предметовъ показываетъ, насколько широко смотрѣлъ Чацкій на образованіе юношества. Въ 1805 году его проектъ былъ утвержденъ, а 1 октября гимназія была открыта. Вскорѣ она обогатилась такими цѣнными коллекціями, что позавидовать имъ могъ бы любой изъ нашихъ университетовъ того времени: бібліотека состояла изъ 32 тысячъ томовъ; около половины этихъ книгъ было приобрѣтено Чацкимъ отъ короля Станислава-Августа. Три тысячи томовъ пожертвовала княжна Сантъга; это были старопечатныя изданія, относящіяся ко времени раньше 1520 года. Немало книгъ пожертвовалъ нашъ Кутузовъ и Дорфельденъ. Прибавимъ также, что число медалей и монетъ доходило до 20 тысячъ. Наконецъ въ 1807 году при гимназій было открыто вѣскольکو спеціальныхъ курсовъ: школа землемѣровъ, механиковъ, астрономическая обсерваторія, ботаническій садъ и т. д. Наплывъ учащихся былъ такъ великъ, что подъ помѣщеніе гимназій понадобилось отвести базилянскій монастырь, а въ 1819 году гимназія переименована уже въ лицей. Впрочемъ, Кременецкій лицей просуществовалъ недолго, потому что въ 1831 году былъ закрытъ. Выѣсто него была открыта гимназія въ Луцкѣ.

Это было уже чисто русское по духу учебное заведеніе. Достаточно сказать, что проектъ его устройства былъ одобренъ самимъ Паниковымъ, а врачъ Лерветъ, пожертвовалъ для четырехъ воспитанниковъ прогимназіи капиталъ въ суммѣ 30 тысячъ съ тѣмъ между прочимъ оригинальнымъ условіемъ, чтобы родители этихъ стипендіатовъ не были «крѣпостными крестьянами; а въ про-

тивномъ случаѣ ученикъ долженъ показать «вольную, формально владѣльцемъ ему написанную и въ повѣтовыхъ актахъ того повѣта внесенную» (стр. 32). Исторію этого учебнаго заведенія и передаетъ г. Орда. А. Я.

Эрастовъ, Г. Искусство чтенія. Практическій курсъ логическаго и выразительнаго чтенія для преподаванія и изученія. Спб. 1903.

Авторъ этой книжки справедливо говоритъ о небреженіи русскимъ языкомъ, которое замѣчается во всѣхъ слояхъ общества, и рекомендуетъ обратить большее вниманіе на искусство чтенія. Искусство чтенія есть дѣйствительно искусство, и притомъ одно изъ самыхъ изысканныхъ, доступное избраннымъ. Ему трудно научиться, а учиться нужно. Многіе ли изъ учащихся рисованію становятся художниками, а трудъ, потраченный на ученіе, ни для кого не пропадаетъ даромъ и оставляетъ глубокіе слѣды въ психикѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ слова научиться искусству чтенія нельзя: для обладанія этимъ искусствомъ и для его пониманія нужны особенныя качества. Учить же ему и можно и полезно, и нужно сказать, что скорѣе научить этому искусству опытный преподаватель и хорошій чтець, чѣмъ книжка, тѣмъ не менѣе и руководство имѣетъ свое значеніе и можетъ сослужить службу. Въ обученіи чтенію различаются двѣ стадіи: на первой стараются овладѣть искусствомъ логическаго чтенія, на второй — выразительнаго. Логическому чтенію можетъ учить и книга, давая рядъ практическихъ совѣтовъ и опредѣленій, въ области выразительнаго чтенія книга можетъ замѣнить учителя въ изложеніи его техники, давая необходимыя указанія о томъ, какъ справляться съ дыханьемъ, голосомъ и т. д. Конечно, трудно дать учащемуся почувствовать весь цвѣтъ этого чтенія, значеніе въ немъ экспрессіи, колоритности, музыкальности. На это нужны особенныя свойства въ самомъ ученикѣ, но и тотъ трудъ, который онъ потратитъ на усвоеніе матеріала книги, не пройдетъ безслѣдно и отразится въ извѣстной степени въ процессѣ сохраненія чистоты и выразительности языка.

Книжка г. Эрастова — одна изъ тѣхъ, которыя могутъ помочь и принести пользу желающимъ научиться искусству чтенія. Она представляетъ весьма сжатую и серьезную попытку дать практическое пособіе для изучающихъ логическое и выразительное чтеніе, приспособленное для школьнаго и домашняго обихода. Въ теоретической части книги собраны указанія по технике чтенія, изложены приемы логическаго разбора и тонированія и намѣченые элементы выразительнаго чтенія. Вся теоретическая часть написана очень сжато и занимаетъ всего 78 страницъ. Весьма цѣлесообразнымъ является приложение, содержащее «Систематическій указатель упражненій». Это — литературная хрестоматія съ критическимъ анализомъ приѣмовъ чтенія каждаго изъ отрывковъ: по нимъ учащійся можетъ практически примѣнить усвоенное имъ изъ первой половины книги. Жаль только, что составитель не освѣжилъ матеріала хрестоматіи и привелъ исключительно старыя, извѣстныя вещи, нѣкоторыя изъ которыхъ и читать-то скучно. Книгу г. Эрастова рекомендуетъ въ предѣ-

словіи артистъ В. Н. Давыдовъ. «Отъ учащагося,—пишетъ онъ,—требуется извѣстное чутье, серьезный интересъ къ предмету и строгая послѣдовательность въ упражненіяхъ. При наличности такихъ условий «Искусство чтенія» явится прекраснымъ пособіемъ и, безъ сомнѣнія, принесетъ существенную пользу, направляя читателя на путь истиннаго пониманія искусства чтенія и охраняя его отъ почти неизбѣжныхъ увлеченій ложнымъ пафосомъ, комизмомъ и прочими крайностями, присущими любителю». Конечно, весьма немногіе изъ читателей будутъ педантично изучать книгу, соблюдая строгую послѣдовательность въ упражненіяхъ. Мы думаемъ, что и просто чтеніе этой книги можетъ принести практическую пользу желающимъ научиться лучше, выразительнѣе читать. Поэтому сжатость и опредѣленность формулъ въ книгѣ являются ея существенными достоинствами. Ц.

В. И. Гошкевичъ. Клады и древности Херсонской губерніи. Книга первая, съ художественными иллюстраціями. Херсонъ. 1903.

Кто проѣзжалъ когда нибудь по степямъ нашей Новороссіи, тотъ, навѣрное, не разъ слышалъ красивыя легенды о несмѣтныхъ сокровищахъ, зарытыхъ въ стародавнія времена казачьими атаманами и прикрытыхъ сверху высокими «могилами». Въ большинствѣ случаевъ крестьяне даютъ необыкновенно «точные» отвѣты о мѣстѣ нахождения и о цѣнности кладовъ: въ одномъ изъ нихъ находится мѣдный котель съ десятью пудами золота, сирятанскими въ землѣ атаманомъ; въ другомъ — десять «казановъ добраго намыста» (жемчуга); въ третьемъ — «лехъ» съ награбленнымъ добромъ гайдамаковъ; наконецъ, остальные клады непременно «закрыты» тѣми, кто ихъ положилъ, при чемъ закрытіе это положено непременно на извѣстное число лѣтъ.

Существуютъ старинныя «описи» съ указаніями, гдѣ именно искать такіе клады, изложенныя очень безграмотно и слишкомъ туманно. Эти описи нуждаются въ толкованіяхъ, и на сцену является цѣлый цехъ профессиональных колдуновъ, шептуновъ и ворожей, которые даютъ болѣе полныя указанія... Нѣкоторыя легенды и повѣрія о кладахъ поражаютъ насъ своею цѣлностью. В. И. Гошкевичъ передаетъ слѣдующій рассказъ о судьбѣ клада у села Ахмечетки: «На балкѣ Бакшаль, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится дача священника, жилъ нѣкогда гайдамакъ Дуброва, который особенно славился своими хищническими набѣгами. Во время одной изъ войнъ, чуть ли не во время Суворовскихъ походовъ, Дуброва началъ на русскій транспортъ, шедшій къ мѣсту военныхъ дѣйствій, но при транспортѣ оказался довольно сильный отрядъ, который и перебилъ храбрую дружину Дубровы, а самъ онъ спасся бѣгствомъ. Опасаясь, чтобы все его добро не пошло въ руки «москалей», Дуброва собралъ свое золото и серебро, награбленное въ теченіе многихъ лѣтъ, сыпалъ въ лодку, обилъ лодку войлокомъ и, прибывъ конецъ цѣни къ корню вербъ, опустил лодку съ другимъ концомъ цѣни въ находящійся тутъ же обрывъ, на глубину двухъ или трехъ сажень. Потомъ велѣлъ то мѣсто засыпать, за-

ровнять, оставить въ видѣ примѣты три вербы, а между ними камень съ забитымъ въ него каменнымъ же клиномъ. Цѣпь должна была служить путеводною нитью, по которой можно было бы скорѣе найти засыпанную лодку съ деньгами. Послѣ этого Дуброва бѣжалъ въ Бессарабію и тамъ чрезъ потомство передалъ бѣглецамъ «ахметевской барщины» свой секретъ о зарытомъ имъ золотѣ. Давніе старики передаютъ, что дѣйствительно росли тамъ когда-то три вербы, и стоялъ даже камень, расколотый клиномъ, но въ настоящее время ничего этого нѣтъ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ окрестностяхъ Одессы разыскивали кладъ, будто бы зарытый запорожцами, бѣжавшими за Дунай въ 1769 году послѣ разоренія Сѣчи. Въ 1811 году, когда изъ казаковъ, положившихъ кладъ, многіе умерли, а остальные были дряхлыми стариками, — оставшіеся въ живыхъ въ Турціи составили записку о «грошахъ», зарытыхъ на правомъ берегу лимана. И вотъ на основаніи безграмотной записки одесскіе босяки въ теченіе долгаго времени отыскивали этотъ легендарный кладъ. Г. Гошкевичъ приводит очень много характерныхъ примѣровъ и ими доказываетъ, что денегъ и драгоценностей найти въ землѣ почти невозможно; иное дѣло — древности малоцѣнные, каменные орудія, бронзовые украшения, глиняная посуда, въ рѣдкихъ случаяхъ стеклянная, лошадиная сбруя, черепки и т. д. Поэтому авторъ предупреждаетъ будущихъ «кладоскателей» относительно законовъ о раскопкахъ, сообщаетъ результаты систематическихъ и случайныхъ раскопокъ и подробно говоритъ о древнѣйшихъ обитателяхъ Херсонской губерніи — киммеріанцахъ. Въ слѣдующихъ выпискахъ авторъ обѣщаетъ дать подобныя же очерки о бытѣ другихъ народовъ, оставившихъ слѣды своего пребыванія въ предѣлахъ той же губерніи.

Такимъ образомъ, написанная популярно и вполне доступно книга г. Гошкевича, быть можетъ, спасетъ отъ невѣжественныхъ «кладоскателей» не одинъ цѣнный въ археологическомъ отношеніи курганъ, Черноморскаго побережья.

А. И. Яцимирскій.

А. Веберъ. Ростъ городовъ въ XIX столѣтіи. Спб. 1903.

Книга англійскаго ученаго Вебера есть переработка его докторской диссертации для широкой публики. Вопросы, поставленные въ ней, чрезвычайно важны, матеріала собрано огромное количество. Самая тема, наконецъ, — новая: лишь недавно ее стала выдвигать нѣмецкая статистика. Трудъ Вебера заключаетъ въ себѣ результаты статистическаго изслѣдованія роста городовъ въ теченіе XIX вѣка. Для внутренней экономики страны имѣетъ большое значеніе численное отношеніе между сельскимъ и городскимъ населеніемъ. Этимъ определяется и способность страны къ развитію обрабатывающей промышленности и, вообще, богатство страны. Въ ростѣ городовъ сказывается общій прогрессъ страны.

Справка автора о населеніи городовъ въ прежнія времена показываетъ намъ, съ какой ужасающей быстротой увеличилось число крупныхъ городовъ

въ XIX столѣтїи. Древней міръ зналъ крупныя города, которые не уступали и современнымъ столицамъ. Въ началѣ XVI вѣка Европа имѣла шесть или семь городовъ съ населеніемъ свыше 100 тысячъ. Въ XVIII вѣкѣ населеніе Европы увеличилось на 50%, а число крупныхъ городовъ выросло до 22. А въ настоящее время, по вычисленіямъ автора, болѣе 10% европейцевъ живутъ въ крупныхъ городахъ. Еще 20 столѣтїи тому назадъ начались разсужденія о средствахъ борьбы съ перенаселенностью. Во Франціи и Англии еще въ средніе вѣка издавался рядъ распоряженій, воспрещавшихъ постройку новыхъ домовъ и требовавшихъ, чтобы пришлое населеніе вернулось къ себѣ, на родину. Пожеланія эти раздавались и въ XIX вѣкѣ (въ Германіи, особенно). Однако, ни законодательныя запрещенія, ни планы и проекты, выработанные земледѣльческімъ населеніемъ, не останавливаютъ деревню отъ переселенія въ городъ. Когда города достигаютъ точки «насыщенія», — населеніе начинаетъ изъ нихъ выходить во внѣшнія части, въ пригороды. Таковы интересныя таблицы анализа роста Нью-Йорка, Лондона, Берлина. Вѣроятно, и по отношенію къ Петербургу норма уменьшенія находится приблизительно въ такихъ же условіяхъ.

Итакъ, ростъ городовъ, зло городской жизни, устраняется другимъ явленіемъ — ростомъ пригородовъ. Богатая фактическимъ матеріаломъ книга Вебера и занимается вопросомъ о причинѣ роста городовъ. Авторъ приводитъ историческія и статистическія данныя о городскомъ ростѣ во всѣхъ странахъ, въ томъ числѣ и Россіи. Она занимаетъ въ его вычисленіяхъ второе мѣсто относительно численности населенія, но самъ авторъ считаетъ, что если измѣрить военную силу Россіи численностью крестьянъ, то нашей странѣ можно отвести и первое мѣсто.

Далѣе, авторъ выясняетъ причины сильной концентраціи населенія въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ. Къ нимъ онъ относитъ, прежде всего, уменьшеніе значенія земледѣлія, а въ связи съ этимъ — развитіе торговли, которое вызвало ростъ большихъ городовъ. Эволюція промышленности — одна изъ главныхъ причинъ городского роста. Подробно изслѣдуетъ авторъ свойства миграціоннаго движенія, структуру населенія городовъ, выясняетъ, почему города содержатъ болѣе % женщинъ, чѣмъ мужчинъ, разсматриваетъ занятія и социальное положеніе въ городахъ, причины высокой городской смертности, физическое и моральное здоровье городскихъ и сельскихъ жителей, наконецъ, экономическія условія въ городѣ и деревнѣ.

Авторъ не дѣлаетъ большого «заключенія» въ своей капитальной работѣ. Но есть нѣсколько строчекъ, указывающихъ на то, какъ уменьшить бѣдствія, вызываемая ростомъ населенія. Онъ предлагаетъ четыре пункта: 1) болѣе короткій рабочий день, который дастъ возможность рабочимъ жить на извѣстномъ разстояніи отъ фабрики; 2) организація обществъ для поощренія и содѣйствія рабочимъ въ приобрѣтеніи пригородныхъ домовъ; 3) дешевый проѣздъ и 4) быстрое сообщеніе. Книга переведена очень хорошо. П.

Г. Ганото. Франція передъ Ришелье. Перев. съ франц. М. 1903.

Книга Габр. Ганото, извѣстнаго дипломата, бывшаго одно время министромъ въ кабинетѣ Мелина, вышла въ 1898 г. подъ заглавіемъ «Tableau de la France en 1614. La France et la royauté avant Richelieu». Она представляетъ собою вступительную часть большого труда Ганото о кардиналѣ Ришелье.

Вступленіе это—вполнѣ законченная книга, такъ какъ здѣсь дана живая картина состоянія Франціи во время смерти Генриха IV и появленія кардинала Ришелье. Задача автора—широкая: онъ пытался нарисовать жизнь Парижа и провинціи, дѣятельность учреждений, государственную жизнь, умственное и нравственное развитіе разныхъ классовъ общества, вообще представить французскую культуру начала XVII вѣка. Это не ученое изслѣдованіе, а просто живо написанная, популярно-научная книга, въ которой на каждой страницѣ виденъ тонкій дипломатъ, остроумный, веселый французъ, какъ все французы (въ большинствѣ случаевъ), страстный патриотъ, для котораго прошлое Франціи полно очарованія и восторговъ. «Я желалъ бы,—говоритъ авторъ,—чтобы слѣдующія за этимъ предисловіемъ страницы вызвали у молодыхъ людей стремленіе отыскать въ мемуарахъ и старинныхъ документахъ дѣйствительныя черты нашей милой Франціи, какъ ищутъ на поблѣкшемъ портретѣ вѣчно юныя и вѣчно прекрасныя черты какой нибудь прабабушки. Я желалъ бы, чтобы они нашли въ этомъ очеркѣ новыя основанія любить свою страну и восторгаться ею, т.-е., другими словами, понимать ее, такъ какъ тѣ, которые ее червятъ и оскорбляютъ, не знаютъ ея».

Конечно, такая точка зрѣнія мало вяжется съ научнымъ пониманіемъ исторіи Франціи и, если читатель не забудетъ, что Ганото оппортунистъ въ политикѣ, то вѣкоторая тенденціозность книги будетъ совершенно ясна. Но это несколько не мѣшаетъ признать крупныя достоинства популярнаго сочиненія именно въ его описательной части, которая очень ясно, стройно, пожалуй, слишкомъ схематично и ужъ порою слишкомъ эффектно даетъ яркую картину состоянія Франціи въ 1614 году.

Книга состоитъ изъ четырехъ главъ. Въ первой, послѣ географическаго обзора Франціи, дается общій очеркъ состоянія провинціи и Парижа въ 1614 г., Лувра и двора. Вторая глава разсматриваетъ политическій строй Франціи. Это—лучшая глава. Здѣсь отчетливо изображенъ ростъ абсолютизма и орудія, которыми онъ располагалъ (войско, судъ, администрація). Въ третьей главѣ изображенъ социальный строй. Но авторъ здѣсь слабо обрисовалъ крестьянство и мало выдѣлилъ значеніе буржуазіи. Четвертая глава посвящена религиознымъ вопросамъ эпохи: реформации, церковной организаціи и Нантскому эдикту. Въ этихъ небольшихъ четырехъ главахъ собрано все наиболее характеризующее тѣ черты, изъ которыхъ слагался «старый порядокъ». И въ этомъ умѣнши давъ эволюцію стараго порядка мы видимъ большую заслугу книги Ганото. Переведена она литературно, но изящество и легкость языка французскаго дипломата-націоналиста въ переводѣ поблекли.

П. К.

А. Коптяевъ. Музыка и культура. Сборникъ музыкально-историческихъ и музыкально-критическихъ статей. Спб. 1903.

Г. Коптяевъ давно уже достигъ заслуженной извѣстности, какъ музыкальной критикъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ много поработалъ и въ сферѣ исторіи музыки. Въ разсматриваемомъ сборникѣ статей почтеннаго автора исторія преобладаетъ. Къ историческимъ очеркамъ между прочимъ принадлежатъ: «Тристагъ и Изольда», представляющій собою характеристику музыкальнаго направления и творчества Вагнера. Въ статьѣ «Музыкальное міросозерцаніе Ницше» очерчены отношенія творца «Нибелунговъ» къ безумному философу, и при томъ отношенія не личныя, а, такъ сказать, идейныя. Ницше былъ самъ музыкантъ до извѣстной степени и вначалѣ являлся страстнымъ поклонникомъ вагнеровскаго новаторства, но впослѣдствіи отвернулся отъ своего кумира. Исторически написанъ очеркъ, посвященный Шопену. Эстетика, исторія и философія являются тремя основными пунктами, отъ которыхъ отправляется г. Коптяевъ въ своихъ критическихъ работахъ, когда онъ касается наиболѣе выдающихся явленій музыкальнаго міра. Серьезное образованіе автора, далеко выходящее за предѣлы специальности музыканта, сообщаетъ работамъ г. Коптяева особый интересъ. Прекрасная литературная форма и даже художественность изложенія дѣйствуютъ увлекательно даже на читателя, не посвященнаго въ тайны законовъ музыкальнаго творчества и исполненія. При всемъ этомъ, однако, нельзя не сдѣлать автору двухъ упрековъ: одного, заключающагося въ томъ, что по временамъ онъ любитъ прибѣгать къ нѣкоторой излишней вычурности выраженій, а другого—въ томъ, что, обладая настоящимъ остроуміемъ, авторъ разрѣшаетъ себѣ пользоваться поддѣльнымъ. Такъ напримѣръ, разбирая условія творчества балетнаго композитора, г. Коптяевъ, между прочимъ, шутливо говоритъ: «Въ любомъ жестѣ танцовщицы, быть можетъ, больше міровыхъ откровеній, чѣмъ въ цѣлой философіи геніальнаго мыслителя», и тутъ же замѣчаетъ: «не потому ли такъ откровененъ ея (танцовщицы) костюмъ?» Конечно, это мелочь, но въ книгѣ она портитъ общій серьезный, вдумчивый тонъ сборника. Кромѣ неречисленныхъ статей, особое вниманіе обращаетъ на себя: «Новогерманская музыка, какъ отраженіе современныхъ философскихъ вѣяній», «Кризисъ музыкальной драмы» и «Рубинштейнъ въ своихъ духовныхъ операхъ». Въ этихъ очеркахъ, блестящихъ знаніемъ, тонкимъ анализомъ и содержательными обобщеніями сказывается вся недюжинная литературная личность автора.

В. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВАВИЛОНСКІЯ школы 4000 лѣтъ назадъ. Археологическія изысканія за послѣднія 50 лѣтъ все болѣе и болѣе обогащаются новыми открытіями далекой отъ насъ старины, обещающія разрѣшить, въ концѣ концовъ, загадку нашего бытія и совершенно уничтожить уже обветшалыя традиціи. Благодаря почти ежемѣсячнымъ, многочисленнымъ археологическимъ находкамъ на Востокѣ, исторія человѣчества дѣлается обширнѣе, чѣмъ можно было мечтать. Въ настоящее время открылись такія отдаленныя эпохи, о какихъ прежде говорилось, какъ о доисторическихъ. Находки въ Сузахъ представили намъ историческую жизнь, міросозерцаніе и бытъ древнихъ вавилонянъ за 3000 лѣтъ до нашей эры. То, что мы считали нашей неотъемлемой, лично прибрѣтенной собственностью, какъ, на примѣръ, прогрессъ,—оказывается лишь наслѣдіемъ, которымъ владѣла уже сѣдая старина. Еще за 5000 лѣтъ до нашей эры на берегахъ Тигра и Евфрата уже существовали многіе обычаи, нравы и учрежденія, какія до сихъ поръ сохраняются и у насъ. Культурность же египтянъ и вавилонянъ мало отличалась своей сложностью отъ нашей, да еще, пожалуй, отчасти превышала ее, если принять во вниманіе ведавшую исчезновенію остатковъ рабства въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ, тогда какъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. Египеть былъ прекрасно организованнымъ государствомъ со множествомъ чиновниковъ, сложнымъ дѣлопроизводствомъ и отсутствіемъ рабства, такъ какъ всѣ подати и повинности платились натурой, и тѣмъ же оплачивался трудъ рабочихъ. Теперь въ дѣлѣ археологическихъ раскопокъ всѣ націи стараются занять первенствующее мѣсто, но блестяще всѣхъ, по крайней мѣрѣ, матеріально обставлено оно американцами, щедро жертвующими деньгами на экспедиціи. Весь культурный міръ заинтересованъ открытіями, сдѣланными нѣмцами, которые нашли бога-

тый храмовой архивъ въ Касрѣ, на развалинахъ храма Мардука, слѣдствіемъ чего можетъ быть полный переворотъ въ освѣщеніи вопросовъ религіи. Тому двадцать лѣтъ, англичане интересовались вопросомъ о связи Библии съ Вавилоніей, въ то же время американецъ Пауль Гауптъ указывалъ на связь космогоническихъ идей вавилонянъ съ древними религіозными воззрѣніями евреевъ. Теперь же нѣмецкій ассиріологъ и богословъ Делпчъ придалъ новое освѣщеніе этому вопросу, возбудивъ сильную полемику, взволновавшую весь образованный міръ. Но въ то время, какъ нѣмцы занимаются богословскими вопросами, французы дѣлаютъ другого рода открытія. Такъ членъ французскаго археологическаго общества въ Каирѣ, основаннаго еще во время египетской экспедиціи Наполеона, — патеръ Винцентъ Шейль напечаталъ отчетъ ¹⁾ о своихъ изысканіяхъ въ Сиппарѣ Равнины, или въ Солнечной Сиппарѣ, какъ ее называли въ отличіе отъ другихъ менѣе замѣчательныхъ Сиппаръ. Это — маленькій городокъ, 3.000 метровъ длины и 800 ширины, но окружающіе пригороды увеличиваютъ его въ три раза. Построенъ онъ изъ необожженныхъ кирпичей, ложе которыхъ наполовину размыто дождями и разлитіемъ Евфрата, а потому они осѣли и превратились въ глиняную массу. Съ виду городъ представляетъ лишь неровный холмъ въ рывинахъ, покрытый пылью и усыянный черепками и обломками камней. Но, проникнувъ въ этотъ безпорядочный покровъ, патеръ Шейль открылъ очертанія стѣнъ, довольно хорошо удержавшихся, а также развалины домовъ и публичныхъ зданій, еще сохранившихъ часть древнихъ украшеній. За счетъ турецкаго правительства патеръ Шейль сталъ работать надъ раскопкой цѣлаго квартала, результатомъ чего явились новые памятники и документы. Семейная и общественная жизнь сиппарцевъ мало отличалась отъ быта жителей другихъ евфратскихъ городовъ, а потому не будемъ на этомъ останавливаться долго, во избѣжаніе повтореній. Сиппара была отчасти торговымъ, отчасти промышленнымъ и земледѣльческимъ городомъ. Жрецъ главнаго храма, посвященнаго божеству солнца, Шамашу, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю того времени, банкиромъ и ростовщикомъ. Политическая дѣятельность его была незначительна, и во внутреннихъ переворотахъ Вавилоніи, такъ же, какъ во внѣшней исторіи, играла второстепенную роль. Если же политическая дѣятельность пользовалась въ древности извѣстностью, то, благодаря религіи или литературному движенію, которое она развила, такъ какъ Шамашъ былъ богомъ всей Вавилоніи, и на поклоненіе къ нему народъ стекался со всѣхъ сторонъ, а съ нимъ явились и богатства. Религіозный культъ породилъ очень рано школы, такъ какъ требовались жрецы, поэты и грамотеи для составленія божественныхъ гимновъ, а также шпецы, которые управляли богатствомъ гражданъ и самого божества. Согласно легендѣ, когда богъ Вэль, возмущенный нечестіемъ народа, задумалъ ниспослать потопъ, то явился къ своему вѣрному благочестивому слугѣ Ксизуэросу, поручилъ ему возстановить новое челоуѣчество и приказалъ собрать всѣ писанія, въ которыхъ находились подробности о началѣ, срединѣ и концѣ бытія, и зарыть ихъ въ Сиппарѣ. Когда вода удалась, спутники Ксизуэроса возвратились и открыли писмена, въ

¹⁾ Une saison de fouilles à Sappar, par Vincent Scheil. Paris. 1903.

которыхъ была описана жизнь до потопа. Ихъ переписывали безъ конца, комментировали и дополняли изъ года въ годъ новыми открытіями и замѣчаніями. Патеръ Шейль отыскалъ ихъ въ значительныхъ отрывкахъ. Кромѣ того, онъ отрылъ цѣлую школу, откуда выходили ученые. Въ ней онъ отыскалъ пособія для ученія и задачи учениковъ. Школа помѣщалась въ народномъ кварталѣ и представляла собою небольшой домъ въ семь комнатъ. На одной изъ найденныхъ дощечекъ онъ увидѣлъ надпись: «Кто отличится въ школѣ относительно чтенія и писанія, тотъ будетъ блестять, какъ солнце». Въ глубинѣ одной изъ маленькихъ комнатъ, въ ложѣ половыхъ плитокъ, въ углу, отдѣленномъ перегородкой изъ обожженныхъ кирпичей, какъ бы въ прямоугольномъ колодцѣ, находилась громадная масса глиняныхъ дощечекъ, разложенныхъ правильными рядами. Къ несчастью, онѣ не были обожжены, а потому мѣстами раздавлены, мѣстами слѣпились другъ съ другомъ, и не было возможности разъединить ихъ безъ порчи надписей. Нѣкоторыя изъ нихъ развалились, какъ только начали ихъ вынимать. Содержаніе этихъ дощечекъ состояло имъ гимновъ на древне-вавилонскомъ языкѣ, метрологическихъ листовъ, букварей, словарей, ариметическихъ задачъ и договоровъ, которые частью служили образцами, судя по твердости и ясности изложенія, а частью копіей учениковъ. На нихъ видны поправки учителей и слѣды пальцевъ учениковъ, уничтожавшихъ прежде написанное, съ цѣлью исправить ошибки; но чаще таблички писались снова. Такимъ образомъ тотъ же самый матеріалъ могъ служить нѣсколькимъ поколѣніямъ. Повидимому, для приданія школьнымъ дощечкамъ болѣе гибкости и растяжимости къ нимъ примѣшивали составъ, который не входилъ въ другія дощечки, и патеръ Шейль замѣтилъ на одномъ обломкѣ спную окраску съ металлическимъ оттѣнкомъ. Всѣ намѣченныя надписи обозначали эпоху вавилонскаго короля Хаммураби, и школа уже процвѣтала въ двадцать первомъ вѣкѣ до нашей эры. Почтенному археологу удалось выяснитъ программу обученія чтенію и письму клинообразныхъ письменъ, и она оказалась настолько сложной, что современные ученики могутъ только облегченно вздохнуть, а не жаловаться на трудность обученія нашей грамотѣ. Сипарскимъ ученикамъ приходилось запоминать безконечное число прямыхъ линій и крючкообразныхъ, соединенныхъ вмѣстѣ въ различныхъ направленіяхъ, а также различныхъ формъ знаки, отдѣльно и во всевозможныхъ комбинаціяхъ. Ученики достигали этого, списывая и переписывая знаки, переходя отъ простыхъ къ сложнымъ. Знаки одного и того же происхожденія были собраны въ группы, значеніе и составленіе которыхъ учитель объяснялъ ученикамъ съ начала до конца, и группы соединялись сами собою, согласно правиламъ, которыя трудно угадать. Ученикамъ приходилось недѣлями или мѣсяцами запоминать отдѣльные слоги; когда же они достигали этого, то упражнялись въ чтеніи группъ изъ двухъ или трехъ знаковъ, переставляя ихъ, чтобы получались различныя имена или смыслъ. Еще проходили недѣли и мѣсяцы и, когда усильѣ былъ очевидный, то они приступали къ идеограммамъ и фразамъ, которые помогали имъ понимать наименѣ сложный релігіозный или юридическій текстъ. Съ этою цѣлью ученики какъ бы дѣлали разборъ молитвъ, контрактовъ и параграфовъ закона. Затѣмъ записывали колоннами первоначаль-

ные элементы, груши, выражающія имена одного и того же божества, перечень существительныхъ въ единственномъ и множественномъ числѣ, мужского и женскаго рода, глаголы, спрягаемые съ различными лицами и въ различныхъ наклоненіяхъ, съ отрицаніемъ и безъ отрицанія. Затѣмъ составляли предложенія. Ариѳметика и геометрія занимали первое мѣсто наряду съ изученіемъ стила письма. Красивыя каллиграфическія дощечки содержатъ наименованія вѣса и мѣры, которыя употреблялись при покупкѣ товаровъ, или при продажѣ и арендѣ земли, а также единицы и сложныя числа. Ученики, прошедшіе всѣ классы сиппарской школы, могли читать литературныя или религіозныя произведенія и заниматься администраціей своихъ дѣлъ. Женщины иногда получали одинаковое съ мужчинами образованіе, и патеру Шейлю удалось отыскать одинъ контрактъ, составленный женщиной-писцомъ, по имени Амаатбау. Но это было, вѣроятно, рѣдкое явленіе, такъ какъ среди тысячи документовъ попадались лишь мужскія имена. Трудность, съ какою достигалось изученіе этой системы обученія, дѣлала изъ писца, какъ и въ Египетѣ, почетное лицо, которому доступны были высшія должности. Древніе восточные народы въ самыя отдаленныя времена много читали и писали. Египтяне, изобрѣтшіе папирусъ, исписывали его въ безконечномъ количествѣ; вавилоняне, употреблявшіе для этого глину, безъ усталы чертили по ней. Кромѣ школы, патеръ Шейль отыскалъ много другихъ предметовъ. На кладбищѣ онъ нашелъ статуэтки изъ глины, новыя были очень грубо сдѣланы, и, повидному, сиппарскіе скульпторы далеко отставали въ искусствѣ отъ писцовъ. Должно быть, статуэтки были коніями съ египетскихъ, но крайней мѣрѣ, манера дѣлать ихъ и поза походила на найденныя въ гробницахъ V-й и VI-й династіи. Другія же, были совершенно грубой работы, хотя и не лишены интереса по своему любопытному содержанію. Однѣ представляли домашнихъ боговъ, къ которымъ сиппарцы питали культъ, другія же служили амулетами. Тамъ попадались фигуры собакъ, которые, по преданію сиппарцевъ, своимъ лаемъ отталкиваютъ вампировъ и огненныхъ змѣй, медвѣдей съ ослиными, кошачьими головами и проч. Всѣ эти находки патеръ Шейль описалъ не только интересно и живо, но еще пояснилъ ихъ любопытными виньетками.

— Черная месса. Недавній судебный процессъ барона Адельвара, надѣлавшій немалый шумъ въ Парижѣ, вызвалъ цѣлый рядъ статей о черной массѣ. На страницахъ «La Nouvelle Revue» Гюставъ Кокьо въ короткихъ словахъ передаетъ исторію ¹⁾ черной мессы, увѣряя, что дьявольскій ритуаль до сихъ поръ не прекращается въ Парижѣ. Начало ея существованія относится къ первымъ днямъ христіанства. Обычай протестующихъ евреевъ противъ господства христіанства служилъ какъ бы предисловіемъ къ черной массѣ, полный же расцвѣтъ сатанизма совершился въ средніе вѣка, когда мистичизмъ достигъ своего апогея. Первыми агентами сатанизма явились тѣ патеры, которые не могли добиться почестей, а потому находили выгоду перейти на сторону сатаны. Изъ документовъ той эпохи видно, что сатанизмъ охватывалъ цѣлыя провинціи. Въ концѣ XII вѣка тысячи альбигойцевъ были сожжены на

¹⁾ «La messe noire», par Gustave Coquiот. «La Nouvelle Revue», 1 Octobre 1903.

кострахъ за культъ сатанѣ. Писатель среднихъ вѣковъ, Михаилъ Пселль, въ своей книгѣ «De operatione Dæmonum» рассказываетъ, что аденты демонизма въ началѣ черной мессы проглатывали человѣческіе отбросы обоехъ половъ, а къ облаткамъ примѣшивали человѣческое сѣмя. Они душили дѣтей, а изъ крови несчастныхъ, смѣшанной съ золою и образовавшей тѣсто, которое разбавлялось свиртою, дѣлалось вино, употреблявшееся въ черной мессѣ. Это было, какъ извѣстно, время, когда изобиловали колдуны, надменные патеры и развратные свѣтскіе люди. Въ одно и то же время они обожали Бога и поклонялись сатанѣ, предъ тѣмъ, какъ отправиться на служеніе дьяволу, они шли въ церковь. Извѣстный «Синяя Борода», Жилль де-Ра, который пока находился подъ влияніемъ Орлеанской Дѣвы, былъ послушнымъ ягвенкомъ, но послѣ ея смерти превратился въ дикаго кровопийцу. Въ первые годы существованія монастырей тамъ вели благочестивую жизнь, но какъ только въ нихъ стало процвѣтать богатство, сатана заняла мѣсто Бога. Что творилось въ монастыряхъ—трудно перечислить: цѣлыя мѣстности во Франціи, а также Италіи, предавались сатанизму, испіе же духовные служители, одержимые непоколебимой жаждой гордости, вскорѣ превратились въ усердныхъ слугъ сатаны. Въ особенности эпоха инквизиціи породила много адентовъ сатаны. Во время страшной эпидеміи чумы, происшедшей въ 1348 году, составлялись процессіи флагеллантовъ съ цѣлю умилостивить Бога, но вскорѣ они возненавидѣли его за свои страданія, и стали пропсходить дикія возмездія, а мѣсто Бога занялъ сатана. Тщетно папа отлучалъ ихъ отъ церкви, но они его также оскорбляли и не переставали воздвигать жертвенники сатанѣ-освободителю. Впрочемъ, сами папы были, благодаря своему развратному образу жизни, не менѣе усердными поклонниками сатанизма. Народное мнѣніе обвиняло ихъ въ устройствахъ черныхъ мессъ, въ магіи и колдовствѣ, а увеличеніе богатствъ приписывалось ихъ волшебству, услугамъ колдуновъ и вызывателей умершихъ, которыми они себя окружали. Черную мессу служили между двумя сраженіями въ церквахъ, которыя только что удавалось ограбить. Дѣвушекъ и дѣтей похищали съ цѣлю сдѣлать ихъ пѣвцами въ хорѣ; старые войны надѣвали поверхъ кольчугъ священныя одѣянія, при чемъ расточались неприличныя насмѣшки. Въ особенности во Фландріи всихнуло поклоненіе сатанѣ во время кровавыхъ походовъ герцога Альбы. Цѣлые города извергали проклетія Богу изъ ненависти къ испанцамъ, которые съ крестомъ въ рукахъ разоряли, сжигали, насилуютъ и убивали. Тщетно раздавались пылкія увѣщанія нѣкоторыхъ монаховъ, переходящихъ изъ города въ городъ, которые, не страшась гнѣва королей и папъ, обращались къ нимъ, напоминая о Богѣ: ихъ голоса никто не слушалъ. Въ XV вѣкѣ культъ сатаны находился въ рукахъ колдуновъ, писателей, артистовъ и вызывателей духовъ, которые умѣли показать превосходство новаго культа, общаваго столько наслажденій въ настоящей жизни, не откладывая ихъ на будущую жизнь. Въ XVI вѣкѣ Катерина Медичи и Валуа занимались демоническими мессами; во всей южной Франціи цѣлыя общества справляли культъ сатанѣ. Инквизиторскіе розыскы приводили на костры тысячи колдуновъ. Даже самые ученые алхимики и астрологи предались этому культу. Патеры вступали въ интимную связь съ колдуньями, крали для нихъ

пъзъ церкви святые дары и совершали дьяволу мессы въ присутствіи многочисленныхъ адептовъ. Безчисленные казни заставляли быть осторожнѣе, и черныя мессы служились тайно, въ присутствіи лишь вѣрныхъ поклонниковъ сатаны. Главной цѣлью ихъ было оскверненіе Священныхъ Даровъ, и тогда алтаремъ служила спина нагой женщины. Чѣмъ сильнѣе наказывали поклонниковъ сатаны, тѣмъ стремительнѣе они неслись къ нему. Они уже не довольствовались осквернять Бога, а искажали и безобразили Его въ изображеніяхъ; душили дѣтей съ цѣлью добыть ихъ кровь для причастія, брали животныхъ для церемоній службы, номѣщая надъ дароносней на алтарѣ козла, одѣтаго въ церковныя облаченія. Въ XVII вѣкѣ сатанизмъ не потухъ, и только нѣсколько измѣнился ритуальъ черной мессы, а именно: жертвенникомъ служила не спина, а животъ нагой женщины. Впрочемъ объ этой эпохѣ уже упоминалось въ «Мелочахъ» по поводу процесса маршала Люксембурга. Въ XVIII вѣкѣ количество священнослужителей сатаны увеличилось. Одни изъ нихъ служили въ одиночку, другіе, какъ, папримѣръ, аббатъ Бенкарелли, въ Ломбардіи, избрали себѣ двадцать четыре апостола — двѣнадцать мужчинъ и двѣнадцать женщинъ, съ цѣлью украсить культъ. При этомъ онъ постоянно обращался къ нимъ съ яростными наставленіями, упрекая ихъ въ бездѣйствіи, вялости относительно разврата. Былъ моментъ, когда во Франціи весь Провансъ и Бургундія были заражены сладострастьемъ. Въ монастыряхъ процвѣталъ развратъ, со всѣхъ сторонъ объявляли объ исчезновеніи дѣтей; выкидышей было столько, что ихъ болѣе не считали. Въ одномъ Пуату было около тридцати патеровъ, которые, не скрываясь, справляли черныя мессы. Арестовать ихъ было невозможно, такъ какъ ихъ защищали могущественные сообщники, и развратъ все сильнѣе охватывалъ монастыри. Около 1760 года отыскали новыя секретныя общества, которыя воровали Св. Дары, но удалось захватить лишь ничтожное число адептовъ культа сатаны. Наконецъ, наступили 1789 г. и 1793 г., страсти перенеслись на другой предметъ, и о черной массѣ на время забыли. Во время директоріи большихъ безпорядковъ среди патеровъ не замѣчалось, всѣ отдавались чисто чувственной любви. Впрочемъ этотъ безобразный культъ не исчез окончательно, и отъ времени до времени выливались наружу разлчные факты. Что касается до 1855 г., то въ одномъ религіозномъ журналѣ «Les Annales de la Sainteté» говорится: «въ Парижѣ существуетъ общество, состоящее преимущественно изъ женщинъ, которыя причащаются по нѣсколько разъ въ день, удерживаютъ во рту Св. Дары, затѣмъ выплевываютъ ихъ, чтобы осквернить ихъ отвратительнымъ образомъ». Въ 1843 г. журналъ «La voix de la Septaine» разсказывалъ, что въ Ажанѣ существуетъ дьявольское общество и служить черныя мессы. Въ 1874 г. въ Парижѣ задержали женщинъ, которыя, причастившись, выплевывали причастіе въ руку. Кромѣ того, существовали еще многіе патеры, которые тайно служили черныя мессы и сторонники сатанизма, въ родѣ графа Лотрека, который дарилъ церквамъ божественныя статуи, сдѣланныя такъ, что онѣ могли смутить вѣрующихъ. Авторъ настаиваетъ, что въ настоящее время сатанизмъ не стерся съ лица земли и снокойно процвѣтаетъ съ помощью нѣкоторыхъ патеровъ, не сумѣвшихъ иначе удовлетворить свои горделивыя вождѣлнія.

Конечно, убійствъ дѣтей не существуетъ, — оговаривается авторъ, — но, разспросивъ нѣкоторыхъ осторожныхъ патеровъ, приходимъ къ убѣжденію, что этихъ обществъ большое количество, и черныя мессы попрежнему служатся съ помпой въ праздникъ «Тѣла Господня». Авторъ увѣряетъ, что во время послѣдней всемірной выставки въ Парижѣ онъ лично присутствовалъ на подобной мессѣ. Месса состоялась въ кварталѣ, прилегающемъ къ Jardin des Plantes. Въ маленькомъ домѣ съ садомъ, похожемъ на студию художника, всю затянутую красной матеріей, собрался въ 10 час. вечера адепты. Тамъ были и старыя, и молодыя, всѣ набѣленные и наруганные, съ сильно подчеченными глазами, даже дѣти хора. На стѣнахъ находились различныя священные предметы и фигура Христа изъ алебаstra. Предъ жертвенникомъ стояла фигура мужчины, одѣтаго въ красное одѣяніе. Это былъ патеръ. Въ началѣ службы онъ извергалъ градъ богохульствъ, а затѣмъ началась такая общая оргія, съ обнаженіемъ всѣхъ тѣлъ, что авторъ бѣжалъ.

— Двухсотлѣтній юбилей Ракоци. Недавно въ Верхней Венгріи, въ городѣ Касса, былъ отпразднованъ двухсотлѣтній юбилей венгерскаго патріота и предводителя возстанія 1703 года. Въѣмъ извѣстна любовь венгровъ къ свободѣ, ихъ силоченность и единодушіе въ борьбѣ съ врагами, что давало имъ возможность съ начала исторіи Венгріи противостоять своимъ врагамъ. Такъ во время вторженія византійцевъ имъ удалось, благодаря единодушію, отгнать ихъ къ Босфору. Зато венгерцы не забываютъ своихъ героевъ, и одного изъ нихъ, Франциска Ракоци, князя Трансильваніи, тоже героя, они почитаютъ болѣе остальныхъ. Онъ родился въ 1672 г. въ Борси. Когда умеръ его отецъ, то мать вышла замужъ за Емерика Тёкёли, главу протестантскаго возстанія. Благодаря этому браку, Трансильванія объявила себя врагомъ вѣнскаго двора, такъ какъ Тёкёли, опасаясь за свободу Венгріи, взялся за оружіе противъ Леопольда II. Послѣ четырехлѣтней героической осады крѣпость Мункашъ была взята австрійцами, а Елена Тёкёли, мать молодого Ракоци, была увезена въ изгнаніе въ Вѣну вмѣстѣ съ дѣтьми. Тамъ молодой Ракоци предался ученію, а затѣмъ женился на принцессѣ Шарлоттѣ-Амалии Гессенской, что возвращало въ его руки всѣ семейныя владѣнія, — почти что двѣ трети Венгріи. Несмотря на миролюбивыя намѣренія, ему недолго жилось спокойно. Безпрестанныя придирки Австріи раздражали до крайности венгровъ, и они просили своего князя, Франциска Ракоци, встать во главѣ ихъ. Пока послѣдній искалъ средства избѣжать столкновенія посредствомъ соглашеній, во всей Венгріи вспыхнула страшная мятежь, всполошившая всю Европу. Въ это время французскій король, Людовикъ XIV, имѣвшій одинаковыя съ австрійскимъ императоромъ притязанія на испанскій престолъ, воспользовался мятежомъ Венгріи, чтобы отвлечь вниманіе Австріи отъ Испаніи. Съ этой цѣлью Людовикъ XIV послалъ въ Венгрію маркиза Феріоль и графа Виллара, чтобы они возбуждали Ракоци безостановочно бороться противъ Габсбурговъ. Эта поддержка еще болѣе вдохновила Ракоци и уничтожила его сомнѣнія, тѣмъ болѣе, что онъ жаждалъ освободить венгровъ изъ-подъ австрійскаго ига. Къ несчастію, Ракоци поручилъ отвезти свой отиѣтъ и планъ сраженія Людовику XIV одному бельгійцу, по имени Лангарю, который вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Парижъ, остановился въ Вѣнѣ, гдѣ у него купили этотъ доку-

ментъ. Затѣмъ негодяя арестовали, а Ракоци было приказано доставить къ императору. Однако, благодаря своей женѣ и капитану Леману, поплатившемуся за это своей жизнью, Ракоци могъ бѣжать въ Польшу, гдѣ оня собралъ армию на средства, присланныя изъ Франціи, и переступилъ границу со знаменемъ, на которомъ красовался знаменитый девизъ патриотовъ: «Pro Deo, patria et libertate». Сначала венгерская аристократія сдерживалась вмѣшиваться, но, видя усиѣхи арміи Ракоци и увлеченная героизмомъ массы, тоже устремилась къ границѣ. Леопольдъ II, рѣшительно направившійся къ Испаніи, поручилъ епископу Калосцы, Павлу Сцелени, предложить миръ Ракоци. Въ то время какъ Ракоци диктовалъ свои условія— независимость Трансильваніи подъ гарантией Англіи и Голландіи, императоръ вдругъ измѣнилъ рѣшеніе, и армія Ракоци постъ восьмилѣтней борьбы была побѣждена Евгениемъ Савойскимъ и Марльборо. Армія Ракоци предприняла нѣсколько попытокъ, но безнадежныхъ, которыя только утомили ее; часть ея перешла въ Австрію, другая же была уничтожена болѣзнями и всякаго рода лишениями. Эта неудача не отняла у Ракоци мужества; покинутый своими генералами, исключая Берсени и нѣсколькихъ другихъ, оня рѣшился отправиться за помощью въ Россію. Пока оня велъ переговоры въ Польшѣ, Кароли, командуящій куруцами, спокойно переговаривался о мирѣ, который Ракоци отказался ратифицировать. Эти условія состояли въ томъ, что князь Трансильваніи возвратитъ себѣ все свои владѣнія, подъ условіемъ присяги въ вѣрности австрійскому императору. Всемъ куруцамъ была обѣщана амнистія, а также право выразить свои требованія на будущемъ сеймѣ. Ракоци, не видя въ этомъ никакой гарантіи относительно независимости Венгрии, вернулъ своимъ солдатамъ ихъ присягу вѣрности и удалился во Францію. Отъ его брака родилось двое дѣтей, которыхъ у него насильно отняли еще дѣтymi и задержали въ Австріи, гдѣ они воспитывались въ іезуитской коллегіи. Одинъ изъ нихъ умеръ, другого возвратили отцу, когда ему минуло семнадцать лѣтъ; оня былъ въ австрійскомъ мундирѣ и едва узналъ отца. Обширныя владѣнія князя Ракоци, конфискованныя Австріей, были распределены между его генералами, которые подчинились Габсбургамъ. Эти имѣнія послужили началомъ громадныхъ почти невѣроятныхъ венгерскихъ богатствъ. Послѣ смерти Людовика XIV турецкій султанъ пригласилъ Ракоци поселиться въ Турціи. Съ нимъ постѣдовали и его друзья. Одинъ изъ его генераловъ Берсени сформировалъ раньше въ Парижѣ первый гусарскій полкъ, а его сынъ впоследствии сдѣлался маршаломъ Франціи. Ракоци умеръ отъ сухотки сорока шести лѣтъ въ Родосто. Оня пожелалъ, чтобы тѣло его было похоронено возлѣ его матеря въ часовнѣ константинопольскихъ іезуитовъ. Венгерцы искренно желали бы перевезти останки ихъ борца за свободу къ себѣ, но законъ объ имѣннѣ величеству не позволяетъ имъ этого. По случаю юбилея была устроена выставка вещей, принадлежавшихъ Ракоци, по инициативѣ венгерскаго патриота и президента комиссіи по возобновленію историческихъ памятниковъ, графа Зичи. Графъ Зичи лично объѣхалъ всю Венгрію: монастыри, музеи, замки, собирая все, что напоминало объ отважномъ поборникѣ венгерской свободы.

— Анархистъ XVIII вѣка. Въ XVIII вѣкѣ существовалъ во Франціи бандитъ и убійца, наводившій такой страхъ на народъ, что имя его служило

бранной угрозой для матерей, разгнѣванныхъ поведеніемъ сыновей: «Ты будешь Мандреномъ!» обыкновенно пугали онѣ дѣтей. Такимъ его представляли до сихъ поръ, но одинъ французскій писатель придалъ ему теперь новый колоритъ и изъ Мандрена разбойника сдѣлалъ анархиста. Въ своей статьѣ¹⁾, помѣщенной въ «Revue hebdomadaire», Леонъ Барраканъ рассказываетъ, что Мандренъ родился 30 мая 1725 г. въ хорошенькомъ маленькомъ городѣ Сентъ-Этьенъ де-Сент-Жоржъ, въ Дофинѣ. Его дѣдъ воспитывался въ королевской іезуитской коллегіи въ Греноблѣ вмѣстѣ съ молодежью высшей аристократіи Дофиня. Послѣ его смерти состояніе раздѣлилось между тремя сыновьями, и съ этихъ поръ семья постепенно приходила въ упадокъ. Отецъ Мандрена былъ уже только гуртовымъ торговцемъ, и въ своей лавкѣ продавалъ всевозможные товары. Когда онъ умеръ, то у жены остались на рукахъ девять чловѣкъ, мальчиковъ и дѣвочекъ; старшему Луи было шестнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ онъ, какъ первенецъ-сынъ, былъ главою семьи. Гористая мѣстность, лежавшая на границѣ Савойи и Швейцаріи, съ холмами, оврагамъ и множествомъ лѣсныхъ тропинокъ, давала возможность обходить большую дорогу, легко избѣгать таможеннаго поста и провозить контрабанду. Заниматься этимъ не считалось позорнымъ. Отъ отца къ сыну переходило ремесло контрабандиста, какъ самое естественное. Этимъ занимались всѣ — аристократія, духовенство, граждане и прочій народъ. Подобное явленіе авторъ объясняетъ злоупотребленіями во время королевскаго режима, взысканіями налоговъ чрезъ откупщиковъ, жестокостью и насиліемъ чиновниковъ и сборщиковъ налоговъ относительно деревенскихъ жителей. Будущій бандитъ получилъ нѣкоторое образованіе и умѣлъ писать, хотя не очень грамотно. Небрежно воспитанный и очутившійся на свободѣ послѣ смерти отца, Луи Мандренъ все-таки не съ разу взялся за ремесло контрабандиста. Сначала онъ сдѣлался лошадинымъ барышникомъ и ѣздилъ по ярмаркамъ, но потерявъ терпѣніе отъ медленной наживы, а, можетъ быть, и благодаря тому, что у него была дурная голова, онъ бросилъ семью на произволь судьбы и поступилъ въ солдаты. Но недолго его привлекало военное ремесло; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ дезертировалъ, ради жизни, полной приключеній. Сдѣлавшись главою банды, изъ такихъ же, какъ онъ, юныхъ дезертировъ, онъ составилъ отрядъ отъ полтораста до двухсотъ чловѣкъ и занялся контрабандой. Авторъ старается выяснитъ эту перемѣну въ юношѣ тѣмъ, что хотя нѣтъ свѣдѣній о томъ, занимался ли его отецъ контрабандой, и не участвовалъ ли Луи мальчикомъ въ его экспедиціяхъ, но можно предполагать и подобное. Другой причиною авторъ приводитъ то обстоятельство, что младшій братъ Луи былъ казненъ за поддѣлку фальшивыхъ монетъ и за контрабанду, а это возбудило въ немъ такую дикую ненависть и жажду мести противъ чиновниковъ фиска. И дѣйствительно его жертвами были только фискалы и онъ не совершилъ никакихъ преступленій противъ общественнаго права. Вся его банда, состоящая изъ людей безъ угрызений совѣсти, уважала однако имущество

¹⁾ Un anarchiste au XVIII siècle, par Leon Barracand. «La Revue hebdomadaire» 3 Octobre 1903.

ближняго и частную собственность. Свою контрабанду, какъ соль, табакъ, и проч., онъ выставлялъ на вершинѣ горъ, устранивая что-то въ родѣ укрѣпленнаго лагеря, куда крестьяне и крестьянки, соблазненные товарами, приходили ихъ покупать. Въ это время бандиты слѣдили, чтобы таможенники не смѣли приближаться, и только издали могли любоваться этой торговлей. Но мало того, Мандрень входилъ въ города, которые бралъ приступомъ, шелъ прямо къ фискаламъ и чиновникамъ и, назначивъ свою цѣну, въ темъ давалъ квитанціи, оставлялъ имъ товары. Онъ врывался въ тюрьмы, освобождалъ контрабандистовъ, присоединяя ихъ къ своей бандѣ, но снова запиралъ воровъ и убійцъ. Мандрень нападалъ на агентовъ фиска, и если попадали посторонніе, то онъ также хладнокровно убивалъ, говоря: «тогда они виноваты, зачѣмъ походятъ на шпионовъ». Бандиты пріѣзжали въ городъ съ контрабандой табака, являлись въ торговый складъ, выкладывали товаръ на дворѣ, оцѣпляли домъ вооруженными людьми и входили въ него, заставляя хозяина уплатить за табакъ деньги, иначе угрожали смертью. Когда хозяинъ отговаривался неимѣніемъ денегъ, то они открывали всѣ шкафы, отыскивая деньги и осыпая градомъ ругательства хозяина, до тѣхъ поръ, пока тотъ не посылалъ ко всѣмъ сосѣдямъ выпрашивать деньги. Если денегъ не находили, сколько требовалось за количество табаку, то бандиты отбирали неоплаченный товаръ и спокойно уѣзжали, посылая на прощанье нѣсколько выстрѣловъ въ хозяина и насилуя прислугу. Во всѣхъ городахъ повторялось одно и то же: на улицахъ разставлялись караульные, и вооруженные бандиты охраняли дверь колокольни на городской башнѣ, чтобы помѣшать битъ въ набать. Жители, парализованные страхомъ, не препятствовали бандитамъ. Въ Бонѣ они овладѣли городскими воротами, убили двухъ горожанъ и солдатъ, хотя онъ былъ въ отпуску и случайно попалъ на вѣль. Они обязали мэра города прійти въ пригородъ для переговоровъ съ Мандреномъ о требуемомъ выкупѣ. Онъ былъ определенъ въ 20.000 ливровъ, которые были носѣбно принесены получателями соли и табака. Въ Огенѣ дѣло было еще смѣльѣ. По дорогѣ Мандрень встрѣтилъ толпу молодыхъ семинаристовъ, которые шли въ Шалонъ для посвященія въ патеры; онъ принудилъ ихъ возвратиться обратно. Тамъ Мандрень пробовалъ заставить жителей открыть городскія ворота, представлялъ къ стѣнѣ лѣстницы, угрожалъ по нимъ проникнуть въ городъ и предать все огню, молодыхъ же людей, которые служили ему залогомъ, убить. Тогда пріѣзжали родители, и всѣ жители принудили мэра сдаться. Мандрень проникнулъ въ городъ въ сопровожденіи всей банды, которую онъ оставилъ предъ ратушей, а самъ съ двумя своими помощниками вошелъ туда, чтобы потребовать контрибуцію. Такимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ поѣтилъ многіе города. Его дерзость дошла до того, что пришлось послать противъ него королевскій полкъ. Постъ нѣсколькихъ стычекъ его звѣзда померкла, и онъ бѣжалъ за границу. Любовь привела его къ гибели. По природѣ великодушный и отважный, учтивый до рыцарства, Мандрень при этомъ былъ красивъ. Высокаго роста, широкій въ плечахъ, необыкновенно сильный, съ длинными вьющимся волосами, онъ отличался правильными чертами лица, орлинымъ носомъ аристократическаго очертанія. Въ его глазахъ отражалась

гордость, а разговоръ его увлекалъ всѣхъ, при этомъ онъ говорилъ умно. Занимаясь грабежами, онъ находилъ время, чтобы вести любовныя интриги. Жена совѣтника гренобльскаго парламента, которую онъ сдѣлалъ своей любовницей, изъ ревности довела на него и указала мѣсто, гдѣ онъ скрывался. Въ Валансѣ, гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, собрался весь городъ, чтобы посмотрѣть на него, и дамы первыя посѣтили его въ тюрьмѣ. Когда Мандрена спросили, по какому праву требовалъ онъ контрибуцію съ агентовъ фиска, то онъ отвѣтилъ: «по праву Александра надъ персами и Цезаря надъ галлами». Его такъ боялись, что предсѣдательствующій суда разсмотрѣлъ все его дѣло въ 48 часовъ и послѣднимъ достать королевскій указъ съ приговоромъ къ колесованію. Въ день его казни, стоявшій гарнизонъ вооружился, а городскія ворота были залерты. По смерти Мандрена родилась легенда и разошлась не только по Франціи, но и за границей. Жители его роднаго города съ улыбкой и почти гордостью переносили, когда ихъ называли *mandrinots*. Рассказываютъ, что лошади банды были подковаемы наоборотъ, такъ что Мандрена трудно было поймать. Въѣсгѣ съ тѣмъ писатели, подкуленные правительствомъ, не жалѣли сажи, чтобы его очернить и приписать ему всевозможныя преступленія, присоединяя его имя къ имени Каргуша. Подобныя маленькія книжки разносились по деревнямъ, и все въ нихъ, по словамъ Барракана, ложно. Съ другой стороны, враги правительства превратили Мандрена въ героя, для большинства онъ былъ образцомъ индивидуальной мощи и чловѣка свободы, протестующаго противъ режима притѣснителей. Экономисты видѣли въ немъ предтечу ихъ теоріи свободнаго обмѣна, а нѣкоторые историки и философы, какъ Луи Бланъ, а прежде Вольтеръ, — реального пропагандиста ихъ идей. Авторъ считаетъ Мандрена недожизненнымъ чловѣкомъ, но въ особенности пылкимъ, чѣмъ-то въ родѣ кондотъери, который ошпыбся эпохой.

— Отецъ Помпадуръ и ея дѣтство. Разобравъ подробно всѣ крупныя историческія факты прежнихъ вѣковъ, старые историки предоставили молодымъ заняться ихъ деталями. Такъ Шарль Галли де-Торинъ помѣстилъ въ «*Revue hebdomadaire*» биографію отца г-жи Помпадуръ и свѣдѣнія объ ея дѣтствѣ¹⁾. Ея отецъ Франсуа Пуассонъ былъ сыномъ ткача въ деревнѣ Прованшперъ, близъ Лангра. Въ началѣ XVIII вѣка, во время войны за испанское наслѣдство, онъ покинулъ родную деревню и отправился въ качествѣ проводника лошадей военнаго провіантмейстера. Извѣстно, какъ быстро богатѣютъ въ тревожное время войны всѣ, стеящіе близко къ дѣлу поставокъ, особенно при плохомъ присмотрѣ и неправильномъ контролѣ, а потому неудивительно, что отецъ Помпадуръ изъ бѣднаго крестьянина превратился въ зажиточнаго горожанина. Онъ купилъ въ пригородѣ Ножанъ-Ларто, близъ Шато-Тьерри красивый домъ съ цвѣточнымъ садомъ, ферму въ Люси ле-Бокажъ и должность поставщика корнуса герцога Орлеанскаго. Такимъ образомъ прежній крестьянинъ, жениась вторымъ бракомъ на дочери поставщика мяса въ домѣ Инвалидовъ, Луизѣ Магдалинѣ де-ла-Моттъ, уже могъ назвать себя «*Sieur de Lucy*» и чиновникомъ

¹⁾ Monsieur Poisson; la famille et l'enfance de madame Pompadour. *Revue hebdomadaire*, 26 septembre.

его королевскаго высочества герцога Орлеанскаго, регента королевства. Несчастіе, постигшее народъ въ 1725 году, голодъ, помогло Пуассону еще болѣе увеличить свое состояніе. Взявъ на себя поставку хлѣбнаго зерна, онъ закупилъ его въ Бургундіи и быстро доставилъ въ Парижъ. Результатомъ этой коммерческой комбинаціи была перемѣна скромнаго жилища на пышный историческій домъ, принадлежавшій прежде епископамъ Бовэ и въ которомъ ранѣе жилъ судья и палачъ Орлеанской дѣвы, Ньеръ Капонъ. Пуассонъ завелъ лошадей, экипажи, камердинера и лакеевъ, сталъ ѣсть на серебрѣ, а чрезъ годъ купилъ себѣ собственный домъ. Но ему еще не пришлось насладиться своимъ богатствомъ и даже поселиться въ новомъ домѣ, какъ на него свалилась бѣда. Въ 1727 году кардиналу Флѣри, только что взявшемуся за управленіе дѣлами, пришла мысль просмотрѣть счета поставщиковъ за 1725 годъ, и комиссія признала, что Пуассонъ долженъ казнѣ 232.430 ливровъ, которые онъ не выставилъ въ счетахъ. Тотчасъ же все его имущество было отобрано, а Пуассонъ нашелъ лучшимъ «удалиться изъ королевства». Его, жена, красавица, съ чуткимъ сердцемъ и тонкимъ умомъ, совершенно не подходила къ типу грубаго Пуассона. Двадцати восьми лѣтъ она очутилась одинокой, безъ средствъ, на улицахъ Парижа съ двумя дѣтьми — дѣвочкой шести лѣтъ, Жанной Антуанетой, и мальчикомъ восемнадцати мѣсяцевъ—Абелемъ-Франсуа. Поселившись въ скромной квартирѣ, она рѣшила въ 1729 году отправить дѣвочку къ теткѣ, монахинѣ монастыря урсулинокъ Пуасси. Тамъ ребенку жилось хорошо цѣлый годъ, такъ какъ монахини полюбили ее. Мать прислала дѣвочкѣ бѣлье, а отецъ, скрывшійся въ Германіи, дарилъ ей золотой на гостинцы. Въ ноябрѣ тетка просила у Пуассона прислать денегъ, такъ какъ мать не могла давать достаточно. «Она думаетъ, что вы даете ей много,—писала монахиня,—и присылаетъ только самое необходимое; я думаю, что ей плохо живется». Г-жа Пуассонъ просила комиссію, назначенную по дѣлу мужа, возвратитъ ей приданое изъ суммъ, полученныхъ съ продажи мебели, такъ какъ ни ей, ни ея семьѣ не на что было существовать. Но вмѣсто требуемыхъ шести тысячъ ей выдали 1.000 ливровъ, на вторичную просьбу 3.000 ей дали только 1.200. При этомъ она взяла дѣвочку къ себѣ, и положеніе ея стало еще затруднительнѣе. Современники г-жи Пуассонъ говорятъ, что у нея были покровители, которые широко поддерживали ее. Будто бы съ перваго времени ея брака съ Пуассономъ она была любовницей ле-Блана, военнаго министра, потомъ его перваго секретаря, Лорана въ Парижѣ, Монмартеля, знаменитаго финансиста, Фурнье, директора королевскихъ оружейныхъ магазиновъ въ Шарлевилѣ, который ради нея разорился, и датскаго посланника Ведеркопа. Всѣ эти связи ничѣмъ не подтверждены. Среди этихъ случайныхъ интригъ была одна серьезная — съ холостякомъ Ле-норманомъ де Турнеэзомъ, къ которому г-жа Пуассонъ питала страсть. Это былъ очень богатый человѣкъ, откупщикъ, принадлежавшій къ почтенной семьѣ стариннаго рода. Въ 1698 году онъ купилъ землю Турнеэма во Фландріи и съ тѣхъ поръ сталъ носить это имя. Благодаря бракамъ родственниковъ со знатнаго рода лицами, онъ сблизился съ высшимъ обществомъ. Г-жа Пуассонъ была его подругой, и семья охотно принимала ее; она участвовала на всѣхъ семейныхъ праздникахъ и свадебныхъ контрактахъ. Маленькая Жанна-

Антуанета съ дѣтства любовалась на блестящее общество, такъ какъ послѣ бѣгства отца они жили въ улицѣ Валуа, а изъ оконъ ихъ квартиры былъ виденъ Пале-Рояль. Когда дѣвочкѣ исполнилось 9 лѣтъ, а именно въ 1730 году, то ея мать изъ любопытства и ради шутки обратилась къ нѣкоей г-жѣ Лебонъ, которая занималась составленіемъ гороскоповъ, что было тогда въ модѣ. Продѣлавъ различныя манипуляціи, Лебонъ предсказала въ присутствіи многихъ знатныхъ лицъ, что дѣвочка сдѣлается фавориткой короля. Это предсказаніе показалось г-жѣ Пуассонъ несбыточнымъ, такъ какъ король былъ женатъ пять лѣтъ и еще называлъ королеву самой прекрасной женщиной въ свѣтѣ; онъ никогда не покидалъ Версаля, какъ только ради охоты, а потому парижанки едва ли могли имѣть случай привлечь его вниманіе. Тѣмъ временемъ г-нъ Пуассонъ жилъ за границей, и его возвращенія не ожидали. Но вдругъ чрезъ три года послѣ предсказанія Лебонъ, въ одинъ прекрасный день, онъ возвратился къ семьѣ послѣ восьмилѣтняго отсутствія и снова богатымъ человѣкомъ. Своего возвращенія добился онъ случайно. Въ это время умеръ въ Польшѣ король Фридрихъ-Августъ, и тесть Людовика XV, Станиславъ, бывшій польскій король, задумалъ снова овладѣть потерянной короной. Съ этою цѣлью онъ тайно выѣхалъ изъ Франціи 26 августа 1733 года на военномъ кораблѣ «Флѣронъ», инкогнито. Никто не смѣлъ произносить имя «реденгота», какъ прозвала его молодежь. Въ Копенгагенѣ его личность обнаружилась, и всѣ знали, что «реденготъ» — король Польши. Въ Варшаву онъ явился передѣланнымъ куцомъ, и 12 сентября былъ избранъ королемъ. Когда его лишили трона, онъ снова превратился въ простаго смертнаго, но на этотъ разъ не куца, а графа Тианжъ, командора Мальтійскаго ордена. Веселый, откормленный весельчакъ былъ радъ снова освободиться отъ тяжелаго положенія короля, чтобы вкушать удовольствія, какъ свободный человѣкъ. Желая отдѣлаться отъ моря и отъ командира парохода, чтобы забыть совершенно свое королевское достоинство, Станиславъ отправился изъ Копенгагена въ Гамбургъ. Тамъ онъ случайно познакомился съ веселымъ французомъ, живымъ, умнымъ и любящимъ вынѣть. Послѣдній оказалъ ему нѣсколько услугъ и служилъ проводникомъ до Брюсселя. Дорогою онъ, пользуясь расположеніемъ Станислава, признался ему, что былъ замѣшанъ въ дѣло по поставкѣ хлѣба казнѣ, и просилъ его похлопотать о себѣ у министровъ: это былъ Пуассонъ. Графъ Тианжъ сдержалъ обѣщаніе по возвращеніи въ Парижъ, и чрезъ три года Пуассонъ снова находился въ своей семьѣ. Чрезъ два года по возвращеніи онъ купилъ прекрасный большой домъ, сломалъ его и выстроилъ на мѣстѣ его еще лучше. Наконецъ къ довершенію счастья Пуассонъ добился погашенія части долга казнѣ, а 4-го марта 1741 г. Жанна-Антуанета, въ то время двадцатилѣтняя дѣвушка, была помолвлена съ Эгіолемъ, племянникомъ Турнеэма, друга г-жи Пуассонъ. Въ контрактъ упоминалось, что молодой Ленорманъ Турнеэмъ получилъ въ приданое отъ дяди 83.500 ливровъ въ формѣ откупного дивиденда, а также его будущую семью дядя обѣщалъ содержать въ своемъ домѣ, предоставивъ пятерыхъ слугъ, экипажи и лошадей. Своей дочери г-жа Пуассонъ дала на 30.000 ливровъ брилліантовъ, а самъ Пуассонъ подарилъ ей домъ въ улицѣ св. Марка, который былъ секвестрованъ казною

и снова возвращень, благодаря хлопотам датскаго посланника Ведеркопа, друга г-жи Пуассонъ. Черезъ пять дней, 9-го марта, состоялась свадьба, послѣ чего молодыхъ проводилъ щедрый дядя въ свой домъ. Но вскорѣ онъ нанялъ обширный домъ и не только взялъ къ себѣ молодыхъ, но и Пуассоновъ, мужа съ женою. Неизвѣстно, были ли дѣла Турнеэма въ упадкѣ или вѣтъ, но изъ оставшихся документовъ, помѣченныхъ 1740, 1741, 1742 и 1744 годами, видно, что онъ занималъ у г-жи Пуассонъ различныя суммы денегъ, акціи Индѣйской компаніи и даже бралъ серебряную посуду и ренты городской думы, которыя г-жа Пуассонъ продавала, чтобы «сдѣлать ему удовольствіе и помочь въ его дѣлахъ». Это служить доказательствомъ привязанности г-жи Пуассонъ къ своему другу, а вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуеть, насколько безразлично относился Пуассонъ къ связи жены, что даже продолжалъ жить подъ однимъ кровомъ съ ея любовникомъ. Черезъ нѣкоторое время, а именно въ 1741 г., Пуассону снова представился случай заняться французскими дѣлами. Смерть германскаго императора послужила какъ бы сигналомъ къ общій европейской войнѣ. Съ наступившей весною французы принялись съ лихорадочной поспѣшностью за военныя приготовления, хотя французскіе агенты за границей объ этомъ еще не знали. Только графъ Садъ, посланникъ при Кельвскомъ курфиретѣ, получилъ извѣстіе отъ министра иностранныхъ дѣлъ о рѣшеніи короля отправить двѣ арміи на помощь баварскому курфирету — одну въ двадцать пять тысячъ, другую въ сорокъ тысячъ. Предстояло позаботиться о продовольствіи въ союзныхъ странахъ, гдѣ арміи будутъ проходить. Главнымъ организаторомъ былъ назначенъ Парр де Вернэ, который вспомнилъ о Пуассонѣ, и когда выбиралъ себѣ агентовъ, то главнымъ назначилъ его. Чтобы обмануть бдительность непріятеля, Пуассонъ долженъ былъ появиться подъ видомъ путешественнаго ради здоровья. Военный министръ увѣдомилъ объ этомъ графа Сада, предупреждая, что Пуассонъ тайно пріѣдетъ въ Бонъ и остановится въ гостиницѣ, чтобы его не узнали, а только ночью пріѣдетъ къ графу. Однако, несмотря на похвалы, расточаемыя Пуассону и служившія какъ бы его обѣщаніемъ за прошлое, что радовало его дочь г-жу Этюль, Пуассономъ официально не особенно были довольны. Въѣсто того, чтобы сохранить полное инкогнито, онъ поспѣшилъ принять предложеніе посланника, остановился у него въ домѣ, и вскорѣ всѣ узнали, что французскій агентъ скунаетъ хлѣбъ. Кромѣ того, слабость къ вину сыграла съ нимъ непріятную шутку, и на одномъ официальномъ обѣдѣ, куда его также пригласили, онъ, опьянѣвъ, позволилъ себѣ дерзкое обращеніе съ посланникомъ баварскаго курфирста, барономъ Нейгаусомъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ узналъ объ этомъ и выразилъ графу Саду свое неудовольствіе, спрашивая, что возбудило эту ссору. Посланникъ объяснилъ, что оба слишкомъ много выпили. По счастью, компанія окончилась благополучно, и на Пуассона посыпались похвалы, хотя его подчиненные были не безукоризненны, и графъ Садъ писалъ министру: «Сильно желаютъ, чтобы агенты, продававшіе хлѣбъ въ Кельнѣ, были повѣщены». Пуассонъ возвратился въ Парижъ, на этотъ разъ высоко поднявъ голову, такъ какъ его репутація нѣсколько поправилась. Но въ будущемъ его ожидало еще большее счастье. Король, служившій образцомъ вѣрности къ королевѣ, уже восемь лѣтъ до этого событія измѣнилъ образъ жизни. Фаворитки

быстро смѣняли одна другую, и, какъ ярый охотникъ, онъ часто удалялся въ свой любимый охотничій замокъ Шуази, гдѣ, измѣнивъ officialный токъ и этикетъ на свободное простое обращеніе, онъ предавался удовольствіямъ. Конечно, ни королева ни жены сопровождавшихъ его придворныхъ не принимали участія въ охотѣ, хотя въ дамахъ тамъ не было недостатка. Проѣзжать въ замокъ Шуази приходилось мимо цѣлаго ряда прекрасныхъ старинныхъ замковъ и между прочимъ самаго изящнаго замка Эгіоль, куда на лѣто племянникъ Турнеэма переѣхалъ съ молодою женой. Тамъ молодая женщина принимала общество литераторовъ, артистовъ, философовъ и даже многихъ придворныхъ, какъ герцоговъ Ришелье, Дюра и Нивернэ, чрезъ которыхъ король узналъ объ ея существованіи. Часто во дни охоты король видѣлъ на лѣсной дорогѣ молодую женщину, выдѣлявшуюся своими туалетами, и хотя они не разговаривали, однако глаза короля не молчали; что касается ея, то она не любила мужа съ его холоднымъ темпераментомъ, и ей вспомнились предсказанія Лебонъ. Къ тому же она умѣла владѣть собою и обладала замѣчательнымъ талантомъ комедианки; по словамъ одного ея современника, она подражала всему и поддѣлывалась подо все: подъ страсть и добродѣтель, если это было надо. Уже много разъ писали, при какихъ обстоятельствахъ состоялось ея сближеніе съ королемъ. Первое посѣщеніе Людовикомъ XV будущей фаворитки состоялось въ апартаментѣхъ ея матери, такъ какъ мужъ уѣхалъ въ деревню. Король явился передѣтымъ и, чтобы не узвали его, далъ кучеру очень мало на чай. Затѣмъ король все сильнѣе влюблялся въ новую фаворитку, и они уже встрѣчались въ апартаментѣхъ, прежде занятыхъ г-жею Мальи. Вскорѣ Жанна добилась отъ короля обѣщанія быть officialно помѣщенной при дворѣ и представленной королевы. Но имя Пуассонъ было стѣснительно, а г-жи Эгіоль не достаточно громко, король же хотѣлъ, чтобы ея появленіе при дворѣ не произвело большого скандала. Тогда король задумалъ подарить ей замокъ и имя Помпадуръ, которое принадлежало Маріи-Франсуазѣ де-Помпадуръ, маркизѣ Отфоръ, женщицѣ, принадлежавшей по рожденію и мужу къ древней французской аристократіи. Маркиза въ своей духовной оставила все имущество своей приемной дочери, дѣвицѣ Шуазель, а въ случаѣ ея смерти бездѣтной, имѣнье Помпадуръ должно было перейти къ принцу Конти и его дѣтямъ. Король устроилъ дѣло съ принцемъ Конти, и Жанна сдѣлалась маркизою Помпадуръ. Два мѣсяца спустя, она представлялась королевы, въ сопровожденіи принцессы королевской крови. Однако, достигнувъ желанной цѣли, Жанна не забывала родителей и все время даже въ отсутствіи короля называла ихъ, что нѣсколько стѣсняло его. Самъ Пуассонъ былъ изъ того сорта людей, которые не ждутъ, чтобы о нихъ вспомнили, а напоминаютъ о себѣ сами. Онъ не только добился своей полной реабилитаціи, но еще казна оказалась ему должна 23.743 ливра. Однако и это не удовлетворило Пуассона, и онъ снова подалъ просьбу королю, прося его возмѣстить убытки за безцѣльно потерянное время, благодаря тѣмъ, брошенной на его репутацію. Въ отвѣтъ онъ получилъ 100.000 ливровъ изъ казны. Его виновность была вполне установлена, и онъ, кромѣ того, обратился въ дворянина. Но этимъ не ограничились милости короля; онъ купилъ для отца фаворитки за 200.000 ливровъ замокъ и титулъ маркиза Марнави. Весельчакъ

и кутила, новообразовавшийся маркиз умеръ 70 лѣтъ отъ водянки и похороненъ въ церкви своего замка.

— Король моды въ XVIII вѣкѣ. Въ первой сентябрьской книжкѣ «Revue hebdomadaire» И. Бюффенуаръ помѣстилъ интересную характеристику одного изъ блестящихъ представителей французскихъ вельможъ XVIII вѣка— Луи-Франсуа Бурбона, принца Конти¹). Это былъ, по словамъ автора, совершенно французскій типъ вельможи,—умный, другъ искусства, покровитель литераторовъ, отважный на войны, тратившій, не считая, свои деньги, всегда имѣвшій любовную интригу, носившій на себѣ особый отпечатокъ изящества, которое привлекало всеобщее вниманіе и дѣлало его популярнымъ. Такіе типы въ то время назывались королями моды, и принцъ Конти былъ самымъ блестящимъ его представителемъ. Сначала онъ служилъ въ арміи, гдѣ вскорѣ отличился. Въ 1741 г. подъ командою маршала Белль-Иля онъ продѣлалъ баварскую кампанію. Затѣмъ, въ 1744 г. ему поручили командованіе арміей, которой предстояло дѣйствовать въ Пьемонтѣ. Онъ взялъ приступомъ знаменитые ретраншменты Вилльфранша и Шато-Дофина, покрылъ себя славою въ кровавой битвѣ при Кони, гдѣ король Сардиніи, Карлъ-Эмануилъ, внезапно бѣжалъ съ поля сраженія. Въ этомъ сраженіи подъ нимъ были убиты послѣдовательно двѣ лошади, а его кираса была два раза прострѣлена. Въ 1745 г. онъ отличился въ пѣмецкомъ походѣ, а въ 1746 г. во фландрскомъ. Но, несмотря на его заслуги, Людовикъ XV не любилъ принца. Помпадуръ, которую онъ старался при каждомъ удобномъ случаѣ унижить, не терпѣла его. Впрочемъ, не къ одной Помпадуръ онъ такъ относился: всѣ фаворитки короля подвергались его презрѣнію такъ же, какъ и фавориты, которыми кипѣлъ французскій дворъ. Король его побаивался, чувствуя перевѣсъ его энергичной души надъ своей дряблостью, что заставляло Людовика тайно краснѣть. Пользуясь тѣмъ, что принцъ Конти никогда для себя ничего не запрашивалъ, Людовикъ XV не предлагалъ ему никакихъ почестей, ни повышеній, на что онъ имѣлъ полное право. Впрочемъ, король гордился своимъ двоюроднымъ братомъ, и однажды, за ужиномъ, въ Мецѣ, онъ провозгласилъ тостъ за «великаго Конти». Репутация и популярность Конти были исключительными. Послѣ фландрскаго похода между нимъ и графомъ саксонскимъ вышло недоразумѣніе по поводу первенства въ командованіи союзной арміей, которое должно было принадлежать ему по праву принца королевской крови. По этому поводу онъ вернулся въ Парижъ, да, кромѣ того, былъ заключенъ миръ, и онъ рѣшилъ покинуть военную карьеру, обративъ свою дѣятельность и честолюбіе на другое. Тогда принцъ Конти отдался весь свѣтской жизни. Въ это время въ Тамплѣ, гдѣ принцъ былъ великимъ магистромъ съ 1749 г., собирався весь дворъ, точно такъ же, какъ и въ его замкѣ Пль-Аданъ. Его блестящіе празднества, покровительство и дружба съ писателями, артистами, философами, а также умъ, выказанный имъ въ совѣтъ короля, и завоеванное имъ тамъ мѣсто придавали ему особый блескъ. Въ концѣ концовъ всѣ привыкли считать его способнымъ

¹) Un roi de la mode au dix huitième siècle, par Hippolyte Buffenoir. «La Revue hebdomadaire». 6 septembre 1903.

занять при случаѣ тронъ. Съ королемъ онъ примирился, и первый даже его настолько полюбилъ, что поручилъ вести свою тайную корреспонденцію. Его приемы въ Тамплѣ поражали своимъ блескомъ. Благодаря его титулу великаго магистра, принца окружали почетомъ. Къ нему была приставлена гвардія изъ 50 дворянъ подъ командою полковника, которая носила его мундиръ; на содержаніе ее король выдавалъ 80.000 франковъ въ годъ. Каждый понедѣльникъ тамъ устраивался ужинъ для 150 человекъ, послѣ котораго бывалъ концертъ или дивертиссементъ. Кромѣ того, въ извѣстные дни назначался большой приемъ, на который являлся весь дворъ, а на маскарадахъ и костюмированныхъ балахъ завязывались утонченныя интриги XVIII вѣка; иногда тамъ устраивались комедіи. На лѣто великій магистръ уѣзжалъ въ свой замокъ, куда являлось все парижское общество, и гостеприимство его слыло за легендарное. Его лучшіе друзья, графиня Буффлэ и жена маршала Люксембурга, отличавшіяся умомъ и вкусомъ, проводили у него все лѣто. Каждая дама располагала экипажемъ и лошадьми. Такъ какъ онѣ не обязаны были спускаться внизъ въ салонъ, ранѣе ужина, то онѣ могли давать ежедневно въ своихъ комнатахъ обѣды, приглашая, кого желали. Самъ принцъ никогда не обѣдалъ и старался не стѣснять дамъ обязательнымъ обѣдомъ въ большомъ обществѣ, и гости вполне свободно располагали своимъ временемъ до вечера. Къ его предупредительности съ дамами присоединялась любовь къ шпшности. Старая графиня Ропамбо рассказываетъ, что однажды г-жа Бло, когда была молодой, выразила желаніе въ присутствіи принца Конті имѣть портретъ своей канарейки въ миниатюрѣ, чтобы онъ помѣстился въ кольцо. Принцъ предложилъ заказать кольцо; дама согласилась, но съ условіемъ, чтобы кольцо было какъ можно проще и безъ украшеній. Дѣйствительно оно состояло изъ тонкаго обруча, но вмѣсто стекла миниатюру прикрывалъ громадный брилліантъ, который довели до толщины стекла. Г-жа Бло замѣтила это и возвратила брилліантъ. Тогда принцъ Конті велѣлъ его размельчить и превратить въ пудру, которой высушилъ письмо, написанное г-жѣ Бло по этому поводу. Между постоянными гостями выдѣлялся маркизъ Шовленъ, прежній сослуживецъ принца, такъ же хорошо владѣвшій перомъ, какъ шпагой. Хозяинъ дома всегда выражалъ Жанъ-Жаку Руссо искреннее расположеніе и покровительствовалъ ему. Когда онъ жилъ въ Монморанси, принцъ самъ посѣтилъ его въ 1760 году. Руссо былъ этимя тронутъ и вспомнилъ объ этомъ въ своей «Исповѣди». Во-марше тоже пользовался покровительствомъ принца, который поддерживалъ его во всякаго рода борьбѣ, и когда его преслѣдовали, то послѣдній открыто выражалъ ему свое сочувствіе. До послѣдней минуты жизни принцъ Конті выказывалъ твердость характера и духъ противорѣчія, проявившійся у него еще въ дѣтствѣ. Страсти поглотили его жизнь, и едва шестидесятилѣтній, онъ почувствовалъ, что его силы изсякли, а разстроенное здоровье давало звать о близости рокового конца. Но это не мѣшало ему сохранить прекрасное настроеніе и присутствіе духа. Во время послѣдней поѣздки въ Иль-Аданъ онъ приказалъ принести заказанный имъ для себя свинцовый гробъ, въ который легъ и шутить надъ испытываемой имъ тѣснотой. Онъ любилъ спорить съ своими врачами, не слѣдовалъ ихъ совѣтамъ и возвращался почти всегда съ ихъ

консультациі сильнѣе страдающимъ, благодаря спору. Въ послѣднія минуты къ нему явился епископъ парижскій, де-Бомонъ, въ надеждѣ обратити на путь истинный. Принцъ принялъ его съ обычной учтивостью, выразилъ ему свое уваженіе, попросилъ его никогда не говорить ни о политикѣ, ни о религіи. Когда епископъ ушелъ, то принцъ не велѣлъ его болѣе принимать. Швейцаръ точно исполнилъ приказъ, и епископъ, явившійся еще два раза, даже не выходилъ изъ экипажа. Принцъ Конти умеръ, какъ и жилъ, — философомъ. Когда онъ умеръ въ Тамплѣ, 2-го августа 1776 г., его тѣло было выставлено для прощанія, то одинъ художникъ снялъ съ него портретъ, чего при его жизни никто не могъ добиться. Тѣло принца было отправлено изъ Парижа въ Пль-Адавъ. Его сынъ, графъ де-Маршъ, съ которымъ онъ долго былъ въ ссорѣ, но впоследствии примирился, благодаря г-жѣ Вуффлеръ, поставилъ ему часовню въ церкви.

— Предполагаемая любовница Робеспьера. Въ одномъ изъ сентябрьскихъ номеровъ «Figaro» Жюль Кларти помѣстилъ любопытную загадку¹⁾: дѣйствительно ли у Робеспьера была любовница и даже сынъ? Эго обстоятельство положительно не выяснено и можетъ быть лишь совпадениемъ, которое приняло положительную форму въ возбужденномъ мозгу Дюси, отца предполагаемой любовницы Робеспьера. Дюси, одинъ изъ сорока академиковъ и трагическій поэтъ, самъ съ горечью передавалъ Бернардену де-Сенъ-Пьеру, о чемъ французскій писатель Франсуа Грилло рассказываетъ въ «*Voisquet de violettes*», что его вторая дочь, вышедшая замужъ за банкира, была любовницей Робеспьера, и отецъ никогда ей этого не простилъ. Узналъ онъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ. Онъ жилъ въ Версалѣ, и неподалеку въ Рокенкуръ былъ у него близкій пріятель, патеръ, котораго въ одинъ прекрасный день арестовали и посадили въ тюрьму. Горячо расположенный къ патеру, Дюси бросился хлопотать, надѣясь освободить пріятеля, но, не добившись результата, отправился къ Робеспьеру. Придя въ улицу Сентъ-Онорэ, гдѣ жилъ Робеспьеръ, Дюси хотѣлъ къ нему войти, но одинъ изъ «тѣлохранителей», оберегавшихъ Робеспьера, сказалъ: «Что тебѣ надо, гражданинъ?» — «Я хочу поговорить съ Робеспьеромъ». — «Съ Робеспьеромъ такъ не говорятъ». — «Я гражданинъ Дюси, скажи ему мое имя». — «Сейчасъ его нельзя видѣть. Онъ съ женщиной». — Хорошо, я подожду». И Дюси остался ожидать. Вдругъ выходитъ женщина; онъ думалъ, что сошелъ съ ума: это была по всѣмъ признакамъ его дочь, и ради нея Робеспьера нельзя было видѣть. Дюси спрашивалъ самъ себя: «На кого она приходила доносить? Можетъ быть, на отца? И что она здѣсь дѣлала! Это — любовница Робеспьера». Эта встрѣча такъ поразила Дюси, что онъ весь день бѣгалъ по городу, спрашивая себя, возвращаться ли ему въ Версалъ или отправиться въ больницу и умолять, чтобы его выдѣлили отъ горячки. Грилло не сказалъ, какъ бесѣдовалъ Дюси съ Робеспьеромъ относительно патера, но прибавилъ, что поэтъ вернулся немного спокойнѣе, хотя больной. Встрѣча съ дочерью у Робеспьера отравила ему жизнь: изъ веселаго собесѣдника онъ превратился въ сумрачнаго дикаря. Портретъ дочери, который на-

¹⁾ «Figaro», vendredi, 4 septembre, 1903.

ходилъ въ его комнату, онъ повернулъ спинною, чтобы не видѣть ея лица. Онъ никогда ей не простилъ этого, страдалъ до конца жизни и запрещалъ говорить о ней. Она умерла въ молодомъ возрастѣ. Однажды, по словамъ Грилля, у Дюси обѣдали друзья и весело попивали вино; вдругъ раздался звонокъ, и явился какой-то нотаріусъ для личныхъ переговоровъ съ Дюси. Раздосадованный поэтъ вышелъ, но когда вернулся, то вмѣсто досады на его лицѣ виднѣлись слезы, а лицо конвульсивно вздрагивало. «Ахъ, какое несчастье! ужасное несчастье!—воскликнулъ онъ:—ахъ, какая просьба! Бѣдные друзья! Вы не знаете? Моя дочь умерла, и я не зналъ, что у нея остался сынъ. Она оставляетъ сына! ребенка, отецъ котораго неизвѣстенъ! Можетъ быть, это сынъ Робесьера. И меня просятъ заботиться о немъ! Понимаете вы это? Этотъ нотаріусъ прибѣгнулъ къ моему сердцу! Такъ нѣтъ же, нѣтъ, нѣтъ! А, друзья мои, это призракъ! Кто отгонитъ этотъ призракъ! Робесьера! Моей дочери! Призракъ, призракъ!». Несчастный поэтъ былъ въ этотъ моментъ трагичнѣе своихъ произведеній. Этотъ рассказъ, переданный Кларти драматургу Сарду, извѣстному знатоку революціонной эпохи, не подтвержденъ. Поэтому Сарду воскликнулъ: «Никто не знаетъ, что у Робесьера была любовница!»

— Современная Куба. Гастонъ Рувье въ «Revue Universelle» разсматриваетъ вопросъ¹⁾ о положеніи Кубы послѣ заключенія мира и въ настоящее время. 30-го іюля 1898 г. на требованіе Испаніи, американское правительство, желавшее «признанія независимости острова Кубы», объявило ей свои условія. Чрезъ двѣ недѣли Сагаста выразилъ свое согласіе слѣдующимъ образомъ: «Въ сущности, испанское правительство согласно признать независимость Кубы; болѣе того, оно выразило желаніе видѣть Соединенные Штаты занявшими мѣсто, оставшееся свободнымъ послѣ Испаніи на большомъ Англійскомъ островѣ, чтобы такимъ образомъ интересы и безопасность испанцевъ, живущихъ на Кубѣ, и кубанцевъ, вѣрныхъ испанскому дѣлу, были дѣйствительно гарантированы, такъ какъ они могутъ подвергнуться мести со стороны мятежнаго правительства»... Наконецъ Парижскій трактатъ, подписанный 10-го декабря 1898 г., такимъ же образомъ рѣшаетъ кубанскій вопросъ. «Испанія отказывается отъ всѣхъ правъ на Кубу. Такъ какъ островъ послѣ очищенія отъ испанскихъ войскъ долженъ бытъ занятъ Соединенными Штатами, то послѣдніе, пока длится ихъ занятіе, возьмутъ на себя отвѣтственность, а также исполнять всѣ обязательства, какія потребуются, для покровительства жизни и имущества, которыя, съ точки зрѣнія международныхъ законовъ, могутъ выпасть на ихъ долю въ дѣлѣ этого занятія». Въ томъ же родѣ объявилъ президентъ Макъ-Кинлей 20-го апрѣля 1898 года: «Соединенные Штаты,— сказалъ онъ,— отказываются отъ всякаго намѣренія господствовать, имѣть юрисдикцію или контроль надъ Кубой: они подтверждаютъ свое рѣшеніе оставить управленіе и контроль надъ островомъ народу, какъ только совершится умиротвореніе». Поэтому согласно официальнымъ документамъ новое международное положеніе острова Кубы резюмируется тремя пунктами: 1) Испанія совершенно устраняется отъ острова. 2) Независимость его была признана Испаніей и Соединенными Штатами.

¹⁾ Cuba (1898—1902). «Revue Universelle». 1 Septembre 1903.

3) Соединенные Штаты должны занять его, чтобы умиротворить и гарантировать интересы и безопасность испанцев, живущих на Кубѣ, и кубанцев, вѣрныхъ Испаніи. Такъ какъ занятіе Соединенными Штатами временное по праву, то согласно парижскому трактату должна явиться новая нація, новая республика. Впрочемъ на Кубѣ уже существовало свое правительство, хотя временное, созданное конституціей 17-го сентября 1895 г., главою котораго, какъ извѣстно, былъ съ 1897 г. Бартоломей Массо, въ званіи президента республики, а генераломъ— Антонио Гомецъ. Это правительство сначала думало, что соберетъ плоды американской побѣды, и въ первыхъ числахъ сентября чрезъ свой органъ «El Jaga» призвало патриотовъ провинцій Гаванны, Пинара, Дель-Ріо, Матанзаса, Санта Клара, Пуфто-Принчипе сохранить ихъ гражданскую и военную организацію и подать американскому правительству петицію, чтобы поторошить его признать существованіе гражданского правительства подъ предсѣдательствомъ Массо. Даже было созвано 10-го октября въ Санта Круцъ дель Суръ конституціонное собраніе, составленное изъ гражданскихъ и военныхъ делегатовъ, чтобы выработать окончательную конституцію, а также выбрать новаго президента. На этомъ собраніи было рѣшено основать комитетъ, который послалъ бы къ Макъ-Кинлею делегацію, чтобы получить отъ него обезпеченіе въ томъ, что онъ приметъ въ уваженіе предыдущее рѣшеніе американскаго конгресса относительно безусловной независимости Кубы. Но своимъ освободителямъ они не очень довѣряли и рѣшили распустить войска лишь по возвращеніи делегатовъ и если отвѣтъ последуетъ благопріятный. Мало того, генераль Рего вмѣстѣ съ полковникомъ Торриентомъ даже проповѣдывали по ресторанамъ Гаванны священную войну противъ американцевъ. Американскіе комиссары, во главѣ съ генераломъ Вэдомъ, были заняты вопросомъ очищенія Кубы отъ испанскихъ войскъ и требовали, чтобы къ 1-му декабрю не оставалось ни одного испанскаго солдата. Однако способъ переправы, которымъ располагали испанцы, былъ неудовлетворителенъ, и генераль Вэдъ далъ отерочку до 1-го января. Это замедленіе имѣло важныя послѣдствія, такъ какъ Куба подверглась междоусобицѣ. Крупныя злоупотребленія совершались въ особенности въ таможенъ, задерживаніи торговлю въ такой моментъ, когда большая часть острова служила добычей неурожая, и плантаторы молили о земледѣльческихъ инструментахъ. Кромѣ того, общая небезопасность мѣшала посѣвамъ табака, сезонъ котораго начинался въ сентябрѣ; нищета увеличивала еще болѣе общее столкновеніе, порождаемое присутствіемъ испанскихъ, американскихъ и кубанскихъ войскъ и неопредѣленностью политическаго положенія. Наконецъ наступило 1-е января, и въ 12 ч. на крѣпости Морро спустился испанскій флагъ, а на мѣсто его взвился американскій. Въ тотъ же моментъ во дворцѣ губернатора при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, салютовавшемъ въ послѣдній разъ испанскому флагу, генераль Кастананосъ приблизился къ генералу Бруку и сказалъ ему: «Сообразно согласію, происшедшему въ Парижѣ между представителями Испаніи и Соединенныхъ Штатовъ, и повинаясь приказанію испанскаго короля, я объявляю, что сегодня въ двѣнадцать часовъ дня, перваго января 1899 г., прекращается испанское господство на островѣ Кубѣ, и я вручаю названный островъ президенту американ-

ской комиссiи, назначенной по этому дѣлу». Генераль Вэдъ отвѣтилъ на это: «Я принимаю отъ имени Соединенныхъ Штатовъ только что врученное мнѣ генераломъ Хименець Кастелланосъ и передаю генералу Бруку, назначенному мопъ правительствомъ въ качествѣ генераль-губернатора острова Кубы, общія заботиться о процвѣтанiи страны». Послѣ этого генераль Кастелланосъ немедленно отплылъ изъ Кубы. Первымъ долгомъ генераль Брукъ озаботился возвратити острову спокойствiе и съ этой цѣлью раздѣлилъ его на семь военныхъ округовъ, соотвѣтственно шести провинціямъ; седьмой же округъ относился лишь къ Гаваннѣ, по образцу Вашингтона. Въ округѣ Гаванны былъ губернаторомъ генераль Фицгугъ-Ли, прежній посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Кубѣ, когда она принадлежала Испанiи, а военнымъ губернаторомъ генераль Лудловъ, гражданскимъ же генераль Брукъ назначилъ одного кубанца, Фредерика Мора, прежняго предводителя патриотической юнты. Въ гаванскомъ округѣ былъ сдѣланъ новый муниципалитетъ изъ двадцати четырехъ совѣтниковъ, главою котораго состоялъ крупный плантаторъ сахарнаго тростника, Переректо Лакоста. Кромѣ всенныхъ губернаторовъ округовъ, было еще что-то въ родѣ совѣта, раздѣленнаго на четыре министерскихъ департамента. Въ немъ завѣдывалъ внутренними дѣлами Доминго Мендесъ Канотъ, прежній вице-президентъ республики; финансами — Пабло Деверинъ; юстиціей и народнымъ образованiемъ — Хозе-Антонио Ганзалець-Лануца; земледѣльемъ, торговлей, промышленностью и общественными работами — Адольфо Сонцъ Янець. Канотъ былъ членомъ исполнительной комиссiи кубанскаго собранiя. Всѣ члены кубанскаго правительства были связаны съ военнымъ американскимъ правительствомъ настоящей вѣрноподданнической присягой слѣдующаго содержанiя: «Я... назначенный на исполненiе обязанности... на островѣ Кубѣ, торжественно клянусь, что во время моей службы сохраню вѣрность военному американскому правительству, которое имѣетъ высшiй авторитетъ на Кубѣ; я буду поддерживать и защищать добровольно названное военное правительство и повиноваться существующимъ законамъ, а также тѣмъ, которые компетентный авторитетъ найдетъ нужнымъ предписать; одинаково общаю повиноваться приказанiямъ генераль-губернатора и объявляю, что беру на себя эти обязательства добровольно безъ ограниченiй и оговорокъ съ помощью Бога». Благодаря такой ловкой американской политикѣ, кубанцы совершенно присоединились къ Америкѣ. Однако часть изъ нихъ видя, что американское владычество все еще продолжается, собралась въ Маріанао и оттуда послали делегацію къ Макъ-Кинлею, но губернаторъ донесъ, что это — представители сохранившихъ оружіе, т.-е. меньшинства кубанцевъ, и президентъ ихъ не принялъ. Эта делегація имѣла цѣлью заявить, что Куба требовала у Америки помощи, а не постоянного вмѣшательства въ свои дѣла. Въ особенности въ провинціи Сантъ-Яго началось сильное движенiе противъ американскаго вмѣшательства. На многочисленныхъ митингахъ было рѣшено, что провинція и городъ Сантъ-Яго должны перейти въ управленiе кубанскихъ властей не позже iюня, иначе необходимо начать новую войну за независимость. Макъ-Кинлей рѣшилъ, что въ виду этого необходимо обезоружить прежнихъ мятежниковъ, и поручилъ это дѣло Портеру. Съ этой цѣлью Портеръ вошелъ въ сообщенiе съ патриотомъ

генераломъ Максимо Гомецъ, и, только благодаря его вмѣшательству, революціонная кубанская армія вручила оружіе. При этомъ американское правительство выдало 3 милліона пастровъ въ счетъ будущихъ рессурсовъ Кубы, чтобы уплатить часть жалованья. Затѣмъ генераль Брукъ принялся за организацію острова, при чемъ магистратура была возстановлена, провинціалныя депутаціи уничтожены, а также и бюджетъ религіи. Кубанцы охотно согласились на отдѣленіе церкви отъ государства, такъ какъ во время испанскаго владычества патеры превращали религію въ королевское орудіе. Благодаря долгой войнѣ, на островѣ развились эпидеміи желтой лихорадки, тифа и осы, и американскій полковникъ Варингъ принялъ энергичныя санитарныя мѣры, несмотря на сопротивление чернокожихъ жителей. Съ этою цѣлью была организована муниципальная жандармерія, вооруженная прежнимъ кубанскимъ оружіемъ. Затѣмъ принялись за преобразование школъ и народную перепісь, что представляло немалыя затрудненія. Когда послѣднее было окончено, то кубанцы ожидали, что теперь наконецъ задача американцевъ совершенно окончена, такъ какъ они исполнили обязательства Парижскаго трактата — умиротворили островъ, спасли жизнь и имущество жителей, устроили правильную администрацію и возстановили финансы, посредствомъ таможенныхъ пошлинъ. Если они дѣйствительно намѣрены сдержать свое обѣщаніе, то имъ оставалось только передать островъ кубанцамъ. Наконецъ, 5 ноября 1900 г. генераль-губернаторъ Вудъ, только что пріѣхавшій изъ Вашингтона, открылъ конституціонный конвентъ кубанцевъ. Въ своей рѣчи онъ объявилъ, что конституція Кубы должна содержать всѣ элементы устойчивости, хорошей организаціи и свободы. Среди членовъ конвента поднялось волненіе относительно того, будетъ ли Америка признавать Кубу независимой. Первый пунктъ конвенціи объявляетъ безусловныя независимость и господство кубинцевъ. Что же касается до отношеній между Кубою и Соединенными Штатами, то голосованіе собранія стояло за дружественныя отношенія и отказалось включить въ текстъ конституціи статью о тайномъ покровительствѣ Соединенными Штатами острова Кубы. «Мы не дикари и не варвары, — воскликнулъ прежній предводитель возстанія, Чиснеросъ Бетанкуръ:— наша просвѣщенность стоитъ какой бы то ни было латинской расы, пользующейся свободой въ Новомъ Свѣтѣ. Если Перу и Мексика способны вести сами свои дѣла, почему мы должны оставаться въ рабствѣ у янки?» Конвентъ воспротивился противъ контроля Соединенныхъ Штатовъ относительно международныхъ трактатовъ Кубы, одинаково и противъ передачи морскихъ станцій. Онъ согласился на вмѣшательство Америки лишь въ случаѣ опасности или, когда привительство не въ состояніи будетъ поддерживать порядокъ. Принявъ это рѣшеніе, конвентъ отправилъ въ Вашингтонъ вотируемую имъ конституцію, затѣмъ прервалъ засѣданія. Тогда Америкѣ пришлось открыть свои карты, и Куба узнала, что она независима относительно всѣхъ государствъ, исключая Америки, и обѣщанная независимость была лишь пустымъ звукомъ. Она не могла безъ согласія Америки вступать въ какія либо политическія или экономическія сношенія съ другими государствами. Сами же американцы могли пріобрѣтать себѣ земли для морскихъ станцій, гдѣ хотѣли. Противъ этого горячо возсталъ конвентъ и сталъ вырабатывать контръ-проектъ. Однако при-

плось подчиниться: генераль Вудъ официально объявилъ, что это измѣненіе закона не такъ ужасно, какъ кажется, и всѣ собственники земель, а также купцы, которые желали бы имѣть мирное и устойчивое государство, примутъ его. Въ юнѣ 1901 года конвентъ долженъ былъ принять это измѣненіе 16-ю голосами противъ 11, подъ формой прибавленія къ конституціи. Покончивъ съ главнымъ вопросомъ, американцы позволили Кубѣ поиграть въ независимость и примѣнить свою конституцію, которая была похожа, какъ двѣ капли, на американскую. Выборы состоялись 31-го декабря 1901 года. Президентомъ республики былъ выбранъ донъ Томасъ-Эстрада Пальма, а вице-президентомъ Люисъ Эстеветъ-и-Рамеро; съ своей стороны, сенаторіальные избиратели выбрали первый сенатъ республики. 21-го мая торжественно водворилась кубанская республика, и въ 12 ч. дня повторилась та же церемонія, какая была при передачѣ Кубы изъ испанскихъ рукъ Америкѣ. Вывисался прежній кубанскій флагъ патриотовъ съ одинокою звѣздою, и генераль Вудъ, передавъ управленіе островомъ президенту Пальмѣ, уѣхалъ въ Америку. Съ этой минуты островъ Куба принялъ видъ независимаго государства, и его президенту были присланы официальные поздравленія отъ президента Франціи. Англія назначила къ президенту Кубы министра-резидента. Позже Франція назначила уполномоченнымъ министромъ въ Гаваннѣ Брюверта, генеральнаго консула въ Нью-Йоркѣ. Но кубинцы совѣтъ недовольны своимъ положеніемъ; многіе стѣбуютъ на политическое положеніе и всѣ — на экономическое. Впрочемъ на другой день возстановленія республики президентъ Пальма, присутствуя въ палатѣ, воздалъ похвалу безкорыстію Соединенныхъ Штатовъ въ дѣлѣ борьбы Кубы за независимость. Чиновники, плантаторы и купцы — всѣ, кому дорого спокойствіе слѣдующаго дня, вполне раздѣляютъ его мнѣніе и не прочь, чтобы въ одинъ прекрасный день одинокою звѣздой Кубы присоединилась къ американскимъ звѣздамъ. Но иначе думаютъ «революціонеры», старые борцы, ставившіе девизомъ: «свобода или смерть», которые не свели еще старыхъ счетовъ. Они поднялись противъ американской измѣны и требуютъ полной свободы, за которую они дорого заплатили. Они говорятъ, что ничего не выиграли, перемѣнивъ стараго хозяина на молодого, можетъ быть, еще болѣе алчнаго и во всякомъ случаѣ чуждаго имъ по языку и религіи. Они называютъ своего президента Пальму «регентомъ» Рузвельта и отказываются признавать свое правительство національнымъ. Возмущеніе противъ американцевъ для нихъ желательная цѣль. Такимъ образомъ сама побѣда уничтожила нравственное единство кубинскихъ патриотовъ, создавъ антогонизмъ, который вскорѣ сдѣлается опаснымъ. Единственно, что можетъ удержать движеніе — бѣдственное экономическое положеніе Кубы, которая буквально нуждается въ помощи Америки. До войны торговля сношенія Кубы, какъ продажа сахара, велись главнымъ образомъ съ Испаніей и Америкой. Теперь, благодаря парижскому трактату, съ прежней метрополіей всѣ сношенія порваны, и осталась одна Америка, гдѣ въ громадномъ количествѣ поглощаютъ сахаръ. Но во время войны кубинцамъ пришлось уменьшить поставку, чѣмъ воспользовались вѣмцы и стали поставлять въ Америку свекловичный сахаръ въ такомъ количествѣ, что мѣстное сахарное производство пришло въ упадокъ. Поэтому былъ изданъ билль о запрещеніи ввоза сахара. Такимъ образомъ ку-

бинцы потеряли главные мѣста сбыта своего товара. Теперь для Кубы осталось два выбора—сдѣлаться американской колоніей ради экономическаго процвѣтанія или бороться до послѣдней капли жизни за независимость.

— Отголоски англійской королевской литературы. Послѣ смерти Викторіи и воцаренія Эдуарда VII въ Англии возникъ цѣлый рядъ біографическихъ книгъ объ этихъ государяхъ. Подобный наплывъ продолжается до сихъ поръ. Самыми замѣчательными явленіями въ этой новой королевской литературѣ о Викторіи служатъ обстоятельная біографія ¹⁾ «Королева Викторія», Сиднея Ли, и безпристрастная ея характеристика: «Викторія, какъ королева и правитель», мистриссъ Кроуфордъ ²⁾. Сидней Ли, извѣстный писатель и составитель біографій, помѣстилъ сначала свое сочиненіе въ «Національномъ словарѣ біографій», а теперь увеличилъ его до объема большой книги. Такимъ образомъ эта біографія разрослась до значительныхъ размѣровъ и составляетъ полную картину царствованія Викторіи, какъ конституціонной государыни. Врядъ ли скоро выйдетъ болѣе толковый, талантливый и любопытный абрисъ ея официальной жизни. Главныя двѣ черты этого долговременнаго царствованія составляютъ, по словамъ Сиднея Ли, малое вліяніе королевы на правительство страны и ея непопулярность въ продолженіе многихъ лѣтъ до послѣдняго времени, когда она сдѣлалась предметомъ общаго обожанія. Авторъ описываетъ дѣйствія Викторіи безпристрастно, не прибѣгая къ излишней риторикѣ и сентиментальности. Съ первой до послѣдней страницы своей книги онъ придерживается живой правды. Хотя Викторія начала свое царствованіе съ либеральнаго министерства лорда Мельбурна и внослѣдствіи имѣла дѣло съ замѣчательнѣйшими либеральными дѣятелями Пилемъ, Росселемъ, Пальмерстономъ и Гладстономъ, но не любила ихъ и постоянно имъ противодѣйствовала. Такимъ образомъ всѣ великія либеральныя реформы прошедшаго столѣтія, за исключеніемъ свободы торговли, были проведены министрами помимо ея воли и, такъ сказать, насильственно. Напротивъ Дизраэли удалось сдѣлать торійскую партію любимницей королевы. Съ легкой руки созданнаго ею лорда Виконсфильда, Викторія слѣпо вѣрила во всѣ промки джингонистской партіи, подъ руководствомъ сначала юркаго Дизи, а потомъ лорда Сольсберри. Такимъ образомъ, воспользовавшись усилками той и другой партіи, Викторія, подъ конецъ своего царствованія, приобрѣла громадную популярность въ странѣ чужими руками. Однако никого изъ своихъ министровъ она такъ не любила и не уважала, какъ Виконсфильда, который открыто объяснялъ ея сочувствіе къ нему: «Гладстонъ обходится съ королевой, какъ съ общественной властью, а я—какъ съ женщиной». Точно также отзывается мистриссъ Кроуфордъ объ отношеніи королевы Викторіи къ своимъ замѣчательнѣйшимъ сотрудникамъ. Гладстонъ обожалъ ее и считалъ чрезвычайно доброй, умной, благомыслящей и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенной женщиной. Но она сама не признавала за собою необыкновенныхъ качествъ. Виконсфильдъ обманывалъ ее и льстилъ ей. Она предпочтала послѣдній родъ обращенія обожанію Гладстона. Вообще характеристика коро-

¹⁾ «Queen Victoria: a biography», by Sidney Lee. London. 1908.

²⁾ Victoria, queen and ruler, by Emily Crawford. 1903. London.

левы, блестяще составленная мистриссъ Кровфордъ, которая была въ продолженіе многихъ лѣтъ парижской корреспонденткой «Daily News», представляетъ Викторію доброй женщиной, но ограниченныхъ способностей и дурного воспитанія. Особенно неблагопріятно отражается на всей жизни Викторіи ея плохое воспитаніе, чрезвычайно прозаическое и дѣловое, но не отличавшееся высокимъ благородствомъ или возвышенной чувствительностью. Въ оцѣнкѣ мистриссъ Кровфордъ характера королевы авторъ главнымъ образомъ рисуетъ портретъ Викторіи, какъ женщины, и нимало не льститъ ей чрезмѣрными похвалами, какъ дѣлали до сихъ поръ всѣ ея біографы.

Первое мѣсто между недавно выпедшими книгами объ Эдуардѣ VII занимаетъ исторія его коронаціи¹⁾, написанная Джономъ Бодлеемъ по личному приказанію его величества. Это офиціальное сочиненіе носитъ названіе: «Глава европейской имперской исторіи», поэтому въ этой книгѣ не только находится подробнѣйшее описаніе самой коронаціи, но въ ней сосредоточено все, что говорить въ пользу королевской или, какъ говорятъ теперь англичане, имперской власти Эдуарда VII. Прежде всего авторъ останавливается на выборѣ дня 9-го августа для коронаціи. Онъ напоминаетъ, что 9-го августа 1792 года взятъ былъ французами Тюильри, и положенъ конецъ королевской власти во Франціи, а 9-го августа 1902 года произошло торжество, которое было символомъ идеальной королевской власти въ сосѣдней странѣ. Вообще монархизмъ, по его словамъ, пережилъ идеаль революціи и продолжаетъ существовать въ Европѣ въ лицѣ цѣлаго ряда государей, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаетъ въ качествѣ конституціоннаго государя англійскій король. Затѣмъ Бодлей описываетъ коронацію Наполеона I-го, провозглашеніе въ Версалѣ императоромъ германскимъ короля прусскаго и коронацію Викторіи. Что же касается до настоящаго предмета этой книги—коронаціи, то она представлена въ самомъ блестящемъ видѣ и, по словамъ Бодлея, служитъ воспроизведеніемъ торжества современнаго монархизма.

— Историческіе музеи. Въ послѣднее время вошли въ большую моду историческіе музеи. Недавно открыты подобные музеи въ Парижѣ въ память Виктора Гюго и Мицкевича. Первый изъ нихъ называется французами «домомъ Виктора Гюго» и составляетъ теперь одну изъ диковиныхъ Парижа. Этотъ домъ находится на Вогезской площади, прежде извѣстной подъ названіемъ Королевской, и въ немъ жилъ великій поэтъ въ эпоху своихъ романтическихъ торжествъ, отъ 1832 по 1848 годъ. Въ настоящее время онъ купленъ его другомъ Полемъ Мѣрсомъ и, обращенный въ музей допотопическихъ предметовъ, принадлежавшихъ и напоминавшихъ Гюго, подаренъ городу Парижу. Хотя впоследствии Викторъ Гюго жилъ долгое время на островахъ Гернсеѣ и Джерсеѣ, а также въ различныхъ мѣстахъ Парижа, а умеръ въ домѣ, находившемся на Элауской Аллеѣ, но теперь собрано все, напоминающее о немъ, въ прежнемъ его жилищѣ на Вогезской площади. Если это не предметы подлинные, то они воспроизводятъ ихъ вѣрные копии, и такимъ образомъ музей

¹⁾ The coronation of Edward the Seventh: a chapter of European imperial history, by John Bodley. 1903. London.

Виктора Гюго составляет богатый и точный памятник всей его жизни. Для сохранения этого памятника на глазахъ всѣхъ поклонниковъ великаго писателя, которымъ не удастся лично быть въ домѣ Виктора Гюго, его пламенный послѣдователь Арсенъ Александръ составилъ подробное описаніе ¹⁾ драгоценнаго музея и всего, что въ немъ находится. Поэтому его великолѣпное изданіе: «Домъ Виктора Гюго», снабженное многочисленными картинами и рисунками, составляетъ живое воспроизведеніе этой диковины Парижа. Трехэтажный домъ съ мезониномъ, въ которомъ помѣщается музей Виктора Гюго, съ самой лѣстницы переполненъ драгоценными коллекціями, напоминающими о великомъ поэтѣ. Тутъ повсюду развѣшаны по стѣнамъ любопытныя гравюры и афиши, относящіяся до его жизни и произведеній. Комнаты перваго этажа заняты произведеніями искусства извѣстныхъ художниковъ, живописцевъ и скульпторовъ, вдохновившихся его сочиненіями и событіями изъ жизни великаго поэта. Кромѣ того, въ первомъ же этажѣ находится библіотека, въ которой собраны всѣ его произведенія во всевозможныхъ изданіяхъ, а также книги и брошюры, написанныя о немъ. Второй этажъ, въ которомъ жилъ самъ Викторъ Гюго, посвященъ личному, интимному музею. Тутъ все или принадлежало ему, или сдѣлано имъ, начиная отъ картинъ и рисунковъ до рѣзбы на деревѣ и предметовъ декоративнаго искусства. Въ одной изъ комнатъ втораго этажа была гостиная поэта, въ которой онъ принималъ всѣхъ современныхъ ему знаменитостей. Въ сосѣднемъ кабинетѣ находится конторка, за которой онъ писалъ большинство своихъ сочиненій, а на маленькомъ столикѣ стоятъ четыре чернильницы: одна — принадлежавшая ему, вторая — Александру Дюма, третья — Ламартину и четвертая — Жоржъ-Занду. Наконецъ вы входите въ комнату, устроенную по образцу той спальни, въ которой онъ умеръ. Изъ послѣдней перенесены массивная кровать въ стилѣ Людовика XIII съ балдахинномъ, мозаичный комодъ, въ которомъ хранились его рукописи и другіе предметы. Третій этажъ называется частью фамильнымъ музеемъ, а частью популярнымъ. Въ первомъ собраны портреты всѣхъ родственниковъ Виктора Гюго и вещи, принадлежавшія его отцу и матери. Во второмъ находится оригинальная коллекція разныхъ бездѣлушекъ, продаваемыхъ въ свое время на память о Викторѣ Гюго. Замѣчательно, что изъ предметовъ, напоминающихъ о Викторѣ Гюго, нѣтъ ни одного музыкальнаго инструмента, такъ какъ онъ не терпѣлъ музыки и не позволялъ имѣть въ своемъ домѣ фортепіано. Рассказываютъ, однако, что однажды въ его гостиной устроилось пѣніе хоромъ изъ «Эсмальды», и въ числѣ участвующихъ молодыхъ дѣвицъ находилась юная Евгенія Монтихо, впоследствии императрица французовъ. Кромѣ памяти о самомъ авторѣ «Misérables», въ музей на каждомъ шагѣ вспоминается и его жена, которую сначала онъ такъ любилъ, а впоследствии промѣнялъ на актрису Жюльету Друэ, хотя жена и оставалась всю жизнь его «вѣрнымъ другомъ и преданной матерью его дѣтей». По ея собственнымъ словамъ, «если она не раздѣляла его жизни, то слѣдила за ней близко и съ восторгомъ». Точно также и г-жа Друэ, слѣдовавшая за Викторомъ Гюго въ изгнаніе и послѣ смерти жены жившая въ его домѣ, постоянно

¹⁾ La maison de Victor Hugo, par Arsène Alexandre. Paris. 1903.

напоминаетъ о себѣ въ музеѣ. Даже сама Адель Гюго чрезвычайно сочувственно отзывалась о ней, говоря: «она лучше всѣхъ послѣ меня знаетъ Виктора Гюго». Сдѣлавшись еще при жизни безсмертнымъ, Викторъ Гюго, благодаря недавно открытому музею, сохраняется какъ бы живымъ и въ той самой обстановкѣ, въ которой онъ умеръ.

На-дняхъ публика допущена въ музей Адама Мицкевича, устроенный его сыномъ въ Парижѣ. Этотъ музей расположенъ въ большомъ залѣ надъ польской библіотекой. Уже на лѣстницѣ, ведущей въ него, бросается въ глаза портретъ работы Фали и бюстъ Мицкевича, изваянный Давидомъ Пизанжеромъ. Тутъ же находятся портреты — Мицкевича, работы Прео, Олешкевича и Каменскаго. Кромѣ того, по обѣимъ сторонамъ лѣстницы висятъ портреты Шимановской, тещи Мицкевича, и его друзей — Залъскаго, Товьянскаго, Кинэ, Мишлэ, Жоржъ Занда и другихъ. Рядомъ съ ними виднѣется извѣстная литографія Наполеона, плачущаго надъ картой Европы; Мицкевичъ въ порывѣ мистицизма роздалъ своимъ ученикамъ копию этой литографіи. Въ самой залѣ снова встрѣчается дагерротипный портретъ Мицкевича, тутъ же находится конторка, на которой онъ писалъ своего «Нава Тадеуша». Двѣ витрины наполнены различными вещами, имѣющими историческое значеніе. Тутъ находятся кольцо, вылитое изъ золота, пожертвованнаго польскими женщинами на патриотическое дѣло, серебряная чаша, подаренная поэту его поклонниками въ 1840 году, обломокъ дереса, на который опирался Наполеонъ, во время битвы при Ватерлоо. Въ другой витринѣ находятся письма къ Мицкевичу отъ любимой имъ Каролины Евишъ, отъ Клопштока, Гете и проч. Возлѣ лежитъ перо, которымъ въ послѣдній разъ писалъ поэтъ. По стѣнамъ залы стоятъ три шкафа съ изданіями всѣхъ произведеній Мицкевича и съ различными сочиненіями, трактующими о немъ. Наконецъ посреди комнаты на столѣ лежатъ маска, святая съ его лица послѣ смерти, и маленькая русская монета, которую онъ выпросилъ у одного пріятели, говоря: «Дайте мнѣ ее на память, такую монету давала мнѣ мать въ дѣтствѣ на крендели». Описание этого музея напечаталъ Габріель Дашо въ «Revue Bleue»¹⁾.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ французское правительство заключило актъ, по которому богатый грекъ, Озирисъ, перешедшій во французское, подданство, подарилъ государству Мальмэзонъ, знаменитое помѣстье императрицы Жезефины. Переговоры объ этомъ высокоцѣнномъ подаркѣ продолжались уже давно, но французское правительство все не рѣшалось принять его, такъ какъ приходилось расхотовать значительную сумму на содержаніе Мальмэзона. Наконецъ министръ народнаго просвѣщенія, Шомье, уговорилъ своихъ товарищей на подобную сдѣлку, и актъ былъ наконецъ подписанъ. Озирисъ не только подарилъ Франціи замокъ Мальмэзонъ и окружающій его паркъ съ землями, но и собранный имъ въ залахъ замка обширный Наполеоновскій музей. Такимъ образомъ французы вскорѣ будутъ имѣть возможность любоваться красивой исторической мѣстностью и роскошнымъ музеемъ, напоминающимъ наполеоновскую эпоху. Извѣстно, что о Мальмэзонѣ упоминается въ 1622 г., какъ о собственности Христофора Перо, совѣтника парижскаго парламента. Въ XVIII вѣкѣ

¹⁾ Le musée Adam Mickiewicz, par G. Dauchot. «Revue Bleue», 1 août 1903.

этотъ замокъ перешелъ въ руки Барантена, управляющаго герцога Орлеанскаго, а въ эпоху революціи въ немъ обитала г-жа Молэ, хорошенькая женщина, бывшая въ большой модѣ. Жозефина же водворилась въ Мальмэзонъ въ 1798 г., и генералъ Бонапартъ купилъ ей этотъ замокъ за 1.600.000 франковъ, отчасти ушоченныхъ изъ ея приданаго. Въ то время Мальмэзонъ былъ въ большомъ безпорядкѣ, но Жозефина быстро его восстановила въ полномъ блескѣ, и послѣ похода, увѣнчавшагося битвой при Маренго, Наполеонъ сдѣлалъ изъ него свою любимую резиденцію. Съ 1800—1802 гг. Мальмэзонъ былъ во всей своей славѣ, а послѣ того онъ уступилъ первенство Сень-Клу. Въ 1809 г. Жозефина удалилась въ Мальмэзонъ, какъ развѣнчанная императрица, и жила тамъ до своей смерти. Въ 1826 г. его купилъ шведскій банкиръ Хагерманъ, а въ 1842 г. замокъ перешелъ въ руки испанской королевы Маріи Христіны за 500.000 франковъ. Наполеонъ III выкупилъ это наслѣдіе Жозефины за 1.100.000 франковъ, а послѣ его паденія Мальмэзонъ былъ распроданъ участками. Озирису удалось вновь соединить въ однѣхъ рукахъ это историческое воспоминаніе. Въ короткое время, пока замокъ принадлежалъ ему, онъ устроилъ въ немъ замѣчательный наполеоновскій музей, который вмѣстѣ съ замкомъ теперь перешелъ въ собственность государства.

— Статуи Жюля Симона, Ренана и Венцингеторикса. Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени Франція поставила снова цѣлый рядъ статуй своимъ знаменитымъ или только замѣчательнымъ сынамъ — Жюлю Симону въ Парижѣ, Ренану въ Третьей и Венцингеториксу въ Клермонъ-Ферранѣ. Первый изъ этихъ памятниковъ воздвигнутъ противъ церкви Магдалины, на бульварѣ. Французскій публицистъ, авторъ многихъ серіозныхъ, также популярныхъ книгъ и общественный дѣятель представленъ во весь ростъ со сложенными на груди руками. При церемоніи открытія произнесли рѣчи — Фальеръ, председатель сената, Шомье, министръ народнаго просвѣщенія, Поль Дешанель, академикъ, генералъ Тюръ и другіе. Конечно, эти ораторы превозносили таланты и заслуги Жюля Симона, который по умѣренности своихъ либеральныхъ убѣжденій подходилъ къ ихъ идеямъ настоящаго времени. Но странно сказать, что бывший когда-то предводитель либераловъ теперь пережилъ свою либеральную славу, и новѣйшіе либералы, ставшіе уже радикалами и социалистами, не признаютъ бывшаго своего предводителя. Его многочисленныя произведенія, имѣвшія когда-то громаднѣйшій успѣхъ — «Le devoir», «L'école», «L'ouvrière», «Le travail» и проч., отчасти устарѣли, хотя многое въ нихъ полезно и блестяще написано. Интереснѣе всего для настоящаго времени его автобиографическая трилогія «Mémoires des autres», «Premières années» и «Le soir de ma vie», въ которыхъ представлена въ чрезвычайно любопытномъ разсказѣ вся его жизнь. Тутъ находится множество интересныхъ фактовъ и анекдотовъ. Такъ, однажды, идя съ Ренаномъ по своему родному городу Понтиви, Жюль Симонъ сказалъ: «Когда я вспоминаю, что если бы только я послушался отца, то былъ бы часовщикомъ въ этомъ провинціалномъ уголкѣ». — «Вы часовщикъ! — воскликнулъ Ренанъ: — нечего сказать, славное ремесло для философа! Заводить и регулировать всѣ часы по однимъ. Другъ мой, Симонъ, право, вы рождены для того, чтобы регулировать всѣ часы въ нашей республикѣ».

Несмотря на слова Ренана, часы Жюль Симона отстали от либеральных, и бывший первый министр третьей республики настолько остался позади своих политических собратий, что из врага клерикализма превратился в ярого его сторонника. Видя, что все прежние товарищи от него отстали и признают его за реакционера, он не обиделся, а старался обратить это в шутку. Как-то, встретив писателя опереток Анри Мельяка, он сказал: «Какой вы счастливый человек, пишете себя и подписываете оперетки, которые в сущности комедии! Если бы у меня оставалось время от постоянной журнальной работы, то я, право, также стал бы писать оперетки. Но вы мне скажете, что я уже занимался этим ремеслом всю жизнь, в качестве политического дятеля».

Если статуя Жюль Симона была открыта спокойно, и многие даже спрашивали в недоумении: «кто это Жюль Симон?» — то слава Ренана не только сохранилась в полном блеске, но даже попрежнему возбуждает религиозные и политические страсти. Долго на его родине, в Трегье, местные клерикалы возставали против сооружения ему памятника и только неохотно подчинились большинству в отношении прославления, но их словам, «исчадия ада». Даже, когда было решено поставить Ренану статую, то меньшинство встретило ее открытие свистками и недоброжелательными криками. Однако, за исключением этого незначительного безпорядка, торжество обошлось мирно, и великодушная статуя Бушэ была спокойно открыта. Она представляет великого мыслителя сидящим, а возле него стоит во весь рост Паллада-Афина, которую он воспитал в одном из своих сочинений. Конечно, на этом торжестве были произнесены обычные речи выдающихся политических деятелей, ученых и литераторов. Первое место среди них занимали маститый друг Ренана, знаменитый химик Бертло, и французский академик, талантливый Анатолий Франс. Разумеется, Бертло посвятил большую часть своей речи воспоминаниям об его великом товарище и об его блестящих бессмертных произведениях. Свою красноречивую речь он окончил чрезвычайно мягким замечанием о политических воззрениях Ренана. — «Он был, в сущности, разочарован в политическом отношении, — сказал Бертло: — на этом мы иногда с ним расходились, потому что я был убежден в конечном торжестве свободы, справедливости и разума. — Конечно, — говорил я ему: — поток демократии так же подвижен, как и течение моря; но что же, будем поддерживать в себе веру. Демократические волны вынесут сохраненные на берег корабль разума и демократии, созданный страданиями предыдущих поколений, несмотря на столь страшные бури. Предадимся доверчиво бурной стихии и нашей собственной энергии; понадемся на благородные инстинкты человеческой природы. Будем убеждены, что придет день, когда свет будет руководим сознанием добра, красоты и справедливости». За этой прекрасной речью следовало красноречивое воззвание Анатолия Франса. Он распространился, главным образом, о «Жизни Христа» и доказал, что в сущности Ренан был самым ревностным христианином и в то же время великим, нравственным философом. С необыкновенной ловкостью он воспользовался знаменитой молитвой Ренана в Паревонье, обращенной

къ Палладѣ, и вложилъ въ ся уста трогательный отвѣтъ. Въ этомъ отвѣтѣ Аватолій Франсъ, между прочимъ, говоритъ: «Я, богиня Паллада, одолжена тебѣ тѣмъ, что я еще живу. Ты не только продлилъ мою жизнь, но сдѣлалъ меня живою, когда другіе боги меркнутъ въ мрачныхъ облакахъ. Ты сдѣлалъ меня болѣе красивой и великой, чѣмъ я когда либо была. Ты придалъ мнѣ силы твоимъ ученіемъ и научилъ меня познавать міръ Кешилера и Ньютона. Я родилась разумной среди счастливыхъ грековъ и въ моей юности научилась многимъ законамъ природы. Но міръ тогда былъ очень малъ, солнце тогда не было болѣе Пелопонеза, и небо не превышало длины моего коня. Я знала геометрію не болѣе Эвклида, медицину не болѣе Пилократа и астрономію не болѣе Аристарха Самосскаго. О современные ученые! вы мнѣ показали безконечность міровъ за снѣжнымъ Олимпомъ и научили меня, что въ каждой песчинкѣ находятся безконечные атомы, которые повинуются такимъ же законамъ, какъ и планеты. Вы открыли мнѣ, что существуютъ большія страны, чѣмъ Греція и даже Римъ. Вы убѣдили меня, кто побѣдитъ въ концѣ концовъ—ненависть или любовь, война или миръ, варварство или цивилизация, сила тирановъ или демократія? Не спрашивай меня, каковъ будетъ народъ будущаго, но знай, что я его создамъ. Будущее узнаеть въ моемъ созданіи дѣло моихъ рукъ, я—мысль всѣхъ мыслящихъ людей, я—наука всѣхъ ученыхъ. И, наконецъ, твоя наука и твоя мысль, великій Ренанъ! Прими изъ моихъ рукъ золотую вѣтвь, живи въ славѣ, живи въ сердцахъ и душахъ величайшихъ людей, живи во мнѣ, ты заслужилъ безсмертіе, къ которому ты стремился. Все, что ты создалъ прекраснаго и добраго, не пропадетъ для человѣчества. Тихо, медленно оно осуществляетъ мечты такихъ великихъ мудрецовъ, какъ ты!» За этими вдохновенными словами еще долго лилось официальное краснорѣчіе министровъ, государственныхъ людей, общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и т. д., но все это было мелко, безынтересно, въ сравненіи съ рѣчами богини Паллады и знаменитаго современнаго ученаго.

Въ Парижѣ и въ скромномъ уголкѣ Бретани французы праздновали открытіе статуй писателямъ и мыслителямъ, а въ Клермонъ-Ферранѣ они вѣдали, что за 2000 лѣтъ тому назадъ у нихъ былъ герой, галльскій предокъ, Венцингеториксъ, и поставили ему конную статую. Цѣлыхъ три министра присутствовали при этомъ торжествѣ, и всѣ, какъ и подобало, изощряли свое краснорѣчіе. Венцингеториксъ, предводитель галльскихъ племенъ или кельтовъ, соединилъ ихъ всѣхъ подъ своимъ владычествомъ и былъ сначала другомъ Цезаря, но потомъ въ 52 году до Р. Х. онъ задумалъ освободить свою родину отъ римлянъ, власть которыхъ онъ долженъ былъ признавать надъ собою и своими соотечественниками. Эпопея его возстанія продолжалась всего десять мѣсяцевъ. Въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ онъ организовалъ возстаніе въ странѣ, которую Цезарь считалъ подчиненной своему владычеству. Въ мартѣ произошла осада Аварикума, гдѣ Венцингеториксъ впервые показалъ гордому противнику свою кельтическую армію, воиновъ повиновавшуюся строгой дисциплинѣ. Въ маѣ защита Герговіи заставила Цезаря думать только объ отступленіи. Далѣе онъ одержалъ побѣду подъ Дижономъ, рискуя своей жизнью. Наконецъ, въ началѣ осени Цезарь окончательно разбилъ Венцингеторикса при Алезинѣ и, благодаря своей многочи-

сленной арміи, въ 400.000 человекъ, заставилъ его сдаться. Послѣ того, онъ былъ отправленъ въ Римъ для участія въ триумфѣ великаго проконсула, гдѣ его измѣнически убили. До сихъ поръ съ именемъ Венцингеторикса соединяется мысль о геройскомъ патриотизмѣ. Самъ Цезарь былъ въ этомъ убѣжденъ и говоритъ въ своихъ «Комментаріяхъ»: «Венцингеториксъ никогда не вооружался и не сражался изъ личныхъ интересовъ, но для защиты свободы своихъ соотечественниковъ». Поэтому Камилль Жюльенъ, французскій историкъ, получившій академическую премию за біографію Венцингеторикса, восторженно превозносить его геройство и подвиги.

— Французская посланница о коронаціи императора Александра III. Представителемъ Франціи на коронаціи императора Александра III былъ Ваддингтонъ, бывшій первый министръ въ 1879 г., а впоследствии, въ продолженіе десяти лѣтъ, исполнявшій должность посланника въ Англіи. Хотя онъ былъ извѣстнымъ французскимъ государственнымъ дѣятелемъ и археологомъ, но его предокъ принадлежалъ къ англійскому семейству и только натурализовался во Франціи. Его жена была кровной американкой, дочерью Чарльса Кинга, ректора Колумбійскаго университета. Несмотря на ихъ иностранное происхожденіе, Ваддингтоны отличались французскимъ патриотизмомъ и пользовались большою популярностью на своей второй родинѣ. По слѣ смерти мужа г-жа Ваддингтонъ переехала въ Америку и въ нынѣшнемъ году издала на англійскомъ языкѣ любопытныя «Письма жены дипломата»¹⁾. Это собраніе писемъ къ родственникамъ относится ко времени ея пребыванія съ мужемъ въ Петербургѣ и Лондонѣ. О послѣднихъ письмахъ уже было упомянуто въ «Мелочахъ», а теперь мы скажемъ о впечатлѣніи, произведенномъ Москвою на г-жу Ваддингтонъ, во время коронаціонныхъ празднествъ. Прежде всего не лишне замѣтить, что французская посланница ѣхала въ Москву съ большимъ страхомъ, опасаясь нигилистическихъ безпорядковъ, о которыхъ въ то время за границей писали безъ конца. Но, несмотря на этотъ страхъ, длившійся и въ Москвѣ, она преспокойно прожила двѣ недѣли въ Бѣлокаменной, не выдавъ даже нигилистовъ. Свита чрезвычайнаго посла была блестящая и состояла изъ девяти лицъ, начиная отъ генерала Питера до поручика Калмона. Личная прислуга заключалась въ камердинерѣ Ваддингтона и двухъ горничныхъ его жены. Кромѣ того, Ваддингтоны взяли съ собою трехъ кучеровъ, изъ которыхъ одинъ, англичанинъ, былъ такой важной особой, что согласился ѣхать въ Россію только подъ условіемъ, что онъ будетъ править лошадыю лишь въ день коронаціи. Такимъ же гордымъ и надменнымъ, скорѣе чиновникомъ, чѣмъ слугою, былъ Пирсонъ, взятый Ваддингтономъ изъ служителей парижскаго министерства иностранныхъ дѣлъ; онъ и въ Москвѣ, какъ въ Парижѣ, долженъ былъ, украшенный золотомъ цѣпью, докладывать о гостяхъ на торжественныхъ пріемахъ. Наконецъ за посломъ и посланницей слѣдовали ихъ дворецкіи съ нѣсколькими поварами и конюхъ съ девятью великолѣпными, громадными лошадыми. Всего Ваддингтоновъ сопровождали 33 человекъ обоаго пола, въ числѣ которыхъ находились и полусмены,

¹⁾ Letters of a diplomat's wife, by Mary Waddington. New-York. 1903.

взятые ради безопасности. Всѣ они помѣщались въ Москвѣ на Малой Дмитровкѣ, въ великолѣпномъ домѣ, нанятомъ французскимъ правительствомъ. Посольство прибыло на мѣсто назначенія 21-го мая, и тотчасъ Ваддингтону представился полковникъ Бенкендорфъ, назначенный состоять при посольствѣ. Черезъ два дня посольство отправилось въ придворномъ экипажѣ въ Петровский дворецъ для представленія императору. Онъ былъ принятъ очень любезно императоромъ, а также императрицей, которая сказала, что помнить его очень хорошо, такъ какъ видѣла въ Парижѣ. Въ тотъ же день г-жа Ваддингтонъ поѣхала съ постоянной французской посланницей въ Петербургъ, г-жею Жоресъ, осматривать Москву. Ее особенно поразили Кремль съ его церквами, дворцами и т. д., а также спокойствіе несметной толпы народа, который тѣснился на улицахъ и, разгоняемый казаками, снова собирался тѣсной массой. На слѣдующій день состоялся торжественный въѣздъ въ Москву императора со всею царскою семьею. «Это зрѣлище было удивительно, — пишетъ посланница: — я съ мужемъ сѣла одна въ полупарадную двухмѣстную карету, чрезвычайно нарядную по своей обивкѣ, шелковой темносиней съ бѣлыми атласными полосами. Кучеръ и лакей также были въ полупарадной синей ливреѣ, въ голубыхъ плюшевыхъ, короткихъ панталонахъ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ и высокихъ шляпахъ съ галуномъ. Нашъ второй англійскій кучеръ казался очень эффектнымъ и прекрасно правилъ громадной парой лошадей. Возвратившись домой, онъ не зналъ, какими словами достаточно разбранить плохую московскую мостовую. Намнѣ было надѣто платье отъ Филиппъ, коричневое газовое, вышитое бархатными цвѣтами; передъ юбки былъ отдѣланъ кружевами экрю, и соломенная шляпа тоже цвѣта экрю съ бархатными розами. Меня удивило, что густая толпа, наполнявшая улицы, была невеселая, и нигдѣ не было слышно шутокъ и смѣха, какъ въ Парижѣ или Америкѣ. Насъ встрѣтили въ домѣ генералъ-губернатора, князя Долгорукова, его племянницы — г-жа Мансурова и княгиня Оболенская. Въ это время уже всѣ посольства были въ сборѣ, кромѣ иностранныхъ принцевъ, которые участвовали въ парадномъ шествіи. Послѣ блестящаго завтрака, на которомъ русскіе были, видимо, въ нервномъ состояніи, мы вышли на балконъ. Наконецъ, раздался пушечный выстрѣлъ, свидѣтельствовавшій о въѣздѣ императора изъ Петровскаго дворца. Шествіе было торжественное, но я не берусь его подробно описать: столько въ немъ участвовало войскъ, кавказскихъ и восточныхъ инородцевъ и всякаго рода придворныхъ. Наконецъ, показался императоръ въ парадномъ мундирѣ, верхомъ на маленькой сѣрой лошади, на которой онъ продолжалъ турецкую кампанію. Онъ былъ чрезвычайно спокоенъ и постоянно улыбался; на его лицѣ не было видно ни малѣйшаго волненія, развѣ только казался нѣсколько блѣденъ. Проѣзжая подъ нашимъ балкономъ, онъ посмотрѣлъ на верхъ и поклонился съ улыбкой. За нимъ слѣдовали великіе князья и вся блестящая царская свита, за которой появилась императрица съ великой княжной Ксеной въ двухмѣстной золотой каретѣ, запряженной шестью великолѣпными бѣлыми лошадьми, цугомъ. Императрица казалась блѣдной и серьезной, хотя постоянно съ улыбкой кланялась. Позади тянулся длинный рядъ придворныхъ экипажей съ великими княгинями и придворными дамами. Когда все шествіе окончилось, раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣ-

цавший о благополучномъ выступленіи въ Кремль. Всѣ русскіе пришли въ восторгъ и радостно цѣловались. Къ нашему обществу у князя Долгорукова присоединился чрезвычайный испанскій посоль, герцогъ Моннансе, сынъ бывшаго французскаго короля Людовика-Филиппа и мужъ испанской инфанты. Онъ былъ въ восторгѣ отъ императора. Вечеромъ г-жа Ваддингтонъ ѣздила со всѣмъ посольствомъ на иллюминацію, но она не нашла въ ней ничего удивительнаго. Съ этого дня начались торжественные праздники, и прежде всего состоялся приемъ посланницъ императрицей. На этотъ разъ посланница отправилась въ четырехмѣстной парадной каретѣ съ двумя лакеями. На ней было голубое платье и креповая шляпа того же цвѣта; по ея словамъ, она была безъ вуали и перчатокъ. «Во дворцѣ меня встрѣтилъ, — говоритъ она, — великолѣпный церемоніймейстеръ и проводилъ по лѣстницѣ, на верху которой стоялъ караулъ солдатъ, отдавшій мнѣ честь при восклицаніи церемоніймейстера: *la France!*». Пройдя цѣлый рядъ великолѣпныхъ залъ, церемоніймейстеръ передалъ посланницу другому церемоніймейстеру, который повелъ ее по новому ряду залъ. Наконецъ, навстрѣчу посланницѣ вышелъ оберъ-церемоніймейстеръ, князь Голицынъ, и сказалъ: «*sa majesté sera bientôt prête*». У дверей, которыя вели во внутренніе апартаменты императрицы, г-жу Ваддингтонъ встрѣтили княгиня Кочубей и графъ Паленъ, любезно занявшіе ее разговорами, пока не раздался сигналъ императрицы. «Двери открылись настезь, — пишетъ г-жа Ваддингтонъ: — и княгиня Кочубей отодвинулась на два шага впередъ и на порогѣ сдѣлала такой низкій придворный поклонъ, какого мнѣ никогда не сдѣлать. При этомъ она произнесла: «*J'ai l'honneur d'annoncer l'ambassadrice de France*». Затѣмъ она удалилась, и наступила очередь моему поклону. Я еще не успѣла исполнить его по всѣмъ правиламъ, какъ императрица сдѣлала два шага ко мнѣ, протянула руку и попросила меня сѣсть. Я видѣла ее нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ въ Парижѣ, гдѣ она была съ мужемъ, въ то время еще наследникомъ; она нисколько не измѣнилась и напоминаетъ принцессу Уэльскую, но ниже ея ростомъ. Ея великолѣпные черные глаза и граціозныя манеры производятъ большое впечатлѣніе. Она продержала меня около двадцати минутъ». Собственно день коронаціи выпалъ на воскресенье, 13-е мая, и посланница была на ногахъ съ пяти часовъ утра до четырехъ дня. Прежде всего ее причесалъ парикмахеръ, котораго она привезла изъ Парижа, и надѣлъ ей діадему и перья. Онъ уговаривалъ г-жу Ваддингтонъ набѣлиться и нарумяниться, въ виду дневного свѣта, но она рѣшительно была съ этимъ не согласна, хотя всѣ дамы были подрисованы. Надѣвъ свой парадный костюмъ, она поѣхала въ парадной четырехмѣстной каретѣ, и парадный кучеръ держалъ себя до того гордо и торжественно, что взлѣзъ на козлы послѣ того, какъ посланникъ и посланница усѣлись въ карету. Весь дипломатическій корпусъ собрался въ германскомъ посольствѣ, такъ какъ германскій посланникъ былъ старѣйшимъ изъ посланниковъ при русскомъ дворѣ. Затѣмъ они двинулись длинной процессіей во дворецъ и нѣшкомъ прошли въ Успенскій соборъ. Посланница подробно описываетъ коронацію, но такъ какъ эта церемонія уже не разъ служила предметомъ рассказовъ, то излишне ее повторять. Скажемъ только нѣсколько словъ о великолѣпномъ завтракѣ, поданномъ на золотѣ и серебрѣ всѣмъ приглашеннымъ,

пока императоръ и императрица отдыхали предъ торжественнымъ обѣдомъ. «Мнѣ не нравился,—говорить г-жа Ваддингтонъ,—видъ супа, который хотя на взглядъ былъ чистый, но въ немъ плавали куски невареной рыбы и маленькія черныя клецки, вѣроятно, изъ икры. Хотя на столѣ было много русскихъ блюдъ, однако я была очень голодна, такъ какъ не знала, что ѣсть. По счастью, ко мнѣ подошелъ итальянскій посоль Нигра и предложилъ мнѣ позавтракать съ ними. Благодаря протекціи одного сановника, онъ досталъ жаренаго холоднаго цыпленка и бутылку прекраснаго краснаго вина, и мы съ удовольствіемъ позавтракали». Послѣ этого довольно страннаго описанія русскихъ блюдъ посланница приступаетъ къ характеристикѣ блестящаго царскаго обѣда, на которомъ ей и всѣмъ иностранцамъ было дозволено присутствовать лишь до тѣхъ поръ, пока государь не потребовалъ пить. Тогда они съ глубокимъ поклономъ удалились изъ зала, гдѣ до тѣхъ поръ стояли. «Я никогда не видывала и не увижу такого любонитнаго банкета,—кончаетъ г-жа Ваддингтонъ:—мнѣ даже и въ голову не приходило, чтобы высокіе сановники, въ сопровожденіи кавалергардовъ съ обнаженными палашиами, подавали блюда». Послѣ коронаціи слѣдовалъ длинный рядъ торжествъ во дворцѣ и въ частныхъ домахъ высокопоставленныхъ вельможъ и посланниковъ, но г-жа Ваддингтонъ описываетъ только великолѣпный балъ во дворцѣ. Посланницу пригласили на чашку чаю вмѣстѣ съ великими княгинями, но Ваддингтонъ въ это время отсутствовалъ, такъ какъ его увелъ герцогъ Эдинбургскій въ свои комнаты, гдѣ они на свободѣ насладились сигарой. Что касается ужина, то онъ былъ поданъ на 800 человекъ, «горячій, парадный и вкусный». Г-жу Ваддингтонъ сопровождалъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ, сэръ Эдуардъ Торнтонъ. Государь не сидѣлъ, а обходилъ столы и разговаривалъ, по словамъ г-жи Ваддингтонъ, преимущественно съ русскими. Во время бала случилось забавное происшествіе съ одной австрійской дипломаткой. Ея туфли были слишкомъ узки, и она не могла вынести этого мученья, а сбросила ихъ предъ ужномъ, и на вопросъ г-жи Ваддингтонъ, что она съ ними сдѣлаетъ, вѣмецкая дипломатка отвѣчала: «Мнѣ все равно, я ихъ подброшу подъ портьеру, а сама пойду въ чулкахъ». Въ концѣ вечера посланница видѣла ее, и она была, какъ ни въ чемъ не бывало. «Я сочувствовала ея несчастью,—замѣчаетъ г-жа Ваддингтонъ,—и была очень рада, что не послушалась своей горничной и не надѣла парижскихъ розовыхъ туфель, которыя мнѣ жали бы ногу. Я ихъ замѣнила великолѣпными бѣлыми атласными туфлями русской работы. И хотя онѣ были немножко тѣсноваты, но я никогда не рѣшилась бы отдѣлаться, какъ нѣмка». Описаніемъ этого бала г-жа Ваддингтонъ оканчиваетъ свои замѣтки о московскихъ торжествахъ.

— Легенда о Башкирцевой. Молодая русская художница, Марія Башкирцева, умершая 24-хъ лѣтъ въ Парижѣ, была при жизни мало кому извѣстна, только послѣ ея смерти изданіе ея записокъ на французскомъ языкѣ, скорѣе переведенныхъ на многіе другіе языки, сдѣлало ее знаменитой во всемъ свѣтѣ. Ея имя прославилось не только въ литературѣ, но также между учеными и политическими дѣятелями; Ломброзо и безконечное число докторовъ пришли въ восторгъ отъ ея ранняго развитія и объясняли ея юношескій талантъ какимъ-то невѣдомымъ атавизмомъ. Гладстонъ написалъ цѣлую

статью, полную днюрамбовъ этой удивительной молодой дѣвушкѣ, такъ стремившейся къ эстетическому идеалу въ жизни. Но прошли года, и бѣднаго кумира интеллигентныхъ кружковъ всей Европы мало-по-малу развѣчали. Ея ореолъ исчезъ, и вмѣсто удивительнаго, необыкновеннаго, сверхъестественнаго существа явилась обыкновенная, хотя прелестная и талантливая, молодая дѣвушка. Болѣе краснорѣчивымъ разоблачителемъ Маріи Башкирцевой оказался ея другъ юности, знавшій всѣ подробности ея жизни— князь Вождаръ Карагеоргиевичъ, родственникъ новаго сербскаго короля Петра I-го. Онъ обожалъ молодую дѣвушку и питаетъ къ ней до сихъ поръ самыя теплыя чувства, а поэтому искренно взялся за восстановление всей правды относительно ея кратковременной славы, тѣмъ болѣе, что она, повидимому, сама желала въ своихъ запискахъ одной правды. Такъ, на первой страницѣ своего введенія она прямо говоритъ: «Къ чему лгать и позировать? Я писала свои записки давно, не думая, что ихъ кто нибудь прочтетъ, а потомъ я начала надѣяться, что ихъ будутъ многіе читать, и тогда стала еще болѣе правдивой. Если эта книга не заключаетъ въ себѣ безусловной, абсолютной, строгой правды, то она не имѣетъ никакого смысла». Не по винѣ самого автора, а по стеченію странныхъ обстоятельствъ, книга эта далеко не правдива, и Карагеоргиевичъ, какъ другъ покойной, взялся за разоблаченіе не автора, а ея издателя. Съ этой цѣлью онъ надняхъ напечаталъ на двухъ языкахъ короткую, но блестящую статью¹⁾ подъ названіемъ: «Марія Башкирцева и легенда о ней», въ «La Revue» и въ «Fortnightly Review». Съ самаго начала статьи Карагеоргиевичъ признается, что, хотя онъ ничего не писалъ о книгѣ Башкирцевой, въ продолженіе почти двадцати лѣтъ, со времени выхода перваго тома ея записокъ,—онъ не узналъ въ немъ прелестную Марію такой, какою онъ ее наблюдалъ,—лучшей и умнѣйшей женщиной, дававшей добрыя совѣты своимъ друзьямъ. Когда же вышли второй и третій тома этихъ мемуаровъ, то неприятное впечатлѣніе отъ нихъ такъ усилилось, что онъ не выдержалъ и рѣшился сказать всю правду. Дѣло въ томъ, что самая суть этихъ записокъ зиждется на ложной основѣ: Башкирцева сдѣлана моложе, чѣмъ она въ сущности была. Отъ этого все ея положеніе сдѣлалось неестественнымъ. Вслѣдствіе этого каждое обстоятельство умышленно извращено, такъ брату ея нарочно прибавлено нѣсколько лѣтъ, тогда какъ въ сущности онъ былъ моложе ея. Праздники Микель-Анджело во Флоренціи передвинуты на годъ раньше, а главное ей самой приписано двѣнадцать лѣтъ, когда она влюбилась въ герцога Гамильтона и писала въ своемъ дневникѣ самыя тонкія, психологическія размышленія, тогда какъ ея метрика свидѣтельствуетъ, что ей было шестнадцать лѣтъ. Такимъ образомъ вмѣсто безусловной правды «Записки» Башкирцевой рисуютъ ее какимъ-то необыкновеннымъ феноменомъ. Все это сдѣлано, конечно, ради увеличенія интереса книги. Точно также преувеличенъ интересъ, питаемый ею къ мастерской Жульена; она представлена столь занятой всѣми мельчайшими подробностями событій, случившихся тамъ,

¹⁾ Legend and Marie Bashkirtseff, by prince Bojdar Karageorgewitch. The Fortnightly Review. October 1903.

что не пропущена ни одна силетня, ходившая объ этой мастерской, тогда какъ только первые шесть мѣсяцевъ она обращала на нее вниманіе, а потомъ никогда не упоминала о ней даже своимъ близкимъ пріятелямъ, какъ Божидаръ Карагеоргіевичъ. Напротивъ, въ ея «Запискахъ» не упомянуто ни слова о томъ, что она была пламенная феминистка и писала годъ или два художественную критику въ журналъ «*La citoyenne*». Она также постоянно присутствовала на феминистскихъ собраніяхъ въ улицѣ Петрель и бранила Карагеоргіевича за то, что онъ не сочувствовалъ этому вопросу. — «Вы просто крестинъ, — говорила она: — вы не имѣете право шутать равнодушіе къ вопросу, который измѣнитъ весь свѣтъ». Однако въ книгѣ пропущены самые интересные эпизоды ея жизни, напримѣръ, ея пребываніе въ Ниццѣ въ 1862 г. Она провела тамъ два мѣсяца, поглощенная живописью и сочиненіемъ своихъ записокъ. Во все это время Башкирцева была настоящей интересной Маріей и нимало не позировала, но тогда она никого не видала изъ замѣчательныхъ извѣстныхъ людей, а слѣдовательно ея жизнь не казалась составителямъ «Записокъ» любопытной. Въ сущности эти «Записки» представляли 10 или 12 томовъ, а изъ нихъ сначала романистъ Андрэ Терье сдѣлалъ одинъ томъ, а потомъ второй. Третій же составленъ безъ его участія. Терье никогда не звалъ и не видалъ Башкирцевой. Даже въ его рукахъ не было подлинныхъ ея записокъ, ему была передана только копія, и то уже отдѣланная по-своему. Очевидно, такимъ образомъ въ искусственности книги и въ ея ложныхъ подробностяхъ былъ виноватъ не Терье, но, конечно, онъ, какъ романистъ, заботился придать какъ можно болѣе интереса воспоминаніямъ молодой дѣвушки. При томъ не онъ, а другіе заботились, чтобы книга неизвѣстнаго автора имѣла какъ можно болѣе успѣхъ, а слѣдовательно увеличился бы ея изданія. «Однако Марія, — говоритъ Карагеоргіевичъ: — была сама по себѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ въ неловко преувеличенной формѣ, и представляла добрую, умную и талантливую молодую дѣвушку, а не какую-то выставленную на показъ, до противности манерную невротку. Неудивительно, что, благодаря этимъ искусственнымъ прибавкамъ и натянутымъ измѣненіямъ, многіе уже давно не долюбливали этой книги, и Морисъ Донэ въ своей пьесѣ «*Entre danger*», желая охарактеризовать противную молодую снобистку, сказалъ, что она была въ жанрѣ Маріи Башкирцевой. Альфонсъ Додэ пошелъ еще далѣе и по поводу убійства, совершеннаго въ Алжирѣ одной русской, госпожею Вейсъ, своего мужа, сказалъ: «Она напоминаетъ Марію Башкирцеву, избави Богъ наши семейства отъ франко-русскаго союза». «Бѣдная Марія, — прибавляетъ Карагеоргіевичъ: — какая это ужасная ложь, и какъ вы, поистинѣ прелестная дѣвушка, извращены легендами». Не только въ текстѣ записокъ встрѣчается много ложнаго и невѣрнаго, но даже приложенная къ третьему тому картинка съ надписью: «Мастерская Маріи Башкирцевой», представляетъ не ея настоящую мастерскую въ улицѣ Амизьръ, а какую-то трущобу въ улицѣ Эжезипъ-Моро, гдѣ десять лѣтъ послѣ смерти Башкирцевой ея мать выставила ея картины. Легенда, овладѣвъ бѣдной Маріей Башкирцевой, кончила тѣмъ, что изуродовала ея настоящій характеръ. Въ особенности ея любовь къ живописцу Бастьену-Лепажу доведена до фантастическихъ размѣровъ. Терье въ

многочисленныхъ своихъ статьяхъ о Бастьенѣ Лепажѣ и Башкирцевой постоянно соединяетъ ихъ имена въ одномъ безконечномъ разсказѣ. Послѣднія страницы «Записокъ» Башкирцевой испепрены именемъ этого живописца, хотя въ сущности они видѣли другъ друга не болѣе двѣнадцати разъ въ жизни, и она нпмало не была въ него влюблена. Странно, что въ ея книгѣ не упоминается ни разу имя другого истиннаго поклонника Маріи, А. М., который три раза просилъ ея руки и до безумія былъ въ нее влюбленъ. Но правдѣ сказать, Марія Башкирцева восхищалась талантомъ Бастьенъ Лепажы, а онъ былъ очарованъ ея прелестью. Даже въ третьемъ томѣ ея «Записокъ» было сказано, что она очень мало знала художника, но легенда, какъ снѣжная лавина, все возрастала, и наконецъ любовь Башкирцевой къ Бастьенъ Лепажу стала безспорнымъ классическимъ фактомъ. Такъ однажды на Лондонской выставкѣ Бастьенъ Лепажы одинъ молодой англійскій журналистъ, указавъ на акварель, изображавшую дѣвочку и корову въ полѣ, сказалъ: «Это портретъ Маріи Башкирцевой». Карагеоргіевичъ принялъ это за шутку, но когда англійскій журналистъ серьезно подтвердилъ свои слова, то онъ замѣтилъ: «Посмотрите на подпись 1880 г., въ эту эпоху Марія даже въ своемъ журналѣ признаетъ себя двадцати лѣтъ. Я знаю, съ какой дѣвочки писана эта картина, она дочь Жандо изъ Данвилье, и въ 1880 г. ей дѣйствительно было 10 лѣтъ. Къ тому же Бастьенъ Лепажъ, когда познакомился съ Башкирцевой, то уже не писалъ картинъ». Однако англичанинъ настаивалъ на своемъ. «Эго правда, — отвѣчала онъ. — но я васъ увѣряю, что Бастьенъ Лепажъ написалъ прекрасный портретъ Башкирцевой; это всѣ знаютъ». Такъ могущественна сдѣлалась легенда. На основаніи ея французскій писатель Морисъ Баррессъ написалъ цѣлую, хотя не большую книгу «Trois stations de psychotherapie», въ которой подробно описываетъ послѣднюю квартиру Башкирцевой въ улицѣ Прони, ея меблировку и письменный столъ молодой дѣвушки съ открытыми томами Канта и Фихте, которые она читала не задолго до своей смерти. Во многихъ статьяхъ Баррессъ повторялъ эту легенду, а въ сущности Башкирцева никогда не жила въ улицѣ Прони, она всегда обитала и умерла въ улицѣ Араго. Наконецъ Морисъ Баррессъ узналъ, что его обманывали, и въ очень рѣзкой статьѣ «Figaго» отказался отъ своего культа, чего, конечно, по словамъ Карагеоргіевича, она не заслуживала. «Она сама ни въ чемъ не виновата, — оканчиваетъ онъ свою статью: — не по ея винѣ искажена о ней правда, которую она такъ обожала, и ея прелестный образъ достигъ до насъ не во всей своей чистотѣ».

С М Ъ С Ъ.

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИЙ митрополита Макарія. 19-го сентября состоялось десятое присужденіе премій митрополита Макарія. Въ нынѣшнемъ году преміи эти присуждались только по историко-филологическому отдѣленію академіи наукъ. Отчетъ о присужденіи премій былъ прочитанъ въ публичномъ засѣданіи академіи непрежнѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ. На сонсканіе премій было представлено 19 сочиненій, для разсмотрѣнія которыхъ была назначена подъ предсѣдательствомъ Н. Ѳ. Дубровина коммисія въ составѣ вице-президента академіи П. В. Никитина и академикомъ: В. В. Радлова, В. В. Латышева, К. Г. Залемава, И. П. Янжула, А. С. Лаппо-Данилевскаго и С. Ѳ. Ольденбурга. Для ближайшаго разсмотрѣнія сочиненій коммисія избрала рецензентовъ частью изъ среды академикомъ, частью изъ постороннихъ ученыхъ. Полной преміи въ 1.500 рублей удостоено сочиненіе профессора Д. М. Петрушевскаго: «Возстаніе Уота Тайлера. Очеркъ изъ исторіи разложенія феодальнаго строя Англіи». Ч. I, изд. 1897 г., и ч. II, изд. 1901 г. Оцѣнку этого сочиненія принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи П. Г. Виноградовъ. «Въ общемъ, по словамъ рецензента, мы имѣемъ въ первомъ томѣ сочиненія несомнѣнно крупную и полезную историческую работу. Если она и не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній, грѣшитъ нѣкоторыми преувеличеніями и неясностями, зато она во всякомъ случаѣ даетъ наиболѣе полное въ настоящее время изложеніе всего хода возстанія 1381 г. и ни въ чемъ не уступаетъ параллельнымъ, но гораздо болѣе ограниченнымъ по району изслѣдованія работамъ Ревіля и Поделя. Д. М. Петрушевскій не только излагаетъ литературныя мнѣнія и освѣщаетъ связь между ними, но и критикуетъ ихъ, стараясь раскрыть ихъ односторонность, произвольность, противорѣчія. Подводя общіе итоги оцѣнкѣ сочиненія,—заканчиваетъ П. Г. Виноградовъ,—мы едва ли оши-

бемся, признавъ его однимъ изъ главныхъ по экономическому кризису XIV в., и изслѣдователямъ соціальной исторіи Англій придется существенно считаться съ сочиненіемъ Д. М. Петрушевскаго». Неолныя преміи въ 1.000 рублей присуждены П. Е. Энгельману и О. Θ. Базилеру. Оцѣнку сочиненія П. Е. Энгельмана: «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства», далъ профессоръ Н. Л. Дювернуа. «Книга профессора Энгельмана, по заявленію рецензента, представляетъ собою трудъ, назначенный для учебныхъ цѣлей, но эту книгу съ пользою прочтуть, вѣрнѣе должны прочесть, не въ школахъ только, но и тамъ, гдѣ считаютъ расчеты со школою навсегда оконченными. Изложена она понятно и толково, и читатель найдетъ въ ней вездѣ очень сдержанную и хорошо обоснованную, но вполнѣ энергическую критическую оцѣнку легальныхъ нормъ и практической дѣятельности суда. Въ послѣднемъ отношеніи автору нерѣдко приходится смѣло выступать передъ низшими и высшими истолкователями законовъ и передъ самыми видными писателями юристами, указывая на ошибки и заблужденія». Рецензентомъ сочиненія О. Θ. Базилера: «Древне-римскія секулярныя игры», явился профессоръ Θ. Ф. Зѣлинскій. «Авторъ поставилъ себѣ задачу прослѣдить исторію секулярныхъ игръ отъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ. Къ сочиненію приложены все документы, относящіяся къ предмету изслѣдованія, въ критически-провѣренномъ видѣ. Сочиненіе представляетъ собою очень остроумный, добросовѣстный и полезный трудъ». По присужденіи премій коммисія постановила выразить глубокую признательность академіи постороннимъ ученымъ, содѣйствовавшимъ ей въ оцѣнкѣ конкурсныхъ сочиненій, и назначить золотыя медали: члену-корреспонденту академіи П. Г. Виноградову, полковнику А. Г. Гулевичу, старшему зоологу зоологическаго музея академіи Н. М. Книповичу, профессорамъ: В. М. Бехтереву, Н. Л. Дювернуа, Θ. Ф. Зѣлинскому, Н. Я. Марру и Ю. А. Кулаковскому и сенатору А. Л. Боровиковскому. Въ засѣданіи присутствовали вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, непремѣнный секретарь Н. Θ. Дубровинъ, академики: А. С. Фаминцынъ, Ф. Ф. Бельштейнъ и С. Ф. Ольденбургъ.

Присужденіе уваровскихъ премій. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ 25-го сентября состоялось публичное засѣданіе, на которомъ непремѣннымъ секретаремъ академикомъ Н. Θ. Дубровинымъ былъ прочтаны отчетъ о 45-мъ присужденіи наградъ графа Уварова. Въ засѣданіи присутствовали: вице-президентъ академіи П. В. Никитинъ, академики: А. П. Карпинскій, Ф. Г. Шмидтъ, Ф. Ф. Бельштейнъ, бар. В. Р. Розенъ, и публика. Въ вышнемъ году на соисканіе уваровскихъ премій было представлено шесть сочиненій, для разсмотрѣнія которыхъ была назначена подъ предѣлательствомъ Н. Θ. Дубровина коммисія изъ академиковъ: А. Н. Пыпина, А. А. Шахматова, А. И. Соболевскаго и А. С. Лаппо-Данилевскаго. Премія въ 500 рублей присуждена К. М. Любавскому за сочиненіе: «Литовско-русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и вѣшнею жизнью государства. М. 1901.». Оцѣнку этого труда принялъ на себя проф. Θ. П. Леонтовичъ. По его мнѣнію, «авторъ взялъ на себя непосильный трудъ разрѣшить совершенно неразработанную и даже не затронутую въ историко-юридической литературѣ тему по исторіи такого сложнаго вопроса, какъ литовско-русскій

сеймъ въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Большинство своихъ выводовъ и заключеній авторъ построилъ на фактахъ, невѣрно понятыхъ; есть немало такихъ положеній автора, которыя основаны на полномъ незнаніи или игнорированіи фактовъ. Но есть и другая сторона дѣла: недостатки эти выкупаются немаловажнымъ достоинствомъ труда г. Любавскаго, какъ весьма цѣннаго сборника архивнаго матеріала, на изученіе котораго авторъ потратилъ немало тяжелаго и кропотливаго труда. Матеріаль этотъ содержитъ массу новыхъ актовыхъ данныхъ по разнымъ отраслямъ литовско-русскаго права. Книга г. Любавскаго можетъ служить серьезнымъ подспорьемъ для изслѣдователей исторіи литовско-русскаго права, и въ этомъ смыслѣ она представляетъ значительный вкладъ въ небогатую научными пособіями и источниками науку исторіи литовско-русскаго права». Почетные отзывы присуждены слѣдующимъ сочиненіямъ: 1) В. М. Грибовскій: а) «Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія Екатерины II». Сиб. 1901 г. и б) «Матеріалы для исторіи высшаго суда и надзора въ первую половину царствованія Екатерины II». Сиб. 1901 г. Оцѣнку этого труда принялъ на себя членъ-корреспондентъ академіи В. С. Иконниковъ. Указавъ на нѣкоторые недостатки, рецензентъ говоритъ о достоинствахъ сочиненія слѣдующее: «авторъ прослѣдилъ рядъ явленій въ исторіи и дѣятельности сената отъ смерти Петра Великаго до учрежденій Екатерины II, всѣ еще мало изслѣдованныхъ; съ особеннымъ вниманіемъ онъ остановился на ролъ сенатскаго надзора, хотя и пришелъ лишь къ отрицательнымъ выводамъ, и на функціяхъ дѣятельности рекетмейстера и прокуратуры, къ которымъ тяготеютъ его симпатіи; болѣе подробно рассмотрѣлъ онъ производство апелляціонныхъ дѣлъ и измѣненія, внесенныя въ него Екатериною II; наконецъ приложилъ сборникъ матеріаловъ (1763—1774), извлеченныхъ изъ бумагъ московскаго архива министерства юстиціи, изъ которыхъ нѣкоторые заслуживаютъ вниманія и представляютъ значительный интересъ». 2) Н. Малицкій: «Исторія Владимирской духовной семинаріи». Три выпуска. М. 1903. Отзывъ объ этомъ сочиненіи далъ бывшій профессоръ Казанской духовной академіи П. В. Знаменскій. По его мнѣнію, «въ упрекъ автору можно было бы поставить слишкомъ специальный характеръ его труда; онъ слишкомъ мало касается судьбы низшихъ школъ Владимирской епархіи, тогда какъ онѣ всегда были тѣсно связаны съ семинаріей. Но зато въ разсматриваемомъ трудѣ есть такіе отдѣлы, которые ставятъ его много выше другихъ, ему подобныхъ; цѣнныя приложения и картины быта и воспитательной стороны семинарской жизни вышли у автора очень занимательными. Наконецъ, списки окончившихъ курсъ семинаріи, стоившіе автору немалыхъ трудовъ, придаютъ «Исторіи» большую цѣнность». 3) В. З. Завитневичъ: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ». Т. I, кн. 1-я и 2-я. Кіевъ. 1902. Отзывы объ этомъ трудѣ даны академіи проф. А. И. Кириичниковымъ и И. С. Пальмовымъ. Рецензенты сочиненія единогласно признаютъ, что оно—результатъ основательной подготовительной работы надъ предметомъ, соединенной съ горячей любовью къ нему, и представляетъ обширный сводъ біографическихъ данныхъ о Хомяковѣ и обзоръ его мнѣній, полезное для будущихъ изслѣдователей его міровоззрѣнія. Авторъ, по словамъ

проф. И. С. Пальмова, обстоятельно и документально передалъ содержаніе фактовъ изъ жизни Хомякова и его идеи, а также свабдилъ свой трудъ интересными въ научномъ отношеніи авторскими комментаріями, способствующими болѣе или менѣе объективному пониманію цѣлаго жизненнаго подвига одного изъ выдающихся представителей славянофильства. По присужденіи преміи и почетныхъ отзывовъ академія наукъ положила благодарить гг. рецензентовъ за попесенные труды, при чемъ назначила установленныя для постороннихъ ученыхъ Уваровскія медали: члену-корреспонденту В. С. Иконникову и профессорамъ: Ѳ. И. Леонтовиту, П. В. Знаменскому, И. С. Пальмову и покойному А. И. Кириичникову.

Общество исторіи и древностей россійскихъ. На первомъ послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіи императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ дѣйствительный членъ общества проф. Г. А. Муркосъ сдѣлалъ сообщеніе о привезенныхъ имъ съ Востока, куда онъ былъ командированъ Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, фототипіяхъ съ актовъ и приписокъ на древнихъ арабскихъ рукописяхъ, хранящихся въ предѣлахъ Антиохійскаго патріархата. Помимо огромнаго научнаго интереса, какой представляетъ содержаніе актовъ и приписокъ для исторіи Антиохійской церкви и ея первосвятителей, на нихъ имѣются собственноручныя подписи по-гречески, по-арабски и по-сирски патріарховъ и другихъ іерарховъ и историческихъ лицъ этой церкви, а нѣкоторыя составляютъ подлинныя ихъ автографы. Между прочимъ, проф. Муркосъ представилъ: 1) автографъ Павла Алеппскаго, автора «Путешествія антиохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII столѣтія», переписавшаго во время 8-мѣсячнаго своего пребыванія въ Коломнѣ, вмѣстѣ со своимъ отцомъ, антиохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, въ 1654 году, евангеліе на арабскомъ языкѣ, о чемъ онъ подробно рассказываетъ на послѣднемъ листкѣ переписаннаго имъ евангелія; 2) собственноручную замітку на арабскомъ Номоканонѣ 1234 года антиохійскаго патріарха Кирилла Даббаса, уроженца Дамаска, въ которой указанъ день кончины брата его, патріарха Аванасія, и вступленія его, Кирилла, на антиохійскій престолъ 1 марта 1027 года Гиджры (1618 г. по Р. Хр.); (достойно замѣчанія, что даты почти на всѣхъ актахъ и припискахъ отъ Гиджры или отъ сотворенія міра) и въ 3) собственноручныя подписи — по-гречески, а титулъ — по-арабски, антиохійскаго патріарха Іоакима Дау, того самаго, который пріѣзжалъ въ Россію въ началѣ царствованія Θεодора Іоанновича, и шейха Георгія Самжура, упоминаемаго Павломъ Алеппскимъ въ своихъ запискахъ, который пожертвовалъ серебряную рамку для чудотворной иконы Седнайской Богоматери, какъ показываетъ арабская надпись, вырѣзанная въ самой рамкѣ, и пр.

Общество любителей россійской словесности. 29 сентября, въ Москвѣ, въ помѣщеніи университетской бібліотеки, подъ предсѣдательствомъ профессора А. Н. Веселовскаго, происходило очередное засѣданіе общества. Постановлено послать отъ общества привѣтствіе полтавскому городскому общественному управленію, въ лицѣ городского головы, по случаю состоявшагося 30 минувшаго августа мѣсяца открытія въ городѣ памятника писателю П. П. Котляревскому. Въ первомъ публичномъ засѣданіи общества должны быть произведены выборы вре-

меннаго предсѣдателя, а также секретари общества на мѣсто сложившаго съ себя это званіе г. Языкова. Послѣдующія засѣданія предположено посвятить памяти П. С. Тургенева по случаю исполнившагося 20-лѣтія со дня его кончины, В. Ѳ. Одоевскаго (100 лѣтъ со дня рожденія), А. Н. Плещеева (10 лѣтъ со дня кончины), Ѳ. И. Тютчева, П. П. Котляревскаго, а также памяти скончавшихся въ текущемъ году А. И. Кирпичникова и К. М. Станюковича. Предположено привѣтствовать В. Г. Короленка по поводу исполнившагося 50-лѣтія его жизни, и Л. Н. Толстого—75-тилѣтія.

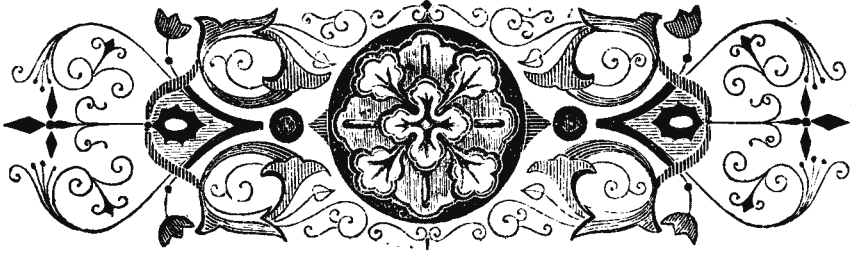
Библиологическое общество. 27-го сентября, подъ предсѣдательствомъ профессора А. І. Маленна, собраніе открылось докладомъ г. Щеголева о стихотвореніяхъ Пушкина, посвященныхъ А. Ризничъ. Докладчикъ имѣлъ въ виду указать, что вліяніе А. Ризничъ сказывается только въ такихъ произведеніяхъ Пушкина, какъ: «Подъ небомъ голубымъ...» или «Прости жъ ты мнѣ ревнивыя мечты»; а также въ 15 и 16 (пропущенныхъ въ печати) строфахъ шестой главы романа «Евгеній Онѣгинъ». Основываясь на психологическихъ соображеніяхъ, докладчикъ никоимъ образомъ не допускаетъ его въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, въ которыхъ многіе способны видѣть именно это вліяніе. Послѣ прочтенія доклада и всесторонняго его обсужденія, г. Раевскій сообщил о дѣятельности тверскаго областного археологическаго съѣзда. Закончилось собраніе избраніемъ новаго президента общества на мѣсто А. М. Ловягина, сложившаго съ себя обязанности президента послѣ четырехлѣтняго исполненія ихъ, со дня возникновенія общества. Общее собраніе громкими аплодисментами выразило г. Ловягину благодарность за его труды. Въ президенты избранъ редакторъ «Литературнаго Вѣстника», издаваемаго Библиологическимъ обществомъ, А. І. Лященко.

Археологическія раскопки. Г. Бабенко въ «Харковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» даетъ отчетъ о раскопкахъ, только что законченныхъ имъ въ Волчанскомъ уѣздѣ. Раскопки производились въ слободѣ Верхнемъ Салтовѣ; изслѣдованію подвергся могильникъ, расположенный на склону горы около оврага «Нетеча». Одна могила имѣла женское погребеніе; въ грудной части скелета—рядъ разнообразныхъ бусъ отъ ожерелья, среди нихъ найдена серебряная монета, сассанидскій диргемъ, особенно крупнаго размѣра, съ изображеніемъ, прѣизгительно, VI в. по Р. X. Сбоку погребенія лежало большое круглое, гладко отшлифованное, бѣловатаго металла, зеркало, съ орнаментомъ на оборотной сторонѣ. Другой могильникъ расположенъ въ горахъ, покрытыхъ крестьянскими садами, около того мѣста, гдѣ находится народное училище. Раскопки этого могильника были начаты изслѣдователемъ еще прошлымъ лѣтомъ на средства музея древностей Харьковскаго университета. Особенность этихъ могилъ заключается въ томъ, что удавалось, при раскопкахъ, изъ одной катакомбы черезъ пробитую стѣнку переходить въ другую. Изъ вещей найдены были: боевой топоръ, кинжалъ желѣзный обоюдоострый въ 23 сант. длины и 5 сант. ширины, зеркала изъ сплава очень хорошей сохранности, бронзовые щипчики съ ушкомъ для подвѣшиванія. Въ числѣ другихъ мелкихъ украшеній найдены большія золотыя серьги (6 сант.), состоящія изъ правильнаго проволочнаго кольца въ видѣ пирамидки съ неподвижною подвѣскою въ видѣ пира-

мидки, съ четырьмя насаженными одинъ на другой шариками. Археологическія раскопки 1-го могильника производились съ 27 юля по 10 августа. За это время раскопано всего 10 могилъ. Въ первой оказалось одно погребеніе и при немъ мелкія бусы, бронзовые литые бубенцы и аббасидская монета, приблизительно VII в. по Р. X. Другія погребенія, очевидно, были разрушены раньше частью ограблены. Могила № 2 имѣла свои особенности: въ проходѣ найдены обломки отъ разбитой глиняной посуды, въ самой же камерѣ никакого сосуда не оказалось. Очевидно, посуда эта была разбита при совершеніи обрядовъ погребенія въ проходѣ. Отличительную черту въ 8-й могилѣ составляетъ длина прохода, достигавшая болѣе 6 метровъ, шириной уже 65 сант. Погребенія оказались богатыми украшеніями; на рукахъ найдено много браслетовъ, перстни съ камнями и безъ нихъ, въ грудной части роскошныя ожерелья изъ сердоликовыхъ, горнаго хрусталя, цвѣтнаго стекла мозаичной работы бусъ. Въ проходѣ тоже найдено нѣсколько сломанныхъ браслетовъ и черепки отъ посуды. Самая же богатая и интересная, какъ по своему устройству, такъ и по вещамъ, найденнымъ въ ней, оказалась могила № 9-й; изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ раскопокъ эта могила—единственная въ своемъ родѣ и въ связи съ соседнею могилою, раскопанною еще раньше, представляетъ въ полномъ смыслѣ катакомбу. При изслѣдованіи стѣнокъ прохода прежней могилы рабочимъ пришлось натолкнуться на 2 прохода, но очищеніи которыхъ оказалось, что оба они ведутъ въ общую камеру. На полу вновь открытой камеры лежало тоже три погребенія—слѣва отъ входа мужское и сбоку его 2 женскихъ, при томъ руки первыхъ двухъ подложены были одинъ подъ другія. Мужской скелетъ въ 1,75 сант. длины имѣлъ въ правой рукѣ желѣзный боевой топоръ и подъ плечевою частью такой же наконечникъ въ видѣ кирки. Сосудъ—изящная кубышка съ крестообразнымъ клеймомъ на днѣ—стоялъ между головами 1-го и 2-го погребеній. Въ поясной части женскихъ скелетовъ найдено нѣсколько обломковъ отъ очень перетлѣвшихъ ножей въ ножнахъ и около шеи—роскошныя ожерелья изъ сложныхъ золотистыхъ и серебряныхъ, какъ бы жемчужныхъ бусъ, колцеобразныя подвѣски и проч. По всѣмъ даннымъ во всѣхъ открытыхъ могильникахъ мы имѣемъ культуру не одного народа, а нѣсколькихъ. Не говоря уже о числѣ погребеній, по одному числу могильниковъ и ихъ величинѣ можно вполне удовлетворительно сказать, что здѣсь въ древнемъ Салтовѣ и его городищѣ побывали не одинъ народъ. Были тутъ и кочевники—хазары, печенѣги, торки или половцы, впоследствии же и славяне.

Древнее евангеліе. По словамъ «Кавказа», грузинскій писатель Виссаріонъ Никарадзе въ сванетскомъ селеніи Аднши нашелъ пергаментное евангеліе, переписанное въ 897 году. Евангеліе это самое древнее изъ числа извѣстныхъ пока датированныхъ евангелій.

НЕКРОЛОГИ.

ДЪЯНОВЪ, А. И. 29-го сентября умеръ Александръ Ивановичъ Дъяновъ. Покойный по окончаніи гимназическаго курса поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, но вскорѣ перешелъ въ Николаевское кавалерійское училище. Службу началъ офицеромъ въ Сибирскомъ казачьемъ полку. Военную карьеру онъ промѣнялъ на литературную. Его первые рассказы изъ солдатской жизни были напечатаны въ журналъ «Досугъ и Дѣло» и имѣли успѣхъ. Въ 1888 г. онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ и секретаремъ газеты «Гражданинъ» и журнала «Воскресенье». Въ газетѣ охотно печатались его статьи и очерки изъ столичной жизни, въ журналѣ — рассказы. Когда «Гражданинъ» пересталъ выходить ежедневно, покойный сталъ искать заработка въ другой газетѣ. Нѣсколько его статей въ это переходное для него время были напечатаны въ «Новомъ Времени» и въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Затѣмъ онъ получилъ постоянную работу въ «Петербургской Газетѣ», изъ которой лѣтъ шесть назадъ былъ приглашенъ участвовать въ качествѣ постоянного сотрудника въ «Петербургскомъ Листкѣ». А. И. былъ живой, остроумный, талантливый хроникеръ «Петербургскаго Листка». Писалъ онъ много, изумительно много. Ежедневный отдѣлъ «Эхо», подписанный «Меланхоликъ», вель онъ; злободневныя шутки, преимущественно въ драматической формѣ, воскресный «Дневникъ капитана Буянова», рецензии объ Александринскомъ театрѣ, «Антракты», все это, подписанное инициалами А. Д.—въ, «Тикъ-такъ» и пр., выходило изъ-подъ его пера. Большинство романовъ «Петербургскаго Листка» также написано покойнымъ Дъяновымъ. Тутъ онъ скрывался подъ «А. Д. Яновымъ» и создавалъ всяческіе ужасы во вкусъ толпы. У А. И. въ Петербургѣ былъ очень большой кругъ читателей.

и поклонниковъ. Онъ былъ настоящій юмористъ, мѣтко опредѣлявшій извѣстный моментъ, происшествіе, характеръ. Остроумныя пародіи его были мѣтки, наблюдательны и вмѣстѣ съ тѣмъ безобидны. Существуетъ множество его «настоящихъ» рассказовъ. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9905; «Петербургскій Листокъ», 1903 г., № 268; «Приднѣпровскій край» 1902 г., № 222).

† **Долгово-Сабуровъ, Н. П.** 1-го октября скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни сенаторъ, тайн. сов. Николай Павловичъ Долгово-Сабуровъ, бывшій въ 90-хъ годахъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Покойный родился въ 1829 году, образование получилъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ. Службу началъ въ азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ чиновникомъ особыхъ порученій при калужскомъ губернаторѣ, а затѣмъ былъ назначенъ судебнымъ слѣдователемъ Калужскаго уѣзда и членомъ отъ правительства мировыхъ съѣздовъ Калужской губерніи. Эта служба хорошо ознакомила покойнаго съ экономическимъ бытомъ и юридическимъ положеніемъ крестьянъ дореформенной эпохи. Когда послѣ усмиренія польскаго мятежа были приняты энергичныя мѣры къ устройству крестьянъ въ царствѣ Польскомъ, Н. П. былъ командированъ въ Привислнскій край въ качествѣ члена олькутской комиссіи по крестьянскимъ дѣламъ. По разрѣшеніи крестьянскаго вопроса въ царствѣ Польскомъ онъ работалъ въ теченіе десяти лѣтъ, будучи послѣдовательно товарищемъ председателя олькутской и председателемъ влоцлавской и варшавской комиссій по крестьянскимъ дѣламъ. Въ 1873 г. назначенъ симбирскимъ губернаторомъ и управлялъ губерніей до 1886 года. Въ это время по предложенію гр. Д. А. Толстого занялъ должность управляющаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Во главѣ земскаго отдѣла находился семь лѣтъ и въ это время принималъ дѣятельное участіе въ составленіи проекта кореннаго преобразованія земскихъ учреждений и затѣмъ, послѣ смерти гр. Д. А. Толстого, въ составленіи новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Одновременно участвовалъ въ разработкѣ проекта преобразованія государственнаго ополченія и былъ представителемъ министерства въ особой комиссіи, образованной для обсужденія возбужденнаго дворянскими собраніями вопроса о мѣрахъ къ поддержанію дворянскаго землевладѣнія. Во время управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ статсъ-секретаря Н. Н. Дурново былъ съ 1893 г. директоромъ департамента общихъ дѣлъ и вскорѣ послѣ назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ П. Л. Горемыкина былъ назначенъ его товарищемъ. Съ этого времени дѣятельность покойнаго по министерству внутреннихъ дѣлъ расширилась. Онъ участвовалъ въ разработкѣ множества вопросовъ внутренняго административнаго управленія. Въ 1897 г. назначенъ сенаторомъ и въ послѣдніе годы присутствовалъ во второмъ департаментѣ правительствующаго сената. За свою усердную и ревностную службу получилъ почти всѣ награды до ордена св. Александра Невскаго включительно. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9907; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 488; «Приазовскій Край», 1903 г., № 264; «Донская Рѣчь», 1903 г., № 267).

† **Ждановъ, С. П.** 1-го сентября въ городѣ Нѣжинѣ скончался Сергѣй Николаевичъ Ждановъ, бывшій ординарный профессоръ института князя Безбородко, на 54 году жизни. Покойный родился 1850 г., августа 16 дня, въ городѣ Шенкурскѣ, Архангельской губернии, въ семьѣ священника; учился въ архангельской гимназiи и въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ, только что открытомъ тогда для прiема студентовъ. По окончанiи здѣсь курса наукъ въ 1871 г., былъ назначенъ на службу преподавателемъ древнихъ языковъ въ кiевскую прогимназiю, нынѣ VI-ю гимназiю; но выдающiяся дарованiя и научный вкусъ, пробужденный въ высшей школѣ, влекли молодого учителя не къ одной только педагогической дѣятельности: въ 1875 г. онъ получилъ командировку за границу «для дальнѣйшаго изученiя классической филологiи» (его собственныя слова изъ краткой автобiографiи, помѣщенной въ юбилейномъ изданiи «Историко-филологическiй институтъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, 1875 — 1900 гг.; преподаватели и воспитанники». Тамъ же списокъ трудовъ его). Въ 1878 г. онъ сталъ временнымъ преподавателемъ въ С.-Петербургскомъ историко-филологическомъ институтѣ и въ гимназiи, при немъ состоящей, а въ 1879 г. представилъ въ С.-Петербургскiй университетъ диссертацию на ученую степень магистра греческой словесности, и въ томъ же году былъ назначенъ преподавателемъ въ Нѣжинскiй институтъ; въ слѣдующемъ 1880 г. сталъ профессоромъ его, и въ этомъ званiи служилъ въ немъ до 1901 года, когда вышелъ въ отставку. Еще въ 1891 г. прiобрѣлъ высшую ученую степень доктора въ томъ же С.-Петербургскомъ университетѣ. Такимъ образомъ большая часть службы почившаго принадлежала Нѣжинскому институту, всего 22 года съ охотой онъ употреблялъ на преподаванiе, на руководство студенческими занятiями, свои богатыя силы и свои серьезныя научныя знанiя. Критикъ въ наукѣ, онъ былъ мужественнымъ, честнымъ дѣятелемъ на службѣ, а въ частномъ обхожденiи съ людьми отличался необычайной простотой, скромностью, добродушиемъ, мягкимъ юморомъ. (Некрологъ его: «Кiевлянинъ», 1903 г., № 254).

† **Зубковъ, В. Г.** 29 сентября въ Москвѣ скончался бывшій профессоръ Московскаго университета по кафедрѣ греческой словесности Владимиръ Григорьевичъ Зубковъ. Покойный родился въ 1849 году, образованiе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ со званiемъ кандидата историко-филологическихъ наукъ. Будучи еще студентомъ, былъ приглашенъ П. М. Леонтьевымъ преподавать древнiе языки въ открывавшемся тогда лицейѣ Цесаревича Николая. По выходѣ изъ университета избралъ для своей дѣятельности педагогическое поприще, занявъ должность преподавателя въ одной изъ московскихъ гимназiй. Затѣмъ былъ командированъ за границу для подготовленiя къ профессорскому званiю и слушалъ лекцiи въ Кенигсбергскомъ и Бонскомъ университетахъ. Возвратившись въ Москву, вошелъ въ составъ приватъ-доцентовъ университета, въ 1879 году защитилъ диссертацию «Трахинiанки — трагедiя Софокла» на степень магистра греческой словесности и вскорѣ занялъ въ качествѣ экстраординарнаго профессора кафедру по своей специальности въ Московскомъ университетѣ. Въ 1896 году болѣзнь заставила

его оставить университетъ. Кромѣ нѣсколькихъ дѣльныхъ специальныхъ работъ, покойный занимался составленіемъ учебниковъ по древнимъ языкамъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9911).

Калиновскій, Я. Н. 10-го октября скончался бывшій профессоръ Московскаго университета Яковъ Николаевичъ Калиновскій. Покойный родился въ 1814 году, образованіе получилъ на медицинскомъ факультетѣ Харьковскаго университета и началъ службу лѣкаремъ въ 22-мъ флотскомъ экипажѣ. Вскорѣ вышелъ въ отставку и отправился для усовершенствованія въ своихъ знаніяхъ за границу, слушалъ лекціи въ берлинскомъ, вѣнскомъ, мюнхенскомъ и гейдельбергскомъ университетахъ и изучалъ въ гогенгеймскомъ высшемъ земледѣльческомъ институтѣ сельское хозяйство. Въ 1845 году галле-виттенбергскій университетъ присудилъ ему степень доктора философіи за сочиненіе «О свойствахъ крахмала и его добываніи». По возвращеніи въ Россію былъ приглашенъ читать лекціи въ ярославскомъ демидовскомъ лицейѣ. Въ 1847 году защитилъ диссертацию «О наружныхъ признакахъ рогатаго скота относительно его способности къ работѣ, откармливанію на мясо и приплоду» на степень магистра сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Затѣмъ съ 1854 года въ продолженіе 25 лѣтъ читалъ въ Московскомъ университетѣ сельское хозяйство и лѣсоводство. Въ это время имъ было опубликовано множество научныхъ работъ: «Сахарное сорго», «Историческій опытъ акклиматизаціи важнѣйшихъ въ сельскомъ хозяйствѣ растений и животныхъ», «Охраненіе млекопитающихъ и птицъ, полезныхъ для земледѣлія» и другія. Въ 1879 году былъ назначенъ директоромъ маріинскаго земледѣльческаго училища, во главѣ котораго находился около десяти лѣтъ. Изъ другихъ работъ покойнаго назовемъ дѣльный трудъ, изданный подъ заглавіемъ «Культура пшеницы». (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9921).

Косачъ, М. П. 3 октября въ одной изъ университетскихъ клиникъ Харьковскаго университета безвременно, 34 лѣтъ, скончался молодой ученый Михаилъ Петровичъ Косачъ. Покойный всего два года, какъ приглашенъ былъ Харьковскимъ университетомъ на кафедру метеорологіи и только что успѣлъ зарекомендовать себя, какъ прекрасный лекторъ и высоко-симпатичный человекъ. Покойный учился въ Юрьевскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1894 году; въ 1895 — выдержалъ испытаніе на кандидата и въ слѣдующемъ году былъ назначенъ ассистентомъ по кафедрѣ физики въ Юрьевскомъ университетѣ. Въ 1898 году выдержалъ испытаніе на степень магистра физики и по защитѣ диссертации «Отраженіе свѣта въ одноосной кристаллической средѣ», представленной имъ pro venia legendi, получилъ званіе приватъ-доцента, въ качествѣ какового и былъ приглашенъ въ Харьковскій университетъ въ 1901 году. Здѣсь онъ читалъ курсы метеорологіи и математической физики, а также послѣдній годъ опытную физику въ Харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Кромѣ того, покойный много потрудился по организаціи метеорологической сѣти въ Харьковскомъ районѣ. Въ 1900 году онъ уѣзжалъ на лѣтніе мѣсяцы за границу съ ученой цѣлью. Здоровый, энергичный вернулся онъ въ Харьковъ изъ деревни въ сентябрѣ, а черезъ мѣсяць неожиданно умеръ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 279; «Кіевская Газета», 1903 г., № 277; «Кіевское Слово», 1903 г., № 5661).

† **Маркель, епископъ.** 29-го сентябрю скончался присутствующій въ святѣйшемъ синодѣ преосвященный Маркелль, бывшій епископъ полоцкій, принимавшій ближайшее участіе въ дѣлѣ воссоединенія униатовъ холмской Руси съ православной церковью. Покойный архипастырь, сынъ дворянина, родился 31-го декабря 1825 г. въ г. Галичѣ въ Галиціи. Первоначальное образованіе получилъ въ нѣмецкой школѣ въ своемъ городѣ, а затѣмъ въ гимназій въ Станиславовѣ и Бучачѣ въ австрійской Галиціи. По окончаніи гимназій поступилъ на философскій факультетъ въ городѣ Черновицахъ въ Буковинѣ и по окончаніи его прослужалъ богословскій курсъ въ университетѣхъ въ Львовѣ и въ Вѣнѣ. Въ 1849 году былъ назначенъ учителемъ педагогическихъ курсовъ въ Львовѣ, а въ слѣдующемъ 1850 г. рукоположенъ въ священники къ церкви униатской львовской архіепископіи въ городѣ Бучачѣ. Въ молодости покойный епископъ принималъ дѣятельное участіе въ свѣтской литературѣ. Настоящее его призваніе обнаружилось въ рядѣ богословскихъ работъ, доставившихъ ему широкую и почетную извѣстность. Такъ имъ составлены и изданы «Нравственное богословіе», «Литургика» пространная и сокращенная и др. Въ львовской газетѣ «Слово» напечатаны его статьи объ обрядовомъ вопросѣ и обстоятельный разборъ постановленій Замойскаго собора (1720 г.). Церковно-литературная и научно-богословская дѣятельность о. Маркелла обратила на него вниманіе бывшей правительственной комиссіи народнаго просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ. По приглашенію этой комиссіи о. Маркелль переселился въ конѣ 1866 г. въ Россію. Въ 1868 г. о. Маркелль былъ возведенъ въ санъ протоіерея холмскаго кафедральнаго собора. Назначенный референтомъ холмской униатской духовной консисторіи, онъ принялъ присягу на вѣрноподданство Россіи и въ мартѣ 1871 г. по высочайшему повелѣнію назначенъ былъ администраторомъ холмской епархіи. На этомъ посту начинается его неутомимая дѣятельность по воссоединенію холмской греко-униатской епархіи съ православною всероссійскою церковью. На должность епископа люблинскаго святѣйшій синодъ призналъ справедливымъ и полезнымъ назначить протоіерея Маркелла Попеля, по воссоединеніи его съ православіемъ. 2-го декабря 1878 г. преосвященный Маркелль перемѣщенъ былъ на самостоятельную кафедру епископа подольскаго, а въ 1882 г. назначенъ на полоцкую архіерейскую кафедру. Въ своихъ отношеніяхъ къ подчиненнымъ епископъ Маркелль отличался простымъ, добрымъ и предупредительнымъ обращеніемъ и теплымъ искреннимъ участіемъ къ каждому. Съ 25-го февраля 1889 г. преосвященный Маркелль состоялъ присутствующимъ въ святѣйшемъ синодѣ, принимая дѣятельное участіе въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія, особенно въ западной, родной ему окраинѣ Россіи. Преосвященный Маркелль былъ единственнымъ епископомъ въ Россіи, не привявшимъ монашества. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9904; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 483; «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 273; «Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства», 1903 г., № 212).

† **Новиковъ, Е. П.** 21-го сентябрю скончался въ своемъ имѣніи при с. Непецкѣ, Коломенскаго уѣзда, Московской губерніи, членъ государственнаго совѣта, состоявшій въ вѣдомствѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, дѣйстви-

тельный тайный совѣтникъ Евгеній Петровичъ Новиковъ. Вся свыше чѣмъ 50-ти-лѣтняя государственная служба покойнаго, неоднократно удостоенная знаковъ монаршаго одобренія, всецѣло была посвящена дипломатическому поприщу. Е. П. родился 15-го августа 1826 года; высшее образованіе получилъ въ императорскомъ Московскомъ университетѣ, на историко-филологическомъ факультетѣ. По окончаніи курса со степенію кандидата историко-филологическихъ наукъ сталъ готовиться подъ руководствомъ извѣстнаго знатока славянскихъ нарѣчій проф. О. М. Бодянского къ ученой карьерѣ. Въ 1849 году защитилъ диссертацию «О важнѣйшихъ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій» на степень магистра славянскихъ нарѣчій. Въ 1850 году Е. П. былъ опредѣленъ въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и до конца жизни служилъ по этому министерству, оставаясь въ его вѣдомствѣ и по назначеніи въ 1882 году членомъ государственнаго совѣта. Въ 1854 году Е. П. былъ пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, съ 1856 по 1858 годъ состоялъ секретаремъ русской миссіи въ Константинополѣ, въ 1859 году назначенъ совѣтникомъ миссіи, а черезъ годъ—членомъ европейской комиссіи въ Сиріи; въ 1864 году пожалованъ въ званіе камергера. Въ 1865 году послѣдовало назначеніе покойнаго чрезвычайнымъ посланникомъ при его величествѣ король эллиновъ, а пять лѣтъ спустя на него возложены отвѣтственныя обязанности дипломатическаго представителя при вѣнскомъ дворѣ. Вскорѣ послѣ окончанія послѣдней русско-турецкой войны Е. П. занялъ важный постъ императорскаго посла при его величествѣ султанѣ. Со своимъ знаніемъ дѣла и патріотическою заботливостію объ охраненіи интересовъ Россіи покойный являлся однимъ изъ выдающихся русскихъ дипломатовъ и оказалъ ревностное содѣйствіе къ благопріятному разрѣшенію многихъ сложныхъ вопросовъ. 8-го іюня 1882 года покойному всемилостивѣйше повелѣно быть членомъ государственнаго совѣта. Въ дѣйствительные статскіе совѣтники онъ произведенъ въ 1863 г., въ тайные совѣтники—въ 1870 г. и въ дѣйствительные тайные—въ 1879 году; въ 1883 году пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго. 28-го февраля 1900 года, въ день пятидесятилѣтія своей службы, Е. П. удостоился получить высочайшій рескриптъ съ выраженіемъ признательности его императорскаго величества за его полезное государственное служеніе. Покойному принадлежали слѣдующіе научно-литературные труды: «Православіе у чеховъ» (Чтенія въ Императорскомъ обществѣ исторіи, 1848 г., кн. 9), «О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій», диссертация на степень магистра славянской филологіи (М., 1849 г.), «Гусъ и Лютеръ», критическое изслѣдованіе (Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи 1858—1859 гг., 468 стр.). (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9900; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 477; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 261).

† **Плотниковъ, М. А.** 27-го сентября въ Семферополѣ скончался талантливый писатель и земскій статистикъ Михайль Александровичъ Плотниковъ. Покойный родился въ Сибири (отецъ его былъ инспекторомъ одной изъ сибирскихъ гимназій), но, перевезенный въ раннемъ дѣтствѣ въ Москву, онъ здѣсь получилъ образованіе. Окончивъ курсъ Московскаго университета по юридиче

скому факультету въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, М. В. принялъ приглашеніе участвовать въ статистическихъ работахъ нижегородскаго губернскаго земства и переселился въ Нижній. Почти одновременно началась и публицистическая дѣятельность покойнаго; въ 1890 году въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» появилась его первая статья — «Общинное и подворно-наслѣдственное владѣніе пріусадебными землями по закону и въ дѣйствительности». Въ 1894 г. вышла главная изъ статистическихъ работъ М. А. («Кустарные промыслы Нижегородской губерніи»). Изд. нижегородскаго губернскаго земства. Нижній. 1894). Живя въ Нижнемъ, покойный сотрудничалъ въ мѣстной прессѣ — сначала въ «Волжскомъ Вѣстникѣ» въ 1891 — 1892 гг. (писалъ журнальныя обзорѣнія), а затѣмъ съ 1896 года въ «Нижегородскомъ Листкѣ». Въ 1897 г. М. А. Плотниковъ переехалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ статистическое отдѣленіе при городской управѣ. Еще года за два передъ тѣмъ покойный началъ сотрудничать въ «Русскомъ Богатствѣ». Съ переездомъ въ Петербургъ онъ сталъ однимъ изъ близкихъ сотрудниковъ этого журнала и въ теченіе двухъ лѣтъ дѣятельно работалъ преимущественно въ отдѣлѣ внутренней хроники. Болезнь заставила М. А. покинуть Петербургъ еще въ 1899 году и почти совершенно оставить литературную дѣятельность. Въ послѣдніе годы своей жизни, выйдя изъ санаторіи въ Симферополѣ, покойный жилъ на югѣ Россіи; въ самое послѣднее время онъ редактировалъ «Вѣстникъ Таврическаго земства», котораго, впрочемъ, вышло подъ его редакціей всего три книги. (Некрологи его: «Дибировскій Вѣстникъ», 1903 года, № 51 (219); «Приазовскій Край», 1903 г., № 261; «Донская Рѣчь», 1903 г., № 261; «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 269; «Нижегородскій Листокъ», 1903 г., № 268).

† Стренетова, П. А. 5-го октября, въ Петербургѣ, въ Александровской общинѣ, скончалась отъ рака, на 54-мъ году отъ рожденія, извѣстная драматическая артистка П. А. Стренетова. Покойная младенцемъ была подброшена къ квартирѣ Стренетова, нижегородскаго парикмахера, и жены его, артистки мѣстнаго театра. Они приняли несчастную дѣвочку и пріютили, какъ родную дочь, и съ отчествомъ и фамиліей своего пріемнаго отца она и прошла весь жизненный путь. Въ семьѣ Стренетовыхъ вѣяло театальной атмосферой; дѣвочку рано потянуло на сцену. Уже на 15-мъ году она съ успѣхомъ дебютировала въ Рыбинскѣ и была принята въ труппу. Замѣчая возрастающую любовь публики къ юной артисткѣ, антрепренеръ выпустилъ ее въ серьезной роли Вѣрочки, въ драмѣ Боборыкина «Ребенокъ». Роль «ребенка» сыграна почти ребенкомъ Стренетовой съ яркими проблесками недюжиннаго природнаго таланта. Съ того времени артистка повела кочевую жизнь, выступая на провинціальныхъ сценахъ во всевозможныхъ роляхъ: въ Ярославлѣ, Симбирскѣ — въ мелодрамахъ; во Владимирѣ, Орлѣ, Новгородѣ — только въ драмахъ; въ Самарѣ — даже въ опереткахъ. Только въ 1871 году удалось П. А. поступить на большую провинціальную казанскую сцену, и тутъ она вполне обнаружила все богатство своего таланта. Съ этого времени имя покойной артистки становится извѣстнымъ и въ столицахъ. Приглашенная въ Москву, въ 1874 г., она дебютировала въ «Общественномъ театрѣ». Въ числѣ лучшихъ ролей ея,

какъ на сценѣ этого театра, такъ позднѣе — «Артистическаго кружка», можно указать на роли въ пьесахъ: «Ребенокъ», «Марія Стюартъ», «Коварство и любовь», «Каширская старина», «Вѣдная невѣста», «Гроза», «Царская невѣста», «Горькая судьбина» и проч. П. А. имѣла тогда колоссальный успѣхъ. Въ лицѣ ея публика съ восторгомъ привѣтствовала реалистическую исполнительницу сильныхъ драматическихъ ролей бытового русскаго репертуара. Благодаря предложенію покойнаго Сазонова, въ 1877 году, П. А. появилась на подмосткахъ петербургскаго «Собранія художниковъ», въ лучшихъ своихъ роляхъ, окончательно укрѣпивъ за собою славу огромнаго таланта. Въ 1881 году П. А. вошла въ составъ Александринскаго театра и тамъ завоевала общія и прочныя симпатіи. Отъ природы слабое здоровье, распатанное еще болѣе жизнью, и нѣкоторыя постороннія причины вынудили ее черезъ 9 лѣтъ покинуть императорскую сцену. Съ момента ухода съ казенной сцены П. А. всецѣло отдаетъ свою дѣятельность русскому театральному обществу, въ которомъ она состояла съ 1888 года пожизненнымъ членомъ, и педагогической дѣятельности, лишь изрѣдка выѣзжая въ провинцію на гастроли и участвуя въ благотворительныхъ вечерахъ и концертахъ, устраиваемыхъ нашей учащейся молодежью, на призывъ которой она всегда горячо откликалась. Роль ея въ театральномъ обществѣ была немаловажной. Въ качествѣ члена совѣта она знала всѣ закулисныя стороны дѣла и являлась все время безусловнымъ строгимъ противникомъ такого веденія общественныхъ дѣлъ. Надо помнить, съ какимъ горячимъ рвеніемъ П. А. отстаивала «свободу» артиста, какъ она возставала противъ всей комиссіи при выработкѣ новаго устава общества, который, по ея мнѣнію, закабалитъ артистовъ, сдѣлалъ ихъ слѣпыми подчиненными совѣта. Въ 1901 году, на второмъ съѣздѣ сценическихъ дѣятелей, П. А. окончательно разошлась съ совѣтомъ. Въ 1899 году директоръ императорскихъ театровъ, князь С. М. Волконскій, уступая голосамъ прессы, общества и многихъ артистовъ, снова пригласилъ П. А. на казенную сцену. Она вернулась, снова началась усиленная работа, такъ какъ теперь ей приходилось приспособляться къ своему новому амбуа бытовыхъ старухъ, снова начались успѣхи, но скоро опять артистка вышла въ отставку. П. А. не проходила спеціальной школы сценическаго искусства. Ея школа была сама жизнь. Она училась и говорить, и чувствовать, и передавать свои чувства на самой сценѣ. Это былъ огромный талантъ-самородокъ. П. А. была несравненной исполнительницей сильныхъ драматическихъ ролей въ бытовыхъ пьесахъ Островскаго и Писемскаго. Кто видѣлъ ее хоть разъ въ «Горькой судьбинѣ» или «Грозѣ», тотъ никогда не забудетъ потрясающаго впечатлѣнія, какое производила игра ея на зрителей. Она была поистинѣ «Мочаловымъ въ юбкѣ», какъ выразился про нее когда-то Писемскій, и въ моментъ вдохновенныхъ порывовъ была неподражаема. Умеръ талантъ большой, разнообразный и вдумчивый, угасла большая энергія по проведенію своихъ убѣжденій, ушелъ отзывчивый, добрый человекъ, всегда готовый откликнуться на нужду, въ особенности, товарища-артиста. (Некрологи ея: «Новое Время», 1903 г., № 9910; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 493; «Новости», 1903 г., № 276; «Новости Дня», 1903 г., № 7302; «Русскія Вѣдомости», 1903 г., № 275; «Кіевская Газета», 1903 г.,

№ 281; «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 280; «Оренбургская Газета», 1903 г., № 1866).

† **Щиглевъ, В. Р.** Въ ночь на 1-е октября скончался писатель Владимиръ Романовичъ Щиглевъ, извѣстный подъ псевдонимомъ В. Щигровъ и работавшій въ нѣсколькихъ періодическихъ изданіяхъ. Покойный родился въ Царскомъ Селѣ 16 октября 1840 года. Учился онъ сперва въ 1-ой петербургской гимназій, а затѣмъ на юридическомъ факультетѣ с.-петербургскаго университета. Литературную дѣятельность Щиглевъ началъ 45 лѣтъ тому назадъ; еще будучи гимназистомъ въ 1858 году, онъ напечаталъ въ юмористическомъ журналѣ «Весельчакъ» (основанномъ Сенковскихъ) свой рассказъ «Ухо». Затѣмъ онъ печаталъ свои стихотворенія и другія статьи въ «Русскомъ Словѣ» Благосвѣтлова («Сербскія мелодіи» 1863 года, №№ 11 и 12; «Думы преступника» 1864 года, № 12). Далѣе онъ печаталъ свои рассказы и стихотворенія въ ежедневной газетѣ «Русь» (1864 года), редактировавшейся Н. И. Шульгинымъ, а въ 70-хъ годахъ много работалъ въ «Нивѣ», гдѣ помѣщалъ свои переводы съ нѣмецкаго (романы и проч.). Въ 60-хъ годахъ Щиглевъ помѣстилъ много своихъ карикатуръ сперва въ «Искрѣ» В. Курочкина, а затѣмъ (1865—1870 годовъ) въ «Будильникѣ» Н. А. Степанова. Карикатуры, равно какъ и юмористическія его стихотворенія, онъ помѣщалъ за подписью «В. Романовичъ» и «В. Щ—тъ». Въ своихъ карикатурахъ онъ обнаружилъ замѣтное дарованіе. Съ семидесятыхъ годовъ Щиглевъ писалъ много драматическихъ этюдовъ, но большая часть этихъ пьесъ, равно какъ и масса стихотвореній его, не были изданы. Впрочемъ, имъ было напечатано въ разныхъ сборникахъ, а также издано въ Москвѣ (О. Куманинымъ), въ разное время, до 10 или 12 пьесъ, преимущественно юмористическаго и сатирическаго характера. Всѣ драматическія вещи его появились подъ псевдонимомъ «В. Щигровъ». Изъ этихъ пьесъ наиболѣе успѣха имѣла «Помолвка въ Галерной гавани», до сихъ поръ, вотъ уже 30 лѣтъ, не сходящая со сценъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ. Затѣмъ слѣдовали пьесы: «Сила или свои козыри», «Сонъ Петра Ивановича», а позднѣе «Одуванчикъ», «Чижики» и другія пьесы. Въ 1898 году Щиглевъ издалъ 12 пьесокъ для дѣтскаго театра подъ названіемъ «Дужинка». Занявшись писаніемъ пьесъ, Щиглевъ не оставлялъ и другихъ родовъ литературы. Во время существованія газеты Д. К. Гирса «Русская Правда», онъ велъ тамъ воскресный фельетонъ. Позднѣе Щиглевъ участвовалъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ. Такъ, онъ печаталъ стихотворенія въ «Сѣверномъ Курьерѣ», напечатаны его рассказы: «Мушиное горе» (въ «Новостяхъ»). «Тавлинка» (въ «Петербургской Жизни»), «По Сенькѣ шапка» и въ другихъ изданіяхъ. Какъ человекъ, Щиглевъ былъ истиннымъ «шестидесятникомъ», вѣрнымъ, благороднымъ и честно служившимъ идеямъ той эпохи, совпавшей съ его молодостью. Онъ сохранилъ неизмѣнную вѣрность этимъ идеямъ, молодость души до смерти. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9910; «Приазовскій Край», 1903 г., № 266; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 492 «Новости», 1903 г., № 274).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Новое злоупотребленіе именемъ М. Ю. Лермонтова.

Въ прошломъ году въ «Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» вѣкто г. Н. Лернеръ напечаталъ восьмистишіе и выдалъ его за произведеніе М. Ю. Лермонтова. Нѣкоторыя повременныя изданія перепечатали это восьмистишіе и признали возможность принадлежности его перу нашего великаго поэта. Такъ, г. Пзмайловъ, приведя въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» (второе изданіе, 1902 г., № 228) сказанное восьмистишіе, говоритъ: «Эго восьмистишіе до сихъ поръ не печаталось въ собраніяхъ сочиненій поэта. Но замыслу оно очень близко къ тѣмъ многочисленнымъ пессимистически-философскимъ и большею частью незаконченнымъ наброскамъ юноши-генія, какіе вырывались изъ-подъ его пера, какъ скорбные вздохи души, отягченной страннымъ предчувствіемъ фатальнаго конца. Въ его формѣ, манерѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и структурѣ дополнительныхъ предложеній схваченъ духъ этихъ лермонтовскихъ набросковъ. Словомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что стихи дѣйствительно написала рука пѣвца «Демона» и «Печорина». Если это поддѣлка, то поддѣлка не безъ вкуса.

Вотъ это самое восьмистишіе:

Пробьетъ послѣдній часъ... Какъ тяжело, умирая,
 Нести въ холодную могилу за собой
 Сознанье горькое, что ангель двери рай
 Не распахнетъ передъ тобой;
 Что тамъ не ждетъ тебѣ небесная награда;
 Что жизньъ твоя была отчаянье и мракъ,
 И что лишь потому не заслужилъ ты ада,
 Что былъ чуждакъ.

Эго восьмистишіе не имѣетъ заглавія. Но оно съ полнымъ основаніемъ можетъ быть озаглавлено: «Сумбуръ», потому что въ немъ нѣтъ никакого смысла или, выражаясь точнѣе, смыслъ первой половины его опровергается или уничтожается смысломъ второй его половины, и наоборотъ: смыслъ второй половины его опровергается или уничтожается смысломъ первой его половины.

Въ первой половинѣ этого восьмистишія, вплоть до предпоследняго стиха авторъ его жалуется, что, умирая, онъ унесетъ «въ холодную могилу за собой сознанье горькое, что ангель двери рай не распахнетъ» передъ нимъ, и что тамъ не ждетъ его «небесная награда», при чемъ называетъ свою жизньъ «отчаяньемъ и мракомъ». А такъ какъ cadaго православнаго христіанина оживаетъ въ загробномъ мірѣ одно изъ двухъ: или рай или адъ, то, слѣдовательно, жалоба автора восьмистишія прямѣе должна быть выражена такъ: умирая онъ

унесеть въ холодную могилу за собой сознание горькое, что дьяволъ двери ада распахнетъ передъ нимъ, и что тамъ ждетъ его адская награда. Такимъ образомъ въ первой половинѣ восьмистишія авторъ его объявляетъ, что онъ заслужилъ адскую награду и попадетъ въ адъ. За что? — По всей вѣроятности, за то, что сочинилъ плохое восьмистишіе и приписалъ его перу великаго русскаго поэта Лермонтова.

Во второй же половинѣ своего восьмистишія, начиная съ предпоследняго стиха, авторъ уже, наоборотъ, увѣряетъ, что онъ «не заслужилъ ада», при чемъ называетъ себя «чужакомъ».

Итакъ, въ первой половинѣ своего восьмистишія авторъ говоритъ, что заслужилъ ада, а во второй половинѣ, опровергая себя, говоритъ, что не заслужилъ ада, слѣдовательно, говоритъ полную безмыслицу. Сочинивъ такую безмыслицу, авторъ въ правѣ былъ выругать себя не только чужакомъ, но и какимъ угодно браннымъ словомъ. Но при чемъ тутъ Лермонтовъ? Вѣдь онъ никогда не сочинялъ плохихъ и тѣмъ болѣе безмысленныхъ стиховъ!

Лермонтову не за что было ругать себя, а было и есть за что ругать другихъ. И Лермонтовъ не ругаетъ себя, а напротивъ возноситъ себя на недостижимую высоту. Уже въ ранней молодости онъ находилъ сходство между собою и великимъ Байрономъ и писалъ:

И молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бѣ хотѣлъ:
У насъ одна душа, одинъ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!..

Но черезъ нѣкоторое время онъ убѣдился, что ему нечего стремиться достигать Байрона, что его собственный удѣлъ не ниже байроновскаго, а, можетъ быть, и выше:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ немного совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои повѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои расскажетъ думы?
И или богъ, или никто!—

или, какъ говорится въ двухъ вариантахъ послѣдней строки:

Иль геній мой,—или никто.
Или повѣтъ,—или никто.

Такимъ образомъ Лермонтовъ, считая себя геніемъ-поэтомъ и не находя никого равнаго себѣ на землѣ, сравниваетъ себя только съ нѣкимъ богомъ. Какъ же этотъ гордый геній-поэтъ, этотъ нѣкій богъ сталъ бы называть себя «чужакомъ»? Предоставляемъ этотъ вопросъ рѣшить мудрости г. Н. Лернера, такъ смѣло выдавашаго ничтожное и безмысленное восьмистишіе за произведеніе Лермонтова.

О. Г. Москаленко.

II.

Къ статьѣ «Иверскій монастырь».

Въ октябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1903 годъ А. Г. Слезскинскій помѣстилъ описаніе своей поѣздки въ Иверскій монастырь.

На страницѣ 225 авторъ говоритъ, что, основывая Иверскую обитель, патриархъ Никонъ думалъ, что она «будетъ напоминать ему Соловецкій монастырь, гдѣ онъ, Никонъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ велъ суровую, аскетическую жизнь».

Но это не вѣрно. Никонъ четыре года суровой жизни провелъ не въ Соловецкомъ монастырѣ, а въ Коже-Озерскомъ Богоявленскомъ (Архангельской губерніи, Онежскаго уѣзда), гдѣ онъ и былъ потомъ три года игуменомъ¹⁾. Далѣе г. Слезскинскій пишетъ, что «въ половинѣ XVII вѣка царь Алексѣй Михайловичъ поручилъ патриарху Никону переправить изъ Соловокъ въ Москву мощи св. Филиппа, сосланнаго туда на заточеніе Иваномъ Грознымъ».

Однако, всѣмъ извѣстно, и изъ исторіи, и изъ житія святителя, что царь сослалъ Филиппа въ Тверь, въ Отрочъ монастырь, гдѣ онъ прожилъ около года въ тѣсной келліи и 23 декабря 1569 года былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ, сказавшимъ настоятелю монастыря, что св. Филиппъ умеръ отъ угара²⁾.

Келлія въ Отрочѣ монастырѣ, гдѣ былъ убитъ святитель, уцѣлѣла до настоящаго времени.

Въ Соловецкомъ монастырѣ св. Филиппъ былъ игуменомъ въ 1546 — 1566 гг.³⁾ Онъ построилъ тамъ Преображенскій соборъ, гдѣ подъ сѣверной папертью и приготовилъ себѣ могилу⁴⁾, и куда въ 1591 году при царѣ Теодорѣ Іоанновичѣ нетлѣнные останки святителя и были перенесены изъ Твери и погребены въ этой могилѣ⁵⁾.

Затѣмъ мощи св. Филарета были перенесены въ Москву патриархомъ Никономъ въ 1652 году.

Очевидно, понамарь, передававшій г. Слезскинскому достопримѣчательности монастыря (страница 227), былъ мало знакомъ съ житіями какъ св. Филиппа, такъ и основателя Иверской обители патриарха Никона.

А. Титовъ.

¹⁾ Православные монастыри, Звѣринскаго, т. I, № 250, и Энциклопедическій Словарь Брокгауза, т. XXI, стр. 189.

²⁾ Русскіе святые, Филарета Черниговскаго, январь, стр. 41.

³⁾ Списки іерарховъ и настоятелей, Строева, стр. 816; у Филарета Черниговскаго—1548 года.

⁴⁾ У Филарета, стр. 29.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 42.

ПЕТРЪ.

Колдунья ты... Ты змѣйка... Словно въ душу мнѣ глядишь своими бойкими очами... Такъ, ты не сердишься на русскихъ за погромъ?

ЕКАТЕРИНА.

Кто, государь, сердится, если надъ его нивой гроза проходитъ? Богу молятся люди... А войны государей для насъ, простыхъ людей,—Божьи грозы... Возьми меня, государь. Вѣдь я не дорого дана... [Улыбается]. Пять-шесть алтынъ,—вся и цѣна литовской плѣнницѣ. А я вѣрно стану тебѣ служить.

ПЕТРЪ.

Шесть алтынъ? Не дорого... Правда...

ЕКАТЕРИНА.

А за мужиковъ и гривны не давали... Столько людей навоевали да полонили твои воеводы! Что же, государь?.. Возьмешь? Откупишь?..

ПЕТРЪ [ласково].

Возьму, возьму, и больше не отдамъ ужъ никому.

ЕКАТЕРИНА [горячо].

Спасибо... Теперь и я могу сѣсть за столъ. Твоя слуга—я всѣмъ имъ ровня!.. [Идетъ въ столу].

ПЕТРЪ [глядитъ ей вслѣдъ].

Красавица! И какъ смѣла, умна...
Мнѣ въ душу сразу забралась она...

МЕНШИКОВЪ [по дорогѣ привлекая Екатерину].

Ступай, садись со мной...

ЕКАТЕРИНА [вырываясь].

Оставьте, я не вапа...

МЕНШИКОВЪ [вскочилъ].

Ахъ, дерзкая...

ПЕТРЪ [быстро].

Послушай, Александра...

Оставь ее... Она моя...

МЕНШИКОВЪ.

Служанки, капитанъ, не подарилъ вамъ я...
Такъ вы меня оставьте съ нею
Распоряжаться, какъ умѣю...

ПЕТРЪ.

Сердечный другъ, прошу тебя, уважь...

МЕНШИКОВЪ.

Нѣтъ. На задоръ пошло... Да какъ она посмѣла?..
Въ башку какая влѣзла блажь?..

ЕКАТЕРИНА.

Мой господинъ, навѣрно позабылъ:
Ты за гроши мой трудъ и тѣло
Рабыни-плѣнницы купилъ...
Души моей тебѣ не продавали...
Да и купить ее едва ли
Кому удастся? Не тая,
Скажу: его... или ничья!..

[Хватаетъ ножъ со стола].

Ей, отпусти къ нему... Иначе жить не стану...

МЕНШИКОВЪ.

Стой, дѣвушка! Сдурѣла ты, ей-ей...
Не нужно мнѣ души твоей.
Инь, доставайся капитану!
Совѣтъ вамъ да любовь...
А у меня, что было,—будетъ вновь! [Сѣлъ].

ПЕТРЪ [кинулся было отнять ножъ

Ты не поранилась?.. Садись сюда, со мною...

[Меншикову].

А ты, сердешный другъ, утѣшишься съ иною.

МЕНШИКОВЪ.

Вѣстимо, такъ... Что жъ, дружно, господа!
Попьемъ, какъ пили наши дѣды.
Подыместе стаканы за побѣды
Минувшія, грядущія впередъ...
Здоровье капитана!.. [Поднимаетъ стаканъ].

ПЕТРЪ.

Стойте! Раньше [поднимаетъ стаканъ]
Я пью здоровье смуглой «капитанши»!..

ВСѢ.

Здоровье «капитанши»! Ха-ха-ха! Здоровье «капитанши»!..

[Пьютъ шумно].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА V.

15-е октября 1702 года.

Въ дремучемъ бору.

Лица.

Петръ.
Меншиковъ.
Мышецкій.
Щепотьевъ.

Старикъ-финнъ.
Юллэ, его внукъ лѣтъ 17.
Конюхъ.

Поляна въ дремучемъ бору. Нева просвѣчиваетъ между стволами. Правая половина сцены занята мшистой избой финна. Передняя стѣна избы раскрыта, и зрителю видна внутренность рыбацкой хаты, съ большимъ очагомъ изъ камней. Стѣны увѣшаны сѣтями и рыболовными снастями. Вѣтви деревъ свѣсилнсь надъ крышей избы. Время—послѣ обѣда.

СТАРИКЪ.

[Сидитъ за столомъ и читаетъ книгу, листы которой, изъ береста, покрыты руническими знаками. Огонь потрескиваетъ въ очагѣ. Свѣтецъ съ лучиной—еще не зажженъ].

ЮЛЛЭ [слѣва, вбѣгаетъ на крылечко и входитъ въ избу].

Ну, дѣдушка, плохія вѣсти я развѣдалъ. Русскія-то пушки не даромъ громыхали... Двѣ недѣли покою не давали намъ... Сдался Нотебургъ врагамъ. Шлютенбурхомъ прозвали ужъ его... Я самъ тамъ побывалъ... И царя ихняго видѣлъ. Длинный такой... Тебя повыше... Блѣдный лицомъ! Самъ ключъ городскій прибилъ на стѣнѣ... А господа наши прежніе, шведы, забрали, что имъ позволилъ врагъ, и внизъ по Невѣ, къ Ниенсканцу поплыли на русскихъ же баркасахъ...

СТАРИКЪ [заерывая книгу].

Я знаю... [Кладетъ руку на голову внуку].

5*

Юллэ.

Ахъ, ты видѣлъ, какъ они тутъ проплывали?.. А что въ крѣ-
пости было?!... Страхъ, что было... Понимаешь: дыры пробили въ
стѣнахъ и на приступъ пошли.. Много ихъ... Говорять, тысячь
20 русскихъ пришло. А нашихъ немного...

Старикъ.

Да, мало было храбрецовъ... И старика полковника мнѣ жалко
Давно я знаю Шлиппенбаховъ... весь ихній родъ, отважный, гор-
дый... Дорого стоило старику отдать царю ключи отъ замка!..

Юллэ.

Да, да... онъ самъ и отдавалъ... Ты какъ былъ при этомъ?..

Старикъ.

Да, я и былъ, мой Юллэ... Глазами духа видѣлъ все...

Юллэ.

Послушай, дѣдушка: когда же и меня начнешь учить ты стран-
ной этой книгѣ? Ужъ сколько разъ мнѣ обѣщаль... Я хочу, что-
бы и мнѣ она говорила про все, что дѣлается на свѣтѣ. Это такъ
хорошо и страшно...

Старикъ.

Очень страшно, Юллэ! Вотъ почему я и не тороплюсь тебѣ
открыть тайну... Придетъ пора мнѣ умереть—все узнаешь... А уме-
реть я долженъ скоро...

Юллэ.

Ну, вотъ! Я не хочу. Ты—одинъ у меня.. И зачѣмъ тебѣ уми-
рать? Съ чего это ты взялъ?

Старикъ.

Моя книга мнѣ сказала: «Когда придутъ сильные люди съ вы-
сокимъ, блѣднымъ царемъ,—старому Вайне часъ пробѣть»... Они
пришли... А я ужъ старъ, я очень старъ...

Внукъ.

Сколько же лѣтъ тебѣ, дѣдушка?

Старикъ.

Да много больше ста!..

Юллэ.

Ну, это еще не много... Живи еще... А русскимъ я отомщу...
Я знаю: они увели и отца и мать у меня... когда я еще ребен-

комъ былъ... Ихъ царь приказалъ,—они пришли и весь нашъ край разорили... Такъ я... [хватаясь за ножъ у пояса] я подкрадусь и самаго главнаго у нихъ убью...

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, внучекъ мой... нѣтъ, Юллэ... Намъ не справиться съ этимъ царемъ. Его охраняють незримыя, могучія силы... И только, если онъ прольетъ свою, родную ему кровь... тогда его покинутъ защитники, которыхъ даже имя не смѣю я назвать...

ЮЛЛЭ [робѣя].

Вотъ онъ какой!.. [Вздрогнувъ]. Да, нѣтъ! Его я не испугаюсь... Я и медвѣдей не боюсь. Помнишь, какъ одинъ-на-одинъ я Мишку ножомъ моимъ укладывалъ на снѣжный сугробъ?.. Такъ и всякаго уложу... Я его видѣлъ... Я его знаю... высокій, плечистый... а нарядъ на немъ совсѣмъ простой...

СТАРИКЪ.

Брось вздоръ молоть... Вотъ лучше... Что-то я хотѣлъ тебѣ сказать... Да, да... возьми ты эти снасти и рыбы налови... Теперь, какъ разъ пора...

ЮЛЛЭ.

Хорошо, дѣдушка... Я знаю одно мѣстечко.. Безъ твоихъ приманокъ кучу наловлю... на недѣлю...

[Беретъ удочки, морды, ведро изъ береста].

СТАРИКЪ.

Иди, иди... Храни тебя, Бальдуръ!

[Провожаетъ внука на крыльцо].

ЮЛЛЭ.

До свиданья, дѣдушка!.. [Скрывается за избу].

СТАРИКЪ.

Пусть Торъ пошлетъ тебѣ обильную ловитву! [Слѣва слышны голоса]. Идутъ... Я во-время малаго усалъ... [Возвращается въ избу, зажигаетъ свѣтецъ и снова погружается въ чтеніе книги. Петръ, Меншиковъ, Щепотьевъ и Конюхъ верхами выѣзжаютъ на поляну].

ПЕТРЪ [Мышецкому].

Все такъ вѣрно, какъ ты намъ говорилъ... Часть сѣкурсу подъ Ненсканцы Невой, а часть здѣсь, лѣсомъ пойдетъ... Но я не поѣду сейчасъ дальше... Неможется что-то... Отъ радости, что Орѣшекъ раскусили мы этотъ крѣпкій, что вернули опять старое владѣнье наше... Или усталъ?.. Или прѣбрало меня въ трашнейхъ, на

бологѣ... Ломить всего. Вы поѣзжайте еще, какъ возможно... чтобы только на шведскіе разѣзды не напасть... А я здѣсь отдохну... Вонъ избушка рыбацья... Тутъ меня и найдете...

МЕНШИКОВЪ.

Слушаемъ, государь, господинъ капитанъ... Только и вы опасайтесь... Не попасть бы вамъ въ неприятную негоцію... Не понавѣдаться ли мнѣ ранѣе: поглядѣть, кто тутъ, да что тутъ?..

ПЕТРЪ.

Что за вздоръ такой! Поѣзжайте, какъ говорю... Я и самъ не малѣнечкѣ... Вонъ, Ивашка останется со мною... [Киваетъ на конюха].

МЕНШИКОВЪ.

Какъ прикажешь... Такъ, впередъ, господа-коллеги. [Уѣзжаетъ направо].

ПЕТРЪ [соскочивъ съ коня, бросаетъ поводья конюху].

Ты здѣсь побудь при коняхъ. А если что заслышишь, такъ свистни позвончѣй...

КОНЮХЪ.

И муравья не прогляжу!..

ПЕТРЪ

[быстро идетъ въ избу, Старикъ при его появленіи въ избѣ поднимается и низко кланяется].

Здорово, старикъ...

СТАРИКЪ.

Здорово, государь...

ПЕТРЪ.

Обмолвился старикъ, должно быть? Хотѣлъ сказать: «здорово, господинъ»?

СТАРИКЪ.

Я что хотѣлъ сказать, то и сказалъ: здорово, царь и государь великій!

ПЕТРЪ [отступая].

Меня ты знаешь?... Но я тебя не видѣлъ никогда... ни одного, ни среди толпы народной... Последняго холопа, кого я въ жизни разъ видалъ, сейчасъ опять признаю, когда увижу снова. Тебя же?... Нѣтъ... тебя я не видалъ и позабыть не могъ бы такого старика. Скорѣй вельможей ты выглядишь, чѣмъ рыбакомъ простымъ.

СТАРИКЪ.

Я—не простой рыбакъ, ты угадалъ, государь. И видѣлъ я тебя давно, хотя самъ тебѣ не показывался... И жду тебя вотъ ужъ вторую недѣлю... Какъ ты задумалъ внизъ по рѣкѣ мѣста узнать, такъ и подали мнѣ вѣсть мои слуги...

ПЕТРЪ.

Что-то мудро ты говоришь. Не шпионилъ же ты за мной... Тогда не сказалъ бы мнѣ про свои дѣла... Кто же ты? Кто твои слуги?..

СТАРИКЪ.

Я слуга Жребія, котораго сами боги мои трепещутъ... Онъ ихъ такъ же можетъ измѣять, какъ мнетъ смертныхъ людей... А слуги мои?.. Воздухъ и вѣтеръ! и птицы... и звѣри... [Раскрываетъ дверь]. Вѣстникъ мой вѣрный, лети сюда!..

[Большой, черный воронъ влетаетъ и садится на очагъ].

ПЕТРЪ [въ страхѣ].

Кудесникъ ты!.. Спаси, Господь, помилуй... Ивашка, эй!..

СТАРИКЪ.

Не стоитъ звать... Гляди! [Въ раскрытую дверь указываетъ на колюха, который, сидя въ сѣдлѣ, держа поводъ второго коня, сидитъ, какъ окаменѣлый, и спитъ].

ПЕТРЪ.

Онъ околдованъ?

СТАРИКЪ.

Онъ уснулъ...

ПЕТРЪ.

Ты усыпилъ его?..

СТАРИКЪ.

Онъ спитъ... О чемъ и толковать, не понимаю. Самъ Рокъ привелъ тебя ко мнѣ... Я долженъ сдѣлать все, чего ни пожелаешь... Приказывай... Открыть тебѣ судьбу могу, какъ ты давно хотѣлъ...

ПЕТРЪ.

Да, я желалъ... Ты и про это знаешь?

СТАРИКЪ.

Я знаю все... Я духомъ былъ съ тобой
 Всѣ дни, покуда длился бой...
 И видѣлъ я, какъ, блѣдный, ты глядѣлъ
 У стѣнъ разрушенныхъ на груди мертвыхъ тѣлъ
 И спрашивалъ себя: «удастся ли до цѣли
 Тебѣ дойти по трупамъ?»... Двѣ недѣли
 Я всюду былъ съ тобою... И жалость и сомнѣнья
 Въ твоей душѣ, какъ въ книгѣ, я читалъ...

И знаю все, о чемъ мечталъ,
 Чего просилъ, о чемъ молился...
 Рокъ приказалъ,—ты самъ ко мнѣ явился...
 Грядущее открою я тебѣ.
 Желаетъ стать лицомъ къ лицу Судьбѣ?...

ПЕТРЪ [неувѣренно].

Ты думаешь: робѣю я?..

СТАРИКЪ.

Нѣтъ, вижу,
 Не думаю!.. Что жъ, набирайся силъ...

ПЕТРЪ.

Старикъ! Ты прямъ, ты не морочишь
 Меня. Такъ, дѣлай все, что хочешь...

СТАРИКЪ.

Мнѣ надлежало ждать, чтобы самъ ты попросилъ
 Открыть тебѣ судьбу...

[Кладетъ руку на раскрытую книгу].

Полки нездѣшнихъ силъ,
 Слетайте сюда... Его обвѣйте снами...
 Сокрытое во мглѣ откройте передъ нами!

[Лучина тухнетъ. Старикъ бросаетъ въ пламя очага вѣтви можжевельника. Вспыхиваютъ языки пламени. Потомъ настаетъ темнота. Петръ стоитъ неподвижный, словно статуя].

СТАРИКЪ [у очага].

Возстанъ, грядущее!...

[Сильный свѣтъ озаряетъ избу. Задняя стѣна исчезла. Въмѣсто нея колеблется туманъ].

ГОЛОСА.

Грядущее идетъ... Идетъ Грядущее... Грядущее идетъ!...

ЭХО [вдали].

И...детъ... Гря...дущее!...

[Звуки побѣднаго марша приближаются издалека. Туманъ раскрывается. Панорама: Юрьевъ, современный Петру, взятъ русскими. Бургомистры несутъ ключи. Эстонцы, финны въ своихъ нарядахъ].

СЛАВА.

[является надъ картиной, какъ ее изображали тогда, въ туникѣ, съ длинной трубой въ рукѣ].

Древній Юрьевъ палъ!
 Слава царю-побѣдителю,
 Смѣлому слава воителю...

Слава Петру!...

[Новая картина: сдача Нарвы и Иванъгорода, двухъ смежныхъ крѣпостей].

СЛАВА.

Нарва пала!...
Слава Петру, побѣдителю...
Смѣлому духомъ воителю,
Вѣчная слава царю!..

[Взятіе Ревеля].

Ревель палъ!
Слава Петру побѣдителю...
Сильныхъ враговъ покорителю...
Слава Петру!...

[Взятіе Риги].

Рига пала!... Литва и Польша Русью стала!

[Картина Полтавскаго боя].

Гремитъ грозой военною Полтава!
Карлъ пораженъ. Петру—и честь, и слава!...
Слава Петру... Слава ему, побѣдителю...
Славныхъ царей прародителю...
Русской земли просвѣтителю,
Слава ему...

[Внезапно военный маршъ и фанфары смѣняются печальнымъ, похороннымъ. Панорама городовъ исчезаетъ. Видеиъ богатый катафалкъ, на немъ гробъ подъ тяжелымъ, глазетовымъ покровомъ, въ гробу лежитъ царевичъ Алексѣй].

ПЕТРЪ [дѣлая сильное движеніе].

Нѣтъ... нѣтъ... не можетъ быть... [Очень сильно]. Того не будетъ!...

[Все исчезаетъ. Стѣна на мѣстѣ. Горитъ свѣтецъ].

ПЕТРЪ [хватаетъ за руку финна].

Всевышнимъ заклинаю! Слышишь, старый!
Скажи: то истина? Иль только были чары?
Что значать эти сны?

СТАРИКЪ.

Жизнь дасть тебѣ отвѣтъ.

ПЕТРЪ.

Куда жъ исчезло все?...

СТАРИКЪ.

Чего ужъ нѣтъ... того ужъ больше нѣтъ!...

[занавъсь быстро].

КАРТИНА VI.

4-е декабря 1702 года.

Тронный залъ въ кремлевскомъ дворцѣ.

Лица.

Петръ.	Екатерина.
Царевичъ Алексѣй.	Мустафа-Ага.
Наталья Алексѣевна.	Шафировъ.
Меншиковъ, комендантъ Шлиссель-бурга.	Ромодановскій, Ѳ. А., князь-кесарь, въ усахъ.
Шереметевъ, Б. П.	Головинъ, Ф. А.
Марѳа	Бялозоръ, ксендзъ.
Анна } сестры Меншикова.	Гюйсенъ.
Татьяна } сестры Меншикова.	Тургеневъ } шуты.
Апраксинъ.	Кокоскинъ } шуты.
Рейсъ.	Варвара } сестры Арсеневы.
Фадеевхъ, Елена.	Дарья } сестры Арсеневы.
Кикинъ, А.	

Черкасскій, князь **Михаилъ Алегуковичъ**, лѣтъ 80, съ большой бородой, въ русской одеждѣ.

Стрѣшневъ, Тихонъ Николаевичъ, тоже съ бородой и въ боярской шубѣ.

Негры, пажы, нѣмецкія дамы изъ слободы Кокуя, бояре, гайдуки, свита посла турецкаго, придворные.

Большой залъ во дворцѣ. Противъ зрителя — тронъ подъ роскошнымъ баддахиномъ. По сторонамъ—два мѣста: для царевича и Натальи Алексѣевны. Столъ подъ золотой скатертью. Залъ полнъ народа. Польскіе паны, украинскіе гетманы, кучка бояръ жмется налѣво, на переднемъ планѣ, направо, съ краю—дамы, свита Натальи и иноземки изъ «Нѣмецкой» слободы, изъ Кокуя.

«Петровцы» въ европейскіхъ, богатыхъ кафтанахъ, въ орденахъ и регаліяхъ. Преображенцы, семеновцы.

Всѣ разбиты по кружкамъ. Въ залѣ — говоръ. Два шута, Кокоскинъ и Тургеневъ, шныряютъ вездѣ. Оба одѣты по-боярски. Кокоскинъ—совсѣмъ карикатурно: въ горлатной высокой шапкѣ, въ шубѣ съ высокимъ воротникомъ; ходитъ и спесивится, дразнить кучку бояръ. Тургеневъ держитъ себя сдержанно, но тоже трется около нихъ. Бялозоръ, польскій легатъ, виденъ то здѣсь, то тамъ, больше въ обществѣ дамскомъ. Мягкой походкой приближается къ разнымъ группамъ и слушаетъ, что толкуютъ.

КОКОШКИНЪ.

[прохаживаясь передъ боярами, отираетъ потъ со лба, обвѣвается и пыхтитъ].

Ухъ, морозъ... У-ухъ, какой морозъ... Холодно въ палатахъ у царя Петрушеньки, у мово... Эй, вы, слуги мои вѣрные! Давайте шубу еще, тащите охабни... У-гу-гу!... Зубъ на зубъ не попадетъ...

ТУРГЕНЕВЪ [притворно обозясь].

Кшш... Машка, прочь поди. Не трогай народъ православный, бояръ честныхъ. Вонъ, кокуйскія цыцарки... Съ ними поди, забавляйся...

КОКОШКИНЪ.

Ништо. Ихъ чередъ еще впереди. А у меня своя насѣдка есть: Петруша, свѣтъ Алексѣичъ! [подражая насѣдкѣ] Ко-ко-ко-ко!.. Нынче новое яичко Петруша, пѣтушокъ мой черненькій, новенькое яичко снесъ. Орѣшкомъ прозывается, Нотенбурхомъ по-бусурменскому. Ко-ко-ко!.. Много ихъ, яичекъ такихъ... И еще будетъ... А изъ тѣхъ яичекъ и цыплята, гляди, повылупятся: все друзья сердечные, тараканы запечные, мастера заплечные... Станутъ бояръ обтесывать, шапки снимать, шеи съ головой укорачивать, станутъ бороды брить, до плечей подбородки срѣзывать... Ко-ко-ко!.. [ходить гоголемъ].

ЧЕРКАССКІЙ [Стрѣшневу].

Вотъ ужъ какъ пошло! Палачами намъ грозятъ за бороду за отцовскую, за обычай дѣдовскій...

СТРѢШНЕВЪ [со вздохомъ].

Не любить царь бородачей... Кажись, не хуже служимъ ему тѣхъ антихристовыхъ пособниковъ, голобородыхъ распутниковъ! А все не жалуется!..

ТУРГЕНЕВЪ [степенно, приглаживая привязанную бороду].

Да что и глядѣть на шута? Вотъ я ему!.. Брысь, Машка, не замай!.. Раньше кѣта голову тебѣ сверну!

КОКОШКИНЪ.

А, ну, тронь! А, ну, тронь? Ко-ко-ко! [Наскакиваетъ на того пѣтушину].

ТУРГЕНЕВЪ [сбивая шапку].

Вотъ тебѣ разъ!

КОКОШКИНЪ [не обороняясь, а все подсакивая].

А, ну, тронь еще!..

ТУРГЕНЕВЪ [хватая его за шиворотъ, стянулъ шубу].

Вотъ тебѣ два!..

КОКОШКИНЪ.

А, ну, еще, еще, еще...

ТУРГЕНЕВЪ

[постепенно срываетъ съ него кафтанъ, фезязъ, вилуптъ, тинеть сорочку].

ДАМЫ.

Ай, пфуй... Шанде...—Ахти, господи... Бояре, што-жъ, глядите?..

ТУРГЕНЕВЪ.

Вотъ тебѣ — 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9... Фу, руки устали!.. [Тинеть съ него шаровары].

ДАМЫ.

Ай, ай!..

КОКОШКИНЪ

[оставя все въ рукахъ Тургенева, стоитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, которое было внизу на немъ].

Вотъ и вышла ты дура, Катька!.. Мнѣ жарко было, ходить тяжело, а ты раздѣлъ меня.. Волю даль.. Такъ и Петруша мой со всей Русью сдѣлаеть! Знай напихъ! Ко-ко-ко-ко!..

ВСѢ [хохочуть].

Ловко!.. Забавная интермедія...

БОЯРИНЪ [пожилой].

Господи, стыдъ головушкѣ! И какъ позволяетъ государь!..

СТРЪШНЕВЪ.

Ты вновѣ у насъ... Погоди, обтерпишься... Ничего подѣлать нельзя!..

БОЯРИНЪ [сурово].

Сами виноваты, слабодухи! А я на плаху пойду скорѣй, — бороды стричь не дамъ!

ТУРГЕНЕВЪ [вкрадчиво].

Развѣ можно, бояринъ? Столько лѣтъ ростили... И вдругъ—чикъ? Я своей тоже дешево не уступлю.

БОЯРИНЪ.

Уходи, шутъ... Не съ тобой толкуютъ...

ТУРГЕНЕВЪ.

Э! Вотъ и не ладно. Я же за васъ... Друга Катьку осрамить хотѣлъ... Хитерь, чортъ: изготовился!.. А ты меня гонишь...

БОЯРИНЪ.

Шутъ васъ разбереть! Все не по-людски здѣся. Можетъ, и добрый ты человекъ, а, може, и плутъ. А я ужъ не молѣдчикъ, чтобы ласы точить съ шутами.

ТУРГЕНЕВЪ.

Охо-хо!.. Ужъ тутъ такой обычай... [Ему тихо]. Тутъ, бояринъ, не разбираютъ! Молодъ—чйкъ! Старъ—чйкъ! Этакъ, знаешь, бороды всѣмъ: чйкъ! [неожиданно изъ рукава вынулъ ножницы и отхватилъ бороду боярину, самъ убѣгаетъ].

БОЯРИНЪ [сначала остолбенѣлъ].

Го... Господи, помилуй!.. Да я тебя!.. [съ кулаками хочетъ броситься на шута].

РОМОДАНОВСКІЙ [удерживая его].

Оставь, друже. Ничего не подѣлаешь! Пуще только осрамить!..
[Направо смѣются].

БОЯРИНЪ [поднялъ бороду, со слезами].

Стыдъ головушкѣ! Какъ женѣ покажусь? Что дѣтямъ скажу?! Борода ты моя, честная, многолѣтняя... Сняли тебя! [Цѣлуетъ бороду]. Въ гробъ съ собой положу... Такъ и къ престолу Божію съ ней въ рукахъ предстану.

ТУРГЕНЕВЪ [издали].

Не горюй, бояринъ... За то, что опечалилъ тебя, гляди, свою бороденку съ корнемъ своими руками рву! [Срываетъ подвижную бороду]. У насъ только двоимъ и ходить съ бородами: ему [указываетъ на Черкаскаго] да ему! [на Стрѣшнева] Они откупилися...

ЧЕРКАССКІЙ.

Лжешь, шутъ. Не откупался я...

СТРѢШНЕВЪ.

Ни я!..

ТУРГЕНЕВЪ.

Анъ откупилися... князь — годами... Стрѣшневъ — трудами... [Мотая прядью волосъ, которая осталась у него изъ бороды]. А я за боярскую бороду отъ Петруши получу рублишко на чайшко. Помяните мое слово!

РѢЙСЪ [направо].

Да, теперь мы съ государемъ въ четвертое море собираемся выпускать корабли собственной работы. Новая верфь у Ладоги надиво устроена... Къ веснѣ 20 большихъ фрегатовъ и 50 мелкихъ кораблей спустимъ на Неву. Отгонимъ Нумерса отъ береговъ Ингрии. Сами выйдемъ на просторъ. Царь спитъ и видитъ: съ моря баталіи повести...

АПРАКСИНЪ.

Не бывало еще того на Руси никогда... При Олегѣ только за море и хаживали... да при Святославѣ... Не нажечься бы на водѣ-то!

ВЯЛОЗОРЪ [мягко].

Государь же любить потѣшны огни... Пусть забавится...

АПРАКСИНЪ.

Дорого забава можетъ стоять...

ВЯЛОЗОРЪ.

Такъ, не ему же, а его вѣрноподаннымъ... А не слыхали, правда то есть, что весной къ Нѣнсканцамъ походить?

[Ему не отвѣчаютъ. Онъ отходить]. Меншиковы, три сестры, и Екатерина входятъ и занимаютъ мѣста близъ группы дамъ].

ДАРЬЯ И ВАРЯ АРСЕНЬЕВЫ [спѣша имъ навстрѣчу].

Ну, вотъ... наконецъ-то... А мы ужъ боялись: опоздаете...

[Цѣлуются].

ФАДЕМРЕХТЪ [скосивъ глаза на Екатерину, сосѣдкѣ].

Вотъ она, новая пассія нашего капитана...

I-я дама.

Ахъ, вотъ она какая... Совсѣмъ уродецъ!

II-я дама.

Правду, значить, толкуютъ, что Аннушка Монцева совсѣмъ брошена?

ФАДЕМРЕХТЪ.

Сама виновата... Не только съ пруссакомъ Кизерлингомъ въ негоцію вошла, но даже замужъ за него собирается...

ДАМА.

Ну, ужъ, тогда, конечно... Кому пріятно?.. [Сосѣдкѣ] Пойти ку-плиментъ сдѣлать или не надо?

II-я дама.

Подождемъ еще. Мало ли, что врутъ...

ВЯЛОЗОРЪ [кланяясь привѣтливо Екатерину].

Радъ видѣть дочь нашей святой церкви въ добромъ здравіи.

ЕКАТЕРИНА.

Пошли и вамъ Господь много лѣтъ, ойче!.. [Цѣлуетъ ему руку. Онъ ее благословляетъ].

ДАМА [сосѣдкѣ].

Она еретичка?..

II-я ДАМА.

Видно, не крещена еще...

[За окнами слышенъ шумъ, топотъ, хлопанье бичей, трубы].

ТУРГЕНЕВЪ [у окна].

Турка привезли... А забавный онъ... Куда насъ забавнѣе!.. [Бялозору, который тоже подошелъ къ окну и теперь любезно слушаетъ шутя]. Понимаешь, ойче: князь-кесарь пріѣхалъ къ нему на пріѣздѣ здравствовать, а онъ лежитъ, толстый, глупый, лупоглазый... И не всталъ. «Я, говоритъ, за султана у васъ. А нашъ султанъ ни для кого не встаетъ съ подушекъ»... И такъ ужъ чванится, такъ кичится... Совсѣмъ индюкъ на току... или бояринъ въ своемъ приказѣ...

БЯЛОЗОРЪ [подавая тавлинку шутя].

Прошу... А не знаете ли, мой остроумный другъ, почему такого дурня намъ прислали?

ТУРГЕНЕВЪ [нюхая].

Родичъ онъ визирю ихнему... новому... Чхи!.. Да бакнишь даль здоровый... У нихъ, что у насъ: за деньги козла на воеводство пошлютъ... А-чхи!..

БЯЛОЗОРЪ [качая головой].

Ц-ц-ц... И съ такимъ важнымъ порученіемъ... Такіе секретны трактаты... Ай-ай...

ТУРГЕНЕВЪ [съ любопытствомъ].

Какіе жъ секреты?—не слыхалъ...

БЯЛОЗОРЪ [тайнственно].

Говорятъ: дѣло не въ томъ, чтобы успокоить царя насчетъ крымцевъ и возобновить пакты... А будто испугался новый салтанъ флоту царскаго въ Воронежѣ, и теперь Ахметъ предлагаетъ на выборъ: флотъ весь пожечь, Азовъ и Таганъ-Рогъ и все море Азовское назадъ ему вернуть... Не то,—благо, занять государь шведами,— всю Русскую землю съ юга хочетъ повоевать...

ТУРГЕНЕВЪ.

Не слыхалъ я того... Пойду, повызнаю...

ВЯЛОЗОРЪ [глядя вслѣдъ шуту].

Глупый!.. А еще шутъ! Ничего не знаетъ. Ничего никогда не выпытаешь отъ лайдаковъ...

ДЬЯКЪ [изъ дверей въ глубинѣ, направо].

Ея царское высочество: царевна Наталья Алексѣевна, съ его царскимъ высочествомъ, царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ!..

[Всѣ устремляются навстрѣчу, отдають низкіе поклоны. Алексѣй въ сопровожденіи Гюйсена и Кикина прошелъ и сѣлъ на свое мѣсто, дамы встрѣчаютъ Наталью, Меншиковы впереди, Екатерина за Меншиковыми].

НАТАЛЬЯ [цѣлуя сестеръ Меншиковыхъ].

Маруша... Аннушка... Здравствуй, Таня... А я съ братцемъ государемъ—въ Преображенскомъ и не видала васъ долго. Катюша, поди, поцѣлую и тебя...

ЕКАТЕРИНА [подходить, низко кланяется и цѣлуется съ Натальей].

ДАМЫ [заволновались].

Смотрите... смотрите... Плѣнную литвинку цѣлуется... словно ровню...—И ее, и царевну, хитрая обошла!..

НАТАЛЬЯ [садится на мѣсто].

ДАМЫ [окружая Екатерину, на-персбой кланяются и говорятъ].

Какъ вы въ своемъ здоровьѣ, госпожа дорогая?..—Какъ счастлива и рада я видѣть васъ въ красотѣ цвѣтущей... Слуга ваша, Арсеньева, Варька... Не забывайте...—Не откажите обнять себя позволить... и т. д.

ЕКАТЕРИНА [ласково и весело].

Сама рада... Я люблю съ подругами время проводить... [Продолжаютъ разговоръ].

РОМОДАНОВСКІЙ [Стрѣшневу].

Какъ нѣвесель цесаревичъ!

СТРѢШНЕВЪ.

Слабый онъ, тѣломъ не крѣпкій... И духомъ мягокъ. Матушку все поминаетъ, царицу... Самому тоже тяжело по отцовской дудкѣ плясать... «Учись!»—велятъ... А мы на это тупы...

[Трубы, музыка, барабаны].

ГОЛОВИНЪ [изъ глубины, направо].

Его царское величество! [Пажи входятъ].

ВСѢ встрѣчаютъ рядами съ низкимъ поклономъ царя.

КАРАУЛЪ

входить съ обнаженными шпагами и становится по обѣ стороны трона, а также — шпажерой до дверей налѣво, на авансценѣ, откуда выйдетъ Мустафа.

ГОЛОВИНЪ ушелъ въ эту дверь.

Шереметевъ, Шафировъ и Меншиковъ вышли за Петромъ.

ПЕТРЪ

[стоя подъ балдахиномъ, въ суконномъ французскомъ кафтанѣ васильковаго цвѣта, съ лентами и кружевомъ, въ камзолѣ, въ бархатныхъ панталонахъ и туфляхъ, отвѣчаетъ на поклонъ].

Радъ видѣть всѣхъ!

ГОЛОВИНЪ [входитъ].

Посоль его султанскаго величества, Ахмета III-го, Мустафа-Ага, высокородный министръ Оттоманской имперіи, съ грамотой султана. [Музыка, трубы. Входятъ негры, скороходы, двое несутъ на зеленой подушкѣ грамоту въ зеленой шелковой обложкѣ. За ними—посоль. Затѣмъ—снова свита].

МУСТАФА-АГА

толстый, съ бычачьимъ взгядомъ турокъ, надменно оглядывается, словно собирается сѣсть.

ТУРГЕНЕВЪ.

Усталъ, голубчикъ... Креслица ищеть. Подожди ножки и садись!..

ГОЛОВИНЪ [грозя ему].

Шутъ, будутъ палки...

ТУРГЕНЕВЪ.

Ай-ай!.. У турка брюхо лопнетъ... Глаза ужъ на лобъ вылѣзли... [Многіе сдержанно смѣются].

ПЕТРЪ.

Убрать шута!..

ТУРГЕНЕВЪ.

Не уйду... Занятно поглядѣть: что онъ станетъ дѣлать?..

ДЪЯКЪ [подходить къ Тургеневу].

Уходи!..

ТУРГЕНЕВЪ.

Лягу—и не встану... какъ этотъ идолъ. Несите меня! [Ложится].

ДЪЯКЪ [даетъ знакъ двумъ приставамъ, тѣ уносятъ шута].

МУСТАФА

[стоитъ, какъ изваяніе, словно не замѣчая всей сцены и смѣха у окружающихъ

ГОЛОВИНЪ.

Посоль, царь ждетъ тебя... Исполни приказъ и порученіе его величества, султана, твоего повелителя...

МУСТАФА.

Плохо встрѣчаете вы того, кто замѣняетъ здѣсь самого султана, тѣнь Аллаха на землѣ, да будетъ благословенно имя его... [Медленно, неохотно подходитъ къ трону].

ПЕТРЪ [вставая].

Братъ мой любезный, салтанъ Ахметъ, подобру-ль, поздорову?

МУСТАФА [дѣлая селамъ].

Когда я уѣзжалъ изъ Стамбула, тѣнь Аллаха сіяла на всю вселенную!..

ШАФИРОВЪ [подойдя къ Мустафѣ].

Что же ты не отдашь здорованья государю? Спросить надо: здоровъ ли нашъ царь.

МУСТАФА.

Мой повелитель ничего мнѣ не говорилъ про то...

ЧЕРКАССКІЙ [негромко].

Дуракъ дурака прислалъ!..

ПЕТРЪ.

Намъ—все равно. Пускай творить посоль то, за чѣмъ посланъ

МУСТАФА

[беретъ съ подушки грамоту, цѣлуетъ ее, прижимаетъ ко лбу и къ сердцу и протягиваетъ Петру].

Султанъ Ахметъ, вступивъ недавно на престолъ, въ этой грамотѣ извѣщаетъ твое царское величество о такомъ счастливомъ для міра событіи и пишетъ, на какихъ условіяхъ можетъ даровать тебѣ дружбу и миръ твоей землѣ. [Ждетъ, чтобы царь взялъ свертокъ].

ПЕТРЪ (протягиваетъ концы пальцевъ и опять отнимаетъ руку).

ШАФИРОВЪ [подходя].

Грамота принята царемъ. Давай ее сюда.

МУСТАФА [хмурясь].

Царь не коснулся даже до печати, до священнаго знака, наложеннаго на грамоту самимъ падишахомъ. Я, кромѣ царя, никому грамоты не отдамъ...

ПЕТРЪ.

Ну, что за перекоры... Давай сюда... [Дѣлаетъ видъ, что хочетъ взять].

ШАФИРОВЪ

[понявъ мысль царя, выхватываетъ свертокъ изъ рукъ Мустафы].

Царь принялъ, видишь...

МУСТАФА [сдерживая ярость].

Я вижу... вижу... [хочетъ уйти].

МЕНШИКОВЪ [заступая ему дорогу].

Стой, посоль, еще не все!... Поклонъ государю!

ПЕТРЪ.

Да, еще не все. Не приказывалъ ли на словахъ что нибудь братъ нашъ, падишахъ?

МУСТАФА [угрюмо].

Ничего.

ШАФИРОВЪ.

Ну, такъ откланяйся царю...

МУСТАФА.

Въ нашемъ законѣ поклоны не живутъ...

ПЕТРЪ.

Сдается мнѣ: тебѣ законъ не писанъ... Пускай идетъ!..

ШАФИРОВЪ [словно нечаянно, роняетъ къ ногамъ Петра грамоту].

Ахти, Создатель!.. [Нарочно не поднимаетъ].

МУСТАФА [въ ужасѣ].

Алла!.. Алла!.. [Кидается и поднимаетъ благоговѣнно свертокъ].

ШАФИРОВЪ [въ то же время].

Посоль султанскій челомъ бьетъ тебѣ, великій государы!..

[Общій сдержанный смѣхъ, Мустафа въ ярости кладетъ грамоту на столъ и быстро покидаетъ залъ, свита его—за нимъ].

ПЕТРЪ [тоже размѣялся].

Молодецъ, тезка! Выручилъ наше величество!.. Мы этого молодца продержимъ съ полгода или годикъ безъ отвѣта... Въ наши кампаменты повеземъ, пусть посмотритъ: страшны ли теперь намъ оттоманы?!.. Уходитя...

МЕНШИКОВЪ.

Уходитя, государь!

ПЕТРЪ [снова принимая серьезный видъ].

Генераль-адмиралъ Апраксинъ... Фельдмаршалъ Шереметевъ, подойдите.! [Тѣ оба подходятъ]. Въ неизреченной милости своей Господь послалъ намъ дивныя побѣды руками вашими и трудами и стараніями, купно со всей арміей. Награждать васъ чѣмъ?—ужь и не знаю... Всѣ ордена у васъ, всѣ орнаменты... Одно могу сказать: спасибо отъ души... Отъ всей земли родной мое и царское, и дружеское спасибо... Дайте обнять васъ. [Обнимаетъ поочередно].

АПРАКСИНЪ.

За что такая честь?

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Видишь самъ, государь, отъ слезъ говорить не могу...

ПЕТРЪ.

И не надо. Ты славно дѣлаешь дѣла... И вотъ тебѣ отъ друга и царя на память—персона наша, въ оправѣ золотой съ бриллиантами. Они не такъ свѣтлы, какъ доблести твои... [Шереметевъ на колѣняхъ принимаетъ и цѣлуетъ руку Петра].

А тебѣ, Апраксинъ, тавлинку самъ я смастерилъ. Я знаю, нюхать ты охочь... Изъ дерева, простая. Одинъ въ середкѣ изумрудъ. Ужъ не взыщи...

АПРАКСИНЪ.

Цѣны нѣтъ дару твоему!.. [Также на колѣняхъ цѣлуетъ руку].

ПЕТРЪ [сходя съ возвышенія].

Ну, вотъ и кончены всѣ церемоніи... Слава Господу... Вечеромъ, господа, прошу не забыть, иллюминація въ честь нашихъ генераловъ и ихъ викторій... И огни потѣшные будутъ... Виниусъ расщедрился... Пороху, говорить, на 5 тысячъ отпустилъ... Пусть народъ привываетъ къ потѣшнымъ огнямъ... И настоящихъ не побоятся послѣ... на полѣ брани... А затѣмъ ко мнѣ на ассамблею милости прошу... всѣхъ... И станемъ веселиться до утра... Дѣлу—время, да и потѣхъ—часъ! Покорнѣйше прошу всѣхъ... А покуда до увиданія! [Отвѣтилъ на общій поклонъ и быстро уходитъ].

Музыка, барабаны.

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА VII.

1-е мая 1703 года.

Штурмъ Нѣншанца.

Въ глубинѣ, слѣва, доходя до середины сцены, видна на валу часть крѣпостной стѣны, полуобрушенная отъ канонады. Въ стѣнѣ—ворота съ подъемнымъ мостомъ. Небольшой валъ вокругъ этой самой стѣны, на который опускается и край моста, отмѣчаетъ берега рва, идущаго вокругъ крѣпости. За стѣной краснѣютъ островерхія, черепичныя крыши зданій, шпиль кирки, куполь церкви. Густой дымъ стоитъ надъ крѣпостью: тамъ—пожаръ. Правѣ крѣпости проблескиваетъ Нева. Справа и слѣва, такъ на 3-мъ планѣ, спускаются на сцену два отлогихъ холма. Это—второй высокій валъ, которымъ хотѣли обвести крѣпость, но не успѣли сомкнуть концы насыпи. На верху этихъ насыпей по одной русской пушкѣ, которыя замаскированы фашинами, турами и мѣшками съ пескомъ. По сю сторону вала, къ зрителю, врыты въ землю мортиры, наклоненныя къ крѣпости. Справа, прилкнутый къ холму, навѣсъ, гдѣ стоитъ высокій барабанъ вмѣсто стола и брошены зарядные ящики и мѣшки съ пескомъ для сидѣнія. Это—штабъ-квартира Петра. Старая сосна, стволъ которой срубанъ на половину ядрами, стоитъ тутъ же, осѣняя навѣсъ своими нижними вѣтвями.

Майская, бѣлая ночь, часа за полтора до свѣта.

Лица.

Петръ.	Мышецкій.
Шереметевъ, Б. П.	Меншиковъ.
Апраксинъ.	Виніусъ.
Паткуль.	Шафировъ.

Женщины, дѣти, горожане, шведы, русскіе солдаты и офицеры.

Подъ навѣсомъ здоровый преображенецъ, денщикъ Петра, лежитъ ницъ лицомъ, головой къ публикѣ. Вдоль рамы, на шинели, положивъ голову на спину денщика, дремлетъ Петръ.

Паткуль и Шафировъ стоятъ подъ прикрытіемъ вала и въ подзорныя трубы смотрять на крѣпость.

Издѣлка оттуда доносятся выстрѣлы. Отъ Невы слышна русская канонада. Видны свѣтящіеся снаряды, которые падаютъ въ городъ. Порой гремитъ ружейная пальба.

ПАТКУЛЬ [негромко].

Какое безуміе! Начать штурмъ крѣпости, когда не подвезли достаточно снарядовъ.

ШАФИРОВЪ.

Ему не терпѣлось... Войска ужъ подошли. Нельзя было ждать... И взяточникъ Виніусъ крѣпко обѣщаль, что снарядовъ будетъ вволю, еще ко вчерашнему дню.. А ихъ едва хватаетъ... Если шведы продержатся еще день-два, придется съ позоромъ уйти.

ПАТКУЛЬ.

Онъ надѣялся, что участь Нотебурга устранишь Ніеншанцъ?.. Или думалъ купить Опалева?.. Онъ всегда такъ остороженъ...

ШАФИРОВЪ.

И сейчасъ мы подошли хорошо: 20.000 противу 1.000 человекъ враговъ. Да и тѣхъ не будетъ въ гарнизонѣ, какъ полагаютъ... Должно быть, у нихъ тоже не все ладно. Стрѣляютъ такъ тихо и рѣдко, что нашъ капитанъ, гляди, и выспаться успѣетъ подъ ихнюю музыку...

ПАТКУЛЬ.

Дивиться нечего: онъ сутки не спалъ! Какой богатырь...

ШАФИРОВЪ.

Да, и тѣломъ, и духомъ!.. Сколько времени у васъ?

ПАТКУЛЬ [посмотрѣлъ].

Часъ ровно. Правда, что послали за Виніусомъ?

ШАФИРОВЪ.

Да. Ему—не сдобровать. Особенно, если мы отступимъ. Ничего въ мірѣ царь такъ не желалъ, какъ овладѣть этой «первой морской гаванью имперіи»...

ПАТКУЛЬ.

Ребенокъ пойметъ, что онъ правъ. Здѣсь стать прочной ногой, а не съ жалкимъ, тысячнымъ гарнизономъ, въ старомъ замкѣ, и Нева навѣки заперта для всѣхъ, кромѣ Россіи... Онъ дивно прозорливъ, нашъ капитанъ. Однако, генераль, вы замѣчаете? Часа два—ни одного выстрѣла въ эту сторону.

ШАФИРОВЪ.

Я приказалъ отсюда не тревожить города. Здѣсь—топъ... Шведы не боятся нападенія и всѣ силы сосредоточили со стороны рѣки и вверхъ по теченію... Оттуда ведутъ траншеи генераль Ламбертъ съ Апраксинымъ и Брюсомъ.

ПАТКУЛЬ.

А кто сторожить устье внизу?

ШАФИРОВЪ.

Меншиковъ и Головинъ.

ПАТКУЛЬ.

Что же? Все—хорошо.

ШАФИРОВЪ.

Не хватаетъ пустяковъ: пороху и зарядовъ.

ПАТКУЛЬ.

Пороху?.. И пороху не хватаетъ?

ШАФИРОВЪ.

Негодяй Виниусъ дѣлалъ его по-хозяйски: горитъ, да не взрываетъ... Селитры пожалѣлъ... Еле ядра доноситъ до крѣ... Стойте... Кто-то крадется отъ города черезъ топъ...

[На полянѣ показывается Мышецкій, который ползетъ на четверенькахъ].

ЧАСОВОЙ [появляясь на валу изъ-за мѣш-
ковъ].

Стой, кто идетъ?

МЫШЕЦКІЙ [молча проползаетъ и скрывается
за валомъ].

ЧАСОВОЙ.

Стой... Въ третье: стой!.. [Стрѣляетъ].

МЫШЕЦКІЙ [совсѣмъ близко].

Тише... Свой... Не ори!..

ПЕТРЪ [вскочилъ].

Что? Вылазка? Бейте сборъ! Въ атаку... Багинетами ихъ!..

ШАФИРОВЪ [останавливая барабанщика, кото-
рый стоитъ въ сторонѣ наготовѣ].

Стой... Успокойтесь, государь... Это—свой человѣкъ... Князь Мышецкій... Онъ лѣзетъ на валъ.

ПЕТРЪ [потягиваясь и протирая глаза].

А мнѣ снилось, что Канцы взяты.. что тутъ у насъ чудес-
ная крѣпость... И на этомъ непріятельскомъ валу, который такъ
хорошо укрываетъ насъ отъ самихъ шведовъ, я устроилъ весе-
лую пирушку... Но гдѣ же Мышецкій?

МЫШЕЦКІЙ [появляясь изъ-за вала, весь въ
тинѣ].

Здѣсь, капитанъ... Готовьтесь... Сюда будетъ вылазка. Опалѣвъ
думаетъ, что вы понадѣялись на топъ, никого не приготовили въ

этомъ углу. Они сейчасъ спустятъ мостъ, выйдутъ всей силой... Тропинку знаютъ ихъ люди... Прямо черезъ топъ—сюда... Я искалъ ее, чуть не увязъ въ тинѣ... А выбрался изъ крѣпости черезъ проломъ.

ПЕТРЪ.

Великъ проломъ? Много ли ихъ?

МЫШЕЦКІЙ.

Да, стѣны—старыя... Кругомъ пообвалились... Къ тому, снарядовъ мало въ запасѣ у старика Опалева...

ПЕТРЪ.

А, видно, свейскіе интенданты не хуже моего Виніуса воры и мошенники?... Не привезли мнѣ еще его?

ШАФИРОВЪ.

Не видно, государь...

ПЕТРЪ.

Поди, узнай... Не можетъ быть... Онъ прячется... Сыскать мнѣ Виніуса... представить... А ты [ординарцу] скажи... Сюда собирай всѣ роты... мои, и Зотова, и нарышкинцевъ... Тихо пусть подходятъ и лежатъ за валомъ. Бомбардиры—у орудій?

ЛЮДИ [словно изъ земли выросли, каждый—при своей пушкѣ].

Здѣсь, капитанъ...

ПЕТРЪ [ударивъ по жерлу ближней мортиры].

А я—тоже при своей голубушкѣ... Прячьтесь опять... Вонъ ворота, какъ будто, раскрываютъ...

ПАТКУЛЬ [смотрѣвшій въ трубу].

Вы правы, капитанъ... И на башнѣ появились люди... Должно быть, хотя бы артиллерійскимъ огнемъ прикрыть вылазку?..

ПЕТРЪ [схвативъ трубку].

Милости просимъ!.. [Смотрите]. [Звучитъ шведскій сигналъ. Опускается мостъ. Появляются шведы, все больше и больше... Вытягиваются колонной и начинаютъ подвигаться впередъ].

МЫШЕЦКІЙ.

Ишь, каналы! Гдѣ я тонулъ,—они по-суху идутъ. Теперь по-свѣтлѣ. Видно тропочку...

ПЕТРЪ.

Молчи... [Барабанщику]. Изготовься... Бей сигналъ!.. [Барабанъ ударяетъ. Сразу на валахъ появились солдаты. Начинается пальба. Петръ поджигаетъ мортиру. Выстрѣлы со всѣхъ сторонъ].

ШВЕДЫ [въ ужасѣ, съ криками].

Измѣна!.. [бросаются обратно въ крѣпость и запираютъ ворота].

ПЕТРЪ [громовымъ голосомъ].

Охотники — впередъ!.. Видѣли — тропинка тутъ есть... Кто успѣетъ занять второй валъ?..

ЧЕЛОВѢКЪ 20 [съ криками].

Съ нами Богъ!.. [исчезаютъ за валомъ. Видно, что они подбираются къ самой крѣпости].

ПЕТРЪ.

Стрѣляйте безъ отдыха! Они испугались. Не надо давать врагу опомниться...

[Канонада все сильнѣе].

ПЕТРЪ [Мышецкому].

Скачи... Возьми внизу коня... Вели съ той стороны стрѣлять почаще... Пока хватитъ ядеръ. Пусть явится Виніусъ — я выстрѣлю въ Ниенсканцъ его головой!..

МЫШЕЦКІЙ [убѣгая].

Исполню, капитанъ!..

МЕНШИКОВЪ [быстро входитъ].

Капитанъ! съ моря доносятъ, что адмираль Нумерсъ идетъ на сикурсъ Ниенсканцу... Къ утру будетъ здѣсь...

ПЕТРЪ [топнувъ ногой].

Молчи! Не смѣй того говорить! Мы до утра должны быть въ Ниенсканцѣ!.. Пусть Головинъ не пускаетъ вверхъ по рѣкѣ никого!.. Виніусъ мнѣ... Гдѣ предатель?..

ВИНИУСЪ

[убѣгаетъ, полумертвый, въ сопровожденіи Шафирова и двухъ солдатъ].

Здѣсь рабъ твой, государь... Помилуй!.. [Кидается къ ногамъ, цѣлуетъ колѣни].

ПЕТРЪ [съ искаженнымъ отъ бѣшенства лицомъ, отшвырнувъ его].

А... Здѣсь?.. Ты — предатель!.. Изъ-за твоей наживы вся имперія теперь стоитъ на картѣ... И эту карту могутъ бить!.. [ударяетъ его]. Бить! Понималъ? Гдѣ бомбы? Гдѣ порохъ? Гдѣ орудія, кото-

рыя долженъ былъ изготавить и сюда доставить? Деньги воруюшь... Торгуешь жизнью и кровью этихъ людей, которые мнѣ и родинѣ служатъ до послѣдней капли крови?!.. [Кановирамъ]. Стрѣляйте чаще!.. [Виніусу]. Молчишь?.. Бездѣльникъ! Даже не имѣешь оправданій себѣ!..

ВИНИУСЪ [трепеща].

Ты посылалъ на слѣдствіе свѣтлѣйшаго князя... друга своего... Александра Даниловича... И онъ видѣлъ... Онъ самъ далъ письмо мнѣ... Вотъ... прочти, государь... Выслушай... Рабочіе, знаешь, наши — всѣ пьяницы... Не поспѣваютъ съ дѣломъ... Подручные воруютъ припасы изъ-подъ рукъ и пропиваютъ же... И селитру и сѣру... А я самъ разорился на службѣ твоей, государь, не то, что нажился...

ПЕТРЪ.

Разорился?.. Письмо? [просмотрѣвъ] Правда: писано здѣсь, будто ты правъ. Но дѣла твои громче кричатъ, что ты воръ и измѣнникъ!.. И лжетъ тотъ, кто далъ тебѣ оправданіе на письмѣ... Ты лжешь, Данилычъ!..

МЕНШИКОВЪ [робѣя].

Истинно: солгалъ, государь!.. Онъ подарилъ меня... Вотъ золота далъ 5.000 рублей... И на векселѣ столько же обѣщано... Все верну тебѣ, государь. А меня прости!.. [Кланяется].

ПЕТРЪ [громко Виніусу].

Такъ ты мало, что плутъ, не раскаянная еще душа?! Въ винѣ не сознаешься, друзей моихъ подкупомъ берешь?! Ну, добро! Гей, ты землякъ! Петлю приладь здѣсь... на соснѣ... Повыше! [Солдаты лѣзутъ исполнять]. И въ петлю сейчасъ же измѣнника!..

ВИНИУСЪ [ползая въ ногахъ].

Помилуй, государь... Я такъ долго и вѣрно служу тебѣ... Такъ люблю... Государь... сжался...

ПЕТРЪ.

Стрѣлять почаще... Лучше наводи!.. Готова петля?..

ВИНИУСЪ [взвотчаяніи].

Все отдамъ.. Всѣ деньги и дома... Все отними, государь, жизнь только оставь... У меня семья... дѣти...

ПЕТРЪ [глядѣлъ въ трубу на крѣпость].

Ловко! Вонъ снова вспыхнулъ у нихъ пожаръ... Стрѣляй... стрѣляй!.. Вонъ солнышко восходитъ... Задайте маёвку врагамъ! Первое мая нынче... [Оглянулся]. Готова петля?..

СОЛДАТЪ [слѣзая съ сосны].

Готова, капитанъ!

ПЕТРЪ.

Вздернуть мерзавца!..

[Двое хватають Виніуса].

ВИНИУСЪ [отбиваясь].

Сжался, государь!..

[Онъ уже подъ петлей. Со стѣны крѣпости раздается дробь барабановъ].

МЕНШИКОВЪ [очень громко, радостно].

Бьютъ шамадъ! Они сдаются, государь!..

ВИНИУСЪ [вырвался у солдатъ].

Государь! Съ побѣдой поздравляю... Помилуй, государь!..

ПЕТРЪ [увидавъ бѣлый флагъ на стѣнахъ].

И то сдаются! Да... [Снимая шляпу]. Ну, Господу хвала!..

ВИНИУСЪ [у ногъ его].

Мой государь...

ПЕТРЪ.

Оставьте гада... Пусть живетъ... Поставлю въ палки вора и 10.000 штрафу донесешь...

ВИНИУСЪ.

Спасибо, государь!.. [Быстро скрывается].

ШЕРЕМЕТЕВЪ [быстро входитъ].

Капитанъ, съ побѣдою новой поздравляю... Я шведамъ выхождь далъ свободный къ Нарвѣ, и въ крѣпость мы войдемъ тотчасъ же!..

ПЕТРЪ.

Спасибо, генераль!.. [Цѣлуетъ его].

[Русскія войска выходятъ и строятся на валу и на авансентѣ. Шведы со знаменами и оружіемъ выходятъ изъ воротъ крѣпости и проходятъ направо...

Фанфары]..

ВОЙСКА.

Вивать царю... Слава Петру Алексѣичу, батюшкѣ нашему!.. Вивать!..

[Занавѣсъ].

КАРТИНА VIII.

8-е мая 1703 года.

Первая морская побѣда.

Лица.

ТЪ ЖЕ, ЧТО И ВЪ 7-Й КАРТИНѢ.

Видъ Нишанца, теперь названнаго Шлотбургомъ, но со стороны Невы. Широкий дугъ съ естественной пристанью при впаденіи Охты. Флотилія лодокъ на Невѣ. Видны палатки русскаго лагеря и вагенбургъ. Посреди дуга большой шатеръ, походная часовня. На башняхъ Шлотбурга вѣютъ русскія знамена. Ясное раннее утро. Толпы разодѣтыхъ горожанъ спуютъ на берегу, входятъ въ городъ и появляются оттуда.

Со всѣхъ сторонъ гремятъ барабаны, звучатъ трубы. Отряды сходятся и становятся полукругомъ съ обѣихъ сторонъ часовни.

ГОРОЖАНЕ [переговариваются межъ собой].

Что опять случилось?..

ГОРОЖАНКА.

Чудеса толкуютъ! Будто русскіе съ берега крючками захватили 10 шведскихъ кораблей, притянули ихъ къ берегу... Людей забрали, а корабли сожгли...

ГОРОЖАНИНЪ.

Глупо, сударыня... Гдѣ такіе длинные крючки взять? Они сами съ берега вплавъ бросились и взяли приступомъ корабли ..

ГОРОЖАНКА.

Ахъ, стыдъ какой... Какъ же они дрались безъ... безъ... понимаете?.. На чемъ шпаги у нихъ были?

ГОРОЖАНИНЪ.

Ну, какъ не догадаться? Перевязи они все-таки надѣли...

ГОЛОСА.

Удивительно!.. [Запимаютъ мѣста за войсками на телѣгахъ, на лафетахъ, на городскомъ валу]...

ЕКАТЕРИНА

[въ нарядѣ преображенца, входитъ съ нѣсколькими солдатами. Тѣ несутъ высокія жерди и перекладины, увитыя гирляндами дубовыхъ вѣтвей].

Сюда, сюда... гдѣ причалить должны наши герои... Царь батюшка, капитанъ нашъ, соколъ ясный... И землячки всѣ... Вотъ... Вставляйте въ ямы... Такъ... Засыпайте... Прибейте землю... А ты, мальчуганъ, полегче будешь... Лѣзь на верхъ... Перекладину крѣпи... Стань на плечи вотъ тому, высокому... Такъ... А вы подавайте... Вотъ и отлично... А вы двое съ другой стороны... Теперь вѣнокъ... Посрединѣ надо... Ровненько... Такъ...

[Устраняютъ триумфальную импровизированную арку. Шереметевъ, Апраксинъ и все офицерство за ними показались изъ крѣпости, подходятъ къ пристани. Два гайдука несутъ большой ящикъ. Ганнибалъ съ двумя бархатными подушками подъ мышкой, важно выступаетъ со всѣми].

ШЕРЕМЕТЕВЪ [съ орденской цѣпью на шеѣ].

Хлопочешь, matka, Екатерина Васильевна? Хочешь порадовать капитана нашего? Хлопочи... Онъ и то не устаетъ радовать насъ... Но нынче и мы ему подарочекъ изготовили...

ЕКАТЕРИНА.

Что такое? Скажи, батюшка... Не потай, господинъ фельдмаршалъ...

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Нѣтъ! Ранѣе сроку выболтаешь... Все тѣпаніе пропадетъ. Тутъ въ ненарокѣ сила... [Съ Невы слышны выстрѣлы изъ небольшихъ орудій]. Чу! подходятъ... Господа офицеры и прочіе по мѣстамъ!

[Занимаетъ мѣсто противъ арки. Свита за нимъ. Низшіе офицеры—у своихъ взводовъ и батальоновъ].

ГОЛОСА [горожанъ, которые устроились повыше, на валу].

Два судна шведскихъ... — Какіе шведскіе? Не видишь флаговъ? Русскіе флаги...—А судна все-таки шведскія... Я ужъ знаю... Ишь, какъ легяты... По вѣтру, на всѣхъ парусахъ... Противъ теченія такъ и рѣжутъ...—Ходко идутъ...

[Показывается небольшой фрегатъ, на палубѣ котораго Петръ, Меншиковъ и солдаты].

[Шведскіе вымпела полуопущены, и сверху рѣетъ на мачтахъ русскій флагъ. Солдаты быстро спускаютъ паруса и пристають въ берегу] ¹⁾.

¹⁾ Если сцена мала, можно изобразить, что пристань—направо, за кулисами, не видна зрителю.

ШЕРЕМЕТЕВЪ [салютуя].

Вивать капитану Петру Михайлову, побѣдителю, государю нашему!.. Вивать!

[Всѣ подхватили. Троекратное «вивать» перекатывается по рядамъ].

ШЕРЕМЕТЕВЪ [также].

Поручику и губернатору Шлотенбурха и Шлотебурха, графу Меншикову вивать!..

[Войска подхватили, но слабѣе].

ПЕТРЪ [подошелъ къ фельдмаршалу, салютуя].

Извѣстіе вашей милости, господинъ фельдмаршалъ, дать имѣю, что взяты мною въ плѣнъ въ первой морской баталіи адмиральскій ботъ «Геданъ» при 10 пушкахъ и шняву «Астрель» при 14 пушкахъ я привелъ къ порту новой нашей крѣпости Шлотенбурха въ полной сохранности. Людей на нихъ было 77 человекъ. Изъ того числа побито 58. Въ плѣнъ взято—19. Они доносили, что везли письма къ коменданту, бывшему въ Шлотенбурхѣ, Опалеву, и то правда. Вотъ письма... (Передастъ). А плѣнные при семъ предстоятъ! [Указываетъ на 19 человекъ шведовъ, которые сошли съ корабля и подведены ближе. Они всѣ изранены, съ повязками, въ изорванной одеждѣ]. По ихъ несчастливому положенію просилъ бы немедленно отвести въ крѣпостныя помѣщенія, дать помощь врачебную и покормить хорошо...

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Храбрость и великодушіе неразлучны въ великой душѣ. (Офицеру). Исполнить просьбу капитана!

[Офицеръ салютуетъ и уводитъ плѣнныхъ].

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Скажите же намъ, какъ одержана была побѣда.

ПЕТРЪ.

Дѣло просто. На 30 лодкахъ ночью вышли мы позавчера. Ночь—свѣтлая, хоть макъ собирай... Два полка съ нами... Пушекъ не было. Мушкеты да гранаты ручныя. На устьѣ рѣки поздно пришли. Скрылись за островомъ, за небольшимъ. Какъ свѣтла ночь очень была, и посему никакой неогоніи невозможно было начинать. Увидали бы насъ враги и могли уйти въ море. Но, къ счастью, туча съ дождемъ вдругъ набѣжала... «Пора!» — говоритъ поручикъ... Я далъ знакъ... Раздѣлились надвое. Плыдемъ тихою греблею возлѣ Васильевскаго острова, подъ стѣною лѣса. Въ тѣни его насъ и не видать. Поручикъ—съ верху... я съ моря заѣзжаю... Вотъ ужъ чернѣютъ борта вражскихъ судовъ... И поручикъ, вижу я, людей повель... И жестокая сѣча у нихъ началась...

МЕНШИКОВЪ.

Я перебую капитана... Слышать не въ могу... «Поручикъ... поручикъ»... А капитанъ гдѣ былъ?.. Все не такъ... Я ужъ говорю: «не повернуть ли намъ?»... А капитанъ на отвѣтъ: «Поворота нѣтъ больше, иначе, какъ на врага!»... И пошли... Съ моря капитановы лодки первыя и напали. Говорить нечего: на очахъ капитана люди наши жестоко бились! Одинъ за 10... Непрiятель сыпать сталъ со всѣхъ четырехъ бортовъ пулями и картечью... Но мы такъ быстро подходили, что не тронули насъ снаряды, ни пули. Паруса поднялъ непрiятель... Лавировать вздумалъ... Не тутъ-то было... Нашъ капитанъ первый стоялъ на носу передовой лодки... Первый велѣлъ сдѣлаться съ «Геданомъ». Ранѣе всѣхъ вскочилъ на фрегатъ, съ гранатой въ рукѣ, за нимъ лавой со всѣхъ сторонъ и мы ринулись, чтобы защитить его отъ вреда... Послѣдній бой пошелъ... Глупы шведы... Тогда ужъ пардону стали просить, когда наши голову потеряли... Еле мы отстояли послѣднихъ два десятка... И тѣхъ бы наши молодцы прикололи... Такъ вотъ какъ дѣло было... А не то, что «поручикъ да поручикъ»...

ЕКАТЕРИНА [подходить].

Позволь, господинъ поручикъ, за правду твою поцѣловать тебя... Ужъ не взыщи... Чай, капитанъ, не осерчаетъ?..

ПЕТРЪ.

Самъ еще прибавлю...

[Послѣ Екатерины обнялъ и цѣлуетъ его].

ОФИЦЕРЫ И ВОЙСКА.

Вивать!.. Вивать!..

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Да слышать всѣ! За сію никогда прежде небывалую морскую викторію принесемъ благодаренію Господу Богу... Отдать салютъ побѣдѣ!

[Раздается троекратный ружейный и пушечный залп].

ШЕРЕМЕТЕВЪ [когда стихли клики и залпы].

Господа командиры партій, кои на простыхъ лодкахъ взяли на бордажъ непрiятельскіе корабли и побѣду учинили: капитанъ Петръ Михайловъ и поручикъ Александръ Меншиковъ, приблизьтесь!..

[Петръ и Меншиковъ подошли. Ганнибалъ уже наготовѣ. На подушкѣ — у него цѣль орденская. Вторую подушку съ цѣлью взяла и держитъ Екатерина].

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

За вашу неслыханную доблесть вы оба, по рѣшенію высшаго военнаго магистрата, награждаетесь первѣйшимъ въ имперіи орденомъ. [Петръ склоняетъ колѣно. Шереметевъ взялъ у Екатерины орденъ и возлагаетъ].

Съ Божьей помощью носи на славу землѣ и себѣ!

[Залпъ. Клики: вивать!]

ПЕТРЪ [встаетъ, цѣлуетъ Шереметева].

Хотя и недостойнымъ считаю себя, но съ радостью принимаю великое отличіе такое... [Отошелъ. Меншиковъ преклоняетъ колѣно].

ШЕРЕМЕТЕВЪ [возлагая орденъ].

Служи такъ же вѣрно и сильно, какъ донныѣ!.. [Подымаетъ и цѣлуетъ его].

МЕНШИКОВЪ.

Словъ не имѣю благодарить за высокую почесть, мнѣ оказанную... [Залпъ].

ШЕРЕМЕТЕВЪ.

Всѣ офицеры получаютъ золотыя медали на таковыхъ же цѣпяхъ... И солдаты будутъ съ медалями! [Съ вала проносится ударъ пушки. Изъ воротъ показываются бургомистръ и депутаты съ хлѣбомъ-солью. Пѣвчіе, пасторъ и др.]. Пушка полдень била... Пора за трапезу и намъ, и людямъ... Но раньше принесемъ благодареніе Богу за побѣды... Стройся на молитву...

ОФИЦЕРЫ [по своимъ частямъ командуютъ].

На молитву стройся!.. Мушкетъ передъ себя!.. Мушкетъ къ ногѣ!

[Солдаты исполняютъ, обнажаютъ головы. Доносится звонъ небольшихъ, серебряныхъ колоколовъ].

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

КАРТИНА ІХ.

Ноябрь 1703 года.

Крѣпость Петра и Павла.

Площадка Петропавловской крѣпости между Невой и Кронверкскимъ каналомъ. Противъ зрителя рабочіе возводятъ деревянную крѣпостную стѣну, оставляя пролетъ для воротъ, въ который видна вода и даль. Направо стѣна готова. На высокой Государевой башнѣ (бастіонѣ) вѣетъ желтый штандартъ съ орломъ. Съ лѣвой стороны, на второмъ планѣ—фасъ Домика Петра съ крыльцомъ. Среди сѣны—два дома, раздѣленные переулочкомъ. Одинъ—дворецъ губернатора Меншикова, второй—«Австерія четырехъ фрегатовъ». Здѣсь все время движеніе посѣтителей. Направо у стѣны свалены бревна для построекъ, кирпичъ и т. п. Время передъ полуднемъ. Тутъ и каменщики, и плотники, и землекопы. Работа кипитъ. Тащатъ бревна, кладутъ новыя стѣны. Въ глубинѣ, направо—нѣсколько землянокъ для рабочиихъ.

Лица.

Петръ.	Виббсъ, шкиперъ-фрисландецъ.
Меншиковъ.	Зотовъ.
Шафировъ.	Ганнибалъ.
Екатерина.	Ламбертъ, инженеръ.
Юллэ.	

Рабочіе, народъ, матросы.

ПЛОТНИКЪ [молодой, веселый парень, обтесывающій бревно, напѣваетъ].

И на Веселомъ острову
Безъ заботушки живу!
Не покладывая рукъ,
Топоришкомъ туюкъ да туюкъ!
Денегъ нѣтъ—бѣгу въ кабакъ:
Буду пьянъ, гляди и такъ..

КАМЕНЩИКЪ [угрюмый мужикъ, мѣшаетъ растворъ].

Да, доржи карманъ ширяй! Раззявай губу-то!.. Мимо не пролилось бы...

«истор. вѣстн.», ноябрь, 1903 г., т. хсiv.

7

плотникъ.

Не прольется. Кабатчикъ насъ знаетъ. Почитай, всю получку ему, другу милому, на сохранъ отношу. На томъ свѣту угольками сочтемся. А ино и самъ государь жалуетъ.. Хозяйкѣ своей прикажетъ—она поштуетъ.. Али въ астервію, вонъ къ нѣмцу заведеть и угощаетъ.

каменщикъ.

Не доводилось мнѣ ошпо... Пятый день, какъ пригнали только на энто чортово болото. Одно званіе, что городъ. Спать—и то половину въ водѣ приходится... А ужъ за цѣлый день—въ канавахъ, гдѣ фундаментъ ведемъ, такъ вымокнешь, нитки сухой на тебѣ нѣтъ... А дни-то теперя не лѣтніе...

плотникъ.

Вѣстимо, осень... Толкують: пошабашимъ скоро. Только морозы бы ударили... Такъ, вѣдь, не мы съ тобой только и маемся... Народу-то сюды, сказывали 40 тыщъ нагнато. И еще гонятъ... Вонъ, со всѣхъ тюремъ — воровъ... Ничѣмъ ихъ въ Сибирь на каторгу—сюды велѣно сгоняять...

каменщикъ.

Подѣломъ вору и мука... Сказано... А мы-то чего маемся?

плотникъ.

Хозяйское дѣло... Царю лучше знать... Онъ и самъ—не лучше нашего... Намеднись воды вѣтромъ нагнало страсть!.. Такъ ѣнъ самъ съ хозяйкой со своей на чердакъ перебрался... Такъ ужъ намъ—что?.. И Богъ велѣлъ терпѣть...

каменщикъ.

Ну, конечно, ежели самъ,—тогда не обидно...

плотникъ.

Вотъ ты такъ рассудилъ. А господа, ежели которые... изъ главныхъ,—такъ на канатахъ ихъ «самъ»-то не притянетъ сюда... Одинъ захворалъ... у другого жонка, дѣти больны... Потѣха... Слыхалъ я: арапъ царскій, парнишко, тутъ сказывалъ...

каменщикъ.

Имъ — что? Они — извѣстно... Ихъ дѣло барское. Не больно и царя слушаютъ...

плотникъ.

М-да... Оно такъ-то, такъ... Слышь, ты парень славный... Пока старшихъ нѣтъ, пойдемъ, чкнѣмъ-куликнѣмъ... Заваялся у меня гдѣ-то алтынъ... А?..

КАМЕНЩИКЪ.

Идемъ... Дѣло хорошее... Отчего не выпить! [бросаетъ веселку].

ЮЛЛЭ [вошелъ давно, оглядывается].

А, скажите, люди добрые, гдѣ я здѣсь царя могу видѣть?

КАМЕНЩИКЪ.

Царя?.. А на что онъ тебѣ, чухна красноглазая?

ЮЛЛЭ.

Работать надо... Работы нѣтъ... А онъ беретъ народъ, сказывали...

ПЛОТНИКЪ.

Беретъ, беретъ... Вотъ домикъ-то... Здѣсь государево жильё. А то къ десятнику ступай... И онъ могишь принять... Людей всякихъ берутъ...

ЮЛЛЭ.

Нѣтъ, я бы лучше къ самому... царю...

ПЛОТНИКЪ.

Можно... И такъ можно... Государь—простой у насъ, добрый... Да больно ты молодъ, паренекъ, какъ погляжу... А ужъ въ кабалу задаешься... Сирота, што ль?

ЮЛЛЭ.

Сирота... Былъ дѣдъ... Враги пришли и его отняли: убили старика. А отца съ матерью еще раньше увели...

ПЛОТНИКЪ.

Враги? шведы, значитъ? Э-эхъ, горькій ты парнишка, какъ подумаешь... То-то волчонкомъ и глядишь. Ну, что жъ, дождишь царя... Высокій онъ такой... Всѣхъ выше! Добей ему челомъ... Можетъ, на сиротство пожалуетъ чѣмъ добрымъ... А у насъ—дѣла... [Уходятъ].

ЮЛЛЭ.

Да, я дождусь... Я такъ не уйду... [Услыхавъ голоса, прячется за бревна и кирпичи].

[Ганнибалъ выходитъ на крыльцо и отчищаетъ ботфорты Петра, изъ-за которыхъ мальчишку почти не видно].

[Шафировъ появляется изъ середины. За нимъ—человѣкъ 20 арестантовъ подъ конвоемъ четырехъ драгунъ].

ШАФИРОВЪ [замѣтивъ Ганнибала].

Эй, сапоги! Дома государь?

ГАННИБАЛЪ [выставивъ рожницу изъ-за сапогъ].

А тебѣ на что, чернильница?

ШАФИРОВЪ.

Но не дерзить... Вздую... [Грозить тростью]. Балуетъ васъ государь... Ну, я самъ пройду... [Оттираетъ ноги на крыльцѣ и входитъ въ домикъ].

ГАННИБАЛЪ [подошелъ, смотреть на воровъ, — къ конвойному].

Что это за люди?

КОНВОЙНЫЙ.

Воры... каторжные...

ГАННИБАЛЪ.

Во... воры?.. [Поспѣшно хватаетъ сапоги и скрывается].

ГОЛОСА [въ толпѣ арестантовъ].

Испугалась аблизьяна-то... Убѣжала!.. — И сапоги унесъ! — Бойся: подметки бы не сръзали... [Смѣхъ].

КОНВОИРЪ.

Тише, галманы!.. Царь идетъ!...

[Всѣ падаютъ ницъ].

ПЕТРЪ, ЛАМБЕРТЪ, ШАФИРОВЪ [изъ домика].

ПЕТРЪ.

Гдѣ же они?.. А!... Встаньте, встаньте... Богу такъ надо кланяться... Его надо чтить... Ну, погодите... [Ламберту]. Значить, Кроншлотомъ все и завершится! На Котлинѣ поставимъ батареи сильнѣйшія... Конецъ—дѣлу вѣнецъ... «Крон-шлотъ» и выйдетъ! Въ ту пору ни одному чорту не пройти вверхъ по Невѣ, сквозь тройной поясъ ситаделей...

ЛАМБЕРТЪ.

Да, и сомнѣвай нильзя въ томъ, государь... А съ канали ошибка моя простите!..

ПЕТРЪ.

Досадно, генераль... Столько труда людского... Столько денегъ и жизнью трачу я на мой будущій Парадизъ... Думаю, и силой и торговлей всѣ приморскіе города онъ долженъ затмить... Такъ надо же и сдѣлать все не по-плохому... Ну, да это еще терпигъ... Теперь переправляйтесь на ту сторону, посмотрите мѣсто, которое я для верфа облюбовалъ. Вамъ покажутъ. Въ добрый часъ!.. [Ламбертъ кланяется и уходитъ].

ШАФИРОВЪ.

Теперь, государь, не взглянете ли на сотниковъ моихъ, на арестантскихъ?..

ПЕТРЪ.

Ждалъ, ждалъ давно... [Коввою]. Ступайте. Скажите начальнику, что я этихъ людей себѣ на поруки взялъ... [Солдаты уходятъ].

КОЛОДНИКИ [снова падая въ ноги].

Отецъ ты нашъ...

ПЕТРЪ.

Ну, что за причитанья?!... Встань... [Тѣ вскочили]. Вы что же старосты артельные, арестантскіе?

ОДИНЪ.

Сотники мы... Отъ сотни по человѣку выбраны. Міромъ, значитъ...

ПЕТРЪ.

Ладно. И сколько же васъ? [Окинулъ глазомъ]. 20 будетъ?

ОДИНЪ.

Ровно два десятка...

ПЕТРЪ.

Значитъ, всѣхъ 2.000 васъ мнѣ прислали изъ тюремнаго да сибирскаго приказу?.. Добро. Видно, много воровъ въ моемъ царствѣ. Чего ни спрошу, все сполна не дають... А тутъ, сколько заказывалъ, столько и пришло. И за то спасибо!.. Чудны дѣла Твои, Господи... Слушайте же мой приказъ... Другъ у друга воруйте, сколько влѣзетъ... У чужихъ — ни-ни!.. Всѣ за одного отвѣчаютъ... За первую вину—вотъ этимъ... [грозить дубинкой своей]. За вторую въ кнуты... За третью—на висѣлицу! Мое слово—твердо!.. Дальше. Кормить будутъ васъ досыта, поить въ праздникъ—допьяна... Работать заставятъ до полусмерти!.. Такъ и знайте.

ГОЛОСА.

Государь ты нашъ... Отецъ родной! Да съ чего же и грѣшимъ болѣ, какъ не съ голоду?.. А сыты,—такъ и робить станемъ по душѣ... по совѣсти...

ПЕТРЪ.

Вотъ и хорошо, Уговоръ дороже денегъ!.. Не забывайте! [Къ первому]. Ты за что посаженъ?.. Скажи, борода:

ПЕРВЫЙ [чешетъ въ затылкѣ].

Я-то?

ПЕТРЪ.

Ты-го...

ПЕРВЫЙ.

Съ тещей не поладилъ... Обидѣлъ старуху малость... не нарококомъ... Погладить ее хотѣлъ, да захребетье-то ей и перешибѣ...

ПЕТРЪ.

Пришибѣ—велика-ль бѣда? За это не сажаютъ...

ПЕРВЫЙ.

Да... хитрая она... злая баба... На зло мнѣ, взяла да и...

ПЕТРЪ.

Ну?..

ПЕРВЫЙ.

Померла въ тотъ же день... Околѣла... на зло, государь...

ПЕТРЪ.

Да?!... Тогда иное дѣло... Однако, время идетъ... Ступайте въ свои казармы... А я для васъ прикажу на той сторонѣ и бараки складывать... Съ Богомъ!..

ВСЪ [тепло].

Храни тя Господь, батюшка-царь!..

[Уходятъ].

ПЕТРЪ.

Ну, тетка, другъ, еще какія вѣсти принасъ ты для меня?

ШАФИРОВЪ.

Есть, государь... Только не вѣсти, а «Вѣдомости», си-рѣчь: «Юриалъ» завтрашній... Проглядѣть не изволишь ли, какъ обычно?... Тутъ и доношенья послѣднія о сдачѣ Яма да Копорья...

ПЕТРЪ [доставая карандашъ].

Давай, давай... [Просматриваетъ, присѣвъ на поручни крылечка]. Печатный дворъ у насъ больно не казистъ. Гораздо недостаточень... Вотъ ужъ англическому—не чета... Да и «куранты»-то наши зѣло не полны... [Треплетъ листокъ]. Табаку четвертку не завернешь! А у иностранныхъ потентатовъ—простыни цѣлыя...

ШАФИРОВЪ.

Исправимся, государь... За то у нихъ земель да народу—на одну понюшку... А у насъ?! И-и!..

ПЕТРЪ.

То-то, и я думаю... Ишь, Мишутка-то Безпалый подлець... [Править корректуру]. Какъ азы собираль?! Гдѣ «нашъ»—онъ «мыслѣте» всюду тычетъ!

ШАФИРОВЪ.

Гораздъ мыслѣте писать, государь! Самъ знаешь... Вчера зашибши былъ... Нонѣ и не работалось печатнику нашему...

ПЕТРЪ [грозя дубинкой].

Ладно ужъ... Я ихъ подберу!.. Ну, да что мы тутъ стоимъ?.. Зайдемъ въ хибарку... [Пушка бьетъ поудень]. Слышь, пушка ударила... Ко щамъ пора...

ШАФИРОВЪ.

Спасибо на чести, государь... Твой гость!

ПЕТРЪ [сторонясь].

Такъ проходи, тезка!..

ШАФИРОВЪ.

Тебѣ бы впередъ, государь...

ПЕТРЪ [нетерпѣливо].

Ну, не ломайся, тезка... Время даромъ не губи... Время дорого!..

ШАФИРОВЪ [поднимаясь на крылечко].

Не прекословлю, государь!..

ПЕТРЪ [зоветъ].

Катюша! Гостя веду!..

[Меншиковъ съ Вибсомъ и 5—6 матросами-фрисландцами вошелъ и завидѣлъ Петра].

МЕНШИКОВЪ [громко].

Капитанъ... государь мой, погоди малость!.. Гостей дорогихъ, давно жданныхъ, веду къ тебѣ...

ПЕТРЪ [живо обернулся, идетъ навстрѣчу].

Милости просимъ, гости дорогие... Кто такіе будутъ?

МЕНШИКОВЪ.

А вотъ изволь куплименты учинить! Карлушка Выбесь, шхиперъ «Амалия»...

ВИБЕСЬ [важно].

Шена мой—Амалия... и флійботъ мой—«Амалия».

МЕНШИКОВЪ.

Вотъ слыхалъ, капитанъ? Съ флиботомъ изъ Фризовъ къ намъ зашелъ. Вина и соли грузъ... Первый «купецъ» морской въ нашемъ морскомъ и невскомъ гафенѣ...

ПЕТРЪ [сильно обрадованъ].

Помилуй, Богъ!.. Спасибо за вѣсть... За гостя спасибо, Алексаша... Милости просимъ, гости дорогіе... Какъ тебя, другъ-шхиперъ, надоумило заглянуть къ намъ?

ВИВВСЪ.

Я узлихалъ: нови портъ... Снаю, что перви кость—сами лучши кости... И паѣхаль... Думай: льготъ какой полушить... Я снай, царь вашъ—не глупи мальшикъ... И на галански ясикъ снаить... И на нашъ маниръ шиветь... Качу вашъ царь позмотрить...

ПЕТРЪ.

Покажемъ... покажемъ... и царя... и царицу... и съ царятами... всѣхъ... А теперъ скажи: чего бы ты хотѣлъ на льготу себѣ.. у насъ, въ нашемъ порту?

ВИВВСЪ.

Пустой дѣль... Только што би я одна мохъ соль и вино торговать... ну, будимъ каварить, не много... 10 лѣтъ...

ПЕТРЪ.

А выкусить не хочешь ли?.. Жирно ѣшь, подурнѣешь... Обѣщаль я какъ-то, что первому судну 500 золотыхъ — капитану... по 30 золотыхъ матросамъ... Алексаша: не много ихъ?

МЕНШИКОВЪ.

Шестеро, государь мой...

ПЕТРЪ.

Это еще живетъ... Вотъ это и получишь... И другихъ двое кораблей изъ первыхъ, кто по тебѣ придетъ, тоже получать субсидію... Такъ и говори у себя...

ЕКАТЕРИНА [выходя].

Что за шумъ, бою нѣтъ? Гдѣ же гости, что сулилъ, государь? Щи стынуть... Торопись, государь!..

ВИВБСЪ.

Какой глюни разкаворъ у ваши женщинъ: на мужъ «государь» каварить...

МЕНШИКОВЪ.

Ты глупъ, нѣмецъ... Это же нашъ государь и есть! Самъ Петръ Алексѣевичъ!..

ВИВБСЪ [тычетъ пальцемъ].

Этта? Въ такой кафтанъ?.. [Застылъ въ недоумѣніи].

ПЕТРЪ.

Видишь, Катюша, сколько ихъ подвалило?! Не влѣзутъ къ намъ въ покой... Въ австерію мы съ ними пойдѣмъ и за милую душу...

ЕКАТЕРИНА.

Охъ, нѣтъ, герцинка!.. Не такъ здоровъ ты у насъ нынче... Бери главнаго... Вонъ, что, ротъ разиня, стоитъ, веди его съ Данилычемъ... И Петрушѣ къ намъ. А тѣхъ пошли съ кѣмъ нибудь угощаться... Да вонъ князь-папа бредетъ... Онъ съ радостью, чай...

ПЕТРЪ.

И то... Эй, Зотовъ!.. Князь папѣйшій?.. Живѣ ползи!..

ЗОТОВЪ [толстый, красный, типъ «питуха»].

Не къ спѣху... Не на чарку зовешь... На распеканцію, чай... [Пыхтя, подходитъ].

ПЕТРЪ.

Вотъ, и не угадалъ... хотя за опозданіе въ постройкѣ бастіона твоего стдишь палокъ, а не чарокъ... Да, видно, Богъ за тебя... Вотъ этихъ молодцовъ споить некому!.. Ступай къ «Четыремъ фрегатамъ», намочи ихъ хорошенько.

ЗОТОВЪ [сразу ожилъ, сталъ подвиженъ].

Выкупаю, выстираю... Три дни сохнутъ стануть,—не высохнутъ! Вы, акулы земноводныя, кромѣ морской воды, что больше всего пьете?.. Молчатъ... Видно, не понимаютъ по-нашему... Такъ я имъ на знакахъ покажу... Выставлю батарею бутылокъ... Сами себѣ по орудію выберутъ... Пущай! [Хлопая себя по галстуху]. Идемъ! Шнапсъ!.. Поняли?

МАТРОСЫ [радостно кивая головами].

Шнапсъ... я! я!

ЗОТОВЪ.

Ишь, какъ шнапсъ, п по-русски заговорили: я! я!.. И ты... и ты... всѣ! Ну, идемъ!.. [Уходитъ съ ними въ австерію].

ПЕТРЪ [Шафирову].

Тетка! Гляди, не забудь... Нѣтъ... Я самъ припишу въ курантахъ: «Новембрія, пятого дня... Первые, моль, корабли купеческіе въ гафенъ Санкт-Питербурхъ припожаловали»!.. (Радостно потирая руки). Ха, ха, ха!.. Вотъ это такъ вѣсточка!.. [Меньшикову и Виббсу]. А теперъ милости прошу! Ко мнѣ, въ горницу!

[Меншиковъ беретъ и уводитъ опалѣлаго шкипера. Екатерина за ними].

ЗАНАВѢСЬ.

КАРТИНА X.

Вѣщій сонъ.

Лица тѣ же, что и въ прошлой картинѣ.

Вечеръ того же дня. Обширный, невысокій покой въ домикѣ Петра. Потолокъ на дубовыхъ балкахъ. Гладкій, бѣлый полъ, штукатуренныя стѣны. Окна широкія, съ частымъ, свинцовымъ переплетомъ, въ который вставлены небольшія квадратныя стекла. Двери направо и налево. Рядомъ съ дверьми, на стѣнѣ—полки съ посудой, съ часами, тутъ и глобусъ. И ларцы небольшіе, и кубки, и трубка подзорная, и книги. Вдоль задней стѣны, у оконъ скамья. Дальше длинный столъ, покрытый бѣлой скатертью. На немъ слѣды пирушки. Простые, лакированные табуреты. Шкапчикъ въ углу. Комодъ у стѣны. Небольшой буфетъ съ другой стороны. Тафтяныя занавѣски на окнахъ отдернуты и пропускаютъ послѣдніе лучи заката. Екатерина хлопочетъ у стола, прибирая, относя посуду на мѣсто и пр. Петръ, стоя спиной къ выходной двери, которая въ правой стѣнѣ, держитъ въ одной рукѣ кувшинъ, въ другой кубокъ.

ШАФИРОВЪ, МЕНШИКОВЪ, ВИББСЪ, ЗОТОВЪ

[стоятъ передъ нимъ и кланяются].

Много благодарны, хозяинъ ласковый, на угощеньѣ. До дому пора... И то засидѣлись...

ПЕТРЪ.

Посошокъ на дорогу. Безъ того нельзя! [Налилъ].

ЗОТОВЪ [протягивая руку].

Подопрусь, давай!.. [Пьетъ].

МЕНШИКОВЪ.

Тебѣ бы, папѣйшій, и дубинку не мѣшало...

ПЕТРЪ.

И очень даже...

ЗОТОВЪ [совсѣмъ пьяный].

Ну, вотъ оговариваете человѣка... И посошокъ не въ то горло попалъ. [Кашляетъ]. Кха... Кха... Плесни еще, государь...

ПЕТРЪ [наливая].

Не жаль... Гляди: самъ не расплецись по пути...

ЗОТОВЪ [пьетъ].

Ни.. ничего... Я съ Данилычемъ пойду... Онъ меня соблюдетъ... А я его со... блю... ду...

МЕНШИКОВЪ.

То-то... Блю... блю... Иди ужъ на свѣжій воздухъ, пусть тебя обвѣетъ!

ЗОТОВЪ.

И пойду... И никому дѣло... И ушелъ... [Нетвердыми шагами уходитъ].

МЕНШИКОВЪ [принявъ кубокъ].

За твое здоровье!.. [Пьетъ]. Счастливо оставаться, хозяйюшка ласковая. Прости, капитанъ, другъ ты мой...

ПЕТРЪ.

Съ Богомъ, герценкиндинька... Завтра, въ 4 утра, не забудь, приходи съ Головиннымъ... Я его къ цесарю шлю.

МЕНШИКОВЪ.

Буду, государь!.. [Уходитъ].

ШАФИРОВЪ.

Ну, шхиперь! Пей разгонную, кланяйся и пойдемъ.

ВИВЕСЪ [еле языкомъ ворочаетъ].

Пі... омъ... [Высасываетъ кубокъ]. П... п... ппай... домъ... [Беретъ подъ руку Шафирова].

ШАФИРОВЪ [одной рукой принявъ кубокъ].

Благодарствую на угощеньѣ! Счастливо оставаться!.. Доброй ночи. [Уводитъ Виббса].

ПЕТРЪ [обернувшись къ дверямъ].

Счастливаго пути! [Ставить кубокъ и кувшинъ на полку, тут же. Оперся на нее, стоитъ спиной къ двери и задумался].

ЕКАТЕРИНА [черезъ плечо поглядѣвъ на него].

Что не весель, Петрушенька? Кажись, все по-твоему нынче было...

ПЕТРЪ.

Нынче?.. Да!.. Вчера?.. Тоже... Завтра можетъ быть? А тамъ что будетъ?.. Что насъ ждетъ? Меня и царство?

ЕКАТЕРИНА.

Что Богъ дастъ, Петрушенька...

ПЕТРЪ [съ легкой досадой].

Молчи! Умна ты, да по-бабьи. Такое дѣло великое передъ тобой творится... Царство могучее... Народъ многомилліонный я на новый путь задумалъ повести... Вѣками то дѣло мѣряется... Десятками вѣковъ... А ты... [подражая ей] «Что Богъ дастъ!»... Меня Онъ далъ Россіи! Такъ и взыскано будетъ съ меня... Судить потомъ еще каждый мой шагъ сколько поколѣній... сколько людей станеть... И строго учнутъ судить... Не по пріязни, по совѣсти... Что-то скажутъ? Какъ присудятъ?.. Вотъ что душу томить мнѣ порой...

ЕКАТЕРИНА [полуобернувшись къ нему отъ стола, ласково].

Вижу... знаю, другъ ты мой сердешненькій. А ты на Бога положишься... Даль онъ тебя царству—значить, и все другое Его же волей творится. И ты, ми... А-а!.. [Съ громкимъ крикомъ ужаса кидается между Петромъ и Юлэ, который съ ножомъ въ рукѣ вырвался изъ двери и готовъ поразить въ спину Петра. Екатерина, сильно рванувъ въ сторону Петра, отталкиваетъ Юлэ. Тотъ падаетъ на одно колѣно].

ПЕТРЪ [быстро обернувшись, понялъ все].

Стой, предатель!.. [Хватаетъ и обезоруживаетъ Юлэ]. Катюша, онъ онъ не ранилъ тебя?..

ЕКАТЕРИНА [упавшая на табуретъ у дверей].

Нѣтъ... Пустое... Оцарапала руку... сама объ ножъ... Держи, чтобъ злодѣй не ушелъ, государь!..

ПЕТРЪ [посмотрѣвъ на уничтоженнаго Юллэ].

Не уйдетъ. Мальчикъ совсѣмъ... безумный, вѣрно... Стоитъ, дрожитъ, словно въ ознобѣ!.. Кто ты? Зачѣмъ сюда пришелъ? Знаешь ли, кто я? Тебя я не знаю.

ЮЛЛЭ.

Ты—русскій... А русскіе — мнѣ враги... Вы дѣда убили. И я рѣшился мстить...

ПЕТРЪ.

Мстить?.. Ты хочешь мстить за то, что творится по волѣ судьбы?.. Жалкій, глупый ребенокъ! [Взявъ его за плечи, поворачиваетъ къ дверямъ]. Ступай... Иди съ миромъ... Помни, что здѣсь было, и не искушай Всемогущаго... [Слегка толкаетъ его къ дверямъ].

ЮЛЛЭ [съ рыданіемъ вдругъ опускается къ ногамъ Петра].

Добрый человѣкъ... великій человѣкъ... прости меня!.. [Цѣлуетъ руку Петра и быстро уходитъ].

ПЕТРЪ [подошелъ къ окну и глядитъ на затихающій городъ].

ЕКАТЕРИНА [подойдя и прильнувъ къ нему головой].

А хорошо, что ты отпустилъ мальчика...

ПЕТРЪ [грустно].

Пусть такъ же Господь отпуститъ мнѣ мои всѣ грѣхи вольные и невольные...

ЕКАТЕРИНА.

Ну, я иду на покой... устала... А ты?..

ПЕТРЪ.

Я побуду еще здѣсь... Вонъ огни загораются въ домахъ моего городка. Что-то съ нимъ? Что-то съ людьми этими будетъ?.. Что меня ждетъ?..

ЕКАТЕРИНА [подвигая большое, клеенкой обитое кресло къ окну].

Ну, хоть садись... Гляди себѣ... Все-таки поспокойнѣе... И ты за день намаялся... [Цѣлуетъ его въ щеку]. Доброй ночи!

ПЕТРЪ.

Усни спокойно, Катюша!.. [Цѣлуетъ ее въ лобъ].

[Екатерина уходитъ налѣво].

ПЕТРЪ.

Вонъ, и на рѣкѣ огоньки загорѣлись разноцвѣтные... Сторожевые... Чу?.. Окликъ часовыхъ начались... Городъ живетъ... Крепость строится... Что-то будетъ потомъ? Зерно молодое, свѣжее въ борозду кинуть?.. Какой цвѣтъ... Какіе плоды оно дастъ? Господи! просвѣти! Разрѣши сомнѣнія... [Затихъ, задумался и засыпаетъ въ креслѣ].

[Темнота полная. Задняя стѣна исчезаетъ. Передъ зрителемъ Петербургъ въ 1903 году съ птичьего полета, до самаго устья Невы].

ФИННЪ.

[Гѣнь старика, появившійся въ красныхъ лучахъ за кресломъ Петра, указываетъ ему на картину].

На жаркій зовъ души я откликъ далъ душою.
Гляди и не тоскуй... Работай и твори!
Дни злые, добрые проходятъ чередою...
Такому жребію—подвластны и цари...

[Видна площадь Исаакія съ памятникомъ Петра. Парадъ. Представители всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, привѣтствуютъ молодого цари, объѣзжающаго ряды. Во время этой картины музыка и звонъ колоколовъ].

ФИННЪ [дѣлаетъ знакъ. Звукъ умолкаетъ].

Могучій! На свое великое творенье
Любуйся... Минуло два вѣка... Сталъ царить
Праправнукъ твой... За все благодаренье
Онъ плетъ... Но думаетъ міръ мирно покорить!
Ты рушилъ косность, гналъ покой
И твердой, мощною рукой
Держалъ кормило. На просторъ
Рвался твой духъ, стремился взоръ.
Усилья кормчаго вели
Корабль родной его земли

Къ великимъ цѣлямъ, по пути,
Гдѣ только геній могъ пройти.
А мощь души, она цѣнна
Во всѣ вѣка и времена!

[Дѣлаетъ знакъ. Картина снова мѣняется. Виденъ современный Петербургъ, на-
норама съ птичьяго полета, но уже ночью. Улицы залиты электрическимъ свѣ-
томъ. Освѣщенные окна домовъ—словно звѣзды, искрятся и отражаются въ водѣ.
Луна сіяетъ въ темномъ небѣ и горятъ звѣзды... Тихая музыка].

ЗАНАВѢСЪ.

АПОФЕОЗЪ.

Во всю сцену устроенъ полуглобусъ, на которомъ нанесены границы тепереш-
ней Россіи. Всѣ народы и племена, населяющіе это пространство, въ группахъ,
братски обнявшись, стоятъ на полуглобусѣ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новога Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новога Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ДЕКАБРЬ, 1903

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1903 г.

СТРАН.

I. Замоскворѣцкіе тузы. (Достовѣрныя записки современника). XXXII—XLIII. (Окончаніе). Д. И. Стахѣва	739
II. Изъ воспоминаній артистки А. П. Натаровой. VIII—XII. (Окончаніе).	778
III. Типы и характеры Кавказскаго Черноморскаго побережья. IV. Новожилы. С. И. Васюкова	804
IV. Изъ семейной хроники. М. Адамъ	816
V. Кто былъ первый народный партизанъ на Руси въ эпоху отечественной войны? Дмитрія Мисоѣдова	828
VI. Изъ разсказовъ моего дяди. А. Смирнова	835
VII. Изъ воспоминаній о прошломъ. В. С. Акимова	850
VIII. Къ характеристикѣ императора Николая Павловича. Е. Д. Палхолоквой	860
IX. Исторія бѣдствій одной семьи. (Изъ воспоминаній стараго кавказца). Ав—е.	865
X. Въ заимкахъ и монастыряхъ у старцевъ. (Изъ путешествія по сибирской тайгѣ). III—V. (Окончаніе). П. И. Соколова-Костромскаго	885
XI. Подложный указъ. (Исторія одного крестьянскаго бунта). Д. В. Федорова	907
XII. Хутынский монастырь. (Изъ экскурсій въ окрестности Новгородъ). А. Г. Слезкинскаго	926
иллюстраціи: 1) Общій видъ Хутынскаго монастыря. — 2) Хутынский монастырь. Спасо-Преображенскій соборъ. — 3) Хутынский монастырь. Иконоетасъ въ соборѣ. — 4) Хутынский монастырь. Царскія врата въ соборѣ. — 5) Хутынский монастырь. Рава надъ мощами св. Варлаама. — 6) Хутынский монастырь. Входъ съ берега. — 7) Хутынский монастырь. Часовня св. Варлаама въ Новгородѣ.	
XIII. Въ старомъ Гданскѣ. Г. А. Воробьева	944
иллюстраціи: 1) Общій видъ Данцига съ Бишофсберга. — 2) Набережная рѣки Мотлавы въ Данцигѣ. — 3) Церковь Богоматери въ Данцигѣ. — 4) Главный алтарь въ церкви Богоматери. — 5) Ратуша въ Данцигѣ. — 6) Артургофъ-биржа. — 7) Главный залъ въ Артургофѣ. — 8) Древній арсеналь въ Данцигѣ. — 9) Аббатство Олива. — 10) Юппенгассе и церковь Богоматери.	
XIV. Портретъ Гамлета. С. Г. Москаленко	977
XV. Платонъ Григорьевичъ Ободовскій. Біо-библиографическій очеркъ. Б. М. Горедецкаго	987
иллюстрація: Платонъ Григорьевичъ Ободовскій. (Съ современнаго живописнаго портрета).	
XVI. Памяти Вс. С. Соловьева. К. Медвѣдскаго	998
иллюстрація: Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ.	
XVII. П. Е. Накрохинъ. К. Петрова	1007
иллюстрація: Прокопій Егоровичъ Накрохинъ.	
XVIII. Геральдическая выставка въ г. Митавѣ. А. Э. Мальмгрена	1018
XIX. Иностранцы о Россіи. В. Ш.	1023
XX. Критика и библиографія	1052

1) С. А. Вѣлокуровъ. Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII вѣка. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей российскихъ. Москва. 1903. В. Ф—но. — 2) Профессоръ Ф. В. Благовидовъ. Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императоровъ Александра и Николая I. Казань. 1903. Сергѣя фонъ-Штейна. — 3) Н. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 4) А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древне-русской литературѣ. Спб. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 5) Д. Ф. Хартуларіи. Обзоръ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу, съ 1802 по 1881 годъ. Изданіе департамента общихъ дѣлъ. Спб. 1903. В. Руданова. — 6) А. С. Пругавинъ. Редлиозные отщепенцы. 1904. А. Фаресова. — 7) Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ городѣ Харьковѣ. Подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ проф. Е. К. Рѣдина. М. 1903. А. И. Яцимирскаго. — 8) Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Вып. II. Спб. 1903. А. И. Яцимир-

См. слѣд. стр.

снѣго.—9) Вѣстий Олега. Болгарія и Македонія. Съ иллюстраціями по фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ, и съ картой Западной Македоніи. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—10) А. Амфитеатровъ. Страна раздора. Балканскія впечатлѣнія. Спб. 1903. Андрея Сиротинина.—11) Костомаровъ, П. И. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая. Томъ I—III. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1903. щ.—12) Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Въ трехъ частяхъ. Съ девятнадцатью портретами, пятью рисунками, двадцатью шестью раскрашенными изображеніями малороссіянъ и малороссіянокъ въ старинныхъ одеждахъ, планомъ Берестечкаго сраженія, снимками подписей разныхъ гетмановъ и предводителей казаковъ, и съ картою, представляющею Малороссію подъ владѣніемъ польскимъ въ началѣ XVII вѣка. Соч. Д. Вахтыша-Каменскаго. Изданіе четвертое. Печатано съ третьяго изданія безъ измѣненія. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1903. в. ф.—но.—13) Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей В. Харузиной. Выпускъ III. Собственность и первобытное государство. Москва. 1903. а. и. Яцимирскаго.—14) Проф. Н. Н. Любовичъ. Международный историческій конгрессъ въ Римѣ. Варшава. 1903. п. к.—аго.—15) Библиотека указателей. Выпускъ I. «Дневники» А. В. Никитенко, т. I—III. «Воспоминанія» И. И. Панаева. Составила М. С. Бояновская. Спб. 1903. к. 1—хъ.—16) Katalog der Heraclidischen Ausstellung in Mitau. 1903. Митава. 1903. а. э. м.—17) Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 23-й. Саратовъ 1903.—Курскій сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета подъ ред. К. И. Златоверхникова. Вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи. Часть 3-я. Приготовилъ въ печати В. И. Рязановъ. Курскъ. 1903. щ—ва.—18) Максимовъ, А. Г. Описаніе русскихъ періодическихъ изданій XIX вѣка. Московскій Меркурій 1803 года. Ежемѣсячный журналъ, изданіе П. И. Макарова. Спб. 1903. п. щ.—19) Index to the Periodicals of 1900. The Review of Reviews. London. б. г.—цнаго.—20) Драго Войновичъ. Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Одесса. 1903. Андрея Сиротинина.—21) Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ второй. Варшава. 1903. п. к.—аго.

XXI. Заграничныя историческія новости и мелочи 1101

1) Происхожденіе Савойскаго дома.—2) Герцогъ Ларошфуко-Лянкуръ.—3) Неизвѣстная страница изъ жизни Наполеона.—4) Сестры извѣстныхъ французскихъ писателей.—5) Воспоминанія о папѣ Львѣ XIII.—6) Висмаръ.—7) Юбилей Альфьери.—8) Данте на сценѣ.—9) Смерть Лекки и Моммзена.—10) Березинскій музей.

XXII. Смѣсь 1120

1) Присужденіе премій имени А. С. Пушкина.—2) Памятникъ Александру II.—3) Къ сооруженію памятника В. Н. Каразину.—4) Варшавскіе памятники.—5) Памятникъ русскимъ воинамъ въ Эрзерумѣ.—6) Геральдическая выставка въ Митавѣ.—7) С.-Петербургское археологическое общество.—8) Московское археологическое общество.—9) Археологическія находки.—10) Общество любителей россійской словесности.—11) Библиологическое общество.—12) Библиотека Кудрявцева.—13) Географическое общество.—14) Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія.—15) Румицевскій музей.—16) Общество археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

XXIII. Некрологи 1141

1) Апухтинъ, А. Л.—2) Вертеръ, Е. А.—3) Глѣбовъ, П. А.—4) Дебольскій, Н. Н.—5) Докучаевъ, В. Б.—6) Евневичъ, И. А.—7) Звенигородскій, А. В.—8) Ивановъ, С. И.—9) Морозовъ, М. А.—10) Петровичъ, А.—11) Сагоновъ, М. Н.

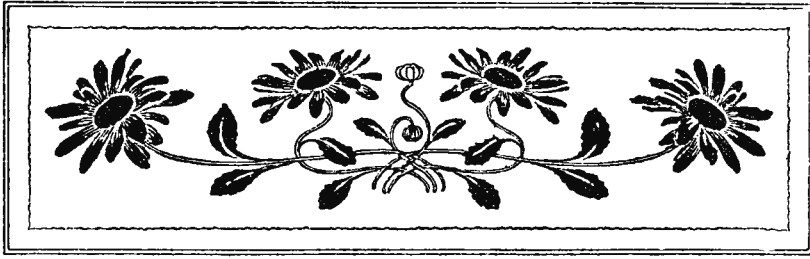
XXIV. Замѣтки и поправки 1150

1) Къ статьѣ «Кавказскія минеральныя воды». О. Гнѣдичъ, ромд. Байковой.—2) Къ статьѣ «Черниговъ и его святѣи». И. Д. Дунина-Борновскаго.

XXV. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Александра Дмитріевича Лесля.—2) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1903 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за то же время.

Къ декабрьской книгѣ «Историческаго Вѣстника» для всѣхъ подписчиковъ прилагаются объявленія: 1) о подпискѣ на «Новый Журналъ Иностранной Литературы» на 1904 годъ; 2) Товарищества Русско-Французскихъ заводовъ резинового, гуттаперчевого и телеграфнаго производствъ «Проводникъ» въ Ригѣ; 3) о подпискѣ на «Иллюстрированную Библиотеку Нивы» 1904 г., содержащую изданіе «Большой всемірной настольный атласъ Маркса» и 4) о подпискѣ въ 1904 г. на журналы «Дѣтское Чтеніе» и «Педагогическій Листокъ».

ЗАМОСКВОРЪЦКІЕ ТУЗЫ ¹⁾.

XXXII.

ВЪ ДОМѢ Захара Прохоровича шли дни за днями, ровно, спокойно, не нарушаемые никакими переменами и неожиданностями во взаимныхъ отношеніяхъ его обитателей. Захаръ Прохоровичъ попрежнему оставался церковнымъ старостой своей приходской церкви, и каждое воскресенье самолично стоялъ во время службы за свѣчнымъ ящикомъ, продавая свѣчи. Какъ и прежде, отецъ Мартинъ съ дьякономъ приходили въ воскресенье послѣ обѣдни къ нему въ домъ «на чашку чаю», и разговоры велись между ними прежніе, можно даже сказать, чуть ли не тѣ же самыя, которые велись когда-то, лѣтъ пятнадцать-двадцать назадъ.

Женитьба Михаила Захаровича не внесла въ домъ почти никакихъ переменъ; только въ первое время послѣ свадьбы мирное теченіе жизни по временамъ нарушалось: въ окнахъ виднѣлся свѣтъ не въ обычное время, и ворота растворялись настежь иногда въ такой поздній часъ ночи, который справедливѣе назвать раннимъ часомъ утра, — то молодые возвращались изъ гостей, или гости уѣзжали отъ нихъ послѣ продолжительнаго и обильнаго истребленія яствъ и питій за позднимъ ужиномъ. Такъ продолжалось недѣли три, много четыре, а потомъ жизнь мало-по-малу стала входить въ обычную колею.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XCIV, стр. 369.

Мать Екатерины Александровны и отецъ ея, все-таки прѣхавшій послѣ отъѣзда Галактіона Герасимовича во Святую Землю, несмотря на то, что ему не было на это дано старикомъ разрѣшенія, прогостили въ Москвѣ недѣли двѣ. Мать, одѣвавшаяся при Галактіонѣ Герасимовичѣ въ простенькое платье и закрывавшая голову платочкомъ, одѣлась послѣ его отъѣзда въ шелковыя ткани и платочекъ замѣнила модной шляпкой. Мужъ ея, Александръ Галактіоновичъ, не смѣвшій въ присутствіи отца курить табакъ и не рѣшавшійся при немъ садиться, хотя бы на самый ближайшій къ дверямъ стулъ, курилъ теперь, по его словамъ, «неугасимую» и, сидя въ развалку на диванѣ въ гостиной Захара Прохоровича, разговаривалъ по цѣлымъ часамъ и о торговлѣ, и объ архіерейскомъ служеніи, и о коварной политикѣ Австріи и т. д. и т. д. Говорить онъ любилъ, были бы лишь слушатели. Онъ и жена его были довольны удачнымъ выходомъ дочери въ замужество и жалѣли только о томъ, что наступившій Великій постъ лишилъ ихъ театра, къ которому оба они имѣли большую, говоря ихъ словами, «приверженность». Александръ Галактіоновичъ еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что успѣлъ занять у Захара Прохоровича въ день отъѣзда изъ Москвы двѣ тысячи рублей, которые, впрочемъ, въ первые же дни по возвращеніи на родину, проигралъ въ карты.

Разставшись съ родителями, Екатерина Александровна почувствовала себя не столько въ одиночествѣ, сколько въ положеніи такого человѣка, у котораго гора свалилась съ плечъ. Не въ обиду будь сказано ея родителямъ, она знала цѣну отцовскому краснобайству и не раздѣляла взглядовъ матери на жизнь, на которую та смотрѣла глазами мужа, именно только съ точки зрѣнія наиболѣе пріятнаго ея пользованія. Для чего же и жить, когда пріятности ни въ чемъ не будетъ, говаривала она, предполагавшая, по своему разумѣнію, что въ жизни ничего другого не должно быть.

Екатерина Александровна, новобрачная, напротивъ, Богъ знаетъ, когда и отъ кого усвоила совсѣмъ иные взгляды на жизнь и на людей, и чуть не съ первыхъ лѣтъ дѣтства относилась ко всему окружающему съ озабоченною серьезностью, вовсе, казалось бы, не свойственною ея годамъ и воспитанію.

Послѣ отъѣзда отца и матери она стала время отъ времени появляться на кухнѣ своего новаго домашнего очага, одѣтая въ холщевый передникъ и съ засученными рукавами ситцеваго платья. Въ рукахъ ея, иногда осыпанныхъ мукой, появились связки ключей, и послышался на кухнѣ ея звонкій голосъ. Анна Федоровна въ первое время не безъ боязливости прислушивалась къ ея рѣчамъ, опасаясь, не вызвали бы какого замѣшательства въ ходѣ

домашнихъ дѣлъ распоряженія молодой хозяйки, но вскорѣ убѣдилась, что она науку домоводства знаетъ основательно.

Въ дни, предшествовавшіе свадьбѣ, когда на скорую руку отдѣлывались для будущей четы комнаты въ домѣ Захара Прохоровича, и Захаръ Прохоровичъ съ Анной Ѳедоровной распланировывали по-новому весь верхній этажъ занимаемаго ими дома, тогда еще оба они замѣтили, что Екатерина Александровна «толковая».

Въ тѣ первые дни знакомства съ будущими родственниками, можно сказать, почти не зная расположенія комнатъ въ домѣ, она послѣ двухъ, трехъ словъ о предполагаемыхъ перемѣнахъ, уже высказала свои объ этомъ мнѣнія такъ удачно, что Захаръ Прохоровичъ съ Анной Ѳедоровной и Михаиломъ Захаровичемъ только переглядывались отъ удовольствія. Захаръ Прохоровичъ предложилъ, на примѣръ, перенести свою спальню и кабинетъ въ нижній этажъ, находя нужнымъ сдѣлать изъ этихъ двухъ комнатъ помещеніе для будущей четы, а она признала это совершенно лишнимъ, ничуть даже не вызываемымъ обстоятельствами дѣла, и предложила перенести гостиную въ залъ, а изъ гостиной сдѣлать для нихъ спальню и уборную, раздѣливъ комнату портьерой.

— Это резонно! Это въ самую можно сказать правильную линію ведетъ, — весело замѣтилъ въ отвѣтъ на ея слова Захаръ Прохоровичъ.

Разъ какъ-то она, увлекшись своими хозяйственными распоряженіями, стала оживленно размахивать руками, проектируя постановку только что привезенной мебели, и вдругъ уловила взгляды Захара Прохоровича и Анны Ѳедоровны.

— Извините... Я, кажется, немного увлеклась... Не мое это дѣло, — въ смущеніи проговорила она, потупляя глаза.

— То-есть, въ какомъ смыслѣ, не ваше? — улыбаясь, спросилъ Захаръ Прохоровичъ: — нешто вы не здѣшняя?..

— Да, я... пока не тутошная... ха! ха!.. — засмѣялась Екатерина Александровна.

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте ваше одолженіе, извините, самая вы что ни на есть тутошная. И самое это настоящее дѣло, когда, ежели вы входите въ разсужденіе о домашности, да еще притомъ съ такою резонностію... Всепокорнѣйше васъ прошу... Очень мы этимъ всѣ много довольны.

Екатерина Александровна, оправившаяся отъ смущенія, схватила за руки бывшую при этомъ мать Анфію, замѣтивъ, что и она, подобно хозяйкамъ, улыбается, любуясь ею, и шутливо стала ее упрекать:

— Зачѣмъ вы смѣтаетесь надо мной, матушка игуменья?.. Грѣшно это... Не смѣйтесь, вы — лицо духовное, и вамъ не подобаетъ...

— Что ты, Катенька, Господь съ тобой!.. Зачѣмъ я буду тебя осмѣивать?—тоже съ улыбкой отвѣтила игуменья:—увлеклась ты не много, это не большой грѣхъ, Господь простить.

— И совѣмъ даже напротивъ, — громко и весело возразилъ Захаръ Прохоровичъ:—не грѣхъ это, а великое достоинство. Самое это настоящее дѣло, когда ежели въ человѣкѣ есть хозяйственная жилка. По-моему, это—благодать, особый даръ отъ Господа. По дѣдушкѣ вы—внучка, Екатерина Александровна. Такая же у васъ быстрая сообразительность, какъ у самого, значить, Галактіона Герасимовича. Ей, ей!.. даже на удивленіе.

XXXIII.

Прошло со времени свадьбы мѣсяца два-три, жизнь вошла въ свои берега. У Екатерины Александровны на переддиванномъ столикѣ появилось уже какое-то вышиванье, за которымъ она стала по временамъ коротать время, ожидая возвращенія мужа «изъ города».

Анна Ѳедоровна, разговаривая иногда съ Захаромъ Прохоровичемъ о жизни новобрачныхъ, плакала слезами радости и крестилась на образъ.

— Не знаю ужъ, какъ и благодарить Господа,—шенотомъ передавала она Захару Прохоровичу:—не налюбуюсь я на нихъ, ровно какъ два голубка, не наглядятся другъ на друга. Спасибо Галактіону Герасимовичу... Вотъ ужъ именно, можно сказать, умный человѣкъ, зналъ кого выбрать для внучки...

Захаръ Прохоровичъ медленно поглаживалъ бороду, слушая Анну Ѳедоровну, и вставлялъ по временамъ въ ея рѣчь нѣкоторыя пояснительныя замѣчанія.

— Ты это, Анна, правильно, насчетъ того, то-есть, что Галактіонъ Герасимовичъ сообразительный человѣкъ, это такъ точно. Ну, только надо и то сказать, что мужъ твой тоже парень не безъ головы. Теперь, дѣло прошлое, скрывать нечего, скажу тебѣ, какъ на духу, что я съ первыхъ же словъ его понялъ суть дѣла и ухватился за старика обѣими руками... Думаю себѣ, для Миши партіи лучше и не найти...

— И хорошо!—возразила Анна Ѳедоровна:—ты ли, онъ ли, все едино. Можетъ, и не ты, и не онъ, а прямо таки за молитвы угодниковъ Господь послалъ такое утѣшеніе. Стало быть, надо благодарить Его, Создателя, и бѣднымъ помогать, которые нуждающіе...

— Вотъ это, Анна, правильно. Помогать всегда слѣдуетъ, потому сказано: другъ о другѣ, а Богъ обо всѣхъ.

И дѣйствительно на Екатерину Александровну нельзя было не любоваться. Умѣла она и промолчать во-время, когда Анна Ѳедоровна волновалась, раздраженная какими нибудь хозяйственными мелочами, и съ толкомъ сказать успокаивающее слово именно тогда,

когда оно было кстати, умѣла и уклониться отъ возникшихъ между прислугою и Анной Федоровной недоразумѣній, отойти въ сторону, какъ бы не замѣчая ихъ, и уединиться у себя въ комнатѣ, притомъ сдѣлать это, не выразивъ ничѣмъ ни досады, ни огорченія, иногда не безпричинно возникавшихъ у нея на сердцѣ. И когда Михаилъ Захаровичъ, возвратившись изъ города, замѣчалъ въ ея душевномъ состояніи перемѣну, она старалась насколько возможно скорѣе оправиться, овладѣть своимъ душевнымъ настроеніемъ и не дать ему замѣтить что либо непріятное.

Откуда было въ ней такое умѣнье владѣть собой, такая рассудительность и выработка терпѣнія? Составляли ли онѣ прирожденныя свойства ея души, или были до нѣкоторой степени вызваны тѣмъ воспитательнымъ вліяніемъ, какое имѣла на нее мать Анфія, — трудно сказать.

Игуменя дѣйствительно ее любила и иногда по недѣлямъ оставляла ее гостить въ монастырѣ. Бывало, она пріѣдетъ и начнетъ рассказывать матери Анфіи объ отцѣ, объ его увлеченіяхъ картами, о гнѣвѣ дѣдушки, безцеремонно ругавшаго его въ ея присутствіи, — мать Анфія только головой покачиваетъ и молчитъ. Чуткая Катя догадывается, что она покачиваетъ головой не въ осужденіе поступковъ ея отца, а въ осужденіе ея излишней словоохотливости — и смолкаетъ.

— Да, миленькая моя, — произноситъ наконецъ мать Анфія, какъ бы въ поясненіе своего молчанія, — въ молчаніи Катенька преуспѣваетъ благоговѣйная душа и научается сокровенному въ писаніяхъ. Вотъ ты жалуешься, что у васъ въ семьѣ много скорби. А гдѣ ея нѣтъ? «Нѣтъ, говоритъ Тома Кемпійскій, человѣка въ мірѣ безъ какого либо прискорбія или стѣсненія, хотя бы царь онъ былъ или первосвященникъ»...

Вліяніе такой изумительной по своей кротости и душевной чистотѣ наставницы, какою была мать Анфія, могло, конечно, отразиться на душевномъ складѣ Екатерины Александровны. Но можно ли сказать это въ утвердительной формѣ? Сколько есть примѣровъ совершенно противоположнаго значенія Иного человѣка какимъ вліяніемъ ни подчиняютъ, въ какихъ учебныхъ заведеніяхъ ни воспитываютъ, и начитанный онъ, и «напутешествованный», выйдетъ оттуда, а остается все-таки дуракъ дуракомъ, и слава Богу, если еще и не свиньей при этомъ, самодовольной, чванной и безсердечной.

Екатерина Александровна воспитывалась, какъ говорится, на мѣдныхъ деньгахъ, знала первыя правила ариѳметики, умѣла кой-какъ съ грѣхомъ пополамъ справляться съ буквой ѣ, и нельзя сказать, чтобы съ достаточною ясностью могла себѣ представить разницу между Китаемъ и Турціей, но прирожденный складъ ума и нѣ-

который навыкъ къ чтенію давали ей возможность стоять въ умственномъ развитіи почти на равной степени съ Михаиломъ Захаровичемъ, котораго, какъ извѣстно, учили даже приведенію дробей къ одному знаменателю.

Въ рукахъ Екатерины Александровны всякое дѣло, какъ говорится, кипитъ. Она и на кухню заглянетъ во-время, и горничной поможетъ, перемывая, напримѣръ, на окнахъ растенія, и скроить, что нужно, собственноручно, безъ помощи портнихъ. Найдеть время и передъ зеркаломъ повертѣться, оправляя на себѣ наряды, и, схвативъ за руки молодого мужа, попрыгать и покружиться съ нимъ съ веселымъ смѣхомъ по комнатѣ, къ удовольствію стариковъ, любовавшихся ею, можно сказать, со слезами умиленія.

— Анна! — шепталь Захаръ Прохоровичъ женѣ, — теперича намъ съ тобой только бы внука дожидаться, тогда можно бы сказать: «Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко!»

— Дождемся! — самоувѣренно отвѣчала Анна Ѳедоровна: — у людей родятся, Богъ дастъ, и у нашихъ будутъ. Чѣмъ мы хуже другихъ? Только я, Захаръ Прохоровичъ, «нынѣ отпускаеши» не хочу.

— Ишь ты что выдумала! Спрашивать тебя будутъ, что ли...

— Мнѣ желательно выростить внуковъ, да не одного, а чтобы съ полдюжины! Вотъ хорошо!

— Чего лучше! Такъ и запишемъ, желательно, молъ, шестерку.

— А что же? Хоть бы и шестерку, — очень даже хорошо это.

— Хорошо-то, хорошо, да не всякое наше желаніе исполняется. Я вотъ, къ примѣру сказать, желалъ тоже имѣть парочки двѣ дѣтокъ, однако по-моему не вышло. Пришлось, значить, удовольствоваться только однимъ сыномъ.

— Да нешто этому я причинна?... Отъ Бога, чай, это!..

— Во-о-тъ! — авторитетно заключилъ Захаръ Прохоровичъ: — наконецъ-то договорилась. Стало быть, на Него и уповать надо.

— Я и уповаю, и благодарю, и словъ не нахожу, какими бы могла выразить свои, то-есть, чувства...

Произнося послѣднія слова, Анна Ѳедоровна понизила голосъ до шепота и отерла наворачнувшіяся слезы.

Нельзя было не согласиться съ ея мнѣніемъ, что только за молитвы святыхъ угодниковъ Господь могъ даровать имъ такое утѣшеніе. Но надолго ли? — вотъ вопросъ.

XXXIV.

Въ одно изъ воскресеній, по окончаніи службы, отецъ Мартинъ и дьяконъ, Андрей Семеновичъ, по обыкновенію, пошли къ Захару Прохоровичу «на чашку чаю». Анна Ѳедоровна и Екатерина Александровна ожидали ихъ прихода и переговаривались, поглядывая въ окна.

— Что это, какъ они запоздали.

— Задержало, надо быть, что-нибудь.

Спустя нѣсколько времени, на лѣстницѣ раздались знакомые шаги и говоръ. Анна Федоровна и Екатерина Александровна вышли въ переднюю и подошли къ отцу Мартину со сложенными въ горсточку руками для принятія благословенія. Отецъ Мартинъ съ серьезнымъ выраженіемъ лица благословилъ ихъ, подаль Аннѣ Федоровнѣ, какъ старшей въ домѣ, просфору, вынутую изъ глубокихъ нѣдръ темносиней праздничной рясы, и спросилъ о здоровьѣ.

— Ничего, батюшка, отецъ Мартинъ, пока еще Господь грѣхамъ терпитъ.

— Потерпитъ и долѣе. Какіе ваши грѣхи, можно сказать, самые деликатные... хе, хе!..

Дьяконъ въ это время оправлялъ на себѣ рясу, волосы, вообще охорашивался и не только для того, чтобы принять болѣе или менѣе щеголеватый видъ, сколько по тѣмъ соображеніямъ, чтобы протянуть время и дать отцу Мартину возможность пройти изъ передней въ залъ первому.

— А о вашемъ здоровьѣ,—улыбаясь, обратился отецъ Мартинъ къ Екатеринѣ Александровнѣ,—освѣдомляться нечего.

— Почему такъ?—съ улыбкой спросила она.

— Цвѣтете! хе, хе!..

Оправляя на груди наперсный крестъ, украшенный аметистами, — знакъ вниманія прихожанъ за многолѣтнюю службу въ храмѣ,—отецъ Мартинъ вошелъ въ залъ, гдѣ уже стоялъ въ дверяхъ, въ ожиданіи его, Захаръ Прохоровичъ съ сыномъ.

— Прошу покорнѣйше, отецъ Мартинъ, — пригласилъ Захаръ Прохоровичъ,—пожалуйте, Андрей Семеновичъ, проходите впередъ. Вы, отецъ Мартинъ,—на диванчикъ.

— На архіерейское мѣсто, — чудесно! Охъ, признаться, весьма утомился сегодня: панихида послѣ обѣдни, да два молебна, одинъ даже съ акаѳистомъ, а тутъ еще передъ самымъ выходомъ изъ церкви, мы только что расположились съ дьякономъ направить къ вамъ стопы, мальченка прибѣжалъ: «пожалуйте!»—Что такое?—освѣдомляюсь,—куда пожаловать? Оказывается, Григорій, сапожникъ, плохъ, исповѣдывать пресить. Ну, говорю, дьяконъ, пережди малое время, я не замедлю. Дьяконъ было уже и того, къ супругѣ, такъ сказать, къ домашнему очагу, но я строго внушилъ ему,— не ослабѣвай, говорю, завалиться на диванъ успѣешь, а къ Захару Прохоровичу всенепремѣнно надо итти... Да, да, плоховатъ Григорій, до вечеренъ, пожалуй, и не дотянетъ...

— Что съ нимъ?

— Прихварываетъ онъ съ прошлогодней зимы. Выпивалъ, сами знаете, сыздавна и презрительно, ну, и года, все влѣстѣ, а, вѣрнѣе сказать, часть воли Божіей приблизился. Ну-съ, Захаръ Прохоро-

впчъ, — заговорилъ отецъ Мартинъ уже другимъ, болѣе веселымъ и оживленнымъ тономъ:—что новенькаго въ вашихъ палестинахъ?

— Новенькаго? Ишь ты какой!.. Новенькое, отецъ Мартинъ, не по нашей части. Объ этомъ вотъ у сына спрашивайте. Да-съ!

Послѣ женитьбы сына Захаръ Прохоровичъ сталъ ставить себя, такъ сказать, на второй планъ, а на первый выдвигалъ его, называя часто уже не Мишей, а по имени и отчеству. И отецъ Мартинъ относился къ молодому человѣку уже не попрежнему и не клалъ, какъ бывало когда-то прежде, старческой руки своей на его кудрявую русую головку, спрашивая при этомъ: «сколько будетъ—семь безъ четырехъ, да три улетѣло?», а по-смотрѣлъ на него съ добродушной улыбкой и сказалъ:

— Вотъ и слава Богу, окрутили мы молодца. Дай Богъ со-вѣтъ да любовь...

Дьяконъ, по обыкновенію, старался занять мѣсто, въ болѣе или менѣе почтительномъ разстояніи отъ дивана и садясь, каждый разъ подозрительно оглядывалъ кресло, точно сомнѣваясь, выдержитъ ли оно ту тяжесть, какую онъ въ себѣ имѣлъ. Усѣвшись, онъ откашлялся, прикрывая ротъ пухлой рукой, скосилъ глаза на растенія, поставленныя на окнахъ, на картины, висѣвшія по стѣнамъ и уже сто разъ имъ видѣнныя прежде, и потомъ вступилъ съ Михаиломъ Захаровичемъ въ разговоръ.

— Мнѣ чрезвычайно, признаться, любопытно освѣдомиться,—пробасилъ онъ,—какъ собственно называется это растеніе.

— Которое?

— А вотъ это... большое... около окна которое?

— Это—араукарія. Я уже говорилъ вамъ прошлый разъ...

— Да, да, припоминаю. Это точно, что такъ, дѣйствительно вы мнѣ объ этомъ въ прошлый разъ изволили сообщить. Извините, никакъ не могу основательно запомнить: слово такое, съ разу его никакъ не выговоришь... А-ра-ру-ка-ру... Ишь ты какъ цѣпляется буква за букву... Даже, признаться, совѣстно... Ара-ру-ка-рія? Такъ, понимаю. Что же это, наиримѣръ, заграничное какое нибудь про-израстеніе.

— Да, изъ жаркихъ странъ, говорятъ...

— Такъ, такъ. Конечно, не иначе. Гдѣ же у насъ ему быть? Невозможно... Да, да. И красивый, стало быть, цвѣтокъ имѣетъ?

— Цвѣтка, кажется, у него не бываетъ. Впрочемъ, погодите, я маменьку спрошу.

— Не... обезпокойвайте себя.

— Нѣтъ, отчего же? Мнѣ и самому интересно узнать...

Минуту спустя, Михаилъ Захаровичъ возвратился и сказалъ:

— Цвѣтка, Андрей Семеновичъ, у этого растенія не бываетъ...

— Что вы говорите?—удивился дьяконъ:—какъ-же это такъ? Растеніе этакое замѣчательное, заграничное, и вдругъ безъ цвѣтка! Стало быть, ни красоты въ немъ, ни радости.

— Отчего же? Зелень пріятная. Маменька у насъ очень къ этому привержена, сама всегда ухаживаетъ и землю это, и поливку—все сама. Теперь вотъ помощницу Богъ ей послалъ. Моя Екатерина Александровна тоже къ цвѣтамъ охоту имѣетъ.

— Такъ, такъ, понимаю... Что-жъ это, можно сказать, очень хорошо. Все-таки—препровожденіе времени.

Дьяконъ откашлялся, опять прикрывъ ротъ рукой, и вопросительно посмотрѣлъ на двери, недоумѣвая, почему такъ долго не появляется изъ сосѣдней комнаты прислуга со стаканами чая на подносѣ.

Между отцомъ Мартиномъ и Захаромъ Прохоровичемъ разговоръ тоже до нѣкоторой степени исчерпался и отъ литографіи, изображающей возвращеніе блуднаго сына къ отцу, висящей въ тоненькой рамочкѣ, круто перешелъ на другой предметъ.

— Да! Что-то немножко... не того... не домогается,—со вздохомъ проговорилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Насколько могу припомнить, вы и въ прошлое воскресенье жаловались на ноги...

— И ноги, отецъ Мартинъ, не того... Да ноги еще, какъ говорится, не суть важная статья, а вотъ задыхаюсь я,—это обидно! Прежде, бывало, знаете, отъ утренней зари до вечерней въ хлопотахъ бѣгаешь—и хоть бы что.

— Да,—вздохнулъ отецъ Мартинъ,—всему своя пора. Екклезіастъ говоритъ: «всякой вещи свое время,—время насаждать и время вырывать насажденное, время обнимать и время уклоняться отъ объятій»...

Послѣ нѣкотораго молчанія отецъ Мартинъ тоже оглянулъ комнату, поправляя скудные остатки сѣдыхъ волосъ, и обратился съ какимъ-то вопросомъ къ Михаилу Захаровичу, находя необходимымъ оказать ему вниманіе и именно на томъ основаніи, что онъ хотя и не полный еще хозяинъ въ домѣ, но зато несомнѣнный и единственный кандидатъ на отцовское мѣсто.

— Такъ вотъ, достолюбезнѣйшій мой Михаилъ Захаровичъ,—проговорилъ онъ, улыбаясь,—выступили вы теперь, такъ сказать, на твердую стезю жизни. Дорожка проложена вамъ родителемъ торная, шествуйте по ней съ Божіею помощію...

Михаилъ Захаровичъ по свойственной ему степенности и сдержанности далъ на его слова короткій и не безъ нѣкотораго даже смущенія произнесенный отвѣтъ, именно въ томъ смыслѣ, что, конечно, моль, безъ Божіей помощи какой же можетъ быть въ чемъ либо успѣхъ.

— Истинно, истинно, Михаилъ Захаровичъ,—подтвердилъ отецъ Мартинъ,—сказано: «аще не Господь созиждетъ домъ,—всеу трудится зяждущій».

Послѣ этихъ словъ отецъ Мартинъ обратилъ свою рѣчь къ Захару Прохоровичу уже въ рѣшительной и краткой формѣ.

— Помощникъ у васъ надежный.

— Да, отецъ Мартинъ,—заговорилъ Захаръ Прохоровичъ,—все слава Богу устроилось въ нашихъ дѣлахъ такъ хорошо, что и желать лучшаго не надо. По совѣсти, какъ передъ Господомъ, могу сказать, что не знаю, какими словами благодарить Создателя. Въ такомъ ли положеніи были дѣла, когда я послѣ покойнаго родителя,—царство ему небесное,—принялъ на свои, такъ сказать, плечи торговлю и сталъ развивать дѣло? Тяжелое было положеніе! Да! Такъ надо говорить, что своего капиталу одной копейки не было. Однимъ кредитомъ только и держался. Теперь совсѣмъ другая статья. Благодарю Бога.

— Такъ, такъ!—проговорилъ отецъ Мартинъ, видимо для поддержки разговора.—Справедливость требуетъ сказать, что сынокъ у васъ, Захаръ Прохоровичъ, примѣрный.

Михаилъ Захаровичъ кашлянулъ, прикрывъ ротъ рукою, и потупился. Захаръ Прохоровичъ, напротивъ, пріосанился, голову откинулъ нѣсколько назадъ и взглянулъ на все окружающее какъ-то сверху, точно стоялъ на подмосткахъ, и точно похвала отца Мартина относилась непосредственно къ нему.

— Да, Миша у меня,—проговорилъ онъ,—парень съ головой. Вотъ ужъ истинно могу сказать, поставь куда угодно—не обрѣтетъ!

— Будетъ вамъ, папенька!..—замѣтилъ Михаилъ Захаровичъ,

— Что жъ я... по совѣсти говорю...

— Мало ли что... Къ чему объ этомъ?..

Наступила минута молчанія.

— Погодка сегодня ничего,—сказалъ отецъ Мартинъ, найдя новую тему для разговора,—къ заутрени зазвонили, смотрю въ окно, снѣжокъ какъ будто начинаетъ падать, а пока что, вышелъ во дворъ,—его ужъ и слѣдъ простылъ...

— Снѣгу мало!—рѣшительнымъ тономъ подсказалъ Захаръ Прохоровичъ,—окончательно мало снѣгу! Съ грузами теперь бѣда!.. Ахъ, да, Миша!—обратился онъ къ сыну:—въ Казань который слѣдуетъ товаръ отправили?

— Отправили. Давеча передъ обѣдной послѣдніе воза нагрузили. Я нарочно велѣлъ вмѣсто четырехъ подводъ на пять разложить, чтобы задержки по дорогѣ не было, а то, пожалуй, того и жди — опоздаютъ...

— Это ты, Миша, основательно. По Москвѣ, знаете, отецъ Мартинъ, теперь извозчикамъ какъ есть маѣта!

— Такъ, такъ! Распустило!.. Зима, дѣйствительно, сиротская. Бѣдному народу, точно что, въ топливѣ облегченіе, а въ другомъ, вотъ въ извозѣ, напримѣръ, тяготы великія! Да! О Господи, помилуй!..

Отецъ Мартинъ вздохнулъ, видимо подъ впечатлѣніемъ мысли о тягостномъ положеніи бѣдняковъ, но отъ дальнѣйшаго разговора

объ этомъ удержался, сознавая, что ему не всегда мѣсто въ богатомъ домѣ.

— Чайку, отецъ Мартинъ, покорно прошу.

— Охъ, ужъ этотъ вашъ чаекъ! Никакъ опять съ прибавленіемъ?

— Пожалуйте.

Придерживая рукой широкой рукавъ рясы, отецъ Мартинъ взялъ съ подноса стаканъ и сталъ задумчиво помѣшивать въ немъ ложечкой.

— Старѣю и я,—проговорилъ онъ въ отвѣтъ на замѣчаніе Захара Прохоровича о своихъ недомоганіяхъ,—достигъ уже, можно сказать, предѣльнаго возраста.

— Что-жъ, ваше высокопреподобіе,—забасилъ дьяконъ,—года ваши еще не то, чтобы очень значительные...

— Но и не молодые... хе, хе!

— Мой родитель,—продолжалъ дьяконъ,—и по сію пору здравствуетъ, а между прочимъ ему уже давно за восьмой десятокъ перевалило.

— Вамъ, отецъ Мартинъ, извините,—перебилъ Захаръ Прохоровичъ,—какой годъ стукнулъ?

Отецъ Мартинъ лукаво прищурилъ лѣвый глазъ и, улыбаясь, отвѣтилъ.

— Какой годъ-то?.. Хе, хе... Кто его знаетъ, который?

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ.

— Что за шутки. Шутить—грѣхъ, да и считать года, хе, хе... тоже, по-моему,—не добродѣтель. Зачѣмъ ихъ считать? Сколько есть—всѣ тутъ. Живемъ, пока еще Господь грѣхамъ терпитъ... Сказано: «еще живемъ, еще умираемъ—Господни есьмы»... Однако, достопочтеннѣйшій хозяинъ,—сказалъ онъ, прихлебнувъ изъ стакана,—у васъ чаекъ особенный и вовсе не кигаискій, а ямайскій: вѣришь такъ называть... По всему вѣроятію, это Анна Ѳедоровна поусердствовала.

— Мудренаго нѣтъ...

— Или, можетъ быть, молодуха. Пожалуй, отъ нея станется: я, молъ, по молодости лѣтъ и по неопытности.

— Нѣтъ, она въ эти дѣла не входитъ.

— Уклоняется?

— Не то, чтобы уклоняется, а такъ пока еще... не оглядѣлась...

— Привыкнетъ... Ну, что-жъ, все въ свою пору.

Отецъ Мартинъ еще разъ прихлебнулъ изъ стакана и укоризненно закачалъ головой.

— Охъ, грѣхи, грѣхи!..

— Что, отецъ Мартинъ, не ладно?—озабоченно спросилъ Захаръ Прохоровичъ:—сахару, можетъ быть, мало положено?

— Что сахаръ! Не въ сахарѣ сила! Крѣпковато. Больше одного стакана, пожалуй, и не поднять. Огнеподобная жидкость!.. Дьяконъ, слышь? Какъ на твой вкусъ?..

Дьяконъ, успѣвшій въ два глотка выпить болѣе половины стакана, допилъ остатки и, откашливаясь, спросилъ:

— Это вы насчетъ чего?

— Насчетъ пуншу. Я вотъ ставлю вопросъ о томъ, что съ человѣкомъ будетъ, ежели два такихъ крѣпкихъ выпить?

— Ничего... чрезвычайнаго не будетъ, полагаю. Дважды два, пожалуй, обременительно.

— И ты могъ бы?—улыбаясь, спросилъ отецъ Мартинъ.

— Въ настоящее время, извините, ослабѣлъ. Прежде, лѣтъ пятнадцать, двадцать назадъ, большія испытанія въ подобномъ родѣ выдерживалъ... Теперь отъ этого всеми мѣрами отстраняюсь.

— Вошелъ, стало быть, въ разумъ возраста своего... хе, хе!..

Молчаливая прислуга чрезъ нѣсколько времени вновь появилась въ гостиной со стаканами пунша на подносѣ.

— Пожалуйте,—предложилъ Захаръ Прохоровичъ,—еще по стаканчику.

Отецъ Мартинъ взялъ стаканъ, попробовалъ пуншъ ложечкой и молча передалъ назадъ прислугѣ.

— Не могу... Попроси разбавить на половину... Рѣшительно не могу... Не по силамъ мнѣ...

Тонъ рѣчи его былъ настолько серьезенъ, что Захаръ Прохоровичъ не рѣшился возражать и самъ пошелъ въ столовую, чтобы лично передать женѣ объ излишней крѣпости пунша.

Въ сосѣдней комнатѣ на столѣ, предъ однимъ изъ простѣночныхъ зеркалъ, въ это время разставлялись на бѣлой скатерти бутылки, графины, тарелки съ закусками.

— Это еще что?—спросилъ отецъ Мартинъ, косясь на двери:—опять закуска? Помилосердуйте! Къ чему это?

— Не опасайтесь, отецъ Мартинъ. У насъ вѣдь только тарелками много стучать, а закуска самая маленькая. Пожалуйте... чѣмъ Богъ послалъ.

— Отъ закуски, сдѣлайте одолженіе, увольте.

— Нѣтъ, ужъ извините. Отъ хлѣба-соли не отказываются.

— Обременительно будетъ,—пробасилъ дьяконъ.

— И не во благовременіи!—замѣтилъ отецъ Мартинъ.

Дьяконъ враждебно покосился на столъ съ закусками, однако и онъ, и отецъ Мартинъ, изъ уваженія къ хозяину, выпили «по маленькой».

— Балычка, отецъ Мартинъ! Андрей Семенычъ, попробуйте балычка,—превосходный товаръ!

— Покорнѣйше благодарю. Дѣйствительно, балыкъ замѣчательный.

— Да,—похвалилъ и отецъ Мартинъ,—мнѣ по зубамъ: балычекъ мяконькій.

Замѣтивъ, что отецъ Мартинъ уже обратился лицомъ къ образамъ и хочетъ молиться, намѣреваясь уходить, Захаръ Прохоровичъ сказалъ:

— Позвольте... Отецъ Мартинъ, какъ же это такъ вдругъ? Этого не полагается.

— Пора, пора... За угощеніе чувствительнѣйше благодаримъ...

— А повторить?

— Нѣтъ, достаточно. Я рѣшительно отказываюсь, навѣрно и спутникъ мой тоже... Дьяконъ! Послушай, тебѣ говорю. Что это? Еще наливаешь?.. Въ умѣ ли ты? Прекрати!..

— Прекратить можно, даже должно. Но ваше высокопреподобіе сами изволили сказать словами Экклезіаста, что всякой вещи свое время.

— Къ чему ты это... какъ будто даже и не кстати.

— А это я къ тому, ваше высокопреподобіе, что въ данномъ, то-есть, случаѣ время опредѣляетъ второй опрокидонтъ.

— Резонно!—похвалили Захаръ Прохоровичъ.

Дьяконъ, откинувъ широкій рукавъ рясы, взялъ рюмку въ руки и вопросительно посмотрѣлъ на отца Мартина.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не могу,—отказался отецъ Мартинъ:—не по годамъ мнѣ.

— Въ такомъ случаѣ благословите меня, такъ сказать, на единоборство.

— Дерзай, чадо.

Дьяконъ прищурилъ глазъ, посмотрѣлъ рюмку на свѣтъ и потомъ, быстро опрокинувъ ее въ ротъ, выпилъ однимъ глоткомъ и крикнулъ.

— Вотъ теперь, ваше высокопреподобіе, долженъ воспослѣдовать, послѣ краткой молитвы, отпустъ и, стало быть, «стопы моя направи по словеси твоему».

— Да, тронемся. Господь благослови.

Отецъ Мартинъ помолился на образа, дьяконъ тоже послѣдовалъ его примѣру, и оба стали прощаться съ хозяевами.

— До свиданія, досточтимые Захаръ Прохоровичъ и Михаилъ Захаровичъ, до свиданія!..

— Извините, отецъ Мартинъ,—сказалъ Захаръ Прохоровичъ, заглянувъ въ столовую,—Андрей Семеновичъ, извините: хозяйки-то наши хлопочутъ на кухню!..

— Къ чему извиненія! Что вы это, Господь съ вами! Дѣло житейское... До свиданія. За угощенье всепокорнѣйше благодаримъ!..

Таковы были воскресные визиты священника и дьякона въ домъ Захара Прохоровича.

XXXV.

— Что-жъ, Анна Ѳедоровна, живемъ хорошо и говорить нечего, окончательно хорошо живемъ! И капиталъ, стало быть, свободный приобрѣли, и сына по милости Божіей окрутили очень удачно въ законный бракъ. Слава Богу, все хорошо, все, можно сказать, лучше лучшаго...

Такъ «при всемъ своемъ капиталѣ» разсуждалъ иногда Захаръ Прохоровичъ, сидя послѣ торговаго дня въ развалку на диванѣ. Анна Ѳедоровна тоже соглашалась, что живутъ они не худо.

— Только вотъ мебель у насъ...

— Чего мебель? Мебель обстоятельная, родительская мебель. Товаръ прочный, два вѣка выдержать.

— Нынче такая, Захаръ Прохоровичъ, не въ модѣ.

— Это, Анна Ѳедоровна, пустяки, вниманія не стоящія. Да-съ!.. Не въ модѣ! Гм... Какое намъ дѣло до моды? Намъ только бы какъ попроще и попрочнѣе. Сыну тоже завсегда внушаю: живи просто, проживешь лѣтъ со сто, и не заводи лишнихъ затѣй: кто покупаетъ лишнее,—будетъ продавать необходимое.

— Опять за умные разговоры! Христомъ Богомъ прошу, не учи меня: терпѣть не могу. И вотъ что я тебѣ скажу: какъ ты ни умничай, а къ Рождеству безпремѣнно надо новую мебель.

— Это, голубушка, еще впереди. Будетъ рожь,—будетъ и мѣра. Пустяковъ безо время болтать тоже нечего... Ну-ка, пойдемъ ужинать!

Однажды, сидя въ такомъ благодушномъ настроеніи, онъ спросилъ:

— Гдѣ же Катенька съ Мишей? Что долго не идутъ? Поужинать бы пока что, а потомъ и на боковую. Зовите ихъ.

Горничная, посланная въ комнату молодыхъ, пришла съ отвѣтомъ, что они ужинать не будутъ.

— Какъ не будутъ? Мать! Пойди сама, скажи, отецъ зоветъ.

Анна Ѳедоровна долго не возвращалась, и когда потомъ вошла въ комнату, Захаръ Прохоровичъ съ изумленіемъ оглянулъ ее.

— Ну, что?

— У Миши голова болитъ...

— Это еще что за отговорки!

— Не отговорки, Захаръ Прохоровичъ,—озабоченно объяснила Анна Ѳедоровна,—я еще позавчера замѣтила, что онъ что-то не въ себѣ, вчера спрашивала, вижу, что перемогается, сказалъ, что ему лучше, а сегодня гляди, что вышло...

— Да, что именно, говори толкомъ.

— Жаръ у него... порядочный.

— Ну, и что же изъ этого?

— Не хорошо... Катенька уксусомъ ему полотенце намочила. Малины надо будетъ заварить, чтобы пропотѣлъ хорошенько,—продолжала Анна Ѳедоровна,—а ежели, Боже сохрани, лучше не будетъ,—въ баню надо...

— Вотъ! Это настоящее дѣло!..

— Простудился онъ, надо быть...

— Да гдѣ, подумай, простудиться? Которую недѣлю погода стоитъ жаркая-прежаркая, небо отъ зари до зари безъ облачка. Простудиться въ такую пору нѣтъ никакой возможности!..

— Ахъ, не говори! Въ жары-то еще хуже: распарится, вѣтромъ охватить -- и готово...

— Конечно! Что говорить, бываетъ всяко... Спаси Господи!

Анна Ѳедоровна глубоко вздохнула, точно предчувствуя что-то недоброе.

— Что больно тяжело вздыхаешь, — угрюмо замѣтилъ Захаръ Прохоровичъ, — ничего не видя, носъ повѣсила?

— Ничего... Я такъ...

— То-то. Не впадай въ малодушіе, — Господь милостивъ...

Ужинъ въ этотъ вечеръ прошелъ молча. Анна Ѳедоровна ничего не ѣла и, когда подали послѣднее блюдо, поднялась раньше Захара Петровича.

— Я пойду къ нимъ, — сказала она, поспѣшно помолясь на образъ.

— Иди... Да не вздыхай больно-то. Прихворнулъ, — эка невидаль! Со всякимъ случается... Эхъ, женщины, женщины, — слабодушный народъ!..

Такъ храбрился Захаръ Прохоровичъ и укоризненно покачалъ головой, смотря вслѣдъ уходившей женѣ.

Окончивъ ужинъ и помолясь, онъ не спѣша отправился въ спальню, прочиталъ по обычаю вечернія молитвы, стоя передъ образами на колѣнахъ, перекрестилъ потомъ постель и легъ спать, не придавая болѣзни сына почти никакого значенія. Передъ утромъ проснувшись, онъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что Анны Ѳедоровны нѣтъ на кровати, и, быстро поднявшись, оглянулъ комнату.

— Анна! — позвалъ онъ.

Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Передъ образами чуть-чуть мигалъ огонекъ лампы. Синее безоблачное небо только что стало загораться предразсвѣтной зарей, и листья деревьевъ въ сосѣднемъ саду едва шелестѣли, разбуженные утреннимъ вѣтеркомъ.

— Анна! Слышь! Гдѣ ты?

Отвѣта не было.

На лицо Захара Петровича точно тѣнь легла. Онъ понялъ, что женѣ негдѣ быть, какъ у сына въ комнатѣ, и что, значитъ, тамъ въ самомъ дѣлѣ что-то не ладно. Проворно накинувъ халатъ, онъ прошелъ въ туфляхъ на босу ногу въ комнату сына. Грузные шаги его нарушили безмолвный покой дома и точно спугнули въ темномъ коридорѣ заскрипѣвшія кое-гдѣ половицы. Онъ шелъ въ темнотѣ, вытянувъ нѣсколько впередъ руки, подобно тому, какъ когда-то ходила по коридору его бабушка. Слабый свѣтъ начинавшагося утра чуть-чуть пробивался въ коридорѣ, обрисовывая темными полосами переплеты оконной рамы.

Подходя къ комнатѣ сына, онъ услышалъ оттуда громкій говоръ, почти крикъ.

— Нельзя! Не троньте!.. Не шевелите! Этотъ товаръ надо въ другую кладовую... Слышите, вамъ я говорю или стѣнамъ какимъ каменнымъ?

— Что такое? Господи, помилуй! Кого это Миша такъ гнѣвно распекаетъ? — подумалъ Захаръ Петровичъ.

Войдя въ комнату, онъ увидѣлъ, что Анна Федоровна съ Екатериной Александровной сидятъ на кровати сына и держатъ его за руки, озабоченныя и истомленные, а онъ, будучи въ бреду, силится освободиться и кричить что-то несообразное.

Захаръ Прохоровичъ на мгновеніе остановился и, взглянувъ на сына, сдѣлалъ даже шагъ назадъ, испугавшись, до какой степени въ одну ночь измѣнилось и осунулось его лицо.

— Что съ нимъ?—спросилъ Захаръ Прохоровичъ.

— Видишь самъ,—бредитъ онъ... Господи, помилуй! — въ слезахъ отвѣтила Анна Федоровна,—мечется бѣдняжка какъ...

Михайлъ Захаровичъ въ это время закричалъ и заметался съ такою силою, точно его давила непомѣрная тяжесть.

— Миша! Мишенька! Голубчикъ Миша!..—ласково заговорилъ Захаръ Прохоровичъ, — слышь? Не кричи... Скажи, что съ тобой? Михайло, тебѣ говорю, перестань кричать, что ты несешь какое несообразное...

Миша продолжалъ рваться изъ рукъ матери и кричалъ.

— Анна! Давно ли это онъ такъ?

— Да вотъ какъ началось съ вечера, такъ до сей поры и почти безъ передышки...

— Отчего же ты не разбудила меня?..

— Думала, пройдетъ... а потомъ уже и отойти стало нельзя.

Екатерина Александровна металась по комнатѣ, не зная, за что схватиться, она то помогала Аннѣ Федоровнѣ держать мужа, то бросалась къ дверямъ, призывая прислугу. Горчичники, малина, мокрыя полотенца и т. п. появлялось въ ея рукахъ, прикладывалось и подавалось больному и отбрасывалось потомъ въ сторону при его тревожныхъ порывахъ.

Захаръ Прохоровичъ немедленно поднялъ на ноги весь домъ. Одного приказчика отправилъ къ сосѣду доктору съ покорнѣйшей просьбой пожаловать насколько возможно скорѣе, другого—«въ городъ», то же за докторомъ, хотя и болѣе опытнымъ, чѣмъ сосѣдъ, но настолько далеко живущимъ, что ждать его приѣзда можно было только часа черезъ два. Кухарку послалъ за Марьей Мартиновной тоже съ покорнѣйшей просьбой прийти наивозможно скорѣе на помощь Аннѣ Федоровнѣ и Екатеринѣ Александровнѣ.

XXXVI.

Полчаса спустя, когда разсѣялись послѣднія тѣни ночи, и утренняя заря ярко разгорѣлась, охвативъ своимъ пламенемъ полъ-неба, въ домѣ Захара Прохоровича и въ сосѣднихъ съ нимъ церковныхъ домикахъ всѣ обитатели были уже на ногахъ. Они перешептывались, спрашивали одинъ другого о томъ, что такое чрезвычайное произошло въ домѣ Захара Прохоровича, по какой причинѣ слышался оттуда ночью чей-то крикъ, и началось потомъ передъ утромъ необыкновенное движеніе во дворѣ. Дьяконъ, Андрей Семеновичъ, тяготившійся при своей тучности комнатной духотой и жаждавшій свѣжаго воздуха, вышелъ передъ утромъ въ бѣломъ нанковомъ подрясникѣ на крылечко и, выражаясь его языкомъ, «крестовидно распростеръ руки», чтобы вѣтеркомъ его обдуло со всѣхъ сторонъ. Присматриваясь опытнымъ глазомъ къ первымъ признакамъ утренней зари и опредѣляя по нимъ, сколько еще осталось времени до заутрени, онъ замѣтилъ, съ какою озабоченностью кухарка изъ дома Захара Прохоровича пробѣжала черезъ церковный дворъ, направляясь къ покосившемуся ветхому домику отца Мартина.

— Ты это... собственно-о... почему такъ спѣшишь? — спросилъ было онъ, но вопроса еще не успѣлъ окончить, какъ кухарка уже прошмыгнула на черное крыльцо и стала тамъ стучаться въ двери.

Софронычъ, по древности лѣтъ страдавшій безсонницей и вышедшій изъ своей каморки, чтобы посмотреть на небо и по теченію небесныхъ свѣтилъ опредѣлить, скоро ли конецъ ночи, видѣлъ, какъ поѣхалъ изъ двора Захара Прохоровича приказчикъ, осѣнившій себя крестнымъ знаменіемъ при выѣздѣ изъ воротъ. Онъ спросилъ даже работника Савву о причинѣ столь ранняго выѣзда, но Савва хотя и ничего не сказалъ въ отвѣтъ, зато рукой махнулъ съ такимъ отчаяннымъ жестомъ, изъ котораго ясно было, что въ домѣ Захара Прохоровича произошло что-то необыкновенное. Софронычъ, изумленный слышанными ночью криками со двора Хомутильниковъ, прошелъ къ крылечку дьяконскаго домишка, чтобы подѣлиться съ Андреемъ Семеновичемъ своими предположеніями.

— Слышали, Андрей Семенычъ, а? — спросилъ онъ, подойдя къ крылечку и сдвинувъ съ носа на лобъ свои тяжеловѣсныя очки.

— Что такое собственно?

— Крикъ ночью въ домѣ Захара Прохоровича и нѣкоторый якобы стонъ.

— Да, что-то такое я слышалъ, но не въ достаточной степени явственно...

— Какъ вы предполагаете, Андрей Семенычъ, что бы это такое могло быть?

— То-есть, что именно?..

— Да вотъ все: и крики, и ранній выѣздъ.

— Ничего я не предполагаю,—отвѣтилъ дьяконъ,—а что жарко мнѣ, это чувствую и томлюсь.

Софронычъ задумчиво погладилъ блестящую лысину и нахмурилъ брови, видимо затрудняясь въ разрѣшеніи занимавшаго его вопроса. Дьяконъ развалился на крылечкѣ, опершись локтемъ о верхнюю его ступеньку, и молча смотрѣлъ на потухающія звѣзды неба.

— Что такъ безмолвенъ? а?—обратился онъ къ Софронычу:—гляди, заря какая.

— Заря—зарей, а у Захара Прохоровича въ домѣ что-то не ладно...

— Не предполагаю я ничего чрезвычайнаго... уфъ!.. Родители, конечно, могутъ вразумлять чадъ своихъ... всякими мѣрами... Но едва ли Захаръ Прохоровичъ дозволить себѣ что либо подобное, я такъ предполагаю... однако скоро, надо быть, и благовѣстъ къ заутрени... Что это?—поспѣшно спросилъ онъ, приподнимаясь съ лѣсенки:—отецъ Мартинъ идетъ?..

— Да, онъ! — подтвердилъ Софронычъ, оправляя на себѣ под-
ясникъ.

Отецъ Мартинъ: не обращая на нихъ вниманія и даже, вѣрнѣе, не замѣтивъ ихъ, спѣшно прошагалъ черезъ церковный дворъ по направленію къ дому Захара Прохоровича.

Младшій дьячекъ Евтихій, жившій тоже въ одной изъ каморокъ церковнаго дома и по склонности къ выпивкѣ переживавшій тяжелое похмелье, выползъ въ это время изъ церковной сторожки, гдѣ спасался отъ карающей руки жены, тоже удивился, замѣтивъ, что самъ отецъ Мартинъ идетъ черезъ церковный дворъ, по направленію къ дому Хомутильникова. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе причинъ такого ранняго появленія отца Мартина во дворѣ, онъ поспѣшно сократился въ ростѣ и юркнулъ назадъ въ сторожку.

— По двору бродить, — шепнулъ онъ звонарю, забираясь въ дальній уголь сторожки.

— Кто-о?

— Самъ... отецъ Мартинъ...

— Не спится, должно... Старичекъ!.. О Господи батюшка!.. Ишь ты заря какая разгорается яркая. День, надо быть, опятьжарить начнетъ... О-охъ! Подниматься, что ли, да итти на колокольню: гляди, стрѣлка-то на часахъ эвона куда подвинулась. Къ заутренѣ надо звонить...

Когда звонъ кончился, отецъ Мартинъ вышелъ изъ дома Захара Прохоровича и прошелъ прямо въ церковь, озабоченно оправляя на ходу остатки сѣдыхъ волосъ и сгорбивъ спину больше прежняго. Встрѣтивъ его по обычаю низкимъ поклономъ, Софронычъ хотѣлъ освѣдомиться о томъ, что именно такое произошло въ домѣ Захара Прохоровича, но не рѣшился, видя по выраженію лица отца Мартина, что ему не до разговора.

За заутреней, несмотря на всегдашнее желаніе отца Мартина избѣгать частныхъ разговоровъ во время службы, онъ все-таки не удержался и передалъ дьякону, что сыночекъ Захара Прохоровича опасно заболѣлъ; дьяконъ при выходѣ на эктени шепнулъ объ этомъ Софроничу, а потомъ чрезъ нѣсколько времени весь причтъ, не исключая и звонаря-солдата, уже имѣлъ свѣдѣнія о томъ, что такое происходило въ домѣ Захара Прохоровича ночью.

XXXVII.

Докторъ, приглашенный для оказанія первой помощи больному, назвалъ его болѣзнь опасной. Докторъ, привезенный приказчикомъ «изъ города», утѣшительнаго сказалъ тоже мало. Захаръ Прохоровичъ при разговорѣ съ нимъ ставилъ вопросъ ребромъ: объясните, молъ, напрямикъ, скоро ли поправите мнѣ сына, и дѣйствуйте, пожалуйста, во всю силу, а что касательно вознагражденія, — отсыплю съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ, сколько потребуется. Докторъ, пріѣхавшій «изъ города», пожималъ плечами, откашливался и теръ нахмуренный лобъ. По мѣрѣ его смущенія Захаръ Прохоровичъ болѣе и болѣе волновался.

— Да скажите, опасность, что ли... грозитъ какая? Откуда она могла взяться?..

— Гм... гм... Опасность, что-жъ... Опасность всегда есть, во всякой болѣзни... Всѣ подъ Богомъ, даже и при здоровьѣ. Пока надо ледъ прикладывать къ головѣ, наивозможно чаще, а тамъ, къ вечеру посмотримъ... На Господа надо уповать!..

— Это вы основательно. Однако... позвольте... какъ же это такъ вдругъ и точно обухомъ по лбу? Вчера здоровехонекъ былъ человекъ, а сегодня этакія, извините, несообразныя рѣчи...

— На бѣломъ свѣтѣ всего ждать можно... Мѣсто вообще не надежное!..

У Захара Прохоровича отъ волненія губы подергивало, лицо поблѣднѣло и взглядъ бойкихъ глазъ потускнѣлъ. Анна Федоровна по временамъ вздрагивала, какъ въ лихорадкѣ, и, не сводя глазъ съ доктора, въ волненіи прислушивалась къ его уклончивымъ рѣчамъ.

— Скажите же, наконецъ, Господи! что это за болѣзнь такая, и неужели, неужели нѣтъ надежды на выздоровленіе?...— одновременно спрашивали и мужъ, и жена.

— Помилуйте, какъ нѣтъ надежды!.. Надежда—спутница наша во всю жизнь... Вотъ посмотримъ, что Богъ дастъ къ вечеру... Пока ничего нельзя сказать...

Докторъ пожался, помялся—и уѣхалъ. И что онъ могъ сказать?

«Увы! Что нашего незнанья
И безполезнѣй и грустнѣй?
Кто смѣетъ молвить: «до свиданья»,
Черезъ бездну двухъ или трехъ дней?»

Послѣ того, какъ начали класть на голову Миши ледъ, онъ пріутихъ и пересталъ вскакивать съ постели.

Докторъ, пріѣхавшій послѣ вечерни, сослался опять на волю Божію, но на этотъ разъ Захаръ Прохоровичъ не призналъ его словъ основательными и тотчасъ же послѣ его ухода отправился самъ за докторомъ, третьимъ уже по счету. До этого, третьяго, пользовавшагося среди московскаго купечества чудодѣйственной славой, не всегда было легко добратъся; но Захаръ Прохоровичъ рѣшилъ, что «при всемъ своемъ капиталѣ» можетъ до него свободно дойти и привезти его къ себѣ въ домъ въ собственномъ экипажѣ. Онъ, однако, ошибся въ этомъ случаѣ.

Мясистый швейцаръ, сѣдой, гладко выбритый старикъ, котораго Захаръ Прохоровичъ задобрилъ «зелененькой» бумажкой, бумажку взялъ, но до входныхъ дверей въ апартаменты доктора все-таки не допустилъ.

— Вы извольте, ваше высокостепенство, взять въ разсужденіе, — обстоятельно объяснялъ онъ, — вѣдь и они тоже есть чело-вѣкъ, и безъ отдыха ихъ милости тоже никакъ невозможно. Теперь, извольте принять во вниманіе, седьмой часъ, они только что откушали, отдыхаютъ за чашкой кофе и сигару курятъ. Это время у нихъ самое строгое, никому входа нѣтъ, какъ же я могу осмѣлиться беспокоить?

— Дѣло такое, голубчикъ, не терпящее... Понимаешь, очень нужно... И сигара эта самая и кофе въ этомъ разѣ не должны препятствовать... Наконецъ того, и самый, напримѣръ, законъ обя-зываетъ всякаго доктора, ежели онъ требуется.

Швейцаръ снисходительно улыбнулся, погладилъ лоснившійся подбородокъ, и, нѣсколько понизивъ тонъ рѣчи, сказалъ:

— Законъ, выше высокостепенство, тоже отличаетъ, и докторъ доктору, сами извольте знать, неровня. Одного можно когда угодно въ ночь за полночь потребовать, а другого и днемъ беспокоить не-удобно. На все есть время, ваше степенство, и положеніе. Извольте пожаловать черезъ часокъ, они къ вашему приходу будутъ уже свободны, — допьютъ, значитъ, свой кофе и сигару докурятъ. Тогда я доложу и даже съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. А то вотъ не угодно ли записать на бумагѣ, или, можетъ быть, имѣете при себѣ карточку, можно будетъ въ такомъ случаѣ представить кар-точку.

— О, Господи! Что ты мнѣ, голубчикъ, говоришь!.. Къ чему — тутъ карточка? Человѣкъ умираетъ, а ты о карточкѣ!..

— Какъ угодно! На все есть ваша воля. Ну, только я не могу иначе... Какъ угодно...

Пришлось провести часъ въ томительномъ ожиданіи, но и черезъ часъ получилось немного утѣшительнаго. Докторъ сказалъ, что раньше слѣдующаго дня быть не можетъ, и какъ Захаръ Прохоровичъ ни просилъ, онъ холодно отвѣтилъ:

— Сегодня не могу. Завтра буду.

— Въ которомъ часу?

Докторъ задумчиво нахмурилъ лобъ, потомъ тряхнулъ головой и рѣшительно сказалъ:

— Ровно въ два.

Онъ пріѣхалъ дѣйствительно въ два, но не послѣ полудня, а послѣ полуночи. Осмотрѣвъ больного и взявъ за это изрядную кучку кредитныхъ билетовъ, онъ коротко и ясно сказалъ Захару Прохоровичу, что надежды на выздоровленіе сына нѣтъ.

— Какъ?—въ ужасѣ прошепталъ Захаръ Прохоровичъ:—неужели умереть?...

Докторъ гнѣвно взглянулъ на него.

— А ты думалъ, онъ безсмертенъ!

Докторъ говорилъ на ты, на Захара Прохоровича смотрѣлъ свысока, точно онъ былъ его слуга, на все окружающее косился исподлобья, а на Анну Федоровну и Екатерину Александровну не обращалъ никакого вниманія, какъ будто ихъ и въ комнатѣ не было. Анна Федоровна сдѣлала ему тоже какой-то вопросъ о больномъ, онъ взглянулъ на нее и отвернулся, не отвѣтивъ ничего.

Не сказавъ болѣе ни слова, онъ вышелъ въ переднюю и даже головой не кивнулъ растерявшемуся хозяину. Черезъ нѣсколько времени со двора послышался стукъ колесъ о камни мостовой, то докторъ, полулежа въ коляскѣ, закрывъ ноги толстымъ пледомъ, покатилъ изъ Замоскворѣчья въ центральную часть города и дремалъ, съ удовольствіемъ думая о предстоящемъ покоѣ въ мягкой постели.

Захаръ Прохоровичъ стоналъ, упавъ передъ образами на колѣни.

— Царь Небесный! Что же это такое? Я хлопоталъ, трудился, прибрѣталъ, не зналъ, можно сказать, ни днемъ, ни ночью отдыха... И какъ же это?.. Неужели теперь все это ни къ чему?.. Господи! Услышь мою молитву, помоги, исцѣли... Я жертвовалъ бѣднымъ, я въ храмѣ все перестроилъ заново, украсилъ, можно сказать, въ наилучшемъ видѣ, не жалѣлъ расходовъ... Умилосердись!..

Онъ билъ себя руками въ грудь и стучался головой объ полъ.

Въ сосѣдней комнатѣ Анна Федоровна, уткнувшись лицомъ въ уголъ дивана, рыдала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. Изъ комнаты, гдѣ лежалъ Миша, доносились громкіе его крики. Два приказчика

и Екатерина Александровна сидѣли у кровати и сдерживали его болѣзненные порывы. Онъ рвался и метался, сбрасывая съ головы мѣшокъ со льдомъ, и въ воспаленномъ его мозгу рисовались картины одна другой ужаснѣе.

— Пустите! Не троньте!.. Не подходите ко мнѣ близко!.. А! вы—драться!.. Хорошо! Когда вы такъ, то и я буду драться!..

— Миша! Мишенька!.. Михайлъ Захаровичъ! Голубчикъ, успокойтесь...—упрашивали они, держа его за руки.

Пришелъ отецъ Мартинъ и сталъ утѣшать Захара Прохоровича.

— Зачѣмъ отчаиваться преждевременно?—заговорилъ онъ, грустно поникнувъ головой:—мало ли что доктора говорятъ?.. Отъ Господа все возможно. Наконецъ того, если бы и посѣтила васъ великая скорбь,—надо смириться и безропотно принять свой крестъ. Помните слова Іова: «Господь даде, Господь отъя. Буди имя Господне благословенно вовѣки»?..

Захаръ Прохоровичъ порывисто замахалъ руками.

— Я не могу безропотно!.. Я не могу!.. Я по правдѣ жилъ... я помогалъ бѣднымъ. За что же меня такъ... несправедливо?

Голосъ его оборвался отъ рыданій.

— Не подобаетъ... не хорошо такъ... Дерзновенныя это рѣчи...—возразилъ отецъ Мартинъ.

И въ его голосѣ слышалось тоже нервное дрожаніе, и старческая морщинистая рука погнулась къ глазамъ, чтобы вытереть набѣжавшую слезу.

Прошла ночь, наступило утро, вновь лучи солнца освѣтили землю, но Михайлъ Захаровичъ уже не видѣлъ этого: потухли его очи, и застыло недвижимое тѣло. Былъ человекъ—и не стало его. Совершилось великое таинство, равнаго которому нѣтъ въ этомъ мірѣ.

XXXVIII.

Въ то время, когда Анна Федоровна въ нервныхъ корчахъ стонала, свалившись безпомощно на голый полъ посреди зала, а Захаръ Прохоровичъ бился головой о стѣну, порицая Бога за жестокосердіе,—Екатерина Александровна владѣла собой и не поддавалась чувству скорби. Успокоивая ихъ и упрекая за малодушіе, она не проронила ни одной слезинки. Блѣдная, съ подергивавшимися по временамъ губами, выходила она изъ комнаты стариковъ, чтобы сдѣлать то или другое распоряженіе, и голосъ ея ни разу не дрогнулъ при этомъ.

Потомъ, когда ей удалось, наконецъ, уединиться въ своей комнатѣ, поручивъ Анну Федоровну и Захара Прохоровича попеченію Маріи Мартиновны, она потеряла самообладаніе. Уткнувшись ли-

цомъ въ подушку, она рыдала, вздрагивая всёмъ тѣломъ, сердце, казалось, готово было разорваться отъ скорби, мысли стремительно бѣжали, пугаясь и перебивая одна другую. Вспоминался отецъ съ матерью и ихъ ребяческіе легкомысленные взгляды на жизнь, и думалось о томъ, неужели придется опять искать пріюта въ ихъ домѣ; вспоминался и дѣдушка Галактіонъ Герасимовичъ, устроившій ея счастливое замужество, увы, такъ трагически теперь разрушившееся, и мать Анфія съ ея несокрушимой вѣрой въ милосердіе Божіе. Она точно видѣла ее передъ собой съ обычной грустной улыбкой и тихой спокойной рѣчью. «Аще возьму крылья мои рано,—вспоминались ей слова пророка, не разъ слышанныя отъ нея,—и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя направитъ мя и удержитъ мя десница Твоя».

— Боже мой! Боже мой!—въ слезахъ думала она,—какъ хорошо это слышать, какъ хорошо это говорить и умиляться при спокойномъ душевномъ состояніи, и какъ тяжело это теперь, когда рука Твоя, Господи, отринула меня!..

Тревожной мыслью силилась она схватиться за тихое пристанище въ монастырской обители, и каждый разъ мысль эта разбивалась вдребезги при столкновеніи съ другой, напоминавшей ей о томъ положеніи, въ какомъ она находилась, и грозившей новыми ужасами, новыми неизбежными страданіями, которыя Богъ вѣсть чѣмъ кончатся при первыхъ родахъ. Какъ утѣшеніе, какъ помощь свыше, вспоминались опять разговоры съ матерью Анфіей, ея величайшая кротость и покорность волѣ Провидѣнія. Но проходила минута, и безутѣнная скорбь новой волной врывалась въ ея сердце и точно силилась растерзать его.

Какъ пережили свое тяжкое горе Захаръ Прохоровичъ съ Анной Оедоровной, какъ вынесла его Екатерина Александровна, находившаяся уже въ послѣдней трети беременности,—объ этомъ знаетъ только Богъ, посылающій скорби и дающій силы ихъ вынести.

Опустѣлъ домъ Захара Прохоровича. Потянулись одинъ за другимъ мрачные длинные дни. Захаръ Прохоровичъ сталъ уклоняться отъ дѣлъ, хмуро онъ на все косился, вздыхалъ и «въ городъ» пересталъ почти ѣздить, предоставляя веденіе дѣлъ главному приказчику.

Онъ ропталъ и жаловался, называлъ жизнь обманомъ, хитрой ловушкой, въ которую роковымъ образомъ попадаютъ несчастные обитатели земли и терзаются въ ней Богъ знаетъ за что и для чего. Раздражительность и мрачность его дошли до того, что онъ охладѣлъ къ молитвѣ и хмуро сталъ коситься на образа, не обращая вниманія, свѣтится ли въ лампадахъ передъ ними огонекъ или нѣтъ.

— Все равно... это не имѣетъ значенія!—ворчалъ онъ, разговаривая самъ съ собой:—сколько ни молись, сколько ни плачь,—горю не поможешь и теченія жизни не измѣнишь...

Несмотря на такое мрачное настроеніе духа, онъ, однако же, заходилъ къ Иверской въ часовню, ставилъ свѣчи, клалъ земные поклоны и на этотъ разъ не жаловался, какъ бывало когда-то, что торговья дѣла идутъ туго, и много денегъ въ долгахъ пропадаетъ, а стоялъ предъ ней съ поникшей головой и думалъ... самъ не зная о чемъ. Въ часовнѣ, какъ и тогда, въ давно прошедшіе годы, было много народу, какъ и тогда, утомленные житейской борьбой и страданіями тѣснились въ ней, вознося скорбные вздохи къ небесамъ... Дослушавъ до конца молебень и приложившись къ образу, онъ выходилъ на площадку часовни, слышалъ, какъ старичекъ-монахъ опять начиналъ сначала:

— «Благословенъ Богъ нашъ всегда, нынѣ и присно, и во-вѣки вѣковъ»...

— О чемъ молиться? Чего просить? — думалъ Захаръ Прохоровичъ, уныло оглядывая бѣдноту, тѣснившуюся на ступенькахъ площадки. — Помогать бѣднымъ? Зачѣмъ? Какая важность, если отъ холода и голода сократятся дни ихъ жизни? Не все ли равно, не сегодня, завтра придется умирать? Можно даже такъ сказать: чѣмъ раньше, тѣмъ лучше. Однако и богатые, и бѣдные, и старые, и молодые — всѣ хватаются за жизнь обѣими руками. Какое безуміе!

Таково было его душевное настроеніе. Не менѣе мрачно было оно и у Анны Федоровны и у Екатерины Александровны. Но не сегодня сказано: нѣтъ такой раны, которой не залѣчило бы время.

XXIX.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой, и третій. Жизнь мало-помалу вошла въ обычную колею. Захаръ Прохоровичъ сдѣлался разговорчивѣе, меньше хмурился и все чаще и чаще сталъ посматривать на Екатерину Александровну, часто стараясь понять по выраженію ея лица, о чемъ она думаетъ. Разспрашивать ее о томъ, какія намѣренія она имѣетъ относительно будущаго, онъ находилъ, конечно, неудобнымъ и преждевременнымъ. Томительное чувство боязни и за исходъ ея беременности, и за возможность разлуки съ нею въ томъ случаѣ, если она захочетъ возвратиться къ родителямъ, долго не давали ему покоя. Наконецъ-таки дѣло разъяснилось. Екатерина Александровна сама замѣтила, чѣмъ томится Захаръ Прохоровичъ, и рѣшительно заявила, что къ родителямъ не поѣдетъ, несмотря на ихъ настойчивыя просьбы.

— Тамъ что будетъ впереди, Божья воля, — сказала она, — а съ вами я не разстанусь...

Захаръ Прохоровичъ даже прослезился, слыша о такомъ ея рѣшеніи.

— Умница ты моя, драгоценная, — сказалъ онъ, — всегда я тебя считалъ умницей, а теперь тѣмъ паче. Значитъ, сама ты безъ всякихъ моихъ объясненій, очень явственно опредѣляешь, что къ родителямъ тебѣ возвращаться не къ чему. И у папеньки твоего, и у маменьки на умѣ только одно, какъ бы къ твоимъ денешкамъ подобраться... Ужъ сдѣлай одолженіе, извини меня за правду. Не слѣдовало бы говорить, а умолчать тоже никакъ невозможно. Долговъ у твоего папаша много, и моихъ за нимъ двѣ тысячи гуляють. Богъ съ нимъ, конечно. Не къ тому говорю, чтобы попрекать, а для того, значитъ, чтобы тебѣ явственнѣе было положеніе дѣла...

Екатерина Александровна, молча слушавшая его разговоръ, медленно поднялась съ кресла, взяла Захара Прохоровича за руку и поцѣловала ее.

— Умница ты! — повторилъ онъ.

— Аннушка, слышь! — громко позвалъ онъ Анну Ѳеодоровну.

Анна Ѳеодоровна, одѣтая тоже, какъ и Екатерина Александровна, въ черное платье, вошла въ комнату и остановилась въ дверяхъ, вопросительно смотря на Захара Прохоровича.

— Вотъ мы съ тобой, — сказалъ онъ, — опасались за Катеньку, что, пожалуй, не пойметъ своего положенія, какъ слѣдуетъ, а она лучше насъ понимаетъ... Съ нами хочетъ жить.

— Голубушка ты наша! — воскликнула Анна Ѳеодоровна, обнимая Екатерину Александровну.

И всѣ они трое поплакали, вспоминая свое недавнее кратковременное счастье.

Въ тотъ день, въ который Екатерина Александровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ, отецъ Мартинъ торжественно начертилъ на бумагахъ, лежавшихъ на письменномъ столѣ Захара Прохоровича, нѣкоторый таинственный знакъ.

— Что вы дѣлаете? — изумленно спросилъ Захаръ Прохоровичъ: — зачѣмъ бумаги мараете?..

— Хе, хе! зачѣмъ? — добродушно засмѣялся отецъ Мартинъ: — зачѣмъ, что такъ требуется по обстоятельствамъ дѣла. Вы, досточтимый и благожелательный мой дружественникъ, предполагаете въ простотѣ души, что я это отъ бездѣлья, по старости лѣтъ балуюсь, а выходитъ, что нѣчто иное и весьма даже серьезное...

Такъ говорилъ отецъ Мартинъ, продолжая вырисовывать дрожащей рукой кругъ и въ немъ треугольникъ. Захаръ Прохоровичъ близко подошелъ къ столу и, прищуривъ глаза, сталъ всматриваться въ непонятныя начертанія.

— Рука-то у меня, извините, не очень послушна,—продолжалъ отецъ Мартинъ,—кругъ-то... того... недостаточно правиленъ и, признаться, до нѣкоторой степени напоминаетъ форму арбуза.

— Это все равно, арбузъ ли, тыква ли, въ чемъ суть-то?

— А суть дѣла, извольте видѣть, вотъ въ чемъ,—пояснилъ отецъ Мартинъ,—такое изображеніе встрѣчается на древнихъ египетскихъ памятникахъ: кругъ и въ немъ треугольникъ. Кругъ знаменуетъ собою вѣчность, а углы треугольника—отца, мать и ребенка. На этихъ, извольте видѣть, трехъ углахъ, замкнутыхъ въ кругѣ, не имѣющемъ ни начала, ни конца, держится жизнь. Изображеніе хотя и относится ко временамъ языческимъ, но весьма глубокомысленное.

— Вотъ оно что!..—задумчиво протянулъ Захаръ Прохоровичъ и помолчавъ спросилъ:—ну, а ежели, такъ будемъ говорить, ежели бы у насъ, къ примѣру сказать, внукъ не родился,—тогда, стало быть, и жизнь оборвалась бы.

— Оборвалась бы въ вашей семьѣ, развилась въ другой. Никакъ этого треугольника не уничтожить. И, грѣшный человѣкъ, иной разъ, извините, позволяю себѣ помечтать о томъ, о другомъ. И вотъ, думаю, а что если бы этотъ треугольникъ, лѣтъ, положимъ, хотя бы на шестьдесятъ, на семьдесятъ, пріостановилъ, такъ сказать, свою дѣятельность — и погибъ бы міръ. Общественныя учрежденія, желѣзныя дороги, пароходы, произведенія наукъ, искусства—все потеряло бы свой смыслъ и значеніе, и по опустѣлымъ улицамъ городовъ бродили бы одинокіе старики, не обращая вниманія на то, какъ разрушаются вокругъ нихъ зданія, валяются памятники и храмы. Къ чему, молъ, поддерживать и для кого? Мрачная, извольте видѣть, картина! Но я такъ предполагаю, — продолжалъ отецъ Мартинъ, улыбаясь,—никогда этотъ треугольникъ дѣятельности своей, хе, хе, не пріостановитъ даже до скончанія вѣка, когда «изыдутъ ангелы и разлучатъ злыхъ отъ праведныхъ».

— Стало быть, такъ и запишемъ,—сказалъ Захаръ Прохоровичъ.

Въ это время вошла Анна Федоровна съ двумя бокалами вина на подносѣ.

— Отецъ Мартинъ, покорнѣйше прошу,—проговорила она, кланяясь.

— Чувствительнѣйше благодарю,—отвѣтилъ отецъ Мартинъ,—поздравляю васъ, душевно поздравляю съ новорожденнымъ.

Онъ чокнулся бокаломъ съ Захаромъ Прохоровичемъ, выпилъ вино и откашлялся.

— Извините, многоуважаемая бабушка,—съ улыбкой обратился онъ къ Аннѣ Федоровнѣ,—по такому чрезвычайному случаю не возможно однимъ бокаломъ ограничиться. Хе, хе! Захаръ Прохоровичъ, какое ваше объ этомъ мнѣніе, справедливо я говорю, или заблуждаюсь?

— Справедливо, отецъ Мартинъ: сама, такъ сказать, премудрость говоритъ вашими устами.

— Такъ... такъ... Соглашаюсь съ такимъ лестнымъ отзывомъ. И позвольте въ такомъ случаѣ развить мою мысль до надлежащей полноты. Я такъ предполагаю, что намъ надлежало бы самолично принести поздравленіе достоуважаемой Екатеринѣ Александровнѣ и выразить ей и ея новорожденному пожеланія многолѣтняго здравія и душевнаго спасенія и во всемъ благого поспѣшенія, на враги же побѣды и одолѣнія...

— Какіе у ней враги!—замѣтила Анна Ѳедоровна:—она у насъ, какъ ангелъ Божій!..

— Враги найдутся,—проговорилъ Захаръ Прохоровичъ:—чего другого поискать надо, а враговъ искать нечего...

Онъ намекнулъ этимъ на отношенія Екатерины Александровны къ своимъ родителямъ.

— И такъ, стало быть, достопочтенный Захаръ Прохоровичъ, выпить намъ безпремѣнно слѣдуетъ.

— Резонъ, резонъ!—радостно отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ.— Аннушка, ты того... распорядись. Пойдемте, отецъ Мартинъ, къ Катенькѣ.

Они вошли въ комнату Екатерины Александровны съ бокалами въ рукахъ, поздравили ее, лежавшую въ постели, и снова чокнулись бокалами. Екатерина Александровна привѣтливо улыбнулась имъ и слегка поклонилась, приподнимая голову отъ подушки и выражая этимъ движеніемъ благодарность за поздравленіе. Потомъ отецъ Мартинъ подошелъ къ кроваткѣ новорожденнаго, благословилъ его и, когда вышелъ съ Захаромъ Прохоровичемъ въ другія комнаты, сказалъ ему:

— Вотъ, достопочтеннѣйшій домовладыка, теперь уже не должно быть мѣста унынію въ вашемъ сердцѣ, — возведены вы въ новое и столь почетное для вашихъ сѣдинъ званіе—дѣда. Да продлитъ Господь вамъ дни живота!

— Это вы основательно. Это требуется,—вздыхнулъ Захаръ Прохоровичъ:—теперь дѣйствительно оно того... нужно наипаче просить и молить Господа Бога, чтобы, значить, внука поднять на ноги и поставить на настоящую точку. Тамъ дальше, что будетъ—Господь знаетъ. Выйдетъ ли Катенька замужъ или нѣтъ—Божья воля. Полагать надо, что выйдетъ, а ужъ внука я изъ своихъ рукъ не выпущу,—на него все мое упованіе.

Отецъ Мартинъ помолчалъ, не торопясь допилъ бокалъ вина и, поставивъ его опорожненный на столъ, вздохнулъ и перекрестился.

— Да, скажемъ словами святого Іоанна Златоустаго: «Слава Богу за все!» Живы пока и бодрствуемъ, достопочтеннѣйшій За-

харь Прохоровичъ! Но, увѣ, нѣтъ съ нами Андрея Семеновича, нѣтъ стариннаго нашего собесѣдника.

— Да, огорчилъ насъ Андрей Семеновичъ, рано онъ окончилъ дни своего земнаго странствія!—сказалъ Захарь Прохоровичъ.

— Конечно,—замѣтилъ отецъ Мартинъ,—если судить, такъ сказать, съ земной точки зрѣнія, смерть его какъ будто нѣсколько преждевременна: молодой еще человѣкъ, пожалуй, что едва ли перевалило ему за пятьдесятъ. Но вѣдь есть, Захарь Прохоровичъ, болѣе высшее объ этомъ понятіе. Смерть, сказано, великое таинство и совершается во истину Бога повелѣніемъ.

— Правильно. На все воля Божія. Что жъ можно супротивъ этого возразить!..

Дьяконъ Андрей Семеновичъ скончался вскорѣ послѣ смерти Михаила Захаровича. Окончилъ онъ дни своей жизни на обыкновенномъ мѣстѣ отдохновенія, именно на крылечкѣ того домика, въ которомъ прожилъ около тридцати лѣтъ. Томясь бессонницею, онъ вышелъ какъ-то ночью на любимое мѣсто отдохновенія, сѣлъ на ступеньку лѣсенки и заснулъ вѣчнымъ сномъ.

XI.

Галактіонъ Герасимовичъ жилъ на Аѳонѣ и въ первые три, четыре мѣсяца по прибытіи изъ Іерусалима чувствовалъ себя совершенно успокоившимся отъ мірскихъ тревогъ и огорченій. Онъ заявилъ аѳонскимъ старцамъ, что желаетъ принять монашество, и старцы, въ виду его лѣтъ, нимало не усомнились въ искренности такого желанія.

Принялъ онъ ангельскій чинъ и былъ нареченъ при постриженіи Кирилломъ. Знали старцы, что наружный обычай и постриженіе немного значатъ, знали, что необходимо измѣненіе нрава и внутреннее умерщвленіе страстей для того, чтобы сдѣлаться истиннымъ монахомъ. Знали они объ этомъ, конечно, и по преданію, и по опыту, и хотя замѣчали въ Галактіонѣ Герасимовичѣ нѣкоторые еще, такъ сказать, остатки прежнихъ мірскихъ порывовъ, но признавали ихъ именно лишь остатками, лишь слабыми отраженіями его безпокойнаго и тревожнаго когда-то духа, отраженіями, долженствовавшими, по ихъ мнѣнію, скоро потухнуть.

Въ первое время послѣ постриженія прежній Галактіонъ Герасимовичъ, казалось, дѣйствительно потухъ. Новый, объявившійся въ немъ отецъ Кириллъ былъ ревностнымъ монахомъ. Неукоснительно и всегда своевременно являлся онъ на церковныя службы, молился усердно и клалъ земные поклоны безъ счету. Онъ началъ было молиться даже съ громкими воздыханіями и съ выразительными жестами и ударять себя при этомъ руками въ грудь, но

старцы такіе его духовные порывы не одобрили, какъ нарушающіе монастырскія правила и могущіе дать поводъ другимъ къ соревнованію и притомъ къ такому, въ основѣ котораго будетъ лежать вовсе не религіозная потребность духа, а чувство тщеславія.

Новый монахъ смиренно подчинился такому мудрому указанію и сталъ молиться, какъ и всѣ другіе монахи, то-есть, тихо, спокойно, безъ порывовъ и громкихъ воздыханій.

Такъ прошло еще мѣсяцевъ пять, почти безъ перемѣнъ. Изрѣдка пробовала заглядывать къ нему въ келью нѣкоторая его старинная знакомая и весьма при томъ безпокойная гостья— тоска, но какъ только она появлялась на порогѣ его кельи, онъ немедленно же изгонялъ ее, и изгонялъ въ первое время весьма удачно. Потомъ, спустя еще мѣсяць, другой, тѣ средства, которыя онъ принималъ противъ не желаемаго вторженія къ нему безпокойной гостьи, а именно: чтеніе акаѣистовъ, житій святыхъ и тому подобныхъ душеспасительныхъ книгъ, стали терять свою силу, и гостья отъ порога кельи уже забралась внутрь ея. Началъ онъ по временамъ появляться за монастырскими воротами, бродить по безлюдному берегу моря и прислушиваться въ бурные вѣтренные дни къ шуму волнъ. Мысли его уносились далеко отъ Аѳонскихъ горъ къ берегамъ покинутой имъ родины.

Непрошенная гостья дѣлалась съ каждымъ днемъ навязчивѣе и неотступно слѣдовала за нимъ всюду. Пойдетъ онъ въ церковь, она—тамъ, выйдетъ на террасу того корпуса, въ которомъ помѣщалась его келья, и начнетъ смотрѣть вдаль моря, она — тутъ же и не только стоитъ около него безмолвной спутницей, но даже издѣвается надъ нимъ, нагло смѣется надъ его угнетеннымъ состояніемъ духа.

— Что, братъ,—шепчетъ она ему подъ ухо,—въ какое ты смѣшное положеніе влопался, хотѣлъ побороть свою безпокойную натуру. Гдѣ тебѣ! Всю жизнь ты метался по Россіи изъ конца въ конецъ, какъ собака, потерявшая хозяина, и вдругъ захотѣлъ мирнаго житія. Не для тебя оно, и не найдешь ты его ни здѣсь и ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ...

Какъ ужаленный змѣей, вскакивалъ онъ иногда со скамьи, стоявшей на террасѣ, и убѣгалъ въ свою келью искать спасенія въ чтеніи акаѣиста. Черезъ нѣсколько времени онъ схватился за новое средство—убѣжать отъ самого себя, задумалъ совершить путешествіе по аѳонскимъ монастырямъ. Монастырей на Аѳонѣ много, и, посѣщая ихъ, дѣйствительно можно было до нѣкоторой степени развлечь ему свою тоску.

— Благослови меня... такъ и такъ... вотъ,—обратился онъ къ старцу, ближайшему своему наставнику, — задумалъ я посѣтить здѣшніе монастыри, то-есть, и наши, напримѣръ, русскіе, и греческіе, значить, и вообще во всѣхъ побывать и помолиться.

Старецъ не безъ пытливости посмотрѣлъ на него, замѣчая, что онъ переживаетъ нѣкоторое томленіе духа.

— Молиться, отецъ Кирилль, вездѣ можно,—замѣтилъ онъ.

— Знаю, знаю... Однако все-таки, старецъ, благослови. Я по-странствую по монастырямъ...

— Постранствуй. Что жъ,—это не возбраняется. А все-таки я тебѣ скажу, что отъ странствія святости не прибудеть, и отъ разсѣянія покоя душевнаго не обрѣтешь...

Путешествовалъ онъ по аѳонскимъ монастырямъ, вернулся обратно, и на этотъ разъ ни акаѳисты, ни житія святыхъ, ничто не могло дать ему того душевнаго покоя, который онъ надѣялся найти въ монашеской рясѣ.

Между письмами, полученными имъ изъ Россіи, было письмо отъ матери Анфіи, извѣщающее о томъ, что внучка его, Екатерина Александровна, овдовѣла. Изумленный этимъ извѣстіемъ, онъ сжалъ письмо матери Анфіи въ кулакъ и, размахивая имъ, забѣгалъ по кельѣ изъ угла въ уголъ.

— Что же это такое? А? Что это? — разговаривалъ онъ самъ съ собой.—Вотъ ужъ именно Божеское наказаніе. Теперь, того гляди, Сашка навостритъ уши, сманить Катю на родину, и жену свою, дуру, къ этому подобеть. Захаръ Прохоровичъ, разумѣется, удержатъ Катю не сможетъ. Нельзя, нельзя удержать. И деньги ей отдасть, конечно, отдасть, всѣ пятьдесятъ тысячъ отдасть. Не такой онъ человѣкъ, чтобы удерживать—и не до денегъ ему теперь. Вотъ напасть какая! Можно ли было ждать? А Сашка безпремѣнно въ это дѣло вмѣшается и уговоритъ Катю ѣхать на родину, выманитъ онъ у ней денежки и проиграетъ въ карты. Что дѣлать, какъ помочь горю?

Галактіонъ Герасимовичъ ни на минуту не задумался о томъ, какое тяжкое душевное состояніе переживала въ это время его внучка, и какое горе послалъ Господь Захару Прохоровичу и Аннѣ Ѳедоровнѣ. Онъ думалъ только о пятидесяти тысячахъ, данныхъ внучкѣ въ приданое, и высказывалъ опасеніе за ихъ цѣлость.

Бѣгалъ онъ по кельѣ, сжавъ въ кулакъ письмо матери Анфіи, и забылъ совсѣмъ о томъ, что онъ принялъ постриженіе и отрѣшился отъ всѣхъ мірскихъ интересовъ. Схватившись чрезъ нѣсколько времени за устюжскую шкатулку, вѣчную его спутницу, въ которой, несмотря на отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ интересовъ, у него хранилась значительная сумма денегъ, онъ началъ ихъ перебирать и перебрасывать съ одного мѣста на другое, очевидно, что-то между ними отыскивая. Оказалось, что онъ искалъ письменныя принадлежности: бумагу, перья, сургучъ, конверты,

хранившіеся тоже въ шкатулкѣ вмѣстѣ съ деньгами. Пріютившись около стола, онъ принялся писать, писалъ скоро и торопливо, исписалъ кругомъ листъ, перечиталъ его, сложилъ въ конвертъ, запечаталъ, подержалъ минуту, другую конвертъ въ рукахъ, видимо что-то обдумывая, и потомъ изорвалъ его на мелкіе кусочки, захлопнулъ шкатулку и опять забѣгалъ по кельѣ изъ угла въ уголъ, охваченный тысячами думъ, вдругъ нахлынувшихъ на него со всѣхъ сторонъ. Спустя нѣсколько времени, онъ опять открылъ шкатулку, опять вытащилъ письменныя принадлежности и принялся писать письмо, но и это второе письмо постигла та же участь, какъ и первое. Онъ его тоже изорвалъ на мелкіе кусочки и захлопнулъ свою спутницу шкатулку, съ такою силою, что столикъ, на которомъ она стояла, жалобно заскрипѣлъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ нельзя!.. Никакъ этого не возможно допустить!..—говорилъ онъ торопливо и громко, возражая самому себѣ и отвѣчая на свои сокровенныя мысли.—Такъ нельзя! Надо ѣхать туда самому. Безпремѣнно надо ѣхать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

XII.

Спустя нѣсколько времени, аеонскіе старцы услышали отъ него заявленіе о томъ, что онъ намѣренъ возвратиться въ Россію. Они увидѣли предъ собой совсѣмъ не того тихаго и покорнаго раба Божія, какимъ онъ прибылъ къ нимъ изъ Іерусалима, а другого, безпокойнаго, раздражающагося отъ каждаго противорѣчиваго слова. Онъ волновался, размахивалъ руками и въ отвѣтъ на замѣчанія старцевъ о грѣховности его намѣренія повторялъ одно и то же.

— Не могу, не могу!.. Какъ хотите, отцы, судите меня, а я не могу здѣсь жить. Госкуетъ душа. Кромѣ того, отцы, у меня дѣла вдругъ такъ сложились, что надо самому туда на родину ѣхать... И вообще я не могу... Какъ хотите, я не могу... Пустите меня обратно въ Россію.

— Мы никого не удерживаемъ, — отвѣчали старцы, —вольному воля, спасенному рай. Но только ты, отецъ Кирилль, подумай о томъ, много ли тебѣ остается жить на этомъ свѣтѣ.

— Много ли, мало ли, отцы, это въ составъ не входитъ, —заволновался попрежнему, по-мірскому, Галакціонъ Герасимовичъ:—говорю вамъ, что не могу больше здѣсь оставаться, вотъ и все. А что касается годовъ моихъ, то въ нихъ воленъ Господь. За добрыя дѣла онъ человѣку и жизни прибавляетъ...

— Зачѣмъ тебѣ, отецъ Кирилль, понадобилось прибавленіе жизни? Что пользы долго жить, когда мало исправляешься? Долгая жизнь не всегда къ исправленію, а часто еще къ умноженію грѣховъ. Подготовляй себя къ кончинѣ, а не къ жизни...

— Къ кончинѣ могу подготовлять себя я, гдѣ угодно. И въ міру это можно дѣлать безпрепятственно.

Помолчали старцы, посмотрѣли съ печальною задумчивостью на отца Кирилла и еще разъ попытались его уговорить.

— Это вѣдь, отецъ Кириллъ, знаешь, что съ тобой творится.

— Знаю, знаю! Безъ васъ знаю. Нечего меня учить, я тоже, слава Богу, парень на возрастѣ...

— Это, отецъ Кириллъ, вѣдь искушеніе. Испытуетъ тебя Господь...

— Все равно, все равно... Только мнѣ никакъ невозможно здѣсь оставаться. Душа ноетъ, мѣста спокойнаго не нахожу...

И вотъ тотъ самый человѣкъ, котораго душевныя стремленія стояли такъ высоко надъ всѣми земными благами, и увели его отъ міра и отъ всѣхъ его преходящихъ интересовъ, — вдругъ воспыла лъ жаждою покинутаго міра и сталъ метаться въ своей кельѣ изъ угла въ уголъ, какъ левъ въ желѣзной клѣткѣ.

Разузналъ онъ, въ какой день зайдетъ пароходъ къ Аѳонскимъ горамъ, и рѣшительно заявилъ старцамъ, что уѣдетъ.

— Благословите меня... Не могу больше...

— Господь съ тобою, отправляйся...

Быль при немъ провожатый, нѣкто Тимоѳей Филипповичъ, старичекъ изъ крестьянъ, скромный, благочестивый человѣкъ, давно горѣвшій желаніемъ побывать въ Святой землѣ. Завезенный имъ на пути оттуда на Аѳонъ, Тимоѳей Филипповичъ соглашался и жить при немъ на Аѳонѣ, «ежели потребуется», и обратно въ Россію ѣхать, если такой случай представится.

— И то хорошо,—говорилъ онъ,—и это не худо. Какъ Господь благословитъ,—я согласенъ на все.

Этого Тимоѳея Филипповича отецъ Кириллъ, можно сказать, съ ногъ сбиль въ послѣдніе дни жизни на Аѳонѣ. Рѣшась покинуть Аѳонъ, онъ нашель нужнымъ оказать вспомошествованіе нѣкоторымъ бѣднымъ киновіямъ и келіотамъ и сталъ посылать къ нимъ, то въ ту, то въ другую сторону, Тимоѳея Филипповича и при этомъ со свойственною ему торопливостью приказывалъ:

— Тимоѳей, ты скорѣй, слышишь, ты какъ можно поторапливайся, чтобы, какъ говорится, одна нога здѣсь, а другая тамъ...

— Я буду поторапливаться, батюшка, чтобы какъ можно поскорѣе, только вотъ нога у меня лѣвая немного какъ будто ослабла.

— Ничего, ничего. Она разойдется. Иди, иди...

— Слушаю, батюшка, отецъ Кириллъ.

— Погоди, погоди! — озабоченно прервалъ отецъ Кириллъ:—ты меня такъ не называй. Слышишь? Ты, Тимоѳей, зови меня попрежнему Галактіономъ Герасимовичемъ.

— Это какъ вамъ угодно, батюшка.

— И чтобы, то-есть, когда Господь поможетъ намъ отсюда убраться, ты дома о моемъ постриженіи никому ни слова. Понялъ?

— Понялъ, батюшка, понялъ... Мнѣ—что, я и помолчу, даже съ великимъ моимъ удовольствіемъ.

— То-то... Постриженіе я принялъ тайное, тайное. Я и не думалъ здѣсь оставаться, чтобы то-есть кончину принять. Этого ни въ какомъ разѣ не предполагалъ. Душу, Тимоѳею, спасти вездѣ можно...

— Эта такъ точно, батюшка. Вездѣ Господь, вездѣ Онъ, Отецъ Нашъ небесный, съ нами, ежели только мы Его святое имя въ сердцѣ своемъ имѣемъ...

— Ну, ну, ты много не разговаривай. Ступай проворнѣе, нечего зря время тратить. Да скажи имъ, чтобы поторапливались. Завтра безпремѣнно уѣдемъ. Чтобы шли за подаяніемъ, а то ни копейки не получаютъ... Дураки, дураки,—ворчалъ Галактіонъ Герасимовичъ, провожая Тимоѳею Филипповича,—развели себѣ отдѣльныя кельи, а денегъ нѣту...

Проводили его монахи съ большою торжественностью. Нужно замѣтить, что онъ когда-то много полезнаго сдѣлалъ для того аеонскаго монастыря, въ которомъ намѣревался окончить жизнь.

Былъ четвертый часъ ночи, когда пароходъ, заходившій въ двѣ недѣли разъ къ Аеонскимъ горамъ, прибылъ къ пристани. Въ церкви совершалось всенощное богослуженіе. Отецъ игуменъ разрѣшилъ приостановить его, и вся монастырская братія, въ числѣ пятисотъ человѣкъ, отправилась провожать Галактіона Герасимовича къ пароходу съ хоругвями и съ колокольнымъ звономъ.

XLII.

Угнетаемый думами о томъ, съ какою рѣшительною мыслью онъ рвался изъ Россіи въ этотъ монастырь, и о томъ, что въ послѣдній разъ ноги его касаются Аеонской земли—«Удѣла Пречистой Богоматери», Галактіонъ Герасимовичъ расплакался. Онъ кланялся въ ноги игумену, и старцамъ, и братіи, обнимался съ ними, рыдалъ, склоняясь сѣдой головой на плечи монаховъ, и снова падалъ въ слезахъ на колѣна.

— Отцы и братія, старцы, наставники!.. Простите... Грѣшникъ я, великій передъ Господомъ грѣшникъ... Малодушный я рабъ... Помолитесь за меня окаяннаго!..

— Господь тебя проститъ. Ты за насъ помолись,—слышались отвѣты братіи, глухимъ гуломъ раздававшіеся въ предразсвѣтномъ сумракѣ.

Съ парохода доносился на берегъ шумъ и шипѣнье пара, вскорѣ раздавался свистокъ, и Галактіонъ Герасимовичъ въ послѣдній разъ коснулся головой Аеонской земли и пошелъ въ лодку.

— «Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице»...—запѣли монахи и пошли обратно.

Чѣмъ выше они поднимались въ гору отъ морского берега, по направленію къ монастырю, тѣмъ яснѣ раздавались ихъ голоса. Галактіонъ Герасимовичъ стоялъ на палубѣ, всматриваясь вдаль и вслушиваясь въ доносившіеся звуки пѣнія.

— «Ты намъ помози. На Тебе надѣмся и Тобою хвалимся»...— доносилось до его слуха и ущемило сердце новою болью.

— Окаянный я, малодушный! — ворчалъ онъ вслухъ, не стѣняясь, что на него съ удивленіемъ смотрятъ со всѣхъ сторонъ пассажиры, уже освѣдомленные о томъ, по какому случаю такое огромное сборище монаховъ совершало съ хоругвями шествіе къ морскому берегу.

Доносившіеся звуки пѣнія съ каждой минутой становились тише и тише, нельзя уже стало различить словъ его, и наконецъ, они смолкли, точно растаяли въ воздухѣ.

Пароходъ далъ послѣдній свистокъ и тронулся въ путь.

Галактіонъ Герасимовичъ, точно очарованный, не сводилъ глазъ съ Аеонскихъ горъ, и руки воздѣвалъ къ небу, какъ бы прося у Господа прощенія за свое малодушіе, и глаза его были полны слезъ.

Когда пароходъ удалился уже на значительное разстояніе отъ Аеонскихъ береговъ, и очертанія Святыхъ горъ, едва обрисовавшіяся въ утреннемъ туманѣ, стали какъ бы уплывать отъ него вдаль, Галактіонъ Герасимовичъ ушелъ съ палубы къ себѣ въ каюту и заперся въ ней на ключъ. Что онъ тамъ дѣлалъ, продолжалъ ли терзаться «окаянствомъ души» или уже успокоился и утѣшалъ себя новыми планами жизни, новыми предположеніями о пожертвованіяхъ на дѣла благотворительныя,—объ этомъ никто не зналъ. Догадывался, можетъ быть, старикъ Тимоѣей Филипповичъ, какое душевное состояніе переживалъ въ это время Галактіонъ Герасимовичъ, но онъ былъ молчаливъ и чужія дѣла обсуждать не любилъ.

Часа три прошло со времени отхода парохода отъ Аеонскихъ береговъ. Тимоѣей Филипповичъ успѣлъ вздремнуть, приютившись на палубѣ, около какихъ-то товарныхъ тюковъ. Проснувшись, онъ помолился Богу, смотря въ ту сторону, гдѣ находились Святыя горы, и пошелъ потомъ къ каютѣ Галактіона Герасимовича. Не успѣлъ онъ еще дойти до нея, какъ услышалъ его громкій голосъ:

— Тимоѣей, Тимоѣей! Гдѣ ты тамъ застрялъ? Зову, дозваться не могу...

— Здѣсь, батюшка... Прости меня, Христа ради, заснулъ малечко...

— Ну ладно, ладно... Богъ проститъ. Ступай туда, туда къ этому, который... Слышишь, бѣги проворнѣе.

— Куда, батюшка, отецъ... то бишь, Галактіонъ Герасимовичъ?...

— Ахъ, какой ты не понятливый! Бѣги насчетъ кипятку. Ка-

жется, русскимъ тебѣ языкомъ говорю,—не понимаешь. Глупый, глупый старикъ!.. Зачѣмъ только я тебя съ собой взялъ!.. Кипятку добудь и иди ко мнѣ въ каюту чай пить надо...

Во время перехода отъ Аеонскихъ береговъ къ Мраморному морю пароходъ выдержалъ сильную и продолжительную бурю. Всѣ пароходные люки были наглухо закрыты, валъ перекатывался по временамъ чрезъ палубу, и качка была до такой степени велика, что пассажиры, закупоренные въ корпусѣ парохода, не только не могли держаться на ногахъ, но ихъ перебрасывало съ одной койки на другую. Пароходъ трещалъ, скрипѣлъ, двери срывались съ петель и бились о перегородки съ силой пушечнаго выстрѣла, пассажиры стонали, охали, и подъ шумъ и вой расходившейся бури слышались ихъ молитвенные возгласы, женскій плачъ и визгъ.

Галактіонъ Герасимовичъ, выброшенный изъ своей койки, лежалъ на полу въ трепетномъ ожиданіи смертнаго часа. Въ воображеніи его рисовался Аеонъ съ его остроконечными вершинами горъ, съ его многочисленными монастырями, и одна и та же мысль неотступно преслѣдовала его и терзала сердце, не давая ему ни на минуту покоя.

— Это Господь за грѣхи наказываетъ меня, за мои грѣхи и другіе страдаютъ... Господи, умилосердись!

Онъ стоналъ, плакалъ, приподнимался съ полу, стараясь встать на колѣна и воздѣть руки къ небесамъ, но буря, бросавшая пароходъ по волнамъ, какъ щепку, сваливала его на полъ.

Спутникъ его, Тимошей Филипповичъ, прижался гдѣ-то въ трюмѣ парохода около сваленныхъ туда съ палубы товарныхъ тюковъ и мысленно читалъ предсмертныя молитвы.

Такъ прошла цѣлая ночь и почти весь слѣдующій день. Галактіонъ Герасимовичъ выбился изъ силъ настолько, что уже не пытался вставать на колѣни и молиться, а лежалъ пластомъ на полу, забылъ даже о своей постоянной спутницѣ, устюжской шкатулкѣ, валявшейся около него тутъ же на полу и перекатывавшейся отъ качки съ мѣста на мѣсто. Въ первое время при началѣ бури онъ еще подумывалъ о ней и держалъ около себя, какъ самага ближайшаго и вѣрнѣйшаго друга, но потомъ, ослабѣвъ, забылъ уже не только о шкатулкѣ, но и обо всемъ на свѣтѣ, и, приходя въ сознаніе, только стоналъ и охалъ, и ждалъ кончины.

Но ангелъ смерти былъ еще далеко отъ него. Онъ хотя и больной, а все-таки вырвался изъ объятій, которыя ему готовило море. Пароходъ выдержалъ бурю и благополучно пришелъ въ Константинополь. Два аеонскіе монаха, приплывшіе на лодкѣ къ пароходу, чтобы, по обычаю, встрѣтить возвращающихся богомольцевъ и дать имъ пріютъ у себя въ Константинопольскомъ подворьѣ,

были изумлены, увидѣвъ среди пассажировъ Галактіона Герасимовича, о постриженіи котораго они уже имѣли свѣдѣнія. Старшій изъ нихъ даже всплеснулъ при этомъ руками. Галактіонъ Герасимовичъ, хотя и совершенно обезсилѣвшій отъ продолжительной морской болѣзни, оборвалъ его на первомъ же словѣ и оборвалъ съ достаточно рѣзкою внушительностію.

— Ну, ну, что разболтался, а еще монахъ,—сердито заворчалъ онъ.—поддержи-ка меня съ этой стороны, а ты, Тимоѣей, возьми за эту руку... Ну, держи, что ли, крѣпче, эка безтолковый какой. Ведите, что ли... Не могу, ослабѣлъ, больно ослабѣлъ. Гдѣ шкатулка-то? Тимоѣей, слышь, тебя спрашиваю,—шкатулка гдѣ?

— Здѣсь, батюшка, вотъ она у меня въ рукахъ...

— То-то... держи крѣпче... Охъ, ослабѣлъ я...

XLIII.

Онъ расхворался настолько, что по цѣлымъ днямъ лежалъ въ кровати, ничѣмъ, конечно, не лѣчился и ничьихъ совѣтовъ не слушалъ. Когда настоятель подворья предложилъ ему пригласить доктора, онъ нахмурилъ брови и гнѣвно отвѣтилъ ему:

— Эхъ, безтолковый!... Какой же ты настоятель, ежели не помнишь, что животь и смерть во власти Божіей.

Настоятель вопросительно посмотрѣлъ на него, взялъ за руку, почувствовалъ, какъ она горитъ отъ внутренняго жара, и уныло покачалъ головой.

Между монахами пошелъ говоръ, что старичекъ пылаетъ въ огнѣ и говоритъ дерзновенно, что болѣзнь послана ему за малодушіе и оставить его только при томъ условіи, если онъ дастъ обѣтъ вернуться снова въ монастырь.

Такія предположенія были высказаны братіей и самому Галактіону Герасимовичу, но онъ хотя обѣта и не далъ, однако, отъ высказанныхъ братіей предположеній замѣтно присмирѣлъ, сдѣлался задумчивъ и больше не называлъ настоятеля безтолковымъ.

Спустя недѣли три, состояніе его здоровья улучшилось настолько, что онъ уже началъ поговаривать о выѣздѣ въ Россію, но выѣхать не рѣшался, испуганный перенесенными имъ страданіями во время плаванія и боясь возможности вновь подвергнуться имъ при переѣздѣ чрезъ Черное море. Наконецъ-таки рѣшился тронуться въ путь и опять попалъ въ бурную погоду и прибылъ въ Одессу больной.

Великій постъ уже близился къ концу. Ему хотѣлось къ Пасхѣ добраться до Москвы. Хотя онъ и чувствовалъ себя больнымъ, но все-таки рѣшился оставить Одессу.

Встрѣченный на Московскомъ вокзалѣ Екатериной Александровной и Захаромъ Прохоровичемъ, онъ вмѣсто привѣтствій сказалъ Екатеринѣ Александровнѣ:

— Знаю, знаю. Овдовѣла!.. Воля Божія... Всѣ помремъ! Не плачь, не плачь... Не люблю этого. Писала мнѣ Анфія, что тебя отецъ зоветъ домой. Хорошо, что не послушалась. Дуракъ онъ, дуракъ, и братья его тоже—всѣ никуда не годные! Всѣ дураки, пьяницы, картежники, копейки не стоятъ...

Поздоровавшись съ Захаромъ Прохоровичемъ, онъ потомъ, во все время пути въ Замоскворѣчье, ни о чемъ уже больше не разговаривалъ, а только стоналъ и охалъ, жалуясь на нездоровье. О внукѣ онъ ни однимъ словомъ не обмолвился, какъ будто его и на свѣтѣ не было. Потомъ, когда пріѣхали они въ домъ Захара Прохоровича, онъ тотчасъ же легъ въ постель и застоналъ. Но и тутъ, въ стонахъ и въ видимыхъ тѣлесныхъ страданіяхъ, мысли его хватались за земное. Онъ, лежа въ постели, подманилъ къ себѣ рукою Захара Прохоровича и спросилъ:

— Деньги Катины гдѣ?

— Въ бумагахъ, въ процентныхъ казенныхъ бумагахъ,—отвѣтилъ Захаръ Прохоровичъ.

— То-то... Охъ!.. Процентъ малъ... малъ процентъ... Да! А иначе нельзя, никакъ нельзя... Въ торговня дѣла еѣ капиталъ не слѣдуетъ помѣщать... Охъ... тяжело мнѣ... Малъ процентъ, это вѣрно, а иначе нельзя... Тяжело мнѣ... охъ!..

Екатерина Александровна предложила послать за докторомъ, но онъ замахалъ руками.

— Не хочу, не хочу!.. Болѣзнь моя не смертельная. Я еще не готовъ, и много, много еще не исполнено у меня задуманнаго. Я знаю, что Господь за добрыя дѣла жизни прибавляетъ...

Несмотря на такую твердую увѣренность въ благополучный исходъ болѣзни, здоровье его не возстановлялось, напротивъ, съ каждымъ днемъ становилось хуже.

Захаръ Прохоровичъ тоже пытался нѣсколько разъ уговорить его полѣчиться у доктора, но онъ на такіе совѣты отвѣчалъ ворчливымъ отказомъ.

— Не серди меня, Захаръ, слышишь. Что ты затвердилъ одно, какъ сорока: лѣкаря да лекаря? Лѣкарь—не Богъ.

Въ субботу, на послѣдней недѣлѣ поста, онъ почувствовалъ себя настолько слабымъ, что попросилъ позвать священника. Послѣ принятія Святыхъ Таинъ къ изголовью его кровати подселъ Захаръ Прохоровичъ. Онъ хотя и зналъ, что духовное завѣщаніе у него составлено нотаріальнымъ порядкомъ, но предполагалъ, что онъ, можетъ быть, пожелаетъ сдѣлать еще какія нибудь распоряженія. Захаръ Прохоровичъ долго сидѣлъ молча и ждалъ. Молчалъ и Галактіонъ Герасимовичъ и смотрѣлъ куда-то вдаль.

— Все, братъ, Захаръ, пустяки. Перетерплю, Богъ дастъ. Много еще у меня дѣлъ, много... Отлежусь...

— Да, да... конечно... все отъ Господа! — со вздохомъ произнесъ Захаръ Прохоровичъ:—во всемъ Его святая воля!..

Въ отвѣтъ на такое утѣшеніе онъ, повидимому, даже обидѣлся и порывисто отвернулся отъ него лицомъ къ стѣнѣ.

Въ продолженіе всего дня и начала ночи онъ оставался, можно сказать, недвижимъ на смертномъ одрѣ, — не принималъ уже ни пищи, ни питья и, казалось, не сознавалъ ничего окружающаго. Докторъ, приглашенный въ этотъ день, нѣсколько разъ высказывалъ предположенія, что онъ находится въ безсознательномъ состояніи и болѣе уже ничѣмъ не обнаружитъ никакихъ признаковъ жизни. Екатерина Александровна, неотлучно при немъ находившаяся, по временамъ думала даже, что жизнь въ немъ уже угасла.

Время близилось къ полночи. На карнизахъ церквей и колоколенъ стали зажигаться огни и на улицахъ все болѣе и болѣе появлялось народу, направлявшагося въ храмы. Часы пробили двѣнадцать. Съ высотъ Кремля загудѣлъ Иванъ Великій, и вслѣдъ за нимъ всѣ сорокъ-сороковъ древняго города возвѣстили о наступившемъ свѣтломъ праздникѣ Воскресенія Христова.

Екатерина Александровна, услышавъ звонъ, перекрестилась, взглянула полными слезъ глазами на образъ, освѣщенный лампадой, и прошептала «Воскресеніе Твое, Христе Спасе...», потомъ перевела взглядъ на неподвижно лежавшаго Галактіона Герасимовича, колебаясь сомнѣніями живъ онъ еще или умеръ.

Вдругъ онъ, точно разбуженный торжественнымъ звономъ, самъ поднялся съ подушекъ, къ великому ея изумленію, сѣлъ на кровати и, смотря куда-то вдаль, твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Какъ же это? Вѣдь за добрыя дѣла Богъ жизни прибав...

Но силы, на мгновеніе вновь пробудившіяся, угасли. Такъ окончилъ онъ дни своей многотревожной жизни.

Удивительный самородокъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ отнесившійся къ земнымъ благамъ, искавшій «небснаго» и въ то же время хватавшійся обѣими руками за жизнь, — міръ твоему!... праху.

Вышла ли замужъ Екатерина Александровна, и какъ она жила со вторымъ мужемъ, и какъ окончили свое земное странствіе остальные лица моихъ записокъ, — объ этомъ, какъ о предметѣ, выходящемъ за предѣлы избранной мною задачи, здѣсь уже не можетъ быть рѣчи. Можно сказать только одно, что между тѣмъ временемъ, къ которому относятся записки, и временемъ ихъ печатанія, легло уже цѣлое полустолѣтіе. Теперь нѣтъ на свѣтѣ не только никого

изъ описанныхъ лицъ, но даже и потомство Екатерины Александровны, если таковое у нея было, могло уже доиграть свои роли на житейской сценѣ.

«Ахъ, и рыцаря, и даму
Смерть давно ужъ унесла...
Всѣхъ насъ этотъ черный рыцарь
Вышибаетъ изъ сѣда».

Д. И. Стахѣевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АРТИСТКИ А. П. НАТАРОВОЙ ¹⁾.

VIII.

Пріѣздъ въ школу министра графа В. Ѳ. Адлерберга. — Посѣщеніе училища государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

ВЫСОКІЯ особы не баловали школу своими посѣщеніями. За время моего пребыванія въ школѣ помню только одно посѣщеніе министра двора и одно посѣщеніе школы государемъ Николаемъ Павловичемъ, кажется, единственное за все время его царствованія. Если не ошибаюсь, въ 1852 году пріѣхалъ въ училище графъ Владимиръ Ѳедоровичъ Адлербергъ. Пріѣхалъ въ послѣбѣденное время — никто его не ожидалъ. Гедеоновъ былъ въ это время въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ пріѣзда графа, прибѣжали въ школу инспекторъ Оберъ и главная надзирательница Гофманъ. Графъ сказалъ, что желаетъ осмотрѣть училище; насъ всѣхъ собрали въ танцевальномъ залѣ. Графъ обошелъ спальни, лазаретъ и, вернувшись въ залъ, обратился съ вопросомъ на французскомъ языкѣ къ воспитанницамъ. Меня, какъ умѣвшую говорить по-французски, толкнулъ подъ руку Оберъ. Графъ спросилъ:

— Гдѣ у васъ зала для декламации?

Я отвѣтила, что не только помѣщенія, но даже и класса декламации у насъ нѣтъ.

Графъ очень удивился, затѣмъ спросилъ, въ какіе часы какіе классы назначены. Я отвѣтила.

Послѣ этого графъ Адлербергъ ушелъ на половину воспитанниковъ, и мы его больше не видали. Говорили, что, уѣзжая изъ училища, онъ сказалъ:

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСІV, стр. 420.

— Очень пріятно, что все въ порядкѣ.

Потомъ мнѣ попало отъ Обера за мой отвѣтъ о классѣ декламации.

— Отвѣчала ты по-французски хорошо,— сказалъ онъ,—но не слѣдовало дѣлать собственныхъ замѣчаній.

Посѣщеніе графа Адлерберга особенныхъ послѣдствій для школы не имѣло. Графъ произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе, но мы всѣ были очень испуганы его пріѣздомъ. Старика князя Волконскаго мы больше любили, хотя видѣли его только на сценѣ, а въ школѣ онъ никогда не бывалъ. Въ памяти у меня остались густыя, черныя брови князя Волконскаго и голова его на высокомъ воротникѣ, точно на подпоркахъ. Князь Волконскій бывалъ всегда милъ, ласково разговаривалъ съ дѣтьми на сценѣ и дѣтямъ очень нравился.

Въ 1853 году, въ великомъ посту, на какой недѣлѣ, не помню, посѣтилъ насъ государь Николай Павловичъ. Страшный былъ для училища этотъ пріѣздъ. Государь пріѣхалъ неожиданно въ обѣденное время. Гедесоновъ въ это время былъ въ Москвѣ, гдѣ только что сгорѣлъ Большой театръ. Мы сидимъ за столомъ, подали второе блюдо, сидимъ, разговариваемъ, и вдругъ видимъ: у насъ въ столовой, у крайняго стола къ коридору стоитъ государь Николай Павловичъ, а сзади него, въ дверяхъ, нашъ швейцаръ съ шинелью государя. Оказывается, швейцаръ при пріѣздѣ государя хотѣлъ позвонить, но государь, остановивши его за руку, сбросилъ ему шинель и сказалъ:

— Иди за мной.

Увидя государя, мы всѣ встали.

— Здравствуйте, дѣти,—сказалъ государь, а послѣ привѣтствія нашего сказалъ:

— Садитесь и кушайте.

На столѣ передъ государемъ стояли тарелки съ недоѣденнымъ кушаньемъ, многія же доѣдали въ это время второе блюдо—телятину подъ бѣлымъ соусомъ.

— Отчего же вы не ѣдите?—спросилъ государь.

— Мы сыты-съ, ваше величество.

— Ахъ, сыты?—и государь приподнялъ тарелку, взялъ въ руки вилку, поднесъ телятину къ носу и опять положилъ все на мѣсто.

— Я вижу, что вы сыты,—сказалъ онъ.

Въ это время принесли третье блюдо: гречневую кашу съ масломъ, немного застывшимъ съ выступившей сверху крупной солью.

— Ну, распорядитесь. Я посмотрю. Это каша?

— Такъ точно-съ, ваше величество.

Но никто изъ насъ не дотронулся до каши, такъ были взволнованы.

— Ну, этого-то почему не ѣдите?—спросилъ государь.

— Мы не хотимъ-съ, ваше величество. Мы теперь уже со-
всѣмъ сыты.

Государь улынулся и сказалъ:

— Ну, ужъ если вы такъ сыты, то теперь остается только
благодарить Господа Бога.

Мы всѣ встали и запѣли молитву. Обыкновенно мы очень хо-
рошо пѣли послѣобѣденную молитву, но на этотъ разъ отъ вол-
ненія пропѣли ее отвратительно.

Прослушавъ молитву, государь прошелъ изъ столовой по ко-
ридору въ спальню. Въ спальнѣ былъ большой беспорядокъ. Въ
этотъ день былъ назначенъ школьный спектакль и на постеле-
яхъ лежали костюмы, тюники и башмаки, приготовленные къ
спектаклю.

Увидѣвъ беспорядокъ, государь удивился и спросилъ:

— Это что за атрибуты такіе?

Испуганная старшая надзирательница Гофманъ была ни жи-
ва, ни мертва и молчала. За нее отвѣтила классная дама Чарухина:

— Сегодня спектакль, ваше величество, а отдѣльныхъ убор-
ныхъ у насъ нѣтъ.

Государь только посмотрѣлъ на Чарухину, а взгляды у него
были страшныя, и пошелъ дальше по спальнои. Всѣ дѣти, ко-
нечно, за нимъ. Посерединѣ спальнои государь остановился, при-
поднялъ чехолъ постели, взялъ простыню и спросилъ:

— Какъ часто мѣняютъ постельное бѣлье?

Отвѣтъ на это дала тутъ же бывшая горничная, которая дер-
жала другой конецъ простыни.

— Каждую недѣлю, ваше величество.

Воспитанницы въ то же время сказали:

— Черезъ недѣлю, ваше величество.

При выходѣ изъ спальни государя встрѣтили инспекторъ Оберъ,
Аубель, смотритель дома дирекціи Крутицкій и дежурный гувер-
неръ Михельсонъ. Государь не обратилъ на нихъ никакого вни-
манія. Лицо у государя было очень серьезное и недовольное. Да-
лѣе государь пошелъ къ лазарету и на минуту остановился передъ
классной комнатои. Воспользовавшись этои остановкой, смотритель
Крутицкій спросилъ:

— Ваше величество, не угодно ли будетъ вашему император-
скому величеству осмотрѣть только что отдѣланный театр?

Государь сурово посмотрѣлъ на него и громко отвѣтилъ:

— Я знаю, что мнѣ смотрѣть, и что не смотрѣть.

Всѣ обмерли... Государь пошелъ въ лазаретъ, а мы, воспитан-
ницы, остались его ожидать. Больныхъ въ лазаретѣ было мало, а
потому государь скоро вышелъ оттуда. При выходѣ государя изъ
лазарета, мы осмѣлились просить его осчастливить своимъ при-
сутствіемъ сегодняшній спектакль. Государь ласково отвѣтилъ:

— Милыя мои дѣти, пріѣхалъ бы съ удовольствіемъ къ вамъ, но не могу, занять. Ну, прощайте.

Мы съ громкими криками стали благодарить государя за посѣщеніе. Нѣкоторые ухитрились цѣловать ему руки.

Затѣмъ государь отправился на половину воспитанниковъ. Начальство—за нимъ. На мужской половинѣ, какъ рассказывали намъ въ послѣдствіи воспитанники, государь шелъ очень суровый и раздражительный. Отворивъ дверь въ классную комнату, государь увидѣлъ воспитанника, старательно рисовавшаго что-то красками, которыя разводилъ на посудныхъ черепкахъ.

— Это ты что дѣлаешь?—спросилъ государь.

— Рисую, ваше величество.

— Интересно, — промолвилъ государь и прошелъ въ спальню.

Въ спальнѣ мальчиковъ государь уже не прикасался руками до кроватей, а на ходу отодвинулъ ногой табуретъ, который упалъ. Табуретъ оказался безъ дверки, изъ него вывалились разные вещи. Государь молча посмотрѣлъ на табуретъ и пошелъ дальше въ лазаретъ, а затѣмъ въ церковь. Спускаясь изъ церкви мимо нашихъ дверей, государь опять увидѣлъ насъ. Мы хотѣли бѣжать и проводить государя, но погода была скверная, и Оберъ насъ не пустилъ. Мы громко кричали и прощались съ государемъ, и онъ, отъѣзжая, сказалъ намъ:

— Прощайте, милыя мои дѣти!

Такъ и уѣхалъ.

Послѣ отъѣзда государя насъ всѣхъ собрали въ большомъ залѣ дожидаться прихода инспектора. Пришелъ Оберъ, блѣдный и взволнованный. Гофманъ спросила его:

— Ну, что, Федоръ Николаевичъ? Какъ государь нашелъ?

— Государь сказалъ: «у меня собаки лучше содержатся, чѣмъ мои дѣтушки!»

Всѣ разошлись съ поникшими головами, а съ Гофманъ сдѣлалось дурно. Потомъ она очень плакала и говорила:

— Боже мой, Боже мой! Какое несчастье случилось!

Весной, вскорѣ послѣ посѣщенія государя, Оберъ, Аубель и Гофманъ были смѣнены.

IX.

Выпускъ изъ училища.—Пенсіонеры.—Выпускъ въ оперу и оркестръ.

1853 годъ, годъ посѣщенія школы государемъ, былъ для меня знаменательнымъ—это былъ годъ моего выпуска изъ училища. У насъ говорили, что въ дирекціи нѣтъ денегъ, и сулили поздній выпускъ. Но выпускъ оказался на дѣлѣ раньше обыкновеннаго.

Въ Вербное воскресенье, послѣ обѣда, приходитъ къ намъ Гедеоновъ и совершенно неожиданно для насъ говорить:

— Сегодня выпускъ.

Всѣхъ насъ повели въ танцевальный залъ, гдѣ поставленъ былъ большой столъ. За столомъ Гедеоновъ передалъ инспектору Оберу списокъ выпускныхъ. Оберъ прочелъ списокъ, кто куда выпускается и на какое содержаніе. Наибольшій окладъ жалованья выпускнымъ въ этомъ году былъ назначенъ въ 300 рублей, а наименьшій—въ 174 рубля. Наградныхъ на экипировку назначено было всѣмъ по 30 рублей. Помпы при выпускѣ никакой не было. Директоръ только сказалъ:

— Ну, поздравляю.

По спискамъ выпускные были распределены такъ: драматическіе: первый разрядъ—«на роли по способностямъ», а второй разрядъ—«на выходы». Балетные же раздѣлялись: «въ корифеи» и «въ кордебалетъ».

Одна изъ выпускныхъ, рассчитывавшая на полученіе большого оклада, расплакалась.

— О чемъ ты плачешь?—спросилъ А. М. Гедеоновъ.

— Отъ радости, что выпущена,—отвѣтила онъ.

И, пожалуй, это не была ложь, такъ какъ и при маленькихъ окладахъ могли рассчитывать на дальнѣйшее движеніе, а главное на полученіе пенсіи въ будущемъ. Но оклады были дѣйствительно мизерные. У насъ были, напримѣръ, пенсіонерки, которыя за воспитаніе въ училищѣ платили въ первый годъ 200 рублей, а потомъ по 174 рубля въ годъ. Случалось, что онѣ выходили на службу и кончали ее все съ тѣмъ же содержаніемъ по 174 рубля въ годъ. Еще недавно жила въ Петербургѣ бывшая балетная артистка—пенсіонерка съ 200 рублей въ годъ пенсіи, державшая на Сѣнной площади ларь съ мелкимъ мануфактурнымъ товаромъ. При выпускѣ намъ давалось изъ училища бѣлье, всего по полъ-дюжины. Кромѣ того, давался старый салопъ, который выпускныя отдавали въ краску, а потомъ носили.

Условія жизни послѣ выпуска были тяжелыя—бѣдность была не покрытая. Кто не имѣлъ родныхъ въ Петербургѣ, пристраивался къ знакомымъ. Многія для пополненія своихъ средствъ занимались работами, шитьемъ, вязаньемъ, и тутъ же въ театрѣ продавали свои издѣлія, зная, что выручатъ больше, чѣмъ дадутъ въ лавкахъ.

Хорошо было то, что въ театрѣ въ то время жили очень скромно и не щеголяли костюмами. Большія артистки очень просто одѣвались и на репетиціяхъ, и при выходахъ на сцену. Если кто нибудь придетъ на репетицію одѣтой понаряднѣе, сейчасъ же артистки спрашиваютъ:

— Какой сегодня праздникъ, душечка, что вы такъ разодрлись?

Туалеты вообще и на сценѣ большой роли не играли. У Самойловыхъ, напримѣръ, мѣнялись только чехлы подъ кисеей. Но казен-

ные костюмы давались хорошіе, бархатъ, напримѣръ, лучшаго сорта. Гедеонову иногда указывали на это, говоря:

— Вѣдь это очень дорого.

— Наоборотъ, — отвѣчалъ онъ, — это очень дешево: носится долго.

И, дѣйствительно, хорошіе костюмы справляли долгую службу.

Благодаря общимъ скромнымъ требованіямъ, можно было молодымъ артисткамъ приходиться на сцену въ простыхъ ситцевыхъ платьяхъ, и насъ за это не осуждали, а напротивъ — уважали. Кто имѣлъ три шерстяныхъ платья, считалъ себя богатой. Другую хорошую сторону нашей жизни мы находили въ добрыхъ отношеніяхъ къ намъ старшихъ нашихъ товарищей. По выпускѣ мы еще не были настоящими артистами, курсъ въ училищѣ проходили у насъ слабо, а потому, являясь на сцену на репетиціи, мы присматривались къ игрѣ большихъ артистовъ. Мы старались ловить ихъ взгляды, чтобы поклониться, и были счастливы, когда намъ ласково отвѣчали. Вообще старые артисты обращались съ нами очень хорошо и слѣдили за успѣхами молодыхъ артистовъ. Также и режиссеры давали намъ возможность играть маленькія роли и постепенно выходить въ люди.

На другой день нашего выпуска, въ 10 часовъ утра, всѣ выпускные явились къ директору.

Мы уже были одѣты въ свои платья и ночевали дома. Гедеоновъ вышелъ къ намъ и сказалъ:

— Ну, старайтесь, служите хорошенько.

Руки никому не подаль.

— Наградныя вамъ дадутъ въ конторѣ, а затѣмъ будете получать назначенное жалованье.

Мы раскланялись. Гедеоновъ спросилъ:

— Ну, а молебень служили?

— Нѣтъ еще, ваше высокопревосходительство. Сейчасъ идемъ...

Затѣмъ всѣ отправились въ училищную церковь служить молебень, а оттуда по домамъ.

Въ училище ходили прощаться только къ тѣмъ, у кого жили экстернами, а больше ни къ кому. При уходѣ нашемъ кастелянша объявила намъ:

— Пожалуйста за бѣльемъ, что кому полагается.

Выпускали обыкновенно 18-тилѣтнихъ, а менѣе способныхъ въ 17 лѣтъ. Тѣхъ, кто выдѣлялся талантомъ и подавалъ надежды, оставляли въ училищѣ пенсіонерами и пенсіонерками. Пенсіонеры и пенсіонерки жили въ училищѣ и продолжали учиться искусствамъ: драматическому, пѣнію или танцамъ, а въ научные классы ихъ не посылали. Платье пенсіонеры имѣли свое, на что имъ выдавалось 10 рублей съ мѣсяць. Всѣ пенсіонеры считались на службѣ. Пенсіонерки помѣщались въ особой комнатѣ, рядомъ

съ большой спальней; отлучаться изъ училища онѣ могли лишь съ разрѣшенія инспектора; въ опредѣленное время ихъ могли такъ же какъ и воспитанницъ, посѣщать родные. Пенсіонерки могли не ходить на утреннюю молитву, но столомъ пользовались вмѣстѣ съ воспитанницами. Вообще пенсіонеровъ и пенсіонерокъ было не много. Нѣкоторыхъ, какъ, на примѣръ, пѣвца Булахова, держали пенсіонеромъ долго, чуть ли не четыре года. Въ моемъ выпускѣ никто не попалъ ни въ пенсіонеры, ни въ пенсіонерки.

Начало службы для балетныхъ было легче, чѣмъ для драматическихъ. Выпущенныя на роли по способностямъ должны были долго ожидать опредѣленія, что изъ нихъ выйдетъ. Выпускныхъ же балетныхъ ограждало опредѣленное амплуа корифеевъ и кордебалета. Судя по успѣхамъ, корифеевъ переводили въ солисты, а изъ кордебалета передвигали въ корифеи, и на это было много шансовъ. Въ балетѣ все опредѣлено извѣстными рамками, въ драмѣ же главную роль игралъ случай.

Изъ воспитанниковъ драматическаго отдѣленія школы бывали такіе, которые имѣли хорошій голосъ. На школьныхъ спектакляхъ выяснялось, куда ихъ выпускать. Ставились водевили и пьесы съ пѣніемъ, на примѣръ: «Кетли», «Дезертиръ», «Любовное зелье», «Катерина или золотой крестикъ» и прочее. Въ такихъ пьесахъ были и речитативы, и соло, и дуэты. На примѣръ, воспитанница Семенова была некрасивая и робкая, но имѣла хорошее сопрано. Ее выпустили въ оперу, но голосъ ея на сценѣ мало звучалъ, а потому ее перевели въ хористки, между которыми она занимала первое мѣсто. Также попала въ оперу Иванова, мать танцовщицы Борисенковой, у нея было контральто, она исполняла Ваню въ «Жизни за царя» и другія партіи. Болѣе граціозныя, подвижныя и способныя, съ голосами, выпускались въ драму спеціально на водевили, какъ, на примѣръ, Левкѣва, Жулева, Надежда Подобѣдова. Онѣ же играли и комедіи. Но въ драму выпускались и такія, которыя за отсутствіемъ голосовъ совсѣмъ не пѣли. Изъ воспитанниковъ школы въ оперу выпущены были: Булаховъ, хорошій теноръ, дебютировавшій Сабининымъ въ «Жизни за царя», а также Васильевъ 2-й, выпущенный на партіи вторыхъ теноровъ.

Иногда изъ школы выпускали воспитанниковъ музыкантами въ оркестръ. Учителя музыки были замѣчательные: Вьетанъ—на скрипкѣ, Вурмъ—на корнетѣ. Вообще въ училищѣ преподавали игру на инструментахъ лучшіе музыканты оркестра. Всѣ мальчики должны были учиться музыкѣ. Освобождали отъ этого только совершенно къ ней неспособныхъ. Уроки музыки бывали обыкновенно послѣ обѣда, или когда окажутся свободными учителя. На школьныхъ спектакляхъ всегда игралъ свой оркестръ изъ воспитанниковъ, и игралъ недурно.

Также и церковный хоръ былъ свой—изъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Дирижировалъ оркестромъ и училъ сыгрываться Мауреръ, а церковному пѣнію училъ Быстровъ.

Императоръ Николай Павловичъ, прослушавъ, при посѣщеніи школы, наше пѣніе, остался недоволенъ и пригласилъ къ намъ известнаго Рожнова учить церковный хоръ. Назначены были спѣвки по два раза въ недѣлю. Но Рожновъ скоро отказался отъ преподаванія въ школѣ.

Въ Великомъ посту приходили въ школьную церковь пѣть тріо «Да исправится»: теноръ—Булаховъ, басъ—Осипъ Аванасъевичъ Петровъ и альтъ — Буслова, впоследствии вышедшая замужъ за Фереро. Буслова была хористка, бывшая воспитанница школы.

Почти каждую субботу приходилъ въ церковь актеръ Алексѣй Михайловичъ Максимовъ и читалъ шестопсалміе. Читалъ онъ великолѣпно, но воспитанницы всегда говорили:

— Очень хорошо, только ужъ очень долго!

Училищная церковь всегда была полна только театральными. Артисты и говѣты приходили въ училище. Этимъ священникъ нашъ очень гордился и разъ даже сказалъ такую рѣчь:

— Сколь сіе хорошо и сколь сіе пріятно сердцу, что вотъ мы всѣ, собравшись вкупѣ, одинаго вѣдомства, славимъ и благодаримъ Господа!

X.

Обученіе драматическому искусству.—Драматическіе спектакли въ школѣ.—Положеніе выпущенныхъ въ драму.

Что касается драматическаго обученія, надо правду сказать, плачевное было дѣло! Настоящихъ драматическихъ классовъ не было, и вся драматическая практика сосредоточивалась въ школьныхъ спектакляхъ, которые производились въ Великомъ посту по три раза въ недѣлю, кромѣ первой, четвертой и седьмой. Кромѣ того, давались школьные спектакли въ теченіе двухъ недѣль въ августѣ мѣсяцѣ.

До 16 лѣтъ въ школѣ всѣ обязательно учились танцевать, и уже въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ опредѣлялось окончательно: кто долженъ подготовляться въ балетъ, кто въ драму или оперу, или, наконецъ, въ оркестръ. Въ драматическихъ спектакляхъ въ школѣ назначались иногда играть и балетные, если у нихъ былъ голосъ. Судьями въ спектакляхъ являлись директоръ Гедеоновъ и генераль Дубельтъ, который очень деликатно и тихо высказывалъ свои мнѣнія директору. Кромѣ того, какъ гостья, ходила на школьные спектакли свояченица Гедеонова, Марья Павловна.

Выборъ учениковъ и ученицъ въ драму не имѣлъ опредѣленнаго порядка, а устанавливался какъ-то по-домашнему, случайно.

Обыкновенно въ году, по вечерамъ, воспитанницы, если не были заняты въ балетѣ, собирались между собой, практиковались въ чтеніи, разговаривали и повѣряли другъ другу свои мечты о тѣхъ или другихъ роляхъ. Насмотрѣвшись на балетныя репетиціи въ школѣ, нерѣдко практиковались въ подражаніи артистамъ на школьной сценѣ. Классныя дамы все это видѣли и слышали и, конечно, принимали къ свѣдѣнію, дѣлали свои замѣчанія и наблюдали способности и склонности воспитанницъ къ тому или другому роду искусства.

Пока дѣвушка не сформировалась, голосъ ея не пробовали, но послѣ 16 лѣтъ классныя дамы отмѣчали тѣхъ, у кого оказывался голосъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда фигура подрастающей дѣвушки дѣлала ее негодной къ балету, воспитанницу намѣчали въ драму, оправдывая свой выборъ такъ:

— Вѣдь, надо же кончить и выйти чѣмънибудь и куданибудь, чтобъ имѣть кусокъ хлѣба.

Такимъ образомъ, постепенно, балетная школа выдѣляла изъ себя извѣстное число воспитанницъ, направлявшихся къ службѣ въ другихъ родахъ искусства. Такъ было на женской половинѣ училища, вѣроятно, та же система примѣнялась и на мужской.

Обыкновенно, не задолго до Великаго поста, приходилъ въ школу актеръ Петръ Ивановичъ Григорьевъ 1-й и спрашивалъ:

— Ну-съ, какія же тутъ драматическія? Покажите-ка ихъ.

Намѣченныхъ въ драму приводили къ нему; онъ смотрѣлъ и спрашивалъ:

— Такъ какое же у васъ амплуа? На какія же вы роли?

— Мы не знаемъ,—отвѣчали мы ему.

— Гм! не знаете? Ну, такъ вотъ возьмите такую-то пьесу (комедію или водевилъ), такую-то роль, спишите ее и разучите.

Тутъ сейчасъ же, по внѣшнему виду ученицъ, онъ распредѣлялъ роли.

— Потомъ на репетиціи я васъ посмотрю,—добавлялъ Григорьевъ и уходилъ.

Выслушивать пѣніе куплетовъ, попадавшихъ въ водевиляхъ, приходилъ учитель пѣнія Павелъ Николаевичъ Соколовъ, а предварительно куплеты эти проходила съ воспитанницами учительница пѣнія Ковалева.

Репетиціи начинались только со второй недѣли поста, а потому, чтобы успѣть срепетовать, на второй недѣлѣ назначалось лишь два, а не три спектакля. Репетиціи производились утромъ и вечеромъ, и драматическія ученицы въ балетныхъ школьныхъ спектакляхъ уже не участвовали.

Наступаетъ давно ожидаемая первая репетиція. Роли уже выучены, кто какъ разумѣетъ. Приходитъ Петръ Ивановичъ Григорьевъ, и репетиція начинается такъ: воспитанница или воспи-

танникъ выходитъ на сцену и говоритъ свою роль. Григорьевъ сидитъ въ креслахъ, смотритъ и слушаетъ.

— Эй, ты, флюсь!—кричитъ онъ воспитанницѣ.—Не то, назадъ!

Флюсь означаетъ полнота. Флюсь этотъ поворачивается, уходитъ, снова приходитъ и читаетъ роль, рѣшительно не зная, въ чемъ дѣло.

Григорьевъ обыкновенно сначала посмѣется, а потомъ начнетъ дѣлать замѣчанія и объясненія серьезно. Объяснялъ онъ не хорошо. Дѣлалъ также замѣчанія и Павелъ Николаевичъ Соколовъ, который внимательно слушалъ и замѣчанія высказывалъ очень деликатно. Какъ-никакъ, по замѣчаніямъ Григорьева и Соколова понемногу направлялись наши спектакли. Иногда Григорьевъ приходилъ на сцену и показывалъ, какъ надо играть, а за послѣднюю репетицію, въ особенности когда видѣлъ, что дѣло подвигается, онъ принимался серьезнѣе.

Григорьевъ самъ и режиссировалъ въ спектакляхъ и назначалъ одного воспитанника въ видѣ сценаріуса. Такого воспитанника обыкновенно готовили въ помощники режиссера. Суфлеръ для школьныхъ спектаклей также назначался изъ воспитанниковъ.

Вообще на школьныхъ спектакляхъ на насъ, на начинающихъ, смотрѣли очень снисходительно. Тѣмъ, кто заявлялъ себя на первыхъ спектакляхъ болѣе даровитымъ,—давали на слѣдующихъ спектакляхъ болѣе серьезныя роли... И въ концѣ концовъ, школьные спектакли, хотя и безъ солидной подготовки, все-таки шли и давали кое-какіе результаты.

Костюмы для школьныхъ спектаклей давали изъ театральнаго гардероба, но самые изношенные. Хорошій городской гардеробъ оставался на рукахъ у артистовъ. Артисты, получая недостаточное жалованье, стали выѣзжать въ казенномъ гардеробѣ, а потому начальство рѣшило въ послѣдствіи отобрать этотъ гардеробъ въ складъ. Когда нужно было явиться въ школьномъ спектаклѣ одѣтыми понаряднѣе, воспитанницы обращались съ просьбой къ балетнымъ танцовщицамъ, и онѣ ссужали ихъ цвѣтами, шляпами, лентами, воротничками и проч., чтобы какънибудь прикрасить туалетъ, и дѣлали это охотно.

Въ школьныхъ спектакляхъ исполнялись комедіи и водевили, а съ ними дивертисментъ, а иногда даже маленькіе балеты, какъ, напримѣръ, балетъ «Мельники», въ которомъ между прочимъ впервые выступилъ и началъ свою карьеру артистъ Тимошей Стуколкинъ.

Когда кончались всѣ школьные спектакли, директоръ дѣлалъ участвовавшимъ въ драматическихъ пьесахъ замѣчанія и уже съ перваго года могъ предвидѣть, кто на что будетъ годенъ. На слѣдующій годъ для выдѣлившихся учениковъ назначались болѣе серьезные пьесы, и этимъ какъ бы готовились ихъ будущіе дебюты.

Большимъ подспорьемъ въ обученіи драматическому искусству являлось еженедѣльное, въ особенности лѣтомъ, посѣщеніе учениками спектаклей въ Александринскомъ театрѣ. Вотъ тутъ-то мы и видѣли тѣ образцы драматическаго искусства, которые заставляли насъ вдумываться, рассуждать и дѣлать дѣло. Начиная съ такихъ колоссовъ, какъ трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ, и кончая ролями лакеевъ и кухарокъ, Александринскій театръ того времени давалъ рядъ талантливыхъ артистовъ. Любя сцену, можно было найти, у кого учиться, потому что игра каждаго артиста являлась глубокимъ и вѣрнымъ толкованіемъ его ролей. Учащійся не разбрасывался, такъ какъ каждый артистъ имѣлъ свое амплуа. Для артистовъ составляло большой трудъ разнообразить исполненіе, играя одинаковыя роли, но для тѣхъ, кто учился, мѣра этого разнообразія и составляла интересъ.

Драматическіе артисты иногда посѣщали наши школьные спектакли и приходили тогда, когда Григорьевъ обращалъ ихъ вниманіе на проблески способностей въ комъ нибудь изъ учениковъ. Въ этихъ случаяхъ артисты знакомились съ игрой будущихъ актеровъ, но никогда ни съ кѣмъ изъ учащихся не разговаривали.

Такимъ образомъ шло дѣло: постепенно съ малыхъ лѣтъ мы привыкали къ сценѣ, къ костюму и къ рампѣ, первое появленіе передъ которой оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе,—чувствуешь на себѣ яркій свѣтъ, а впереди тьму и въ ней публику, точно тебя раздѣли передъ невидимыми глазами.

Наконецъ приходило время выпуска изъ училища. Поступая въ эту чудную труппу, мы, мало подготовленные, являлись въ среду новыхъ своихъ товарищей съ какимъ-то страхомъ. Эта робость на первыхъ театральныхъ репетиціяхъ отнимала отъ насъ всякую понятливость, и на первыхъ порахъ мы казались хуже, чѣмъ были въ дѣйствительности. Артисты къ новичкамъ относились хорошо и были такъ добры, что дѣлали свои указанія и, когда слѣдуетъ, останавливали насъ.

Напримѣръ, Надежда Васильевна Самойлова иногда прерывала репетицію вопросомъ молодой артисткѣ:

— Вы почему это такъ дѣлаете? Развѣ вы не знаете правилъ?

— Какихъ?—спрашиваетъ новичекъ.

— Правила, душечка, вотъ какія: чтобы васъ было слышно, надо становиться въ три четверти къ публикѣ и къ артистамъ, а затѣмъ умѣть слушать и отвѣчать. Вы поймите: умѣть слушать и отвѣчать... Значитъ, надо не только выучить роль, а находиться въ интересахъ всего того, что вы дѣлаете и что васъ окружаетъ.

Особенно умѣли ободрить и обласкать молодыхъ артистовъ, не проявляя особенной взыскательности, Елена Яковлевна Сосницкая и мужъ ея. Слѣдуетъ также вспомнить добромъ Александра Евстаѣевича Маргынова и Алексѣя Михайловича Максимова 1-го,

зачастую помогавшихъ намъ своими совѣтами. При нашей малой подготовкѣ эти совѣты были особенно драгоцѣнны. Иногда недостатокъ этой подготовки сказывался въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ, и съ этимъ приходилось вѣдаться тогдашнему режиссеру Александринскаго театра, Николаю Ивановичу Куликову. Сидѣлъ онъ на репетиціи на сценѣ, въ цилиндрѣ, совѣтъ надвинутомъ на лобъ, такъ что глазъ не видно; это обстоятельство наводило особенный страхъ на молодыхъ. Приходитъ очередь выпускному говорить свою роль. Куликовъ слушаетъ, слушаетъ, раздражается, и, наконецъ, останавливается и спрашиваетъ:

— Да скажите вы мнѣ, пожалуйста, грамотѣ-то васъ учили?

Въ театральномъ училищѣ отъ времени до времени появлялись воспитанницы, подготовлявшіяся къ драмѣ, безъ предварительнаго обученія въ младшихъ классахъ петербургскаго училища. Но такихъ случаевъ было немного, такъ переведены были изъ Московскаго училища Жулева и Селезнева, и поступила со стороны Александра Матвѣвна Читау. Танцевать ихъ не учили, а прямо готовили въ драму. Всѣмъ имъ давали играть водевили, но такъ какъ у Читау не было ни голоса, ни слуха, а она въ то же время была очень красива и хорошо говорила, то ее и назначили исключительно на роли въ комедіи и драмѣ.

Репертуаръ школьныхъ драматическихъ спектаклей въ мое время былъ таковъ. Водевиль съ пѣніемъ: «Русскіе въ Баденѣ»,— Григорьева; «Ножка»,—Каратыгина; «Харьковскій женихъ», въ 3-хъ актахъ, Ленскаго; «Что и деньги безъ ума» и другія. Комедіи, въ которыхъ пробовали исключительно выдающихся учениковъ, были: «Своя семья», князя Шаховскаго, «Мирандолина», «Скупой», и другія. Обыкновенно, кто въ «Своей семьѣ» игралъ Наташу, та въ той же роли дебютировала на императорской сценѣ, такъ какъ въ этой роли можно было показать разные стороны таланта. Роль Наташи, между прочимъ, исполняла Читау и имѣла большой успѣхъ.

Драмы почти не играли, а исполнялись водевили, какъ, напримѣръ, «Тереза», «Катерина, или золотой крестикъ», «Сиротка Сусанна», «Кетли», «Дезертиръ» и др. Въ этихъ пьесахъ, кромѣ умѣнья пѣть, надо было показать способности къ передачѣ и драматическихъ моментовъ. Поэтому роли въ этихъ пьесахъ назначались также и для дебютовъ.

XI.

Начало императорскаго цирка.—Первоначальное обученіе воспитанницъ.—Братья Довернъ.—Поль Кюзанъ.—Его система обученія.—Представленіе цирка въ Петергофѣ.

Заканчивая мои воспоминанія о школѣ, хочу упомянуть объ обученіи воспитанницъ и воспитанниковъ верховой ѣздѣ, которое непосредственно связано съ исторіей императорскаго цирка въ Петербургѣ.

Это было въ 1847 году. Въ Петербургѣ въ то время была труппа Лежара, дававшая конныя представленія въ деревянномъ циркѣ близъ Александринскаго театра, на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии былъ театр-буффъ.

Въ маѣ 1847 года пришелъ къ намъ въ школу, въ отдѣленіе воспитанницъ, Александръ Михайловичъ Гедеоновъ и громогласно объявилъ главной надзирательницѣ Гофманъ:

— Завтра утромъ ведите всѣхъ воспитанницъ въ циркъ, а потомъ поведутъ воспитанниковъ.

Гофманъ спрашиваетъ:

— По какому случаю?

— Это желаніе государя императора,—затѣмъ Гедеоновъ засмѣявшись добавилъ:—государь такъ сказалъ: «Хочу показать моимъ кавалеристамъ, какъ скачутъ дѣти».

На другой день всю школу къ 12-ти часамъ дня повели въ циркъ на пробу. Директоръ былъ съ воспитанницами. Начали сортировать, опрашивая воспитанницъ, кто изъ нихъ желаетъ или не желаетъ учиться верховой ѣздѣ. Для обученія высшей школѣ ѣзды отобрали восемь желающихъ воспитанницъ, между прочими Боченкову, Воробьевскую, Люцъ, Мельцеръ и Оедорову, впоследствии драматическую артистку. Кроме того, назначили для обученія въ наѣздницы двухъ маленькихъ воспитанницъ—Виноградскую и меня.

Затѣмъ привели воспитанниковъ. Имъ сдѣлали такую пробу: поставили живую лошадь, а сзади ея трамплинъ, и заставили каждого воспитанника съ разбѣга вскакивать на лошадь. Этимъ опредѣляли ловкость воспитанниковъ. Немногіе показали такую ловкость, а нашлись и такіе храбрецы, которые съ трамплина скакнули не на лошадь, а подъ лошадь. Въ концѣ концовъ изъ воспитанниковъ отобрали только двоихъ: Тимооенъ Алексѣевича Стуколкина и Стрекалова.

Началось обученіе. Директоръ цирка Лежаръ и товарищъ его Поль Кюзанъ въ это время были за границей, и учителями ѣзды временно были назначены братья Довернъ—Рене и Шарль, очень хорошіе наѣздники, въ особенности Шарль Довернъ. Для обученія верховой ѣздѣ водили насъ въ циркъ каждый день, послѣ танцевальнаго класса, въ часъ дня, а иногда и по два раза въ день: въ часъ и въ пять часовъ дня. Для цирка былъ отдѣленъ дирекціей особый портной Фрелихъ. Ему приказано было сдѣлать для воспитанницъ костюмы мальчиковъ. Костюмы состояли изъ желтой нанковой курточки и длинныхъ, нанковыхъ же, голубыхъ панталонъ, съ кожанымъ ремнемъ вмѣсто пояса. Намъ даны были также круглыя шапочки синяго сукна и сапоги изъ трико съ замшевой подошвой. Въ циркъ мы ходили всегда пѣшкомъ и, выходя на улицу, накидывали на себя женскіе бурнусы и шли съ хлыстами въ рукахъ. Зрѣлище было интересное.

Братья Довернь преподавали такъ: назначенныхъ для высшей школы прежде всего учили, какъ давать конюху ногу, братья за сѣдло и затѣмъ садиться на лошадь. Затѣмъ начинались поясненія правилъ ѣзды. Сначала ѣздили шагомъ, потомъ рысью, а затѣмъ, когда уже попривыкли, пускали лошадь въ галопъ. При ѣздѣ учили управлять лошадей и поводомъ, и хлыстомъ. Лошади были дрессированныя; воспитанницамъ предоставляли самыхъ спокойныхъ и надежныхъ.

Обученіе наѣздницъ производилось иначе. Къ талии, къ кушаку воспитанницъ, пристегивали веревочку, которую держалъ Рене Довернь, стоя въ кругу, а Шарль Довернь училъ. Воспитанницу сажали на лошадь и давали ей въ лѣвую руку поводья, а въ правую хлысть. На лошадь сажали воспитанницъ по очереди. Лошадь выбирали особенно спокойную съ широкой спиной, на которой было положено гладкое стеганое замшевое сѣдло. Лошадь шла шагомъ. Сначала насъ учили, какъ вставать и какъ садиться на лошадь, садиться, конечно, какъ садятся амазонки. Рене Довернь дѣлалъ поясненія на французскомъ языкѣ, а классныя дамы или А. М. Гедеоновъ, который почти всегда присутствовалъ при обученіи, переводили по-русски. Для того, чтобы встать на сѣдлѣ, дѣлали такъ: лѣвой рукой брались за возвышеніе впереди сѣдла, а правой рукой опирались въ боковую часть сѣдла, потомъ раскачивали ноги, приподнимались и становились на правое колѣно. Затѣмъ учитель командовалъ «debout», тогда воспитанница поднималась съ колѣна и становилась на лошади во весь ростъ. Далѣе слѣдовала команда: «большой батманъ». Дѣлался батманъ съ одной и затѣмъ съ другой ноги. Послѣ этого учитель командовалъ «садиться». Чтобы сѣсть сразу и не причинить вреда лошади, надо было сдѣлать такъ: стать на одно колѣно, приподняться на сѣдлѣ на рукахъ, раскачать и спустить ноги и затѣмъ сѣсть на сѣдло. Иногда весь урокъ проходилъ въ обученіи встать и сѣсть. Когда этому выучились, — переходили къ дальнѣйшему. Приводили двухъ лошадей, Рене Довернь становился въ кругу и держалъ за веревочку, а Шарль Довернь ѣздилъ на лошади. Обыкновенно дѣлалось такъ: обѣ лошади шли рядомъ, на лошади, ближайшей къ барьеру, становилась ученица, а Шарль стоялъ на обѣихъ лошадяхъ и руководилъ дѣйствіями ученицы, показывая ей, какъ надо скакнуть на лошади, сдѣлать аттитюдъ (поднять ногу), принять позу и проч. Веревочка всегда была въ рукахъ Рене, но, кромѣ того ученицу поддерживалъ Шарль, охватывая ее рукой за талию: это дѣлало ученицу смѣлѣе. При такомъ обученіи лошадей пускали въ галопъ, и, такимъ образомъ, каждая ученица, по очереди, дѣлала круговъ пять, становясь въ группу и переходя съ одной лошади на другую. Для отдыха ученица садилась на спину лошади. Послѣ ученья въ циркѣ отъ насъ сильно пахло конюшней, а по-

тому ежедневно, по возвращеніи съ ѣзды, насъ водили въ купальню на Фонтанкѣ. Прошелъ уже мѣсяцъ первоначальнаго обученія нашего—пріѣхалъ изъ-за границы Поль Кюзанъ. Поль Кюзанъ былъ красивый мужчина и чрезвычайно талантливый человекъ. Онъ самъ былъ наѣздникъ и прекрасный учитель, какъ высшей школы ѣзды, такъ и вольтижированія; онъ же дрессировалъ лошадей и, хорошо зная музыку, отлично дирижировалъ оркестромъ.

Прежде всего Поль Кюзанъ, увидѣвъ насъ въ костюмахъ мальчиковъ, поразился, отмѣнилъ такое переодѣванье и велѣлъ намъ приходить въ циркъ въ танцевальныхъ платьяхъ и не въ сапогахъ, а въ башмакахъ. Намъ сдѣлали шерстяныя платья, танцевальныя, синія съ бѣлымъ горошкомъ. Башмаки дали тѣльнаго цвѣта съ замшевыми подошвами, которыя передъ ѣздой натирались какифолюю.

Ученье на двухъ лошадяхъ Поль Кюзанъ сразу отмѣнилъ и устроилъ такъ: приводили лошадь, воспитанница садилась, Поль Кюзанъ бралъ въ руку веревочку отъ талии, воспитанница становилась на сѣдло, и учитель сразу командовалъ: «въ галопъ». Дѣло пошло веселѣе и успѣшнѣе. Обученіе амазонокъ также пошло иначе, ихъ заставляли дѣлать и вольты, и дублэ. Обучавшихся высшей школы ѣзды Поль Кюзанъ началъ ставить въ кадрили со своими наѣздницами, и мало-по-малу изъ воспитанницъ школы начали формироваться хорошія амазонки. Первенство между ними принадлежало Ѳедоровой, которая вполнѣдствіи имѣла большой успѣхъ въ императорскомъ циркѣ. Ѳедорова была очень хороша собой, высокой ея ростъ скрадывался, когда она сидѣла на лошади.

На уроки ѣзды приходили кавалерійскіе офицеры: казаки, кавалергарды и другіе, изъ нихъ помню П. А. Шувалова, Мердера, Серебрякова, Головина и Новосильцева. При урокахъ высшей школы участвовали также нѣкоторые офицеры, пожелавшіе ѣздить съ воспитанницами и показать свою ловкость на дамскомъ сѣдлѣ. Ученицы много хохотали, любуясь на офицеровъ, сидящихъ по-дамски. Флигель-адъютантъ Мердеръ гарцовалъ, гарцовалъ на лошади, да и выскочилъ изъ сѣдла, у него послѣ этого пропала охота гарцовать. Офицеры ежедневно приходили на урокъ въ циркъ, гдѣ въ то время непремѣнно находились и директоръ Гедеоновъ и классныя дамы.

Обученіе амазонокъ шло успѣшно, но Поль Кюзанъ хотѣлъ, чтобы и наѣздницы не отставали.

Александръ Михайловичъ Гедеоновъ какъ-то сказалъ:

— Кто первой изъ наѣздницъ поѣдетъ безъ поводевъ, той я подарю часы.

И вотъ, противъ обыкновенія, классъ ѣзды назначенъ былъ въ воскресенье. Александръ Михайловичъ сказалъ:

— Не надо беспокоить классную даму, пусть воспитанницы идутъ со швейцаромъ. Я самъ буду въ циркѣ.

Начался классъ. Моя очередь ѣхать. Поль Кюзанъ велѣлъ мнѣ ударить лошадь хлыстомъ, чтобы шла шибче. Я ударила, лошадь поскакала.

— Аттитюдъ!—кричитъ Поль Кюзанъ.

Я сдѣлала.

Вдругъ Гедеоновъ крикнулъ:

— Брось поводья!

Не долго думая, бросаю поводья и скачу свободно, стоя на сѣдлѣ.

— Молодецъ!—кричитъ Гедеоновъ и аплодируетъ.

Поль Кюзанъ былъ очень доволенъ и велѣлъ сѣсть на лошади. Урокъ мой кончился. Изъ цирка А. М. Гедеоновъ повелъ меня черезъ свою квартиру, подарилъ мнѣ хорошенькіе, дамскіе золотые часы и отпустилъ меня въ этотъ день изъ школы домой. Конечно, я была вполне увѣрена, что счастливѣе меня не было на свѣтѣ человѣка.

Далѣе Поль Кюзанъ приступилъ къ обученію насъ разнымъ вольтижерскимъ приемамъ, а именно: скакать на лошади черезъ ленты и въ обручи — сквозные и бумажные. Приготовленіемъ къ этому служило скаканіе черезъ хлысть. Обученіе велось осторожно: ленты и обручи поручалось держать первымъ наѣздникамъ. Чтобы скакнуть въ обручъ, наѣздницѣ слѣдовало издали присѣсть и съ приближеніемъ къ обручу сдѣлать большой скачекъ, совершенно поджавъ колѣни къ груди. Державшій ленту или обручъ наѣздникъ зорко слѣдилъ за скачкомъ и, если наѣздница опаздывала присѣсть, отводилъ обручъ или ленту и пропускалъ наѣздницу безъ препятствія. При скачкѣ черезъ хлысть наѣздница держала его сама за концы и сгибала дугой. Обыкновенно на аренѣ ставились четыре препятствія, т. е. четыре наѣздника съ обручемъ или лентой, затѣмъ стали соединять по два обруча или ленты и, наконецъ, на кругу было лишь одно препятствіе изъ четырехъ лентъ или обручей. При началѣ обученія скачкамъ черезъ разные предметы, веревка съ пояса снималась, но это дѣлалось лишь тогда, когда Поль Кюзанъ убѣждался, что наѣздница можетъ стоять на лошади свободно даже при галопѣ.

Послѣ обученія скачками переходили къ ѣздѣ на неосѣдланной лошади. Это было очень трудно, потому что стоять можно лишь на крупѣ неосѣдланной лошади, а шерсть очень скользкая. Для безопасности башмаки наѣздницы, а также и спина лошади натирались канифолью. Дальнѣйшее обученіе переводилось на танцы на лошадяхъ. Исполнялись танцы испанскій, аррагонскій, а также танецъ называвшійся «Шотландецъ и Сильфида». Это былъ номеръ соло изъ балета «Сильфида». При исполненіи его наѣздницей на лошади, къ ней присоединяли для поддержки наѣздника, котораго почему-то сочли нужнымъ одѣть шотландцемъ. Собственно

говоря, этимъ и ограничивался курсъ обученія наѣздницъ, тѣмъ не менѣе обученіе продолжалось повтореніемъ все однѣхъ и тѣхъ же упражненій, съ постепеннымъ ускореніемъ темпа лошадинаго хода. При постоянныхъ упражненіяхъ наѣздница исполняла ихъ все съ большей и большей смѣлостью. Вѣнецъ обученія былъ такой: послѣ исполненія всѣхъ упражненій и прыжковъ, пускали лошадь маршъ-маршемъ, наѣздница полулежитъ на крупѣ неосѣдланной лошади, обучающій хлопасть бичемъ, наѣздница также погоняетъ хлыстомъ и голосомъ, встаетъ на лошадь на одной ногѣ и несется какъ стрѣла, а затѣмъ,—и это уже самый шикъ,—наѣздница на всемъ ходу соскакиваетъ съ лошади на землю прямо въ кругъ. На этотъ шикъ употреблялось много уроковъ и зачастую наѣздницы падали носомъ на арену. Впрочемъ, такое рискованное упражненіе исполнялось лишь на второй годъ ѣзды.

Черезъ два съ небольшимъ мѣсяца обученія, т.-е. въ іюль мѣсяцѣ, мы оказались уже достаточно подготовленными къ дѣятельности въ циркѣ. Большимъ подспорьемъ для насъ служило то обстоятельство, что мы съ дѣтства учились танцамъ и продолжали это обученіе параллельно съ упражненіями въ ѣздѣ.

Въ августѣ мѣсяцѣ императоръ Николай Павловичъ пожелалъ показать императрицѣ успѣхи воспитанницъ въ наѣздничествѣ. Привезли насъ на пароходѣ въ Петергофъ около полудня, прямо во дворецъ Монъ-Плезиръ, гдѣ мы позавтракали; послѣ завтрака всѣхъ отправили въ манежъ на репетицію. Въ огромномъ манежѣ отгорожены были мѣста для уборныхъ, тамъ же, гдѣ помѣщались лошади. Репетиція началась. Часа въ два пополудни совершенно неожиданно пріѣхалъ государь; въ это время кончалась репетиція перваго нумера спектакля—кадрили амазонокъ, въ которой участвовали наѣздницы цирка французенки и нѣсколько воспитанницъ. Государь вошелъ въ манежъ въ то время, когда амазонки сѣзжали съ круга. Конечно, произошелъ переполохъ. Слѣдующій номеръ былъ мой—вольтижированіе—и приведена уже была моя лошадь, но въ виду пріѣзда государя репетицію пріостановили. Государь подошелъ къ дверцамъ круга, гдѣ собралась вся труппа цирка съ Гедеоновымъ. Александръ Михайловичъ представлялъ государю поодионокѣ всѣхъ наѣздниковъ и наѣздницъ. Государь съ каждымъ разговаривалъ очень милостиво и затѣмъ, увидавъ меня, спросилъ:

— Сколько лѣтъ?

Ошеломленная неожиданностью, я не нашла отвѣта:

— Фамилія?

Опять молчаніе.

— Гедеоновъ! да она у тебя нѣмая?

— Никакъ нѣтъ, ваше величество,—отвѣчала Гедеоновъ:— она сильно испугалась—не ожидала вашего присутствія.

Государь засмѣялся и спросилъ:

- Ну, а по своей охотѣ или по приказу ѣздишь на лошади?
- По своему желанію,—отвѣтила я на этотъ разъ.
- Ну, курносая, если будешь плохо ѣздить, отрублю тебѣ носъ,—сказалъ государь и опять засмѣявшись скомандовалъ.
- Продолжайте репетицію!

Я вошла въ кругъ, а государь перешелъ на другую сторону и все время стоялъ и смотрѣлъ на исполненіе моего нумера, изрѣдка одобряя меня словами: «молодецъ!» «хорошо!».

Когда нумеръ шелъ къ концу, государь сказалъ мнѣ:

- Надѣюсь, что вечеромъ будешь еще лучше ѣздить, и государыня императрица будетъ довольна.

Затѣмъ императоръ повернулся и пошелъ изъ цирка, а Гедеоновъ пошелъ его провожать. Въ это время случилось со мной маленькое несчастіе. Вѣроятно, отъ страха и волненія, послѣ ухода государя, у меня дрожали руки. Заканчивая свой нумеръ и перескакивая черезъ хлыстъ, который держала обѣими руками, я задѣла носками ногъ за хлыстъ и упала прямо грудью на барьеръ. Барьеръ былъ закрытъ парусиной, которая прикрѣплялась къ нему гвоздями, а, можетъ быть, и случайно попалъ гвоздь въ барьеръ. Падая на барьеръ, я стерла себѣ щеку, задѣла лицомъ за гвоздь и расцарапала щеку около глаза. Такъ какъ я была очень мала ростомъ, то въ первую минуту меня никто не видѣлъ за лошадью и лишь когда лошадь остановилась, меня замѣтили лежащей на барьерѣ. Я быстро соскочила съ барьера и подбѣжала къ лошади, чтобы опять сѣсть, и тутъ только замѣтила, что съ лица моего льется кровь. Ко мнѣ тотчасъ же подбѣжалъ Поль Кюзанъ, взялъ на руки и унесъ къ конюшнямъ въ импровизированную уборную. Отъ страху ли, отъ боли ли въ лицѣ и отъ вида крови мнѣ сдѣлалось дурно. Всѣ иностранцы переполошились, повытаскали свои носовые платки, посадили меня и стали дѣлать перевязку. Прибѣжалъ испуганный А. М. Гедеоновъ—на немъ лица не было. Кричитъ: «воды, воды!» а воды не было; полчаса за ней бѣгали. Наконецъ принесли воду и А. М. Гедеоновъ, какъ теперь помню, вынулъ свой бумажникъ, вырвалъ изъ него листокъ тоненькой бумаги, намочилъ его и приложилъ къ раненой моей щекѣ. По немногу я оправилась, а репетиція шла своимъ чередомъ. По окончаніи репетиціи повезли насъ въ Монъ-Плезиръ обѣдать. Накормили неподобно, всему мы удивлялись и были счастливы непомѣрно, только мнѣ пришлось огорчиться. За обѣдомъ Гедеоновъ сказалъ мнѣ:

- Вечеромъ ты ѣздить не будешь.

Я въ слезы. Для меня былъ приготовленъ прекрасный костюмъ, да и очень ужъ хотѣлось поѣздить при высочайшихъ особахъ. Видя меня плачущей, Гедеоновъ сказалъ:

— Дурашка! Вѣдь съ кривой мордой нельзя же показываться царю.

Мнѣ мелькнула надежда, и я начала убѣждать Гедеонова.

— Ничего, Александръ Михайловичъ. Это пройдетъ къ вечеру. Ужъ очень хорошенькій костюмчикъ!—говорила я, всхлипывая.

За меня вступились товарищи-иностранцы и также стали уговаривать Гедеонова.

— Ну, ничего... будемъ мазать ей лицо, пройдетъ...

По добротѣ своей Гедеоновъ уступилъ и разрѣшилъ мнѣ ѣздить вечеромъ. Лицо мое немного поправили: все время прикладывали компрессы съ арникой, а сильно расцарапанныя мѣста залѣпили англійскимъ пластыремъ и посыпали пудрой. Все сдѣлали своими средствами и доктора ко мнѣ не звали. Вечеромъ, во избѣжаніе несчастія,—чтобы я не полетѣла при государѣ,—рѣшили надѣть мнѣ веревочку на талию. Поль Кюзанъ досталъ какую-то особенную морскую веревку, очень тонкую, такъ что никто не замѣтилъ ее въ спектаклѣ. Поль Казанъ крѣпко держалъ ее въ рукахъ, пока я ѣздила.

Спектакль начался часовъ около 8 вечера. Въ манежъ пріѣхала вся царская фамилія, такъ же собрался весь дворъ и офицеры кавалерійскихъ полковъ. Весь спектакль прошелъ блестяще. Государь былъ очень доволенъ вообще, а въ частности моимъ номеромъ и сказалъ Гедеонову:

— Надо поощрить дѣвочку,—дать ей подарокъ.

Но Гедеоновъ на это возразилъ:

— Она только что получила отъ меня часы,—баловать не слѣдуетъ.

Послѣ спектакля опять повезли насъ въ Монъ-Плезиръ ужинать. Дали намъ шампанскаго. Пили за государя, за начало цирка и за наше здоровье. Ну, и выпили лишнее. Назадъ повезли насъ въ Петербургъ въ линіяхъ и съ воспитанницами разсадили наѣздниковъ цирка. Было очень весело, всю дорогу смѣялись. Однако съ воспитанницами случилось неладно. Непривычное шампанское сдѣлало свое дѣло, да и дорожная тряска помогла. Разболѣлась голова, сдѣлалась тошнота, и экипажамъ приходилось не разъ останавливаться.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, насъ провели въ школу съ чернаго хода, такъ какъ въ училищѣ былъ ремонтъ; дежурная дама спала въ столовой на доскахъ. Очень потѣшной показалась намъ ея сонная удивленная физиономія, когда веселыя воспитанницы ночью ворвались въ школу съ хохотомъ и крикомъ и между ними я съ подвязанной щекой. Голова и лицо очень у меня болѣли, и на другое утро меня отправили въ лазаретъ, гдѣ я пробыла, однако, около двухъ недѣль.

Затѣмъ начались классы въ школѣ, а уроки въ циркѣ продолжались своимъ чередомъ.

ХП.

Мой дебютъ въ деревянномъ циркѣ.—Составъ императорскаго цирка.—Два перелома руки.—Открытие каменнаго цирка.—«Блокада Ахты».—Вывихъ ноги и конецъ моей наѣзднической карьеры.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ данъ былъ мнѣ дебютъ въ деревянномъ циркѣ Лежара, который уже считался казеннымъ. Дебютъ мой передъ публикой состоялся въ бенефисъ Поля Кюзана и въ этотъ день мое имя въ первый разъ появилось на афишѣ. На спектаклѣ былъ государь и царская фамилія.

На дебютѣ я исполняла мои обыкновенныя упражненія, съ прибавленіемъ скачковъ черезъ обручи и ленты. Между прочимъ, прыгая черезъ ленты, я скакнула не на лошадь, а на землю. Государь громко сказалъ:

— Упала!

На что Гедеоновъ, стоявшій позади кресла государя, отвѣтилъ:

— Нѣтъ, ваше величество, только соскочила.

Затѣмъ, когда, кончая нумеръ, я соскочила, какъ требовалось, на землю, государь опять сказалъ:

— Второй разъ!

На это Гедеоновъ опять-таки отвѣтилъ:

— Никакъ нѣтъ, ваше величество. Она уже кончила.

— Молодецъ!—сказалъ государь.

Вообще я имѣла успѣхъ и удостоилась царской милости: Гедеоновъ передалъ мнѣ подарокъ государя—фермуаръ изъ топазовъ съ брилліантами. Были также поднесенія и отъ публики: цвѣты и подарки—брошь и серьги. Спектакли въ циркѣ давались ежедневно, и я участвовала въ каждомъ спектаклѣ. Не помню, въ четвертомъ или пятомъ моемъ спектаклѣ я опять получила подарокъ отъ князя Меншикова. Князь завернулъ его въ бумажку и бросилъ на арену. Я думала, что это конфеты, и обидѣлась, что меня приравниваютъ къ маленькой наѣздницѣ Сашѣ. Вѣдь ужъ не такъ я мала! Когда я подняла свертокъ, въ немъ оказался футляръ съ прекраснымъ браслетомъ, золотымъ съ бирюзой.

Маленькая Саша, о которой я упомянула, одно время привлекала вниманіе публики, посѣщавшей циркѣ. Саша была дочь какой-то судомойки, жившей въ услуженіи у французской актрисы Эстеръ. Это была дѣвочка лѣтъ четырехъ не больше, очень маленькая ростомъ, но очень хорошенькая. Ее обучили ѣздить и показывали въ спектакляхъ, ради смѣха, для промежуточнаго нумера. Обыкновенно дѣлалось такъ: приводили лошадь и ставили ее у дверецъ арены, поперекъ входа. Сашу, одѣтую въ хорошенькій костюмъ, выводилъ за руки наѣздникъ; она проходила подъ ло-

шадью, останавливалась и дѣлала публикѣ ручкой. Сашу брали на руки и сажали на лошадь, къ сѣдлу которой придѣлана была особенная палка съ ручками. Саша садилась, бралась за ручки, и лошадь шла шагомъ по аренѣ, а Саша поднималась на ноги, становилась то на одно, то на другое колѣно, кланялась публикѣ, дѣлала ей ручкой и затѣмъ опять садилась. Нумеръ былъ не хитрый, но дѣвочка была такъ мила, что публика не обижалась на шутку и забрасывала Сашу конфетами. На репетиціяхъ Сашу обучалъ самъ Поль Кюзанъ. Училась она охотно, безъ слезъ, всегда была весела, а потому всѣ баловали ее и передавали съ рукъ на руки. Однако этотъ нумеръ скоро пріѣлся, и Сашу сняли съ афиши.

Присутствуя на репетиціяхъ, мы видѣли дрессировку лошадей, обученіе клоуновъ и другихъ артистовъ, а наше обученіе шло своимъ порядкомъ.

Клоуномъ въ циркѣ былъ извѣстный Віоль, а у него помощникомъ Пачифико, мальчикъ лѣтъ 13, его ученикъ и прекрасный наѣздникъ. На репетиціяхъ Віоль продѣлывалъ съ нимъ разныя гимнастическія упражненія. Въ то время было новостью бѣгать на шарахъ, на которыхъ Пачифико взбирался на гору, безъ помощи рукъ. Былъ еще такой нумеръ: на аренѣ ставились бутылки, Пачифико ходилъ по нимъ, дѣлалъ поворотъ на бутылкѣ и, отставляя ногой бутылку, валилъ ее на арену на бокъ, затѣмъ, не сходя съ бутылки, ногою же поднималъ всѣ поваленныя бутылки. Это была очень трудная штука, и при выучкѣ Віоль изрядно билъ Пачифико, почему попало. Впрочемъ, побои въ циркѣ были не въ диковинку, и намъ, наѣздникамъ, частенько попадало отъ братьевъ Доверятъ. Къ чести Поля Кюзана слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не билъ никого. Самъ Віоль также практиковался на репетиціяхъ, особенно въ работѣ на свободно стоящемъ шестѣ. Віоль влѣзалъ на шестъ и, стоя на головѣ, завтракалъ и курилъ, принимая подаваемые ему Пачифико предметы. Нумеръ свой Віоль кончалъ такъ: держа съ головой на концѣ шеста, онъ становился совершенно прямо, держа ноги вмѣстѣ, и стрѣлялъ обѣими руками изъ пистолетовъ. Для отдыха и смѣха приносили обручи съ бумагой, а Віоль, надѣвъ на свое туловище чучело лошади, продѣлывалъ всю школу ѣзды. Въ концѣ нумера Віоль снималъ съ себя лошадиное чучело, съ разбѣга прорывалъ обручъ и выскакивалъ изъ него одѣтымъ въ женскій костюмъ. Этотъ неожиданный эффектъ всегда смѣшилъ публику. Вообще репертуаръ клоунскихъ упражненій былъ не богатъ, повторяли все одно и то же.

Лошадей дрессировалъ Поль Кюзанъ, а впоследствии Каронъ. Дрессировка производилась хлыстомъ и словами. Начинали съ маршировки: ударяя хлыстикомъ то одну, то другую ногу, дрессировщикъ заставлялъ ихъ переставлять и въ это время словами объяснялъ, что надо дѣлать, или же, держа лошадь за поводья, Поль

Кюзанъ пригибалъ голову лошади къ землѣ и хлыстикомъ билъ по ногамъ, и, такимъ образомъ, заставлялъ ее становиться на колѣни. Всѣ лошади быстро привыкали исполнять требуемое по рѣчамъ и даже по перемѣнѣ музыки. Изъ лошадей отличалась хорошенькая лошадка сѣрой масти, называлась «Фрейшюцъ», на чолку ея надѣвался хохолокъ съ зажженнымъ фонарикомъ. Свой номеръ «Фрейшюцъ» всегда заканчивалъ обхожденіемъ всего круга передними ногами по барьеру. Была еще лошадь, не помню клички, которую заставляли вытаскивать ртомъ живую рыбу изъ принесенной на арену бадьи. Долго бились, чтобы приучить къ этому лошадь, усиленно фыркавшую передъ тѣмъ, какъ вытащить рыбу. На репетиціяхъ за каждую исполненную штуку лошадямъ давали морковь. Была также лошадь, которая разыскивала въ землѣ положенныя туда вещи, на примѣръ, гвоздь: отроетъ его копытомъ и вынетъ ртомъ. Дѣлали и такъ: покажутъ лошади платокъ носовой, свертятъ комкомъ и положатъ въ землю, а затѣмъ повертываютъ лошадь спиной къ этому мѣсту, вынимаютъ платокъ и кладутъ его въ карманъ учителю. Лошадь раскапываетъ землю и, не найдя платка, подходитъ къ учителю и вытаскиваетъ платокъ изъ его кармана. Номеръ дрессировки лошадей оканчивался обыкновенно уходомъ съ арены нѣсколькихъ лошадей сразу на заднихъ ногахъ.

Изъ интересныхъ номеровъ слѣдуетъ упомянуть о Венгерской почтѣ, которая исполнялась Полемъ Кюзаномъ, одѣтымъ почтальнономъ и ѣздившимъ на шести сѣрыхъ лошадяхъ. Сперва выѣзжалъ Поль Кюзанъ, стоя на неосѣдланной лошади, и дѣлалъ одинъ кругъ. Къ окончанію круга выскакивала черезъ барьеръ вторая лошадь; Поль Кюзанъ становился на обѣихъ лошадяхъ и дѣлалъ еще кругъ. Затѣмъ выскакивала на арену третья лошадь и такъ далѣе до шести. У двухъ первыхъ лошадей поводья были длинныя, Поль Кюзанъ ѣдетъ впереди, вновь входящая лошадь бѣжитъ сзади и потомъ проскакиваетъ у него между ногъ, потомъ прискакиваютъ двѣ лошади, и Поль Кюзанъ захватываетъ ихъ поводья. Въ концѣ концовъ впереди на вожжахъ бѣжали двѣ лошади, а сзади четыре лошади, рядомъ и Поль Кюзанъ стоялъ на крайнихъ, растянувшись надъ двумя средними. Ту же самую почту, почти также и въ такомъ же костюмѣ продѣлывалъ сынъ Лежара, Жюль, мальчикъ 10 лѣтъ, прекрасно ѣздившій на четырехъ маленькихъ лошадяхъ, той же сѣрой масти.

Былъ въ труппѣ наѣздникъ Шанеле, жонглеръ. Онъ ѣздилъ на лошади, играя шариками и тарелками на палочкѣ. Заканчивался его номеръ такъ: Шанеле бросалъ на скаку лимонъ и ловилъ его на вилку.

Однимъ изъ лучшихъ наѣздниковъ считался Бюкле, стройный худенькій человекъ. Онъ стоялъ на лошади, какъ на полу, скакалъ черезъ обручи и ленты. Для него приносили на сцену особенно

маленькій обручъ, и онъ ухитрялся, проскакивая въ обручъ, перевернуться въ воздухъ и попасть на лошадь; ту же штуку онъ продѣлывалъ, проскакивая черезъ 8 обручей сразу, или проскакивая въ обручъ, заклеенный бумагой. При неудачѣ своихъ скачковъ и кувырканий онъ всегда умѣлъ ловко соскочить на землю.

Изъ наѣздницъ слѣдуетъ упомянуть м-мъ Лежаръ, она была уже не молода, но очень красива, прекрасно ѣздила, но преимущественно для позъ. Хорошія наѣздницы были: смѣлая, бойкая и красивая Камилла Леру, вольтижерка Бланшъ и великолѣпная наѣздница высшей школы Полина Кюзанъ, сестра Поля. Она была хромая и при вызовахъ публики замѣтно ковыляла на ходу. Въ то время начинала также свою карьеру въ циркѣ красавица Лора Бассенъ. Изъ русскихъ была наѣздница высшей школы Федорова и наѣздница — я. Остальныя воспитанницы отстали отъ цирка и перешли въ балетъ.

Какъ я уже сказала, мнѣ приходилось участвовать въ спектакляхъ цирка почти ежедневно. Въ удачно начавшейся моей наѣзднической карьерѣ вскорѣ же послѣдовалъ рядъ несчастныхъ случайностей. На одной изъ репетицій почему-то вмѣсто моей лошади подали мнѣ лошадь, ходившую подъ наѣздникомъ Бюкле; она терпѣть не могла женщинъ; должно быть, боялась юбокъ и тюниковъ. Сѣла я на лошадь; она меня не слушается, а хлыста у меня нѣтъ. Кричу ей: «хопъ! хопъ!» а она идетъ, все не ускоряя шага. Поль Кюзанъ говоритъ мнѣ:

— Стань на колѣно и лови мой хлыстъ!

Я стала на правое колѣно, Поль Кюзанъ крикнулъ мнѣ «at-trappe!» и бросилъ хлыстъ. Вѣроятно, ловя хлыстъ, я задѣла имъ шею лошади; она быстро откинула свой задъ отъ барьера, а я свалилась и попала рукой на барьеръ. Въ первую минуту я ничего не замѣтила, соскочила съ барьера и подбѣжала къ лошади, чтобы опять сѣсть, хотѣла поднять правую руку и не могла, — рука оказалась сломанной выше кисти. Поль Кюзанъ сейчасъ же взялъ меня на руки и отнесъ въ карету. Боли особенной я не чувствовала, но мнѣ сдѣлалось дурно отъ страха. Не помню ужъ, какъ привезли меня въ школу, прямо въ лазаретъ. Поль Кюзанъ внесъ меня по лѣстницѣ на рукахъ. Въ лазаретъ тотчасъ же пришелъ докторъ Марокетти и костоправъ. Очнувшись на постели, я увидѣла передъ собою какого-то незнакомаго человѣка съ лубками и съ маленькимъ ножомъ въ рукахъ; это и былъ костоправъ изъ солдатъ, служившій фельдшеромъ у доктора Берса. Правая рука у костоправа была сведена и не сгибалась, поэтому онъ двигалъ только кистью, тѣмъ не менѣе его допускали къ операціямъ. Увидавъ незнакомца съ ножомъ, я очень испугалась и, не долго думая,хватила его ногой въ грудь.

— Я рѣзать не буду,—сказалъ мнѣ костоправъ,—не бойтесь, дайте мнѣ вашу ручку!

Руку вправлялъ мнѣ докторъ Марокетти. Очень было больно, и я закричала. Костоправъ бинтовалъ и накладывалъ лубки, а затѣмъ долгое время приходилъ и слѣдилъ за перевязкой. Около мѣсяца рука была въ лубкахъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ того, какъ сняли лубки, я спросила костоправа, нельзя ли мнѣ для опыта поднять графинъ съ водой. Онъ разрѣшилъ. Поднимая графинъ, я услышала въ рукѣ сухой щелкъ, точно что-то треснуло. Я спросила костоправа, не соскочила ли косточка? Онъ меня успокоилъ, сказавъ, что все въ порядкѣ. Черезъ шесть недѣль лѣченія я опять отправилась въ циркъ учиться. Но отъ времени до времени у меня дѣлалась большая опухоль на больной рукѣ. Опять отправили въ лазаретъ. Такъ продолжалось мѣсяца три: выпишусь изъ лазарета, поѣзжу немного, и опять въ лазаретъ. На счастье, можетъ быть, я опять сломала себѣ ту же руку и на томъ же мѣстѣ. Это было уже въ новомъ каменномъ циркѣ, куда мы были переведены. На репетиціи мнѣ опять дали чужую лошадь, пугливую, на которой обыкновенно ѣздила Камилла Леру. Во время моего нумера около барьера стоялъ мужъ наѣздницы Лежаръ, французскій актеръ Монжозъ. При моемъ проѣздѣ онъ зачѣмъ-то быстро вынулъ изъ кармана носовой платокъ. Лошадь испугалась, внезапно отскочила отъ барьера, и я опять упала на ту же руку. Меня сейчасъ же унесли въ уборную и послали за докторами, но какъ нарочно, нигдѣ не могли ихъ разыскать. Наѣздницы ухаживали за мной, таскали ледъ въ разныхъ тряпочкахъ, кто въ чемъ могъ, и дѣлали мнѣ компрессы. Дали знать въ дирекцію: оттуда пришло приказаніе отвезти меня въ школу. Не дождавшись докторовъ, отправили меня въ казенной каретѣ въ училище, прямо въ лазаретъ. Тотчасъ же пришелъ докторъ Марокетти и одинъ, уже безъ костоправа, вторично вправилъ мнѣ руку. Вылежала я еще шесть недѣль въ лазаретѣ, со всѣми предосторожностями. Тяжести поднимать мнѣ уже не позволяли. А затѣмъ черезъ шесть недѣль я опять пошла ѣздить въ циркъ.

Изъ деревяннаго цирка въ новый императорскій каменный, что нынѣ Маринскій театръ, перешла наша труппа зимой. Тотчасъ же начались усиленныя репетиціи пьесы «Блокада Ахты». Одновременно съ этимъ была отдѣлена изъ Александрійскаго театра часть драматической труппы, съ особымъ режиссеромъ. Труппа эта играла въ «Блокадѣ Ахты», а потомъ и въ другихъ драматическихъ пьесахъ, для чего помимо арены въ циркѣ была устроена особая сцена.

Постановкой «Блокады Ахты» открылся новый каменный циркъ. Первый актъ пьесы былъ исключительно драматическимъ представленіемъ. Сцена представляла простую комнату со скромной

обстановкой. Въ этомъ актѣ играла Волкова, дѣвица Рейнеке (впослѣдствіи жена казначея театральной конторы Шенка), Воронъ, впослѣдствіи извѣстный режиссеръ, жена его—актриса Рамазанова и дѣвица Ришардъ (сестра танцовщицы и классной дамы Ришардъ). Комическую роль жида игралъ талантливый актеръ Петровъ, братъ театрального машиниста Александринскаго театра. Но вообще для исполненія драматической части пьесы труппа была назначена средня.

Во второмъ актѣ сцена представляла открытое мѣсто съ горой во всю ширину сцены. Гора поднималась до самыхъ поддугъ. Кругъ арены открывался съ обѣихъ сторонъ, и на арену въѣзжали черкесы, объѣзжали кругъ и останавливались на сценѣ. Тутъ же былъ и Шамиль со свитой. На сценѣ производилась джигитовка, въ которой участвовали наѣздники, одѣтые черкесами, а также и наѣздницы въ черкесскихъ костюмахъ, но въ длинныхъ юбкахъ. Затѣмъ шли игры, приносили шесть съ разноцвѣтными лентами. Устраивалась кадрили. Шесть ставили на середину, а кругомъ широкія скамейки. На эти скамейки лошади становились передними ногами, а наѣздники брали въ руки ленты отъ шести; такимъ образомъ составлялась красивая палатка. Послѣ черкесскаго праздника представлялся военный смотръ. Затѣмъ являлся жидъ, сообщалъ свѣдѣніе о приближеніи русскихъ войскъ, затѣмъ быстро на маленькой сѣрой (Лежаровской) лошади въѣзжалъ въ гору и скрывался за кулисами. Въ одномъ изъ представлений этой пьесы актеръ Петровъ, исполнявшій роль жида, пострадалъ на этомъ въѣздѣ: упалъ и повредилъ себѣ ногу. Шамиля игралъ балетный артистъ Леонидовъ, онъ былъ высокаго роста, рыжий, съ кривымъ носомъ. Его лучшая роль была «чортъ» въ балетѣ «Сатанилла», которую ему назначили, благодаря его фигурѣ. Когда Андреянова была командирована въ Москву для исполненія «Сатаниллы», туда былъ посланъ также и артистъ Леонидовъ.

Леонидовъ частенько выпивалъ. Однажды въ представлении «Блокады Ахты» Леонидовъ, уѣзжая со сцены на лошади, взятой изъ кавалерійской части, съ пьяныхъ глазъ попалъ не въ ту конюшню, въ которую слѣдовало. Лошадь его фыркнула, прочія, почувявъ чужого товарища, начали бить ногами, Леонидовъ поднялъ крикъ: «Помогите, караулъ!» переполошилъ циркъ и публику и едва былъ освобожденъ прибѣжавшими конюхами.

Послѣ удаленія жида на сценѣ появлялись русскія войска съ артиллеріей и съ настоящими пушками. Черкесы отступали, пушки начинали стрѣлять, и открывался бой. Для изображенія убитыхъ лошадей выдвигали лошадиныя чучела и дѣлались группы тѣлъ. Чучела эти въ антрактахъ подвѣшивались къ потолку въ коридорѣ около конюшенъ. Однажды такое чучело, довольно тяжелое, оборвалось, упало съ верху и ушибло грудь актрисѣ Ришардъ,

которая впоследствии была больна и умерла въ чахоткѣ. Второй актъ кончался битвой.

«Блокаду Ахты» ставилъ Поль Кюзанъ, а указанія по кавказской обстановкѣ дѣлалъ флигель-адъютантъ Мердеръ, дѣйствительный участникъ военныхъ событій при аулѣ Ахта. Въ январѣ мѣсяцѣ, съ открытiемъ цирка, пьеса прошла въ первый разъ, имѣла шумный успѣхъ и дѣлала сборы. «Блокада Ахты» чередовалась съ обыкновенными представленiями въ циркѣ, въ которыхъ участвовала и я. Но интересъ къ цирку постепенно ослабѣвалъ, и стали все чаще и чаще ставить драматическiя пьесы.

Въ февралѣ мѣсяцѣ опять случилось со мной несчастье, на этотъ разъ уже не на репетици, а въ спектаклѣ. Скакала я на неосѣдланной лошади. Прорывая бумагу въ обручѣ, я не попала на лошадь, а соскочила на землю, но неудачно: подвернулась нога, и я сѣла, а встать уже не могла. Публика очень испугалась и привстала. Двое наѣздниковъ подняли меня подѣ руки и увели съ арены. Однако, я выходила на вызовы публики, при чемъ меня поддерживали подѣ руки. Изъ цирка меня отправили въ лазаретъ; оказалось, что я серьезно повредила себѣ колѣно. Вылежавъ шесть недѣль въ лазаретѣ, я совсѣмъ покончила съ циркомъ. Какъ-то пришелъ въ лазаретъ А. М. Гедеоновъ и объявилъ мнѣ:

— Государь сказалъ: «что же она хочетъ голову себѣ сломать?» Ты больше въ циркѣ не будешь.

Я горько заплакала. Очень мнѣ это обидно было.

Выйдя изъ лазарета, я опять отправилась на уроки танцевъ но больная нога дала себя знать: ни скачковъ, ни присѣданiй я не могла дѣлать. Гедеоновъ пригласилъ консультантовъ-докторовъ Берса и Гейденрейха, которые вмѣстѣ съ Марокетти внимательно осмотрѣли мою ногу и порѣшили, что мнѣ больше нельзя танцевать. Тогда я просила перевести меня на обученiе драматическому искусству, такъ какъ мнѣ уже минуло 16 лѣтъ. Просьбу мою исполнили, и съ этимъ началась моя долгая драматическая карьера.

А. Натарова.

ТИПЫ И ХАРАКТЕРЫ КАВКАЗСКАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОБЕРЕЖЬЯ ¹⁾.

III.

Новожилы.

ЭТО ПЕСТРАЯ смѣсь выходцевъ со всѣхъ концовъ Россіи: и изъ Орловской, Черниговской, Курской, Полтавской, Бессарабской, Воронежской губерній и другихъ, какъ южныхъ, такъ и срединныхъ мѣстъ нашего государства. Тронулись и пошли на побережье люди, услышавшіе, что тамъ даютъ земли, много даютъ, цѣлыхъ 30 десятинъ на дворъ, что тамъ все растетъ, страна теплая, и горы и море. Однимъ словомъ, какъ это бываетъ при переселеніи, люди шли въ обѣтованную землю.

Шли и пришли. Пришли и поселились. Люди были разные не только по характеру, но и по занятіямъ, пришли портные и плотники, сапожники и кузнецы, землепашцы и такъ себѣ «Богъ вѣсть какіе люди», разные люди, но не пришли садовники, огородники, однимъ словомъ не пришли люди умѣлые, могущіе такъ или иначе ориентироваться въ совершенно новыхъ и трудныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ побережья.

Этихъ людей селили вмѣстѣ со старожилами, говоря и указывая: «вотъ земли, живите и работайте, заводите культуру».

И люди смотрѣли на угрюмыя скалы, на мрачный, крѣпкій лѣсъ, запутанный лианами, и на безпокойное море, къ которому было и трудно, и страшно приступиться.

Куда итти? Что имъ было дѣлать?

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. ХСII, стр. 829.

Они не шли въ даль и глушь и селились въ станицѣ и обрабатывали ближнія земли, смежныя со старожилами, враждуя, споря съ послѣдними изъ-за каждаго куска земли, изъ-за каждаго «культурнаго» своего шага.

Но какая же могла быть, развиться у этихъ людей культура, когда они нуждались въ буквальному смыслѣ въ хлѣбѣ? Они и начали сѣять пшеницу и сажать картошку...

Приспособленіе къ новымъ условіямъ шло медленно и удавалось самымъ способнымъ изъ нихъ, тѣмъ людямъ, которые «могли до всего доходить своимъ умомъ».

Большинство спасали ихъ ремесла. Они работали, уходя на сторону, строили шоссе, прирабатывали у частныхъ лицъ въ хозяйствахъ. Работали и ждали, и ждутъ и теперь, когда имъ указуютъ ихъ настоящія земли.

А время идетъ, прошло много годовъ, подрастаетъ молодое поколѣніе, а неопредѣленность все та же.

— Больно хорошъ мой участокъ,—говоритъ портной,—вотъ бы садъ развести, былъ бы садъ!

— Ну, и разводите... въ чемъ же дѣло?..—спрашиваю я.

— Да... отвѣчаетъ портной, и его фізіономія получаетъ и хитрое, и злое выраженіе...—Развести-то можно,—продолжаетъ онъ,—и садъ бы добрый былъ, выросъ бы, а его отнимутъ...

— Кто же отниметъ?!.. ваши труды, на вашемъ участкѣ... Что вы говорите?!

— При раздѣлѣ со старожилами отойдетъ къ другому, а мнѣ достанется лѣсъ, нераздѣланная земля... Нѣтъ, ужъ лучше я буду садить картошку!.. Прокормимся какънибудь лѣтомъ, а на зиму въ Екатеринодаръ своимъ портновскимъ дѣломъ заниматься.

Этотъ портной довольно способный человѣкъ, научился кое-чему по фруктовому дѣлу, умѣетъ дѣлать прищепы, выбрать для сада землю.

Другой, по ремеслу каменщикъ, кое-какъ построилъ хату, посѣялъ пшеницу въ такомъ мѣстѣ, гдѣ при первомъ хорошемъ дождѣ смыло и снесло весь урожай... этотъ ушелъ на заработки, оставивъ жену и дѣтей дома... Эти тоже ждутъ раздѣла, чтобы завести садочекъ или посадить виноградникъ...

Эти садочки, виноградники, мечта нѣкоторыхъ новожиловъ, это культура ихъ будущаго, настоящее же полно тревоги и борьбы за существованіе, когда хлѣбъ для себя и кормъ для скота составляютъ все для поселенца на побережьѣ, на томъ побережьѣ, гдѣ и море лазурное, гдѣ виноградъ и персики и чудные сорта фруктовъ растутъ и «добре» и свободно! Но не для нихъ, когда суетливый и дикій старожилъ враждебно смотритъ на пришлецовъ, когда природа и люди такъ суровы, такъ непривѣтливны!

Производя свои изслѣдованія побережья, мнѣ долгое время пришлось прожить въ одной изъ большихъ станицъ, населенныхъ старо—и новожителями. Элементъ посторонній, даже греки отсутствовали. Правда, одинъ грекъ открылъ было здѣсь кофейню, но кофе не только никто не пилъ, но даже и пробовать этотъ напитокъ не пожелалъ, думая при всемъ томъ, что грекъ исповѣдывалъ турецкую вѣру.

Бѣдный грекъ заперъ свое заведеніе съ вывѣской «Харковъ» на замокъ, снялъ въ аренду десятину земли и посадилъ табакъ.

И такъ, кромѣ грека, жили старо—и новожители, да еще два дачника, купившіе у поселянъ «планы» (усадебную землю) и устраивающіе одинъ плодовое хозяйство, другой небольшой домъ, который онъ строилъ мѣсяца три, а работа между тѣмъ подвигалась крайне медленно. Почему? Рабочіе, какъ плотники, такъ и каменщики, были хорошіе работники изъ Россіи и притомъ специалисты своего дѣла.

Мой новый знакомый, котораго назову хоть Ивановымъ, интеллигентный человѣкъ изъ столицы, мало опытный въ дѣлѣ постройки, волновался страшно. Ассигновавъ на крохотный домикъ небольшую сумму въ мѣстности лѣсной, непосредственной, среди простого, непосредственнаго народа, онъ давно уже вышелъ изъ бюджета и не предвидѣлъ конца затѣянной имъ постройки.

— Опять досокъ не хватаетъ, — горячился онъ: — придется въ городъ ѣхать!

— Развѣ здѣсь нѣтъ досокъ?.. Помилуйте, сколько лѣсу!..— удивляюсь я...

— Какія тутъ доски?! дровъ, сколько угодно!.. дрова пилать изъ строительнаго матеріала, а за досками, за какиминибудь пятнадцатю штуками нужно ѣхать въ городъ... А вы знаете, что это значить?!

— Что же особеннаго?.. конечно, расходъ!

— Да, расходъ, но какой это расходъ, вы и понятія не имѣете... Вы не знаете, что значить строиться на побережьѣ? Даже съ расходами, какъ они ни безобразны, можно бы помириться, но вы имѣете дѣло съ такимъ безпокойствомъ и неудобствами, что чортъ бы побралъ всю эту постройку, и съ досками, и съ брусьями, и съ камнями!.. Теперь ѣхать за досками значить дожидаться понедѣльника или среды, подняться со свѣтомъ, чтобы поспѣть за 25 верстъ къ мѣсту, гдѣ останавливается пароходъ, который, можетъ быть, пришелъ, а можетъ быть, придетъ часовъ черезъ пятнадцать... Если хорошая погода, то еще ничего, можно сидѣть на берегу и любоваться моремъ, а если дождь,—вамъ некуда дѣться, ибо помещеній для пассажировъ въ агентствахъ не имѣется. Уйти куданибудь далеко отъ берега, въ трактиръ или кофейню опасно. Пароходъ придетъ, только покажется, къ нему сейчасъ фелюги... Какія нибудь 5—10

минуть— вы опоздали. Такъ со мной разъ было... осталась тогда казенная лодка, и матросы тутъ были, табакъ складывали. Перевезите, говорю, къ пароходу... А сколько дадите? — говорятъ эти казенные люди, командированные для удобствъ пассажировъ.— Пятьдесятъ копеекъ, вѣдь близко,— всего полверсты.— Два рубля, меньше не возьмемъ.

— Дѣлать нечего, отдадите не только два, но три или пять рублей... Ъхать надо,—не возвращаться же назадъ на почтовыхъ, не сдѣлавъ дѣла, за которымъ вы отправились... Смѣшно было бы!..

— Ёдете въ городъ, останавливаетесь въ гостиницѣ, — надо переночевать. Утромъ идете за досками, покупаете, а затѣмъ узнаете и соображаете, съ какимъ пароходомъ возвращаться. Идете въ гостиницу, гдѣ остановились, или въ агентство пароходнаго общества: оказывается, пароходъ опоздалъ, придетъ вечеромъ вмѣсто дня и, значитъ, ночью въ то мѣсто, гдѣ вамъ сходить и выгружать доски. Такимъ образомъ, выгрузивъ доски, приходится ждать на берегу цѣлую ночь, ибо всѣ спятъ, и вамъ нельзя нанять подводы, чтобы доставить на постройку товаръ... Понимаете это мученіе или, какъ говорятъ здѣсь, по-мѣстному, эту «мороку»? А сколько вамъ обойдется эта злосчастная доска, которую вы купили въ мѣстномъ складѣ по рыночной цѣнѣ, положимъ, 2 р. за штуку?! Не два, а цѣлыхъ пять рублей.. да-съ!. Сколько вы издержали на проѣздъ, на свое содержаніе и сколько заплатили за провозъ именно досокъ? Оказывается, и обойдется доска пять цѣлковыхъ!.. да такъ и все: при постройкѣ и то понадобится и другое, и опять надо ѣхать въ городъ, опять ждать и опять везти на пароходѣ, гдѣ тарифъ самъ по себѣ кусается, до того онъ высокъ, да еще вы платите особую плату 4-5 копеекъ за перевозку товара съ парохода на берегъ... и все это мученіе въ лучшемъ случаѣ...

— Какъ это?

— Да-съ, при хорошей погодѣ... только тогда можно выгружать, перевозить на лодкахъ, или, какъ здѣсь называютъ, на фелюгахъ. А если зыбь, на морѣ волненіе,—тогда пароходъ пройдетъ мимо, не останавливаясь, гдѣ вамъ слѣзать, и вы проѣдете на Батумъ или въ Сухумъ изъ Новороссійска... Тамъ нужно будетъ перегружать товаръ и вновь возвращаться.. Представьте себѣ качку, которой вы не выносите, — тогда вы самымъ искреннимъ образомъ проклянете тотъ день, въ который задумали строиться на этомъ чудномъ, прекрасномъ побережьѣ, на берегу моря, гдѣ пароходы не останавливаются и откуда до города 100 верстъ...

— А сухимъ путемъ?... развѣ нельзя нанять подводы?—перевозю я строителя.

— Подводы?!... посматриваетъ на меня хитро Ивановъ и продолжаетъ:—подводу нанять не такъ легко, какъ вы думаете, да и дорого, чортъ возьми!. Придется по меньшей мѣрѣ платить за возъ

рублей 10-12 и ждать недѣлю, когда онъ вернется, и благополучно ли?.. то сломано, это разбито или подмочено дождемъ!. Ъхать самому за товаромъ, вмѣстѣ съ возчикомъ на волахъ, тоже неудобно, неудобно оставить постройку, надо быть при рабочихъ, которымъ вдругъ что нибудь понадобится, и они остановятъ работу и будутъ васъ ждать, пока вы путешествуете на волнахъ!. Нѣтъ, ужъ лучше заказать, довѣрить деньги и покупку первому встрѣчному мѣстному поселянину.. Пусть покупаетъ, лишь бы поѣхалъ, лишь бы сдѣлалъ такое одолженіе...

— Вы говорите—одолженіе?... да вѣдь за плату, за деньги и при томъ за хорошія?..

— Ну, здѣсь не Россія, народъ особенный, самостоятельный, хохлы, которые «пановъ» не любятъ и, если «дobre» или «богато» не нуждаются, и за хорошія деньги за товаромъ не поѣдутъ.. Говорю вамъ, просить, искать такого человѣка надо.. Иной разъ день, а то два проищешь и тогда слава Богу, благодарить надо и радоваться...

Ивановъ засмѣялся и махнулъ рукою.

— Покупалъ я здѣсь, на мѣстѣ, лѣсъ для сруба.. Для такого случая нужно было обратиться къ старожилу, который не преминулъ содрать съ меня основательную цѣну...—Хорошо. Надо было нанять людей, чтобы срубить деревья. За это взялись мои плотники. Но это не все,—опять началъ горячиться Ивановъ, рассказывая про свои хозяйственныя дѣла,—вопросъ въ томъ, какъ и кто перевезетъ срубленныя деревья?.. Я обратился къ новожиламъ... Ко мнѣ пришло ихъ двое, люди довольно пожилые, основательные... Вамъ надо изъ лѣса дерева вывезти?.. Надо, работа стоитъ, и потому надо поскорѣй, завтра, говорю я. Солидные люди переглянулись и отвѣчали: понимаемъ! Сколько же возьмете? Новожилы заломили такую цѣну за перевозку каждаго дерева, которая равнялась стоимости самаго дерева.. Помилуйте, говорю, да вѣдь это заработокъ 5-6 рублей въ день, вѣдь до лѣса всего три версты!..— Но вамъ скоро нужно, послѣ мы дешевле перевеземъ, а теперь не можно! Почему?.. Такъ! такая цѣна!—говорятъ почтенные и уходятъ, ворча и ругаясь. Иду искать другихъ возчиковъ и послѣ цѣлаго дня поисковъ наконецъ нахожу одного, который беретъ другую, тоже дорогую, но не безобразную цѣну.. Хорошо-съ... На другой день привезли нѣсколько деревьевъ, и подъ вечеръ подрядчикъ этотъ самый и говоритъ мнѣ: больше возить не станемъ, если не дадите той цѣны, которую вамъ ранѣе назначили.. Кто назначилъ? я съ тобой уговаривался! Оказалось, что онъ возить лѣсъ съ тѣми «почтенными», которые меня выругали, рѣшивъ при этомъ не выпустить изъ рукъ. — Какъ хотите, а меньше ни мы, ни другіе возить не будемъ,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Нечего было дѣлать, пришлось согласиться. Вы понимаете это согласіе, когда вамъ держать ножъ у горла!?... Нѣтъ,—продолжалъ Ивановъ,—вы и не думайте сравнивать побережное селеніе съ русской деревней... Если и найдется сходство, то съ подмосковной, дачной деревней, гдѣ «облупить», «обмануть» дачника составляетъ опредѣленный, систематизированный промыселъ... А здѣсь, хотя и глушь непосредственная, а то же самое, такая же дикая и грубая эксплуатація... Не зналъ я этого, не предполагалъ,—съ грустью промолвилъ рассказчикъ.

— Отчего же, вы думаете, происходитъ такое явленіе и притомъ далеко отъ центровъ, безъ городского вліянія?

— Отчего?.. отъ земельного нестройства, отъ постоянной, кровной вражды старожиловъ съ новожилками... Это какіе-то дикіе Монтеки и Копулетти!.. Вѣчно на ножахъ изъ-за куска земли, постоянно въ спорахъ... Подумайте, какъ воспитывается молодежь, видя и живя среди такой постоянной вражды?! Даже дѣти старо—и новожителей и тѣ между собой враждуютъ... ну, что же это?! помилуйте!.. Вотъ эти новожители и озлоблены... Устроиться, завести правильное хозяйство они не могутъ, имъ не даютъ, мѣшаютъ старожилы, а жить, кормиться надо... Уйдутъ на сторону, на работы, уйдутъ, конечно, туда, гдѣ эта работа найдется, слѣдовательно въ мѣста «оживленія побережья»—въ Сочи, Геленджикъ, а тамъ афера, спекуляція, дешевыя деньги, суматоха, мошенничество, особенно при постройкахъ культурнаго и дачнаго люда... Вотъ и выносятъ впечатлѣнія и, приходя къ себѣ въ тихое еще мѣсто и видя, что кто-то строится, что «паны» и у нихъ появились... ну, значитъ, и дѣйствуютъ въ томъ же направленіи, какъ и тамъ, гдѣ это ранѣе завелось... Не безпокойтесь, эти новожители прекрасно знаютъ все, что дѣлается, на примѣръ, въ Геленджикѣ, почему тамъ продаютъ «планы», по какой цѣнѣ сдаютъ квартиры... Конечно, между новожилками есть хорошіе, честные люди, да трудно, очень трудно этимъ людямъ, которыхъ всѣ мысли и дѣла стремятся къ устройству хозяйственному, а оно не дается еще на побережьи простому поселянину. Несомнѣнно, во всемъ этомъ виновата и интеллигенція... Развѣ она пришла на помощь... хоть бы въ этомъ селеніи вы никогда не увидите ни доктора, ни агронома... Сами лѣчатся, сами учатся плодоводству и виноградарству... Но поймите, что это трудно, и потому дальше примитивнаго, въ сущности степнаго хозяйства эти постоянные жители прибрежной и горной полосы итти не могутъ, и переходъ къ интенсивному и культурному хозяйству дѣло еще будущаго... Съ побережьемъ работы еще много, да и не было ея, настоящей... Не комично ли такое обстоятельство или печально?

— Скорѣе послѣднее,—замѣтилъ я.

— Пожалуй... Но посмотрите, какая красота, сила роста! Смотрите, какія тѣни спускаются и ползутъ по горамъ, а море и берегъ и эти скалы, освѣщенные послѣднимъ лучемъ заката!.. и эти люди, и старо—и новожила, которымъ нѣтъ никакого дѣла до такой силы, красоты и могущества!

Дѣйствительно, надвинулся своими густыми, сочными красками чудный вечеръ. Дунулъ и снова притаился вечерній горный вѣтерокъ, и начали свой ночной концертъ, не умолкая до разсвѣта, неутомимыя (циркуны) цикады.

Захаживалъ я иногда на постройку Иванова. Уютное такое мѣстечко недалеко отъ моря, на берегу порядочной рѣчки, замѣчательно красивыя скалы-горы граничатъ съ запада, съ юга къ морю открыто. Виноградникъ, молодыя фруктовыя деревья окружаютъ небольшую, но крѣпкую постройку домика. Рабочіе великороссы изъ Орловской губерніи. Я съ ними познакомился и бесѣдовалъ при посѣщеніи. Ивановъ въ послѣднее время рѣдко приходилъ на постройку.

— Что, опять нѣтъ хозяина? — спрашиваю я, здороваясь съ плотниками.

— Другой день не заходитъ, — отвѣчаетъ Поликарпъ, старшій изъ рабочихъ. У него типичное русское лицо съ большой темно-русой бородой и лысой головой. Движенія его медленны, рѣчь обстоятельная, разсудительная. Поликарпъ человѣкъ бывалый, хорошо знакомъ съ побережьемъ, лѣтъ пятнадцать работаетъ въ Черноморской губерніи.

— Какъ дѣла?

Поликарпъ улыбнулся.

— Не могли найти человѣка, чтобы отъ кофейщика доски перевезти... И везти-то почти нечего, да и близенько, версты не будетъ!.. Ну, и народъ же здѣсь!..

— А что?

— Пустой, неуважительный народъ... Хоть бы эти доски перевезть, — пятнадцать минутъ, не болѣ, а запросилъ хохоль цѣлый рупь, а менѣ семидесяти пяти такъ и не согласился... А хохоль бѣдный, знаю я его... навѣрно и гривенника въ карманѣ нѣтъ... Перенесли доски сами... развѣ можно ломить такую цѣну?!

— Почему же такъ, Поликарпъ, говоришь, что хохоль не богатый?..

— Новожитель... пара лошадей и все его хозяйство!..

— Гордый, неуважительный народъ!.. — подтвердилъ плотникъ, товарищъ Поликарпа.

— Развѣ плохо живутъ эти новожила?

— Житье, правда, не сладкое, — продолжалъ Поликарпъ, — а такой у нихъ характеръ самостоятельный!..

— Какъ это самостоятельный?—переспросилъ я, желая понять точно, что подѣ этимъ словомъ разумѣтъ Поликарпъ.

— Ну, не мірской онъ человѣкъ, не общественный, значить, ему, чтобы въ свое пузо жить, не понимаетъ, чтобы артельно... Да и общества у нихъ никакого нѣтъ, одно только названіе, что общество... Послушайте, если на сходкѣ дѣла рѣшаютъ... Спорять, спорять, да такъ и разойдутся...

— Старожилы съ новожилыми?

— Это что, если бы такъ... Партія на партію, значить... а то между собою, каждый съ каждымъ, а кулаки этимъ пользуются... Ну, ровно никакого согласія въ этомъ народѣ нѣтъ... Люди хорошие и на сходы не ходятъ, сторонятся отъ дѣлъ...

— Разный народъ... вѣроятно, потому и несогласный? а?

— Ничего, если разный—былъ бы хороший, а то ничего!..—Поликарпъ остановился работать, снялъ фуражку, вытеръ платкомъ потъ со своей лысины, подумалъ слегка и продолжалъ:—старожители, тѣ изъ военныхъ, словно волки на своихъ участкахъ сидятъ, суровый народъ, а новожители жадный народъ, здорово жадный... съ кого бы ни сорвать, ему все равно, съ пана ли, съ рабочаго человѣка... хоть бы вотъ мы... Пришли сюда, стали на работу, харчиться надо, нашъ харчъ извѣстный... и въ городѣ работали и мало ли гдѣ... а тутъ ничего не добыешься... Ну, нашли новожителя, который заломилъ неподходящую цѣну, торговались, а все дорого... Думали сами харчиться—не вышло, должны были отдать 9 рублей въ мѣсяцъ съ человѣка! вотъ какая цѣна!.. А чѣмъ бы, вы думали, кормилъ насъ хохоль?.. бурдой собачьей, да козьимъ молокомъ—вотъ и все!.. Черезъ мѣсяцъ, какъ за эти девять рублей намъ подвело животы, мы и подумали: чортъ съ тобой и съ твоими харчами, безъ приварка, безъ говядины, и стали кормиться сами артелью,—съ мясомъ и, какъ хотимъ, съ крупой, рисомъ, и стало намъ это удовольствіе стоить четыре съ небольшимъ на брата... Вотъ и подумайте, сколько лишняго съ насъ дралъ новожитель!.. Съ насъ... съ рабочихъ людей, а хозяинъ сердится, что съ него рвутъ при всякомъ случаѣ!.. невѣрный народъ, нечего про это и говорить!..

— И между собой тоже... не уступятъ?—спросилъ я плотника. Онъ и другіе засмѣялись.

— По ночамъ другъ у друга «на степи» (такъ называются горные юртовые участки) картошку копаютъ, капусту снимаютъ! жадный народъ!

Таково было мнѣніе россійскихъ людей о поселянахъ побережья.

Суровы, угрюмы жители побережныхъ селеній. Тихо въ лѣтнюю рабочую пору въ станицѣ, словно все вымерло. Всѣ жители въ горахъ и «щеляхъ» по своимъ участкамъ, гдѣ убираютъ хлѣбъ и

сѣно; даже и дѣти тамъ съ ними, тамъ они почують и кормятся. Идешь по селенію—ни души, только свиньи около плетней расположились въ сладострастныхъ позахъ и дремлютъ. Ставнями заперты хаты, окруженныя плодовыми деревьями, расположенными въ безпорядкѣ. Сильныя, развѣсистыя груши, сливы и яблоки сплошь усѣяны фруктами, но какая небрежность: сколько вы увидите необрѣзанныхъ, засохшихъ вѣтвей, рядомъ съ живыми, плодовыми! Что имъ, жителямъ, заботиться?.. растутъ и приносятъ великолѣпные урожаи и такъ, безъ обрѣзки и окопки.

Поистинѣ благодатный край!

Я бродилъ и любовался на всю въ зелени станицу; жаркій тихій день, спокойная струится рѣчка, изъ-за горъ вылетѣлъ орелъ и сильными заворотами на кругахъ сталъ парить надъ сонной станицей, высматривая себѣ на обѣдъ жертву. Я залюбовался птицей, ея красотой въ полетѣ. Вдругъ до моего слуха стали съ противоположной стороны рѣки доноситься звуки, глухіе, деревянные, словно кто рубилъ дерево тупымъ топоромъ. Я шелъ по направленію этихъ звуковъ—ударовъ, шелъ и остановился въ недоумѣніи. Вотъ отчего такіе странные, глухіе звуки!..

На высокомъ берегу подъ тѣнью какого-то дерева лежалъ волъ, около котораго стояли люди, мужчины и женщины, человѣка четыре, и всѣ по очереди толстыми дрючками колотили несчастное животное... Равномѣрно раздавалось: бухъ! бухъ... Волъ продолжалъ лежать неподвижно, ворочая головой...

— Что вы дѣлаете?..—крикнулъ я... Оставьте, не смѣйте бить?!

— А тебѣ что за дѣло?..—послышался грубый голосъ.

— Да вѣдь онъ больной!.. развѣ вы не понимаете, его надо лѣчить, а не бить...

— А що винъ не ходе!.. — отвѣчали мнѣ, переставъ впрочемъ наносить удары.

Я пошелъ дальше отъ этой возмутительной, грубой картины. Жестокіе нравы!..

— Да, нравы у насъ грубые,—согласился повстрѣчавшійся со мной писарь, которому я рассказалъ только что видѣнное... У насъ, если бьютъ, то бьютъ, прямо забиваютъ... Вчера насилу отняли у отца мальчишку-сына, такъ онъ немилосердно наказывалъ его кнутомъ... Тамъ мужъ избилъ жену до полусмерти... часто бываютъ такіе случаи...

— Отчего это?.. у васъ два училища, учителя, священникъ?..

— Учителя никакого вліянія не имѣютъ... да и какіе учителя!.. Чиповники!.. Имъ не такихъ учителей надо... Они своихъ дѣтей и въ школу, въ училище не пускаютъ, говоря: «лучше винъ гусей пасти буде!».

— И книгъ никакихъ не читаютъ?.. не интересуются литературой и тѣмъ, что дѣлается на свѣтѣ?

— Что вы... книгъ?! — удивился искренно писарь... Да вы во всей станицѣ не найдете ни одной книги!.. Да какую бы они читать книгу стали, если всѣ безграмотные?..

— Неужели всѣ?.. что вы говорите!?. Цѣлыхъ два училища!..

— Ну, если не всѣ, то съ малыми исключеніями... Мнѣ это хорошо извѣстно при постановленіи сельскихъ приговоровъ... Неустройство у насъ на побережьѣ, въ одномъ обществѣ живутъ на разныхъ правахъ и на разныхъ условіяхъ и подати платятъ неодинаковыя: старожилы меньше, а новожилы больше... чистая бѣда при раскладкахъ особенно мірскихъ... второй мѣсяцъ я жалованья не получаю...

Мы разстались съ писаремъ, и я, минуя пустынные улицы, направился къ морю, гдѣ два какіе-то старо—или новожилы выгружали и складывали въ штабель дерева.

При всѣхъ общихъ неурядицахъ земельного и общественнаго характера кляузничество и сутяжничество страшно развито, какъ между старожителями, такъ и новоселами. Они продаютъ и покупаютъ другъ у друга планы, отнимаютъ снова, выдаютъ векселя и постоянно между собой судятся.

Я какъ-то зашелъ въ сельское правленіе въ день суда. Народа было много, но не посторонняго, а все тяжущіеся и свидѣтели. Я удивился, что женскій элементъ не уступалъ въ количествѣ мужскому. Одна баба, впрочемъ вдова, имѣла два дѣла по потравѣ пшеницы и травы.

Первое ея дѣло за неясностью и отсутствіемъ свидѣтелей было отложено, и истица плакала, называя себя несчастной, за которую заступиться некому.

При разборѣ другого дѣла она перемѣнила тактику и поддерживала весьма настойчиво обвиненіе.

— Пшеницу до насъ потоптали, и огорожа была поломана,— отвѣчали обвиняемые.

— Не, николи, Пузенко знае!..—заявляла истица.

Вышелъ Пузенко и сказалъ, что потрава была, а кто ее произвелъ, отвѣтить не можетъ.

— Можетъ, мы и помяли малость, — молвилъ одинъ изъ обвиняемыхъ, которому вѣрно надоѣла канитель:— что жъ, мы заплатимъ...

Другой не соглашался, указывая, что потрава была до нихъ, до ихъ останки.

Но судъ, види, что одинъ изъ отвѣтчиковъ желаетъ кончить дѣло и уплатить немного, постановляетъ взыскать съ cadaго по 75 копеекъ, то-есть 1 рубль 50 копеекъ въ пользу истицы, которая при этомъ вдругъ заплакала.

— Ты чего, — внушаетъ ей судья: — иди и получай деньги...

Деньги уже лежали на столѣ, и истица медленно, все еще всхлипывая, подошла и стала завязывать серебро въ платокъ.

— Не пойдутъ тебѣ впрокъ наши деньги, смотри, баба, грѣхъ тебѣ буде!..—сказалъ несоглашавшійся на штрафъ.

Истица поблѣднѣла, быстро развязала платокъ и, положивъ деньги, проговорила: «ни!.. не возьму!.. нехай имъ чурь!»..

Долго пришлось судьямъ настаивать, чтобы деньги были истицею взяты обратно, ибо приговоръ былъ уже написанъ, и дѣло было кончено.

Любопытно, что баба ушла съ деньгами и со страхомъ неизвестнаго за эти деньги.

Суевѣрія—непочатый край на побережьѣ, и священники, получая большое жалованье (800 рублей), не борются съ темнотою и дикостью народной, наивно собирая подачки, которыя наши русскіе сельскіе попы берутъ съ прихожанъ, скрѣпя сердце, изъ-за нужды.

Судъ продолжался. Судились новожилы.

Истецъ, уходя на заработокъ въ Екатеринодаръ, обратился къ своему куму, чтобы тотъ жилъ въ его хатѣ, охранялъ имущество, кормилъ оставленной кукурузой птицу...

За все эти трудныя заботы кумъ куму положилъ жалованье— 3 рубля въ мѣсяцъ.

Но охрана была неважная: съѣдена была и кукуруза и птица, и истребленъ заготовленный для огорожи лѣсъ.

Судебное слѣдствіе было интересное. Истецъ требовалъ 15 рублей убытковъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ обвиняемый,—ты уговаривался не со мной, а съ женой, съ моей бабой... съ нея и спрашивай...

— Да, вѣдь, вы вмѣстѣ жили въ моей хатѣ... вмѣстѣ кушали птицу и кукурузу?..

— Ни... не знаю!.. спроси бабу!..

— Что бабу?.. деньги получалъ ты, кумъ?..

Кумъ молчитъ.

— Что же не отвѣчаешь?—спрашиваетъ судья.

— Ни вси получилъ гроши, — мрачно докладываетъ отвѣтчикъ.

— А кукурузы нѣтъ, и птица пропала?..

Отвѣтчикъ молчитъ. Потянулся рядъ свидѣтелей, и я покинулъ судъ сельскій.

Около правленія шли споры и пререканія... Что меня крайне удивило, это—слово вексель... Такое совершенно не деревенское, а комерческое слово часто повторялось на все лады: «ты мнѣ далъ вексель», «по векселю передалъ взыскать», «получилъ вексель» и такъ далѣе.

Откуда сіе?..

Несомнѣнный результатъ земельной, плановой и всякой спекуляціи.

Странно, не по-русски, а какъ пестро складывается сельская жизнь на побережьѣ. Далекіе отъ русской культуры, заброшенные и предоставленные себѣ живутъ, враждуя внутри себя, и нѣтъ этой неурядицѣ ни края, ни конца. Много, много было ошибокъ при заселеніи побережья.

А жить, работать надо. Изъ народа, изъ этой даже сумятицы складываются свѣтлые умы, твердые характеры. Эти работаютъ и ждутъ. Учатся при всякомъ случаѣ, все замѣчаютъ и наблюдаютъ. Одно нехорошо, что силенъ въ нихъ скептицизмъ и не крѣпка вѣра въ лучшее будущее.

— Трудно жить теперь,—говоритъ мнѣ одинъ изъ такихъ новожилцовъ,—трудно и хозяйствовать... Неудобства и прижимка со всѣхъ сторонъ... Видѣли, какой мы хлѣбъ кушаемъ, гнилой и затхлый?! А платимъ немало: 1 рубль 60 копеекъ за пудъ, да за картошку по веснѣ 80 копеекъ, не меньше, отдай... Ну, и вертисься, особенно, если у кого семья большая, ртовъ много...

— Отчего это?..

— Подвозъ трудный, и кулаки-лавочники одолѣли... Между собой мы ссоримся, враждуемъ, а кулакъ руки потираетъ и барыши считаетъ... Извѣстно, ястребъ тогда голубя возьметъ, когда стаю разобьетъ.

Вотъ эти люди дружнѣй насъ живутъ, даромъ, что ничего, кромѣ котомокъ, не имѣютъ...

Я посмотрѣлъ.

По пыльному шоссе шли три бурлака. Походка ихъ была усталая, одежда рваная, но выраженіе лицъ не злое, привѣтливое и бодрое.

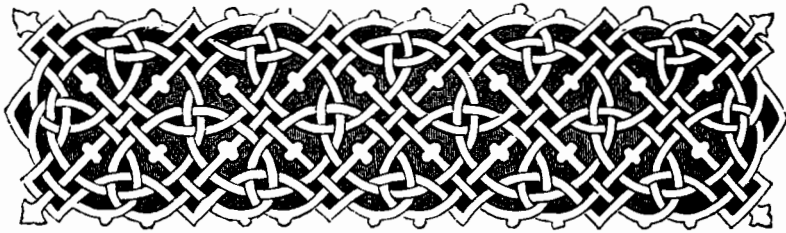
— Куда они?..

— Въ Туапсе на постройку желѣзной дорови,—отвѣчалъ новосель,—да слышно, строить не будутъ—отдумали!..

Я долго смотрѣлъ вслѣдъ бурлакамъ, которые оживленно разговаривали. Любопытно, о чемъ бы это...

С. И. Васюковъ.

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ.

ТО ПРОИЗОШЛО въ Тамбовской губерніи пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, а именно: 24-го декабря 1852 года.

Въ этотъ день, вставъ рано утромъ и приказавъ уложить все необходимое въ широкій четверомѣстный возокъ, тетушка, мать моя, я и горничная выѣхали въ девять часовъ утра по дорогѣ въ имѣніе дяди, брата матери и тетушки, съ цѣлью провести тамъ всѣ святки. День былъ ясный, морозный, было свыше 25 градусовъ мороза.

... Окна возка вскорѣ запушились толстымъ слоемъ снѣга, сквозь который ничего нельзя было различить. Мы отѣхали верстъ десять и начали нырять внизъ и вверхъ по ухабамъ большой дороги, до-нельзя разбитой безчисленными вереницами обозовъ, тяжело нагруженныхъ хлѣбомъ, который въ тѣ времена свозился со всей губерніи въ городъ Моршанскъ, откуда весною сплавлялся по Окѣ въ Нижній Новгородъ.

Ѣхали мы около часа времени, когда вдругъ мы услышали крики, произошла на козлахъ возка какая-то борьба, кого-то тащили, кто-то упирался, лошади стали, дверка возка стремительно распахнулась, и тетушка, лицо которой мгновенно исказилось ужасомъ, крикнула не своимъ голосомъ: *C'est lui!*

Я вижу, что для уразумѣнія всего послѣдующаго мнѣ необходимо вернуться назадъ и подробно рассказать о томъ, что было прежде.

Тетушка, о которой идетъ рѣчь, потеряла въ 1848 году единственнаго, горячо любимаго сына, и мужа, Л. Я. Стаханова.

Оставшись совершенно одинокою, она стала умолять мою мать переселиться къ ней со мною на постоянное жительство, что мы

и исполнили въ 1849 году. Въ слѣдующемъ 1850 году тетушка вторично вышла замужъ за сосѣдняго помѣщика, вдовца, имѣющаго четырехъ взрослыхъ дочерей, старшей изъ которыхъ было около сорока лѣтъ, и тридцатилѣтняго сына. Мы же съ моею матерью, по настоятельной просьбѣ тетушки, остались жить въ ея имѣніи въ пяти верстахъ отъ имѣнія М. Ф. М....., ея второго мужа.

Я здѣсь не намѣрена распространяться о жизни тетушки въ ея новой семьѣ, скажу только, что пасынокъ и падчерицы ея отнеслись къ ней вполне враждебно, а мужъ, который отличался крутымъ нравомъ и звѣрскимъ характеромъ и женился только для того, чтобы завладѣть состояніемъ жены, вскорѣ сбросилъ маску, и жизнь бѣдной женщины стала совершенно невыносимой. Наконецъ, осенью 1852 года, воспользовавшись отсутствіемъ мужа, уѣхавшаго по дѣламъ въ другое имѣніе, и предложеніемъ сосѣдки, пріѣхавшей еѣ навѣстить, тетушка тайкомъ вышла за ворота, сѣла въ любезно ей предложенный тарантасъ и вернулась къ себѣ домой, то-есть къ намъ.

Первое время тетушка постоянно трепетала при мысли, что мужъ ея къ намъ ворвется въ порывѣ бѣшенства и силой увезетъ еѣ къ себѣ. Поэтому двери въ домъ постоянно были заперты на крюкъ, собаки спускались съ цѣпи, какъ только наступали сумерки, и дозорные ходили всю ночь вокругъ дома, стуча въ чугунныя доски и переключаясь между собой. Но прошло два мѣсяца слишкомъ, Л..... не показывался, и мы всѣ совершенно успокоились, когда 24-го декабря нашъ возокъ былъ остановленъ на большой дорогѣ, и тетушка въ неопisanномъ ужасѣ крикнула по-французски: «Это онъ!».

Дѣйствительно это былъ «онъ». Одѣтый въ бѣличью шубу, крытую тикомъ сѣраго цвѣта съ мелкими голубыми полосками, подпоясанный пестрымъ вязанымъ шарфомъ, въ огромной волчьей шубѣ нараспашку, онъ открылъ съ размаха дверку возка и началъ осыпать свою жену самой отборной бранью, называя ее бѣглою, грозя ей Сибирью, обѣщая ей примѣрное наказаніе... Но не мѣсто здѣсь приводить образцы площадной брани этого изступленнаго звѣря въ образѣ человѣка; уставъ, наконецъ, излить потоки брани на плачущую и молчащую женщину, Л..... подозвалъ сопровождавшихъ его мужиковъ, ихъ было 12, пріѣхали они съ Л..... на четырехъ тройкахъ, и приказалъ имъ, указавъ на жену: «Тащите барыню!».

Тутъ произошла возмутительнѣйшая сцена. Хотя возокъ и былъ четверомѣстный, но когда къ намъ четверемъ, закутаннымъ въ теплыя шубы и платки, прибавились еще два мужика, произошло нѣчто ужасное... Мужики старались вытащить тетушку; она упиралась, что было силъ, и громко взывала о помощи, плача

навзрыдъ и умоляя мою мать не выдавать ее... Наконецъ видя, что они въ этой тѣснотѣ ничего не могутъ подѣлать, мужики пріостановились, въ то время какъ оставшіеся на дорогѣ, окружавшіе возокъ мужики, желая угодить своему барину, старались насильно протискаться въ нашъ возокъ. Эти неистовые крики, отчаянный вопль сестры моей матери, ужасъ нашего положенія,—все это возбуждало во мнѣ такое чувство негодованія,—мнѣ тогда было 17 лѣтъ,—что я, послѣ перваго минутнаго оцѣпенѣнія, овладѣвшаго мною при появленіи Л....., накинулась на мужиковъ съ слѣдующими словами: что вы дѣлаете, ребята, или вамъ охота итти въ Сибирь? Вѣдь это дневной разбой, баринъ—то вашъ отвертится, откупится, вы же за него въ отвѣтъ будете, бросьте, я вамъ говорю, а то плохо вамъ будетъ, попомните мое слово!—Много я говорила на эту тему, и, о удивленіе, мои слова подѣйствовали, мужики почесали затылки и со словами: да мы што, мы ничего, мы не причинны... отступили, и возокъ опустѣлъ. Что они сказали своему барину, я не знаю, но, приказавъ припрячь къ нашей тройкѣ еще пару своихъ лошадей на выносъ, посадивъ къ намъ на козлы и фореиторомъ своихъ людей—нашъ кучеръ и лакей были брошены въ снѣгъ съ закрученными назадъ руками,—Л..... ввалился самъ въ нашъ возокъ, столкнулъ подъ ноги сидѣвшую рядомъ со мною горничную, усѣлся на ея мѣсто и, свѣсивъ въ отворенную дверцу ноги, приказалъ насъ везти къ нему въ имѣніе. Насъ безъ дороги, цѣлиною помчали маршъ-маршемъ, не разбирая рытвинъ и овраговъ, прямо въ его имѣніе.

Я не знаю, какой бѣсъ мною тогда овладѣлъ, и я принялась его бранить, на чемъ свѣтъ стоитъ. Я его называла разбойникомъ, душегубомъ, грозила ему Сибирью; а онъ, видимо забавляясь моею яростью, посмѣивался и повторялъ: молчи, чертенокъ. Тегушка же старалась меня унять, повторяя: *Mais tais-toi donc, il est si furieux qu'il nous conduira dans un ravin ou il nous tuera*¹⁾!

Я находилась въ такомъ возбужденномъ состояніи, что отвѣтила ей: *Je crois que la mort vaut mieueх que de vivre avec un homme pareil*²⁾.

Наконецъ однако Л....., выведенный окончательно изъ терпѣнія нашими переговорами на непонятномъ ему языкѣ и моими неумолкаемыми упреками и угрозами, занесъ кулакъ надъ моею головою и крикнулъ: сейчасъ замолчи, чертенокъ, а то пришибу до смерти!—Я еще успѣла ему отвѣтить: ну, нѣтъ, Сибири побойтесь,—но тутъ моя мать строго приказала мнѣ замолчать.

Этимъ временемъ возокъ нашъ продолжалъ летѣть, сломя голову, уносимый пятерикомъ сильныхъ лошадей. Я все еще надѣ-

¹⁾ Молчи же, онъ такъ вабѣшенъ, что свезетъ насъ въ оврагъ и тамъ убьетъ!

²⁾ Я думаю, что смерть лучше, чѣмъ жизнь съ подобнымъ человѣкомъ.

ялась, что на наше счастье мы встрѣтимъ какого нибудь помѣщика, который за насъ вступится, но такъ какъ насъ мчали безъ дороги и тщательно объѣзжали попадавшіяся по пути села, то мы рѣшительно никого не встрѣтили, и, только подѣзжая къ деревнѣ, принадлежавшей Л...., мы встрѣтили огромный обозъ, нагруженный хлѣбомъ, но совершенно безполезнымъ оказалось мое обращеніе за помощью къ мужикамъ, сопровождавшимъ обозъ: они мнѣ даже не отвѣтили. Пока я льстила себя несбыточной надеждой на встрѣчу съ кѣмъ нибудь, кто согласился бы за насъ вступиться, Л..... продолжалъ осыпать свою жену, мою мать и меня самыми неистовыми ругательствами и неопозволительными угрозами, изъ которыхъ приведу только одну, типично обрисовывающую личность этого звѣря, привыкшаго давать волю своимъ кровожаднымъ инстинктамъ при крѣпостномъ правѣ. Гроза своей звѣрской расправой, Л..... кричалъ:

— Я васъ проучу, на конюшню сведу, шкуру съ головы до пятъ спущу.

Женѣ грозилъ, что поселить ее въ Болотовку, гдѣ у него на покой жила старая любовница, и заставить ее прислуживать этой бабѣ.

Когда ему наконецъ надоѣло ругать и осыпать угрозами женщинъ, презрительно молчащихъ, онъ принялся за несчастную горничную, находившуюся на днѣ возка, подъ его ногами, и принялся ее бить кулаками по головѣ и по лицу и пинками по чемъ попало, приговаривая:

— Какъ ты смѣла уйти изъ моего дома? ты бѣглая, я велю тебя отодрать на конюшнѣ, а потомъ сошлю въ Сибирь на поселеніе. Мы же продолжали молчать, и такимъ образомъ насъ наконецъ подвезли къ крыльцу Л...каго дома. Тутъ возобновились его требованія, чтобъ жена вышла изъ возка и вошла въ домъ. Л..... имѣлъ даже нахальство обратиться къ моей матери съ приглашеніемъ: «почтить его домъ нашимъ присутствіемъ». Это послѣ ругательствъ, расточаемыхъ имъ всю дорогу! Мать моя сухо отклонила это приглашеніе, тогда на его возобновившееся требованіе выйти изъ возка и войти въ домъ тетушка вновь заплакала, а Л..... вышелъ опять изъ себя, и сцена эта грозила затянуться до ночи, но тутъ моя мать стала уговаривать свою сестру, конечно, по-французски покориться необходимости, объщая ей, что мы немедленно по возвращеніи домой уѣдемъ къ дядѣ, и она попросить его подать жалобу губернатору, который, конечно, приметъ мѣры къ ея освобожденію. Л..... такъ обрадовался согласію тетушки покинуть наконецъ возокъ, въ которомъ она сидѣла, какъ въ неприступной крѣпости, что велѣлъ немедленно запрячь для насъ маленькій двухѣстный возокъ, мигомъ наши вещи были въ него перенесены. Простившись со слезами съ нами, тетушка все

же потребовала, чтобъ ея падчерицы вышли къ ней изъ дома, говоря, что она желаетъ себя отдать подъ ихъ покровительство и вмѣстѣ съ тѣмъ желаетъ, чтобъ онѣ знали, какому насилію мы подверглись со стороны ихъ отца. Поломавшись довольно долго, Л..... наконецъ согласился, пошелъ въ домъ и выслалъ къ намъ своихъ дочерей. Онѣ молча выслушали заявленіе тетушки, что, опасаясь за свою жизнь, она рѣшила оставаться при нихъ днемъ и ночью, но когда тетушка стала имъ рассказывать, какимъ разбойничьимъ образомъ ихъ отецъ перехватилъ ее и насъ на большой дорогѣ и силой привезъ насъ къ себѣ, онѣ отвѣтили въ одинъ голосъ: не наше дѣло судить отца! повернулись и обратно ушли въ домъ; тетушка поспѣшила за ними, не желая ни минуты оставаться наединѣ со своимъ мужемъ. Намъ подали приготовленный для насъ возокъ, и мы поѣхали домой, куда пріѣхали въ 5 часовъ вечера, пробывъ семь часовъ на жестокомъ морозѣ. Однако, несмотря на то, что мы иззябли и страшно утомились всѣмъ пережитымъ въ этотъ памятный для насъ день, мы, наскоро обогрѣвшись и перекусивъ, думали немедленно ѣхать къ дядѣ, но тутъ явилось неожиданное препятствіе: наши лакей и кучеръ, которыхъ по приказанію Л..... связали и бросили у дороги, были вскорѣ освобождены проѣхавшими людьми, шедшими съ обозомъ, они вернулись домой и, захвативъ остававшіяся пару лошадей и хорошія сани, на которыя мы именно рассчитывали, поскакали въ имѣніе дяди объявить о случившемся. Однако мы такъ опасались новаго вторженія къ намъ Л....., что на мужицкихъ розвальняхъ, запряженныхъ парюю несчастныхъ клячъ, на силу добытыхъ на селѣ (огромный обозъ былъ недавно отправленъ съ хлѣбомъ, и всѣ лучшія лошади ушли подъ него), мы въ семь часовъ вечера пустились въ путь. Дорога была адская, ухабъ за ухабомъ, раскатъ на раскатѣ, сани наши безъ подрѣзовъ, безъ спинки, безъ отводовъ, раскатывались во всѣ стороны и опрокидывались ежеминутно, морозъ все усиливался...

Что намъ пришлось въ эти тридцать верстъ перетерпѣть, не подлежить никакому описанію; наконецъ, въ двѣнадцать часовъ ночи мы достигли села Никольскаго, лежащаго на половинѣ нашего пути, и прямо подѣхали къ дому помѣщиковъ Д....., состоящихъ въ родствѣ съ первымъ мужемъ тетушки. Тутъ насъ приняли совершенно по-родственному, накормили прекраснымъ ужиномъ, запрягли намъ возокъ, и тройка ихъ бойкихъ лошадокъ мигомъ довезла насъ до мѣста нашего назначенія, куда мы прибыли въ пять часовъ утра.

Братъ моей матери, узнавъ отъ нея всѣ подробности возмутительнаго насилія, жертвами котораго мы сдѣлались, и видя, какой опасности подвергается его сестра, оставшаяся во власти челоуѣка, не остановившагося даже передъ дневнымъ разбойничьимъ нападе-

ніемъ, поѣхалъ на третій же день праздниковъ въ Тамбовъ къ губернатору, которому принесъ жалобу на Л....., прося его привлечь къ отвѣтственности Л... за насильственный захватъ его сестры на большой дорогѣ и за оскорбленія другой его сестры и племянницы. П. А. Б....., тогдашній тамбовскій губернаторъ, не принялъ жалобы дяди, сказавъ, что вступить за г-жу Л..... онъ только тогда можетъ, когда получить отъ нея жалобу за ея собственноручною подписью. Отвѣтъ этотъ былъ равносильнъ полнѣйшему отказу, такъ какъ тетушка, находясь во власти человѣка, отрѣзавшаго ее отъ всякаго сообщенія съ нами, утратила всякую возможность жаловаться кому бы то ни было.

Что же касается того насилія и тѣхъ оскорбленій, которымъ мы съ моей матерью подверглись со стороны Л....., то губернаторъ сказалъ, что хотя моя мать имѣетъ полное право подать ему жалобу о случившемся, но за отсутствіемъ у нея постороннихъ свидѣтелей,—я же, какъ дочь, не могу быть свидѣтельницей,—онъ не совѣтуетъ ей это дѣло начинать, такъ какъ у нея нѣтъ никакихъ данныхъ, на которыя она могла бы указать, кромѣ собственныхъ словъ и моихъ показаній, которыхъ нельзя принять. Горничная же, ѣхавшая съ нами, тоже въ качествѣ крѣпостной, не имѣла права выступить свидѣтельницей.

Вотъ какіе порядки царили въ провинціи 50 лѣтъ тому назадъ, и подобное отношеніе къ такому воіющему насилію никого не удивляло, не возмущало...

Прошло около трехъ мѣсяцевъ, во время которыхъ мы оставались въ полной неизвѣстности относительно дальнѣйшей участи тетушки. Всѣ попытки, предпринимаемыя съ цѣлью войти съ ней хотя бы въ письменныя сношенія, потерпѣли полную неудачу. Нѣкоторые наши знакомые, бывавшіе у Л..., которымъ удавалось видѣть тетушку, писали намъ, что онъ не оставлялъ ея ни минуты наединѣ съ ними, что у нея видъ донельзя робкій и угнетенный. При подобныхъ условіяхъ невозможно было и думать о томъ, чтобъ доставить ей для подписи заранѣе приготовленную жалобу на имя губернатора о совершенномъ надъ нею насиліи. Такъ прошелъ весь мясоѣдъ, масленица миновала, и наступилъ великій постъ. Много толковали мы о томъ, какимъ образомъ освободить тетушку изъ ея тяжелой неволи, но ничего придумать не могли. Вдругъ, въ концѣ второй недѣли великаго поста, кто-то привезъ извѣстіе, что Л... въ Тамбовѣ, остановился у своего зятя, и тетушка тоже съ нимъ. Я вижу, однако, что мнѣ необходимо нѣсколько подробнѣе познакомить читателя съ М..., зятемъ Л..., потому что онъ является отчасти тоже дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ правдивомъ повѣствованіи.

Вскорѣ послѣ своего столь неудачнаго второго брака тетушка задумала задобрить своихъ падчерицъ тѣмъ, что, когда за одну изъ

нихъ посватался М..., занимавшій должность правителя дѣлъ въ канцеляріи губернатора, и дѣло чуть было не разошлось вслѣдствіе отказа Л... обезпечить свою дочь приданымъ, тетушка объявила, что она всѣ расходы беретъ на себя и даетъ ей имѣніе въ 200 десятинъ, находящееся въ Кирсановскомъ уѣздѣ за рѣкою Вороною. Свадьба состоялась, но жизнь тетушки нисколько не измѣнилась къ лучшему. Новобрачная во всеуслышаніе объявила, что имѣніемъ ее наградила отецъ, и что ей не подобаетъ входить въ личные счета, могущіе встрѣтиться между ея отцомъ и его женою. Вотъ къ этому-то зятю пріѣхалъ Л..., на второй недѣлѣ поста; у него въ городѣ оказалось неотложное дѣло, тетушку же онъ съ собою привезъ, потому что его сынъ объявилъ ему наотрѣзъ, что въ его отсутствіе ни онъ, ни сестры его не согласны быть тюремщиками его жены, и что какъ только онъ изъ дома уѣдетъ, она будетъ вольна ѣхать, куда пожелаетъ. Л..., конечно, раскричался, страшно разсердившись, но, видно, нашла коса на камень, потому что Л... рѣшился взять съ собою жену въ Тамбовъ, надѣясь, что угрозами заставитъ ее ѣхать съ нимъ также и обратно.

Узнавъ, какъ мною сказано выше, что сестра его находится въ городѣ, дядюшка немедленно отправился въ Тамбовъ, все надѣясь найти возможность дать ей подписать приготовленную отъ ея имени жалобу губернатору. Самому ему ѣхать къ ней было нельзя, его слишкомъ хорошо знали и, конечно, до сестры бы не допустили. Тутъ вызвался близкій родственникъ дяди, А. У. А...въ, повидаться съ тетушкой и, взявъ съ собою злополучное прошеніе, онъ поѣхалъ къ М...ву, предварительно выждавъ, когда Л... не было дома. М...въ же проводилъ всѣ утра до трехъ часовъ на службѣ, поэтому тетушка была въ это время одна. А...въ приказалъ лакею, отворившему ему двери, чтобы онъ о немъ доложилъ тетушкѣ, но тотъ самымъ нахальнымъ образомъ отвѣтилъ, что «барыня въ деревнѣ, и поэтому онъ не можетъ ей доложить о немъ». А...въ, обладавшій громкимъ, привычнымъ командовать голосомъ, сталъ вызывать по-французски тетушку, не обращая никакого вниманія на лакея, который всѣми силами старался выпроводить безпокойнаго гостя. Расчетъ А...ва оказался вѣренъ; привлеченная возгласами на французскомъ языкѣ, тетушка вышла въ залъ. А...въ отшвырнулъ лакея отъ двери, которую тотъ такъ тщательно загораживалъ, и поспѣшилъ объяснить тетушкѣ цѣль своего насильственного вторженія. Вынувъ прошеніе, онъ сталъ просить ее поскорѣе его подписать, для того, чтобы губернаторъ могъ постараться освободить ее изъ заточенія. Но тутъ встрѣтилось неодолимое препятствіе. Тетушка наотрѣзъ отказалась подписать принесенное прошеніе. Она до такой степени была напугана угрозами Л... и себѣ составила такое превратное понятіе о силѣ и могуществѣ своего при-

тѣснителя, что на всѣ доводы и уговариванія А...ва только повторяла: *Vous ne le connaissez pas, vous ne savez pas ce dont il est capable. Partez, abandonnez moi à mon triste sort. S'il savait que vous êtes ici, il nous tuerait tous les deux* ¹⁾.

Такъ А...въ вернулся ни съ чѣмъ, и намъ оставалось только горевать о безразсудномъ упорствѣ тетушки, отвергнувшей единственную возможность спастись отъ своего ужаснаго положенія, когда, недѣлю спустя, посланный привезъ изъ города записку на имя дяди, писанную карандашемъ, въ которой сестра извѣщала его, что она находится въ его домѣ въ Тамбовѣ и проситъ его пріѣхать за нею... Что же случилось?

Когда Л... покончилъ со всѣми своими дѣлами въ городѣ, то онъ объявилъ женѣ, чтобъ она готовилась ѣхать съ нимъ на другой день обратно въ деревню. При мысли опять вернуться къ тому каторжному житью, которое было ей слишкомъ памятно, ее охватила такой порывъ отчаянія, что она храбро объявила своему мучителю отказъ ѣхать съ нимъ, прибавивъ, что если онъ потащитъ ее силою, то она будетъ кричать, призоветъ на помощь прохожихъ, полицію, и тогда найдутся люди, которые за нее вступятся и помогутъ ей отъ него освободиться. Л... сказалъ ей на это:

— Не такихъ еще, какъ ты, матушка, усмиряли,—захочу, такъ шелковая будешь, сама поѣдешь, а то хуже будетъ.

Однако тетушка осталась при своемъ и на другой день, на вопросъ Л..., надумалась ли она, повторила свой отказъ. Разсерженный Л... вышелъ изъ дома и отсутствовалъ до двухъ часовъ. Вернувшись, онъ объявилъ женѣ, чтобъ къ пяти часамъ она была готова, что онъ къ этому времени вернется, и бѣда ей, если она не поѣдетъ.

— Ты не знаешь, что я съ тобой сдѣлаю! Смотри же, будь готова, когда пріѣду.

Этими словами съ прибавленіемъ площадной брани, которой я не привожу изъ уваженія къ читателю, Л... закончилъ свою рѣчь и, сильно хлопнувъ дверью, пошелъ въ кабинетъ зятя, который возвратился домой ранѣе обыкновеннаго времени. Просовѣщавшись съ нимъ около получаса, онъ вышелъ изъ дома, а М...въ отправился къ тетушкѣ въ ея комнату. Его неожиданное посѣщеніе крайне изумило тетушку. М...въ держалъ себя все время въ сторонѣ, соблюдая полнѣйшій нейтралитетъ и относясь къ тетушкѣ холодно вѣжливо. Поэтому его появленіе у нея въ комнатѣ крайне ее удивило и даже встревожило. М...въ сталъ ей вкрадчивымъ голосомъ говорить, какъ ему непріятно, что вся ея распря съ му-

¹⁾ Вы его не знаете, вы не представляете себѣ, на что онъ способенъ. Уѣзжайте, предоставьте меня моей горькой судьбѣ. Если бы онъ зналъ, что вы находитесь здѣсь, онъ убилъ бы насъ обоихъ.

жемъ происходить у него въ домѣ, и сталъ ее спрашивать, нельзя ли какъ нибудь это дѣло уладить. Можетъ быть, она согласится добровольно уѣхать съ мужемъ, если этотъ послѣдній дастъ честное слово, что не станетъ ее болѣе притѣснять, что онъ самъ, М...въ, готовъ служить посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, но что онъ во что бы то ни стало желаетъ избѣжать скандала у себя въ домѣ. Видя однако, что тетушка не внемлетъ его льстивымъ уговариваніямъ, онъ замолчалъ, какъ бы задумался и затѣмъ, принявъ видъ человѣка, рѣшившагося на отчаянный поступокъ, онъ предложилъ тетушкѣ уѣхать немедленно въ домъ своего брата, говоря, что онъ велитъ ей запрячь городскія санки, что до пяти часовъ еще времени много, и она успѣетъ уѣхать до возвращенія Л..., но что взамѣнъ этой услуги онъ ее убѣдительно проситъ дать ему честное слово немедленно выѣхать изъ города въ имѣніе своего брата. Сперва тетушка колебалась, опасаясь принять столь неожиданное предложеніе, но потомъ, рѣшивъ, что во всякомъ случаѣ хуже не будетъ, а можетъ сдѣлаться гораздо лучше, дала свое согласіе. Пяти минутъ не прошло, какъ ужъ санки стояли у крыльца, и тетушка, сопутствуемая льстивыми пожеланіями М..., повторивъ ему требуемое обѣщаніе выѣхать въ тотъ же вечеръ, поѣхала въ городской домъ дяди, куда ее М...вскій рысакъ мигомъ доставилъ. По прибытіи въ домъ своего брата, тетушка немедленно приказала запереть ворота, не отворять ставней, никого во дворъ не пускать и послала за ямщикомъ Коровинымъ, который держалъ 20 троекъ вольныхъ лошадей и постоянно развозилъ желающихъ по всѣмъ трактамъ, направляющимся изъ города за 100 и болѣе верстъ.

Но пока все это происходило, пока происходили переговоры тетушки съ М...вымъ, пока она добралась до дома своего брата, пока принимались всѣ мѣры предосторожности противъ ожидаемаго вторженія въ домъ разъяреннаго бѣгствомъ жены Л....., пока ходили за ямщикомъ, и пока ямщикъ наконецъ пришелъ, было ужъ восемь часовъ вечера, и мятель, какая бываетъ только въ степныхъ губерніяхъ, разыгралась во-всю. Мело сверху, снизу, съ боковъ, крутило такъ, что ничего не стало видно, и Коровинъ наотрѣзъ отказался везти тетушку въ такую непогоду. Желая во что бы то ни стало исполнить слово, данное М...ву, тетушка старалась всѣми силами уломать упрямаго ямщика, но все было напрасно, и, волей-неволей, тетушка осталась ночевать въ городѣ.

На другой день къ вечеру дядя вернулся изъ города и привезъ съ собою ту, которую мы думали болѣе никогда не увидать. Бѣдная тетушка измѣнилась за эти три мѣсяца до неузнаваемости: на нее жалко было смотрѣть; только по прошествіи нѣсколькихъ дней она настолько успокоилась, что могла начать скорбное повѣствованіе объ испытаніяхъ, перенесенныхъ ею въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Такъ какъ характеръ Л.... достаточно обрисовался во всемъ пред-

шествующемъ, и перечень возмутительныхъ сценъ насилія и грубого издѣвательства ни одной типичной черты къ характеристикѣ этого человѣка не прибавить, то я здѣсь приводить ея рассказъ не стану, но одинъ вопросъ насъ постоянно занималъ, и никто не могъ его разрѣшить, это—почему М...въ такъ настойчиво требовалъ, чтобъ тетушка непременно выѣхала изъ города въ тотъ же вечеръ? Какое было ему до того дѣло, останется ли она ночевать въ городѣ или немедленно уѣдетъ? Только, спустя долгое время, загадка эта случайно была разгадана. Кучеръ Л..., будучи пьянъ, встрѣтился въ деревнѣ съ однимъ изъ дворовыхъ людей тетушки и рассказалъ ему, какъ они съ барининомъ на третьей недѣлѣ поста 1853 года чуть не замерзли въ семи верстахъ отъ Тамбова, гдѣ они простояли всю ночь, карауля барыню съ цѣлью перехватить ее на дорогѣ. Ларчикъ-то просто открывался: Л..., видя, что жена добровольно съ нимъ не поѣдетъ, а готова ему устроить скандалъ на весь городъ, съ другой стороны М...въ, боявшійся этого скандала, вслѣдствіе занимаемой имъ должности при губернаторѣ, вошли въ соглашеніе и рѣшили, что М...въ, подъ видомъ сочувствія, уговорить тетушку ѣхать въ домъ брата, но подъ непременнымъ условіемъ, что она въ тотъ же вечеръ уѣдетъ изъ города, а Л... съ своимъ кучеромъ и лакеемъ будутъ ее ждать на большой дорогѣ и увезутъ ее опять къ нему въ его имѣніе. Мятель, разыгравшаяся съ такою силою въ этотъ вечеръ, спасла тетушку отъ столь хитро задуманнаго плана, который долженъ былъ неминуемо опять отдать ее въ руки злодѣя. Мятель спасла ее отъ этой смертельной опасности.

Тетушка и мы съ моей матерью остались пока гостить у дяди. Вернуться къ себѣ въ имѣніе тетушка и помыслить не смѣла, поэтому было рѣшено, что осенью мы наймемъ квартиру въ Тамбовѣ, гдѣ жизнь представляла менѣе опасности для тетушки. Къ тому же времени дядя былъ избранъ въ губернскіе предводители, такъ что и онъ съ семействомъ переселялся тоже на зиму въ городъ.

Прошеніе, которое наконецъ тетушка подала губернатору, стараніями М... пролежало подъ сукномъ нѣсколько мѣсяцевъ, наконецъ слѣдствіе было поручено чиновнику особыхъ порученій при губернаторѣ, Н. П. Ч...ву.

Этотъ господинъ, большой пріятель М...ва и Л...а, такъ своеобразно повелъ порученное ему дознаніе, что Л... изъ него вышелъ бѣлѣе снѣга. Никакого насилія онъ ни надъ кѣмъ не учинялъ, никого на большой дорогѣ не останавливалъ, всѣ взведенныя на него обвиненія—сухая клевета, и такъ далѣе. Меня, напримѣръ, Ч...въ разспрашивалъ о случившемся съ такими ужимками, называя меня на смѣхъ «героемъ», до такой степени старался придать моимъ словамъ смѣшной смыслъ, такъ нагло надо

мною издѣвался, что я отказалась подъ конецъ ему отвѣчать. Съ моею матерью онъ велъ себя приличнѣе, но кончилъ тѣмъ, что объявилъ наши показанія не относящимися къ дѣлу. Результатъ подобнаго слѣдствія угадать не трудно. Дѣло было прекращено за полнѣйшей недоказанностью обвиненія, и Ч.... сталъ богаче на пять тысячъ рублей, перешедшихъ изъ Л....скаго въ его карманъ. Не правда ли интересная иллюстрація прежнихъ порядковъ?

Столь блистательно оправданный Л.... немедленно подалъ въ губернское правленіе прошеніе о высылкѣ ему этапнымъ порядкомъ жены, сбѣжавшей отъ него и скрывшейся у своего брата.

Тутъ началась судебная волокита, длившаяся нѣсколько лѣтъ. На прошеніе Л.... губернское правленіе распорядилось объявить тетушкѣ, чтобъ она ѣхала немедленно къ мужу, иначе съ нею будетъ поступлено «по закону». Мы ужъ переѣхали въ городъ, когда была получена эта грозная бумага изъ губернскаго правленія; можно себѣ представить ужасъ тетушки при ея прочтеніи. На ея счастье, чиновникъ, привезшій эту злополучную бумагу, поспѣшилъ ее успокоить, объяснивъ, что ей стоитъ только написать въ отвѣтъ, что она по болѣзни не можетъ выѣхать изъ города. Отвѣтъ ея не такъ скоро будетъ отправленъ къ ея мужу черезъ уѣздную полицію, такъ что мѣсяца три пройдетъ, пока получится новое распоряженіе губернскаго правленія, а тамъ что Богъ дастъ. Тетушка была такъ благодарна чиновнику за его добрый совѣтъ, что дала ему пять рублей; за это щедрое награжденіе онъ обѣщался постоянно слѣдить за ходомъ ея дѣла и заранѣе предупреждать ее о вновь получаемыхъ требованіяхъ со стороны ея мужа. Тетушка была вынуждена взять повѣреннаго, который и повелъ съ Л..... самую крючкотворную переписку. Это было время самаго разгара Крымской войны. Къ 1-му января 1855 года былъ назначенъ въ Тамбовъ новый губернаторъ на мѣсто Петра Алексѣевича Булгакова— Карлъ Карловичъ Данзасъ. Онъ отнесся весьма сочувственно къ тяжелому положенію тетушки, надъ которой, какъ Дамокловъ мечъ, висѣла угроза быть насильно водворенной на жительство къ мужу. Когда Л..... къ нему явился съ жалобой на бездѣйствіе губернскаго правленія, то онъ ему объявилъ, чтобъ онъ не смѣлъ тревожить жену, иначе онъ распорядится съ нимъ по своему. Но Л..... не унялся, а сталъ подавать прошенія въ судъ, жандармскому полковнику, всюду требуя высылки къ нему жены по этапу, на что, по закону, онъ имѣлъ полное право, но такъ какъ всѣ власти были на сторонѣ тетушки, то дѣло это тянулось до безконечности.

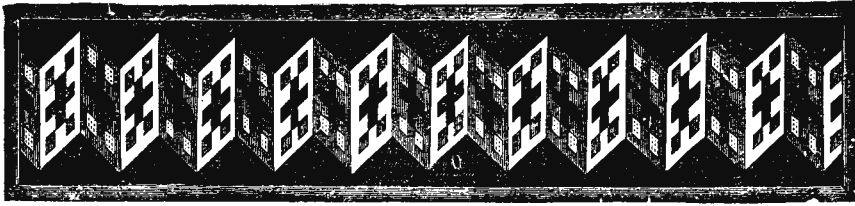
Въ февралѣ мѣсяцѣ всѣхъ, какъ громомъ, сразило извѣстіе о кончинѣ государя Николая Павловича. На панихидѣ, которую служилъ архіерей въ соборѣ, многіе плакали навзрыдъ, тяжелое было тогда время!

По воцареніи императора Александра II, тетушкѣ посовѣтовали подать на высочайшее имя прошеніе о томъ, чтобъ въ виду ея въ конецъ разстроеннаго здоровья и преклоннаго возраста ей было бы разрѣшено жить въ городѣ и болѣе не возвращаться къ мужу. Прошеніе это было подтверждено губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ и было отправлено въ августѣ 1855 года, и въ январѣ слѣдующаго года было получено сенатское распоряженіе о дозволеніи тетушкѣ жить отдѣльно отъ мужа, почему и выдать ей отдѣльный видъ на жительство, дѣло же ея съ мужемъ прекратить, объявивъ Л....., что если онъ впредь что либо предприметь противъ жены, то подвергнется за это отвѣтственности. Тѣмъ это дѣло и кончилось, а длилось оно четыре года.

Тетушка спокойно прожила 17 лѣтъ, не выѣзжая изъ Тамбова, гдѣ умерла въ 1883 году, и же могу только про себя сказать, что «въ чужомъ пиру приняла похмелье». Страшный испугъ, нервное потрясеніе отъ чувства негодованія, сильная простуда, какъ слѣдствіе тяжелаго путешествія въ мужицкихъ розвальняхъ, все это послужило началомъ мучительной нервной болѣзни, которою я страдаю до сихъ поръ.

М. Адамъ.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ НАРОДНЫЙ ПАРТИЗАНЪ НА РУСИ ВЪ ЭПОХУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ?

РАЗУМБЕТСЯ, Давыдовъ, — отвѣтилъ бы каждый, кому предложили бы подобный вопросъ. Всѣмъ, вѣдь, это извѣстно по преданіямъ и изъ исторіи. Графъ Толстой даже въ своемъ романѣ «Война и миръ» говоритъ о Давыдовѣ, какъ о первомъ народномъ русскомъ партизанѣ. Вообще говоря, почему-то въ обществѣ принято смѣшивать понятіе «партизаны» съ понятіемъ о народномъ ополченіи, между тѣмъ, какъ разница въ этомъ огромная. Партизанскіе отряды состоятъ исключительно изъ военнаго элемента и формируются по объявленіи высочайшаго манифеста. Они имѣютъ чисто военную организацію и характеръ дѣятельности ихъ—военный.

Народное же ополченіе въ эпоху отечественной войны состояло исключительно изъ народа и преимущественно изъ помѣщичьихъ крестьянъ, и первая мысль о народномъ ополченіи не могла возникнуть иначе, какъ въ помѣщичьей средѣ, состоявшей въ непосредственномъ соприкосновеніи съ народомъ, и потому передать эту мысль народу, воодушевить, наконецъ осуществить ее, могло лишь лицо изъ помѣщичьей среды, въ рукахъ котораго были и необходимы матеріальныя средства. Народному ополченію старались придавать военную организацію и дисциплину, при чемъ пользовались опытомъ оставшихъ офицеровъ изъ помѣщиковъ же. Разумѣется, дѣятельность подобнаго ополченія должна быть много слабѣе правильно организованныхъ военныхъ партизанскихъ отрядовъ. Все это и составляетъ различіе между понятіями «партизаны военные» и «партизаны народные», а связь между ними лишь та, что военная партизанская организація явилась лишь вслѣдствіе первой

мысли о народномъ ополченіи, какъ это и видно изъ записокъ Давыдова, а такъ же подтверждается хронологическими датами появленія идеи и начала партизанскихъ дѣйствій Давыдова. Давыдовъ, какъ воинъ, обладавшій достаточнымъ опытомъ въ то время и знаніемъ военнаго дѣла, сумѣлъ воспользоваться ввѣренными ему партизанскими отрядами. Своею неутомимою энергіей, широкою, доблестною дѣятельностью онъ сумѣлъ завоевать себѣ славу, пріобрѣсти извѣстность и занять долженствующее мѣсто въ исторіи отечественной войны. Вѣроятно, все это и послужило причиною того, что ему приписываютъ и первую мысль объ ополченіи. Не желая ничуть умалять доблесть Давыдова и значеніе его въ исторіи отечественной войны, тѣмъ не менѣе, по чувству справедливости, воздавая каждому должное, скажемъ, что было другое лицо, которому именно принадлежитъ первая мысль о народномъ ополченіи.

Минувшей осенью судьба занесла меня въ родовое имѣніе Станьково, принадлежащее фамиліи Лесли и находящееся въ Смоленской губерніи. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ отставному штабсъ-ротмистру Смоленскаго драгунскаго императора Александра III полка Николаю Александровичу Лесли. Въ его деревенской библіотекѣ оказалось много историческихъ источниковъ, а также весьма любопытный дневникъ его отца, Александра Александровича Лесли, который 27 лѣтъ ежедневно записывалъ текущія событія, и изъ котораго мы узнаемъ, что первая мысль о народномъ ополченіи и осуществленіе ея всецѣло принадлежитъ отцу его или дѣду нынѣшняго владѣльца имѣнія—Александру Дмитриевичу Лесли.

Оказывается, что первый народный партизанъ въ эпоху отечественной войны былъ не Давыдовъ, какъ это думаютъ всѣ, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, а Александръ Дмитриевичъ Лесли. Родился онъ въ 1781 году 25-го апрѣля. Служилъ въ Чугуевскомъ уланскомъ полку, сформированномъ отцемъ его Дмитриемъ Егоровичемъ¹⁾. Участвовалъ въ кампаніи 1799 и 1807 года. Былъ адъютантомъ у князя Голицына въ 1812 г. Женился въ 1810 году на вдовѣ князя Глѣбова-Стрѣшнева, урожденной Аннѣ Васильевнѣ княжнѣ Друцкой-Соколинской, и имѣлъ сына Александра. Вотъ краткія біографическія данныя, которыя мнѣ удалось выписать изъ обширнаго фоліанта.

Сообщаю выдержку изъ дневника Александра Александровича Лесли²⁾ за 1856 годъ, стр. 89 и 90.

«Когда кончили чтеніе, папенька рассказывалъ, какъ родилась мысль у него перваго объ ополченіи, какъ онъ приготавлиалъ

¹⁾ Дмитрій Егоровичъ, командовавшій при штурмѣ Измаила спѣшенной кавалерійской бригадой (Чугуевскій уланскій полкъ и казачій полкъ).

²⁾ Сынъ Александра Дмитриевича.

братьевъ Егора, Θεодора и Петра, пославъ въ разные мѣста: одного въ Капыровщину къ батюшкѣ просить благословенія, который даже самъ хотѣлъ итти въ ополченіе съ сыновьями, о чемъ въ исторіи Михайловскаго-Данилевскаго говорится; другого—въ Смоленскъ за покупкою и прочаго нужнаго для ополченія; третьяго—въ Озеренскъ къ Варварѣ Дмитріевнѣ ее увѣдомить о нашествіи враговъ и взять нѣсколько людей въ ополченіе. Паленька поѣхалъ къ губернскому предводителю Сергѣю Ивановичу Лесли, представилъ ему необходимость ополченія. Тотъ созвалъ, сколько можно было, дворянъ. Когда дворянство собралось, Оленинъ пустился въ длинное и глупое разсужденіе, какъ мы смѣемъ жертвовать жизнью другихъ и дѣлать ополченіе, забывъ о должной защитѣ отечества. Прохоръ Ивановичъ Булатовъ говорилъ: какъ давать людей, когда самый сѣнокосъ. Папенька ему сказалъ: «заготовляйте побольше для непріятеля». Такъ дѣйствительно и случилось черезъ нѣсколько дней. Петръ Клочковъ говорилъ: «я согласенъ на ополченіе, но только по моему плану». «По чьему угодно, но только поскорѣе надо собрать и вооружить». Много было подобныхъ глупыхъ возраженій, но очевидная нужда заставила большинство рѣшить собрать ополченіе. Кто-то сказалъ: «а гдѣ же братья Лесли? Они первые затѣяли ополченіе, ихъ надо выбрать въ офицеры, а здѣсь только Александръ Дмитріевичъ». Сергѣй Ивановичъ отвѣчалъ: «мы здѣсь еще толкуемъ, а они уже давно сражаются». Жара была чрезвычайная. Всѣ вышли изъ залы. На дворѣ разсуждали. Петръ Дмитріевичъ Воеводскій, бывший внучатый дядя папеньки, братъ Клавдіи Дмитріевны, былъ очень полонъ, снялъ съ себя даже мундиръ. Обратясь къ папенькѣ, говорилъ ему: «ты первый затѣйникъ всему этому, тебя перваго надо выбрать въ ополченіе». «Я уже самъ ополчился, и вотъ вамъ приказъ Винценгероде, который мнѣ велѣлъ состоять при немъ при особыхъ порученіяхъ». «Проворенъ братъ»,—возразилъ Воеводскій. Еще многое разсказывалъ папенька, какъ отъ мѣдника, своего крестьянина, дѣлавшаго козлы на винокурню, узнали о приближеніи французовъ и прочее. Иное у меня уже списано, а иное нѣтъ, а все очень интересно, и я давно просилъ папеньку описать эти достопамятные дни, но онъ говорилъ: «это интересно намъ, а другимъ нѣтъ дѣла». Я говорилъ: «такая важная эпоха интересна и малозначащими частными подробностями, особливо ежели пройдетъ много времени».

Достоверность сказаннаго въ дневникѣ, подтверждается въ «Исторіи отечественной войны 1812 г., составленной по достовернымъ источникамъ генералъ-майоромъ М. Богдановичемъ» (томъ II, глава VIII, стр. 49). М. Богдановичъ говоритъ: «Еще прежде воззванія государя объ ополченіи, находившіеся въ отставкѣ, смоленскіе дворяне, 4 родные братья Лесли, узнавъ о приближеніи непріятельскихъ войскъ къ границамъ, явились въ Смо-

ленскъ къ губернскому предводителю дворянства съ изъявленіемъ желанія жертвовать собой и всѣмъ своимъ достояніемъ для составленія ополченія въ защиту отечества. Губернскій предводитель, одобрявъ вызовъ братьевъ Лесли, созвалъ всѣхъ дворянъ для предложенія имъ сформированія общаго ополченія, и убѣдясь въ совершенной готовности ихъ выставить до 20 тысячъ и болѣе ратниковъ, отправилъ подполковника Энгельгардта въ Дриссу съ донесеніемъ на высочайшее имя о желаніи смоленскихъ дворянъ вооружиться противъ непріятеля. Императоръ Александръ, принявъ сей вызовъ за знакъ вѣрности и любви къ монарху и отечеству всегда отличавшагося ревностью къ службѣ смоленскаго дворянства, всемилостивѣйше изъявить изволилъ оному особенное свое благоволеніе, въ увѣренности, что все сіе въ скоромъ времени приведется въ исполненіе, и что въ снабженіи ратниковъ оружіемъ употреблено будетъ всякое стараніе и дѣятельность».

Далѣе говорится: «Небольшая часть ополченія, собранная братьями Лесли, находилась при войскахъ генераль-майора Оленина, составлявшихъ авангардъ генераль-адъютанта Винценгероде, при расположеніи его въ Смоленскѣ, до соединенія тамъ западныхъ армій. Въ продолженіе занятія непріятелемъ Смоленской губерніи и дальнѣйшаго его нашествія во всѣхъ уѣздахъ ведена была поселянами и гражданами народная война».

Объ этомъ такъ же упоминается въ «Исторіи города Смоленска, П. Никитина» (гл. V, стр. 278): «Невѣровскій стоялъ съ 27-й дивизіей въ городѣ Красномъ для наблюденія орпанской дороги. Къ нему примкнулъ Оленинъ съ небольшимъ отрядомъ изъ бывшихъ въ Смоленскѣ запасныхъ баталіоновъ. Къ этому отряду присоединились многіе добровольно вооруженные смоленскіе дворяне. Первые явились четверо братьевъ Лесли ¹⁾ съ письмомъ отъ престарѣлаго отца ²⁾ своего, въ которомъ онъ, несмотря на преклонность лѣтъ, изъявлялъ готовность въ случаѣ нужды итти вмѣстѣ съ своими сыновьями».

Время объявленія высочайшаго манифеста объ ополченіи точно указано у М. Богдановича въ его «Исторіи отечественной войны 1812 г.», т. I, стр. 176: «Императоръ Александръ,—пишетъ онъ,—передъ отъѣздомъ своимъ изъ арміи 6-го іюля отправилъ съ генераль-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ въ Москву воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи». Дата эта указываетъ на то, что дѣйствія ратниковъ, выставленныхъ братьями Лесли, начались въ періодъ наступленія французской арміи отъ Витебска къ Смоленску. Дѣйствія же партизановъ Давыдова, какъ намъ извѣстно, начались значительно позже.

¹⁾ Александръ, Егоръ, Петръ и двоюродный братъ Абрамъ Степановичъ (Дневникъ Александра Александровича Лесли 1854 г., стр. 291).

²⁾ Дмитрій Егоровичъ.

Къ сожалѣнію, о дѣйствіяхъ ратниковъ, предводимыхъ братьями Лесли, имѣется весьма мало свѣдѣній въ дневникѣ Александра Александровича, да и они отрывочны, неполны и представляютъ мало интереса съ точки зрѣнія исторической. Одинъ лишь записанный тамъ рассказъ крестьянина Ѳедора Зайца не лишень интереса и даетъ нѣкоторое понятіе о характерѣ дѣйствій народныхъ партизановъ.

Ѳедоръ Заяцъ былъ въ числѣ людей эскадрона, сформированнаго Александромъ Дмитріевичемъ Лесли. Сообщаю этотъ рассказъ такъ, какъ онъ записанъ въ дневникѣ, безъ измѣненія.

«Ѳедоръ Заяцъ рассказывалъ, какъ изъ всѣхъ имѣній дѣдушки Дмитрія Егоровича и его четырехъ сыновей было собрано 200 человекъ молодцовъ, и въ сборѣ отслужили молебень, и дѣдушка провожалъ. Они были, ополченцы, въ числѣ которыхъ и Ѳедоръ, вооружены всѣ очень длинными пиками и саблями. Было четыре мушкета кавалерійскихъ и нѣсколько пистолетовъ. Всѣ верхами на лошадахъ, и ходили они около Катыни, гдѣ господа поили ихъ горѣлкой, около Надвы, Рудни, Лядовъ, Орши и не дошли до Витебска пять верстъ, развѣзая по лѣсамъ и забирая мародеровъ. Онъ рассказывалъ, какъ эти бродяги придуть куданибудь въ деревню человекъ 10 или болѣе, или менѣе, грабить скотъ, или забирать хлѣбъ, какъ узнаемъ, отрядятъ насъ человекъ 40 или сколько нужно, мы обскачемъ ихъ, и какъ неприсяжные солдаты, то не острымъ концомъ, а тупымъ хорошенько хватимъ, то онъ бросаетъ ружье и кричитъ «пardonъ». Тогда у нихъ отберуть все оружіе и соберуть съ другими въ кучи и гонять плетями, какъ барановъ. Ни одного не убили, и какъ сдается, то уже не обижаютъ.

«Разъ, ночью, четыре француза забрались около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили, закричали имъ: «сдавайтесь», они закричали: «нонъ pardonъ!» и начали стрѣлять. Насъ было 40 человекъ. Намъ приказали отступитъ поодаль, и, окружа, стоять; они выстрѣляютъ патроны, тогда сдадутся. Такъ и сдѣлали. Они стрѣляли нѣсколько часовъ, а мы стояли, и они никого не ранили. Потомъ разомъ какъ крикнемъ «ура!» бросились, окружили; они сдались, закричавъ «пardonъ», и мы ихъ живьемъ взяли и отвели къ плѣннымъ, которыхъ понемногу, да много набрали за все время. При насъ были три киргиза, два калмыка и два татарина. Они уже знали, какъ надо развѣзды дѣлать и всѣ наши правила. Недалеко отъ Орши мы стояли у переправы черезъ Днѣпръ, вытянувшись по берегу, а французы на другомъ берегу высыпали много, очень много, навели пушки и начали палить. Григорій Дмитріевичъ, прехрабрый, за старшаго командовалъ. Егоръ Дмитріевичъ и Петръ Дмитріевичъ, такъ же храбрые, ничего не боятся, развѣзжаютъ передъ нами подъ выстрѣлами и кричатъ: «не робѣй, не бойся, не прячься, ребята!» а человекъ два слѣзли съ коней и на короточки

приѣли за задними ногами лошадей, а тѣ стоятъ на своемъ мѣстѣ и не пошевеливаются, а Абрамъ Степановичъ ужъ тотъ-то храбрый, выпьетъ горѣлки, во весь духъ на лошади несется, бранится на насъ и кричитъ. Насъ разставили въ одинъ рядъ, одинъ отъ другого сажени на три длиною растянули, и тутъ только и были мы все Леслевской вотчины впереди всей арміи, которая была верста на двадцать за нами. Непріятель стрѣлялъ ядрами, однѣ попадали въ берегъ, другія не долетали и падали въ воду, и много черезъ насъ и между пролетали, никого не ранило, только подъ Петромъ Дмитриевичемъ лошадь ранило въ ногу. Такъ они нѣсколько часовъ въ насъ палили, а мы сидѣли и никуда не подаемся. Они хотѣли переправиться, но побоялись насъ и отступили въ лѣсъ, а ежели бы мы оробѣли и стали отступать, то они, переправясь, насъ искрошили бы; ихъ было куда болѣе насъ, а какъ мы рѣдко стояли, то намъ ничего не сдѣлалось. На Спасовки заговляться намъ дали господа мяса, водки вдоволь, и мы стали варить да готовить. Намъ сказали: «французъ близко!» Мы хотѣли было ужъ бросить и сами не знали, какъ быть, да Григорій Дмитриевичъ и другіе господа сказали: «ѣшьте, поспѣете еще». Уже солнце всходило, а мы согрѣшили, постъ насталъ, а мы ѣли мясо и горѣлку пили. Потомъ поѣхали въ разѣзды и мнѣ извѣстныя мѣста около Велина, Катыни и Надвы по лѣсамъ все ѣздили, да французовъ ловили, а они, ходя по лѣсу, рубили сучья, да на деревьяхъ свои мѣтки клали. Когда отдѣльно безъ господъ, и каждый командовалъ отдѣльно своею частью, то за Григорія Дмитриевича командовалъ Парфенъ, который потомъ былъ у него приказчикомъ, дворовые были съ нами за унтеровъ, и мы были по частямъ, все разѣзжали днемъ и ночью, то въ разѣздахъ, то на пикетѣ, и строй ужъ дѣлали, какъ солдаты: когда посланъ, то не спи, да и сами остерегались, боясь попасть въ полонъ. Изъ всѣхъ въ разное время убито было 9 и ранило нѣсколькихъ, а изъ всѣхъ нашихъ теперь осталось въ живыхъ только я, да еще Андрей Варакса, лѣсничій въ Хруменкахъ, и Парфенъ, бывший Григорія Дмитриевича».

Федоръ Заяцъ умеръ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ и былъ лично извѣстенъ нынѣшнему владѣльцу имѣнія. До послѣднихъ дней своихъ онъ сохранялъ свѣжесть памяти и очень любилъ вспоминать и рассказывать событія отечественной войны, въ которыхъ онъ былъ участникомъ. Въ настоящее время въ имѣніи Станьковѣ, Николая Александровича Лесли, живутъ дѣти, внуки и правнуки этого историческаго воина.

Итакъ, первая мысль о народномъ ополченіи въ годину бѣдствій родилась у Александра Дмитриевича Лесли. Съ быстротою молніи охватила она всю Русь, и осуществленіе ея составляетъ гордость нашего отечества. Въ этомъ рельефно выразилась сила

духа и самобытность русской націи: Воплощеніемъ же этой великой мысли, въ полномъ смыслѣ этого слова, положенъ былъ предѣлъ дерзости врага. Этимъ довершено было пораженіе полумилліонной арміи Наполеона и полное истребленіе остатковъ ея. Торжество русской націи возсіяло передъ лицомъ всей Европы, а нынѣ, по справедливости, должна воскреснуть память Александра Дмитриевича Лесли. Онъ скромно доживалъ остатокъ дней въ тихомъ уединеніи своей вотчины, не помышляя о томъ, что имя его стяжаетъ себѣ навѣки славу національнаго героя.

Дмитрій Мясоѣдовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ДМИТРИЕВИЧЪ ЛЕСЛИ.

доз. ценз. 25 ноября 1903 г. спб.

ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ МОЕГО ДЯДИ.

ДЯДЯ мой происходилъ изъ духовнаго званія. Онъ родился въ селѣ Ивайловѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, гдѣ отецъ его былъ понамаремъ. Кромѣ дяди, у отца его было еще пять сыновей и двѣ дочери въ живыхъ, да съ дюжину умершихъ въ малолѣтствѣ. Онъ имѣлъ отъ прихода не болѣе 50 рублей ассигнаціями въ годъ; земли было немного и та плохая; сѣнокоса не хватало и для необходимой домашней скотины.

Старшаго сына, т.-е. дядю моего, отецъ научилъ читать и писать, но свезти его въ училище для дальнѣйшаго образованія не могъ, не имѣя рѣшительно средствъ одѣвать его, нанимать ему въ городѣ какуюнибудь квартиренку, платить за содержаніе. Поэтому отецъ свезъ его въ уѣздный городъ и отдалъ въ руки одного изъ дальнѣйшихъ родственниковъ, служившаго повытчикомъ (столоничальникомъ) въ одномъ изъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣсть. Повытчикъ этотъ былъ человекъ пьяный и весьма буйнаго характера. Съ стѣсненнымъ сердцемъ всегда вспоминалъ дядя о горькой участи своей подъ командою этого человека, несмотря на веселость, какую старался придавать своему разсказу. Тутъ онъ узналъ всю жалкую жизнь, какую вели тогдашніе подьячіе. Это было въ первые годы прошлаго столѣтія. Дома жена, дѣти, въ неоплаченномъ домѣ, полураздѣтые, голодные, а глава семейства, убоготворенный просителями, возвращается домой постоянно пьяный.

— Если я не погрязъ въ этомъ болотѣ, — говаривалъ дядя, — то спасла меня благодать Божіей Матери. Полуразвалившійся домъ моего повытчика былъ близъ часовни, въ которой находилась

мѣстнотчима якона Божіей Матери. Отецъ мой, при процаніи со мною, когда привезъ меня къ повытчику, повелъ меня въ часовню. Помолились мы Пречистой и со слезами на глазахъ онъ сказалъ: «Савва! чаще ходи сюда и крѣпко молись Небесной Заступницѣ. Она не покинетъ тебя». И я часто,—говаривалъ дядя,—молился тамъ, молился иногда долго, со слезами. У повытчика я былъ на посылкахъ; прислуги у него не было, такъ всюду я. Путь лежалъ мнѣ мимо часовни, и я никогда не пробѣгалъ мимо, не сдѣлавъ хоть нѣсколько поклоновъ, и всегда казалось мнѣ, что Заступница смотритъ на меня привѣтливо. Много было мнѣ соблазновъ къ худому, но Божія Матерь спасала меня. Патронъ мой нерѣдко посылалъ меня и въ кабакъ за водкой, посылалъ на добычу къ сосѣдямъ унести изъ-подъ куръ яицъ, натаскать въ огородѣ рѣдьки, нарвать огурцовъ и т. п. Водки я приносилъ, а воровать никогда не рѣшался, иногда выпрашивалъ что нибудь ради Христа и приносилъ своему патрону. Когда же приходилъ съ пустыми руками, то получалъ брань, подзатыльники, пощечины. У часовни цѣлый день сидѣлъ старецъ-послушникъ: онъ былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ, живымъ голосомъ Заступницы. Кто онъ былъ, откуда,—не знаю, иногда любонитствовалъ я знать о прежней его жизни, но онъ всегда отвѣчалъ только: «я изъ простыхъ». Не знаю, зналъ ли кто въ городѣ о его происхожденіи, знаю только, что весь городъ зналъ и чтилъ отца Антонія. Со всѣми былъ онъ одинаково привѣтливъ—и съ барамы, и съ простыми. Ко мнѣ онъ былъ очень радушенъ. Нерѣдко прикармливалъ меня калачиками, по праздникамъ давалъ пирога. Ему много присылали горожане всякихъ съѣстныхъ припасовъ, и онъ кормилъ многихъ голодныхъ. А главное для меня было то, что онъ подолгу бесѣдовалъ со мною: укрѣплялъ въ горѣ, наставлялъ на доброе, уговаривалъ никогда не дѣлать ничего худого, чаще молиться. «Ты теперь бѣденъ,—говаривалъ отецъ Антоній,—но со временемъ будешь бариномъ, и богатымъ; не забывай несчастныхъ: они братія нашего Спасителя». Признаюсь,—заключалъ всегда дядя,—если я человекъ, и если есть во мнѣ что либо хорошее, то первый виновникъ всего этого отецъ Антоній. Теперь живо припоминаю его бесѣды со мною и руководствуюсь его наставленіями. Не знаю, изъ простыхъ ли онъ или нѣтъ, только былъ глубокаго ума, обширной, разнообразной опытности. Лѣтъ пять прожилъ я у своего повытчика. Разъ отецъ Антоній спросилъ меня, какъ думаю я устроить свою жизнь.

— Не знаю,—отвѣчалъ я:—здѣсь худо, очень худо, а куда дѣваться, не знаю. Напрасно отецъ не подержалъ меня дома, тогда опредѣлилъ бы куда нибудь въ причетники, хоть бы въ домъ¹⁾.

¹⁾ Т.-е. съ тѣмъ, чтобъ жениться на дочери передающаго свое мѣсто.

— Никогда не жалуйся на судьбу, — отвѣчалъ Антоній: — сю полагаеть самъ Богъ. Отецъ привезъ тебя сюда, желая тебѣ добра. Поступилъ бы ты въ причетники и былъ бы вѣкъ дьячкомъ или понамаремъ, а теперъ будешь бариномъ, будешь жить въ довольствѣ, будешь въ почетѣ даже между барами, только будь честенъ, не гордись, не забывай нуждающихся, молись, — и Богъ благословить тебя. Я видѣлъ, какъ горько разставался съ тобой отецъ твой, какъ онъ крестилъ тебя, какъ благословлялъ, какъ взиралъ на образъ Пречистой; въ глазахъ его я видѣлъ молитву: «Заступница! спаси отъ бѣды». Въ одномъ изъ московскихъ монастырей строителемъ старый мой знакомый; не хочешь ли ты отправиться къ нему: онъ укажетъ тебѣ дорогу. Онъ человекъ добрый, умный: ввѣрься ему, какъ отцу.

Залился я слезами отъ счастья избавиться отъ тягостной жизни, какую велъ, и въ то же время мнѣ жаль стало разстаться со своимъ благодѣтелемъ, отцомъ Антоніемъ. Жаль было мнѣ скамеечки у часовни, гдѣ мы сиживали съ нимъ и бесѣдовали, гдѣ онъ открывалъ мнѣ жизнь просто, но съ глубокимъ знаніемъ; жаль было мнѣ коморки при часовнѣ, гдѣ Антоній проводилъ ночи и гдѣ часто кармливалъ меня.

Сборы мои были невелики: снабженный отъ отца Антонія письмомъ къ отцу строителю, немножко деньжонками и новыми сапогами, я съ котомкой за плечами отправился въ Москву. Отыскавъ монастырь, въ которомъ отецъ Варооломей былъ строителемъ, я боязливо вошелъ въ его келью. Не встрѣчая никого, я остановился въ прихожей, не смѣя двинуться съ мѣста. Былъ июль мѣсяцъ, день стоялъ жаркій; идя верстъ пять по раскаленнымъ улицамъ города, я утомился отъ жажды. Спусти съ полчаса, вошелъ въ прихожую служба. Узнавъ, что я пришелъ къ строителю, онъ повелъ меня въ садъ; тамъ подвелъ меня къ строителю, и, сказавъ: «къ тебѣ пришелъ», отошелъ въ сторону и началъ полоть гряды, чѣмъ занимался и строитель. Отецъ Варооломей былъ человекъ средняго роста, съ небольшою бородой, изрѣдка пробитой сѣдиною, одѣтъ, какъ самый простой монахъ въ домашнемъ быту. «Что тебѣ угодно?» спросилъ онъ меня. Услыша имя Антонія, взялъ у меня письмо, прочиталъ его и, обратясь къ служкѣ, сказалъ: «любезный братъ, Марко! приголубь этого юношу, я доплюю одинъ». Марко подошелъ ко мнѣ, снялъ съ меня котомку; «пойдемъ», сказалъ онъ, и я пошелъ за нимъ. Придя въ келью строителя, служба велѣлъ мнѣ сѣсть, а самъ развязалъ мою котомку, отрясъ отъ пыли все мое житье-бытье, уложилъ въ ящикъ въ столѣ. «Это твой», сказалъ онъ, — и повелъ меня въ баню. Натаскавъ холодной воды, онъ заставилъ меня вымыться, а между тѣмъ перетряхнулъ всю мою одежку, далъ чистое бѣлье и, когда я одѣлся, повелъ меня въ трапезу. Тамъ накормилъ меня, напоилъ свѣжимъ квасомъ. При-

ведя въ келью строителя, уложилъ меня спать. Богатырскимъ сномъ заснулъ я, ни одного видѣнія не видѣлъ я во снѣ, проснулся уже на другой день поздно. Всталъ я, одѣлся, но умыться не нашель: въ кельяхъ не было никого. Я заглянулъ въ садъ; строитель съ братомъ Марко опять работали въ саду, и оба что-то потихоньку пѣли. Я сталъ въ дверяхъ, не смѣя подойти къ нимъ. Скоро увидѣлъ меня Марко, оставилъ работу, подошелъ ко мнѣ: «что, братъ, проснулся? покойно ли уснулъ?»—«Очень покойно», отвѣчалъ я ему. Марко, войдя въ келью, указалъ мнѣ на висѣвшее на стѣнѣ полотенце: «твое, возьми и пойдемъ». Привелъ меня къ колодцу: «качай и умывайся». Я умылся. «Хочешь поѣсть?»—спросилъ меня Марко. Получивъ утвердительный отвѣтъ, повелъ меня въ трапезу, отрѣзалъ ломоть хлѣба и, приведя въ погребъ, далъ мнѣ крынку молока: «поѣшь, походи по монастырю, коли хочешь, а то приходи въ садъ поработать съ нами; послѣ трапезы можешь походить по городу, посмотришь», и съ этими словами ушелъ. Я поѣлъ и, помня наставленія отца Антонія: «молись чаще», пошелъ къ храму помолиться. Подойдя къ храму, я увидѣлъ, что дверь въ церковь не заперта; войдя въ церковь, осмотрѣлся и увидѣлъ на лѣвой сторонѣ въ углу престарѣлаго монаха, который молился, стоя на колѣняхъ. Я также палъ на колѣни и пролилъ горячія слезы благодарности. О будущемъ я не думалъ; я радъ былъ, что вырвался изъ рукъ понытчика, удалился отъ общества, въ которомъ жилъ. Помолясь, я подошелъ къ монаху, прося его благословенія, но онъ не былъ іеромонахомъ (священникомъ). Пошелъ я въ садъ къ строителю. «Поработай, любезный, съ нами», сказалъ строитель, и я принялся работать. Знакомый съ огороднымъ дѣломъ еще въ домѣ отца, я принялся за работу съ большимъ удовольствіемъ. Строитель и братъ Марко работали или молча, или потихоньку распѣвая духовныя пѣсни. Можно представить, какимъ чувствомъ преисполнилась душа моя: благоговѣйная тишина заступила мѣсто шума, нерѣдко брани срамными словами, благочестивыя лица вмѣсто пьяныхъ или не совсѣмъ протрезвившихся, священныя пѣсни вмѣсто разговоровъ о выпивкѣ въ трактирахъ и о разныхъ подвигахъ, ставящихъ человѣка ниже животнаго. Тутъ же запала мнѣ въ голову мысль пріютиться въ монастырѣ совсѣмъ и со временемъ постричься. Не помню, сколько времени проработали мы, ибо я такъ былъ доволенъ настоящимъ положеніемъ, что ни о чемъ не думалъ и не видалъ, какъ шло время. Ударили въ колоколъ, и мы пошли въ трапезу. Благоговѣйная тишина за трапезой, чтеніе житія святыхъ, все приводило меня въ умиленіе. Выходя изъ трапезы, Марко сказалъ мнѣ:

— Теперь братъ, хочешь, поди, усни или погуляй по городу, только къ восьми часамъ, къ вечерней трапезѣ, возвращайся, а то останешься голодный. Ты не монахъ, ты мірянинъ,—располагай собою, какъ хочешь.

Но я нѣсколько дней не выходилъ за монастырскія ворота, ходилъ въ церковь ко всякой службѣ, работалъ въ саду, и желанія обречь себя на монастырскую жизнь укоренялось во мнѣ глубже и глубже. Спустя нѣсколько дней, я переступилъ за порогъ монастырскій, походилъ по городу; все занимало меня, все удивляло— и красивыя зданія, и нарядные магазины, и бойкіе кони проѣзжающихъ, экипажи, наряды, все не чета нашему маленькому уѣздному городишкѣ. Когда я возвратился въ монастырь и, послѣ вечерней трапезы, легъ спать, то разныя грезы возмущали мой сонъ. Впрочемъ, съ мѣсяць я аккуратно ходилъ ко всеѣмъ службамъ, вставалъ рано, часто до заутрени, усердно работалъ въ саду и огородѣ строителя, но потомъ началъ прогуливать службы,—то въ саду проработаю заутреню, то въ городѣ прогуляю вечерню. Ни Марко, ни строитель не дѣлали мнѣ за это никакого замѣчанія, да они оба были вообще несловоохотливы. Пришелъ сентябрь мѣсяць, наѣхали семинаристы и помѣстились въ своей комнатѣ; ихъ было человѣкъ двадцать, были риторы, философы и богословы. Съ ними я началъ знакомиться, чаще и чаще начиналъ ходить къ нимъ разспрашивать о семинаріи, видѣлъ, чѣмъ они занимаются, чему учатся, разспрашивалъ, чему учились прежде, узналъ названія нѣкоторыхъ наукъ. Лучшею и полезнѣйшею показалась мнѣ ариметика, изученію которой я и предался съ юношескимъ жаромъ. Просилъ я философовъ и богослововъ учить меня алгебрѣ, геометріи, но скоро узналъ, что они и сами очень недалеки въ этихъ наукахъ. Они болѣе склоняли меня учиться латыни, но я не видѣлъ въ ней никакой пользы для себя. Любилъ я читать историческія книги, какія могъ доставать отъ семинаристовъ; познакомился съ географіей, узналъ, что есть другія государства, кромѣ Россіи; читывалъ ихъ сочиненія, особенно философовъ и богослововъ, всматривался, какъ они сочиняютъ. Прошло мѣсяца два, три, по ихъ пріѣздѣ, я болѣе и болѣе знакомился съ жизнью, бывалъ съ нѣкоторыми изъ семинаристовъ у ихъ знакомыхъ, лицъ духовныхъ и свѣтскихъ: нѣкоторые изъ семинаристовъ имѣли кондиціи (уроки въ частныхъ домахъ) и могли жить пороскошнѣе другихъ, поѣдали калачики, булочки, попивали чаекъ, а иногда появлялась и водочка. За семинаристами никто не смотрѣлъ; жили они на такъ называемомъ черномъ дворѣ монастырскомъ, гдѣ живутъ штатные (наемные служителя) при монастырѣ и нѣсколько посторонинхъ, нанимающихъ квартиры въ монастырскихъ зданіяхъ. Отъ монастыря семинаристы получали комнату, дрова и кислую капусту, обыкновенно сѣрую, да отъ себя строитель по временамъ присылалъ имъ кое-что изъ съѣстнаго. О прочемъ они должны были заботиться сами. Такъ провелъ я мѣсяца четыре или пять. Мысль о постриженіи стала приходить мнѣ въ голову рѣже и рѣже. Разъ строитель спросилъ меня, не хочу ли я заняться дѣломъ, и объявилъ мнѣ, что

намѣренъ возложить на меня письменную часть по монастырю, а также и по другимъ дѣламъ, на немъ лежащимъ, за что я буду имѣть особую комнату на свѣтскомъ дворѣ, довольствіе отъ монастырской трапезы и денежное вознагражденіе. Я очень обрадовался этому и принялся за дѣло очень ревностно. Строитель завѣдывалъ сверхъ своего монастыря еще двумя, и письменная часть по всѣмъ тремъ монастырямъ лежала на мнѣ. За это я получалъ отъ 15 до 25 рублей въ мѣсяцъ, что обеспечивало меня совершенно при готовой квартирѣ и столѣ, даже оставалось и на удовольствія. Строитель былъ изъ дворянъ, служилъ нѣсколько лѣтъ на гражданской службѣ, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и, зря житейское море, бурю воздвигаемое, удалился отъ свѣта въ одну изъ отдаленныхъ пустынь, откуда впоследствии и былъ вызванъ въ строители московскаго монастыря. Своею опытностью въ письменности, знаніемъ жизни онъ былъ мнѣ очень полезенъ. Я вполне убѣдился въ справедливомъ отзывѣ о немъ отца Антонія, что онъ человѣкъ умный.

Прошло такимъ образомъ года полтора; понаучился я отъ строителя, понаучился отъ семинаристовъ, поначитался изъ книгъ, какія могъ доставать. Въ одинъ изъ докладовъ моихъ, строитель, вдругъ перемѣнивъ тонъ, сказалъ:

— Вамъ (до тѣхъ поръ онъ говорилъ мнѣ всегда ты) пора подумать о государственной службѣ.

Не знаю почему, но я очень смутился такою перемѣною тона, замаялся, и въ нервномъ волненіи высказалъ ему бывшую у меня мысль постричься.

— Вамъ есть двадцать лѣтъ?—спросилъ онъ меня, устремивъ такой пронизательный взоръ на меня, какого я дотолѣ не видалъ у него.

— Нѣтъ еще,—отвѣчалъ я ему.

— Такъ рано вамъ давать такой обѣтъ.

Потомъ изложилъ мнѣ обязанности инока, подробно объяснилъ всю жизнь въ монастырѣ, мои наклонности, даже мои келейныя помышленія. «Ну, скажите, пожалуйста, что вы за монахъ?» убѣжденный въ томъ, что онъ со дня моего прихода къ нему не обращалъ на меня нисколько вниманія, я изумился, почему онъ такъ хорошо знаетъ меня. Отецъ Варооломей, угадавъ мое недоумѣніе, рассказалъ, какъ онъ слѣдилъ за мною, можно сказать, день и ночь, и, разговаривая со мною далѣе, выказалъ столько ума и добраго сердца, что я невольно всталъ передъ нимъ на колѣна и со слезами сказалъ:

— Отецъ Антоній, отпуская меня къ вамъ, сказалъ: «онъ человѣкъ добрый, умный, ввѣрься ему, какъ отцу».

— Постараюсь исполнить, сколько сумѣю,—отвѣчалъ мнѣ отецъ Варооломей и отечески обнялъ меня. — Поди остригись (я отростилъ было длинные волосы), одѣнься почище, я отвезу тебя къ секретарю консисторіи.

Привезъ онъ меня къ секретарю. Войдя въ небольшую переднюю, мы увидали нѣсколько лицъ разныхъ небогатыхъ званій: тутъ были и сельскіе священники, и дьяконы въ бѣдненькихъ рясахъ, и дьячки съ пучками волосъ на затылкѣ, и мѣщане, и крестьяне. Мы вошли въ приемную комнату, довольно просторную, по одной сторонѣ которой были окна, стоялъ чрезъ всю комнату, длинный широкій столъ, заваленный дѣлами, бумагами; секретарь сидѣлъ около стола на простомъ, обитомъ кожею стулѣ, съ перомъ въ рукахъ и съ длиннымъ чубукомъ въ зубахъ, читалъ бумагу; по одну сторону его стоялъ чиновникъ и быстро читалъ дѣло—одну бумагу за другою; по другую сторону его сидѣлъ молодой чиновникъ и писалъ подъ его диктовку. Въ сторонѣ, на кожаномъ диванѣ, сидѣлъ заслуженный священникъ и въ полголоса почтительно разговаривалъ съ сѣдымъ, но полнымъ и краснощекимымъ купцомъ. При входѣ отца Варооломея они встали и почтительно поклонились. Секретарь нисколько не перемѣнилъ своего положенія и продолжалъ свое занятіе, даже не взглянувъ на насъ. Строитель сѣлъ на диванъ, а я сталъ къ стѣнѣ. Минуть чрезъ двадцать секретарь, вдругъ обратясь къ чиновнику, стоявшему поодаль отъ него, отдавая бумаги, сказалъ: «скажи повытчику, чтобъ, поправивъ исправленное, отнесъ подписать присутствующимъ и нынѣ же велѣлъ отослать», надъ словомъ нынѣ сдѣлалъ удареніе. Потомъ онъ снялъ очки, положилъ ихъ на столъ, и, сказавъ бывшимъ около него чиновникамъ: «выкурите-ка по трубочкѣ», всталъ и прямо подошелъ къ отцу Варооломею. Онъ былъ лѣтъ подъ 50, съ полусѣдой головой, высокаго роста, мужественный; видно было, что природа щедро наградила его физическими силами, но тяжкіе труды оставили слѣды на крѣпкомъ его сложеніи. Очковъ онъ не носилъ, но не могъ читать безъ нихъ, ибо зрѣніе притупилось отъ непрерывнаго чтенія бумагъ. «Здравствуйте, ваше высокопреподобіе», сказалъ онъ отцу Варооломею и, подойди ко мнѣ, потрепалъ меня по плечу, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы: «это молодецъ, о которомъ вы говорили мнѣ?» спросилъ онъ отца Варооломея. Получивъ утвердительный отвѣтъ, продолжалъ: «малый, кажется, хорошій», и, обратясь къ одному изъ чиновниковъ, сказалъ: «Николай Васильевичъ, возьми его къ себѣ: онъ малый не глупый, а тебѣ нуженъ хорошій помощникъ». Обратясь олять ко мнѣ: «вотъ тебѣ повытчикъ, посмотришь, какъ будешь работать, такъ и деньженокъ положимъ. Вникай, братъ, въ дѣла хорошенько; знакомься съ указами. Будешь хорошъ у насъ,—вездѣ годишься. Въ другихъ мѣстахъ привыкнешъ только къ однимъ дѣламъ, а у насъ ко всему набьешь руку. У насъ и тяжebныя дѣла, и уголовныя, и слѣдственные, и всякаго рода встрѣчаются. Въ другомъ мѣстѣ просидишь лѣтъ пять, десять, привыкнешъ, какъ теленокъ, ходить по одной дорогѣ, все по бывшимъ примѣрамъ, а случись перемѣнить

мѣсто, и учишь снова, а у насъ поработаешь,—годишься въ любое мѣсто, по какой угодно части можешь пойти».

— За рыбку-то жена очень благодаритъ вашевысокопреподобіе,—сказаль онъ, вдругъ обратившись къ строителю:—славно сдѣлано; хорошій хозяинъ вашъ Федотій.

— А не нужно ли капустки или еще чего нибудь изъ огородаго?—спросилъ строитель.

— Не знаю, отецъ, спросите у жены, подите къ ней, она кстати и поблагодаритъ васъ за рыбку.

Строитель ушелъ въ другія комнаты, а секретарь обратился къ кушцу.

— Что, почтеннѣйшій, скоро ли на свадьбу-то позовешь?

— Отъ вашего высокоблагородія зависить,—отвѣчалъ купецъ съ низкимъ поклономъ.

— Позови и пріѣдемъ.

— Дайте разрѣшеніе, и тогда ударимъ челомъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало?

— Да въ повытѣ-то мѣшкаютъ.

— Почтеннѣйшій, подмажь: не мазаное колесо плохо ѣдетъ; скрипу много, а толку мало.

— Подмазывалъ, ваше высокоблагородіе.

— Подмазывалъ! красенькую далъ, подмазалъ! Дай двѣ бѣленькихъ, такъ дѣло-то закипитъ такъ, что твоя суженая не успѣетъ косы заплести хорошенько, какъ будетъ готово, а то протянемъ.

— А надолго?—вытянувъ лицо, спросилъ купецъ.—Вѣдь постъ скоро.

— Постъ скоро! и десять постовъ, а можетъ и двадцать пройдетъ,—не намъ жениться.

— Да какъ же это такъ?

— Какъ... Прежняго мужа ея будемъ отыскивать. Онъ пропалъ безъ вѣсти; надо отыскать его, а то тебя обвѣнчаютъ, а онъ явится.

— Да гдѣ же его взять? Его, вѣроятно, въ живыхъ нѣтъ.

— Да ты его похоронилъ? свидѣтельство отъ попа доставилъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ и будемъ отыскивать, будемъ писать туда-сюда, ожидать увѣдомленій, и пойдетъ годъ за годъ.

— А какъ не отыщете?—невольно вскричалъ купецъ.

— Да намъ онъ и не нуженъ. Развѣ мы хотимъ жениться на его женѣ? Намъ все равно,—живетъ ли она мужчиной женой, или вдовой, или ни дѣвка, ни вдова, ни мужнина жена, намъ только дѣло протянуть.

— Грѣхъ прижимать добрыхъ людей, — улыбаясь сказалъ купецъ.

— Единъ Богъ безъ грѣха, почтеннѣйшій. А взять съ тебя въ повытѣ двѣ бѣленькихъ—не великъ и грѣхъ. Слупить съ на-

шего брата рубль на рубль, да съ походцемъ, товарецъ дать похуже, да и въ томъ обмѣрить—не грѣхъ? А взять благодарность за женитьбу на хорошенькой бабенкѣ да на богатой — грѣхъ великій? Вѣдь къ тебѣ же въ лавку принесутъ, да еще съ процентами. Небось вальнень въ тыщенку, пожалуй, и въ двѣ: назовешь анараловъ, баръ разныхъ, а нашему брату подъячему за труды и полсотенки жалъ. Сотню, побольше, заплатишь однимъ офиціантамъ, а батькѣ, небось, дашь синенькую, много-много красенькую.

— Дадимъ побольше.

— Ты самъ посуди, почтениѣйшій: съ кого же и взять нашему брату, какъ не съ людей богатыхъ, да еще съ жениховъ. Вѣдь, не съ просвирни же тащить гривенникъ, когда у нея и у самой-то оловяннаго гроша за душой нѣтъ.

Между тѣмъ, купецъ втихомолку вынулъ пукъ ассигнацій и, вытащивъ изъ него одну, сунулъ ее въ руку секретарю.

— Что такое?

— Сѣренькая, пятидесятная.

— Ты, почтениѣйшій, удовлетвори повытѣ, а со мной увидимся послѣ.

— Я отправлюсь теперь,—сказалъ купецъ, положивъ обратно пукъ ассигнацій въ карманъ,—одну далъ, доложу еще четыре красенькихъ. Пожалуйста, прикажите поскорѣе.

— Ужъ они не забываются, только ты-то сдѣлай свое дѣло. Прощай, почтениѣйшій, до свиданія.

Секретарь обратился къ священнику, сказалъ отвѣтъ на его просьбу, просто, кротко, но ясно. Потомъ начали входить къ нему просители, находившіеся дотолѣ въ передней. Съ перваго раза меня поразила его необычайная память. Человѣкъ десять разныхъ званій выдвинулись изъ передней, и онъ о дѣлѣ каждаго говорилъ съ такою ясностью и полнотью, какъ будто читалъ по самымъ подробнымъ справкамъ. Нѣкоторые изъ просителей вручали ему посильныя приношенія, и онъ принималъ, какъ должно. Нѣкоторымъ наотрѣзъ отказывалъ въ ихъ просьбахъ, и даже на иного прикрикнетъ. Подошелъ къ нему съ большой сѣдой бородой дячекъ и, начавъ излагать свою просьбу, всунулъ ему что-то въ руку.

Посмотрѣвъ на всунутое, секретарь вскрикнулъ:

— Что это? полтинникъ! Да ты, старый хрычъ, небось, по копейкамъ собралъ въ долгъ: вѣдь къ тебѣ хоть какой искусный воръ заберись, гроша не утащить,—и, отдавая дячку обратно полтинникъ, добавилъ:—на, старикъ, размѣняй у старосты, да отдай, у кого позанялъ.

— Свой, ваше высокоблагородіе, скопилъ, ей-Богу, свой, ни у кого не занималъ.

— Тѣмъ лучше, пригодится ребягникамъ.

— Возьмите, ваше высокоблагородіе, отъ души принесъ.

— У тебя ребятъ много, не надо. Ты пѣшкомъ прибрелъ, или на кобыленкѣ приплелся?

— На кобыленкѣ, батюшка. Слишкомъ сто верстъ, далеко, а ноги становятся слабы.

— Гдѣ-жъ у тебя кобыленка?

— На постояломъ дворѣ. Дворникъ изъ нашего прихода, такъ позволяетъ лошаденку даромъ поставить.

— То-то, а то я тебѣ, кажется, говорилъ: коль пристать негдѣ, такъ прѣзжай ко мнѣ на дворъ, станови лошаденку; съѣсть свое сѣно, попроси у кучера.

— Ужъ и такъ вашею милостью довольны; благослови васъ Господь и дай Богъ счастья вашему семейству: утираете слезы намъ бѣднымъ. Кабы не ваша милость, пасти бы скотинку моимъ сыновьямъ, дочерямъ работать бы на мужиковъ; ваша милость и сыновей опредѣляете и дочерей пристраиваете.

— Жаль только, что все въ дѣячки, да въ дѣячки, поучить-то ихъ нѣтъ средствъ. Ужъ я просилъ, нельзя ли на казенный, да говорятъ: отецъ есть, можетъ прокормить. А что отецъ? Тринадцать штукъ на шеѣ, приходишко дрянной, землишки мало. Да сытый голоднаго не разумѣтъ: имъ тепло и сытно.

— Возьмите полтинничекъ, батюшка.

— Не надо, не надо, старикъ. А ты, когда прѣдешь опять, привези маленькій мѣшечекъ сушеной малины; въ вашей сторонѣ, у васъ, много ея.

— И теперь привезъ, батюшка, да не смѣлъ поднести.

— Отнеси, отнеси женѣ. Она за это велитъ поднести водочки тебѣ да щами покормить. Небось питаешься все своей домашней краюшкой?

— Нѣтъ, раза два дворникъ пригласилъ съ собой пообѣдать.

Впослѣдствіи, когда дядя былъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ, жилъ бариномъ, въ полномъ довольствіи, имѣлъ каменный домъ въ Москвѣ, лошадей, экипажи, кучу дворни, былъ въ чинахъ и занималъ видное мѣсто, онъ всегда вспоминалъ объ этомъ секретарѣ съ особеннымъ чувствомъ уваженія и благодарности.

Скоро,—разсказывалъ онъ,—Алексѣй Петровичъ полюбилъ меня. Повытчикъ посылалъ меня къ нему раза три съ дѣлами, онъ просматривалъ ихъ, заставлялъ меня читать ему эти дѣла, разспрашивалъ о ходѣ ихъ, заставлялъ писать, и когда я пришелъ къ нему въ четвертый разъ, сказалъ мнѣ: «ну-ка, братъ, что принесъ?» Я принесъ четыре дѣла. По его приказанію, я не только разсказалъ ему содержаніе каждаго, но подробно изложилъ ходъ каждаго особо.

— Да ты, братъ, молодецъ, да и славный молодецъ,—радостно вскричалъ Алексѣй Петровичъ.

Съ тѣхъ поръ я сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ. Не бывалъ у него только по тѣмъ днямъ, когда у меня скоплялось

много дѣла по монастырямъ, управляемымъ отцемъ Вареооломеемъ; ибо я, въ продолженіе всей службы моей въ консисторіи, завѣдывалъ и монастырскою письменностью. Получивъ отъ отца Вареооломея квартиру, столъ, порядочное денежное вознагражденіе, пользуясь хорошою частью изъ доходовъ повытья, я былъ съ излишествомъ обезпеченъ въ содержаніи, могъ помогать отцу, выдалъ замужъ сестру, опредѣлялъ въ училище и содержалъ двухъ братьевъ. Алексѣй Петровичъ велъ жизнь строгую, аккуратную, пышныхъ обѣдовъ и вечеровъ у него не было, но онъ былъ большой хлѣбосоль: кто пришелъ къ обѣду—обѣдай, къ чаю—пей чай. У него постоянно проживали вышедшіе изъ семинаріи и ожидавшіе мѣсть, человѣка по два, по три, и болѣе. Нашего брата, подъячаго, такъ же всегда человѣка два, три, бывало, сидитъ за столомъ; кто, бывало, пришелъ съ дѣлами, пробылъ до обѣда, то и хлѣбай щи, по его выраженію; пробылъ до часа, садись къ шипѣлкѣ (самовару) да грѣйся. Характера онъ былъ строгаго, горячаго: много, бывало, изъ нашего брата крѣпко ругнетъ; случалось, что и потасовку дастъ; но душой простѣйшій былъ человѣкъ. Къ просителямъ былъ всегда внимателенъ, кто бы они ни были. Всякій, во всякое время дня, могъ прійти къ нему: двери никогда не запирались; коли дома, никогда не скажутъ, что нѣтъ или занятъ; да и сказать было некому, въ передней толкались только просители. Вникалъ онъ въ положеніе каждаго изъ служащихъ, у всякаго бывалъ отцемъ посаженнымъ при женитьбѣ и воспріемникомъ при крещеніи дѣтей. Страсть имѣлъ одну—курить табакъ, къ чему и меня приучилъ; изъ удовольствій позволялъ себѣ только одно: въ лѣтнее время набереть, бывало, съѣстного, насажаетъ телѣги двѣ нашего брата, посадить семейство свое и выѣдетъ за городъ версты за три въ рощу при рѣкѣ. Тутъ и игры, и купанья, и чай. Часамъ къ одиннадцати домой. Жена была у него женщина умная и необыкновенной доброты.

— Живемъ, живемъ, Маша,—говаривалъ онъ часто ей,—а какъ-то придется умереть?

— Умремъ, какъ Богъ велитъ,—былъ всегдашній отвѣтъ.

Почти ежедневно бывая у него, я не всегда занимался съ нимъ дѣлами; по временамъ почитывали кое-что, разсуждали. Рѣдко, но вспоминалъ онъ о своемъ будущемъ: «вѣроятно,—говаривалъ онъ,—меня считаютъ богачемъ, но смерть покажетъ животы». И, дѣйствительно, человѣческая злоба, не пощадившая и Божественнаго Агнца, погубила и почтеннаго Алексѣя Петровича.

Кроткіе агнцы по виду, но кровожадные тигры въ сердцѣ, озлобились противъ него. За прямой его характеръ отставили его отъ службы, лѣтъ за пятнадцать, двадцать и болѣе начали требовать отъ него отчетовъ, предали суду, тянули разныя слѣдствія, время

отъ времени возобновляя новыя и новыя. Лишенный мѣста, въ продолженіе 12-ти лѣтъ не получая аттестата, терпя разныя мытарства, Алексѣй Петровичъ дошелъ до крайней нищеты, часто не имѣлъ на что купить сухого хлѣба для себя и семейства.

Послѣ семнадцатилѣтней службы въ С.-Петербургѣ я возвратился въ Москву уже въ чинахъ, выгодно женатый, имѣя обеспеченное состояніе и назначенный на почетное мѣсто. Помня хлѣбъ-соль Алексѣя Петровича, его доброе расположеніе, я освѣдомился, живъ ли онъ, и узналъ о бѣдственномъ его положеніи. Онъ жилъ еще въ своемъ домѣ; я поѣхалъ къ нему. Боже мой, что я встрѣтилъ при входѣ къ нему! Обвалившійся, запущенный домъ свидѣтельствовалъ о бѣдности владѣльца. Алексѣй Петровичъ съ семействомъ помѣщался въ прежней своей кухнѣ и въ комнатѣ за кухню, обитаемой прежде прислугой; дочери въ старыхъ холстинковыхъ платьяхъ; жена, этотъ бывший ангелъ хранитель всѣхъ неимущихъ, женщина рѣдкой красоты, высохла, посѣдѣла; самъ Алексѣй Петровичъ въ засаленномъ дырявомъ халатѣ, сгорбленный, съ бѣлорыжими волосами, полуслѣпой.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Алексѣй Петровичъ! Узнаете ли прежняго своего кліента?—сказалъ я, подойдя къ нему.

Онъ посмотрѣлъ на меня и, замѣтивъ на мнѣ знаки почетнаго члена, промолвилъ печально:

— Не узнаю, ваше высокородіе, а, можетъ быть, и превосходительство,—слѣпъ я сталъ.

Я назвалъ мою фамилію, невольно бросился къ нему на шею и зарыдалъ. Долго, долго мы держали другъ друга въ объятіяхъ.

— Вотъ и меня забли, братъ, да какъ!—сказалъ Алексѣй Петровичъ, и рассказалъ мнѣ о причинахъ возставшей противъ него злобы и о всѣхъ продѣлкахъ противъ него.

Неисповѣдимы, Господи, судьбы Твои! Если видишь, что левъ рветъ на части слабое животное, не удивляешься: того требуетъ кровожадная натура, на то онъ и левъ, отъ его рыканія и всѣ звѣри содрогаются. Но естественно ли видѣть кроткую овцу, вшившуюся въ сердце человѣческое и, какъ вампиръ, сосущую кровь его, мало того, наслаждающуюся своею кровожадностью?

— Эхъ, любезнѣйшій,—сказалъ Алексѣй Петровичъ,—если бъ не жаль было жены и дѣтей, далъ бы я знать имъ, особенно ихъ бѣлоголовому коноводу; затряслись бы у нихъ макушки.

Воспламеняясь болѣе и болѣе, Алексѣй Петровичъ вошелъ въ такой азартъ, что я испугался за него.

«Иами мя отъ врагъ моихъ, Боже, и отъ возстающихъ на мя избави мя»,—молились праведные: мы ли, грѣшные, осмѣлимся сказать, что устоимъ противъ людской злобы? Не устоятъ и Алексѣй Петровичъ: ослабшій тѣломъ и духомъ, онъ по временамъ

заговаривался. Я частенько навѣщалъ его. Начнетъ, бывало, разговаривать умно, дѣльно, о христіанскомъ терпѣніи, о любви къ врагамъ, но гнѣвъ къ палачамъ его мало-по-малу разовьется, и безсильный страдалецъ придетъ въ неистовство, не вытерпитъ и разразится потокомъ неприличной брани. Онъ упалъ до совершеннаго изнеможенія, и тѣлеснаго, и душевнаго, но все еще мечталъ вырваться изъ когтей своихъ мучителей и зажить попрежнему въ довольствѣ. Находясь уже на смертномъ одрѣ, онъ получилъ совершенно чистый аттестатъ объ увольненіи его отъ службы.

— Что взяли злодѣи?—съ восторгомъ сказалъ онъ мнѣ, когда я пріѣхалъ къ нему навѣстить его, уже едва дышащаго.— Посмотрите, не осмѣлились ни одного пятнышка сдѣлать въ аттестатѣ,— и потомъ просилъ меня содѣйствовать ему въ пріисканіи приличнаго мѣста.

Чтобы утѣшить умирающаго, я обѣщалъ употребить все мѣры, чтобы пріискать и доставить ему приличное мѣсто. Кротко потомъ заговорилъ онъ о врагахъ своихъ, признавалъ себя виновнымъ въ гордости, лѣни и другихъ грѣхахъ.

— Не тужи, Маша, вотъ выздоровлю, получу мѣсто и забудемъ прежнее горе,—сказалъ онъ женѣ, когда та подошла къ нему блѣдная, съ запекшимися слезами на глазахъ.

— Какъ вы думаете,—сказала она, обратясь ко мнѣ:—Алексѣй Петровичъ, кажется, скоро выздоровѣетъ?

— Да, болѣзни его недолго продолжатся,—отвѣчалъ я, понявъ ее вопросъ.

Алексѣй Петровичъ слабыми устами началъ читать разныя молитвы. Увидя подошедшихъ дочерей, сказалъ: «молитесь Богу, будьте честны», и съ этими словами началъ отходить въ чистую отставку.

Примиряетъ ли смерть всѣхъ людей, или хотѣли оправдаться въ собственныхъ глазахъ своихъ, не знаю, только много собралось на проводы Алексѣя Петровича изъ людей, враждовавшихъ противъ него; даже сачи мощный губитель прибылъ на отпѣваніе, сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ о добродѣтеляхъ покойнаго, обѣщалъ всевозможное покровительство женѣ и дѣтямъ; но Марья Сергѣевна не отвѣчала ему ни полслова.

— Къ чему они снаряжаютъ мужу моему богатыя похороны: уморили съ голода; къ чему мертвому пышность? Свезла бы я его на извозчикѣ, и дѣло съ концомъ. Люди забыли его, а Бога ничѣмъ не обманешь,—говорила она.

— Да, добрый человѣкъ былъ,—говаривалъ дядя.—Многимъ я обязанъ ему, да и сколькимъ онъ дѣлалъ добро!

Когда отецъ Варѣоломей назначенъ былъ настоятелемъ въ другую губернію, то я не хотѣлъ оставаться при письменныхъ за-

нятіяхъ по монастырямъ, находившимся дотолѣ въ его управленіи, ибо для каждаго монастыря назначенъ былъ попережнему особый настоятель, и, слѣдовательно, я долженъ былъ служить нѣсколькимъ начальникамъ. Объ этомъ я сказалъ отцу Варооломею, сказалъ ему и то, что я намѣренъ посвятить себя всего службѣ единственно въ консисторіи. Отецъ Варооломей поѣхалъ къ Алексѣю Петровичу и при мнѣ сказалъ ему о моемъ намѣреніи, прося его не оставить меня.

— Послушайте, отецъ архимандритъ, — сказалъ Алексѣй Петровичъ:—вы просите меня о немъ, а я попросилъ бы васъ о немъ же. Онъ человѣкъ способный; что можетъ онъ выслужить у насъ въ консисторіи? Самое лучшее, что подъ старость будетъ на моемъ мѣстѣ,—да еще будетъ ли? За что онъ убьетъ всю жизнь свою? Повытчикомъ, и тѣмъ скоро ли еще будетъ? Вѣдь у насъ мѣста эти опрастываются только смертью. Я люблю его, мнѣ жаль разстаться съ нимъ, да за что же его губить? Вы, отецъ архимандритъ, имѣете знакомыхъ и родныхъ въ Петербургѣ. Кабы туда его отправить: пускай поищетъ лучшаго счастья. На дорогу мы дадимъ ему сотняги по двѣ, и Богъ съ нимъ.

Не вытерпѣлъ я, и бросился въ ноги Алексѣю Петровичу, схватилъ его руку, расцѣловалъ ее. Доселѣ я былъ вполне доволенъ своимъ положеніемъ, но съ этой минуты оно опостылѣло мнѣ: служба въ Петербургѣ радужными цвѣтами заблестѣла въ моемъ воображеніи. Снабженный моими благодѣтелями и деньгами, и письмами, я отправился въ Петербургъ. Отецъ Варооломей ранѣе меня выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія, Алексѣй же Петровичъ проводилъ меня за заставу. Тогда не было еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни дилижансовъ, и я отправился на долгихъ.

— Прощай, любезнѣйшій,—сказалъ онъ мнѣ, обнимая въ послѣдній разъ,—будь счастливъ; если же не повезетъ и будетъ невтерпежъ, притаскивайся назадъ: щи, каша у меня есть; будемъ попережнему работать, а попытать не мѣшаетъ: ты еще молодъ.

Горько было разставаться съ отцомъ, когда онъ оставлялъ меня пьяному повытчику; не знаю, не горше ли были разставаться съ Алексѣемъ Петровичемъ. Впрочемъ, признаться сказать, я мечталъ быть сыномъ и Алексѣя Петровича: у него были дочери, изъ коихъ къ одной я сильно присматривался. Ну, да это грѣхи молодости.

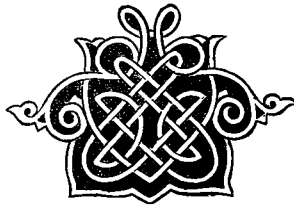
Поцѣловавъ меня еще разъ крѣпко, «прощай, Богъ съ тобой», сказалъ Алексѣй Петровичъ, быстро вскочилъ на дрожки и грозно крикнулъ: «пошелъ!» что означало всегда сильное его волненіе, ибо онъ имѣлъ обыкновеніе говорить кучеру, сѣвъ въ дрожки: «ну, съ Богомъ!» Печально смотрѣлъ я вслѣдъ ему и думалъ: вотъ оглянется Алексѣй Петровичъ, и я поклонюсь ему до земли. Напрасное ожиданіе: бойкая пара быстро унесла его изъ глазъ

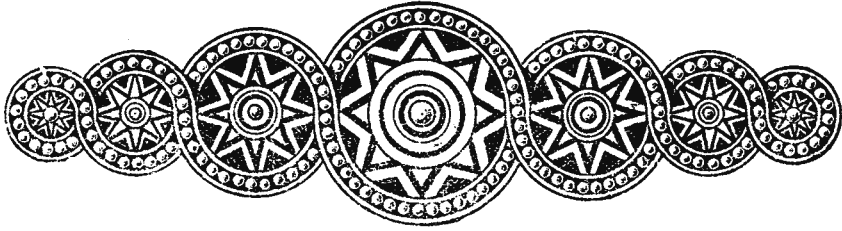
моихъ. Я помолился, посмотрѣлъ на златыя маковки церквей, еще помолился, сѣлъ въ свою кибитченку и легкой рысдой потрясся по бревенчатой дорогѣ,—шоссе тогда еще не было.

Много было со мною въ Петербургѣ и хорошаго, и худого, со многими лицами сталкивала меня судьба, но другого Алексѣя Петровича я не встрѣчалъ: самъ ли я охладѣлъ съ лѣтами, или тамъ люди такіе холодные, не знаю; только ни къ кому я не привязывался такъ, какъ былъ привязанъ къ Алексѣю Петровичу.

Вотъ все, что могу я припомнить изъ разсказовъ дяди.

А. Смирновъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРОШЛОМЪ.

ОГДА я поступилъ на службу «Русскаго общества пароходства и торговли», дѣла этого новаго учрежденія находились въ очень плачевномъ состояніи. Акціи общества съ 300 рублей упали на половину и не находили себѣ покупателей. Огромная конкуренція со стороны австрійскаго «Ллойда», «Messagerie Impériale», англо-греческой компаніи, турецкаго пароходства—тормозила всѣ наши операціи на Востокѣ. Страхование пароходовъ производилось въ Марсели и поглощало огромныя суммы. Одинъ изъ учредителей, энергичный морякъ, получилъ назначеніе на государственную службу, другой совсѣмъ не былъ знакомъ съ морскимъ дѣломъ; капитаны дѣлали, что хотѣли: вышелъ, напримѣръ, пароходъ изъ Одессы крымскимъ рейсомъ, отошелъ миль десять и сталъ на якорь отстаиваться со всѣми пассажирами и грузомъ, пока вѣтеръ притихнетъ, а то, пожалуй, въ Евпаторіи неудобно будетъ сообщаться съ берегомъ.

Идетъ пароходъ александрійскимъ рейсомъ и встрѣчается въ Бейрутѣ съ обратнымъ пароходомъ.

— Ну, что? Какъ погода дальше?

— Плохо,—говорятъ,—волненіе.

— Ну, такъ долой Кайфу и Яффу, идемъ прямо въ Александрію.

И завозятъ грузы и пассажировъ, которымъ Богъ знаетъ когда удастся попасть на мѣсто. Одинъ разъ шли мы въ Лондонъ. Капитаномъ былъ старый, заслуженный штурманъ, но страшный трусъ. Прошли С.-Винцентъ и подвигаемся вдоль Португаліи; свѣжо и качаетъ, но пароходъ хорошо держится.

— А что,—говорить мнѣ капитанъ,—какъ будто винтъ постукиваетъ, надо осмотрѣться: зайдёмъ-ка въ Лиссабонъ.

— Свѣжо,—говорю,—лоцманъ не влѣдетъ.

— Ничего, я и самъ войду, я бывалъ здѣсь.

Надо замѣтить, что входъ въ Таго одинъ изъ самыхъ трудныхъ, и обязательно надо брать лоцмана. И лоцманъ выѣхалъ чуть не съ опасностью жизни и ввелъ насъ въ рѣку. Тутъ пошли празднества; русскимъ консуломъ былъ милѣйшій шведъ Лаксманъ, которому очень хотѣлось сдѣлаться поставщикомъ винъ для богатаго одесскаго погребя, только что заведеннаго Н. А. Новосельскимъ; вотъ и началъ онъ подносить намъ пробы дѣйствительно восхитительныхъ португальскихъ винъ, о которыхъ въ Россіи не имѣли никакого понятія; потомъ бои быковъ, пикники, прогулки въ Белемъ (загородная резиденція короля), да такъ и прожупировали пять дней. А море, какъ зеркало, и мы давно уже могли быть въ каналѣ.

Такимъ же образомъ зашли мы и въ Алжиръ на другомъ пароходѣ; объявили гроха *di fortuna*, насыпавъ въ льяло зерна, чтобъ видно было, что помпы качаютъ воду съ зерномъ, составившимъ пароходный грузъ. Повеселились, съѣздили въ Константину и пошли дальше.

Въ Лондонѣ дѣлались невѣроятныя вещи. Одному капитану вздумалось передѣлать почти весь пароходъ; даже асфальтъ, которымъ былъ залитъ трюмъ, былъ отбитъ и замѣненъ новымъ. И послѣ такой египетской работы не успѣлъ пароходъ вступить въ Бискайскій заливъ, какъ разорвало одинъ изъ цилиндровъ. Другой, безъ всякой надобности, выбросилъ на берегъ рубку 1-го класса и поставилъ новую; надо замѣтить, что это былъ транспортъ. Всѣхъ подобныхъ безобразій и перечестъ нельзя.

Коммерческимъ нашимъ агентомъ былъ домъ Smith, Sundius и С°, но фактически все грузовое дѣло находилось въ рукахъ нѣкоего Робинзона, владѣльца пароходнаго предиріятія того же имени, и сбывшаго намъ нѣсколько ненужныхъ ему пароходовъ за хорошую цѣну. Разумѣется, Робинзонъ лучшіе фрахты оставлялъ для своихъ пароходовъ, а намъ давалъ только невыгодные. Я помню одну очень комичную сцену, которая, однако, едва не окончилась печальнымъ образомъ. Капитаномъ моимъ былъ славянинъ С. Х. Лазаровичъ, бывший австрійскій подданный и командиръ одного изъ лучшихъ ллойдскихъ пароходовъ «*Aquila Imperiale*» — отличный морякъ и дока по коммерческой части; не зная англійскаго языка, онъ просилъ меня сопровождать его по дѣламъ службы; и вотъ, однажды, раздраженный несправедливымъ назначеніемъ намъ груза, онъ отправился со мною въ контору Робинзона «разводить». Выслушавъ переданную мною претензію капитана, Робинзонъ презрительно отвѣчалъ, что мы должны быть довольны и такимъ

грузомъ, а то, пожалуй, онъ оставитъ насъ и совѣтъ безъ фрахта. Тогда Лазаровичъ пришелъ въ неистовый азартъ, бросившись съ сжатыми кулаками къ самому носу Робинзона (Лазаровичъ былъ красавецъ и великанъ); задыхающимся голосомъ онъ произнесъ на ломаномъ русскомъ языкѣ слѣдующую тираду, которую я записалъ латинскими буквами: «*Pomiloujte! ja ne mogou... ja ne privic... Nicagda!.. Cogda ja boul w companii Llojda i drougich commertcheskych... Eto podlost, chto wi mene dajete grous sa Havrou, sa Anvers... Wi grousite mene sa Syre, Smyrne, Pireo, Cochtantino-poli...*», и при этомъ энергически ругнулъ Робинзона на смѣшеніи разныхъ языковъ, въ родѣ *bruta vacca* и *gloupa stava*, такъ что Робинзонъ послалъ за полименомъ, и бѣдному Семену Христофоровичу пришлось бы сидѣть въ кутузкѣ, но Робинзонъ опомнился и счелъ невыгоднымъ ссориться съ обществомъ, которое онъ обиралъ, а потому дѣло обошлось *à l'amiable*, и, кромѣ того, намъ-таки дали грузъ за Сирѣ, Змірнѣ и проч. Вообще Лазаровичъ былъ славный и лихой капитанъ и добрый человѣкъ, хотя и жестоко надоѣдалъ мнѣ практической астрономіей. Бывало, только что разоспишься послѣ ночной вахты, какъ въ люкъ раздается громовый голосъ:

— Каптанъ Степановичъ!¹⁾

— Заповѣдайте!—кричу спросонья.

— Сунце! ма Богама престо!

Значитъ, надо летѣть съ секстаномъ и брать высоту солнца.

Не могу, кстати, не упомянуть о совершенно невозможномъ языкѣ, на которомъ объяснялись всѣ эти хорваты и далматинцы, которыхъ тогда было множество на службѣ общества: русскій, сербскій, итальянскій, нѣмецкій и греческій языки, перемѣшанные вмѣстѣ, составляли рѣчь этихъ «капитановъ», которая иногда, а въ особенности въ серьезныя минуты, бывала причиной крупныхъ недоразумѣній между славянами и русской командой. Тотъ же Лазаровичъ, говоря со мной о множествѣ крысъ, расплодившихся на пароходѣ, обѣщаль по приходѣ «за Лондру» потребовать «одного одъ этихъ, которые имутъ крысовъ за воротникъ и кладутъ въ мѣшокъ цѣлыми фамиліями». Впослѣдствіи онъ исполнилъ свое обѣщаніе, и какой-то англичанинъ, съ мѣдными бляхами на груди, таскалъ изъ трюма крысъ дѣйствительно цѣлыми фамиліями.

Какъ я уже сказалъ, тогдашняя служба въ обществѣ была легка и пріятна, особенно для насъ, флотской молодежи, служившей очень усердно и немучимой угрызениями совѣсти за халатность и своеволие. Мы составляли привилегированную часть судового офицерства, тогда какъ обязанности болѣе «черныя» лежали на славунахъ и вольныхъ штурманахъ, возившихся съ грузами,

¹⁾ Славяне любятъ называть своихъ пріятелей по отчеству.

манифестами, деклараціями и грузовыми списками, хотя и между вольными штурманами были люди высокообразованные и порядочные, изъ которыхъ одинъ, мой сослуживецъ, и теперь занимаетъ важный постъ по управленію обществомъ. И надо правду сказать, если дѣла общества шли вообще изъ рукъ вонъ плохо, то публика, особенно на Востокѣ, все-таки очень любила плавать на нашихъ пароходахъ, гдѣ все было: «gentleman line». Составлялись знакомства, очень пріятныя и продолжительныя; съ особеннымъ удовольствіемъ я вспоминаю о моемъ знакомствѣ съ семействомъ Бальтаджи, извѣстнаго богача и банкира; это было прелестное семейство: madame Бальтаджи — полуангличанка, полулевантинка, пользовалась большой популярностью на Востокѣ, а дочь ея, мать столь несчастной впоследствии баронессы Вечера, была поистинѣ очаровательная дѣвушка и притомъ замѣчательная пѣвица. И никогда не забыть мнѣ тѣхъ чудныхъ вечеровъ на Средиземномъ морѣ, когда нашъ роскошный «Олегу», въ глубокой темнотѣ и при мертвомъ штилѣ, мчитя по 12 узловъ; на палубѣ тишина; воздухъ насыщенъ ароматомъ апельсиновъ и банановъ, а изъ ярко освѣщенной рубки льются звуки «un solo istante i palpiti»...

Возвращеніе въ Одессу и кратковременная тамъ стоянка до слѣдующаго рейса были тоже очень пріятны, хотя работать приходилось очень много. Приведеніе парохода въ порядокъ и бѣготня по мастерскимъ наполняли цѣлый день; за то, когда приходилось заходить въ главную контору, — а это случалось почти каждый день, — можно было провести часть-другой очень пріятно. Какой только народъ тамъ не встрѣчался! Служащихъ было такое множество, что я только диву давался, что они тамъ дѣлаютъ. Отставные кавалергарды, инженеры всѣхъ наименованій, моряки, негодіанты, иностранцы всѣхъ націй, — все это было набрано радушнымъ Н. А. Новосельскимъ, который, какъ говорили, даже нанялъ на Бульварѣ огромный домъ графа Порро и поселилъ въ немъ своихъ пріятелей съ ихъ семействами. Особенно было оживленно и многочисленно морское отдѣленіе, и не только никто тамъ ничего не дѣлалъ, но я такъ и вышелъ изъ общества, не узнавъ, при какихъ должностяхъ состояли нѣкоторыя лица, какъ, напримеръ, баронъ У. Ш. Б., получившій названіе форшнейдера. Поднимаясь по лѣстницѣ въ морское отдѣленіе, всегда можно было найти цѣлый клубъ, засѣдавшій на диванчикахъ по угламъ площадки; предсѣдателемъ этого собранія былъ С. С. Громека, редакторъ «Листка Р. О. П. и Т.». Шумъ стоялъ невообразимый въ густомъ туманѣ табачнаго дыма: рассказывались нескончаемые случаи изъ плаваній, анекдоты, остроты; говорились экспромты въ стихахъ, разбирались инициалы «Р. О. П. и Т.»: кто говорилъ, что это значитъ—русское общество плохо торгуетъ; другой—ропитъ

(ропотъ); третій—разбойники, обманщики, плуты и торгаши. Въ одномъ углу кипятится съ пѣной у рта Н. Н. Куз. Кор., раненый севастополецъ, по временамъ впадавшій въ изступленіе (говорили даже, что у него небо черное, какъ у змѣи). Въ другомъ ораторствуетъ Mister Massey, главный механикъ, офранцузившійся англичанинъ. Слышится: «La ministration me fait des misères! Oh cette ministration! (administration). Steam boats «Bolton» and «Crayton» ne marchent plus!»¹⁾ Тутъ же объятія съ возвратившимися изъ рейса; чтеніе выдержекъ изъ «Колокола» и «Полярной Звѣзды»... Постоишь и подумаешь: ей-Богу, бедламъ! но все-таки очень весело.

Внизу, въ коммерческомъ отдѣленіи, то же самое: у кассы вертѣлась цѣлая толпа чающихъ получить впередъ жалованье. Кассиръ, общій любимецъ и балагуръ М. О. Сѣмашко, былъ душой этого клуба. Здѣсь разматривались привозимыя со всѣхъ концовъ Европы фотографическія карточки разныхъ знаменитостей женскаго пола и подносимыя на память «козливѣйшему сластолюбцу»; тутъ же разбирались по ниточкѣ оперные спектакли и шли горячіе споры о примадоннахъ Борси и Альтери; воздухъ былъ насыщенъ приятностями русской рѣчи. И тутъ же, подъ шумъ разговоровъ, извѣстныя дѣльцы, относившіеся съ чисто скептическимъ равнодушіемъ ко всему этому гаму, тихо и скромно, но настойчиво обдѣлывали свои дѣлишки и покупали за безцѣнокъ акціи, предвидя въ своей мудрой прозорливости, что не дастъ же «казна» погибнуть такъ дорого стоящему ей учрежденію, и что придетъ же когда нибудь «бука»...

Говоря о всей этой суетлохѣ и безтолковщинѣ, отрадно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даже совѣстно вспоминать о незабвенномъ управляющемъ конторой А. Е. В. ²⁾. Этотъ истинный аристократъ, высокопросвѣщенный дѣятель, боевой офицеръ и безконечно добрый и благородный человекъ, казался какимъ-то грустнымъ диссонансомъ въ общемъ тонѣ. Конечно, онъ сознавалъ невозможность дисциплинировать «cette ministration», да и твердой власти не имѣлъ, находясь подъ давленіемъ невидимаго, чуть ли не миѣческаго, «правленія» и другихъ обстоятельствъ... Пишущій эти воспоминанія имѣлъ высокую честь и счастье пользоваться его расположеніемъ и руководствомъ, смотрѣлъ на него, какъ на нѣчто идеально прекрасное, и порадовался въ душѣ, когда его призвали къ болѣе плодотворной дѣятельности. Онъ жилъ тоже въ домѣ Порро, и его интимные вечера оставили во мнѣ едва ли не лучшія воспоминанія моей молодости. Черезъ него я познакомился съ просвѣщеннѣйшими людьми, какъ князь Г. В. Львовъ и его прелестная жена, Варрандъ, графъ Е. А. Канкринъ и его зять, графъ

¹⁾ «Болтунъ» и «Крикунъ»—бухсирные пароходы.

²⁾ Давно уже занимающемъ высокій государственный постъ.

Симоничъ. Изящный тонъ, просвѣщенные разговоры, великолѣпная музыка, производили неизъяснимое обаяніе на меня, нервнаго и впечатлительнаго юношу. Тутъ-то баронъ У. Ш. Б. артистически разрѣзывалъ, держа на вилкѣ, жаренаго индюка, такъ что оставался одинъ скелеть, и за это искусство присвоено ему названіе форшнейдера.

Не послѣднее мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ занимаетъ эпизодъ моего знакомства съ А. И. Герценомъ. Въ одинъ изъ моихъ лондонскихъ рейсовъ, поклонники А. И. поручили мнѣ отвезти ему въ подарокъ водки и гречневой крупы. Признаюсь, что мнѣ и самому страшно хотѣлось увидѣть это тогдашнее свѣтило, предметъ восторженнаго поклоненія русской молодежи. И вотъ я, перевезя съ большимъ трудомъ эту провизію на берегъ, отправился разыскивать Герцена. Жилъ онъ въ очень отдаленной мѣстности—Фульгэмъ, куда даже омнибусы не доходили, такъ что я вынужденъ былъ нанять фіакръ; но и кэбменъ, привезя меня куда-то на окраину города, бросилъ и уѣхалъ, сказавъ, что никакого Паркъ-Гауза не знаетъ. Взявъ въ руки свою крупу и водку, я пошелъ наудачу, надѣясь встрѣтить гдѣ нибудь полицмена, и тутъ случился со мной досадный, но смѣшной эпизодъ: вмѣсто полицмена я встрѣтилъ какого-то подгуляващаго рабочаго и, сунувъ ему въ руку шиллингъ, просилъ его указать мнѣ Fulham и Park-House. Ошибка моя заключалась въ томъ, что я, желая поддѣлаться подъ говоръ простаго народа, слишкомъ растянута сказалъ Park-House. Веселый Бобъ объяснилъ мнѣ, что это и есть самый Фульгэмъ, а относительно Паркъ-Гауза, подмигивая мнѣ, сказалъ: «I'll show you the place, sir». При этомъ онъ взялъ мою ношу и повелъ меня по разнымъ закоулкамъ. Минутъ черезъ десять мы пришли къ какому-то зданію, повидимому, къ колбасной фабрикѣ, и молодець, указывая мнѣ на свинной хлѣвъ, торжественно провозгласилъ: «It's pook House, sir! Itank you, sir! Very much obliged, sir!» послѣ чего положилъ мою ношу на землю и ушелъ; тогда я понялъ, что парень насмѣялся надъ моимъ произношеніемъ и вмѣсто Паркъ-Гауза привелъ меня въ Поркъ-Гаузъ. Къ моему удовольствію показался, наконецъ, полицманъ и узнавъ, что я нищу Герцена, проводилъ меня къ нему. Глазамъ моимъ представилась высокая стѣна и глухія ворота съ очень маленькимъ отверстіемъ, задѣланнымъ рѣшеткой и задвинутымъ изнутри ставнемъ. На мой звонокъ ставень отодвинулся, и въ окнѣ показалась фигура, которая суровымъ тономъ спросила меня, что мнѣ нужно. Я просунулъ въ рѣшетку письмо Громеки и просилъ отдать его Герцену. Минутъ черезъ пять ворота отворились и, пропустивъ меня, опять закрылись. Въ parlour'ѣ меня встрѣтилъ самъ хозяинъ, небольшого роста, коренастый, съ просѣдью, какъ двѣ капли воды похожій на знаменитаго нѣкогда одесскаго ресто-

ратора и владѣльца перваго въ мірѣ оркестріона А. Θ. Алексѣева, съ той только наружной разницею, что Алексѣевъ смотрѣлъ ярославскимъ мужичкомъ, а въ Герценѣ поражало необыкновенное изящество. Я былъ принятъ самымъ сердечнымъ и радушнымъ образомъ и немедленно представленъ наличнымъ членамъ семейства, которое составляли: сожитель Герцена—Огаревъ, необыкновенно красивый мужчина съ прекрасными грустными глазами и темной окладистой бородой, и двѣ дочери А. И., Наталья Александровна—уже взрослая дѣвица, и Ольга—прелестная дѣвочка, лѣтъ 12-ти. Сына Герцена не было въ Лондонѣ. Любезный хозяинъ поспѣшилъ мнѣ объяснить цѣль и значеніе окошечка и предосторожностей при приемѣ посѣтителей. «Меня,—сказалъ онъ,—окружаетъ цѣлая стая поляковъ, которые осаждаютъ меня разными просьбами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ловятъ русскихъ, посѣщающихъ меня, и пугаютъ ихъ немедленнымъ доносомъ въ русское посольство, выманивая этимъ у нихъ деньги, поэтому мой Феликсъ устроилъ маленькое оконце, чтобы видѣть всякаго, кто пытается войти сюда. Я душевно радъ, что вы никого не встрѣтили, но будьте осторожныѣ; надо было предупредить меня письмомъ». Черезъ нѣсколько минутъ я совершенно освоился, меня оставили обѣдать, при чемъ, однако, водку первымъ пилъ я. А. И. много спрашивалъ о Громекѣ и другихъ своихъ пріятеляхъ, которыхъ никогда не видѣлъ въ глаза, но ни одного слова не промолвилъ о политикѣ и дѣлахъ въ Россіи. Впослѣдствіи, онъ признался мнѣ, что хотѣлъ узнать, не принадлежу ли и я къ тѣмъ многочисленнымъ соотечественникамъ, которые посѣщаютъ его только съ цѣлью выпытать отъ него какія нибудь политическія мнѣнія, которыя потомъ распространяютъ по Россіи съ безопаднымъ враньемъ. «Такихъ господъ,—сказалъ онъ,—я уже въ другой разъ не принимаю; у Феликса отличная память». Прощаясь со мной, А. И. любезно извинился, что не отдастъ мнѣ визита, такъ какъ появленіе его на пароходѣ могло бы компрометировать меня передъ посольствомъ, которому извѣстенъ каждый шагъ. На другой день я, по приглашенію Герцена, опять обѣдалъ у него, причемъ онъ познакомилъ меня съ Мадзини и Луи Бланомъ, и я мѣлъ отъ восторга въ обществѣ этихъ, какъ мнѣ тогда показалось, великихъ людей. Послѣ обѣда, когда гости ушли, и я сталъ тоже собираться, А. И. предложилъ мнѣ итти вмѣстѣ въ городъ, гдѣ ему хотѣлось найти газету, сообщавшую подробности объ ужасномъ крушеніи два дня тому назадъ огромнаго парохода «Royal-Charter», везшаго изъ Австраліи золото. Мы прошли пѣшкомъ все огромное разстояніе отъ Фульгэма до Вестъ-Энда, и много говорили. Я чистосердечно признался А. И., что я очень плохой политикъ и свято чту память обожаемаго мною государя Николая Павловича, а потому прошу его не говорить мнѣ ничего такого, что могло бы бросить

тѣнь на эту дорогую мнѣ память; моя юношеская откровенность очень тронула А. И., и онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, давъ слово щадить мои чувства. На Реджентъ-Стритъ онъ поднялъ воротникъ пальто и надвинулъ на глаза свою широкополую шляпу, предупредивъ меня, что не слѣдуетъ говорить по-русски, въ моихъ же интересахъ, такъ какъ мѣсто очень бойкое. Мы вошли въ одну кофейню и вмѣстѣ прочитали разсказъ объ ужасной гибели бѣднаго «Royal-Charter»'а, послѣ чего разстались.

Я часто бывалъ у А. И. и каждый разъ уходилъ очарованный любезностью всѣхъ его домашнихъ; время незамѣтно проходило въ этомъ миломъ семействѣ; даже вѣчно грустный и молчаливый Огаревъ иногда читалъ мнѣ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній; какъ теперь помню его прекрасные «Монологи», гдѣ онъ съ пафосомъ восклицалъ:

Чего желать?.. О! такъ желаній много,
 Такъ выходу ихъ нуженъ путь,
 Что, кажется, ихъ внутренней тревогой
 Сожжется мозгъ и разорвется грудь!

А. И. Герценъ былъ неутомимый разсказчикъ и замѣчательный юмористъ; когда онъ что нибудь разсказывалъ, онъ, какъ Горбуновъ, всей своей фигурой и голосомъ, старался воспроизвести именно то лицо, о которомъ говорилъ. Вотъ одинъ изъ его необыкновенно мастерскихъ разсказовъ. Во время пребыванія государя Николая Павловича въ Римѣ, когда онъ написалъ въ базиликѣ Петра: «былъ, думалъ и молился о матушкѣ Россіи», онъ однажды, осматривая ватиканскія сокровища, проходилъ по галлерей, у каждой двери которой стоялъ часовой, Государь шелъ своей величественной, столь знакомой современникамъ походкой, нѣсколько раскачивая руками и низко опустивъ голову. Вѣроятно, онъ глубоко задумался, такъ какъ, когда одинъ изъ солдатъ отдалъ ему ружьемъ честь, онъ машинально проговорилъ: «Здорово».

— Здравія желаю, ваше императорское величество!

— Ты кто такой? — въ изумленіи спросилъ государь, поднявъ голову, но не останавливаясь.

— Русскій, ваше императорское величество.

— Какъ сюда попалъ?

— Бѣглый, ваше императорское величество.

— Мерзавецъ! — произнесъ тѣмъ же тономъ государь, къ удивленію ничего, конечно, не понявшихъ кардиналовъ и къ удовольствію дезертира, услышавшаго на чужбинѣ родное слово.

На прощанье А. И. подарилъ мнѣ всѣ свои сочиненія и изданія Трюбнера съ надписями, изъ-за которыхъ я едва не попался, по возвращеніи въ Одессу, гдѣ А. Г. Строгоновъ самымъ безпощаднымъ образомъ преслѣдовалъ за ввозъ въ Россію запрещенныхъ

книгъ. Къ счастью, я былъ во-время предупрежденъ и успѣлъ истребить ихъ.

Вообще лучшія мои воспоминанія о плаваніяхъ на пароходахъ общества относятся къ Англій, которую я имѣлъ возможность изъѣздить вдоль и поперекъ; съ особеннымъ удовольствіемъ я вспоминаю о sea side и именно Рамсгэтѣ, гдѣ я гостилъ у князей Львовыхъ. Въ это время пароходъ стоялъ въ Дерптфордскомъ докѣ, и я былъ совершенно свободенъ на цѣлый мѣсяць, почему и воспользовался любезнымъ приглашеніемъ князя Георгія Владимировича и очаровательной княгини, проводившихъ тамъ купальный сезонъ. Въ это время мнѣ неожиданно пришлось фигурировать въ судѣ въ качествѣ свидѣтеля, и я не могу не рассказать здѣсь объ этомъ эпизодѣ, познакомившемъ меня съ оригинальнымъ англійскимъ судопроизводствомъ.

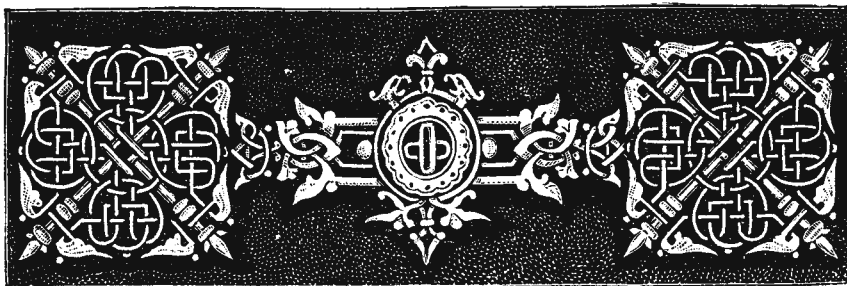
Князь Львовъ, отправляясь съ семействомъ изъ Одессы въ Англію, взялъ съ собою, по просьбѣ С. С. Громеки, нѣкогого Брандта, бѣдняка-нѣмца, проживавшаго изъ милости у Громеки, въ родѣ няньки въ его огромномъ семействѣ. Было условлено, что Брандтъ будетъ исполнять тѣ же обязанности при Львовыхъ бесплатно, а по прибытіи въ Англію послѣдніе отправятъ его въ Гамбургъ на свой счетъ. Во все время плаванія Брандтъ показывалъ необыкновенное усердіе и доброту къ дѣвочкѣ Львовыхъ, и княгиня получила къ нему полное довѣріе. Но приходѣ въ Лондонъ, въ ожиданіи переѣзда на морской берегъ, Львовы поселились на Кавендишъ-скверѣ, и Брандтъ просилъ позволенія остаться при нихъ до ихъ отъѣзда. Однажды Львовы куда-то отлучились, оставивъ дѣвочку съ Брандтомъ, и, возвращаясь домой, увидѣли, что дитя свѣсилось изъ окна второго этажа. Не помня себя отъ ужаса, княгиня взбѣжала по лѣстницѣ, схватила дѣвочку и только тогда замѣтила, что Брандта въ комнатѣ нѣтъ. Конечно, по возвращеніи нѣмца, княгиня сдѣлала ему строгое замѣчаніе, которое старикъ принялъ съ видимою покорностью и извиненіями; но въ тотъ же вечеръ пошелъ въ ближайшій кабачекъ зашить свое горе пивомъ и тамъ познакомился съ уличнымъ адвокатомъ, результатомъ чего было полученіе княземъ Львовымъ повѣстки изъ суда на такое-то число, съ приложеніемъ копии искового прошенія Брандта; въ этомъ прошеніи послѣдній объяснялъ, что онъ никогда не былъ въ услуженіи у Львовыхъ, а оказывалъ имъ нѣкоторыя услуги добровольно, изъ личнаго уваженія къ этому семейству; но если княгиня признала за собой право дѣлать ему выговоры, какъ профессиональному слугѣ, то онъ считаетъ себя таковымъ, а потому проситъ присудить князя Львова къ уплатѣ ему жалованья со дня выхода изъ Одессы по день событія, по существующимъ въ Лондонѣ цѣнамъ для прислуги. Возмущенный такимъ нахальствомъ и, какъ юристъ, желая, кстати, познакомиться съ англійскимъ процессомъ на практикѣ, князь при-

няли вызовъ и явился въ Guild Hall отвѣтчикомъ, пригласивъ одного изъ лучшихъ рекомендованныхъ адвокатовъ — Гаррисона, а меня и нѣсколько другихъ лицъ свидѣтелями; не ожидая, однако, дня разбирательства, семейство Львовыхъ перѣхало въ Рамсгэтъ, и оттуда уже Г. В. явился на судоговореніе. Помню я огромный залъ Гильдголля съ колоссальными нестрыми статуями Гога и Магога, изъ котораго нѣсколько дверей вели въ разныя судебныя камеры. Тутъ подошелъ къ князю Львову его адвокатъ и представилъ своего solicitor'a, т.-е. помощника, котораго обязанность, по словамъ Гаррисона, заключалась въ подыскиваніи законовъ и справокъ для своего патрона, и, въ крайнемъ случаѣ — болѣзни или устраненія — замѣнѣ. Скоро насъ ввели въ камеру, устроенную амфитеатромъ, внизу котораго помѣстили стороны, а на возвышеніяхъ заняли мѣсто судьи и адвокаты, всѣ въ тогахъ и парикахъ, свидѣтели и множество публики, очень грязной и пьяной. Насъ, свидѣтелей, привели къ присягѣ, и разбирательство началось. Никогда не представлялъ я себѣ ничего болѣе безобразнаго: пьяные крики и остроты заглушаютъ объясненія сторонъ; ежеминутно раздаются хохотъ, особенно при умышленномъ коверканіи русскихъ именъ, какъ, наиримѣръ: mister... mister... well, I do'n know... (Chronicle, I believe (Громека). Допросъ свидѣтелей и cross examination, столь у насъ пристойный, — какая-то дикая травля, сопровождаемая чуть не ругательствами. Черезъ пять минутъ стало очевиднымъ, что въ этой карикатурѣ на судъ никакой правды добиться нельзя, и что адвокаты сговорились (можетъ быть, и съ судьями) обобрать русскаго аристократа, потому что что же взять съ бѣдняка Брандта? И вотъ Гаррисонъ внезапно вскочилъ съ мѣста и исчезъ, поднявъ облако пыли своей развѣвающейся мантией и оставивъ дѣло на попеченіе своего солиситора, который буквально не умѣлъ выговорить слова, чѣмъ возбудилъ гомерическій хохотъ въ толпѣ, привѣтствовавшей «новое свѣтило адвокатуры». Дѣло кончилось, конечно, не въ пользу князя Львова. Впослѣдствіи, служа 19 лѣтъ по судебному вѣдомству, какъ часто вспоминалъ я объ этомъ опереточномъ судѣ!

Этимъ эпизодомъ заканчиваю мои воспоминанія о веселомъ времени моей службы въ обществѣ. Скоро я распростился съ нимъ, а черезъ годъ явился «бука», подтянулъ все и завелъ новые порядки.

В. С. Акимовъ.

КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

МЪМБЯ НАША жила въ Варшавѣ, гдѣ отецъ мой, Дмитрій Васильевичъ Блаватскій, былъ въ то время мало-значащимъ чиновникомъ въ канцеляріи князя Паскевича-Эриванскаго. Приѣхали мои родители въ 1830 году, сейчасъ послѣ взятія Варшавы, передъ этимъ только что обвѣнчавшись. Мы всѣ, девять человѣкъ дѣтей, родились въ Варшавѣ, такъ какъ наши родители всю жизнь здѣсь и прожили. Старшій мой братъ, Эрастъ, котораго я, къ сожалѣнію, никогда не знала (мы съ сестрой Наташей были самыя младшія, родившіяся послѣ смерти Эраста), былъ лѣтъ семи, когда вся Варшава ожидала прибытія Николая I. Все чистилось и украшалось, чтобы зоркіе глаза нашего царя-сокола не омрачились хотя минутнымъ неудовольствіемъ. Мой маленькій братъ все это видѣлъ, слышалъ, кто приѣдетъ, и, видно, въ своей дѣтской головкѣ тоже рѣшилъ приготовиться къ царскому приѣзду. Любимецъ родителей, какъ старшій сынъ, онъ былъ ихъ баловень, и ему почти ни въ чемъ не отказывали. Любя все относящееся къ военнымъ упражненіямъ, онъ упросилъ мать подарить ему большихъ деревянныхъ солдатъ въ его ростъ и устроить на террасѣ нашего дома карауль, будку, козлы для ружей и все прочее, что необходимо для настоящей караульни. Жили мы въ одной изъ лучшихъ частей города, въ Аллеяхъ Уяздовскихъ, гдѣ большею частію построены прелестныя дачи. Въ концѣ Аллей начинался Ботаническій садъ, за-

тѣмъ Лазенки и дворецъ, гдѣ всегда останавливался государь. Домикъ нашъ былъ небольшой, по лѣвой сторонѣ Аллей, вблизи отъ Александровской площади, съ круглымъ фронтономъ, въ два этажа, въ саду. Онъ имѣлъ особенный видъ, такъ какъ весь фронтонъ былъ занятъ полукруглой большой террасой, обнесенной желѣзной невысокой рѣшеткой, посрединѣ которой была большая статуя во весь ростъ Божіей Матери, со сложенными руками и молящимъ взоромъ, какъ будто просящимъ у Бога благословенія на нашу семью. Живя долго въ Варшавѣ, я часто, уже взрослой женщиной, проходила мимо этого дома, и невольно мой взоръ долго останавливался на правомъ углу милой террасы, уютномъ уголкѣ всѣхъ забавъ моего брата, и затѣмъ переходилъ на статую и воскрешалъ въ моей памяти все давно минувшее.

На этой-то террасѣ и былъ устроенъ брату такъ горячо просимый караулъ, а приглашенный фельдфебель, изъ близъ стоящаго полка, ежедневно обучалъ брата всѣмъ приѣмамъ: какъ вызывать караулъ для высшаго начальства, какъ бить тревогу, зорю и встрѣчу государю.

Все это братъ изучилъ хорошо, и это была его лучшая забава— командовать своими деревянными солдатиками и съ ними бесѣдовать.

Въ день прибытія Николая Павловича онъ все суетился, бѣгалъ по террасѣ и не спускалъ глазъ съ Аллей. День былъ лѣтній, чудный, солнечный, тихій, съ легкимъ ласкающимъ теплымъ вѣтеркомъ.

И вотъ вдали, справа, показалась коляска и за ней скачущіе линейцы.

А въ это время на краю террасы стоялъ худенькій мальчикъ, весь превратившійся въ зрѣніе, и звонкимъ дѣтскимъ голоскомъ вызывалъ для царя караулъ и барабанилъ умѣло, хорошо, встрѣчу государю.

Коляска поравнялась съ нашимъ домомъ, и тутъ сидѣвшій въ ней государь съ Паскевичемъ услышали и этотъ голосокъ, и барабанную встрѣчу.

Николай Павловичъ повернулъ голову и, проѣзжая, все смотрѣлъ на смѣлаго малютку и его привѣтъ.

Не прошло и часу, какъ къ нашему дому подъѣхала коляска, и изъ нея выскочилъ офицеръ. Это былъ посланный царя.

Николай I прислалъ своего флигель-адъютанта за мальчикомъ, который въ это время, исполнивши свое завѣтное желаніе, тихохонько сидѣлъ на террасѣ въ уголкѣ. Отецъ его былъ на службѣ; мать, занятая хозяйствомъ, и не знала, что произошло на террасѣ. Можно себя вообразить удивленіе матери, когда ей сказали, что ее желаетъ видѣть посланный отъ государя, его адъютантъ. Перепуганная, недоумѣвающая, со страхомъ во взорѣ, вышла къ своему неожиданному посѣтителю моя бѣдная матушка. Я вѣрю, что есть

въ жизни минуты, которыя перерождаютъ человѣка въ одно мгновеніе и оставляютъ неизгладимый слѣдъ на всю послѣдующую жизнь. Мать моя почувствовала это, когда очутилась передъ посланнымъ могучаго царя. Изъ разсказа адъютанта она узнала о поступкѣ Эраста и съ тревогой ждала окончанія разсказа и объясненія причины пріѣзда. Узнавъ, что Николай Павловичъ велѣлъ привезти мальчика къ себѣ, она такъ была поражена, тѣмъ болѣе, что приказаніе нужно было исполнить мгновенно, что совѣмъ растерялась, такъ что флигель-адъютантъ долженъ былъ нѣсколько разъ просить ее успокоиться и одѣть брата. Мать моя должна была съ ними ѣхать во дворецъ. Позвали брата и сообщили о желаніи государя. Онъ нисколько не смугился и совѣмъ радостный побѣждалъ надѣть свое лучшее платье, которое состояло изъ голубенькой шелковой рубашки, отдѣланной золотымъ шнурочкомъ, голубыхъ шароваръ и высокихъ новенькихъ сапогъ. Мать тоже скоро пріодѣлась въ лучшее платье, и всѣ втроемъ сѣли въ коляску и поѣхали во дворецъ.

Въ пріемной, куда они вошли, адъютантъ просилъ мать присѣсть и обождать, а самъ взялъ брата за руку и повелъ въ кабинетъ государя, около котораго находился Паскевичъ.

Когда адъютантъ подвелъ брата къ Николаю Павловичу, государь взялъ его за руку, поставилъ у себя между колѣнъ и спросилъ: кто его выучилъ военнымъ пріемамъ? сколько ему лѣтъ? самъ ли онъ придумалъ сдѣлать ему встрѣчу или его научили? кто его отецъ и гдѣ служить? На что братъ отвѣтилъ довольно толково, а на послѣдніе два вопроса сказалъ, что онъ самъ готовился къ встрѣчѣ государя раньше, все выучивши у фельдфебеля, и ждалъ его пріѣзда все утро на террасѣ, слыша отъ отца о пріѣздѣ государя въ Варшаву, и что отецъ чиновникъ и служить у него, сказалъ онъ, показывая на Паскевича ручкой.

Тогда государь сказалъ: «ты, видно, хорошій мальчикъ, скажи твоему отцу, что я прикажу тебя записать въ списки Пажескаго корпуса, куда ты будешь принятъ нажемъ. Клянися твоимъ родителямъ отъ меня».

Братъ въ неописуемомъ восторгѣ вернулся къ матери, въ сопровожденіи того же флигель-адъютанта, который передалъ ей милостивыя слова государя и разъяснилъ, сколькихъ лѣтъ и когда нужно будетъ привезти въ Петербургъ въ Пажескій корпусъ брата. Мать вернулась домой, а затѣмъ и отецъ.

Не прошло и четверти сутокъ, а столько перемѣнъ, и какихъ перемѣнъ! У неизвѣстнаго маленькаго чиновника, живущаго на свое жалованье съ женой и тремя (тогда) дѣтьми, и вдругъ столь великая царская милость, и отъ царя, передъ которымъ все трепетало!

Маленькій мальчикъ, присутствуя часто при разсказахъ отца о государѣ, проникся самъ благоговѣйнымъ чувствомъ и высказалъ его въ своей дѣтской затѣѣ, нашелъ путь къ сердцу царя, и Николай Павловичъ это понялъ. И какъ было не понять этому человѣку съ безконечно добрымъ сердцемъ, къ сожалѣнію, принужденному иногда прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ!

Весь этотъ разсказъ у меня сохранился въ памяти со словъ моей матери, которая намъ его передавала много разъ, когда была въ хорошемъ настроеніи духа, и для насъ былъ истинный праздникъ слушать этотъ разсказъ. И тогда мы, всѣ дѣти, слушая ее, полюбили всѣми нашими маленькими сердцами дорогого намъ царя, и до сихъ поръ память о немъ мила и священна.

Въ сороковыхъ годахъ, когда настало время везти брата въ Петербургъ, мать собралась съ братомъ въ далекій и въ то время тяжелый путь, такъ какъ желѣзной дороги не было, и всю дорогу приходилось дѣлать въ дилижансѣ.

Но дорога прошла благополучно, и, послѣ двухъ, трехъ дней отдыха, мать съ братомъ явилась въ Пажескій корпусъ, куда онъ по повелѣнію государя и былъ принятъ.

Распростившись съ дорогимъ материнскому сердцу первенцомъ, съ улыбкой на лицѣ и горемъ въ сердцѣ, двинулась матушка въ обратный путь. Надежда на будущее брата мирила ее съ настоящимъ и успокоила, несмотря на пугавшій ее климатъ Петербурга.

До тринадцати лѣтъ братъ былъ въ Пажескомъ корпусѣ, учился хорошо и былъ примѣрнаго поведенія, и въ числѣ другихъ хорошихъ учениковъ былъ записанъ на красной доскѣ золотыми буквами, и по праздникамъ имѣлъ счастье съ великими князьями играть во дворцѣ.

Климатъ Петербурга братъ переносилъ тяжело и въ концѣ заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ. Болѣзнь затянулась, братъ пересталъ матери писать, и она, будучи въ большой тревогѣ, не получая отъ него вѣстей, рѣшила ѣхать въ Петербургъ. Застала она брата въ лазаретѣ, въ постели. При немъ дежурили двѣ сидѣлки: одна ему читала, другая—приготовляла лѣкарство. Братъ переѣхался, похудѣлъ, и встрѣча была очень тяжела. Необходимо было брата увезти въ другой, болѣе теплый климатъ, и мать рѣшила подать просьбу государю о разрѣшеніи увезти на время брата въ Варшаву до окончательнаго излѣченія. Но Богу было угодно иначе. Послѣ очень тяжелаго переѣзда, держа брата почти всю дорогу на рукахъ, мать добралась до Варшавы, гдѣ, нѣсколько недѣль спустя, братъ скончался отъ скоротечной чахотки.

Когда государю доложили о понесенной нами безвременной потерѣ брата, государь, сочувствуя постигнутому насъ горю, приказалъ принять на казенный счетъ слѣдующаго за Эростомъ ребенка:

если мальчикъ—въ Пажескій корпусъ, а если дѣвочка—въ одинъ изъ институтовъ: Слѣдующая за братомъ Эрастомъ была сестра Зинаида. Мать выбрала институтъ Пулавскій, расположенный недалеко отъ Варшавы, куда поступила сестра моя Зинаида, а затѣмъ и сестра Евгенія, гдѣ обѣ и окончили образованіе, пользуясь милостивымъ вниманіемъ покойнаго принца Ольденбургскаго, которому, по его же желанію, былъ посланъ директрисой института, г. Гротенъ, портретъ сестеръ въ итальянскихъ костюмахъ.

Обѣ мои сестры здравствуютъ и понынѣ.

Е. Пахолкова.

ИСТОРИЯ БѢДСТВІЙ ОДНОЙ СЕМЬИ.

Изъ воспоминаній стараго кавказца ¹⁾.

I.

НЕДАЛЕКО отъ станціи Бѣлогоры Закавказской желѣзной дороги, на высокой горѣ пріютилась церковь св. Георгія. По узкой и крутой тропинкѣ, около четырехъ часовъ дня, подымался туда отставной генералъ, не уступая въ бодрости своему спутнику, молодому кавалерійскому офицеру.

Въ это время я находился около церкви. Подобныхъ паломниковъ мнѣ не приходилось встрѣчать въ нашихъ мѣстахъ и, когда они поровнялись со мной, я, заинтересованный ими, подошелъ и представился на правахъ мѣстнаго помѣщика.

— Князь Абашидзе, а это мой племянникъ,—привѣтливо рекомендовался старикъ: — на склонѣ моихъ девяноста лѣтъ я пришелъ поклониться святынь этого храма, очень чтимой въ нашемъ родѣ. Я отдохну на этомъ камнѣ, а ты, С...., пошли за сторожемъ,—сказалъ генералъ своему племяннику.

Вскорѣ пришелъ сторожъ и отворилъ церковь. Съ благоговѣніемъ, рѣдко мною видѣннымъ среди интеллигенціи, путники вошли въ церковь и опустились на колѣни.

Влѣво отъ царскихъ вратъ возвышался, окутанный въ парчу, высокий крестъ. Въ отдаленныя времена, гласить преданіе, на этомъ мѣстѣ пастухи поставили маленькій крестъ изъ кипариса и, по-

¹⁾ Отданы въ печать по доброму совѣту В. А. Г.
«истор. вѣстн.», декабрь, 1903 г., т. XLIV.

молившись св. Георгію, прося его поберечь стада, ушли въ ближайшую деревню.

Окончивъ свои дѣла, пастухи возвратились и увидѣли, что стадо въ цѣлости, но на мѣстѣ поставленнаго ими маленькаго креста вышлся большой.

Быстро разнеслась вѣсть о чудѣ, и тысячи богомольцевъ начали стекаться къ этому мѣсту. Попробовали выкопать крестъ, но не могли дойти до основанія...

Девяностолѣтній старикъ, кладя земные поклоны, на колѣняхъ приблизился къ этой святынѣ и, приложившись къ ней, положилъ у подножія свѣчи, всталъ, вышелъ изъ церкви и съ колѣнопреклоненіемъ три раза обошелъ вокругъ храма.

Окончивъ свое паломничество, путники присѣли на камни и залюбовались дивной окрестностью.

— Здѣсь, С..., я съ твоимъ покойнымъ отцомъ бѣгали не разъ дѣтьми,—заговорилъ генераль:—вонъ то селеніе, влѣво, принадлежало намъ. Тамъ живутъ дворяне N., бывшіе вассалы твоего дѣда. Они вмѣстѣ съ землями и крѣпостью, которую ты видишь передъ собой, были уступлены царю Соломону... Сегодня какъ-то особенно живо встаетъ въ моей памяти мое дѣтство.

— Князь.—обратился я къ генералу:—до поѣзда остается еще достаточно времени. Не откажите зайти ко мнѣ въ домъ, гдѣ вы отдохнете и подѣлитесь вашими, навѣрное, интересными воспоминаніями.

Мы встали и, пройдя сотню шаговъ, вошли на мой широкій балконъ; князю я предложилъ расположиться на тахтѣ.

— А я усталъ, однако,—весело сказалъ девяностолѣтній старикъ:—не тѣ ноги стали, а хотя въ душѣ мнѣ кажется, что я не такъ давно бѣгалъ здѣсь мальчикомъ...

— Князь,—позволилъ я себѣ перебить его:—вы говорили, что дворяне N. были уступлены царю Соломону...

— Да, да, нужно вамъ сказать, что нашъ народъ,—охотно началъ князь:—благодаря своему древнему происхожденію, богатству и обладанію многими, неприступными по тѣмъ временамъ, крѣпостями, всегда занималъ выдающееся положеніе въ Имеретіи. Цари роднились съ нами, но въ душѣ завидовали и побаивались своихъ сильныхъ феодаловъ. Дѣдъ мой, князь Ростомъ Абашидзе-Пинедзи, пользовался особеннымъ вліяніемъ въ странѣ, вслѣдствіе чего имѣлъ завистниковъ, изъ которыхъ кн. Зурабъ особенно ненавидѣлъ его.

— Если не ошибаюсь, князь, — спросилъ я:—это было въ началѣ нынѣшняго столѣтія?

— Да, это было время междуцарствія между Соломономъ первымъ и вторымъ. Вотъ этимъ-то смутнымъ временемъ рѣшилъ воспользоваться Зурабъ, чтобы возвести на престолъ Имеретіи

своего сына Георгія, но дѣдъ не допустилъ этого. Тогда Ц., затаявъ злобу, прикинулся преданнымъ вскорѣ воцарившемуся Соломону II и началъ сѣять въ странѣ смуту. Запугать этого слабохарактернаго царя въ интригахъ было не трудно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Зурабъ Ц. настолько сумѣлъ войти въ довѣріе русскихъ властей, что считался вполне преданнымъ Россіи.

Всѣ замыслы царя Соломона II, только разъ измѣнившаго Россіи, становились извѣстны черезъ него, тѣмъ болѣе, что многія хитросплетенія очень ловко составлялись имъ же самимъ.. Во всѣхъ своихъ поступкахъ Зурабъ Ц. преслѣдовалъ свои личные интересы, мстя своимъ противникамъ, не разбирая средствъ. Алексѣй Петровичъ Ермоловъ самъ рассказывалъ намъ впоследствии, когда мы съ братомъ встрѣтились съ нимъ молодыми офицерами, что не было ни одного недоразумѣнія, чтобъ Ц. какъ нибудь не постарался замѣшать фамиліи Абашидзе, въ особенности моего отца, на котораго онъ послѣ смерти дѣда перенесъ свою злобу. Отца моего Ермоловъ зналъ лично и долго не вѣрилъ навѣтамъ Зураба, но судьбѣ угодно было дать послѣднему возможность привести свою месть въ исполненіе.

— Какимъ образомъ, князь?..—заинтересованный спросилъ я.

— О! это длинная исторія бѣдствій нашей семьи, — отвѣтилъ князь.

— Расскажите, пожалуйста, я очень интересуюсь стариной, тѣмъ болѣе интересной въ вашемъ рассказѣ, какъ очевидца. Вѣдь я кое-что слышалъ, но все отрывками.

— Ну, хорошо,—ласково улыбнулся красивый старикъ:—имѣйте терпѣніе только прослушать мой архивъ. Нужно вамъ сказать, что въ то время въ странѣ были недовольны митрополитомъ Филаретомъ за его ревизіи и нѣкоторыя нововведенія. Князь Ц. воспользовался этимъ и донесъ, что противъ митрополита составился заговоръ убить его, и во главѣ заговорщиковъ находился мой отецъ, князь Николай.

Митрополиту нужно было ѣхать вскорѣ осматривать епархію, но въ виду слуховъ о заговорѣ ему посовѣтовали при малѣйшемъ подозрѣніи возвратиться изъ поѣздки. Такимъ образомъ настроенный владыка выѣхалъ въ сопровожденіи Ц. и приближался къ нашимъ владѣніямъ. Навстрѣчу вышло все населеніе, имѣя моего отца во главѣ. По обычаю, всякое торжество сопровождалось выстрѣлами въ воздухъ, и какъ только вдали показался кортежъ, началась стрѣльба, испортившая намъ все, такъ какъ Ц. сейчасъ же подкакалъ къ владыкѣ и заставилъ его ѣхать назадъ, увѣривъ, что вмѣсто воздуха иногда пули попадаютъ и въ людей. Быстро исчезъ изъ глазъ недоумѣвающей толпы весь кортежъ.

Недоумѣвая по поводу случившагося, мой отецъ вернулся домой, менѣе всего подозрѣвая настоящую причину.

Прошло нѣсколько дней безъ всякихъ извѣстій, и въ домѣ у насъ все шло обыденнымъ порядкомъ, какъ вдругъ во дворъ, гдѣ мы играли съ братомъ, влетѣлъ всадникъ такъ стремительно, что чуть не задавилъ насъ, соскочилъ съ лошади и вбѣжалъ прямо къ отцу.

Долго не выходилъ онъ оттуда.

Наконецъ, выбѣжалъ Таріэль, любимый нукеръ ¹⁾ отца, и направился въ конюшню, откуда вскорѣ вывели осѣдланныхъ лошадей.

Таріэль взялъ насъ и повелъ къ отцу.

Я сейчасъ ясно вспоминаю его встревоженное лицо и истерично плачущую мою мать.

Крѣпко обнявъ насъ отецъ и вмѣстѣ съ нами вышелъ къ лошади, сѣлъ, посмотрѣлъ на насъ и, безнадежно махнувъ рукой, быстро выѣхалъ съ конвоемъ. Мать нашу увели подъ руки, а мы не понимали происходящаго. Потомъ только, много лѣтъ спустя, я узналъ, что прискакавшій всадникъ, добывъ невѣрныя свѣдѣнія, убѣдилъ отца въ томъ, что его велѣно разстрѣлять за заговоръ противъ митрополита. Тяжелыя были тѣ времена, и такимъ извѣстіямъ вѣрилось легко, но бѣгство отца дало вѣрное средство для Зураба II, убѣдить власти въ его участіи. Тотчасъ же послѣ отбѣзда отца насъ снарядили въ путь и отвели къ матери проститься. Почти насильно вырвалъ насъ Таріэль изъ ея рукъ и вывелъ на дворъ, гдѣ стояла лошадь для нашего путешествія. Черезъ сѣдло были перекинуты большія переметныя сумки, въ одну изъ которыхъ положили провизію, а въ другую посадили моего младшаго брата Ростома.

Таріэль заставилъ насъ перекреститься и, взявъ лошадь за поводъ, а меня за руку, вывелъ изъ родного дома, по направленію къ лѣсу.

На прощаніе мы услышали раздирающій душу крикъ матушки. Я было рванулся назадъ, но крѣпко держалъ меня Таріэль, и я принужденъ былъ поспѣвать за нимъ.

Мы долго брели по лѣснымъ тропинкамъ, изрѣдка останавливаясь для отдыха, и только къ вечеру, совершенно истомленные, забрались въ глухую чащу лѣса и стали на ночлегъ.

Теперь нѣтъ такихъ людей, какъ Таріэль, да и не можетъ быть, такъ какъ они создавались исключительной жизнью того времени.

Воинъ по призванью и честный, преданный своему князю, Таріэль готовъ былъ отдать свою жизнь за каждый волосокъ на нашей головѣ.

Снявъ мѣшки съ лошади, онъ разостлалъ ихъ на нарубленныя вѣтки, положилъ насъ на эту походную постель и, заставивъ по-

¹⁾ Нукеръ—оруженосецъ, тѣлохранитель.

молиться, укрыль буркой, а самъ сѣлъ около нашихъ головъ и забавляль сказками до тѣхъ поръ, пока мы не заснули.

Ночью я проснулся отъ шума и говора какихъ-то людей невдалекѣ отъ насъ. Всмотрѣвшись, я узналь фигуру Таріэля и одного изъ нашихъ слугъ, который сообщалъ ему о происшествіяхъ въ домѣ послѣ нашего побѣга.

— Не успѣли вы пройти, вѣроятно, и полдороги,—говориль онъ, какъ пріѣхаль Зурабъ Ц. и отдалъ княгиню и княжну солдатамъ, которые увезли ее на арбѣ куда-то за то, что она не сказала, гдѣ ея дѣти. Онъ по всему нашему лѣсу разослалъ людей искать насъ. Уходи-ка, Таріэль, поскорѣе въ Ахалцыхъ къ князю.

— Опасно выходить изъ лѣса теперь, — отвѣтилъ Таріэль:— завтра мы уйдемъ выше, въ горы, такъ такія есть мѣста въ лѣсу, что никогда насъ не отыщутъ, а какъ только все успокоится, то мы проберемся въ Турцію, если Господь того пожелаетъ.

До разсвѣта переговаривались эти преданные намъ люди. Я отъ волненія дрожалъ и не могъ заснуть. Какъ только разсвѣло, Таріэль поднялъ насъ, далъ намъ умыться изъ родничка и поставиль на молитву. Невдалекѣ горѣлъ костеръ, разогрѣвая намъ пищу. Молча усѣлись мы за нее. Долго крѣпился мой братъ, но не выдержалъ и горько началъ плакать.

— Таріэль, веди меня къ мамѣ!—на весь лѣсъ закричалъ онъ.

— Не плачь, Ростомъ, а то насъ услышатъ, возьмутъ всѣхъ, и ты никогда не увидишь мамы. Если будешь тихо вести себя, то мы скоро увидимъ отца, а потомъ и маму,—ласково утѣшалъ Таріэль брата.

Горько плакаль и я, но, боясь выдать себя, спрятался весь въ бурку.

Таріэль торопливо осѣдлалъ лошадь, опять посадиль брата въ суму, и мы тронулись въ путь.

Почти на каждомъ шагу приходилось останавливаться и рубить вѣтки, преграждавшія намъ дорогу. Усердно помогали люди, бывшіе ночью.

Послѣ долгаго пути мы взобрались на такую высоту, что лошадь не въ состояніи была двигаться дальше, и расположились въ самой глуши дѣвственнаго лѣса.

— Ну, здѣсь мы сейчасъ построимъ шалашъ и не выйдемъ отсюда до послѣдней крайности, а вы, — обратиль Таріэль къ людямъ,—идите назадъ и слѣдите за тѣмъ, что будетъ дѣлать Зурабъ Ц., и если онъ уѣдетъ, то дайте знать сюда.

Быстро устроился шалашъ, и мы остались втроемъ на произволъ судьбы.

Все, что долженъ сдѣлать человѣкъ съ такимъ добрымъ и преданнымъ сердцемъ, какъ Таріэль, для насъ, маленькихъ скиталь-

цевъ, все было сдѣлано и согрѣто той душевной теплотой, которая и теперь въ мои девяносто лѣтъ согрѣваетъ меня.

Мы съ нимъ играли въ прятки, бѣгали въ запуски и нетерпѣливо ждали вечера, когда Таріэль, покормивъ насъ довольно скудной пищей, начиналъ рассказывать свои сказки, подъ которыми мы засыпали. Окружающую тишину первое время, днемъ, нарушали изрѣдка долетавшіе до насъ звуки охотничьихъ роговъ и лай собакъ, но мы не подозрѣвали, что это Зурабъ Ц. охотится не за звѣремъ, а за нами, ни въ чемъ неповинными дѣтьми.

Не имѣя возможности добыть отца, этотъ злой человѣкъ перенесъ злобу на дѣтей.

Не менѣе двухъ недѣль проживали мы въ своемъ горномъ убѣжищѣ. Провизія уже была окончена. Охота Таріэлю не удавалась, и мы ѣли какіе-то коренья и даже желуди. Положеніе становилось критическимъ. Мы съ братомъ не разъ начинали капризничать отъ голода. Тяжелыя минуты, должно быть, переживалъ Таріэль, потому что онъ рѣшилъ попробовать наудачу выйти изъ лѣса и перевезти насъ въ Турцію.

Но судьба сжалилась надъ нами: къ намъ пришли наконецъ давно посланные лазутчики и сообщили, что З. Ц. уѣхалъ въ Тифлисъ, и намъ теперь легко пробраться въ Ахалцыхъ.

— Все княжеское добро разграбилъ Зурабъ,—говорили они,—людей билъ, требуя, чтобы они сказали, гдѣ спрятаны дѣти, и самъ съ утра до вечера развѣзжалъ со своими собаками, отыскивая васъ.

Мы тронулись въ путь, снабженные новой провизіей.

Не припомню точно деревни, въ которую мы прибыли поздно ночью, и послѣ непродолжительнаго отдыха тронулись дальше на лошадахъ, которыхъ досталъ намъ Таріэль. Мы очень спѣшили, такъ какъ границу нужно было пройти ночью.

На границѣ мы были остановлены турецкимъ пикетомъ, который препроводилъ насъ къ своему пашѣ. Недружелюбно принялъ онъ насъ: наши вещи были отобраны, а мы были брошены въ какую-то яму. Несмотря на всѣ требованія Таріэля отпустить насъ, этотъ турокъ ничего не хотѣлъ слышать.

Наконецъ онъ согласился дать знать главному пашѣ въ Ахалцыхъ. Черезъ два дня мы были освобождены и, выйдя изъ своего заключенія, попали въ объятія къ отцу, который прискакалъ самъ изъ Ахалцыха, чтобы освободить насъ. Мы плакали навзрыдъ, ласкаясь къ нему.

По дорогѣ въ Ахалцыхъ Таріэль рассказывалъ отцу о всѣхъ нашихъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ съ княгиней. Тяжелые дни переживалъ нашъ бѣдный отецъ, не совершившій никакой вины.

Вдали отъ разореннаго роднаго гнѣзда, онъ принужденъ былъ жить и пользоваться гостепрѣимствомъ исконныхъ враговъ своей родины, и видѣть насъ около себя на чужбинѣ было для него единственнымъ утѣшеніемъ.

II.

Въ Ахалцыхъ мы прожили съ отцомъ болѣе года. Изъ Имеретіи отецъ часто получалъ письма отъ нашего дяди, по матери. Онъ убѣждалъ отца не держать насъ около себя, а отправить учиться въ Россію. Со дня на день откладывая нашъ отъѣздъ, отецъ рѣшился наконецъ разстаться съ нами.

На чудныхъ лошадяхъ, отлично одѣтые въ національные костюмы, въ сопровожденіи неизмѣннаго Таріэля, мы выѣхали въ Имеретію, къ дядѣ.

Но не легко было отцу терять свое единственное утѣшеніе, такъ какъ къ вечеру насъ догналъ посланный имъ гонецъ, съ приказаніемъ вернуться назадъ. Мы были въ восторгѣ, но Таріэль рассудилъ иначе: онъ продержалъ посланнаго до утра и передъ самымъ выѣздомъ нашимъ отправилъ назадъ, уговоривъ его сказать князю, что не догналъ насъ.

Мы переѣхали границу глухими дорогами и вскорѣ пріѣхали къ дядѣ, съ селеніе Бекамъ. Здѣсь мы недолго жили. Матушки нашей не было, и насъ всячески отвлекали отъ мысли о ней, не смотря на наши разспросы.

Въ сопровожденіи дяди мы прибыли въ Тифлисъ. Ермоловъ принялъ насъ и приказалъ отправить въ Россію. Таріэлю разрѣшили вернуться домой, но онъ отвѣтилъ, что, пока живъ, не оставитъ насъ.

Мы выѣхали изъ Тифлиса и долго, съ большими лишеніями ѣхали до Ростова на Дону. Таріэль совершенно забывалъ себя, заботясь только о насъ. Въ Ростовѣ насъ принялъ воинскій начальникъ Фрейгангъ. Здѣсь мы встрѣтили дѣтей изъ лучшихъ имеретинскихъ домовъ. Всѣ они были одѣты въ курточки кантонистовъ. Насъ тоже зачислили туда, къ нимъ. Тяжела была бы наша жизнь, но безпредѣльно добрый Фрейгангъ дѣлалъ все, чтобы облегчить нашу участь. Онъ вполне замѣнялъ нашихъ родныхъ, полюбивъ насъ, какъ своихъ дѣтей. Сколько разъ этотъ добрый человѣкъ просиживалъ ночи на пролетъ, когда кто нибудь изъ дѣтей заболѣвалъ. Мы привязались къ нему всей душой. Таріэль уходилъ часто на заработки и всѣ деньги тратилъ на наши нужды.

Всегда обласканные Фрейгангомъ и Таріэлемъ, мы жили беззаботно, совершенно не думая о нашемъ будущемъ, какъ кантонистовъ; но зато объ этомъ будущемъ сильно беспокоился нашъ второй отецъ, рѣшивъ вырвать всѣхъ насъ изъ тяжелой среды

солдатскихъ дѣтей. Къ счастью, судьба сжалилась надъ нами: объявили прїѣздъ государя Александра I-го. На милость царскую Фрейгангъ возложилъ свои надежды, и онѣ оправдались.

Государь посѣтилъ школу кантонистовъ во время урока Закона Божія. Фрейгангъ заранѣе сказалъ, чтобы вызвали когонибудь изъ насъ.

— Вы, батюшка, возможно громче произносите ихъ имена,— совѣтовалъ онъ священнику:—это должно обратить вниманіе государя.

Когда государь приказалъ вызвать когонибудь, то священникъ громко произнесъ:

— Теймуразъ Багратіонъ впередъ.

— Это что за имя, и зачѣмъ онъ находится здѣсь?—спросилъ государь.

— Ваше величество, по приказанію, полученному изъ Тифлиса, онъ зачисленъ вмѣстѣ съ прибывшими оттуда дѣтьми, хотя всѣ они принадлежать къ лучшимъ домамъ,—волнуясь отвѣтилъ Фрейгангъ.

Лицо государя приняло недовольное выраженіе.

— Отправить ихъ всѣхъ въ кадетскій корпусъ! — повелѣлъ государь и вышелъ изъ класса.

Взволнованный, со слезами на глазахъ, вернулся Фрейгангъ, проводивъ государя изъ школы.

— Спасены мои птенцы, спасены,—поочередно обнимая насъ, приговаривалъ нашъ спаситель.

Мы тогда не совсѣмъ ясно понимали, что сдѣлалъ онъ намъ.

Насъ снарядили въ далекій путь; всѣмъ, чѣмъ только могъ, снабдилъ насъ Фрейгангъ изъ своихъ вещей и, благословивъ, простился, какъ бы со своими родными дѣтьми.

Мы горько плакали при разлукѣ; горячо поцѣловалъ ему руку Таріэль, который не захотѣлъ насъ оставить, несмотря на то, что ему тяжело было уѣзжать въ невѣдомую страну и неизвѣстно когда вернуться въ свою живописную родину, подъ горячее солнце.

Путешествіе въ Петербургъ, несмотря на свою продолжительность, было обставлено съ большими удобствами, такъ что мы прїѣхали туда вполне бодрыми и здоровыми.

Меня и брата зачислили въ первый кадетскій корпусъ и прямо съ телѣги насъ отвели въ цейхгаузъ и одѣли въ казенное платье. Одинокими почувствовали мы себя въ новой средѣ, такъ какъ намъ въ первый разъ пришлось разстаться съ дорогимъ другомъ Таріэлемъ. Онъ нанялъ себѣ гдѣ-то помѣщеніе на постояломъ дворѣ, но вскорѣ былъ взятъ въ домъ грузинской царевны Маріи.

III.

Въ строгой дисциплинѣ тогдашнихъ корпусовъ потекла наша жизнь, и единственнымъ праздникомъ были пріемные дни, когда насъ навѣщаль Таріэль. Онъ сильно грустилъ въ непривѣтливомъ Петербургѣ о своей цвѣтущей Имеретіи, о своихъ родныхъ и былой жизни и часто побаливалъ. Мы были для него единственнымъ утѣшеніемъ и надеждой на лучшее будущее. Безыскусственно онъ несъ намъ все, что было свѣтлаго и добраго въ его благородномъ сердцѣ. Мы всей душой привязались къ нему и очень старались хорошо учиться, чтобы не лишиться права выйти въ пріемный день.

Счастливые и радостные, вплотную прижавшись къ Таріэлю, внимательно слушали его рассказы и наставленія въ эти дни.

— Учитесь хорошенько, не шалите, не сердите вашихъ генераловъ, а то отдадутъ въ солдаты, и мы не увидимъ Убиси, Вардѣцихе¹⁾, а ваша мать умретъ отъ горя, — горячо наставлялъ онъ насъ.

— Ну, а гдѣ же теперь мама? — немедленно спрашивали мы.

— Княгиня въ Кутаисѣ. Вчера мнѣ сама царевна говорила, что ее вернули домой, — безъ запинки отвѣчалъ Таріэль, не знавшій не только, гдѣ находится мать, но даже сомнѣвавшійся въ ея жизни.

— Таріэль, а отецъ тоже вернулся? — допрашивали мы его.

— Нѣтъ, онъ еще не вернулся, но здоровъ и живетъ въ Ахалцыхѣ.

— Вотъ, дорогіе мои, учитесь только хорошенько, получите офицера, и мы всѣхъ увидимъ. А вотъ что, дѣти, не забыли ли вы молитвъ, которымъ я васъ училъ? — круто всегда мѣнялъ разговоръ Таріэль.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы ничего не забыли, мы можемъ сейчасъ же сказать.

— Ну, ты, старшій, — обращался онъ ко мнѣ, — говори ясно и не торопись.

Мы съ братомъ по очереди произносили молитвы на грузинскомъ языкѣ и въ награду получали пряники.

Грустно было разставаться намъ, когда кончался часъ пріема. Мы нѣсколько разъ начинали прощаться съ Таріэлемъ, лишь бы задержать его хоть лишнюю минуту.

Шесть лѣтъ прожили мы, живя только этими днями, осмысленно полюбивъ Таріэля, и недолго оставалось намъ до выхода изъ корпуса и осуществленія завѣтной мечты — поѣхать на родину.

Въ одинъ изъ пріемныхъ дней мы, старательно одѣтые, ожидали Таріэля. Онъ никогда не запаздывалъ. Но прошло полчаса, часъ, и пріемъ окончился, а насъ не вызвали. Таріэль не пришелъ.

¹⁾ Названіе имѣній.

Считалось стыдомъ для кадета плакать, и мы, спрятавшись въ уголокъ дальняго коридора такъ, чтобы никто насъ не видѣлъ, дали волю слезамъ, душившимъ насъ. Легче становилось отъ слезъ и не хотѣлось уходить отсюда, но раздался призывъ барабана, и мы, тщательно вытеревъ глаза, вышли къ общему строю, передъ которымъ появился генераль Перскій. Обходя ряды, генераль обратилъ вниманіе на мои глаза.

— Отчего у тебя красные глаза?—спросилъ онъ.

— Эти дни они у меня болятъ, ваше превосходительство,— бойко отвѣтилъ я.

— Сходи къ доктору и покажи,—приказалъ генераль.

Отпущенные изъ строя, мы съ братомъ обратились къ своему дядкѣ.

— Степанычъ, голубчикъ,—просили мы его:—сдѣлай намъ большое одолженіе, сходи въ домъ къ царевнѣ Маріи и узнай, отчего не пришелъ нашъ Таріэль—можетъ быть, онъ боленъ.

— А какъ я ее найду, царевну вашу заморскую?—отвѣтилъ суровый старикъ, участникъ взятія Парижа.

— А вотъ какъ ты выйдешь изъ корпуса, то на той сторонѣ, за Зимнимъ дворцомъ, пойдешь по Невскому и спросишь когонибудь, вѣдь всякій знаетъ ее: она же царевна. Сходи, Степанычъ милый,—со слезами на глазахъ умоляли мы его.

— Ну, вотъ видите, вы толкомъ рассказать-то не умѣете. Куда же я пойду? Обождите,—можетъ быть, вашъ человѣкъ самъ придетъ. Ну, а насчетъ того, что вы плачете, то я скажу, что военному это стыдно-съ.

Намъ нечѣмъ было соблазнить старика, такъ какъ мы получали только одинъ разъ въ годъ по рублю отъ царевны, и мы, совсѣмъ огорченные, пошли спать. Томительно тянулись дни, и мы съ братомъ не находили себѣ мѣста.

Но вотъ наступилъ пріемный день. Мы были вызваны изъ первыхъ. Мгновенно спустились мы внизъ по лѣстницѣ, но вмѣсто Таріэля къ намъ подошелъ лакей царевны.

— Меня прислала ея свѣтлость сообщить вамъ, чтобы на праздники Рождества вы пожаловали къ ней. Я пріѣду за вами и отвезу.

— А Таріэль!—крикомъ вырвалось у насъ.

— Его уже нѣтъ. Онъ заболѣлъ и скончался на прошлой недѣлѣ.

У меня темно стало въ глазахъ, и я больше ничего не помнилъ, что было со мной съ этой минуты.

Когда я очнулся, то увидѣлъ, что лежу въ лазаретѣ, а рядомъ братъ. Я приподнялся, братъ обернулся ко мнѣ, и мы горько, горько заплакали. Это было наше первое осмысленное горе.

IV.

Насъ выписали изъ лазарета, и мы круглыми сиротами, никѣмъ не согрѣтые, доканчивали наше ученіе въ кадетскомъ монастырѣ. Мы съ братомъ, какъ на поклоненіе чему-то святому, ходили въ приемную комнату, гдѣ въ теченіе шести лѣтъ встрѣчались съ Таріэлемъ. Въ ней безыскусственно открывалъ намъ умершій другъ свое самоотверженное сердце; здѣсь онъ насъ училъ молитвѣ, любви къ Богу, къ людямъ и къ роднымъ.

Прошло два года со дня смерти Таріэля, и мы ни на минуту не забыли его,—даже въ радостный день производства въ офицеры братъ плача говорилъ мнѣ: «и близки мы, братъ, къ осуществленію нашей мечты поѣхать домой, но нѣтъ нашего друга, не пришлось ему любоваться своими питомцами и везти насъ домой, съ сознаниемъ исполненнаго долга».

Мы съ братомъ, назначенные въ О—цкій полкъ, вскорѣ послѣ производства пріѣхали къ мѣсту служенія. Наши товарищи развлекались поѣздками къ помѣщикамъ, танцовали у нихъ и, пользуясь ихъ безграничнымъ радушіемъ, подолгу живали и веселились въ ихъ усадьбахъ.

Мы послѣдовали ихъ примѣру и познакомились съ Л—ми. Семья эта жила съ полнымъ барствомъ того времени. Заинтересованные нашей судьбой, они обласкали насъ, какъ родныхъ дѣтей.

Разсказывая Л—мъ о бѣдствіяхъ нашего дома, мы не разъ упоминали А. П. Ермолова, совершенно не подозревая, что сама хозяйка дома приходится ближайшей родственницей Алексѣю Петровичу. Растроганная нашими разсказами, она стала писать письма своему родственнику, находившемуся тогда уже не у дѣль, въ которыхъ просила его поправить свою невольную ошибку и сдѣлать что либо въ нашу пользу по поводу имѣній. Вся эта переписка шла скрытно отъ насъ, и мы никакъ не предполагали, что были предметомъ самыхъ горячихъ объясненій между ними.

Весело жили помѣщики тѣхъ временъ: зимой давали балы и обѣды, а лѣтомъ устраивались всевозможныя увеселительныя поѣздки другъ къ другу. Офицеры нашего полка всегда были желанными гостями, и мы съ братомъ, предпочитавшіе хорошее общество полковымъ кутежамъ, веселились отъ души.

Наше содержаніе было ограниченное, но и изъ него мы дѣлали кое-какія сбереженья, делѣя свою мечту поѣхать на родину.

Такимъ образомъ прошло два года, когда на одномъ изъ смотровъ командиръ корпуса вызвалъ меня и брата къ себѣ.

— По повелѣнію его императорскаго величества, вы увольняетесь въ отпускъ на Кавказъ,—объявилъ онъ намъ:—собирайтесь, и да благословить Господь вашъ далекій путь.

Такая неожиданная милость насъ очень порадовала, но не надолго, такъ какъ мы увидѣли, что на наши сбереженья нельзя было и думать ѣхать.

Хорошій, добрый былъ нашъ командиръ полка, который, узнавъ причину нашего горя, пожурилъ насъ и выдалъ 400 рублей. Изъ этихъ денегъ мы купили бричку и тронулись въ путь.

Долго тянулись мы до Ростова-на-Дону и чѣмъ ближе приближались къ нему, тѣмъ живѣе вставало въ памяти наше дѣтство, и мы въѣхали въ Ростовъ, какъ въ родной городъ. Соскочивъ съ брички, мы наугадъ обратились къ первому прохожему съ разспросами о Фрейгангѣ, и, къ нашей радости, мы оказались недалеко отъ его дома. Бѣгомъ направились мы къ нему и, сильно волнуясь, вошли въ домъ. Къ намъ вышелъ самъ нашъ благодѣтель, сильно осунувшійся. Мы обняли его, обливаясь слезами. Онъ не сразу насъ узналъ. Но мы назвали наконецъ себя, и онъ самъ расплакался, узнавъ въ насъ своихъ питомцевъ.

— Мои дорогіе, мои родныя дѣти, вы не забыли старика въ теченіе столькихъ лѣтъ. Спасибо за добрую память. Мой домъ опять открытъ для васъ, мои дорогіе солдатики,—обнимая насъ, ласкалъ старикъ.

Все бывшее дѣтство, согрѣтое не разъ имъ, ясно вставало въ нашей памяти. Мы всѣмъ были обязаны ему, и у насъ нечѣмъ было выразить ему нашу преданность. Эхъ, всегда такъ бываетъ: чувства чисты, но слова избиты.

Около недѣли прожили мы подъ дорогимъ кровомъ своего благодѣтеля, не оставляя его ни на минуту. Мы рассказали всю свою кадетскую жизнь и много разъ горько оплакивали память Таріэля. По случаю нашего отъѣзда въ домъ служили молебень, и, напутствуемые благословеніемъ старика, мы поѣхали въ свой далекій путь. Изъ Ставрополя намъ пришлось ѣхать съ оказіей, т.-е. подъ прикрытіемъ конвоя изъ роты пѣхоты, казаковъ и одного орудія. Мы горѣли нетерпѣніемъ, но оказія медленно двигалась, а ѣхать однимъ по этому пути нельзя было, такъ какъ война была въ полномъ разгарѣ, и горцы часто дѣлали нападенія, грабили обозы и уводили въ плѣнъ.

Не припомню теперь названія станицы, въ которой мы какъ-то остановились на ночлегъ. На другой день ѣдущихъ рано разбудили, и мы съ братомъ, выпивъ чай, вышли на крыльцо и остановились, прикованные дивной панорамой, открывшейся передъ нами. Кавказскій хребетъ, освободившись отъ облаковъ, во всей своей красѣ, весь отъ Казбека до Эльбруса развернулся передъ глазами. Нашъ длинный путь со всѣми невзгодами былъ забытъ. Какой-то иной жизнью повѣяло,—забилося сердце при видѣ этихъ дивныхъ гигантовъ, этой родной красоты. Какъ очарованные, сѣли мы въ бричку и, уже не сѣтуя на медленность движенія, трону-

лись въ путь. Съ каждымъ днемъ горы становились ближе и, какъ будто рисуясь своей красой, дарили насъ, родныхъ имъ путниковъ, новыми и лучшими видами. Не задержавшись въ Владикавказѣ, мы уже безъ конвоя выѣхали по Грузинскому тракту и вскорѣ въѣхали въ Дарьяльское ущелье, красота котораго насъ окончательно очаровала.

Мы вышли изъ брички и, выбравъ мѣсто на берегу Терека, расположились закусывать, безопасно дѣлясь впечатлѣнїями и мечтая о будущей радости видѣть своихъ, совершенно забывъ, что подвергаемъ себя немалой опасности, и мы долго бы сидѣли еще, любясь окружающей насъ красотой, но казачій разъѣздъ посовѣтовалъ намъ ѣхать дальше, такъ какъ нападенїя въ этихъ мѣстахъ настолько часты, что безъ конвоя почти никто не ѣздитъ.

Несмотря на то, что мы были офицеры, но нянька, въ родѣ Тарїэля, намъ была необходима. Перспектива попасть въ плѣнъ и провести, пожалуй, всю жизнь въ аульной ямѣ, насъ встревожила, и мы тронулись дальше и доѣхали до Тифлиса, нигдѣ уже не устраивая пикниковъ.

V.

Въ Тифлисѣ мы провели недѣлю, представились намѣстнику и получили приглашенїе на балъ къ нему.

На этомъ балу намъ указали кн. Григорья Ц., сына Зураба; онъ стоялъ у стѣны и разговаривалъ съ однимъ нашимъ знакомымъ, который намъ и передалъ свой разговоръ.

— Князь Григорій, посмотрите на этихъ офицеровъ, такъ ловко танцующихъ: это дѣти кн. Николая Абашидзе-Пинедзи.

— Какъ, гдѣ они?—вспыхнулъ онъ въ отвѣтъ:—они живы? Впрочемъ, это гнѣздо слишкомъ живуче!

Взволнованный онъ вышелъ изъ залы.

Мы съ братомъ, окончивъ танцы, вышли освѣжиться и почти лицомъ къ лицу столкнулись съ этимъ негодяемъ, сыномъ своего отца.

Мы посмотрѣли другъ другу въ глаза, чувство презрѣнїя охватило меня и, должно быть, выразилось на моемъ лицѣ, такъ какъ кн. Григорій опустилъ глаза и посторонился.

— Гадина!—пустилъ ему въ лицо мой запальчивый братъ.

Мы вскорѣ уѣхали съ бала. Намъ тяжело было чувствовать близость этого человѣка. Нервы разошлись, и малѣйшая неловкость со стороны Ц. могла бы окончиться очень грустно.

Въ Тифлисѣ мы собирали свѣдѣнїя о своихъ родныхъ, но намъ отвѣчали такъ разнорѣчиво, что мы не знали, точно ли жива наша мать. Одни говорили, что у кн. Д. Абашидзе живетъ родственница, которая просила государя разыскать своихъ сыновей, другіе

очень осторожно давали понять, что одна княгиня Абашидзе умерла гдѣ-то въ Россіи и т. д.

Съ тяжелымъ чувствомъ неизвѣстности выѣхали мы въ Имеретію. Черезъ нѣсколько дней мы прибыли въ сел. Бекамъ, наше родовое имѣніе, и направлены были къ дому своего дяди, который въ дѣтствѣ принималъ въ насъ большое участіе. Онъ былъ живъ, къ нашей радости, однако не сразу узналъ онъ насъ, но зато съ какой радостью и привѣтомъ обнялъ онъ насъ, когда мы разъяснили, глотая слезы, кто мы такіе.

— Дядя дорогой, скажи намъ, не скрывай, — рѣшились мы спросить его наконецъ: — жива ли наша мать?

— Да, да, и ждетъ васъ, мои дорогіе.

— О, жива, родная! — крикомъ вырвалось у насъ, и легко, весело стало намъ сразу.

По всей деревнѣ разнеслась вѣсть о нашемъ приѣздѣ. Всѣ спѣшили посмотрѣть на насъ, какъ будто воскресшихъ. Дядя съ гордостью вывелъ насъ на балконъ. Но вотъ къ намъ подбѣжалъ одинъ изъ сельчанъ и, весь дрожа отъ волненья, спросилъ: гдѣ Таріэль, мой братъ? Слезы градомъ полились у насъ въ отвѣтъ ему. Какъ живой, воспрянулъ нашъ усопшій другъ, и вмѣсто благодарности мы же первые внесли въ его домъ горе. Схвативъ себя за волосы и рыдая, отбѣжалъ отъ насъ, какъ отъ враговъ, братъ дорогого Таріэля.

Одно за другимъ, со всей ясностью пробѣжали минувшія событія въ нашей памяти, но только здѣсь, въ родной обстановкѣ все казалось лучшимъ и болѣе дорогимъ.

Насъ охватило нетерпѣніе поскорѣ увидѣть мать.

— Дядя дорогой, — обратились мы къ нему: — поѣдемъ въ Убиси. Вѣдь мать нашу мы хотимъ видѣть наконецъ...

— Нельзя, дорогіе мои, сразу ѣхать: надо приготовить ее къ встрѣчѣ. Какъ ни грустно, но я долженъ признаться, что она готова считать васъ потерянными, и какъ единственный способъ отыскать васъ, мы въ прошломъ году подали прошеніе государю, въ которомъ, описавъ событія, молили его дать матери возможность увидѣть своихъ сыновей, если они живы. Давно мы ждемъ отвѣта, и вотъ: хвала Богу, вы сами здѣсь. Я поѣду и приготовлю мать вашу.

Мы, сдерживая слезы, слушали дядю и не могли не согласиться.

Дядя выѣхалъ въ Убиси, и вскорѣ вернулся за нами его посланный. При вѣздѣ въ Убиси, дядя встрѣтилъ насъ. Мы замѣтили, что онъ чѣмъ-то озабоченъ.

— Не случилось ли чтонибудь съ матушкой? — спросили мы.

— Видите ли, дорогіе мои, какъ только я вѣхалъ во дворъ, мать ваша, стоявшая на балконѣ, какъ-то встревоженная, крикнула мнѣ, что я, вѣроятно, везу ей какое-нибудь особенное извѣстіе. Мнѣ по-

казалось, что ее предупредили уже, и я, недолго думая, крикнулъ ей: да, да, и радостную новость: твои сыновья пріѣхали и скоро будутъ здѣсь. Я не кончилъ этихъ словъ, какъ она, какъ подкошенная, упала, и когда намъ удалось привести ее въ чувство, то она не могла произнести ни слова. Я хотѣлъ было поскакать за вами, но рѣшилъ, что лучше дать ей успокоиться, и она только къ вечеру попросила воды.

Мы съ братомъ не выдержали и поскакали, но около воротъ нагналъ дядя и уговорилъ не входить раньше его.

Дядя вошелъ на балконъ и, посмотрѣвъ въ окно, молча помянулъ насъ къ себѣ. Мы тихо подошли и остановились у окна. Облокотившись рукой на противоположный подоконникъ, спиной къ намъ на тахтѣ сидѣла сѣдая маленькая женщина, въ черномъ платьѣ.

— Мать ваша,—шепнулъ дядя:—пойдемте за мной.

Мы не выдержали, вбѣжали въ комнату и бросились къ ногамъ матушки, цѣлуя ея руки и колѣни. Она не отнимала ихъ, однако какъ-то недовѣрчиво и холодно отнеслась къ намъ сразу. Но вдругъ она схватила мою голову и, сжимая ее до боли, упорно посмотрѣла въ глаза.

— Онъ... Давидъ... сынъ...—разслышалъ я воплемъ вырывающіяся слова, и, въ судорогахъ прижимаясь ко мнѣ, матушка потеряла сознание.

Осторожно перенесли мы дорогую ношу въ спальню.

Братъ плача обнялъ меня, говоря:

— Меня не узнала, не приласкала мать моя. Лучше было не пріѣзжать...

— Успокойся, Ростомъ,—утѣшалъ его дядя:—развѣ ты не видишь, въ какомъ она состояніи? Вы еще услышите о ея бѣдствіяхъ. Она готова всегда ко всему тяжелому и боится вѣрить своему счастью.

Мы взволнованные вышли на балконъ, вокругъ котораго тѣснились люди, привѣтствующіе нашъ пріѣздъ.

Изъ комнаты матери вышла какая-то женщина, подошла къ брату и, пристально взглянувъ въ него, убѣжденно проговорила:

— Конечно, это Ростомъ,—и, обнявъ его, обливаясь слезами, ушла опять къ матери. Несмотря на сильное желаніе быть около матери нашей, мы рѣшили не беспокоить ея. Мы долго сидѣли съ дядей на балконѣ и рассказывали ему о своей жизни до поздняго вечера.

Чудная лунная ночь, опьяняющій ароматъ отъ магнолій и дикихъ розъ, вьющихся по всему дому, и сознание, что мы подъ роднымъ кровомъ и на своей родинѣ, наполняли насъ отраднымъ чувствомъ покоя и свѣтлой надежды на лучшіе дни. Мы пошли спать черезъ комнату отъ спальни матушки. Я сразу заснулъ, но вдругъ

меня разбудилъ крикъ, и я увидѣлъ брата и матушку, прижавшихся другъ къ другу, истерически рыдающихъ, и блѣдную Монавардису ¹⁾ съ горящей лампадкой въ рукѣ.

Матушка замолкла, обезсиленная совершенно. Мы подхватили ее на руки, отнесли въ спальню и уложили въ постель.

Братъ, обнявъ крѣпко меня, вышелъ изъ комнаты.

— Узнала меня, узнала родная, — взволнованный говорилъ онъ: — пойдемъ, я тебѣ все расскажу.

Мы сѣли на моей постели, и радостный братъ рассказалъ о случившемся.

— Ты, Давидъ, сразу заснулъ, а я не могъ и признаюсь, что горько плакалъ. Вѣдь столько я ожидалъ этой встрѣчи, и вдругъ мать не признала меня за сына. Я сожалѣлъ, что пріѣхалъ. Мнѣ было бы легче не имѣть матери, чѣмъ быть не признаннымъ. Мнѣ захотѣлось неудержимо пойти къ ней и рассказать все, что я помнилъ въ дѣтствѣ, думая, что она узнаетъ сына, и я всталъ, но, подойдя къ двери, остановился, услышавъ голосъ матушки:

— Монавардиса, ты не спишь? Вставай, позови Давида. Я не вѣрю, что онъ здѣсь, и не знаю я, гдѣ Ростомъ, — пусть расскажетъ.

— Батоно ²⁾, ахъ, да клянусь тебѣ, что оба сына здѣсь — не вѣришь ты мнѣ все еще?

— Въ своихъ рукахъ я держала Давида, а того другого, Монавардиса... онъ подставной... — прерывающимся голосомъ говорила матушка, а я опустился на полъ, едва сдерживаясь, чтобы не войти.

— Батоно, — снова услышала я Монавардису: — Ростомъ въ ногахъ твоихъ лежалъ и плакалъ. Они же оба унесли тебя.

— Да, я помню теперь. Вспомни, Монавардиса, когда Ростомъ крестили, то ему надѣли крестикъ на золотой цѣпочкѣ. Я ее хорошо помню.

— Тогда, батоно, если этотъ крестикъ увидишь на немъ, то ты повѣришь, что онъ твой сынъ? Я пойду и потихоньку проберусь въ ихъ комнату, — предложила Монавардиса.

Я быстро отошелъ отъ дверей, и, цѣлуя крестикъ, вернувшій мнѣ мать, я легъ въ постель. Едва сдерживая дрожь, я ждалъ прихода Монавардисы... казалось, время шло часами. Но вотъ мелькнулъ свѣтъ въ щель двери, тихо открыли ее, и, заслоня рукой свѣтъ, вошла Монавардиса, но за ней еще кто-то, присмотрѣлся — матушка. Я закрылъ глаза и до боли сжалъ зубы, боясь крикнуть. Ко мнѣ подошли вплотную и подняли одѣяло, — я не выдержалъ и крикнулъ: вотъ крестъ, — и сжалъ родную, — рыдая, закончилъ братъ свой рассказъ.

¹⁾ Имя служанки.

²⁾ Госпожа, сударыня.

На другой день мы съ нимъ встали рано, обошли весь домъ, усѣлись на балконѣ, въ ожиданіи выхода матушки. Насъ позвали къ дядѣ. Тепло и сердечно поцѣловаль онъ насъ и пожелалъ, чтобы съ сегодняшняго дня ничѣмъ не нарушался нашъ покой подъ роднымъ кровомъ.

Но вотъ вошла матушка. Мы крѣпко обнялись. Невыразимо теплымъ чувствомъ охватилося мое сердце отъ первой родной ласки матери, много испытавшей въ своей жизни и ласкавшей дѣтей давно неизвѣданнымъ тепломъ. Она сквозь слезы, своими милыми близорукими глазами разсматривала наши лица, сравнивая, должно быть, съ былыми дѣтскими чертами, но много ли она увидѣла въ нихъ. Много хотѣлось рассказать и спросить о невѣдомой другъ другу жизни въ долгой разлукѣ, но нервы слишкомъ разошлись, и слезы противъ воли быстро, быстро текли изъ ея милыхъ глазъ.

VI.

Согрѣтые тепломъ материнской ласки, въ обществѣ родственниковъ проводили мы съ братомъ свои дни на родинѣ. Много со-сѣдей близкихъ и дальнихъ помѣстій навѣщали матушку, поздравляя ее съ нашимъ пріѣздомъ.

Какъ-то случилось, что постороннихъ не было никого. Мы съ братомъ сидѣли на балконѣ, выходявшемъ на большой зеленый лугъ, окруженный вѣковыми орѣшниками и лавровыми деревьями, смерклось уже совсѣмъ; и масса летающихъ свѣтляковъ придавали всему какой-то фантастическій видъ, и мы, мечтательно расположившись на тахтѣ, не замѣтили, какъ присѣла на свободномъ концѣ тахты матушка.

— Ну, что хорошо у насъ,—заговорила она:—вѣдь ничего нѣтъ подобнаго, вѣроятно, у васъ въ Россіи?

Мы очнулись отъ ея милого голоса.

— О, ничего подобнаго нѣтъ, матушка, въ особенности въ Петербургѣ,—тамъ по мѣсяцамъ не видно солнца.

— Я никогда не забуду стужи за Владикавказомъ,—грустно заговорила матушка.

— Матушка дорогая, вотъ хоть теперь расскажите намъ все, что было съ нами и съ домомъ нашимъ. Вѣдь мы только отрывками знаемъ со словъ дяди Дмитрія.

— Я, дѣти, не злая, но не могу вспомнить всего, чтобы всей душой не проклинать Григорія Ц. за всѣ наши бѣды. Вѣдь едва я успѣла очнуться отъ горя, причиненнаго неожиданнымъ отъѣздомъ вашего отца, какъ Ц. уже прискакалъ со своей челядью и, не снимая папачи, влетѣлъ прямо ко мнѣ. «Гдѣ мужъ, гдѣ спрятаны дѣти? Указывай, или ты вмѣсто нихъ пойдешь на висѣлицу», кричалъ онъ въ моемъ домѣ.—«Вонъ отсюда,—бросилась я на него:—не оскверняй ста-

раго гнѣзда собой!»—но злодѣй схватилъ меня, и въ томъ же платьѣ, не позволивъ взять ничего, меня вмѣстѣ съ вашей сестрой Гулканъ посадили на арбу, окружили солдатами и повезли, не говоря куда. Монавардиса бросилась за мной и, цѣлуя руки старшаго солдата, упростила не прогонять ея. Ц. остался грабить домъ.

Иногда мнѣ кажется, что все то, что мы испытали, изгнанныя изъ своего дома, какой-то тяжелый, страшный сонъ. Мы были все время окружены солдатами, какъ страшные преступники, даже безъ снисхожденія къ женскому стыду. Мы плакали, просили, но ничто не помогало; солдаты боялись насъ на секунду оставить безъ надзора. Мы рѣшили ничего не ѣсть, хотя вся пища заключалась въ хлѣбѣ и еще какой-то липкой смѣси. Дочь блѣднѣла и таяла, какъ воскъ, на моихъ глазахъ отъ голода и грубыхъ шутокъ, щипковъ молодыхъ солдатъ, державшихъ себя хорошо лишь въ присутствіи старшихъ, а нѣкоторые были даже добрые, все предлагали кусочки сухого хлѣба. Много недоразумѣній было также изъ-за непониманія языка.

Но однажды ночью, когда мы спали подъ открытымъ небомъ, я сквозь сонъ услышала хрипѣнье. Я вскочила и увидѣла, что внизу около колесъ арбы, гдѣ лежала дочь, копошатся. Приглядѣвшись, я обмерла отъ ужаса: солдатъ, стоя на колѣняхъ, давилъ ее, а она отбивалась. Не помню уже, что случилось, но моихъ рукъ не могли оторвать отъ шеи солдата прибѣжавшіе на мой крикъ, и я его едва не удушила, несмотря на то, что онъ билъ меня кулакомъ. Дочь лежала безъ чувствъ съ головой, завернутой въ башлыкъ, чтобы не могла крикнуть. Негодяй соблазнился ея красотой, но Господу не угодно было нашего безчестья. Съ этого дня сестра ваша стала болѣть, и мы не дошли до Акануръ, какъ она скончалась. Свои первые сѣдые волосы я увидѣла тамъ,—заплакала матушка.

У меня шевелились волосы отъ ея разказа и несмытой обиды.

— Словами не разскажешь моего горя,—продолжала матушка,—но всѣ муки и невзгоды пути не были замѣтны для меня—вся я была поглощена моимъ горемъ. Я голодомъ хотѣла заморить себя, но не угодно было Господу взять къ себѣ, и меня съ Монавардисой тащили отъ мѣста до мѣста. Какъ-то ночью я проснулась и увидѣла Монавардису молящуюся. Она обернулась ко мнѣ и вся въ слезахъ проговорила: «помолись, несчастливая княгиня, попроси у Господа прощенья себѣ и всѣмъ близкимъ своимъ». Я стала молиться горячо. Молитва просвѣтила меня. Я рѣшила, что это испытаніе послалъ Господь нашему древнему роду за всѣ блага, которыми мы пользовались, и что это испытаніе я должна перенести безъ ропота. Мнѣ стало легче на душѣ, и часто молитва поддерживаетъ меня въ жизни. Ну, дѣти, не буду томить васъ грустными разказами, но скажу, что въ Кизлярѣ, куда меня сослали, я на-

шла теплый привѣтъ и радушіе. Непрерывно изо дня въ день заботились обо мнѣ жители. Монавардису они по очереди звали къ себѣ и снабжая, чѣмъ только возможно, отправляли ко мнѣ. О, если бы хоть одна молитва моя объ этихъ людяхъ была услышана!

Два года прошло со дня моего прибытія, когда мнѣ сказали, что я прощена государемъ, а за какія вины я такъ много выстрадала, такъ и до сихъ поръ не знаю. Какъ съ лучшими родными, простилась я съ жителями. Мое возвращеніе назадъ было по той же дорогѣ: я стремилась домой всей душой, остановившись у Акануръ, но не нашла могилы дочери,—она сравнялась съ землей, а креста тогда я не имѣла возможности поставить. Не задержалась я въ Тифлисѣ, а сейчасъ же выѣхала съ Монавардисой верхомъ въ Кутаисъ. По роднымъ мѣстамъ ѣхала съ тоской, не зная, что будетъ впереди, зная лишь, что все разграблено Ц. Не въ прокъ пошло награбленное, и проклятіе царя Соломона отразилось на немъ, вмѣстѣ съ нашимъ.

Меня пріютилъ Дмитрій до отысканія васъ.

Государь Александръ I-й повелѣлъ, чтобы семьи сосланныхъ не несли вины отцовъ, и чтобы имѣнья наши были возвращены. Императоръ Николай I-й подтвердилъ это повелѣніе. Къ нему я обратилась, прося отыскать васъ, если вы живы.

Вотъ, дорогія дѣти, моя жизнь безъ васъ. У васъ былъ Таріэль хранителемъ, а у меня моя Монавардиса. Мы съ ней дѣлились послѣднимъ кускомъ хлѣба. За вами теперь вывести наружу все и, пользуясь царской милостью, возвратить родовыя имѣнія.

Матушка, глотая слезы, обняла насъ и перекрестила. Мы успокоили ее тѣмъ, что она ужъ больше не разстанется съ нами.

Вскорѣ мы выѣхали, чтобы выхлопотать переводъ на Кавказъ.

Прибывъ въ полкъ, мы должны были выѣхать на большіе маневры подъ Бородинымъ.

Л—скіе, съ которыми мы встрѣтились тамъ, сказали, что Ермоловъ будетъ присутствовать на маневрахъ, и дѣйствительно намъ удалось представиться Алексѣю Петровичу. Онъ насъ принялъ очень ласково.

— Я невольный виновникъ тяжелыхъ испытаній, постигшихъ вашу семью,—сказалъ этотъ рыцарь и гроза Кавказа,—но если я чтонибудь могу сдѣлать теперь для васъ, то я всей душой готовъ прійти на помощь въ вашихъ хлопотахъ. Вы не знаете, конечно, какіе факты представлялъ З. Ц., обвиняя вашего отца во многихъ неурядицахъ Имеретіи; я долго не вѣрилъ ему и, можетъ быть, если отецъ вашъ не эмигрировалъ бы,—я не повѣрилъ бы ему. Всѣ же его поступки были такъ ловко скрываемы, а у меня столько было заботъ, и дѣлъ, и экспедицій, что невольно я и допустилъ его про-

дѣлки. Не робѣйте, и, съ царской милостью, мы устроимъ и поправимъ ваши бѣды. Я готовъ все сдѣлать, что могу.

Дѣйствительно, всегда вѣрный своему слову, славный рыцарь помогъ намъ во всемъ. Мы были переведены на Кавказъ и стали устраивать свои денежные дѣла, но все такъ оказалось запутаннымъ, что до сихъ поръ приходится возстановлять свои права, но Богъ не безъ милости, когда нибудь не я ужъ, конечно, а вотъ ты, Саша, будешь удовлетворенъ всѣмъ.

— Ну, любезный хозяинъ, спасибо за гостепріимство и не взыщите за мой архивъ. Намъ пора собираться домой. До свиданья. Прошу ко мнѣ заглянуть въ Тифлисъ.

Я проводилъ дорогихъ гостей достанціи и долго еще разбирался у себя въ живомъ и интересномъ воспоминаніи девяностолѣтняго старика.

Ав—е.

ВЪ ЗАЙМКАХЪ И МОНАСТЫРЯХЪ У СТАРЦЕВЪ ¹⁾.

Очеркъ.

III.

А РЪКЪ показалась лодка, и въ ней сидѣли два мужика въ поярковыхъ шляпахъ. Одинъ имѣлъ длинную бороду, а другой былъ совсѣмъ безъ бороды. На нихъ были надѣты длинные армяки, перетянутые бичевками. Ихъ высокія катанья шляпы, которыхъ не носили простые крестьяне-сибиряки, сразу доказывали принадлежность ихъ къ одной изъ старовѣрческихъ сектъ. Лодка подплыла къ тому берегу, гдѣ расположились наши рабочіе, которые уже поднимались и готовили себѣ пищу у костра. Мужикъ съ длинной бородой вышелъ степенно изъ лодки, другой же безбородый сталъ суетиться, привязывая ее къ спустившимся надъ рѣкою ивовымъ вѣтвямъ. Абрамій, уже вставшій съ своего логовища, пристально смотрѣлъ въ лодку.

— А вотъ и наши жители подѣхали,—проговорилъ онъ, щуря свои и безъ того маленькіе глаза.

— Какіе жители?—спросилъ я.

— А мы старцевъ нашихъ, молящихся въ тайгѣ Богу, жителями также называемъ,—проговорилъ онъ и перебѣжалъ съ завидной легкостью по еловому стволу на другой берегъ.

Пока мы занимались чаепитіемъ съ Х., наши рабочіе уже складывали палатку и укладывали вещи въ мѣшки. Складываніе и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. ХСІV, стр. 482.

раскладываніе разныхъ припасовъ и вещей требовали извѣстной сноровки, получаемой въ тайгѣ, и, кромѣ того, знанія, какъ и гдѣ что уложить, чтобы не попортилось и не сломалось. Несмотря на все старанія, дѣло не обходилось безъ убытковъ: то разрывался мѣшокъ, его тотчасъ же сшивали, то лопался ремень у сумъ, перекидываемыхъ черезъ сѣдло, то терялась бичевка или вилка и пр.

Абрамій возвратился съ того берега съ лукавой улыбкой.

— Робѣютъ васъ наши старцы, больно тревожатся за свое житье-бытье, все разспрашиваютъ, до всего дознаются, зачѣмъ да почему... ну, и хлопотъ же вы имъ доставили, ваше благородіе, своимъ прибытіемъ, а что будетъ въ монастырѣ, о Господи!

— Что жъ они сюда-то не идутъ?—спросилъ Х.

— Стѣсняются, ужъ къ нимъ вѣсть о нашествіи нашемъ пришла, вотъ они привели лодку, чтобы перевезти насъ на свой берегъ,—говорилъ Абрамій.

Оказалось, что съ мыса, на которомъ мы ночевали, тайгой пройти нельзя, а нужно переплыть черезъ заливъ на другой берегъ, по которому шла тропинка, ведущая за рѣкой Кандатомъ къ монастырямъ.

— Вѣдь здѣсь, — говорилъ Абрамій, — еще никто не бывалъ, одинъ объѣздчикъ какъ-то заглянулъ, да и тотъ до послѣдняго монастыря не доѣхалъ, глушь такая, что упаси Господи.

Вскорѣ началась переправа черезъ рѣку. Вся трудность заключалась въ коняхъ. Бродъ былъ довольно крутой, и потому не легко было заставить лошадь спуститься къ рѣкѣ: приходилось одному рабочему, стоящему по колѣна въ водѣ, тянуть за узду, а другому сзади подгонять мотавшую головой и упиравшуюся ногами лошадь. Затѣмъ надо было сѣсть верхомъ и поплыть къ берегу, болѣе отдаленному, чѣмъ островъ, на которомъ мы ночевали. Противоположный берегъ (правый рѣки Кандата) былъ покрытъ сплснной стѣной елей и пихтъ и оказался недоступнымъ. Въ данномъ случаѣ старцы оказали большую услугу, показавъ сразу пунктъ на берегу, къ которому надо было пристать. Рѣка была быстрая, несмотря на заломы въ видѣ торчащихъ по срединѣ ея огромныхъ древесныхъ стволовъ съ оголенными сучьями. Ихъ приходилось огибать, что замедляло переправу. Когда мѣшки съ припасами были переправлены въ лодкѣ, и мы встали на твердую землю, погода начала портиться. Небо заволкло тучами, началъ моросить дождикъ, весьма нежелательный въ таежныхъ путешествіяхъ, ибо все продукты мокнуть и портятся, будучи помѣщаемы въ холщевыхъ мѣшкахъ. Въ кожаныхъ сумахъ вещи лучше сохраняются, но и тамъ онѣ «волгнутъ». Пришлось напяливать виксаинки съ капюшонами, которыя замѣнялись у рабочихъ короткими «азямами». «Вотъ и дождика Богъ послалъ,—проговорилъ Никифоръ, затягивая подпругу на своей лошади:—весь мой та-

бакъ-то промочить», но, тѣмъ не менѣе, онъ зарядилъ свою носогрѣйку и долго возился со спичками, не зажигавшими сразу отсырѣвшаго табака. Наконецъ трубка задымилась, и онъ, потянувъ съ громкимъ сопѣньемъ, пустилъ синеватый дымокъ. «Не хочешь ли, старче, покурить?»—обратился онъ къ старовѣру съ длинной бородой. Тотъ только плюнулъ и отмахнулся.

— Ваше благородіе,—обратился ко мнѣ степенно «старецъ»,— въ избушку, можетъ, заѣдете пообсушиться, недалече она.

— Ну, что жъ, пожалуй, а сколько до нея?

— Да версты три-четыре будетъ, тропа тутъ есть, итти легко будетъ.

Говорилъ онъ хотя почтительно, но смотрѣлъ исподлобья и хмуро. Борода у него начиналась почти подъ самыми глазами, и видны были только глаза, отгѣненные надвинутой на лобъ высокой катаной шляпой съ круглымъ дномъ.

— Какъ тебя звать?

— Зиновій Бабкинъ.

— Что жъ, ты совсѣмъ одинокій?—спрашивалъ я, желая, чтобы онъ разговорился.

— Нѣтъ, пошто одинокій, у меня есть семья и дѣти, а только мы ушли, значить, изъ-за того, что большое стѣсненіе нынѣ въ деревняхъ отъ сусѣдей... ни тебѣ пашенки, какъ слѣдуетъ, не достанется, да и безпокойства много, поборы большіе, а тутъ намъ свободно, господинъ объѣздчикъ насъ не стѣсняетъ, лѣсу сколько хочешь.

— А вы аренду платите?—любопытствовалъ я.

— Пока не платили, а теперь не знаемъ, какъ будетъ.. и онъ какъ-то сконфузился и заторопился:—такъ ужъ если милость ваша будетъ, не обезсудьте заѣхать въ избушку нашу...

Я ничего не имѣлъ противъ того, чтобы посмотрѣть на этотъ особенный тицъ семейныхъ отшельниковъ, уходящихъ въ глухой лѣсъ, чтобы избавиться отъ податей, и ищущихъ простора.

Дождь все усиливался, когда мы двинулись по тропѣ, при чемъ ноги лошадей скользили по черной мокрой землѣ. Пройдя съ большими препятствіями по тайгѣ, мы вышли изъ темнаго лѣса на бугоръ. Несмотря на хмурую погоду, передъ нами зеленѣли холмы, покрытые мѣстами березовымъ лѣсомъ. Показалась изгородь «поскотинны», а на склонахъ желтѣла рожь, перемежаясь съ овсомъ. Мы въѣзжали въ цвѣтущую мѣстность, разработанную трудами этихъ старцевъ. Въ долину, образованной двумя такими холмами, виднѣлась избушка Бабкина. Эта избушка при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалась цѣлой пятистѣнной избой съ крыльцомъ и прилегающими клѣтями и амбарами. При приближеніи нашего каравана выбѣжали три большихъ пса со включенной шерстью и набросились съ остервенѣніемъ на нашихъ собакъ. Поднялся вой

и гамъ, полетѣли ключья шерсти. За собаками выбѣжала дѣтвора, два босоногихъ мальчугана и дѣвочка. На крыльцѣ показалась толстая женщина съ подтыканной юбкой и отвислой грудью, оказавшаяся хозяйкой. Вышелъ молодой мужикъ, сынъ «старца», его жена, и все это населеніе смотрѣло на насъ во всѣ глаза, отчасти съ любопытствомъ, отчасти съ боязнью. Засаленный ребенокъ, ползавшій на пескѣ, и тотъ отъ изумленія сначала сунулъ палецъ въ ротъ, а потомъ весь сморщился и вдругъ громко заревѣлъ. Молодая женщина въ свѣтломъ сарафанѣ, съ истомленнымъ лицомъ, очевидно, его мать, взяла его на руки и стала укачивать. Когда мы слѣзали съ коней, бабы исчезли съ крыльца, но мы ихъ увидѣли въ самой избѣ, въ страшныхъ хлопотахъ около огромной печки, помѣщавшейся въ самой серединѣ избы, стѣны которой уставлены и обвѣшаны были всевозможными предметами крестьянскаго обихода. Тутъ висѣла и сбруя и полотенца, стоялъ неизмѣнный раскрашенный и покосившійся шкафъ съ деревянной и глиняной посудой. Главное мѣсто занимала божница въ переднемъ углу, изображающая изъ себя трехугольный шкафъ съ образами стараго письма и съ большими и маленькими мѣдными складнями. Видно, что «избушка» принадлежала зажиточному старовѣрскому семейству. Насъ съ поклонами усадили въ уголь подъ божницу и поставили передъ нами длинный столъ, покрытый холщевой скатертью съ красной каемкой. На столѣ появился самоваръ, какъ видно, нѣсколько лѣтъ не чищенный и страшно шипѣвшій, что считается большою роскошью въ этой глуши.

— Откуда у васъ самоваръ, вѣдь вы сами чая не пьете?— спросилъ я, снимая съ себя охотничьи доспѣхи.

— Для хорошихъ людей мы держимъ, — отвѣчала толстая хозяйка, оставляя на столѣ огромнѣйшій пирогъ съ рыбой, приготовленный по сибирскому обычаю такъ, что верхней крышки изъ тѣста въ немъ не было, а поджаренная рыба съ костями была на виду, подъ которой чернѣла корка изъ ржаной муки...

— Гдѣ намъ чай пить?! Отцы не велятъ намъ, вотъ мы молочка похлебаемъ да рыбки поѣдимъ, и будетъ съ насъ,—говорила баба.

— А лабазникъ-то ¹⁾ пьете?—спросилъ Х.

— Пьемъ иногда, да толку въ немъ мало, старики больше наши его уважаютъ... Какъ это васъ Господь занесъ къ намъ!? Поохотиться, вѣрно, больно ружей-то у васъ много? — и она покосилась на наши ружья.

— И поохотиться и посмотреть ваши мѣста, — неопредѣленно отвѣтилъ я.

Она остановилась передъ столомъ, подперши руки въ бокъ.

¹⁾ «Лабазникъ» — *Spiraea (Filipendula) Ulmaria* Max.

— Да неужто, ваше благородіе, вы насъ прогоните съ нашихъ мѣстъ?

— Зачѣмъ же? и не думаемъ.

Она испытующе посмотрѣла на насъ.

— Охъ, тяжелыя времена подошли нынѣ, вѣрно ужъ конецъ міра близко,—и она, покачавъ головой, опять двинулась къ печкѣ возиться съ ухватами и горшками. — Чаекъ-то у васъ свой, поди, есть, да и стаканчики?

Мы ее успокоили, засыпавъ чая въ чайникъ съ разбитымъ горлышкомъ и вынувъ наши походныя желѣзные кружки. Въ это время молодая женщина, ея сноха, поставила еще столъ для нашихъ рабочихъ противъ самой печки, окруживъ его длинными лавками и скамейками съ помощью своего мужа, худощаваго мужика съ рѣденькой бородкой. Наши рабочіе не заставили себя долго просить и, засѣвши за столъ, стали уписывать похлебку изъ общей чаши, отрѣзывая огромные ломти хлѣба. Никифоръ все время ворчалъ, что ему трубку нельзя закурить; для него табакъ былъ дороже всего, послѣ охоты, конечно. Абрамію и Павлу, какъ принадлежащимъ къ одной вѣрѣ, поставили хозяйскую миску съ ложкой.

— Вы картофель-то съете?—спросилъ Х. хозяина, когда тотъ, войдя въ горницу, усѣлся степенно недалеко отъ двери.

— Съемъ, какъ же,—отвѣчалъ онъ нѣсколько сконфуженно.

— А гдѣ же живутъ старцы-то безкартофельной секты?

— А это далѣе по Кандату у монастыря.

— А вы часовенные или австрійцы?

— Австрійцы (австрійской вѣры),—угрюмо отвѣчалъ хозяинъ.

Въ это время Х., оставивъ свою огромную эмальрованную чашку съ чаемъ, вытащилъ по привычкѣ портсигаръ, думая сдѣлать «вертуна», пока чай остынетъ. Я ему сдѣлалъ знакъ глазами. «Да я здѣсь не буду курить, чортъ съ ними, опять напишутъ посланіе, а свергѣть-то можно»... И онъ, свернувъ толстую папироску, вышелъ изъ горницы на дворъ «подымитъ». Въ это время дверь отворилась, и въ горницу вошелъ безбородый «киржакъ», имѣющій видъ мѣнялы со сморщеннымъ лицомъ, безъ признаковъ растительности и съ бѣгающими хитрыми черными глазами. Онъ осѣнилъ себя двуперстнымъ знаменіемъ, глядя на божницу, и низко поклонился, обведя взоромъ всѣхъ присутствующихъ.

— Милости просимъ, ваше благородіе, и къ намъ заѣзжайте на перепутѣ,—говорилъ онъ съ поклономъ.

— Къ кому къ вамъ?—спросилъ я его.

— Ко мнѣ, то-есть (сибиряки, большею частью, называя себя, говорятъ во множественномъ числѣ), тутъ верстъ съ десятокъ будетъ по тропѣ, ты знаешь, Абрамію?—обратился онъ къ чавкающему за сосѣднимъ столомъ Абрамію.

— Какъ не знать,—отвѣтилъ тотъ, поднимаясь изъ-за стола,— это Михай, ваше благородіе, братъ здѣшняго хозяина, они раздѣльно живутъ своимъ хозяйствомъ... Какъ ѣхать-то?—обратился онъ къ нему:—влѣво взять отъ Исаковой рѣчки, кажись...

— Да, да, какъ поѣдешь по бѣльникамъ, такъ тамъ за Исаковой рѣчкой тропы-то расходятся, ты иди налѣво, а то направо въ другое мѣсто попадешь, крюку дашь лишняго,—объяснялъ ему Михай, жестикулируя и показывая руками.

— Ладно, не запутаемся, Богъ укажетъ,—успокоительнымъ тономъ молвилъ Абрамій.

— Такъ, до свиданіица, господа, я впередъ поѣду; подь-ка сюда, «отче»,—и онъ, поклонившись, скрылся съ Абраміемъ за дверью.

Видно, что онъ очень «хлопоталъ», и всѣ «старцы» употребляли усердное стараніе, чтобы задобрить насъ таежнымъ угощеніемъ, ибо послѣ, когда мы оставили заимку Зиновія и далѣе двинулись, въ мѣшкахъ рабочихъ оказались цѣлыя ковриги хлѣба вмѣсто подмокнувшихъ сухарей, которые были отданы «собачкамъ», съ полпуда картофеля, масло, сметана и огурцы—все вещи, представляющія страшную роскошь для тайги, и все это дано было безвозмездно, а когда мы, ничего этого не подозрѣвая, стали предлагать деньги за самоваръ и «прикуску», то хозяева въ ужасъ пришли, и удалось только потихоньку сунуть нѣсколько серебряныхъ монетъ на орѣхи сыну хозяина, мальчику лѣтъ десяти, съ совершенно льняными волосами и прегрязнымъ носомъ.

— Вотъ погодите, Петръ Ивановичъ, они теперь насъ ублажаютъ и закармливаютъ, а начнется межеваніе, и если они увѣрятся, что участки обязательно будутъ, такъ отъ нихъ чертей и куска хлѣба не достанешь... плохо будетъ здѣсь работать межевому,—ворчалъ непримиримый Х., когда мы уже ѣхали бодрымъ шагомъ по буграмъ бѣльниковъ отъ заимки Зиновія.

И въ его словахъ была правда, ибо въ томъ случаѣ, когда сибирякъ видитъ, что отъ чиновника никакой корысти не дождешься, онъ, забывъ всякую деликатность и прошлое Сибири, когда «драли» съ него три шкуры, начинаетъ заламывать ужасныя цѣны за предметы первой необходимости. Доказательствомъ этой черты служить отношеніе населенія притаежной деревни Тюхтети: пришлось нѣсколькимъ топографамъ проводить здѣсь съ семьями лѣто, и жители увидѣли, что съѣстные припасы нужны, они стали запрашивать цѣну вдвое и втрое дороже цѣнъ губернскаго города, несмотря на то, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ періодовъ рабочіе набирались преимущественно изъ деревни Тюхтети, и на казенныя деньги, которыхъ тысячи пришлось раздать населенію, вся деревня обстроилась и поднялась. О признательности какой либо не было и помину, пьянство развилось въ усиленной степени, топографы же и ихъ семьи должны были ѣздить за 50 верстъ за провизіей на сосѣдній базаръ (въ с. Боготолѣ).

IV.

Пройдя по тропѣ, проложенной среди бѣльниковъ, нашъ караванъ подошелъ къ небольшой рѣчкѣ, бурливо текущей среди черемушника и ивняка.

— А вотъ и Исакова рѣчка,—проговорилъ Абрамій.

— Почему она такъ называется?—спросилъ я его.

— Здѣсь не далеко спасается старецъ Исаакъ, древній старецъ. Да, по немъ и рѣчка названа. Можетъ быть, вы его и увидите, онъ часто къ избушкѣ Михея приходитъ.

Вскорѣ мы увидѣли избушку Михея, которая отличалась только размѣромъ отъ Зиновьевой, будучи гораздо менѣе и имѣя, вмѣсто чистой горницы, дворикъ, покрытый навѣсомъ и окруженный плетеной изгородью, гдѣ лежалъ всякій скарбъ крестьянскаго обихода. Михей, замѣтивъ насъ издали, ибо окрестность «избушки» состояла изъ березоваго рѣдколѣсья и открытыхъ бугровъ, выбѣжалъ къ намъ и сталъ усиленно приглашать. Когда мы расположились среди дворика, онъ засуетился, отдавая разныя распоряженія своимъ домашнимъ. А затѣмъ, успокоившись, началъ выспрашивать, будутъ ли здѣсь участки, и зачѣмъ мы сюда пріѣхали...

— А можно, ваше благородіе, подать заявленіе?—спрашивалъ меня Михей, трепля нѣсколько волосковъ, торчащихъ на его подбородкѣ, лишенномъ растительности, и бѣгая своими лукавыми глазами.

— Какое заявленіе?—спросилъ я.

— А чтобы здѣсь не было участковъ.

— Такого заявленія подавать не къ чему и не зачѣмъ, ибо эти мѣста только осматриваются.

— Такъ, какъ же, ваше благородіе,—приставалъ онъ ко мнѣ:—вотъ примѣрно, такъ сказать, вамъ эти мѣста поправятся подъ участки, что тогда будетъ?

— Могутъ быть назначены съемочныя межевыя работы.

— То-есть, значитъ, господа землемѣры пріѣдутъ и будутъ межевать?

— Да, снимать на планы мѣстность.

— А потомъ что?—допрашивалъ онъ съ видомъ сутаги.

— А потомъ могутъ быть образованы участки.

— Это когда же будетъ?—назойливо допытывался онъ.

— Ей-Богу, не знаю.

— А какъ же, ваше благородіе, моя заимка, неужели снесется, и земля тоже, которую я распахалъ?—приставалъ онъ.

— Нѣтъ, ты можешь просить, чтобы тебя вымежевали.

— И теперь можно подать это заявленіе? Кому подать?

— Теперь рано еще, вотъ будетъ начата съемка... когда ее назначать.

— Какъ же старцы-то наши, неужели ихъ прогоняютъ?

— Зачѣмъ гнать? Если пожелаютъ, ихъ вымежутъ.

— Охъ, не останутся они съ новоселами, ни Господи, ни за что,—говорилъ онъ, качая своей круглой головой съ волосами, обстриженными въ кружокъ.

— А много ихъ у васъ?

— Да восемь старцевъ будетъ, которые общиной живутъ.

— Это въ монастырь-то?

— Да недалеко отсюда, верстъ съ пятокъ будетъ.

— А Исаакъ-то съ ними живетъ?

— А развѣ вы, баринъ, слышали про него?—спросилъ онъ, пристально взглядывая на меня.

— Какъ же, слышалъ, и интересно было бы его увидѣть.

— Это можно, тутъ недалеко, въ землянкѣ онъ живетъ, да вотъ съ часъ тому назадъ приходилъ. Не послать ли за нимъ, коли желаете его повидать?

— Онъ не испугается?

— Да пожалуй, что такъ, хоть онъ николаевскій солдатъ, да теперь больно одичалъ, людей бѣгаетъ, только вотъ насъ и признаетъ. Онъ первый зашелъ въ эти мѣста и жилъ тутъ года три.

— Какъ же онъ жилъ тутъ? Чѣмъ питался?

— Вотъ придетъ, такъ разспросите его, я сбѣгаю за нимъ, уговорю его,—и онъ поднялся со скамейки, на которую присѣлъ.

— Ступай, ступай, приведи его.

Михей ушелъ, рабочіе наши ужъ приготавливали лошадей къ отправленію, ибо рѣшено было не засиживаться на этой заимкѣ и не увлекаться угощеніями. Мнѣ Михей казался подозрительнымъ, и всѣ его хлопоты и усиленная искательность близки были къ подкупу, съ намѣреніемъ насъ отвлечь отъ главной цѣли. Живи онъ въ деревнѣ, изъ него бы вышелъ типичный «аблакатъ» и деревенскій «ходатель».

Не прошло четверти часа, какъ вдали показался идущій впереди Михей высокій старецъ съ длинной сѣдой бородой и съ громаднымъ посохомъ въ рукѣ. На немъ была надѣта странная одежда. Длинные сѣдые волосы на головѣ были прикрыты остроконечной шапочкой, напоминающей скуфью нашихъ священниковъ. Плечи покрывала пелерина, отороченная когда-то краснымъ, а теперь потемнѣвшимъ кантомъ; изъ-подъ пелерины довольно длинной, опускавшейся до пояса и закрывавшей руки, виднѣлся бѣлый балахонъ до самыхъ ногъ, обутыхъ въ башмаки, напоминавшіе сандалии. Его лицо было сурово, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей смотрѣли живые глаза. Дѣйствительно, общій видъ этого древняго старца напоминалъ отшельника первыхъ временъ хри-

станства, производя сильное впечатлѣнiе. Онъ подошелъ ко мнѣ, поклонился и, опершись на свой посохъ, вперилъ въ меня пристальный взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Зачѣмъ позвали?—старческимъ, но еще звучнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Здравствуй, старикъ,—проговорилъ я какъ можно привѣтливѣе: — мнѣ хотѣлось побесѣдовать съ тобой, узнать про твое житье-бытье, много слыхалъ я про твои подвиги...

— Богу я молюсь за себя и за другихъ, вотъ мое дѣло, а подвиговъ у меня нѣтъ, бѣсъ меня одолѣваетъ, — проговорилъ онъ угрюмо, опустивъ глаза въ землю.

— Какъ же онъ тебя одолѣваетъ?

— Въ разныхъ видѣнiяхъ... то въ образѣ женщины, то и въ другихъ видахъ является. Прочтешь молитву: «Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его. Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ; яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да бѣжатъ бѣси отъ лица любящихъ Бога и знаменующихся крестнымъ знаменiемъ»...—и онъ, прочитавъ молитву, широко перекрестился и вперилъ въ меня пристальный взоръ. — Вотъ, если это видѣнiе, то оно и рассыплется,—проговорилъ онъ.

Въ этотъ моментъ мнѣ показалось, что онъ и меня, и топографа Х., стоявшаго въ сторонѣ и наблюдавшаго нашу встрѣчу, принялъ за бѣсовъ и думалъ, что при этой молитвѣ кто нибудь изъ насъ рассыплется или исчезнетъ.

— Хорошая молитва, старикъ,—проговорилъ я, выдержавъ на себѣ его взоръ.

— Вотъ уже много лѣтъ я борюсь съ лукавымъ, и все онъ меня мучитъ, прожилъ я въ лѣсу, какъ бы въ пустынѣ, ягодами да кореньями всякими питался, думалъ умертвить въ себѣ духа злобы, и нѣтъ, все-таки онъ мнѣ покою не даетъ.

— Ты здѣсь спасаешься?

— Здѣсь, много лѣтъ я живу въ этомъ лѣсу, видѣлъ много и пожаровъ и звѣрей; вотъ видите эти холмы, — и онъ показалъ костлявымъ пальцемъ на бугры, лишенные лѣса и покрытые луговыми травами, — здѣсь при мнѣ еще лѣсъ былъ, да какой!.. ель да кедръ, а теперь выгорѣло все, да и лугомъ сдѣлалось, а то такъ березой да осиною покрылось, выросъ, по-здѣшнему, бѣльничъ.

— Отчего же пожары были?

— А вѣдь тоже люди заходили, охотничали, надо вѣдь костры разводить, да добро Божье переводить, лѣсъ жечь, вотъ и сожгли... алченъ человекъ, нечего сказать, все ему мало.

— Да и людей-то наплодилось много, мѣста стало мало, старикъ,—сказалъ я.

— А алчности да жадности стало еще больше, жадность эта до неба растетъ, — и онъ поднялъ руки къ небу, — и конца ей

нѣтъ, какъ вавилонской башнѣ, люди давятъ другъ друга изъ-за наживы, тѣснятъ и душатъ, о, Господи, сколько грѣха; не даромъ Господь иногда громъ да бѣдствія на людей посылаетъ, вотъ и молнію тоже, и отъ нея горитъ лѣсъ иногда, а и людей убиваетъ, а они въ толкъ не берутъ, какъ истуканы, попрежнему живутъ,—и онъ поникъ сѣдой головой.

— А ты бы болѣе бесѣдовалъ съ людьми, дѣдушка, да обращалъ бы ихъ на путь истинный,—проговорилъ Абрамій, стоявшій, облокотясь на уголъ избушки.

— Плохо слушаютъ меня, эхъ,—махнулъ онъ рукой:—святѣ меня были, и ихъ камнями побивали, умнѣ меня говорили, и не слушали и не внимали, такъ лучше удалиться отъ міра суеты и соблазна.

— Душу свою спасать?

— Немного мнѣ жить осталось,—хмуро проговорилъ онъ:—пора подумать и о душѣ, общій грѣхъ не замолить, много грѣховъ на людяхъ, такъ хоть свои-то беззаконія, свои-то грѣхи юности у Бога вымолить да покаяніемъ искупить...—и онъ потрясъ въ воздухъ посохомъ. Въ его рѣчахъ была искренность и убѣжденіе въ вѣрѣ.

— Бѣжать отъ богачей, отъ сильныхъ міра сего, въ лѣсное царство скрыться отъ духоты мірской, отъ стѣсненія, вотъ что я рѣшилъ, странствуя среди людей... много я горя вынесъ, и много горя я видѣлъ, я вѣдь еще николаевскій,—и онъ слабо улыбнулся, но его улыбка была скорѣе страдальческая, чѣмъ веселая.—Строятъ дворцы себѣ, а о гробахъ не думаютъ, гдѣ лежать придется... и долго!!! — сурово крикнулъ онъ, — ищутъ славы и почета, а не думаютъ о томъ эти люди, что умрутъ, и все былѣемъ поростетъ, все ихъ богатство, скопленное силою и неправдою, разойдется по рукамъ тоже хищниковъ, и не останется отъ нихъ и памяти, какъ вотъ о тѣхъ кедрахъ и пихтахъ, что здѣсь росли, да гордо къ небу поднимали голову свою,—говорилъ онъ, показывая на огленные холмы.—Гдѣ они? Все земля возьметъ. Въ ней, въ землѣ, сила да въ небѣ, а небо еще сильнѣе... Онъ поднялъ посохъ вверхъ, глаза его сверкали, и длинная борода тряслась. Видно, что все, что накопѣло въ немъ во время одинокихъ думъ, вырывалось съ силой при встрѣчѣ съ людьми, которыхъ рѣдко видѣлъ.

— Отчего ты не живешь съ остальными старцами, въ вашемъ монастырѣ?—спросилъ я его.

— Одному вольготнѣе, лучше,—проговорилъ онъ сосредоточенно,—въ монастыряхъ есть тоже свои раздоры, хоть и молятся тамъ, но и забываются. А здѣсь я одинъ, да Богъ, да земля, на ней всякое твореніе растетъ.

— Да и животныя и растенія другъ друга давятъ и ѣдятъ,—возразилъ я ему, припоминая теорію Дарвина.

— Они существа неразумныя и ѣдятъ, сколько имъ нужно на потребу, людямъ Богъ разумъ далъ, а имъ все мало, все не могутъ пресытиться, самыя ненасытныя твари,—рѣзко сказалъ онъ, стукнувъ посохомъ.—Похотямъ ихъ нѣтъ конца, обжорству, разврату конца-краю нѣтъ, земля велика, а имъ тѣсно, всего мало... Вотъ вы зачѣмъ, господа, пожаловали сюда?—спросилъ онъ вдругъ, испытующе смотря на меня.

— Осматривать мѣста для переселенцевъ, у которыхъ земли мало,—проговорилъ я.

— Не сладко имъ, вѣрно, жить тамъ, коли въ глушь лѣзутъ, тяжкое стало житье крестьянину, бѣдному вездѣ плохо, ну, что жъ... пусть сюда придутъ, только придутъ-то они—придутъ,—проговорилъ онъ задумчиво, опуская сѣдую голову, — и сейчасъ Божье добро зорить начнутъ, лѣса рубить да жечь, и это бы ничто, а разведутъ они свои грѣхи здѣсь, свою вѣру, уставъ, пойдетъ брань, ропотъ, недовольство, всю Божью тайгу они испакостятъ, опять бѣжать отъ нихъ придется,—и онъ махнулъ рукой.

— Куда же ты пойдешь отъ нихъ, старче?

— Если буду живъ и увижу это время, уйду опять дальше въ лѣсъ... только еще нескоро они придутъ, далече отсюда.

— А ты близко отсюда живешь, Исаакъ?—спросилъ я его.

— Да версты не будетъ, тутъ въ землянкѣ,—и онъ показалъ налѣво.

— А можно къ тебѣ зайти?

— Вамъ, баринъ, можно, а другихъ вотъ курильщиковъ этихъ,—и онъ указалъ на Никифора, который задымилъ трубку,—не пущу... Коли хочешь, пойдёмъ,—и онъ мотнулъ головою Михею.

Мы пошли втроемъ по тропинкѣ въ березовый лѣсъ, растущій на бугрѣ. Дорога шла въ гору. Среди молодыхъ березъ и осинъ попадались обугленные пни кедра и лиственницы.

— Здѣсь большущія «богатая» деревья росли,—проговорилъ старецъ, шедшій впереди насъ, показывая на пни.

Черезъ полверсты бугоръ спускался къ ручью. Вокругъ густо росъ малинникъ, смородина, черемуха и костяника. Среди кустарника мелькнула крыша землянки, поросшая травой и говорившая о своемъ существованіи лишь краями истлѣвшихъ досокъ, да трубою, торчавшею изъ земли. Спустились къ самому ручью и, наконецъ, поднявшись по тропѣ опять вверхъ, увидали надъ собой лѣсенку, устроенную изъ земли, и низенькую дверку, съ окошкомъ надъ нею.—Вотъ мое жилище,—проговорилъ старецъ, поднимаясь по лѣсенкѣ и отворяя дверку. Я и Михей поднялись за нимъ и вошли въ тѣсную землянку. Въ серединѣ была устроена печка наполовину изъ глины, наполовину изъ желѣза, стѣны были околочены досками, которыми были покрыты выступы изъ земли, замѣнявшіе лавки. Въ углу устроена была огромная божница, и

иконы деревянные съ потемнѣвшей иконописью висѣли по всѣмъ стѣнамъ. вмѣсто стола была положена широкая доска на земляные выступы, и на ней лежала огромная книга съ мѣдными застѣжками, около нея восковая свѣчка, наполовину сгорѣвшая. къ божницѣ прикрѣплена была другая свѣча. на широкой доскѣ, представленной въ другомъ углу, стояла деревянная чашка съ малиной и краюха черного хлѣба, около котораго помѣщалась большая кринка. на стѣнѣ висѣли немногочисленные одежды Исаака. войдя въ землянку, мы присѣли на земляныхъ выступахъ, прикрытыхъ доской.

— Вотъ какъ я живу,—проговорилъ Исаакъ съ насмѣшливой улыбкой,—вотъ мой дворецъ.

— Словно могила,—вымолвилъ односложно Михай.

И дѣйствительно пахло могилой въ этой землянкѣ, въ которой жилъ старецъ, спасая свою жизнь. темно и угрюмо въ ней было, съ невольнымъ содроганіемъ приходила мысль о зимней стужѣ и страшномъ одиночествѣ въ длинныя зимнія ночи. надо было имѣть огромную силу воли и духа, чтобы добровольно вынести такое отшельничество.

— Неужели тебѣ не холодно здѣсь зимою, Исаакъ?—спросилъ я его, подавленный этимъ геройствомъ.

— Печку затоплю и согрѣюсь, ко всему привычка,—проговорилъ онъ, ставя свой посохъ въ уголъ къ образамъ.

Разговоръ не клеился, въ головѣ бродили самыя разнообразныя мысли и о ничтожествѣ земныхъ благъ, и о суетности мірскихъ помысловъ, и о величїи духа, и о будущей жизни. вся эта землянка казалась гробомъ, въ которомъ еще двигалось живое тѣло старца, готовящагося къ смерти и глубоко вѣрующаго, но живущаго уже не здѣшнею, а другою будущею жизнью.

— Ну, старикъ, прощай, желаю тебѣ успокоенія душевнаго,—проговорилъ я, поднимаясь съ досокъ.

— Скоро, господинъ, я успокоюсь, вотъ и молюсь Богу, чтобы тамъ было свѣтлѣе, чѣмъ здѣсь,—и онъ сказалъ слово «тамъ» съ глубокимъ убѣжденіемъ.—А вамъ на томъ спасибо, что не погнушались мною, послушали мои рѣчи и не надсмѣялись надо мной, старикомъ, многія лѣта вамъ, господинъ, и успѣха въ добрыхъ дѣлахъ вашихъ желаю.

Мы спустились по лѣсенкѣ, простившись со старцемъ, и подошли къ ручью. старецъ высоко надъ нами стоялъ около двери своей землянки и крестилъ насъ широкимъ крестомъ, опираясь лѣвой рукой на посохъ. въ своемъ длинномъ бѣломъ балахонѣ, въ сандаляхъ и шапочкѣ, съ развѣвающейся длинной сѣдой бородой и бѣлыми волосами онъ имѣлъ видъ «таежнаго пророка», производя неизгладимое впечатлѣніе...

— Что, братъ Михай,—говорилъ я, когда онъ скрылся изъ виду:—тебѣ, поди, не прожить въ этой землянкѣ?

— Нѣтъ, баринъ, не прожить, куда мнѣ, у меня дѣти, меньшей хвораетъ, это надо быть святому человѣку, чтобы прожить такъ, какъ Исаакъ.

Очевидно старообрядцы считали его святымъ.

— Скажи, Михей, неловко мнѣ было спрашивать у Исаака, отчего онъ ударился въ расколъ? Вѣдь онъ могъ бы такъ жить и въ православіи?

— Да какъ сказать вамъ, баринъ,—и Михей почесалъ затылокъ,—онъ много потерпѣлъ отъ начальства и деревенскаго и городского, можетъ, тутъ и гордость замѣшалась, старцы все его почитаютъ, онъ пророчествуетъ, да замаливаетъ грѣхи свои, недоволенъ священствомъ православнымъ, говоритъ, что въ старину люди лучше были, тутъ дѣло душевное, всего не поймешь...

— Какой же онъ секты?—спросилъ я.

— Да болѣе къ часовенной склоняется, у него все свое, читаетъ онъ старыя книги и молится по-старому, да, пожалуй, онъ и къ сектамъ не принадлежитъ, онъ всехъ принимаетъ, кто слово Божіе хочетъ послушать, и бѣгуновъ, и австрийцевъ, и часовенныхъ, онъ какъ бы патріархъ.

— Да, именно патріархъ-отшельникъ,—подумалъ я,—которому все равны, кто любитъ Бога и правду, онъ ближе всего къ тайгѣ, онъ ея верховный жрецъ...

— Скажи, Михей, что заставило Исаака оставить міръ и уйти въ тайгу? Не произошло ли чего нибудь въ его жизни такого, что бы его переродило?

— Онъ мало говоритъ объ этомъ и объ юности своей тоже. Какъ-то разъ онъ упомянулъ, что у него была семья, этого никто, кромѣ него, не знаетъ. Онъ о себѣ не любитъ говорить, скрытный, «тайный» человѣкъ... А начнешь его выспрашивать, такъ онъ замолчитъ или уйдетъ. Крѣпкій онъ больно человѣкъ. Такихъ людей во всей округѣ не слыхать. Молитвенникъ онъ нашъ...

Въ это время мы подходили къ заимкѣ, и Михей началъ вглядываться въ кого-то.—А вотъ еще «житель» пришелъ, видно, вѣсть дошла и до монастыря,—проговорилъ онъ.

— Какъ же могли узнать въ тайгѣ о нашемъ путешествіи?

— Э, баринъ, въ тайгѣ есть свой телеграфъ, не успѣли вы съ мѣста двинуться, а ужъ здѣсь узнали, что вы сюда ѣдете.

«Житель» стоялъ у избы Михея, окруженный рабочими. При приближеніи моемъ онъ снялъ съ головы круглую катаную шляпу. Это былъ мужикъ среднихъ лѣтъ, съ рыжими волосами и жидкой бородой, лицо у него было худое и болѣзненное, со впалыми щеками и выдвинутыми скулами. Впалые глаза, почти безцвѣтные, смотрѣли уныло.

— Я могу проводить,—проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, который большею частію служить признакомъ чахотки.

Звали его Матвѣемъ Гусевымъ, и имѣлъ онъ избушку около монастыря.

— Да вѣдь ты устанешь итти пѣшкомъ,—проговорилъ я,—ты, какъ видно, боленъ.

— Да, боленъ, а пройти могу съ вами, тутъ недалече, если ближней тропой пройти. Къ закату будемъ на мѣстѣ.

— Ладно, веди насъ...

И онъ пошелъ впереди нашего каравана.

IV.

Матвѣй Гусевъ шелъ, не оглядываясь и со строгимъ видомъ исполняя свою роль проводника. При немъ Абрамій даже какъ-то притихъ, на что обратилъ вниманіе Никифоръ.

— Что, братъ отче, приунылъ?—говорилъ ему онъ задорно:—видно, почувалъ монастырское житье и самъ задумалъ о спасеніи души?—на что тотъ со смиреннымъ видомъ отвѣчалъ: «Не намъ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ соваться»..

Мѣотность была такая же открытая, какъ и прежде, хотя мы незамѣтно для себя подымались въ гору. Бѣльники были «веселые», покрытые пестрыми луговыми травами. «Благодать-то, благодать какая!»—восхищались рабочіе.—«Кабы дорогу сюда устроить, вотъ бы народу-то сюда пошло»,—разсуждали они между собою.

— Всѣхъ бы старцевъ повыкурили,—говорилъ Никифоръ, дымя своей трубкой.

— Скоро заговѣмся мы съ тобой, Никифоръ,—говорилъ ему Х.:—придется намъ на задворкахъ курить.

— Что-жъ, баринъ, табакъ-то еще вкуснѣе, пока подъ запретомъ,—ухмылялся Никифоръ.

Скоро мы очутились на совершенно открытомъ бугрѣ, спускавшемся внизъ крутымъ обрывомъ. Здѣсь открылась передъ нами такая картина, что нельзя было не остановиться. Этотъ бугоръ поднимался въ видѣ скалы надъ зеленымъ моремъ тайги. Верстъ на семьдесятъ или болѣе видѣлась перспектива въ видѣ синѣющей туманной дали. Тайга зеленѣла у нашихъ ногъ, среди нея серебристой струйкой кое-гдѣ просвѣчивала рѣка Кандатъ, окруженная густымъ хвойнымъ темнозеленымъ лѣсомъ, котораго видѣлись только макушки. Далѣе среди темнозеленаго моря видѣлись полосы свѣтло-зеленыхъ бѣльниковъ и темныя пятна гарей (горѣлыхъ лѣсовъ); это чередованіе цвѣтовъ имѣло неизъяснимую прелесть.

— Вотъ тамъ рѣка Чиндатъ течетъ,—указывалъ намъ Гусевъ,—а далѣе туда въ синевѣ и Катыкъ, а за нимъ и Тюхтетъ, только ея не видать.

— Ширь-то, ширь какая!—восхищались рабочіе, стараясь различить рѣки и деревню.

Сойдя съ бугра, опять пошли по чистымъ березнякамъ. На пути стали попадаться клочки пашенъ съ посѣянной рожью, пшеницей и овсомъ, попреимуществу же съ первою. Показался даже стогъ сѣна, окруженный изгородью.

— Это чьи угодыя?—спросилъ я.

— А это старцы наши сѣютъ и сѣно косятъ,—проговорилъ Гусевъ, услыхавъ мой вопросъ.

Наконецъ мы выѣхали на чистую поляну, за которой виднѣлся слѣва темный лѣсъ тайги и справа «бѣльничъ» въ видѣ чистаго березняка.

— А вотъ и монастырь!—воскликнулъ Абрамій.

Къ всеобщему разочарованію, «монастырь» оказался такой же «избушкой», какія мы встрѣчали ранѣе. Но только эта большая изба была окружена разными надворными пристройками съ соломенными крышами. Поляна имѣла спускъ къ рѣчкѣ, протекающей у самаго монастыря. На рѣчкѣ стояли какіе-то ветхіе срубы и шумѣло колесо.

— А вотъ и мельница монастырская,—указывали мнѣ Гусевъ и Абрамій.

Но, Боже, какія это все были жалкія постройки! На всемъ лежала печать разрушенія и ветхости; всѣ мы привыкли на монастыри смотрѣть, какъ на страннопріимныя мѣста для всякаго путника, снабженныя всякою снѣдью, уютно и даже богато обставленныя съ сытыми и, по крайней мѣрѣ, бодрыми монахами, которые спуютъ изъ кельи въ келью, гдѣ жизнь, хотя и молитвенная, кипитъ, какъ въ муравейникѣ. А здѣсь пустыня, мертвая, унылая... Изъ двери выглянулъ какой-то старецъ босикомъ, въ черномъ балахонѣ, въ родѣ подрясника, и въ шапочкѣ, какъ у Исаака, и сейчасъ же скрылся. Даже собаки не лаяли. Вдали раздавалось мычанье коровы, но и это мычанье было необыкновенное; оно неслось по лѣсу глухимъ эхомъ, и сначала трудно было разобрать, что это за звукъ, корова ли мычитъ, или труба трубитъ, или какое-то чудовище лѣсное рыдаетъ. Дѣлалось жутко и томительно одиноко. Вдали за рѣчкой темнѣла тайга, и при вечернемъ разстилающемся туманѣ ея нѣдра казались еще таинственнѣе, еще страшнѣе, еще угрюмѣе. Гусевъ насъ повелъ черезъ поле къ сравнительно новой избѣ, стоявшей въ сотнѣ саженьяхъ отъ монастыря. Навстрѣчу намъ выбѣжала рыжая собака, залаявшая тоже какъ-то уныло и какъ бы удивляясь такому количеству людей, какого она никогда не видала въ своей жизни. Изъ окна выглянула баба, оказавшаяся женой Матвѣя Гусева. Около нея появилась головка бѣлобрысой дѣвочки, худой и истомленной. Изба Гусева раздѣлялась на двѣ половины, кухню съ печкой и со всѣми принадлеж-

ностями незатѣйливаго крестьянскаго хозяйства, п на чистую горницу, въ которой главное мѣсто занимали образа и складни въ углу и на полкахъ съ висячими около нихъ «лѣстовками», иначе говоря, старообрядческими четками. Эти лѣстовки представляли изъ себя кожаные ремешки съ вытѣсенными на нихъ рубчиками, которые замѣняли бусы монашескихъ четокъ. Съ такими лѣстовками молятся самые набожные старовѣры, склоняющіеся къ монашеству.

— Святости-то, святости сколько!—проговорилъ скептически топографъ Х., когда мы введены были въ «чистую».

— Послѣ насъ, поди, они всё углы будутъ окуривать, — сказалъ онъ, разматривая ручную кадильницу, — какъ отъ нечистой силы... Вѣроятно, насъ за антихристовыхъ слугъ они почитаютъ, — добавилъ онъ со смѣхомъ.

— Что вы, баринъ, ужъ такъ конфузите нашихъ старцевъ, — проговорилъ Абрамій елеино: — они вѣдь спасаются и молятся за всёхъ людей и за властей.

— Ну, да, рассказывай, — и Х. покачалъ недовѣрчиво головой: — всё они бѣгуны и скрываются отъ податей, знаемъ ихъ!

— Такъ ужъ вы къ нимъ не ходите, баринъ, — говорилъ ему осторожно и дипломатически Абрамій: — въ монастырь-то, а то старцы древніе, да робкіе, чего добраго, испугаются, огорчатся, да еще ктонибудь изъ нихъ умретъ съ перепугу.

— Нѣтъ, я къ нимъ не пойду, вотъ ужъ пускай Петръ Ивановичъ, онъ съ ними умѣетъ разговаривать, а я поброжу по окрестности, только здѣсь душно и, вѣроятно, клопы да блохи есть, не дадутъ спать... и онъ началъ подробную ревизію всёхъ угловъ и сундуковъ, стоявшихъ въ горницѣ и прикрытыхъ коврами постилками.

Матвѣй отправился предупредить старцевъ о моемъ визитѣ къ нимъ, чтобы «не заснули», говорилъ онъ, «а то они рано ложатся». Я вышелъ на крыльцо.

Туманъ стучался и окутывалъ всё предметы. Тайга покрывалась пеленой, при чемъ еще оставались темныя части потеряшаго очертанія лѣса. Наши рабочіе въ сторонѣ отъ избы разводили костеръ для варева и своими голосами, гулко раздававшимися, нарушали мертвую тишину, царящую около монастыря. Скоро показался Матвѣй съ вѣстью, что «старички еще не спятъ и ждутъ». Я отправился въ сопровожденіи Абрамія и Матвѣя въ обитель. На порогѣ насъ встрѣтилъ старецъ высокаго роста съ длинной бородой. Онъ былъ одѣтъ въ такомъ же стилѣ, какъ и Исаакъ, но съ тою разницею, что на немъ подъ пелериной съ кантами виднѣлся черныи балахонъ въ родѣ рясы.

— Пожалуйте, — однозвучно сказалъ онъ.

Изъ темныхъ сѣней мы попали въ молельню; къ ней примыкалъ тѣсный коридоръ съ дверями въ отдѣльныя клѣтушки или кельи,

въ которыхъ помѣщались старцы. Молельня представляла изъ себя большую горницу съ низкимъ потолкомъ (ибо и домъ весь былъ «низменный», по выраженію Абрамія). Лѣвая стѣна была занята образами, развѣшанными на подобіе иконостаса, въ глубинѣ стоялъ большой столъ, покрытый узорчатой скатертью, служившій аналоемъ, и на немъ разложены были старинныя книги въ кожаныхъ переплетахъ съ мѣдными застежками и стояли восковыя свѣчи въ подсвѣчникахъ съ ручными кадильницами. Передъ наиболѣе крупными образами были прилѣплены тоже восковыя свѣчи. Лампады не было, ибо у мѣстныхъ старовѣровъ онѣ не приняты. Иконы были древняго письма; среди нихъ особенно выдавался образъ Божіей Матери большой и очень старый. Всѣ восемь старцевъ стояли группой, — впереди настоятель ихъ о. Пахомій, высокаго роста съ сильно сѣдьющей бородой, съ лицомъ, обросшимъ волосами, уже выцвѣтшими отъ лѣтъ. Были между ними очень древніе старики, одна державшіеся на ногахъ. Я поздоровался съ настоятелемъ, и затѣмъ всѣ сѣли. Чувствовалась при этомъ неловкость; они смотрѣли на меня подозрительно, не зная, о чемъ говорить, и недоумѣвая, зачѣмъ я собственно пришелъ, какъ буду относиться къ ихъ святынь. Я же боялся какимъ нибудь неосторожнымъ словомъ задѣть ихъ и напугать.

— Давно отцы поселились здѣсь?—спросилъ я въ нерѣшительности.

— Да ужъ забыли когда,—отвѣчалъ заикаясь ихъ настоятель.— Первымъ пришелъ сюда въ эту мѣстность о. Исаакъ, а за нимъ и другіе старцы. Исаакъ отдѣлился, сталъ жить въ землянкѣ, а мы основали общину...

— Лѣтъ около двадцати будетъ,—проговорилъ тотъ высокій старецъ, который насъ встрѣтилъ.

— Отчего же Исаакъ съ вами вмѣстѣ не живетъ?—спросилъ я.

Старцы переглянулись и какъ бы смутились.

— Могій вмѣстити да вмѣстить,—отвѣтилъ текстомъ настоятель уже болѣе твердо,—онъ живетъ одинъ въ созерцаціи, можетъ выдержать отшельничество, а мы, грѣшныя, другъ за друга цѣпляемся, на людяхъ и смерть краше.

Старцы вздохнули.

— Не много намъ жить-то осталось,—замѣтилъ слабымъ голосомъ одинъ сѣдой, какъ лунь, старецъ,—молодому-то самому изъ насъ болѣе 60 лѣтъ будетъ. А я вотъ еще при Бонапартѣ родился.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка?—спросилъ Абрамій.

— Да и счетъ потерялъ. Безъ малаго сто; зажился я на бѣломъ свѣтѣ, плохо видѣть сталъ,—прошамкалъ онъ.

— Что жъ вы работаете здѣсь?—спросилъ я.

— Молимся Богу,—отвѣтилъ настоятель,—землицу распахи-
ваемъ, по силѣ возможности, хлѣбушко съемъ, у насъ и мельница есть,
видѣли небось?

— Какъ же видѣль,—отвѣтилъ я.

Всѣ помолчали, раздавались только глубокіе вздохи старцевъ.

— А войны-то нѣту теперь? Что въ газетахъ пишутъ?—спро-
силъ сѣдовласый старецъ.

— Съ китайцами начинается, идетъ призывъ ратниковъ,—
отвѣчалъ я.

— А англичанка какъ? Съ нами не воюетъ?

— Нѣтъ, англичане и другія державы съ нами въ союзѣ.

— Китайцы-то сильнѣе, надо быть... А много новобранцевъ-то
набираютъ?—спросилъ игумень.

— Изрядно, изъ Тюхтети всѣхъ ратниковъ ополченія забрали,—
вставилъ Абрамій.

— Охъ, трудно крестьянамъ, за все отдувайся: за войну и за
подати,—вздыхнулъ настоятель,—а урожай-то нынче каковъ?

— Да не важный, рожь-то получше, корму мало.

— Прогнѣвался Господь,—замѣтилъ древній старецъ:—посыла-
етъ бѣдствіе на христіанъ, голодъ, войну, послѣднія времена при-
ходятъ... Ближе пришествіе Господне...—и онъ сталъ креститься
на образа, съ которыхъ сурово смотрѣли лики святыхъ древняго
письма.

— А антихриста-то ждете?—спросилъ я, желая испытать, какое
впечатлѣніе произведетъ мой вопросъ.

— А, можетъ, онъ и на землѣ,—отвѣтилъ настоятель,—да мы
его не знаемъ, къ намъ ему трудно пробраться, въ нашу тайгу,
а по всѣмъ примѣтамъ евангельскимъ время послѣднее приходитъ:
ужъ больно грѣха стало много,—и онъ тяжело вздохнулъ.

— И раньше грѣшили,—возразилъ я.

— Все же не такъ. Грѣхомъ-то своимъ не кичились, а нынче
грѣхъ да обида, поднявъ голову, ходятъ, ибо теперь силу чув-
ствуетъ, прятаться не зачѣмъ, повсюду царство грѣха...

— Здѣсь его у васъ нѣтъ,—замѣтилъ я.

— Ну, этого нельзя сказать, всѣ грѣшны, только здѣсь мы о
душѣ думаемъ, а ужъ въ городахъ-то большихъ о душѣ мало
помышляютъ.

— А въ деревняхъ-то болѣе думаютъ о душѣ?—спросилъ я.

— И тамъ нынѣ народъ испортился, вѣры мало.

— А вы какого сословія?

— Да все крестьяне да мѣщане, солдаты есть отставные ни-
колаевскіе. Дворянъ между нами нѣтъ,—отвѣтилъ настоятель.

— Да развѣ дворянинъ поидетъ сюда на такую жизнь!—вос-
кликнулъ Михей. — Да тутъ и дорогъ нѣтъ, вотъ вы первые

сюда пробрались, а дворянина посади сюда, такъ онъ помретъ сразу.

— И дворяне всякіе бываютъ,—проговорилъ я.

— Есть и среди нихъ, что душу свою спасаютъ,—наставительно проговорилъ о. Пахомій.

— Не много такихъ,—со вздохомъ проговорилъ одинъ изъ старцевъ,—трудно войти богатому въ Царствіе Божіе, охъ, какъ трудно.

— Въ тайгу они сюда не пойдутъ,—упорно проговорилъ Гусевъ.

— А переселенцы сюда придутъ,—замѣтилъ Абрамій,—мѣста имъ пондравятся.

— А по какимъ дорогамъ они сюда доѣдутъ? — спросилъ его Гусевъ.

— У казны денегъ много, выстроятъ, — со вздохомъ проговорилъ о. Пахомій.

— Куда мы дѣнемся тогда? Вѣрно уходить придется,—замѣтилъ одинъ изъ старцевъ, смотря на меня и выжидая отвѣта.

— Зачѣмъ уходить?—отвѣтилъ я:—никто васъ трогать не будетъ, вы люди благочестивые, Богу молитесь, зачѣмъ васъ беспокоить?

— А насчетъ податей какъ будетъ тогда, съ насъ тоже потребуютъ?—спросилъ настоятель.

— А вы до сихъ поръ не платили? — старцы потупились при моемъ вопросѣ и съ безпокойствомъ переглянулись.

— Мы скоро помремъ всѣ,—пронамкалъ сѣдовласый старикъ:— за что съ насъ подати брать? И въ перепись-то мы не попали, никто до насъ не доѣхалъ.

— Да и пріѣхалъ бы кто, такъ вы бы убѣжали, поди?—ухмыльнулся Абрамій.

— Зачѣмъ бѣгать, Абрамій?.. Вотъ мы сегодня вѣдь знали, что они пріѣдутъ, а не убѣжали же,—проговорилъ о. Пахомій съ полуулыбкой.

— А вы знали тоже, что баринъ не за тѣмъ пріѣхалъ, чтобы васъ трогать, онъ осматриваетъ лишь мѣста,—возразилъ Абрамій.

— А надолго сюда пріѣхать изволили? — спросилъ осторожно о. Пахомій.

— Завтра опять въ тайгу ѣдемъ, надо пройти на Кандатъ, Тойлокъ и Катыкъ,—отвѣтилъ я.

— Охъ, трудное путешествіе, помощи вамъ Господь Богъ и святыя угодники,—почти съ ужасомъ сказалъ о. Пахомій.

— Будемъ пролагать первую дорогу для будущихъ таежныхъ крестьянъ и помѣщиковъ,—сказалъ я, усмѣхаясь.

— Охъ, баринъ, пожалуй, и дорогу проложите и двѣ, а все-таки помѣщики не придутъ,—проговорилъ Абрамій.

— Почему же такъ?

— Да гдѣ они найдутъ рабочихъ, а если найдутъ кого, то за высокую плату,—замѣтилъ Матвѣй.

— А сколько вы платите рабочимъ теперь?—спросилъ настоятель.

— По 80 копеекъ и по одному рублю въ день, смотря по времени, въ страду дороже,—отвѣтилъ я.

— Вотъ видите, баринъ,—проговорилъ Матвѣй и началъ кашлять, хватаясь за грудь:—это изъ казны вѣдь, а можетъ ли помѣщикъ столько платить? Онъ по міру пойдетъ и заброситъ свой участокъ. А дешевле къ нему не пойдутъ,—закончилъ онъ.

— Въ Тюхтетѣ богатые мужики нонче въ покосъ по 60 копеекъ нанимали около деревни работниковъ,—замѣтилъ Абрамій.

— Тяжко имъ будетъ здѣсь,—со вздохомъ замѣтилъ настоятель.—Въ Россеѣ не могли сохранить своихъ имѣній при дешевомъ трудѣ, а здѣсь куда ужъ! и онъ махнулъ рукой.

— Потребностей много у нихъ, барства, въ нѣгѣ да въ роскоши приобывали жить, умѣрять своихъ похотей не хотятъ,—прошамкалъ сѣдовласый старикъ.

— А пусть здѣсь разбираютъ землю помѣщики, — крикнулъ Матвѣй:—наши же мужички въ аренду у нихъ будутъ брать, какъ сами не прѣдутъ, крестьяне же будутъ пользоваться да скупать, извѣстно дѣло...

Я почувствовалъ нѣкоторую «оторопь», слушая доводы «таежниковъ», рисовавшихъ весьма неказистую перспективу судьбы будущихъ «дворянскихъ участковъ». Мнѣ представлялись такіе участки мѣстами купли и перепродажи и средствомъ обогащенія для всевозможныхъ аферистовъ и хищниковъ...

Стало темно въ молельнѣ. Одинъ изъ старцевъ засвѣтилъ восковую свѣчу... тускло она замерцала въ обширной горницѣ. Строгіе лики святыхъ, изображенныхъ на древнихъ иконахъ, еще мрачнѣе смотрѣли изъ полумрака. Дѣлалось какъ-то жутко въ этой обители людей, готовящихся къ смерти, но не въ одиночку, а общиной.

— Какого вы толку, часовеннаго?—спрашивалъ я.

— Да,—нехотя отвѣтилъ настоятель, какъ будто бы не желая начинать разговора объ этомъ предметѣ.—Молитесь Богу во всякой вѣрѣ и исповѣданіи можно, лишь бы не грѣшить да искупать свои грѣхи юности молитвою и постомъ...

И онъ началъ перебирать лѣстовку, замѣнявную четки, шепча молитву; то же стали дѣлать и остальные иноки. Нѣкоторые украдкой позѣвывали: видно, что были утомлены послѣ дневныхъ трудовъ.

— Устали, вѣроятно, за день-то,—сказалъ я, поднимаясь.

— Да, у каждаго изъ насъ есть свое послушаніе,—проговорилъ о. Пахомій:—всѣ мы трудимся, кто на мельницѣ, кто на пашнѣ, кто въ лѣсу, кто со скотомъ.

— Это ваша корова давеча мычала?—спросилъ я.

— Есть у насъ немного скотинки... Это буренку-то ты изъ лѣсу пригналъ, о. Таисій?—обратился онъ къ самому молодому иноку, имѣвшему болѣе 65 лѣтъ отъ роду.

— Я, отче,—отвѣчилъ онъ съ поклономъ.

— А объдаете-то вы вмѣстѣ?

— Всѣ собираемся за трапезу вкупѣ. Скудная наша трапеза,—проговорилъ настоятель:—мяса мы не ѣдимъ, а рыбешка въ рѣчкѣ плохая, пискари да окуньки. Вотъ Матвѣюшко намъ помогаетъ, кое-что его жена намъ приноситъ, хлѣба да ухи. Плохіе повара-то у насъ, больно молоденькіе,—проговорилъ онъ съ усмѣшкой.

— Ну, прощайте, отцы, помолитесь и за насъ, грѣшныхъ,—говорилъ я раскланиваясь.

— Ваши молитвенники, — говорилъ съ поклономъ о. Пахомій, протягивая мнѣ руку.—Только не тревожьте нашу старость и не гоните насъ.

И онъ вышелъ на крыльцо насъ проводить.

— Будьте покойны и живите съ Богомъ,—сказалъ я на прощанье, удаляясь отъ обители, сопровождаемый Абрамѣемъ и Матвѣемъ.

— Ну, теперь успокоятся старички,—сказалъ Абрамій.

— Уйдутъ навѣрно, какъ найдутъ новоселы, — проговорилъ, кашляя, Матвѣй.—...я-то только этого не увижу,—прибавилъ онъ.

— Почему такъ?

— Предвижу скорую свою кончину, ибо болѣзнь моя съѣла меня,—проговорилъ онъ угрюмо.

— Ты бы доктору показался, — замѣтилъ я, идя въ темнотѣ среди густого тумана по направленію къ костру, разложенному нашими «ребятами».

— А что мнѣ дохтуръ новаго скажетъ? Я и безъ него знаю, что скоро умру,—сказалъ онъ спокойно...

Меня поразило спокойствіе, съ которымъ эти отшельники встрѣчаютъ смерть, вдали, въ глухомъ лѣсу, гдѣ они не боятся своего конца и даже избѣгаютъ медицинской помощи. Фанатизмъ здѣсь соединился съ вѣрой въ Провидѣніе, вытѣснивъ страхъ...

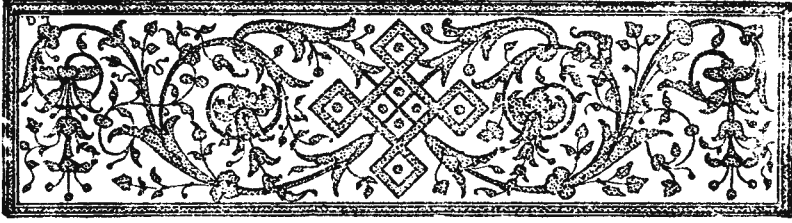
На другой день Матвѣй Гусевъ проводилъ насъ до рѣки Кандата, переправа черезъ которую, несмотря на значительныя неудобства, прошла благополучно. Онъ остался одинокимъ на противоположномъ берегу. Въ выраженіи его лица было что-то не отъ міра сего; онъ неопредѣленно смотрѣлъ вдаль и вверхъ, какъ бы силясь узнать, что ожидаетъ его въ этомъ сѣровато-голубомъ небѣ, куда онъ твердо надѣялся скоро попасть, ибо дѣйствительно стоило взглянуть на него, и можно было заключить, что онъ «не жилецъ» на этомъ свѣтѣ. И это подтвердилось... онъ не дотянулъ до слѣдующей весны и тихо скончался въ своей избѣ, отпѣтый старцами и

похороненный невдалекѣ отъ своего жилища. Жена его осталась служить старцамъ. Такъ безвѣстно рождаются и умираютъ эти отшельники тайги, часто не попадая въ «посемейные» и другіе списки.

Переправившись на другую сторону рѣки Кандата, мы возвратились по старому пути на заимку Поваренкину, а затѣмъ въ деревню Тюхтетъ и закончили такимъ образомъ эту поѣздку въ тайгу, имѣвшую цѣлью своей ознакомленіе съ удобными для культуры мѣстами, облюбованными и частью уже разработанными руками таежныхъ жителей, именуемыхъ общимъ названіемъ старцевъ.

П. И. Соколовъ-Костромской.

ПОДЛОЖНЫЙ УКАЗЪ.

(Исторія одного крестьянскаго бунта).

ПРОИЗОШЛА эта трагикомическая исторія въ с. Михайловкѣ Х—ской губерніи около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, а такъ какъ нѣкоторыя изъ лицъ, принимавшихъ въ ней участіе, можетъ быть, благополучно здравствуютъ и понынѣ, то я называю ихъ здѣсь вымышленными фамиліями, оставляя въ полной неприкосновенности весь ходъ и детали передаваемого ниже событія.

I.

Обѣдня только что окончилась, и обыватели с. Михайловки, наполнявшіе по случаю престольнаго праздника не только свой довольно таки убогій храмъ, но даже и всю церковную ограду,—потянулись группами и поодиночкѣ въ разныя стороны обширнаго села. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, мѣстный сотскій Андрей Тупало подозвалъ къ себѣ нѣсколькихъ сельскихъ десятскихъ и обратился къ нимъ со слѣдующимъ приказаніемъ:

— Эй, вы, полиція! Пока народъ не разошелся еще по домамъ, объявите всѣмъ, чтобы послѣ обѣда собирались къ правленію на сходку!

— А что тамъ будетъ разбираться, Иванъ Степанычъ?—спросилъ его десятскій Петръ Опанасенко, молодой и, какъ можно было судить по одеждѣ, зажиточный крестьянинъ.

— Да старшина съ писаремъ прѣхали: будутъ читать сенатскій указъ насчетъ отвода земли нашимъ солдатскимъ дѣтямъ,— отвѣчалъ съ начальническимъ апломбомъ Тупало.

— А развѣ нашему обществу вышла прибавка надѣла?— обратился къ сотскому удивленный Опанасенко.

— Какая тамъ прибавка,—никакой прибавки!—серdito произнесъ Тупало.

— Тогда откуда же мы возьмемъ земли для солдатскихъ дѣтей?— спросили прочіе слушатели.

— Откуда? Ну, начальство объ этомъ не спрашиваетъ!— протянулъ сотскій, закуривая папиросу:— велитъ отвести надѣлъ, и отведете!

— Эге-ге, такъ это же та самая исторія, съ которой наше общество лѣтъ пять уже возится!— замѣтилъ подошедшій къ бесѣдующимъ какой-то старичокъ.

— Вотъ, вотъ, она самая!— успѣшилъ отвѣтить сотскій, лукаво ухмыляясь. Затѣмъ, подтвердивъ десятскимъ, чтобы они успѣшили предупредить народъ о предстоящей сходкѣ, Тупало присоединился къ первой толпѣ крестьянъ и степенно зашагалъ къ своему дому, стоявшему неподалеку отъ церкви.

— Ну, братцы,— обратился послѣ ухода сотскаго къ своимъ товарищамъ десятскій Гринченко:— наплюете мнѣ въ глаза, если у насъ изъ-за этихъ солдатскихъ дѣтей опять не выйдетъ на сходкѣ какая нибудь «чудасія».

— Я тоже думаю, что случится опять каверза, какъ то было года три тому назадъ,—согласился съ нимъ Опанасенко.

— А выйдетъ, непременно выйдетъ!— произнесли почти въ одинъ голосъ и остальные десятскіе, расходясь по разнымъ направленьямъ..

Дабы читатели могли себѣ лучше уяснить дальнѣйшій ходъ излагаемыхъ здѣсь событій, необходимо будетъ сообщить имъ вкратцѣ сущность незамысловатой исторіи михайловцевъ съ солдатскими дѣтями, на чтò указывали сотскій Тупало и подчиненные ему десятскіе.

Дѣло въ томъ, что въ Михайловкѣ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ деревняхъ, потомки крестьянъ, попавшихъ на военную службу до X ревизіи (1857 г.), не были надѣлены землею при упраздненіи у насъ крѣпостной зависимости; считаясь солдатскими дѣтями, они принадлежали уже къ числу свободныхъ людей и посему-то потеряли право на пользованіе землей. Конечно, на первыхъ порахъ никто изъ солдатскихъ дѣтей не придавалъ этому обстоятельству особеннаго значенія, имѣя возможность заниматься хлѣбопашествомъ на поляхъ своихъ односельчанъ, внося за пользованіе землей самую незначительную арендную плату; но когда съ теченіемъ времени стоимость земли сильно возросла, благодаря

быстрому увеличенію населенія, тогда потомки христілюбивыхъ воинновъ стали ходатайствовать о томъ, чтобы имъ тоже были отведены опредѣленные надѣлы изъ такъ называемыхъ запасныхъ общественныхъ участковъ, образовавшихся изъ надѣловъ, остающихся послѣ смерти бездѣтныхъ крестьянъ, послѣ отправленныхъ въ ссылку по общественнымъ приговорамъ лицъ, а такъ же отъ тѣхъ бѣглецовъ, которые не явились въ родное село и послѣ объявленія воли. Понятно, что въ большинствѣ случаевъ подобныя ходатайства оставались не удовлетворенными, такъ какъ въ силу извѣстнаго «положенія» о вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянахъ они были лишены какихъ бы то ни было юридическихъ основаній. Иногда, впрочемъ, случалось, что при энергическомъ вмѣшательствѣ вышшаго начальства солдатскія дѣти достигали желаемой цѣли. На подобной же почвѣ разыгралась и та исторія, о которой я хочу говорить въ настоящей статьѣ. Въ Михайловкѣ насчитывалось уже столько солдатскихъ семействъ, что для удовлетворенія ихъ землею, хотя бы въ самой умѣренной степени, необходимъ былъ участокъ, по крайней мѣрѣ, въ 700 десятинъ. Правда, при добромъ и единодушномъ согласіи общества михайловцы могли бы найти это количество земли; однако, «миръ», не взирая на совѣты и даже приказанія ближайшихъ властей, упорно отказывался исполнить просьбу солдатскихъ дѣтей, считая ихъ лицами совершенно чужими для прочихъ обывателей Михайловки. Постепенно дѣло дошло до правительствующаго сената, который, войдя въ положеніе безземельныхъ просителей, сталъ на ихъ сторону, предписавъ отвести солдатскимъ дѣтямъ 700 десятинъ земли изъ принадлежащаго крестьянамъ с. Михайловки надѣла. Указъ относительно этого вопроса и предстояло михайловцамъ выслушать сегодня на сельской сходкѣ.

II.

Не прошло и часу послѣ обѣдни, какъ почти всѣ домохозяева, имѣющіе право голоса на сходкѣ, находились подлѣ зданія сельскаго правленія. Разбившись на большія и малыя группы, крестьяне принялись на всевозможные лады обсуждать дальнѣйшій образъ своихъ дѣйствій въ отношеніи назойливыхъ солдатскихъ дѣтей. Издали волнованнѣйшій и галдѣвшій сходъ напоминалъ своимъ глухимъ ропотомъ отдаленный прибой морскихъ волнъ или шумъ возвращающагося вечеромъ съ поля деревенскаго стада. По временамъ изъ общаго гула тысячи голосовъ выдѣлялись особенно энергичныя выраженія, направляемые по адресу людей, желающихъ во что бы то ни стало урѣзать и безъ того слишкомъ скудный надѣлъ михайловскаго общества. Появленіе на порогѣ дверей сельской «расправы» волостного старшины, сопровождаемаго мѣстнымъ

старостой и писаремъ, заставило толпу притихнуть и поближе придвинуться къ крыльцу правленія. Передніе ряды, состоявшіе преимущественно изъ сѣдобородыхъ почтенныхъ крестьянъ, замерли въ безмолвномъ ожиданіи чтенія рокового указа; позади же ихъ сходъ еще не совсѣмъ успокоился и, словно разбушевавшаяся рѣка, постепенно приходилъ въ нормальное состояніе. Когда, наконецъ, кругомъ установилась полная тишина, старшина обратился къ міру со слѣдующими словами:

— Братцы, вчера былъ мною полученъ указъ правительствующаго сената о томъ, чтобы ваше общество отрѣзало для проживающихъ въ Михайловкѣ солдатскихъ дѣтей 700 десятинъ земли изъ своего надѣла; если же это не будетъ исполнено вами въ самомъ непродолжительномъ времени, то виновные подвергнутся строжайшему наказанію по закону. Слышите?

— Слышимъ, Андронъ Марковичъ, слышимъ! — раздались въ толпѣ голоса.

— Вотъ и прекрасно, коли слышите; тогда и разговоръ нашъ съ вами будетъ коротокъ, — отвѣчалъ старшина. — Завтра же и приступайте къ отводу земли.

— А ты, Марковичъ, вели-ка писарю прочесть намъ сенатскую бумагу отъ первой до послѣдней строки! — обратился къ старшинѣ одинъ изъ стоявшихъ впереди крестьянъ.

— Да, да, непременно просимъ прочесть намъ указъ: интересно послушать, о чемъ тамъ пишется! — разомъ загалдѣли мужички.

— Для чего вамъ читать его весь? — спросилъ старшина.

— А для того, чтобы узнать, не подложный ли онъ, — потому всяко теперь бываетъ съ этими самыми бумагами! — послышалось нѣсколько голосовъ изъ середины толпы.

— Ну, вы, братцы, не болтайте зря такихъ непутевыхъ словъ! — закричалъ старшина. — Или вы не понимаете, что коли указъ прошелъ губернаторскія руки, то ужъ онъ настоящій, а не фальшивый?..

— Такъ-то оно такъ, Марковичъ, но только надо бы намъ дѣйствовать по пословицѣ: «семь разъ примѣрай, а одинъ разъ отрѣжь», — возразили нѣкоторые старички.

— Да я и самъ не прочь, чтобы вы прослушали весь указъ, — произнесъ старшина и вслѣдъ за этимъ велѣлъ писарю приступить къ чтенію бумаги. Народъ съ особеннымъ вниманіемъ прислушивался къ громкому голосу и довольно выразительной дикціи чтеца; когда же онъ умолкъ, на сходѣ еще въ теченіе нѣсколькихъ минутъ царилъ гробовая тишина, изрѣдка лишь прерываемая кашлемъ и глубокими вздохами кое-кого изъ присутствующихъ. Но вотъ «міръ» сразу и громко зашумѣлъ:

— Какъ же это такъ, братцы? — послышались голоса изъ толпы. — Нешто есть такой законъ, чтобы сначала давать обществу

землю, а потомъ отнимать ее у него, а? Если мы, къ примѣру, дадимъ солдатскимъ потомкамъ 700 десятинъ, то что же тогда нашимъ-то дѣтямъ останется?.. Столько годовъ пользовались землей-матушкой, а теперь ни за что, ни про что отдавать ее этой ненасытной гольтѣбѣ? Нѣтъ, Марковичъ, нѣтъ, ты себѣ тамъ какъ хочешь, а только мы не согласны на отрѣзъ этого участка земли!..

— Пусть себѣ, у кого хотять, просятъ надѣла, но пусть оставятъ ужъ насъ въ покоѣ!—шумѣли задніе ряды.

— Позвольте, однако, братцы, какъ это вы можете не согласиться съ царскимъ указомъ?—задалъ «міру» вопросъ старшина.

— Какъ? Да очень просто: не согласны—вотъ тебѣ и весь сказъ!—кричали мужики, раздражаясь все болѣе и болѣе.

— А какъ же указъ правительствующаго сената?—вновь спросилъ старшина:—вѣдь за неисполненіе его васъ, братцы, ожидаетъ самая жестокая кара...

— Указъ? Да онъ, навѣрное, подложный! — зашумѣлъ въ отвѣтъ сходъ.—Этого не можетъ быть, чтобы сенатъ рѣшилъ дѣло въ пользу нашихъ супротивниковъ!

— Ну, смотрите, братцы, чтобы потомъ не пришлось вамъ дорого расплачиваться за подобное ослушаніе!—замѣтилъ старшина, воспользовавшись наступившимъ на минуту молчаніемъ народа.

— Ничего, Марковичъ, ничего: нашъ грѣхъ, нашъ и отвѣтъ за него! — дружно прокричали крестьяне.—Только мы такъ разумѣемъ, что за подложный указъ намъ и отвѣчать не придется... Вѣрно, ребята, что и растабарывать тутъ лишнее! — развязнымъ тономъ поддерживала молодежь старичковъ.

— Коли такъ, то я, братцы, умываю руки! — воскликнулъ наконецъ потерявшій всякую надежду убѣдить мужиковъ старшина.—Дѣлайте, что хотите, но только помянете мое слово: не миновать вамъ строгаго наказанія!

— Заварить-то вы кашу заварили, да какъ-то расхлебаете?..

— Ничего, какънибудь расхлебаетъ, потому наше дѣло кругомъ правильное!—отвѣчали стоявшіе впереди старики.

Видя настроеніе общества, старшина прекратилъ бесѣду съ михайловцами, не позабывъ, однако, предложить присутствовавшимъ тутъ же на сходѣ солдатскимъ дѣтямъ выѣхать на слѣдующій день въ поле, куда долженъ будетъ явиться староста съ понятиями для выполненія сенатскаго указа.

— Пусть и не думаютъ выѣзжать, потому все равно имъ придется возвращаться домой, не солоно хлебавши!—послышались изъ толпы угрожающіе голоса, вслѣдъ за которыми раздались еще болѣе озлобленныя восклицанія:—Земля—общественная, и безъ мірскаго согласія никто не имѣетъ права распоряжаться ею!

— Намъ и самимъ тѣсно, а дѣтямъ нашимъ будетъ еще тѣснѣе,—гдѣ ужъ тутъ дарить 700 десятинъ!..

Дабы положить конецъ подобнымъ препирательствамъ, принимающимъ все болѣе и болѣе воинственный характеръ, старшина поспѣшилъ распуснуть сходъ и уѣхалъ изъ Михайловки.

III.

Не успѣли солдатскія дѣти выѣхать на другой день въ поле, какъ туда же не замедлила явиться огромная толпа надѣльныхъ крестьянъ, вооруженныхъ цѣпами, косами, вилами и прочими орудіями домашняго обихода. Въ виду могущей возникнуть кровавой междоусобицы, староста и не думалъ, конечно, о возможности привести въ исполненіе сенатскій указъ, найдя болѣе удобнымъ сообщить старшинѣ о сопротивленіи михайловцевъ и о принятіи соотвѣтствующихъ мѣръ съ цѣлью предотвращенія какихъ бы то ни было осложненій. Получивъ донесеніе старосты, волостной старшина вынужденъ былъ рапортовать о происшествіи становому приставу.

Такимъ образомъ дѣло начинало принимать серіозный оборотъ, выйдя за предѣлы волости и поступая въ вѣдѣніе полиціи. Несмотря на это, обыватели Михайловки отнюдь не тревожились, будучи глубоко убѣждены въ несомнѣнной подложности указа. Не удивительно поэтому, что и пріѣздъ станового нисколько не измѣнилъ настроенія крестьянъ; наоборотъ, излишняя горячность пристава только еще болѣе взбудоражила крестьянъ, которые твердо стояли на своемъ. Весьма естественно, что при такомъ положеніи вещей приставу ничего больше не оставалось, какъ телеграфировать обо всемъ уѣздному исправнику, который къ утру слѣдующаго дня прибылъ на мѣсто происшествія.

Остановившись въ Михайловскомъ сельскомъ правленіи и разспросивъ старосту о причинахъ возникшаго возмущенія крестьянъ, исправникъ тотчасъ же приказалъ созвать сходъ. Когда почти все обыватели Михайловки, не исключая даже дѣтей, женщинъ и стариковъ, собрались на площади, окружавшей «расправу»,—исправникъ вышелъ на крыльцо правленія. При видѣ начальника крестьяне обнажили головы и стали ближе надвигаться на стоявшихъ впереди стариковъ. Когда, спустя минутъ пять, сходъ успокоился, исправникъ спросилъ:

— Господа, правда ли, что вы, будто бы, осмѣлились не исполнить царскаго указа?

Толпа безмолвствовала, словно не понявъ заданнаго ей вопроса.

— Я не хочу, я боюсь этому вѣрить! — продолжалъ исправникъ. — Помилуйте, самъ правительствующій сенатъ повелѣваетъ отвести солдатскимъ дѣтямъ землю, а вы и знать этого не желаете!.. Или вамъ не извѣстно, что за подобное слушаніе виновниковъ ожидаетъ самая строгая кара?..

Народъ хранилъ прежнее молчаніе.

— Видя ваше молчаніе, я къ ужасу и стыду своему окончательно убѣждаюсь въ томъ, что вы дѣйствительно оказались ослушниками и бунтовщиками въ глазахъ высшаго правительства, и мнѣ ничего не остается, какъ только довести объ этомъ до свѣдѣнія его превосходительства, г. начальника губерніи... Послѣднія слова исправника вызвали толпу изъ оцѣпенѣнія, и среди нея послышались отдѣльные голоса:

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, мы не бунтовщики и не ослушники! Мы—вѣрные слуги царскіе!

— Почему же вы не захотѣли исполнить указъ сената?—снова спросилъ исправникъ.

— Да чего, ваше высокородіе, и исполнять-то этотъ указъ, коли онъ не настоящій, а фальшивый!—уже болѣе смѣло и увѣренно зашумѣла толпа.

— Откуда же это вы взяли, что присланный и прочитанный вамъ указъ — не настоящій? — обратился къ народу изумленный такимъ страннымъ отвѣтомъ исправникъ.

— Слухомъ земля полнится, ваше высокородіе!—крикнули дружно старички.—Объ этомъ, почитай, все село говоритъ уже! — подхватили стоявшіе въ заднихъ рядахъ мужики.

— Но, вѣдь, я-то, я вашъ исправникъ говорю вамъ, что здѣсь никакого подлога нѣтъ, да и быть не можетъ! — старался вразумить крестьянъ представитель власти. — Или вы и мнѣ не вѣрите, а?

— Отчего, ваше высокородіе, не вѣримъ,—мы-то не прочь вѣрить, коли бумага настоящая, да только трудно нынѣ разобратъся-то въ этихъ самыхъ бумагахъ,—такая уйма ихъ развелась!.. Нешто разберешь теперь, гдѣ фальшивая, а гдѣ настоящая... Вотъ надѣсь ивановцы наши получили изъ города казенную бумагу насчетъ битя жидовъ и, недолго думая, давай ихъ разносить; а потомъ вышло, что приказъ-то этотъ былъ ложный. Ну, извѣстное дѣло, послѣ такой исторіи человѣкъ десять ивановцевъ и пошли въ тюрьму на отсидку... Вотъ и вѣрь тутъ всякой бумагѣ!—закончилъ стоявшій ближе другихъ къ крыльцу дѣдъ Агаеонъ, родственникъ старосты.

— Извѣстно, братцы, «семь разъ отмѣрай, а одинъ разъ отрѣжь!»—поддержали старики въ толпѣ.

— Такъ вы, значитъ, рѣшительно не желаете подчиниться указу правительствующаго сената? — спросилъ исправникъ, начиная терпѣніе.

— Какъ не желаемъ, ваше высокородіе, — желаемъ! — послышались голоса. — Гдѣ же это видано, чтобы народъ шелъ супротивъ царскаго приказа? Только мы, ваше высокородіе, никакъ

въ толкъ не возьмемъ, чего ради начальство вдругъ вздумало отнимать у насъ землю и отдавать ее другимъ людямъ.

— Но поймите же, наконецъ, что это—дѣти вашихъ односельчанъ, оставшихся безъ надѣловъ по причинѣ пребыванія на военной службѣ! — сердитымъ голосомъ произнесъ исправникъ. — Вы забываете, что, быть можетъ, не одинъ изъ этихъ солдатъ и голору сложилъ на полѣ брани, сражаясь за царя и отечество...

— Вѣрно, ваше высокородіе, вѣрно, что и говорить; одначе, при чемъ же мы-то здѣсь?—спрашивали нѣкоторые крестьяне.—Ну, служили люди государю-батюшкѣ, —пусть казна и награждаетъ ихъ дѣтей землею, а насъ-то для чего обижать?.. Нѣтъ, ваше высокородіе, въ настоящей сенатской бумагѣ не можетъ быть такого приказа, чтобы мы отдали другимъ людямъ свою землю.

— Слѣдовательно, вы все-таки не можете отвести солдатскимъ дѣтямъ надѣлъ, какъ то вамъ предписано?—обратился съ сходу исправникъ.

— Такъ точно, ваше высокородіе, не можемъ, потому что у насъ и безъ того насчетъ земли большое стѣсненіе,—загадѣли опять въ толпѣ.

— Ну, какъ вамъ угодно, господа, а я строжайше приказываю старостѣ, чтобы сенатское постановленіе было завтра же исполнено... Слышите, староста?!

— Слушаю, ваше высокородіе,—отвѣтилъ нерѣшительнымъ голосомъ представитель михайловскаго общества, оглядываясь на стоявшій позади него «миръ».

— Не будетъ этого! Не допустимъ, ваше высокородіе,—потому указъ фальшивый!.. Будемъ жаловаться самому государю!—слышались отдѣльные голоса.

— Ладно, ладно, посмотримъ, кто изъ насъ будетъ правъ; а земля завтра же должна быть отдана просителямъ!—произнесъ исправникъ, удаляясь внутрь сельскаго правленія.

Нечего, разумѣется, и говорить, что выѣхавшія на другой день въ поле солдатскія дѣти встрѣтили со стороны прочихъ михайловцевъ прежнее сопротивленіе, о чемъ староста не замедлилъ донести по начальству. Когда объ этомъ узналъ исправникъ, то въ свою очередь поспѣшилъ телеграфировать о происшествіи начальнику губерніи, прося указанія дальнѣйшаго образа дѣйствіи въ столь затруднительномъ положеніи.

IV.

Получивъ телеграмму о крестьянскомъ бунтѣ въ Михайловкѣ, губернаторъ, прежде всего, вызвалъ къ себѣ исправника и, разспросивъ его подробно обо всемъ случившемся, замѣтилъ:

— Миѣ кажется, что вы нѣсколько преувеличиваете сущность михайловскаго возмущенія. Думаю, что при нѣкоторомъ тактѣ и

знаніи крестьянской жизни дѣло можно было бы уладить мирными средствами.

— Ваше превосходительство,—отвѣчалъ исправникъ:—я уже истощилъ въ данномъ случаѣ все свое краспорѣчіе и все зависяція отъ меня средства, чтобы образумить крестьянъ, которыхъ знаю хорошо болѣе пяти лѣтъ, однако все оказалось тщетно... Откровенно говоря, мнѣ, ваше превосходительство, въ теченіе моеи продолжительной службы еще ни разу не приходилось наталкиваться на такое упрямство, какое обуяло на этотъ разъ обывателей Михайловки...

— Странно,—замѣтилъ какъ бы про себя начальникъ губерніи,—въ такомъ случаѣ, я попробую послать туда еще одного изъ совѣтниковъ своего правленія, который прежде долго служилъ мировымъ посредникомъ въ указанной вами мѣстности и долженъ хорошо знать нравы тамошнихъ мужичковъ.

— Это—не господинъ ли Янтаревъ?—спросилъ исправникъ.

— Вотъ, вотъ—онъ самый! Я хочу послать его въ Михайловку еще потому, что этому человѣку уже не разъ приходилось распутывать подобныя исторіи, не прибѣгая къ особымъ репрессаліямъ... Попробуемъ, авось, ему и на сей разъ придется покончить дѣло безъ вмѣшательства солдатъ и розогъ...

— Врядъ ли, ваше превосходительство, ему удастся достигнуть этого?—сказалъ исправникъ, уходя изъ пріемной губернатора.

— Посмотримъ, посмотримъ,—произнесъ, улыбаясь, начальникъ губерніи и тотчасъ же отдалъ распоряженіе относительно приглашенія къ себѣ Янтарева, который въ тотъ же день и выѣхалъ въ Михайловку въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій, исправника и нѣсколькихъ человѣкъ низшей полиціи.

Иванъ Васильевичъ Янтаревъ дѣйствительно принадлежалъ къ числу весьма опытныхъ чиновниковъ и въ свое время, будучи мировымъ посредникомъ, пользовался большимъ довѣріемъ и симпатіями со стороны крестьянъ, которые всегда видѣли въ немъ начальника, основательно знакомаго съ положеніемъ и нуждами современной деревни. Убѣждая въ чемъ нибудь народъ, онъ прежде всего старался показать ему все его невѣжество въ отношеніи знанія закона и сложной административной машины; затѣмъ, имѣя постоянно въ виду всѣхъ крестьянъ, играющихъ болѣе или менѣе активную роль въ своемъ обществѣ и склонныхъ всегда къ агитаціи, а также и распространенію всевозможныхъ нелѣпыхъ слуховъ, Янтаревъ, при началѣ какихъ бы то ни было народныхъ волненій, обращалъ главное вниманіе на подобныхъ вожаковъ и прежде всего стремился къ тому, чтобы поколебать и унижить ихъ авторитетъ въ глазахъ цѣлага общества. Въ данномъ случаѣ огромное значеніе имѣлъ природный юморъ Ивана Васильевича и умѣнье его владѣть въ совершенствѣ народнымъ языкомъ.

Прибывъ на мѣсто «проясненія» и собравъ народъ къ сельскому правленію, Янтаревъ послѣ краткой бесѣды съ писаремъ вышелъ на крыльцо и обратился къ старостѣ со слѣдующими словами:

— А, ну-ка, давайте мнѣ сюда Петра Могила, Ивана Ткача и Сергѣя Заричанскаго! Я хорошо знаю, что вся эта катавасія не обоплась безъ ихъ участія. Гдѣ жъ таки видано, чтобы главные михайловскіе умники и «аблакаты» были въ сторонѣ отъ подобной исторіи?...

Черезъ нѣсколько минутъ три названные крестьянина уже стояли предъ крыльцомъ правленія и, теребя въ рукахъ свои шапки, смотрѣли исподлобья на украшенную орденами грудь начальника.

— Ну-съ, господа,—обратился къ нимъ въ нѣсколько шутивымъ тономъ Янтаревъ,—разскажите-ка мнѣ, какъ это вы умудрились внушить цѣлому обществу, что указъ сената о надѣленіи солдатскихъ дѣтей землею не заслуживаетъ довѣрія, а?

«Законники» безмолвно переминались съ ноги на ногу и какъ-то нерѣшительно поглядывали другъ на друга, продолжая попрежнему мять шапки.

— Что же вы молчите?—снова спросилъ ихъ чиновникъ:—я думаю, михайловцы совѣтовались съ вами относительно указа?

— Такъ точно, ваше высокородіе, совѣтовались!—отвѣтилъ наконецъ Могила, очевидно, бывший солдатъ.

— Ну, и что же вы отвѣтили обществу?

— Да мы, ваше высокородіе, сказали, что коли этотъ указъ не подложный, а настоящій, то его непременно надо исполнить.

— Такъ по-вашему, значитъ, сенатскій указъ можетъ быть и подложнымъ?—спросилъ Янтаревъ.

Отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало.

— Если это такъ,—продолжалъ чиновникъ,—то вы оказываетесь умнѣе становаго пристава, исправника и прочаго начальства, принявшаго указъ за подлинную правительственную бумагу? Хороши вы послѣ такой исторіи, нечего сказать!.. А отъ васъ, Могила, Заричанскій и Ткачъ, я ужъ никогда не ожидалъ ничего подобнаго! И въ какой это школѣ вы научились такой премудрости, а? Да вамъ бы уже давнымъ давно надо самимъ губернаторствовать, а не здѣсь въ деревенскомъ навозѣ копаться... И не диво,—заговорилъ послѣ нѣкотораго молчанія Янтаревъ,—если бы такую околесицу несли обыкновенные темные мужики, а то, вѣдь, лучшіе и притомъ хорошо грамотные крестьяне; мало того, Могила былъ на службѣ фельдфебелемъ, Ткачъ состоитъ присяжнымъ заседателемъ, Заричанскій—гласнымъ!.. Какіе же изъ васъ будутъ народные представители, если вы настоящій царскій указъ приняли за какую-то фальшивую бумагу?...

— Да мы, ваше высокородіе, и не думали говорить, что указъ не настоящій,—заявилъ Ткачъ.—Только міръ пришелъ по этому случаю въ большое сумлѣніе и не могъ въ толкъ взять, какъ это можно, чтобы вдругъ, ни съ того, ни съ сего, отобрать у насъ часть земли и отдать ее солдатскимъ дѣтямъ.

— То-есть, какъ же это такъ: ни съ того, ни съ сего?—спросилъ Янтарева.—По-вашему, слѣдовательно, выходитъ, что сенатскій указъ заключаетъ въ себѣ какой-то произволъ, а?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе,—поспѣшилъ отвѣтить Ткачъ:—беззаконства мы тутъ никакого не видимъ, а только міръ сумлѣвается больно...

— Понятно, міръ будетъ сомнѣваться, если такіе молодцы, какъ вы, станутъ сбивать его съ толку и говорить разную чепуху!—прервалъ Ткача чиновникъ.—А вы бы лучше постарались міру доказать, что тутъ нѣтъ никакого обмана, и что разъ бумага вручается обществу начальствомъ, то ужъ она не можетъ быть фальшивой...

— Какъ же это мы можемъ доказать міру?—обратился къ Янтареву Могила.

— Какъ? Да очень просто: заявите сейчасъ обществу, что вы прежде сомнѣвались въ подлинности бумаги, а теперь окончательно убѣдились въ томъ, что здѣсь нѣтъ никакого обмана...

«Представители» молча переглянулись и вновь понурили головы.

— Ну, что же вы? Идите къ міру!—заговорилъ чиновникъ рѣшительнымъ голосомъ. Могила, а за нимъ Ткачъ и Заричанскій повернулись и медленными, колеблющимися шагами направились къ глухо шумѣвшей позади нихъ «громадѣ». Черезъ нѣсколько минутъ они были плотно окружены толпою наиболѣе вліятельныхъ михайловцевъ, которые подняли невообразимый гамъ. По временамъ до ушей Янтарева то и дѣло долетали возгласы: «не вѣрьте ему, братцы», «тутъ безпримѣнно обманъ», «не давать земли», «мало ли что онъ будетъ рассказывать тамъ»... и т. д. Наконецъ міръ мало-по-малу успокоился, и къ зданію правленія опять подошли въ качествѣ парламентаровъ прежніе «законники».

— Ну, какъ дѣла?—нетерпѣливо спросилъ ихъ чиновникъ.

— Плохо, ваше высокородіе!—отвѣчалъ Ткачъ.

— Почему плохо?

— Да общество, ваше высокородіе, все-таки не вѣритъ, что указъ настоящій, и попрежнему не желаетъ исполнить его.

— А вы разъяснили міру, что своимъ упрямствомъ онъ навлекаетъ на себя тяжкую кару закона?—спросилъ Янтарева.

— Сообщали, ваше высокородіе,—отвѣчалъ скороговоркой Заричанскій:—только мужики наши, словно белены объѣлись,—слушать уже ничего не хотятъ.

— Въ такомъ случаѣ пусть народъ поближе подойдетъ ко мнѣ,— обратился Янтаревъ къ старостѣ.

Толпа не замедлила почти вплотную придвинуться къ крыльцу сельскаго правленія и, затаивъ дыханіе, приготовилась выслушать рѣчь губернскаго чиновника.

— Кажется, братцы, вы все знаете меня уже не одинъ годъ,— началъ Янтаревъ. — Немало разныхъ дѣло приходилось мнѣ распутывать у васъ еще тогда, когда я былъ вашимъ мировымъ посредникомъ. Думаю, что послѣ такого продолжительнаго знакомства мы должны бы вѣрить уже другъ другу, не такъ ли?

— Точно такъ, ваше высокородіе! Что правда, то правда!—зашумѣла «громада».

— Мало того, я попрошу васъ вспомнить всю мою службу въ качествѣ посредника и сказать, былъ ли хотя одинъ случай, чтобы я говорилъ вамъ неправду?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокородіе, мы всегда вѣрили вамъ и исполняли ваши совѣты!—еще громче и дружнѣе отвѣчали крестьяне.

— Если это такъ, то вы и сейчасъ должны бы повѣрить мнѣ и послѣдовать моему совѣту отвести солдатскимъ дѣтямъ требуемое указомъ количество земли...

— Да мы, нешто, не вѣримъ вашему высокородію? Мы всегда готовы вѣрить хорошему слову.

— Тогда почему же вы не признаете дѣйствительности сенатскаго указа, разъ я не нахожу его подложнымъ?—спросилъ Янтаревъ.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было полное молчаніе со стороны «міра».

— Итакъ, вы все-таки стоите на своемъ, не желая подчиниться царскому повелѣнію?—вновь обратился къ толпѣ послѣ довольно продолжительнаго молчанія и напряженнаго ожиданія чиновникъ губернатора.

«Миръ» попрежнему безмолвствовалъ, подтверждая такимъ образомъ свое первоначальное рѣшеніе не давать солдатскимъ дѣтямъ опредѣленной имъ сенатомъ земли. Видя это, Янтаревъ категорически заявилъ михайловцамъ:

— Ваше упорное молчаніе, господа, окончательно убѣждаетъ меня въ томъ, что вы не желаете внять голосу разсудка; поэтому мнѣ остается умыть руки и немедленно же возвратиться къ его превосходительству начальнику губерніи съ подробнымъ докладомъ о вашемъ упрямствѣ. Пеняйте затѣмъ на себя, если вамъ придется дорого поплатиться за свое невѣжество и слѣпоту...

— Пусть будетъ, что будетъ! Нашъ грѣхъ, нашъ и отвѣтъ!—зашумѣла вдругъ толпа.

Услышавъ эти слова, Янтаревъ махнулъ безнадежно рукой и скрылся въ дверяхъ правленія, а чрезъ полчаса уже выѣзжалъ изъ села.

V.

Прошло еще около сутокъ. Михайловцы попрежнему толпились на площади, обсуждая на всѣ лады происшедшій инцидентъ и ожидая съ минуты на минуту губернатора, отъ котораго надѣялись услышать настоящую правду, т.-е. подтвержденіе ихъ догадокъ относительно подложности сенатскаго указа. Среди общества оказались даже такіе субъекты, которые самымъ наглýmъ образомъ увѣряли своихъ односельчанъ въ томъ, что собственными глазами видѣли, какъ около мѣсяца тому назадъ солдатскія дѣти собирали между собою деньги съ цѣлью поднести, кому слѣдуетъ, взятку. Молва объ этомъ постепенно ширилась и скоро разнеслась по всему селу, приобрѣтая все бѣльшую и бѣльшую правдоподобность... Къ вечеру слѣдующаго дня въ Михайловку вѣзжалъ уже самъ губернаторъ въ сопровожденіи исправника, двухъ станovýchъ приставовъ и нѣсколькихъ урядниковъ. Не успѣлъ экипажъ подъѣхать къ сельскому правленію, какъ уже вся площадь, прилегающая къ нему, была полна народомъ. Въ глубокомъ молчаніи толпа ожидала появленія на крыльцѣ «расправы» начальника губерніи; однако, вмѣсто него къ народу вышелъ чиновникъ особыхъ порученій и безъ особыхъ предисловій сталъ читать михайловцамъ громкимъ голосомъ тѣ статьи закона, которыя относились къ лицамъ, не исполняющимъ постановленія или приказанія высшихъ властей. Чтеніе это продолжалось около получаса, сопровождаясь прежнимъ молчаливымъ вниманіемъ всего схода. Когда, наконецъ, чиновникъ умолкъ, на крыльцо вышелъ губернаторъ, а за нимъ исправникъ и становые пристава. Представительная фигура начальника, одѣтаго въ военную форму, и строгое выраженіе его лица произвели на крестьянъ импонирующее впечатлѣніе. Головы моментально обнажились и, словно по командѣ, склонились предъ губернаторомъ, который, окинувъ медленнымъ взглядомъ безмолвную и приниженную толпу, заговорилъ:

— Михайловцы! Вы сейчасъ слышали, что, по законамъ Россійской имперіи, ожидаетъ людей, не желающихъ повиноваться волѣ начальства и постановленіямъ высшихъ государственныхъ учреждений. Въ данномъ же случаѣ ваша вина усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что вы отказались подчиняться указу самого правительствующаго сената. Надѣюсь, что вы теперь хорошо сознаете всю тяжесть своего преступленія и, пока еще не поздно, дадите мнѣ слово исправить эту, быть можетъ, невольную ошибку!..

Хотя толпа попрежнему безмолвствовала, однако было очевидно, что рѣчь губернатора произвела на крестьянъ нѣкоторое впечатлѣніе: ими какъ бы овладѣла нерѣшительность, о чемъ можно

было судить по тому глухому ропоту, который, спустя нѣкоторое время, пронесся въ народѣ. Казалось, еще 5 — 10 минутъ подобнаго настроенія, и сходъ единодушно исполнить требованіе начальника губерніи, который, стоя въ прежней позѣ на крыльцѣ правленія, терпѣливо ожидалъ отвѣта. Но тутъ вдругъ произошло нѣчто въ высшей степени странное и совсѣмъ неожиданное. Изъ толпы крестьянъ выскочилъ какой-то тщедушный, низенькій мужиченко, въ изорванномъ зипунишкѣ и старой, порыжѣвшей шапченкѣ. Обратившись лицомъ къ сходу, а спиной къ губернатору, онъ закричалъ высокимъ и нѣсколько пискливымъ голосомъ:

— Эй, православные, берегитесь, чтобы начальство не втянуло васъ еще въ большую бѣду!.. Чуетъ мое сердце, что если мы уступимъ, то у насъ скоро будетъ опять такая штука, какую въ старину была «уланщина» (военныя поселенія графа Аракчева)... Да это еще вопросъ, губернаторъ ли онъ; можетъ быть, просто-напросто какой нибудь обманщикъ, одѣтый въ губернаторскую форму... Вѣдь губернаторъ долженъ быть генераль, а у этого человѣка и панталоны-то не генеральскіе, безъ лампасовъ!..

Эти слова, произнесенныя какимъ-то психопатомъ, произвели на молчавшую доселѣ толпу магическое дѣйствіе. Какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, площадь разомъ огласилась громкими и дружными восклицаніями народа:

— Правда твоя, Юрченко, правда! Не соглашайтесь, братцы, не соглашайтесь на отводъ земли солдатскимъ дѣтямъ!.. Этакъ и впрямь въ новую петлю влѣземъ!.. Пожалуй, и дѣтей нашихъ сдѣлаютъ кантонистами!..

Тщечно губернаторъ, пригласивъ сходъ къ молчанію, поднималъ руку и что-то громко говорилъ. Крестьяне шумѣли все больше и больше. Начальникъ губерніи удалился на нѣкоторое время внутрь сельскаго правленія и послалъ станowychъ приставовъ и урядниковъ съ приказаніемъ водворить среди взволнованнаго народа тишину. Къ сожалѣнію, это не такъ-то легко было достигнуть. Когда же на сходѣ установилось относительное спокойствіе, то губернаторъ вновь появился на крыльцѣ и обратился къ народу со слѣдующими словами:

— Я еще разъ спрашиваю васъ, михайловцы, согласны вы подчиниться указу правительствующаго сената или нѣтъ?

— Не согласны, не согласны!—послышался отвѣтъ.

— Почему же вы не согласны?

— Потому, что этотъ указъ не настоящій, а подложный!—отвѣчали крестьяне. — Такого указа не было, да и не можетъ быть, чтобы разъ данный намъ надѣлъ уменьшить!—кричали мужики въ заднихъ рядахъ. Губернаторъ опять сталъ поднимать руку. На этотъ разъ толпа скорѣе успокоилась, словно ожидая услышать что нибудь новое, болѣе правдоподобное. Воспользовавшись насту-

пившимъ молчаніемъ народа, начальникъ губерніи рѣшилъ обратиться къ послѣднему средству.

— Господа,—началь онъ, адресуясь преимущественно къ стоявшимъ впереди старикамъ:—надѣясь, что между вами все-таки должны же найтись благоразумные люди, которые поймутъ справедливость моихъ словъ и всю важность неисполненія сенатскаго указа, такимъ лицамъ я предлагаю стать на лѣвую сторону площади; кто же не признаетъ подлинности указа и не желаетъ удовлетворить просьбу солдатскихъ дѣтей, тотъ пусть перейдетъ на правую сторону площади!

Не успѣлъ губернаторъ окончить свою рѣчь, какъ вся толпа народа, словно одинъ человѣкъ, очутилась на правой сторонѣ площади... При видѣ этого поступка крестьянъ изумленіе начальника губерніи достигло крайняго предѣла, и онъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ смотрѣлъ неподвижно и безмолвно на столь единодушный, но въ высшей степени странный поступокъ сельскаго схода. Однако, фактъ оставался фактомъ, и, такъ или иначе, съ нимъ надо было считаться. Войдя въ сельское правленіе, губернаторъ составилъ и послалъ на имя командующаго войсками телеграмму, прося его сдѣлать распоряженіе о немедленной присылкѣ въ Михайловку одной роты солдатъ расположеннаго въ со-сѣднемъ городѣ пѣхотнаго полка.

VI.

Губернаторская телеграмма была отправлена около трехъ часовъ пополудни, а уже въ 9 часовъ вечера того же дня рота—скаго полка въ боевомъ порядкѣ и съ барабаннымъ боемъ вступила въ Михайловку.

Остановившись на площади, поставивъ ружья въ «козлы» и снявъ съ себя верхнюю «амуницію», христолюбивые воины стали готовиться къ ночлегу. Такъ какъ между солдатами, по странной случайности, оказалось немало лицъ изъ числа михайловскихъ крестьянъ, то не удивительно, что родственники и знакомые не замедлили вступить въ бесѣду; при этомъ можно было наблюдать весьма интересныя и глубоко назидательныя сцены. Подходить, напримѣръ, какойнибудь старикъ къ солдатику, оказавшемуся его сыномъ, и спрашиваетъ, указывая на сумку съ патронами:

— А что, сынку, развѣ въ этой штукѣ и впрямь для нашего брата-мужичка пули приготовлены?

— Извѣстное дѣло, «тату», приготовлены!—отвѣчаетъ съ искусственнымъ хладнокровіемъ сынъ.

— А ты не «брешишь» (врешь), сынку?—снова освѣдомляется скептикъ-отецъ, не допуская ни малѣйшей мысли о томъ, что

дѣло можетъ таки дойти до стрѣльбы въ крестьянъ. Не допускаетъ этого онъ уже потому, что, по его глубокому убѣжденію, «громада» (міръ) вполне права, отстаивая на законномъ основаніи свою собственность. Однако, сынъ въ прежнемъ тонѣ старается увѣрить старика, что дѣло завязалось далеко не шуточное:—Чего же ради, батько, мнѣ брехать?—заявляетъ онъ:—или вы думаете, что насъ привели сюда на прогулку? Нѣтъ, коли вы тутъ бунтуете противъ начальства, то уже дѣло плохо, и если намъ велятъ палить въ народъ, то мы это въ точности исполнимъ, потому — присягу принимали!

— Эге, что—правда, то—правда: присяга дѣйствительно—великое дѣло!—замѣчаетъ со вздохомъ отецъ.

— А гдѣ же у тебя хранятся эти самыя пули?—обращается онъ снова къ сыну послѣ нѣкотораго молчанія.

— Гдѣ? А вотъ посмотрите, если уже такъ сильно вамъ хочется видѣть ихъ!

Съ этими словами солдатъ открылъ сумку и, вынувъ изъ нея нѣсколько патроновъ, подалъ ихъ отцу.

— Такъ вотъ онѣ, эти самыя пули!—произнесъ съ какимъ-то загадочнымъ выраженіемъ на лицѣ старикъ.

— Онѣ самыя и есть!—отвѣчалъ сынъ.

— И вы таки будете пускать ихъ въ мужиковъ?

— Обязательно будемъ!—рѣшительнымъ тономъ отвѣтилъ солдатъ.

— Да, да, я и забылъ, что тутъ будетъ все по приказу и по присягѣ!—произнесъ упавшимъ голосомъ старикъ, прощаясь съ сыномъ и присоединяясь къ толпѣ народа, не перестававшаго наполнять площадь...

Въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій начальства солдатники принялись за чистку своего оружія и платья, успѣвшихъ въ дорогъ покрыться толстымъ слоемъ пыли. Тутъ же, неподалеку отъ зданія сельскаго правленія, была устроена въ землѣ ротная кухня, и «кашевары» приступили къ изготовленію ужина, для котораго михайловцы должны были доставлять необходимое количество разнообразной провизіи, включая въ нее куръ, гусей, поросятъ, ягнятъ и проч. При видѣ безвременной гибели этихъ животныхъ почти всѣ деревенскія бабы подняли отчаянный вой и не замедлили наброситься на своихъ мужей, которые, якобы, сами накликали на себя и свое хозяйство подобную бѣду. Въ отвѣтъ на это мужики, недолго думая, принялись урезонивать своихъ женъ кулаками, хорошо зная неотразимость столь вѣскихъ доводовъ... Однимъ словомъ, во всей Михайловкѣ поднялся невообразимый содомъ, напоминающій исходъ евреевъ изъ Египта.

Между тѣмъ, оставшійся въ селѣ губернаторъ еще съ вечера отдалъ приказъ арестовать главныхъ зачинщиковъ бунта и доста-

вить ихъ утромъ слѣдующаго дня къ волостному правленію для произведенія надъ ними экзекуціи. Когда въ назначенное время михайловцы увидѣли, что дѣло дѣйствительно принимаетъ весьма серьезный оборотъ, сопряженный при томъ съ немалыми убытками для крестьянъ, вынужденныхъ содержать на свой счетъ цѣлую роту солдатъ, тогда они окончательно увѣровали въ подлинность сенатскаго указа, а также въ то, что и губернаторъ былъ предъ ними не подставной, а настоящей. Это убѣжденіе съ быстротою молніи облетѣло все село, и къ восьми часамъ утра, когда рота съ барабаннымъ боемъ еще разъ продефилировала по главной улицѣ Михайловки, направляясь къ мѣсту экзекуціи виновныхъ, часть которыхъ уже стояла подъ конвоемъ вблизи сельскаго правленія,—примыкавшая къ этому послѣднему обширная площадь была наполнена народомъ, который съ обнаженными головами ожидалъ выхода губернатора.

Подобнаго результата принятыхъ мѣръ не ожидалъ и самъ начальникъ губерніи, истощившій наканунѣ все свое краснорѣчіе, желая вразумить взбунтовавшихся крестьянъ. Выйдя на крыльцо правленія и обратившись къ толпѣ, онъ съ удивленіемъ спросилъ:

— А что вамъ, братцы, надо еще отъ меня?

Вмѣсто отвѣта весь народъ, словно одинъ человекъ, опустился на колѣни, и площадь огласилась восклицаніями:

— Помилуйте насъ, ваше превосходительство, помилуйте! Мы не знали, что дѣлаемъ, а теперь хорошо уже поняли, что шли противъ закона и государя! Помилуйте насъ!..

Начальникъ махнулъ рукою въ знакъ молчанія и взволнованнымъ голосомъ заговорилъ:

— Если вы дѣйствительно чистосердечно раскаиваетесь въ своемъ заблужденіи и даете обѣщаніе безпрекословно выполнить указъ правительствующаго сената, то я употреблю всѣ зависящія мѣры, чтобы смягчить заслуженное вами наказаніе; но сдѣлаю это лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы вы немедленно указали мнѣ тѣхъ лицъ, которые были главными зачинщиками всей этой безобразной исторіи... Согласны вы на это или нѣтъ?

— Согласны, ваше превосходительство, согласны! — послышался дружный отвѣтъ народа, продолжавшаго стоять на колѣняхъ.

— Въ такомъ случаѣ,—продолжалъ губернаторъ,—сейчасъ же назовите мнѣ этихъ главарей.

Изъ толпы явственно раздались голоса, называвшіе имена и фамиліи людей, которые въ послѣдніе дни главнымъ образомъ настаивали на неповиновеніи якобы подложному указу. Въ числѣ первыхъ оказались наши знакомцы: Могила, Ткачъ и Заричанскій. Когда всѣ поименованныя сходомъ лица предстали предъ лицомъ губернатора, то онъ предложилъ остальнымъ михайловцамъ разойтись по домамъ. Спустя часъ, была произведена на той же пло-

щади экзекуція зачинщиковъ бунта въ присутствіи почти всѣхъ михайловцевъ, не исключая древнихъ стариковъ и дѣтей; при этомъ небезынтересно было наблюдать, какъ быстро мѣнялось настроеніе крестьянскаго общества, многіе члены котораго съ присущимъ русскому человѣку юморомъ стали подшучивать надъ жалкимъ видомъ того или другого изъ бунтарей. Когда же подъ однообразный грохотъ барабана началась порка Могилы и К^о, то по адресу этихъ послѣднихъ не только никто не выразилъ какого бы то ни было сожалѣнія, но даже, напротивъ, отовсюду на главарей посыпались насмѣшки и упреки въ томъ, что по причинѣ глупости этихъ лицъ общество понесло большіе убытки, а теперь вынуждено терпѣть такой позоръ. Самымъ же ядовитымъ насмѣшкамъ со стороны михайловцевъ подвергся тотъ мужичокъ, который убѣждалъ своихъ односельчанъ не вѣрить въ подлинность бывшаго предъ ними губернатора; при этомъ одинъ изъ стоявшихъ впереди зрителей замѣтилъ громко:

— А что, Степане, хоть на штанахъ у губернатора не было красныхъ лампасовъ, зато немало ихъ будетъ теперь на твоей шкурѣ!

— Что правда, то правда, — подхватили сосѣдніе крестьяне: — только эти лампасы долго будутъ Степану мѣшать сидѣть на лошади.

— Ничего, — слышалось возраженіе: — пока ему придется ѣздить верхомъ, то отъ этихъ лампасовъ и слѣда не останется: въ тюрьмѣ успѣютъ зажить!..

Такимъ трагическимъ образомъ закончилась затѣянная михайловцами исторія, о которой и до сихъ поръ еще мѣстные обыватели рассказываютъ, какъ о какомъ-то дьявольскомъ наважденіи, лишившемъ ума-разума всю «громаду».

Расквартированная въ Михайловкѣ послѣ экзекуціи рота солдатъ прогостила здѣсь около двухъ недѣль, невзирая на усиленные просьбы крестьянъ снять съ нихъ поскорѣе столь «неудобноносимое иго». Нечего и говорить, что солдатики широко пользовались своимъ положеніемъ, требуя чрезъ ближайшее начальство самой разнообразной пищи; если жъ кто изъ мужичковъ выражалъ по этому поводу неудовольствіе, то его обвиняли въ неповиновеніи начальству и забирали у него куръ, гусей и прочую живность «не въ счетъ абонементъ». Дѣло въ концѣ концовъ дошло до того, что иной подгулявшій солдатикъ придирался даже къ походкѣ, разговору и поклону того или другого михайловца, подозрѣвая его въ желаніи обидѣть мундиръ охранителя общественной тишины и безопасности.

— Просто хоть на улицу не выходи! — жаловались обезкураженные поведеніемъ христоролюбиваго воинства крестьяне. Что касается михайловскихъ бабъ, то онѣ долго не могли забыть уничтоженныхъ

солдатами телятъ, барановъ, поросятъ, домашней птицы и прочаго добра. Преданіе же о торжественной поркѣ бунтарей, переходя изъ усть въ уста, скоро превратилось въ какую-то фантастическую легенду, въ которой пресловутыя солдатскія дѣти играли роль хищниковъ, мало чѣмъ отличающихся отъ древнихъ татаръ, печенѣговъ и прочихъ опустошителей земли Русской. Ближайшимъ слѣдствіемъ отвода солдатскимъ потомкамъ надѣла было добровольное переселеніе части михайловцевъ въ Западную Сибирь, куда не замедлили также отправиться Могила, Заричанскій и Ткачъ, отбывшіе срокъ своего заключенія въ тюрьмѣ.

Д. В. Федоровъ.

ХУТЫНСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Изъ экскурсій въ окрестности Новгорода.

А БЕРЕГУ Волхова есть, между прочимъ, одинъ холмъ, который такъ высокъ, что виденъ за 12-ть верстъ изъ Новгорода. По склону холма, лицомъ къ рѣкѣ, сползають избы деревни Хутыни, а съ вершины его во всѣ стороны открыто смотритъ Хутынский монастырь, окаймленный столѣтними деревьями. Живописная и привлекательная здѣсь мѣстность. Не даромъ съ давнихъ поръ новгородскіе іерархи имѣютъ въ монастырѣ лѣтнюю резиденцію, а городскіе обыватели—дачу. Когда-то въ монастырѣ пребывалъ и царь Іоаннъ Грозный съ государыней и царевичами, а въ тяжелую годину для Новгорода была главная квартира шведскаго полководца де-ла-Гарди. Правда, осенью рѣка уходитъ въ русло, на берегу образуется болотистая ложбина, но отъ монастыря устроена дамба, обсаженная кустарникомъ, такъ что для глаза ложбина мало замѣтна и портить общаго мѣстоположенія не можетъ. Зато съ другой стороны она освящена глубокой исторіей, которая дала имя и монастырю и поселку. Велѣдствіе ложбины мѣстность признавалась худою, нечистою, гдѣ будто бы обитали черти, и называлась поэтому худынью. Пришель преподобный Варлаамъ, создалъ обитель и потопилъ въ ложбинкѣ нечистую силу, но народное суевѣріе не улеглось и доселѣ. Неясная молва говоритъ, что привидѣнія появляются и теперь, отчего болото переименовано теперь въ видѣнь. Хутынский монастырь — особенно чтимая новгородцами святыня. Чудеса угодника Варлаама передаются

изъ поколѣнія въ поколѣніе. Любой горожанинъ или сельскій обыватель расскажетъ, какъ Іоаннъ Грозный ¹⁾ захотѣлъ изъ любопытства открыть мощи угодника и бѣжалъ пораженный огнемъ изъ нѣдръ земли; какъ однажды въ жаркій юнъ поля застлала саранча и предвѣщала голодъ, но тогдашній новгородскій архіепископъ Іоаннъ ²⁾ пригласилъ Варлаама вмѣстѣ помолиться за народъ; угодникъ сообщилъ, что пріѣдетъ на саняхъ. Дѣйствительно выпалъ снѣгъ, истребилъ саранчу, и Варлаамъ вернулся въ обитель по зимней дорогѣ. Въ старыхъ изданіяхъ житія св. Варлаама Хутынскаго чудо это иллюстрировано рисункомъ: въ саняхъ сидитъ игуменъ Варлаамъ, на козлахъ кучеръ-монахъ, а сзади на полозьяхъ, разставивъ ноги, помѣщается молодой послушникъ, надо полагать, келейникъ игумена. Въ воспоминаніе чудеснаго предсказанія изстари положено совершать изъ Софійскаго собора въ Хутынской монастырь крестный ходъ и именно примѣнительно къ событію, въ первую пятницу Петрова поста, такъ что варлаамьевскую пятницу народъ почитаетъ праздникомъ и въ монастырь валитъ толпами. Съ этой пятницы начинается въ Новгородѣ и двухнедѣльная ярмарка, хотя ничтожная, мало полезная, съ мѣстными продувными торгашами, но не въ коммерціи дѣло, а важно то, что ярмарка называется «Варлаамьевской». До XVII вѣка были даже два крестныхъ хода: накануне сухопутьемъ и въ самый праздникъ водой. Водяной крестный ходъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, былъ болѣе торжественъ. На разсвѣтѣ процессія съ иконами, хоругвями, множествомъ духовенства, съ новгородскимъ владыкой во главѣ, проходила чрезъ «владычныя» ворота на берегъ, помѣщалась въ насадн ³⁾ и отплывала. Въ пути непрерывно пѣли молебны, читали евангеліе, житіе пр. Варлаама. На берегу у монастыря крестный ходъ встрѣчала братія съ настоятелемъ, присоединялась къ процессіи, и все проходило въ главный храмъ. Тамъ совершалась литургія. По окончаніи службы, бояре, воевода, духовные отцы имѣли въ монастырѣ строго монашескій столъ, за которымъ обносила чаша о государевомъ здравіи и раздавался Богородичный хлѣбъ ⁴⁾. Нынѣ совсѣмъ не то. Оправляютъ двѣ—три чудотворныхъ иконы, при двухъ—трехъ священникахъ, владыка по большей части сопровождаетъ крестный ходъ въ экипажѣ, а прочее высшее духовенство и разныя власти понаѣдутъ послѣ, прямо на обѣдъ, приличный, пожалуй, для свѣтскихъ баловъ. Теперь церковный варлаамьевскій праздникъ превратился просто въ житейское удовольствіе, въ этомъ отношеніи даже расширился, прихвативъ за собою послѣдующіе три

¹⁾ По лѣтописямъ чудо совершилось въ 1462 г., слѣдовательно то былъ не Іоаннъ Грозный, а дѣдъ его, князь Іоаннъ Васильевичъ III.

²⁾ Мощи его почиваютъ въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

³⁾ Подобіе теперешнихъ поромовъ.

⁴⁾ Обрядъ—члнъ панагн.

воскресенья. Въ эти дни монастырь наводняется городской публикой. Пароходы то и знай подвозятъ и увозятъ. Я тоже ѣздилъ въ Хутынь на пароходѣ, но не въ праздничные дни. Пріятно прокатиться, особенно въ хорошую ясную погоду. Сидя на пароходѣ, я любовался, какъ когда-то сердитый, буйный, а теперь тихій, скромный Волховъ спокойно несъ свои воды. По сторонамъ мелькали зеленѣющіе луга, золотистый хлѣбъ, вдали видѣлись силуэты деревень. Но скоро такая идиллія осталась позади, пароходъ пересталъ громыхать колесами, подали примитивную лодку, и меня живо доставилъ на берегъ хутыньскій мужикъ. Тутъ надо высоко подниматься въ гору. Узенькая тропинка прямолинейно ведетъ къ маленькому входу въ каменной стѣнѣ. Я юркнулъ и сразу почувствовалъ сырой холодный воздухъ, точно въ подземельѣ. Снова сталъ подниматься по темному какому-то гробовому коридору и довольно долго—это поперечный сводъ монастырской стѣны. Наконецъ, еще лѣстница въ нѣсколько ступеней, и предъ моими глазами развернулась внутренность монастыря. Прямо—большой красивый Спасо-Преображенскій соборъ. Отъ настоятельскихъ келлій къ святымъ воротамъ, что подъ колокольней, тянется кленовая аллея. Зданія братскихъ келлій весело смотрятъ на храмъ. Внутренность не мощная, представляетъ сплошной газонъ, по которому кое-гдѣ зигзагами извиваются плитняковыя дорожки. Въ сѣверной части монастырской стѣны—сквозная арка, ведущая въ сады и рошу.

Хутыньскій монастырь упоминается въ лѣтописяхъ съ конца XII столѣтія, когда преподобный Варлаамъ воздвигъ на Хутыни Преображенскій соборъ. Въ мѣрѣ Алексѣя Михалевиичъ, преподобный Варлаамъ постриженъ въ монахи наставникомъ Порфиріемъ, а при освященіи собора былъ рукоположенъ архіепископомъ Григоріемъ во игумены. Угодникъ былъ родомъ изъ Новгорода, проживалъ въ Неревскомъ концѣ, гдѣ въ настоящее время стоитъ имени его часовня¹⁾. Основатель монастыря жилъ только годъ въ санѣ игумена и завѣщалъ обители все свои угодья, подаренныя ему княземъ Ярославомъ. Лѣтописи говорятъ, что Спасо-Преображенскій соборъ первоначально былъ небольшой, украшенный стѣнописью въ византійскомъ вкусѣ, существовалъ 312-ть лѣтъ, но какія въ эти вѣка онъ пережилъ измѣненія—неизвѣстно. Его вскорѣ замѣнилъ новый храмъ, болѣе обширный, квадратный, съ внутренними колоннами и пятью главами. Это случилось въ то время, когда преподобный Варлаамъ предсказалъ Іоанну III побѣду надъ Литвою и крымскимъ ханомъ Гиреемъ. Второе чудо такъ поразило князя, что онъ въ знакъ особеннаго благоволенія къ преподобному Варлааму приказалъ перестроить соборъ отъ основанія, самъ при-

¹⁾ Грамота, данная въ 1655 г. патриархомъ Никономъ Ивану Голицыну и хранящаяся въ ризницѣ Хутыньскаго монастыря.

нялъ иночество и нарекъся именемъ угодника¹⁾). Нынѣшній соборъ и есть княжескій, освященный въ 1515 году. Въ старину монастырь подвергался пожарамъ и грабежамъ со стороны враговъ, однако никакія бѣды не приводили его въ упадокъ, потому что

Общій видъ Хутынскаго монастыря.

къ св. мощамъ Варлаама всякій прибѣгалъ съ вѣрою и усердіемъ, цари, князья, патриархи всегда поддерживали его денежными и вещественными вкладами, жаловали по грамотамъ земли, дарили

¹⁾ Житіе преподобнаго Варлаама.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1903 г., т. хсiv.

озера, хоромы. Изъ вкладовъ интересны вклады Иоанна Грознаго, который пожертвовалъ на поминаеніе супругъ: Елены — 200 р., Анастасіи—100 р., Маріи—100 р. и серебряный кубокъ, Марыи—50 р.¹⁾ Въ болѣе спокойное время для Новгорода монастырь обогатился двумя придѣлами собора—Покрова Богородицы и Гавріила Архангела.

Я подробно осматривалъ соборъ. Внѣшній видъ собора заимствованъ частью отъ византійскихъ церквей, частью отъ древнихъ московскихъ. Есть наружныя фрески, но, къ сожалѣнію, ихъ археологическое значеніе ничтожно, такъ какъ онѣ возобновлены въ позднѣйшее время. Внутри нѣтъ никакихъ слѣдовъ отдаленныхъ вѣковъ: все ново, лоснится, блеститъ. На паперти фрески съ изображеніемъ смерти преподобнаго Варлаама и пораженія огнемъ Иоанна III, прошлаго столѣтія, въ алтарѣ тоже, а въ средней части храма такъ просто свѣжія краски. Рядомъ съ соборомъ стоитъ небольшая церковь во имя преподобнаго Варлаама Хутынскаго, основанная въ XIV вѣкѣ. Наружность ея и внутренняя иконопись носили неприкосновенный характеръ до 1797 г., а потомъ церковь возобновлена и совершенно утратила памятникъ сѣдой старины.

По собору мнѣ объяснялъ ризничій о. Савватій, еще молодой человѣкъ, чрезвычайно высокій и сухой. Монахъ былъ крайне внимателенъ къ моимъ просьбамъ, смиренно рассказывалъ, водилъ меня по собору, придѣламъ, ризницѣ.

Прежде всего, въ соборѣ, конечно, важно — это св. мощи Варлаама, надъ которыми стоитъ серебряная рака, съ изображеніемъ угодника, осѣняемая рѣзнымъ изъ дерева балдахиномъ. Св. мощи покоятся на правой сторонѣ собственно соборнаго иконостаса. Вотъ тутъ-то и совершилось чудо съ Иоанномъ III, гдѣ огонь обуглилъ алтарныя врата и опалилъ князя, который въ испугѣ бросился изъ храма, оставивъ на мѣстѣ чуда палку. Модель²⁾ этой палки держитъ деревянная рука, вдѣланная въ стѣну, надъ балдахиномъ.

Довольно интересный иконостасъ, шестиярусный, съ древними иконами въ серебряныхъ колоннахъ, святыя врата мелкой рѣзной работы, массивныя паникадила, пудовыя свѣчи.

— Прекрасный иконостасъ,—замѣтилъ я о. Савватію.

— Да, великолѣпенъ, — согласился онъ. — Въ прошломъ году сызнава отдѣланъ. Рѣзьба, позолота—это все новое, только иконы древнія.

— Но онѣ, очевидно, подновлены.

— Нельзя безъ этого; величія не будетъ.

Стѣнопись тоже подновлена—такъ и лежатъ свѣжія краски. На одной изъ стѣнъ виситъ любопытная картина, писанная на холстѣ

¹⁾ Монастырскіе синодики.

²⁾ Подлинная палка въ ризницѣ; подробно о ней ниже.

масляными красками. Картина представляет отъездъ преподобнаго Варлаама лѣтомъ на саняхъ къ архіепископу Григорію, которому онъ предсказалъ объ этомъ ранѣе. Изображенъ зимній путь и снѣгъ, повисшій хлопьями на зеленыхъ деревьяхъ. Угодника провожаютъ инокѣ, взвѣрающіе съ явнымъ удивленіемъ на такое чудо.

— Нынѣ поправляемъ державинскій придѣлъ, — продолжалъ ризничій. — Посмотрите.

— Да, вѣдь у васъ Г. Р. Державинъ погребенъ.

— И его супруга, — добавилъ монахъ и захохоталъ желѣзнымъ засовомъ.

Придѣлъ небольшой, окна въ одной стѣнѣ, послѣ долгаго времени былъ расписанъ на средства генеральши Борзовой. Тогда

Хутынский монастырь. Спасо-Преображенскій соборъ.

придѣлъ былъ во имя Іоанна Богослова, но когда похоронили въ немъ Г. Р. Державина, возобновили архитектуру, и самый придѣлъ въ память поэта получилъ наименованіе Гавріило-Архангельскаго. Придѣлъ дѣйствительно ремонтируется. Въ глубинѣ у стѣнъ стоятъ иконы, начатія писаніемъ, позолоченныя части иконостаса, царскихъ вратъ. Могилы екатерининскаго поэта и его жены близъ алтаря, о чемъ гласятъ плиты, вдѣланныя наравнѣ съ поломъ. У плиты во мракѣ пріютился и самъ по себѣ мрачный, изъ чернаго мрамора, памятникъ Г. Р. Державину. Впереди невысокая желѣзная рѣшетка, вверху образъ Спасителя. На лицевой сторонѣ приведенъ стихъ:

«Твоей то правдѣ нужно было,
 Чтобъ смертну бездну переходило
 Мое безсмертно бытіе;
 Чтобъ духъ мой въ смертность облачился
 И этимъ снова возвратился,
 Отецъ, въ безсмертіе Твое.»

Въ общемъ памятникъ простенькій, сносно содержимый, стоитъ сиротливо безъ цвѣтовъ, вѣнковъ — знаковъ современныхъ воспоминаній о томъ лицѣ, кому онъ воздвигнутъ.

Отсюда о. Савватій провелъ меня на паперть, которую я уже видѣлъ, при входѣ въ соборъ, но мелькомъ. Паперть обширная, тянется вдоль западной стѣны храма и даже поворачиваетъ на сѣверную. Потолокъ ея весь исписанъ херувимами древней работы, неподновленными. Херувимы довольно оригинальные. Внизъ смотрятъ широкія, возмужалыя лица; видъ ихъ больше рѣзкій, серьезный; длинныя крылья распростерты и какъ бы носятъ эти головы. На стѣнахъ, очевидно, тоже были фрески, но онѣ или отбиты или спрятались подъ слоемъ однотонной простой краски. Остались только два изображенія: смерть преподобнаго Варлаама и моментъ опаленія Іоанна III. Но и здѣсь несомнѣнно по древнимъ фрескамъ ходила позднѣйшая кисть. Напримѣръ, ярко красный огонь и рядомъ столбъ чернаго дыма. По одну сторону сонмъ монаховъ, по другую — князь съ боярами. Откуда исходятъ дымъ и огонь, гдѣ это случилось — понять трудно.

Монахи по виду не проникнуты чудомъ, а скорѣе любопытствуютъ, какъ удаляются князь и свита, объятые пламенемъ. Да и на удаляющихся незамѣтно чудеснаго ужаса, а идутъ они прочь собственно отъ огня, такъ какъ онъ дѣйствительно ложится имъ на спины.

Вообще въ паперти какъ-то пусто, неприглядно.

— И такое помѣщеніе ничѣмъ не занято, — замѣтилъ я о. Савватію.

— Что жъ будете дѣлать, — отвѣчалъ онъ. — Въ лѣтній праздникъ, ежели дождь, сюда набивается биткомъ народу; все лучше стоять тутъ, чѣмъ на дурной погодѣ.

— Однако обширность паперти имѣла какую нибудь цѣль?

— Богъ знаетъ, зачѣмъ она такая понадобилась нашимъ предкамъ.

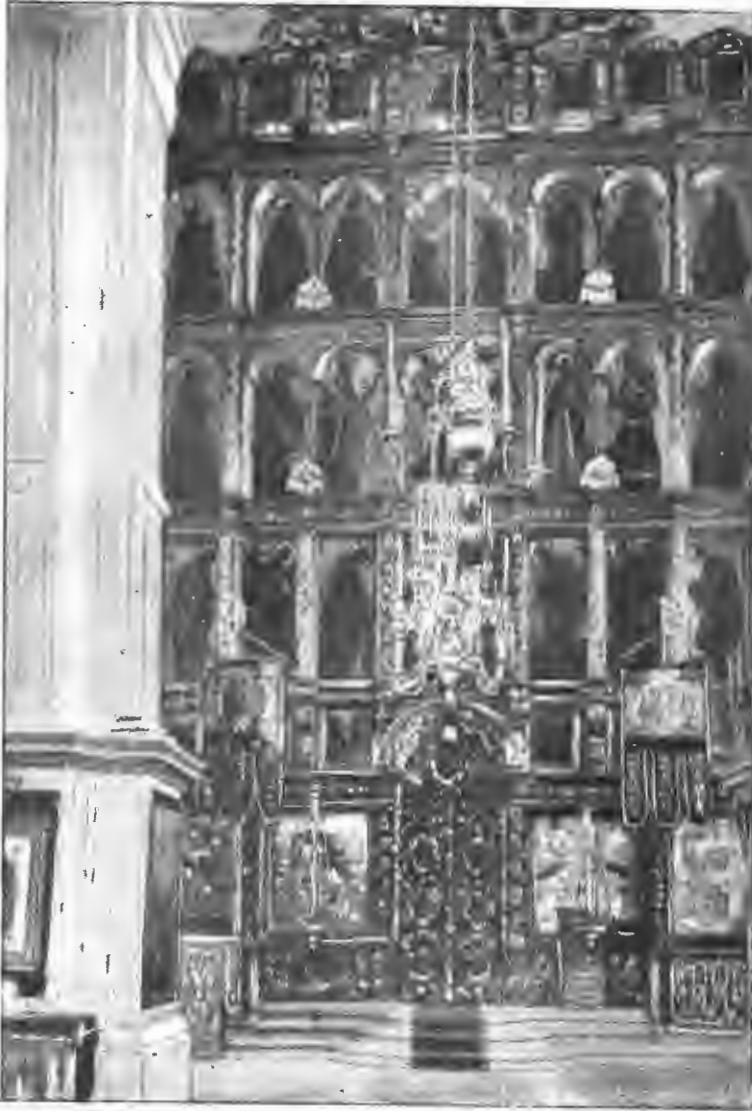
— Быть можетъ, здѣсь происходили собранія, совѣщанія?

— Не могу знать.

— Въ нашемъ архивѣ развѣ нѣтъ описанія ея?

— Есть-то есть. Сказано, что паперть построена послѣ собора, и больше ничего.

Изъ паперти мы вышли на крытый портикъ, который оканчивается тремя арками — прямо и съ боковъ. Арки состоятъ изъ

Хутынский монастырь. Иконостасъ въ соборѣ.

столбовъ очень причудливой архитектуры. Съ потолка спускается колоколь.

— Это для созыва?—спросилъ я, указывая на колоколь.

— Вотъ, вотъ. Когда прѣзжающіе заказываютъ молебень или панихиду, такъ первый встрѣчный ударяетъ въ колоколь, чтобы сходилась очередная братія.

— Не служилъ ли онъ въ древности для созыва народа? Вѣдь Хутынь была окраиной Новгорода.

— Не могу знать. Но, видите, колоколь новый.

— Ничего не значить, старый обветшалъ, быть можетъ, разбился.

— Не думаю, наврядъ,—осторожно возражалъ монахъ и вдругъ спохватился:—а, впрочемъ, не могу знать.

— Ну, а ризницу вы, вѣроятно, хорошо знаете?—Отецъ Савватій улыбнулся и погупилъ взоръ.

— Милости просимъ, пожалуйста.

Мы немного обогнули соборъ и черезъ сѣверный входъ вошли въ ризницу. Помѣщеніе свѣтлое, хотя окна съ одной стороны. Первымъ дѣломъ о. Савватій обратилъ мое вниманіе на предметы, сохранившіеся отъ жизни преподобнаго Варлаама. Интересны въ археологическомъ отношеніи риза съ эпитрахилью, поручи, подризникъ, власяница, крестъ и завѣщаніе. Всѣ эти вещи не блещутъ ни серебромъ, ни золотомъ, напротивъ, онѣ такъ просты и отъ употребленія ветхи, что приходится удивляться невзыскательности служителя церкви. Риза кофейнаго мухояра, съ атласными оплечьями вишневаго цвѣта, сильно потертая, заштопанная нитками; подризникъ лиловый, весь въ дырахъ, изъ коихъ на болѣе значительныя положены заплаты; крестъ небольшой желѣзный, завѣщаніе писано самимъ преподобнымъ Варлаамомъ на пергаментѣ полууставомъ и гласитъ о переходѣ всѣхъ его угодій въ собственность монастыря. Власяница на подобіе стихаря, вѣситъ около $\frac{1}{2}$ пуда; ее носилъ преподобный вмѣсто сорочки, надѣвая предварительно вериги, которыя съ нѣкоторыхъ поръ находятся у раки для постоянного поклоненія. Въ храмовой праздникъ къ ракѣ выносятся и власяница. Богомольцы надѣваютъ вериги на шею, становятся на колѣни и молятся, затѣмъ прикладываются къ власяницѣ и св. мощамъ.

— А вотъ и трость Іоаннова, — сказалъ ризничій, вытащивъ изъ футляра палочку, оканчивающуюся стекляннымъ шарикомъ.— Князь бросилъ ее, когда бѣжалъ отъ чудотворнаго огня.

Я внимательно разсматривалъ этотъ вѣковой памятникъ. Трость деревянная, толщиною въ палецъ, длиною полтора аршина; въ шарикѣ залиты кусочки разноцвѣтныхъ стеколъ. Въ основаніи шарика стекло отбилось. Я предположилъ, что поврежденіе сдѣлано вполслѣдствіи, умышленное, и поэтому спросилъ:

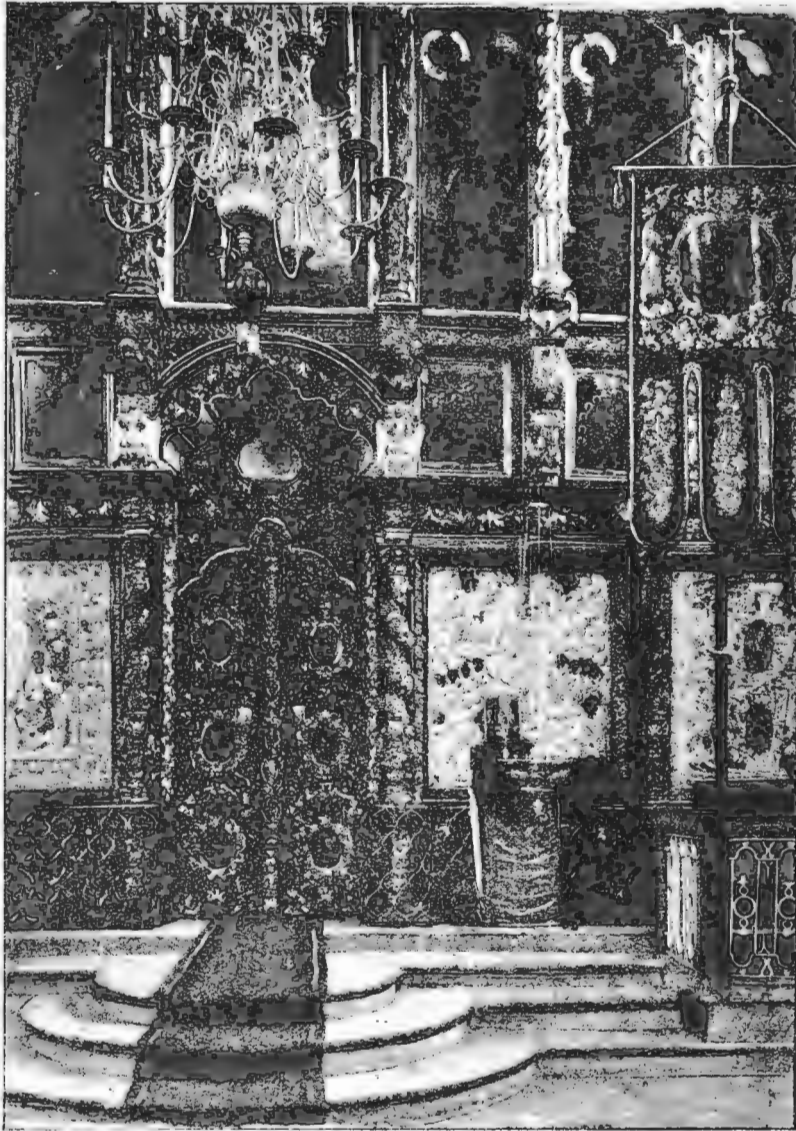
— Развѣ она въ такомъ видѣ была найдена?

— Точно такая,—положительно отвѣтилъ монахъ.

— А любители древностей тутъ не причемъ?

— Вы думаете, отбиваютъ себѣ на память? Нѣтъ, невозможно. Смотрятъ при насъ, такъ какъ же? Она упала на каменный полъ, и набалдашникъ самъ разбился—это понятно.

— Понятно каждому,—резюмировалъ я, — что стекло бьется о камень, но тогда ли оно разбито?

Хутынский монастырь. Царскія врата въ соборѣ.

На это о. Савватій ничего не сказалъ и перешелъ къ другому предмету.

Далѣе я видѣлъ дверь, наглядно свидѣтельствующую въ связи съ тростью о чудесномъ событіи XVI вѣка.

— Вылетѣло изъ могилы угодника пламя,—объяснялъ ризничій:—страшно обожгло всѣхъ и ворвалось въ алтарь черезъ эту дверь.

— Она, очевидно, была въ боку иконостаса?

— Да, клиросная.

Дѣйствительно, дверь носитъ слѣды пожара. Она дубовая, обита кованымъ желѣзомъ и настолько тяжела, что едва могутъ поднять двое. На срединѣ желѣзо оборвано, загнуто и видно обугленное дерево.

Изъ историческихъ предметовъ здѣсь слѣдуетъ отмѣтить водосвятительную чашу князя Шуйскаго и священные золотые сосуды, дарованные императрицей Анной Иоанновной.

Говоря ранѣе объ архивѣ, я попросилъ о. Савватія свести меня и туда. Въ архивѣ есть интересныя подлинныя грамоты князей и царей, гласящія объ оказаніи монастырю разныхъ милостей. Грамотой князя Василя Ивановича освобожденъ отъ пошлинъ монастырь, платившій ихъ за старорусскія варницы. Значитъ, соляными источниками въ Старой Руссѣ когда-то владѣлъ Хутынской монастырь. Нѣсколько грамотъ царя Михаила Феодоровича о дарованныхъ угодьяхъ и одна, между прочимъ, о томъ, чтобы бояре, обиженные архимандрита, братію и монастырскихъ крестьянъ, судились только въ Приказѣ Большого Дворца, въ два срока: на Рождество Христово и св. Троицу. Одна грамота царя Алексѣя Михайловича, данная монастырю при патріархѣ Никонѣ, говоритъ о томъ, съ кого брать и не брать торговыя пошлины. Въ архивѣ имѣются кое-какія данныя, указывающія на существованіе при монастырѣ типографіи во времена Никона. Я спрашивалъ ризничаго о помѣщеніи, гдѣ была типографія. Онъ отозвался, что этого теперь никто не знаетъ. Что же касается какихъ нибудь печатныхъ слѣдовъ собственной типографіи, то таковыхъ, къ сожалѣнію, Савватій нигдѣ не могъ указать. Очень жаль, что до сего времени еще никто не занимался подробнымъ изслѣдованіемъ монастыря. Какъ знать, можетъ быть, и нашлись бы принадлежности или плоды старой печатни, столь интересной въ наше время.

Мы вышли на монастырскій дворъ.

День былъ воскресный. По двору бродили богомольцы. Нѣкоторые уходили въ одну и ту же дверь большого бѣлаго здания.

— Это куда они идутъ?—спросилъ я ризничаго.

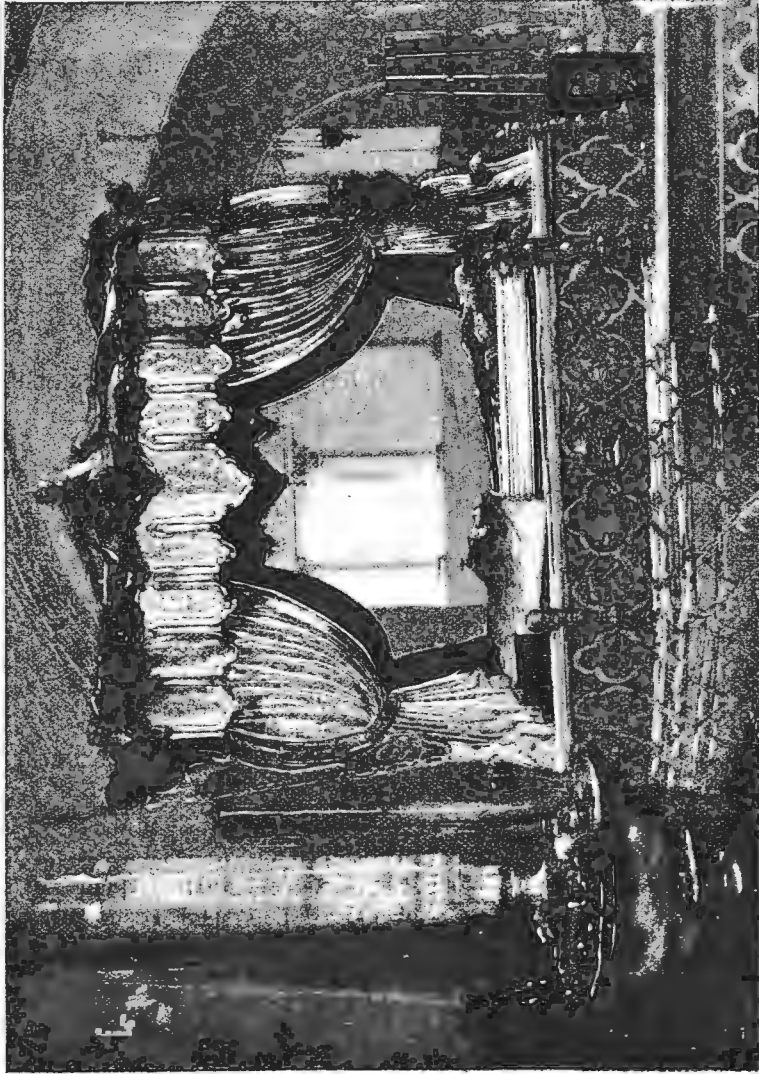
— За хлѣбомъ. Тамъ трапезная.

Я попрощался съ о. Савватіемъ и направился тоже въ трапезную.

Здѣсь я встрѣтилъ завѣдующаго трапезной. Это былъ братникъ Василій, человекъ еще молодой, на видъ симпатичный и крайне словоохотливый. Василій принялъ меня просто и радушно, какъ будто бы былъ знакомъ со мною ранѣе, хотя я его видѣлъ въ первый разъ. Онъ подумалъ, что я пришелъ за хлѣбомъ, но тутъ же узналъ, что меня интересуетъ хозяйство монастыря.

— Извольте, посмотрите,—продолжалъ Василій.—Скромнота у насъ во всемъ.

Трапезная — мрачная, длинная комната, имѣющая два стола со скамейками; на одной стѣнѣ виситъ образъ Тайной вечери, а на другой — списокъ монашествующихъ, кои по очереди читаютъ затрапезныя молитвы. Прочія стѣны совершенно голыя.

Хуты́нскій монастырь. Рака надъ мощами св. Варлаама.

— Очень бѣдно,—промолвилъ я, какъ бы про себя.
— Монастырь нашъ не изъ богатыхъ,—подхватилъ Василиій.—
Жалованья іеромонахамъ полагается по 8 рублей въ треть, а одежду
вся братія должна дѣлать на свой счетъ.

— Надо прибавить еще церковный сборъ.

— Сборъ совсѣмъ незначительный. Съ проскомидіи нынѣ собрали 14 рублей, менѣе, чѣмъ въ прошлое воскресенье, на 3 рубля. Продажа свѣчей даетъ побольше. Какія это деньги по нынѣшнимъ временамъ? А, вѣдь, братія 35 человѣкъ, семь іеромонаховъ, четыре іеродіакона.

— Такъ, чѣмъ же существовать?

— Иные доходы есть. Земли у насъ болѣе 100 десятинъ. Пашня, луга, выгонъ. Хлѣба собираемъ 70 овиновъ, держимъ 30 коровъ, 7 лошадей. Рыбными ловлями по Волхову владѣемъ. Противъ самаго монастыря хорошій сиговый промыселъ. Впрочемъ, былъ онъ хорошій, а теперь плохо стало.

— Что же?

— Много лѣтъ арендовалъ это мѣсто купецъ Садовниковъ; недавно кончилась аренда, назначили торги—не состоялись. Предлагали за 400 рублей, никто не явился. Сига мало проходить, оскудѣніе рыбное.

— Погодите, будетъ много,—улыбнулся я.—Въ Новгородѣ возникло общество рыболовства.

— Слыхали мы про него,—махнулъ рукою Василій.—Это общество для себя. Надо какъ нибудь собраться, посидѣть, поговорить.

— Можетъ быть, пока нѣтъ пользы, зато общество никого не обременяетъ, существуетъ на свои средства, а вотъ земство...

— Что земство?—перебилъ меня собесѣдникъ.

— Оно потратило на изслѣдованіе бѣлозерскихъ ловель двѣ тысячи, да столько же отпустило на Ильмень.

Василій вперилъ въ меня удивленные глаза.

— Четыре тысячи! Одинъ изводъ деньгамъ. Сколько бы можно было накормить рыбой народу на эти тысячи!

— Развѣ бесполезно знать, какъ ловятъ, какое количество, гдѣ продаютъ, по какимъ цѣнамъ?

— Полезно,—вздыхнулъ Василій,—только не ловцамъ, а этимъ самымъ изслѣдователямъ. Рассказывалъ намъ съ Ильменя изъ Перекомскаго монастыря Іосифъ, какъ тамъ по поозерью ходитъ какой-то подслѣповатый, съ рыженькой бородкой господинъ, все спрашиваетъ мужиковъ о ловляхъ и чиркаетъ что-то въ книжечкѣ. Или велитъ растянуть неводъ, поставить мережи на берегу и снимаетъ ихъ на фотографію. Сулитъ рыбакамъ рыбныя горы, а они слушаютъ, разиня рты. Мудрено, чтобы отъ его чирканья въ озерѣ рыба размножилась.

— Но, по-вашему, какъ же помочь рыбакамъ?

— Какъ я-то?—сказалъ Василій.— По моему глупому разуму, дали бы лучше ловцамъ эти четыре тысячи въ долгъ, а то они по уши завязли у промышленниковъ. Такъ бы ладно было. Конечно, этотъ человѣкъ знаетъ, что онъ дѣло дѣлаетъ, а будетъ ли отъ

Хутынскій монастырь. Входъ съ берега.

него польза—ему все равно, лишь бы платили. Нынче никто ни отъ какихъ денегъ не откажется.

Я не оспаривалъ.

— А еще какія доходныя статьи?

— Есть въ Новгородѣ подворье—каменный домъ, много даетъ дохода. Въ немъ споконъ вѣковъ трактиръ содержится. Рядомъ часовня; она тоже доходная. Больше, пожалуй, ничего.

Наступила пауза.

— Не желаете ли, сударь, нашихъ щей отвѣдать? — вдругъ спросилъ меня Василій.

Съ моей стороны послѣдоваль отказъ. Зашелъ разговоръ насчетъ трапезныхъ блюдъ.

— На обѣдъ у насъ полагается 4 блюда, — рассказывалъ завѣдующій: — холодное изъ ботвы¹⁾, щи, супъ или уха и гречневая или пшенная каша. Ужинъ же состоитъ изъ двухъ блюдъ: щей и разваринки²⁾. А по воскреснымъ днямъ выпекаемъ до 20 фунт. булокъ да расходуетъ 8 фунт. осетрины, которую не подаемъ отдѣльно, а прямо крошимъ въ щи. Къ храмовому празднику покупаемъ рыбы больше. Нынѣ привезли изъ города 7 пудовъ язей и щукъ. Масло же у насъ употребляется подсолнечное, хорошаго качества.

Въ трапезную ежеминутно приходили богомольцы, просили квасу и хлѣба. Василій встрѣчалъ всѣхъ ласково, подходилъ къ ушату, черпалъ квасъ и подавалъ проходящимъ, затѣмъ, шелъ къ шкафу, бралъ ломти хлѣба и, вручая, непременно присовокуплялъ «на здоровье». Дѣлая это, Василій не прерывалъ рѣчи и пояснялъ мнѣ, такъ сказать, мимоходомъ.

— Много расходуетъ этого добра? — спросилъ я его, указавъ головою на шкафъ и ушатъ.

— Да, немало. Въ одинъ праздникъ раздадимъ до 60 пудовъ хлѣба, а квасу выпьемъ до 200 ведеръ. Вѣдь въ три-то храмовые праздника повернется болѣе 10 тысячъ человекъ.

— Что жъ, истинное подаянiе вознаграждается?

— Богъ пошлетъ.

При этихъ словахъ Василій заглянулъ за дверь, гдѣ чикали часы, и полѣзъ въ другой шкафъ.

— Вотъ и ужинъ скоро, — опредѣлилъ онъ, вынулъ груды оловянныхъ тарелокъ и началъ разставлять ихъ по столу въ двѣ шеренги.

— Развѣ? Такъ рано?

— Что за рано! Въ восемь часовъ поужинаютъ и ворота на запоръ.

— Неужели братія ложится спать въ этотъ часъ?

— Кому надо, есть другой ходъ. Я говорю про главныя ворота, которыя запираются по монастырскому уставу.

Около каждой тарелки Василій положилъ по ложкѣ и по куску хлѣба, поставилъ нѣсколько чашекъ съ квасомъ. Конечно, частая ходьба отъ шкафовъ къ столу и обратно утомила его. Покончивъ, онъ сталъ предо мною и, тяжело вздохнувъ, сказалъ:

— Готово. Пускай собираются.

¹⁾ Свекла съ огурцами.

²⁾ Жидкая гречневая каша.

Хутынскій монастырь. Часовня св. Варлаама въ Новгородѣ.

Я поднялся съ мѣста. На прощанье Василій сунулъ мнѣ ломоть хлѣба и наставительно пояснилъ:

— Безъ этого нельзя.

Хлѣбъ показался мнѣ вкуснымъ; онъ былъ сладковатый, немножко вязкій, безъ всякаго хруста. Отсюда я пошелъ въ монастырскую рощу. Она даетъ путнику отдыхъ въ тѣни, открывая передъ глазами его прекрасную картину на Волховѣ. Роща посажена нѣсколько столѣтій назадъ, въ то время, когда Варлаамій

былъ настоятелемъ Хутынскаго монастыря, и притомъ насажена такъ густо, что нѣмѣ разросшіеся дубы, клены, ясени своими вершинами образуютъ сплошную массу зелени и не даютъ проникать солнечнымъ лучамъ на землю, отчего почва бываетъ вѣчно влажная, а воздухъ даже въ зной не утрачиваетъ сырости и дѣйствуетъ на человѣка не особенно пріятно. Благоустройство въ роцѣ положительно отсутствуетъ; нѣтъ даже самыхъ обыкновенныхъ дорожекъ и скамеекъ, такъ что пріѣзжіе располагаются прямо на травѣ и ведутъ бесѣды сидя, полулежа, при чемъ выслушиваютъ крики грачей. Въ праздничные дни, послѣ обѣдни бесѣды богомольцевъ сопровождаются возліяніями, и въ роцѣ по обыкновенію стоитъ «веселіе Руси есть пити». Въ роцѣ есть маленькая горка, нарытая, по преданію, руками угодника; на ней стоитъ деревянная часовня съ образомъ св. Варлаамія. Мнѣ рассказывали, что насчетъ этой горки существуетъ такое повѣрье: каждая дѣвушка, пробѣжавшая въ день праздника безъ передышки три раза вокругъ часовни, непременно выходитъ въ этотъ годъ замужъ.

Братникъ Василій не говорилъ мнѣ объ этой часовнѣ, и, вѣроятно, потому, что она не приноситъ дохода; въ ней свѣчей не ставится, службъ не бываетъ, и сохраняется она, какъ церковный памятникъ.

Не сообщилъ мнѣ Василій еще о третьей Варлааміевской часовнѣ, тоже бездоходной, о которой я получилъ свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ. Эта часовня находится теперь около артиллерійскихъ казармъ. Мѣсто вокругъ нея слѣдуетъ занести на страницы военной исторіи. Здѣсь сѣяли огородные овощи, но когда задумали устроить военныя поселенія, то монастырскую землю предназначили подъ казармы для гренадерскаго корпуса. Съ 1816 г. земля долгое время оставалась пустыремъ, затѣмъ уже на ней были воздвигнуты обширныя деревянныя строенія для гренадерскихъ казармъ и, должно быть, въ тридцатыхъ годахъ, такъ какъ за отчужденную собственность государь Александръ I благоволилъ дать монастырю билетъ сохранной казны въ 3 тысячи рублей, который и былъ полученъ обителемъ въ 1832 году.

Раздался свистокъ парохода, призывавшій пассажировъ. Мимо Хутыни ходятъ два парохода—утромъ и вечеромъ, дѣлающіе рейсы между Новгородомъ и ст. Волховомъ.

Время было уже къ вечеру, значитъ, послѣдній рейсъ. Я поспѣшилъ на берегъ. На берегу мнѣ сообщилъ какой-то субъектъ, что, если не сѣсть на этотъ пароходъ, то придется ночевать въ монастырѣ.

— Знаю,—отвѣтилъ я.

— А ночевать, — продолжалъ субъектъ: — здѣсь — горе.

— Почему же?

— Да, ежели знакомы съ настоятелемъ, то у него еще ничего, способно и покойно, а то вѣдь въ гостиницѣ надо валаться.

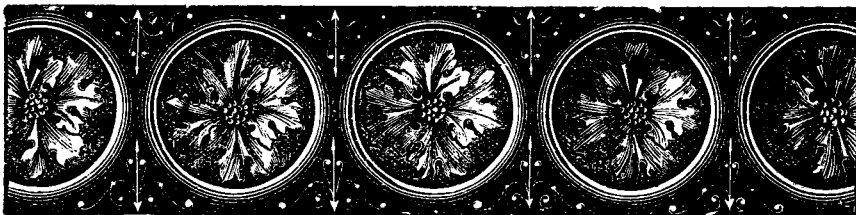
— Развѣ тамъ худо?

— Помилуйте,—махнулъ рукою субъектъ.—Грязь, вонь нестерпимыя, клопы жалятъ немилосердно. Кромѣ того, случится имѣть сосѣда по ночлегу какого нибудь рваного и пьянаго золоторотца.

Я не былъ знакомъ съ настоятелемъ и потому поспѣшилъ занять мѣсто на пароходѣ. Кстати о пароходномъ обществѣ. Надо удивляться, какіе пароходы предлагаетъ это общество публикѣ. Палуба безъ зонта, скамейки грязныя, мокрыя, развалившіяся; изъ трубы обдаетъ искрами и сажею, а изъ-подъ колесъ — дождемъ; тащится пароходъ какія нибудь 12 верстѣ цѣлый часъ. Билеты выдаются I-го класса (25 коп.) и II-го (20 коп.), но пассажиры обоихъ классовъ пользуются одинаковыми удобствами. На мой вопросъ объ этомъ кассиръ говорилъ, что, по мнѣнію общества, 5 коп.—пустыя деньги, поэтому стоитъ ли говорить о какой нибудь «привилегіи». Резонно.

А. Г. Слезскинкій.

ВЪ СТАРОМЪ ГДАНСКѢ.

ЖЕ ДАВНО миновало то время, когда приходилось ѣздить изъ Россіи въ Гданскъ, или Danzig, на почтовыхъ, испытывая на границахъ разныя мытарства о которыхъ такъ обстоятельно повѣствуетъ Карамзинъ въ своихъ письмахъ изъ-за границы. Данцигъ теперь соединенъ съ нашей границею нѣсколькими желѣзнодорожными линіями и въ томъ числѣ одною прямою, черезъ Мариенбургъ, на Млаву. Садитесь въ Млавѣ въ поѣздъ въ 12-мъ часу пополудни и пріѣзжаете въ Гданскъ-Данцигъ въ половинѣ 6-го вечера. Вокзалъ въ Данцигѣ (Hauptbahnhof) новый, великолѣпный, въ стилѣ renaissance, съ высокою четырехугольною башнею, напоминающею до нѣкоторой степени своею архитектурою монументальную башню городской ратуши, и крышею, выложенною разноцвѣтными изразцами. Renaissance въ Данцигѣ преобладаетъ. Всѣ дома преимущественно въ этомъ стилѣ. Въ общемъ это и красиво и оригинально. Что, напримѣръ, за чудную линію новыхъ домовъ, выстроенныхъ на средневѣковый манеръ, видите противъ вокзала или на Dominikswall! Пройдетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, постарѣютъ новые дома, и нелегко будетъ отличить ихъ отъ старыхъ. Колоритъ древности ляжетъ своею печатью на старомъ Гданскѣ. Вотъ эта-то оригинальность стилия построекъ, завершающихся обыкновенно башнями, придаетъ городу — откуда бы вы на него ни смотрѣли — очень красивый видъ. Карамзинъ, видѣвшій Данцигъ сто тринадцатью годами ранѣе насъ, уже въ то время былъ въ восторгѣ отъ красоты города. Смотрѣлъ онъ на него съ горы. «Данцигъ у насъ подъ ногами, какъ на блюдечкѣ, такъ что можно считать кровли. Сей прекрасно выстроенный го-

родъ, море, гавань, корабли въ пристани и другіе, разсѣянные по волнующемуся, необозримому пространству водъ,—все сіе вмѣстѣ образуетъ такую картину, любезнѣйшіе друзья мои,—писалъ онъ,—какой я еще не видывалъ въ жизни своей, и на которую смотрѣлъ два часа въ безмолвіи, въ глубокой тишинѣ, въ сладостномъ забвеніи самого себя»¹⁾. Что же бы сказалъ нашъ знаменитый путешественникъ, если бы увидалъ Данцигъ теперь: прошелъ по его улицамъ, прекрасно освѣщеннымъ вечеромъ, содержимымъ въ безупречномъ порядкѣ, заглянулъ въ его богатые магазины и роскошныя café, съѣздилъ изъ одного конца города въ другой въ электрическомъ трамваѣ или въ щегольскомъ извозчичьемъ фіакрѣ? Самая лучшая панорама Данцига открывается съ высотъ Бишофсберга и Гегельсберга, господствующихъ надъ городомъ съ западной стороны. «Верхи ихъ, по справедливому замѣчанію Карамзина, гораздо выше городскихъ башенъ... въ случаѣ осады непріятельскія батареи могутъ отсюда разрушить городъ»²⁾. По этой причинѣ предусмотрительные нѣмцы устроили теперь на нихъ батареи. Городъ отсюда—какъ на ладони: направо грандіозныя зданія Trinitatis и Appen-Kirche, высокая башня ратуши, налѣво великолѣпное зданіе новой еврейской синагоги, Stockthurm и Katharinenkirche, а по срединѣ, надъ всѣмъ городомъ доминируетъ каменная масса знаменитой Marienkirche, съ ея приземистою звонницею и девятью стройными готическими башенками.

I.

Церковь св. Маріи.—Описаніе ея.—Главный алтарь.—Выдающіяся каплицы.—Каплица св. Дороты.—Картина Страшный судъ.—Астрономическіе часы.—Художественныя достопримѣчательности.—Отношеніе гданчанъ къ храму.—Дома на Юппенгассе.—Улицы Langenmarkt и Langgasse.

Marienkirche, т. е. церковь Богоматери,—главная достопримѣчательность стараго Гданска. До XVI столѣтія была католическою. Въ 1524 году лютеране совершили въ ней первое свое богослуженіе. Черезъ два года снова перешла къ католикамъ. Но въ 1572 году лютеране окончательно ее забрали. Постройка этого храма начата въ 1343 году и продолжалась сто шестьдесятъ лѣтъ. Данцигская церковь Богоматери принадлежитъ къ числу величайшихъ въ Европѣ. Построена въ формѣ креста. Дѣлится на три продольныя части, или галлерей, изъ которыхъ средняя наиболѣе широкая—10 метровъ. Своды храма покоятся на 26 стройныхъ колоннахъ, отъ поверхности пола на высотѣ 30 метровъ. Длина его внутри

¹⁾ «Письма русскаго путешественника». Письмо отъ 22 іюня 1789 года.

²⁾ Тамъ же.

84 метра, а ширина—39 метровъ въ западной части и 33 метра въ восточной части основанія креста. Наружная совокупная длина съ башнею составляетъ 105 метровъ. Высота звонницы 75 метровъ. Лѣстница въ 325 ступеней ведетъ на ея верхъ.

Для того, чтобы осмотрѣть храмъ во всѣхъ подробностяхъ, необходимо записаться билетомъ. Послѣдній стоить для одного лица 50 пфениговъ. Продаеть билеты кистеръ, имѣющій для этой цѣли нѣчто въ родѣ бюро при своей квартирѣ на узенькой Kogkenmacher-gasse, тутъ же возлѣ кирки. Иначе будете въ церкви и ничего не увидите... Такъ хитро нѣмцы ведутъ атаку на карманы туристовъ! Мы прежде чѣмъ уплатить кистеру традиціонную дань, были въ храмѣ Богоматери нѣсколько разъ, во время богослуженія, и ничего не видѣли, кромѣ голыхъ, непривѣтливыхъ стѣнъ, грандіозныхъ расписныхъ оконъ, изъ которыхъ нѣкоторыя своею высотой соотвѣтствуютъ высотѣ шестиэтажнаго дома, да еще громоздкаго монумента виновнику реформаціи... Совсѣмъ получилось иное впечатлѣніе, когда мы съ билетами въ рукахъ и въ сопровожденіи бѣлокураго, завитого барашкомъ, нѣмчика—нашего чичероне,—переступили порогъ Marienkirche. Нѣмчикъ, вооруженный связкою ключей, началъ открывать по порядку одну за другою дверь, болтая при этомъ безъ умолку, словно попугай. Передъ нашими взорами прошелъ цѣлый рядъ предметовъ высокой цѣнности. Вотъ великолѣпный деревянный рѣзной, вызолоченный главный алтарь, работы Михаила Шварца 1515 года. Богослуженіе на немъ, конечно, не отправляется, и онъ огражденъ рѣшеткою. Поэтому любоваться имъ можно только тогда, когда васъ пропускаютъ за рѣшетку... Центръ алтаря составляетъ рельефный образъ коронованія Пресвятой Дѣвы. Образъ обыкновенно закрытъ дверцами, раздѣленными на пять частей. На дверцахъ 10 позолоченныхъ и раскрашенныхъ медальоновъ и барельефовъ, представляющихъ событія изъ жизни Божіей Матери и Ея Возжественнаго Сына. Внизу, надъ престоломъ образъ-барельефъ Положеніе Спасителя во гробъ. Это—старая часть алтаря. Окружающія же его стрѣльчатая, рѣзныя, сквозныя, готическія башенки съ фигурами въ нишахъ святыхъ, апостоловъ и дѣятелей реформаціи—новаго происхожденія. Прочіе алтари—въ каплицахъ, а послѣднихъ до 30, тоже отгорожены рѣшетками, или деревянными со стеклами стѣнками, задрапированными изнутри отъ взоровъ любопытныхъ. Наиболѣе замѣчательныя каплицы: всѣхъ святыхъ, надъ которою помѣщается бібліотека, основанная въ 1410 году и содержащая въ себѣ немало рѣдкостей; недалеко отъ нея гробница славнаго гданскаго поэта Мартина Опитца († 1639 года); каплица св. Варвары, въ которой долгое время хранилась реликвія, глава св. великомученицы, взятая королемъ Казимиромъ въ Маріенбургѣ у тевтонскихъ рыцарей и принесенная въ 1459 году въ даръ Гданску; каплицы Бо-

Общій видъ Данцига съ Бишофберга.

жіей Матери и св. Теодоры съ ихъ чудотворными изображеніями; каплица св. Іакова, съ которою связывается легенда о безчеловѣчной матери, умертвившей своего ребенка, рука котораго послѣ выросла изъ гроба. Ребенокъ былъ похороненъ въ этой каплицѣ. И теперь еще показывается небольшое отверстіе въ полу. Нарисованный на дверяхъ мальчикъ съ пожемъ въ рукѣ напоминаетъ объ этомъ событіи. Въ каплицѣ св. Дороты, покровительницы Пруссіи, находится знаменитая картина, изображающая Страшный судъ. «Болѣе всего,—пишетъ Карамзинъ,—хотѣлось мнѣ видѣть славную Эйхелеву (?) картину, въ главной лютеранской церкви, представляющую страшный судъ»¹⁾. По преданію, многія владѣтельныя особы старались пріобрѣсти эту картину. Императоръ Рудольфъ давалъ за нее 40.000 гульденовъ, а Людовикъ XIV цѣлую бочку золота. Петръ Великій, будучи въ Данцигѣ въ 1717 году, посѣтилъ церковь св. Маріи и пришелъ въ восторгъ отъ картины. Бывшіе въ свитѣ царя знатоки живописи почему-то признали картину за произведеніе свв. Кирилла и Меодія. Петръ предлагалъ за нее громадную въ то время сумму—50.000 рублей. Однако церковные старшины и магистратъ не захотѣли продать это произведеніе искусства. Кто былъ творцемъ картины на самомъ дѣлѣ, не извѣстно. Прежде имъ считали Эйхеля, потомъ нидерландца Ганса Мемлинга († 1495 г.), наконецъ, новѣйшія изслѣдованія—художника Дитриха Стуербута. Не подлежитъ сомнѣнію лишь одно, что родиною ея была Голландія. По преданію, картина Страшнаго суда была написана въ Голландіи для папы Сикста IV. Когда ее перевозили въ Римъ, напали на корабль морскіе разбойники и захватили ее. Капитанъ данцигскаго судна «Петръ изъ Данцига», Павелъ Бенеке, отнялъ ее у корсаровъ въ 1473 году и доставилъ въ Данцигъ. Въ 1807 году ее забрали французы и возвратили по парижскому мирному договору въ 1816 году. Картина помѣщается на стѣнѣ, направо отъ входа, подъ особою драпировкою. Когда послѣднюю раздвинуть на двѣ половины, вы увидите средней величины двухстворчатый складень. На дверцахъ этого складня представлены колѣнопреклоненными—на одной мужчина, а на другой женщина. Одни предполагаютъ, что лица эти—художникъ, писавшій картину, и его жена, а другіе думаютъ, что это портретъ тѣхъ лицъ, по заказу которыхъ написанъ Страшный судъ. Нажимается пружина. Дверцы раскрываются. Вы видите страшный судъ такъ, какъ онъ представлялся воображенію таинственнаго художника. Картина раздѣлена вертикально на три части. Въ средней, болѣе широкой, въверху изображенъ Сынъ Человѣческій, воссѣдающій во славу своей на радугѣ, правою рукою Онъ благословляетъ стоящихъ по правую сторону Его праведниковъ, а лѣвою—какъ бы отстраняетъ

¹⁾ «Письма русскаго путешественника». Письмо отъ 22 іюня 1789 года.

Набережная рѣки Мотлавы въ Данцигѣ.

находящихся по лѣвую сторону грѣшниковъ. По правую сторону главы Его—вѣтвь оливковая, а по лѣвую—мечъ.

Направо и налево ангелы съ атрибутами крестныхъ страданій Богочеловѣка. Ниже ихъ возсѣдаютъ двѣнадцать апостоловъ, по шести съ каждой стороны. На концахъ радуги—по правую руку Спасителя Матерь Его, а по лѣвую—Его Предтеча. Ниже радуги—облака и въ нихъ парятъ ангелы, трубящіе въ трубы. Внизу центръ картины занимаетъ могучая фигура архистратига силъ небесныхъ Михаила, закованнаго въ латы. Онъ взвѣшиваетъ на вѣсахъ умершихъ, которые, услышавъ гласъ Сына Божія, выходятъ изъ гробовъ, для того, чтобы однимъ изъ нихъ сотворшимъ благая пойти въ воскрешеніе живота, а другимъ сотворшимъ злая въ воскрешеніе суда (Іоанна V, 28—29). Вдали ангелы отдѣляютъ злыхъ изъ среды праведныхъ (Матвеев XІV, 49). Въ двухъ боковыхъ частяхъ представлены—въ одной преддверіе райа, а въ другой адъ. Апостолъ Петръ, съ ключами царства небеснаго въ лѣвой рукѣ, встрѣчаетъ праведниковъ, мужчинъ и женщинъ, на первыхъ ступеняхъ лѣстницы, подаетъ имъ правую руку. Ангелы провожаютъ ихъ далѣе по лѣстницѣ къ райскимъ дверямъ. Послѣднія изображены въ видѣ великолѣпнаго готическаго портала, украшеннаго балкончиками, на которыхъ видны фигуры играющихъ на струнныхъ инструментахъ и поющихъ ангеловъ. Всѣ воскресшіе паги, поэтому у самыхъ дверей райа ангелы возлагаютъ на нихъ одежды. Въ аду происходятъ ужасныя сцены. Группы грѣшниковъ летятъ со страшной высоты въ пронасть, тамъ хватаютъ ихъ дьяволы и бросаютъ въ огонь. Какъ произведеніе искусства, Страшный судъ отличается несомнѣнными художественными достоинствами, въ техническомъ отношеніи блестящею яркостію своихъ красокъ, заставляя зрителя лишній разъ подивиться таинѣ колорита, которою обладали старые живописцы...

Неподалеку отъ бывшей каплицы св. Дороты помѣщаются грандіозныя астрономическіе часы. Они показывали времена года и дня, всѣ фазы небесной системы, при чемъ во время боя появлялись апостолы. Въ первой четверти XVII столѣтія часы остановились. Причину этого объясняютъ тѣмъ, что астрономическій механизмъ часовъ былъ рассчитанъ не болѣе, какъ на 150 лѣтъ. Однако, народная фантазія не хочетъ примириться съ такимъ простымъ объясненіемъ причины остановки удивительныхъ часовъ... Преданіе, переходящее отъ поколѣнія къ поколѣнію, гласитъ, будто мастеръ Гансъ Дюрингеръ, создавшій ихъ между 1464 и 1470 гг., былъ ослѣпленъ для того, чтобы не могъ построить другихъ такихъ же часовъ, и вотъ онъ, желая отомстить жестокимъ цѣнителямъ его таланта, незамѣтнымъ образомъ прокрался къ своему произведенію и испортилъ часовоі механизмъ ¹⁾.

¹⁾ Гиршъ: «Geschichte der Marienkirche», 364.

Кромѣ перечисленныхъ, Маріинская церковь обладаетъ многими другими сокровищами и памятниками древности. Надъ сводомъ арки, отдѣляющей среднюю часть храма отъ главной алтарной части (бывшаго presbyterium'a), сохранилось древнее колоссальное деревянное распятіе со стоящими по бокамъ его фигурами Богоматери и апостола Іоанна Богослова. Въ одной изъ упраздненныхъ каплицъ обращаютъ на себя вниманіе: древняя группа изъ камня—Божія Матерь поддерживаетъ тѣло снятаго со креста Своего Сына (Pietà), и скульптурный триптихъ съ позолоченными фигурами. Въ другой каплицѣ, обращенной нынѣ въ ризницу, показываютъ, бережно сохраняющіяся въ шкафахъ, за стекломъ, ризы и разныя священныя облаченія, реликвіи, священную утварь, чаши, кресты, диски. Заслуживаютъ вниманія бронзовыя издѣлія, разбросанныя въ разныхъ частяхъ огромнаго храма: подсвѣчники около главнаго алтаря и изящныя рѣшетки вокругъ Reinholdskapelle и вокругъ крестильницы, подъ главнымъ органомъ. Полъ храма покрытъ каменными надгробными плитами, съ гербами и надписями, лицъ, нѣкогда здѣсь погребенныхъ. Тѣ и другія отъ времени стерлись и сдѣлались неудобочитаемыми. Закачивая описаніе Marienkirche, не можемъ не обратить вниманія на нѣкоторое безцеремонное отношеніе гданчанъ къ своему историческому памятнику—храму. Во время одного изъ нашихъ посѣщеній святыни мы застали толпу женщинъ и мужчинъ рабочихъ. Они мыли полъ, развели, какъ говорится, цѣлое море воды. Женщины лазили по бывшимъ алтарямъ, вытирали мокрыми грязными тряпками образа съ такимъ усердіемъ, что грязные брызги летѣли далеко, обдавая любопытныхъ туристовъ... Мужчины были въ шапкахъ, тутъ же стояли двухколесныя телѣжки для доставки, вѣроятно, воды... Еще больше удивило насъ сосѣдство съ храмомъ кабинета удобствъ. Послѣдній примыкаетъ съ узенькой Am Pfarrhof къ самой сѣверной стѣнѣ церкви... Тѣмъ не менѣе мы покинули Marienkirche съ благодарностью нѣмцамъ-лютеранамъ за то, что они оставили ее въ неприкосновенномъ видѣ. Вѣдь, другіе, пожалуй, на ихъ мѣстѣ поступили бы иначе...

Обойдя улицу Pfarrhof вокругъ Marienkirche, выходимъ на Jorngasse—улицу, застроенную старинными высокими домами, съ далеко выдвинутыми впередъ крыльцами. Дома на этой улицѣ отдѣлены отъ самой улицы рвомъ. Подъѣздъ, къ которому ведетъ лѣстница, или каменная плита въ видѣ подъемнаго моста, соединяетъ домъ съ улицей. Каменные стѣны каждаго подъѣзда украшены рельефами, камни же, на которыхъ укрѣплены желѣзныя перила, изукрашены богатою рѣзбою, и нерѣдко на нихъ встрѣчаются выбитыя цифры годовъ XVIII столѣтія. По общей промежуточной стѣнѣ подъѣзда идетъ продолженіе водосточной трубы, оканчивающейся, по большей части, драконовою головою, черезъ

которую стекаетъ вода прямо въ ровъ. Если бы вы пожелали отсюда полюбоваться наружнымъ видомъ Marienkirche, напрасны бы были ваши къ тому усилія: храмъ окруженъ отовсюду высокими домами, и самъ въ свою очередь настолько высокъ, что лѣтомъ, въ жаркій солнечный день, въ улицахъ, къ нему примыкающихъ, всегда можно найти прохладу, благодаря тѣни, падающей отъ каменнаго колосса. Поэтому нѣтъ никакой возможности снять фотографію съ фасада или бока кирки, и фотографическіе снимки ея дѣлаются обыкновенно съ крыши какого либо изъ близъ лежащихъ зданій.

Коротенькая Krämergasse выводитъ насъ на Langenmarkt, который вмѣстѣ со своимъ продолженіемъ—Langgasse,—составляетъ центръ современнаго Данцига. Отсюда отходятъ въ разныя стороны электрическіе трамваи.

Здѣсь сосредоточены лучшіе магазины, отели, рестораны, Bierhalle, банкирскія конторы, банки, въ числѣ послѣднихъ есть отдѣленіе Московскаго международнаго торговаго банка.

Здѣсь же и двѣ историческія достопримѣчательности: Ратуша и Артургофъ.

Направимся сначала въ ратушу.

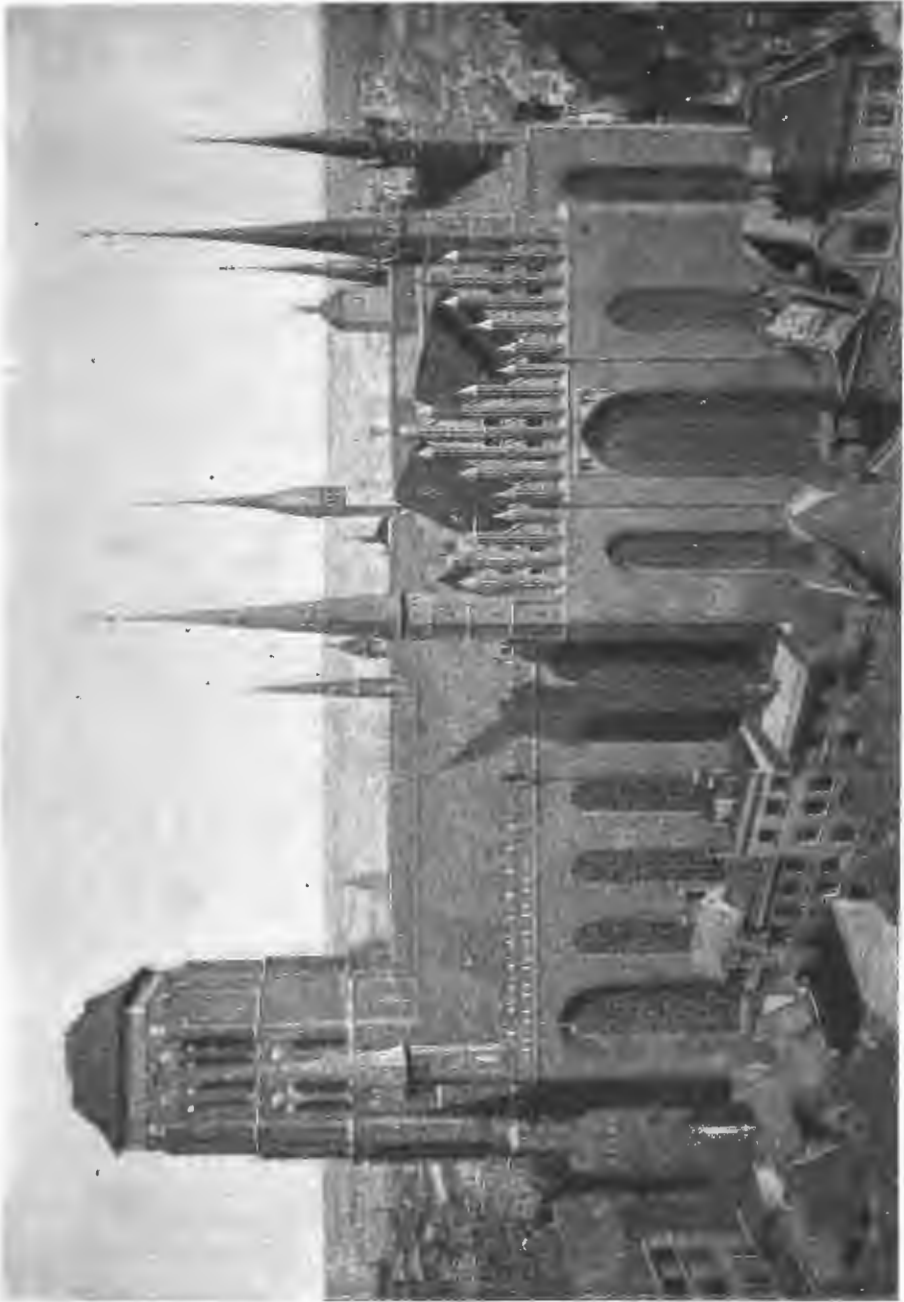
II.

Ратуша. — Ея достопримѣчательности. — Бѣлый залъ. — Красный залъ. — Архивъ. — Артургофъ. — Главный залъ. — Diele. — Погребъ. — Домъ Стефенса.

Данцигская ратуша, благодаря своей оригинальной башнѣ высотой въ 250 футовъ, извѣстна, по картинкамъ, во всей Европѣ. Построена во второй половинѣ XIV столѣтія вѣдчимъ Генрикусомъ. На башнѣ огромные часы съ боемъ. Объ нихъ Гваньини писалъ въ XVI столѣтіи ¹⁾, что «при помощи приспособленныхъ колоколовъ они пѣли разныя мелодіи и заграничныхъ гостей въ невѣроятное удивленіе приводили». Симонъ Старовольскій († 1656) называетъ ихъ *horologium urbis affabre elaboratum*.

По каменной лѣстницѣ съ угла Langgasse поднимаемся въ полутемныя высокія сѣни со сводами, покрытыя живописью. Деревянные массивныя винтовыя лѣстницы ведутъ въ верхніе этажи. Направо и налево отъ входа—большія тяжелыя двери—въ залы совѣщаній. Направо извѣстный бѣлый залъ (*weisser Saal*) съ готическими сводами. Достопримѣчательность его составляютъ шесть большихъ фресокъ, написанныхъ на стѣнахъ между полуциркулями

¹⁾ «Sarmatiae Europae descriptio».

Церковъ Богоматери въ Даницигъ.

сводовъ. Содержаніе фресокъ взято изъ городскихъ лѣтописей. Вотъ гросмейстеръ Людольфъ Кенигъ полагаетъ первый камень городской стѣны въ 1343 г.; дальне гданскій бюргермейстеръ Ферберъ въ 1493 году возвращается по Лангенмаркту къ Артурсгофу, одержавъ побѣду на рыцарскомъ состязаніи. Стефанъ Баторій осаждаетъ Гданскъ 7 сентября 1577 г. Венеціанскій дожъ Мартино Гримальди въ 1601 г. принимаетъ гданское посольство. Пруссаки вступаютъ въ городъ по изгнаніи французовъ въ 1814 г. Императоръ Вильгельмъ I, окруженный блестящею свитою, любитъся панорамою Данцига съ высотъ Бишофсберга. Авторами картинъ были профессора К. Рехлингъ изъ Берлина, Эрнстъ Реберъ изъ Дюссельдорфа и Прелль изъ Дрездена. Исполнены картины превосходно. Особенно удачны: Осада Гданска въ 1577 году—масса движенія и жизни, Вступленіе пруссаковъ въ Данцигъ въ 1814 году—великолѣпный зимній пейзажъ на Langenmarkt'ѣ, и Императоръ Вильгельмъ любитъся Данцигомъ—чудный лѣтній пейзажъ съ группою историческихъ лицъ, отличающихся поразительнымъ сходствомъ. Въ этомъ же залѣ помѣщается мраморный бюстъ данцигскаго обербюргермейстера Леопольда фонъ-Винтера († 1893 г.), оказавшаго городу несомнѣнныя заслуги.

По другую сторону стѣны, налево, находится Красный залъ (rother Saal), очевидно получившій свое наименованіе отъ красныхъ тоновъ, которые преобладаютъ въ его убранствѣ. Залъ—квадратной формы. Потолокъ покрытъ тяжелою изящною рѣзьбою и живописью. Посрединѣ изображенъ видъ Данцига въ 1612 году. На стѣнахъ картины, медальоны съ портретами, фрески. У стѣны, противоположной входу, грандіозныхъ размѣровъ каминъ, имѣющій видъ шкафа, покрытаго изящною рѣзьбою. Онъ покоится на плечахъ двухъ великановъ съ фізіономіями восточнаго типа. Вверху, надъ отверстіемъ для топки, два, стоящіе на заднихъ лапахъ, льва держатъ щитъ съ гербомъ Данцига (два «георгиевскіе» креста, расположенные одинъ надъ другимъ, надъ ними корона). Вдоль стѣны идутъ старинныя скамьи съ инкрустаціями изъ разноцвѣтнаго дерева. Посрединѣ зала полукружіемъ поставленъ столъ. Здѣсь происходятъ обычныя засѣданія магистрата. Небольшая дверь съ нарисованною на ней фігурою служителя, пріотворяющаго дверь, ведетъ въ смежный маленькій залъ. Очень ужъ усердно рекламируютъ нѣмцы эту нарисованную на двери фігуру... И «гиды» и проводники стараются увѣрить васъ, будто это—чудо декоративной живописи, будто фігура эта выглядываетъ, какъ живая, а перспектива, открывающаяся за нею, поразительна... Но стоитъ только присмотрѣться поближе, чтобы увидѣть, что хваленая фігура служителя чрезвычайно мала и иллюзіи никакой не производитъ. Что касается перспективы, то право—куда въ этомъ отношеніи выше работы, хотя бы Гонзаго, сохраняющіяся еще въ па-

Главный алтарь въ церкви Богоматери.

вильсонахъ Павловскаго парка ¹⁾... Даже въ томъ же «Красномъ» залѣ есть болѣе удачная картинка-декорація—мальчикъ смотритъ изъ окна въ залъ, при чемъ очень рельефно написана голова мальчика и «открытая» внутрь зала рама окна.

Но не въ одномъ только историко-археологическомъ и архитектурно-эстетическомъ отношеніи замѣчательна данцигская ратуша. Она заслуживаетъ глубокаго вниманія и въ отношенія научномъ. Въ ея стѣнахъ хранится богатый городской, драгоценный для исторіи Польши и Пруссіи, начиная съ XIII столѣтія, архивъ.

Отъ ратуши до Артургофа всего нѣсколько шаговъ.

Артургофъ заимствовалъ свое названіе отъ извѣстнаго своими рыцарскими подвигами короля Артура, нѣкогда владычествовавшаго въ Британіи и низверженнаго римлянами. Возникновеніе Артургофа относится къ XIV вѣку. Въ Артургофѣ собирались въ былыя времена данцигскіе граждане на пріятельскія попойки. У cadaго цеха или общества была тамъ своя скамейка, на которой они пировали; у патриціевъ, у ратмановъ и у дворянъ были свои особыя мѣста.

Фронтонъ зданія, выходящій на Лангенмарктъ, — въ стилѣ renaissance,—выстроенъ въ 1555 году итальянскими мастерами. Онъ богато вызолоченъ, и на немъ помѣщены статуи великихъ людей древняго міра и гербъ города.

Главный большой залъ, гдѣ теперь происходятъ отъ 12-ти до 2-хъ часовъ пополудни биржевыя собранія, со стрѣльчатыми сводами, поддерживаемыми четырьмя высокими колоннами. Стѣны расписаны фресками и картинами, изображающими сцены изъ мнѳологій и исторіи: Діана на охотѣ, судъ Париса, искушеніе Адама, страшный судъ и проч. — разумѣется, по тогдашнимъ понятіямъ. Всѣ эти произведенія весьма хорошо сохранили свой колоритъ. Фигуры вездѣ въ натуральную величину. На многихъ фрескахъ нѣкоторыя части скульптурныя, напримѣръ, въ сценахъ охоты Діаны и суда Париса. Подъ фресками идетъ живописный фризъ, представляющій сцены изъ исторіи братьевъ Серапіоновъ, жизни императора Карла Великаго и проч. Съ потолка спускаются на цѣпяхъ модели всевозможныхъ судовъ, напоминая о цвѣтущемъ времени богатаго ганзейскаго союза. Въ одномъ изъ угловъ зала возвышается почти до самаго потолка огромная пирамидальная печь, превосходно выполненная изъ пестрыхъ изразцовъ. Здѣсь же находится мраморная статуя польскаго короля Августа III. Въ залѣ

¹⁾ Венеціанецъ Петръ Гонзаго прибылъ въ Россію при Екатеринѣ II въ 1792 г. Принималъ участіе въ живописныхъ работахъ по украшенію дворцовъ и садовыхъ зданій въ Павловскѣ. Умеръ въ 1831 году. Изъ его декоративныхъ работъ назовемъ: гирлянды изъ розъ на плафонѣ танцовальнаго зала въ Розовомъ павильонѣ, перспективный видъ колоннады въ Старомъ шалѣ, уходящую въ даль колоннаду въ галлерей ея имени въ Павловскѣ.

Ратуша въ Данцигъ.

расположенъ рядъ деревянныхъ массивныхъ столовъ, на которыхъ выставлены въ каменныхъ чашкахъ образцы или пробы зерна, которымъ современный Данцигъ ведетъ обширную и бойкую торговлю. Здѣсь, какъ мы сказали, происходятъ собранія биржевого купечества. Въ этомъ же залѣ устраиваются, по временамъ, и торжественные обѣды и рауты въ исключительныхъ случаяхъ. Въ послѣдній разъ подобный обѣдъ въ Артургофѣ состоялся 28-го августа (9-го сентября) 1881 года. Онъ былъ данъ императоромъ Вильгельмомъ I въ честь своего высокаго гостя, императора Александра III.

Послѣ описаннаго нами зала находится другой, меньшихъ размѣровъ (danziger Diele). Имитированъ въ pendant къ предыдущему. На потолкѣ, въ широкой золоченой рамѣ, старинный плафонъ со сценами изъ библейской исторіи, реставрированный профессоромъ Стрыковскимъ. Съ потолка спускаются модели кораблей. Вдоль стѣнъ и на галереѣ, идущей съ трехъ сторонъ зала, размѣщены старинныя мебель и утварь, виды стараго Гданска въ картинахъ и гравюрахъ, кубки, эмблемы и жезлы мѣстныхъ цеховъ минувшихъ столѣтій.

Подъ главнымъ заломъ Артургофа помѣщается винный погребе-ресторанъ. Погребъ раздѣленъ на комнаты и отдѣльныя помѣщенія, въ которыхъ всегда можно застать многочисленное общество.

Передъ Артургофомъ поставленъ въ 1633 г. фонтанъ Нептунъ, сооруженный Авраамомъ Блекке.

Черезъ два дома отъ Артургофа, по одной съ нимъ линіи на Langenmarkt'ѣ находится извѣстный домъ Стефенса (das Stefens'sche Haus), замѣчательный архитектурю своего фасада. Домъ четырехэтажный, въ три окна по фасаду. Вплотную примыкаетъ къ сосѣднимъ постройкамъ. Оканчивается шатровою крышею. Простѣнки между окнами и карнизы украшены колоннами, статуями, бюстами и барельефами, содержаніе которыхъ замѣтливо по преимуществу изъ античнаго міра, и надписями. Построеніе дома относятъ къ началу XVII столѣтія.

III.

Зеленныя ворота.—Провинціальный музей.—Набережная.—Склады.—Женскія ворота.—Историческій домъ въ улицѣ св. Духа.—Знаменитые уроженцы Данцига.—Іоанновскія ворота.—Церковь св. Іоанна. Описание ея.—Костель упраздненнаго монастыря доминикановъ.—Markthalle.—Церковь св. Екатерины. Ея исторія и достопримѣчательности.—«Королевская» мельница.—Городской театр.—Цейхаузъ.—Правительственный домъ.—Изъ исторіи посѣщеній русскими монархами Данцига.

Продолжая итти по Langenmarkt'у далѣе въ лѣвую сторону, упрямъ въ зданіе съ фасадомъ въ стилѣ renaissance. Это—такъ называемыя «Зеленныя ворота» (Grüne Thor), построенныя въ 1568 году. Одною стороною онѣ выходятъ на Langenmarkt, а другою

на набережную Мотлавы, впадающей тутъ же подъ городомъ въ Вислу. Четыре арки въ нижнемъ этажѣ образуютъ проѣздъ и соединяютъ Лангенмарктъ съ набережною противъ Зеленаго моста (Grüneburgske). По ту сторону моста находится островъ, образуемый Мотлавою и ея притокомъ, со складами, представляющими гигантскіе, въ нѣсколько этажей, магазины. Тутъ хранятся различные товары, въ особенности рожь, которой Данцигъ обязанъ своимъ богатствомъ ¹⁾.

¹⁾ Данцигъ ведетъ торговлю сухопутную, рѣчную и морскую: первую и вторую преимуществу съ Россіей. Изъ помѣщенныхъ въ издаваемомъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ «Сборникѣ консульскихъ дописаній» свидѣній, сообщаемыхъ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Данцигъ, Д. Н. Островскимъ, видно, что въ 1901 г. въ Данцигъ было привезено изъ Россіи.

	По жел. дор.	По Вислѣ.
	Центнеровъ.	
Пшеницы	52.625	4.850
Ржи	53.810	—
Ячменя	29.835	8.140
Овса	5.250	—
Кукурузы	23.600	—
Отрубей	509.515	—

Немаловажною статью русскаго ввоза въ Данцигъ является также керосинъ. Въ Данцигѣ существуетъ особое отдѣленіе нобелевской керосиновой фирмы; при немъ имѣется коросиновый складъ въ Шельмюльѣ, гдѣ устроены два большихъ резервуара, по 30.000 центнеровъ вмѣстимости каждый, и третій малый въ 2.400 центнеровъ. Нобелевскимъ обществомъ продано въ 1901 г. въ восточную и западную Пруссію, въ Познань и Померанію 184.610 центнеровъ.

Сношеніе Данцига съ русскими черноморскими портами, кромѣ торговли русскимъ керосиномъ, выражается еще подвозомъ русской соли изъ Евпаторіи и Феодосіи. Въ 1901 году, русской соли привезено было 624.900 пудовъ, а за 8 мѣсяцевъ 1902 г. въ привозѣ уже насчитывалось 715.300 пудовъ.

Въ направленіи, обратномъ транзиту крымской соли, совершается транзитъ русскаго сахара изъ Волыни черезъ Данцигъ въ Финляндію. Въ отчетѣ данцигской купеческой управы показано въ привозѣ въ Данцигъ за 1901 годъ по желѣзнымъ дорогамъ: изъ губерній царства Польскаго: сахара рафинада—58.590 центнеровъ и сахарнаго песку—98.230 центнеровъ, изъ остальной Россіи сахара рафинада—16.390 центнеровъ.

Главнѣйшими предметами нагрузки судовъ, плавающихъ по Вислѣ, являются: дѣся, хлѣбъ, керосинъ, сахаръ, каменный уголь, строительные матеріалы и дубильныя вещества (Quebrachholz). Въ 1901 г. къ Данцигу по Вислѣ было подвезено груза 1.810.715 центнеровъ и изъ Данцига вверхъ по рѣкѣ отправлено 2.223.920 центнеровъ.

Морской торговли Данцигъ съ Россією не ведетъ вовсе. Въ 1901 году портъ посѣтило 8 русскихъ пароходовъ, вмѣстимостью въ 5.276 рег. тона и 10 парусныхъ судовъ—въ 2.225 тоннъ. Моремъ Данцигъ торгуетъ, главнымъ образомъ, съ Великобританією, откуда получаетъ каменный уголь, соль и сельдей, и съ Швецією, ввозящей въ портъ желѣзо и камень. Вывозитъ Данцигъ преимущественно дѣся и сахаръ—въ Великобританію, хлѣбъ и отруби—въ Данію и Швецію. Цѣнность общаго морскаго привоза къ Данцигу въ 1901 году опредѣлилась съ 120.448.000 марокъ; цѣнность отпуска данцигскаго порта—въ 81.490.000 марокъ.

Въ верхнихъ этажахъ Зеленыхъ воротъ помѣщается западно-прусскій провинціальный музей, заключающій въ себѣ минералогическія, геологическія, палеонтологическія, зоологическія и ихтиологическія коллекціи, а также богатое собраніе янтарей. Музей открытъ два раза въ недѣлю для публики, а для учащихъ и ученыхъ ферейновъ каждый день бесплатно.

Налѣво тянется набережная — Langlebrücke, превосходно вымощенная плитками изъ бетона. Экипажи тутъ не ѣздятъ. Чистота безукоризненная. По одну сторону—длинная линія пароходовъ, отходящихъ отсюда въ окрестности города: Нейфарвассеръ—гавань Данцига, морскіе курорты Брезенъ, Цоппотъ и на полуостровъ Гелю (Hela). Тутъ же стоятъ на якоряхъ корабли. Между кораблями проходятъ плоты съ лѣсомъ. Хозяева кораблей, офицеры и матросы—все это оживляетъ мѣстность, и тутъ подчасъ можно слышать всевозможные языки и нарѣчія. По другую сторону тянется сплошная линія высокихъ домовъ, прерываемая время отъ времени проходами въ улицы города или воротами (Thor).

Вотъ Brodbänken-Thor, слѣдующія Grauen-Thor—Женскія ворота—красивая постройка съ башнями и балконами, дальше Heilige Geist-Thor—ворота св. Духа, а за ними Krahn-Thor—съ висячимъ подъемнымъ краномъ, отъ котораго и получили свое названіе. Отъ каждыхъ воротъ, какъ сказано выше, идетъ въ городъ улица, носящая въ большинствѣ случаевъ одинаковое съ воротами названіе. Нѣкоторыя изъ этихъ улицъ застроены старыми причудливой архитектуры домами. Въ одномъ изъ домовъ улицы св. Духа (подъ № 81) 22-го февраля 1788 года явился на свѣтъ Артуръ Шопенгауэръ. Извѣстно, что славный философъ, авторъ «Die Welt als Wille und Vorstellung» и великій ненавистникъ женщинъ, былъ сыномъ данцигскаго банкира и актрисы, а въ то же время и талантливой писательницы, Иоанны Шопенгауэръ (род. 1770—1838 гг.). Здѣсь кстати будетъ сказать, что Данцигъ—родина многихъ историческихъ личностей. Астрономъ Гевеліусъ (1611—1687), художникъ-граверъ Герфалькъ (1619—1663), физикъ Фаренгейтъ (1786—1847), граверъ на мѣди Ходовецкій (1736—1807), ученый и живописецъ Робертъ Рейнике (1805—1852) здѣсь родились; ученый Эйхендорфъ (1788—1857), художникъ Эд. Гильдебрандтъ здѣсь проживали. На стѣнахъ домовъ, въ которыхъ они жили, вездѣ помѣщены памятные доски. Послѣднія ворота Иоанновскія. Идущая отъ нихъ улица носитъ свое наименованіе Johannesgasse отъ находящагося на ней, неподалеку отъ воротъ, костела св. Иоанна.

Бывшій католическій костель, а въ настоящее время евангелическая кирка св. Иоанна, построенъ, по преданію, въ первой четверти XIII столѣтія. Извѣстно, что въ 1456 г. епископъ Янъ Груцианскій установилъ при немъ приходъ. Приходъ былъ богатый.

Артургофь-биржа.

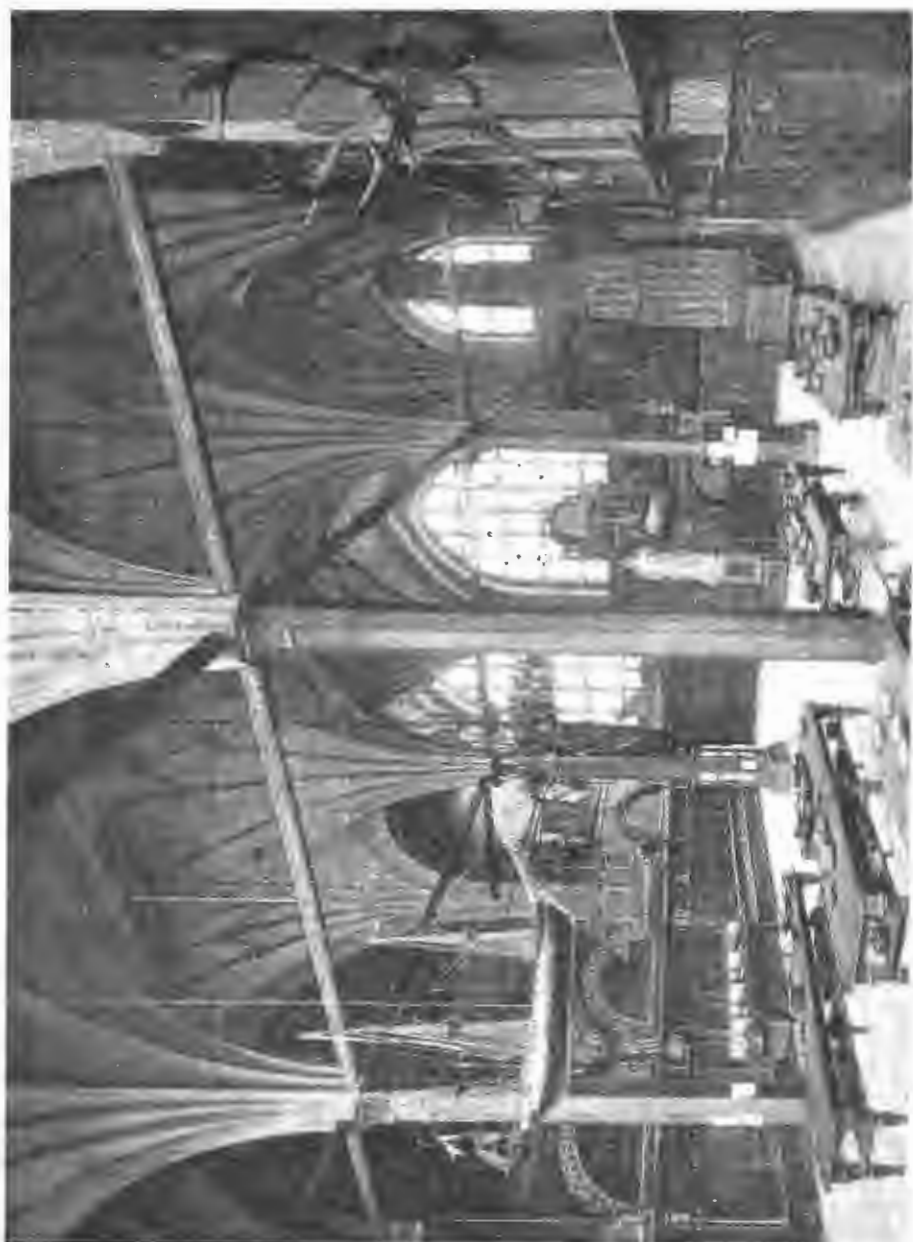
Передъ Реформаціею при костелѣ состояли 22 священнослужителя. Въ 1525 году лютеране завладѣли костеломъ. На слѣдующій годъ епископъ Држевицкій освятилъ костелъ и отдалъ его католикамъ, но вскорѣ лютеране снова его отобрали. Въ началѣ XIX столѣтія французы заняли его подъ мастерскія. Храмъ св. Іоанна представляетъ собою величественное зданіе съ примыкающею къ нему башнею-звонницею. Дѣлится на три продольныя части (нава), отдѣляемые другъ отъ друга колоннами, на которыя опираются своды, построенные въ 1460 году. Освѣщается высокими окнами, украшенными великолѣпными витражами. Средній алтарь напоминаетъ собою главный алтарь Marienkirche. Сохранились старинныя сѣдалища (stalle) по сторонамъ алтаря и грандіозный органъ превосходной рѣзной работы.

Улица св. Іоанна упирается въ Dominikaner-Platz. Въ концѣ ея находится католическій костелъ во имя св. Николая упраздненнаго монастыря доминикановъ. Существующій въ настоящее время костелъ возникъ въ половинѣ XVI столѣтія. Доминиканскій монастырь былъ однимъ изъ богатыхъ и обширныхъ. Число братіи въ немъ достигало 200 человѣкъ. Въ XIV столѣтіи здѣсь жилъ извѣстный лѣтописецъ, доминиканецъ Симонъ Грюнау. Только снаружи костелъ сохранился въ первоначальномъ видѣ; внутри онъ отдѣланъ заново.

Средину «Доминиканской площади» занимаетъ новое зданіе превосходнаго крытаго рынка, въ готическомъ стилѣ—Markthalle, устроеннаго изъ камня, рельсъ и стекла по вѣнскимъ и берлинскимъ образцамъ. На одномъ изъ угловъ площади возвышается восьмугульная башня—остатокъ старыхъ гданскихъ укрѣпленій.

Отсюда по Gasse-Mühlen выходимъ къ древнѣйшей въ Данцигѣ Katharinen-Kirche.

Бывшая католическая, а въ настоящее время лютеранская, церковь св. Екатерины заложена въ 1184 году княземъ поморскимъ Собеславомъ. Ея колокольня построена въ 1329 году, а четыре башенки на ней, въ стилѣ багоссо, пристроены въ 1634 году. Въ 1738 году на ней уставлены часы, отличающіеся музыкальнымъ боемъ. Передъ Реформаціею при Екатерининской церкви состояло 14 канониковъ и 80 ксендзовъ. Въ этомъ костелѣ, по преданію, блаженная Дорота часто во время богослуженія имѣла свои visiones. Какъ снаружи, такъ и внутри храмъ сохранился въ первоначальномъ видѣ. Въ немъ три продольныя галереи, низкіе старые своды, увеличенные тевтонскими рыцарями. Къ достопримѣчательностямъ Katharinen-Kirche надлежитъ отнести образъ Распятія—въ среднемъ алтарѣ, фреску «Проповѣдь Христа народу», нѣсколько образовъ-триптиховъ въ бывшихъ боковыхъ алтаряхъ; изъ нихъ особенно выдѣляются два, одинъ въ средней галереѣ, направо, на колоннѣ, изображающій коронованіе Божіей Матери, фигуры

Главный зал вь Артурстофф.

изваяны, раскрашены и позолочены; другой—тоже направо—въ упраздненной каплицѣ, у боковыхъ дверей, представляетъ Господа, сѣдящаго на престолѣ, двери триптиха покрыты живописью въ стилѣ германскихъ школъ XIV—XV вѣковъ. Въ костелѣ похороненъ извѣстный астрономъ Гевелиусъ († 1687 г.), родившійся въ здѣшнемъ приходѣ, въ улицѣ Pfefferstadt, въ домѣ подъ № 54. Противъ костела на берегу протекающей тутъ по близости рѣки Радунн (Radaune), притока Мотлавы, сохранилась огромная древняя городская мельница, носящая наименованіе «королевской», на которой работаетъ 18 большихъ колесъ. Въ 1896 году ее перестроили, сохранивъ прежній ея видъ.

Отсюда по Gross-Mühlen-Gasse выходимъ на площадь Holz-Markt.

Налѣво — городской театр (Stadttheater) самой обыкновенной архитектуры половины прошлаго столѣтія. По одной линіи съ послѣднимъ, нѣсколько въ углубленіи, уже на Kohlenmarkt'ѣ—зданіе цейхгауза, бывшаго польскаго арсенала XVII столѣтія, выходящее своимъ великолѣпнымъ украшеннымъ башнями, пирамидами, статуями, гербами и орнаментами, фасадомъ на Jorregasse. Любители изящнаго могутъ любоваться цейхгаузомъ только извнѣ, до ступъ внутрь его закрытъ...

Неподалеку отъ арсенала расположенъ старыи домъ съ двумя флигелями и закрытымъ переднимъ дворомъ, составляющій собственность русскихъ монарховъ. Домъ этотъ уцѣлѣлъ еще отъ временъ Петра Великаго.

Здѣсь уместно будетъ сказать нѣсколько словъ о посѣщеніи Данцига нашими государями.

Въ 1716 году императоръ Петръ Великій со своею супругою Екатериною Алексѣевною и племянницею, царевною Екатериною Ивановной, посѣтили Данцигъ. 18 февраля русскій царь причалилъ у кабака Ганса на берегу Вислы, и отсюда переправился въ приготовленную для него квартиру. 23 марта пріѣхалъ въ Данцигъ польскій король Августъ II, который посѣтилъ царя, и послѣдній проводилъ его лично въ отведенное ему помѣщеніе. Вскорѣ сюда прибылъ и женихъ царевны Екатерины, герцогъ Карлъ-Леопольдъ Мекленбургъ-Шверинскій, разведенный съ первой своею супругою. 8 апрѣля состоялось его бракосочетаніе съ царевною въ присутствіи короля и другихъ высокихъ гостей. 18 апрѣля городскія власти, въ честь монарховъ, устроили празднество, но Петръ, не любившій могущественнаго города, находившагося подъ польскимъ покровительствомъ, за его отношенія къ шведамъ, въ тотъ же вечеръ ушелъ изъ города и провелъ ночь у Ганса, а на другой день, рано утромъ, былъ уже на своемъ кораблѣ. Царица же оставалась въ Данцигѣ. 27-го апрѣля Петръ вернулся въ Данцигъ, а 30-го уѣхалъ въ Копенгагенъ съ флотомъ, которымъ онъ командовалъ въ качествѣ

вице-адмирала. Послѣ послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ царь и царица снова посѣтили Данцигъ въ сентябрѣ 1717 года. 20-го числа того же мѣсяца Петръ ратификовалъ договоръ, заключенный княземъ Василиемъ Долгорукимъ съ городомъ. Въ это же свое пребываніе царь посѣтилъ Marienkirche, о чемъ мы упомянули выше.

Со временъ Петра Великаго и до Александра III въ Данцигѣ не былъ ни одинъ изъ русскихъ монарховъ. Въ Бозѣ почившій императоръ Александръ Александровичъ посѣтилъ Данцигъ 28-го августа (9 сентября) 1881 года. Нынѣ благополучно царствующій императоръ былъ въ Данцигѣ въ 1901 году.

IV.

Langthor.—Stockthurm.—Высокія ворота. Peinkammer.—Новая синагога.—Костелы св. Троицы и св. Анны.—Городской музей.—Почему у насъ нѣтъ такихъ музеевъ?—Церковь свв. ап. Петра и Павла.

Въ концѣ Коленмаркта—налѣво Langthor, а направо Stockthurm съ Hohesthor.

Langthor, или Langgassesche-Thor — ворота въ долгую улицу (Langgasse), построенныя въ 1612 году, изъ краснаго песчаника, зодчимъ Авраамомъ Блѣкке, въ стилѣ итальянскаго renaissance съ колоннами и аллегорическими статуями. На фронтонахъ воротъ со стороны Langgasse надписи «Concordia respublicae parvae crescunt, discordia magnaе concidunt», то-есть согласіе укрѣпляетъ, а раздоръ разрушаетъ. На сторонахъ, обращенной къ Stockthurm'у, по-нѣмецки, изреченіе псалма CXXI «Да благоденствуютъ любящіе тебя! Да будетъ миръ въ стѣнахъ твоихъ, благоденствіе въ чертогахъ твоихъ!» (ст. 6—7) ¹⁾.

Stockthurm — четырехугольная башня, остатокъ старинныхъ гданскихъ укрѣпленій. Постройку ея относятъ ко второй половинѣ XIV столѣтія. Красивая крыша въ стилѣ barocco, ее покрывающая, принадлежитъ началу XVI вѣка. Позади башни — каменное массивное зданіе квадратной формы. Высокія ворота (Hohesthor), произведеніе конца XVI столѣтія, въ стилѣ итальянскаго renaissance. Надъ среднею аркою фасада, обращеннаго на площадь, польскій гербъ. По правую его сторону городскій гербъ, по лѣвую древне-прусскій. Подъ гербами надписи: подъ польскимъ—«Iustitia et pietas duo sunt regnorum omnium fundamenta», то-есть справедливость и благочестіе—два основанія всѣхъ государствъ, подъ городскимъ—«Civitatibus haec optanda bona maxima: pax, libertas, concordia», то-есть вотъ лучшія блага для городовъ: миръ, справедливость, согласіе; подъ прусскимъ—«Sapientissima fiunt omnia,

¹⁾ По переводу Лютера: пс. 122, ст. 6--7.

quae pro republica fiunt», то-есть все, что дѣлають для защиты государства, дѣлають разумно. Въ прежнее время, судя по сохранившимся рисункамъ, мимо Высокихъ воротъ шелъ ровъ, наполненный водою, черезъ который, напротивъ воротъ, былъ переброшенъ подъемный мостъ. Ничего подобнаго въ настоящее время нѣтъ. Вообще физіономія Данцига мѣняется быстро: отъ многихъ фортификаціонныхъ рововъ съ водою, окружавшихъ городъ еще 15 лѣтъ тому назадъ, не осталось и слѣда. На мѣстѣ ихъ или распланированы широкія улицы, или разбиты бульвары и скверы. Тѣмъ не менѣе, часть рововъ сохранилась вокругъ города, главнымъ образомъ, съ восточной стороны, вмѣстѣ съ линіею бастионовъ, носящихъ оригинальныя наименованія, заимствованныя изъ животнаго царства—«бастионъ льва», «бастионъ волка», «бастионъ быка» и тому подобное. Приморскій городъ Данцигъ считается первостепенною крѣпостью.

Между Hohesthor и Stockthurm сохранилось старинное зданіе средневѣковой пыточной камеры, или, по-нашему, застѣжка (Reinkammer), въ позднѣйшее время реставрированное и отданное въ распоряженіе общества данцигскихъ художниковъ.

Продолжая идти по прямому направленію, поровниемся съ новою еврейскою синагогою, прекрасной архитектуры, похожею снаружи, благодаря своимъ пяти куполамъ, вѣнчающимъ зданіе (четыре по угламъ и пятый по срединѣ), на христіанскій храмъ. Доступъ въ синагогу не представляетъ затрудненій. Обращаетесь къ смотрителю зданія, и за извѣстную «благодарность» онъ вамъ покажетъ во всѣхъ подробностяхъ поистинѣ великолѣпный домъ Божій. Средину занимаетъ огромный залъ съ идущею по стѣнамъ его галлереею, обильно освѣщаемой, благодаря большимъ расписнымъ окнамъ. Мѣста для публики расположены амфитеатромъ. У противоположной послѣдней стѣны на возвышеніи подобіе алтаря—ковчегъ со священнымъ свиткомъ закона. Имѣетъ онъ форму ниши, обитой внутри матеріями, ткаными золотомъ и серебромъ. Тяжелая шелковая завѣса закрываетъ нишу. Свитки Закона обвиты драгоценными матеріями. Надъ ковчегомъ вверху органъ и мѣста для хоровъ. Къ описанному залу примыкаетъ нѣсколько меньшихъ. Изъ нихъ остался у насъ въ памяти залъ для спѣвокъ и комната, въ которой совершается обрядъ бракосочетанія, со стоящими другъ противъ друга сѣдалищами, въ видѣ троновъ, для невѣсты и для ея матери. Роскошь и чистота всюду поразительны.

По выходѣ изъ синагоги, повернувши налѣво и продолжая идти прямо по откосу упраздненнаго канала—въ настоящее время широкой не то площади, не то долины, которая, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени застроится,—достигнемъ улицы св. Троицы. Всю длину послѣдней по правую руку занимаетъ костель

Древній арсеналь въ Данцигѣ.

св. Троицы, соединяющійся съ костеломъ св. Анны. Въ настоящее время оба принадлежатъ лютеранамъ.

Костелъ св. Троицы былъ монастырскимъ храмомъ о.о. францискановъ. Построенъ имъ въ 1431 году на собранныя пожертвованія. Въ 1555 году его захватили лютеране. Костелъ поражаетъ своими грандіозными размѣрами, въ особенности длиною и шириною.

Костелъ св. Анны, какъ мы уже выше сказали, настолько примыкаетъ къ предыдущему, что изъ одного можно перейти дверями въ другой. Выстроилъ его городъ, по настоянію короля Казимира Ягеллончика, въ 1480 году. Въ 1552 году перешелъ въ руки лютеранъ.

При костелѣ св. Троицы, въ зданіяхъ бывшаго францисканскаго монастыря, въ настоящее время помѣщается городской музей. Въ огромныхъ коридорахъ нижняго этажа и нѣсколькихъ къ нимъ примыкающихъ залахъ размѣщены старинныя вещи—мебель (любопытны шкафы деревянные съ рисунками изъ слоновой кости и перламутра), фарфоръ, образцы вышивокъ разныхъ эпохъ, ископаемыя древности, экипажы, статуи Фридриха Великаго, великаго курфирста, нѣкоторыхъ гроссмейстеровъ Тевтонскаго ордена. Немало вещей заимствовано изъ костеловъ: триптихи-горельефы, отдѣльныя фигуры святыхъ. Многія вещи пожертвованы мѣстнымъ археологомъ, г. Гелдзинскимъ. На верху—скульптурный отдѣлъ—слѣпки съ произведеній египетскихъ, греческихъ и римскихъ—и картинная галерея. Въ послѣдней особенно выдающихся произведеній немного. Во всякомъ случаѣ есть нѣсколько картинокъ Доу, Теньера, Остаде, Вувермана, прекрасныя портреты—конныя группы Макса—императоръ Вильгельмъ I со своими сподвижниками и Вернера Шульца—императоръ Фридрихъ, а также полная трагизма картина Гансена—«Похороны на кораблѣ». Въ мансардѣ бокового флигеля помѣщено собраніе гравюръ и фотографій съ выдающихся художественныхъ произведеній старыхъ и новыхъ школъ. Доступъ въ музей по воскресеньямъ и средамъ безплатный. Впечатлѣніе отъ музея получается пріятное, а для насъ, русскихъ, въ то же время и досадное: почему у насъ въ крупныхъ провинціальныхъ городахъ нѣтъ подобныхъ музеевъ, и когда, наконецъ, они будутъ? Неподалеку отъ бывшаго монастыря францискановъ, на углу улицъ Katergasse и Poggenfuhl, находится Петропавловская кирка, бывший католическій костелъ, возведенный около 1393 года. Улицею Poggenfuhl и продолженіями ея Mälzergasse и Matzkauschegasse выйдемъ снова на Langmarkt.

V.

Отъ Данцига до Цоппота по Вислѣ и по морю. — Императорская корабельная верфь. — Верфь Шихау. — Нейфарвассеръ. — Wester-platte. — Брезень. — Цоппотъ. — Условія жизни въ томъ и другомъ курортѣ. — Лингефуръ. — Аббатство Олива. Его исторія. Костель. — На обратномъ пути изъ Оливы въ Данцигъ. — Русская могила и памятникъ на ней. — Воспоминаніе объ осадахъ русскими Данцига.

Когда пріѣзжіи осмотритъ всѣ описанныя нами достопримѣчательности Данцига, вдоволь нагуляется по старому городу, когда онъ осмотритъ во всѣхъ подробностяхъ центръ торговли хлѣбомъ, магазинный островъ, въ складахъ котораго помѣщается около двухъ съ половиною милліоновъ четвертей зернового хлѣба, составляющаго одну изъ главнѣйшихъ отраслей торговли города, то самую интересною прогулкою для него будетъ поѣздка въ окрестности Данцига — Нейфарвассеръ, Цоппотъ, Оливу. Туда отправляются тремя путями: на пароходѣ, по желѣзной дорогѣ и электрическимъ трамваемъ. Рекомендую ѣхать въ ту сторону на пароходѣ.

Пароходы въ Цоппотъ отходятъ отъ пристани Frauenthor въ половинѣ 8-го утра и въ половинѣ 3-го пополудни. Ретуръ-билетъ стоитъ 1 марку. Часъ съ небольшимъ, который проведете въ пути, оставитъ въ васъ надолго пріятныя воспоминанія.

Сначала пароходъ пробирается по Мотлавѣ между многочисленными судами, покрывающими ее почти сплошною массою. Достигнувъ укрѣпленнаго острова Гольма, гдѣ находится императорская корабельная верфь, пароходъ входитъ въ Вислу. Что за гиганты эти, окрашенные въ бѣлый цвѣтъ, морскіе колоссы, среди которыхъ проскальзываетъ пароходъ, кажущійся въ сравненіи съ ними утлою лодочкою! Какіе милліоны потрачены на ихъ постройку и нерѣдко для того, чтобы любой изъ подобныхъ гигантовъ не скочилъ на подводный камень, или погибъ отъ увертливаго миносца!... Дальше — знаменитая верфь F. Schichau, изъ доковъ которой вышло столько пароходовъ, разсѣкающихъ европейскія и восточныя воды. Нѣкоторыя суда нашего военнаго флота тоже обязаны своимъ существованіемъ верфи Шихау. Послѣднимъ здѣсь построень крейсеръ «Новикъ».

Послѣ получасоваго плаванія укрѣпленное устье Вислы остается по правой сторонѣ.

Наискось отъ крѣпости Вейхсельмюнде лежитъ Нейфарвассеръ, составляющій собственно предмѣстье Данцига. Жизнь здѣсь, особенно на рѣкѣ, бьетъ ключемъ съ утра до вечера. Грузятся и разгружаются суда, приходятъ и отходятъ громадныя коммерческіе пароходы. И при всемъ томъ — нигдѣ не видать пьяныхъ, нигдѣ не

слышать безчинства. Съ пристани дорога лежитъ вдоль по берегу къ перевозу, откуда пароходъ доставляетъ пассажировъ къ лѣсному западному морскому берегу. На этомъ берегу, въ роскошномъ лѣсу, расположенъ морской курортъ Westerplatte со своими купальнями и рестораномъ, привлекающій особенно по воскресеньямъ «на музыку» массу публики изъ Данцига, благодаря своей близости съ послѣднимъ.

А вотъ и устье великой славянской рѣки... На западной его сторонѣ гранитная дамба, съ большимъ маякомъ, выдается въ море. Другой маякъ, меньшихъ размѣровъ, находится на противоположной сторонѣ.

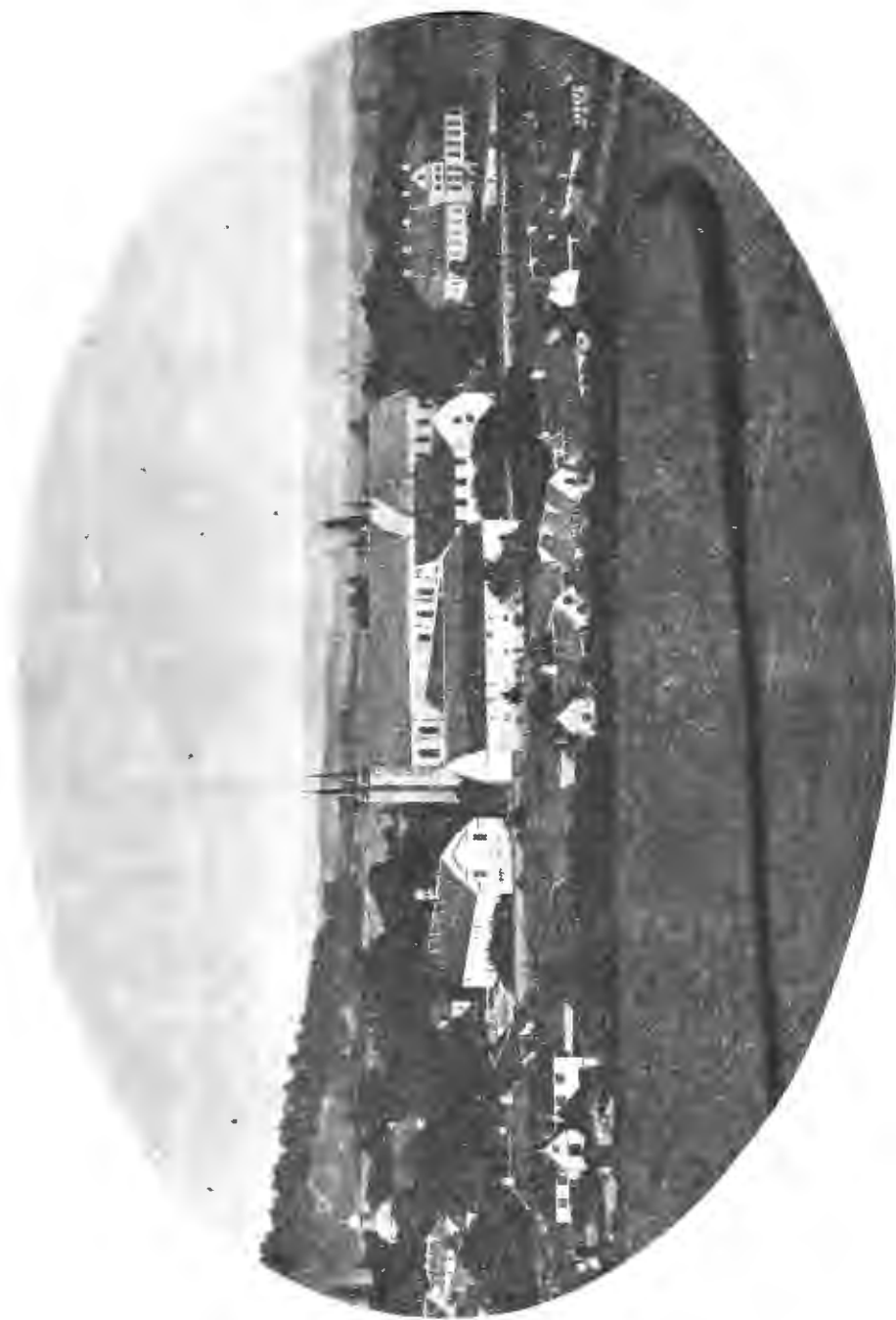
Пароходъ вступаетъ въ море.

Балтійское побережье въ этомъ мѣстѣ весьма красиво. Здѣсь ютятся многочисленныя селенія, гдѣ находятся морскія купанья. Вотъ, налѣво—симпатичный крошечный Брезенъ; бѣлѣтъ его Strandhalle и отчетливо виденъ, далеко выдающійся въ море, его Steg. Дальше, къ сѣверу, Цоппотъ, тоже курортъ, сдѣлавшійся въ послѣднее время очень моднымъ. Сюда ежегодно съѣзжается отъ 3 до 10 тысячъ посѣтителей. Цоппотъ самъ по себѣ значительный городокъ съ десятитысячнымъ населеніемъ. Расположенъ на террасахъ гористаго берега. Весь утопаетъ въ садахъ. Множество роскошныхъ виллъ, отдаваемыхъ въ наемъ пріѣзжимъ, обиліе большихъ магазиновъ, отелей, café, нарядная толпа въ курзалѣ, на Steg'ѣ, на музыкѣ въ паркѣ, въ театрѣ, на улицахъ—дѣлаютъ Цоппотъ похожимъ на Данцигъ. Сравнивая шумный Цоппотъ съ тихимъ Бреzenомъ, я, впрочемъ, отдаю преимущество послѣднему, становясь на точку зрѣнія лицъ, которыя дѣйствительно нуждаются въ лѣченіи, въ успокоеніи нервовъ посредствомъ морскихъ купаній, и которыя за 20 марокъ въ недѣлю могутъ найти себѣ помѣщеніе въ отелѣ, при тѣхъ удобствахъ, о какихъ приходится вздыхать на нашихъ отечественныхъ курортахъ. Между тѣмъ жизнь въ Цоппотѣ годъ отъ году дѣлается дороже, и, мнѣ кажется, недалеко то время, когда доставляемыми имъ благами будутъ въ состояніи пользоваться только одни очень богатые люди...

Позади Бреzenа и Цоппота разстилается цѣлая панорама: дома, виллы, фермы, буковыя роши, чередующіяся съ сосновыми и еловыми лѣсами; въ промежуткахъ между ними виднѣтся устье Вислы, покрытое морскими судами, которыя могутъ доходить до Данцига. Послѣдній раскидывается на краю горизонта со своими причудливыми церквами и зданіями. Рядомъ съ Данцигомъ, немного поодаль, привлекаетъ вниманіе зрителя городокъ Лянгефуръ со своими великолѣпными виллами. Наконецъ къ востоку темною точкою чернѣетъ Олива, древнее цистерціанское аббатство.

Отъ Цоппота до Оливы всего 6 мин. ѣзды по желѣзной дорогѣ.

Совѣтую каждому, кто будетъ въ Цоппотѣ, съѣздить въ Оливу.

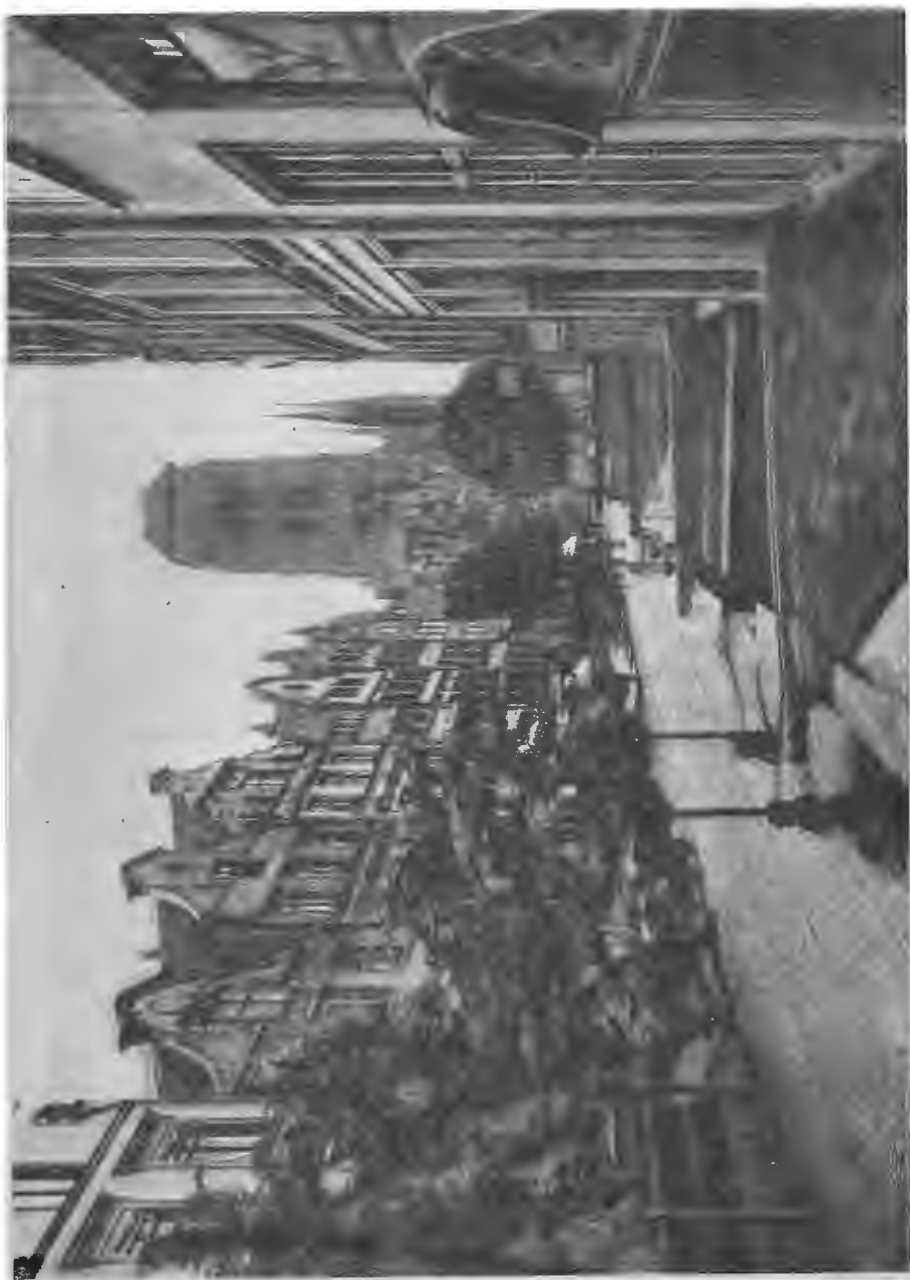
Аббатство Олвна.

Любитель уединенія найдетъ здѣсь полное удовлетвореніе. Любитель природы залюбуется ею. Археологъ придетъ въ восторгъ отъ того, что увидитъ. Словомъ *summi siquae*.

Основателемъ аббатства считается князь поморскій Собеславъ Богуславовичъ (въ 1170 г.). Преемникъ его Самборъ, въ 1178 г., подтвердилъ фундацію и увеличилъ содержаніе поселившихся здѣсь монаховъ цистерсовъ. Въ 1224 г. монастырь сожгли пруссы, а монаховъ перебили. Едва онъ поднялся изъ пепла, какъ черезъ десять лѣтъ напали на него Тевтонскіе рыцари и снова сожгли. Въ 1432 г. монастырь разорили чехи. Въ 1454 г. прусская земля поддалась Казимиру IV польскому. Послѣдній имѣлъ здѣсь свиданіе со шведскимъ королемъ Канутомъ. Взбунтовавшіеся въ 1577 году гданчане напали на монастырь, разграбили его и перебили монаховъ. Но когда возстаніе было подавлено, гданчане, по договору съ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, вынуждены были возстановить костель и монастырь. Въ 1587 г. Сигизмундъ III, прибывъ изъ Швеціи, чтобы принять польскій тронъ, подписалъ здѣсь, въ костель, 7-го октября *tracta conventa*. Особенно же знаменита Олива въ исторіи трактатомъ 3-го мая 1660 г., когда Янъ-Казимиръ, спасая Польское государство, разоренное шведами, заключилъ съ ними договоръ, по которому уступилъ Ригу и Инфлянты, а также призналъ независимую Пруссію. Разсказываютъ, что, подписывая этотъ договоръ, король плакалъ.

Величественный оливскій костель остается попрежнему католическимъ. Доступъ для осмотра его, какъ водится, по билетамъ. Послѣдніе пріобрѣтаются у кистера, живущаго неподалеку отъ костела.

Монастырскій храмъ—грандіозный. Его боковыя галлерей охватываютъ главный алтарь (такъ же, какъ въ Краковѣ—на Вавелѣ, въ Прагѣ чешской—у св. Вита, въ познанскомъ Тум'ѣ). Къ нимъ примыкаютъ боковыя каплицы. Въ боковыхъ галлерейхъ и каплицахъ множество алтарей. Замѣчателенъ главный алтарь. Сводъ надъ нимъ представляетъ небо со скульптурными изображеніями святыхъ, расположенными вокругъ находящагося въ центрѣ круглаго окна. По сторонамъ алтаря сѣдалища изъ чернаго дерева—артистической работы. Надъ ними помѣщаются портреты польскихъ королей и герцоговъ поморскихъ (или померанскихъ), благотворившихъ монастырю. Въ костель погребены: пять владѣтельныхъ померанскихъ князей, въ томъ числѣ Собеславъ и Самборъ. Въ одной изъ бывшихъ каплицъ сохраняется мраморная доска стола, на которомъ Янъ-Казимиръ подписалъ постыдный договоръ. Доска вставлена въ деревянную раму массивнаго стола и вся испещрена надписями пыльных путешественниковъ. Напротивъ ея на стѣнѣ мраморная доска съ надписью, припоминающею событіе. Неподалеку на стѣнѣ у окна двѣ руки, пожимающія одна другую—намекъ на состоявшееся

Гоштенгассе и церковь Богоматери.

соглашеніе. Монастырь когда-то былъ огражденъ высокою каменною стѣною. Теперь она отъ улицы разобрана на значительномъ пространствѣ. Къ костелу примыкаетъ превосходно содержимый королевскій паркъ съ дворцомъ, построеннымъ однимъ изъ бывшихъ настоятелей, Яцкомъ Рыбинскимъ.

Сама по себѣ Олива—чистенькое мѣстечко, уступающее однако по живости не только Цоппоту, но и Лянгефуру. Зато мѣстоположеніе здѣсь у подножія Карльсберга великолѣпное. Съ Карльсберга открывается чудный видъ на окрестности.

Изъ Оливы удобнѣе возвращаться въ Данцигъ электрическимъ трамваемъ черезъ Лянгефуръ. Въ отношеніи быстроты движенія трамвай не только не уступаетъ желѣзной дорогѣ, но идетъ едва ли еще не скорѣе ея.

Въѣзжаете въ Данцигъ Оливскими воротами, точнѣе—проѣздомъ между двумя батареями; не доѣзжая Оливскихъ воротъ направо, въ разстояніи полверсты, на горѣ за кладбищемъ, находится русская могила (*russische Grabe*), съ поставленнымъ на ней, въ 1898 году, нашимъ правительствомъ памятникомъ русскимъ воинамъ, убитымъ при осадахъ Данцига. Русскіе осаждали Данцигъ троекратно. Въ первый разъ въ 1734 г., когда Данцигъ объявилъ себя сторонникомъ Станислава Лещинскаго—последній напелъ здѣсь убѣжище. Русскіе и саксонцы осадили городъ. «Городъ Гданскъ,—пишетъ современникъ,—укрѣпленъ регулярно, снабженъ хорошою внѣшнею фортификаціею и многими, вокругъ лежащими, шанцами; съ одной стороны былъ онъ неприступенъ по причинѣ потопленной земли; гарнизонъ въ городѣ состоялъ, по крайней мѣрѣ, изъ десяти тысячъ человекъ регулярнаго войска. Всѣ укрѣпленія прикрывались достаточнымъ количествомъ исправныхъ пушекъ. Въ военной амуниціи не имѣлось никакого недостатка, а хлѣба въ купеческихъ амбарахъ находилось столько, что жители купно и съ гарнизономъ нѣсколько лѣтъ продовольствіе имѣть могли». «Если же при семъ,—продолжаетъ онъ,—взять еще въ уваженіе присутствіе короля, знатнѣйшихъ особъ государства и французскаго посланника, который именемъ своего государя обѣщевалъ городу не только скорую помощь, но также полное за убытки возмездіе, то не можетъ показаться страннымъ, что магистратъ и граждане расположены были охотнѣе все вытерпѣть, нежели оставить дарованное покровительство отъ такого государя, который довѣріе свое возложилъ на ихъ вѣрность» ¹⁾. Благодаря этому, осада затянулась. На предложеніе главнокомандовавшаго русскою арміею графа Миниха сдать осажденные отвѣтили отказомъ ²⁾. Случалось, что осаждавшіе принуждены были отступать съ большимъ

¹⁾ Записки гр. Фриста Миниха 1758 г., изд. 2. 1891, 38—39.

²⁾ Тамъ же, 39.

урономъ. Такъ, при попыткѣ Миниха овладѣть высотами Гагельсберга (28-го апрѣля, ст. ст.), по свидѣтельству современника, «съ нашей стороны убито великое множество людей»¹⁾. Наконецъ, 19-го іюня Данцигъ сдался, а 7-го іюля заключенъ договоръ и у городскихъ воротъ поставленъ русскій карауль. Радость «при дворѣ, гдѣ, выражаясь словами графа Э. Миниха, ни къ какимъ неприятнымъ извѣстіямъ не пріобыкли», не имѣла границъ. «Профессоръ элоквенціи, а наипаче хитростей пѣтическихъ», Василій Кирилловичъ Тредьяковскій, возбрыцалъ на лирѣ:

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово дасть къ славной причинѣ?

пригласивъ внимать народы и стихіи —

Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры! молчите:
Храбру прославлять хошу Анну,—

и, воспѣвъ панегирикъ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, поэтъ затѣмъ спрашиваетъ:

Но что вижу? не льститъ ли око?
Отрокъ Гerkулеса противу,
Подъемля бровь горду высоко,
Хочетъ стать всего свѣта къ диву!
Гданскъ, то есть съ помысломъ не умнымъ,
Будто бь униженъ питьемъ шумнымъ,
Противится, и уже явно,
Императрицѣ многомочной;
Не видитъ бездны, какъ въ тмѣ ночной,
Разсуждаючи несправно.
Въ нутрь самый своего округа,
Имущаго дважды корону,
Станіслава беретъ за друга;
Уповаетъ на оборону,
Черезъ поля льющася Нептуна;
Но боясяжъ Росска Перуна,
Ищетъ и помощи въ народѣ,
Что живетъ при брегахъ Секваны.
Тотъ въ свой проигрышъ барабаны,
Сѣ Вексельмиды бьетъ въ пригодѣ».

Во второй разъ русскіе сражались подъ Данцигомъ съ французами въ 1807 г. Война тогда велась изъ-за Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы и не сблизить русскія границы съ границами Наполеоновской имперіи, а также и вслѣдствіе поднятія самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ—польскаго и восточнаго. Данцигъ былъ осажденъ и взятъ французами послѣ четырехъ-недѣльной осады. За славную побѣду эту Напо-

¹⁾ Тамъ же, 39—40.

леонъ пожаловалъ генералу Лефевру титулъ «Данцигскаго герцога». По тильзитскому миру Данцигъ получилъ права вольнаго города. Но французы распоряжались съ нимъ, какъ со своею собственностью, и держали въ немъ сильный гарнизонъ. Обстоятельство это вызвало новое столкновение между французами съ одной стороны и русскими и пруссаками—съ другой. Въ 1813 году, послѣ жестокой 8-ми-мѣсячной осады, французы наконецъ сдали Данцигъ русскимъ, послѣ чего онъ былъ снова возвращенъ въ полное владѣніе Пруссіи.

Памятникъ бывшихъ войнъ сооруженъ изъ сѣраго, чуть-чуть красноватаго, финляндскаго гранита. Представляетъ собою грандіозный четырехугольный обелискъ на квадратномъ постаментѣ, увѣнчанный мѣднымъ, позолоченнымъ крестомъ, укрѣпленнымъ на такомъ же яблोकѣ. Спереди обелиска, въ верхней его части, высѣченъ восьмиконечный крестъ. Ниже—икона св. великомученика Георгія. Подъ нею надписи:

1)		русскимъ воннамъ
павшимъ
при осадѣ Данцига	
2)	1734	1807	1813
3)		1898	

—годъ постановки памятника.

Памятникъ монументальный, но нельзя сказать, чтобы изящный. Окружаютъ его шестнадцать гранитныхъ тумбъ, соединенныхъ между собою цѣпями. Мѣсто для памятника выбрано на холмѣ и, какъ кажется, въ томъ самомъ пунктѣ, гдѣ была могила русскихъ, павшихъ при неудачномъ штурмѣ Гагельсберга 28-го апрѣля 1734 года. Площадка, на которой онъ стоитъ, обсажена деревьями. Кругомъ тоже деревья, такъ что русскій памятникъ закрытъ ими со всѣхъ сторонъ, и только лишь послѣ усиленныхъ розысковъ путешественникъ отыщетъ узенькую, идущую въ гору, аллею, которая и приведетъ его на russische Grabe.

Г. А. Воробьевъ.

ПОРТРЕТЪ ГАМЛЕТА.

И ОДНА ПЬЕСА Шекспира не даетъ такого полного и художественнаго изображенія наружности своихъ дѣйствующихъ лицъ, какое даетъ трагедія «Гамлетъ». Особенно удалось Шекспиру изображеніе главнаго героя этой трагедіи—принца Гамлета. Его возрастъ, комплекція, физическая мощь, борода, волосы на головѣ—онъ весь, какъ живой, передъ нами, хоть фотографируй.

Возрастъ Гамлета Шекспиръ трижды указываетъ въ пьесѣ. Въ одномъ мѣстѣ пьесы, въ сценѣ на кладбищѣ, могильщикъ говоритъ, что онъ сдѣлался могильщикомъ «въ тотъ самый день, когда родился молодой принцъ Гамлетъ», и добавляетъ: «Я уже цѣлыхъ тридцать лѣтъ состою могильщикомъ»¹⁾. Слѣдовательно, Гамлету въ то время, когда говорилъ это могильщикъ, было ровно тридцать лѣтъ. Въ той же сценѣ, немного дальше, уже не одинъ могильщикъ, а и самъ Гамлетъ представляетъ новыя данныя для опредѣленія возраста Гамлета. Могильщикъ говоритъ о черепѣ придворнаго шута Юрика, только что вынутомъ имъ изъ копаемой для умершей Офеліи могилы, что «онъ пролежалъ въ землѣ двадцать три года», а принцъ Гамлетъ съ своей стороны добавляетъ къ этому такія подробности изъ своихъ воспоминаній о покойномъ Юрикѣ, которыя ясно показываютъ, что онъ вполне сознательно относился къ нему при его жизни и еще теперь отлично помнить его. Слѣдовательно, теперь Гамлету было опять не менѣе тридцати лѣтъ отъ роду. Наконецъ, въ третій разъ въ пьесѣ

¹⁾ Переводъ П. А. Каншина.
«Истор. вѣстн.», декабрь, 1903 г., т. хсiv.

Гамлетъ уже одинъ самъ доставляетъ намъ данныя для опредѣленія своего возраста. Эти данныя находятся въ его пьесѣ «Мышеловка». О значеніи этой пьесы Гамлетъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ монологовъ:

Пусть кое-что предъ дядею представитъ
 Подобное отцовскому убійству.

 Злодѣю зеркаломъ пусть будетъ представленье—
 И совѣтъ скажется и выдастъ преступленье.

Чтобы пьеса «Мышеловка» какъ можно лучше послужила зеркаломъ для убійцы, Гамлетъ все приспособляетъ въ ней для этой цѣли. Посему эта пьеса даетъ лучший автобіографическій матеріалъ для пониманія Гамлета. И вотъ въ этой пьесѣ опять говорится о тридцати годахъ, протекшихъ со дня женитьбы короля до дня его умерщвленія:

Ужъ тридцать разъ промчались кони Феба
 Вкругъ моря и земли по тверди неба,
 И тридцать лѣтъ земный блескъ луны
 То меркнулъ, то свѣтилъ съ небесной вышины
 Съ тѣхъ поръ, какъ сердце въ насъ Амуръ воспламенилъ,
 И руки Гименей на бракъ соединилъ¹⁾.

Такимъ образомъ, указывая многочисленныя данныя, достаточныя для цѣлаго ряда опредѣленій возраста Гамлета, Шекспиръ не дѣлаетъ самъ этихъ опредѣленій, а предоставляетъ сдѣлать ихъ читателямъ. Цѣль такого отношенія Шекспира къ возрасту Гамлета понятна. Съ одной стороны, она заключается въ намѣреніи Шекспира оградить указаніе возраста своего героя отъ всякихъ измѣненій въ будущемъ со стороны постороннихъ лицъ, такъ какъ измѣнить цифру возраста Гамлета, посредствомъ ли опечатки или другимъ какимъ либо образомъ, гораздо легче, чѣмъ измѣнить многочисленныя данныя, служащія для опредѣленія этого возраста, а, съ другой стороны, указывая данныя для цѣлаго ряда опредѣленій возраста Гамлета, Шекспиръ тѣмъ самымъ предоставляетъ намъ возможность провѣрить эти опредѣленія одно посредствомъ другого. Шекспиръ писалъ Гамлета не для своего только времени, но для всѣхъ вѣковъ. Насколько разумной и умѣстной была предосторожность Шекспира относительно возраста своего героя—можно видѣть изъ того, что въ наше время получило широкое распространеніе въ шекспировской критикѣ совершенно ложное и ни на чемъ положительномъ не основанное мнѣніе, что Гамлету во время дѣйствія его въ пьесѣ было всего 20 или много 22—23 года.

Итакъ, по свидѣтельству самого Шекспира, Гамлету во время дѣйствія его на сценѣ было тридцать лѣтъ—возрастъ, когда всѣ

¹⁾ Переводъ А. Кронеберга.

физическія и умственныя силы въ каждомъ человѣкѣ достигаютъ обыкновенно полного расцвѣта. Но Гамлетъ, кромѣ того, развилъ ихъ и искусственнымъ образомъ. Умственныя силы онъ развилъ въ лучшемъ изъ существовавшихъ во времена Шекспира Виттенбергскомъ университетѣ, а физическія силы — разными физическими упражненіями и спортомъ. Гамлетъ былъ большимъ любителемъ всякаго рода спорта. Такъ ему захотѣлось имѣть каллиграфическій почеркъ, и онъ, не смотря ни на что, выработалъ себѣ таковой. Обладаніе каллиграфическимъ почеркомъ сослужило ему впоследствии огромную услугу. Вотъ какъ онъ самъ рассказываетъ объ этомъ своему другу Гораціо:

Накинувши впотьмахъ матросскій плащъ,
Я выбрался тихонько изъ каюты,
Сыскалъ обоихъ ихъ и началъ шарить
Въ ихъ сумкахъ; взялъ пакетъ и незамѣтно
Вернулся вновь къ себѣ. Затѣмъ, отбросивъ
Пустую щепетильность, распечаталъ
Таинственный пакетъ. О, добрый другъ мой!
Что въ немъ нашель я!—царственную подлость!
Представъ себѣ, что это былъ приказъ,
Позолоченный равнымъ пустословьемъ
О счастьѣ англичанъ, о благѣ датчанъ,
Съ прибавкой доказательствъ, что нельзя
Оставить жизнь такой зловредной твари,
Какой сталъ нынче я—ну, словомъ, дѣло
Все было сведено къ тому, чтобъ тотчасъ,
По высадкѣ на берегъ, мнѣ снесли бѣ
Немедля голову, не давши даже
Наладить палачу его топоръ.

.....
Почувствовавъ себя въ сѣтяхъ такой
Презрѣнной западни, и сталъ искать,
Какъ выйти изъ нея. По счастью разумъ
Успѣлъ подать благой совѣтъ мнѣ, прежде,
Чѣмъ я пришель въ себя. Схвативъ перо,
Я настрочилъ немедленно другое,
Подобное-жъ посланье. Написалъ
Его, какъ писарь, четко. Говорятъ вѣдь,
Что почеркъ государственныхъ людей
Быть долженъ дурень. Я не раздѣляю
Такого мнѣнья и работалъ много
Ему наперекоръ, за что и былъ
Теперь вознагражденъ ¹⁾.

Еще болѣе любилъ Гамлетъ другого рода спортъ—фехтованье, и особенно много упражнялся въ немъ. Онъ зналъ одного только серьезнаго соперника себѣ въ этомъ искусствѣ въ лицѣ Лаэрта и старался превзойти его. «Онъ, — говоритъ о немъ король Клавдій

¹⁾ Переводъ А. Соколовскаго.

Лаэрту, — и спать и видѣль, чтобъ скорѣе вернулся ты домой и здѣсь предъ всѣми сразился съ нимъ». Въ концѣ концовъ Гамлетъ достигъ такого совершенства въ фехтованіи, что, не задумываясь, сразу принялъ закладъ короля относительно состязанія на рапирахъ съ Лаэртомъ — этимъ первымъ фехтовальщикомъ не только всей Даніи, какъ это удостовѣряетъ самъ король и придворный Осрикъ, но и всей Франціи, какъ это удостовѣряетъ другой знаменитый спортсменъ въ пьесѣ, французскій дворянинъ Ламонъ. Когда же другъ Гамлета Гораціо выразилъ ему сомнѣніе, не проиграетъ ли онъ заклада, то онъ самоувѣренно возразилъ: «Не думаю; во время его (Лаэрта) бытности во Франціи я постоянно упражнялся; выиграю, благодаря этому, непременно» ¹⁾. И дѣйствительно, въ происшедшемъ состязаніи, изъ четырехъ ударовъ рапирами Гамлетъ нанесъ Лаэрту три, а Лаэртъ Гамлету — только одинъ. Таково было превосходство Гамлета въ фехтованіи передъ Лаэртомъ! Но, несмотря на это, Гамлету не удалось воспользоваться королевскимъ закладомъ, такъ какъ послѣдніе два удара, благодаря яду, которымъ была напитана рапира Лаэрта, были смертельными для обоихъ борцовъ.

Спортомъ и вообще всякими физическими упражненіями Гамлетъ развилъ въ себѣ не только ловкость, но и силу. Онъ сдѣлался крѣпкимъ и сильнымъ настолько, что и въ этомъ отношеніи превосходилъ Лаэрта. Это видно, между прочимъ, изъ слѣдующихъ ихъ замѣчаній о рапирахъ, которыя подали имъ предъ состязаніемъ.

«Лаэртъ (взявъ рапиру). Нѣтъ, эта тяжела; подай другую.

Гамлетъ. Дай эту мнѣ. Что, всѣ одной длины?

Осрикъ. Всѣ, всѣ одной, мой благородный принцъ» ²⁾.

Само собою разумѣется, что если одна и та же рапира для Лаэрта тяжела, а для Гамлета не тяжела, то Гамлетъ сильнѣе Лаэрта, иначе онъ взялъ бы себѣ такую же по тяжести рапиру, какъ у Лаэрта, или же болѣе легкую. Кромѣ того, превосходство силы Гамлета надъ силой Лаэрта усматривается еще изъ того обстоятельства, что, будучи раненъ отравленной рапирой раньше Лаэрта, онъ умираетъ позже его. Значитъ, можно думать, что организмъ Лаэрта слабѣе, и онъ потому скорѣе поддается дѣйствию яда; организмъ же Гамлета сильнѣе, крѣпче и онъ потому дольше борется съ ядомъ, позднѣе умираетъ.

Итакъ Гамлетъ — очень сильный и очень ловкій и искусный въ физическихъ упражненіяхъ человекъ. Такой взглядъ на Гамлета, однако, не совсѣмъ ладится съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ критиковъ о томъ, что Гамлетъ, будто бы, былъ тученъ и подверженъ одышкѣ.

¹⁾ Переводъ Н. Кетчера.

²⁾ Переводъ А. Кронеберга

Такое свое мнѣніе они основываютъ на слѣдующихъ словахъ королевы, сказанныхъ ею во время состязанія Гамлета съ Лаэртомъ: «He's fat, and scant of breath. Here, Hamlet, take my napkin, rub thy brows», т. е.: «Онъ тученъ и одышливъ. Вотъ платокъ, оботри имъ лицо, сынъ мой» ¹⁾. Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ королевы нашъ переводчикъ трагедіи «Гамлетъ» г. Соколовскій говоритъ: «Мнѣніе, чтобъ онъ (Гамлетъ) былъ тученъ, встрѣчало со стороны комментаторовъ такую же оппозицію, какъ и мнѣніе о его возмужаломъ тридцатилѣтнемъ возрастѣ. Была даже высказываема мысль, будто Шекспиръ оставилъ это выраженіе потому, что толстымъ былъ первый актеръ, игравшій Гамлета. Точно ли Бёрбэдждъ, исполнявшій при Шекспирѣ роль Гамлета, былъ толстъ, — мы не знаемъ, а потому и мнѣніе это не можетъ считаться доказаннымъ. Другіе комментаторы полагали, что слово fat — толстый, было напечатано ошибочно, и что слѣдуетъ читать faint—слабый или hot—разгоряченный. При томъ огромномъ количествѣ опечатокъ, которыми исцещрены первыя изданія Шекспира, мнѣніе это, конечно, не имѣетъ ничего невѣроятнаго» ²⁾. Что Гамлетъ не былъ слабымъ—мы знаемъ изъ предыдущаго; что онъ не былъ жирнымъ,—легко заключить какъ изъ предыдущаго, такъ и изъ того, что, состязаясь съ Лаэртомъ, онъ горячо нападалъ на него самъ и старался, чтобы такъ же горячо давалъ ему отпоръ и Лаэртъ; поэтому, замѣтивъ со стороны его какую-то вялость, укоряетъ его словами: «миѣ, право, кажется, что ты лишь шутишь. Прибавь немного пылу! — или ты меня считаешь ужъ совсѣмъ ребенкомъ?» А насколько на самомъ дѣлѣ проявлялось со стороны Лаэрта пыла въ состязаніи, видно изъ уговора его съ королемъ незадолго до этого состязанія:

«Король. Хочешь, чтобъ я руководилъ тобой?»

Лаэртъ. Хочу, государь, если только не поведете къ миру.

Король. Къ твоему только собственному миру... Когда задоръ состязанья, разгорячивъ васъ, возбудитъ жажду, а для этого ты долженъ нападать какъ можно сильнѣй, и онъ попроситъ пить, у меня будетъ готовъ кубокъ, изъ котораго прихлебни онъ только, и нашъ замыселъ,—хотя бы онъ и спасся какъ нибудь отъ твоего отравленнаго желѣза,—удался» ³⁾.

При указанной горячности состоянія Гамлетъ, не будучи вовсе тучнымъ, легко могъ быть потнымъ и нуждаться въ платкѣ, который предложила ему королева-мать, а равно легко могъ запыхаться, такъ что весьма вѣроятно, что въ подлинникѣ вмѣсто слова fat — толстый, тучный, дѣйствительно должно стоять слово hot —

¹⁾ Переводъ Н. Кетчера.

²⁾ Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. Т. II.

³⁾ Переводъ Н. Кетчера.

разгоряченный. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что односложныя слова fat и hot состоятъ изъ одинаковаго количества буквъ (трехъ), при чемъ одна буква (t) обща для обоихъ словъ, а двѣ остальные буквы одного слова очень схожи по начертанію съ двумя остальными буквами другого слова, почему во время печатанія слово hot и легко могло обратиться ошибочно въ слово fat.

Изъ всего сказаннаго ясно, что Гамлета нельзя считать тучнымъ какъ потому, что онъ былъ здоровымъ, сильнымъ и ловкимъ во всякаго рода физическихъ упражненіяхъ человекомъ, такъ и вслѣдствіе особенной его любви къ спорту и тѣлеснымъ движеніямъ, а также вслѣдствіе горячаго, пылкаго, быстро воспламеняющагося характера. До чего Гамлетъ любилъ движенія, видно изъ его обыкновенія прохаживаться нѣсколько часовъ сряду по одной изъ дворцовыхъ залъ. «Вы знаете, — говорилъ Полоній королю и королевѣ, — онъ иногда часа четыре сряду прохаживается по этой залѣ». Онъ даже любилъ читать не сидя или лежа, а тоже прохаживаясь. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Гамлетъ не только не былъ тучнымъ, но одинаково не былъ и слабымъ.

И отчего Гамлету было быть слабымъ? Вѣдь родители его были люди отъ природы очень здоровые, а самъ онъ, какъ принцъ и единственный сынъ у родителей, былъ поставленъ съ дѣтства въ самыя благоприятныя условія жизни. Особенно счастливыми условіями окруженъ былъ Гамлетъ незадолго до смерти своего отца. Въ это время онъ могъ сказать о себѣ, какъ сказалъ въ одно время о Розенкранцѣ и Гильденштернѣ, что онъ живетъ возлѣ пояса богини счастья Фортуны, «въ средоточіи ея милостей». Онъ былъ въ возрастѣ, когда умственныя и физическія силы въ человѣкѣ обыкновенно развиты наиболѣе роскошно и равномерно; онъ могъ наслаждаться сознаниемъ, что не допустилъ эти силы заглухнуть въ своихъ вмѣстилищахъ, а воспиталъ и развилъ ихъ насколько возможно лучшимъ образомъ, такъ что теперь онѣ были чуть ли не въ своемъ апогеѣ; онъ единственный сынъ матери, которая «живетъ и дышитъ почти лишь однимъ», — и отца, котораго онъ просто-таки боготворитъ; онъ располагаетъ своими поступками такъ, какъ ему угодно — по собственнымъ желаніямъ и принципамъ; онъ получаетъ удовольствіе отъ своей полезной дѣятельности на пользу датскаго народа, любовью и признательностію котораго пользуется въ такой значительной степени, что это не разъ спасаетъ его отъ злобныхъ намѣреній его дяди, короля Клавдія, и заставляетъ послѣдняго съ горечью и досадою воскликнуть:

О, какъ опасно, что его свобода
Не ограничена! Но я не смѣю
Съ нимъ поступить по строгости законовъ:
Онъ такъ любимъ безсмысленной толпой¹⁾.

¹⁾ Переводъ А. Кроненберга.

Въ другомъ мѣстѣ король Клавдій еще сильнѣе выражается о народной любви къ Гамлету:

Гамлетъ замѣчательно любимъ
У насъ народомъ. Что бы онъ ни сдѣлалъ—
Толпа простить ему навѣрно все
И, добродушно схоронивъ ошибки
Его въ своей душѣ, почитать и ихъ
Названьемъ добрыхъ качествъ.
.....Если бъ я
Задумалъ встать между народнымъ мнѣниемъ
И Гамлетомъ, я оказался бъ жалкимъ,
Плохимъ стрѣлкомъ, который, не принявъ
Въ расчетъ напора вѣтра, былъ бы раненъ
Своею же стрѣлой и никогда
Не могъ бы попасть въ цѣль ¹⁾.

Кромѣ всего этого, Гамлетъ имѣетъ еще то, что уже одно въ состояніи сдѣлать человѣка счастливымъ: онъ любитъ и въ то же время взаимно любимъ; самая красивая, кроткая и поэтическая дѣвушка во всемъ государствѣ, Офелія, раздѣляетъ его любовь. О своемъ счастливомъ, радостномъ настроеніи духа, о своей веселости самъ Гамлетъ свидѣтельствуетъ предъ своими друзьями Розенкранцемъ и Гильденштерномъ, говоря: «За послѣднее время я, самъ не знаю почему, утратилъ всю прежнюю веселость, бросилъ всѣ обычные свои занятія и упражненія» ²⁾. Значитъ, прежде была у него веселость, если онъ утратилъ ее, такъ какъ утратить можно только то, что есть, а не то, чего нѣтъ. Послѣ этого вполне понятно, что вовсе не лишнимъ было со стороны Шекспира вывести на сцену Гамлета не тщедушнымъ и слабымъ, а виднымъ, представительнымъ, цвѣтущимъ, сильнымъ человѣкомъ, иначе его организмъ не выдержалъ бы тѣхъ страшныхъ душевныхъ потрясеній и мукъ, которыя впослѣдствіи выпали ему на долю, иначе ему не пришлось бы желать: «О, если бы это слишкомъ, слишкомъ крѣпкое тѣло растаяло, распустилось, разложилось въ росу!» Ужасная иронія судьбы: укрѣплять и развивать свое тѣло до того, что оно сдѣлалось «слишкомъ, слишкомъ крѣпкимъ», а потомъ молитвенно желать, чтобы оно «растаяло, распустилось, разложилось въ росу».

До чего велики были сила и крѣпость Гамлета, видно изъ той борьбы, которая произошла между нимъ съ одной стороны и Горацио и Марцелломъ—съ другой, на террасѣ дворца въ то время, когда передъ всѣми ими появился призракъ покойнаго короля Гамлета и поманилъ за собою сына.

Марцелло. Смотрите, какъ онъ привѣтно манитъ васъ въ мѣсто болѣе уединенное, но вы не ходите за нимъ.

¹⁾ Переводъ А. Соколовскаго.

²⁾ Переводъ П. Канипина.

Гораціо. Ни за что.

Гамлетъ. Здѣсь говорить онъ не хочетъ, пойду.

Гораціо. Не ходите, принцъ.

Гамлетъ. Почему же, чего бояться? Жизнь для меня не дороже булавки; а душѣ—что можетъ онъ сдѣлать: вѣдь она такъ же безсмертна, какъ и онъ. Манитъ опять. Иду...

Марцелло. Вы не пойдете, принцъ!

Гамлетъ. Прочь руки!

Гораціо. Послушайтесь; мы не пустимъ! (Удерживаютъ его).

Гамлетъ. Судьба меня зоветъ, и каждую малѣйшую жилку этого тѣла дѣлаетъ такъ же мощной, какъ мышцы льва немейскаго. (Духъ манитъ). Все зоветъ. Пустите, господа. (Вырываясь). Клянусь небомъ, я сдѣлаю призракомъ и того, кто станетъ еще удерживать. Прочь! Иди, я слѣдую. (Уходитъ за духомъ)...

Марцелло. Пойдемъ за нимъ; повиноваться ему въ этомъ намъ не слѣдуетъ ¹⁾.

Изъ этой сцены видно, что Гамлетъ былъ одинъ, а удерживали его два человѣка—Гораціо и Марцелло, что удерживать его имъ повелѣвалъ ихъ долгъ и преданность, какъ вѣрнымъ сынамъ своего отечества, надъ которымъ принцъ Гамлетъ долженъ былъ быть въ послѣдствіи монархомъ, что сами они сознавали все это и выразили это словами: «повиноваться ему въ этомъ намъ не слѣдуетъ», или, какъ еще лучше переводить эту фразу П. А. Каншинъ: «ослушаться его повелѣваетъ намъ долгъ»; что сверхъестественнымъ явленіемъ призрака мертвеца они сами были возбуждены не менѣе Гамлета, такъ какъ послѣдній, какъ извѣстно, отличался большимъ скептицизмомъ, и они, слѣдовательно, могли быть суевѣрнѣе его, и что, несмотря на все это, оба они вмѣстѣ, пустивъ въ ходъ всѣ свои старанія и силы, никакъ не могли удержать его, и онъ вырвался изъ рукъ ихъ и послѣдовалъ за призракомъ. Такимъ образомъ ясно, что сила Гамлета была слишкомъ значительна, если онъ одинъ въ состояніи былъ преодолѣть двухъ человѣкъ разомъ—и Гораціо, и Марцелла.

Кромѣ изложенныхъ выше обстоятельствъ и вьющіеся волосы являются указаніемъ на счастливый періодъ жизни Гамлета. Вѣдь не даромъ же говорятъ, что отъ радости (счастья) кудри вьются, а отъ печали сѣкутся.

Впрочемъ вьющіеся волосы у Гамлета нужны были Шекспиру и для другой цѣли. Ему нужно было, чтобы тѣнь убитаго короля Гамлета могла вѣрнѣе и быстрѣе побудить своего сына, принца Гамлета, къ мести убійцѣ, своему родному брату и дядѣ принца, Клавдію. Такъ какъ принцъ Гамлетъ былъ очень добрымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ человѣкомъ, то, чтобы побудить его къ

¹⁾ Переводъ Н. Кетчера.

такому дикому, варварскому дѣлу, какъ кровавая месть, нужны были особенныя причины. Чѣмъ важнѣе эти причины, чѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе можно было рассчитывать на успѣхъ. И вотъ тѣнь короля Гамлета въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ изображаетъ предъ сыномъ тѣ ужасы загробной жизни, въ которые повергъ его своимъ преступленіемъ Клавдій:

Я твоего отца безсмертный духъ,
 Во тьмѣ ночей скитаться осужденный,
 А днемъ въ огнѣ обзанный страдать,
 Пока мои земныя прегрѣшеня
 Не выгорятъ среди моихъ страданій.
 Когда бъ мнѣ не было запрещено
 Открыть тебѣ моею темницы тайну,
 Я началъ бы разсказъ, который душу
 Твою легчайшимъ раздавилъ бы словомъ,
 Охолодилъ бы молодую кровь,
 Глаза изъ сферъ ихъ вырвалъ бы, какъ звѣзды,
 И каждый волосъ вьющихся кудрей
 Поставилъ бы на головѣ отдѣльно,
 Какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ.
 Но слухъ изъ крови и костей не можетъ
 Постигнуть откровенья вѣчныхъ тайнъ ¹⁾.

Ясное дѣло, что поставить «на головѣ отдѣльно, какъ иглы на сердитомъ дикобразѣ», «вьющіеся кудри» гораздо труднѣе, чѣмъ гладко причесанные волосы, а потому, значить, и страданія покойнаго короля Гамлета въ загробномъ мірѣ были особенно ужасны. А чѣмъ больше отецъ испытывалъ страданій въ загробномъ мірѣ, тѣмъ больше сынъ обязанъ былъ, разумѣется, отомстить за нихъ виновнику ихъ въ этомъ мірѣ. Такимъ образомъ вьющіеся волосы Гамлета необходимы были Шекспиру для характеристики не только наружныхъ качествъ своего героя, но и внутреннихъ.

Была и еще одна причина, по которой Шекспиръ надѣлилъ Гамлета вьющимися волосами. Причина эта очень проста и заключается въ томъ, что Шекспиръ хотѣлъ дать своему любимому герою Гамлету, носящему имя его единственнаго сына — тоже Гамлета, привлекательную, красивую наружность, такъ какъ «вьющіеся кудри» больше украшаютъ голову, чѣмъ прямые, не вьющіеся волосы.

По всеѣмъ изложеннымъ причинамъ вьющіеся волосы являются важною характеристическою чертою въ портретѣ Гамлета, которою ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ пренебрегать. А потому совершаютъ большую погрѣшность тѣ изъ нашихъ переводчиковъ, которые, переводя трагедію «Гамлетъ», или совсѣмъ пропускаютъ фразу: «вьющіеся кудри» (А. Месковскій), или переводятъ ее однимъ словомъ «волосы» безъ эпитета «вьющіеся» (А. Соколовскій и Н. Полевой).

¹⁾ Переводъ А. Кронеберга.

Въ интересахъ большей красоты Гамлета Шекспиръ надѣлилъ его и бороною. Что у него была борода, видно изъ слѣдующихъ собственныхъ его словъ, находящихся въ его монологѣ, которымъ заканчивается второе дѣйствіе трагедіи: «Кто вырветъ клокъ изъ бороды моей и швырнетъ мнѣ въ лицо?» ¹⁾). Опять грѣшатъ противъ Шекспира тѣ изъ нашихъ переводчиковъ, которые въ своихъ переводахъ трагедіи «Гамлетъ» почему-то совсѣмъ умалчиваютъ о бородѣ Гамлета, а именно: А. Кронебергъ, Н. Полевой и А. Месковскій.

Такимъ образомъ Гамлетъ является передъ нами въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ, тридцатилѣтнимъ, здоровымъ, сильнымъ мужемъ, съ бороною и вьющимися кудрями, слѣдовательно, является представительнымъ, солиднымъ, красивымъ, вполне царственнымъ принцемъ, который, какъ свидѣтельствуемъ о немъ другой принцъ въ пьесѣ—Фортинбрасъ:

Все величье царское явилъ бы,
Когда бъ остался живъ ²⁾.

С. Г. Москаленко.

¹⁾ Переводъ Н. Кетчера. Въ подлинникѣ: «Plucks off my beard, and blows it in my face?»

²⁾ Переводъ А. Кронеберга.

ПЛАТОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОБОДОВСКІЙ.

(10-е ноября 1803 г.—10-е февраля 1864 г.).

Біо-библіографическій очеркъ.

ТОЛЬКО ЧТО исполнившееся 10-го сего ноября столѣтіе со дня рожденія небезызвѣстнаго въ свое время драматурга и педагога, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Платона Григорьевича Ободовскаго, навело насъ на мысль собрать весь относящійся до этой незаурядной личности біо-библіографическій матеріалъ и подѣлиться имъ съ публикой.

Начнемъ съ біографіи писателя¹⁾.

Родъ Ободовскихъ, бывшихъ знатныхъ дворянъ Польскаго королевства, принадлежащихъ древнему гербу «Сольмсъ», а съ половины XVIII столѣтія перешедшихъ въ подданство Россіи, происходитъ отъ державныхъ графовъ Бранденбургскаго Сольмса, упоминаемыхъ въ латинскихъ анналахъ XI и XII вѣковъ. Впослѣдствіи

¹⁾ Свѣдѣнія о П. Г. Ободовскомъ имѣются въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) «Сѣв. Почта» 1864, № 64, некр. 2) «Годось» 1864, № 46, некр. 3) «Народное Богатство» 1864, № 40, некр. 4) «Якорь» 1864, № 14, некр. 5) «Бирж. Вѣд.» 1864, № 46, некр. 6) «Моск. Вѣд.» 1864, № 73, некр. 7) «Илл. Газета» 1864, № 8, некр. 8) «Кіевск. Телегр.» 1864, № 21, некр. 9) «Мѣсяцесловъ» на 1865 г. 10) «Русск. Архивъ» 1866, № 4, с. 573, ст. Геннади: «Краткія свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ». 11) А. И. Вольфъ, «Хроника петербургск. театровъ». Спб. 1877. 12) Н. И. Грець, «Записки». Спб. 1886. 13) К. А. Полевой, «Записки». Спб. 1888. 14) А. М. Каратыгина, «Воспоминанія». Спб. 1880. 15) М. И. Глинка. «Записки», 1870 и 1887. 16) В. Л. Леонидовъ, «Воспоминанія», въ «Русск. Стар.» 1888, № 4. 17) Стерлигова, «Воспоминанія», въ «Русск. Архивъ» 1898, № 4. 18) А. В. Никитенко, «Дневникъ», въ «Русск. Стар.» 1898, № 9. 19) Н. С. Карцовъ: «Нѣскольео

потомки ландграфовъ Сольмсъ перешли въ Польшу, гдѣ, получивъ въ ленъ мѣстечко «Обедовце», служили въ знатныхъ чинахъ и занимали должности коронныхъ гетмановъ и посланниковъ королевскихъ. Въ 1649 году Павелъ и Владиславъ изъ рода Сольмсъ-Ободовскихъ были въ числѣ дворянъ, избравшихъ на престолъ короля Яна-Казимира. Въ 1672 году одинъ изъ Ободовскихъ производилъ ревизию сеймовыхъ книгъ въ Краковѣ. Въ началѣ XVIII столѣтія Ободовскіе состояли въ родствѣ со знаменитыми Кочубеями и другими знатными фамиліями тогдашней Украины, Литвы и Польши¹⁾. Дѣдъ писателя, Онисимъ, выѣхавшій въ Россію во время Уманской рѣзни, считался императрицей Екатериной за способнаго и дѣльнаго человѣка. Сынъ же его—отецъ писателя, Григорій Онисимовичъ Ободовскій, родился въ 1764 г. въ Умани; въ дѣтствѣ бѣжалъ оттуда и устроился въ Кіевѣ, гдѣ и обучался въ духовной академіи; въ 1788 г. онъ поступилъ лѣкарскимъ ученикомъ въ кронштадтскій госпиталь, въ 1792 г. сдалъ экзаменъ на лѣкаря, и позднѣе былъ штабъ-лѣкаремъ въ Галичѣ; среди мѣстныхъ обывателей онъ пользовался репутаціей опытнаго врача и добраго человѣка; скончался онъ въ чинѣ статскаго совѣтника въ концѣ 1830-хъ годовъ.

Платонъ Григорьевичъ былъ вторымъ сыномъ его²⁾; родился онъ 10-го ноября 1803 года въ Галичѣ; первоначальное образова-

фактовъ изъ жизни Слб. училища ордена св. Екатерины». Слб. 1898. 20) Брокгаузъ-Ефронъ, Энциклопедическій словарь. 21) «Сборникъ импер. русск. историч. общества», т. 62. слб. 1888. 22) «Сочиненія» В. Р. Бѣлинскаго, ред. С. А. Венгерова. Слб. 1901, т. IV и V (по оглавленію). 23) И. Кубасовъ: «И. Г. Ободовскій», въ «Русск. Стар.» 1903, № 11, с. 353—366 (кромя біографіи писателя, въ этой статьѣ напечатаны: письмо Ободовскаго къ гр. Каподистрии и письма къ нему А. В. Никитенки, М. И. Глинки, В. В. Самойловой и А. Г. Каратыгиной).

Материаломъ для нашего очерка, кромѣ перечисленныхъ изданій, послужили: формулярный списокъ о службѣ П. Г. Ободовскаго, устные свѣдѣнія, полученные отъ сына писателя, д. ст. сов. Конст. Плат. Ободовскаго, и рукописныя карточки изъ бібліографическаго собранія С. А. Венгерова. Последнимъ двумъ лицамъ принесимъ свою признательность.

Б. Г.

¹⁾ Въ «Гербовникѣ» Петра Малаховскаго, изданномъ въ Люблинѣ, въ 1805 г., подъ заглавіемъ «Собраніе дворянскихъ фамилій», имѣется описаніе герба Сулима, къ которому принадлежатъ родъ Ободовскихъ. Гербъ изображаетъ щитъ, поперекъ раздѣленный; въ верхней части его на желтомъ полѣ — половина чернаго орла съ распростертыми кверху крыльями, съ носомъ, изъ котораго вывѣшенъ языкъ, обращенный въ лѣвую сторону; въ нижнемъ же красномъ полѣ—три камня, два изъ нихъ рядомъ, третій же подъ ними; въ шлемѣ надъ короною — половина такого жъ, какъ на щитѣ, орла. (Стр. 771).

Б. Г.

²⁾ Старшій сынъ, Александръ Григорьевичъ, инспекторъ Николаевскаго сиротскаго института и профессоръ главнаго педагогическаго института, приобрѣлъ извѣстность своими учебниками по географіи, статистикѣ и педагогикѣ; родился онъ въ 1796 г., а умеръ въ 1852 г. О немъ см.: 1) Брокгаузъ-Ефронъ, Энциклопедическій словарь. 2) «Сборникъ импер. русск. историч. общества», т. 62, Слб., 1888. В) «Слб. Вѣд.» 1852, № 153 и 154, ст. К. Свенске. 4) «Журн. мин. нар. проsv.» 1852, ч. 73 и 76. 5) «Вѣстн. имп. русск. геогр. общ.» 1852, т. V, с. 83—84, 130—142.

Б. Г.

не получилъ во 2-й петербургской гимназiи и закончилъ его въ высшемъ училищѣ. По окончанiи курса наукъ, въ 1823 г., будущій драматургъ поступилъ на службу въ вѣдомство государственной коллегiи иностранныхъ дѣлъ и въ то же время началъ свою

Платонъ Григорьевичъ Ободовскій.

(Съ современнаго живописнаго портрета).

педагогическую дѣятельность, занявъ мѣсто «комнатнаго надзирателя» и «учителя россiйской и латинской грамматикъ» при петербургской 2-й (нынѣ 3-й) гимназiи; затѣмъ онъ читалъ курсъ русскаго языка въ первомъ и второмъ классахъ петербургскаго воспитательнаго дома и былъ «учителемъ переводовъ» въ высшемъ классѣ воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (съ 1824 г.)

Служебная фортуна, казалось, улыбалась молодому педагогу и сулила ему въ будущемъ на избранномъ имъ поприщѣ горы счастья. Но природная склонность къ серіозной наукѣ и литературѣ, мало-помалу, стала отвлекать юношу отъ рутиннаго учительства, и онъ вскорѣ бросаетъ его и отправляется за границу путешествовать. Въ это время онъ уже былъ ревностнымъ сотрудникомъ «Благонамѣреннаго», «Сына Отечества» и другихъ изданій и состоялъ членомъ вольнаго общества словесности, наукъ и художествъ.

Посѣтивъ Мюнхенъ, Гейдельбергъ, Берлинъ и Женеву и прослушавъ лекціи тамошнихъ знаменитостей, Ободовскій черезъ 5 лѣтъ возвращается въ Петербургъ полный энергіи къ общественной дѣятельности, съ огромнымъ запасомъ научныхъ знаній и съ дипломомъ доктора философіи въ рукахъ. Здѣсь онъ устраивается сначала въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ качествѣ переводчика департамента внутреннихъ сношеній, а затѣмъ черезъ четыре года—въ училищѣ ордена св. Екатерины въ должности инспектора классовъ¹⁾. Въ 1840 году къ этимъ обязанностямъ просвѣщеннаго педагога присоединяется чтеніе лекцій по російской словесности въ главномъ педагогическомъ институтѣ, а въ слѣдующемъ году—еще уроки русскаго языка великимъ князьямъ Константину, Николаю и Михаилу Николаевичамъ, великимъ княжнамъ Александрѣ, Маріи и Ольгѣ Николаевнамъ и его высочеству Герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому.

Таковъ вкратцѣ послужной списокъ Ободовскаго - педагога; онъ наглядно показываетъ, сколь разнообразна и трудна была его дѣятельность. Центромъ же ея слѣдуетъ признать служеніе его вѣдомству учрежденій императрицы Маріи, которому онъ посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Время его инспекторства въ училищѣ ордена св. Екатерины ознаменовано различными преобразованиями и улучшениями²⁾, за которыя онъ неоднократно удостоивался вниманія августѣйшихъ покровительницъ заведенія, императрицъ Александры Феодоровны и Маріи Александровны, а также принца П. Г. Ольденбургскаго.

Особое довѣріе къ Ободовскому со стороны высшаго начальства сказалось въ избраніи его членомъ высочайше утвержденного въ 1838 году комитета для разсмотрѣнія уставовъ всѣхъ учебныхъ заведеній въ имперіи для начертанія устава о службѣ по учебной части въ учрежденіяхъ императрицы Маріи. Комиссія эта дѣйствовала довольно долго, и результатомъ ея работъ явились радикальныя реформы въ вѣдомствѣ. Отъ нея у Ободовскаго остался богатѣйшій матеріалъ для исторіи учебнаго дѣла, но къ прискорбію

¹⁾ Эту должность П. Г. Ободовскій занималъ до самой своей смерти.

²⁾ Между прочимъ, по идеѣ Ободовскаго былъ видоизмѣненъ курсъ изъ двухъ трехгодичныхъ классовъ въ семь одигодичныхъ. В. Г.

онъ вмѣстѣ съ обширнымъ семейнымъ архивомъ и рукописями пьесъ исчезъ безслѣдно вскорѣ послѣ смерти писателя, при переездѣ его родственниковъ съ казенной квартиры на новую.

По отзывамъ своихъ учениковъ Ободовскій былъ талантливый педагогъ, прекрасный чтецъ и ораторъ съ большою эрудиціей; лекціи его въ педагогическомъ институтѣ посѣщались охотно слушателями и своею содержательностью увлекали аудиторію. Съ неменьшимъ уваженіемъ и симпатіями вспоминаютъ своего инспектора и воспитанницы ордена св. Екатерины, которыхъ особенно трогала его чисто-отеческая заботливость о нихъ и всегдашняя отзывчивость на все доброе и честное.

Переходимъ теперь къ литературной дѣятельности Ободовскаго, начавшейся очень рано, въ бытность его еще гимназистомъ, и выразившейся въ нѣсколькихъ десяткахъ стихотвореній и 26 оригинальныхъ и переводныхъ пьесахъ.

Какъ поэтъ, Ободовскій замѣтенъ никогда не былъ. Стихи его, въ изобилии печатавшіеся въ «Благонамѣренномъ», «Сынѣ Отечества» и въ другихъ журналахъ и альманахахъ, не представляютъ ничего выдающагося. Въ большинствѣ случаевъ — это довольно гладкіе для своего времени переводы или подражанія иностраннымъ поэтамъ. Ниже мы приводимъ списокъ произведеній поэта и думаемъ, что въ него попали всѣ стихотворенія его, за исключеніемъ немногихъ кантатъ и пѣсенъ, которыя сочинялись специально для институтокъ и зачастую перекладывались композиторами на музыку. Изъ такихъ вещей у насъ указана лишь «Прощальная пѣснь дѣвицъ училища св. Екатерины, пѣтая по случаю выпуска 1850 г.», сдѣланная въ послѣдствіи «гимномъ» институтокъ, между тѣмъ въ перепискѣ М. И. Глинки съ поэтомъ имѣется указаніе, что композиторъ переложилъ на музыку и другіе его стихи. Вѣроятно, они напечатаны не были и до насъ не дошли.

Изъ всѣхъ стихотвореній Ободовскаго совсѣмъ особнякомъ стоитъ трогательная по содержанію поэма «Хиосскій сирота». Это — чисто-оригинальное произведеніе, навѣянное поэту плачевною исторіею грека Ламброса, претерпѣвшаго съ своею семьею въ Турціи массу невзгодъ.

Какъ драматургъ, Ободовскій приобрѣлъ извѣстность огромную. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ имя его почти не сходило съ афишъ столичныхъ театровъ и стояло на ряду съ именами Николая Полевого и Кукольника. Изъ пьесъ его самымъ колоссальнымъ успѣхомъ пользовался «Велизарій», поставленный впервые на Александринскомъ театрѣ 31-го октября 1839 года, въ заглавной роли съ Каратыгинымъ¹⁾. Эта «эффектная», по выраженію Бѣлинскаго, драма,

¹⁾ Василій Андреевичъ Каратыгинъ, извѣстный трагикъ, род. 1802, † 1853 г. Главныя роли въ «Велизаріи» были распределены слѣдующимъ образомъ: Велизарій—Каратыгинъ, Юстиніанъ—Брянскій, Антонина—Каратыгина, Елена—Асенцова, Руфицъ—Толченевъ, Евтропій—Вороновъ, Октаръ—Толченевъ I, Аламиръ—Леонидовъ, Порфиръ—Самойловъ, Евлампій—Васильевъ. Б. Г.

передѣланная, или, вѣрнѣе, обработанная изъ сочиненія Эдуарда Шенка, такъ охотно смотрѣлась публикой, что иногда давалась даже для усиленія сбора въ Большомъ театрѣ (см. «Воспоминанія» Леонидова). Бѣлинскій же, будучи восхищенъ пьесой, написалъ по поводу нея одну изъ видныхъ своихъ статей, гдѣ отозвался объ Ободовскомъ, какъ о лучшемъ нашемъ драматическомъ переводчикѣ.

Притягательная сила «Велизарія» заключается въ ровномъ, выдержанномъ стихѣ. Въ немъ ярко сказалась отличительная черта Ободовскаго-переводчика—стремленіе изъ иностраннаго произведенія возсоздать оригинальную вещь. Изъ собственныхъ мѣстъ поэта въ этой пьесѣ выдѣляется 4-е дѣйствіе и, въ особенности, слѣдующая пѣсня работника Порфира къ ослѣпленному, по наущенію злой Антонины, Велизарію:

ПОРФИРЪ (поетъ):

Малютка, шлемъ нося, просиль,
Для Бога, пищи лишь дневныя
Слѣдцу, котораго водиль,
Къмъ славны Римъ и Византія.
«Тронитесь жертвою судьбы!»
Такъ онъ прохожихъ умоляетъ:
«Подайте мальчику на хлѣбъ,
Онъ Велизарія питаетъ».

«Вотъ племя того, который былъ
Для готовъ, вандаловъ грозою!
Враговъ отечества сразилъ,
И самъ сраженъ былъ клеветою.
Тиралъ лишилъ его очей,
И міръ хранителя лишился...
Увы! свѣтъ солнечныхъ лучей
Для Велизарія затмился!»

«Не видя свѣта и людей,
Паритъ онъ мыслью въ царствѣ славы:
И видитъ въ памяти своей
Народы, вѣки и державы!»

Не меньшимъ успѣхомъ у публики пользовалась и трагедія Ободовскаго «Заколдованный домъ». О ней великій критикъ писалъ слѣдующее:

« «Заколдованный домъ» передѣланъ изъ извѣстной повѣсти Бальзака «Maitre Cornelius» и передѣланъ такъ хорошо, что вышла прекрасная драматическая пьеса, а не пошлая нѣмецкая штука съ чувствительными эффектами. Не буду вамъ рассказывать ея содержаніе, которое извѣстно всѣмъ, видѣвшимъ ее на сценѣ, или читавшимъ повѣсть Бальзака. Скажу только, что Людовикъ XI очень удачно въ ней очеркнутъ, если не созданъ, и

что онъ, особенно благодаря превосходной игрѣ Каратыгина, живо напоминаетъ историческаго Людовика XI...» (см. «Сочиненія» Бѣлинскаго, ред. Венгерова, т. IV, стр. 444).

Вообще же изъ пьесъ Ободовскаго на сценахъ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ ставились слѣдующія¹⁾:

Переводныя и передѣланныя: 1) «Донъ Карлосъ», траг.; 2) «Велизарій», др.; 3) «Отець и дочь», др.; 4) «Заколдованный домъ», др.; 5) «Прародительница» *, др.; 6) «Юаннь, герцогъ финляндскій», др.; 7) «Кипрскій вѣнецъ» *, др.; 8) «Гризельда», др.; 9) «Христина, королева шведская» *, др.; 10) «Маріанна или герцогиня и нищій» *, др.; 11) «Черный Корсаръ» *, др.; 12) «Братья-кушцы», др.; 13) «Камозенъ» *, др.; 14) «Брачное свидѣтельство» *, др.; 15) «Первая и послѣдняя любовь Карла XII», др.; 16) «Ужасный замокъ» *, др.; 17) «Проклятіе матери» *, др.; 18) «Арфистка» *, др.; 19) «Карль V въ Нидерландахъ» *, др.; 20) «Четверо часовыхъ у одной будки» *, ком.

Оригинальныя: 21) «Царь Василій Іоанновичъ Шуйскій», др.; 22) «Князь Александръ Михайловичъ Тверской» *, др.; 23) «Варвара, ярославская кружовница» *, др.; 24) «Русская боярыня XVII вѣка», др.; 25) «Камилль, диктаторъ римскій» *, др.; 26) «Бояринъ Матвѣевъ» *, др. (См. А. И. Вольфъ, Хроника петерб. театровъ. Спб. 1877, ч. I, с. XLVIII—XLIX и ч. II, с. XXX).

Этимъ спискомъ исчерпываются драматическія произведенія Ободовскаго. Достоинства ихъ заключаются въ сценичности, литературности языка и свободѣ стиха. Всѣ они, за небольшимъ исключеніемъ, написаны модными для того времени шестистопными ямбами и представляютъ собою скорѣе не переводы, а самостоятельныя творенія поэта, который, заботясь лишь о сохраненіи фабулы оригинала, не только часто отступалъ отъ него, но и вносилъ иногда въ переводъ собственныя сцены, и такимъ образомъ приравнивалъ иностранныя пьесы къ русскимъ нравамъ. Эту характерную особенность передѣлокъ поэта всегда отмѣнялъ въ своихъ критическихъ статьяхъ Бѣлинскій.

Говоря о литературной дѣятельности Ободовскаго, нельзя не упомянуть о томъ, что онъ былъ чуть ли не первымъ нашимъ поэтомъ, стремившимся ввести въ обиходъ русскаго стихосложенія бѣлые стихи.

Умеръ П. Г. Ободовскій 61 года отъ рожденія, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ Петербургѣ, 10-го февраля 1864 года. На отпѣваніе его тѣла и погребеніе, по словамъ оче-

¹⁾ Въ настоящемъ перечнѣ звѣздочкой отмѣчены пьесы, нами не розысканныя и потому не включенныя въ ниже печатаемый хронологическій списокъ произведеній писателя. Нѣкоторыя изъ этихъ пьесъ вышли въ 1902—1903 гг. въ литографированномъ изданіи С. Ѳ. Разсохина.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1903 г., т. XCV.

Б. Г.

17

видцевъ, собралось, помимо знатныхъ особъ, писателей и артистовъ, много бѣднаго люда, вдовъ и сиротъ, въ помощи которымъ добрый сердцемъ писатель никогда не отказывалъ, хотя и самъ богатымъ не былъ, и существовалъ лишь на трудовой своей заработокъ.

Похороненъ Ободовскій на Смоленскомъ кладбищѣ. На могилѣ его поставленъ памятникъ въ видѣ небольшой гранитной глыбы съ крестомъ на ней.

Въ заключеніи своего очерка мы помѣщаемъ неизданное стихотвореніе *Ө. Н. Глинка*, посвященное Ободовскому.

Происхожденіе этого экспромпта таково. Ободовскій находился въ большой дружбѣ съ семьей Глинка¹⁾ и зачастую бывалъ у нихъ на литературныхъ четвергахъ. На одномъ изъ такихъ вечеровъ Глинка предполагалъ прочесть свой «Адъ», и, чтобы Ободовскій не забылъ объ этомъ, онъ и прислалъ ему стихотвореніе; вотъ оно:

Читаемъ «Адъ» сегодня въ четвертокъ,
И съ вашей райскою душою
Вы будете отрадой намъ большою:
Позолотите жъ намъ собою вечерокъ!
Умъ съ сердцемъ такъ у васъ согласенъ
И свѣтлой вѣры столько въ васъ,
Что «Адъ», какъ ни былъ бы ужасенъ,
При васъ не испугаетъ насъ.
Мы пробѣжимъ всѣ части «Ада»,
Пройдемъ сквозь мракъ и бурный свѣтъ,
И будетъ автору награда
Вашъ поэтический привѣтъ.

Ө. Глинка.

Списокъ произведеній П. Г. Ободовскаго²⁾.

- 1822 г. 1) «Къ другу». Стих. («Благонамѣренный», 1822, № 33).
2) «Плачь Давида о смерти Саула и Ионаана». Элегія.
(Тамъ же, 1822, № 38).
3) «Эпитафія стихотворцу Ботлеру». Съ англ. (Тамъ же, 1822, № 38).
4) «Преложеніе ХСѢ псалма». Стих. (Тамъ же, 1822, № 42).
1823 г. 5) «Посланіе къ Н. И. Б.». Стих. (Тамъ же, 1823, № 2).
6) «Къ другу во время грозы». Стих. (Тамъ же 1823, № 3).

¹⁾ *Өедоръ Николаевичъ Глинка*, поэтъ и публицистъ (р. 1787 г., † 1880 г.); жена его *Авдотья Павловна*, рожд. *Голенищева-Кутузова*, поэтесса (р. 1795 г., † 1863 г.). Б. Г.

²⁾ Въ печати списокъ произведеній Ободовскаго появляется впервые.

- 7) «Торжество искупителя». Стих. (Тамъ же, 1823, № 5).
 8) «Утро». Стих. (Тамъ же, 1823, № 16).
 9) «Вельможа». Стих. (Тамъ же, 1823, № 17).
 10) «Пѣснь плѣнныхъ израилтянокъ». Кантата. («Сынъ Отечества», 1823, № 45).
 11) «Искупитель во гробѣ». Стих. («Полярная Звѣзда». Изд. А. Бестужева и К. Рылѣва. Спб. 1823).
1824 г. 12) «Паденіе Иерусалима». Стих. (Тамъ же, 1824).
 13) «Паденіе Иерусалима». Стих. («Соревнователь просвѣщенія», 1824, № 1).
1825 г. 14) «Пѣснь альпійца». Стих. («Полярная Звѣзда». Изд. А. Бестужева и К. Рылѣва. Спб. 1825).
 15) «Весенній гимнъ Вседержителю». Стих. («Сѣверные цвѣты». Изд. И. Оленина. Спб. 1825).
 16) «Вдохновеніе». Стих. («Новости литературы», 1825, № 5).
 17) «Сельская элегія». Стих. (Тамъ же, 1825, № 7).
1826 г. 18) «Отрывокъ изъ перев. повѣсти «Орсанъ и Леила». («Звѣздочка». Изд. А. А. Бестужева и К. О. Рылѣва. Перепечатано въ «Русск. Стар.» 1883, т. XXXIX, № 7, стр. 67, 85—86).
1827 г. 19) «Отважный половецъ на чужбинѣ». Стих. («Сынъ Отечества», 1827, № 4).
 20) «Геро и Леандръ». Вольный переводъ изъ Шиллера. («Невскій альманахъ» на 1827 г. Изд. Е. В. Аладьина).
1828 г. 21) «Хіосскій сирота». Спб. 1828.
 (Отзвы: 1) «Моск. Вѣстн.», 1828, ч. XI, № 19—20, с. 358. 2) «Сынъ Отеч.», 1828, № 17. 3) «Моск. Телегр.», 1828, № 17, с. 111).
1829 г. 22) «Дѣтство». Изъ Маттиссона. Стих. («Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ», 1829, № 19).
 23) «Надгробіе Филомелѣ». Стих. (Тамъ же, 1829, № 29).
 24) «Близость милой». Стих. (Тамъ же 1829, № 6).
 25) «На кончину Веневитинова». Стих. («Галатей», 1829, № 18).
1830 г. 26) «Гласъ мщенія». Стих. («Галатей», 1830, № 8).
 27) «А. М. О—й». 3 стих. («Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ», 1830, № 23).
 28) «Изъ Шиллеровой пѣсни о колоколѣ». («Литерат. газета», 1830, № 27).
1832 г. 29) «Умирающая». Стих. («Литерат. прибавл. къ Русск. Инв.», 1832, № 78).
 30) «Освобожденный Израиль». Стих. (Тамъ же, № 80).
1833 г. 31) «Пѣсня альпійца». Стих. (Тамъ же, 1833, № 8).

- 32) «Наташа». Стих. (Тамъ же, 1833, № 51).
- 1835 г. 33) «Отрывокъ изъ Шиллеровской пѣсни о колоколѣ». Стих. (Тамъ же, 1835, № 48).
- 1837 г. 34) Сцены изъ трагедіи «Князья Шуйскіе». («Современникъ», 1837, т. VII, с. 181).
- 1838 г. 35) Отрывки изъ драмы «Заколдованный домъ». («Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ», 1838, т. V, отд. 1, с. 92).
- 1839 г. 36) «Стихотвореніе его имп. высочеству Максимилиану Лейхтенбергскому». («Современникъ», 1839, т. XVI, с. 214).
- 37) «Умирающій младенецъ». Стих. («Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ», 1839, т. X, отд. I, с. 10).
- 38) «Заколдованный домъ». Трагедія въ 5 д., съ танцами, соч. Ауфенберга, переведенная съ нѣмецкаго. (См. выше, № 35).
(Отзвы: 1) «Литер. приб. къ Русск. Инв.», 1839, т. II, № 26, ст. В. Бѣлинскаго. 2) Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. III, с. 198 и ред. Венгерова, т. IV, с. 444—448).
- 1840 г. 39) «Русскій царь на гробѣ Франциска I». Стих. («Маякъ современнаго просвѣщенія и образованности», 1840, ч. XI, с. 1).
- 40) «Велизарій». Драма въ 5 дѣйств. («Пантеонъ русскаго и всѣхъ европ. театровъ». Изд. В. Полякова. Спб. 1840. Часть I).
(Отзвы: 1) «Литер. приб. къ Русск. Инв.», 1839, т. II, № 21, ст. В. Бѣлинскаго. 2) «Отеч. Зап.», 1840, № 2, ст. В. Бѣлинскаго. 3) Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. III, с. 168 и т. IV, с. 41 и ред. Венгерова, т. IV, с. 390—400 и т. V, с. 162).
- 41) «Гризельда». Трагедія въ 5 дѣйств. Соч. Ф. Гальма. (Тамъ же, часть III, № 7).
(Отзвы: 1) «Отеч. Зап.», 1840, № 10, ст. В. Бѣлинскаго. 2) Сочиненія Бѣлинскаго, ред. Венгерова, т. V, с. 404—405).
- 42) «Царскій цвѣтникъ». Спб. 8°. Тип. Глазунова и К°. 1841 г. 43) «Могилы Наполеона». Стих. («Литературная газета» 1841, № 1, с. 1).
- 44) «Бѣлому царю отъ русскаго народа на новый годъ». Стих. («Русскій Вѣстникъ», 1841, т. I, стр. 603).
- 45) «Донъ Карлосъ». Драма Шиллера. («Пантеонъ русскаго и всѣхъ европ. театровъ». Изд. В. Полякова. Спб. 1841).
- 46) «Юаннь, герцогъ финляндскій». (См. Вольфъ, «Хроника»).

- (Отзвъвъ: «Литературная газета», 1840, № 8, с. 181).
- 47) «Боярское слово». (См. Геннади, въ «Русск. Архивѣ»).
- (Отзвъвъ: «Отеч. Зап.», 1841, т. XVII, отд. VII, с. 35).
- 1842 г. 48) «Петръ Великій». Историческая ораторія въ 2-хъ отдѣленіяхъ, передѣланная съ нѣмецкаго. Положилъ на музыку И. Л. Фуксъ. Спб. 1842. 8^о. 31 стр. Тип. Крайя.
- (Отзвъвъ: «Отеч. Зап.», 1842, т. 21, отд. VI, с. 42).
- 49) «Отець и дочь» 1842. (См. Геннади, въ «Русск. Архивѣ»).
- (Отзвъвы: 1) «Отеч. Зап.», 1842, т. 21, отд. VIII, с. 47. 2) «Маякъ», 1842, т. I, с. 52. 3) Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. VI, с. 619—621).
- 50) «Первая и послѣдняя любовь Карла XII». 1842. (См. Геннади, въ «Русск. Архивѣ»).
- 51) «Царь Василій Ивановичъ Шуйскій». (См. Вольфъ. «Хроника»).
- (Отзвъвы: 1) «Отеч. Зап.», 1842, т. 22, отд. VIII, с. 102. 2) Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. VI, с. 636—642).
- 52) «Братья-купцы», 1843. (См. Геннади, въ «Русск. Архивѣ»).
- (Отзвъвъ: Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. VII, с. 449).
- 1843 г. 53) «Русская боярыня XVII вѣка». 1843. (См. Геннади, въ «Русск. Архивѣ»).
- (Отзвъвъ: «Отеч. Зап.», 1843, т. 26, отд. VIII).
- 1845 г. 54) «Князья Шуйскіе». («Сто русскихъ литераторовъ». Сборникъ», 1845, т. III).
- (Отзвъвы: 1) «Москвитянинъ», 1845, ч. V, № 9, с. 126, отд. 1. 2) Сочиненія Бѣлинскаго, изд. Солдатенкова, т. IX, с. 472).
- 1850 г. 55) «Прощальная пѣснь дѣвицъ училища орд. св. Екатерины, пѣтая по случаю выпуска 1850 г.». (Музыка Глинки). Спб. 1877. 8^о. 4 стр. Тип. Марковыхъ.
- 1855 г. 56) «Царское спасибо — пѣсня храбрымъ защитникамъ Севастополя».
- 57) «Его императорскому высочеству Николаю Николаевичу по случаю объявленія о помолвкѣ его».
- 58) «Вѣлому царю отъ вѣрнаго русскаго народа».

В. М. Городецкій.

ПАМЯТИ ВС. С. СОЛОВЬЕВА.

УМЕРЪ писатель, и литература понесла извѣстный ущербъ. Но такъ какъ она — не «индивидуумъ» и даже не «юридическое лицо», то счетъ ея убытковъ и прибылей ведется крайне небрежно. Освѣдомляются, лишь кому и чему служилъ умершій писатель. Если онъ шелъ подъ флагомъ популярнаго въ данное время направленія и содѣйствовалъ его успѣху — отпуютъ и похороняютъ торжественно, поминальныхъ статей напишутъ множество, слезъ прольютъ океанъ цѣлый. Если, наоборотъ, писатель не имѣлъ съ популярнымъ направленіемъ ничего общаго или просто держался въ сторонѣ отъ большихъ направленскихъ дорогъ, — ограничатся сухой «отмѣткой» и уже, разумѣется, ничѣмъ не почтутъ.

Такъ случилось и съ покойнымъ Всеволодомъ Сергѣевичемъ Соловьевымъ. На похоронахъ его въ Москвѣ посторонняя публика «блистала отсутствіемъ». Въ Петербургѣ, на панихидѣ въ Казанскомъ соборѣ, тоже никого, кромѣ родныхъ, знакомыхъ и сослуживцевъ, не было. Появившіеся некрологи отличались краткостью и... безсодержательностью. Все это, конечно, не можетъ обидѣть мертвеца, но для литературы обидно. Обидно потому, что служба собственно ей не ставится и въ грошъ. А Соловьевъ честно послужилъ родной литературѣ.

Не всегда ясное утро предвѣщаетъ ведренный день и пышный закатъ. Литературная дѣятельность и житейская карьера Соловьева начинались при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Онъ выступилъ въ качествѣ поэта, встрѣченный одобреніями строгихъ цѣнителей и знатоковъ. Стихи его печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ», потомъ въ «Вѣстникѣ Европы». Первые беллетристическіе

опыты Всеволода Сергѣевича сочувственно привѣтствовалъ А. Ѳ. Писемскій, памяти котораго, какъ своего учителя и какъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей, Соловьевъ оставался вѣренъ до послѣднихъ дней.

Служебное поприще онъ также началъ весьма успѣшно. Кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата правъ, В. С. поступилъ на службу во II-е отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, получилъ придворное званіе и могъ бы пойти впередъ быстрыми шагами, если бъ не причины частаго характера, заставившія его пренебречь блестящей карьерой. Зато приблизительно около этого же времени на долю Соловьева выпалъ крупный литературный успѣхъ. Въ 1876 г. была напечатана его повѣсть «Княжна Острожская», сразу сдѣлавшая ему имя историческаго романиста. Этотъ успѣхъ имѣлъ, однако, и свою невыгодную сторону. Сотрудничество въ «Нивѣ», по тогдашнимъ временамъ, считалось какъ бы нѣкоторымъ отступленіемъ отъ строгихъ литературныхъ традицій. Писатель могъ рассчитывать на вниманіе критики и той части общества, которая мнила себя «сливками интеллигенціи», лишь при условіи участія въ «толстомъ» журналѣ. Толстый журналъ—это литература, а еженедѣльный—не литература, хотя бы въ немъ (какъ въ «Нивѣ») появлялись самыя громкія имена. Публика зачитывалась романами Соловьева, критика обходила ихъ систематическимъ молчаніемъ. Даже отдѣльно изданные, они не удостоивались ея благосклонности.

Нужно, однако, думать, что причина подобной несообразности заключалась не только въ «мѣстѣ», не красившемъ писателя, но и въ духѣ его произведеній. Соловьевъ задался цѣлью ознакомить широкій кругъ читателей съ нѣкоторыми интересными эпохами русской исторіи въ живой, беллетристической формѣ. Выполнилъ онъ эту задачу прекрасно—и съ талантомъ, и съ знаніемъ предмета и вмѣстѣ съ любовью,—нисколько не аффектированную, къ родной старинѣ. Послѣднее обстоятельство естественно могло не располагать въ пользу автора «передовую» критику, предпочитавшую изображеніе и въ прошломъ, и въ настоящемъ Россіи исключительно мрачныхъ сторонъ. Неудивительно, что Соловьева за его прямой и благородный патріотизмъ считали даже «консерваторомъ». Въ какой мѣрѣ неосновательно было это подозрѣніе, увидимъ ниже.

Огорчался ли В. С. пренебрежительнымъ отношеніемъ критики? Я не оскорблю памяти покойнаго, если рѣшительно отвѣчу: «да». Беллетристъ, работающій не ради однѣхъ денегъ и дешевой популярности, не можетъ не желать справедливой оцѣнки своихъ трудовъ. Для этого не нужно обладать изощреннымъ самолюбіемъ или жаждой славы. Пускай присяжные цѣнители указываютъ на недостатки, отмѣчаютъ слабое и недодѣланное, порицаютъ даже, писателю всего дороже искренній интересъ къ его произведе-

ніямъ, стремленіе безпристрастно и серіозно разобраться въ нихъ. Хочется слышать не однѣ голословныя читательскія похвалы, но и доказательное сужденіе критики. Какого бы мнѣнія мы ни держались о ней, она несомнѣнно имѣетъ громадное вліяніе на судьбу писателя.

— Согласитесь, что это возмутительно, — говаривалъ мнѣ не однажды В. С.: — на протяженіи почти всей моей литературной дѣятельности меня или замалчивали, или ругали. Вѣдь вотъ и вы, до знакомства со мною, относились ко мнѣ враждебно.

Соловьевъ разумѣлъ здѣсь мою небольшую статью о немъ въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Ближе узнавъ Вс. Серг., я ему сказалъ какъ-то разъ, что причина холоднаго и даже нѣсколько враждебнаго отношенія къ нему со стороны «братьевъ-писателей» зависѣла въ извѣстной мѣрѣ отъ него самого. Онъ жилъ замкнуто, литературныхъ знакомствъ почти не водилъ, въ «союзахъ» и кружкахъ не участвовалъ. Отсюда иные дѣлали заключеніе, что Соловьевъ высококомѣрно чуждается товарищей по оружію, на нихъ смотритъ сверху внизъ, а на литературу, какъ на почетную статью дохода. Заподозрѣвали его и въ карьеризмъ, потому что онъ состоялъ на службѣ и носилъ придворное званіе. Дѣйствительно, нужно было личное знакомство, чтобы оцѣнить всю несправедливость подобныхъ упрековъ и заподозрѣваній.

Совершенно вѣрно: Соловьевъ не обладалъ тою подвижностью, которая необходима для заключенія и поддержанія многочисленныхъ знакомствъ. «Союзы» и кружки ему претили, но cadaго мало-мальски живого и интереснаго человѣка онъ встрѣчалъ съ величайшимъ радушіемъ. Сближающимъ и объединяющимъ элементомъ являлась литература. Здѣсь я долженъ (и хочу) усиленно подчеркнуть, что Соловьевъ былъ литераторомъ до мозга костей. Литература служила ему неисчерпаемымъ источникомъ для бесѣды. Такихъ разностороннихъ и глубокихъ знатоковъ ея нынѣ не часто встрѣтишь. И затѣмъ — опять-таки достойная замѣчанія черта — своими знаніями В. С. никогда не рисовался, нигдѣ не проскальзывало у него желанія дать понять собесѣднику, какую эрудицію онъ обладаетъ. А это желаніе я считалъ бы вполне естественнымъ въ Соловьевѣ, ибо ему было извѣстно, что «литературность» его заподозрѣваютъ. Не многіе, въ подобныхъ условіяхъ, воздержались бы отъ соблазна «показать товаръ лицомъ», Соловьеву же и воздерживаться не приходилось, потому что этого соблазна онъ не ощущалъ.

Въ теченіе значительнаго промежутка времени я очень часто видался съ В. С. Иногда мы цѣлый день проводили вмѣстѣ, а кстати захватывали и вечеръ, и часть ночи. Разговоръ не прерывался ни на минуту и ни на минуту я не терялъ интереса къ со-

бесѣднику. Одна тема смѣнялась другою, мелкое, смѣшное чередовалось съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ. Соловьевъ мастерски рассказывалъ и любилъ рассказывать. Я чрезвычайно жалѣю, что не записалъ нѣкоторыхъ изъ его рассказовъ. Обыкновенно они касались или очень извѣстныхъ, или очень интересныхъ

Всеволодъ Сергѣевичъ Соловьевъ.

людей и велись обстоятельно, съ большими подробностями, перѣдко съ отступленіями. Въ устахъ другого это, пожалуй, казалось бы растянутостью, пожалуй, утомляло бы, а Соловьева, бывало, слушаешь и слова не проронишь.

На первомъ планѣ у насъ выступала, конечно, литература и литераторы. В. С. близко и хорошо зналъ многихъ писателей (въ

томъ числѣ Писемскаго, Достоевскаго, Майкова, К. Н. Леонтьева), товарищей и сверстниковъ своего знаменитаго отца, различныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей и т. д. У него были также интересные знакомые за границей, особенно въ Парижѣ, гдѣ онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ. Конечно, среди такой обширной портретной галлерей (а въ изображеніи В. С. каждое лицо приобрѣтало художественно законченныя очертанія) немало встрѣчалось и курьезныхъ, карикатурныхъ физиономій. Соловьевъ обладалъ незауряднымъ юморомъ, и «чувство смѣшного» въ немъ было необыкновенно развито. Однако, никогда онъ не рисовалъ карикатуры ради карикатуры, и рассказанный имъ анекдотъ или превосходно отмѣченные потѣшныя черты въ человѣкѣ, въ концѣ концовъ, сводились вовсе не къ шуточному заключенію.

Нельзя сказать, чтобы В. С. отличался чрезмѣрнымъ добродушіемъ. Въ основѣ его характера скорѣе преобладали рѣзкія черты, какъ у большинства людей съ сильной волей. А воля была у Соловьева сильная, въ иныхъ случаяхъ, несокрушимая. При близкомъ знакомствѣ становилось очевидно, что этотъ человѣкъ много работалъ надъ собою, и если не успѣлъ довести работу до конца, то не вслѣдствіе недостатка желанія, но вслѣдствіе какихъ-то постороннихъ причинъ.

Изъ чертъ, внушавшихъ особенное уваженіе къ В. С., меня привлекало его благоговѣйное отношеніе къ памяти отца. Разумѣется, слишкомъ естественно гордиться такимъ отцомъ, какъ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, но помимо гордости тутъ сказывалась нѣжная, глубокая сыновняя любовь. Все, касавшееся отца, носило въ глазахъ сына какъ бы священный отпечатокъ. Своему врагу В. С. могъ простить, но человѣкъ, не то, что враждебно, но сколько нибудь неуважительно относившійся къ памяти С. М., былъ для него поистинѣ врагомъ не на животь, а на смерть.

При такомъ почитаніи отца, Соловьевъ не поработалъ, однако, его міросозерцанію собственное міросозерцаніе. Онъ часто приводилъ мнѣнія Сергѣя Михайловича по разнымъ вопросамъ, часто повторялъ: «я держусь тѣхъ же взглядовъ, какихъ держался покойный отецъ», и тѣмъ не менѣе образъ его мыслей отличался въ общемъ большою оригинальностью и самостоятельностью.

Въ одной газетной статьѣ, посвященной памяти В. С., онъ названъ «писателемъ-мистомъ». Дѣйствительно, мистическій элементъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Соловьева сказывается очень замѣтно, и вотъ любопытная особенность: его мистицизмъ туманнѣе въ прозѣ, нежели въ стихахъ, и уже совсѣмъ не былъ туманнымъ въ устномъ изложеніи покойнаго.

Разъ какъ-то В. С. меня спросилъ:

— Какъ вы относитесь къ спиритизму?

— Какъ же могу я относиться къ тому, чего не знаю и чѣмъ не занимался?—отвѣчалъ я.—Мнѣ извѣстно лишь, что многіе медумы

попадались въ мошенничествѣ, такъ сказать, съ поличнымъ, и спорить противъ этого нельзя.

— Совершенно вѣрно, — возразилъ Соловьевъ, но отсюда не слѣдуетъ, что спиритизмъ вздоръ. Вы сейчасъ хорошо сказали, что не судите о томъ, съ чѣмъ не знакомы, а у насъ постоянно судятъ, и необыкновенно авторитетно судятъ, о томъ, о чемъ понятія не имѣютъ.

Завязался длинный разговоръ, подробностей котораго я передавать не буду. Коснусь только сущности. Для Соловьева спиритизмъ не являлся единственнымъ окошкомъ, пропускающимъ свѣтъ. Онъ вѣрилъ въ бытіе сверхчувственного міра и населяющихъ его существъ. Какія это существа — кончившія земное поприще или только готовящіяся вступить на него? Однажды В. С. охарактеризовалъ таинственныхъ посѣтителей спиритическихъ сеансовъ — материализировавшихся духовъ — словомъ «нежить», и это опредѣленіе мнѣ очень понравилось. Въ самомъ дѣлѣ, отчего не быть какой-то «нежити»?

Но спиритизмъ не особенно занималъ меня, что же касается мистическихъ воззрѣній Соловьева, то въ основѣ ихъ я не видѣлъ ничего страннаго или туманнаго. Если человѣкъ не ограничивалъ своихъ представленій видимымъ міромъ, если онъ не узкій материалистъ, — онъ непременно мистикъ въ большей или меньшей степени. Соловьеву не разъ случалось наблюдать въ жизни явленія необычайно загадочныя, «непостижныя уму». Они привлекли его вниманіе, заставили ознакомиться съ цѣлой литературой такихъ же и еще болѣе загадочныхъ явленій. Съ незапамятныхъ временъ человѣческой умъ ихъ отмѣчалъ, останавливался на нихъ, пытался проникнуть въ ихъ сущность. Положительная наука, покончивъ со многими прежними загадками, покончила далеко не со всѣми. Мало того, устами одного изъ блестящихъ своихъ представителей она провозгласила: «ignotavimus», и каждый убѣжденный позитивистъ долженъ повторить: «да, не знаемъ и не узнаемъ никогда». Но тамъ, гдѣ оказываются неприменимыми методы положительной науки, къ чему же класть запретъ на всякіе другіе методы? Къ чему полагать предѣлы и создавать искусственныя преграды для пытливаго ума, хотя бы окрыленнаго и пылкимъ воображеніемъ?

Я не могу судить, какими собственно познаніями обладалъ В. С. въ области спиритизма, но знаю, что въ его распоряженіи находился обильный матеріалъ, и что на собраніе и изученіе этого матеріала покойный писатель потратилъ немало времени. Знаю, наконецъ, слѣдующее: менѣе всего Соловьевъ принадлежалъ къ числу людей легковѣрныхъ, теряющихъ способность критики въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ любопытство особенно возбуждено, а предметъ слишкомъ близокъ и увлекателенъ. У Соловьева былъ умъ и темпераментъ чрезвычайно тонкаго, осмотрительнаго и хлад-

нокровнаго изслѣдователя. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ его книга «Современная жрица Изиды» — разоблаченіе знаменитой въ своемъ родѣ Блаватской. Эта интереснѣйшая книга (переведенная, къ слову сказать, на англійскій языкъ) даетъ опредѣленное понятіе и о мистицизмѣ Соловьева, и его способностяхъ изслѣдователя, и вмѣстѣ съ тѣмъ о его художественномъ талантѣ, потому что Блаватская здѣсь не только разоблачена, но и увѣковѣчена въ чрезвычайно яркихъ и живыхъ краскахъ. Работа, которую задалъ себѣ Соловьевъ, выводя на свѣжую воду продѣлки умной и ловкой «волшебницы», была трудная и неблагодарная. По складу своихъ воззрѣній, В. С. желалъ, конечно, не изобличенія Блаватской, а наоборотъ подтвержденія подлинности всѣхъ «феноменовъ», которыя она демонстрировала.

Да, Соловьевъ безспорно былъ мистикомъ, но это нисколько не мѣшало ему мыслить въ высшей степени трезво и положительно. На мистической точкѣ зрѣнія онъ утвердился, какъ на точкѣ высшей, съ которой открываются горизонты болѣе широкіе, чѣмъ доступные простому глазу, и съ которой люди кажутся менѣе ничтожными или великими, а ихъ дѣла заслуживающими меньшаго осужденія или восторга.

При господствующей у насъ партійности, никакъ не обойти вопроса, къ какой партіи принадлежалъ Всеволодъ Сергѣевичъ.

Самъ онъ на это отвѣчалъ: «ни къ какой партіи я не принадлежу, и міросозерцаніе мое вполне укладывается въ старую формулу—истина, добро, красота».

Можно сказать и иначе. Соловьевъ принадлежалъ къ той неорганизованной, въ одиночку по Русской землѣ разсѣянной партіи, которую слѣдовало бы назвать партіей истинно просвѣщенныхъ русскихъ людей. Именно, въ силу своей дѣйствительной просвѣщенности, они чужды всякой партійной мелочности, исключительности и нетерпимости, и одинаково далеки какъ отъ хвастливаго фрондерства, такъ и отъ расчетливаго угодничества. Въ ихъ глазахъ все скверное скверно не потому, что «либерально» или «консервативно», а потому, что мѣшаетъ правильному теченію жизни, приноситъ людямъ нравственное и матеріальное зло, вредитъ литературѣ, искусству и наукѣ.

Разумѣется, вопросы нашей «внутренней политики» интересовали Соловьева, порою глубоко волновали, но всею душою онъ отдавался преимущественно вопросамъ «высшаго порядка», касающимся завѣтныхъ для него областей.

Послѣдніе годы Вс. С. писалъ мало, и новыхъ крупныхъ его произведеній (исключая неоконченнаго романа «Цвѣты бездны») въ печати не появлялось. Замыселъ послѣдняго романа былъ грандіозный. Подмѣтивъ въ извѣстной части русскаго общества увлеченіе нищестанствомъ, Соловьевъ увлекся возникшимъ въ его пред-

ставленіи образомъ русскаго послѣдователя Ницше. Герой «Цвѣтовъ бездны» долженъ былъ рѣшительно и убѣжденно стать «по ту сторону добра и зла», проявивъ громадную силу ума и воли, осуществивъ труднѣйшіе планы, подсказанные ему безграничнымъ себялюбіемъ и самообожаніемъ («будьте, какъ боги») и, наконецъ, полетѣть въ «бездну», увлекая за собою все зданіе «сверхчеловѣческой» философіи, построенное полу-геніальнымъ, полу-безумнымъ мыслителемъ на старой аморальной почвѣ. Съ этою задачей Соловьевъ справился бы великолѣпно, она захватывала его полно и властно. Къ сожалѣнію, препятствовали внѣшнія обстоятельства. Всеволодъ Сергѣевичъ хотѣлъ не только написать романъ, но и напечатать его. Прежде всего возникалъ вопросъ: гдѣ напечатать? а затѣмъ и другой: стоитъ ли печатать, кому будетъ тепло или холодно отъ подобнаго художественнаго произведенія? Симпатіи большинства читающей публики обращены въ опредѣленную сторону. Успѣхъ имѣютъ исключительно беллетристическія мелочи, проникнутыя странными тенденціями ухарскаго босячества и не останавливающагося ни передъ чѣмъ хулиганства. Романъ Соловьева несомнѣнно оказался бы «противъ теченія». Значить—борьба, разжиганіе страстей, а въ результатѣ тучи ядовитыхъ стрѣлъ или, что еще хуже, злобное, пренебрежительное молчаніе. Писатель, и безъ того справедливо жаловавшійся, что его не понимаютъ и ненавидятъ, имѣлъ основанія смущаться передъ такою нерадостной перспективой.

Въ одномъ изъ некрологовъ В. С. Соловьева было указано, что покойный «признавалъ вредное вліяніе высокодаровитаго *Θ. М. Достоевскаго* на молодежь».

— «Преступленіе и наказаніе», — говорилъ онъ, — вещь почти геніальная, но Раскольниковъ, русскій сверхчеловѣкъ, имѣлъ несомнѣнное вліяніе на нашихъ психопатовъ и психопатокъ.

Не спорю, что послѣдняя фраза принадлежитъ Вс. С., но чтобы онъ признавалъ Достоевскаго «вреднымъ» писателемъ... Нѣтъ, здѣсь явное недоразумѣніе. Въ качествѣ предсѣдателя постоянной комисіи народныхъ чтеній, Соловьевъ издалъ, между прочимъ, брошюру, посвященную жизнеописанію и литературной дѣятельности Достоевскаго. Онъ хотѣлъ познакомить народъ съ авторомъ «Преступленія и наказанія», «Мертваго дома» и «Братьевъ Карамазовыхъ». Первому изъ названныхъ романовъ удѣлено въ этой брошюрѣ едва ли не самое видное мѣсто. Ничего подобнаго не могло бы случиться, если бы Достоевскій казался Вс. С. романистомъ «вреднаго направленія». Въ приведенной выше фразѣ говорится о «психопатахъ и психопаткахъ». Развѣ за психопатовъ и психопатокъ можно ручаться? Они способны изъ чего угодно сдѣлать самое негодное и отвратительное употребленіе. При чемъ же тутъ писатель?

Другой некрологистъ отмѣчаетъ «первическій пессимизмъ» Вс. С., его «разочарованность въ жизни и людяхъ». «Кто жилъ и мыслилъ», тотъ, конечно, и разочарованія испытывалъ, и падалъ духомъ, и терялъ временно вѣру въ жизнь и людей. Но человекъ съ міросозерцаніемъ Соловьева не могъ быть пессимистомъ. Ужъ одно то, что каждая новая встрѣча съ новымъ человекомъ пробуждала въ Вс. С. живой и доброжелательный интересъ, доказываетъ неосновательность указанной характеристики. А вотъ это правда: «сквозь раздражительность, вспыльчивость и кажущуюся гордость» только слѣпецъ не подмѣтилъ бы въ Соловьевѣ «любящей, прямой, ищущей свѣта и изстрадавшейся души».

Касаться въ подробностяхъ литературной дѣятельности Всеволода Сергѣевича я не буду, тѣмъ болѣе, что въ «Историческомъ Вѣстникѣ» еще недавно была напечатана посвященная ей статья¹⁾. Не имѣлъ я также претензіи дать полную и законченную характеристику покойнаго. О многомъ говорить преждевременно, многое могло ускользнуть отъ моего вниманія или просто остаться мнѣ неизвѣстнымъ. Скажу лишь два слова о его стихотвореніяхъ. Наслѣдникамъ литературной собственности Вс. С. слѣдовало бы теперь же озаботиться ихъ изданіемъ. Соловьевъ не заурядный поэтъ. Поэзія его основана на опредѣленномъ и оригинальномъ мотивѣ. Разработка деталей — мастерская, формою Вс. С. владѣлъ въ совершенствѣ и, слѣдуя завѣтамъ старыхъ художниковъ слова, сумѣлъ придать ей и свѣжесть, и новизну безъ всякихъ украшеній въ современномъ стилѣ.

Крупную утрату понесла русская литература въ лицѣ Соловьева. Были все основанія надѣяться, что онъ еще долго и усердно будетъ ей служить. Воображеніе его вдохновлялось новыми образами. Теперь, конечно, обо всемъ «поконченъ вопросъ».

К. Медвѣдскій.

¹⁾ См. 5-ю книгу за 1901 г.

П. Е. НАКРОХИНЪ.

I.

ПИСАТЕЛЬ и просто человекъ—такъ рѣдко сливаются въ гармоническое цѣлое. Часто писатель живетъ одними идеалами, человекъ—другими. И въ обоихъ случаяхъ нельзя говорить о неискренности, о противоестественномъ раздвоеніи личности. Лучше всего разъяснилъ эту странность Пушкинъ въ своемъ «Поэтѣ». Развѣ поэтъ лукавитъ, когда «дикій и суровый, и звуковъ, и смятенья полнъ» бѣжитъ «на берега пустынныхъ волнъ, въ широкошумныя дубровы»? Развѣ отъ него зависитъ, что до призыва къ «священной жертвѣ» «въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ»? Можетъ быть, чѣмъ разнообразнѣе и слѣдовательно ярче, пестрѣе состояніе и настроеніе поэта, тѣмъ больше выигрываетъ творчество. Однако, согласитесь, есть удивительная прелесть въ полномъ и точномъ сочетаніи писателя съ человекомъ. Разумѣется, чтобы понять ее, надо знать достаточно хорошо и того, и другого.

Говорять, такое сочетаніе олицетворялъ собою покойный Накрохинъ. «Прокопій Егоровичъ, — рассказываетъ о немъ г. Меньшиковъ, — былъ джентльменъ съ головы до ногъ, — ни единой черточки чего нибудь непорядочнаго я не подмѣтилъ въ немъ за всѣ тринадцать лѣтъ знакомства. Есть всякіе писатели. Отъ знаменитаго (уже покойнаго) философа и моралиста я не разъ слыхалъ сальныя анекдоты. Отъ поэтовъ и публицистовъ слыхалъ площадную брань... Но даже въ пуритански-строгой «Недѣлѣ» Накрохинъ выдавался какимъ-то благочестіемъ своего тона и языка. Нельзя даже и представить себѣ, чтобы о комъ нибудь онъ отозвался

дурно, осудилъ бы когонибудь. Какъ бы чувствуя, что отсутствующій защищать себя не можетъ, Накрохинъ былъ на сторонѣ отсутствующаго, онъ инстинктивно подыскивалъ смягчающія обстоятельства, бросалъ на дѣло лучъ своего невиннаго юмора, и въ свѣтѣ его все казалось заслуживающимъ сочувствія. Казалось—

Миръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и омытъ...

Неистошимая доброта сердца сочеталась въ Накрохинѣ съ большимъ уомъ».

Уже этихъ чертъ достаточно, чтобы въ вашемъ представленіи создался обаятельный образъ человѣка, — настоящаго русскаго писателя, какимъ онъ мерещится въ идеалѣ.

Вы берете небольшую книжку рассказовъ Накрохина, внимательно прочитываете ихъ одинъ за другимъ, и прекрасный образъ вырисовывается еще отчетливѣе и полнѣе.

Кто лично зналъ Накрохина, тотъ не могъ его не любить, а любя не могъ не преувеличивать размѣровъ таланта чуднаго человѣка и симпатичнаго беллетриста. Въ извѣстныхъ условіяхъ подобное преувеличеніе законно и трогательно. Но когда о писателѣ есть что сказать «за», то критикѣ не приходится страшиться высказать и кое-что «противъ».

Накрохинъ принадлежалъ къ писателямъ второго ранга, участіе которыхъ въ литературѣ очень полезно, очень цѣнно, но замѣтно лишь привычному глазу. Здѣсь, мнѣ кажется, объясненіе того обстоятельства, что Накрохинъ, начавшій литературную дѣятельность въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность лишь къ концу 90-хъ. «Чтобы сдѣлать себѣ «карьеру» въ печати,—говоритъ г. Меньшиковъ,—нынче нужно окунуться съ головою въ лужу журнализма, примкнуть къ крайней партіи, записаться въ «союзы», бывать на митингахъ нашихъ и обѣдахъ, ухаживать за либеральными дамами и «вождями». Все это скучно и глупо, и Накрохинъ былъ слишкомъ порядоченъ для всего этого. Исключительно по этой причинѣ, единственно по этой, онъ не приобрѣлъ всероссійской извѣстности».

Въ словахъ г. Меньшикова не мало правды, но относительно Накрохина, думается мнѣ, дѣло не могло обстоять иначе, чѣмъ обстояло.

Каждая дутая знаменитость непременно содержитъ въ себѣ нѣчто бьющее въ носъ. За это и цѣпляются хвалители, чтобы нашумѣть хоть на короткій срокъ. А въ Накрохинѣ ничего бьющаго въ носъ не было. Вспомните, какъ охарактеризовалъ его самъ же г. Меньшиковъ, и вы убѣдитесь, что о феерической «карьерѣ» писателя, подобнаго Накрохину, смѣшно говорить. «Не-

истоцимая доброта сердца», красной нитью протянувшаяся черезъ всю его жизнь, такую же нитью прошла и черезъ всѣ его произведенія. Ни одного «крика» не издалъ Накрохинъ,—гдѣ же ему было собрать вокругъ себя изумленную и ошарашенную толпу? Онъ не будировалъ, не фрондировалъ, не билъ на эффектъ,

Прокопій Егоровичъ Накрохинъ.

не сгущалъ красокъ, не щекоталъ нервовъ специфическими впечатлѣнiями, не подмигивалъ, не порочилъ отсутствующихъ. Всѣ эти якобы отрицательныя качества въ сущности—великiя добродѣтели, одинаково свидѣтельствующiя о благородствѣ ума и сердца. Но вѣдь трудно назвать «товаръ», менѣе ходкiй по нынѣшнему времени.

Накрохинъ, вѣроятно, сознавалъ это въ глубинѣ души. Писатель старой школы, старыхъ завѣтовъ и традицiй, онъ не хотѣлъ тащиться «на рынокъ», «гдѣ сбытъ малеванному хламу». При всей его изумительной скромности, отсутствiе успѣха и неизвѣстности,

конечно, не могли доставлять ему удовольствія. Но покупать славу тою цѣной, которою она сплошь и рядом покупается въ наши дни, онъ никогда не согласился бы именно вслѣдствіе глубокой любви и глубокаго уваженія къ литературѣ. Или не нужно славы, или она должна прійти сама собою, естественнымъ путемъ, какъ приходила къ прежнимъ писателямъ, не имѣвшимъ понятія о рекламѣ и тѣхъ «поддужныхъ», которые нынче на кривой вывозятъ всякихъ бойкихъ и развязныхъ «знаменитостей».

Я, можетъ быть, слишкомъ долго останавливаюсь на подробностяхъ, представляющихъ интересъ не для каждаго читателя. Но эти подробности даютъ ключъ къ пониманію Накрохина.

Его книжку — «Идилліи въ прозѣ» — мнѣ довелось прочитать сразу, отъ начала до конца. Не скажу, чтобы Накрохинъ меня увлекъ или очаровалъ. Той рѣзкой силы таланта, которая властно приковываетъ вниманіе, въ немъ не было. Не было и искусства захватить читателя цѣликомъ и хотя бы на короткій срокъ заставить его, отрѣшившись отъ собственнаго взгляда, посмотреть на жизнь и людей глазами самого рассказчика. Нужно думать, что и здѣсь скромность Накрохина играла большую роль. Да и герои его — люди скромные, маленькіе.

Вотъ «Странникъ», передающій случайнымъ слушателямъ нѣкоторые эпизоды изъ своей жизни. Посидѣлъ онъ и въ тюрьмѣ, потому что дѣваться было некуда, а кровь и пища, понятно, были нужны. Тутъ дѣло едва не приняло серьезнаго оборота: человѣка заподозрѣли въ убійствѣ и чуть не отправили на каторгу. По счастью, оказалось не трудно установить alibi. Такія мытарства странника не возбуждаютъ, однако, особаго интереса. Мало ли бродягъ шляется по святой Руси? Но къ повѣствованію о больничныхъ и тюремныхъ приключеніяхъ странникъ присоединяетъ рассказъ о романѣ, перевернувшемъ вверхъ дномъ всю его жизнь, и вдругъ этотъ незнакомый, случайный человѣкъ, который за минуту до того неизвѣстно откуда пришелъ и, минутой спустя, неизвѣстно куда уйдетъ, становится для васъ интереснымъ, понятнымъ, близкимъ. Рассказъ конченъ, «странникъ пошелъ по дорогѣ», а звуки его рѣчи продолжаютъ дрожать въ воздухѣ. И вы ясно ощущаете, что все подлинно человѣческое, какимъ бы ничтожнымъ ни казалось, въ существѣ своемъ серьезно и значительно; что не можетъ оно исчезать безслѣдно, хотя бы его слѣдъ былъ слабъ и едва различимъ.

Не знаю, справедливо ли назвать Накрохина индивидуалистомъ (да и не въ кличкахъ дѣло), но каждый его очеркъ имѣетъ своимъ предметомъ не событія, не рядъ явленій, характерныхъ для массы или для извѣстной группы людей, а преимущественно одного человѣка,

Писатель перевоплощается въ него и совершающееся кругомъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія даннаго лица. Форма повѣствованія — объективная и, тѣмъ не менѣе, лирика бьетъ ключомъ. Это лирика, опять повторяю, маленькаго скромнаго человѣка, загнаннаго, въ буквальный и переносномъ смыслѣ слова, въ тѣсный и темный уголъ. Предметъ, какъ видите, не новый. Въ беллетристикѣ онъ разрабатывается обыкновенно такимъ образомъ, что болѣе или менѣе благополучный читатель, если и не отказывается вѣрить въ возможность существованія столь обездоленныхъ людей, то во всякомъ случаѣ испытываетъ недоумѣнїе: да чего же ради тянутъ они подобную лямку, чѣмъ скрашивается ихъ горькая участь, за что они цѣпляются въ жизни?

Недоумѣнїе вполне естественное. Правда, сытый не всегда разумѣетъ голоднаго, однако вѣрно и то, что «жить черезъ силу» человѣкъ способенъ только до поры до времени и до извѣстнаго предѣла. За предѣломъ — или «дно», или мутныя воды какойнибудь городской рѣченки, или петля. Такихъ трагическихъ финаловъ мы у Накрохина не найдемъ. Зная и необыкновенно живо чувствуя людское горе, онъ любовно ловитъ каждую искорку свѣта и старается раздуть ее хоть въ слабое, но все-таки могущее до извѣстной степени разогнать «сумракъ жизни» пламя.

Я отмѣтилъ лирической характеръ рассказовъ Накрохина и настаиваю на этомъ.

Чѣмъ глубже и совершеннѣе лирическое стихотвореніе, тѣмъ больше даетъ оно простора вашему настроенію и воображенію. Вы невольно продолжаете, такъ сказать, поэта, комментируете, варьируете. То же и у Накрохина. Возьмемъ, на примѣръ, рассказъ «Воръ». Содержаніе его не сложно. Сидитъ въ трактирѣ горемычный джентльмэнъ, снѣдаемый пламеннымъ желаніемъ выпить. Но нѣтъ ни денегъ, ни кредита. Въ тотъ же трактиръ заходитъ мастеровой. Онъ слышитъ препирательства горемычнаго джентльмена съ буфетчикомъ, и сочувствіе его клонитъ на сторону «образованнаго человѣка, до такой степени стѣсненнаго въ средствахъ». Завязывается бесѣда, появляется водка, — «образованный человѣкъ» оказывается актеромъ безъ занятій. Слѣдуетъ трогательный рассказъ о «разбитой жизни». Ничего нѣтъ въ немъ новаго, «оригинальнаго». Учился юноша въ технол оическомъ институтѣ, покупивалъ. Сошелся съ какою-то «Гарпиной» отъ Марцинкевича и женился на ней по пьяному дѣлу. Отецъ предоставилъ его собственной участи. «Сначала все закладывалъ да продавалъ», потомъ уже «ни закладывать, ни продавать стало нечего». «Хлѣба на двѣ копейки купить не въ состояніи». А тутъ у молодыхъ супруговъ родился сынъ. Счастливый случай помогъ нашему герою устроиться «на мѣсто» — приказчикомъ «въ магазинѣ медицинскихъ

инструментовъ». Остепенился юноша, бросилъ пить, «совершеннымъ семьяниномъ и бургеромъ сдѣлался». Но благополучіе длилось недолго. Добрые знакомые подвели простака, онъ лишился мѣста и опять попалъ въ тиски. На этотъ разъ выручила его склонность къ театру: «Градовъ-Леонскій на сцену попалъ!». Между тѣмъ нужда и непосильная работа въ конецъ распатали здоровье Гарпины. Стала она, «точно тѣнь, и голосъ совсѣмъ пропалъ: говорить шопотомъ, съ передышкой».

Дальнѣйшій разсказъ Градова необходимо привести дословно. «Вижу, — разсказывалъ онъ, — что смерть подходитъ. Какъ такъ, думаю, однако: не можетъ быть! Чудовищное явленіе какое-то, неслыханное, переварить никакъ не могу... Такъ почти до конца все надѣялся... Но пришелъ, однако, день, когда ужъ никакой надежды не стало. Проснулся утромъ, поднялся; скверно какъ-то и въ башкѣ, и на сердцѣ было. Дождь барабанить въ стекла. Жена лежитъ, притихла. Я подошелъ къ ней, поцѣловалъ ее, говорю: «ухожу на репетицію, до свиданія!». Она посмотрѣла на меня, взяла меня за руку и шепчетъ: «прощай, мой милый, надо намъ съ тобой разставаться»... Тутъ у меня сразу и сердце, и дыханіе захватило... Ну, значитъ, конецъ настаетъ... А она плачетъ: «Рано я ухожу, охъ, какъ рано!... жить хочется»... Заплакала... «Ну, да что дѣлать, говорить, прощай!... Спасибо тебѣ за все: съ тобой я свѣтъ увидѣла»... Тронули эти слова меня до крайности: чувствую, что вотъ разревусь, какъ баба... И гдѣ она, бѣдная, свѣтъ видѣла?... Пропоецъ я и мерзавецъ, отребье челоуѣчества. А она не такъ думала. Шепчетъ мнѣ: «будь всегда такой же добрый и великодушный, какимъ я тебя знала»... Смотритъ на меня пристально, молчитъ да руку мою хочетъ покрѣпче сжать, а силы-то ужъ никакой нѣтъ... Смотритъ на меня, точно любитъ, и о себѣ забыла: вижу, что обо мнѣ думаетъ. Спрашиваетъ: «что у тебя сегодня идетъ?» я, пока молчалъ, — все крѣпился; а какъ пришлось отвѣчать, только проговорилъ: «Дядюшкинъ фракъ и тетюшкинъ капоть», — да какъ зарыдалъ!... Какъ начало меня хлестать!... Припалъ я къ ней и ужъ не помню, что со мной было.

«Онъ замигалъ усиленно, полѣзъ за платкомъ въ задній карманъ сюртука и, не найдя тамъ платка, вытеръ глаза пальцами.

«— Савва! Напой меня, чтобы память отшибло! Къ чему я жизнь свою несчастную сталъ разсказывать!... За кого она, бѣдная, меня считала, а кто я? и до чего я дошелъ! Груня! Груня! если бы ты знала!»...

А дошелъ несчастный челоуѣкъ дѣйствительно уже «до предѣла». Послѣ смерти жены онъ, очевидно, опять запьянствовалъ во всю и очутился съ ребенкомъ буквально на улицѣ. Выгнали его изъ угла. Денегъ на ночлегъ не было. Цѣлую ночь онъ на рукахъ, въ Екатерингофѣ, сынишку таскалъ. Утромъ ребенокъ проснулся,

просить ѣсть... Идутъ они по аллеѣ, «а въ сторонкѣ, на травѣ, пьяный мастеровой лежитъ, и часы у него изъ кармана выглядываютъ». Ну, и «стянуть часы».

Случаю угодно было, чтобъ этимъ мастеровымъ оказался тотъ самый Савва, который поилъ «артиста Градова-Леонскаго» и выслушивалъ его горькую исповѣдь. Подобное открытіе не могло, конечно, не произвести на Савву сильнаго впечатлѣнія. Оказало оно свое дѣйствіе и на охмелѣвшаго актера. Пробовалъ онъ и оправдываться, и себя «отчитывать», и въ концѣ концовъ удалился изъ трактира, видимо задѣтый за живое неожиданнымъ приключеніемъ. Савва, поборовшій въ себѣ мысль, что «все-таки это воръ, при томъ укравшій его собственные часы» и поддавшійся чувству разомъ охватившей его жалости, бросился вслѣдъ за актеромъ, но тотъ уже скрылся въ полумракѣ весенней петербургской ночи.

«Воръ»—одинъ изъ наиболѣе удачныхъ и типичныхъ рассказовъ Накрохина. Безъ всякихъ ухищреній и подтасовокъ здѣсь раскрывается и глубина будничнаго, обыденнаго человѣческаго горя и глубина такой же будничной и обыденной человѣческой жалости. Какъ ни печаленъ аккордъ, завершающій исторію Градова-Леонскаго, тѣмъ не менѣе это аккордъ примирительный, и отзвукъ его, мнѣ кажется, не можетъ не сохраниться на долгое время въ душѣ обоихъ героевъ. «Воръ» не разъ вспомнитъ Савву, съ такимъ участіемъ выслушавшаго его печальную повѣсть и простившаго ему кражу часовъ. Если въ душѣ горемыки еще не все оборвалось,—а есть надежда, что не все: онъ любитъ ребенка, онъ хранить живую, трогательную память о женѣ,—то вѣдь мыслимо представить, что этотъ знаменательный вечеръ въ трактирѣ не пройдетъ безслѣдно и послужитъ толчкомъ къ возвращенію Градова на «путь истинный». Я, разумѣется, не стану утверждать, что такая метаморфоза вполне вѣроятна, но развѣ не велика и не дорога возможность ея? Развѣ слабый лучъ надежды, которую авторъ не отнимаетъ отъ насъ, не озаряетъ благороднаго, рыцарскаго довѣрія къ человѣку? Градовъ-Леонскій палъ низко, но еще остается въ немъ что-то, еще не умерла въ немъ душа. А пока не умерла душа, не можетъ, не должна умирать надежда.

Относительно Саввы дѣло, конечно, ясно. Онъ молодъ, у него доброе сердце, и мысль работаетъ правильно. Ему встрѣча съ Градовымъ и приключеніе съ часами несомнѣнно открыли многое. Отзывчивый и доступный чувству глубокаго состраданія, онъ и такъ не прошелъ бы равнодушно мимо чужого страданія. А тутъ ему воочію случилось видѣть, до чего человѣкъ можетъ быть изломанъ жизнью, до чего доводятъ горе, нужда и неустойчивость, и какой неожиданный смыслъ способны порою приобрѣтать явленія, кажущіяся намъ воплѣтъ опредѣленными и не допускающими двойной оцѣнки.

Особенно бросается въ глаза то обстоятельство, что Накрохинъ не оправдываетъ своего «вора», не придумываетъ въ извиненіе его никакой «сверхморали». Нѣтъ, кража остается кражей, воръ—воромъ. Это сознаетъ самъ Градовъ, это чувствуетъ Савва, это очевидно и для читателя.

II.

Большимъ достоинствомъ Накрохина является, съ одной стороны, его прямой, здоровый, нелицемѣрно-нравственный взглядъ на жизнь и людей, съ другой—простота и безыскусственность художественныхъ приемовъ. Въ отношеніи послѣднихъ нашего автора можно даже упрекнуть, что онъ не умѣетъ показывать товаръ лицомъ и старательно избѣгаетъ всего эффектнаго. Эффектное и кричащее—въ его глазахъ одно и то же. Отсутствіе «лишнихъ украшеній» порою обезцвѣчиваетъ рассказы Накрохина. Чтобы оцѣнить ихъ по справедливости, въ нихъ надо внимательно вчитываться, а это уже составляетъ трудъ, который не всегда съ охотою задаетъ себѣ читатель. Бредитъ также впечатлѣнію ненужная, т.-е. чисто формальная, законченность иныхъ рассказовъ. У Накрохина, какъ я уже говорилъ, интересенъ не сюжетъ, а герой, важенъ не ходъ дѣйствія, а раскрывающаяся изъ него душа человѣка. Но писатель старой школы видимо не признавалъ вошедшей нынѣ въ моду эскизности, бьющей на эффектъ и очень часто прикрывающей неспособность свести въ художественномъ отношеніи концы съ концами. Тѣмъ не менѣе двѣ-три заключительныхъ страницы оказываются иногда лишними у Накрохина и даже плохо согласованными съ предшествующими, напримѣръ, въ рассказахъ «Талисманъ» и «Толпа именинница». Это не мѣшаетъ, однако, и обоимъ названнымъ рассказамъ занимать почетное мѣсто въ небольшой книжкѣ Накрохина.

Рассказъ «Талисманъ» свидѣтельствуетъ о привлекательномъ, чрезвычайно безобидномъ юморѣ автора.

Главное дѣйствующее лицо—бойкій и азартный мастеровой Тезкинъ, далеко не равнодушный къ житейскимъ благамъ, которыхъ ему хотѣлось бы достигнуть легкимъ и скорымъ путемъ, напримѣръ, выигравъ крупный кушъ на скачкахъ или натолкнувшись на цѣнную находку. Но чѣмъ пламеннѣе желаніе Тезкина, тѣмъ безнадежнѣе ему не везетъ. И вдругъ счастливый случай посылаетъ азартному человѣку «талисманъ»—веревку съ шеи удавленника. Заручившись этимъ «талисманомъ», Тезкинъ отправляется на скачки, ставитъ на совершенно неизвѣстную ему лошадь десять рублей и выигрываетъ двѣсти тридцать шесть. Выигрышъ, правда, не пошелъ въ прокъ. Въ какомъ-то веселомъ вертепѣ Тезкина обобрали и вдобавокъ такъ «отдѣлали», что нашъ счастливый игрокъ угодилъ въ больницу.

Это неблагопріятное обстоятельство нисколько, однако, не умѣрило страсти Тезкина и не подорвало его вѣры въ талисманъ. Выйдя изъ больницы, онъ направо и налево рассказывалъ о своемъ «счастьѣ» и хвасталъ чудодѣйственной веревкой. Всѣ жильцы дома, гдѣ обиталъ бойкій мастеровой, были поставлены въ извѣстность относительно «талисмана». Особенно заинтересовался имъ старьевщикъ татаринъ. Воспользовавшись отсутствіемъ Тезкина, онъ пробрался къ нему на квартиру и подмѣнилъ веревку: «магическую» взялъ себѣ, а свою, схожую, оставилъ Тезкину.

Вечеромъ того же дня въ дворницкой состоялась, при участіи Тезкина и татарина, игра въ стуколку. Оба засѣли за карты «съ безпредѣльной, непоколебимой вѣрой въ свое счастье». «У Тезкина въ карманѣ была веревка—и у татарина веревка. Татаринъ зналъ, что онъ обыграетъ всѣхъ дочиста, и Тезкинъ зналъ, что всѣ, кромѣ него, проиграются въ пухъ».

Но на сей разъ «талисманъ» выкинулъ особую штуку: удача повалила не тому, у кого онъ находился въ карманѣ, а тому, кто владѣлъ имъ ранѣе и по праву: татаринъ не только лишился послѣднихъ денегъ, но даже спустилъ весьма необходимую принадлежность туалета. Тезкинъ ликовалъ и, вѣроятно, окончательно помѣшался бы на своемъ «талисманѣ», если бы опять не выручилъ случай. Проигравшійся старьевщикъ съ отчаянія повѣсилъ, но, къ счастью, его во время вынули изъ петли и «отходили». Тяжелыя минуты пережилъ Тезкинъ, узнавъ о происшествіи и находясь въ неизвѣстности, удалось или не удалось «отходить» татарина. Развязку вы уже можете предугадать: Тезкинъ возвратилъ старьевщику выигранныя у него деньги, а «счастливую петлю» отдалъ своей квартирной хозяйкѣ. Съ «талисманомъ» было покончено навсегда.

Здѣсь опять таки звучитъ глубоко-человѣческая, примиряющая нотка. Въ лицѣ Тезкина передъ нами нравственно-здоровый человѣкъ, напоминающій своей «душевностью» Савву. Азартность и алчность очевидно являлись въ его натурѣ наносными элементами. Конечно, онъ жаждалъ удачи, «счастливаго случая», но когда судьба послала ему этотъ «случай»,—отлично понялъ, какое заключается въ немъ «счастье». При иной разработкѣ сюжета, рассказъ свелся бы къ грошевой, прописной морали. Дѣйствительно, выигралъ Тезкинъ въ первый разъ (на скачкахъ)—его обокрали и избили. Выигралъ во второй—человѣкъ съ горя въ петлю полѣзъ. Стоитъ ли выигрывать для того, чтобы самымъ нелѣпымъ и обиднымъ образомъ лишиться денегъ? Можно ли выигрывать, когда потомъ за выигрышъ приходится расплачиваться тяжкими угрызеніями совѣсти? Если бы подобные вопросы заняли центральное мѣсто въ рассказѣ, онъ, естественно, приобрѣлъ бы лубочно-назидательный и мелко-тенденціозный характеръ. Но Тезкинъ бросаетъ игру и отказывается отъ «талисмана» не въ силу сообра-

женій, подсказываемыхъ благоразуміемъ. Не умъ его, а сердце сдѣлало выводъ, подчиняясь которому онъ сошелъ съ пути азарта и хищническаго стяжанія. Тезкинъ—не резонеръ и не моралистъ. Это просто нравственно-здоровый человѣкъ, и таково большинство героевъ Накрохина. Онъ изображаетъ «бывшихъ людей», обездоленныхъ горемъ, задавленныхъ собственными слабостями и неблагоприятными внѣшними обстоятельствами, и нигдѣ не замѣчается у него стремленія поставить ихъ на пьедесталъ, сложить отвѣтственность съ больной головы на здоровую, изобразить босняка героемъ, достойнымъ поклоненія. Накрохинъ неколебимою любовью любитъ человѣка, и нѣтъ для него ничего болѣе страшнаго, какъ утратить вѣру въ человѣка. Поэтому-то онъ съ рѣдкимъ тщаніемъ и прозорливостью анализируетъ погибшую будто бы душу и радостно отыскиваетъ въ ней проблески не окончательнаго заглохшей совѣсти, не окончательно утраченнаго пониманія добра. Оттого рассказы этого умнаго и въ высшей степени симпатичнаго писателя оставляютъ хотя и грустное порою, но всегда умиротворяющее впечатлѣніе. Накрохинъ знаетъ цѣну внутреннему равновѣсію и дорожитъ имъ. Умудренный большимъ житейскимъ опытомъ, онъ чуждъ унылаго пессимизма и хранитъ твердое убѣжденіе, что «только истинѣ побѣда суждена, что ложь не устоитъ передъ ея сіяніемъ, что даль грядущаго прекрасна и ясна».

Г. Меньшиковъ передаетъ замѣчательныя подробности о похоронахъ Накрохина. Отпѣвали его за общею обѣдней. Рядомъ съ гробомъ писателя «стояли два чьи-то дѣтскіе крохотные гробики, розовый и бѣлый. До чего это вышло трогательно, и представить себѣ нельзя. Душа его, невинная, какъ у ребенка, пошла точно окруженная херувимами, среди молитвы бѣдняковъ».

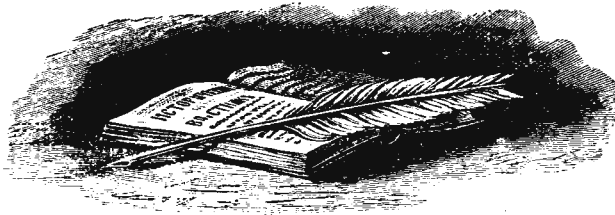
Это словно изъ какого нибудь рассказа Накрохина,—до такой степени въ его духѣ, въ строгомъ согласіи со всѣмъ тѣмъ, что мы знаемъ о немъ. Не обидною, а трогательною бѣдностью отличались похороны бытописателя «маленькихъ людей». Вѣроятно, и самъ онъ ничего лучшаго не пожелалъ бы.

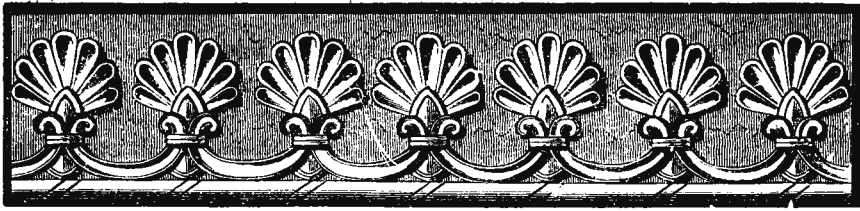
Но вотъ съ чѣмъ нельзя мириться и что безконечно возмущаетъ душу — это обездоленность, жертвою которой палъ Накрохинъ. Повторилась старая исторія. Писатель, способный сдѣлать честь любой литературѣ, всю жизнь перебивается съ хлѣба на квась, голодаетъ, оканчиваетъ скорбные дни въ психиатрической больницѣ. Честное и талантливое перо оказывается не въ состояніи даже скромно прокормить подвижника литературы. И чѣмъ строже это подвижничество, тѣмъ незамѣтнѣе проходитъ оно для общества.

Здѣсь уже и самъ Накрохинъ врядъ ли сумѣлъ бы отыскать нѣчто примиряющее и успокоивающее. Вѣдь, какъ хотите, «его

примѣръ другимъ наука». Нужно слишкомъ много мужества, самостоятельности и духовныхъ силъ, чтобы такъ идти литературнымъ путемъ, какъ шелъ Накрохинъ. Мудрено ли, что нынѣшній даровитый писатель «фокусничаетъ», придумываетъ бьющія въ носъ эффекты, старается нашумѣть. Никому не хочется «пропадать въ неизвѣстности и пресмыкаться въ нищетѣ», а, не пускаясь на хитрости, ни той ни другой, очевидно, не избѣжишь.

К. Петровъ.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ Г. МИТАВѢ.

ОВРЕМЕННАЯ МИТАВА, бывшая столица Курляндскаго герцогства, по своему внѣшнему виду ничѣмъ не напоминаетъ о своемъ многовѣковомъ прошломъ. Нѣтъ въ ней ни узкихъ улицъ, ни стремящихся къ небу великановъ-домовъ съ древними датами на фасадахъ, какъ у сосѣдки ея—Риги, только кирпичи и костель да кое-гдѣ дома со страшно покатыми черепичными крышами говорятъ о старыхъ временахъ города. Но если наружный видъ современной Митавы и обманетъ съ перваго взгляда ожиданія прїѣзжаго археолога, за то, если онъ пробудетъ въ городѣ нѣсколько дней, то не пожалѣетъ о потраченномъ времени. Бироновскій замокъ съ кое-какими вещами того времени, склепъ съ останками курляндскихъ герцоговъ и герцогинь, интереснѣйшій герцогскій архивъ, замѣчательная библиотека мужской гимназіи, вывезенная изъ Германіи герцогомъ Петромъ Бирономъ, курляндскій провинціальный музей съ значительной естественной коллекціей и со множествомъ древностей (раскопокъ, оружія, гравюръ, картинъ, монетъ, медалей и т. д.), которымъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не составлено никакого каталога (даже на нѣмецкомъ языкѣ), находящаяся на католическомъ кладбищѣ могила аббата Эджеворта, благословившаго предсмертныя минуты Людовика XVI, лютеранская церковь св. Троицы, вотъ что уже можетъ заинтересовать на первое время прїѣзжаго. Но это еще не все. Если ему удастся завязать прочныя знакомства съ мѣстной аристократіей и проникнуть въ ея дома въ городѣ и въ помѣстьяхъ, то онъ увидитъ много еще болѣе любопытнаго. Въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ курляндскіе ба-

роны, строгіе хранители семейныхъ традицій и памятныхъ предметовъ, сберегли отъ бурь и волненій «добраго стараго времени» и благоговѣнно хранятъ до сей поры массу фамилныхъ документовъ, родословныхъ книгъ, фарфора, серебра и другихъ реликвій. Эти историческія сокровища, недоступныя въ обыкновенное время для обзора, только изрѣдка являются на свѣтъ. Поэтому любители и археологи должны быть очень признательны судьбѣ за всякій счастливый случай, когда эти фамилныя баронскія драгоценности являются на обозрѣніе простыхъ смертныхъ. Открывшаяся въ Митавѣ въ октябрѣ этого года геральдическая выставка является однимъ изъ такихъ «счастливыхъ случаевъ». Выставка устроена по инициативѣ предсѣдателя отдѣленія генеалогіи, геральдики и сфрагистики Курляндскаго общества литературы и искусства барона А. фонъ-Радена, предложившаго ознаменовать ея исполнившійся въ февралѣ этого года 10-лѣтній юбилей существованія отдѣленія, но вполнѣ понятная трудность организаци этой—первой въ Россіи—выставки заставила выставочный комитетъ отложить открытіе ея до осени. Теперь, когда выставка доступна для обозрѣнія, приходится удивляться, какъ въ такое короткое время удалось создать такое грандіозное и интересное цѣлое. На выставку были присланы экспонаты не только русскіе, но и заграничныя, изъ общественныхъ собраній и изъ частныхъ; въ общемъ каталогъ описано 2.317 №№, но предметовъ выставлено гораздо больше. Замѣчательна также быстрота изданія каталога. 15-го сентября приступили къ его составленію, 3-го октября рукопись была сдана въ типографію, а 17-го октября—въ день открытія выставки—каталогъ поступилъ уже въ продажу (по 50 коп.).

Необходимость издать каталогъ въ такой короткій срокъ до нѣкоторой степени снимаетъ съ комитета справедливый упрекъ, почему каталогъ (или хотя бы краткій путеводитель по выставкѣ) не изданъ также и на русскомъ языкѣ.

Подъ выставку отведено верхнее помѣщеніе курляндскаго провинціального музея (залъ засѣданій курляндскаго общества литературы и искусства, сѣверная, герцогская и южная комнаты), причемъ его обычныя коллекціи почти цѣликомъ перенесены въ другія комнаты. Осталось только то, что отвѣчаетъ характеру выставки.

На лѣстницѣ, ведущей въ верхнее помѣщеніе музея, расположены украшенныя гербами знамена старой герцогской и городской гвардій, каски, трубы. На верхней площадкѣ обращаютъ на себя вниманіе прелестныя гобелены 1547 г. (изъ Ревеля) и принадлежащіе музею барабаны, арбалеты, знамена, литавры. Первая комната (залъ засѣданій) украшена изображеніемъ на стеклѣ герольда, а наверху—4 картинами—сценами турнировъ балтійскихъ бароновъ, а также множествомъ гербовъ балтійскихъ и ганзейскихъ городовъ. По стѣнамъ развѣшано интересное собраніе картоновъ (41 №№)—

копій съ картинъ на стеклѣ (изображенія австрійскихъ герцоговъ, орденскихъ рыцарей, гербовъ и т. д.). Окна въ другихъ комнатахъ также украшены геральдическими рисунками на стеклѣ.

Весь выставленный матеріалъ можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) геральдика, 2) сфрагистика, 3) нумизматика, 4) генеалогія, 5) примѣненіе этихъ отдѣловъ въ искусствѣ и промышленности и 6) exlibris. (Всѣ эти предметы касаются дворянства всѣхъ 3 прибалтійскихъ губерній, а не только курляндскаго).

1) Въ отдѣлѣ геральдики замѣчательна витрина съ 36 миниатюрными металлическими шлемами. Эта единственная въ своемъ родѣ коллекція принадлежала прежде Г. Майеру фонъ-Майерфельсу, собраніе оружія котораго было распродано въ 1888—1889 г.г. на аукціонѣ. Шлемы принадлежатъ въ настоящее время барону Мюнхгаузену въ Ганноверѣ и передаютъ въ точныхъ до послѣдняго гвоздика копійхъ послѣдовательную исторію шлема. Особенно интересно одно забрало, имѣющее видъ человѣческаго лица. Каждый шлемъ помѣщенъ на отдѣльномъ столбикѣ, нижнюю часть проходящемъ сквозь дно витрины наружу, что даетъ возможность повертывать эти столбики во всѣ стороны.

Довольно обширно собраніе иллюстрированныхъ гербами рукописей XVI и позднѣйшихъ столѣтій и альбомовъ (тоже начиная съ XVI вѣка). Послѣдніе полны всевозможными рисунками изъ жизни того времени и автографами представителей многихъ прибалтійскихъ фамилій.

Замѣчательно собраніе дипломовъ на дворянство и гербы, выданныхъ духовенствомъ, императорами Священной Римской имперіи, пфальцграфами, прусскими, польскими, шведскими королями и русскими государями. Древнѣйшій изъ дипломовъ выданъ въ 1515 году Генриху Весселю епископомъ курляндскимъ. Геральдическая литература насчитываетъ на выставкѣ около 160 №№, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, есть и на японскомъ, есть немного и на русскомъ.

2-й отдѣлъ—сфрагистика самый обширный. Печати имѣются и оригинальныя и въ отпечаткахъ, какъ при документахъ (древнѣйшая отъ 1225 г.), такъ и отдѣльно: гальванопластическіе (собраніе барона Толя), сургучные (въ томъ числѣ шкафъ съ оттисками печатей всѣхъ евангелическихъ церквей въ Россіи), металлические, гипсовые оттиски, наконецъ, фотографическіе и сдѣланные отъ руки снимки. Печати прибалтійскихъ городовъ за различные періоды имѣютъ тоже много представителей на выставкѣ. Есть кое-что и изъ сфрагистической литературы.

3-й отдѣлъ—нумизматика—заключаетъ въ себѣ монеты и медали съ геральдическими знаками. Монеты относятся къ магистрамъ Ливонскаго ордена, епископамъ, курляндскимъ герцогамъ. Отмѣтимъ 5 монетъ съ изображеніемъ императрицы Елизаветы Петровны

и гербовъ Риги и Ревеля. Модели и жетоны касаются различныхъ событій изъ жизни прибалтійскихъ дѣятелей или городовъ (напримѣръ, юбилей профессора Бера 1864 г., смерть барона Будберга 1784 г., серебряная свадьба Гаста 1784 г., митавская выставка 1888 г. и т. п.).

4-й отдѣлъ—генеалогія,—заключаетъ въ себѣ множество родословныхъ древъ и списковъ цѣлаго ряда балтійскихъ фамилій (на деревѣ, бумагѣ, матеріи), отпускныя грамоты, привилегіи, жалованныя грамоты и т. п. Имѣется и значительное число генеалогическихъ рукописей и обширная печатная литература, какъ исторій отдѣльныхъ родовъ, такъ и общаго содержанія. Къ нашему удивленію, мы не нашли среди массы книгъ новѣйшаго труда г. Лудмера: Княжескія, графскія и баронскія фамиліи прибалтійскихъ губерній, вып. I (1902). Кажется, ужъ этой-то книгѣ надо бы занимать на выставкѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Вообще, русская литература представлена довольно скудно.

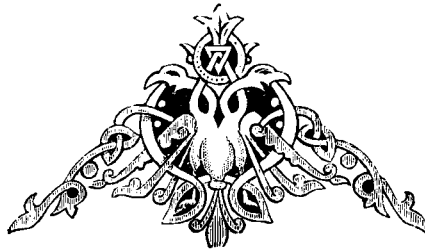
5-й отдѣлъ для посѣтителя неспеціалиста—самый интересный. Здѣсь находится масса старинныхъ и современныхъ (кое-что и продается) металлическихъ, финифтяныхъ, стеклянныхъ, фарфоровыхъ и деревянныхъ издѣлій, по большей части, съ гербами балтійскихъ родовъ. Тутъ и привѣтственные кубки (*Willkommen*), бокалы, молитвенники въ богатыхъ серебряныхъ переплетахъ, кружки, сахарницы, часы, подсвѣчники, табакерки, цѣлые сервизы, оружіе, сундуки, ордена (между прочимъ, курляндскій *l'ordre de la Reconnaissance*, русскій орденъ св. Александра-Невскаго, французскій орденъ почетнаго легіона), металлическія надгробныя эпитафіи, церковный колоколь 1600 года. Отмѣтимъ бокалъ, принадлежащій большой гильдіи въ Ригѣ, на одномъ изъ кожаныхъ футляровъ котораго есть надпись: «*Petrus Magnus anno 1711 d. 18 Novb in Rigā*», на большомъ футлярѣ этого же бокала имѣется другая надпись: «*Auch Kaiser Alexander I trank aus diesem Glase auf das Wohl des Landes, der Stadt und der Bürgerschaft bey der Mittagstafel auf den (sic) Ritterhause in Riga, den 25 Mai 1802*»; затѣмъ интересны фарфоровая чашка съ гербомъ герцога Эрнста Бирона и съ надписью «*Croyez Biron constant dans l'infortune*» (собственность барона А. Фелькерзама въ Петербургѣ), фарфоровый китайскій сервизъ его же. Хороши также работы по кожѣ, обломки изразцовъ изъ Кандавскаго орденскаго замка, чудныя шелковыя алтарныя пелены, скатерти, салфетки и т. п. Лейпцигская фирма Шретера выставила издѣлія изъ картона—коробки для собраній монетъ, печатей, открытыхъ писемъ, библиографическихъ карточекъ и т. д. Интересно собраніе геральдическихъ открытыхъ писемъ, почтовой бумаги, рисунковъ гербовъ, фотографическихъ снимковъ съ надгробныхъ камней, эпитафій, документовъ, орнаментовъ флорентійскихъ церквей и разнаго рода предметовъ.

6-й отдѣлъ—exlibris'ы, размѣщенные отчасти на стѣнахъ, отчасти въ витринахъ и въ спеціальныхъ коробкахъ, а также литература объ exlibris'ахъ: изслѣдованія, сборники, журналы.

Этимъ мы закончимъ нашъ обзоръ выставки.

Созданная кружкомъ балтійскихъ дворянъ-археологовъ, выставка эта, конечно, прежде всего служить для ознакомленія съ тѣмъ, что сдѣлано мѣстными учеными въ сферѣ генеалогіи, геральдики и сфрагистики, но она въ то же время имѣетъ значеніе и для изученія прошлаго балтійскихъ дворянскихъ родовъ, а въ этомъ послѣднемъ смыслѣ она интересна и вообще для историка, обыкновеннаго же посѣтителя выставка можетъ заинтересовать своею чисто художественною стороною.

А. Э. Мальмгрень.

ИНОСТРАНЦЫ О РОССИИ.

РИ ОБИЛИИ книжныхъ новинокъ, появляющихся за границею и могущихъ интересовать русскаго читателя, когда заканчиваешь годовой обзоръ *Rossica* на 12-й книжкѣ журнала, оказываешь предъ читателемъ въ положеніи несостоятельнаго должника, такъ какъ не успѣваешь ему сообщить всего того, что было намѣчено для включенія въ настоящій отдѣлъ. Такъ и теперь мнѣ придется коснуться самыхъ разношерстныхъ книгъ, чтобы сказать слово о литературныхъ явленіяхъ, почему либо особенно любопытныхъ.

Начну я съ двухъ обширныхъ историческихъ трудовъ общаго характера.

1. *Weltgeschichte, unter Mitarbeit hervorragender Fachgelehrten herausgegeben von D-r Hans F. Helmolt. II Hälfte d. VIII Bandes. Leipzig. 1903. Verlag d. Bibliografischen Instituts.*

Громадность литературныхъ матеріаловъ и обследованіе заново по непрестанно открываемымъ наукою новымъ источникамъ необозримаго поля историческаго знанія дѣлаеть уже почти недоступнымъ для силъ единичной личности созидать всеобъемлющія сочиненія по всемірной исторіи. Поэтому за послѣднее время все чаще появляются въ этой области труды сборнаго характера, гдѣ вполнѣ авторитетные ученые ограничиваются, каждый по своей специальности, изложеніемъ того новаго, что добыто путемъ кропотливыхъ изслѣдованій сотенъ и тысячъ ученыхъ, копающихся въ архивахъ и бібліотекахъ всѣхъ культурныхъ странъ.

Такой именно характеръ носить и «Всемирная исторія», принятая одновременно въ нѣмецкомъ, англійскомъ и русскомъ изданіяхъ Гансомъ Гельмольтомъ, при участіи такихъ сотрудниковъ, какъ Т. Ахелисъ, К. Т. Брандисъ, К. Вейле, А. Клейншмидтъ, Р. Майръ и др.

Въ настоящее время этотъ 8-ми-томный трудъ (вѣрнѣе сказать, 16-ти-томный, такъ какъ каждый томъ состоитъ изъ двухъ компактныхъ книгъ) законченъ выпускомъ II половины VIII тома.

Первый отдѣлъ въ этой только что вышедшей книгѣ описываетъ исторію объединенія Италіи и Германіи (1859—1866) и новѣйшихъ политическихъ событій въ Западной Европѣ (1866—1902).

Русскія дѣла авторы затрогиваютъ лишь вскользь, проявляя тактъ и умѣренность, какіе рѣдко обнаруживаются умнѣйшими европейцами, разъ они пускаются въ обсужденіе событій, разыгрывающихся въ исторіи нашего отечества, и явленій мало понятныхъ имъ по незнакомству съ нашей жизнью. Такъ, при описаніи интригъ вѣшной политики Наполеона III, вызвавшихъ польское возстаніе 1863 г., по поводу извѣстной англо-франко-австрійской ноты 27-го іюня 1863 г. дѣлается замѣчаніе, что хотя Пальмерстонъ не видѣлъ надобности изъ-за польскихъ инсургентовъ ввязываться въ войну съ Россіею, тѣмъ не менѣе, поддерживалъ крайнія притязанія мятежниковъ въ интересахъ вѣщаго обезпеченія англійскаго владычества надъ Индіею чрезъ открытіе фонтанели въ организмѣ грозной Россіи; здѣсь же сообщается, какъ Наполеонъ, чрезъ герцога Граммона, предлагалъ Францу-Іосифу, при исходѣ намѣчавшейся войны противъ Россіи поступиться Галиціею ради возрожденія независимаго Польскаго королевства, обѣщая вознаградить Австрію на счетъ приданайскихъ княжествъ; на это гр. Рехбергъ отвѣчалъ, что для Австріи представлялось бы, по меньшей мѣрѣ, страннымъ вовлечься въ войну съ Россіею на тотъ лишь конецъ, чтобы утратить цѣлую провинцію, тогда какъ обыкновенно къ оружію прибѣгаютъ для завоеванія новыхъ владѣній (стр. 266).

Второй отдѣлъ книги, составленный пр. Р. Майромъ, посвященъ исторіи европейской культуры съ XVI в. и въ сжатомъ очеркѣ даетъ характеристику развитія за послѣдніе четыре вѣка европейскихъ наукъ, искусствъ и литературы. Здѣсь, на стр. 541—543 мы встрѣчаемъ краткій, но восторженный отзывъ о корифеяхъ русской литературы XIX в. (натуралистическаго направленія преимущественно); съ ними, за исключеніемъ «великихъ» скандинавцевъ, «не выдерживаетъ сравненія никто изъ писателей эпигоновъ одряхлѣвшей Европы». Въ этомъ же отдѣлѣ, на стр. 548—561 данъ составленный Гельмольтомъ краткій очеркъ исторіографіи за XIX в., заключающій массу интересныхъ литературныхъ указаній.

Наконецъ, третій отдѣлъ, принадлежащій перу пр. Вейле, трактуетъ вопросъ объ историческомъ значеніи Атлантическаго океана.

Изданіе это, несмотря на сжатость, не страдает сухостью, весьма доступно по цѣнѣ (4 марки за томъ свыше 600 стр.) и напечатано прекраснымъ четкимъ шрифтомъ, въ форматѣ большой 8-ки, съ немногочисленными, правда, но чистенькими политипажами.

2. Karl Lamprecht. Deutsche Geschichte. 2-ter Ergänzungsband. I Hälfte: Wirthschaftsleben — Sociale Entwicklung. II Hälfte: Innere Politik. Aüssere Politik. Freiburg in Breisgau. Heyfelders Verlag. 2 B. 1903.

К. Лампрехтъ сдѣлалъ попытку изложить исторію Германіи въ связи съ ея духовнымъ и экономическимъ развитіемъ. Обширное сочиненіе это, разсчитанное на четыре тома, въ I томѣ трактуетъ исторію Германіи въ древніе и средніе вѣка, во II—за новое время, съ XVI по XVIII вѣкъ, и въ III—за новѣйшее время съ 1750 года.

Сочиненіе это критикою и публикою было встрѣчено настолько сочувственно, что первый его томъ въ настоящее время печатается уже третьимъ изданіемъ, а остальные—вторымъ.

Въ настоящее же время появились дополнительные къ сочиненію томы, изъ коихъ I-й излагаетъ исторію умственного и художественнаго развитія современной Германіи, а II-й очерчиваетъ хозяйственную дѣятельность и социальное развитіе Германіи и новѣйшія теченія ея внутренней и внѣшней политики.

При томъ значеніи, какое экономическіе, финансовыя и умственные интересы оказываютъ на современность, попытка изложить исторію въ связи съ этими именно моментами представляется вполне умѣстной, тѣмъ болѣе, что авторъ-историкъ, по собственному его признанію, былъ поставленъ въ этомъ отношеніи въ особенно благоприятныя условія, и въ теченіе жизни имѣлъ неоднократно случай на практикѣ освоиться съ экономическими вопросами первостепенной важности, составляющими достояніе нашей эпохи.

Впрочемъ, несмотря на дѣлаемые Лампрехтомъ обѣщанія, въ многотомномъ его сочиненіи мы напрасно стали бы искать генетическаго и связнаго опыта (на манеръ «Исторіи цивилизаціи Европы» Бокля) обосновать историческія явленія привходящими элементами экономическаго и культурнаго порядка. Историческія событія съ большою подробностью излагаются авторомъ болѣе или менѣе сами по себѣ, а вопросы хозяйственной и общественной («социально-психологической») жизни разсматриваются въ особыхъ отдѣлахъ.

Послѣднему предмету за современную намъ эпоху и отведенъ первая половина только что вышедшаго 2-го дополнительнаго тома. Здѣсь авторъ характеризуетъ развитіе современной экономической жизни въ XIX вѣкѣ въ связи съ подъемомъ естествознанія, техники и усовершенствованныхъ способовъ и средствъ сообщеній; описываетъ развитіе фабричнаго дѣла и увеличеніе національнаго производства, что обусловило появленіе многочисленныхъ акціонер-

ныхъ предпріятій и капитализма; касается воздѣйствій, оказываемыхъ новыми явленіями индустріализма на судьбы сельскаго хозяйства. Въ виду громадности экономическаго переворота, внесеннаго въ народную жизнь новыми условіями производства, намѣчаются преобразованія въ общественности, а далѣе рассматриваются различныя теченія социалистическихъ ученій, попытки объединенія предпринимательскихъ интересовъ съ помощью соглашеній (ринги, трѣсты и картели), сплоченіе потребителей въ спеціальныя союзы и общества и, наконецъ, воздѣйствія правительства въ цѣляхъ примиренія всѣхъ этихъ противорѣчащихъ интересовъ подъ эгидою государства.

Несмотря на животрепещущій интересъ этихъ вопросовъ, трактуемыхъ Лампрехтомъ вразумительно и съ знаніемъ дѣла, мы не станемъ на нихъ останавливаться, такъ какъ они выходятъ за предѣлы рубрики, намъ отмежеванной.

Болѣе непосредственный интересъ представляетъ для насъ вторая часть 2-го дополнительнаго тома, гдѣ Лампрехтъ обрисовываетъ внутреннюю и внѣшнюю политику Германіи и неоднократно касается ея отношеній къ Россіи.

Союзъ трехъ восточныхъ монархій въ глазахъ Бисмарка являлся естественнымъ продолженіемъ завѣтовъ Священнаго союза, направленнаго противъ Франціи (стр. 233—234), и отвѣчалъ естественной потребности сплоченія силъ монархизма ради самоохраны и борьбы съ разрушительными тенденціями современности (стр. 236).

Противорѣчія жизненныхъ интересовъ, преслѣдуемыхъ Германією, Россією и Австрією, не замедлили, однако же, ярко здѣсь сказаться.

Въ 1875 г. газетныя вѣсти и слухи, вышедшіе изъ берлинскихъ дипломатическихъ кружковъ о подготовленіи новой войны противъ Франціи, породили первые зачатки къ недоразумѣніямъ съ Германією (стр. 238—239).

Осенью 1876 г., когда болгарское движеніе вызвало Россію на подготовленія къ войнѣ съ Турцією, петербургское правительство, предусматривая возможность столкновенія ея интересовъ съ австрійскими, озабочилось выясненіемъ вопроса, какъ бы отнеслась Германія къ войнѣ между Россією и Австрією изъ-за турецкихъ владѣній. Такъ какъ Бисмаркъ на это уклончиво отвѣчалъ, что, въ случаѣ возникновенія поводовъ къ подобной войнѣ, германское правительство станетъ о томъ сожалѣть, но не усматриваетъ возможности воспрепятствовать конфликту, то Россія оказалась вынужденною вступить въ особенное соглашеніе съ Австрією; послѣдняя же цѣною своего нейтралитета въ предстоявшей между Россією и Турцією войнѣ поставила предоставленіе ей правъ за занятіе Босніи и Герцеговины (стр. 241).

Наконецъ, хотя во время Берлинскаго конгресса Бисмаркъ, по его словамъ, и дѣйствовалъ въ интересахъ Россіи, словно четвер-

тый ея уполномоченный, Россія унесла съ конгресса впечатлѣнія, далеко не благопріятныя Германіи и «честному маклеру», а это и возымѣло своимъ послѣдствіемъ охлажденіе исконной русско-прусской дружбы и рѣзкій походъ русской печати противъ германской политики и нѣмцевъ, давъ первый толчекъ, послѣ паденія Макъ-Магона, къ сближенію съ Франціею (стр. 243).

Хотя, по свидѣтельству самого же Лампрехта, франко-русское сближеніе воплотилось въ формальный двойственный союзъ лишь въ 1891 году, а ратификація тѣснаго союзнаго договора между Германіею и Австріею произошла 7-го октября 1879 года (стр. 246), Лампрехтъ двойственному союзу приписываетъ нѣкоторую агрессивность (у Франціи мечтанія объ отомщеніи погрома 1870 года; а у Россіи замыслы пораженія Австріи, такъ какъ путь въ Константинополь идетъ чрезъ Вѣну); тройственный же союзъ нѣмецкимъ авторомъ превозносится, какъ общепризнаваемая и существенная часть «инвентаря европейской политики», обезпечившая Европѣ миръ въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія (стр. 671—92; 248).

Такъ какъ въ будущемъ мало вѣроятны «кабинетныя войны», разыгрывавшіяся безъ особеннаго риска и напряженія съ XVI по XVIII в., войны же серьезныя могутъ разгорѣться лишь между великими державами, побужденіемъ для которыхъ взяться за оружіе явятся коренные и жизненные ихъ интересы, то слѣдуетъ въ войнахъ этихъ предвидѣть невѣдомую доселѣ энергію и напряженіе всѣхъ народныхъ силъ. Ради осуществленія этого грознаго будущаго, во всей Европѣ сказалась необходимость усиленныхъ вооруженій въ мирное время, такъ какъ вооруженный миръ составляетъ единственно вѣрную гарантію благоденствія Европы.

По этимъ соображеніямъ европейскія державы не щадятъ на вооруженіе расходовъ, которые, по исчисленіямъ Лампрехта (стр. 294), выражаются въ нижеслѣдующихъ цифрахъ:

Военные расходы:	Въ 1880 г.	Въ 1890 г.	Въ 1900 г.
Германіи	405	596	756
Австро-Венгріи	180	215	272
Италіи	200	390	348
Франціи	600	625	766
Россіи	678	767	720
Англіи	570	656	885

въ милліонахъ марокъ.

Международныя отношенія державъ въ то-же время осложняются, такъ какъ политическія ихъ цѣли, особенно за послѣднюю четверть вѣка, все болѣе ширятся: у всѣхъ крупныхъ европейскихъ націй сказывается стремленіе направлять избытокъ населенія и капита-

ловъ въ другія части свѣта, а это тѣмъ легче, что усовершенствованные способы сообщеній позволяютъ метрополямъ издалика охранять и расширять свои внѣевропейскія владѣнія и колоніи (стр. 694).

Въ осуществленіи этой «міровой политики» Англія и Россія исторически опередили прочія державы.

Очертивъ исторически ростъ Россійской имперіи и территориальныя ея пріобрѣтенія, заставляющія ее двигаться все далѣе вглубь Азіи (стр. 668), Лампрехтъ замѣчаетъ, что это стихійное, словно велѣніями судьбы предуказанное расширение азіатскихъ предѣловъ Россіи—съ половины XIX в. въ юго-восточномъ направленіи—заставляетъ предвидѣть знаменательную развязку: русскія азіатскія владѣнія рано или поздно дойдутъ вплоть до рубежа завоеваній и захватовъ, дѣлаемыхъ въ южной Азіи англичанами и французами (стр. 668). Китай для Россіи является обѣтованною землею, такъ какъ сѣверный колоссъ всюду ищетъ доступа къ незамерзающимъ морямъ. Россія преисполнена увѣренности въ достиженіи своихъ задачъ; самимъ рокомъ ей предопредѣлено сломить могущество Англіи въ Азіи (*englische asiatische Macht*), и къ этой цѣли Россія неотразимо подвигается со всѣхъ сторонъ: Персію она подчинила своему вліянію всецѣло, въ Афганистанѣ ищетъ стать твердою стопою, съ Тибетомъ ведетъ переговоры, а въ Китаѣ проникаетъ все дальше къ югу и еще въ концѣ XIX в. пріучила европейскія державы къ мысли, что рано или поздно Манджурія неотъемлемо достанется ей; Великобританія при всѣхъ этихъ напастяхъ силится занять оборонительное положеніе, но внутренне сознаетъ полное свое къ тому безсиліе, какъ это блистательно доказалъ знатокъ азіатскихъ дѣлъ, безвременно погибшій графъ Іоркъ фонъ-Вартенбургъ (стр. 708, 730).

Въ азіатской политикѣ Россіи,—заканчиваетъ Лампрехтъ свои соображенія,—китайскіе вопросы и дѣла связываются и переплетаются съ тибетскими, тибетскіе съ афганскими, афганскіе съ персидскими, а послѣдніе вполнѣ естественно смыкаются съ турецкими. Повидимому, для Россіи постепенно преслѣдуемая ею на Дальнемъ и Ближнемъ Востоцѣ задачи обѣщаютъ слиться воедино и сложиться вполнѣ благоприятно, а это откроетъ ей возможность выступить и противъ Турціи съ грозною рѣшительностью; пока же для осуществленія исконнаго завѣта русской политики насчетъ завоеванія Царегграда Россія послѣдовательно и предусмотрительно идетъ медленными, но вѣрными шагами впередъ: въ Болгаріи Россія съ 1896 года вновь утвердилась прочно, въ Сербіи вліяніе Австріи подавлено, а съ 1899 г. Россія и тамъ сдѣлалась всемогуща и даже въ Румыніи — панславистская агитація разливается все болѣе широкою волною (стр. 716—717).

Въ видѣ противовѣса неудержимо разрастающемуся «міровому могуществу» Россіи, Лампрехтъ высказываетъ полное сочувствіе

«новому курсу» государственныхъ видовъ Вильгельма II, направленныхъ къ усиленію германскаго флота и созиданію новыхъ колониальныхъ областей во всѣхъ странахъ свѣта.

Отъ грозныхъ предсказаній войнъ и гаданій о борьбѣ за мировое могущество вполне естественъ переходъ къ болѣе свѣтлымъ видамъ на будущее.

Этотъ именно характеръ и носитъ только что вышедшая книга Дюплесси.

3. E. Duplessix. Vers la paix.—Droits et devoirs des nations.—Pacte de paix.—Arbitrage.—Désarmement. Paris. Ed. Guillaumin, 1903. in-18°.

Эта небольшая книжечка, написанная съ большою любовью и сжато трагующая предметъ изслѣдованія, состоитъ изъ введенія, въ которомъ излагается исторія развитія идеи третейскаго разбирательства международныхъ недоразумѣній и тѣхъ способовъ и средствъ, которыя наиболѣе могутъ благоприятствовать дальнѣйшему развитію начинаній Гаагской конференціи. Во второмъ отдѣлѣ Дюплесси намѣчаетъ тѣ начала, на которыхъ можетъ состояться между культурными державами соглашеніе относительно правъ и обязанностей договаривающихся народовъ, вытекающихъ изъ взаимныхъ внѣшнихъ ихъ отношеній, изъ общаго разоруженія и подчиненія всѣхъ взаимныхъ столкновеній разбирательству постоянного выборнаго третейскаго суда. Третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ поясненія и обоснованія предлагаемыхъ Дюплесси мѣръ.

Особенный интересъ въ книгѣ Дюплесси представляетъ первый отдѣлъ, написанный съ большимъ знаніемъ и опирающийся на статистическія данныя, почерпаемые изъ новѣйшихъ источниковъ.

Что касается второго и третьяго отдѣловъ, то они во всякомъ случаѣ любопытны, какъ попытка примирить державные интересы государствъ съ подчиненіемъ ихъ третейскому суду.

Вслѣдъ за кровавыми и продолжительными войнами наполеоновской эпохи и послѣ полувѣковой передышки, въ теченіе которой европейскіе народы могли нѣсколько залѣчить прежнія раны и, развиваясь на пути мирнаго прогресса, поднять экономическое свое благосостояніе, съ 1852 года открылся новый періодъ войнъ.

Неразрѣшимый восточный вопросъ, двоедушная политика Наполеона III, искавшего отвлечь вниманіе подвижныхъ французовъ отъ внутреннихъ дѣлъ блескомъ внѣшней своей политики и легкомысленными военными авантюрами въ Крыму, Италіи, Кохинхинѣ и Мексикѣ, рожденіе и развитіе стремленій къ національному объединенію, властно сказавшееся въ Италіи, Германіи и среди славянскихъ народностей,—все это, вмѣстѣ взятое, созидало въ Европѣ все новыя арены для вооруженныхъ столкновеній, въ которыя роковымъ образомъ вовлекались то однѣ, то другія европейскія страны.

Несмотря на успѣхи культурности, достигнутые въ XIX вѣкѣ, Европа оказывалась свидѣтельницею явленій, которымъ, казалось бы, не было уже и мѣста среди народовъ, воплощающихъ понятія «правового государства» въ своей гражданственности. Тогда какъ ненависть и мечтанія объ отомщеніи непрестанно терзаютъ умы побѣжденныхъ, побѣдители въ забвеніи справедливости, человѣчности и умѣренности настойчиво проводятъ завоевательные замыслы, и безпощадный завѣтъ римскихъ насильниковъ *vae victis* возродился среди XIX вѣка въ столь же циничной формѣ «*la force prime le droit*» (сила попираетъ право). Учащеніе войнъ должно было неизбежно вызвать чрезмѣрное усиленіе военныхъ вооруженій: націи, выходящія побѣдителями изъ войнъ, приносившихъ имъ территоріальные захваты, не могли не ощущать потребности въ содержаніи и впредь арміи, достаточно сильной, чтобы обезопасить себя отъ отомщенія со стороны побѣжденныхъ; побѣжденные столь же настойчиво изыскивали способы и средства улучшить подходящій моментъ и отвоевать назадъ утраченное или, по крайней мѣрѣ, обезпечить себя отъ дальнѣйшихъ захватовъ и полного пораженія. Поэтому каждое усиліе, дѣлаемое однимъ народомъ въ интересахъ умноженія военной своей мощи, вызываетъ аналогичныя же напряженія въ сосѣдяхъ, и вооруженія, непрестанно прогрессируя, грозятъ перейти за предѣлы разумности.

Введеніе и развитіе общей воинской повинности, усиленіе состава постоянной арміи, усовершенствованія въ дѣлѣ войскового обученія, мобилизаціи и хозяйства составляютъ предметъ все множащихся заботъ, надъ которыми изоощряются спеціальные таланты высшихъ чиновъ всѣхъ военныхъ министерствъ; инженеры и химики не устаютъ совершенствовать способы къ массовому истребленію человѣчества, а частные заводы и фабрики и казенные арсеналы изъ года въ годъ напрягаютъ всѣ силы надъ изготовленіемъ предметовъ военнаго снаряженія.

Всѣ эти старанія не знаютъ усталости и передышки, такъ какъ въ непрестанной погонѣ за усовершенствованіями вооруженій уже завтра приходится заново передѣлывать то, что почиталось еще сегодня за послѣднее слово военной науки и искусства. Отъ времени до времени милліоны ружей и тысячи орудій поступаютъ въ бракъ и замѣняются новыми, болѣе грозными; изобрѣтаются и совершенствуются новые сорта пороха, которые, благодаря бездымности и дальнобойности, не обнаруживаютъ, при употребленіи, позицій стрѣлковъ, скрытыхъ за прикрытіями; новые успѣхи химіи и металлургіи обращаются для изобрѣтенія взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ, все болѣе разрушительныхъ; дѣлаются попытки къ привлеченію для военныхъ цѣлей воздухоплаванія. Сегодня сооружаются панцырные суда, недоступныя дѣйствию существующихъ снарядовъ, но завтра изобрѣтаются усовершенствованные сна-

ряды, пробивающіе дотолѣ непроницаемая судовыя брони; тутъ заново совершенствуется и утолщается блиндированіе судовъ; въ отвѣтъ на это изобрѣтаются миноносцы, позволяющіе взрывать панцирные суда, а тамъ дѣлается новое изобрѣтеніе, направленное къ потопленію миноносокъ, выдумываются подводныя миноноски и т. д. до безконечности.

Хотя всѣ совершенствуемыя арміи, суда и грозная ихъ артиллерія въ большинствѣ случаевъ вовсе не пускаются въ ходъ и являются лишь новѣйшимъ проведеніемъ въ жизнь европейскихъ народовъ еще римскаго завѣта «*si vis pacem, para bellum*», тѣмъ не менѣе заботы, направленныя къ достиженію возможно совершенной боевой готовности не только отвлекаютъ непроизводительно у каждаго народа молодежь въ цвѣтущемъ возрастѣ, который могъ бы быть использованъ въ интересахъ приумноженія народнаго богатства, но, кромѣ того, ежегодно вызываютъ затраты миллиардовъ на содержаніе армій, на возобновленіе и усовершенствованіе военнаго снаряженія, перевозочныхъ средствъ и пр.

По подсчету экономиста Тери военныя издержки Европы достигали: въ 1891 г. чудовищной суммы—4 миллиардовъ 612 милл., въ 1896 году—5 миллиардовъ 324 милл., въ 1901 году—6 миллиардовъ 275 милл. (не считая экстраординарныхъ расходовъ, вызванныхъ для Англіи южно-африканскою войною, поглотившею 1 миллиардъ 600 милліоновъ).

Благодаря этимъ непосильнымъ издержкамъ, какъ свидѣтельствуемъ Ле-Фойе, военныя цѣли въ 1896 и 1897 гг. поглотили во Франціи 63,1 0/0, а въ Англіи 72,8 0/0 всего бюджета, такъ что для производительныхъ государственныхъ цѣлей Франція могла располагать лишь 36,9 0/0 бюджета, а Англія 27,2 0/0.

Переходъ отъ готовности къ боямъ, къ войнѣ фактической сулитъ еще пуція бѣды.

Въ доброе старое время государства ставили подъ знамена сравнительно ничтожную часть населенія, снабжали арміи вооруженіемъ не особенно грознымъ и могли вести войны годами, не рискуя роковыми послѣдствіями для жизненныхъ источниковъ всего народнаго благосостоянія воюющихъ сторонъ.

Въ настоящее время дѣло ставится иначе: всѣ здоровые граждане въ каждой почти странѣ числятся въ возрастѣ отъ 21 до 45 лѣтъ въ рядахъ армій, и, разгорись серьезная европейская война, націи въ цѣльномъ уже составѣ ополчились бы другъ противъ друга, а рядъ кровопролитныхъ сраженій, ставя побѣжденныхъ націи на край гибели, долженъ былъ бы и побѣдителей ввергнуть въ полное экономическое истощеніе.

По новѣйшимъ статистическимъ свѣдѣніямъ совокупность армій франко-русской, съ одной стороны, и тройственнаго союза съ другой для военнаго времени исчисляется въ 18.922.000 человекъ,

а продолжительность войны между обоими союзами, по мнѣнію специалистовъ, опредѣляется не менѣе, чѣмъ въ годъ. Едва ли можно вычислить размѣръ человѣческихъ гекатомбъ, къ какимъ повела бы подобная бойня; что же касается прямыхъ расходовъ, какіе обусловила бы общая европейская рѣзня, то они высчитываются въ 44 миллиарда при годовой продолжительности военныхъ операцій. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что вслѣдствіе призыва подъ знамена наиболѣе дѣятельной части мужского населенія всѣхъ пяти націй міровая промышленность оказалась бы парализованной, земли остались бы невоздѣланными, цѣлыя страны подверглись бы опустошенію чрезъ передвиженія и столкновенія армій, и эти бѣдствія въ средѣ воюющихъ націй неизбѣжно породили бы финансовое разореніе, голодовки и совершенно непредвидимыя общественныя потрясенія.

При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что самыя смѣлыя поползновенія къ воинственности падаютъ, и правительства отступаютъ предъ отвѣтственностью вовлечь своихъ подданныхъ въ военныя приключенія безъ крайней необходимости. Правда, созданіе изъ двухъ группъ націй союзовъ, настолько грозныхъ въ своемъ могуществѣ, что одно уже ихъ бытіе обезпечиваетъ Европѣ миръ, въ значительной степени устраняетъ вѣроятность вооруженнаго столкновенія, но зло, порожденное чрезмѣрнымъ развитіемъ милитаризма, остается въ силѣ: Европа продолжаетъ изнемогать подъ бременемъ военныхъ расходовъ, которые, по вычисленію «Revue de la paix», уже теперь ложатся въ видѣ налоговъ на каждую душу населенія:

во Франціи въ суммѣ	26,5	фр.
» Англии » »	24,2	»
» Германіи » »	16,5	»
» Италіи » »	15	»
» Россіи » »	8	»
» Бельгіи и Швейцаріи	7	»

Насколько дальше еще можно напрягать платежныя силы населенія, остается вопросомъ открытымъ. Во всякомъ же случаѣ позволительно усомниться въ прочности европейскаго мира, разъ каждая нація живетъ подъ непрестанною угрозою недоразумѣній и случайностей, могущихъ, вопреки миролюбію, вызвать вооруженное столкновеніе;—разъ нарушеніе равновѣсія въ боевой готовности для лучше вооруженной группы націй можетъ явиться искушеніемъ раздавить болѣе слабого соперника, чтобы положить конецъ постояннымъ неимовернымъ напряженіямъ, и разъ отчаянное рѣшеніе попытаться военнаго счастья можетъ при извѣстныхъ условіяхъ для любого изъ государствъ представляться и болѣе выгод-

нымъ, и болѣе разумнымъ, чѣмъ несомнѣнное и медленное приближеніе къ конечному разоренію и упадку, составляющимъ истинную цѣну вооруженнаго мира.

Эти соображенія, развивавшіяся неоднократно и на разные лады, выдавались, однако же, за оторванную отъ дѣйствительности теорію, доколѣ не раздался довольно неожиданно для Европы голосъ русскаго царя, воззавшій къ завѣтамъ добра и правды.

Въ сущности идея обще-европейскаго разоруженія и замиренія имѣетъ цѣлую исторію. Оставляя въ сторонѣ идеальныя стремленія лучшихъ умовъ сѣдой старины, достаточно вспомнить о проектѣ по этому предмету, задуманномъ Сюлли и Генрихомъ IV французскимъ, объ аналогичныхъ предложеніяхъ Лейбница и Канта и т. д. Недостаточность правового самосознанія вообще и слабая разработка началъ международнаго права въ частности лишали, однако же, всё подобныя начинанія твердой почвы.

Широкая и разносторонняя разработка общественныхъ теорій въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ внесла новое слово и въ эту область, и если до 1856 года идея третейскаго разрѣшенія международныхъ недоразумѣній находила себѣ въ исторіи дипломатическихъ сношеній осуществленіе лишь случайно, то со второй половины XIX вѣка умы лицъ, призванныхъ править судьбами народовъ, все чаще начинаютъ останавливаться на идеѣ международнаго третейскаго суда, какъ наилучшемъ и безобиднѣйшемъ способѣ устраненія международныхъ столкновеній.

Трактаты, заключавшіеся между державами за послѣднія десятилѣтія, пытаются все чаще примѣнять это начало къ спорамъ: такъ въ 50 трактатахъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенныхъ съ 1880 по 1899 годъ, для разрѣшенія недоразумѣній, вызываемыхъ истолкованіемъ и выполненіемъ этихъ въ частности договоровъ, устанавливается этотъ именно способъ.

На ряду съ этимъ исторія европейской дипломатіи въ XIX вѣкѣ насчитываетъ свыше 175 случаевъ обращенія къ третейскому суду:

въ 41-мъ случаѣ разбирательству подвергались пререканія о территоріальныхъ границахъ;

въ 32-хъ—претензіи, заявленныя частными лицами;

въ 19-ти—опредѣленіе убытковъ, вызванныхъ военными событіями;

въ 14-ти—обязательства казны предъ частными лицами и уплата послѣднимъ убытковъ;

въ 12-ти—уничтоженіе, конфискація и задержаніе судовъ и снаряженіе корсаровъ;

въ 10-ти—произвольные аресты и изгнанія;

въ 9-ти—морскіе призы;

въ 7-ми—концессіи земель, желѣзныхъ дорогъ и пр.;

въ 3-хъ—рыбныя ловли;

въ 4-хъ—отказъ въ правосудіи;

и въ 24-хъ—державныя права, торговля невольниками, несеніе воинской повинности, блокады, таможенныя, санитарныя и консульскія законоположенія и пр.

Съ другой стороны, потребность общаго замиренія и разрѣшенія международныхъ столкновеній третейскимъ путемъ нашла себѣ выраженіе въ общественномъ самосознаніи и созданіи частныхъ обществъ мира. Къ 1903 году число ихъ во всѣхъ странахъ міра доходило до 1.011; эти учрежденія, насчитывающія въ своемъ составѣ представителей самыхъ разнообразныхъ профессій, посвящаютъ свои труды изысканію способовъ къ обезпеченію всеобщаго мира и установленію мѣропріятій правового порядка, которыя бы окончательно смѣнили состояніе войны и временныхъ замиреній и обусловили бы возможно полное разоруженіе.

Особенно полное, яркое и авторитетное выраженіе этихъ гуманыхъ стремленій, вполне отвѣчающихъ интересамъ невозмутимаго развитія человѣчества, явился великодушный починъ, взятый на себя нашимъ государемъ.

Поощряемый примѣромъ и завѣтами своего августѣйшаго родителя, императоръ Николай II глубоко проникся сознаніемъ того, что возможно прочное и продолжительное сохраненіе мира соотвѣтствуетъ столько же интересамъ Россіи, какъ и истинной пользѣ всего человѣчества, и повелѣлъ графу М. Н. Муравьеву обратиться къ пребывавшимъ въ С.-Петербургѣ представителямъ иностранныхъ державъ съ достопамятнымъ циркуляромъ 12-го августа 1898 г. о средствахъ къ упроченію всеобщаго мира. Здѣсь указывалось на то, что крайнее развитіе военныхъ силъ представляетъ постоянную угрозу миру, а вмѣстѣ съ тѣмъ является тяжкимъ бременемъ, расшатывающимъ общественное благосостояніе народовъ и замедляющимъ духовное ихъ преуспѣяніе; поэтому является необходимость изыскать иныя, болѣе цѣлесообразныя средства, дабы обезпечить по возможности истинный и прочный миръ и положить предѣлъ развитію все болѣе возрастающихъ современныхъ вооруженій. Для всесторонняго обсужденія этой важной задачи циркуляръ предлагалъ созваніе международной конференціи, на что правительства иностранныхъ государствъ отвѣчали, выразивъ полную готовность оказать содѣйствіе къ осуществленію великой задачи, намѣченной государемъ императоромъ. Вслѣдствіе этого гр. М. Н. Муравьевъ 30-го декабря обратился къ державамъ уже съ болѣе опредѣленными предложеніями насчетъ созыва конференціи и самой программы будущихъ ея занятій. Вслѣдъ затѣмъ въ Гаагѣ, подъ предсѣдательствомъ російскаго уполномоченнаго, дѣйств. тайн. совѣтника Стааля, 18-го мая 1899 г. открыла свои занятія конференція мира, засѣданія которой продлились до 29-го іюля 1899 года.

Намѣченная графомъ Муравьевымъ программа занятій на конференціи обусловила распредѣленіе ихъ на три отдѣла для обсу-

жденія вопросовъ объ ограниченіи вооруженій, объ унорядоченіи войны и устраненіи излишней ея жестокости и о миролюбивыхъ средствахъ къ разрѣшенію международныхъ несогласій.

Что касается основного вопроса по первому отдѣлу—объ ограниченіи отдѣльными государствами количества военныхъ и морскихъ ихъ силъ, то уполномоченные русскаго правительства Стааль и Жилинскій пояснили конференціи, что русское правительство, не преслѣдуя химерическихъ мечтаній, на первый разъ предлагаетъ договаривающимся державамъ, хотя бы въ теченіе ближайшихъ пяти лѣтъ, не увеличивать численнаго состава ихъ войскъ и бюджетныхъ ассигнованій на потребности армій и флотовъ. Такъ какъ нѣкоторыя страны (Россія, на примѣръ, или [Германія] уже приняли за обычай фиксировать на 5-ти или 7-ми-лѣтній періодъ размѣры численнаго состава войскъ и бюджетныхъ ассигнованій на военныя и морскія цѣли, то предлагаемая мѣра явилась бы лишь обобщеніемъ уже существующаго. На это уполномоченный германскаго правительства полковникъ Гроссъ фонъ-Шварцгофъ возразилъ, что соглашеніе по этому предмету представляетъ существенныя трудности; для удержанія въ равновѣсїи боевой готовности державъ недостаточно принимать въ соображеніе численный составъ соответствующихъ армій, но слѣдуетъ взвѣшивать и иные элементы, какъ, на примѣръ, степень подготовки новобранцевъ, продолжительность отбыванія военной службы, географическое положеніе страны, развитіе и направленіе въ ней желѣзнодорожной сѣти, количество и мѣсторасположеніе колониальныхъ войскъ и возможность привлеченія ихъ для совмѣстныхъ дѣйствій съ войсками метрополи; въ заключеніе г. фонъ-Шварцгофъ заявилъ, что Германія нынѣ находится въ періодѣ намѣченнаго уже и приводимаго послѣдовательно въ исполненіе увеличенія личнаго состава своихъ войскъ и отказаться отъ этого плана не можетъ. Уполномоченные Швеціи и Греціи, въ свою очередь, заявили, что ихъ отечества переживаютъ нынѣ періодъ преобразованія военныхъ силъ и не могутъ принять для себя сохраненія *statu quo*, не осуждая себя добровольно на ослабленіе.

Въ виду этихъ заявленій конференція оказалась вынужденною окончательное разрѣшеніе этой сложной задачи отложить впредь до полной и всесторонней ея разработки отдѣльными государствами и, по предложенію г. Леона Буржуа, выразила въ особой резолюціи, что облегченіе военнаго бремени, нынѣ угнетающаго весь міръ, представляется въ высшей степени желательнымъ въ интересахъ развитія нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія человѣчества (стр. 134—136 *passim*).

По отдѣльнымъ пунктамъ второго отдѣла своихъ занятій конференція пришла къ соглашенію, выразившемуся въ деклараціяхъ, конми воспрещено употребленіе пуль, разворачивающихся и сплю-

щивающихся въ чловѣческомъ тѣлѣ, употребленіе въ военныхъ цѣляхъ удушливыхъ газовъ и, наконецъ, метаніе снарядовъ и взрывчатыхъ веществъ съ воздушныхъ шаровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, по почину конференціи, состоялись конвенціи о законахъ и обычаяхъ сухопутной войны и о примѣненіи разныхъ ограниченій къ войнамъ морскимъ; мѣры эти явились развитіемъ и дополненіемъ конвенцій, заключенныхъ въ 1864 г. въ Женевѣ, въ 1868 г. въ Петербургѣ и въ 1874 г. въ Брюсселѣ.

По третьему отдѣлу пренія конференціи сосредоточились, главнымъ образомъ, на вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли обращеніе къ третейскому суду признавать обязательнымъ или факультативнымъ.

Императорское русское правительство въ ясномъ сознаніи того, что для достиженія рѣшительныхъ практическихъ результатовъ за третейскимъ судомъ надлежитъ усвоить начало обязательности, въ ст. 10 и 11 своей программы, чтобы не смутить болѣе мнительныхъ дипломатическихъ канцелярій, ограничивало примѣненіе начала обязательности къ третейскому разрѣшенію такихъ правонарушеній, о существѣ которыхъ не могло возникать серьезныхъ недоумѣній, но, несомнѣнно, можно было ожидать, что разъ начало обязательности рѣшеній третейскаго суда получить право гражданства въ сферѣ международныхъ отношеній хотя бы извѣстныхъ категорій, то постепенно обязательная компетенція третейскаго суда станетъ расширяться и обниметъ и болѣе щекотливыя дипломатическіе споры.

Уполномоченные державъ отнеслись къ русскимъ предложеніямъ по началу вполне сочувственно, и специальная коммиссія выработала въ этомъ смыслѣ даже текстъ конвенціи, но въ рѣшительную минуту уполномоченный германскаго правительства, докторъ Цорнъ, высказался въ томъ смыслѣ, что его правительство не считаетъ возможнымъ принять проекта, построеннаго на началѣ обязательности третейскаго суда, ибо представляется рискованнымъ и опаснымъ а priori признать обязательность постановленій, какія станутъ принимать третейскій судъ въ отношеніи международныхъ столкновеній, пока не извѣданы будутъ на опытѣ результаты дѣятельности этого учрежденія и факультативнаго признанія его рѣшеній.

Разъ былъ отвергнутъ принципъ обязательности третейскихъ международныхъ разбирательствъ, конференція принуждена была ограничиться лишь обращеніемъ къ народамъ съ мудрыми увѣщаніями о миролюбіи и умѣренности. Правда, посредничество третьихъ незаинтересованныхъ державъ, обращеніе къ коему, по прежней практикѣ дипломатіи, всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія заинтересованныхъ, нынѣ, согласно выработанному въ Гаагѣ соглашенію, можетъ быть предлагаемо и по почину незаинтересованныхъ державъ. Третейскія разбирательства рекомендуются гаагскою конференціею, какъ найдѣйствительнѣйшее средство для разрѣшенія междуна-

ныхъ недоразумѣній; для выясненія на мѣстѣ фактовъ, подавшихъ поводъ къ недоразумѣніямъ, вводятся постоянныя слѣдственные комиссіи, а въ Гаагѣ учреждена была постоянная палата третейскаго суда съ международнымъ бюро подъ наблюденіемъ административнаго совѣта изъ представителей договорившихся державъ при Нидерландскомъ дворѣ и пр.

Вышеозначенныя деклараціи и конвенціи, подписанныя 17 (29) іюля 1899 г., удостоились ратификаціи государя императора Николая Александровича 6 мая 1900 г., а затѣмъ были утверждены почти всеми державами, участвовавшими на конференціи.

Идея мирнаго разрѣшенія международныхъ конфликтовъ получила такимъ образомъ торжественную санкцію.

Если предложенія императорскаго русскаго правительства, развившіяся въ циркулярномъ сообщеніи гр. М. Н. Муравьева отъ 12 августа 1898 г. и въ программѣ, заявленной гаагской конференціи 30 декабря 1898 г., не возымѣли того успѣха, котораго по справедливости заслуживали, то отсюда, по мнѣнію Дюплесси, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы великодушный починъ государя Николая Александровича остался безплоденъ. Благодаря инициативѣ императора всероссійскаго и трудамъ гаагской конференціи вопросъ о третейскомъ разбирательствѣ международныхъ столкновеній сдѣлалъ значительный шагъ впередъ и воспринять въ общій обиходъ европейскою политикою. Выдающійся французскій правовѣдъ А. Дежарденъ въ «Revue des deux mondes» высказался, что если державамъ на гаагской конференціи и не удалось бы выработать устава о разоруженіи, то онѣ начертаютъ для него введеніе, и рано или поздно самую силу вещей уставъ этотъ получить осуществленіе.

Такъ оно и случилось; при настоящемъ положеніи вещей правительства къ третейскому разбирательству станутъ прибѣгать въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда сами не будутъ искать войны и будутъ заинтересованы третейскимъ вмѣшательствомъ въ цѣляхъ мирнаго разрѣшенія недоразумѣній; въ тѣхъ же случаяхъ, когда правительство, опираясь на ясно выраженное или безмолвное сочувствіе своихъ подданныхъ, вознамѣрится объявить войну, никакія гуманныя соображенія, ниже опасенія запятнанія этого поступка нелепцѣпратною исторіею не предотвратятъ его отъ подобнаго шага (недавній этому примѣръ показало отношеніе Великобританіи къ державнымъ правамъ Трансваальской республики).

Переходя отъ дѣйствительности къ возможному въ будущемъ развитію начинаній Гаагской конференціи, Дюплесси свои разсужденія строятъ на признаніи всеми державами обязательнаго начала разрѣшенія международныхъ столкновеній третейскимъ путемъ съ установленіемъ въ этихъ видахъ постояннаго третейскаго суда. Дюплесси не скрываетъ нѣкоторой утопичности этого допущенія, но ссылается на знаменательныя слова экономиста Фр. Пасси:

«Прогрессъ есть не иное что, какъ серія утопій, осуществляемыхъ дѣйствительностью, и самымъ практическимъ дѣломъ въ семь мірѣ является работа на пользу осуществленія утопій» (стр. 44).

Самая логика вещей, продолжаетъ Дюплесси, требуетъ, чтобы была установлена особенная санкція, которая бы обезпечивала повиненіе состоявшемуся между державами соглашенію и рѣшеніямъ, постановляемымъ третейскимъ судомъ.

Эту санкцію Дюплесси провидитъ въ заключеніи добросовѣстнаго договора, которымъ бы народы взаимно гарантировали другъ другу независимость и автономію во внутреннихъ дѣлахъ, приняли бы на себя торжественное обязательство въ возникающія международныя недоразумѣнія повергать на рѣшеніе третейскаго суда, а равно содѣйствовать приведенію въ исполненіе мѣръ, имѣющихъ цѣлью соблюденіе этого договора, какъ и постановленій третейскаго суда.

Въ этомъ случаѣ вопросъ о разоруженіи разрѣшится безъ всякихъ затрудненій; разъ независимость, автономія и уваженіе къ правамъ каждаго народа гарантированы будутъ международнымъ соглашеніемъ, то многочисленныя боевыя арміи сдѣлаются совершенно излишними; каждое государство ограничится содержаніемъ незначительной территоріальной арміи, имѣющей задачу поддержаніе порядка внутри своихъ предѣловъ, и обяжется поставлять извѣстный контингентъ на случай, если бы для приведенія въ исполненіе рѣшеній третейскаго суда пришлось прибѣгнуть къ силѣ противъ ослушника (въ экзекуціонномъ порядкѣ).

Что подчиненіе авторитетности рѣшеній международнаго третейскаго суда нисколько не умалитъ достоинства и державныхъ правъ отдѣльныхъ правительствъ, тому блистательнымъ подтвержденіемъ является починъ, взятый въ этомъ дѣлѣ неограниченнымъ государемъ могущественнѣйшей имперіи, императоромъ всероссійскимъ Николаемъ II. Съ истиннымъ величіемъ воодушевившись коренными всенародными интересами и вѣковѣчными завѣтами миролюбія и правды, онъ безо всякихъ колебаній предложилъ на Гаагской конференціи принять обязательное начало третейскаго разрѣшенія международныхъ недоразумѣній и создать, въ лицѣ третейскаго трибунала, судей, рѣшеніямъ коихъ при извѣстныхъ случайностяхъ и онъ самолично долженъ бы былъ подчиниться (стр. 160).

Несмотря главнымъ образомъ на историко-литературный интересъ, который представляетъ разсматриваемая нами ниже книга Брандеса, она имѣетъ и нѣкоторое касательство къ вопросу разоруженія.

4. Georg Brandes. Gestalten und Gedanken—Essays. München. Langens Verlag. 1903, in-8°.

По родственнымъ связямъ главы мюнхенской книгоиздательской фирмы Лангена къ норвежскому писателю Бьёрнсону на-

званная фирма за послѣднее время до нѣкоторой степени специализировалась на издательствѣ въ нѣмецкихъ переводахъ произведеній крупныхъ и малоизвѣстныхъ скандинавскихъ писателей. Въ числѣ прочаго эта же фирма предприняла изданіе полного собранія сочиненій Георга Брандеса.

Юристъ и филологъ по образованію, Брандесъ 60-ые годы посвятилъ изученію Западной Европы, подолгу живя во Франціи, Англіи и Германіи и входя въ соприкосновеніе съ видными учеными и литераторами того времени; въ началѣ 70-хъ годовъ Брандесъ выступилъ, въ качествѣ профессора исторіи литературы, въ Копенгагенскомъ университетѣ, но, въ качествѣ свободнаго мыслителя и сторонника «мужицкой» партіи въ эпоху преобладанія въ палатахъ партіи консервативно-клерикальной, онъ навлекъ на себя гоненія послѣдней, и его пребываніе въ Даніи сдѣлалось невозможнымъ на цѣлое почти десятилѣтіе. Покинувъ кафедру и съ 1879 года переселившись въ Берлинъ, Брандесъ занимался литературною дѣятельностью, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, какъ своимъ роднымъ, и въ разныхъ странахъ, отъ Норвегіи до Россіи, выступалъ съ лекціями по исторіи литературы, и въ значительной степени повлиялъ на сложеніе идеаловъ у новой школы скандинавскихъ писателей: Бьёрнсона (въ послѣднихъ его произведеніяхъ), А. Кіеланда, Драхманна, Якобсена, Шандорпа, Геллерупа и другихъ.

Несмотря на нѣкоторое пристрастіе въ литературныхъ оцѣнкахъ, Брандесъ, обладая крупнымъ талантомъ и огромною начитанностью, славится умѣньемъ дѣлать выпуклыя характеристики: въ мѣткихъ и образныхъ выраженіяхъ онъ нѣсколькими штрихами обрисовываетъ литературные типы и многочисленныхъ дѣятелей слова и общественной науки, съ которыми его ставила въ соприкосновеніе его пестрая жизнь, оставляя у читателей, можетъ быть, не всегда вѣрное, но опредѣленное представленіе о трактуемыхъ типахъ и людяхъ. Этотъ незаурядный талантъ, обезпечившій европейскую извѣстность его шеститомному курсу лекцій о главныхъ теченіяхъ литературы въ XIX вѣкѣ, столь же разительно сказывается и въ вышедшемъ нынѣ томѣ мелкихъ статей и литературныхъ портретовъ.

Для русскаго читателя—независимо отъ статей общаго содержанія, о явленіяхъ литературной и общественной жизни Европы — особенный интересъ въ этой книгѣ представляютъ три характеристики.

Одна характеристика (стр. 384 — 386) посвящена личности Ив. Блоха. Обладая замѣчательною практическою смѣткою и осмотрительностью, Блохъ сумѣлъ избѣжать неудачъ и, съ неизмѣннымъ успѣхомъ пуская въ ходъ разнообразныя предпріятія, нажилъ на фабричномъ и желѣзнодорожномъ дѣлѣ крупное состояніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранилъ репутацію чловѣка истинно добраго, благожелательнаго и отзывчиваго; широкая и благоразумная

благотворительность и участіе въ общественныхъ дѣлахъ доставили ему въ Привислинскомъ краѣ огромную популярность и вліятельность.

Создавъ себѣ крупное и независимое положеніе, Блохъ не «сотворилъ себѣ Маммона» въ погонѣ за дальнѣйшими милліонами. Чуждый маніи къ наживѣ, въ которую затягиваетъ многихъ обладаніе крупными капиталами, Блохъ вторую половину жизни почти исключительно посвятилъ научнымъ интересамъ. Обширное солидное изслѣдованіе по исторіи русскихъ финансовъ доставило ему положеніе члена ученаго комитета министерства финансовъ, а конецъ жизни этого почтеннаго self-made man'a былъ достойно увѣнчанъ разработкою вопроса о замиреніи Европы. Человѣкъ положительный и трезвый, Блохъ отнюдь не мѣтилъ на роль «апостола мира», оторваннаго отъ дѣйствительности. Своими изслѣдованіями о войнахъ будущаго онъ старался освѣтить вопросъ съ практической и финансовой стороны, собирая убѣдительныя и всестороннія доказательства тому, насколько пагубными и непоправимыми послѣдствіями отразятся на матеріальномъ и духовномъ благосостояніи человечества войны въ той грозной формѣ, какую имъ сулятъ придать въ недалекомъ будущемъ усовершенствованія военной, металлургической и химической техники.

Убѣжденный доводами цифръ и разсудка поборникъ мира, Блохъ самолично выступалъ въ Англіи, Франціи и Швейцаріи съ публичными лекціями по этому предмету и ради большаго ихъ успѣха настойчиво старался развить въ себѣ дарованія лектора, неоднократно по этому поводу совѣщаясь съ близко ему знакомымъ Брандесомъ. Съ цѣлью же пропагандированія идеи мира Блохъ на собственный счетъ устраивалъ въ европейскихъ столицахъ спеціальныя выставки, экспонаты которыхъ, по его же почину, впоследствии образовали Люцернскій музей войны и мира.

Агитація Блоха въ интересахъ прочнаго замиренія Европы обратила на себя вниманіе государя Александра Александровича, и, по его приказанію, Блохомъ было изготовлено и напечатано краткое изложеніе положеній, имъ развитыхъ въ обширномъ сочиненіи о войнахъ будущаго. Брошюра эта, по приказанію царя-мирстворца, не сходявшая съ виднаго мѣста на письменномъ его столѣ, не могла не привлечь юношескаго вниманія государя наслѣдника цесаревича и, быть можетъ, дала первый толчекъ той умственной работѣ, въ результатъ которой государь императоръ проникся истинно человѣколюбивымъ стремленіемъ вызвать къ жизни международную конференцію о мирѣ.

Столь же удаченъ въ книгѣ Брандеса литературный набросокъ «Ивана Странника» (стр. 145 — 149). Подъ этимъ псевдонимомъ скрывается многосторонне образованная писательница, носящая крупное русское имя и сжившаяся съ Парижемъ, какъ со второю

родину. Здѣсь она занимается живописью, выступая во французской журналистикѣ съ незаурядными литературными и художественными критическими этюдами. Ея повѣствовательные опыты обратили на себя вниманіе французской печати и вызвали восторженные отзывы такихъ серьезныхъ цѣнителей, какъ Людовикъ Галеви и Анатоль Франсъ.

Передавая съ обычнымъ мастерствомъ содержаніе романа Ив. Странника изъ русской жизни «L'appel de l'eau», Брандесъ отмѣчаетъ, что хотя проникнутый тихою меланхоліею талантъ «Странника», быть можетъ, и не отличается особеннымъ разнообразіемъ, тѣмъ не менѣе писательница чужда всякой подражательности писателямъ-мужчинамъ, въ чемъ Эльза Асеньева изобличаетъ своихъ собратій по перу,—«Странникъ» проявляетъ женскую чуткость въ своей наблюдательности, большое знаніе человѣческаго сердца вообще и женской психологіи въ частности и умѣніе трактовать избираемыя темы съ простотой, чуждою трескучихъ эффектовъ.

Третья характеристика посвящена молоденькой московской барышнѣ «Надеждѣ»; несомнѣнно, она зарисована съ натуры самимъ авторомъ въ одно изъ посѣщеній Россіи и съ любовью рисуетъ симпатичныя черты русской женщины во вкусѣ тургеневскихъ героинь (стр. 523—527).

Несравненно болѣе сухую и узкую, но жизненную тему трактуетъ пестрящее цифрами и статистическими выводами изслѣдованіе доктора Фритца Штутцке.

5. Dr. Fritz Stutzke. Die Preussengängerei russisch-und galizisch-polnischer Arbeiter. Neudamm. 1903, in-8°.

Если исторія на своихъ скрижаляхъ сохранила память о великомъ переселеніи народовъ, то потому лишь, что въ сравнительно короткій періодъ времени всѣ извѣстныя тогдашнимъ посетителямъ культуры страны подверглись массовымъ набѣгамъ невѣдомыхъ дотолѣ насельниковъ. А между тѣмъ ежедневно у насъ на глазахъ совершаются перемѣщенія болѣе или менѣе значительныхъ народныхъ группъ, которыя инфильтрируются среди чуждаго ему коренного населенія той или иной мѣстности, но это мало кѣмъ замѣчается. Такъ у насъ въ Россіи то какіе нибудь чехи осядутъ въ юго-западномъ краѣ, то латыши перекинутся въ Смоленскую губернію, то какой нибудь ревнитель своего народа въ родѣ покойнаго академика-художника Кёлера-Вильянди создастъ цѣною собственнаго разоренія цѣлую эстетскую колонію въ Крыму, и такимъ явленіямъ нѣсть числа. То же совершается въ Германіи и если, съ одной стороны, избытокъ тамошняго населенія стремится себѣ создать новый кровъ, колонизируя Америку, Африку и Малую Азію, а другіе проявляютъ Drang nach Osten и выдвѣряются въ Россіи, то въ той же Германіи за послѣднія десятилѣтія замѣчается крайне любопытное явленіе: подъ вліяніемъ подъема промышленности и

усовершенствованія способовъ сообщенія, становится все ощутительнѣе оживленіе промышленныхъ центровъ и угнетеніе сельскаго хозяйства. Городское населеніе съ 1870-хъ годовъ непрестанно прогрессируетъ (въ 1871 г. оно составляло 36⁰/₀ общаго населенія, а въ 1890 г. достигло уже 47⁰/₀), такъ какъ изъ области, занимающейся сельскимъ хозяйствомъ, часть кореннаго населенія бѣжитъ, покидая земледѣльческій трудъ, и обращается къ болѣе легкимъ фабрично-заводскимъ «рукоделамъ».

Такимъ образомъ за пятилѣтіе 1895—1900 гг. выселилось изъ восточной Пруссіи 7,4⁰/₀ всего населенія, изъ Познани 7⁰/₀, изъ западной Пруссіи 4,6⁰/₀, изъ Помераніи 4,6⁰/₀ и изъ Силезіи 1¹/₂⁰/₀. Населеніе этихъ провинцій неудержимо перемѣщается отъ сѣверо-востока вдоль праваго и лѣваго береговъ Эльбы къ юго-западу, но по мѣрѣ приближенія къ юго-западной окраинѣ прусскаго государства, то-есть, въ Вестфалии и Прирейнской области, стремленіе къ переселенію совершенно ослабѣваетъ.

Въ то время, какъ коренное населеніе пяти восточныхъ провинцій Пруссіи проявляетъ стихійный *Drang nach Westen*, мѣстные сельскіе хозяева не досчитываются рабочихъ рукъ, и восполненіемъ этой убыли является притокъ изъ-за границы, изъ русской Польши и Галиціи, сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Прусское правительство, далеко не благосклонное къ усиленію польскаго элемента на восточной своей окраинѣ, усмотрѣло въ періодическомъ появленіи польскихъ рабочихъ изъ-за границы явленіе, настолько тревожное и нарушающее интересы нѣмецкой національности, что въ 1896 г. воспретило имъ приходъ на заработки въ Пруссію. Послѣ четырехъ лѣтъ строгаго соблюденія новаго закона онъ былъ отмѣненъ по ходатайству прусскихъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ дешевый трудъ пришлыхъ заграничныхъ рабочихъ является существеннымъ подспоріемъ въ виду убыли мѣстныхъ рабочихъ рукъ. Д-ръ Фридрихъ Штутцке на основаніи официальныхъ данныхъ, собранныхъ имперскимъ статистическимъ бюро и разными общественными учрежденіями, дѣлаетъ попытку выяснить въ экономическомъ и политическомъ отношеніи значеніе и размѣры притока заграничныхъ рабочихъ и воздѣйствій, имъ оказываемыхъ на нѣмецкое хозяйство (стр. 6).

Любопытныя цифровыя данныя, кропотливо собранныя д-ромъ Штутцке, представляютъ, правда, значительныя пробѣлы, но отрывочность ихъ объясняется тѣмъ, что часть собраннаго официальнымъ путемъ статистическаго матеріала сохраняется втайнѣ и не публикуется. Изъ выкладокъ, дѣлаемыхъ г. Штутцке, можно заключить, что притокъ иноземныхъ рабочихъ въ Пруссію гораздо значительнѣе, чѣмъ это оглашается; даже и въ тѣхъ гадательныхъ размѣрахъ, какіе позволяютъ установить запаздывающія и неполныя официальныя свѣдѣнія, безспоренъ знаменательный фактъ:

по мѣрѣ того какъ изъ восточныхъ провинцій Пруссіи убываютъ многіе десятки тысячъ мѣстнаго рабочаго населенія, на смѣну послѣднему прибываютъ постепенно все въ большемъ количествѣ рабочіе изъ-за границы, которые въ ближайшіе же годы и заполняютъ убыль въ рабочихъ рукахъ.

Русская Польша рабочихъ поставляетъ преимущественно въ Восточную Пруссію, Познань, Силезію, Гессенъ-Нассау и Ганноверъ; галиційскіе же рабочіе, не устраниая русскаго элемента, преобладаютъ въ Помераніи и Бранденбургѣ.

Въ Гессенъ-Нассау вербуемымъ чужеземнымъ рабочимъ гарантируется минимальный за весь сезонъ заработокъ — отъ 230 до 280 марокъ, въ другихъ же мѣстахъ поденная плата колеблется для мужчинъ отъ 90 пфениговъ до 2 марокъ, а для женщинъ отъ 70 пфениговъ до 1 марки 50 пфениговъ. Рабочіе получаютъ даровое помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и постелью, а содержаніе ихъ обходится почти повсемѣстно около 45 пфениговъ въ день на человѣка. Работодатели оплачиваютъ рабочимъ проѣздъ и путевое довольствіе въ одинъ конецъ, если рабочіе среди лѣта нарушатъ контрактъ, и въ оба конца при соблюденіи контракта до конца. Рабочій день опредѣляется въ 12 часовъ; нѣкоторыя работы поручаются сдѣльно; за работу въ сверхурочные часы платится особое вознагражденіе; въ общемъ чистый заработокъ иноземныхъ рабочихъ превышаетъ 300 марокъ въ сезонъ. (Если принять во вниманіе, что на мѣстѣ въ польскихъ губерніяхъ заработная плата настолько дешева, что поденщикъ получаетъ копеекъ 15, 20, — отхожій промыселъ несомнѣнно представляетъ значительныя преимущества).

Хотя пришлые славянскіе рабочіе въ работоспособности уступаютъ нѣмцамъ, оказываются неподготовленными для болѣе сложныхъ сельско-хозяйственныхъ работъ и проявляютъ нѣкоторую вялость вслѣдствіе заморенности, хозяева легко примиряются съ этими недочетами. Поводовъ ко взаимнымъ недоразумѣніямъ почти не возникаетъ, съ одной стороны, потому, что взаимныя отношенія закрѣпляются безобиднымъ для обѣихъ сторонъ образомъ въ письменныхъ договорахъ (образцы ихъ Штутцке приводитъ), а, съ другой, потому, что экономіи, употребляющія иноземныхъ рабочихъ, держатъ приказчиковъ и надсмотрщиковъ, владѣющихъ польскимъ языкомъ, что облегчаетъ сношенія съ рабочими.

Хотя по отношенію къ чужеземнымъ рабочимъ рекомендуется нѣкоторая суровость, но главнымъ образомъ въ предупредительныхъ цѣляхъ, чтобы не разбаловались, — въ общемъ же нравственное поведеніе рабочихъ не подаетъ повода къ жалобамъ: мужчины не грѣшатъ особенно пьянствомъ, а женщины ведутъ себя вполне добропорядочно. Умственный уровень рабочихъ низокъ, но неоднократно посѣщенія Германіи существенно способствуютъ поднятію

культурнаго и духовнаго строя пришлецовъ. Съ особенною похвалою отзываются прусскіе работодатели о бережливости пришлыхъ рабочихъ, которая позволяетъ имъ весь почти полностью заработокъ увозить обратно на родину.

Добросовѣстное изученіе предмета приводитъ Штуттке къ выводу, чуждому всякаго славянофобства: такъ какъ притокъ въ Пруссію рабочихъ изъ Россіи и Галиціи отвѣчаетъ насущной потребности нѣмецкаго сельскаго хозяйства вслѣдствіе убыли мѣстныхъ рабочихъ рукъ, то онъ экономически безусловно оправдывается вопреки узко-націоналистическимъ предубѣжденіямъ иныхъ нѣмцевъ; если періодически изъ года въ годъ повторяющаяся возможность заручиться порядочнымъ заработкомъ удовлетворяетъ пришлыхъ рабочихъ, то ихъ дешевый, по нѣмецкой расцѣнкѣ, трудъ представляетъ существенныя выгоды для сельскихъ хозяевъ; для послѣднихъ это тѣмъ важнѣе, что жалобы на обезлюдѣніе восточныхъ провинцій не прекращаются, и мѣры, принимаемыя правительствомъ и провинціальными сельско-хозяйственными палатами къ удержанію мѣстнаго сельскаго населенія на поприщѣ исконной трудовой его дѣятельности, повидимому, остаются безрезультатными. А между тѣмъ провинціальныя сельско-хозяйственныя палаты споспѣшествуютъ образованію дѣтей поселянъ, содѣйствуютъ предоставленію послѣднимъ усадебныхъ участковъ на льготныхъ условіяхъ, установленію долгосрочныхъ договорныхъ соглашеній съ помѣщиками и оказанію большимъ и увѣчнымъ пособіи изъ особаго фонда и пр. пр.

Такого же спеціальнаго и узкаго вопроса касаются многочисленныя брошюры, наводяющія европейскій книжный рынокъ безъ всякой пользы для дѣла, которому онѣ якобы служатъ. Въ сущности «Финляндскій вопросъ» финноманами раздутъ не по достоинству, и эдукбраціи, ими вдохновляемыя, не заслуживали бы и вниманія, если бы не плодились и не повторялись съ настойчивостью, достойною лучшаго употребленія. Перечислять всю эту зарубежную литературу нѣтъ надобности, и мы ограничимся лишь указаніемъ въ заголовкѣ произведеній, по внѣшности какъ будто бы и заслуживающихъ вниманія.

6. W. van der Vlugt (dr. de l'univers. de Liège). Le conflit finlandais envisagé au point de vue juridique.

F. Moreau (pr. à la faculté d'Aix). La question finlandaise.

L. Michoud (pr. à la faculté de droit de Grénoble). A. de Lapradelle (pr. agrégé de dr. publ. à la fac. de Grénoble). La question finlandaise.

Каждый изъ насъ отъ молодыхъ ногтеѣй научается вѣрить ряду положеній, которымъ придается значеніе непреложныхъ истинъ, хотя зачастую, по ближайшемъ разсмотрѣніи, такія непреложныя истины оказываются, по меньшей мѣрѣ, сомнительными. Къ числу

такихъ понятій принадлежитъ и «общественное мнѣніе», предъ судомъ и голосомъ котораго полагается трепетать и преклоняться. Составляясь это общественное мнѣніе впрямь самобытно и стихійно, всякій предъ нимъ преклонился бы, какъ это дѣлается въ рѣдкихъ проявленіяхъ народнаго самосознанія, но, къ сожалѣнію, пресловутое общественное мнѣніе подъ вліяніемъ слуховъ, газетныхъ сообщеній, летучихъ листовъ и брошюръ создается совершенно искусственно, и въ то время, какъ общество равнодушно проходитъ мимо вопіющаго зла, оно неожиданно, словно по щучьему велѣнію, ополчается въ защиту или въ порицаніе какой нибудь бѣды, несравненно менѣе важной. Такая непослѣдовательность обуславливается тѣмъ, что разъ болѣе или менѣе значительная общественная группа заинтересована и озабочена тѣмъ, чтобы возможно громче напумѣть по поводу тѣхъ или иныхъ явленій, факты подтасовываются, извращаются и претворяются въ чудовищную небылицу, которая предназначается для импонированія близорукимъ умамъ.

На глазахъ нашихъ современниковъ каждый день разыгрываются болѣе или менѣе тяжелыя трагедіи. Германія безъ всякихъ церемоній вводила нѣмецкіе распорядки въ Эльзасъ и Лотарингіи и о пощадѣ франкофильскихъ чувствованій новыхъ своихъ подданныхъ знать ничего не хотѣла; въ ближайшее въ намъ время она столь же рѣшительно и послѣдовательно выдворяла изъ Познани возможно большую часть польскаго населенія, отгягивая се въ Прирейскій край. Англія въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ, постоянно возвеличивая престижъ правительственныхъ агентовъ британской крови, низводила и низводитъ значеніе мѣстныхъ чиновниковъ индусскаго происхожденія до явной несправедливости, упраздняетъ разныхъ раджей или сводитъ ихъ самостоятельность къ нулю и, можно сказать, на-дняхъ еще, преслѣдуя интересы колониальной своей политики, стерла съ лица земли независимость южно-африканскихъ республикъ. Сѣверо-Американскіе Штаты съ такою же безжалостною послѣдовательностью занимаются линчированіемъ чернокожихъ своихъ гражданъ. Всѣ такія трагедіи, однако же, признаются явленіями заурядными; о нихъ мало распространяются въ преклоненіи предъ давнишними аксіомами политической мудрости: «*dura lex, sed lex*»; «*salus publica—suprema lex*» и т. п. Если порою и слышатся голоса протеста, то быстро приводятся къ молчанію предъ общепризнаннымъ началомъ здравой общественности, что всякое государство въ силу своей автономности въ правѣ, по мѣрѣ крайняго своего разумѣнія, вводитъ у себя такіе распорядки, какіе почитаетъ за благо, хотя бы и ограничивая своихъ подданныхъ и подвластныхъ племена въ правахъ и преимуществахъ, такъ какъ въ политикѣ не существуетъ абсолютныхъ принциповъ, и извѣстный строй, отвѣчающій потребностямъ одного государства

или одной эпохи, оказывается непригоднымъ для общественныхъ интересовъ всей совокупности гражданъ другой эпохи. Все это такіе трюизмы, которые давнымъ давно извѣстны и всюду проводятся на дѣлѣ. Достаточно, однако же, чтобы на пространствахъ Россійской имперіи сказались какія нибудь мелкія домашнія дрязги, и непризнанные судьи ея государственныхъ видовъ тутъ какъ тутъ являются съ суесловными разсужденіями до миража вѣшнихъ вѣшателствъ и воздѣйствій включительно. Во время польскаго возстанія 1863 года Наполеонъ пытался застрачивать насъ европейскою коалиціею; усмиренія среднеазіатскихъ кочевниковъ и присоединеніе пустынныхъ захолустныхъ ихъ владѣній, ради предотвращенія набѣговъ на пограничныхъ русскихъ подданныхъ, вызывали парламентскія интерпелляціи, дипломатическія нотификаціи и т. д.; даже евреи, послѣ погромовъ, на нихъ обрушивавшихся, агитировали въ пользу вѣшателства Европы ради дарованія имъ въ Россіи политическихъ и гражданскихъ правъ большей широты.

О такомъ же явленіи въ новомъ болѣе усовершенствованномъ изданіи свидѣтельствуетъ западно-европейская литература за послѣдніе годы.

«По непреложнымъ судьбамъ Вышняго оружіемъ нашимъ покоренная и отвоеванная у шведовъ Финляндія воспріяла навсегда свое мѣсто въ средѣ народовъ, скипетру русскому подвластныхъ и единую имперію составляющихъ»,—гласитъ манифестъ 5 іюня 1808 г.; поэтому нашъ извѣстный юристъ, профессоръ Н. С. Таганцевъ, утверждаетъ, что государственное положеніе финляндскихъ гражданъ послѣ 1809 г. въ средѣ другихъ народовъ имперіи явилось послѣдствіемъ воли и усмотрѣнія державныхъ государей Россіи. Послѣдовательно исходившія отъ нашихъ государей новымъ ихъ завоеваннымъ подданнымъ обѣщанія хранить религію, законы, права и преимущества сословіи Финляндіи и каждаго гражданина въ частности ни въ чемъ не нарушались, но, очевидно, эти обѣщанія не могли быть понимаемы въ томъ смыслѣ, чтобы наши государи обязывались хранить ненарушимо на всѣ предбудущія времена букву всѣхъ шведскихъ узаконеній, дѣйствовавшихъ въ моментъ присоединенія Финляндіи.

Такъ какъ русское правительство никогда не злоупотребляло правомъ сильнаго, то Финляндіи невозбранно предоставлялось пользоваться тѣми правовыми установленіями («конституціями»), какія выработались въ ней исторически. Исторически же наиболѣе существеннымъ изъ удержавшихся по завоеваніи Финляндіи русскимъ оружіемъ шведскихъ законовъ явилось Шведское Уложеніе, принятое риксдагомъ въ 1734 г. и утвержденное манифестомъ шведскаго короля Фридриха 23-го января 1736 г. Очевидно въ ту пору ни о какой конституціи, въ точномъ смыслѣ слова, и помину не было, во-первыхъ, потому, что Финляндія у Швеціи находилась

въ такомъ же порабощеніи, какъ Ингерманландія, Карелія и Эстляндія, а, во-вторыхъ, и потому еще, что западно-европейское конституціонное право, опирающееся на теоріи общественнаго договора, было пущено въ обиходъ въ эпоху великой французской революціи и выработалось окончательно лишь въ первой половинѣ XIX вѣка.

За послѣдніе годы минувшаго XIX в., когда, по поводу установленія болѣе тѣснаго единенія великаго княжества съ прочими частями Россійской державы, былъ возбужденъ вопросъ о политическомъ положеніи Финляндіи въ учрежденномъ по высочайшему повелѣнію особомъ совѣщаніи по введенію въ дѣйствіе новаго Финляндскаго уголовного уложенія, это совѣщаніе нашло, что Финляндія есть нераздѣльная часть единаго Россійскаго государства, пользующаяся самостоятельнымъ управленіемъ лишь по внутреннимъ своимъ дѣламъ и имѣющая особое только въ отношеніи сихъ дѣлъ мѣстное законодательство.

Вотъ тутъ-то финноманскіе конституціоналисты и стали усиленно ссылаться на неизбежность устоевъ, якобы непреложно обезпечивающихъ княжеству его частью обветшавшія, частью сомнительныя по существу вольности, хотя ранѣе, пока не затрогивались принципиально и въ корни эти вольности, даже такія явленія, какъ присоединеніе, на примѣръ, части Выборгской губерніи къ Петербургской (въ 1864 г.), не вызывали у финновъ никакихъ протестовъ. Теперь же компетентность русскихъ ученыхъ (Ордина, проф. Таганцева, Сокольскаго, Коркунова, гг. Еленева и Башмакова), изучавшихъ спеціально вопросъ о финляндскихъ притязаніяхъ и отнесшихся къ нимъ отрицательно, опорочивается; финляндскіе же ученые (Мехелинъ, Германсонъ, Даниельсонъ, Коскиненъ, Кастаенъ) отъ разсмотрѣнія вопроса съ точки зрѣнія практическихъ политическихъ требованій имперіи уклоняются и переходятъ на безконечныя и безплодныя словопренія о существѣ государственной связи, соединяющей Финляндію съ Россією, и о юридической правомѣрности требованій послѣдней. Въ концѣ концовъ дѣло, могущее разрѣшиться лишь по требованіямъ политическихъ видовъ, переносится въ область тонкихъ и мудреныхъ толкованій юридическихъ понятій и ихъ признаковъ. Съ этой же стороны берутся за изученіе вопроса западно-европейскіе публицисты, усматривая въ неопредѣленномъ положеніи Финляндіи (провинціи или полу-сувереннаго княжества) крайне любопытную задачу теоріи государственнаго права (Michoud, стр. 6). Въ сущности же эти праздыя академическія разсужденія (пересыпанныя сентиментальными соболѣзнованіями о попираніи якобы державныхъ правъ княжества, прибавимъ мы отъ себя) вертятся исключительно на юридическихъ тонкостяхъ («subtilités juridiques») (Michoud, стр. 27).

Не пролили особеннаго свѣта на судьбы финляндскаго вопроса и авторы сочиненій, поставленныхъ въ заголовкѣ.

Къ уясненію вопроса очень мало служитъ привлеченіе такихъ постороннихъ предмету темъ, какъ подробное изложеніе содержанія «Московского сборника» К. П. Побѣдоносцева (у ф.-д.-Флугга), и только по временамъ случайно, противъ воли, у авторовъ прорываются нотки, указывающія на то, что про себя они прекрасно разумѣютъ, какъ стоитъ дѣло.

Что съ общегосударственной имперской точки зрѣнія не можетъ быть терпимо такое положеніе окраины, примыкающей почти къ столицѣ и обладающей огромною береговою линіею и прекрасными способами сообщеній, которая, ссылаясь на свои вольности, можетъ ничего не предпринимать для охраны своей границы, уклоняться отъ несенія общей воинской повинности, удерживать особую монетную единицу и пр., ясно само собою. Тѣмъ не менѣе витающему въ области отвлеченныхъ теорій профессору Мишу представляется нежелательнымъ подвергать Финляндію «фатализму исторіи» и «тиранніи государственныхъ системъ» (стр. 27).

Что въ сохраненіи сепаратистскихъ стремленій масса финляндскаго населенія заинтересована очень мало, про то знаетъ всякій, кто читаетъ газеты, и кто, пользуясь близостью финляндскихъ дачныхъ мѣстъ, переключивается туда на лѣтній отдыхъ: никакого народнаго антирусскаго движенія въ массѣ не замѣчалось и не замѣчается. Что въ противодѣйствіи русской объединительной политикѣ повинно лишь высшее сословіе, на то намекаетъ и фанъ-деръ-Флуггъ. Признавая архаичность правительственной организаціи Финляндіи, онъ усматриваетъ особенное преимущество за финляндскимъ строемъ въ томъ, что привилегированное меньшинство бароновъ и духовныхъ лицъ можетъ навязывать свои рѣшенія большинству (стр. 47).

Вотъ именно благодаря шведоманской аристократической агитаціи, перемѣстившейся за границу, внутри княжества и производились попытки къ уклоненію отъ выполненія высочайшихъ манифестовъ (по отбыванію воинской повинности), тогда какъ изъ-за границы дѣлались и дѣлаются литературные опыты вводить общественное мнѣніе въ заблужденіе защитой на разные лады притязаній финляндцевъ и поощреніемъ ихъ къ неповиновенію тому, что предпринимается въ цѣляхъ охраненія общегосударственныхъ интересовъ имперіи. Впрочемъ, фанъ-деръ-Флуггъ меланхолически сознается, что если русское правительство и впредь настойчиво будетъ проводить ту политику, которой нынѣ придерживается, то финляндское населеніе не въ состояніи окажется долго бороться съ этими вѣяніями (стр. 201).

«И слава Богу!» на самомъ дѣлѣ скажетъ это населеніе, когда прекратятся наконецъ происки носителей шведско-финскихъ традицій,—совершенно такъ же, какъ отнеслось массовое населеніе прибалтійскихъ окраинъ къ зарубежной агитаціи остзейскихъ бароновъ.

Разительное исключеніе среди западно-европейскихъ криво-толковъ о финляндскихъ дѣлахъ составляетъ вышедшая на этихъ дняхъ въ Берлинѣ брошюра барона фонъ-Фалькенегга.

7. Baron von Falkenegg. Die finnische Frage in völker-und staats rechtlicher Beleuchtung. Berlin. R. Boll's Verl. 1903, in-8°.

Изъ ряда историческихъ справокъ авторъ выводитъ заключеніе, что на всемъ протяженіи исторіи человѣчества, поскольку таковая опредѣлялась военными удачами и бѣдствіями, могуществомъ и слабостью, повсюду государственный строй обуславливался волею тѣхъ, кто обладалъ болѣею силою (стр. 6).

Потребность въ расширеніи (Expansionsbedürfniss) нерѣдко являлась рѣшающимъ моментомъ даже для полного подчиненія такихъ государствъ, которыя, находясь къ болѣе могущественному сосѣду въ отношеніяхъ данничества, сохраняли свои державныя права (tributäre Suveränitätsverhältnisse) (стр. 7). Даже болѣе того, Франція, Англія, Германія и Италія никогда не останавливались предъ упраздненіемъ независимости и поглощеніемъ мелкихъ государствъ, разъ дѣло шло о томъ, чтобы обезпечить торжество началу государственнаго единства (Einheitsgedanke) (стр. 40). Самая идея государственности, какъ она повсюду исторически сложилась, требуетъ, чтобы въ предѣлахъ одинаго и цѣльнаго государственнаго организма отношенія между частями его и цѣлымъ устанавливались, отвѣчая возможно полнѣе цѣлямъ и интересамъ цѣлаго (Reichsganze) (стр. 8).

Разсматривая съ этой точки зрѣнія финляндскій вопросъ, получимъ результаты, не похожіе на тѣ, какими щеголяютъ близорукіе хулители «московитской отсталости», — въ области государственнаго управленія отсталость Россіи не болѣе, какъ предубѣжденіе: такіе органы самоуправленія, какъ русскій «миръ» или «земство», являются установленіями, значительно опередившими общественность иныхъ странъ Западной Европы (стр. 9, 10).

Единственно недостаточная освѣдомленность въ фактахъ исторіи вводитъ европейцевъ въ заблужденіе насчетъ того, будто бы Финляндія—государство независимое, безъ крайности и по доброй волѣ объединилась съ Россіею путемъ уніи, при чемъ имперія и княжество выдаются за равноправные факторы государственнаго единенія (стр. 13).

На самомъ дѣлѣ отношенія обоихъ этихъ факторовъ сложились иначе.

Показавъ въ рядѣ историческихъ фактовъ, что Россія съ XVI по XIX в. вела непрестанныя войны въ интересахъ завоеванія финскаго побережья, такъ какъ финляндская окраина для округленія сѣверныхъ предѣловъ Россійской имперіи являлась гораздо болѣе нужной, чѣмъ для государственнаго организма Швеціи (стр. 13—15), баронъ ф.-Фалькенеггъ заключаетъ свой обзоръ

отвѣчающимъ исторической истинѣ выводомъ, что въ 1808 году Финляндія была окончательно отторгнута у шведовъ силою русскаго оружія. Разсматривая же обстоятельства того времени съ трезвой исторической точки зрѣнія, внѣ всякихъ сентиментальностей, несомнѣннымъ оказывается, что Финляндія въ 1808 г. была покинута на произволь побѣдителей (auf Gnade und Ungnade); въ кровавой войнѣ этой шведы и финны настолько были побиты, что, вздумай русскіе побѣдители тогда же упразднить всѣ мѣстныя права и законы Финляндіи, никто и пальцемъ бы не пошевелинулъ въ ихъ защиту (стр. 41).

Независимостью Финляндія издавна не пользовалась, но была шведскою провинціею и обладала провинціальнымъ, установившимся по преданію мѣстнымъ правомъ. Сохраняя за завоеванною въ 1808 году областью провинціальныи же характеръ, русское правительство для высшаго управленія ею учредило должность генералъ-губернатора и совѣтъ, съ 1816 года преобразованныи въ императорскій сенатъ по финляндскимъ дѣламъ. Одинъ уже этотъ фактъ опровергаетъ конституціонныя притязанія финляндцевъ, такъ какъ нигдѣ и никогда не видано, чтобы конституціонное государство начинало самобытное существованіе съ учрежденія генералъ-губернаторской власти и сената (стр. 41).

Насколько претензіи финляндскихъ законовѣдovъ и государственныхъ людей призрачны, явствуетъ изъ того уже, что сами они другъ съ другомъ согласиться не могутъ насчетъ того, какое собственно положеніе должно быть усвоено за Финляндіею въ смыслѣ политико-государственного организма: одни увѣряютъ, будто Финляндія — государство самостоятельное и связано съ Россіею на правѣ личной уніи; другіе видятъ въ этомъ союзѣ унію реальную; третьи открываютъ въ великомъ княжествѣ своеобразный «фрагментъ» государственнаго бытія и т. д. (стр. 43).

Въ сущности же притязанія эти имѣютъ подкладку болѣе простую и ужъ если говорить о финляндскомъ вопросѣ, то слѣдуетъ его квалифицировать, какъ вопросъ финно-шведоманскій.

Агитація противъ вполне разумнаго обрусѣнія ведется гораздо болѣе со стороны мѣстныхъ правящихъ классовъ, чѣмъ со стороны народной массы финскаго населенія. Шведы и ранѣе, да и теперь еще преобладаютъ въ высшемъ сословіи княжества и не хотятъ примириться съ мыслью объ утратѣ господствующаго вліянія въ пользу русской государственной власти. Ознакомленіе съ данными племеннаго состава населенія Финляндіи проливаетъ свѣтъ на отношеніе, въ какомъ шведскія «сливки общества» стоятъ къ финской массѣ населенія.

Въ Финляндіи населеніе исчисляется въ количествѣ 2.380.000 душъ; изъ нихъ финновъ—2.050.000, а шведовъ—320.000; въ составъ сельскихъ общинъ входитъ 1.900.000 финновъ и 240.000 шве-

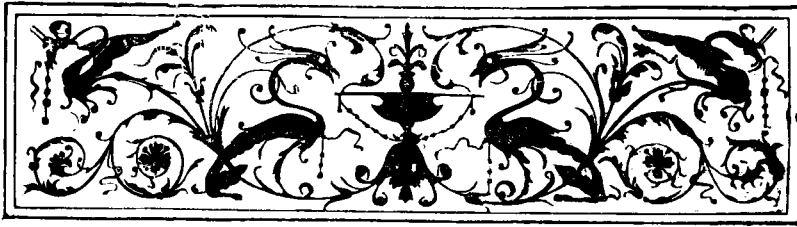
довъ; въ городахъ же на 150.000 финновъ приходится 79.000 шведовъ¹⁾). Поэтому-то въ городахъ шведское вліяніе сказывается сильнѣе, чѣмъ въ деревняхъ, и является въ первыхъ дѣятельно агитирующимъ и непріязненнымъ Россіи элементомъ. Хотя финляндскій общественный дѣятель I. В. Снелльманъ и вызвалъ, въ свое время, къ жизни среди мѣстныхъ интеллигентовъ народную финскую партію, пытавшуюся отнять у шведомановъ вліяніе на общественныя дѣла, тѣмъ не менѣе за послѣдніе годы шведоманы и финноманы болѣе или менѣе дружно сплачиваются въ попыткахъ отвратить обрусѣніе (стр. 43—46).

А между тѣмъ само географическое положеніе Финляндіи дѣлаетъ ее форпостомъ императорской столицы, тѣмъ болѣе опаснымъ, что княжество представляетъ выгоды и удобства для внѣшнихъ нападений, а это ставитъ Россію въ необходимость болѣе цѣлесообразнаго устройства военной части на этой именно окраинѣ. Россія имѣетъ всѣ основанія,—не только въ силу своего могущества, но и въ силу неотъемлемыхъ и принадлежащихъ ей одной державныхъ правъ,—озабочиваться такимъ устройствомъ и видоизмѣненіемъ военныхъ распорядковъ на этой окраинѣ, какіе наиболѣе отвѣчаютъ интересамъ имперіи, и только смѣшною притязательностью является распространяться въ академическихъ разсужденіяхъ о правонарушеніи «основныхъ» интересовъ, разъ Финляндія была не болѣе какъ провинціею, подвластною Швеціи, и такое же положеніе занимала въ составѣ Россійской имперіи цѣлый почти вѣкъ (стр. 50—51).

Русскій читатель, конечно, согласится, что такого безпристрастія и яснаго разумѣнія истинной сути вопроса довольно трудно было ожидать отъ иностранца-нѣмца: баронъ ф.-Фалькенеггъ совершенно недоумѣваетъ, какое можетъ быть дѣло европейскимъ публицистамъ и политикамамъ до частнаго вопроса, принадлежащаго всецѣло къ компетенціи русскаго административнаго права.

В. Ш.

¹⁾ Общій смыслъ приводимыхъ барономъ фонъ-Фалькенеггомъ данныхъ совпадаетъ со свѣдѣніями, собранными въ только что вышедшемъ демографическомъ изслѣдованіи профессора Лундскаго университета Поутуса Фальбека (*Der Adel Schwedens und Finnlands*. Iena. Fischer's Verlag. 1903), къ которому мы, быть можетъ, вернемся въ январьской книжкѣ. Численный составъ финляндской знати (почти исключительно шведскаго происхожденія) Фальбекъ исчисляетъ въ 4.000 д. обоюго пола; 90% членовъ привилегированнаго сословія имѣетъ пребываніе въ городахъ и всего лишь 10% проживаетъ по деревнямъ (стр. 354, 275). Остальная масса шведовъ представляетъ культурный классъ чиновничества, купечества и свободныхъ профессій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

С. А. Бѣлокуровъ. Изъ духовной жизни Московскаго общества XVII вѣка. Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1903.

НИГА ЭТА—сборникъ статей, ранѣе помѣщенныхъ въ «Чтеніяхъ» императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Большая часть ея (стр. 85—295 и прил. 1—300) посвящена изслѣдованію о жизни въ Россіи Юрія Крижанича. Интересъ къ этому во многихъ отношеніяхъ загадочному чело-вѣку возникъ еще въ XVII вѣкѣ, благодаря его блистательнымъ историко-публицистическимъ трудамъ, имѣвшимъ обширный кругъ читателей, проникшимъ въ бібліотеку «канцлера» временъ правленія царицы Софіи—великаго В. В. Голицына и «на верхъ» къ царю. Въ теченіе XVIII и XIX вѣка образовалась многотомная литература о Крижаничѣ, въ которой выдающееся мѣсто занимаютъ труды П. Безсонова. Крижаничъ въ ней разсматривается, какъ первый панславистъ, возлагавшій на Россію высокую миссію объединенія славянъ, для чего ей необходимо и самой просвѣтиться западно-европейской культурой. На него указывали, какъ на энтузіаста, готоваго для достиженія намѣченной высокой цѣли жертвовать всеми благами жизни и даже ею самой. Высказывалось также предположеніе, что взгляды Крижанича на необходимость реформировать Россію вліяли сначала на предшественниковъ Петра I, а потомъ и на дѣятельность великаго преобразователя. Въ книгѣ г. С. Бѣлокурова выражень совсѣмъ иной взглядъ на личность Крижанича, основанный на точномъ фактическомъ установленіи побужденій, приведшихъ его въ Россію. Обзоръ печатныхъ источниковъ, сдѣланный С. А. Бѣлокуровымъ, представляетъ полный и критически обработанный сводъ мнѣній о Крижаничѣ, важная съ XVIII вѣка и вплоть до на-

шихъ дней. Оказывается, что до труда г. Бѣлокурова въ печати знали лишь три факта изъ жизни Крижанича: прїѣздъ его въ Россію, ссылку и возвращеніе изъ Сибири. Обозрѣвъ печатные труды о Крижаничѣ, С. А. Бѣлокуровъ отмѣчаетъ, что общее ихъ свойство—обиліе сужденій относительно сочиненій и взглядовъ Крижанича, при крайней скудости біографическихъ данныхъ о немъ. Это замѣчаніе можно распространить на большинство многочисленныхъ монографій, посвященныхъ жизнеописанію дѣятелей XVII вѣка: дореформенная Русь мало дорожила біографическими данными, а дѣло ихъ возстановленія сопряжено съ огромными трудностями. С. А. Бѣлокуровъ, ясно намѣтивъ цѣль своего изслѣдованія—дать по возможности полный очеркъ жизни Крижанича въ Россіи, въ теченіе 10-ти лѣтъ неуклонно стремился къ достиженію ея, читая, разыскивая, изучая все, что можно было найти о Крижаничѣ въ печати или рукописяхъ, хранящихся въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ. Архивныя данныя, открытыя г. Бѣлокуровымъ, богаты фактами и проливаютъ свѣтъ на многое, прежде неясное и необъяснимое въ жизни Крижанича; но дались они съ большимъ трудомъ. Работающіе въ архивахъ Россіи знакомы съ тѣми затрудненіями, которыми обставлены научныя изысканія по отечественной исторіи. Вотъ что пишетъ г. Бѣлокуровъ, говоря объ описяхъ архива министерства юстиціи, по которымъ отыскиваются нужные документы: «описи эти, и особенно столбцовъ, отличаются тѣмъ же качествомъ, что и многія другія описи того же архива: пользуясь ими, весьма трудно найти искомое»... «При такомъ плохомъ руководствѣ занятія по отысканію здѣсь документовъ можно сравнить съ поисками булавки въ дремучемъ лѣсу»... С. А. Бѣлокуровъ, преодолевъ много трудностей, извлекъ изъ архивовъ такъ много данныхъ о Крижаничѣ, что онъ теперь выступаетъ въ совѣтѣ мною видѣ, чѣмъ прежде, и, такъ какъ изслѣдованіе г. Бѣлокурова основано на архивныхъ данныхъ, можно думать, въ болѣе соответствующемъ дѣйствительности освѣщеніи. Прежде всего надо отмѣтить противорѣчіе между показаніями Крижанича въ Московскомъ посольскомъ приказѣ съ официальными данными его біографіи. На основаніи послѣднихъ г. Бѣлокуровъ выяснилъ, что Крижаничъ — воспитанникъ Загребской католической семинаріи, закончившій образованіе въ Вѣнѣ и Болоннѣ, ознакомившись съ трудами А. Поссевина и другихъ о Московіи, проникся мыслью «разрушить схизму» и обратился съ этой цѣлью къ изученію славянскаго языка. Въ запискѣ, поданной Крижаничемъ префекту конгрегациі, кардиналу Антовіо Барберини, въ 1641 году, говорится: «хотя многочисленныя народы князя московскаго стали извѣстны и позже, и, можетъ быть, съ меньшею точностью, нежели сама Индія», тѣмъ не менѣе апостольскій престолъ многократно пытался обратить русскихъ схизматиковъ въ истинную вѣру». Поѣздка Крижанича въ Москву— тоже одна изъ этихъ многочисленныхъ попытокъ. Московія, только что открытая Западомъ, првлекала къ себѣ умы людей. Немного позже Крижанича, другой фанатикъ— Квиринъ Кульманъ, устремился въ Россію распространять свои вѣрованія, за которыя онъ не колебался выдержалъ пытки въ Московскомъ застѣнкѣ и сгорѣлъ въ срубѣ на Красной площади. Между Квириномъ Кульманомъ и Крижаничемъ — глубокая пропасть. Одинъ является, какъ смѣлый пророкъ, ослѣпленный своими идеями, не же-

лающій считаться съ фактами и дѣйствительностью, съ той средой, въ которой раздается его проповѣдь,—другой идетъ не для открытаго распространенія своей вѣры («какое дѣло я никогда бы и не помыслилъ взять на себя»), а лишь «увѣщевать» русскихъ просвѣщаться въ нравственномъ и умственномъ отношеніи, рассчитывая, что тогда они естественно отпадутъ отъ заблужденія въ вѣрѣ: «Я имѣю въ виду,—писалъ онъ,—вовсе не упоминать о схизмѣ, а только буду увѣщевать ихъ въ добродѣтеляхъ и внушать имъ ненависть къ порокамъ». Крижаничъ отказывался отъ проповѣди въ церкви, но, описывая всемогущество московскаго царя, рассчитывалъ пребывать только при дворѣ. Въ Москву онъ думалъ проникнуть или черезъ Константинополь съ купцами или, пославъ царю книгу съ льстивымъ и высокопарнымъ предисловіемъ, предложить государю свои услуги въ качествѣ переводчика, воспитателя дѣтей, или, посланника. Онъ надѣялся стать совѣтникомъ московскаго царя и, дѣйствуя на него, устроить обращеніе русскаго народа въ католичество. Крижаничъ собирался писать особыя похвалы современному и древнимъ царямъ московскимъ, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, а если можно будетъ, то «представить на сценѣ нѣкоторые подвиги ихъ святыхъ и князей». Два года онъ усердно изучалъ специально славянскій языкъ, греческому онъ учился вмѣстѣ съ дѣтьми... здѣсь видна тонко обдуманная въ теченіе многихъ лѣтъ, рассчитанная на вѣрный успѣхъ программа окатоличенія Москвы. Крижаничъ писалъ въ 1646 году: «Я хочу себя посвятить и приложить всего въ качествѣ орудія для архіепископа русскаго». Пламенно рвался онъ въ Москву, но ему мѣшали бѣдность и долги. Въ 1647 году, наконецъ, хотя не надолго, ему удалось побывать въ Москвѣ съ посольствомъ Паца и Техановича. Ознакомившись съ Кирилловой книгой, направленной противъ католицизма, Крижаничъ предлагалъ римскому престолу опровергать эту «огромную книгу, наполненную клеветъ, брани, злобныхъ басень и кощунствъ, до сихъ поръ никогда еще не слыханныхъ католиками». Болѣзнь помѣшала ему выполнить это намѣреніе. Однако, съ 1651 г. Крижаничъ, поселившись въ Римѣ, переводилъ съ латинскаго, съ греческаго и русскаго полемическія противъ латинянъ сочиненія. Поводъ ко второй поѣздкѣ Крижанича подала вѣсть объ открытіи въ Москвѣ философской школы, разнесшаяся, благодаря сочиненію А. Оларія. Черезъ Малороссію, охваченную въ то время распрей изъ-за Выговскаго, Крижаничъ направился въ Москву, куда прибылъ въ сентябрѣ 1659 г. Въ Москвѣ Крижаничъ предлагалъ правительству свое перо и званія для опроверженія слуховъ, распускаемыхъ о Москвѣ иностранными, особенно, польскими писателями, кромѣ того, онъ изъявлялъ желаніе написать сочиненіе о царскомъ титулѣ и просилъ назначить его царскимъ библиотечаремъ, переводчикомъ книгъ, поручивъ ему надзоръ за печатаніемъ Библии. Конечно, Крижаничъ не объявилъ о своей принадлежности къ католическому духовенству, такъ какъ онъ зналъ, что «если когда появляются католическія духовныя лица, то ихъ навсегда заточаютъ въ Бѣлоозеро, откуда имъ не выйти до конца жизни, или же велятъ прямо убивать ихъ». Но всѣ мечты, всѣ тонкіе расчеты Крижанича разбились прахомъ о русскую дѣйствительность: не мѣсто совѣтника царя ждало его въ Московіи, а ссылка въ Сибирь. Точная причина ея не разъ являлась цѣлью изслѣдованія въ научныхъ

работахъ, но и разбираемый трудъ г. Бѣлокурова не даетъ точнаго отвѣта на вопросъ, за что сослали Крижанича въ Тобольскъ. Въ его челобитной 1676 года Бѣлокуровъ находитъ два указанія на причины ссылки: указъ 169 года о выселеніи изъ Москвы холостыхъ нововыѣзжихъ иностранцевъ и «нѣкое глушое слово» Крижанича «нѣкоему господину», быть можетъ, истолкованное, какъ хула на царя. Въ Сибири Крижаничъ написалъ нѣсколько сочиненій оригинальнаго характера: полтику, грамматику, переводилъ, переписывалъ лѣтописи и дѣлалъ выписки изъ иностранныхъ писателей о Россіи. Попржежнему цѣль его жизни была Москва и дѣятельность въ ней. Въ ссылкѣ Крижаничъ пробылъ 15 лѣтъ. Она его немного охладила, разрушила его здоровье, пзнурила и ослабила энергію. Въ Москвѣ онъ уже не желаетъ оставаться, стремится за границу и открыто называетъ себя «римскаго костела каноникъ, попъ постриженный». Сначала его не отпускали, назначили переводчикомъ посольскаго приказа, но потомъ, съ перемѣной правительства, ему разрѣшили выѣздъ изъ Россіи. Тяжелыя неудачи, старость, слабое здоровье все же не окончательно отбили охоту у Крижанича стараться объ обращеніи русскихъ. До конца жизни онъ боролся, добиваясь устройства правильной полемики съ русскими схизматиками и пропаганды среди нихъ. Выѣхавъ въ 1678 году изъ Россіи, Крижаничъ вступилъ въ Доминиканскій орденъ, главной цѣлью котораго было миссіонерство, и пропизнесъ въ немъ свои обѣты. Однако, доминиканцы воспротивились продолженію дѣятельности Крижанича и убѣждали его навсегда оставить свои полемическія работы. Неугомонный миссіонеръ началъ борьбу съ ними, добиваясь возможности обличать православныхъ и проповѣдывать среди нихъ. Онъ «умолялъ съ плачемъ» разрѣшить ему посѣщеніе Рима, для отчета о его первой миссіи и испрошенія вторичной. Возникло длинное дѣло, но Крижаничу не суждено было вновь видѣть ни Москвы, ни Рима. Онъ умеръ на пути къ нему въ Вѣнѣ около 2-го сентября 1683 года. Такъ протекла жизнь этого своеобразнаго фанатика католицизма. «Не политика наполняетъ его сердце, не славянствомъ полна его душа». Всѣ его политико-экономическія, историческія и другія сочиненія имѣли одну цѣль—приобрѣсти большее довѣріе, чтобы затѣмъ въ опредѣленное время начать дѣйствовать «ad maiorem Dei gloriam». Къ такому взгляду на Крижанича приходитъ г. Бѣлокуровъ въ концѣ своего изслѣдованія.

Настоящій очеркъ С. А. Бѣлокурова является отличной иллюстраціей той пропаганды, которую направляла католическая церковь въ Россію; самъ Крижаничъ, какъ личность, показываетъ намъ, какихъ образованныхъ, ловкихъ, пзворотливыхъ и неутомимыхъ бойцовъ могла вырабатывать ея школа. Но съ основнымъ взглядомъ г. Бѣлокурова согласиться вполне нельзя.

Дѣятельность Крижанича въ Россіи была шпре, чѣмъ онъ ее представляетъ, и оставила болѣе глубокіе слѣды. Взгляды Крижанича не укладываются въ узкую схему католическаго міросозерцанія.

Въ немъ несомнѣнно жили и симпатія къ славянамъ и стремленіе къ преобразованію Россіи и къ тому, чтобы она заняла первенствующее мѣсто въ сферѣ европейскихъ государствъ. Къ статьѣ приложены: газетныя сообщенія П. А. Безсонова, свѣдѣнія объ его невышущенной работѣ касательно Крижанича; извѣстія о Крижаничѣ и Сибири у Витсена; Бесѣда ко черкасамъ; Статьи, опи-

санныя изъ Львова до Москвы; О лицахъ, сосланныхъ въ Тобольскъ за 1654—1662 гг.; О пребываніи Фридриха фонъ-Габеля въ Москвѣ въ 1676—1677 гг.; Записка Крижанича 1641 г.; Документы о Крижаничѣ изъ архива конгрегаціи пропаганды въры. О пребываніи Крижанича въ Москвѣ въ 1659—1660 гг. (дополнительные документы). Документы о Крижаничѣ, хранящіеся въ иностранныхъ архивахъ. Перечень документовъ, найденныхъ г. Блокуровымъ въ етолбцѣ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ.

Кромѣ статьи «Юрій Крижаничъ въ Россіи», въ книгѣ г. С. Блокурова находятся три статьи, написанныя по документамъ, найденнымъ среди дѣлъ тайнаго приказа.

I. «Сказаніе объ усненіи Пресвятой Богородицы, правленное царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ» (стр. 3—28). Статья эта начинается обзоромъ сказаній объ усненіи Пресвятой Богородицы, которыя г. Блокуровъ дѣлать на четыре редакціи. Древѣйшее изъ нихъ появилось не ранѣе V вѣка по Р. Хр. въ Греціи, откуда проникло со временемъ къ намъ. Въ дѣлахъ тайнаго приказа, среди бумагъ царя Алексѣя Михайловича, г. Блокуровъ нашелъ особое сказаніе, отличающееся отъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ. Оно представляетъ собою компилятивное литературное произведеніе, для составленія котораго послужили слова апостола Іоанна Богослова и Іоанна архіепископа Солунскаго, въ сильномъ сокращеніи. Къмъ составлено это сказаніе, неизвѣстно, но г. Блокуровымъ опредѣленно установлено, что его редактировалъ царь Алексѣй Михайловичъ. Желая объяснить происхожденіе новаго, имъ найденнаго сказанія и участіе въ исправленіи его самого царя, г. Блокуровъ высказываетъ предположеніе, что оно предполагалось для замѣны проложнаго сказанія, читаемаго въ Успенскомъ соборѣ за праздничной всенощной, или же служить оправданіемъ кievскаго изображенія усненія Пресвятой Богородицы (полный текстъ его на стр. 24—28), проникшаго въ то время въ Восточную Россію.

II. «О дѣяніяхъ Московскаго церковнаго собора 1649 г.» (стр. 30—52), посвященнаго вопросу о единогласіи, до труда г. Блокурова ничего не было извѣстно. Ему удалось найти въ государственномъ архивѣ очень пострадавшій отъ времени и наводненія 1824 года подлинникъ дѣяній этого собора. Столбцы, на которыхъ написано дѣяніе, «до того гнилы, что при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи бумага распадается». 1-я часть дѣяній совсѣмъ не сохранилась; текстъ остальнаго во многихъ мѣстахъ почти совсѣмъ стертъ. Однако г. Блокуровъ, путемъ привлеченія ранѣе извѣстныхъ фактовъ, отчасти возстановляетъ текстъ и опредѣляетъ по составу лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ, время созванія его—11-е февраля съ сборное воскресенье 1649 года. Созванъ онъ былъ по вопросу о единогласномъ пѣніи. Многогласіе — отправленіе службы разомъ въ нѣсколько голосовъ, ввелось въ Россіи издавна и широко распространилось. Благодаря ему, возникли «вездѣ брани, кличи, шумы, безчиніе, скорость въ пѣніи и во чтеніи и глаголаніи обещинныхъ, отнюдь не по уставу, забывъ страхъ Божій, всяко сіе къ нашей погибели содѣваемы... Вдругъ всѣ заговорятъ: ннѣ псалмы, ннѣ тропари, ннѣ псалтырь, ннѣ сѣдланы и каноны и ектеніи... гласа въ 3 и 4 и въ 5 и въ 6...». Борьбу противъ многогласія предпринялъ кружокъ, группировавшійся около царскаго

духовника Стефана Вонифатьева, ему, повидимому, принадлежит и починъ созыва собора для обсужденія вопроса о единогласіи. Приверженцы Стефана Вонифатьева встрѣтили противодѣйствіе со стороны патріарха Іосифа. Повидимому, благодаря существованію двухъ непримиримыхъ мнѣній, засѣданіе собора 1649 года было очень бурно и вызвало прежде очень затруднявшую ученыхъ и поразившую ихъ неожиданностью содержанія челобитвную патріарха Іосифа и всего освященнаго собора на безчинство протоп. Стефана Вонифатьева. Соборъ отвергнувъ его предложеніе о введеніи въ приходскихъ церквахъ единогласія, и протопопъ наговорилъ собору много обиднаго: «всѣхъ бранилъ и безчестилъ, патріарха назвалъ волкомъ». Дѣяніе, открытое С. А. Бѣлокуровымъ, объясняетъ и другой фактъ, въ объясненіи котораго до сихъ поръ не могли согласиться ученые — грамоту константинопольскаго патріарха 16 августа 1650 года. С. А. Бѣлокуровъ не сомнѣвается, что она вызвана обращеніемъ къ патріарху константинопольскому по почину С. Вонифатьева за разрѣшеніемъ разногласія, возникшаго на соборѣ 1649 года. По «Соборнымъ отвѣтамъ» патріарха Пароенія единогласіе должно было быть не только въ монастыряхъ, но и въ приходскихъ церквахъ (дек. 1650 г.), и второй соборъ въ Москвѣ (9 февраля 1651 г.) подтвердилъ рѣшеніе константинопольскаго патріарха. Постановленіе это вызвало сильное неудовольствіе среди столичнаго духовенства, хотя многіе понимали все преимущество единогласія. Изъ числа послѣднихъ выдавался Шестакъ Мартемьяновъ, сочиненія котораго, по предположенію г. Бѣлокурова, «предназначались служить оправданіемъ соборнаго рѣшенія». За трудомъ его, впрочемъ, можно признать лишь разъясняющій характеръ. Вопросъ о единогласіи разрѣшался въ положительномъ смыслѣ постановленіемъ собора и авторитетнымъ мнѣніемъ патріарха и царя.

III. О Записномъ приказѣ («записывати степеніи и грани царственныя»), 1657 — 1659 г., страницы 55 — 84. Подобно предыдущимъ, статья эта является первой въ своемъ родѣ. До нея не было даже извѣстно существованіе Записнаго приказа. Онъ былъ учрежденъ 3 ноября 1657 г., для продолженія Степенной книги отъ времени Ѳеодора Іоанновича и до Алексѣя Михайловича включительно. Порученіе это возлагалось на Тимоѣя Кудрявцева, въ помощь которому назначалось 8 подьячихъ. Думали, что дѣятельность приказа будетъ обширною; дьяку Кудрявцеву, стоявшему во главѣ его, давалъ указанія самъ царь. Впрочемъ, на практикѣ Кудрявцевъ передавалъ свои «выписки» для доклада царю дьяку Тайнаго приказа, который дѣлалъ на нихъ пометы о царскомъ повелѣніи. Дѣятельность приказа проявилась въ попыткѣ собрать матеріалы для предстоящей работы. Попытка эта плохо удалась, и приказъ не исполнилъ возложенной на него задачи составить продолженіе Степенной книги. Свѣдѣнія о немъ прерываются 18 мая 1659 года. Цѣль, рѣди которой учрежденъ былъ Записной приказъ, выполнилъ въ 1669 г. согласно именному великаго государя указу дьякъ Ѳеодоръ Грибоѣдовъ: имъ составлена въ 1669 году «Степенная книга благовѣрнаго и благочестиваго дома Романовыхъ», доведенная до 1667 года.

В. Ф — ко.

Профессоръ Ѳ. В. Благовидовъ. Этюдъ изъ исторіи высшаго образованія въ Россіи за время царствованія императоровъ Александра и Николая I. Казань. 1903.

Въ обширной полемической литературѣ, возникшей съ 1901 года подъ влияніемъ начатыхъ реформъ въ области народнаго просвѣщенія, новый очеркъ по исторіи высшаго русскаго образованія, обнимающій первую половину XIX столѣтія и принадлежащій перу профессора по кафедрѣ гражданской исторіи въ Казанской духовной академіи Ѳ. В. Благовидова, обращаетъ на себя вниманіе богатой научной эрудиціей и объективно спокойною точкой зрѣнія. Призывая, что многіе вопросы, поставленные на очередь требованиями современной жизни, могутъ быть рѣшены болѣе или менѣе правильно лишь при условіи знакомства съ различными сторонами учебно-просвѣтительнаго дѣла въ его отдаленномъ историческомъ прошломъ, проф. Благовидовъ дѣлаетъ попытку обрисовать общими и, по возможности, наиболѣе характерными и типичными чертами то положеніе, въ какомъ находились нѣкоторыя стороны въ александровское и николаевское время, когда русское просвѣщеніе должно было переживать влияніе двухъ противоположныхъ правительственныхъ теченій (стр. 7).

Авторъ «Этюда» начинаетъ свою работу съ первыхъ лѣтъ царствованія Благословеннаго, при чемъ, бросая общій взглядъ на состояніе народнаго образованія въ ту пору, останавливается довольно подробно на характеристикѣ графа Завадовскаго. Проф. Благовидовъ приводитъ мнѣнія современниковъ, мѣтко опредѣляющихъ апатичную и пассивную личность перваго министра народнаго просвѣщенія, котораго самъ императоръ Александръ I назвалъ въ письмѣ къ Лагарпу настоящей овцой, полнымъ ничтожествомъ, посаженнымъ въ министерство только изъ-за того, чтобы онъ не кричалъ о своемъ устраненіи отъ государственныхъ дѣлъ. «Господь Богъ, создавшій міръ въ шесть дней, почилъ на седьмой»,— писалъ тогда же о Завадовскомъ графъ Строгоновъ,— «а нашъ министръ поступаетъ лучше: онъ ничего не дѣлаетъ шесть дней, и, несмотря на то, отдыхаетъ въ седьмой» (стр. 9).

Но какъ бы то ни было, несмотря на инертность министра, дѣла народнаго образованія быстро подвигались впередъ, и въ 1804 году былъ изданъ новый университетскій уставъ, огромнымъ достоинствомъ котораго, по словамъ проф. Багалѣя, было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, ни университетскаго самоуправленія, и такимъ образомъ могъ вызвать къ живой общественной дѣятельности всѣ наличныя силы профессорской корпораціи (стр. 10).

Въ анализѣ его положеній, вообще говоря, довольно добросовѣтномъ, мы отмѣтили у профессора Благовидова одно важное упущеніе: онъ ни слова не говоритъ о полномочіяхъ университетовъ въ области цензурной практики, которыя были возложены на представителей профессорской корпораціи.

Повидимому, гораздо болѣе «дней александровыхъ прекраснаго начала» проф. Благовидова интересуетъ ихъ реакціонное продолженіе и окончаніе. Эпохой господства мистическаго обскурантизма онъ занимается очень подробно, при чемъ

останавливается довольно долго на дѣятельности знаменитаго Магницкаго, программа котораго была разработана въ особой инструкціи, составленной въ 1820 году для Казанскаго университета. Въ ней Магницкій не только вполнѣ опредѣленно выяснилъ духъ и направленіе всего основаннаго на христіанской религіи университетскаго преподаванія, но и намѣтилъ планъ разработки въ обязательномъ направленіи многихъ отдѣльныхъ наукъ (стр. 25), чрезвычайно любопытный въ своихъ деталяхъ.

Согласно его указаніямъ, профессора послѣ изученія Священной Исторіи и чтенія нѣкоторыхъ историческихъ произведеній классическихъ писателей обязаны были занимать своихъ слушателей преимущественно древностями христіанскими и постараться доказать имъ, что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ «въ несравненно высочайшей степени», и что все, называвшееся въ языческомъ мірѣ величіемъ и добродѣтелями, было только величайшей степенью гордости, и ничто передъ величіемъ христіанскимъ (стр. 26). Съ кафедръ русской исторіи студенты, по идеѣ Магницкаго, должны были проникаться мыслями, что наше отечество въ истинномъ просвѣщеніи опередило многія современные государства (стр. 27).

Что касается «профессора російской словесности», то ему строго предписывалось показать въ Библии величайшіе образцы всѣхъ благороднѣйшихъ родовъ истиннаго краснорѣчія, и доказать, путемъ сравненія съ нею лучшихъ авторовъ, ея надъ всѣми ими превосходство (стр. 28). Изъ лекцій политической экономіи студенты узнавали, что люди существуютъ не для одного земнаго благополучія, и что все наше имущество, какъ малое, такъ и большое, имѣетъ только условную цѣнность, являясь лишь средствомъ къ достиженію высшихъ небесныхъ благъ (стр. 29). Наконецъ, преподаватель анатоміи и фізіологіи преусердно старался доказать на своихъ лекціяхъ премудрость Того, Кто создалъ по своему образу и подобию совершеннѣйшій человѣческой организмъ, а профессоръ математики убѣждалъ студентовъ въ подобіи математической единицы, составляющей необходимую основу всѣхъ чиселъ, Единому Владыкѣ, безъ котораго немислимо никакое существованіе, или же находилъ сходство между основной геометрической фигурой треугольника и извѣстнымъ символическимъ изображеніемъ тріединаго Бога, какъ верховнаго существа, создающаго изъ себя весь видимый и невидимый міръ (стр. 20). Столь же либерально толковалась Магницкимъ и философія.

Однако, преподаватели Казанскаго университета вскорѣ примѣнились къ новому духу времени, и Магницкій имѣлъ полное право сказать, что въ то самое время, какъ предрержація власти заботились объ искорененіи пагубныхъ лжеученій, которыя, какъ протокъ подземный, устремлялись подрывать святыя алтари Бога отцовъ нашихъ, университетъ Казанскій за златою оградой высочайше данныхъ ему инструкцій чуждъ былъ повсемѣстной заразы, вѣренъ общей матери нашей церкви православной и ипталъ юность, плывавшую живою вѣрю, чистымъ медомъ ея небеснаго ученія (стр. 24).

Въ такомъ положеніи находилась свобода преподаванія въ концѣ царствованія императора Александра I.

Вступленіе на престолъ Николая Павловича, наденіе Магницкаго, Рувича и имъ подобныхъ не предвѣщало, однако, перехода на болѣе прогрессивный путь. Университетскій уставъ, изданный въ 1835 году, справедливо считается историками замѣтнымъ шагомъ назадъ. По общему признанію современниковъ, то была эпоха уставовъ и административной практики, зачастую вовсе не согласовавшихся между собою. Эластическія законодательныя постановленія, регламентировавшія вопросы народнаго образованія, открывали широкій просторъ начальническому благоусмотрѣнію, граничившему съ полнымъ произволомъ, доходившимъ порою вплоть до назначеній на кафедры философіи кварталныхъ надзирателей.

Послѣдній фактъ проф. Благовидовъ излагаетъ подробно, ибо имъ онъ выясненъ на основаніи данныхъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло это настолько характерно, что мы считаемъ не лишнимъ привести его, хотя бы въ общихъ чертахъ. По словамъ частной записки, неофициально полученной министромъ, замѣчаетъ проф. Благовидовъ, почитатель Харьковскаго учебнаго округа Филатьевъ, бывшій вахмистръ лейбъ-гвардейскаго полка, за нѣкоторыя услуги, когда-то оказанныя ему бывшимъ учителемъ, а затѣмъ кварталнымъ надзирателемъ и частнымъ приставомъ Чаповымъ, назначилъ послѣдняго на мѣсто директора народныхъ училищъ и предоставилъ въ то же время новому директору кафедру философіи въ Московскомъ университетѣ, хотя ставленникъ попечителя не имѣлъ никакой степени и никакихъ философскихъ познаній. Указавъ и на другія аналогичныя распоряженія Филатьева, записка замѣчала, что дѣйствія попечителя произвели величайшее неудовольствие во всѣхъ факультетахъ Харьковскаго университета. Министръ потребовалъ объясненій отъ попечителя, и послѣдній, конечно, употребилъ всѣ успія, чтобы выгородить себя и представить доносъ несправедливой клеветой. Однако, изъ его объясненій оказалось только то, что Чаповъ, исполняя обязанности кварталнаго надзирателя, никогда не былъ частнымъ приставомъ. Правда, въ доказательство правоспособности бывшаго кварталнаго надзирателя читать студентамъ курсы философіи, Филатьевъ прислалъ министру конспектъ и вступительную лекцію знаменитаго профессора, но, къ сожалѣнію, ни конспекта, ни лекцій въ архивномъ дѣлѣ почему-то не имѣется (стр. 49—50).

Этюдъ проф. Благовидова заключается обзоромъ усиленной репрессивной политики императора Николая въ исходѣ сороковыхъ годовъ и вступленіемъ на престолъ Александра II.

Изложеніе проф. Благовидова касается главнымъ образомъ двухъ вопросовъ: съ одной стороны, автономіи студенческой и профессорской корпорацій, съ другой — свободы университетскаго преподаванія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что второй вопросъ разработанъ значительно удачнѣе и полнѣе перваго.

Къ несомнѣннымъ достоинствамъ «этюда» слѣдуетъ отнести своевременность его появленія, на что указываетъ и самъ авторъ въ предисловіи. Отличительныя черты его работы: здраво-либеральное настроеніе и прекрасное знаніе литературы предмета: онъ пользуется трудами Сухомлинова, Пыпина, Богдановича, Стоянина, цитируетъ монографіи Багалъя, Θεоклстова, Григорьева,

Булича, Нагуевского и многих других. Разработанный по архивным данным, планъ его очерка отличается полнотою и стройностью.

Но, къ сожалѣнію, мы не встрѣтили у проф. Благовидова детальной характеристики внутренняго быта русскаго студенчества первой половины XIX вѣка, а между тѣмъ эта сторона нашего прошлаго представляетъ собою почти нетронутую почву, несмотря на обширѣйшій матеріалъ въ видѣ записокъ и воспоминаній людей тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Нельзя также согласиться съ категорическимъ мнѣніемъ проф. Благовидова, который считаетъ проявленія нелегальной студенческой жизни въ дореформенную эпоху очень слабыми. Достаточно бѣлаго знакомства съ біографіями Бѣлинскаго, Герцена и петрашевцевъ, чтобы признать броженіе умовъ въ студенчествѣ ихъ времени вовсе ужъ не столь невиннымъ, какъ кажется съ перваго взгляда.

Авторъ «Эюда» разбираетъ преимущественно дѣла Казанскаго университета и мало занимается внутренней жизнью другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Россіи. Мало вниманія удѣляетъ онъ также крайне типичной исторіи профессора Солицева, лишеннаго каведры естественнаго права за свободомысліе. Неясно намъ, почему въ новѣйшей литературѣ своего предмета проф. Благовидовъ пренебрегаетъ авторитетомъ покойнаго Н. К. Шильдера.

Со всѣмъ тѣмъ книжка проф. Благовидова, несмотря на свой популярный характеръ, удовлетворяетъ элементарнымъ требованіямъ научнаго очерка и можетъ служить полезнымъ пособіемъ при общемъ ознакомленіи съ прошлымъ русскаго высшаго образованія.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Н. Лихачевъ. Дѣло о пріѣздѣ въ Москву Антонія Поссевина. Спб. 1903.

Въ послѣднемъ трудѣ Н. П. Лихачева изданъ цѣлый рядъ необыкновенно интересныхъ документовъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и относящихся къ пріѣзду въ Москву папскаго легата іезуита Антонія Поссевина. До настоящаго времени документы были извѣстны по краткимъ упоминаніямъ въ «Переносѣ между Россіей и Польшей по 1700 годъ» Н. Н. Вантыша-Каменскаго, вышедшей въ началѣ 60-хъ годовъ. Кромѣ того, относительно личности Поссевина и оцѣнки его дѣятельности въ русской исторіографіи существуютъ не только разнорѣчивыя, но и прямо противоположныя мнѣнія. Поэтому появленіе въ свѣтъ всѣхъ этихъ документовъ представляетъ много данныхъ для оцѣнки и характеристики «римской вѣры попа, патра Антовія язовита», котораго Пирлинъ причисляетъ къ числу гениальнѣйшихъ дѣятелей XVI вѣка, несмотря даже на нѣсколько некрасивыя черты, подмѣченныя современниками Поссевина.

Кромѣ этихъ матеріаловъ, въ книгѣ Н. П. Лихачева помѣщены вводныя статьи: «Историческое значеніе документовъ, содержащихся въ дѣлѣ о пріѣздѣ Поссевина» и «Дипломатическій и палеографическій очеркъ столбца, содержащаго дѣло о томъ пріѣздѣ». Въ концѣ книги помѣщены прекрасно исполненные снимки съ писемъ царя Іоанна Васильевича (не въ смыслѣ автографовъ), са-

мого Автопія, русскаго посла Истома Шверигина и очень характерное изображение «моленія» Грознаго царя съ сыновьями Теодоромъ и Димитріемъ, предъ Владимирской иконою Божіей Матері.

Для ознакомленія съ перечисленными отдѣлами мы отсылаемъ читателя къ книгѣ Н. П. Лихачева и остановимся на разборѣ главы, посвященной характеристикѣ Іоанна Грознаго. Въ ней авторъ полемизируетъ съ Д. М. Глаголевымъ, высказавшимъ мнѣніе, будто Іоаннъ Грозный былъ человекъ душевно-больной и слабоумный, дѣйствовавшій всю свою жизнь исключительно подъ чужимъ вліяніемъ, и т. д. («Душевная болѣзнь Іоанна Грознаго», «Русскій Архивъ», іюль 1902 года.). Въ послѣднее время все чаще и чаще высказывается подобный взглядъ, особенно медиками, интересовавшимися этимъ вопросомъ. Мнѣніе стоитъ далеко не одиноко. «Докторскій походъ» противъ Грознаго начался въ 1883 году выходомъ въ свѣтъ «Исторіи первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи» профессора Я. Чистовича, и съ его легкой руки стали появляться одна за другой медицинскія теоріи о несомнѣнномъ, на взглядъ авторовъ, сумасшествіи Грознаго. Мы не будемъ упоминать о работахъ Н. К. Михайловскаго, П. И. Ковалевскаго и другихъ не менѣ извѣстныхъ статьяяхъ, въ свое время обратившихъ вниманіе критики, такъ какъ тѣ данныя, которыя приводитъ почтенный историкъ, наносятъ рѣшительный ударъ всѣмъ прежнимъ слишкомъ одностороннимъ догадкамъ. Н. П. Лихачевъ справедливо замѣчаетъ, что такъ какъ психіатрія является наукой сравнительно молодой, то, вполне естественно, «она еще не обладаетъ наблюденіями многихъ поколѣній и нерѣдко въ аксіомы возводитъ домыслы и догадки. Въ области исторіи пзъ анекдотовъ и расцвѣченныхъ сказаній она подбираетъ и соединяетъ воедино намеки, которые подходятъ къ завѣдомо предвзятой мысли. Въ виду того, что большинство выдающихся людей сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе общества, выражающееся въ записи самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ разсказовъ, то уличеніе историческихъ дѣятелей въ ненормальности идетъ съ заразительной быстротой. Безъ преувеличенія можно сказать, что скоро настанетъ время, когда медицина признаетъ аксіомой, что гений есть такое же вырожденіе, какъ и идиотизмъ, только съ инымъ отгѣнкомъ, а чело-вѣчскій родъ дѣлится не на здоровыхъ и больныхъ, а на вмѣняемыхъ и невмѣняемыхъ. Поэтому, если историкъ и необходимо считаться съ мнѣніями психіатровъ, то только въ тѣхъ случаяхъ, когда эти мнѣнія основаны на вполне достоверныхъ фактахъ, такъ какъ медики, мало знакомые съ историческими условіями данной эпохи, нерѣдко впадаютъ въ черезчуръ большую односторонность и даже явныя ошибки, объясняя характеры историческихъ дѣятелей дегенераціей, психопатіей или слабоуміемъ». Такъ, признавая, что у Іоанна Грознаго была прирожденная параноія на почвѣ вырожденія, Д. М. Глаголевъ увѣренъ, что Іоаннъ носилъ въ себѣ задатки болѣзни съ самаго рожденія. Отецъ его былъ старъ и мало способенъ къ продолженію рода. Разведшись съ Соломоніей, первою своею супругою, отъ которой у него не было дѣтей, онъ и отъ новой жены, Елены Глинской, только черезъ три года слишкомъ получилъ сына. Сама Елена, мать его, страдала болью головы, т.-е. мигренью, и имѣла хроническую течь изъ уха: «несомнѣнно, она внесла въ кровь Рюриковичей

вырожденіе». На это Н. П. Лихачевъ возражаетъ, что течь изъ уха не могла быть у Елены хронической, въ противномъ случаѣ она не сдѣлалась бы московской царицей, такъ какъ царскихъ невѣстъ тщательно осматривали, и если бы нашли у ней что либо подозрительное, то никоимъ образомъ не допустили бы подобнаго брака. Между тѣмъ, Елена была выбрана изъ другихъ дѣвицъ, какъ *praestantis formae virgo*, среди зависти и интригъ придворнаго міра. Извѣстіе же объ ушной болѣзни царицы мы находимъ лишь въ третьемъ письмѣ великаго князя Василія III. Такъ что, если бы эта болѣзнь была хронической, то великій князь, естественно, спрашивалъ бы о ней въ одномъ изъ первыхъ двухъ писемъ. Подобными же положеніями, а иногда одиѣми только догадками подкрѣплены и другія соображенія Д. М. Глаголева о помѣшательствѣ Грознаго. Такъ, упоминая о кончинѣ двадцати-восьми-лѣтняго царевича, убилаго своимъ отцомъ, который жезломъ ударилъ его въ голову, онъ говоритъ, что нужно немного сообразительности, чтобы понять, что ударъ въ голову острымъ жезломъ чрезвычайно опасенъ; но и этой сообразительности Грозному недоставало, у него импультъ прямо переходитъ въ дѣйствіе: «задерживающіе центры не дѣйствовали». «Вотъ въ томъ-то и бѣда,—остроумно пронизируетъ по этому поводу Н. П. Лихачевъ,—что мы не знаемъ, какъ погибъ царевичъ. Единственный настоящій документъ -- царская грамота отъ 12 ноября—говоритъ глухо «о болѣзни», всѣ же прочіе рассказы—не болѣе, какъ передача разнообразныхъ слуховъ и слуховъ. За незнаніемъ дѣйствительнаго хода событій, историкъ обязанъ повторять подобные рассказы, но на нихъ нельзя строить обвиненій, будто царь Іоаннъ въ это время дошелъ до того, что не могъ сообразить, чгò послѣдуетъ, если проткнуть черепъ острымъ жезломъ».

Далѣе, чтобы подтвердить свою теорію о помѣшательствѣ Ивана Грознаго, Глаголевъ намѣренно искажаетъ факты. Это видно, напримѣръ, изъ того, что на основаніи выхваченныхъ изъ письма Грознаго словъ: «какъ плѣнника, посадивши въ судно, везли съ малымъ числомъ людей сквозь безбожную и невѣрную землю», испіатръ высказываетъ мнѣніе, будто, вслѣдствіе своего слабоумія, Іоаннъ подпалъ вліянію окружающихъ, которые и побудили его начать завосваніе Казани, тогда какъ на самомъ дѣлѣ изъ контекста письма видно, что здѣсь царь просто жалуется на то, что его не берегли во время похода и везли съ малочисленнымъ конвоемъ «сквозь безбожную и невѣрную землю». Такое же намѣренное или ненамѣренное непониманіе условій эпохи видно и изъ того, что г. Глаголевъ усматриваетъ ненормальность Ивана Грознаго даже и въ его взглядахъ на право казнить и миловать кого онъ захочетъ, тогда какъ съ точки зрѣнія XVI вѣка этотъ взглядъ считался вполне естественнымъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на другихъ доказательствахъ помѣшательства Грознаго. Скажемъ только, что даже въ стремленіи Грознаго оправдывать себя въ своихъ поступкахъ г. Глаголевъ видитъ несомнѣнный признакъ ненормальности. Намъ кажется, что всякому медику не мѣшало бы знать, что стремленіе къ самооправданію присуще не только взрослымъ, но и дѣтямъ, и доказываетъ хотя-бы только то, что у Грознаго не совѣтъ еще заснула совѣсть.

Въ заключеніе скажемъ, какъ объясняетъ характеръ Грознаго самъ г. Лихачевъ. Безъ сомнѣнія, и авторъ книги признаетъ, что вслѣдствіе своей бурной, полной всевозможныхъ потрясеній жизни Иванъ Грозный, конечно, является человѣкомъ въ высшей степени нервнымъ; но объясняетъ это не наслѣдственностью и вырожденіемъ, а видитъ въ этомъ слѣдствіе виѣшнихъ причинъ. «Подозрительность Грознаго и его жестокость въ значительной мѣрѣ покоятся на точномъ знаніи предшествующихъ событій,—говоритъ авторъ.— Московская исторія полна борьбой партій, безопадныхъ другъ къ другу: заточенія, умерщвленія и казни, казни безъ конца, пестрятъ московскія лѣтописи. Царь Іоаннъ боялся, что дѣтей его изведутъ, что Владимира Андреевича посадятъ на престолъ, подозрѣвалъ, что Анастасію отравили и т. д. Можетъ быть, это были напрасные страхи, но вѣдь все это—и неисходныя заточенія братьевъ и племянниковъ, и преждевременныя смерти, и почти очевидныя отравы—все это бывало. Именно, основа разсужденій царя Ивана стояла на исторической правдѣ». Кромѣ того, жестокости и самодурство Грознаго объясняются до нѣкоторой степени его первыми дѣтскими впечатлѣніями, когда воспитатели его стремились развить въ немъ только дурныя стороны характера. Наконецъ, нужно замѣтить, что массовыя казни и жестокости не были исключеніемъ; достаточно припомнить аналогичныя явленія приблизительно того же времени, едва ли еще не болѣе безчеловѣчныя, на примѣръ, Варооломеевскую ночь, казнь Даміана, наказаніе Алексѣя Звѣрина при императрицѣ Елисаветѣ, состоявшее въ прохожденіи шипирутеномъ черезъ тысячу человѣкъ восемь разъ и мн. др.

Однимъ словомъ, если ту же «психіатрическую» мѣру примѣнять и къ другимъ историческимъ дѣятелямъ, то у насъ получится необыкновенно странная картина: оказалось бы, что у насъ почти не было людей «нормальныхъ», и что всякое отступленіе отъ «нормы», опѣнивая событія прошлаго, конечно, съ точки зрѣнія культурнаго человѣка ХХ вѣка, оставалось бы клеймить позорнымъ «сумасшествіемъ». Виолнѣ ясно, что такой методъ не имѣетъ мѣста въ строго научномъ изслѣдованіи. Вотъ почему новая работа Н. П. Лихачева даетъ много новаго и поучительнаго.

А. И. Яцмирскій.

А. И. Соболевскій. Нѣсколько мыслей о древне-русской литературѣ. Спб. 1903.

Послѣдняя работа академика А. И. Соболевскаго посвящена общимъ вопросамъ нашей литературы и распадается на три самостоятельныхъ отдѣла.

Первый изъ нихъ характеризуетъ XVII вѣкъ въ исторіи русской литературы. Авторъ останавливается на вопросѣ, недавно затронутомъ профессоромъ Новороссійскаго университета, В. М. Петринимъ, который думаетъ, что съ этого именно времени слѣдуетъ начинать исторію новой литературы. Согласно общепринятому взгляду, новый періодъ тѣсно связанъ съ началомъ западнаго вліянія, почему въ обычныхъ курсахъ «Исторіи русской литературы» его дѣйствительно начинаютъ эпохой Петра I. Но это еще не все. Если XVII вѣкъ

считать началом новаго періода, то, естественно, является другой вопрос: какъ относится онъ къ предшествующему періоду, можно ли найти въ немъ такія черты, которыя характеризовали бы его, какъ завершённѣе литературы XV и XVI вѣковъ? Авторъ разсматриваемой книги держится, повидимому, стараго взгляда и считаетъ XVII вѣкъ временемъ «замирания» древней русской литературы. На такое заключеніе наводитъ изслѣдователя наблюдение надъ составомъ рукописныхъ и печатныхъ бібліотекъ русскихъ грамотеевъ XVII вѣка. Оказывается, что духовный характеръ послѣднихъ нисколько не отличается отъ того, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи читатель предшествующихъ вѣковъ. Свѣтскихъ памятниковъ мы не знаемъ до самаго начала петровской эпохи.

Какъ на одно изъ явленій, характеризующихъ русскую литературу второй половины XVII вѣка, В. М. Пестринъ указываетъ на расколъ и на борьбу великорусскихъ ученыхъ съ малорусскими. На взглядъ А. П. Соболевскаго, значеніе раскола въ литературѣ XVII вѣка сильно преувеличено. «Историкъ русской литературы едва ли найдетъ много оригинальнаго въ раскольничьихъ произведеніяхъ XVII вѣка въ родѣ «Винограда Россійскаго» и «Поморскихъ Отвѣтовъ»,—говоритъ онъ.—Что же до раскольничьихъ челобитныхъ XVII вѣка, до сочиненій Аввакума, дьякона Федора, Авраамія, то въ нихъ нѣтъ ничего въ литературномъ отношеніи оригинальнаго; эти сочиненія находятся въ самой тѣсной связи съ сочиненіями русскихъ полемистовъ XVI—XVII вѣковъ—Юсифа Волоцкаго, царя Іоанна Грознаго, протопопа Ивана Насѣдки съ товарищами; по нашему мнѣнію, въ нихъ меньше оригинальности, чѣмъ даже въ «Увѣтъ Духовномъ» патріарха Іоакима». Кромѣ того, расколъ не можетъ служить показателемъ какихъ бы то ни было новшествъ въ литературныхъ теченіяхъ еще потому, что онъ отражаетъ собой русское общество XVII вѣка, а не болѣе ранняго времени. Критикъ держится того взгляда, что если расколъ и «хранитъ русскую старину, то эта старина—не болѣе какъ XVII вѣкъ». Расколъ не знаетъ и не понимаетъ настоящей русской «старинны», старше XVII вѣка. Древніе тексты свято-отеческихъ твореній неизвѣстны даже по названіямъ современному раскольнику; онъ такъ мало знакомъ съ древнимъ языкомъ, что не въ состояніи понимать въ нихъ ничего, кромѣ простѣйшихъ фразъ, понятныхъ всякому грамотному человѣку. Его интересы не идутъ далѣе печатныхъ книгъ XVII вѣка дониконовскаго времени, и онъ дорожитъ здѣсь всѣмъ, не справляясь о древности: и «Большимъ Катехизисомъ» южно-русса Лаврентія Зизанія, и «Кирилловою книгою», составленною изъ статей юго-западно-русскихъ писателей, и «Книгою о вѣрѣ», также юго-западно-русскаго происхожденія. Многочисленныя печатныя изданія раскольниковъ XVIII вѣка вовсе не даютъ старины; это — или перепечатки книгъ XVII вѣка, или же «Цвѣтникъ», «Исторія объ отцахъ и страдальцахъ Соловецкихъ» и т. п. Лишь въ немногихъ случаяхъ расколъ держится за старину: это—толковый «Апокалипсисъ», «Слово Пиннопта объ Антихристѣ», и вообще тѣ сочиненія, гдѣ рѣчь идетъ о концѣ міра.

Такимъ образомъ, на прострaнствѣ почти всего XVII вѣка переписывались, печатались и читались тѣ же самыя произведенія, которыя интересовали на-

ших грамотеевъ и болѣе ранняго періода. Единственную разницу можно замѣнить лишь въ одномъ, на первый взглядъ не особенно даже важномъ обстоятельстве: языкъ переводовъ, появившихся въ XVII вѣкѣ, становится малопонятнымъ. Переводчики стремятся къ точности, передавая слово въ слово и пренебрегая смысломъ; читатели жалуются на «невразумительность необыкновенной славянизмы» и замѣтно «недоумѣваютъ», «отбѣгая» такой литературы. Однимъ словомъ, если русскіе книжники еще продолжали обращаться, въ силу инерціи, къ традиціонному источнику всякой мудрости—къ византійскимъ писателямъ, то читатель не могъ уже удовлетворяться прежними авторитетами, и вся письменность XVII вѣка медленно погибала.

Вторая статья «Древне-русскія книги и церковь» вызвана книгой проф. Н. К. Никольскаго, о которой мы имѣли случай говорить въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ журнала. Въ своихъ «Ближайшихъ задачахъ изученія древне-русской книжности» авторъ указывалъ, между прочимъ, на узко-церковный характеръ всей нашей допетровской литературы, а на такіе памятники, какъ «Слово о полку Игоревѣ», онъ смотрѣлъ, какъ на исключеніе. Академикъ А. И. Соболевскій думаетъ, что если до XVII вѣка вся наша письменность и культура, дѣйствительно, проникнута аскетическимъ идеаломъ, то этого нельзя сказать объ эпохѣ, послѣдовавшей за смутнымъ временемъ, когда знакомство съ иноземцами повело за собой «обмирщеніе» всего уклада старинной русской жизни. Если московскіе великіе князья и цари XVI вѣка держатся еще этого идеала и управляютъ монахами, то Михаилъ Феодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ управляютъ въ мірскомъ платьѣ. То же самое можно сказать и о боярахъ и о духовенствѣ. «Виднѣйшій изъ первыхъ раскольниковъ, протопопъ Аввакумъ, скорбитъ объ упадкѣ аскетическаго идеала среди современнаго ему московскаго общества и громитъ никонианъ то за пристрастіе къ сладкимъ яствамъ, то за изображеніе святыхъ на иконахъ съ румяными и полными лицами,—говоритъ А. И. Соболевскій.—Такихъ людей, какъ Аввакумъ, въ Москвѣ XVII вѣка было еще много, не только въ раскольниковомъ, но и въ православномъ лагерѣ. При Петрѣ «обмирщеніе» сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи; тѣмъ не менѣе, XVIII вѣкъ съ первою четвертью XIX-го, несмотря на вольтерьянство, на «Гайриліаду» Пушкина и т. п., былъ много религіознѣе, чѣмъ вторая половина XIX столѣтія. Достаточно указать на обиліе стихотворныхъ переложеній псалмовъ, духовныхъ одъ и благочестивыхъ размышленій въ стихахъ и прозѣ въ теченіе Екатерининскаго и Александровскаго періодовъ нашей литературы. Вообще въ это время духовная литература еще составляла одно цѣлое съ литературой свѣтской, имѣя тѣхъ же авторовъ и читателей, что и литература свѣтская. Въ исторіи древней русской свѣтской повѣсти любопытно то явленіе, что ея памятники дошли до насъ исключительно въ позднихъ спискахъ. Мы не знаемъ достоверно, къ какому столѣтію относился тотъ сгорѣвшій сборникъ графа Мусина-Пушкина, гдѣ было «Слово о полку Игоревѣ» вмѣстѣ съ повѣстями объ Акирѣ и о Девгеніи; повидимому, онъ былъ второй половины XV вѣка. Кроме того, мы знаемъ списокъ повѣсти объ Акирѣ конца XV вѣка, списки «Александрія», повѣстей о Дракулѣ и объ Индійскомъ царствѣ—того же времени, списокъ «Повѣсти о свахѣ царя Мамера»—того же времени. Остальные списки свѣтскихъ повѣстей—XVI и XVII вѣковъ».

«Повѣсти о Динарѣ» мы до сихъ поръ не могли найти хотя бы въ одномъ спискѣ несомнѣнно XVI вѣка; неполный списокъ одной повѣсти о Девгении—XVII вѣка; отрывокъ другой повѣсти о Девгении—XVIII вѣка. Все это показываетъ, что древне-русская свѣтская повѣсть понемногу читалась въ теченіе ряда столѣтій, и, появившись въ Россіи въ XI или XII вѣкѣ, удѣляла до XVII, даже до XVIII вѣковъ». На основаніи этихъ данныхъ авторъ думаетъ, что въ монастырскихъ библіотекахъ не было свѣтскихъ произведеній не потому, что церковь подвергла эти книги цензурѣ и вмѣняла духовенству въ обязанность дѣлать подборъ сочиненій лишь церковнаго характера, а потому, что русская свѣтская литература сама по себѣ была очень скудна. Если внимательно прослѣдить каталоги такихъ библіотекъ, то не трудно убѣдиться, что монахи нисколько не чуждались не только свѣтскихъ повѣстей, исторій и сказаній, но вносили въ свои сборники астрологическія и гадательныя статьи, которыя запрещались правилами и считались «еретическими», «отметными» и т. п. Вотъ почему нельзя судить о наличномъ составѣ памятниковъ всей древней письменности по подбору списковъ въ дошедшихъ до насъ монастырскихъ библіотекахъ.

Третій отдѣлъ книги академика А. И. Соболевскаго посвященъ болѣе частному вопросу. Говоря о томъ, возможна ли въ настоящее время научная разработка исторіи русской литературы, онъ указываетъ на особое положеніе изслѣдователя, занимающагося древними памятниками. Въ виду того, что большинство этихъ произведеній анонимны, и приписывать ихъ какому нибудь опредѣленному автору не представляется почти никакой возможности,—изслѣдователь принужденъ дѣлать всякаго рода догадки только на основаніи особенностей языка. Слѣдовательно, литературная критика сама собой переходитъ въ лингвистику.

А. И. Яцимирскій.

Д. Ф. Харгулари. Обзоръ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ по расколу, съ 1802 по 1881 годъ. Изданіе департамента общихъ дѣлъ. Спб. 1903.

Несмотря на свою обширность, наша литература по расколу заключаетъ въ себѣ немало пробѣловъ. Однимъ изъ таковыхъ являлось отсутствіе болѣе или менѣе полного сборника законовъ и вообще мѣропріятій правительства, по отношенію къ расколу и раскольникамъ. Правда, въ разнаго рода сочиненіяхъ, по преимуществу, историческаго характера, встрѣчаются указанія на эти законы; есть даже выдержавшій два изданія «Сборникъ законовъ о расколѣ и сектантахъ, разъясненныхъ рѣшеніями правительствующаго сената и святѣйшаго синода», Д. В. Чичинадзе, но трактующій преимущественно о веденіи метрическихъ книгъ; и наконецъ вѣкій П. С. въ 1893—1894 гг. посвятилъ цѣлую статью «Мѣрамъ гражданской власти противъ раскола», со времени Николая I, но все это носитъ случайный характеръ и ничуть не избавляетъ изслѣдователя по расколу отъ необходимости самому разыскивать и исчерпывать законодательные акты и мѣропріятія правительственныя въ разнообразныхъ сборникахъ и изданіяхъ.

Еще въ 1881 г. Д. Ф. Хартулари, много лѣтъ передъ тѣмъ работавшій по изученію раскола и не разъ участвовавшій въ выработкѣ самыхъ законоположеній, напримѣръ, закона 19-го апрѣля 1874 г. о бракахъ раскольниковъ, пришелъ къ мысли о необходимости изданія полнаго сборника законовъ о расколѣ. Его мысль была одобрена тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Н. П. Игватъевымъ, благодаря чему онъ въ томъ же году приготовилъ къ печати свой обширный «Обзоръ»; но послѣдній оставался въ рукописи до нынѣшняго времени, пока наконецъ директоръ департамента общихъ дѣлъ, гофмейстеръ В. В. Штюмеръ, не сдѣлалъ распоряженія объ его изданіи, къ сожалѣнію, въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Хотя авторъ, судя по заглавію, обѣщаетъ говорить о мѣропріятіяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ только за время съ 1802 г. по 1881 г., но на самомъ дѣлѣ въ своей книгѣ онъ затрогиваетъ и предыдущую эпоху, начиная съ момента появленія раскола на Руси, приводя лишь болѣе крупные законодательные акты; указываетъ связь между ними, объясняетъ ихъ происхожденіе и сообщаетъ о самыхъ ихъ результатахъ.

«Едва, — говоритъ онъ, — появились строго карательныя правила царя Алексея Михайловича, какъ массы народа поднялись со своихъ мѣстъ, бросили свои жилища и съ грудными младенцами, безъ всякихъ средствъ, бѣжали, куда глаза глядятъ: одни въ непроходимые лѣса и болота, а нѣкоторые даже за предѣлы отечества. Этого мало: въ средѣ раскольниковъ возникаетъ фантастическое явленіе небывалое, а именно самоожиганіе» (стр. 6). Петръ, I, въ началѣ своего царствованія относившійся къ раскольникамъ чрезвычайно мягко и осторожно, но потомъ, встрѣтивъ въ лицѣ ихъ одинъ изъ «опасныхъ тормазовъ для осуществленія своихъ политическихъ задачъ», круто перемѣнилъ милость на гнѣвъ и, конечно, не могъ своими крутыми мѣрами сколько нибудь правильно разрѣшить раскольническій вопросъ. Тѣмъ менѣе, естественно, могли помочь рѣшенію этого вопроса его «слабые преемники», допускаяшіе въ примѣненіи Петровскихъ законовъ или «чрезмѣрную строгость или послабленія».

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины II, мѣры, предпринимавшіяся противъ раскольниковъ, отличались большою снисходительностью. «Государыня, — читаемъ на стр. 21, — въ первые годы своего вцаренія признала необходимымъ отмѣнить тѣ знаки отверженія, которыми отмѣчались раскольники, и вмѣстѣ съ тѣмъ издала рядъ узаконеній, которыми раскольники вызывались къ гражданской жизни...». «Къ сожалѣнію, — продолжаетъ далѣе Д. Ф. Хартулари, — всѣ приведенныя выше мѣры привѣтства, отличавшіяся такою снисходительностью къ послѣдователямъ раскола, не могли принести желаемой пользы, частью вслѣдствіе распространенія ихъ только на поселянъ известной мѣстности и на основаніи лишь особыхъ ходатайствъ о семъ сильныхъ въ то время своимъ вліяніемъ при дворѣ вельможъ, тогда какъ остальные раскольники оставались подъ дѣйствіемъ прежнихъ законовъ, — частью же потому, что подобныя мѣры предпринимались не во имя сознательной вѣротерпимости и убѣжденія въ бесполезности преслѣдованія раскола мѣрами жестокости, но въ силу пѣвѣстныхъ современныхъ политическихъ соображеній» (стр. 21—22).

«Императоръ Павелъ I, — читаемъ на стр. 27, — взглянуть на расколъ правильно и гораздо глубже, нежели его великая родительница. Не придавая расколу политическаго значенія, но усматривая въ немъ одни лишь недоразумѣнія церковно-обрядоваго характера, Павелъ I съ самаго начала своего царствованія заботился объ изысканіи способовъ къ сближенію раскольниковъ съ православными путемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ религіозно-обрядовыхъ уступокъ», и прежде всего приступилъ къ раздѣленію двухъ главныхъ вопросовъ: 1) «о повсемѣстномъ общественномъ богослуженіи раскольниковъ», и 2) объ установленіи «точныхъ отношеній старообрядческой церкви и православной», — пользуясь сотрудничествомъ митрополитовъ: повгородскаго — Гавриила и московскаго — Платона.

Вотъ вкратцѣ главнѣйшія свѣдѣнія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ по отношенію къ раскольникамъ со времени Алексея Михайловича до воцаренія Александра I. Послѣ этого какъ бы вступленія авторъ излагаетъ въ систематическомъ порядкѣ «распоряженія правительства» отдѣльно по царствованіямъ: Александра I, Николая I и Александра II, приносящая каждому царствованію болѣе или менѣе значительную характеристику состоявшихся во время него распоряженій. Такъ какъ эти характеристики основаны на строгомъ изученіи самыхъ законовъ о расколѣ и большомъ знакомствѣ съ положеніемъ и состояніемъ нашего раскола вообще, то мы и не преминемъ ознакомить съ ними читателей хотя бы въ главныхъ чертахъ, тѣмъ болѣе, что сообщаемыя о нихъ свѣдѣнія для очень многихъ являются новинкою.

Императоръ Александръ I до 1820-хъ годовъ относился съ большою вѣротерпимостью къ раскольникамъ и старообрядцамъ, «почти во всѣхъ своихъ указахъ постоянно настаивалъ на снисходительности и на кроткомъ обращеніи съ раскольниками, въ особенности же съ молоканами и духоборцами» (стр. 46); но съ двадцатыхъ годовъ «замѣчается поворотъ къ преслѣдованію раскольниковъ. Неожиданно появляется строгій надзоръ за сектантами и старообрядцами. Духоборцы и молокане высылаются въ Таврическую губернію, распространителей сего ученія предають суду, субботниковъ ссылають на Кавказъ...» (стр. 48) и т. д.

«Совершенно иное направленіе дано правительственнымъ мѣропріятіямъ по расколу императоромъ Николаемъ I» (81 стр.). Задавшись цѣлью «по возможности не давать распространяться лжеученію и направлять заблудшихъ къ сближенію съ церковію», онъ вначалѣ дѣйствовалъ «крайне осторожно и осмотрительно и до тридцатыхъ годовъ не предпринималъ противъ раскольниковъ какихъ либо особыхъ выдающихся мѣръ»; но потомъ сталъ «систематически ихъ преслѣдовать, разыскивая ересеначальниковъ и уничтожая мѣста богослуженія, скиты, монастыри и другія общежитія».

Но, несмотря даже на «зоркое наблюденіе особыхъ секретныхъ комитетовъ и III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, куда временно, за упрядненіемъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ отдѣленія по дѣламъ раскола, были переданы всѣ дѣла о ересяхъ, расколъ прогрессивно росъ и усиливался...» (стр. 82). Духовная власть въ продолженіе всего царствованія Николая Павловича была въ значительной степени устранена

отъ участія въ разрѣшеніи раскольническаго вопроса. Съ 1842 года правительство приступило къ разслѣдованію раскола путемъ командировокъ особыхъ чиновниковъ, но, «къ сожалѣнію, — говоритъ Д. Ф. Хартулари, — всѣ ихъ изслѣдованія, за исключеніемъ труда Н. П. Надеждина о скопческой сектѣ, не отличались особенною точностью и всестороннею разработкой...» (стр. 86).

Преемнику императора Николая I, царю-освободителю Александру II, на первыхъ же порахъ пришлось приступить къ выработкѣ новой программы, новаго «Наставленія», ограждающаго расколъ отъ преслѣдованія за одно религіозное убѣжденіе и предлагающаго относительно совращенныхъ однѣ лишь мѣры духовнаго вразумленія и увѣщанія. Въ 1863 году министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Валусевъ, представилъ государю проектъ законодательной реформы по расколу на новыхъ началахъ, который и былъ разсмотрѣнъ въ особомъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ графа Панина и удостоенъ высочайшаго утвержденія 16-го августа 1864 года. Но приведеніе его въ исполненіе должно было состояться «постепенно», вслѣдствіе чего въ продолженіе всего царствованія Александра II вошелъ въ силу лишь законъ о бракахъ раскольниковъ 19-го апрѣля 1874 года. Хотя мѣропріятіями правительства Александра II численность отпавшихъ отъ православія и не уменьшилась, но и не увеличилась, а «самый расколъ, — какъ справедливо говоритъ Д. Ф. Хартулари, — потерялъ свое прежнее значеніе... «Раскольники и главные дѣятели изъ ихъ среды измѣняютъ уже свой взглядъ на церковь и государство...» (стр. 201).

Авторъ пользовался для своей работы преимущественно печатными источниками, а также обращался и къ самымъ дѣламъ департамента общихъ дѣлъ по единичнымъ, исключительнымъ случаямъ, въ которыхъ почти всюду департаментъ шелъ навстрѣчу требованіямъ и условіямъ развивающагося жизненнаго строя раскольниковъ.

Изъ приведеннаго очевидно, насколько важное значеніе въ научномъ отношеніи и административномъ имѣетъ трудъ Д. Ф. Хартулари. Въ виду этой-то его важности и въ виду еще настоятельной необходимости имѣть полное собраніе законовъ о расколѣ до самаго послѣдняго времени, департаментъ общихъ дѣлъ, конечно, не упуститъ случая воспользоваться услугами такого знатока раскола, какъ нашъ авторъ, и поспѣшитъ выпустить въ свѣтъ продолженіе его «Обзора».

В. Рудаковъ.

А. С. Пругавинъ. Религіозные отщепенцы. 1904.

Очерки г. Пругавина о современномъ сектанствѣ заключаютъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія о сотаевдахъ и обь сретикахъ, заключенныхъ въ соловецкія тюрьмы (Адрианъ Пушкинъ и др.). Авторъ полагаетъ, что для борьбы съ церковными отщепенцами необходимо знать причины ихъ уклоненія отъ господствующаго вѣроисповѣданія и видѣть самое направленіе, куда обращены ихъ умы. При изученіи новѣйшихъ движеній религіозной мысли въ народѣ, автору прежде всего бросились въ глаза показанія сектантовъ о томъ, что само право-

славное духовенство не умѣло привязать ихъ къ себѣ ни личнымъ образомъ жизни, ни близкимъ знакомствомъ съ ученіемъ христіанства. Василій Сютяевъ (сектантъ изъ деревни Шевелина, Новоторжскаго уѣзда, Тверской губерніи) не только не могъ встрѣтить у представителей господствующей церкви надлежащаго разъясненія о малой согласованности общественныхъ явленій и учрежденій съ идеальнымъ смысломъ священнаго писанія, но его поражало и отношеніе того же духовенства къ своимъ обязанностямъ. Онъ не могъ оправдать «торговлю» за совершеніе таинствъ, особенно, съ вымогательствомъ. А бывали, напримѣръ, такіе священники, которые просили у бѣднаго мужика десять рублей за вѣнчаніе.

«Видитъ попъ, что мужикъ не въ силахъ дать больше трешницы, соглашается вѣнчать. Ладно, хорошо; начинаетъ вѣнчать. Обвелъ разъ вокругъ наложу, и довольно. Женихъ и говоритъ: «Батюшка, кажись, вѣдь три раза кругомъ-то обводятъ, а не одинъ». — «Это за три-то рубля, говоритъ, три раза... Нѣтъ братъ, шалишь, довольно съ тебя и одного». Видитъ опять женихъ, что попъ вѣнцовъ не возлагаетъ, и говоритъ: «Батюшка, какъ же это вы безъ вѣнцовъ-то насъ вѣнчаете?» — «Это за три-то рубля, говоритъ, съ вѣнцами? Шалишь, братъ,—хорошо и такъ».

О своихъ доходахъ тотъ же подвыпившій священникъ хвастается: «Вотъ, говоритъ, у меня подрядчикъ,— а самъ на крестъ указываетъ, — не надо его лучше: махну имъ, и есть двадцать копеекъ!».

О томъ, какъ порвалась у Сютяева связь съ приходскимъ священникомъ, упоминается въ его собственномъ объ этомъ разсказѣ.

«— На праздниѣ это было,—разсказывалъ Сютяевъ.—Священникъ по дворамъ съ крестомъ ходилъ. Пришелъ къ намъ въ избу. Посадили его въ большой уголь и стали сирашивать... Можетъ, онъ, по праздничному дѣлу, хмельный былъ, только онъ ни синя пороку не могъ мнѣ разсказать — какъ, што... Сталъ я его о крещеніи сирашивать: «Какого ишо, говоритъ, тебѣ крещенія нужно? Палкой окрестить тебя што ли?» — Я ему резонты выговаривать сталъ... «Зналъ бы, говоритъ, въ купели тебя утопилъ». И почалъ браниться, — всячески называлъ: и дьяволомъ, и чортомъ... Я все молчу... Какъ пересталъ браниться, я ему и говорю: Батюшка! объясни ты мнѣ ишо одно мѣсто, и читаю ему изъ Посланія къ евреямъ»...

И Сютяевъ прочелъ 11-й стихъ 10-й главы Посланія къ евреямъ: «И всякій священникъ ежедневно стоитъ въ служеніи и многократно приноситъ однѣ и тѣ же жертвы, которыя никогда не могутъ истребить грѣховъ».

«— О чемъ, говорю, тутъ сказано? О какихъ жертвахъ? Не о причастіи ли молъ?—и даю ему въ руки Евангеліе.

«Онъ взялъ, прочиталъ, да ка-акъ шваркнетъ его на полъ, прямо подъ порогъ.—«Яйца курицу не учатъ!»—говоритъ...

«— Страхъ меня взялъ... — «Што-ты, батька, надѣлалъ? — говорю... А-я-я-я, грѣхъ какой!... Вѣдь этто ты слово Божіе!... Вѣдь оно у тебя въ алтарѣ стоитъ, на престолѣ... этто самое, только што корешокъ въ бархатѣ... Такъ-то ты и читаешь Христовы слова!... Ну, говорю, съ энтихъ поръ я тебя не приму, вѣтъ!... Не учитель ты, а прямо сказать—волкъ! Слѣпецъ!... А слѣпецъ слѣпца ведетъ, оба въ яму упадутъ... Не надо мнѣ тебя!»....

До сихъ поръ Сютасевъ не можетъ говорить объ этомъ покойно; до сихъ поръ въ голосъ его слышится сильное волненіе каждый разъ, какъ только заходить рѣчь объ этомъ случаѣ изъ его жизни.

«— Съ этой самой поры и въ церковь пересталъ ходить, вовсе бросилъ»...

Такъ, замѣчаетъ г. Пругавинъ, постепенно совершилось отпаденіе Сютасва и его послѣдователей отъ православія. Ни пашковцы, ни штундисты не играли тутъ ровно никакой роли. По этимъ причинамъ возникаютъ у насъ и многія другія рационалистическаго характера секты, и знакомство съ этими причинами г. Пругавинъ полагаетъ весьма полезнымъ для ослабленія того же самаго сектантства. Лѣченіе невозможно безъ обстоятельнаго діагноза. Трудъ г. Пругавина о религіонныхъ отщепенцахъ даетъ въ то же время и полную картину собственнаго ученія отщепенцевъ по самымъ существеннымъ вопросамъ религіозной философіи. Въ одномъ случаѣ оно исключительно отрицаетъ господствующій міръ и его мораль; въ другихъ—оно содержитъ и новыя начала для новой жизни. Для Сютасва война есть пролитіе крови и нарушеніе Божьей заповѣди «не убій». Ему часто говорятъ о туркахъ, которые могутъ прійти въ Европу, и тогда придется воевать съ ними.

— Зачѣмъ?—спрашиваетъ Сютасевъ.

— А то какъ же?... Неужели такъ-таки поддаться басурману?

— А мечъ духовный на што?

— Какой такой мечъ духовный? Что ты имъ сдѣлаешь?

— Мечъ-то духовный?... Мечъ духовный—любовь... Турки насъ возьмутъ, а мы ихъ въ любовь обратимъ. И будетъ у насъ единство, и будемъ мы все единомысленные... И будетъ тогда всемъ добро и всемъ хорошо... Такъ-то, другъ! Сказано въ Писаніи: «возлюби ближняго твоего»... А кто нашъ ближній? Всякъ человѣкъ, вотъ кто!... Духъ отъ одинъ во всѣхъ людяхъ.

О крещеніи Сютасевъ думаетъ по Писанію, гдѣ сказано: «Покайтесь, и пусть крестится каждый изъ насъ», а ребенокъ каяться еще не можетъ.

Въ этомъ случаѣ Сютасевъ раздѣляетъ взглядъ другого сектанта, подъ именемъ «апостола Зосимы», отрицающаго все таинства. Крещеніе, по его понятію, равносильно простому омовенію: «отъ воды не окрестнись», говоритъ онъ. Писовѣдь передъ священникомъ безцѣльна, такъ какъ священникъ ничѣмъ не можетъ помочь мнѣ, простить, если я самъ не заслужу этого прощенія добрыми дѣлами. Причащаться виномъ и хлѣбомъ также не слѣдуетъ, а нужно стараться, чтобы между нами были «миръ и любовь», тогда мы будемъ «причастниками божественнаго естества».

Иконъ сютасевцы не признаютъ на основаніи двадцатаго стиха девятой главы «Откровенія» Іоанна, гдѣ сказано: «Чтобы не поклоняться бѣсамъ и золотымъ, серебрянымъ, мѣднымъ, каменнымъ и деревяннымъ идоламъ, которые не могутъ ни видѣть, ни слышать, ни ходить».

Въ церковь сютасевцы не ходятъ потому, что видятъ на мірянахъ, какъ ихъ жизнь черезъ посѣщеніе церкви нисколько не улучшается.

«Сютасевъ обыкновенно отвѣчаетъ:

— «Знаю дѣло, отчего: правды въ ней нѣтъ,—вотъ отчего! Мы въ церковь ходимъ, а сами деремся, ссоримся... Какая же тутъ польза? Въ церковь ходимъ,

а сами сраммися, дѣлимся, грабимъ, позоримся... Вотъ отъ этого отъ самаго и не хожу..

«Вторая причина, оттолкнувшая сютаяевцевъ отъ церкви, заключается, по ихъ словамъ, въ томъ, что въ церкви вездѣ и во всемъ установлена, будто бы, торговля, купля и продажа. Торговля, даже внѣ церкви, сама по себѣ составляетъ, по мнѣнію сютаяевцевъ, тяжкій грѣхъ, а въ церкви она является страшнымъ грѣхомъ и преступленіемъ. Между тѣмъ безъ денегъ ничего не дѣлается въ православной церкви. Зайдешь помолиться Богу, — смотришь — идутъ съ тарелочками, надо положить «на украшеніе храма» (а зачѣмъ ему украшеніе?). Затѣмъ купи свѣчку, заплати за крещеніе, заплати за вѣнчаніе, заплати за исповѣдь, заплати за причащеніе, заплати за похороны, за вѣнчикъ, заплати за поминовеніе, заплати за молебень, за панихиду... Словомъ, за все и за вся — плата и деньги. Безъ денегъ, — говорятъ сютаяевцы, — въ вашей церкви нельзя ни родиться, ни умереть. Безъ денегъ священникъ не окреститъ, безъ денегъ не повѣнчаетъ, — мало этого, даже не похоронитъ безъ денегъ... Священники не должны брать денегъ за все это, такъ какъ они — пастыри, а не наемники и не торговцы».

Авторъ спрашивалъ о постахъ...

«— Одна наша глупость, больше ничего, — отвѣтилъ Сютаяевъ, наливая себѣ въ чай молока. — Въ молокѣ нѣтъ грѣха, поэтому можно его хлебать и сегодня, и завтра, и завсегда, когда только захотѣлъ. Убивать — грѣхъ, поэтому и сегодня грѣхъ убивать, и завтра грѣхъ, и завсегда грѣхъ... Такъ и мясо, такъ и все... А у насъ малый ребенокъ заплачетъ, молока запроситъ, — мать сейчасъ его въ голову — хлопъ! «Не знаешь, молъ, сегодня какой день-то? — Среда! Завтра дамъ, завтра — четвертокъ!»... Какой же это постъ?»

Для Сютаяева «весь законъ въ одномъ словѣ заключается: любви ближняго, какъ самого себя» (Посланіе апостола Павла къ галатамъ, глава V, стихъ 14).

— Въ Св. Троицу вѣруете? — спрашивалъ Пругавичъ.

— Вѣруемъ.

— Что же это такое по-вашему Троица?

— По-вашему это, все равно, тоже любовь: Богъ-Отецъ — любовь, Иисусъ Христосъ училъ любви и Духъ Святой черезъ апостоловъ тоже училъ любви. Стало быть, все это — одна любовь.

О бракѣ Сютаяевъ говоритъ такъ:

«— Бракъ значить — нужно жить брачно, въ любви... Мнѣ говорятъ: «Ты браку не признаешь». Я не признаю только лживый бракъ: когда я дерусь, бранюсь, дѣлюсь, тогда нѣтъ браку, нѣтъ любви. А любви нѣту и — танства нѣту!»...

По вопросу о загробной жизни Сютаяевъ прочелъ 10 стихъ V главы «Откровенія» Іоанна.

«— И мы будемъ царствовать на земли!»... Слышишь? На земли, братъ, на земли, — радостно сіяя, повторилъ Сютаяевъ, и было что-то дѣтски-наивное въ его радости.

«— Какъ же это мы будемъ царствовать-то? — спросилъ я.

«Истор. вѣстн.», декабрь, 1903 г., т. хсiv.

«— Коли мы добрыя дѣла сотворимъ, то будетъ рай на земли, и будемъ мы въ емъ, въ этомъ самомъ раю, царствовать.

«— Да въ чемъ же наше царствованіе-то будетъ состоять?

«— Царство-то наше?... Не будетъ грабежу, не будетъ убивства, дѣлажа не будетъ, ссоры и драки не будетъ, найму не будетъ, торговли не будетъ (шабашъ, братъ!—усмѣхнулся онъ въ сторону Ивана Зиновейча), денегъ не будетъ, — если братство будетъ, къ чему деньги? Любовь будетъ, смиренство... Это гдѣ читается: «вся братія по духу»? Братолюбіе будетъ, единство... Вотъ какъ мы будемъ царствовать!»

Земныя власти Сютяевъ укоряетъ текстомъ св. Писанія: «не ищите почести, ни ищите сана». Самая пропаганда Сютяева о новой жизни оригинальна.

«— Ты, Никита Ивановъ, воръ?—спрашиваетъ онъ.

«Всѣ немало удивились такому вопросу, такъ какъ всѣ знали Никиту за хорошаго, честнаго мужика.

«— Пока Богъ миловаль, — отвѣтилъ Никита.

«— А ты—воръ?—обратился Сютяевъ къ другому сосѣду.

«— Избави Господи!—отвѣчалъ тотъ.

«— А ты какъ, воръ?—спрашивалъ Сютяевъ слѣдующаго. Но и тотъ оказался тоже совѣтъ не воромъ. Такимъ образомъ всѣхъ переспросилъ Сютяевъ, и ни одного вора не оказалось.

«— И я тоже не воръ, — въ свою очередь заявилъ Сютяевъ, окончивши опросъ.—Всѣ мы, выходитъ, не воры,—продолжалъ онъ,—зачѣмъ же мы живемъ хуже воровъ? Зачѣмъ у насъ замки, зачѣмъ запоры? Отъ кого это мы зашпраемъ, коли всѣ мы не воры?... Зачѣмъ у насъ сторожа, зачѣмъ загоры?... Зачѣмъ у насъ межи, али опять участки?... Зачѣмъ мы всякій пруткъ раздѣливши?... И пошелъ, и пошелъ».

Число адептовъ сютяевскаго толка слѣдователь, производившій дознаніе по дѣлу о возникновеніи этой секты, опредѣляетъ въ 1.000 человекъ. Но г. Пругавинъ замѣчаетъ: «Могу съ увѣренностью утверждать, что цифра эта черезчуръ преувеличена, — въ дѣйствительности сютяевцевъ можно считать только десятками. Другое дѣло, если говорить о всѣхъ сочувствующихъ новому ученію, о всѣхъ, кто признаетъ это ученіе «правымъ», — такихъ можно встрѣтить цѣлую кучу среди населенія окрестныхъ деревень. Но дѣло въ томъ, что сютяевцы только тѣхъ считают своими, кто на самомъ дѣлѣ стремится устроить свою жизнь сообразно тому идеалу, который они выработали и который считают своимъ долгомъ проповѣдывать вездѣ и всюду».

Такимъ образомъ, значеніе нѣсколькихъ десятковъ сютяевцевъ и прочихъ «еретиковъ» среди многомилліоннаго населенія исчезаетъ, какъ дождевая вода въ морѣ. Преслѣдованіе этихъ самородныхъ философовъ дѣлало всегда изъ нихъ въ глазахъ народа «мучениковъ», и потому противъ нихъ религиозныхъ идей уже перестаютъ бороться «соловецкими тюрьмами». Тѣмъ болѣе, что и общій отзывъ о честномъ образѣ жизни сектантовъ — самый для нихъ благоприятный. Пругавину всюду говорили:

«— Василій Кирилловичъ сроду не ругался, сквернаго слова отъ него никто на вѣку не слыхивалъ... Водкой въ жисть свою не напивался... Ото

всего (худого) отбѣгаетъ... Всѣмъ, чѣмъ можетъ, помогаетъ... Странныхъ, прохожихъ всегда принимаетъ, — никому отказа нѣтъ... Первый, можно сказать, хрестянинъ во всей деревнѣ!» — такъ аттестовало Сютаева его ближайшее, непосредственное начальство.

А. Фаресовъ.

Альбомъ выставки XII археологическаго съѣзда въ городѣ Харьковѣ. Подъ редакціей и съ объяснительнымъ текстомъ проф. Е. К. Рѣдина. М. 1903.

Однимъ изъ лучшихъ украшеній каждаго археологическаго съѣзда являются выставки памятниковъ старины, собранныхъ въ извѣстной мѣстности, большею частью, изъ малодоступныхъ провинціальныхъ музеевъ или частныхъ собраній, захолустныхъ сель, бѣдныхъ церквей и т. д. Предметы распределяются на выставкѣ въ строгой системѣ, и участники съѣзда имѣютъ возможность наглядно ознакомиться съ древностями даннаго края — курганными или церковными, образцами письма и орнамента въ рукописяхъ, портретами выдающихся мѣстныхъ дѣятелей и этнографическими коллекціями. Къ сожалѣнію, выставки продолжаютъ слишкомъ недолго, и вмѣстѣ съ закрытіемъ съѣзда, всѣ предметы, собранные съ большимъ трудомъ, а иногда и самоотверженіемъ, снова возвращаются ихъ владѣльцамъ, не оставляя никакой памяти по себѣ въ соответствующихъ изданіяхъ. Рижская выставка, устроенная при X съѣздѣ семь лѣтъ тому назадъ, кажется, первая сопровождалась изданіемъ краткаго иллюстрированного каталога; остальные выставки проходили въ этомъ отношеніи какъ-то безслѣдно, и это дѣлалось совершенно напрасно. Вотъ почему слѣдуетъ принѣтствовать организаторовъ харьковской выставки, недавно выпустившихъ великолѣпный альбомъ, въ которомъ нашли себѣ мѣсто изображенія около 300 предметовъ старины.

Альбомъ снабженъ толково составленнымъ предисловіемъ одного изъ лучшихъ знатоковъ византійскаго и русскаго искусства, профессора Е. К. Рѣдина. Кромѣ краткаго описанія предметовъ, здѣсь даны интересныя объясненія реального характера, историческія и хронологическія справки, иногда приводятся надписи и записи на предметахъ, однимъ словомъ, всѣ замѣтки прекрасно дополняютъ рисунки, исполненные фототипіей. Однимъ изъ обширныхъ отдѣловъ — церковныя древности, поступившія на выставку изъ разныхъ церквей харьковской епархіи. На первомъ планѣ стоятъ иконы, главнымъ образомъ, мѣстнаго происхожденія, съ чертами западнаго, польскаго или нѣмецкаго, вліянія на церковное искусство Малороссіи. Иногда замѣтно вліяніе на нихъ гравюръ западнаго происхожденія. Интересно, между прочимъ, что еще арабскій туристъ половины XVII вѣка, аленскій дьяконъ Павелъ, отмѣтилъ черты этой западной живописи въ иконахъ «казаковъ». Изъ такихъ иконъ особенно обращаетъ на себя вниманіе неизвѣстное въ византійской иконографіи «Коронованіе Богородицы», «Плоды страданій Христовыхъ», «Святое семейство», Богородица съ мечами, пронзающими сердце (Mater dolorosa), символическое изо-

браженіе Пеликана, клюющаго свою грудь и кормящаго своей кровью дѣтенышей, съ надписью:

Полеканъ птица, себя
Не щадя, дѣтей питаетъ.

Интересна также другая икона юго-западной работы XVIII вѣка, иллюстрирующая извѣстный богослужебный стихъ «Христосъ — щедротъ неизмѣримая пучина». Въ видѣ объясненій всей сложной композиціи здѣсь приложены слѣдующія вирши:

Ты труждающихся всѣхъ упокоивашь.
Ты Давиду и грѣхи, каеъ отецъ, прощаешь.
Ты блудницу самъ омихъ, потъ умившую у ногъ.
Оправдалъ ты мытаря, бравша зборъ со всѣхъ дорогъ.
Ты разбойника завелъ въ рай на крестѣ висяща.
Ты отвергшася Пестра воспріялъ слезяща.
Блудна сына наки ты обращаешъ въ первый чинъ.
Ты—щедротъ, Боже нашъ, неизмѣримыхъ пучина».

Кромѣ иконъ, въ этомъ отдѣлѣ нашли мѣсто плащаницы, воздуха, ризы, потиры, серебряные и кипарисовые кресты, дарохранительницы, кадила, блюда, рипиды, оклады напрестольныхъ евангелій и другія вещи, по которымъ можно прослѣдить исторію южно-русскаго орнамента и характеръ техники.

Среди портретовъ историческихъ лицъ, харьковскихъ уроженцевъ или дѣятелей, находимъ очень много цѣнныхъ и рѣдкихъ акварелей, масляныхъ картинъ, карандашныхъ набросковъ и т. д. Наряду съ типами, уже извѣстными въ печати, часто попадаются рѣдкіе варианты, приобрѣтающіе этимъ огромный интересъ. Такіе портреты сразу бросаются въ глаза. Напримѣръ, мы здѣсь встрѣчаемся съ портретомъ А. С. Грибоѣдова ребенкомъ (№ 131), портретомъ настолько загадочнымъ, что въ виду отсутствія какихъ либо объясненій издателей онъ можетъ возбудить даже нѣкоторое сомнѣніе. То же самое можно сказать относительно портрета того же писателя въ зрѣлые годы (№ 120), такъ какъ онъ замѣтно отличается отъ распространеннаго варианта, гдѣ Грибоѣдовъ изображенъ въ очкахъ. Не мѣшало бы также указать, какому именно «своему секретарю» подарилъ портретъ Петръ Великій (№ 109), и кто такой его нынѣшній владѣлецъ, «подновившій портретъ».

На первомъ мѣстѣ среди портретовъ слѣдуетъ поставить представителей славнаго казачества—Богдана Хмельницкаго, Ивана Мазену, мнѳческаго казака Харитона или «Харька» на конѣ—«основателя г. Харькова», Демьяна Многогрѣшнаго, Евстаѳія Дашкевича, Юрія Хмельницкаго, Ивана Самойловича, Ивана Выговскаго, Ивана Скоропадскаго, Василя Кучубея, полковника Новицкаго, сотника Гонту, Ивана Брюховецкаго и другихъ. Затѣмъ идутъ писатели и просвѣтители—основатель картинной галлерей въ Харьковѣ и издатель «Молодика» Иванъ Бецкій, первый ректоръ Харьковскаго университета Иванъ Рижскій, основатель того же университета Василій Каразинъ, первый попечитель университета графъ Северинъ Потоцкій, писатель Александръ Палицынъ, малорусскій поэтъ Петръ Артемовскій-Гулакъ, основатель харьковскаго кол-

легиума бѣлгородскій архіепископъ Епифаній Тихорскій и т. д. Масляный портретъ мыслителя и поэта Григорія Саввича Сковороды снабженъ, между прочимъ, стихотворной подписью:

«Ревнитель истины, духовной богочецъ,
И словомъ, и умомъ, и жизнью мудрецъ,
Любитель простоты, и отъ суеты свободы,
Безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ, всегда,
Достигъ наверхъ наукъ, познавши духъ природы,
Достойный для сердецъ примѣръ Сковорода.»

Внизу прибавлено: «Во время путешествія ея императорскаго величества Екатерины Второй по южной части Россіи въ 1788 г. и бывши въ Слободской губерніи въ городѣ Харьковѣ, онъ, Сковорода, удостоенъ былъ имѣть счастье съ ней разговаривать лично съ государыней императрицей».

Перечисленіе всѣхъ предметовъ заняло бы очень много мѣста. Укажемъ только, что очень интересны всѣ виды стараго Харькова, с. Основы, гробницы гетмана Дорошенка на кладбищѣ села Ярополга, архитектурные пейзажи художника Алферова, старинныя масляныя изображенія запорожца, играющаго на бандурѣ, запорожское оружіе, памятники быта и искусства, наконецъ, старинныя карты и весь этнографическій отдѣлъ. А. И. Яцимирскій.

Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Вып. II. Спб. 1903.

Недавно вышелъ въ свѣтъ второй выпускъ «Извѣстій русскаго генеалогическаго общества», такъ недавно, а именно въ 1897 году, начавшаго свою ученую дѣятельность. Редакція этого выпуска была поручена члену совѣта общества, Н. П. Лихачеву, благодаря стараніямъ котораго рассматриваемый томъ «Извѣстій», какъ по своей вышности, такъ и по разнообразному и богатому содержанию, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Отпечатанный на толстой бумагѣ крупнымъ и четкимъ шрифтомъ, томъ снабженъ прекрасно исполненнымъ фотографическимъ портретомъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго и четырьмя таблицами снимковъ къ статьямъ «Вкладная записка выдающагося генеалогическаго интереса» Н. П. Лихачева, «Столицы князей Черкасскихъ» Н. Н. Канкина и «Биографія Петра Алексѣевича Соковнина» Н. П. Лихачева. Содержаніе этого тома составляетъ рядъ интересныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и матеріаловъ, или дающихъ вѣчто совершенно новое по части исторіи русскаго дворянства, или же разрѣшающихъ темныя вопросы нашей генеалогической науки. Подробный пересказъ всѣхъ статей занялъ бы слишкомъ много мѣста. Поэтому мы отсылаемъ читателя къ самой книгѣ и перечислимъ только нѣкоторыя изъ статей, обращающія на себя особенное вниманіе.

К. А. Губастовъ нѣсколькими теплыми словами почтилъ память покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго, инициативъ котораго общество обязано своимъ существованіемъ. Несмотря на служебныя обязанности, отнимавшія много времени, авторъ «Русской родословной книги» находилъ воз-

возможность постоянно интересоваться исторіей дворянскихъ родовъ и не оставлять этихъ занятій даже во время двукратнаго пребыванія за границей. На его интересъ къ генеалогіи повліяло знакомство съ княземъ П. В. Долгоруковымъ, труды котораго до сихъ поръ считаются классическими. Сотрудничество въ «Русской Старинѣ» еще болѣе убѣдило покойнаго князя въ важности подобныхъ работъ, и на страницахъ этого журнала, съ первыхъ же лѣтъ его существованія, появлялись интересныя статьи дипломата-ученаго. Въ 1873 году вышелъ первый томъ «Русской родословной книги», черезъ два года—второй, а въ 1895 году понадобилось выпустить второе изданіе. Несмотря на нѣкоторые любительскіе приемы расположенія матеріала и не всегда достаточно критическое отношеніе къ источникамъ, работы А. Б. Лобанова-Ростовскаго до сихъ поръ не потеряли своего значенія.

Выдающийся интересъ представляетъ дѣло чернскаго воеводы Димитрія Битяговскаго, изданное графомъ С. Д. Шереметевымъ по столбцамъ бывшаго приказнаго стола, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Здѣсь находимъ отголосокъ наслѣдственной вражды между Засѣцкими и Битяговскими. Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ. Черяние всякихъ чиновъ люди жалуются царю Феодору Алексѣевичу на Битяговскаго, обвиняя его «въ нерадѣніи о государевѣ осадномъ хлѣбѣ, всякихъ неправдахъ и разореніи», и указываютъ на то, что злоупотребленія чернскаго воеводы перешли всякія границы: «онъ продаетъ хлѣбъ изъ «осадныхъ житницъ» и восполняетъ недостачу его неимовѣрными поборами; у дворовыхъ людей и служивыхъ отнимаетъ лошадей, а также помѣстныя дачи и хоромы; самихъ ихъ сажаетъ въ тюрьму, грабитъ, тѣснитъ и «вымучиваетъ всякія записи на имя друзей своихъ напрасно». Въ результатъ этой челобитной была отставка Битяговскаго, послѣдовавшая въ концѣ августа 1677 года, и приказъ тульскому воеводѣ стольнику Ивану Засѣцкому, «перемѣнить» Битяговскаго, «сыскать про него во всякихъ неправдахъ» и принять казну «противъ росписного списка». Но это оказалось только завязкой длиннаго дѣла. Битяговскій нашелъ средства защищаться, и допрошенный въ Разрядѣ на Москвѣ, показалъ на своихъ враговъ, которые давно искали случая погубить его. Издатель «дѣла» обращаетъ вниманіе на слова Битяговскаго о давнишней «недружбѣ» его рода съ родомъ Пвана Засѣцкаго и припоминаетъ извѣстное слѣдственное дѣло, возникшее послѣ убіенія царевича Димитрія, когда въ Угличъ пріѣхалъ Темиръ Засѣцкій. «А какъ пріѣхалъ Темиръ Засѣцкій во вторникъ въ вечеру на Угличъ,—читаемъ мы въ современномъ актѣ,—и Михайло Нагой учалъ говорить, чтобъ ножи собрати, да положили на тѣхъ побитыхъ людей, и учалъ приказывать Русину Ракову, а велѣлъ собрати ножи да положили на тѣхъ убитыхъ людей, и налицу желѣзную велѣлъ взяти у Михаила Битяговскаго въ клѣти, да велѣлъ на тѣхъ же людей положили»... Слѣдовательно, вражда между чернскимъ воеводой и тульскимъ стольникомъ восходитъ къ старымъ временамъ.

Нѣсколько цѣнныхъ статей принадлежатъ Д. Θ. Кобеко. Въ замѣткѣ о Феодорѣ Феодоровичѣ Нагомъ собраны біографическія свѣдѣнія объ извѣстномъ околнпчьемъ и родственникѣ царя Іоанна Грознаго. По мнѣнію однихъ уче-

ныхъ, Нагой умеръ въ 1581 году; другіе думаютъ, что въ этомъ году онъ былъ «замученъ» за несправедливый извѣтъ на Бориса Годунова; наконецъ, сохранились нѣкоторые намеки на то, что въ 1584 году онъ былъ отравленъ въ Угличъ вмѣстѣ съ царевичемъ Димитріемъ. Авторъ дѣлаетъ очень осторожное предположеніе о смерти Нагова, послѣдовавшей ранѣе 15-го мая 1591 года, потому что въ слѣдственномъ угличскомъ дѣлѣ послѣдній совѣтъ не упоминается. Другая статья Д. Кобеко: «Князь Димитрій Тимоѣевичъ Трубецкой», посвящена вопросу о женахъ Трубецкого, изъ которыхъ одна, Марія Борисовна, погребена въ Троице-Сергіевой лаврѣ († 1617 г.), другая называется въ наиболѣе надежныхъ источникахъ Анной Васильевной. Въ отдѣлѣ «Матеріаловъ» имъ же изданы двѣ вкладныя грамоты Юсифову монастырю, касающіяся рода Полевыхъ и относящіяся къ 1556 и 1572 годамъ. Документы эти напечатаны съ сохраненіемъ правописанія подлинника, по оригиналамъ, хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Редактору второго выпуска «Извѣстій» принадлежитъ рядъ статей, построенныхъ научно и изложенныхъ вполне литературнымъ языкомъ, сообщающимъ имъ беллетристическую живость. Въ большой работѣ «Родоприсхожденіе дворянъ Головкиныхъ», изъ которыхъ вышли извѣстные дѣятели эпохи преобразованій, авторъ подробно разбираетъ рядъ генеалогическихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей этого замѣчательнаго историческаго рода. Между прочимъ, онъ сообщаетъ свѣдѣнія о нихъ, помѣщенные въ нѣмецкихъ генеалогическихъ «ханбухахъ», какъ о знатномъ графскомъ родѣ Римской имперіи, выѣхавшемъ изъ Польши, повидимому, до 1462 года, то-есть въ княженіе Василя Темнаго. Въ приложеніи напечатана поданная въ Разрядъ родословная роспись Головкиныхъ, по списку архива министерства юстиціи, съ массой интересныхъ примѣчаній реального характера, сдѣланныхъ издателемъ; въ заключеніе Н. П. Лихачевъ отмѣчаетъ нѣсколько сомнительныхъ мѣстъ въ текстѣ межевой грамоты 1512 года и дѣлаетъ предположеніе о возможной фальсификаціи начала спорной грамоты. «Вкладная запись выдающагося генеалогическаго интереса» переноситъ читателя въ семью Лихачевыхъ, игравшихъ видную роль въ событіяхъ XVII вѣка, затѣмъ прекратившуюся. Новыя свѣдѣнія, найденныя авторомъ, касаются «путнаго ключника» Константина Ивановича Лихачева, который въ сероковыхъ годахъ пожертвовалъ книги въ два монастыря Вологодскаго края. Къ статьѣ приложенъ снимокъ съ вкладной записи. Въ концѣ «Извѣстій» Н. П. Лихачевымъ издано интересное по содержанію и бытовымъ подробностямъ XVIII вѣка «Описаніе жизни покойнаго дѣйствительнаго статскаго совѣта Петра Алексіевича Соковнина». Авторъ «Описанія», служившій предсѣдателемъ II департамента ярославскаго губернскаго магистрата, передаетъ біографію своего отца, «человѣка, гонимаго разными превратностями счастья на свѣтѣ, украсившаго себя не столько порокою, какъ добродѣтелью и постоянствомъ». Соковнинъ—дѣдъ родился въ Москвѣ въ 1679 году, въ раннихъ годахъ пожалованъ спальникомъ, но въ самомъ концѣ XVII вѣка былъ казненъ, какъ противникъ петровскихъ реформъ. Дѣти его были лишены дворянства и сосланы въ Бѣлгородъ. Здѣсь они вели тяжелую жизнь, иногда голодали. Проѣздомъ изъ Во-

ронезжа въ Азовъ Петръ Великій остановился въ Вѣлгородѣ и принялъ опальныхъ, которымъ сказалъ:

— Не тужите. Чтò потеряли, того не воротите. Молитесь Богу: если я побѣжду враговъ моихъ, васъ не забуду.

Въ скоромъ времени ихъ судьба измѣнилась къ лучшему. Однажды вечеромъ, когда братья сидѣли у воротъ своего домика, къ нимъ подошелъ незнакомый старикъ, предложилъ смотрѣть за ихъ домомъ и дѣлать съ ними всѣ горести. Старикъ оказался старообрядцемъ, по имени Лукьяномъ Степановичемъ, какъ думаетъ ученый издатель, посланнымъ старообрядцами къ Соковнинымъ нарочно: они были племянниками извѣстной мученицы за старую вѣру боярыни Морозовой и дѣти лица, казненнаго за приверженность къ «старинѣ». Съ приходомъ Лукьяна Степановича, въ домъ Соковниныхъ явилось довольство. Братья не знали, для какихъ цѣлей прибылъ къ нимъ старецъ, и объясняли дѣло случаемъ. Наконецъ, Соковнины дождались прощенія и получили позволеніе вернуться въ Москву для свиданія съ родственниками. Петръ Алексѣевичъ поселился въ Казани, обзавелся семьей, поступилъ на службу и за отличія достигъ высшихъ чиновъ. Заканчивая біографію своего отца, Соковнинъ приводитъ вѣскольکو стихотворныхъ эпитафій, характерныхъ для старинной кладбищенской литературы. Приведемъ первую изъ нихъ:

Любезный родитель! кѣмъ ни былъ въ свѣтѣ знаемъ,
Днесъ въ горестныхъ слезахъ ты всѣми воспоминаемъ,
Ты ревностно всегда отечеству служилъ,
Любя всѣхъ искренно, всегда добро творилъ,
Почтенный въ свѣтѣ мужъ, ничѣмъ не былъ прельщенный.
Хранилъ законы всѣ—гражданскій и священныи.
Дѣлами такъ сиялъ, презрѣвши ложь и лесть,
Что вѣчно процвѣтеть его хвала и честь.
Но, ахъ! родитель нашъ теперь сею не внемлетъ;
Едини лишь отъ насъ съ желаніемъ приемлетъ
Усердныя имѣть молитвы предъ Творцомъ,
Чтобъ увѣнчалъ его небесныхъ благъ вѣнцемъ.
Внемли жъ, Всевышній, насъ съ моленіемъ сердечнымъ,
И въ небѣ награди Петра блаженствомъ вѣчнымъ.

Далѣе, можно указать на интересную статью князя Н. Н. Голицына «О синодикѣ московскаго Успенскаго собора», впервые напечатанномъ въ VI томѣ «Древней Россійской Вивліюпки». Принимая во вниманіе официальный характеръ этого номинальнаго документа, авторъ придаетъ его показаніямъ большее значеніе, и надо признаться, что его наблюденія поражаютъ своей правдоподобностью. Н. Н. Голицынъ думаетъ, что «первая часть Синодика» была составлена въ царствованіе цари Бориса Годунова, такъ какъ рядъ правителей московскихъ, помнаемыхъ въ немъ, кончается царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ; кромѣ этого указанія, помпнаніе родителей царя Бориса Годунова, который очевидно позаботился объ этомъ, представляетъ тоже извѣстнаго рода подтвержденіе о времени составленія этой части синодика. Должно быть, во второй половинѣ XVII столѣтія явилась необходимость сократить первопа-

чальный синодикъ собора, и былъ составленъ краткій синодикъ, представляющій извлеченіе изъ первой части съ добавленіемъ лицъ, упоминаемыхъ въ русской исторіи XVII столѣтія, и кончая событіями правленія царевны Софіи». Для того, чтобы судить о цѣнности выводовъ, достаточно привести хотя бы только нѣкоторые изъ нихъ. Такъ, авторъ находитъ возможнымъ установить личность «великой княгини Ульяны Ивановны инокини», которая была второй женой великаго князя Ивана Калиты. Въ заключеніи статьи князь Голицынъ высказываетъ предположеніе, что синодикъ, писанный рукой знаменитаго волоколамскаго игумена Іосифа въ 1502 году, относится къ роду князей Вѣльскихъ-Гедеминовичей.

Изъ остальныхъ работъ мы назовемъ статьи Н. В. Мятлева: «Догадка о женѣ Θεодора Нагова», «Родословная легенда Левшинныхъ», «Родство московскихъ родовъ съ новгородцами» и «О первой женѣ боярина Глѣба Морозова»; очерки Г. В. Мещеринова—«Къ родословію Нагихъ», Ю. В. Татищева—«Родъ князей Мезецкихъ»; матеріалы, собранные Н. Н. Капкинѣмъ—«Столицы князей Черкасскихъ», В. И. Холмогоровѣмъ—«Духовная князя Владимира Тимоеевича Долгорукова» и В. В. Руммелемъ—«Грамота царская Ивану Михайловичу Толбузину». Третій отдѣлъ составляютъ протоколы общихъ собраній и засѣданій совѣта, по которымъ можемъ познакомиться съ дѣятельностью генеалогическаго общества.

А. И. Яцимирскій.

Вѣщій Олегъ. Болгарія и Македонія. Съ иллюстраціями по фотографіямъ, снятымъ на мѣстѣ, и съ картой Западной Македоніи. Спб. 1903.

Македонія—это страна, къ которой за послѣдніе два-три года безпрестанно обращено вниманіе всего европейскаго образованнаго міра. Очагъ возстанія противъ турецкаго владычества, она давно уже грозитъ опасностью миру, и этого одного довольно, чтобы македонскій вопросъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди политическихъ задачъ нашего времени. Но настойчиво требующій разрѣшенія вопросъ этотъ столько же серьезенъ и многосложенъ, сколько неясенъ, сбивчивъ и запутанъ. Одна этнографія Македоніи представляетъ собою доселѣ неразрѣшенную загадку, и не только европейская дипломатія, призванная такъ или иначе къ рѣшенію македонскаго вопроса, не знаетъ, съ кѣмъ собственно она имѣетъ дѣло въ Македоніи, но—что еще удивительнѣе—сами македонцы не волюнѣ даютъ себѣ отчетъ въ томъ, кто они такіе. Самыя яркія противорѣчія, самыя противоположныя показанія, продиктованныя разыгравшимися страстями, занутили македонскій вопросъ въ Гордіевъ узелъ, и, чтобы онъ былъ удачно разрубленъ, если не распутанъ, надо заранѣе ориентироваться въ немъ. Здѣсь важно каждое правдивое и искреннее показаніе, и поэтому русское общество можетъ быть благодарно автору разбираемой книги, три года тому назадъ предпринявшему трудное и небезопасное путешествіе по Македоніи, чтобы на мѣстѣ выяснитъ для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для русскаго общества, спорныя стороны македонскаго вопроса.

Македонія заселена самыми разнообразными народами: турки, греки, испанскіе евреи, куцо-валахи, албанцы и славяне перемѣшаны здѣсь другъ съ другомъ, но относительное большинство имѣютъ все же славяне. По свѣдѣніямъ, собраннымъ покойнымъ Ростковскимъ, на 1.090.962 человекъ всего населенія Солунскаго вилайэта на долю славянъ приходится 471.202; на 803.340 человекъ населенія Битолійскаго вилайэта—славянъ 291.892 человекъ. Но кто эти славяне—сербы или болгары?—вотъ вопросъ, передъ которымъ становятся втушникъ изслѣдователи. Сербы утверждаютъ, что имъ принадлежать земли по обѣ стороны Вардара до Струмицы, а отсюда до моря только правый берегъ, т.-е. весь край къ западу отъ Вардара до Албаніи. Болгары, оставляя за сербами Старую Сербію и Дебрѣкій край, остальное считаютъ все Болгарскою землею. Наконецъ на Македонію предъявляютъ притязанія и греки, которые признаютъ своимъ и знаменитое Коссово поле, называя его *Kossiphoredion*, хотя даже въ Битолійскомъ вилайэтѣ ихъ всего только около 100.000 человекъ. Оставляя въ сторонѣ неосновательныя и болѣе смѣшныя, чѣмъ серьезныя претензіи грековъ, нельзя не остановиться на распрѣ сербо-болгарской. «Тяжелое чувство,—пишетъ авторъ,—оставляетъ въ душѣ видъ безирисвѣтной, страшной ненависти, существующей въ Македоніи между сербами и болгарами. Это нѣчто столь ужасное, чего и представить себѣ не можетъ свѣжій человекъ» (стр. 122). Авторъ думалъ, что, побывавъ самъ въ Македоніи, онъ легко разрѣшитъ себѣ вопросъ, какая изъ двухъ спорящихъ сторонъ права, но въ концѣ концовъ долженъ былъ отказаться отъ какого нибудь рѣшительнаго вывода. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ наблюденіяхъ онъ, очевидно, склоняется на сторону болгаръ и дѣлаетъ важныя поправки къ извѣстной книгѣ Гончевича «Старая Сербія и Македонія», въ которой этотъ даровитый, но односторонній писатель старался доказать, что вся Македонія есть сербскій край, и что народъ тамъ не понимаетъ по-болгарски. Авторъ разбираемой нами книги проѣхалъ черезъ всю западную Македонію съ юга на сѣверъ и всюду встрѣчалъ болгаръ и говорилъ съ ними на книжно-болгарскомъ языкѣ, который значительно отличается отъ сербскаго. Въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, на которыя Гончевичъ указываетъ, какъ на чисто сербскія, онъ «нигдѣ сербскаго языка не слышалъ ни единого слова». Важнымъ аргументомъ въ пользу болгаръ служитъ также и то обстоятельство, что пришлые элементы, турки и албанцы, научившіеся говорить по-славянски только отъ соприкосновенія съ мѣстнымъ элементомъ, говорятъ не по-сербски, а по-болгарски. Наконецъ, кромѣ непосредственныхъ наблюденій надъ языкомъ, въ пользу болгаръ говорятъ и наблюденія надъ психической и политической жизнью мѣстнаго населенія, бьющейся однимъ пульсомъ съ жизнью болгаръ княжества, такъ что, закрывая книгу, читатель получаетъ почти полную увѣренность, что въ Македоніи живутъ болгары. Это—первый важный результатъ произведенныхъ авторомъ изысканій.

Второй есть нарисованная имъ картина экономической жизни македонскаго населенія. Всѣмъ извѣстно политическое положеніе райи при турецкихъ порядкахъ, но относительно матеріальнаго благосостоянія турецкихъ христіанъ есть самые разнорѣчивые отзывы. Нѣкоторые путешественники утверждаютъ,

что македонцамъ живется не только безконечно лучше, чѣмъ нашимъ крестьянамъ, но и вообще хорошо. Авторъ разбираемой книги приходитъ къ совершенно противоположному выводу: «Среди богатой природы, несмотря на улыбки чарующей красоты, люди здѣсь не живутъ, а прозябаютъ. Всюду—безнадежная нищета. Лохмотья и образъ смерти со всѣхъ сторонъ! Хищныя лица, разбойничьи фигуры... Нигдѣ въ мірѣ вы не чувствуете въ такой мѣрѣ, какъ охотно окружающіе васъ люди каждую минуту были бы готовы васъ растерзать. Вамъ невольно приходитъ на умъ воспоминаніе звѣринца: вы проходите мимо клѣтокъ, откуда несетъ острымъ запахомъ чего-то зловѣщаго; въ полумракѣ логовища торчатъ что-то взѣрошенное, ворчащее, вверяющее въ васъ алчные взоры...» (стр. 143). Таково общее впечатлѣніе. Правда, приведенныя слова относятся собственно не къ Македоніи, а къ Старой Сербіи, гдѣ, по общему признанію, условія жизни ужасны, но тѣми же красками рисуетъ авторъ картины и македонской жизни. Вотъ любопытное описаніе избы болгарскаго крестьянина въ селѣ Лени-Кьой (Ново-Село), находящемся вдали отъ большой дороги, на западъ отъ города Велеса. «Нѣтъ словъ, чтобы выразить ужасъ и нищету этой бѣдной обстановки. Хижина безъ оконъ, безъ всякаго выхода для дыма, безъ половъ, на битой землѣ; это не человѣческое жилище, а логовище звѣриное. Огонь разводится тутъ же, на землѣ, а дымъ закапчиваетъ потолокъ, состоящій не столько изъ брусевъ, сколько изъ дровъ и вѣтвей. Комнатъ нѣтъ, но тутъ, въ кромѣшной темнотѣ, возлѣ очага, сбоку есть нѣсколько болѣе высокій земляной полъ и, повидимому, жилие углубленіе въ сторону отъ главнаго хода. Это, очевидно, то, что замѣняетъ комнату; и въ этомъ темномъ углу, единственномъ убѣжищѣ семьи, засѣло восемь хищныхъ албанцевъ. Виденъ блескъ ихъ оружія. Они сидятъ и молчатъ, какъ гѣна, ушедшая въ самую глубину клѣтки, когда публика на нее смотритъ. Тутъ же злосчастная болгарская мать съ обнаженною грудью торопливо уноситъ сосунца съ выраженіемъ тупой покорности судьбѣ. Ее выгнали, очевидно, изъ того послѣдняго угла, который она могла считать своимъ. Я вижу то, что происходитъ при мнѣ, котораго считаютъ за «голъмца» (высокопоставленное лицо), при обстановкѣ, когда имя Россіи уже звучитъ, какъ охрана и надежда... Что же дѣлается въ этихъ хижинахъ, когда нѣтъ здѣсь никого, кромѣ волковъ и овецъ, нѣтъ ничего, кромѣ молотка и наковальни?!» (стр. 194—195). «Камо, да дойде, да ни освободи Русія!» — вотъ возгласъ, который авторъ слышалъ всюду «то съ выраженіемъ безнадежной грусти, то съ трепетомъ радостной надежды». Путешествуя три года тому назадъ, онъ уже тогда видѣлъ, что при той «атмосферѣ ятагана», которая царитъ въ Македоніи, при полномъ разстройствѣ турецкой государственной власти и все ухудшающемся матеріальномъ благосостояніи крестьянъ возстаніе неизбежно. Опасенія эти теперь оправдались. Авторъ видитъ единственный выходъ изъ настоящаго положенія въ европейской оккупации Македоніи на два года, пока не будетъ дарована ей автономія, въ чемъ, по мнѣнію автора, должны быть прежде всего заинтересованы сами турки. Въ приложеніяхъ къ своему путешествію авторъ рисуетъ подробный планъ мѣръ, которыя слѣдуетъ принять для умиротворенія Македоніи.

Кромѣ путешествія по Македоніи, книга Вѣщаго Олега содержитъ въ себѣ еще разсказъ о поѣздкѣ въ Болгарію. Это — любопытная и важная картина экономическаго рабства нѣмцамъ, въ которое готово впасть, если уже не впадо, молодое болгарское княжество. Книжка заканчивается публицистической статьей, въ которой авторъ высказываетъ свои взгляды уже не на македонскій, а на общеславянскій вопросъ, на «конечную цѣль славянскаго единенія», которую онъ видитъ не въ государственномъ и церковномъ, а культурно-племенномъ единствѣ. Начала славянскаго единенія, по его мнѣнію, слѣдуетъ теперь искать въ области сознательной экономической политики, — наблюденіе вѣрное и практически-полезное, хотя, конечно, въ основѣ всего и здѣсь, какъ вездѣ, должны лежать не соображенія такъ называемой выгоды, но требованія долга. Впрочемъ тутъ нѣтъ противорѣчій, если признать, что выгодно только то, что продиктовано намъ долгомъ.

Въ книгѣ Вѣщаго Олега есть немало и слабыхъ сторонъ. Кое-гдѣ видны слѣды ея первоначальнаго назначенія: она составлена изъ отдѣльныхъ корреспонденцій. Стихи, иллюстрирующіе мѣстами изложеніе, очень слабы, и иногда въ нихъ не соблюденъ даже размѣръ. Нѣкоторые фотографическіе снимки очень неудачны: такъ «Земной рай въ Водевѣ» — не болѣе, какъ простое черное пятно. Авторъ склоненъ нѣсколько къ напыщенному тону и называетъ свою книжку «твореніемъ». Наконецъ, можетъ быть, ему слѣдовало бы смягчить свои упрёки и громы противъ «недомыслия и самомиѣнія» русской интеллигенціи, къ уму и совѣсти которой онъ, однако, обращается въ своей книгѣ. Но все это — мелочи, которыя не могутъ ступевать важныхъ и серьезныхъ достоинствъ разобраннаго здѣсь труда.

Андрей Сиротининъ.

А. Амфитеатровъ. Страна раздора. Балканскія впечатлѣнія. Спб. 1903.

Это — красиво изданная, живая, талантливая и очень интересная книжка. Можно спорить съ авторомъ, можно упрекать его въ поверхностности наблюденій и поспѣшности выводовъ, но нельзя отказать ему ни въ наблюдательности, ни въ художественности изложенія: книжка читается легко, точно самая занимательная повѣсть, и полна интересныхъ соображеній и мѣткихъ, а иногда и очень цѣнныхъ, замѣчаній о положеніи дѣлъ на Балканахъ и о нашей тамъ политикѣ.

Книга состоитъ изъ шести очерковъ неравнаго достоинства. Всего менѣе важны характеристика султана и впечатлѣнія отъ поѣздки по славянской Адриатикѣ. Эти послѣдніе очень легковѣсны, и единственно, что здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе, это — описаніе русскаго Цетинскаго женскаго института и мысли, высказанныя по его поводу о мѣрахъ нашего воздѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ. Авторъ справедливо вооружается противъ денежныхъ субсидій разнымъ «казеннымъ руссофиламъ или даже цѣлой казенноруссофильской партіи»: «если бы, — шипеть онъ, — тѣ средства, что потрачены на поддержку разныхъ якобы руссофильскихъ рещилій, мы употребили для мир-

наго культурнаго въздѣйствія на общество, если бы на эти деньги мы открыли въ Софїи, Рушукѣ, Варнѣ, Пловдивѣ, Гавровѣ, Сливнѣ, Шумлѣ учебныя заведенія съ русскимъ языкомъ, съ русскими преподавателями, какъ дѣлають это австрійцы, нѣмцы, французы, англичане, даже американцы, всѣ — только не мы—въ Болгарїи не было бы никакихъ руссофобовъ, и вся она сплошь говорила бы русскимъ языкомъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ своимъ роднымъ, и не страшны были бы намъ ни нѣмецкая промышленно-завоевательная, ни австро-католическая пропаганда. И это не въ одной Болгарїи, повсюду подъ Балканами. Наша политика всегда должна была прїобрѣтать лица и партїи. А куда и практичнѣе, да даже и дешевле было бы прїобрѣтать общество и народъ» (стр. 173). Такимъ безъ денегъ купленнымъ Россїей человѣкомъ былъ покойный Петко Каравеловъ. Купили его, по словамъ автора, не чеки азиатскаго департамента, а русскіе профессора Бабеть и Никита Крыловъ и даже тогда, когда онъ бывалъ врагомъ нашимъ, въ самой враждѣ его было больше къ намъ дружбы, чѣмъ въ дружбѣ многихъ изъ нашихъ друзей. Талантливой характеристикѣ этого болгарскаго министра-президента, котораго всегда можно было безъ доклада видѣть дома въ скромной обстановкѣ, въ жилетѣ на рубашкѣ безъ пиджака и за стаканомъ жидкаго студенческаго чаю, точно гдѣ нибудь въ Москвѣ въ Козлицкомъ переулкѣ, посвящена особая глава книги г. Амфитеатрова. Но самую любопытную ся часть составляетъ три очерка: «Въ македонской глуши», «Салоники» и «За Шаромъ». Пребываніе въ Салоникахъ дало автору возможность нарисовать яркую и блестящую картину жизни мѣстнаго еврейства. Тутъ же мы находимъ ужасающее описаніе турецкихъ тюремъ и лазаретовъ и, можетъ быть, еще болѣе ужасныя и поразительныя подробности изъ жизни афонскихъ монаховъ, занесенныя въ книгу со словъ нѣсколькихъ повстрѣчавшихся автору русскихъ мастеровыхъ. Много страницъ въ книгѣ посвящено греческому духовенству, для котораго авторъ не щадитъ темныхъ красокъ. Зараженное духомъ крайняго эллинскаго шовинизма, оно давно уже низвело православную вѣру на степень простого орудія для своихъ фантастическихъ панэллинскихъ стремленій и теперь тупое, невѣжественное, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самомнительное, играетъ незавидную роль пособниковъ Турціи въ ея преслѣдованїи христіанскаго славянскаго населенія. Что касается до самаго важнаго изъ балканскихъ вопросовъ—македонскаго, авторъ старается занять здѣсь серединную точку зрѣнія. По его мнѣнію, коренное населеніе Македонїи представляетъ неопредѣленную народность, о которой съ увѣренностью можно сказать только то, что она несомнѣнно и чисто славянская. Чѣмъ она станетъ въ будущемъ, это находится въ зависимости отъ силы культурнаго и политическаго въздѣйствія: подъ вліяніемъ той или другой пропаганды македонецъ съ равной легкостью вырабатываетъ себя какъ въ болгарина, такъ и въ серба». Въ настоящее время безспорно торжествуетъ культура и политика болгарскія, и авторъ думаетъ, что жизнь рѣшитъ споръ въ пользу болгаръ: они безконечно энергичнѣе сербовъ, а къ тому же имѣють за собою народную болгарскую церковь, тогда какъ сербы подчиняются зараженны у фанатическимъ филэлленизмомъ константинопольскому патріарху. Въ доказательство своего мнѣнія авторъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ наблюденій по вопросу о македонской этно-

графин: оказывается, что одни и тѣ же крестьяне при сербахъ выдавали себя за сербовъ, при болгарахъ за болгарь. «Даютъ мужику по франку въ сутки, — онъ зоветъ себя сербомъ-патріаршистомъ; воснигиваютъ даромъ его дѣтей въ школы — онъ болгаринъ-экзархистъ» (стр. 20). Любопытно, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ крестьяне получаютъ отъ сербскихъ консуловъ жалованье (30—40 фр. въ мѣсяць) подъ условіемъ считать и называть себя сербами! Все это, однако, показываетъ только, какой глубокой развратъ вносить въ простой народъ политическая пропаганда, но точку зрѣнія автора на македонское населеніе не оправдываетъ. Наивное разрѣшеніе имъ мѣстнаго этнографическаго вопроса можно объяснить только кратковременностью его пребыванія въ краѣ и дурнымъ знаніемъ языка, въ чемъ онъ самъ сознается. Чѣмъ бы ни были македонцы въ будущемъ, они и теперь, безъ сомнѣнія, не могутъ быть *tabula rasa* въ этнографическомъ отношеніи и представляютъ собою нѣчто. Определить, кто они такіе, — это задача изслѣдователя, отъ которой г. Амфитеатровъ хотѣлъ отдѣлаться, но которой онъ вовсе не устранилъ. Въ концѣ книги, приводя статистику македонскаго населенія по Риттеру, который считаетъ во всей Македоніи 1.124.288 болгарь на 360.626 турокъ, 422.357 сербовъ, албанцевъ и валаховъ и 59.833 грека, авторъ, повидимому, самъ склоняется въ этнографическомъ вопросѣ на сторону болгарь и совѣтуетъ сербамъ, предоставивъ Македонію болгарамъ, въ союзъ съ ними приобрести себѣ безспорно сербскія земли, т.-е. такъ называемую Старую Сербію. Это, кажется, и есть самая правильная точка зрѣнія. На другой важный для усвоенія себѣ правильныхъ воззрѣній на Македонію вопросъ — о благосостояніи мѣстнаго крестьянства — авторъ даетъ отвѣтъ уже категорическій, но идущій въ разрѣзъ съ отзывами другихъ очевидцевъ. По мнѣнію автора, «внѣшній видъ южной Македоніи мало говоритъ объ угнетеніяхъ и страданіяхъ. Крестьяне не кажутся забытыми, одежда ихъ нестра и богата, вокругъ сель пасется много стадъ, повсемѣстно слышенъ славянскій говоръ. Болгарскія села въ княжествѣ куда грязвѣе и бѣднѣе. О нашихъ и говорить нечего. Спасители народовъ, мы никогда не умѣли помѣтитъ свой трудъ даже и въ половину въ менѣе пристойныя условія быта, чѣмъ живутъ наши спасаемые... Македонская крестьянка носитъ на плечахъ самодѣльный костюмъ, стоящій, безъ украшеній, 60—80 франковъ, и такихъ костюмовъ у нея не менѣе 5—6. У дѣвушки въ Ускюбѣ (сѣверная Македонія), которая согласилась продать одинъ изъ своихъ приборовъ, ихъ оказалось восемнадцать!» (стр. 5—7). Эту зажиточность авторъ объясняетъ отсутствіемъ воинской повинности у христіанъ, т.-е. господствомъ турецкаго режима, хотя самъ признаетъ, что эти слова прозвучатъ дико. Можетъ быть, оптимистическій взглядъ автора проще объясняется тѣмъ, что въ сущности онъ видѣлъ Македонію только изъ окна вагона. Во всякомъ случаѣ нарисованная имъ картина, безъ сомнѣнія, вызоветъ возраженія, и въ первой книжкѣ «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» уже появилось первое изъ нихъ — статья Мирскова о экономическихъ причинахъ македонскаго движенія. Что въ всякаго спора обрисовано въ книгѣ г. Амфитеатрова вѣрно и мастерскими чертами, такъ это характеристика турецкаго владычества въ славянскихъ земляхъ. Это — одинъ изъ самыхъ любопытныхъ страницъ книги.

Выводы, къ которымъ приходитъ авторъ, кромѣ вышеуказанныхъ, слѣдующіе:

1) Живется христіанамъ въ Македоніи очень худо (авторъ, очевидно, говоритъ здѣсь не о матеріальномъ ихъ состояніи), хотя лучше, чѣмъ въ Старой Сербіи, гдѣ быть христіанина подъ гнетомъ албанцевъ—адъ безиправія.

2) Такъ же худо, какъ македонцамъ, живется христіанамъ и въ другихъ вилайетахъ Турціи.

3) Слѣдовательно, политическій вопросъ долженъ ставиться: дозвоительно ли вообще оставлять подъ мусульманскою властью какихъ нибудь поданныхъ христіанъ?

4) Всякія реформы за порукою Турціи всегда будутъ политическимъ обманомъ съ ея стороны и самообманомъ для Европы.

5) Дай Богъ македонцамъ самимъ или черезъ болгаръ получить свободу, но не дай Богъ, чтобы заплатить за нее пришлось русскому мужику.

Въ книгѣ г. Амфитеатрова приложены портреты русскихъ консуловъ гг. Машкова и Иларіонова, болгарскихъ митрополей Синезія и Григорія Зарирова, сербскаго митрополита Фирмилиана, Стояна Запмова, Решадъ-бея и русскаго посла Н. А. Зиновьева и нѣсколько видовъ Далматинскаго побережья. Стоитъ книга очень дешево—всего только рубль и, кто ознакомится съ ней, не пожалѣетъ этого. Если даже авторъ кое въ чемъ и ошибается, какъ человѣкъ бывалый и знакомый съ Балканскимъ полуостровомъ, а къ тому же и прекрасный рассказчикъ, онъ можетъ сообщить читателю много интереснаго и поучительнаго.

Андрей Сиротининъ.

Костомаровъ, Н. И. Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Книга первая. Томы I—III. Изданіе общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. Спб. 1903.

Отмѣчаемъ появленіе перваго тома новаго изданія историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова. Совершенно излишне входить въ оцѣнку историческихъ трудовъ Костомарова: ихъ достоинства давно извѣстны. Благодаря особенностямъ изложенія, труды Костомарова всегда находили доступъ въ широкіе слои читателей. Распространенію ихъ препятствовала дороговизна прежняго изданія историческихъ монографій, занимавшего 21 книгу. Настоящее изданіе всѣхъ монографій Костомарова, предпринятое литературнымъ фондомъ, въ восьми томахъ вмѣсто 21 книги прежняго, найдетъ распространеніе въ широкихъ кругахъ читающей публики, потому что оно стоитъ гораздо дешевле перваго изданія. Въ выпедшій первый томъ вошли слѣдующіе труды: Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Феодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ.—Иванъ Свирговскій, украинскій казацкій

гетманъ XVI вѣка. — Гетманство Выговскаго. — Бунтъ Стеньки Разина. — По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». — Куликовская битва. — Ливонская война. — Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. — Литовская народная поэзія. — Обь отношеніи русской истории къ географіи и этнографіи.

Нужно думать, что съ удешевленіемъ цѣны, съ облегченіемъ условій подшпски «Собраніе сочиненій» Костомарова получить то распространеніе, котораго оно такъ заслуживаетъ. Щ.

Исторія Малой Россіи отъ водворенія славянъ въ сей странѣ до уничтоженія гетманства. Въ трехъ частяхъ. Съ девятнадцатью портретами, пятью рисунками, двадцатью шестью раскрашенными изображеніями малороссіянъ и малороссіянокъ въ старинныхъ одеждахъ, планомъ Берестечскаго сраженія, снимками подписей разныхъ гетмановъ и предводителей казаковъ, и съ картою, представляющею Малороссію подъ владѣніемъ польскимъ въ началѣ XVII вѣка. Соч. Д. Бантыша-Каменскаго. Изданіе четвертое. Печатано съ третьяго изданія безъ измѣненія. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Югансона. Кіевъ. 1903.

Появленіе въ 1903 году 4-го изданія «Исторіи Малой Россіи», впервые увидѣвшей свѣтъ въ 1822 году, фактъ любопытный. Еще современники Д. Н. Бантыша-Каменскаго находили въ этой книгѣ крупныя недостатки, а О. Бодянский, издавая въ 1858 г. его «Источники малороссійской исторіи», думалъ, что они явятся для Бантыша-Каменскаго болѣе прочнымъ надгробнымъ памятникомъ, чѣмъ его исторія.

«Исторія Малой Россіи» въ четырехъ частяхъ и двухъ томахъ in 4° съ роскошными иллюстраціями, изданная въ 1822 году (Москва, типографія Селивановскаго) иждивеніемъ автора, явилась плодомъ долгой, добросовѣстной, любовной работы.

Еще юношей при служебной поѣздкѣ въ Сербію, Бантышъ-Каменскій обозрѣлъ южныя окраины Россіи и заинтересовался судьбами «родины его отца». Блестящему дипломатическому поприщу онъ предпочелъ научную дѣятельность и съ 1816 г. началъ усердно изучать первоисточники для составленія «Исторіи Малороссіи». Военный губернаторъ ея, князь Репнинъ, принялъ ближайшее участіе въ осуществленіи этого предпріятія и даже лично помогалъ Бантышу-Каменскому при написаніи имъ перваго тома. Бантышъ-Каменскій пользовался источниками, въ настоящее время недоступными. Кромѣ печатныхъ трудовъ по исторіи Малороссіи, въ его распоряженіи были данныя Московскаго архива, труды его отца, матеріалы Малороссійской коллегіи при Черниговскомъ губернскомъ правленіи, архивъ князя Репнина и др. частныхъ лицъ (см. «Источники малороссійской исторіи», въ началѣ книги).

Несмотря на то, что Карамзинъ, по полученіи книги, писалъ Бантышу-Каменскому: «съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочелъ я уже нѣсколько главъ

малороссійской исторіи», онъ, пользуясь невольнымъ досугомъ отъ службы, заново переработать именно первую часть своего труда и выпустилъ его вторымъ изданіемъ въ 1830 г. (Москва, тип. Селівановскаго, in-8°). Третье изданіе, 1842 года — перепечатка со второго, изданная еще хуже и небрежнѣе второго. Настоящее — 4-е, слѣдовательно, копія съ копіи.

Приступая ко второму изданію, Бантышъ-Каменскій пересмотрѣлъ весь свой трудъ, раздѣлилъ вмѣсто 4-хъ на 3 части и снабдилъ картой. Изданіе Югансона, по внѣшности, ближе подходитъ ко второму: оно снабжено предисловіемъ автора, перечнемъ источниковъ малороссійской исторіи, сносно исполненными рисунками и картой, заимствованной Бантышемъ-Каменскимъ изъ Боплана, который «зналъ подробно сію страну, измѣривъ всю землю оной для составленія любопытной своей карты». Довольно изящная обертка исполнена по рисунку Каразина. Большой пробѣлъ составляетъ отсутствіе указателей. Нѣтъ даже оглавленія. Первое, что непріятно поражаетъ при ознакомленіи съ книгой — устарѣвшіе слова и обороты рѣчи; выраженія въ родѣ: «впаденіе въ Россію царя Казанскаго», или: «стремительно направляя Мазепа полеть и не былъ доволенъ. Какая дума занимала тогда неблагодарнаго?» — совсѣмъ не являются исключительными.

Еще болѣе вредятъ достоинству книги въ глазахъ современнаго читателя, на судъ котораго она несвоевременно явилась, давно осужденная историческая школа, къ которой принадлежалъ Бантышъ-Каменскій, и его взгляды на исторію и историческую личность, кажущіеся намъ анахронизмами не лучше языка.

Наконецъ, что, пожалуй, хуже всего, на многія событія малороссійской исторіи Бантышъ-Каменскій не имѣлъ установившагося мнѣнія, или не хотѣлъ его выразить. Рѣчь Полуботка онъ называетъ «сильной и вмѣстѣ дерзкой». Петръ Великій у него «великодушный обладатель Россіи, являющій рѣдкій примѣръ добродѣтели» (это между прочимъ въ отношеніи Полуботка); оправдывая его нарушеніе договора Хмельницкаго съ царемъ Алексѣемъ, онъ говоритъ: «Петръ совершилъ то, что исполнили бы его преемники: одно только жестокое обхожденіе его съ представителями малороссіянъ и съ казаками, кои онъ изнурялъ тяжкими работами, заслуживаетъ нѣкоторую укоризну». Эта «нѣкоторая укоризна» очень хороша при сопоставленіи съ жестокостями Петра Великаго.

Изложеніе, раздѣленное на 3 части, по смыслу можетъ быть раздѣлено на двѣ: первая — отъ заселенія страны славянами до присоединенія Малороссіи къ Москвѣ; вторая — до уничтоженія гетманства. Исторіи страны до возникновенія казачества посвящено 8 главъ; четыре главы занимаютъ событія, предшествовавшія возстанію Хмельницкаго, дѣятельности котораго отведено девять слѣдующихъ главъ; первая часть оканчивается присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Вторая книга повѣствуетъ о гетманствѣ Выговскаго, Юраскѣ Хмельниченко, «наказномъ» Самко, о запорожцахъ и ихъ Сѣчи, о Брюховецкомъ, Многогрѣшномъ, Самойловичѣ и заканчивается обзоромъ положенія Малороссіи по присоединеніи ея къ Россіи. Третья часть, начинающаяся гетманствомъ Мазеши, доведена до времени упраздненія гетманства. Такимъ образомъ эта небольшая по объему книга (4-е изданіе 606 стр.) въ свое время была первой

полной исторіей Малороссіи и въ извѣстномъ смыслѣ до сихъ поръ остается единственной. Это обстоятельство въ соединеніи съ тѣмъ, что книга Бантыша-Каменскаго составлена по первоисточникамъ, отчасти недоступнымъ для насъ, вполне оправдываетъ 4-е изданіе ея въ 1903 году, доказывая въ то же время слабость и недостаточность литературы по исторіи Малороссіи.

Вѣрную и для нашихъ дней оцѣнку труда Бантыша-Каменскаго далъ О. Бодянский, говоря, что своей исторіей «оказалъ для своего времени большую услугу Малороссіи и вообще русскимъ», она «и теперь (1858 г.) да и долго еще можетъ служить не послѣдней совѣтницей при изученіи судебъ русскаго юга».

Цѣна—2 рубля 50 коп., дѣлаетъ эту книгу общедоступной.

В. Ф — ко.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ императорскомъ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею В. Харузиной. Выпускъ III. Собственность и первобытное государство. Москва. 1903.

Своими талантливыми лекціями покойный Н. Н. Харузинъ привлекалъ много слушателей несмотря даже на то, что этнографія—предметъ необязательный въ университетахъ. Лекторъ прекрасно зналъ этнографическую литературу и умѣло разбирался въ той массѣ теорій, которыя предлагались западными учеными для рѣшенія такихъ сложныхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ, происхожденіе семьи и рода въ смыслѣ правового института, правъ собственности и т. д. Теоріи Мэна, Макъ-Ленана, Бахофена, Моргана, Ковалевскаго, Ефименко, Пахмана и другихъ находили въ его лекціяхъ справедливую оцѣнку, и у слушателей получалось стройное представленіе о всѣхъ фазахъ въ исторіи семьи, начиная съ первыхъ попытокъ человѣчества установить какой нибудь порядокъ въ отношеніяхъ половъ (полиандрія, лавратъ, полигамія, экзогамія эндогамія и т. д.) и кончая разными формами индивидуальнаго брака.

Кромѣ увлекательнаго изложенія, лекціи Харузина были интересны еще потому, что сообщали массу матеріала. Когда лекторъ переходилъ, напримѣръ, къ теоріямъ о причинахъ переживанія у насъ такого оригинальнаго юридическаго обычая, какъ свохачество, гостепріимный гетеризмъ (хозяинъ предлагаетъ гостю свою дочь или жену) или такъ называемое «право первой ночи», то приходилось буквально удивляться начитанности и богатству личныхъ наблюденій лектора надъ бытомъ крестьянъ разныхъ мѣстностей Россіи, собранныхъ имъ во время путешествій. Разбирая предыдущій выпускъ книги Харузина, мы указывали на то, что она, навѣрное, не потеряла бы своего научнаго значенія, если бы авторъ былъ живъ и могъ переработать свою «Этнографію» на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій западныхъ ученыхъ о происхожденіи семьи, нѣкоторыхъ формахъ въ переживаніи стараго свадебнаго ритуала и т. п. Это особенно было замѣтно на V и VI главахъ. Въ нихъ авторъ придерживается старыхъ теорій о материнскомъ счетѣ родства, о существованіи матер-

нитета, уступившаго мѣсто патервиту только внослѣдствіи, вмѣстѣ съ пзвѣстнымъ развитіемъ культуры у первобытныхъ племенъ. Недавнія пзслѣдованія о материнскомъ правѣ Дельбрюка показали, что мы въ сущности ничего не знаемъ о матриархатѣ, и что представленіе о такомъ оригинальномъ институтѣ основано на томъ только предположеніи, будто при стадіи безпорядочнаго сожителства половъ трудно было рѣшить, кому пзъ мужчинъ принадлежитъ ребенокъ, а потому женщины пользовались большей властью въ родѣ, чѣмъ мужчины.

Не меныне трудностей представляютъ тѣ вопросы, которые служатъ предметомъ настоящаго выпуска. Какими путями развилось въ человѣчествѣ понятіе о собственности? Не такъ еще давно въ наукѣ господствовалъ наивный взглядъ, будто въ первобытномъ обществѣ совсѣмъ не было представленія о собственности. Очевидно, онъ стоялъ въ связи съ другимъ мнѣніемъ, будто на низшей ступени культуры человѣчество жило въ коммунальномъ, т.-е. общинномъ бракѣ, а потому-то у него и не могло существовать индивидуальной собственности. Но такого общества или народа никто и никогда не знавалъ. Разъ мужчина превосходитъ женщину или ребенка, хотя бы физической силой, и располагалъ правомъ убивать болѣе слабого, женщину или ребенка, то вполне естественно считалъ себя ихъ собственникомъ. Теперь никто не станетъ представлять бытъ дикарей, какъ нѣчто идеальное, близкое къ идилліи. Внимательное изученіе дѣтской натуры и физиономіи дикарей привело ученыхъ къ тому выводу, что основная психическая черта человѣка, стоящаго на низшей стадіи развитія,—эгопзмъ, какъ яркое выраженіе усиленной борьбы его за существованіе. Если же въ группу силачиваются нѣсколько людей, имѣя цѣлью экономическіе интересы, то вслѣдъ за этимъ является у нихъ понятіе и о коллективной собственности. Пдя такимъ путемъ дальше, мы можемъ составить сложную картину постепеннаго прогресса во взглядахъ первобытныхъ людей на имущество: коммунизмъ въ продуктахъ питания, жилищъ, владѣнія землей, женщинамъ. Отсюда недалеко уже до представленія о государствѣ, когда группа людей ищетъ единства не на почвѣ однихъ экономическихъ интересовъ, а объединяется добровольно для государственной жизни, какъ высшей формы общенія, или же для самозащиты, наконецъ, для управленія другой—побѣжденной группой. Такимъ образомъ, возникаетъ первобытное государство, въ которомъ уже кроются всѣ главнѣйшія черты современной намъ формы государственнаго организма. Послѣдовательную исторію этого института и излагаетъ въ своихъ «Лекціяхъ» Н. Харузинъ.

Въ книгѣ приложенъ умѣло составленный указатель, дающій цѣнный матеріалъ для сиравокъ.

А. И. Яцимирскій.

Проф. Н. Н. Любавичъ. Международный историческій конгрессъ въ Римѣ. Варшава. 1903.

Было бы чрезвычайно интересно и важно, чтобы наши ученые, побывавшіе на конгрессѣ въ Римѣ, подѣлились своими впечатлѣніями съ широкимъ кругомъ русскаго общества. Газеты наши оказались мало освѣдомлены въ этомъ вопросѣ.

Профессоръ Н. Н. Любавичъ сдѣлалъ небольшой докладъ въ засѣданіи общества исторіи, филологіи и права при Варшавскомъ университетѣ о занятіяхъ римскаго конгресса. Изъ восьми секцій, на которыя распалось засѣданіе конгресса, докладчику удалось побывать на занятіяхъ отдѣленія средне-вѣковой и новой исторіи, такъ какъ засѣданія всѣхъ секцій происходили одновременно. Впечатлѣнія профессора Любавича не въ пользу этой секціи. Объясняется это, во-первыхъ, тѣмъ, что католическіе духовные ученые, какъ и вся панская партія, игнорировали по политическимъ соображеніямъ конгрессъ, во-вторыхъ, самый конгрессъ дурно былъ организованъ. Поэтому и докладовъ было мало, и самые доклады носили случайный характеръ. Одинъ изъ наиболѣе блестящихъ докладовъ принадлежитъ, по отзыву профессора Любавича, Люшеру—о казуистикѣ папы Пиннокентія III. Въ этомъ сообщеніи Люшеръ нарисовалъ «яркую картину міросозерцанія XIII вѣка». Много было сдѣлано докладовъ о предполагаемыхъ или начатыхъ историческихъ изданіяхъ. Профессоръ Крумбахеръ сообщил о подготовкѣ изданія документовъ по исторіи Византіи и объ отношеніи этого труда къ изданіямъ Петербургской академіи наукъ, предполагаемымъ въ томъ же направленіи.

Цѣлый рядъ докладовъ посвященъ былъ вопросу о преподаваніи исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Европы и Сѣверной Америки. Оказывается, что лучше всего дѣло поставлено въ Германіи и Франціи, и довольно плохо въ Англии. Въ Бельгіи, наиримѣръ, существуютъ во многихъ университетахъ историческіе семинаріи. Въ Италіи—мало кафедръ, и что всего страннѣе—по исторіи искусствъ. Университеты въ Англии до послѣдняго времени страдали отсутствіемъ надлежащаго числа кафедръ (докладъ Брайса), семинаріевъ не было. Было высказано нѣсколько пожеланій въ этой секціи и, между прочимъ, обсуждался вопросъ объ изданіи международной исторической библиографіи. Нельзя не обратить вниманія на замѣчаніе профессора Любавича, чтобы и Россія приняла участіе въ этомъ изданіи. У насъ есть библиофилы, а «хорошей исторической библиографіи»,—справедливо говоритъ профессоръ Любавичъ,—мы не имѣемъ.

П. К.—іѣ.

Библиотека указателей. Выпускъ I. «Дневникъ» А. В. Никитенка, т. I—III. «Воспоминанія» И. И. Панаева. Составила М. С. Боцяновская. Спб. 1903.

Разросшаяся въ послѣднее время литература мемуаровъ ставитъ изслѣдователей въ затруднительное положеніе. «Никто не можетъ объять необъятное»—эту истину Кузьма Прутковъ повторялъ нѣсколько разъ. Изслѣдователю, взявшемуся писать монографію о томъ или другомъ дѣятелѣ или предметѣ, трудно и едва ли возможно самостоятельно пересмотрѣть иногда цѣлую библиотечку разныхъ «записокъ», «воспоминаній» и «дневниковъ» въ надеждѣ отыскать нѣсколько фразъ по интересующему его вопросу. Хорошо, если средства позволяютъ ему, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, завести особую библиографическую канцелярію и съ ея помощью собрать необходимый матеріалъ; въ противномъ случаѣ самому изслѣдователю приходится нести на себѣ весь черновой

подготовительный трудъ по отканыванію матеріала, такъ какъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ записокъ выходитъ безъ указателей, при которыхъ только и возможно правильное пользованіе заключающимся въ нихъ матеріаломъ.

Съ цѣлью исполнить этотъ пробѣлъ и прійти на помощь изслѣдователямъ М. С. Боцяновская предприняла составленіе указателей къ отдѣльнымъ мемуарамъ, которые будутъ выходить выпусками подъ общимъ заглавіемъ «Библиотека указателей». Въ первый выпускъ вошли указатели къ капитальному «дневнику» профессора Никитенка и воспоминаніямъ И. И. Панаева. Указатель составленъ съ добросовѣстной полнотой и содержитъ указанія даже на такія лица, о которыхъ авторы мемуаровъ, очевидно, не могли сообщить ничего новаго (напримѣръ, св. Александръ Свирскій, Владиславъ, польскій корольевичъ, Кантъ, Кальдеронъ, Авраамій Палицынъ, Лжедимитрій I, Мининъ, Скопинъ-Шуйскій, Тома Кемпійскій и др.), при чемъ составительница не пренебрегла включить и такихъ лицъ, которыми едва ли кто изъ изслѣдователей заинтересуется (напримѣръ, «Каминни, портной», «Понандоуло, институтка» и т. п.). Все это, повторяемъ, свидѣтельствуетъ о исполнѣ добросовѣстномъ отношеніи составительницы къ своему дѣлу.

Просматривая указатель, мы нашли нѣсколько мелкихъ недочетовъ, о которыхъ упомянемъ съ тою цѣлью, чтобы они могли быть исправлены при послѣдующемъ изданіи выпуска. Платонъ названъ «остзейскимъ» архіепископомъ: такой кафедръ у насъ нѣтъ, а есть кафедра рижскаго архіепископа, каковымъ и былъ Платонъ (впослѣдствіи митрополитъ кіевскій). При нѣкоторыхъ именахъ пропущено обычное указаніе «Никитенко» (напримѣръ, Назимовъ, Никаноръ, Овсянниковъ, Соханская и др.). О писателѣ Струйскомъ слѣдовало бы сдѣлать указаніе и подъ фамиліей Трипунный (исовдонимъ), какъ это сдѣлано, напримѣръ, Туръ—Сальясъ де-Турнемиръ, Павлова—Явишь и пр. Въ фамиліи «Юзефовичъ» не выдержанъ алфавитъ; извѣстный Дубельтъ обозначенъ просто словомъ «жандармъ».

Всѣ эти погрѣшности, впрочемъ, никакихъ затрудненій въ пользованіи указателемъ не создаютъ, а тѣмъ болѣе не умаляютъ заслуги М. С. Боцяновской, которая не остановилась предъ этой кропотливой, неблагодарной работой. Въ дальнѣйшихъ выпускахъ обѣщаны указатели къ воспоминаніямъ академика Буслаева, доктора Вѣлоголова и Фета. Слѣдуетъ пожелать, чтобы эти выпуски не заставили себя долго ждать, и вообще чтобы «Библиотека указателей» разрослась возможно шире.

Е. I—хъ.

Katalog der Heraldischen Ausstellung in Mitau. 1903. Митава. 1903.

Каталогъ геральдической выставки въ городѣ Митава начинается съ хорошо составленнаго путеводителя по комнатамъ выставки съ указаніемъ наиболѣе замѣчательныхъ вещей, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе при обзорѣ выставки. Къ сожалѣнію, этотъ обзоръ не переведенъ на русскій языкъ; такимъ образомъ лицамъ, незнакомымъ съ нѣмецкимъ языкомъ, многое на выставкѣ остается недостаточно яснымъ.

На слѣдующихъ страницахъ каталога шагъ за шагомъ описаны очень подробно всѣ выставленные предметы: ихъ наружный видъ, надписи на нихъ, время происхожденія и множество другихъ драгоценныхъ свѣдѣній, что дѣлаетъ разсматриваемый каталогъ настольною книгой каждаго балтійскаго археолога. Весь выставочный матеріалъ каталога раздѣляется на три главныхъ отдѣла: I—геральдика, сфрагистика и генеалогія въ научномъ и историческомъ отношеніяхъ; II—геральдика, сфрагистика и генеалогія въ ихъ примѣненіи къ искусству и промышленности. Въ свою очередь, I отдѣлъ дѣлится на 3 группы: 1) геральдика, 2) сфрагистика, и 3) генеалогія. II отдѣлъ дѣлится на 7 группъ: 1) работы на металлѣ, 2) на деревѣ, 3) на стеклѣ, глинѣ, камнѣ, пѣнкѣ и т. д., 4) на кожѣ, 5) тканье и вышивки, 6) работа изъ панки и 7) на бумагѣ. Далѣе, названныя группы также подраздѣляются на нѣсколько подгруппъ.

Уже при краткомъ обзорѣ описанныхъ въ каталогѣ вещей нельзя не удивляться энергіи, усидчивости и познаніямъ составителя этого каталога, барона А. фонъ-Радена. Поэтому вполне извинительны тѣ маленькіе промахи, которые, конечно, неизбѣжны при такой кропотливой работѣ и въ такой краткій срокъ (меньше трехъ недѣль), но вотъ, что не простительно для солиднаго ученаго общества: это—отсутствіе на выставкѣ многихъ почтенныхъ русскихъ трудовъ по всѣмъ выставленнымъ наукамъ: по геральдикѣ нѣтъ даже трудовъ Винклера и Лакіера; по сфрагистикѣ: трудовъ Прозоровскаго, Антошевскаго, по генеалогіи: трудовъ Барсукова, Гуммеля, Голубцова, Селифонтова, Милорадовича, Генеалогическаго общества, Лудмера. Изъ русской тоже довольно обширной литературы объ exhibis'ахъ вмѣстѣ только извѣстная книга Верещагина.

Былъ бы очень полезенъ указатель личныхъ именъ. А. Э. М.

Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Вып. 23-й. Саратовъ. 1903.

Курскій сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета подъ ред. К. И. Златоверховникова. Вып. IV. Матеріалы по этнографіи Курской губерніи. Часть 3-я. Приготовилъ къ печати В. И. Рѣзановъ. Курскъ. 1903.

Остановимся на первой книгѣ. Значительнѣйшую часть перваго отдѣла лежащаго передъ нами выпуска «Трудовъ саратовской архивной комиссіи» занимаетъ сочиненіе извѣстнаго знатока Саратовскаго повожья А. Ф. Леопольдова о расколѣ въ Саратовской губерніи. Это—докладная записка, написанная въ 1839 году по порученію губернскаго начальства. Историческое значеніе записки ничтожно: въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ по саратовскому расколу вопросъ освѣщенъ и лучше, и полнѣе. Конечно, и въ рукописи Леопольдова найдутся кое-какія детали, интересныя для спеціалистовъ; свѣдѣнія, имѣющія сообщаемыя, важны скорѣе въ историко-статистическомъ отношеніи. Но, по нашему мнѣнію, записка эта важна для характеристики Леопольдова и губернской власти, для которой онъ составлялъ свою работу. Авторъ въ высшей степени враждебно относится къ расколу: въ его изложеніи обращаютъ вни-

маніе рубрики съ такими заглавіями: расколъ вреденъ для правительства, расколъ вреденъ для церкви, расколъ вреденъ для нравственности, расколъ вреденъ для общества. Сквозь призму подобныхъ положеній нужно разсматривать и самое изложеніе Леопольдова. Любопытно то, что авторъ этой записки есть тотъ самый Леопольдовъ, который въ 1827 году привлекался къ суду за распространеніе непрощенныхъ цензурою стиховъ Пушкина «Андрей Шенье»; на стихахъ Леопольдовъ сдѣлалъ помѣту «на 14 декабря». Изъ другихъ матеріаловъ назовемъ воспоминаніе М. А. Лекомте о Саратовской гимназій. Къ сожалѣнію, эти воспоминанія только разочаровываютъ читателя: г. Лекомте слишкомъ многого не договариваетъ, но по разбросаннымъ имъ намекамъ можно судить о томъ интересѣ, который могли бы имѣть эти воспоминанія. Чрезвычайно интересными могли бы быть данныя о взглядахъ правительства на значеніе гимназическаго воспитанія въ выработкѣ міровоззрѣнія. По поводу, напримѣръ, покушенія Каракозова г. Лекомте сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «каковы же были наше удивленіе, нашъ ужасъ, когда мы узнали, что этотъ злодѣй—уроженецъ Саратовской губерніи. По справкѣ въ дѣлахъ канцеляріи гимназій оказалось, что преступникъ самое короткое время въ первые годы своего дѣтства обучался въ Саратовской гимназій. Мы боялись, какъ бы мѣстное общество не объявило насъ ответственными за воспитаніе направленія юноши, ставшаго злодѣемъ». Г. Лекомте былъ директоромъ гимназій въ эпоху управленія графа Д. А. Толстого, эпоху, характеризующуюся для среднихъ учебныхъ заведеній стремленіемъ начальства къ очищенію учебныхъ заведеній отъ всякаго вреднаго вліянія, но онъ почти совсѣмъ не останавливается на этой сторонѣ гимназической жизни. Нѣсколько любопытныхъ страницъ могло бы представить изложеніе той печальной исторіи въ Саратовской гимназій въ 1884 году, о которой авторъ пишетъ только слѣдующее: «какъ ответственное лицо за направленіе учениковъ, я долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи меня отъ должности». Изъ другихъ статей тома нужно указать на совершенно незначительную замѣтку: «Снохачество и снохачи», извлеченную «изъ рукописей А. П. Минха 1889-хъ и 1890-хъ (?) годовъ», на два раскольничьихъ стиха, на статью А. П. Минха. «Наша статистика (изъ недавняго прошлаго)». Второй отдѣлъ книги заключаетъ въ себѣ протоколы засѣданій комиссіи, отчеты о дѣятельности отдѣльныхъ комиссій и другіе памятники текущей жизни комиссіи. По поводу этого отдѣла намъ хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ по адресу комиссіи. Хроническое горе Саратовской и прочихъ комиссій — отсутствіе денежныхъ средствъ, а въ виду скудности средствъ не представляются ли излишними расходы по печатанію второго отдѣла. Намъ кажется, что ни комиссія, ни читатели ничего бы не потеряли, если бы изъ протоколовъ комиссіи сообщались только резюме: читаешь въ этихъ протоколахъ о массѣ обѣщаній, желаній и надеждъ, которымъ не суждено осуществиться, читаешь, наконецъ, объ интимныхъ дѣлахъ комиссіи, о которыхъ постороннимъ лицамъ, пожалуй, и знать не годится. Напримѣръ, въ настоящемъ выпускѣ рассказано, что нѣкій господинъ Х. (фамилія его пропечатана полностью) остался долженъ по векселю, переданному по бланковой надписи въ комиссію; въ настоящее время онъ проживаетъ въ С.-Петербургѣ и,

«какъ частно пзвѣстно», находится въ жизненныхъ условіяхъ, благопріятствующихъ уплатѣ долга. Комиссія рѣшила предъявить этотъ вексель къ взысканію. Если комиссія смотритъ на свои изданія, какъ на учено-литературныя предпріятія, то она должна признавать и правила журнальной этики, а сообщенія, подобныя только что выписанному, являются прегрѣшеніемъ противъ этихъ правилъ; не говоримъ о томъ, что они совершенно неинтересны для читателей. Балластомъ книги является, по нашему мнѣнію, и каталогъ книгъ, поступившихъ въ бібліотеку комиссіи: дѣло въ томъ, что это просто выписъ изъ инвентарнаго каталога, перечень книгъ въ порядкѣ ихъ поступления. Публиковать же имѣетъ смыслъ лишь систематическій каталогъ: все равно, желающій найти ту или другую книгу, не имѣетъ возможности отыскать ее по инвентарю. А этотъ перечень въ 23-мъ выпускѣ занимаетъ три печатныхъ листа. Намъ думается, что комиссія съ болѣею разборчивостью должна относиться къ матеріаламъ, приготавливаемымъ для помѣщенія въ «Трудахъ»: всякій балластъ долженъ быть удаляемъ. Въ заключеніе необходимо упомянуть, что къ настоящему выпуску приложена въ отдѣльномъ литографированномъ изданіи дѣльная и нужная для всѣхъ занимающихся собираніемъ памятниконъ народнаго творчества записка А. Мадуева: «Пріемы фонетическаго записыванія произведеній народной словесности». Давно уже чувствовалась нужда въ подобномъ, общедоступномъ руководствѣ.

Четвертый выпускъ «Курскаго сборника» заключаетъ приготовленные къ печати г. Рязановымъ матеріалы по этнографіи Курской губернии. Въ этомъ выпускѣ предлагается третья часть этихъ матеріаловъ, посвященная сборникамъ А. С. Машкина, обоянскаго этнографа. Дѣятельность г. Машкина отмѣчена отдѣленіемъ русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ, выдавшей ему большую пушкинскую медаль въ 1902 году. Въ настоящей книжкѣ напечатаны сборникъ пословицъ и поговорокъ, собраніе загадокъ, образцы простонародныхъ разговоровъ, примѣты и предрасудки, сказки, анекдоты, рассказы, прибаутки и дѣтскія пѣсенки. Все эти матеріалы собраны въ г. Оболяни и Обоянскомъ уѣздѣ. Значеніе этихъ матеріаловъ чисто научное, для читателя же они не представляютъ интереса.

Щ— въ.

Максимовъ, А. Г. Описание русскихъ періодическихъ изданій XIX вѣка. Московскій Меркурій 1803 года. Ежемѣсячный журналъ, изданіе П. И. Макарова. Спб. 1903.

Повидимому, г. Максимовъ задумалъ продолжать извѣстный трудъ Неустроева по описанію періодическихъ изданій. Покойный Неустроевъ завершилъ свое грандіозное предпріятіе 1802 годомъ и, оставивъ въ академіи наукъ премію за продолженіе своего труда, завѣщалъ продолжать описаніе русскихъ періодическихъ изданій. Работа г. Максимова имѣетъ это общее заглавіе и подзаголовокъ; съ «Московскаго Меркурія» онъ начинаетъ свою работу. Его описаніе гораздо шире Неустроевскаго: то было чисто библиографическимъ, а описаніе г. Максимова присоединяетъ еще данныя историко-литературныя.

Г. Максимомъ дасть биографическія свѣдѣнія объ издателѣ журнала П. П. Макаровѣ и дѣласть характеристику журнала, настолько полную, что она во многихъ случаяхъ дѣлаеть излишнимъ просмотръ самаго журнала. Въ заключеніе приведенъ подробный перечень всѣхъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ. Если бы г. Максиму удалось подобнымъ образомъ описать всѣ журналы первой половины XIX вѣка, то мы имѣли бы грандіозный трудъ, который, по полнотѣ и отчетливости, еще превзошелъ бы и работу самого Неустроева. Пожелаемъ же г. Максиму съ неослабующею энергіею продолжать свое дѣло и довести его до «конца». Но и взятое само по себѣ его описаніе «Московского Меркурія» имѣеть дѣйность, и библиографическую, и историко-литературную.

П. Ц.

Index to the Periodicals of 1900. The Review of Reviews. London.

Подъ такимъ заглавіемъ въ Лондонѣ издается уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ В. Т. Стэдомъ (W. T. Stead) ежегодникъ англійско-американской періодической печати.

Последній томъ этого изданія охватываетъ собою статьи, напечатанныя въ журналахъ 1900 года. Для него составителемъ использовано до 200 періодическихъ изданій, по преимуществу, обще-литературныхъ, историческихъ, философскихъ, политико-экономическихъ, географическихъ и по вопросамъ искусства, т.-е. почти всѣ англійскіе журналы, за исключеніемъ немногихъ узко-спеціальныхъ.

Система распредѣленія цитируемыхъ статей выбрана г. Стэдомъ очень удачная. У него, собственно, сплочены воедино, въ общемъ алфавитѣ, три указателя: по авторамъ, предметный и систематическій. Такимъ образомъ, одна и та же статья повторяется въ книгѣ нѣсколько разъ, что представляетъ огромнѣйшее удобство при наведеніи справокъ.

Въ общемъ же «Index» даетъ стройную систематизацію всѣхъ отраслей знанія и можетъ, безусловно, служить образцомъ для нашихъ русскихъ журнальныхъ указателей, печатающихся всегда шаблонно съ подраздѣленіемъ на различные рубрики-отдѣлы. Главное достоинство его по отношенію къ русскимъ заключается въ томъ, что въ немъ много мѣста отведено статьямъ о Россіи и ея общественнымъ и литературнымъ дѣятелямъ.

Внѣшній обликъ труда г. Стэда очень изященъ: «Index» — компактный томъ in 4°, отпечатанный на плотной бумагѣ попарелью, въ два столбца, цѣна его 15 шиллинговъ.

В. Г.—цкій.

Драго Войновичъ. Исторія сербскаго народа. Съ картой Балканскаго полуострова. Одесса. 1903.

Прошло болѣе полустолѣтія съ тѣхъ поръ, какъ при нашихъ университетахъ были учреждены первыя каедры по славяновѣдѣнію. Порожденные не только усмотрѣніемъ правительства, но и нарождавшеюся въ лучшей части общества потребностью знакомства со славянскимъ міромъ, онѣ принесли въ

свое время плоды, дали намъ многихъ почтенныхъ ученыхъ и сравнительно высоко подняли у насъ славянскія изученія. Но наука, чтобы развиваться и идти впередъ, никогда не должна забывать о породившей ее жизни. Она только тогда дѣйствительно плодотворна, когда не остается безъ примѣненія заключающаяся въ ней сила воздѣйствія на жизнь. Въ этомъ отношеніи русскіе труды по славяновѣдѣнію и прежде оставляли и теперь оставляютъ желать очень многого: они по большей части слишкомъ спеціальны, тяжеловѣсны, сухи, оторваны отъ жизни и потому недоступны большинству публики. А между тѣмъ теперь настало уже, кажется, время популяризировать добытыя ими положенія въ болѣе обширномъ кругу общества. Авторъ настоящей книги понималъ это и задался цѣлю дать читателямъ краткій и общедоступный очеркъ сербской исторіи.

Къ мысли, руководившей г. Войновичемъ, можно отнести только сочувственно: не однимъ только славистамъ, но и всѣмъ славянамъ подобаетъ знать о славянахъ. Между тѣмъ въ нашихъ учебныхъ руководствахъ по исторіи о Сербіи не наберется и пяти страничекъ, и авторъ правъ, когда говоритъ, что «наше общество располагаетъ гораздо большимъ запасомъ свѣдѣній и имѣетъ гораздо болѣе ясное и правильное представленіе о нѣмцахъ, французахъ, англичанахъ, о древнихъ грекахъ, персахъ и скивахъ, чѣмъ о чистѣйшемъ славянскомъ, родственномъ русскому по происхожденію, по языку и по религіи народѣ сербскомъ». Къ сожалѣнію, авторъ книги—«кандидатъ университета», какъ онъ себя рекомендуетъ,—не находится на высотѣ поставленной имъ для себя задачи: забывъ, что отъ историка прежде всего требуется спокойствіе и нелицепріятіе, онъ пользуется своей книгой для пропаганды такъ называемой велико-сербской идеи, которая и на родинѣ своей является жалкимъ плодомъ политической мегаломаніи сербской интеллигенціи, а у насъ и вовсе неумѣстна.

Идея эта одинаково направлена противъ обоихъ сосѣдей Сербскаго королевства: Хорватіи, съ одной стороны, и Болгаріи—съ другой. Хорваты, какъ извѣстно, представляютъ собою такую же нераздѣльную часть единаго сербо-хорватскаго народа, какъ и сербы: разнятся съ сербами по вѣрѣ и по своей исторической судьбѣ, они говорятъ съ ними на одномъ и томъ же языкѣ и только пишутъ латиницей вмѣсто сербской кириллицы. Тѣмъ не менѣе между ними и сербами до самаго послѣдняго времени кишѣла ожесточенная вражда, выразившаяся въ прошломъ году загребскіи погромомъ. Противъ этой вражды боролись и борются лучшіе люди сербства и хорватства, но примиренію обѣихъ частей этого «единаго народа съ двумя наименованіями» мѣшаютъ неодинаковые политическіе идеалы. Хорваты, и очень многіе, по слѣдамъ покойнаго Старчевича, мечтаютъ о Великой Хорватіи, куда входятъ и сербскія области: сербы же стремятся къ осуществленію Великой Сербіи, которая захватываетъ собою и земли хорватскія. Такимъ образомъ, обѣ идеи—велико-сербская и великохорватская,—взаимно исключая другъ друга, ведутъ къ безконечной распрѣ, отъ которой выигрываютъ только нѣмцы и мадьяры, а хорваты съ сербами, гоняясь за призракомъ величія, теряютъ и то малое, чѣмъ обладаютъ теперь. Лишь въ самое послѣднее время появились нѣкоторые виды

на примиреніе, особенно среди австро-венгерскихъ сербовъ. Къ сожалѣнію, г. Войновичъ остался чуждъ этимъ новымъ теченіямъ и въ своемъ историческомъ очеркѣ сталъ на крайнюю, шовинистическую сербскую точку зрѣнія: хорватовъ онъ считаетъ не равноправнымъ членомъ сербохорватскаго народа, а лишь мелкимъ подраздѣленіемъ сербства; въ исторіи ихъ, которую, однако, онъ уже по самой своей точкѣ зрѣнія не можетъ не считать составной частью исторіи своего народа, онъ не видитъ ни одного свѣтлаго момента и раздѣляется съ ними на двухъ страничкахъ, примѣнивъ къ нимъ стихи черногорскаго поэта, владыки Петра II, о великашахъ: «великаши—прокляты ихъ души, на куски царство раздробили, великаши дрянные, несчастные, своего рода измѣнниками стали». О свѣтлыхъ сторонахъ хорватской жизни, каковы, на примѣръ, иллирское движеніе и дѣятельность бана Елачича, не сказано ни слова, и это, конечно, можетъ только вредить книгѣ г. Войновича.

Еще большей нетерпимостью отличается отношеніе автора къ народу болгарскому. Сначала онъ какъ будто признаетъ его существованіе, но на страницахъ 23—27 окончательно раскрываетъ свои карты, объявляя, что на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова никогда не существовало иного славянскаго племени, кромѣ сербовъ, что свв. Кириллъ и Меѳодій—сербы, что нашъ церковно-славянскій языкъ—языкъ сербскій, и что «такъ называемый языкъ болгарскій (это послѣднее слово авторъ ставитъ въ кавычкахъ) въ сущности тотъ же сербскій языкъ, испорченный вліяніемъ на него болгарскаго, монгольскаго элемента». Вся болгарская исторія, по мнѣнію автора, есть исторія дикой монгольской орды, управлявшейся «ханами», какъ называетъ авторъ такихъ болгарскихъ государей, какъ Симеонъ или Борисъ. Читателю остается только удивляться, почему «сербы», появившіе подъ власть этихъ «хановъ», во всѣхъ войнахъ Болгаріи съ сербами никогда почти не становились на сторону послѣднихъ, «собственно сербскаго населенія», какъ проговаривается авторъ, отличая этимъ настоящихъ сербовъ отъ выдуманныхъ имъ «сербовъ», или, лучше сказать, не собственно сербовъ. Трудно идти далѣе по избранному авторомъ шовинистическому пути.

Всѣ эти вылазки противъ болгаръ и хорватовъ въ книгѣ, посвященной краткому очерку минувшихъ судебъ сербскаго народа, дѣйствуютъ на читателя непріятно и портятъ книгу, которая могла бы быть полезной. Исторія Сербіи, гдѣ она не касается Болгаріи и Хорватіи, изложена удовлетворительно. Особенно подробно описана геройская и смѣлая борьба сербовъ за свою независимость при Кара-Георгіи, борьба, невольно вызывающая удивленіе передъ сербской народной доблестью. Всѣ важнѣйшія событія иллюстрированы народными пѣснями, и въ популярной книгѣ этотъ приемъ вполне уместенъ. Жаль только, что вмѣсто своихъ переводовъ, неуклюжихъ и лишённыхъ всякой поэзіи, какъ читатель могъ видѣть по приведенной выше выдержкѣ, авторъ не напечаталъ, гдѣ это было возможно, поэтическихъ и въ то же время вполне вѣрныхъ переводовъ Майкова, Берга и Миллера. Съ виѣшней стороны, въ книгѣ попадаются мѣстами погрѣшности противъ языка: «поднять на оружіе», «чудная (вмѣсто удивительная) ошибка». Впрочемъ такихъ погрѣшностей немного. Къ книгѣ приложена хромофотографированная карта Балканскаго полуострова.

Андрей Сиротининъ.

**Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ второй.
Варшава. 1903.**

Намъ приходилось говорить о первомъ выпускѣ трудовъ молодого ученаго общества при Варшавскомъ университетѣ. Появившійся только-что 2-й выпускъ его трудовъ указываетъ, что общество растетъ, привлекаетъ къ себѣ научныя силы и плодотворно работаетъ. Изъ отчета видно, что въ теченіе 1902 года общество собиралось 39 разъ, изъ нихъ было 19 ученыхъ собраний. Въ этихъ собраніяхъ было доложено 35 рѣчей, рефератовъ и сообщений, вызвавшихъ обменъ мнѣній среди присутствовавшихъ въ засѣданіяхъ членовъ общества. Было посвящено одно засѣданіе памяти Жуковскаго и три—памяти Гоголя. Въ сравненіи съ первымъ годомъ составъ общества увеличился, библіотека почти удвоилась.

Сокращенные протоколы засѣданій общества знакомятъ съ содержаніемъ докладовъ и преніями по поводу сообщений. Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ въ девяти собраніяхъ выслушало 19 докладовъ. Здѣсь находимъ докладъ В. А. Францева о Гоголѣ въ чешской литературѣ, докладъ Н. Н. Любвиича о люблинскихъ вольнодумцахъ XVI вѣка, П. А. Кулаковскаго—«О первомъ рускомъ учителѣ у сербовъ, посланномъ Петромъ Великимъ». Это былъ Максимъ Суворовъ, переводчикъ при святѣйшемъ синодѣ, закончившій свое образованіе за границей. Въ Прагѣ онъ слушалъ курсъ философіи. Суворовъ открылъ двѣ школы: въ Карловцахъ и Бѣлградѣ, но его мало поддерживали, и черезъ четыре года онъ оставилъ Карловцы. Интересенъ, повидимому, докладъ Н. А. Дубровскаго: «Пессимизмъ и вольнодумство флорентійскаго публициста конца XIV вѣка», въ которомъ докладчикъ, насколько можно судить изъ сокращеннаго протокола, пытался объяснить гуманизмъ, на основаніи дѣятельности Коллюгіо Салютато, какъ продуктъ экономическихъ отношеній. Постановка вопроса, взятаго въ его цѣломъ, не новая, но проблема, во всякомъ случаѣ, и очень интересная и... скользкая.

12 докладовъ было сдѣлано въ отдѣленіи юридическихъ наукъ. Былъ, между прочимъ, докладъ В. Θ. Тараповскаго «О новѣйшемъ ученіи о феодализмѣ въ древней Руси» (по поводу изслѣдованій Н. П. Павлова-Сильванскаго). Любопытно сообщеніе Г. В. Бѣлова «Судебный міръ по сочиненіямъ Гоголя».

Во 2-мъ отдѣлѣ «Записокъ» помѣщены слѣдующія статьи: О. Θ. Вазинеръ: Краткая характеристика отношеній Жуковскаго къ классической древности; Е. Θ. Карскій: XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ; П. А. Заболотскій: Гуманные мотивы поэзіи Некрасова; П. П. Сазоновичъ: Дж. Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ; В. В. Власовъ: О преподаваніи географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій; А. П. Даринскій: Семья у кавказскихъ горцевъ; Н. Н. Любвиичъ: Международный историческій конгрессъ въ Римѣ. Издана книга хорошо и недорого — 1 р. 50 к. за 22 печ. листа.

П. К. — іж.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИПРОИСХОЖДЕНИЕ Савойскаго дома. Посѣщеніе Франціи итальянскимъ государемъ вызвало толки о происхожденіи Савойскаго дома. По этому поводу въ «Journal des Débats» появилась статья ¹⁾, въ которой Жоржъ Мантейе старается доказать близкое соприкосновеніе Савойскаго дома съ Франціей. По его словамъ, всѣ династїи, которыя въ продолженіе тысячи лѣтъ царствовали надъ остатками каролингской Европы, происходили изъ рейнскихъ провинцій. Франція же, а равно и Италія, не подчинялись этому порядку, хотя предки французскаго дома были не лучше извѣстны въ срединѣ IX вѣка, чѣмъ Савойскій домъ въ началѣ X. Если бы было можно прослѣдить этихъ предковъ до начала IX вѣка, то, конечно, этого исключенія не было бы. Во всякомъ случаѣ, первые представители этихъ двухъ расъ жили далеко отъ странъ существенно каролингскихъ. Съ цѣлью исправить недочеты, какіе могли казаться въ происхожденіи герцоговъ Франціи и графовъ Савойскихъ, послѣ того, какъ имперія отошла отъ Франціи и Бургундіи и перешла къ Саксонїи и Германїи, во Франціи охотно призвали легенду, что французскій домъ произошелъ отъ одного саксонца, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго, по имени Витикинда. Нѣсколько позже въ Савойѣ произошла другая подобная же подтасовка, и Савойскій домъ произвели отъ другого саксонца, тоже неизвѣстнаго, по имени Берольда или Бертольда. Въ созданномъ для Франціи Витикиндѣ, по

¹⁾ «D'où vient la Maison de Savoie», par Georges de Manteyer. «Journal des Débats», 20 octobre, 1903.

словамъ автора, можно узнать знаменитаго герцога того же имени, котораго Карлъ Великій подчинилъ себѣ, чтобы царствовать въ Германіи. Что касается до Бертольда, придуманнаго для Савойскаго дома, то онъ наиминаетъ Бертольда Церингенскаго, которому германскій императоръ довѣрилъ въ XII вѣкѣ управлять Бургундскимъ королевствомъ. Теперь эта легенда принуждена отойти въ вѣчность и дать мѣсто историческимъ системамъ. Согласно первой системѣ пиемонтскіе принцы происходили отъ короля ломбардскаго Беранжера II и, слѣдовательно, отъ маркизовъ Изре, очень древняя раса которыхъ имѣла въ началѣ IX вѣка представителемъ графа Амедея, владѣвшаго Лесеемъ въ Верхней-Маріѣ. Вторая система, болѣе древняя и специальная, производитъ тѣхъ же принцевъ, но производитъ ихъ отъ графа Виенскаго, Шарля-Константина, незаконнаго сына императора бургундскаго дома, Людовика Слѣпого. Наконецъ третья система называетъ первымъ извѣстнымъ предкомъ короля Италіи Гарнье, виконта Санса и графа Труа. Онъ жилъ въ началѣ X вѣка, и его сынъ поселился въ Савойѣ. Изъ этого видно, что Савойскій домъ происходитъ изъ Бургундіи. Принцы савойской крови были извѣстны, какъ храбрые воины и тонкіе политики. Графъ Труа, Гарнье, побѣдоносно умеръ 6-го декабря 925 г. въ Монъ-де-Шалѣ, въ Ньеврѣ, въ то время, когда онъ отбѣснялъ вторженіе норманновъ. Черезъ бракъ съ Тибергой онъ находился въ родствѣ съ каролингами, Виенскимъ графствомъ, временнымъ центромъ западной имперіи и съ будущимъ королемъ Ломбардіи, Гугомъ. Благодаря этому обстоятельству, одна изъ дочерей Гарнье сдѣлалась графиней Виенской, выйдя замужъ за незаконнаго сына императора Людовика Слѣпого, а сынъ сдѣлался архіепископомъ Арля и Милана. Тѣмъ временемъ Франція отняла у Бургундіи въ 936 г. Труа и Сансъ; старшій сынъ Гарнье, Гугъ, удалился въ Виену и первый изъ своей расы сдѣлался графомъ Савойскимъ. Онъ женился на дочери герцога бургундскаго Вилли. Второй графъ савойскій, также Гугъ, имѣлъ сына Гумберта I, у котораго родился наслѣдникъ Гумбертъ II, женившійся на дочери графа Ніона и, такимъ образомъ, породнился съ бургундскимъ королевскимъ домомъ. Хотя Савойскій домъ крѣпко утвердился въ Бургундіи, но онъ все-таки старался распространиться въ Италію, и сынъ Гумберта II, Оддо, женился на дочери графа Туринскаго, и вслѣдствіе этого графы Савойскіе присоединили къ себѣ Пиемонтъ. Съ теченіемъ времени они расширили свои владѣнія въ Италію и Швейцарію, а въ 1413 г. Амедей VIII получилъ титулъ герцога. Въ 1720 г. Савойя обратилась въ Сардинское королевство, а уже на нашей памяти создано съ представителями Савойскаго дома единство Италіи.

— Герцогъ Ларошфуко-Ліанкуръ. Въ Парижѣ появилась біографія герцога Ларошфуко-Ліанкура, составленная Фердинандомъ Дрейфусомъ¹⁾. Въ ней авторъ касается не только патріотической черты дѣятельной жизни герцога, но и филантропической, гуманной эпохи (1789—1830 г.г.) этого либерала аристократа. Герцогъ Франсуа-Александръ-Фредерикъ родился въ 1747 году и съ колыбели находился среди блестящаго версальскаго двора. Дѣтство онъ провелъ въ обществѣ философовъ, энциклопедистовъ и физіократовъ, кото-

¹⁾ La Rochefoucauld-Liancourt. par Ferdinand Dreyfus. Paris. 1903.

рыми любила окружать себя его тетка, герцогиня Евилль. Будучи аристократомъ, а не придворнымъ куртизаномъ, онъ съ отвращеніемъ отворачивался отъ разврата, процвѣтавшаго при дворѣ. Къ Дюбарри онъ относился съ неуваженіемъ, какъ и его дѣдъ къ Шатору. Впослѣдствіи честная преданность къ Людовику XVI заставила герцога дать королю умный совѣтъ, которымъ послѣдній не умѣлъ воспользоваться. Революція нашла его готовымъ служить народу, не покидая короля. Въ одно и то же время онъ былъ роялистомъ и демократомъ. «Въ учредительномъ собраніи, гдѣ герцогъ предсѣдательствовалъ первый,—говоритъ авторъ,—онъ не отдѣлялъ монархіи отъ націи и свободы отъ конституціи». Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые съ веселой душой пожертвовали въ ночь на 4-е августа своими дворянскими привилегіями. Герцогъ всегда былъ въ первомъ ряду истинныхъ реформаторовъ, отдавая все тамъ, гдѣ другіе брали. Когда революція обратилась въ кровопролитную и, въ особенности, когда жизнь короля находилась въ опасности, онъ все еще оставался вѣрнымъ подданнымъ и пытался спасти королевскую семью, устроивъ для нихъ спасательный пунктъ, сначала въ Руанѣ, а затѣмъ въ Гаврѣ. Упорство королевы, желавшей во что бы то ни стало принять союзниковъ въ Тюильри, каждый разъ разрушало его планы. Скопирометрированный, выданный и неувѣренный въ своей арміи, герцогъ удалился въ Англію; но скорѣй политика Вильяма Пятта настолько его утомила, что онъ рѣшился покинуть Англію и отправился въ Америку—«землю свѣта и примѣровъ». Тѣмъ временемъ состоялся его разводъ съ женою, которая не могла его сопровождать; ея судьба, а также сыновей, была обезпечена. Вдали отъ нихъ онъ повелъ странствующую жизнь, скромную и зависящую отъ случайностей, но повсюду къ нему относились съ уваженіемъ. Между тѣмъ, во Франціи понемногу улеглись волненія и, при содѣйствіи Талейрана и Фушэ, Ларошфуко былъ вычеркнутъ изъ числа эмигрантовъ. Первый консулъ не требовалъ отъ него никакого officialнаго шага, никакого политическаго подчиненія, пользуясь лишь его филантропической опытностью такъ же, какъ агрономической и промышленной. Въ эпоху реставраціи герцогъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ монархію: послѣ паденія министерства Деказа, онъ велъ безъ устали борьбу противъ крайнихъ консерваторовъ. Въ палатѣ пэровъ онъ занималъ мѣсто среди либераловъ, и Тьеръ былъ его секретаремъ. Сначала онъ благосклонно относился къ сэнь-симонистамъ, но скорѣй счелъ долгомъ отстать отъ нихъ и создалъ «Общество христіанской нравственности», которое одинаково противорѣчило какъ философіи Конта, такъ и католичеству конгрегацій. По словамъ полиціи Карла X, оно работало въ пользу герцога Орлеанскаго. Герцогъ Ларошфуко попалъ въ немилость, и отъ него отняли въ одинъ день его семнадцать безкорыстныхъ должностей, которыя давали ему возможность служить для пользы французскаго народа. Онъ принялъ это извѣстіе съ нѣкоторой долей проны, но гордо, и его популярность еще болѣе усилилась. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ умеръ, и его похороны были трагическимъ вѣстникомъ іюльскихъ дней. Въ тотъ моментъ, когда вооруженная армія наступала на учениковъ Шалонской школы, пожелавшихъ нести до могилы останки герцога, гробъ выскользнулъ, ударился о мостовую, и трунъ покотился въ ручей. Тогда, по сло-

вамъ герцога Бролли, «раздался востовый крикъ негодованія народа, сначала съ улицы, потомъ изъ города, а затѣмъ изъ всей Франціи»... Это обстоятельство горячо описано Ф. Дрейфусомъ.

— Незвѣстная страница изъ жизни Наполеона. «Soldats! je suis votre empereur, ne me reconnaissez vous pas? S'il en est un parmi vous, qui veuille tuer son général, me voilà!!!» (Солдаты, я вашъ императоръ, развѣ вы не узнаете меня? Если среди васъ найдется одинъ желающій убить своего генерала, такъ вотъ я!!!). Эти замѣчательныя слова красуются на стѣнѣ, окружающей церковь во французской деревнѣ Лаффрѣ, въ Дофине, но кѣмъ сдѣлана надпись,—до сихъ поръ неизвѣстно. Произнесены они были Наполеономъ въ моментъ, когда рѣшалась, хотя временно, его судьба въ Лаффрѣ. Когда онъ бѣжалъ съ острова Эльбы, 1-го марта 1815 года, то вышелъ на берегъ Жунскаго залива только съ тысячею гренадерами. Это была вся его гвардія, съ которой ему предстояло завоевать Францію и весь міръ. Онъ не направился въ Провансъ, зная, что это роялистская провинція, но бросился въ Альпы, гдѣ народъ былъ болѣе разбросанъ, съ цѣлю понасть въ Дофине, гдѣ недовольны были правительствомъ. Онъ написалъ прокламацію, которая должна была воодушевить Нея, только что пообѣщавшаго Людовіку XVIII доставить своего императора въ желѣзной клѣткѣ. Наполеонъ обогналъ войска, посланныя въ погоню за нимъ Массеной, командовавшимъ въ Марселѣ. Въ Дофине онъ понималъ, что его предположенія были вѣрны: крестьяне, предупрежденные о его появленіи, бѣжали къ нему съ радостными привѣтствіями. Настроеніе, до тѣхъ поръ равнодушное или ненавистное, теперь измѣнилось, и Наполеонъ двинулся впередъ. 6-го марта онъ былъ уже въ Корѣ, гдѣ еще теперь показываютъ комнату, въ которой онъ спалъ. Генералъ Камброннъ, бывшій въ авангардѣ для устройства квартиры, находился въ Ламюрѣ. Теперь предстояло спуститься въ Гренобль, гдѣ находилась 7-я дивизія, подъ командою генерала Маршана, пользовавшагося дурной славой среди своего войска и слишкомъ незначительнымъ авторитетомъ, вслѣдствіе преждевременнаго его перехода на королевскую сторону въ 1814 году. Догадавшись о поступкѣ императора, онъ думалъ, что легко захватить его. Отъѣздъ Наполеона съ острова Эльбы казался многимъ дѣтскимъ шагомъ и даже нелѣпнымъ. Король смѣялся, нисколько не безпокоясь. Талейранъ писалъ изъ Вѣны, что никогда выходки съ отчаянія не имѣли успѣха, и Бонапартъ, безъ сомнѣнія, окончитъ какимъ нибудь фарсомъ. Батальонъ 5-го пѣхотнаго полка подъ командой Делессара двинулся навстрѣчу императору до Ламюра, гдѣ устроился Камброннъ. Затѣмъ, не занимая моста Понто, естественнаго пункта защиты, онъ отступилъ къ Лаффрѣ. За шесть километровъ до Лаффрѣ дорога суживалась между озерами и цѣпью холмовъ; это былъ настоящій дефилей. Батальонъ выстроился для битвы впереди деревни, при входѣ изъ дефилея недалеко отъ церкви въ Лаффрѣ, какъ предполагаютъ, такъ какъ со стороны Ламюра построены новые дома. Наполеонъ вышелъ изъ экипажа, сѣлъ верхомъ и, миновавъ пѣхотинцевъ, двинулся впередъ со своими уланами. Онъ проѣхалъ первое изъ трехъ озеръ, затѣмъ второе, потомъ третье и, наконецъ, увидѣлъ непріятеля, т.-е. солдатъ, которыми командовалъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Здѣсь

рѣшилась его судьба. «Согласно рассказамъ крестьянъ, — говорить въ своихъ мемуарахъ Стендаль, посѣтившій нѣсколько позже Лаффра, — драма длилась съ полчаса или часть, въ этомъ существуетъ разногласіе. Былъ полдень; генераль Бертранъ, котораго Наполеонъ послалъ къ генералу Делессару, спросилъ послѣдняго, откроетъ ли онъ огонь. — «Я исполню свой долгъ!» — отвѣтилъ Делессаръ. Между двѣнадцатью часами и часомъ изъ Гренобля явился капитанъ Рандонъ, адъютантъ генерала Маршана, будущій маршалъ и военный министръ во время второй имперіи. Онъ не принесъ никакихъ приказаній, а явился за извѣстіями. Узнавъ о происшедшемъ, онъ воскликнулъ: «Надо стрѣлять!» Войска находились на разстояніи ружейнаго выстрѣла. По словамъ Стендаля, «невѣроятность, чтобы стрѣляли въ императора, была столь велика въ воображеніи всѣхъ, что разстояніе между обѣими арміями быстро заняли крестьяне, не скрывавшіе своего энтузіазма и разбрасывавшіе среди солдатъ прокламацію Наполеона. Но энергичное восклицаніе Рандона сдѣлало положеніе критическимъ. Вскорѣ солдаты 5-го полка замѣтили Наполеона позади польскихъ улановъ и касокъ старой гвардіи. «Нѣмые и неподвижные, какъ рядъ статуй, — говорить въ своей исторіи Эри Уссэ, — они казались безчувственными». Тогда Наполеонъ рѣшилъ покончить съ этимъ положеніемъ. Онъ отдалъ приказъ полковнику Маллэ положить оружіе на лѣвое плечо. Полковникъ колебался, но императоръ приказалъ и двинулся во главѣ своихъ старыхъ егерей, опустивъ оружіе. «Вотъ онъ, — воскликнулъ Рандонъ, — стрѣляйте!» Солдаты 5-го полка поблѣднѣли, оружіе въ ихъ рукахъ задрожало. Наполеонъ подвинулся впередъ на разстояніе пистолетнаго выстрѣла, громко произнесъ слова, которыя потомъ были написаны на стѣнѣ церковной ограды, и открылъ свой мундиръ. Весь батальонъ воскликнулъ, какъ одинъ человекъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Стендаль рассказывалъ, что: «впереди находился маленькій авангардъ, составленный изъ нѣсколькихъ человекъ, помѣстившихся во главѣ батальона, и адъютантъ Рандонъ скомаандовалъ: «Пли!» Одинъ изъ солдатъ, находившійся противъ самаго Наполеона, услышавъ команду: «Открыть огонь», повернулъ голову и сказалъ: «Начальникъ батальона приказываетъ мнѣ открыть огонь?» — «Открыть огонь!» — повторилъ адъютантъ. Солдаты возразили: «Я буду стрѣлять, если мой начальникъ батальона мнѣ прикажетъ открыть огонь». Но начальникъ батальона молчалъ, и солдатъ не подвигалъ ружья». На другой день Лабедауверъ воодушевилъ 7-й полкъ, и Наполеонъ вошелъ въ Гренобль чрезъ городскія ворота и ночевалъ въ гостиницѣ «Трехъ Дофиновъ».

Дѣло было сдѣлано. Маршанъ въ Греноблѣ, Макдональдъ въ Ліонѣ, Ней въ Оксеррѣ были безсильны противъ Наполеона, или перешли на его сторону. Всѣ посланные противъ него отступили или отдались ему. Наполеонъ написалъ королю: «Дорогой двоюродный братъ, бесполезно присылать ко мнѣ новыя войска, съ меня довольно!» Вислѣдствіи Ней мѣтко охарактеризировалъ въ своемъ процессѣ чувства солдатъ: «Не могъ же я, однако, остановить морской приливъ рукою». Самъ Наполеонъ писалъ на островѣ св. Елены: «До Гренобля я былъ простымъ искателемъ приключеній, а въ Греноблѣ — государемъ». Вѣрнѣе было бы, если бы онъ сказалъ — въ Лаффра, въ которомъ онъ испытывалъ свой

талантъ очаровывать. Это замѣчательное и мало извѣстное событіе изъ жизни Наполеона описано въ статьѣ Анри Бордо, помѣщенной въ «Figaro»¹⁾. Авторъ полагаетъ, что храбрость, выказанная Наполеономъ въ Лаффе, была такъ замѣчательна, что Наполеону слѣдовало бы на этомъ мѣстѣ поставить памятникъ.

— Сестры извѣстныхъ французскихъ писателей. Въ жизни великихъ французскихъ писателей немалую роль играли ихъ сестры, а потому Эдмонъ Пилонъ посвятилъ имъ²⁾ статью въ «Revue Bleue». Онѣ являлись то вдохновительницами генія, то сокровенными ихъ повѣренными и сохраняли долѣе нѣжную искренность, такъ какъ не оныянялись успѣхомъ, какъ ихъ братья; искренняя преданность доводила ихъ до полного самоотреченія. Такъ сестры Паскаля окружали его такой любовью, что писатель, какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи былъ вполне счастливъ. Старшая сестра, Жильберта, заботилась о немъ во время болѣзни съ такой самоотверженностью, что не было заботы, которой не окружила бы она его съ цѣлью облегчить физическую боль. Напротивъ младшая сестра, Жаклина, была его душевнымъ врачомъ. Сущность характеровъ обѣихъ сестеръ была совершенно различная. Хотя Жильберта вышла замужъ за Перье, тѣмъ не менѣе она продолжала заботиться о братѣ, управляла его домомъ и ухаживала, когда онъ хворалъ. Она также обожала Жаклину, которая называла ее: «моя вѣрная». Жильберта описала жизнь брата и сестры Жаклины. Она молчала на нихъ и была для нихъ слугою, держа въ тѣни, чтобы дать первое мѣсто генію брата и сестры. Начиная съ того момента, когда занята возлѣ нихъ мѣсто умершей матери и отца въ изгнаніи, до той минуты, когда умерла, Жильберта все время жертвовала собою для нихъ. Оба супруга Перье и даже ихъ дѣти были трогательно привязаны къ Паскалю и его младшей сестрѣ и шигали настоящій къ нимъ культъ. Самъ Перье былъ для Паскаля чѣмъ-то въ родѣ «управителя его умомъ» и помогалъ ему въ работѣ. Когда Жаклина задумала вступить въ монастырь, она призналась прежде всего сестрѣ. Вступивъ совершенно туда, она поручила Жильбертѣ сообщить объ этомъ брату. «Онъ очень тронуть этимъ», — писала послѣдняя сестрѣ. Такимъ образомъ простенькая Жильберта служила какъ бы звеномъ между этими возвышенными умами. Свою роль она исполняла скромно, ступивъ себя, съ полнымъ самоотверженіемъ. Иною была Жаклина; хотя въ сердцѣ было такое же искреннее, какъ у сестры, но умъ возвышеннѣе, и по словамъ Виктора Кузена, «небо дало ей всѣ дары генія вмѣстѣ съ граціей женщины». Сень-Бевъ находилъ, что «если она была ровня брату по уму, то по характеру стояла выше его». Но слишкомъ рано ниспосланные необыкновенные таланты истощили ее, вмѣстѣ съ тѣмъ монастырскія строгости и горе при видѣ уничтоженія Поръ-Руаяля скоро унесли ее въ могилу. Ея поэгическій талантъ былъ равенъ математическому таланту брата. Ея литературными крестными были Ришелье, г-жа Монпансье Отфоръ и великій Корнель. Ея очаровательный умъ и прелестное лицо служили залогомъ свѣтскаго

¹⁾ «Stendhal demande une statue», par Henry Bordeaux. «Figaro», 31 Octobre. 1903.

²⁾ «Les soeurs inspiratrices», par Edmond Pilon. «Revue Bleue», 8 août 1903.

успѣха, но она не поколебалась принять совѣтъ брата и, покинувъ все, поступила въ монастырь. Такимъ образомъ Паскаль, прежде чѣмъ самъ вступилъ въ орденъ, склонилъ сестру къ религіозной жизни. Когда она сдѣлалась монахиней, то, пользуясь своимъ влияніемъ на брата, увлекла его на свою дорогу. Впрочемъ, это совершилось постепенно, такъ какъ Паскаль очень увлекался математикой, геометрией и всѣми спекулятивными науками. Между нимъ и сестрой Жаклиной началась борьба, такъ какъ онъ никакъ не могъ рѣшиться на этотъ шагъ. Онъ писалъ ей, что ему «необходимы ужасныя дѣянія, чтобы сопротивляться изобильнымъ талантамъ, даннымъ ему Богомъ». Но наконецъ Жаклина написала Жильбертъ: «Онъ признался мнѣ такимъ образомъ, что мнѣ стало его жаль». Однако сестра побѣдила, и онъ рѣшилъ думать только о своемъ спасеніи, отказался отъ очень выгоднаго брака, въ который только что хотѣлъ вступить и отдался самой строгой жизни, которую велъ до самой смерти. Можетъ быть, не существуя Жаклины, не написалъ бы Паскаль своихъ «Провинціальныхъ писемъ» и «Мыслей». Смерть Жаклины сблизила его съ Жильбертой; его физическія страданія были причиной суроваго отношенія къ этой сестрѣ, но она любила его болѣе всего на свѣтѣ, и если Жаклина любила его своимъ гениемъ, то Жильберта своимъ нѣжнымъ чуткимъ сердцемъ. Не менѣе преданно, но болѣе страстно, любила Люсиль Шатобрианъ своего брата, какъ только можетъ любить женщина, у которой, по словамъ Анатоля Франса, «голова Жанъ-Жака, легко поддающагося волненіямъ и химерамъ». Онъ доказываетъ, что она вдохновила Шатобриана типъ Амаліи въ «Рэнэ». Ея страстная и въ то же время религіозная душа искла общенія среди строгого холоднаго этикета провинціальной жизни. Воспитанная совместно съ братомъ смѣлымъ отцомъ и романтической матерью, она пользовалась лишь одной отрадой сходиться съ братомъ по вечерамъ, когда все въ замкѣ спало, и лихорадочно читать, передавать другу свои мысли и сливаться съ нимъ душою, желая какъ можно лучше познать другъ друга. Въ своихъ воспоминаніяхъ Шатобрианъ прямо говоритъ, что Люсиль заставила его описывать прекрасную природу, слѣдовательно она первая замѣтила талантъ брата. Вислѣдствіи она писала брату: «Я не говорю тебѣ болѣе о нашей юности, невинности нашихъ мыслей и радостей и взаимномъ счастья видѣться безпрерывно». «Она волновалась ради него, — говоритъ Анатоль Франсъ, — и это были ея первыя волненія. Тогда у нея былъ блѣдный цвѣтъ лица и густые черные волосы, что заставило ея брата называть ее «похороннымъ гениемъ». Они почти не разставались, вмѣстѣ читали, гуляли въ уединенномъ лѣсѣ». «Когда мы говорили о мѣрѣ, — пишетъ Шатобрианъ въ своихъ мемуарахъ, — то подразумѣвали тотъ, который находился въ насъ и очень мало походилъ на настоящій». Безусловное одиночество среди чудной природы пробудили въ пылкихъ сердцахъ ту крайнюю любовь, какую описываетъ Шатобрианъ въ «Рэнэ». Разлука, предшествовавшая свиданію, еще болѣе усиливала радость свиданія. «Намъ нужно было ботѣ мѣсяца, чтобъ привыкнуть къ очарованію находився вмѣстѣ». Ихъ охватывала какая-то волшебная лихорадка. Страстное признаніе Джіованни въ любви къ Аннабелло едва не вызвали страстнаго поцѣлuya Шатобриана и его сестры. Только тогда проснулся въ немъ гений, когда его юное сердце начало

страстно волноваться. Съ тѣхъ поръ много прошло предъ нимъ женскихъ типовъ во все время его литературной жизни, но изъ всѣхъ любимыхъ имъ женщинъ, ему казалось, онъ любилъ бы Люсиль болѣе всѣхъ. Этотъ кризисъ юности былъ для Люсилль всею жизнью: она жила имъ и унесла его въ могилу. У Шатобриана было много сестеръ, и г-жа Фарси была столь же красива, какъ и Люсиль, но онъ любилъ послѣднюю болѣе всѣхъ и гордился ею, когда ввелъ ее въ свой парижскій салонъ. Ея любовь доходила до самоотреченія: счастье брата было для нея все». Она сама устроила его бракъ съ дѣвницей Лавинь, а ея культъ къ г-жѣ Бомонъ былъ настолько глубокъ, что, когда послѣдняя умерла, ей казалось, что въ ея сердцѣ порвалась струна. Она ухаживала за нею во время ея болѣзни и утѣшала брата. «Все мое занятіе,—писала она,— любить васъ». Возвратившись въ Парижъ, она поселилась въ монастырѣ и, несмотря на уходъ своей невѣстки, умерла не повидавъ брата. Впослѣдствіи онъ говорилъ: «Люсиль любила прятаться: я устроилъ ей уединенный уголокъ въ моемъ сердцѣ, она не выйдетъ оттуда, пока я не перестану жить». Другой типъ представляла сестра Бальзака, хотя была также предана и служила вѣрной пристанью во время жизненныхъ бурь для автора «Человѣческой комедіи», гдѣ онъ спокойно могъ отдохнуть. Лаура, какъ звали сестру Бальзака, такъ же, какъ и сестра Паскаля, наполняла жизнь своего брата. Она была его другомъ, довѣреннымъ и даже иногда сотрудникомъ; она же дала ему сюжетъ для «Un début dans la vie». «Какой блестящій и скромный умъ,—говоритъ Бальзакъ въ предисловіи:—который далъ мнѣ сюжетъ этой сцены». Изъ всѣхъ женщинъ, которыя окружали Бальзака, его Лаура занимала мѣсто возлѣ г-жи Верни, Вердъ и г-жи Зюльмы Карро. Лаура и г-жа Карро были всѣхъ преданнѣе и беззаветнѣе любили его. Только имъ двумъ онъ довѣрялъ свои горести, какъ сердечныя, такъ и другія. Изъ переписки Бальзака съ сестрою видно, что съ нею онъ отводилъ душу вполне, повѣряя ей сокровенныя мысли, планы и проекты начатыхъ и предполагаемыхъ работъ. Она знала отъ точки до точки, какъ составлялась «Человѣческая комедія», и Лаура часто была единственнымъ свидѣтелемъ его работы. «Счастливы люди,—говорилъ онъ,—у которыхъ сестры Лауры». Ея имя безпрестанно выходило изъ-подъ его пера. Даже самыя страстныя увлеченія другими женщинами не ступивали любви къ сестрѣ. «Сегодня,—писалъ Бальзакъ сестрѣ:—я отдалъ тебѣ время, которое хотѣлъ посвятить г-жѣ Кастри». Объ его любви къ графинѣ Ганской первая узнала Лаура такъ же, какъ и объ ихъ бракѣ. Онъ называлъ ее въ письмахъ ласкательными именами и не переставалъ вести переписку изъ Россіи, когда женился на графинѣ Ганской. Но еще болѣе замѣтно влияніе сестры на Ренана, который обязанъ ей многимъ. Ихъ интеллектуальное единство было столь близко, а цѣни, связывающія ихъ существа, были такъ крѣпки, что у нихъ было одно представленіе о вселенной, и Ренанъ самъ говорилъ: «Она была органомъ моей интеллектуальной жизни, и, дѣйствительно, съ нею въ могилу ушла часть моего существа». Онъ говорилъ, что у нея была громадная способность къ работѣ. Она никогда не отказывалась отъ самой тяжелой умственной работы, если надо было помочь брату, роясь въ громадныхъ археологическихъ коллекціяхъ, напечатанныхъ за полвѣка до того, и съ жа-

ромъ отдаваясь подготовительнымъ работамъ къ «Происхожденію христіанства». «Я безконечно обязанъ ей стилемъ,—говорить самъ Ренанъ.—Со времени моего сближенія съ нею произошло глубокая переѣва въ моеи манерѣ писать». Ея стиль былъ самый чистый, и ее смущала манера брата иронизировать. «Ее оскорбляло въ моемъ писаниі,—говорилъ Ренанъ,—ироническое чувство, которую мною овладѣваетъ и которое я вмѣшиваю въ лучшія произведенія». Генріета Ренанъ была очень серьезной личностью и съ дѣтства служила для Ренана не только старшей сестрой, но замѣняла ему мать. Въ ея любовь къ брату вмѣшивалось чувство покровительства. То, что она сдѣлала ради интеллектуальной жизни Ренана, не сдѣлала бы никакая другая женщина для мужчины. «Она царствовала въ моеи нравственной жизни,—говорилъ Ренанъ:—какъ никогда никому не удалось царствовать. Ея жизнь была лишь цѣлымъ рядомъ преданныхъ поступковъ, которымъ предназначено было оставаться неизвѣстными». Съ самаго ранняго возраста, когда они ходили вмѣстѣ въ старую церковь, чтобы посмотрѣть возвращеніе пасхальной церемоніи, когда она укрывала его отъ холода своей накидкой, до послѣдней минуты она не оставляла своего младшаго брата. Хотя она любила жизнь со всѣми ея удовольствіями, но всегда сохраняла строгій видъ. «Она состарилась раньше времени,—говорилъ о ней Ренанъ:—она взяла себѣ привычку увеличивать свои годы своимъ туалетомъ и манерами. Ея глаза были рѣдкой доброты, а рука самая нѣжная и восхитительная, какая только можетъ быть». Однако, невзирая на физическія качества, она отказалась выйти замужъ и предпочла тяжелую педагогическую жизнь. Сначала она поселилась въ Парижѣ, затѣмъ по ту сторону Карнатъ въ качествѣ воспитательницы дѣтей Замоискихъ. Она вела страшную борьбу, и такъ много работала, что когда Ренанъ увидѣлъ ее въ 1850 году въ Берлинѣ, то съ трудомъ узналъ. «У нея осталось,—писалъ онъ,—лишь восхитительное выраженіе необыкновенной доброты». Ихъ сближеніе было для нея вознагражденіемъ, и они жили цѣлыми часами въ маленькой комнатѣ такой полной жизнью, которую долго послѣ того имъ не пришлось испытать, пока снова не увидѣлись не задолго до ея смерти. Но когда Ренанъ задумалъ жениться на Корнели Шефферъ, эта гармонія была нарушена. «Эти братъ и сестра,—описывалъ свое тяжелое положеніе Ренанъ:—которые такъ любили другъ друга, дошли въ одинъ прекрасный день до того, что не стали разговаривать между собою откровенно, разставляли другъ другу ловушки, не замѣчая того. Это были для насъ горькіе дни». Но объяснившись объ женщины разстались веселыми, послѣ того, какъ долго плакали. Въ концѣ концовъ они всѣ трое сплотились въ тѣсный союзъ. Эта дружба двухъ женщинъ ни разу не была нарушена. Генріета умерла вдали отъ родины, изнуренная тяжелымъ недугомъ. Все-таки она рассчитывала присутствовать при окончаніи любимаго ею произведенія «Жизни Іисуса», которую Ренанъ началъ при ней, но умерла раньше. Для Ренана это было страшнымъ горемъ; его восторгъ къ сестрѣ не ослабѣлъ послѣ ея смерти. Онъ говорилъ о ней, какъ о святой, и питалъ къ ея памяти такое религиозное чувство, что боялся даже упомянуть объ этомъ въ своихъ произведеніяхъ, говоря, что: «я не долженъ выставить святое воспоминаніе для насмѣшливыхъ сужденій, составляющихъ часть права,

которое получается при покупке книги». Годъ спустя послѣ ея смерти, именно въ 1862г., онъ написалъ маленькое сочиненіе только для небольшого количества друзей, которые ее знали: «Моя сестра,—говорилъ Ренанъ:—была такъ скромна и питала такое отвращеніе къ свѣтскому шуму, и я думаю бы, что вижу ее въ могилѣ, упрекающей меня, если бы я вручилъ эти страницы публикѣ». Изъ всѣхъ сестеръ писателей сестра Ренана занимаетъ самое видное мѣсто. Насколько она сливалась съ братомъ интеллектуально, занимала въ его жизни первое мѣсто, вліяя на его геній, настолько сестры Ипполита Тэна питали къ брату боязливую, пассивную любовь. Онѣ смотрѣли на него, какъ на своего учителя, не внося въ его геній ни малѣйшей искры. Изъ его переписки съ ними видно, что онъ, какъ и всегда со всѣми, чувствовалъ свое превосходство и говорилъ съ ними, какъ профессоръ съ учениками. Старшей сестрою, Виржини, онъ руководилъ въ изящныхъ искусствахъ и въ послѣдствіи посѣщать съ нею Луврскій музей. Младшая, Софи, занималась музыкой, и онъ писалъ ей все, что зналъ о музыкѣ. Но эти письма не были тѣми дружескими, сердечными изліяніями, какими представлялись письма Ренана къ сестрѣ. Слишкомъ чувствовалась интеллектуальная разница между сестрами и Тэномъ, и насколько сестры Наскаля, Шатобриана и Ренана вносили энергіи и зажигали факель генія въ своихъ братьяхъ, настолько сестры Тэна старались заимствовать у генія брата хотя небольшую частицу на свою долю.

— Воспоминанія о папѣ Левѣ XIII. Въ послѣдней книжкѣ «Библиотеки школы хартій»¹⁾ членъ французской Римской школы Эли Берже рассказываетъ, что Левъ XIII былъ первымъ изъ папъ, открывшихъ свободный доступъ для ученыхъ въ ватиканскіе архивы. Мало того, онъ старался возбудить въ нихъ рвеніе, интересовался ихъ работами и любилъ посѣщать архивъ, когда тамъ работали ученые. Не разъ по утрамъ самые усидчивые изъ ученыхъ слышали въ соседнемъ коридорѣ шумъ шаговъ, затѣмъ раздавались три знакомые стука. Дверь растворялась, по сторонамъ ея становились два швейцарскіе солдата въ мундирахъ, каскахъ, съ аллебардами на плечахъ, потомъ появлялись почетный тѣлохранитель, епископъ Макки, двое или трое лицъ, и носилки папы, котораго носили на прогулку по ватиканскимъ галереямъ два лакея въ красныхъ ливреяхъ. Медленно вся эта процессія подвигалась по залу, и Левъ XIII, склонившись корнусомъ, бросалъ взгляды направо и налево, какъ будто старался узвать своихъ постоянныхъ посѣтителей. Его полуоткрытая рука благословляла всѣхъ. Онъ казался, вслѣдствіе сильной блѣдности, совершенно прозрачнымъ, лицо его озарялось доброжелательной улыбкой, и странно глубокимъ пронизательнымъ взглядомъ. Онъ не боялся, что историческая наука коснется тайникомъ ватиканскаго архива и равно относился къ ученымъ всѣхъ странъ. Однажды онъ узналъ, что самый ревностный изыскатель въ ватиканскомъ архивѣ — протестантъ. На это онъ спокойно замѣтилъ: «Все равно! Пойдите и скажите ему, чтобы онъ ничего не скрывалъ: онъ можетъ все печатать!»

¹⁾ «Souvenire sur le pape Leon XIII», par Eli Berger. Bibliothèque de l'École de Chartes». Octobre 1. 1901.

— Висмарь. 19 августа 1903 г. въ германскомъ городѣ Ростокѣ спр-1 влялось торжество, которому, въ сущности, другіе народы не придали бы такого важнаго значенія, какъ нѣмцы. Дѣло въ томъ, что послѣ многихъ вѣковъ впервые, съ 20-го іюня, Швеція не владѣла болѣе ни однимъ кусочкомъ земли въ Германіи. «Многіе, даже ученые, нѣмцы, — говоритъ анонимный авторъ въ первомъ ноябрьскомъ номерѣ «Revue Universelle»¹⁾, — не знали, что это случилось не такъ давно. Извѣстіе, что Висмарь снова возвращенъ своей матери родиѣ, было принято съ горячимъ энтузіазмомъ, и телеграммы императора Вильгельма и великаго герцога Шверинскаго были отправлены королю Оскару. Права, которыя теперь уничтожили шведы, были основаны на томъ, что въ началѣ прошедшаго вѣка Густавъ-Адольфъ IV отказался отъ своей невѣсты Луизы-Шарлотты, дочери герцога Франца-Фридриха Мекленбургъ-Шверинскаго, и послѣдній потребовалъ у Швеціи, подъ видомъ убытковъ, Висмарь и свою независимость въ Поэльтъ и Новомъ Клостерѣ. Швеція не согласилась на это, но дала ему 100 000 ригсдалеровъ, унлачиваемыхъ частями, ежегодно по 600 ригсдалеровъ. Но этого не было достаточно герцогу, и вскорѣ онъ снова сталъ требовать Висмарь уже за извѣстную сумму, которую вручилъ бы, какъ цокуиную цѣну или залогъ. На этотъ разъ Швеція согласилась на сдѣлку, и по этому случаю былъ составленъ Мальмэскій трактатъ, подписанный Густавомъ-Адольфомъ IV и Францомъ-Фридрихомъ 16 іюня 1803 г. Согласно условію этого трактата, великій герцогъ давалъ въ долгъ своему нареченному, но отказавшемуся зятю, 1,258.000 гамбургскихъ талеровъ, а Висмарь и его владѣнія служили, какъ бы залогомъ. Францъ-Фридрихъ и его наслѣдники обѣщались никогда не считать этотъ городъ собственностью, предоставивъ требуемую сумму шведскому королю, тогда какъ король выговорилъ право себѣ и своимъ потомкамъ освободить залогъ и вернуть себѣ Висмарь въ концѣ вѣка. Въ этомъ случаѣ онъ обязывался заплатить Мекленбургу сумму долга и три процента годовыхъ. До послѣднихъ лѣтъ судьба Мальмэской конвенціи была довольно темная, извѣстно лишь было, что Висмарь и его владѣнія не представлялись на сеймѣ великаго герцогства въ виду ихъ исключительнаго положенія, пока одинъ политическій инцидентъ не вывелъ ихъ на свѣтъ Божій. Одинъ шведскій депутатъ, Гединъ, всѣмъ извѣстный своими миролюбивыми идеями, подалъ 27 января 1900 г. въ ридстагъ проектъ резолюціи, которымъ онъ приглашаетъ шведское правительство отказаться отъ своихъ правъ на Висмарь. Пруссія должна подъ видомъ вознагражденія возвратитъ Даніи южный Шлезвигъ. Гединъ основывался на пользѣ для Германіи укрѣпить Висмарь и превратить его въ военный портъ, чего не допускалъ Мальмэскій трактатъ. Кромѣ того, онъ добавлялъ, что хотя для Швеціи нѣмецкія земли болѣе не представляютъ никакого интереса, но она не должна просто отказаться отъ своихъ правъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, она не должна требовать денежнаго вознагражденія, что было бы недостойно ея, но требовать въ видѣ вознагражденія Норвегіи южный Шлезвигъ для Даніи. Король Оскаръ согласился

¹⁾ «Wismar. La dernière enclave suédoise en Allemagne». «Revue Universelle». 1 Novembre 1903.

съ этимъ мнѣніемъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что онъ заслужилъ благодарность Германіи добровольнымъ отказомъ отъ Висмара.

— Юбилей Альфьери. 8-го октября 1903 г. вся Италия торжественно вспомнила Витторіо Альфьери, самаго пламеннаго и наиболѣе итальянскаго изъ итальянцевъ послѣ Данте и Макиавелли. «Каждая провинція, каждый округъ,—говоритъ графъ Рускони въ краснорѣчивой статьѣ, помѣщенной имъ по этому случаю въ ноябрьской книжкѣ «Fortnightly Review»¹⁾,—благодарно видели драгоцѣнный листъ въ вѣнокъ его славы, потому что Альфьери возродитель Италіи, благодаря чему мы питаемъ уваженіе къ его жизни и сочиненіямъ. Въ XVIII вѣкѣ Италия, послѣ долгаго литературнаго упадка, начала воскресать благодаря трудамъ Метастазіо, Гольдони и Парини, совершенно же она воскресла въ произведеніяхъ Альфьери. Онъ не только воскресилъ итальянскую поэзію, но и политическую совѣсть. Въ это время въ Италіи развилась исторія въ лицѣ Вико и Муратори, а наука—Вольты Гальяни и Бекаріи. Но впереди всѣхъ по оригинальности, силѣ и таланту шель Альфьери. Онъ родился въ 1749 г. въ Асти и принадлежалъ къ старинному пиемонтскому графскому роду. Воспитывался Альфьери въ мѣстной коллегіи и затѣмъ поступилъ, какъ всѣ аристократы, въ военную службу. Въ его время въ пиемонтскомъ обществѣ говорили болѣе по-французски, чѣмъ по-итальянски, и онъ пристрастился къ французской литературѣ, а послѣ круговаго путешествія по Италіи вышелъ въ отставку и посѣтилъ Францію. Но дворъ Людовика XV поразилъ его своей мелочностью, и вообще парижская жизнь его разочаровала. Напротивъ, пребываніе въ Англіи привело его въ восторгъ, преимущественно свободой и общественнымъ благосостояніемъ. Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Голландію, Швейцарію, Вѣну, въ Берлинъ и даже Петербургъ. Послѣдніе два города, какъ столицы милитаризма, его оттолкнули отъ себя, и онъ отказался отъ чести быть представленнымъ Екатериной II. Онъ, впрочемъ, былъ такъ своеобразенъ, что, несмотря на свой либерализмъ, не захотѣлъ знакомиться въ Швейцаріи съ Руссо, благодаря гордости послѣдняго. По возвращеніи въ Италію онъ предался веселой разсѣянной жизни, полной приключеній и любовныхъ интригъ. Въ 1775 г. онъ началъ писать по-итальянски стихи и трагедіи. Первая изъ его пьесъ—«Клеопатра», была имъ передѣлана три раза и, наконецъ, поставлена въ Туринѣ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Съ этого времени онъ предался исключительно литературѣ и драмѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко изучилъ Данте и итальянскихъ авторовъ эпохи Реставраціи. Съ этой цѣлью онъ провелъ нѣсколько времени во Флоренціи, а, возвратясь въ Пиемонтъ, встрѣтился съ графиней Альбани, которая играла столь важную роль въ его жизни. «Она была необыкновенная женщина,—говоритъ графъ Рускони,—и судьба предназначала ее указывать Альфьери путь не только счастья, но и славы. Она была олицетвореніемъ всѣхъ его туманныхъ мечтаній и создала для него ту атмосферу красоты, которая уничтожаетъ всѣ мелочныя невзгоды жизни. Его мелкіе успѣхи превращены были ею въ блестящіе триумфы. Подъ ея вліяніемъ душа его

¹⁾ «The Alfieri Centenary, by count Rusconi». «The Fortnightly Review». November 1903.

созрѣла, и она ввела его въ новый міръ». Найдя, наконецъ, послѣ столькихъ неудачъ, настоящую любовь, онъ сталъ серьезно работать надъ своими трагедіями. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ уже четырнадцать трагедій, преимущественно во французскомъ вкусѣ. Кромѣ пьесъ, онъ составилъ еще «Исторію моей жизни». Однако, несмотря на свою счастливую любовь, онъ подвергался въ этомъ отношеніи и многочисленнымъ несправедливостямъ, благодаря постояннымъ придиркамъ мужа графини Альбани, послѣдняго изъ Стюартовъ. Онъ даже былъ принужденъ разстаться съ нею на время; но они снова сошлись въ Парижѣ, гдѣ, по смерти ея мужа, обвѣнчались въ 1788 г. Остальную свою жизнь онъ провелъ чрезвычайно счастливо, частью въ Парижѣ, откуда имъ пришлось бѣжать во время революціи, а частью во Флоренціи. Любимая имъ жена не только окружала его ласкою, но и помогала ему въ трудахъ, даже въ изученіи греческаго языка, которому онъ предался ревностно на сорокъ восьмомъ году жизни. Наконецъ, 8-го октября 1803 г., онъ умеръ на рукахъ своей возлюбленной, которой завѣщалъ свое состояніе. Она похоронила его въ церкви Санта-Кроче, во Флоренціи, между гробницами Макіавелли и Микель-Анджело, и поставила ему великолѣпный памятникъ работы Кановы. Альфьери оставилъ послѣ себя громадное количество литературныхъ произведеній, именно 19 трагедій, шесть политическихъ комедій и очень большое число сатиръ, эпиграммъ и лирическихъ стихотвореній. Его автобіографія въ прозѣ представляетъ замѣчательный рядъ картинъ всѣхъ странъ и замѣчательныхъ людей, посѣщенныхъ имъ. Политически, — по словамъ графа Рускони, — Альфьери былъ такимъ же демократомъ, какимъ представлялся аристократомъ въ сочиненіяхъ. Въ трагедіяхъ онъ держался исключительно классическаго единства. Но главное его вліяніе въ Италіи было не какъ драматурга, а какъ политическаго писателя. По словамъ Джіоберти, Альфьери не имѣлъ себѣ равнаго, какъ великій пѣвецъ свободы, какъ второй Данте.

— Данте на сценѣ. Подъ этимъ названіемъ на дняхъ издано итальянскимъ писателемъ и депутатомъ Карло дель-Вальдзо любопытное сочиненіе. Оно вызвано страшнымъ шумомъ и скандаломъ, произведеннымъ въ Италіи новой пьесой Сарду, поставленной съ необыкновеннымъ успѣхомъ въ Лондонѣ на сценѣ театра Ирвинга. Итальянцы пришли въ ужасъ, что французскій драматургъ осмѣлился дерзко драматизировать «Божественную Комедію» и вывести на сцену самого божественнаго Данте. По этому случаю Вальдзо познакомилъ итальянскую публику со всѣми часто повторявшимися въ XIX вѣкѣ попытками вывести на сцену Данте и Беатриче; этимъ онъ вполне доказалъ, что Сарду не первый совершилъ то, что итальянцы теперь признаютъ святотатствомъ. Уже ранѣе Вальдзо прославился изученіемъ Данте и замѣчательнымъ изданіемъ большой энциклопедіи поэтическихъ произведеній о немъ на всѣхъ языкахъ. Въ нынѣшнемъ году уже вышелъ седьмой томъ этого важнаго изданія, и въ немъ упомянуты только авторы начала XIX столѣтія. Настоящая книга служитъ лучшимъ прибавленіемъ къ означенному многотомному труду. Прежде всѣхъ нѣмецкій поэтъ Людвигъ Тпкъ рѣшился въ самомъ концѣ

1) «Dante nel Teatro; d. Carlo del Balzo. Roma». 1903.

XVIII столѣтія вывести на театральныхъ подмосткахъ величественную фигуру безсмертнаго поэта. Въ пятомъ актѣ съеѣ комедіи «Цербно или путешествіе для разысканія хорошаго вкуса», появляются три тѣни: Данте, Сервантеса и Шекспира, которыхъ авторъ называетъ святыми мастерами современнаго искусства, и съ ними, по его мнѣнію, можно только сравнить одного живого—Гете. Ихъ появленіе потребовалось Тіку собственно для того, чтобы поднять на смѣхъ современныхъ зоологовъ, т.-е. критиковъ того времени. Особенно рѣзко нападаетъ на зоила Нестора самъ Данте, приходящій въ ужасъ отъ его невѣжества и незнанія произведеній автора «Божественной комедіи». Чтобы загладить эту неудачную попытку драматизированія Данте, Игнатій Колльманъ въ 1826 году напечаталъ въ Грацѣ большую драму съ многочисленными дѣйствующими лицами. Въ ней выведенъ Данте еще пріоромъ, т.-е. около 1300 г. Согласно исторіи онъ представленъ преданнымъ закону и отечеству. Но за исключеніемъ этой патріотической черты вся драма изображаетъ только дикую фантазію. Въ этой пьесѣ Беатриче воскресаетъ, такъ какъ, въ сущности, она умерла уже за десять лѣтъ предъ тѣмъ, а Данте женатъ на Джемми, которая разводится съ мужемъ. Судьба Беатриче самая неправдоподобная, и она умираетъ отъ яда, который случайно принимаетъ вмѣсто своего отца. Вообще вся драма грубо скомпонована, хотя въ ней есть нѣсколько эффектныхъ сценъ, особенно та, которая происходитъ между великимъ флорентинцемъ и двумя народными предводителями, изгоняемыми имъ изъ Флоренціи съ политической цѣлью. Другой сѣверный поэтъ, датчанинъ Мольбахъ, посвятилъ Данте въ 1852 году свою трагедію въ пяти актахъ. Она еще фантастичнѣе и менѣе близка къ исторіи. Начинается съ того, что Данте пишетъ свою «Божественную комедію» и потомъ видится съ Беатриче, которая, въ сущности, уже умерла двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ. Во второмъ актѣ поэта назначаютъ пріоромъ, и Беатриче умоляетъ его заступиться за нее предъ отцомъ, который хочетъ выдать ее замужъ за Барди. Данте отказывается ей, и Беатриче дѣлается женою нелюбимаго человека. Въ концѣ концовъ она умираетъ, а Данте, застигнутый мужемъ въ ея комнатѣ, приговаривается къ смертной казни, но помплованъ королемъ. Во Франціи драматурги обладали достаточно изящнымъ вкусомъ, чтобы не тревожить костей Данте, за исключеніемъ Анри де-Борвье. Онъ написалъ драму «Данте и Беатриче», и, надо сознаться, что хотя она и не отличается геніальностью, но изъ всѣхъ сочиненій, касающихся великаго поэта, всего менѣе фантастична. Дѣйствіе происходитъ въ 1300 году, и Данте выступаетъ кандидатомъ въ пріоры вмѣстѣ съ Дель-Барди. Оба они влюблены въ Беатриче, отецъ которой хочетъ выдать ее замужъ за Барди. Послѣдній, однако, соглашается уступить ей руку Данте, подъ условіемъ, чтобы ему досталось пріорство. Изъ любви къ отечеству и опасенія тираніи Барди, Данте отказывается ему въ этомъ. Тогда Барди ополчается противъ Данте и грозитъ Беатриче умертвить Данте, если она выйдетъ за него замужъ. Она даетъ слово принадлежать ему, но умираетъ. Предъ трупомъ возлюбленной оба соперника мрутятся, и Данте отирается въ изгнаніе. Хотя эта пьеса довольно близка къ исторіи, но въ ней все-таки есть неточности. Поэтому, естественно, что итальянцы были недовольны ею, хотя никто изъ драматическихъ авторовъ, по созванію Бальцо, не грѣшилъ

столько против истинны въ этомъ отношеніи, какъ сами итальянцы. Первый изъ нихъ, допустившій на театральные подмостки Данте, былъ Винченцо Пьераччи въ началѣ XIX столѣтія. Плохими стихами онъ уродуетъ исторію и даетъ своей фантазіи свободный полетъ. Еще болѣе издѣвается надъ исторіей тосканецъ Антоніо Мороскези. Въ 1822 году онъ написалъ трагедію о Данте, представивъ его въ Равеннѣ приговореннымъ къ отравленію его другомъ Онецомъ. Но Данте застаеъ его надъ приготовленіемъ яда и принуждаеъ самого злодѣя выпить ядъ; мало того, Малятесто, принимая Онеца за Данте, воззаетъ въ его сердце мечъ. Въ свою очередь Малятесту приговариваютъ къ смерти, но Данте выпрашиваетъ его прощеніе. Вообще драмъ о Данте на итальянскомъ языкѣ Бальдо насчитываетъ до девятнадцати, и всѣ онѣ, болѣе или менѣе, въ томъ же духѣ. Напримѣръ, баронъ Козенца въ драмѣ, напечатанной въ 1830 году, представляетъ Данте какимъ-то невозможнымъ роже-носцемъ. Его жена Джемма до невозможности кокетничаетъ со всѣми, а самъ Данте ухаживаетъ за молодой дѣвушкой Матильдой, выдающей себя за Беатриче. Что же касается до Луджи Форти, то этотъ драматургъ въ своей пьесѣ «Viaggio di Dante all'Inferno» самымъ святотатственнымъ образомъ «извращаетъ безсмертныя пѣсни «Божественной комедіи». Изъ всѣхъ этихъ неудачныхъ попытокъ драматизированія Данте, заслуживаютъ вниманія только «Alighieri in esilio» графа Помпео-ди-Каминелло и попытка недавно умершаго Бовіо вывести Данте главнымъ дѣйствующимъ лицомъ своей христіанской трилогіи «Il Millennio». Самъ Каминелло, бывшій во время республики 1849 года военнымъ министромъ, подвергся политическимъ преслѣдованіямъ и изгнанію, а потому онъ сумѣлъ понять политическія страданія Данте. На этомъ основаніи онъ вѣрно нарисовалъ фигуру великаго изгнанника, какъ исторически, такъ и психологически. Въ своей фантастической драмѣ Бовіо представляетъ Данте великимъ судьей надъ католической церковью, погубившей въ концѣ концовъ человѣчество. Тутъ Беатриче является его дочерью, и на ея рукахъ, въ Равеннѣ, онъ умираетъ, говоря: «Такъ какъ моя пѣснь «Manfredi» дошла до народа, то я могу умереть мирно». Такимъ образомъ это скорѣе лирическая поэма, чѣмъ драма, и на этомъ-то произведеніи Италію застала пьеса Сарду. Бальдо совершенно понимаетъ негодованіе итальянцевъ на французскаго писателя, хотя отъ него недалеко отстали его соотечественники. Вообще онъ совѣтуетъ драматургамъ всѣхъ странъ не выводить на сцену Данте, такъ какъ его жизнь, любовь къ Беатриче и смерть нимало не поддаются драматизированію.

Теперь перейдемъ къ пьесѣ Сарду, надѣлавшей сильный шумъ и скандалъ. По его собственнымъ словамъ, въ письмѣ къ Анджело Губернатису, онъ всеѣмъ не хотѣлъ написать историческую драму, а только символическую. Не жизнь Данте, а его сочиненія послужили предметомъ содержанія пьесы. Въ пяти актахъ онъ соединилъ невозможный винегретъ изъ фактическихъ лицъ и его воображаемыхъ поэтическихъ героинь. Такъ въ нихъ выведены Пиа ди Толомен, Франческа ди Римини, Беатриче, Джемма и т. д. Изъ мужчинъ выведены: Уголино, Малятеста, папа Климентъ V и проч. Наконецъ, общую сумятицу этой чудовищной, фантастической драмы довершаютъ три сцены изъ

«Божественной комедии», именно посещение, по приказанию Беатриче, ада Данте въ сопровожденіи Виргилія. Весь этотъ сумбуръ оканчивается смертью Климента V и помилованіемъ Джеммы. Чего только нѣтъ въ этой блестящей фееріи: замокъ Голода Уголино, праздникъ весны во Флоренціи, картины Дантовскаго ада и т. д. Сарду увѣряетъ, что онъ хотѣлъ своими дѣйствующими лицами только олицетворить символы: Данте—христіанскую философію, Джеммой—Италію XIII столѣтія, а Виргиліемъ—человѣческую мудрость. Но все это не удалось, и, какъ всегда, подобная, балаганная феерія имѣла успѣхъ, только благодаря великолѣпнѣйшей обстановкѣ и художественной игрѣ англійскаго актера Ирвинга. Этотъ первый въ настоящее время актеръ имѣетъ слабость къ изображенію историческихъ личностей, и въ послѣдніе годы обычнымъ его поставщикомъ обстановочныхъ пьесъ служитъ Сарду, котораго даже французы бракуютъ, какъ національнаго драматурга. Впрочемъ, французы хотя и не даютъ на своихъ сценахъ на французскомъ языкѣ Данте, но увѣряютъ, что Сарду правъ, выведя на сцену символическихъ лицъ, такъ какъ вообще жизнь Данте, а также историческіе типы, въ этомъ случаѣ вовсе не годятся для драматической формы.

— Смерть Лекки и Моммзена. Въ концѣ октября скончался въ Лондонѣ одинъ изъ послѣднихъ крупныхъ историковъ викторіевскаго времени — Лекки. Онъ родился въ Дублинѣ 26-го марта 1838 г. и принадлежалъ къ англосаксонскому семейству, водворенному въ Ирландіи. Воспитывался онъ въ Челтенгамской школѣ и потомъ перешелъ въ Дублинскій университетъ, гдѣ отличался ранними успѣхами въ историческомъ обществѣ, основанномъ при коллегіи Троицы великимъ патріотомъ Эдмундомъ Буркомъ. По окончаніи университетскаго курса онъ получилъ ученую степень и предпринялъ путешествіе по Европѣ, продолжавшееся четыре года. Возвратившись въ Англію, онъ анонимно напечаталъ: «Предводители общественнаго мнѣнія въ Ирландіи». Это собраніе критическихъ очерковъ и біографій Свифта, Флуда, Гратана и Оконелли было глубоко-научнымъ трудомъ для юнаго Лекки. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ написалъ: «Исторію возникновенія и вліянія рационализма въ Европѣ» и «Исторію европейской нравственности отъ Августа до Карла Великаго». Эти оба сочиненія хотя не выражали особой оригинальности мысли, но доказали въ авторѣ большую начитанность и критическій взглядъ. Во всякомъ случаѣ Лекки занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди англійскихъ историковъ, которое окончательно было закрѣплено за нимъ его капитальнымъ произведеніемъ: «Исторія Англій въ XVIII вѣкѣ» въ двѣнадцати томахъ, изъ которыхъ пять посвящены собственно исторіи Ирландіи. Кромѣ того, онъ напечаталъ небольшой томъ поэмъ и политическій трактатъ: «Демократія и свобода», а въ 1899 г. выпустилъ свой послѣдній трудъ: «Карта жизни». Въ послѣднія семь лѣтъ, до весны настоящаго года, Лекки состоялъ членомъ парламента отъ своего университета и долженъ былъ покинуть этотъ постъ только по болѣзни. Въ политическомъ отношеніи онъ принадлежалъ къ партіи унионистовъ и вообще въ своихъ сочиненіяхъ отстаивалъ ирландскихъ историческихъ патріотовъ, но защищалъ англійскую идею единства. Какъ человѣкъ, онъ былъ рѣдкихъ качествъ, но также отличался оригинальностью и, между прочимъ, недолюбливалъ Гладстона изъ политическихъ видовъ.

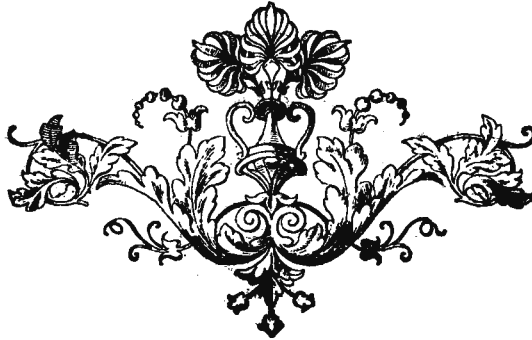
Великіе современные историки быстро исчезаютъ одинъ за другимъ, но потеря Моммзена чувствительна не только для исторіи всѣхъ странъ, а для цѣлаго ряда наукъ, соприкасающихся съ нею: классической филологіи, нумизматики, законовѣдѣнія, археологіи и т. д. Литературно-ученыя способности Моммзена были такъ широки и велики, что его разнообразныя труды превышаютъ тысячу. Онъ родился въ 1817 г. въ Шлезвигѣ, тогда принадлежавшемъ Даніи, но по происхожденію нѣмецъ, и всю жизнь отличался патриотической любовью къ Германіи. Получивъ воспитаніе въ Кильскомъ университетѣ на юридическомъ факультетѣ, онъ въ продолженіе трехлѣтнихъ вакацій странствовалъ по Италіи, изучая древнія надписи подъ руководствомъ Боргези, знаменитаго ученаго по этой части. Въ 1848 г. Моммзенъ сдѣлался профессоромъ римскаго права въ Лейпцигѣ, но со времени февральской революціи онъ принялъ участіе въ борьбѣ гольштинцевъ съ датчанами и либераловъ съ германскимъ правительствомъ. Поэтому въ 1850 г. Моммзенъ потерялъ свою кафедру. Однако онъ продолжалъ заниматься своей любимой наукой въ Цюрихскомъ и Бреславльскомъ университетахъ; чрезъ два года онъ издалъ свое первое сочиненіе: «Надписи въ Неаполитанскомъ королевствѣ», а въ 1854 г. онъ началъ свою знаменитую «Римскую исторію». Этотъ великій трудъ занималъ его тридцать лѣтъ, и до сихъ поръ вышло пять томовъ, т. е. собственно четыре, такъ какъ одинъ изъ томовъ, четвертый, по несчастію сгорѣлъ въ рукописи и никогда не былъ напечатанъ. Пятымъ томомъ, обнимающимъ эпоху отъ Цезаря до Діоклетіана, въ сущности завершается его сочиненіе, которое составляетъ главнѣйшій его трудъ и одно изъ величайшихъ современныхъ историческихъ произведеній. Оно не только заслуживаетъ полнаго вниманія по научному значенію, но и по изяществу изложенія, живописности изображаемыхъ картинъ и поразительности его взглядовъ на римскую и греческую цивилизацію. Исторія Моммзена превосходитъ всѣ другія книги того же рода. Можно упрекнуть первостепеннаго историка только въ исключительной слабости къ сильнымъ великимъ людямъ и въ особенности къ Юлію Цезарю, котораго онъ считаетъ совершеннѣйшимъ изъ людей. Дополненіемъ къ «Римской исторіи» служило второе сочиненіе Моммзена того же характера: «Римскія провинціи во времена имперіи». Занимаясь этими трудами, онъ продолжалъ свою педагогическую дѣятельность, и въ 1857 г. перешелъ профессоромъ въ Берлинскій университетъ, гдѣ и оставался около пятидесяти лѣтъ. Это не мѣшало ему заниматься политикой: онъ засѣдалъ въ прусскомъ ландтагѣ до 1882 г. и упорно противодѣйствовалъ во внутренней политикѣ Бисмарку, а во виѣшней—французамъ въ 1870 г., чехамъ въ 1897 г. и англичанамъ въ 1900 г. Конечно, въ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ, не какъ депутатъ, а какъ журналистъ. Впрочемъ, политическая его дѣятельность была только добавочнымъ его трудомъ, въ сущности же онъ былъ исключительно ученымъ. Кромѣ своихъ историческихъ сочиненій, онъ издалъ свой колоссальный «Corpus Inscriptionum Latinarum», въ двадцати фоліантахъ. Это—сборникъ древнихъ римскихъ надписей, удѣлѣвшихъ до сихъ поръ въ числѣ двухсотъ тысячъ. Кромѣ того, онъ прославился еще своими учеными изслѣдованіями по римскому праву: «Römisches Staatsrecht» и «Das Römische Strafrecht». Наконецъ онъ издалъ многотомную коллек-

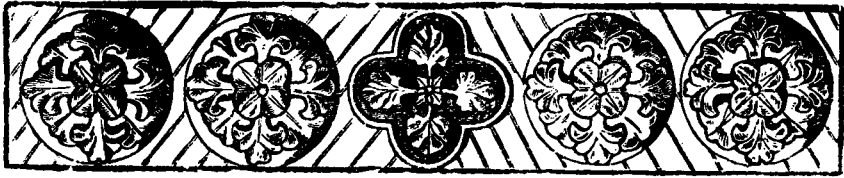
цію «Памятниковъ германской исторіи» и напечаталъ безконечное множество крупныхъ и мелкихъ ученыхъ трудовъ. Трудно объять однимъ взглядомъ всю его разнообразную и многочисленную ученую дѣятельность; точно также невозможно опредѣлить, насколько широко было его вліяніе на молодыхъ историковъ и юристовъ.

— Березинскій музей. Графиня Лидія Растопчина, внучка героя 1812-го года, помѣстила въ «Figaro» любопытное описаніе¹⁾ посѣщенія лѣтомъ членами русскаго общества военныхъ наукъ Березинскаго музея. Она уже извѣстна нѣсколькими романами на французскомъ языкѣ, а также французскими водевилями, изъ которыхъ одинъ давался на Михайловской сценѣ. Это лѣто она провела въ Ново-Борисовѣ у г. Колодѣва, женатаго на племянницѣ русскаго генеральнаго консула въ Парижѣ, Карцева, и по этому случаю была свидѣтельницей этого памятнаго визита. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Ново-Борисовъ былъ маленькой станціей, а теперь, благодаря энергіи и дѣятельности г. Колодѣва, онъ сдѣлался мѣстечкомъ съ восемью тысячами жителей. Въ настоящее время здѣсь находится нѣсколько заводовъ и фабрикъ, а также казармы двухъ кавалерійскихъ полковъ, а главное—замѣчательный историческій музей, посвященный отечественной войнѣ. Въ теченіе двадцати лѣтъ г. Колодѣвъ съ женою посвящалъ неусынные труды на собраніе всего, что касается кампаніи 1812 г. и преимущественно березинскаго отступленія. Въ музей находится бібліотека въ пять тысячъ томовъ на всѣхъ европейскихъ языкахъ и драгоценная коллекція эстимонъ, гравюръ, портретовъ, оружія, монетъ и т. д. Это рѣдкое собраніе посѣтили въ нынѣшнемъ году члены общества, находящагося подъ предсѣдательствомъ генераль-адыютанта барона Мейендорфа. Всѣхъ посѣтителей было двадцать человекъ, въ числѣ которыхъ находились генералы Ордынскій и Сояновъ, полковникъ Симанскій и проч. Среди военныхъ выдѣлялся одинъ статскій, литераторъ К. Военскій. На станціи членовъ общества встрѣтили начальникъ 1-й кавалерійской дивизіи генераль Рененкампфъ и г. Колодѣвъ, который пригласилъ ихъ въ свое имѣніе, находящееся на берегу Березины. Тамъ, прежде всего, на балконѣ, освѣщенномъ электричествомъ, была прочитана полковникомъ Симанскимъ лекція, въ которой онъ краснорѣчиво описалъ достопамятный трехдневный переходъ чрезъ Березину. При этомъ онъ старался выгородить адмирала Чичагова отъ взведенныхъ на него обвиненій. Большинство историковъ жестоко упрекало его за то, что онъ выпустилъ Наполеона изъ западни, устроенной ему русскими. Но адмиралъ, по словамъ лектора, отдѣленный рѣкой отъ арміи Витгенштейна, не зналъ о совершавшемся на другомъ берегу, и ловкіе маневры Наполеона ввели его въ заблужденіе насчетъ пункта переправы. Послѣ этой блестящей лекціи былъ сервированъ великолепный ужинъ, а на другое утро въ восемь часовъ всѣ отправились въ знаменитую Студенку, гдѣ происходила памятная переправа французовъ. Здѣсь, а также въ городѣ Борисовѣ—въ главныхъ пунктахъ историческаго событія, полковникъ Симанскій продолжалъ свою интересную лекцію. Въ Студенкѣ г. Коло-

¹⁾ La Berezina, par comtesse Lydie Rastoptchina. Figaro, 29 Septembre 1903.

дѣвъ поставилъ два памятника съ медальонами работы офицера Зарѣчнаго, на которыхъ изображены портреты императоровъ Александра и Наполеона, а также надписи. «Здѣсь Наполеонъ и его великая армія перешли Березину 14, 15 и 16 ноября 1812 г.». Послѣ роскошнаго обѣда было произнесено нѣсколько рѣчей, въ томъ числѣ литераторомъ Военскимъ, отдавшимъ справедливость г. Колодѣву за его громадныя труды по русской исторіографіи открытіемъ того мѣста, гдѣ совершился переходъ чрезъ Березину. Этимъ кончается свою статью графиня Растищина.

С М Ъ С Ъ.

ПРИСУЖДЕНИЕ премій имени А. С. Пушкина. Въ маломъ конференцъ-залѣ императорской академіи наукъ въ 2 часа дня 19-го октября, въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Г. Э. Зенгера, представителей академіи и посторонней публики, академикомъ А. Н. Веселовскимъ былъ прочитанъ отчетъ о пятнадцатомъ присужденіи Пушкинскихъ премій. На соисканіе этой преміи были въ настоящемъ году представлены 42 сочиненія. Изъ нихъ особою комиссіей, въ составъ которой вошли: члены отдѣленія русскаго языка и словесности, почетные академики разряда изящной словесности, находившіеся въ Петербургѣ, и ученые и литераторы: П. Θ. Анненскій, профессоръ Θ. Д. Батюшковъ и профессоръ Н. А. Котляревскій, — рѣшено было по различнымъ уважительнымъ причинамъ рассмотреть только двѣнадцать сочиненій, изъ числа которыхъ въ свою очередь заслужили одобреніе комиссіи только девять. 1. 2) А. Переводъ П. И. Вейнберга драмы Шиллера «Пикколомини» (1901). Рецензія на этотъ трудъ была дана профессоромъ Θ. Д. Батюшковымъ. Главное значеніе П. И. Вейнберга, какъ переводчика пропзведеній иностранныхъ писателей, преимущественно въ стихотворной формѣ, опредѣляется, по словамъ рецензента, тѣмъ, что онъ выражаетъ почтенную заботу сохранить въ передачѣ индивидуальность автора, въ особенности его стиля. Принципъ, которымъ руководился въ этомъ направленіи П. И. Вейнбергъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія, и если абсолютно точный и конгеніальный по формѣ переводъ представляется недостижимымъ идеаломъ, то лучше и значительнѣе даже неполное приближеніе къ недостижимому въ абсолютномъ смыслѣ, чѣмъ легкое достиженіе, при отказѣ отъ правильнаго отношенія къ дѣлу. 2) Гейнрихъ Гейне. Собраніе сочиненій. Редакція Петра Вейнберга. Оцѣнку этого труда принялъ на себя князь Д. Н. Цертелевъ, по мѣткѣ котораго редактированіе перевода стихотвореній, особенно такого поэта, какъ Гейне, предста-

вляеть столько трудностей, что нѣкоторое замозданіе въ выпускѣ этого изданія надо признать скорѣе недостаточнымъ, нежели слишкомъ продолжительнымъ. Несмотря на близость перевода къ подлиннику, П. И. Вейнбергу почти всегда удается сохранить вѣрный тонъ, и лишь изрѣдка отдѣльные фразы заставляютъ вспомнить, что имѣешь дѣло съ переводомъ, а не съ оригиналомъ, и мы должны быть только признательны переводчику за его громадный трудъ, не ставя ему въ вину мелкихъ недочетовъ, неизбежныхъ въ такомъ дѣлѣ. II. Иванъ Бунинъ: 1) «Листопадъ» — стихотворенія (Москва, 1901). 2) «Пѣсны о Гайаватѣ» (Сиб., 1903). «Оцѣнка этихъ двухъ трудовъ была дана почетнымъ академикомъ графомъ А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ. Сборникъ стихотвореній г. Бунина, говоритъ рецензентъ, представляетъ собою отрадное явленіе въ области современнаго русскаго стихотворнаго искусства и можетъ доставить истинное художественное наслажденіе любителямъ поэзій. Что касается стихотворнаго перевода извѣстной поэмы Лонгфелло «Пѣсня о Гайаватѣ», то рецензентъ считаетъ своимъ долгомъ обратить на этотъ трудъ особенное вниманіе академич., какъ на весьма цѣнный вкладъ въ русскую переводную литературу. III. Профессоръ А. Н. Гиляровъ. «Предсмертныя мысли XIX вѣка во Франціи». Почетный академикъ А. Θ. Конн въ своемъ отчетѣ объ этой книгѣ отдаетъ справедливость настойчивой и сложной работѣ автора, который умѣлъ заставить самыхъ разнородныхъ авторовъ служить своими положеніями и разсужденіями его самостоятельнымъ и вдумчивымъ выводамъ. Обширный трудъ, профессора Гилярова, обнимающій всѣ области проявленія челоуѣческаго духа, не лишень нѣкоторыхъ недостатковъ, но въ общемъ книга его представляется имѣющею весьма серьезное значеніе. IV. Полное собраніе сочиненій К. Головина («К. Орловскаго»). Томы I и II. (Сиб., 1902). Разборъ этихъ сочиненій исполненъ почетнымъ академикомъ К. К. Арсеньевымъ, по мнѣнію котораго К. Θ. Головинъ — занимательный, искусный разсказчикъ. Рѣчь его льется легко и свободно, бесѣды дѣйствующихъ лицъ ведутся оживленно; но подобно тому, какъ ни одна изъ созданныхъ имъ фигуръ не можетъ считаться художественнымъ образомъ, внѣшней формѣ его произведеній недостають своеобразности и силы. Описанія природы у него большею частью не оригинальны и не характерны. Недостаточно рефельны и рисуемые имъ портреты. Женскіе портреты не свободны отъ изысканности. V. «Владимиръ Каренинъ» (псевдонимъ). «Жоржъ Зандъ, ея жизнь и произведенія. 1804 — 1838». (Выпускъ I). Сиб. 1899 г. Разсмотрѣніе этого труда принялъ на себя профессоръ Н. А. Котляревскій. По его отзыву, трудъ В. Каренина единственная полная и научная біографія Ж. Зандъ; книга построена на строжайшемъ изученіи документовъ. Вся исторія внѣшнихъ фактовъ жизни великой писательницы возстановлена съ поразительной полнотой и при помощи строгаго отношенія ко всѣмъ источникамъ. Авторъ не ограничился жизнеописаніемъ одной Ж. Зандъ, онъ вывелъ ее на сцену со всей многочисленной толпой ея друзей и знакомыхъ. VI. Стихотворенія М. А. Лохвицкой (Жиберъ). Т. III. 1898—1900. Сиб. 1900 г. Рецензентъ этого труда почетный академикъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ отмѣтилъ выдающееся поэтическое дарованіе автора, необыкновенное изящество и яркость образовъ, чуткое пониманіе красоты природы, неподдѣльную

искренность чувства и наконецъ, за рѣдкими исключеніями, прекрасный по звучности и правильности стихъ. Это было вѣскольکو лѣтъ назадъ. Теперь же рецензентъ, внимательно ознакомившись съ содержаніемъ сборника, напелъ, что во многихъ мѣсахъ и въ особенности въ драматическихъ поэмкахъ почти сплошь звучитъ какая-то глубоко-фальшивая нота, какое-то болѣзненное неканіе не красоты, а красоты при отсутствіи простоты и непосредственности впечатлѣній. Пѣкоторыя поэмы растянуты и скучны; содержаніе ихъ туманно и болѣе чѣмъ фантастично: оно принадлежитъ къ области бреда, пересказывать и разбиратъ который, какъ кажется рецензенту, было бы совершенно излишне. VII. Лирическія стихотворенія Квинта Горація Флакка. Переводъ П. Ф. Порфирова. Изданіе 2-е., исправленное (Спб., 1902). Отѣнка этого труда произведена И. О. Анненскимъ, мнѣніе котораго сводится вкратцѣ къ тому, что переводчикъ, нынѣ уже покойный, вложилъ въ свой трудъ немало любви и знаній; языкъ его въ общемъ проще фетовскаго, и недочеты какъ бы подчеркиваютъ для насъ тяжелую сторону его столь мало благодарнаго труда. VIII. М. Гюйо. «Стихи философа». Переводъ И. Н. Тхоржевскаго. По отзыву почетнаго академика А. О. Кошц, переводчикъ ознакомилъ русскую публку съ достойною вниманія и весьма содержательной книгой, гармонически замыкающею въ поэтическомъ синтезѣ кругъ философскихъ трудовъ замѣчательнаго французскаго мыслителя. IX. Т. Щенкина-Куперникъ: 1) Мои стихи (1901) и 2) Изъ женскихъ писемъ. Стихотворенія. (Москва, изданіе Д. П. Ефимова). Рецензентъ, графъ А. А. Голешищевъ-Кутузовъ находитъ, что мы имѣемъ дѣло съ дарованіемъ, уже опредѣлившимся, о которомъ можно, стало быть, произнести окончательное сужденіе. Умная и тонкая наблюдательница жизни Щенкина-Куперникъ совершенно лишена того, трудно опредѣлимаго словами, но весьма опредѣленно ощущимаго свойства творчества, которое въ просторѣчій называется поэтичностью. Ея звучные, гладкіе и въ большинствѣ случаевъ довольно правильные стихи производятъ почти сплошь впечатлѣнія рѣмованной прозы, изобилующей при томъ иностранными словами и уменьшительными, что придаетъ имъ вѣскольکو фельетонный характеръ съ примѣсью сентиментальности. На основаніи этихъ отзывовъ коммисія не нашла возможнымъ присудить никому изъ соискателей полной Пушкинской преміи въ тысячу рублей и остановилась на присужденіи половинной преміи, въ 500 руб. каждая, двумъ лицамъ: 1) И. И. Вейнбергу и 2) И. Бунину. За назначеніемъ же всѣхъ денежныхъ премій коммисія особой баллотировкой нашла справедливымъ почтить присужденіемъ почетныхъ отзывовъ труды: А. Н. Гилярова, К. О. Головина («К. Орловскаго»), В. Каренина (псевдонимъ), г-жи М. А. Лохвицкой (Жиберъ), П. Ф. Порфирова, И. Н. Тхоржевскаго и г-жи Т. Л. Щенкиной-Куперникъ.

Памятникъ Александру II. Въ слободѣ Борисовѣ Курской губерніи открытъ 28-го сентября памятникъ императору Александру II. Монументъ сооруженъ крестьянами Борисовской волости въ ознаменованіе сорокалѣтія со дня уничтоженія крѣпостной зависимости. На высокомъ пьедесталѣ изъ темнаго гранита лабрадора утверждена бронзовая статуя императора въ ростъ. Государь въ порфирѣ, въ правой рукѣ его хартія манифеста со словами: «19-го февраля

1861 года». Всѣ стороны пьедестала памятника украшены надписями, изъ которыхъ сдѣланная на передней сторонѣ гласитъ: «Царю-освободителю, императору Александру II». Памятникъ исполненъ по рисунку академика Радкевича.

Къ сооруженію памятника В. Н. Каразину. Состоящій при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, столь много потрудившемуся для основанія и развитія Харьковскаго университета, въ виду приближающагося столѣтія университета, рѣшилъ принять дѣятельныя мѣры къ тому, чтобы сооруженіе памятника было окончено къ январю 1905 года. Съ этою цѣлью при содѣйствіи бывшаго ректора императорской академіи художествъ В. А. Беклемишева онъ вошелъ въ сношеніе съ художникомъ И. И. Андреолетти, который уже изготовилъ изъ глины эскизъ статуи В. Н. Каразина. Относительно пьедестала комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ академикомъ архитектуры А. Н. Бекетовымъ. Памятникъ рѣшено поставить въ университетскомъ саду, въ большомъ кругѣ, находящемся въ началѣ большой аллеи, противъ воротъ, выходящихъ на Сумскую улицу. Стоимость памятника исчисляется въ суммѣ свыше 20.000 рублей, между тѣмъ въ распоряженіи комитета имѣется въ настоящее время только 16.950 рублей. Въ виду того, что окончательное утвержденіе правительствомъ проекта памятника можетъ послѣдовать не ранѣе того, какъ будетъ указано, что въ распоряженіи комитета имѣются всѣ необходимыя для этой цѣли денежныя средства, комитетъ по сооруженію памятника В. Н. Каразину, основываясь на высочайшемъ разрѣшеніи отъ 11-го января 1875 года на открытіе повсемѣстной подписки на означенный памятникъ, считаетъ своимъ долгомъ обратиться ко всѣмъ, сохранившимъ добрыя чувства по отношенію къ Харьковскому университету и къ памяти В. Н. Каразина, съ покорнѣйшею просьбою оказать содѣйствіе своими пожертвованіями. Пожертвованія могутъ быть присылаемы ректору императорскаго Харьковскаго университета. Отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ будетъ своевременно опубликованъ.

Варшавскіе памятники. Варшава городъ богатый историческимъ прошедшимъ, но памятниковъ, которые свидѣтельствовали бы о былой славѣ народа или поставлены въ честь лицъ, выдающихся на поприщахъ государственной дѣятельности, науки или литературы, въ ней немного. Рѣчь Посполитая оставила Варшавѣ только два памятника: колонну короля Сигизмунда III на Замковой площади и конную статую короля Яна Собіесскаго на Лазенковскомъ мосту. Первая есть выраженіе сыновней любви короля Владислава IV къ своему отцу; вторая поставлена королемъ Станиславомъ-Августомъ Понятовскимъ освободителю Вѣны, съ цѣлью возбудить патріотическія чувства въ народѣ. Изъ эпохи русскаго владычества Варшава имѣетъ шесть памятниковъ, поставленныхъ въ промежутокъ времени мевѣе ста лѣтъ (1815 — 1903 гг.), а именно: памятникъ знаменитому астроному Николаю Коопернику (работы Торнвальдсена) на площадкѣ предъ 1-ю мужскою гимназіей, обелискъ на Зеленомъ плацу въ честь поляковъ, павшихъ завѣрность своему монарху въ 1830 году, статуя фельдмаршалу графу Паскевичу-Эриванскому, князю Варшавскому, на Краковскомъ предмѣстьѣ, и на той же улицѣ роскошный памятникъ извѣстному поэту и непримиримому врагу Россіи Адаму Мицкевичу. Сверхъ того, въ цита-

дели и предместномъ укрѣвленіи поставлены два обелиска: первый императору Александру I, а второй — герою войны 1831 года, полковнику Сливичкому. Въ то время, когда около памятника Мицкевича разведенъ прекрасный цвѣтникъ, поддерживаемый весьма старательно, уставленный рѣдкими декоративными растеніями, представляющій прелестный разноцвѣтный коверъ, памятники императора Александра I и Сливичкаго представляютъ собой образецъ равнодушнаго отношенія къ этимъ личностямъ, полной небрежности содержания и, однимъ словомъ, какъ говорилось въ старину, мерзость запустѣнія. Обелискъ императора Александра I стоитъ на какой-то пыльной площадкѣ, обнесенъ деревянными столбиками; бывшіе около обелиска дѣли, соединявшіе четыре тумбы, исчезли невѣдомо куда. Обелискъ полковника Сливичкаго стоитъ въ фортѣ того же названія, за Прагой, около казармъ, рядомъ съ отхожими мѣстами. Около него нѣсколько чахлахъ деревьевъ. На обелискѣ была надпись, кому и за какой именно подвигъ поставленъ памятникъ, — вынѣ все рѣшительно буквы выпали, остались въ доскѣ однѣ дыры. Въ казармахъ стоитъ варшавская вылазочная батарея; одному изъ вышедшихъ солдатиковъ предложили вопросъ, кому поставленъ памятникъ. Не могли знать, — отвѣтилъ онъ.

Памятникъ русскимъ воинамъ въ Эрзерумѣ. Въ 1878 году во время стоянки въ Эрзерумѣ среди офицеровъ отряда явилась мысль увѣковѣчить память пребыванія русскихъ войскъ въ этомъ городѣ, поставивъ въ мѣстной греческой церкви икону св. Георгія Побѣдоносца. Весьма быстро была собрана на это дѣло значительная сумма, кажется, 12.000 рублей. По желанію великаго князя главнокомандующаго, добавившаго къ собранной суммѣ изъ собственныхъ средствъ 5.000 рублей, взамѣнъ постановки иконы было рѣшено устроить, въ зависимости отъ имѣющихся средствъ, памятникъ. Поручикомъ 1-го Кавказскаго сапернаго батальона Янушемъ былъ составленъ проектъ памятника, и онъ же назначенъ его строителемъ. 15-го августа 1878 г. на городскомъ христіанскомъ кладбищѣ, востѣ армяно-грегоріанскаго собора, была совершена закладка этого памятника. Мѣсто для памятника было избрано въ углу ограды кладбища, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ были похоронены русскіе во время войны 1829 г., и гдѣ въ 1878 г. похоронены умершіе отъ тифа до 400 нашихъ офицеровъ, докторовъ и солдатъ (послѣднихъ очень немного). Послѣ торжественной закладки генералы Шереметевъ и Духовской обратились къ армянскому архіепископу съ просьбой принять будущій памятникъ-часовню подъ свое покровеніе. Во время той же стоянки русскихъ нижнихъ чиновъ, въ болшемъ числѣ умиравшихъ отъ тифа, хоронили за крѣпостною оградой впереди багніанскаго фронта Ковакъ. Въ виду того, что передъ крѣпостью никакихъ сооружений, могущихъ служить прикрытіемъ для атакующаго непріятели, не допускается, то на этомъ кладбищѣ былъ сложенъ памятникъ на подобіе двухсаженной гробницы, въ которую вдѣлана мраморная доска съ надписью: «Русскимъ воинамъ, павшамъ въ 1877 — 1878 годахъ», а надъ надписью влѣченъ небольшой крестъ. Производителемъ работъ былъ также поручикъ Янушъ, имъ же, насколько возможно было, установлены имена нижнихъ чиновъ, похороненныхъ на этомъ кладбищѣ. Затѣмъ по угламъ границы пло-

щадн кладбища были сложены на глубинѣ двухъ аршинъ до поверхности земли каменные столбы, предполагая впослѣдствіи по этимъ столбамъ точно опредѣлить мѣсто, гдѣ похоронены наши воины, съ тѣмъ, чтобы, по примѣру Севастополя, собравшаго всѣхъ своихъ защитниковъ въ одно братское кладбище, также впослѣдствіи перенести кости нашихъ воиновъ на христіанское кладбище, на которомъ находится памятникъ-часовня. Поручикъ Янушъ снялъ инструментально планъ этого кладбища, съ показаніемъ на немъ каменныхъ столбовъ по угламъ границъ и со всѣми имѣвшимися свѣдѣніями по этому кладбищу, и сдалъ его въ эрзерумское русское консульство. Что же касается до памятника, сооруженнаго на городскомъ христіанскомъ кладбищѣ, то онъ имѣетъ видъ часовни, стоящей на пьедесталѣ, сложеномъ изъ крѣпкаго тесаннаго песчаника высотой въ 2 аршина, двумя уступами, при чемъ верхняя площадка равна 16 кв. саж., сама же часовня сложена изъ очень красиваго розоваго гранита. Часовня перекрыта стрѣльчатымъ куполомъ, который покрытъ сверху желѣзомъ. Со всѣхъ четырехъ сторонъ часовни на парапетѣ сдѣланы накладными мѣдными буквами надписи: съ западной — «Упокой, Господи, души», съ южной — «Усопшихъ рабъ Твоихъ», съ восточной — «За вѣру, царя и отечество», съ сѣверной — «Животъ свой положившихъ». Мѣстнымъ художникомъ-грекомъ написанъ небольшой образъ св. великомученика Георгія Побѣдоносца, который и поставленъ внутри часовни, при чемъ живопись уступаетъ даже нашей суздальской, но на этотъ образъ тогда смотрѣли, какъ на временный, предполагалось впослѣдствіи его замѣнить выписаннымъ изъ Россіи, равно впослѣдствіи предполагалось: внутри часовни на трехъ ея стѣнахъ вдѣлать шесть мраморныхъ досокъ съ надписями фамлій павшихъ офицеровъ, производителя работъ и частей войскъ, люди которыхъ погибли, а на восточномъ фасадѣ предполагалось задѣлать въ приготовленной для этой цѣли нишѣ мраморную доску, на которой выбить военные орнаменты, а на верху Георгіевскій крестъ и надпись: «Русскимъ воинамъ, павшимъ въ 1877—1878 годахъ». Самыя подробныя лекала мраморныхъ досокъ оставлены производителемъ работъ въ консульствѣ. Равно тамъ же оставленъ и рисунокъ ограды участка, занятаго русскимъ кладбищемъ. 13-го октября памятникъ былъ уже готовъ и торжественно освященъ, при громадномъ стеченіи населенія Эрзерума; благодаря военному губернатору Мусъ-пашѣ (Кундухову), былъ значительный нарядъ отъ турецкихъ войскъ, прошедшихъ церемониальнымъ маршемъ. 13-го октября текущаго года мпнуло 25 лѣтъ, какъ памятникъ сооруженъ, и невольно напрашиваются вопросы: Въ порядкѣ ли памятникъ? Повѣшены ли мраморныя доски съ соответствующими надписями? Замѣненъ ли временной образъ св. Георгія Побѣдоносца другимъ художественной работы? Имѣется ли неугасимая лампада? Ограждено ли русское кладбище? Перенесены ли на городское кладбище кости русскихъ воиновъ, похороненныхъ въ крѣпости Ковакъ? Теперь время вспомнить про этотъ памятникъ, такъ какъ если нѣтъ средствъ по содержанію его въ порядкѣ, то, по всему вѣроятію, оставшіеся еще въ живыхъ участники турецкой войны въ Азіатской Турціи откликнутся на призывъ и соберутъ необходимую сумму на поддержаніе памятника.

Геральдическая выставка въ Митавѣ. Едва ли еще гдѣ въ Россіи мыслима была бы специальная геральдическая выставка. Единственное на всю Россію русское генеалогическое общество влечитъ болѣе чѣмъ скромное существованіе, имѣя около ста членовъ. Между тѣмъ такое же общество въ одной только Курляндской губерніи имѣетъ 225 членовъ и издаетъ ежегодно замѣчательныя въ своемъ родѣ труды. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ всякому бросается въ глаза благоговѣйное отношеніе къ семейному прошлому, къ семейнымъ преданіямъ, къ памяти предковъ. Большая часть мѣстныхъ дворянскихъ фамилій имѣютъ подробно разработанныя, зачастую многотомныя, исторіи своего рода (напримѣръ, Сталь фонъ-Гольстейнъ, Остенъ-Сакенъ, Розенъ, Будбергъ, Мантейфель, Стенбокъ, Вистромъ, Корфъ, Икскуль и другіе), которыя печатаются, конечно, не ради продажи. И эти исторіи—кряпикій цементъ для молодыхъ поколѣній съ прибалтійскою старинкою... При такихъ условіяхъ сравнительно не трудно было устроить здѣсь специальную выставку по исторіи родовъ. Въ каждой вотчинѣ, въ каждой дворянской и даже въ очень многихъ бюргерскихъ семьяхъ бережно сохраняется семейный архивъ и ведутся фамилійныя лѣтописи и хроникки, зачастую съ XVI и XVII вѣковъ. На выставкѣ можно видѣть эти древнѣйшія «Familien Chroniken», которыя своими поблекшими страницами отдаленныхъ эпохъ производятъ извѣстное впечатлѣніе даже на постороннихъ. Такъ какъ каждый зажиточный нѣмецкій домъ въ краѣ своего рода маленькій музей, гдѣ бережно хранится всякая фамилійная старина, то предметовъ на выставкѣ по этой части скорѣе избытокъ, чѣмъ недостатокъ. Если принять во вниманіе, что нѣтъ почти ни одной балтійской титулованной фамиліи, которая бы путемъ браковъ не состояла въ родствѣ съ русскими дворянскими родами, и что во внутреннихъ губерніяхъ есть цѣлыя вѣтви балтійскихъ фамилій (большей частью уже совершенно обрусѣвшія или же на пути къ тому), то нынѣшняя выставка представитъ интересъ и для болѣе широкихъ круговъ. Къ тому же балтійцы играли большую роль въ нашей исторіи (послѣ петровскаго времени), стоя зачастую на самыхъ высшихъ ступеняхъ. На выставкѣ множество предметовъ общекультурнаго интереса. Напримѣръ, альбомы, въ которые вписывались мысли, изреченія, стихи, бывшей въ томъ или иномъ домѣ. Такіе альбомы имѣются даже отъ 1630—1640 годовъ, очень много XVIII вѣка (немало и масонскихъ), въ роскошныхъ отдѣлкахъ. Затѣмъ стоить посмотреть и дворянскіе дипломы, изъ которыхъ древнѣйшій отъ 1515 года, выданный папой Клементіемъ Медичи Уйгернъ-Штернбергу; больше всего дипломовъ, выданныхъ императорами священной Римской имперіи (напримѣръ, Маріей-Терзійей барону Раупъ фонъ-Траубенбергу), затѣмъ прусскими, польскими, шведскими королями и, наконецъ, русскими государями (новѣйшій дипломъ, имѣющійся на выставкѣ, данный Александромъ II генералъ-адъютанту Коцебу, варшавскому генералъ-губернатору, при пожалованіи его въ графское достоинство; дипломъ въ формѣ книги съ пергаментными листами и висящей на шнурѣ въ капсюлѣ большой государственной печатью). Печатей вообще умопомрачительное множество; древнѣйшая отъ 1225 г.; между прочими останавливаютъ на себѣ вниманіе печати, снятыя съ высочайшихъ грамотъ 1801, 1827 и 1856 гг., которыми подтверждались императорами Але-

ксандромъ I, Николаемъ I и въ послѣдній уже разъ Александромъ II права и привилегіи курляндскаго дворянства (печати эти въ золотыхъ кашеюляхъ). Грамоты русскихъ государей касаются больше пожалованій имѣніями, грамоты иностранныхъ преимущественно пожалованій титулами (есть, напримѣръ, грамота императора Карла VI отъ 1738 г. о пожалованіи герцогу Эрнесту Югану Вирону титула «свѣтлѣйшаго»). Генеалогическія рукописи поражаютъ той массой труда, который въ нихъ вложенъ; цѣлые томы исписаны руками любителей этого рода изысканій, разукрашены заставками, виньетками и орнаментами, свидѣтельствующими во всякомъ случаѣ о томъ, что въ «доброе старое время» время было ни по чѣмъ. Собранныя на выставкѣ печатная генеалогическая литература, на нѣмецкомъ, конечно, языкѣ, громадна; есть нѣсколько и русскихъ изданій, появившихъ, повидимому, случайно, нѣмцы вообще не высокаго мнѣнія о русской генеалогической литературѣ. Драгоценности — бокалы, кубки, ларцы, вазы, канделябры, медальоны, табакерки и прочее — имѣютъ свое значеніе по тѣмъ надписямъ, которыя на нихъ наведены и которыя, главнымъ образомъ, касаются тѣхъ или иныхъ фамильныхъ событій; только случайно можно объяснить, что въ эту группу попалъ и кубокъ съ надписью: «7207 (=1699) года августа въ 12 симъ стаканомъ пожаловалъ великій государь благородный царевичъ и великій князь Алексѣй Петровичъ богомольца своего преосвященнаго Тихона, митрополита Казанскаго... мнрозданія...» (кубокъ этотъ принадлежитъ нынѣ свѣтлѣйшему князю А. П. Ливень). Большая часть предметовъ этого отдѣла имѣетъ фамильное значеніе, ими увѣковѣчивалась память о золотыхъ и брилліантовыхъ свадьбахъ и другихъ подобныхъ событіяхъ. Тѣмъ не менѣе предметы эти много говорятъ людямъ мѣстнымъ, особенно членамъ дворянства, которые въ своей средѣ живутъ очень дружно, составляя какъ бы одну обширную семью. Въ этомъ отдѣлѣ находится и порядочное количество медалей, вычеканенныхъ на разные семейныя событія, напримѣръ, на бракосочетаніе такого-то дворянина съ такой-то, на 60-лѣтній день рожденія, на 600-лѣтнее существованіе рода и т. д. Издѣлій изъ стекла, хрусталя, фарфора, глины, дерева — неописуемое множество. Отмѣтимъ фарфоровую чашку съ гербомъ Вирона и надписью: «Biron constant dans l'infortune», фарфоровый чайный сервизъ Вирона, сдѣланный въ Китаѣ и продававшійся вмѣстѣ съ другими вещами бироновскаго наслѣдія на аукціонѣ въ Берлинѣ въ 1892 г. (сервизъ купленъ гр. Кейзерлингомъ.) Особый отдѣлъ составляютъ богато расшитые знамена и штандарты съ гербами и девизами дворянскихъ родовъ, а также гобелены, изъ которыхъ одинъ 1547 года замѣчательной красоты. Характерны многочисленныя, все больше на гербовыя темы, рисунки, орнаменты и т. п. нѣмецкихъ дамъ, служащіяе отчасти показателями ихъ вкуса и занятій ихъ на досугѣ въ помѣщичьихъ замкахъ. Обширнымъ отдѣломъ *ex libris* (книжныхъ знаковъ) и факсимиле кончается выставка. Выставочный каталогъ — цѣлый томъ — составленъ съ большою любовью къ дѣлу и заключаетъ не только перечисленіе предметовъ, но и детальное описаніе ихъ.

С.-Петербургское археологическое общество. На состоявшемся 23-го октября засѣданіи Восточнаго отдѣленія, извѣстный знатокъ арабской лите-

ратуры проф. баронъ В. Р. Розень сдѣлалъ интересное сообщеніе «объ арабскомъ философѣ-поэтѣ Абу-л-ала—это любознательный типъ поэта-вольноподумца X—XI столѣтія, чловѣка высоко образованнаго для своего времени, филолога и философа-гуманиста. Одно изъ важнѣйшихъ его произведеній представляетъ ѣдкую, желчную и остроумную сатиру на арабскихъ ученыхъ. Какъ гуманистъ, Абу-л-ала—врагъ жестокаго обращенія съ рабами вообще. Бар. Розень обратилъ вниманіе слушателей на очень интересное мнѣніе арабскаго сатирика по весьма жизненнымъ до сихъ поръ вопросамъ, наиримѣръ, о вегетаріанствѣ. Затѣмъ собранію докладывалъ А. Д. Рудневъ объ изслѣдованіи, производящемся въ послѣднее время на границахъ Афганистана шведскимъ ориенталистомъ Рамstedтомъ нарѣчія племень монголовъ-аймаковъ.

Московское археологическое общество. Въ происходившемъ 7 октября засѣданіи императорскаго Московскаго археологическаго общества І. К. Ляндеманъ сообщилъ докладъ о раскопкахъ въ гор. Старицѣ въ Старомъ Городищѣ, прежде называвшемся Пустымъ Городищемъ. Окружность перваго раскопаннаго городища, съ трехъ сторонъ омываемаго рѣками Волгой и Старицей, а съ четвертой огравиченнаго насыпнымъ валомъ и ровомъ, глубиной въ $3\frac{1}{2}$ сажени, равняется 546 сажениамъ. Курганъ этотъ, таившій въ себѣ основаніе какого-то зданія, былъ пересѣченъ поперечнымъ тоннелемъ. Передъ копавшими послѣдовательно выступали слѣдующія его части: каналы, отдушины, полъ изъ бѣлаго и чернаго кирпича, 4 основанія круглыхъ колоннъ, украшенныхъ древнимъ орнаментомъ, каменная лѣстница по срединѣ сѣверной стороны съ тремя ступенями внизъ. Специально сдѣланный по заказу планъ показывалъ, что нижняя часть представляетъ прямоугольное зданіе съ примыкающими къ нему съ восточной стороны тремя полукруглыми выступами. Внутреннее стѣнное зданіе дѣлилось на двое. Одна часть прочно выложеннаго зданія представляла залу 15 арш. длины и 11 арш. 5 вершк. ширины; полъ выложенъ бѣлымъ и чернымъ кирпичемъ, имѣющимъ форму ромба. На внутренней полукруглой стѣнѣ былъ орнаментъ, написанный коричневою, желтою и черною красками. Часть стѣны покрыта славянскими и восточными надписями, трудно разбираемыми и вскорѣ начавшими блѣднѣть и отваливаться. Внутри зданія были найдены: 3 человѣческіе костяка (одинъ въ спящемъ положеніи) и до 14 человѣческихъ расколотыхъ и разбитыхъ череповъ, кости людей, животныхъ, птицъ, рыбъ, много большихъ кованыхъ гвоздей, желѣзная шпора, двузубая вилка, ножи и много другихъ полусохранившихся вещей. Одни полагаютъ, что зданіе это была церковь или соборъ, другіе, что оно представляло жилой домъ, или даже дворецъ. Въ разстояніи 10 арш. отъ сѣверной стороны перваго зданія, при раскопкахъ втораго холма, обнаружено основаніе другаго зданія, имѣющаго форму прямоугольника 11 арш. 12 вершк. длины и 11 арш. 9 вершк. ширины. На найденной каменной плитѣ съ украшеніями сдѣлана славянскою вязью надпись: Лѣта 7128 (1620) преставися раба Божія, инока схимница Таисія Б. Въ стѣнахъ зданія найдены: мѣдныя и желѣзные подсвѣчники, позолоченный дискъ съ изображеніемъ благословляющаго Іоанна Предтечи съ буквами: П. В. А. Н. А. Предтечи, подвѣсные мѣдныя кресты, нѣкоторые изъ нихъ хорошей работы, мѣдная дощечка съ изображе-

ніемъ Распятія и Жень Мироносиць и пр. II форма зданія, и характеръ всей совокупности найденныхъ предметовъ склоняють къ предположенію, что разрытое зданіе—церковь. Раскопки третьяго холма не доведены до конца и представляютъ небольшую часть обширнаго городища, несомнѣнно скрывающаго развалины цѣлой массы зданій, а также нижнія части городской стѣны и башенъ. Дальнѣйшее взденіе раскопокъ потребуеть большихъ средствъ. Изъ раскопанныхъ зданій, по своей загадочности, наибольшій интересъ возбуждаетъ первое; для опредѣленія характера его необходима дешифровка надписей, сдѣланныхъ, очевидно, на какомъ-то восточномъ языкѣ. Тверской архитекторъ армянинъ А. П. Саламбекъ призналъ въ этой надписи армянскія буквы съ примѣсю грузинскихъ. Особенную услугу по вопросу о первомъ зданіи оказалъ проф. П. А. Шлякинъ, которому удалось въ концѣ концовъ разобрать въ надписи на стѣнѣ слова: Государя Царя и Великаго Князя. Такимъ образомъ, Старое Городище было мѣстомъ, гдѣ жили князья Старицкіе и даже самъ Іоаннъ Грозный. Это мѣсто, очевидно, было обнесено валомъ и стѣной, за которою находились церкви и княжескія палаты. Старица имѣла, какъ извѣстно, своихъ князей, а позже въ ней имѣлъ нерѣдко пребываніе царь Іоаннъ Грозный, называвшій ее, по преданію, Любимъ-городъ. Имѣется извѣстіе, что по приказу царя здѣсь былъ выстроенъ соборъ, подлѣ котораго долженъ былъ находиться и дворець. Въ Смутное время Старица подверглась нашествію «тушинскаго вора», и, можетъ быть, этому времени слѣдуетъ приписать найденные въ остаткахъ жилого помѣщенія книжалъ и шпору о пяти остріяхъ. По отношенію армяно-грузинской надписи докладчикъ высказалъ предположеніе, что она могла быть сдѣлана въ то время, когда Грозный женился на черкасской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ и когда были довольно частыя сношенія съ Кавказомъ. Что касается собора, то извѣстно, что онъ за ветхостью былъ разобранъ въ 1802—1803 гг. и взамѣнъ его въ 100 саженахъ отъ него былъ построенъ нынѣшній соборъ, при возведеніи котораго воспользовались нѣкоторыми камнями прежняго. Отъ стараго собора сохранился рисунокъ, изъ котораго видно, что шатровыя главы его походили на прежнія главы Василія Блаженнаго, и что въ немъ предполагалось также девять придѣловъ, почему, а равно и на основаніи нѣкоторыхъ другихъ свидѣтельствъ, референтъ высказалъ предположеніе, что старицкій соборъ былъ построенъ по образцу Василія Блаженнаго и, можетъ быть, тѣми же строителями. Рефератъ сопровождался демонстраціей фотографій. Въ преніяхъ по докладу приняли участіе Ан. М. Васнецовъ, Х. П. Кучукъ-Іоаннессовъ, А. С. Хахановъ, В. Θ. Миллеръ и др. Было замѣчено, что нижняя часть старицкаго собора выказывала, судя по изображенію, ясныя слѣды романскаго стиля, тогда какъ въ деталяхъ собора Василія Блаженнаго видно подражаніе деревянному зодчеству; что такъ называемая армяно-грузинская надпись хотя и позволяетъ различить нѣкоторыя грузинскія и армянскія буквы, но изъ нихъ не получается связнаго смысла и нѣкоторыя изъ буквъ извращены, такъ что возможно предположить, что это — просто орнаментъ или подражаніе буквамъ; наконецъ, сомнительно, чтобы кабардинскіе князья того времени пользовались армянскимъ письмомъ. Затѣмъ въ томъ же засѣданіи, привать-доцентъ Ю. В. Готье и С. К. Бого-

являеяскій сообщили о произведенныхъ ими весной, лѣтомъ и осенью текущаго года археологическихъ раскопкахъ въ Московскои губернии, въ виду предполагаемаго въ непродолжительномъ времени изданiя первой археологической карты всей Московскои губернии. С. К. Богоявленскимъ были произведены раскопки въ разныхъ мѣстностяхъ Богородскаго уѣзда. Осмотрѣнные близъ селенiя Савино, въ разстоянiи около 1 $\frac{1}{2}$ вер. отъ рѣчки Черновки, 40 кургановъ, расположенныхъ противъ фабричныхъ казармъ, въ мелкомъ лѣсу, можно раздѣлить на двѣ группы. Въ первой группѣ раскопано три кургана. Въ первомъ курганѣ, въ глубинѣ 25 сант. ниже поверхности земли, былъ найденъ женскiй скелетъ, головой на востокъ, съ руками, сложенными у таза; подъ головой—дубовая доска, вокругъ скелета — слѣды матерiи; на груди и около головы бусы и тонкiя кольца; на правой рукѣ браслетъ и 4 кольца. Во второмъ курганѣ также найденъ, повидимому, женскiй скелетъ, весь покрытый матерiей; правая рука вытянута; лѣвая на груди — на ней браслетъ и два кольца. Поверхность почвы третьяго разрытаго кургана была обильно покрыта углемъ. На глубинѣ 1 метра найденъ костякъ съ головой, обращенной на сѣверо-востокъ; на лѣвой рукѣ костяка браслетъ. Во второй группѣ былъ разрытъ наибольшiй по объему курганъ, 20-ти шаговъ въ окружности, въ которомъ найдены 2 женскiе костяка съ черепами, обращенными на юго-востокъ; у одного скелета руки на груди; на правой рукѣ браслетъ и два кольца, на лѣвой тоже два кольца и одно бронзовое кольцо у лѣваго колѣна; надъ вторымъ скелетомъ оказались расположенныя въ беспорядкѣ черепки; подъ ногами куча небольшихъ камней. Болѣе цѣнныя въ археологическомъ отношенiи находки обнаружены были въ расположенныхъ среди поля 8 курганахъ, на разстоянiи полудверсты отъ села Бисерово, изъ которыхъ раскопано 5; а также въ 4 раскопкахъ изъ числа 30, находящихсѧ у воротъ фабрики, близъ дер. Блошино. Въ этихъ курганахъ, кромѣ предметовъ, аналогичныхъ съ предыдущими, найдены: бронзовыя кольца, сердоликовыя бусы съ бронзовыми спиральми, цѣпочки съ привѣсами и одна съ желѣзнымъ ножомъ, пряжки съ продѣтыми бронзовыми бусами, бронзовыя гривны, ложки и скобы, желѣзные ножи, бусы и бубенчики, а въ особенности много разнообразныхъ колець. Кромѣ того, были осмотрѣны въ Московскомъ уѣздѣ: 45 кургановъ близъ селенiя Руднево, до 50 кургановъ въ окрестностяхъ села Никольскаго, 7 кургановъ въ дер. Русавиняѣ, 5 кургановъ близъ Поповщины, 8 близъ дер. Новой и въ другихъ мѣстностяхъ. Раскопки будутъ продолжены. Приватъ-доцентомъ Ю. В. Готье были произведены раскопки древнихъ стоянокъ близъ с. Щукпина, на высокомъ откосѣ Москвы-рѣчки, гдѣ, по мнѣнiю И. Забѣлина, основались первыя поселенiя г. Москвы. По собраннымъ свѣдѣнiямъ, мѣстность эта въ настоящее время служитъ уже болѣе 40 лѣтъ пастбищемъ для скота. Мѣсто стоянки было ранѣе покрыто густою травой; съ каждымъ годомъ площадь песковъ увеличивается; внизу подъ откосомъ встрѣчались монетныя находки, но произведенныя во время экскурси развѣдки по всей площади песковъ не дали ожидаемыхъ результатовъ, хотя и были найдены ножи и стрѣлы неолитической эпохи. Доисторическая стоянка находилась на мысу, образуемомъ теченiемъ рѣчки Москвы и большимъ оврагомъ. Въ про-

изведенной прилизительно посредняѣ стоянки траншеѣ были найдены 2 ко- стьяка, одинъ въ полуразрушенномъ, другой въ цѣломъ видѣ. Облѣдование лѣваго берега р. Протвы къ югу отъ рѣки Вереи до границъ Московской губернии, теченіе рѣчки Истлы въ предѣлахъ Московской губернии, убѣдили въ отсутствіи кургановъ въ этой мѣстности. Раскопки въ селѣ Ордынцахъ, Подольскаго уѣзда, въ имѣніи М. С. Саарбекова, дали болѣе утѣшительные результаты. Найденъ былъ могильникъ, расположенный въ 4-хъ грушахъ, по склонамъ рѣки Пахры, содержащій отъ 55 до 60 кургановъ. Раскопаны были 2 кургана изъ числа среднихъ по размѣрамъ. Въ первомъ курганѣ на глубинѣ около 2 арш. въ глинистой почвѣ, очень твердой, найденъ былъ ко- стьякъ въ вытянутомъ положеніи, у лѣвой ноги—глиняный горшокъ, на пра- вой рукѣ витой, грубой работы, перстень. Очевидно, что это было бѣдное муж- ское погребеніе. 22 июня, на склонѣ лѣваго берега рѣки Учи былъ изслѣдо- ванъ могильникъ, состоящій изъ 20—25 кургановъ. Для пробной раскопки былъ избранъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ кургановъ, діаметромъ въ 4 са- жени. На глубинѣ $2\frac{3}{4}$ арш. обнаружено погребеніе; костьякъ былъ положенъ въ деревянную колоду и весь обшитъ берестой. Подъ превосходно сохранив- шейся берестой найденъ костьякъ, повидимому, молодой женщины, съ че- тырьмя плохо сохранившимися 7 лопастными привѣсками, витой браслетъ и круглый порстень; близъ руки на остаткахъ ремня 4 колечка. На черепѣ со- хранились остатки черныхъ волосъ.

Въ засѣданіи было также демонстрированы предметы (сосуды, монеты и др.), присланные епископомъ Месропомъ изъ Эривани и добытые близъ с. Кана- кера и древняго укрѣпленія Кизиль-кола.

Археологическія находки. I. Производившіяся въ теченіе нынѣшняго лѣта подъ руководствомъ члена императорской археологической комиссіи В. В. Фар- маковского раскопки на мѣстѣ древняго греческаго города Ольвіи (близъ ны- нѣшняго с. Парутина, Одесскаго уѣзда) въ настоящее время закончены. Рас- копки дали весьма интересные результаты. Изъ описанія мѣстныхъ газетъ видно, что есть основаніе предполагать, что раскопки Ольвіи дадутъ болѣе цѣльную картину античной жизни, чѣмъ въ Херсонесѣ: здѣсь древній городъ открывается намъ въ различныя эпохи его существованія,—видны улицы Оль- віи, общественныя зданія, могильныя сооруженія и т. д. Наиболѣе древнія со- оруженія восходятъ къ VI вѣку до Р. X.; выше идутъ сооруженія V—IV вв. съ хорошей кладкой изъ прямоугольныхъ камней; затѣмъ слѣдуютъ постройки IV—III вв., уступающія по технику болѣе древнимъ сооруженіямъ и, наконецъ, встрѣчаются остатки большихъ зданій, относящихся къ эпохѣ II и I вв., когда Ольвія была разрушена, какъ предполагаютъ, готами. Городъ былъ опоясанъ грандіозной стѣной изъ массовыхъ плитъ позднѣйшей римской эпохи. Среди раскопанныхъ развалинъ найдено много цѣнныхъ археологическихкихъ предме- товъ—оломки вазъ, амфоръ, орнаментовъ,—найлены надписи и т. д. При раскопкѣ открытаго въ Ольвіи погребальнаго склена онъ оказался уже раз- грабленнымъ. II. Подъ Кіевомъ въ толщѣ Батшевыхъ горъ во время земляныхъ работъ наткнулись на слѣды первобытнаго человѣка. При первыхъ извѣстіяхъ о находкѣ мѣсто было изслѣдовано хранителемъ киевскаго музея В. В. Хвойко

и археологомъ С. А. Мазараки. Ими найдено небольшое пространство, занятое костями мамонта и частями дерева, обугленного огнемъ. Въ общемъ несомнѣнна была наличность стоянки первобытнаго человѣка, относящейся къ палеолитической эпохѣ. Къ сожалѣнію, пропзвести систематическое изслѣдованіе стоянки было невозможно, такъ какъ она находилась на большой высотѣ, на очень крутомъ откосѣ горы. III. На-дняхъ въ Конгѣ, Перновскаго уѣзда, нѣкоторыми мѣстными крестьянами былъ открытъ, по словамъ «Прибалтійскаго Края», въ горѣ кладъ, состоявшій изъ большого количества старыхъ серебряныхъ монетъ. Крестьяне не придали находкѣ никакого значенія и продали ихъ за цѣну стараго серебра. Такъ, одинъ изъ крестьянъ продалъ одному перновскому золотыхъ дѣлъ мастеру за 20 рублей цѣлую кучу вышеозначенныхъ монетъ. На одной сторонѣ этихъ монетъ находится арабская подпись, а на другой — различныя фигуры и изображенія. Полагаютъ, что монеты были въ употребленіи въ Испаніи или Сициліи во время владычества могущественныхъ калифовъ. Въ наши страны попали монеты, вѣроятно, въ то время, когда сѣверныя страны торговали съ Востокомъ, и торговля совершалась черезъ Константинополь. Такъ какъ означенныя монеты чеканены между 698 — 1010 годами послѣ Р. Х., то онѣ представляютъ для археологическихъ музеевъ весьма большой интересъ. IV. Общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ купило 773 серебряныя монеты за ничтожную сумму въ размѣрѣ 56 р. 34 коп. Монеты эти найдены 25-го сентября въ селѣ Болгарахъ-Успенскомъ, Спасскаго уѣзда, Казанской губерніи, крестьяниномъ этого села Кувшиновымъ, который, увидавъ на поверхности земли нѣсколько монетъ, сталъ рыть тутъ и на глубинѣ не болѣе 4 — 5 вершковъ нашелъ цѣлую кучу безъ посуды. Монеты эти оказались всѣ безъ исключенія чеканенными ханами Золотой орды въ теченіе первыхъ трехъ четвертей XIV вѣка, именно: монетъ хана Келдибека 2, Тохтогу 4, Кулна 34, Хизра 46, Наурузбека 23, Узбека 108, Бердибека 111 и Джанибека 444. Самыя древнія — монеты Тохтогу хана и самыя новыя — Келдибека; лучшаго и болѣе разнообразнаго чекана монеты Узбека, Джанибека и Бердибека. Монеты Тохтогу и Джанибека встрѣчаются съ именами хановъ, писанными не только по-арабски, но и по-монгольски. V. Надъ далекимъ прошлымъ Новороссійска, по словамъ «Черноморскаго Побережья», поднимается завѣса. Въ 1898 году въ имѣніи «Широкая Балка» И. П. Кулешевича, при планировкѣ вершины холма, рабочими землекопами были обнаружены остатки каменной постройки, совершенно засыпанныя слоемъ мягкой почвы, при очисткѣ земли вокругъ рѣинъ была найдена прекрасной работы бронзовая статуэтка-бюстъ на мѣдной круглой подставкѣ. Статуэтка довольно крупной величины (вершковъ 6—7 вышины), изображаетъ голову весьма тонкой, изящной работы, въ фригійскомъ колпакѣ, на которомъ вкраплены серебряныя звѣздочки. находка эта была переслана въ Петербургъ въ археологическую комиссію, которая, признавъ въ статуэткѣ портретъ кого либо изъ древнегреческихъ дѣятелей и отнеся ее къ I вѣку до Р. Х., приобрѣла для Императорскаго Эрмитажа за сумму, которая была заявлена ея владѣльцемъ — 500 р. На-дняхъ въ окрестностяхъ Новороссійска, близъ Цемесскаго болота,

рабочимъ Новиковымъ, производившимъ земляную работу, на глубинѣ 5—6 аршинъ, была отконана вновь археологическая находка: прекрасной работы чистаго золота браслетъ. Къ сожалѣнію, кирка рабочаго произвела нѣкоторую порчу браслета, но не настолько грубую, чтобы не было возможности его описать. Браслетъ состоитъ изъ двухъ равныхъ частей-цѣпочекъ, плетенныхъ изъ золотыхъ проволокъ, совершенно свободно принимающихъ любую форму; каждый ковецъ этихъ цѣпочекъ вдѣланъ въ золотыя же изображенія собачьихъ головокъ, глаза которыхъ изображаютъ вкрашенные въ золото синіе камешки; изъ рта собачьихъ (или львиныхъ) головокъ выходятъ золотыя петли. Между обѣими цѣпочками на петляхъ подвѣшанъ съ одной стороны—крупный золотой медальонъ изящной работы, дугаго золота, съ изображеніемъ въ родѣ «головы Медузы», а съ другой—второй медальонъ, въ полтора раза крупнѣе перваго, состоящій изъ золотого фигурнаго ободка, въ который вдѣланъ крупный, коричневаго цвѣта, полупрозрачный камень съ вырѣзаннымъ на немъ изображеніемъ женской фигуры во весь ростъ, въ греческой тогѣ, державшей въ рукахъ стрѣлу и лукъ (вѣроятно, Діана). Кромѣ браслета, найдены другія мелкія вещи: мѣдное изображеніе виноградной кисти, очевидно—серьги; мѣдъ совершенно окислась и обратилась въ купоросъ, маленькая статуэтка, изображающая женщину, прислонившуюся къ стѣнѣ или колоннѣ—тоже мѣдная, шпилька бронзовая, совершенно напоминающая современную англійскую, наковецъ, крупное кольцо бѣлаго металла изъ круглой проволоки. Новиковъ съ его находкой направлень къ губернатору.

Общество любителей россійской словесности. 11-го октября, въ новомъ зданіи университета происходило засѣданіе общества подъ предѣтельствомъ профессора А. Н. Веселовскаго. Предѣдатель открылъ засѣданіе рѣчью, посвященною памяти скончавшагося временнаго предѣдателя общества, профессора А. И. Кириичникова, указавъ на его научныя заслуги и въ частности на его труды на пользу общества любителей россійской словесности. Собраніе почтило память почившаго вставаніемъ. Затѣмъ было приступлено къ выбору временнаго предѣдателя общества, и на эту должность выбранъ закрытою баллотировкой единогласно дѣйствительный членъ общества А. И. Чеховъ. Избраніе это было встрѣчено выраженіемъ общаго сочувствія, причемъ было высказано, что общество желаетъ видѣть А. И. Чехова въ составѣ своего бюро не только въ воздаяніе заслуженной чести его литературной дѣятельности, но и для того, чтобы въ его лицѣ укрѣпить свои связи съ художественною литературой; общество желаетъ, чтобы во главѣ его стоялъ рядомъ съ заслуженнымъ представителемъ научной словесности и знаменитый художникъ слова. За отказомъ Д. Д. Языкова отъ должности секретаря общества и за отказомъ временнаго секретаря В. В. Шенрока баллотироваться въ секретари, секретаремъ общества былъ избранъ В. В. Калашъ (большинствомъ противъ одного голоса). Въ концѣ засѣданія были избраны въ дѣйствительные члены общества профессоръ К. А. Тимирязевъ (единогласно) и П. Е. Щеголевъ.

Библиологическое общество. 25-го октября, В. Ф. Бодячовскимъ былъ прочитанъ вызванный обжиданный объѣмъ мыслей докладъ, посвященный

графу А. К. Толстому. Докладчикъ указалъ, что, вопреки сложившемуся мнѣнію, графъ А. К. Толстой является не только драматургомъ, но и поэтомъ-художникомъ; правда, поэтотъ второсепеннымъ и, если можно такъ выразиться, поэтотъ въ душѣ; онъ не могъ въ правильно построенныхъ стихахъ выразить все то, что онъ чувствовалъ. «Онъ, — говоритъ докладчикъ, — искалъ неясныхъ звуковъ, чувствовалъ въ природѣ и жизни наличность тончайшихъ элементовъ» и т. д... Графъ Толстой любитъ все фантастическое: это видно изъ его болѣе раннихъ литературныхъ произведеній, какъ, на примѣръ: «Упырь», «Князь Серебряный» и другіе, въ которыхъ мы встрѣчаемъ много фантастическаго элемента. Кромѣ того, онъ былъ писатель съ твердо установленнымъ міросозерцаніемъ и вѣрилъ въ великое воспитательное значеніе искусства. Закончилось собраніе краткимъ рефератомъ С. А. Венгерова объ указателѣ извѣстнаго англійскаго журналиста Стэда. Въ указателѣ названо около 200 журналовъ, и онъ заслуживаетъ, по мнѣнію референта, большого одобренія, представляя собой стройную систематизацію всѣхъ отраслей знанія. Главное его достоинство по отношенію къ намъ, русскимъ, заключается въ томъ, что въ немъ много мѣста отведено статьямъ о Россіи и ея общественныхъ и литературныхъ дѣятеляхъ. Послѣ прочтенія этого реферата председателемъ общества г. Лященко было заявлено, что въ Библиологическомъ обществѣ заведено уже справочное библиологическое бюро, но, къ сожалѣнію, недостатокъ средствъ не позволяетъ довести это дѣло до конца и поставить его на должную высоту.

Библиотека Кудрявцева. Въ библиотеку императорскаго Московскаго университета поступило весьма цѣнное пожертвованіе отъ Н. и П. Копосовыхъ: собраніе книгъ, рукописей и предметовъ бывшаго профессора всеобщей исторіи при Московскомъ университетѣ Петра Николаевича Кудрявцева. Собраніе это состоитъ изъ 349 томовъ книгъ, портретовъ, рукописей, мраморнаго барельефа и матеріаловъ для біографіи почившаго профессора въ количествѣ 33 номеровъ. Мраморный барельефъ работы художника Рамазанова представляетъ точный портретъ покойнаго профессора П. Н. Кудрявцева. Въ 1879 году барельефъ этотъ былъ выбитъ неизвѣстными лицами изъ надгробнаго памятника на могилѣ П. Н. Кудрявцева, на Даниловскомъ кладбищѣ, сооруженнаго на средства, собранныя по добровольной подпискѣ между профессорами и студентами Московскаго университета. Выбитый барельефъ былъ найденъ лежащимъ близъ могилы; края его были попорчены. Среди пожертвованныхъ предметовъ, кромѣ того, находятся 3 портрета Кудрявцева: одинъ — дагерротипный, снятый во время первой его поѣздки за границу въ 1845 году, второй портретъ, рисованный карандашемъ послѣ его смерти художникомъ Ширевичемъ по нѣсколькимъ сохранившимся портретамъ покойнаго, и третій портретъ, рисованный художникомъ Удаловымъ на второй день послѣ смерти профессора. Въ коллекціи сохранились также 2 тетрадки дневника, веденнаго Петромъ Николаевичемъ въ бытность его въ Московской духовной семинаріи въ 1830 и 1831 годахъ; дневникъ путешествія за границей въ 1845 и 1846 годахъ, лекціи его въ количествѣ 7 книжекъ, аттестатъ, выданный «кандидату Петру Кудрявцеву» 9 августа 1840 года, свидѣтельство ректора Берлинскаго университета о слушаніи имъ

лекцій нѣсколькихъ профессоровъ, диссертация на степень магистра всеобщей исторіи: «Панство и имперія», представленная имъ въ факультетъ и взятая авторомъ обратно по требованію, заявленному деканомъ С. П. Шевыревымъ, для того, чтобы сдѣлать въ ней нѣкоторыя измѣненія (Шевыревъ находилъ въ ней слишкомъ большое сочувствіе автора панству и католицизму). Затѣмъ программы курсовъ по древней, средней и новой исторіи, читанныхъ въ Московскомъ университетѣ, вступительная лекція по новой исторіи, курсы лекцій по эпохѣ реформаціи и много другихъ, не менѣе интересныхъ источниковъ.

Географическое общество. I. Въ общемъ собраніи 22-го октября извѣстный путешественникъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло сдѣлалъ сообщеніе о своемъ путешествіи въ Западную Монголію лѣтомъ 1903 г., предпринятомъ имъ по порученію С. Ю. Витте, для изученія политико-экономическаго положенія края. Экспедиція, состоявшая изъ 10 человекъ, во главѣ которой былъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, двинулась изъ города Зайсана, прошла по Сѣверной Чжунгаріи, черезъ Черный Иртышъ, переваль Урмачайгы, озеро Таинъ-коль, черезъ р. Кобдо, страну урянхайцевъ, переваль Чайчалъ до Чуи, гдѣ и былъ расформированъ караванъ. На всемъ этомъ протяженіи была сдѣлана картографическая съемка и собраны разнообразныя геологическія и ботаническія коллекціи, а также сдѣлано множество фотографій. Большимъ зломъ для путешественниковъ являлись тучи комаровъ, окружавшихъ ихъ даже въ морозныя ночи (морозъ доходилъ до 8 градусовъ). Перевалы, особенно Чайчалъ (11 футовъ), всѣ трудно проходимы; интересенъ переваль Урмачайты по строенію почвы его подошвы, состоящей изъ валуновъ, гравита, что объясняется, вѣроятно, существованіемъ здѣсь когда-то ледника. Однимъ изъ самыхъ оживленныхъ центровъ является городъ Кобдо. Въ немъ докладчикъ замѣтилъ русскіе флаги водруженными, какъ оказалось, на русскихъ шерстемойныхъ русскихъ кунцовъ — Кузнецова, Кузьмина и др. Самъ Кобдо и торговая свобода Маймачинъ отличаются необыкновенной чистотой. За послѣднее время въ Кобдо стала процвѣтать торговля кашгарскихъ сартовъ въ ущербъ китайской. Большой интересъ представляетъ земля урянхайцевъ, давно привлекающая русскихъ поселенцевъ (образовавшихъ до 22 запомокъ) по рѣкѣ Кемчикъ; русскими разрабатываются здѣсь золотые прииски, на которыхъ работаютъ до 200 русскихъ рабочихъ. Сами урянхайцы не имѣютъ вполнѣ установившагося типа: онъ похожъ на монгольскій, хотя встрѣчается при томъ прямо противоположный типъ съ рѣзко очерченнымъ профилемъ и орлинымъ носомъ. Очевидно урянхайцы потомки различныхъ этническихъ группъ. Докладчикъ на своемъ пути имѣлъ нѣсколько интересныхъ встрѣчъ — съ далай-ламою дорбетовъ, важнымъ сановникомъ, сносящимся непосредственно съ Цекповомъ, Цинъ-Ваномъ, княземъ дорбетовъ, и гиченомъ, который удивилъ докладчика, приславъ ему свою визитную карточку, отпечатанную ему, какъ оказывается, въ городѣ Читѣ, который гиченъ носѣтилъ, и о которомъ отзывался до сихъ поръ восторженно, какъ о наилучшемъ городѣ, какой онъ только можетъ себѣ представить. **II.** Въ засѣданіи отдѣленія этнографіи 24-го октября профессоръ А. С. Будиловичъ сдѣлалъ докладъ: «Къ вопросу о закарпатскомъ рубежѣ Русской земли». Разграниченіе

угро-словенскихъ и угро-русскихъ племенъ остается доннѣ вопросомъ крайне спорнымъ. За послѣднее время на эту тему вышли сочиненія двухъ ученыхъ: чешскаго этнолога Нидерле и славянскаго языковѣда Цамбеля. Выводы этихъ ученыхъ стоятъ въ полномъ противрѣчїи другъ къ другу. По заключенію Нидерле, словакамъ принадлежать не только всѣ древне-словенскіе столицы, но и большая часть русскихъ, а для угро-русскаго населенія отводится всего три столицы. Совсѣмъ въ другомъ видѣ является закарпатскій рубежъ у Цамбеля: словаки, по его мнѣнію, въ періодъ Моравскаго государства жили гораздо западнѣе, вся же область рѣкъ, впадающихъ въ Тиссу, была населена русскими, и въ основѣ восточно-словенскихъ говоровъ лежатъ говоры русскіе. Въ настоящее время многіе закарпатскіе русскіе ломаютъ свой языкъ и скрываютъ свой русскій говоръ въ виду стремленія къ ихъ религіозному обращенію. Источникомъ разногласія вышеуказанныхъ трудовъ является ошибка, въ которую попалъ Нидерле, отрѣшившись въ своей работѣ отъ историческаго метода и основавъ свои выводы на мадыарской статистикѣ, а именно на переписи 1900 г. современной Угрии. Переписи населенія вообще не всегда даютъ надежный матеріалъ для рѣшенія вопросовъ этнологіи, перепись же Угрии особенно неблагоприятна въ этомъ отношеніи, такъ какъ она составлялась крайне тенденціозно. На самомъ дѣлѣ мадыаризація совершалась не съ такой уже быстротой, какъ показываетъ это статистика, живо погребаящая несимпатичные ей элементы цѣлыхъ сотенъ областей. Окончательное разрѣшеніе вопроса о закарпатскомъ рубежѣ Русской земли преждевременно, но позволительно думать, что область по Тиссѣ и Водару была русская, что современные сишианцы, шалинцы и землянцы несомнѣнно русскіе. С. Кобелярово, лежащее далеко за этой границей, гдѣ родился Шафарикъ, было русское, и въ дни его рожденія тамъ говорили по-русски. Ословенчиваніе русскихъ угровъ надо признать фактомъ, причемъ рядомъ съ этимъ ословенчиваніемъ идетъ вырожденіе населенія въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Нашъ прямой долгъ не отворачиваться отъ этихъ ословенченныхъ русскихъ; мы должны обратиться со словомъ ободренія къ этимъ нашимъ братьямъ, населяющимъ западные бастионы русской земли. Это слово ободренія должно идти по пути широкаго этнографическаго изученія Угорской Руси. Для окончательнаго разрѣшенія вопроса о предѣлахъ области Закарпатской Руси должна быть составлена специальная экспедиція, и желательно, чтобы инициативу ея организаціи взяло на себя этнографическое отдѣленіе географическаго общества. По окончаніи доклада была избрана коммиссія въ составѣ профессоровъ: Ламанскаго, Будиловича, Грота, Кулаковскаго, для разработки вопроса о способѣ изученія и изслѣдованія даннаго вопроса.

Годичное засѣданіе общества любителей естествознанія. 15-го октября, въ 8 часовъ вечера, въ Большой залѣ Политехническаго музея состоялось годичное собраніе членовъ общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, подъ предѣлательствомъ президента профессора Д. Н. Анучина. Секретарь В. С. Елизатьевскій прочиталъ годовой отчетъ о дѣятельности общества, его отдѣловъ, отдѣленій и коммиссій. Общество понесло въ отчетномъ 40 мѣ году своего существованія потери въ лицѣ скончавшихся членовъ: академика М. С. Воронина, заслуженнаго профессора Московскаго университета

Н. В. Бугаева и заслуженнаго профессора А. П. Кириичникова. Общество имѣло въ истекшемъ году 7 засѣданій совѣта, 4 закрытыхъ засѣданія и 7 публичныхъ, изъ которыхъ одно по случаю 100-лѣтїа со дня рожденія перваго президента общества Г. Е. Щуровскаго и другія соединенныя съ отдѣленіемъ физическихъ наукъ и постоянной комиссіей прикладной физики по случаю 30-тилѣтїа дѣятельности этой комисіи. Средства общества въ истекшемъ году составились: изъ субсидій министерства народнаго просвѣщенія въ 5,000 рублей; субсидія того же министерства на издаііе журналовъ «Землевѣдѣніе» 500 рублей, «Этнографическое Обзорѣніе» 400 рублей и «Русскаго Антропологическаго Журнала» 400 рублей. Кромѣ того, черезъ ректора Московскаго университета была получена отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, сумма въ 750 р., проценты съ которой должны птти на вспоможеніе молодымъ ученымъ при печатаніи ихъ трудовъ. Въ минувшемъ году обществомъ изданы 4-й выпускъ 98-го тома, 100-й томъ, 2-й выпускъ 102 го тома и 104-й томъ «Извѣстій». Изъ премій, подлежащихъ присужденію въ отчетномъ году, осталась неприсужденной одна премія и медаль А. П. Разціѣтова. Такимъ образомъ въ будущемъ году предстоитъ присужденіе: преміи имени его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича по антропологии, двѣ преміи и двѣ золотыхъ медали имени А. П. Разціѣтова по антропологии и премія имени В. П. Мошнина по физикѣ. Антропологическій отдѣлъ имѣлъ въ отчетномъ году 10 закрытыхъ засѣданій, на которыхъ сдѣлано 27 сообщеній, а этнографическій отдѣлъ 9 засѣданій, два публичныхъ и семь закрытыхъ. Состоящая при этнографическомъ отдѣлѣ музыкальная этнографическая комиссія имѣла восемь засѣданій, изъ нихъ одно было посвящено памяти Ю. Н. Мельгунова по случаю 10-тилѣтїа со дня его кончины. Для разсмотрѣнія бумагъ оставшихся послѣ Ю. Н. Мельгунова, и для составленія школьнаго сборника народныхъ пѣсенъ были образованы двѣ подкомисіи. Этотъ школьный сборникъ уже приготовленъ къ печати; готовъ къ печати и «Учебникъ ритмики» Ю. Н. Мельгунова, издаваемый комиссіей на средства П. Д. Самарина подъ редакціей академика Ѳ. Е. Корша. Отдѣлъ физическихъ наукъ имѣлъ семь засѣданій, на которыхъ прочитано 16 сообщеній. Отдѣленіе издало второй выпускъ XI тома своихъ «Трудовъ» и оканчиваетъ печатаніемъ I-й выпускъ XII тома. Отдѣленіе зоологій имѣло пять засѣданій съ 13-ю сообщеніями и издало IV выпускъ «Дневника». Состоящая при отдѣленіи комиссія для изслѣдованія фауны Московской губерніи имѣла восемь засѣданій съ 11-ю сообщеніями. Организованная комиссіей экспедиція для изслѣдованія фауны Оки и ея побережья, подъ руководствомъ Г. А. Кожевникова, изслѣдовала въ гидробиологическомъ отношеніи рѣку Оку отъ станціи Ока Московско-курской желѣзной дороги (близъ Серпухова) до станціи Щурово Казанской желѣзной дороги (близъ Коломны). Ботаническое отдѣленіе имѣло два засѣданія съ шестью сообщеніями; отдѣленіе химіи—9 засѣданій съ 23-мя сообщеніями; отдѣленіе географіи—четыре засѣданія съ 5 сообщеніями; отдѣленіемъ издавался журналъ «Землевѣдѣніе». Дѣятельность состоящей при отдѣленіи топографической комисіи выразилась въ изданіи двухъ выпусковъ ея «Трудовъ» и 5-ти общихъ собраній съ 8-ю докладами. Отдѣленіе физиологій

имѣло 8 засѣданій, на которыхъ сдѣлано 16 сообщеній, а отдѣленіе бактеріологій—6 очередныхъ засѣданій съ 22-мя докладами. Въ музей прикладныхъ знаній въ теченіе года было 13.7763 посѣтителя. Въ физическій отдѣлъ музея постушило чрезъ товарища директора этого отдѣла В. А. Богданова крупное пожертвованіе отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ, различныхъ физическихъ инструментовъ на сумму болѣе 3.500 рублей. Воскресныхъ объясненій коллекцій музея было 55; посѣщеніе музея воспитанниками различныхъ школъ было 136 съ общимъ числомъ учащихся въ 4.191 человекъ. Музей служилъ мѣстомъ собранія членовъ болѣе чѣмъ 20-ти ученыхъ обществъ Москвы, которыя имѣли въ совокупности 339 засѣданій съ 10.100 посѣтителей. Въ немъ же находили себѣ помѣщеніе высшіе женскіе курсы, воскресные классы технического рисованія, педагогическіе женскіе курсы, торговые классы и многія публичныя лекціи. Постоянная коммисія при отдѣлѣ прикладной физики музея имѣла семь засѣданій съ 14-ю сообщеніями. Нѣкоторые изъ членовъ Общества совершили прошлымъ лѣтомъ поѣздки съ научными цѣлями въ разныя мѣстности Россійской имперіи. Въ заключеніе отчета приводится краткій обзоръ дѣятельности общества за 40 лѣтъ его существованія. Возникнувъ въ 1863 году въ составѣ трехъ отдѣловъ: естествознанія, антропологии и этнографіи, общество постепенно выдѣляло изъ своей среды спеціальныя отдѣленія и въ настоящее время имѣетъ ихъ съ 4-мя при нихъ коммисіями, которыя всѣ въ совокупности участвуютъ въ изданіи «Извѣстій» Общества и кромѣ того издають пять спеціальныхъ научныхъ журналовъ. Въ этихъ отдѣленіяхъ и коммисіяхъ сосредоточивается собственно научная работа, тогда какъ само общество, пользуясь научными силами своихъ отдѣловъ, остается вѣрнымъ своей задачѣ содѣйствовать распространенію и популяризаціи научныхъ знаній. Соединяя въ себѣ служеніе наукѣ съ посылной дѣятельностью на пользу ея распространенія и популяризаціи, общество располагаетъ способами принимать видное участіе въ столь не обходимой для нашего отечества просвѣтительной работѣ. Отчетъ заканчивается выраженіемъ пожеланія, чтобы новыя поколѣнія членовъ общества продолжали и развивали то дѣло, которое было поставлено на твердыя основы его предшественниками. Затѣмъ провозглашены были имена лицъ, избранныхъ въ почетные члены общества и объявлены результаты присужденія премій и медалей. Въ почетные члены общества избраны: профессоръ университета въ Женевѣ Карлъ Грабе въ уваженіе къ его выдающимся научнымъ трудамъ въ области химіи, имѣвшимъ весьма важное практическое примѣненіе, и профессоръ университета въ Вѣнѣ Людвигъ Больцманъ за его многочисленныя блестящія работы по механикѣ, кинетической теоріи газовъ, термодинамикѣ и электромагнитной теоріи свѣта. Премія имени его императорскаго высочества великаго князя Сергѣя Александровича присуждена В. Θ. Минорскому за его цѣнный и оригинальный трудъ въ рукописи: «Гайная персидская секта людей истины»; премія В. П. Мошнина—И. В. Егорову за работу: «О дѣйстви азотной окиси на нѣкоторыя непредѣльныя кислоты»; золотая медаль и половинная премія имени А. П. Разцвѣтова—Ф. Я. Кону; половинная премія имени А. П. Разцвѣтова К. И. Горощенко. Золотыя медали присуждены: М. П. Попову и А. А. Семенову;

большая серебряная медаль—А. М. Завадскому и серебряныя медали: Ф. З. Вълодѣду, П. Х. Дзержинскому, А. Н. Кожукову и С. А. Меликъ-Саркисяну. Затѣмъ профессоръ В. К. Церасскій сдѣлалъ сообщеніе «Изъ современной астрофотографіи», при чемъ демонстрировалъ на экранѣ многіе снимки звѣзднаго неба, туманностей луны и др. Фотографія дала способъ открывать такія туманности, которыя недоступны прямому наблюденію, даетъ возможность изучать движеніе двойныхъ звѣздъ, дѣлать снимки съ невидимыхъ хвостовъ кометъ и т. п. Былъ показанъ рядъ снимковъ, полученныхъ въ московской обсерваторіи, а также снимки астрономовъ Вольфа въ Гейдельбергѣ и Белли на обсерваторіи Гарвардскаго университета (имѣющей филиальное отдѣленіе въ Арквипѣ) въ Америкѣ. Г. А. Кожевниковъ прочиталъ рефератъ: «Полиморфизмъ въ животномъ царствѣ». Характерныя примѣры полиморфизма представляютъ пчелы (матка, рабочія пчелы, трутни), муравьи, термиты и многія другія насѣкомыя, а равно онъ встрѣчается и въ другихъ классахъ животныхъ. Есть полиморфизмъ половой, возрастной, сезонный. Рѣзкія различія формы у полиморфныхъ животныхъ во многихъ случаяхъ сглаживаются переходными формами, указывающими на постепенное развитіе полиморфизма. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ причиной варіацій являются условія питанія; въ другихъ случаяхъ гипертрофія или атрофія (недоразвитіе) извѣстныхъ органовъ не можетъ быть объяснена этими условіями. Полиморфизмъ у нѣкоторыхъ видовъ бабочекъ зависитъ отъ температурныхъ условій при развитіи яичекъ, что доказывается прямымъ опытомъ. Вообще же изученіе варіацій формъ должно сопровождаться параллельнымъ изученіемъ анатомическаго строенія, и въ этомъ отношеніи еще многое остается сдѣлать будущимъ изслѣдователямъ. Рефератъ сопровождался демонстраціей многочисленныхъ объектовъ помощью новаго проекціоннаго прибора—эпидіаскопа, дающаго возможность пролагать на экранѣ рисунки изъ книгъ, микроскопическіе препараты, цѣлыя серіи жуковъ, бабочекъ и т. д.

Румянцовскій музей. Въ этнографическое отдѣленіе Румянцовскаго музея поступило въ даръ новое собраніе китайскихъ вещей отъ почетнаго члена музеевъ, члена государственнаго совѣта генерала-лейтенанта Н. И. Гродекова. Обращаютъ на себя вниманіе двѣ шелковыхъ большихъ скатерти, изящно расшитыхъ шелками и золотомъ, два шелковыхъ полотенца съ такимъ же шитьемъ, женскій расшитый шелковый халатъ, акварельная картина мѣологическаго содержанія и адресъ жителей города Тунъ-хуа-цзіена (въ Манчжуріи) 1891 года, написанный на шелковой матеріи и поднесенный генералу Гродекову жителями города Тунъ-хуа-цзіенъ за избавленіе отъ осаждавшихъ городъ хунхузовъ. Вмѣстѣ съ пожертвованіями, о которыхъ было сообщено равнѣ, новый даръ Н. И. Гродекова оцѣнивается минимумъ въ 800 рублей, а всѣ китайскія вещи, поступившія въ два послѣдніе года отъ того же жертвователя, составляютъ весьма цѣнную коллекцію китайскихъ предметовъ.

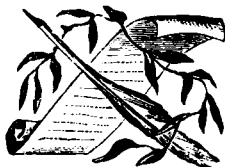
Общество археологій, исторіи и этнографіи при императорскомъ Казанскомъ университетѣ. 10-го ноября состоялось общее собраніе членовъ общества. Предсѣдатель общества, г. Катановъ, въ началѣ засѣданія сообщилъ присутствующимъ о произведенномъ въ зданіи «Черная палата» (въ с. Болгаряхъ) ремонтѣ (скрѣпленіе). Затѣмъ было доложено о кончинѣ члена-сотруд-

ника общества, К. С. Рябинскаго (въ литературѣ извѣстенъ, главнымъ образомъ, какъ авторъ книги «Къ столѣттю Козьмодемьянскаго городского училища. Историческая записка объ училищѣ. 1791 — 1890. Казань, 1895»), память котораго была почтена вставаніемъ. Послѣ того были демонстрированы серебряныя монеты, купленныя обществомъ у крестьянина, нашедшаго ихъ вблизи с. Болгарь; всѣ монеты хорошо сохранились, хотя лежали въ землѣ на глубинѣ нѣсколькихъ вершковъ безъ посуды; кладъ приобрѣтенъ почти въ цѣломъ видѣ (свыше 90 лотовъ); только 5—6 монетъ было взято у крестьянина полиціей для донесенія властямъ о находкѣ; купленныя обществомъ монеты оказались золотоордынскими; подробное описаніе ихъ отложено на будущее время. Въ числѣ пожертвованій въ бібліотеку общества поступила отъ одного изъ членовъ-сотрудниковъ рукописная тетрадка новѣйшаго времени, заключающая въ себѣ заговоры на разные случаи.

Первымъ научнымъ сообщеніемъ изъ помѣщенныхъ въ программѣ засѣданія былъ рефератъ Я. П. Гурлянда «Степное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе»; за недостаткомъ времени была прочитана только первая часть доклада, рисующая обычное право степныхъ жителей по уцѣлѣвшимъ свѣдѣніямъ въ источникахъ и характеризующая труды Чингисхана по объединенію подобныхъ правовыхъ обычаевъ въ одномъ сборникѣ, отъ котораго до насъ дошли только отрывки.

Второе сообщеніе было сдѣлано членомъ-сотрудникомъ общества, К. В. Харламовичемъ, на тему «Исторія І. Гмелина о Казани и казанскихъ инородцахъ (1733 г.)». По словамъ автора, книга Гмелина «Reise durch Sibirien» (Göttingen, 1751 — 1752, 4 тома) до сихъ поръ не использована историками Казанскаго края въ надлежащей мѣрѣ; поэтому г. Харламовичъ предпринялъ трудъ изложить сообщаемыя Гмелинымъ о Казани извѣстія, провѣривъ ихъ путемъ сличенія съ другими данными объ экспедиціи Гмелина и Г. Фр. Миллера, начатой въ 1733 г. Рефератъ изобиловалъ интересными бытовыми подробностями изъ казанской жизни первой половины XVIII вѣка.

Третій докладъ принадлежалъ г. предсѣдателю общества, проф. Н. Θ. Катанову, и носилъ заглавіе «Извѣстія Л. Ланге о Сибири и сибирскихъ инородцахъ (1715 г.)». Сообщивъ біографію извѣстнаго русскаго торговаго агента въ Китаѣ, Лоренца Ланге (родомъ изъ Стокгольма), референтъ предложилъ вниманію присутствующихъ общій обзоръ путешествія названнаго лица по Россіи и Сибири до границъ Китая, а затѣмъ переводъ всѣхъ сообщаемыхъ Ланге извѣстій о Сибири и ея жителей.

НЕКРОЛОГИ.

АПУХТИНЪ, А. Л. 2-го ноября, въ Варшавѣ скончался сенаторъ, присутствовавшій въ 1-мъ общемъ собраніи правительствующаго сената, дѣйствительный тайный совѣтникъ Александръ Львовичъ Апухтинъ, бывшій въ теченіе семнадцати лѣтъ попечителемъ Варшавскаго учебнаго округа и своими трудами на пользу народнаго просвѣщенія въ привислнвскихъ губерніяхъ и тѣснѣйшаго единенія ихъ въ культурномъ отношеніи со всею Россіей оставившій по себѣ неизгладимую память. Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ на имя покойнаго въ день назначенія сенаторомъ, 29-го января 1897 года, его дѣятельность, какъ попечителя округа, охарактеризована съ высоты престола въ слѣдующихъ знаменательныхъ словахъ: «Ревностнымъ и неуклоннымъ стремленіемъ къ упроченію знанія русскаго языка въ многочисленныхъ школахъ края и всегдашнимъ стараніемъ поддержать единеніе его съ пмшеріей путемъ усвоенія началь русской государственности вы снискали себѣ Монаршее довѣріе въ Бозѣ почившаго Родителя Моего, Который, несмотря на просьбу вашу о перемѣнѣ дѣятельности, признавалъ необходимымъ продолженіе вашего служенія въ Варшавскомъ округѣ. Желаю, чтобы и преемники ваши по должности твердо и неуклонно охраняли начала, кои положены вами въ основу воспитанія польскаго юношества».

А. Л. Апухтинъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду, который ведетъ начало съ Федора Юрьевича Опухтина, жившаго въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій; родился въ 1822 году: образованіе получилъ въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ приходился школьнымъ товарищемъ генералъ-адъютанту П. С. Ванновскому, одновременно съ которымъ окончилъ курсъ и поступилъ, въ 1840 году, на службу. Пробывъ нѣкоторое время въ разныхъ должностяхъ по генеральному штабу, А. Л. поступилъ въ Николаев-

скую инженерную академію, а по окончаніи курса ея былъ командированъ въ Сибирь для съемочныхъ работъ. Съ 1855 года началась дѣятельность покойнаго въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ, куда онъ былъ назначенъ для преподаванія военныхъ наукъ; одновременно онъ состоялъ и инспекторомъ института. Выдающіяся способности, проявленныя покойнымъ на этихъ должностяхъ, вызвали его командировку за границу, съ цѣлью изученія гражданскихъ и военныхъ учебныхъ заведеній; по возвращеніи, онъ изложилъ итоги своихъ наблюденій въ изданной имъ книгѣ: «Описаніе нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній Франціи, Бельгіи и Пруссіи». Въ 1860 году А. Л. былъ назначенъ начальникомъ школы межевыхъ топографовъ, въ 1864 году — директоромъ Константиновскаго межевого института, а съ 1873 года исправлялъ должность начальника межевыхъ топографовъ. Въ 1879 году онъ получилъ назначеніе на постъ попечителя Варшавскаго учебнаго округа. За время управленія А. Л. Апухтина округомъ народное просвѣщеніе въ Привислинскомъ краѣ замѣтно подвинулось впередъ. При немъ въ округѣ учреждены три мужскія гимназій, открыты училища: сосновицкое реальное, 6 городскихъ и свыше 250 начальныхъ, образованы седьмые классы въ женскихъ гимназіяхъ, обращено вниманіе на развитіе профессиональнаго образованія и сооружено прекрасное зданіе варшавской университетской и выѣсть съ тѣмъ публичной бібліотеки. За 17 лѣтъ пребыванія въ Варшавѣ А. Л. принималъ также живое участіе въ дѣятельности мѣстныхъ благотворительныхъ учреждений, состоя председателемъ варшавскаго русскаго благотворительнаго общества и членомъ Троицкаго варшавскаго и Богородицкаго холмскаго православныхъ братствъ. Не переставая до конца жизни интересоваться Константиновскимъ межевымъ институтомъ, покойный, между прочимъ, составилъ «Очеркъ исторіи института съ 1779 по 1879 годъ». Въ дѣйствительные статскіе совѣтники А. Л. произведенъ въ 1864 г.; въ тайные совѣтники — въ 1876 и въ дѣйствительные тайные — въ 1896 г.; пожалованъ брилліантовыми знаками ордена св. Александра Невскаго — въ 1890 году.

Глубокоубѣжденный въ пользу для польской окраины Россіи укрѣпленія въ ней русскои школы, которая, съ одной стороны, распространяла знаніе русскаго языка среди польской интеллигенціи и въ народныхъ массахъ, а съ другой — давала правильныя свѣдѣнія о Россіи, ея историческомъ прошломъ и настоящемъ развитіи ея мощи, А. Л. Апухтинъ дѣйствовалъ на важномъ и трудномъ посту попечителя Варшавскаго учебнаго округа съ необычайною твердостью и искренностью убѣжденія. Онъ энергически боролся съ тѣми сторонами жизни въ царствѣ Польскомъ, которыя являлись вредными для государственныхъ задачъ Россіи или, по его убѣжденію, могли представить опасность въ будущемъ. Человѣкъ сильной воли и энергическаго убѣжденія, А. Л. Апухтинъ шелъ къ цѣлямъ, пмъ поставленнымъ, съ необычайною прямою. Но не только однѣ русскіе люди въ Привислинскомъ краѣ знаютъ въ то же время, что при суровости вида А. Л. Апухтинъ имѣлъ доброе и отзывчивое на всякую бѣду сердце. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9939; «Варшавскій Дневникъ», 1903 г., № 306; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 302; «Харьковскія Вѣдомости», 1903 г., № 289; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 546; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 245).

† **Вертеръ, Е. А.** 3-го ноября, послѣ тяжкихъ страданій скончалась Евгения Аристовна Вертеръ, посвятившая свои силы воспитанію дѣтей дошкольнаго возраста. Родилась она въ 1842 г., образованіе получила въ Россіи, педагогическую подготовку въ Готѣ, гдѣ и прониклась идеями Фридриха Фребеля. Всю жизнь свою покойная осталась вѣрной поборницей его взглядовъ. Въ 1872 году она, совмѣстно съ г-жами Раухфусъ, Э. П. Шаффе, професс. П. Г. Рѣдкинымъ, П. Т. Осининымъ, М. С. Воронинымъ, Паульсономъ и др. лицами, основала въ Петербургѣ Фребелевское общество. На долю покойной выпала отвѣтственная задача руководить занятіями лицъ, готовившихся въ дѣтскія садовницы. Образцомъ для нихъ могъ служить открытый ею дѣтскій садъ, которымъ она руководила 25 лѣтъ, и приготовительная школа при немъ. Покойная вносила особенно много жизни въ подвижныя игры. Къ нимъ она составила рядъ дѣтскихъ пѣсень, изданныхъ ею на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ. Пять лѣтъ назадъ серьезный недугъ заставилъ ее прекратить любимое дѣло. Имя Е. А. было извѣстно не только въ Петербургѣ: къ ней и провинція обращалась за совѣтами по устройству дѣтскихъ садовъ и рекомендаціей руководительницъ для нихъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1903 г., № 9940).

† **Глѣбовъ, П. А.** 9-го ноября, скончался бывший артистъ императорскихъ театровъ Петръ Александровичъ Глѣбовъ, по сценѣ Петровскій. Покойный прослужилъ драматическому искусству почти 40 лѣтъ и въ послѣдніе годы своей сценической дѣятельности игралъ уже небольшія роли. Въ началѣ своей службы П. А. появлялся въ первыхъ роляхъ и главнымъ образомъ въ пьесахъ Островскаго. Тогда въ его репертуаръ входили: Юсовъ, Титъ Титычъ Брусковъ («Въ чужомъ пиру похмелье» и «Тяжелые дни»), Непутеновъ («На бойкомъ мѣстѣ») и мн. др. Въ 1865 г., когда господствовала всюду оперетка, П. А. исполнялъ между прочимъ до ста разъ роль аркадскаго принца въ опереткѣ «Орфей въ аду». Въ день перваго дебюта М. Г. Савиной въ 1874 г. въ пьесѣ В. Крылова «По духовному завѣщанію» П. А. игралъ роль Валеріана Сапожкова. Объ игрѣ Петровскаго въ свое время съ большою похвалою отзывались Ап. Григорьевъ и А. А. Потѣхинъ. Покойный родился въ 1834 г., окончилъ Московскій университетъ по юридическому факультету, и еще будучи студентомъ, началъ играть въ различныхъ спектакляхъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1903 г., № 9948).

† **Дебольскій, Н. Н.** 22-го октября, скончался молодой историкъ русскаго права Николай Николаевичъ Дебольскій. Смерть его послѣдовала неожиданно и для родныхъ, и для друзей, и для русскои науки. Еще только въ текущемъ году покойный защитилъ свою магистерскую диссертацию и только нѣсколько дней назадъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ на кафедрѣ по своей специальности въ Новороссійскомъ университетѣ. Покойный былъ искренно преданъ своему дѣлу; для кафедры онъ рѣшилъ бросить административную службу, дававшую ему полное обезпеченіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнимавшую время отъ специальныхъ и мирныхъ занятій. Онъ мечталъ уединиться и уже сообщалъ друзьямъ планы задуманныхъ имъ научныхъ работъ, но судьба рѣшила иное... Какъ ученый, Н. Н. подавалъ широкія надежды. Его

магистерскую работу «Гражданская дѣеспособность въ древней Руси» отмѣтила научная критика. Вообще для характеристики научной дѣятельности покойнаго достаточно сказать, что онъ былъ ученикомъ маститаго историка русскаго права В. И. Сергѣевича, который отвелъ въ послѣднемъ томѣ своихъ извѣстныхъ «Русскихъ юридическихъ древностей» мѣсто одѣнокъ магистерской работы Н. Н. Въ лицѣ покойнаго студенты потеряли отзывчиваго руководителя, а друзья—искренняго благожелательнаго товарища. Н. Н. умеръ, только что достигнувъ мечты посвящающихъ себя ученой дѣятельности—профессуры. Покойный, старшій сынъ вице-директора департамента народнаго просвѣщенія Н. Г. Дебольскаго, родился 2-го февраля 1869 г., образование получилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, въ которомъ съ особенной любовью занимался изученіемъ русскаго и гражданскаго права подъ руководствомъ проф. В. И. Сергѣевича и Н. Л. Дювернуа. По окончаніи университетскаго курса началъ службу въ отдѣленіи промышленныхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія и принималъ, между прочимъ, дѣятельное участіе въ организациі совѣщанія руководителей этими училищами. Года четыре назадъ былъ приглашенъ археологическимъ институтомъ читать о приказномъ строѣ Московскаго государства и одновременно принялъ на себя обязанности секретаря совѣта института. Въ археологическомъ институтѣ покойный являлся интереснымъ лекторомъ и участникомъ обычныхъ четверговыхъ институтскихъ собраній. Служба не мѣшала ему заниматься изученіемъ преимущественно юридическаго строя древней Руси. Читая лекціи въ археологическомъ институтѣ, онъ въ качествѣ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета руководилъ одновременно практическими занятіями студентовъ-юристовъ по гражданскому праву. Смерть этого подававшаго большія надежды молодого ученаго, бывшаго въ то же время въ высшей степени добрымъ и сердечнымъ человѣкомъ, безъ сомнѣнія, глубоко опечалитъ всѣхъ знавшихъ его. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9928; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 524).

† **Докучаевъ, В. В.** 26-го октября, скончался послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни бывшій профессоръ С.-Петербургскаго университета по кафедрѣ минералогіи, Василій Васильевичъ Докучаевъ. Покойный былъ хорошо извѣстенъ своими геологическими и почвенными изысканіями. Особенно хорошо былъ изученъ имъ русскій черноземъ, послужившій ему темой для нѣсколькихъ научныхъ трудовъ. По его инициативѣ и подъ его руководствомъ было предпринято нѣсколько геологическихъ экспедицій и дѣйствовала особая коммиссія по почвенному изслѣдованію С.-Петербурга и его окрестностей. В. В. родился въ 1846 г., учился въ смоленской духовной семинаріи, образование закончилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ на физико-математическомъ факультетѣ. По окончаніи курса началъ свою научную и служебную дѣятельность, занявъ должность хранителя геологическаго кабинета С.-Петербургскаго университета. Затѣмъ былъ доцентомъ и профессоромъ минералогіи, читая одновременно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ минералогію въ институтѣ гражданскихъ инженеровъ. Его первая научная работа была посвящена геологическому описанію береговъ рѣки Качки въ Смоленской губерніи. Въ 70-хъ годахъ онъ предпринялъ рядъ экскурсій: по Сѣверной и Централь-

ной Россіи и южной Финляндіи—для изученія геологическаго строенія, способа и времени образованія рѣчныхъ долинъ и геологической дѣятельности рѣкъ, по Южной и Юго-Восточной Россіи, по Крыму и Сѣверному Кавказу для изученія русскаго чернозема. Эти экскурсіи дали ему богатый и благодарный матеріалъ. Его солидный трудъ—«Способы образованія рѣчныхъ долинъ Европейской Россіи», былъ представленъ въ 1878 г. въ С.-Петербургскій университетъ въ качествѣ диссертации на степень магистра; за сочиненіе «Русскій черноземъ» ему присуждена въ 1883 г. С.-Петербургскимъ университетомъ ученая степень доктора геологій. «Русскій черноземъ» явился цѣннымъ вкладомъ въ русскую сельско-хозяйственную литературу. Академія наукъ отмѣтила этотъ трудъ, присудивъ покойному полную Макарьевскую премію. Съ приобретеніемъ извѣстности В. В. сталъ получать отъ разныхъ земствъ приглашенія заняться изслѣдованіемъ мѣстныхъ почвъ. Въ 80-хъ годахъ онъ занимался при содѣйствіи сотрудниковъ-спеціалистовъ по почвовѣдѣнію изслѣдованіемъ Нижегородской и Полтавской губерній въ геологическомъ, почвенномъ и вообще въ естественно-историческомъ отношеніяхъ; въ 1892—1893 гг. руководилъ въ качествѣ начальника особой экспедиціи лѣсного департамента геологическими и почвенными изысканіями на опытныхъ степныхъ участкахъ юга Россіи. Принимая видное участіе въ занятіяхъ Вольнаго экономическаго общества, онъ явился инициаторомъ учрежденія почвенной комиссіи при обществѣ, былъ ея первымъ предѣвателемъ, затѣмъ предѣвателествовалъ въ комиссіи по всестороннему научному изслѣдованію Петербурга и его окрестностей. Въ 90-хъ годахъ временно исполнялъ обязанности директора Ново-Александровскаго сельско-хозяйственнаго института и способствовалъ его преобразованію въ высшее сельско хозяйственное и лѣсное учебное заведеніе. Въ Нижнемъ Новгородѣ и Полтавѣ открылись по его инициативѣ естественно-историческіе музеи. Кромѣ названныхъ трудовъ, ему принадлежитъ множество научныхъ работъ и статей, изданныхъ отдѣльно и напечатанныхъ въ «Трудахъ» С.-Петербургскаго общества естествоиспытателей и императорскаго Вольнаго экономическаго общества; изъ нихъ извѣстны: «Овраги и ихъ значеніе», «Итоги о русскомъ черноземѣ», «Предварительный отчетъ по изслѣдованію юго-восточной части черноземной полосы Россіи», «Картографія русскихъ почвъ», «По вопросу о сибирскомъ черноземѣ», «Схематическая почвенная карта черноземной полосы Европейской Россіи», «О происхожденіи русскаго чернозема», «О пользѣ изученія мѣстной номенклатуры русскихъ почвъ», «Методы изслѣдованія вопроса: были ли лѣса въ южной степной Россіи», «Къ вопросу о соотношеніи между возрастомъ и высотой мѣстности, съ одной стороны, характеромъ и распредѣленіемъ черноземовъ, лѣсныхъ земель и солонцовъ—съ другой», «Наша степи прежде и теперь», «О происхожденіи русскаго лѣса» и др. Въ 1892 г. проф. В. В. Докучаевъ помѣстилъ въ «Нрав. Вѣстникѣ» слѣдующія свои статьи: «Способы регулированія воднаго хозяйства въ степяхъ Россіи», «Послѣдняя страничка въ геологій Россіи вообще и южныхъ степей въ частности», «Устройство поверхности и воды нашихъ степей», «Почвы, растительность, животныя и климатъ степей», «Первая экскурсія общаго естественно-историческаго характера подъ Петербургомъ». В. В. дѣя-

тельно заботился о распространении геологических знаний в обществе и с этою целью прочел несколько публичных лекций по почвоведению. Первое заболѣваніе заставило его оставить профессуру и прекратить усиленную энергичную дѣятельность в самый разгар ея. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9932; «Правительственный Вѣстникъ» 1903 г., № 238; «Виржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 532; «Московскія Вѣдомости», 1903 г., № 296; «Вѣстникъ Юга», 1903 г., № 591; «Волгарь», 1903 г., № 297; «Бессарабецъ», 1903 г., № 281).

† **Евневичъ И. А.** 5-го ноября, скончался заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго технологическаго института Ппалить Антоновичъ Евневичъ. Онъ началъ свою педагогическую дѣятельность в технологическомъ институтѣ в 1856 г. вскорѣ по окончаніи курса в С.-Петербургскомъ университетѣ и не разставался съ этимъ учебнымъ заведеніемъ до конца своей жизни. Онъ посвятилъ технологическому институту лучшіе свои годы, любовно относился къ учащейся молодежи, жилъ ея интересами и умеръ, оставивъ по себѣ среди всѣхъ, знавшихъ его, память доброжелательнаго учителя и хорошаго товарища. В технологическій институтъ покойный поступилъ преподавателемъ теоретической механики, при преобразованіи института в 1862 г. вь высшее учебное заведеніе принялъ на себя чтеніе курса построения машинъ, в 1868 г. получилъ степень магистра прикладной механики и былъ утвержденъ в должности профессора по своей специальности. Кроме того, съ 1868 по 1887 г., былъ деканомъ механическаго отдѣленія. В теченіе 47-лѣтней профессорской дѣятельности И. А. содѣйствовалъ техническому образованію нѣсколькихъ сотъ лицъ, работающих в настоящее время во всѣхъ концахъ Россіи в качествѣ инженеровъ разныхъ специальностей, такъ какъ онъ одновременно читалъ прикладную механику в Николаевской морской академіи (съ 1863 г.), в институтѣ гражданскихъ инженеровъ (съ 1886 г.), в электротехническомъ институтѣ (съ 1891 г.). Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ являлся одинаково симпатичнымъ профессоромъ. При немъ технологическій институтъ разросся и измѣнился къ лучшему до неузнаваемости. Покойный родился в 1831 г., образованіе получилъ на физико-математическомъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета. Будучи преподавателемъ теоретической механики в технологическомъ институтѣ, былъ командированъ в 1861 г. для ознакомленія съ машиностроительными заводами в Германіи, Бельгіи, Франціи и Англии. Перу покойнаго принадлежит нѣсколько капитальныхъ трудовъ: «Руководство къ изученію законовъ сопротивленій строительныхъ матеріаловъ, съ присоединеніемъ общихъ началъ теоріи упругости твердыхъ тѣлъ» (1868 г.), «Курсъ прикладной механики» (1886 г.) и др. В «Извѣстіяхъ технологическаго института», в «Инженерномъ Журналѣ» и в другихъ повременныхъ изданіяхъ имъ напечатанъ цѣлый рядъ статей преимущественно по прикладной механикѣ: «Опытъ установленія началъ кинематики капельной правильно движущейся жидкости», «Уравненіе Бусинека и его примѣненіе къ нѣкоторымъ частнымъ случаямъ движенія капельной жидкости» и пр. Его статьи: «Нѣсколько словъ о законахъ движенія подпочвенной воды» и «Объ истеченіи капельной жидкости при перемѣнномъ горизонтѣ», удостоены

инженернымъ комитетомъ преміи. Помимо чтенія лекцій въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ И. А. старался популяризовать свой спеціальный предметъ. Съ этою цѣлью читалъ въ 70-хъ годахъ публичныя лекціи: «Основныя начала гидростатики», и въ разное время принималъ участіе въ изданіяхъ для самообразованія молодежи. Покойный со дня основанія Общества вспоможенія нуждающимся учащимся въ Технологическомъ институтѣ принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Умеръ онъ 72 лѣтъ. (Некрологъ его: «Новое Время» 1903 г., № 9942.

† **Звенигородскій, А. В.** 27-го октября скончался въ Аахенѣ извѣстный знатокъ искусствъ, коллекціонеръ и меценатъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Викторовичъ Звенигородскій. Покойный родился въ гор. Оренбургѣ въ 1837 году, происходилъ изъ старинной дворянской фамиліи. Первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ въ Лифляндіи. На службу поступилъ въ 1854 году унтеръ-офицеромъ въ оренбургскій 2-й линейный батальонъ; черезъ два года былъ произведенъ въ прапорщики, но вскорѣ переименовался въ гражданскій чинъ и служилъ въ военномъ министерствѣ до 1867 года, когда былъ переведенъ управляющимъ конторою двора наслѣдника цесаревича. Въ 1871 году перешелъ на службу въ государственную канцелярію и назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Въ 1883 году вышелъ въ отставку въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, поселился за границей, гдѣ и жилъ безвыѣздно. Будучи съ молодыхъ лѣтъ любителемъ искусства, покойный посвятилъ весьма много энергіи и трудовъ на собраніе капитальныхъ художественныхъ произведеній. Болѣе всего ему посчастливилось съ византійскими эмалями X и XI вѣковъ. Впродолженіе немногихъ лѣтъ, при затратѣ огромной суммы денегъ, онъ собралъ такую коллекцію эмалей, которая, по заключенію авторитетныхъ знатоковъ, является самою значительною и цѣнною изъ подобнаго рода коллекцій во всемъ свѣтѣ. Собраніе было закончено въ 1886 году, а черезъ шесть лѣтъ А. В. издалъ книгу, заключающую описаніе его эмалей вмѣстѣ съ изслѣдованіемъ о византійскихъ, восточныхъ и европейскихъ эмаляхъ, составленнымъ профессоромъ Н. П. Кондаковымъ. Выпущенное въ свѣтъ въ 1892 году, это изданіе было исполнено роскошно и по красотѣ и художественности является однимъ изъ лучшихъ изданій XIX столѣтія. 600 экземпляровъ (по 200 — на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ) обошлись издателю 120.000 рублей, но ни одинъ экземпляръ не поступилъ въ продажу, а всѣ были поднесены коронованнымъ особамъ или принесены въ даръ извѣстнымъ ученымъ и выдающимся книгохранилищамъ. Впослѣдствіи отдѣльные экземпляры, появившіеся въ продажѣ по смерти ихъ владѣльцевъ, оцѣнивались въ 800 — 1,000 руб. Въ 1895 году покойный выпустилъ новое замѣчательно роскошное изданіе. «Исторія книги Звенигородскаго — Византійскія эмалы», которое по художественности исполненія не уступаетъ первому. Текстъ, заключающій свѣдѣнія о всѣхъ работахъ по первому капитальному изданію, а также отзывы о немъ европейскихъ ученыхъ и знатоковъ искусства, написаны профессоромъ Кондаковымъ, а вся художественная часть, потребовавшая глубокаго знанія и вкуса, исполнена подъ непосредственнымъ на-

блюденіемъ издателя, при помощи художниковъ П. П. Ропета и В. В. Матэ. Въ витринѣ, сооруженной на средства А. В. Звенигородскаго въ Императорской Публичной бібліотекѣ, въ бытность ея директоромъ А. Θ. Бычкова, помѣщены всѣ отдѣльные листы того и другого изданій покойнаго коллекціонера. На одной изъ виднѣвшихъ сторонъ витрины помѣщена бронзовая статуетка Звенигородскаго, во весь ростъ, выльпленная съ натуры въ Наугеймѣ и отлитая въ Парижѣ. До сихъ поръ еще лекціи о византійскихъ эмаляхъ X и XI вѣковъ происходятъ передъ этой витриной. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9935; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 г., № 242).

† **Ивановъ, С. П.** 19-го октября, въ Москвѣ скончался бывшій преподаватель въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества академикъ скульптуры Сергѣй Ивановичъ Ивановъ. Покойный получилъ образованіе въ названномъ училищѣ, гдѣ своими работами обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго профессора Рамазанова. Затѣмъ С. П. продолжалъ образованіе въ императорской академіи художествъ и за представленный имъ мраморный бюстъ «Мальчикъ съ шайкой» былъ удостоенъ въ 1854 году званія академика. Среди другихъ художественныхъ работъ почившаго получили извѣстность: «Материнская любовь», «Поцѣлуй Іуды» и другія; академическая работа С. П. Иванова «Мальчикъ съ шайкой» была приобретена для Третьяковской галлерей. Въ 1869 году покойный былъ приглашенъ преподавателемъ въ скульптурный классъ училища живописи ваянія и зодчества, гдѣ педагогическая дѣятельность его продолжалась до 1895 года, когда по разстроенному здоровью онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Многія изъ своихъ работъ покойный передалъ въ училище. (Некрологи его: «Русское Слово», 1903 года, № 286; «Правительственный Вѣстникъ», 1903 года, № 235).

† **Морозовъ, М. А.** 12-го октября, скончался въ Москвѣ извѣстный московскій миллионеръ и меценатъ Михаилъ Абрамовичъ Морозовъ. Покойный окончилъ историко-филологическій факультетъ и одно время даже мечталъ быть ученымъ. Его перу принадлежитъ историческая монографія «О Карлѣ V и его времени». Онъ не чуждъ былъ и журналистикѣ. Часть его журнальныхъ работъ, всегда — съ огонькомъ, съ оригинальностью въ стилѣ, была нѣсколько лѣтъ назадъ напечатана въ «Нов. Дня». М. А. сотрудничалъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», гдѣ былъ напечатанъ рядъ писемъ объ его заграничныхъ поѣздкахъ, написанныхъ подъ псевдонимомъ «Михаилъ Юрьевъ». М. А. Морозовъ былъ виднымъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ занималъ должность старосты Большаго Успенскаго собора, состоялъ попечителемъ городского попечительства о бѣдныхъ 3-го участка Рогожской части, попечителемъ Рогожскаго 4-го начального мужскаго училища, членомъ высочайше утвержденнаго комитета по устройству музея изящныхъ искусствъ имени императора Александра III, директоромъ Николаевскаго пріюта вѣдомства совѣта дѣтекхъ пріютовъ, директоромъ московскаго отдѣленія императорскаго русскаго музыкальнаго общества, членомъ совѣта больницы августѣйнаго имени императора Александра III, казначеемъ московской консерваторіи и членомъ многихъ благотворительныхъ обществъ. М. А. былъ извѣстенъ, какъ большой любитель изящ-

ныхъ искусствъ, п его картинная коллекція, въ которой собраны шедевры русскихъ и иностранныхъ художниковъ, представляетъ богатѣйшее собраніе. Въ послѣдніе годы, близко ставъ въ качествѣ старосты Успенскаго собора, къ этому замѣчательному памятнику нашей старины, онъ задумалъ написать его исторію и много съ любовью работалъ надъ этимъ трудомъ. (Некрологи его: «Кіевлянинъ», 1903 г., № 286; «Таганрогскій Вѣстникъ», 1903 г., № 270; «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 281).

† Петкевичъ, А. 20-го октября, въ Варшавѣ скончался пользующійся большой популярностью въ польской литературѣ, какъ беллетристъ, поэтъ и публицистъ, Антонъ Петкевичъ, пишущій подъ псевдонимомъ «Адамъ Плугъ». Покойный родился 23-го октября 1823 г. въ деревнѣ Замосьцъ, Мозырскаго уѣзда, Минской губерніи. Первоначальное образованіе Плугъ получилъ дома, а затѣмъ послѣ окончанія слуцкой гимназіи въ 1842 году записался въ число вольныхъ слушателей Кіевскаго университета. Въ университетѣ Петкевичъ пробылъ всего около года. Первый рассказъ Плуга былъ напечатанъ имъ въ 1847 году въ Вильно, подъ заглавіемъ «Сочельникъ св. Яна», второй подъ заглавіемъ «Писовѣд моего друга» — въ издаваемомъ тогда Крашевскимъ журналѣ «Athenaeum». Вслѣдъ затѣмъ въ періодъ времени съ 1851 по 1854 г. появились въ печати еще слѣдующіе романы и рассказы Плуга: «Дѣтоубійца», «Зараза». «Голова и сердце», «Мартинъ Футорникъ», «Воспоминанія пана Якуба» и «Чудакъ». Во всѣхъ этихъ романахъ и рассказахъ Плугъ рѣзко выступилъ въ защиту темной и угнетенной крестьянской массы и доказывалъ необходимость радикальнаго измѣненія существующаго въ это время общественнаго строя. Вскорѣ послѣ этого А. П. поселился въ Житомирѣ, гдѣ пробылъ съ 1859 по 1862 годъ. Въ этотъ періодъ времени имъ въ варшавскихъ журналахъ были напечатаны четыре романа: «Проклятое дерево», «Святое дерево», «Лрички» и юмористическій рассказъ «Дятель». Съ 1862 по 1884 годъ Плугъ жилъ въ Овручѣ, Волковицахъ (Подольской губерніи) и Каменцѣ-Подольскомъ. Тогда-то именно имъ были переведены на польскій языкъ три трагедіи Шекспира: «Буря», «Король Лиръ» и «Макбетъ», а также написаны романы «Духъ и кровь», «Приказчики», «Bakaŕge» и граціозная лирическая поэма «Сорока». Затѣмъ Плугъ около 1875 года, прибывъ въ Варшаву, принялъ на себя редактированіе журнала «Kłosy» (Колосья), одного изъ лучшихъ литературныхъ польскихъ журналовъ. Одновременно написалъ нѣсколько крупныхъ романовъ, сотрудничалъ въ «Большой энциклопедіи» и т. д. Послѣ прекращенія журнала «Колосья» перешелъ въ газету «Kurjer Warszawski» («Варшавскій Курьеръ»), который послѣдніе годы подписывалъ, какъ соиздатель. Плугъ — талантъ не первостепенный, но очень симпатичный, весь проникнутый лучшими завѣтами гуманности. Какъ человекъ, онъ всего себя отдавалъ въ распоряженіе нуждающихся въ его совѣтѣ или помощи. (Некрологи его: «Новое Время», 1903 г., № 9926; «Волянь», 1903 г., № 216).

† Сазоновъ, М. И. 5-го ноября, послѣ непродолжительной болѣзни, на 65-мъ году отъ роду, скончался сенаторъ гражданскаго кассационнаго департамента и присутствовавшій въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи, тайный совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Сазоновъ. Служебная дѣятельность

покойнаго, по окончаніи курса въ императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, началась въ государственной канцеляріи, откуда въ 1855 году онъ былъ перемѣщенъ въ министерство юстиціи; здѣсь покойный М. Н. послѣдовательно занималъ должности редактора департамента министерства юстиціи, юрисконсульта консултации при министерствѣ, а въ 1873 году былъ назначенъ обер-прокуроромъ межевого департамента сената и въ 1878 г.—сенаторомъ. Съ этого времени покойный принималъ видное участіе въ дѣятельности сената, присутствіи въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ и въ высшемъ дисциплинарномъ присутствіи. (Некрологи его: «Биржевыя Вѣдомости», 1903 г., № 550; «Новое Время», 1903 г., № 9942).

~~~~~

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ статьѣ «Кавказскія минеральныя воды».

Въ сентябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» помѣщена статья г. Захарьина-Якунина о Кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Дѣлая въ этой статьѣ историческій обзоръ роста водъ, въ числѣ лицъ, въ разное время стоявшихъ во главѣ управленія, авторъ называетъ покойнаго отца моего, А. М. Байкова, бывшаго съ 1868 г. въ теченіе 14 лѣтъ контрагентомъ, по волѣ его императорскаго величества намѣстника кавказскаго.

Не касаясь дѣятельности отца моего, какъ контрагента, г. Якунинъ ставитъ безапелляціонный приговоръ: Байковъ выжалъ изъ водъ все, что могъ, а самъ имъ не далъ ничего.

Въ интересахъ истины я считаю своимъ долгомъ заявить слѣдующее: Байковъ первый, какъ контрагентъ, обратилъ вниманіе правительства на наши отечественныя воды. Онъ посѣтилъ почти всѣ заграничныя курорты, вошелъ въ сношенія съ ихъ дирекціями, приобрѣлъ ихъ статуты и упорно боролся съ окружавшей рутинной, чтобы по возможности поставить на европейскій ладъ вѣренное ему дѣло.

Имъ буквально «созданъ» Желѣзноводскъ; онъ первый почувалъ серьезное значеніе Ессентуковъ и направилъ все свое вниманіе на эту группу, гдѣ постройкой большой гостиницы сразу было упорядочено положеніе пріѣзжихъ. А вѣдь тогда, въ 1874—1876 году, не было желѣзнодорожной вѣтки на группы, и весь матеріалъ, за исключеніемъ камня, на значительномъ протяженіи около 60 верстъ, приходилось доставлять на волахъ, былъ устроенъ каштажъ знаменитаго № 17, для чего имъ были приглашены изъ-за границы инженеры Jules François, а затѣмъ Léon Duc.

Имъ же были поставлены изящныя бесѣдки надъ источниками для предохраненія ихъ отъ загрязненія. Дренажированъ и осушенъ нижній Ессентукскій паркъ—гвѣздо-лихорадокъ и малярій, разведенъ весь верхній паркъ и т. д.

Въ Пятигорскѣ имъ основана первая типографія, выстроено новое важное зданіе, приведенъ въ порядокъ Проваль... Онъ первый занялся экспортомъ водъ и далъ ему широкое примѣненіе, послужившее краеугольнымъ камнемъ нынѣшняго колоссальнаго ихъ распространенія.

Электричество, трамвай, отчужденіе участковъ, разбивка парковъ, привлеченіе частной инициативы, проектъ и подробная разработка направленія и смѣта (совмѣстно съ барономъ Штейнгелемъ) Минераловодской вѣтки, вотъ часть его начинаній, которыя остались у него неосуществленными за недостаткомъ средствъ, такъ какъ тогдашняя правительственная субсидія—32 тысячи въ годъ—ничтожна въ сравненіи съ нынѣшними миллионными затратами казны на устройство водъ.

Вообще многосторонняя, кипучая дѣятельность А. М. Байкова оставила глубокой неизгладимый слѣдъ въ исторической жизни водъ.

Всѣ документы, относящіеся ко времени его управленія водами, были мною переданы послѣ его смерти (въ 1889 году) въ вѣдѣніе казеннаго управленія водъ. Мнѣ крайне прискорбно, что г. Якунинъ не полноконьствствовалъ ознакомиться съ этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ, вмѣсто того, чтобы изрекать свой непреложный и несправедливый приговоръ, довѣряясь «воспоминаніямъ старожиловъ».

Обращаясь къ живымъ свидѣтелямъ, слѣдовало бы вспомнить о «маленькихъ людяхъ», которые до сихъ поръ свято чтутъ память А. М. Байкова; едва ли когда нибудь въ другое время столькимъ неимущимъ оказывалась помощь леченіемъ и даже деньгами, конечно, безъ возврата, какъ въ годы контрагентства моего отца.

Гдѣ же этотъ Байковъ, «выжимающій изъ водъ все, что можно»?

Наконецъ могу заявить, какъ фактъ, характеризующій человека, что послѣ смерти его осталась заложенная въ казну «Компанейская» гостиница въ Ессентукахъ и 202.167 р. 01 к. долга, который и былъ мною погашенъ въ теченіе 9 лѣтъ, а гостиница за долгъ взята въ казенное управленіе.

Прискорбно, что даже такой безкорыстный работникъ на пользу родины не избѣгъ легкомысленной хулы. Г. Якунинъ, будучи лично со мной знакомъ, могъ бы получить отъ меня и свѣдѣнія и указанія, тѣмъ болѣе, что я это лѣто проводила въ Кисловодскѣ.

О. Гяѣдичъ, рожд. Байкова.

II.

Къ статьѣ «Черниговъ и его святыни».

Въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ «Историческаго Вѣстника», въ статьѣ А. П. Фирсова: «Черниговъ и его святыни», вкралась ошибка. Г. Фирсовъ упоминаетъ про Василія Андреевича Дунинъ-Борковскаго, хотя Василій Андреевичъ и былъ, но про него говорится только, что онъ былъ бунчуковымъ то-

варницею въ 1751 г., когда же умеръ и гдѣ погребенъ — неизвѣстно. Въ Елецкомъ же монастырѣ похороненъ Василій Касперовичъ Дунинъ-Борковский (Гр. А. Г. Милорадовичъ—Родословная книга черниговскаго дворянства, ч. 6). Отецъ Василія, Касперъ Андреевичъ, состоя полковникомъ королевскихъ войскъ, въ награду за смоленскую войну (1632—1635 г.г.) получилъ отъ Владислава IV, короля польскаго, многія имѣнія въ воеводствѣ Черниговскомъ. Онъ въ бывшее на польское шляхъ тѣтво за гетмана Хмельницкаго нападеніе убитъ, а жена его и дочь убѣжали въ г. Нѣжинъ, казаками тамъ также убиты, на которомъ мѣстѣ и нынѣ есть каменный столикъ, а сынъ Василій, бывший тогда малолѣтнимъ, по случаю остался въ живыхъ.

Василій Касперовичъ послѣ Андрусовскаго трактата, принялъ православіе, поступилъ на службу запорожцевъ, былъ сотникомъ выбельскимъ (1668—1672 г.г.), полковникомъ черниговскимъ 1672—1686 г.г. (упоминается у Н. Костомарова Черниговка), генеральнымъ обознымъ (1686—1702 г.г.). Въ 1672 г. отъ гетмана Самойловича получилъ имѣнія—села: Авдѣевку, Казиловку и Холмы въ сотнѣ Поноринской, д. Бабровицу около Чернигова и д. Бурковку въ сотнѣ Березинской. Въ 1674 и другихъ годахъ, за многія службы его въ войскѣ запорожскомъ, получилъ грамоты отъ государей и великихъ князей Алексѣя Михайловича, Феодора, Іоанна и Петра Алексѣевичей, въ которыхъ были пожалованы и подтверждены многія села и деревни въ Черниговскомъ, Городиенскомъ и Сосницкомъ уѣздахъ. Въ 1675 г. Василій Касперовичъ Дунинъ-Борковский возобновилъ Черниговскій Спасо-Преображенскій соборъ, дать большія средства на возстановленіе Елецкаго монастыря. Въ октябрѣ 1687 г. гетманомъ Мазею даны были ему села Орловка на рѣкѣ Убеди, Брусловъ на рѣкѣ Снови и Тушчевъ около Городни и въ 1697 г. д. Шабалтаевка.

Василій Касперовичъ Дунинъ-Борковский умеръ въ 1702 г. 7 го марта въ гор. Черниговѣ и похороненъ въ Елецкомъ монастырѣ. На могилѣ его, на особой мѣдной доскѣ, находится надпись въ стихахъ. (См. «Лазарь Барановичъ»—Сумцова, Харьковъ, 1885 г., и Ефименко, «Кіевская Старина» за 1883 г.).

По смерти Василія Касперовича женѣ его Маріи Васильевнѣ, рожд. Шуба, и двумъ сыновьямъ его Михаилу и Андрею въ 1704 и 1706 г. подтверждены грамотами имѣнія Бобровица, Яцевъ, Брусловъ, Тушчевъ, Лисгвень, Пекуровка, Холмы, Камка, Бурковка и др.

Николай Дмитріевичъ Дунинъ-Борковский.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ** и **Ростовѣ-на-Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗИТЕЛЕВЪ ПЕР., 13

